

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LXVII

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXVII

1897

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1897

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1897 г.

	СТР.
I. Пандурочка. Историческій разсказъ. Графа Е. А. Салиаса	7
II. Воспоминанія барона Ф. Ф. Торнау. I—III.	50
III. Счастье по неволѣ. I.—III. И. Н. Потапенко	83
IV. Замѣчательныя русскія женщины. Графиня М. А. Румянцова. (1698—1788). В. О. Михневича	112
V. Заокеанская Русь. (Соціологическо-описательный очеркъ). Гл. I. Графа Лелливы (Е. Н. Матросова).	131
VI. Тюремныя воспоминанія. I—V. А. Б.	161
VII. Памяти императрицы Екатерины II. 1796—1896. Д. А. Жорсакова.	190
VIII. Отъ Углича до Рыбинска. (Путевые наброски). I—III. И. Ф. Тюменева	207
Иллюстраціи: 1) Видъ Углича съ Волги. — 2) Видъ Углича съ пристани. — 3) Церковь св. Дмитрія царевича «на крови». — 4) Пелена, вышитая, по преданію, царицей Маріей Феодоровной Нагой. — 5) Мѣсто убіенія царевича Дмитрія, дощечка съ частицею его крови и гербъ Углича. — 6) Преображенскій соборъ въ Угличѣ. — 7) Дворецъ царевича Дмитрія въ Угличѣ до и послѣ реставраціи. — 8) Угличскій сѣмный колоколъ. — 9) Фонарь XVII вѣка, сопровождавшій мощи царевича Дмитрія въ Москву и хранящійся въ Угличскомъ музеѣ. — 10) Древнее оружіе и утварь изъ коллекціи Угличскаго музея.	
IX. Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. С. Н. Шубинскаго	234
Иллюстраціи: 1) Первоначальный видъ домика Петра Великаго въ Заандамѣ. — 2) Внутренность домика Петра Великаго въ Заандамѣ. — 3) Каменный чехолъ, построенный надъ домикомъ Петра Великаго въ 1895 году. — 4) Разрѣзъ каменнаго чехла и наружный видъ домика Петра Великаго въ настоящее время.	
X. Загробный журналъ Пушкина. Б. Б. Глинскаго.	241
XI. Памяти А. П. Боголюбова. М. П—ова.	280
Иллюстраціи: 1) Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ. — 2) Дворецъ въ Алушкѣ. — 3) Мониторы въ Кронштадтѣ. — 4) Предмѣстье Саратова. — 5) Виньетка одного изъ писемъ А. П. Боголюбова къ В. В. Матѣ.	
XII. Современныя женщины. В. Т.	287
Иллюстраціи: 1) Мистриссъ Гумфри Вардъ. — 2) Уида. — 3) Матильда Серао. — 4) Жюльетта (графиня Мартець). — 5) Г-жа Адагъ. — 6) Мистриссъ Фосеттъ. — 7) Г-жа Дьялафуа. — 8) Анна Моргенштернъ. — 9) Елена Кей.	
XIII. Критика и библиографія	324

1) Профессоръ А. С. Алексѣевъ. Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. М. 1896. — Профессоръ А. Н. Филипповъ. Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ. (По поводу брошюры профессора А. С. Алексѣева. «Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ» etc). М. 1896. П. щ. — 2) Культурно-историческая библиотека. Картины древнеримской жизни. Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Соч. Гастона Буассье, автора соч. «Паденіе язычества», «Цицеронъ и его друзья», «Римская религія при Августиннахъ» и др. Переводъ съ французскаго Е. В. Дегена. Съ приложеніемъ статьи того же автора «Газета въ Римѣ», въ переводѣ Н. П. Новоборской. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896. И. Лосскаго. — 3) А. Ф. Кони. За послѣдніе годы. Спб. 1896. В. У.—4) Сборникъ историко-филологическаго общества при институтѣ князя Безбородко въ Нежинѣ. Томъ I. Кіевъ. 1896. В. Р.—ва.—

См. слѣд. стр.

5) Я. Колубовскій. Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Годъ второй (1894). Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Москва. 1896. Н. л.—агс.—
6) Украинская Старина. Очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры. Профессора Д. И. Багалѣя. Харьковъ. 1896. Мч.—
7) Н. Н. Ойрсовъ. Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII столѣтія. Казань. 1896. Н. о.—8) Платонъ. Фѣдонъ. Переводъ Д. Лебедева. Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. М. 1896. Р. с.—
9) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга шестая, изданная подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1896. С. ш.—10) Власть тьмы въ царствѣ свѣта, разсказъ изъ временъ св. Іоанна Златоуста, соч. Ф. В. Феррара, перев. Лопухина. Спб. 1897. и. п.

XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи 342

1) На какомъ языкѣ говорилъ Иисусъ Христосъ?—2) Англійскій и французскій папы.—3) Опроверженіе легенды о Фридрихѣ Барбароссѣ.—4) Женщина-пэръ Франціи, въ XVII вѣкѣ.—5) Людовикъ XIII, какъ первый газетный корреспондентъ.—6) Англійскій дѣятель французской революціи.—7) Романтичныя нѣмки начала XIX столѣтія.—8) Письма Виктора Гюго.

XV. Изъ прошлаго 357

Два ареста. Николая Бунина.

XVI. Смѣсь 360

1) Открытіе памятника императрицѣ Екатеринѣ II.—2) Открытіе памятника императору Александру III въ Θεодосіи.—3) Общество исторіи и древностей.—4) Общество любителей россійской словесности.—5) С.-Петербургское археологическое общество.—6) Московское археологическое общество.—7) Общество любителей древней письменности.—8) Географическое общество.—9) Антропологическій отдѣлъ общества любителей естествознанія.—10) Психологическое общество.—11) Русскій археологическій институтъ въ Константинополь.—12) Казанскій университетъ.—13) Археологическія раскопки.—14) Музей М. И. Глинки.—14) Дяспутъ г. Чечулия.—15) Некрологъ: К. А. Бороздинъ; А. А. Поиовъ; А. Н. Бетхеръ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графини Маріи Андреевны Румянцевой.—2) Марсельцы. (Les Rouges du Midi). Повѣсть изъ временъ французской революціи. I—III. Феликса Гра.—4) Объявленія.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1897 ГОДУ

(ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

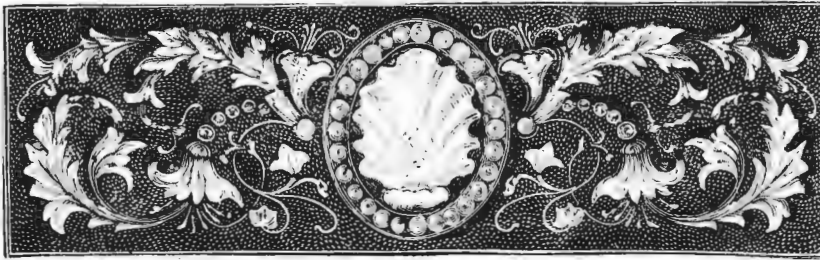
„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1897 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія семнадцать лѣтъ (1880—1896).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ГРАФИНЯ МАРЬЯ АНДРЕЕВНА РУМЯНЦЕВА.
По фотографии Лушева, съ портрета принадлежащего княгини Кочубей.

ПАНДУРОЧКА.

Историческій разсказъ.

A roué, roué et demi!

Поговорка

I.

ВЕРСТАХЪ въ тридцати отъ города Кирсанова, въ глухомъ мѣстѣ, съ трехъ сторонъ окруженномъ дремучимъ лѣсомъ, стояла усадьба Кузьминка. Барскій домъ и надворныя строенія помѣщика средней руки отличались тѣмъ, что были совсѣмъ новыя, какъ бы съ иглочки.

Кузьминка не была стариннымъ родовымъ имѣніемъ. Два года тому назадъ на этомъ же мѣстѣ былъ лишь поселокъ въ четыре двора и полная лѣсная глушь, гдѣ зимою бродили волки стаями.

Капитанъ пандурскаго полка въ отставкѣ, Кузьма Васильевичъ Карсановъ, купилъ у товарища по полку пятьдесятъ душъ крестьянъ и сталъ строиться, но не тамъ, гдѣ была деревня, а въ шести верстахъ отъ нея, на клочкѣ земли, принадлежавшемъ къ тому же имѣнію, и гдѣ былъ выселокъ въ одиннадцать душъ.

Здѣсь пандурскій капитанъ быстро выстроилъ домъ и службы, разумѣется, умышленно выбравъ глухое мѣсто. Обстоятельства его жизни сложились такъ, что онъ искалъ полного уединенія.

Пандуръ, сдѣлавшій три кампаніи, отличившійся во всѣхъ встрѣчахъ съ непріателемъ, а дрался онъ и съ нѣмцемъ, и съ туркой, и со шведомъ, былъ два раза раненъ и уже пятидесяти шести лѣтъ вышелъ въ отставку. Разумѣется, Кузьма Васильевичъ — бравый офицеръ, воинъ по призванію и склонностямъ характера, остался бы служить царицѣ до послѣдняго издыханія, если бы въ его жизни не приключилось нѣчто чрезвычайное.

Всю свою жизнь капитанъ училъ солдатъ военному артикулу, почти всю жизнь воевалъ, началъ военное поприще еще во дни императрицы Елисаветы, и ни разу за всю свою жизнь не позволилъ себѣ увлечься чѣмъ либо постороннимъ военному дѣлу. Что касается до женщинъ, то онѣ для капитана совсѣмъ не существовали. Когда ему говорили про прекрасный полъ, онъ отвѣчалъ брюзжа:

— По-моему, его бы звать «подлый полъ»!

И капитанъ горячо доказывалъ, что всѣ гадости на свѣтѣ происходятъ отъ женщины.

— Кабы не баба—на землѣ бы рай былъ, какъ на то указываетъ священное писаніе.

— Что вы! Что вы! Откуда вы это взяли? — изумлялись себе-сѣдники.

— Посудите, — объяснялъ Карсановъ совершенно серьезно. — Первая же уродившаяся на свѣтѣ женщина—наша праматерь Ева, какъ только ступила первый шагъ въ рай, такъ сейчасъ же съ чортомъ связалась. Сказывается въ священномъ писаніи, что якобы это былъ змій. Это такъ... иносказательное повѣствованіе. Это былъ ея пріятель, съ которымъ она мужа обманывала. За это ее Господь и выгналъ вмѣстѣ съ супругомъ изъ рая, иначе сказать, рай исчезъ, и они просто очутились на землѣ.

Когда капитану доказывали, что въ тѣ поры помимо Адама не было ни одинаго другого челоуѣка на свѣтѣ, то капитанъ объяснялъ:

— Я же вамъ и не говорю, что это былъ челоуѣкъ, а чортъ въ видѣ молодого челоуѣка. И вотъ отъ него-то Каинъ и родился, отъ него-то и пошло въ мірѣ зло. Второй сынъ былъ отъ Адама. И вотъ хорошіе люди—потомки Авеля, дурные люди—потомки Каина. И въ этихъ двухъ потомствахъ добро и зло и борются между собой.

Цѣлая исторія, даже цѣлая теорія имѣлась у Карсанова на этотъ счетъ. Впрочемъ, не онъ самъ ее придумалъ, а передавалъ со словъ своего друга, одного архимандрита.

— Нѣтъ на свѣтѣ ни единой женщины честной, нѣтъ не единой супруги вѣрной. Всѣ въ праматерь свою!—добавлялъ капитанъ.

Когда Карсанову было уже за сорокъ лѣтъ, онъ былъ извѣщенъ, что его товарищъ и другъ, убитый на войнѣ, назначилъ его по завѣщанію своимъ душеприказчикомъ, да вдобавокъ опекуномъ дочери-крошки лѣтъ двухъ.

Дѣлать было нечего. Пандуръ занялся дѣлами и дѣвочкой сиротой. Разумѣется, онъ оставался въ полку и заглазно управлялъ ею маленькимъ имѣньицемъ въ Воронежской губерніи, а ее самое тоже заглазно передалъ на воспитаніе и попеченіе своей дальней родственницѣ. И только спустя десять лѣтъ, посланный по дѣламъ службы въ Воронежъ, онъ заѣхалъ поглядѣть на свою питомицу.

Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка удивила капитана. Она была и красива, и умна, и бойка удивительно, только черезчуръ мала. Ей казалось лѣтъ семь или восемь, такъ что если еще и подростеть немножко, то все-таки будетъ карлицей.

Однако, проживъ мѣсяцъ у родственницы, старикъ пандуръ привязался къ сиротѣ. Вернувшись въ полкъ, онъ чаще писалъ старухѣ, чаще справлялся о питомицѣ, а черезъ два года опять поѣхалъ въ Воронежъ уже исключительно затѣмъ, чтобы поглядѣть, подросла ли маленькая Аннушка. Оказалось, что дѣвочка подросла, стала еще красивѣе и умнѣе и еще бойчѣе. Но ростомъ... чуть не бирюлька!

Въ этотъ пріѣздъ Карсановъ пробылъ мѣсяца два и окончательно привязался къ Аннушкѣ, не отходилъ отъ нея ни на шагъ, но однако странное, не отеческое чувство овладѣло имъ.

За нѣсколько дней до того, какъ приходилось снова возвращаться въ полкъ, семидесятилѣтняя старушка родственница объяснила Кузьмѣ Васильевичу, что ему придется озаботиться судьбой питомицы больше, чѣмъ когда либо: придется ее взять къ себѣ.

— Зачѣмъ, матушка сестрица?

Капитанъ всегда величалъ такъ родственницу.

Старушка объяснила:

— Я умирать собираюсь и скоро. Стало быть, лучше бы вамъ ее съ собой теперь же взять.

На рѣшительный отказъ Карсанова старушка настаивала, говоря, что съ кѣмъ же дѣвочка останется, когда она помретъ. Капитанъ объяснилъ старушкѣ, что она можетъ еще прожить смѣло лѣтъ десять-пятнадцать. Старушка обидѣлась:

— Что же ты меня за лгунью что ли считаешь? Говорю я вамъ, черезъ недѣлю Богу душу отдамъ. Я, слава Богу, никогда во вралихахъ не была.

Капитанъ пересталъ спорить, но все-таки продолжалъ собираться въ дорогу. Видя это, старушка настояла, чтобы родственникъ обождалъ до слѣдующаго вторника.

— Да зачѣмъ, матушка сестрица?

— А затѣмъ, батюшка братецъ, что подъ вторникъ или въ самый во вторникъ на зарѣ я помру. Ты меня похоронишь, а Аннушку съ собой увезешь по неволѣ.

«Ну, старуха,—думалъ капитанъ,—упряма!».

Нечего дѣлать, пришлось остаться Карсанову до вторника, на-

дѣясь, что старуха его не заставитъ ждать опять своей предполагаемой смерти до слѣдующаго вторника, и что можно будетъ выѣхать. Однако Карсановъ ошибся.

Пришелъ вторникъ. Старушка была въ добромъ духѣ и послѣ полудня, сидя и вышивая въ пальцахъ, кротко пересмѣивалась съ сидѣвшей около нея дѣвочкой. Обѣ онѣ были заняты важнымъ дѣломъ: работали на перегонки. Аннушка наматывала клубокъ шерсти, а старушка доканчивала какой-то листокъ по канвѣ. Ради шутки онѣ условились, что кто кого перегонитъ, выиграетъ крымское яблочко. Бойкая и шустрая Аннушка спѣшила изъ всѣхъ своихъ силъ размотать шерсть, чтобы обогнать бабушку и получить румяное яблочко, соблазномъ лежавше на столѣ.

— Готово!— воскликнула она наконецъ, вскочивъ съ мѣста и держа клубокъ надъ головой.

— Умница!— произнесла твердо старушка.— Но вотъ... Вотъ и у меня...—тише сказала она, выпрямляясь отъ пялецъ и прислоняясь къ спинкѣ своего кресла.

Аннушка поглядѣла... И дѣйствительно зеленый листикъ былъ тоже оконченъ.

— А все-таки же я первая!—вскрикнула она.

Бабушка ничего не отвѣчала. Аннушка испугалась: «неужели бабушка надуетъ, заспорить!»

— Вѣдь я? Я?—опять спросила дѣвочка, но бабушка продолжала сидѣть молча и глядя на нее какими-то чудными глазами. Потомъ она склонила голову на бокъ, да какъ-то удивительно. Голова все повисала и повисала и такъ совсѣмъ повисла, что ухомъ почти легла на плечо.

Старушка доказала въ послѣдній разъ, что никогда во вриалихахъ не была.

Послѣ похоронъ волей-неволей капитанъ, смущаясь, все-таки взялъ питомицу и съ ней вмѣстѣ выѣхалъ въ полкъ.

II.

Поселившись вдвоемъ въ маленькомъ городкѣ, гдѣ стоялъ пандурскій полкъ, Кузьма Васильевичъ и крошечная Аннушка зажили весело и обожали другъ друга. Капитанъ въ питомицѣ души не чаялъ, она же любила его не меньше своихъ куколъ и звала «Кузинькой», причѣмъ цѣловала его всякій день столько же, сколько и свою любимицу фарфоровую Машу во французскомъ платьѣ, которую ей выписалъ капитанъ изъ Москвы, уплативъ цѣлыхъ десять рублей. Не даромъ Маша на кораблѣ въ Питеръ пріѣхала и уже оттуда въ Москву попала.

Не прошло, однако, и году, какъ Карсановъ получилъ свой «абшидъ», но по собственному желанію. Онъ выѣхалъ съ питомицей

въ дальній путь, черезъ мѣсяць былъ въ городѣ Кирсановѣ и уже покупалъ маленькое имѣнныце. Капитанъ рѣшилъ, что ему, Карсанову, надо жить въ Кирсановѣ или по близости. Но здѣсь произошло главное событіе его жизни: онъ женился на своей питомицѣ, которой еще не хватало двухъ мѣсяцевъ до полныхъ пятнадцати лѣтъ.

Когда Кузьма Васильевичъ разъяснилъ Аннушкѣ, какимъ способомъ она можетъ его осчастливить, и сдѣлать ей предложеніе, то она бросила куклы и прыгала чуть не до потолка. Выйти замужъ да еще вдобавокъ за «Кузиньку» ей представлялось такимъ веселымъ, такимъ прелестнымъ, что занятѣе, конечно, ничего не думаешь.

— А долго это будетъ продолжаться?— спросила она.

— Что такое?

— А вотъ наша свадьба?

— Самая свадьба около часу.

— А потомъ я долго буду вашей супругой?

— Всю жизнь.

— И меня барыней будутъ звать, Анной Семеновной?

— Понятное дѣло.

— И тоже на всю жизнь?

— Тоже.

— На всю жизнь!—воскликнула Аннушка и стала прыгать еще пуще.

Справивъ скромно свою свадьбу въ городѣ Кирсановѣ, капитанъ занялся устройствомъ своего будущаго мѣстожителства. Стройка пошла быстро, и осенью онъ уже переѣхалъ въ новую усадьбу, при которой только еще не было службъ.

И вотъ теперь минуло уже почти два года съ тѣхъ поръ, что капитанъ женился на пятнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, которой тогда на видъ можно было дать и двѣнадцать. Теперь Аннушка стала немножко повыше и немножко круглѣе, но все-таки при своей миниатюрности съ трудомъ могла въ глазахъ всякаго почестся замужней женщиной. Диковинно она была мала.

Однако, за эти два года много воды утекло. Анна Семеновна начала скучать среди лѣса дремучаго, изрѣдка плакать и убиваться, собирався бѣжать то въ монастырь, то на край свѣта, а чаще всего въ прорубь рѣчки за садомъ. Капитанъ волновался, тревожился, боялся этихъ угрозъ, такъ какъ притворства въ Аннушкѣ не было. И не смотря на то, что онъ былъ страшно ревнивъ, онъ рѣшился нѣсколько разъ выѣхать съ женой изъ своего гнѣзда въ Тамбовъ, а два раза въ Москву, и наконецъ однажды обѣщалъ женѣ вскорѣ собраться къ святымъ угодникамъ въ Кіевъ помолиться о дарованіи имъ потомства.

Эти путешествія перевоспитали маленькую капитаншу, принесли ей пользу, а капитану одинъ вредъ, ибо послѣ каждаго путешествія Аннушка еще болѣе скучала въ усадьбѣ среди дѣса. Понятно, что она кое-что сообразила, сначала неясно, потомъ яснѣе и стала досадовать на себя. Вспоминая, какъ прыгала она при извѣстии, что выйдетъ замужъ за Кузьму Васильевича и станетъ барыней, она понемногу пришла къ раскаянію, пеняла на него и на себя, а вскорѣ начала втихомолку плакать горько и неутѣшно. Теперь она уже отлично поняла все, понимала, что не только не слѣдовало ей никогда выходить за Кузьму Васильевича, но и ему, старику, не слѣдовало и даже грѣхъ было на ней жениться, будучи на сорокъ лѣтъ старше ея.

Состоявшаяся среди дѣта поѣздка въ Кіевъ подлила масла въ огонь. Не до молитвы было Аннушкѣ. И наконецъ, къ довершенію всѣхъ золъ, особый случай по дорогѣ изъ Кіева обратно домой окончательно пересоздалъ капитаншу, если не совсѣмъ съ ума свелъ. Да и было отъ чего...

Верстахъ въ семидесяти отъ Кіева они должны были остановиться по неволѣ на станціи среди степи. Тутъ было много народа, стѣзжихъ съ двухъ концовъ дворянъ. Всѣ застряли. Лошадей почтовыхъ никому не давали, такъ какъ ожидался проѣздъ главнокомандующаго русской арміей по пути въ предѣлы турецкіе. Ъхалъ самъ свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ!

Капитанша несказанно рада была увидѣть знаменитаго вельможу, про котораго мужъ много и часто рассказывалъ ей. Самъ Карсановъ былъ тоже очень доволенъ неожиданнымъ случаемъ представиться и даже представить жену, благодаря исключительной обстановкѣ и особымъ все упрощавшимъ обстоятельствамъ. Въ маленькой деревушкѣ среди степи какой же можетъ быть этикетъ.

И дѣйствительно при появленіи на станціи именитаго и славнаго любимца государыни заслуженный пандуръ не только представился съ женой, но былъ обласканъ вельможей и приглашенъ въ числѣ прочихъ проѣзжихъ дворянъ къ столу, то-есть къ завтраку, который былъ, конечно, сервированъ такъ, какъ если бы всѣ находились въ Петербургѣ, а не среди степи. Не только дивная посуда и серебро явились, какъ по манію волшебника, не только угощеніе было поцарски роскошно, но даже всякія рѣдкія заморскія вина полились рѣкой. Не даромъ за экипажемъ вельможи двигалась цѣлая вереница фургоновъ съ прислугой и провіантомъ. Но этого мало. Свѣтлѣйшій почему-то посадилъ около себя именно маленькую капитаншу и угощалъ ее предпочтительнѣе и любезничалъ съ ней сугубо.

Старый пандуръ, какъ ревнивецъ отъ природы, сидя нѣсколько въ отдаленіи, приглядывался и краснѣлъ отъ удовольствія, но и отъ боязни, что жена будетъ очарована. Онъ, конечно, не зналъ,

да и никто на его мѣстѣ не могъ бы предположить, что вельможа, падкій на прекрасный полъ, остановился здѣсь лишникъ два-три часа исключительно затѣмъ, чтобы полюбезничать съ женщиной-крошкой. А крошка эта именно сразу ему сильно приглянулась своей рѣдкой миниатюрностью, и онъ ее прозвалъ уже тотчасъ «пандурочкой».

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ ревновать было нельзя и неудобно, да и бессмысленно. Благосклонность вельможи не могла быть истолкована въ дурную сторону, такъ какъ черезъ часъ-два вельможа двинется далѣе, по пути... чуть не на край свѣта, во всякомъ случаѣ на край Россіи, къ границѣ Турціи.

Приближенные князя знали и понимали больше пандурскаго капитана и крошечной капитанши. Они знали, что завтракъ на этой станціи не предполагался, и что его вдругъ по неожиданному приказу кое-какъ съ трудомъ состряпали. Но близкіе люди, и свита и прислуга, давно привыкли къ своему обожаемому князю и ко всѣмъ его «чудесамъ». Сегодня онъ изъ-за прихоти всѣхъ и все къ верху ногами перевернетъ, а завтра самъ удивится и спроситъ:

«Что такое приключилось? Кто такое приказалъ? Я же!?... Да что вы на меня все поклѣпы взводите! Идолы!»

И приближенные сообразили, конечно, тотчасъ, что красивая и крошечная, не то женщина, не то куколка, оказавшаяся 17-ти лѣтней капитаншей, женой пандурскаго офицера съ шестымъ десяткомъ лѣтъ на плечахъ, заинтересовала среди тоски и однообразія дальняго пути ихъ всевластнаго и прихотливаго повелителя.

— Вотъ такъ пандурочка! — воскликнулъ онъ. — Никогда еще такой крохотули не видалъ. Тринадцать лѣтъ дать нельзя. Подавать завтракать. Поедемъ. Турка отъ насъ не уйдетъ!

И около станціоннаго дома на лугу вдругъ состоялось пированіе. Всѣхъ дворянъ позвали къ столу, но «стола» не было, ибо такого большаго, на тридцать человѣкъ, никогда въ этихъ краяхъ и не бывало. На травѣ были разостланы ковры, и всѣ усѣлись кругомъ, какъ кто могъ удобнѣе и вѣжливѣе.

— Не бойсь, государи мои! — восклицалъ весело хозяинъ радушный и привѣтливый. — Не стѣсняйте себя... Турки всегда такъ кушаютъ... Ноги подъ себя, а не на бокъ. Вотъ такъ...

Приглашенная Анна Семеновна Карсанова, сидѣвшая на коврѣ около могучей фигуры князя, казалась совсѣмъ такой куколкой, которую онъ могъ бы легко спрятать у себя за пазухой. Долго ли продолжался завтракъ, и что говорилъ ей вельможа, какъ и о чемъ онъ шутилъ, капитанша не помнила, потому что была, какъ въ чадѣ.

Она очнулась вполнѣ только тогда, когда все, какъ наважденіе какое-то, мимолетное, — вдругъ исчезло изъ глазъ ея, а сама она сидѣла въ тарантасѣ около мужа... А кругомъ была пустота, голая степь.

Гдѣ же этотъ красавецъ великанъ, его чудные глаза и чудный голосъ, проникающіе въ сердце, волнующіе его какой-то еще не извѣданной сладостью. Неужели это больше никогда не повторится? Да и было ли оно?

Встрѣча съ именитымъ вельможей, который обладалъ даромъ очаровывать всѣхъ женщинъ безъ исключенія, разумѣется, сдѣлала то, что пандурочка, вернувшись въ свою глушь—въ Кузьминку, среди дремучаго лѣса, окончательно стала чахнуть. Она стала жить воспоминаніями о своемъ путешествіи въ Кіевъ и завтракъ съ вельможей. Онъ и Кузьма Васильевичъ?!—думала и восклицала она наединѣ.

Разумѣется, теперь она знала уже вѣрно, что ея собственное существованіе—каторга. Остается ей лишь одно: скорѣе руки на себя наложить.

И это случилось бы, если бы не появилась старая Макарьевна, толстая и здоровенная женщина, вольноотпускная, побывавшая въ Москвѣ въ няняхъ, и такая умная, передъ которой Кузьма Васильевичъ самъ пасовалъ. Видавшая всякіе виды, знавшая, какъ люди живутъ на свѣтѣ, Макарьевна разсуждала не хуже любой важной дворянки-помѣщицы.

Себѣ на шею и какъ на грѣхъ нанялъ ее теперь капитанъ въ Тамбовѣ, чтобы супругъ было съ кѣмъ душу отвести въ бесѣдахъ. И Аннушка немного ожила.

За одно только слово сразу полюбила она старуху. Макарьевна сказала ей какъ-то вскорѣ по пріѣздѣ, что Кузьма Васильевичъ Аннушкѣ не въ супруги годился бы, а въ дѣдушки. За этакое золотое слово капитанша, конечно, чрезъ полчаса уже висѣла у нея на шеѣ и цѣловала ея морщинистыя щеки.

Вскорѣ она стала обожать старуху, и обѣ съ первыхъ же дней не разставались ни на минуту.

Однако, Макарьевна сумѣла такъ себя поставить въ домѣ, что если барыня Анна Семеновна ее обожала, то и баринъ Кузьма Васильевичъ тоже ее полюбилъ. Впрочемъ, Макарьевна старалась всегда поглядѣть, хорошо ли и плотно ли приперта дверь ихъ комнаты, гдѣ она съ молодой барыней бесѣдовала шепотомъ и толковала обо всемъ томъ, что творится на свѣтѣ, и о томъ, какъ добрымъ людямъ на бѣломъ свѣтѣ жить слѣдуетъ.

Эти бесѣды шестидесятилѣтней старухи съ молодой женщиною кончались тѣмъ, что обѣ печаловались, какъ мудрена ея, Аннушкина, жизнь. Но подблать ничего нельзя. Руки на себя наложить—глупо и рано. Надо другого какого выхода ждать. Жизнь всю такъ прожить нельзя. Все равно отъ тоски зачахнешь и на тотъ свѣтъ уйдешь. Надо терпѣть и ждать. Можетъ, что и навернется. Мало ль что на свѣтѣ приключается. Въ сказкѣ не разказать, что наяву, глядь, потрафилось... Таковѣ просто, а міру на аханье.

Однако, Анна Семеновна все-таки постоянно, раза по два въ недѣлю, чтобы душу отвести, грозилась мужу утопиться въ той проруби на рѣчкѣ, гдѣ для хозяйства воду берутъ.

III.

Не въ русскихъ предѣлахъ, хотя въ единовѣрной Руси странѣ, ярко бѣлѣется и будто блеститъ маленькій городокъ безъ садовъ, безъ растительности кругомъ, утонувшій среди голой степи, раскаленной солнцемъ, кажется одинокимъ, затеряннымъ, какъ корабль среди моря. Но если пустынно все кругомъ, то въ самомъ городкѣ многолюдство, движеніе. Видъ городка совершенно необычайный, какимъ онъ не можетъ быть всегда, а можетъ быть только временно, вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Дѣйствительно, обстоятельства эти не заурядныя—война.

Въ городкѣ главный штабъ побѣдоносной арміи. А какой и чей штабъ? Главнокомандующаго князя Потемкина.

Въ небольшомъ, но все-таки самомъ большомъ домѣ городка тѣснится, движется и суетится настоящій муравейникъ, но не сѣрый, а яркій, сіяющій, всѣхъ цвѣтовъ радуги, и блеститъ въ лучахъ солнца, пылающаго надъ окрестностью и всей южной страной.

Десятки и даже вся сотня разнообразнѣйшихъ мундировъ придаетъ этой суетнѣ особый отпечатокъ чего-то высокаго, едва достижимаго для всѣхъ обывателей. Еще сѣрѣе, убожѣе кажутся эти обыватели, въ числѣ которыхъ нѣтъ русскихъ. Тутъ и турки, и молдоване, и евреи.

Въ уютной комнатѣ этого дома лежитъ на диванѣ въ одномъ легкомъ халатѣ изъ шелковистой ткани большой и грузный человекъ съ босыми ногами, съ обнаженной грудью и съ голыми руками, потому что рукава по плечи засучены.

Уже дня четыре валяется онъ такъ...

Жара и духота измучили его. Но главное не въ этомъ. На него напала обычная періодическая хворость. Имени ей нѣтъ, и назвать ее нельзя, объяснить тоже нельзя, можно только рассказать. Хворость въ томъ, что нигдѣ не болитъ, тѣло здорово, но духъ томится, изнываетъ. Если болитъ что, такъ развѣ сердце, да и не болитъ, а болѣетъ о себѣ, о другихъ, обо всемъ мірѣ.

«Не стоитъ жить на свѣтѣ! Все суета. Мареву! Умереть страшно, а то ни за что бы жить не сталъ. Люди глупы и злы; друзья—одни предатели; враги неумолимы и безпощадны. Одна надежда на нее, да и она—человѣкъ. И она—самодержица надъ миллионами, сама подвластна невидимкѣ—клеветѣ. Не стоитъ жить и, пожалуй, лучше умереть! Стоитъ прожить еще самую малость, чтобы успѣть уничтожить полумѣсяцъ, выгнать турокъ изъ Европы, снова назвать Константинополь Царьградомъ и, отворивъ его русскимъ войскамъ, по-

ложить основаніе новому византійскому царству съ новымъ царемъ Константиномъ, ея внукомъ, теперь младенцемъ. Только изъ-за этого и стоитъ еще немного прожить, а то бы сейчасъ умеръ съ охотой».

Такъ разсуждаетъ, хвораю, тоскуя и мучась духомъ, всемогущій вельможа, Григорій Александровичъ Потемкинъ. Отъ этой хворости нѣтъ лѣкарствъ. Надо обождать, чтобы немощъ сама прошла.

Между тѣмъ покуда валяется онъ на диванѣ, все стало кругомъ, нѣтъ отвѣта ни на какой важный вопросъ. Изъ дома не выходитъ и не уѣзжаетъ ни одинъ курьеръ, тогда какъ этихъ курьеровъ во многихъ мѣстахъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Даже иная осажденная крѣпость непріятельская еще держится, еще не взята штурмомъ, потому что Григорій Александровичъ думаетъ о томъ, что не стоитъ жить.

Въ сосѣднихъ комнатахъ, въ маленькой залѣ, на лѣстницѣ и вокругъ крыльца на улицѣ, вся эта залившая домикъ толпа, пестрая, разноцвѣтная, золотая и серебряная, кишитъ муравейникомъ, разсуждаетъ вполголоса или шепчется, или только переглядывается. И у всѣхъ на языкѣ, у всѣхъ даже на лицѣ только одинъ вопросъ:

— Ну, что?

И у всѣхъ только одинъ отвѣтъ:

— Все то же...

— Не прошло еще?

— Нѣтъ, не прошло.

— Что сказываютъ?

— Сказываютъ, еще денекъ-два протянется, не больше.

Четвертые сутки тоже прошли такъ же, но на пятый день около полудня Григорій Александровичъ глядѣлъ еще суровѣе, но менѣе грызъ ногти, рѣже вздыхалъ тяжело, а главное—приказалъ подать чулки и туфли. Стало быть, онъ не будетъ больше лежать, а будетъ сновать по своей комнатѣ. Это начало выздоровленія. Будетъ еще одинъ «встрясъ» быстрый и бурный, какъ всегда, но зато уже, какъ послѣднее проявленіе хворости. Этотъ припадокъ, или «встрясъ», какъ выражаются приближенные, всегда внезапно, всегда разный, но равно странный или даже диковинный, иногда совершенно непонятный для окружающихъ. Для глупцовъ этотъ финалъ безымянной хворости—самодурство прихотника, но для умниковъ загадка, задача.

Наступилъ шестой день.

— Приказалъ подать одѣваться!

— Одѣвается! Одѣвается!

— Прошло. Прошло. Слава Богу!

Слова эти облетѣли домикъ, достигли крыльца и побѣжали по улицамъ городка. И все ожило. Всѣ просіяли.

Одѣвшись, князь сѣлъ въ любимое кресло, пріѣхавшее вслѣдъ за нимъ изъ Петербурга. Онъ задумался, но лицо было ясное.

И чрезъ полчаса закипѣла работа, начались доклады, приемы, приказы, подписи и распоряженія государственной важности. Уже въ сумерки, сбывъ дѣло съ рукъ, князь вдругъ ухмыльнулся и приказалъ:

— Позвать Девлетку!

Офицера князя Девлета-Ильдишева не оказалось въ залѣ. Посланный розыскалъ офицера на дому, гдѣ онъ обливался въ сараѣ ключевой водой. Молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, съ удивительнымъ искусствомъ въ пять минутъ одѣлся въ полную форму— привычка великое дѣло—и чуть не бѣгомъ пустился къ дому главнокомандующаго.

Не прошло, конечно, получаса послѣ требованія вельможи, какъ камердинеръ уже докладывалъ ему:

— Князь Девлетъ-Ильдишевъ.

Между тѣмъ молодой князь, въ залѣ, окруженный кучкой офицеровъ и двумя генералами, любезно кланялся и здоровался. Его всѣ знали, всѣ любили, потому что, добрый малый самъ по себѣ, онъ вдобавокъ съ нѣкоторыхъ поръ начиналъ какъ будто дѣлать быструю и блестящую карьеру. Всѣ замѣчали, что главнокомандующій все болѣе его къ себѣ приближаетъ, и молодой князь становится будто любимцемъ.

Впрочемъ, этому офицеру какъ бы пристало быть фаворитомъ высокопоставленнаго лица или даже временщика. Если, указавъ на него, объяснить, что онъ фаворитъ всемогущаго вельможи, то никто бы не удивился, и это благодаря только наружности молодого человека.

Князь Девлетъ-Ильдишевъ былъ настоящей типическій красавецъ христіанско-мусульманскихъ предѣловъ, то-есть кавказецъ по происхожденію. Будучи сыномъ и братомъ двухъ знаменитыхъ красавицъ города Тифлиса, онъ не уступалъ имъ обѣимъ ни въ чемъ, скорѣе дѣлалъ имъ честь. Оригинальный, строго правильный профиль, чистый матовый цвѣтъ лица, гладко выбритаго, чудные черные глаза съ синими бѣлками, красивое сложеніе и стройность, наконецъ что-то привѣтливо-доброе и правдивое во взглядѣ и улыбкѣ— все дѣлало изъ князя Девлета настоящаго красавца.

Черезъ минуту офицеръ стоялъ уже на вытяжку у дверей комнаты, гдѣ сидѣлъ въ креслахъ главнокомандующій. Потемкинъ смотрѣлъ на офицера молча и весело улыбался. Ему нравился этотъ молодой, красивый и изящный кавказецъ, вдобавокъ ловкій и смѣтливый, отлично исполняющій всякаго рода порученія.

Видя довольное и веселое лицо князя, офицеръ выговорилъ, тоже улыбаясь:

— Что прикажете, Григорій Александровичъ?

Это обращеніе, часто поражавшее окружающихъ и свидѣтельствовавшее о близости отношеній главнокомандующаго къ офицеру, было, однако, результатомъ простой случайности и простой прихоти.

Однажды, случайно, князь приказалъ офицеру никакъ не титуловать его, такъ какъ это замедляетъ всякій разговоръ, да, наконецъ, и надоѣдаетъ слуху. Онъ приказалъ ему говорить просто — «Григорій Александровичъ», безъ всякихъ титулованій и даже избѣгать повторять слишкомъ часто и имя съ отчествомъ.

IV.

Князь, помолчавъ и подумавъ, заговорилъ:

— Скажи, Девлетка, я знаю, ты—красавецъ. Знаю, что прытокъ. Знаю, что дуракомъ не бывалъ, но, скажи, бывалъ ты когда въ дуракахъ.

Офицеръ ежилса, ибо отвѣчать «не могу знать» было запрещено.

— По сю пору, сдается, еще не бывалъ. Но все же если въ однихъ дѣлахъ я не дуракъ, то въ другихъ дѣлахъ, можетъ, окажусь совсѣмъ дуракомъ.

— Хочу я тебя послать съ порученіемъ важнымъ. И не близко: къ чорту на кулички. То бишь вру. Отъ чорта на куличкахъ, гдѣ мы теперь, въ христіанскія мѣста, въ Тамбовскую или Воронежскую губернію. Дорогу найдешь?—улыбнулся Потемкинъ.

— Найду-съ!

— А дѣло справишь мое?

— Какое дѣло? Постараюсь справиться всякое. А что Богъ дастъ.

— Надо мнѣ, видишь ли, привезти сюда російскую луну. Обождавши тамъ, въ Тамбовѣ или въ Воронежѣ, покуда народится новый мѣсяцъ и станетъ подниматься съ земли на небо, въ эту самую пору подпрыгнуть, ухватить его, запрятать въ карманъ и привезти. Хочу я поглядѣть, похожъ ли російскій полумѣсяцъ на здѣшній—турецкій. Можешь?

• Офицеръ, уже привыкшій къ вельможѣ, усмѣхнулся и вымолвилъ:

— Попробую!

— Случалось тебѣ когда мѣсяцъ съ неба хватать и въ карманъ класть?

— Нѣтъ-съ, еще не приходилось. Да это что? Попробую. Только за удачу не отвѣчаю. Впередъ прошу не гнѣваться, если обмахнусь.

Потемкинъ разсмѣялся и вымолвилъ, помолчавъ:

— Вотъ что, голубчикъ Девлетушка, если послать тебя луну ловить, то ты хотя ее и не поймашь, но за это тебѣ ничего не будетъ. Никто не разсердится на тебя, не побьетъ, не убьетъ и даже не тронетъ. Я даже не трону. А вотъ приходится мнѣ тебя послать за инымъ дѣломъ: словить и украсть нѣкое махонькое красное солнышко. А за это тебя могутъ пришпилить, уходить, тѣ, чтò стерегутъ это солнышко. Не побоишься?

— Никогда ничего не боялся!—быстро, смѣло и какъ-то горделиво отвѣтилъ офицеръ.

— Ну, такъ слушай, Девлетка! росписывать не стану, скажу кратко. Стало, всякое слово лови и зарубай на носу. Былъ я проѣздомъ изъ Питера, среди степей Малороссіи, пріѣхалъ на станцію, гдѣ изъ-за меня видимо-невидимо въ дорогѣ народу сидѣло. Кто изъ-за нехватки лошадей, потому что всѣхъ забрали подъ меня, а кто изъ-за любопытства поглядѣть на Гришку Потемкина. Ну, вотъ я на этой станціи лошадей тотчасъ не перемѣнилъ, а остался на цѣлыхъ три часа кушать и бесѣдовать. Всѣхъ дворянъ пригласилъ къ себѣ и угощалъ среди поля около станціоннаго дома. Да. Вотъ сказалъ, что расписывать не буду, а самъ принялся, какъ баба, къ дѣлу примѣшивать пустяковину. Слушай. Промежъ дворянъ былъ пандурскій капитанъ въ отставкѣ съ женой. Пойми, глупый! Онъ у нея въ отставкѣ, а не она у него. И любопытны показались они мнѣ! Ему подъ шестьдесятъ, а она, ей-ей, писаная красавица. Думалъ я—дочь, а то и внучка, а она законная жена. А ей хоть и семнадцать лѣтъ, а уже года два замужемъ. Вотъ изъ-за нея я и угощалъ дворянъ, а, угощая ихъ, больше все съ пандурочкой бесѣдовалъ. И за это время узналъ я, что она смотритъ на капитана и на свое супружество, какъ волкъ, прикормленный на деревнѣ, въ лѣсъ смотритъ. Понялъ я изъ нашихъ бесѣдъ съ нею, что не только ко мнѣ согласится она убѣжать, а хоть къ кому ни на есть. Такъ ей сладко. Хотѣлъ я тогда же, запоздавъ на станціи, приказать ее выкрасть. Да тутъ прискакалъ курьеръ изъ Петербурга и привезъ отъ государыни такое письмо, что было не до пандурскихъ супружницъ. А затѣмъ изъ головы выскочило. И вотъ прошлую ночь во снѣ ли, на яву ли, наважденіе. Пришла она въ мою опочивальню, плачетъ да говоритъ: «Не хорошо, Григорій Александровичъ. Обѣщались меня изъ-подъ неводи моей высвободить, а сами занимаетесь пустяками разными и о важномъ дѣлѣ не помните. А важное дѣло это, самое важное на Руси, то, что я мучусь съ моимъ капитаномъ...». Очнулся я, глаза протеръ, я ли это... Точно колдовство или прямо наважденіе. Ну, вотъ, понялъ ты, зачѣмъ я тебя позвалъ?

— Понялъ, Григорій Александровичъ! Съѣздить и выкрасть.

— Вишь какой пряткій... Этого мало!

— Приказывайте, что еще?

— А еще то будетъ: себя и ее убережъ, доѣхать и доставить. Пандуръ-то этотъ по виду изъ такихъ, что запросто жены никому не уступитъ. Попадешься, онъ тебя пристрѣлитъ, не боясь ни меня, ни Сибири. А ее потомъ изведетъ. И тебя-то мнѣ жаль, да и ее-то жаль. Стало быть, не сказывай «съѣздить да выкрасть», а съѣздить, поорудовать съ опаской и, если Богъ поможетъ, то благополучно вернуться, доставить живу и невредиму. Сначала поищи въ Воронежскомъ намѣстничествѣ, потому что я таково туманно помню,

что она про Воронежъ говорила больше, а про Тамбовъ меньше. Ну, вотъ...

— Слушаю-съ, — отозвался Девлетъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, видимо, хотѣлъ сдѣлать вопросъ и, быть можетъ, не одинъ, но смущался и какъ-то топтался на мѣстѣ. Онъ не зналъ, что сдѣлать, выходить или рѣшиться спросить.

Потемкинъ понялъ выраженіе лица офицера.

— Ну, сказывай. Чего?

— Обѣ оныя губерніи обширны, Григорій Александровичъ. Если-бъ вотъ вы вспомнили...

— А!.. Тебѣ бы хотѣлось, чтобы всякая губернія была съ наперстокъ. Небось, хочешь у меня спросить, въ какомъ мѣстѣ, близъ какого города и въ какой усадьбѣ или вотчинѣ проживаетъ моя пандурка? Такъ ли?

— Точно такъ! — нѣсколько робко отозвался князь Девлетъ.

— Вишь какой догадливый! Кабы я это зналъ, такъ давно бы съ этого началъ. Порыщи. Все-таки намѣстничество — не Африка. Въ мѣсяцъ, въ два, а по-моему и недѣлки въ три можешь розыскать. Такой другой пары во всякихъ намѣстничествахъ быть не можетъ. Онъ капитанъ и пандуръ, и старый, а она крохотуля, писаная красавица и ему во внучки годится. Коли не найдешь, дуракъ будешь. Коли не привезешь, такъ прапоромъ на всю жизнь и останешься, въ люди не выйдешь. А привезешь, проси, чего хочешь, съ однимъ исключеніемъ — не мое мѣсто, не мою должность главнокомандующаго. Ну, съ Богомъ, въ путь. Буду ждать черезъ мѣсяца два и награду заготовлю...

Когда офицеръ появился снова въ комнатахъ, переполненныхъ свитой, его тотчасъ окружили. Когда же онъ заявилъ, что выѣзжаетъ курьеромъ по важному дѣлу и секретному, все оживилось еще пуще. Стало быть, дѣятельность совѣтъ пришла, снова начнутся важнѣйшія порученія и приказанія, и снова вслѣдъ за офицеромъ поскачутъ курьеры въ разные стороны.

Разумѣется, молодой человѣкъ ни слова никому не сказалъ о характерѣ своего порученія и даже не сказалъ, куда ѣдетъ, объяснивъ только, что въ свои предѣлы, російскіе, и по близости Москвы.

Князь Девлетъ Ильдишевъ зашелъ въ канцелярію, спросилъ правителя и наперсника вельможи — Попова. Уѣхать, не посовѣтовавшись съ этимъ человѣкомъ, было неосмотрительно. Василий Степановичъ Поповъ, фаворитъ князя, былъ умный, тонкій и хитрый, но самолюбивый человѣкъ. Онъ былъ во многихъ случаяхъ важнѣе самого князя Григорія Александровича, въ особенности для маленькихъ людей. Его любимая поговорка была: «До Бога далеко... Молись больше святымъ угодникамъ, да приговаривай: моли Бога о насъ. Угодниковъ много, а Богъ-то одинъ. Гдѣ-жъ

Ему съ ними...». А главное не терпѣлъ онъ тайнъ и секретовъ князя съ другими, желалъ все знать, что затѣвается и творится около вельможи.

А князь расскажетъ почти всегда самъ все Попову, такъ лучше раньше забѣжать и рассказать, какое дано порученіе...

— Помню, помню эту карлицу!—заявилъ Поповъ на объясненіе Девлета.—Смазливенькая. Да и диковинно мала. Такъ мала, что ужъ совсѣмъ бы не для нашего Григорія Александровича. И смѣхъ и грѣхъ! Ей-Богу.

И онъ началъ смѣяться.

— Этимъ вѣдь и понравилась, поди, что совсѣмъ не подходяща. А найти, дорогой мой, будетъ не мудрено. Старый пандуръ съ женой карлицей! Всякій укажетъ. Другой такой пары,—правъ князь,—во всей Россіи не найдется. Только берегись, дорогой, этого пандура. Не укусить, а съѣсть.

— Богъ милостивъ,—отозвался Девлетъ.

— На этакія дѣла не слѣдъ бы и быть ему милостивымъ.

— Да вѣдь я не для себя. Свыше приказъ. По службѣ!—извинился Девлетъ.

— Да. Тоже служба!—двусмысленно улыбнулся Поповъ.

V.

Пандурскій капитанъ наконецъ убѣдился и самъ, что напрасно съѣздили на богомолье въ Кіевъ. Онъ просилъ кіево-печерскихъ угодниковъ о двухъ вещахъ. Послать ему наслѣдника и снять тоску и грусть съ души его маленькой супруги. Прошло уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ съ ихъ возвращенія, а Аннушка не «зачала». Зато она начала тосковать, повидимому, еще болѣе прежняго. Макарьевна всячески старалась ее развлекать, общалась капитану съ недѣли на недѣлю, что барыня повеселѣетъ, но Кузьмѣ Васильевичу казалось, что старуха ошибается, да и не такъ за дѣло берется.

Подслушавъ однажды тайкомъ и случайно два разговора Макарьевны съ женой, пандуръ даже разсердился и сталъ ей выговаривать:

— Что же это вы, сударыня, глупости какія вчера и съ недѣлку назадъ моей супругѣ выкладывали! Первое дѣло, все опишете молодцовъ разныхъ, какихъ видали да знавали, да какъ они пляшутъ, да какъ чужихъ женъ ворожатъ, а то и крадутъ... А вчера то, что вы такое измыслили. Что вы,—мужчина развѣ, чтобы знать въ точности обязанности супруга. Всякъ въ этомъ по своему характеру, здоровью и тѣлосложенію поступаетъ. И опять надо сказать—мнѣ шестой десятокъ. Требовать отъ меня расторопности, какъ отъ 25-ти-лѣтняго мужа нельзя. Да и разговоры эти не только не скромные, но и вредительные для нашего супружескаго согласія.

Вы еще, пожалуй, внушите Аннушкѣ, что и въ безплодіи ея — я причиной... Вы замужемъ не были, то всего досюда касательнаго знать и понимать не можете. Бракъ таинство, и не состоявшій самъ въ бракѣ постигнуть, стало быть, всего въ немъ сокровеннаго не можете и обучать супруговъ тотъ не въ состояніи. Я полагаю, что я мужъ изрядный, и большаго отъ меня требовать нельзя... Да и Аннушка не требовала и не требуетъ... А вы вотъ науськиваете и сочиняете... Прямо сочиняете... Слышалъ я, что вы про-какого-то московскаго кирасира расписывали, у коего якобы одиннадцать чело-вѣкъ дѣтей отъ жены и семеро отъ двухъ полюбовницъ. Враки это! А если бы такое и было, то не слѣдъ Аннушкѣ это знать. Всякъ на свѣтѣ долженъ довольствоваться тѣмъ, что имѣеть, и на чужой каравай рта не разѣвать.

Макарьевна на эту отвѣдъ капитана ничего не отвѣтила, а рѣшила мысленно еще осторожнѣе бесѣдовать съ юной барыней.

Выпалъ снѣгъ. Наступила зима и первопутокъ. Жизнь въ усадьбѣ, конечно, все-таки шла своимъ чередомъ и была, по словамъ Макарьевны, «хуже монастырской». Ужъ если ей старухѣ было отъ скуки «тошнехонько», такъ чего уже требовать отъ жены 17-ти лѣтъ, жены старика. Одно только удовольствіе и было: гадать на картахъ, такъ какъ въ нихъ выходило что-то диковинно хорошее для Аннушки, да не на сердцѣ и не въ головахъ, а на порогѣ.

И однажды, въ октябрѣ, вечеромъ, часовъ около восьми, въ ясную и тихую погоду на дворѣ усадьбы кирсановскаго помѣщика Карсанова произошло нѣчто особенное, приключился рѣдкій случай. Во дворъ въѣхала кибитка тройкой. Это случилось не болѣе раза въ мѣсяцъ. Помѣщики сосѣдніе не любили заѣзжать къ угрюмому, суровому ревнивцу, а двое, трое изъ тамбовскихъ молодыхъ помѣщиковъ такъ были приняты пандуромъ, что дали себѣ слово никогда больше къ нему ноги не ставить.

Разумѣется, появленіе кибитки взволновало всѣхъ отъ мала до велика: отъ самого помѣщика до ребятишекъ дворни. Изъ кибитки вылѣзъ старикъ съ сѣдой бородой и, выйдя на крыльцо, объяснилъ дворецкому, что просить доложить господину капитану о его бѣдѣ и причинѣ заѣзда.

Онъ купецъ лицецкій съ сыномъ, по фамиліи Пастуховъ. Съ ними приключилось въ дорогѣ лихое дѣло. Вывалили ихъ, наткнувшись на пенекъ, и упали они оба. Ему, старику, ничего не приключилось, а сынъ зашибъ грудь и ногу, да такъ, что двинуться не можетъ, а до города Тамбова ѣхать далеко.

Купецъ Пастуховъ просилъ однимъ словомъ барина-помѣщика изъ милости и ради чело-вѣколюбія позволить у него переночевать до слѣдующаго утра.

Черезъ минуту капитанъ принялъ сѣдого, благообразнаго купчину и, конечно, согласился тотчасъ. Изъ кибитки люди вынесли

молодого малаго съ черной бородкой, красиваго и глазастаго. Даже очень красиваго! Это первое, что не укрылось отъ вниманія ревнивца пандура. За то этотъ красавецъ былъ совсѣмъ, какъ пришибленный, и его пришлось внести и въ столовую.

Черезъ полчаса самая дальняя изъ комнатъ была уже устроена, а въ ней появились двѣ кровати и все, что было нужно для неожиданныхъ гостей. Молодой человѣкъ тотчасъ же легъ въ постель, все пуще жалуюсь на лѣвую ногу, а его отецъ усѣлся ужинать съ супругами. И за одинъ часъ времени удивительно полюбился купецъ липецкій и пандуру и молодой баринѣ, потому что онъ оказался такимъ купцомъ, какіе на рѣдкость: все-то онъ видѣлъ, все-то онъ зналъ, обо всемъ могъ разсуждать толково и занимательно.

Живописецъ!—думалось Кирсанову.

Послѣ ужина и купецъ, и капитанъ настолько подружились и сошлись, что когда неожиданный гость объяснилъ, что на утро двинется съ ушибленнымъ сыномъ ранымъ-рано, стало быть, слѣдъ имъ проститься съ вечера,—капитанъ заявилъ, что спѣшить некуда. Онъ предложилъ напротивъ послать въ Кирсановъ за тамошнимъ знахаремъ, который пользуется большой славой во всемъ околоткѣ, а къ тому же и костоправъ. Приѣдетъ онъ посмотрѣть ушибленнаго и первую помощь подастъ, а тамъ черезъ день можно купцу везти сына и въ Тамбовъ.

Аннушка изумилась любезности ревнивца мужа, но сама ни словомъ не обмолвилась, какъ хозяйка.

Старикъ Пастуховъ долго не соглашался, боясь беспокоить гостепріимныхъ хозяевъ, но наконецъ согласился. Рѣшено было, что онъ самъ на утро съѣздитъ въ Кирсановъ за знахаремъ-костоправомъ и привезетъ его, а затѣмъ послѣ первой помощи ввечеру или черезъ сутки выѣдетъ съ сыномъ въ Тамбовъ.

Какъ было сказано, такъ и сдѣлано. Молодой купецъ остался въ усадьбѣ, а отецъ поутру поѣхалъ въ Кирсановъ. А покуда старикъ долженъ былъ быть въ отсутствіи, къ больному посадили Макарьевну. Долго ѣздилъ Пустуховъ, вернулся только къ ночи, да вдобавокъ одинъ. Знахарь былъ гдѣ-то въ отсутствіи, и обѣщали прислать его только черезъ сутки.

А другой, настоящій докторъ, который не захотѣлъ ѣхать, имѣя опасно больнаго въ Кирсановѣ, но которому онъ разсказалъ, въ какомъ видѣ находится его сынъ, Богъ вѣсть чего наговорилъ. Напугалъ онъ купца—страсть, и приказалъ прежде всего никакъ отнюдь не тревожить больнаго, не таскать съ мѣста на мѣсто, ибо главное дѣло спокойнѣ лежать.

Капитанъ былъ озадаченъ, не зная, что дѣлать: оставлять или спроваживать гостей. Однако вдругъ сразу обстоятельства совсѣмъ перемѣнились. Макарьевна заявила барину на ушко, что молодого купца грѣхъ отпускать, что онъ въ такомъ видѣ, что долженъ помереть. У него прямо Антоновъ огонь, коли не «узрѣшиха».

— Что такое?— ахнулъ капитанъ.—Узрѣшиха?
 — Такъ полагаю, Кузьма Васильевичъ?
 — Антоновъ огонь не только слыхалъ я, а и видѣлъ два раза въ Турецкую кампанію. А вотъ узрѣшиху никогда. Что это такое!..
 — Ужъ не могу, Кузьма Васильевичъ, сказать.
 — Какъ не можете! Сами говорите, да не знаете—что. Зря болтаете.
 — Воля ваша,—заявила Макарьевна ухмыляясь.—А я по совѣсти и Бога ради, Бога бояся, не прогнала бы умирающаго челоуѣка на улицу. Грѣхъ великій... Вспомните притчу Евангельскую о болѣющемъ.

— Какую?

Макарьевна тоже затруднилась объяснить, про какую она притчу напомнила, но прибавила:

— Поглядите сами больного, на его ногу взгляните разокъ, и васъ, знаю я, жалость возьметъ, потому что у васъ сердце золотое... А Анна Семеновна даже говоритъ, что у васъ сердце брилліантовое. Вотъ теперъ, говоритъ барыня, я бы обоихъ заѣзжихъ сейчасъ со двора сбывла, а мой Кузьма Васильевичъ, поглядите, возитъся съ ними будетъ по добросердію своему: ихъ бы въ три шеи, а онъ ласкать начнетъ.

Капитанъ, съ которымъ супруга за послѣднее время была чрезчуръ холодна въ обращеніи, любилъ, когда Макарьевна передавала ему что нибудь лестное, сказанное женой заглазно.

Капитанъ въ хорошемъ расположеніи духа отправился въ горницу жены посоветоваться, какъ быть.

Аннушка удивилась. Никогда мужъ не просилъ еще ни въ чемъ ея совѣта.

— Какъ тутъ быть? Разсудимъ. Я, какъ ты...

— Я не знаю, Кузьма Васильевичъ. Вы гостей не любите. А тутъ еще, какъ говоритъ Макарьевна, предсмертный гость.

— Это ничего, дорогая моя. Это Господь изъ милости къ намъ послалъ такого гостя!—вдругъ заявилъ капитанъ, будто рѣшаясь высказать нѣчто, что хотѣлъ было удержать про себя, какъ тайну.

— Изъ милости? Господь?—удивилась капитанша.

— Да, примѣта есть такая. Если въ домѣ чужой покойникъ, нежданный и незнаемый, то онъ якобы за хозяевъ помираетъ. Онъ какъ бы въ зачетъ идетъ. И сами-то они свои, стало быть, дольше проживутъ. Стало быть, я или ты дольше проживемъ.

Капитанша не отвѣтила, будто «себѣ на умѣ». Понравилось ли ей услышанное или нѣтъ, было неизвѣстно. Но она мысленно сказала себѣ:

— Если правда, что сказывала по секрету Макарьевна, якобы больной гость совсѣмъ загадка живая, то, конечно, надо его задержатъ. Любопытно, что изъ этого выйдеть.

Макарьевна, вызванная тоже на совѣтъ, твердила одно:

— Грѣхъ. Грѣхъ. Вспомните притчу евангельскую.

— Да. Примѣта вѣрная и хорошая. Чужой покойникъ въ домѣ—благодать!—думалъ капитанъ.

Иные люди, да въ иномъ мѣстѣ, да въ иное время, безъ сомнѣнія, при такихъ обстоятельствахъ, далеко не заурядныхъ, постарались бы какъ можно скорѣй сбить съ рукъ подобныхъ гостей, но капитанъ, супруга его и Макарьевна рѣшили вмѣстѣ совершенно обратно.

— Пускай у насъ помретъ, Богъ съ нимъ. Дѣло Богу угодное. Отпоемъ и похоронимъ!—сказали они: капитанъ искренно, а капитанша и Макарьевна «себѣ на умѣ».

Сходилъ самъ пандуръ поглядѣть на молодого купчика и подивился. Мододецъ чудно очень дышалъ, будто собака, пробѣжавшая нѣсколько верстъ. Не хватало только, чтобы онъ языкъ высунулъ и вывѣсилъ. Видъ раненаго былъ совсѣмъ жалкій и, конечно, ему недѣлю, а, можетъ, и всего дня четыре остается на свѣтѣ жить. Можетъ, Макарьевна и впрямь права, утверждая, что это узрѣшиха. Если капитанъ такого слова никогда не слыхалъ, то все-таки опасное положеніе больного было несомнѣнно.

— Можетъ быть, у него всѣ ребра переломаны,—подумалъ капитанъ.—Оттого и грудь болить и вздохнуть не можетъ.

Когда было рѣшено, что Пастуховъ съ сыномъ останутся въ усадьбѣ, то старику просто сказали: «покуда не оправится немножко молодець»... Сыну ничего не сказали. А сами хозяева съ приживалкой повторяли:

— Покуда не помретъ.

И всѣ были довольны, но менѣе всѣхъ старикъ Пастуховъ. Онъ, конечно, благодарилъ, но имѣлъ видъ растерянный отъ неудачи. Понятно, много любилъ онъ единственнаго сына, но дѣла его были настолько важны, денежныя и торговыя, что онъ на третій же день не усидѣлъ и, объяснившись съ капитаномъ, собрался уѣзжать, поручивъ сына добрымъ людямъ. А добрые люди, капитанъ и Макарьевна, горячо обѣщались купцу не отходить ни на шагъ и всячески беречь больного и ухаживать за нимъ.

— И всего-то еще на какихъ нибудь три-четыре дня ухода,—говорила Макарьевна.—Пріѣдетъ старикъ черезъ пять дней или шесть и попадетъ ужъ какъ разъ къ похоронамъ.

Старикъ Пастуховъ простился съ сыномъ и уѣхалъ, а больной остался умирать въ домѣ пандура. Макарьевна почти не отходила отъ него и сидѣла въ креслѣ около его постели цѣлыми днями, а ночью укладывалась спать на полу, подостлавъ матрацъ.

Капитанъ часто среди дня приходилъ посидѣть съ больнымъ; но бесѣдовать много было нельзя. Молодой купчикъ былъ слишкомъ слабъ и еле ворочалъ языкомъ и все дышалъ, какъ борзая послѣ погони за зайцемъ.

— Вотъ вѣкъ живи, вѣкъ учись!—думалъ и часто говорилъ женѣ капитанъ.—Узрѣшиха!? И не слыхивалъ.

Жена, однако, на это ни разу не отозвалась ни единымъ словомъ, а про себя думала:

«Дура Макарьевна. Нешто можно этакъ шутить. Скажи-ка вотъ кому это слово раза три, да повразумительнѣе, какъ разъ и догадается человѣкъ».

VI.

День за день, прошла цѣлая недѣля. Старикъ Пастуховъ не возвращался, никакого доктора не присылалъ. Капитанъ началъ даже тревожиться, не случилось ли чего съ Пастуховымъ. Можетъ быть, разбойники убили на дорогѣ. Онъ передалъ свои опасенія женѣ и Макарьевнѣ.

Женщины отнеслись къ этому безучастно.

— Намъ-то что же?—сказала Макарьевна.—Мы и безъ старика свое дѣло сдѣлали отлично.

— Какое дѣло?—спросилъ пандуръ.

Аннушка будто оторопѣла, а Макарьевна, улыбаясь, объяснила:

— Еще спрашиваете—какое? Выходили молодца его... Онъ скоро совсѣмъ поправится и можетъ уѣзжать... Ну, хоть черезъ недѣлю.

Дѣйствительно, у гостя врядъ ли были переломаны ребра, потому что онъ давно уже дышалъ, какъ слѣдуетъ, и только слабость удерживала его въ постели.

Конечно, капитану захотѣлось въ виду выздоровленія больного поскорѣе сбыть его съ рукъ. Ревнивцу было непріятно имѣть въ домѣ даже хвораго молодца и красавца. Жена видѣла купчика только разъ, когда его переносили изъ кабинета въ постель, но теперь... Теперь «глупыя мысли» одолѣвали капитана. Онъ за все это время, по давнишнему обычаю, всякій день выѣзжалъ изъ дому на часъ и два и по хозяйству и ради дозора въ лѣсной дачѣ, гдѣ участились за зиму порубки.

«Неужто за мое отсутствіе жена рѣшится навѣстить больного въ его комнатѣ?»—спрашивалъ себя ревнивецъ, но тотчасъ же отвѣчалъ себѣ, что это подозрѣніе совершенно нелѣпо съ его стороны.

Однако, изрѣдка Кузьма Васильевичъ на всякіе лады заговаривалъ и бесѣдовалъ съ женой о больномъ, надѣясь, что она по молодости и женской непонятливости проболтается и себя выдастъ въ чемъ нибудь.

Но ни разу ничего подобнаго не случилось.

Однажды капитанъ прямо спросилъ вдругъ у жены:

— А вѣдь, поди, любопытенъ тебѣ красавецъ молодецъ, что лежитъ у насъ въ домѣ?

Аннушка удивленно поглядѣла на мужа.

— Да и Макарьевна, небось, масла въ огонь подливаетъ. День денской о немъ тебѣ живописуетъ.

— Тутъ ли онъ, нѣтъ ли, мнѣ совсѣмъ любопытствія нѣтъ!— сурово отозвалась капитанша.

— Ну... А все-таки красавецъ!—задорно вымолвилъ онъ.

— Не примѣтила.

— Какъ не примѣтила? Зачѣмъ душой кривишь!

— Удивительно!—воскликнула вдругъ Анна Семеновна, какъ бы говоря сама съ собою, а не съ мужемъ.—Стало быть, встрѣнувъ всякаго мужика, всякаго холопа, должна дворянка разглядывать—красавецъ онъ или уродъ.

Капитанъ просіялъ, настолько эти слова были отвѣтомъ на его помышленія.

— Да, правда твоя. Купецкій сынъ...

— Лавочникъ! А отецъ его вольноотпущенный одной рязанской помѣщицы,—объявила капитанша.

— Онъ самъ это сказывалъ? Макарьевнѣ?

— Да... А вы спрашиваете еще красавецъ ли?

И Аннушка, будто совсѣмъ разобиженная, надула свои маленькія и хорошенькія алыя губки. Капитанъ полѣзъ цѣловаться, какъ бы прося прощенія, но жена только позволила себя поцѣловать, сама же дать поцѣлуй наотрѣзъ отказалась.

Послѣ этого объясненія прошло дня два, и капитанъ попрежнему спокойно отлучался изъ дому, зная, что обычное, но глупое и непонятное женское любопытство въ женѣ не существуетъ, и она не пойдетъ сидѣть у постели «лавочника» ради того, чтобы съ нимъ болтать. На третій день капитанъ проснулся ранѣе обыкновеннаго и тотчасъ, не будя жену, всталъ, одѣлся и вышелъ въ столовую... Онъ былъ сумраченъ. И не мудрено было ему подняться не въ духѣ. Онъ видѣлъ сонъ или, вѣрнѣе, видѣлъ, всякую чертовщину.

Ему приснилось, что больной купчикъ ходитъ по его дому, но не въ длинномъ кафтанѣ, а въ генеральскомъ мундирѣ, и обнявъ, даже облапивъ его маленькую Аннушку, цѣлуетъ ее и говоритъ ей, указывая на него, капитана: «Наплевать намъ на него! Онъ вѣдь собака на снѣгѣ!».

Пуще всего волновало и злило Кузьму Васильевича это выраженіе. Какъ могло таковое присниться.

«Не въ бровь, а прямо въ глазъ! А кто же этотъ неучъ и дуракъ? Никто. Сновидѣніе дурацкое. Стало быть, самъ же онъ этакое на себя взвелъ, покуда спалъ. Чудны сны бываютъ.

Послѣ полудня капитанъ въ виду хорошей погоды, яркаго солнечнаго дня съ легкой оттепелью, развеселился, забылъ о своемъ «дурацкомъ» сновидѣніи и предложилъ женѣ ѣхать кататься.

Аннушка заявила, что у нея голова что-то болитъ, и будто знобить, что она предпочитаетъ даже прилечь на постель...

Кузьма Васильевичъ даже встревожился, но затѣмъ, послѣ увѣреній Аннупки и Макарьевны, что ничего худого нѣтъ, успокоился.

Яркое солнышко и чудный день все-таки тянули его изъ дому. Поглядѣвъ, какъ жена прилегла на постель и тотчасъ задремала, капитанъ вышелъ изъ спальни, а чрезъ полчаса уже выѣхалъ въ своихъ маленькихъ саночкахъ...

Среди снѣгу и лѣса, подъ золотыми лучами солнца, вдругъ капитану представился золотой съ бѣлыми нашивками мундиръ генерала... генерала-лавочника, да еще говорящаго съ дерзкой усмѣшкой: «собака на снѣгѣ!».

И начало Кузьму Васильевича снова томить, какъ поутру, а затѣмъ начало что-то мутить и тянуть домой. Проѣхалъ онъ еще съ полверсты и не выдержалъ... повернулъ лошадь и припустилъ обратно въ усадьбу.

Чѣмъ ближе подѣзжалъ пандуръ къ дому, тѣмъ болѣе проникало въ него особое чувство, какого онъ никогда еще не испытывалъ. Пожалуй, раза два въ жизни испыталъ онъ его, но вѣдь при совершенно особыхъ и иныхъ обстоятельствахъ... Первый разъ это было въ первомъ сраженіи, когда еще онъ былъ 19-ти-лѣтнимъ сержантомъ. Второй разъ это было много позднѣе, при штурмѣ Измаила подъ картечью, когда онъ увидѣлъ, что изъ полсотни ближайшихъ офицеровъ и солдатъ онъ одинъ двигается, мыслить, остальные валяются и страшно стонуть или совсѣмъ молча лежать. Тогда Карсановъ зналъ, какое въ немъ чувство бушуетъ: страхъ, трусость.

А теперь почему же въ немъ то же чувство, то же боится онъ до смерти. Кого? Чего?

— Предчувствіе что ли?—бормоталъ капитанъ.—Глупости! Нѣтъ. Стало быть...

И онъ не могъ сказать, назвать, выяснить себѣ то, что смутно, какъ въ туманѣ, представлялось ему... Бдучи кататься, онъ все думалъ о женѣ, потомъ о больномъ, потомъ о старой Макарьевнѣ и вспоминая, вдумываясь, рассуждая, соображая, взвѣшивая онъ будто собралъ въ кучу сразу многое и многое... Не десятки, а, пожалуй, сотни всякихъ мелочей и пустяковъ. Слова, взгляды, недоумовки, улыбки... И еще что-то, непонятное и неуловимое, что призракомъ завелось и живетъ въ его домѣ...

— И не сегодня, не со вчерашняго дня, а давно!—бурчалъ онъ трусливо.—Ты видѣлъ и чувствовалъ все, Кузьма Васильевичъ, но будто не хотѣлъ уразумѣть и себѣ самому толково доложить, себя самого о бѣдѣ упредить.

Завидя свою усадьбу, старый пандуръ погналъ лошадь и отчаянно восклицалъ вслухъ:

— Да что же это? Да какъ же это? Какъ же раньше-то... раньше-то... Почему сейчасъ прояснилось? Все чужое наружу полѣзло и въ глаза бросилось.

VII.

Оставивъ лошадь за воротами двора и приказавъ попавшемуся подъ руку дворовому мальчугану держать ее до его возвращенія, капитанъ направился къ заднему крыльцу...

Когда онъ вошелъ въ людскую, то переполошилъ всю дворню своимъ неожиданнымъ появленіемъ и ради отвода глазъ сталъ выговаривать за нечистоплотность въ комнатѣ, а затѣмъ прошелъ далѣе...

Но капитанъ не зналъ, что горничная жены уже видѣла его въ окно и уже слетала предупредить: «баринъ!».

Когда Кузьма Васильевичъ очутился въ домѣ и прошелъ быстро въ комнату больного, то нашелъ его одѣтымъ и сидящимъ въ креслѣ. А поутру онъ былъ въ постели.

Капитанъ изумился, а купчикъ улыбался, глядя на него, да еще какъ-то странно, будто подсмѣивался.

— Что же это вы?—спросилъ капитанъ.

— Что-съ...

— Да вотъ... Были въ постели, когда я выѣхалъ, а тутъ вдругъ одѣлись и сѣли.

— Да-съ. Слава Богу, могу-съ.

— Можете?. А-а?..

— Мнѣ много лучше. Какъ-то даже сразу полегчало сегодня,— улыбаясь сказалъ молодецъ.

— Стало быть, теперь сидѣть будете?—угрюмо спросилъ Кузьма Васильевичъ.

— Да-съ. Надоѣло лежать...

Пандуръ помолчалъ и наконецъ сурово вымолвилъ, сдвигая брови.

— Сидѣть и въ кибиткѣ можно.

— Если прикажете, я соберусь... Я и такъ уже давно злоупотребляю вашимъ гостепріимствомъ. Что дѣлать, все задерживала узрѣшиха.

Особенно ли какъ произнесъ гость это слово, но капитанъ, мысленно повторивъ его, вспомнилъ другое слово, наименованіе: «узрѣшительница».

«Есть такая святая,—подумалъ онъ и тотчасъ же разсердился самъ на себя.—Тьфу! Во всякихъ пустякахъ сталъ выискивать разныя киванія на себя и жену».

Капитанъ прошелъ къ женѣ и нашелъ ее попрежнему на кровати, она дремала, но открыла глаза при его появленіи. Онъ объяснилъ, что вернулся вдругъ домой, безпокоясь тѣмъ, что она хвораетъ.

— Я здоровехонька,—отозвалась Аннушка.

— Да? Ну, вотъ и нашъ купчикъ здоровехонекъ! Стало, пора ему и со двора долой.

Аннушка не отвѣтила, смотрѣла равнодушно и разсѣянно.

Но капитанъ сталъ объяснять женѣ все-таки, что такъ какъ молодца они выходили, и онъ можетъ уже двигаться, — то нечего его удерживать.

— Вѣдь я призрѣлъ у себя умирающаго! — горячился капитанъ. — А если умиравшій теперь вовсе не собирается умирать, то почему же его у себя удерживать и за нимъ ухаживать. Усадьба дворянская — не больница и не перевязочный пунктъ. Богъ съ нимъ со-всѣмъ. Доѣдетъ теперь до Тамбова отлично и одинъ. Такъ ли?

Но жена, ни единымъ словомъ не отозвавшись на всѣ рѣчи мужа, молчала и теперь.

— Что же ты молчишь? — воскликнулъ капитанъ.

— Что же я буду говорить, — отвѣтила она. — Стоитъ того изъ-за всякаго лавочника себя утруждать.

— «Лавочникъ, да лавочникъ!» — сердито подумалъ про себя пандуръ. — «Не опасно, якобы и не сумнительно. А чѣмъ чортъ не шутить. Лучше спровадить...».

И онъ прибавилъ:

— Такъ я его спроважу... И сейчасъ... Ну его...

Аннушка не отвѣтила.

И воинъ, побывавшій во многихъ битвахъ со шведами, нѣмцами и турками, распорядился повоевному.

Черезъ два часа кибитка стояла у подъѣзда, а купецкій сынъ, нисколько не смущенный, благодарилъ чувствительно хозяина за гостеприимство и просилъ не поминать его лихою.

— Все это по волѣ Божіей... Узрѣшиха! — говорилъ онъ, ехидно ухмыляясь и вѣстѣ съ тѣмъ, какъ показалось капитану, будто облизываясь, точно котъ, мышей наѣвшійся по горло.

— Противъ узрѣшихи не пойдешь, господинъ капитанъ! — было опять его послѣднее слово уже изъ кибитки.

— «Тишунъ тебѣ на языкъ!» — думалъ капитанъ, провожая глазами выѣзжавшую со двора кибитку. Не нравилось ему это диковинное слово.

Была барыня-капитанша весела и довольна, покуда хворалъ въ домѣ молодой гость, а Макарьевна о немъ ей расписывала — и ждалъ пандуръ, что теперь жена, снова оставшись безъ забавы среди типины и глуши лѣса, опять затоскуетъ. Однако онъ ошибся.

Аннушка послѣ отъѣзда гостя была еще веселѣе, прыгала, напѣвала и на все была согласна, кромѣ одного — цѣловаться съ мужемъ.

Но чрезъ двое сутокъ ввечеру въ усадьбѣ произошло невѣроятное и поразительное событіе, даже два событія.

Въ полуверстѣ отъ усадьбы, среди полумрака лѣса, появилась и ждала тройка. Въ большихъ саняхъ сидѣлъ тотъ же молодой купчикъ, но уже обритый, безъ бороды и усовъ, и хотя былъ онъ въ

простожъ полушубкѣ и въ бараньей шапкѣ, но удивительно походилъ теперь на красавца-князя Девлетъ-Ильдишева, любимца свѣтлѣйшаго вельможи. Вскорѣ въ этомъ же мѣстѣ появились двѣ женскія фигуры, одна очень маленькая и быстрая въ движеніяхъ, а другая полная и грузная, едва ползущая по снѣгу.

— Слава Богу!—воскликнулъ поджидавшій.

Женщины сѣли въ сани. Молодецъ усѣлся на облучкѣ около ящика и... все исчезло!

И такъ исчезло, какъ только въ сказкахъ бываетъ!

Черезъ часъ послѣ исчезновенія тройки лихихъ коней въ усадьбѣ началось вдругъ сильное движеніе, бѣготня, оханье и сущій Вавилонъ.

Барыни не было нигдѣ... Капитанша пропала, какъ иголка. Оно, при ея маленькомъ ростѣ, было бы, пожалуй, и не мудрено, но здоревенная Макарьевна тоже пропала.

Старикъ пандуръ волновался, ничего не понимая, не зная, какъ объяснить шутку жены или прихоть... Хорошо ли въ поздній часъ ночи отлучиться погулять на деревнѣ! А здѣсь, въ лѣсу, оно было и опасно... Вокругъ и близко видали волковъ зачастую...

Обождая, обшаривъ всѣ мышиныя норки въ домѣ, во дворѣ и въ саду и вокругъ усадьбы, капитанъ сталъ терять рассудокъ и вдругъ побѣждалъ къ рѣчкѣ, на прорубь, гдѣ брали воду для хозяйства.

«Вѣдь она все грозилась прорубью этой?!».

Пандуръ не соображалъ, что найти кого либо, ухнувшаго въ прорубь, можно только весной, да и то не на самомъ мѣстѣ, а ниже, по теченію. Онъ тоже забылъ, что если его Аннушка и утопилась, то зачѣмъ же пригласила съ собой подъ ледъ и Макарьевну.

Однако, сама «правда» потихоньку стала приближаться къ разуму стараго ревнивца и стала выступать все ближе и яснѣе.

«Можетъ ли это быть?! Купецкаго сына на капитана?!.. Кукушку на ястреба?!».

«Да и былъ ли онъ боленъ!».

«А хворость смертельная, что именуется узрѣшихой... Узъ рѣшихой, узъ рѣшительницей. Ихъ узъ! Брачныхъ узъ!».

Пандуръ, дрожа всѣмъ тѣломъ, вернулся въ домъ, прошелъ въ спальню вѣроломной супруги и опустился грузно въ кресло.

«Это самое, гдѣ сидѣла часто старая бестія!».

«Да! Это все она старая. Все она...».

Все въ спальнѣ, будто подшучивая надъ бариномъ-помѣщикомъ, начало вдругъ подпрыгивать, плясать и вертѣться. Все пошло ходуномъ. Кровать, столъ, шкафъ, стулья...

Старикъ закричалъ...

Прибѣжавшіе на крикъ буфетчикъ и горничная увидѣли стараго барина на полу и посинѣлаго лицомъ. Горничная въ перепугѣ

бросилась звать людей, а буфетчикъ присѣлъ около барина на полу. Баринъ бормоталъ что-то и страшно глядѣлъ, а тамъ задергалъ правой рукой безъ толку, но наконецъ толку добился... Рука дернулась сильнѣе, къ самой груди, и онъ перекрестился.

Буфетчикъ перекрестился тоже и заплакалъ.

VIII.

Быль уже конецъ ноября.

Въ новомъ городѣ Екатеринославѣ, на постояломъ дворѣ, уже мѣсяцъ цѣлый пребывала парочка проѣзжихъ: молодой красавецъ-офицеръ изъ арміи князя Потемкина, а съ нимъ его сестра, провожающая его чуть не до самой границы Турціи, но ѣдущая собственно къ родственникамъ.

Это обстоятельство нисколько не удивляло хозяина двора и другихъ лицъ. Удивительно же было только то, что пріѣхала парочка и остановилась отдохнуть отъ дальняго пути, а живетъ почему-то уже двѣ недѣли. А главное, все ѣдутъ они, все собираются чуть не ежедневно, вещи укладываются и опять раскладываются. Будто малоумные, или имъ не хочется ѣхать, а надо...

И такъ прошелъ, шутка сказать, почти цѣлый мѣсяцъ.

Дѣйствительно, князь Девлетъ-Ильдишевъ и похищенная имъ Анна Семеновна Карсанова пріѣхали сюда и остановились, намѣреваясь пробить двое сутокъ. Но здѣсь въ тотъ же вечеръ бесѣда ихъ между собой, хотя и была послѣдетвіемъ многихъ бесѣдъ въ долгомъ пути, приняла совершенно неожиданный оборотъ. Какъ это случилось вдругъ, они и сами не знали.

Во время всего пути иносказательно, всякими намеками радовали они другъ друга и печалили. Все было ясно и въ то же время не совсѣмъ ясно. А тутъ вдругъ въ Екатеринославѣ совсѣмъ невзначай,—или ужъ время пришло,—объяснились они напрямки. И оказалось, конечно, что они, не зная, знали все и только боялись ошибиться. Оказалось, что въ пути они полюбили другъ друга, невѣдомо кто кого больше.

И вотъ, оставшись еще на лишнія сутки, потомъ еще на трое сутокъ, потомъ на недѣлю, они живутъ уже почти цѣлый мѣсяцъ. Временами они на седьмомъ небѣ, а временами задумчивы и грустны такъ, какъ если бы были самые несчастные люди на свѣтѣ.

— Хоть въ гробъ ложись!—воскликаетъ часто князь Девлетъ.

— Да я лучше на себя руки наложу!—опять повторяетъ Аннушка такъ же, какъ и своему мужу.

Только теперь причина совсѣмъ другая.

Пустились они въ путь, чтобы ѣхать прямо въ армію. Аннушка съ радостью согласилась бѣжать отъ мужа къ кому и куда бы то ни было. Прихоть вельможи, заставившая Девлета разыграть цѣлую

комедию, отпустить усы и бороду, нанять ловкаго старика въ Тамбовѣ для роли купца и отца—все это сначала испугало Аннушку.

Когда князь Девлетъ появился въ усадьбѣ, то осторожно сошелся прежде всего со своей сидѣлкой. Но дружба и полное согласіе между переодѣтымъ офицеромъ и Макарьевной установились тотчасъ же, такъ какъ Девлетъ подарилъ ей за хлопоты двѣсти рублей впередъ и обѣщалъ еще триста въ случаѣ удачи. Деньги, о которыхъ старуха и мечтать не могла, получая пять рублей жалованья отъ капитана, и, кромѣ того, мысль, что она будетъ стараться для именитаго вельможи съ одной стороны, а съ другой для любимой и несчастной барыни,—заставили Макарьевну ревностно, ретиво и ловко взяться за дѣло.

Самое мудреное было не сокрытіе тайны отъ стараго ревнивца: несчастный видъ ушибленнаго, фіолетовая нога и его удивительное дыханіе затмили собою все, что могло бы при иныхъ обстоятельствахъ броситься ему въ глаза, благодаря его подозрительности и извѣстной долѣ хитрости. Впрочемъ, ревнивцы, въ особенности старые, видятъ зорко за версту и ничего не видятъ подъ носомъ.

Самымъ мудренымъ оказалось успокоить, уговорить и убѣдить самую капитаншу, испуганную дерзостью предпріятія, дальнимъ путешествіемъ къ предѣламъ Турціи и въ особенности одной мыслью—вдругъ очутиться «предметомъ» свѣтлѣйшаго князя Таврическаго... Въ грезахъ это было дивомъ, счастьемъ... А наяву, въ дѣйствительности, оно было трепетно страшно, даже, пожалуй, страшнѣ нырка въ прорубь.

Однако, когда при первой же оглучкѣ мужа изъ дома Аннушка познакомилась съ красавцемъ офицеромъ, то дѣло представилось ей почему-то проще... Почти всякій день стала видаться она съ Девлетомъ, но искусно и осмотрительно, такъ что мужъ ни единого разу не накрылъ ихъ. И со всякимъ новымъ свиданьемъ согласіе и желаніе бѣжать съ нимъ все крѣпло, а затѣмъ стало представляться даже простымъ дѣломъ.

Послѣ бѣгства и уже въ пути Аннушка сдѣлала въ себѣ самой неожиданное открытіе. Она поняла то, что сначала только смутно знавала, будто сама себя обманывая. Она поняла, что положительно влюблена—и съ перваго дня знакомства—въ самого князя Девлета.

«А онъ?—спрашивала она мысленно и разсуждала:—онъ и не догадывается... Онъ исполняетъ порученіе своего начальника добросовѣстно и усердно, поэтому ему и на умъ не приходитъ, что онъ самъ можетъ понравиться... Но послѣ?.. Когда нибудь? Можетъ быть, онъ тогда иначе взглянетъ на нее... Макарьевна говорила: «дѣло не въ князѣ, вельможѣ». Дѣло въ томъ, что это единственный способъ стать свободной и счастливой въ новомъ замужествѣ.

— Блажной вельможа оплатитъ вамъ тѣмъ, что освободитъ отъ старика супруга,—говорила ей старуха.

Правда, онъ всемогущъ, а при такомъ положеніи дѣла, каково ея, расторгнуть бракъ даже легко. Карсановъ женился на ней полу-ребенкѣ, и хотя подобные браки бываютъ сплошь и рядомъ, но все-таки всегда брачующійся просить разрѣшенія митрополита, а иногда и синода. Капитанъ же ничего подобнаго не сдѣлалъ. Слѣдовательно разводъ съ нимъ, да еще при покровительствѣ Потемкина, самое простое дѣло. А такъ какъ прихотливый вельможа долго ее при себѣ не удержитъ, дастъ денегъ и отпуститъ, то она и выйдетъ замужъ, за кого пожелаетъ.

Въ Тамбовѣ пришлось ей по неволѣ разставаться съ Макарьев-ной, такъ какъ старуха рѣшила ѣхать опять въ Москву, чтобы спрятаться отъ капитана. И ради себя самой и ради сокрытія слѣдовъ Девлета съ Аннушкой. При прощаніи старуха сказала: «Смотри ты, въ сопровождающаго своего не втюрься!» И эти слова подлили масла въ огонь. Съ каждымъ днемъ въ пути она все менѣе и менѣе думала о вельможѣ и когда думала, то только пугалась и ужасалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ все «удивительнѣе» относилась къ спутнику.

И вотъ, когда они прибыли въ Екатеринославль, то она уже вполне ясно поняла, что просто была позарѣзъ влюблена въ красавца князя Девлета. Но на бѣду она узнала здѣсь, что онъ точно также безъ памяти влюбился въ «крохотулю» и «пандурочку» вельможи и готовъ второй разъ похитить ее. Послѣ искренняго обоюднаго признанія и перваго пыла на седьмомъ небѣ молодые люди очнулись и стали разсуждать о томъ, какъ быть. Положеніе было ужасное и безвыходное. Князь Девлетъ, конечно, не могъ теперь вести прихотливому вельможѣ въ полное распоряженіе ту, которая стала ему дороже всего на свѣтѣ.

Не везти ее къ Потемкину, вернуться обратно въ родные предѣлы, въ Москву или Петербургъ—можно бы было прожить спокойно съ полгода, ну, хоть годъ... А затѣмъ, конечно, будетъ Богъ вѣсть что... Погибель между двухъ враговъ—и стараго пандура и всемогущаго вельможи. Князь не проститъ такого поступка офицера и вездѣ достанетъ. Руки его долги... Не только изъ Москвы, изъ заморскаго края достанутъ онѣ человѣка и перекинутъ прямо въ Камчатку.

И вотъ влюбленная чета, безвыходно сидя въ комнатахъ большого постоялаго двора, ежедневно раздумывала и разсуждала, какъ быть, что сдѣлать, чтобы достигнуть счастья.

— Я лучше сто разъ утоплюсь, чѣмъ идти въ «забавницы» стараго вельможи,—разсуждала Аннушка въ отчаяніи.—Хорошо было мѣнять Кузьму Васильевича на свѣтлѣйшаго... А тебя промѣнять?.. Да на царя-салтана какого и то не промѣняю. Надумай, какъ спасись намъ. Надумай!

Но Девлетъ ничего надумать не могъ.

Бѣжать вмѣстѣ куда либо и выйти въ отставку заглазно, по

прошенію, невозможно. Свѣтлѣйшій догадается... Тогда онъ пропаль... Поѣхать одному въ армию и доложить, что не нашелъ онъ пандурочки? Тогда будетъ онъ въ опалѣ, а князь, ненавидящій всякія незадачи, еще пуще разгорится и пошлетъ въ воронежское и въ тамбовское намѣстничество другого, даже двухъ-трехъ другихъ посланцевъ... И что же они найдутъ и какой отвѣтъ привезутъ князю... Усадьбу пандура нашли, но уже бѣжала пандурочка съ молодымъ купцомъ... Съ какимъ? Гдѣ онъ? Розыскать! А въ Тамбовѣ три лица знаютъ, что былъ пріѣзжій князь Девлетъ, который противно дворянскому обычаю ходилъ въ недавно отпущенныхъ усахъ и бородѣ. Эти три лица даже ему были полезны въ розыскѣ... Они же его и продадутъ, узнавъ, что Девлетъ ихъ самихъ и князя обманулъ.

Ну, а если не пошлетъ свѣтлѣйшій князь розыскивать вновь пандурочку?.. Наврядъ! Но вѣдь самъ старый пандуръ, энергическій и упрямый, будетъ дѣйствовать, будетъ искать жену, поѣдетъ въ Петербургъ жаловаться самой царицѣ. Сто разъ въ минуты ревности говорилъ онъ это женѣ. И дѣло дойдетъ до слуха князя позднѣе. А развѣ можетъ Девлетъ хлопотать о разводѣ Аннушки съ мужемъ, когда похитилъ ее дважды, и у мужа, и у вельможи...

Вотъ тутъ и разсуди...

— Одно остается,—плакала Аннушка,—утопиться обоимъ.

Но Девлетъ находилъ, что это рѣшеніе дѣла—бабье. Надо до стигнуть счастья, а какое же счастье на днѣ рѣки.

Наконецъ, однажды князь Девлетъ вдругъ взволновался страшно... Голова его давно трещала отъ думанья и исканія выхода изъ мудренаго положенія и наконецъ въ ней стало все какъ-то перепутано и темно...

А вдругъ теперь сразу стало свѣтло!

Онъ придумалъ, какъ избавиться отъ прихоти вельможи, какъ спасти дорогую Аннушку и въ то же время, разведя ее съ мужемъ при помощи всемогущаго князя, назвать своей женой... Да, онъ дивно придумалъ!.. Если же выдумка и не удастся тотчасъ, то по крайней мѣрѣ дѣло затянется на четыре или пять мѣсяцевъ... А тамъ, что Богъ дастъ!.. Прихоти свѣтлѣйшаго быстротечны...

Девлетъ передалъ и объяснилъ Аннушкѣ свою выдумку...

Она ахнула, потомъ одобрила выдумку.

— Опасно! Страшно шутить съ Потемкинымъ. Но что же дѣлать! Другого спасенія нѣтъ!

Такъ рѣшила влюбленная чета.

IX.

Тотъ же иноземный край, откуда лѣтомъ выѣхалъ посланцемъ красавецъ князь Девлетъ за пандурочкой... Но бѣлый снѣговой покровъ, который окуталъ теперь всю Русь, здѣсь нѣсколько разъ ложился на землю и окутывалъ ее, но все напрасно... Золотое солнце такъ весело сверкаетъ съ неба и такъ поглядываетъ, будто смѣючись, что за ночь все увернувшій бѣлый саванъ къ полудню начиналъ будто плакать въ три ручья... И каждый разъ снѣгъ, желавшій сдѣлать изъ осени зиму, дѣлалъ изъ осени весну.

Городъ этотъ побольше, но того же характера, съ тѣмъ же смѣшаннымъ населеніемъ... Домъ, гдѣ помѣщался главнокомандующій, большихъ размѣровъ, роскошнѣе убранъ, а залъ, гдѣ всякое утро собиралась масса военныхъ, свита, пріѣзжіе изъ дѣйствующей арміи и пріѣзжіе изъ Россіи, — большой, свѣтлый съ бѣлыми колоннами подъ мраморъ и въ два свѣта.

Однажды въ толпѣ явившихся и ожидавшихъ пріема очутился и красавецъ офицеръ.

О Девлетѣ уже доложили свѣтлѣйшему давно, какъ о вернувшемся изъ Россіи курьерѣ, но онъ, ожидавшій быть принятымъ тотчасъ же, — ждалъ уже второй часъ.

Прошло и три часа... Пріемъ кончался, а его, Девлета, князь не спросилъ. Вѣроятно, просто забылъ... Наконецъ пріемъ кончился.

Офицеръ снова напомнилъ о себѣ чиновнику изъ канцеляріи, замѣнявшему адъютанта, и тотъ, объяснивъ, что уже докладывалъ князю о вернувшемся гонцѣ, рѣшился снова доложить.

— Пожалуйте! — вышелъ онъ изъ кабинета.

«Помяни Господи царя Давида и всю кротость его!» — мысленно проговорилъ Девлетъ и въ какомъ-то чадѣ страха и волненія переступилъ порогъ и очутился въ большой комнатѣ.

Свѣтлѣйшій сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ за кѣпой бумагъ...

Девлетъ сталъ у дверей... Князь долго читалъ одну бумагу и наконецъ, бросивъ ее, вскрикнулъ:

— Иуды... Вездѣ Иуды!.. Около Христа одинъ на дюжину былъ Искаріотъ, а около нея въ Питерѣ — дюжина въ дюжинѣ.

Затѣмъ князь, окинувъ комнату глазами, замѣтилъ какого-то офицера.

— Тебѣ что? — рѣзко вымолвилъ онъ, не глядя.

— Вернулся сегодня, ваша свѣтлость, и тотчасъ же имѣю честь явиться.

Князь между тѣмъ разсѣянно искалъ что-то глазами на столѣ.

— Вернулся? Откуда?

— Изъ російскихъ предѣловъ.

— Ну, хорошо. Что же?..
 — Исполнивъ ваше порученіе, я...
 — Какое порученіе? — спросилъ князь, найдя и просматривая листокъ съ колоннами цифръ.

— Вы изволили меня посылать...

— Тебя?.. Васъ?.. Да ты...

Свѣтлѣйшій бросилъ листокъ на столъ и присмотрѣлся внимательно.

— Ай, батюшки свѣты! Девлетъ! — воскликнулъ князь. — Не узналъ. Даже по правдѣ чуть не забылъ, что ты и на свѣтѣ есть, то бишь — еси! Ну, здравствуй, Девлетка! Что скажешь?.. Я тебя, говоришь, посылалъ въ Россію?.. Когда? Давно, знать...

— Лѣтомъ еще... Но порученіе мое было таково затруднительно, что я...

— Какое порученіе?

Девлетъ удивился въ свой чередъ.

— Вы изволили приказать розыскать въ Воронежскомъ и въ Тамбовскомъ намѣстничествахъ нѣкую особу молодую, которую изволили встрѣтить въ степяхъ Малороссіи, путемъ...

— Что? Что-о? Ну, ну...

— Вотъ я нынѣ эту пандурочку самую...

— Что за околесная... Какая, чортъ, пандурочка? Что такое? Собаченка, что ли?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— А! Помню... Вспомнилъ... Караковая! Киргизка, что мнѣ подарилъ Нарышкинъ. Ну? Привель? Дошла благополучно...

Девлетъ стоялъ, совсѣмъ разинувъ ротъ, но страшно волновался и почти тряся, какъ въ лихорадкѣ. Врагъ человѣческій будто науськивалъ его отвѣчать князю:

«Точно такъ-съ. Караковая. Привести не удалось. Околѣла въ Кишиневѣ!»

Но вмѣсто этого онъ выговорилъ чрезъ силу:

— Никакъ нѣтъ-съ. Пандурочка — жена капитана пандурскаго полка, Карсанова, кою вы приказали мнѣ розыскать и доставить...

— Жена капитана? Доставить... Пандурочка? — заговорилъ Потемкинъ, растягивая слова и какъ будто съ трудомъ соображая и припоминая вмѣстѣ...

— Въ пути, на станціи, въ Малороссіи... началъ было Девлетъ, но князь вскрикнулъ...

— Вспомнилъ! Вспомнилъ... Крохотуля!

— Такъ точно-съ.

— Вѣрно, вѣрно. Помню. Какъ не помнить! Хорошо даже помню. Глазки такіе... Ну... мышинные. Да и вся съ мышенка. Помню... Прелесть... Ну, что же? Я приказывалъ, говоришь, доставить ее сюда ко мнѣ?

— Такъ точно-съ.

— Вотъ этого хорошо не помню. Да все равно...

— Вотъ-съ я, по вашему приказанію...

— Ну? Доставиль?

— Доставиль... Дѣло было мудреное, ваша свѣтлость... Но, благодаря Бога, все удалось.

— Рассказывай. Что и какъ!..

Князь оживился и улыбался.

Девлетъ-Ильдишевъ передалъ подробно всѣ свои приключенія и хлопоты съ самаго начала поисковъ въ Воронежѣ и до похищенія пандурочки при помощи переодѣванья и всякихъ хитростей.

— Молодецъ! Ей-Богу, молодецъ!—воскликнулъ князь, добродушно смѣясь... Только на театрѣ такое бываетъ... Въ балетахъ... А вѣдь я, Девлетка, не повѣришь, забылъ совсѣмъ... Съ той поры, что тебя послалъ, ни одинаго-то разу не вспомнилъ... Разъ какъ-то вспомнилъ: гдѣ мой Девлетка? Куда провалился?.. Хотѣлъ у Попова спросить, да тоже забылъ... А выходитъ вонъ что... Ну, что же эта пандурочка—такая же шармантная?.. Радъ буду... Ей, Богу, радъ буду...

Девлетъ разинулъ ротъ что-то сказать, но поперхнулся, а за тѣмъ, справившись, выговорилъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Опасаюсь я только, что вашей свѣтлости будетъ непріятно узнать, что...

— Что такое?

— Капитанша Карсанова попрежнему изъ себя пригожа, хотя малость и измѣнилась въ лицѣ отъ нѣкоторой причины.

— Подурнѣла?

— Такъ точно-съ. Малость.

— Отчего?

— Отъ женскихъ причинъ... Такъ сказать, отъ супружескихъ причинъ...

— Что? Говори! Ни чорта не понимаю.

— Она находится въ такомъ положеніи.

— Въ какомъ? Больна? Печальна?

— Въ тяжеломъ положеніи.

— Да изъ-за какихъ причинъ?

— Супружескихъ... Ваша свѣтл...

— Супружескихъ?..

Наступило молчаніе. Князь удивленно глядѣлъ на офицера, ничего не понимая, а Девлетъ въ крайнемъ волненіи все будто собирался что-то сказать еще и не имѣлъ духу вымолвить.

— Да хочешь ты или нѣтъ говорить толкомъ!—воскликнулъ наконецъ князь уже сердито.

— Капитанша Карсанова въ настоящее время находится уже

на пятомъ мѣсяцѣ. Вотъ по сему... вашей свѣтлости, я и полагаю, это обстоятельство...

— Батюшки свѣты!—закричалъ вдругъ Потемкинъ на весь домъ и, вскочивъ съ мѣста, быстро подошелъ къ Девлету. Молча постоявъ нѣсколько мгновений предъ офицеромъ, онъ вдругъ разразился громкимъ раскатистымъ смѣхомъ...

— Ой! Ой!.. Батюшки мои... Да что же... Ой!

Онъ двинулся, упалъ на турецкій диванъ и, продолжая хохотать, выговаривалъ чрезъ силу...

— Ой! Умориль... Ой, батюшки... Да какъ же... Да какъ же ты... Такъ зачѣмъ же!.. Ой, Господи... Ой!.. Умру...

Девлетъ стоялъ, нѣсколько оживившись, бодрѣе и веселѣе смотрѣлъ.

Наконецъ, князь пересталъ охать и хохотать, отдышался, утеръ слезы на глазахъ и послѣ новаго конечнаго и краткаго припадка смѣха произнесъ утомленнымъ голосомъ:

— Какъ же ты ее привезъ? Дурень. Вѣдь ты похитилъ у пандура наслѣдника. Чужихъ женъ воровать можно. А чужихъ дѣтей воровать законъ воспрещаетъ. А?

Девлетъ молчалъ и едва замѣтно улыбался.

— Она, можетъ, еще, пожалуй, съ двойней. Я тебѣ указывалъ пандурочку привезти, а ты мнѣ съ ней еще парочку пандурчать прихватилъ... Ой, батюшки!..

И неудержимый смѣхъ началъ снова душить князя.

— Ой, вотъ одолжилъ-то... Батюшки... Зови Попова... Надо ему рассказать... Этакое всѣмъ... Надо всѣмъ рассказать. Стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а этакое не бывало... Ай, да похититель... Чужую жену съ потомствомъ увезъ... Для заселенія Молдавіи... Колонію привезъ! Съ партией переселенцевъ пріѣхалъ... Зови. Зови... Попова зови... Ой, батюшки!..

Девлетъ вышелъ, а князь снова раскатисто захохоталъ и легъ на диванъ въ изнеможеніи.

— Ой, умру!.. слышалъ офицеръ чрезъ затворенную имъ дверь.

X.

Когда Девлетъ-Ильдишевъ привелъ Попова къ князю и затѣмъ по его приказу снова рассказалъ все, «не забывая впередъ», а какъ слѣдуетъ «по порядку», то снова въ кабинетъ долго гудѣлъ смѣхъ.

— А? Каковъ гусь? Разсуди, Василій Степановичъ. Да ты пойми. Раскуси!—смѣлся князь.—И мой, да и Господень указъ заразъ исполнилъ Девлетка. Да какъ же? Плодитесь и множитесь, указалъ Господь. Вотъ онъ, гусь лапчатый, и восхотѣлъ, чтобъ это у меня въ главной квартирѣ арміи и въ моихъ именно апартаментахъ

происхожденіе имѣло... А? Хорошо? Ай да повѣренный... А я-то у него вышелъ, что въ картахъ: король, дама самъ третей, а то и самъ пять.

И князь началъ острить еще болѣе рѣзко, выдумывалъ не вѣсть какія послѣдствія отъ диковиннаго казуса, такъ что наконецъ не только Поповъ, но и самъ Девлетъ невольно началъ хохотать.

— Да, стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а второго этакого похищенія не приключится,—серіозно выговорилъ наконецъ князь, уже утомясь острить и смѣяться.

— Это точно-съ. Конечно,—отозвался Поповъ улыбаясь.—Но виноваты вы, а не Девлетъ. Вѣдь обыкновенно, изволите видѣть, бываетъ на свѣтѣ не такъ... Похищаютъ люди чужихъ женъ всегда сами и для себя... Ну, они при ближайшемъ знакомствѣ и сугубомъ вниманіи оплошать и не могутъ... Да и вольны — какъ имъ быть. А вѣдь тутъ все было по порученію и указу начальства... Указано было князю Девлету: ступай и похищай. Ну, вотъ онъ въ точности все и исполнилъ. Не его дѣло было разсуждать и въ разсмотрѣніе обстоятельствъ входить... противорѣчивыхъ и неподходящихъ... Указано свыше! И амиѣ! Ну, вотъ вмѣсто любовнаго приключенія и вышло, какъ вы изволите сказывать—король, дама самъ третей... Или въ нѣкоемъ родѣ переселеніе народовъ... Этакое косвенное намѣрѣніе колонизаціи Молдавіи русскими выходцами, да еще близнецами...

Князь хотѣлъ было разсмѣяться, но уже не могъ, а только поморгалъ глазами.

— Да. Авантюръ! Ну, что же?.. Дай ему опять денегъ. Пускай опять путешествуетъ... А ты собирайся тотчасъ же, Девлетушка...

— Куда прикажете?—робко вымолвилъ офицеръ.

— Куда? Еще спрашиваетъ, гусь. Обратнo, восвояси. Вези назадъ!

— Въ Тамбовское намѣстничество?—съ дрожью въ голосѣ произнесъ офицеръ.

— Понятно. Откуда взялъ, туда въ цѣлости обратнo и доставь. А предъ супругомъ извинись, скажи, виноватъ, обмахнулся... Однако, шутки прочь... А ты въ самомъ дѣлѣ доставь ее до Тамбова, самъ ея супругу на глаза не кажись, чтобы не убилъ, а въ городѣ все-таки обожди, чтобы узнать, какъ все обошлось, а самъ пріѣзжай сюда... Въ другой разъ я тебя, будь спокоенъ, женъ красть посылать не буду, а то ты, пожалуй, обезлюдишь всю матушку Россію и заселишь россиянами всю Турцію. Ну, маршъ... Добраго пути и удачи...

Девлетъ поклонился и вышелъ вонъ, а чрезъ нѣсколько минутъ не шелъ, а бѣжалъ по улицамъ города. Лицо его сіяло безмѣрнымъ счастьемъ и восторгомъ.

А князь говорилъ между тѣмъ Попову:

— Ну, а не приметъ ее обратнo пандуръ? Что тогда? А?

Поповъ развелъ руками вмѣсто отвѣта.

— Что тогда дѣлать съ ней? Опозорена и погублена зря.

— Разведутся, а она выйдетъ опять замужъ. Вы же пожалуете ей пятьдесятъ душъ крестьянъ за безпокойство и на счастье, чтобы мужа другого найти...

— Радѣхонекъ буду. Хоть и безъ вины виноватъ. Дамъ сто душъ! Въ Новороссіи земли дамъ.

— Но, однако, думается мнѣ, что все обойдется. Старый пандуръ ее, небось, обожаетъ, да и ради своего пандурченка будущаго смиляется. Да ничего съ ней худаго и не было. Только пропутешествовала капитанша. Можетъ поклясться мужу, что была и осталась благовѣрной его.

— Такъ-то такъ... Если смиляется... Ну, а не приметъ, говорю. А?

Поповъ пожалъ плечами и молчалъ.

— А другой никто не захочетъ жениться на опозоренной, что у мужа увозили, да еще ему и назадъ доставили: на-те, молъ. Больше не требуется... Вѣдь тогда она на всю жизнь несчастная. Скажи-ка... А?.. Грѣхъ, такъ-то...

Поповъ все молчалъ, но вдругъ разсмѣялся попрежнему звонко.

— Что ты?.. Что?

Поповъ выговорилъ сквозь смѣхъ.

— Женить на ней... самого...

— Кого?

— Похитителя...

Князь фыркнулъ и разсмѣялся, но уже усталымъ смѣхомъ.

— По дѣломъ вору и мѣка, — сказалъ Поповъ, — то, бишь, женитьба. Не воруи даму самъ пять.

А между тѣмъ князь Девлетъ, пробѣжавъ нѣсколько улицъ города, вихремъ влетѣлъ въ домъ, гдѣ остановился со своею Аннушкой.

Она, слышавъ его быстрые шаги, обмерла, хотѣла встать, идти на встрѣчу и не могла.

— Все пропало... Требуется къ себѣ...—выговорила она вслухъ...

Девлетъ вбѣжалъ въ комнату, гдѣ она сидѣла, подбѣжавъ, схватилъ ее въ объятія и началъ безумно дѣловать...

— Что? Что? Что?—повторяла она чужь, что все сошло благополучно.

— Приказалъ назадъ везти!—закричалъ онъ.

— Куда?

— Къ Кузьмѣ Васильевичу твоему...

— Не хочу! Не хочу! Лучше смерть!..—вскрикнула Аннушка.

— Глупая! Ничего не смыслишь. Моя ты теперь...

И Девлетъ рассказалъ и объяснилъ все...

— Стало быть, все слава Богу?—спросила она.

— Понятно. Надо только скорѣе уѣзжать, а оттуда я отпишусь, что Кузьма Васильевичъ тебя не хочетъ принять... А тамъ чрезъ полгода опять напишу, буду просить позволенія изъ жалости на тебѣ жениться, изъ-за якобы совѣсти. Сгруппилъ самъ и каюсь, молъ...

— Ты такъ и сказалъ—на пятомъ мѣсяцѣ.

— На пятомъ! Что смѣху было... А я думалъ, бѣда будетъ. А только смѣхъ былъ.

— Ну, слушай, милый, что я скажу тебѣ теперь, благо, все слава Богу... Оно—правда.

— Что?

— На пятомъ — выдумка ради себя спасенія, а на первомъ... Ну, понялъ что ли, глупый?

И Аннушка подпрыгнула, повисла на шеѣ князя Девлета и начала цѣловать его въ губы, въ глаза и по всему лицу.

— Надо скорѣе съ глазъ долой, а тамъ хлопотать разводиться и вѣнчаться! — радостно воскликнула она. — Вѣдь вотъ, Господи, судьба-то... Воровалъ ты меня по службѣ, по указу начальства, а уворовалъ для себя...

— Боюсь я... Вдругъ раздумаетъ и потребуетъ онъ тебя къ себѣ... поглядѣть...

— Ну, подушку и пристрою... И сойдетъ. Да носъ себѣ свеклой вымажу. Да, буду душой пѣтой сидѣть и глаза таращить. А то чесноку наѣмся, такъ чтобы всю его горницу насквозь продушить.

— Все лучше—скорѣе отсюда подальше.

И офицеръ снова побѣжалъ въ канцелярію главнокомандующаго, гдѣ тотчасъ же получилъ пять сотъ рублей на дорогу, но при этомъ выслушалъ и неожиданное, поразившее его предложеніе Попова.

— Будутъ коли еще нужны деньги,—заговорилъ онъ,—напишите... Князь приказалъ выдавать, сколько бы ни потребовалось. А главное вотъ что, голубчикъ... Если капитанъ краденую жену отринетъ и вновь назадъ принять не пожелаетъ, то ей надо хлопотать о разводѣ, а затѣмъ искать себѣ жениха и второго мужа... А когда она такового найдетъ, то князь ей пятьдесятъ душъ подарить въ приданое. Такъ рѣшено. Будь вы человѣкъ усердный и понятливый, то вы бы такой оказіи князю услужить и себя оправдать никакъ стороною не обѣжали бы...

Девлетъ не понялъ и попросилъ разъясненія.

— Да вотъ взяли бы да сами и женились на этой пандурочкѣ, принявъ всю вину на себя... А то вотъ пронюхаетъ пандуръ всю правду, бросится, пожалуй, въ Петербургъ жаловаться, шумѣть... Беременную жену увезли. Узнается тоже и «тамъ», что князь посылалъ васъ воровать пандурочку... Ему это все, да еще даромъ, безъ всякой пользы, неприятно... Все бы уладилось просто и сразу, еслибъ вы сами повѣнчались съ этой крохотулей. А что наслѣдникъ будетъ у васъ не собственный... что за важность! Подумайте-ка.

Одолжить нашего князя—великая польза бываетъ. Онъ зло плохо помнить, а на добро памятенъ.

Девлетъ вздохнулъ, потупился и, опутивъ глаза, выговорилъ почтительно:

— Доложите князю, что все такъ точно и будетъ. Или капитанъ приметъ супругу обратно, да еще честно и кротко, либо она будетъ княгиней Девлетъ-Ильдишевой, а самъ свѣтлѣйшій, подавъ помощь въ дѣлѣ развода, общается быть посаженнымъ отцемъ...

— И крестнымъ отцомъ!—воскликнулъ Поповъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ!.. будто испугался офицеръ.—Этой чести я не прошу... Развѣ что послѣ, для второго ребенка, настоящаго...

— Вѣрно! Вѣрно... Да, впрочемъ, Богъ милостивъ, старый пандуръ проститъ молоденькую жену. Вотъ вы тогда и въ барышахъ полныхъ... Усердіе свое показали теперь же, а жертвовать собой не придется... Ну, съ Богомъ въ путь. А я доложу.

Когда Девлетъ выходилъ изъ комнаты, Поповъ, усмѣхаясь, крикнулъ ему въ догонку:

— А все-таки скажу: какъ это было не доглядѣть и чужую жену увозить... съ потомствомъ...

Офицеръ, странно смѣясь, отозвался съ порога:

— На всякаго мудреца довольно простоты.

XI.

Прошло полгода... Былъ май мѣсяцъ. Петербургъ только что начиналъ одѣваться зеленью, но въ саду Таврическаго дворца уже была настоящая весна въ расцвѣтѣ, пахло травой и листвою.

Въ самомъ дворцѣ, казалось со стороны, происходитъ что-то необычайное, рѣдкое, торжественное. Пиршество или празднество по случаю праздника или дня ангела...

Въ дѣйствительности не было ничего особеннаго, а заурядное и ежедневное явленіе, къ которому весь Петербургъ уже давно привыкъ.

У свѣтлѣйшаго князя Таврическаго былъ простой приемъ... Но дѣло въ томъ, что весь Петербургъ, а за нимъ пріѣзжая Москва, а за ними и пріѣзжая провинція отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ польскихъ предѣловъ до уральскихъ, заливали людскими волнами стѣны дворца всемогущаго вельможи... Всѣ залы были переполнены военными и гражданскими чинами, гдѣ все перемѣшалось въ яркую радужную толпу, гдѣ толклись рядомъ и генераль, и капраль, и сенаторъ, и регистраторъ земскаго суда, и купецъ въ длиннополомъ кафтанѣ и въ бородѣ... А среди нихъ и посланники, и дипломатическіе агенты, и гонцы разныхъ иноземныхъ государствъ, которые «искали» у свѣтлѣйшаго болыпе, чѣмъ у самой царицы.

Если она общается что либо, то прежде, чѣмъ рѣшить, посовѣтуется съ нимъ: нужно ли? Если онъ что общается, то прежде, чѣмъ рѣшить, доложить ей, что такъ надо и слѣдъ.

Прошелъ уже часъ, что Таврической дворецъ открылъ свои двери гостямъ и просителямъ, но князь Таврической все еще не открывалъ дверь своего кабинета...

Наконецъ, изъ этой двери вышелъ Василій Степановичъ Поповъ и, смѣшавшись съ толпой, здоровался кругомъ себя, кланялся или кивалъ головой. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ озирался пытливо, будто искалъ кого глазами.

Наконецъ, онъ улыбнулся и двинулся къ угольному окну, гдѣ стоялъ, стиснутый другими, молодой и красивый офицеръ...

— Князекъ!—позвалъ онъ... Васъ ищю, сударь мой. Еле узналъ. У-у! Постарѣлъ молодецъ! Да и давно, впрочемъ, не видались. Пожалуйте...

— Къ князю?—отозвался офицеръ, радостно удивленный.

— Вѣстимо... Дивитесь, что васъ перваго желаетъ видѣть Григорій Александровичъ. Что-жь? По заслугѣ. Забыли, что я тогда сказывалъ, что онъ на добро, а не на зло сугубо памятенъ...

Оба двинулись къ дверямъ кабинета, и Поповъ по дорогѣ спросилъ:

— Какъ здоровье супруги?

— Слава Богу,..

— А вашего... Ну, все-таки надо сказать: вашего... наслѣдника? Или дочки, можетъ быть...

— Только еще ожидаю таковыхъ... Богъ дастъ чрезъ три мѣсяца буду отцомъ...

— А тотъ-то... Ну, что прихватили тогда по недосмотру... Пандурченокъ?

— Тотъ, видите ли... Тотъ, какъ бы сказать... Ужъ очень заспѣшилъ на свѣтъ прійти... Ну, и...

— Померъ? За отцемъ послѣдовалъ...

— И не жилъ!

— Да. Вотъ что! Однако, надо сказать, что если онъ и не жилъ и, стало быть, не мыслилъ, а все-таки умно поступилъ.

Оба разсмѣялись и вошли въ кабинетъ князя.

Чрезъ полчаса, покуда сотни гостей, сановниковъ и просителей, и сильныхъ міра и маленькихъ людей терпѣливо ждали, князь Девлетъ стремительно вышелъ отъ вельможи радостный и сіяющій съ бумагой въ карманѣ.

Свѣтлѣйшій наградилъ поцарски. Сто душъ крестьянъ въ Бѣлорусси, чинъ капитанъ-поручика и двѣсти червонцевъ на будущій зубокъ будущихъ князька или княжны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ несъ нижайшій поклонъ свѣтлѣйшаго почти незнаемой имъ, но не мало потѣшившей его, княгинѣ Девлетъ-Ильдишевой.

XII.

Прошла недѣля. Въ одномъ изъ переулковъ около Казанскаго собора, въ небольшой квартирѣ сидѣли въ своей спальнѣ мужъ и жена—князь Девлетъ и крошечная княгиня...

Съ ними, вѣроятно, случилось какое нибудь несчастье, у нихъ было, очевидно, какое-то горе. Князь сидѣлъ, опершись локтями на столъ и сжимая голову въ рукахъ, какъ бы въ страшной заботѣ, а то и въ отчаяніи. Она сидѣла у окна въ креслѣ и грустно, не спуская глазъ, смотрѣла на мужа.

— Да. Грѣхъ и мерзость...—выговорилъ онъ.—Все есть, все на лицо... И убійство, и мошенничество, и обманъ и подлость... Все есть... Послѣ этого всего—счастья въ жизни не жди. Господь такихъ наказываетъ. Того дѣла поправить нельзя, мертвого не воскресишь... Я утѣшаюсь тѣмъ, что тогда жестокосердо поступилъ съ старикомъ, дѣйствуя не для себя. Тогда я еще тебя не любилъ и того всего предвидѣть, что приключилось, не могъ. Но теперь... Вотъ это поступленіе съ благодѣтелемъ, съ человѣкомъ и вельможей, отъ коего я, кромѣ чести и ласки, ничего не видалъ, мерзко, подло и даже грѣхъ... Не уступать тебя ему и взять хитростью?.. Не удовлетворить прихоти, чтобы спасти свое добро, свое счастье?.. Пожалуй, даже слѣдовало. И совѣсть молчала... А теперь... Получить награду отъ человѣка за то, что обманулъ и насмѣялся надъ нимъ?.. Не могу и не могу...

И Девлетъ глубоко вздохнулъ, всталъ и началъ взволнованно шагать по маленькой комнатѣ взадъ и впередъ...

— Въ десятый разъ сказываю тебѣ,—вымолвила княгиня... Не ходи самъ... Напиши, все расскажи и откажись отъ награды, отъ всего. А тамъ убѣжимъ куда. На край свѣта. Авось не розыщутъ... А если и розыщутъ по его приказу, то что же онъ сдѣлаетъ. Ты не его жену законную укралъ... Ну, въ Сибирь соплеть... И тамъ люди живутъ. А я такъ полагаю, что за чистосердечное признаніе и отказъ отъ награды не заслуженной онъ оплатитъ молчкомъ, а не мщеніемъ.

Наступило молчаніе. Князь походилъ еще съ полчаса, волнуясь и вздыхая, и наконецъ воскликнулъ:

— Не могу... Рѣшено! Укладывай пожитки, а я сяду писать...

— Слава Богу! По крайней мѣрѣ конецъ мученіямъ,—отозвалась она.

— И начало страхамъ!—прибавилъ онъ.—Да, онъ такъ не оставить. Онъ прикажетъ насъ розыскать въ Петербургѣ, а когда не найдутъ, укажетъ розыскъ по всѣмъ трактамъ почтовымъ. Да это что... Не сейчасъ, не теперь, такъ черезъ мѣсяць, ну, чрезъ полгода, ну, черезъ годъ... а все-таки розыщеть и угонить въ Сибирь или засадить въ Шлиссельбургскую крѣпость.

— Мнѣ этого сердце не говоритъ... Да и беззаконіе было бы это...
 — Э-эхъ, бабы... Не знаешь ты ничего. А я самъ на службѣ и знаю, что творится по волѣ сильныхъ людей... Теперь вотъ одинъ въ Шлиссельбургѣ уже второй годъ сидитъ за то, что онъ только... Ну, да что зря болтать!.. Рѣшено и конецъ. Укладывайся, а я мигомъ все на бумагѣ изложу. Сами выѣдемъ на Ригу, а письмо оставлю, чтобы подали свѣтлѣйшему черезъ три дня...

Въ тотъ же вечеръ бричка съ верхомъ, тройкой почтовыхъ лошадей выѣзжала въ Нарвскую заставу. Въ ней были бѣглецы отъ гнѣва всесильнаго вельможи.

ХІІІ.

Когда послѣ быстрого пути безъ остановокъ мужъ и жена очутились въ гостиницѣ среди чужихъ людей и по норову и по языку, — въ Петербургѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, среди кипы бумагъ, полученныхъ въ этотъ день, была бумага, краткая, исписанная лишь на полтора страницахъ...

Вельможа, прочитавъ ее, перечелъ снова и, не обращая вниманія на слѣдующія за ней, всталъ и началъ ходить по кабинету...

— Эй, кто тамъ!—крикнулъ онъ наконецъ громко. На порогѣ появился молодой чиновникъ, недавно поступившій въ канцелярію, сынъ родовитыхъ дворянъ и крестникъ князя, котораго онъ очень любилъ и отличалъ.

Князь взялъ со стола бумагу.

— Вотъ, Петруша... Снеси это Попову... Самъ снеси и скажи, что я прошу прочесть, мнѣ возвратитъ и прошу его совѣта, какъ мнѣ поступить...

Когда молодой человѣкъ вышелъ, князь снова зашагалъ задумчивый, но нетерпѣливо поглядывалъ изрѣдка на дверь, изъ которой ожидалъ возвращенія крестника и отвѣта.

Наконецъ, этотъ снова явился съ бумагой.

— Ну?

— Василій Степановичъ,—произнесъ онъ улыбаясь,—прочитавъ сказали: «ахъ, аспидъ!». А затѣмъ приказали доложить одно слово: «Наплевать!».

— Наплевать?!

— Точно такъ-съ!

— Что онъ? Спятилъ!

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Такъ слушай ты, Петруша. И будь третейскимъ судьей... Ты умница у меня. Разсуди.

И князь внятно, медленно, вразумительно прочелъ письмо князя Девлета, который кратко, но горячо и сердечно объяснялъ свой обманъ, двойной обманъ. Относительно перваго обмана, говорилъ онъ,

его совѣсть была и осталась спокойна, но относительно второго обмана совѣсть его возмущилась, онъ не имѣетъ ни дня, ни ночи покоя. Поэтому онъ рѣшилъ не принимать награды, не являться за ней въ канцелярію и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣжать отъ гнѣва вельможи на край свѣта. Кончивъ, князь спросилъ:

— Понялъ?

— Понялъ-съ. Правъ Василій Степановичъ, что аспидъ. Совѣсть взяла!

— Молокососъ! Да развѣ аспидовъ совѣсть беретъ когда?— вскрикнулъ князь.

— Іуду, предателя Христова, позвольте доложить вашей свѣтлости,—и того совѣсть взяла, коли удавился. А Іуда хуже всякаго аспида...

— Вѣрно! Умница... Ну, говори, ты бы что сдѣлалъ?

— Словить да поучить примѣрно. Что же другое!

— Какъ поучить?

— Какъ вашей свѣтлости будетъ угодно.

— Не хочу я этого. Вотъ что!

— Тогда ужъ, какъ сказывать изволить Василій Степановичъ: наплевать надо.

— Ни за что!—воскликнулъ князь.—Такъ не оставлю, а напротивъ примѣрно поучу всѣхъ другихъ...

Молодой человекъ улыбался почтительно и наконецъ вымолвилъ нерѣшительно:

— Изъ-за ослушника одного да всѣмъ другимъ въ отвѣтъ идти... Какъ можно! Ваша свѣтлость всегда справедливы. А это было бы по пословицѣ: Матрена стащила, а Алѣна за нее взвыла.

— Да. Вотъ погляди, какъ у меня всѣ твои Алены если не завоюютъ, то заорутъ...

XIV.

Строжайшій приказъ свѣтлѣйшаго былъ исполненъ не скоро, но въ точности.

Всякій день при докладѣ князь спрашивалъ у Попова, розысканъ ли Девлетъ-Ильдишевъ съ женой, и каждый разъ снова строго приказывалъ: весь свѣтъ насквозь перерыть и перешарить, но чтобы офицеръ съ женой были найдены и доставлены.

И наконецъ, однажды, чрезъ полтора мѣсяца, Поповъ доложилъ, что бѣглецы арестованы около Риги и уже привезены въ столицу...

— Что прикажете съ ними?

— Завтра же ко мнѣ пораньше притащи и его, и ее... Я съ ними самъ раздѣлаюсь, собственноручно. Узнаютъ они меня, да и вы всѣ тоже...

На утро много ранѣе часа, когда обыкновенно начинался съѣздъ

и пріемъ у вельможи, въ Таврическій дворецъ были доставлены въ бричкѣ съ солдатомъ на козлахъ около кучера офицеръ и маленькая женщина.

Ихъ провели не въ парадные апартаменты, а другимъ ходомъ, чрезъ частныя комнаты князя, прямо въ его спальню... Но князь уже давно поднялся, умылся и, покинувъ халатъ, вышелъ въ кабинетъ.

Камердинеръ, любимецъ князя, явился и доложилъ:

— Девлетъ тутъ въ опочивальнѣ.

— Одинъ?

— Нѣтъ-съ... Съ женой.

— Со своей, стало быть, дражайшей половиной. Вѣрнѣе сказать... со своей восьмушкой... И не дражайшей, а поди, теперь, дрожащей, — шутилъ князь.

— Это точно, ваша свѣтлость. Даже смотрѣть жалко... Ей-Богу... Лица на нихъ обоихъ нѣтъ... Вѣлые, опалѣлые. Просто я не знаю... Я бы вотъ... Вотъ предъ Богомъ...

— Что?

— Ужъ не знаю... А я бы обратилъ гнѣвъ на милость.

— Потому, что ты дуракъ. А вотъ погляди, что я сдѣлаю. Давай его сюда, а ей вели ждать.

Чрезъ нѣсколько мгновеній на порогѣ показался князь Девлетъ-Ильдишевъ, сильно измѣнившійся за малый промежутокъ времени со своего бѣгства и до поимки. Онъ похудѣлъ и къ тому же былъ теперь блѣденъ, какъ полотно.

— Подойди, воръ, лгунъ и обманщикъ, — выговорилъ князь тихо.

Офицеръ приблизился невѣрными шагами, потупившись, глаза были опущены, и онъ не видѣлъ князя, а шелъ на голосъ.

— Посмотри на меня.

Офицеръ поднялъ глаза, но глядѣлъ въ сторону, на стѣну.

— На меня смотри! Прямо въ глаза!

Чрезъ силу глянуть несчастный въ лицо вельможи и встрепенулся...

— Поцѣлуемся...

И, обнявъ офицера, князь трижды расцѣловался съ нимъ.

— Честнаго человека мнѣ не всякій-то день облобызать приходится, Девлетка... Ну, слушай. Первое твое дѣло, кто изъ насъ вспоманетъ — тому глазъ вонъ. А за второе дѣло — отказъ отъ награды, я тебѣ даю теперь чинъ капитана, а къ прежней данной сотнѣ душъ накидываю пустопорожнюю землю въ Новороссіи, да беру опять къ себѣ для важнѣйшихъ порученій, въ коихъ совѣстливые люди нужны... Ну, вотъ...

Девлетъ упалъ на колѣни, не имѣя силъ вымолвить ни единого слова.

— Полно. Вставай. Это честно заслужено. Тысячу человекъ по-

ступили бы не по-твоему. Ты, братецъ, одинъ на тысячу. Покуда я живъ, ты будешь при мнѣ и мой самый довѣренный... Ну, ступай, обрадуй жену...

Офицеръ поднялся и отъ счастья и восторга глядѣлъ, какъ безумный...

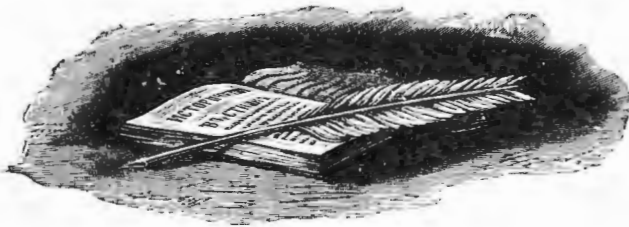
— Да. Вотъ что еще... Крохотули твоей я видѣть не хочу... Сначала было хотѣлъ... А утромъ нынѣ куражу не хватило. Все-таки... все-таки всѣ мы грѣшные, слабые люди, человѣки. Вотъ я и испугался, что меня вдругъ завидки возьмутъ... Вдругъ крохотуля опять меня сразу заморозитъ. Что тогда?.. Ну, стало быть, подальше отъ грѣха... И я тебѣ вотъ что скажу, ты обожди мнѣ ее показывать... Вотъ, когда она тебѣ парочку дѣтокъ подаритъ, тогда смѣло кажи ее мнѣ. Матерей семействъ я глубочайше уважаю...

— Ваша свѣтлость!— воскликнулъ наконецъ Девлетъ.— Такому золотому человѣку, какъ вы, то-есть, великодушнѣйшему въ мірѣ, можетъ, иной и дорогую, любимую жену уступить. Ну, хоть одинъ на тысячу человѣкъ, да пойдетъ на это.

Князь улыбнулся, а потомъ разсмѣялся.

— Полно. Не правда. По нашимъ временамъ, такому, какъ я, то-есть Таврическому князю, одинъ на тысячу не уступить. Вотъ поэтому-то ты рабу Божьему Григорію и любь, что не уступилъ тогда даже чужую, не только свою...

Графъ Салиасъ.

ВОСПОМИНАНІЯ БАРОНА О. О. ТОРНАУ.

АРОНЪ Федоръ Федоровичъ Торнау принадлежалъ къ числу выдающихся офицеровъ русской арміи. Онъ родился въ 1810 г., получилъ образованіе въ благородномъ пансіонѣ при императорскомъ Царскосельскомъ лицѣѣ и въ 1828 г., при объявленіи войны Турціи, поступилъ прапорщикомъ въ 33-й егерскій полкъ. Въ рядахъ нашихъ войскъ онъ сдѣлалъ турецкую и польскую кампаніи и затѣмъ перешелъ на Кавказъ, съ отличіемъ участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ и исполнялъ различныя порученія, изъ которыхъ одно имѣло для него трагическія послѣдствія. Въ 1836 г. ему было поручено осмотрѣть берегъ Чернаго моря отъ рѣки Сочи до Геленджика. Проводники изъ бѣглыхъ каторжниковъ, доставленные ему начальникомъ кубанскаго кордона, генераломъ Зассомъ, завели Торнау въ абхазскіе лѣса и предали горцамъ, потребовавшимъ отъ русскаго правительства невозможный выкупъ: пять четвериковъ серебра, или столько золота, сколько потянетъ плѣнный. Два года длились безплодные переговоры, и въ теченіе всего этого времени Торнау содержался въ подземельи прикованнымъ къ стѣнѣ. Наконецъ, его пріятелю, князю Тембулату Карамурзіеву, удалось похитить плѣнника у кабардинцевъ. Нравственныя и физическія страданія, испытанныя Торнау въ плѣну, отозвались на его здоровьи. Вскорѣ онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку и поселился въ своемъ нижегородскомъ имѣніи. Въ 1854 г., когда наши войска двинулись за Дунай, Торнау вновь поступилъ на службу, находился при осадѣ Силистріи, состоялъ сперва при князѣ Горчаковѣ, а затѣмъ исполнялъ обязанности оберъ-квартирмейстера при графѣ Остенъ-Саконѣ. Въ 1856 г. онъ былъ назначенъ нашимъ военнымъ агентомъ въ Вѣну и оставался на этомъ постѣ 18 лѣтъ. Въ 1875 г. Торнау, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, взялъ безсрочный отпускъ и поселился въ мѣстечкѣ Эдлинѣ, въ трехъ часахъ разстоянія отъ Вѣны, гдѣ и жилъ въ уединеніи до своей кончины, послѣдовавшей въ 1890 году.

Пользуясь досугомъ, онъ занимался литературой и написалъ рядъ разсказовъ и военныхъ воспоминаній, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ. Въ числѣ напечатанныхъ бумагъ его, между прочимъ, сохранились неоконченныя воспоминанія его о времени пребыванія въ Вѣнѣ военнымъ агентомъ. Дочь барона Торнау, г-жа Боркъ, любезно сообщила эту рукопись редакціи «Историческаго Вѣстника». Печатавъ ее, мы можемъ только выразить сожалѣніе, что любопытныя воспоминанія эти остались неоконченными и обнимаютъ собою всего лишь пять лѣтъ съ 1856 по 1861 годъ.

I.

Приѣздъ въ Вѣну. — Обязанности военнаго агента. — Инструкція, данная мнѣ въ Петербургѣ. — Совѣтъ Е. П. Ковалевскаго. — Приказаніе императора Александра Николаевича. — Этикетъ австрійскаго двора. — Затрудненія въ представленіи австрійскому императору. — Аудіенція. — Впечатлѣніе, произведенное на меня императоромъ. — Обѣдъ во дворцѣ. — Представленіе императрицъ. — Затруднительное положеніе. — Графиня Веденгъ. — Обѣдъ у князи Эстергази. — Постѣдствія моего донесенія государю императору. — Вѣна лѣтомъ. — Пратеръ.

Въ Вѣну я приѣхалъ 1 августа (20 іюля) 1856 года, на смѣну графа Эрнеста Штакельберга, получившаго назначеніе занять мѣсто посланника въ Туринѣ. До того еще князь Горчаковъ, бывшій посланникомъ при австрійскомъ дворѣ, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; нашимъ вѣнскимъ посольствомъ временно завѣдывалъ, въ званіи повѣреннаго въ дѣлахъ, Викторъ Петровичъ Балабинъ. Генералъ графъ Штакельбергъ имѣлъ приказаніе дожидаться въ Вѣнѣ моего приѣзда, познакомить меня съ дѣлами, касавшимися до моей обязанности, и представить тѣмъ высшимъ австрійскимъ лицамъ, съ которыми мнѣ слѣдовало сношиться по званію военнаго агента. Въ первый же день моего приѣзда я явился къ Балабину, правившему посольствомъ, при которомъ мнѣ слѣдовало числиться косвеннымъ образомъ; а потомъ пошелъ къ Штакельбергу, знакомому мнѣ еще со времени его адъютантства при князѣ Чернышевѣ. Штакельбергъ находился на отъѣздѣ; жену свою (красавицу француженку, про которую я много слышалъ, но которой никогда не имѣлъ удовольствія встрѣтить) уже отправилъ впередъ въ Италію; поэтому, не теряя времени, повезъ онъ меня къ оберъ-гофмейстеру двора, князю Карлу Лихтенштейну, и къ первому императорскому генералъ-адъютанту, графу Грюнне, главнымъ представителямъ двухъ вѣдомствъ, придворнаго и военнаго, а касательно дѣлъ мнѣ объявилъ:

— Механизмъ австрійской арміи, ея организацію и воинскіе уставы вы найдете у любого книгопродавца, а затѣмъ глядите, наблюдайте и поступайте по собственному разумѣнію; иногo вамъ сказать не имѣю.

Лежала на мнѣ, какъ на каждомъ военномъ агентѣ, одна исключительная обязанность слѣдить за техникой и всякимъ новымъ усовершенствованіемъ военнаго дѣла въ предназначенномъ государствѣ. Въ Петербургѣ по этому предмету мнѣ была дана весьма подробная инструкція, видимо составленная съ полнымъ пониманіемъ спеціальной стороны важнѣйшихъ военныхъ вопросовъ, но безъ потребнаго знанія заграничныхъ порядковъ, почему и содержала много неудобноисполнимаго. Умный Егоръ Петровичъ Ковалевскій, управлявшій въ то время азіатскимъ департаментомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, которому я ее показалъ, только замѣтилъ:

— Весьма почтенный канцелярскій трудъ; вамъ же совѣтую: пріѣхавъ въ Вѣну, сдайте вашу инструкцію въ посольство подѣ замокъ и потомъ въ нее не заглядывайте, а поступайте, какъ позволять обстоятельства. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходять.

Такъ я и сдѣлалъ.

Лучшее наставленіе далъ мнѣ, когда я откланивался, покойный государь Александръ Николаевичъ, и во все мое пребываніе за границей я твердо помнилъ его разумное приказаніе:

— Зорко слѣди за каждымъ улучшеніемъ по военной части, береги при этомъ достоинство русскаго офицера, и самъ ни словомъ, ни дѣломъ не задѣвай чужого самолюбія. Никогда не теряй изъ виду, что всѣ военные, какого бы ни было языка и знамени, между собой товарищи по долгу охраны спокойствія и государственной безопасности, и при честномъ исполненіи своей обязанности заслуживаютъ всякаго уваженія, хотя бы отъ того страдалъ нашъ собственный интересъ.

На представленіи моемъ Лихтенштейну и Грюнне дѣло не должно было остановиться; чрезъ нихъ мнѣ только открывалась дорога ко двору и войску, а главное дѣло оставалось еще впереди. Слѣдовало мнѣ сперва представиться императору, императрицѣ, эрцъ-герцогамъ, высшимъ лицамъ военнаго званія, и потомъ уже знакомиться съ дипломатическимъ корпусомъ и съ обществомъ. Для представленія членамъ австрійскаго царствующаго дома, начиная отъ императора до младшаго эрцъ-герцога, слѣдовало испрашивать аудіенцію. Казалось, въ такомъ случаѣ ближе всего мнѣ было дѣйствовать чрезъ посольство, а тутъ-то и зарождался нескончаемый рядъ затрудненій. Нашъ министръ, князь Горчаковъ, былъ отозванъ; посольствомъ завѣдывалъ «повѣренный въ дѣлахъ», а по австрійскому придворному этикету того времени (отмѣненному впослѣдствіи) чины иностранныхъ миссій, ниже министра, не пользовались доступомъ ко двору; поэтому Балабинъ, самъ не будучи лично представленъ императору, не имѣлъ возможности прямо дѣйствовать въ мою пользу, и ему бы пришлось повести дѣло чрезъ австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ, путемъ не довольно спѣшной дипломатической переписки. Мнѣ же требовалось какъ можно скорѣе явиться императору—узнать, какимъ образомъ я буду принять имъ, что въ нѣ-которомъ смыслѣ могло послужить указаніемъ мѣры добрыхъ отношеній, какія онъ располагаетъ возстановить съ нами послѣ открыто непріязненнаго положенія, которое австрійское правительство занимало противъ Россіи во время восточной войны. Отчасти съ такою цѣлью мнѣ и было приказано отправиться въ Австрію еще до коронаціи государя императора и до назначенія въ Вѣну русскаго посла вника въ замѣну князя Горчакова.

Къ счастью, мнѣ открывался весьма удобный способъ миновать

этотъ, придворнымъ этикетомъ поставленный, камень преткновенія. Въ Австріи, какъ и въ Пруссіи, всѣ носящіе военный мундиръ, свои и чужіе, пользуются одинаковымъ правомъ прямо являться къ царствующему лицу, испросивъ волю его, въ Берлинѣ чрезъ городского коменданта, въ Вѣнѣ чрезъ перваго императорскаго генераль-адъютанта. Говорю—перваго потому, что въ Австріи при императорѣ состоятъ всего два генераль-адъютанта, первый и второй, облеченные въ это званіе только на время исполненія генераль-адъютантской должности. Получивъ другое назначеніе, они теряютъ и званіе свое наравнѣ съ флигель-адъютантами изъ штабъ и императорскими адъютантами изъ оберъ-офицеровъ арміи. На основаніи такого военнымъ принадлежащаго права я письменно обратился къ графу Грюнне, къ эрцъ-герцогскимъ адъютантамъ, оберъ-гофмейстерамъ императрицы и эрцъ-герцогинь, съ просьбой доставить мнѣ честь явиться ихъ величествамъ и высочествамъ; и, могу сказать, неожиданно скоро получилъ мною просимыя увѣдомленія. Одно представленіе императрицѣ было отложено по причинѣ ея недавнихъ родовъ, бывшихъ 12-го іюля того года, дня рожденія старшей императорской дочери, эрцъ-герцогини Гизеллы.

Императоръ Францъ-Іосифъ принялъ меня въ Бургѣ (вѣнскомъ дворцѣ) въ особой аудіенціи, какъ военнаго, съ обычной военной обстановкой, безъ содѣйствія придворныхъ чиновъ. Встрѣтилъ меня на лѣстницѣ и провелъ по заламъ императорскій адъютантъ, доложилъ обо мнѣ флигель-адъютантъ. Минуту спустя, очутился я глазу на глазъ съ австрійскимъ императоромъ, котораго, по общему и безпричинному настроенію, существовавшему у насъ во время восточной войны, привыкъ считать нашимъ закоснѣлымъ недоброжелателемъ—и принужденъ былъ значительно смягчить представленіе о немъ, сложившееся подъ вліяніемъ недавней политической распри, такъ далеко оттолкнувшей Россію отъ Австріи. Первое впечатлѣніе, которое на меня произвель молодой двадцатилѣтній императоръ, было, хотя не обаятельно, чему противилась его видимо холодная натура, но во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно. Стройнаго роста, примѣтно сдержанный въ рѣчахъ и пріемахъ, глядѣлъ онъ нѣсколько застѣнчиво, говорилъ медленно, взвѣсивая каждое слово, и внимательно прислушивался къ отвѣтамъ. Милостиво протянувъ мнѣ руку,—имѣлъ онъ обыкновеніе, какъ я позже замѣтилъ, изъ дипломатическаго корпуса давать руку однимъ посламъ, военнымъ же дѣлалъ эту честь, кому захочетъ, не разбирая, какого чина,—послѣ обязательнаго разспроса о здоровьѣ государя и государыни, онъ слегка коснулся моей прежней кавказской службы и потомъ перевелъ разговоръ на предметъ, о которомъ неловко было бы промолчать предъ русскимъ офицеромъ. Заговорилъ онъ о нашей послѣдней войнѣ, причемъ съ должнымъ приличіемъ, осыпавъ горячею похвалою наши войска за славную севастополь-

скую оборону, ни единымъ словомъ не коснулся общаго хода военныхъ операцій, которыми, какъ извѣстно, намъ нечего было особенно гордиться. Заключилъ императоръ извѣщеніемъ, что касательно цѣли моего пребыванія въ австрійскихъ предѣлахъ имъ отдано приказаніе ничего не скрывать, и мнѣ слѣдуетъ только обращаться къ графу Грюнне за полученіемъ потребныхъ мнѣ военныхъ свѣдѣній. Тогда же показалось мнѣ,—думаю, мало ошибаюсь,—что императоръ Францъ-Иосифъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ насъ во время войны, да и позже, гораздо болѣе подчинялся такъ называемому «*raison d'état*», чѣмъ своему собственному чувству, которое его, тогда еще абсолютнаго монарха, непременно должно было склонять на сторону Россіи. Мнѣ самому въ продолженіе моего долгаго пребыванія въ Вѣнѣ не удалось подмѣтить въ немъ ни малѣйшей тѣни нерасположенія ко мнѣ, какъ къ русскому офицеру, озабоченному однимъ исполненіемъ своихъ служебныхъ обяванностей, помимо всякихъ постороннихъ соображеній. Бывали минуты officialнаго охлажденія, но всегда по поводу какого нибудь политическаго разногласія между двумя правительствами, а императоръ Францъ-Иосифъ тѣмъ временемъ, при случайныхъ встрѣчахъ лично продолжалъ относиться ко мнѣ равно внимательно.

За обѣденнымъ столомъ, къ которому я былъ приглашенъ скоро послѣ аудіенціи, австрійскіе генералы, слѣдуя императорскому примѣру, наперерывъ старались своею привѣтливостью произвести на меня самое пріятное впечатлѣніе. Не знаю, какого рода чувства они таили въ глубинѣ сердца, но формы самой утонченной вѣжливости были строго соблюдены; и больше того никто не вправѣ требовать отъ чужихъ, да и отъ своихъ, когда отношенія не скрѣплены непритворнымъ дружелюбіемъ, возможнымъ только между людьми, связанными одинаковымъ интересомъ. Бываютъ исключенія—самъ испыталъ—но часто ли встрѣчаются они, эти случаи безрасчетнаго доброжелательства, пусть каждый спроситъ самого себя.

Въ концѣ августа (по грегорианскому календарю, котораго и впредь стану держаться), вмѣсто просимой мною аудіенціи, меня пригласили въ Лаксенбургъ къ императорскому столу, гдѣ передъ обѣдомъ состоялось мое представленіе императрицѣ, которая, считая не больше девятнадцати лѣтъ, находилась тогда въ полномъ цвѣтѣ красоты, на мой взглядъ нимало не уступавшей прославленной красѣ позже мною видѣнной супруги Луи Наполеона. Императрица Элизабетъ казалась даже несравненно привлекательнѣе. Высокая, стройная, граціозная, отличалась она нѣжно обрисованными чертами лица прозрачной бѣлизны, на которомъ въ то время лежалъ еще оттънокъ томной блѣдности отъ недавней болѣзни. Опустивъ рѣсницы, будто робѣя, подошла она и заговорила пофранцузски шепотомъ, такъ тихо, что я слова не могъ разобрать, и мнѣ пришлось отвѣчать ей почти наугадъ. При ней находившаяся фрейлина, — въ

Австріи онѣ носятъ названіе дамъ, «Hofdame», не смотря на свое дѣвичество,—графиня Ламбергъ, спросила меня, когда мы пошли въ столовую:

— Императрица говоритъ непростительно тихо; успѣли вы разслышать, о чемъ она вамъ говорила?

— Ничего не разслышалъ.

— Какъ же вы отвѣчали?

— Наугадъ, — надѣюсь, боги меня уберегли отъ да или нѣтъ, сказаннаго невпадать.

— Надо было, не разслышавъ, переспросить.

— А отъ этого меня удержала счастливая догадка, хотя только начинаю проходить школу придворнаго этикета, вѣдь я до сей поры при дворѣ никогда не служилъ.

За столомъ мнѣ пришлось сидѣть по правую сторону отъ императрицы, возлѣ которой мѣсто занималъ эрцгерцогъ Максимилианъ, между баронессою Велденъ, облеченной въ званіе воспитательницы новорожденной эрцгерцогини, и графинею Ламбергъ. Разговоръ вела со мной баронесса Велденъ пофранцузски. Посреди обѣда эрцгерцогъ Максимилианъ наклонился къ ней и довольно громко сказалъ нѣсколько словъ, послѣ чего она понѣмецки обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, слышалъ ли я, что изволилъ сказать его высочество.

— Нисколько, я съ намѣреніемъ уклонился въ другую сторону, когда онъ съ вами заговорилъ.

— Эрцгерцогъ,—сказала она,—замѣтилъ мнѣ, почему я говорю съ вами пофранцузски, когда вы понѣмецки говорите не хуже насъ; бросимъ теперь французскій языкъ.

Это послужило мнѣ урокомъ при дворѣ всегда говорить понѣмецки, развѣ самъ императоръ или кто изъ эрцгерцоговъ заговорятъ на другомъ языкѣ.

По окончаніи обѣда отбыли мы обычный «cercle», заключающійся въ разстановкѣ приглашенныхъ по старшинству и званію вокругъ пріемной комнаты, послѣ чего ихъ обходятъ сперва императоръ, а потомъ императрица, обращая къ каждому нѣсколько милостивыхъ словъ, и, совершивъ кругъ, раскланиваются, чтó и служить сигналомъ расходиться по домамъ.

Прогулявъ нѣсколько времени по тѣнистому Лаксенбургскому саду, къ вечеру вернулся я въ городъ. Не стану распространяться въ описаніи Лаксенбурга и его окрестностей. Какой туристъ, побывавъ въ Вѣнѣ, не полюбопытствовалъ взглянуть на Шенбрунъ и на Лаксенбургъ, эти двѣ императорскія загородныя резиденціи, и по южной желѣзной дорогѣ не проѣхался въ Баденъ и Фелсуа, служащіе лѣтнимъ купальнымъ притономъ для значительной части вѣнской публики? Видавшему нечего рассказывать, онъ самъ испыталъ, въ которомъ изъ этихъ мѣстъ живетъ пріятнѣе и дешевле; а кто не видалъ, того Бедекера красная книжечка и рядъ весьма

дешевыхъ фотографій лучше моего разсказа познакомятъ съ Лаксенбургомъ, Баденомъ, Феслау, Медлингомъ и прочими истинно живописными окрестностями веселой Вѣны.

Благосклонный пріемъ со стороны императора и приглашеніе въ Лаксенбургъ, выходявшее изъ ряда обычнаго почета, оказываемаго лицамъ иностранныхъ миссій, имѣли полное значеніе дружелюбной демонстраціи въ угожденіе приславшему меня русскому государю. По обязанности моей я не замедилъ донести обо всемъ, какъ было, и скоро послѣ того имѣлъ удовольствіе узнать, какое благопріятное впечатлѣніе произвелъ мой рапортъ. Въ концѣ сентября вернулся въ Вѣну князь Павелъ Эстергази, присутствовавшій въ Москвѣ на коронаціи государя Александра Николаевича въ званіи австрійскаго экстраординарнаго посла. Скоро послѣ того мнѣ принесли визитную карточку отъ князя, и вслѣдъ за тѣмъ я получилъ отъ него приглашеніе къ обѣду, на который явился, рѣшительно не понимая, изъ-за какой благодати Эстергази меня жалуетъ такою внимательностью, когда самъ я еще не успѣлъ побывать у него. Дѣло тутъ же объяснилось. Встрѣтилъ меня князь Эстергази неожиданнымъ привѣтствіемъ: •

— Я обязанъ вамъ благодарностью, вы оказали мнѣ чувствительную услугу.

— Въ первый разъ имѣю честь видѣть васъ—не понимаю, чѣмъ могъ услужить вашей свѣтлости.

— А вотъ чѣмъ вы мнѣ услужили. Во время коронаціи, на первыхъ порахъ, откровенно говоря, мое положеніе было далеко и завидно. Государь и вслѣдъ за нимъ московское общество замѣтно холодно относились ко мнѣ и къ моему англійскому коллегѣ. Исключительною внимательностью пользовался одинъ Морни; императрица вапа съ нимъ открыла первый большой балъ. Нѣсколько дней спустя, государь подошелъ ко мнѣ на другомъ балѣ и въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ высказалъ мнѣ свою признательность за ласковый пріемъ, которымъ васъ отличили при нашемъ дворѣ. «Донесеніе, полученное мною по сему случаю отъ моего полковника»,—сказалъ государь, — «очень обрадовало меня, прошу, передайте это вашему императору». Съ той поры мое положеніе совершенно измѣнилось, и мнѣ остается только хвалиться милостью вашего государя и гостепрїимною внимательностью русскаго общества. Этимъ обязанъ я вашему донесенію.

— Въ такомъ случаѣ я исполнилъ только свой непремѣнный долгъ, сообщивъ чистую правду.

Затѣмъ во все время моего пребыванія въ Австріи я продолжалъ пользоваться добрымъ расположеніемъ князя Эстергази, и въ домѣ у него провелъ не мало прїятныхъ минутъ. Значить, говорить правду не всегда же приноситъ одни горькіе плоды.

Остановился я въ «Штадтъ Франкфуртъ», не самой видной, но,

положительно можно сказать, лучшей вѣнсской гостиницѣ того времени. Не смотря на небольшой размѣръ комнатъ, въ которыя только вскользь проникали солнечные лучи поверхъ крышъ противоположныхъ высокихъ домовъ тѣсной «Шпигель-гассе», эта гостиница служила любимымъ пристанищемъ австрійскихъ магнатовъ, всегда была переполнена прїѣзжими, что и принудило меня довольствоваться очень непросторнымъ, зато болѣе свѣтлымъ номеромъ, на высотѣ третьяго этажа. Позже, до прїѣзда жены, оставшейся въ Россіи, пока успѣю оглядѣться въ новомъ мѣстѣ, перемѣстился я въ меблированную квартиру въ частномъ домѣ, откуда и повелъ свои первыя наблюдательныя прогулки по городу и его окрестностямъ.

Лѣтомъ въ Вѣнѣ хоть шаромъ покати, не увидишь ни единой души высшаго круга — по улицамъ шныряютъ одни мелкіе чиновники, торговцы, лавочныя барышни, да рабочій народъ хлопочетъ около домовъ и мостовой, требующихъ вѣчной починки. Дворъ переѣзжаетъ въ Шенбрунъ или Лаксенбургъ, аристократическія фамиліи проводятъ лѣто въ своихъ помѣстьяхъ, военные въ лагерѣ, дипломатическій корпусъ разсѣянъ по ближайшимъ окрестностямъ, зажиточное купечество, особенно еврейскаго происхожденія, заселяетъ Баденъ, Феслау и Брюль, возлѣ Медлингга. Поэтому мнѣ не съ кѣмъ было знакомиться; тратить время на визиты не представлялось ни малѣйшей нужды, и я весь свой досугъ отдалъ изученію города и народной жизни. А тутъ въ Вѣнѣ есть къ чему приглянуться. Предъ всѣми германскими городами, кромѣ Берлина, въ послѣдніе годы ушедшаго далеко впередъ, Вѣна отличается своимъ живымъ уличнымъ движеніемъ, неутомимой гонкой за наживой и за удовольствіями. «Ein profitables Geschäft machen» — мысль, не покидающая его ни днемъ, ни ночью, подгоняетъ сына ветхаго завѣта; «sich unterhalten» стоитъ на первомъ планѣ у крещенаго кореннаго вѣнца. Прекрасный полъ, идетъ тѣмъ же путемъ, который ему указываютъ мужья, отцы и братья, и грѣшно было бы не любоваться вѣнками; такъ много встрѣчаешь между ними красивыхъ лицъ, прелестныхъ талій и ножекъ, обутыхъ не хуже, чѣмъ въ Парижѣ и въ Варшавѣ.

Въ Германіи ходить всѣмъ извѣстная поговорка:

«In Sachsen, wo die schönen Mädchen wachsen».

Очень несправедливо! Сѣверная Германія не нравѣ хвалиться красавицами; именно въ Саксоніи рѣдко встрѣчаются женщины стройнаго склада; кромѣ того, онѣ сплошь и рядомъ надѣлены природой не весьма красивыми ножками. За малымъ исключеніемъ, ноги велики, широки и плоски — отъ этого далеко не привлекательная утиная походка. Въ Австріи же повсюду встрѣчаются замѣчательно красивыя женщины самыхъ разнородныхъ типовъ, по причинѣ разноплеменности ея населенія. Миловидныя и неглубокодумныя, жадныя на всякую забаву, наряжаясь и кокетничая, безопасно раз-

сѣвають онѣ цвѣтъ своей молодости по гладкому паркету или по скользящей мостовой, кому какъ судьба указала, и тѣмъ придаютъ всеѣмъ общественнымъ слоямъ мягкій отгѣнокъ мало чѣмъ возмущаемаго благодушія, составляющаго извѣстную австрійскую «Gemüthlichkeit».

Поэтому, кажется, вѣрнѣе было бы, вмѣсто Саксоніи, помѣтить Австрію поговоркой:

«Das gemüthliche Oesterreich, an fischen ¹⁾ Mädchen so reich».

Среди мужского населенія такое благодушіе, однако, весьма обманчиво: неосторожно было бы полагаться на него безъ всякой оглядки. Низшій классъ вообще очень грубъ, лѣнивъ, не отличается понятливостью и пропитанъ злостью, доходящею до свирѣпости по самому малому поводу. Много тому способствуетъ опьяненіе отъ тяжелыхъ пивныхъ паровъ. Въ срединѣ города пьяныхъ почти не встрѣчаешь — полиція тщательно ихъ подбираетъ; зато въ кабакахъ и въ пивныхъ, по городскимъ окраинамъ, дня не проходитъ безъ драки, и рѣдкая драка обходится безъ увѣчья и убійства. Австрійскій простолюдинъ постоянно прячетъ въ карманъ складной ножикъ, такъ называемый «Taschenfeitel», и чуть не въ силахъ одолѣть своего противника палкой или кулакомъ, хватается за этотъ инструментъ и колетъ куда попало. И не только въ минуту раздраженія способенъ онъ поработать ножомъ, а изъ-за бездѣльнаго спора, изъ-за браннаго слова готовъ подкараулить обидчика и всадить ему ножикъ изъ-за угла, послѣ чего съ тупоумнымъ равнодушіемъ отдаетъ себя въ руки полиціи, коли не успѣлъ бѣжать, иной же разъ отбивается, какъ разъяренный звѣрь, пока не успѣютъ его скрутить. Болѣе благонадежная «гемютихкейтъ» положительно начинаетъ проявляться только въ народныхъ слояхъ, уже получившихъ легкій образовательный лоскъ, ежели притомъ нѣкоторый достатокъ дозволяетъ жгучій вопросъ о дневномъ пропитаніи замѣнить вопросомъ о препровожденіи времени, наполняя его удовольствіями, въ Вѣнѣ столь легко доступными каждому, у кого въ карманѣ не царитъ совершенно безотрадная пустота. Тутъ вѣнскій уроженецъ раскрываетъ наблюдателю широкое поле для изученія своего бытоваго направленія, имѣющаго главную цѣлью уже сказанное «sich unterhalten», т. е. пожить въ свое удовольствіе.

Высшее вѣнское общество, какъ вездѣ, страстно предано театру и балету. Въ этомъ отношеніи, съ меньшимъ, мѣстнымъ, едва уловимымъ отгѣнкомъ, Вѣна представляетъ ту же яркоцвѣтную картину великосвѣтской жизни, какую можно видѣть въ Парижѣ, Петербургѣ, Берлинѣ. И знаменитый Пратеръ, зимой и лѣтомъ слу-

¹⁾ «Фешъ» — мѣстный вѣнскій терминъ, для котораго на русскомъ языкѣ нѣтъ подходящаго слова, и французскій «шикъ» не то выражаетъ; фешъ означаетъ живую, бойко-щеголеватую, всегда веселую красотку.

жацій ежедневно мѣстомъ прогулки для вѣнскаго общества, мало чѣмъ отличается отъ прочихъ загородныхъ столичныхъ гульбищъ, доставляющихъ удовольствіе себя показать и поглазѣть на публику — вся разница въ томъ, что въ Пратерѣ болѣе попадаетея красивыхъ женщинъ, чѣмъ кровныхъ лошадей, которыми Лондонъ и Петербургъ богаче Вѣны. Поэтому нечего рассказывать, какъ и гдѣ вѣнское привилегированное общество проводитъ свое время.

II.

Конкордатъ. — Его значеніе для Австріи. — Его создатели. — Внутреннее состояніе Австріи. — Министръ Бахъ. — Поѣздка императора Франца-Иосифа въ Венгрію. — Общее недовольство. — Результаты близорукой политики. — Смотръ вѣнскому гарнизону. — Несчастный случай со мной. — Придворный обѣдъ. — Австрійскія войска. — Императорская свита. — Вѣнское высшее общество. — Голландскій посланникъ Геккеръ. — Его злой языкъ. — Графиня Елена Эстергази. — Графиня Батіани и ея похождения. — Камергеръ Полянскій.

Австрію засталъ я въ полномъ цвѣтѣ «конкордата», заключеннаго съ папой, 18-го августа 1855 года, ради утвержденія за католической религіей, какъ значилось въ текстѣ, тѣхъ преимуществъ, какими она должна пользоваться по волѣ Господней и по церковному закону. Первый шагъ къ этому договору былъ сдѣланъ еще при жизни министра-президента, князя Феликса Шварценберга, отъѣзжавшаго въ Римъ съ императоромъ. Имъ установленнаго «Placetum regium», которымъ запрещалось безъ воли правительства обнародовать какія бы то ни было папскія постановленія. За симъ уничтожались конкордатомъ всѣ другіе, позже изданные, церковную власть стѣснявшіе законы. Епископамъ открывалось неограниченное право по всѣмъ церковнымъ дѣламъ прямо сноситься съ папой, запрещать Риму негодныя книги и газеты, авторовъ подвергать публичному порицанію, руководствовать преподаваніемъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая университетскихъ лекцій, каждаго нарушителя церковной дисциплины карать церковнымъ наказаніемъ, каковое, по старымъ австрійскимъ законамъ, сверхъ того, сопровождалось потерей разныхъ гражданскихъ правъ. Праву церкви учреждать новые мужскіе и женскіе монастыри и пріобрѣтать движимое и недвижимое имущество не ставилось никакого предѣла. Всѣ дѣла, касавшіяся до брака, коли одна сторона принадлежала къ римской церкви, исключительно отдавались на судъ католическихъ консисторій, имѣвшихъ безапелляціонное право по своему усмотрѣнію дозволять и запрещать такого рода смѣшанные браки, равномѣрно разрѣшать бракосочетаніе католиковъ, состоявшихъ въ степени родства, недозволенной каноническимъ закономъ. Хотя бракъ католическаго съ неканоническимъ лицомъ прямо былъ объявленъ дѣломъ, противнымъ

волѣ Божіей и закону природы, но допускался за положенную плату, послужившую обильнымъ источникомъ обогащенія папской казны. Въ довершеніе всего, доходъ съ восьмидесятимилліоннаго фонда— «Religions und Studienfond» — составленнаго Іосифомъ II изъ имущества семисотъ имъ упраздненныхъ монастырей на содержаніе приходскихъ священниковъ, школъ и разныхъ благотворительныхъ заведеній, былъ отданъ въ полное распоряженіе епископовъ, и такимъ путемъ поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе римской куріи.

Такія постановленія конкордата, отодвинувшія Австрію въ отношеніи вѣротерпимости ко временамъ Фердинанда II, невыносимымъ гнетомъ легли на все разноплеменное католическое и некаатолическое населеніе имперіи, а само правительство лишили симпатіи всего просвѣщеннаго, въ особенности же протестантскаго, міра. Сочувствовало конкордату одно высшее дворянство, іезуитскимъ воспитаніемъ и сословнымъ интересомъ крѣпко прикованное къ Риму, благодушно принимающему въ лоно своей церковной іерархіи обездоленныхъ младшихъ сыновей и братьевъ маіоратами надѣленныхъ магнатовъ. Силою и богатствомъ римской церкви обезпечивалось существованіе значительнаго числа непервородныхъ потомковъ лучшихъ семействъ. Какъ же при такомъ порядкѣ вещей австрійской аристократіи было не сочувствовать всякому расширенію духовной власти и безграничному умноженію церковнаго богатства?

Торжествовали Римъ и высшее австрійское духовенство; зато деревенскіе, приходскіе священники, эти на вѣчную бѣдность обреченные паріи католической церкви, ниже прежняго понурили головы: ихъ матеріальный бытъ остался въ прежнемъ положеніи, и только, лишенные послѣдней тѣни гражданской защиты, конкордатомъ они отдавались на безотчетный произволъ своихъ епископовъ.

Главными дѣятелями конкордата были вѣнскій архіепископъ Раумеръ, за такой подвигъ возведенный въ званіе кардинала; министръ графъ Лео Тунъ, отъявленный клерикалъ, слѣпой исполнитель властолюбивыхъ замысловъ патера Бекса, генерала ордена іезуитовъ, и ловкій дѣлецъ—министръ Бахъ, одинаково ревностно готовый служить церкви и ея противникамъ, лишь бы удержать въ рукахъ свой министерскій портфель. Графъ Буль, заступившій во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ князя Шварценберга, умершаго въ 1852 году, не размышляя, шелъ по дорогѣ, проложенной своимъ предшественникомъ.

Молодой императоръ, не успѣвшій еще пріобрѣсти потребнаго опыта въ государственномъ управленіи, покоряясь вліянію своей іезуитами совершенно опутанной родительницы, эрцгерцогини Софіи, настоянію министровъ, да и по собственному религіозному чувству, не задумываясь принялъ всѣ папой предложенныя условія. Успѣли увѣрить императора, будто помощью лишь усиленнаго могущества католической церкви можетъ быть возстановлена твердымъ образомъ

его собственная, революціей ослабленная власть. Послѣдствія доказали, что всѣ сторонники конкордата, въ томъ числѣ даже очень дальновидные отцы іезуиты, радикально ошиблись въ своихъ расчетахъ. Конкордатъ не только ничего не укрѣпилъ, а напротивъ того распаталъ штыкомъ и пушкой только что скрѣпленныя связи австрійскаго государственнаго зданія, и самому правительству сталъ камнемъ преткновенія на пути гражданскихъ преобразованій, повелительно требуемыхъ духомъ времени.

Государственная власть наружно казалась прочно установленной во всѣхъ частяхъ многоязычной имперіи: повсюду господствовала полная тишина. Революція, Виндишгрецомъ подавленная въ Прагѣ и Вѣнѣ, Радецкимъ въ Италіи, Гейнау въ Венгріи, благодаря русскоѣ помощи, чаялось, слѣда не оставила; самыя тягостныя, самыя несообразныя правительственныя распоряженія проводились безъ помѣхи и безъ сопротивленія. Конституція, дарованная Францомъ Іосифомъ всѣмъ австрійскимъ подданнымъ, 4-го марта 1849 года, была уничтожена, наравнѣ съ конституціею, обнародованною императоромъ Фердинандомъ, 25-го апрѣля, 1848 года; венгерское королевство было обращено въ австрійскую провинцію, съ отбѣною всѣхъ политическихъ правъ, до возстанія принадлежавшихъ венгерскому народу; итальянскія области, увлеченныя надеждой возстановить свою народную независимость, были усмирены силою оружія; южные славяне, въ награду за кровь, пролитую ими противъ венгерцовъ въ пользу имперіи, поставлены въ обидно двусмысленное положеніе, которому они принуждены были покориться, какъ покорялись своей судьбѣ всѣ остальные народности, подведенныя подъ одинъ общій уровень самыхъ тягостныхъ полицейскихъ мѣръ, не давшихъ, однако, въ продолженіе времени желаннаго результата. При этомъ, австрійское правительство сдѣлало ошибку, отъ которой продолжаетъ страдать до настоящаго времени. До 1848 года, различныя австрійскія народности, пользуясь полнымъ равноправіемъ, мирно прозябали одна возлѣ другой; стараясь возстановить свою революціей потрясенную власть, правительство разбудило благодушно дремавшій племенный антагонизмъ: славянъ вооружило противъ венгерцевъ; изъ чеховъ образовало полицейскій надзоръ въ нѣмецкихъ провинціяхъ; славянъ, проявившихъ свою силу, повело путемъ скрытной германизаци и пуще всего принялось косвенно тѣснить протестантовъ, составлявшихъ въ Венгріи религиозно-политическій элементъ, не допускавшій открытаго нарушенія принадлежавшихъ ему историческихъ правъ. Венгрію, раздѣленную на пять административныхъ округовъ, въ замѣтъ прежде существовавшихъ комитатовъ, Бахъ наводнилъ чиновниками нѣмецкаго происхожденія, слова не знавшими повенгерски, нарядивъ ихъ, для придачи имъ мѣстнаго колорита, въ испещренные золотыми шнурами мундиры венгерскаго покроя, за что и были прозваны въ народѣ «баховскими гусарами».

Такимъ же образомъ пражская полиція была составлена изъ нѣмцевъ, не владѣвшихъ чешскимъ языкомъ. Языки смѣшались ровно при вавилонскомъ столпотвореніи: правители и управляемые, блюстители общественнаго порядка и публика, не понимая другъ друга, становились втупикъ, злились, путались, и чѣмъ больше выходило путаницы, тѣмъ сильнѣе возростала ихъ обоюдная ненависть, правительственный авторитетъ утопалъ въ омутѣ бюрократической неурядицы, дошедшей наконецъ до того безотраднато положения, изъ котораго можетъ вывести одинъ крутой поворотъ на новую дорогу. Графъ Тунъ своею іезуитскою аргументаціею, Бахъ своею удивительною находчивостію, не брезгавшею даже прямымъ обманомъ, постоянно вводили въ заблужденіе молодого императора касательно истиннаго положенія дѣлъ. Рѣзкимъ примѣромъ, какъ Бахъ ловко умѣлъ пользоваться обстоятельствами, служила первая, въ 1852 году имъ устроенная, поѣздка Франца-Іосифа во вновь организованную, къ имперіи присоединенную, венгерскую провинцію. Предъ императорскою поѣздкой самъ Бахъ съѣздили въ Пештъ, переговорилъ съ мѣстными начальниками и подъ рукою распустилъ слухъ, будто императоръ венгерцамъ везетъ полную горсть негоданныхъ милостей. Зналъ онъ, что венгерцамъ болѣе всего желательно возстановленіе королевства на прежнемъ основаніи, безъ чего никакая милость, никакая льгота ихъ не примирятъ съ австрійскимъ царствующимъ домомъ, и зналъ, что этого не будетъ. Въ надеждѣ на такую высокую милость, венгерцы восторженно привѣтствовали императора—и горько ошиблись въ своемъ ожиданіи. Императору же Бахъ объяснилъ народный восторгъ пламеннымъ выраженіемъ преданности и благодарности за новую организацію и присоединеніе Венгрии къ могущественной Австрійской имперіи. А какой переворотъ произошелъ отъ этого въ народномъ чувствѣ, какъ послѣ того даже магнаты, дотолѣ преданные двору, стали переходить на сторону оппозиціи, нисколько не тревожило барона Баха: императоръ остался доволенъ своей поѣздкой, самъ онъ крѣпче прежняго усѣлся на глазахъ, провезти по Венгрии своего довѣрчиваго повелителя.

Повинуясь силѣ обстоятельствъ, австрійскіе народы, не нарушая послушанія, покорялись административнымъ и полицейскимъ мѣрамъ, направленнымъ противъ ихъ политической свободы, но эта вынужденная покорность перешла въ громкій ропотъ, когда духовенство, въ силу правъ, данныхъ ему конкордатомъ, наложило руку на семейный бытъ и принялось подводить подъ церковную цензуру всеневныя отправленія частной жизни. Первымъ послѣдствіемъ конкордата явился строжайшій запретъ нектоликовъ хоронить на католическихъ кладбищахъ; даже покойникамъ военнаго званія, не принадлежавшимъ къ римской церкви, были отведены особо отгороженные уголки на католическихъ погостахъ. Послѣ того, школа

и бракъ сдѣлались предметомъ непримиримой распри между церковными властями и народомъ. Со всѣхъ концовъ имперіи посыпались жалобы и протесты, ропотъ умножался, негодование разрасталось въ массахъ и дошло, наконецъ, до того предѣла, за которымъ ему остается только перейти въ открытое сопротивление. Отъ самаго слабаго толчка грозило рушиться на рыхлой почвѣ административнаго произвола построенное, клерикальнымъ властолюбіемъ увѣнчанное, зданіе Туно-Баховской политики. Наступила неудачная итальянская война—Маджента и Сольферино громовымъ ударомъ разразились надъ Австріей, обнаружили несостоятельность вооруженной силы, на которую правительство полагало всю свою надежду, оппозиція громко заговорила, и обманутый въ своихъ лучшихъ ожиданіяхъ императоръ Францъ-Иосифъ увидѣлъ себя принужденнымъ радикально измѣнить принятую имъ систему правленія, послѣ чего и конкордагъ не устоялъ противъ напора общественнаго мнѣнія.

Войска въ сборѣ не привелось мнѣ увидать раньше ноября. Собираясь посѣтить итальянскія провинціи, императоръ Францъ-Иосифъ, предъ отъѣздомъ своимъ, на городскомъ гласисѣ произвелъ смотръ войскамъ вѣнскаго гарнизона, сколько помнится въ составѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій, бригады кавалеріи и двухъ полковъ артиллеріи. На другой день былъ назначенъ большой придворный обѣдъ; на которомъ долженствовали присутствовать весь дипломатическій корпусъ, посреди значительнаго числа военныхъ чиновъ Австрійской имперіи. Императорской военной свитѣ и иностраннымъ офицерамъ,—въ Вѣнѣ тогда находились только я да прусской службы майоръ Камеке, о которомъ мнѣ часто еще придется говорить,—для сопровожденія императора надлежало собраться у дворцоваго подъѣзда на Белларіи. Этотъ смотръ едва не обошелся мнѣ очень дорого. Жилъ я въ Ренгассе, противъ дома Ротшильда, на смотръ принужденъ былъ ѣхать на совершенно мнѣ незнакомой лошади, взятой напрокатъ изъ какой-то частной береиторской школы, и не успѣлъ рысью выѣхать на Фрейунгъ, какъ мой конь, поскользнувшись на гладкой мостовой, вмѣстѣ со мной повалился на землю, копытами вверхъ и сталъ биться, домогаясь встать на ноги. Моя лѣвая нога попала подъ лошадь, правою ногою мнѣ удалось оттолкнуть ее въ противоположную сторону, иначе она бы мнѣ помяла грудь и ребра. Какъ водится въ подобномъ случаѣ, мигомъ окружила меня толпа любопытныхъ.

— Давайте воды! несите въ ближайшій домъ!—закричали нѣкоторые зрители.

На лицо случившійся г. Фраппаръ, первый вѣнскій балетный танцоръ, поднялъ и поставилъ меня на ноги, что и доставило мнѣ удовольствіе лично съ нимъ познакомиться.

Первое мгновеніе я простоялъ, не помня себя,—вѣнская гранитная мостовая не особенно мягка,—но скоро оправился и окружава-

шихъ меня господь только попросилъ, нѣсколько пообчистивъ, мнѣ помочь снова сѣсть на лошадь, послѣ чего поѣхалъ, куда слѣдовало. Вышелъ императоръ на Белларію; большимъ галопомъ отправился къ войскамъ, обскакалъ три линіи и потомъ два раза пропустилъ полки мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. Скакалъ и я, сидя на балансѣ; нога, бывшая подъ лошадью, висѣла какъ чурбанъ, а боль увеличивалась въ ней съ каждымъ мгновеніемъ. Вернувшись на Белларію тѣмъ же быстрымъ аллюромъ, императоръ слѣзъ съ лошади, чему послѣдовала вся свита; я одинъ остался на сѣдлѣ.

— А вы не располагаете спѣшиться?—взглянувъ на меня, спросилъ графъ Грюнне нѣсколько ироническимъ тономъ.

— Желалъ бы, да не могу. Предъ смотромъ вмѣстѣ съ лошадью лежалъ на мостовой. Одной ногою рѣшительно не владѣю; боюсь при малѣйшемъ движеніи ничкомъ улечься на землю.

— А! я этого не зналъ; надо вамъ помочь.

Грюнне подозвалъ придворнаго жандарма; меня сняли съ лошади, усадили въ карету и отвезли на квартиру.

Явился докторъ, осмотрѣлъ ногу, перевязалъ, уложилъ меня въ постель и приказалъ прикладывать холодные компрессы. Выше колѣна оказалась глубокая рана, прижатая нога посинѣла отъ прилива крови; полома не было. Похожденіе мое огласилось въ газетахъ. Не хотѣлось мнѣ, однако, миновать первый официальный обѣдъ, да, пожалуй, еще въ глазахъ господъ австрійцевъ показаться плохимъ солдатомъ, неспособнымъ превозмочь малѣйшую боль. Просилъ я доктора во что бы ни стало доставить мнѣ возможность обуть больную ногу, хотя бы на самое короткое время, чего онъ и достигъ, приказавъ ее натирать хлороформомъ съ утра до самаго обѣда. Къ шести часамъ я одѣлся, поѣхалъ во дворецъ, высидѣлъ обѣдъ, выстоялъ весьма продолжительный «сегле», въ теченіе котораго ко мнѣ подходили императоръ и императрица, отвѣчалъ на рѣчи ихъ, не показывая вида, будто страдаю; когда же пришлось расходиться, боль меня одолѣла: пошелъ я, упираясь въ стѣну, какъ бываетъ съ челоукомъ, неосторожно выпившимъ за обѣдомъ лишній стаканъ.

Эрцгерцогъ Альбрехтъ замѣтилъ мое странное шествіе, подошелъ развѣдать причину и узнавъ, въ чемъ дѣло заключалось, подозвалъ придворнаго лакея, который меня подъ руку провелъ къ экипажу.

Три недѣли послѣ того пришлось мнѣ съ перевязанной ногой пролежать на кровати.

Войска, бывшія на смотру, произвели на меня хорошее впечатлѣніе. Построенія дѣлались правильно, не особенно скоро, за то безъ лишней суеты. Бѣлые мундиры придавали пѣхотному строю очень красивый видъ; кавалерія отличалась ѣздою, но не щеголяла лошадьми, какъ у насъ, подобранными подъ ростъ и подъ одну масть. Артиллерія, на мой взглядъ, ни орудіями, ни запряжкой, ни поворотливостью не могла состязаться съ нашей артиллеріей; за то, ска-

зывали, превосходила ее въ цѣльной стрѣльбѣ, чему я долженъ былъ повѣрить на-слово, не имѣя возможности на смотру познакомиться съ ея боевыми качествами. Не вхожу въ дальнѣйшія подробности касательно обученія, обмундировки и вооруженія австрійскихъ войскъ, что и въ свое время могло интересовать одно наше военное министерство, а теперь потеряло всякое значеніе для поздняго читателя этихъ записокъ, такъ много съ этой поры надъ головой австрійскаго, да и всякаго другого европейскаго солдата, прошло реорганизаций, новыхъ обмундировокъ и перевооруженій. Скажу только, что императорская свита не одной добротою лошадей и блескомъ мундировъ, но и числомъ военныхъ знаменитостей времени еще наполеоновскихъ войнъ способна была обратить на себя общее вниманіе. Кромѣ человекъ шести старыхъ и молодыхъ эрцгерцоговъ, императора сопровождали три фельдмаршала—Виндишгрецъ, Нюжанъ, Братиславъ, генералы Вимпфенъ, Шликъ, Гессъ, Бенедекъ, занимавшіе весьма почетное мѣсто въ преданіяхъ австрійской арміи. Бѣлые генеральскіе мундиры, при красныхъ панталонахъ, эффектно красовались посреди раззолоченнаго конвоя дворцовой трабантенъ и арциренъ лейбъ-гвардіи. Съ непривычки мнѣ показалось нѣсколько страннымъ отсутствіе эполетъ,—мимоходомъ сказать, въ сущности очень практичная выдумка. На взглядъ же военнаго человека, привыкшаго по эполетамъ различать чины, безъ нихъ чего-то недостаетъ въ обмундировкѣ. Офицеръ безъ эполетъ представляется глазу его ровно пѣтухъ безъ гребешка. Но къ этому скоро привыкаешь. Однѣ чрезчуръ укороченныя полы у офицерскихъ кафтановъ очень мнѣ не понравились—на молодомъ человекѣ стройнаго склада еще ничего; на старомъ толстякѣ больно некрасиво.

Императоръ смотромъ остался весьма доволенъ, да, признаться, самый строгій взглядъ не отыскалъ бы повода къ порицанію. Въ тѣ же годы императоръ Францъ-Иосифъ, всецѣло преданный военному дѣлу, въ арміи своей, прошедшей чрезъ революцію, не измѣнивъ долгу своему, увѣнчанной двумя блестящими побѣдами надъ сардинскими войсками, видѣлъ несокрушимый залогъ своего могущества и своей будущей славы. Все въ ней его занимало и радовало. Поэтому, собравъ около себя на Белларіи начальниковъ частей, бывшихъ на смотру, онъ милостиво сталъ имъ оказывать свою признательность именно въ ту минуту, когда я не въ силахъ оказался, спѣшившись, подойти и выслушать его слова.

Понятно было, если графу Грюнне показалось нѣсколько страннымъ и даже неумѣстнымъ, что я остаюсь на лошади, когда спѣшился императоръ, и вся свита, покинувъ лошадей, его окружила.

Извинила меня положительная невозможность исполнить то, что сдѣлали всѣ другіе.

Вѣнское общество изъ своихъ помѣстій переселяется въ городъ очень поздно, не раньше декабря, когда кончается охота. Съ этой

поры начались мои первыя знакомства въ кругу австрійскихъ фамилій; первенствующимъ лицамъ дипломатическаго корпуса, проводящимъ лѣтнее время въ ближайшихъ городскихъ окрестностяхъ, я былъ представленъ еще раньше Балабинымъ и новопривывшимъ посланникомъ нашимъ, барономъ Будбергомъ. Въ средѣ дипломатовъ, датскій министръ, графъ Билле-Браге, человекъ весьма почтенныхъ лѣтъ, счастливый обладатель милоликой, далеко не пожилой супруги, и испанскій посланникъ, Дальонъ, у котораго подростки двѣ дочери, обѣщавшія стать на ряду красивѣйшихъ вѣнскихъ «comtessen» (какъ въ Австріи величаютъ каждую дѣвицу, будь ея отецъ князь, графъ или баронъ), сверхъ официальнаго приема, имѣли обыкновеніе собирать еще болѣе тѣсный кружокъ хорошихъ знакомыхъ въ своихъ пріятныхъ салонахъ. Послѣ театра, кончающагося въ Вѣнѣ не позже десятаго часа, всегда можно было зайти къ Билле-Браге или къ Дальону, съ увѣренностью не скучая провести зимній вечеръ. Принимали и другіе въ Вѣнѣ пребывавшіе послы и посланники, ограничиваясь, однако, зваными вечерами и обѣдами, которыми тщеславно старались другъ друга перещеголять. И Гекернъ, чрезъ Петербургъ прошедшій нидерландскій министръ, оставившій у насъ не весьма добрую память по поводу несчастной кончины Александра Пушкина, не смотря на свою извѣстную бережливость, умѣлъ себя показать, когда требовалось сладко накормить нужнаго человека. Въ одномъ слѣдовало ему отдать справедливость: онъ былъ хорошій знатокъ въ картинахъ и древностяхъ, много тратилъ на покупку ихъ, мѣнялъ, перепродавалъ и всегда добивался овладѣть какою нибудь рѣдкостью, которою потомъ любилъ дразнить другихъ, знакомыхъ ему собирателей старинныхъ вещей. Квартира его была наполнена образцами стариннаго издѣлія, и между ними дѣйствительно не имѣлось ни одной посредственной вещи. Былъ Гекернъ уменъ; полагаю, о правдѣ имѣлъ свои собственныя, довольно широкія, понятія, чужимъ же прегрѣшеніямъ спуску не давалъ. Въ дипломатическомъ кругу сильно боялись его языка, и хотя не долюбливали, но кланялись ему, опасаясь отъ него злого слова.

Случилось мнѣ однажды сидѣть возлѣ него на придворномъ балѣ. Мимо насъ, гордо вперивъ глаза въ потолокъ, прошелъ новоименованный, далеко не синекровный, министръ финансовъ, не успѣвшій еще научиться при дворѣ выступать съ подобающимъ смиреніемъ.

— Вы полагаете,— замѣтилъ Гекернъ довольно громко,— этотъ господинъ такъ высоко держитъ голову въ чувствѣ своего новаго достоинства; нисколько—считаетъ онъ свѣчи на люстрахъ, соображая, нельзя ли въ бюджетѣ сдѣлать сокращеніе по пункту бальнаго освѣщенія.

На большихъ придворныхъ балахъ, передъ ихъ заключеніемъ,

императрица проходитъ чрезъ всю танцевальную залу къ чайному столу, устроенному въ особой комнатѣ, приглашая слѣдовать за собой пословъ съ супругами и женъ прочихъ начальниковъ иностранныхъ миссій. Въ то время въ Вѣнѣ находился въ званіи султанскаго посла, князя Калимахи, маленькій, худенькій господинъ супруга же его предъ всѣми вѣнскими дамами отличалась пышными формами своей объемистой особы. Отправилась процессія, которой предшествовалъ церемоніймейстеръ, постукивая жезломъ. Вслѣдъ за величавой императрицей, скользившей легкою поступью по гладкому паркету, пыхтя, плыла на всѣхъ парусахъ княгиня Калимахи, торопясь не дать другой дамѣ себя опередить; возлѣ худенькій супругъ, покачиваясь, быстро перебиралъ ногами.

Опять довелось мнѣ недалеко отъ Гекерна слѣдить за этимъ любопытнымъ шествіемъ.

— «Regardez moi,— обратился онъ ко мнѣ,— comme ce couple represente bien: lui, la Turquie defaillante, elle, le Divan dans toute sa splendeur» ¹⁾.

Такихъ ѣдкихъ замѣчаній за Гекерномъ считалось очень много— всего не припомнишь.

Гордое австрійское общество споконъ вѣку отличалось своею надменною исключительностью, и эта слава осталась за нимъ по настоящее время. Сказать нельзя, будто австрійская аристократія, не соблюдая должной вѣжливости, чуждается иностранцевъ обиднымъ образомъ, но не менѣе того она постоянно уклоняется отъ всякаго дружескаго сближенія съ ними. Иностранцу, какого бы ни было высокаго положенія, въ Вѣнѣ можно прожить десятки лѣтъ, всѣхъ знать, у всѣхъ бывать, и все-таки остаться чужимъ въ глазахъ своихъ дорогихъ австрійскихъ пріятелей. Бываютъ случайныя изытія, но чрезвычайно рѣдко. Знакомство обыкновенно ограничивается приглашеніемъ на обѣдъ, балы, рауты, и — размѣномъ визитныхъ карточекъ, которыя отдаются, не спрашивая даже, дома ли хозяйка, или хозяинъ. Такъ заведено.

Высшее австрійское общество не лучше и не хуже всякаго другаго европейскаго образованнаго общества, равнаго ему по достатку и по происхожденію: своимъ чередомъ страсти и страстишки всякаго рода, благородныя и неблагородныя, туманятъ гладкую поверхность свѣтскимъ лоскомъ прикрытой семейной жизни, происходятъ скандалы, но все это творится келейно, по возможности, припрятано отъ чужого глаза. Какъ женское сердце ни своевольно въ выборѣ своихъ привязанностей, но у австрійскихъ свѣтскихъ дамъ, кажется, оно приучено покоряться строгой кастовой дисциплинѣ,

¹⁾ Принужденъ приводить нѣкоторыя слова на томъ языкѣ, на которомъ они были произнесены, ради сбереженія того едва уловимаго оттѣнка, который въ переводѣ не всегда можно передать совершенно точно.

загорается лишь въ пользу своего собрата по языку и по рожденію. Тутъ все происходитъ въ своемъ тѣсномъ, замкнутомъ кругу, все шито и крыто, развѣ уже дѣло завязалось такого рода, что никакимъ способомъ не можетъ уйти отъ огласки. Случай, въ которыхъ бы австрійская дама аристократическаго круга сердцемъ отдалась чужестранцу, столь рѣдки, что не трудно ихъ пересчитать по пальцамъ, и это австрійскимъ свѣтскимъ красавицамъ можетъ быть причтено въ немалую заслугу, потому что онѣ отнюдь не грѣшатъ черствымъ сердцемъ, ни ледянымъ темпераментомъ.

Въ первое время моего пребыванія въ Вѣнѣ только одинъ домъ постоянно былъ открытъ для иностранцевъ. Графиня Елена Эстергази, рожденная Безобразова, племянница бывшаго русскаго посла, балы Татищева, въ теченіе цѣлой зимы каждый вечеръ принимала всѣхъ своихъ знакомыхъ, истинно дружески относясь къ своимъ соотечественникамъ. Въ ея домѣ, какъ на нейтральной почвѣ, привѣтливо сходились корифеи австрійскаго общества съ заграничными представителями хорошаго тона. Большая, изящно убранная гостиная, открытая до поздней ночи, каждый вечеръ вмѣщала челоуѣкъ двадцать привычныхъ посѣтителей: въ перемежку съ молодыми и старыми дипломатами, громкими австрійскими именами, пережившими себя любезниками и молодежью, только что выступившею на сцену свѣта, тутъ можно было встрѣтить цвѣтъ вѣнскихъ красавицъ, имѣвшихъ право гордиться собой, богатствомъ, молодостью и своею вѣковою родословной. Кто въ Вѣнѣ не восхищался тогда княгиней Обреновичъ (супругой князя Михаила, двѣнадцать лѣтъ спустя, павшаго въ Бѣлградѣ подъ ударами убійцъ, сербскихъ партизановъ Александра Карагеоргевича), принцессой Мекленбургской, княгиней Гую Виндишгрецъ, кокетливой графиней Госсъ, бѣлокурой графиней Эрдеди Оберндорфъ, обладавшей рѣдкимъ даромъ, подвигаясь въ лѣтахъ, неизмѣнно сохранять видъ цвѣтущей молодости.

Чайнымъ столомъ въ гостиной распоряжалась дочь графини Елены, отъ перваго брака съ графомъ Апраксинымъ, живая, кокетливая графиня Жюли Батъяни, около которой роилась молодежь, на лету ловившая ея слова и взгляды. Напрасно тогда тратили на нее перлы своей любезности записные фрачные и мундирные сердцевѣды, напрасно рисовались предъ ней, жеманно поигрывая часовой цѣпочкой или молодецки побрякивая шпорами. Жюли оставалась неприступною: вышла она замужъ по любви за графа Тури (Артура), и любовь не успѣла еще погаснуть въ ея, многолѣтнимъ супружествомъ не утомленномъ, сердцѣ. Помню, какъ однажды, вечеромъ, графиня Елена не отказалась меня принять, когда простудой заболѣвшій Батъяни осужденъ былъ лежать въ постели. Въ одномъ углу обширной спальни сидѣла графиня Елена за чайнымъ столикомъ, на другомъ концѣ лежалъ Тури; возлѣ него, не отводя

страстныхъ глазъ отъ больного, ухаживая за нимъ, какъ за дитятей, красовалась его заботливая супруга. При видѣ этой трогательной семейной картины, не могло же мнѣ въ голову прийти, что подобное супружеское счастье такъ скоро разлетится въ мелкіе дребезги. Годъ спустя, графиня Елена, покинувъ городъ на лѣто и на зиму, поселилась въ Ландшицъ, богатомъ помѣстьѣ, оставленномъ ей покойнымъ мужемъ, графомъ Эстергази, въ пожизненное владѣніе. вмѣстѣ съ нею переѣхали въ Ландшицъ, лежащій въ Венгріи, недалеко отъ Вѣны, графъ Батъяни съ женою и двумя малолѣтними дочерьми. Однообразная деревенская жизнь, кажется, не пришлась по сердцу ни Батъяни, ни его нервозной супругѣ, привыкшимъ веселиться по-городскому. Соскучились они, и подъ напоромъ пожирающей скуки, должно быть, стала потухать ихъ горячая супружеская любовь. Отъ нечего дѣлать, тревожнымъ воображеніемъ надѣленная, Жюли принялась за перо, написала и напечатала на французскомъ языкѣ романъ «Ilona», потерпѣвшій довольно громкое фіаско. Должно быть, самый языкъ не отличался должной чистотою, потому что по этому поводу въ вѣнскомъ обществѣ повторялось слово, пущенное бельгійскимъ министромъ, величественнымъ О'Суливаномъ. На вопросъ какой-то дамы, познакомился ли онъ съ твореніемъ талантливой графини, О'Суливанъ сразилъ ее отвѣтомъ.

— «Pardon, madame, je ne lit pas du français».

Литературный трудъ Жюли Батъяни послужилъ для нея какъ бы вступленіемъ на скользкій путь самыхъ разнообразныхъ романическихъ походовъ, долгое время служившихъ пищею свѣтскимъ толкамъ. Въ одинъ прекрасный день, покинувъ дѣтей и мужа, она исчезла изъ Ландшица, и вмѣстѣ съ нею исчезъ изъ Пинта нѣкій, очень молодой венгерскій кавалеръ. Куда направили свой полетъ оба голубя, осталось глубокой тайной. Матушка и супругъ съ одной стороны, съ другой старшій братъ, попечитель юноши, кинулись отыскивать странствующую чету, и не безъ труда отыскали ее въ какой-то малоизвѣстной вѣнской гостиницѣ. Молодого человѣка братъ принудилъ возвратиться къ своимъ пенатамъ, она же рѣшительно отказалась вернуться подъ супружескій кровъ, въ Венгріи поступила на сцену, имѣла неудачу и послѣ того переѣхала въ Парижъ. Воображая себя драматической артисткой, въ Парижѣ она сдѣлала новую театральную попытку, съ перваго раза была ошкандана, и, не видя другаго спасенія, съ неблагодарныхъ подмостковъ крутымъ поворотомъ перенеслась на почву религіозныхъ убѣжденій—изъ православія перешла въ лоно католической церкви, чѣмъ и поставила себя подъ покровительство богомольныхъ дамъ Сентъ-Жерменскаго предмѣстья, по имени признававшихъ ее равнокровною, а вслѣдствіе присоединенія къ римской церкви очищенною отъ всѣхъ прошедшихъ прегрѣшеній. Тутъ удалось ей очаровать какого-то испанскаго

кавалера, принадлежавшаго къ свитѣ въ Парижѣ проживавшей королевы Изабеллы. Наученная горькимъ опытомъ, сколько неудобствъ влечетъ за собой пренебреженіе свѣтомъ установленныхъ правилъ, она рѣшилась не принадлежать ему иначе, какъ подъ титуломъ законной сожительницы. Между тѣмъ разводъ въ католической церкви дѣло трудное, почти невозможное, а первый мужъ, графъ Батъяни, еще живъ. Какъ тутъ быть? — находчивая графиня не осталась на мели; не вдаваясь въ дальнія разсужденія, она приняла протестантскую вѣру, каковымъ актомъ ея католическій первый бракъ фактически расторгался, и обвѣнчалась съ своимъ испанцемъ-архикатоликомъ. Такимъ необыкновеннымъ путемъ, на почвѣ самыхъ рѣдкихъ противоположностей, создала она себѣ новое легальное положеніе. Совершенно потерявъ ее изъ виду, не знаю, послѣ своего испанскаго брака сподобилось ли ей окончателно пристать къ безтревожному берегу обиходной домашней жизни — кажется, имѣла время переѣзситься.

Кто изъ русскихъ, побывавшихъ въ Вѣнѣ хотя мимоѣздомъ, не успѣлъ познакомиться съ графинею Еленой, не былъ принятъ и обласканъ ею съ истинно русскимъ радушіемъ. Не весьма удачно было ея первое замужество; потомъ судьба ей улыбнулась, наступила для нея полоса блеска и счастья, а старость заключилась горемъ и домашними заботами. Ежели въ ея вторичный бракъ съ Эстергази закралась маленькая неправильность, то слѣдовало прежде всего винить обстоятельства, и всякій укоръ невольно умолкалъ предъ ея сердечной добротой и предъ нѣжной заботливостью, съ какою она воспитывала своихъ внучекъ, дочерей повихнувшейся Жюли, тщательно оберегая для нихъ остатки своего сильно разстроеннаго состоянія.

Говоря о домахъ, служившихъ дружескимъ пріютомъ для русскихъ, неблагоприятно было бы умолчать объ Александрѣ Александровичѣ Полянскомъ, вѣнскомъ старожилѣ, помнившемъ еще Татищева, при коемъ онъ поступилъ въ посольство. Женившись на австрійской уроженкѣ и похоронивъ служебную амбицію на камергерскомъ ключѣ, онъ съ той поры поселился въ Вѣнѣ, не переставая, однако, помнить Россію, любить все русское и охотно сближаться съ русскими, которыхъ судьба ему посылала. Независимый по состоянію и по характеру, внѣ большаго свѣта, мирно доживалъ онъ свой вѣкъ въ кругу близкой родни и короткихъ знакомыхъ. Джентельменъ въ широкомъ значеніи слова, Полянской не одною домашнею обстановкою, но и душевнымъ благородствомъ положительно напоминалъ добраго, благовоспитаннаго русскаго барина стараго покроя. Познакомились мы скоро послѣ моего пріѣзда и прожили послѣ того долѣе двадцати лѣтъ, до самой его кончины, въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, составляющихъ одно изъ моихъ лучшихъ вѣнскихъ воспоминаній.

III.

Поѣздка императора и императрицы въ Ломбардію.— Придворные обычаи.— Австрійская аристократія.— Пріѣздъ жены въ Вѣну.— Жизнь въ Поцлейндорфѣ.— Прусскій военный агентъ Камеке.— Случай въ канцеляріи генераль-квартирмейстера Гессе.— Натянутыя отношенія Австріи и Сардиніи.— Собранія въ гостиницѣ Штадтъ-Франкфуртъ.— Мѣрингъ.

Во второй половинѣ ноября, императоръ съ императрицею, сопровождаемые полнымъ придворнымъ штатомъ, отправились въ Италію, гдѣ они продлили свое пребываніе до начала марта слѣдующаго года. Цѣлью этого путешествія было ласкою возстановить въ ломбардо-венеціанскомъ населеніи, происшествіями 1848 года ослабленную, связь его съ домомъ Габсбурговъ, коего владычество въ Италіи замѣтно продолжало колебаться, невзирая на побѣды Радецаго и на строгія мѣры, которыми онъ итальянцевъ удерживалъ въ границахъ наружнаго повиновенія. Статный императоръ, особенно же краскою и молодостью блиставшая императрица успѣли лично произвести обаятельное впечатлѣніе на скоро увлекающихся итальянцевъ, но народной вражды имъ не удалось превратить въ любовь и преданность. Слишкомъ глубоко укоренилась злоба противъ ненавистныхъ имъ тедеско-аустріаковъ въ груди поборниковъ итальянской независимости, безпрестанно раздражаемыхъ безтактностью придирчивой австрійской администраціи и высоко-мѣрнымъ обращеніемъ австрійскихъ солдатъ и офицеровъ, не знавшихъ мѣры и предѣла оскорбленій, которыя они ежедневно наносили итальянскому національному самолюбію. Правду сказать, сами итальянцы въ долгу не оставались: крѣпко-накрѣпко заперлись въ своихъ домахъ и, встрѣчаясь на улицѣ, съ злостнымъ пренебреженіемъ отворачивались отъ своихъ нѣмецкихъ недруговъ. Императоръ Францъ-Иосифъ, уже начавшій прозрѣвать, не смотря на Бахомъ подготовленныя миланскія шумныя оваціи, понялъ, что въ Италіи готовятся новыя смуты, и его только убаюкиваютъ лживыми увѣреніями, будто порядокъ возстановленъ на прочномъ основаніи, и никто не дерзнетъ его нарушить. Свое внутреннее убѣжденіе умѣлъ онъ скрыть отъ чужого глаза, но что тогда уже въ немъ возникла мысль о необходимости въ скоромъ времени изъ-за итальянскихъ провинцій взяться за оружіе, мнѣ открылъ нечаянный случай, о чемъ припомню въ своемъ мѣстѣ.

Дворъ находился въ отсутствіи, а городъ продолжалъ веселиться обычнымъ порядкомъ: балы, рауты и обѣды шли своимъ чередомъ; не доставало только двухъ или трехъ придворныхъ баловъ, въ чемъ состояла вся разница. Австрійское высшее дворянство, надо сказать, по всѣмъ вопросамъ общественной жизни держитъ себя очень независимо: твердо предано монархическому принципу, благоговѣть

предъ императорскимъ авторитетомъ, но раболѣпно не подчиняется указаніямъ двора, опирая свою самостоятельность на богатую поземельную собственность и на принадлежащія ему вѣковыя права. Помню слова, сказанныя мнѣ по этому случаю однимъ знатнымъ австрійскимъ генераломъ: «кровью и силами своими жертвую государству, безусловно повинуюсь моему государю, но живу, думаю и чувствую, какъ велитъ одна моя собственная совѣсть». Въ Вѣнѣ челоуѣкъ можетъ быть при дворѣ «*persona gratissima*», не пользуясь въ обществѣ особеннымъ отличіемъ, ни какимъ либо исключительнымъ придворнымъ преимуществомъ. Установленный этикетъ положительно противится всякому отступленію отъ традиціоннаго порядка.

Кромѣ военныхъ, имѣющихъ право являться ко двору независимо отъ общихъ правилъ придворнаго этикета, въ Австріи однимъ камергерамъ, «*Kämmerer*», — камеръ-юнкеры не существуютъ, — принадлежитъ право невозбранно вращаться въ придворной сферѣ. Званіе же камергера дается не по особой монаршей милости и не по министерскому ходатайству за какія либо заслуги, а по закону принадлежитъ каждому дворянину, считающему за предками по мужской и женской линіи шестнадцать поколѣній безъ примѣси мѣщанской крови. Желаящій воспользоваться сказаннымъ правомъ представляетъ свою родословную, обергофмаршальское управленіе разсматриваетъ документы, составляетъ докладъ, а императору остается только просителя утвердить въ его правѣ. Такимъ же образомъ правомъ бывать при дворѣ пользуются лица, пожалованныя императоромъ въ тайные совѣтники «*Geheimräthe*», коимъ въ Австріи только и принадлежитъ титулъ превосходительства, не принадлежащій ни генераль-маіору, ни фельдмаршалъ-лейтенанту. Превосходительными называютъ еще пословъ и государственныхъ министровъ, пока они состоятъ въ должности. Военное званіе отнюдь не мѣшаетъ получить тайнаго совѣтника, или воспользоваться наслѣдственнымъ правомъ на камергерскій ключъ, замѣняемый на мундирѣ двумя пуговками на томъ мѣстѣ, гдѣ ему слѣдуетъ быть. Какъ строго держатся всѣхъ упомянутыхъ правилъ, можно усмотрѣть изъ двухъ слѣдующихъ случаевъ.

Фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ, считая себя слишкомъ большимъ бариномъ, чтобы за спиною носить камергерскій ключъ, никогда не просилъ включить его въ число камергеровъ, за что на большихъ придворныхъ балахъ былъ лишенъ преимущества на ряду съ камергерами и дипломатическимъ корпусомъ въ танцевальной залѣ выжидать прихода императорской фамиліи, а принужденъ былъ оставаться въ аванзалѣ среди военныхъ чиновъ до появленія императора, послѣ чего имъ дозволялось войти въ главную залу.

Другой случай: баронъ Гондриксъ, весьма достаточный моравскій помѣщикъ, былъ три раза женатъ. За его первую женою не-

доставало двухъ потребныхъ колѣнъ дворянскаго званія, почему ни она, ни ея дочь, въ замужествѣ графиня Маршалъ, не имѣли пріѣзда ко двору, дѣти же графини Маршалъ считались уже полноправными. По этой причинѣ графиня Маршалъ сама не могла свою дочь представить императрицѣ и тѣмъ открыть ей пріѣздъ ко двору, а принуждена была предоставить это дѣло своей мачихѣ, третьей супругѣ барона Гондрикса, имѣвшей счастье родиться полнымъ числомъ предковъ надѣленной графиней Митровской.

Не дѣлая никакихъ выводовъ, предоставляю каждому дѣло разсудить посвоему. Думаю, однако, что эти средневѣковою чопорностью отзывавшіяся постановленія также имѣли свою недурную сторону, заграждая бесплодному мелкому тщеславію помощью интриги пролагать себѣ дорогу къ придворнымъ почестямъ. На моей памяти еще жены даже министровъ, не принадлежавшихъ къ старому дворянству, не бывали при дворѣ, открытомъ ихъ мужьямъ по праву министерскаго званія. Только недавно Геймерли заставилъ сдѣлать отступленіе отъ этого правила, положительно отказавшись принять портфель министра иностранныхъ дѣлъ, ежели на жену его не будетъ распространено ему самому принадлежащее право бывать при дворѣ.

Не всегда, однако, дворецъ оставался совершенно неприступнымъ для неполноправныхъ дворянъ и даже для нѣкоторыхъ лицъ не дворянскаго происхожденія. Въ продолженіе зимы при дворѣ давалось нѣсколько баловъ, дѣлившихся на три категоріи — «Hofball», «Ball bei Hofe» и «Kammerball». Для баловъ второй и третьей категоріи разсылались именныя приглашенія; «каммербалъ» отличался отъ бала «бей-гофе» только тѣмъ, что на немъ не бывали иностранцы, приглашенные на балъ «бей-гофе»; а на «гофбалъ», по печатному объявленію, могъ явиться безъ разбора чина и происхожденія каждый, у кого на груди красовался любой австрійскій орденъ.

Обѣды и балы занимаютъ въ свѣтской жизни, какъ извѣстно такое важное мѣсто, что, говоря о вѣнскомъ обществѣ, значило бы провиниться предъ нимъ, пропустивъ упомянуть, кто именно въ Вѣнѣ отличался умѣньемъ вкусно кормить и веселить со вкусомъ.

Въ 1856 году, да и позже, самые блистательные балы, на которыхъ рѣдко дворъ не присутствовалъ, бывали у князя Ауерсберга, у маркиза Палавичини, у владѣтельнаго князя Лихтенштейна («der Souveräne», какъ его прозывали для отличія отъ Шварценберга, носившаго названіе «der Regierende») и у князя Шварценберга, мужа знаменитой княгини Лори (Елеоноры), до конца жизни своей первенствовавшей въ вѣнскомъ обществѣ, не зная равной себѣ соперницы. Писанная красавица въ дни молодости, еще въ мое время замѣчательно свѣжая дама, первая по имени и по состоянію, занимала она въ Вѣнѣ совершенно исключительное положеніе и пользовалась имъ, нисколько не стѣснясь общественнымъ мнѣніемъ, бу-

дучи увѣрена, что все ей будетъ прощено за красоту, за знатное имя и за богатство, которымъ она ослѣпляла низкопоклонную толпу. Попасть къ ней на вечеръ, особенно же похвалиться короткимъ знакомствомъ съ ея свѣтлостью, считалось верхомъ благополучія, и не было такой хитрой уловки, на которую бы не подались вѣнскіе снобы обоого пола, чтобы только видъ подать, будто дѣйствительно пользуются такимъ драгоценнымъ преимуществомъ. Рассказываютъ, будто извѣстный Кауницъ, для удержанія за собою славы не совершенно еще отжившаго любезника, по вечерамъ посылалъ свою пустую карету нѣсколько часовъ простоять у подъѣзда которой нибудь въ чести бывшей пѣвицы или балетистки. Не знаю, слѣдуетъ ли принять это за правду, или считать одной пикантной выдумкой, но въ мою бытность нѣкоторыя честолюбивыя вѣнскія дамы дѣйствительно отправляли по утрамъ свои экипажи на Мелмарктъ постоять часокъ возлѣ Шварценбергскаго дома. Пройдетъ знакомый, узнаетъ экипажъ, подумаетъ—счастливая, проводитъ утро у княгини Лори—расскажетъ въ городѣ; соперницы стануть глядѣть на нее съ завистью и даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ; ея свѣтское положеніе установится на хорошемъ основаніи. Говорятъ, княгиня была очень умна—ничего не могу сказать объ этомъ, не имѣвъ чести состоять съ княгинею Лори на короткой ногѣ, однако должно быть справедливо, потому что она такъ вѣрно понимала свѣтъ, и людскіе пересуды не цѣнила выше того, чего стоитъ всякая праздная болтовня. Велика бѣда, что за глаза будутъ хаять и бранить; въ глаза тѣ же людишки ни въ какомъ разѣ не перестанутъ низко кланяться и сладко улыбаться; стоитъ ли послѣ того бояться суда ихъ?

Болѣе пріятное впечатлѣніе производила на меня ея сестра, княгиня Леопольдина Лобковичъ, не блиставшая, подобно княгинѣ Лори, ни красотой, ни богатой домашней обстановкой, но привлекавшая общее расположеніе своею нечванною, всегда ровною любезностью.

Вечера, балы и обѣды у графа Буля и у оберъ-гофмейстера князя Карла Лихтенштейна имѣли для иностранныхъ миссій чисто офиціальныя характеры. Любезнѣе и внимательнѣе князя Карла не было человѣка при дворѣ и въ обществѣ; равнялся ему въ этомъ еще обергофмаршалъ графъ Куфштейнъ, за что оба они слыли двумя самыми вѣжливыми грансиньорами въ цѣлой Австріи. Князь Лихтенштейнъ пользовался рѣдкою популярностью во всѣхъ слояхъ вѣнскаго населенія: въ Вѣнѣ, полагаю, не было торговки, ни торгаша, которые бы его не знали, предъ нимъ не присѣдали и не снимали шапки. Высокій, красивый, далеко за семьдесятъ лѣтъ переступившій князь Карлъ, въ одномъ уланскомъ мундирчикѣ своемъ, какая бы ни была погода, ежедневно легкою походкой измѣрялъ дорогу изъ города въ Пратеръ и пѣшкомъ возвращался въ Шенксиштрассе, на свою квартиру¹⁾. Въ извѣстный часъ до того

1) Около 7 верстъ.

привыкли его видѣть на пути въ Пратеръ, что въ 1865 году, когда въ продолженіе двухъ дней никому не удалось встрѣтить его на Грабенѣ и въ Егерцейлѣ, всѣ въ городѣ заговорили: вотъ уже второй день князя Карла не видать, значитъ плохо ему пришлось! И дѣйствительно 7 апрѣля отдалъ онъ Богу свою благородную, ни въ какомъ дурномъ дѣлѣ неповинную душу, и я потомъ имѣлъ прискорбіе присутствовать на погребеніи его.

Въ то время еще одна выдающаяся личность занимала въ вѣнскомъ обществѣ очень видное мѣсто: то былъ фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ. Участіе, которое онъ въ революціонные годы принималъ въ усмиреніи Праги и Вѣны, и его неудачный венгерскій походъ пользуются гласностью, избавляющею меня отъ повторенія фактовъ, слишкомъ хорошо извѣстныхъ всей читающей публикѣ. Постараюсь очертить его личность. Наружностью князь не отличался: меньше средняго роста, неподвижнымъ взглядомъ, какъ бы застывшими чертами блѣднаго лица и важною поступью напоминалъ онъ поразительнымъ образомъ донжуановскаго командора, съ которымъ, бывало, его сравнивали, когда онъ, съ точностью часовой стрѣлки, ровно въ полночь, тихо появлялся на порогѣ какой либо гостиной. Тогда присутствующіе подымались, какъ по сигналу, почтительно встрѣтить человѣка, котораго вся австрійская аристократія признавала своимъ настоящимъ избавителемъ отъ революціи и самымъ упорнымъ защитникомъ древнихъ дворянскихъ привилегій, за что въ обществѣ и не переставали его честить всѣми мѣрами, не смотря на потерянное имъ благоволеніе двора. Отличительныя качества его — не всегда обдуманная рѣшимость и непреодолимое упрямство, при чувствительномъ недостаткѣ дальновидности, позволяли ему дѣйствовать съ пользою только подъ руководствомъ чужой, болѣе осмотрительной воли. Политическимъ смысломъ онъ не былъ одаренъ, и во время своей военной диктатуры 1848 года надѣлалъ не мало ошибокъ, нравственно повредившихъ Австріи въ глазахъ германскаго народа, чѣмъ и было положено первое основаніе къ будущему возвышенію Пруссіи. Князь Шварценбергъ вѣрно понималъ хорошія и дурныя стороны его ума и характера, воспользовался имъ въ часъ опасности, когда требовалось рубить съ плеча, а когда наступилъ желанный порядокъ, тотчасъ отнялъ у него всякое вліяніе на государственныя дѣла. Въ поговорку обратившаяся гордость князя Виндишгреца, рѣзко высказанная отвѣтомъ, который онъ во время вѣнскаго конгресса далъ нашему великому князю Константину Павловичу на его саркастическое замѣчаніе: «il paraît, mon prince, que vous faites le grand seigneur?» — «je n'ai pas besoin de le faire, je le suis!» — имѣла однако и свою недурную сторону. Ни на волосъ не отступая отъ истинно благороднаго правила — «poblesse oblige», первую обязанностью чистокровнаго дворянина Виндишгрецъ признавалъ сбереженіе честнаго имени, перешедшаго

къ нему отъ предковъ. Деньги въ глазахъ Виндишгреца имѣли меньшую цѣну: всей Вѣнѣ было извѣстно, какія сильныя потери онъ понесъ на бумагахъ австрійскаго кредитнаго банка только потому, что отказался ихъ продать, когда банкъ сталъ колебаться, объявивъ, что, на его взглядъ, дворянину неприлично вдаваться въ биржевыя спекуляціи, которыми позволено обогащать себя однимъ жидамъ и лавочникамъ. Къ русскимъ Виндишгрецъ питалъ непритворное расположеніе, вслѣдствіе чего я имѣлъ удовольствіе пользоваться его ласковымъ вниманіемъ и часто бывать у него по самую его кончину.

Наступила весна. Изъ Россіи пріѣхала жена съ нашею воспитанницею, Александрю Тизенгаузенъ — собственныхъ дѣтей мы не имѣли. Съ той поры зажилъ я въ Вѣнѣ семейною жизнью, безъ которой принужденъ былъ обходиться въ продолженіе зимы, не успѣвъ отыскать удобной квартиры. На лѣто поселились мы въ Поцлейнсдорфъ, небольшомъ мѣстечкѣ у подножья Винервальда, полчаса ѣзды отъ города, во флигелѣ замка, принадлежавшаго нѣкоему барону Левенталю. Вѣна богата красивыми окрестностями, и Поцлейнсдорфъ безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ заманчивыхъ лѣтнихъ убѣжищъ. Холмистая лѣсная мѣстность, окружавшая замокъ, открывала по всѣмъ направленіямъ множество тѣнистыхъ прогулокъ. Примыкавшій къ нему обширный паркъ, разстланный по западному скату невысокаго гребня, отдѣлявшаго насъ отъ Вѣны, въ полной мѣрѣ доставлялъ намъ, чего лучше нельзя требовать для деревенской жизни — прохладу, тишину и уединеніе. Если подняться на высоту, которою заканчивался паркъ, подъ ногами открывался городъ, какъ на ладони — видъ былъ ненаглядно живописенъ. Близость города въ то же время давала возможность бывать въ немъ каждое утро, къ обѣду возвращаясь въ Поцлейнсдорфъ. Тутъ я короче сошелся съ Камеке, моимъ прусскимъ коллегой, который почти ежедневно къ намъ пріѣзжалъ, или приходилъ пѣшкомъ — дорога изъ города, пролегая между двумя непрерывными рядами садовъ и загородныхъ домиковъ по широкому шоссе, окаймленному высокими каштановыми деревьями, служила очень пріятной прогулкой. Въ лѣтніе дни, съ утра до поздней ночи, пестрѣла по шоссе толпа гуляющихъ, и каждые полчаса трусилы въ оба конца громоздкіе желтые omnibusы; усталому было куда присѣсть и покойно доѣхать до мѣста.

Знакомство съ Камеке навсегда оставило во мнѣ самое пріятное воспоминаніе. Человѣкъ тонкаго ума, отличный офицеръ, пріятный товарищъ, умѣлъ онъ дѣлать всякое дѣло ровно шутя: наблюдать незамѣтно и писать коротко, отнюдь не больше, чѣмъ требовала дѣйствительная польза, никогда не придавая своей дѣятельности тотъ видъ таинственной озабоченности, которою святая посредственность обыкновенно маскируетъ свое пустодѣліе. Всегда доста-

вало у него довольно времени на дѣло и на развлеченіе. Исходили мы съ нимъ всѣ поцлейнсдорфскія окрестности, излазили всѣ горы и много о чемъ откровенно переговорили. Пріятно даже было иногда поспорить съ нимъ, потому что при его умѣ и образованіи никакой споръ не могъ перейти за предѣлы пріятельскаго размѣна мыслей. Глубокій прусскій патриотъ по чувству, ясно понималъ онъ разсудкомъ, что, принадлежа къ разнымъ народностямъ, мы могли служить противоположнымъ интересамъ, діаметрально расходиться въ политическихъ мысляхъ, нисколько, однако, не расходясь въ понятіяхъ о чести и долгѣ, чего больше не позволено требовать ни отъ противника, ни отъ пріятеля. Наше положеніе въ Австріи, сносное по наружности, въ сущности же мало симпатичное военнымъ властямъ, мало чѣмъ отличалось. На него и на меня глядѣли одинаково подозрительно; одинаково затрудняли намъ пристально заглянуть въ глубину военныхъ реформъ и военныхъ приготовленій. Дѣло понятное: Россіи Австрія опасалась, Пруссіи она прямо боялась, а Россія и Пруссія не довѣряли Австріи и бдительно слѣдили за всѣмъ, что въ ней совершалось по военной части. Поэтому намъ обоимъ приходилось вести себя очень осторожно, чтобы не возбудить подозрѣнія въ неумѣстномъ рвеніи узнавать такъ называемые военные секреты, которые, впрочемъ, какъ ни старайся, для знающаго дѣло, да еще при свободѣ печати, почти никогда не остаются неразгаданными тайнами.

По этому поводу припомню случай, совершенно негаданно открывшій мнѣ весьма любопытное дѣло.

Въ началѣ 1857 года, когда австрійскій дворъ еще находился въ Миланѣ, въ Вѣну пріѣхалъ молодой офицеръ, отправленный нашимъ министерствомъ изучать военную администрацію въ разныхъ европейскихъ государствахъ. Поѣхалъ я его представлять мѣстнымъ военнымъ властямъ, въ томъ числѣ генераль-квартирмейстеру, барону Гессу, имѣвшему въ Бургѣ свою канцелярію. Въ большой комнатѣ, примыкавшей къ генеральскому кабинету, сидѣло за работой нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба; въ сторонѣ находился столъ, на которомъ была разложена карта Австрійской имперіи, утыканная разноцвѣтными булавками: сильная группа въ Ломбардіи, двѣ группы, поменьше, въ Галиціи и въ дунайской долиנѣ. Зная, какъ мнѣ слѣдовало себя держать въ моемъ положеніи, сразу понявъ дѣло, я отошелъ въ противоположную сторону, будто ничего не замѣтилъ. Молодой товарищъ мой, прежде чѣмъ мнѣ удалось его остановить, напротивъ того метнулся къ столу, на которомъ лежала карта, съ вопросомъ: что это?—дислокація? Тогда адъютантъ Гесса, ни слова не отвѣчая, смѣшалъ булавки, схватилъ карту и понесъ ее въ генеральскій кабинетъ.

Размѣщеніе булавокъ, а больше еще досадливый пріемъ, которымъ адъютантъ отвѣтилъ на заданный ему, юношески невинный

вопросъ, привели меня къ заключенію, что въ Италіи готовятся complicаціи, обращающія на себя скорѣеанное вниманіе австрійскаго правительства.

При первомъ свиданіи сообщилъ я нашему посланнику, барону Будбергу, мои мысли касательно этого предмета, прибавивъ, что, по моему убѣжденію, въ Италіи готовится новая война, не берусь сказать—по почину Австріи или Сардиніи, знаю только, что въ такомъ случаѣ не рассчитываютъ на безусловную нейтральность со стороны Франціи — слишкомъ густа показалась мнѣ группа булавокъ противъ одной Сардиніи, да и другая группа не даромъ же была помѣщена въ дунайской долинѣ.

Баронъ Будбергъ вѣрить не хотѣлъ.

— Вы придаете дѣлу слишкомъ важное значеніе, — замѣтилъ онъ: — что вы видѣли, могло быть однимъ офицерскимъ научнымъ упражненіемъ.

— Офицеры упражняются въ военной школѣ и въ отдѣленіяхъ генеральнаго штаба. Въ собственной канцеляріи генераль-квартирмейстера теоріей не занимаются, а примѣняютъ ее на практикѣ. На мой взглядъ, дѣло стѣитъ вниманія; я предвижу войну.

Баронъ махнулъ рукой.

— Point d'éventualité! personne n'a de l'argent, personne ne désire la guerre.

Предъ авторитѣтомъ такого опытнаго дипломата, какимъ признавался Будбергъ, мнѣ только оставалось смолкнуть; отъ своего, мнѣнія, однако, я не отрекся, и тутъ же задумалъ на другой годъ побывать въ Италіи, оглядѣться на мѣстѣ.

Въ нѣкоторое оправданіе моего мнѣнія скоро послѣ того стали проявляться первые симптомы новаго разлада вѣнскаго съ туринскимъ дворомъ. Оскорбительныя выходки сардинской прессы противъ австрійскаго правительства и противъ самого императора, убѣжище, которымъ ломбардо-венеціанскіе эмигранты пользовались въ Пьемонтѣ, исходившія оттуда подстрекательства къ общему возстанію итальянскаго народа противъ чужестраннаго господства, служили поводомъ распри, дошедшей наконецъ до прекращенія дипломатическихъ сношеній между двумя державами, издавна боровшимися одна—установить, другая сберець свое преобладаніе на Апеннинскомъ полуостровѣ. Въ концѣ марта изъ Турина былъ отозванъ австрійскій посланникъ, князь Пааръ, и вслѣдъ затѣмъ покинулъ Вѣну сардинскій посланникъ, маркизъ Кантонъ ди Чева. Около того же времени престарѣлый девяностолѣтній фельдмаршалъ, графъ Радецкій, былъ уволенъ отъ своего поста; эрцгерцогъ Фердинандъ Максимилианъ назначенъ генераль-губернаторомъ ломбардо-венеціанскаго королевства, а главное начальство надъ войсками въ Италіи поручено фельдцейхмейстеру графу Гиулау.

Въ концѣ 1858 года Камеке оставилъ Вѣну. Въ франко-герман-

скую войну 1870 года показалъ онъ себя не только хорошимъ теоретикомъ, но и дѣльнымъ боевымъ генераломъ, и скоро послѣ того занялъ мѣсто германскаго военнаго министра. Послѣ долгихъ лѣтъ встрѣтились мы потомъ въ Берлинѣ, и я, къ моему удовольствію, увидѣлъ предъ собою, безъ всякой перемѣны, того же непритязательно-любезнаго Камеке, какимъ знавалъ его въ дни молодости. Истинно порядочный человѣкъ не мѣняется, какъ высоко бы ни пошелъ: военный министръ глядѣлъ отнюдь не важнѣе бывшаго инженернаго маіора Камеке.

Прошло лѣто, вернулись мы въ городъ, гдѣ не безъ труда мнѣ удалось отыскать квартиру на Фрейунгъ, въ домѣ графа Гардека, на неизмѣримой высотѣ третьяго этажа. Въ то время недостатокъ наемныхъ квартиръ въ Вѣнѣ доходилъ до того, что позволялось рассчитывать на одни смертные случаи для захвата чуть сноснаго помѣщенія. Вѣна, можно сказать, хронически страдаетъ недугомъ недостачи наемныхъ квартиръ; даже въ позднѣйшее время, когда городъ распространился, это затрудненіе мало уменьшилось. Населеніе постоянно умножается въ прогрессіи, превышающей постройку новыхъ домовъ; особенно великъ приливъ еврейскаго элемента со времени въ 1861 году состоявшейся полной эмансипаціи евреевъ. Эти обстоятельства принудили наконецъ срыть старые, городъ стѣснявшіе, бастионы и покрыть гласисы постройками, придавшими Вѣнѣ ея настоящій красивый видъ.

Зима 1858 года протекла въ непрерывныхъ увеселеніяхъ; танцовали безъ усталы. Большой ежегодный придворный балъ ознаменовался нововведеніемъ: по инициативѣ нашего министра, барона Будберга, было отмѣнено правило, не допускавшее ко двору посольскихъ секретарей; въ этомъ году въ первый разъ они и ихъ жены были представлены императору и императрицѣ.

Число моихъ знакомыхъ военнаго званія увеличивалось съ каждымъ днемъ. Кромѣ встрѣчъ на вечерахъ и на званыхъ обѣдахъ, да на маневрахъ, на которые меня приглашали въ качествѣ военнаго агента, всего чаще сходилъ я съ австрійскими офицерами и генералами въ гостиницѣ Штадтъ-Франкфуртъ, куда они преимущественно ходили обѣдать и завтракать. Гостиница эта, существовавшая болѣе ста пятидесяти лѣтъ, сперва подъ вывѣской «Золотаго быка», потомъ подъ ея настоящимъ именемъ, отличалась хорошимъ столомъ, а болѣе еще избраннымъ обществомъ, которое ежедневно въ ней собиралось. Двѣ, весьма небольшія, обѣденными столами тѣсно уставленныя, комнаты, въ которыхъ не запрещалось курить, несмотря на густой табачный дымъ, частехонько видѣли въ своихъ стѣнахъ посѣтительницъ высшаго круга, приходившихъ туда обѣдать, зная, что будутъ окружены одними людьми своего общества. Самая чопорная барыня, которая ни за что не пошла бы въ другую гостиницу безъ провожатаго, не задумываясь одна отправля-

лась въ Штаттъ-Франкфуртъ. Такъ было принято, и никому въ голову не приходило считать это неприличнымъ.

Въ глубинѣ первой комнаты стоялъ большой круглый столъ, приборовъ на двѣнадцать, исключительно принадлежавшій гостямъ вышшаго полета. Тутъ, случалось, разомъ сиживали по три фельд-маршала—Гессъ, Вратиславъ, Шварценбергъ, нѣсколько министровъ и высшихъ генераловъ. Нѣкоторые изъ нихъ по двадцати лѣтъ и болѣе занимали одни и тѣ же мѣста, какъ бы обратившіяся въ ихъ законную собственность. Чье либо мѣсто останется пустымъ въ урочный часъ безъ извѣстной причины, значитъ владѣлецъ его слегъ въ постель, или, пожалуй, уже успѣлъ переселиться въ лучшій міръ. Къ числу такихъ особымъ постоянствомъ отличавшихся завсегдатаевъ круглаго стола принадлежали восьмидесятилѣтній графъ Фуксъ, племянникъ графини Фуксъ, во время вѣнскаго конгресса собиравшей въ своихъ салонахъ высокихъ и высочайшихъ его сочленовъ, и краснолицый, какъ лунь бѣлый, толстякъ, фельдцейхмейсторъ баронъ Рейтахъ, до старости лѣтъ не измѣнявшій своему призванію вѣрою и правдой служить прекрасному полу. Подъ конецъ жизни Рейтахъ до того отяжелѣлъ и разслабъ, что принуждены были его подъ руки приводить въ «Штаттъ-Франкфуртъ», опускать на стулъ и такимъ же порядкомъ уводить, но отъ круглаго стола онъ и не думалъ отставать. Въ одинъ день его не стало на своемъ мѣстѣ—Рейтахъ лежалъ на столѣ въ своемъ домѣ. Къ круглому столу никто посторонній не садился безъ приглашенія со стороны его обычныхъ застольниковъ. Благодаря благоволенію ко мнѣ нѣкоторыхъ военныхъ господъ, мнѣ удалось со временемъ завоевать право садиться за этотъ столъ, когда оказывался лишній приборъ. Занять же мѣсто одного изъ коренныхъ гостей причли бы мнѣ и каждому другому непростительнымъ нарушеніемъ самой обыкновенной вѣжливости.

Владѣлецъ гостиницы, нѣкій Штипбергеръ, принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ вѣнскихъ личностей. Честнымъ трудомъ заработалъ онъ состояніе, считавшееся сотнями тысячъ, причемъ, лично наблюдая за добрымъ порядкомъ, не гнушался собственно-ручно гостю подать порцію, перемѣнить тарелку, и самые гордые посѣтители заведенія, уважая старика, не отказывались пожать его честную руку. Штипбергеръ служилъ точнымъ типомъ отжившаго нынѣ поколѣнія готельеровъ стараго покроя.

Равнымъ преимуществомъ пользовалась въ глазахъ вѣнскаго общества кондитерская Демеля, помѣщавшаяся противъ Бургъ-театра въ неимовѣрно тѣсной продолговатой комнатѣ, буфетомъ раздѣленной на двѣ половины. За крошечными столиками, при самомъ входѣ съ улицы, вѣнскія высокородныя дамы благовоительно вкушали шеколадъ и мороженое, нисколько не стѣсняясь толкотнею отъ взадъ и впередъ шнырявшихъ лакеевъ, кухарокъ и комиссіоне-

ровъ. Заходитъ въ другія кондитерскія, не смотря на ихъ богато убранные салоны, не соответствовало хорошему тону, и всё онъ продолжали тѣсниться у Демеля только потому, что такъ было принято.

Говоря о моихъ пріятеляхъ, принадлежавшихъ къ австрійской арміи, не могу не посвятить нѣсколько строкъ памяти Меринга, самаго умнаго и талантливаго австрійца, какого мнѣ только случилось знать. Говорилъ и писалъ онъ равно свободно, не исключая славянскихъ нарѣчій, на всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ; при осадѣ Венеціи, въ 1849 году, на дѣлѣ доказалъ свои военныя способности, а свою политическую прозорливость въ 1847 году написанною брошюрою—«Sibyllinische Büsher», въ которой предсказалъ скоро послѣ того всю Германію возмутившую революцію. Недальше, какъ за два дня до паденія Метерниха, онъ выпросилъ у него аудіенцію, на которой напрасно старался обратить его вниманіе на близкую опасность.

— Безъ причины тревожитесь, господинъ капитанъ,—отвѣчалъ ему государственный мужъ на всѣ его доводы:—никогда мы такъ крѣпко не держали власти въ рукахъ, какъ въ настоящую минуту; поэтому спите спокойно, не опасаясь ни за себя, ни за насъ.

Двое сутокъ спустя, дальновидный Метернихъ ночью уходилъ изъ Вѣны, чтобы, потерявъ силу и власть, не потерять еще чего другаго.

Потомъ, по выбору вѣнскихъ бюргеровъ, капитанъ Мерингъ за сѣдалъ во франкфуртскомъ парламентѣ, чего военное начальство долгое время не хотѣло ему простить; двери дворца затворились предъ нимъ. и его стали обходить въ производствѣ. Въ началѣ на него знакомства состоялъ онъ въ чинѣ подполковника и все еще находилъ въ полной немилости. Съ перваго раза мы съ нимъ сошлись и послѣ того, не смотря ни на какія обстоятельства, болѣе двѣнадцати лѣтъ прожили на самой пріятельской ногѣ.

Въ началѣ 1866 года, предъ прусской войной, Мерингъ понадобился: сперва послали его составить проектъ обороны береговъ Далмаціи; потомъ дали ему бригаду въ итальянской арміи, гдѣ онъ подъ Кустоцой удачно атакой прорвалъ сардинскую боевую линію, за что и получилъ орденъ Маріи-Терезіи. Послѣ того Мерингъ быстро пошелъ въ гору, былъ произведенъ въ фельдмаршалъ-лейтенанты, одно время командовалъ войсками въ Галиціи, потомъ управлялъ триестскимъ генераль-губернаторствомъ, и наконецъ по причинѣ болѣзни былъ принужденъ отказаться отъ активной службы.

За недѣлю до его кончины, весной 1869 года, я долго еще просидѣлъ у его постели. Заговорили мы между прочимъ о Франціи, гдѣ генералъ Лебефъ былъ тогда назначенъ военнымъ министромъ. Едва переводя дыханіе,—Мерингъ страдалъ грудною болѣзнию,—предсказалъ онъ, чего Франціи слѣдовало ожидать отъ такого назначенія.

— Lebeuf ministre de la guerre! c'est le malheur de la France. Je le connais, deux mois je l'ai vu tous les jours, chargé de remettre

entre ses mains le matériel de l'arsenal de Venise; c'est une buse, c'est une buse, il fera le malheur de la France, — повторить онъ раза два.

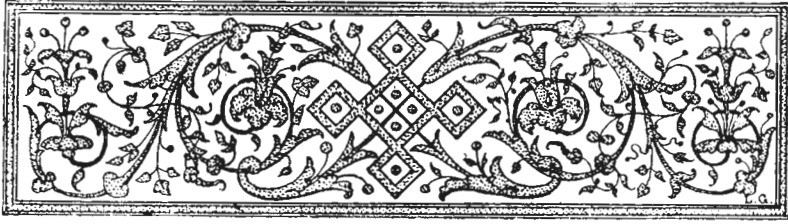
Мерингъ былъ происхожденія не дворянскаго; старшій братъ его владѣлъ шелковой фабрикой въ одномъ изъ вѣнскихъ предмѣстій. По статуту ордена Маріи-Терезіи, онъ имѣлъ право на баронскій титулъ, слѣдовало только подать просьбу, чего, однако, сдѣлать не хотѣлъ, отозвавшись, что бюргеръ Мерингъ пользуется нѣкоторою извѣстностью въ арміи и даже въ аристократической сферѣ, а новопеченный баронъ Мерингъ новичкомъ поступить въ кругъ старородныхъ дворянъ, почему и предпочитаетъ умереть тѣмъ, чѣмъ родился.

Со смертію его австрійская армія лишилась одного изъ своихъ способнѣйшихъ генераловъ.

Баронъ Торнау.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ.

I.

АКАНУНЪ былъ торжественный актъ, и почти всѣ уже разѣхались. Изъ кончившихъ курсъ осталось только два-три, да въ другихъ классахъ можно было насчитать съ десятокъ, — за ними просто не успѣли еще прислать лошадей; но и эти всѣ безпрестанно подбѣгали къ окнамъ и внимательно смотрѣли на улицу, не покажется ли знакомая повозка или бричка, а то и крытый фэтонъ; а между дѣломъ, чтобы не терять времени, укладывали свои вещи въ чемоданы и сундуки.

Только Егоръ Маккавеевъ никуда не собирался и не смотрѣлъ въ окна. Въ первое время, когда кончились экзамены, потомъ когда совершался торжественный актъ, на которомъ ректоръ говорилъ рѣчь, обращаясь къ нимъ, къ окончившимъ курсъ, и основной темой этой рѣчи, если ее перевести на простой языкъ, было: «съ Божіею помощью убирайтесь, господа, на всѣ четыре стороны», — онъ объ этомъ вовсе не думалъ. Но по мѣрѣ того, какъ классы пустѣли, и въ коридорахъ слышалось все меньше и меньше человѣческихъ голосовъ и шума, ему становилось жутко, и онъ спрашивалъ самого себя: «куда же я дѣнусь?»

Этотъ вопросъ былъ для его головы совершенно новъ: прежнее время онъ никогда не представлялся ему. Онъ былъ казеннокоштнымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ помнитъ себя школьникомъ. Ему почти

совсѣмъ не было знакомо ощущеніе—имѣть отца. Онъ смутно помнитъ блѣдное лицо на высокой фигурѣ, обрамленное жидкими волосами, всегда въ безпорядкѣ; большіе глаза, какъ бы нарочно вставленные въ орбиты, и частый кашель. Но это было въ глубокомъ дѣтствѣ. «А Богъ его знаетъ,—думалъ Маккавеевъ, когда вспоминалъ объ этихъ эпизодахъ,—можетъ, то былъ и не отецъ, навѣрно не знаю»... Потомъ сохранились въ его памяти еще кое-какіе обрывки воспоминаній о какихъ-то похоронахъ, на которыхъ была толпа народа, плачь, вздохи, слезы, причитанія.

А сознавать себя вполне онъ началъ уже въ комнаткѣ съ самыми низкими потолками, какіе только можно представить, съ маленькимъ окномъ, которое пропускало очень не много свѣта, въ деревнѣ, при церковномъ домѣ, кажется, въ сторожкѣ, гдѣ матери его дали изъ милости временный пріютъ.

Потомъ чрезвычайно рѣзкій переходъ къ городу и школѣ. Ему тогда едва минуло девять лѣтъ, когда его свезли въ школу, и съ этой минуты онъ сдѣлался казеннокоштнымъ. Дальше помнитъ онъ, что раза два въ годъ являлась къ нему мать—не старая, старухой онъ ее совсѣмъ не зналъ, но лицо у нея было блѣдное, истощенное, а глаза постоянно мокрые, такъ какъ она вѣчно обливалась слезами. Она приходила, вызывала его и говорила ему нѣсколько нѣжныхъ словъ, гладила по головѣ, а въ заключеніе всегда прибавляла: «учись, Егоръ, учись и слушайся начальства и хорошо веди себя, потому что по нынѣшнимъ временамъ безъ учености шагу нельзя сдѣлать». Это было ея коренное убѣжденіе, и эту фразу она говорила ему всякій разъ, когда послѣ свиданія собиралась уходить. Она тоже покашливала, но какъ-то скрытно, приставляя ко рту кулакъ, чтобы не было замѣтно. Отъ людей ли она скрывала это, отъ него ли, чтобы ему не становилось грустно, или отъ самой себя, неизвѣстно. Но дѣло въ томъ, что скоро она перестала къ нему являться. У нея была грудная болѣзнь, и вотъ однажды ее взяли въ больницу, и ужъ оттуда она не выходила; тамъ она умерла. Онъ съ нею не простался и даже на похоронахъ у нея не былъ, а узналъ только недѣли черезъ двѣ, когда изъ больницы прислали формальное извѣщеніе о томъ, что такая-то скончалась.

Тогда онъ уже сдѣлался окончательно казеннымъ. У него теперь были всѣ права на это, такъ какъ онъ пользовался счастливыми преимуществами «круглаго сироты».

Была ли у него какая нибудь родня? По всей вѣроятности, была, такъ какъ духовныя лица губерніи всѣ между собою такъ или иначе роднятся. Но онъ не имѣлъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Можетъ быть, есть, можетъ быть, и нѣтъ; все равно, онъ не зналъ никого.

И это было удивительно странное существо. Пока шло ученіе, онъ учился и очень недурно, по крайней мѣрѣ такъ находило начальство, и онъ преисправно переходилъ изъ класса въ классъ. Въ

это время онъ былъ похожъ на всѣхъ остальныхъ и ничѣмъ отъ нихъ не отличался. Но вотъ наступали каникулы, за всѣми прѣзжали изъ деревень подводы, забирали ихъ вмѣстѣ съ сундуками и книжками, рѣшительно всѣ разѣзжались, у всякаго былъ хоть какойнибудь родной уголь, если не родные, такъ хорошіе знакомые, а у него рѣшительно никого не было, и ему ѣхать было некуда. И онъ оставался въ «корпусѣ».

Надо сказать, что хотя онъ въ теченіе каникулъ велъ себя чрезвычайно мирно и никому не доставлялъ особенныхъ хлопотъ, но все же начальству это не особенно нравилось. Прогнать его изъ корпуса оно не имѣло права. Вѣдь казенный коштъ давался на цѣлый годъ. Да наконецъ нельзя же выбросить человѣка, которому некуда дѣваться. Но съ другой стороны для него нужно было держать открытыми и спальню, и классъ, и корридоръ, да нужно было и кормить его. Но не оставлять же изъ-за него на цѣлое лѣто весь служительскій штатъ. И такимъ образомъ Маккавеевъ своею особой ставилъ передъ начальствомъ принципиальный вопросъ. Положимъ, можно оставить его въ корпусѣ, онъ имѣетъ на это право и пусть себѣ живетъ. Открыть ему одинъ классъ, въ классѣ поставить кровать, но это все пустое; а дѣло въ томъ, что онъ воспитанникъ, слѣдовательно надъ нимъ нуженъ надзоръ, между тѣмъ ректоръ переѣзжаетъ на дачу, инспекторъ хочетъ поѣхать на Кавказъ полѣчить свой желудокъ, который у него всегда былъ неисправенъ. Помощникъ инспектора рассчитываетъ съѣздить въ Орловскую губернію къ роднымъ. Какъ тутъ быть?

Но это была теорія, а на практикѣ вопросъ рѣшался очень просто: какъ только обнаружилось, что Маккавеевъ будетъ проводить лѣто въ семинаріи, на него просто махнули рукой и оставили его безъ надзора. И жилъ онъ все лѣто, какъ ему хотѣлось, спалъ не въ спальнѣ, а въ классѣ, или просто въ саду, когда бывали очень теплыя ночи, а обѣдъ давали ему отъ эконома, съ его собственнаго стола. Все-таки это было выгодноѣ, чѣмъ держать для него повара. И онъ свободно ходилъ себѣ на рѣку, просяживалъ тамъ цѣлыя часы, ловилъ рыбу, а иногда снималъ одежду и залѣзалъ въ воду и барахтался тамъ столько, сколько это ему нравилось.

Но это было тогда, когда онъ числился еще воспитанникомъ, а теперь онъ кончилъ курсъ.

— Ты куда поѣдешь, Маккавеевъ?—спрашивали его товарищи, которые всѣ знали, куда они сами поѣдутъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ Маккавеевъ.

— А когда?

— Не знаю.

И это была совершенная правда,—онъ этого дѣйствительно не зналъ, потому что ему было некуда ѣхать.

— Ну, а мѣсто тебѣ назначили?

— И этого не знаю.

Дѣло въ томъ, что сейчасъ же послѣ экзаменовъ въ семинарію изъ консисторіи былъ присланъ списокъ свободныхъ мѣстъ, то-есть тѣхъ мѣстъ, которыя консисторія безъ особеннаго ущерба для себя готова была раздать первымъ встрѣчнымъ, и кончившимъ богословамъ было предоставлено выбирать любое, по желанію. Но во избѣжаніе пагубнаго соревнованія опытное начальство рѣшило, чтобы каждый выбиралъ мѣсто въ своемъ уѣздѣ, то-есть въ томъ уѣздѣ, въ которомъ онъ родился и выросъ. Семинарія помѣщалась въ губернскомъ городѣ, а уѣздовъ-то въ губерніи было цѣлыхъ восемь.

У Маккавеева тоже, конечно, былъ свой уѣздъ, и въ этомъ уѣздѣ значилось тоже свободное мѣсто. Когда ему дали списокъ, онъ не слишкомъ углублялся въ обсужденіе могущихъ произойти оттого послѣдствій и безъ всякихъ затрудненій помѣстилъ свою фамилію рядомъ съ тѣмъ словомъ въ списокѣ, которымъ было названо мѣсто въ его уѣздѣ. Въ сущности говоря, онъ еще не обсуждалъ вопроса о томъ, что онъ будетъ дѣлать по окончаніи курса, займетъ ли мѣсто, или же останется такъ, безъ всякаго мѣста въ природѣ. Но разъ, что всѣ пишутъ свои имена въ списокѣ, почему же и ему не написать своего? почему же въ самомъ дѣлѣ и ему не имѣть мѣста? Вѣдь для чего же нибудь онъ учился въ теченіе десяти лѣтъ и кончалъ курсъ.

И вотъ всѣ товарищи на другой же день послѣ этого отправились куда слѣдуетъ и получили самыя точныя свѣдѣнія о своихъ мѣстахъ, а Маккавеевъ забылъ это сдѣлать, или, лучше сказать, ему не пришло въ голову, что это надо сдѣлать, поэтому-то онъ теперь ничего не зналъ о своемъ мѣстѣ.

— Такъ ты бы узналъ,—говорили ему товарищи, которые уже узнали.

— Да зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Вотъ чудакъ ты, право, чудакъ... Затѣмъ, чтобы знать...

«Ну, хорошо, — думалъ Маккавеевъ, — узнаю я, что мѣсто мое такое-то и тамъ-то. Что-жъ дальше?»

И тутъ онъ никакъ не могъ рѣшить, что именно было бы дальше. А такъ какъ онъ недостаточно ясно сознавалъ цѣль, то и не предпринялъ самаго дѣйствія. Онъ ничего не узналъ о своемъ мѣстѣ.

Товарищи его не только побывали въ консисторіи, а иные представились даже уже архіерею, и у cadaго въ карманѣ уже была бумага о назначеніи на мѣсто, а ужъ дальше они очень хорошо знали, что дѣлать. Всѣ они въ теченіе всего учебнаго курса такъ или иначе вращались въ духовной средѣ и научились правиламъ практической жизни. Маккавеевъ, конечно, не былъ младенцемъ. Онъ тоже зналъ, что, прохаживаясь по семинарскому корридору взадъ и впередъ, далеко не уйдешь, и что вообще надо хлопотать, что-то

предпринимать, но съ какой стороны подойти къ дѣлу и въ какомъ именно направленіи дѣйствовать, это было ему совсѣмъ неясно.

И вотъ онъ уже остался совершенно одинъ, всѣ разъѣхались. Насталъ день, когда въ семинарской спальнѣ утромъ, наконецъ, онъ проснулся одинокій. Семинарское зданіе было пустынно. Служителя получили расчетъ и разошлись. Въ классныхъ комнатахъ зачѣмъ-то скамьи были перевернуты вверхъ ногами; вообще все, рѣшительно все говорило о томъ, что учебная жизнь здѣсь прекратилась. Остался только одинъ корридорный служитель, на обязанности котораго лежало въ лѣтнее время сторожить внутренность зданія. Онъ-то и открылъ Маккавеева.

— Господинъ Маккавеевъ,—сказалъ ему корридорный,—а вы когда-жъ уѣдете?

— Куда?—спросилъ Маккавеевъ.

— Да вѣдь вы же кончили.

— Кончилъ.

— Такъ какъ же?

Маккавеевъ на этотъ вопросъ не отвѣтилъ; онъ точно такъ же могъ бы ему задать этотъ самый вопросъ: такъ какъ же?

— Такъ вы бы къ отцу ректору пошли.

— А что же отецъ ректоръ мнѣ скажетъ?

— Такъ вѣдь вамъ уже не полагается тутъ оставаться... Потому, какъ вы кончили, такъ вамъ уже и казенной порціи нѣту.

Маккавеевъ былъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что такъ какъ онъ кончилъ, то казенной порціи ему уже не должно быть. Но зачѣмъ онъ собственно пойдетъ къ ректору? Ректоръ можетъ дать ему аттестатъ, это такъ. Но аттестатъ ему все равно дадутъ такъ или иначе, но вотъ вопросъ: что онъ будетъ дѣлать съ этимъ аттестатомъ?

— Ну, ладно, я пойду,—сказалъ онъ, чтобы отвязаться отъ корридорнаго, но не особенно торопился.

Ректоръ уже отправилъ свое семейство на дачу. Стоялъ конецъ іюня, жара была нестерпимая. Самому ему тоже хотѣлось на покой, но его задерживали дѣла. Надо было распорядиться на счетъ ремонта, окраски стѣнъ и разныхъ пустяковъ. И вотъ онъ съ экономомъ обходилъ классы. Въ шестомъ классѣ, какъ и въ другихъ, скамьи были перевернуты вверхъ дномъ. Маккавеевъ оперся обоими локтями на подоконникъ и внимательно смотрѣлъ черезъ окно на дворъ. Въ это время ректоръ съ экономомъ вошли въ классъ. Они были очень удивлены, увидѣвъ у самаго окна чью-то спину, такъ какъ были увѣрены, что всѣ уже разъѣхались.

— А это кто же?—спросилъ ректоръ,—развѣ еще не всѣ уѣхали?

— Это я,—сказалъ Маккавеевъ, въ чемъ, впрочемъ, и безъ этого заявленія не могло быть сомнѣнія.

— Вы что же такъ замѣшкались?—спросилъ его ректоръ.

— Такъ,—отвѣтилъ Маккавеевъ, не будучи въ состояніи дать болѣе точныхъ объясненій.

— Да вы когда же думаете уѣхать, Маккавеевъ?—спросилъ экономъ.

— Я не знаю,—отвѣтилъ тотъ,—мнѣ некуда.

— Какъ такъ некуда? Вѣдь у васъ же есть ктонибудь?

И ректоръ и экономъ были увѣрены, что у всякаго человѣка непремѣнно долженъ быть ктонибудь.

— У меня нѣтъ никого!—совершенно опредѣленно отвѣтилъ Маккавеевъ, какъ бы рѣшившись разъ навсегда разочаровать ихъ.

— Какъ никого? А отецъ? Развѣ у васъ нѣтъ отца?

— Онъ казеннокоштный, отецъ ректоръ,—заявилъ экономъ, поясняя этимъ самымъ, что у него и не можетъ быть отца.

— Гм... да! ну, а мать? у васъ навѣрно есть мать, Маккавеевъ?

— У меня и матери нѣтъ.

— Ну, родственники какіенибудь! родственники должны же быть!—уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ спросилъ ректоръ, очевидно недовольный Маккавеевымъ за то, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, ни даже, можетъ быть, родственниковъ.

— И родственниковъ нѣтъ!—невозмутимо отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Странно! Ну, а мѣсто? мѣсто-то вы по крайней мѣрѣ получили?

— Не знаю, отецъ ректоръ.

— А вы выбрали?

— Я росписался... Въ Гжовскомъ уѣздѣ, я оттуда; въ селѣ Окуневкѣ...

— Гм... Такъ, по всей вѣроятности, васъ назначили.

— Не знаю, отецъ ректоръ.

— Гм... Ну, пойдете въ канцелярію, надо узнать.

Канцелярія оказалась запертой, и ключъ отъ нея не такъ-то легко было найти. Инспекторъ, дорожа своимъ пищевареніемъ, уже поторопился уѣхать на Кавказъ, помощникъ его дѣятельно укладывался, ѣздивъ по городу, покупалъ ремни, саквояжъ и дорожные стаканы. И сразу нельзя было опредѣлить, у кого ключъ отъ канцеляріи. Часа два искали по всей семинаріи этотъ ключъ, и наконецъ кому-то пришло въ голову толкнуть ногой дверь, и она отперлась безъ всякаго ключа. Здѣсь оставалось только порыться въ шкапу, найти подходящую бумагу и затѣмъ убѣдиться въ томъ, что Маккавееву назначено мѣсто.

— И знаете,—сказалъ экономъ, при чемъ глаза его замѣтно оживились,—это весьма недурное мѣсто. И вы напрасно зѣбаете, господинъ Маккавеевъ, его могутъ отдать другому; на такое мѣсто всегда много охотниковъ. Вы бы теперь отправились въ консисторію, Маккавеевъ!

— Да, вамъ слѣдуетъ сейчасъ же отправиться въ консисторію!—промолвилъ ректоръ.

Оба они въ сущности были озабочены одной и той же мыслью— поскорѣ уладить судьбу застрявшаго воспитанника, чтобы онъ оставилъ семинарскія стѣны и освободилъ ихъ отъ хлопотъ. Ректоръ пояснилъ:—Вамъ хорошо бы преосвященному представиться, но вы опоздали; преосвященный уже уѣхалъ, онъ по епархіи ѣздитъ. Онъ всегда въ это время по епархіи ѣздитъ. Такъ вы отправляйтесь въ консисторію и получите назначеніе, то-есть бумагу. Вѣроятно, васъ рукополагать скоро будутъ, потому что приходъ не можетъ же оставаться такъ, безъ священника; ну, такъ вы приготовьтесь къ этому.

— Какъ же это, отецъ ректоръ, приготовиться?

— Ну, что вы, точно ребенокъ! Вѣдь такъ же ни съ того, ни съ сего не могутъ васъ рукоположить... Во-первыхъ, вы не женаты...

— Да, я не женатъ!—сказалъ Маккавеевъ.

— Значить, надо жениться.

— Жениться?

— А вы не знаете, что ли? Вотъ странно, какъ же это вы кончили богословіе и не знаете, что священникъ православной церкви долженъ быть женатъ!

— Я знаю это, отецъ ректоръ, да какъ-то... какъ-то это странно, чтобъ я женился...

— Что же тутъ страннаго? Всѣ женятся... Иначе нельзя.

При этомъ ректоръ почему-то осмотрѣлъ его всего съ ногъ до головы.

— Это у васъ казенная одежда?—спросилъ онъ.

— Казенная!—отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Неказисто... Очень ужъ это все потерто... У васъ вонъ и рукава продраны. А другого у васъ нѣтъ костюма?

— Откуда-жъ у меня возьмется другой?—спросилъ Маккавеевъ.

— Да, это правда... Такъ у васъ, значить, совсѣмъ нѣтъ родни?

— Можетъ быть, и есть... Только я никого не знаю.

— Гм... Послушайте, отецъ экономъ, не найдется ли у васъ чегонибудь посвѣжѣе. Нельзя же такъ выпустить воспитанника.

— Можетъ, и найдется,—сказалъ отецъ экономъ,—надо поискать и примѣрить.

— Ну, вотъ и хорошо. Такъ вы, Маккавеевъ, идите въ консисторію, а потомъ мнѣ скажете, что вамъ тамъ отвѣтятъ. Да только поскорѣ, а то я уѣду на дачу... а отецъ экономъ подберетъ вамъ одежду.

Экономъ, довольно плотный и совершенно рыжій дьяконъ, посмотрѣлъ на Маккавеева какъ-то изподлобья; не любилъ онъ, когда у него требовали чтонибудь сверхъ комплекта. Тѣмъ не менѣе онъ распорядился, чтобы отыскали одежду.

Въ консисторіи оказалось, что Маккавеева даже ждали.—Такъ это вы Маккавеевъ? — спрашивали его и почему-то тоже осматри-

вали его, какъ и ректоръ. А онъ не понималъ, почему они такъ интересуются его особой.

— Да, мѣсто вамъ давно назначили. Странно, что вы до сихъ поръ не явились. Ваши товарищи уже всѣ взяли назначенія. Мѣсто это въ сорока пяти верстахъ отъ уѣзднаго города Гжова. Тамъ уже съ мѣсяць нѣтъ священника, оттого-то преосвященный и назначилъ васъ такъ охотно. И знаете, преосвященный уже былъ недоволенъ, когда узналъ, что такъ долго приходъ остается безъ священника... И васъ можно поздравить, потому что приходъ вамъ достался очень хорошій, такой приходъ, отъ котораго и старый священникъ не отказался бы, и вамъ надо торопиться, господинъ Маккавеевъ.

— Какъ торопиться?

— Да вотъ какъ. Архіерей теперь по епархіи ѣздитъ. Ровно черезъ десять дней по маршруту онъ будетъ служить обѣдню въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, что въ пятнадцати верстахъ отъ вашего прихода; въ этотъ день назначено ваше рукоположеніе... Значитъ, вы должны быть готовы.

— Черезъ десять дней?—спросилъ Маккавеевъ.

— Да, не позже... Въ монастырѣ вы будете рукоположены во діакона, а потомъ черезъ четыре дня въ торговомъ селѣ Шкрябовкѣ во священника. А иначе, если вы прозѣваете, такъ ужъ преосвященнаго тогда и не поймаете; онъ два мѣсяца будетъ ѣздить по епархіи, да и мѣсто отдастъ другому. Такъ вотъ возьмите вашу бумагу.

Маккавеевъ взялъ бумагу и вышелъ. «Черезъ десять дней!—думалъ Маккавеевъ,—черезъ десять дней! какъ же это все продѣлать? Да и продѣлывать-то что и какъ?»

Онъ спустился съ лѣстницы, потомъ пошелъ въ семинарію. Тутъ оказалось, что ректоръ ждалъ его съ нетерпѣніемъ, потому что лошадь, которая должна была повезти его на дачу, стояла у воротъ.

— Ну, вотъ и отлично!—сказалъ ректоръ,—такъ вы поѣзжайте.

— Куда?—спросилъ Маккавеевъ.

— Въ вашъ уѣздъ...

— Да куда же я поѣду, отецъ ректоръ? какъ это я въ уѣздъ приѣду? Вѣдь уѣздъ—это большая штука...

— Да, это, конечно, правда... Вы когонибудь тамъ знаете? Неужго у васъ такъ таки никого рѣшительно нѣтъ?

— Да оно, можетъ быть, и есть, только я не знаю.

— А на каникулы къ кому же вы ѣздили?

— Да ни къ кому, отецъ ректоръ, я въ корпусѣ всегда оставался...

— Ахъ, да, да... правда, я помню, вы дѣйствительно никуда не ѣздили... А знаете, мнѣ что-то припоминается,—продолжалъ ректоръ,—въ Гжовскѣ, я помню, какъ-то былъ съѣздъ какой-то духовный, и у меня осталась въ памяти фамилія вапа. Тамъ есть Маккавеевъ. Не знаю только, кто—священникъ ли, діаконъ ли, но только есть. Можетъ быть онъ вамъ родственникъ? Впрочемъ,—прибавилъ

онъ,—вѣдь Маккаевыхъ множество. Эта фамилія распространенная въ нашей губерніи. Такъ вы вотъ что: поѣзжайте вы прямо въ уѣздный городъ и между прочимъ зайдите и къ нему, къ этому Маккаеву, тамъ какъ нибудь отыщете его. И ужъ навѣрно съ какой нибудь стороны онъ окажется вамъ родственникъ... А вамъ вѣдь главное зацѣпиться за что нибудь, а тамъ уже пойдетъ. Вы садитесь сегодня же на пароходъ и ночью будете тамъ.

— Какъ же я сяду на пароходъ, отецъ ректоръ? Вѣдь у меня нѣтъ денегъ!

— Какъ? У васъ вовсе нѣтъ денегъ? Вѣдь пароходъ въ третьемъ классѣ стоитъ какіе-то пустяки, кажется, меньше трехъ рублей.

— Да у меня, отецъ ректоръ, никогда въ жизни денегъ не было. Никогда даже десяти копеекъ...

— Гм... Въ такомъ случаѣ... Въ такомъ случаѣ, отецъ экономъ...

Уже при этомъ обращеніи экономъ, который слушалъ весь этотъ разговоръ, началъ характерно фыркать носомъ, что онъ дѣлалъ всегда, когда какой нибудь расходъ превышалъ его ожиданія.

— Нѣтъ ли у васъ какихъ либо суммъ?—спросилъ ректоръ.

— Какія же суммы, отецъ ректоръ? Суммъ никакихъ нѣтъ.

— Ну, какія нибудь тамъ... Напримѣръ... нельзя ли сэкономить съ ремонта?

— Какая-жъ тутъ можетъ быть экономія?—спросилъ экономъ и пожалъ плечами.

— Ну, какъ нибудь тамъ... На то вы и экономъ, чтобъ экономить...

— Если вамъ высокопреподобію будетъ угодно приказать,—официально отвѣтилъ экономъ, такъ какъ задѣли его большое мѣсто,—то рублей пятнадцать можно будетъ набрать...

— Ну, вотъ и отлично... Такъ вы поѣзжайте, Маккаевъ, да непременно сегодня, а то опоздаете.

И уладивъ такимъ образомъ благополучно неожиданное затрудненіе, ректоръ сѣлъ въ пролетку и покатилъ на дачу.

— Какъ это странно, Маккаевъ,—говорилъ экономъ,—что вы не имѣете родственниковъ! Всякій человѣкъ долженъ имѣть родственниковъ! Какъ это такъ вдругъ безъ родственниковъ!..

Потомъ они пошли выбирать платье. Оказалось, что есть два костюма, довольно свѣжихъ, почти новыхъ: одинъ остался отъ умершаго въ прошломъ году семинариста, другой отъ прогнаннаго въ томъ же прошломъ году за грубость воспитанника, по фамиліи Понощатенко. Умершій семинаристъ былъ ростомъ высокъ и чрезвычайно тонокъ, а прогнанный былъ совсѣмъ низенькаго роста и чрезвычайно толстъ. А Маккаевъ какъ разъ стоялъ между ними посреднѣ. Онъ былъ и роста средняго и не тонокъ и не толстъ. Онъ примѣрилъ и тотъ и другой, оба оказались мало подходящими. Но у него было какое-то чувство брезгливости къ костюму, въ которомъ ходилъ мертвецъ, и потому онъ выбралъ одежду выгнаннаго

Понощатенко. Штаны оказались очень коротки, сюртукъ страшно мѣшковать, на спинѣ явились двѣ складки, но за-то онъ чувствовалъ себя свободно.

— У васъ, Маккаевеѣвъ, и сапоги ужасно стоптаны!—сказалъ экономя, взглянувъ на его ноги,—но ужъ сапоговъ у насъ нѣтъ, потому что того въ сапогахъ похоронили, а Понощатенко не могъ же босой уйти изъ семинаріи, хотя былъ и грубіянь... Такъ ужъ этого я вамъ не могу доставить. Вотъ вамъ и пятнадцать рублей, распишитесь и уѣзжайте себѣ. Совѣтую вамъ поскорѣе укладываться.

Маккаевеѣвъ расписался, но очень затруднялся «укладываться». У него вовсе не было никакихъ вещей. Правда, ему было позволено забрать съ собою все, что было у него казеннаго, но всего-то оказывалось слишкомъ мало. Двѣ перемѣны бѣлья очень сомнительной цѣлости и больше ничего. Сундукъ у него, правда, былъ, но совершенно пустой. Въ немъ лежало нѣсколько книгъ, но книги были казенныя, и онѣ обыкновенно отбирались.

— А знаете, оно и легче, когда ничего нѣтъ!—говорилъ ему коридорный по этому поводу.—Ну, и сюртукъ же вамъ дали, господинъ Маккаевеѣвъ,—продолжалъ онъ, разсматривая новый костюмъ,—нечего сказать! Это самому отцу эконому съ его большимъ животомъ носить бы подстать.

Маккаевеѣвъ сундука, разумѣется, не взялъ съ собой. Это была бы только лишняя тяжесть. Онъ составилъ небольшой узелокъ, завернулъ его въ бумагу, взялъ подъ мышку и отправился на пароходъ.

Билетъ третьяго класса стоилъ нѣсколько больше двухъ рублей. Пароходъ отходилъ часа черезъ два, но Маккаевеѣвъ забрался на палубу, сталъ около борта и ждалъ. Онъ внимательно смотрѣлъ на тихую поверхность рѣки и слѣдилъ за стаей маленькихъ рыбокъ, игриво шнырявшихъ въ различныхъ направленіяхъ.

II.

Все рассказанное выше можетъ навести на мысль, что Егоръ Маккаевеѣвъ былъ просто-напросто глуповатый малый. Въ самомъ дѣлѣ, онъ, повидимому, не зналъ самыхъ простыхъ вещей, которыя не только знали, но, можетъ быть, и привели уже въ исполненіе всѣ его товарищи. Ъхалъ онъ Богъ знаетъ куда, въ городъ, въ которомъ онъ былъ въ дѣтствѣ и не помнилъ въ немъ ни одной улицы. Разсчитывалъ онъ въ этомъ городѣ попасть подъ покровительство какого-то неизвѣстнаго ему діакона, про котораго рассказалъ ему отецъ ректоръ, и весь его расчетъ основанъ на томъ, что діаконъ тоже Маккаевеѣвъ, какъ и онъ, а главное, что въ этомъ городѣ онъ не знаетъ ни одной души, да и не только въ этомъ городѣ, а въ

цѣломъ свѣтѣ, и вотъ, не зная въ цѣломъ свѣтѣ ни одной души, онъ разсчитываетъ въ какіе нибудь десять дней найти себѣ невѣсту и жениться. Рѣшительно можно подумать, что Маккавеевъ былъ просто глупъ.

Но это неправда, и тому есть очевидныя доказательства. Первое: онъ благополучно прошелъ и кончилъ семинарскій курсъ и ни разу ни въ одномъ классѣ не зацѣпился, а это, что тамъ ни говорите, не такъ-то легко, и дураку этого не сдѣлать. Вѣдь сколько мудрости въ этомъ курсѣ, подумать только, какая бездна мудрости! и Геродотъ, и Фукидидъ, и Виргилій, и Овидій, и тригонометрія, и патристика, и гомилетика... И все это прошло черезъ его голову, не зацѣпившись ни за одинъ гвоздь; ну, а потомъ и вообще никто никогда не считалъ его глупымъ человѣкомъ. Напротивъ, его считали и умнымъ и способнымъ. Но дѣло въ томъ...

Однако надо, наконецъ, познакомиться и съ наружностью Маккавеева. Какъ мы уже сказали, онъ былъ средняго роста, лицо у Маккавеева было смуглое, продолговатое. Въ то время, какъ другіе семинаристы уже съ третьяго класса (прежде онъ назывался философскимъ) начинали подбривать подбородки, щеки и верхнюю губу съ той цѣлью, чтобы къ окончанію курса все это отросло погуще,— у него безъ всякихъ мѣръ съ его стороны росло само собою не мало волосъ, производя на лицѣ его нѣсколько странный узоръ: у него была узенькая, коротенькая бородка, начинавшаяся съ самой нижней линіи подбородка, верхняя часть котораго была свободна отъ растительности. Усы на самыхъ губахъ чуть-чуть обозначались, но тамъ, гдѣ они должны бы кончиться, то-есть надъ углами рта, они вдругъ начинали развертываться въ видѣ какихъ-то ростковъ, которые направлялись книзу. Около самыхъ ушей на щекахъ росли у него бачки, вслѣдствіе чего лицо его казалось слишкомъ широкимъ въ верхней части и слишкомъ узкимъ внизу. Но на головѣ у него была такая куча кудрявыхъ шелковистыхъ волосъ смолистаго цвѣта, которымъ позавидовала бы любая красавица!.. Густыя черныя брови, темные большіе глаза, прямой носъ, крупныя бѣлыя зубы — все это только могло служить ему украшеніемъ. Одинъ товарищъ его, обращавшій очень много вниманія на свою наружность, говорилъ: «тебя, Маккавеевъ, ежели бы отдать въ отдѣлку, то ты вышелъ бы красивымъ, а въ такомъ видѣ ты никуда не годишься». Что касается до остальной его внѣшности, то тутъ прежде всего надо принять во вниманіе то обстоятельство, что на немъ былъ черный сюртукъ, сшитый казеннымъ портнымъ Моисеемъ Рувимчикомъ по мѣркѣ, снятой съ бывшаго семинариста Понощатенко, который былъ выгнанъ за грубость и склонность къ спиртнымъ напиткамъ, а Понощатенко, какъ очень хорошо помнили еще всѣ въ семинаріи, имѣлъ между обоими плечами то разстояніе, про которое говорятъ: «косая сажень», и при этомъ руки и

ноги у него были как-то неестественно коротки. Въ виду этого легко представить себѣ, какая должна была получиться фигура у Егора Маккавеева, когда его облекли въ сюртукъ Понощатенка. Не говоря о двухъ складкахъ на спинѣ, которыя всякій разъ, когда онъ подымалъ одну руку, мѣняли свою форму и направленіе,— онъ не зналъ, куда ему дѣвать полы сюртука, которыхъ хватило бы, чтобы упрятать въ нихъ полдюжины семинаристовъ младшихъ классовъ. Застегнуть ихъ не было возможности, потому что тогда у него сразу грудь и животъ принимали необычайные размѣры, поэтому онѣ, будучи не застегнутыми, сходились краями на полуаршинномъ разстояніи, образуя собой острый уголъ. Но вѣдь штаны тоже были съ Понощатенка, который обладалъ весьма короткими ногами. Изъ всего этого получалась столь странная картина, что въ то время, какъ Маккавеевъ развлекался своенравной игрой верховодокъ въ рѣкѣ, на пароходѣ всякій, у кого только было свободное время, проходя мимо него, останавливался и съ любопытствомъ осматривалъ его спину. Въ виду этого мы ничего не рѣшаемся сказать о его вѣшности, а подождемъ, пока обстоятельства его измѣнятся настолько, что онъ явится передъ нами въ костюмѣ того или другого рода, но во всякомъ случаѣ спитомъ по его собственной мѣркѣ.

Теперь, когда уже мы ближе познакомились съ Маккавеевымъ, можно привести доказательства и того, что онъ, обнаруживъ такое поразительное незнаніе жизни, былъ вовсе не глухъ. Представьте себѣ существо, которое съ девяти лѣтъ попало въ казенную школу и было окружено школьниками и затѣмъ въ теченіе добрыхъ десяти лѣтъ слишкомъ видѣло вокругъ себя только школьничковъ и сторожей. Учителя, появлявшіеся за каедрой, были только свѣтлыми метеорами или мрачными видѣніями, смотря по характеру того или другого. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ видѣлъ и постороннихъ людей, какъ они ходятъ и ѣздятъ по улицѣ, молятся въ церкви. Зналъ онъ навѣрное, что они женятся, плодятся, живутъ семействами и умираютъ. Но самъ онъ никогда въ своей сознательной жизни не провелъ полчаса въ семейномъ домѣ. Видѣлъ онъ женщинъ въ платкахъ и шляпкахъ, но никогда слишкомъ не приближался ни къ одной изъ нихъ и не сказалъ съ нею ни слова. У другихъ тоже, какъ и у него, не было никакихъ важныхъ интересовъ, кромѣ школьныхъ, но такіе интересы были у ихъ родныхъ и знакомыхъ. Онъ же не имѣлъ ни родныхъ ни знакомыхъ. Десять лѣтъ въ стѣнахъ «корпуса», сперва одного, потомъ другого, десять лѣтъ жизни, состоящей изъ уроковъ, молитвъ, экзаменовъ, казенныхъ обѣда и ужина, прогулокъ въ семинарскомъ саду... Въ теченіе десяти лѣтъ въ карманахъ его ни разу не бывало десяти копеекъ. Онъ получалъ жилище, пищу, книги, его учили, и онъ учился, вотъ и вся его жизнь. Откуда же въ такой головѣ явятся

понятія о практической жизни? Откуда онъ могъ знать, что нужно предпринять то или это, что съ тѣмъ надо говорить такъ-то, а съ этимъ иначе? Узнать все это нетрудно, и, конечно, онъ потомъ узнаетъ, но теперь, въ тотъ моментъ, когда онъ увидѣлъ себя окончившимъ курсъ и былъ выброшенъ въ практическую жизнь, онъ долженъ былъ почувствовать одну растерянность и полное непониманіе. Въ семинаріи онъ былъ порядочнымъ ученикомъ, прекрасно понималъ всякаго рода богословія и все остальное, что было въ программѣ, но тутъ онъ оказался совершеннѣйшимъ ребенкомъ, который не умѣлъ ступить шагу. Такимъ образомъ ясно, что Егору Маккавееву не доставало совѣтъ не ума, а чего-то другого.

Онъ не замѣтилъ, какъ пароходъ двинулся съ мѣста, и поднялъ голову только тогда, когда городъ началъ исчезать изъ глазъ. По обѣ стороны тянулись берега рѣки, справа возвышенный глинистый, а иногда и каменистый, слѣва зеленый, сплошь заросшій камышомъ. Онъ глядѣлъ и припоминалъ, что когда-то онъ видѣлъ нѣчто подобное и даже бѣгалъ босыми ногами по зеленой лужайкѣ, въ родѣ той, какая разстилается тамъ, за этими камышами, тогда онъ былъ совѣтъ маленькимъ мальчикомъ, и ему было очень весело. Но потомъ въ теченіе десяти лѣтъ онъ ничего не видалъ, кромѣ стѣн семинаріи и скучнаго сада съ акаціями. И ему уже не было весело.

Онъ оглянулся и осмотрѣлся вокругъ. На палубѣ все былъ простой рабочій народъ, мѣщане и солдаты. Не мало попадалось также евреевъ, которыхъ сейчасъ можно было узнать по ихъ лоснящимся узкимъ кафтанамъ и по той нечистотѣ, которая тотчасъ же образовывалась вокругъ того мѣста, гдѣ они садились. Другіе, принимаясь обѣдать, развертывали узелки, рѣзали или ломали провизію, затѣмъ бережно складывали остатки въ бумагу и эту бумагу бросали за бортъ въ рѣку. Евреи не хотѣли такимъ образомъ затруднять себя. Они сами, ихъ жены и дѣти, которыхъ было у нихъ несмѣтное множество, чистили яйца въ крутую и скорлупу бросали тутъ же, у себя подъ носомъ. Тутъ же валялись головки и хвосты отъ селедокъ, которыми они угощались, и все это, разумѣется, издавало отвратительный запахъ.

Маккавеевъ внимательно оглядывалъ всю публику и замѣтилъ, что поближе къ носу парохода, на боченкѣ съ канифолью сидѣло духовное лицо. Это былъ сѣдоватенькій дьякъ, въ свѣтленькомъ кафтанѣ, въ соломенной шляпѣ. Бородка у него была узкая и длинная, и самъ онъ тоже былъ узкій и длинный... Замѣтилъ Маккавеевъ, что дьякъ что-то очень пристально смотрѣлъ на него, и онъ тоже началъ поэтому смотрѣть на дьяка... Но дьякъ, повидимому, былъ не одинъ. Тутъ же рядомъ съ нимъ, только не на боченкѣ, а просто на большомъ узлѣ, сидѣли двѣ дѣвушки, одна—взрослая, лѣтъ восемнадцати, другая—подростокъ, лѣтъ тринадцати. Подростокъ была въ коричневомъ короткомъ платьицѣ и въ простой

соломенной шляпкѣ безъ цвѣтовъ. Другая, постарше, была безъ шляпки, голова ея была повязана свѣтлымъ батистовымъ платкомъ. Дьякъ не разговаривалъ съ ними, а просто сидѣлъ на боченкѣ и покачивалъ ногами; но почему-то Маккавеевъ сразу заключилъ, что они втроемъ составляютъ одно семейство. Было что-то такое въ ихъ позахъ и движеніяхъ, что обобщало ихъ.

Дьякъ обратилъ вниманіе на то, что Маккавеевъ отвѣтилъ ему внимательнымъ взоромъ, и такъ какъ ему было очень скучно, то онъ сошелъ съ боченка и, искусно лавируя между разсѣвшимися на палубѣ пассажирами, приблизился къ нему.

— Что это вы на меня такъ смотрите? — спросилъ дьякъ безъ всякихъ предисловіи и рекомендацій.

— Такъ, смотрю! — отвѣтилъ Маккавеевъ. — А вы тоже на меня смотрите.

— А знаете, отчего я на васъ смотрю? Я вамъ объясню! — сказалъ дьякъ, уже своей манерой говорить свидѣтельствовавшій о несомнѣнной словоохотливости. — Я вамъ скажу. Сдается мнѣ, что вы тоже изъ духовныхъ.

— Почему же такъ? — спросилъ Маккавеевъ.

— А такъ... Самъ не знаю, почему. Такой у васъ видъ духовный.

Маккавеевъ посмотрѣлъ на свой сюртукъ и прочія части туалета и пришелъ къ заключенію, что духовный видъ, надо полагать, состоитъ въ томъ, чтобы фалды сюртука были больше въ ширину, чѣмъ въ длину, а рукава коротки, а штаны на цѣлюю четверть не достигали до земли.

— А что, угадалъ вѣдь? — продолжалъ дьякъ.

— Угадали! — отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Ну, вотъ, скажите, пожалуйста! Какой у меня нюхъ! Значить, свой своего чувствуетъ... А вы въ какомъ же смыслѣ?

— То-есть, какъ въ какомъ смыслѣ?

— То-есть, собственно, вы съ которой стороны духовный?

— Я семинаристъ...

— Ага, семинаристъ. Здѣшній?

— Здѣшній. Я только-что кончилъ семинарію...

— Ага, даже кончили? Вотъ какъ! скажите, пожалуйста!.. Такъ, такъ. Такъ вы, значить, богословъ? Гм... Это хорошо!

И дьякъ вдругъ удивительно оживился, узнавъ, что его собесѣдникъ богословъ; а Маккавеевъ никакъ не могъ понять, что собственно его радуешь въ этомъ.

— Такъ вы богословъ! Гм! Очень пріятно! Только...

Онъ посмотрѣлъ еще внимательнѣе на его сюртукъ и штаны и прибавилъ: — Только и сюртуки же даютъ у васъ въ семинаріи! Вы, должно быть, казенный...

— Да, казенный.

— Оно и видно. Это, надо полагать, на самого отца ректора шито. У васъ что-жь баба какая нибудь шьетъ?

— Нѣтъ, портной, Моисей Рувимчикъ!.. Онъ извѣстный...

— Гм! портной хорошій, а шьетъ скверно...

— Да видите ли, это не на меня шито. У меня былъ очень ужъ потертый сюртукъ, такъ отецъ ректоръ велѣлъ отцу эконому выдать мнѣ другой, а это шито на бывшаго семинариста Понощатенка, который выбылъ.

— Только вы бы лучше ужъ въ потертомъ! А то, знаете, странно какъ-то: смотришь со стороны — толстый человѣкъ долженъ быть, а вблизи тонкій... Такъ, стало быть, вы мѣсто получили? или какъ?

— Да, имѣю мѣсто въ Окуневкѣ...

— Въ Окуневкѣ? Вотъ какъ! такъ это же превеликолѣпное мѣсто. А у насъ все спрашиваютъ: кого это назначать въ Окуневку? а! скажите, пожалуйста... Такъ вы счастливый человѣкъ!

— А что?

— Да какъ же! Первое дѣло — большое село. А второе, тамъ же монастырь близко, а въ монастырѣ чудотворная икона Богоматери, ну, такъ тамъ всегда толпится народъ, и извѣстно, по сосѣдству и въ Окуневку перепадаетъ. Вотъ отчего. А и то еще, что разъ въ годъ, на Воздвиженіе, икону несутъ изъ монастыря въ городъ черезъ Окуневку, тамъ она и ночуетъ, такъ ужъ тогда окуневскому причту прямо благодать Божія... Такъ, такъ. Значить, вы въ Окуневку. А когда-жь рукополагать будутъ?

— Да вотъ, черезъ десять дней.

— Скоренько, скоренько!..

— Пресвященный будетъ въ монастырѣ... — пояснилъ Маккавеевъ.

— Такъ, такъ. А извините... Что-жь, изволили вступить уже въ бракъ?

— Нѣтъ... Гдѣ-жь? Я только недѣлю, какъ кончилъ курсъ...

— Гм!.. Скажите, пожалуйста! Такъ какъ же это? Вѣдь вамъ надобно вступить...

— Да, надо, конечно... И въ консисторіи сказали: торопитесь, а то прозѣваете...

— Такъ, такъ... Ну, а въ городѣ у васъ, собственно, родня тутъ есть или какъ?

— Не знаю я... И самъ не знаю... Я изъ этого города; только отецъ и мать давно умерли, и мнѣ неизвѣстно, есть тутъ родня или нѣтъ. Отецъ ректоръ сказалъ, что тутъ есть какой-то Маккавеевъ, діаконъ, ну, а я тоже Маккавеевъ, ну, такъ, можетъ, онъ будетъ мнѣ родня...

— Маккавеевъ? Маккавеевъ дѣйствительно есть... Онъ діаконъ въ соборной церкви... А ужъ родня ли онъ вамъ, этого я знать не могу. А вы къ нему пойдите; должно быть, что родня.

Отчего бы ему не быть родней? А? Какъ вы думаете? Вотъ, какъ прїѣдемъ въ городъ, можно остановиться на постояломъ дворѣ; вѣдь мы ночью прїѣдемъ, ну, такъ и вы съ нами остановитесь... А утречкомъ и пойдете къ нему.

— А вы тоже въ городѣ служите?— спросилъ Маккавеевъ.

— Нѣтъ, я за тридцать верстъ отъ города, и, знаете, недалеко отъ Окуневки, верстъ двадцать пять всего... Въ губернію вотъ возилъ младшую дѣвочку, къ доктору, ну, и старшая со мной поѣхала, погулять, знаете... У меня, знаете, она по хозяйству... Всякую штуку... Я вдовець, такъ она все справляетъ... Такъ я ее ради отдохновенія взялъ. Она у меня, знаете, неученая, простая. Гдѣ ужъ тамъ? Средствъ, знаете, не имѣю... Просилъ, было, на казенное принять, такъ отказали. На полуказенное, говорятъ, ежели хотите, а у меня вѣдь все равно и на полуказенное тоже денегъ нѣтъ... Такъ, такъ... Значить, вы къ Маккавееву... Ну, и отлично. Онъ вамъ и невѣсту сыщеть...

И опять дьякъ внимательно осмотрѣлъ его съ ногъ до головы.

— Только, знаете, вамъ надо того... одѣться бы, того... получше, а то, знаете, похоже, словно вы съ толстаго человѣка сняли да и надѣли...

Потомъ онъ досмотрѣлъ на своихъ дочерей, и по лицу его видно было, что у него мелькнула новая мысль.—А знаете что? Давайте-ка, закусимъ! у меня вѣдь запасъ есть. Въ губерніи родня, такъ надѣлили насъ, пойдете-ка.

Онъ просто взялъ Маккавеева за рукавъ и повелъ къ боченку и къ дочкамъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ старшей,—вотъ, Вѣрочка, богословъ оказался, господинъ Маккавеевъ, а по имени и отчеству не знаю...

— Егоръ Трофимовичъ!—сказалъ Маккавеевъ.

— Ага! Егоръ Трофимовичъ! Такъ вотъ, Егоръ Трофимовичъ, давайте закусимъ. И водочка у насъ есть... Выпьемъ... Принимаете?

— Я водки не пью.

— Какъ? богословъ и водки не пьете? Вотъ такъ чудо! Вамъ надо пріучаться, безъ этого нельзя. Безъ этого духовному человѣку невозможно, потому всякому съ нимъ пріятно выпить. Ну, Вѣруша, развязывай узелокъ, а ты, Наденька, помогай сестрѣ! Вотъ вы и будете у насъ гостемъ... Хе, хе!.. А какъ сядете на приходѣ въ Окуневкѣ, такъ, можетъ, не побрезгуете ужъ и на самоѣ дѣлѣ къ намъ въ гости прїѣхать... да, къ намъ, въ Богоявленское...

Обѣ дѣвушки молча развязали узелокъ съ съѣстными припасами, разостлали на днѣ боченка салфетку, вынули яйца, сушеную рыбу, пирожки. Тутъ же появилась бутылка и рюмка.

Дьякъ говорилъ безумолку, очевидно, обрадовавшись, что нашель собесѣдника. Онъ говорилъ и объ Окуневкѣ, и о Богоявленскомъ,

и о монастырѣ, и объ уѣздномъ городѣ, а дѣвицы при этомъ не проронили ни слова. Старшая, которую онъ называлъ Вѣрушей, раза два внимательно оглядѣла костюмъ Маккавеева, и на ея губахъ скользнула усмѣшка. У нея былъ очень свѣжій цвѣтъ лица, и вообще она съ виду была здоровая, ростомъ высокая, какъ и отецъ, и очень стройно держалась. Движенія у нея были неторопливыя, основательныя, вообще отъ нея вѣяло чѣмъ-то положительнымъ.

Маккавеевъ выпилъ всего четверть рюмки водки и больше не захотѣлъ, ему показалось невкуснымъ; а дьякъ выпилъ двѣ и заговорилъ съ еще большей охотой.

Солнце уже спускалось къ западу. — Вотъ къ ночи будемъ въ городѣ, — говорилъ дьякъ, — уже тогда весь городъ будетъ спать... А тутъ, около пристани, знаете, есть такай постоянный дворикъ, такъ мы тамъ двѣ комнатки возьмемъ, въ одной мы съ вами, а въ другой женскій полъ; а завтра утречкомъ вы и къ Маккавееву пойдете... Ужъ я не знаю, отчего, а такъ уже я полюбилъ васъ, какъ родного; оно, знаете, духовный духовному всегда долженъ помогать...

Отъ двухъ рюмокъ дьякъ совершенно расчувствовался. Но глаза у него сдѣлались совсѣмъ маленькіе, и онъ въ скоромъ времени объявилъ, что намѣренъ вздремнуть.

— Оно, знаете, страсть какъ пріятно на свѣжемъ воздухѣ.

Онъ досталъ старый кафтанъ, еще болѣе старый, чѣмъ тотъ, который былъ на немъ, разостлалъ его на полу, легъ, положилъ подъ голову собственную ладонь и въ ту же минуту заснулъ.

Дѣвицы въ это время убирали оставшуюся провизію, а что не годилось, бросали въ воду. Маккавеевъ задумчиво смотрѣлъ на берегъ, который, казалось, все время уходилъ отъ нихъ назадъ. Довольно продолжительное молчаніе всякому другому показалось бы неловкимъ, а его оно нисколько не стѣсняло. Онъ совсѣмъ не зналъ этихъ дѣвушекъ и молчалъ съ спокойной совѣстью, потому что у него не о чемъ было говорить съ ними.

А дьякъ между тѣмъ лежалъ уже не на боку, какъ въ началѣ, а лицомъ вверхъ и похрапывалъ, и лицо его съ полураскрытымъ ртомъ было такъ выразительно, что Вѣра и Надя разсмѣялись, а вслѣдъ за ними и Маккавеевъ. Въ самомъ дѣлѣ, у дьяка было смѣшное лицо. Пароходъ вздрагивалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и дьякъ, лежавшій на палубѣ, и его остренькая бородка тряслась.

- А вы развѣ не хотите спать? — спросила у Маккавеева Вѣра.
- Нѣтъ, я выспался ночью.
- А то у насъ еще есть платокъ, можно постлать...
- Нѣтъ, я не хочу спать. А отчего вы сами не ложитесь?
- Оттого же самага, что и вы: и я выспалась ночью.

— Какой красивый берег!—сказалъ Маккаевеѣвъ, во время этого разговора продолжавшій смотрѣть на зеленые камыши.

— А мнѣ онъ надоѣлъ,—отвѣтила Вѣра.— У насъ такой же. Вотъ у васъ въ Окуневкѣ тамъ лучше, красивѣй...

— Да я еще не въ Окуневкѣ! еще попаду ли?

— Отчего же не попадете? Назначили, такъ попадете.

— Такъ вѣдь надо жениться...

— Такъ и женитесь. Долго ли? Сколько поповенъ у насъ есть готовыхъ.

— Какъ готовыхъ?

— А значить невѣсты... готовыхъ къ вѣнцу идти. Вотъ даже отъ насъ недалеко въ десяти верстахъ есть невѣсты у отца Пафнунтія Трифратова... Да ихъ сколько угодно. И еще какъ женитесь! Только ужъ вамъ надо сюртукъ другой, а то такъ не хорошо...

Послѣ столь неблагопріятныхъ отзывовъ, повторявшихся слишкомъ часто, о сюртукѣ, Маккаевеѣвъ началъ чувствовать, что какъ будто носить на своихъ плечахъ тяжесть въ сто пудовъ. Сюртукъ, въ которомъ ему было легко и свободно, теперь началъ стѣснять его.

Маккаевеѣвъ смотрѣлъ на свою собесѣдницу съ особеннымъ вниманіемъ. Въ сущности это было первое существо женскаго рода, которое находилось отъ него такъ близко и разговаривало съ нимъ. Онъ находилъ ее стройной и миловидной, и вообще ему доставляло удовольствіе то, что она вблизи него и говорить съ нимъ. У нея былъ пріятный голосъ и красивые глаза, небольшіе, веселые, добрые.

Уже стемнѣло, камышъ сталъ сперва темно-зеленымъ, а потомъ совсѣмъ чернымъ. Загорѣлись звѣзды. Наконецъ и дьякъ проснулся.

— Ого!—сказалъ онъ,—а я таки поспалъ. Эге, да это уже пригородное село,—промолвилъ онъ, щуря глаза и присматриваясь къ силуэтамъ хатъ на берегу.—Скоро и городъ!

И въ самомъ дѣлѣ скоро вдали показались огни, потомъ затемнѣлъ городъ, заблестали фонари на пристани; пароходъ остановился; они сошли на пристань. Маккаевеѣвъ схватилъ узелъ, принадлежавшій, конечно, не ему, а дьяку, и потащилъ его на постоянный дворъ.

Было уже за полночь. Хозяинъ постоялаго двора оказался добрымъ знакомымъ дьяка. Онъ протиралъ заспанные глаза, но тѣмъ не менѣе привѣтствовалъ гостей улыбкой.

— Ну, что,—спрашивалъ дьякъ,—найдутся для насъ хоромы?

— Да ужъ для васъ всегда найдутся самыя лучшія, какія только есть...

Комнату имъ дали довольно большую, но въ ней стояли только кровать, столъ и два стула, а на стѣнѣ висѣло скверное, кривое, загрязненное мухами зеркало. По требованію дьяка, притащили диванъ. Дьякъ уложилъ Маккаевеѣва на кровати, а самъ клубкомъ свернулся на диванѣ. Маккаевеѣвъ пробовалъ, было, протестовать,

но дьякъ сказалъ:—Нѣтъ, какъ же можно? первое дѣло, вы—богословъ, а второе—я все-таки поспалъ на пароходѣ.

Утромъ дьякъ всталъ рано и, когда проснулся Маккавеевъ, на столѣ уже шипѣлъ самоваръ, и были приготовлены хлѣбъ и масло.

— А мои дѣвы еще спятъ!—промолвилъ дьякъ, — ну, пусть спятъ, онѣ дома рано встаютъ, а тутъ пускай понѣжятся.

Но когда они сѣли за столъ, то явилась сперва Надя, а потомъ и Вѣра. На нихъ теперь были другія платья, свѣтлыя, ситцевыя, и Вѣра теперь была совсѣмъ хорошенькая. Единственное, къ чему могъ бы придраться тонкій дѣнитель, это слишкомъ густой загаръ на щекахъ, да грубоватая кожа на рукахъ, да и руки у нея были слишкомъ велики, потому что Вѣра все дѣлала въ хозяйствѣ этими руками.

— Послушай-ка, Вѣруша,—обратился къ ней дьякъ, когда она выпила чашку чаю,—а ты взяла бы да нашему богослову пюговки на сюртукѣ переставила, а то ихъ такъ и застегнуть нельзя...

— Что-жь, это нетрудно!—отвѣтила Вѣра.

А Маккавеевъ смотрѣлъ на нихъ обоихъ съ удивленіемъ. Во-первыхъ, это было странно, что они такъ заботились о немъ; вѣдь онъ имъ не родственникъ и даже едва только знакомъ; а второе—какъ это Вѣра будетъ перешивать ему пюговицы? это даже какъ-то неловко...

— Такъ вы снимите сюртукъ-то, господинъ богословъ!—сказалъ дьякъ.

Маккавеевъ замаялся.

— А что, думаете, неловко? Вотъ пустое! Въ нашемъ простомъ быту мы, знаете, безъ всякихъ церемоній... Э, чего тамъ! снимайте, снимайте! я часто дома въ штанахъ да въ рубашкѣ сижу, и народъ приходитъ, и ничего, а вѣдь у васъ еще жилетка есть?

— Есть!—сильно конфузясь, отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Такъ чего же?—сказала Вѣра, — въ жилеткѣ совсѣмъ даже прилично... А я вотъ иголку съ ниткой принесу. У меня все есть съ собой; вдругъ что въ дорогѣ оторвется, вотъ и пришьешь.

Дьякъ почти насильно стащилъ съ Маккавеева сюртукъ, и тотъ остался въ жилеткѣ и чувствовалъ себя такъ, какъ будто его совсѣмъ раздѣли доната. Вѣра пошла въ свою комнату и принесла иголку съ ниткой и ножницы и начала портняжничать; дьякъ въ это время поясняя:

— А то, знаете, никакъ невозможно... Смотришь это на васъ, и кажется, будто тамъ у васъ опухоль какая нибудь...

Маккавеевъ смотрѣлъ на то, какъ ловко Вѣра дѣйствовала иглой, пальцы ея быстро двигались, иголка съ ниткой каждую секунду мелькала около ея носа, потомъ опять попадала въ пюговицу. Надя тоже принимала дѣятельное участіе — она держала сюртукъ, подавала ножницы и оказывала разныя мелкія услуги.

— Ну, вот и готово!—сказала Вѣра.

Дьякъ взялъ у нея сюртукъ и помогъ Маккавееву одѣться, а потомъ самъ сталъ застегивать пуговицы.

— Ну, вотъ теперь все же лучше, — говорилъ онъ, — хотя все-таки скверно... Такъ вы идите вотъ какъ: сейчасъ, какъ выйдете, налѣво будетъ улица, потомъ опять налѣво — переулочекъ, такъ вы въ этотъ переулочекъ идите, а тутъ сейчасъ площадь, а на площади соборъ, ужъ это вы сейчасъ сами увидите, потому это не иголка, а соборъ. Ну, вотъ вы прямо въ ограду, а тамъ въ церковный домъ, ну, тамъ уже сами попадете, спросите прямо Маккавеева.

— Я, право... я даже не знаю, какъ и благодарить васъ! — говорилъ Маккавеевъ, обращаясь, впрочемъ, болѣе къ Вѣрѣ, которая ни съ того ни съ сего вдругъ перешла ему пуговицы, что онъ особенно оцѣнилъ. Проходя мимо сквернаго зеркала, онъ увидѣлъ въ немъ себя и тутъ убѣдился, что сюртукъ дѣйствительно сталъ сидѣть лучше. Не было этихъ опухолей на груди, про которыя говорилъ дьякъ.

— Ну, прощайте!—сказалъ онъ.—Такъ вы не уѣдете?

— Нѣтъ, мы завтра еще посидимъ. Нашихъ лошадей еще нѣтъ. Я, знаете, ошибся днемъ,—надо было, чтобъ вчера прислали, а я сказалъ днемъ позже...

Маккавеевъ вышелъ изъ постоялаго двора и, придерживаясь указаний дьяка, пошелъ налѣво, встрѣтилъ переулочекъ, затѣмъ площадь и, наконецъ, соборъ. Было десять часовъ утра; съ соборной колокольни еще раздавались послѣдніе удары колокола, призывавшаго къ обѣднѣ. Маккавеевъ изъ переулка попалъ прямо въ соборную ограду. Тутъ ему навстрѣчу попался какой-то необыкновенно тонкій понамарь. Онъ остановилъ его.

— А позвольте узнать, гдѣ тутъ дьяконъ Маккавеевъ живетъ?

— Маккавеевъ? Отецъ Гурій? а?

— А развѣ есть и другой?—спросилъ богословъ.

— Другой? Какъ другой? Кто такой другой?

— Маккавеевъ!

— Маккавеевъ? Нѣтъ, Маккавеева другого нѣтъ, одинъ только есть Маккавеевъ—отецъ Гурій.

— А гдѣ же онъ живетъ?

— Живетъ? Онъ живетъ вонъ тамъ, въ церковномъ домѣ, во флигелѣ, справа... Тамъ и отецъ Амосъ живетъ.

Про отца Амоса Маккавеевъ, конечно, не спрашивалъ, такъ какъ онъ совершенно не интересовалъ его. Онъ пошелъ по указанію понамаря и, когда подошелъ къ флигелю, то встрѣтилъ тамъ толстую бабу въ малороссійскомъ очипкѣ на головѣ. Она стояла на возвышеніи, въ длинномъ открытомъ корридорѣ, передъ нею была лохань, водруженная на табуретѣ; баба стирала бѣлье.

— Отецъ Гурій здѣсь живетъ?—спросилъ Маккавеевъ.

— Тутъ...

— А какъ его повидать?

— А такъ и повидать... Извѣстно какъ, глазами. А то какъ же? «Вотъ смѣшная баба»,—подумалъ Маккавеевъ.

— Куда же къ нему?

— Вонъ сюда.—Она указала глазами на дверь. Онъ вошелъ и попалъ въ совершенно темныя сѣнцы, — хотъ глазъ выколи. Онъ сталъ нащупывать рукой по стѣнамъ и нащупалъ наконецъ дверь и толкнулъ ее. Дверь отворилась, и на него пахнуло теплымъ съѣстнымъ воздухомъ. Топилась плита, и на ней стояли сковороды, въ которыхъ что-то жарилось. У плиты стояла женщина почтеннаго возраста, невысокая, съ закатанными высоко рукавами, съ вилкой въ рукѣ.

— Вамъ кого?—прямо спросила она и даже недовольно внимательно взглянула на него.

— Отца Гурія... Маккавеева... Отца Гурія... Онъ дома?

— Онъ-то дома, да только онъ еще... въ бѣльѣ... Жарко, такъ онъ и не одѣвался еще.

Маккавеевъ не зналъ, какъ ему принять это обстоятельство, что отецъ Гурій еще въ бѣльѣ. Собственно ему было все равно, какимъ увидать отца Гурія, въ рясѣ, въ бѣльѣ или даже совсѣмъ безъ бѣлья. И онъ спросилъ:

— Такъ можно его повидать?

— Да отчего же нельзя? Онъ вѣдь не чудо какое нибудь!

«Какъ они всѣ странно говорятъ здѣсь»,—подумалъ Маккавеевъ.

— А какъ объ васъ сказать ему? Вы кто такой будете?—спросила его женщина.

— Я Маккавеевъ.

— Тоже Маккавеевъ? Какой же вы Маккавеевъ?—съ удивленіемъ спросила женщина.

«Вотъ такъ вопросъ!»—подумалъ Маккавеевъ. «Какъ же ей на это отвѣтить? Какой же я въ самомъ дѣлѣ Маккавеевъ?»

— Да Маккавеевъ,—отвѣтилъ онъ,—Маккавеевъ, да и только.

— Такъ вы, значить, намъ родственникъ или какъ?

«Намъ? Значить, она тоже Маккавеева! должно быть, жена отца Гурія».

— Я и самъ не знаю,—отвѣтилъ онъ,—можетъ, и родственникъ.

— Гм... Вы какого же Маккавеева?

— Да ужъ онъ давно умеръ. Онъ былъ дьячекъ, его звали Трофимъ.

— Не знаю такого; можетъ быть, мужъ знаетъ... Не знаю!—еще разъ подумавши, сказала она; потомъ прибавила:—а вы собственно по какому же дѣлу? Можетъ, на счетъ вспомошествованія? Такъ это напрасно. Мы сами люди бѣдные... Такихъ-то родственниковъ много найдется, на всякаго не настачишь. Если за вспомошествованіемъ, такъ ужъ лучше не ходите къ нему: не дастъ, я знаю, что не дастъ.

— Нѣтъ, я по другому дѣлу...

— Ага, по другому... Ну, я скажу ему... Погодите тутъ, а то войдите, коли хотите...

III.

Она ушла въ другую дверь и скрылась. Маккавеевъ остался въ сѣняхъ и почему-то не рѣшался войти въ кухню; теперь въ сѣняхъ уже не было такъ темно, потому что онѣ освѣщались изъ кухни, и онъ слышалъ, что за другой дверью, которая тоже выходила въ сѣни, происходилъ разговоръ. Онъ явственно слышалъ уже знакомый голосъ женщины съ закатанными рукавами и отвѣчавшій ей здоровенный мужской басъ: — Маккавеевъ? а? Какой такой Маккавеевъ? Ну, пусть идетъ сюда.

Потомъ небольшой промежутокъ, во время котораго, по всей вѣроятности, женщина что-то возражала, а затѣмъ опять басъ: — Э, ну, вотъ еще! что за важность! развѣ онъ дама?

Тутъ дверь въ сѣни открылась, и на порогѣ появилась женщина:

— Ну, идите сюда, что ли, — сказала она, — входите, входите!

Маккавеевъ вошелъ. Небольшая комната была перегорожена посрединѣ ситцевой занавѣской. По эту сторону занавѣски не было никого, если не считать женщину, оставшуюся стоять на порогѣ.

— Вы погодите минутку, онъ сейчасъ выйдетъ! — прибавила она.

Въ это время за занавѣской что-то громко зашлепало туфлями по полу, и отъ этихъ шаговъ сталъ дрожать полъ въ комнатѣ. Потомъ занавѣска задвигалась, и передъ Маккавеевымъ появился отецъ Гурий.

Онъ удивительно походилъ на льва, котораго одѣли въ бѣлье и поставили на заднія лапы. Средняго роста, очень толстый, съ большимъ животомъ, онъ былъ волосатъ, какъ только можно представить себѣ это. Кудрявая грива на головѣ спускалась ниже плечъ, борода разрослась во всѣ стороны, начинаясь чуть ли не подъ самыми глазами; роскошныя баки, густѣйшіе усы, — все это спутывалось, такъ что нельзя было разобрать, гдѣ кончается одно и начинается другое. Густо сросшіяся брови; даже на груди, просвѣчивавшей изъ-за открытаго ворота рубахи, все было покрыто волосами.

— Это вы Маккавеевъ? — густѣйшимъ басомъ спросилъ отецъ Гурий.

— Я! — сказалъ Маккавеевъ.

— А зовутъ какъ?

— Егоръ.

— А по батюшкѣ?

— Трофимовичъ.

— Не знаю. Никогда не зналъ такого. Должно быть, вы одно-

фамилецъ, если только не врите. Маккаевеєвъ—духовная фамилія... Маккаевеєвыхъ—какъ собакъ нерѣзанныхъ.

Все это онъ говорилъ трубнымъ звукомъ, и Егоръ Маккаевеєвъ почему-то тотчасъ же мысленно представилъ себѣ, какъ онъ звучно долженъ читать въ церкви апостола или выносить многолѣтіе.

— А что же вамъ надо? — продолжалъ свой строгій допросъ отецъ Гурій.—Можетъ быть, пособіе?—прибавилъ онъ, внимательно и недовѣрчиво оглядывая костюмъ Маккаевеєва и въ особенности обративъ вниманіе на его коротенькіе штаны и истоптанные сапоги.

Нашему герою это ужъ начало надоѣдать. Чего они пристають къ нему съ пособіемъ? Ну, не родня, и не надо. Досвиданья, да и только! и ему вдругъ захотѣлось сказать какую нибудь грубость. Этотъ левъ въ нижнемъ бѣльѣ, стоявшій передъ нимъ на заднихъ ногахъ, раздражалъ его.

— Да вѣдь я, кажется, не просилъ пособія! — довольно рѣзко сказалъ онъ,—мнѣ вовсе не надо пособія.

— Ага, не надо! такъ что жъ вамъ надо? Вы кто такой? Какое ваше званіе? Вы служащій?

— Нѣтъ, я не служу. Я только что кончилъ семинарію. Я богословъ и назначенъ на священническое мѣсто.

Тутъ Маккаевеєвъ могъ наблюдать, какъ послѣ этого признанія все вдругъ перемѣнилось, какъ женщина, очевидно дьяконица, начала обѣими руками опрavlять свою кофточку и, даже, какъ бы почувствовавъ стыдливость, откатывать свои рукава, какъ самъ отецъ Гурій сталъ пристегивать поспѣшно воротникъ рубахи, чтобъ спрятать свою волосатую грудь, и вообще видимо произошло нѣкоторое замѣшательство.

— Такъ вы... вы... богословъ? И мѣсто получили?.. Такъ что же вы этого не говорили? такъ это совсѣмъ другое дѣло. Садитесь же, садитесь, пожалуйста. Прошу извиненія... Я, знаете, это отъ жары... того... въ бѣльѣ пребываю... Марья, дай-ка кафтанъ!—обратился онъ къ женѣ, — жара, знаете, такая, что просто мочи нѣтъ, а я человекъ грузный, какъ сами видите... Садитесь же, пожалуйста.

И басъ его послѣ этого сталъ значительно мягче, и весь онъ началъ уже меньше походить на льва. Дьяконица прошла за занавѣску, принесла ему кафтанъ, и вотъ онъ уже запахиваетъ полы и съ новой любезностью приглашаетъ Маккаевеєва садиться.

— Такъ какъ же это такъ?—говорилъ отецъ Гурій,—да, можетъ, вы это такъ себѣ, нарочно?.. А садитесь же, садитесь. Такъ вы это не нарочно, а?

— Да нѣтъ, не нарочно. Вотъ, если не вѣрите, и бумага; вотъ отъ консисторіи назначеніе!—сказалъ Маккаевеєвъ, вынувъ изъ кармана бумагу и подавъ ее діакону.

Тотъ развернулъ и началъ читать: «Дано сіе дѣйствительному студенту богословія Егору Трофимову Маккаевеєву въ томъ, что, со-

гласно резолюции его высокопреосвященства отъ 12-го іюня, онъ, Маккавеевъ, назначенъ состоять священникомъ на приходѣ въ селѣ Окуневкѣ, Гжовскаго уѣзда...». Такъ оно и есть!—промолвилъ отецъ Гурій,— ну, скажите, пожалуйста! А я, извините, такъ таки прямо, скажу, принялъ васъ за жулика... Какъ его распознаешь! Думаю себѣ: и не Маккавеевъ ты, а такъ придумалъ это, чтобъ трешницу съ меня получить... Эй, Марья, дьяконша! тамъ что-то у тебя жарится! давай-ка сюда, мы со сродникомъ выпьемъ да закусимъ... Такъ Трофима Маккавеева сынокъ? Такъ? Трофимъ Маккавеевъ? Онъ чѣмъ же былъ?

— Дьякомъ... Давно ужъ... Онъ умеръ, я его чуть только помню.

— Трофимъ Маккавеевъ! Что-то такое какъ будго... Гм. Да, должно быть, что родственникъ! какъ же не родственникъ?.. И знаете, у васъ въ лицѣ что-то такое маккавеевское есть, да, что-то есть... Знаете, мнѣ это сразу пришло въ голову, какъ только увидалъ васъ. Что-то есть...

Въ это время на столѣ появилась скатерть, тарелки, водка и жареный лещъ. Дьяконица повязала на голову новый платокъ, и видъ и лицо ея сдѣлались теперь привѣтливѣе и даже моложе.

Отецъ Гурій накладывалъ въ тарелку Егора леща, а Егоръ Маккавеевъ въ это время раскрывалъ передъ нимъ свою душу.

— У меня ничего нѣтъ,—говорилъ онъ,—и никого знакомыхъ. А всего только девять дней осталось... Надобно невѣсту отыскать и жениться... потому что преосвященный черезъ девять дней назначилъ рукоположеніе въ Вознесенскомъ монастырѣ.

— Такъ, такъ, такъ, девять дней! Ну, знаете, это срокъ большой... Я, знаете, какъ меня дьякономъ назначили—я курса въ семинаріи не кончилъ—такъ мнѣ дано было всего три дня, и я въ три дня округился... И вотъ какую паву взялъ!—прибавилъ онъ, указывая на дьяконицу,—и ничего, жена, какъ жена... Это обдѣлывается очень даже просто! невѣсть, я вамъ скажу, въ нашемъ уѣздѣ видимо-невидимо... Совсѣмъ, знаете, некому стало жениться. Богословы все больше женятся въ губернскомъ городѣ, имъ нынче образованныя требуются. А мы васъ живо обкрутимъ. И знаете, у меня даже на примѣтъ есть; тамъ же, въ вашихъ мѣстахъ, недалеко отъ Окуневки... Ну, что-жъ, пройдемся... Теперь седмица отца Амоса, слѣдственно я свободенъ... Только гм... того... бричку придется взять—этакъ денька на два, на три, это обойдется рубликовъ восемь-девять, а то и всѣ десять, такъ ужъ это на вашъ счетъ, Егоръ Трофимовичъ...

— Да у меня всего въ карманѣ двѣнадцать рублей съ мелочью!—замѣтилъ Маккавеевъ.—Мнѣ отецъ ректоръ выдалъ пятнадцать, такъ это осталось.

— Ну, это ничего. Мы съ тестя возьмемъ. Тестъ долженъ за все платить... Это пустое... А вотъ одежонка у васъ, знаете, не

того... больно ужъ смѣшно... Ну, сюртукъ еще куда ни шло («ага, подумалъ Егоръ Маккавеевъ, значить, не напрасно Вѣра пуговицы переставила! помогло!»). А вотъ штаны надо другіе, въ такихъ штанахъ жениться никакъ нельзя и сапоги тоже; такъ на это же у васъ хватить... Только ужъ медлить нельзя; надо нынче и ѣхать. Я, знаете, хотя и кажусь тяжелымъ по своей комплекціи, а на подъемъ легкокъ. Марья, слышишь? Ѣдемъ со сродникомъ по епархіи, ха-ха-ха! преосвященный въ одномъ мѣстѣ ѣздитъ, а мы въ другомъ будемъ ѣздить, ха-ха-ха! Только преосвященный ревизуетъ, а мы жениться поѣдемъ. Да ты не бойся, это не я жениться буду, а вотъ богослова женить надо, сродника. Такъ очень пріятно! я готовъ! Я, знаете, скажу вамъ прямо: я люблю это дѣло... Еще недавно женилъ одного. Онъ не богословъ, но все же бывший семинаристъ,— за пьянство выгнали его; только онъ теперь бросилъ пить, и ему дьяконское мѣсто дали; можетъ быть, знаете—Понощатенко?

— Понощатенко?

И у Маккавеева вдругъ сдѣлались престранные глаза; онъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто его уличили въ воровствѣ сюртука.

— А что? Развѣ чтонибудь такое?—спросилъ отецъ Гурій, замѣтившій перемѣну въ его лицѣ...

— Нѣтъ, ничего, а только... Понощатенко, я помню, онъ такой толстый и короткій.

— Именно...

— Такъ онъ, какъ его исключили, оставилъ свой новый сюртукъ казенный, и штаны... И вотъ эти самые сюртукъ и штаны мнѣ выдали, и они теперь на мнѣ...

— Ха-ха-ха! такъ вотъ отчего онъ на васъ такъ смѣшно сидитъ. Вотъ такъ совпаденіе! А онъ, Понощатенко, тутъ въ городѣ въ кладбищенской церкви дьякономъ, отлично служитъ; у него бась, и пить бросилъ.... Больше одного полуштофа въ день не выпиваетъ... Ха-ха-ха! Такъ ему этотъ полуштофъ ни почему, никакого дѣйствія не оказываетъ... А въ прежнее время цѣлый штофъ выпивалъ. Ну, такъ вы идите, Егоръ Трофимовичъ, да на счетъ штановъ и сапогъ... А я улажу на счетъ брочки, да сейчасъ и махнемъ.

Маккавеевъ поблагодарилъ новаго родственника и пошелъ на постоянный дворъ.

Тутъ онъ рассказалъ все, что съ нимъ произошло.

— А сколько же у васъ имѣется денегъ?—спросилъ дьякъ.

— Двѣнадцать рублей съ маленькимъ лишкомъ.

— Маловато, знаете... Ну, ничего, ежели не хватить, прибавимъ...

— Какъ же это? съ какой стати вамъ прибавлять?..—смутившись возразилъ было Маккавеевъ.

— Э, ну, что тамъ, потомъ, когда женитесь и будете на при-

ходѣ, отгадите... Много не могу, а коли понадобится пятипница, я въ состояніи...

— Да не забудьте, тятенька, рубашку купить, чтобъ крахмаль-ный воротничекъ былъ,—сказала Вѣра,—а то такъ неловко... И галстукъ на шею...

У Егора была цвѣтная рубаха съ косымъ воротомъ. Дьячекъ вызвался пойти съ нимъ за покупками; онъ зналъ всѣ лавки, и вотъ они отправились. Маккавеевъ былъ тронутъ той заботливостью, съ какой дьякъ примѣрялъ ему штаны и сапоги, выбиралъ рубашку и галстукъ. Были куплены еще два носовыхъ платка, потому что у Маккавеева они совсѣмъ отсутствовали, и даже какія-то шерстяныя перчатки, на приобретеніи которыхъ ужасно настаивалъ дьякъ. Ему казалось, что безъ перчатокъ жениться никакъ невозможно.

Былъ великій соблазнъ купить даже сюртукъ, который приходился Маккавееву какъ разъ по плечу и стоилъ недорого, но тутъ и у дьячка не хватило денегъ.

Они вернулись на постоялый дворъ; дьякъ присутствовалъ при переодѣваніи Егора и нашель, что все въ великолѣпномъ порядкѣ, только сюртукъ—ахъ, еслибъ только тотъ сюртукъ былъ!

— Ну, да ничего, сойдетъ. Да и то правда,—говорилъ дьякъ,—покупать новую вещь для того только, чтобъ жениться, не стоитъ, а носить его все равно не будете; вѣдь черезъ девять дней въ рясу перейдете. А вотъ что, вотъ мысль пришла—можно бы въ этомъ самомъ сюртукѣ да удлинить рукава. Это было бы отлично! Эге,—прибавилъ онъ, оцупавъ рукава сюртука,—да тутъ порядочный запасъ! Знаете, запасливый вашъ этотъ портной Моисей Рувимчикъ... Вѣруня!

Пришла изъ своей комнаты Вѣра и съ величайшей охотой взялась удлинить рукава; опять съ Маккавеева сняли сюртукъ, и Вѣра принялась за работу. Она удивительно быстро дѣйствовала иголкой и притомъ съ необыкновенной ловкостью; скоро рукава были готовы.

— Разглядить бы только,—сказала Вѣра, и Надя тотчасъ же побѣжала къ хозяину постоялаго двора за утюгомъ. Дѣло шло удивительно удачно. Вотъ и утюгъ принесли, разложили на столѣ простыню, на нее положили рукава, и отъ нихъ пошелъ легкой паръ. Вотъ и рукава совсѣмъ готовы, какъ слѣдуетъ. Маккавеевъ опять въ сюртукѣ и уже совсѣмъ смотритъ приличнымъ молодымъ человекомъ.

— А галстукъ-то у васъ, галстукъ-то!—сказала Вѣра, внимательно осматривая его. — Совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Давайте-ка, я вамъ повяжу,—надо бантомъ.

И она, ловко владѣя своими пальцами, быстро превратила его галстукъ въ роскошный бантъ. Но ея заботливость шла гораздо дальше, она изслѣдовала еще его лицо и сказала:—А теперь, знаете что, Егоръ Трофимовичъ? слѣдовало бы вамъ сходить въ цирюльню.

— А правда!—подхватилъ дьякъ,—это не мѣшается.

— А что же собственно надо сдѣлать?—спросилъ Маккавеевъ, не находившій въ своей наружности никакихъ особенныхъ погрѣшностей.

— Да ужъ цырульникъ самъ знаетъ, что дѣлать. Вы только скажите ему, что, молъ, надо васъ подправить... А тутъ и цырульникъ рядомъ, совсѣмъ подъ бокомъ, сходите-ка!

Егоръ послушался и отправился въ цырульню. Онъ вышелъ со двора, повернулъ налево и увидѣлъ большую вывѣску, на которой былъ нарисованъ человѣкъ, сидящій въ креслѣ, съ шеей, обернутой какой-то бѣлой тряпкой, и съ приставленнымъ къ подбородку тазомъ, а позади его другой человѣкъ съ ножницами въ рукахъ, какъ будто онъ одновременно собирался и мыть его и стричь. Это достаточно указывало на то, что здѣсь-то именно и помѣщается цырульня. Маккавеевъ вошелъ. Это было чрезвычайно разностороннее учрежденіе. Въ ту минуту, когда Маккавеевъ вошелъ, въ креслѣ передъ зеркаломъ сидѣлъ почтенный лысый толстощекий господинъ, весь, кромѣ головы, завернутый въ простыню. Онъ закинулъ голову назадъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько влѣво, а цырульникъ въ рубахѣ, втиснутой въ штаны, даже безъ жилета, возился около его шеи, стараясь приставить ему пъявки.

— Вамъ банки?—спросилъ цырульникъ, обратившись къ Маккавееву.

— Какія банки, зачѣмъ банки?—спросилъ въ свою очередь Маккавеевъ, даже недостаточно понявъ вопросъ.

— Нѣтъ? такъ вамъ, можетъ быть, пъявки?

— Нѣтъ, мнѣ пъявокъ не надо.

— А, такъ зубъ выдернуть?

«Чортъ возьми,—подумалъ Маккавеевъ, — я, кажется, не туда попалъ».

— Развѣ здѣсь не стригутъ?—спросилъ онъ.

— Какъ не стригутъ? Стригутъ, если кому нужно. Стригутъ и брѣютъ!—отвѣтилъ цырульникъ такимъ тономъ, изъ котораго Маккавеевъ заключилъ, что стрижка и бритье у него считаются далеко не самыми важными дѣлами.

— Ну, такъ вотъ...

— Ага, вамъ, значить, стричься? Такъ вы такъ и скажите. Придется подождать. Вотъ господина кончу... Это мы сдѣлаемъ мигомъ.

Маккавеевъ сѣлъ и ждалъ. Онъ былъ свидѣтелемъ любопытнаго явленія, которое видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Пъявки почему-то не хотѣли присасываться къ толстой шеѣ толстолицаго господина, а цырульникъ все поощрялъ ихъ.

— Да ну-же, каторжныя, кусайте... И что такое съ ними подѣлалось? Просто ума не приложу... Должно быть, отъ жары.

— Отъ жары, наоборотъ, жажда бываетъ, — сказалъ паціентъ.

— Такъ это же у человѣка, а не у пьявockъ. У пьявки отъ жары дѣлается вялость... Погодите-ка, я вотъ сахаромъ смажу.

И онъ дѣйствительно взялъ мелкаго сахару, развелъ его въ водѣ и смазалъ этимъ растворомъ шею господина. Тогда пьявки принялись.

— Ага,—сказалъ цырульникъ,—сладенькое любятъ... И вотъ, скажите, пожалуйста, у нихъ вкусъ есть! И человѣкъ любитъ сладкое, и онѣ тоже...

Дальше Маккавеевъ былъ свидѣтелемъ того, какъ пьявки полнѣли, наливались кровью и потомъ, достаточно напившись, одна за другой отпадали...

— Отлично!—сказалъ гость, вставая съ кресель, когда вся операція была кончена, и проколы пѣвockъ были залѣплены трутюмъ.— Теперь и головѣ легче стало, а то, повѣрите ли, какъ только начну о чемъ нибудь думать, сейчасъ голова точно свинцомъ наливается,

Онъ расплатился и ушелъ.

— Такъ васъ подстричь? Что же именно? кудри?

— Нѣтъ, кудри не надо. А такъ вотъ, баки уберите, онѣ ни къ чему.

— Это правда,—баки у васъ ни къ чему; мы сейчасъ ихъ...

Цырульникъ принялся стричь ему баки.—А не убрать ли вамъ бородку? что въ ней толку? Она у васъ словно по ошибкѣ тутъ выросла.

— Пожалуй, уберите!—сказалъ Маккавеевъ, недостаточно, однакожъ, увѣренный, что это будетъ хорошо. Послѣ этого цырульникъ сталъ его мылить и пустилъ въ ходъ бритву. Когда эта операція была кончена, Маккавеевъ взглянулъ въ зеркало и не узналъ себя; совсѣмъ у него другое лицо сдѣлалось, какъ бы другой формы. Теперь ему показалось, что онъ даже недуренъ собой. Какъ, значить, много портили ему баки и борода.

— А сколько вамъ слѣдуетъ?—спросилъ Маккавеевъ.

— Да съ васъ меньше двадцати копеекъ взять нельзя: много работы было.

Онъ заплатилъ двадцать копеекъ и вернулся домой. Дьякъ и Вѣра, а съ ними и Надя, увидавъ его, всплеснули руками.

— Ахъ, да и какой же вы теперь стали красивый, совсѣмъ другой человѣкъ. Скажите, пожалуйста!—воскликнулъ дьякъ,—ну, идите же къ отцу Гурію, онъ, можетъ, ждетъ уже.

— Желаю вамъ невѣсту покрсивѣе найти!—промолвила Вѣра, провожая его.

— За меня красивая не пойдетъ!—отвѣтилъ Маккавеевъ совершенно искренно.

— Зачѣмъ не пойдетъ? Нѣтъ, за васъ всякая пойдетъ!—съ глубокимъ убѣжденіемъ промолвила Вѣра.

— А сколько же съ меня будетъ слѣдовать за постоянный дворъ?— спросилъ Маккавеевъ.

— Хе-хе, да сколько бы ужъ тамъ ни слѣдовало, а ужъ теперь денегъ у васъ нѣтъ. Вотъ когда вы въ гости къ намъ прѣдете, въ Богоявленское, тогда и отдадите. Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!

— Спасибо вамъ... Ужъ не знаю, какъ и благодарить!— промолвилъ съ большимъ чувствомъ Маккавеевъ. Онъ пожалъ руки дьяка и его дочерей и отправился къ отцу Гурію.

Въ соборномъ дворѣ стояла уже бричка, запряженная парой. Отецъ Гурій красовался на крыльцѣ, въ рясѣ и шляпѣ, и очевидно ждалъ его.

— А вотъ и сродственникъ!— воскликнулъ онъ, увидѣвъ Маккавеева, — а я думалъ, вы пропали.

— Покупки дѣлалъ, — отвѣтилъ Маккавеевъ, — да еще въ цырульню зашелъ.

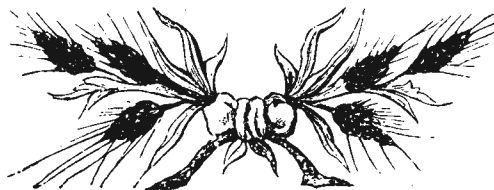
— Ага, отлично! Теперь у васъ совсѣмъ другой видъ, совсѣмъ другой!.. Теперь мы васъ дешево не отдадимъ. Ну, давайте закупимъ на дорогу. Марія!— крикнулъ онъ дьяконицѣ, — дай-ка намъ чегонибудь, только соленого не давай, а то въ такую жару послѣ соленого прямо хотъ помирай отъ жажды.

Дьяконица угостила ихъ варенымъ мясомъ. Она тоже признала, что теперь Егоръ—кавалеръ вполне, какъ слѣдуетъ.

Часа въ три они сѣли въ бричку и поѣхали.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Графиня М. А. Румянцева.

(1698—1788 г.).

«Монархамъ осмерымъ служила,
Носила знаки ихъ честей».

Державинъ.

ЕТРЪ Великій любилъ сватать своимъ «птенцамъ» и любимцамъ, людямъ, большею частью, худороднымъ и бѣднымъ, богатыхъ и знатныхъ невѣсть изъ высокихъ хоромъ вельможнаго и спесиваго своей родовитостью московскаго боярства.

Помимо выраженія этимъ путемъ, съ одной стороны, особаго благоволенія къ самимъ любимцамъ, а, съ другой, демонстративнаго презрѣнія къ старому «мѣстничеству» и къ сословно-аристократическимъ прерогативамъ, царь-демократъ дальновидно преслѣдовалъ и болѣе серьезную, болѣе широкую политическую цѣль.

Съ дѣтства встрѣчая столько крамолы въ средѣ московскаго родоваго боярства и позднѣе столько недоброжелательства съ его стороны своимъ новшествамъ и преобразованіямъ, совершеннымъ при сотрудничествѣ главнымъ образомъ новыхъ, незнатнаго происхожденія людей, Петръ естественно долженъ былъ желать понизить и ослабить первое и возвысить и усилить послѣднихъ, какъ по личнымъ симпатіямъ, такъ и въ интересѣ своего большаго государственнаго дѣла. Съ этой именно цѣлью, чтобы разомкнуть со-

словную замкнутость боярства и, такъ сказать, разсиропить его застоявшуюся породистую кровь свѣжей хутородной, онъ и стремился породнить съ нимъ, при посредствѣ браковъ, своихъ «птенцовъ», выслужившихся изъ ничтожества усерднымъ, преданнымъ и талантливымъ сотрудничествомъ царю въ его гигантской творческой работѣ. Дѣйствовать, въ роли свата, приходилось, конечно, неперемонно и круто, часто насильственно, но въ выборѣ средствъ великій преобразователь вообще, какъ извѣстно, не стѣснялся.

Когда, послѣ блистательно заключеннаго Ништадтскаго мира, Остерманъ возвратился изъ своей дипломатической миссиі, чрезвычайно довольный имъ Петръ, осыпавъ его всякими милостями и наградами, сказалъ ему какъ-то:

— Теперь ты, вотъ, достигъ высшаго положенія при дворѣ и будешь стоять на немъ, пока я живъ; но, когда я умру, что ты будешь дѣлать безъ опоры, безъ кровной связи съ Россіей? Я тебя хочу оженить и сосватаю тебѣ отличную партію¹⁾!

И дѣйствительно сосваталъ одну изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ въ то время невѣстъ — Марю Стрѣшневу, состоявшую въ свойствѣ съ царскимъ родомъ, по бабкѣ, Евдокіи Стрѣшневои, бывшей въ замужествѣ за царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ.

Точно также была сосватана и героиня настоящаго очерка.

Незнатный, мелкопомѣстный кинешемскій дворянинъ, Александръ Ивановичъ Румянцевъ, понавъ смолоду въ преображенскій полкъ, «произшелъ изъ солдатства всѣми нижними чинами», какъ говоритъ о его службѣ Нащокинъ въ своихъ «Запискахъ». Расторопностью и преданностью онъ обратилъ на себя вниманіе Петра, а точнымъ исполненіемъ довольно важныхъ порученій снискалъ вскорѣ и полное его довѣріе. Особенно же прислужился Румянцевъ царю успѣшнымъ розыскомъ за границей, вмѣстѣ съ П. А. Толстымъ, безъ вѣсти скрывшагося было несчастнаго царевича Алексѣя и доставленіемъ его, цѣла и невредима, изъ Неаполя въ Москву. За эту услугу онъ получилъ чинъ майора гвардіи и былъ всячески обласканъ государемъ, но этого ему было мало. По нѣсколько анекдотической біографической версіи Бантышъ-Каменскаго, Румянцевъ, привыкнувъ говорить съ царемъ «искренно, не ломая головы, не картавя, жаловался ему на малое состояніе свое и слышалъ отъ него всегда одно и то же слово: «подожди, пока рука моя развернется, и тогда посыплется на тебя всякое обиліе!»

Наскучивъ ждать, Румянцевъ рѣшился самъ промыслить объ умноженіи своего «малаго состоянія» и нашель, будто бы, богатую и знатную невѣсту съ тысячью душъ приданаго, но, будто бы, Петръ разстроилъ эту свадьбу и утѣшилъ обезкураженнаго жениха словами:

¹⁾ Memoires du prince P. Dolgoroukow, t. I, p. 18.

«Истор. вѣстн.», январь, 1897 г., т. LXVII.

— Я твой свать; положишь на меня, я высватаю тебѣ гораздо лучшую, а, чтобъ сего вдаль не откладывать, приходи вечеромъ, и мы поѣдемъ туда, гдѣ ты увидишь, правду ли я говорю.

Въ означенный часъ государь повезъ Румянцева въ домъ графа Андрея Артамоновича Матвѣева, сына знаменитаго временщика при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и воспитателя его второй супруги, царицы Натальи Кирилловны, матери Петра.

— У тебя есть невѣста, а я привезъ ей жениха, — безъ дальнихъ околичностей сказалъ государь вышедшему на встрѣчу хозяину.

Неожиданное предложеніе привело графа въ большое замѣшательство тѣмъ болѣе, что онъ считалъ Румянцева, какъ бѣднаго дворянина, недостойнымъ руки своей дочери. Государь тотчасъ же проникнулъ въ мысль Матвѣева.

— Ты знаешь, — замѣтилъ онъ, — что я его люблю, и что въ моей власти сравнять его съ самыми знатнѣйшими.

Нечего было дѣлать графу, какъ согласиться на желаніе такого свата: девятнадцатилѣтняя дочь его Марья Андреевна тогда же (1718 г.) объявлена невѣстой Румянцева и вскорѣ соединила съ нимъ судьбу свою.

Вслѣдъ затѣмъ «развернулась» и державная рука щедротами и милостями на Румянцева. Онъ неожиданно на балу, послѣ свадьбы, получилъ чинъ бригадира и нѣсколько деревень, описанныхъ въ казну послѣ только что казненнаго въ то время Кикина.

— Я вѣдь тебѣ говорилъ, — благодушно отвѣтилъ ему Петръ на изъявленіе «со слезами живѣйшей благодарности», — чтобы ты дождалъ, пока развернется рука моя. Теперь она развернулась.

Такъ рассказана эта исторія у Бантышъ-Каменскаго и въ основѣ, что касается факта сватанья царемъ Матвѣевой за Румянцева, рассказана вѣрно, но есть интимныя обстоятельства и подробности, которыхъ біографъ Румянцева или не зналъ, или, зная, опустилъ.

По страстности и необузданности своей натуры, Петръ увлекался многими женщинами, хотя за всю свою бурную жизнь питалъ прочную и глубокую привязанность къ одной только Екатеринѣ. Это ему, однако-жъ, не мѣшало постоянно измѣнять ей, да и она сама, какъ свидѣтельствуемъ уже дѣло Монса, платила ему, при случаѣ, тѣмъ же.

Въ числѣ предметовъ такого чувственнаго, легкаго и большею частью скоропреходящаго увлеченія «царя-исполина» была въ моментъ описаннаго сватовства и графиня Марья Андреевна Матвѣева, слышавшая до замужества дѣвушкой свѣтской, бойкой, очаровательной, любезной и большой вѣтреницей.

Уже много лѣтъ спустя, въ глубокой старости, она сама въ дружеской бесѣдѣ съ графомъ Сегюромъ, авторомъ извѣстныхъ досто-вѣрныхъ мемуаровъ, откровенно исповѣдывалась, что, когда она была дѣвушкой, Петръ былъ влюбленъ въ нее, и заставляла дога-

дываться, что она не осталась непреклонной передъ его исканіями ¹⁾).

Даже и безъ этого намека не оставалось бы сомнѣнія, что дѣло было именно такъ. Непреклонности своей волѣ, своимъ желаніямъ Петръ не допускалъ и не терпѣлъ ни съ чьей стороны; тѣмъ менѣе, разумѣется, церемонился онъ съ удостоившимися его вниманія особами прекраснаго пола, которыя, къ тому же, вѣроятно, и не думали, за рѣдчайшими развѣ изъятіями, слишкомъ сопротивляться, а напротивъ считали себя чрезвычайно польщенными, отличенными и осчастливленными. Еще менѣе можно допустить, чтобы у такого реалиста, какимъ былъ Петръ, съ его властью, въ его положеніи и при тогдашнихъ далеко не строгихъ нравахъ, влюбленность, хотя бы и минутная, ограничивалась однимъ платоническимъ ухаживаніемъ.

Увлеченіе Петра Марьей Андреевной было, повидимому, одно изъ болѣе сильныхъ и продолжительныхъ, судя потому, что, находясь съ нею уже въ связи, онъ удостоилъ ее ревностью, тогда какъ, вообще, не былъ ревнивъ. Какъ рассказываетъ Карабановъ, приревновалъ онъ ее къ другому на какомъ-то увеселительномъ собраніи въ Екатерингофѣ—и настолько остро, что тутъ же, не говоря худаго слова, «отвелъ ее на чердакъ и собственноручно высѣкъ»...²⁾).

Но этого мало. Самое сватовство графини за Румянцова, вслѣдъ затѣмъ случившееся, было устроено Петромъ, будто бы, изъ-за ревности и подъ ея свѣжимъ, горячимъ впечатлѣніемъ. Это утверждаетъ не одинъ Карабановъ. Въ мемуарахъ, напримѣръ, кн. П. Долгорукова, гдѣ эпизодъ этотъ описанъ болѣе обстоятельно и подробно, рассказывается, что Петръ, давно уже ревновавшій графиню и имѣвшій на то основанія, послѣ отеческой экзекуціи, пригрозилъ ей, что выдастъ ее замужъ за челоѣка, который будетъ держать ее въ ежовыхъ рукавицахъ и не позволитъ имѣть любовниковъ, кромѣ его одного.

Въ исполненіе этой угрозы, государь на другой же день, послѣ екатерингофской сцены, отправился съ Румянцевымъ къ графу Матвѣеву сватать графиню. Съ первыхъ словъ гордый графъ и слышать не хотѣлъ о такомъ худородномъ женихѣ. Тогда августѣйшій свать раскрылъ ему глаза на легкомысленное поведеніе его дочери.

— Я ее убью!—закричалъ разгнѣванный и огорченный отецъ.

— Это глупо,—возразилъ Петръ:—никакого нѣтъ резона ее убивать, тѣмъ болѣе, что я уже самъ ее наказалъ; но такъ какъ ты не сумѣлъ уберечь дочь, то я и сватаю ее за Румянцова, который—

¹⁾ ...«elle se plaisait dans ses récits à me faire entendre,—рассказываетъ о ней осторожный и сдержанный Серюръ,—que Pierre-le-Grande avait été amoureux d'elle et me laissait même douter si elle avait été rebelle à ses vœux» (Mémoires, t. III).

²⁾ «Русская Старина», т. IV, стр. 587.

ручаюсь тебѣ—будетъ держать ее въ твердыхъ рукахъ. Правда, онъ не знатенъ, но ты знаешь, что отъ меня зависитъ поднять его до самыхъ высшихъ степеней.

Дальше все произошло такъ, какъ рассказано у Бантышъ-Каменскаго, включительно до «развернувшейся руки», поцарски одарившей молодыхъ милостями и щедротами.

Если все это было такъ, то любопытно: знали ли Румянцевъ про интимныя отношенія своей невѣсты съ царемъ-сватомъ и объ истинныхъ поводахъ самаго сватовства, съ сопровождавшими его нѣсколько скандальными обстоятельствами?

Невозможно допустить, чтобы не знали. Романическія похождения сильныхъ міра сего всегда было очень трудно скрывать, а въ описываемое время и подавно, да тогда и не особенно стагались ихъ скрыть.

Хорошо зная все или почти все, Румянцевъ, человѣкъ простой и не щепетильный, поглощенный, какъ видно, себялюбивымъ желаніемъ сдѣлать карьеру и возвеличить свое «малое состояніе» выгодной женитьбой, по всѣмъ вѣроятіямъ, охотно, «не ломая головы и не картавя», далъ себя посватать къ такой знатной, богатой и блестящей невѣстѣ, какою была графиня Марья Андреевна, хотя бы и съ неполнѣй безупречной дѣвичьей репутаціей. То же обстоятельство, что графиня пользовалась фаворомъ государя, что онъ самъ устраивалъ этотъ бракъ, могло, въ глазахъ разсчетливаго и честолюбиваго карьериста, только возвышать выгодность дѣлаемой имъ партіи. Любой царедворецъ, неизмѣримо знатнѣе, виднѣе и прихотливѣе какого нибудь «произшедшаго изъ солдатства», бѣднаго, худороднаго маіора, чрезвычайно обрадовался бы такой партіи и пошелъ бы ее за особенное для себя счастье.

Бракъ вышелъ, повидимому, удачнымъ, къ общему удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ сторонъ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ свидѣтельствъ противнаго, какъ неизвѣстно—точно ли Румянцевъ взялъ свою молодую жену въ ежевыя рукавицы съ нравоучительной цѣлью, въ оправданіе отеческой заботы царственнаго свата. Нужно предположить, что едва ли: въ неравныхъ бракахъ подобнаго сорта женъ, знающихъ цѣну себѣ и тому, что онѣ принесли своимъ покладистымъ мужьямъ, не такъ-то легко держать въ строгой субординаціи, да и графиня Марья Андреевна, судя по всему, была дама слишкомъ эманципированная, умная и свѣтская для подчиненной, страдательной роли въ своей супружеской жизни. Ктому-жъ, вѣроятно, ни представлялось и особыхъ поводовъ для употребленія ежовыхъ рукавицъ.

Съ выходомъ графини замужъ, Петръ не имѣлъ больше причинъ ни ревновать ее, ни жаловаться на ея вѣтреность. Кромѣ мужа, онъ одинъ, какъ выразилъ о томъ желаніе во время екатерингофской сцены, продолжалъ пользоваться ея благосклонностью.

Отъ этой связи, по преданію, родился знаменитый впоследствии фельдмаршалъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ. Графиня родила его вскорѣ послѣ смерти Петра и во время продолжительнаго отсутствія мужа, исполнявшаго важную и трудную дипломатическую миссію въ Константинополь и Персію. Вѣдомо ли было послѣднему про секретный пунктъ условія, въ силу котораго состоялась его женитьба, и что пунктъ этотъ неукоснительно соблюдался, — щекотливый вопросъ этотъ остается открытымъ. Румянцеву, впрочемъ, мудро было бы слишкомъ ревниво слѣдить за поведеніемъ жены и быть къ ней слишкомъ взыскательнымъ, такъ какъ со времени своей женитьбы по кончину Петра, да и потомъ, онъ бывалъ въ непрерывныхъ долговременныхъ отлучкахъ по царскимъ порученіямъ и служебнымъ дѣламъ. Затѣмъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и порокахъ, человѣкъ онъ былъ добросердечный и незлопамятный; только, случалось, во хмелю впадалъ въ раздражительную сварливость.

Какъ бы тамъ ни было, прожили Румянцевы въ супружествѣ неразрывно слишкомъ тридцать лѣтъ—вплоть до смерти Александра Ивановича въ 1749 г. Совѣтъ и любовь между ними могли поддерживаться, кромѣ взаимныхъ житейскихъ расчетовъ и привычки, которая часто связываетъ супруговъ крѣпче всякой страсти, еще тѣмъ, что у нихъ много было общаго во взглядахъ и понятіяхъ, въ наклонностяхъ и вкусахъ. Оба они, и по лѣтамъ и по духу, принадлежали къ новому, молодому, прогрессивному поколѣнію петровскаго общества, и, стоя близко къ самому Петру, пользуясь его расположеніемъ и находясь подъ неотразимымъ, мощнымъ вліяніемъ его титанической личности, оба, безъ сомнѣнія, являлись одними изъ наиболѣе искреннихъ, яркихъ и типичныхъ представителей и этого поколѣнія и этой удивительной эпохи. Вотъ почему, сказать мимоходомъ, личность и судьба графини Марьи Андреевны особенно интересны и привлекательны для историка!

Со смертью Петра связь между супругами должна была еще болѣе окрѣпнуть. У нихъ теперь имѣлось общее прошлое, съ одинаково дорогими для обоихъ интересами и симпатіями, воспоминаніями и сожалѣніями. Настоящее и будущее казались смутными и загадочными, а для многихъ «птенцовъ гнѣзда Петрова» и прямо зловѣщими. Ополчалась, ободренная слабостью преемниковъ царя-реформатора, старо-московская партія, враждебная новшествамъ и новымъ людямъ; поднимались сторонники и мстители погибшаго царевича Алексѣя. Въ числѣ первыхъ, на кого, по обыкновенію, должны были обрушиться гоненіе и месть, Румянцевъ навѣрняка могъ считать самого себя, и это опасеніе, особенно съ воцареніемъ Петра II, заставило его, безъ сомнѣнія, пережить много тяжелыхъ, тревожныхъ минутъ. Не меньше должна была перетревожиться въ эти дни и Марья Андреевна не только за мужа и за дѣтей, но и

за свою собственную судьбу. Опалу и гибель мужа неминуемо пришлось бы раздѣлить и ей, по жестокой логикѣ тогдашняго кривосудія.

Все это, конечно, сближало супруговъ, побуждало ихъ дѣйствовать заодно, въ общемъ интересѣ семьи и дома, искать другъ въ другѣ опоры и поддержки. Этимъ въ значительной долѣ можно объяснить то, что Румянцевы довольно благополучно пережили самое опасное для нихъ, перемѣнчивое и тревоженное время, когда столько людей ихъ среды и въ ихъ положеніи безвозвратно пало и погибло.

По счастью, Александръ Ивановичъ за это время чаще всего бывалъ вдали отъ двора—въ служебныхъ командировкахъ, и удачнымъ, ревностнымъ ихъ исполненіемъ, дѣльностью и опытностью въ государственныхъ дѣлахъ большой важности сумѣлъ заставить считать себя незамѣнимымъ и необходимымъ. Напротивъ, Марья Андреевна постоянно вращалась при дворѣ и съ женскимъ искусствомъ приспособлялась къ быстро измѣнявшимся кумирамъ и обстоятельствамъ, ловко лавировала между придворными партіями, поддерживала старыя связи, завязывала новыя, ладила со всѣми и какимъ-то словно чудомъ дѣйствительно за свою долготѣтную, безмятежную жизнь —

«Монархамъ осмерымъ ¹⁾ служила,
Носила знаки ихъ честей»,

какъ хвалебно отозвался о ней Державинъ въ посвященной на смерть ея одѣ.

Легко это сказать — «осмерымъ служила» и у всѣхъ одинаково заслужила «знаки ихъ честей»; но, зная, путемъ какихъ рѣзкихъ переворотовъ совершалась въ минувшемъ столѣтіи смѣна царствованій, нельзя поистинѣ не подивиться удачѣ и дару приспособленія нашей героини! Безспорно, для этого нужно было имѣть много чарующей привлекательности, много ума и такта, тонкаго знанія людей и умѣнья располагать ихъ къ себѣ, внушать имъ довѣріе и быть имъ пріятной.

Румянцева все это имѣла и умѣла.

«Она блистала,—говорить Державинъ въ вышеупомянутой одѣ,—

Умомъ, породой, красотой,
И въ старости любовь снискала
У всѣхъ любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружній взоръ, друзей, дѣтей...
.....
И зрѣла въ торжествѣ и славѣ
И въ лаврахъ сына своего;

¹⁾ Петру I, Екатеринѣ I, Петру II, Аннѣ Иоанновнѣ, Иоанну Антоновичу, Елисаветѣ Петровнѣ, Петру III и Екатеринѣ II.

Не измѣнялась въ сердцѣ, правѣ
 Ни для кого, ни для чего,
 А доброе и злое купно
 Собою испытала все

 Смерть добродѣтели щадила:
 Она жила почти сто лѣтъ,

 Но именемъ своимъ прекраснымъ
 Еще, еще она живетъ!»

Разумѣется, одописецъ, по обыкновенію, надалъ въ похвалахъ и яркихъ краскахъ, хотя въ настоящемъ случаѣ, повидимому, не имѣлъ особыхъ, личныхъ побужденій растекаться преувеличенной лестью¹⁾.

Еще менѣе имѣлъ поводовъ льстить памяти Румянцовой Сегюръ въ своихъ мемуарахъ. Онъ ее зналъ въ послѣдніе годы жизни, когда она была уже дряхлой старушкой, и рассказываетъ, что и тогда еще она сохранила полную свѣжесть головы, душевную живость и веселость, юношескую пылкость воображенія и удивительную память. «Ея бесѣда, — говоритъ онъ, — была такъ же плѣнительна и поучительна, какъ хорошо написанная исторія».

За свою долгую жизнь она много видѣла, перебивала за границей и, всегда вращаясь въ высшемъ придворномъ обществѣ, лично знала многихъ своего времени знаменитостей: въ Версалѣ удостоилась чести обѣдать за столомъ Людовика XIV и лицезрѣть не только «короля-солнце», но и спутницу его заката, m-me Ментенонъ; въ Лондонѣ, гдѣ, впрочемъ, весьма неделикатно обошлись съ ея родителемъ²⁾, она пользовалась особой благосклонностью королевы Анны; была знакома съ знаменитымъ полководцемъ, герцогомъ Мальбургомъ, и гащивала у него въ лагерѣ... Съ дѣтства она, можно сказать, дышала европейской атмосферой, такъ какъ домъ Матвѣевыхъ, еще со временъ царя Алексѣя Михайловича гостеприимно открытый для всѣхъ пріѣзжихъ образованныхъ иностранцевъ, былъ средоточіемъ начинавшагося у насъ прогрессивнаго движенія и вос-

¹⁾ Эту оду Державинъ написалъ въ бытность тамбовскимъ губернаторомъ. О смерти Румянцовой ему сообщили изъ Петербурга М. Титовъ, переславъ при письмѣ, «яко любителю наукъ, стансы, сочиненные Дараганомъ (?) на кончину покойной графини», и которые «отъ ученыхъ людей признаны изрядными». Кромѣ прямого, ода имѣла еще косвенное правоучительное значеніе по адресу княгини Дашковой, которая въ то время была крайне огорчена женитьбой сына. Державинъ хотѣлъ поставить княгинѣ въ образецъ благоразуміе покойной Румянцовой, которая среди всякихъ тревоженій за свой долгій вѣкъ сохранила душевную ясность и спокойствіе («Соч. Державина», т. I, изд. Я. К. Грота).

²⁾ Будучи нашимъ посланникомъ въ Лондонѣ, А. А. Матвѣевъ однажды, по приказу шерифа, былъ схваченъ на улицѣ, среди бѣлаго дня, въ каретѣ, сильно помятъ и посаженъ въ тюрьму изъ-за долга въ пятьдесятъ фунтовъ, но на самомъ дѣлѣ по интригамъ шведскаго посла.

принятія западнаго просвѣщенія, западныхъ понятій, вкусовъ и обычаевъ, включительно до западнаго покроя платья.

Извѣстный Берхгольцъ имѣлъ случай бывать въ московскомъ домѣ Матвѣевыхъ и свидѣтельствуеть, что даже съ внѣшней стороны онъ былъ обставленъ вполне поевропейски. «Графъ Матвѣевъ и его дочь, Румянцева, водили насъ, — записалъ онъ подѣ 18-мъ февраля 1722 г., — въ свою домовую часовню, которая необыкновенно хороша и богата образами, серебряными вещами и иными украшеніями. Потомъ они провели насъ въ залу, гдѣ должны были танцовать (въ тотъ день у Матвѣева собиралась ассамблея), она также необыкновенно хороша, украшена любопытными картинами и, притомъ, очень велика. Между многими замѣчательными и рѣдкими картинами графъ показывалъ намъ портреты покойной жены своей, которая въ молодости слыла совершенной красавицей, и дочери, г-жи Румянцевой, когда ей было не болѣе двухъ лѣтъ: она изображена почти нагою, но сдѣлана прекрасно. Въ залѣ висѣла превосходная люстра» и т. д.

Еще болѣе восхищенъ былъ наблюдательный нѣмецъ свѣтскостью и любезностью хозяевъ, въ особенности же Марьи Андреевны. «Когда гостей съѣхалось уже довольно, — рассказываетъ онъ далѣе, — г-жа Румянцева пригласила его высочество (герцога Голштинскаго) танцовать съ нею, чѣмъ и начался балъ. Послѣ того герцогъ танцевалъ съ ея сестрою, очень милою дѣвочкою, лѣтъ 12-ти или 13-ти. Въ этотъ вечеръ наши кавалеры и я танцовали очень много, потому что Румянцева, какъ женщина весьма любезная и образованная, выбирала насъ преимущественно передъ другими и всячески отличала».

Заслужить дипломъ на образованность у благодушнаго голштинскаго камеръ-юнкера недорогого, положимъ, стоило; несомнѣнно, однакожъ, что для своего времени Румянцева была одной изъ образованнѣйшихъ русскихъ знатныхъ дамъ петровскаго поколѣнія. Нужно предположить, что она знала иностранные языки, что же касается французскаго, то, безъ сомнѣнія, владѣла имъ въ совершенствѣ. Даже въ русской грамотѣ, какъ увидимъ ниже изъ ея подлиннаго письма, она была довольно сильна, чѣмъ могли бы похвалиться весьма многія изъ ея сверстницъ и современницъ. Превосходила она многихъ изъ нихъ также свѣтскостью, общительностью и любезностью, которыя, вѣроятно, не разъ сослужили ей и ея мужу большую службу.

И въ этомъ отношеніи супруги Румянцевы сходились характерами: оба они были пріятные и интересные собесѣдники, люди веселонравные, радушные, гостепрійные и оба любили хорошо пожить. Жили они открыто, и въ ихъ хлѣбосольномъ домѣ собиралось все лучшее столичное общество. Время короталось за нескучной трапезой съ возліяніями, въ бесѣдѣ, часто въ танцахъ, въ которыхъ Марья Андреевна была большая мастерица смолоду, и еще чаще за картами, къ которымъ она стала пристращаться подѣ старость, мо-

жетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ мужа, который, по свидѣтельству Миниха, былъ азартнымъ игрокомъ.

Только однажды, да и то ненадолго, какъ бы мимоходомъ, надъ Румянцевыми разразилась гроза опалы и нарушила ихъ благополучное житіе. Случилось это въ мрачную и грозную эпоху бироновщины. Александру Ивановичу было предложено управленіе государственными финансами—часть совѣтъ ему незнакома и сама по себѣ очень трудная, тѣмъ болѣе, что финансы наши въ тѣ времена находились въ разстройствѣ. Онъ имѣлъ мужество отказаться отъ этого лестнаго назначенія и прогнѣвилъ императрицу: его лишили чиновъ, знаковъ отличія и сослали въ собственную казанскую деревню. «Тамъ три года, какъ преступникъ, окруженный солдатами, влачилъ онъ жизнь бѣдственную, не имѣя возможности воспитывать сына — надежду будущихъ дней», — патетически повѣствуетъ біографъ Румянцева, Вангышъ-Каменскій. На самомъ дѣлѣ Александръ Ивановичъ отдѣлался очень счастливо, сравнительно съ другими жертвами бироновской опалы. Въ 1735 г. онъ былъ прощенъ, восстановленъ во всѣхъ правахъ, чинахъ и отличіяхъ и назначенъ казанскимъ губернаторомъ, а черезъ годъ былъ поставленъ на болѣе еще высокій постъ—правителя Малороссіи.

Такой благополучный исходъ опалы въ значительной долѣ слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что у Румянцевыхъ въ Петербургѣ среди сильныхъ людей не было недостатка въ старыхъ друзьяхъ, которые ихъ любили, помнили ихъ любезность, ихъ хлѣбъ-соль и «въ минуту жизни трудную» пригодились.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Марья Андреевна сопровождала мужа въ ссылкѣ: прямыхъ указаній на это нѣтъ, но достоверно, что она находилась при мужѣ въ Малороссіи, когда онъ получилъ туда назначеніе вслѣдъ за ссылкой и губернаторствомъ въ Казани. Известная Мавра Егоровна Шувалова, въ письмѣ изъ Нѣжина отъ 2-го марта 1738 г. къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ перечисляя, кто, да кто шлетъ ея высочеству поклоны и гостинцы, упоминаетъ и про М. А. Румянцеву. Въ то время, какъ гостинцы другихъ состояли большею частью изъ «фляшекъ свинцовыхъ съ розанвасеромъ турецкимъ» (розовой водой), Марья Андреевна посылала цесаревнѣ «книгу», не обозначено, впрочемъ, какую. «А въ Нѣжинѣ, — продолжаетъ Шувалова, — товары очень дешевы... И я рекомендована Румянцевой одному купцу-греку, чтобъ мнѣ вѣрилъ, и буде что вашему высочеству угодно, то можно чрезъ его очень дешево выписывать» ⁴⁾).

Полная обеспеченность положенія, почетъ и благоденствіе наступили для Румянцевыхъ съ воцареніемъ Елисаветы Петровны. Александру Ивановичу были пожалованы, въ воздаяніе за его дипло-

⁴⁾ «Архивъ кн. Воронцова», кн. I, стр. 83.

матическія заслуги, андреевская лента (1741 г.), графское достоинство (1744 г.) и обширныя помѣстья въ Лифляндіи. Марья Андреевна одновременно была сдѣлана статсъ-дамой и пожалована орденскимъ портретомъ императрицы. Пользуясь довѣріемъ и расположеніемъ Елисаветы Петровны, она стала играть видную и вліятельную роль при дворѣ и до конца съ умѣла удержаться на высотѣ своей позиціи. И здѣсь супруги обнаружили дружную солидарность интересовъ и замѣчательный даръ приспособленія. Въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны образовались двѣ партіи, вступившія между собой въ ожесточенную борьбу изъ-за вліянія и власти. Во главѣ одной стоялъ умный, талантиливый и искусный въ интриганствѣ всякаго рода вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, опиравшійся на Разумовскихъ. Другая партія, руководимая Шуваловыми, старалась уронить Бестужева и выдвигала опаснаго для него соперника въ лицѣ Воронцова, опаснаго своей близостью къ государынѣ, благодаря услугамъ, оказаннымъ ей при воцареніи, и женитьбѣ на ея любимой родственницѣ, А. К. Скавронской. Румянцевы примкнули къ послѣдней партіи и не прогадали, какъ показали послѣдствія.

О роли, какую играла въ эту пору графиня Марья Андреевна, о степени ея значенія, о самой ея личности—наиболѣе полное, живое и яркое представленіе мы можемъ составить по «Запискамъ Екатерины II», къ которымъ сейчасъ и обратимся.

Извѣстно, какъ безтактно и малодушно вела себя мать Екатерины въ Москвѣ, куда привезла въ 1744 году свою молоденькую дочь для условленнаго брака ея съ наследникомъ русскаго престола, великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Черезъ двѣ недѣли по приѣздѣ въ Москву, гдѣ находился тогда дворъ, Екатерина довольно опасно заболѣла. Принцесса цербтская обнаружила такую растерянную взбалмошность по отношенію къ дочери и ея болѣзни, что возстановила противъ себя всѣхъ. Когда Екатерина начала поправляться, императрица, принимавшая въ ней тогда теплое участіе, приставила къ ней графиню Румянцеву и еще нѣсколько русскихъ дамъ. «По всему было видно,—замѣчаетъ по этому поводу Екатерина въ своихъ запискахъ,—что не довѣряли уму моей матушки».

Съ этой поры графиня Марья Андреевна, на умъ и тактъ которой, очевидно, твердо полагались, стала во главѣ женскаго персонала при маленькомъ дворѣ царственной невѣсты и какъ бы воспитательницей ея самой. Екатеринѣ тогда едва исполнилось пятнадцать лѣтъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы молоденькая принцесса питала особое уваженіе и привязанность къ своей воспитательницѣ и опекуншѣ; за то, при случаѣ, умѣла пользоваться ея слабостями и, между прочимъ, болтливостью. «Во время болѣзни,—разсказываетъ она,—я привыкла оставаться съ закрытыми глазами; думая, что я сплю, графиня Румянцева и остальные женщины разговаривали между собою, нисколько не стѣсняясь, и этимъ путемъ я многое узнала».

Нужно замѣтить, что въ то время въ придворномъ обществѣ, особенно въ женскомъ, были въ большомъ ходу пересуды, наущничество и сплетни, которымъ весьма охотно внимала скучающая и подозрительная Елисавета Петровна. Н. И. Панинъ говорилъ позднѣе, что всѣ окружавшія императрицу дамы были «вѣстовщицами» и болтуньями. Изъ записокъ Екатерины убѣждаемся, что и графиня Марья Андреевна не составляла въ этомъ отношеніи исключенія. Впрочемъ, это могло входить отчасти въ кругъ ея прямыхъ служебныхъ обязанностей. Приставленная къ принцессѣ-невѣстѣ, какъ довѣренное лицо императрицы для надзора и опеки, Румянцева обязана была, безъ сомнѣнія, отдавать подробный отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ.

Графиня съ самаго начала не поладила съ матерью Екатерины. Она «своими пересказами и сплетнями,—замѣчаетъ Екатерина,—вооружала императрицу противъ матушки». Ей не нравилась, между прочимъ, слишкомъ тѣсная дружба принцессы пербтской съ камергеромъ Бецкимъ; но и съ самой Екатериной отношенія ея не налаживались. Въ томъ же 1744 году, лѣтомъ, Елисавета Петровна предприняла путешествіе въ Кіевъ. Туда же отправились великій князь, его невѣста съ матерью и ихъ приближенные. «Мы ѣхали, не торопясь,—разсказываетъ Екатерина,—матушка, я, графиня Румянцева и матушкина камерфрау въ одной каретѣ; великій князь со своими кавалерами въ другой», а въ остальныхъ младшіе чины свиты. Дорогой произошла пересадка такимъ образомъ, что молодежь очутилась вмѣстѣ въ одной каретѣ. «Намъ было очень весело ѣхать,—продолжаетъ Екатерина,—но остальные спутники (и въ ихъ числѣ графиня Румянцева) вооружились противъ этого порядка... потому, что мы ихъ не пускали къ себѣ и веселились всю дорогу, между тѣмъ какъ они ссорились и умирали со скуки». Мелочной фактъ этотъ не доказываетъ, чтобы Марья Андреевна пользовалась у своей воспитанницы большимъ кредитомъ. «Восьмимѣстная карета осталась намъ памятна: Богъ вѣсть, какой оборотъ дали этой забавѣ, въ сущности, совершенно невинной!»—заключаетъ Екатерина описаніе поѣздки въ Кіевъ, разумѣя подъ «невинной забавой» соединеніе молодежи въ одномъ экипажѣ. Вину такого злорѣчиваго «оборота» она вмѣняетъ частью графинѣ Румянцевой и при этомъ подчёркиваетъ, что та «въ долгу не осталась».

Есть въ «Запискахъ» и болѣе серьезныя обвиненія нашей героини.

Какъ извѣстно, одной изъ причинъ постоянно возроставашаго неудовольствія императрицы Елисаветы противъ Екатерины, когда та вышла уже замужъ и стала великой княгиней, были неоплаченные долги послѣдней. Въ происхожденіи и накопленіи этихъ долговъ Екатерина въ значительной части обвиняетъ Румянцеву.

Графиня Марья Андреевна точно грѣшила большой расточительностью. У нея была какая-то пассія, нерѣдко встрѣчающаяся

въ свѣтскихъ женщинахъ, дѣлать зря покупки по части гардероба и разнаго галантерейнаго хлама, совершенно безразсчетливо соря на это деньги. Мы уже видѣли изъ письма М. Е. Шуваловой, что у какихъ-то купцовъ-грековъ она настолько приобрѣла лестное довѣріе, что по ея рекомендаціи они охотно открывали кредитъ. «Графиня Румянцева,—пишетъ Екатерина,—мотала больше всѣхъ въ Россіи и постоянно возилась съ купцами. Ежедневно она приносила мнѣ (дѣло происходило въ Кіевѣ) всякую всячину и совѣтовала купить. Часто я брала только для того, чтобы подарить ей, потому что ей очень этого хотѣлось». Такимъ образомъ,—говоритъ она уже позднѣе,—«Румянцева вовлекла меня во множество издержекъ, которыя она называла неизбѣжными». Не соглашаться на эти издержки, особенно, когда навязываемая покупка нравилась самой графинѣ, Екатерина считала невозможнымъ, «такъ какъ мнѣ сказали,—поясняетъ она,—что въ Россіи любятъ подарки, и что щедростью задабриваются люди, и приобретаются друзья».

Изъ дальнѣйшаго разсказа не видно, однако, чтобы это средство оправдывалось на графинѣ Румянцовой: отъ подарковъ она не отказывалась, но плохо ими задабривалась и особенной дружбы не обнаруживала. Напротивъ, съ ея стороны Екатерина постоянно встрѣчала недоброжелательство и придирчивую подозрительность строгой дуэньи, которыя распространялись и на всѣхъ приобрѣвшихъ ея расположеніе лицъ. Такъ, любимыя фрейлины Екатерины, съ которыми она дѣлила игры и забавы, «страшно боялись, по ея словамъ, графини Румянцовой». Надзоръ и опека графини были для всѣхъ тяжелы и неприятны, но «такъ какъ она съ утра до вечера играла въ карты въ передней комнатѣ либо у себя и вставала изъ-за карточного стола только въ экстренномъ случаѣ, то мы,—замѣчаетъ Екатерина,—почти не видали ея». Среди такихъ «веселостей» молоденькая принцесса вздумала какъ-то распредѣлить служебныя обязанности между своими фрейлинами. Это очень не понравилось старой фрейлинѣ, «глупой и ворчливой» нѣмкѣ, мамзель Шенкъ, которая дотолѣ одна завѣдывала гардеробомъ, драгоценностями и деньгами великой княгини. Съ досады она бросилась къ графинѣ съ доносами и клеветами, а та, не разобравъ хорошенько дѣла, довела ихъ до свѣдѣнія императрицы, и изъ этого вышла цѣлая исторія, крайне обидная и неприятная для Екатерины, а, главное, совершенно для нея неожиданная, такъ какъ каверза подготовлялась съ коварствомъ, исподтишка.

На другой день послѣ описаннаго распоряженія, Екатерина, ничего не зная и не подозрѣвая, была въ придворномъ театрѣ, гдѣ находились императрица и весь дворъ. «Послѣ комедіи,—разсказываетъ она,—явилась ко мнѣ въ комнату графиня Румянцева и объявила, что императрица недовольна тѣмъ, что я роздала мои вещи подъ присмотръ моимъ женщинамъ, и приказала отобрать у Жуко-

вой ключи отъ моихъ брилліантовъ и возвратить ихъ мамзель Шенкъ. Графиня тутъ же, въ моемъ присутствіи, исполнила это приказаніе и затѣмъ ушла. У насъ съ Жуковой вытянулись лица, а Шенкъ торжествовала»...

Неудивительно послѣ этого, что Екатерина нисколько не огорчилась, когда Румянцева была отъ нея устранена. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ это случилось вскорѣ послѣ бракосочетанія принцессы цербстской съ наслѣдникомъ престола, великимъ княземъ Петромъ Оедоровичемъ. «На третій день послѣ нашей свадьбы,—разсказываетъ Екатерина,—графиня Румянцева увѣдомила меня, что императрица отставила ее отъ меня, и что она переѣзжаетъ въ свой домъ, къ мужу и дѣтямъ. Я не очень сожалѣла о ней, потому что чрезъ нее выходило много сплетень». Домъ Румянцевыхъ, сказать кстати, находился тогда въ Измайловскомъ полку, какъ узнаемъ изъ тѣхъ же «Записокъ». Екатерина упоминаетъ, что получила въ этомъ домѣ, т. е., вѣроятно, въ находившемся при немъ манежѣ, «первый урокъ верховой ѣзды», учиться которой испросила ей разрѣшеніе у императрицы графиня Румянцева—единственное удовольствіе, какимъ была обязана она своей строгой дуэньѣ. По крайней мѣрѣ, въ «Запискахъ» о другихъ не упоминается.

Отставка графини Марьи Андреевны не была, конечно, знакомъ немилости со стороны императрицы,—просто, надо полагать, съ замужествомъ великой княгини было признано, что она не будетъ болѣе нуждаться въ прежней слишкомъ суровой и взыскательной менторской опекѣ. Такъ можно заключить изъ того, что, когда впоследствии ожиданія эти на взглядъ императрицы не оправдались, и поведеніе молодой великой княгини стало все болѣе раздражать ее и возбуждать ея подозрительность, то возникла было мысль опять приставить къ Екатеринѣ Румянцеву съ прежними полномочіями не то воспитательницы, не то гофмейстерины, а проще сказать—надзирательницы. Значитъ, на нее въ этомъ дѣлѣ полагались особенно—болѣе, чѣмъ на кого другого.

Случилось это въ 1754 г., т. е., спустя почти восемь лѣтъ послѣ свадьбы великой княгини. «Мнѣ сказали,—записываетъ Екатерина, рассказавъ про испытанныя ею въ то время неприятности и притѣсненія,—что императрица хочетъ снова опредѣлить ко мнѣ графиню Румянцеву. Я знала,—продолжаетъ она,—что женщина эта была заклятымъ врагомъ С. Салтыкова, терпѣть не могла княжну Гагарину (любимая фрейлина Екатерины) и очень повредила моей матушкѣ въ мнѣнїи императрицы. Когда мнѣ сказали, что ее снова приставятъ ко мнѣ, я потеряла всякое терпѣніе, принялась горько плакать и объявила графу Александру Шувалову, что назначеніе этой женщины я почту великимъ для себя несчастьемъ, что она нѣкогда очернила мою матушку въ глазахъ императрицы, что теперь она то же самое сдѣлаетъ со мною, что, когда она жила съ нами,

ее боялись, какъ чумы, и что если онъ не найдетъ средствъ предотвратить это назначеніе, то многіе отъ того стануть несчастными. Шуваловъ боялся огорчать меня въ моемъ положеніи (Екатерина была беременна), ушелъ къ императрицѣ и, возвратясь, сказалъ мнѣ, что, можетъ быть, назначеніе графини Румянцевой не состоится. Дѣйствительно, не было больше о томъ рѣчи...».

Такъ несимпатично обрисована графиня Марья Андреевна перомъ, сколько мѣткимъ, столько же въ данномъ случаѣ и безпристрастнымъ! Мы не видимъ психологическаго противорѣчія между этой характеристикой и портретомъ графини, набросаннымъ другими перьями, которыя изображаютъ ее такой изящной, любезной, милой и плѣнительной женщиной даже въ преклонной старости. Передъ нами только двѣ стороны одной и той же медали—лицевая и обратная, положительная и отрицательная. Можно быть любезнымъ, милымъ съ одними людьми и грубымъ, неприятнымъ съ другими; можно плѣнять изящнымъ благородствомъ, умомъ и тонкимъ тактомъ въ салонѣ и одновременно отталкивать пошлостью, суетностью и низостью у себя дома. Такая двойственность въ характерахъ очень многихъ дурно воспитанныхъ людей особенно часто встрѣчается въ историческихъ персонажахъ прошлаго столѣтія, даже несомнѣнно крупныхъ и достославныхъ, что, конечно, нисколько не убавляетъ нашего къ нимъ интереса.

Что касается собственно отношеній Румянцевой къ Екатеринѣ, когда та была еще невѣстой наслѣдника русскаго престола, то ихъ жесткость и безсердечность въ значительной долѣ должны объясняться самой исключительностью положенія. Бойкая, умная, смѣлая и шаловливая ангальтъ-цербстская принцесса съ перваго же знакомства возбудила недовѣріе къ себѣ со стороны мнительной и своенравной Елисаветы Петровны. Къ ней хотѣли поближе присмотрѣться, узнать ея характеръ, пристально слѣдить за каждымъ ея шагомъ и подчинить все ея поведеніе строгому порядку и руководству, сообразно желаніямъ и видамъ императрицы. Довѣренное лицо, которому поручалась эта трудная, отвѣтственная и щекотливая миссія, безъ сомнѣнія, обязано было въ точности исполнить все то, чего отъ него ждали и требовали. Такова была служебная роль, взятая на себя графиней Марьей Андреевной, и легко быть можетъ, что въ этой роли менторши и надзирательницы она являлась не похожей на самое себя, какою была по натурѣ.

Замѣчательно и характеристично, что Екатерина, писавшая свои «Записки» много времени спустя послѣ описанныхъ въ нихъ фактовъ, когда уже стала всемогущей императрицей, не попомнила лихомъ графинѣ Румянцевой всѣхъ тѣхъ неприятностей и притѣсненій, которыя испытала отъ нея въ юности. Впрочемъ, она такъ же великодушно относилась почти ко всѣмъ своимъ прежнимъ, въ трудные для нея годы, знатымъ недоброжелателямъ и врагамъ:

она, какъ замѣтилъ одинъ историкъ, мстила имъ поцарски—милостями и внѣшними знаками благоволенія. Кромѣ великодушія и расчета, въ этой мести не было недостатка и въ глубокомъ презрѣннiи...

Въ царствованіе Екатерины графиня Марья Андреевна, сохранивъ при дворѣ свое прежнее почетное положеніе, была повышена въ санъ гофмейстерины (въ 1776 г.) и награждена екатериненской звѣздой. Послѣдняя награда была ей пожалована по случаю празднованія мира съ Турціей, въ войнѣ съ которой ея сынъ, тогда уже фельдмаршалъ, прославился, какъ знаменитый полководецъ. Безъ сомнѣннiя, заслугамъ сына графиня въ значительной степени была обязана благоволеніемъ къ ней императрицы. Цѣнили и чтили въ ней также одну изъ старѣйшихъ придворныхъ дамъ, современницу великаго Петра, пользовавшуюся его особой благосклонностью.

«Въ Екатерининъ день (24-го ноября 1781 г.),—писалъ Пикарь князю Куракину,—старая графиня Румянцева, танцовавшая когда-то съ Петромъ I, удостоилась протанцовать польскій съ однимъ изъ правнуковъ его, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ». Дѣло происходило въ Зимнемъ дворцѣ въ именины императрицы.

Въ томъ же году нѣсколько ранѣе и также во дворцѣ, въ присутствіи Екатерины, справлялась блестящая свадьба красавицы-фрейлины А. В. Энгельгардтъ, племянницы князя Потемкина, съ графомъ К. П. Браницкимъ. И здѣсь графиня Марья Андреевна играла почетнѣйшую роль. Она была посаженой матерью жениха.

Уже этими случаями вполне опредѣляется то видное и счастливое положеніе, какое занимала графиня при екатерининскомъ дворѣ, сохранивъ его за собой до конца жизни. Даже лично, помимо официальныхъ отношеній, Екатерина, не помня зла, оказывала графинѣ особое вниманіе и иногда въ очень милостивой формѣ. Такъ, посылала ей, на примѣръ, въ подарокъ дорогую парчу, какъ записалъ о томъ Храповицкій въ своемъ «Дневникѣ».

Какъ мы уже знаемъ, Румянцева пережила своего мужа почти на сорокъ лѣтъ. Она осталась съ четырьмя дѣтьми и была также очень ими счастлива. Сынъ обезсмертилъ себя и достигъ величайшихъ почестей при жизни. Дочери сдѣлали прекрасныя партіи. Старшая, Прасковья Александровна, вышла замужъ за графа Якова Брюса, средняя Екатерина Александровна—за Н. М. Леонтьева, а младшая, Дарья Александровна, была замужемъ два раза: за графомъ Вальдштейномъ и, овдовѣвъ, за княземъ Г. Н. Трубецкимъ. Графиня Прасковья Александровна пользовалась одно время большою милостью Екатерины и находилась въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ императрицѣ молодыхъ дамъ, но имѣла неосторожность возбудить ея ревность и должна была удалиться отъ двора.

Овдовѣвъ, Румянцева, какъ видно, продолжала жить попрежнему широко, открыто и расточительно, судя потому, что, не смотря на

большое состояніе¹⁾), часто нуждалась въ деньгахъ до того, что закладывала серебро и брилліанты, и входила въ неоплатные долги. Впрочемъ, это было общее почти правило для вельможной и роскошной русской знати второй половины прошлаго вѣка. Ненапрасно Фонвизинъ въ своей «Придворной грамматикѣ» сказалъ, что «какъ при дворѣ, такъ-и въ столицѣ никто безъ долгу не живетъ: для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ быть должнымъ», и на вопросъ: «Спрягается ли сей глаголъ въ прошедшемъ времени?»—отвѣтилъ: «Весьма рѣдко, ибо никто долговъ своихъ не платитъ».

О денежныхъ и кредитныхъ затрудненіяхъ графини М. А. Румянцевой сохранилось любопытное письмо, относящееся къ 1755 г., когда графинѣ было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ (письмо это обязательно доставлено редакціи «Историческаго Вѣстника» известнымъ собирателемъ гравюръ и автографовъ П. Я. Дашковымъ и печатается здѣсь въ первый разъ).

«Всемиловѣйшая государыня!—обращается графиня къ императрицѣ Елисаветѣ.—Я, бѣдная, не смѣла вашему императорскому величеству скучать своими горестями, но вижу, что часть отъ часу уже слаба, и въ горестяхъ никакой себѣ отрады—иной помощи не имѣю, ибо время приходитъ мнѣ бѣдную свою дочь выдавать, которая уже два года сговорена, а ежели при себѣ не выдамъ, то горькая безпомощно останется; я искала в банкѣ денегъ занять, но кто за бѣдную, безпомощную вдову поручится, а нынѣ сроки, въ первыхъ числахъ февраля приходитъ выкупить серебро, такъ же за то серебро, которое утрачено въ посольствѣ покойнаго мужа моего, вмѣсто того дочерни браліянты заложила, а в казну вашего величества серебро возвратила. О, всемиловѣйшая государыня, боюсь, чтобъ бѣдный умъ не помѣшался, ибо слаба, и токмо ваше императорское величество можетъ мнѣ, бѣдной, жизнь дать, и чтобъ я маловременную мою жизнь в покое окончала; того ради, принела бѣдная, дерзновеннѣ припадъ к стопамъ вашего величества, просить милосердіи, дабы для выкупу закладовъ и для дочерней свадьбы пожаловать взаймы двадцать тысячъ на десять лѣтъ; а я съ сыномъ должны на всякой годъ в казну платить по двѣ тысячи; помилуй, всемиловѣйшая государыня, дабы мнѣ в такой горести душею не погибнуть и в разореніи не прійтись,—проценты велики, а уже болѣе переписывать не хотятъ. Вашему величеству извѣстно, что покойный мужъ мой служилъ вѣрно дражайшему родителю и вашему величеству безсребренникомъ (?), а я, бѣдная, кромѣ Бога и вашего величества, ни на кого не надѣюсь и ничего не имѣю, хтобъ мнѣ

1) Состояніе Румянцеваыхъ слагалось изъ богатѣйшаго приданаго Марьи Андреевны и обширныхъ имѣній, пожалованныхъ ей мужу въ Лифліндіи и Малороссіи. У нихъ были великолѣпные, барскіе дома въ Петербургѣ и Москвѣ. Кромѣ безрасчетной расточительности графини, состояніе ея должно было нѣсколько разстроиться при выдѣлѣ приданаго тремъ дочерямъ.

вгорестяхъ подаль руку помощи; совѣмъ с тѣмъ боюсь, чтобъ бѣдною моею прозбою вашего императорскаго величества не прогнѣвать; но, милостивая государыня, крайняя моя необходимая горестъ хтому привела, да хтому же сердешные горести — не знаю, какъ Богъ меня, бѣдную, еще милосердіемъ своимъ хранить; можетъ быть, для бѣдной моей сироты.

«Генваря 21 дня, 1755 году.

«Вашего императорскаго величества поскудная раба

«Г. М. Румянцева».

Неизвѣстно — была ли удовлетворена просьба графини, но по тону письма можно судить, что она, дѣйствительно, находилась въ большомъ затрудненіи. Кредитъ былъ истощенъ, денегъ не даютъ, и никто за «бѣдную» не хочетъ поручиться, проценты по старымъ долгамъ «велики» и обязательствъ по нимъ «не хотятъ больше переписывать», серебро и брилліанты заложены, а дочкѣ нужно снаряжать приданое... Немудрено было впасть въ «горести» и опасенія, чтобъ «бѣдный умъ не помѣшался».

О какихъ, затѣмъ, «сердечныхъ горестяхъ», независимо отъ денежныхъ, идетъ рѣчь въ письмѣ — неизвѣстно. Можетъ быть, это пущено въ расчетъ сильнѣе разжалобить, какъ и трагическіе намеки на вдовью безпомощность, на «слабость», на хрупкость печальной «маловременной жизни»... Письмо во всякомъ случаѣ весьма характеристичное. Изъ него, между прочимъ, видно, что у графини съ сыномъ, тогда уже женатымъ, были еще нераздѣльные имущественныя дѣла. Они сообща платили проценты, вѣроятно, по залогу имѣній, и сообща, надо полагать, разстраивали семейный бюджетъ. Знаменитый «Задунайскій» родился по этому пункту въ мать: смолоду онъ былъ большимъ мотомъ, волокитой и шалуномъ. За то впоследствии, когда онъ прославился своими побѣдами и былъ награжденъ Екатериной съ необычайной щедростью, безъ сомнѣній, не оставлялъ утѣшать старушку мать въ ея денежныхъ «горестяхъ».

Въ общемъ, графиня М. А. Румянцева была не только одной изъ замѣчательныхъ, но и одной изъ счастливѣйшихъ, по своей судьбѣ, русскихъ свѣтскихъ женщинъ бурнаго, тревожнаго, безправнаго и изломаннаго XVIII вѣка. Замѣчательна и счастлива она была уже тѣмъ, что родила и воспитала одного изъ величайшихъ русскихъ государственныхъ людей и полководцевъ. Она не должна быть забыта исторіей.

Графиня Марья Андреевна умерла въ Петербургѣ, въ маѣ 1788 года, на девяностомъ году жизни. Смерть ея произвела на тогдашнее общество впечатлѣніе, какъ можно заключить уже изъ того, что по этому случаю слагались оды — и не однимъ Державинымъ

«Истор. вѣстн.», январь, 1897 г., т. LVIII.

9

Пѣвецъ «Фелицы» чутко угадывалъ силу этого впечатлѣнія,
когда взывалъ въ своей одѣ:

«Возри на оный кипарисъ,
Который на берегу высокомъ
На Невскія струи нависъ
И мрачной тѣни подь покровомъ
Во дремлющихъ своихъ вѣтвяхъ
Сокрылъ недавно въ гробѣ пономъ
Румянцевой почтенный прахъ!»

Вл. Михневичъ.

ЗАОКЕАНСКАЯ РУСЬ.

(Социологическо-описательный очеркъ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ преддверіи «Новаго Свѣта».

I.

УРНЫЕ волны шумной жизни громаднаго города, точно море, невѣдомое и необозримое, подхватили меня и понесли по главнымъ теченіямъ, по широкимъ и пышнымъ улицамъ. Этотъ глухой ревъ, этотъ нестройный гулъ, смѣшанный съ крикомъ, свистомъ, гикомъ и множествомъ разнообразнѣйшихъ звуковъ, еле уловимыхъ и едва постижимыхъ, невольно ошеломляли и подавляли меня. Гулъ и гамъ Петербурга, Вѣны и Берлина, вмѣстѣ взятые въ самый разгаръ дневнаго движенія и со всѣми ихъ особенностями, не даютъ еще достаточнаго представленія о грандіозности, оглушительности и оригинальности движенія Нью-Йорка.

Представьте себѣ небольшой лопатообразный островокъ по правую сторону устья рѣки Гудзона, узкой, еле замѣтной водяной полоской рѣчки Гарлемъ отдѣленный отъ материка по направленію отъ сѣверо-востока къ сѣверо-западу и набитый тремя милліонами самаго неугомоннаго народа въ мірѣ, вѣчно куда-то бѣгущаго, день и ночь чего-то ищущаго и во всякое время неимоვნно кричащаго.

За рѣчкой Гарлемъ лежитъ относительно небольшая и сравнительно малонаселенная часть этого перваго по населенію, торговлѣ и значенію города Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Дѣленіе города необычайно просто. Всѣ улицы, идущія вдоль его, то-есть параллельно теченію рѣки Гудзона, именуются авеню (эвеню), всѣ же улицы, идущія поперекъ его, то-есть перпендикулярно теченію Гудзона, именуются street (стритъ). Довольно правильная клѣтка, образуемая взаимно пересѣкающимися эвеню и стритъ, подвергнута простой ариметической нумераціи: особой, конечно, въ длину, то-есть для эвеню, и особой въ ширину, то-есть для стритъ, такъ что найти требующійся эвеню, либо стритъ, чрезвычайно легко. Лишь главная улица Broadway (Бродвай), начинаясь почти у самой оконечности острова и идя первоначально вверхъ, то-есть къ сѣверу, прямой линіей приблизительно по срединѣ его, въ третьей части протяженія своего, вблизи Union Square (Юніонъ скверъ), сворачиваетъ влѣво и идетъ далѣе все западнѣе и западнѣе, приближаясь постепенно къ берегу рѣки Гудзона. Шестой эвеню, начинаясь приблизительно на восьмой части протяженія города отъ оконечности острова, вблизи Washington Square (Вашингтонъ скверъ), раздѣляетъ его на двѣ стороны: west (уестъ) и east (истъ), то-есть западъ и востокъ. Каждая изъ этихъ двухъ сторонъ имѣетъ свою особую нумерацію, такъ что получается уже по двѣ улицы того же числоваго наименованія: восточная и западная.

Массивные желѣзные мосты, то равняясь съ третьими этажами домовъ, то возносясь надъ восьми-этажными громадами, идутъ вдоль главныхъ эвеню города. Тамъ высоко надъ головами, а то и надъ всѣмъ городомъ, съ изумительной быстротой несутся поѣзда городской желѣзной дороги, обдавая здѣсь внизу бѣгущихъ, ѣдущихъ, копошащихся и суетящихся людей клубами дыма и пара. Подъ мостами этими мчатся въ одиночку особые желѣзнодорожные вагоны, приводимые въ движеніе посредствомъ особаго механизма безъ помощи пара, либо электричества. Безчисленное множество конно-желѣзныхъ дорогъ перерѣзываетъ всѣ сколько нибудь значительныя улицы города. Свистъ, шипѣніе и пыхтѣніе паровозовъ тамъ вверху; шумное, вѣтроподобное движеніе воздушныхъ волнъ, безпрестанно гонимыхъ безпрестанно несущимися надъ городомъ желѣзнодорожными поѣздами, глухоударяющееся о стѣны домовъ и приводящее въ страшнѣйшій дребезгъ всѣ окна; непрерывные звонки механическихъ и конныхъ желѣзныхъ дорогъ; звонки и раздрачительно-оглушительные вопли всевозможныхъ продавцевъ; стукъ и грохотъ всевозможныхъ ломовыхъ телѣгъ огромнѣйшихъ размѣровъ; гиканье, крикъ и свистъ дѣтей, толпами играющихъ на улицахъ и пользующихся здѣсь неограниченной свободой публичнаго озорства до зажиганія костровъ, производящихъ пожары, включительно; речитативно-завывательныя выкрикиванья разносчиковъ газетъ, звонъ ко-

локоловъ, подъ вечеръ несущійся со множества церквей, — все это сливается въ непривычный для европейскаго уха и довольно дикій концертъ, о которомъ не можетъ дать должнаго показанія суетолюка большихъ европейскихъ городовъ.

Кареты, экипажи и кабриолеты стоятъ лишь у скверовъ, парковъ и отелей, для немногихъ избранныхъ, все же это грандіозное движеніе трехмилліоннаго города происходитъ по паровымъ желѣзнымъ дорогамъ надъ городомъ, механическимъ желѣзнымъ дорогамъ по городу и дорогамъ конножелѣзнымъ.

Центромъ торговли и движенія всякаго рода является квадратъ, образуемый шестымъ и третьимъ эвеню съ запада и востока и четырнадцатымъ и двадцать-третьимъ стритъ съ юга и сѣвера. Съ двухъ до шести часовъ по полудни, кромѣ дней дождливыхъ и особо ненастныхъ, квадратъ этотъ, заключающій въ срединѣ самую важную часть Бродвая, обращается положительно въ какой-то торговопрогулочный адъ.

Мнѣ довелось попасть въ этотъ «самобытный» американскій круговоротъ тотчасъ по приѣздѣ моемъ въ Нью-Йоркъ, именно въ это горячее время дня и притомъ незадолго до наступленія праздниковъ Рождества Христова. Здѣсь широко распространены обычаи въ праздникъ этотъ одарять родныхъ и знакомыхъ. Окна магазиновъ буквально завалены выставкой рождественскихъ подарковъ всевозможныхъ родовъ и видовъ. Въ этомъ районѣ имѣется не мало магазиновъ, занимающихъ цѣлый огромный домъ въ нѣсколько этажей: каждый этажъ представляетъ отдѣленіе товаровъ опредѣленнаго рода, и изъ одного этажа въ другой подымаетесь вы на комфортабельной подъемной машинѣ. Весь Нью-Йоркъ въ главнѣйшихъ пунктахъ освѣщенъ электричествомъ, изъ газоваго же освѣщенія, по преимуществу разноцвѣтнаго, устроены здѣсь всевозможныя монструозныя вывѣски и объявленія. Увеселительныя мѣста, театры, торговыя фирмы, редакціи газетъ и журналовъ, страховыя общества, банкирскія конторы и т. д. на фасадахъ и другихъ видныхъ мѣстахъ своихъ зданій и помѣщеній имѣютъ довольно живописныя, разноцвѣтныя, газовыя надписи, представляющія названіе, гербы и этикетки учрежденія, наименованіе новой пьесы, либо новаго актера, обозначеніе цѣны за нумеръ газеты, либо журнала, объявленіе цѣны на сегодняшнее представленіе и т. д. Надписи послѣдняго рода нерѣдко измѣняются какъ въ сущности своей, такъ и въ цвѣтѣ огней, ихъ составляющихъ. Что зданія и улицы въ центральной части города залиты буквально моремъ электрическихъ огней, объ этомъ, конечно, и говорить нечего. Теперь, предъ праздниками, устроено множество совершенно новыхъ, либо добавочныхъ, вывѣсокъ и объявленій, до послѣдней возможности бьющихъ въ глаза и невольно привлекающихъ вниманіе каждаго. Въ особенности пышно и блестяще сдѣланъ былъ изъ разноцвѣтныхъ газовыхъ рожковъ надъ главнымъ

входомъ одного изъ огромныхъ магазиновъ по шестому эвеню американскій національный флагъ, т. е. флагъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Наиболѣе, однако, оригинальную рекламу устроили себѣ продавцы гимнастическихъ приборовъ. Съ полудня и до вечера и подъ сильнѣйшимъ электрическимъ освѣщеніемъ съ вечера до поздней ночи нанятые гимнасты и гимнастки въ огромныхъ зеркальныхъ окнахъ вторыхъ и третьихъ этажей этой центральной части города, облеченные въ трико, продѣлываютъ всевозможныя гимнастическія упражненія, привлекающія множество зрителей и въ особенности зрительницъ.

Вообще американцы—большіе мастера и оригиналы по части объявленій и рекламъ всевозможнаго рода. На дверяхъ, стѣнахъ, заборахъ и т. д. наклеены на каждомъ шагу громаднѣйшія и разноцвѣтнѣйшія объявленія, бьющія въ глаза не только своей грандіозностью, но и самымъ невозможнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Если на объявленіи «Franco-American Soup» дѣвочка-поваренокъ, въ бѣлыхъ колпакѣ и передникѣ, съ огромной кастрюлей въ рукахъ, ростомъ своимъ далеко превосходитъ самаго браваго русскаго гвардейца, то за то уже одна голова какой-то старухи-актрисы въ чепцѣ и очкахъ, съ тупо-ханжескимъ лицомъ, чисто англійскимъ выраженіемъ лица, размѣрами своими превосходитъ большую входную дверь театра. Среди всѣхъ этихъ пестрыхъ объявленій, ансамблемъ своимъ затмѣвающихъ самое причудливое опереніе самаго рѣдкаго попугая, выдаются объявленія театральныя. На нихъ изображены неизмѣнно самыя важныя сцены различныхъ пьесъ, сцены обыкновенно дикія; нерѣдко психологически и даже физически невозможныя, соответствующія дикому содержанию американскаго репертуара.

Всѣ эти разноцвѣтныя свѣтотыя объявленія, всѣ эти бумажно-красочныя рекламы, всѣ эти пестрыя выставки, утопая въ морѣ синесеребристаго электрическаго огня, являются прекрасной декорацией для этого грандіознаго движенія трехмилліоннаго города въ самомъ его центрѣ, въ самое горячее время дня и притомъ въ самый горячій періодъ года, передъ наступленіемъ рождественскихъ праздниковъ.

И я носился по волнамъ этого движенія, носился какъ-то пассивно, автоматически, точно загипнотизированный. Я впалъ въ какое-то необычайное душевное состояніе, которому самъ удивлялся. И въ этомъ оглушительномъ и дикомъ хаосѣ свѣта и цвѣтовъ, гула и звуковъ, явственно слышались мнѣ вдругъ столь знакомые и дорогие звуки русской рѣчи. И чѣмъ болѣе и болѣе угнетенное душевное состояніе мной овладѣвало, тѣмъ воспоминанія болѣе и болѣе далекія всплывали изъ глубины души моей и давно забытыми тѣнями медлительно скользили по моему усыпленному мозгу. Впечатлѣнія ранняго дѣтства встали вдругъ передъ умственными очами моими во всей своей свѣжести и неизяснимой прелести. И вотъ

дивные и святые звуки родной малорусской рѣчи, прилетѣвъ сюда, въ эту пучину заморскаго хаоса, откуда-то издалека, своими нѣжными и пѣвучими трелями, подобно дальнему вечернему благовѣсту, тихо зазвенѣли въ ухахъ моихъ... Но вдругъ эти дивные звуки родной рѣчи внезапно оборвались. Вотъ они снова зазвенѣли чуть-чуть слышными переливами и медленно, какъ бы нехотя, расплылись въ пронзительномъ свистѣ американскаго локомотива. Эти отрывистые, картавые, своеобразно-шепелявые звуки англійскаго языка, быстро смѣняя другъ друга, стали снова терзать мои уши. Я жадно вслушивался въ этотъ шумный говоръ разыгравшихся волнъ взбаламученнаго моря житейскаго, чтобы уловить въ немъ хотя одно русское слово, чтобы выслѣдить въ немъ хоть одинъ славянскій звукъ. Но, хотя я хорошо зналъ, что здѣсь, въ Нью-Йоркѣ, какъ и во всей Америкѣ, имѣется не мало славянства, мнѣ не довелось услышать ни этого слова, ни этого звука. Я увидѣлъ и понялъ, что подвергся грубому акустическому обману, который всталъ передо мной во всей своей реальности.

Мнѣ пришлось специально розыскивать Русь среди этого трехмилліоннаго города, и я вскорѣ нашелъ ее, нашелъ въ трехъ особыхъ разновидностяхъ, каковы: Русь російская, Русь галицкая и Русь угорская.

II.

На второмъ эвеню, между восемнадцатой и двадцать-третьей улицами, надъ наружной входной дверью одного узенькаго четырехэтажнаго дома темной окраски, ничѣмъ не отличающагося отъ подобныхъ же сосѣднихъ домовъ и такъ же, какъ и всѣ прочіе дома, съ ними сливающагося, ибо какихъ либо проходовъ или промежутковъ между домами здѣсь не дѣлается, виднѣется большой мѣдный крестъ. Онъ знаменуетъ, что здѣсь помѣщается русская православная церковь. До послѣдняго времени въ Нью-Йоркѣ вовсе не было православной церкви, хотя отдѣленіе русской православной миссіи въ этой части Соединенныхъ Штатовъ существуетъ уже восемь лѣтъ ¹⁾. Въ апрѣлѣ прошлаго года открыта здѣсь эта крохотная, домовая русская православная церковь. По высокой наружной лѣстницѣ изъ грязно-красноватаго булыжника подымаетесь вы къ этой входной двери и входите въ довольно узкую, продолговатую переднюю съ поломъ изъ сѣровато-бѣлаго мрамора. Такая же довольно широкая лѣстница, устланная ковровой подстилкой, ведетъ наверхъ въ

¹⁾ Существовала было здѣсь ранѣе русская домовая церковь, посѣщавшаяся исключительно православными сербами изъ Австріи, но она въ 1882 году была закрыта, и съ того времени и до послѣдняго на всемъ громадномъ пространствѣ сѣверо-американскаго материка не было ни одной православной церкви.

третій и четвертый этажики, гдѣ помѣщаются квартиры двухъ священниковъ и т. д., а тотчасъ направо отъ входа и основанія лѣстницы представляется широкая, раздвижная, двухстворчатая дверь. Черезъ нее входите вы въ длинную и не особенно широкую комнату, которая вмѣстѣ съ прилегающей къ ней передней составляетъ второй этажъ этого узенькаго дома, такъ называемую здѣсь parloortoom, т. е. гостиную, съ крашеннымъ деревяннымъ поломъ и большимъ мраморнымъ каминомъ. Задняя, меньшая половина этой комнаты отдѣлена высокою рѣзной деревянной перегородкой отъ передней и нѣсколько повышена сравнительно съ этой послѣдней, такъ что изъ второй въ первую ведутъ три низенькихъ ступеньки. Внутри этой меньшей половины болѣе тонкая и изящная подковообразная рѣзная же перегородка, нѣсколько пониже первой, отдѣляетъ въ свою очередь самую глубину комнаты, непосредственно прилегающую къ задней стѣнѣ. Эта полукруглая внутренняя часть меньшей половины комнаты представляетъ алтарь нью-йоркскаго русскаго православнаго храма. Тонкой и изящной рѣзбы царскія врата задергиваются прекраснымъ пологомъ краснаго атласа. На лѣвой ихъ сторонѣ изображенъ архангелъ Гавриилъ съ пальмовой вѣтвью въ рукѣ, а на правой—Богоматерь, съ слегка наклоненной главой и смиреніемъ въ божественномъ ликѣ принимающая отъ него благовѣстіе о рожденіи отъ нея Сына Божія. По правую руку отъ царскихъ вратъ находится, по обыкновенію, изображеніе Спасителя, а по лѣвую Богоматери. Всѣ четыре образа исполнены довольно художественно. Въ высокой, прямолинейной перегородкѣ, отдѣляющей меньшую, алтарную часть храма отъ бѣльшей, предназначенной для вѣрующихъ, сдѣланъ промежутокъ настолько широкій, что эта алтарная часть видна изнутри храма вся до малѣйшихъ подробностей, а потому какъ правая, такъ и лѣвая стороны этой перегородки сравнительно настолько узки, что исчезаютъ въ значительной степени подъ двумя не особенно широкими голубыми хоругвями. Эти нѣжно-голубыя хоругви довольно порядочной живописи, украшенныя золотыми звѣздами, разбросанными по ихъ голубому полю, представляютъ созданный на извѣстномъ отдаленіи и при неравномъ освѣщеніи, а потому не только не рѣзкій, но даже пріятный для глаза, контрастъ съ краснымъ пологомъ царскихъ вратъ. Два высокыхъ, узенькихъ столика съ иконами, помѣщенныхъ по обѣ стороны этого широкаго прохода въ алтарную часть церкви и ведущихъ къ нему ступенекъ, и широкій, низкій, покрытый парчей столъ, помѣщающійся у лѣвой стѣны церкви тотчасъ почти при входѣ и предназначенный для продажи свѣчъ и т. п., составляютъ все убранство этой части храма, отведенной молящимся.

Пробродивъ нѣсколько часовъ по широкимъ улицамъ, полнымъ ослѣпительнаго свѣта, оглушительнаго гула, невообразимаго стука и грохота, нестерпимаго гама, крика и воя, вошелъ я въ этотъ

крохотный, домовый православный храмъ. Алтарная его часть была достаточно освѣщена, часть для вѣрующихъ погружена почти въ полный мракъ. Человѣкъ съ пятнадцать молящихся стояли у камина и за каминомъ, у самыхъ оконъ. Лишь какой-то старичокъ, маленькаго роста, въ черной шинели съ мѣховымъ воротникомъ, типъ отставнаго русскаго чиновника, выслужившаго полную пенсію и пребывающаго на покоѣ, воссѣдалъ на стулѣ впереди камина. Онъ вставалъ лишь во время важныхъ молитвословій и пѣснопѣній, а все остальное время сидѣлъ на своемъ стулѣ, откинувшись на его спину и высоко задравъ голову; онъ глядѣлъ въ потолокъ храма, что говорило далеко не въ пользу его молитвеннаго настроенія. Когда онъ вставалъ, то дѣлалъ это какъ-то официально, точно по командѣ, и точно также садился снова. Очевидно, это былъ вѣрующій привилегированный, ибо онъ одинъ только пользовался стуломъ изъ всѣхъ молящихся какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Я вглядѣлся исподтишка въ типы этихъ молящихся. Тѣ же безцвѣтныя, сѣренькія, маловыразительныя лица, какія встрѣчаешь ежедневно тысячами на улицахъ всякаго большого города. Лишь впереди этой небольшой кучки стоялъ рослый мужчина съ рѣзко выраженнымъ малорусскимъ типомъ, большими, выразительными карими глазами, длинными, темпорусыми усами. Онъ былъ погруженъ въ молитвословія и пѣснопѣнія служившейся вечерни и представлялъ совершенную противоположность воссѣдавшему на стулѣ старичку, отъ котораго вѣяло той религіозно-обрядовой казенщиной, которою разные привилегированные россияне такъ компрометируютъ наше русское православіе. Маленькій хоръ, совсѣмъ почти скрытый отъ глазъ мірянъ по правую сторону алтарной части храма, запѣлъ: «Слава въ вышнихъ Богу!». Нѣкоторые стали на колѣни. Старичокъ продолжалъ сидѣть на стулѣ, вперивъ очи въ верхушку иконостаса, но вдругъ спохватился, вскочилъ и вытянулся во весь свой маленькій ростъ, отряхиваясь и оправляясь.

Знакомые переливы столь величаваго славословія медлительно разносились вокругъ. Здѣсь, за безпредѣльнымъ голубымъ океаномъ, на другомъ полушаріи земли, на неизмѣримомъ разстояніи отъ Руси и славянства, раздастся славянская молитва, разносится славянское пѣснопѣніе! Едва вѣря ушамъ своимъ, стоялъ я растроганный и подавленный. И вспоминалась мнѣ моя далекая отчизна, встала предо мной колыбель моего народа. Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Кіевщина, Волинь, Подолія, Херсонщина грустными туманными призраками проносились предъ умственными очами моими. Видѣніемъ, полнымъ скорби и печали, мелькнула предо мной Галиція. Изъ какого-то глубокаго сумрака выплылъ вдругъ облитый солнечнымъ сіяніемъ этотъ пышный гербъ Червонной Руси: желтый раззолоченный левъ на голубомъ щитѣ, увѣнчанномъ блестящей золотой короной. За нимъ промелькнулъ внезапно такой же самый

желтый левъ Британніи на красномъ флагѣ, выкинутомъ на грандіозной пароходной пристани въ Ливерпуль при отплытіи нашего океанскаго парохода, провожавшій насъ до тѣхъ поръ, пока «Этрусрія» не вышла въ море. И какая-то невыразимая грусть, безмѣрно удручающая и вмѣстѣ съ тѣмъ безпредѣльно восторженная, овладѣла всѣмъ существомъ моимъ. Замигали вѣки, серебристымъ инеемъ подернулись глаза, огни церковные какими-то огненными языками запрыгали и закрутились предо мной, а фигуры молящихся, среди полумрака, окутанныя матово-пепельными струями дыма кадильнаго, наполнявшаго маленькую церковь, глядѣли какими-то привидѣніями... Между тѣмъ, вечерня уже окончилась, и я поспѣшилъ выйти изъ церкви, устремляясь туда, подальше, на окраины города, въ объятія темной морозной ночи, такъ напоминавшей мнѣ предрождественскія ночи моей далекой родины. Образы, давно забытые, облики, давно утраченные, вставали предо мной одинъ за другимъ, точно выплывавая изъ тьмы ночной, которая здѣсь, за предѣлами владычества газа и электричества, казалась столь страшной и столь неприглядной, между тѣмъ какъ усиливавшійся къ полуночи морозъ сталъ пробирать меня все сильнѣе и сильнѣе, заставляя вспомнить о моей теплой комнаткѣ въ нѣмецкомъ бордингаузѣ въ самой оживленной части города.

III.

Русь російская представляетъ здѣсь каплю въ морѣ въ буквальномъ смыслѣ слова, ибо составляетъ ничтожную горсточку человѣкъ около 150-ти среди трехмилліоннаго города. Все это по преимуществу православные бѣлоруссы изъ Минской и смежныхъ губерній: портные, кузнецы и сапожники по ремеслу, среди которыхъ портные составляютъ, однако, значительное большинство. Этотъ крохотный православный русскій приходъ въ Нью-Йоркѣ, наименьшій изъ всѣхъ приходо́въ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ этомъ городѣ, въ подражаніе церковно-народнымъ организаціямъ галицкихъ и угорскихъ русиновъ въ Америкѣ, учредилъ при своей церкви православное братство. Членами его являются исключительно мужчины-работники какъ семейные, такъ и одинокіе. Въ случаѣ болѣзни братчика, выдается ему пособіе въ видѣ еженедѣльнаго содержанія въ размѣрѣ 5 долларовъ въ недѣлю, или 20 долларовъ въ мѣсяцъ, но не болѣе, однако, какъ втеченіе шести мѣсяцевъ, въ случаѣ же смерти братчика погребеніе его устраивается на счетъ братства. Случайная встрѣча моя съ однимъ изъ братчиковъ достаточно характеризуетъ типъ рабочаго, составляющаго крохотный православный русскій приходъ въ Нью-Йоркѣ.

Я отправился въ русское консульство для засвидѣтельствованія подлинности подписи моей на документѣ, подлежащемъ отправленію

въ Россію. Русское генеральное консульство въ Нью-Йоркѣ, находится на State street, въ самомъ почти южномъ концѣ города, вблизи нью-йоркской бухты и помѣщается въ третьемъ этажѣ огромнаго угловаго дома, сплошь почти занятаго всевозможными консульствами и торговыми агентствами различныхъ государствъ. На довольно порядочной подъемной машинѣ подымаетесь вы въ третій этажъ и высаживаетесь въ довольно тѣсныхъ сѣняхъ, сразу обнаруживающихъ оригинальное устройство дома: онъ идетъ правильнымъ, замкнутымъ четырехугольникомъ, среди котораго остается столь же правильное четырехугольное пустое пространство, геометрически безукоризненный воздушный кубъ, на днѣ котораго виднѣтся тамъ внизу четырехугольный, конечно, внутренній дворъ, чистотой своей совершенно не соответствующій ни названію улицы, ибо таковая именуется, какъ мы упомянули уже, State street, т. е. государственной улицей, ни предназначенію самаго дома, удостоеннаго высокой чести вмѣщать въ себѣ мѣстныхъ представителей всѣхъ иностранныхъ государствъ. Изъ сѣней этихъ, заканчивающихъ лицевое крыло дома со стороны State Street, всгупаете вы въ совершенно почти темный корридоръ, входящій уже въ составъ лѣваго боковаго крыла его, и здѣсь на матовомъ стеклѣ первой двери (съ лѣвой стороны) читаете: «Consulate of Brazil», а на такомъ же точно стеклѣ второй двери: «Generale Consulate of Russia». Вопреки нашимъ русскимъ представленіямъ о «правительственномъ учрежденіи» и «присутственномъ мѣстѣ», за дверью этой оказывается всего одна лишь довольно просторная, но низкая комната, передняя часть которой, прилегающая къ входу, лакированной деревянной перегородкой отдѣлена отъ задней значительно большей, подобно тому, какъ раздѣляются подобными же перегородками у насъ въ Россіи камеры мировыхъ судей, пріемныя комнаты разныхъ палатъ и т. п. Въ лѣвомъ углу и у стѣны задней присутственной части этого русскаго генеральнаго консульства виднѣются два довольно объемистыхъ письменныхъ бюро, за которыми возсѣдаютъ два консульскихъ чиновника. Согбенная поза, сосредоточенное выраженіе и удрученный видъ сидящаго за бюро прямо противъ двери обнаруживаютъ, что это самый маленькій человекъ, чернорабочая сила консульства. Болѣе бодрый видъ и непринужденныя манеры возсѣдающаго за бюро въ лѣвомъ углу доказываютъ, что это уже нѣчто постарше, чиновникъ въ собственномъ смыслѣ, а не канцелярскій служитель. Вся правая сторона за перегородкой совершенно закрыта огромнымъ шкапомъ и большими китайскими ширмами, подобными тѣмъ, какими закрываются каминныя въ гостиныхъ и будуарахъ. Глухой голосъ человека совсѣмъ пожилого, отъ времени до времени изъ-за этихъ шкапа и ширмъ исходящій, на который немедленно подымаются либо отзываются двое возсѣдающихъ за своими бюро, обнаруживаетъ для проходящихъ, что за ширмами сокрытъ отъ глазъ человѣческихъ самъ русскій

генеральный консулъ. Пока я, въ ожиданіи засвидѣтельствованія моего документа, шагаль взадъ и впередъ по маленькой пріемной части комнаты русскаго консульства, какой-то мужчина, темный патень огромнаго роста и атлетическаго тѣлосложенія, съ коротковатой темно-русой бородой, котораго я засталъ уже здѣсь, въ консульствѣ, неподвижно стоялъ у перегородки на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ-то безнадежно вперивъ свои задумчивые каріе глаза въ лѣвое бюро за перегородкой. Чиновникъ, за симъ послѣднимъ возсѣдавшій, какъ слѣдовало заключить по плохому пониманію русскаго языка и глупо-плутовскому выраженію безцвѣтнаго лица, американецъ, неоднократно обращался къ стоявшему со словами: «good bye!» (прощайте), но тотъ упорно не уходилъ, продолжая стоять на томъ же мѣстѣ и въ той же позѣ. Когда я, получивъ свой засвидѣтельствованный документъ, вышелъ изъ консульства, неизвѣстный вышелъ вслѣдъ за мной и, догнавъ меня въ сѣняхъ, гдѣ я долженъ былъ ожидать прибытія сверху подъемной машины, не очень развязно, но и безъ всякаго замѣшательства, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Господинъ, у васъ очень образованное лицо; посоветуйте мнѣ въ моемъ дѣлѣ!» Само собою разумѣется, что я тотчасъ выразилъ готовность служить моему соотечественнику, чѣмъ только могу. Оказалось, что этотъ послѣдній уроженецъ Минской губерніи, четыре года тому назадъ переселившійся въ Америку. Онъ—хорошій кузнецъ, работаетъ на хорошей фабрикѣ въ Нью-Йоркѣ и хорошо зарабатываетъ. Недавно ѣздилъ онъ на родину, гдѣ оставалась у него жена, но засталъ её въ такомъ положеніи, что вынужденъ нынѣ искать развода. Ему хотѣлось бы, чтобы это дѣло о разводѣ велось здѣсь, въ Америкѣ, а не въ Минской губерніи, и объ этомъ именно посоветоваться пришелъ онъ сюда, въ русское консульство, но не смогъ ничего добиться отъ этихъ консульскихъ чиновниковъ. Втеченіе объясненій нашихъ мы успѣли уже спуститься внизъ, выйти на улицу и пройти изрядный кусочекъ по направленію къ Бродваю.

— Такъ какъ же скажете, господинъ, что мнѣ дѣлать?—спросилъ мой собесѣдникъ, когда я остановился у рѣшетки какого-то безвкуснаго и аляповатаго американскаго памятника, представляющаго старика въ сюртукѣ, сидящаго на стулѣ.

— Видите ли, любезный, дѣла о разводѣ ведутся, по уставу духовныхъ консисторій, въ мѣстѣ жительства супруговъ, ибо предполагается, что супруги живутъ обязательно совмѣстно и въ одномъ мѣстѣ, случаи же прожительства супруговъ въ разныхъ мѣстахъ, а тѣмъ болѣе въ различныхъ государствахъ, уставомъ симъ вовсе не предусмотрѣны. Конечно, наши консисторіи должны руководствоваться въ подобныхъ случаяхъ общими соображеніями и началами, въ уставѣ находящимися. Во всякомъ случаѣ вы являетесь стороной, возбуждающей дѣло, и имѣете право требовать, чтобы оно ве-

лось по мѣсту вашего жительства. Обратитесь съ прошеніемъ по этому предмету къ нашему преосвященному; выждите наилучше, пока онъ прїѣдетъ изъ Санъ-Франциско сюда, въ Нью-Йоркъ, изложите все дѣло ему лично и просите его о заведеніи дѣла въ аляскинскомъ духовномъ правленіи. Можно надѣяться, что ходатайство ваше будетъ уважено; и дѣло будетъ заведено здѣсь и здѣсь закончится, но все-таки все слѣдствіе будетъ вестись тамъ, на мѣстѣ, и вамъ придется все-таки выставить своего повѣреннаго для исполненіе нѣкоторыхъ обрядностей и формальностей. Для этой надобности не нужно брать непременно адвоката, а можете возложить все это на какого либо родственника или хорошаго знакомаго.

Собесѣдникъ мой совершенно просіялъ, сталъ благодарить меня за сдѣланныя разъясненія и на прощаніе сильно пожалъ мнѣ руку. Хотя пишущій эти строки самъ представляетъ изъ себя здороваго и сильно сложеннаго мужчину, тѣмъ не менѣе онъ почувствовалъ въ должной мѣрѣ сердечное и признательное рукопожатіе этого русско-американскаго кузнеца. Русско-американскій рабочій этотъ успѣлъ уже сбросить съ себя тотъ обликъ робости и приниженности, какой носить на себѣ нашъ рабочій въ Россіи, но онъ далеко не доросъ еще до той развязности, нахальства и самоувѣренности, какими отличается рабочій американскій. Этотъ промежуточный, такъ сказать, типъ рабочаго и есть общій типъ горсточки работниковъ, представляющей собой Русь російскую въ Нью-Йоркѣ.

Несмотря, однако, на всю свою крохотность, Русь російская въ этомъ городѣ нажила уже себѣ свои верхи, составившіеся изъ какихъ нибудь полутора десятка людей болѣе или менѣе интеллигентныхъ. По христіанскому братолюбію удѣлимъ здѣсь каждому изъ нихъ по нѣскольکو словъ, называя ихъ, конечно, иксами, игреками и зетами.

Почетный гражданинъ X., около 37 лѣтъ. Служилъ не такъ давно еще, не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, въ черноморскомъ обществѣ пароходства и торговли, служилъ прилично и спокойно. Но соблазнительная перспектива быстрого полученія крупнаго торговаго барыша не давала ему спать. Какъ-то прослышалъ онъ, что въ Америкѣ идетъ по высокимъ цѣнамъ такъ называемый солодковый корень, изъ котораго дѣлается локрица. X. оставилъ службу, получилъ бесплатно или же нанялъ очень дешево участокъ казенной земли гдѣ-то тамъ вблизи Баку, засадилъ его солодковымъ корнемъ и, снявъ хорошій урожай, отплылъ съ нимъ въ Америку прошлымъ лѣтомъ. Конечно, онъ запросилъ предварительно о цѣнахъ на свой товаръ русскаго генеральнаго консула въ Нью-Йоркѣ, и изъ-за шелковыхъ китайскихъ ширмъ нашего консульства вышелъ весьма благопріятный для него отвѣтъ: цѣны на корень показаны были въ немъ такія, что X. предстояло заработать что-то около 700% чистаго барыша. Приплывъ въ Нью-Йоркъ, онъ пер-

вымъ дѣломъ отправился, конечно, въ русское генеральное консульство и попросилъ консула отрекомендовать ему наиболѣе солидную фирму для продажи своего товара. Фирма была отрекомендована, и товаръ проданъ по цѣнѣ, хотя и значительно ниже отъ показанной въ консульскомъ отвѣтѣ, но все-таки еще достаточно высокой и весьма выгодной. По мѣстнымъ торговымъ обычаямъ и порядкамъ уплачено было чекомъ съ погашеніемъ такового наличными деньгами черезъ двѣ недѣли. Но, видно, не подъ счастливой звѣздой родился солодовый корень г. X. Въ теченіе помянутыхъ двухъ недѣль фирма объявила себя банкротомъ, предварительно переведа, конечно, всю свою наличность на чужое имя. Нашъ бѣдный соотечественникъ бросился натурально въ свое русское консульство и предъ консуломъ, порекомендовавшимъ ему фирму эту, какъ наилучшую и наисолиднѣйшую, излилъ скорбь души своей. — «А мнѣ-то до этого какое дѣло?» — раздался жесткій возгласъ за шелковыми китайскими ширмами. И вотъ съ чекомъ въ карманѣ, но безъ всякихъ средствъ, безъ знанія англійскаго языка, безъ знакомства съ мѣстными условіями, безъ всякой, наконецъ, поддержки, остался злополучный X. на нью-іоркской улицѣ. Онъ перебивается кое-какъ изо дня въ день и болѣе или менѣе мужественно тянетъ свое горькое существованіе, питаясь надеждой, что настояніе разныхъ крупныхъ фирмъ, принадлежащихъ къ числу «сильныхъ міра сего», передъ судомъ о признаніи сей, очевидно, фиктивной передачи таковой, увѣнчается успѣхомъ, и тогда вмѣстѣ съ миллионерами, имѣющими, за уничтоженіемъ фиктивнаго перевода наличности, получить сотни тысячъ долларовъ, получить и онъ свою, сравнительно, ничтожную толику, составляющую все его достояніе.

«Волна волну нагоняетъ, а человѣкъ съ человѣкомъ сходится», — позволяемъ мы себѣ видоизмѣнить извѣстную русскую пословицу, примѣняясь къ новымъ обстоятельствамъ, когда Русь стало уже переносить черезъ океанъ. Такимъ образомъ и г. X. встрѣтился съ г. Y., уже около четырехъ лѣтъ пребывающимъ здѣсь, въ Нью-Йоркѣ. Господинъ Y., русскій дворянинъ, также служилъ когда-то въ черноморскомъ обществѣ пароходства и торговли, служилъ отлично, былъ на отличномъ счету, исполнялъ капитанскія обязанности и былъ уже близокъ къ полученію въ свое завѣдываніе одного изъ крупныхъ пароходовъ общества, какъ вдругъ случилось одно небольшое происшествіе, совершенно видоизмѣнившее судьбу г. Y. Какъ-то зашелъ къ нему на пароходъ инспекторъ судоходства и принялъ на себя совершенно неожиданно роль распорядительную. Господинъ Y., какъ капитанъ, не допустилъ вмѣшательства въ свою компетенцію. Ему предложено было извиниться, но онъ отказался и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Вскорѣ послѣ этого очутился онъ въ Нью-Йоркѣ.

Во время всемірной выставки въ Чикаго г. Y. корреспондиро-

валъ въ «Недѣлю», потомъ хватался за разныя профессіи и нынѣ, занимая маленькое мѣстечко въ администраціи газеты «New-York Herald», выговорилъ себѣ нѣкоторое участіе въ петербургскомъ журналѣ «Новое Слово» переводами американскихъ рассказчиковъ. Г. У.—оригиналъ во многихъ отношеніяхъ. Какъ, будучи капитаномъ на Черномъ морѣ, онъ спалъ всегда гдѣ-то на вышкѣ, оставляя свою капитанскую каюту пустой и предоставляя ее отъ времени до времени бѣднякамъ, не бывшимъ въ состояніи уплатить провозную плату,—такъ нынѣ, имѣя квартирку изъ двухъ комнатъ и обладая хотя весьма скромной, но все-таки приличной обстановкой, совершенно достаточной для надлежащаго меблированія его маленькаго помѣщенія, г. У. живетъ все-таки среди невообразимаго хаоса опрокинутыхъ стульевъ, разбросанныхъ книгъ, наваленной бумаги, нагроможденныхъ окурковъ и стеариновыхъ огарковъ и, имѣя весьма порядочную постель, спитъ на стульяхъ среди комнаты, укрывшись пальто и согнувшись въ три погибели.

Г. Z.—62-хъ лѣтъ. Это—старикъ небольшого роста, съ маленькой бородкой, съ испытующе пронизательными, немножко не пріятными сѣрыми глазками. Онъ достался въ наслѣдіе Америкѣ при покупкѣ ея у Россіи Аляски, отправился затѣмъ въ Англію и, занимаясь торговлей въ Ливерпулѣ, принялъ тамъ мусульманство. Возвратясь засимъ въ Америку, онъ сталъ весьма ревностно проповѣдывать исламъ въ Нью-Йоркѣ: по американскимъ обычаямъ читалъ лекціи о религіи Магомета въ разныхъ нанятыхъ залахъ и вслѣдъ за лекціями совершалъ богослуженіе, причемъ въ промежуткахъ между лекціей и богослуженіемъ выходилъ на балконъ или взбирался на крышу дома и, соединяя такимъ образомъ званія муллы и муэззина, сзывалъ немногочисленныхъ здѣсь право-вѣрныхъ на молитву. Заунывные и протяжные возгласы съ крыши огромнаго дома, совершенно непривычныя для американскаго уха, собирали толпы зѣвакъ, праздношатаевъ и просто любопытныхъ, и на какой нибудь десятокъ дѣйствительныхъ мусульманъ въ залу наваливала сотня любителей даровыхъ зрѣлищъ. Америка, какъ извѣстно, есть free country (свободная страна), и г. Z. въ его своеобразномъ проповѣдничествѣ никто положительно не мѣшалъ, но въ концѣ концовъ онъ самъ умаялся, уходился и бросилъ свои богослуженія. Будучи уже старикомъ, потерявшимъ силы и несколько не обезпеченнымъ, г. Z. полагая, что манифестъ нынѣ царствующаго государя отъ 14-го ноября 1894 года распространяется и на учиненное имъ около 20-ти лѣтъ тому назадъ въ Англіи отступленіе отъ православія въ мусульманство, тотчасъ послѣ присяги новому царю въ русскомъ консульствѣ, обратился къ консулу съ вопросомъ: можетъ ли онъ уже нынѣ возвратиться въ Россію? Русскій генеральный консулъ, не оборачиваясь даже къ просителю отвѣтилъ ему, что, если хочетъ попасть прямо въ тюрьму, то можетъ

Господинъ X., бывший кавалерійскій офицеръ, немного мистикъ. Человѣкъ относительно еще молодой, слегка рыжеватый, довольно пріятной наружности. Во-первыхъ, бѣдствуетъ, и, во-вторыхъ, играетъ неизмѣнно въ русскихъ спектакляхъ, устроиваемыхъ нью-іоркской русско-еврейской колоніей въ разныхъ театрахъ города. Играетъ специально роли папашъ, старыхъ мужей и т. п. и такъ-выя исполняетъ весьма порядочно, даже, можно сказать, хорошо.

Господинъ Y.— малороссъ огромнаго роста, обладающій грандіознымъ басомъ. Во время оно принадлежалъ къ составу небезызвѣстнаго русскаго хора Славянскаго, съ которымъ и прибылъ сюда, въ Америку, для артистическаго *tournee*. Какъ и почему остался здѣсь по выѣздѣ хора въ Европу, исторія умалчиваетъ. Былъ ли это внутренній «домашній споръ славянъ между собою» на почвѣ свободной и весьма еще дикой Америки, или же какой либо смѣтливый и предприимчивый янки, плѣнившійся басомъ тогда еще со-всѣмъ молодаго хориста, постарался задержать его въ Новомъ Свѣтѣ,— это остается невыясненнымъ. Нынѣ г. Y. служитъ въ англійской американской опереткѣ, съ которой періодически объѣзжаетъ восточные штаты. Несмотря на двадцатилѣтнее почти пребываніе въ Америкѣ, басъ его сохранился во всей силѣ и неприкосновенности.

Господинъ Z., еще малымъ ребенкомъ вывезенный изъ Россіи около 30-ти лѣтъ тому назадъ и уже плохо говорящій порусски. Г. Z., носитъ фамилію одного изъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателей и является внукомъ либо внучатымъ племянникомъ послѣдняго. Онъ — художникъ по профессіи. Живя въ самомъ бойкомъ торговомъ мѣстѣ Нью-Йорка, г. Z. работаетъ иллюстраціи для различныхъ нью-іоркскихъ изданій. Такъ какъ всѣ вообще американскія изданія, не только ежемѣсячныя и еженедѣльныя, но даже ежедневныя, снабжены множествомъ иллюстрацій, не говоря уже о такъ называемыхъ специально иллюстрированныхъ изданіяхъ, то г. Z. сынъ русскаго чиновника въ Цольниѣ, пошедшаго въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ русской правительственной политики въ краѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и посему покинувшаго отечество, нынѣ, проживъ около 30-ти лѣтъ въ Нью-Йоркѣ, имѣетъ всегда много хорошо оплачиваемой работы.

Госпожа X., дама огромнаго роста и атлетическаго сложенія, уже свыше 25-ти лѣтъ проживающая въ Нью-Йоркѣ. Она даетъ уроки исторіи и языка въ зажиточныхъ англоамериканскихъ семействахъ, перевела извѣстную книгу Леруа-Болье: «*l'Empire des Tzars*», на англійскій языкъ, снабдивъ переводъ этотъ своими довольно легковѣсными примѣчаніями, и наконецъ читаетъ періодически публичныя лекціи по русской исторіи. Лекціи эти, какъ и всякія лекціи въ Америкѣ, являются предметомъ частной антрепризы какого-то малоприятзательнаго янки и во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вни-

манія. Первой ихъ достопримѣчательностью представляется возрастъ слушателей. Въ то время, какъ сама лекторша имѣетъ около 60-ти лѣтъ, слушать ее являются старики и старухи, минимальный возрастъ которыхъ выражается весьма почтенной цифрой 60. И этимъ сѣдовласымъ младенцамъ читаетъ госпожа Х. начатки русской исторіи Беллярмина и Илловайскаго въ вольномъ переводѣ на англійскій языкъ. Старички «въ глубокой думѣ» слушаютъ, какъ Ольга умертвила великое множество древлянъ въ отмщеніе за убійство своего мужа, какъ были убиты Аскольдъ и Диръ, какъ евреи угоривали Владимира Святого принять ихъ вѣру и т. п. Спокойное и монотонное чтеніе элементовъ русской исторіи убаюкиваетъ старцевъ, и они довольно охотно являются на лекціи г-жи Х. Во всякомъ случаѣ однако г-жа Х. довольно образованная и весьма почтенная дама, къ которой охотно зайдетъ каждый, разъ у нея бывавшій, чего совершенно нельзя сказать о многихъ другихъ изъ описываемой русской интеллигенціи Нью-Йорка.

Г-жа У., вдова ирландца-корреспондента, носить натурально уже не русскую, а англоирландскую фамилію. Пожелала ли г-жа У. подражать мужу или же почувствовала въ себѣ дѣйствительное литературное призваніе, но только она стала вдругъ корреспондировать въ русскія изданія. Дѣло пошло на столько успѣшно, что современемъ г-жа У. стала постояннымъ американскимъ корреспондентомъ нѣсколькихъ изъ «солиднѣйшихъ» столичныхъ изданій. Успѣхъ этотъ объясняется, однако, къ сожалѣнію, совершеннымъ незнакомствомъ нашей печати вообще и столичной въ частности съ американской жизнью и американскими порядками. Жизни этой г-жа У. не знаетъ и изученіемъ таковой себя отнюдь не утруждаетъ, а, сидя въ своей комнатѣ, въ тиши своего рабочаго уголка, составляетъ свои корреспонденціи въ «солидные» петербургскіе журналы по англо-американскимъ газетамъ и журнальчикамъ. Между тѣмъ американская пресса вся сплошь либо узко-партийна, либо прямо продажна. Многія крупныя явленія государственно-общественной жизни она умышленно замалчиваетъ, другія также умышленно всячески старается исказить, третьи наконецъ осыпаетъ ложью и клеветой. Естественно, что въ американскихъ корреспонденціяхъ г-жи У. въ петербургскіе журналы и газеты отражается вполнѣ ихъ первоисточникъ. Эти органы независимой, т. е. безцензурной, русской печати приняли на себя такимъ образомъ предъ русскимъ обществомъ тяжкій грѣхъ фальшиваго, а подчасъ и смѣхотворнаго изображенія американской жизни. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что одинъ изъ «солиднѣйшихъ» петербургскихъ журналовъ, именуемый иногда «профессорскимъ», въ послѣднее время отказался уже отъ корреспонденцій У. и замѣнилъ ихъ, хотя и заставляющими желать многого лучшаго, но все-таки гораздо болѣе содержательными и добросовѣстными корреспонденціями съ другаго конца Соединенныхъ Шта-

товъ, изъ Санъ-Франциско, нѣкоего лица, именующаго себя «простымъ рабочимъ». Поставляя въ Петербургъ болѣе или менѣе механическія компиляціи выдержекъ изъ англо-американскихъ газетъ и журнальчиковъ, г-жа У. въ то же время пристроилась въ Нью-Йоркѣ къ газетѣ «Sun», которая печатаетъ на своихъ столбцахъ дословные ея переводы русскихъ книгъ и журнальныхъ статей, г-жей У. выдаваемыхъ за свои оригинальныя произведенія. Въ послѣднее время подверглись такому подстрочному переводу въ «Sun»'ѣ небезызвѣстныя въ русской литературѣ книги: Пругавина — «Проявленія умственной жизни русскаго народа въ расколѣ» и Кривенки — «На распутьи».

Князь Х., представительный молодой человѣкъ, потомокъ и членъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ и знатнѣйшихъ русскихъ княжескихъ родовъ. Онъ уже нѣсколько лѣтъ проживаетъ въ Нью-Йоркѣ. Что привело его сюда, никто не знаетъ, а занимается онъ здѣсь дѣлами довольно темными въ родѣ нижеслѣдующаго. Въ одинъ прекрасный день является наипъ русскій князь къ закладчику, у котораго имѣется, конечно, во всякое время для продажи не малое количество просроченныхъ, перепросроченныхъ и предназначенныхъ къ продажѣ драгоцѣнныхъ вещей, и предлагаетъ этому закладчику нижеслѣдующій планъ. Они выберутъ изъ этихъ вещей самыя лучшія и наиболѣе элегантныя, достойныя быть наименованными фамильными драгоцѣнностями древняго рода русскихъ князей Х.; засимъ онъ, князь, опубликуетъ въ нью-йоркскихъ газетахъ, что, находясь по непредвидѣннымъ причинамъ въ стѣснительныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, онъ вынужденъ продать часть принадлежащихъ ему фамильныхъ драгоцѣнностей. Затѣмъ въ назначенное время и въ назначенномъ мѣстѣ новообрѣтенныя «фамильныя драгоцѣнности» распродаются закладчикомъ, фигурирующимъ въ качествѣ аукціониста, въ присутствіи самого князя, долженствующаго увѣрять публику въ подлинности распродаваемыхъ «родовыхъ» драгоцѣнностей; наконецъ изъ полученныхъ закладчикомъ, благодаря обаянію княжескаго происхожденія вещей, крупныхъ барышей нѣкая толика удѣляется молодому князю. Слѣдуетъ признать, что планъ этотъ составленъ умомъ тонкимъ и проницательнымъ, а притомъ еще вполне освоившимся со складомъ американскаго быта и сущностью характера американцевъ. Не смотря на демократическій строй Соединенныхъ Штатовъ и демократическое настроеніе ихъ населенія, нигдѣ нѣтъ подобнаго преклоненія предъ знатностью происхожденія и титулами, какъ здѣсь именно, и подобной падкости на всякія «родовыя» драгоцѣнности знатныхъ и титулованныхъ фамилій, какъ въ этой странѣ. Былъ ли планъ этотъ задуманъ самимъ русскимъ княземъ Х. или же совмѣстно съ его пріятелемъ и руководителемъ польскимъ графомъ У., но во всякомъ случаѣ онъ явился весьма практичнымъ и вполне цѣлесообраз-

нымъ. Распродажа мнимыхъ родовыхъ драгоцѣнностей извѣстнаго русскаго княжескаго рода X. уже началась и пошла очень бойко, какъ нашлись скептики, усомнившіеся въ ихъ подлинности, которые и не преминули обратиться тотчасъ же за разъясненіями въ русское консульство. Изъ-за шелковыхъ китайскихъ ширмъ раздался гласъ, который вѣщалъ: князь-то онъ настоящій, дѣйствительный князь X., да только драгоцѣнности, въ его присутствіи продаваемые съ аукціона, вовсе не княжескія и даже не его собственныя. Возвѣщенное гласомъ разнеслось тотчасъ же по городу и аукціонному залу, распродажа была приостановлена, и улыбнувшійся было потомку и представителю одного изъ знатнѣйшихъ русскихъ княжескихъ родовъ зароботокъ погибъ безвозвратно.

Совершенно противоположенъ этому образу молодого русскаго князя, пускающагося въ мошенническія предпріятія, другой образъ. Это— невысокій, плотный, коренастый мужчина, уже убѣленный сѣдинами и украшенный небольшою, также сѣдовою уже бородой. Типъ его—чистѣйшій славяно-великорусскій, и въ свѣтлыхъ глазахъ пытливая и вдумчивая проницательность смѣшана съ этимъ безконечнымъ добродушіемъ славянской натуры. Это—единственный чистокровный русскій въ нью-йоркскомъ русскомъ социаль-демократическомъ обществѣ. Чертежникъ по профессіи, онъ обыкновенно предсѣдательствуетъ и неизмѣнно говоритъ на всѣхъ собраніяхъ общества. Говоритъ онъ не скоро, какъ будто съ усиленіемъ, но отчетливо, послѣдовательно и весьма убѣдительно.

Говоря о Руси російской въ Нью-Йоркѣ, мы не можемъ не упомянуть также и о той значительной части русскаго еврейства, которая выступаетъ здѣсь въ качествѣ элемента совершенно русскаго. Какъ бы кто ни относился къ еврейству вообще и русскому въ частности, какіе бы взгляды на такъ называемый еврейскій вопросъ ни имѣлъ, факты и явленія, которые мы изложимъ, не могутъ быть ни игнорируемы, ни проходимы молчаніемъ. Въ Нью-Йоркѣ имѣется нынѣ свыше 200,000 русскихъ евреевъ. Houtson Street, Grand Street, Canal Street и East Brodway, съ прилегающими къ нимъ меньшими улицами и переулками, составляютъ чуть не сплошной обширный еврейскій кварталъ въ нижней части города. Если въ лучшихъ частяхъ этого еврейскаго квартала воскресаютъ предъ вами не то чисто-плотные уголки Вильны, Кіева или Одессы, не то главныя улицы большихъ городовъ Бѣлой и Малой Руси, то за то всѣ непарадные его части, всѣ второстепенныя улицы, переулки и закоулки прямо переносятъ васъ въ захолустные городки и мѣстечки Западнаго края, эти ужасныя обиталища массы русскаго еврейства, съ ихъ грязью и вонью, ихъ специфической суетой, ихъ потрясающей нищетой. Когда я впервые проходилъ по Ludlow Street, въ значительной части загроможденному мяснымъ и рыбнымъ рынкомъ и до такой степени запруженному еврейской бѣднотой, что пробраться тутъ не оказыва-

лось почти никакой возможности,—мнѣ представилось вдругъ, что я прохожу мимо виленскаго рыбнаго рынка, расположеннаго между верхней частью города и Зарѣчьемъ, у самаго берега Вилейки. Иллюзія была до того сильна и неотразима, что я даже совершенно машинально зажалъ платкомъ носъ, между тѣмъ какъ ароматы нью-іоркскаго людловскаго еврейскаго рынка далеко не могутъ сравняться съ ужасающимъ зловоніемъ виленскаго рыбнаго рынка. Когда же я попадалъ въ наиболѣе бойкія торговыя мѣста Clinton Street, Eldridge Street, Orchard Street и т. д., то мнѣ чудилось со всей осязательностью, что я разгуливаю по одной изъ безчисленныхъ ярмарокъ Западнаго края. Всѣ вообще посѣщенія мои этой части города неизмѣнно воскрешали во мнѣ иллюзіи русской дѣйствительности, и лишь когда взоръ мой упалъ случайно на окна типографіи, ютящейся тамъ въ подвальномъ этажѣ огромнаго дома и совмѣщающей въ себѣ также и контору еврейской газеты, и я лицезрѣлъ тамъ сотни бѣдныхъ и изнуренныхъ трудомъ евреевъ, съ жадностью расхватывающихъ нумера издаваемаго на ихъ жаргонѣ органа,—тогда лишь исчезали во мнѣ всѣ эти иллюзіи русской дѣйствительности, и начиналась сама дѣйствительность, совершенно иная, американская.

Изъ этихъ двухъ сотъ слишкомъ тысячъ русскихъ евреевъ въ Нью-Йоркѣ одна часть, сравнительно небольшая и зажиточная, говоритъ исключительно поанглійски какъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, такъ даже и въ домашнемъ быту; другая, наиболѣе многочисленная и самая бѣдная, говоритъ исключительно почти на жаргонѣ, лишь въ крайнихъ случаяхъ совершенной необходимости прибѣгая къ языкамъ нѣмецкому и англійскому, которые изрядно таки коверкаетъ; третья же часть, наконецъ, составляющая не менѣе четвертой части общей массы мѣстнаго русскаго еврейства, т. е. около 50,000, говоритъ въ домашнемъ быту и частныхъ между собой сношеніяхъ исключительно порусски, употребляя языкъ англійскій лишь въ дѣловыхъ и официальныхъ сношеніяхъ съ англо-американской публикой и англо-американскими учрежденіями. Эта послѣдняя часть представляетъ собою самую образованную и наиболѣе интеллигентную часть русскаго еврейства. Сюда входятъ врачи, женщины-врачи, адвокаты, артисты нью-іоркскихъ еврейскихъ театровъ, редакторы и сотрудники еврейскихъ газетъ и журнальчиковъ, авторы еврейскихъ пьесъ и книгъ, еврейскіе ученики среднихъ учебныхъ заведеній и еврейскіе студенты университета, клерки различныхъ торговыхъ фирмъ и предпріятій, еврей-книгопродавцы, музыкальные артисты разныхъ инструментовъ и наконецъ наиболѣе интеллигентные изъ массы еврейскихъ рабочихъ, разбросанныхъ по нью-іоркскимъ фабрикамъ и заводамъ. Эта пятидесятитысячная доля русскаго еврейства чувствуетъ, сознаетъ, признаетъ и именуетъ себя русской, живо интересуется Россіей и русскими дѣлами, искренно любитъ Россію, проявляетъ нерѣдко русскій патріотизмъ, какимъ мы были, въ ка-

чествъ посторонняго зрителя, положительно изумлены, именуютъ русскій народъ сердечнѣйшимъ, справедливѣйшимъ и симпатичнѣйшимъ народомъ въ мірѣ, признаетъ Россію и народъ русскій вмѣстилищемъ бездны ума, таланта, человѣчности, искренности и высокихъ порывовъ и, что всего замѣчательнѣе, вѣрять въ Россію несравненно болѣе и тверже, нежели множество самихъ русскихъ. Подобное явленіе социальной психологіи и логики до такой степени поразило насъ на первыхъ порахъ нашего здѣсь пребыванія, что мы невольно подвергли его тщательнѣйшему, осторожнѣйшему и совершенно объективному наблюденію и изученію и, убѣдившись въ его дѣйствительномъ, осязательномъ и прочномъ существованіи, считаемъ долгомъ безпристрастнаго изслѣдователя отмѣтить его въ этомъ скромномъ трудѣ нашемъ. Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что лицами, явившимися въ русское консульство въ Нью-Йоркѣ для принесенія вѣрно-подданнической присяги по восшествіи на престолъ императора Николая II, были исключительно почти русскіе евреи.

Изъ этой русской части русскаго еврейства исходятъ устройство русскихъ спектаклей, русскихъ баловъ и музыкальныхъ вечеровъ, заложеніе русскихъ общественныхъ учрежденій и изданіе русскихъ газетъ. Это послѣднее впрочемъ нынѣ совершенно уже прекратилось, а потому здѣсь мы коснемся вскользь лишь русскихъ учрежденій и русскихъ увеселеній въ Нью-Йоркѣ. Если «Русско-еврейскій воспитательный институтъ» представляетъ учрежденіе смѣшанное, ибо обученіе дѣтей производится въ немъ на еврейскомъ языкѣ, различныя популярныя лекціи читаются также исключительно почти на еврейскомъ языкѣ, на музыкальныхъ его концертахъ русскіе нумера исполняются на ряду съ другими, имѣется въ немъ весьма порядочная русская бібліотека и читальня, въ которой получаютъ всѣ главнѣйшія русскія изданія въ Россіи, и наконецъ всѣ завѣдующіе его отдѣлами говорятъ порусски, то зато такія учрежденія, какъ «Кружокъ русскихъ студентовъ» и «Общество вспомошествованія русскимъ студентамъ», представляются уже учрежденіями совершенно русскими. Къ «Кружку русскихъ студентовъ» принадлежатъ какъ русскіе уроженцы, учащіеся нынѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Нью-Йорка, такъ равно и уроженцы Россіи, учившіеся когда либо въ какихъ либо высшихъ учебныхъ заведеніяхъ этой послѣдней. «Общество вспомошествованія русскимъ студентамъ» составляется изъ всѣхъ уроженцевъ Россіи съ высшимъ или среднимъ образованіемъ, сочувствующихъ его цѣлямъ. Вполнѣ естественно, что эти два учрежденія тѣсно связаны другъ съ другомъ какъ въ своемъ существованіи, такъ и въ своей дѣятельности, и всѣ почти члены «Кружка русскихъ студентовъ», составляющіе сливки нью-іоркской русско-еврейской интеллигенціи, состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членами «Общества вспомошествованія русскимъ студентамъ». «Кружокъ» имѣетъ небольшое собственное помѣщеніе въ самомъ верхнемъ этажѣ

одного изъ огромныхъ домовъ East Broadway'я и въ немъ, независимо отъ своихъ дѣловыхъ засѣданій, устраиваетъ каждую субботу публичные рефераты по социологии и общественнымъ наукамъ, сопровождающіеся дебатами, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ желающіе изъ присутствующей публики. Въ цѣломъ штатѣ Нью-Йоркъ это пока единственное мѣсто, гдѣ трактуются общественные вопросы и вообще важныя матеріи на русскомъ языкѣ, кромѣ, конечно, лекцій и собраній «Русскаго социаль-демократическаго общества». Кромѣ означенныхъ собраній для рефератовъ и дебатовъ по нимъ, «Кружокъ русскихъ студентовъ» устраиваетъ иногда въ разныхъ дешевыхъ залахъ этого русско-еврейскаго района нижней части Нью-Йорка свои «вечеринки». Здѣсь преобладаютъ, конечно, танцы, но имѣются также чаепитіе, сладкояденіе, интересные разговоры и пѣніе. Вечеринки эти отличаются простотой, полной непринужденностью и задушевностью. Слѣдуетъ замѣтить, что вечеринки эти—безплатныя, и если «Кружокъ» оплачиваетъ кое-какъ наемъ помѣщенія, освѣщеніе и т. д., то только благодаря вообще довольно скромнымъ на нихъ яденіямъ и питіямъ, а главнымъ образомъ тому, что оплачивается какими нибудь 15-ю центами такъ называемый «hat check», т. е. марка на сохраненіе платья, и это послѣднее хранятъ и раздаютъ по окончаніи вечеринки сами же студенты. Когда я бывалъ на этихъ вечеринкахъ, предо мной воскресали мои студенческіе годы, отъ которыхъ отдѣленъ я тринадцатью годами жизни самой бурной и скитальческой, и я умственно переносился въ лучшую пору моей безвозвратно погибшей молодости. Какое-то жгучее чувство острой боли начинало сверлить въ груди, а губы такъ и подергивались, чтобы запѣть:

Проведемте-жь, друзья,
Эту ночь веселій:
Пусть студентовъ семья
Соберется тѣснѣй!

Пѣніе склеивается обыкновенно подъ конецъ вечеринки. По большей части тотчасъ же возникаетъ среди желающихъ пѣть нѣкоторое раздвоеніе: одни, родившіеся, учившіеся, либо жившіе въ центральной Россіи и въ особенности въ Москвѣ, начинаютъ великорусскія пѣсни, либо романсы, другіе, родившіеся, жившіе, либо учившіеся въ южной части Россіи, начинаютъ пѣсни малорусскія. Однако, большинство умѣющихъ пѣть и въ особенности женскихъ голосовъ оказывается на сторонѣ малорусской, и великорусской пѣсенной партіи приходится, обыкновенно, по учиненіи нѣкоторой какофоніи, смолкнуть и выждать окончанія той или иной малорусской пѣсни. Нѣкоторое раздвоеніе проявляется также и въ танцахъ. Юнѣйшее поколѣніе, выросшее и воспитавшееся въ Америкѣ, пытается нерѣдко танцовать мѣстные американскіе танцы, но болѣе или менѣе рѣшительные протесты консервативнаго большинства, выросшаго

и воспитавшагося въ Россіи: «Русскіе танцы! русскіе танцы!» обыкновенно берутъ верхи, пресѣкають реформаторскія стремленія молодежи, которыя удается осуществить лишь къ концу вечера, когда консервативное руссофильское большинство уже утомлено и отстало отъ танцевъ. «Общество вспомошествованія русскимъ студентамъ» устраиваетъ балы уже на болѣе широкую ногу, въ одномъ изъ большихъ залъ Нью-Йорка, соединяя нерѣдко балы со спектаклемъ. На нихъ является вообще болѣе «буржуазная» часть нью-йоркскаго русско-еврейскаго общества. Танцы здѣсь, конечно, уже параднѣе, о пѣвнн нѣтъ, само собою разумѣется, и помину, и въ общемъ балы эти далеко не такъ задушевные и пріятны, какъ студенческія «вечеринки». Что насъ не мало озадачило на этихъ балахъ, такъ это то, что за ходомъ пьесы слѣдятъ съ величайшимъ интересомъ американскіе полицейскіе, стоящіе у дверей, и на всевозможныхъ общественныхъ собраніяхъ здѣсь обыкновенно совершенно отсутствующіе. Исполнителями на русскихъ спектакляхъ, даваемыхъ «Обществомъ», являются обыкновенно тѣ же самыя лица, которыя играютъ на всѣхъ вообще русскихъ спектакляхъ, даваемыхъ въ Нью-Йоркѣ. Солиднѣйшій изъ нью-йоркскихъ русско-еврейскихъ театровъ даетъ обыкновенно отъ времени до времени русскія представленія, выполняемые артистами и артистками его постоянной еврейской труппы при участіи любителей изъ той пятидесятитысячной части нью-йоркскаго русскаго еврейства, которая именуется себя «русскою». Въ общемъ исполненіе русскихъ пьесъ проходитъ здѣсь весьма недурно и можетъ равняться приблизительно исполненію хорошихъ постоянныхъ труппъ нашихъ большихъ провинціальныхъ городовъ.

«Русское социаль-демократическое общество», независимо отъ различныхъ социаль-демократическихъ собраній, на которыхъ говорятся рѣчи по преимуществу на русскомъ языкѣ, но также и на языкахъ англійскомъ и польскомъ, а равно и еврейскомъ жаргонѣ, устраиваетъ еще постоянныя лекціи. Онѣ читаются по опредѣленной программѣ, назначаемой на каждое полугодіе (съ половины сентября до новаго года и съ новаго года до половины апрѣля) и заранѣе оповѣщаемой путемъ опубликованія въ газетахъ и напечатанія на особыхъ продолговатыхъ карточкахъ краснаго цвѣта, распространяемыхъ среди публики членами «общества». Не смотря, однако, на свой красный цвѣтъ, эти «программы лекцій русскаго социаль-демократическаго общества» заключаютъ въ себѣ главнѣйшіимъ образомъ общія и совершенно неопасныя темы. Вотъ, на примѣръ, такая программа на второй сезонъ 1896 года (собственныя имена лекторовъ опущены): «Нѣсколько замѣчаній о развитіи литературы», «Нѣсколько мыслей о сущности прогресса», «Соціализмъ въ Польшѣ», «Законъ народонаселенія въ капиталистическомъ обществѣ», «Новое направленіе въ американской беллетристикѣ», «Бѣгъ

лый взглядъ на исторію Соединенныхъ Штатовъ», «Политическое положеніе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ», «Реформы», «Восьмидесятыя годы въ Россіи», «Вырожденіе человѣческаго общества», «Женщина въ семьѣ и обществѣ», «Человѣкъ и его права въ обществѣ», «Роль личности въ исторіи» и «Россія и Западная Европа». Въ отличіе отъ вышепомянутыхъ публичныхъ собраній, устраиваемыхъ «обществомъ» по разнымъ случаямъ, лекціи эти читаются исключительно на русскомъ языкѣ, и всѣ по нимъ дебаты ведутся также исключительно порусски. Такъ какъ слушателями ихъ являются почти исключительно рабочіе изъ русскихъ евреевъ, то онѣ происходятъ регулярно каждое воскресенье, то-есть въ нерабочій день каждой недѣли. Дебаты на темы, затрогиваемыя этими лекціями, бывають обыкновенно весьма оживленны, хотя и ведутся обыкновенно одними и тѣми же лицами, представителями интеллигентнаго слоя «общества».

Считаемъ необходимымъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній, чтобы пояснить и оправдать наше сопричисленіе русской части русскаго еврейства въ Нью-Йоркѣ къ Руси російской въ этомъ огромномъ городѣ. Народность лица опредѣляется здѣсь собственнымъ его самочувствіемъ и самосознаніемъ и языкомъ, на которомъ онъ говоритъ въ тѣснѣйшемъ кругу жизни частной и домашней, ибо языкомъ дѣловыхъ сношеній является здѣсь повсемѣстно языкъ англійскій. Замѣчательно, что всѣ положительно славянскія народности, входяція въ составъ народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ, имѣютъ своихъ, такъ сказать, евреевъ, признающихъ себя принадлежащими къ той или иной изъ нихъ и говорящихъ на ея языкѣ. Попадаются между ними рьяные носители и поборники національныхъ идей и стремленій той или иной славянской народности. Въ восточной части Соединенныхъ Штатовъ наибольшее количество еврейства пріобщается и сопричисляется къ народности русской, причемъ, въ то время, какъ эта русская часть русскаго еврейства составляетъ въ Нью-Йоркѣ около четвертой части всего здѣсь русскаго еврейства, нѣкоторая часть этой части не чужда знакомства и съ языкомъ малорусскимъ, на столько даже, что русскіе евреи исполняли главныя роли въ «Наталкѣ-Полтавкѣ», даваемой здѣсь когда-то неоднократно любителями. Значительная часть еврейства изъ царства Польскаго причисляетъ себя къ народности польской и внѣ официальныхъ и дѣловыхъ сношеній говоритъ попольски, нерѣдко во все не владѣя ни жаргономъ, ни нѣмецкимъ языкомъ. Даже венгерскіе словаки и русины (такъ называемая угорская Русь), представляющіе странное смѣшеніе языковъ словацкаго и угорско-русскаго (разновидность малорусскаго), имѣютъ своихъ евреевъ, сопричисляющихъ себя къ «словакамъ» или «руснакамъ» и являющихся на ихъ балы и народныя увеселенія. Неудивительно, поэтому, что пятидесятитысячная часть русскаго еврейства, именуя-

щая себя «русскими» и въ тѣснѣйшемъ кругу частныхъ сношеній говорящая исключительно порусски, признается въ Нью-Йоркѣ и официально именуется русскими, такъ что новоприбывшій сюда русскій можетъ, къ изумленію своему, услышать, что здѣсь имѣется свыше пятидесяти тысячъ русскихъ.

Отмѣтимъ еще одно крайне любопытное явленіе. Въ послѣднее время обнаружилось было среди тридцатитысячнаго польскаго населенія Нью-Йорка и его окрестностей нѣкоторое антисемитическое движеніе. Положимъ, оно было дѣломъ агитаціи одного отъявленнаго политическаго шарлатана, имѣвшаго въ виду подъ знаменемъ антисемитизма основать новое польское народное учрежденіе изъ самыхъ темныхъ и невѣжественныхъ элементовъ, учрежденіе, конечно, совершенно эфемерное, лишь ко времени президентскихъ выборовъ, дабы, продавъ эту тысячу «избирательнаго скота» за тысячу-другую долларовъ американскимъ «политиканамъ» и поднадувъ изрядно какъ этихъ послѣднихъ, ибо огромное большинство собранныхъ предъ нимъ «избирателей» еще не граждане нью-йоркскаго штата и потому вовсе не имѣютъ избирательныхъ правъ, а равно и самихъ фиктивныхъ «избирателей», ибо имъ изъ «заработка» не удѣлится ни одного цента, улепетнуть куда нибудь на другой конецъ Америки. Но для насъ не важны личныя дѣли этой агитаціи, а лишь не лишены интереса тѣ обвиненія, которыя выставлены были противъ русскаго еврейства. Главнѣйшее изъ нихъ заключалось въ слѣдующемъ. Россія никогда не имѣла евреевъ, имѣла же ихъ Польша, а между тѣмъ всѣ эти евреи на Grand Street, Canal Street, East Broadway и т. д. говорятъ «мовой московской», батальоны изъ еврейскихъ вольныхъ стрѣлковъ имѣютъ «команду московскую», всегда и всюду они, эти «россійскіе жида», выставляютъ и называютъ себя «русскими» и полны духа и симпатій «московскихъ». Если принять во вниманіе, что огромное большинство русскихъ евреевъ происходитъ изъ Западнаго края, до сихъ поръ еще являющагося въ сущности во многихъ отношеніяхъ спорной полосой между культурой польской и русской и этими двумя славянскими языками, и что столь твердое сохраненіе этими «евреями изъ Россіи» русскаго языка и ихъ привязанность къ русскому просвѣщенію представляются въ Америкѣ совершенно ничѣмъ не вынуждаемыми и вполне добровольными, то отсюда станетъ совершенно яснымъ, на сколько имѣли мы основаній эту руссофильскую, такъ сказать, часть нью-йоркскаго русскаго еврейства сопричислить къ нью-йоркской Руси изъ Россіи.

Этими строками заканчиваемъ мы нашъ краткій очеркъ нью-йоркской Руси російской и приступаемъ къ Руси угорской и галицкой въ этомъ огромномъ городѣ, этомъ всемірномъ портѣ, куда прибываютъ и стекаются всѣ положительно народы и народности Старога Свѣта.

Ни федеральное правительство Соединенныхъ Штатовъ, ни мѣстные правительства отдѣльныхъ штатовъ союза, ни, наконецъ, ихъ общественныя учреждения не обладаютъ сколько нибудь точными статистическими данными о распредѣленіи народонаселенія по національностямъ. Въ особенности относится это къ иммиграціи новѣйшей формаціи, т. е. евреямъ, итальянцамъ и славянскимъ народностямъ. Хотя при выполненіи различныхъ формальностей, предшествующихъ выпуску эмигрантовъ съ судовъ на территорію Соединенныхъ Штатовъ, опрашиваются они также и объ ихъ національности, но статистическія данныя, этимъ путемъ могущія быть полученными, крайне сбивчивы и проблематичны. Прежде всего, регистрація эта не обнимаетъ всѣхъ, прибывающихъ на территорію Штатовъ, ибо пассажиры перваго и втораго класса, по выполненіи таможенныхъ формальностей, выпускаются тотчасъ же безъ отобранія какихъ бы то ни было отъ нихъ свѣдѣній о цѣли ихъ пріѣзда, ихъ національности, профессіи и т. д., и лишь пассажиры третьаго класса, этого пароходнаго ада, составляющіе, правда, огромное большинство прибывающихъ, отвозятся на Ellis Island, проводятъ тамъ сутки въ карантинѣ, подвергаются затѣмъ медицинскому осмотру, а равно и разспросамъ о томъ: откуда прибыли, какой національности, въ какой штатъ и какую мѣстность направляются, къ какой профессіи принадлежатъ и какой родъ труда желаютъ избрать? Отвѣты на вопросы эти записываются буквально, а между тѣмъ тѣ изъ нихъ, которые даются на вопросъ о національности, представляются нерѣдко совершенно неясными и даже положительно нелѣпыми. Такъ, напримѣръ, словаки и угроруссы называютъ себя нерѣдко венгерцами, причѣмъ, принадлежа къ греко-католическому или такъ называемому униатскому вѣроисповѣданію, заявляютъ о своей національности слѣдующимъ образомъ: «унгаръ русской вѣры» или же «унгаръ словенской (словацкой) рѣчи и русской вѣры». Отвѣты подобнаго рода, порождаемые, конечно, смѣшеніемъ отдѣльныхъ элементовъ національности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы и въ представленіи малообразованныхъ и малоразвитыхъ массъ, изъ нихъ прибывающихъ, получаютъ вообще все-таки гораздо рѣже, нежели отвѣты, порождаемые смѣшеніемъ національности съ принадлежностью къ извѣстному государству, съ такъ называемымъ подданствомъ. Благодаря смѣшенію этого послѣдняго рода, множество поляковъ, литовцевъ, евреевъ, а иногда даже и нѣмцы записываются русскими; русины, поляки, чехи, сербы, а также и нѣмцы—австрійцами; угроруссы и хорваты—венгерцами; познанскіе и силезійскіе поляки—нѣмцами. Такимъ образомъ, независимо уже отъ ускальзыванія отъ этой статистики пассажировъ перваго и втораго класса, часть которыхъ остается въ Новомъ Свѣтѣ также навсегда или же на продолжительное время, какъ и пассажиры третьеклассные, признаваемые и именуемые эмигрантами; независимо отъ случаевъ выше

приведенных нелѣпыхъ отвѣтовъ на вопросъ о національности— способъ получения этихъ данныхъ исключаетъ возможность принять ихъ за сколько нибудь достовѣрную статистику по отношенію къ національности новопривывающихъ и элементовъ, еще не ассимилировавшихся съ преобладающей народностью англо-американской. Никакихъ же иныхъ данныхъ по этому предмету не имѣется. Поэтому выясненіе хотя приблизительныхъ цифръ русскаго населенія въ Америкѣ и въ особенности въ подобныхъ городахъ, какъ Нью-Йоркъ, представляетъ почти непреодолимая трудности. Насколько, однако, подобное выясненіе является возможнымъ, намъ удалось установить, что галицкихъ и угорскихъ русиновъ имѣется въ этомъ трехмиліонномъ городѣ около шести тысячъ.

Любопытна первая моя встрѣча съ этой Русью. Темнымъ зимнимъ вечеромъ шелъ я по четвертой улицѣ. За первымъ эвеню она становится совершенно темной и, кромѣ нѣсколькихъ газовыхъ фонарей, расположенныхъ на громадномъ разстояніи другъ отъ друга, слабо освѣщается лишь скуднымъ свѣтомъ изъ оконъ незначительныхъ лавокъ и лавченокъ. Густыми, широкими хлопьями падалъ мокрый снѣгъ и общій мракъ этого городского закоулка сгущалъ до послѣдней возможности. Лишь профессиональный любитель прогулокъ, интеллектуальный работникъ, погруженный въ свои мысли и соображенія, да бѣднякъ, бьющійся о хлѣбъ насущномъ, могли быть въ это время на улицѣ. У двери небольшого двухэтажнаго домика раздался вдругъ звонкій полудѣтскій смѣхъ, и изъ нея вылетѣлъ мальчишка, а вслѣдъ за нимъ огромный комокъ снѣга, сбившій ему папку съ головы. Изъ-за двери разнеслись громкіе возгласы восторженнаго одобренія, въ которыхъ можно было явственно различить слова словацкія и малорусскія. Эта славянская рѣчь, это русское слово въ этомъ царствѣ англійскаго языка до такой степени поразили меня своей неожиданностью, что я умѣрилъ шагъ и вблизи самой двери приостановился. Между тѣмъ, мальчишка высыпалъ цѣлой гурьбой на улицу и учинили снѣжную баталію. Замѣтивъ меня, они воскликнули «полицай!» (австро-славянская вариация нѣмецкаго Polizei, тожественная съ русскимъ «полицейскій») и, шмыгнувъ къ двери, у нея столпились.

— Нѣтъ, я вовсе не полицай,—заговорилъ я съ ними помалорусски,—но заинтересовался, что вы за хлопцы. Вѣдь вы—русины?

— Я рѣсинъ,—отозвался шустрый, черноглазый мальчишка лѣтъ тринадцати, отряхиваясь отъ снѣгу,—а они всѣ—гунгары.

— Какъ же гунгары, а говорятъ порусски?—полюбопытствовалъ я.

— А вотъ работаютъ на шляпной фабрикѣ между нами, русинами и словаками, и научились отъ насъ немножко говорить порусски.

И мальчикъ сталъ мнѣ рассказывать, что на ихъ шляпной фабрикѣ работа идетъ очень хорошо, рабочихъ много, а больше всего руснаковъ и словаковъ, а потомъ еще гунгаръ.

Когда я отошелъ отъ нихъ, они стали разговаривать между собою, и до меня болѣе или менѣе явственно доносились еще нѣкоторое время звуки славянской рѣчи, русской и словацкой, перемежающейся съ мадьярской. Не смотря на увѣренія мальчугана, что его товарищи—«гунгары» и между ними, руснаками и словаками, которыхъ онъ совершенно отождествлялъ, научились говорить порусски, я усомнился, конечно, въ ихъ унгарскомъ, т. е. мадьярскомъ, происхожденіи и пришелъ къ выводу, что эти подростки—омадьяренные угорскіе руснаки, происходящіе изъ той части Малоруси, которая, находясь въ непосредственномъ содѣйствіи и смѣшеніи съ другимъ славянскимъ племенемъ, словаками, въ значительной степени ословачилась. Эта подсловаченная и слегка подмадьяренная Русь и составляетъ значительную часть нью-іоркской Руси, между тѣмъ какъ Русь російская представляетъ совершенно ничтожную ея долю.

Если мы выше называли неоднократно Нью-Йоркъ трехмилліоннымъ городомъ, то потому, что онъ объединяется обыкновенно въ одно цѣлое и рассматривается совмѣстно съ Бруклиномъ, отъ него отдѣленнымъ узкой водяной полосой, представляющей нѣчто въ родѣ развѣтвленія устья рѣки Гудзона. Въ то время какъ самый Нью-Йоркъ имѣетъ около двухъ милліоновъ обывателей, Бруклинъ вмѣщаетъ въ себѣ жителей далеко за 800.000, такъ что оба вмѣстѣ, принадлежа одному штату и представляя дѣйствительно нѣчто цѣльное и однородное въ экономическомъ и общественномъ отношеніи, могутъ быть рассматриваемы и принимаемы за одинъ городъ. Поэтому, опредѣляя приблизительно численность нью-іоркской Руси въ 6,000 человекъ, мы имѣли въ виду вмѣстѣ съ тѣмъ и Бруклинъ. Русь эта не представляетъ чего либо цѣльнаго, а разбросана на семь огромномъ пространствѣ этихъ двухъ городовъ. Все это—работіе разныхъ категорій. Одни изъ нихъ работаютъ на табачныхъ фабрикахъ, другіе — на сахарныхъ заводахъ, третьи — въ портняжныхъ, сапожныхъ и иныхъ мастерскихъ. Лишь весьма немногіе изъ нихъ, успѣвъ сколотить себѣ нѣкоторый капиталецъ, завели болѣе или менѣе значительныя торговли, превратившись такимъ образомъ изъ рабочихъ въ буржуа. Нью-іоркская Русь галицкая и угорская принадлежитъ къ церковно-народной организаціи, именуемой «Соединеніемъ греко-каѳолическихъ русскихъ братствъ». Сущность и исторія этой организаціи изложены и разъяснены будутъ нами при послѣдующемъ разсмотрѣніи нашего предмета, здѣсь же упомянемъ лишь, что организація эта является организаціей исключительно греко-католической или уніатской и построена на томъ основномъ началѣ, что принадлежать къ ней можетъ лишь цѣлое братство, но не отдѣльное лицо. Такихъ братствъ имѣется здѣсь пять, и всѣ они принадлежатъ къ «Соединенію». Въ Нью-Йоркѣ существуютъ братства: мужское—св. Николая и женское, такъ называемое сестричное товарищество Пресвятой Дѣвы Маріи, въ Брук-

линѣ же—братства св. пророка Іліи и Покрова Пресвятой Богородицы и женское сестричное товарищество св. Елены. Всѣ пять братствъ этихъ заключаютъ въ себѣ, однако, всего лишь 100 человекъ и такимъ образомъ представляются лишь незначительной частичкой церковно-народной организаціи «Соединеніе», созданной, распространенной и укрьпившейся въ штатѣ Пенсильваніи, являющемся средоточіемъ и сердцемъ какъ американской Руси, такъ и вообще всего американскаго славянства. Впрочемъ, нѣкоторые изъ галицкихъ русиновъ въ Нью-Йоркѣ, представляющихъ сравнительно съ угорскими значительное меньшинство, принадлежатъ къ чисто народной русской организаціи, именуемой «Русскимъ народнымъ союзомъ» и сосредоточенной также въ той же Пенсильваніи. Эта послѣдняя организація, во многихъ отношеніяхъ заслуживающая всяческаго вниманія, состоитъ изъ галицкихъ малоруссовъ и тѣхъ не многихъ русиновъ угорскихъ, которые, не будучи еще ни омадьярены, ни ословачены, не потеряли еще своего національнаго самосознанія и являются единственной русской народной организаціей на всемъ громадномъ пространствѣ обѣихъ Америкъ. Такъ какъ въ послѣдствіи намъ придется въ подробности излагать устройство и дѣятельность обоихъ вышепомянутыхъ русскихъ общественныхъ организацій въ Америкѣ, которыхъ въ Нью-Йоркѣ находимъ лишь маленькіе отпрыски, то распространяться объ этихъ послѣднихъ незначѣмъ, ибо смыслъ ихъ существованія и направленіе ихъ дѣятельности выяснятся сами собой.

Если взять нью-іоркскую Русь въ ея цѣломъ, безъ различія вѣроисповѣданій, мѣстъ происхожденія и типовъ языка, безъ раздѣленія ея слѣдовательно на російскую, галицкую и угорскую, безъ распредѣленія на великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ, то она представится не чѣмъ инымъ, какъ нѣкоторой частицей рабочаго сословія этого огромнаго города, принадлежащей къ наибольшей и важнѣйшей изъ славянскихъ національностей и продолжающей еще сохранять коренныя черты своей народности. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что лишь немногіе изъ этихъ нью-іоркскихъ русскихъ рабочихъ, проживъ въ Америкѣ продолжительное время и хорошо усвоивъ себѣ англійскій языкъ, вступили въ мѣстные рабочіе союзы, играющіе въ жизни рабочаго сословія вообще, а въ Америкѣ въ особенности, столь огромную роль. Большинство же ихъ и притомъ огромное стоятъ внѣ этихъ рабочихъ организацій, что значительно ухудшаетъ ихъ положеніе въ особенности во время стачекъ, на всѣхъ языкахъ, а въ томъ числѣ и славянскихъ, именуемыхъ здѣсь «страйками» (strike), ибо съ прекращеніемъ работъ не получаютъ они отъ рабочихъ союзовъ того пособія, какимъ пользуются во все время стачки члены послѣднихъ. Въ то время, какъ нью-іоркское русское еврейство принадлежитъ почти сплошь къ этимъ рабочимъ организаціямъ, учрежденіямъ первостепеннаго общественнаго зна-

ченія, составляя различныя еврейскія ихъ вѣтви или отдѣленія (branch), нью-іоркская Русь стоитъ отъ нихъ въ значительномъ большинствѣ своемъ какъ-то особнякомъ, а такая обособленность, такое отсутствіе солидарности съ этими рабочими арміями весьма невыгодно отражается на ея же общественно-экономическомъ положеніи и ея же собственныхъ интересахъ. Это общественно-экономическое явленіе столь огромной важности будетъ разсмотрѣно и обслѣдовано нами ниже во всей его совокупности, то-есть во всемъ составѣ американской Руси.

Русь угорская и галицкая, принадлежащая къ такъ называемому греко-католическому или уніатскому исповѣданію, своей церкви въ Нью-Йоркѣ не имѣетъ, а ея приходскій храмъ, небольшая деревянная церковь, находится въ Бруклинѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время, вслѣдствіе соперничества, возникшаго между русско-православнымъ и русско-уніатскимъ вѣроисповѣданіями, о которомъ не мало еще придется говорить намъ въ послѣдующемъ изложеніи, нью-іоркскій русско-уніатскій приходъ, подъ вліяніемъ и настояніями представителей своего здѣсь духовенства, купилъ въ пятомъ стритѣ частный домъ и его приспособляетъ нынѣ для помѣщенія въ немъ своей церкви и квартиры для своего приходскаго духовенства. Пока же передѣлка эта закончится, по распоряженію нью-іоркскаго, римско-католическаго епископа, русское греко-католическое богослуженіе совершается въ римско-католическомъ костелѣ «Brigid Church» на углу восьмого стритъ и эвеню В, у такъ называемаго Бѣлаго парка. Костель этотъ, довольно красивый, но ничѣмъ особеннымъ не отличающійся, достопримѣчательнъ, однако, въ томъ отношеніи, что въ немъ въ 1891 году совершено первое въ такомъ разноплеменномъ и разновѣрномъ городѣ, какъ Нью-Йоркъ, русско-уніатское богослуженіе. За отдаленностью своей церкви, находящейся, какъ мы упомянули уже, въ Бруклинѣ, нѣкоторые нью-іоркскіе русскіе уніаты, въ особенности изъ галицкихъ русиновъ, съ открытіемъ въ апрѣлѣ прошлаго года русской православной церкви на второмъ эвеню, стали посѣщать эту послѣднюю, и это именно обстоятельство побудило представителей русско-уніатскаго духовенства озаботиться устройствомъ церкви своего исповѣданія въ Нью-Йоркѣ, дабы предупредить возможные переходы своихъ прихожанъ въ этомъ городѣ въ православіе.

Прежде чѣмъ разстаться съ Нью-Йоркомъ и изъ этого преддверія Новаго Свѣта направиться далѣе, внутрь этой огромной и достопримѣчательной страны, упомянемъ между прочимъ еще объ одномъ «учрежденіи». На четвертой улицѣ, между третьимъ и вторымъ эвеню, на одномъ наибыкновеннѣйшимъ окнѣ нижняго этажа зрится надпись: «Restaurant Shopin». Въ нижнихъ этажахъ нью-іоркскихъ каменныхъ громадинъ помѣщаются исключительно магазины и торговля заведенія, и посему окна ихъ до такой степени испещрены

всевозможными надписями, что на нихъ не обращаетсяъ обыкновенно никакого вниманія. Однако наименованіе ресторана и притомъ совершенно скромнаго рестораничка именемъ одного изъ величайшихъ композиторовъ пахнетъ, такъ сказать, совершенно не по американски. Американскія вывѣски и надписи щеголяютъ орлами, львами, индѣйцами, всевозможными фигурами въ самыхъ дикихъ позахъ, но никогда не имѣютъ ничего общаго съ музыкой и искусствами вообще. И дѣйствительно, ресторанъ «Шопэнъ» оказывается вовсе не американскимъ: это—ресторанъ русско-польскій. Около четырехъ лѣтъ тому назадъ основанъ онъ здѣсь г. Р., ополяченнымъ бѣлоруссомъ изъ Минской губерніи, и всякій интеллигентный или полуинтеллигентный полякъ и русскій, попадающій къ Америку изъ Западнаго края, царства Польскаго, Галиціи и Познани, а также отчасти и изъ другихъ мѣстностей Россіи и Австріи, во время пребыванія своего въ Нью-Йоркѣ такъ или иначе попадаетъ въ этотъ ресторанъ. Американская кухня, вообще совершенно безвкусная, для нѣсколькихъ избалованныхъ въ кулинарномъ отношеніи малоросса и поляка представляется, въ особенности на первыхъ порахъ, невозможной, и вся эта голодная славянская рать устремляется подѣ покровительство имени Шопэна, гдѣ за сравнительно незначительную плату обрѣтаетъ вкусный и питательный столъ. Но, кромѣ пици тѣлесной, ресторанъ «Шопэнъ» изобилуетъ также и пищей духовной. Русскихъ завсегдатаевъ въ немъ сравнительно мало, но за то поляковъ собирается великое множество. При той безусловной свободѣ собраній и организацій, какою отличаются Соединенные Штаты, при широтѣ и огромномъ общественномъ значеніи, какими пользуется здѣсь частная инициатива, на всякихъ частныхъ собраніяхъ, даже случайныхъ, здѣсь обсуждаются и назрѣваютъ нерѣдко вопросы первостепенной общественной важности. Такимъ образомъ маленькій и совершенно скромненькій рестораничекъ г. Р. въ четвертой улицѣ сталъ центромъ обсуждения всевозможныхъ американско-польскихъ вопросовъ. Если принять во вниманіе, что поляковъ имѣется въ Америкѣ до полутора милліона, что въ частности въ Нью-Йоркѣ и его окрестностяхъ имѣется ихъ до тридцати тысячъ, что они имѣютъ здѣсь множество своихъ церковно-народныхъ и чисто народныхъ организацій, что въ русско-польскій рестораничекъ «Шопэнъ» спускаются по преимуществу сливки нью-іоркской польской интеллигенціи, то станетъ очевиднымъ, что рестораничекъ этотъ является неизбѣжно своего рода горниломъ, въ которомъ изготавляется разрѣшеніе разныхъ польскихъ общественныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ американской жизнью, нерѣдко совершенно тождественныхъ и аналогичныхъ съ такими же точно вопросами, выдвинутыми ходомъ той же общественной жизни и для другихъ славянскихъ народовъ американскаго континента. А потому это скромное «учрежденіе» можетъ съ пользой и успѣхомъ служить не только

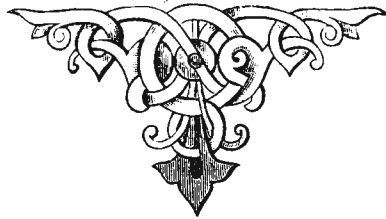
желудку, но также и умственной сферѣ новопривывающихъ въ Новый Свѣтъ славянскихъ братьевъ нашихъ интеллигентныхъ и полунинтеллигентныхъ слоевъ, давая имъ начатки познанія и уразумѣнія американскаго быта и американской общественной жизни въ широкомъ значеніи этого слова. Замѣчательно, что традиціонныя «рознь» и «недоброжелательное недовѣріе» между русскими и поляками на американской почвѣ безслѣдно исчезаютъ, и лица обѣихъ этихъ первостепенныхъ славянскихъ народностей, владѣющія обоими этими славянскими языками, употребляютъ ихъ здѣсь совершенно безразлично, если встрѣтятся въ томъ надобность.

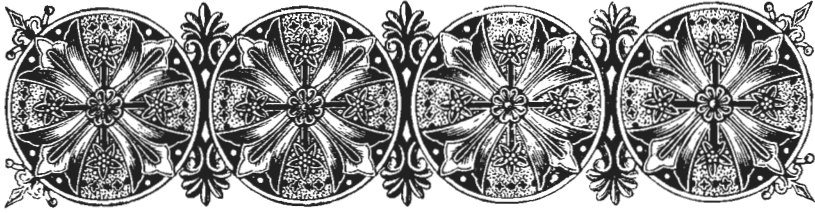
Графъ Лелива. (Е. Н. Матросовъ).

Пенсильванія.

Августъ, 1896 года.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЮРЕМНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ВЪ ГОДЪ тому назадъ умеръ въ Томскѣ, сосланный въ Сибирь на житье, нѣкто П..., человекъ не чуждый русской литературѣ. Въ свое время П... былъ сотрудникомъ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ и журналовъ, а послѣ смерти у него осталась масса литературныхъ рукописей, которыя, по его желанію, были доставлены его семействомъ мнѣ.

Разбирая означенныя рукописи, я нашелъ между ними весьма интересныя, на мой взглядъ, «Тюремныя воспоминанія», обнимающія періодъ 1875—1877 гг., въ которыхъ описаны порядки бывшаго московскаго тюремнаго замка, извѣстнаго въ народѣ подъ названіемъ «Бутырскаго университета», а также порядки этапа.

Правдивость изложенныхъ въ «Воспоминаніяхъ» фактовъ и впечатлѣній не подлежитъ сомнѣнію; во-первыхъ, авторъ слишкомъ мало говоритъ въ нихъ о самомъ себѣ и, слѣдовательно, вполне непристрастенъ; во-вторыхъ, характеръ и изложеніе «Воспоминаній» совершенно незлобивые, скорѣе добродушные, а потому внушаютъ къ себѣ полное довѣріе.

Принимая же во вниманіе, что со времени событій, описанныхъ въ «Тюремныхъ воспоминаніяхъ» П..., прошли уже почти двѣ десятилѣтнія давности; что бывший «Бутырскій университетъ» давно закрытъ, что господствовавшіе въ немъ порядки давно перешли въ область преданій; что этапные порядки также совершенно измѣнились, и что, наконецъ, правдивое описаніе этихъ порядковъ не ли-

шено извѣстнаго значенія, какъ характеристика тюремныхъ нравовъ, которые, безъ сомнѣнія, существуютъ и понынѣ во многихъ мѣстахъ заключенія второстепенныхъ русскихъ городовъ,— полагаю, что появленіе въ печати сказанныхъ «Воспоминаній» можно считать своевременнымъ.

А. К.

Бутырскій университетъ.

I.

Переходъ изъ части въ тюрьму.—Внѣшнее и внутреннее расположеніе тюрьмы.—Пріемъ.—Первое впечатлѣніе.—Старосты.—Обыски.—Вспрыскиваніе «новоселья».—Водка.—Кабатчики.—Таинный проносъ спирта.

Не смотря на то, что я содержался въ С—й части въ одиночномъ заключеніи, до меня, однако, дошли слухи о привольной и, при нѣкоторыхъ матеріальныхъ средствахъ, даже веселой жизни въ московскомъ тюремномъ замкѣ. Поэтому переходъ изъ части, гдѣ я страшно томился одиночествомъ, въ замокъ, носившій оригинальное названіе «Бутырскаго университета» (главнымъ образомъ потому, что онъ находился на Бутыркахъ), я считалъ для себя чуть не праздникомъ.

Громадное зданіе замка со старыми, уродливыми башнями, передъ которымъ зеленѣлъ запущенный палисадникъ, не произвело на меня никакого удручающаго впечатлѣнія. Оно привѣтливо приняло меня въ свои широкія, гостепріимныя объятія. Я очутился въ полутемномъ дворикѣ, откуда крытый ходъ велъ на большой тюремный дворъ. На послѣднемъ я, прежде всего, былъ пораженъ многолюдствомъ: многія сотни арестантовъ всѣхъ возрастовъ, племень и нарѣчій, сновали взадъ и впередъ, точно на толкучкѣ, и если бы не преобладающій фонъ сѣрыхъ халатовъ и отсутствіе женскаго пола, то можно было подумать, что здѣсь скорѣе уголокъ Хитрова рынка, чѣмъ тюрьма.

Арестанты, среди которыхъ, конечно, были весьма тяжкіе преступники (нѣкоторые изъ нихъ гуляли по двору въ кандалахъ), не отличались никакими особенностями, ни звѣрскими фizioноміями, ни отчаяннымъ видомъ, ни озлобленными взглядами; всѣ они, пока я проходилъ въ контору, смотрѣли на меня, казалось, съ добродушнымъ любопытствомъ.

Налѣво отъ входа помѣщалась гауптвахта, а направо, въ низенькомъ, примыкавшемъ къ наружной оградѣ, зданіи, контора и такъ называемая «рѣшетка», мѣсто свиданія арестантовъ съ посетителями.

По срединѣ громаднaго двора стояла большая каменная церковь, къ ней пристроены были длинныя одноэтажныя корпуса, раздѣленные корридорами, въ которыхъ и были камеры для арестантовъ. Каждый корпусъ, въ свою очередь, былъ окруженъ довольно высокою каменною оградой, образовавшею, такимъ образомъ, маленькія, отдѣльныя дворики.

Въ двухъ главныхъ корпусахъ помѣщался обыкновенный сѣрый народъ, въ третьемъ, имѣвшемъ сообщеніе только съ церковью, было женское отдѣленіе; четвертый, небольшой корпусъ составлялъ такъ называемый «купеческій дворикъ»; дворянское же отдѣленіе помѣщалось въ отдѣльномъ зданіи и имѣло свою особую физиономію, о чемъ рѣчь впереди.

Затѣмъ, внутри того же двора, къ наружной оградѣ пристроены были: квартира смотрителя, цейхгаузъ, кухня, пекарня, баня, мастерскія и разныя другія постройки.

Отдѣленія для срочныхъ арестантовъ, для малолѣтнихъ и тюремная больница находились на другомъ дворѣ, примыкавшемъ къ главному.

Невольные, выдающіеся члены «Бутырскаго университета» разсматривали меня, какъ сказано, съ большимъ любопытствомъ; въ тюрьмѣ, повидимому, какимъ-то образомъ уже знали о моемъ преступленіи, надѣлавшемъ въ свое время много шума, происхожденіи, степени образованія и матеріальныхъ средствахъ. Среди любопытныхъ были и старосты корридоровъ, желавшіе залучить меня въ свой корпусъ.

Каждымъ корпусомъ, въ которомъ было по 16 камеръ, завѣдывалъ избранный арестантами и утвержденный смотрителемъ тюрьмы староста. Послѣдній занималъ лучшую въ корпусѣ камеру, гдѣ помѣщались болѣе состоятельныя арестанты, платившіе старостѣ по 3 рубля въ мѣсяцъ, получая за это два раза въ день чай изъ самовара съ сахаромъ безъ ограниченія. Старостина камера содержалась въ возможной чистотѣ и порядкѣ; вмѣсто наръ, здѣсь для каждаго арестанта были отдѣльныя койки, убранныя собственными подушками и одѣялами.

Но я забѣгаю впередъ.

Въ конторѣ, послѣ исполненія необходимыхъ формальностей, я долженъ былъ разстаться съ собственнымъ платьемъ и облечься въ казенное. Но въ знакъ особой милости за приличное, впрочемъ, вознагражденіе и въ ожиданіи еще большаго, мнѣ оставили все мое нижнее платье, и я долженъ былъ надѣть только, вмѣсто сюртука, арестантскій халатъ, котораго избѣжать было нельзя. Но этотъ халатъ оказался такимъ грязнымъ, рванымъ и не по росту, что носить его было невозможно. Это сдѣлано было съ цѣлью. Зная, что у меня имѣются нѣкоторыя средства, низшее начальство рассчитывало, что я не поскуплюсь и пожелаю перемѣнить грязный и рва-

ный халатъ на новый. Я дѣйствительно пожелалъ, и черезъ два часа, за полтора рубля, у меня уже былъ «щегольской», новый халатъ, короткій, скроенный и спитый «по модѣ», такъ что онъ цвѣтомъ только напоминалъ арестантскій.

Несмотря на предписываемый правилами строжайшій обыскъ вновь прибывшихъ арестантовъ, при которомъ у послѣднихъ должно быть отбираемо все лишнее, у меня оставили все мое имущество: бѣлье, часы, ножикъ, книги, письменныя принадлежности и проч.

Прямо изъ рукъ чиновника, записавшаго меня въ члены «Бутырскаго университета», я попалъ подъ покровительство старосты, купившаго меня у старшаго тюремнаго унтеръ-офицера и поведшаго меня сквозь толпу любопытныхъ арестантовъ въ свою камеру.

Это была большая, квадратная, свѣтлая комната, по срединѣ которой стоялъ большой столъ, а вокругъ стѣнъ и какъ попало помѣстились разныя койки, числомъ около 18. Староста указалъ мнѣ въ «красномъ углу» кровать, на которой я расположился съ своимъ имуществомъ и вскорѣ устроился довольно удобно съ собственнымъ матрацомъ, чистымъ бѣльемъ, подушками и одѣяломъ. Для мелочей же мнѣ предоставленъ былъ маленькій шкафчикъ.

Не успѣлъ я приглядѣться къ новой обстановкѣ, какъ ко мнѣ, въ сопровожденіи старосты, явился небольшого роста арестантъ въ кандалахъ, лѣтъ около 35, съ звѣрскимъ и опухшимъ отъ пьянства лицомъ, съ сверкающими злыми, но умными глазами. Это былъ главный «жиганъ» всей тюрьмы, отчаянный головорѣзъ, Силантій Касаткинъ, котораго боялись всѣ въ тюрьмѣ, не исключая и самого смотрителя.

Касаткинъ, подойдя ко мнѣ и осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, «потребовалъ» контрибуцію для вспрыскиванія моего новоселья. Не зная тюремныхъ обычаевъ, я началъ было отговариваться, говоря, что никогда въ жизни не пилъ. Но староста объяснилъ мнѣ, что это требуется отъ всякаго «порядочнаго» новичка, и что, во избѣжаніе разныхъ неприяностей, я долженъ подчиниться принятымъ въ тюрьмѣ правиламъ. Я далъ два рубля.

«Жиганъ», нѣкоторыя подробности о которомъ будутъ изложены ниже, ослабилъ, взялъ деньги, поблагодарилъ и вышелъ. Но за два рубля въ тюрьмѣ можно было достать только два стакана водки, т.-е. собственно даже не водки, а разбавленнаго водою спирта, такъ какъ туда проносили, какъ я узналъ впоследствии, только чистый спиртъ, который разбавлялся «кабатчиками» водою.

Говорю—«кабатчиками», потому что въ тюрьмѣ была организована совершенно правильная виноторговля. Здѣсь были свои складчики, кабатчики и посредники. Во всякое время дня и ночи можно было достать въ тюрьмѣ сколько угодно спирта. Всѣ прикосновенныя къ нему лица зарабатывали большія сравнительно деньги. Говорили, что нѣкоторые кабатчики, сидя въ тюрьмѣ, наживали цѣ-

лые дома виѣ ея стѣнъ, и что нѣкоторые предприимчивые цѣловальники нарочно старались попадать въ тюрьму, чтобы имѣть возможность торговать тамъ спиртомъ.

И къ какимъ только хитростямъ ни прибѣгали, чтобы пронести запретный плодъ. Несмотря на строжайшій надзоръ, его провозили на днѣ водовозныхъ бочекъ, въ дутыхъ шинахъ и дугахъ, въ кринкахъ молока съ двойнымъ дномъ, въ именинныхъ пирогахъ и тортахъ, его, наконецъ, перебрасывали черезъ высокія стѣны въ бычачихъ пузыряхъ. Но болѣе всего его проносили мелкіе чиновники, писцы при конторѣ, которые при входѣ въ тюрьму не подвергались обыску. Одинъ смотритель малолѣтняго отдѣленія почти открыто таскалъ спиртъ чуть ли не ведрами, для чего у него приспособлены были даже карманы, но онъ скоро попался и поплатился за это мѣстомъ, о чемъ также рѣчь впереди.

Кабатчики и ихъ приспѣшники такъ искусно умѣли прятать запрещенный товаръ, что самые тщательные обыски, самый опытный взглядъ сыщика его не могли отыскать. Впрочемъ, самое зданіе «Бутырскаго университета» съ своими безконечными корридорами, углами, развалинами и подземельями много способствовало храненію всякихъ контрабандныхъ вещей.

II.

Первая ночь.—Разгулъ.—Угрозы.—Моя наивность.—Невѣдомая опасность.—Неожиданное спасеніе.—Безнаказанность убійствъ.—Дворянское отдѣленіе.—Смотритель замка.—«Червоныя валеты».—Пріемъ въ дворянское отдѣленіе.—Обыденная жизнь привилегированныхъ арестантовъ.—«Рѣшетка».—Комната для свиданія.—Шумъ и гамъ.—Передача вещей.—Тайныя свиданія.

Возвращаюсь къ событіямъ первой ночи, проведенной мною въ тюрьмѣ. Съ моею легкой руки, въ нашемъ корридорѣ учинилось такое колоссальное пьянство, подобнаго которому даже тюремные старожилы давно не видали. Послѣ вечерней повѣрки, когда корридоры запираются до утра, а слѣдовательно нельзя было ожидать никакого начальства, которое, впрочемъ, и днемъ не любило покоить арестантовъ, по нашему корпусу пошелъ разгулъ.

Началось съ того, что съ меня потребовалась новая контрибуція, отъ которой я не смѣлъ отказаться. Потомъ тюремные коноводы пристали къ болѣе зажиточнымъ узникамъ, которые и сами не прочь были выпить. Откуда-то взялись громадныя бутылки со спиртомъ. Всѣ, кто только имѣли какія либо деньги, пропили ихъ. По всему корридору поднялись пѣсни, шумъ, брань. Многіе мои товарищи по камерѣ, казавшіеся мнѣ днемъ такими солидными, здравомыслящими и добродушными, напившись до чертиковъ, стали приставать ко мнѣ съ разными угрозами, смыслъ которыхъ я никакъ не могъ по-

нять. Нѣкоторые собирались меня бить, но староста, который одинъ, по причинѣ болѣзни сердца, ничего не пилъ, и другіе болѣе разумные сосѣди удерживали расходившихъ буяновъ, и меня оставили въ покоѣ.

Само собою разумѣется, что я всю ночь не смыкалъ глазъ, робко присматриваясь къ необычнымъ для меня картинамъ и все думая, какъ бы мнѣ избавиться отъ поражавшей меня обстановки.

Еле дождавшись утра, когда отперли корридоры, я выбѣжалъ на дворикъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Затѣмъ, когда началось занятіе въ конторѣ, я отправился туда, попросилъ листъ бумаги и сочинилъ прошеніе на имя смотрителя, въ которомъ подробно и густыми красками нарисовалъ картину ночнаго разгула, упомянулъ о требованіи съ меня денегъ на водку, а также о сдѣланныхъ мнѣ угрозахъ, и просилъ о перемѣщеніи меня въ какое-нибудь безопасное мѣсто.

Эта наивная выходка чуть не стоила мнѣ жизни. Едва я успѣлъ выйти изъ конторы, какъ многіе арестанты уже провѣдали про мое прошеніе и страшно возмутились противъ меня. Дѣло въ томъ, что въ тюрьмѣ, а въ особенности въ московской, имѣвшей свои традиціи, не принято было жаловаться на своихъ товарищей начальству, и всякое заявленіе послѣднему, какъ бы правдиво и справедливо оно ни было, считалось ябедой, а жалобщика называли ябедникомъ, доносчикомъ, «лягавой собакой». Я, разумѣется, ничего этого не зналъ; я искалъ только защиты и жаждалъ покоя, но тюремные коноводы посмотрѣли на дѣло иначе, увидѣли во мнѣ ябедника и рѣшили меня проучить.

Одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ «жигановъ» поджидалъ меня на дворѣ съ камнемъ въ рукахъ, и когда я, ничего не подозрѣвая, поровнялся съ нимъ, онъ замахнулся на меня, намѣреваясь розмозжить мнѣ голову.

На мое счастье тутъ же очутился мой староста, который быстро отстранилъ руку жигана и тѣмъ отклонилъ смертельный ударъ, причѣмъ объяснилъ, что я не вѣдалъ, что творилъ, что я новичокъ, «порядковъ» не знаю, и что возьму прошеніе назадъ. Жиганъ злобно посмотрѣлъ на меня, но не тронулъ, и я подъ защитой старосты прошелъ, блѣдный и испуганный, сквозь строй свирѣпыхъ взглядовъ, въ свою камеру.

Сознавъ свою оплошность, я дѣйствительно взялъ прошеніе назадъ, что, впрочемъ, совѣтовалъ мнѣ и смотритель, не желавшій дать официальный ходъ моему заявленію, которое могло причинить ему не мало непріятностей.

Впослѣдствіи я узналъ, что въ стѣнахъ тюрьмы неоднократно совершались убійства, которыя оставались совершенно безнаказанными, такъ какъ ни одинъ арестантъ, подъ страхомъ смерти, не смѣлъ свидѣтельствовать противъ своего собрата.

Несмотря на успокоенія старосты, увѣрявшаго меня, что никто меня не тронетъ, и что такія попойки случаются весьма рѣдко, я чувствовалъ себя крайне неловко въ своей камерѣ и задался мыслью перемѣститься, какими бы то ни было средствами, въ дворянское отдѣленіе, гдѣ я, по своему происхожденію и цензу, не имѣлъ права содержаться. Для этого мнѣ, прежде всего, нужно было согласіе дворянскаго старосты и смотрителя тюрьмы.

Считаю не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ. Звали его—Павель Петровичъ М. Это былъ высокаго роста мужчина, толстый, пузатый, съ обрюзглымъ лицомъ, и довольно добродушный съ перваго взгляда, но въ дѣйствительности совершенно безсердечный. Глупъ и невѣжественъ онъ былъ феноменально, къ тому отличался необыкновенной трусостью. Арестанты ни въ грошъ его не ставили. Коноводы и жиганы иногда бранили его при всемъ народѣ такими позорными прозвищами, что, казалось, онъ долженъ былъ строго и больно наказать обидчиковъ, на чтò онъ имѣлъ полиційную власть, но трусость брала верхъ, и онъ только улыбался, успокоивая расходившагося буяна. Но когда ужъ очень разсердится, то прикажетъ посадить буяна въ «башню», которая будетъ описана ниже, а черезъ часъ или два уже выпуститъ его и еще обласкаетъ. Вниманіе его, главнымъ образомъ, было сосредоточено на томъ, чтобы сора изъ избы не выносить, и чтобы высшее начальство ничего не провѣдало про внутренніе тюремныя порядки. Впрочемъ, болѣе рельефную характеристику смотритель получить изъ дальнѣйшихъ фактовъ.

Такъ, однажды смотритель увидѣлъ на тюремномъ дворѣ молодого, красиваго арестанта въ щегольски перешитомъ новомъ халатѣ. Судя о состоятельности арестантовъ по подобнымъ халатамъ, замѣтивъ новичка, подозвалъ его къ себѣ и спросилъ, гдѣ онъ взялъ такой халатъ.

— Портные передѣлали,—отвѣтилъ арестантъ.

— Кто вамъ позволилъ портить казенныя вещи?—грозно продолжалъ смотритель.

— Халатъ не испорченъ, а передѣланъ къ лучшему.

— Но кто позволилъ, а?

— Не я одинъ въ такомъ халатѣ. Вонъ многіе имѣютъ такіе халаты.

— Многіе? Я вамъ покажу—«многіе». Эй, Коробковъ!—крикнулъ онъ, подозвавъ къ себѣ какого-то арестанта-оборванца.—На, возьми себѣ этотъ халатъ, новый, а ты надѣнь вотъ этотъ,—обратился онъ къ щеголю.

Послѣдній поблѣднѣлъ отъ злости, но ничего не возражалъ; молча онъ снялъ свой халатъ и отдалъ оборванцу, а тотъ передалъ свой рваный. Собравшіеся на эту сцену арестанты были возмущены выходкой смотрителя; нѣкоторые крикнули: «самодуръ!». Но смотри-

тель не обратилъ на это вниманія и гордо удалился, точно совершилъ Богъ вѣсть какой подвигъ.

Какъ только смотритель скрылся, арестанты потребовали отъ Коробкова, чтобы онъ отдалъ обратно новый халатъ. Тотъ сначала не согласился было, но молодой франтъ далъ ему 30 коп., и они обмѣнились снова халатами.

Черезъ нѣсколько дней смотритель, встрѣтивъ франта въ новомъ халатѣ, весь побагровѣлъ.

— Это что такое?—воскликнулъ онъ, выходя изъ себя,—снять халатъ! сію минуту! Я тебѣ покажу своевольничать.

Арестанта наконецъ взорвало.

— Что вы пристали къ моему халату?—сталъ онъ огрызаться.

— Снять халатъ, говорю!—бѣсился смотритель.

— Не сниму! Не я одинъ въ такомъ халатѣ.

— Молчать!

— Не буду молчать! Что вы пристали ко мнѣ? Моя фізіономія что ли вамъ не понравилась?

— Не разсуждать! Сію минуту снять халатъ!

— Не сниму, и отстаньте отъ меня!

— А, ты еще грубить? Ну, я тебѣ покажу. Эй, Петровъ!—подозвалъ онъ старшаго унтеръ-офицера,—снять съ него халатъ сейчасъ!

Петровъ подошелъ было исполнить приказаніе начальника, но въ это время арестантъ крикнулъ:

— Подлецъ!

— Ты кого ругаешь?—весь побагрѣвъ, спросилъ смотритель.

— Тебя, толстопузаго!—отчеканилъ арестантъ.—Ты такой-сякой,—продолжалъ онъ ругать смотрителя самыми отборными кличками.

Смотритель мигомъ точно преобразился.

— Такъ вотъ какъ,—началъ онъ тономъ ниже.—Петровъ, сейчасъ отправить его въ башню. Взять его!—обратился онъ къ караульнымъ солдатамъ.

— Я и такъ пойду!—дерзко говорилъ арестантъ, продолжая ругать смотрителя.—Ты, такой-сякой, меня этимъ не напугаешь.

Арестанта увели въ карцеръ; но черезъ полчаса смотритель его выпустилъ и халата больше не отнималъ. И съ тѣхъ поръ онъ не только никогда не придирался къ дерзкому арестанту, но, напротивъ, постоянно съ нимъ ласково обходился, подавалъ ему руку и боялся, какъ огня.

Дворянское отдѣленіе, какъ сказано выше, помѣщалось въ особомъ, небольшомъ флигелькѣ, на отдѣльномъ дворикѣ, гдѣ былъ разбитъ маленькій палисадникъ, и гдѣ привилегированные арестанты въ безконечные часы досуга занимались садоводствомъ и огородничествомъ. Въ описанное мною время въ дворянскомъ отдѣленіи содержались нѣкоторые печальной знаменитости представители громакаго въ свое время процесса, извѣстнаго подъ названіемъ: «дѣло

клуба червонныхъ ваетовъ». Многіе изъ нихъ находились на свободѣ, но главные вожаки содержались подъ арестомъ. Изъ нихъ выдавались слѣдующіе: П. К. Шпейеръ, А. Н. Верецагинъ, профессоръ духовной академіи Неофитовъ, князь Долгоруковъ, Н. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, Плехановъ, бывший уѣздный предводитель дворянства Массари, купеческій сынокъ Пѣговъ и дѣвица Башкирова.

Кромѣ этихъ лицъ, изъ дворянъ подслѣдственныхъ, не принадлежавшихъ къ числу «червонныхъ ваетовъ», были слѣдующія выдающіяся личности: Хрестиничъ, Кони и бывший предсѣдатель смоленской губернской земской управы, А. И. Энгельгардтъ.

Нѣкоторыя подробности о всѣхъ названныхъ лицахъ будутъ изложены ниже.

Многіе изъ гг. дворянъ знали о моемъ громкомъ дѣлѣ и имѣли уже надлежащее понятіе обо мнѣ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ вліятельными членами «клуба», я былъ принятъ въ дворянское отдѣленіе, въ качествѣ прислужника, что не мѣшало мнѣ имѣть среди новыхъ товарищей приличный уголь съ удобной обстановкой. Дворяне тѣмъ охотнѣе приняли меня въ свою среду, что рассчитывали эксплуатировать меня, предполагая, что у меня большія средства.

Никто изъ «благородныхъ» преступниковъ не имѣлъ удрученнаго вида; всѣ они, напротивъ, смотрѣли самоувѣренно, гордо, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства. Смотритель лебезилъ передъ ними, прислуга исполняла малѣйшія ихъ требованія. Со стороны непривелигированныхъ арестантовъ они также пользовались большимъ авторитетомъ, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые имѣли свои средства къ существованію. Нигдѣ, думаю, не замѣтно такого различія между дворянской костью и простымъ народомъ, какъ въ стѣнахъ тюрьмы.

Въ дворянское отдѣленіе никто изъ простыхъ арестантовъ, безъ особенной надобности, не смѣлъ заходить, гг. же дворяне цѣлые дни слонялись по всѣмъ закоулкамъ обширной тюрьмы, пьянствовали, играли въ карты, дебоширствовали. Внѣшнее отличіе дворянъ отъ простыхъ заключалось въ халатѣ, который у первыхъ былъ изъ тонкаго сукна и шоколаднаго цвѣта. Нѣкоторые, вмѣсто халата, носили коротенькія куртки, сшитыя по фигурѣ, такъ что трудно было видѣть въ нихъ арестантовъ, такъ какъ во всемъ остальномъ одѣяніи они ничѣмъ не отличались отъ «вольныхъ» людей.

У нѣкоторыхъ дворянъ были порядочныя средства, но большинство нищенствовало, жило на счетъ товарищей, или же пускалось на мелкіе гешефты въ сообществѣ съ простыми арестантами.

Дворяне, кромѣ того, имѣли свою отдѣльную «рѣшетку». Но о послѣдней слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ подробнѣе.

«Рѣшеткой» назывался въ тюрьмѣ тотъ день, когда посторонняя публика допускалась къ свиданію съ арестантами. Оригинальное названіе это получилось отъ проволочной рѣшетки, которою были

обтянуты перегородки, поставленныя между публикой и арестантами въ комнатѣ для свиданія.

«Рѣшетка» составляла главный пульсъ жизни въ тюрьмѣ; всѣ почти невольные обитатели послѣдней только и жили «рѣшеткой»; она была точно ярмаркой для маленькаго городка. Всѣ дѣла между арестантами рѣшались съ расчетомъ на «рѣшетку».

Въ мое время къ «рѣшеткѣ», то-есть къ свиданію съ заключенными, публика допускалась три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Время свиданія для простыхъ продолжалось отъ 10—12 часовъ, а для дворянъ отъ 1 часа до 2.

Комната, въ которой происходили свиданія, была очень небольшая, раздѣленная къ тому, какъ сказано, двумя перегородками, разстояніе между которыми было около аршина. Разговаривающіе едва могли видѣть другъ друга, въ особенности трудно было разсмотрѣть посѣтителей, такъ какъ они обыкновенно стояли спиной къ свѣту и лицомъ къ арестантамъ. Послѣднихъ также трудно было различить, потому что двойная, густая рѣшетка мѣшала этому. Въ комнатѣ во время свиданія стоялъ такой крикъ и гамъ, что не было возможности слышать другъ друга.

Дѣло въ томъ, что какъ только накоплялось много посѣтителей, разговаривающіе, желая передать другъ другу, что ихъ интересовало, вынуждены были нѣсколько повысить голосъ; по ихъ примѣру, сосѣди дѣлали то же самое, и такимъ образомъ, постепенно, отъ желанія перекричать другъ друга, въ комнатѣ поднимался такой шумъ и гвалтъ, который, какъ говорили, слышенъ былъ и за стѣной тюрьмы. Многіе выходили изъ «рѣшетки» охришими.

Въ прежнее время арестанты допускались между перегородками, такъ что они могли разговаривать съ посѣтителями, стоя близко, въ полголоса; но такъ какъ, несмотря на самый бдительный надзоръ, они ухитрялись передавать другъ другу не только деньги и записки, но и разные инструменты, то пришлось раздѣлить ихъ двумя перегородками.

Но это нисколько не препятствовало передачѣ запрещенныхъ вещей, потому что полицейскіе офицеры, слѣдившіе во время свиданій за порядкомъ, смотрѣли на это сквозь пальцы, передавали арестантамъ отъ посѣтителей цѣлые узлы съ вещами и провизією, которые ощупывали только для проформы, желая убѣдиться, нѣтъ ли въ нихъ водки. Да этимъ офицерамъ и физически невозможно было тщательно осматривать всякій узелокъ, при накопленіи такой массы публики.

Во время же дворянской «рѣшетки» было довольно просторно и тихо, такъ какъ на свиданія собиралось всего человѣкъ 10—15, которые могли совершенно свободно разговаривать между собою. Нѣкоторые дворяне пользовались особой милостью — стоять между перегородками; другіе, за нѣкоторую мзду смотрителю, допускались

къ свиданію въ конторѣ, лицомъ къ лицу съ посѣтителеми, а инымъ предоставлены были свиданія въ отдѣльномъ укромномъ помѣщеніи у воротъ, гдѣ устраивались даже любовныя встрѣчи между супругами и другими влюбленными парочками...

Послѣ «рѣшетки» на тюремномъ дворѣ замѣчалось особое оживленіе. Всѣ ошастливленные посѣщеніемъ «близкихъ» передавали свои впечатлѣнія товарищамъ; въ общемъ обиходѣ появлялись въ обращеніи деньги, провизія, карты, табакъ. Затѣвались коммерческія дѣла, оживленный обмѣнъ разныхъ вещей, получались книги и газеты,— словомъ, сдѣшлялись сотни интересовъ. Каждый арестантъ, имѣвшій внѣ тюремныхъ стѣнъ какое нибудь близкое, родное существо, ожидалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ,—и какъ глубоко были огорчены тѣ несчастные арестанты, которые рассчитывали на посѣтителей, но не дождались ихъ! Успокоивала ихъ только надежда, что въ ближайшую «рѣшетку» свой человекъ уже непременно придетъ и принесетъ съ собою чуть ли не свободу...

III.

Герои «клуба червонныхъ валетовъ».—Похороны-кощунство.—Червоный валетъ—кн. Долгоруковъ.—Шпейеръ.—Жена его, урожденная кн. Ениксева.—Ея арестъ.—Вѣгство Шпейера.—Хитрая механика.—Подложное предписаніе прокурора.—Глухая роль зрителя.—Шпейеръ чуть не пойманъ въ женскомъ платьѣ.—Кануль въ воду.

Выше я слегка упомянулъ о герояхъ «клуба червонныхъ валетовъ». О нихъ слѣдуетъ сказать болѣе подробно.

Дѣло о «червонныхъ валетахъ» было слишкомъ раздуто въ свое время. Никакой шайки и тѣсной организаціи между членами «клуба» не было, что признано было судомъ. Хотя на скамьѣ подеудимыхъ сидѣло 45 человекъ обвиняемыхъ, которымъ приписалось составленіе 22 подложныхъ векселей, поддѣлка 4 банковыхъ билетовъ, совершеніе 31 подлога и 29 мошенничествъ и даже 1 убійство,—но на судѣ разъяснилось, что ядро «клуба» составляли только нѣсколько знакомыхъ между собою шалопаевъ и бездѣльниковъ, которымъ, за неимѣніемъ своихъ средствъ, хотѣлось жуировать на чужой счетъ. Всѣ «валеты», въ сущности, очень мелко плавали, и никакихъ выдающихся преступленій они не совершали. Большинство ихъ подвиговъ сводилось на мелкія мошенничества и даже шалости.

Такъ нѣкоторые изъ валетовъ обвинялись въ кощунствѣ, которое заключалось въ томъ, что пьяная компанія устроила торжественныя похороны живого человека. Одинъ шалопай принялъ на себя роль покойника; его положили въ гробъ, товарищи его отпѣвали, послѣ чего учинили грандіозную выпивку.

Затѣмъ, нѣкій захудалый кн. Долгоруковъ, дальній родственникъ московскаго генералъ-губернатора, выдавая себя за родного его племянника, пускался на разные мелкія мошенничества съ цѣлю добыть сотню-другую рублей. Онъ, напримѣръ, нанялъ гдѣ-то маленькаго человѣка, одѣлъ его для представительства въ какой-то фантастическій красный костюмъ, отправился съ нимъ въ Петербургъ, остановился во второстепенной гостиницѣ и напечаталъ объявленіе, что ему требуется конторщикъ съ залогомъ въ 200 рублей. Какъ только на эту удочку попался первый неопытный приказчикъ, Долгоруковъ обрадовался и, не дожидаясь дальнѣйшихъ простачковъ, ускакалъ обратно въ Москву, чтобы скорѣе прокутить эту сумму съ товарищами.

Единственное серьезное преступленіе, совершенное нѣкоторыми «валетами», это было составленіе четырехъ фальшивыхъ вкладныхъ билетовъ частныхъ банковъ, которые закладывались у разныхъ московскихъ ростовщиковъ, но все это вскорѣ обнаружилось, и герои преступленія не успѣли выручить отъ дѣтски задуманной операціи и нѣсколькихъ тысячъ рублей.

Вообще, всѣ «червонные валеты», вмѣстѣ взятые, не выручили изъ своихъ совокупныхъ подвиговъ и 10 тысячъ рублей, такъ что, въ сравненіи съ Юханцевымъ, Струсбергомъ, Ландау, магушкой Митрофаніею, которые прославились въ то время хищеніемъ миллионовъ, они оказались сущими пигмеями. И только тогдашняя московская прокуратура, желая отличиться, раздула дѣло «червонныхъ валетовъ» въ громадный процессъ, не рискуя, однако, называть обвиняемыхъ официально этимъ именемъ. Названіе «клуба червонныхъ валетовъ» дѣло это получило среди публики.

Душой веселой компаніи считался П. К. Шпейеръ. Это былъ красивый блондинъ, хотя съ неправильными чертами лица, здоровый и цвѣтушій, лѣтъ около тридцати, веселый, находчивый, кумиръ многихъ московскихъ дамъ. Женатъ онъ былъ на какой-то княжнѣ, молоденькой, хорошенькой и элегантно брונеткѣ; но онъ съ ней уже не жилъ, а сошелся съ женой своего товарища по кутежамъ и преступленіямъ, Протопопова, который, въ свою очередь, жилъ открыто съ женой Шпейера,—словомъ, шалопаи помѣнялись женами.

Курьезно было смотрѣть, когда, послѣ ареста Шпейера и Протопопова, къ «рѣшеткѣ», на свиданіе, являлись ихъ жены. Г-жа Шпейеръ вызывала своего возлюбленнаго Протопопова, а жена послѣдняго—Шпейера. Обѣ парочки, бывало, стоятъ рядомъ и толкуютъ каждая о своихъ дѣлахъ, при чемъ законные супруги только обмѣнивались холодными поклонами, но въ бесѣду между собою не вступали.

Не могу забыть ту сцену, когда, по распоряженію прокурорскаго надзора, жена Шпейера, привлеченная къ дѣлу «клуба чер-

вонныхъ валетовъ», какъ укрывательница, и находившаяся на свободѣ, вдругъ была арестована и приведена въ тюрьму. Въ какія нибудь пять минутъ, изящная, эlegantная, молодая, свѣтская женщина превратилась въ арестантку, переодѣтую въ полосатый, безобразный женскій арестантскій халатъ и въ другіе арестантскіе атрибуты. При этомъ переодѣваніи, бѣдная женщина до того рыдала, что многіе арестанты, грубые, черствые, злые преступники, бывшіе случайными свидѣтелями этой сцены, не могли удержаться отъ слезъ.

Черезъ нѣкоторое время г-жа Шпейеръ была взята кѣмъ-то на поруки на свободу; неизвѣстно, для чего прокуратурѣ понадобилась вдругъ жестокость ареста.

Шпейеръ одно время былъ старостой дворянскаго отдѣленія и пользовался многими прерогативами. Онъ носилъ кучерскую поддевку изъ самаго тонкаго сукна, которая ловко обхватывала его тонкій станъ, высокіе сапоги со складками и кучерскую же шапочку. Кромѣ г-жи Протопоповой, его посѣщали и другія московскія барыни, которыя приносили ему всевозможныя яства и лакомства, подарки и деньги. Смотритель почему-то очень боялся Шпейера и потому крайне благоволилъ къ нему. Онъ допускалъ къ нему посѣтителей во всякое время, самъ устраивалъ ему свиданія съ дамочками и исполнялъ всякія его прихоти.

И вдругъ Шпейеръ исчезъ!

Бѣгство Шпейера, какъ я узналъ впоследствии, устроилось слѣдующимъ хитрымъ способомъ.

Дѣло въ томъ, что, содержась при частяхъ, гдѣ арестованнымъ дозволяется носить свое платье, члены клуба «червонныхъ валетовъ» вообще и Шпейеръ въ особенности часто, а иногда даже съ разрѣшенія судебного слѣдователя, отлучались, въ сопровожденіи лишь одного переодѣтаго городского, въ городъ, гдѣ они могли посѣщать свободно знакомыхъ, рестораны и кутить напропалую.

Переведенный изъ частнаго дома въ тюрьму, Шпейеръ убѣдился, что дѣло его плохо, и что ему угрожаетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе, почему онъ задумалъ избавиться отъ ожидавшей его неизбѣжной участи и совершенно исчезнуть съ московскаго горизонта.

И вотъ смотритель тюрьмы получаетъ въ одинъ день официальное предписаніе окружнаго суда о немедленномъ переводѣ Шпейера въ одну изъ московскихъ частей. Смотритель, понятно, въ точности исполнилъ предписаніе прокурора; черезъ часъ Шпейеръ уже былъ въ частномъ домѣ, а еще черезъ часъ онъ уже ѣздилъ по городу къ разнымъ знакомымъ и счелъ за благо больше въ часть не вернуться.

Когда же на слѣдующій день прокурорскому надзору стало извѣстно, что Шпейеръ исчезъ, то обнаружилось, что прокуроръ ни-

какого предписанія смотрителю замка не посылалъ, и что полученное предписаніе было подложное.

Между тѣмъ вся эта хитрая механика была придумана въ стѣнахъ тюрьмы и ловко выполнена въ стѣнахъ окружнаго суда.

Одинъ изъ членовъ «клуба червонныхъ валетовъ», Плехановъ, обладалъ необыкновенной способностью не только поддѣлывать всевозможныя подписи, но и писать цѣлыя письма и бумаги подъ какую угодно руку.

Имѣя свободный входъ въ контору замка, то-есть въ канцелярію, членамъ «клуба» не трудно было достать какую нибудь незначительную бумагу прокурора и утащить ее къ себѣ въ камеру. Здѣсь бумага была вычищена разными жидкостями, и Плехановъ, запомнивъ, лучше сказать, отмѣтивъ на отдѣльномъ листкѣ почеркъ прокурорскаго писца и подписи секретаря и самого прокурора, написалъ на чистомъ уже бланкѣ предписаніе о переводѣ Шпейера въ часть. Затѣмъ бумага была передана одному изъ посвященныхъ въ это дѣло товарищей, находившемуся на свободѣ, который зналъ всѣ входы и выходы въ окружномъ судѣ и былъ знакомъ съ нѣкоторыми курьерами. Зная время сортировки и отправки исходящихъ бумагъ, этотъ господинъ зашелъ въ курьерскую суда, незамѣтнымъ образомъ стащилъ одно изъ подлинныхъ предписаній прокурора смотрителю тюремнаго замка, вышелъ въ корридоръ, посмотрѣлъ № бумаги, вписалъ его въ поддѣльное предписаніе о Шпейерѣ и незамѣтнымъ же образомъ положилъ послѣднее среди другихъ бумагъ. Такимъ образомъ, въ тюремномъ замкѣ получилось поддѣльное предписаніе, но за настоящимъ номеромъ и числомъ.

Надо сказать, что когда смотритель получилъ поддѣльное предписаніе прокурора о Шпейерѣ, онъ ходилъ по тюрьмѣ и хвасталъ многимъ приближеннымъ арестантамъ, что это онъ устроилъ переходъ изъ тюрьмы своего любимца, что прокуроръ много разъ спрашивалъ его, смотрителя, о поведеніи Шпейера въ тюрьмѣ, и что онъ давалъ всегда самый лестный отзывъ о послѣднемъ, и только, благодаря его аттестаціи, Шпейеръ получилъ такую неожиданную льготу.

Можно себѣ, поэтому, представить фізіономію смотрителя, когда онъ узналъ о бѣгствѣ Шпейера! Онъ ходилъ по камерамъ и упрасивалъ многихъ никому ничего не говорить о его вчерашнемъ хвастовствѣ, которое, если бы стало извѣстно прокурорскому надзору, могло причинить ему не мало неприятностей по службѣ.

Шпейеръ такъ и ускользнулъ изъ рукъ правосудія. Рассказывали, что когда дѣло «клуба червонныхъ валетовъ» разбиралось въ большомъ, кругломъ залѣ московскаго окружнаго суда, то Шпейеръ явился туда изъ любопытства переодѣтый въ женское платье; что его узналъ среди публики обвинявшій «валетовъ» товарищъ про-

курора М., который немедленно сдѣлалъ распоряженіе о его арестѣ, но Шпейеръ это замѣтилъ и быстро исчезъ изъ залы суда.

Его такъ и не розыскали.

IV.

Верещагинъ. — Возгорѣвшаяся къ нему любовь «эксцентричной барышни». — Тюремный патриархъ «профессоръ» Неофитовъ. — Массари. — Его карриатура на смотрители. — Князь Долгоруковъ, какъ поэтъ. — Посланіе прокурору со скамьи подеудимыхъ. — Подарокъ прокурору — Дмитріевъ-Мамоновъ. — Плехановъ. — Сынъ миллионера, Пѣговъ. — Башкирова.

Другой членъ «клуба червонныхъ валетовъ», А. Н. Верещагинъ, былъ также довольно выдающеюся личностью. Попавъ въ тюрьму за разныя «предпріятія», онъ просидѣлъ здѣсь, до суда, около 6 лѣтъ. Высокій, стройный, начитанный, остроумный, веселый и замѣчательно краснорѣчивый, Верещагинъ былъ душою всего дворянскаго отдѣленія. Его слушались, какъ авторитета, и всѣ другіе арестанты. Онъ замѣшанъ былъ во всѣ продѣлки «клуба»; его планы всегда отличались оригинальностью и были рассчитаны впередъ во всѣхъ подробностяхъ, и не осуществлялись только по непреодолимымъ обстоятельствамъ.

Весь планъ бѣгства Шпейера былъ придуманъ имъ. При этомъ Верещагинъ имѣлъ въ виду не только освобожденіе Шпейера, но и свое собственное и еще нѣкоторыхъ другихъ товарищей. По плану Верещагина, Шпейеръ, черезъ нѣкоторое время послѣ своего бѣгства и послѣ успокоенія полиціи, долженъ былъ устроить гдѣ нибудь въ меблированныхъ комнатахъ «временную» камеру судебного слѣдователя и разыграть роль послѣдняго. Надо было заказать соответствующую вывѣску, отпечатать бланки, завести разносную книгу, нанять разсылнаго унтеръ-офицера, и затѣмъ вытребовать изъ тюрьмы Верещагина и другихъ намѣченныхъ товарищей для «дослѣдованія», расписаться въ «полученіи» арестантовъ, отнустить конвой и выпустить товарищей на всѣ четыре стороны.

Все это, при тогдашнихъ тюремныхъ порядкахъ, возможно было привести въ исполненіе, но для осуществленія этого предпріятія нужны были болѣе или менѣе значительныя средства, которыхъ не оказалось, и потому смѣлый планъ не удался.

Во время разбора дѣла «клуба червонныхъ валетовъ» въ окружномъ судѣ, привлекавшаго въ судъ самую избранную московскую публику, Верещагинъ такъ независимо и съ такимъ достоинствомъ держалъ себя и такъ краснорѣчиво и умно говорилъ, что въ него влюбилась очень молодая и красивая дѣвушка изъ хорошаго дворянскаго семейства, которая тутъ же на судѣ, продолжавшемся болѣе мѣсяца, нашла возможность объясниться съ нимъ, посылать

записочки и доставлять ему пищу и лакомства. Послѣ суда она посѣщала его въ тюрьмѣ и изъявила согласіе слѣдовать за нимъ въ Сибирь. Верещагинъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ Сибирь на поселеніе; но исполнили ли «эксцентричная барышня» свое обѣщаніе, не знаю, такъ какъ я отправленъ былъ въ Сибирь нѣсколько раньше Верещагина, и о дальнѣйшей его судьбѣ ничего и впослѣдствіи не узналъ.

Вообще, на другомъ поприщѣ, при другихъ обстоятельствахъ, изъ Верещагина вышла бы замѣчательная личность.

Такой же, если еще не болѣе выдающейся личностью былъ тюремный патріархъ, бывшій профессоръ духовной академіи Неофитовъ. Это былъ высокій мужчина, лѣтъ 50, съ сѣдой уже бородой, съ умнымъ, весьма интеллигентнымъ лицомъ, добрыми, кроткими глазами и въ высшей степени симпатичнымъ голосомъ.

Подробностей о томъ, какъ онъ изъ профессора академіи превратился въ преступника и впервые попалъ въ тюрьму, и какъ онъ связался затѣмъ съ членами «клуба», я такъ и не узналъ. Знаю только, что онъ участвовалъ во многихъ крупныхъ преступленіяхъ, въ томъ числѣ въ поддѣлкѣ билетовъ 1-го внутренняго займа съ выигрышами, за что былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, но по высочайшему повелѣнію наказаніе это было замѣнено ему лишеніемъ всѣхъ правъ и ссылкой на поселеніе. Содержась въ тюрьмѣ, Неофитовъ былъ центромъ многихъ задуманныхъ и исполненныхъ здѣсь же преступленій и имѣлъ обширныя сношенія съ героями индустріи Москвы. Между тѣмъ онъ жилъ въ тюрьмѣ очень бѣдно, всего лишь на положенные ему по закону порціоны, по чину коллежскаго совѣтника. Никто изъ родныхъ и знакомыхъ не посѣщалъ его, точно онъ былъ какимъ-то вымороченнымъ, всѣми забытымъ. Даже содержался онъ не вмѣстѣ съ другими арестантами, въ дворянскомъ отдѣленіи, а въ какой-то кельѣ, пристроенной къ церкви, гдѣ проводилъ все время за чтеніемъ.

Дворяне обращались къ нему за совѣтами во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ, а простые арестанты благоговѣли передъ нимъ и, при встрѣчѣ съ нимъ, снимали шапки.

Меня поражало въ немъ полное хладнокровіе его ко всевозможнымъ преступленіямъ; онъ съ легкимъ сердцемъ готовъ былъ идти на всякое преступленіе, если оно обѣщало какую нибудь матеріальную выгоду.

Узнавъ, что у меня имѣется сторублевый 5% билетъ государственнаго банка, Неофитовъ спросилъ меня, не дамъ ли его на нѣкоторое время. На мой же вопросъ, для чего ему понадобился билетъ, онъ совершенно откровенно отвѣтилъ, что желаетъ поддѣлать по его образцу такой же, но высшаго достоинства. Я, разумѣется, билета своего не далъ, и Неофитовъ нисколько на меня за это не обидѣлся.

Такъ какъ еще до процесса «червонныхъ валетовъ» Неофитовъ, какъ сказано выше, былъ уже лишенъ всѣхъ правъ состоянія, то послѣдній процессъ, въ которомъ онъ игралъ весьма значительную роль, ничѣмъ не увеличилъ мѣру его наказанія. Въ 1877 году, послѣ десятилѣтней профессуры въ «Бутырскомъ университетѣ», Неофитовъ былъ, наконецъ, отправленъ въ Сибирь на поселеніе.

Другой членъ «клуба», бывшій уѣздный предводитель дворянства, помѣщикъ Массари, былъ замѣчательнымъ въ своемъ родѣ оригиналомъ. Веселый, беззаботный добрякъ, гдѣ-то, въ пьяномъ видѣ, поставилъ фальшивый бланкъ и вдругъ очутился въ тюрьмѣ. Ему самому казалось дикимъ, что его считаютъ преступникомъ. Не зная въ стѣнахъ тюрьмы ни въ чемъ недостатка, балуемый родными, которые доставляли ему въ тюрьму провизію корзинами, Массари цѣлые дни ѣлъ, пилъ, спалъ, хохоталъ или рисовалъ игривыя картинки. У него былъ также выдающійся талантъ каррикатуриста.

Однажды онъ нарисовалъ очень злую каррикутуру на смотрителя замка, представивъ его въ видѣ бульдога, звонящаго въ колоколъ, призывавшій обыкновенно обитателей замка на «повѣрку». Каррикутура была весьма типична; она ходила по рукамъ, и всѣ сразу узнавали въ бульдогѣ смотрителя,—такъ удачно схвачены были черты лица послѣдняго. Наконецъ, она попала на глаза смотрителю, но онъ нисколько не разсердился на Массари; онъ самъ сознался, что чрезвычайно похожъ и не уничтожилъ каррикутуру.

Разсказывали, что Массари, приговоренный судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, при совершеніи надъ нимъ обряда политической смерти, сидя на позорной колесницѣ, всю дорогу балагурилъ и смѣялся и даже на эшафотѣ, у позорного столба, дѣлалъ комическія гримасы, не придавая этому обряду никакого значенія.

Изъ другихъ, находящихся въ тюрьмѣ, членовъ «клуба червонныхъ валетовъ» болѣе или менѣе выдающимися были: князь Долгоруковъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, Плехановъ и Пѣговъ.

О Долгоруковѣ уже сказано выше нѣсколько словъ. Прибавлю только, что онъ былъ довольно литературно образованный человекъ и обладалъ порядочнымъ поэтическимъ талантомъ. Нѣкоторые его стихи попали и въ печать. Жилъ онъ очень бѣдно; никакихъ близкихъ родныхъ у него въ Москвѣ не было, такъ какъ онъ принадлежалъ къ захудалой вѣтви князей Долгоруковыхъ.

Впрочемъ, когда онъ былъ привлеченъ къ дѣлу «червонныхъ валетовъ», Долгоруковъ уже не былъ княземъ, а считался мѣщаниномъ, такъ какъ за какое-то мелкое мошенничество былъ лишенъ особыхъ правъ и преимуществъ, а слѣдовательно и княжескаго достоинства. Но онъ самъ, да и всѣ товарищи по тюрьмѣ продолжали величать его княземъ и вашимъ сіятельствомъ, одни въ насмѣшку, а другіе серьезно.

Во время суда, сидя на скамьѣ подсудимыхъ, Долгоруковъ, увлеченный краснорѣчіемъ талантливаго обвинителя, написалъ весьма недурное и лестное для послѣдняго стихотвореніе, которое и доставилъ, черезъ судебного пристава, по назначенію. Прокуроръ, по видимому, былъ польщенъ музой подсудимаго, котораго далеко не щадилъ. По окончаніи суда и по вступленіи приговора въ законную силу, по которому Долгоруковъ былъ сосланъ на житье въ Сибирь, грозный обвинитель прислалъ ему въ тюремный замокъ полное собраніе стихотвореній графа А. К. Толстого, въ изящномъ переплетѣ, съ надписью: автору стихотворенія такого-то.

Объ этомъ эпизодѣ, а равно и самое стихотвореніе Долгорукова было напечатано въ то время въ нѣкоторыхъ московскихъ газетахъ.

Дмитріевъ-Мамоновъ принадлежалъ къ извѣстной въ Москвѣ фамиліи, которая добивалась признанія за ней графства. Отецъ его былъ довольно извѣстнымъ въ первопрестольной лицомъ, онъ вѣчно велъ какіе-то процессы съ казной, которые постоянно проигрывалъ, вѣчно суетился и искалъ милліоновъ, которыхъ такъ и не доискался; тѣмъ не менѣе онъ жилъ широко, размахисто, московскимъ барининомъ.

Сынъ его, членъ «клуба», учился въ какомъ-то юнкерскомъ училищѣ, но за разные дебоши былъ оттуда исключенъ, послѣ чего пустился во всѣ тяжкія. Онъ былъ очень красивъ собою, высокій, стройный и необыкновенной силы. Онъ не останавливался ни передъ какимъ преступленіемъ: и мелкія мошенничества, въ родѣ продажи чужихъ лошадей, и фальшивые векселя, и шантажъ одинаково служили ему средствомъ для попокъ и скандаловъ, пока не очутился въ «Бутырскомъ университетѣ».

Здѣсь, впрочемъ, онъ не игралъ никакой роли, во-первыхъ, потому, что былъ крайне ограниченнаго ума; во-вторыхъ, потому, что ужасно бѣдствовалъ. Родные рѣдко ему помогали, и онъ долженъ былъ жить на выдаваемые ему порціоны, въ размѣрѣ 10 копеекъ въ сутки. Тѣмъ не менѣе, напиваясь при первомъ представившемся случаѣ пьянымъ, Дмитріевъ-Мамоновъ разыгрывалъ изъ себя аристократа высшаго полета, чѣмъ только смѣшилъ арестантовъ, потому что тюрьма нищей, да еще глупой аристократіи не признавала, она преклонялась только передъ карманомъ и уважала въ то же время умъ и знаніе. Дмитріевъ-Мамоновъ ничѣмъ этимъ не отличался, поэтому никто его въ грошъ не ставилъ. Его избѣгали только во время пьянства, такъ какъ, напиваясь до чертиковъ, онъ буянилъ, и съ нимъ не могли справиться нѣсколько человекъ.

Плехановъ былъ противоположностью Дмитріева-Мамонова. Тоже высокій и стройный, съ тонкими, умными чертами лица, онъ былъ чрезвычайно тихій, скромный и уживчивый человекъ. О его необыкновенномъ талантѣ не только поддѣлывать всевозможныя под-

писи, но и писать цѣлыя письма подъ чужую руку со всеми характерными особенностями поддѣльываемаго почерка, я уже говорилъ выше. Не удивительно, что онъ игралъ выдающуюся роль среди «червонныхъ валетовъ», которые часто эксплуатировали его талантъ для своихъ цѣлей, при чемъ отъ всякаго выгорѣвшаго «дѣла» забирали себѣ львиную долю, а простодушный П्लехановъ вознаграждался ничтожными крохами. Онъ поэтому всегда бѣдствовалъ.

Трогательно было видѣть его рыцарскія отношенія къ молодой, чрезвычайно красивой арестанткѣ, единственно интересной героинѣ «клуба червонныхъ валетовъ», Башкировой, о которой рѣчь будетъ ниже. Когда всѣ, послѣ цѣлаго ряда ея приключеній, ее бросили, и она очутилась въ тюрьмѣ, причѣмъ содержалась въ одиночномъ заключеніи въ одной изъ башенъ замка, одинъ только П्लехановъ поддерживалъ ее и дѣлился съ ней послѣднимъ кускомъ. Не смотря на массу преступленій Башкировой, онъ считалъ ее чуть ли не лучшей изъ женщинъ, крѣпко къ ней привязался и впослѣдствіи отправился вмѣстѣ съ ней на мѣсто ссылки.

Пѣговъ, сынъ извѣстнаго въ Москвѣ фабриканта-милліонера, попалъ въ члены «клуба червонныхъ валетовъ» совершенно случайно. Онъ былъ еще очень молодъ — ему шель всего 20-й годъ, но уже испившійся и испорченный въ конецъ. Отецъ его, человекъ старыхъ правилъ и чрезвычайно скупой, держалъ его въ ежовыхъ рукавицахъ; но сынокъ не могъ выдержать строгаго режима родителя и рано сталъ кутить. Не имѣя на кутежи достаточно «бѣшенныхъ денегъ», Пѣговъ, съ благословенія и совѣта нѣкоторыхъ членовъ «клуба», которые намѣтили его для эксплуатаціи, надавалъ множество векселей на значительную сумму и всѣ вырученныя деньги быстро прокучивались. Отецъ, однако, неоднократно выручалъ его, но буйная и недалекая натура не успокоивалась. По совѣту тѣхъ же друзей, Пѣговъ въ пьяномъ видѣ на комъ-то женился, чѣмъ окончательно вооружилъ противъ себя отца, и жизнь пошла у него самая безалаберная. Гдѣ-то ему удалось украсть сумму съ 50 тысячами рублей, но кража немедленно обнаружилась, такъ что онъ ничѣмъ даже не воспользовался, что, однако, не сошло ему даромъ, и онъ, наконецъ, попалъ въ тюрьму. Его выпускали на поруки, но на свободѣ Пѣговъ опять натворялъ глупостей, подъ вліяніемъ «валетовъ» втянулся въ разныя мелкія преступленія, снова угодилъ въ «Бутырскій университетъ», гдѣ усовершенствовался въ разныхъ плутняхъ; снова освобождался и т. д.

Каждый разъ, когда приводили Пѣгова въ тюрьму, члены «клуба» считали это для себя праздникомъ, потому что, кромѣ массы провизіи, которую онъ привозилъ съ собою, у него всегда оказывались и деньги, хотя небольшія.

Не смотря на свои юные годы, Пѣговъ смотрѣлъ уже старикомъ; вѣчно грязный, пьяный, обрюзглый, онъ производилъ отталкиваю-

щее впечатлѣніе. Всѣ привилегированные арестанты, въ часы досуга, иногда читали журналы и газеты, которые легко можно было доставать въ тюрьмѣ; Пѣговъ же никогда не бралъ въ руки печатнаго листка. Единственное его занятіе была игра въ карты. Его, разумѣется, обыгрывали навѣрняка, въ особенности, когда онъ былъ пьянъ (а пьянъ онъ былъ почти непрерывно), и онъ часто посылалъ изъ тюрьмы требованія къ женѣ, чтобы она доставала деньги, во что бы то ни стало, чтобы расплачиваться за проигрыши, такъ какъ карточный долгъ въ стѣнахъ тюрьмы считался еще болѣе «долгомъ чести», чѣмъ на волѣ. И бѣдная женщина, оказавшаяся очень скромной и любящая женой, доставала деньги и присылала безпутному мужу.

Изъ всѣхъ женскихъ членовъ «клуба червонныхъ валетовъ» выдавалась романтическая и весьма симпатичная, хотя и преступная, личность Башкировой.

Въ то время ей было всего 22 года, между тѣмъ она прошла столько мытарствъ, сколько ихъ иной не переживаетъ во весь свой вѣкъ.

Родившись въ мѣщанской средѣ города Иркутска, Башкирова, 10 лѣтъ отъ роду, увезена была своей бабушкой въ Ситху (въ бывшей русской Америкѣ), гдѣ прожила до 17 лѣтъ. Бабушка вдругъ уѣхала изъ Америки въ Японію, а молодая красавица отправилась одна въ Николаевскъ на Амурѣ и поступила тамъ горничной въ семейство мѣстнаго вице-губернатора. Черезъ нѣкоторое время смышленная Башкирова сняла буфетъ въ благородномъ собраніи и къ 19 годамъ сколотила себѣ порядочный капиталъ въ 13 тысячъ рублей. За ней ухаживали всѣ мѣстные моряки, но большимъ успѣхомъ пользовался одинъ капитанъ-лейтенантъ К., который соблазнилъ ее, обѣщая жениться и зная, что онъ скоро будетъ назначенъ въ кругосвѣтное плаваніе, о чемъ, однако, не предупредилъ молодую дѣвушку. Передъ отплытіемъ, К. выманилъ у доврчивой невѣсты 12 тысячъ рублей и уговорилъ ее пріѣхать въ Москву черезъ три года, гдѣ обѣщалъ жениться. Башкирова повѣрила. На подаренный «женихомъ» лотерейный билетъ она выиграла домъ въ Николаевскѣ, продала его и, желая отправиться въ Россію морскимъ путемъ, уѣхала на парусномъ суднѣ въ Японію, гдѣ думала сѣсть на морской пароходъ; но потерпѣла кораблекрушеніе, потеряла все свое имущество и едва сама спаслась. Рѣшившись, послѣ этого, отправиться въ Москву сухимъ путемъ, Башкирова познакомилась съ молодымъ челевѣкомъ В. и съ нимъ поѣхала въ Иркутскъ. В. влюбился въ молодую красавицу и желалъ на ней жениться, но ему всего 22 года; родители его, разумѣется, противъ этого брака, и дѣло разстроилось.

Вернувшись послѣ многихъ приключеній въ Иркутскъ, Башкирова прожила здѣсь нѣкоторое время у своей матери, познакомилась съ богатыми золотопромышленниками, въ томъ числѣ съ нѣкимъ З., который собирался въ Москву и предложилъ ей поѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Башкирова, все еще вѣря въ обѣщаніе капитанъ-лейтенанта К., согласилась. Но дорогой сошлась съ своимъ попутчикомъ, который также обѣщаль ей жениться. Приѣхавъ, наконецъ, въ Москву, Башкирова разошлась съ новымъ женихомъ и бросила его.

Оріентировавшись въ Москвѣ и приобрѣтая съ каждымъ днемъ новыхъ знакомыхъ, Башкирова познакомилась съ сибирскимъ купцомъ Ефремовымъ, вскорѣ сдѣлалась его официальной невѣстой и передала ему 13 тысячъ рублей. Получивъ деньги, Ефремовъ отъ женитьбы отлынулъ, да и денегъ не пожелалъ возвратить. По совѣту «добрыхъ» людей, Башкирова ищетъ адвоката, чтобы начать искъ противъ Ефремова, и наталкивается на нѣкоего отставного коллежскаго совѣтника Славышенскаго, человѣка преклонныхъ лѣтъ, который, однако, не прочь былъ отъ многихъ радостей бытія.

Старый грѣшникъ, взявшись за дѣло Башкировой, опутываетъ ее разными обѣщаніями, даетъ деньги (однако, подъ вексель), говоритъ, что всѣмъ готовъ жертвовать для нея и, наконецъ, склоняетъ ее вступить съ нимъ въ связь. Нѣкоторое время они жили въ разныхъ меблированныхъ комнатахъ, но затѣмъ Башкирова со всѣмъ переѣзжаетъ къ своему адвокату, и они зажили въ мирѣ и согласіи.

Но среди нихъ вдругъ является злой демонъ, нѣкій Давыдовскій, одинъ изъ главарей «клуба червонныхъ валетовъ», имѣвшій постоянныя дѣла съ Славышенскимъ. Онъ начинаетъ усиленно ухаживать за молодой дѣвушкой и все подтруниваетъ надъ ея страннымъ выборомъ. Между сожителами возникаютъ ссоры, доходящія иногда до дракъ. Такъ, однажды Славышенскій, въ порывѣ ревности, ударилъ Башкирову по головѣ бутылкой со сливками и сильно ее поранилъ.

Все это Давыдовскому на руку. Онъ усугубляетъ свое ухаживаніе: Башкирова то бросаетъ Славышенскаго, то снова къ нему возвращается. Послѣдній, во время передрагъ, грозитъ, что подастъ ко взысканію ея векселя; Давыдовскій ее все болѣе и болѣе разстроиваетъ и, наконецъ, совѣтуетъ ей прямо убить Славышенскаго и съ этой цѣлью дарить ей револьверъ и научаешь, какъ стрѣлять.

Легкомысленная дѣвушка соглашается на этотъ безумный шагъ и сговаривается съ преданной ей горничной привести совѣтъ Давыдовскаго въ исполненіе, условившись объяснить убійство самоубійствомъ. И вотъ Башкирова приглашаетъ къ себѣ Славышенскаго, желая, будто, покончить денежные расчеты. Послѣдній является, ничего не подозрѣвая; Башкирова принимаетъ его утромъ, лежа въ постели. Между сожителами начинается дѣловыи разговоръ,

кончившійся ссорой. Славышенскій снова грозитъ, Башкирова его обругала; онъ, будто, ударилъ ее по лицу, и въ эту минуту она выхватила изъ-подъ подушки револьверъ и выстрѣлила въ него. Славышенскій упалъ, обливаясь кровью, и черезъ нѣсколько часовъ умеръ въ безсознательномъ состояннн, успѣвъ, будто, проговорить: «Башкирова того не хотѣла, я ее прощаю».

Башкирова сначала не сознавалась въ своемъ преступленнн, утверждала, что Славышенскій самъ покончилъ съ собою, и нарочно въ ея комнатѣ, чтобы наказать ее; но послѣ многихъ допросовъ и уликъ созналась, говоря, впрочемъ, что только защищалась отъ Славышенскаго, ударивъ его случайно револьверомъ, изъ котораго выстрѣлъ послѣдовалъ неожиданно.

Башкирова была подъ слѣдствнемъ болѣе года и все время содержалась въ одиночномъ заключеннн въ одной изъ клѣтокъ тюремной башни, гдѣ терпѣла страшныя лишеннн,—и если бы не поддержка упомянутаго выше Плеханова, то окончательно погибла бы.

Мнѣ удалось видѣть ее нѣсколько разъ, когда ее вызывали къ судебному слѣдователю. Она была еще очень красива, хотя была блѣдная и страшно изнуренная. И въ арестантскомъ халатѣ, въ бѣленькомъ платочкѣ на головѣ, она сумѣла отличиться отъ другихъ, придавая своему костюму нѣкоторые слѣды изящества. Всѣ движеннн ея были мягкнн и граціозныя; по врожденному кокетству, она всякому привѣтливо улыбалась, показывая два ряда жемчужныхъ, маленькихъ зубовъ. Никакъ не хотѣлось вѣрннть, что она тяжкая преступница, убннца.

Прокуратура поддерживала противъ нея обвиненнн въ предумышленномъ убннствѣ, но присяжные признали запальчивость и раздраженнн, и Башкирова была приговорена судомъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеннн.

V.

Христиничъ.—Задуманное бѣгство.—Мнимый жаждармъ.—Одинъ только шагъ отъ свободы.—Сорвалось.—Влюбленный каторжникъ.—Поповы дочки.—Идеально-сантиментальный романъ.—Новое преступленнн.—Не выгорѣло.—Кони.—Тюремный Хлестаковъ.—Притворная болѣзнь.—Приготовленнн къ политической смерти.—Ожилъ.—Энгельгардтъ.—Неумѣтная ешесть.

Къ одной изъ сторонъ церкви, на такъ называемомъ «купеческомъ дворикѣ», построена была келннка, въ которой содержался отдѣльно нѣкнн дворянннъ Христиничъ. Это былъ тщедушный брюнетъ лѣтъ 30, съ исхудалымъ лицомъ, высокимъ лбомъ и чрезвычайно живыми и умными глазами. Христиничъ былъ очень образованный и начитанный человекъ и зналъ прекрасно иностранныя языки.

При всемъ моемъ желаніи, я не могъ добиться, за что, собственно, судился Христиничъ. Зналъ я только, что онъ уже былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, что приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, потому что Христиничъ долженъ былъ судиться еще за массу уголовныхъ дѣлъ, что онъ неоднократно пытался бѣжать изъ тюрьмы, почему и содержался отдѣльно, хотя никто не обращалъ вниманія на его посѣщенія общаго дворянскаго отдѣленія и на свободную прогулку по тюремному двору; что, наконецъ, онъ все еще надѣялся какими нибудь хитростями избѣгнуть кары правосудія.

И вотъ въ одно утро по всей тюрьмѣ распространилась вѣсть, что Христиничъ переодѣлся жандармомъ и чуть не успѣлъ выскочить изъ тюрьмы.

Какъ ни невѣроятенъ былъ слухъ, но онъ оказался дѣйствительнымъ фактомъ. Оказалось, что въ тюремный замокъ какими-то путями доставлены были всѣ матеріалы, необходимые для полнаго обмундированія жандарма, не исключая каски (жандармы въ то время носили каски) и револьвера.

Христиничъ обыкновенно не носилъ бороды, но задолго еще до задуманнаго бѣгства онъ отпустилъ бороду, что никому не показалось страннымъ. Когда же всѣ приготовленія были сдѣланы, Христиничъ обрелся, облекся въ жандармскую форму и самоувѣреннымъ шагомъ, никѣмъ не узнаваемый на тюремномъ дворѣ, направился къ выходнымъ воротамъ.

Такъ какъ въ замкѣ, по случаю содержанія тамъ въ одной изъ башенъ политическихъ преступниковъ, постоянно дежурили жандармы, то Христиничъ думалъ, что въ жандармской формѣ ему легко будетъ выскочить за ворота.

И дѣйствительно онъ безпрепятственно прошелъ уже два дворика, у которыхъ стояли стражники, онъ смѣло подошелъ къ послѣднимъ воротамъ; передъ нимъ уже открыли выходную калитку; онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ, чтобы переступить черезъ порогъ...

И вдругъ случилось нѣчто неожиданное!

На несчастье Христинича у входной калитки стоялъ умный, опытный и чрезвычайно проницательный привратникъ, который замѣтилъ въ его лицѣ что-то неестественное: былъ ли онъ слишкомъ блѣденъ, сердце ли слишкомъ сильно забилося, руки ли дрогнули... Вслѣдствіе этого привратнику Копылову вздумалось остановить Христинича вопросомъ:

— Куда пошли?

Христиничъ отъ неожиданнаго вопроса вздрогнулъ, но, не теряя присутствія духа, отвѣтилъ почему-то съ малороссійскимъ акцентомъ:

— Иду чай купить для политическаго.

Копыловъ еще болѣе подозрительно посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Когда прошли въ замокъ?

— Еще вчера; сегодня смѣнюсь,— отвѣтилъ Христиничъ.

— Что-то не помню,— продолжалъ Копыловъ,— никогда васъ не примѣчалъ. Я васъ не пропущу... и захлопнулъ передъ нимъ калитку.

— Чтѣ за глупости? — вспыхнулъ Христиничъ,— ты въ умѣ, что ли?

— Идите за старшимъ, пусть онъ васъ проводитъ, иначе не пропущу.

Видя, что дѣло плохо, Христиничъ вдался въ амбицію, обозвалъ Копылова «дурнемъ», думая, что возьметъ апломбомъ. Но Копыловъ стоялъ на своемъ.

Можно себѣ представить, что пережилъ Христиничъ въ эту роковую для него минуточку! Убѣдившись, что все его долги труды и усилія пропали даромъ, что такъ ловко придуманный способъ побѣга погибъ окончательно, что такъ пламенно желанная свобода была такъ близка и возможна, и что такого случая не дождешься съ долгими годами, Христиничъ, однако, не растерялся окончательно и, сильно обругавъ пристава, проговорилъ:

— Добре, пойду за старшимъ; онъ тебѣ, дурню, покажетъ, какъ не пропускать жандармовъ...

Онъ повернулся назадъ, прошелъ по большому тюремному двору и скрылся въ одну изъ камеръ дворянскаго отдѣленія, откуда черезъ нѣсколько минутъ вышелъ уже въ своемъ обыкновенномъ арестантскомъ одѣяніи. Только многимъ показалось страннымъ, что Христиничъ, котораго за часъ передъ тѣмъ видѣли съ большой бородой, оказался чисто выбритымъ.

Товарищи Христинича, посвященные въ это дѣло, зная по опыту долгихъ лѣтъ, что подобное событіе вызоветъ тревогу и обыскъ, успѣли припрятать все приспособленія къ задуманному бѣгству Христинича и тщательно замели все слѣды.

И дѣйствительно, когда привратникъ Копыловъ, не дождавшись возврата жандарма со старшимъ, поднялъ тревогу и доложилъ смотрителю, то среди дня, въ необычное время, раздались зловѣщій звонъ колокола, призывавшій обыкновенно арестантовъ «на повѣрку» и предвѣщавшій теперь строжайшій обыскъ. Смотритель съ помощниками и въ сопровожденіи караула загналъ всехъ арестантовъ по камерамъ; заперли все корридоры — и начался обыскъ. Первымъ подверглось ему дворянское отдѣленіе, но, по обыкновенію, при всемъ стараніи «искателей», никакихъ слѣдовъ жандармской амуниціи не нашли. О другихъ камерахъ и говорить нечего; точно все сгинуло въ одну минуту. Пыхтѣлъ, пыхтѣлъ смотритель, самъ лазалъ подъ нары, посылалъ туда приставниковъ; отрывали половицы, распарывали соломенные матрацы — нигдѣ ничего не открыли.

И злился же смотритель, и ругался, и грозилъ, что больше никого не выпустить на дворъ, если не отыщутся виновники. Но все это оказалось вздоромъ. Черезъ часъ всѣ арестанты уже гуляли, какъ ни въ чемъ не бывало, на дворѣ и громко смѣялись надъ угрозами смотрителя.

Между тѣмъ, по мнѣнію опытныхъ знатоковъ тюремной жизни, Христиничъ непремѣнно проскочилъ бы, если бы не торопилъ событій. Ужъ доподлинно, на всякаго мудреца довольно простоты! Дѣло въ томъ, что у выходной калитки замка постоянно чередовались два привратника, изъ которыхъ одинъ былъ добродушный, простой хохоль, который никогда не дѣлалъ никакихъ умозаключеній и ничего дальше своего носа не видѣлъ,—а другой—упомянутый выше Копыловъ. Товарищи Христиныча совѣтовали ему обождать слѣдующаго дня, когда долженъ былъ дежурить хохоль. Но Христиничъ, кромѣ величайшаго нетерпѣнія вырваться скорѣе на свободу, выставилъ аргументъ, что въ тотъ роковой день была «рѣшетка», когда у воротъ тюрьмы толчется много посторонняго народа, и когда, слѣдовательно, привратникъ, занятый впускомъ и выпускомъ вольной публики, могъ прозѣвать мнимаго жандарма. Но расчетъ, какъ мы видѣли, не удался, и дѣло, на которое было потрачено столько хитрости, труда и матеріальныхъ средствъ, сорвалось.

Какъ тюремное высшее начальство, такъ и прокурорскій надзоръ, узнавшій впоследствии всѣ подробности затѣяннаго побѣга, такъ ничего и не доискались.

Тотъ же Христиничъ, между тѣмъ, былъ идеально-сентиментально влюбленъ въ одну изъ дочерей тюремнаго священника. У послѣдняго были двѣ дочери, которыя аккуратно посѣщали по праздникамъ тюремную церковь. Старшая изъ нихъ была очень скромная, тихая дѣвушка и ничего особеннаго не представляла; младшая же была, напротивъ, прехорошенькая, бойкая, веселая и страшная кокетка. Христиничъ былъ влюбленъ въ старшую.

Казалось бы, что могло быть общаго между необузданной, высокоумной и преступной натурой Христиныча и скромной религіозной дочерью священника. Но въ силу правила, что крайности сходятся, Христиничъ серьезно вздыхалъ о старшей поповой дочкѣ. Чуждый всякой религіи, онъ не пропускалъ ни одной церковной службы, становился невдалекѣ отъ предмета своей страсти, стараясь обращать на себя ея вниманіе, и всегда послѣ службы отвѣшивалъ ей глубокій почтительный поклонъ. Сначала она какъ бы не замѣчала ухаживанія за ней «каторжника», но потомъ онъ сталъ ее смущать.

Христиничъ сталъ ей писать посланія, посылать букеты, а къ ея именинамъ прислалъ роскошнѣйшій торгъ. И все это принималось барышней съ благодарностію.

Но сентиментальный романъ, какъ и слѣдовало ожидать, ничѣмъ не кончился, такъ какъ вскорѣ Христиничъ, наконецъ, былъ перемѣщенъ въ пересыльную тюрьму для отправки въ Сибирь по назначенію.

Предварительно, однако, Христиничъ выкинулъ еще одну шутку.

Узнавъ, что приговоръ надъ нимъ долженъ быть скоро приведенъ въ исполненіе, и все еще надѣясь, что ему удастся бѣжать, Христиничъ ухитрился, изъ своей каморки, непосредственно примыкавшей къ церкви, пробить ходъ въ послѣднюю черезъ печную трубу, забрался ночью въ церковь, совершилъ тамъ какое-то святотатство и сдѣлалъ какой-то проломъ, чтобы выбраться на тюремный дворъ.

На слѣдующій день онъ чуть ли не самъ объявилъ о взломѣ тюрьмы и о своемъ новомъ преступленіи въ церкви. Онъ рассчитывалъ, что затѣялъ новое дѣло, что будетъ назначено новое слѣдствіе, которое затянется на долгіе годы, и такимъ образомъ онъ избавится отъ немедленной ссылки.

Но ничего изъ этого не вышло. Прокурорскій надзоръ, до свѣдѣнія котораго довели о новой продѣлкѣ Христинича, не придавъ никакого значенія послѣднимъ его преступленіямъ и, напротивъ, распорядился о скорѣйшемъ переводѣ его въ пересыльную тюрьму.

О дальнѣйшихъ приключеніяхъ этой, несомнѣнно, даровитой, воспримчивой и бурной натуры я ничего не знаю. Не могу скрывать, что когда я увидѣлъ Христинича, передъ уходомъ, въ грубой одеждѣ «каторжника», у меня невольно защемило за сердце, при мысли, что, при другихъ обстоятельствахъ, изъ него навѣрное вышелъ бы не дюжинный человѣкъ, которому теперь суждено пропадать въ сибирскихъ тундрахъ.

Совершенною противоположностью Христиничу былъ извѣстный въ свое время, въ нѣкоторыхъ кружкахъ петербургскаго и московскаго общества, мелкій аферистъ и плутъ Конни. Сынъ богатѣйшихъ родителей, получившій внѣшнее, салонное образованіе, говорившій въ совершенствѣ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, кутила и мотъ, Конни связался съ разными подонками общества, жила въ попеременно то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, пускался на разныя темныя мелкія продѣлки и, наконецъ, попалъ въ тюрьму за участіе въ поддѣлкѣ фальшиваго векселя всего въ 700 рублей.

Помѣщенный въ дворянское отдѣленіе, Конни сначала фыркалъ, смотрѣлъ на всѣхъ свысока, съ презрѣніемъ обнюхивалъ тюремный воздухъ и часто заговаривалъ на чистѣйшемъ французскомъ діалектѣ даже съ приставниками. Старушка мать, которая въ немъ души не чаяла, посѣщала его почти ежедневно, привозила ему всевозможные деликатесы, начиная отъ страсбургскихъ пироговъ и кончая самыми дорогими конфетами. Держась въ сторонѣ отъ дру-

гихъ дворянъ, будучи къ тому же страшно скупъ, Конни ни съ кѣмъ ничѣмъ не дѣлился, что возбуждало противъ него общую ненависть среди дворянъ.

Но со временемъ, тяготясь одиночествомъ и отчужденностью отъ товарищей по заключенію, онъ старался сойтись съ послѣдними, безбожно лгалъ и хвасталъ, надоѣдалъ всѣмъ и каждому, кто только хотѣлъ его слушать, увѣрялъ, что попалъ въ тюрьму по недоразумѣнію, что надняхъ его непремѣнно освободятъ, что чуть ли не 30 тысячъ курьеровъ полетѣли въ Петербургъ къ министру объ освобожденіи его изъ-подъ ареста и т. д.

Но проходили недѣли и мѣсяцы — и никто не вносилъ за него залога, никто не бралъ его на поруки, а дѣло его не двигалось.

Впрочемъ, онъ самъ почему-то старался все болѣе и болѣе запутывать свое дѣло, впутывая въ него много лицъ и надѣясь, вѣроятно, что какъ нибудь избавится отъ пугавшей его скамьи подсудимыхъ.

Наконецъ, его дѣло было назначено къ разбирательству, и его вытребовали въ судъ. Несмотря на всѣ его старанія отложить дѣло, оно состоялось. Когда онъ явился изъ суда, и его спросили, чѣмъ кончилось дѣло, Конни рассказалъ, что присяжные признали его виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, и что судъ приговорилъ его къ лишенію нѣкоторыхъ лишь правъ и преимуществъ, постановивъ, притомъ, ходатайствовать о совершенномъ его помилованіи.

Но въ послѣдствіи оказалось, что судъ не только не сдѣлалъ такого постановленія, но и присяжные не дали ему никакого снисхожденія, и приговоренъ онъ былъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Послѣ суда Конни совершенно упалъ духомъ. Онъ пробовалъ, разумѣется, черезъ адвоката кассировать дѣло въ сенатъ, но кассачія оставлена была безъ послѣдствій. Онъ, впрочемъ, все еще на что-то надѣялся; самъ подалъ прошеніе на высочайшее имя о помилованіи или смягченіи участи; заставилъ мать просить о томъ же, но все это также оставлено было безъ послѣдствій.

Пришлось привести приговоръ суда въ исполненіе. Въ то время обрядъ лишенія всѣхъ правъ состоянія совершался еще внѣ стѣнъ тюрьмы, на Конной площади. Бѣдный Конни отъ одной мысли, что его, избалованнаго, изнѣженнаго, котораго знала половина Москвы, подвергнуть жестокой процедурѣ съ позорной колесницей, эшафотомъ, палачемъ, поворнымъ столбомъ, ломаніемъ шпаги надъ головой, — сильно захворалъ. Исполненіе приговора пришлось отложить до его выздоровленія.

Наконецъ Конни выздоровѣлъ, и его выписали изъ тюремной больницы. Когда ему черезъ нѣкоторое время объявили, что на слѣдующій день должна совершиться его политическая смерть, Конни

снова было захворалъ или же притворялся таковымъ, но это не помогло.

По принятому въ тюремномъ замкѣ странному обычаю, всѣхъ арестантовъ, передъ обрядомъ лишенія всѣхъ правъ, сажали накануне въ башню, гдѣ они проводили ночь въ одиночномъ заключеніи. Конни наравнѣ съ другими былъ подвергнутъ заключенію въ башнѣ. Утромъ, на него, блѣднаго и дрожащаго всѣми членами, надѣли черный, длинный, приспособленный къ случаю, арестантскій халатъ, черную же, круглую шапку, посадили на позорную колесницу, затылкомъ къ лошади, крѣпко привязали ремнями, повѣсили на грудь черную доску съ бѣлой крупной надписью о родѣ преступленія, — и въ этомъ видѣ, окруженный конвоемъ, въ сопровожденіи палача, несчастный Конни долженъ былъ прослѣдовать по всей Москвѣ, изъ Бутырокъ до Конной площади, гдѣ устроенъ былъ эшафотъ, и гдѣ приговоръ былъ исполненъ по всей формѣ.

После совершенія обряда лишенія всѣхъ правъ состоянія, арестанты болѣе не возвращались въ тюремный замокъ, а слѣдовали уже прямо съ эшафота въ пересыльную тюрьму. Здѣсь арестанты пользовались сравнительно еще большей свободой, чѣмъ въ тюремномъ замкѣ. Но о тогдашнихъ порядкахъ пересыльной тюрьмы рѣчь будетъ впереди; здѣсь же скажу только, что когда меня препроводили изъ замка въ пересыльную тюрьму для слѣдованія въ Сибирь на житье, и когда я тамъ встрѣтилъ Конни, то не узналъ его: такое съ нимъ произошло превращеніе! Онъ былъ одѣтъ въ свое собственное щегольское платье, смотрѣлъ гордо и надменно, все суетился, говорилъ на французскомъ діалектѣ, ухаживалъ за пересыльными дамами, которыхъ тамъ было не мало, и все еще увѣрялъ, что его дѣло будетъ пересмотрѣно, что за него ходатайствуютъ высокопоставленныя лица, что его вернуть съ дороги и т. д., и т. д.

И, повидимому, не только посторонніе вѣрили его вздору, но и самъ Конни вѣрилъ въ болтовню, какъ незабвенный Иванъ Александровичъ Хлестаковъ.

Другой дворянинъ, въ родѣ Конни, былъ А. И. Энгельгардтъ, предсѣдатель смоленской губернской земской управы. Когда распространился слухъ, что въ тюрьму привели такого туза, то заправила дворянскаго отдѣленія обрадовались, рассчитывая, что около такого «барина» можно будетъ чѣмъ нибудь поживиться. Но они сильно ошиблись въ расчетѣ.

Энгельгардтъ, какъ всѣ новички изъ дворянъ, смотрѣлъ на окружающихъ съ презрѣніемъ, лучше сказать, съ брезгливостью, держалъ себя особо, такъ же, какъ и Конни, увѣрялъ всѣхъ, что арестъ его — только недоразумѣніе и что черезъ 2—3 дня его освободятъ. Но прошло 2—3 недѣли, и «недоразумѣніе», все продолжалось. За это время Энгельгардтъ сдѣлался ниже травы, тише воды; онъ самъ

сталъ заискивать въ «товарищахъ», которые презирали его за трусость и скупость. Ему приносили съ воли дѣлыя корзины провизіи, но онъ ни съ кѣмъ не дѣлился, и дворяне не могли простить ему такой скаредности, дѣлали ему разныя пакости и насмѣхались надъ нимъ въ лицо.

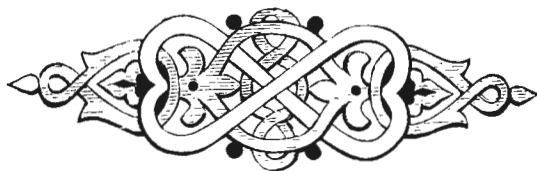
Къ тому же Энгельгардтъ былъ совершенно необразованный и неразвитой человѣкъ, полуграмотный, и надо было удивляться, какъ подобный субъектъ могъ попасть въ предсѣдатели губернской управы. Природнаго ума у него также не было, но на «позаимствование» не малой толики изъ общественныхъ суммъ смекалки у него хватало. Не сумѣлъ онъ только хорошенько скрыть концы въ воду и поплатился за это тюрьмой.

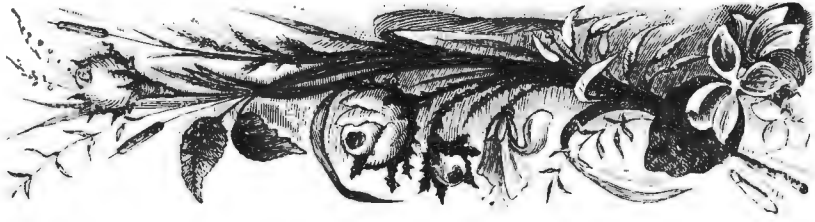
Впослѣдствіи Энгельгардта дѣйствительно освободили на поруки. Присяжные признали его виновнымъ, и судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Томскую губернію.

Я съ нимъ встрѣтился въ Томскѣ, гдѣ онъ игралъ маленькую роль въ качествѣ «лошадника», устроителя конскихъ бѣговъ; но такъ какъ я пишу только «тюремныя воспоминанія», то о дальнѣйшей карьерѣ Энгельгардта, съ которымъ мы часто сходились у общихъ знакомыхъ, я говорить не стану.

А. К.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

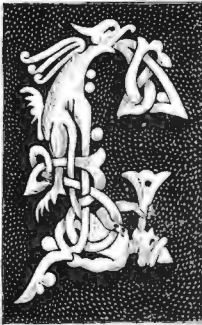

ПАМЯТИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

1796 — 1896.

Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые,—
Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла.

Апухтинъ

ТОЛѢТІЕ протекло отъ 6 ноября 1796 г. Въ этотъ день скончалась Екатерина II, государыня, которая въ свое слишкомъ 34-хъ-лѣтнее царствованіе была окружена ореоломъ величія, вселяла къ себѣ удивленіе современниковъ русскихъ и иностранцевъ, возбуждая среди большинства изъ нихъ восторгъ и даже поклоненіе. Ея продолжительное царствованіе оставило плодотворные результаты въ политической и культурной исторіи Россіи,—результаты, которые пожинаемъ мы, внуки и правнуки русскихъ людей, родившихся въ годъ ея кончины.

XVIII-й вѣкъ въ исторіи Россіи знаменуется весьма важнымъ поступательнымъ шагомъ впередъ въ достиженіи издавнихъ задачъ Московскаго государства: распространенія государственной территоріи на западъ и на югъ, до естественныхъ географическихъ предѣловъ расселенія славяно-русскаго племени по восточной европейской равнинѣ, и усвоенія Русскимъ государствомъ и обществомъ западно-европейскихъ формъ жизни и просвѣщенія. Эти задачи возникаютъ еще въ половинѣ XVI вѣка, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, возобновляются затѣмъ при царѣ Алексѣѣ и отчасти разрѣшаются Петромъ Великимъ — Екатерина II ихъ завершаетъ.

Петръ Великій и Екатерина II — два величайшихъ русскихъ государя и два величайшихъ историческихъ дѣятеля XVIII вѣка; первый открываетъ этотъ вѣкъ, вторая его заканчиваетъ. Но какъ они ни велики, не имъ однимъ исключительно принадлежить это дѣло. И Петръ Великій и Екатерина II составляютъ естественный результатъ предыдущей имъ исторической дѣятельности и являются во главѣ стремленій лучшихъ русскихъ людей ихъ времени.

Петръ Великій, счастливый наслѣдникъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ ему историческихъ дѣятелей, ускорилъ своей кипучей и нетерпѣливой натурой дѣло сближенія нашего съ Западной Европой и совершилъ это дѣло иначе, чѣмъ оно, быть можетъ, пошло бы безъ него. Утилитаристъ по складу ума и сангвиникъ по темпераменту, Петръ Великій предпринялъ и провелъ свою реформу исключительно въ интересахъ матеріальнаго благосостоянія государства и создалъ изъ небольшого, едва признаваемаго въ Западной Европѣ, Московскаго царства сильное государство Россійское съ западно-европейскими формами, придвинувъ его границы къ Балтійскому морю, сломивъ силу Швеціи и вліяя на внутреннія дѣла Польши. Лишь въ борьбѣ съ Турціей потерпѣлъ онъ неудачу. Для его преобразовательныхъ цѣлей ему нужны были и иностранцы-инструкторы, и школы, и обученіе молодыхъ людей за границей, и фабрики съ заводами. Мало обращалъ онъ вниманія на внутренній духовный міръ, умственный и нравственный природный складъ русскаго человѣка.

По кончинѣ преобразователя Россіи, его преемники въ теченіе 37 лѣтъ стремились слѣдовать его преобразовательной программѣ, не всегда правильно и глубоко понимая ее; но помимо ихъ воли реальное прикладное обученіе, введенное Петромъ Великимъ, дѣлало свое дѣло. Оно образовало группу русскихъ людей, и эта группа, въ силу умственной инерціи, не остановилась на прикладныхъ знаніяхъ, а задалась высшими научными и просвѣтительными стремленіями. Типическими представителями такой группы русскихъ людей являются В. Н. Татищевъ, первый русскій историкъ, и Ломоносовъ, первый русскій естествовѣдъ и инициаторъ основанія перваго русскаго университета. Вся эта группа русскихъ людей, эти «птенцы гнѣзда Петрова», въ сферѣ русской мысли и науки убѣждены, что Петръ Великій воззвалъ Россію отъ «небытія къ бытію». Но вотъ нарождается новое поколѣніе, явившееся на свѣтъ уже послѣ смерти Петра Великаго, — это люди 60-хъ годовъ XVIII вѣка; для нихъ и Петръ Великій и его реформа вопросы прошлаго, они смотрятъ на нихъ критически, они подмѣчаютъ въ реформѣ Петра неправильности, неполноту. Духовныя свойства русскаго народа, его «умоначертаніе», усвоеніе имъ западно-европейскаго просвѣщенія не для постройки только кораблей и литья пушекъ, а для умственного и нравственнаго развитія — вотъ идеалъ этого новаго поколѣнія рус-

ской интеллигенціи XVIII вѣка. Они стремились установить отношенія Россіи къ Западной Европѣ, они провозвѣщали необходимость русскаго народнаго самосознанія. Въ Екатеринѣ II они встрѣчаютъ тѣ же стремленія; они группируются около нея, становятся подъ ея знамя. Но они очень хорошо понимаютъ, что если бы не реформа Петра Великаго, не могло бы быть на Руси и такихъ воззрѣній, не могло бы быть и такой государыни на русскомъ престолѣ, какой явилась Екатерина II. Для нихъ ясно, что безъ предварительнаго матеріальнаго устроенія государства нельзя было думать о дальнѣйшемъ развитіи духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ ея населенія. Сама Екатерина II сознавала это прекрасно. Воздвигнувъ памятникъ Петру Великому, на пьедесталѣ его она сдѣлала надпись: «Petro Primo — Catharina Secunda».

Кромѣ хронологическаго, такъ сказать, различія между Петромъ Великимъ и Екатериной II, то-есть времени, въ которое они жили и дѣйствовали, мы видимъ діаметральное различіе во всѣхъ сторонахъ ихъ индивидуальной природы.

Во-первыхъ, Екатерина II—женщина; во-вторыхъ, она иностранка, нѣмка по происхожденію, стремившаяся стать русскою; Петръ Великій, былъ чистокровный великороссъ, во многомъ желавшій походить на нѣмца; въ-третьихъ, Петръ Великій по складу ума утилитаристъ, Екатерина—идеалистка, теоретикъ.

Умъ у Екатерины II господствуетъ надъ всѣми остальными душевными свойствами, далеко превосходя собою умъ всѣхъ русскихъ государей XVI, XVII и XVIII вѣковъ, за исключеніемъ только одного ума Петра Великаго. Это многообразный, глубокій, рѣшительный, тонкій и серьезный умъ, чуждый мечтательности, мистики и сентиментальности. Такой умъ при своемъ теоретизмѣ не можетъ исключать значительной доли практичности, практичности высшей, которая постигаетъ людей, умѣетъ дѣлать вѣрныя наблюденія надъ окружающимъ, получать изъ нихъ правильные выводы, приспособляться къ обстоятельствамъ, направлять ихъ къ твердо создаваемой и ясно поставленной цѣли и обращать ихъ въ свою пользу. Такими качествами практическаго ума Екатерина II обладала вполнѣ.

Нравственность, религія, искусство — все подчинялось у Екатерины уму. Но она, именно благодаря уму, прекрасно понимала значеніе религіи и правильно постигла важность православія въ русско-й жизни въ смыслѣ исконной формулы для выраженія пониманія массою русскаго народа нашихъ политическихъ и культурныхъ отличій отъ «нѣмцевъ», то-есть отъ нашихъ западныхъ сосѣдей романо-германскихъ племенъ. А потому Екатерина II является усердной исполнительницей всѣхъ религіозныхъ православныхъ обрядовъ и защитницей православія въ польскихъ областяхъ, какъ религіи обитающаго тамъ русскаго населенія. Изъ искусствъ Екатерина II понимала и любила тѣ, которыя нѣмцы называютъ Bildende Künste, въ особенности архитектуру, валяніе и медальерное искусство.

Умъ Екатерины не зналъ усталы, ея способность къ умственной работѣ была феноменальна! Только до мелочей правильное распредѣленіе дня могло дать ей возможность такъ много работать: занятія государственными дѣлами, внимательное выслушиваніе докладовъ министровъ, посланниковъ, полководцевъ, губернаторовъ, собственноручныя резолюціи, проекты законовъ и при всемъ этомъ очень много чтенія и громаднѣйшая корреспонденція; кромѣ того, она еще находила время серьезно заниматься литературой и наукой. Государыня литераторъ и ученый — явленіе весьма рѣдкое вообще въ лѣтописяхъ человѣчества и совершенно небывалое на Руси. Екатерина II писала драмы, комедіи, оперныя либретто, сатирическіе очерки и памфлеты, политическіе, юридическіе и педагогическіе трактаты, учебники и популярныя дѣтскія книги, занималась изученіемъ русскаго языка и сравнительнаго языкознанія, сотрудничала въ журналахъ и сама редактировала журналъ.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ остановиться съ должной полнотою на частной жизни Екатерины II, на ея отдыхѣ отъ дѣловыхъ занятій и на ея развлеченияхъ. Замѣчу только, что ея отдохновеніе, ея развлечения носили на себѣ всегда печать мысли и изящества, составляя проявленіе ея тонкаго ума. Ея торжественныя выходы, приемы, балы, рауты, собранія въ «Эрмитажѣ», ея лѣтняя жизнь въ Царскомъ Селѣ, наконецъ, ея поѣздки по Россіи, по Волгѣ въ Казань и по Днѣпру — въ Новороссію и Крымъ — все это сказки изъ тысячи и одной ночи, волшебные сны наяву.

Екатерина II принадлежала по возрасту къ третьему поколѣнію сравнительно съ Петромъ Великимъ: она родилась черезъ четыре года послѣ его смерти и была на двадцать лѣтъ моложе императрицы Елисаветы Петровны. Даровитая и впечатлительная дочь мелкаго нѣмецкаго принца Ангальтъ-Цербстскаго, генерала прусской службы, Софія-Фридерика-Августа (такъ звали Екатерину II до принятія ею православія) получила самое поверхностное, свѣтское воспитаніе на французскій ладъ, тогда модный въ Германіи. Отрочество Екатерины II прошло вдали отъ матери: она сначала «гостила» у своихъ родственницъ, разныхъ нѣмецкихъ принцессъ, а затѣмъ въ Берлинѣ, у знаменитаго въ половинѣ XVIII вѣка прусскаго короля философа и полководца Фридриха II. Дворъ его, представлявшій причудливое сочетаніе милитаризма, свѣтскости и «философіи», произвелъ на юную Софію-Фридериду-Августу сильное впечатлѣніе и, повидимому, далъ ей уму первоначальный толчекъ къ серьезнымъ размышленіямъ и къ увлеченію господствовавшей въ то время такъ называемый «философіей просвѣщенія» французскихъ энциклопедистовъ, во главѣ которыхъ стояли Вольтеръ, Даламберъ и Дидро. Въ 1745 году Екатерина II вышла замужъ за наследника русскаго престола, племянника императрицы

Елисаветы Петровны, Петра Ѳеодоровича, герцога Голштинскаго, совершенно иного, чѣмъ она, умственнаго склада и иныхъ воззрѣній. Бракъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, не былъ счастливъ для обѣихъ сторонъ: различіе въ умственныхъ интересахъ дало себя знать очень скоро. Молодая великая княгиня проводила время почти совершенно уединенно среди постоянно веселящагося двора императрицы Елисаветы Петровны, дѣлала наблюденія надъ окружающимъ ее и съ удовольствіемъ слушала интересные рассказы изъ дворцовой хроники своей камеръ-юнгферы Владиславлевои, знавшей, по преданіямъ, придворныя русскія событія съ царствованія Алексѣя Михайловича. Кромѣ того, великая княгиня много читала: первое время чтеніе состояло почти исключительно изъ французскихъ романовъ, а затѣмъ стало серьезнѣе. Исторія знаменитаго французскаго короля Генриха IV (любимый ея герой вполнѣствіи), многотомная исторія Германіи, только что вышедшая, Барра; философскій словарь Бэйля, извѣстнаго свѣободнаго мыслителя и французскаго эмигранта въ Голландіи XVII вѣка,— вотъ тѣ книги, которыя имѣли на Екатерину большое вліяніе. Позднѣе она читала «Жизнеописанія» Плутарха, сочиненія Цицерона, «Анналы» Тацита во французскомъ переводѣ, сочиненія Вольтера, преимущественно его книгу, сдѣлавшую переворотъ въ пониманіи исторіи «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations», Paris, 1754 (выставлявшую главнымъ содержаніемъ исторіи не войны и дипломатическіе переговоры, какъ то было прежде, а исторію такъ называемой культуры, то-есть образованности народовъ) и знаменитое твореніе Монтескьё «Esprit des lois». Вольтеръ поразилъ Екатерину Алексѣвну своимъ глубокимъ анализомъ и сарказмомъ и далъ большой матеріалъ для размышленій политическихъ, историческихъ и религіозныхъ. Но всего сильнѣе было впечатлѣніе отъ Монтескьё, который сильно возставалъ противъ рабства, и умственнаго и общественнаго, и доказывалъ, что благосостояніе народовъ обуславливается разумной свободой, основанной на законахъ, и что правительство и законы должны истекать изъ природныхъ свойствъ и духовнаго развитія народа.

Такъ протекала лучшая пора жизни Екатерины II, отъ 16-ти до 33-хъ-лѣтняго ея возраста: это была суровая, но полезная школа. До насъ дошли любопытныя замѣтки Екатерины II отъ этого времени. Въ нихъ уже ясно намѣчаются и содержаніе ея знаменитаго «Наказа» и ея житейскіе и политическіе принципы, которые, однако, она не всегда могла примѣнять на практикѣ. Вотъ перечисленіе ея замѣтокъ по политическимъ вопросамъ за 1758—1761 гг.: о гражданской свободѣ, о рабствѣ, о причинахъ смертности въ простомъ народѣ, о правдивости и откровенности правительства, объ открытомъ и гласномъ судѣ, о войнѣ и мирѣ, о недостаткѣ въ Россіи домашняго воспитанія, о планѣ женскихъ воспитательныхъ заве-

деній, о политикѣ въ отношеніи Польни. Въ другой записной ея тетради того же времени находится слѣдующая программа жизненныхъ правилъ: «Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не вѣряясь имъ безъ разбора; отыскивайте истинное достоинство, хоть бы оно было на краю свѣта: по большей части оно скромно и прячется гдѣ нибудь въ отдаленіи. Доблесть не выказывается изъ толпы, не стремится впередъ, не жадничаетъ и не твердитъ о себѣ. Никогда не окружайте себя льстецами: пусть знаютъ, что вамъ противны восхваленія и самоуниженія. Оказывайте довѣренность лишь къ тѣмъ людямъ, у которыхъ достанетъ духа при случаѣ вамъ поперечить, и которые предпочитаютъ ваше доброе имя вашимъ милостямъ. Будьте мягки, челоуѣколюбивы, доступны, сострадательны, либеральны; ваше величіе да не прештствуетъ вамъ добродушно снисходить къ малымъ людямъ и ставить себя въ ихъ положеніе, такъ чтобы эта доброта не умаляла ни вашей власти, ни ихъ почтенія. Выслушивайте все, что хоть сколько нибудь заслуживаетъ вниманія; пусть видятъ, что вы мыслите и чувствуете такъ, какъ вы должны мыслить и чувствовать. Поступайте такъ, чтобы люди добрые васъ любили, злые боялись и всѣ уважали. Храните въ себѣ тѣ великія душевныя качества, которыя составляютъ отличительную принадлежность челоуѣка честнаго, челоуѣка великаго и героя. Страшитесь всякой искусственности. Зараза пошлости да не омрачитъ въ васъ античнаго вкуса къ чести и доблести. Мелочныя правила и жалкія утонченности не должны имѣть доступа къ вашему сердцу. Великіе люди чужды двоедушія: все низкое имъ противно».

25 декабря 1761 г. скончалась императрица Елисавета Петровна. Императоромъ всероссійскимъ сталъ Петръ Ѳеодоровичъ, Петръ III, процарствовавшій съ небольшимъ полгода. Различіе между нимъ и его супругой уже давно рѣзко бросалось въ глаза всѣмъ ихъ окружавшимъ, и вотъ съ 1758 г. около великой княгини начинается образовываться кружокъ изъ лицъ, желавшихъ видѣть на престолѣ Екатерину II вмѣсто Петра III. Этотъ кружокъ сторонниковъ великой княгини съ теченіемъ времени постепенно разрастается и распадается на нѣсколько группъ, состоявшихъ изъ людей очень разнообразныхъ общественныхъ положеній, а потому имѣвшихъ весьма различныя воззрѣнія на предстоящую «перемѣну». Одна группа, съ братьями Паниными (Никита Ив. и Петръ Ив.) во главѣ, желала вручить великой княгинѣ лишь регентство надъ ея малолѣтнимъ сыномъ Павломъ Петровичемъ, причѣмъ обусловливала Екатерину Алексѣевну нѣкоторыми «кондиціями», на подобіе взятыхъ съ императрицы Анны Іоанновны верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Къ этой группѣ примыкало много гвардейской молодежи изъ потомковъ и родственниковъ главныхъ участниковъ политическихъ движеній въ царствованіе Анны Іоанновны. Замыслы этой группы создали не-

дружелюбное отношеніе Екатерины II къ цесаревичу Павлу Петровичу, особенно усилившееся съ совершеннолѣтіемъ наслѣдника престола. Затѣмъ шли гвардейскіе офицеры, предводимые братьями Орловыми; они все не имѣли никакой политической программы, а желали просто воцаренія великой княгини. Третью группу составляли люди, близкіе къ ней съ самаго ея пріѣзда въ Петербургъ (княгиня Дашкова, графъ К. Г. Разумовскій, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ и друг.). Съ первыхъ дней своего царствованія Петръ III сталъ торопливо и неосмотрительно предпринимать цѣлый рядъ реформъ, изъ числа которыхъ отобраніе крестьянъ у архіереевъ и монастырей была весьма рискованно, возбудивъ противъ него высшую духовную іерархію, которая стала выражать сочувствіе мысли о воцареніи Екатерины. 28 іюня 1762 г. она при помощи военного переворота вступила на престолъ, отъ котораго отрекся Петръ III, и была провозглашена самодержавной императрицей. Ея воцареніе не было похоже на воцаренія Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Никто изъ сторонниковъ Петра III не только не пострадалъ, но не былъ даже удаленъ отъ двора. Екатерина II пріостановила лишь на время дѣйствіе указа Петра III о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ и, наградивъ своихъ ближайшихъ сторонниковъ, расширила привиллегіи дворянства.

Въ первые годы правленія Екатерины II ей пришлось бороться съ цѣлымъ рядомъ серьезныхъ препятствій. Сторонники великаго князя Павла Петровича смотрѣли на ея самодержавную власть несочувственно. Кромѣ того, была цѣлая партія, которая считала законнымъ императоромъ Россіи несчастнаго Іоанна Антоновича, томившагося въ Шлиссельбургѣ. Помѣщичьи и заводскіе крестьяне, обрадованные закономъ Петра III объ уничтоженіи крѣпостного права архіереевъ и монастырей надъ ихъ крестьянами, ждали и себѣ воли и волновались, а кончина Петра III, послѣдовавшая черезъ нѣсколько дней по воцареніи Екатерины II (6 іюля 1762 г.), возбуждала среди нихъ разные толки и порождала самозванцевъ, принимавшихъ имя покойнаго императора. Но Екатерина II сумѣла справиться съ этими препятствіями путемъ цѣлаго ряда серьезныхъ реформъ, направленныхъ на благо русскаго народа и составляющихъ осуществленіе ея политическихъ воззрѣній.

Для предпринятыхъ ею реформъ она не выписываетъ изъ-за моря «нѣмцевъ-инструкторовъ», какъ Петръ Великій, а собираетъ въ 1767 г. комиссію по составленію проекта новаго уложенія, созывая въ нее депутатовъ отъ всѣхъ областей, сословій и учрежденій Россійской имперіи. Созывъ такой комиссіи не былъ на Руси новымъ дѣломъ. Послѣ земскаго собора 1649 г., составившаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ «Уложеніе», мы видимъ цѣлый рядъ комиссій, и при Петрѣ Великомъ, и при его преемникахъ, въ большинствѣ случаевъ изъ «депутатовъ» отъ сословій и областей, для

составленія «новаго уложенія», такъ какъ прежнее 1649 г. устарѣло и требовало большихъ поправокъ и дополненій. Но всѣ эти комиссіи не привели ни къ какимъ результатамъ. Новостью въ Екатерининской комиссіи 1767 г. являются два обстоятельства, во-первыхъ, «Наказъ», то-есть программа для ея занятій, написанный самой императрицей, и, во-вторыхъ, результаты работъ депутатовъ.

«Наказъ» Екатерины II напечатанъ далеко не въ томъ видѣ, какъ его составила императрица, а въ очень сокращенной и измѣненной редакціи. Она работала надъ нимъ нѣсколько лѣтъ и давала просматривать написанное ею нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ. Извѣстны замѣчанія на «Наказъ», сдѣланныя графомъ Ник. Ив. Панинымъ и драматургомъ А. П. Сумароковымъ. Первый пришелъ въ ужасъ отъ «свободомыслія» императрицы: «Ce sont des axiomes à renverser les murailles»,—заявилъ онъ. Сумароковъ выступилъ, главнымъ образомъ, защитникомъ крѣпостного права, за что и удостоился колкихъ возраженій со стороны Екатерины II. Когда съѣхались уже «депутаты» комиссіи въ Москву, императрица выбрала изъ ихъ числа болѣе ей извѣстныхъ, но самыхъ противоположныхъ возрѣній и, поручивъ имъ выслушать «Наказъ», «дала волю чернить и вымарывать все, что хотѣли». «Тутъ при каждой статьѣ,—говоритъ сама императрица,—родились пренія, и они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали, и остался «Наказъ»—яко оный напечатанъ». Такимъ образомъ, чтобы правильно судить о мысляхъ «Наказа», нужно непременно принять во вниманіе всѣ вышеизложенныя обстоятельства.

Я остановлю вниманіе читателей на слѣдующихъ основныхъ вопросахъ изъ политическихъ возрѣній Екатерины II по печатному тексту «Наказа»: 1) на обоснованіи и опредѣленіи самодержавія и безусловной необходимости его для Россіи; 2) на опредѣленіи понятія закона и законности; 3) на опредѣленіи вольности—свободы политической; 4) на сословіяхъ въ государствѣ и на крѣпостномъ правѣ; 5) на воспитаніи частномъ и общественномъ.

Обоснованіе и опредѣленіе самодержавія. Россія есть европейская держава (§ 6). Государь Россіи есть монархъ самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства (§ 9). Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностію мѣсть причиняемое (§ 10). Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ (§ 12). Цѣль самодержавнаго правленія не въ томъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большого ото всѣхъ добра (§ 13). Государь есть источникъ всякой власти политической и гражданской (§ 19).

Опредѣленіе понятія закона и законности. Надобно имѣть хранилище законовъ (§ 22). Этимъ хранилищемъ является въ Россіи сенатъ (§ 26). Законы предохраняютъ бзопасность каждаго гражданина (§ 33). Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ (§ 34). Законодательство должно исходить изъ духа (разума) народа (§ 57). Для введенія лучшихъ законовъ необходимо умы людей къ тому подготовить, но нельзя отговариваться тѣмъ, что умы не подготовлены для установленія и самаго полезнѣйшаго дѣла. Слѣдуетъ готовить къ тому умы (§ 58).

Опредѣленіе гражданской (политической) свободы. Политическая свобода (гражданская вольность) состоитъ не въ томъ, что каждый можетъ дѣлать, что ему угодно, а въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть и чтобы не быть принуждену дѣлать то, что хотѣть не должно (§§ 36 и 37). Политическая свобода есть спокойствіе духа, происходящее отъ убѣжденія гражданъ, что всякій изъ нихъ наслаждается бзопасностью (§ 39).

Сословія въ государствѣ. Гражданское общество, какъ и всякое другое установленіе, требуетъ извѣстнаго порядка. Поэтому извѣстнымъ лицамъ слѣдуетъ править и повелѣвать, а остальнымъ повиноваться (§ 250). На первомъ планѣ поставлено дворянство. Дворянство (названное благороднымъ, Adel, noblesse) есть нарицаніе въ чести первое сословіе (§ 360). Дворяне—потомки добродѣтельныхъ и сами добродѣтельные (§ 361). Добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства (§ 363). Относительно крестьянъ, крѣпостнаго права, говорится очень осторожно, лишь съ намеками на возможность ихъ освобожденія. Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ (§ 260). О регулированіи помѣщичьихъ поборовъ съ крестьянъ и о поднятіи земледѣлія, какъ основы богатства страны, говорится въ нѣсколькихъ параграфахъ (§§ 269, 270, 297 и 313). Не можетъ земледѣліе процвѣтать тамъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ собственности (295).

О воспитаніи частномъ и общественномъ читаемъ въ Наказѣ слѣдующее: гражданское благосостояніе возможно только при развитіи народной нравственности. Только тотъ народъ имѣетъ право пользоваться гражданскимъ благосостояніемъ и дѣйствительно имъ пользуется, въ которомъ развито чувство долга, законности, справедливости. Чтобы возвысить нравственность народа, нужно дать ему надлежащее воспитаніе. Воспитаніе создаетъ людей.

Сравнительно съ опредѣленіями въ законодательствѣ Петра Великаго все формулировалось въ «Наказѣ» иначе—и верховная самодержавная власть, и законъ, и отношеніе подданныхъ къ государю, и права сословій; иные же вопросы никогда прежде не затрогивались официально, какъ, напримѣръ, вопросы о гражданской

свободѣ и о частномъ и общественномъ воспитаніи, въ основаніе котораго ставились нравственные начала.

Но еще до созыва комиссіи Екатерина II предприняла цѣлый рядъ реформъ, касающихся улучшенія быта разныхъ классовъ русскаго народа. Эти реформы стоятъ въ непосредственной, идейной связи съ «Наказомъ». Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) учрежденіе въ Москвѣ воспитательнаго дома, имѣвшаго задачу обезпечить жизнь и благосостояніе брошенныхъ на произволъ судьбы дѣтей (1763); 2) основаніе перваго въ Россіи женскаго учебнаго заведенія, такъ называемаго Смольнаго института въ Петербургѣ (1764)—выраженіе совершенно новой мысли о необходимости общественаго образованія и воспитанія для дѣвицъ; 3) такъ называемая секуляризація монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ (1764), состоявшая въ возобновленіи о томъ же указа Петра III, и 4) учрежденіе въ Петербургѣ Вольнаго Экономическаго Общества (1765). Въ сихъ двухъ послѣднихъ мѣропріятіяхъ серьезно затрогивался вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Въ первомъ изъ нихъ онъ относительно духовенства разрѣшался практически, во второмъ—затрогивался лишь косвенно. Подъ видомъ улучшенія сельскаго хозяйства, Вольное Экономическое Общество имѣло основной своей задачей освобожденіе помѣщичьихъ и заводскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, или по крайней мѣрѣ должно было изыскивать способы къ улучшенію ихъ быта путемъ постепеннаго превращенія въ крестьянъ собственниковъ.

Съ 1768 года, когда началась первая турецкая война, общія собранія комиссіи для составленія проекта новаго уложенія не собирались, но 19 специальныхъ комиссій, составлявшихъ ея отдѣленія, продолжали свои работы до конца царствованія Екатерины II. Проектъ новаго уложенія составленъ не былъ, но специальные комиссіи выработали слѣдующія главнѣйшія законоположенія, составившія славу царствованія Екатерины II: 1) учрежденіе о губерніяхъ (1775 г.); 2) положеніе о народныхъ училищахъ (1782 г.); 3) учрежденіе россійской академіи (1783 г.); 4) положеніе о частныхъ типографіяхъ (1784 г.); 5) жалованная дворянству грамота (1785 г.) и 6) городовое положеніе (1785 г.). Эти результаты депутатскихъ работъ ясно показываютъ намъ, насколько русскіе люди второй половины XVIII вѣка были болѣе подготовлены къ дѣлу, къ которому они призывались, чѣмъ ихъ отцы и дѣды, депутаты неудавшихся комиссій первой половины XVIII вѣка; а это обстоятельство служить новымъ и нагляднымъ доказательствомъ производительности для русской почвы тѣхъ зеренъ знанія, которыя были посеяны на ней «вѣчнымъ работникомъ на тронѣ» Петромъ Великимъ.

Существенныя черты этихъ законоположеній ясно укажутъ читателю ихъ тѣсную связь съ «Наказомъ» Екатерины II и съ заявленіями депутатовъ въ комиссіи 1767 года.

Центральное и областное управление приводится въ большее взаимное соотвѣтствіе, и основной Петровскій принципъ коллегіальный, дополненный избирательнымъ началомъ, кладется въ основу областного управления, что систематически излагается въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 года. Это учрежденіе безъ измѣненія существуетъ въ большей части Россіи до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, до введенія въ царствованіе императора Александра II реформъ крестьянской, земской и судебной, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россійской имперіи, гдѣ еще не введены всецѣло эти реформы, продолжаетъ существовать въ значительной своей части и въ наши дни.

Во главѣ всѣхъ сословій государства ставится дворянство, преобразованное на новыхъ началахъ, сравнительно съ табелью о рангахъ Петра Великаго. Дворянское сословіе въ царствованіе Екатерины II, разбитое по губерніямъ на мѣстныя корпоративныя группы, получаетъ земское и политическое значеніе посредствомъ своего выборнаго участія въ мѣстномъ самоуправленіи и судѣ и по даннымъ ему въ «грамотѣ» привиллегіямъ. Духовенство значительно теряетъ свое общественное вліяніе вслѣдствіе секуляризаціи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, и эта правительственная попытка является первымъ практическимъ шагомъ на пути освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ; для освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости вырабатываются лишь теоретическія соображенія, но осуществленіе ихъ представляется Екатеринѣ II, по весьма серьезнымъ причинамъ, не только преждевременнымъ, но и опаснымъ. «Городовое положеніе» организуетъ составъ и управленіе русскихъ городовъ, создавая средній родъ людей, какъ тогда выражались, то-есть городское сословіе, изъ трехъ группъ — кунечества, мѣщанства и ремесленниковъ. Городовое положеніе, устанавливающее это сословіе (1785 г.), существовало неприкосновенно до новыхъ сословныхъ городовыхъ положеній императоровъ Александра II и Александра III.

Въ дѣлѣ народнаго образованія Екатерина II имѣла знающихъ сотрудниковъ въ лицѣ Н. И. Бецкаго, сторонника педагогическихъ теорій Локка и Руссо, и извѣстнаго педагога эпохи, серба Янковича де-Миріево, послѣдователя идей Яна Амоса Коменскаго. Учительская семинарія, основанная въ Петербургѣ, и народныя училища въ Петербургѣ, въ губернскихъ и въ большихъ уѣздныхъ городахъ (со временемъ преобразованныя въ гимназіи) не ограничивались обученіемъ, а преслѣдовали задачу воспитательную и далеко оставили за собой цифирныя школы и школы грамоты Петра Великаго. Россійская академія возникла по примѣру французской академіи въ Парижѣ, имѣла задачей ученую разработку русскаго языка и составленіе «Словаря Россійскаго», дополнивъ существенный пробѣлъ въ Петровской академіи наукъ, преимуще-

ственно состоявшій изъ нѣмецкихъ ученыхъ. (При императорѣ Николаѣ I российская академія вошла въ составъ академіи наукъ, подъ именемъ II-го ея отдѣленія). Дозволеніе частныхъ типографій вызвало широкую и плодотворную дѣятельность просвѣщенныхъ масоновъ Н. И. Новикова и Шварца, основателей въ Москвѣ «Типографической компаніи». Этому частному обществу русское просвѣщеніе обязано очень многимъ. Кромѣ изданія громаднаго числа серьезныхъ и нравоучительныхъ книгъ, «компанія» открывала бесплатныя народныя школы и не мало потрудила на пользу низшихъ классовъ русскаго народа на поприщѣ филантропіи.

Во многомъ содѣйствовали Екатеринѣ II «депутаты», созванные ею въ комиссію. Эти «свѣдущіе люди», жившіе въ мѣстахъ въ большинствѣ случаевъ «весьма отдаленныхъ», раскрыли передъ государыней настоящую картину тогдашняго состоянія Россіи. Много непригляднаго представила эта картина. Образованность и благосостояніе были удѣломъ весьма немногихъ. Большинство же населенія Русской земли, не одни крестьяне, а всѣ сословія русскаго народа, погрязало въ невѣжествѣ и экономической бѣдности. Много наивныхъ, много своекорыстныхъ заявленій было отъ «депутатовъ» комиссіи—такъ почти все дворянство, на которое Екатерина II всего больше возлагала надеждъ, требовало «формулированія» и «утвержденія» крѣпостнаго права, какъ учрежденія; дворянству подражали купцы и приказные. Но отдадимъ должное общему настроенію депутатовъ. Въ дружный хоръ сливались ихъ голоса при требованіи расширенія начальнаго, профессиональнаго и высшаго образованія и просвѣщенія въ русскомъ народѣ и развитія общественнаго призрѣнія и мѣръ для общественнаго здравія. Заявлялось о назначеніи при церквахъ «ученыхъ» священниковъ съ опредѣленнымъ жалованьемъ, о начальныхъ народныхъ и спеціальныхъ училищахъ, объ академіяхъ, объ университетахъ.

Вскорѣ послѣ окончанія занятій общихъ собраній комиссіи 1767 года, на восточной окраинѣ европейской Россіи вспыхнула Пугачевщина, смутившая Екатерину II вновь появившимся самозванцемъ съ именемъ Петра III и открывшая передъ ней воочию во всей наготѣ язвы крѣпостнаго права и недостаточную организацію въ управленіи восточными инородцами. Одновременно съ Пугачевымъ появилась въ Германіи авантюристка подъ именемъ княжны Таракановой, выдававшая себя за дочь императрицы Елисаветы Петровны и предъявлявшая права на русскій престолъ.

Весьма естественно, что подъ вліяніемъ Пугачевщины и княжны Таракановой Екатерина II еще болѣе внимательно должна была отнестись къ русской дѣйствительности, раскрывшейся передъ ней въ заявленіяхъ депутатовъ комиссіи. Эта дѣйствительность давала мало матеріала для приложенія къ практикѣ тѣхъ «либеральныхъ» началъ, которыя исповѣдывала императрица и которыя, хотя и въ

неполномъ видѣ, легли въ основу ея «Наказа». Екатерина II призадумалась; но, какъ мы видѣли выше, не приостановила занятій частныхъ комиссій, а наоборотъ побуждала ихъ къ выработкѣ весьма важныхъ законоположеній, направленныхъ ко благу русскаго народа. Императрица дѣйствуетъ лишь осторожноѣе, чѣмъ прежде, высказываетъ свои мысли менѣе откровенно, но продолжаетъ быть вѣрна своимъ основнымъ принципамъ.

Французская революція не застала Екатерину II врасплохъ. Она лично никогда не симпатизировала Людовику XVI и Маріи—Антуанеттѣ, но при началѣ финансовыхъ реформъ французскаго короля привѣтствовала ихъ, выражая надежду, что онъ, если пойдетъ по этому пути, можетъ стяжать себѣ славу Генриха IV. Екатерина II сочувственно отнеслась къ собранію нотабилей, хотя не могла не предвидѣть его неудачнаго исхода. На собраніе же *Etats généraux* она смотрѣла болѣе чѣмъ несочувственно и при дальнѣйшемъ развитіи событій въ Парижѣ, рѣзко осуждала Людовика XVI за его безхарактерность и уступки, видя въ томъ униженіе достоинства монарха, и еще въ октябрѣ 1789 года предрекла ему возможность судьбы Карла I англійскаго. Екатерина II играла въ большую политическую игру во время революціи. Она изъ политики ласкала французскихъ эмигрантовъ, изъ политики высказывала сочувствіе «дѣлу короля», побуждая государей Европы къ его спасенію, но сама не сдѣлала ни шага для помощи Людовику XVI, ловко пользуясь замѣшательствами въ Западной Европѣ для болѣе удобнаго въ интересахъ Россіи окончанія турецкихъ и польскихъ дѣлъ; искренно она ненавидѣла только «якобинцевъ», сочувствуя въ душѣ правильнымъ, свободнымъ, республиканскимъ идеямъ. Въ разгаръ революціи она пригласила Лагарпа въ воспитатели своего любимаго внука, великаго князя Александра Павловича, котораго считала въ будущемъ продолжателемъ ея идей, а Лагарпъ былъ не только послѣдователемъ ученій «просвѣтительной» философіи энциклопедистовъ, но убѣжденнымъ республиканцемъ. Указанные факты приводятъ меня къ мысли, что Екатерина II не измѣнила сущности своихъ воззрѣній и подъ влияніемъ французской революціи. Очень многіе доселѣ убѣждены въ противномъ и утверждаютъ, что подъ влияніемъ французской революціи Екатерина II отреклась отъ прежнихъ идей и вступила на путь реакціи. Доказательства тому, кромѣ ея возгласовъ противъ «якобинцевъ» и отношеній вообще къ французамъ въ послѣдніе годы ея царствованія, видятъ въ политическихъ процессахъ Новикова и Радищева и въ судьбѣ посмертной трагедіи Княжнина «Вадимъ». Но Новикова Екатерина II преслѣдовала, какъ массона и мартиниста, которымъ никогда не сочувствовала, и какъ сторонника нелюбимаго ею ея наслѣдника престола. Въ дѣлѣ Радищева до сихъ поръ не все ясно, и, быть можетъ, со временемъ мы узнаемъ и его отношенія къ великому князю Павлу

Петровичу, которая опредѣлять намъ настоящій смыслъ постигшей его кары. Что касается до сожженія «Вадима» Княжнина, то вся эта пьеса прямо направлена противъ самодержавія въ Россіи, т.-е. основного политическаго принципа Екатерины II. Съ своими политическими врагами она поступала точно такъ же и въ первые годы своего царствованія, какъ она поступила съ Новиковымъ и Радищевымъ: достаточно припомнить судьбу Мировича, Арсенія Мацѣевича и княжны Таракановой.

Политическія идеи «Наказа», характеръ самодержавія императрицы, утратившаго суровость прежнихъ временъ, стремленіе Екатерины II выслушать дѣйствительныя потребности Русской земли, проявившееся въ комиссіи 1767 года, ея мѣропріятія на пользу Россіи и до, и послѣ этой комиссіи, ея личное участіе въ литературѣ и покровительство литераторамъ, наконецъ блескъ ея двора и ея личной жизни — все это вносило въ русское общество массу новыхъ понятій и весьма естественно производило сильное впечатлѣніе на современниковъ, имѣло для нихъ громадное воспитательное и цивилизующее значеніе и не могло пройти безслѣдно для послѣдующихъ русскихъ поколѣній, смягчая грубость нравовъ и все болѣе и болѣе увеличивая въ Россіи ту дружину интеллигенціи, которая была результатомъ реформы Петра Великаго. Въ царствованіе Екатерины II явилось множество писателей, а почти всѣ корифеи русской литературы эпохи Александра I родились въ вѣкъ Екатерины II и воспитались подъ вліяніемъ идей этого вѣка.

Частная жизнь Екатерины II, ея отдыхъ отъ государственныхъ трудовъ, ея развлеченія возбуждали подражанія въ вельможахъ ея двора и способствовали развитію въ русскомъ обществѣ вкуса изящнаго. Правда, эти подражанія выражались съ чрезмѣрной роскошью, но то было проявленіемъ «шири русской натуры», которая свойственна всѣмъ классамъ русскаго народа; однако пышныя празднества «великолѣпнаго князя Тавриды», графа Строганова, Нарышкина и другія уже не имѣли ничего общаго съ грубыми «потѣхами» и «машкерадными» процессіями Петра Великаго и Анны Иоанновны.

Внѣшняя политика Екатерины II еще болѣе замѣчательна, чѣмъ внутренняя ея дѣятельность; направленіе этой политики было строго національное. Вопросы польскій, балтійскій и восточный—вотъ тѣ главные вопросы международныхъ отношеній, которые получила Екатерина II въ наслѣдіе отъ Петра Великаго и которые ей предстояло разрѣшить. Польскій вопросъ послѣ Петра Великаго сталъ уже почти вопросомъ внутренней русской политики, и Екатерина II тремя раздѣлами Польши окончательно разрѣшила этотъ вопросъ въ интересахъ Россіи: всѣ области нѣкогда литовскаго великаго княжества съ кореннымъ русскимъ населеніемъ присоединены были къ имперіи Всероссийской. Балтійскій вопросъ находился въ связи съ польскимъ, по ленной зависимости курляндскихъ герцоговъ отъ ко-

роны польской. Въ 1795 году Курляндія, по постановленію мѣстнаго рыцарства, вошла въ составъ Всероссийскаго государства, и этимъ еще болѣе округлились наши границы на Балтійскомъ морѣ.

Восточный вопросъ разрѣшенъ Екатериною II не менѣе блестяще, чѣмъ вопросъ польскій. Блистательная Порта должна была уступить силѣ русскаго оружія и дипломатическому искусству Екатерины II. Предѣлы Россіи достигли Чернаго моря, и русская власть твердо на немъ укрѣпилась. Побѣды при Кагулѣ, Чесмѣ, Рымникѣ, Очаковѣ и Измаилѣ и присоединеніе къ русской территоріи Крыма и Новороссіи становились залогомъ нашихъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ восточномъ вопросѣ. Россія овладѣвала имъ вполне, и въ грандіозномъ «греческомъ прожектѣ» начертывалась программа возстановленія Византійской имперіи подъ протекторатомъ Россіи.

Русская дипломатія въ Западной Европѣ получила рѣшающее значеніе. Выѣшней политикой императрица занималась сама и поставила Россію на подобающую ей высоту въ системѣ западно-европейскихъ державъ. Избавивъ себя отъ тягостной зависимости отъ Австріи, въ которой Россія пребывала съ самой кончины Петра Великаго, Екатерина II пользовалась союзомъ ея и ея политическаго соперника Пруссіи, смотря по обстоятельствамъ, для соблюденія русскихъ интересовъ.

Войны Екатерины II, закрѣпляя за Россіей территоріи на югѣ и на западѣ, явились школой для тѣхъ полководцевъ и воиновъ, которые распространяли славу русскаго оружія въ исходѣ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка далеко за предѣлы нашего отечества. «Орлы» Екатерины II—Румянцевъ-Задунайскій, Орловъ-Чесменскій, Суворовъ-Рымникскій, Потемкинъ-Таврическій—извѣстны всѣмъ и каждому. А ихъ учениками явились Кутузовъ, Багратіонъ, Каменскій, Барклай-де-Толли, Чичаговъ—знаменитые вожди нашихъ войскъ въ великую борьбу Александра I съ Наполеономъ Бонапарте.

Но многого, разумѣется, Екатерина II, несмотря на свой умъ, на свою энергію, не смогла совершить въ треть столѣтія, въ которую она занимала русскій престолъ; во многомъ она ошибалась, во многомъ заслужила упрекъ и отъ современниковъ и отъ потомства. Два главныхъ упрека заслужила Екатерина II. 1) При ней усилилось помѣщичье крѣпостное право. Но въ этомъ отношеніи она должна была уступить необходимости. Лишивъ крѣпостного права монастыри и архіереевъ, она умерла съ мыслью объ улучшеніи быта крестьянъ, и усиленіе крѣпостного права въ ея царствованіе было продуктомъ стремленій тѣхъ классовъ общества, которые были въ немъ заинтересованы, а въ немъ были заинтересованы, какъ мы видѣли, не только дворянство, но и купечество, и чиновничество. 2) При Екатеринѣ явилось больше чѣмъ прежде «фаворитовъ», но въ дѣлахъ государственныхъ они были лишь послушными орудіями въ рукахъ своей повелительницы или вовсе

не имѣли политическаго значенія. Исключеніе составляетъ только князь Потемкинъ, который самъ по себѣ былъ гениальнымъ государственнымъ человѣкомъ. Но ошибки Екатерины II исчезаютъ передъ ея заслугами. Для насъ понятно изумленіе передъ Екатериной II ея современниковъ — русскихъ и иностранцевъ; понятно представленіе ея въ образѣ сказочной царицы «Фелицы» ея пѣвцемъ Державинымъ; понятны названія «Семирамида Сѣвера» и Catherine le Grand, — это изумленіе современниковъ, дошедшее до насъ и въ стихахъ, и въ прозѣ, и въ устныхъ преданіяхъ, звучить иными нотами, чѣмъ шаблонно официальные восхваленія вообще царствующихъ лицъ, столь распространенныя у насъ въ XVIII вѣкѣ, понятно также отождествленіе царствования Екатерины II съ ея личностью: она была вождемъ возрѣвнѣй лучшей части русскаго общества и инициаторомъ дѣлъ своего времени; она была центромъ, около котораго группировалась большая часть лучшихъ русскихъ людей второй половины XVIII вѣка. Для насъ, смотрящихъ на императрицу и ея время черезъ столѣтіе послѣ ея кончины и безпристрастно оцѣнивающихъ историческіе результаты ея царствования, — ея время является вѣкомъ Екатерины II и столь же опредѣленнымъ историческимъ терминомъ, какъ вѣкъ английской королевы Елисаветы и вѣкъ Людовика XIV.

Вѣкъ Екатерины характеризуется: притокомъ къ намъ новыхъ западно-европейскихъ идей, направленныхъ на духовныя потребности русскаго общества; усвоеніемъ имъ части этихъ идей и началомъ критическаго отношенія къ нашему прошлому и настоящему и къ Западной Европѣ; богатымъ развитіемъ просвѣщенія и литературы; цѣлымъ рядомъ учреждений, изъ которыхъ многія дожили до нашихъ дней; измѣненіемъ къ лучшему частнаго, домашняго быта высшихъ общественныхъ слоевъ и развитіемъ новыхъ идей въ дѣлѣ образованія дѣтей; увеличеніемъ государственной территоріи; сильнымъ и рѣшающимъ участіемъ Россійскаго государства въ дѣлахъ европейскихъ. Все это представляетъ большой шагъ впередъ сравнительно съ эпохой Петра Великаго, большой прогрессъ въ русскомъ историческомъ развитіи, которое, по прекрасному опредѣленію покойнаго профессора С. М. Соловьева, есть народное самопознаніе. Вѣкъ Екатерины II особенно ярко выдѣляется своими блестящими сторонами, благодаря двумъ царствованіямъ — Петра III и Павла Петровича, стоящими передъ царствованіемъ Екатерины II и послѣ него; тусклый колоритъ перваго и мрачный втораго — прекрасно отгѣняютъ время Екатерины «Великой».

Но вѣкъ Екатерины не законченъ ея царствованіемъ; онъ перешелъ въ XIX столѣтіе. Въ 1801 году императоръ Александръ I, вступая на престолъ, обѣщался слѣдовать завѣтамъ и принципамъ своей бабки, Екатерины II, и дѣйствительно его царствованіе какъ

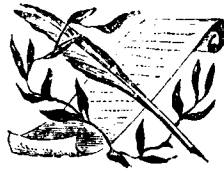
бы составляетъ продолженіе ея царствованія, даже дѣятели этого царствованія по большей части или сами люди Екатерининскаго вѣка, или носящіе въ себѣ его традиціи. Такое же обѣщаніе—идти по стопамъ Екатерины II, мы видимъ въ манифестѣ о вступленіи на престолъ ея правнука, Александра II, завершившаго ея реформы незабвеннымъ днемъ 19-го февраля 1861 года.

Въ Возѣ почившій императоръ Александръ III, обращая серьезное вниманіе на вопросы русской исторіи, изучалъ вѣкъ Екатерины II. По его желанію и при его мощномъ содѣйствіи Императорское Русское Историческое Общество, въ коемъ онъ былъ почетнымъ президентомъ, издало любопытнѣйшіе источники для изученія ея царствованія. Изданіе ихъ продолжается и доселѣ.

Закончу мой слабый очеркъ слѣдующими стихами одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ поэтовъ нашего времени—А. Н. Апухтина, изъ котораго взять и эпиграфъ для настоящей статьи. Апухтинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній передаетъ видѣнный имъ сонъ: Екатерина II вѣщаетъ о своихъ дѣлахъ передъ толпой русскихъ людей, стоящихъ на площади; когда она кончила говорить —

«Тутъ гулъ по площади пошелъ со всѣхъ сторонъ,
Гремли небеса, людскому хору вторя, —
И былъ сначала я, какъ будто ревомъ моря,
Народнымъ шумомъ оглушенъ.
Потомъ всѣ голоса слились воедино,
И ясно слышала я изъ говора того:
Живи, живи, Екатерина —
Въ безсмертной памяти народа твоего».

Д. Корсаковъ.

ОТЪ УГЛИЧА ДО РЫБИНСКА.

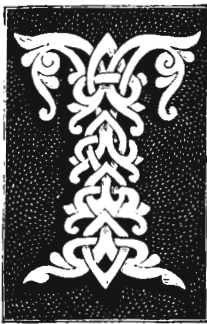
(Путевые наброски).

I.

Угличь.

«О граде ты граде, богоспасаемый
граде Угличь! Горькую чашу испить
ты за Русскую землю!»

Лѣтопись.

РУДНО описать то пріятное впечатлѣніе, которое охватило насъ при видѣ живописной панорамы Углича, освѣщенной косыми ранними лучами майскаго солнца. Отъ этого сплошнаго ряда домовъ, монастырей, церквей и колоколенъ, выросшаго предъ нами среди утренней тишины и свѣжести, вѣяло на душу чѣмъ-то мирнымъ, давно прошедшимъ, яснымъ и спокойнымъ, какъ сама зеркальная поверхность Волги, отражавшая въ себѣ эту дивную, русскую картину. Недаромъ Угличемъ любовалась еще Екатерина II, недаромъ, посѣтившій эту мѣстность, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, поэтъ В. А. Жуковскій сдѣлалъ нѣсколько набросковъ Углича въ свой путевой альбомъ. Чѣмъ далѣе подвигался нашъ пароходъ, тѣмъ шире и величавѣе, подобно древнему пергаментному свитку, развертывалась передъ нами панорама. На одной изъ колоколенъ ударили къ заутрени, и благовѣсть, звуч-

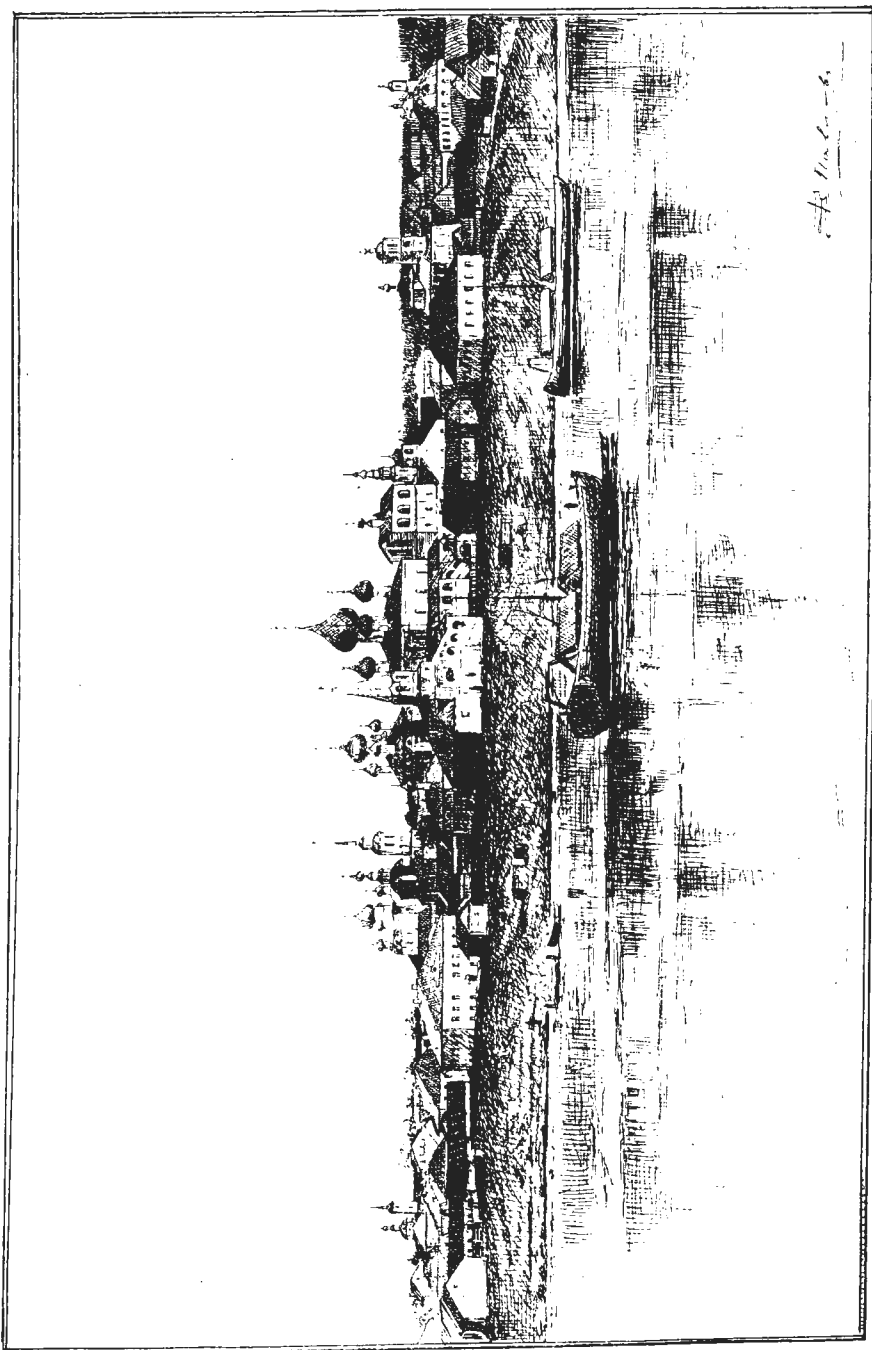
ными волнами понесся вдаль по гладкому простору Волги. Только русское сердце способно вполне ощутить всю волшебную силу нашего колокольного звона, когда онъ вольно и свободно, подобно вѣщему глаголу, далеко разносится по окрестностямъ, призывая молящихся въ стѣны храма, равно открытаго для богатыхъ и убогихъ, для счастливыхъ и несчастныхъ. И каждый разъ душею овладѣваетъ какое-то возвышенное, умиленное настроеніе при звукѣ этой торжественно гудящей въ вышинѣ мѣди.

Пропустивъ паромъ, медленно перебивавшійся черезъ Волгу, пароходъ сдѣлалъ крутой поворотъ подлѣ самой пристани и, качаясь на собственныхъ волнахъ, подошелъ къ берегу противъ теченія. Такая предосторожность принимается здѣсь въ виду того, что Волга подъ самымъ городомъ образуетъ почти прямой уголъ, и напоръ воды, благодаря крутому изгибу, значительно усиливается.

Многіе и самое названіе Углича производятъ отъ этого угла, съ незапамятныхъ временъ начертаннаго Волгою. Другіе даютъ слову Угличъ иное, болѣе замысловатое толкованіе и выводятъ его изъ слова уголь. Главнымъ аргументомъ ихъ служить мѣстное «легендарное сказаніе», которое гласитъ, что «у подгородняго селенія Золоторучья была когда-то вырыта яма, а отъ тое ямы другая малая яма; а отъ тое ямы да у сосенки на бору лежала грань, да сгарина, а отъ той сосенки на бору у корня была еще вырыта яма, а въ этой ямѣ лежали кости да уголья». Ямъ дѣйствительно накопано много, но нельзя сказать, чтобы онѣ были убѣдительны и, — если ужъ приходится выбирать, — то первое толкованіе представляется все-таки болѣе правдоподобнымъ.

Видъ на городъ отъ пристани также очень красивъ, но имѣетъ уже иной характеръ, чѣмъ панорама издали; зритель находится ближе къ берегу, и въ картинѣ преобладаютъ отдѣльныя береговья возвышенности и зданія, заслоняющія собою общую перспективу города. Вотъ впереди, на холмѣ, бывшемъ когда-то главною твердынею Углича, ярко выдѣляется своими кроваво-красными стѣнами церковь Димитрія царевича, сооруженная надъ мѣстомъ, обгареннымъ его кровію; изъ-за нея чуть замѣтно выступаетъ уголь княжескаго дворца, далѣе видны по сторонамъ два угличскихъ собора съ одною общою колокольнею, за ними тянется зеленый фонъ городского сада, а вдали нѣсколько прибрежныхъ церквей и построекъ. Подъ церковью царевича, прямо на зрителя спускается Каменный ручей, видны главы далекаго женскаго монастыря, а лѣвѣе — разбросанныя по пригорку надъ пристанью церкви: Филиппа апостола, съ самою высокою колокольнею въ городѣ, типичная по архитектурѣ церковь Флора и Лавра и нѣкоторыя другія.

Съ пригорка по дорогѣ къ пристани уже мчались извозчики со своими допотопными экипажами; пристань оживилась, на пароходъ подали сходню, и мы съ товарищемъ сошли на берегъ.

Видъ Углича съ Волги.

Одинъ изъ случайныхъ знакомыхъ на пароходѣ посовѣтовалъ намъ остановиться въ Угличѣ въ меблированныхъ комнатахъ Желудёвой, о которыхъ ему съ похвалою отзывались его знакомые. Мы порядили извозчика и отправились. Возница поднялся въ городъ, проѣхалъ нѣсколько улицъ и остановился у деревяннаго дома, не имѣвшаго ни малѣйшаго признака какой либо вывѣски.

— Развѣ здѣсь?

— Здѣсь.

— Гдѣ же тутъ меблированныя комнаты?

— Какія?

— Меблированныя.

— Такихъ что-то не слышать. А что ядили вы къ Желудёвой, такъ это она и есть.

— Да развѣ у нея можно останавливаться?

— Иной разъ господа пристають.

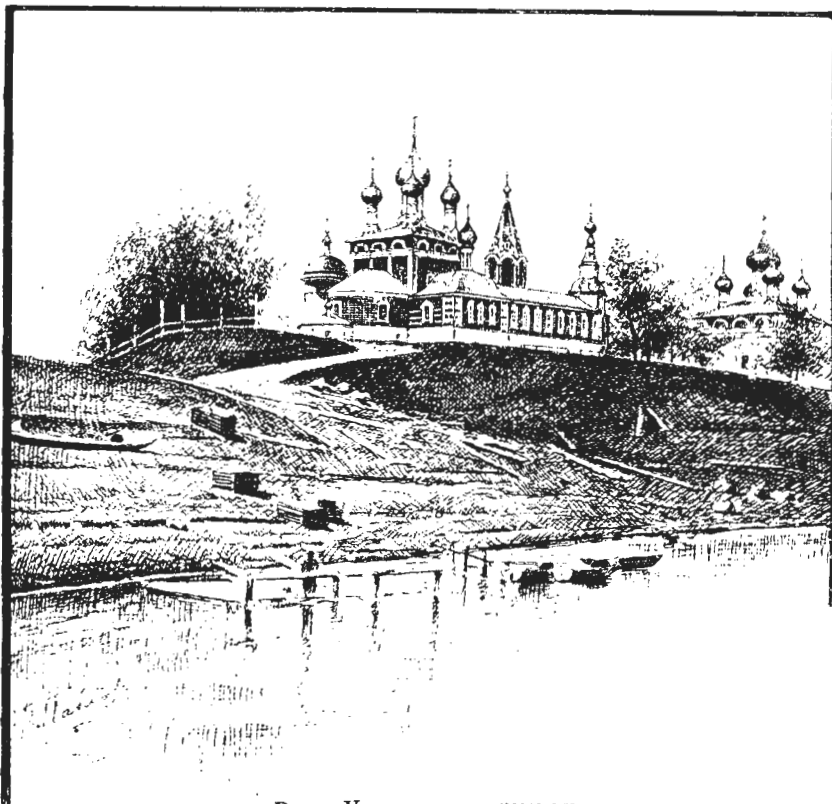
Мы вошли во дворъ и кое-какъ розыскали прислугу, а чрезъ нее и самое владѣтельницу дома. Оказалось, что въ домѣ дѣйствительно имѣется одна комната, гдѣ останавливаются члены суда во время сессіи и разныя административныя лица, бывающія проѣздомъ въ городѣ. Эта комната въ данную минуту была свободна, и г-жа Желудёва, узнавъ, что мы пробудемъ не долго и остановились только для осмотра города, любезно предоставила ее въ наше распоряженіе.

— Если вы въ первый разъ, такъ у насъ есть что посмотреть, — замѣтила она: — нашъ городъ древній, историческій.

И дѣйствительно, Угличъ, кромѣ различныхъ описателей своихъ святынь и древностей, имѣетъ двухъ собственныхъ историковъ, составившихъ повѣствованія о его судьбахъ, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Историки эти: г. Киссель, написавшій исторію Углича еще въ сороковыхъ годахъ, и г. Соловьевъ, издавшій свой трудъ очень недавно. Профессоръ Шевыревъ, побывавшій въ Угличѣ на обратномъ пути изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, даетъ о г. Киссели крайне симпатичный отзывъ. «Пріятно мнѣ было», — говоритъ онъ, — «познакомиться съ учителемъ исторіи въ уѣздномъ училищѣ Углича, теперь уже штатнымъ смотрителемъ Ѳ. Х. Кисселемъ. Онъ написалъ весьма дѣльную исторію города, къ сожалѣнію, мало у насъ извѣстную, потому, что она напечатана въ ярославской губернской типографіи, и потому, что она не романъ и не сказка, а ученый трудъ. Для этой книги авторъ воспользовался многими мѣстными лѣтописями, которыя ходятъ здѣсь въ рукописяхъ. Весьма скромно живетъ честный труженикъ. Все современное въ литературѣ возбуждаетъ въ немъ участіе. Последнюю трудовую денгу употребляетъ онъ на выписку журналовъ. Всѣ памятники Углича и всю его древность знаетъ, какъ свои пять пальцевъ. Онъ былъ моимъ путеводителемъ по городу». Г. Киссель

скончался въ 1852 году; книга его, напечатанная, вѣроятно, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, составляетъ теперь библиографическую рѣдкость.

Авторъ вышедшей въ 1895 году «Краткой исторіи г. Углича», почетный гражданинъ Леонидъ Федоровичъ Соловьевъ, извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ самый ревностный дѣятель по возвращенію изъ Тобольска ссыльнаго угличскаго колокола.

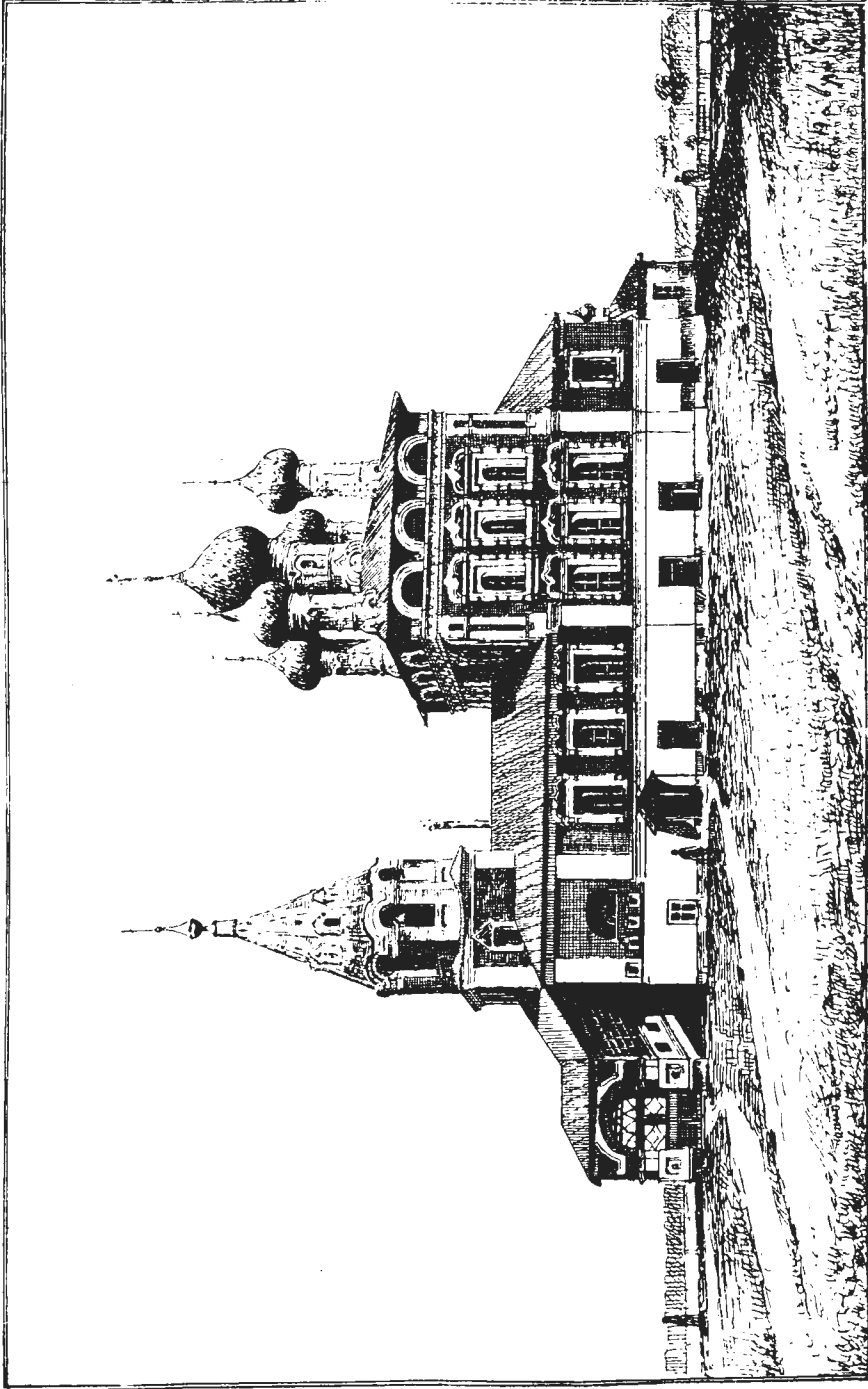
Видъ Углича отъ пристани.

Вотъ въ краткихъ словахъ исторія древняго Углича, какъ описываютъ ее, на основаніи мѣстныхъ лѣтописей, г.г. Киссель и Соловьевъ. Преданіе, записанное угличскими лѣтописцами, утверждаетъ, что городъ «начаясь съ древнѣйшихъ и незапамятныхъ временъ». Ко времени святой княгини Ольги поселеніе было будто бы уже настолько значительно, что братъ ея, или родственникъ, нѣкто Янъ, родомъ изъ Пскова, посѣтилъ Угличъ для устройства въ немъ «порядка управленія и собранія княжескихъ пошлинъ». Мѣстоположеніе Углича такъ понравилось Яну, что онъ построилъ себѣ домъ на

такъ называемомъ Яневомъ полѣ, названіе котораго сохранилось и до сихъ поръ. Далѣе лѣтописецъ рассказываетъ, что Янъ возвелъ здѣсь первыя крѣпостныя стѣны (которыя въ старину и назывались городомъ), что постройка города продолжалась семь лѣтъ, что окружность его была болѣе версты и т. д. Но повторяю, что эти свѣдѣнія сохранились только въ преданіи, которое, кромѣ названія Янева поля, ничѣмъ другимъ подтверждено быть не можетъ. Первое упоминаніе объ Угличѣ въ другихъ лѣтописяхъ мы находимъ только въ 1148 году¹⁾. Городъ долгое время входилъ въ составъ Ростовскаго княжества, а въ первой четверти XIII столѣтія получилъ самостоятельныхъ князей. Но самъ г. Соловьевъ, сознается, что «періодъ ихъ княженія описать съ достовѣрной точностью невозможно, такъ какъ это такой лабиринтъ разнорѣчивыхъ сказаній, изъ которыхъ трудно вывести что либо положительное». А потому я и не стану утруждать читателя странствованіемъ по этому дѣйствительно темному лабиринту, скажу лишь, что этотъ періодъ продолжался лѣтъ сто съ небольшимъ, и затѣмъ Угличъ перешелъ подъ власть князей московскихъ. Мѣстные историки говорятъ, что онъ былъ купленъ Іоанномъ Калитою за 5,000 рублей, но фактъ этой покупки отвергается нѣкоторыми весьма компетентными учеными, на томъ основаніи, что ни Калита, ни его преемники до Дмитрія Донскаго ничего не говорятъ въ своихъ духовныхъ не только о покупкѣ Углича и другихъ городовъ, упоминаемыхъ въ завѣщаніи этого послѣдняго князя, но даже не называютъ ихъ именъ.

Послѣднимъ княземъ московскаго періода былъ сынъ Іоанна Грознаго, Дмитрій царевичъ, имя котораго неразрывно связано съ именемъ города. Въ смутныя времена Угличу пришлось не мало пострадать отъ пришлаго польско-литовскаго сброда и отъ своихъ измѣнниковъ. Бѣдствія, по словамъ г. Соловьева, начались съ октября 1608 года, когда тушинцы взяли приступомъ Николо-Зарученскій монастырь, при впаденіи Грѣхова ручья въ Волгу, а вслѣдъ затѣмъ овладѣли и Угличемъ. Хотя жителей и заставили присягнуть Лжедмитрію, но взявшій городъ полякъ Очковскій, повидимому, смотрѣлъ на него, какъ на свою собственность, потому что когда изъ Тушина явились стольникъ князь Волконскій и Головченковъ за сборомъ дани въ пользу самозванца, то онъ даже не допустилъ ихъ въ городъ. Шуйскій послалъ угличанамъ увѣщательную грамоту. Около того же времени въ городъ явился дядя Дмитрія царевича, Григорій Нагой, съ пеленою и грамотою отъ сестры своей царицы-инокини. «Почто, православная Русь, вѣрите и слушаете враговъ нашихъ литовцевъ?»—писала царица: «Нынѣ

¹⁾ Ипатская лѣтопись, по поводу войны Изяслава Мстиславича съ Юріемъ олгорукиимъ. Лаврентьевская относитъ это событіе къ 1149 году. Въ обѣихъ лѣтописяхъ городъ называется Угличе поле.

Церковь св. Димитрія паревича «на крови».

послала азъ къ вамъ брата своего боярина Григорія Θεодоровича Нагова и съ нимъ послала образъ сына моего благовѣрнаго царевича Димитрія Иоанновича, чтобы ваши глаза видѣли, и сердца просвѣтились и на истинный путь обратилися. А мнѣ то за подлинно вѣдомо, что великій государь царь Василій Ивановичъ всея Руси васъ пощадить и вины ваши покроетъ своимъ царскимъ милосердіемъ; мнѣ онъ то царское слово молвилъ, а я васъ на то благословляю» и т. д. Слѣдствіемъ этихъ двухъ грамотъ было изгнаніе поляковъ изъ Углича, но въ концѣ декабря городъ былъ снова взятъ Лисовскимъ въ сообществѣ съ панами Стравинскимъ и Шучинскимъ. Поляки пробыли здѣсь до февраля и двинулись къ Бѣжецку и Кашину, оставивъ въ Угличѣ гарнизонъ изъ двухсотъ человѣкъ. Въ апрѣлѣ подошли царскія войска съ воеводою Никитой Вышеславскимъ и освободили городъ. Жители встрѣтили ихъ съ хлѣбомъ-солью, радостно отпраздновали вмѣстѣ съ ними праздникъ св. Пасхи, но вскорѣ, по приказу Скопина-Шуйскаго, Вышеславскій выступилъ къ Калязину, а въ іюлѣ поляки снова овладѣли городомъ. Правда, что послѣ битвы при Калязинѣ монастырь Угличъ былъ освобожденъ русскими войсками, но бѣдствія его этимъ не кончились: самый страшный погромъ былъ еще впереди.

27 января 1611 года поляки снова появились подъ Угличемъ; на этотъ разъ, по словамъ мѣстныхъ историковъ, шайками предводительствовалъ самъ Янъ Сапѣга. Расположившись за Грѣховымъ ручьемъ и занявъ стрѣleckую слободу, онъ послалъ въ городъ очень миролюбивое предложеніе о сдачѣ королю Сигизмунду, прибавляя въ концѣ: «А буде не сдадитесь, то азъ Господу Богу не повиненъ буду, что сіе мѣсто разорится, и кровь христіанская прольется; но взыщеть Господь Богъ на васъ, егда коемуждо по дѣломъ его въ день судный воздастъ». Граждане послали рѣшительный отказъ. Сапѣга съ своимъ пятитысячнымъ отрядомъ началъ осаду. Почти всѣ окрестные монастыри были разграблены и опустошены за это время. Начались приступы къ самому городу, но угличане держались стойко и каждый разъ отбивали поляковъ. Насталъ великій постъ, а поляки все еще стояли подъ городомъ, и попытки ихъ ворваться въ укрѣпленія оставались безуспѣшными. Наконецъ Сапѣгѣ удалось подкупить угличскаго стрѣleckаго сотника Ивана Пашина. Въ ночь со вторника на среду страстной недѣли онъ, будучи на караулѣ, напоилъ стрѣльцовъ и тайными путями ввелъ отрядъ поляковъ въ городъ. Истребивъ пьяную стражу, непріатели подкатили къ крѣпостнымъ воротамъ боченокъ съ порохомъ. Вороты вмѣстѣ съ башнею взлетѣли на воздухъ, и вся масса осаждавшихъ волною хлынула въ проломъ. Пощады не было никому. Многіе защитники спѣшили укрыться въ соборѣ, но поляки вышибли двери и предали смерти всѣхъ и вся. Улицы и площади, по словамъ лѣтописей, были загромождены трупами, кровь лилась въ

Пелена, вышитая, по преданию, царицей Марией Теодоровной Нагой.

домахъ, и церквахъ, и во дворцѣ княжескомъ. Солнце взошло, но убійство продолжалось; поляки грабили дома и храмы, мучили жителей и духовенство, добиваясь узнать, гдѣ спрятаны сокровища. Большая часть города была сожжена и по уходѣ поляковъ представляла однѣ дымящіяся развалины, среди которыхъ догорали костры съ трупами убитыхъ угличскихъ гражданъ. О состояніи города послѣ погрома доносили въ Москву, что стрѣльцовъ и воротниковъ въ городѣ нѣтъ ни одного человѣка, что жители съ женами и дѣтьми разбрелись розно, а которые и остались, тѣ «къ осадному сидѣнью страшливы и къ приступнымъ мѣрамъ безъ ратныхъ людей торопки, потому что отъ Литвы были выжжены и высѣчены, и разорены безъ остатка»¹⁾).

Въ теченіе XVII столѣтія городъ мало-по-малу отстроился и снова получилъ свой нынѣшній видъ; но это уже не тотъ Угличъ богатый, обширный, многолюдный, какимъ знали его современники въ концѣ шестнадцатаго вѣка.

II.

Церковь «На крови».

Годуновъ.

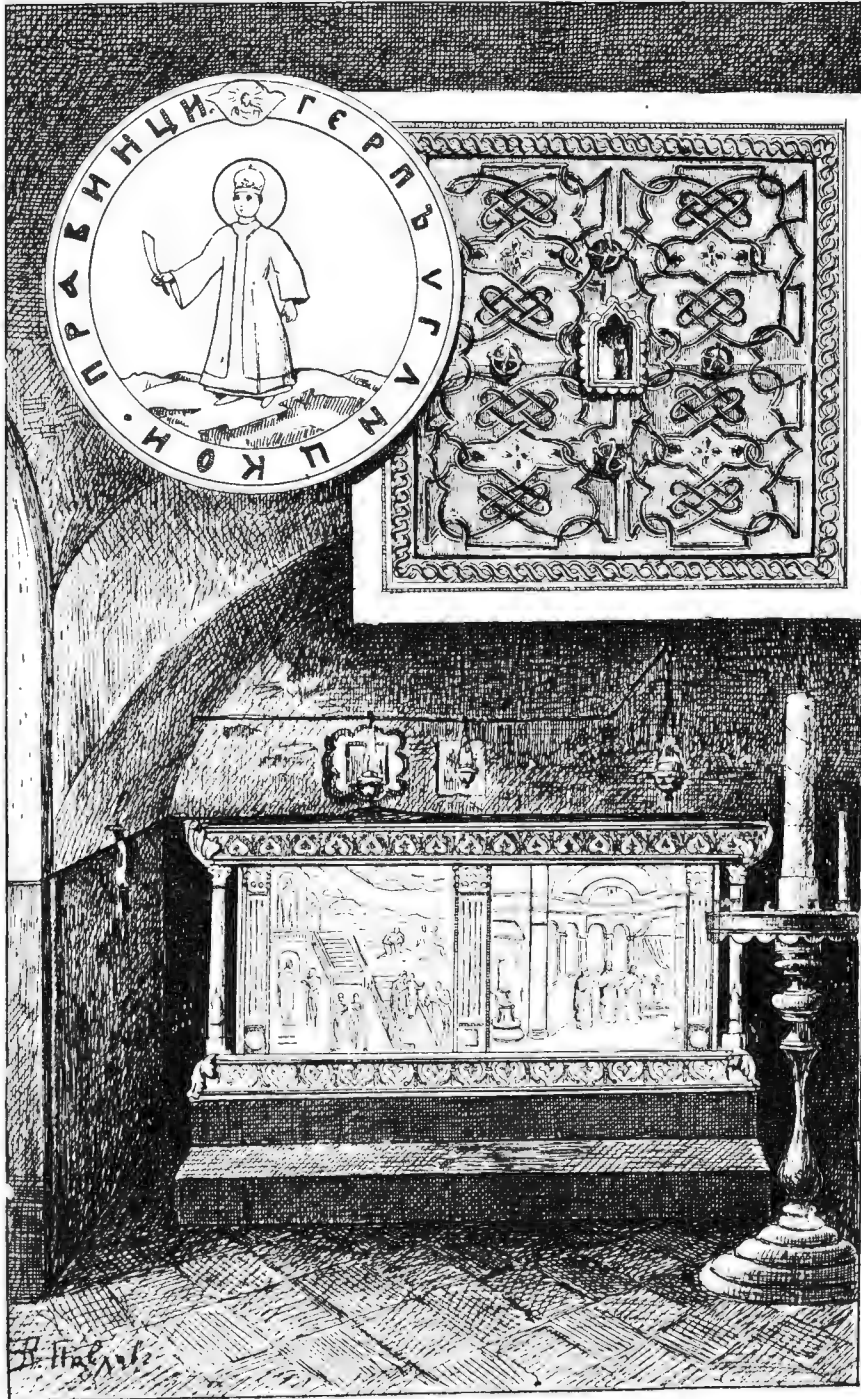
А розыскъ учинить

Объ этомъ дѣлѣ могъ бы князь Василій
Иванычъ Шуйскій.

(Гр. А. К. Толстой: «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ»).

Главнѣйшую достопримѣчательность Углича составляетъ, конечно, холмъ, свидѣтель убіенія царевича Димитрія. Въ прежнія времена на этомъ холмѣ возвышались стѣны городской крѣпости, теперь давно уже не существующія. Слѣды рва, окружавшаго крѣпость, еще сохранились, и восточную часть его составляетъ глубокой оврагъ, носящій названіе Каменнаго ручья. По писцовымъ книгамъ 1674 года, исправленная послѣ польскаго погрома угличская крѣпость была рублена изъ сосноваго лѣса въ двѣ стѣны и крыта тесомъ. Она имѣла форму неправильнаго четырехугольника и простиралась на 366 сажень въ окружности. Кромѣ четырехъ наугольныхъ башенъ, въ стѣнѣ было еще шесть другихъ, имѣвшихъ четырехугольную и шестиугольную форму. Двѣ изъ этихъ башенъ, Никольская и Спаская, были воротныя съ проѣздами и мостами, соединявшими крѣпость съ городомъ. Высота стѣнъ была различна, отъ 2 до 5 сажень, башни же были семисаженныя. Въ этихъ стѣнахъ, внутри

¹⁾ С. М. Соловьевъ: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, 2-е изд., книга II, т. IX, стр. 1322.

Мѣсто убіенія царевича Димитрія, дощечка съ частицею его крови
и гербъ Углича.

крѣпости помѣщались два городскихъ собора, женскій Богоявленскій монастырь, княжескія палаты, воеводскій дворъ и приказы. За крѣпостью полукругомъ тянулся земляной городъ, также снабженный укрѣпленіями, и за нимъ стрѣлецкія слободы. Если считать всѣ слободы и подгородныя селенія за самый городъ, то можно вполне согласиться съ угличанами, утверждающими, что городъ ихъ въ прежнія времена имѣлъ 24 версты въ окружности. По словамъ мѣстныхъ лѣтописей, Угличъ въ концѣ XVI столѣтія заключалъ въ себѣ двѣнадцать монастырей и до полутораста церквей, при сорокатысячномъ населеніи.

Въ настоящее время на крѣпостномъ холмѣ находятся два собора, холодный и теплый, остатки княжескаго дворца, церковь царевича Димитрія «На крови» и городская дума; остальная часть площади занята городскимъ садомъ.

Несомнѣнно, что княжескій дворецъ въ старину былъ гораздо обширнѣе, и нынѣшняя, недавно реставрированная постройка составляла только часть его. По всѣмъ вѣроятіямъ, дворецъ, согласно обычаямъ того времени, состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій, соединенныхъ между собою крытыми переходами, причемъ постройки по большей части были деревянные, такъ какъ отъ нихъ не найдено пока даже и основаній. Въ сѣверовосточной части холма, образовавшей уголъ между Волгою и Каменнымъ ручьемъ, неподалеку отъ входной башни, гдѣ была продѣлана калитка на Волгу, находилось пустое, незастроенное пространство, по мнѣнію нѣкоторыхъ превращенное въ садъ. Сюда-то и вышелъ погулять передъ обѣдомъ царевичъ Димитрій въ роковой день 15 мая 1591 года.

Послѣдовавшая за убіеніемъ Димитрія крутая расправа Годунова съ угличанами не дала имъ возможности тотчасъ же поставить памятникъ на мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь царевича, но извѣстно, что въ смутныя времена здѣсь уже стояла часовня, сторѣвшая, вмѣстѣ съ другими постройками, во время нашествія поляковъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, а именно въ 1630 году, на мѣстѣ часовни построена деревянная «осьмиугольная» церковь во имя царевича Димитрія и освящена въ день его кончины, 15 мая. Первымъ священникомъ этой церкви былъ попъ Іуда, привезшій изъ Москвы отъ государя всю церковную утварь, иконы и книги. Изъ описи этихъ вещей въ царской грамотѣ на имя тогдашняго угличскаго воеводы, князя Василя Петровича Крапоткина, мы узнаемъ, насколько скромнѣе былъ церковный инвентарь того времени; такъ, на примѣръ, сосуды присланы оловянные и изъ дерева, камчатныя ризы полагалось носить только по праздникамъ, для будничной же службы ризы выданы простыя полотняныя, звонъ состоялъ всего изъ двухъ колоколовъ вѣсомъ «пудъ съ гривенкою». Но интересно, что при такой скромности, почти скудости инвентаря въ описи помѣчены цѣлыхъ четыре пелены къ мѣстнымъ иконамъ. Вѣроятно,

такія пелены въ то время составляли необходимую принадлежность иконостаса. Церковь была сдѣлана ружною и получала воскъ и денежную ругу изъ царской казны; причту, кромѣ того, выдавались еще рожь и овесъ. Сохранилась грамота царя Алексѣя Михайловича отъ 1669 г., гдѣ онъ подтверждаетъ права церкви на получение двухъ пудовъ безъ четверти воску и велитъ выдавать оныя «безъ московскіе волокиты», какъ въ то время писалось. Эти права подтверждены и грамотами послѣдующихъ царей.

Преображенскій соборъ въ Угличѣ.

Построенная въ 1630 г. деревянная церковь существовала недолго. Черезъ восемь лѣтъ послѣдовалъ указъ о построеніи на этомъ мѣстѣ каменнаго храма. За это время, рядомъ съ церковью Димитрія царевича, успѣла возникнуть другая, во имя Архангела Михаила, и при сооруженіи каменнаго храма рѣшено было нижній этажъ его посвятить имени св. Архангела. Эта нижняя церковь и была окончена въ 1661 г. Что же касается до верхней, во имя царевича Димитрія, то она была освящена лишь черезъ 31 годъ послѣ нижней, именно въ 1692 году. На поперечномъ брусѣ за

иконостасомъ этой церкви находится надпись, что она построена «царскою казною, тщаніемъ и радѣніемъ московской вкладчицы, княгини Анны Васильевны вдовы Черкасовой, сродницы матери царевичевой, бывшей отъ роду Нагихъ».

Когда мы по крутой каменной лѣстницѣ поднялись въ верхнюю церковь, въ ней оканчивалась служба. Молящихся было всего двѣ или три старушки. Подъ сводами одиноко раздавался голосъ причетника. Мы стали разсматривать живопись въ притворѣ. Она не древняя и по письму должна быть отнесена къ концу прошлаго столѣтія. На стѣнахъ притвора изображены сцены изъ сотворенія міра и человѣка, а въ самомъ храмѣ на западной стѣнѣ помѣщено изображеніе кончины царевича. Благочестивые зрители этой тяжелой сцены выразили свое негодование къ убійцамъ тѣмъ, что выкололи имъ глаза какимъ-то острымъ орудіемъ, теперь у злодѣевъ вмѣсто глазъ—пустыя отверстія, въ которыя видна штукатурка.

Окончивъ службу, священникъ, о. Николай Косьмодемьянскій, очень любезно показалъ намъ всѣ достопримѣчательности храма, которыхъ здѣсь собрано не мало.

Направо у стѣны, подлѣ иконостаса, помѣщается серебряная рака, устроенная въ ростъ царевича; тутъ же находится и древняя пелена, или «плащаница», изъ краснаго атласа, съ его изображеніемъ. Плащаница эта, по преданію, вышита руками царицы Маріи Θεодоровны Нагой, въ инокиняхъ Марѣы. Въ виду интереса, представляемаго этимъ древнимъ памятникомъ нашего вышивальнаго и золотошвейнаго искусства конца XVI вѣка, позволю себѣ привести ея описаніе, составленное священникомъ о. Ярославскимъ: изображеніе царевича Димитрія вышито шелками и золотомъ; длина фигуры 1 аршинъ и 11 вершковъ. На головѣ царевича вѣнецъ; волосы и брови чернаго шелку; воротникъ стоячій, ожерелье низано 65-ю жемчужинами; въ правой рукѣ восьмиконечный крестъ, лѣвая простерта «молебне»; сапоги красные, охабень шить съ золотомъ, воротникъ и опушка черные. Длина всей плащаницы 2 аршина 2 вершка, ширина 17 вершковъ. По поводу этой интересной плащаницы въ описаніи церкви приведена слѣдующая цитата, повидимому, изъ мѣстной лѣтописи: «Царица инокиня Марѣа присѣдѣяше гробу сына своего и смотряше на тѣло, нача шивати въ его мѣру возраста благолѣпную плащаницу, вышиваше золотомъ, серебромъ и шелкомъ. А на шеѣ изобрази жемчужное ожерелье, яко бы онъ ношаше до закланія своего. О чемъ и вопрошенъ бысть отъ убійцы Волохова. Мать же благовѣрнаго царевича Димитрія прося усердно вятѣйшаго патріарха Гермогена возложить на святыя мощи священными руками оную плащаницу. Святитель же, сіе исполнивъ по ея прошенію, посла въ Угличъ и образъ благовѣрнаго царевича сна дскѣ писанный. Услышавше же сіе, граждане встрѣтили со кресты и святыми иконами, и внесоша во храмъ его, построенный на

крови его. И умысли чинъ духовный, и граждане да установятъ празднество плащаницѣ сей мая въ 16 день, носить вокругъ дворца его, и младенцы подносить, якоже и царевичъ имѣлъ семь лѣтъ съ половиною». Праздникъ этотъ справляется ежегодно, и главными лицами на торжествѣ являются дѣти, почти поголовно приводимыя родителями на поклоненіе царевичу. Съ вечера въ церкви служится всенощная, а въ самый праздникъ, послѣ литургіи, во время которой многія дѣти приобщаются св. Таинъ, совершается съ плащаницею крестный ходъ на далекое разстояніе, чтобы всѣ маленькіе участники торжества могли удобно и безъ тѣсноты подойти подъ плащаницу. Въ это время около церкви торговцы раскидываютъ палатки съ игрушками и сладостями, и дѣти долго веселятся, какъ бы находясь въ гостяхъ у царевича.

Выше раки на стѣнѣ помѣщенъ образъ самого виновника дѣтскаго торжества, писанный впрочемъ уже послѣ освѣщенія верхней церкви. На самой ракѣ находится кипарисная дощечка, обложенная серебряными листами и украшенная орнаментомъ чернью по серебру. Въ срединѣ этой дощечки, въ небольшомъ ковчегѣ хранится запекшаяся кровь мученика, а по краямъ ковчегца крестообразно укрѣплены на доскѣ четыре орѣховыхъ скорлупки. Дощечка эта прислана изъ Москвы вскорѣ послѣ освященія нижней церкви, по просьбѣ угличанъ, желавшихъ имѣть у себя частицу мощей царевича. «Царь (Михайлъ Ѳеодоровичъ) совѣтовался съ отцемъ своимъ плотскимъ и духовнымъ Филаретомъ Никитичемъ, кую бы часть мощей царевичевыхъ послать въ Угличъ? И вложи Богъ имъ мысль, да кровь его скипѣвшуся у гортани пошлютъ. И отпѣвъ святѣйшій патріархъ всенощное бдѣніе благовѣрному царевичу Димитрію соборомъ, предъ литургіею прикоснуса къ св. мощамъ и отягъ св. кровь его, скипящуюся у гортани, величиною въ яичко, и вложи въ уготованный ковчегъ, аки образъ штилистовой, обложи его серебромъ съ чернью и позлативъ. Около сего же ковчега въ таковыхъ же ставочкахъ вложи четыре орѣшка луцены и, утвердивъ тотъ ковчегъ, отпустиша въ градъ Угличъ съ ними одръ и старую раку, въ которой несены были мощи царевича въ Москву, и тако принесены быша въ лѣто 7139, а отъ Рождества Христова 1631-е декабря въ 10-й день, а по убіеніи царевича въ 40 лѣто». Относительно упоминаемыхъ здѣсь орѣшковъ мы находимъ свѣдѣнія въ такъ называемой Филаретовой рукописи (изданной подъ редакціею П. Муханова въ 1837 году): «Егда убіенъ бысть отъ безбожныхъ измѣнникъ, и тогда ему прилучись держати въ шуйцѣ своей убрусъ шить златомъ и серебромъ пряденымъ, — во друзей же приключишася плодъ, глаголемый орѣхи», и платокъ и орѣхи при открытіи мощей были найдены у царевича, «яко у живаго въ руцѣ держимо». При мощахъ царевича Димитрія въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ хранятся и другіе предметы, бывшіе при немъ

во время совершения убійства, какъ-то кошелекъ съ серебряною мелкою монетою, деревянная столовая ложка, также рубашка, поясъ и тафья, вышеупомянутый платокъ и пр. По слухамъ, угличане въ настоящее время ходатайствуютъ о возвращеніи къ нимъ этихъ драгоценныхъ воспоминаній о царевичѣ, чѣмъ доказываютъ, что любовь ихъ къ своему страстотерпицу осталась та же, какъ и въ 1631 году.

Отецъ Николай провелъ насъ въ алтарь и показалъ хранящійся тамъ серебряный крестъ на серебряной цѣпочкѣ, пожертвованный въ церковь царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, богослужебные сосуды, присланные его сыновьями, государями Петромъ и Иоанномъ Алексѣевичами, богатое оплечье, принесенное въ даръ княгиней Одоевскою, и копии съ царскихъ грамотъ. Здѣсь же хранится и житіе царевича, писанное рукою св. Димитрія Ростовскаго, пожертвовавшаго свой манускриптъ въ 1709 году.

Осмотрѣвъ все эти достопримѣчательности, мы перешли въ боковой придѣлъ ярославскихъ чудотворцевъ, князей: Θεодора, Давида и Константина, устроенный въ 1861 году на сѣверной сторонѣ храма, на мѣстѣ старой, обветшавшей каменной галлерей. Здѣсь есть нѣсколько интересныхъ иконъ древняго письма, какъ, напримѣръ, икона самихъ ярославскихъ чудотворцевъ и другія, но большинство предметовъ, хранящихся въ придѣлѣ, напоминаютъ намъ не столь отдаленныя времена Крымской кампаніи. Иконостасъ 1855 года писанъ на холстѣ и принадлежалъ Угличскому ополченію № 130. Здѣсь же находится знамя ополченія и серебряный складень, принесенный въ даръ угличской дружинѣ мѣстнымъ купцомъ «степеннымъ гражданиномъ» М. А. Хорхоринымъ. Разставаясь съ верхнимъ храмомъ, упомяну еще о прекрасно сохранившейся въ притворѣ желѣзной двери XVII вѣка. Она настолько хороша и интересна, что послужила образцомъ для подобной же двери новой работы въ Новгородскомъ музеѣ древностей.

Входъ въ нижнюю церковь Архангела Михаила устроенъ особо, съ площади, и находится въ южной сторонѣ постройки. Внутри церковь низка, лишена всякихъ украшеній и производитъ впечатлѣніе узкаго, длиннаго подвала. Мѣсто, гдѣ, по преданію, упалъ царевичъ, находится у лѣвой стѣны передъ алтаремъ и обозначено помѣщенною надъ нимъ серебряною ракою. Объ этомъ мѣстѣ въ церковныхъ документахъ имѣется слѣдующая записъ: «Въ 1654 году мѣсяца іюня въ 19 день, егда шествіе творяше великій государь и царь всея Россіи самодержецъ во градъ Кашинъ на перенесеніе мощей благовѣрныхъ княгини Анны изъ деревянной въ каменную соборную церковь. Тогда царь изволилъ прибыть въ Угличъ къ своему сроднику, благовѣрному царевичу Димитрію, видѣти мѣсто его, гдѣ былъ убіенъ, и мокроту мѣста того, яже исходниша... и тогда при его государевѣ пришествіи мокрота изыде изъ земныхъ

Дворецъ царевича Димитрія въ Угличѣ до и послѣ реставраціи.

нѣдрѣ, гдѣ и нынѣ рака на томъ мѣстѣ зрится, а землю берутъ на исцѣленіе зубной болѣзни. Тогда государь, смотря со всею царскою фамиліею и бояры, и удивляясь, яко то мѣсто, обагреное кровію, и донынѣ мокро пребываетъ, якобы напоено недавно кровію царскою, и изволилъ тогда царь пожаловать крестъ на образъ царевичевъ съ себя носильный съ цѣпочкою серебряной, на одной сторонѣ изображенъ образъ Спасовъ и по угламъ 4 жемчужины». Это и есть тотъ крестъ Алексѣя Михайловича, о которомъ я упоминалъ выше, говоря о достопримѣчательностяхъ, хранящихся въ алтарѣ верхняго храма.

III.

Дворецъ и соборъ.

Дворецъ владѣтельныхъ князей!
Ты пробылъ много лѣтъ въ забвеніи;
Теперь въ тебѣ возникъ музей,
И нѣтъ слѣдовъ опустошенья.

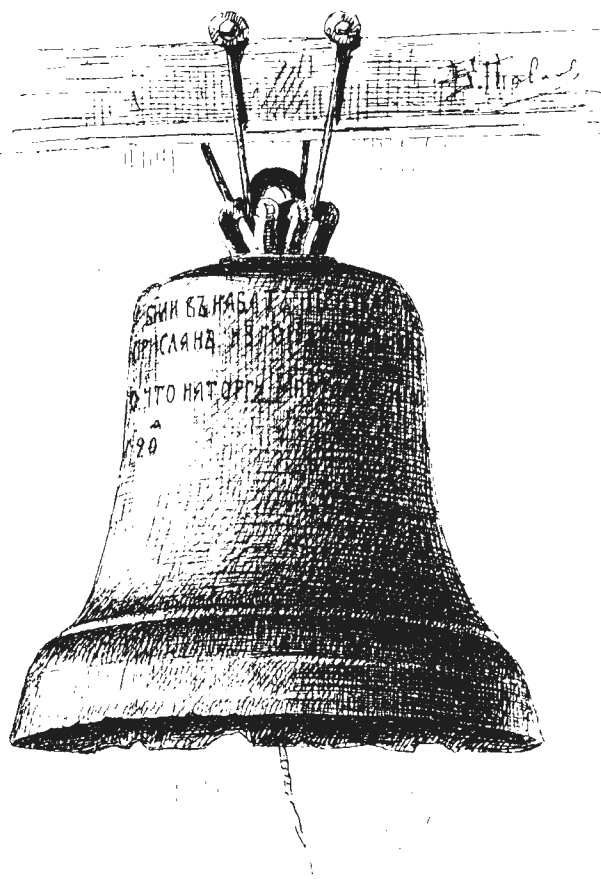
(Л. Ф. Соловьевъ: Краткая исторія г. Углича).

Отъ мѣста убіенія царевича нынѣшнее дворцовое крыльцо находится шагахъ въ семидесяти, хотя, конечно, ничѣмъ нельзя доказать, чтобы царевичъ сошелъ къ убійцамъ именно съ этого крыльца. До реставраціи зданіе дворца было окружено разросшимися вокругъ него старыми березами, прикрывавшими собою ветхія стѣны, и придававшими дворцу характеръ запущенности, не лишенный нѣкотораго поэтическаго оттѣнка. Теперь березы вырублены, дворецъ стоитъ, какъ на блюдечкѣ, новенькій, чистенькій, точно вчера отстроенный, и, не смотря на разныя детали, скомпанованныя по строгимъ археологическимъ даннымъ, отнюдь не производитъ впечатлѣнія старины, и, вѣроятно, потому, что время еще не успѣло наложить на него свою руку; лѣтъ черезъ сорокъ, пятьдесятъ, эта же постройка будетъ производить совершенно иное впечатлѣніе. Вокругъ дворца разведенъ молодой садикъ, окруженный металлическою сквозною рѣшеткою.

Музей древностей, помѣщающійся во дворцѣ, былъ еще закрытъ, но сторожъ, который живетъ тутъ же, въ самомъ зданіи, охотно вызвался принести ключи.

Въ день освященія новаго дворца и открытія музея, извѣстный археологъ и знатокъ ростовскихъ и ярославскихъ древностей, А. А. Титовъ, прочелъ очень интересный отчетъ, изъ котораго мы заимствуемъ нѣкоторыя данныя относительно исторіи дворца и его реставраціи. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы эта исторія была основана на документальныхъ извѣстіяхъ, и даже въ самый отчетъ

почтеннаго археолога вкралась, по нашему мнѣнію, довольно важная ошибка. О прошломъ дворца г. Титовъ говоритъ: «Когда-то угличскій дворець видѣлъ подъ своимъ кровомъ именитыхъ князей, начиная съ основателя князя Андрея Васильевича Большаго, жившаго еще въ XV вѣкѣ; здѣсь пировалъ съ своею дружиною безпокойный Шемяка, тутъ же провелъ нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ двоюродный

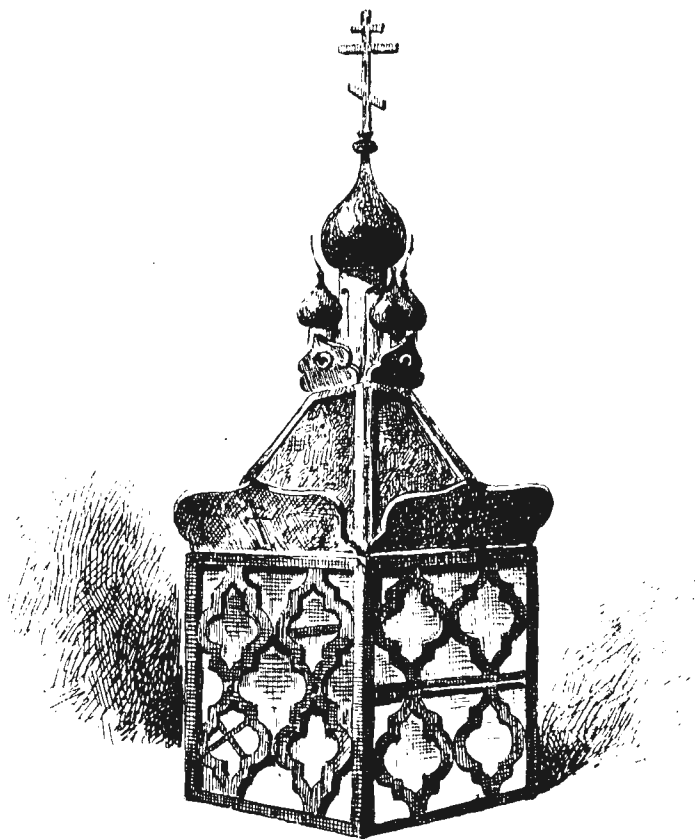

Угличскій ссыльный колоколь.

братъ Шемяки — московскій великій князь, Василій Темный, по стѣны того же дворца видѣли очень трогательное, къ сожалѣнію, непродолжительное, примиреніе братьевъ-враговъ». Изъ этихъ словъ видно, что основателемъ дворца г. Титовъ считаетъ князя Андрея Васильевича Большаго. Но если этотъ князь дѣйствительно построилъ дворець, то какъ могъ пировать въ немъ Шемяка и заключить въ него Василя Темнаго? Вѣдь извѣстно, что Андрей Ва-

сильевичъ Большой,—названный второю псковскою лѣтописью, Горяемъ,—былъ четвертымъ сыномъ Василя Темнаго и родился въ 1446 году въ Угличѣ именно тогда, когда отецъ его находился здѣсь въ заточеніи. Слѣдовательно одно изъ двухъ: либо дворецъ основанъ Андреемъ Васильевичемъ, и тогда ни Шемяка, ни Темный не могли пировать и мириться во дворцѣ, либо они дѣйствительно и пировали здѣсь и мирились, но въ такомъ случаѣ дворецъ основанъ не Андреемъ Васильевичемъ, получившимъ Угличъ лишь послѣ смерти отца въ 1462 году. Перенеся разореніе Углича Борисомъ, послѣ смерти Димитрія царевича, и затѣмъ цѣлый рядъ разореній, произведенныхъ литовцами, дворецъ находился въ крайне печальномъ состояніи. О немъ вспомнили во время постройки церкви «На крови» и нѣсколько его подновили. Въ началѣ царствованія Петра, по словамъ г. Титова, «хотя и предполагено было поправить его, но вмѣсто того разломали часть западной стѣны, съ цѣлью употребить кирпичъ для постройки собора». Къ началу нашего столѣтія дворецъ обветшалъ совершенно и спасенъ отъ паденія, лишь благодаря угличскому купцу Кожевникову. Но подѣлки, имъ произведенныя, были крайне неискусны и даже извратили истинный характеръ памятника. О впечатлѣніи, производимомъ въ тѣ времена угличскимъ дворцомъ на путешественника, мы можемъ судить по описанію С. П. Шевырева, посѣтившаго Угличъ въ 1847 году: «Близъ собора находится и теремъ царевича Димитрія: довольно высокое, какъ бы обрубленное со всѣхъ сторонъ, четверугольное зданіе, въ два этажа. Березы осѣняютъ его кругомъ. Внутри, въ верхнемъ этажѣ, палата—одна большая комната. Окна изъ слюды: только и есть въ ней древяго. Но стѣны и потолокъ расписаны очень дурною современною кистью. И здѣсь чье-то неразумное усердіе нарушило старину въ пользу худой новизны. Но и самая новизна уже успѣла испортиться отъ сырости. Штукатурка обвалилась. Извозчикъ замѣтилъ: «Хотѣли оштукатурить дворецъ, да штукатурка не держится на стѣнахъ: не хочетъ того Димитрій царевичъ». Въ нижнемъ этажѣ другая квадратная комната, да подвалъ подъ нею. Здѣсь однѣ развалины, дающія поводъ къ толкамъ, что будто бы отъ дворца былъ тайный подземный проходъ на Волгу. Но ни исторія, ни изслѣдованія мѣстныхъ не оправдываютъ этихъ предположеній». Ровно черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Шевырева посѣтилъ Угличъ новый ярославскій губернаторъ, А. Я. Фриде, и обратилъ вниманіе на дворецъ, какъ на одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ гражданскаго зодчества. Реставрація была поручена Н. В. Султанову, причемъ дѣятельное участіе въ работѣ принимали угличскій предводитель дворянства г. Колмогоровъ и дѣйствительный членъ императорскаго московскаго археологическаго общества г. Шляковъ. Возобновленіе дворца обошлось въ двадцать тысячъ рублей и съ избыткомъ покрылось пожертвованіями любителей родной старины. Торжествен-

ное освященіе обновленнаго дворца и открытіе при немъ музея состоялось 3 іюня 1892 года въ присутствіи ихъ императорскихъ высочествъ великаго князя Сергія Александровича и великой княгини Елизаветы Теодоровны. Приготовленія къ этому торжеству недавно были описаны на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ воспоминаніяхъ Н. И. Свѣшниковъ ¹⁾.

Фснаръ XVII вѣка, сопровождавшій мощи царевича Димитрія въ Москву и хранящійся въ Угличскомъ музеѣ.

Сторожъ вернулся съ ключами, и мы поднялись на дубовое крыльцо, крыша котораго увѣнчана шатровыми верхами съ желѣзными прапорами.

Внутренность дворца представляетъ одно обширное квадратное помещеніе со сводами. Вѣроятно, въ старину оно было разгорожено

¹⁾ См. т. XXV, 1896 г., августъ.

перегородками и заключало въ себѣ нѣсколько покоевъ, о чемъ отчасти можно заключить и по окнамъ, расположеннымъ на разныхъ высотахъ, но отъ деревянныхъ перегородокъ теперь, конечно, не осталось и слѣда. Прямо противъ входа, на стѣнѣ подъ окнами,— древнее, реставрированное изображеніе Спаса Нерукотвореннаго; остальные стѣны выбѣлены, но, по слухамъ, ихъ собираются расписывать. Предметы, хранящіеся въ музеѣ, развѣшаны частію по стѣнамъ, частію размѣщены въ витринахъ за стеклами. Сторожъ разсказалъ намъ, что теперь въ музеѣ собрано уже до тысячи предметовъ, и что каталогъ имъ составляется.

Главными предметами музея должно считать: носилки, на которыхъ при Шуйскомъ мощи царевича были несены въ Москву, и слюдяной фонарь, сопровождавшій мощи во все время пути. Носилки сдѣланы изъ простаго дерева и обиты краснымъ сукномъ. Третью достопримѣчательность музея составляетъ извѣстный ссыльный колоколь, возбудившій въ свое время столько толковъ и споровъ. Исторія возвращенія этого колокола изъ Тобольска въ Угличъ подробно описана С. А. Адриановымъ въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1892 года. Въ послѣдней главѣ авторъ, какъ извѣстно, приводитъ справку изъ сибирской лѣтописи, что во время страшнаго пожара въ Тобольскѣ 29 мая 1677 года угличскій часобитный колоколь вмѣстѣ съ другими колоколами раздался и растопился безъ остатку. На эту историческую справку, на сколько мнѣ помнится, возраженій, по крайней мѣрѣ, дѣльныхъ,—не послѣдовало. Хлопотавшій о возвращеніи колокола г. Соловьевъ посвящаетъ въ своей «Исторіи Углича» цѣлую главу этому событію, но ни словомъ не упоминаетъ о статьѣ г. Адрианова. Онъ ни на минуту не сомнѣвается въ подлинности колокола и, не смотря ни на что, заявляетъ: «этотъ колоколь есть тотъ самый ссыльный,—поэтому не слѣдуетъ предаваться сомнѣніямъ и вѣрить празднымъ выдумкамъ гг. корреспондентовъ и другихъ лицъ. О себѣ скажу, что въ дѣлѣ этомъ для меня истина стоитъ выше всего, тѣмъ болѣе, что ходатайство это я велъ на собственные средства, а присланныя мнѣ 32 рубля 50 копеекъ мною возвращены». По его словамъ «карнаухій» колоколь служилъ доходною статью для тобольскихъ кустарей, которые изготовляли изъ мамонтовой кости разныя издѣлія съ его изображеніемъ. Угличане, кажется, до этого еще не додумались.

На стѣнахъ музея помѣщены два образа царевича, изъ которыхъ одинъ писанъ на холстѣ масляными красками въ началѣ XVII вѣка; здѣсь же находится и большое изображеніе угличскаго герба, даннаго городу при Екатеринѣ II. Въ гербѣ на кругломъ полѣ представленъ Дмитрій царевичъ, держащій въ правой рукѣ ножъ, орудіе своей смерти.

Въ одной изъ витринъ обращаетъ на себя вниманіе коллекція работъ священника о. Петра Угличскаго, поведеніе котораго отли-

чалось большими странностями и напоминало древнее юродство. Онъ жилъ на окраинѣ города въ Иерусалимской слободѣ, и сюда массами стекались къ нему почитатели, которые съ благоговѣніемъ слѣдили за каждымъ его словомъ, за каждымъ движеніемъ, будучи вполне увѣрены, что о. Петръ обладаетъ даромъ провидѣнія и символически открываетъ каждому будущую судьбу его. Существуетъ великое множество рассказовъ о томъ, какъ сбывались предсказанія о. Петра. Коллекція состоитъ изъ небольшихъ желѣзныхъ издѣлій, представляющихъ собою модели разнородныхъ предметовъ. Здѣсь есть и якорь, и камертонъ, и лѣстница, и циркуль, и напильникъ, и цѣпь и т. д. Надъ витриною на стѣнѣ виситъ древнее оружіе: бердышы, сѣкиры, копья. Интересна также старинная шитая хоругвь съ изображеніемъ нерукотвореннаго Спаса. Въ отдѣлѣ домашней утвари обращаетъ на себя вниманіе собраніе деревянныхъ ковшей и братинъ съ рѣзбою, съ коньками, конскими головами и т. п. Въ одной изъ витринъ хранится автографъ шуточнаго стихотворенія Державина. Листокъ, къ сожалѣнію, помѣщенъ такъ, что видна только первая страница, и конца стихотворенія прочесть нельзя. Въ верху листка мы разобрали надпись: «...принесъ пакетъ его вратникъ оберъ-священника Державина къ бывшему сенатору Державину, который для избѣжанія впредь ошибки пишетъ критической на оберъ-священника приставнику приказъ». Само стихотвореніе начинается такъ:

Одинъ есть Богъ—одинъ Державинъ,
Я въ глупой гордости мечталъ;
Одна мнѣ рюма дрѣвній Навиць,
Кой солнца бегъ остановилъ.
Теперь другой Державинъ зрится,
И рюма та-жъ ему годится,
Но тотъ Державинъ попъ, не я—
На мнѣ парикъ, на немъ скуфья и т. д.

Новыя вещи, изготовленныя для музея, всѣ скопированы съ древнихъ образцовъ; кресла представляютъ собою повторенія извѣстныхъ креселъ, сохранившихся отъ временъ патріарха Іосифа и Петра I, изразцы кафельной печи скопированы съ изразцовъ такой же печи въ княжскихъ теремахъ Ростовскаго музея и проч.

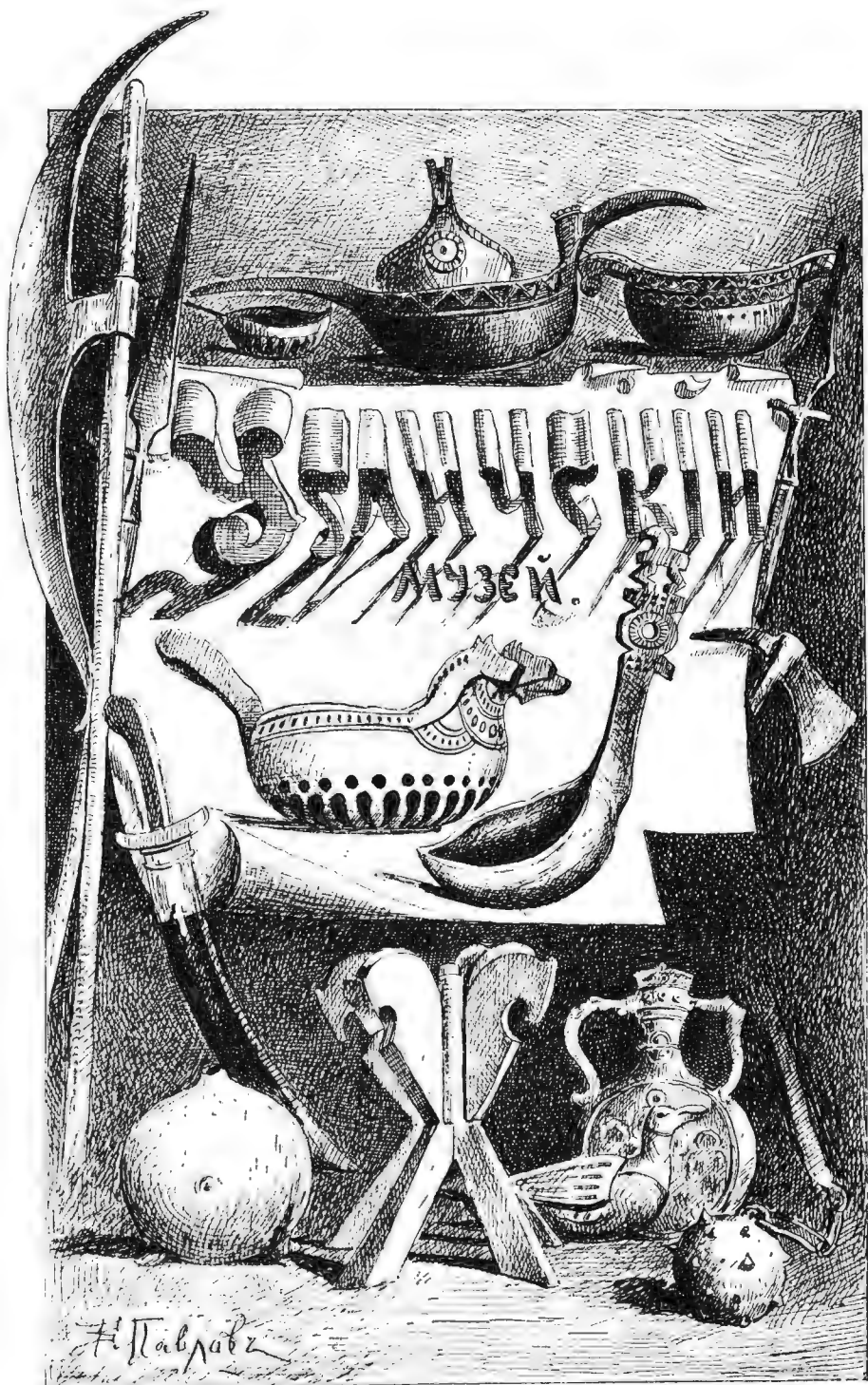
Изъ музея сторожъ провелъ насъ въ нижнія, или, точнѣе, подвальные помѣщенія дворца. Въ одномъ изъ нихъ, по его словамъ, была тюрьма, въ которой содержался Василій Темный, но это предположеніе, конечно, очень гадательно. Въ другомъ подвалѣ болѣе просторномъ, освѣщенномъ съ противоположныхъ сторонъ двумя окнами, мы увидѣли, близъ входа, надгробную плиту XVI вѣка, найденную близъ собора; надпись довольно хорошо сохранилась.

Отъ дворца царевича Димитрія мы направились къ мѣсту, гдѣ онъ былъ похороненъ. Соборъ находится тутъ же на берегу противъ церкви «На крови» и почти въ такомъ же разстояніи отъ дворца,

какъ и мѣсто убіенія царевича. Но нынѣшній соборъ—постройка сравнительно новая, такъ какъ освящена въ 1713 году, древній же Преображенскій храмъ, въ которомъ погребались угличскіе князья и княгини, былъ деревянный. Въ 1485 году на его мѣстѣ воздвигли каменный соборъ, простоявшій до XVIII столѣтія, въ этомъ соборѣ и былъ похороненъ царевичъ. Во время польскаго нашествія постройка сильно пострадала отъ огня и въ концѣ XVII вѣка была разобрана. Новый соборъ, существующій до настоящаго времени, былъ, по какимъ-то причинамъ, построенъ не на мѣстѣ стараго, а отнесенъ сажень на 5 или 6 въ сторону, такъ что отыскать могилы древнихъ князей становится теперь довольно затруднительнымъ. Внутри, обширный сводъ собора утверждёнъ безъ столбовъ прямо на стѣнахъ, стѣны расписаны въ первой половинѣ нашего столѣтія академикомъ Медвѣдевымъ. Живопись очень недурная и издали производитъ впечатлѣніе гобеленовъ, помѣщенныхъ между вычерченными на стѣнахъ колоннами и пиластрами.

Передъ иконостасомъ, справа и слѣва, находятся двѣ серебряныя гробницы. Въ одной изъ нихъ, у правой стѣны, лежатъ останки мощей св. Романа Владиміровича, угличскаго князя, родившагося въ 1248 и скончавшагося въ 1285 году. О жизни его, кромѣ сомнительнаго извѣстія объ основаніи города Романова-Борисоглѣбска, почти ничего неизвѣстно. Въ 1485 году, когда стали копать землю для фундамента каменнаго собора, мощи его были найдены нетлѣнными и положены въ новосозданномъ храмѣ, но свидѣтельствованіе ихъ оттянулось болѣе, чѣмъ на 100 лѣтъ, и только въ 1595 году въ Угличъ посланъ былъ патріархомъ Іовомъ митрополитъ казанскій Гермогенъ, который и свидѣтельствовалъ ихъ нетлѣніе. Когда въ 1611 году поляки ворвались въ городъ, они разграбили соборъ, выбросили изъ гробницы тѣло русскаго князя и предали его огню. Теперь въ соборѣ хранятся останки мощей, собранныхъ жителями послѣ погрома.

Другая гробница у лѣвой стѣны поставлена въ память царевича Дмитрія, похороненнаго, какъ говорятъ, на этомъ самомъ мѣстѣ къ 1591 году. Мощи царевича пробыли въ землѣ до 1606 года, когда ихъ перенесли въ Москву. Рукопись Филарета подробно рассказываетъ объ этомъ событіи. Въ концѣ мая 1606 г. за мощами посланы были Шуйскимъ изъ Москвы: митрополитъ Филаретъ Никитичъ, правившій тогда престоломъ ростовскимъ и ярославскимъ, астраханскій архіепископъ Феодосій, спасскій архимандритъ Авраамій и бояре: князь Иванъ Михайловичъ Воротынский, Петръ Никитичъ Шереметевъ, Андрей Александровичъ и Григорій Феодоровичъ Нагіе. Лишь только въ городѣ узнали, что московскіе послы явились за мощами царевича, «внезапу стечеса весь градъ, мужи и жены, и съ сущими младенцы цареву повелѣнію едва повинующеса, и послѣднее цѣлованіе живоносному мертвецу отдающе сво-

Древнее оружие и утварь изъ коллекции Угличскаго музея.

ему государю и надгробныя пѣсни съ плачемъ и воплемъ испущаху, якожь и при погребеніи праведнаго, такожде и нынѣ о пренесеніи его плачевне рыдаху». Съ самимъ открытіемъ мощей въ рукописи связано слѣдующее преданіе: посланные принялись усердно копать землю, но гроба не находили. Долго трудились они безуспѣшно и уже начали подозрѣвать, не утаилъ ли кто изъ угличанъ гробъ царевича. Не зная, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, они начали пѣть въ соборѣ молебень, и вотъ послѣ молебна направо, «со стороны рва копанова» показался изъ земли дымокъ, по которому вскорѣ и обрѣли гробъ царевича. 3-го іюня посольство съ мощами отправилось обратно въ Москву. Въ серебряной ракъ хранится покровъ, вынутый изъ гроба царевича при открытіи мощей.

Выйдя изъ собора, мы пріѣли отдохнуть на лавочкѣ противъ дворца, подъ березами, которыя тянутся отъ собора къ церкви «На крови». По срединѣ этой аллеи возвыпалась надъ самымъ обрывомъ къ Волгѣ деревянная арка, обвитая засохшими гирляндами зелени. На лавочкѣ сидѣлъ какой-то мѣстный обыватель.

— Скажите, пожалуйста, что это у васъ за арка? — обратились мы къ нему.

— А это, когда великій князь пріѣзжалъ, встрѣча была, такъ съ тѣхъ поръ и стоитъ. Тогда-то красиво было, великолѣпно, а теперъ обвешала. А вы, вѣроятно, не здѣшніе?

— Нѣтъ.

— Туристы?

— Туристы.

— То-то я видѣлъ, вы изъ дворца выходили и въ соборъ шли. Соборъ у насъ не древній; древній-то, по слухамъ, лѣвѣе былъ, а этому и двухсотъ лѣтъ нѣтъ.

— За-то дворець у васъ древній, — замѣтилъ я, но обыватель оказался скептикомъ.

— А много ли осталось отъ дворца-то?—загорилъ онъ.—Четыре голыхъ стѣны да слюдяныя рамы. Немного данныхъ! Что было? Какъ было? Ничего неизвѣстно. Нашли неподалеку въ землѣ почернѣлые камни, точно бы отъ бани,—вотъ и весь матеріаль. Помоему, это даже и не реставрація, потому что въ сущности и реставрировать было нечего. Вотъ если бы произвести раскопки по всему мѣсту, да поглубже, можетъ быть, что нибудь и узнали бы существенное, а такъ, на поверхности немного сдѣлаешь. Нашли во дворцѣ въ стѣнахъ два отверстія, а что они означаютъ? къ чему они? никто не знаетъ. Укрѣпили стѣны, подстроили крыльцо, тѣмъ и кончилось.

Я перевелъ разговоръ на колоколь. Онъ махнулъ рукою и улынулся.

— Было съ нимъ возни не мало; два года хлопотали. Я въ Петербургѣ былъ, такъ и тамъ ужъ жаловались: надоѣло, молъ, намъ это ваше колоколо, рады, что развязались.

— Кому же и хлопотать о немъ было, какъ не вамъ? — замѣтилъ я.

— Да, если бы повѣрнѣе знать, что колоколь-то дѣйствительно тотъ самый, а то кто его знаетъ? Въ Tobольскѣ увѣряли, что не тотъ, въ Петербургѣ въ журналахъ тоже противъ него писали, наши говорятъ, что тотъ, а доказать тоже не могутъ. Ничего не разберешь. Прислали его съ языкомъ, а языкъ, сразу видно, что не отъ него,—очень коротокъ. Да и ухо-то, оторванное, что-то ужъ очень мнѣ гладкимъ показалось, точно новое.

— Его прямо въ музей и помѣстили?

— Нѣтъ. И тутъ хлопотъ было. Сначала у одного собора поставили, потомъ у другого, сперва на подставкѣ, потомъ устроили звонницу на двухъ столбахъ. Стоялъ онъ и у дворца. Потомъ перенесли къ царевичу Димитрію «на крови» на паперть. Тогда еще художникъ пріѣзжалъ, срисовывалъ. Языкъ сняли, чтобъ даромъ въ него не звонили. На паперти-то висѣлъ онъ низко, такъ въ зимнее время сторожъ объ него въ потемкахъ все лбомъ стучался. Нашли, что и на паперти ему не удобно. Одни хотѣли построить для него настоящую звонницу, другіе предлагали хранить въ музей. Теперь во дворцѣ поставили.

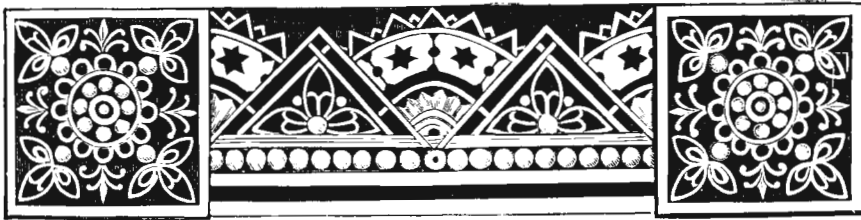
— Значить, вѣру въ колоколь не потеряли?

— Нѣтъ, какое! Поговорите-ка съ другимъ, онъ вамъ образъ со стѣны готовъ снять, что колоколь настоящій. Да съ ними и спорить нельзя, тутъ дѣло вѣры. Вотъ у насъ въ соборѣ благовѣрный князь Романъ покоится. Вѣдь извѣстно, что моци сожжены поляками, а между тѣмъ сколько исцѣленій было. Тутъ спорить трудно. Колоколь есть, надпись есть, а вѣрить или сомнѣваться—это ужъ дѣло личное.

И. Тюменевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВУХСОТЛѢТІЕ ЗААНДАМСКАГО ДОМИКА.

В ТЕКУЩЕМЪ году исполнится двухсотлѣтіе одному изъ самыхъ старыхъ и драгоцѣнныхъ памятниковъ, съ которымъ связано имя Петра Великаго,—Заандамскому домику. Извѣстно, что Петръ въ свою первую поѣздку въ Голландію, въ 1697 г., прожилъ недѣлю въ небольшомъ городкѣ Заандамѣ, на верфяхъ котораго разчитывалъ практически изучить кораблестроеніе. Государь приплылъ въ Заандамъ изъ Амстердама 8-го августа, въ 6 часовъ утра, съ шестью приближенными лицами, на небольшомъ парусномъ ботѣ. Приблизившись къ берегу, онъ замѣтилъ челоуѣка, ловившаго угрей, и взглянувъ на него, призналъ въ немъ знакомаго ему кузнеца, Геррита Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ. Петръ окликнулъ его. Кистъ не вѣрнулъ глазамъ, увидѣвъ русскаго царя въ одеждѣ голландскаго плотника, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ, холстинныхъ шароварахъ, съ лакированной шляпою на головѣ, и еще болѣе изумился, когда Петръ изъявилъ намѣреніе поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ его хижинѣ, съ условіемъ, чтобы онъ никому не открывалъ его званія. Напрасно кузнецъ отговаривался бѣдностью и тѣснотой своего жилища; онъ долженъ былъ уступить настойчивости государя и согласился отвести ему заднюю, отдѣльную половину своего дома, которую нанимала вдова одного поденщика. Въ то время, какъ Петръ зашелъ въ гостиницу закусить, Кистъ побѣждалъ впередъ уговаривать вдову очистить квартиру для новаго жильца, въ чемъ и успѣлъ, уплативъ ей семь гульденовъ.

Деревянный домикъ Геррита Киста, сколоченный изъ толстыхъ, необдѣланныхъ досокъ, подъ черепичной крышей, находился въ западной, наиболѣе уединенной, части, Заандама, на Кримпѣ. Помѣщеніе, занятое Петромъ, состояло изъ двухъ небольшихъ комнатъ, съ изразцовою печью для приготовленія пицци, съ глухою коморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланомъ; приставная лѣсенка соединяла одну изъ комнатъ съ чердакомъ.

Мы не будемъ повторять здѣсь подробности пребыванія Петра въ Заандамѣ и причины, заставившія его внезапно покинуть этотъ городъ послѣ семидневнаго пребыванія и измѣнить первоначальное намѣреніе прожить въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ. Все это уже было описано много разъ. Мы намѣрены лишь рассказать дальнѣйшую судьбу «Заандамскаго домика», не лишенную интереса.

Послѣ смерти Геррита Киста, домикъ его переходилъ изъ рукъ въ руки, ветшалъ и былъ забытъ. О немъ вспомнили только въ 1782 году, когда великій князь Павелъ Петровичъ, путешествовавшій вмѣстѣ съ своей супругой по Европѣ, проѣзжая черезъ Заандамъ, пожелалъ видѣть временное жилище своего великаго прадѣда и сдѣлалъ щедрый подарокъ тогдашнему владѣльцу домика, Якову Девріесу. Вслѣдъ за великимъ княземъ домикъ начали посѣщать всѣ знатные русскіе и иностранцы, путешествовавшіе по Голландіи. Это обстоятельство побудило нѣкоего Вергува купить домикъ за 178 флориновъ и поставить въ немъ кружку для сбора добровольныхъ вкладовъ съ посѣтителей. Вергувъ отдалъ домикъ въ наймы и дѣлился съ жильцомъ сборами, иногда довольно крупными. Эта спекуляція продолжалась до начала нынѣшняго столѣтія, когда, вслѣдствіе повышенія земельныхъ налоговъ и почти совершеннаго разрушенія домика, Вергувъ рѣшилъ его сломать. Къ счастью, владѣлецъ близъ лежавшей гостиницы, подъ фирмою «Выдра», Бюльзингъ, выразилъ желаніе пріобрѣсти домикъ и заплатилъ за него 200 флориновъ. Онъ сдѣлалъ въ немъ необходимыя поправки и къ кружкѣ для сбора присоединилъ книгу, въ которой посѣтители могли записывать свои имена; но такъ какъ никто уже не нанималъ домика и онъ отпирался лишь на время осмотровъ, то въ одну ночь кружка была взломана и книга унесена. Тогда Бюльзингъ поселилъ здѣсь сторожа и началъ выдавать за плату входные билеты, стараясь всѣми мѣрами распространить извѣстность домика.

Въ 1808 году, король голландскій, Людовикъ Бонапартъ, намѣревался не только купить домикъ въ собственность государства, но и воздвигнуть въ Заандамѣ, въ память Петра Великаго,obeliskъ. По его распоряженію, былъ составленъ проектъ памятника, представлявшаго высокую, дорическую колонну съ пьедесталомъ, на которомъ должны были быть вытѣплены эмблемы, выражавшія цѣль пребыванія русскаго царя въ Заандамѣ, именно: руль, трезубецъ Нептуна и жезлъ Меркурія. Но болѣе важныя дѣла, а затѣмъ отказъ

отъ престола, помѣшали Людовику Бонапарту привести свою мысль въ исполненіе.

Въ іюнѣ 1814 года, императоръ Александръ I, возвращаясь послѣ занятія Парижа въ Россію черезъ Голландію, посѣтилъ Заандамъ. Еще въ Парижѣ государь говорилъ принцу Оранскому о своемъ желаніи видѣть мѣсто, прославленное трудами Петра Великаго, и потому жители Заандама имѣли время приготовиться къ приему высокаго гостя. Всѣ дома, фабрики, мельницы, были убраны флагами, вѣнками и гирляндами. Особенное вниманіе было обращено на украшеніе домика и гостиницы, послужившей первымъ пристанищемъ

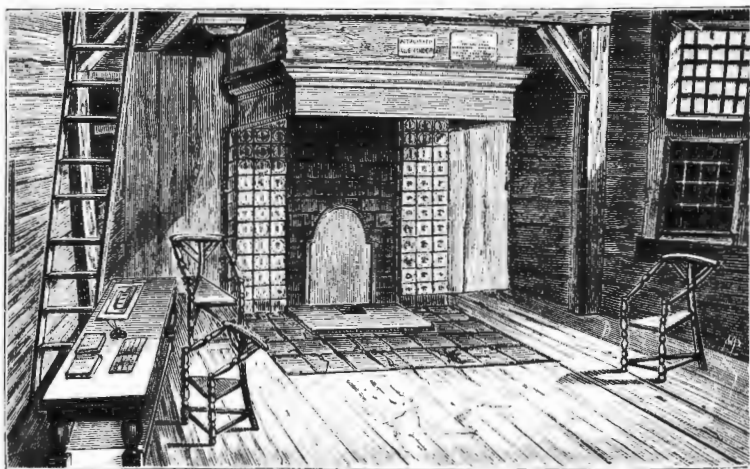

Первоначальный видъ домика Петра Великаго въ Заандамѣ.

Съ гравюры начала прошлаго столѣтія.

Петру по приѣздѣ его въ Заандамъ. У входа въ домикъ красовалась надпись: «Для великаго человѣка нѣтъ ничего малаго». На большомъ шлюзѣ были воздвигнуты триумфальныя ворота, съ аллегорическимъ изображеніемъ мира и надписью: «Александръ миро-творцу радостный Заандамъ», а по сторонамъ воротъ висѣли два щита: на одномъ было начертано «Отъ Петра Великаго—честь», а на другомъ—«Отъ Александра Благословеннаго—миръ». Впереди гостиницы, назначенной для приема государя и покрытой сверху до низу цвѣтами и пальмовыми вѣтвями, были сооружены другія ворота со щитомъ, на которомъ латинскія надписи гласили: «Сей домъ, посѣщенный Петромъ Великимъ, немедленно по прибытіи въ Заандамъ, 18 августа 1697 года, нынѣ радостно открываетъ двери свои

Александрѣ великодушному, освободителю Европы, благодѣтелю чело-
вѣчества». Вообще, приемъ оказанный государю заандамцами, былъ
самый теплый и искренній. По осмотрѣ домика, принцъ Оранскій
предложилъ Александру увѣковѣчить память его пребыванія въ Заан-
дамѣ. Тотчасъ были принесены всѣ нужные для того матеріалы, и
государь вставилъ въ трубу печки мраморную доску съ надписью:
«Petro Magno Alexander. 1814». Когда принцъ Оранскій выразилъ
Александру намѣреніе вставить другую доску, съ надписью въ честь
его, онъ отвѣчалъ: «Все и вся Петру Великому; мнѣ ничего. Мое имя
не можетъ стать на ряду съ именемъ Петра». — «Мы обязаны воз-

Внутренность домика Петра Великаго въ Заандамѣ.

Съ гравюры Слюйгера начала нынѣшняго столѣтія.

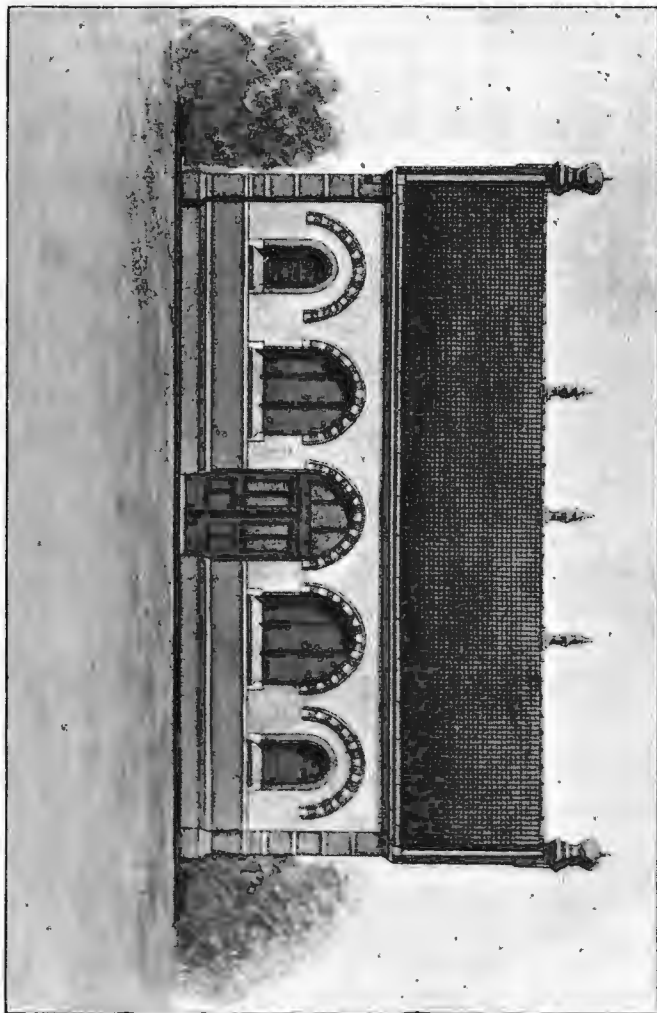
дать вашему величеству должное», — настаивалъ принцъ. Къ нему при-
соединился и губернаторъ, убѣдительно испрашивая дозволенія го-
сударя сохранить память о посѣщеніи имъ домика. Александръ усту-
пилъ ихъ желаніямъ, и вскорѣ послѣ его отъѣзда была вставлена
влѣво отъ первой другая доска съ надписью: «Александру Благо-
словенному». При отъѣздѣ государя изъ Заандама, одна изъ тамош-
нихъ жительницъ поднесла ему искусно сдѣланную модель домика
Петра Великаго, а другая — куклу, одѣтую въ такое платье, какое
носили заандамскія женщины въ концѣ XVII вѣка.

Въ 1818 году, король голландскій, Вильгельмъ I, купилъ на-
копецъ знаменитый домикъ, но уже за 6.000 флориновъ, и подарилъ
его своей невѣсткѣ, великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ, вышедшей
въ 1816 году замужъ за принца Оранскаго. Великая княгиня,
чтобы сохранить домикъ отъ разрушенія, соорудила надъ нимъ ка-
менный навѣсъ съ открытыми арками, заставлявшимися въ зимнее

время ставнями, предохранявшими его отъ вліянія погоды. Однако, не смотря на это, домикъ сильно пострадалъ стъ наводненія, бывшаго въ Заандамѣ въ 1825 году.

Въ 1839 году, домикъ посѣтилъ наслѣдникъ-цесаревичъ Александръ Николаевичъ, впоследствии императоръ Александръ II, и

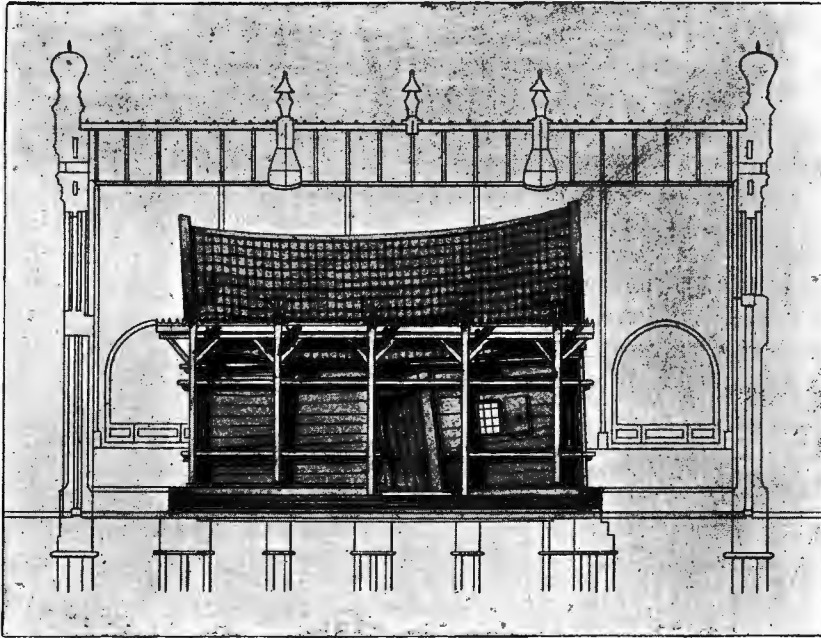
Каменный чехолъ, построенный надъ домикомъ Петра Великаго въ 1895 году.

въ память своего посѣщенія также вставилъ въ стѣну мраморную доску съ своимъ именемъ и означеніемъ времени «17-го апрѣля 1839 года». При этомъ случаѣ, сопровождавшій его поэтъ В. А. Жуковскій, написалъ на стѣнѣ карандашемъ слѣдующее стихотвореніе:

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святыя.
Великій князь! благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

Голландцы сохранили лавку, на которой стоялъ цесаревичъ, когда вставлялъ доску, и серебряную лопаточку, служившую ему при вмазываніи ея. Обѣ эти вещи находятся въ музеѣ, въ Гагѣ. Что касается стиховъ Жуковского, то ихъ покрыли лакомъ и прикрыли стекломъ.

Разрѣзъ каменнаго чехла и наружный видъ домика Петра Великаго въ настоящее время.

По кончинѣ королевы нидерландской, Анны Павловны, въ 1866 г., домикъ перешелъ къ принцу Генриху Нидерландскому, который велѣлъ соорудить надъ нимъ деревянную, со всѣхъ сторонъ закрытую, постройку. По смерти принца, въ 1879 году, собственникомъ домика сдѣлался король нидерландскій, Вильгельмъ III, который, въ 1886 году, подарилъ этотъ историческій памятникъ покойному императору Александру III. По приказанію государя, въ 1890 году, были сдѣланы деревянные и желѣзные подпорки, для поддержанія домика съ боковъ, при чемъ весь домикъ былъ поднятъ и поставленъ на

каменный фундаментъ, что устраняло вліяніе на него сырыхъ, почвенныхъ испареній.

Наконецъ, съ переходомъ домика въ собственность нынѣ царствующаго Государя Императора Николая II, его величеству угодно было повелѣть, въ 1895 году, построить надъ нимъ каменный домъ съ каменной стѣной вокругъ всего мѣста, принадлежащаго къ домику, и тѣмъ на вѣчныя времена сохранить его, какъ отъ вліяніи стихійныхъ условій, такъ и отъ пожара, могущаго произойти въ сосѣднихъ постройкахъ.

Въ домикѣ не сохранилось никакихъ вещей времени Петра Великаго. Хотя находящіяся въ чуланѣ нары и выдаются за кровать царя, а стоящій въ одной изъ комнатъ дубовый столъ и нѣсколько стульевъ за его мебель, но нары такъ коротки, что Петръ, при его ростѣ, никакимъ образомъ не могъ на нихъ лежать, а мебель, по своей отдѣлкѣ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. Кромѣ мраморныхъ досокъ, о которыхъ сказано выше, стѣны комнатъ украшены нѣсколькими портретами Петра. Съ боку одного изъ нихъ, работы Потмана, 1839 года, изобразившаго царя во весь ростъ, въ одеждѣ голландскаго плотника, прибита мѣдная доска съ вырѣзанными на ней словами изъ извѣстной надгробной рѣчи архіепископа Теофана Прокоповича: «Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрыми любимую,—любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною,—страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною,—славная и быти не престанетъ».

С. Шубинскій.

ЗАГРОБНЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУШКИНА.

«...Вашъ журналъ не долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается торопящаяся шумный современный свѣтъ. Его цѣль другая, это благоуханіе цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина. Рыночная толпа не должна знать къ ней дороги: съ нея довольно славнаго имени поэта. Но только одни сердечные друзья должны сюда сходить, съ тѣмъ, чтобы безмолвно пожать другъ другу руки и предаться хоть разъ въ годъ тихому размышленію».

Изъ письма Н. Гоголя къ П. А. Плетневу.

I.

ВЪ ПОСЛѢДНЕЙ главѣ отдѣльнаго изданія своей «Литературы и жизни», посвященной замѣчаніямъ на «Исторію новѣйшей русской литературы» г. Скабичевскаго, Н. К. Михайловскій вполне справедливо утверждаетъ, что исторія новѣйшей русской литературы можетъ быть сведена къ исторіи журналистики. «Журналъ, а потомъ и газета опредѣляли собою нерѣдко и форму, и содержаніе произведеній даже выдающихся талантовъ,—говоритъ почтенный публицистъ,—въ журналахъ и газетахъ группировались большія и малыя силы для общаго дѣла; журналы и газеты клали или старались класть свои штемпеля на произведенія даже такихъ писателей, которые стояли, повидимому, внѣ всякихъ отношеній къ «возникновенію, паденію и взаимнымъ отношеніямъ различныхъ органовъ печати»; на журнальную или собственно редакторскую работу тра-

тилась значительная часть силъ выдающихся писателей. Какъ оцѣнить значеніе въ новѣйшей русской литературѣ Чернышевскаго, Каткова, Салтыкова, Курочкина, Шелгунова и др., безъ отношенія къ ихъ роли руководителей періодической печати? Но журналы и газеты служили, кромѣ того, точкою приложенія для работы второстепенныхъ и третьестепенныхъ силъ, въ массѣ имѣвшихъ, однако, большое значеніе и выражавшихъ собою извѣстное литературное теченіе». Точка зрѣнія г. Михайловскаго не нашла себѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ истиннаго приложенія въ изслѣдованіяхъ по исторіи отечественной литературы. Работа А. М. Скабичевскаго, наиболѣе современная и полная, обнимаетъ только изящную литературу и находящуюся въ тѣсной связи съ нею критику (въ лицѣ ея наиболѣе видныхъ представителей); изслѣдованія А. Н. Пыпина носятъ характеръ отдѣльныхъ монографій, правда, очень обширныхъ и цѣнныхъ; громадный и въ высшей степени интересный трудъ Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (далекій еще отъ конца) представляетъ богатѣйшій источникъ матеріаловъ для исторіи литературы, но по своей ближайшей задачѣ не можетъ удовлетворить намѣченной цѣли. «Очерки гоголевскаго періода» Чернышевскаго, при всемъ ихъ блескѣ и содержательности, мало касаются собственно исторіи и скудны біографическимъ матеріаломъ. За исключеніемъ этихъ новѣйшихъ работъ, обнимающихъ разные періоды литературной жизни широко и болѣе или менѣе полно, имѣются и болѣе спеціальныя, біографическія изслѣдованія, которыя еще менѣе соответствуютъ требованіямъ исторіи литературы съ точки зрѣнія г. Михайловскаго.

Правда, два писателя пробовали, было, создать нѣчто въ родѣ исторіи журналистики, въ связи съ произведеніями изящной словесности, но и эти работы далеко не могутъ считаться удовлетворительными. Я разумѣю г. Пятковскаго, выпустившаго въ свѣтъ въ 1875 году «Очерки изъ исторіи русской журналистики», и С. Весина, подарившаго намъ книгой «Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ» (1881 года). Оба автора ограничились лишь 1820—1830 годами, т.-е. тѣми періодами, когда русская журналистика, такъ сказать, только что вышла изъ пеленокъ; кромѣ того, въ распоряженіи ихъ былъ далеко недостаточный матеріалъ для изображенія обстоятельной картины журнальнаго движенія того времени. Такимъ образомъ работы и г. Пятковскаго, и г. Весина удовлетворить въ полной мѣрѣ современнымъ требованіямъ читателя не могутъ и должны быть разсматриваемы, какъ слабыя попытки расчистить то поле, по коему пройдетъ рано или поздно будущій изслѣдователь русской литературной и влѣстѣ съ тѣмъ журнальной жизни.

Но если мы еще не успѣли создать у себя настоящей исторіи литературы, за то мы не можемъ ужь очень жаловаться на отсут-

ствіе источниковъ для такой работы. И въ повременныхъ изданіяхъ, и отдѣльными книгами обнародовано немало дневниковъ, воспоминаній, писемъ, которыя не подвергались еще до сихъ поръ критической обработкѣ, не сводились еще воедино и не входили даже въ составъ отдѣльныхъ монографій по исторіи литературы. Къ числу такихъ новѣйшихъ источниковъ для этой исторіи несомнѣнно относятся три тома недавно вышедшей «Переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», изданной семьей покойнаго Грота и подъ редакціей его сына, К. Я. Грота, профессора Варшавскаго университета. Переписка эта—богатѣйшій вкладъ въ наше книжное достояніе и содержитъ въ себѣ превосходный матеріалъ для исторіи русскаго общественнаго развитія сороковыхъ годовъ. Передъ читателями раскрывается здѣсь интимная сторона дружескихъ отношеній двухъ выдающихся людей своего времени, Грота и Плетнева, которые въ теченіе 12 лѣтъ, изо дня въ день, обмѣнивались взглядами, дѣлились впечатлѣніями, мыслями и чувствами. Корреспонденція друзей велась съ удивительной аккуратностью, обстоятельно, при чемъ нѣкоторыя письма, напримѣръ, въ печатномъ нынѣ видѣ занимаютъ собою даже нѣсколько большихъ страницъ текста; каждое письмо при этомъ, особенно Плетневское, содержало въ себѣ письмо въ тѣсномъ смыслѣ слова, во-первыхъ, и дневникъ, въ частности. Такимъ образомъ, ученые друзья ставили другъ друга въ извѣстность не только о новостяхъ окружающей ихъ жизни, не только о слухахъ, событіяхъ общественнаго характера, но о каждомъ своемъ шагѣ по днямъ и часамъ. Это обстоятельство даетъ возможность лицу, пользующемуся «Перепискою», почерпнуть отсюда богатый біографическій матеріалъ для обоихъ названныхъ дѣятелей литературы и науки, съ одной стороны, и матеріалъ для исторіи русскаго и финскаго общества, съ другой. Особенный интересъ представляетъ собою вторая сторона корреспонденціи; здѣсь содержится чрезвычайно много данныхъ для суда надъ ходомъ развитія научнаго, литературнаго, общественнаго, культурныхъ слоевъ Россіи (преимущественно Петербурга) и Финляндіи, какъ равно надъ отношеніями обѣихъ названныхъ странъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Для русскаго читателя, ищущаго свѣдѣній главнымъ образомъ о событіяхъ общественной жизни, наибольшаго вниманія заслуживаютъ письма и дневники Плетнева. Редакторъ «Современника», ректоръ и профессоръ С.-Петербургскаго университета, свѣтскій человекъ и приближенный ко двору, Плетневъ сталкивался съ массою людей, дѣлалъ множество наблюденій, собиралъ не мало достовѣрныхъ свѣдѣній и все это наносилъ на почтовые листки бумаги съ цѣлью поставить обо всемъ въ извѣстность нѣжно-любимаго имъ гельсингфорскаго друга, молодаго ученаго тамошняго университета и постоянного сотрудника «Современника». Это-то обиліе матеріала въ его письмахъ и позволяетъ намъ, со словъ ихъ автора, рисовать

картины петербургской жизни самыхъ разнообразныхъ слоевъ—придворнаго, свѣтскаго, университетскаго, литературнаго, чиновнаго и пр. и пр. Все, сообщаемое Плетневымъ, чрезвычайно интересно, но особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что относится къ руководимому имъ «Современнику», на поддержаніе котораго Плетневъ потратилъ девять лѣтъ жизни. «Переписка Грота съ Плетневымъ» получаетъ, благодаря этому, чрезвычайное значеніе для исторіи нашей журналистики, такъ какъ позволяетъ обстоятельно изобразить судьбу «Современника» тридцатыхъ и въ особенности сороковыхъ годовъ. На вопросы, какую роль сыгралъ этотъ, по выраженію князя Вяземскаго, «замогильный журналъ Пушкина» въ жизни русскаго общества, какое мѣсто занималъ онъ въ ряду однородныхъ изданій, чѣмъ руководился его хозяинъ при выборѣ сотрудниковъ и при дачѣ ему опредѣленной физіономіи,—на всѣ это вопросы, любопытные для исторіи журналистики, мы имѣемъ въ настоящее время опредѣленный и обстоятельный отвѣтъ. Вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о такомъ изданіи, которое связано съ именемъ величайшаго русскаго писателя, съ одной стороны, и которое послужило въ послѣдствіи первоначальной колыбелью правильно организованныхъ прогрессивныхъ силъ нашей публицистики—съ другой. Вотъ почему память о «Современникѣ» дорога русскимъ читателямъ и все, относящееся къ нему, заслуживаетъ вниманія изслѣдователей исторіи нашей литературы.

Пользуясь вышедшими тремя томами «Переписки», а также главнѣйшими историко-литературными источниками, имѣющими то или иное касательство къ «Современнику и къ личности второго его редактора издателя, а также прочимъ журналамъ сороковыхъ годовъ, постараюсь представить въ краткихъ чертахъ читателямъ «Историческаго Вѣстника» судьбу журнальнаго наслѣдія Пушкина въ періодъ его нахождения въ рукахъ ближайшаго друга нашего гениальнаго поэта—Петра Александровича Плетнева. «Переписка», дополненная трудомъ г. Барсукова о Погодинѣ, «Дневникомъ» А. В. Никитенки, изслѣдованіями г. Пыпина, сочиненіями и письмами самого Плетнева, Пушкина, Гоголя, Я. Грота, Вѣлинскаго и друг., воспоминаніями И. Панаева, А. Я. Головачевой-Панаевой, Д. Григоровича и т. д., представляютъ въ распоряженіе изслѣдователя обширнѣйшій историко-литературный матеріалъ, который я и кладу въ основаніе своего очерка. По обстоятельствамъ времени и мѣста я не могу представить его во всей желательной полнотѣ исторической послѣдовательности и по необходимости долженъ быть кратокъ; но полагаю, что и въ такомъ видѣ онъ не теряетъ своего интереса и будетъ не лишнимъ, какъ одинъ изъ эпизодовъ по исторіи русской журналистики, основанный на никѣмъ еще не использованныхъ источникахъ.

II.

Тридцатые годы настоящаго столѣтія были эпохою владычества въ русской журналистикѣ знаменитаго «литературнаго триумвирата», въ составъ котораго входили Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій. Эти грустной памяти дѣятели нашей печати пользовались расположеніемъ и попустительствомъ правящихъ сферъ и, благодаря этому, въ интересахъ своего низменнаго я, вносили въ отечественную жизнь начала порчи и деморализаціи. «Сѣверная Пчела», «Сынъ Отечества», «Библиотека для Чтенія» были тѣмъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ всесильнаго триумвирата, при помощи котораго все талантливое, живое и прогрессивное подвергалось преслѣдованію, осмѣяніямъ и доносу. Святотатственныя десницы «мошенниковъ пера и разбойниковъ печати» тридцатыхъ годовъ не знали пощады даже для такихъ представителей отечественной славы, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, не говоря уже про болѣе второстепенныхъ дѣятелей литературы; дерзость и наглость этихъ господъ простиралась такъ далеко, что они держали въ страхъ и трепетъ даже сильныхъ міра сего, грозя послѣднимъ доносами, пасквилями и шантажемъ. Общество ихъ презирало, ненавидѣло, но боялось—въ этомъ была ихъ сила, и этимъ они широко пользовались для обычнаго въ русской жизни «слова и дѣла». Триумвиратъ представлялъ собою блестящій примѣръ, когда люди дѣлаются «plus royalistes que le roi мѣте», и такое положеніе придавало имъ авторитетъ въ глазахъ графа Бенкендорфа, Дуббельта и друг., «толпою жадною стоявшихъ у трона» императора Николая. Мѣткія и злыя эпиграммы Пушкина, единичные протесты отдѣльныхъ лицъ были безсильны обуздать неистовства трехъ «братъевъ-разбойниковъ» и тѣмъ болѣе, что всѣ эти виды литературнаго протеста и оппозиціи въ большинствѣ случаевъ не выдвигались громко и откровенно передъ лицомъ всего общества и на весь честной народъ, а являлись достояніемъ единичныхъ кружковъ, салоновъ и кабинетовъ редакцій. Литературныя силы тридцатыхъ годовъ, по свойству тогдашней жизни, не были организованы, сгруппированы и не имѣли нужныхъ имъ журнальныхъ убѣжищъ, хотя потребность въ этихъ убѣжищахъ ко времени означеннаго десятилѣтія начинаетъ уже болѣе или менѣе настоятельно сознаваться.

Такъ, въ 1829 году, Пушкинъ былъ сильно озабоченъ изданіемъ литературной газеты, гдѣ бы могли работать порядочные, чистоплотные элементы русской литературы. Этимъ изданіемъ поэтъ надѣялся положить предѣлъ пагубной монополіи Греча и Булгарина, «издѣвавшихся и закидывавшихъ грязью всѣ высшіе, политическіе идеалы и нравственно и умственно развращавшихъ читающую публику». Замыселъ Пушкина осуществился, и 1-го января 1830 года въ Петербургѣ, подъ редакціей барона Дельвига, стала

выходить черезъ каждые пять дней «Литературная Газета», при непосредственномъ участіи въ ней Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и друг. Однако, это журнальное предпріятіе было встрѣчено скептически даже друзьями его учредителей, и Языковъ, напримѣръ, писалъ Погодину: «Литературную Газету мнѣ присылають. Будущее извѣстно единому Богу. Дельвигъ чрезвычайно лѣнивъ, а Сомовъ сердитъ, да не силенъ. Едва ли удастся имъ дѣйствовать побѣдоносно противъ именъ, какъ бы то ни было укрѣпившихся на нашемъ Парнасѣ». Пророчество Языкова исполнилось: газета, которая организовалась подъ исключительно литературнымъ знаменемъ, не пошла, общество ея не поддержало, а графъ Бенкендорфъ, ратуя во имя интересовъ «Сѣверной Пчелы» и неприкосновенности своего административнаго авторитета, придравшись къ незначительному эпизоду, окончательно прекратилъ ея существованіе въ первый же годъ ея рожденія. Такъ кончилась одна изъ первыхъ попытокъ Пушкина и его единомышленниковъ силотиться въ живой журнальный кружокъ,—попытка, нельзя не сознаться, довольно неудачная по самому своему замыслу. Въ газетѣ отсутствовали интересы общественные и политическіе, а отсюда ея вялость и безжизненность, не могшія вызвать сочувствія публики. Въ томъ же году прекратилъ свое существованіе «Московскій Вѣстникъ» Погодина, по недостатку подписчиковъ, скуности издателя и отсутствію современности. Съ закрытіемъ этого журнала кружокъ Пушкина остался въ полномъ смыслѣ слова безъ постоянного пристанища, и единственная порядочная въ тѣ дни, вполнѣ опредѣлившаяся, литературно-общественная группа оставалась не у дѣла. Явившіеся на развалинахъ «Московскаго Вѣстника» и другихъ почившихъ въ тотъ же годъ московскихъ изданій журналы Надеждина «Телескопъ» и «Молва» (1831 г.), конечно, по направленію своего критическаго отдѣла, не могли привлечь къ себѣ оставшіяся въ публицистической праздности силы творца «Бориса Годунова» и прочихъ членовъ Арзамасскаго кружка. Живя въ Царскомъ Селѣ, Пушкинъ писалъ по этому предмету Плетневу: «мнѣ кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего добраго—и газеты!»

Пока Пушкинъ только предавался неопредѣленнымъ мечтамъ о необходимости организовать въ литературную «кучку» съ своимъ собственнымъ журналомъ, его мысль отчасти выполнилъ въ Москвѣ И. В. Кирѣевскій, основавшій здѣсь съ 1832 г. ежемѣсячный журналъ наукъ и словесности «Европеецъ» при сотрудничествѣ Языкова, Хомякова, Баратынскаго, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Пушкина, князя Одоевскаго, А. Тургенева. «Поздравляю всю братію,—писалъ по этому случаю Пушкинъ Языкову,—съ рожденіемъ «Европейца». Готовъ съ моей стороны служить вамъ чѣмъ угодно, прозой

и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти». Но торжество Пушкина и К^о было недолговременно: первый же номеръ «Европейца» навлекъ на себя негодованіе государя и... журналъ былъ немедленно прекращенъ. По этому случаю князь Вяземскій иронически писалъ И. И. Дмитріеву:

«Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то, хотя не объявленное правительствующимъ сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни люди надежные и достойные довѣренности правительства; всѣ прочіе, кромѣ единого Полеваго, злоумышленники. Вы, вѣрно, пожалѣли о прекращеніи «Европейца», послѣдовавшемъ, вѣроятно, также въ силу вышеупомянутаго узаконенія...»

На ту же тему приблизительно писалъ и Пушкинъ Дмитріеву:

«Вѣроятно, вы позволите уже знать, что журналъ «Европеецъ» запрещенъ вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцемъ и якобинцемъ! Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается, и клеветники, или, по крайней мѣрѣ, клевета устыдится и будетъ изобличена.»

Прекращеніе «Европейца» отсрочило еще на довольно долгое время осуществленіе Пушкинской идеи сплоченія во имя оппозиціи Гречу и Булгарину, которые не только не ослабѣвали въ своемъ вліяніи, но получили даже въ 1834 г. поддержку въ лицѣ Смирдинской «Библиотеки для Чтенія» съ петербургскимъ профессоромъ Сенковскимъ во главѣ, вносявшимъ своей безшабашной и безпринципной литературной дѣятельностью немалую деморализацію въ молодое и стиснутое административно-полицейскими тисками русское общество. Въ первые дни своего возникновенія, впрочемъ, новый журналъ сумѣлъ представиться какъ будто и приличнымъ органомъ печати, такъ что къ нему пристали даже Пушкинъ съ пріятелями, въ томъ числѣ Гоголь, Жуковскій, Плетневъ и др., но маска нужна была Сенковскому только на два года, для начала подписки, которая дѣйствительно скоро оправдала расчеты издателя-книготорговца Смирдина; какъ только дѣло наладилось, изъ-за спины Сенковского-профессора выскочилъ фигляръ—баронъ Брамбеусъ, протянувшій руку дружбы Гречу и Булгарину, и на страницахъ журнала пошелъ балаганъ, участвовать въ которомъ было неприлично писателямъ, дорожающимъ своей литературной репутаціей. Компания чистоплотныхъ писателей такимъ образомъ снова оставалась не у дѣла, безъ органа, а противники получили сильное подкрѣпленіе въ лицѣ безспорно даровитаго профессора восточныхъ языковъ. Разочарованіе Пушкина выяснилось къ 1836 г., послѣ чего онъ не дѣлаетъ уже попытки стать подъ чье нибудь чужое знамя, а подаетъ ходатайство о разрѣшеніи ему собственнаго журнала. Онъ даже не примыкаетъ къ числу сотрудниковъ «Московского Наблюдателя», въ числѣ коихъ значились Гоголь, Баратынскій, князь Одоевскій, Хомяковъ и другіе ему единомысленные.

Въ концѣ декабря 1835 года, нашъ поэтъ обратился къ графу Бенкендорфу съ прошеніемъ о дозволеніи ему издавать литературный журналъ «Современникъ», причемъ сообщалъ о себѣ слѣдующее: «Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе «Современника» доставило бы вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣяніемъ государя». Министръ народнаго просвѣщенія, въ чьемъ вѣдѣніи находились тогда дѣла печати, предложеніемъ своимъ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, какъ предсѣдателю здѣшняго цензурнаго комитета, 16 января 1836 года за № 16, далъ знать, что его императорское величество на эту просьбу А. Пушкина изволилъ изъявить высочайшее свое соизволеніе. Такимъ образомъ, мысль, которую горячо лелѣялъ нашъ поэтъ съ своими друзьями втеченіе почти десяти лѣтъ¹⁾, наконецъ, осуществилась: у нихъ былъ собственный органъ печати, гдѣ Пушкинъ былъ полновластнымъ хозяиномъ, а они—его вѣрные сотрудники и помощники!

III.

Годы 1835 и 1836 были періодомъ чрезвычайно важнымъ для исторіи нашей журналистики. Тутъ обрисовались болѣе или менѣе отчетливо тѣ кирпичи фундамента, на коихъ возникла будущая группировка нашихъ литературно-общественныхъ элементовъ. Каковъ же былъ въ главнѣйшихъ абрисахъ фонъ тогдашней журнальной жизни? Къ началу 1836 года была слѣдующая журнальная личность. Во-первыхъ, знакомая уже и вполнѣ общественно опредѣлившаяся компанія Греча, Булгарина и Сенковского съ ихъ органами — «Сѣверной Пчелой», «Сыномъ Отечества» и «Библіотекой для Чтенія»; во-вторыхъ — кружокъ Пушкина, тѣсно сплотившійся вокругъ «Современника» и задавшійся цѣлью положительными средствами бороться противъ грязнаго направленія старыхъ непримиримыхъ враговъ, входившихъ въ составъ пресловутаго «тріумвирата»; въ-третьихъ — молодые московскіе писатели, еще робко и съ неполнымъ сознаниемъ своихъ истинныхъ силъ группировавшіеся въ «Телескопѣ» Надеждина: Вѣлинскій, Герценъ, Кудрявцевъ, В. Боткинъ, И. Панаевъ и др.; въ-четвертыхъ — «Московскій Наблюдатель» съ перечисленными уже выше сотрудниками и при дѣятельномъ участіи Погодина и Шевырева, остававшихся въ тѣ дни безъ собственнаго журнала. Послѣднія двѣ группы, то-есть сотрудники «Телескопа» и сотрудники «Московского Наблюдателя», содержали въ свой литературной дѣятельности въ достаточно, однако, зачаточномъ видѣ начала ученій западниковъ и славянофиловъ, которые, нѣсколько

¹⁾ Князь Вяземскій еще въ 1827 г. мечталъ о «Современникѣ».

лѣтъ спустя, стали другъ противъ друга въ рѣзко враждебныя отношенія.

Гоголь, въ тѣ годы и нуждавшійся въ работѣ и горѣвшій яркимъ пламенемъ любви къ литературѣ и журналистикѣ, усиленно хлопоталъ и о возникновеніи московскаго журнала и о скорѣйшемъ появленіи «Современника». Въ первомъ случаѣ онъ писалъ Погодину (конецъ 1834 г.): «журналъ нашъ нужно пустить какъ можно по дешевой цѣнѣ. Лучше на первый годъ отказаться отъ всякихъ вознагражденій за статьи, а пустить его непременно подешевле, этимъ однимъ только можно взять верхъ и сколько нибудь оттянуть привалъ черни къ глупой Библиотекѣ, которая слишкомъ укрѣпила за собою читателей своею толщиною... Главное никакъ колоть не въ бровь, а прямо въ глазъ». Не менѣе дѣятельна была роль автора «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» и при основаніи «Современника». Десять лѣтъ спустя (1846), онъ писалъ по этому предмету Плетневу:

«Современникъ»... и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, несмотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую къ исполненію. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертое обозрѣніе въ родѣ англійскаго, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльникахъ и ежемѣсячникахъ, гдѣ сотрудники, обязанные торопиться, не имѣютъ даже времени пересмотрѣть то, что написали сами. Впрочемъ, сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивши разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщалея быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ. Онъ дѣйствительно въ то время слишкомъ высоко созрѣлъ для того, чтобы заключать въ себѣ это юношеское чувство: моя же душа была тогда еще молода: я могъ принимать живѣй къ сердцу то, для чего онъ уже простылъ. Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать его убѣдили»...

Это письмо Гоголя, нѣсколько смущающее насъ указаніемъ, противорѣчающимъ тому, что намъ извѣстно о желаніи Пушкина имѣть собственный журналъ, мало выясняетъ намъ, подъ какимъ боевымъ знаменемъ намѣревался выступить нашъ поэтъ, какъ редакторъ-издатель «Современника». Гоголь упоминаетъ лишь о живости и обдуманности имѣющихся быть напечатанными статей, но, сопоставляя эти указанія съ косвенными другими, а также со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно, какъ глядѣлъ Пушкинъ на задачи именно журналистики, можно было ожидать, что знаменемъ его журнала современемъ будетъ разработка современности, общественныхъ вопросовъ, въ направленіи враждебномъ Грече-Булгаринскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшемъ мало чего общаго съ духомъ, который явно уже сказывался въ статьяхъ молодыхъ сотрудниковъ «Телескопа», и силу котораго уже началъ различать Пушкинъ; недаромъ же онъ писалъ Нащокину: «я оставилъ у тебя два порожнякъ

экземпляра Современника. Одинъ отдай князю Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому, тихонько отъ Наблюдателей, и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться».

Такимъ образомъ, въ 1836 году довольно ясно обозначилась въ нашей общественной жизни группировка литературныхъ элементовъ, дифференцировавшихся по разнымъ довольно опредѣленнымъ органамъ прессы, которыя съ своей стороны и отмѣтили эти элементы «штемпелями», о коихъ говоритъ въ приведенной выше выдержкѣ г. Михайловскій. Оставляя въ сторонѣ «штемпеля» остальныхъ журналовъ, обратимся ближайшимъ образомъ къ интересующему насъ «Современнику».

При основаніи журнала, Пушкинъ взялъ образцомъ для него англійскія трехмѣсячныя «Reviews», то-есть получилъ разрѣшеніе на изданіе четырехъ томовъ журнала въ годъ. Подписная цѣна была объявлена въ 25 рублей ассигнаціями въ годъ безъ пересылки и въ 30 рублей съ пересылкою. Цензоромъ «Современника» долженъ былъ быть назначенъ профессоръ Никитенко, но онъ просилъ уволить себя отъ этого: «съ Пушкинымъ, по его словамъ, слишкомъ тяжело было имѣть дѣло». За отказомъ Никитенки къ журналу былъ приставленъ Крыловъ, цензоръ, какъ аттестуетъ его тотъ же Никитенко, «самый трусливый, а слѣдовательно и самый строгій изъ нашей братіи». Сотрудниками журнала явились: Баратынскій, князь Вяземскій, Гоголь, А. Давыдовъ, князь Козловскій, Кольцовъ, А. Муравьевъ, Плетневъ, Погодинъ, А. Тургеневъ, Ѳ. Тютчевъ и др. писатели, которые, по всей справедливости, считаются дѣятелями Пушкинскаго періода литературы. Изъ перечисленныхъ авторовъ, давшихъ свои произведенія въ первыя четыре книжки «Современника», далеко не всѣ подписали своихъ именъ подъ статьями; нѣкоторые поставили лишь инициалы, а другіе ограничились печатаніемъ текста, безъ какой либо отмѣтки, позволяющей публикѣ судить, кто авторъ. Въ составъ первой книжки журнала, пропущенной цензурой 31-го марта 1836 года, вошли слѣдующія произведенія: самого Пушкина—«Пиръ Петра Великаго», «Скупой рыцарь», «Изъ Шенъе», «Путешествіе въ Арзрумъ», «Разборъ сочиненій Георгія Конисскаго» и нѣкоторыя рецензіи; Гоголя—«Колыска», «Утро дѣловаго человѣка» и статья «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.»; Жуковскаго—«Ночной смотръ»; князя Вяземскаго — «Роза и кипарисъ». Первымъ № была поставлена не подписанная статья А. Плетнева—«Императрица Марія».

Въ моментъ выхода «Современника» Пушкинъ отсутствовалъ изъ Петербурга; онъ уѣхалъ въ с. Михайловское хоронить свою мать, Надежду Осиповну, откуда вернулся лишь во второй половинѣ апрѣля ко времени составленія второй книги журнала. Что

же представлялъ собою по направленію съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшійся любителями словесности № 1-й «Современника», и какъ онъ былъ встрѣченъ остальной журнальной братіей?

IV.

Первая книга «Современника» появилась въ свѣтъ не снабженная никакою статьею редактора-издателя, позволяющею судить о направленіи, какое ему желательно придать своему журналу. Въ главнѣйшихъ *pieces de resistance*, каковыми, конечно, должны считаться поэтическія и беллетристическія произведенія Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, мы не видимъ и намека на то, что мы обыкновенно называемъ направлеіе. Характеръ музы автора «Скупого рыцаря» здѣсь тотъ же, что и въ остальныхъ его поэтическихъ произведеніяхъ — гуманистическій; но этого признака, конечно, недостаточно для опредѣленія общественной фizioноміи журнала. Такое опредѣленіе почерпается лишь отчасти изъ анонимной статьи Гоголя «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.»; оговорка—отчасти здѣсь необходима потому, что въ слѣдующихъ №№ самъ издатель отмѣтилъ свое несогласіе по нѣкоторымъ взглядамъ съ авторомъ означенной статьи. Въ третьемъ томѣ (наилучшемъ и разнообразномъ) мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ примѣчаніемъ Пушкина: «Статья о движеніи журнальной литературы напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженные съ такою юношескою живостью и прямотою, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программою «Современника». Въ другомъ мѣстѣ онъ уже опредѣленнѣе говоритъ: «Современникъ» по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣній о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ «Литературной Газеты».

Каковы же были завѣты покойнаго Дельвига и его «Литературной Газеты», воскресить которые счелъ долгомъ Пушкинъ въ 1836 г.? Это—борьба съ разнузданно-полицейскимъ направленіемъ литературной дѣятельности триумvirата, борьба не помощью полемики и бранныхъ прецирательствъ, а средствами положительными: выраженіемъ почтенія къ заслугамъ людей, противодѣйствіемъ произвольному необоснованному мнѣнію и стремленіемъ къ образованію общественнаго вкуса, посредствомъ избранныхъ представителей въ наукѣ и искусствѣ. Такимъ образомъ, силу своего журнала Пушкинъ полагать: во-первыхъ, въ критикѣ, покоящейся на началахъ чистаго искусства, и, во-вторыхъ, въ беллетристическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ избранныхъ писателей своего круга. Что же касается общественныхъ элементовъ, то таковыя, какъ въ первомъ, такъ и въ

послѣдующихъ №№ «Современника» были очень слабо выражены, а если кое-гдѣ и проглядывали («Родословная моего героя», «Прогулка по Москвѣ»), то отличались наклонностью къ аристократизму, къ провозглашенію себя и лицъ единомышленныхъ родомъ избраннымъ, солью земли. Отсюда видно, что «Современникъ» Пушкина не явился въ русской жизни типомъ журнала, который бы могъ удовлетворить запросамъ массы, руководить ея умственными и общественными потребностями, а потому онъ и сошелъ на роль прежнихъ «Альманаховъ».

Трудно, конечно, гадать, но невольно сдается, что, если бы Пушкину пришлось объявить всѣ свои политическіе и общественные козыри, то волею-неволею или скорѣе даже противъ своей воли онъ неминуемо долженъ бы былъ или хлебнуть мутнаго кваснаго патріотизма Погодина, или, что того хуже, сыграть на руку ненавистной ему компаніи Греча и Булгарина. Литературная чистоплотность не спасла бы его въ данномъ случаѣ, такъ какъ судить-то его, если быть только послѣдовательнымъ, пришлось бы по выводамъ, а не по средствамъ выполненія. Вотъ почему «Современникъ» и не могъ вызвать къ себѣ сочувствія такой чуткой и отзывчивой природы, какимъ былъ Бѣлинскій, тогдашній критикъ «Молвы», къ которому «потихоньку» даже отъ своихъ счелъ нужнымъ забѣгать Пушкинъ. Бѣлинскій писалъ между прочимъ по поводу второй книжки молодого петербургскаго журнала: «...вторая книжка вполне обнаружила... направленіе; она показала явно, что Современникъ есть журналъ «свѣтскій», что это Петербургскій Наблюдатель».

«Милостивые государи,—говоритъ критикъ далѣе,—къ чему эти безпрестанныя похвалы самимъ себѣ за знаніе свѣтскости, къ чему эти безпрестанныя увѣренія, что вы люди свѣтскіе? Мы и такъ вѣримъ вамъ, склоняемся предъ вашею свѣтскою мудростію; вамъ и книги въ руки; не думайте, чтобы между вами и нами было что нибудь въ родѣ зависти, въ родѣ *jalousie de metier*... Но публикѣ нужны не гувернеры, которые кричали бы ей: «*tenez-vous droit*», а поэты, а ученые, а литераторы, а критики, которые знакомили бы ее съ вашими человѣческими потребностями и наслажденіями, руководствовали бы ее на пути просвѣщенія и эстетическаго, а не свѣтскаго, образованія. Оглянитесь вокругъ себя повнимательнѣе: вы увидите, что и между вами, людьми свѣтскими, людьми высшаго образованія, есть люди, которымъ душна балльная атмосфера, ненавистенъ мишурный блескъ гостиныхъ, которые бѣгутъ отъ нихъ, чтобы въ тиши уединенія предаться мирному занятію предметами человѣческой мысли и чувства».

Оканчиваетъ критикъ свой отзывъ слѣдующими словами: «И это «Современникъ»? Чтожъ тутъ современнаго? Неужели стихи барона Розена и похвалы «свѣтскимъ» людямъ за то, что они умѣютъ хорошо садиться въ кресла и говорить въ обществѣ свободно?... И нѣ такомъ-то журналѣ красуется имя Пушкина!»...

Несочувственно отнеслась къ Пушкинскому предпріятію и петербургская журналистика, какъ равно жутко пришлось ему отъ

стѣсненій строгой цензуры того времени. Эти отзывы, уколы и непріятности по цензурѣ не смутили Пушкина, и онъ заготовлялъ уже журнальный матеріалъ для слѣдующаго года, но намѣреніямъ его не дано было осуществиться: 29-го января 1837 года его не стало.

Достоевскій въ своей извѣстной рѣчи 1880 года сказалъ, что Пушкинъ унесъ съ собою въ могилу «тайну» своего творчества. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о творествѣ Пушкина во всей его полнотѣ, нельзя не сознаться, однако, что журнальное его наслѣдіе во образѣ четырехъ книжекъ «Современника» вызываютъ немалое удивленіе изслѣдователя литературы того времени. Можно воистину удивляться, какъ, обладая лично такими богатыми дарами природы и образованія, располагая такимъ количествомъ цѣнныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, нашъ поэтъ не сумѣлъ создать изъ своего предприятия чего нибудь живого, изъ ряду выходящаго и вліятельнаго! Нѣсколько высокозанимательныхъ книжекъ бойкаго Альманаха... вотъ довольно печальныйъ результатъ его дѣятельности, какъ редактора-издателя! Понятно, такое скудное наслѣдство не давало его послѣдователямъ, ученикамъ и друзьямъ широкаго раздолья продолжать дѣло поэта. Говоря по совѣсти, и продолжать-то было нечего, такъ какъ за убылью главной цѣнности «Современника» — поэтическаго таланта его создателя, отъ журнала оставалось мало что, ради чего стоило огородъ городить. Хранить журнальные завѣты, традиціи Пушкина... эти слова, при отсутствіи гениальнаго духа поэта, рѣшительно ничего не обозначали. Фразы же Гоголя, поставленныя эпитафіею къ настоящему очерку, о томъ, что цѣль «Современника» на будущія времена должна быть — «благоуханіе цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина», такимъ мѣстомъ, куда «только одни сердечные друзья должны сходиться съ тѣмъ, чтобы безмолвно пожать другъ другу руки и предаться хоть разъ въ годъ тихому размысленію»... Фразы эти остаются поэтическими образами, рѣшительно ничего не говорящими нашему уму, а еще менѣе отвѣчавшими литературнымъ потребностямъ русскаго общества. Единственное разумное употребленіе, которое можно было сдѣлать изъ наслѣдства поэта, это сохранить его во внѣшней и внутренней чистотѣ, уберечь его отъ потоковъ мутной грязи, которая вдоль и поперекъ захлестывала нашу журналистику тридцатыхъ и первой половины сороковыхъ годовъ, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы при благопріятномъ случаѣ передать его тѣмъ дѣятелямъ печати, которые во всеоружіи созидательной силы и таланта могли бы дать ему полезное и достойное примѣненіе.

И дѣйствительно, такой литературный наслѣдникъ Пушкина нашелся въ лицѣ его ближайшаго друга П. А. Плетнева, который съ удивительнымъ упорствомъ и самоотверженіемъ сумѣлъ удержать «Современникъ» въ нравственной неприкосновенности и чистоплотности,

отстоять его существованіе наперекоръ всѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ времени. Правда, второй редакторъ-издатель «Современника» лелѣялъ «загробный журналъ Пушкина» вовсе не въ видахъ передачи его въ чужія, и при томъ несимпатичныя ему, руки, а полагая, что онъ именно продолжаетъ великое дѣло Пушкина, хранить его завѣты и традиціи; но не все ли равно, изъ какихъ побужденій онъ сберегалъ «Современникъ» — результатъ былъ одинъ и тотъ же: въ теченіе десяти лѣтъ жизни этотъ журналъ-альманахъ сохранилъ свою нравственную порядочность и явился достойной колыбелью для «отроившагося отъ «Отечественныхъ Записокъ» роя съ маткой—Бѣлинскимъ во главѣ», какъ острилъ впоследствии Шевыревъ. Этотъ «рой» молодыхъ, даровитыхъ русскихъ писателей принялъ въ 1847 году изъ рукъ Плетнева наслѣдіе Пушкина, реформировалъ его, сообразно потребностямъ времени, вдохнулъ въ него живую душу, солекъ съ него образъ альманаха и создалъ изъ него типъ прогрессивнаго изданія, память о которомъ высоко чтится въ исторіи нашего общественнаго развитія.

V.

Сейчасъ же послѣ смерти Пушкина возникъ среди его друзей вопросъ о ходатайствѣ на право продолженія въ 1837 г. изданія «Современника» въ пользу осиротѣвшей семьи покойнаго поэта и въ томъ именно видѣ, какъ онъ былъ основанъ покойникомъ. Такое прошеніе было подано въ февралѣ 1837 г. на имя государя императора и за подписями Жуковскаго, князя Одоевскаго, князя Вяземскаго и Плетнева. Того же февраля мѣсяца министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ за № 46 далъ знать попечителю учебнаго округа, что его императорское величество изъявилъ свое высочайшее соизволеніе на ходатайство просителей. И дѣйствительно, въ этомъ году было выпущено четыре книжки «Современника», при чемъ въ числѣ именъ его издателей совершенно неожиданно для всѣхъ появилось и имя редактора «Литературныхъ прибавленій» къ «Инвалиду» А. А. Краевскаго. Послѣдній начиналъ уже тогда входить въ силу, дѣлать бойкую издательскую карьеру, умѣлъ притѣпляться къ литературнымъ тузамъ, а въ тѣ дни въ особенности обхаживалъ князя Одоевскаго, коего подбивалъ приступить совместно съ нимъ къ изданію новаго журнала. Нѣкоторая близость съ сіятельнымъ литераторомъ, а также ласкательность къ Плетневу помогли шустрому редактору «Прибавленій» вплести свое имя въ вѣнокъ на могилу Пушкина, причислить себя къ числу его близкихъ друзей и получить даже доступъ къ разбору бумагъ покойнаго поэта.

Энергично принялись новые издатели «Современника» за организацію дѣла, желая достойнымъ образомъ почтить память основателя жур-

нала. По этому поводу Любимовъ писалъ Погодину слѣдующее: «Современникъ» непремѣнно будетъ продолжаться, разрѣшеніе уже вышло. Вчера у Одоевскаго видѣлся съ княземъ Вяземскимъ, который поручилъ мнѣ написать къ вамъ и просить, чтобы вы и всѣ ваши присылали сюда побольше статей для Современника. Не забудьте, что это дань Пушкину, ибо будетъ издаваться въ пользу дѣтей его... Жуковский, Вяземскій и Одоевскій и всѣ хлопочуть, чтобы все было какъ можно лучше и изящнѣе». Тотъ же Любимовъ хлопоталъ у Погодина и Шевырева о приведеніи въ ясность издательскихъ счетовъ Пушкинскаго журнала. И Краевскій тоже старался расшевелить московскаго профессора: «Ради Бога, уладьте дѣла Современника, о которомъ писать вамъ поручили Любимову. Теперь деньги за «Современникъ» вещь святая — онѣ сиротскія, и за каждую копейку надо будетъ отдать отчетъ совѣсти; да пришлите свою лепту въ Современникъ, подбейте на то же Шевырева, Хомякова, Павлова, Языкова, Баратынскаго; стыдно вамъ и имъ будетъ, если ничего не пришлете въ журналъ, посвященный памяти Пушкина!». Кромѣ Любимова и Краевскаго, и князь Вяземскій писалъ къ тому же Погодину: «...Будьте правою рукою нашею въ Москвѣ, пишите и забирайте все, что можете. Надѣюсь, что Шевыревъ, Павловъ и другіе московскіе литераторы не откажутся участвовать въ заgrabномъ журналѣ Пушкина. Нужно необходимо, чтобы въ Современникѣ явились имена всѣхъ порядочныхъ людей пишущихъ. Будьте покойны, всѣ бумаги Пушкина сохранены и находятся въ рукахъ Жуковскаго. Все, что можно, будетъ изъ нихъ напечатано. Многія рукописи еще не разобраны и не переписаны за отъѣздомъ Жуковскаго, но это дѣло впереди. На первый случай достаточно озаботиться и привести къ окончанію годъ Современника и полное изданіе стараго... Хорошо бы собрать по всѣмъ рукамъ письма Пушкина, и каждому изъ пріятелей его написать воспоминаніе о немъ. Время полной и живописной бюграфіи еще не настало, но сверстникамъ его слѣдуетъ приготовить матеріалы для будущаго сооруженія».

Въ бумагахъ кн. Одоевскаго сохранилась по дѣламъ изданія «Современника» за то время слѣдующая распорядительская записка Жуковскаго: «Изданіе 1836. Оставшіеся экземпляры продать гуртомъ. Кто возьмется завѣдывать изданіемъ 1837? Въ объявленіяхъ упомянуть объ нихъ. Изъ вырученной суммы уплатить долгъ въ типографію, если она не захочетъ принять долгъ экземплярами. Опекъ истребовать деньги отъ тѣхъ, кои получили экземпляры, черезъ комиссіонера, который получитъ официальную бумагу, или черезъ секретаря. Изданіе 1837. Опекъ сдѣлать условіе съ типографіей. Опекъ сдѣлать условіе съ комиссіонерами (Плюпаромъ и Смирдинымъ?).—Книжки выдать поочереды: 1-ю Плетневымъ, 2-ю Краевскимъ, 3-ю Одоевскимъ, 4-ю Вяземскимъ. Они завѣдываютъ сношеніями съ цензурою, съ типографіею, корректорами и съ комис-

сіонерами. Составленіе статей принадлежитъ всѣмъ. Присылаемыя статьи принимать и разсматривать очередно».

Четыре тома «Современника» за 1837 имѣли цѣнность главнымъ образомъ въ напечатанныхъ тутъ впервые поэтическихъ вещахъ самого Пушкина, въ числѣ которыхъ были такія выдающіяся произведенія, какъ «Египетскія ночи», «Мѣдный всадникъ», «Арапъ Петра Великаго», «Лѣтопись села Горохова»; кромѣ означенныхъ произведеній, мы встрѣчаемъ здѣсь стихи и прозу, принадлежащія Баратынскому, Лермонтову, Погодину, Шевыреву, И. Панаеву, Загоскину, Гребенкѣ, Подолинскому, Ишимовой и мног. друг. Характеръ этого изданія въ 1837 г. былъ тотъ же, что и при Пушкинѣ: главное вниманіе было обращено на эстетическую сторону дѣла и съ устраненіемъ живыхъ вопросовъ современности. «Окончивъ изданіе, мы исполнили обязанность, которую приняли на себя въ память дружбы къ намъ А. С. Пушкина, и «Современникъ» прекратился,—писалъ въ 1846 г. Плетневъ опекѣ надъ дѣтьми Пушкина.—Ни мы, ни наслѣдники покойнаго не имѣли права признавать его чьею либо собственностью, такъ какъ онъ и прежде и нынѣ по точному смыслу высочайшаго разрѣшенія существовалъ временно».

Но выпущенная въ 1837 г. четвертая книга «Современника» не заканчивала его существованія: журналу суждено было воскреснуть и жить еще долго за гробомъ Пушкина. Вотъ какъ рисуетъ намъ воскресеніе «Современника» его второй издатель-редакторъ, П. А. Плетневъ, въ письмѣ къ опекѣ. «Ея императорскому высочеству государынѣ, тогда великой княжнѣ, нынѣ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ угодно было ходатайствовать передъ его императорскимъ величествомъ, чтобы это прекратившееся навсегда изданіе всемилостивѣйше было восстановлено, и чтобы «Современникъ» изъ сборника, выходившаго каждый разъ съ особаго высочайшаго разрѣшенія, обращенъ былъ въ постоянный журналъ, и съ тѣмъ (вмѣстѣ) въ законную собственность одного издателя и редактора, представляя меня на этотъ'ответственный передъ правительствомъ трудъ, какъ человѣка, лично извѣстнаго ея высочеству. 19 ноября 1837 года за № 377, г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ своимъ попечителю Спб. учебнаго округа далъ знать, что его императорское величество, на основаніи заключенія главнаго управленія цензуры, въ 14 день ноября 1837 года высочайше предоставилъ мнѣ право издателя и редактора «Современника».

Уже въ концѣ послѣдней книжки журнала изданія 1837 года встрѣчается объявленіе о подпискѣ на слѣдующій 1838 годъ съ указаніемъ, куда надлежитъ обращаться новымъ подписчикамъ: «для полученія журнала,—гласитъ объявленіе,—можно адресоваться или въ книжный магазинъ Смирдина, или прямо къ издателю его дѣйствительному статскому совѣтнику Петру Александровичу Плетневу, живущему у Обухова моста, въ домѣ тайной совѣтницы Сухаревой».

Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ тому, чтобы стремиться стать во главѣ журнала, имѣть свой собственный органъ печати, служили Плетневу слѣдующія соображенія, высказанныя имъ въ своемъ прощаніи съ читателями въ 1846 году. «Профессорская должность моя особенно побудила меня къ тому. Въ исполненіе обязанности своей — добросовѣстно и съ пользою дѣйствовать на молодое поколѣніе развитіемъ науки, я желалъ вдругъ заниматься и въ кабинетѣ, и на кафедрѣ, и передъ судомъ публики. Во мнѣ есть убѣжденіе, что ученый тогда только вполне отвѣчаетъ призванію своему, когда обрабатываемою имъ наукою непосредственно споспѣшествуетъ благу общественной жизни. Для профессора словесности литературный журналъ представляетъ прекрасное открытое поприще, на которомъ онъ является предъ своими современниками, какъ критикъ, какъ историкъ и какъ теоретикъ. Каждая истина, произнесенная имъ всенародно, обращается въ общее достояніе. Въ кабинетѣ онъ внимательнѣе къ своему дѣлу, работая для свѣта, а на кафедрѣ слово его значительнѣе, получивши вѣсь отъ приговора публики». Такимъ образомъ, принявъ въ свое вѣдѣніе «Современникъ», Плетневъ смотрѣлъ на свою журнальную дѣятельность, какъ на непосредственное продолженіе обязанностей наставника, но только не тѣсной студенческой аудиторіи, а широкаго круга русскихъ читателей, нуждающихся въ указаніяхъ истинныхъ путей просвѣщенія.

VI.

Петръ Александровичъ Плетневъ, какъ уже неоднократно упоминалось выше, былъ однимъ изъ самыхъ ближайшихъ друзей Пушкина, всецѣло преданныхъ нашему гениальному поэту, исполнявшій многочисленныя его порученія, делѣвшій своего кумира съ трогательной любовью и насквозь проникнутый взглядами творца «Евгенія Онѣгина» на вопросы литературные, общественные и политическіе. Пушкинъ высоко цѣнилъ нравственныя качества своего друга, отдавалъ ему на судъ свои произведенія и посвятилъ ему даже свой дивный романъ «Евгеній Онѣгинъ»:

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣ души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ...

и т. д.

Въ приведенныхъ строфахъ посвященія сдѣлана характеристика Плетнева, выяснено, какъ глядѣлъ на него Пушкинъ, и какъ высоко онъ его цѣнилъ: человекъ прекрасной души, высокихъ думъ, простоты, исполненный святыхъ мечтаній и живой, ясной поэзіи—таковъ Плетневъ, по мнѣнію поэта.

Рядомъ съ Пушкинымъ и другой писатель, Ап. Ник. Майковъ, тоже близко знавшій Плетнева, сдѣлалъ слѣдующую характеристику второго редактора «Современника», поясняющую намъ положеніе его въ рядахъ русскаго общества послѣ-пушкинскаго времени.

За стаю орловъ двѣнадцатаго года
 Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
 И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
 Доселѣ памяты у русскаго народа.
 Изъ стан ихъ теперь одинъ остался ты.
 И грустный, между насъ, задумчивый ты бродишь,
 И прежнихъ звуковъ полнь, все взора съ высоты,
 Куда тѣ лебеди умчался, не сводишь.

Эти прекрасные стихи тоже удивительно мѣтко опредѣляютъ намъ, что такое былъ Плетневъ среди современниковъ сороковыхъ, пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ. Онъ представленъ здѣсь человекомъ, цѣликомъ живущимъ въ прошломъ, грустнымъ и задумчивымъ, со взоромъ, обращеннымъ въ даль минувшаго, гдѣ исчезли дорогіе ему дѣятели литературы—Пушкинъ, Дельвигъ, Вяземскій, Жуковскій и другіе. Поэтическія характеристики Плетнева, сдѣланныя Пушкинымъ и Майковымъ, какъ нельзя болѣе оправдываются фактами его жизни, какъ частнаго лица, всей его дѣятельностью, какъ литератора, администратора, издателя-редактора «Современника». И ближайшій изъ друзей его, Я. К. Гротъ, оставившій намъ немало біографическихъ замѣтокъ о Плетневѣ, и Л. Н. Майковъ въ своей академической рѣчи 1892 г., посвященной «памяти П. А. Плетнева», вполне совпадаютъ въ своихъ работахъ со взглядами Пушкина и автора «Двухъ міровъ».

«Личность Плетнева не поражаетъ блескомъ необыкновенныхъ дарованій,—говорить о немъ Леонидъ Николаевичъ Майковъ:—онъ не былъ вдохновеннымъ поэтомъ, а въ наукѣ не проложилъ новыхъ путей глубокомысленными изысканіями. Онъ просто былъ человекъ яснаго и трезваго ума, обладавшій хорошимъ образованіемъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Образование онъ приобрѣлъ не столько на школьной скамьѣ, сколько постояннымъ и разностороннимъ чтеніемъ: вкусъ свой онъ развилъ главнымъ образомъ среди тѣхъ даровитыхъ писателей, которыхъ былъ современникомъ. Критика его не служила оправданіемъ извѣстнаго эстетическаго ученія и вообще не опиралась на философскую основу. «Теорія у меня,—говорить онъ,—не занятая, не изученная, а явившаяся въ умѣ отъ наблюдений, отъ разговоровъ, отъ вниманія къ дѣламъ и ихъ слѣдствіямъ». Критика Плетнева служила только отраженіемъ непосредственныхъ впечатлѣній, которыя воспринимала его душа, при изученіи творческихъ созданій. Эта живая чуткость его къ произведеніямъ поэзіи имѣла особую цѣну въ глазахъ художниковъ слова, и они

дорожили спокойными, мѣткими сужденіями Плетнева. «У васъ»,—писалъ ему Гоголь,—«много внутренняго, глубоко эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете вѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпнеть очи большинства». Искренняя, глубокая любовь къ литературѣ соединилась у Плетнева съ благодушіемъ и ровностью личнаго характера, съ дружескою простотою его обращенія. Очень рано сблизился онъ съ лучшими представителями русской литературы своего времени и былъ оцѣненъ въ ихъ средѣ по достоинству».

Что касается Я. К. Грота, то этотъ постоянный сотрудникъ Плетнева даетъ намъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1869 г. слѣдующій портретъ своего учителя-друга:

«Своеобразная личность Плетнева была результатомъ двухъ элементовъ: съ одной стороны—глубокаго самобытнаго развитія, съ другой—литературныхъ преданій, которыя онъ почерпнулъ изъ сношеній съ талантливыми и высокообразованными писателями, въ кругу которыхъ провелъ лучшіе годы молодости. Даръ разумнаго спокойствія и созерцанія облегчилъ ему стремленіе къ самоусовершенствованію, которое всегда было главною цѣлью его жизни. Не по-своему былъ онъ мудръ (какъ выразился г. Тургеневъ), но онъ приблизился, на сколько это возможно, къ той единой мудрости, которая дается человѣку, когда онъ твердо и прямо идетъ путемъ добра и истины. Эти два идеала были также дороги Плетневу, какъ и третій—идеаль прекраснаго; но его стремленіе къ послѣднему было замѣтно, а потому и болѣе оцѣнено свѣтомъ. Вотъ начала, подъ вліяніемъ которыхъ сложился этотъ цѣльный и независимый характеръ. Ни для какихъ благъ въ мірѣ онъ не принесилъ въ жертву своихъ убѣжденій и правилъ; для вѣшняго успѣха онъ никогда не позволялъ себѣ ни негательства, ни преклоненія; вообще всякое униженіе было ему ненавистно. Отъ этого понятія о достоинствѣ, отъ этой благородной гордости происходило и то довольно одинокое, но самостоятельное положеніе, которое онъ принялъ въ литературѣ 40-хъ годовъ. Въ сторонѣ отъ всякой полемики держался онъ, частью, конечно, и по мягкости своего характера, но болѣе въ силу особой системы возрѣній, которой начало положилъ Карамзинъ, глубоко имъ уважаемый, какъ человѣкъ и литераторъ,—«творецъ, по словамъ Плетнева, идеально прекрасной школы». Нужна была твердость для того, чтобы въ этомъ направленіи оставаться вѣрнымъ себѣ».

Въ дальнѣйшей части своего очерка Гротъ беретъ даже подъ защиту и ученость Плетнева, которую часто заподозрѣвали его недоброжелатели, и обстоятельно доказываетъ, что познанія Плетнева въ области его спеціальности по кафедрѣ и журналу были вполне удовлетворительными. Какъ профессоръ и редакторъ, Плетневъ былъ высоко чтимъ въ университетѣ и являлъ собой типъ доброжелательнаго наставника, дѣятельность котораго особенно благотворно отражалась на молодежи. Но за этими положительными сторонами характера невольно приходится отмѣтить и отрицательныя, которыя безусловно неблагопріятно отразились на его служеніи «Современнику» въ качествѣ издателя-редактора и помѣшали ему создать изъ этого журнала тотъ вліятельный органъ печати, въ которомъ была такая потребность въ первую половину сороковыхъ годовъ. Эти недостатки, въ значительной степени вытекающіе изъ общихъ свойствъ его харак-

тера, какъ они обрисованы Пушкинымъ, Майковыми и Гротомъ, становятся намъ особенно замѣтны, при ознакомленіи съ его письмами къ Гроту.

VII.

Профессура въ университетѣ, а еще прежде учительство въ институтахъ, преподаваніе и лекторство въ царской семьѣ, близость съ корифеями нашей литературы, создали Плетневу въ Петербургѣ громадный кругъ знакомыхъ, которые постоянно посѣщали его, звали къ себѣ на интимные вечера и шумные рауты. Популярность друга Пушкина росла въ тридцатыхъ годахъ удивительно быстро: его, что называется, разрывали на части. Любимецъ свѣтскаго общества, онъ сумѣлъ создать себѣ, несмотря на скромный въ тѣ годы ученый свой багажъ, твердо установившуюся репутацію и въ кружкахъ людей науки: онъ единодушно былъ избранъ въ 1840 году ректоромъ университета, а въ 1841 году членомъ второго отдѣленія академіи наукъ. Въ общей сложности Плетневъ несъ до восемнадцати общественныхъ обязанностей, и въ томъ числѣ издательство и редактированіе «Современника». Такая сложная и разносторонняя дѣятельность не позволяла ему основательно сосредоточиться на чемъ нибудь исключительно, почему, если онъ и успѣвалъ въ своихъ сравнительно немногочисленныхъ работахъ, то этимъ онъ обязанъ былъ недюжиннымъ природнымъ способностямъ, глубокому и проницательному уму, а также умѣнью подходить къ каждой работѣ, каковое умѣнье онъ несомнѣнно почерпнулъ на школьной скамьѣ въ семинаріи. Плетнева нѣкоторые считали лѣнтяемъ, но это мнѣніе несправедливо и во всякомъ случаѣ преувеличено: онъ по природѣ своей былъ покоелюбецъ, человекъ, склонный къ квіетизму, къ созерцательной жизни. Это-то и придавало всему образу его, какъ внѣшнему, такъ и духовному, печать удивительнаго спокойствія, граничащаго съ неподвижностью. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, шутиливомъ и очень граціозномъ, посвященномъ барону Дельвигу, Плетневъ такъ обрисовываетъ свой идеаль жизни.

Дельвигъ! какъ бы съ нашей лѣнью
Хорошо въ деревнѣ жить;
Подъ наследственной сѣнью
Липецъ прадѣдовскій шить;

Беззаботно въ полдень знойный
Отдыхать въ саду густомъ
Выйти подъ вечеръ спокойный
Передъ сладкимъ долгимъ сномъ;

Ждать по утру на постелѣ,
Не зайдетъ ли муза къ намъ;
Позабыть всѣ дни въ недѣлѣ
Называть по именамъ:

И съ любовью не ревливой
 Безъ чиновъ и безъ хлопотъ,
 Какъ въ Сатурновъ вѣкъ счастливый,
 Провожать за годомъ годъ!

Гротъ, чрезвычайно дѣятельный и удивительно трудолюбивый по природѣ, нерѣдко распекалъ своего друга за его неподвижность. Въ письмѣ отъ 26-го ноября 1846 года онъ писалъ Плетневу:

«Недостатокъ энергій, въ которомъ ты обвиняешь себя, не то ли означаетъ, что ты собственно не рожденъ для ученыхъ трудовъ? Ты добрый и практически благоразумный человѣкъ, судишь чрезвычайно здраво, одаренъ рѣдкою способностью чувствовать и оцѣнивать изящное, сердцемъ въ высшей степени мягкимъ и склоннымъ къ самой нѣжной привязанности; но дала ли тебѣ природа средства къ напряженной ученой дѣятельности — вотъ въ чемъ я сомнѣваюсь. Отсюда и недостатокъ истиннаго участія—при всей доброй волѣ—въ чужихъ трудахъ, даже людей самыхъ близкихъ тебѣ; отсюда и возможность равнодушно бросать время на такія бесплодныя дѣла, какъ, напримѣръ, переписка, часто лишняя разумной дѣлѣ и оправдывающаго ее содержанія. Кто глубоко проникнуть убѣжденіемъ о рѣдлежащихъ ему трудахъ, тотъ не станетъ расточать и мгновений — не только часовъ и дней».

Отвѣчая на это письмо, Плетневъ вполне чистосердечно, съ тихою грустью и прямодушно даетъ слѣдующее объясненіе своихъ изъяновъ характера:

«Ты совершенно правъ, что я не рожденъ для ученыхъ трудовъ, — пишетъ онъ. Да и вообще мнѣ тягостенъ всякій усиленный трудъ. Не получивъ хорошаго воспитанія, не будучи приученъ къ систематической дѣятельности, я всегда оставался игрушкою мгновенія. То, что неважнаго и удалось мнѣ сдѣлать, было слѣдствіемъ счастливыхъ знакомствъ, которыми, впрочемъ, скажу къ чести своей, я всегда дорожилъ и постоянно искалъ. Но и это не могло далеко подвинуть меня, потому что я не носилъ никакого запаса къ исполненію предпріятій. Не зная хорошо ни одного иностраннаго языка, не терпя усидчивости за дѣломъ, я все исполнялъ кое-какъ. Со времени знакомства моего съ тобою я долженъ бы былъ уже переродиться. Но и тутъ весь внутренній переворотъ мой ограничился только болѣзненнымъ сознаніемъ, что я ничтожнѣйшее существо, а прямой активной перемѣны во мнѣ не послѣдовало. Я мыслю, понимаю и соображаю правильно; но все тѣмъ и оканчивается. Итакъ, я ни въ какомъ отношеніи не могу обидѣться твоею характеристиккою, представленною мнѣ на меня въ письмѣ отъ 26-го ноября, потому что глубоко и давно сознаю справедливость ея. Это, конечно, не оправданіе для будущаго: могъ бы еще я переработать многое въ себѣ, но думаю, что безъ особой Божіей помощи ничего не удастся. Конечно, и приводя это чаще себѣ на мысль, я уже сдѣлаю что нибудь: только это не будетъ то полное преобразование, въ которомъ настонтъ такая надобность. Ты же долженъ обходиться со мною, какъ съ мягкимъ ребенкомъ, котораго исправить вѣрнѣе мягкостію и любовію, нежели строгостію и гнѣвомъ».

Я остановился нарочно на обрисованіи свойствъ природы Плетнева, такъ какъ именно изъ наличности этихъ свойствъ намъ становится вполне понятенъ и характеръ его журнала, занимавшаго

въ теченіе восьми лѣтъ, какъ онъ находился въ распоряженіи Плетнева, совершенно обособленное положеніе въ нашей журналистикѣ. Отсюда же намъ объясняется и подборъ сотрудниковъ журнала и отношенія редактора къ прочей литературной братіи, отношенія, которыя сыграли въ жизни Плетнева такую выдающуюся роль и свели его значеніе, какъ журналиста, или, правильнѣе, руководителя общественнаго мнѣнія, къ нулю. Плетневъ, какъ и Пушкинъ въ свое краткое время редактора-издателя журнала, при наличности въ нихъ обоихъ большихъ дарованій, могли сослужить большую службу обществу своимъ журналомъ и... не сослужили ея! Въ исторіи нашей литературы это чрезвычайно любопытное обстоятельство, которое даетъ возможность историку нашихъ общественныхъ развитій сдѣлать не мало поучительныхъ выводовъ и заключеній.

Получивъ черезъ посредство двора въ свое вѣдѣніе «Современникъ», Плетневъ могъ обратить этотъ журналъ въ сильное орудіе воздѣйствія на многія стороны русской жизни и явить образецъ активной и плодотворной оппозиціи Гречу, Сенковскому и Булгарину, но, увы! онъ совершенно пренебрегъ своимъ положеніемъ журналиста, подчинилъ его обязанностямъ свѣтскаго человѣка. Журналистика и литература были имъ отведены на второй планъ, а на первый выдвинуты мелкіе интересы двора, свѣтскихъ салоновъ и именитыхъ гостинныхъ. Какъ въ жизни Пушкина, такъ и въ жизни Плетнева это обстоятельство сыграло очень печальную роль, но только для Пушкина оно кончилось трагически, а другъ его сумѣлъ спокойно и счастливо проплыть между опасныхъ подводныхъ камней.

«Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «Отечественныхъ Записокъ». Я литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ російской моя жизнь и кровь», — такъ говорилъ великій русскій журналистъ, Бѣлинскій, бывший даже не собственникомъ, а только сотрудникомъ журнала, батракомъ Краевского. Какъ же смотрѣлъ на свое положеніе и свои обязанности его современникъ, журналистъ—Плетневъ, другъ Пушкина, руководитель органа печати, читаемаго даже при дворѣ? Переписка его съ Гротомъ даетъ намъ въ этомъ отношеніи хорошую руководящую нить.

VIII.

Если Бѣлинскій смотрѣлъ такъ серьезно и отвѣтственно на свое призваніе журналиста, то полную противоположность ему составляетъ издатель «Современника», для котораго журналъ былъ пріятнымъ дѣломъ, развлеченіемъ, средствомъ обособиться съ тѣснымъ кругомъ избранныхъ знакомыхъ отъ прочей журнальной братіи, къ которой чувствовалъ высокомерное отвращеніе и презрѣніе.

Въ письмѣ отъ 25 ноября 1842 года онъ писалъ Гроту:

«Касательно вѣротерпимости литературной я точно фанатикъ. Но это чувство питается во мнѣ доблестями кумировъ моихъ. Полевой же ни съ какой стороны не возбуждаетъ энтузіазма, смотрѣть ли на него, какъ на писателя, или какъ на человѣка. Въ первомъ отношеніи видишь одну посредственность, во второмъ собраніе омерзительныхъ качествъ. Нѣтъ, мой другъ, на Булгаринѣ, Сенковскомъ, Полевомъ и Гречѣ должно лежать на вѣки проклятіе всѣхъ гражданъ, вѣрныхъ отечеству и служенію наукамъ. Они изъ храма и алтарей сдѣлали у насъ кабакъ и стойку. Тебѣ простительно поддаваться ихъ поддѣльному восторгу; а я за это отвѣчалъ бы передъ совѣстью и разсудкомъ».

Въ письмѣ отъ 1-го марта 1844 года мы читаемъ:

«№ 2 Москвитянина полученъ, и въ немъ дѣйствительно нѣтъ статьи твоей. Это должно убѣдить насъ, что мы одни должны дѣйствовать въ литературѣ. Все внѣ насъ есть эгоизмъ, расчетъ, чванство, подлость, безчувственность, безнравственность и невѣжество. Вотъ шесть категорій, подъ которыя должно подвести и враговъ нашихъ и такъ называемыхъ друзей¹⁾. Съ Вяземскимъ толковать я не намѣренъ, да и не къ чему. Онъ человѣкъ изъ двухъ категорій: первой и третьей. Буду дѣйствовать одинъ, если въ тебѣ не возникнетъ рѣшимости присоединиться ко мнѣ. Прежде я всегда чувствовалъ и дѣйствовалъ за одно съ моими друзьями Дельвигомъ, Баратынскимъ и Пушкинымъ. Мнѣ всегда было грустно, что наши съ тобою литературныя убѣжденія не сходились. Ты видѣлъ во мнѣ какое-то пристрастіе къ старому и особенному, тогда какъ я ни одного новаго, если это былъ истинный талантъ, не пропускалъ безъ участія. Нѣтъ, твоя скептически добродѣтельная душа не позволила тебѣ въ этомъ отношеніи слиться съ моею, и я не ропталъ: я все изъяснялъ различіемъ лѣтъ нашихъ. Нѣкогда ты увидишь, какъ я былъ правъ. О Краевскомъ нечего говорить. Это бездушное существо, дышащее корыстолюбіемъ. Какъ ни велики, повидимому, средства въ его рукахъ производить вліяніе, но они не могутъ ему доставить другихъ успѣховъ, кромѣ денежныхъ. Власть истины и добродѣтели выше. Посмотри, какъ онъ уклончиво и потаенно крадется на малѣйшую оппозицію. Такъ страшно объявить себя врагомъ чистоты нравственной и эстетической. А что могли бы мы сдѣлать вдвоемъ, если бы это добродѣтельное противодѣйствіе было главнымъ помышленіемъ и дѣломъ!... Да будетъ то, что посылаетъ Богъ. Пусть царствуетъ въ литературѣ запустѣніе; по крайней мѣрѣ, мой «Современникъ», безъ вліянія, безъ интереса, будетъ чистъ и, по моему мнѣнію, правъ, какъ онъ былъ для меня доселѣ».

Приведу еще нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Плетнева, дающихъ намъ возможность подвести итоги его журнальнымъ тенденціямъ и симпатіямъ. Письмо отъ 15-го іюля 1844 года:

«Помнишь ли ты стихъ Жуковскаго: «Поэзія есть добродѣтель»? Въ немъ заключена вся теорія литературы и всѣ мои правила литературной дѣятельности. Ты судишь, какъ воспитанникъ мелкихъ современныхъ идей, тѣмъ болѣе ложныхъ, что онѣ русскими заимствованы и никогда не приобрѣтутъ у насъ дѣятельности; а я съ тобою говорю, какъ человѣкъ, снискавшій свои убѣжденія долговременными опытами и остановившійся на томъ, что вѣчно и всюду принимаемо. По-моему журналъ долженъ отражать современную литературу въ извѣстный моментъ: а по-моему — послѣдовательное развитіе лучшихъ

¹⁾ Курсивъ вездѣ мой. В. Г.

убѣжденій въ назиданіе не только нынѣшнимъ поколѣніямъ, но и будущимъ. Гоняться за тѣмъ, чтобы большое число принимало наши убѣженія, низко и бесплодно. Въ толпѣ всегда болѣе оппозиціи самымъ святымъ истинамъ. Итакъ, или надобно лѣстить безумію, или оставаться въ бездѣйствіи. То и другое противорѣчитъ внушеніямъ строгой добродѣтели; оставайся всегда добродѣтельнымъ, а вліяніе твое непременно совершится, хотя поздно, хотя медленно. Тутъ, въ отношеніи къ дѣйствователю, совершается его первый долгъ, какъ существа, созданнаго по образу Божію, а въ отношеніи къ прочимъ людямъ съется благое сѣмя, имѣющее пустить ростки въ назначенное для того время. Всякая дѣятельность въ высшемъ своемъ значеніи такова, особенно умственная. Перестать быть добродѣтельнымъ отъ того, что я очутился въ пустынѣ и не вижу, кому во благо моя жизнь, свойственно только или эгоисту, или корыстолюбцу, или тщеславному, или просто развратившемуся. Но сойдемъ съ этой высоты и взглянемъ на нашу журнальную обязанность пограждански. Можемъ ли мы, не явивъ собою безмысленныхъ, стремиться отражать современную жизнь нашей литературы, когда жизни-то нѣтъ въ литературѣ нашей. Жизнь есть свободное развитіе силъ, данныхъ намъ природою и гражданственностію. Такъ есть жизнь въ большей части западныхъ литературъ. Нѣмцы выражаютъ свою литературу жизнь ума и науки, французы—политики, вкуса и ума, англичане—прямьсленности, политики, науки, вкуса и т. д. Я не говорю объ ихъ эфемерныхъ произведеніяхъ литературы, а объ явленіяхъ истинно умныхъ и ученыхъ... Но что мы отражать будемъ при полномъ убѣженіи, что явившаяся книга есть или кража, или ложь, или глупость?.. Итакъ, не мелочный журналистъ... долженъ поучаться пропитываться благодатными идеями и вносить ихъ въ міръ для того, что прекрасное никогда не погибнетъ. Если бы у насъ дѣйствительно была жизнь литературная, какъ я понимаю ее, тогда отражать ее значило бы тоже мыслить, зрѣть, разливать свѣтъ и слѣдственно совершать назначенное небомъ. Но для такой эпохи одно остается—говорить съ убѣжденіемъ обо всемъ, что размышленіе, наука, вдохновеніе или даже совѣстливый трудъ пошлютъ мнѣ въ приобрѣтеніе. Зачѣмъ же не книги издавать, а журналъ? Это дѣло другое. Если бы я былъ вполне свободенъ и въ состояніи былъ бы еще болѣе жертвовать для этой дѣли, я издавалъ бы книги. Не имѣя возможности исполнить послѣдняго, я остаюсь при первомъ, что медленно и не такъ блистательно, но все-таки приводитъ меня къ той же дѣли. Я убѣжденъ, что брошенные мною двѣ-три истины въ теченіе года не пропадутъ, и нѣкогда принесутъ плодъ; я же повинуюсь призванію, совершаю долгъ и въ то же время приношу посильную пользу. По-моему нужна въ журналѣ задорность, даже нѣкоторая желчность. А по-моему—ни мало. Раздражительные и мелочные умы довольствуются, когда о нихъ говоритъ толпа; а человѣкъ высшаго назначенія не ищетъ ничего, лишь бы ему совершить по убѣженію свое призваніе. Онъ знаетъ, что все лучшее для немногихъ; но отъ этихъ немногихъ и зрѣть все великое въ будущемъ. Спорить и судить рѣшительно—два дѣла разные. Одно доказываетъ неопытность, даже ребячество; другое исполняется безъ отношеній къ толпѣ. Что я произнесъ, то останется; а много ли народу пристанетъ ко мнѣ, для меня все равно. Я даже не нахожу особеннаго удовольствія въ томъ, чтобы склонить перевѣсъ на свою сторону. Изложеніе истины есть моя потребность, моя жизнь, а соединеніе мнѣній не входитъ въ мой планъ. Въ послѣднемъ случаѣ я подозреваю какое-то насиліе, чего не терплю. Правда, что «Современникъ» походитъ на альманахъ; но эта общая участь всѣхъ нашихъ журналовъ, ибо ни политика, ни религія, ни философія не могутъ у насъ развиваться и развѣтвляться. Для тебя менѣе

въ «Современникѣ» жизни, нежели въ другихъ журналахъ отъ того, что онъ не кричитъ, не бранится, а говорить учтиво и негромко. Но сущность всѣхъ нашихъ журналовъ одна. Я могу заготовить двѣ книжки впередъ, точно такъ же, какъ могутъ это дѣлать и прочіе журналы. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» ты встрѣчаешь безстыдную ложь, когда, напримѣръ, читаешь: «Новыя книги, вышедшія въ іюнѣ мѣсяцѣ». Большая часть явилась въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ и проч. Я не такъ безстыденъ, чтобы врать подобнымъ образомъ. Но въ концѣ года попробуй перебрать ихъ библиографію и мою; увидишь, что я нисколько не пропустилъ и даже не опоздалъ относительно. Ты не замѣчаешь, что объ одной книгѣ я говорю въ маѣ, а они о ней въ іюлѣ. Ихъ восхитительная современность существуетъ только у тебя въ воображеніи. Прочія же статьи всѣ альманашныя, какъ и у меня. Ожидая другіе журналы, ты восклицаешь: «что-то будетъ тамъ?» это единственно отъ того, что любопытство (замѣть, не любознательность) рвется къ привычной ихъ бранчивости. Отчего же я никогда не восклицаю: что-то будетъ тамъ? Вѣдь я, однако, не идіотъ. Просто, я гнушаюсь пошлыми ихъ островами. Журналъ, имѣющій много читателей, имѣетъ силу въ обществѣ, говоришь ты. А отчего «Библиотека для Чтенія», въ десять лѣтъ читанная тремя тысячами, не утвердила въ Россіи ни одной идеи, кромѣ того, что вмѣсто сеѣ лучше писать этотъ, что извѣстно было не дуракамъ и до нея. Нѣтъ, сила состоитъ въ достоинствѣ мысли, а не въ числѣ подписчиковъ. Лѣнтяи, невѣжды и т. п. всегда предпочитаютъ балаганы церковной службѣ. И ты это называешь успѣхомъ? Для «Современника» я, конечно, желаю большаго числа подписчиковъ, но это не значитъ, что я желаю унижить его характеръ. Ты увидишь, что и у меня есть читатели глупцы. Гдѣ же ихъ нѣтъ? Да дѣло въ томъ, что я не ищу читателей. Я только стремлюсь достигнуть совершенства въ дѣятельности моей... Я предлагаю тебѣ и Р. К. продолжать участіе безъ всякаго обѣщанія приблизить мое изданіе къ характеру Краснскаго или Сенковского. Мы должны твердо идти къ распространенію свѣта и добра, безъ малѣйшей оглядки на окружающее насъ... Какъ мнѣ досадно, что ты никогда не перелистывалъ «Revue des deux Mondes». Это журналъ совершенно по моему вкусу. Онъ ничего эфемернаго не трактуетъ. Его можно читать и послѣ 20-ти лѣтъ по выходѣ. Вотъ что я называю достоинствомъ литературнымъ. У насъ это еще необходимо, чтобы противодействовать яду Сенковскихъ и Краевскихъ. Повѣрь, что постоянство и терпѣніе склоняютъ на нашу сторону не говорю большинство, что не въ природѣ человѣческихъ дѣлъ, а благомыслие! Да и безо всего, развѣ не отрадно оглянуться нѣкогда на пройденный путь и сказать: какъ это было все хорошо сдѣлано! Найти способъ приобрести вѣрно и во-время занимательнѣйшія англійскія и шведскія книги... Разнообразіе, истина, вкусъ — сколько ручательствъ, что мы будемъ довольны собою, а это для меня главное. Теперь еще и предвидѣть нельзя, какимъ благотворнымъ орудіемъ очутится въ рукахъ нашихъ «Современникъ». Выпустивъ его разъ изъ рукъ, уже не возвратитъ во-вѣки».

IX.

Бесѣдуя совершенно откровенно съ своимъ гельсингфорскимъ другомъ, Плетневъ вполне откровенно сообщалъ ему свои взгляды на тѣхъ или иныхъ дѣятелей печати. Мы уже знаемъ, съ какимъ омерзѣніемъ отзывался онъ о Булгаринѣ, Гречѣ и Сенковскомъ, присоединяя сюда совершенно несправедливо и бѣднаго Полевого — того

самого, про котораго Чернышевскій въ очеркахъ Гоголевскаго періода гуманно отзывается такъ: «не съ осужденіемъ, а съ признательностью должны мы вспоминать его». Что касается входившаго или, правильнѣе, вошедшаго уже тогда въ силу издателя «Отечественныхъ Записокъ» — А. А. Краевскаго, то, несмотря на всю мягкость своей натуры, Плетневъ клеймилъ его самыми скверными эпитетами, а также приравнивалъ къ компаніи триумвирата: «Онъ держитъ себя, какъ журналистъ рагвенцъ, и обо всемъ говоритъ густенькимъ басомъ, какой только сумѣетъ скопить въ своей мизерной фигуркѣ», «воображаю, какъ взбеленятся Бѣлинскій и Краевскій, эти скотики, вообразившіе, что они какъ будто и люди»; «это — нравственное чудовище» и т. д., — таковы отзывы Плетнева о Краевскомъ, съ которымъ онъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ не прерывалъ знакомства и котораго продолжалъ принимать у себя въ домѣ. Не болѣе благоприятны были его взгляды на Погодина, Надеждина, Никитенку и др. товарищей по перу и каюдрѣ. Не разрывая ни съ кѣмъ связи, поддерживая даже со всѣми добрыя отношенія, Плетневъ въ глубинѣ своей души относился къ каждому изъ нихъ съ презрѣніемъ и брезгливостью. Особенно любопытны были его отношенія къ собрату по научной специальности — Никитенкѣ, тому самому Никитенкѣ, имя котораго въ исторіи нашего просвѣщенія какъ-то неразрывно связано именно съ именемъ Плетнева. Схожіе по общему направленію своей научно-педагогической дѣятельности, могущему по всей справедливости у обоихъ считаться гуманистическимъ, они были, сами по себѣ, какъ люди, удивительно непохожи другъ на друга: одинъ задумчиво и разсѣянно глядѣлъ въ даль минувшаго, другой усиленно смотрѣлъ себѣ подъ ноги, совершенно забывая подчасъ, что недурно бы вспомнить и о небѣ. Въ то время, когда редакторъ «Современника», наперекоръ смыслу жизни, упрямо сидѣлъ въ воздушныхъ фантастическихъ чертогахъ своего журнала, знаменитый цензоръ и будущій редакторъ того же журнала слишкомъ ужъ охотно являлъ собою образецъ редактора на прокатъ, входя въ союзъ то съ Гречемъ, то съ Некрасовымъ, не переставая съ тѣмъ вмѣстѣ быть въ отиѣнно добрыхъ отношеніяхъ и съ Плетневымъ. Если Плетневъ считалъ въ душѣ Никитенку хитрымъ хохломъ который умѣетъ для видимости притвориться и лгать, то и Никитенко не особенно жаловалъ чопорность, надутость своего коллеги, который подчасъ въ интересахъ своего журнала не прочь былъ въ качествѣ предсѣдателя цензурнаго комитета подгадить и другимъ органамъ печати.

Такимъ образомъ, относясь въ душѣ достаточно скверно къ своимъ современникамъ-сверстникамъ, Плетневъ вмѣстѣ съ тѣмъ не сумѣлъ сойтись и понять литературную молодежь, которая въ эпоху его редакторства съ успѣхомъ и достойно выступила на арену общественной дѣятельности. Лермонтовъ, Бѣлинскій, Грановскій, До-

стовскій, Некрасовъ и прочіе, пріютившіеся временно въ «Отечественныхъ Запискахъ» первой половины сороковыхъ годовъ, не были имъ настоящимъ образомъ оцѣнены и поняты въ общественномъ ихъ значеніи. Даже тонкое его литературное чутье въ отношеніи этихъ дѣятелей оказалось притупленнымъ: онъ не разсмотрѣлъ въ нихъ искры Божіей, прозѣвалъ ихъ даровитость. Лермонтовъ, по его мнѣнію, былъ «запоздалый Пушкинъ по претензіямъ, безъ его ума и таланта»; Некрасовъ былъ для него только страшный создатель пасквильнаго альманаха «1-е апрѣля»; про романъ Достоевскаго «Бѣдные люди», столь восторженно встрѣченный Бѣлинскимъ, онъ говорилъ: «онъ мнѣ почти не понравился, кромѣ одного мѣста. Все на тонъ Гоголя и Квитки. Такъ утомительно»; про Грановскаго онъ утверждалъ: «что у него нѣтъ истиннаго таланта, это опять вѣрно. Иначе не связался бы онъ съ пошлѣйшимъ журналистомъ. Что у него нѣтъ истинныхъ знаній, это видно изъ того, что онъ ищетъ опоры въ невѣжественномъ журналѣ. А у него есть записки изъ нѣмецкихъ лекцій, и есть нѣмецкія книги, чтѣ въ моихъ глазахъ, безъ особеннаго таланта, равно нулю». Наибольшаго вниманія заслуживаютъ отзывы Плетнева о Бѣлинскомъ. Когда послѣдній въ пылу увлеченія расточалъ похвалы старымъ дѣятелямъ литературы, редакторъ «Современника» готовъ былъ относиться къ нему ласково и съ похвалою, стоило же только ему стать хоть нѣсколько въ оппозицію героямъ минувшаго — и Плетневъ посылалъ уже на его голову хулу и осужденіе. Такъ, въ теченіе 1840 г. онъ говорилъ про Бѣлинскаго: «нельзя отрицать что онъ глядитъ на предметы вѣрно», или «о Бѣлинскомъ я всегда говорилъ, что онъ полонъ истинныхъ мыслей и знанія искусства»; но черезъ три года взгляды его на критика «Отечественныхъ Записокъ» радикально мѣняется, и онъ готовъ не оставить камня на камнѣ въ его произведеніяхъ. Въ письмѣ отъ 6-го марта 1843 г. онъ пишетъ Гроту:

«Послѣ обѣда читали вторую статью о Державинѣ изъ «Отечественныхъ Записокъ». Здѣсь тотъ же кривой толкъ о поэзіи, какъ и въ статьѣ о Баратынскомъ. Бѣлинскій задаетъ себѣ тему, что долженъ писать поэтъ. Послѣ прикладываетъ къ этой задачѣ произвольно выбираемая изъ него мѣста, имѣющія сходный предметъ съ его темой. Встрѣчая у поэта особенности отъ его произвольныхъ требованій, онъ начинаетъ глумиться надъ авторомъ, называя его рабомъ идей того вѣка или поклонникомъ тогдашнихъ пороковъ, и думаетъ, что прекрасно уничтожаетъ тѣмъ его достоинство, подтверждая, что оно почувствовало лишь Лермонтовымъ, который, по его воззрѣнію, вездѣ вѣренъ одной высоко-философской идѣ: ругать и презирать человѣчество въ видѣ произвольно сотворенныхъ имъ уродовъ. Вотъ его вседневная метода критики, которую и ты похвалилъ».

Въ письмѣ отъ 28-го апрѣля того же года онъ такъ оцѣниваетъ качества критика «Отечественныхъ Записокъ»:

«Ужели ты не понимаешь, что въ немъ двѣ совершенно разныя стороны: когда онъ по выученнымъ теоріямъ говоритъ о чемъ нибудь вообще, безъ приложенія, то разсуждаетъ какъ будто умомъ; но когда ему придется частно сказать свое мнѣніе о какомъ нибудь поэтѣ или вообще писателѣ, то онъ бредитъ, не носи въ душѣ сочувствія съ художническими истинами. Вотъ что я и объяснялъ тебѣ. А ты вдругъ отъ радости воскликнулъ: значить, что о немъ могутъ быть противныя мнѣнія. Конечно, когда смотреть на него, какъ на человѣка, вычитывающаго свои идеи, и какъ на человѣка, создающаго ихъ. Но это не о немъ противныя мнѣнія, а въ немъ разнородные предметы. Притомъ же онъ все то считаетъ уже лучшимъ, что моложе. Вотъ почему у него Лермонтовъ почти выше Пушкина, тогда какъ Лермонтову далеко и до Языкова, не только до Баратынскаго. Не будь, милый другъ, читателемъ молоденькимъ, для котораго тотъ и правъ, кто говорилъ послѣдній. Надо создать свою теорію объ изящномъ, а не дожидаться, что скажетъ голодный и злой рецензентъ. Иначе тебѣ придется перемѣнять свои понятія ежедневно. Вообрази, что Баратынскій жилъ бы въ Петербургѣ, любилъ бы писать еще стихи и никуда не давалъ бы ихъ, какъ Лермонтовъ, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ»; что намолоти бы о немъ такіе безпристрастные и уважающіе себя судьи, какъ Бѣлинскій и Краевскій!».

Изъ отзывовъ Плетнева о молодыхъ дѣятеляхъ печати мы видимъ, что онъ ихъ рѣшительно не понималъ и радикально съ ними расходился во взглядахъ на задачи литературы. Новыя вѣянія его не коснулись, онъ остался неподвиженъ и въ торжественной позѣ подъ обветшавшими знаменами двадцатыхъ годовъ, которыя ему непрестанно твердили о славномъ для него прошломъ, о минувшихъ дняхъ и рѣчахъ, уже давно замолкшихъ. Отсюда становится понятнымъ, что онъ закрылъ передъ новыми кумирами общества литературныя двери своего «Современника» и... остался безъ сотрудниковъ. Впрочемъ, въ числѣ молодыхъ талантовъ онъ призналъ только троихъ, которыхъ, такъ сказать, и счелъ долгомъ благословить своей рукой жреца чистаго искусства. Это были тогда только-что начинавшіе литературную дѣятельность поэты — Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ. Но всѣ эти три названныхъ лица вовсе не явились сотрудниками его чахнувшаго «Современника», нѣтъ — его благословіе было больше платоническое, поэты же преисправно подвизались въ другихъ ненавистныхъ ему журналахъ, преимущественно въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Благодаря этому, редакторъ «загробнаго журнала Пушкина» вскорѣ очутился въ достаточно-таки трагическомъ положеніи: безъ сотрудниковъ и безъ подписчиковъ! Старые сошли со сцены, а оставшіеся еще въ живыхъ изъ числа прежнихъ не были работниками въ истинномъ смыслѣ этого слова; съ молодыми же редакторъ не желалъ якшаться, не признавая въ нихъ ни ума, ни таланта, ни даже литературной порядочности или добросовѣстности.

X.

Приступивъ въ 1838 году къ изданію «Современника», Плетневъ прежде всего его передѣлалъ изъ сборника, выходившаго четыре раза въ годъ, въ журналъ ежемѣсячный, позаботился о льготахъ для подписчиковъ, назначивъ разсрочку, и привлекъ къ сотрудничеству кое-кого изъ молодежи. Цензорами къ нему были назначены А. Н. Никитенко и Лангеръ. Первый годъ изданія былъ сравнительно удачный: мы встрѣчаемъ на страницахъ журнала довольно большое количество именъ, которыя пользовались любовью и популярностью среди читателей: Гоголя, В. Даля, Е. Гребенку, Губера, Розена, Ѡ. Тютчева, графиню Ростопчину, А. Кольцова, Бенедиктова и другихъ, въ томъ числѣ Я. Грота и А. Ишимову, коимъ впоследствии пришлось играть такую выдающуюся роль въ жизни «Современника». Самъ Плетневъ въ этомъ году помѣщаетъ здѣсь рядъ интересныхъ очерковъ, свидѣтельствующихъ о его твердомъ намѣреніи не покладать рукъ на пользу своего дѣтища. Въ числѣ этихъ очерковъ заслуживаютъ особеннаго вниманія о «литературныхъ утратахъ», «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», о «стихотвореніяхъ графини Ростопчиной», «о путешествіи по Россіи на слѣдника цесаревича» и друг. Въ общей сложности онъ печатаетъ 13 самостоятельныхъ статей, не считая множества библиографическихъ замѣтокъ. Кромѣ указаннаго литературнаго матеріала, журналъ за тотъ годъ приобретаетъ цѣнность, благодаря нѣкоторымъ еще невѣдомымъ до толѣ посмертнымъ произведеніямъ основателя «Современника»—мелкимъ стихотвореніямъ, отрывкамъ изъ «Евгенія Онѣгина», и т. п.

Болѣе или менѣе благополучно проходитъ и 1839 годъ, но уже на слѣдующій, когда Плетневъ начинаетъ забираться служебными и общественными должностями, журналъ идетъ на убыль, дѣлается совершенно безцвѣтнымъ и теряетъ всякую жизненность и интересъ. Рѣдкими и случайными гостями являются здѣсь только слѣдующіе корифеи тогдашней литературы: Жуковский, князь Одоевскій, Квитка-Основьяненко, Бенедиктовъ, Кольцовъ, Сологубъ, Языковъ, А. Тургеневъ, Куторга и другіе. Въ отдѣлѣ беллетристики фигурируетъ до своего перехода въ «Отечественныя Записки» исключительно почти Квитка, а въ остальныхъ частяхъ №№ наполняются почти исключительно статьями Я. Грота, А. Ишимовой и нѣкоторыхъ начинающихъ писателей—Барановскаго, Герца и друг., которые своими статьями по свойству и содержанію ихъ не давали журналу какой либо опредѣленной фizioноміи, никакого захватывающаго, животрепещущаго интереса. Наиболѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ Плетнева за весь періодъ 1838—1846 годовъ является Яковъ Карловичъ Гротъ, который съ удивительной любовью, преданностью и трудолюбіемъ выручаетъ своего друга. Чуть не въ каждомъ №

мы встрѣчаемъ его произведенія, стихотворенія и беллетристическія, относящіяся преимущественно къ исторіи, литературѣ, этнографіи и бытовой жизни скандинавскихъ народовъ. Статьи Грота имѣли большую цѣнность: изъ нихъ впервые русское общество ознакомилось съ жизнью сосѣдней сѣверной страны; эти же очерки главнымъ образомъ послужили въ то время симпатичнымъ и гуманнымъ связующимъ звеномъ въ исторіи общественныхъ сношеній Россіи и Финляндіи. Но нельзя, однако, не замѣтить при этомъ, что какъ ни цѣнно было сотрудничество Грота, на немъ одномъ не могъ быть основанъ успѣхъ журнала. Ишимова своимъ симпатичнымъ и маленькимъ голоскомъ не могла ему достаточно успѣшно вторить, а хоръ совершенно отсутствовалъ въ журналѣ. Самъ Плетневъ, столь ревностно поработавшій въ 1838 году, во всѣ остальные восемь лѣтъ помѣщаетъ здѣсь всего лишь девять небольшихъ очерковъ и цѣликомъ уходитъ въ составленіе библіографіи, которая дѣйствительно является въ его «Современникѣ» чрезвычайно цѣннымъ и полезнымъ отдѣломъ. Остальное содержаніе журнала составляли или жидкія компіляціи, или переводы, которые не возбуждали интереса читателей. Послѣдніе передъ выходомъ новаго № не задавали себѣ животрепещущаго вопроса: что-то въ немъ появится интереснаго? Содержаніе его можно было опредѣлить за нѣсколько книгъ впередъ—тутъ будетъ статья Грота, очеркъ Ишимовой, библіографія Плетнева и... только. Да и какъ можно было ожидать чего нибудь другого? Отъ новыхъ Плетневъ сторонился, а старые или мало интересовались литературой, т. е. почти что на нее не работали, а тѣ, которые несли на рынокъ свой товаръ, какъ, напримѣръ, Гоголь, хотѣли получить стоимость этого товара наличными деньгами, такъ какъ нуждались въ средствахъ къ существованію. Плетневъ же платить сотрудникамъ не могъ, такъ какъ отсутствіе подписчиковъ не давало ему возможности составить какую нибудь кассу журнала. Онъ и безъ того работалъ въ убытокъ, приплачивая ежегодно порядочныя суммы за бумагу и въ типографію изъ своего содержанія по государственной службѣ. Получился заколдованный кругъ, въ коемъ издателю предоставлялось вертѣться, какъ бѣлкѣ въ колесѣ: сотрудниковъ не было, потому что денегъ не было, денегъ не было, потому что подписчикъ отсутствовалъ, а послѣдній не являлся, такъ какъ не зачѣмъ было сюда и идти—журналъ былъ безсодержателенъ!

Эта безвыходность положенія, конечно, не могла не сердить Плетнева, и онъ по случаю ухода, напримѣръ, Квитки въ журналы за гонораръ писалъ уже въ 1840 г. Гроту: «Квиткѣ я написалъ, что онъ можетъ дать въ «Маякѣ» все, что хочетъ, но я отказываюсь быть посредникомъ и отослалъ его въ типографію Фипера, гдѣ лежатъ оригиналы Холявскаго и Столбикова (новый романъ его). Отъ «Современника» не откажусь и безъ Квитки. Ужели вы, Александра

Осиповна (Ишимова) да я, не наполнимъ чѣмъ нибудь четырехъ книжекъ? Все равно: подписчиковъ и теперь не было лишнихъ, а 300 авось всегда останется по привычкѣ». Въ 1846 же году, какъ можно видѣть изъ приведеннаго выше длиннаго его письма къ Гроту, онъ уже совершенно съ озлобленіемъ говоритъ про подписчика и читателя: а, ну его совсѣмъ!

Такимъ образомъ, вертясь на 300 подписчикахъ и возвышаясь иногда даже до 400 слишкомъ, Плетневъ упорно не предпринималъ никакихъ новшествъ, чтобъ литературнымъ способомъ поднять «загробный журналъ Пушкина», если не считать заведеннаго имъ отдѣла «Разное», который сводился опять-таки на все ту же библиографію. Я уже сказалъ, что эта рецензентская часть была здѣсь поставлена хорошо и, оставаясь чуждою публицистическимъ приемамъ критики, преслѣдовала исключительно цѣли научныя и эстетическія. Завѣты Пушкинскаго періода въ данномъ случаѣ сохранялись здѣсь въ неприкосновенности, и на отдѣлъ рецензій Плетневъ тратилъ по мелочамъ свои недюжинныя силы, пригодныя для болѣе цѣннаго употребленія. Къ чему свелъ онъ въ концѣ-концовъ свою отвѣтственную роль руководителя общественнаго мнѣнія? Не сотрудничая лично въ журналѣ, не заботясь о привлеченіи сотрудниковъ, онъ не читалъ даже поступавшія къ нему рукописи и ограничился ролью секретаря, корректора и механическаго составителя №№ журнала, «литературнаго канцеляриста». По этому предмету Гротъ писалъ ему:

«Литературнымъ канцеляристомъ» называю и тебя не за разборы твои (вспомни, какъ я былъ доволенъ ими, особливо составляя указатель «Современника»), а вообще за характеръ твоей литературной дѣятельности, какъ она до сихъ поръ была. При изданіи журнала что было твоею главною заботою? Печатаніе, чтеніе корректуры (самъ ты составлялъ только, по большей части, тощенькую библиографію), — слѣдовательно все болѣе канцелярская работа. Получивъ какую нибудь новую статью, рѣдко ты чувствовалъ любопытство тотчасъ же ознакомиться съ нею, обыкновенно съ равнодушіемъ отлагалъ до чтенія корректуры, и такимъ образомъ она оставалась тебѣ неизвѣстною иногда на цѣлый годъ и болѣе. Положимъ, что это происходило по причинамъ естественнымъ и извинительнымъ, но все же это было, и я искалъ слова для охарактеризованія такого неправильнаго положенія дѣлъ. Такое равнодушіе всего болѣе поражало меня, когда послѣ усердной работы, въ которой твое участіе и твой судъ составляли для меня самую пріятную перспективу, я просилъ твоего отзыва, ждалъ его и не получалъ. А между тѣмъ и ничье другое мнѣніе о моемъ трудѣ, въ которомъ на время я жилъ всею своею жизнью, не доходило до меня, и такимъ образомъ я лишился быть того, что всего болѣе поддерживаетъ дѣятельность и всего болѣе нужно для успѣховъ».

Да когда было Плетневу принимать активное дѣятельное участіе въ собственномъ журналѣ? То его призывали 18-ть его должностей и обязанностей, то онъ, слоняясь по раутамъ и гостинымъ свѣтскихъ своихъ знакомыхъ, посвящалъ журналу лишь ночное время,

причемъ всѣ эти корректуры и сношенія съ книжными магазинами выводили его изъ себя и разстроивали нервы. Оставаясь же дома, онъ опять-таки совершенно безцѣльно отдавался писанію длиннѣйшихъ и часто бессодержательныхъ писемъ. Правда, эти письма для насъ очень цѣнный историческій матеріалъ, но для Плетнева непосредственно въ тѣ дни и для его журнала служили лишь отвлеченіемъ отъ прямыхъ и важныхъ обязанностей.

XI.

Гротъ, помимо осужденія личнаго поведенія Плетнева въ отношеніи «Современника», дѣлалъ неоднократно указанія на необходимость оживить журналъ, сдѣлать его болѣе современнымъ и хоть нѣсколько приблизить къ типу такого органа печати, который бы болѣе привлекалъ къ себѣ вниманіе и интересъ читателей. Такъ, между прочимъ, онъ, желая прибѣгнуть къ сатирической формѣ полемики для нанесенія удара тогдашнему «промышленному» характеру издательства (Сенковскій, Краевскій), предлагалъ своему другу помѣстить въ журналѣ проектъ новаго журнала «Инфузорія» и объявленія о немъ, гдѣ остроумно, не называя никого по именамъ, вышучиваетъ «Библіотеку для Чтенія» и «Отечественныя Записки». «Прошло то невинное время — младенческой возрастъ литературы, когда журналистъ долженъ былъ прикрывать истинную цѣль своихъ трудовъ скромными увѣреніями, что онъ думаетъ только о распространеніи истины, о пользѣ своихъ читателей и т. п. Въ нашу просвѣщенную эпоху уже позволено говорить безъ обиняковъ, что литература есть такая же вѣтвь промышленности, какъ и всякое ремесло, и что писатель, какъ и всякій другой производитель, долженъ прежде всего заботиться объ обращеніи своихъ силъ и способностей въ осязаемыя блага... Теперь всякій, сколько нибудь, наблюдательный читатель можетъ самъ написать цѣлую книгу о томъ, что нужно журналисту. Явилась новая наука о практической пользѣ литературы для жизни». Вышучивая несимпатичныя, но обезпеченныя успѣхомъ, тогдашнія толстыя изданія, Гротъ предполагаетъ и «Инфузорію» издавать 2 раза въ мѣсяцъ большими фоліантами, въ 100 листовъ каждый. Обращаясь къ вопросу о сотрудникахъ «Инфузоріи», онъ говоритъ:

«Во многихъ журналахъ участвуютъ всѣ русскія литературныя знаменитости: почему же мы не участвовать и въ Инфузоріи? Въ нѣкоторыхъ изъ ашихъ журналовъ участвуютъ многія иностранныя знаменитости. И мы не лишимъ себя этого преимущества. Мы пойдемъ еще далѣе: мы призовемъ къ себѣ на помощь не только живыхъ, но и мертвыхъ, мы объявляемъ своими сотрудниками: Байрона, Гете, Шекспира, Гомера! Мы знаемъ силу поговорки: мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай! Что касается до живыхъ, особливо отечественныхъ литераторовъ, то—если не хватитъ наличныхъ знаменитостей, мы создадимъ новыхъ. Это

очень легко. Успѣвъ заманить въ число нашихъ какого нибудь темнаго новичка и намѣреваясь напечатать одинъ изъ первыхъ его опытовъ, мы заблаговременно пошлемъ своихъ друзей трубить всюду о замѣчательномъ возникающемъ талантѣ; заставимъ ихъ у встрѣчнаго и поперечнаго спрашивать: слышали ли вы о такомъ-то? Какой необыкновенный талантъ! Какъ много общается! Его рукопись ходитъ изъ рукъ въ руки, и всѣ ею восхищены». Праздная молва быстро разнесетъ имя новаго феномена, и при напечатаніи перваго его сочиненія въ Инфурзори онъ уже будетъ въ числѣ знаменитостей. Мы не упустимъ послѣ утвердить публику въ ея благосклонной довѣренности къ нашей рекомендаціи, безпрестанно жуужжа ей въ уши о нашемъ литературномъ временщикѣ».

Сагира Грота, не потерявшая своего значенія и для нашего времени, понравилась Плетневу, но онъ остался вѣренъ принятому намѣренію мертвить журналъ и ея не напечаталъ.

«Современникъ», не откликавшійся на вопросы тогдашней повременной журналистики, сторонившійся ея и державшійся въ сторонѣ отъ бойкой литературной улицы, конечно, не могъ вызывать къ себѣ сочувствія собратьевъ, и пресса или его замалчивала или относилась къ нему почтительно-холодно и не безъ ироніи. Такъ Краевскій въ «Инвалидѣ» за 1843 годъ писалъ: «Въ ряду нашихъ журналовъ 1843 года не послѣднее мѣсто занимаетъ «Современникъ», издающійся подъ редакціею г. Плетнева и выходящій съ 1-го января нынѣшняго года въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ. Въ «Современникѣ» помѣщаются, кромѣ ученыхъ статей, небольшія повѣсти, рассказы и стихотворенія, и есть отдѣлъ подъ названіемъ: новыя сочиненія. Наружность «Современника» очень благообразна». Въ другой разъ тотъ же Краевскій, перечисляя имѣющіяся въ наличности періодическія изданія, совсѣмъ пропускаетъ «Современникъ». И другіе рецензенты не смѣли воскурять фиміамъ журналу Плетнева и справедливо жаловались, что въ немъ только и встрѣчаешь одни имена—Грота да Ишимовой. Даже человекъ, совершенно не заинтересованный въ распространеніи «Современника» и скорѣе ему благоволившій, Шевыревъ, и тотъ указывалъ Плетневу, какъ на главный недостатокъ журналъ, на его безжизненность и излишнюю удаленность отъ вопросовъ дня. Осуждаемый друзьями и недругами, Плетневъ не встрѣчалъ поддержки ни въ читателяхъ, ни въ цензурномъ вѣдомствѣ, на которое и сѣтовалъ неоднократно въ письмахъ къ Гроту. «Огъ низости и подлости цензоровъ нельзя не бѣситься. Я вижу, что они явно потворствуютъ «Сѣверной Пчелѣ», «Библиотецѣ для Чтенія» и «Огечественнымъ Запискамъ», т.-е. самымъ глупымъ изданіямъ, но имѣющимъ столько подписчиковъ, чтобы безъ труда платить взятки этимъ скаредамъ. То, чего они не хотятъ позволить въ «Современникѣ», будь въ сто разъ сильнѣе у Сенковского, или у Булгарина, или у Краевского, то они пропустятъ, не поморщась. Можно ли же не бѣситься отъ такой мерзости?»

Не ладилъ Плетневъ и съ комиссіонерами, къ посредству которыхъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть, чтобъ вогнать подписку хоть въ 400 билетовъ. Комиссіонеры ставили его ни во что и преспокойно обирали. Плетневу приходилось туго, но онъ не сдавался и продолжалъ тянуть одну пѣсню:

«Даже то, что ставишь ты «Современнику» въ упрекъ, какъ журналу, я никогда не перестану признавать моею заслугою,—писалъ онъ Гроту. Развѣ ты не чувствуешь, что большая часть твоихъ требованій падаетъ на то, зачѣмъ «Современникъ» не похожъ на «Отечественныя Записки» и «Библиотеку для Чтенія». Его всегданнее достоинство въ томъ и будетъ состоять, что онъ останется занимательнымъ, полезнымъ сборникомъ и справочною книгою о движеніи всей русской литературы въ продолженіе девятилѣтія (1838 — 1847 г.г.). Конечно, отстранившись отъ общаго типа нашихъ популярныя журналовъ, я лишилъ себя подписчиковъ, т.-е. средствъ окружить себя сотрудниками. Но тогда я бы введенъ былъ невозвратно въ необходимость идти общею колесою съ Краевскимъ и Сенковскимъ, что именно и не хотѣлъ я. Итакъ, выходишь, ты винишь Плетнева за то, что онъ выдержалъ свой характеръ. Начни же съ начала и осуди его, зачѣмъ онъ, не бывъ похожъ на журналистовъ, любимыхъ публикою, принялся за изданіе журнала. Вотъ это нападеніе честное и законное. Советовать же, чтобы мой журналъ стремился къ эфемерному успѣху—нельзя, пока не уничтожишь во мгнѣ меня».

Здѣсь Плетневъ дошелъ до рокового вопроса: зачѣмъ онъ, не будучи журналистомъ въ душѣ, принялся за изданіе журнала? Тотъ же вопросъ поставилъ и Гоголь въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ редактору «Современника», гдѣ искренно, но безпомощно подвелъ журнальные итоги своего друга.

«Современникъ» вышелъ плохимъ журналомъ, несмотря на прекрасную цѣль, которую ты имѣлъ въ виду,—писалъ ему авторъ «Мертвыхъ душъ».—Даже эта самая прекрасная цѣль, во имя которой ты предпринялъ его, не обнаружилась никогда очевидно и ясно изъ самаго журнала; напротивъ, всякъ спрашивалъ въ недоумѣніи другъ у друга: «Объясните намъ, зачѣмъ и для чего издаетъ Плетневъ свой журналъ? что хочетъ онъ сказать имъ? что значать эти общія мѣста въ его программѣ, эти повторенія о безпристрастіи, о безкорыстной любви къ искусству, о стремленіи къ истинѣ и т. п., которыя общаетъ всякій журналистъ и которыхъ не исполняетъ никто?». Тощее содержаніе его тоненькихъ книжескъ, неживой, безучастный, вялый и неопредѣленный слогъ его сужденій обо всемъ современномъ задавалъ только загадку рѣшать: зачѣмъ онъ названъ «Современникомъ»? Будемъ говорить откровенно. У тебя нѣтъ качества журналиста: ни юношескаго живого участія ко всемъ волненіямъ современнымъ, ни того трепета любопытства къ вопросамъ, раздающимся въ массѣ общества, ни, наконецъ, энциклопедическаго науколюбиваго стремленія обнимать съ равной охотою все, что ни относится къ развитію познаній человѣческихъ во всѣхъ родахъ. Твоя антологическая душа получила только на долю себѣ одинъ возвышенный даръ — услаждаться благоуханіемъ прекрасныхъ цвѣтовъ поэзіи и обонять ароматъ высшихъ движеній души человѣческой. Не пѣвцу «Минина» и нѣкоторыхъ другихъ прекрасныхъ элегій, свидѣтельствующихъ о чистотѣ вкуса и скромной тишинѣ души самого пѣвца, выступать было на поприще полемиическое. «Современникъ» даже и при Пушкинѣ

не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, несмотря на то, что Пушкинъ создалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую къ исполненію».

Далѣе нашъ гениальный писатель предлагаетъ реформировать «Современникъ» въ сборники возвышенно-нравственнаго содержанія, выходящіе раза три въ годъ въ видѣ настоящаго альманаха, подобно Дельвиговскимъ «Сѣвернымъ Цвѣтамъ», при чемъ всякая мысль о журнализмѣ должна быть откинута. Эти совѣты Гоголя были во всякомъ случаѣ запоздалые: надъ журналомъ Плетнева вѣяло холодомъ смерти, и не ему было дано вспрыснуть дѣтище Пушкина живою водою.

XI.

Фіаско Плетневскаго «Современника» было для всѣхъ очевидно, и онъ погибалъ, никѣмъ не оплакиваемый—ни самимъ издателемъ-редакторомъ, ни ближайшими сотрудниками, ни подписчиками, ни остальными русскими читателями. Ликвидация его была неизбежна, и вопросъ сводился лишь къ тому: исчезнетъ ли наслѣдіе Пушкина въ пучинѣ времени безвозвратно, или ему суждено воскреснуть въ болѣе живой и современной формѣ? Судьбѣ угодно было второе, и на журнальномъ мѣстѣ, приведенномъ въ залустьніе неумѣлою и небрежною рукою Плетнева, осѣло новое «племя, молодое и сильное», которое сумѣло вырастить здѣсь литературную ниву, давшую современемъ обильную жатву русскому обществу.

Что Плетневъ тяготится своимъ журналомъ, не было секретомъ для литературныхъ кружковъ Петербурга и Москвы, гдѣ въ срединѣ сороковыхъ годовъ произошла уже значительная и вполне опредѣленная группировка силъ. Кружокъ Станкевича, въ лицѣ нѣкоторыхъ его членовъ, послѣ неудачной попытки обосноваться въ Надеждинскомъ «Телескопѣ», временно перекочевалъ въ «Московскій Наблюдатель», вскорѣ тоже прекратившій свое существованіе, откуда уже центръ тяжести дѣятельности кружка былъ перенесенъ, въ 1839 г., въ петербургскія «Отечественныя Записки» Краевскаго. Журналъ Краевскаго далъ впервые возможность сплотиться въ сильную и вліятельную группу молодымъ писателямъ, которые, съ Бѣлинскимъ во главѣ, энергично и съ энтузіазмомъ водрузили новое литературное знамя, на коемъ обозначено было слово—западничество. Не прошло много времени, какъ русское общество явилось свидѣтелемъ жестоко-разгорѣвшейся литературно-научной войны между двумя столицами, Петербургомъ и Москвою, борьбы, извѣстной у насъ подъ именемъ полемики западниковъ и славянофиловъ. Здѣсь не время останавливаться на этомъ любопытномъ и достаточно изслѣдованномъ моментѣ нашей исторіи литературы—интересующихся отсылаю къ работамъ А. Н. Пыпина и Н. П. Барсукова, гдѣ собранъ по этому предмету обширный мате-

ріалъ. Извѣстно, что западники недолго продержались въ «Отечественныхъ Запискахъ», и въ 1846 г. глава этой литературной группы, Бѣлинскій, разорвалъ съ Краевскимъ, оставшись такимъ образомъ безъ работы и средствъ къ жизни. Съ уходомъ Бѣлинскаго изъ журнала, самому существованію западниковъ, какъ сплоченной литературной группѣ, предстояла опасность разложенія, почему и наиболѣе энергичные изъ нихъ стали помышлять о «собственномъ журналѣ», гдѣ бы Бѣлинскій нашелъ вполне обеспечивавшую его работу и гдѣ бы онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ и руководителемъ. Но получить разрѣшеніе на новый журналъ въ тѣ дни было невозможно, почему рѣшено было или взять въ аренду одно изъ хирѣвшихъ тогда изданій, или даже приобрести его въ собственность. Когда Панаевъ, одинъ изъ членовъ кружка Бѣлинскаго, далъ согласіе доставить на изданіе журнала деньги, Некрасовъ взялъ на себя подысканіе нужнаго журнала. По указаніямъ самого Панаева вниманіе будущихъ издателей-сотрудниковъ остановилось именно на Плетневскомъ «Современникѣ», какъ на органѣ печати, не запятнанномъ никакой грязью, но пришедшемъ въ упадокъ и ждавшемъ только своего избавленія изъ безвыходнаго состоянія. Сдѣлка скоро состоялась, и Плетневскій «Современникъ» поступилъ въ аренду Панаева и Некрасова, причемъ проф. Никитенко былъ утвержденъ его редакторомъ.

Уже въ сентябрѣ 1846 г. Плетневъ писалъ по этому предмету Гроту: «Панаевъ (И. И.) и Никитенко подговариваютъ меня сдать «Современникъ» на ихъ редакцію. Это мнѣ очень по сердцу; тогда каждазъ лѣто я свободенъ буду разъѣзжать, куда мнѣ вздумается. Сверхъ того, я свободнѣе займусь чѣмъ нибудь подѣльнѣе, нежели библіографіею и «Разнымъ». А важнѣйше: не буду связываться съ этою грязною братіею литераторовъ»; а въ октябрѣ того же года онъ извѣщалъ своего друга:

«Въ прошедшую среду (18 октября) министръ подписалъ дозволеніе о передачѣ «Современника» на редакцію Никитенка. Съ плечъ моихъ спала гора. Панаевъ тутъ показалъ себя благороднымъ чловѣкомъ. Онъ предложилъ мнѣ платить за уступленное ему изданіе каждый годъ въ теченіе десяти лѣтъ по 3,000 рубл. ассигнаціями. Я нахожу, что это уже и слишкомъ выгодно для меня. Можетъ быть, они и вгонять «Современникъ» въ моду; но тутъ нужно рисковать капиталомъ, чего я не умѣлъ и не могъ сдѣлать... Въ пятницу я началъ для № 12 Современника статью, подъ названіемъ: «Къ читателю Современника», гдѣ прощаюсь съ моими подписчиками. Объявленіе о новомъ «Современникѣ», гдѣ буквы въ аршинъ, на зеленомъ огромномъ листѣ, разослано по городу и въ города провинціальныя».

Въ отвѣтъ на это извѣщеніе Гротъ писалъ: «Итакъ, рѣшена участь «Современника»! Тѣнь Пушкина! не содрогаешься ли ты? Твое созданіе.... Но иначе не могло сдѣлаться безъ совершеннаго уничтоженія журнала. Много свободы почувствуешь ты теперь. Умѣй воспользоваться ею: если же этого не будетъ, то передача «Современ-

ника» обратится тебѣ въ вѣчный упрекъ. Хорошо, если Панаевъ исполнить предложеніе. Оно справедливо: другой содралъ бы съ нихъ такую сумму, что они напередъ подумали бы». Это было писано въ концѣ октября, а въ началѣ ноября онъ спѣшилъ уже подѣлиться впечатлѣніемъ съ своимъ другомъ по поводу прочитаннаго объявленія о подпискѣ на «Современникъ» подъ новою редакціею: «Сегодня получилъ я № 11 «Современника». Объявленіе о продолженіи его прочелъ я не безъ нѣкотораго, какъ бы сказать?—содроганія! И Некрасовъ въ числѣ издателей—творецъ «1-го апрѣля»! И что за сотрудники! Признаться, я ожидалъ общества получше. Но этимъ брошенъ новый элементъ борьбы въ журнальный міръ. Пусть переѣдятъ другъ друга: этого-то и нужно. И публика пусть давится пищею, которую сама себѣ стряпаетъ». Составъ сотрудниковъ обновленнаго «Современника», пропечатанныхъ громадными буквами на зеленыхъ афишахъ, который такъ смутилъ Грота, былъ слѣдующій:

В. Г. Вѣлинскій, М. А. Гамазовъ, А. П. Герценъ (Искандеръ), Т. Н. Грановскій, Э. И. Губеръ, И. А. Гончаровъ, В. И. Даль, Ф. М. Достоевскій, Д. А. Засядко, К. Д. Кавелинъ, А. С. Комаровъ, Е. О. Коршъ, А. И. Кроненбергъ, Н. Х. Кетчеръ, П. Н. Кудрявецъ (Нестровъ), Н. А. Мельгуновъ, А. Н. Майковъ, Г. П. Небольсинъ, Н. А. Некрасовъ, А. Н. Никитенко, Н. Н. Надеждинъ, князь В. Ф. Одоевскій, П. И. Панаевъ, П. А. Плетневъ, Д. М. Перовицкивъ, П. Г. Рѣдкинъ, графъ В. А. Сологубъ, А. Н. Струговицкивъ, Н. С. Тургеневъ и др.

Какъ видитъ читатель, въ числѣ будущихъ сотрудниковъ «Современника» значился и бывшій его издатель редакторъ. Это обстоятельство привело не въ малое смущеніе его друзей и прежнихъ сотрудниковъ. Такъ Шевыревъ писалъ ему изъ Москвы: «Вотъ моя искренняя къ вамъ просьба. Возьмите ваше имя изъ числа сотрудниковъ «Современника». Зачѣмъ оно тутъ? Эти люди умышленно рады вашему имени. Сожалѣю, что «Современникъ» не достался въ руки Чижова; но не бѣда, если въ теченіе года онъ побываетъ въ чужихъ рукахъ. Я даже предвижу въ этомъ хорошее. Силы этихъ людей извѣстны. Авторъ самаго дешеваго романа, который дается даромъ, здѣсь трубить по домамъ, что подписка на «Современникъ» пошла удивительно. Это средство сказать, что и романъ его расходуется. Люди, прибѣгающіе къ такимъ жалкимъ средствамъ, не много общаются». Одинаково съ Шевыревымъ былъ недоволенъ обѣщаніемъ сотрудничества Плетнева и вѣрный другъ его, Я. К. Гротъ. Какъ бы извиняясь за свое соучастіе, бывшій издатель отвѣчалъ на обращенныя къ нему письма: «И Шевыревъ недоволенъ, что мое имя стоитъ въ числѣ сотрудниковъ «Современника». Но что же дѣлать? Мои отношенія къ Никитенку таковы, что я не могъ отказать ему въ этомъ, да и спесиво было бы давать большую цѣну имени своему, которое въ литературѣ такъ мало вѣситъ».

Пока шла организація новой редакціи «Современника», и Плетневъ извинялся передъ друзьями за уступку Никитенкѣ, ему была

доставлена слѣдующая оффиціальная бумага отъ опекуновъ (графъ Вельгорскій и П. Ланской) дѣтей Пушкина:

Необходимо для полноты очерка отмѣтить, что еще до кружка Бѣлинскаго, о передачѣ «Современника» съ Плетневымъ вели переговоры—Грановскій, Герцъ, Чижовъ, но тогда это не могло состояться.

«Милостивый государь, Петръ Александровичъ! Дружескія отношенія, которыя связывали васъ съ покойнымъ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, вызвали васъ по кончинѣ его принять участіе въ изданіи журнала «Современникъ»; а впоследствии съ тою же благородною цѣлью, единственно въ память основателя сего журнала, вы поддерживали его существованіе до сихъ поръ. Теперь же, когда изъ объявленій въ газетахъ видно, что вы желаете передать журналъ другимъ, — опека, учреждаемая надъ малолѣтними дѣтьми покойнаго Александра Сергѣевича, имѣетъ честь покорнѣйше просить вашего согласія о возвращеніи снова права на изданіе сего журнала наследникамъ Александра Сергѣевича, что вполне согласно съ законами, по сему предмету существующими. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанности считаемъ присовокупить, что все время вашихъ трудовъ до сихъ поръ по изданію «Современника» не можетъ быть подвергнуто никакому отчету съ вашей стороны, потому что оно предпринято было вамъ съ цѣлью поддержать существованіе сего журнала, за что какъ опека, такъ равно и дѣти Александра Сергѣевича будутъ вамъ навсегда признательны, и только передача журнала сего другимъ вынуждаетъ опеку отнестись къ вамъ съ просьбою о возвращеніи права на изданіе сего журнала наследникамъ Александра Сергѣевича, каковую мѣру опека вынужденною находится сдѣлать по прямой обязанности сохранять выгоды малолѣтнихъ».

На эту курьезную бумагу, содержащую въ себѣ неосновательное домогательство, Плетневъ далъ отвѣтъ, гдѣ изложилъ весь ходъ жизни «Современника», какъ онъ возникъ, какъ прекратился за смертью Пушкина, и какъ онъ сталъ по желанію великой княгини Маріи Николаевны его издателемъ-редакторомъ. Документы, приведенные Плетневымъ, не оставляли никакого сомнѣнія, что вмѣшательство опеки въ личное дѣло издателя «Современника» является плодомъ недоразумѣнія, когда люди попросту пытались явиться не по разуму усердными исполнителями своей попечительской обязанности. Въ этой маленькой интригѣ опеки были повинны вдова покойнаго поэта, и старый другъ Плетнева, князь Вяземскій. Эпизодъ съ опекой не остановилъ дѣла перехода «Современника» въ аренду Панаеву, и въ декабрѣ 1846 г. Плетневъ выпустилъ за своей редакторской подписью послѣдній № «замогильнаго журнала Пушкина», гдѣ счелъ долгомъ съ грустью проститься со своими немногочисленными подписчиками. Въ обращеніи «къ читателю» онъ, изъяснивъ сначала значеніе своей дѣятельности въ «Современникѣ» и изложивъ цѣли, которыя послѣдній преслѣдовалъ, на прощаніе такъ объясняетъ прекращеніе своего издательства:

«Привода себѣ на память все лучшее, чѣмъ я столько времени пользовался въ постоянную свою работу, не скажу, однако же, что не рѣшился бы разстаться

съ нею безъ важныхъ обстоятельствъ, лично меня касающихся. Нѣтъ, я только нашелъ много значенія въ слѣдующихъ словахъ одного человѣка, который ихъ помѣстилъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 24 сентября нынѣшняго года: «Нужно иногда обновлять свою жизнь существенными перемѣнами—иначе ржавѣть». Переходъ къ занятіямъ несрочнымъ, въ другомъ объемѣ, несомнѣнно принесетъ мнѣ и новый интересъ и новое удовольствіе. Передаю редакцію «Современника» сослуживцу моему и товарищу по каюдрѣ, профессору А. В. Никитенкѣ. Довольно этого ручательства, чтобы я былъ покоенъ за будущую судьбу изданія моего: «мы (кетати повтораю здѣсь) одно любимъ, одного желасмъ».

Насколько причины, побудившія Плетнева покинуть «Современникъ», показаны въ письмѣ истинно, предоставляю судить читателямъ, что же касается упованій относительно грядущихъ судебъ «замогильнаго журнала Пушкина», то имъ не суждено было сбыться: журналъ дѣйствительно расцвѣлъ, но не благодаря Никитенкѣ, который черезъ годъ тоже покинулъ «Современникъ», а благодаря тѣмъ, чьи имена устранили Шевырева, Грота и самого Плетнева, и противъ кого онъ въ значительной степени ратовалъ въ теченіе всей первой половины сороковыхъ годовъ.

Б. Глинскій.

ПАМЯТИ А. П. БОГОЛЮБОВА.

ВЪ ОКТЯБРЬ мѣсяцѣ прошлаго года, скончался одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ художниковъ, Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ. Мы не имѣемъ въ виду дѣлать оцѣнку его таланта и многочисленныхъ работъ. Они хорошо извѣстны всѣмъ, кто сколько нибудь знакомъ съ русской школой живописи. Мы хотимъ сказать лишь нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое имѣла для нашихъ молодыхъ художниковъ дѣятельность Боголюбова въ Парижѣ, гдѣ онъ прожилъ почти безвыѣздно около двадцати лѣтъ.

Отправляясь за границу, многіе русскіе художники заѣзжали въ Парижъ для осмотра его галлерей и достопримѣчательностей и здѣсь, такъ сказать, незамѣтно для себя быстро сливались съ общественною жизнью этой міровой столицы и привыкали къ тѣмъ особымъ удобствамъ, какія находятъ въ ней каждый служитель искусства. Вся эта нервная, кипучая дѣятельность, вѣчное броженіе и исканіе новыхъ путей въ области искусства, богатый вспомогательный матеріалъ, въ видѣ художественныхъ галлерей и постоянныхъ выставокъ, спеціальныя мастерскія съ богатымъ освѣщеніемъ (въ чемъ у насъ, въ Россіи, постоянно чувствовался недостатокъ)—все это, вмѣстѣ взятое, настолько привлекало молодыхъ артистовъ, что они надолго оставались въ Парижѣ съ цѣлью поучиться, поработать и испытать свои силы. Естественно, что по мѣрѣ все болѣе и болѣе увеличивавшагося числа прибывавшихъ сюда художниковъ являлась необходимость постоянного общенія между ними, подъ одною кровлею, гдѣ они могли бы собираться въ

одну семью, съ общими интересами и заботами о процвѣтаніи родного искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ для взаимопомощи и поддержки на чужбинѣ. Въ 1878 году, при высочайшемъ покровительствѣ и энергичномъ содѣйствіи нашего посла въ Парижѣ, князя Орлова,

Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ.

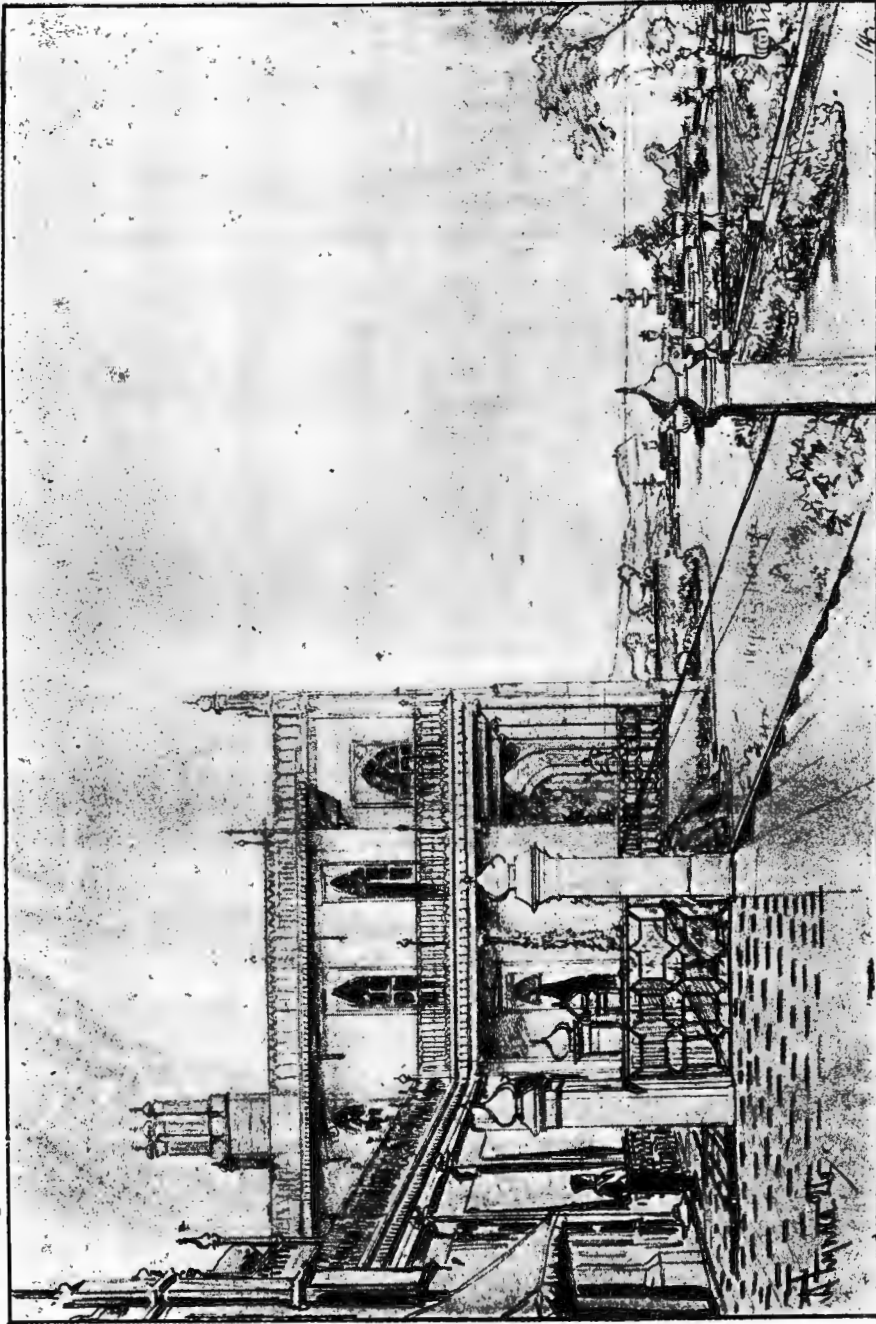
былъ основанъ клубъ, или собраніе русскихъ художниковъ для взаимопомощи въ Парижѣ. Предсѣдателемъ клуба былъ избранъ Боголюбовъ, исполнявшій эту обязанность до самой своей кончины.

Каждый русскій, побывавшій въ этомъ клубѣ, безъ сомнѣнія, помнитъ подвижную фигуру профессора, окруженнаго художниками,

постоянно хлопочущаго, дающаго совѣты и разъясненія, заботящагося обо всемъ, что могло содѣйствовать развитію молодого кружка. По его иниціативѣ устраивались выставки, давались концерты, вечера, на которыхъ часто читалъ свои новыя произведенія И. С. Тургеневъ, и т. п. Всѣ работали и веселились, какъ одна семья. Такія сходки и вечера повторялись каждый вторникъ, а въ свободные отъ нихъ дни молодые художники могли пользоваться находившеюся при клубѣ мастерской и живой моделью. Для обсуждения дѣлъ и нуждъ общества назначались особыя собранія, а передъ закрытіемъ сезона избиралась ревизіонная коммиссія для провѣрки суммъ и отчетности. Клубъ помѣщался сперва въ квартирѣ своего казначея, барона Гинсбурга, а затѣмъ, по увеличеніи основнаго фонда (который, благодаря высочайшему пожертвованію и стараніямъ Боголюбова, достигъ до 56 тысячъ франковъ), перешелъ въ собственное помѣщеніе на rue de Rome.

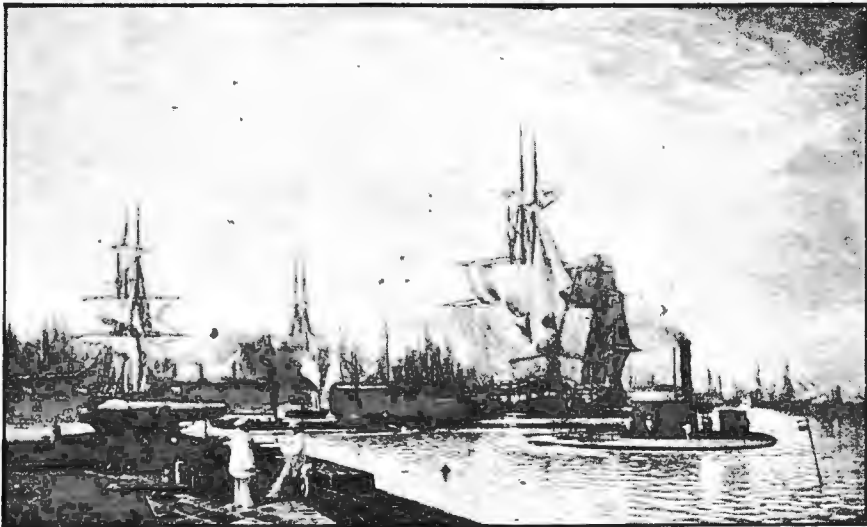
Много заботъ и неустанныхъ трудовъ для улучшенія и процвѣтанія кружка, особенно въ виду его главнѣйшей цѣли—вспомоществованія нуждающимся художникамъ, выпало на долю предсѣдателя. И только благодаря его неутомимой дѣятельности, обширному знакомству и уваженію, которымъ онъ пользовался въ художественномъ мірѣ, могли быть достигнуты столь блестящіе результаты. Даже въ послѣднее время своей жизни, подъ гнетомъ тяжелой болѣзни, онъ не оставлялъ своихъ заботъ и попеченій объ основанномъ и прочно укрѣпленномъ имъ на чужбинѣ кружкѣ русскихъ художниковъ. Кромѣ того, живя въ Парижѣ, Боголюбовъ имѣлъ высочайшее порученіе пріобрѣтать тѣ картины и произведенія искусства, которыя онъ находилъ достойными. Между прочимъ, имъ были пріобрѣтены картины знаменитаго Жерома (Наполеонъ I въ Египтѣ, передъ пирамидами), Невиля, Детайля, офорты и гравюры съ Мейсонье, Мункачи, изданіе Лемерсье,—Луврскія рѣдкости, дорогое изданіе храма св. Марка, длившееся шесть лѣтъ, рисунки Ватто, знаменитая коллекція древностей Базилевскаго (за эту коллекцію, находящуюся въ Эрмитажѣ, было заплачено государемъ императоромъ Александромъ III пять съ половиною милліоновъ франковъ).

Но, помимо своей общественной дѣятельности, Боголюбовъ привлекалъ къ себѣ общія симпатіи, и какъ частный человѣкъ. Едва ли кто изъ русскихъ художниковъ, жившихъ въ Парижѣ, забылъ тотъ уютный и гостепріимный уголокъ, въ которомъ онъ всегда находилъ теплое участіе и добрый совѣтъ хозяина, исходившіе изъ его чисто русской души. Всѣ близко знавшіе Боголюбова и бывавшіе въ его домѣ, безъ сомнѣнія, помнятъ его труженническій образъ жизни. Обыкновенно онъ вставалъ въ семь часовъ утра и торопился сѣсть за свою обширную корреспонденцію; покончивъ съ нею, онъ брался за кисть, которая бойко и увѣренно ходила по по-

Дворецъ въ Алупкѣ.
Съ рисунка А. И. Боголюбова.

лотну. Послѣ завтрака онъ снова садился за работу, прерывавшуюся, время отъ времени, посѣтителями, нуждавшимися въ его совѣтахъ и рекомендаціяхъ, и знакомыми, считавшими долгомъ навѣстить его. На вопросы окружающихъ: «Отчего вы, Алексѣй Петровичъ, не исполняете совѣтовъ врачей и не идете гулять? Смотрите, какой чудный день!»—онъ отвѣчалъ: «Это дни для молодости, которая еще успѣетъ наработаться, а я уже старикъ, жить мнѣ осталось не долго, хочется выполнить задуманное, и я боюсь, что не успѣю окончить». И такимъ образомъ онъ трудился всю свою жизнь.

Мониторы въ Кронштадтѣ.

Съ рисунка А. П. Боголюбова.

Искренно любя родину, Боголюбовъ обратилъ вниманіе на ненормальность того явленія, что у насъ художественное образованіе и лучшія произведенія искусства сосредоточены только въ столицахъ, а въ провинціи нѣтъ почти ничего, способствующаго развитію вкуса и артистическихъ познаній въ обществѣ и народѣ. Онъ задумалъ измѣнить такой порядокъ вещей и, по обыкновенію, началъ преслѣдовать намѣченную цѣль упорно и энергично. Онъ собиралъ картины и другіе художественные предметы, покупалъ ихъ, вымѣнивая на свои произведенія и принимая въ даръ отъ друзей, сочувствовавшихъ его намѣреніямъ. Когда онъ призналъ, что все пріобрѣтенное имъ представляетъ обильное и цѣнное художественное собраніе, то рѣшилъ основать музей въ Саратовѣ, главнымъ

городѣ губерніи, гдѣ родился извѣстный гуманистъ екатерининскаго времени, Радищевъ, родной дѣдъ Боголюбова по матери, въ честь котораго онъ пожелалъ наименовать музей «Радищевскимъ». Зданіе для музея было построено саратовскою думою; Боголюбовъ самъ пріѣхалъ изъ Парижа, лично размѣстилъ собранную имъ коллекцію, и въ его присутствіи это полезное учрежденіе было открыто 29-го іюня 1885 года. Но, кромѣ музея, Боголюбовъ задумалъ основать при немъ и школу технического образованія, обезпеченіе текущихъ нуждъ которой изъявилъ согласіе принять на себя. Школа эта

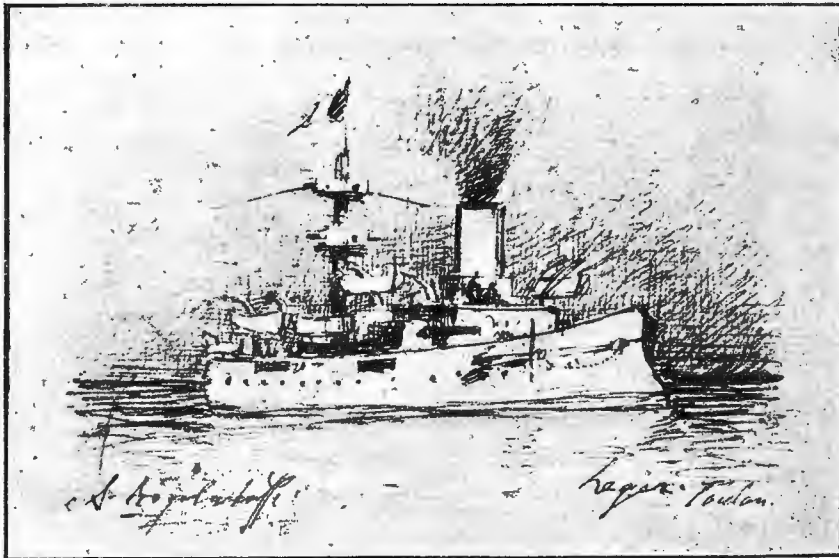

Предмѣстье Саратова.

Съ рисунка А. П. Боголюбова.

должна была представлять вѣтвь центральнаго училища рисованія барона Штиглица въ Петербургѣ. Былъ составленъ уставъ школы, назначенъ директоръ (В. П. Рупини) и штатъ преподавателей, найдено для нея помѣщеніе... но благое дѣло затормозилось, явились разныя препятствія и проволочки. Такое несочувствіе и невниманіе саратовскаго общества глубоко огорчали Боголюбова; въ своихъ послѣднихъ письмахъ онъ горько жаловался на встрѣчаемое имъ равнодушіе, хлопоталъ, просилъ, писалъ, и умеръ, не дождавшись осуществленія своей мечты. Еще при жизни онъ пожертвовалъ на задуманную имъ школу 100.000 рублей, а умирая завѣщалъ ей все свое состояніе, около 200.000 рублей. Нужно надѣяться, что теперь мысль его будетъ приведена въ исполненіе, и «Боголюбовская» школа надняхъ откроется и вполне оправдаетъ надежды своего основателя.

Плодотворная дѣятельность Боголюбова, на ряду съ его выдающимся художественнымъ дарованіемъ и массою произведеній, разсѣянныхъ по дворцамъ, музеямъ, школамъ и частнымъ коллекціямъ, справедливо создали ему громкое и незабвенное имя. Въ его живительномъ примѣрѣ грядущія поколѣнія художниковъ могутъ черпать силы для своихъ трудовъ.

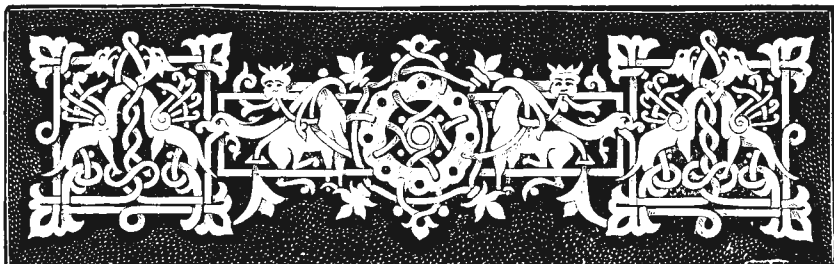

Виньетка одного изъ писемъ А. П. Боголюбова къ В. В. Матѣ.

Нашъ бѣглый очеркъ иллюстрированъ портретомъ Боголюбова, гравированнымъ по фотографіи, снятой въ послѣдніе годы его жизни и любезно одолженной намъ извѣстнымъ нашимъ медальеромъ Васютинскимъ, и тремя копіями съ рисунковъ А. П. изъ огромной коллекціи его акварелей, принадлежащихъ императорской академіи художествъ. Кромѣ того, мы воспроизвели, какъ образецъ, одну изъ виньетокъ (броненосецъ), которыми Боголюбовъ щедро снабжалъ свои письма къ близкимъ друзьямъ.

М. П—овъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЖЕНЩИНЫ.

ИКОГДА еще движеніе въ пользу женскихъ правъ не отличалось такой энергіей и такъ много не обращало на себя всеобщаго вниманія, какъ въ настоящую минуту. Женскіе конгрессы, женскіе публичные митинги и женскіе журналы, уже не говоря о наплывѣ книгъ и статей въ журналахъ и газетахъ по женскому вопросу, — постоянно будятъ общественное мнѣніе въ Европѣ, заставляя его громко высказываться за равноправность женщинъ. Въ теоріи этотъ вопросъ уже давно разрѣшенъ, а теперь подвергается обсужденію со всѣхъ сторонъ только практическое его примѣненіе. Прошло то время, когда женскій вопросъ просто устранялся съ улыбкой или насмѣшкой, и прошло оно по той простой причинѣ, что теперь женщины требуютъ права не на пресловутую нѣкогда свободную любовь, а на знаніе, на кусокъ хлѣба, на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Надъ подобными требованіями смѣяться нельзя, а когда еще вспомнить, что вездѣ женщинъ болѣе, чѣмъ мужчинъ, а въ иныхъ странахъ, напримѣръ, въ Англіи и Германіи, на цѣлый миллионъ, то, конечно, ни одинъ здравомыслящій человекъ не заткнетъ себѣ ушей, а, напротивъ, станетъ внимательно прислушиваться къ требованіямъ современныхъ женщинъ. Такимъ образомъ права женщинъ безспорны, и вопросъ является уже въ томъ, способны ли онѣ воспользоваться этими правами. Самыми краснорѣчивыми отвѣтами на этотъ вопросъ служатъ только что вышедшая на нѣмецкомъ языкѣ книга берлинскаго журналиста Артура Киргофа:

«Ученая женщина: мнѣнія выдающихся университетскихъ профессоровъ, учителей женскихъ училищъ и писателей о способности женщины къ ученію и научной карьерѣ»¹⁾, и выпущенный французскимъ еженедѣльнымъ журналомъ «Revue Encyclopedique» специальный номеръ отъ 28-го ноября подъ заглавіемъ: «Женщины и ихъ защитники»²⁾.

Хотя на первый взглядъ большинство нѣмецкихъ ученыхъ и докторовъ какъ будто высказываются противъ допущенія женщинъ до университетскаго образованія и противъ ихъ способности съ пользою заниматься наукой, но это только оптический обманъ, и въ сущности ихъ мнѣнія, конечно, за исключеніемъ взглядовъ отсталыхъ противниковъ всякой прогрессивной реформы, сводятся къ тому, что современное общество не имѣетъ права отказывать женщинамъ въ средствахъ къ высшему образованію, даже еслибъ ученая женщина была исключеніемъ. «Уже довольно долго имъ оказывали эту несправедливость,—говоритъ профессоръ сравнительной анатоміи въ Боннѣ, Губертъ Людвигъ,—пора этому положить конецъ». «Просто непонятно,—прибавляетъ извѣстный поэтъ Лудвигъ Фульда,—чтобы современный человѣкъ, достойный этого имени, могъ отрицать у женщины права, или способности заниматься наукой». А протестантскій богословъ, баронъ фонъ-Соденъ, замѣчаетъ: «Дайте только современнымъ женщинамъ образованіе, и явятся такія новыя общественныя силы, для пользованія которыми создадутся новыя профессіи, а эти профессіи будутъ казаться нашимъ потомкамъ такими же необходимыми, какъ намъ кажутся теперешнія профессіи мужчинъ». Въ виду такихъ конечныхъ выводовъ изъ мнѣній около ста нѣмцевъ блѣднѣютъ разглагольствованія нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, доктора Фрейнда, директора женской клиники въ Страсбургѣ, о томъ, что «женщины въ медицинѣ и наукѣ не вышшаются надъ посредственностью», или доктора Биренъ-Гиршфельда, директора патологическаго института въ Лейпцигѣ, что онѣ «способны быть только акушерками, дантистами, аптекарями, ассистентами и сидѣлками, но не великими докторами, а тѣмъ менѣе хирургами». Первый изъ этихъ филистеровъ даже увѣряетъ, что женщины не выказываютъ въ медицинской практикѣ той технической ловкости, которая, повидимому, должна бы составлять специальность женщинъ, какъ привыкшихъ къ руководѣніямъ, но другой докторъ Іоганнъ Ортъ, директоръ патологическаго института въ Геттингенѣ, напротивъ утверждаетъ, что женщины гораздо ловчѣе мужчинъ владѣютъ пальцами, что очень важно при операціяхъ. Наконецъ за способность женщинъ къ научнымъ занятіямъ, чему, однако, много

¹⁾ Die Akademische Frau: Gutachten hervorragender Universitätsprofessoren Frauenlehrer und Schriftsteller, über die Befähigung der Frau zum wissenschaftlichen Studium und Berufe—von Arthur Kirhoff. Berlin. 1897.

²⁾ Les femmes et les feministes. Revue Encyclopedique. 28 novembre, 1896.

мѣшаетъ теперешняя ихъ неподготовка, благодаря недостаточности женскаго средняго образованія, служить тотъ странный, повидимому, фактъ, что нѣмецкіе профессора математики, высказавшіе свое мнѣніе берлинскому журналисту, единогласно засвидѣтельствовали, что женщины имѣютъ замѣчательную склонность къ этой отвлеченнѣйшей изъ всѣхъ отвлеченныхъ наукъ. «Въ послѣднемъ семестрѣ,—говоритъ профессоръ Феликсъ Клейнъ изъ Геттингена:—у меня было шесть дамъ на курсѣ высшей математики, и онѣ всегда и во всѣхъ отношеніяхъ были вполне равны своимъ мужскимъ соперникамъ». Итакъ права и способность женщинъ на высшее образованіе не подлежатъ сомнѣнію, а какъ осуществлять это право, то-есть съ одной стороны допустить ли женщинъ въ общіе университеты, или учредить спеціальныя женскіе, въ пользу чего склоняются нѣмецкіе профессора, и съ другой—окажутся ли женщины, прошедшія университетскій курсъ, первостепенными, или второстепенными учеными, докторами и т. д.,—покажетъ время и собственно не касается кореннаго вопроса.

Если мы перейдемъ отъ нѣмецкой книги къ французскому журналу, то на первыхъ страницахъ этого сборника статей въ пользу правъ женщинъ встрѣтимся съ длиннымъ рядомъ сочувственныхъ мнѣній, выдающихся писателей, какъ Ибсена, Брандеса, Токая, Рода, Рони, Гервьё, Монторгеля и т. д., но всѣ они не выходятъ изъ общихъ мѣстъ и всѣмъ извѣстныхъ, теоретическихъ аргументовъ. Быть можетъ, интереснѣе приводимые тутъ же взгляды папы Льва XIII, англійскаго кардинала Рогана и архіепископа Кантербурійскаго, главы англиканской церкви, изъ которыхъ первый высказался за американскую систему женскаго воспитанія и за участіе женщинъ въ общественной дѣятельности, а послѣдніе два за предоставленіе женщинамъ избирательныхъ правъ. Но самый убѣдительный доводъ въ пользу женскихъ правъ составители и составительницы сборника приводятъ не въ теоретическихъ разглагольствованіяхъ о правахъ женщинъ, не въ ссылкахъ на авторитеты, не въ очеркѣ постепеннаго развитія женскаго вопроса во Франціи и т. д., а въ галлерей современныхъ женщинъ, занимающей наибольшую часть спеціальнаго женскаго номера «*Revue Encyclopedique*». Эта галлерей представляетъ публикѣ сто тридцать три выдающихся современныхъ женщинъ всѣхъ странъ и во всѣхъ отросяхъ научной, литературной, художественной и общественной дѣятельности. Къ краткому біографическому очерку каждой изъ нихъ приложены портретъ и хоть нѣсколько строкъ, въ которыхъ предметъ біографіи высказала свою излюбленную идею. Такимъ образомъ получается, по справедливому замѣчанію редакціи, синтетическая картина современной интеллектуальной женщины, набросанная ею самою. Конечно, эта любопытная галлерей далеко не полна, и въ ней много пропусковъ, въ чемъ сознается и сама редакція «*Revue Encyclopedique*», сваливая вину на громадное число замѣчательныхъ

женщинъ во всѣхъ странахъ и общая въслѣдствіи пополнить невольные пропуски. Во всякомъ случаѣ для читателя получается впервые возможность воочию познакомиться съ выдающимися представительницами женскаго движенія и дать себѣ сознательный отвѣтъ на животрепещущій вопросъ—способны ли современныя женщины играть роль въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ и общественной дѣятельности. Хотя большинство идей, высказанныхъ этими представительницами современной женщины, не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго, ничего выходящаго изъ ряда, но онѣ во многихъ случаяхъ рельефно характеризуютъ личность и значеніе ихъ авторовъ, а во всякомъ случаѣ служатъ полезнымъ дополненіемъ біографическихъ свѣдѣній и характеристикъ, которыя можно только упрекнуть въ излишней краткости, неизбежной, впрочемъ, при размѣрахъ подобнаго изданія. Желая перенести на страницы «Историческаго Вѣстника» эту интересную галерею, мы, конечно, вынуждены быть еще кратче и удовольствоваться только самыми бѣглыми чертами для характеристики каждой изъ ста тридцати трехъ выдающихся современныхъ женщинъ, причемъ для большей картинности мы группировали ихъ по роду занятій и по національностямъ, тогда какъ къ «Revue Encyclopedique» онѣ приведены въ алфавитномъ порядкѣ. Прибавимъ еще, что, какъ и слѣдовало ожидать, наибольшее число отмѣчено писательницъ—67, а затѣмъ идетъ—17 артистокъ, причемъ актрисы исключены, даже Патти, Дузе и Сара Бернаръ,—9 ученыхъ и 42 общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ 20 предводительницъ женскаго движенія, что же касается до національностей, то пальма первенства естественно выпадаетъ француженкамъ: ихъ—75, а нѣмкамъ—8, англичанокъ—13, американокъ—4, итальянокъ—4, швейцарокъ—3, полякъ—5, индустанокъ—2, бельгіекъ—2, португалокъ—2, австріачекъ—2, шведокъ—3, русскихъ—2, голландокъ—2, ирландокъ—1, румынокъ—1, датчанокъ—1, финляндокъ—1, испанокъ—1, испанскихъ американокъ—1.

I.

Женщины въ литературѣ и въ журналистикѣ.

Среди современныхъ писательницъ первые мѣсто занимаютъ романистки, и пальма первенства между ними безспорно принадлежитъ англичанкамъ какъ по качеству, такъ и по количеству. Поэтому очень странно, что передъ нами только три представительницы историческаго англійскаго романа, хотя дѣйствительно самыя замѣчательныя: мистриссъ Гумфри Вардъ, Оливіо Шрейнеръ и Уида, тогда какъ англійскихъ романистокъ надо считать сотнями, въ числѣ

которыхъ есть много извѣстныхъ именъ, какъ, на примѣръ: Ида Бротонъ, мистриссъ Вудъ, Една Лайаль, мистриссъ Олифантъ, мистриссъ Брэддонъ, мистриссъ Линъ-Линтонъ, миссъ Теккерей (дочь знаменитаго автора «Ярмарки тщеславія»), мистриссъ Вудъ и т. д. и т. д. Со времени Джорджа Элиота не было ни въ одной литературѣ такого крупнаго и серьезнаго беллетристическаго таланта, какъ мистриссъ Гумфри Вардъ, и ея романы: «Робертъ Ельсмиръ»,

Мистриссъ Гумфри Вардъ.

«Исторія Давида Гривы», «Марселла» и «Сэръ Джорджъ Трилди», захватываютъ самыя животрепещущіе соціальныя, политическіе и религіозные вопросы, а рисуемая ихъ авторомъ картина современнаго общества, на всѣхъ его ступеняхъ отъ аристократическихъ, парламентскихъ и университетскихъ сферъ до студій художниковъ и рабочихъ трущобъ, отличаются блестящимъ колоритомъ, психологическимъ чутьемъ и гуманнымъ сочувствіемъ къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Проводя во всѣхъ своихъ произведеніяхъ прогрессивныя

идеи добра, правды и человѣчности, мистриссъ Вардъ съ одной стороны пламенная защитница женскихъ правъ, а съ другой—старается практически осуществить свои принципы; такъ она принимаетъ живое участіе въ движеніи, имѣющемъ цѣлью распространить университетское образованіе въ народныхъ массахъ, и открыла сама въ Лондонѣ одно изъ подобныхъ учрежденій подъ названіемъ «University Hall», въ родѣ того интеллектуальнаго центра, который создалъ Ельсмиръ, герой ея самаго популярнаго романа, разошедшагося болѣе чѣмъ въ миллионѣ экземпляровъ. Если мистриссъ Вардъ написала всего четыре романа и два разсказа, то Оливія Шрейнеръ, теперь мистриссъ Кринрейтъ, извѣстна, какъ авторъ одного романа «Исторія африканской фермы». Онъ написанъ авторомъ, когда ей было семнадцать лѣтъ, и, явившись въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Ральфъ Айронъ, не былъ никому извѣстенъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и, только благодаря сочувственнымъ отзывамъ извѣстнаго романиста, Джорджа Мередита, приобрѣлъ славу. Кромѣ художественной и психологической силы, кромѣ пламенной энергіи и безыскусственной простоты, которыми отличается каждая страница этого замѣчательнаго беллетристическаго произведенія, онъ составилъ эпоху въ женскомъ движеніи. Въ немъ впервые выведена новая женщина, служащая теперь тѣмой столькихъ англійскихъ романовъ, и горячій протестъ Оливіи Шрейнеръ противъ несправедливаго, тяжелаго и невыносимаго положенія женщины въ современномъ обществѣ нашель откликъ въ тысячахъ сердцахъ. Хотя впоследствии она издала еще два сборника разсказовъ подъ заглавіемъ «Сны» и «Жизнь во снѣ и наяву», и въ нихъ такъ же вела мужественную борьбу за равноправность женщинъ, но въ нихъ звучитъ смутная, мистическая нота, и, по всей вѣроятности, Оливія Шрейнеръ перейдетъ въ исторію литературы, какъ авторъ одного романа. Въ послѣднее время она дебютировала на новой почвѣ, именно, въ публицистикѣ рядомъ статей въ *The Fortidhtly Review* о хорошо ей извѣстной жизни въ англо-африканскихъ колоніяхъ, но хотя онѣ дышатъ человѣчнымъ отношеніемъ къ дикимъ племенамъ, угнетаемымъ во имя псевдо-цивилизации, невольно чувствуется, что въ политическихъ разсужденіяхъ авторъ «Исторіи африканской фермы» не дома. Зато въ маленькомъ, удивительно свѣжемъ и безыскусственномъ разсказѣ, помѣщенномъ ею въ «*Revue Encyclopedique*», Оливія Шрейнеръ вполне напоминаетъ лучшія страницы своего единственнаго романа. Въ доказательство того, какъ важны рыцарскія отношенія мужчинъ къ женщинамъ, которыми предлагаютъ послѣднимъ довольствоваться, когда онѣ требуютъ равноправности, знанія и куска хлѣба, она безхитростно рассказываетъ, какъ въ одной англійской колоніи въ Африкѣ она ѣхала въ дилижансѣ, окруженная мужчинами, которые представили ей лучшее мѣсто и осыпали ее всевозможными любезностями, но когда явилась старуха и умоляла взять ее, такъ какъ

она ѣхала къ больному сыну, то ей безжалостно объявили, что нѣтъ мѣста, хотя слѣдующій дилижансъ отходилъ только черезъ недѣлю, и ни одинъ мужчина не предложилъ ей своего мѣста. Видя, что несчастная старуха съ трудомъ помѣстилась на запяткахъ, Оливія Шрейнеръ встала и сказала, что уступить ей свое мѣсто, тогда мужчины подняли крикъ, что они этого не допустятъ, и одинъ изъ нихъ помѣстился у ногъ красивой молодой дѣвушки, чтобъ исполнить ея капризъ. «Когда я буду старухой, заканчиваетъ свой рассказъ талантливая романистка, то такъ же ни одинъ мужчина не подумаетъ оказать мнѣ рыцарской услуги. Одинаково пчелы полны вниманія къ цвѣтамъ, пока не высосутъ изъ нихъ всего меда, а затѣмъ улетаютъ, и если цвѣты чувствуютъ благодарность къ пчеламъ, то они по истинѣ глупы».

Совершенно иной писательницей представляется намъ Уида, которая по странной игрѣ случая имѣетъ одно общее съ мистриссъ Вардъ и Оливией Шрейнеръ, что онѣ всѣ происходятъ изъ англійскихъ колоній: первая франко-канадскаго происхожденія, вторая родилась въ Австрали, а третья увидѣла впервые свѣтъ на мысѣ Доброй Надежды. Луиза де-ла-Рамэ начала писать съ двадцатилѣтняго возраста подъ псевдонимомъ Уида и до сихъ поръ пишетъ, нагромождая десятки на десятки романовъ и рассказовъ самаго сенсационнаго характера.

Уида.

Не смотря на ея громадную популярность и тотъ фактъ, что ея произведенія переведены на всѣ цивилизованные языки, романы Уиды отличаются искусственнымъ шаблоннымъ характеромъ, дѣйствующія лица маріонетки, особенно когда она выводитъ на сцену русскихъ аристократовъ, эффекты слѣдуютъ за эффектами, и самая невозможная галиматья подъ ея ловкимъ, легкимъ, увлекательнымъ перомъ жадно поглощается читателями, а тѣмъ болѣе читательницами. Впрочемъ ея романы и въ особенности рассказы изъ итальянской жизни, близко ей знакомой, такъ какъ она постоянно живетъ во Флоренціи, составляютъ исключеніе: они блестятъ художественной правдой, картинной реальностью и теплымъ сочувствіемъ къ бѣдному народу; въ особенности обращаютъ на себя вниманіе: «Въ Мареммѣ», «Сельская община», «Пистрелло», «Донъ Десуальдо» и цѣлый рядъ мелкихъ итальянскихъ рассказовъ.

Американскихъ романистокъ и въ особенности рассказчицъ еще болѣе, чѣмъ англійскихъ, и потому трудно понять, почему въ нашей галлерей фигурируетъ только одна изъ нихъ и далеко не перво-классная—миссъ Анни Трумбуль, по замужеству мистриссъ Слоссанъ. Уроженка Новой Англiи, она пишетъ преимущественно рассказы изъ деревенской жизни, которые пропитаны простотою, наивно-стью и неподдѣльной любовью къ природѣ. Такъ въ «Аннѣ Маланнѣ» она повѣствуетъ о доброй старухѣ, которая собирала и ухаживала за бѣдными больными животными и отучала деревенскихъ дѣтей отъ обычной ихъ склонности мучить собакъ, кошекъ и т. д. Кромѣ литературы, мистриссъ Тумбуль-Слоссанъ занимается ботаникой и энтомологіей, помѣщая статьи въ ученыхъ журналахъ. Въ литературномъ отношенiи гораздо выше ея стоитъ цѣлый рядъ американскихъ романистокъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ мистриссъ Франсесъ Гиджегъ Беннитъ: хотя англичанка по происхожденiю, она съ дѣтства живетъ въ Америкѣ и написала много очень интересныхъ романовъ о современной американской жизни, въ томъ числѣ «Во время одного президентства», любопытную картину политическихъ сферъ Вашингтона; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о Луизѣ Олькотъ, Мэри Вулькинсонъ, Мэри Футъ, Аглаѣ Барртъ, Руеи Стюартъ, Джуліи Макгрудеръ; всѣхъ же не перечтешь, потому что ихъ дѣйствительно legionъ.

Представительницами романа въ Испанiи, Италiи и Польшѣ являются первоклассныя таланты: Эмилиа Пардо Базанъ, Матильда Серао и Елиза Ожешко. Первая, аристократка по происхожденiю, осталась вѣрной и въ своихъ произведенiяхъ набожнымъ, католическимъ, хотя и окрашеннымъ демократическимъ отгѣнкомъ традиціямъ своей семьи; кромѣ романовъ, изъ которыхъ лучшими считаются: «La Madre naturaleza», «Los Pagos de Ulloa», «Una Christiana», и «La Rueba», она издала сборникъ стихотворенiй и жизнь святаго Франциска Ассизскаго. Совершенно иными качествами отличается Матильда Серао, по мужу г-жа Скарфоглио; она безспорно первая романистка Италiи, хотя родилась въ Греціи, принадлежитъ къ школѣ пессимистическаго реализма и не довольствуется только занимательностью своего рассказа, а старается придать ему философскую глубину и колоритную картинность. Главнымъ предметомъ всѣхъ ея романовъ, какъ доказываютъ одни заглавія самыхъ популярныхъ изъ нихъ: «Fiori di ragione», «Adioamore», «Gli amanti», «Il romanzo della fanciula»—любовью во всѣхъ ея фазахъ, а потому она очень характеристично пишетъ въ Revue Encyclopedique: «Каж-дую женщину, не отличающуюся красотой, украшаетъ любовь; если она слабое созданье, то любовь придаетъ ей силу для себя и для того, кого она любитъ, если она грѣшница, то она очищаетъ и возвышаетъ себя любовью». Впрочемъ Матильда Серао не только воспѣваетъ любовь художественной прозой, а очень дѣятельная

журналистка, и также читаетъ съ большимъ успѣхомъ публичныя лекціи по литературнымъ или общественнымъ вопросамъ. Она дебютировала на аренѣ публицистики въ газетѣ *Fanfulla*, сама издавала «*Coriere de Roma*», а съ 1887 года редактируетъ вмѣстѣ съ мужемъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ органовъ итальянской печати: «*Coriere di Napoli*». Елиза Ожешко въ своихъ высоко талантливыхъ романахъ и разсказахъ затрогиваетъ животрепещущіе соціальныя вопросы и обнаруживаетъ не только горячій патріотизмъ и художественную натуру, но и возвышенныя стремленія къ правдѣ, къ идеаламъ. Во главѣ ея многочисленныхъ романовъ надо поставить: «*Ran Graba*», «*Nad Niemmen*», «*Mirtala*» и «*Elie Makower*».

Хотя нѣмецкихъ романістокъ не мало, и среди нихъ пользуются извѣстностью г-жа Марлитъ, Марія Ешенбахъ г-жа фонъ-Гилемъ, Емма Вели-Кувели, и писательница, скрывающаяся подъ псевдонимомъ Осипа Шубина, но передъ нами только баронесса Ебнеръ-Ешенбахъ и Мини Кауцкая, болѣе извѣстная своими соціальными романами среди рабочаго класса Германіи, чѣмъ въ обычномъ мірѣ чтецовъ и главное чтиць романовъ. Однако и первая изъ

Матильда Серао.

нихъ, не смотря на то, что она дочь моравскаго графа и жена австрійскаго барона, придерживается въ своихъ романахъ, драмахъ и журнальныхъ статьяхъ прогрессивныхъ, идеальныхъ идей. На театрѣ имѣли наибольшій успѣхъ ея пьесы: «*Марія Стюартъ*» и «*Марія Ролланъ*», а въ литературѣ она извѣстна, какъ авторъ: «*Доктора Риттера*», «*Бозены*», сборника разсказовъ и книги афоризмовъ. Минна Кауцкая—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ женщинъ Германіи; до зрѣлаго возраста она вращалась въ художественномъ мірѣ, такъ какъ вся ея семья, родомъ изъ Штиріи, артистическая, а мужъ извѣстный живописецъ въ Вѣнѣ, и не обнаруживала никакихъ стремленій ни къ литературѣ, ни къ соціальнымъ вопросамъ, но когда сталъ подрастать ея сынъ, теперь извѣстный социологъ, Карлъ Кауцкій, то она вмѣстѣ съ нимъ предалась изученію общественныхъ наукъ. Рука въ руку съ тѣмъ,

кого она называетъ «своимъ другомъ, учителемъ и руководителемъ», эта почтенная женщина теперь идетъ во главѣ социологическаго движенія своей родины, выражая ихъ общія идеи въ талантливо, живо и картинно написанныхъ романахъ: «Стефанъ фонъ-Гриленгофъ», появившійся впервые въ журналѣ Либкнехта «Neue Welt», «Господствовать или рабствовать», «Новое и Старое» и т. д.

Если большинство странъ очень бѣдно представлены въ арміи современныхъ романистокъ, а другія вовсе пропущены, какъ, напримеръ, Россія и Румынія, королева которой подъ псевдонимомъ Кармень Сильвы прославилась поэтическими рассказами, то Франція выставила цѣлый батальонъ въ двадцать пять беллетристокъ, первоклассныхъ и второклассныхъ. Къ первымъ слѣдуетъ отнести: Лео, Гревиль, Готье, Бецонъ и Жипъ; послѣдняя, быть можетъ, самая талантливая и во всякомъ случаѣ самая блестящая и популярная. Аристократка по происхожденію и по мужу, Сибилла де-Рикети де-Мирабо, графиня Мартель де-Жанвиль дебютировала въ журналѣ «*Vie Parisienne*» подъ псевдонимомъ Жипъ легкими, остроумными, ироническими очерками свѣтской жизни. Потомъ мало-по-малу она стала писать рассказы и романы все изъ той же среды, которую, быть можетъ, никто такъ зло, живо, юмористично и тонко не обличалъ, какъ эта аристократка чистой крови, считающая, однако, въ числѣ своихъ предковъ знаменитаго дѣятеля революціи. Свое отношеніе къ живописуемому ею міру она лучше всего охарактеризовала въ отвѣтѣ на приглашеніе редакціи «*Revue Encyclopedique*» высказать свое мнѣніе о свѣтскомъ обществѣ: «я не способна исполнить ваше желаніе; Жипъ вовсе не смакуетъ свѣтское общество, а занимается имъ лишь съ цѣлью поднять его на смѣхъ». Благодаря граціозной манерѣ Жипа выставлѣть пустоту большаго свѣта, нѣкоторые критики усматриваютъ въ ней глубокаго моралиста, а Анаголь Франсъ даже называетъ ее великимъ философомъ. Ея сочиненія такъ многочисленны, что ихъ нельзя пересчитать, но наиболѣе извѣстны: «*Autour du mariage*», «*Autour du divorce*», «*Les gens chics*», «*Leurs ames*», «*Passionette*», «*Le mariage de Clifton*» и «*Dans le train*». Кромѣ литературы, Мирабо-Мартель, какъ она подписываетъ свои письма съ графской короной и девизомъ «а потомъ?», занимается живописью и театромъ; въ первомъ отношеніи она выставлѣла на послѣднихъ парижскихъ салонахъ нѣсколько картинъ и портретовъ, обратившихъ на себя общее вниманіе, и иллюстрировала нѣкоторые изъ своихъ книгъ, а во второмъ поставила двѣ пьесы, имѣвшія успѣхъ: «*Autour du mariage*» и «*Mademoiselle Eve*». Въ совершенно иной области романа работаетъ или, лучше сказать, работала, такъ какъ она уже нѣсколько лѣтъ бездѣйствуетъ, г-жа Шансэ, жена декабрскаго изгнанника, избравшая себѣ псевдонимъ Андрэ Лео. Хотя она также рисовала картины современной жизни, но преимущественно среднихъ классовъ,

и притомъ всё ея произведенія идейныя, а потому имѣли большое значеніе въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Въ ея лучшихъ романахъ: «Les deux filles de M. Plichon», «Une vieille fille», «Un divorce» и «L'Idéal au village», она проводила тѣ мысли, которыя служатъ теперь основой женскаго движенія, ратовала за либеральную реформу въ женскомъ воспитаніи, отстаивала права любви въ бракѣ и проповѣдывала, что совѣсть женщины выше всѣхъ рутинныхъ свѣтскихъ приличій, выдаваемыхъ за нравственные принципы. Жюдитъ Готье, дочь извѣстнаго писателя Теофиля Готье, какъ романистка и драматическая писательница, имѣетъ склонность къ далекому востоку, къ Азіи, къ Японіи, изображая яркими красками обычаи и нравы этихъ невѣдомыхъ странъ, часто, однако, прибавляя къ реальной правдѣ и художественную фантазію. «Lucienne», «L'Usurpateur», «La Femme de Petiphar», «Le vieux de la Montagne», «La Soeur du Soleil» и «La Conquete du paradis»—главные зубцы ея литературной короны. Съ Гревиль и Бензонъ мы переходимъ еще болѣе на международную почву. Подъ псевдонимомъ «Генри Гревиль» пишетъ г-жа Дюранъ, дочь одного профессора французскаго языка въ Петербургѣ и жена другого профессора того же предмета въ томъ же городѣ, и пользуясь своимъ близкимъ знакомствомъ съ русской жизнью, она въ своихъ романахъ «La princesse Ogherof», «Sonia», «Dosia», «L'expiation de Saveli», «L'heritage de Xenie» и т. д. знакомитъ французовъ въ легкой интересной формѣ съ невѣдомыми имъ типами. Г-жа Марія-Терезія-Бланъ, постоянный сотрудникъ «Revue de Deux Mondes» подъ псевдонимомъ «Теодоръ Бензонъ», помѣстила на страницахъ этого распространеннаго во всемъ свѣтѣ журнала цѣлый рядъ романовъ, изъ которыхъ всего болѣе читались: «La Grande Saulniere», «Un remord» и «Топу», но, быть можетъ, она оказываетъ читателямъ еще болѣе большую услугу своими многочисленными мастерски составленными пересказами иностранныхъ произведеній, преимущественно англійскихъ и американскихъ, а также публицистическими статьями въ французской прессѣ о заграничныхъ литературныхъ явленіяхъ, а въ американской—о французскихъ. Чрезвычайно интересны вышедшія въ прошедшемъ году личныя впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ посѣщенія Америки, относительно американской женщины подъ заглавіемъ: «Американки у себя».

Второклассныхъ французскихъ романистокъ можно раздѣлить на нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Всего болѣе такъ называемыхъ моралистокъ, и ихъ нравственные романы пользуются обширной популярностью среди буржуазныхъ классовъ. Во главѣ ихъ стоитъ г-жа Каро, жена извѣстнаго академика и философа: ей принадлежатъ «Le péché de Madeleine», «Flamen», «Amour de jeune fille» и т. д. За ней слѣдуютъ г-жа Габріель Надаль, помѣстившая подъ псевдонимомъ Жана Баранси нѣсколько романовъ съ идилличе-

скимъ отгѣнкомъ въ *Debats* и *Temps*, именно «*La fille de Vermont*», «*Toujours aimée*», «*Implacable*»; г-жа де-Соболь, авторъ романовъ, появившихся подъ псевдонимомъ Жака Лермона и преимущественно предназначенныхъ для молодыхъ дѣвушекъ; г-жа Эмиль Леви, пишущая подъ именемъ Паула Кориганъ повѣсти и романы, изъ которыхъ болѣе всего читались: «*L'idiot*», «*La grande Janie*» и «*Une passion*»; г-жа де-Жюдиси, въ литературѣ «*Жоржъ де-Пербрюнъ*», достигшая извѣстности длиннымъ рядомъ колоритныхъ произведеній, какъ, напримеръ: «*Les femmes qui tombent*», «*Marlo*», «*Calombine*», «*Vers l'amour*»; Полина Тиссъ, работающая не только въ области романа, но для театра и даже для оперы, такъ какъ рядомъ съ ея романами: «*Le roman du curé*» и «*Le professeur du bon sens*», слѣдуетъ упомянуть объ ея пьесахъ: «*Le talisman*», «*En valances*», и оперы: «*Le cabaret du Pot-Cassé*», «*Mariage de Tabarin*»; г-жа Марія Бовэ, которая идетъ по стопамъ Бензонъ и одинаково сотрудничаетъ въ французской и англійской прессѣ, помѣщая на страницахъ первой романы, рассказы и бытовые очерки, а послѣдней—статьи по современнымъ вопросамъ. Свѣтскій романъ составляетъ специальность двухъ блестящихъ хроникеровъ *Figaro*, *Matin* и *Vie Parisienne*—виконтесы Пейрони, выбравшей себѣ игривый псевдонимъ Искорки (*Étincelle*) и графини Пулига, скрывающейся подъ именемъ Брада. Первая написала «*L'impossible*», и «*L'archiduchesse*», а вторая—«*L'irremediale*», «*Joug d'amour*», «*Leurs excellences*», «*Milord et miledy*». Къ представительницамъ идейнаго романа можно отнести: г-жу Марию Ганьѣръ, г-жу Лиетье и г-жу Анжель Бари. Луиза Миньеро, по мужу г-жа Ганьѣръ, пишетъ болѣе двадцати лѣтъ антиклерикальные романы на социальной подкладкѣ, и наибольшій изъ нихъ успѣхъ имѣли «*Черный крестовый походъ*» и «*Ханжа конца вѣка*». Г-жа Нелли Лиетье, воспитанная отцемъ, докторомъ, въ прогрессивныхъ идеяхъ нашего времени, не могла посвятить себя общественной дѣятельности, благодаря хронической болѣзни, и высказала свои задушевные идеи къ «*Vague d'argent*», «*La fille de l'aveugle*», «*Les hommes de demain*». Г-жа Анжель Бори, по псевдониму Жакъ Винцентъ, сочувственно зарекомендовавъ себя пятью, или шестью романами, обнаруживавшими въ ней рѣдкую способность къ психологическому анализу, наконецъ написала «*Un bonheur*» (Счастье), гдѣ нарисовала поразительную картину современной Евы, умирающей отъ скуки въ своемъ раю и съ отвращеніемъ вкушающей запрещеннаго плода. Совершенно отдѣльное мѣсто занимаетъ г-жа Леопольдъ Лакуръ; въ ея рассказахъ слышится мистическая нота, и тѣмъ же характеромъ отличаются сочиненныя ею, очень поэтическія, пантомимы. Также выдаются своей специальностью двѣ французскія романистки, почти исключительно описывающія въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ нравы и обычаи Польши; одна изъ нихъ г-жа де-Сентъ-Круа составила себѣ извѣстность рассказами,

напечатанными подъ заглавіемъ «Au pays des Ruthènes» и подъ псевдонимомъ Савіосъ (Savios), а другая Маргарита Парадовская, дочь французскаго филолога Гашэ и жена польскаго эмигранта, помѣстила въ «Revue des Deux Mondes» цѣлый рядъ романовъ изъ галиційской жизни: «Iaga», «Demoiselle Mistcia», «Marylka» и т. д. Особую группу составляютъ четыре иностранки, получившія право гражданства въ французской беллетристикѣ: г-жа де-Талленэ, г-жа

Жизль (графиня Маргель).

Гудри-Меносъ, Жанна Мэрэ и мистриссъ Джемсъ Дармстеттеръ. Хотя у г-жи де-Талленэ отецъ былъ французскій маркизъ, но мать ея была русская, Ольга Ильина; она родилась въ Веймарѣ и, выйдя замужъ за бельгійскаго дипломата, многіе годы провела въ южной Америкѣ, гдѣ ея мужъ былъ посланникомъ, а теперь живетъ въ Брюсселѣ; поэтому она относительно Франціи совершенная иностранка, что ей не мѣшаетъ писать пофранцузски романы, въ томъ

числѣ «L'Invisible», повѣсти, рассказы и корреспонденціи въ «Figaro». Остальныя изъ упомянутыхъ писательницъ вполнѣ иностранки во Франціи. Г-жа Гудри-Меносъ австріячка, родилась въ Шамбери, получила воспитаніе въ Швейцаріи, Англіи и Германіи, потомъ была учительницей въ Женевѣ, а наконецъ, переехавшись въ Парижъ, посвятила себя литературѣ. Подъ псевдонимомъ Жана Меноса, она помѣстила много романовъ и рассказовъ въ различныхъ журналахъ, а въ послѣдніе годы приняла горячее участіе въ женскомъ движеніи, читая публичныя лекціи по этому вопросу. Жана Мэрэ, по мужу Биго, американка и хотя родилась въ Парижѣ, но воспитывалась въ Америкѣ и молодой дѣвушкой напечатала нѣсколько романовъ на англійскомъ языкѣ. Только выйдя замужъ за француза, она стала серьезно изучать французскій языкъ и вскорѣ сдѣлала такіе успѣхи, что ея первый французскій романъ «Marga» былъ удостоенъ академической преміи. Затѣмъ она издала цѣлый рядъ, сочувственно принятыхъ публикой, романовъ: «Andrie Magnard», «Nemesis», «Chercheurs d'Idéal» и т. д. Мистриссъ Джемсъ Дармстетеръ, жена извѣстнаго французскаго ученаго, была до своего брака англійской поэтессой мэри Робинсонъ. «Чтобъ доставить удовольствіе моему мужу,—говоритъ она сама,—я начала писать пофранцузски, а теперь, когда онъ умеръ, я желала бы придать его дорогому имени новую жизнь, выражая на его языкѣ его и мои мысли; идеаломъ для меня было бы писать стихи поанглійски, а прозу пофранцузски». Этому идеала она вполнѣ достигла; изъ числа ея англійскихъ поэтическихъ произведеній можно указать на «A Handfull of Honeyuscles», «An Italian garden», «The new Arcadia», а изъ французскихъ: на сборникъ рассказовъ въ стилѣ XIII и XVI вѣковъ подъ заглавіемъ «Marguerites du temps passé» и историческій очеркъ о Фруассарѣ.

Поэтессъ въ галлерей «Revue Encyclopedique» немного: три итальянки, четыре французенки и одна полька; вотъ и все. Итальянки наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе. Карлотта Ферари давно считается итальянкой Сафо, и ея поэтическія произведенія: «Dante Alighieri», «Lotario», «Roma», «La Rattaglio di Custosa» и т. д., высоко цѣнятся ея соотечественниками. Ея слава еще увеличилась, когда она обнаружила музыкальный талантъ и написала три оперы, имѣвшія успѣхъ, но съ годами, благодаря ея скромной, семейной жизни въ родномъ городкѣ Лоди, о ней стали забывать. По счастью, на недавнемъ празднованіи юбилея Беатричи Портинари, ей поручили произнести рѣчь въ честь этой идеальной личности, и Карлотта Ферари такъ блестяще исполнила свою задачу, что ея проза поэтически звучала. Кромѣ стиховъ, она еще писала рассказы и драмы. Сильвія Альбертони—напротивъ поэтъ и болѣе ничего, но поэтъ искренній, душевный, отзывчивый на всѣ чело-вѣческія страданія, хотя и нѣсколько мистическій. Ада Негри про-

звана во всей Италіи «поэтомъ народа»; эта молодая дѣвушка, дочь бѣдныхъ рабочихъ, испытала сама всѣ ужасы нищеты и почувствовала неотразимое желаніе изобразить звучнымъ, мелодичнымъ стихами печальную долю униженныхъ и оскорбленныхъ. Первый сборникъ ея стихотвореній подъ заглавіемъ «Fatalita» (Рокъ) обратилъ на нее общее вниманіе; она тогда была учительницей въ деревенской школѣ на берегу рѣки Тичино и учила грамотѣ ребятишекъ, но итальянское правительство назначило ее учительницей въ выс-

Г-жа Адамъ.

шую женскую школу въ Миланѣ. Она тамъ вышла замужъ за фабриканта, и ее стали носить на рукахъ; но счастье и слава не заставили ее отвернуться отъ поэзіи и народа. Недавно вышелъ второй сборникъ ея стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ «Tempesta» (Буря), и ея многочисленные почитатели радостно убѣдились, что ея поэтическій талантъ еще окрѣпъ, а муза осталась попрежнему музой печали, музой народа. Еще рано возводить эту народную Сафо въ великіе, гениальные поэты, но лучшіе итальянскіе, французскіе

и нѣмецкіе критики отзываются о ней съ самымъ глубокимъ сочувствіемъ и уже теперь говорятъ, что во всей современной литературѣ ее можно сравнить только съ нѣмцемъ Якоби и англичаниномъ Давидсономъ, хотя она выше ихъ по силѣ идеи и формѣ. Остальныя поэтессы не возвышаются надъ золотой посредственностью; всѣ онѣ пишутъ стихи пофранцузски, даже полька Марія Крисинская, родившаяся въ Варшавѣ. Выйдя замужъ за французскаго живописца Беланжэ, она сдѣлалась французенкой и помѣщаетъ стихотворенія, даже цѣлыя поэмы въ различныхъ журналахъ, а недавно попробовала свои силы въ романѣ и выбрала для перваго своего произведенія въ этомъ родѣ очень оригинальное и сенсационное заглавіе «До безумія отъ своего тѣла». Французскіе критики ставятъ очень высоко поэзію г-жи Жанны Луазо, пишущей подъ псевдонимомъ Даніель Лессюеръ, сравнивая ее съ своими замѣчательными поэтессами прежняго времени—г-жей Аккерманъ и Десбордъ Вальноръ. Она издала нѣсколько сборниковъ стихотвореній, премированныхъ академіей, и переводитъ звучнымъ, горячимъ стихомъ всего Байрона, котораго вышло еще только два тома. Она также пишетъ романы и поставила на Одеонѣ пьесу «Fiancée». Г-жа Бертеруа, подписывающая свои произведенія «Жанъ Бертеруа», извѣстна наиболѣе, какъ поэтъ, также удостоенный академическихъ премій за рядъ поэмъ подъ общимъ заглавіемъ «Древнія женщины», хотя она также немало напечатала романовъ, преимущественно историческихъ: «Клеопатра», «Хименесъ» и т. д. Эмэ Фабрегъ, очень молодая дебютантка на Парнасѣ, но ея первый томъ стихотвореній «Crucifix» встрѣченъ критикой очень сочувственно, а г-жа Мезюреръ, урожденная Амелія Девальи, составила себѣ спеціальность—быть поэтессою дѣтей, для которыхъ она пишетъ не только граціозными стихами, но и художественной прозой.

Переходя отъ романистокъ и поэтовъ къ остальнымъ писательницамъ, мы подведемъ ихъ подъ общую рубрику публицистокъ, такъ какъ преимущественно всѣ онѣ работаютъ въ журналахъ и газетахъ. Прежде всего отмѣтимъ, что мы тутъ встрѣчаемся и съ одной представительницей русской литературы, Цебриковой, о которой «Revue Encyclopedique» отзывается очень сочувственно, говоря, что вся Россія ее глубоко уважаетъ, какъ пламеннаго борца за прогрессивныя идеи и высшее образованіе женщинъ. Въ приложенномъ къ ея характеристикѣ афоризмѣ она говоритъ: «XIX вѣкъ завѣщаетъ XX созданіе царства всеобщаго братства: *Pia desideria*. Пусть только братство явится намъ не такъ, какъ свобода среди кровавыхъ грозъ». Сосѣдняя съ Россіей Финляндія также выставила одну публицистку—Розину Ветгергофъ. Она родилась въ Гельсингфорсѣ, сначала писала для дѣтей, а потомъ сдѣлалась дѣятельной сотрудницей финскихъ журналовъ «*Hosumet och Samkallet*» и «*Finsk Tidsariftem*», на страницахъ которыхъ горячо ратуетъ за жен-

скія права, за реформы въ женскомъ воспитаніи, а также противъ пьянства и регулированнаго разврата. Малоизвѣстная Португалія гордится двумя выдающимися журналистками: г-жей Гюмаръ-Тарреза и Клодой Кампосъ, которыя пишутъ не только на своемъ родномъ языкѣ, но первая пофранцузски, а вторая поанглійски. Англія представлена въ нашей галлерей только одной публицисткой, а Америка ни одной, хотя онѣ кишатъ въ журналистикѣ этихъ обѣихъ странъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе прибираютъ прессу въ свои руки. Но англичанка Анна Безантъ принадлежитъ къ числу выдающихся современныхъ женщинъ. Ирландка по происхожденію, она блестяла въ первомъ ряду бойцевъ радикальной прессы, отстаивая не только перомъ, но и краснорѣчивымъ словомъ на публичномъ митингѣ прогрессивныя и социальныя идеи; но въ послѣдніе годы она сдѣлалась рьяной поклонницей теософіи, преемницей пресловутой г-жи Блавацкой и написала очень интересную автобіографію подъ заглавіемъ «Сквозь бурю къ мирной тишинѣ».

Въ главѣ французскихъ публицистокъ, конечно, стоитъ г-жа Аданъ. Жюльетъ Ламбергъ, по первому мужу г-жа Ла-Мессинъ, а а по второму, — г-жа Едмонъ Аданъ, сначала была извѣстна длиннымъ рядомъ романовъ: «Mon village», «Le Mandarin», «Jean et Pascal», «Greque», «Laïde», и своимъ литературно-политическимъ салономъ, въ которомъ первенствовалъ Гамбетта, а потомъ она перешла всецѣло журналистикѣ и съ 1879 года издаетъ «Revue Nouvelle». Она не только сама редактируетъ этотъ второй во Франціи журналъ, но пишетъ въ немъ ежемѣсячную хронику иностранной политики и постоянно помѣщаетъ, кромѣ того отдѣльныя статьи, она принимала главное участіе въ составленіи извѣстной серіи книгъ, подписанныхъ общимъ псевдонимомъ графа Васили и представлявшихъ живую картину общества въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ и т. д.; напечатала свои воспоминанія о посещеніи Венгріи, Греціи и Португаліи; и во всѣхъ своихъ политическихъ сочиненіяхъ высказываетъ горячій патріотизмъ, ненависть къ Германіи и пламенное сочувствіе къ Россіи, союзъ которой съ Франціей она энергично проповѣдывала задолго до Кронштадтскихъ торжествъ. Редакторшей, издательницей, журналисткой и романисткой такъ же состоитъ г-жа де-Рюдъ, урожденная принцесса Бонапартъ-Вайзъ, бывшая замужемъ за извѣстнымъ итальянскимъ государственнымъ челоувѣкомъ, Ротацци, но она далеко не пользуется популярностью и значеніемъ г-жи Аданъ. Она прежде издавала въ Флоренціи «Courrier de Florence» и въ Парижѣ «Matinées espagnoles», а теперь редактируетъ «Nouvelle revue internationale»; изъ ея многочисленныхъ псевдонимовъ извѣстны: «Баронъ Стокъ», «Виконтъ Альбенсъ» и «Луи Кельнеръ». Къ издательницамъ и редакторшамъ надо присоединить г-жу Клотильду Диссаръ, постоянную сотрудницу «Revue Internationale de sociologie»; она основала въ прошедшемъ

году «Revue Feministe» и дѣятельно защищаетъ въ этомъ новомъ органѣ печати женскія права. Была редакторомъ радикальной газеты «Cri du Peuple» г-жа Северинъ, но не долго, а ранѣе и послѣ она занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ парижской ежедневной прессѣ. Другъ и ученица извѣстнаго Жюль Валеса, она уже многіе годы ведетъ изо дня въ день въ различныхъ радикальныхъ органахъ самую пламенную борьбу за правду и свободу. Нѣтъ того зла, той несправедливости въ современной жизни, противъ которыхъ она не возставала бы, притомъ въ самой блестящей, художественной, остроумной формѣ. Свои боевыя, мастерскія статьи она по временамъ собираетъ въ сборники и издаетъ отдѣльными книгами подъ заглавіями: «Красныя страницы», «Мистическія страницы» и т. д. По ея стопамъ идутъ постоянныя сотрудницы «Petite République»: г-жа Алина Валетъ и г-жа Жоржъ Ренаръ. Первая помѣщаетъ ироническія, остроумныя хроники, въ которыхъ бичуетъ пустоту свѣтской жизни и ловко проводитъ идеи Маркса и Гэда, а послѣдняя ведетъ въ томъ же духѣ и чрезвычайно живо отдѣлъ литературной критики. Кромѣ того, г-жа Ренаръ помѣщаетъ статьи въ журналѣ, который издается съ мужемъ, профессоромъ Лозанскаго университета, «Revue Socialiste» и написала романъ: «Institutrice». Выдающееся мѣсто среди французскихъ публицистокъ занимаетъ г-жа Шарль Винцентъ, извѣстная подъ псевдонимомъ Арведъ Баринъ, г-жа Марія Дронзаръ и Жанна Меланъ. Всѣ трое онѣ очень образованны, талантливы и знаютъ иностранныя языки, а потому посвятили свою литературную дѣятельность главнымъ образомъ популярному знакомству французовъ съ литературой и нравами другихъ странъ стараго и новаго свѣта. Постоянный сотрудникъ «Revue des Deux Mondes», «Revue Nouvelle» и «Revue de Paris», Арведъ Баринъ помѣщаетъ тамъ безчисленные очерки заграничныхъ литературныхъ и общественныхъ новинокъ, и, кромѣ того, она перевела «Введеніе въ социальную науку» Спенсера и нѣкоторыя изъ сочиненій гр. Л. Н. Толстаго, написала рядъ мастерскихъ характеристикъ французскихъ писателей, въ томъ числѣ Бернарде де-Сенъ-Пьера и Альфреда Мюссэ; издала серію сборниковъ своихъ статей подъ заглавіями: «Essais et Fantaisies», «Portraits de Femmes» и т. д. Г-жа Марія Дронзаръ, вдова, прежде англичанина Кенъона Блэка, а потомъ француза Дронзара, знаетъ также хорошо Англію, какъ свою родину, а потому преимущественно избираетъ англійскія тѣмы для своихъ журнальныхъ статей и книгъ; къ числу послѣднихъ принадлежатъ: «Portraits d'outre Manche» и «Biographie de M. Gladstone». Въ послѣднее время она энергично содѣйствуетъ женскому движенію и напечатала въ настоящемъ году въ «Correspondant» рядъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ «Женское движеніе; причины его поздняго развитія во Франціи и распространеніе за границей». Г-жа Жанна Меланъ, дочь извѣстнаго академика, постоянно сотрудничаетъ, не подписываетъ своихъ статей,

преимущественно литературнаго содержанія въ «XIX Siècle», «Tribune de Genève», «Journal de St. Petersburg», «Revue Nouvelle» и «Revue Encyclopedique»; вмѣстѣ съ тѣмъ она участвуетъ въ ученомъ изданіи «Annales» музея Гимэ и написала для него «Исторію парсовъ». Вообще Индія, гдѣ она провела нѣсколько лѣтъ, очень интересуетъ почтенную писательницу, и она напечатала нѣсколько очерковъ о современныхъ индустанскихъ женщинахъ, въ томъ числѣ и статью «Женщины въ Индіи», помѣщенную въ специальномъ женскомъ номерѣ «Revue Encyclopedique»:

Отдѣльную группу французскихъ писательницъ составляютъ газетныя хроникерши; о главныхъ изъ нихъ: Северинъ, Жишъ и Етенсель, мы уже упомянули, но еще остается указать на четыре выдающихся имени въ этой отрасли женскаго литературнаго труда: Марни, Риваль, Соргъ и Рапильду. Первая изъ нихъ г-жа Марни постоянно помѣщаетъ въ Journal и Vie Parisienne, подъ псевдонимомъ Жанъ Марни, остроумныя хроники въ формѣ діалоговъ, въ которыхъ она очень хлестко бичуетъ недостатки нашего времени; потомъ она издаетъ сборники этихъ статей подъ общими очень смѣлыми названіями, какъ, напримѣръ, «Comment elles se donnent» и «Comment elles nous lâchent». Жанна Риваль исполняетъ должность хроникера въ Evénement и, кромѣ того, напечатала романъ «Хроникерша», сцены изъ тяжелой борьбы, которую выносить каждая женщина, вступающая на литературное поприще, а также «Les annexes», мастерскую картину современнаго положенія эльзасцевъ въ ихъ ежедневныхъ отношеніяхъ съ нѣмцами. Антуанетъ Ковентъ, пишущая подъ псевдонимомъ Соргъ, состоитъ парижской корреспонденткой въ нѣсколькихъ бельгійскихъ газетахъ и сотрудничаетъ въ многихъ парижскихъ органахъ. Ея статьи отличаются радикальнымъ характеромъ, но особымъ успѣхомъ пользовались очерки несчастной жизни парижскихъ работницъ, подъ общимъ заглавіемъ «Женская каторга». Маргарита-Эмери, скрывающая свое настоящее имя подъ псевдонимомъ Рапильды, съ одной стороны пишетъ серіозныя хроники, а съ другой—романы, обращая на свои статьи общее вниманіе замѣчательно тонкимъ анализомъ рисуемыхъ ею типовъ. Совершенно одинокое положеніе занимаетъ графиня Діана Босакъ, посвятившая свое остроумное и бойкое перо исключительно афоризмамъ, которые прежде появляются въ газетахъ, а потомъ отдѣльными книгами; всѣ свои произведенія она подписываетъ однимъ своимъ именемъ,—графини Діаны. Еще болѣе своеобразную и уединенную роль въ литературѣ избрали себѣ вдовы двухъ знаменитыхъ философовъ-историковъ—Мишле и Кюне. Первая изъ нихъ, до замужества Адель Міаларэ, была сотрудницей великаго писателя въ его послѣднихъ сочиненіяхъ «Птица», «Насѣкомое», «Море» и т. д., а сама напечатала двѣ книги въ томъ же духѣ: «Природа» и «Мемуары ребенка». Послѣ смерти мужа она исклю-

чительно посвятила себя подготовкѣ новыхъ исправленныхъ изданій его сочиненій. Та же забота о поддержаніи культа къ дорогому покойнику составляетъ всю суть теперешняго существованія г-жи Кине; но она понимаетъ свою задачу гораздо шире и не только редактируетъ новыя изданія сочиненій мужа, но и комментируетъ, какъ ихъ, такъ и его жизнь, своими собственными произведеніями. Часть ихъ составляетъ цѣлую серію изъ трехъ томовъ, имѣющихъ предметомъ жизнь Эдгара Кине до изгнанія, во время изгнанія въ Швейцаріи, и послѣ изгнанія, а остальные если прямо не касаются Кине, то служатъ развитіемъ его идей; къ послѣднимъ принадлежатъ двѣ замѣчательныя книги: «Правда въ воспитаніи» и «Идеальная Франція». Оригинальной публицисткой является жена также знаменитаго, находящагося въ живыхъ писателя, Альфонса Додэ: она исключительно пишетъ о счастливыхъ и несчастныхъ минутахъ семейной жизни, а ея книги, отличающіяся граціознымъ художественнымъ стилемъ: «Дѣтство парижанки», «Дѣти и матери», «Впечатлѣнія природы», такъ напоминаютъ нѣкоторыя изъ прелестныхъ страницъ романовъ ея мужа, что невольно вѣрится ходящимъ въ парижскомъ литературномъ мірѣ толкамъ, что авторъ «Набоба» имѣетъ въ своей женѣ самаго талантливаго, добросовѣстнаго и скромнаго сотрудника.

II.

Женщина въ искусствѣ и наукѣ.

Если мы перейдемъ отъ литературы къ искусству, то увидимъ, что и тутъ, то-есть въ тѣхъ трехъ его отрасляхъ: живописи, скульпторѣ и музыкѣ, представительницы которыхъ допущены въ галерею «Revue Encyclopedique»,—женщины съ честью занимаютъ если рѣдко первыя, то во всякомъ случаѣ вторыя мѣста. Дѣйствительно, только Роза Бонёръ и Кэтъ Гринавей, каждая въ своемъ родѣ, могутъ назваться первоклассными художниками. Даже первая изъ нихъ составляетъ одну изъ артистическихъ славъ Франціи. Она родилась въ Бордо, и первымъ ея учителемъ живописи былъ ея отецъ Раймонъ Бонёръ, перебравшійся въ Парижъ въ 1829 году. Но вскорѣ у него умерла жена, дѣла его разстроились, и молодая дѣвушка должна была работать на семью, состоявшую изъ трехъ дѣтей, кромѣ нея. Одаренная страстью къ изображенію животныхъ, она ходила изучать ихъ въ поле и на скотобойню, а чтобъ избѣжать непріятностей, грозившихъ молодой дѣвушкѣ при такихъ обстоятельствахъ, она носила мужской костюмъ, который и впоследствии рѣдко покидала. Она дебютировала въ салонѣ въ 1841 году, и ея картины тотчасъ обратили на себя вниманіе, а за «Пашущихъ нивернейцевъ» ей дали первую золотую медаль. Съ тѣхъ

поръ она была признана лучшимъ въ свѣтѣ анималистомъ, и главными ея произведеніями считаются: «Лошадиная ярмарка», «Уборка сѣна въ Овернѣ», «Пони на островѣ Скай», «Олень на открытомъ мѣстѣ», «Беарнскій пастухъ». Она получила за свои заслуги искусству орденъ почетнаго легіона и съ 1869 года перестала посылать свои картины на парижскіе салоны, хотя продолжала работать за границу до послѣдняго времени, несмотря на свою старость. Что касается до Кэтъ Гринавей, то хотя она и уступаетъ по таланту знаменитой Розѣ Бонёръ, но въ избранномъ ею скромномъ отдѣлѣ живописи — въ иллюстраціи дѣтской жизни, она не имѣетъ соперниковъ. Сборники рисунковъ подъ заглавіями: «Подъ окномъ», «Для дѣтей», «Игры и препровожденія времени», «Знакомыя сцены» и сотни другихъ, имѣли колоссальный успѣхъ во всѣхъ странахъ, дѣлая Кэтъ Гринавей одной изъ самыхъ популярныхъ женщинъ нашего времени. Она является единственной представительницей англійской живописи, какъ Луиза Бреслау — швейцарской, Генриета Роннеръ — голландской и Мэри Кассатъ — американской. По мнѣнію компетентныхъ критиковъ, Луиза Брелей, уроженка Цюриха, обнаруживаетъ въ

Мистрисъ Фосетъ.

портретахъ и аквареляхъ очень сильный и оригинальный талантъ. Она получила золотую медаль на Парижской всемирной выставкѣ 1889 года. Генриета Кишпъ, по мужу Роннеръ, напоминаетъ во многомъ Розу Бонёръ: она также исключительно рисуетъ животныхъ, также училась живописи у отца, художника, и также вынуждена была содержать его своимъ трудомъ, когда онъ ослѣпъ. Она жила то въ Амстердамѣ, то въ Парижѣ, а послѣ смерти отца вышла замужъ и поселилась въ Брюсселѣ, гдѣ живетъ до сихъ поръ. Счастье долго ей не везло; мужъ ея заболѣлъ, и ей пришлось кормить всю семью своей кистью. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, она придумала рисовать портреты собакъ, которыя въ Бельгіи возятъ телѣжки мелкихъ торговцевъ. Каждый хозяинъ хотѣлъ имѣть изображеніе своего любимаго животного, и такимъ образомъ она не нуждалась въ работѣ около пятнадцати

лѣтъ. Достигнувъ такимъ образомъ мѣстной популярности, она мало-по-малу поправила свои семейныя дѣла и нашла возможность предаться изображенію излюбленныхъ ею кошекъ. Въ этой спеціальности она приобрѣла себѣ всесвѣтную извѣстность, и, какъ живописецъ кошекъ, эта почтенная художница, которой уже пошелъ осьмой десятокъ, неутомимо работаетъ до сихъ поръ. Мэри Кассаттъ, происходя изъ торговой семьи въ Питсбургѣ, изучала сначала живопись въ Филадельфійской академіи художествъ, а потомъ въ Италіи, Испаніи, Голландіи и Парижѣ, гдѣ она брала уроки у Дега. Можно сказать, что она единственная его ученица, въ полномъ смыслѣ этого слова и такъ же, какъ Берта Моризо и Марія Бракмонъ, миссъ Кассаттъ принадлежитъ къ группѣ импресіонистовъ, а главнымъ предметомъ ея картинъ служатъ сцены изъ жизни женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей. Француженки живописцы—многочисленинѣ, но не очень и, кромѣ Розы Бонёръ, ихъ всего четыре: Луиза Аббема, посвятила себя спеціально портретамъ и декоративной живописи; Виржини Демонъ-Бретонъ, дочь знаменитаго художника Жюля Бретона и жена талантливаго живописца, имѣла большой успѣхъ съ своими картинами на всемірныхъ выставкахъ въ Парижѣ и Антверпенѣ, благодаря чему получила орденъ почетнаго легіона; Максимилиана Гіонъ преимущественно пишетъ портреты и жанровыя сцены, которыя признаны достойными рѣдкой для женщины награды — стипендіи съ правомъ на путешествіе въ Италію; Маделена Лемеръ пользуется большой репутаціей, какъ акварелистка, и, по словамъ извѣстнаго художественнаго критика Шарля Блана, ея мертвая природа отличается удивительною силой и мастерскою отдѣлкой; кромѣ того, она пишетъ масляными красками портреты и очень художественно иллюстрируетъ книги.

Скульптурши являются въ нашей галлерей только французскія, именно пять: г-жа Берто, дочь скульптора Гебера, выставляетъ свои статуи и группы въ каждомъ парижскомъ салонѣ съ 1857 года, получила золотую медаль на всемірной выставкѣ 1889 года и основала общество женщинъ живописцевъ и скульпторовъ; Клодина Функъ-Брентано, внучка знаменитой Бетинбарними, лѣпитъ статуи съ большимъ вкусомъ, пишетъ стихи и занимается музыкой; г-жа Бенаръ, дочь скульптора Видаля-Добрэ, отличается тѣмъ, что ея ваянія производятъ сильное впечатлѣніе, благодаря замѣчательной живости фигуръ; Камилла Клодель составила себѣ извѣстность граціозной группой «Сакунталы» и съ 1888 года ежегодно выставляетъ въ Парижѣ свои новыя произведенія; Маргарита Сіамуръ очень популярна, благодаря своимъ статуямъ Вольтера, «новой Франціи», Камиля Демулена, Клеопатры и т. д.

Музыка имѣтъ своими представителями четырехъ француженокъ и одну ирландку. Первое мѣсто между ними занимаетъ Августа Гольмсъ, по происхожденію ирландка, но натурализованная францу-

женка; она пишетъ и музыку и слова своихъ кантатъ и оперъ, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣла симфоническая поэма «Ирландія», лирическая драма «Черная гора», поставленная въ прошедшемъ году на театрѣ парижской оперы, и торжественная ода въ честь юбилея французской революціи, исполненная при открытіи всемірной выставки. Хотя она пламенная поклонница Вагнера, но своимъ произведеніямъ придаетъ свой оригинальный характеръ. За-

Г-жа Дьелафуа.

тѣмъ идутъ: Сесилія Шаминадъ, талантливая піанистка и композиторша, написавшая балетъ «Калирозъ», симфонію «Амазонку» и т. д.; Габріелла Ферари, также піанистка и авторъ мелкихъ музыкальныхъ произведеній, пользующихся успѣхомъ на извѣстныхъ концертахъ Колоны; и г-жа Гранваль, ученица Сень-Санса, извѣстная своими ораторіями, духовной музыкой и операми, въ числѣ которыхъ «Ма-зеппа». Миссъ Анна Патерсонъ заслуживаетъ вниманія потому, что она получила двойную ученую степень: доктора музыки и бакалавра

словесности, а, кромѣ того, дублинская музыкальная академія наградила ее золотой медалью и стипендіей за необыкновенную игру на органѣ.

Гораздо болѣе интереса, чѣмъ скульпторши и музыкантши, представляетъ батальонъ докторшъ математики, словесности, права, медицины и естественныхъ наукъ. Представительницей математики является только одна, американка, Доротея Клумпкэ, но поселившаяся въ Парижѣ съ тѣхъ поръ, какъ она получила въ университетѣ степень доктора математики, а въ обсерваторіи мѣсто завѣдывающаго работами по приготовленію карты неба, по плану адмирала Мушэ. Нельзя не упомянуть мимоходомъ, что три сестры Доротеи Клумпкэ также заслуживаютъ вниманія, потому что одна—докторъ медицины; другая—живописецъ, а третья—американскій литераторъ. Одинаково и докторъ словесности одна—нѣмка Кэтъ Ширмахеръ. Она прошла университетскій курсъ въ Парижѣ и Цюрихѣ, серьезно занимаясь всеобщей литературой, напечатала основательный комментарий къ Вольтеру, и помѣщаетъ статьи въ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ журналахъ преимущественно по женскому вопросу, въ пользу справедливаго разрѣшенія котораго она краснорѣчиво ратовала на недавнемъ берлинскомъ конгрессѣ. Докторовъ права три—по одной на Францію, Бельгію и Румынію. Сармиса Вильческо первая изъ всѣхъ женщинъ получила въ 1890 г. въ Парижѣ дипломъ доктора права, и ея диспутъ на тему «Юридическое и социальное положеніе женщины» надѣлалъ много шума. Вернувшись въ Бухарестъ, она была принята въ число адвокатовъ, и если не практиковала, то лишь потому, что очень богата и хотѣла только доказать своимъ примѣромъ равноправность женщинъ. Жанна Шовенъ, также достигнувъ подобной же ученой степени въ томъ же Парижѣ, не подумала обращаться въ адвокатскій совѣтъ съ просьбой о принятіи ея, потому что была увѣрена въ отказѣ, преподаетъ элементарный курсъ права въ четырехъ женскихъ училищахъ. Она издала сокращенный сводъ своихъ лекцій подъ заглавіемъ «Курсъ права для молодыхъ дѣвушекъ», который деканъ юридическаго факультета въ Парижѣ Кольмэ-де-Сантеръ называетъ юридической энциклопедіей въ миниатюрѣ. Г-жа Шовенъ сотрудничаетъ во многихъ журналахъ и напечатала въ «L'Avant-Couriers» два проекта законовъ о предоставленіи женщинамъ права свободно распоряжаться плодами своихъ трудовъ, если онѣ замужемъ, и быть свидѣтелями при совершеніи актовъ. Первый изъ этихъ проектовъ уже проведенъ въ парламентѣ, но въ изуродованномъ видѣ. Бельгійская докторша права, Марія Попеленъ, получившая свой дипломъ отъ Брюссельскаго университета, тщетно ведетъ многіе годы борьбу съ тамошней адвокатурой о принятіи ея въ адвокаты и должна довольствоваться ролью адвоката, дающаго совѣты, но не ведущаго дѣлъ въ судѣ. Эта неудача тѣмъ непонятнѣе, что въ Швеціи существуетъ женскій адвокатъ г-жа Епшельсонъ и съ большимъ успѣхомъ занимается адвокатскою дѣятельностью во

всѣхъ судахъ. Марія Попеленъ состоитъ секретаремъ въ бельгійской лигѣ женскихъ правъ и пишетъ по женскому вопросу въ журналѣ этого общества краснорѣчивыя статьи. Слѣдуетъ еще замѣтить, что ея сестра Луиза Попеленъ извѣстный аптекаръ—въ Брюсселѣ.

Медицина представлена очень скудно, хотя врачами женщины сдѣлались раньше всего и ихъ значительное число во всѣхъ странахъ, особенно въ Америкѣ; даже въ Россіи можно указать на цѣлый рядъ женщинъ-докторовъ: Кашеварову, Суслову, Шевелеву, Шабанову, Волкову, Эккертъ и т. д. Передъ нами же только четыре врача: одна голландка, одна уроженка Южной Америки и двѣ индустанки. О послѣднихъ, несмотря на естественно возбуждаемый интересъ этими пионерками цивилизаціи въ странѣ, омраченной огульнымъ невѣжествомъ, сказано въ «Revue Encyclopedique» только два слова. Одна изъ нихъ, докторъ Фреани-Кама, получила свой дипломъ въ Бомбейскомъ университетѣ, потомъ слушала университетскіе курсы въ Европѣ, добилась тамъ еще новыхъ ученыхъ степеней и теперь исполняетъ должность хирурга въ одной изъ бомбейскихъ больницъ. Докторъ Рукмабай, также уроженка Бомбея, тамъ же воспитывалась и тамъ же теперь практикуетъ медицину. Эрнестина Перецъ-Барарона, родомъ изъ Сантъ-Яго въ Южной Америкѣ, выдержала экзаменъ на доктора медицины въ мѣстномъ университетѣ и нѣсколько лѣтъ практиковала съ успѣхомъ въ Вальпарайзо, отличаясь удивительной энергіей во время холерной эпидеміи и никогда не отказывая въ даровой помощи бѣдному населенію. Въ 1887 году чилийское правительство отправило ее на казенный счетъ усовершенствоваться въ своихъ знаніяхъ, въ Европу, гдѣ она занималась во многихъ французскихъ и нѣмецкихъ университетахъ. Во время ея пребыванія въ Берлинѣ она была допущена на медицинскій конгрессъ и принимала дѣятельное участіе въ его работахъ. Замѣчательно, что эта выдающаяся женщина, при всѣхъ своихъ серьезныхъ научныхъ занятіяхъ, сохранила женственность, занимается съ успѣхомъ музыкой и любитъ въ свободныя минуты появляться въ свѣтскомъ обществѣ, танцуя на вечерахъ и удивляя всѣхъ своимъ остроуміемъ на обѣдахъ. Анета Якобсъ, первая въ Голландіи, получила дипломъ доктора медицины и тѣмъ проложила дорогу своимъ соотечественницамъ къ высшему образованію. Если отъ медицины мы перейдемъ къ естественнымъ наукамъ, то наше вниманіе остановится на двухъ докторкахъ этихъ наукъ: полькѣ Михалинѣ Стефановской и русской—Софѣ Переяславцевой. Первая занималась въ Женевскомъ университетѣ у профессоровъ Карла Фохта, Маврикія Шифера и Германа Фоля, въ лабораторіи котораго она изучала вліяніе свѣта на глаза артроподовъ. Этому предмету была посвящена ея диссертация, и женевскій университетъ впервые въ ея лицѣ призналъ женщину достойной диплома доктора естественныхъ наукъ и, кромѣ того, выдалъ ей премію Дави. Впослѣдствіи Стефановская продолжала заниматься своей

излюбленной наукой въ Парижѣ, а въ настоящее время работаетъ въ физиологической лабораторіи профессора Гегера въ Брюсселѣ; въ свободное время она пишетъ популярныя научныя статьи для польскихъ журналовъ и перевела нѣсколько сочиненій Фламмаріона и Реклю. Софья Переяславцева была студенткой въ Цюрихскомъ университетѣ, получила тамъ докторскій дипломъ и съ тѣхъ поръ постоянно занимается зоологическими изслѣдованіями на Черномъ морѣ, Неаполитанскомъ заливѣ и на берегахъ Франціи. Свои ученыя сочиненія она одинаково пишетъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Рядомъ, а, быть можетъ, и выше въ научномъ отношеніи, съ этими патентованными представительницами науки, надо поставить одну англичанку и двухъ французенокъ: г-жу Фосетъ, Клемансъ Ройэ и г-жу Фуко. Мистриссъ Фосетъ, жена извѣстнаго англійскаго экономиста и государственнаго человѣка, а также мать миссъ Филиппы Фосетъ, добившейся высшей ученой степени по математикѣ въ Кембриджскомъ университетѣ—считается одной изъ образованнѣйшихъ современныхъ женщинъ. Она специально занималась политической экономіей и написала образцовый краткій учебникъ этой науки. Кромѣ того, она занимаетъ видное мѣсто въ англійской публицистикѣ, постоянно пишетъ статьи въ журналахъ по научнымъ, литературнымъ и общественнымъ вопросамъ, напечатала очень живой и характерный романъ противъ пьянства и одна изъ первыхъ женщинъ въ Англіи, по стопамъ своего друга Джона Стюарта Милля, стала энергично проводить въ печати и на публичныхъ митингахъ идею о женскихъ правахъ. Достойной ея соперницей, по интеллектуальной силѣ и глубинѣ знаній, является г-жа Ройэ, которая главнымъ образомъ посвятила свои рѣдкія умственныя способности изученію политической экономіи. Она читала курсъ философіи для женщинъ въ Швейцаріи и получила вмѣстѣ съ Прудонимъ премію, назначенную Ваадтскимъ кантономъ за лучшее сочиненіе о теоріи налоговъ, а это было тѣмъ замѣчательнѣе, что Прудонъ въ то самое время печатно отрицалъ умъ въ женщинахъ. Въ виду отстаиваемыхъ ею радикальныхъ и смѣлыхъ идей во всѣхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ, ни одно изъ нихъ не могло уже заслужить академической награды. Самыя замѣчательныя изъ этихъ сочиненій: мастерской переводъ знаменитой книги Чарльза Дарвина—«Происхожденіе видовъ»; «Чѣмъ должна быть національная церковь въ республикѣ»; «Происхожденіе человѣка и общества», «Похоронные обычаи въ до-историческую эпоху»; «Добро и нравственный законъ». Кромѣ того, она написала философскій романъ «Близнецы Эллады», и до сихъ поръ постоянно сотрудничаетъ въ *Journal des Economistes* и *Revue d'Anthropologie*. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что она была одной изъ основательницъ женскаго движенія во Франціи. Г-жа Фуко такъ же замѣчатель-

ная ученая, но, благодаря тому, что ее мужъ—профессоръ санскритской литературы во французской коллегіи, она специально преподавалась изученію индустанскихъ литературъ. Поэтому ее ученые труды касаются такихъ предметовъ, о которыхъ рѣдко говорить женское перо: главные изъ этихъ трудовъ:—«Исторія Будды, Сакія-Муни, отъ его рожденія до смерти», «Будистскія монахини отъ временъ Будды до нашихъ дней»; «Легенды древней Индіи». Однако г-жа Фуко находитъ время, между такими спеціальными занятіями, писать, подъ псевдонимомъ Маріи Сумеръ романы и книги историческаго содержанія; такъ ей принадлежатъ: «Послѣдняя любовь Мирабо», «Героини Шекспира», «Пріятелиницы Тамерлана», «Въ эпоху директоріи». Г-жа Дьёлафуа хотя можетъ занять мѣсто среди ученыхъ, но наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе, какъ смѣлая путешественница, описавшая свои странствованія живымъ, колоритнымъ языкомъ. вмѣстѣ съ своимъ мужемъ она предприняла ученую экспедицію въ Персію, гдѣ принимала участіе во всѣхъ его трудахъ и произведенныхъ имъ раскопкахъ, результатомъ которыхъ служитъ богатая коллекція древностей въ Луврскомъ музеѣ. Во время своего путешествія она усвоила себѣ мужской костюмъ, какъ болѣе удобный, и, послѣ возвращенія во Францію, не перестаетъ его носить тѣмъ болѣе, что она находитъ, что пожалованный ей орденъ почетнаго легіона лучше идетъ къ мужскому сюртуку, чѣмъ къ женскому платью. Наибольшимъ успѣхомъ изъ ее сочиненій пользовались два тома описаній ее странствій: «Персія, Халдея и Созіана» и «Въ Сузѣ, дневникъ раскопокъ». Кромѣ того, она авторъ двухъ оригинальныхъ романовъ: «Братъ Пелагій», въ которомъ она ратуетъ за мужской костюмъ для женщинъ, какъ болѣе рациональный, и «Паризатисъ». Другая путешественница, г-жа Боннетень, жена писателя и также извѣстнаго странствователя по свѣту, первая изъ европейскихъ женщинъ посѣтила Суданъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и семилѣтнимъ ребенкомъ. Ея описаніе этого смѣлаго предпріятія возбуждаетъ живой интересъ, а высказанныя въ ее книгѣ и въ нѣсколькихъ журнальныхъ статьяхъ идеи о колонизаціи изслѣдованной ею страны приняты къ руководству теперешнимъ министромъ колоній во Франціи. Она и ее мужъ самые ревностные сторонники женскаго движенія, и нельзя не отдать имъ справедливости, что они избрали лучшій путь для практическаго доказательства равноправности женщинъ, именно предпринявъ и совершивъ вмѣстѣ такое, до сихъ поръ считавшееся не женскимъ, дѣло, какъ экспедицію въ далекую невѣдомую страну.

III.

Женщина въ общественной дѣятельности и въ борьбѣ за свои права.

Наиболѣе выдѣляются въ галереѣ современныхъ женщинъ «Revue Encyclopedique» тѣ изъ нихъ, которыя посвятили себя общественной дѣятельности и борьбѣ за свои права. Остановимся прежде всего на филантропкахъ и отведемъ первое мѣсто между ними г-жѣ Фуртадо-Гейне, женѣ богатаго парижскаго банкира, которая надняхъ умерла. Хоть чуждая Франціи по происхожденію, она родилась въ Парижѣ и провела въ немъ всю свою жизнь, посвящая свои милліоны на добрыя дѣла въ пользу французовъ, которыхъ она столько же любила, сколько ненавидѣла пруссаковъ. Поэтому во время войны 1870—1871 г. она устроила на свой счетъ обширный полевой лазаретъ для французской арміи и принимала самыя энергичныя мѣры для оказанія помощи плѣннымъ французамъ въ Германіи, а когда послѣ учрежденія Германской имперіи Гамбургъ лишился своихъ привилегій, какъ вольный городъ, то она велѣла сломать свой великолѣпный домъ въ этомъ городѣ, не желая имѣть ничего общаго съ Пруссіей. Что касается до ея филантропической дѣятельности въ Парижѣ, то невозможно указать всѣ формы, въ которыя она вылилась, но упомянемъ лишь о главнѣйшихъ созданныхъ ею учрежденіяхъ. Она основала: «Убѣжище Фуртадо-Гейне», гдѣ ежедневно болѣе тысячи бѣдныхъ дѣтей получаютъ пищу, одежду и медицинскую помощь; «Ясли», устроенныя по вѣмъ правиламъ новѣйшей науки; профессиональную школу юныхъ слѣпыхъ; великолѣпный санаторіумъ для больныхъ въ Ниццѣ и громадную больницу въ Круастикѣ; кромѣ того, она щедро содѣйствовала открытію Пастеровскаго института, за что ея бюстъ украшаетъ залу жертвователей, а французское правительство пожаловало ей орденъ почетнаго легіона. Однако добрыя дѣла не мѣшали этой почтенной миліонершѣ принимать горячее участіе въ художественномъ движеніи нашего времени, и въ своемъ роскошномъ замкѣ Рокенкуръ она собрала рѣдкую коллекцію историческихъ предметовъ ювелирнаго искусства. Но нѣтъ надобности имѣть милліоны и коллекціи драгоценностей, чтобъ помогать немущимъ, страждущимъ, и это блестяще доказала въ томъ же Парижѣ филантропическая дѣятельность миссъ Броенъ, голландки по происхожденію и англичанки по воспитанію. Въ тяжелую эпоху борьбы коммуны съ версальской арміей она явилась въ Парижъ съ собранными въ Англійи деньгами и вещами для бѣдныхъ и раненыхъ, съ тѣхъ поръ поселилась въ рабочемъ кварталѣ Бельвилль и такъ усердно заботится о нуждахъ его бѣднаго населенія, что ее тамъ единогласно прозвали, несмотря на антипатію

французовъ къ англичанамъ: «матерью Бельвиля». Она основала даровую лѣчебницу, руководѣльную мастерскую и вечерніе классы для дѣтей и взрослыхъ. Несмотря на строго религіозный, протестантскій характеръ всей ея дѣятельности, она своей добротой, искренностью, энергіей и гуманностью расположила въ свою сторону самыхъ крайнихъ радикаловъ, и даже Луиза Мишель часто дѣйствовала съ ней заодно въ улучшеніи несчастной судьбы жертвъ междоусобной борьбы. Въ послѣднее время Миссъ Броенъ еще открыла два очень полезныхъ учрежденія: «Номе», или убѣжище для одинокихъ женщинъ, и санаторіумъ на морскомъ берегу въ Кайѳъ для выздоравливающихъ женщинъ и дѣтей, а видя воочію, какъ губительно дѣйствуетъ на рабочіе классы пьянство, она принимаетъ живое участіе въ пропагандѣ трезвости и состоитъ вице-предсѣдателемъ «Международнаго общества трезвости». Въ Парижѣ также дѣйствуетъ на общую пользу г-жа Марія Бекэ, основавшая пріютъ для роженицъ и общество кормленія грудью дѣтей. Къ области филантропіи надо отнести и устройство въ Парижѣ г-жей Марси, при содѣйствіи матери и тетки, располагающихъ большими средствами, перваго женскаго клуба. Онъ носитъ англійское названіе «Ladies Club» и не имѣетъ ничего, что могло бы напомнить политическое собраніе, или центры шумнаго веселья, чтобъ не сказать болѣе. Г-жа Марси пожалѣла бѣдныхъ одинокихъ, хорошо воспитанныхъ женщинъ, которыя не имѣютъ никакой возможности пріятно провести свои свободныя минуты, и создала для нихъ убѣжище, гдѣ онѣ за очень небольшой ежегодный взносъ находятъ прекрасное помѣщеніе для бесѣдъ, дешевый обѣдъ, читальню, музыкальныя собранія и т. д. Самой дѣятельной и энергичной филантропкой въ Германіи считается г-жа Лина Моргенштернъ, урожденная Бауеръ. Происходя изъ богатой купеческой семьи, она родилась въ Бреславлѣ и получила высшее образованіе, при чемъ основательно изучила естественныя науки, исторію, литературу, языки и музыку. Событія 1848 года придали ея мыслямъ демократическій складъ, и она основала среди молодежи существующее до сихъ поръ общество для улучшенія несчастной доли бѣдныхъ дѣтей. Выйдя замужъ, г-жа Моргенштернъ переехала въ Берлинъ, который съ тѣхъ поръ и сдѣлался центромъ ея филантропической дѣятельности. Она основала: общество замужнихъ женщинъ, первую въ Берлинѣ школу кулинарнаго искусства съ лабораторіей для анализа съѣстныхъ припасовъ, вспомогательную кассу для служанокъ, ассоціацію для улучшенія быта рабочихъ, вечерніе курсы и вспомогательную кассу для работницъ, убѣжище для молодыхъ дѣвушекъ, не имѣющихъ мѣста, или занятія, публичныя лекціи по гигиенѣ и первоначальной медицинскій помощи и многочисленныя другія учрежденія того же благотворительнаго характера. Кромѣ того, г-жа Моргенштернъ проводила осуществляемыя ею на практикѣ гуманныя идеи въ литера-

турѣ и журналистикѣ. Она издаетъ недѣльную газету «Deutsche Hausfrauen Zeitung» и написала «Дѣтскій Рай», мастерское изложение Фребелевской системы, «Двѣсти біографій международныхъ женщинъ» и цѣлый рядъ повѣстей и рассказовъ для дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ. Она была одной изъ предсѣдательницъ недавняго женскаго конгресса въ Берлинѣ и обратила на себя вниманіе удивительнымъ тактомъ, съ которымъ она руководила бурными преніями.

Воспитаніе есть одна изъ тѣхъ отраслей женской дѣятельности, которую не отрицаютъ даже самые ярые враги женскаго интеллектуального труда, а потому странно видѣть, что представительницами этой отрасли, которой занимаются сотни и тысячи женщинъ во

Анна Моргенштернъ.

всѣхъ странахъ, является только одна француженка, одна швейцарка и двѣ скандинавки. Г-жа Бонвіаль происходитъ изъ бѣдной рабочей семьи и посвятила себя съ молодости воспитанію народа. Во время Декабрской имперіи она подвергалась частымъ преслѣдованіямъ, но упорно вела свое полезное дѣло и основала въ Лионѣ группу свободной мысли, а также литературный кружокъ. Во время франко-прусской войны она дѣятельно ухаживала за ранеными и устроила собственный полевой лазаретъ. Оказанное ею содѣйствіе къ созванію перваго международнаго рабочаго

конгресса навлекло на нее судебное преслѣдованіе, и она сама защищала себя съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Съ тѣхъ поръ она живетъ въ Парижѣ и принимаетъ энергическое участіе во многихъ обществахъ и учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью распространеніе народнаго образованія, улучшеніе положенія рабочихъ и уравненіе женскихъ правъ. На всемірную выставку въ Вѣнѣ г-жа Бонвіаль была послана делегаткой отъ Лионскихъ рабочихъ и написала мастерской отчетъ о выставкѣ. Въ многочисленныхъ своихъ рѣчахъ на публичныхъ митингахъ она главнымъ образомъ настаиваетъ на національномъ развитіи народнаго образованія, что, по ея словамъ, подготовитъ окончательное освобожденіе человѣчества, такъ какъ невѣжество и происходящая отъ него нищета служатъ главными причинами рабочаго подчиненія одного пола къ другому и низшаго класса высшему. Датчанка Наталія Цале совершила въ продолженіе своей долговременной трудовой жизни великій педагогическій подвигъ.

Простая учительница, она путемъ настойчивыхъ усилій добилась учрежденія въ Копенгагенѣ первыхъ женскихъ семинарій, то-есть школъ для образованія учительницъ. Эти училища до сихъ поръ называются въ честь ихъ основательницы училищами Цале, и, добившись своей цѣли, эта почтенная женщина всецѣло предалась образованію нѣсколькихъ поколѣній учительницъ. Но этого ей казалось мало, и въ 1877 году, она основала, цѣною большихъ финансовыхъ пожертвованій, школу для высшаго образованія женщинъ съ цѣлью подготовки къ университетскимъ экзаменамъ, доступъ къ которымъ открытъ для женщинъ въ Даніи съ 1860 года. Въ настоящее время въ этомъ образцовомъ училищѣ находится семь сотъ ученицъ и девяносто учителей и учительницъ. Г-жа Луцина Гагманъ играетъ въ Финляндіи роль апостола системы смѣшаннаго воспитанія. Съ 1886 года она состоитъ начальницей смѣшанной школы въ Гельсингфорсѣ, которая подготавливаетъ къ университету юношей и молодыхъ дѣвушекъ на однѣхъ скамьяхъ и общимъ товарищескимъ трудомъ. Кромѣ своей педагогической дѣятельности, она председательствуетъ въ союзѣ финляндскихъ женщинъ, читаетъ лекціи и пишетъ какъ книги, такъ и журнальныя статьи, преимущественно по вопросамъ образованія и женскихъ правъ. Г-жа Шереръ ревностно исполняетъ въ одномъ изъ живописныхъ уголковъ Швейцаріи скромныя обязанности деревенской учительницы; но во время лѣтнихъ вакацій она ѣздитъ по различнымъ городамъ своей родины и читаетъ публичныя лекціи о современныхъ животрепещущихъ вопросахъ. Это—первая швейцарка, дерзнувшая покинуть домашній очагъ для публичной каѳедры, и высказываемыя ею либеральныя идеи всюду встрѣчаютъ сочувственный пріемъ.

Елена Кей.

Рядомъ съ ревностными распространительницами народнаго образованія надо поставить двухъ французенокъ и одну шведку, которыя посвятили себя разрѣшенію рабочаго вопроса, тѣсно связаннаго съ вопросомъ о народномъ образованіи. Паула Минкъ, польскаго происхожденія, но натурализованная французенка, отличается удивительной энергіей, что она доказала во время франко-прусской войны, защищая во главѣ маленькаго отряда волонтеровъ городъ Оксеръ отъ пруссаковъ. Она была ранена въ открытомъ бою, но отказалась отъ почетнаго легіона на томъ основаніи, что она только

исполняла свой долгъ. Съ тѣхъ поръ она отдалась всецѣло защитѣ униженныхъ и оскорбленныхъ; у французскихъ рабочихъ нѣтъ болѣе искренняго и ревностнаго друга, какъ эта добрая мать семейства, которая на народныхъ митингахъ превращается въ пламеннаго мстителя за несправедливости теперяшняго общественнаго строя. Въ многочисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, также какъ въ рѣчахъ и лекціяхъ, Паула Минкъ проводитъ самыя прогрессивныя, соціальныя идеи, очень просто объясняя происхожденіе своихъ взглядовъ. «Соціализмъ, говоритъ она, стремится установить новое общество, основанное на трудѣ, правдѣ и справедливости; вотъ почему я соціалистка». Луиза Рузадъ, жена одного изъ членовъ парижскаго муниципальнаго совѣта, является столь же ревностнымъ дѣятелемъ соціальнаго движенія, такой же краснорѣчивой ораторшей и такой же дѣятельной сотрудницей радикальныхъ органовъ печати. Но еще большаго вниманія заслуживаетъ другъ шведскаго народа, Елена Кей, которую извѣстный критикъ Брандесъ называетъ «истинной представительницей шведскаго гениа». Дочь шведскаго парламентскаго дѣятеля и знатной аристократки, она поставила цѣлью всей своей жизни стараться всѣми силами возвысить нравственное, умственное и матеріальное положеніе рабочихъ. Чтобъ заслужить ихъ довѣріе, она взяла мѣсто простой учительницы смѣшанной школы для мальчиковъ и дѣвочекъ, а когда вполнѣ сроднилась съ ними, и дни стали смотрѣть на нее, какъ на своего свѣтскаго духовника и лучшаго совѣтника во всѣхъ дѣлахъ, то выступила на болѣе обширную арену. Она основала съ помощью доктора Антона Нистрама «Шведскій рабочій институтъ», который помѣщается въ Стокгольмѣ въ прекрасномъ обширномъ зданіи и имѣетъ отдѣленія во многихъ провинціальныхъ городахъ. Тутъ читаются лекціи лучшими интеллектуальными силами страны по всевозможнымъ предметамъ и въ популярной формѣ, а сама Кей преподаетъ шведскую литературу. Хотя она содѣйствуетъ распространенію соціальныхъ идей, но признаетъ соціализмъ не цѣлью, а средствомъ, такъ какъ ей претитъ идея объ обществѣ-машинѣ, и она стоитъ не за централизацію, а за отдѣльныя независимыя группы, гдѣ могли бы развиваться выдающіяся личности. Кромѣ своей дѣятельности по рабочему вопросу, она читаетъ публичныя лекціи, сотрудничаетъ въ журналахъ, напечатала біографію своего друга Анны Лафлеръ, герцогини Кааянелло, и теперь пишетъ популярную исторію шведской литературы.

На ряду съ положительной стороной общественной дѣятельности женщинъ стоитъ и отрицательная, не менѣе благотворная. Если онѣ ратуютъ на народное образованіе и улучшеніе положенія рабочихъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ возстаютъ противъ трехъ коренныхъ общественныхъ золъ нашего времени: войны, пьянства и растлѣнія нравовъ. Борьбу женщинъ съ бичемъ войны, лежащей тяже-

лымъ пятномъ на современной цивилизаціи, представляетъ баронесса Берга Зутнеръ. Молодая, красивая, знатная, богатая, она посвятила всю свою жизнь на проповѣдь простой, по упорно отрицаемой истины: не убей. Въ книгахъ, въ статьяхъ, въ собственномъ специальномъ журналѣ «Долой оружіе», въ романѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, на конгрессахъ, публичныхъ митингахъ и въ длинномъ рядѣ лекцій— она съ одинаковымъ пламеннымъ краснорѣчіемъ проповѣдуетъ новый крестовый походъ противъ войны. Столь же упорную борьбу противъ пьянства ведутъ двѣ англичанки: лэди Сомерсетъ и мистриссъ Масинбердъ. Принадлежа къ высшей аристократіи, и также молодая, красивая, богатая, лэди Сомерсетъ энергично занимается пропагандой трезвости и женскихъ правъ. Она состоитъ предсѣдательницей «Ассоціаціи англійскихъ женщинъ для распространенія трезвости», редактируетъ два органа печати «The Womans Signal» и «The Womans Signal Budget» и одинаково извѣстна въ Америкѣ и Англии, какъ краснорѣчивая ораторша. Но настоящей основательницей движенія противъ пьянства въ Англии была мистриссъ Массинбердъ: она основала много обществъ, домовъ, гостиницъ и кофеенъ, на принципѣ трезвости. Вмѣстѣ съ тѣмъ она неутомимый апостоль женскихъ правъ и съ этой цѣлью учредила клубъ піонерокъ, чтобы соединить женщинъ всѣхъ классовъ на почвѣ общаго труда для конечнаго ихъ освобожденія. Борьба женщинъ противъ растлѣнія современныхъ нравовъ принимаетъ двойной характеръ: однѣ видятъ главное зло въ регламентаціи разврата и проповѣдуютъ отмѣну законовъ, касающихся этого предмета, а другія занимаются только гуманной дѣятельностью среди проститутокъ, считая это лучшимъ средствомъ пресѣченія зла въ корнѣ. Самой крупной представительницей первой группы является англичанка мистриссъ Джозефина Бутлеръ, которая, поставивъ себѣ цѣлью отмѣну ненавистнаго ей англійскаго закона 1864 года, въ силу котораго впервые администрація этой страны стала регламентировать проституцію, — такъ успѣшно вела агитацію въ продолженіе семнадцати лѣтъ, что наконецъ переманила на свою сторону общественное мнѣніе и заставила парламентъ въ 1886 году исполнить ея желаніе. Полина Гранпрэ первая во Франціи смѣло рѣшилась принять участіе въ несчастной судьбѣ проститутокъ и образовала общество для оказанія помощи женщинамъ, выпущеннымъ изъ Сентъ-Лазарской тюрьмы, гдѣ содержатся проститутки по судебному, или административному распоряженію. Это общество имѣетъ цѣлью сохранить женщинъ отъ неминуемаго паденія и предоставить уже падшимъ созданія средства къ возстановленію своего добраго имени трудомъ и честной жизнью. Двадцать пять лѣтъ трудилась надъ этимъ полезнымъ дѣломъ г-жа Гранпрэ, жертвуя своими материальными средствами, временемъ и здоровьемъ. Кромѣ практиче-

ской дѣятельности на благо излюбленныхъ ею несчастныхъ созданий, она написала двѣ книги по этому предмету и цѣлый рядъ романовъ, которые продавала въ пользу своего общества. Начатое г-жей Гранпрэ дѣло ревностно продолжаетъ Изабелла Божело, которая расширила дѣятельность общества, созданнаго ею предшественницей, и старается придать ему международный характеръ, для чего предпринимаетъ путешествія въ различныя страны и принимаетъ участіе въ международныхъ конгресахъ, на которыхъ обсуждаются вопросы, касающіеся современнаго положенія и правъ женщинъ.

Особую группу женщинъ, принимающихъ участіе въ общественной дѣятельности, составляютъ руководительницы женскаго движенія. Америка, гдѣ это движеніе пустило самыя глубокіе ростки, имѣетъ въ нашей галлерей трехъ вполне достойныхъ представительницъ. Елизавета Кади-Стантонъ первая въ Новомъ Свѣтѣ публично потребовала предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ. Болѣе полувѣка она вела энергичную борьбу за улучшеніе положенія женщинъ и добилась многого; ея пламенной дѣятельности обязаны американскія работницы тѣмъ, что ихъ несчастная доля стала нѣсколько сноснѣе, и она значительно содѣйствовала проведенію въ Нью-Йоркскомъ штатѣ закона о разводѣ. Въ ноябрѣ прошедшаго года она праздновала восьмидесятилѣтнюю годовщину дня своего рожденія, и въ честь этого событія былъ созванъ публичный митингъ въ Нью-Йоркѣ, на которомъ собралось двѣ тысячи представительницъ женскихъ обществъ всего свѣта. Она напечатала въ сотрудничествѣ съ Сузанной Антони и Мачихльдой Геджъ «Исторію избирательныхъ правъ женщины», а теперь, не смотря на свою старость, пишетъ подробный коментарій Библии съ точки зрѣнія свободной мысли. Джулія Вардъ-Гове также принадлежитъ къ старѣйшимъ апостоламъ женскихъ правъ въ Америкѣ и Англій. Она до сихъ поръ предсѣдательствуетъ въ клубѣ женщинъ Новой Англій и пользуется большой популярностью. Мистриссъ Гове не только энергичный дѣятель въ женскомъ движеніи, но хорошая мать семейства, и въ высшихъ интеллектуальныхъ слояхъ американскаго общества ее носятъ на рукахъ. Въ этомъ-то главнымъ образомъ и заключается сила, какъ ея, такъ и другихъ передовыхъ американокъ; онѣ никогда не отпугиваютъ отъ себя общественнаго мнѣнія крайними мнѣніями, эксцентричностями или требованіями свободной любви. Поэтому всѣ ихъ уважаютъ и почтительно прислушиваются къ ихъ краснорѣчиво защищающему женскія права голосу. Въ настоящее время Берта Пальмеръ, жена одного изъ крупныхъ миллионеровъ въ Чикаго, стоитъ во главѣ женскаго движенія въ Новомъ Свѣтѣ, и на Колумбовой всемірной выставкѣ она предсѣдательствовала, въ женскимъ отдѣлѣ, ведя его такъ умѣло, что онъ вполне выражалъ современное положеніе вопроса о жен-

скомъ трудѣ, во всѣхъ его фазахъ. Но не одна женщина въ свѣтѣ не занимаетъ такого первенствующаго положенія въ борьбѣ женщинъ за свои права, какъ лэди Абердинъ, дочь лорда Твидмута и жена теперешняго канадскаго генераль-губернатора. Она еще молодой дѣвушкой основала въ Шотландіи общество для нравственнаго и умственнаго возвышенія служанокъ, въ которомъ теперь 9,000 человекъ, а потомъ учредила въ Ирландіи ассоціацію женскихъ ремеселъ, съ цѣлю поощренія рукодѣлія въ народѣ. Въ послѣдніе годы она замѣнила жену Гладстона въ предсѣдательствѣ «либеральной женской федераціи», а недавно создала международный совѣтъ женщинъ и энергично подготавливаетъ первый конгрессъ этого союза въ Лондонѣ въ 1898 году. Благодаря ея инициативѣ, въ Канадѣ женщины допущены членами въ комиссію народнаго образованія, въ фабричную и торговую инспекцію, а также въ совѣты попечителей женскихъ тюремъ. Среди самыхъ дѣятельныхъ вожаконъ женскаго движенія въ Германіи находятся: Мина Кауеръ и Аугуста Фикертъ. Берлинъ служитъ центромъ дѣятельности одной, а Вѣна — другой. Предсѣдательница двухъ вліятельныхъ обществъ: «Verein Frauenwohl» и «Hilfsverein Weibliche Angestellte», г-жа Кауеръ одинаково заботится о судьбѣ работницъ и положеніи образованныхъ женщинъ, для которыхъ она открываетъ въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года первый женскій клубъ въ Германіи по американскому образцу. Хотя она сама держится демократическихъ и даже социальныхъ идей, но въ женскомъ движеніи не допускаетъ никакого партійнаго характера и стремится объединить всѣхъ женщинъ въ Германіи на почвѣ общей пользы. Такую же гуманную пропаганду ведетъ въ Австріи Аугуста Фикертъ, предсѣдательница ассоціаціи австрійскихъ женщинъ.

Первое общество женскихъ правъ въ Швеціи основано Анной Гьрта-Рециусъ, дочерью извѣстнаго политическаго дѣятеля и женою стокгольмскаго профессора; она извѣстна своей широкой филантропической дѣятельностью и основала въ шведской столицѣ цѣлый рядъ полезныхъ учрежденій: даровую вечернюю школу для молодыхъ работницъ, школу для изготовленія дѣтской одежды, общество «Пчелъ» для продажи предметовъ женскаго труда, первую въ Швеціи смѣшанную школу обою пола, школу кулинарнаго искусства, рукодѣльную мастерскую и т. д. Благодаря ея стараніямъ, женщины были допущены въ члены школьныхъ совѣтовъ, и она пожертвовала капиталъ на учрежденіе первой стипендіи въ медицинской школѣ Стокгольма для студентокъ. Основательницей женскаго движенія въ Финляндіи была Елизавета Лофгрентъ, и до сихъ поръ она руководитъ имъ, исполняя обязанности предсѣдательницы созданнаго ею союза финскихъ женщинъ. Энергичной ея помощницей состоитъ Розина Веттергофъ, сотрудница финляндскихъ журналовъ и газетъ, а также авторъ книги «Замѣтки о происхожденіи и развитіи

борьбы противъ проституціи за границей и въ Финляндіи». Большія услуги женскому дѣлу въ этой странѣ оказываетъ и Елена Вестермаркъ, публицистка, живописецъ и редакторша журнала «Современница». Польскія женщины обязаны инициативой движенія въ ихъ пользу Паулинѣ Кучельской-Рейншмидтъ, предсѣдательницѣ общества поощренія женскаго труда и издательницѣ женскаго журнала въ Львовѣ подъ названіемъ «Кормило». Бельгійская публицистка и романистка Маргарита Ванъ-деръ-Виле усердно занимается женскимъ вопросомъ въ печати и составила себѣ спеціальность въ отрасли женскаго художественнаго труда, предпринявъ нѣсколько путешествій въ разныя страны съ офиціальнымъ порученіемъ отъ правительства изучить художественныя женскія школы. Итальянка Кавальери, предсѣдательница «Комитета для улучшенія нравственнаго, интеллектуальнаго и юридическаго положенія женщины», всѣми силами старается распространить на своей родинѣ общее сочувствіе къ равноправности женщинъ.

Во главѣ женскаго движенія во Франціи стоятъ Марія Поньонъ, предсѣдательница послѣдняго женскаго конгресса въ Парижѣ и французской лиги женскихъ правъ, и Евгенія Потонье-Пьеръ, создавшая много женскихъ обществъ, въ томъ числѣ «Союзъ французскихъ женщинъ для распространенія идеи мира» и «Ассоціацію солидарности». Дѣятельно работаютъ въ томъ же направленіи г-жа Фересь-Дерэмъ, сестра знаменитаго апостола женскаго образованія во Франціи Марія Дерэмъ, предсѣдательница общества улучшенія участи женщинъ, и г-жа Винцентъ, избравшая себѣ спеціальностью изученіе той роли, которую женщины играли въ исторіи. Горячее, хотя отчасти любительское участіе въ пропагандѣ женскихъ правъ принимаетъ съ нѣкоторыхъ поръ пресловутая герцогиня Юезь, бывшая покровительница Буланже и бросающаяся во всѣ стороны, чтобъ пополнить пустоту своей блестящей свѣтской жизни; такъ она въ одно время даетъ царственныя празднества, устраиваетъ громадныя охоты, пишетъ романы, изъ которыхъ одинъ «Жюльенъ Мали» съ яркой социалистической подкладкой, ставитъ пьесы на парижскихъ театрахъ, дѣшитъ статуи, посѣщаетъ съ филантропическою цѣлью трущобы и подписываетъ манифестъ къ французскимъ женщинамъ въ передовомъ женскомъ журналѣ «L'Avant-Courgiere». Этотъ главный органъ французскихъ женщинъ издаетъ Жанна Шмаль, по происхожденію англичанка, но натурализованная французенка. Она въ особенности отличается умѣреннымъ, сдержаннымъ и практическимъ характеромъ своей дѣятельности, поэтому имѣетъ многихъ сторонницъ въ высшемъ парижскомъ обществѣ. Также иностранки, но совершенно офранцузившіяся, англичанка Марія Мартинъ и нѣмка Гріесь-Траутъ, усердно дѣйствуютъ на пользу женскаго движенія: первая пламенная ученица Фурье, а послѣдняя редактируетъ «Journal des femmes».

Совершенно одинокое положеніе въ галлерей современныхъ женщинъ занимаетъ ирландская патріотка миссъ Модъ Гоннъ. Молодая, хорошенькая и богатая дочь англійскаго землевладѣльца въ Ирландіи, она осталась сиротой въ юности и, видя горькую судьбу ирландскаго народа, отдалась всѣмъ сердцемъ и умомъ дѣлу его національной независимости. Перомъ въ печати и краснорѣчивой, образной рѣчью на публичныхъ собраніяхъ, на родинѣ, въ Англии и на континентѣ, она уже много лѣтъ ведетъ борьбу за ирландское самоуправленіе, какъ ступень къ совершенному освобожденію зеленаго острова отъ столь долго продолжавшагося англійскаго ига. Эта восторженная патріотка представляетъ оригинальную, высоко симпатичную фигуру среди современныхъ женщинъ, и съ ней сравнить можно только героиню кубанскаго возстанія—Матильду Аграманте-и-Варана, которая, къ сожалѣнію, не вошла въ галерею Revue Encyclopedique, хотя пополнила бы недостающій тамъ элементъ женщины-воина. Эта Орлеанская Дѣвственница конца XIX столѣтія приняла энергичное участіе въ дѣйствіяхъ отряда генерала Масео и умерла геройской смертью. Окруженная испанцами, она гордо отвѣчала пистолетнымъ выстрѣломъ на предложеніе сдаться въ плѣнъ и упала, сраженная двѣнадцатью пулями, съ громкимъ крикомъ: «Да здравствуетъ свободная Куба».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Профессоръ А. С. Алексѣевъ. Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. М. 1896. — Профессоръ А. Н. Филипповъ. Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ. (По поводу брошюры профессора А. С. Алексѣева «Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ» etc.). М. 1896.

ТРАННАЯ судьба верховнаго тайнаго совѣта въ нашей исторической литературѣ. Учрежденіе, во всякомъ случаѣ, любопытное и по своему началу, и по своей дѣятельности, до сихъ поръ не имѣетъ своей исторіи: изслѣдователи, историки и юристы говорятъ о немъ лишь мимоходомъ, кстати говорить о немъ на первыхъ страницахъ своего изслѣдованія о воцареніи Анны Іоанновны профессоръ Корсаковъ, мимоходомъ затрогиваетъ его въ своемъ трудѣ, посвященномъ государственному хозяйству Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія, г. Милюковъ, «по стольку, по скольку это служитъ главной цѣли», касается совѣта и профессоръ Филипповъ въ своемъ большомъ изслѣдованіи «Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Ч. I. Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта. Юрьевъ. 1895». Выводамъ г. Филиппова, совпадающимъ большей частью съ выводами другихъ ученыхъ, не посчастливилось: московскій профессоръ А. С. Алексѣевъ выступилъ противъ нихъ съ обширнымъ разборомъ, печатавшимся сначала въ «Русскомъ Обзорѣніи», а теперь вышедшимъ отдѣльной книжкой съ приведеннымъ выше заглавіемъ. Легенда— это взгляды г. Филиппова и другихъ ученыхъ на возникновеніе и дѣятельность совѣта, а книжкой своей г. Алексѣевъ хочетъ доказать, что «пора выбросить

за бортъ нашей исторической литературы старую легенду объ олигархическомъ происхожденіи верховнаго тайнаго совѣта». По нашему мнѣнію, профессору Алексѣеву врядъ ли удалось выбросить за бортъ старую легенду, и мы боимся того, что почтенному профессору «придется пожалѣть о потраченномъ трудѣ», такъ какъ своими «скучными страницами» ему не удалось доказать, что «учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта не стоитъ въ связи съ притязаніями русскаго боярства» (Алексѣевъ, стр. 54). Въ статьяхъ своихъ, печатавшихся сначала въ «Русской Мысли», а теперь вышедшихъ отдѣльно, профессоръ Филипповъ даетъ дѣльную критику взглядовъ профессора Алексѣева, воздерживаясь при этомъ отъ разнаго рода, болѣе или менѣе злыхъ и острыхъ, полемическихъ выходовъ, которыми такъ богата брошюра г. Алексѣева.

Профессоръ Филипповъ, коснувшись въ своемъ изслѣдованіи тайнаго совѣта и занявшись попутно имъ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Необходимость поставить надъ сенатомъ высшее учрежденіе, стоящее въ непосредственномъ отношеніи къ высшей власти, подающее совѣты, чувствовалась еще задолго до 8-го февраля 1726 года, дня установленія совѣта. Еще Петръ, учреждая должность генераль-прокурора, стремился создать органъ, долженствовавшій быть связующимъ звеномъ между высшей властью и сенатомъ. При супругѣ Петра оказалось крайне неудобнымъ существованіе личнаго посредника, можетъ быть, въ виду счетовъ партій, можетъ быть, вслѣдствіе характера самаго лица, исполнявшаго обязанности генераль-прокурора. Недостатокъ въ совѣщательномъ учрежденіи, давшій себя сильно чувствовать въ первый годъ царствованія Екатерины I, восполнялся на практикѣ неорганизованными совѣщаніями высшихъ сановниковъ, стоявшихъ у престола. Эти мотивы къ созданію учрежденія, стоявшаго надъ сенатомъ, приводилъ и именно указъ 8-го февраля 1726 года, устанавливавшій верховный тайный совѣтъ. Были и другія причины, вызвавшія къ жизни учрежденіе совѣта въ данной, а не въ иной формѣ. Эти причины лежатъ въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ Екатерины I. Еще при жизни Петра, какъ въ русскомъ обществѣ, такъ и при дворѣ, рѣзко обозначились два направленія, двѣ партіи: люди, сочувствовавшіе реформѣ, помогавшіе реформатору, и люди старые, родовитые, не сочувствовавшіе преобразованіямъ. Первые группировались около Петра и Екатерины, послѣдніе держались за царевича Петра. Они, волей-неволей смирявшіе себя при царѣ, хорошо помнили о своихъ старыхъ правахъ, о своихъ предкахъ, покушавшихся не разъ въ прежнія времена на ограниченіе самодержавной власти. Они ждали смерти царя и воцаренія великаго князя, съ воцареніемъ же его они рассчитывали все забрать въ свои руки. Понятно ихъ раздраженіе, когда имъ пришлось поздравлять съ воцареніемъ супругу Петра, за которой стояли ненавидимые имъ худородные люди, а во главѣ ихъ Меншиковъ. Понятно, что они рѣшились, наконецъ, сами дѣйствовать для приобщенія власти, а обстоятельства въ то время какъ разъ были за нихъ. Екатерину не любилъ; сердца, какъ писалъ Бассевичъ, министръ голштинскаго герцога, были на сторонѣ царевича; большое украинское войско зависѣло отъ воли ихъ единомышленника и типичнаго представителя ихъ мнѣній князя Го-

лицына, того самого Голицына, который въ 1730 году редактировалъ ограничительныя кондиціи, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ. Такимъ образомъ, они, пользуясь этими обстоятельствами, начали оказывать давленіе, и волей-неволей Екаторинѣ приходилось выбросить этимъ вельможамъ кусокъ, принять ихъ въ тотъ совѣтъ, который долженъ былъ быть при особѣ государя, и въ которомъ давно уже была нужда. «Вновь созданный верховный тайный совѣтъ, отвѣчая необходимости объединить «первыхъ сенаторовъ»-министровъ въ общемъ учрежденіи, въ то же время въ извѣстной степени давалъ выходъ стремленіямъ къ власти стараго родовитаго и новаго худороднаго дворянства: то и другое теперь могло, что затѣмъ и случилось, вступить «въ борьбу за власть въ самомъ верховномъ тайномъ совѣтѣ» (Филипповъ, Исторія сената, стр. 28). Такъ смотритъ на возникновеніе совѣта профессоръ Филипповъ. Такая точка зрѣнія обуславливаетъ его взгляды на дѣятельность совѣта: созданный властолюбіемъ нѣсколькихъ лицъ, совѣтъ поспѣшилъ проявить свои олигархическія тенденціи въ своей дѣятельности и, наконецъ, блистательно завершилъ ихъ кондиціями, предложенными Аннѣ Іоанновнѣ.

Профессоръ Алексѣевъ, отрицая всякое вліяніе партійной борьбы и, какъ увидимъ дальше, самую борьбу, думаетъ, что учрежденіе совѣта было, главнымъ образомъ, дѣломъ Екатерины: «ей нуженъ былъ совѣтъ, который служилъ бы сдержкой честолюбія сильныхъ персонъ и который бы давалъ ей возможность выслушивать совѣты не того или другого властнаго человѣка, а взвѣшенныя достодолжнымъ образомъ мнѣнія цѣлаго учрежденія, организованнаго на началѣ равноправности членовъ. Такимъ учрежденіемъ и явился верховный тайный совѣтъ» (проф. Алексѣевъ, стр. 10). Этотъ совѣтъ былъ учрежденіемъ совѣщательнымъ и никакихъ олигархическихъ тенденцій въ царствованіе Екатерины I не проявлялъ. Какъ видите, воззрѣнія г. Алексѣева прямо противоположны выводамъ профессора Филиппова. Намъ кажется, что профессоръ Филипповъ своимъ возраженіемъ окончательно выяснилъ вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ правда. На самомъ дѣлѣ, противъ мнѣній профессора Алексѣева говорятъ очень многія обстоятельства. Если, по мнѣнію г. Алексѣева, Екаторинѣ нуженъ былъ совѣтъ, устранявшій отъ нея возможность выслушивать мнѣнія того или другого властнаго человѣка, то вѣдь окажется, что совѣтъ нисколько не устранилъ этихъ властныхъ людей и ихъ властныхъ совѣтовъ: исторія царствованія Екатерины представитъ тому много примѣровъ. Затѣмъ, нужно обратить вниманіе на отношенія, существовавшія между совѣтомъ и императрицей. Намъ кажется, г. Алексѣевъ ошибается именно въ силу того, что не различаетъ положеніе *de jure* и положеніе *de facto*. Лишними и не заслуживающими вниманія кажутся намъ насмѣшки надъ г. Филипповымъ, различающимъ эти положенія и подходящимъ къ вѣрному рѣшенію вопроса. Положеніе *de jure* было таково: 16-го марта 1726 года члены совѣта подаютъ «мнѣніе не въ указъ» о новоучрежденномъ тайномъ совѣтѣ, который служить только «къ облегченію ея величества въ тяжкомъ бремені правленія». Положеніе *de facto*—составляются даже безъ доклада императрицѣ постановленія 28-го марта 1726 года и 10-го апрѣля 1727 года. Странно было бы согласиться съ мнѣніемъ профессора Алексѣева, который, не находя въ журналахъ

совѣта апробацій императрицы, тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что «апробаціи были, да исчезли». (Это мнѣніе г. Алексѣева подробно и основательно разбираетъ профессоръ Филипповъ въ своей брошюрѣ). Изъ этого сопоставленія двухъ положеній ясно можно видѣть, что совѣтники для облегченія ея величества въ тяжкомъ брѣмени совершенно не считаютъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія императрицы кое-какія дѣла.

Для того, чтобы быть послѣдовательнымъ, г. Алексѣеву, выдающему въ учрежденіи совѣта только желаніе императрицы имѣть совѣтниковъ и ничего болѣе, нужно было отвергнуть самую борьбу партій, даже существованіе ихъ. Профессоръ Алексѣевъ утверждаетъ, что при Екатеринѣ не было партій, были лишь лица, стремившіяся удовлетворять свое честолюбіе. Это утверженіе прямо «звучитъ насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ» (беремъ выраженіе профессора Алексѣева, примѣненное имъ къ г. Филиппову). Нельзя серьезно останавливаться на разборѣ подобнаго взгляда: пристальное чтеніе хотя бы «Исторіи Россіи» Соловьева (т. XVIII) могло бы дать профессору Алексѣеву нѣкоторыя данныя по вопросу о партіяхъ, которыя заставили бы его отказаться отъ своихъ мнѣній.

Остановимся на одномъ любопытномъ приѣмѣ профессора Алексѣева. Послѣдователи тайнаго совѣта, указывая на то, что стремленіе къ ограниченію власти чувствовалось въ воздухѣ, приводятъ въ подтвержденіе своихъ словъ свидѣтельства иностранцевъ, между прочимъ Лефорта. Г. Алексѣевъ цитируетъ фразу изъ письма Лефорта, на которую ссылается г. Милюковъ. «Начинаютъ воспѣвать счастливое освобожденіе отъ тиранніи и очень хорошо чувствуютъ, что правленіе женщины не можетъ быть деспотичнымъ». Приведа эту фразу, профессоръ Алексѣевъ пишетъ: «ни одинъ непредубѣжденный читатель не увидитъ въ этой фразѣ указаній на какія бы то ни было стремленія къ политической самостоятельности» (г. Алексѣевъ, стр. 30). Да, пожалуй, это вѣрно: дѣйствительно, въ этихъ словахъ ничего такого нѣтъ, но дѣло въ томъ, что конецъ этой фразы, опущенный г. Алексѣевымъ, гласитъ нѣчто другое, и, что удивительно, самъ же г. Алексѣевъ приводитъ его на стр. 29 въ такомъ видѣ: «начинаютъ воспѣвать счастливое освобожденіе отъ тиранніи и чувствуютъ, что правленіе женщины не можетъ быть деспотичнымъ. Но я вижу, что тронъ ускользаетъ». Читатель можетъ самъ судить, могъ ли г. Милюковъ привести эту фразу для доказательства своего мнѣнія.

Не будемъ утруждать далѣе вниманія читателя, имѣющаго возможность составить мнѣніе о выводахъ и приѣмахъ московскаго профессора. Заканчивая свою замѣтку, не можемъ не высказать своего удивленія по поводу слѣдующаго обстоятельства. Въ своемъ курсѣ государственнаго права (3-е изд., М., 1895 г., стр. 320, 321) профессоръ Алексѣевъ высказывалъ взгляды, сходные съ взглядами г. Филиппова и совершенно противоположные высказываемымъ имъ теперь взглядамъ.

П. Ш.

Культурно-историческая библиотечка. Картины древне-римской жизни. Очерки общественного настроенія времён цезарей. Соч. Гастона Буассье, автора соч. «Паденіе язычества», «Цицеронъ и его друзья», «Римская религія при Антонинахъ» и др. Переводъ съ французскаго Е. В. Дегена. Съ приложеніемъ статьи того же автора «Газета въ Римѣ», въ переводѣ Н. П. Новоборской. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896.

Гастонъ Буассье, одинъ изъ лучшихъ французскихъ историческихъ писателей, посвятилъ всю свою многолѣтнюю жизнь изслѣдованію развитія римской культуры. Его превосходные труды, изъ коихъ многіе уже переведены на русскій языкъ, всегда находили и находятъ огромный кругъ читателей, такъ какъ при строгой научности они написаны всегда такимъ живымъ и образнымъ языкомъ, изобилуютъ такими роскошными картинами жизни и нравовъ давно миновашаго времени, что невольно возбуждаютъ интересъ къ себѣ даже и въ людяхъ, вообще не интересующихся исторіей Рима. Въ самые сухіе, мертвые факты Буассье умѣетъ вложить душу живую, умѣетъ освѣтить ихъ такъ, что они проходятъ передъ читателями вереницей пестрыхъ, красивыхъ образовъ, всегда при этомъ проникнутыхъ общей идеей, а потому оставляющихъ въ умѣ не урывки знаній, а полное, законченное представленіе о всей изображаемой эпохѣ. По сочиненіямъ Буассье надо учиться, какъ писать популярныя книги, не лишая ихъ, однако, характера научности. Французы вообще превосходные популяризаторы, но солидные ученые между ними рѣдки; большинство ихъ научныхъ произведеній, особенно въ области древней исторіи, представляютъ изъ себя лишь компиляціи изъ многотомныхъ, тяжелыхъ сочиненій представителей нѣмецкой исторической науки. Буассье въ этомъ отношеніи является однимъ изъ немногихъ счастливыхъ исключеній: въ его трудахъ видна бездна совершенно самостоятельной и весьма серьезной работы; взгляды, имъ высказываемые, часто противорѣчатъ общепринятымъ, причемъ мотивировка ихъ всегда блестяща и обнаруживаетъ въ авторѣ глубокую эрудицію.

Таковы достоинства историческихъ трудовъ Буассье. Всѣми ими отличаются и «Картины древне-римской картины». Во французскомъ оригиналѣ, появившемся первымъ изданіемъ въ 1875 году, книга эта носитъ названіе «L'opposition sous les Césars». Въ ней авторъ изслѣдуетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ свободолюбивые римляне могли выносить страшный деспотизмъ первыхъ цезарей, не существовала ли въ Римѣ оппозиція, и если существовала, то какова была ея сила. По господствующему въ средѣ германскихъ ученыхъ воззрѣнію, такая оппозиція не только имѣла мѣсто, но и отличалась весьма грандіозными размѣрами, будучи основана на началахъ чисто республиканскихъ; только кровавая расправа, постоянно практиковавшаяся со стороны первыхъ императоровъ по отношенію къ заговорщикамъ и революціонерамъ, могла подавлять эту оппозицію, а потому такая расправа была вполне законна и необходима. Буассье не только не соглашается съ подобнымъ взглядомъ, но проводитъ взглядъ, совершенно противоположный.

Онъ изслѣдуетъ прежде всего состояніе различныхъ группъ населенія имперіи съ цѣлью опредѣлить, были ли у каждой изъ нихъ причины для недо-

вольства императорским режимомъ, и приходитъ къ тому выводу, что такія причины могли существовать только у однихъ жителей самаго города Рима. Что касается войска, провинцій и муниципій, то смѣна республики имперіей могла быть для нихъ только пріятна. Римскіе солдаты, «привыкнувъ видѣть благо въ единствѣ командованія, понимали только такую власть, которая была представлена въ лицѣ одного человѣка; имя императора резюмировало для нихъ отечество» (стр. 11). Провинціи, во времена республики изнемогавшія подъ тяжестью незаконныхъ поборовъ со стороны переменѣвшихся ежегодно проконсуловъ и пропреторовъ, отдохнули подъ владычествомъ цезарей, которые изъ собственныхъ выгодъ старались защитить провинціи отъ произвола властей, а потому со стороны провинціаловъ встрѣчали одно расположеніе. Что касается, наконецъ, муниципій, то-есть городовъ, обладавшихъ правомъ римскаго гражданства, то переменѣ формы правленія была для нихъ безразлична: въ римской республикѣ никогда не существовало того, что мы называемъ представительнымъ правленіемъ, когда въ рѣшеніи судебъ государства участвуютъ черезъ представителей всѣ его жители; верховное управление находилось исключительно въ рукахъ обитателей города Рима, муниципіи же не принимали въ немъ никакого участія, а потому для нихъ не представляли никакой важности вопросъ о тѣхъ правахъ, которыя императоры отняли у римлянъ. Самимъ муниципіямъ было оставлено полное самоуправленіе: «такія сцены комическx и народныхъ собраній, о которыхъ въ Римѣ остались лишь отдаленныя воспоминанія, были живою дѣйствительностью на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ его стѣнъ» (стр. 29).

Значить, если и можно искать гдѣ нибудь недовольства имперіей, то только въ Римѣ, гордомъ, свободолюбивомъ Римѣ, много столѣтій не знавшемъ надъ собой никакою иной верховной воли, кромѣ воли самого римскаго народа, и долженствовавшемъ такъ безраздѣльно покориться произволу цезарей. И дѣйствительно, — утверждаетъ Буассье, — въ Римѣ существовала оппозиція, но ни по силѣ, ни по дѣламъ своимъ она не заслуживала тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, которыя практиковались противъ нея императорами. Даже болѣе того, такія мѣры и были главнѣйшей причиной возникновенія и развитія оппозиціи. Она по большей части была характера молчаливаго, почти никогда не выражалась слишкомъ открыто; голоса недовольныхъ можно было услышать лишь въ очень тѣсныхъ кружкахъ единомыслящихъ людей, главнымъ образомъ на семейныхъ пиршествахъ. Простой народъ къ тому же даже и въ этихъ слабыхъ проявленіяхъ недовольства существующимъ порядкомъ вещей не принималъ почти никакого участія: выродившіеся потомки гордыхъ республиканцевъ были часто вполне искренно привязаны къ своимъ повелителямъ и требовали отъ нихъ только хлѣба и зрѣлищъ; верховное управление государствомъ нисколько ихъ не занимало. Въ рядахъ оппозиціи мы встрѣчаемъ только «свѣтскихъ» людей, то-есть такихъ, которые пользовались доступомъ ко двору, или, по крайней мѣрѣ, имѣли основаніе туда стремиться по своему происхожденію или общественному положенію. Будучи постоянно на виду у цезаря, эти люди могли каждую минуту опасаться подпасть подъ его гнѣвъ, а потому естественно всегда чувствовали желаніе замѣнить взбалмошнаго и жестокосердаго государя дру-

гимъ, болѣе мягкимъ и спокойнымъ. Но къ этой и только одной этой замѣнѣ одного лица другимъ и направлялись всѣ ихъ вождельнія; богатые, избѣженныя, они не могли желать возвращенія республики, даже, напротивъ, могли только страшиться такого оборота дѣла. «Они, — читаемъ мы на 273 стр. книги Буасье:— знали, что свобода, какъ говоритъ Сенека, не достается даромъ, а такъ какъ они не чувствовали въ себѣ достаточно силы, чтобы заплатить за свободу то, чего она стоитъ, то они легко и утѣшались въ ея потерѣ». Ни одинъ изъ составленныхъ ими заговоровъ, о коихъ мы имѣемъ свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, извѣстный заговоръ Петронія, не имѣлъ республиканскаго характера и ставилъ своей цѣлью только перемѣну въ лицѣ правителя. Даже въ произведеніяхъ писателей, обыкновенно признаваемыхъ оппозиционными, каковы: Луканъ, Тацитъ и Ювеналь, мы нигдѣ не встрѣтимъ республиканскихъ тенденцій. Такимъ образомъ, если до-императорская исторія римскаго государства указываетъ намъ на то, что въ Римѣ при цезаряхъ могла существовать сильная республиканская оппозиція, то разсмотрѣніе состоянія римскаго оощества, да и самыя факты, приводятъ насъ къ заключенію, что въ дѣйствительности она не имѣла мѣста.

Посему жестокости цезарей не могутъ быть оправдываемы необходимостью борьбы съ революціонерами; онѣ зависѣли исключительно отъ личныхъ качествъ каждаго цезаря и качествъ лицъ, его окружавшихъ. Съ водвореніемъ на престолѣ кроткаго Нервы оппозиція перестала проявляться; а если и высказывалось недовольство, то почти исключительно по отношенію къ временамъ прошедшимъ.

Такова теорія Буасье; какъ теорія, она, конечно, можетъ быть оспариваема, и противъ нея можно привести много доводовъ. Но нельзя не сознаться, что доказана она превосходно, съ громаднымъ знаніемъ дѣла, иллюстрирована весьма солидными документальными данными, а потому появленіе на русскомъ языкѣ заключающей ее книги нельзя не признать весьма желательнымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу.

Переводъ сдѣланъ весьма удовлетворительно, хорошимъ языкомъ, почти вполнѣ передающимъ живость и яркость языка подлинника. Въ концѣ русскаго изданія приложены библиографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ эпохѣ, описываемой въ сочиненіи Буасье, и небольшая статья того же автора «Газета въ Римѣ». Указатель составленъ довольно подробно и добросовѣстно, а потому является очень полезнымъ дополненіемъ къ книгѣ. Что же касается статьи, то, обладая достоинствами, присущими вообще всѣмъ историческимъ трудамъ Буасье, она мало вяжется съ содержаніемъ самой книги и придаетъ сей послѣдней вовсе не желательный видъ альманаха.

Е. Лосскій.

А. Θ. Кони. За послѣдніе годы. Спб. 1896.

Этотъ сборникъ трудовъ за послѣдніе годы А. Θ. Кони составляетъ продолженіе книги «Судебныя рѣчи» (нынѣ вышедшей 3-имъ изданіемъ) и служитъ новымъ памятникомъ участія автора въ нашей судебно-юридической жизни.

Рѣдкія книги могутъ имѣть болѣе глубокое общественное значеніе. Для юристовъ, какъ уже было замѣчено гдѣ-то, оба эти тома должны служить настольными книгами. Это прежде всего—школа судебного краснорѣчія. На разныхъ ступеняхъ судейской карьеры выступая обвинителемъ, председателемъ суда, оберъ-прокуроромъ сената, А. Θ. Кони выработалъ формы и приемы судебной рѣчи, которымъ, безъ сомнѣнія, будутъ слѣдовать многія поколѣнія русскихъ «говорящихъ» судей. Не менѣе поучителенъ самый методъ построения рѣчей, равно какъ и методъ изслѣдованія и рѣшенія вопросовъ права. Съ этой точки зрѣнія сборники рѣчей А. Θ. Кони являются настоящими руководствами по методологій юридической практики. Рядомъ съ этимъ читатель найдетъ здѣсь многочисленные примѣры тонкаго анализа нашихъ законовъ и юридическихъ институтовъ: среди знатоковъ права, авторъ занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Его толкованія законовъ имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что онъ обладаетъ рѣдкою способностью связывать вопросы права съ вопросами жизни. Для него право—не совокупность отвѣченныхъ нормъ, а явленіе, полное жизни. Даже въ кассационномъ сенатѣ, призванномъ, не касаясь существа дѣла, устанавливать или отвергать наличность нарушеній закона при разсмотрѣніи дѣла въ низшихъ инстанціяхъ, его рѣчи вбѣгаютъ далеко въ жизнь, и «кассационные поводы» выясняются, какъ явные нарушенія справедливости. Вотъ почему чтеніе его рѣчей оставляетъ, можно сказать, утѣшающее впечатлѣніе; вѣрится, что въ его опытныхъ рукахъ право является нормой высшей справедливости; его могучій умъ проникаетъ въ самую глубь закона и извлекаетъ оттуда самое разумное и самое гуманное его толкованіе; истинная правда сливается съ истинной человѣчностью, и торжествующая справедливость ведетъ къ добру и счастью. Такой юристъ заставляетъ любить право и дорожить имъ. Въ его «многогранной» душѣ право отражается всѣми своими сторонами и пріобрѣтаетъ глубокой смыслъ и значеніе.

Вызванный на поприще судебной дѣятельности судебной реформой 1864 г., А. Θ. Кони, будучи однимъ изъ лучшихъ выразителей и истолкователей основныхъ началъ Уставовъ императора Александра II, былъ всегда и вѣрнымъ ихъ защитникомъ. Въ сборникѣ «За послѣдніе годы» читатель найдетъ вѣскольکو статей, написанныхъ въ разное время и направленныхъ въ защиту этихъ началъ и въ особенности суда присяжныхъ. Такъ еще въ 1880 году, во время перваго похода противъ новыхъ судовъ, А. Θ. Кони писалъ: «обнаруженіе небольшихъ недостатковъ и недосмотровъ исполнѣ естественно въ громадномъ заданіи, созданномъ судебной реформой. Самая незначительность ихъ блестящимъ образомъ доказываетъ, какъ хороша, какъ прочна вся работа въ цѣломъ» (Судебная реформа и судъ присяжныхъ, стр. 435). 15 лѣтъ спустя, когда нападки эти еще болѣе ожесточились, онъ снова такъ выразился о предпринимаемомъ пересмотрѣ уставовъ: «пересмотръ этотъ пойдетъ самостоятельнымъ и широкимъ путемъ—къ удовлетворенію населенія въ доступномъ, скоромъ и справедливомъ судѣ, при соблюденіи уваженія и вниманія къ трудамъ и завѣтамъ предшественниковъ и при безусловномъ сохраненіи въ новыхъ начертаніяхъ основныхъ началъ истиннаго правосудія и возвышающей ихъ человѣч-

ности» (О новыхъ теченіяхъ въ уголовномъ процессѣ Италиі и Германіи; стр. 427).

Эта вѣрная защита принциповъ Уставовъ 1864 г. понятна со стороны дѣателя, который, можно смѣло сказать, выннѣчилъ, поставилъ на ноги новый судъ. Онъ не можетъ не любить его. Онъ пишетъ, что «имѣлъ счастье трудныя судейскія обязанности раздѣлять съ присяжными» (Власть суда въ примѣненіи наказанія, стр. 558), и съ любовью вспоминаетъ «радостные, полные жизни дни» открытія новыхъ судовъ и первыхъ судебныхъ дѣателей (Новые мѣха, новое вино). Многихъ изъ этихъ дѣателей уже нѣтъ въ живыхъ. Но они живы въ тѣхъ мастерскихъ некрологахъ, которые читатель найдетъ въ этомъ же сборникѣ «за послѣдніе годы». Талантливою кистью А. О. Кони начертаны портреты Д. А. Ровинскаго, В. А. Арцимовича, А. Д. Градовскаго, К. Д. Кавелина, М. А. Языкова и другихъ и выяснилъ ихъ съ такой глубиной, что они запечатлѣются навсегда во весь ростъ въ памяти потомства. И эти характеристики написаны такъ тепло, съ такой любовью, что читатель начинаетъ не только цѣнить, но и любить этихъ дѣателей и чувствуетъ благодарность къ автору, что онъ сумѣлъ въ немъ пробудить «чувства добрыя». В. У.

Сборникъ историко-филологическаго общества при институтѣ князя Везбородка въ Нѣжинѣ. Томъ I. Кіевъ. 1896.

Съ марта 1894 г. у насъ прибавилось новое ученое общество, обратившее свою дѣятельность на распространеніе и развитіе знаній въ области историко-филологическихъ наукъ и на разработку педагогическихъ вопросовъ. Открывъ официально свои дѣйствія 14-го сентября 1894 г., общество это, называемое «Историко-филологическимъ», имѣло въ теченіе перваго отчетнаго года 13 публичныхъ засѣданій, на которыхъ было прочитано 18 рефератовъ и рѣчей по русской исторіи и русской литературѣ, 5—по классической филологіи и 2—по педагогическимъ вопросамъ. Кромѣ того, общество успѣло уже приобрести въ свое вѣдѣніе архивъ бывшаго греческаго магистрата, возбудило ходатайство о передачѣ ему архивовъ г. Чернигова и, наконецъ, издало свой органъ «Сборникъ», подъ главной редакціей Е. В. Пѣтухова.

Въ «Сборникѣ» помѣщено восемь статей, изъ которыхъ шесть историко-литературнаго характера, одна посвящена церковной исторіи и одна исторической критикѣ.

Наиболѣе крупными изъ нихъ являются статьи: И. Н. Михайловскаго — «Очеркъ жизни и службы Николая Спаарія въ Россіи», И. А. Сребническаго — «Къ біографіи Георгія Конискаго» и А. П. Кадлубовскаго — «Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи». Очеркъ г. Михайловскаго представляетъ вступительную главу къ приготовленному имъ большому труду «Обзоръ литературной дѣятельности Спаарія въ Россіи». Авторъ воспользовался почти всеми печатными пособіями по интересующему его вопросу, многое провѣрилъ и дополнилъ по дѣламъ главнаго московскаго архива иностранныхъ дѣлъ и въ результатѣ далъ довольно обстоятельный очеркъ жизни и служебной дѣятельности Спаарія въ Россіи и краткую характерп-

стику составленных имъ литературныхъ трудовъ въ 1672 г.: Хрисмологіонъ, Мусы, Сивиллы и Ариемологіи. Наиболѣе интересныя изъ касающихся Спафарія дѣль московскаго архива приведены г. Михайловскимъ въ приложеніяхъ (19№№).

Г. Сребницкій представилъ довольно удачный очеркъ жизни и религіозно-политической дѣятельности Георгія Конискаго, главнымъ образомъ на основаніи тщательнаго изученія печатныхъ пособій, а также и руководствуясь нѣкоторыми фамильными документами рода Конискихъ, которые и помѣстил въ приложеніяхъ. Какъ бы въ дополненіе къ этому очерку въ «Сборникѣ» помѣщена также рѣчь, читанная г. М. Н. Бережковымъ о «Георгіи Конискомъ, какъ проповѣдникѣ». Въ связи съ характеристикой проповѣдей Конискаго авторъ опредѣляетъ и мѣсто его въ проповѣднической литературѣ.

А. П. Кадлубовскій пришелъ въ своей статьѣ къ слѣдующимъ выводамъ: «Грибоѣдовъ завершилъ дѣло низверженія классической теоріи и освобожденія отъ нея русской литературы» (стр. 138); въ его «рукахъ впервые въ Россіи поэзія стала орудіемъ для выраженія собственной личности и души поэта, его завѣтныхъ стремленій и чувствъ...» (стр. 150); онъ «явился въ «Горе отъ ума» выразителемъ стремленій и думъ лучшихъ людей того времени и изобразилъ ихъ положеніе въ современномъ обществѣ, борьбу ихъ съ его массой; въ характерахъ и положеніяхъ своей комедіи обрисовалъ онъ черты обѣихъ враждующихъ сторонъ и ихъ взаимное отношеніе» (153 стр.) и въ теченіе всей своей дѣятельности служилъ правдѣ, искренности и свободѣ (стр. 155).

Остальныя двѣ историко-литературныя статьи принадлежатъ Е. В. Пѣтухову—1) «А. С. Грибоѣдовъ» и 2) «О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи». Первая представляетъ удачно составленную на основаніи лучшихъ печатныхъ пособій до 1895 г. юбилейную рѣчь, а вторая—попытку укрѣпить раздѣляемое уже давно воззрѣніе на мораль басенъ Крылова, какъ ихъ главное педагогическое значеніе, и установить при этомъ строгій выборъ послѣднихъ.

Что касается статьи г. Е. И. Кашировскаго—«Учрежденіе Смоленской епископіи», единственной исторической статьи въ «Сборникѣ», то она вся посвящена попыткѣ доказать, что Смоленская епископія въ 1894 г. вступаетъ въ 760-й годъ своего существованія (стр. 219), или, другими словами, основана не ранѣе 1135 г., вопреки раздѣляемому всѣми изслѣдователями русской церковной старины воззрѣнію, что она существовала въ самомъ началѣ XII вѣка. Но авторъ, кажется, излишне довѣряется уставной грамотѣ великаго князя Ростислава Мстиславича и разнорѣчивому свидѣтельству номинальныхъ списковъ, а не основываетъ своего взгляда на болѣе вѣрномъ источникѣ—Ипатьевской лѣтописи.

Изъ сказаннаго нами можно вывести заключеніе, что недавно народившееся ученое общество, состоящее по преимуществу изъ профессоровъ и преподавателей Нѣжинскаго института, уже давно трудящихся надъ изданіемъ «Извѣстій» института, энергично принялось за работу, и остается только пожелать ему въ дальнѣйшемъ полнаго успѣха.

В. Р.—въ.

Я. Колубовскій. Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Годъ второй (1894). Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Москва. 1896.

Книга г. Колубовскаго «Философскій ежегодникъ» даетъ на 314 стр. петита обзоръ нашей философской литературы за 1894 годъ. Размѣры «Ежегодника» объясняются, конечно, не богатствомъ нашей литературы, а обширностью задачи, которую поставилъ себѣ авторъ. Въ обзорѣ перечислены и вкратцѣ изложены не только книги, но и статьи, замѣтки и рецензіи изъ огромнаго количества столичныхъ и провинціальныхъ повременныхъ изданій. Такъ какъ область философскихъ знаній трудно строго ограничить, то неудивительно, что въ «Ежегодникѣ» упомянуто много статей, относящихся скорѣе, наиримѣръ, къ области публицистики или критики, чѣмъ къ философіи. Изложеніе перечисляемыхъ сочиненій чаще всего ограничивается объективнымъ пересказомъ ихъ содержанія за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда автору приходится имѣть дѣло съ явнымъ пустословіемъ или съ чрезмѣрными увлеченіями нѣкоторыхъ публицистовъ. Въ этихъ случаяхъ онъ умѣетъ быть ѣдкимъ. Только въ одномъ мѣстѣ (стр. 22), именно, разбирая сочиненіе г. Боброва «О понятіи искусства», авторъ слишкомъ увлекся въ своихъ нападкахъ и принялъ за грубыя противорѣчія нѣсколько неточныхъ фигуральныхъ выраженій, безъ которыхъ, пожалуй, г. Боброву и нельзя было обойтись въ цитованныхъ мѣстахъ.

Большой интересъ и значительное удобство представляетъ перечисленіе газетныхъ и журнальныхъ рецензій и отзывъ на выдающіяся статьи и книги. Сопоставляя ихъ, легко составить себѣ мнѣніе о разбираемой книгѣ, а подчасъ и о журналѣ, дающемъ рецензію. Вообще «Ежегодникъ» можетъ навести на интересныя соображенія о характерѣ, объемѣ и даже тонѣ русской философской литературы и навѣрное принесетъ большую пользу будущему историку русской мысли, въ особенности если изданіе его не ограничится 1893 и 1894 г., а будетъ продолжаться много лѣтъ подъ рядъ. Обиліе библиографическихъ указаній, полнота иногда, пожалуй, чрезмѣрная и тщательность выполненія дѣлаютъ эту книгу очень удобною для всевозможныхъ справокъ. Въ заключеніе не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько наиболее яркихъ курьезовъ нашей философской литературы, которые авторъ съ любовью отмѣчаетъ и увѣковѣчиваетъ въ своемъ обзорѣ. На стр. 138 приведена слѣдующая цитата изъ сочиненія г-жи Манассеиной «Основы воспитанія»: «законъ причинности—это основной коренной законъ всякаго мышленія и даже всякой психической жизни вообще: внѣ его немислимы ни мысли, ни чувства, ни даже элементарныя ощущенія! Внѣ закона причинности возможны только явленія химіотаксіи, развивающіяся на основѣ химическаго средства. Вслѣдствіе этого не только всѣ понятія, всѣ идеалы, но и всѣ идеи Платона или нумены Канта состоятъ въ сущности не изъ чего иного, какъ изъ закона причинности». Изъ «Ежегодника» мы узнаемъ также, что у насъ есть педагоги, выдумавшіе

что-то въ родѣ христіанской гимнастики, и пользующіеся извѣстностью профессора, которые упорно называютъ экспериментальную психологію экспериментальною.

Н. Д.—ій.

Украинская Старина. Очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры. Профессора Д. И. Багалія. Харьковъ. 1896.

Этотъ небольшой томикъ представляетъ довольно цѣнный вкладъ въ нашу все болѣе и болѣе разрастающуюся за послѣднее время областную историческую литературу. Какъ видно уже изъ заглавія, трудъ г. Багалія относится къ прошлому Харьковскаго края, исторіей котораго почтенный профессоръ занимается давно, съ неостывающимъ усердіемъ и любовью¹⁾. «Занявшись въ послѣднее время,—пишетъ онъ въ предисловіи,—составленіемъ исторіи Харьковскаго университета, которая, по своимъ рамкамъ и плану, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очеркомъ мѣстнаго просвѣщенія и культуры, я, естественно, долженъ былъ обратить вниманіе на выдающихся харьковскихъ дѣятелей XIX вѣка и на ихъ общественную дѣятельность. Извѣстно, что внутренняя исторія нашего края XVII—XVIII вв. разработана весьма слабо, и это зависить главнымъ образомъ отъ недостатка матеріаловъ... Что же касается XIX вѣка, то эта эпоха, можно сказать, совершенно не затронута изслѣдователями, хотя и имѣеть, по связи съ нынѣшнимъ временемъ, огромный интересъ». Въ надеждѣ, весьма на этотъ разъ гадательной, нужно замѣтить, что «уясненіемъ» этой эпохи займутся будущіе составители исторіи Харькова къ предстоящему его 250-ти-лѣтнему юбилею, г. Багалій съ своей стороны рѣшился, какъ онъ говоритъ, «печатать отдѣльные, такъ сказать, этюды, посвященные изслѣдованію различныхъ сторонъ быта, біографіямъ замѣчательныхъ дѣятелей» и проч.

Въ обзорѣваемомъ томикѣ три очерка: 1) «Наказы харьковскаго дворянства въ екатерининскую комиссію 1767 года»; 2) «Харьковскій городской голова Егоръ Егоровичъ Урюпинъ» и 3) «Два культурныхъ дѣятеля изъ харьковскаго духовенства—священники Василій Фотіевъ и Андрей Самборскій».

Въ первомъ изъ этихъ очерковъ выясняется исторія происхожденія слободско-украинскаго шляхетства, изъ рядовъ бывшей казацкой старшины. Въ то время, какъ великорусское дворянство ходатайствовало о расширеніи своихъ сословныхъ правъ, малорусское должно было еще просить о включеніи его въ русскій дворянскій классъ, путемъ переименованія бывшихъ казацкихъ старшинъ въ военные и гражданскіе штабъ и оберъ-офицерскіе чины. Такимъ именно образомъ и произошло впоследствии малороссійское дворянство. Курьезно, однако, что слободская казацкая старшина въ своихъ наказахъ усиливалась подкрѣпить свои права на дворянское званіе увѣреніемъ, будто вся она образовалась изъ иностранныхъ выходцевъ шляхетскаго происхожденія. На

¹⁾ На обложкѣ обзорѣвасмаго томика приведено до двадцати названій отдѣльно издавшихся сочиненій автора по исторіи, топографіи и этнографіи Харьковскаго края, бывшей Слободской Украины.

этомъ основаніи просители ходатайствовали о сравненіи ихъ въ правахъ «съ иностраннымъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и выборгскимъ дворянствомъ».

Внимательное изученіе прошлаго роднаго края привело г. Багалѣя къ довольно печальному выводу: «поражаешься,— говоритъ онъ,— незначительнымъ числомъ положительныхъ типовъ, свѣтлыхъ и симпатичныхъ дѣятелей». Впрочемъ, явленіе это одинаково присуще какъ малорусской, такъ и великорусской старинѣ. Г. Багалѣй остроумно объясняетъ это не недостаткомъ, на самомъ дѣлѣ, честныхъ, хорошихъ людей въ былыя времена, а «нѣкоторою односторонностью архивнаго матеріала», въ которомъ главнымъ основнымъ источникомъ для изученія быта и нравовъ служатъ, какъ извѣстно, судебныя дѣла. Дѣла эти рисуютъ только отрицательныя стороны и герои лихихъ дѣлъ, а о хорошихъ людяхъ молчатъ.

Исходя изъ такого весьма вѣроподобнаго соображенія, г. Багалѣй задался мыслью представить нѣсколько положительныхъ типовъ мѣстной старины, поскольку могутъ служить такой прекрасной задачѣ скудные матеріалы.

Ему съ перваго же шага повезло. Благодаря счастливому случаю и просвѣщенному посредничеству попечителя харьковскаго учебнаго округа Н. П. Воронцова-Вельяминова, г. Багалѣй открылъ въ архивныхъ подвалахъ харьковской думы матеріалы для жизнеописанія добродѣтельнаго мужа, нѣкоего Урючина, бывшаго въ началѣ 1800-хъ годовъ харьковскимъ городскимъ головою. Личность эта дѣйствительно была замѣчательна для своего времени по отстаиванію дарованныхъ городскому выборному управленію правъ передъ натискомъ и произволомъ мѣстной администраціи, по ревностнымъ заботамъ объ интересахъ города, по усердному содѣйствію цѣлямъ просвѣщенія и, наконецъ, по личнымъ, благороднымъ качествамъ. Съ нимъ былъ очень друженъ извѣстный малороссійскій философъ Сковорода, и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему, увѣщая непремѣнно слѣдовать по пути «доброй славы», которая «лучше мягкаго пирога», замѣчаетъ: «Не думай же, друже, что добрая слава есть тоже, что пустозвонный мірской газетъ, гремящій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ. Да не хвалится премудрый премудростью своей!...». Заслуги Урючина были отличены и высшей властью и Харьковскимъ университетомъ: будучи кунцомъ по происхожденію, онъ получилъ чинъ восьмого класса и дворянство; университетъ пожелалъ имѣть его портретъ и за присылку послѣдняго выразилъ ему на бумагѣ официальную благодарность.

Такими же свѣтлыми личностями выступаютъ въ послѣднемъ очеркѣ г. Багалѣя священники Василій Фотіевъ и извѣстный Андрей Самборскій. Оба они, уроженцы Харькова и воспитанники харьковской семинаріи, оказали много услугъ по благоустройству роднаго города и особенно по учрежденію Харьковскаго университета.

Съ о. Василиемъ Фотіевымъ въ концѣ царствованія императора Павла приключилось ничѣмъ незаслуженное, тяжкое испытаніе. Какъ-то утромъ на стѣнѣ колокольни той церкви, въ которой о. Василій служилъ, оказался приклееннымъ пасквиль на императора Павла. «Пораженный ужасомъ, Фотіевъ препроводилъ пасквиль къ губернатору, который съ меньшимъ ужасомъ донесъ обо всемъ въ Петербургъ». Началась ужасная передыга. Автора пасквиля не

открыли, и царскій гнѣвъ обрушился на тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе найти его и довести до свѣдѣнія начальства: какихъ-то бабъ-хохлушекъ, дьякона и о. Василія. Всѣхъ ихъ отправили въ Петербургъ, засадили въ казематъ, подвергли допросу, и судбище кончилось тѣмъ, что всѣхъ пересѣкли розгами, не исключая и Фотіева. Но этого мало: послѣдовалъ указъ, что если къ назначенному сроку пасквилянтъ не будетъ найденъ, то всѣ харьковскіе обыватели будутъ черезъ десятаго наказаны кнутомъ и поголовно сосланы въ Сибирь, а покамѣстъ на городской площади была сооружена висѣлица для искомаго автора пасквиля. Но, къ еще большему ужасу харьковцевъ, въ одно прекрасное утро на висѣлицѣ увидѣли повѣшеннымъ чучело самого Павла. Потомъ, въ этой дерзкой продолжкѣ подозрѣвали мѣстнаго молодого помѣщика, горбуна Подгоричани. Страшной грозы ждалъ Харьковъ изъ Петербурга, но прискакалъ фельдъегерь и объявилъ о вступленіи на престолъ Александра I.

О. Фотіевъ былъ человѣкъ весьма образованный; онъ преподавалъ въ мѣстномъ высшемъ народномъ училищѣ и содержалъ дворянскій пансіонъ, многіе изъ воспитанниковъ котораго поступили потомъ въ открывшійся Харьковскій университетъ. Близкій другъ В. Н. Каразина, онъ много содѣйствовалъ ему своимъ вліяніемъ на мѣстное общество и своимъ дѣятельнымъ участіемъ по основанію и открытію Харьковскаго университета. Каразинъ задумывалъ учредить въ этомъ университетѣ, на заграничный манеръ, богословскій факультетъ и прочіе на мѣсто декана этого факультета о. Василія; но послѣдній, въ результатѣ, не получилъ даже кафедръ богословія по интригамъ архіерея, не влюбившаго его за то, что онъ носилъ орденъ св. Анны 2-й степени, котораго не имѣли даже и высшіе духовные іерархи. Этотъ орденъ выхлопоталъ Фотіеву Каразинъ въ награду за его труды по просвѣщенію и по учрежденію Харьковскаго университета.

О. Андрей Самборскій достаточно извѣстенъ въ нашей исторической литературѣ, какъ духовный наставникъ въ дѣтствѣ императора Александра I, какъ личный духовникъ несчастливой великой княжны Александры Павловны, сопровождавшій ее въ Венгрію по выходѣ ея замужъ и напутствовавшій ее при смерти. Г. Багалъй обратилъ особенное вниманіе на менѣе извѣстную сторону дѣятельности Самборскаго, какъ агронома. Для изученія агрономіи онъ специально былъ посланъ въ Англію еще при Екатеринѣ II. Павелъ пожаловалъ ему имѣніе съ 500 душъ крестьянъ, гдѣ Самборскій и имѣлъ случай провить свои сельско-хозяйственныя знанія. Мч.

Н. Н. Фирсовъ. Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII столѣтія. Казань. 1896.

Авторъ «Очерковъ» поставилъ себѣ задачей изученіе положенія торгово-промышленнаго класса вообще и крупнаго «компанейскаго» производства въ частности, не вдаваясь въ подробности статистическаго изслѣдованія, а преимуществу съ «общественно-исторической» точки зрѣнія. Вставляя свою работу въ опредѣленныя хронологическія рамки (вплоть до уничтоженія внутреннихъ

таможенъ), авторъ, тѣмъ не менѣе, постоянно, какъ онъ выражается, «заходить нѣсколько впередъ» и «начинаетъ издалека», причемъ «захожденіе впередъ» иногда не имѣетъ существеннаго основанія, не говоря о томъ, что оно оставляетъ работу безъ опредѣленнаго конца. Основная идея «Очерковъ»,— идея, въ томъ или въ другомъ видѣ часто встрѣчающаяся у нашихъ историковъ, состоитъ въ слѣдующемъ: торгово-промышленныя компаніи, какъ и вообще формы нашего крупнаго производства, не развились органически изъ русскаго общественно-экономическаго быта, а были «учреждены» государственной властью «для ради великія нужды» царской казны по западнымъ образцамъ. Въ московскую эпоху самой крупнои торгово-промышленной единицей было само государство, производившее операціи съ податнымъ сырьемъ и съ куплей-продажей иностранныхъ товаровъ. Посредниками въ этой казенной торговлѣ были богатые купцы, «гости», состоявшіе, такимъ образомъ, на государственной службѣ. Это обстоятельство ставило ихъ въ привилегированное положеніе и позволяло имъ давить свою низшую братію. Съ Петра Великаго въ торговой политикѣ правительства замѣчается новый поворотъ: казна постепенно отказывается отъ активной роли купца и, имѣя въ виду все одну и ту же цѣль—увеличеніе доходности, — старается создать какъ можно больше компаній и вообще развитъ торгово-промышленный оборотъ страны, съ тѣмъ, чтобы, отдавая въ частныя руки свои доходныя статьи, собрать обильную дань въ видѣ пошлинъ. Но компаніи заводятъ по большей части иностранцы, разныя доходныя статьи захватываютъ частью сановники, направлявшіе законодательство по своему произволу (здѣсь авторъ особенно останавливается на дѣятельности Шувалова), частью—крупные торговцы, создавшіе при помощи законодательныхъ льготъ монополіи въ торговлѣ и промышленности; и въ результатѣ казна остается разочарованной въ своихъ надеждахъ. На мелкую же сошку правительство никогда не обращало особеннаго вниманія, и она оставалась столь же забытой, какъ и въ московскую эпоху, хотя еще съ Петра Великаго въ теоріи проповѣдуются принципъ «вольнаго торгова». Если мы прибавимъ отсутствіе энергіи у нашихъ предпринимателей, замѣнявшейся хищнической эксплуатацией, благодаря монополіямъ, то получится довольно яркая картина безпорядочнаго разоренія «великой и обильной» страны. Такова, въ нѣсколькихъ словахъ, сущность «Очерковъ». Къ сожалѣнію, отсутствіе строгаго систематическаго плана въ изложеніи, разбросанность и смутанность собранныхъ на живую нитку существенныхъ и несущественныхъ фактовъ, значительно портятъ цѣльность впечатлѣнія, на которое авторъ могъ бы рассчитывать. Онъ не сумѣлъ, или вѣрнѣе, какъ это видно изъ предисловія, не имѣлъ времени разобратъ въ громадномъ количествѣ матеріала, и понятно, что въ результатѣ получились лишь случайный подборъ ихъ въ книгѣ, требующей по своей цѣли (освѣщенія «историко-общественнаго» характера разсматриваемой эпохи) возможно яснаго и стройнаго изложенія.

Н. О.

Платонъ. Фѣдонъ. Переводъ Д. Лебедева. Изданіе „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. М. 1896.

Изъ заглавія видно, что знаменитый разговоръ Платона предназначается для широкой публики. Мысль популярнаго изданія произведеній классической литературы нельзя не назвать удачною. У насъ народилось такъ много философвъ, толкующихъ вкривъ и вкось о философіи, что широкой публикѣ очень не мѣшаетъ знакомиться съ произведеніями истинныхъ философвъ. Разговоръ «Федонъ» написанъ слишкомъ 2.000 лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ, перечитывая его теперь, мы выносимъ впечатлѣніе, что высказанныя въ немъ мысли не только несравненно глубже, но даже намъ ближе, чѣмъ сомнительныя теоріи, проповѣдуемыя современными русскими философами. Чувствуешь, что послѣднія скоро переходящи, какъ разныя моды, а мысли Платона вѣчны. Но, можетъ быть, болѣе, чѣмъ самыя мысли, дѣйствуетъ на насъ душу возвышающимъ образомъ настроеніе. Какой контрастъ представляютъ страхъ передъ смертію современныхъ философвъ и невозмутимое спокойствіе духа прежнихъ, у которыхъ философія дѣйствительно сливалась съ жизнью, служила надежною опорой, внушала бодрость, заставляла человѣка жертвовать собою, своею личностію для блага общества и государства! Нельзя безъ душевнаго волненія, безъ чувства стыда за собственное малодушіе, прочитать, какъ Сократъ приготавлился къ смерти и встрѣтилъ ее. Это—такая величественная картина, которая всякою своею подробностію навсегда врѣзывается въ памяти.

Но чтобы эта картина могла быть воспринята надлежащимъ образомъ обыкновеннымъ читателемъ, требуется соответственная форма, другими словами, красоты оригинала должны быть переданы на русскомъ языкѣ съ возможнымъ совершенствомъ. За точность перевода г. Лебедева говоритъ уже тотъ фактъ, что онъ первоначально былъ напечатанъ въ «Запискахъ Новороссійскаго университета». Для популярнаго изданія переводчикъ вторично просмотрѣлъ и провѣрилъ свою работу, сообразуясь съ новѣйшими комментаріями. Съ этой стороны, значитъ, удовлетворительность перевода не возбуждаетъ сомнѣнія. И тѣмъ не менѣе, въ виду специальной цѣли, поставленной себѣ переводчикомъ, предназначающимъ свой переводъ для широкой публики, мы должны признать, что его работа крайне неудовлетворительна, что его русская рѣчь можетъ отбить даже у самаго невзыскательнаго читателя охоту познакомиться съ безсмертнымъ произведеніемъ Платона. Такимъ образомъ переводчикъ самъ мѣшаетъ достиженію поставленной себѣ цѣли. Мы не говоримъ уже объ употребленіи архаическихъ выраженій, въ родѣ: доселѣ, дотолѣ и т. д. Но весь слогъ перевода производитъ впечатлѣніе чего-то наивнаго, ученическаго. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. «Такимъ образомъ, — говоритъ Сократъ: — какъ скоро я получилъ малость, пока я остаюсь тѣмъ же, — остаюсь малымъ. Великость же не допускаетъ того, чтобы, представляя собою великое, быть въ то же время и малостью. Равнымъ образомъ и заключающееся въ насъ малое никогда не терпитъ того, чтобы сдѣлаться и быть великимъ, и вообще ничто изъ противоположныхъ, доколѣ только то или другое остается са-

нимъ собою, не можетъ сдѣлаться и быть противоположнымъ самому себѣ, но, встрѣчая противное себѣ, или удаляется или погибаетъ». Другой примѣръ: Нѣкоторые «принимаютъ ядъ очень поздно, послѣ того когда имъ прикажутъ, а пиршествуютъ и пьютъ, сколько только пожелаютъ; нѣкоторые же наслаждаются съ своими возлюбленными и удовольствіями любви». Такъ писалъ Платонъ? Не кощунство ли это надъ памятью великаго философа? Вообще переводчикъ очень плохо владѣетъ русскою литературною рѣчью: онъ, можетъ быть, — ученый, но ни въ какомъ случаѣ не литераторъ. Онъ, напримѣръ, переводитъ: «Если что нибудь изъ того, что я скажу, покажется тебѣ годнымъ для твоего собственнаго убѣжденія въ предметъ изслѣдованія, ты воспользуешься имъ». Когда ученики Сократа, предаваясь горю по поводу утраты своего учителя, начинаютъ оглашать воздухъ рыданіями, стонами и криками, Сократъ обращается къ нимъ съ слѣдующими словами: «что вы дѣлаете, чудные люди?». Какъ тутъ понимать слово «чудные»? Въ простонародной рѣчи оно дѣйствительно употребляется, какъ синонимъ слова «странный», но тогда его начертаніе не «чудный», а «чудной». Однако и въ такомъ случаѣ нельзя влагать Сократу въ уста русскую простонародную рѣчь.

Въ виду всего этого мы посовѣтовали бы переводчику, если потребуется новое изданіе его работы, тщательно ее просмотрѣть въ стилистическомъ отношеніи.

Р. С.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга шестая, изданная подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1896.

Шестая книга «Архива князя Ѳ. А. Куракина», подобно пятой, дѣлится на двѣ части: одна посвящена времени Петра Великаго, другая — времени Екатерины II. Въ первую часть вошло продолженіе переписки и дневника тогдашняго русскаго посла въ Голландіи, князя Бориса Ивановича Куракина; эти матеріалы относятся, главнымъ образомъ, къ Утрехтскому конгрессу 1713 года, положившему конецъ войнѣ между Франціей, Испаніей, Англійей и Голландіей за наслѣдство испанскаго престола, и выясняютъ неофициальное и мало до сихъ поръ извѣстное участіе Россіи въ конгрессѣ. Князь Борисъ Ивановичъ зорко слѣдилъ за всѣми переговорами, входилъ въ сношенія съ участвовавшими въ нихъ дипломатами, стараясь извлечь возможные для Россіи выгоды, и подробно доносилъ обо всемъ канцлеру графу Г. П. Головкину. Вторая часть заключаетъ въ себѣ путевыя записки князя Александра Борисовича Куракина во время путешествія его по Европѣ въ 1770—1772 годахъ, и переписку его съ разными лицами. Особенно любопытны письма его къ цесаревичу Павлу Петровичу. Куракинъ и цесаревичъ были почти однолѣтки, вмѣстѣ росли и воспитывались, и питали другъ къ другу искреннюю привязанность. Не смотря на свою молодость (Куракину въ 1770 году было восемнадцать лѣтъ), князь Александръ Борисовичъ уже обнаруживаетъ въ своихъ письмахъ большую наблюдательность и обширное образованіе (онъ учился въ Лейденскомъ университетѣ). Почти всѣ письма Куракина писавы на французскомъ языкѣ, которымъ

онъ владѣлъ въ совершенствѣ, и касаются преимущественно описанія достопримѣчательностей городовъ, имъ посѣщенныхъ; въ письмахъ встрѣчаются и весьма мѣткія характеристики выдающихся дѣятелей того времени; особенно подробно описано тогдашнее высшее общество въ Англіи. Вообще «Архивъ князя Ѳ. А. Куракина» съ каждой книгой вноситъ обильный и цѣнный матеріалъ въ русскую историческую науку, при чемъ нельзя не поблагодарить редактора этого изданія, В. Н. Смольянинова, за тщательный выборъ, дешифровку и корректуру документовъ и обстоятельныя примѣчанія и указатель, которыми онъ ихъ снабжаетъ.

С. Ш.

Власть тьмы въ царствѣ свѣта, разсказъ изъ временъ св. Іоанна Златоуста, соч. Ф. В. Феррара, перев. Лопухина. Спб. 1897.

Недавно поступила въ продажу новая книга извѣстнаго англійскаго историка-богослова Фаррара «Власть тьмы въ царствѣ свѣта», въ переводѣ проф. Лопухина. Мы далеки отъ мысли приписывать Фаррару способность художественнаго творчества въ историческомъ разсказѣ, но прісущая ему способность популяризаціи и научная компетентность достаточно извѣстны читающей публикѣ, чтобы отнестись со вниманіемъ къ его новому произведенію. Въ разсказѣ изображается жизнь и дѣятельность І. Златоуста, начиная съ произнесенія имъ знаменитой рѣчи о статуяхъ (по поводу бунта въ Антиохіи) и кончая его ссылкой и смертью. Славный церковный дѣятель, Златоустъ, является предъ читателемъ, какъ живая личность, съ своими личными симпатіями и тревогами, съ планами и неудачами, то бодрый и настойчивый, то грустный и негодующій. Этотъ очеркъ даетъ мысли читателя гораздо больше, чѣмъ обычныя богословскія сочиненія, въ которыхъ съ именемъ Златоуста соединяется только сумма его богословскихъ взглядовъ и шаблонное имя отца и учителя церкви. Еще удачнѣе Фарраръ набрасываетъ общій фонъ церковно-государственной жизни V в. Тупоумные и вялые византійскіе императоры, интриганы сенаторы и честолюбивые епископы съ ихъ борьбою и слетнями, грубая рать наемныхъ варваровъ, шумная распущенная жизнь большихъ греческихъ городовъ и суровые уединенные христіанскіе аскеты—все это въ цѣломъ рядѣ яркихъ картинъ проносится въ разсказѣ. Масса историческихъ и археологическихъ справокъ и деталей сдѣлала романъ слишкомъ длиннымъ (670 страницъ убористаго шрифта) и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скучноватымъ. Кромѣ того, многочисленность дѣйствующихъ лицъ, выводимыхъ авторомъ подчасъ только на моментъ, нарушаютъ связность отдѣльныхъ сценъ. Но все же разсказъ читается съ большимъ интересомъ и можетъ дать важныя церковно-историческія свѣдѣнія о бурной эпохѣ трехъ святителей для неспеціалистовъ въ исторіи Византіи и церкви.

И. П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

А КАКОМЪ языкѣ говорилъ Иисусъ Христосъ? Мистриссъ Агнеса Смитъ-Люисъ, серьезно изучившая арабскій, греческій и сирійскій языки, нашла нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ монастырѣ на горѣ Синаѣ одинъ изъ самыхъ древнихъ текстовъ Новаго Завѣта; при переводѣ на англійскій языкъ этой замѣчательной рукописи, на старинномъ сирійскомъ языкѣ, она пользовалась, для сравненія, другими восьмью стами рукописями на томъ же языкѣ. Поэтому она считается вполне компетентнымъ судьей во всемъ, что касается библейской исторіи, и ея статья, напечатанная въ декабрьской книжкѣ *Century Magazine* о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по вопросу о томъ, на какомъ языкѣ говорилъ Иисусъ Христосъ во время своей земной жизни¹⁾, возбудила всеобщее вниманіе среди ученыхъ. По словамъ автора, этотъ вопросъ поставленъ на очередь въ послѣдніе годы и возбудилъ значительную полемику. Окончательно онъ еще не разрѣшенъ; нѣкоторые полагаютъ, что Иисусъ Христосъ говорилъ погречески, такъ какъ на этомъ языкѣ, видимо, были написаны три Евангелія изъ четырехъ, а другіе доказываютъ, что Христосъ говорилъ на арамейскомъ языкѣ, который былъ народнымъ языкомъ Палестины во времена Его земной жизни. Прежде считали арамейскій языкъ испорченной формой еврейскаго, но, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, это совершенно самостоятельный языкъ, какъ еврейскій или арабскій. Когда собственно еврейскій языкъ пересталъ быть народнымъ нарѣчіемъ въ Палестинѣ, еще строго не опредѣлено, но достоверно, что, передъ пришествіемъ на землю Иисуса Христа, простой народъ въ Палестинѣ говорилъ поарамейски. Нѣкоторые ученые доказываютъ, что этотъ языкъ господствовалъ въ Месопотаміи,

¹⁾ What language did Christ speak, by A. Smith Lewis. *Century Magazine*, december.

колыбели семьи Авраама, и что его перенесли въ Палестину евреи, вернувшіеся изъ вавилонскаго плѣненія. Хотя, строго говоря, еврейскимъ языкомъ можетъ называться только тотъ языкъ, на которомъ написано Пятикнижіе, но въ продолженіе многихъ вѣковъ считалось, что евреи вообще говорили поеврейски, и такимъ образомъ арамейскій языкъ, отрасль спрійскаго языка, потерялъ свое гражданство и только возстановленъ новѣйшими учеными. Именно на этомъ языкѣ написана та рукопись Новаго Завѣта, которую нашла на Синаѣ мистриссъ Люисъ, и она подтверждаетъ тотъ, по ея мнѣнію, достовѣрный фактъ, что Іисусъ Христосъ говорилъ съ рыбаками Генисаретскаго озера и поселянами Галилеи на томъ языкѣ, который имъ былъ понятенъ, ссылками на греческій текстъ Новаго Завѣта, въ которомъ встрѣчается много не переведенныхъ арамейскихъ словъ, между прочимъ, въ синайской рукописи слова Іисуса Христа на крестѣ: «Или, Или, лама савахѣани», приведены цѣликомъ, а не въ переводѣ, по той простой причинѣ, что они—на арамейскомъ языкѣ. Нѣмецкій ученый докторъ Арнольдъ Мейеръ, написавшій обширное сочиненіе по этому вопросу, подъ заглавіемъ *Jesu Muttersprache*, вполне соглашается съ мнѣніемъ мистриссъ Люисъ и приводитъ изъ Новаго Завѣта многія мѣста, смыслъ которыхъ, не являясь яснымъ въ греческомъ текстѣ, выясняется сравненіемъ съ спрійскою рукописью. Наконецъ, по свидѣтельству Евсевія, самое Евангеліе св. Матѣя было написано, въ первоначальной его формѣ, на арамейскомъ языкѣ. Что же касается до греческой гипотезы, то она поддерживается лишь предположеніемъ, что Евангелія св. Луки, Марка и Іоанна писаны погречески, и опровергается тѣмъ соображеніемъ, что простолюдныи Палестины, среди которыхъ распространялъ свою проповѣдь Іисусъ Христосъ, не поняли бы ни одного Его слова, еслибъ онъ говорилъ на чуждомъ для нихъ греческомъ языкѣ.

— Англійскій и французскій папы. Среди длиннаго ряда папъ встрѣчаются такіе, о которыхъ очень мало извѣстно, хотя они играли не меньшую роль въ исторіи, чѣмъ ихъ товарищи по престолу св. Петра. Къ такимъ почти невѣдомымъ римскимъ первосвященникамъ относится англичанинъ Адріанъ IV и французъ Іоаннъ XXII, но въ послѣднее время, при общей разработкѣ молодыми учеными европейской старины, наступила очередь и этимъ папамъ заслужить честь сдѣлаться героями біографическихъ трудовъ. О первомъ, хотя и единственномъ англичанинѣ, удостоенномъ тиары, до сихъ поръ не существовало подробнаго жизнеописанія, и тѣмъ болѣе имѣетъ интересъ только что вышедшая книга Альфреда Тарльтона, подъ заглавіемъ «Николасъ Брекспиръ: англичанинъ и папа»¹⁾, а второй пока еще удостоился только небольшого біографическаго очерка Шарля Русселя въ *Nouvelle Revue*: «Французскій папа»²⁾. Біографъ англійскаго папы вполне правъ, избравъ его своимъ героемъ, такъ какъ жизнь Николааса Брекспира была полна самыми романтичными перипетіями. Дѣйствительно, что въ средніе вѣка бѣдный англійскій юноша, безъ друзей и куска хлѣба, перебрался на континентъ и сравнительно въ молодыхъ

¹⁾ *Nicholas Breakspear (Adrian IV). Englishman and Pope.* By Alfred H. Tarleton. London. 1896.

²⁾ *Un Pape français.* par Ch. Baessel. *La Nouvelle Revue.* Octobre, 1896.

годахъ, т. е. 54 лѣтъ, достигъ папской тиары—явленіе настолько необыкновенное, что невольно возбуждаетъ интересъ. Достоверно неизвѣстно, когда именно родился Брексинръ, но полагаютъ, что около 1100 года, въ мѣстечкѣ Ланглеѣ, графства Гертсъ; отецъ его, бѣдный монахъ въ обители святаго Альбануса, просилъ настоятеля взять его сына въ монастырскую школу и сдѣлать изъ него ученаго; но юноша былъ признанъ братьей недостаточно способнымъ и развитымъ для подобной карьеры, а потому монахи отказались его учить. Тогда онъ бѣжалъ изъ обители, перебрался на континентъ и прошолъ всю Францію пѣшкомъ, прося милостыню. Въ Арлѣ онъ поступилъ слугой къ канонику обители святаго Руфа и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ такъ серьезно занимался своимъ самообразованиемъ, что въ концѣ концовъ сдѣлался настоятелемъ этого монастыря. Добившись такого высокаго положенія, онъ сталъ заводить въ своей обители самые строгіе порядки, и когда возникъ споръ между нимъ и нѣкоторыми монахами о духовной дисциплинѣ, то онъ апеллировалъ къ папѣ Евгенію III, который такъ оцѣнилъ его способности, что возвелъ его въ кардиналы и послалъ съ важнымъ порученіемъ въ Скандинавію. Спустя восемь лѣтъ, онъ самъ былъ избранъ въ папы, подъ именемъ Адріана IV. Тогда времена были бурныя. Происходилъ второй крестовый походъ; Фридрихъ Барбаросса воевалъ въ Италіи, Арнольфъ изъ Брешии возбудилъ республиканское движеніе. Нормандскіе короли упорно противодѣйствовали притязаніямъ папской власти, а Абельяръ и другіе ученые вели могучую интеллектуальную агитацію. Англійскій папа оказался вполне способнымъ кормчимъ и ловко проводилъ челнъ святаго Петра по бурнымъ волнамъ: съ большой твердостью и умѣньемъ поддерживалъ права римской церкви, какъ ихъ опредѣлилъ Григорій VII, и послѣ продолжительной борьбы передалъ своему преемнику папство въ прежнемъ его могуществѣ. Въ своихъ отношеніяхъ къ Англій онъ не забывалъ, что она была его отечествомъ и, къ вѣчному несчастію Ирландіи, издалъ знаменитую буллу, которой санкціонировалъ завоеваніе Ирландіи Геприхомъ II. Совершенно иного рода были его отношенія къ обители святаго Альбануса: когда настоятель этого монастыря прибылъ въ Римъ съ цѣлью испросить для своей братіи какія-то привилегіи и привезъ папѣ богатые подарки, то Адрианъ IV торжественно сказалъ: «я не могу принять вашихъ даровъ, потому, что когда я просилъ прибѣжища въ вашей обители, то вы мнѣ въ этомъ отказали». На это хитрый настоятель ловко отвѣчалъ: «мы не могли васъ принять въ свою обитель, такъ какъ вы тогда остались бы на всю жизнь простымъ монахомъ, а Богу угодно было избрать васъ въ наслѣдники святаго Петра». Папа былъ такъ тронутъ этими словами, что даровалъ аббатству самыя широкія привилегіи, которыми когда либо пользовался какойнибудь монастырь.

Французскій папа Іоаннъ XXII далеко не представляетъ ни своею жизнью, ни своей дѣятельностью, въ качествѣ намѣстника Христа, того интереса, который невольно внушаетъ его англійскій предшественникъ. Избранный въ папы въ Лионѣ въ 1316 году, Жанъ изъ Кагора, какъ его называли враги, основалъ свое мѣстопробываніе въ Авиньонѣ и впродолженіе своего двадцативосьмилѣтняго папства перенесъ много тяжелыхъ испытаній. Съ самаго

начала великій Данте, въ пламенныхъ стихахъ, проклиналъ его, какъ лютаго волка, подъ личиною пастыря, проложившаго себѣ дорогу на богатое пастбище; потомъ Людвигъ Баварскій, овладѣвъ Римомъ и короновавъ себя императорскою короною, призналъ Жана изъ Кагора, именующаго себя Иоанномъ XXII, какъ бы умершимъ и на собранномъ конклавѣ приказалъ выбрать новаго папу. Итальянскіе прелаты, косо смотрѣвшіе на своего французскаго главу, съ удовольствіемъ лишили его тиары и выбрали его преемникомъ Пьера Ренуціо, знаменитаго въ то время проповѣдника въ Римѣ, подъ именемъ Николая V. Въ исторіи онъ извѣстенъ подъ названіемъ анти-папы, и какъ одинъ, такъ и другой взаимно предавали анаемъ другъ друга. Николай отмѣнялъ всѣ декреты Иоанна и запрещалъ называть его папою, а Иоаннъ, не смотря на свои 80 лѣтъ, старался возбудить въ Италиі патриотическое движеніе противъ нѣмецкихъ властителей. Въ концѣ концовъ это ему удалось, и король неаполитанскій, всегда благоволившій Иоанну, вставъ во главѣ національнаго подъема страны, обратилъ въ бѣгство императора вмѣстѣ съ анти-папою, который отправился въ Авиньонъ, покаялся въ своихъ грѣхахъ передъ Иоанномъ и былъ имъ милостиво прощенъ. Съ тѣхъ поръ французскому папѣ повезло, и хотя, благодаря его дѣятельности противъ нѣмцевъ, онъ потерялъ навсегда для папства Германію, но за то снова приобрѣлъ для него Италію, гдѣ онъ настолько былъ популяренъ въ концѣ своего царствованія, что знатнѣйшія лица этой страны настоятельно требовали возвращенія папскаго престола въ Римъ. Но престарѣлый Иоаннъ не рѣшался подвергнуть какъ тиару, такъ и свою личность опасностямъ, грозившимъ ему вдали отъ его родины, и даже говорятъ, что онъ имѣлъ намѣреніе перенести папскій престолъ изъ Авиньона въ свой родной городъ Кагоръ, гдѣ для этой цѣли выстроилъ громадный замокъ. Однако, чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ итальянскимъ сторонникамъ, онъ обѣщалъ посѣтить Болонію, но во время приготовления къ этому путешествію получилъ извѣстіе, что болонцы прогнали его легата, и такъ изволовался, что заболѣлъ и умеръ 2-го декабря 1334 года, на девяносто первомъ году своей жизни.

— Опроверженіе легенды о Фридрихѣ Барбароссѣ. Недавно германскій императоръ Вильгельмъ II открылъ съ пышнымъ торжествомъ колоссальный памятникъ на Кифгейзерской горѣ, въ честь своего дѣда Фридриха Барбароссы, который согласно народной легендѣ стоитъ съ своими рыцарями подъ этой вершиной до той минуты, когда онъ со всей своей свитой возстанетъ для возвращенія своей родинѣ славы и могущества. Первый изъ нихъ изображенъ на конѣ, а послѣдній только что просыпающимся на тронѣ въ царственной мантии и коронѣ, среди еще спящихъ многочисленныхъ придворныхъ, карликовъ, лошадей и собакъ. Конечно, императоръ по обыкновенію въ цвѣтистой рѣчи воскресилъ легенду, воспѣтую Рюкертомъ, а добродушные нѣмцы заплатили за скульптурное воплощеніе своего патриотическаго торжества 1,300,000 марокъ. Но теперь возбужденъ вопросъ, дѣйствительно ли народный рассказъ о героѣ, спящемъ подъ Кифгейзеромъ и долженствующемъ возвратить Германіи золотой вѣкъ, относился первоначально къ Фридриху I, прозванному Барбароссой, или Красной Бородой, и почтенный публицистъ, герой событій 1848 г.,

Карль Блиндъ отвѣчаетъ на страницахъ «Nineteenth Century Review» ¹⁾ положительнымъ «нѣтъ». Безспорными историческими справками онъ доказываетъ, что недавно открытый монументъ и самый мифъ о Барбароссѣ основаны на очевидной ошибкѣ. По его словамъ, новѣйшія изслѣдованія старинной германской литературы и народнаго эпоса, начатыя послѣ франко-прусской войны, совершенно ясно доказываютъ, что народная легенда относится не къ Фридриху I, котораго итальянцы называли за его борьбу съ Ломбардской лигой свободныхъ городовъ и выдачу Арнольда Бременскаго папѣ для сожженія за ересь и мятежь ужаснымъ императоромъ, а къ его не менѣе знаменитому внуку, Фридриху II, либеральному государю, просвѣщенному противнику папѣ, отъ котораго народъ ожидалъ реформы католической церкви и уничтоженія монаховъ. Когда онъ неожиданно умеръ въ 1250 г. въ Италіи, то нѣмцы не хотѣли вѣрить его смерти, тѣмъ болѣе, что за годъ передъ тѣмъ онъ съ трудомъ оправился отъ отравы и, по словамъ одной старинной нѣмецкой хроники, «никто не зналъ, куда онъ исчезъ». Такъ упорно вкоренилось въ народѣ сомнѣніе въ его смерти, что во второй половинѣ XIII столѣтія появлялось нѣсколько лже-Фридриховъ, которымъ удавалось собирать значительное число сторонниковъ; одинъ изъ нихъ, Тиль Колушъ, окружилъ себя чѣмъ-то въ родѣ двора и держался два года, но былъ въ концѣ концовъ схваченъ и сожженъ въ Вокуларѣ. Въ народѣ однако стали рассказывать, что въ кострѣ напласъ только одна маленькая косточка, и сложилась новая легенда о томъ, что императоръ не умеръ, а явится для уничтоженія ненавистнаго народу католическаго духовенства. Поэтому неудивительно, что одинъ изъ миннезингеровъ, Баргель Регенбогенъ, по ремеслу купецъ и высказывавшій въ произведеніяхъ своей музы демократическія чувства, предсказываетъ въ своемъ «Пророчествѣ будущаго», что наступитъ великая борьба между двумя главами христіанства, но явится великій и добрый императоръ Фридрихъ, повѣситъ свой щитъ на высохшее дерево, и оно снова зацвѣтетъ, а міръ возстановится, причемъ императоръ положитъ конецъ господству паперовъ, монастыри будутъ уничтожены, и монахины выйдутъ замужъ. Подобное пророчество не могло ни въ какомъ случаѣ относиться къ Барбароссѣ, а вполне подходило къ Фридриху II, который сочувствовалъ языческимъ мыслителямъ, велъ перениску о философскихъ вопросахъ съ египетскимъ султаномъ, называлъ папу «грязнымъ попомъ», «рыкающимъ львомъ» и «чудищемъ ада». Этотъ выборный императоръ Германіи за шестьсотъ лѣтъ тому назадъ былъ очень образованный человекъ и поэтъ, сочинявшій итальянскіе романсы, изъ которыхъ одинъ «Di dolar mirouviene cantare» дошелъ до насъ. а его остроуміе было такъ извѣстно, что ему приписывали много изреченій либеральнаго характера, въ томъ числѣ прямо атеистическихъ, отъ которыхъ онъ публично отказывался. Но во всякомъ случаѣ папа Григорій IX не много ошибался, утверждая, что Фридрихъ II говорилъ: «не вѣрьте ничему, кромѣ того, что можно доказать силой ума и на основаніи законовъ природы». Этотъ замѣчательно способный Гогенштауфенъ, знавшій прекрасно, кромѣ нѣмецкаго языка, еще итальян-

¹⁾ A mistaken imperial celebration. by Karl Blind. Nineteenth Century. December. 1896.

скій, французскій, арабскій, латинскій и греческій, занимался съ особой любовью естественными науками. Такого-то просвѣщеннаго правителя и заклятаго врага католической церкви германскій народъ избралъ въ свои народныя герои и въ-ками ждалъ его пробужденія отъ сна подъ Кифгейзеромъ для возстановленія на родинѣ золотого вѣка. Въ началѣ четырнадцатаго вѣка впервые упоминается объ этой Тюрингенской горѣ, какъ мѣстопробываніи «императора Фридриха», что объяснялось находженіемъ въ сосѣдствѣ замка, въ которомъ часто жилали императоры Швабскаго дома. До середины XVI столѣтія такъ живо сохранилась память о Фридрихѣ II, какъ будущемъ реформаторѣ католической церкви, что Лютеръ видѣлъ осуществленіе этого пророчества въ лицѣ саксонскаго государя, Фридриха Мудраго, который поддерживалъ священное писаніе, былъ викаріемъ имперіи и могъ бы сдѣлаться императоромъ, еслибъ принялъ предложенную ему корону. Спустя четверть вѣка появился въ развалинахъ Кифгейзерскаго замка невѣдомый старикъ, который выдавалъ себя за воскресшаго Фридриха; но потомъ оказался сумасшедшимъ портнымъ. Только въ концѣ XVII вѣка впервые начали упоминать имя Барбароссы въ отношеніи Кифгейзерской легенды, именно Преторій 1680 г. говоритъ о рыжебородомъ героѣ, дремлящемъ въ подземномъ замкѣ Тюрингенской горы. Затѣмъ еще одинъ собиратель народныхъ легендъ повторяетъ то же въ первыхъ годахъ XVIII вѣка, и, вѣроятно, это смѣшеніе дѣда съ внукомъ, хотя все еще упоминается о добромъ императорѣ, другѣ народа, чего, конечно, нельзя было сказать о Барбароссѣ, произошло отъ того, что собственно мнѣ о героѣ, спавшемъ подъ Кифгейзеромъ, въ сущности древняго языческаго происхожденія и, вѣроятно, относился къ рыжебородому богу грома первобытныхъ германцевъ. Поэтому нетрудно было народному уму съ теченіемъ времени, особенно въ виду того, что память о Фридрихѣ II, какъ предполагаемомъ реформаторѣ католической церкви, ступала дѣйствительнымъ появленіемъ подобнаго реформатора въ лицѣ Лютера, смѣшать представленія о внукѣ и дѣдѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдній имѣлъ рыжую бороду, какъ древнѣйшій герой легенды. Но во всякомъ случаѣ въ этомъ измѣненномъ видѣ Кифгейзерская легенда имѣла уже только мѣстный, а не національный характеръ до начала нынѣшняго столѣтія, когда Рюкертъ придалъ ей патріотическій характеръ. Съ тѣхъ поръ вся Германія вѣрила, что мифическій герой Кифгейзера былъ Барбаросса, и только новѣйшимъ научнымъ изслѣдованіямъ удалось доказать всю ошибочность этой легенды.

— Женщина-пэръ Франціи, въ XVII вѣкѣ. Въ *Revue Encyclopedique* отъ 28 ноября, помѣщена, хотя маленькая, но очень любопытная статейка, съ приложеніемъ подлиннаго документа, найденнаго въ парижскихъ архивахъ, о мало известной до сихъ поръ женщинѣ-пэрѣ Франціи, при Людовикѣ XIII ¹⁾. Авторъ статейки, г-жа Винцентъ, рассказываетъ, что 1 января 1638 года племянница всемогущаго Ришелье, Марія-Маделена де-Виньеродъ, владѣлица Комбале, а потому обыкновенно называемая современниками госпожей Комбале, поѣхала ко двору въ Сентъ-Жерменъ, и король неожиданно поздравилъ ее гер-

¹⁾ Une femme pair de France, par m-me V. Vincent. *Revue Encyclopedique*, 28 novembre 1896.

погинеи Эгвильонъ по имени значительнаго помѣстья, купленнаго для нея дядей, а вмѣстѣ съ тѣмъ царемъ Франціи. Подписанный патентъ, зарегистрированный парижскимъ парламентомъ 19 мая того же года, буквально говоритъ: «по симъ причинамъ и согласно мнѣнію, высказанному принцами нашей крови, мы возводимъ, въ пользу означенной дамы, ея помѣстье Эгвильонъ въ герцогство и даруемъ ей титулъ пэра Франціи съ нисходящими ея потомками, какъ мужскими, такъ и женскими, согласно ея выбору». Новый пэръ Франціи практически доказалъ свою полную способность энергично поддержать дарованное ей высокое положеніе, и когда въ 1658 году распространилась вѣсть объ осадѣ Дюнкирхена, то герцогиня Эгвильонъ отправилась въ Гавръ и, по разрѣшенію короля, уже Людовика XIV, приняла главное начальство надъ защитой угрожаемыхъ опасностью береговъ Франціи. Тамъ она лично наблюдала изо дня въ день за увеличеніемъ городскихъ укрѣпленій и не знала ни минуты отдыха, пока не собрала въ цитадели достаточное количество военныхъ припасовъ для ея защиты. Вмѣстѣ съ тѣмъ она заботилась и о снабженіи вѣсѣмъ необходимымъ окрестныхъ городовъ въ случаѣ войны, и до сихъ поръ существуетъ предписаніе Людовика XIV, отъ 4 іюня того же года, на ея имя, о немедленной высылкѣ въ Дюнкирхенъ пяти тысячъ ядеръ, что герцогиней исполнено мгновенно. Приводя эти любопытныя черты изъ жизни оригинальной аристократки XVI вѣка, никогда не слыхавшей о правахъ женщинъ, а на дѣлѣ доказавшей равноправность своего пола, госпожа Винцентъ указываетъ, что, роясь въ архивной пыли, можно найти не одинъ подобный примѣръ страннаго и, повидимому, невѣроятнаго явленія, именно того, что въ доброе старое время, при всемъ гнетѣ привилегированныхъ сословій, женщина если не всегда, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пользовалась лучшимъ положеніемъ, въ смыслѣ общественномъ и гражданскомъ, чѣмъ въ нашу прославленную эпоху.

— Людовикъ XIII, какъ первый газетный корреспондентъ. Уже давно было извѣстно, что Людовикъ XIII былъ сотрудникомъ первой французской газеты, издававшейся въ Парижѣ извѣстнымъ Ренодо подъ покровительствомъ Ришелье, но только недавно найдены въ Парижской національной библиотекѣ подлинники статей короля, и Луи Батифоль излагаетъ ихъ содержаніе во второй декабрьской книжкѣ «Revue de Paris»¹⁾. Всѣхъ статей тридцать двѣ, и онѣ относятся къ 1633, 1634, 1636 и 1642 годамъ; онѣ писаны собственной рукой Людовика, но, прежде чѣмъ поступать въ типографію, переписывались однимъ изъ секретарей королевскаго кабинета, Люка, который исправлялъ ихъ очевидную безграмотность, затѣмъ просматривались самимъ Ришелье, который исправлялъ содержаніе, добавлялись нѣкоторыя подробности самимъ королеваннымъ авторомъ, никогда не протестовавшимъ противъ сдѣланныхъ измѣненій въ его оригиналѣ, и наконецъ снова переписывались тѣмъ же Люка. Подлинники сохранялись королемъ въ маленькой шкатулкѣ, которая никогда его не покидала. Послѣ его смерти эти документы перешли къ Люка, или онъ самовольно присвоилъ ихъ во время суматохи, всегда сопровождающей смерть государя. Какъ бы то ни было, онъ сдѣлался ихъ владѣльцемъ, подарилъ

¹⁾ Louis XIII journaliste, par Louis Batifol. Revue de Paris. 15 decembre, 1896.

или вѣроятно продалъ ихъ графу Филиппу Бетюну, страстному собирателю историческихъ документовъ. Этотъ послѣдній привелъ ихъ въ порядокъ и переплелъ въ красный сафьянъ; этотъ красивый in — folio въ сто сорокъ двѣ страницы перешелъ потомъ къ его сыну, который поднесъ его Людовику XIV. Такимъ образомъ эта любопытная рукопись вернулась въ королевскую бібліотеку, въ которой и находится до настоящаго времени. Неизвѣстно, знали ли Теофрастъ Ренодо, что въ числѣ его сотрудниковъ находился король, но во всякомъ случаѣ онъ придавалъ его статьямъ большое значеніе и, на примѣръ, рассказъ объ осадѣ Корби онъ напечаталъ въ спеціальному номерѣ крупными буквами. Что касается до содержанія этихъ королевскихъ статей, оказывается, что Людовикъ XIII не писалъ то, что называется теперь передовицами, и не пускался въ теоретическія разсужденія, а довольствовался тѣмъ, что былъ первымъ газетнымъ репортеромъ или еще скорѣе первымъ газетнымъ корреспондентомъ. Такъ какъ, испробовавъ свои силы въ изложеніи политическихъ событій, онъ, вѣроятно, убѣдился, что роль публициста ему непригодна, а потому перешелъ къ простому изложенію военныхъ событій. При этомъ если онъ самъ не былъ очевидцемъ тѣхъ событій, которыя описываетъ, то основывалъ свой рассказъ на полученныхъ имъ достовѣрныхъ реляціяхъ. Вообще каждая его статья отличается простой официальной передачей фактовъ, не освѣщенныхъ никакими взглядами. Тщетно искать въ этихъ произведеніяхъ какую либо черту, объясняющую темную, мало извѣстную фигуру этого слабохарактернаго короля, слѣпо повиновавшагося своему могущественному министру. Онъ былъ только газетнымъ репортеромъ и военнымъ корреспондентомъ въ полномъ смыслѣ этихъ словъ, не прибавляя ничего отъ себя къ излагаемымъ голымъ фактамъ. Если же невольно является вопросъ, почему вздумалъ французскій король сдѣлаться репортеромъ и корреспондентомъ за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ до развитія этихъ типовъ въ теперешнемъ ихъ видѣ, то можно только объяснить этотъ, повидимому, непонятный фактъ тѣмъ, что Людовикъ XIII, хотя человекъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже посредственности, любилъ чѣмъ нибудь заниматься и, кромѣ того, питалъ слабость къ мелочнымъ подробностямъ во всякомъ предметѣ. Поэтому можно смѣло предположить, что онъ писалъ журнальныя статьи для того, чтобъ занять свое свободное время и съ цѣлью сообщать «народамъ», какъ говорилось въ ту эпоху, разныя подробности происшедшихъ событій. Приводимое Батифодемъ письмо царственнаго газетнаго корреспондента о свиданіи Ришелье съ герцогомъ Лотарингскимъ въ Шармѣ лучше всего знакомитъ воочию съ его манерой и стилемъ, тѣмъ болѣе, что оно было напечатано въ газетѣ Ренодо почти безъ поправокъ. Прежде всего насъ поражаетъ наивный, даже дѣтскій тонъ разсказа, а потомъ нельзя не признать, что каждая строчка дышитъ честно и добросовѣстно высказанной правдой. Еще слѣдуетъ отмѣтить скромный характеръ всего, что онъ говоритъ о себѣ, какъ будто, по справедливому замѣчанію Батифоля, «не ему была подчинена королевская власть, а онъ подчиненъ королевской власти и состоитъ первымъ ея слугой».

— Англійскій дѣятель французской революціи. За послѣднее время сдѣлано столько открытій въ исторіи французской революціи, что почти

ежедневно обнаруживаются новыя свѣдѣнія объ извѣстныхъ личностяхъ, или о невѣдомыхъ доселѣ скромныхъ герояхъ, характеризующихъ, быть можетъ, данную эпоху рельефнѣе знаменитыхъ людей. Такъ въ номерѣ «Revue Encyclopedique» отъ 21-го ноября Андрэ Лихтенбергеръ¹⁾ рисуетъ портретъ очень любопытной и врядь ли кому извѣстной фигуры, англичанина Джона Освальда, принимавшаго личное участіе въ первыхъ актахъ французской революціи и убитаго въ рядахъ республиканской арміи во время вандейскаго возстанія. Онъ родился въ Единбургѣ между 1755 и 1760 гг., такъ какъ вѣрный годъ его рожденія неизвѣстенъ. Родители его держали маленькую кофейню, а онъ самъ началъ жизнь ученикомъ у ювелира, но, получивъ небольшое наслѣдство, купилъ, какъ дѣлалось въ то время, офицерскій патентъ и отправился съ своимъ пѣхотнымъ полкомъ въ Сѣверную Америку, гдѣ тогда происходила борьба за освобожденіе англійскихъ колоній отъ метрополіи. Дослужившись до чина поручика, Освальдъ въ 1780 году, вмѣстѣ съ своимъ полкомъ, перешелъ въ восточную Индію. Во время морского перехода онъ, по недостатку средствъ, не имѣлъ возможности участвовать въ общемъ офицерскомъ столѣ, а долженъ былъ питаться солдатскимъ кушаньемъ, а когда одинъ изъ товарищей сталъ издѣваться надъ нимъ по этому случаю, то онъ вызвалъ его на дуэль, которая состоялась на палубѣ корабля, но не имѣла трагическихъ послѣдствій. Въ Индіи онъ оставался недолго и, послѣ малабарской кампаніи, подалъ въ отставку, продавъ свой офицерскій патентъ. Впослѣдствіи его враги увѣряли, что онъ сдѣлалъ это по трусости, но подобное предположеніе вполне опровергается какъ тѣмъ фактомъ, что полковой командиръ оставался съ нимъ всю жизнь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, а также его подвигами и смертью на полѣ брани во Франціи. Гораздо правдоподобнѣе объясняютъ его отставку друзья: по ихъ словамъ, онъ былъ побужденъ покинуть военную службу отчасти по своей бѣдности, а главнымъ образомъ, потому что, благодаря своимъ крайнимъ политическимъ убѣжденіямъ, онъ не могъ помириться съ тѣмъ несчастнымъ положеніемъ, въ которомъ англійское правительство держало тогда индусовъ. Какъ бы то ни было, онъ вышелъ изъ полка, но, прежде чѣмъ окончательно покинуть востокъ, онъ основательно изучилъ браминскую вѣру и совершилъ цѣлый рядъ путешествій среди невѣдомыхъ племенъ; между прочимъ онъ пробылъ нѣкоторое время у курдовъ и туркменъ. Въ 1784 году онъ вернулся въ Англію, женился и предался всецѣло литературѣ. По словамъ очевидцевъ, это былъ человекъ средняго роста, статный, съ красивымъ, благороднымъ лицомъ и приличными манерами. Одѣвался онъ по-своему, не подражая модѣ, и не носилъ ни парика, ни галстука. Но какъ оригинальна ни была его внѣшность, во внутреннимъ своимъ качествамъ онъ представлялъ еще болѣе своеобразную личность: зная французскій, итальянскій, испанскій, португальскій, латинскій, греческій и арабскій языки, онъ удивлялъ всѣхъ своими смѣлыми идеями, которыя онъ распространялъ съ пламеннымъ энтузіазмомъ, а потому, несмотря на его доброту и любезность, тогдашнее англійское общество отворачивалось отъ него съ презрѣніемъ. Онъ казался оригиналомъ во всемъ: какъ своей любовью къ животнымъ

²⁾ John Oswald, par André Lichtenberger. Revue Encyclopedique, 21 novembre.

и вегетарианствомъ, такъ и своимъ демократическими и атеистическими идеями. Естественно, что такому человѣку, открыто выражавшему, и на словахъ и въ печати, свои крайнія убѣжденія, не легко жилось въ Англии XVIII вѣка, поэтому, какъ-только вспыхнула французская революція, онъ отправился во Францію, сталъ называть себя англо-французомъ и принялъ самое горячее участіе въ тогдашнихъ событіяхъ. Его приняли въ якобинскій клубъ, Бонневиль былъ его другомъ, Бриссо добился для него права гражданства, и онъ находился въ числѣ четырнадцати основателей журнала *Спѣсикъ du Mois*, хотя не видно, чтобы онъ писалъ тамъ статьи. Онъ много разъ говорилъ въ якобинскомъ клубѣ и совѣтовалъ французамъ войти въ сношенія съ патриотическими обществами Англии, а когда Робеспьеръ однажды упрекнулъ его за близкія отношенія къ Бриссо, пользовавшемуся дурной репутаціей, то онъ гордо отвѣчалъ: «я не хочу отвѣчать на высказанныя господиномъ Робеспьеромъ подозрѣнія относительно меня, также какъ на оскорбительные намеки другихъ членовъ; я считаю себя гораздо выше ихъ». Онъ выражалъ всегда самыя крайнія мнѣнія, и сохранился остроумный отвѣтъ другого иностраннаго дѣятеля французской революціи американца, Томаса Пэна, на его рѣчь, требовавшую огульнаго избіенія всѣхъ подозрительныхъ лицъ, съ цѣлью избѣжать междоусобной войны: «вы такъ давно не ѣли мяса, что естественно жаждете крови». Какъ мало Освальдъ былъ въ сущности кровожаденъ, доказываютъ расклеенныя имъ собственноручно въ мартѣ 1792 г. на домахъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья афиши, требовавшія уничтоженія постоянной арміи. Его гражданскія и военныя доблести были такъ хорошо извѣстны парижанамъ, что ему поручена была команда надъ отрядомъ гражданъ, вооруженныхъ пиками, а когда началось вандейское возстаніе, его выбрали командиромъ одного изъ парижскихъ баталіоновъ, посланныхъ въ Вандею. Онъ самъ организовалъ этотъ отрядъ и очень сожалѣлъ, что не могъ вооружить его исключительно пиками, такъ какъ питалъ особую слабость къ этого рода оружію. Его военные подвиги, однако, продолжались недолго, и въ 1793 году онъ былъ убитъ вандейскимъ ядромъ; рядомъ съ нимъ пали его два юныхъ сына, которыхъ онъ выписалъ изъ Англии и опредѣлилъ барабанщиками въ свой отрядъ. Несмотря на то, что онъ умеръ 33 или 35 лѣтъ отъ роду, Джонъ Освальдъ оставилъ по себѣ слѣдъ не только своей политической дѣятельностью, но и литературными произведеніями, въ которыхъ онъ выражалъ радикальныя и даже социалистическія идеи, такъ что Лихтенберггеръ называетъ его однимъ изъ предтечъ современныхъ англійскихъ социалистовъ. Вначалѣ онъ былъ поэтомъ и, подъ псевдонимомъ Сильвестра Отвея, помѣщалъ въ англійскихъ журналахъ поэмы и оды, въ которыхъ большею частью воспѣвается платоническая любовь. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ цѣнились современниками его стихи, служитъ тотъ фактъ, что знаменитый Робертъ Борнсъ, посылая одно изъ первыхъ своихъ стихотвореній редактору журнала, гдѣ помѣщались свои произведенія и Освальдъ, просилъ извиненія, что осмѣливается претендовать на честь помѣстить свои стихи тамъ, гдѣ свѣтитъ геній Сильвестра Отвея. Прозаическія его сочиненія были многочисленны. Онъ основалъ газету «Британскій Меркурій», напечаталъ остроумный трактатъ противъ методистовъ, подъ заглавіемъ: *Ranae comicae melancholizantes*; въ

1791 году онъ издалъ «Крикъ природы, или воззваніе къ справедливости и сожалѣнію въ пользу бѣдныхъ животныхъ», и въ томъ же году написалъ по-французски народную тактику или новый принципъ, по которому народъ можетъ самъ защищать себя безъ помощи опасныхъ регулярныхъ войскъ. Но, главнымъ образомъ, онъ былъ извѣстенъ политическими памфлетами, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣли два, написанные поанглійски, но потомъ переведенные пофранцузски: «Обозрѣніе англійской конституціи» и «Народное управленіе, или очеркъ конституціи для всеобщей республики». Въ этихъ-то двухъ политическихъ памфлетахъ Освальдъ и выражаетъ тѣ идеи, которыя даютъ право считать его однимъ изъ предшественниковъ современныхъ социалистовъ. Въ «Обозрѣніи англійской конституціи» онъ прямо говоритъ, что нелѣпо давать избирательныя права только собственникамъ, какъ будто право на трудъ рабочихъ не такъ же свято, какъ право собственности богатыхъ. Онъ проклинаетъ тѣхъ немногихъ, которые подѣлили между собою всю землю, словно она не общее достояніе по закону природы. Бѣдные люди въ Англии, по его словамъ, ведутъ болѣе несчастную жизнь, чѣмъ невольники въ Индіи. Онъ саркастически отзывается о защитѣ привилегированной собственности знаменитымъ Боркомъ, «такъ какъ, говоритъ онъ, настоящая собственность есть то, что человекъ дѣлаетъ своимъ, запечатлѣвая его потомъ своего труда или своимъ гениемъ; всякая же другая собственность несправедлива, а монополисты не собственники, въ истинномъ значеніи этого слова, а просто воры». Въ концѣ концовъ Освальдъ требовалъ пересмотра англійской конституціи, къ смыслѣ справедливости во всемъ и каждому. Въ народномъ управленіи онъ, подъ влияніемъ французской революціи, шелъ еще дальше: онъ предлагаетъ ввести повсюду систему *referendum*, т. е. управленіе народа народомъ и для народа. Въ концѣ этого любопытнаго памфлета онъ восклицаетъ: «будемъ надѣяться, что коллективная мудрость людей наконецъ порветъ всѣ узы, установитъ общинное владѣніе землей и право для всѣхъ пользоваться плодами своихъ трудовъ; тогда только наступитъ золотой вѣкъ, и надежда на то, что наши дѣти увидятъ этотъ золотой вѣкъ, наполняетъ радостью мое сердце среди окружающаго меня растлѣннаго общества».

— Романтичныя нѣмки начала XIX столѣтія. Романтизмъ во Франціи былъ литературной школой или модой, но въ Германіи это былъ религиозный культъ, однимъ изъ непремѣнныхъ условій котораго было полное подчиненіе женщины избранному ею идеальному мужчине. Романтичныя нѣмки въ началѣ нашего столѣтія поклонялись гениямъ и, не претендуя сами на интеллектуальное превосходство, считали возможнымъ порождать гевій въ мужчине своею любовью. Любяція и любимыя созданія, онѣ ставили цѣлью всей своей жизни помогать своимъ избранникамъ въ созданіи гениальныхъ произведеній. Недавно нѣмецкій критикъ Людвигъ Гейгеръ вывелъ въ своей книгѣ «Писатели и женщины» ¹⁾ рядъ подобныхъ экзальтированныхъ, буржуазныхъ нѣмокъ, выставя на видъ всѣ ихъ добрыя качества, отзываясь

¹⁾ Dichter und Frauen. Vorträge und Abhandlungen, von Ludwig Geiger. Berlin. 1896.

съ сочувственной снисходительностью объ ихъ недостаткахъ. Уроженка Берлина, Доротея Мендельсонъ, дочь философа, представляетъ типъ такой романтической женщины, которая искала и нашла свой идеаль. Пятнадцати лѣтъ ее выдали замужъ безъ ея согласія за Симона Вейта, человѣка очень почтеннаго и богатаго негоціанта, но нимало не олицетворявшаго идеальныя стремленія жены. Вскорѣ она встрѣтила Фридриха Шлегеля, автора очень скандальнаго романа «Луцинда», и хотя человѣка высоко образованнаго, но тупого по природѣ и страннаго софиста не только въ литературѣ, но и въ жизни; Доротея сразу признала въ немъ свой идеаль и отдалась ему всецѣло. Она бросила мужа и дѣтей, жила въ продолженіе многихъ лѣтъ со своимъ лже-великимъ человѣкомъ и до самой смерти поклонялась ему, какъ кумиру, несмотря на то, что онъ ничѣмъ не доказалъ признаваемаго въ немъ обожающей его женщиной гевія и вель себя относительно ея и мужа самымъ страннымъ, чтобы не сказать болѣе, образомъ, именно пользовался, безъ зазрѣнія совѣсти, тѣми финансовыми средствами, которыя постоянно отпускала мужъ Доротей своей бѣглянкѣ жевѣ. Напротивъ Иоанна Мотерби всю свою жизнь искала и не нашла идеала. Дочь простаго прускаго работника, Иоанна Шарлотта Тильгеймъ, вышла замужъ за англійскаго доктора Вильяма Мотерби, и въ сущности она могла быть совершенно счастливою, такъ какъ мужъ ее любилъ и давалъ ей средства завести въ Кенигсбергѣ блестящій салонъ. Но, несмотря на свою уродливую, она отличалась легкомысленной фантазіей и неудержимымъ стремленіемъ къ постоянно уклонявшемуся отъ нея призраку любви. Прежде всего ея выборъ остановился на Вильгельмѣ Гумбольдтѣ. Она не поняла, что предметъ ея культа хотя и былъ извѣстнымъ мыслителемъ, филологомъ и дипломатомъ, но, какъ человѣкъ, отличался леденящей холодною и могъ только снисходительно дозволить, чтобы его обожали, а не платить взаимностью. Напечатанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ переписка его съ Иоанной вполне доказываетъ, какія странныя отношенія существовали между этимъ холоднымъ олимпійскимъ божкомъ и его пламенной поклонницей. Наконецъ ей надоѣло постоянно смиряться передъ его гордостью, не получая взаимнъ ничего, и она снова стала искать идеала. Вторымъ ея кумиромъ былъ публицистъ поэтъ Маврикій Арндтъ, но и тотъ былъ себѣ на умѣ и хотя представлялъ контрастъ съ Гумбольдтомъ, выражая въ письмахъ самую пламенную любовь къ своей маленькой, радужной птичкѣ, какъ онъ ее называлъ, но когда у него умерла жена, и птичка стала выражать желаніе занять ея мѣсто, то онъ объявилъ, что предпочитаетъ мечты дѣйствительности, не смотря на то, что въ письмахъ распространялся о томъ, «съ какою радостью онъ осыпалъ бы свою птичку тысячь поцѣлуями не только въ продолженіе двухъ часовъ, но и цѣлой ночи». Дѣлать было нечего, птичка вторично стала искать недосягаемаго идеала. Наконецъ, нашелся докторъ Фридрихъ Диффенбахъ, профессоръ Берлинскаго университета, моложе ея на десять лѣтъ, въ которомъ она въ третій разъ нашла свой идеаль. Она развелась съ своимъ англійскимъ докторомъ и вышла за нѣмецкаго, но ея брачная жизнь была самая несчастная: она постоянно ревновала своего молодого мужа, и кончилось тѣмъ, что развелась съ нимъ, а свою долговременную неудачную жизнь окончила самымъ недостой-

нымъ образомъ среди юношей, которыхъ, по словамъ ея снисходительнаго біографа, она учила музыкѣ. Рядомъ съ письмами Гумбольдта и Арндта къ радужной птичкѣ можно поставить «Переписку одного нѣмецкаго принца съ одной молодой художницей», которая представляетъ еще любопытную страницу изъ исторіи нѣмецкаго романтизма. Этотъ принцъ былъ герцогъ Августъ Саксен-Готскій, большой поклонникъ Наполеона и горячій любитель искусства, а артистка—Тереза Винкель, хотя не красивая, но талантливая, молодая дѣвушка, прекрасно игравшая на арфѣ, занимавшаяся живописью и писавшая стихи. Герцогъ влюбился въ нее, и между ними завязалась отношенія, по словамъ Гейгера, самыя платоническія. Пять лѣтъ писали они другъ другу самыя нѣжныя романтическія письма, въ которыхъ онъ называлъ ее «своей прелестной сестрой Эмилией», а она награждала его титуломъ «мой милый Эмили». Но съ теченіемъ времени ему надоѣло витанье въ небесахъ, да еще съ некрасивымъ существомъ, и онъ сталъ примѣшивать, въ своихъ письмахъ, къ обычнымъ любезностямъ саркастическія замѣчанія, а потомъ совершенно прекратилъ переписку. Тереза перенесла этотъ ударъ съ большимъ достоинствомъ и осталась вѣрной своей платонической любви до самой смерти въ 1867 году, когда ей было 83 года. Романтическія сѣтованія сѣдой старухи на неблагодарность принцевъ, однако, отличались такимъ комизмомъ, что возбуждали общій смѣхъ. Болѣе интереса возбуждаетъ къ себѣ несчастная Шарлотта Штиглицъ. Красивая, граціозная, съ пылкимъ сердцемъ, она еще молодой вышла замужъ за Генриха Штиглица, изучавшаго филологію въ Геттингенскомъ университетѣ и считавшаго себя почему-то поэтомъ. Для нея онъ былъ великимъ гениемъ, и она впродолженіе шести лѣтъ благоговѣла передъ нимъ и переносила всѣ непріятности бѣдной жизни, которую они вели въ Берлинѣ. Наконецъ она убѣдилась, что никакой любовью не раздуть пламени въ сухомъ, черствомъ сердцѣ и болѣзненнымъ тѣлѣ ея мужа, который, по словамъ Гейгера, былъ рѣшительно ни на что не способенъ, и покончила съ собою самымъ трагическимъ образомъ: она послала своего мужа въ концертъ, а сама, запершись въ комнатѣ, пронзила себѣ сердце кинжаломъ. Таковы были выдающіяся представительницы нѣмецкаго романтизма, и, конечно, совершенно правъ критикъ *Revue des deux Mondes*, говоря, что если бы на послѣднемъ женскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ предложено было современнымъ передовымъ нѣмецкимъ женщинамъ высказать свое мнѣніе о предшественницахъ, то онѣ единогласно признали бы ихъ пенхонатками.

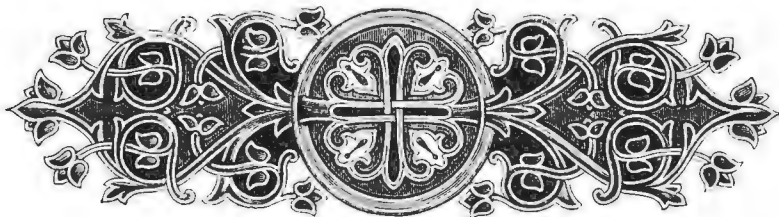
— Письма Виктора Гюго. Наконецъ появился первый томъ давно ожидаемыхъ писемъ автора «*Misérables*» ¹⁾; онъ охватываетъ эпоху отъ 1815 до 1835 г., и вскорѣ за нимъ послѣдуетъ второй, относящійся до 1835—1885 годовъ. Повидимому, это не полное собраніе, а только сборникъ тщательно подобранныхъ писемъ, и хотя многое даже въ этомъ сборникѣ не интересно и скучно, именно все, что касается до переписки съ издателями, редакторами и критиками по чисто технической сторонѣ литературнаго дѣла, т. е. по изданію и критикѣ сочиненій, но всякій выборъ въ подобномъ случаѣ какъ-то подозрителенъ и

¹⁾ La correspondance de Victor Hugo. Vol. I. 1815—1835. Paris. 1896.

возбуждает сомнѣніе, не пропущено ли по тѣмъ или другимъ соображеніямъ именно то-что наиболѣе интересное. Тѣмъ болѣе неполнота составляетъ значительный недостатокъ настоящей переписки, что ея главный интересъ не въ новыхъ фактахъ политической и литературной жизни XIX столѣтія, но въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ Викторомъ Гюго, какъ человѣкомъ, и надо отдать ему справедливость, что изъ этого знакомства его нравственный образъ много выигрываетъ. Сложилась легенда о немъ, что это былъ человѣкъ, любившій только себя, заботившійся лишь о своей славѣ, вѣчно ходившій на ходуляхъ, и не только никому не помогавшій, но даже отличавшійся скупостью, теперь же оказывается, что онъ имѣлъ основаніе писать въ одномъ письмѣ къ Сень-Беву: «Вы всегда считали, что я живу однимъ умомъ, а въ сущности я живу только сердцемъ». Хотя изъ напечатанныхъ писемъ нельзя прійти къ убѣжденію, чтобы сердце у Гюго совершенно преобладало надъ умомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что оно играло значительную роль въ его жизни, и что онъ былъ не гордымъ олимпійцемъ, а человѣкомъ, которому нечуждо все человѣческое. Письма къ женѣ, матери, отцу и къ дѣтямъ дышатъ въ каждомъ словѣ самой горячей, сердечной привязанностью, а переписка съ Сень-Бевемъ обнаруживаетъ въ немъ вѣрнаго, глубоко преданнаго друга, который хотя въ концѣ концовъ и разошелся съ своимъ «дорогимъ братомъ», какъ онъ его называлъ, благодаря самымъ драматическимъ обстоятельствамъ, но лишь послѣ долгой, благородной борьбы и всевозможныхъ усилій сохранить хорошія между ними отношенія. Вообще весь эпизодъ съ Сень-Бевомъ, который, по его собственнымъ словамъ, находился «въ домѣ Гюго подъ чарами самаго могучаго и нѣжнаго чувства, того самаго чувства, которое приковало Рено къ саду Армиды», дѣлаетъ полную честь Гюго и набрасываетъ тѣнь на знаменитаго критика, который послѣ разрыва съ самымъ загадочнымъ другомъ сталъ осыпать бранью и сарказмами его литературныя сочиненія. Легенда о скупости Гюго вполне опровергается многими благородными чертами, такъ онъ заплатилъ долгъ отца въ 200 франковъ въ такое время, когда онъ находился съ семьей въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ и долженъ былъ для этого отказаться отъ покупки часовъ, болѣе того онъ отказался отъ получаемаго отъ короля пенсія въ 2,000 франковъ, когда запретили его пьесу «Magion Deloigne», несмотря на то, что ему предлагали, въ видѣ вознагражденія за понесенные убытки, увеличить ее до 5,000 франковъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ узналъ, что эта пенсія не назначена никому и оставалась въ распоряженіи правительства, а потому онъ написалъ Тьеру: «Хотя я не имѣю никакого права на то, отъ чего я отказался, но еслибъ вы назначили эту пенсію бѣдной женщины, умирающей съ голода, г-жѣ Меркёръ, то я былъ бы вдвойнѣ радъ своему отказу». Не менѣе говорятъ въ его пользу слѣдующія слова, писанныя имъ къ Арману Кареню, когда ему было двадцать пять лѣтъ: «Двадцати лѣтъ отъ роду я оказался женатымъ и отцемъ семьи безъ всякихъ средствъ, кромѣ моего труда. Я жилъ изо дня въ день своимъ трудомъ, а Фердинандъ VII проживалъ мое и отцовское состояніе. Съ того времени и я могу этимъ гордиться, какъ не очень обыкновеннымъ фактомъ; я жилъ съ семьей своимъ перомъ, старательно воздерживался отъ всѣхъ литературныхъ спекуляцій и меркантильныхъ сдѣлокъ. Я писалъ,

какъ умѣлъ, хорошо и дурно, но не торговалъ перомъ. Вѣднѣй челоувѣкъ, я занимался литературой, какъ богачъ, и думалъ только о литературныхъ цѣляхъ. Обязанный тяжелыми временами обратить литературу въ ремесло, я никогда не позволялъ, чтобъ ремесленные соображенія портили мой литературный трудъ». Что касается политики, то мы имѣемъ въ первомъ томѣ «Переписки» очень мало случаевъ познакомиться съ политическими воззрѣнiями Гюго во время реставраціи и июльской монархіи. Хотя онъ восторженно описывалъ коронацію Карла X, но вскорѣ подъ вліяніемъ событій перемѣнилъ свои воззрѣнiя и уже въ 1832 году писалъ Сень-Беву по случаю объявленія Париза на осадномъ положеніи вслѣдствіе уличныхъ безпорядковъ, вызванныхъ полиціей: «я подпишу какой угодно протестъ и несмотря на всѣ осадныя положенія». Если такъ называемые охранители общественнаго порядка рѣшатся на политическую казнь, а четверо людей съ сердцемъ произведутъ возстаніе съ цѣлю освободить жертвъ, то я буду пятымъ». Однако, несмотря на эти слова, вырвавшіяся у него въ минуту пылаго увлеченія, онъ понималъ, что тогда еще не пришло время республики, и писалъ съ удивительнымъ пророческимъ даромъ: «Когда нибудь у насъ будетъ республика, и когда она водворится, то будетъ хорошая. Но мы не должны собирать въ маѣ плодовъ, которые созрѣютъ лишь въ августѣ, намъ слѣдуетъ поучиться ждать».

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Два ареста.

I.

В ПОЛОВИНѢ февраля 187... года, въ ожиданіи послѣдняго вечерняго поѣзда изъ Царскаго Села въ Павловскъ, собралась на Царскосельскомъ вокзалѣ, за маленькимъ столикомъ, небольшая группа офицеровъ кавалерійскаго полка, расквартированного въ г. Павловскѣ; среди нихъ была только одна дама, молоденькая, хорошенькая, жена корнета В.; только что вышедшая за него замужъ.

Весело, но сдержанно и нешумно шла бесѣда, и по особенной манерѣ держать себя видно было сразу каждому постороннему зрителю, что офицеры эти находятся въ обществѣ порядочной женщины ихъ круга.

Оставалось прождать до прихода поѣзда еще 10 минутъ — время очень небольшое и совершенно незамѣтное, когда ждать не одинъ, а тутъ было шесть молодыхъ, оживленныхъ интереснымъ разговоромъ лицъ; казалось бы, что эти десять минутъ покажутся имъ за одинъ мигъ, но случилось иначе, и то, что произошло въ этотъ короткій промежутокъ времени, навсегда осталось у присутствующихъ въ памяти. Дѣло въ томъ, что въ самомъ разгарѣ бесѣды мимо нихъ прошелъ только что пріѣхавшій генералъ; офицеры поднялись съ своихъ мѣстъ, отдали ему честь и снова сѣли на свои мѣста.

Генералъ прошелъ мимо нихъ вгорично; офицеры поднялись опять, но онъ не сказалъ имъ при этомъ ни слова; очевидно было, что онъ и не думалъ предоставлять имъ право сидѣть при его приближеніи во время совершаемой имъ прогулки по вокзалу.

Офицеры поднялись съ своихъ мѣстъ уже въ четвертый разъ, а генераль, знай себѣ, все прохаживается туда и сюда и опять имъ ни слова.

— Я думаю, что онъ просто занятъ какою нибудь мыслью, — сказалъ про генерала одинъ офицеръ другому, — и вовсе насъ не замѣчаетъ. Нечего вскакивать намъ каждый разъ; вѣдь это и смѣшно и досадно.

Но не тутъ-то было, генераль проходилъ и смотрѣлъ на сидящихъ у столика такъ пристально, что всякому до очевидности было ясно, что онъ и не желаетъ давать разрѣшеніе офицерамъ сидѣть во время его прохожденія, и они вставали уже въ шестой разъ.

— Положимъ, и заслуженный онъ генераль, — сказалъ Б., — и дисциплина — дисциплиною, но при чемъ все это здѣсь на вокзалѣ, на показъ всей публикѣ? Сиди, — обратился онъ къ женѣ, — а я отвернусь и буду смотрѣть въ окно; надоѣло мнѣ вытягиваться каждую минуту, а это будетъ, какъ видно, до безконечности.

Прошелъ снова тотъ же генераль. Всѣ поднялись, кромѣ корнета Б., изображавшаго видъ, будто онъ разсматриваетъ что-то въ окно.

— Не дѣлай ты этого, пожалуйста, — сказала жена Б. своему мужу, — мнѣ кажется, что генераль замѣтилъ твой маневръ, и изъ этого выйдетъ цѣлая исторія.

— Никакой изъ этого исторіи не выйдетъ, — отвѣтилъ мужъ: — просто тебѣ показалось, что онъ замѣтилъ, а ты уже и испугалась; сиди, голубчикъ, не смотри на меня и, пожалуйста, не бойся.

И только что повернулся онъ къ окну, какъ генераль остановился и громкимъ, недовольнымъ тономъ произнесъ:

— Господишь корнетъ, интересно знать, что вы можете видѣть въ окно, когда на дворѣ такая тьма?

Корнетъ Б. поднялся и, держа руку подъ козырекъ, громко отвѣтилъ: смотрѣлъ, ваше превосходительство, не идетъ ли дождь.

— Пустяки, — сказалъ генераль рѣзко, — вѣтъ тамъ никакого дождя. Гораздо было бы лучше, если бы вы не наблюдали за погодою, а помнили бы военную дисциплину. Потрудитесь отираться сейчасъ же на гаунтвахту.

— Какъ же я-то? — сказала испуганно жена Б., ни къ кому особенно не обращаясь, однако такъ громко, что генераль не могъ этого не слышать, но онъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Тогда ротмистръ Н. обратился къ генералу и объяснилъ ему, что корнетъ Б. ѣдетъ въ Павловскъ домой съ своею молодою женою, что въ Павловскѣ не имѣется гаунтвахты, и что, если корнету Б. придется сейчасъ же отираться на Царскосельскую гаунтвахту, то жена останется одна.

— Это ничего не значитъ, — сказалъ генераль и, не обращая никакого вниманія на испуганную жену Б., произнесъ: — ее могутъ проводить и другіе, вѣдь здѣсь же есть однополчане. А вы, господинъ корнетъ, потрудитесь сію же минуту отираться на гаунтвахту, — и, сказавъ это, генераль, съ какимъ-то важно-дѣловымъ выраженіемъ лица, направился ускореннымъ шагомъ къ платформѣ.

— Вотъ такъ джентельменъ! — слышалось ему вслѣдъ изъ другой, стоявшей неподалеку группы.

Нечего и говорить, что фамилія этого генерала начиналась съ частицы фонъ, и что онъ увлекался нѣмецкимъ педантизмомъ.

II.

Въ хорошій майскій день, тотъ же офицеръ Б. съ своею молодою женою возвращался верхомъ съ прогулки изъ Царскаго Села. Ъхали шагомъ. Безко нечный разговоръ велся между молодыми супругами съ такимъ оживленіемъ и интересомъ, какъ будто бы они повѣчались не годъ тому назадъ, а переживаютъ только медовый мѣсяць. Они проѣхали уже половину пути по направленію къ Павловску — мѣсту стоянки полка, гдѣ служилъ Б.

Послышавшійся сзади топотъ копытъ двухъ скачущихъ лошадей прервалъ ихъ разговоръ. Б. обернулся. Шагахъ въ 25 отъ него показалась чрезвычайно изящная фигура императора Александра II.

Быстро, молодецки повернувъ свою лошадь, Б. отдалъ честь.

— Не по формѣ одѣтъ; что это за воротнички; на гаунтвахту! — ровнымъ безъ особыхъ удареній, голосомъ произнесъ проѣзжая императоръ и, не мѣняя аллюра, продолжалъ ѣхать по направленію къ Павловску. Известно, что государь очень не любилъ, когда изъ-за воротника мундира было видно бѣлье.

Со словами «слушаю-съ, ваше императорское величество», моментально повернулъ корнетъ Б. своего коня по направленію къ Царскому Селу; жена слѣдовала за нимъ.

— Говорилъ я сколько разъ, чтобы никогда не дѣлали мнѣ такихъ высокихъ воротничковъ, — сказалъ онъ съ легкою досадою, обращаясь къ женѣ.

— Никогда, мой милый, ихъ не будетъ, — отвѣтила она: — ну, что же теперь дѣлать, поѣдемъ, я провожу тебя до Царскаго, заѣду тамъ къ Софьѣ Николаевнѣ и вмѣстѣ съ нею вернусь по желѣзной дорогѣ домой въ Павловскъ.

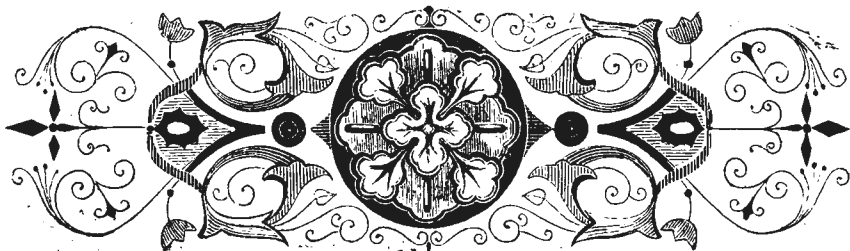
Не успѣли они отѣхать и ста шаговъ, какъ имъ снова послышался топотъ копытъ; невольно, какъ по командѣ, они повернулись. Къ нимъ несея слѣдовавшій за императоромъ рейткнехтъ.

— Его императорское величество, — сказала рейткнехтъ, обращаясь къ офицеру Б., — изволили приказать, чтобы вы проводили сначала вашу даму

Съ какимъ радостнымъ чувствомъ услышали они оба эти слова, навсегда запечатлѣвшіяся въ ихъ памяти, и съ какимъ благодарнымъ восторгомъ они рассказывали всѣмъ объ этомъ царскомъ вниманіи!

Рассказъ этотъ, въ правдивости котораго я не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться, я слышалъ отъ вдовы фигурирующаго въ немъ офицера Б.

Николай Бунинъ.

С М Ъ С Ъ.

ТКРЫТИЕ памятника императрицъ **Екатерины II**. 6 ноября, въ день исполнившагося столѣтiя со времени кончины императрицы **Екатерины II**, въ большой залѣ Московской городской думы былъ открытъ памятникъ императрицѣ. Открытiю предшествовала панихида, которую совершилъ преосвященный **Тихонъ**, епископъ Можайскiй, соборнiй, при иѣнн синодальнаго хора. На панихиду прибыли московскiй генералъ-губернаторъ в. к. **Сергiй Александровичъ** и в. к. **Елисавета Теодоровна**. На панихидѣ присутствовали также лица свиты ихъ высочествъ, московскiй комендантъ, московскiй губернаторъ **Булыгинъ**, почтъ-директоръ и другiя почетныя лица, гласныя думы и служащiе по московскому городскому управленiю. По окончанiи панихиды спала бѣлая пелена, покрывавшая памятникъ, и представилась статуя императрицы. Преосвященный **Тихонъ** окропилъ св. водой памятникъ и удалился. Московскiй городской голова **К. В. Руквишниковъ**, приблизившись къ памятнику съ лѣвой стороны, произнесъ краткое слово, послѣ чего товарищъ городского головы **И. Н. Щенкинъ** возложилъ лавровый вѣнокъ отъ города къ подножию памятника. Вновь открытiй памятникъ изображаетъ императрицу во весь ростъ. Высота статуи $3\frac{1}{2}$ аршина; она высѣчена изъ сѣрватаго мрамора и установлена на пьедесталѣ изъ порфира, который, въ свою очередь, покоится на ступенькахъ изъ сѣраго гранита; высота пьедестала со ступеньками также равняется $3\frac{1}{2}$ аршинъ. **Екатерина II** изображена въ порфирѣ, въ лентѣ **Андрея Первозваннаго** и съ цѣпью этого ордена; голова увѣнчана малою короной; въ правой рукѣ золоченый скипетръ, а лѣвая какъ бы отбрасываетъ порфиру назадъ. **Екатерина II** представлена въ возрастѣ 45—50 лѣтъ.

На пьедесталѣ изъ порфира помѣщенъ золоченый каргущъ съ вензелемъ императрицы, а нѣсколько ниже на первой ступенькѣ лавровый золоченый вѣнокъ изъ бронзы. Сзади памятника по стѣнѣ сдѣлана драпировка изъ плюша, образующая какъ бы стѣну, увѣчанную золоченою короной. Помимо открытія этого памятника, исполнившееся столѣтіе со дня смерти Екатерины II было отмѣчено повсемѣстными чествованіями памяти императрицы, для перечисленія которыхъ здѣсь не хватило бы мѣста. Нѣкоторыя подробности читатели найдутъ ниже, въ отчетахъ о засѣданіяхъ различныхъ обществъ.

Открытіе памятника императору Александру III въ Θεодосіи. 14-го ноября, освященъ въ Θεодосіи памятникъ императору Александру III. Для отдачи воинскихъ почестей прибылъ въ Θεодосію броненосецъ «Георгій Побѣдоносецъ» съ одноюмино носкою. Богослуженіе совершено было соборнѣ всѣмъ городскимъ духовенствомъ. На богослуженіи присутствовали таврической губернаторъ, штабмейстеръ Лазаревъ, предсѣдатель комитета по постройкѣ памятника И. К. Айвазовскій, всѣ мѣстныя власти, городскія среднія и низшія учебныя заведенія и офицеры гарнизона. По окончаніи литургіи и молебна, подъ перезвонъ колоколовъ, изъ собора двинулся соединенный крестный ходъ всѣхъ θεодосійскихъ храмовъ. Войска взяли на караулъ, а оркестръ исполнилъ «Коль славенъ». Процессія, среди несмѣтной толпы народа, направилась къ Айвазовскому бульвару. Здѣсь, въ виду моря, высился покрытый пеленами памятникъ. Весь городъ былъ украшенъ флагами, и особенно роскошно по пути шествія процессіи. Магазины вездѣ были заперты. Полотно, закрывавшее памятникъ, упало, и единодушное «ура» огласило улицы Θεодосіи. Музыка заиграла гимнъ «Боже Царя храни», залпы ружей и выстрѣлы пушекъ съ бортовъ броненосца «Георгій Побѣдоносецъ» слились въ общій гулъ. Памятникъ находится противъ городского собранія, въ концѣ бульвара Айвазовскаго. Онъ изображаетъ четырехугольную призму изъ кіевского чернаго лабрадора. Наверху пьедестала, къ которому ведетъ рядъ ступеней, поставлено изображеніе императора Александра III во весь ростъ. Лицомъ онъ обращенъ къ Θεодосіи. Въ правой опущенной рукѣ—военная фуражка, а лѣвая заложена за бортъ сюртука. На лицевой сторонѣ пьедестала надпись: «Императору Александру III благодарная Θεодосія», а на задней: «Сооруженъ въ благополучное царствованіе императора Николая II 1896 года». Памятникъ лѣпилъ профессоръ Бахъ, а отлита фигура на заводѣ Берто, бывшемъ Шопена. Каменные работы производились въ Одессѣ, у Молинари. Въ два часа дня въ городскомъ собраніи состоялся обѣдъ на 150 кувертовъ. Передъ обѣдомъ И. И. Палимисестовъ прочелъ рѣчь объ историческомъ значеніи царствованія Александра III. Первый тостъ, провозглашенный губернаторомъ за здоровье государя императора Николая Александровича и государыни Александры Θεодоровны, былъ встрѣченъ восторженно, также какъ и второй тостъ, провозглашенный губернаторомъ за государыню Марію Θεодоровну. Но просьба присутствующихъ была послана губернаторомъ въ рѣноподданническая дечеша. Третій тостъ былъ за главнаго инициатора памятника И. К. Айвазовскаго. Были произнесены и другіе тосты и рѣчи, и прочитаны были также полученные привѣтственные депеши отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ крупнаго жертвователя на памятникъ, като-

ликоса всѣхъ армянъ Мрктича I. Для учениковъ и войскъ гарнизона было устроено угощеніе. Городъ былъ вечеромъ иллюминованъ, а въ городскомъ собраніи состоялся балъ.

Общество исторіи и древностей. 6-го ноября, въ 7 часовъ вечера, въ составъ 22 членовъ, включая бюро, состоялось въ старомъ зданіи университета чрезвычайное засѣданіе императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ, въ которомъ предсѣдателемъ общества профессоромъ В. О. Ключевскимъ сказано было нѣсколько словъ «о трудахъ императрицы Екатерины II по русской исторіи». Начавъ съ предупрежденія, что можетъ предложить лишь «бѣглый и сухой перечень» работъ и взглядовъ въ области русской исторіи, ораторъ съ нѣкоторыми подробностями остановился на «Запискахъ касательно Россійской исторіи», предпринятыхъ императрицей съ цѣлями педагогическими на основѣ моралистической и патріотической тенденціи. Екатерина не хотѣла властвовать надъ «народомъ дикимъ», какимъ представлялись многимъ тогдашніе русскіе; она выступала противъ взгляда, что у русскихъ «есть прошлое, но нѣтъ исторіи, есть календарь, но нѣтъ развитія». Взгляды, которые исповѣдывала Екатерина, и цѣли, которыя она преслѣдовала, придали «Запискамъ» нѣвѣстное единство и цѣльность изложенія, такъ что въ общемъ, по словамъ профессора Ключевского, чтеніе ихъ производитъ «поднимающее впечатлѣніе». Въ послѣдовавшемъ затѣмъ обыкновенномъ засѣданіи составлена была комсія по присужденію въ 1897 году преміи имени Г. Θ. Карпова (въ текущемъ году была присуждена казначею общества), въ составъ которой вошли предсѣдатель, секретарь, казначей, В. А. Уляницкій и Д. П. Пловайскій. Къ соисканію преміи представлены три сочиненія: г. Эварницкаго по исторіи запорожскихъ казаковъ, г. Лилеева по исторіи русскаго раскола и юрьевского профессора А. Н. Филиппова по исторіи сената (докторская диссертация).

Общество любителей російской словесности. 17-го ноября, въ 1¹/₂ часа дня, въ актовомъ залѣ университета происходило, въ присутствіи многочисленной публики, торжественное публичное засѣданіе общества любителей російской словесности, посвященное памяти императрицы Екатерины II. Какъ учрежденіе, преслѣдующее спеціальныя задачи изученія литературныхъ явленій, общество почтало память Екатерины II чтеніями, касавшимися отношеній императрицы къ современной ей иностранной и русской литературѣ. Первая рѣчь, произнесенная предсѣдателемъ общества Н. Ш. Стороженко, имѣла предметомъ «отношенія Екатерины II къ коринеемъ французской литературы XVIII вѣка». Очертивъ полученное императрицей воспитаніе, склонность ея къ философскимъ занятіямъ и вліяніе, оказанное на Екатерину французскими энциклопедистами и всюю вообще эпохой просвѣщенія конца XVIII вѣка, профессоръ Стороженко перешелъ къ характеристикѣ «Наказа» — «явленія замѣчательнаго по проникающему его духу терпимости и свободы и сознанію того, что не народы созданы для власти, а власть для народовъ», причемъ указавъ на оппозицію, встрѣченную императрицей въ своихъ либеральныхъ начинаніяхъ и въ особенности въ своемъ отношеніи къ крѣпостному праву. Противорѣчія, существовавшія у Екатерины между словомъ и дѣломъ, профессоръ Стороженко объяснилъ соображеніями политической тактики и общими условіями

времени,—и въ заключеніе остановился на перепискѣ императрицы съ энциклопедистами, подробно передавъ ея содержаніе; переписка эта заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ отзывовъ о Россіи, свидѣтельствующихъ о любви Екатерины къ своей второй родинѣ, и не мало критическихъ замѣчаній литературнаго характера, не утратившихъ своего значенія и по настоящее время. Вслѣдъ затѣмъ почетнымъ членомъ общества М. Н. Ермоловой было прочитано извѣстное стихотвореніе А. Н. Апухтина «Недостроенный памятникъ». Второе отдѣленіе открылось сообщеніемъ А. Е. Грузинскаго: «Императрица Екатерина II и литературное движеніе ея эпохи». Это сообщеніе было посвящено разсмотрѣнію взглядовъ Екатерины II на литературу, ея роль и задачи,—взглядовъ, имѣвшихъ въ свое время важное значеніе въ виду исключительнаго положенія лица, которому они принадлежали. Г. Грузинскій указалъ на отношеніе императрицы къ поэзіи, представлявшейся ея дѣловому, реальному уму празднымъ занятіемъ, къ зародившемуся въ литературѣ въ концѣ XVIII вѣка стремленію къ народному, которому она сама отдала дань въ своихъ произведеніяхъ, а также къ исторической наукѣ, гдѣ она и собственными сочиненіями, и вліяніемъ на писавшихъ въ этой области стремилась очистить и оправдать прошлое русскаго народа отъ многочисленныхъ нападковъ; наконецъ, лекторъ охарактеризовалъ отношеніе Екатерины II къ сатирической литературѣ, которая приобрѣла въ ея время и благодаря ей такое широкое развитіе. Послѣ этого сообщенія были прочитаны: державинское «Видѣніе мурзы»—княземъ А. И. Сумбатовымъ и комедія императрицы Екатерины II «Г-жа Вѣстникова съ семьей»—членомъ-сотрудникомъ В. Е. Ермиловымъ. Публика, переполнявшая залу, наградила всѣхъ лекторовъ рукоплесканіями. Въ залѣ, на каедрѣ, возвышался портретъ императрицы, декорированный троическими растеніями. Въ сосѣдней съ актовкою, библиотечной залѣ университета, одновременно съ засѣданіемъ, съ 12 часовъ дня, обществомъ устроена была посвященная Екатеринѣ II выставка: здѣсь въ витринахъ и по стѣнѣ была расположена значительная часть изображеній императрицы, ея сподвижниковъ и современныхъ дѣятелей изъ собраній П. А. Ефремова и Н. П. Рогожина. Незадолго до того обществомъ былъ устроенъ литературно-музыкальный вечеръ, посвященный памяти Ѳ. И. Тютчева и А. Н. Плещеева. Послѣ очерка поэзіи Тютчева, прочтеннаго профессоромъ Стороженко, князь Сумбатовъ (г. Южинъ) прочелъ два стихотворенія поэта, а г-жа Соколова-Фрелнхъ исполнила два романа на слова его. Послѣ очерка поэзіи Плещеева г-жа Ермолова прочла также два стихотворенія и г-жа Соколова спѣла двѣ романа на слова Плещеева, между прочимъ, легенду о Христѣ (музыка Чайковскаго). Кромѣ того, были исполнены четыре романа другими лицами.

С.-Петербургское археологическое общество. Въ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества, 6-го ноября, А. Н. Щукаревъ прочиталъ рефератъ: «О тиарѣ царя Сайтферна». Первая часть реферата состояла въ разсмотрѣніи литературы про и contra тиары. Референтъ рѣшительно сталъ на сторону Фуртвенглера, доказывающаго, что тиара есть наглый подлогъ, а, какъ композиція, простой настишъ изъ фигуръ и деталей разныхъ временъ и разныхъ стилей. Для нижняго фриза ея фигуры взяты съ южно-русскихъ

золотыхъ вещей, при чемъ нѣтъ необходимости предполагать особия познанія фальсификатора, не пошедшаго дальше рисунковъ, имѣющихся въ «Русскихъ древностяхъ» Толстого и Кондакова. Для верхняго фриза сцены изъ Иліады скомпанованы по другимъ оригиналамъ, но и здѣсь всю библиографію съ удобствомъ замѣняетъ атласъ Вейссера. Въ виду субъективнаго характера суждений о тиарѣ по стилю (то, что у французскихъ защитниковъ тиары превосходно, Фуртвенглеру кажется отвратительнымъ), референтъ указалъ на важность надписи, какъ главной улики фальсификатора. Формы буквъ ея, какъ и ряда другихъ поддѣльныхъ надписей на золотѣ и камнѣ, тождественны, композиція — не безупречна, городская стѣна попадаетъ на другой, несомнѣнно поддѣльной, коронѣ и т. д. Благодаря надписи, мы можемъ поставить тиару въ группу поддѣлокъ уже извѣстныхъ и относительно надписей на мраморѣ, давно изображенныхъ уже академикомъ В. В. Латышевымъ. По поводу реферата А. Н. Щукарева высказался также Н. П. Кондаковъ, который, соглашаясь въ принципѣ и по собственному впечатлѣнію отъ тиары съ безусловной поддѣльностью ея, находилъ, что не слѣдуетъ, подобно Фуртвенглеру и референту, подробно и объективными доводами доказывать поддѣльность подобныхъ вещей. По его мнѣнію, авторитетнымъ лицамъ слѣдуетъ судить, главнымъ образомъ, по стилю и технике. 18-го ноября, состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія императорскаго Русскаго археологическаго общества подъ предѣлательствомъ П. В. Помяловскаго. Докладчикомъ явился С. А. Жебелевъ, прочитавшій рефератъ: «объ афинскихъ тиранахъ Аэпнионѣ и Аристіонѣ», дѣйствовавшихъ около 88 года до Р. Х. въ качествѣ ставленниковъ Митридата, царя понтійскаго. Разборомъ историческихъ свидѣтельствъ докладчикъ устраняетъ смѣшеніе воедино этихъ двухъ лицъ, выступившихъ одно за другимъ. Въ томъ же засѣданіи были разсмотрѣны отдѣленіемъ послѣднія новости археологической литературы: 1) Emile Molinier, «Histoire générale des arts appliqués à l'industrie du V-e à la fin du XVIII siècle». Вышедшій первый томъ этого роскошнаго изданія заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе о художественныхъ поддѣлкахъ изъ слоновой кости; 2) La Glyptothèque Carlsberg. Это первый изъ появившихся, но второй по плану изданія выпускъ художественно выполненныхъ у Брукмана, въ Мюнхенѣ, воспроизведеній античныхъ скульптуръ, входящихъ въ составъ коллекціи Якобсена въ Копенгагенѣ; 3) Die attischen Grabreliefs, издаваемые вѣнской академіей наукъ. Въ этомъ году вышелъ XIII выпускъ этого изданія

Московское археологическое общество. 5-го ноября въ засѣданіи московскаго археологическаго общества предѣлатель общества, гр. П. С. Уварова, прочтала отчетъ о бывшемъ въ Ригѣ, въ августѣ сего года, археологическомъ съѣздѣ. Изъ числа 624 членовъ съѣзда 439 человекъ было изъ мѣстныхъ жителей; съѣздъ продолжался 15 дней, имѣлъ 44 засѣданія, на которыхъ было сдѣлано 97 рефератовъ. Всего мѣстнымъ обществомъ, учеными обществами, городомъ Ригю, лифляндскимъ дворянствомъ, латышскимъ обществомъ и т. д., было истрачено на устройство съѣзда, выставки при немъ, ученые изданія по поводу его и пр. болѣе 50,000 р. Вообще мѣстное общество и его ученые силы сдѣлали болѣе для съѣзда, чѣмъ это дѣлалось ранѣе, для прежнихъ съѣздовъ, въ другихъ городахъ Россіи. Д. Н. Анучинъ сообщилъ объ археологической

находкѣ, сдѣланной истекшимъ лѣтомъ въ Пермской губерніи, именно въ Пермскомъ уѣздѣ, Нижнемуллинской волости, на Глядѣновскомъ городищѣ, верстахъ въ 20-ти ниже Перми по Камѣ, гдѣ раскопки, предпріятыя пермской ученой архивной комиссіей, открыли обширное жертвенное мѣсто и добыли въ немъ до 13,000 разныхъ предметовъ (железныхъ и костяныхъ стрѣлокъ, бронзовыхъ украшеній, различныхъ бусъ, глиняныхъ сосудовъ и т. д.), въ томъ числѣ около 650 изображеній птицъ, звѣрей, змѣй, пчелъ, человѣка, имѣвшихъ, очевидно, религіозное значеніе. Всѣ эти вещи были найдены на ровной площадкѣ, на краю оврага, саженьхъ въ 40 надъ рѣчкой Нижней Мулянкой, подъ дерномъ, въ слоѣ костянаго нешла до 2¹/₂ арш. толщиною. Референтъ, занимающійся въ настоящее время изученіемъ нѣкоторыхъ видовъ чудскихъ древностей, въ особенности изображеній летающихъ птицъ и связанныхъ съ ними звѣриныхъ образовъ, остановился преимущественно на этихъ изображеніяхъ, на представляемыхъ ими варіаціяхъ, комбинаціи птичьихъ признаковъ съ звѣринными, вѣроятномъ религіозномъ ихъ значеніи и влияніи, подъ которыми могли создаться подобныя формы, отчасти занесенныя съ юга, изъ болѣе культурныхъ странъ, отчасти явившіяся къ подражанію мѣстнымъ животнымъ формамъ или сложившіяся подъ влияніемъ мѣстныхъ повѣрій и анимистическихъ воззрѣній. Что касается до находокъ на Глядѣновскомъ городищѣ, то о нихъ можно было составить себѣ понятіе только по доставленнымъ 11 фотографіямъ, изображающимъ не болѣе 550 вещей, т. е. не болѣе ¹/₂₃ общаго числа. Но уже изъ этихъ фотографій видно, что добытая коллекція предметовъ представляетъ большую важность для изученія чудскихъ древностей и заслуживаетъ самаго обстоятельнаго описанія. В. Д. Соколовъ сообщилъ о стоянкѣ каменнаго вѣка на берегу оз. Тургоякъ, въ южномъ Уралѣ, гдѣ референтомъ были найдены остатки древней каменной постройки изъ сложенныхъ глыбъ и различныя кремневая орудія и черепки горшковъ—очевидно, неолитической эпохи. В. Т. Георгіевскій сдѣлалъ докладъ о владимірскомъ кладѣ, найденномъ истекшимъ лѣтомъ при раскопкѣ вала, насыпаннаго княземъ Андреемъ Боголюбскимъ недалеко отъ Успенскаго собора во Владимірѣ. На глубинѣ 1¹/₂ аршинъ рабочіе разбили большой продолговатый горшокъ, въ которомъ оказалась коллекція золотыхъ и серебряныхъ вещей, относящихся къ XI—XII вѣку. Часть вещей была утрачена рабочими; уцѣлѣвшія же вещи представляютъ, по мнѣнію докладчика, принадлежности княжескихъ бармъ (оплечья) и аналогичны вещамъ, найденнымъ тоже во Владимірѣ ранѣе и описаннымъ въ 1865 г. Стасовымъ. Докладъ вызвалъ нѣсколько замѣчаній Ю. Д. Филимонова, который высказалъ взглядъ, что найденныя вещи не имѣютъ ничего общаго съ княжескими бармами, а представляютъ женскія украшенія—ожерелье, браслеты, серьги, а, отчасти, можетъ быть, принадлежности богатаго конскаго убора.

Общество любителей древней письменности. Почетный членъ Л. Н. Майковъ, за отсутствіемъ предсѣдателя, открылъ засѣданіе 1-го ноября заявленіемъ объ утратахъ, понесенныхъ обществомъ въ лицѣ дѣйствительныхъ членовъ высокопреосвященнѣйшаго Саввы и барона Ѳ. А. Бюлера и члена-корреспондента Н. И. Суворова. Вслѣдъ за тѣмъ были прочтены А. И. Лященкомъ некрологическія замѣтки о баронѣ Ѳ. А. Бюлерѣ и Н. И. Суворовѣ и секретаремъ—объ

архієпископъ Саввъ. Первое сообщеніе «О моленіи Давида Заточника» было сдѣлано А. І. Лященкомъ; въ немъ референтъ изложилъ соображенія, на основаніи которыхъ слѣдуетъ признать, что упоминаемый въ «Моленіи» князь есть Ярославъ Всеволодовичъ, жившій въ 1191—1246 гг. и бывшій одновременно и княземъ южнаго Переяславля и Новгорода; въ Новгородѣ дѣятельность его особенно замѣтна между 1223—1236 гг., къ этому именно времени, по мнѣнію г. Лященка, и должно быть отнесено составленіе «Моленія». И. Н. Ждановъ и А. Н. Веселовскій, присоединяясь къ заключенію референта, указали, что желательнѣе было бы подтвердить его выводы критическимъ изслѣдованіемъ текста обѣихъ редакцій памятника. Во второмъ докладѣ «О рукописи Кириши Данилова» П. Н. Шефферъ сообщилъ объ открытіи Н. В. Чоховымъ, въ библиотекѣ кв. М. Р. Долгорукова, рукописи, съ которой К. Θ. Калайдовичъ издалъ въ 1813 г. «Древнія російскія стихотворенія, собранныя Киришей Даниловымъ», и которая до сего времени считалась утраченною. По сравненіи рукописи съ печатнымъ текстомъ оказывается, что въ послѣднемъ сглажены діалектическія особенности и крайне неудовлетворительно изданы ноты; кромѣ напечатанныхъ пѣсенъ, рукопись даетъ интересный вариантъ стиха о Голубиной книгѣ, пѣсню о старцѣ Пгренницѣ и нѣсколько другихъ. Самый списокъ, который, несомнѣнно, есть копія съ другого, болѣе ранняго оригинала, относится не ранѣе какъ къ 1781 г. Членомъ корреспондентомъ избранъ А. Н. Петровъ. Въ засѣданіи 22-го ноября, В. П. Ламанскій представилъ писанный на пергаментѣ въ XIV вѣкѣ «Прологъ», принадлежащій Спасо-Прилуцкому монастырю. Этотъ «Прологъ» является самымъ полнымъ по объему и представляетъ большую важность въ виду сохранившихся въ немъ многихъ древнихъ формъ языка. Содержаніемъ своимъ «Прологъ» имѣетъ краткія житія греческихъ и русскихъ святыхъ и поученія. Въ особенности г. Ламанскій указалъ на житіе св. кн. Михаила Черниговскаго, отличающееся новыми подробностями о привезеніи тѣла кн. Михаила, и на житіе свв. Кирилла и Меодія, которое проливаетъ новый свѣтъ на исторію составленія славянской азбуки. Второе сообщеніе «Изъ исторіи русской переводной литературы XVI—XVII в.» было сдѣлано А. И. Соболевскимъ. Представивъ сперва очеркъ состоянія переводнаго дѣла въ Россіи за XVI—XVII в., г. Соболевскій затѣмъ обратилъ вниманіе на переводы: 1) Сказанія о сарацинской вѣрѣ, 2) Географіи Помпонія Мелы и 3) Арифметики, при чемъ указалъ, что первые два перевода, сдѣланные нескладно-плохимъ церковно-славянскимъ языкомъ, принадлежатъ, вѣроятно, грекамъ, а переводъ «Арифметики» съ нѣмецкаго языка исполненъ, вѣроятно, литовскимъ полоняниномъ Георгіемъ, переводчикомъ Луцидарія и двухъ врачебныхъ книгъ въ XVI в. Три слѣдующія сообщенія принадлежали П. П. Лихачеву; въ первомъ, подъ заглавіемъ: «Къ вопросу объ иконописцахъ краткаго иконописнаго подлинника», г. Лихачевъ опредѣлилъ время дѣятельности двухъ великокняжескихъ иконописцевъ—Ярца и сына его Ивана Дермы; во второй замѣткѣ: «Прозвища великаго князя Ивана III», г. Лихачевъ сообщилъ, что имъ найдены въ документахъ XV в. прозвища «Правосуда» и «Калиты»; наконецъ, въ сообщеніи «Родъ Адашевыхъ и государевъ родословецъ», г. Лихачевъ изложилъ свое мнѣніе о происхожденіи Адашевыхъ отъ Олговыхъ, выяснилъ ихъ мѣсто въ

государевомъ родословцѣ, а затѣмъ выяснилъ соотношеніе между древнимъ родословцемъ и Бархатною книгой, гдѣ многія родовыя росписи оказываются искусственно приписанными къ основному тексту родословца.

Географическое общество. 13-го ноября происходило, подъ предѣдательствомъ П. П. Семенова, общее собраніе, посвященное докладу Е. Ф. Шмурло о русскихъ поселеніяхъ на китайской границѣ за озеромъ Марка-Кулемъ. Мѣстность эта лежитъ за южнымъ Алтаемъ по теченіямъ рѣкъ Кабы и Бухтармы, почти подъ той же параллелью, подъ которой лежатъ Кіевъ и Харьковъ. Китайская граница находится тутъ же. Докладчикъ посѣтилъ эту мѣстность цыншннимъ лѣтомъ не столько какъ географъ, сколько какъ историкъ, изучающій колонизаціонное движеніе, съ цѣлью, руководствуясь имъ, выяснитъ исторію былыхъ передвиженій народныхъ массъ. На востокъ нашемъ дѣйствуютъ двѣ взаимно дополняющія другъ-друга силы — колонизація народная и колонизація правительственная. Въ Бухтарминскій край ушло населеніе недвольное и бродячее: здѣсь поселились и раскольники, и бѣглые солдаты, и прочій элементъ. Горы и ущелья этой мѣстности помѣшали выходцамъ образовать общину, но зато развили въ нихъ храбрость, мужество и неустрашимость. Это — народъ, считающій себя свободнымъ и мирно завоевывающимъ у китайцевъ русскому царю землю (ихъ собственное выраженіе). Всѣ эти выходцы только въ 1791 году признали надъ собою власть Екатерины II и до 1864 года платили не подушную, а ясачную подать, какъ кочевники. Они дѣйствительно бродятъ въ поискахъ за легендарнымъ Вѣловодьемъ, за Эльдорадо, гдѣ рѣки текутъ молокомъ, и гдѣ много свободной земли. Движеніе это такъ сильно, что въ 1888 году наше правительство принуждено было послать три взвода казаковъ для возвращенія толпы, переселившейся за китайскую границу. Правительству приходится поневолю сдерживать этотъ неудержимый напоръ русской волны. Когда въ 1883 году начала въ этихъ мѣстахъ свои работы разграничительная (съ Китаемъ) комиссія, то она уже нашла за Алтаемъ русскихъ поселенцевъ. Граница должна была поневолю раздвинуться въ пользу Россіи, потому что край этотъ *de facto* былъ уже мирно завоеванъ русской колонизаціей. Въ описываемой мѣстности по рѣкамъ Кабѣ и Бухтармѣ теперь на глубокомъ черноземѣ уже сидятъ три русскія деревни съ 635 душами населенія. Но движеніе все-таки продолжается и все на востокъ, несмотря ни на какія сдерживающія начальственныя распоряженія. Что же влечетъ сюда переселенцевъ? Въ силу какихъ побужденій они такъ неудержимо стремятся въ невѣдомыя страны въ поискахъ за Вѣловодьемъ? Мотивы эти трудно поддаются объясненіямъ, но все же можно думать, что часть населенія руководствуется религіозными побужденіями: безиновцы-раскольники ищутъ новыхъ мѣстъ для того, чтобъ уйти подальше отъ соблазновъ и снискать душевный миръ. Ихъ побуждаетъ къ новымъ переселеніямъ появленіе въ занятыхъ ими мѣстахъ миссіонеровъ и постройка храмовъ. Вторымъ мотивомъ можетъ считаться тѣснота на старомъ мѣстѣ, отъ которой бѣгутъ одинаково и бѣднякъ, и богатый, въ расчетъ на приволье, и, наконецъ, третья побудительная причина къ переселеніямъ это — духъ подвижности, неосѣлости и избытокъ внутреннихъ силъ. Если бы со стороны нашего правительства не было сдерживающихъ усилій, то

не далѣе, какъ черезъ 50 лѣтъ, почти вся нынѣшняя Монголія была бы завоевана безъ затраты даже фунта пороха — однимъ только мирнымъ путемъ русской колонизаціи.

Антропологическій отдѣлъ общества любителей естествознанія. 8 ноября, въ зданіи Политехническаго музея, происходило, подъ предѣлательствомъ академика Д. Н. Анучина, засѣданіе антропологическаго отдѣла общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Послѣ прочтенія протокола предыдущаго засѣданія Н. А. Янчукъ сдѣлалъ сообщеніе: «Новыя свѣдѣнія о литовскихъ татарахъ». Въ сообщеніи передается матеріалъ, собранный по этому предмету въ книгѣ г. Барановскаго. Матеріалъ этотъ очень интересенъ, такъ какъ бросаетъ новый свѣтъ на наши свѣдѣнія о литовскихъ татарахъ. Прежде всего авторъ указываетъ на ошибочность мнѣнія, будто литовскіе татары представляютъ исключительно потомство тѣхъ плѣнниковъ, которые были захвачены литовскимъ княземъ Витгольдомъ во время его похода за Донъ въ 1397 году. Дѣло въ томъ, что существующее въ Литвѣ, т. е., въ нынѣшнихъ губерніяхъ Минской, Могилевской, Гродненской и другихъ, а также Польшѣ и Волыни, татарское населеніе появилось тамъ не сразу, а въ теченіе довольно долгаго періода времени. Такъ, значительное число татаръ пришло въ Литву во время борьбы ея съ нѣмецкими рыцарями, когда литовцы обратились за помощью къ хану Тохтамышу; послѣ пораженія, нанесеннаго нѣмцамъ подъ Грюнвальдомъ, многіе татары остались навсегда въ Литвѣ. Далѣе, когда возгорѣлась борьба съ Польшей, накануне Уніи, ханъ Ахматъ также прислалъ помощь, и опять много татаръ поселилось въ Литвѣ. Въ настоящее время въ Польшѣ, Литвѣ и Волыни считается около 6¹/₂ тысячъ татаръ обоаго пола. Языкъ ихъ — литовскій и польскій, у высшаго класса — князей, беговъ и мирзъ — преимущественно польскій. Такъ какъ коранъ разрѣшаетъ послѣдователямъ ислама вступать въ браки съ иновѣрцами, то татарское населеніе въ значительной степени ассимилировалось съ мѣстнымъ русско-литовскимъ и польскимъ населеніемъ. Интересенъ списокъ татарскихъ гербовъ, приводимыхъ въ книгѣ г. Барановскаго, по которымъ можно судить о происхожденіи многихъ русскихъ, литовскихъ и польскихъ фамилій. Слѣдующій докладъ принадлежалъ А. А. Арутинову и касался вопроса объ «антропологии кавказскаго племени удинъ». Докладъ этотъ составленъ на основаніи матеріала, собраннаго авторомъ при антропологическихъ измѣреніяхъ, производившихся имъ по порученію профессора А. Я. Кожевникова надъ удиными Елизаветпольской губерніи, и представляющаго тотъ интересъ, что надъ этимъ племенемъ до сихъ поръ подобныхъ изслѣдованій не производилось. Въ настоящее время удины живутъ въ Нущскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губерніи въ числѣ около 10,000 человекъ. Количество ихъ замѣтно уменьшается съ каждымъ годомъ: за послѣднія 15 лѣтъ обнаружено уменьшеніе въ размѣрѣ свыше 21%. Занимаются удины земледѣліемъ, отчасти садоводствомъ (винодѣліемъ) и шелководствомъ. Хотя они уже давно христіане (частью православные, частью григоріане), но у нихъ до сихъ поръ еще сохранился обычай кровной мести. Послѣднее сообщеніе Н. П. Константинова-Щиунина: «Древнее населеніе Костромской губерніи по краниологическимъ даннымъ», за отсутствіемъ автора, было доложено краткѣ секретаремъ отдѣла А. А. Ивановскимъ. Авторъ

сообщенія, на основаніи изслѣдованныхъ имъ краниологически 92 череповъ и сравненія ихъ съ черепами сосѣднихъ губерній, приходитъ къ заключенію, что древнее населеніе Костромской губерніи представляетъ значительную примѣсь черемискаго племени, которое, будучи тѣсною мордвою, въ значительной массѣ осѣло въ названной губерніи, смѣшавшись съ кореннымъ населеніемъ.

Психологическое общество. 2-го ноября, въ засѣданіи московскаго психологическаго общества слушаны были сообщенія А. А. Токарскаго и В. А. Гольцева. Докладъ г. Токарскаго былъ посвященъ ознакомленію общества съ занятіями III психологическаго конгресса, состоявшагося минувшимъ лѣтомъ въ Мюнхенѣ; отложивъ изложеніе секціонныхъ работъ конгресса до другого засѣданія, докладчикъ на этотъ разъ подробно остановился на содержаніи рефератовъ, прочтенныхъ въ общихъ собраніяхъ его. Г. Гольцевъ познакомилъ съ содержаніемъ новой книги Е. В. де-Роберти «Le bien et le mal». Названная книга составляетъ начало цѣлой серіи трактатовъ, въ которыхъ авторъ, являющійся одновременно и позитивистомъ, и сторонникомъ эволюціонизма, предплагаетъ развить свою социологическую систему, исходнымъ пунктомъ которой служитъ воззрѣніе на этику, какъ на первоначальную социологию: челоѣчество, по мнѣнію де-Роберти, постепенно приближается къ эпохѣ, когда требованія и вопросы нравственности сойдутъ со сцены, смѣнившись законами социальной жизни. Передавъ содержаніе книги, докладчикъ высказалъ, что, заключая въ себѣ извѣстную долю оригинальности, она, однако, только ставитъ, намѣчаетъ, но не разрѣшаетъ вопросъ, благодаря чему, какъ это и указано иностранною критикою, имѣетъ скорѣе значеніе формальнаго трактата по вопросу о классификаціи наукъ. Обладая и нѣкоторыми другими особенностями, какъ, напримеръ, чрезмѣрною рѣшительностью тона, она тѣмъ не менѣе, какъ первая попытка въ своемъ родѣ, все же заслуживаетъ, по мнѣнію г. Гольцева, серьезнаго вниманія лицъ, интересующихся проблемами философіи и социологии. Предсѣдатель профессоръ Н. Я. Гротъ доложилъ, что, исполняя постановленіе общества, вызванное сочувствіемъ, которое выказала интеллигентная публика Москвы къ чествованію памяти Декарта по поводу 300-лѣтняго юбилея его рожденія, онъ отправилъ во французскую академію телеграмму и въ отвѣтъ на нее получилъ по телеграфу же выраженіе горячей благодарности обществу отъ французскаго министра народнаго просвѣщенія.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. Въ послѣднемъ выпускѣ «Извѣстій императорской академіи наукъ» (т. V, № 3, октябрь 1896 года) помѣщенъ отчетъ о дѣятельности названнаго института за первый годъ его существованія. Открытый 26-го февраля 1895 года, въ годовщину дня рожденія своего основателя, императора Александра III, нашъ первый ученый институтъ за границу уже въ этотъ короткій періодъ времени успѣлъ развить обширную и многостороннюю дѣятельность. Первые заботы руководителей института были направлены къ тому, чтобы облегчить пользованіе его наличными учеными средствами, т. е. бібліотекой и музеемъ. «Какъ на подготовительныхъ работахъ въ Россіи, такъ и по открытіи своей дѣятельности въ Константинополѣ,—говоритъ составитель отчета профессоръ Ѳ. И. Успенскій,—институтъ прежде всего заботился о томъ, чтобы положить прочное осно-

ваніе бібліотекъ. Предварительно былъ выработанъ перечень всѣхъ иностранныхъ книгъ и изданій, приобрѣтеніе коихъ считалось безусловно необходимымъ. Планъ составленія бібліотеки, рассчитанный на четыре года, приводился въ исполненіе по мѣрѣ того, какъ позволяли средства института, и представлялись удобные случаи покупать книги по сравнительно удешевленной цѣнѣ. Призванный содѣйствовать въ занятіяхъ на востокѣ различнымъ категоріямъ ученыхъ, какъ-то: богословамъ, историкамъ, филологамъ, археологамъ, историкамъ искусства и чисто художникамъ, институтъ старался приобрести по крайней мѣрѣ основныя вещи въ соответствующихъ областяхъ званія. Что же касается до русскихъ книгъ и изданій, то въ этомъ отношеніи институтъ не считалъ себя въ правѣ держаться исключительно въ предѣлахъ своей спеціальности. Въ виду недостаточности книгохранилищъ въ Константинополѣ, въ виду затруднительности общенія съ русскимъ научнымъ движеніемъ, представлялось желательнымъ довести до возможной полноты русской отдѣлъ бібліотеки. Въ этомъ смыслѣ къ различнымъ ученымъ учрежденіямъ, обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ были направлены окружныя письма, и русской отдѣлъ бібліотеки института обогатился приливомъ весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ русскихъ книгъ и изданій». Къ концу отчетнаго года бібліотека содержала въ себѣ 2,838 названій (6,212 томовъ) и была снабжена карточнымъ и систематическимъ каталогами. Кабинетъ древностей, составившійся отчасти изъ покупокъ, но преимущественно изъ пожертвованій, содержитъ свыше 400 археологическихъ предметовъ (вазы, рѣзныхъ камней, надписей и проч.), какъ античныхъ, такъ и христіанскаго времени: далѣе—380 печатей, 1.525 монетъ, коллекцію фотографій съ мѣстныхъ древностей и проч. Ученая дѣятельность института выразилась въ 6-ти засѣданіяхъ, на которыхъ было прочтано 9 рефератовъ, въ трехъ большихъ экскурсіяхъ (по Анатолиі, на Аѳонъ и въ Аѳины) и въ цѣломъ рядѣ мелкихъ экскурсій по Константинополю и его окрестностямъ. По справедливому замѣчанію профессора Ѡ. И. Успенскаго, «при недостаткѣ точныхъ описаній, при трудности собирать свѣдѣнія чрезъ посредство постороннихъ лицъ, хотя бы и принадлежащихъ къ составу института въ качествѣ членовъ-сотрудниковъ, при невозможности, наконецъ, получать официалныя извѣстія изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ представителей русской власти, личныя поѣздки по провинціямъ представляются дѣломъ необходимымъ и въ высшей степени полезнымъ». При этихъ поѣздкахъ было открыто и списано нѣсколько цѣнныхъ рукописей, осмотрѣно и отчасти описано или сфотографировано множество вещественныхъ памятниковъ, церквей и проч. При экскурсіи въ Аѳины имѣлось въ виду ознакомиться съ состояніемъ раскопокъ, которыя въ настоящее время ведутся французскою школою и нѣмецкимъ археологическимъ институтомъ, съ организаціей этихъ двухъ учрежденій, съ устройствомъ музеевъ и проч., — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, установить общеніе съ учеными обществами, работающими въ предѣлахъ Греціи. Одною изъ главныхъ задачъ русскаго археологическаго института является содѣйствіе русскимъ ученымъ, работающимъ на Востокѣ. Въ печати не разъ указывалось на то, какія почти непреодолимыя препятствія ставятъ научнымъ изысканіямъ на Востокѣ зависть и невѣжество греческихъ монаховъ и ихъ руководителей (особенно на Аѳонѣ). Достаточно прочитать въ

ноябрьской книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» послѣднія страницы отчета приватъ-доцента В. Истрина объ его поѣздкѣ на Аѳонъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что «при посѣщеніи аѳонскихъ библиотекъ необходимо вооружиться большимъ терпѣніемъ и помнить, что во многихъ случаяхъ доступъ въ библиотеку зависитъ отъ простаго случая». Въ этомъ отношеніи нашъ молодой институтъ, при своихъ близкихъ отношеніяхъ къ русскому посольству въ Константинополь, будетъ, безъ сомнѣнія, оказывать нашимъ ученымъ большія услуги. То, что достигнуто институтомъ въ первый годъ его существованія, можетъ быть названо блестящимъ началомъ. Надо надѣяться, что по окончаніи подготовительныхъ работъ его научная дѣятельность пойдетъ еще успѣшнѣе, и что съ теченіемъ времени онъ займетъ видное мѣсто между аналогичными учреждениями западно-европейскихъ государствъ.

Казанскій университетъ. 24 ноября, въ Казанскомъ университетѣ происходило чествованіе памяти императрицы Екатерины II-й. Порядокъ чествованія былъ слѣдующій: 1) Въ 10 ч. утра въ университетской церкви отслужена заупокойная литургія и послѣ оной панихида по императрицѣ Екатеринѣ II-й. 2) Съ 12-ти час. дня и до 3 час. по полудни въ актовомъ залѣ университета были выставлены для обозрѣнія всѣми желающими нѣкоторые изъ вещественныхъ памятниковъ эпохи императрицы Екатерины II-й, имѣющихся въ университетѣ и у частныхъ лицъ. 3) Въ 7 час. вечера въ актовомъ же залѣ состоялось публичное торжественное засѣданіе университета, въ присутствіи коего исполнено чествованіе по слѣдующей программѣ: 1) Гимнъ 1791 г. въ честь Екатеринѣ II, сочиненный Державинымъ: «Громъ побѣды раздавайся» — исполнилъ хоръ учениковъ Казанской учительской семинаріи. 2) Ординарный профессоръ русской исторіи Д. А. Корсаковъ произнесъ рѣчь: «Личность императрицы Екатерины II и историческое значеніе ея царствованія». 3) Ординарный профессоръ исторіи русскаго права Н. П. Загоскинъ прочелъ рѣчь «О заслугахъ Екатерины II, какъ законодательницы». 4) За болѣзнію ординарнаго профессора русской словесности А. С. Архангельскаго ординарный профессоръ Ѳ. Г. Миценко прочелъ: «О русской литературѣ въ эпоху Екатерины II». 5) Преподаватель Н. И. Андерсонъ «О трудахъ императрицы Екатерины II въ области сравнительнаго языковѣданія». 6) Народный гимнъ: «Боже царя храни» — исполнилъ хоръ студентовъ университета. На вечернемъ торжествѣ присутствовали преподаватели и воспитанники среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также и воспитанницы Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ.

Археологическія раскопки. Великій князь Александръ Михайловичъ, во время пребыванія въ своемъ имѣніи Ай-Тодоръ, предпринялъ подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ нѣсколько археологическихъ раскопокъ, увѣнчавшихся успѣхомъ. Кромѣ обычныхъ находокъ (разныхъ бронзовыхъ украшеній), было найдено множество древнихъ монетъ преимущественно херсонесско-римской эпохи. Великій князь настолько заинтересовался научнымъ разслѣдованіемъ этой мѣстности, что рѣшилъ собирать коллекціи древнихъ греческихъ монетъ тѣхъ колоній, которыя нѣкогда находились въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи. Его высочество на завѣдующаго раскопками въ Херсонесѣ К. К. Кос-

цпошко возложилъ порученіе слѣдить за появляющимися въ городѣ въ продажѣ древними монетами, съ цѣлью приобрѣтенія таковыхъ для коллекціи. Въ короткое время своего пребыванія, его высочество сдѣлалъ много цѣнныхъ нумизматическихъ приобрѣтений; между прочимъ, извѣстная севастопольская коллекція П. П. Вакке съ ея богатымъ херсонесскимъ отдѣломъ куплена его высочествомъ за 7 тыс. рублей. Результаты раскопокъ въ Ай-Годорѣ будутъ, вѣроятно, своевременно опубликованы.

Музей М. И. Глинки. Въ среду, 27-го ноября, состоялось открытіе музея Глинки въ зданіи С.-Петербургской консерваторіи. Этотъ музей устроенъ, благодаря стараніямъ сестры покойнаго М. И., Людмилы Ивановны Шестаковой, которая собрала для этого музея всѣ предметы: ноты, книги, автографы и портреты, однимъ словомъ, все, что относится къ жизни Глинки и прямо или косвенно напоминаетъ о немъ, о его дѣятельности. Все, находящееся въ музеѣ, пожертвовано Л. И. и нѣкоторыми лицами, отозвавшимися на ея просьбу. Съ дозволенія августѣйшаго предѣдателя императорскаго русскаго музыкальнаго общества, ея императорскаго высочества великой княгини Александры Іосифовны, для музея Глинки отведена одна изъ боковыхъ комнатъ консерваторіи, прилегающихъ къ большой концертной залѣ и къ главной лѣстницѣ. Ко дню открытія музея изданъ Л. И. Шестаковой каталогъ, ясно и подробно указывающій на предметы, находящіеся въ музеѣ. На первомъ мѣстѣ помѣщенъ образокъ Знаменія Божіей Матери, благословеніе родителей въ день рожденія М. И. Глинки, 20 мая 1804 года. Съ этимъ образкомъ въ рукахъ М. И. скончался въ Берлинѣ 3 фѣвраля 1857 года. Довольно большая комната музея украшена бюстомъ М. И. въ лавровомъ вѣнкѣ. Бюстъ находится прямо противъ входа въ комнату. Направо отъ входа шкафъ со всѣми произведеніями Глинки, между которыми на первомъ планѣ красуются партитуры оперъ «Жизнь за Царя» и «Русланъ и Людмила», образцово изданныя Л. И. Шестаковой. Тутъ же помѣщены посмертныя сочиненія М. И., двухручныя переложенія сочиненій Глинки, сдѣланныя Листомъ, Балакиревымъ, Даргомыжскимъ, Лядовымъ, Вильбоа, Штилемъ, Гурилевымъ, Дюбюкомъ, Фольвейлеромъ и пр. Тутъ же находятся фортепіанныя сочиненія Глинки (около 40), помѣщается объемистый томъ духовныхъ сочиненій и переложеній М. И., изданныхъ Юргенсономъ, въ который вошли: ектенія первая, «Да исправится молитва моя», «Боже силъ», «Херувимская». Въ томъ же шкафу помѣщается коллекція брошюръ, статей, сочиненій, біографій, посвященныхъ дѣятельности М. И. Затѣмъ около шкапа находится цѣлый рядъ портретовъ, снятыхъ съ М. И. въ разные годы его жизни. Всѣхъ портретовъ 14. Около нихъ стоить рояль (работы Тишнера), находившійся въ селѣ Новоспаскомѣ. На этомъ инструментѣ М. И. постоянно игралъ, когда бывалъ въ деревнѣ. Тутъ же ломберный столъ, за которымъ работалъ М. И., любимый его стулъ и корзина для бумагъ, вышитая для М. И. его матерью. Въ музеѣ обращаетъ на себя вниманіе витрина съ автографами, между которыми на первомъ планѣ альбомъ, гдѣ помѣщается музыкальная программа всей оперы «Русланъ и Людмила» (20 номеровъ). Альбомъ этотъ принесенъ въ даръ музею сыновьями Петра Александровича Стенанова. Въ этой же витринѣ находятся письма къ разнымъ лицамъ, планъ первыхъ трехъ дѣйствій

оперы «Жизнь за царя». По сторонамъ упомянутого бюста помѣщены въ рамкахъ афиши перваго представленія и 50-лѣтняго юбилейнаго представленія оперы «Жизнь за Царя» и такія же афиши оперы «Русланъ и Людмила». На афишѣ перваго представленія оперы «Жизнь за Царя» первыя двѣ картины оперы: въ селѣ Домнинѣ и у поляковъ, — соединены въ одно дѣйствіе. Въ настоящее время эти двѣ картины даются отдѣльными дѣйствіями. Съ лѣвой стороны отъ входа — большой шкапъ, въ которомъ находится огромная звѣзда изъ девяти лентъ съ вышитыми и нарисованными ногами мотивовъ изъ оперы «Русланъ и Людмила». Въ день 50-тилѣтняго юбилея этой оперы звѣзда была поднесена публикою Л. И. Шестаковой. На нижней бѣлой лентѣ звѣзды вышито золотомъ: «За 50 лѣтъ службы брату». Въ этомъ же шкапу помѣщаются: фотографія дома въ селѣ Новоспаскомъ, гдѣ родился М. И. Глинка, и зала въ томъ домѣ, гдѣ М. И. сочинялъ оперу «Жизнь за царя», фотографія съ дома Томилова (въ Эртелевомъ переулкѣ, въ Петербургѣ), гдѣ М. И. жилъ въ теченіе 1854—1856 гг., снимокъ комнаты М. И. въ Берлинѣ, въ которой великій композиторъ скончался, и пр. Около этого шкапа помѣщена цѣлая коллекція фотографій съ разныхъ каррикатуръ на М. И. (числомъ 50). Въ этой же сторонѣ комнаты находится модель памятника М. И. Глинкѣ, сооруженнаго въ Смоленскѣ, а надъ ней портреты артистовъ, принимавшихъ участіе въ исполненіи оперъ М. И. Глинки. Между ними выдѣляется портретъ Маріи Матвѣевны Степановой, первой исполнительницы ролей Антонида и Людмилы. Портретъ этотъ работы Мейера и снятъ масляными красками съ М. М. Степановой въ костюмѣ Антонида изъ оперы «Жизнь за Царя», по желанію императора Николая Павловича, въ 1850 году. Еще слѣдуетъ упомянуть о витринѣ съ вещами, принадлежавшими М. И., и предметами, касающимися его. Тутъ мы видимъ шапочку М. И., его чернильницу, 4 гусиныхъ пера, линейку, бинокль, любимую булавку съ бирюзой, два серебряныхъ подсвѣчника, серебряную медаль, выбитую по случаю открытія памятника М. И. Глинкѣ въ Смоленскѣ 20 мая 1885 года, шифръ, поднесенный артистами русской оперы Л. И. Шестаковой въ 1879 году по случаю 500-го представленія оперы «Жизнь за Царя» и пр. Коллекція исполнителей разныхъ ролей въ операхъ М. И. далеко неполна; но слѣдуетъ надѣяться, что она быстро расширится, такъ какъ даже въ самый день открытія музея былъ присланъ семей Петровыхъ прекрасный портретъ О. А. Петрова въ роли Сусанина. Безъ сомнѣнія, этотъ музей, составленный съ любовью и весьма тщательно, представляетъ новую достопримѣчательность Петербурга для всѣхъ любящихъ музыкальное искусство. (См. «Новое Время», № 7,454; «Новости», № 329; «Биржевыя Вѣдомости», № 329; «Русское Слово», № 321).

Диспутъ г. Чечулина. 8-го декабря, въ актовомъ залѣ Петербургскаго университета приватъ-доцентъ Чечулинъ, магистръ русской исторіи, защищалъ представленную имъ для полученія степени доктора диссертацию на тему: «Внѣшняя политика Россіи въ первые годы царствованія Екатерины II». Не излагая содержанія книги, о которой будетъ сдѣланъ отзывъ въ нашемъ журналѣ, мы скажемъ только о самомъ диспутѣ и прежде всего отмѣтимъ, что давно уже въ университетѣ не было болѣе страннаго диспута. Обыкновенно,

оппоненты начинают свои возраженія съ указанія достоинствъ диссертации, а потомъ уже переходятъ къ недостаткамъ; обыкновенно достоинствъ оказывается больше, чѣмъ недостатковъ. Но 8 декабря ничего подобнаго не было: ни одинъ оппонентъ не указалъ на достоинства труда, а все начинали съ недостатковъ. Проф. В. И. Ламанскій, говорившій очень живо и остроумно, началъ перечень недостатковъ съ мелочей—съ ошибокъ въ транскрипціи славянскихъ словъ, происходящихъ отъ незнанія диспутантомъ славянскихъ языковъ, между прочимъ и польскаго, хотя тема, выбранная г. Чечулинымъ, касалась, главнымъ образомъ, польской политики Екатерины и должна была быть обработана также и по польскимъ источникамъ. Проф. В. И. Ламанскій признавалъ несвоевременнымъ и поспѣшнымъ появленіе труда г. Чечулина, указывая на то, что диспутанту оказалось незнакомымъ большое количество иностранныхъ депешъ, которыя не были выданы русскимъ ученымъ изданіямъ для напечатанія иностранными архивами, но которыя, при знакомствѣ съ ними на мѣстѣ, могли измѣнить взглядъ г. Чечулина на предметъ. По мнѣнію оппонента, слишкомъ мало страницъ диссертации посвящено русской политикѣ въ восточномъ вопросѣ, и совершенно не освѣщенъ національный характеръ борьбы русскихъ съ турками. Диспутантъ, по мнѣнію В. И. Ламанскаго, мало знакомъ съ обыкновенными научными приемами безпристрастнаго изслѣдованія; сочиненію вредитъ патріотическая точка зрѣнія, совершенно неумѣстная въ научномъ изслѣдованіи. Эта точка зрѣнія автора повліяла на созданіе и главнаго тезиса, будто Екатерина II и графъ Панинъ были совершенно независимы въ своей политикѣ, и будто ихъ политика была верхомъ дипломатическаго искусства. Проф. Ламанскій указалъ на то, что ни Екатеринѣ II, ни Панину не откуда было учиться политикѣ. Панинъ, по мнѣнію В. И. Ламанскаго, вовсе не обладалъ тѣми блестящими свойствами, которыми надѣляется его г. Чечулинъ. Оппонентъ подкрѣплялъ свое мнѣніе указаніемъ на совершенно неразумное поведеніе Панина въ шведскихъ дѣлахъ и на несбыточные проекты его, касавшіеся будущей судьбы Польши. Послѣ рѣчи В. И. оказалось, что онъ не нашелъ ни одного достоинства въ разбираемомъ трудѣ. Слѣдующій officialный оппонентъ проф. Платоновъ ограничился указаніями на то, что заглавіе диссертации совершенно не соотвѣтствуетъ содержанію книги. Затѣмъ проф. Платоновъ указалъ на нѣкоторые промахи, бывшіе слѣдствіемъ спѣшности работы.

Неофициально говорили г. Браудо, проф. Н. И. Карѣевъ и г. Мякотинъ. Они выяснили незнакомство диспутанта съ источниками и пособиями не только иностранными, но даже и русскими. Самъ диспутантъ призналъ этотъ недостатокъ, оправдывая себя то тѣмъ, что всего не перечтешь, то тѣмъ, что онъ не читаетъ «Русской Мысли», въ который были помѣщены, между прочимъ, всѣмъ извѣстныя статьи проф. В. О. Ключевскаго. Г. Чечулинъ защищался крайне слабо; его отвѣты были кратки и, большею частью, голословны. Послѣ совѣщанія, совершенно отсутствующаго при другихъ диспутахъ, факультетъ большинствомъ голосовъ, но не единогласно, призналъ возможнымъ ходатайствовать о дарованіи диспутанту искомой степени. Одна часть публики встрѣтила рѣшеніе факультета аплодисментами, а другая шикаваемъ.

† **К. А. Бороздинъ.** 1-го ноября, въ С.-Петербургѣ скончался редакторъ-издатель журнала «Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ» Корнелій Александровичъ Бороздинъ. Онъ родился въ Псковской губерніи, 9-го марта 1828 г. Отецъ его служилъ по удѣльному вѣдомству въ Архангельской и Симбирской губерніяхъ, а потому Бороздинъ съ дѣтства хорошо былъ знакомъ съ народнымъ бытомъ. Окончивъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета въ 1849 г., Бороздинъ незадолго до крымской войны получилъ мѣсто воспитателя владѣтельнаго князя Мингрельскаго. Съ этого времени начинается служба Бороздина на Кавказѣ, продолжавшаяся 14 лѣтъ и давшая ему возможность всесторонне изучить эту нашу окраину. Въ 1867 году Бороздинъ выходитъ въ отставку и, поселясь въ Москвѣ, занимается адвокатурой, а съ 1870 г., переселясь въ Петербургъ, отдается литературному труду. Изъ отдѣльно напечатанныхъ трудовъ К. А. Бороздина извѣстны: «Омеръ-паша въ Мингрелии», воспоминанія о Восточной войнѣ 1853—1856 годовъ (С.-Петербургъ, 1873 г.) и «Закавказскія воспоминанія: Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 годъ» (С.-Петербургъ, 1885 года, VII — 423 стр.). Кроме того, ему принадлежалъ рядъ статей, рассказовъ и воспоминаній, помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Нивѣ», «Новомъ Времени», «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Съ начала же 90-хъ годовъ покойный началъ выпускать изданіе, подъ заглавіемъ «Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ», въ видѣ художественнаго альбома съ портретами всѣхъ нашихъ государей и хорошо составленнымъ текстомъ. («Новое Время», № 7430; «Московскія Вѣдомости» № 304).

† **А. А. Поповъ.** Въ концѣ ноября, въ Новгородѣ скончался классный художникъ первой степени академіи художествъ Андрей Андреевичъ Поповъ. Покойный родился въ Тулѣ въ 1832 году, учился живописи у своего отца. Четырнадцать лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ въ число учениковъ императорской академіи художествъ. Здѣсь онъ учился сперва у М. Н. Воробьева, потомъ у Б. П. Вилевальде и пользовался поддержкой общества поощренія художествъ. Получивъ двѣ серебряныя медали по живописи народныхъ сценъ, А. А. написалъ на сюжетъ изъ басни Крылова «Демьянова уха» картину, которая находилась на академической выставкѣ 1857 года вмѣстѣ съ картиной «Возвращеніе изъ города» и «Портретомъ дѣтей Языкова». Въ 1860 году покойный получилъ большую золотую медаль за картину «Татары нагружаютъ чай въ Нижнемъ Новгородѣ». Прежде чѣмъ отправиться за границу пансіонеромъ академіи, онъ провелъ два года въ Петербургѣ и въ это время написалъ картины: «Богомолки» и «Мастерская художника». За границей А. А. жилъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, въ Парижѣ и Римѣ. Съ 1873 года его произведенія перестали встрѣчаться на выставкахъ. Вслѣдствіе болѣзни покойный почти прекратилъ свою художественную дѣятельность и едва былъ въ состояніи исполнять случайные ничтожные заказы. Послѣднее время онъ находился въ крайне бѣдственномъ положеніи. Умеръ отъ чахотки легкихъ. Изъ другихъ произведеній покойнаго назовемъ картины: «Гулянье въ Monte Pincio», «Кормилица съ ребенкомъ» и «Трактиръ». («Новое Время», № 7455).

† **А. Н. Бетхеръ.** Въ ночь на 16-е ноября, скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни помощникъ главнаго начальника женскихъ гимназій, вѣдомства императрицы Маріи, Александръ Николаевичъ Бетхеръ. Покойный принадлежалъ къ числу извѣстныхъ педагоговъ. Родился А. Н. въ 1840 году. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата естественно-историческихъ наукъ онъ поступилъ на педагогическіе курсы при 2-ой военной гимназій. Здѣсь покойный закончилъ свое образование. Съ 1866 года онъ трудился въ качествѣ преподавателя естественной исторіи во многихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ: учительской земской школѣ, въ приютѣ принца Ольденбургскаго, Василеостровской и Петровской женскихъ гимназійхъ. Покойный издалъ нѣсколько учебниковъ «Курсъ космографіи» и другіе и написалъ рядъ статей о воспитаніи и обученіи для различныхъ періодическихъ изданій. Въ 1871 году онъ предпринялъ изданіе «Педагогическаго листка женскихъ гимназій», но долженъ былъ вскорѣ прекратить свою издательскую дѣятельность. Съ 1877 года покойный состоялъ инспекторомъ Петровской женской гимназій въ Петербургѣ, а съ 1888 года помощникомъ начальника Петербургскихъ женскихъ гимназій. («Новое Время», № 7448; «Московскія Вѣдомости», № 320).

МАРСЕЛЬЦЫ

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ФЕЛИКСА ГРА

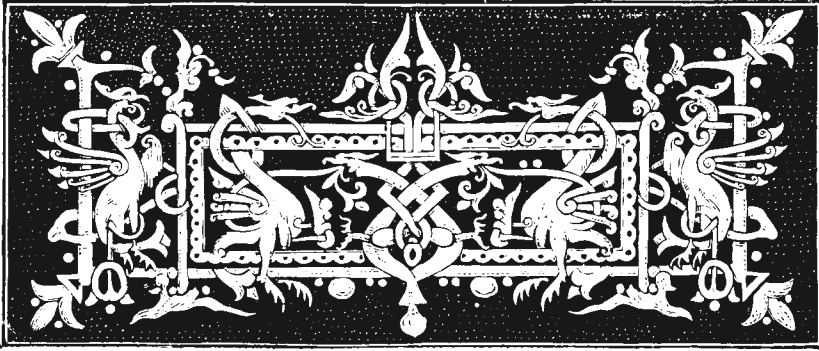
(Les rouges du Midi)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1897

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

ОВРЕМЕННАЯ провансальская литература, за исключеніемъ поэзіи Мистрала, почти неизвѣстна, а потому появленіе на французскомъ и англійскомъ языкахъ перевода провансальскаго беллетристическаго произведенія очень рѣдкое явленіе. Тѣмъ болѣе шума надѣлала повѣсть Феликса Гра «Les rouges du Midi» (Красные Юга), которая появилась въ Америкѣ въ англійскомъ переводѣ и разошлась въ нѣсколько мѣсяцевъ въ шести изданіяхъ, а затѣмъ переведена пофранцузски и напечатана въ фельетонахъ газеты «Temps». Авторъ ея, поселянинъ по происхожденію, родился въ деревнѣ Мальморъ, въ департаментѣ Ваклюзы въ 1844 г., и вступительная глава повѣсти, имѣя чисто автобіографическій характеръ, рисуешь картину его дѣтства. Сдѣлавшись замѣчательнымъ провансальскимъ поэтомъ, онъ издалъ четыре тома своихъ произведеній, написалъ на томъ же мѣстномъ нарѣчій сборникъ разсказовъ и помѣщалъ разнообразныя статьи въ журналѣ общества провансальскихъ писателей, извѣстнаго подъ названіемъ «Felibrige», главой котораго онъ состоитъ современи смерти другаго извѣстнаго провансальскаго поэта, Руманиля. Первый его опытъ въ историческомъ романѣ имѣеть громаднѣйшій успѣхъ, и какъ

въ Америкѣ, такъ въ Англии и Франціи, критика отнеслась къ нему самымъ сочувственнымъ образомъ. Такіе выдающіеся люди, какъ американскій публицистъ Ричардъ Стоддардъ и Гладстонъ, заинтересовались этимъ романистомъ-поселяниномъ и его новымъ произведеніемъ. Первый пишетъ въ «Record»: «Повѣсть Феликса Гра отличается удивительной силой и необыкновенными эффектами, выведенныя имъ лица умно и прекрасно задуманы; среди блестящихъ картинъ поразительныхъ перипетій французской революціи, развивается поэтическій, нѣжный, какъ благоуханіе лиліи, романъ. Феликсъ Гра первый показалъ въ настоящемъ свѣтѣ дѣйствія марсельскаго баталіона, который состоялъ изъ пламенныхъ патриотовъ, а не изъ бѣшеныхъ головорѣзовъ и поддонковъ общества, какъ ихъ изображали въ продолженіе ста лѣтъ». Эта историческая сторона разсказа Феликса Гра обратила на себя вниманіе и Гладстона, который чутко слѣдитъ не только за политическими событіями, но и за литературными явленіями; онъ вступилъ съ нимъ въ переписку насчетъ тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовался провансальскій романистъ для своего замѣчательнаго произведенія, и тотъ откровенно обнаружилъ всю подкладку своего разсказа. «Что касается фактовъ,— говоритъ Гра въ письмѣ къ Гладстону, которое служитъ лучшимъ предисловіемъ къ «Марсельцамъ»,—то я частью взялъ ихъ изъ словъ самого Паскаля, а частью моего дѣда Доменика и моей матери, еще находящейся въ живыхъ, хотя ей уже 91 годъ. Она часто описывала мнѣ сцену въ мальморской больницѣ, гдѣ папистскіе роялисты, переодѣтые монахами, убили либераловъ. Эпизодъ нанесенія ударовъ отцу Паскаля основанъ на дѣйствительномъ происшествіи, случившемся съ моимъ собственнымъ прадѣдомъ. Хотя простой поселянинъ, онъ имѣлъ мула, на которомъ привозилъ жатву съ поля домой; однажды онъ возвращался съ своимъ муломъ въ деревню, какъ вдругъ повстрѣчалъ маркиза Годаня, который ѣхалъ верхомъ, и тотчасъ свернулъ въ канаву, чтобъ предоставить маркизу всю дорогу, бывшую довольно узкой, но онъ сдѣлалъ это не довольно скоро, и маркизъ ударилъ его два раза по лицу своимъ бичемъ такъ сильно, что слѣды этихъ ударовъ оставались на его лицѣ въ продолженіе многихъ дней. Мой прадѣдъ и вся его семья очень боялись, чтобъ это происшествіе не имѣло дурныхъ послѣдствій, и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль его тщательно скрывали изъ страха, чтобъ его не подвергли тѣлесному наказанію или не посадили въ тюрьму. Подобные факты тогда не составляли ничего необыкновеннаго, и нашъ знаменитый поэтъ Фридрихъ Мистраль, съ которымъ я однажды бесѣдовалъ о жестокомъ обращеніи въ старину помѣщиковъ съ поселянами, разсказалъ мнѣ, что его дѣдъ получалъ такіе же побои и за то же самое отъ какого-то аристократа. Что касается документовъ, то можно видѣть въ авиньонской библиотекѣ постановленіе папскаго вице-легата, одобренное французскимъ королемъ, въ силу

котораго наказывалось «палками, галерами или смертной казнью», согласно доброй волѣ легата, «самое пустое нарушение закона, за что въ настоящее время взыскивается штрафъ въ одинъ франкъ. Еще скажу, что существуетъ переписка Барбару, безспорно устанавливающая тотъ фактъ, что Сантеръ, подъ предлогомъ болѣзни, измѣнилъ своему обѣщанію принять участіе въ нападеніи на Тюльери и ждалъ неудачи этого предпріятія, чтобъ оказать помощь королю; эта же переписка подтверждаетъ, что и за Петіономъ зорко слѣдили все время съ цѣлью помѣшать ему воспрепятствовать рѣшительному шагу марсельцевъ. Вообще моей цѣлью было писать не исторію въ полномъ смыслѣ этого слова, а краткій историческій рассказъ доказывающій, что Марсельцы, поднявъ возстаніе, обеспечили торжество революціи, и что среди нихъ раздался первый протестъ противъ заблужденій, жестокостей и крайностей Террора». Въ своемъ отвѣтѣ, отъ 3-го сентября настоящаго года, Гладстонъ замѣчаетъ: «въ Англіи и, я полагаю, въ другихъ странахъ насъ учатъ съ юности смотрѣть съ ужасомъ на крайности французской революціи, но книги, подобныя вашей, научатъ насъ, что главная отвѣтственность за эти крайности лежитъ на системѣ и людяхъ, которые впродолженіе многихъ поколѣній старались изгладить изъ ума народа идею закона и права, общественнаго, гражданскаго и личнаго».

Дѣйствительно, рассказъ Феликса Гра, напоминающій нѣсколько романы Эркмана-Шатріана, но отличающійся болѣе свѣжимъ, безъискусственнымъ колоритомъ, основанъ въ своей исторической подкладкѣ на новѣйшихъ архивныхъ розысканіяхъ, доказавшихъ, что марсельскій батальонъ, игравшій въ событіи 10-го августа такую рѣшающую роль, состоялъ не изъ злодѣевъ и бѣглыхъ арестантовъ, какъ долго увѣряли враги революціи, но изъ пламенныхъ патріотовъ, почти исключительно бывшихъ національными гвардейцами въ своемъ родномъ городѣ. Самый эпизодъ похода марсельцевъ на Парижъ тѣмъ интереснѣе, что они первые пѣли гимнъ Руже-де-Лиля и доставили ему такую популярность, что его назвали «марсельезой» въ честь этихъ первыхъ его пѣвцевъ.

ВМѢСТО ПРОЛОГА.

Мои посидѣлки.

Когда онъ постарѣлъ, очень постарѣлъ, когда ему пошелъ десятый десятокъ, нашъ добрый сосѣдъ Паскаль, сынъ старухи Патины, уже только болталъ безъ всякаго смысла; а прежде онъ намъ рассказывалъ подробно и основательно, во время долгихъ зимнихъ посидѣлокъ, свой походъ съ марсельцами на Парижъ и свои кампаніи во время имперіи, отъ битвы подъ Пирамидами до Ватерло. И постоянно онъ повторялъ:

— Я скоро умру. Я скоро умру. А послѣ меня умретъ сейчасъ же и мой братъ Ланжъ. Тогда некому будетъ смотрѣть за нашимъ муломъ.

Бѣдный Паскаль! Грустно было видѣть, что онъ дошелъ до этого, онъ, который своими эпическими рассказами заставлялъ насъ сидѣть цѣлые вечера, разиня рты, слушая какой нибудь эпизодъ изъ исторіи революціи, или войнъ съ нѣмцами, русскими и англичанами.

Мнѣ кажется, что я вижу теперь передъ собою, какъ онъ сидитъ по срединѣ длинной скамейки, стоявшей вдоль стѣны въ мастерской сапожника, гдѣ мы и всѣ сосѣди собирались по вечерамъ на посидѣлки.

Одна и та же лампа служила сапожнику и его ученику, но каждый изъ нихъ имѣлъ свой стеклянный шаръ съ водой, въ которомъ свѣтъ лампы принималъ солнечный блескъ, отражаясь на ихъ работѣ. Подлѣ скамейки находилась большая печь, накаленная до красна, такъ что въ комнатѣ было до того жарко, что мы всѣ казались мокрыми курицами. Когда старикъ Паскаль доходилъ въ своихъ рассказахъ до патетическихъ моментовъ и начиналъ выражаться если не стихами, то рѣмованной прозой, то даже сапожникъ и его ученикъ повертывались спиной къ свѣту и, не смотря на гнѣвные взгляды хозяйки, прекращали работу. Какъ могли они колотить молоткомъ по подошвѣ, когда они, подобно намъ всѣмъ, широко открывали глаза и развѣшивали уши, чтобы не проронить ни одного слова старика.

А я, мальчикъ восьми и девяти лѣтъ, ощущалъ въ эти минуты самое большое наслажденіе въ жизни.

Отправляясь спать, я всегда сожалѣлъ, что вечеръ такъ скоро кончился, и ждалъ съ нетерпѣніемъ слѣдующаго дня, чтобы снова усѣсться на скамейкѣ въ уголку рядомъ съ кошкой, и дослушать прерванный рассказъ о какой нибудь битвѣ.

Поэтому легко представить мое отчаяніе, когда десяти лѣтъ меня заперли въ Сентъ-Гардскую школу. Я очень хорошо помню, какъ меня отвела рыжая лошадь моего отца, запряженная въ таратайку,

въ которой лежали мой матрасъ и кожаный чемоданъ. Не успѣли мы въѣхать во дворъ школы, какъ выбѣжали два человѣка и взяли вещи, а отецъ спустилъ меня на землю, поцѣловалъ на обѣ щеки, сунулъ въ руку горсть мѣдныхъ монетъ и быстро уѣхалъ. Старый привратникъ Викторъ, съ козлиной бородкой, ввелъ меня въ домъ и заперъ за собою дверь на ключъ.

Пока было свѣтло, я не скучалъ: я считалъ свои деньги и, бросая ихъ на полъ, прислушивался къ ихъ звону. Потомъ я познакомился съ поддючиной новыхъ учениковъ, такъ же, какъ и я, запертыхъ на ключъ. Но при наступленіи ночи, послѣ ужина, пришлось идти спать, и тутъ-то охватило меня жгучее горе. Я вспомнилъ, что моя мать развязывала мнѣ башмаки, чтобы я поскорѣ улегся спать, въ тѣ вечера, когда я возвращался домой усталый изъ дома сапожника, повторяя мысленно все, что я слышалъ отъ стараго Паскаля. При этихъ воспоминаніяхъ слезы потекли у меня по щекамъ, пока дѣтскій, безмятежный сонъ не сковалъ мнѣ глазъ.

Проснувшись на слѣдующее утро, я съ грустью сказалъ себѣ, что цѣлый день мнѣ не видѣть матери, а вечеромъ не слышать разсказовъ Паскаля. Снова ночью я плакалъ и снова утромъ мрачно смотрѣлъ на жизнь.

По прошествіи недѣли пріѣхали ко мнѣ мать и отецъ, чтобы меня провѣдать и узнать, хорошо ли я сплю, и привыкаю ли къ новой жизни. Какъ они удивились, услыхавъ отъ меня, что я хочу вернуться домой и не буду ни ѣсть, ни спать въ этой противной школѣ.

— Ну, красавчикъ мой,—сказалъ отецъ:—тебѣ надо учиться, а то, что ты сдѣлаешь, какъ станешь большимъ?

— Я хочу вернуться домой. Я и такъ достаточно знаю.

— Что же ты знаешь?

— Я умѣю читать.

— А еще что?

— Умѣю считать.

— Это хорошо, но надо еще научиться многому кое-чему: напри- мѣръ, латинскому, да греческому языку.

— Я не хочу этому учиться и желаю вернуться домой.

— Полно, полно. Вѣдь ты хочешь быть докторомъ, нотариусомъ, адвокатомъ, или патеромъ? А вѣдь для всего этого надо знать латыни и погречески.

— Я не хочу быть ни докторомъ, ни патеромъ, ни адвокатомъ, ни нотариусомъ.

— Ты хочешь быть поселяниномъ? Нѣтъ, это плохое ремесло, повѣрь мнѣ. Да что съ тобой говорить, твоя дурь скоро пройдетъ.

— Я не хочу быть поселяниномъ, а хочу вернуться домой.

Моя мать все время молчала и только, качая головой, чистила мнѣ печеные каштаны, которые я ѣлъ, споря съ отцемъ.

— Будемъ говорить напрямикъ,—сказалъ онъ наконецъ съ нетерпѣніемъ:—чѣмъ же ты хочешь быть?

— Я хочу быть сапожникомъ.

— Ахъ, ты дуракъ!—воскликнулъ отецъ:—вишь, что задумалъ! Да кто тебѣ внушилъ такую дикую мысль?

Я опустилъ глаза, покраснѣлъ и не смѣлъ признаться, что я хотѣлъ идти въ ученіе къ сапожнику только потому, чтобы вѣчно слушать рассказы стараго Паскаля. О, для этихъ рассказовъ можно было рѣшиться на все!

Предчувствуя, что время все уладить, отецъ уговорилъ меня остаться въ школѣ до конца мѣсяца и обѣщалъ тогда взять меня домой и отдать въ обученіе сапожному мастерству, если я къ тому времени не привыкну къ своей новой жизни. Но, чтобы придать школѣ нѣкоторую прелесть въ моихъ глазахъ, онъ обѣщалъ устроить мнѣ уроки рисованія и музыки, а то и другое было моей страстью. Съ этой цѣлью онъ купилъ мнѣ тотчасъ ящикъ съ красками и флейту. Все это меня очень обрадовало и успокоило, такъ что, прощаясь съ матерью, я шепнулъ ей на ухо:

— Я теперь останусь въ школѣ, только пришли мнѣ тѣ пять маленькихъ томиковъ, которые я читалъ во время моей послѣдней болѣзни. Ты знаешь, тамъ говорится объ Улиссѣ и Ахиллѣ.

— Да, да, знаю, это исторія осады Трои. Я тебѣ ее пришлю при первой возможности.

Такимъ образомъ, благодаря ящику съ красками, флейтѣ и троянской войнѣ, я не сдѣлался сапожникомъ, а привыкъ къ школьнымъ занятіямъ, и старикъ Гомеръ заставилъ меня забыть старика Паскаля.

А все-таки, раздумывая о моей прошедшей жизни, я часто спрашиваю себя: не лучше ли было бы, если бы я пошелъ въ сапожники? По крайней мѣрѣ, тогда сколько бы я наслушался прекрасныхъ рассказовъ, которыми старикъ Паскаль постоянно утѣшалъ своихъ слушателей въ продолженіе двадцати лѣтъ въ долгія зимнія посидѣлки въ моемъ родномъ селеніи Мальморѣ. А теперь я могу только передать вамъ одинъ изъ его рассказовъ, слышанный мною въ дѣтствѣ.

I.

Бѣдняки.

Однажды вечеромъ всё по обыкновенію были на своихъ мѣстахъ. Я прижался въ уголокъ со своей кошкой и думалъ про себя: какъ бы это кто нибудь попросилъ старика Паскаля начать новый рассказъ, такъ какъ онъ только наканунѣ окончилъ свое повѣствованіе о битвѣ подъ Ватерло.

— А знаете, что, Паскаль,—сказалъ неожиданно Матеронъ:— я уже давно хотѣлъ у васъ спросить, какъ это вы, поселянинъ изъ Мальмора, попали въ марсельскій баталіонъ, который ходилъ на Парижъ въ первый годъ революціи?

— Благодаря нищетѣ,—отвѣчалъ Паскаль своимъ звонкимъ мелодичнымъ голосомъ.

И мы всё уставились на него глазами.

— На что могутъ теперь люди жаловаться,—продолжалъ онъ:— развѣ только на излишекъ? Въ настоящее время каждый поселянинъ имѣетъ свой клочекъ земли, а земля даетъ ему кусокъ хлѣба! Но я, напримѣръ, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, никогда не видывалъ ни квашни, ни боченка изъ-подъ вина, въ несчастной хижинѣ, гдѣ жили мои родители по милости маркиза Амбрена. На шестнадцатомъ году я впервые отвѣдалъ супа съ гнилымъ свинымъ саломъ. До тѣхъ же поръ мы жили только тѣмъ, что могли извлечь отъ небольшого участка плохой земли, которую маркизь намъ жаловалъ за сборъ испола желудей въ его помѣстьѣ. На своемъ участкѣ мы только могли сѣять горохъ, бобы, чечевицу, благодаря которымъ мы втроемъ: отецъ, мать и я, не умирали съ голоду съ пожиравшими насъ благодаря грязи насѣкомыми. Только разъ въ годъ мои родители отправлялись въ сосѣдную деревню и пекли тамъ хлѣбъ изъ бобовъ, желудей и щепотки ржаной муки. Этотъ хлѣбъ каждое утро рубилъ на ломти отецъ, а подъ конецъ года топоръ притуплялся: такъ крѣпокъ былъ черствый хлѣбъ.

Впервые я отвѣдалъ бѣлаго хлѣба въ одинъ прекрасный день, проходя мимо двора замка. Дочь маркиза, Аделина, бывшая одинаковыхъ со мною лѣтъ, подошла ко мнѣ и, отломивъ кусокъ отъ ломтя, который она держала въ рукѣ, подала мнѣ. Но маркиза побранила ее за это.

— Аделина, Аделина, зачѣмъ ты даешь хлѣбъ этому воршикѣ? Не надо приучать его къ бѣлому хлѣбу, а то онъ, пожалуй, когда нибудь вырветъ его у тебя! Ступай прочь, нищій мальчишка, или я натравлю на тебя собакъ.

Я бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, но крѣпко сжималъ кусокъ хлѣба, который потомъ показался мнѣ удивительнымъ лакомствомъ.

Въ другой разъ я пробирался голодный по задкамъ скотнаго двора и вдругъ замѣтилъ въ канавѣ выброшенную кочерыжку капусты. Я съ жадностью бросился туда, чтобы ее поднять, но въ ту же минуту съ другой стороны поспѣшила къ той же кочерыжкѣ жирная большая свинья со слѣдовавшими за нею поросятами. Я ускорилъ шаги, чтобы опередить ее, но мнѣ перерѣзалъ дорогу скотникъ, человѣкъ очень злой и грубый, онъ ударилъ меня изо всей силы палкой, и я, предоставивъ кочерыжку свиньѣ, пустился бѣгомъ домой. Но позади я слышалъ голосъ маркиза, который кричалъ изъ окна:

— Такъ ему и надо, негодяю! Онъ хотѣлъ обидѣть господскую свинью. Мерзавцы эти крестьяне! Они насъ съѣли бы живьемъ, если бы мы только поддались.

Эти два случая запали въ мою память и наполняли горечью мое сердце.

Поэтому я не могъ хладнокровно видѣть, какъ при проходѣ мимо нашей хижины маркиза, его жены и сына, служившаго въ королевской арміи, мой старикъ отецъ и добрая мать выходили на порогъ и, становясь на колѣна, кланялись имъ въ землю. Мнѣ было стыдно, и я едва сдерживалъ овладѣвавшій мною гнѣвъ.

— Что же ты прячешься,—говаривалъ мнѣ отецъ послѣ удаленія маркиза и его семьи:—я тебя другой разъ заставлю преклонить колѣна передъ нашимъ добрымъ господиномъ.

Наивная простота отца еще увеличивала мои душевныя страданія.

Изъ всей семьи маркиза Амбрена я только видалъ съ удовольствіемъ маленькую Аделину, которая наградила меня кускомъ бѣлаго хлѣба; ей я кланялся охотно и съ уваженіемъ. У нея глаза были такіе мягкіе, нѣжные, и она всегда улыбалась, встрѣчая меня.

Однажды вечеромъ, въ недѣлю всѣхъ святыхъ, мы сидѣли вокругъ котла съ бобами, какъ вдругъ отецъ сказалъ:

— Завтра намъ надо идти собирать желуди въ Неске. Пора сдѣлать запасъ на зиму: она, говорятъ, будетъ тяжелая. Я, право не знаю, что и думать, но творятся странныя дѣла: въ Авиньонѣ люди рѣжутся, какъ звѣри, а въ Парижѣ революція, и маркизъ отправляется туда со своей семьей, чтобы оказать помощь королю, которому грозитъ большая опасность.

Въ первый разъ я тутъ услышалъ, что во Франціи есть король, и тотчасъ мнѣ пришла въ голову мысль, что если маркизъ идетъ на защиту короля, то было бы недурно пойти противъ него.

Слова отца меня удивили, но потомъ я забылъ объ нихъ, тѣмъ болѣе, что на другой день мы отправились на сборъ жолудей.

Погода была ужасная: мы встали рано и пошли въ темнотѣ по мерзлой дорогѣ. Вѣтеръ дулъ холодный и рѣзалъ лице, словно иглами. Уже начинало свѣтать, какъ мы добрались до Неске, гдѣ были купы громадныхъ дубовъ.

Ужасно тяжело было собирать окоченѣвшими руками скользкіе желуди. Бѣдный отецъ, въ грубой рубашкѣ, шерстяной курткѣ, короткихъ штанахъ, дырявыхъ чулкахъ и деревянныхъ башмакахъ, ежился и кряхтѣлъ при каждомъ порывѣ ледящаго вѣтра, а я кутался, какъ могъ, въ накинутую на плечи овечью шкуру.

Мы работали молча, какъ вдругъ я услышалъ лай собакъ маркиза на другой сторонѣ горы. Черезъ минуту показался заяцъ, преслѣдуемый собаками. Онъ быстро несся на насъ, и я уже хотѣлъ бросить въ него камнемъ, какъ хитрый звѣрекъ, увидѣвъ грозившую ему опасность, свернулъ въ сторону и исчезъ въ лѣсу. Собаки съ громкимъ лаемъ бросились туда же.

Отецъ ничего этого не видѣлъ и продолжалъ собирать желуди. Неожиданно на гребнѣ горы показался сынъ маркиза, офицеръ; онъ быстро бѣжалъ внизъ, держа въ одной рукѣ ружье, а въ другой хлыстъ. Увидавъ его, отецъ опустилса, по обыкновенію, на колѣна, но жестокосердный Робертъ, не говоря ни слова, ударилъ его такъ сильно хлыстомъ по лицу, что тотъ повалился на землю. Видя это, я бросился бѣжать въ гору и почти ползкомъ взобрался на верхъ, слыша удары, наносимые отцу офицеромъ, который громко кричалъ:

— Ахъ, ты мерзавецъ! Ты испортилъ мою охоту, ты спугнулъ зайца.

И удары сыпались на несчастнаго. Но, повидимому, этого было мало, и на помощь Роберу явился лѣсникъ громаднаго роста и нѣмецъ по происхожденію. Его имя было такое странное, что никто изъ насъ не могъ его произнести, и мы звали этого негодяя Сурто. Онъ также набросился на моего отца и сталъ осыпать его новыми ударами. Я уже былъ тогда на гребнѣ горы и при видѣ этого ужаснаго зрѣлища не выдержалъ, схватилъ большой камень и бросилъ его изо всей силы. Онъ пролетѣлъ мимо головы лѣсника и ударился объ ногу Робера.

— Ай, ай! — воскликнулъ онъ и, обернувшись, увидалъ меня.

Онъ схватилъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ два раза кряду. Пули просвистѣли въ деревьяхъ, а я уже былъ далеко въ лѣсу.

Хотя я былъ тогда почти ребенокъ: мнѣ не было четырнадцати лѣтъ, но я все-таки понялъ, что мнѣ угрожала опасность, если я вернусь домой засвѣтло, и до ночи скрывался въ лѣсной чащѣ.

Какъ длиненъ показался мнѣ этотъ день! Чтобы утолить голодь, я имѣлъ только одинъ ломоть черстваго хлѣба, но онъ былъ такъ крѣпокъ, что приходилось разбивать его камнемъ на мелкіе кусочки и смачивать слезами.

Когда наступили сумерки, я тихонько пробрался на то мѣсто, гдѣ утромъ избили моего бѣднаго отца. Я боялся, что увижу его тамъ мертвымъ или безъ чувствъ, какъ его оставили злодѣи; но его тамъ не было. Это меня нѣсколько успокоило: значить, бѣдняка

унесли, или онъ самъ доплелся до дому. Какъ я желалъ отпра-
виться туда же, но боязнь, чтобы лѣсникъ не подсторожилъ меня
около хижины, заставила меня снова бѣжать до тѣхъ поръ, пока
я не достигъ границы владѣній маркиза Амбрена. Тамъ я былъ
внѣ опасности, но зато далеко отъ дома, отъ бѣдной матери, ко-
торая, конечно, плакала, не зная, что случилось съ ея Паскалэ.

Мысль о матери, однако, пересилила мой страхъ, и я рѣшился
подъ покровомъ ночи повидать ее хоть въ послѣдній разъ. Поэтому
я вернулся назадъ, пробрался черезъ поля и задворками къ нашей
хижинѣ, приблизился къ отверстию, служившему намъ окномъ и
которое мы затыкали травой, просунулъ голову и произнесъ шепотомъ:

— Мама, мама.

Но никто мнѣ не отвѣчалъ.

Кровь моя закипѣла. Я подумалъ, что убили отца и мать. Я
обѣжалъ кругомъ хижины. Дверь ея была широко открыта. Тогда
я забылъ о лѣсникѣ и сталъ громко кричать:

— Мама, мама! Папа, папа! Гдѣ вы? Я пришелъ, я, вашъ Па-
скалэ.

Бросившись на землю, я сталъ въ отчаяннн валаться, оглашая
воздухъ криками и рыданіями. Наконецъ, я усталъ кричать и,
чувствуя, что не могу отомстить за мое несчастіе, рѣшилъ покон-
чить съ собой. Не вдалекѣ находился прудъ, въ которомъ мѣсяцъ
передъ тѣмъ утопилась красавица Анетта, такъ же, какъ и я, при-
веденная въ отчаяніе. Я бросился бѣжать и, увидавъ издали бле-
стящую поверхность пруда, сказалъ себѣ: Вотъ гдѣ рай! Я закрылъ
глаза, разбѣжался и прыгнулъ.

— Но,—прервалъ тутъ свой разсказъ старикъ Паскаль:—уже
поздно, и я вамъ въ другой разъ окончу свою исторію.

Мы всѣ разошлись, и по дорогѣ я спросилъ у дѣда, который
велъ меня за руку:

— А что, дѣдушка, онъ потонулъ?

— Погоди. мы узнаемъ завтра, что съ нимъ случилось.

II.

Добрый патеръ.

На слѣдующій день за ужиномъ я торопился ѣсть и не же-
валъ мяса изъ боязни опоздать къ началу разсказа старика Па-
скаля. И все время меня преслѣдовала мысль: а что если Паскаль
займется какимъ нибудь дѣломъ и оставитъ насъ въ дуракахъ. Но
это не помѣшало мнѣ съѣсть всю мою порцію печеныхъ кашта-
новъ и корку хлѣба отъ ломтя дѣда, который ѣлъ только мякишъ.

Мать смотрѣла съ удовольствіемъ на мою прозорливость, такъ какъ обыкновенно у меня не было никогда аппетита.

Еще съ полнымъ ртомъ я вскочилъ, вынулъ изъ шкафа фонарь, зажегъ его и подаль дѣду.

— Куда ты торопишься, мальчуганъ?— сказалъ старикъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, дѣдушка, а то Паскаль начнетъ безъ насъ,— отвѣчалъ я съ нетерпѣніемъ.

Дѣдъ былъ такой добрый, что исполнялъ все мои желанія. Мы отправились въ путь и вошли въ домъ сапожника вмѣстѣ съ Паскалемъ. Посидѣлки уже начались, и комната была почти полна: дымъ трубокъ и запахъ кожи стояли въ воздухѣ, такъ что трудно было дышать, хотя быстро можно было привыкнуть къ этой тяжелой атмосферѣ.

Сапожникъ и его ученикъ торопливо оканчивали свою работу, чтобы не задерживать рассказчика; удары ихъ молотковъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Наконецъ послѣдняя подошва была кончена, и водворилась тишина.

Я не выдержалъ и хотя обыкновенно не говорилъ ни слова, тутъ громко воскликнулъ:

— Расскажите же, Паскаль, какъ вы выбрались изъ пруда.

Онъ какъ будто ждалъ этого вопроса и продолжалъ свой прерванный рассказъ:

— Ну, друзья мои, я попалъ не въ воду, а на ледъ, покрывавшій поверхность пруда. Ночь была такая холодная, что вода замерзла, и я, шлепнувшись изо всей силы, получилъ такое сотрясеніе во всемъ тѣлѣ, что нескоро собрался съ мыслями. Съ большими усиліями я поднялся и, добравшись до берега, растянулся на замерзшей землѣ.

Что мнѣ было дѣлать? Я былъ ребенокъ безъ отца, безъ матери, безъ дома, въ холодную ночь среди открытаго поля. Всякаго рода опасности грозили мнѣ на каждомъ шагѣ: въ лѣсу были волки, по дорогамъ шатался грозный Сурто, а въ замкѣ жилъ злой Робертъ. Отъ нихъ нельзя было ждать пощады. Но вотъ мнѣ пришла въ голову свѣтлая мысль, я вспомнилъ, что однажды я ходилъ на урокъ катехизиса въ деревню Мальморъ, и патеръ нашего прихода сказалъ намъ между прочимъ: дѣти, не забывайте никогда вашего Отца Небеснаго, и когда посѣтитъ васъ горе или несчастіе, обратитесь къ Нему съ молитвой, и Онъ васъ услышитъ; а если можно, то лучше всего идите въ эти печальныя минуты въ Домъ Божій, какъ къ доброму, щедрому сосѣду, и вы увидите, что Онъ вамъ поможетъ.

Нашего патера звали Рандулэ, и я его часто видалъ на дорогѣ въ замокъ Ла-Гарди. Но если онъ постоянно посѣщалъ семью маркиза, то нисколько на нее не походилъ. Онъ говорилъ со всѣми; встрѣчаясь съ отцомъ, пожималъ ему руку и спрашивалъ, что дѣ-

лаютъ его жена и ребенокъ: онъ любилъ шутить и смѣяться. Вообще это былъ славный добрякъ, и его одного изъ посѣтителей замка я не боялся. Каждый разъ, какъ я его видѣлъ и почтительно снималъ ему шляпу, онъ съ любезной улыбкой говорилъ:

— Здравствуй, мальчуганъ.

Поэтому не удивительно, что, вспомнивъ о немъ, я успокоился и быстро направился въ деревню Мальморъ. Но не успѣлъ я добраться до его дома, стоявшаго рядомъ съ церковью, какъ струсилъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. А если онъ меня отправитъ въ замокъ и выдастъ злому лѣснику? Нѣтъ, это было невозможно. Онъ былъ добрый человекъ и, конечно, меня защититъ. Я взялся за молотокъ у двери и ударилъ три раза. Ничто не пошевелинулось въ домѣ. Я постучалъ еще три раза и, отойдя на нѣсколько шаговъ, сталъ смотрѣть въ окна, сталъ прислушиваться. Спустя нѣсколько минутъ, долетѣли голоса:

— Жаннета,—кричалъ патеръ:—кто-то стучится въ дверь.

— Нѣтъ,—отвѣчала старая служанка:—вамъ только кажется. Это шумить вѣтеръ.

Собравшись съ новыми силами, я возобновилъ стукъ, и снова послышался голосъ патера:

— Ты слышишь? Я правъ: кто-то стучится. Поди, посмотри.

Въ окнахъ показался свѣтъ, потомъ послышался стукъ деревянныхъ башмаковъ служанки, наконецъ послышался ея голосъ:

— Кто тамъ?

— Я.

— Кто ты?

— Паскалъ, сынъ Патины.

Не успѣлъ я произнести своего имени, какъ дверь широко открылась, и на меня упалъ свѣтъ лампы.

— Ну, входи!—крикнула старуха:—зачѣмъ ты шатаешься въ такое позднее время? Патеръ спитъ. Что тебѣ нужно?

Она заперла за мной дверь, и мы очутились на лѣстницѣ. Ея слова и грубый тонъ меня озадачили, и я дрожащимъ голосъ промолвилъ:

— Мнѣ надо видѣть патера.

— Тебѣ надо его видѣть, ишь какой молодецъ!—заворчала старуха:—для него вставай въ два часа ночи. Мы встаемъ по ночамъ только для умирающихъ, а для остальныхъ довольно и дня.

По счастью для меня, добрый патеръ услышалъ нашъ разговоръ и закричалъ:

— Тащи его въ кухню и погрѣй у огня. Я сейчасъ выйду.

Старуха ничего не отвѣчала и стала взбираться на лѣстницу, а я слѣдовалъ за ней. Черезъ минуту мы уже были въ кухнѣ, гдѣ хорошо пахло отъ вчерашняго ужина. Жаннета быстро развела огонь подъ очагомъ, и мнѣ казалось, что я очутился въ раю.

Вскорѣ въ кухню вошелъ патеръ въ длинномъ халатѣ, въ туфляхъ и въ шелковомъ платкѣ на головѣ.

— Это ты, Паскаль?—сказалъ онъ своимъ тоненькимъ, женскимъ голоскомъ:— ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ; я отведу тебя къ отцу. Онъ очень избить, но поправится.

Говоря это, патеръ потрепалъ меня по щекамъ.

— А гдѣ отецъ? — спросилъ я.

— Въ больницѣ, и мать твоя ухаживаетъ за нимъ. Я сведу тебя къ нимъ завтра утромъ, а теперь нельзя. Но ты, вѣрно, ничего не ѣлъ цѣлый день? Жаннета, есть у насъ чтонибудь?

— Ничего нѣтъ,— отвѣчала старуха:—развѣ остался одинъ фаршированный томатъ.

— Ну, скушай что есть, съ хлѣбомъ, и выпей стаканъ вина,—сказалъ патеръ:— а потомъ ложись спать. На разсвѣтѣ я пойду съ тобой въ больницу.

Отецъ мой былъ живъ, и патеръ защититъ меня отъ Сурто! Этого было достаточно, чтобы я чувствовалъ себя совершенно счастливымъ.

Я старался ѣсть, но мое горло такъ сжалось, и во рту такъ пересохло, что я рѣшительно не могъ жевать.

— Знаешь что?—сказалъ патеръ, замѣтивъ мое безвыходное положеніе:—ты лучше прежде выпей вина, тогда дѣло пойдетъ на ладъ.

И онъ налилъ мнѣ краснаго вина въ кубокъ на ножкѣ, походившій на чашу съ причастіемъ.

Я глотнулъ. И какое это было вино, друзья мои, просто чудо! Оно сразу возвратило мнѣ потеряныя силы. Тогда я принялся за хлѣбъ и томатъ, которые быстро уничтожилъ.

Утоливъ голодь, я началъ болтать, какъ ребенокъ, и рассказалъ все, что случилось со мной впродолженіе дня, а добрый патеръ, усѣвшись у печки и грѣя себѣ руки, терпѣливо слушалъ меня. Когда же я окончилъ, то онъ снова налилъ мнѣ вина, и, пока я пилъ, отвернулся, чтобы скрыть свои слезы.

— О! какіе у насъ дурные господа,—промолвилъ онъ, подымая руки вверху:— какіе они дурные христіане! Сынъ Божій пролилъ свою кровь на крестѣ одинаково за господъ и слугъ, за маркизовъ и поселянъ. О господа, господа! вы навлечете на себя гнѣвъ Бога, который не попуститъ, чтобы народъ долго голодалъ и плакалъ. Берегитесь, ваши замки сгорятъ и ваши фонтаны забьютъ кровью. Будетъ вамъ плохо, дурные господа, дурные христіане!

Сказавъ это, онъ задумался, а потомъ, взявъ меня за руку, повелъ чрезъ лѣстницу и великолѣпную гостиную въ комнату, гдѣ стояла большая кровать.

— Ну, ложись и спи въ постелѣ епископа Карпентрасскаго,—сказалъ онъ съ добродушной улыбкой, потрепалъ меня по щекѣ и, удалившись, оставилъ меня одного съ Жаннетой.

Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, и не смѣлъ ни до чего дотронуться.

— Ну, чего зѣваешь,— грубо сказала старуха: — раздѣвайся и ложись, только, смотри, не марай ничего, не плюй на полъ и не сморкайся въ простыню.

Она ушла изъ комнаты съ лампой и заперла за собою дверь.

Я быстро скинулъ свою несчастную одежду и бросился на мягкую перину, въ которой просто утонулъ. Мнѣ такъ было мягко, такъ тепло, такъ хорошо, что я тотчасъ же заснулъ. Я никогда не видывалъ такого богатаго ложа и всегда спалъ на соломѣ, а потому мнѣ теперъ казалось, что летаю по воздуху на облакахъ.

Сколько я спалъ, я не знаю, но меня неожиданно разбудилъ страшный шумъ. Кровь застыла у меня въ жилахъ. Въ стѣнѣ какъ будто затрещала веревка, на которой опускается ведро въ колодезь, и потомъ, надъ самой моей головой, загремѣлъ колоколь. Я сначала не могъ понять, въ чемъ дѣло, но когда снова заскрипѣла веревка, и снова раздалось: бумъ, бумъ, бумъ! — я понялъ, что случилось. Попросту я спалъ подъ колокольной, и надъ моими ушами звонили къ заутренѣ.

Не успѣли замолкнуть колокола, какъ раздалися шаги Жаннетты. Она отперла дверь, вошла въ комнату и положила на кровать узелокъ.

— Вставай, мальчуганъ,— сказала она своимъ обычнымъ грубымъ голосомъ:— надѣнь вотъ эту одежду. Да смотри, поторопись, не заставь ждать господина патера.

Я былъ внѣ себя отъ радости: передо мной были новые куртка, и штаны, чулки, башмаки и шляпа. Быстро одѣвшись, я спустился въ кухню.

Патеръ сидѣлъ за столомъ передъ чашкой чего-то, показавшагося мнѣ чернымъ бульономъ. Увидавъ меня, онъ засмѣялся и произнесъ добродушно:

— Ишь, какой ты сталъ красивый мальчикъ, точно сынъ маркиза! Ну, попробуй это. Посмотримъ, понравится ли тебѣ.

И онъ подвинулъ ко мнѣ другую чашку съ такимъ же чернымъ бульономъ. Я выпилъ ее, но не зналъ, что это такое, и, только спустя семь лѣтъ, понялъ, что это былъ кофе; тогда, во второй разъ въ моей жизни, я пилъ этотъ напитокъ въ Яффѣ, послѣ сраженія подъ Пирамидами. Бонапартъ давалъ кофе всей своей арміи, чтобы предохранить отъ чумы.

— Ну, что, тебѣ нравится?—спросилъ патеръ, отирая себѣ губы.

— Да, очень.

— А ты хочешь идти къ отцу?

— Очень хочу.

— Пойдемъ, только застегни свою куртку: очень холодно.

Мы вышли на улицу. Было уже свѣтло. Проходя по церковной площади, патеръ остановился передъ лужей крови.

— Несчастные!—воскликнулъ онъ:—они избиваютъ другъ друга. Сыны народа, рабы однихъ господъ, находящіеся подъ однимъ гнетомъ, проливаютъ свою собственную кровь. Бѣдные, бѣдные, они не умѣютъ соединиться и постоять за себя.

Наконецъ мы съ патеромъ достигли больницы и вошли въ палату, гдѣ стояли по обѣ стороны бѣлыя кровати. У изголовья одной изъ нихъ я увидаль мою мать и бросился къ ней. Она со слезами обняла меня. Потомъ я обернулся къ кровати и поцѣловаль моего бѣднаго отца.

— Паскалэ, Паскалэ,—промолвилъ онъ:—это ты, сыночекъ?

И сквозь слезы, которыми были полны мои глаза, я увидѣль его вспухшее лицо, испещренное красными шрамами, и правый глазъ, синій, полувытекшій. Дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу, зубы заскрежетали, кулаки сжались, и я въ эту минуту готовъ былъ сжечь замокъ маркиза и отравить колодезь, изъ котораго пили воду его обитатели. Но я былъ ребенокъ и могъ только плакать, поэтому я беспомощно повторялъ про себя:

— Ахъ, когда я вырасту, когда я вырасту!

Между тѣмъ отецъ приподнялся на кровати и сбросилъ съ себя одѣяло:

— Зачѣмъ ты открываешься?—сказала моя мать, снова покрывая его одѣяломъ.

— Выслушайте меня, жена и сынъ, вотъ что я хочу вамъ сказать, да и вы, патеръ, здѣсь не лишній. Отправляйтесь сегодня какъ можно раньше въ замокъ къ нашему доброму господину, къ маркизѣ Адеандѣ и къ господину Роберу, встаньте на колѣни и просите простить меня и васъ, да прибавьте, что я, какъ только выздоровѣю, то также приду къ нимъ молить о прощеніи.

— Нѣтъ, нѣтъ!—перебилъ его патеръ:—теперь не время для этого. Когда вы выздоровѣете, то мы увидимъ, какъ нужно поступить.

— Боже мой, Боже мой!—промолвилъ отецъ:—что же подумаютъ наши добрые господа, если никто не пойдетъ просить у нихъ прощенія? Однако, если вы находите, господинъ патеръ, что теперь не время, то надо вамъ повиноваться.

— Да, да. Надо меня слушаться. Будьте спокойны, я все устрою. А ты, Паскалэ, приходи вечеромъ спать ко мнѣ. Слышишь?

— Да, господинъ патеръ,—отвѣчалъ я, смотря на него съ такимъ уваженіемъ, какъ будто онъ былъ вторично явившійся на землю Спаситель.

Но какъ только онъ удалился, то я вспомнилъ слова отца и побагровѣль. Кровь бросилась мнѣ въ голову при одной мысли, что онъ посылалъ меня въ замокъ просить прощенія. Въ эту минуту я ненавидѣль отца и готовъ былъ вмѣсто повиновенія поднять на него руку.

Но недолго тяготили меня эти мрачныя мысли. Я услышалъ, что патерьъ разговаривалъ съ четырьмя женщинами, которыя сидѣли у сосѣднихъ кроватей, ухаживая за своими ранеными мужьями. Ихъ слова отвлекли мое вниманіе отъ собственнаго горя. У одного изъ несчастныхъ была на половину оторвана щека, такъ что зубы торчали наружу, у другого были расшиблены обѣ ноги, третій получилъ ударъ ножомъ въ спину, у четвертаго былъ распоротъ животъ, и торчали кишки.

— Но какъ же это случилось?—спросилъ патерьъ:—какіе мерзавцы довели ихъ до этого?

— Никто изъ нихъ не хочетъ сказать!—воскликнули въ одинъ голосъ всѣ четыре женщины:—а говорятъ, что на нихъ напали паписты, назвали ихъ либералами, избили до полусмерти, какъ вы видите.

Потомъ каждая изъ нихъ прибавила:

— И правда, нельзя всего сказать.

— Богатые всегда правы.

— Все зло произошло отъ спора между либералами и папистами.

— Если увидите негодяя Сурто, то онъ вамъ можетъ сказать всю правду.

— Не тревожьтесь, добрыя женщины,—произнесъ патерьъ со слезами на глазахъ:—ухаживайте спокойно за вашими мужьями, а я позабочусь о васъ и о вашихъ дѣтяхъ.

Потомъ патерьъ подошелъ поочередно къ каждому страдальцу и хотѣлъ отъ нихъ разузнать все дѣло; но страданія ихъ были такъ велики, что они не могли промолвить ни слова. Ничего не выслушавъ, онъ вынужденъ былъ отправиться домой, молча, качая головой.

Услыхавъ имя Сурто, произнесенное одной изъ женщинъ, я задрожалъ всѣмъ тѣломъ: этотъ ужасный нѣмецъ былъ готовъ на все. Я боялся его больше волка, больше самого чорта. Я зналъ, что онъ меня ищетъ, чтобы отомстить мнѣ за ударъ камнемъ по ногѣ его молодого господина. Мнѣ было только пятнадцать лѣтъ, но я понималъ, что если я попадусь въ его руки, то онъ подвергнетъ меня самой жестокой поркѣ, а потомъ повѣситъ, какъ собаку, на одномъ изъ деревьевъ парка. Поэтому я весь день не выходилъ изъ больницы, полагая, что тамъ я былъ въ полной безопасности.

Съ наступленіемъ ночи я рѣшился пойти въ домъ патера, но вдругъ на улицѣ раздались звуки маленькаго колокольчика и церковное пѣніе.

Сестра Луиза, ухаживавшая за больными въ этой палатѣ, подошла къ окну и сказала:

— Это несуть причастіе умирающему. Кто бы это былъ?

Шаги приблизились, застучали на лѣстницѣ, и въ палату вошли шесть человекъ въ бѣлыхъ монашескихъ рясахъ съ покрытыми лицами, изъ которыхъ виднѣлись только глаза. Одинъ изъ нихъ пристально посмотрѣлъ на меня, и я со страху спрятался за кровать

отца. Между тѣмъ монахи вытащили изъ своихъ рукавовъ ножи и, бросившись на четырехъ несчастныхъ, стали безжалостно добивать ихъ. Женщины огласили воздухъ мольбами и криками, а сестра Луиза бросалась то къ одному, то къ другому изъ палачей, тщетно стараясь остановить ихъ, пока ее не ударили такъ сильно ногой въ животъ, что она грохнулась на кровать моего отца. Моя мать со страху лишилась чувствъ.

Когда несчастные уже представляли только бездыханные трупы, то монахи молча удалились. Только одинъ изъ нихъ, самый большой, остался. Онъ подошелъ къ кровати отца, нагнулся и вытащилъ меня. Я дико закричалъ, но некому было оказать мнѣ помощь. Онъ повлекъ меня на улицу, и я долженъ былъ слѣдовать за нимъ еле живой. По временамъ я кричалъ:

— Помогите! Помогите!

Хотя во многихъ домахъ открывались окна, но никто не выходилъ мнѣ на выручку.

Кто былъ этотъ человѣкъ? Что онъ хотѣлъ со мною сдѣлать? Я отгадалъ то и другое, когда мы повернули на дорогу къ замку Ла-Гарда. Это былъ лѣсникъ Сурто. Я погибъ безвозвратно!

Старикъ Паскаль неожиданно остановился въ своемъ разсказѣ, въ кухню вбѣжала жена сапожника и, подскочивъ къ лампѣ, потушила ее съ крикомъ:

— Вы всѣ съ ума сошли! Ужъ одиннадцать часовъ, а мой муженекъ и его ученикъ ничего не работаютъ уже часа два. Вѣдь жаль на пустую болтовню жечь масло. Какъ вамъ не стыдно!

— Погоди, негодяйка,—отвѣчала ей мужъ, скрежеща зубами:— я тебѣ за это задамъ.

Между тѣмъ мы всѣ стали оцупью выбираться изъ кухни и разбрелись по домамъ. Но на улицѣ до насъ ясно доносились сыпавшіеся на жену сапожника удары колодкой.

III.

Въ Авиньонѣ.

На другой день въ деревнѣ только и было разговора, что о дракѣ сапожника съ его женой. Слыша эти толки, я съ безпокойствомъ спрашивалъ себя, будетъ ли открыта мастерская для обычныхъ посидѣлокъ.

Но дѣдъ меня успокоилъ, сказавъ:

— Ну, молодецъ, зажигай фонарь, ты увидишь, что Лами будетъ сегодня, какъ шелковая. Говорятъ, мужъ задалъ ей такого трезвону, что она двѣ недѣли не посмѣетъ открыть глотки.

Дѣйствительно, мастерская сапожника была открыта, какъ всегда. Онъ и его помощникъ весело работали, а рядомъ съ ними сидѣла Лами, какъ звали жену сапожника, и съ улыбкой вязала чулокъ

— Здравствуйте, Доминикъ, — сказала она любезно, увидавъ дѣда: — садитесь, пожалуйста. И ты, молодчикъ, — прибавила она, обращаясь ко мнѣ: — займи свое обычное мѣсто, а кошку прогони.

Потомъ она подошла къ лампѣ и поправила ее. По всему было видно, что она находилась въ самомъ прекрасномъ настроеніи.

При появленіи на порогѣ Паскаля она воскликнула:

— Васъ только и ждали! Садитесь къ огню. Говорятъ, что вы рассказываете очень интересную исторію: вотъ я пришла на ваши посидѣлки. Я очень люблю слушать ваши исторіи.

А старикъ Паскаль, который былъ глубокимъ философомъ въ шкурѣ грубаго поселянина и зналъ подноготную жизни хозяевъ, — отвѣчалъ:

— Я увѣренъ, что ты любишь больше колотушки своего мужа. Ишь, какая ты сегодня любезная!

— Какой вы забавникъ, Паскаль, но я не понимаю, что вы говорите.

— Очень хорошо понимаешь.

— А если не понимаешь, то я объясню, — прибавилъ ея мужъ, поднимая голову отъ работы: — Паскаль хочетъ сказать, что ты, какъ подошва сапога: чѣмъ больше бьешь ее, тѣмъ она становится лучше.

И всѣ присутствующіе покатались со смѣху. Но мнѣ было не до смѣха: я такъ нетерпѣливо ждалъ продолженія разсказа.

— Ну, ну! полно пустяки-то говорить, — воскликнула сапожница, красная, какъ ракъ: — ты только мѣшаешь Паскалю рассказывать намъ продолженіе его исторіи.

— Вы помните, Паскаль, — прибавилъ я: — вы остановились на томъ, что васъ тащилъ по дорогѣ въ замокъ высокій монахъ въ бѣлой рясѣ?

— Да, да, — началъ Паскаль: — я вамъ говорилъ, что мое положеніе было самое отчаянное, и я считалъ себя погибшимъ. Сурто меня не выпускалъ изъ своихъ рукъ, а когда я спотыкался, то онъ наносилъ мнѣ тяжелыя оплеухи.

Я уже видѣлъ передъ собою смерть. Вдали видѣлась дубовая аллея, которая вела съ замку. Что мнѣ было дѣлать? Единственнымъ спасеніемъ было какъ нибудь освободить свою руку изъ его грубыхъ пальцевъ и бѣжать, а, разъ я — на свободѣ, онъ меня никогда не догналъ бы ночью въ лѣсу. Но какъ было вырвать руку у этого силача? Сначала я хотѣлъ укусить его палецъ, но потомъ напелъ, что это только ухудшитъ мое положеніе. Вдругъ въ головѣ моей блеснула счастливая мысль: я вспомнилъ, что кузнечики, когда ихъ ловишь, часто прикидываются мертвыми, а потомъ, когда ихъ оставишь въ покоѣ, быстро улетаютъ. Послѣдовать ихъ примѣру и прикинутъя мертвымъ показалось мнѣ блестящей идеей.

Дѣйствительно, я упалъ на землю и лежалъ, не двигаясь. Но Сурто не выпустилъ моей руки, а лягнулъ меня ногой и крикнулъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Ага! Ты не хочешь идти!

Я притаилъ дыханіе. Онъ нагнулся и перевернулъ меня, но я не шевелился. Тогда онъ нанесъ мнѣ такую оплеуху, что у меня едва не лопнула челюсть. Но я не дрогнулъ. Все-таки онъ не выпускалъ моей руки, словно подозрѣвалъ меня въ обманѣ. Онъ сталъ тащить меня за собой, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился.

— погоди, я тебя доставлю живого, или мертвого.

И, нагнувшись, онъ сталъ взваливать меня одной рукой къ себѣ на плечи, но ему мѣшала длинная ряса. Видя, что я лежу недвижимо, онъ поддался въ ловушку и, выпустивъ мою руку на минуту, сталъ быстро снимать рясу.

Я воспользовался этой минутой, вскочилъ и побѣжалъ со всѣхъ ногъ.

— Подлецъ! Мерзавецъ! Я тебя поймаю, — кричалъ Сурто, преслѣдуя меня, но я былъ уже далеко.

Долго ли бѣжалъ за мною ужасный нѣмецъ, я не знаю, но я долго слышалъ вдали его крики и свистъ. Очевидно онъ свисталъ своихъ собакъ, чтобы затравить меня. Наконецъ я достигъ Мальмора. Я былъ спасенъ.

Было уже поздно, но во всемъ селеніи было замѣтно сильное движеніе. Въ окнахъ хижинокъ виднѣлся огонь, люди бѣжали по улицамъ. Убіеніе четырехъ либераловъ возбуждало смятеніе во всемъ околоткѣ. Пробѣгая по нижней улицѣ, я услышалъ вопли несчастныхъ женщинъ, лишившихся своихъ мужей, и грозный гулъ собравшейся у больницы толпы.

Я такъ былъ перепуганъ, что не остановился передъ толпой, а прямо пробѣжалъ къ дому патера.

При первомъ моемъ стукѣ въ дверь, Жаннета окликнула меня:

— Кто тамъ?

— Я, Паскаль.

— Какъ ты, — отвѣчала она, открывая дверь: — а куда ты дѣлъ своего монаха въ бѣлой рясы?

— Я бросилъ его по дорогѣ въ замокъ.

— А зачѣмъ онъ тебя схватилъ?

— Чтобы убить.

— А ты знаешь, кто это такой?

— Знаю. Это Сурто.

— Лѣсникъ маркиза?

— Да.

— Ступай спать. Ахъ, да, ты ужиналъ?

— Да.

— Ну, такъ спи. Патеръ ушелъ въ больницу. Когда онъ вернется, то я скажу ему, что ты здѣсь, и если онъ захочетъ, то поговорить съ тобой.

Она провела меня черезъ гостиную въ комнату съ епископской кроватью и сказала на прощанье:

— Ты хотъ перекрестись на ночь.

Я оцупью, въ темнотѣ добрался до кровати и улегся спать. Но не могъ закрыть глазъ. Мнѣ все мерещился страшный Сурто, и мнѣ казалось, что онъ лѣзетъ на меня съ ножемъ въ рукѣ. Вдругъ дверь отворилась, и лучъ свѣта упалъ на меня. Въ комнату вошелъ патеръ.

— Не бойся ничего, Паскаль, это я. Одѣвайся скорѣе, надо уходить до разсвѣта.

— Я не хочу идти въ больницу, я боюсь.

— Ты не пойдешь въ больницу. Вставай скорѣй!

Я повиновался, но, одѣвшись, никакъ не могъ найти своей шляпы.

— Чего ты ищешь? Вотъ твоя шляпа,— ты оставилъ ее въ больницѣ.

Съ этими словами патеръ повелъ меня въ кухню, гдѣ уже сутилась Жаннета, приговаривая:

— Боже мой, Боже мой! Чѣмъ все это кончится!

Она вмѣстѣ съ патеромъ взяла со стола синій холщевый мѣшокъ и положила въ него маленькій хлѣбъ, нѣсколько фигъ, горсть миндаю, три, или четыре яблока и маленькую фляжку съ виномъ.

— Дитя мое,—сказалъ патеръ, когда все было готово:—наступили тяжелыя времена, люди стали хуже волковъ: они истребляютъ другъ друга, и кровь льется потоками по улицамъ. Нѣтъ ни родственниковъ, ни друзей, ни сосѣдей, а только все убійцы. Тебя, дитя мое, ищутъ, чтобы предать смерти, а ты ни въ чемъ не виноватъ и славный мальчикъ. Послушайся меня—иди въ Авиньонъ. Туда далеко, и тамъ не найдутъ тебя твои враги. Возьми вотъ этотъ мѣшокъ съ провизіей на два дня и письмо отъ меня къ аббату Жо-серану. Онъ тебя устроитъ, и ты будешь честно зарабатывать себѣ хлѣбъ. Помни, Паскаль, что человекъ никогда не раскаивается въ добромъ дѣлѣ, а, напротивъ, рано или поздно онъ кусаетъ себѣ локти, вспоминая о злѣ, причиненномъ ближнему. Поцѣлуй меня и обѣщай, что ты никогда не будешь платить зломъ за зло, а, по завѣту Христа, будешь всегда стараться отвѣчать на зло добромъ.

— Да, да, господинъ патеръ, я вамъ это обѣщаю,—отвѣчалъ я, очень растроганный:—но...

— Что ты хочешь сказать?

— Кто будетъ заботиться о моей матери?

— Не тревожься о ней: твоя мать и отецъ не будутъ нуждаться ни въ чемъ.

Онъ надѣлъ мнѣ на шею мѣшокъ и повелъ меня за руку по старой лѣстницѣ.

На улицѣ все было тихо; звѣзды ярко горѣли въ безоблачномъ небѣ. Вскорѣ мы вышли изъ селенія и очутились на большой дорогѣ въ Авиньонъ. Патеръ меня обнялъ и сказалъ:

— Помни мои совѣты и будь увѣренъ, что я позабочусь о твоихъ родителяхъ. Смотри, не потеряй письмо. Ну, иди. Къ двѣнадцати часамъ ты будешь въ Авиньонѣ, но по временамъ спрашивай дорогу, чтобы не заблудиться.

Онъ еще разъ поцѣловалъ меня и положилъ что-то въ карманъ куртки, но я не полюбопытствовалъ посмотреть, что это, такъ какъ сердце мое тревожно билось.

— Благодарю васъ, добрый патеръ,—могъ я только промолвить и отправился въ путь.

Я шелъ быстро, хотя страшно было находиться одному въ темнотѣ, въ незнакомыхъ мѣстахъ. Иногда на меня бросались собаки, и я едва отдѣлывался отъ нихъ. Наконецъ, взошло солнце,—и мнѣ стало веселѣе. Тогда я вспомнилъ, что патеръ сунулъ мнѣ что-то въ карманъ, и полюбопытствовалъ узнать, что это было. Я вынулъ изъ кармана бумажный свертокъ и, развернувъ его, увидѣлъ три серебряныя монеты по-теперешнему въ три франка. Я былъ внѣ себя отъ радости, и мнѣ казалось, что съ такими деньгами и на свободѣ я былъ уже не ребенкомъ, а настоящимъ человѣкомъ, которому нечего бояться, даже самого Сурто.

Въ эту минуту я поднимался на возвышенность, и невдалекѣ передо мною показались колокольни и дома большого города.

— Это Авиньонъ!—воскликнулъ я:—вотъ скоро-то я дошелъ.

Но, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, я встрѣтилъ стараго поселянина и спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, это Авиньонъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ со смѣхомъ:—видно, что вы не здѣшній. Это Карпентра, а до Авиньона еще далеко. Вы дойдете до него только къ ночи.

Потомъ поселянинъ пристально посмотрѣлъ на меня и продолжалъ:

— А скажите мнѣ, юноша, зачѣмъ вы идете въ Авиньонъ? Если у васъ тамъ нѣтъ крайне нужныхъ дѣлъ, то вернитесь лучше домой: говорить, тамъ происходитъ что-то недоброе, а это не удивительно. Авиньонцы люди нехорошіе, злые, завистливые, жестокие; не даромъ ихъ зовутъ разбойниками. Они стоятъ за революцію,—прибавилъ старикъ, понижая голосъ:—и держатъ сторону Франціи противъ папы. Они два раза приходили въ Карпентра съ дѣлью грабежа, но мы имъ показали такого хода, что они живо убрались. Поторяю, молодой человѣкъ, не ходите въ Авиньонъ и вернитесь домой.

И старикъ удалился прихрамывая.

Однако я не послушался его и продолжалъ свой путь, ускоряя шаги.

Наконецъ передо мной показался священный городъ. Боже мой, какъ онъ красивъ! Прежде всего я увидѣлъ Рону. Это — одна изъ

самыхъ большихъ рѣкъ. Я потомъ бывалъ на Рейнѣ, на Дунаѣ, на Березинѣ, но все онѣ меньше. Вскорѣ предсталъ моимъ глазамъ и Авиньонъ: на высококомъ, отвѣсномъ утесѣ, возвышающемся надъ Роной, виднѣется замокъ, построенный папами, а вокругъ него и по всему утесу въ различныхъ направленіяхъ разбросаны безчисленные дома. Вотъ вамъ, друзья мои, и Авиньонъ. Эта удивительная картина глубоко меня поразила, вмѣстѣ съ тѣмъ я услышалъ какой-то непонятный шумъ: нельзя было сразу распознать, были ли это звуки барабана, ружейные выстрѣлы, или грохотъ распадающихся стѣнъ. Я вспомнилъ слова старика, встрѣтившагося мнѣ на дорогѣ, и невольно вздрогнулъ. Что будетъ со мной въ этомъ невѣдомомъ городѣ, гдѣ я никого не знаю? Мнѣ казалось, что не было на свѣтѣ никого несчастнѣе меня. Но вдругъ я вспомнилъ о письмѣ добраго Рандулэ и немного успокоился. Я ощупалъ въ карманѣ это письмо и три, данныя мнѣ патеромъ, монеты. На сердцѣ мнѣ стало легче, и я быстрыми шагами направился къ городскимъ воротамъ, носившимъ названіе св. Лазаря.

Вы не можете представить себѣ, друзья мои, что я тамъ увидѣлъ. Вдоль укрѣпленій кишѣла такая громадная толпа, что, право, въ ней было около десяти тысячъ человѣкъ. Все они кричали, смѣялись, пѣли, плясали, прыгали, обнимались, словно сошли съ ума. Не успѣлъ я очутиться среди нихъ, какъ отовсюду раздались крики: фарандола, фарандола! И потянулась безконечная, извивающаяся фарандола. Кого только въ ней не было: хорошо одѣтые господа, съ часами въ жилетахъ, и босые оборванцы, солдаты, и прачки, дамы въ кружевахъ, и дѣти, даже патеры, монахи и монахини. Все это кружилось, все это двигалось, все это веселилось, а въ воздухѣ раздавались безъ умолка крики!

— Да здравствуетъ нація!..

Невольно я вмѣшался въ фарандолу и сталъ также кричать: да здравствуетъ нація!..

Фарандола была такъ длинна, что не видно было ни ея начала, ни ея конца. Я совершенно потерялся въ ея хвостѣ и вмѣсто того, чтобы войти въ городъ воротами св. Лазаря, попалъ въ него другими — Ламбертскими воротами, отъ которыхъ тянулась улица Колеса. Какая это странная улица, друзья мои! Половина ея вымощена для экипажей и пѣшеходовъ, а другая представляетъ русло маленькой рѣчки Сарги, вода которой приводитъ въ движеніе колеса въ кожаныхъ мастерскихъ и тюлевыхъ фабрикахъ. Все онѣ были закрыты, благодаря празднику, но увѣшаны снаружи различными пестрыми тканями. Въ этой живописной обстановкѣ фарандола казалась еще красивѣе, хотя ей негдѣ было растянуться на свободѣ — такъ узка была улица, и такъ велика толпа.

Кое-какъ, толкая другъ друга, мы проникли на большую городскую площадь, гдѣ находилась ратуша, и тамъ уже снова на сво-

бодѣ развернулась фарандола. Однако, толпа долго тамъ не оставалась, а продолжала свой путь далѣе къ площади папскаго дворца, гдѣ долженъ былъ произойти народный банкетъ.

Посреди этой площади возвышалась эстрада, на которой помѣщались три комиссара, присланные изъ Парижа, чтобы провозгласить присоединеніе Авиньона къ Франціи. Со всѣхъ сторонъ окружала ее громадная толпа, а теперь присоединилась къ ней и фарандола, обвивая всю площадь своимъ гигантскимъ кольцомъ, при оглушительныхъ крикахъ: да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ нація! долой легата!

Неожиданно парижскіе комиссары поднялись со своихъ мѣстъ и сдѣлали знакъ, что хотятъ говорить. Все смолкло, и одинъ изъ комиссаровъ громко прочелъ декретъ о присоединеніи Авиньона и всего Конта къ Франціи. По окончаніи чтенія снова поднялись крики: да здравствуетъ нація, но тотчасъ прекратились, такъ какъ парижскіе комиссары обернулись къ папскому дворцу и сдѣлали знакъ рабочимъ, стоявшимъ на крышѣ дворца, близъ колокольни. Эти рабочіе тотчасъ начали снимать маленькій, серебряный колоколъ, который звонилъ во славу папъ, и спустили его по веревкѣ внизъ на площадь. Потомъ, этотъ колоколъ потащили вдоль городскихъ укрѣпленій, но многіе авиньонцы смотрѣли съ сожалѣніемъ на это зрѣлище. Они не спорили, что полезно было внѣшнимъ знакомъ доказать всѣмъ и каждому, что городъ Авиньонъ пересталъ имѣть какія бы то ни было отношенія къ папѣ, но они сожалѣли, что не услышатъ болѣе мелодичнаго звона своего серебрянаго колокола.

Однако, все было забыто, какъ только явились на площадь многочисленные носильщики съ припасами для предстоявшаго банкета. Одни несли свѣже-испеченный хлѣбъ, другіе—корзины съ маслинами, третьи—груды орѣховъ, четвертые—массы винограда. Все это было сложено на эстрадѣ, и тамъ каждому раздавали по хлѣбу, шести маслинъ, шести орѣховъ и кисти винограда. Трудно было туда пробраться, но я все-таки, хотя и съ большимъ трудомъ, досталъ свою порцію. Послѣ этого я выбрался изъ толпы и присѣлъ на лѣстницѣ дворца, чтобы поѣсть на свободѣ.

Я и тутъ былъ не одинъ, а рядомъ со мною помѣщался красивый, національный гвардеецъ, съ женой и ребенкомъ. Онъ казался добрымъ малымъ и отличался длинными, бѣлокурыми усами, а также голубыми глазами, что было рѣдкостью на югѣ. Сначала онъ молчалъ, но, видя, какъ я ловко грызъ орѣхи, онъ не вытерпѣлъ и воскликнулъ:

— Однако, у тебя славные зубы, молодчикъ.

Я покраснѣлъ и съ завистью взглянулъ на его шляпу съ плюмажемъ, синій мундиръ съ красными отворотами и длинную, изогнутую себлю.

Неожиданно національный гвардеецъ выпрямился и воскликнулъ:

— Эге! Уже вышибли дно у бочекъ.

Жена тотчасъ подала ему кувшинъ, и онъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Что твоя фляжка полна, или пуста? Въ послѣднемъ случаѣ я наполню ее.

Такъ какъ по дорогѣ я выпилъ все вино, то молча подалъ ему фляжку, и онъ быстро направился къ тому мѣсту площади, гдѣ толпа кишѣла вокругъ шести бочекъ, съ которыхъ были сняты верхніе обручи. Національный гвардеецъ съ трудомъ пробирался среди общей свалки, то исчезая, то появляясь снова, благодаря высокому плюмажу на своей шляпѣ, который возвышался надъ головами.

Спустя четверть часа, онъ вернулся, держа въ одной рукѣ кувшинъ, а въ другой мою фляжку, переполненную виномъ. На его усахъ также дрожали капли вина.

— Папа! — воскликнулъ его маленькій сынъ, при видѣ его, — я хочу еще винограда.

— Винограда больше нѣтъ, а если хочешь, выпей вина.

— Не хочу! Дай винограда.

— Да я тебѣ говорю, что нѣтъ больше винограда!

— Не капризничай, голубчикъ, — вмѣшалась мать, подавая ребенку кувшинъ съ виномъ, — вино хорошее.

— Нѣтъ! Хочу винограда.

Я вспомнилъ, что не дотронулся еще до моей кисти винограда и, подавая ее ребенку, сказалъ:

— Кушай.

— Это слишкомъ любезно! — отвѣчала мать.

— Нѣтъ, не допущу я этого! — воскликнулъ національный гвардеецъ, — нѣтъ причины, чтобы ты лишилъ себя винограда изъ-за каприза этого мальчугана.

— Нѣтъ, пусть его ѣсть. Онъ такой славный мальчикъ.

— Такъ скажи спасибо, — произнесъ отецъ и, подавая мнѣ фляжку прибавилъ:

— А ты мнѣ кажешься не здѣшнимъ. Откуда ты?

— Изъ Мальмора.

— А зачѣмъ ты припелъ сюда?

— Чтобы передать письмо канонику Жоссерану, который дастъ мнѣ какую нибудь работу. Будьте такъ добры, укажите мнѣ, гдѣ онъ живетъ.

Солдатъ насупилъ брови и бросилъ на меня такой взглядъ, что я струсилъ.

— У тебя письмо къ канонику Жоссерану? Значитъ, ты аристократъ и папистъ?

— Не знаю. Нѣтъ, я не папистъ.

— Такъ зачѣмъ же ты идешь къ канонику?

— Мнѣ сказали, что онъ дастъ мнѣ работу.

— Такъ ты не знаешь, что каноникъ аристократъ и даетъ работу только папистамъ? Конечно, ты ничѣмъ не рискуешь, если пойдешь къ нему, но ты мнѣ кажешься добрымъ малымъ, и если онъ тебя не приметъ, то приходи ко мнѣ на гауптвахту въ ратушѣ, на большой площади, и я завербую тебя въ національную гвардію и даже возьму въ свой баталіонъ. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Должно быть, шестнадцать (случайно я прибавилъ себѣ лишній годъ).

— Отлично! Въ семнадцать лѣтъ можно быть національнымъ гвардейцемъ. Значить, по рукамъ! Ну, теперь я тебѣ объясню, куда надо идти: ступай вонъ по той улицѣ, потомъ поверни налѣво, и первый домъ съ балкономъ будетъ жилищемъ каноника Жюссерана.

Говоря это, онъ мигнулъ своей женѣ, и та, снявъ со своей головы трехцвѣтную кокарду, подала мнѣ съ улыбкой.

— Такъ какъ ты не папистъ, а слѣдовательно хорошій патриотъ, то на, возьми мою кокарду.

Она припилила ее къ моей шляпѣ и, обращаясь къ мужу, прибавила:

— Посмотри, какой онъ теперь молодецъ. Ты правъ — мы сдѣлаемъ изъ него славнаго національнаго гвардейца.

Солдатъ дружески хлопнулъ меня по плечу и весело произнесъ:

— Ну, кричи теперь: да здравствуетъ нація! Долой легата!

И мы оба, въ виду шумной толпы, пѣвшей и плясавшей вдали, закричали во все горло:

— Да здравствуетъ нація! Долой легата!

— Ну, теперь, — прибавилъ онъ, — ступай къ своему канонику и не забывай, что я тебѣ сказалъ. Я жду тебя въ ратушѣ, и спроси тамъ фельдфебеля Воклера.

— Благодарю! Я не забуду.

И я удалился очень смущенный, не зная, что собственно меня смущало: радость или страхъ.

Съ трудомъ я пробрался черезъ толпу на дворцовой площади, такъ какъ на каждомъ шагѣ натыкался на бесконечно извивавшуюся фарандолу. Но когда я достигъ аристократическаго квартала, гдѣ жилъ каноникъ, то былъ удивленъ пустыннымъ видомъ улицъ. Въ домахъ всѣ двери были заперты, а окна закрыты ставнями, но по звукамъ голосовъ, раздававшимся внутри домовъ, можно было заключить, что обитатели ихъ сидѣли у домашняго очага. Я прямо направился къ дому съ балкономъ и ударилъ молоткомъ въ дверь. Отворилось маленькое окошечко, но когда я подвѣлъ голову, то его уже затворили, и я не видѣлъ никого. Потомъ послышался стукъ дверей внутри, раздались шаги по корридору и, наконецъ, заскрипѣлъ засовъ наружной двери, которая едва приотворилась.

— Кого вамъ нужно?—произнесъ визгливый голосъ старой дѣвы, высунувшей свое морщинистое, желтое, какъ шафранъ, лице.

— Каноника Жоссерана.

Дверь отворилась настежь, и я хотѣлъ войти, но въ ту минуту, какъ я вступилъ на порогъ, старая дѣва сдернула у меня съ головы шляпу и громко воскрикнула:

— На помощь! На помощь! Пресвятая Богородица! Разбойникъ ворвался въ домъ: спасите, спасите!

И съ неистовой злобой она сорвала съ моей шляпы кокарду и разорвала ее на мелкіе куски, а шляпу кинула на мостовую и, бросившись на нее, стала топтать ногами. Я не зналъ, что дѣлать, и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Спустя нѣсколько минутъ, она изо всей силы толкнула меня въ грудь и, убѣжавъ въ дверь, захлопнула ее съ такимъ шумомъ, словно выстрѣлили изъ ружья.

Я подобралъ шляпу и, не понимая, въ чемъ дѣло, хотѣлъ удалиться, какъ вдругъ окна всѣхъ сосѣднихъ домовъ отворились, и отовсюду посыпались на меня каменья, изразцы и черепки, а гнѣвные женскіе голоса кричали изо всей силы:

— Долой разбойника! Въ Рону его, въ Рону!

Я поспѣшилъ скрыться. Вернувшись на дворцовую площадь, я до глубокой ночи смотрѣлъ на фарандолу, не смѣя пойти къ женѣ національнаго гвардейца безъ кокарды, которую она нашла на шляпу. Я едва не плакалъ. Отчего эта старая дѣва приняла меня за разбойника и сорвала кокарду съ моей шляпы, отчего всѣ сосѣди набросились на меня съ криками: «въ Рону его, въ Рону»? Я ничего не сдѣлалъ дурнаго. За что же я одинъ въ этомъ городѣ не имѣлъ крова? Всѣ веселились, всѣ пѣли, всѣ плясали на площади, хорошо зная, что ночью ихъ ожидаетъ спокойное убѣжище. Я одинъ не зналъ, гдѣ провести ночь, я одинъ не имѣлъ ни родственниковъ, ни друзей. Что мнѣ было дѣлать? Куда дѣться? Среди овладѣвшаго мною отчаянія я сталъ думать о Ронѣ, какъ нѣкогда о Гардійскомъ прудѣ. Правда, я могъ розыскать національнаго гвардейца Воклера, который былъ очень для меня добръ, но, быть можетъ, онъ смѣялся надо мной, предлагая взять меня въ свой баталіонъ.

Ночь становилась все темнѣе и темнѣе. Мало-по-малу фарандола рѣдѣла; раздавались лишь звуки двухъ или трехъ тамбуриновъ; одна изъ трехъ видѣнныхъ мною монахинь ушла подъ руку съ двумя солдатами. Нѣсколько пьяныхъ опрокинули пустыя бочки, чтобы не потерять послѣднихъ, оставшихся на днѣ, капель вина.

Наконецъ, я направился на большую городскую площадь. Тамъ также все было пусто и темно, только по временамъ проходили опоздавшіе путники, и надъ дверью ратуши виднѣлся фонарь, при мерцаніи котораго входили и выходили какіе-то люди. Долго шагаль я вдоль домовъ, не смѣя войти на гауптвахту и спросить фельдфебеля Воклера. Мнѣ все казалось, что меня поднимутъ на смѣхъ.

Время шло. Надо было на что нибудь рѣшиться. Спрось—не бѣда, и во всякомъ случаѣ я успѣю броситься въ Рону. Я машинально направился въ полутворенную дверь ратуши и, очутившись въ темномъ корридорѣ, не зная, куда идти.

— Кого вамъ надо? — спросилъ меня грубый голосъ, и чья-то рука тяжело опустилась мнѣ на плечо.

— Здѣсь господинъ фельдфебель Воклеръ?

— Здѣсь нѣтъ никакихъ господъ, а только граждане, дрянной аристократишка, погоди, я сейчасъ увижу, врешь ли ты, или говоришь правду. Фельдфебель Воклеръ! — воскликнулъ онъ, не выпуская меня изъ рукъ и отворяя какую-то дверь.

Черезъ минуту показался мой національный гвардеецъ, безъ шляпы и съ трубкой въ зубахъ.

— Кто меня спрашиваетъ?

— Посмотрите, фельдфебель, знаете вы вотъ этого мальчугана? Онъ, мнѣ кажется, походить на аристократическаго шпиона. Онъ спрашиваетъ господина Воклера.

— Ахъ, это ты, молодецъ! — сказалъ Воклеръ. — Значить, каноникъ тебя прогналъ. Хорошо, хорошо, тебѣ будетъ здѣсь лучше. Мы сейчасъ примемъ тебя въ солдаты, и да здравствуетъ нація!

Онъ взялъ меня за руку, но сторожъ, который проводилъ меня, сказалъ, качая головой:

— Знаете ли вы хорошо этого мальчугана? Смотрите, онъ васъ назвалъ господиномъ.

Національный гвардеецъ ничего не отвѣчалъ, и мы вошли съ нимъ на гауптвахту. Это была длинная, но не широкая, комната. По срединѣ топилась печка, и на потолокъ висѣла лампа; вдоль стѣнъ тянулись скамейки, на которыхъ лежали солдаты, куря трубки. Надъ ними висѣли на крючкахъ ружья, сабли, шляпы, среди которыхъ виднѣлись нарисованныя углемъ, на выбѣленной стѣнѣ, мужскія и женскія головы. Въ комнатѣ было очень душно, и облака дыма носились подъ потолокомъ. Направо, въ углу, за маленькимъ столикомъ сидѣлъ дремавшій солдатъ.

— Товарищи! — сказалъ, входя, Воклеръ: — я привелъ вамъ волонтера. Мы сейчасъ примемъ его въ нашъ баталіонъ. Не правда ли, молодецъ, ты вмѣстѣ съ нами будешь кричать: да здравствуетъ нація! Свобода, или смерть!

Я вытянулся во весь ростъ, даже поднялся нацыпочки и громко повторилъ со всѣми присутствующими:

— Да здравствуетъ нація! Свобода, или смерть!

Этотъ общій крикъ разбудилъ дремавшаго солдата, и онъ спросилъ:

— Что такое? Что случилось?

— Я привелъ новаго волонтера, и надо его принять, — сказалъ Воклеръ.

— Браво! браво! гражданинъ.

- Гражданинъ, какъ тебя зовутъ?
 — Паскаль.
 — А твоего отца?
 — Паскаль.
 — У него нѣтъ другого имени?
 — Не слыхалъ.
 — А какъ зовутъ твою мать?
 — Патина.
 — Это не имя. Ее зовутъ Жаннетой, Изабеллой, или какъ тамъ?
 — Не знаю. Всѣ зовутъ ее Патиной.
 — Ну, такъ пусть она будетъ Патиной.
 — А гдѣ ты родился?
 — Въ Мальморѣ, въ Конта.
 — Хорошо. Подпиши свое имя.

Мнѣ пришлось, къ великому стыду, сознаться, что я не умѣлъ ни читать, ни писать.

— Ничего,—сказалъ Воклеръ,—если ты не умѣешь писать чернилами, то мы научимъ тебя писать кровью. Гдѣ сержантъ Бериго? А, ты тутъ! Возьми этого молодца и тотчасъ же надѣнь на него мундиръ.

Какой-то старый солдатъ поднялся со скамьи, стряхнулъ золу съ своей трубки, взялъ фонарь, зажегъ его и махнулъ рукой, чтобъ я слѣдовалъ за нимъ.

Мы поднялись съ нимъ въ Жакмаровскую башню по внутренней узенькой, витой, лѣстницѣ, которая привела насъ въ четырехугольную комнату, переполненную военной аммуниціей. Сержантъ вымѣрилъ меня взглядомъ съ головы до ногъ, пошарилъ въ грудѣ одежды и, выбравъ одинъ мундиръ, бросилъ его мнѣ.

— Это твой,—сказалъ онъ,—помѣрь, впору ли онъ тебѣ.

Мундиръ былъ прекрасный, хотя и поношенный. Онъ былъ суконный, темнозеленаго цвѣта, съ широкимъ отложнымъ краснымъ воротникомъ, съ золотыми пуговицами и длинными фалдами, которые били меня по икрамъ. Онъ мнѣ былъ слишкомъ широкъ, а фалды длинны, но я, не говоря ни слова, засучилъ ихъ, что придало мундиру еще болѣе красоты, такъ какъ подклада была такая же красная, какъ воротникъ. Но шляпа представила гораздо болѣе затрудненій: я перепробовалъ ихъ около тридцати, но всѣ онѣ опускались мнѣ на глаза. Наконецъ, сержантъ Бериго вышелъ изъ терпѣнія и воскликнулъ:

— Надѣнь этотъ красный колпакъ — ты будешь настоящимъ марсельскимъ волонтеромъ.

Потомъ онъ далъ мнѣ синіе брюки и бѣлыя гетры.

— Этого нечего примѣривать. Ну, теперь тебѣ нужны ружье и сабля. Выбирай самъ. Этого добра здѣсь много.

Я взялъ первое попавшееся мнѣ ружье, но никакъ не могъ

подобрать себѣ подходящую саблю, такъ какъ мнѣ хотѣлось имѣть такую, какъ у фельдфебеля Воклера, то-есть длинную, изогнутую. Наконецъ, сержантъ вышелъ изъ терпѣнія.

— Чего ты возишься!—воскликнулъ онъ:—всѣ сабли одинаковы, и каждая рѣжетъ, какъ бритва, если ее хорошенько наточить.

Я въ смущеніи оставилъ за собой ту саблю, которую въ ту минуту разсматривалъ.

Берико заперъ дверь кладовой, и мы спустились внизъ. Идя по узенькой лѣстницѣ я разъ двадцать спотыкнулся и едва не упалъ. Ружье стучало о стѣну, сабля болталась между ногами, а слишкомъ длинная и слишкомъ широкая одежда мѣшала моимъ движеніямъ. Когда мы возвратились на гауптвахту, то всѣ солдаты хоромъ стали критиковать меня.

— Колпакъ къ нему не идетъ.

— Мундиръ слишкомъ длиненъ,—замѣчалъ другой.

— Пустяки, все обойдется,—сказалъ Воклеръ, видя мое смущеніе:—ты, Паскалэ, пойдешь ко мнѣ ночевать, и моя жена завтра утромъ все тебѣ справитъ на славу: не долго укоротить тутъ, ушить тамъ и т. д. Я же тебя научу, какъ чистить ружье и саблю. Да здравствуетъ нація! Однако ты, вѣроятно, усталъ и съ удовольствіемъ ляжешь спать, конечно, предварительно поужинавъ. Ну, пойдешь. А завтра мы отправимся съ тобой на ученье.

Я забралъ всю свою амуницію, и мы пошли съ фельдфебелемъ, куда и по какимъ улицамъ — я рѣшительно не зналъ, но вскорѣ мы очутились на небольшой площади передъ маленькимъ опрятнымъ домикомъ. Воклеръ вошелъ въ полуотворенную дверь и громко крикнулъ:

— Лазули! Лазули!

Никто не откликнулся.

— Значить, жена въ клубѣ,—продолжалъ Воклеръ:—ничего, мы и безъ нея найдемъ свое жилище.

Мы, дѣйствительно, поднялись по узенькой лѣстницѣ во второй этажъ и вошли въ маленькую комнату, которая служила вмѣстѣ спальней и кухней. Но намъ пришлось потерять много времени и труда, прежде чѣмъ Воклеръ зажегъ свѣчку.

— И на кой чортъ ее понесло въ клубъ,—ворчалъ онъ все это время:—развѣ это бабѣ дѣло? Мы, мужчины, достаточно сильны и безъ нихъ, чтобы защитить свободу и создать республику. Мы хотимъ республики и добьемся своего. Если парижане трусятъ и не умѣютъ справиться съ врагами народа, то мы, марсельцы, пойдешъ въ Парижъ и уладимъ дѣло. Мы покажемъ австріячкѣ, какъ звать себѣ на помощь противъ народа чужестранныя войска. Мы собьемъ спесь съ графовъ, маркизовъ, бароновъ и другихъ негодяевъ.

Говоря это, Воклеръ поставилъ на столъ блюдо съ мясомъ, грѣвшееся на угляхъ, три тарелки и кружку съ виномъ. Я молча

слушалъ его и съ любопытствомъ наблюдалъ за всѣми его движеніями.

— Мы не станемъ ждать жены, — сказалъ онъ, покончивъ со всѣми приготовленіями и убѣдившись, что ребенокъ спитъ въ со-сѣднемъ чуланѣ: — садись и ѣшь, тебѣ надо поскорѣе лечь спать, такъ какъ мы завтра встанемъ очень рано.

Но не успѣли мы приняться за ѣду, какъ явилась Лазули.

— Не брани меня, добрый Воклеръ! — воскликнула она: — я была въ клубѣ, и ты не можешь себѣ представить, что тамъ произошло.

— Ну, рассказывай скорѣй.

Но Лазули, увидавъ меня, сказала поспѣшно:

— Ахъ, это ты, мальчуганъ! Я была права: ты будешь прекраснымъ національнымъ гвардейцемъ, только мундиръ у тебя слишкомъ широкъ. Да это ничего — я все исправлю. Ты теперь свой человекъ въ домѣ, садись съ нами за столъ, и я вамъ обоимъ передамъ, что слышала въ клубѣ.

— Расскажи, расскажи, — повторилъ Воклеръ, отрѣзывая два ломтя хлѣба и подавая каждому изъ насъ.

— Вѣсти изъ Парижа не добрыя. Въ клубѣ читали письмо Барбару къ марсельскимъ волонтерамъ. Онъ пишетъ, что парижскіе реакціонеры не хотятъ допустить до столицы провинціальный батальонъ. По его словамъ, парижане попадутъ въ ловушку, и прощай наша революція! Онъ говоритъ, что на парижскую національную гвардію рассчитывать нельзя, такъ какъ она развращена до мозга костей, а потому красные юга, или федералисты, должны взяться за оружіе и идти на Парижъ съ крикомъ: свобода, или смерть!

Пока говорила Лазули, Воклеръ налилъ мнѣ, одинъ за другимъ, три стакана вина, и я выпилъ ихъ залпомъ. Когда я услышалъ слова: свобода, или смерть, то я не вытерпѣлъ и, выпрямившись во весь ростъ, воскликнулъ:

— Да, да! Барбару правъ: свобода или смерть! Я также красный съ юга, я также федералистъ. Я пойду въ Парижъ. Мнѣ надо отомстить маркизу Амбрену и его клеветамъ за истязанія моего отца и за то, что они хотѣли убить меня. Я хочу также отомстить за либераловъ, которыхъ огульно рѣзали паписты въ Мальморской больницѣ. Я теперь понимаю, зачѣмъ маркизь отправился въ Парижъ, подъ предлогомъ защиты короля. Мы также пойдемъ въ Парижъ. У меня теперь ружье. Впередъ, за свободу!

— Bravo! bravo! — воскликнули въ одинъ голосъ Воклеръ и его жена: — ты будешь прекраснымъ патриотомъ. Ну, споемъ теперь вмѣстѣ Карманьолу.

Что было потомъ — я хорошенько не помню и знаю только, что я заснулъ на матрацѣ, рядомъ съ ребенкомъ Воклера.

Тутъ старикъ Паскаль прервалъ свой рассказъ, и Матюронъ заявилъ, что уже полночь, а потому пора расходиться по домамъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1897 г.

	стр.
I. «По машкерадной вольности». Быль XVIII вѣка. П. Н. Полевого	377
II. Воспоминанія барона Ф. Ф. Торнау . IV—V. (Окончаніе)	419
III. Счастье поневоли. IV—V. (Продолженіе). И. Н. Потапенко	448
IV. Заокеанская Русь. (Соціологическо-описательный очеркъ). Гл. II. (Продолженіе). Графа Леливы (Е. Н. Матросова)	478
V. Бухарскія посольства при дворѣ Екатерины II. П. П. Шубинскаго	520
VI. Изъ записокъ московскаго старожила. А. А. Пороховщикова	539
VII. Тюремныя воспоминанія. VI—IX. (Продолженіе). А. Е.	555
VIII. Отъ Углича до Рыбинска. (Путевые наброски). IV—VII. (Продолженіе). И. Ф. Тюменева	574
<p>Иллюстраціи: 1) Соборъ въ Богоявленскомъ женскомъ монастырѣ. — 2) Алексѣевскій монастырь. — 3) Церковь св. Димитрія царевича «на полѣ». — 4) Церковь св. Николая въ Пѣтуховѣ. — 5) Упраздненный Воскресенскій монастырь. — 6) Церковь св. Иоанна Предтечи (Иоанна Убиеннаго). — 7) Мѣсто погребенія Иоанна Убиеннаго въ церкви св. Иоанна Предтечи. — 8) Часовня на мѣстѣ убіенія младенца Иоанна Чеполосова. — 9) Покровскій монастырь. — 10) Внутренность часовни надъ могилою убійныхъ поляками инокъ.</p>	
IX. Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. П. Н. Полевого	606
<p>Иллюстрація: Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ.</p>	
X. Протоіерей П. Г. Лебединцевъ. (Некрологъ). Ф. И. Титова	613
XI. Памяти М. О. Микѣшина. А. М. Уманскаго	624
<p>Иллюстраціи: 1) Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ. — 2) Проектъ памятника князю Михаилу Сербскому. — 3) Проектъ памятника Богдану Хмельницкому. — 4) Проектъ памятника Петру Великому, въ память побѣды, одержанной надъ шведами, 28-го сентября 1708 года. — 5) Проектъ памятника Екатеринѣ II для Екатеринодара (передняя сторона). — 6) Проектъ памятника Екатеринѣ II для Екатеринодара (задняя сторона). — 7) Проектъ памятника Минину.</p>	
XII. Русскіе судебные ораторы. В. В. Глинскаго	652
XIII. Гладстонъ на закатѣ своихъ дней. В. Т.	686
<p>Иллюстраціи: 1) В. Е. Гладстонъ въ 1896 г. — 2) Сентъ-Деніольская бібліотека и Сентъ-Деніольскій отель.</p>	
XIV. Критика и бібліографія	704
<p>1) Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774. Изслѣдованіе Н. Д. Чечулина. Спб. 1896. п. н. Полевого. — 2) Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ Эрнеста Лависса (и) Альфреда Рамбо. Томъ первый: зачатки средневѣковаго строя (395—1095). Переводъ В. Невѣдомскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897. А. К. — 3) Бібліотека историческаго чтенія: 1) Смутное время и дворцовый переворотъ въ Константинополѣ. В. Теплова. Съ видами и портретами. Спб. 1897. В. Т. — 4) Л. Гейссеръ. Исторія французской революціи (1789—1799). Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора А. Трачевскаго. Изданіе 2-е. Спб. 1897. И. Лосскаго. — 5) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Историческій очеркъ военной и государственной дѣятельности. Составили П. А. Гейсманъ и А. Н. Дубовской. Спб. 1897. в. п. — 6) Кіевъ. Его святыни и памятники. Составилъ проф. Н. И. Петровъ. Редакція В. И. Шемякина. Спб. 1896. С. Ф. Титова. — 7) Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. А. Лазаревскаго. Выпускъ III. Кіевъ. 1896. н. х. — 8) Г. Геттвѣр. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Томъ I. Англійская литература (1680—1770). Переводъ А. И. Пыпина. Изд. второе, пе-</p>	

См. слѣд. стр.

ресторбное и дополненное по послѣднему, 5-му изданію подлинника. (Культурно-историческая бібліотека. Изд. О. Н. Поповой). Спб. 1897. А. М.—9) В. Е. Данилевичъ. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896. п. щ.—10) Русскіе люди въ Обѣтованной землѣ. Путевыя наблюденія и впечатлѣнія. Сост. Ѳ. Палеологъ. Спб. 1896. И. Переверзевъ.—11) Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. Соч. М. Ю. Лермонтова. Рисунки С. С. Соломко. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1897. с. ш.—12) Муранскій могильникъ. Исслѣдованіе В. Н. Поливанова. М. 1896. п. щ.—13) В. П. Авенаріусъ. Гоголь-гимназистъ. Спб. 1897. в. б.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 723

1) Греческій поэтъ Бахилідъ.—2) Дьяволъ въ Великобританіи и Америкѣ.—3) Столѣтіе казни Лезюрка.—4) Бонапартъ и Гошъ въ 1797 году.—5) Наполеоніана.—6) Отношенія между Германіей и Россіей.—7) Шериданъ и его новая біографія.—8) Кардиналь-соціалистъ.—9) Сенъ-Симонская школа и ея ученики.—10) Мемуары графини Дашъ.—11) Письма Тургенева къ Полинь Вярдо и Флорберу.—12) Книжки, статьи и лекціи о Россіи.—13) Русско-французскій безсмертный.—14) Воспоминанія Ф. Рембо о покушеніи Березовскаго на жизнь императора Александра II.

XVI. Изъ прошлаго 750

Изъ старыхъ бумагъ. В. О. Михневича.

XVII. Смѣсь 756

1) Юбилей императорскаго русскаго археологическаго общества.—2) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ.—3) Сармасахлсская рукопись Евангелія.—4) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—5) Археологическое общество въ Москвѣ.—6) Общество любителей древней письменности.—7) Библиографическій кружокъ въ Москвѣ.—8) Географическое общество.—9) Географическое отдѣленіе Общества любителей естествознанія въ Москвѣ.—10) Некрологъ: К. Н. Вестужевъ-Рюминъ; И. А. Голышевъ; Д. И. Воейковъ; М. И. Галавинъ; А. П. Смирновъ; М. М. Кукинъ.

XVIII. Забѣтки и поправки 776

Къ біографіи Н. В. Успенскаго. Е. Зеленецаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ барона Ѳ. Ѳ. Торнау.—2) Марсельцы. (Les Bouges du Midi). Повѣсть изъ временъ французской революціи. IV—V. Фелікса Гра.—3) Объявленія.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Вышелъ 1-й выпускъ сочиненія **Нансена**

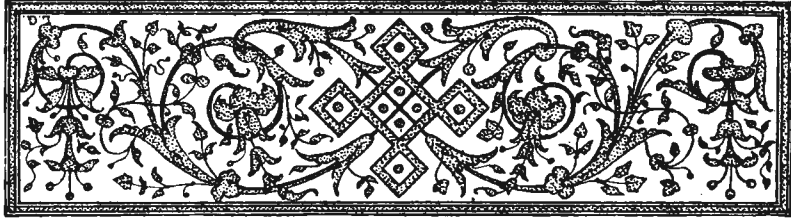
„ВО МРАКЪ НОЧИ И ВО ЛЬДАХЪ“.

Путешествіе норвежской экспедиціи на корабль „Фрамъ“ къ сѣверному полюсу.

Полный переводъ со шведскаго М. Вечеслова, подъ ред. Н. Березина.

Съ 4-мя рисунками. Ц. 30 коп.

Подписная цѣна на все сочиненіе (до 15-ти вып.) 3 р., съ перес. 4 р. 50 к. Подписка принимается въ конторѣ изданій (Спб., Невскій, 54, бібліотека Черкесова) и ея отдѣленіи (Спб., Спасская, 15, редакція журнала «Новое Слово»).

«ПО МАШКЕРАДНОЙ ВОЛЬНОСТИ».

Быль XVIII вѣка.

I.

АСТУПИЛА весна 1742 года, холодная, сырая, обильная грязью, безпрестанно заливавшая Москву дождями съ мокрымъ снѣгомъ, пронизывавшая прохожихъ и проѣзжихъ рѣзкими, ледяными вѣтрами, отъ которыхъ и шубой не укутаться...

Въ концѣ марта перепало какъ-то денька дватри красныхъ и теплыхъ; грачи показались въ садахъ; и Москва-рѣка, и Яуза изъ береговъ вышли, и вдругъ опять нанесло такую стужу, что рѣки въ разливъ покрылись льдомъ, грачи куда-то попрятались, а вѣтеръ нагналъ тяжелыя, свинцовыя облака со снѣгомъ, который пухлыми шапками облѣпиль деревья, только что начинавшія распускаться, и развелъ всюду грязь пуще прежняго... Москвичи тужили и охали, хмуро поглядывая въ тусклыя окошечки и съ нетерпѣнiемъ ожидая начала настоящей весны... И въ самомъ дѣлѣ Егорьевская недѣля была не за горами, кормы подходили къ концу, полуголодный скотъ рвался изъ хлѣвовъ въ поле, а въ полѣ-то снѣгъ, и травка изъ-подъ него даже пробиться наружу не смѣетъ.

Благодаря такой погодѣ, Никаноръ Саввичъ Мигаловъ, старый московскій дворянинъ и подмосковный помѣщикъ, по зимамъ про-

живавшій въ Москвѣ на своемъ Арбатскомъ подворьѣ, ужь третій разъ откладывалъ свой отъѣздъ изъ Москвы въ деревню и нетерпѣливо ожидалъ извѣстій о просухѣ.

— Давно бы ужь пора и пашней, и огородамъ, и садомъ заняться, а вотъ поди-жь ты... Гдѣ она, пашня-то, — ворчалъ онъ сердито. — Носу изъ дому не высунешь. Намедни и молебень заказывалъ служить о благораствореніи воздухонъ, да сдается мнѣ, что только деньги отцу Петру даромъ отдалъ...

— Охъ, Никаноръ Саввичъ, — отозвалась на это его супруга, Марѳа Тимоѳеевна, — не грѣши. Не отцу Петру ты деньги отдалъ, а въ церковь Божию внесъ...

Никаноръ Саввичъ ничего не нашелъ отвѣтить на этотъ серьезный доводъ своей супруги и зашагалъ взадъ и впередъ по низенькой комнаткѣ, продолжая ворчать:

— Да! вотъ какъ пролежитъ снѣгъ-то до Егорья, да собьются всѣ работы въ кучу — и пашня, и сѣвъ, и бороньба, небось, и сама заревешь бѣлугою... А тутъ еще съ дочкой возись! Князь этотъ со своимъ сватовствомъ навязался... Къ свадьбѣ готовься... Грѣхи да и только.

Марѳа Тимоѳеевна, женщина лѣтъ за сорокъ, еще красивая, но очень тучная и тяжелая на подъемъ, взглянула при этихъ словахъ на мужа и вздохнула весьма внушительно.

— Ну, чего ты опять вздыхаешь? Что это у тебя за вздохи? — заговорилъ Никаноръ Саввичъ, сердито хмуря брови и круто, быстро останавливаясь на ходу передъ своей супругой. — Знаешь, небось, что я этого терпѣть не могу? Говори толкомъ, какъ намъ съ дочкой быть, какъ ея дурь сломить?

— Да что же, батюшка, Никаноръ Саввичъ, самъ ты изволишь знать, что я изъ твоей воли ни на шагъ не выхожу... А только жалко... По материнскому сердцу — жалко.

— Что жалко-то? Дѣвкѣ двадцатый годъ идетъ, а она еще все не пристроена. А женихъ самъ набивается, богатый-пребогатый и молодой, такъ вотъ нѣтъ, не пойду. И, по-твоему, на нее смотрѣть, надобно ей мирволить?

— Твоя воля, батюшка... Ну, и не посмотрѣлъ, и не помирволилъ, и сосваталъ... А чай и самъ знаешь, каково ей будетъ со свекромъ-то жить?..

— Съ княземъ Турхановымъ?.. Да онъ спитъ и видитъ, чтобы только дочку-то въ домъ залучить. Говоритъ: я ее озолочу... Вотъ поди-жь ты! Я, говоритъ, для своей невѣстушки ничего не пожалѣю... Вотъ какъ наша дѣвчонка ему голову вскружила!

— Да вѣдь это только на словахъ, батюшка. А самъ знаешь, каковъ старый-то князь? Не даромъ мы съ нимъ въ сосѣдяхъ живемъ... Попробуй-ка наша Любочка ему въ чемъ нибудь не угодить, или поперекъ его слово молвить? Что тогда?

— А и не смѣй свекру перечить, — задорно заговорилъ Никаноръ Саввичъ, притопывая на ходу ногою. — Не выходи изъ его воли... Небось, не обидить. Да ей же и мужъ защита, княжичъ Аверьянъ Меркуловичъ; не за старика, а за него дочку замужъ выдаемъ.

— Да посмѣетъ ли онъ супротивъ своего батюшки, князя Меркула Меркулевича, и слово-то молвить? Тотъ только бровью поведетъ, у сына и душа уйдетъ въ пятки, — заговорила Марѳа Тимоѳеевна, все болѣе и болѣе оживляясь и ободряясь. — Ему бы, правду сказать, и жениться-то не зачѣмъ: весь свой вѣкъ въ отъѣзжѣхъ полѣ живетъ, и ѣсть, и спать съ псарями, да съ собаками, а какъ дома, такъ, что ни день, къ нему съ барщины новыхъ дѣвокъ староста гоняетъ...

— Ну, это все пустяки. За кѣмъ смолоду этого грѣха не бывало? — перебилъ старуху Никаноръ Саввичъ. — «Женится-перемѣнится»... Осядетъ, какъ семьей обзаведется...

— Нѣтъ, батюшка, не таковский... Какъ безъ матери сызмальства выросъ собачею да конюхою, такъ ужъ и до старости тѣмъ же останется...

— И это, сударыня, ты пустяки мелешь! — загорячился Никаноръ Саввичъ. — Не вѣрю я этому, да и знать этого не хочу... Сосватана, такъ сосватана — и должна за княжича замужъ идти... А то намъ съ тобою хоть въ гробъ ложиться надо... Князь-то богатъ, и родни да друзей у него множество: онъ меня со свѣту сживетъ! Земли у насъ смежныя и спорныя есть... Пока съ нимъ въ мирѣ да въ согласѣ — пота и житье... А то онъ на меня свою дворню только напуститъ, такъ она меня хуже саранчи съѣстъ... Сегодня хлѣбъ стравить, завтра лугъ вытопчетъ, либо ленъ спалитъ; а то изъ-за мельницы опять тягаться станетъ — со свѣту сживетъ. А какъ породнимся съ нимъ — тогда иное дѣло.

— Твоя воля, батюшка... И коли не жаль своего дѣтища...

— Чего тамъ жаль да не жаль! — гнѣвно крикнулъ Никаноръ Саввичъ. — Раньше было бы думать — не сосватывать.

— Да какъ я смѣла думать-то? — съ отгнѣнкомъ глубокой грусти проговорила Марѳа Тимоѳеевна. — Что тогда, то и теперь, ты мнѣ слова не даль сказать, а самъ со свадьбой спѣшишь... Одно только знай: теперь не тѣ времена, не тѣ и дѣти, что прежде были...

— А вотъ увидимъ! Вотъ увидимъ! — еще громче заговорилъ Никаноръ Саввичъ. — Такъ ты, сударыня, и знай, такъ ты и дочку учи и наставляй, что я на всѣ ея рожи не погляжу, и свадьбу ее какъ разъ скомкаю...

Марѳа Тимоѳеевна хотѣла что-то возразить супругу, хотѣла еще что-то сказать въ защиту дочки, но дверь изъ сѣней отворилась, и на помощь ей явился новый защитникъ Любушки.

Въ комнату вошелъ молодой красавецъ — черноглазый и черно-

волосый юноша, лѣтъ 22, румяный и свѣжій; развязно и ловко подошелъ онъ къ Никанору Саввичу, который взглянулъ на него съ притворною холодною и не совсѣмъ охотно подставилъ ему щеку; а потомъ подошелъ къ Марѣ Тимоѳеевнѣ и нѣжно поцѣловалъ у нея руку...

— Поздненько спать изволишь, Андрей Никаноровичъ,— замѣтилъ ему Никаноръ Саввичъ.— Плохой изъ тебя хозяинъ будетъ.

А самъ между тѣмъ съ видимымъ удовольствіемъ осматривалъ съ ногъ до головы его красивую, мужественную и сильную фигуру — отъ ботфортъ со шпорами на стройной и небольшой ногѣ до пестраго архалука, подтянутаго въ тонкой тальѣ ремнемъ съ серебряными бляхами и до волнистыхъ кудрей, ниспадавшихъ на широкія плечи.

— Не прогнѣвись, батюшка,— смѣло отвѣчалъ отцу Андрей Мигаловъ:— вѣдь я все еще отъ дороги отоспаться не могу... Въ полку и я тоже со свѣтомъ поднимаюсь...

— Да шутка ли? Подумать даже страшно,— вступилась мать за сына, любовно трепля его по плечу... Вѣдь сколько онъ, батюшка, верстѣ отмахалъ! Никакъ тысячу слишкомъ проѣхалъ въ телѣгѣ, безъ роздыха...

— Не тысячу, матушка, а двѣ съ лишечкомъ,— весело отозвался Андрей, и голосъ его звучалъ свѣжестью и силой молодости.— Да и ѣхать-то день и ночь пришлось; всего десять дней и въ дорогѣ-то былъ.

— Не удивишь насъ этимъ, голубчикъ,— замѣтилъ съ нѣкоторою досадою Никаноръ Саввичъ:— отецъ-то мой, покойничекъ, при блаженной памяти царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, изъ-подъ Азова въ Москву пѣшкомъ прибрелъ — и то не жаловался.

— Да и я не жалуясь, батюшка, а только свой сладкій сонъ оправдываю...

— Ну, то-то! Всѣ вы не кстаги нѣжны ноньче стали... И того не можемъ, и этого не хотимъ... Коли на васъ смотрѣть, такъ скоро намъ, старикамъ, отъ васъ житья не станетъ,— проговорилъ Никаноръ Саввичъ, усаживаясь въ свое широчайшее кожаное кресло подъ окномъ и нетерпѣливо покачивая ногою.

Онъ видимо хотѣлъ поскорѣе сорвать гнѣвъ, вызванный предшествующею бесѣдой съ Марѳой Тимоѳеевной.

— Да на что же ты, батюшка, гнѣваешься?— предобродушно проговорилъ Андрей Мигаловъ, подсаживаясь къ отцу поближе.— Я, кажись, еще ничѣмъ передъ тобой не провинился? Три дня, какъ изъ полку прибылъ... И осмотрѣться-то въ Москвѣ не успѣлъ...

— Ну, да. Толкуй. Знаю я и тебя. Насквозь вижу... Ты съ сестрой да съ матерью противъ меня заодно.

— Я? Да въ чемъ же, батюшка? Ей-ей, ни сномъ, ни духомъ не виновать.

— И разговора даже никакого между нами не было,—проговорила внушительно Марѳа Тимоѳеевна.

Отецъ глянулъ въ ея сторону, а потомъ пристально посмотрѣлъ на сына.

— Ну, такъ скажи по совѣсти, какъ передъ Богомъ, по чистой совѣсти. Ты тоже, небось, за княжича Турханова сестры бы не отдалъ?...

Андрей Никаноровичъ удивленно и серьезно посмотрѣлъ на отца.

— Да развѣ же она... развѣ Любочка?..—началъ было Андрей, какъ бы опасаясь договорить.

— Ну, да, ну, да! Просватана—невѣста ему, да вотъ все мѣшкаемъ, да свадьбу оттягиваемъ; а отецъ-то его, старый князь, вотъ какъ на меня насѣлъ: кончай да кончай. Вотъ поди-жь ты!—проговорилъ Никаноръ Саввичъ однимъ духомъ, какъ бы спѣша высказаться и избѣгая взглядовъ сына.

— А Любочка, Любочка? Неужто она пойдетъ за этого осла, за неуча?—съ нескрываемою горечью проговорилъ Андрей.

— Дуракъ ты, дуракъ! Развѣ глупыхъ дѣвчонокъ объ этомъ спрашиваютъ?—крикнулъ Никаноръ Саввичъ, топая ногой и окончательно входя въ свою роль.

Андрей Никаноровичъ поднялся съ своего мѣста и съ достоинствомъ проговорилъ:

— Батюшка! Я не дуракъ, а поручикъ царской службы, и отъ начальства своего отличенъ и похваленъ... Да и сестра моя, Любочка, тоже не кабальная: по рукамъ, по ногамъ ее не свяжешь да не поставишь подъ вѣнецъ... Коли ей женихъ не любъ...

— Не смѣй ты при мнѣ и заикаться объ этомъ. Мое дѣтище! Хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю...

— Ну, нѣтъ, батюшка. Не тѣ времена. Блаженной памяти императоръ Петръ не дозволилъ и поламъ противъ воли брачащихся вѣнчать.

— А я ни на васъ, ни на кого не посмотрю! Какъ сосваталъ—и повѣнчаю!—крикнулъ Никаноръ Саввичъ.—Да и посмотрю я, какъ это попь-то по моему приказу не сдѣлаетъ?

— Батюшка, да коли есть особый указъ государевъ!—съ нетерпѣніемъ и дрожью въ голосѣ проговорилъ Андрей.

— Нѣтъ, врешь. Я также тебѣ скажу: не тѣ времена, чтобы царскій указъ выше родительской воли стоялъ... Теперь Петровскіе-то указы давно подъ спудъ положены... Мы о нихъ и думать забыли...

— И это ты изволишь говорить въ то время,—громко заговорилъ Андрей Никаноровичъ,—когда Божіей милостью всѣмъ намъ на радость «дщерь Петрова» на тронъ родительскій вступаетъ? Нѣтъ, ужъ этого я и слышать-то не потерплю...

— А мнѣ все одно—наплевать. По-вашему не будетъ! Какъ на-

думалъ, такъ и сдѣлаю. По первой просухѣ махну со всѣмъ домою въ деревню—тамъ и сломлю рога у дочки...

— Нѣтъ, батюшка, не вѣрю я тебѣ,—горячо заговорилъ Андрей, стараясь сдерживаться и придать своему голосу и словамъ какъ можно больше нѣжности.—Ты насъ всѣхъ любишь—ты не захочешь Любушку несчастной сдѣлать...

— А ты, небось, думаешь, что я самъ-то захочу изъ-за нея въ петлю лѣзть? Или ты думаешь, что мнѣ это князь Турхановъ такъ даромъ и спуститъ, что вотъ я просваталъ за его сына дочку свою, а самъ на попятный дворъ пойду? Развѣ спуститъ? Вѣдь вотъ только послушайся я васъ, мнѣ тогда изъ своей подмосковной бѣжать придется... Нѣтъ, дружки, не на того напали...

— Напрасно изволишь ты, батюшка, такъ князя Турханова опасаться. Мы, небось, не подъ Богомъ только, а и подъ закономъ ходимъ; и если бы онъ чуть только задумалъ надъ тобою какое насиліе сдѣлать, такъ развѣ мы на него не найдемъ управы?

— Управы? Расхвастался ты очень своимъ закономъ, бахвалишка! Такихъ-то, какъ ты, князь Турхановъ десятками въ бараній рогъ гнетъ. Не могли съ нимъ тягаться! За честь для себя мы почитать должны, что этакій богачъ и знатная персона да на насъ вниманіе обратилъ—въ родню къ намъ самъ напрашивается.

— Чести тутъ для насъ никакой нѣтъ, что князь Турхановъ, который и родъ-то свой отъ мурзы татарскаго Турхана ведетъ, съ нами, столбовыми дворянами, породниться хочетъ,—гордо сказалъ Андрей.—Я съ сыномъ его, съ княжичемъ Аверькой, и за столъ за одинъ не сяду.

— Вонъ отсюда! Вонъ отсюда и съ матерью своей потворицей!—заревѣлъ Никаноръ Саввичъ, вскакивая съ мѣста и топая ногами.—Пойди ты отъ глазъ долой, коли...

— Ну, батюшка,—спокойно и съ достоинствомъ сказалъ Андрей Никаноровичъ,—Богъ тебѣ судья. А я сестры загубить не дамъ. И если не захочетъ она идти подъ вѣнецъ съ Аверькой, — не будь я твой сынъ Андрей Мигаловъ, коли она княгиней Турхановой будетъ.

Онъ повернулся на каблукахъ по-военному и вышелъ изъ комнаты, уводя съ собою мать подъ руку.

— Вотъ и поди ты съ ними, нонѣшними! — проговорилъ Никаноръ Саввичъ про себя, тяжело дыша и усаживаясь въ кресло.— Вотъ и улаживай! А съ княземъ-то, со старымъ-то чортомъ съ этимъ, что я заведу дѣлать? Какъ отъ него-то отбоюсь?

И онъ почти съ отчаяніемъ устремилъ взоръ въ садъ, на его голыя, темныя деревья, которыя немилосердно гнуль и трепалъ холодный вѣтеръ, налетая на нихъ съ дождемъ и снѣгомъ.

II.

Князь Меркурій Меркурьевичъ Турхановъ,—высокій и сухой, но здоровый и крѣпкій старикъ лѣтъ подъ 60,—былъ человѣкъ крутой, своеобразливый и очень суровый. Покинувъ службу, въ которой онъ больше числился, чѣмъ пребывалъ въ дѣйствительности, онъ уже лѣтъ десять жилъ на покоѣ въ Москвѣ—по зимамъ, а лѣтомъ въ подмосковной; но онъ весьма ловко умѣлъ поддерживать знакомства и связи среди современной московской знати, и по дальнимъ родственнымъ отношеніямъ съ Салтыковыми и Черкасскими игралъ довольно видную роль, которой много способствовало его огромное состояніе и широкое хлѣбосоольство. Благодаря его крутому и сумрачному нраву (въ немъ цѣликомъ еще сидѣлъ татарскій мурза), не терпѣвшему никакихъ противорѣчій и препятствій проявленіямъ княжеской воли, не особенно пріятно было числиться въ кругу его пріятелей и близкихъ къ нему людей; но не приведи Боже прослыть его врагомъ. Противъ того, кого онъ предполагалъ явнымъ врагомъ своимъ, онъ считалъ все дозволеннымъ и отличался замѣчательною изобрѣтательностью въ изысканіи всякихъ средствъ къ тому, чтобы этого врага преслѣдовать и сдѣлать жизнь ему невыносимою. Никаноръ Саввичъ Мигаловъ, давній сосѣдъ его по имѣнію, хорошо его зналъ и имѣлъ полное основаніе его опасаться: на князя Турханова мудрено было найти управу въ Москвѣ, а прежде чѣмъ жалоба на него дошла бы до Петербурга и до высшей власти, князь Меркурій Меркурьевичъ нашелъ бы много самыхъ нехитрыхъ способовъ къ тому, чтобы избавиться отъ своего непріятеля... Въ Москвѣ не даромъ ходили толки о его дикихъ и страшныхъ расправахъ съ разными, даже и весьма почтенными лицами изъ общества, почему либо не угодившими прихоти князя, и тѣ, кто объ этихъ расправахъ рассказывали, обыкновенно добавляли въ концѣ съ горькой улыбкой:

— Да ему-то что? Ему ничего не досталось: для князя Турханова законъ не писанъ, и суда на него не найдешь.

И вотъ этотъ-то всесильный князь Турхановъ оказалъ такую честь простому и небогатому сосѣду помѣщику, что послалъ къ нему сватовъ — высватать дочь его, Любовь Мигалову, за своего сына княжича... Получилъ согласіе родителей—и вотъ-вотъ ожидалъ только того, что не сегодня-завтра назначенъ будетъ и день свадьбы... И вдругъ затормозилось дѣло... Чѣмъ и какъ?—князь и понять не могъ, да и не хотѣлъ, не допуская даже и мысли, конечно, объ отказѣ. Но все же, слыша постоянно отъ Никанора Саввича о томъ, что дочь его все то хвораетъ, недомогаетъ и все просить свадьбу отложить, князь рѣшился наконецъ черезъ довѣренное лицо развѣдать, въ чемъ дѣло, и точно ли невѣста, высватанная

за его сына, болѣеть, и нѣтъ ли тутъ другихъ какихъ нибудь стонныхъ обстоятельствъ, зазорныхъ для его княжеской чести и спеси?

И вотъ теперь, рассказывая большими шагами по своей огромной гостиной, богато убранной золоченою мебелью и зеркалами въ хрустальныхъ венеціанскихъ рамахъ, суровый князь все думалъ и передумывалъ одно и то же, все перебиралъ одну и ту же тему, крѣпко засѣвшую у него въ головѣ.

— Не чаялъ я, чтобы эта дѣвченка мнѣ такъ приглянулась!— думалъ онъ.—Вѣдь вотъ кажется, сколько я на своемъ вѣку перевидалъ красавиць... Всего отвѣдалъ... А эту, Любовь Мигалову, какъ въ прошломъ году лѣтомъ увидѣлъ, такъ она вотъ у меня здѣсь (князь указалъ на голову), и вотъ отсюда нейдетъ... За ретивое задѣла! Да!.. Ужъ я и такъ, и этакъ передумывалъ: знать, старая-то кровь, какъ старое вино, разымчива!

Онъ съ неудовольствіемъ взглянулъ мимоходомъ въ дорогое зеркало на свое сухое, желтое, морщинистое лицо, съ орлинымъ носомъ и густыми, нависшими бровями, съ просѣдью и продолжалъ свою бесѣду съ самимъ собою:

— Некрасивъ сталъ... Не то, что смолоду, когда бывало отъ бабъ отбою не было... Сами на мою ласку напрашивались... Ну, а теперь хитрить приходится: за сына ее высватывать! А сынтъ-то у меня дуракъ—ему конюшня да псарня были бы только. Спать на одной постели съ борзыми псами. Тьфу! Онъ въ ней и толку-то разобрать не можетъ: не нравится ему... А вѣдь какая красавица-то: высокая, стройная, полная, коса чуть не до пятъ, темнорусая, а глаза синіе, съ поволокою, глубокіе, большіе. У-у!

Князь даже глаза закрылъ и провелъ по лбу рукою, чтобы отогнать отъ себя слишкомъ живо представившійся ему образъ Любви Мигаловой, и еще быстрѣе, еще порывистѣе зашагалъ по комнатѣ.

— Ну, и пусть ему не нравится. Пусть онъ себѣ по вкусу выбираетъ любую въ своихъ-то вотчинахъ. Мнѣ онъ только до свадьбы нуженъ. А тамъ ушлю его въ степныя деревни, къ табунамъ; а самъ съ нею, съ голубушкой, за границу, на теплыя воды укачу... Въ Парижъ будемъ жить. Тамъ съ ней поладимъ...

Легкое, чуть слышное откашливанье раздалось въ это время за боковую дверь, скрытою въ складкахъ штофной обивки.

— Входи!—крикнулъ князь съ невольною тревогою въ голосѣ.

Дверь отворилась неслышно, и изъ-за нея словно не вошелъ, а какъ-то вывернулся средняго роста человѣчекъ, худенькій, невзрачный, въ темномъ дрянномъ парикѣ, въ довольно поношенной парѣ нѣмецкаго платья, при темныхъ чулкахъ и башмакахъ съ темными пряжками.

Изъ его плоскаго небольшого лица съ острымъ подбородкомъ, съ увкими, блѣдными, поджатыми губами, выдавался только острый носикъ, которымъ онъ все какъ будто вынюхивалъ, поводя головою

изъ стороны въ сторону да прищуривая свои небольшіе и очень зоркіе темныя глазки. Вся фигура этого челоѣвка была изъ гѣхъ, которыхъ всѣ невольно избѣгаютъ и сторонятся. Это и былъ всей Москвѣ извѣстный довѣренный князя, по прозванью Филька Проньра, изъ дворовыхъ его, пользовавшійся у князя неограниченнымъ кредитомъ и постоянно исполнявшій всѣ его тайныя порученія.

— Ну?—произнесъ князь многозначительно, бросая искоса взглядъ на Фильку и не переставая ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Филька переступилъ съ ноги на ногу, заложилъ правую руку за бортъ камзола и не сразу отвѣчалъ на категорическое побужденіе къ докладу.

— Вездѣ побывалъ и все развѣдалъ,—сказалъ онъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, послѣ нѣкоторой паузы.

— Ну, и что же? Что же?—нетерпѣливо настаивалъ князь, пріостанавливаясь на мгновенье.

— Никакой болѣсти и въ слухахъ нѣтъ... Здоровехонька. Только все матери глаза отводить, и та за нее отца просить объ отсрочкахъ, а у самой-то не то на умѣ...

— Да развѣ ты съ ней съ самой говорилъ? Отъ нея разузнавалъ?

— Не приведи Богъ!.. Отъ другихъ узналъ: есть тамъ у меня рука позолоченая... А потомъ ужъ и своимъ умомъ дошелъ я.

— Говори же, до чего дошелъ и дознался!—почти крикнулъ старый князь.

— Зазноба есть... Изъ-за нея отлыниваетъ.

— И отецъ съ матерью объ этомъ знаютъ? И смѣютъ послѣ того еще?..

— Ничего не знаютъ. Старуха нянька ихъ сводить... Въ церкви и видятся... Я и это высмотрѣлъ...

— Да кто же онъ? Кто таковъ?—торопилъ князь, сверкая глазами.

— Зарядьевъ, Дмитрій Ивановъ,—изъ мелкопомѣстныхъ, здѣсь по статскимъ дѣламъ на службѣ состоитъ.

— Изъ мелкопомѣстныхъ? И смѣетъ туда же лѣзть... Со мною тягаться! Ха, ха!.. злобно прохрипѣлъ князь Турхановъ.

— Съ годъ тому назадъ онъ свататься пытался... Съ братомъ ейнымъ онъ пріятель. Ну, такъ старикъ Мигаловъ сказалъ, чтобъ онъ и думать забылъ, и даже на порогъ его не пущаетъ...

— И умно, и молодецъ!

— А она-то, Любовь-то Никаноровна, за него ладить замужъ выйти... Самъ подслушалъ, какъ она нянкѣ говорила: либо, говорила, въ гробъ лягу, либо за нимъ буду.

— А! Вотъ какъ?! Вотъ что она поетъ... Вотъ куда она мѣтитъ... Такого жениха, какъ мой сынъ, какъ князь Турхановъ, ей не надо... А!

Князь побагровѣлъ отъ бѣшенства и, стиснувъ зубы, сталъ опять

шагать по комнатѣ, что-то быстро соображая и обдумывая на ходу. Глаза его сверкали изъ-подъ бровей—онъ былъ страшенъ...

— Хорошо же, голубушка,—произнесъ князь вслухъ, съ отгнкомъ насмѣшливой злобы:—я тебя проучу, сумѣю проучить. Постой.

И еще нѣсколько разъ пройдясь по комнатѣ, князь остановился наконецъ передъ Филькой, сложилъ руки на груди и, понижая голосъ, сказалъ ему уже гораздо спокойнѣе:

— Возьмешься ли ты мнѣ ее украсть и ко мнѣ сюда въ потайную доставить?

— Отчего-жъ не взяться?—весьма равнодушно отвѣтилъ Филька, еще болѣе прищуривая свои острые глазки и пристально вглядываясь въ лицо князя.

— Денегъ не пожалѣю!.. Тратъ и сыпъ ими направо и налево, да только чисто дѣло сдѣлай! Озолочу тебя! Но чтобы вотъ ровношенько черезъ недѣлю она была въ моихъ рукахъ!.. Слышишь?

— Слушаюсь.

Князь вынулъ изъ кармана кошелекъ, туго набитый золотомъ, и швырнулъ его Филькѣ, который удивительно ловко подхватилъ его на лету и незамѣтно опустилъ въ свой карманъ.

— Да, да. Еще чуть было не забыть... За молодчикомъ за этимъ приставить строгій надзоръ: чтобы по пятамъ за нимъ ходили, не спускали бы съ глазъ... А въ тотъ день-то... молодцовъ приставь: пусть гдѣ нибудь на перекресткѣ бока ему намнутъ и ноги обломаютъ...

— Слушаюсь.

— Да не вздумай брать изъ моихъ холопей: ни-ни! На сторонѣ возьми людей...

— Найдемъ людей. Какъ не найдти въ Москвѣ?—отвѣчалъ Филька съ прежнимъ равнодушіемъ, какъ будто рѣчь шла о самомъ обыкновенномъ порученіи.

— Ну, такъ ступай—и дѣло вороши!—проговорилъ князь. И когда Филька вышелъ, онъ подумалъ, самодовольно потирая руки:

— Не захотѣла замужемъ за княземъ быть, голубушка, такъ я тебя за конюха своего отдамъ, и тому, небось, радехонька будешь.

И довольный придуманной затѣей, онъ попрежнему запагалъ по своей гостиной.

III.

Филька недаромъ сказалъ князю, что найдутся люди; онъ давно и превосходно зналъ всѣ темные углы и закоулки Бѣлокаменной и давно водилъ дружбу и слаживалъ разныя дѣлишки съ тѣми добрыми молодцами, которые безъ ключей по чужимъ амбарамъ и сундукамъ ходятъ... Пользуясь своимъ значеніемъ у князя Турханова, онъ нерѣдко припрятывалъ въ его домѣ воровское добро, доставляемое ему

сбытчиками этого запретнаго товара, и, постоянно имѣя деньги въ карманѣ, дѣлалъ иногда съ этимъ добромъ очень выгодные обороты. Случалось также, что онъ принималъ на себя иную роль: пользуясь тѣмъ, что онъ былъ вхожъ черезъ князя во многіе богатые и знатные дома, дружилъ въ нихъ съ прислугою, разузнавалъ отъ нея, гдѣ и что плохо лежитъ, и направлялъ на эту добычу своихъ «молодцовъ изъ-подъ Каменнаго моста». Въ ихъ кругу онъ былъ извѣстенъ подѣ названіемъ «благодѣтеля» и пользовался большимъ почетомъ.

И вотъ, собираясь исполнить княжескій приказъ, онъ, выйдя изъ гостиной, спустился сначала по узкой внутренней лѣсенкѣ внизъ, гдѣ у него въ дальнемъ углу сѣней была своя каморка, отперъ дверку ея ключемъ и тотчасъ приперъ ее за собой на задвижку.

Тутъ онъ прежде всего бережно выложилъ кошелекъ изъ кармана въ камзолѣ, пересчиталъ на углу стола набитые въ него червонцы и, оставя штукъ пятнадцать обрѣзанныхъ, всѣ остальные быстро сыпалъ въ кованный изголовникъ, подѣ подушку. Потомъ съ ногъ до головы переодѣлся въ изрядно-поношенное и даже заплатанное платье, вмѣсто парика, покрывавшаго его коротко-остриженные рыжіе волосы, нахлобучилъ на голову теплый треухъ, закутался въ старую, короткую япанчу и вышелъ изъ дома черезъ садъ, опираясь на суковатую палку и ощупывая обрѣзанные червонцы въ карманѣ своихъ брюкъ.

— Хватить и этихъ, пока. А тамъ слажу дѣльце—сдѣру съ него еще... Тогда и тамъ прибавлю,—думалъ онъ по пути и кликнулъ ваньку.

— Въ Грузины,—зуркнулъ онъ ему, продолжая шагать.

— Шесть алтынъ.

— Никакъ съ ума спятилъ? Трехъ съ тебя довольно... Небось, знаешь тамъ домъ Марѣушки ворожей?

— Гдѣ же всѣ дома знать на Москвѣ!

— Такъ еще мнѣ съ тебя три-то алтына взять бы надо, дурень. Право слово, за показъ одинъ... Вѣдь ты туда потомъ сколькихъ возить станешь!

— Ну, ну. Садись за три алтына, краснобай,—смѣясь сказалъ ванька и тронулъ клячу съ мѣста.

Марѣушка Угадчица въ ту пору была дѣйствительно извѣстна чуть не всей Москвѣ. Одна единешенька жила она, въ самомъ глухомъ мѣстѣ этой далекой окраины, въ своей небольшой лачужкѣ среди двора, обнесеннаго высокимъ и здоровымъ тыномъ и застроеннаго внутри всякими немудрыми постройками, сарайчиками и кладовочками; и съ утра до вечера, сидя въ углу, между печкой и дверью, за небольшимъ столикомъ, гадала и на картахъ, и на бобахъ, и на кофейной гущѣ—для всѣхъ желающихъ, которыхъ былъ у нея всегда неотолченный уголь. На ея гаданье не было у нея ни-

какой таксы: каждый давалъ ей, что могъ, и всѣ подачи, она съ равнымъ небреженіемъ бросала въ ящикъ стола; но зато всякій приходившій къ ней долженъ былъ непремѣнно принести какойнибудь гостинецъ ея кошкѣмъ, которыми она была постоянно окружена, и которыхъ сытно—пресытно кормила на счетъ своихъ довѣрчивыхъ кліентовъ.

— Господи Боже, — говаривали они между собою, толпясь въ ея сѣняхъ въ ожиданіи очереди: — какихъ только кошекъ у нея нѣтъ! И черныя, и сѣрыя, и рыжія—и на плечи-то къ ней, и на голову садятся...

— Какія это кошки?—поясняли шепотомъ знающіе люди. — Днемъ-то онѣ кошками смотрять и около нея кружать да ластиятся; а ночью въ чертей оборачиваются, по Москвѣ рыщутъ, во всѣхъ углахъ разнохиваютъ—и несутъ ей отовсюду вѣсти... Отчего она такъ и гадать-то лиха!

И точно, Мароутка всѣмъ умѣла угодить: и погадаетъ, и посовѣтуетъ; а ужъ на счетъ пропажи такая была шустрая, что, кажется, лучше всякой ищейки указать могла...

— Не ищи вора, — скажетъ бывало: — воръ у тебя домашній... Подыми половицу въ повалушѣ около печки; авось еще не вынулъ...

Заглянуть подъ половицу—тутъ и есть.

А другому скажетъ бывало:

— Эхъ, опоздалъ ты малость. Вчера еще твое добро здѣсь было; а сегодня утромъ на лысомъ конѣ изъ Москвы вывезено.

Ну, ужъ, значить, и не ищи, и пиши пропало.

Все это Филька трубилъ въ уши своему довѣрчивому возницѣ во время пути, и когда наконецъ доѣхалъ до того переулка, гдѣ ютилась лачужка Мароушки, то, отдавая три алтына ванькѣ, проговорилъ наставительно:

— Вотъ и помни. Здѣсь она и живетъ... Къ ней и вози честной народъ! Будутъ довольны.

Но, войдя во дворъ и притворивъ за собой калитку, Филька не пошелъ къ Мароуткиной лачужкѣ, а юркнулъ въ сторону, за уголъ какой-то покривившейся клѣтушки, стукнулъ два раза въ какой-то наглухо запертый ставень и, еще разъ завернувъ за уголъ клѣтушки, очутился передъ низенькой дверью, съ крошечной глядѣлкой посрединѣ. Въ глядѣлкѣ мелькнулъ чей-то глазъ, задвижка щелкнула— и дверь приотворилась чуть-чуть...

— Свой,—шепнулъ Филька, переступая порогъ.—Аль не узналъ?

— А, благодѣтель, къ намъ, къ намъ — въ молодцовскую, пожалуй, — проговорилъ чей-то сиплый голосъ, и чья-то рука, подхвативъ Фильку подъ руку, помогла ему спуститься по узкой и темной лѣстницѣ въ подполье.

Подполье это, довольно обширное, было давно и хорошо знакомо Филькѣ. Оглядѣвшись и обознавшись въ немъ, онъ, при свѣтѣ

лучины, заткнутой въ свѣтецъ, увидѣлъ на лавкахъ около стѣнъ съ десятокъ какихъ-то неопредѣленныхъ и темныхъ фигуръ, которыя сидѣли около стола, подъ самымъ свѣтцомъ, играли въ кости, пили что-то и перекидывались между собою отрывочными словами.

— Ребята, благодѣтель къ намъ жаловать изволить,—крикнуть тотъ, что ввелъ Фильку въ подполье.

— А, благодѣтель! — крикнули разомъ нѣсколько голосовъ. — Значить, работа будетъ. И угощенье будетъ!.. А мы-то ужъ стали тосковать отъ бездѣлья, да и прискудали советѣмъ... Добро пожаловать.

И весь кагалъ этихъ «добрыхъ молодцевъ» — косматыхъ, грязныхъ, оборванныхъ и полупьяныхъ — мигомъ окружилъ Фильку, протягивая ему свои липкія, потныя, волосатыя ручки...

— Давай намъ на ведро пол-пива. Нутро горитъ — подсасываетъ! загалдѣли они разомъ.

— А Ванюшка-то гдѣ? — заговорилъ Филька, стараясь отъ нихъ отдѣлаться.

— Не скажемъ, пока не угостишь.

Филька вынулъ изъ кармана полтинникъ и швырнулъ его на столъ. Всѣ кинулись къ столу, какъ звѣри на добычу; произошла свалка, чуть не потасовка... Поднялся шумъ, гамъ, возня...

Вдругъ гдѣ-то, въ глубинѣ подполья, хлопнула дверь, и кто-то крикнуть зычно и грозно:

— По мѣстамъ, звѣрье! Брысь по лавкамъ — говорятъ вамъ!

И всѣ тотчасъ бросились вразсыпную и чинно разсѣлись по угламъ, а на середину выступилъ человѣкъ средняго роста, въ сѣрой чуйкѣ, надѣтой поверхъ красной рубахи. Копна темныхъ волосъ барашкомъ вилась у него на головѣ; сѣрые, умные и быстрые глаза такъ и бѣгали, все зорко высматривая изъ-подъ густыхъ, темныхъ насупленныхъ бровей.

— А, благодѣтель! — сказалъ онъ, протягивая руку Филькѣ, которую тотъ пожалъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ. — Зачѣмъ изволилъ пожаловать? Отъ дѣла лыгаешь, или дѣла пытаешь?

Филька, въ отвѣтъ на это, только многозначительно повелъ бровями.

— Такъ, такъ, понимаю, — сказалъ курчавый парень. — Пойдемъ ко мнѣ въ каморку, тамъ и покалякаемъ.

Когда они очутились въ каморкѣ, заставленной сундуками, баулами и всякихъ размѣровъ ларцами и освѣщенной только лампадкою, горѣвшей передъ иконою, — Ванька посадилъ «Благодѣтеля» на одинъ сундукъ, а самъ сѣлъ противъ него на другой и пристально сталъ вглядываться въ лицо своего гостя, словно въ самую душу къ нему заглянуть хотѣлъ...

Филька спокойно, послѣдовательно и подробно изложилъ ему, въ чемъ именно заключалось его «дѣльце», и сталъ ждать отвѣта отъ

Ваньки, который никогда долго не раздумывалъ и вообще соображалъ очень быстро.

— Такъ, такъ! понимаю, — говорилъ Ванька, раздумывая и раскидывая умомъ: — боярышню надо выкрасть и доставить къ князю, въ потайную... Гм! Нелегкая штука. И обдѣлаемъ мы это вотъ какъ...

И, смолкнувъ на минуту, продолжая соображать и обдумывать, онъ потомъ прямо глянулъ въ самыя очи «Благодѣтеля» и сказалъ твердо и отрывисто:

— Двѣсти арапчиковъ—и дѣло въ шляпѣ.

— Что ты, что ты, Ванюшка? Какъ это можно? О такихъ деньгахъ и заикнуться страшно.

— Ну, полно врать! У твоего князя денегъ много, и я попросилъ по совѣсти, а ты сдерешь съ него вдвое. Дѣло такое, что мнѣ самому придется его орудовать, да еще лучшихъ мастеровъ себѣ въ подручные взять... Давай задатокъ—не спущу ни гроша.

Филька не настаивалъ больше, а полѣзъ въ карманъ и выложилъ на столъ десять червонцевъ, которые Ванька тотчасъ же опустилъ въ карманъ чуйки.

— Ну,—сказалъ онъ,—такъ завтра, объ эту пору, ты принесешь мнѣ все деньги цѣликомъ; а послѣзавтра укажешь мнѣ и боярышню, и домъ, изъ котораго ее выкрасть нужно... И ровно черезъ недѣлю она у князя будетъ. А Ванюхино слово твердо...

Говорить больше было нечего, и Филька, поднявшись съ сундука, протянулъ пріятелю руку.

— Постой, — сказалъ ему Ванька, прислушиваясь къ шуму въ подпольѣ.—Я выведу тебя инымъ путемъ. И самъ съ тобою выйду: сегодня вечеромъ есть тоже два дѣлишка головоломныя, шутъ ихъ возьми...

Онъ заложилъ дверь каморки крючкомъ изнутри, потомъ отодвинулъ сундукъ, на которомъ сидѣлъ, и за сундукомъ открылась темная лазея... Ванька наклонился къ Филькѣ и шепнулъ ему на ухо:

— За мною, добро пожаловать.

И первый юркнулъ въ лазею.

IV.

Съ той поры, какъ старикъ Мигаловъ накричалъ на сына и заявилъ ему о неограниченныхъ правахъ на распоряженіе своимъ дѣтищемъ, Андрей Никаноровичъ рѣшилъ, что онъ больше съ отцемъ говорить объ этомъ вопросѣ не будетъ...

— Видно, приходится мнѣ самому Любушкиной судьбой заниматься,—сказалъ онъ самъ себѣ.—Зарядьева я съ дѣтства знаю и люблю, и лучшаго жениха для Любушки не желаю... Малый онъ

чудесный, и собой красавецъ, и умница, и по службѣ идетъ хорошо... Да и Любушка-то его безъ памяти любить—говорить: либо за него, либо въ гробъ. А она не изъ такихъ, которые бы слова на вѣтеръ бросали...

И вотъ въ головѣ своей онъ рѣшилъ это дѣло очень просто: надо поскорѣ Любушкѣ изъ дома родительскаго ѡбжаты съ Зарядьевымъ, ѡвѣнчаться тайкомъ и на нѣкоторое время гдѣ нибудь укрыться, пока минуетъ гроза родительскаго гнѣва, а тамъ...

Но онъ только въ Любушкѣ и встрѣтилъ полное сочувствіе своему плану и полную готовность ему послѣдовать... А когда принялся за обсужденіе его съ Зарядьевымъ, то просто пришелъ въ отчаянье.

Влюбленный юноша только вздыхалъ и плакалъ и выказывалъ полнѣйшую неспособность къ энергическому дѣйствию...

— Что хочешь, братъ, то и дѣлай. Я на все согласенъ, — говорилъ Зарядевъ Андрею.

— Да что дѣлать-то? Ты это понимаешь ли? Вѣдь нужно попа такого подыскать да подговорить, который бы васъ повѣнчалъ. Да отсюда вамъ утечь—укрыться надо гдѣ нибудь до поры до времени...

— Такъ, такъ, я на все согласенъ...

— Хорошо тебѣ о своемъ согласіи заявлять! Вѣдь деньги на все на это нужны. А гдѣ ихъ взять?

— Деньги? — почти удивленно переспросилъ Зарядевъ. — Ну, братъ, денегъ-то у меня и нѣтъ... Самъ знаешь: жалованьишко скудное; родители тоже присылаютъ туго...

— Ахъ, Боже мой. Такъ ты займи, перехватись тамъ у кого нибудь на время... Вѣдь тутъ не Богъ вѣсть, что и нужно: червонецъ сто, полтора ста...

— Да я готовъ бы занять. Да у кого? Совсѣмъ я этого не знаю—отродясь не занималъ...

Андрей Никаноровичъ даже плюнулъ съ досады.

— Ну, дѣлать нечего. Видно, все придется мнѣ взять на себя, — проговорилъ онъ, помолчавъ.—Только ужъ смотри: изъ послушанья моего ни на волосъ не выходить. Что прикажу, чтобы было тотчасъ исполнено безпрекословно.

— Все, все, голубчикъ,—восторженно воскликнулъ Зарядевъ, бросаясь обнимать и цѣловать своего друга.

— Ну, ладно, ладно. Я теперь пойду хлопотать по вашему дѣлу... А завтра, за раннею ѡбѣдней, у насъ въ приходѣ и встрѣтимся, и вы все отъ меня узнаете.

Друзья крѣпко обнялись на прощанье и разстались.

Весь тотъ день прошелъ у Андрея Никаноровича въ хлопотахъ и разгѣздахъ изъ конца въ конецъ Бѣлокаменной: пришлось видѣться съ десяткомъ людей, пришлось толкаться по разнымъ пріятелямъ пришлось осторожно вывѣдывать въ разныхъ приходяхъ,

который попъ взялся бы повѣнчать свадьбу тайкомъ, и на эти разъѣзды и хлопоты ушелъ весь день до поздняго вечера. Андрей Никаноровичъ возвращался домой, порядочно усталый и очень недовольный, потому что день былъ потерянъ, хлопотъ потрачено много, а дѣло, въ сущности, ни на шагъ впередъ не подвинулось... Къ тому же, въ темноту и слякоть, ему пришлось брести пѣшкомъ: извозчика нигдѣ онъ на дорогѣ не встрѣтилъ и не могъ нанять.

Порядочно озябнувшій и сердитый, онъ задумалъ сократить себѣ путь домой, и пошелъ глухими улками и переулочками, которые выходили на Арбатъ, къ церкви св. великомученицы Ирины. Всюду царилъ пустота, безлюдье, мертвый сонъ, и тишина ночи нарушалась только злобнымъ лаемъ и ворчаньемъ псовъ изъ подворотенъ и изъ-за высокихъ заборовъ, окружавшихъ сады и дворы. Изрѣдка луна чуть-чуть проглядывала изъ-за тучъ, заволакивавшихъ ее густымъ покровомъ, бросала трепетный свѣтъ на кровли домовъ, заборы и деревья, и мракъ становился еще чернѣе, еще мрачнѣе, когда она вновь скрывалась за облаками...

Въ одинъ изъ такихъ просвѣтовъ Андрей Никаноровичъ подходилъ къ перекрестку двухъ переулковъ и вдругъ замѣтилъ, что на всѣхъ четырехъ углахъ перекрестка стоятъ какіе-то люди, и стоять, видимо притаившись и чего-то ожидая.

— Что за притча?—подумалъ онъ приостанавливаясь.—Должно быть, западня воровская? А миновать перекрестка никакъ нельзя...

Остановился, присмотрѣлся издали и убѣдился въ томъ, что его предположеніе вполне основательно. Тѣ люди, которыхъ онъ замѣтилъ издали, стояли, каждый притаившись за своимъ угломъ, какъ вкопанные, словно подстерегали когонибудь и ждали только условнаго знака для нападенія...

— Какъ быть? Вѣдь вотъ мимо этихъ двоихъ придется пройти и свернуть налево... Съ двоими-то я справлюсь; а на четверыхъ выходить не случилось... Ну, да ужъ куда ни шло!...

Но какъ разъ въ это время въ двадцати шагахъ отъ него, на заборѣ густого сада появилась какая-то темная фигура... подержалась немного, какъ бы высматривая все кругомъ, затѣмъ осторожно перелѣзла черезъ заборъ и легко спрыгнула въ переулокъ...

Въ то же мгновеніе раздался рѣзкій свистъ, и съ четырехъ угловъ перекрестка на соскочившаго человѣка бросились сторожившіе его люди. Завязалась борьба отчаянная...

— А, попался! Крути, вяжи его!—раздался чей-то голосъ.

Андрей Никаноровичъ не выдержалъ—вскипѣлъ и бросился на помощь тому, котораго крутили по рукамъ.

— Мерзавцы! Четверо на одного! Прочь!—крикнулъ онъ, бросаясь впередъ, нанося направо и налево тяжелые удары.

Эта дѣятельная помощь была въ такой степени неожиданна, что нападавшіе оторопѣли; а жертва ихъ тотчасъ оправилась отъ перваго

смущенія: пинокъ одному, тычокъ другому—и былъ таковъ, и такъ быстро юркнулъ за уголъ и исчезъ во мракѣ, что никто и ахнуть не успѣлъ.

— Злодѣй ты! Душегубецъ!—изступленно заревѣлъ на Андрея Никаноровича какой-то громадный мужчина, подступая къ нему съ поднятыми кулаками... Вѣдь ты у насъ кусъ изъ-за зубовъ вырвалъ... Убить тебя мало! Убить!..

Андрей, очутившись теперь одинъ противъ четверихъ, отступилъ на шагъ къ стѣнѣ и приготовился къ защитѣ. Но когда его противникъ навалился на него и схватилъ его огромною ручищею за воротникъ Андрей не взвидѣлъ свѣта... Какіе-то свѣтлые круги начали у него мелькать передъ глазами... Онъ развернулся и изъ всей мочи нанесъ ударъ кулакомъ наступающему...

И ударъ этотъ былъ такъ силенъ, такъ оглушительнъ, что сразилъ наступающаго съ ногъ... Тотъ полетѣлъ на землю и покатился подъ ноги своимъ товарищамъ...

Андрей ждалъ новаго натиска, готовый стоять до конца, но натиска не послѣдовало. Его противники остановились въ нѣкоторомъ оцѣпенѣніи, а тотъ, который дернулъ схватить Мигалова за воротникъ, сталъ медленно приподниматься съ земли, кряхтя и охая.

— Вотъ такъ ударъ!—проговорилъ онъ добродушно.—Ударъ, голубчики! Сколько на кулачныхъ бояхъ бывалъ—и въ одиночку, и стѣна на стѣну ходилъ... А чтобы такого удара—не видывалъ!

Потомъ онъ подошелъ къ Андрею Никаноровичу и почтительно проговорилъ:

— Дозволь узнать, сударь, какъ тебя по имени и по изотчеству величать?

— Андрей Мигаловъ, арміи поручикъ,—проговорилъ Андрей Никаноровичъ не безъ удивленія.

— Никанора Саввича сынокъ, небось, что на Арбатѣ у насъ подворье? Такъ, что ли?

— Такъ. А ты-то кто же?

— Семень Плющилловъ, сыщикъ—первый на Москвѣ; а эти ребята—мой подручные. И ты на насъ сударь, не подиви! Вѣдь ты намъ, знаешь ли, какую поруху сдѣлалъ? Ты Ваньку Каина изъ нашихъ рукъ высвободилъ. Крутить уже стали, а ты нивѣсть откуда тутъ и вывернулся... Ай-ай-ай!

— Ваньку Каина?—повторилъ Андрей Никаноровичъ съ недо-вѣріемъ.—Атамана воровского?

— Ну, да, его самого! Его мы тутъ еще съ вечеренъ стерегли, и не уйти бы ему... Вѣдь за поимку-то его, шутка ли, сто червонцевъ намъ начальство посулило. Ну, что-жъ, видно, не судьба... Прощенья просимъ, не посѣтуй.

— И вы на меня не сѣтуйте... Почему же мнѣ и знать? Я васъ-

то принялъ за воровъ, а его оборонилъ, не зная. Обознался—горячь не кстати.

И обѣ стороны, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ вступившія было въ такую отчаянную рукопашную схватку, разошлись весьма миролюбиво въ разныя стороны, невольно посмѣиваясь надъ случившимся...

Андрей Никаноровичъ не могъ въ себя прійти отъ изумленія, припоминая, какъ все это случилось, какъ странно началось, какими грозило послѣдствіями, и какъ смѣшно окончилось... Но ему даже и въ голову не приходило, что этотъ ничтожный случай окажетъ весьма и весьма существенное вліяніе на судьбу близкихъ ему людей и облегчитъ въ значительной степени тѣ хлопоты, которыя онъ принялъ на себя.

X.

Зарядьевъ проснулся ранешенько и тотчасъ вспомнилъ о свиданьѣ, которое ему, за день передъ тѣмъ, назначилъ Андрей Никаноровичъ. До ранней обѣдни еще оставалось болѣе часа, но съ Моросейки, гдѣ онъ жилъ, было не близко до Арбата, а извозчика тоже не всегда можно было встрѣтить въ такую рань, и вотъ онъ сталъ спѣшно и умываться и одѣваться, чтобы не опоздать къ назначенному сроку. Когда ужъ онъ надѣлъ сѣрый кафтанъ со стальными пуговицами, и манишку передъ зеркаломъ оправилъ, и шляпу пуховую взялъ въ руки,—изъ шляпы вдругъ вывалилась бумажка, сложенная на манеръ записки, на три угла.

— Какъ это сюда попало?—спросилъ онъ у стараго слуги.

— Не клалъ, не знаю,—отвѣчалъ тотъ неохотно.

— Однако же, откуда эта писулька взялась?

— А кто же ее знаетъ? Вѣрно, тебѣ подсунулъ кто нибудь вчера.

Зарядьевъ развернулъ записку и прочелъ въ ней: «не за свой кусъ хватаешься, а и тѣмъ рускомъ ты подавишься».

Подписи не было, и почеркъ руки былъ совсѣмъ не знакомый. Озадаченный содержаніемъ этого страннаго документа, Зарядьевъ, однако же, не сталъ долго надъ нимъ раздумывать: сунулъ его въ карманъ и поспѣшно вышелъ изъ дома.

На улицѣ было пусто. Кое-гдѣ только рабочіе брели на работу, да возы съ какими-то кулями, коробами и бочками плелись изъ переулка въ переулкъ, переѣзжая Моросейку и направляясь на базаръ. Вдали, на углу переулка, стоялъ извозчикъ и дремалъ, сидя на козлахъ своей повозки. Зарядьевъ поспѣшилъ къ нему, какъ вдругъ слышалъ сзади себя шаги и оглянулся... Двое какихъ-то оборванцевъ шли за нимъ слѣдомъ почти по пятамъ—и Зарядьевъ не могъ понять, откуда они взялись. Онъ пріостановился, желая ихъ пропустить впередъ, и думалъ:

— Не стану при них нанимать извозчика...

Остановились и они, посматривая на него довольно нахально. Онъ двинулся дальше: двинулись и они. Онъ нанялъ извозчика и поѣхалъ; они побѣжали до слѣдующаго извозчика, сѣли и поѣхали слѣдомъ за Зарядьевымъ.

— Что бы это значило? словно слѣдятъ за мной?— не безъ опасенія подумалъ Зарядьевъ, и ему невольно пришла на память загадочная записка, выпавшая изъ его шляпы.

Приѣхавъ на Арбатъ, онъ сошелъ у перваго переулка и, расплачиваясь съ извозчикомъ, сталъ оглядываться... И тотчасъ же увидѣлъ, что и тѣ проходимцы, которые издали слѣдовали за нимъ, тоже остановились и сошли съ извозчика.

Это, наконецъ, взбѣсило Зарядьева. Онъ рѣшился прямо подойти нимъ и спросить, чего имъ надо. Крѣпко стиснувъ въ рукѣ толстую камышевую трость, онъ прямо пошелъ на встрѣчу своимъ преслѣдователямъ, но тѣ, очевидно, угадавъ его намѣреніе, тотчасъ перешли на другую сторону улицы и скрылись въ переулкѣ... Какъ разъ въ это время на Ирининской церкви раздался первый ударъ колокола, и Зарядьевъ, позабывъ все остальное, чуть не бѣгомъ пустился бѣжать къ церковной оградѣ.

Церковь во имя св. Ирины великомученицы — каменная, столпообразная, одноглавая, стояла въ двухъ шагахъ отъ Мигаловскаго подворья, среди довольно обширной ограды, изъ которой въ церковь входили широкимъ и фигурнымъ каменнымъ крыльцомъ. Къ этому крыльцу съ обѣихъ сторонъ примыкали порядочно покосившіеся крытые переходы (или галерейки) съ прорубленными въ стѣнахъ узенькими слюдяными оконцами, огибавшіе всю церковь. Около стѣнъ, на этихъ переходахъ, стояли широкія дубовыя лавки, на которыхъ прихожане сидѣли въ ожиданіи начала богослуженія, или же отдыхали послѣ долгаго стоянія въ храмѣ. Небольшая каменная звонница, съ тремя колоколами, повѣшенными въ трехъ пролетахъ, стояла направо отъ входа въ ограду, окруженная густо разросшимся частымъ кустарникомъ.

Къ этой-то церкви, послѣ первыхъ ударовъ колокола, со стороны Мигаловскаго подворья, пробирались черезъ грязную улицу двѣ женщины: красивая и стройная молодая дѣвушка, въ темной бархатной шапочкѣ и темной шубкѣ съ тремя нашивными воротниками, и сгорбленная старушка въ высокой старинной повязкѣ и синемъ пушунчикѣ.

Молодая дѣвушка такъ быстро шла, что старушкѣ за ней не поспѣть было, и она, то и дѣло, сдерживала свою молодую спутницу.

— Да что ты, Любушка? Никакъ совсѣмъ ума рехнулась? Словно на крыльяхъ летишь. Такъ то мнѣ за тобой поспѣвать не подь силу.

— Аринушка, голубушка! Пойдемъ, пойдемъ скорѣе... Вѣдь ужъ

три дня я съ нимъ не видалась. Чай, онъ изнылъ весь, моихъ вѣстей дожидаячи...

— Ужъ и изнылъ! Выдумала. Не больно-то скоро мужчины эти по васъ изнывають... А я тебѣ скажу: для васъ обоихъ это одна забота. Безъ родительскаго благословенія, небось, не пойдешь подъ вѣнецъ.

Дѣвушка быстро глянула на старушку своими большими темносиними глазами и сказала ей твердо:

— Не знаешь ты меня, Аринушка. Коли я такъ полюбила...

Но она не договорила. Она издали завидѣла Зарядьева въ толпѣ сѣраго люда, стоявшаго на ступеняхъ около церковнаго крыльца, — завидѣла, и вдругъ вся вспыхнула и просіяла такою свѣтлою радостью, что и старушка улыбаясь сказала:

— Знать, высмотрѣла? Вижу, вижу... Вонъ стоитъ, кругомъ поглядываетъ. Ужъ онъ ли опоздаетъ?.. не таковскій.

— Ахъ, наконецъ-то вы, государыня Любовь Никаноровна, пожаловали! — заговорилъ Зарядьевъ, кланаясь и съ привѣтливой улыбкой снимая шляпу. — Здравствуй, Аринушка. Замѣшкались вы нынче. А я чего тутъ не передумалъ!

— Ну, ладно, ладно... Послѣ все расскажешь, — послѣшила перебить его Аринушка. — Развѣ тутъ мѣсто тебѣ ласы точить? Ишь, на васъ всѣ глазища пялятъ. Ступайте на переходы.

Зарядьевъ, при этихъ словахъ старушки, невольно окинулъ взглядомъ всю ограду, и ему показалось, что тѣ же два проходимца сидятъ у воротъ ограды и слѣдятъ за нимъ попрежнему.

Онъ быстро отвернулся и послѣдовалъ за Любушкой и ея няней въ самый дальній и темный уголъ церковныхъ переходовъ.

— Вотъ здѣсь присядьте и потолкуйте, о чемъ вамъ нужно, — сказала старушка. — Сюда къ вамъ скоро и Андрей Никаноровичъ будетъ... А я пока пойду за васъ въ Божій храмъ помолиться.

И заковыляла по переходамъ, оставляя влюбленную парочку съ глазу на глазъ въ прозрачномъ полумракѣ сѣренькаго утра, проникавшаго довольно скудными лучами сквозь узенькія слюдяныя оконца.

— Любовь Никаноровна, — скромно и встревоженно прошептала Зарядьевъ, присаживаясь на краешекъ лавки около Любушки, — дозволейте мнѣ еще разъ высказать всѣ мои чувства къ вамъ и...

Онъ запнулся и сталъ ловить руку Любушки, которая ее отнимала довольно неохотно, приговаривая:

— Ахъ, зачѣмъ? Вѣдь я и такъ знаю, что вы меня любите, и какъ еще балуете вашей любовью... Какъ я не стою...

Но онъ таки поймалъ ея руку и поцѣловалъ украдкой, и сталъ смотрѣть Любушкѣ въ глаза, краснѣя и смущаясь еще болѣе.

— Ахъ, Дмитрій Ивановичъ, сколько грѣха на душу изъ-за васъ взять приходится! — проговорила Любушка, ласково взглядывая на Зарядьева. — Сколько — родителей обманывать!

Зарядьевъ нѣжно взглянулъ и поникъ головой, шепотомъ приговаривая.

— Только бы Господь насъ привелъ поскорѣе...

— Да, вотъ вы такъ говорите, а если бы не братъ Андрей,— что стали бы мы дѣлать?

— Да, это точно Андрюша—это нашъ ангелъ хранитель, благодѣтель нашъ. Я въ Андрюшу, какъ въ Бога вѣрю... Кабы не онъ, я, право, и не знаю.

— Какую онъ выдумку-то выдумалъ... Сами посудите... Выпросился вчера у отца на богомолье въ Троице-Сергіеву обитель на недѣлку... А тѣмъ временемъ думаетъ нашу свадьбу устроить...

— Вотъ счастье-то, вотъ радость! Любовь Никаноровна, я, право, думаю, что я этого счастья не вынесу—ей-ей, съ ума сойду.

— Ну, вотъ еще что выдумали. Я бы скорѣе сошла съ ума, кабы это счастье не состоялось... Да, вотъ и онъ! Вотъ наше солнышко красное...

И она указала на Андрея, который подходилъ къ нимъ, позвякивая шпорами и держа въ рукахъ треуголку, которую онъ осматривалъ очень внимательно.

— Что за чудеса,—сказалъ онъ, подходя къ Любушкѣ и Зарядьеву и здороваясь съ ними.—Сейчасъ собираюсь выходить изъ дома, беру со стола шляпу, а оттуда цидулка выпадаетъ. И въ цидулкѣ той написано: «не за свое дѣло берешься, впросакъ попадешься».

Онъ поглядѣлъ и на сестру, и на Зарядьева съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ; и это недоумѣніе еще болѣе увеличилось, когда Зарядьевъ вынулъ изъ кармана полученную имъ записку, показалъ ее Андрею и Любушкѣ, и обѣ записки оказались написанными одною рукою.

— За нами слѣдятъ! Наши пашни знаютъ!—сказалъ Андрей, пожимая плечами.—Понять не могу... И опасаясь, какъ бы намъ не помѣшали. А между тѣмъ вчера мнѣ удалось ужъ и поца подыскать, и деньгами меня сегодня ссудить хотѣлъ одинъ пріятель... Такъ вотъ, не будемъ откладывать и все покончимъ послѣзавтра вечеромъ... Согласны?

— Согласны, конечно,—проговорили разомъ и Любушка, и Зарядьевъ, вдругъ проявивъ необычайную энергію.

— Такъ вотъ въ самую вечерню сойдемся... И были таковы! Смотрите же, будьте готовы.

И онъ крѣпко пожалъ руки обоимъ влюбленнымъ, которые восторженно смотрѣли ему въ глаза, съ чувствомъ безпредѣльной признательности, и твердо вѣрили, выходя вмѣстѣ съ нимъ изъ церкви, что вся ихъ судьба теперь въ его рукахъ.

А между тѣмъ имъ и въ голову не приходило, что за ними и здѣсь зорко слѣдятъ, и къ рѣчамъ ихъ внимательно прислуши-

ваются непрощенные свидѣтели. Чуть только они скрылись за поворотомъ переходовъ, какъ изъ за-старога свѣчнаго ларя поднялись скрывавшіяся за нимъ двѣ темныя фигуры, изъ которыхъ въ одной, несмотря на монашескую рясу, не трудно было узнать Фильку Проньру, а въ другой—курчаваго Ваньку, хотъ онъ и переряженъ былъ странникомъ.

— Ну, чай, теперъ видѣлъ и высмотрѣлъ ихъ? — спросилъ Филька:—и невѣсту, и жениха?

— Да, да. Не вытравилъ ужъ теперъ у меня изъ памяти! А вотъ этотъ кто съ ними—рослый да здоровый, изъ военныхъ?

— А это—братъ невѣсты: Андрей Мигаловъ.

— Андрей Мигаловъ?—многозначительно протянулъ Ванька.—А невѣста-то ему сестра родная?

— Ну, да, да,—повторилъ Филька, подозрительно взглядываясь въ лицо Ваньки.—Ты развѣ знаешь его?

— Видалъ его я... гдѣ-то,—процѣдилъ сквозь зубы Ванька,—а гдѣ?—того и не припомню.

И рядомъ съ Филькой поплелся вслѣдъ за уходившими счастливыми.

IV.

Никаноръ Саввичъ въ послѣднее время, къ великой радости своей супруги, Марѣы Тимоѣевны, нѣсколько поунылся, поуспокоился. Этому въ значительной степени способствовало то, что погода перемѣнилась къ лучшему, повернула отъ зимы на лѣто, и въ близкомъ будущемъ предвидѣлась возможность переселенія въ деревню. Съ другой стороны, немало успокоивало его и то, что князь вдругъ какъ-то притихъ и присмирѣлъ, при встрѣчѣ съ нимъ былъ и ласковъ, и любезенъ, и даже какъ-то намекнулъ, что онъ не хочетъ свадьбы торопить, что домъ для сына отдѣлываетъ въ своей Турхановкѣ, и еще добавилъ при прощаньи, что надняхъ пришлетъ невѣстѣ отъ жениха подарокъ...

У Никанора Саввича словно камень съ сердца свалился. Вернулся домой такой свѣтлый, радостный и даже за обѣдомъ шутилъ и выпилъ лишнюю чарку настойки, далъ разрѣшеніе сыну съѣздить на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру и объявилъ женѣ, чтобы черезъ недѣлю она готовилась къ отъѣзду въ деревню. Вмѣстѣ съ главою семьи, и всѣ какъ будто повеселѣли въ домѣ Мигаловыхъ, и даже очень шумно прощались съ Андреемъ Никаноровичемъ, когда онъ рано утромъ назавтра выѣхалъ на богомолье.

И вдругъ случилось нѣчто, совсѣмъ исключительное и никѣмъ неожиданное... Никаноръ Саввичъ, поднявшись позже обыкновеннаго, обошелъ (какъ всегда у него водилось) свою конюшню, приказалъ при себѣ промять жеребца и, вернувшись домой, только-что опу-

стился въ свое излюбленное кожаное кресло, какъ вдругъ услышалъ какой-то странный крикъ, вопли, стоны на дворѣ и вскочилъ со своего мѣста.

— Съ нами крестная сила! Ужъ не пожаръ ли, чего Боже сохрани!—подумалъ онъ и бросился къ окошку, которое выходило на дворъ... И видитъ—что же? Аринушка бѣжитъ по двору, какъ молоденькая (откуда у старой и прыть взялась), бѣжитъ простоволодая—и шлыкъ свой, и клюку—все растеряла; и кричитъ, кричитъ благимъ матомъ... А ей на встрѣчу и изъ поварни, и изъ конюшни, и изъ скотной высыпаютъ люди...

— Да что старуха-то? Белены что ли объѣлась?—подумалъ старикъ Мигаловъ и хотѣлъ кликнуть Марю Тимоѣевну.

Но крики все ближе, ближе—и стоны, и всхлипыванія, и двери въ комнату настеть... Вбѣжала старуха, да прямо въ ноги къ Никанору Саввичу и повалилась. А за нею слѣдомъ и Марѳа Тимоѣевна: кровинки нѣтъ въ лицѣ, а вся, какъ листъ осиновый, трясется.

— Что? Что такое?—крикнулъ перепуганный Мигаловъ, отступая отъ старухи.

— Аринушка! Да что съ тобою?—пустилась ее допрашивать и Марѳа Тимоѣевна.

А та все только стонетъ да объ полъ головою бьется и слова вымолвить не можетъ.

— Да скажешь ли ты, коргá проклятая!.. Что случилось?—заревѣлъ въ весь голосъ Никаноръ Саввичъ.

— Пропала моя головушка,—простонала старуха.—Увезли, охъ, увезли голубушку.

— Кого увезли?—спохватилась Марѳа Тимоѣевна.

— Да Любушку, вѣстимо,—проговорила наконецъ Аринушка, приподнимаясь на рукахъ, и опять рухнула на полъ.

— Ай, Господи! Напастъ какая! Ахъ!—вскрикнула Марѳа Тимоѣевна и упала въ обморокъ.

— Люди, люди!—растерянно крикнулъ Николай Саввичъ, открывая двери въ сѣни. Сбѣжались люди, дѣвушки подхватили Мигалову, снесли ее въ опочивальню и стали опрыскивать и растирать, чтобы привести въ чувство... А двое дворовыхъ подняли съ полу Аринушку, принесли ей воды, усадили на лавку, и когда она немного оправилась и пришла въ себя, то могла сказать:

— На выходѣ изъ ограды... карета тутъ нарядная стояла... четыре гайдука при ней... Чуть только вышли мы—мнѣ дали тумака по шеѣ, сбили съ ногъ... А Любушку-то хватъ! Въ карету! Вскочили на запятки и были таковы... И крикнуть не успѣла.

— Да кто-жъ увезъ-то?—добивался Никаноръ Саввичъ.

Но старуха на этотъ вопросъ ничего не могла отвѣтить: плакала, просила не губить ее и бормотала какую-то околѣсную...

Послалъ Николай Саввичъ людей къ церкви разузнать, какъ было дѣло. Самъ сходилъ, разспрашивалъ, вывѣдывалъ, да только и узналъ всего, что «подхватили барышню мигомъ, шлыкъ на нее накинули, въ карету сунули, да такъ помчали, что четверня вся вскачь пустилась»... Только одинъ кто-то въ толпѣ нашелся, сказалъ, что карета была непростая, а съ гербами—и кони были въ ней первый сортъ, буланые, подъ масть подобранные...

Въ головѣ у Николая Саввича все помутилось... И дочери-то жалко и передъ людьми какъ-то совѣстно, и на кого обрушиться съ грозой—невѣдомо! А гдѣ искать и какъ искать? Но болѣе всего и грызла, и терзала его мысль о томъ, что долженъ будетъ онъ теперь отвѣтить князю? Какъ оправдаться передъ нимъ? Какъ убѣдить его, что это все само собой стряслось?

Въ этихъ тревожныхъ мысляхъ вернулся онъ домой и снова потребовалъ къ себѣ старуху няньку къ допросу.

Угрозами и криками онъ вынудилъ наконецъ у нея нѣчто въ родѣ признанья, которое, какъ показалось ему, тотчасъ объяснило все дѣло. Старуха, пугаясь и запинаясь на каждомъ словѣ, высказала:

— Не вели голову снять, не казни окаянную... Сущую правду объясню, какъ передъ Богомъ... Любушка моя завтра собиралась бѣжать...

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ? Говори, старая вѣдьма.

— Да съ женихомъ своимъ...

— Съ какимъ женихомъ? Его и въ Москвѣ-то нѣтъ!

— Съ Зарядьевымъ, съ Дмитріемъ Ивановичемъ... И Андрей Никаноровичъ имъ мирволилъ и помогаль...

— Ахъ, онъ злодѣй! Ахъ, негодяй!—закипятился Никаноръ Саввичъ.—Эй, Сенька, Васька, лошадей закладывать—сейчасъ же. Я поѣду, я разыщу, я его проучу мальчишку, подлеца безусаго...

— Да вѣдь не онъ это увезъ-то ее,—спохватилась старуха.—Насильно вѣдь увезли—чужіе какіе-то...

— Вранье. Подвохъ!—кричалъ Никаноръ Саввичъ, топая ногами.—Онъ увезъ! И Андрюшка имъ пособлялъ, и ты сводила ихъ, безбожница!

— Да нѣтъ же,—настаивала старуха.—Зачѣмъ было ему Любушку силой увезть?.. Она собиралась съ нимъ и съ братцемъ прямо въ церковь ѣхать... А тутъ схватили, ротъ зажали, да впихнули въ карету... Разбойники, озорники какіе-то...

Но старикъ Мигаловъ и слушать не хотѣлъ, и какъ его ни унижала жена, какъ ни упрашивала его повременить и обождать денекъ, и даже по начальству не оповѣщать, чтобы тревоги напрасной не дѣлать и сраму лишняго на свою голову не принять,—Никаноръ Саввичъ сѣлъ и поѣхалъ прямо на Моросейку. И всю дорогу, стиснувъ зубы и сжимая кулаки, онъ рисовалъ себѣ картину

встрѣчи съ Зарядьевымъ и съ преступной дочерью и съ сыномъ предателемъ... И какъ онъ ихъ всѣхъ проучить, какъ онъ заставить трепетать и покориться его волѣ.

Вотъ наконецъ онъ на Морсейкѣ и подъѣзжаетъ къ дому, гдѣ жилъ Зарядьевъ со своей старухой теткой. Стучить въ ворота и кулакомъ, и палкой, вызывая громкій лай дворняшекъ... Наконецъ къ воротамъ подходитъ кто-то, и старикъ слуга отворяетъ калитку.

— Здравствуй, господинъ честной! Тебѣ кого надѣть?

— Зарядьева! Дома?—крикнулъ Никаноръ Саввичъ.

— Нѣтъ, дома нѣтъ. Въ должность поѣхалъ...

— Врешь... Дома онъ—прячется, небось.

— Да чего ему прятаться?—прехладнокровно отвѣчалъ слуга.— Чай, онъ не краденый, да и самъ ничего не укралъ. Пожалуй, посмотри хошь самъ...

Мигаловъ былъ совершенно сбить съ толку этимъ спокойствіемъ старика слуги и сразу какъ будто ослѣлъ и присмирѣлъ.

— А гдѣ же его должность?—спросилъ онъ уже гораздо тише и спокойнѣе.

— Вѣстимо гдѣ... Въ домѣ у губернатора. Въ секретаряхъ тамъ служить.

Мигаловъ быстро повернулся къ своей повозкѣ и крикнулъ кучеру:

— Къ губернаторскому дому,—и покатилъ далѣе.

— Не можетъ быть, чтобы онъ былъ въ должности, если онъ дочку увезъ... Не даромъ же старуха клевететъ!.. Если онъ увезъ, какъ ему въ должности быть? А если онъ тамъ...

На этотъ вопросъ Никаноръ Саввичъ самъ себѣ никакъ не могъ отвѣтить и только рукой махнулъ.

Подъѣзжая къ дому губернатора и розыскивая его канцелярію, Мигаловъ опять таки бурею напустился на старика сторожа, который, сидя на ступенькѣ, грѣлся на солнышкѣ.

— Здѣсь служить Зарядьевъ, Дмитрій Ивановичъ?

— Здѣсь, какже. Небось, тебѣ нужда какая до него?.. Онъ господинъ хорошій.

— Да онъ теперь-то здѣсь?

— Здѣсь, какже! Безпремѣнно здѣсь! Позвать прикажешь, что-ль?

— И давно пріѣхалъ?—съ какимъ-то невольнымъ озлобленіемъ проговорилъ Мигаловъ.

— Съ самага утра надъ столомъ корпить.

Никаноръ Саввичъ, совершенно опѣшившій, сѣлъ опять въ повозку и съ минуту раздумывалъ: какъ быть и что предпринять?...

— По начальству если объявку подать, вѣдь это, значитъ, всю ея судьбу испортить! Пожалуй, ее и съ рукъ не сбудешь,—думалъ озадаченный родитель.—Повременить да переждать—пожалуй, и слѣды потеряешь... А развѣ вотъ что... не съѣздить ли мнѣ къ князю?

У него не попросить ли совѣта и помощи? Человѣкъ онъ умный, и съ связями, и губернатору онъ свой—такъ, можетъ быть, припомощи его, безъ шуму и безъ огласки сами слѣды розыщемъ... Эй, Сенька, къ князю Меркурію Меркурьевичу вези меня скорѣе.

Пріѣхали и къ князю; вѣхали во дворъ его, за фигурную рѣшетку; подкатили къ крыльцу, на которомъ тѣснилось съ дожину слугъ въ богатыхъ ливреяхъ съ галунами.

— Дома? Дома ли князь?—спросилъ старикъ Мигаловъ, высываясь изъ своей повозки.

— Дома. Пожалуй, батюшка Никаноръ Саввичъ,—засуетились слуги, очищая дорогу къ входнымъ дверямъ.

Мигаловъ вышелъ на крыльцо, поддерживаемый подъ руку, вступилъ въ великолѣпныя сѣни княжескія и, скидывая верхнее платье, проговорилъ, волнуясь и спѣша:

— Ступайте, доложите князю, что я... по дѣлу къ нему... по важному...

И между тѣмъ, какъ одинъ изъ слугъ стрѣлою метнулся вверхъ, онъ и самъ сталъ подниматься по ступенькамъ лѣстницы, которая вела въ пріемную, и все думалъ и передумывалъ, какъ онъ представитъ передъ грозныя очи своего угрюмаго сосѣда, и что ему скажетъ, и какъ объяснить случившееся...

— Охъ, батюшки. Лучше бы, кажется, сквозь землю провалиться!—думалъ онъ, нетвердою рукою хватаясь за ручку двери въ пріемную.

Вошелъ и ходить по ней взадъ и впередъ, и ждетъ, машинально обводя глазами росписной плафонъ съ нимфами и стѣны съ грубоватою лѣпною орнаментикою.

Вотъ бѣжить черезъ пріемную тотъ слуга, что пошелъ докладывать, и говорить мимоходомъ:

— Вотъ притча-то, батюшка! И дома князь, да нѣтъ его нигдѣ. Повсюду обѣжалъ... Развѣ что въ саду...

А старикъ Мигаловъ все ходитъ и ходитъ, и все болѣе и болѣе волнуется; а мимо его то и дѣло бѣгаютъ и ходятъ слуги княжескіе, и всѣ плечами пожимаютъ и перешептываются...—Князь у насъ, не выходя изъ дома, сгибъ да пропалъ...

— Да что вы? опалѣли, что ли? Говорите толкомъ! — начиналъ горячиться Мигаловъ.—Ну, если онъ занятъ тамъ, или принять не можетъ, такъ вы скажите, что важное, молъ, дѣло, его касающее...

— Да помилуй Богъ, батюшка Никаноръ Саввичъ,—заговорилъ съ видимымъ смущеніемъ старикъ слуга.—Мы сами съ ногъ сбились, голову потеряли, искавши князя! Съ часъ назадъ онъ тутъ и былъ, и гнѣваться изволилъ на непорядки въ домѣ, и по гостинной ходилъ, и докладъ отъ приказчика принималъ и поучить его изволилъ изъ своихъ ручекъ—и вотъ нѣтъ нигдѣ!

— А княжичъ дома?

— Съ недѣлю, какъ въ деревнѣ гостить...

— Ну, такъ скажите князю, когда его розыщете, что я къ нему еще таки заѣду сегодня, что очень нужно.

И поспѣшно выйдя изъ пріемной, сталъ спускаться съ лѣстницы въ сѣни, сопровождаемый старымъ слугой, да вдругъ какъ обернется къ слугѣ, да какъ посмотреть на него во все глаза... Тотъ даже понятился отъ него невольно.

— А скажи-ка ты мнѣ, голубчикъ, — какъ-то особенно тревожно и многозначительно спросилъ старика Мигаловъ, — буланые у князя на конюшнѣ есть или нѣтъ? Кони буланые...

Старикъ всплеснулъ руками:

— Охъ, батюшка! Не говори ты ужъ!.. И такъ дрожимъ—дрожимъ и доложить не смѣемъ князю! Вчера еще четверку буланыхъ изъ-подъ носу увели... Со двора у насъ свели... Тысячную четверку—и что за кони!

— Четверку?.. Буланыхъ?..—крикнулъ Мигаловъ.—Ну, значитъ, только одно и остается: начальство извѣститъ! Да, да! Къ господину губернатору... челомъ бить. Помощи и розыску просить.

И онъ стремглавъ пустился внизъ, къ великому смущенію всей княжеской дворни.

VII.

Филька Проньра на чистоту обдѣлалъ «дѣльце». Все подробно развѣдавъ и разузнавъ, онъ уговорился съ Ванькой, что похищеніе барышни Мигаловой должно быть совершено какъ разъ наканунѣ того дня, въ который условленъ былъ ея побѣгъ съ братомъ и Зарядьевымъ и тайное вѣнчаніе въ одномъ изъ подмосковныхъ селъ. Еще съ вечера Филька (конечно, съ разрѣшенья князя) повелъ Ванькиныхъ молодцевъ въ конюшни, въ то время какъ тамъ не было ни одного конюха, и помогъ имъ вывести буланую четверку, за которой во всей Москвѣ не могъ бы никто угнаться, а съ другаго, сосѣдняго подворья графовъ Бѣльскихъ взялъ у управителя на поддержаніе графскую карету, и ужъ къ 6 часамъ утра эта карета стояла на другой день въ переулкѣ за церковью св. Ирины Великомученицы, запряженная четверкою буланыхъ пугомъ. Ванькины молодцы—изъ лучшихъ «мастеровъ» — наряженные гайдуками, стояли у дверецъ кареты и сидѣли на козлахъ; самъ Филька сидѣлъ внутри кареты, а Ванька, въ видѣ конюха, съ подвязанной бородой, ходилъ около коней, обмахивая ихъ конскимъ хвостомъ, управляя на нихъ сбрую и зорко посматривая кругомъ.

Чуть только обѣдня стала подходить къ концу, карета съ булаными конями была подвинута къ самымъ воротамъ ограды, и, конечно, тотчасъ собралась около нея толпа зѣвакъ... По знаку Ваньки все его ребята насторожились, и чуть только Любушка съ

нянькой показалась въ воротахъ,—няньку толкнули въ сторону, а барышню окутали чернымъ платкомъ, и прежде, чѣмъ она успѣла вскрикнуть, четыре дюжихъ молодца подхватили ее, какъ перышко, и мигомъ сунули въ карету... Дверцы хлопнули, и вся четверня съ мѣста взяла маршъ-маршемъ такъ дружно, что карета и съ коныхомъ, и съ гайдуками исчезла изъ глазъ толпы, прежде чѣмъ ктонибудь успѣлъ опомниться.

— Держи! Лови!—раздались запоздалые крики. Поднялась безтолковая суматоха, возгласы, споры: не погнался, конечно, никто... Да и гдѣ же было угнаться?.. И даже слѣдъ простылъ въ ту пору, когда старикъ Мигаловъ выслалъ людей и самъ явился на розыски.

Все это случилось такъ неожиданно, такъ быстро, что Любушка очнулась и пришла въ себя отъ перепуга только тогда, когда карета ужъ мчалась во весь махъ четверни буланыхъ по направленію къ Замоскворѣчью. Она почувствовала, что сидитъ на мягкихъ подушкахъ, что ее крѣпко держатъ за руки съ обѣихъ сторонъ, что голова у нея окутана чѣмъ-то чернымъ, и сквозь это черное ей ничего не видно, и даже трудно дышать... Она пошевелилась, попробовала высвободить руки, попыталась крикнуть; но стукъ колесъ и бѣшеный топотъ коней заглушили ея крикъ, а мужской голосъ надъ самымъ ухомъ ея проговорилъ:

— Сиди-ка смирно, сударыня. Никакого худа тебѣ не будетъ.

— Да вотъ, братъ,—шепнулъ другой кто-то съ другаго бока,—дай барышнѣ спиргику понюхать... Вотъ.

Любушка почувствовала, какъ ей, сквозь покрывало, окутывавшее ея голову, поднесли къ носу что-то пахучее, пріятное, одуряющее—невольно потянула въ себя эту струю, и вскорѣ потеряла всякое сознание... Голова ея склонилась на бокъ, потомъ опустилась на грудь; руки безсильно повисли...

— Ну, такъ-то лучше будетъ,—проговорилъ Ванька.—Теперь мы, значить, пріостановимъ у кумы; барышню къ ней вынесемъ и до вечера здѣсь продержимъ, а карету погонимъ дальше, черезъ заставу, чтобы слѣдъ былъ виденъ и всѣмъ вѣдомъ.

— Недурно придумано,—похвалилъ Филька.—Ну, а коней, какъ розыскъ поднимется, подкинемъ гдѣнибудь подъ Симоновымъ, въ рошѣ.

— А у кумы,—продолжалъ Ванька,—ужъ приготовленъ возъ съ сѣномъ, въ которомъ мы тебѣ твою добычу въ лапы къ твоему медвѣдю предоставимъ...

— Ладно, ладно, голубчикъ,—проговорилъ Филька, потирая руки.—И если все благополучно сойдемъ у насъ сегодня, ужъ я тебѣ, Ванюшка, еще съ полсотни червонцевъ отъ своихъ щедротъ накинута...

— Спасибо на добромъ словѣ,—проговорилъ съ двусмысленной усмѣшкой Ванька.—Напредки не забудь насъ...

Въ это время карета приостановилась въ глухомъ переулкѣ у какого-то высокаго забора, ворота заскрипѣли и отворились настезь, и карета въ нихъ въѣхала...

Филька и Ванька бережно вынули Любушку, крѣпко усыпленную соннымъ зельемъ, и перенесли ее внутрь небольшого дома, стоявшаго среди двора; между тѣмъ карета съ гайдуками объѣхала кругомъ черезъ другія ворота, на другой такой же переулокъ, и по-прежнему, маршь-маршемъ, покатила къ заставѣ.

Ванькина «кума» — рябая старушонка лѣтъ подь шестьдесятъ, подвижная и бойкая, сейчасъ же распорядилась о томъ, чтобы уложить Любушку на мягкую постель, въ своей опочивальнѣ, а Ванькѣ съ Филькой подала рядомъ съ опочивальней такой обѣдъ, что у обоихъ глаза на блюда разбѣжались... Чего тутъ не было: и яичница на сковордкѣ, и ветчина, и сырники, и пряженцы, и студень въ латкѣ, и чудесный клюквенный холодный квасъ въ большущемъ жбанѣ.

Филька не зналъ «кумы» и въ этомъ воровскомъ пригонѣ былъ впервые; вотъ почему сначала онъ опасался какой нибудь каверзы или новыхъ вымоганій со стороны Ваньки, у котораго онъ былъ, такъ сказать, въ рукахъ... Поэтому онъ очень подозрительно поглядывалъ кругомъ и не разъ поднимался изъ-за стола, чтобы заглянуть въ опочивальню на Любушку... Онъ даже отказался отъ хмельной браги, которую кума принесла съ погреба и поставила на столъ передъ пріятелями.

— Что-жъ это ты? Али боишься? Небось, не отравное зелье, а на благо утробѣ сварено... Иаволь, я покажу тебѣ, какъ пьютъ ее.

И нацѣдивъ себѣ браги въ ковшъ, Ванька опрокинулъ его разомъ.

— Вотъ какъ по-нашему! У насъ вѣдь дѣло безъ обмана. На чистоту...

— Знаю, знаю, голубчикъ,—отговаривался Филька.—Да охмелѣть боюсь... Сегодня вѣдь еще придется съ княземъ въ бесѣдѣ быть...

А Ванька налилъ себѣ и другой ковшъ и, прихлебывая изъ него, превесело сталъ шутить и рассказывать о разныхъ своихъ послѣднихъ походехъ и между прочимъ сообщилъ пріятелю, какой бѣды избѣгъ надняхъ...

— Былъ я у зазнобушки своей... И засидѣлся, заболтался съ ней до полуночи... Слышимъ, мужъ ея вернулся домой, жену кличетъ, ищетъ... Я распростился, да въ садъ, а садъ какъ разъ на перекрестокъ выходитъ... Ну, мнѣ ужъ не въ первой—задумалъ черезъ заборъ махнуть; влѣзъ, выждалъ времечко такое, что мѣсяцъ изъ-за облакъ проглянулъ, сталъ я осматриваться... Вижу—никого; я тотчасъ съ забора прыгъ, да прямо въ лапы Плюцилову съ командой... Подстерегали вишь меня и прятались... Я такъ и этакъ—

не тутъ-то было: крутятъ локти къ лопаткамъ. Вдругъ откуда ни возьмись мужчина этакій высокій, кряжистый, да какъ гаркнетъ на нихъ:

— Чего вы тутъ, мерзавцы! Четверо на одного набросились! Сейчасъ, кого въ потылицу, кого и подъ мякитки — всѣхъ разметалъ и опарашилъ! Ну, я, вѣстимо, веревку съ локтей долой, да подавай Богъ ноги! И тогда-жъ поклялся, что я ему добромъ за добро отплачу.

— Еще бы. Изъ петли вытащилъ тебя! — поддакнулъ Филька. — Да развѣ-жъ ты его успѣлъ въ лицо запримѣтить?..

— Успѣлъ, и послѣ повстрѣчалъ и разузналъ, какъ его по имени, по отчеству зовутъ...

Филька хотѣлъ было спросить, кто оказалъ услугу Ванькѣ, но тотъ поднялся и проговорилъ:

— Стемнѣло. Пора намъ въ путь. А то твой князь, я чай, ужъ совсѣмъ по тебѣ изнылъ, ожидаючи своей кралечки... Эй, кума! зови ребятъ сюда.

Мигомъ, какъ изъ земли, выросли четыре новыхъ «мастера», въ драныхъ, старыхъ зипунишкахъ и крестьянской одеждѣ.

— Готово? — спросилъ ихъ Ванька, поднимаясь изъ-за стола.

— Готово, — отвѣчали молодцы въ одинъ голосъ.

— Такъ берите барышню въ опочивальнѣ, снесите бережно, кладите ее внутрь воза...

— Слушаемъ.

И черезъ минуту вынесли Любушку изъ опочивальни, попржнему окутанную въ шубку и съ чернымъ покрываломъ на головѣ, и мимо Фильки и Ваньки пронесли ее изъ дома во дворъ, гдѣ на глазахъ у Фильки уложили въ возъ съ сѣномъ, въ которомъ очень искусно выбито было внутри удобное и просторное гнѣздо, прикрытое подвязанными клочками сѣна и рогожей.

— Ну, въ путь, — скомандовалъ Ванька, и тотчасъ двое молодецъ взяли лошадь подъ уздцы, а двое поплелись за возомъ поодаль, когда онъ грузно и медленно выкатился на переулочъ.

— Пойдемъ и мы за ними, куда ты намъ укажешь, — сказалъ Ванька, дружелюбно подхватывая Фильку подъ руку, и увелъ его съ собою за ворота, которыя тотчасъ же за ними захлопнулись и задвинулись тяжелымъ засовомъ.

И долго, долго тащились они слѣдомъ за возомъ, избѣгая людныхъ улицъ и огибая большіе круги по переулкамъ... И дотащились наконецъ до той потайной калитки сада, отъ которой ключъ всегда былъ въ карманѣ у князя, а на этотъ вечеръ былъ переданъ имъ Филькѣ. Калитка, скрытая густымъ кустомъ орѣшника, выходила на пустой тупикъ, отовсюду окруженный огородами, а со стороны сада княжескаго открывался въ крытыя сѣни павильонъ,

который князь называлъ потайнымъ», всегда держалъ на ключѣ и этотъ ключъ довѣрялъ только одному Филькѣ.

Когда возъ остановился у куста орѣшника, молодцы тотчасъ сбились около него въ кучу; а Ванька осторожно откинулъ рогожу, прислушался и сказалъ Филькѣ:

— Дай-ка мнѣ стлянку съ соннымъ зельемъ... Надо ей дать еще понюхать, а то, пожалуй, не внесешь... А ты тѣмъ временемъ ступай-ка, отпирай...

Филька сунулъ стлянку ему въ руки и видѣлъ, какъ онъ еще разъ нагнулся внутрь воза подъ рогожу... Потомъ шепнулъ ребятамъ:

— Несите ее... Да бережнѣй, смотрите.

Ребята очень бережно вынули изъ воза свою ношу и понесли отъ калитки, которую самъ Филька отворилъ имъ, и, придерживая ключъ, сказалъ въ полголоса:

— Ребята, прямо, а потомъ направо, шесть ступеней вверхъ. Тутъ, Ваня, на окошкѣ фонарь потайной... Вздуй его, пока я здѣсь замкну калитку.

И, осторожно притворяя ее, сталъ поварачивать ключъ въ замкѣ... Но въ то же мгновеніе четыре сильныхъ руки схватили его за плечи и за руки, а пятая стиснула ему горло такъ, что онъ не могъ ни крикнуть, нидохнуть.

— Крути его, ребята,—прошепталъ надъ головой его Ванька:— рукавицу въ глотку ему заткните, чтобъ писку не было, а остальное по приказу. Впередъ!

Филька, скрученный по рукамъ и ногамъ, съ заткнутымъ ртомъ и шапкой, нахлобученной на глаза, почувствовалъ, какъ «мастера» его подхватили на руки, потащили вверхъ и, подсунувъ подъ широчайшее двуспальное ложе, занимавшее почти половину павильона, проговорили со смѣхомъ:

— А, ну-ка, благодѣтель, лежи здѣсь... Дай намъ княжескую затѣю до конца довести.

VIII.

Князь Меркурій Меркурьевичъ съ самаго ранняго утра въ тотъ день былъ точно въ лихорадкѣ. Отъ Фильки Проныры онъ зналъ о томъ, что въ этотъ день должно совершиться въ концѣ ранней обѣдни похищеніе дѣвицы Мигаловой, зналъ, сверхъ того, что оно совершилось вполне удачно, потому что въ противномъ случаѣ Филька, по уговору, долженъ былъ бы тотчасъ явиться и заявить о неудачѣ. И вотъ онъ всецѣло предался ожиданію того, что должно было случиться, и съ большимъ злорадствомъ представлялъ себѣ испугъ и смущеніе своей жертвы въ то время, когда она увидитъ себя въ западнѣ и въ полной его власти...

— Да, да. Тогда поговоримъ съ ней, посмотримъ; и если поведетъ себя умненько, да не будетъ очень ортачиться, тогда и я съ ней полегче обойдусь... А если чуть только носъ станеть задирать, тогда я покажу ей, что князь Турхановъ значить, и что Зарядьевъ... Пусть вѣкъ свой помнить...

А затѣмъ разыгрывалось и воображеніе стараго сластолюбца и рисовало ему весьма соблазнительныя картины... По странной прихоти, свойственной старческому возрасту, князь былъ равнодушенъ къ Любушкѣ Мигаловой, былъ увлеченъ ея красотой и даже дерзаль помышлять о томъ, что онъ путемъ разныхъ соблазновъ, подкуповъ, лести и униженій будетъ въ состояніи добровольно склонить свою намѣченную жертву къ взаимности. Онъ даже представлялъ себѣ, какъ онъ «въ такомъ случаѣ» будетъ баловать ее, радить, осыпать брилліанами и какъ будетъ гордиться побѣдой, одержанной въ его дѣта.

— Само собой, ужъ ничего не пожалѣю для нея. Сумѣеть повести себя и угодить мнѣ, такъ не раскается... А не сумѣеть — сама на себя пеняй.

Въ такихъ-то праздныхъ разсужденіяхъ и фантазіяхъ у князя прошло время до полудня. Любопытно то, что ему ни разу въ голову не пришла мысль объ отвѣтственности, которую онъ на себя принимаетъ, приводя въ исполненіе свою дикую и злую затѣю. У него съ Филькой все такъ было обдуманно и такъ подробно обсуждено, что, по его мнѣнію, отвѣтственности никакой быть не могло — никто сразу и спохватиться не могъ, не могъ бы и повѣрить, чтобъ похищеніе произведено было по его княжескому приказу. Но когда онъ, шагая взадъ и впередъ по своей гостиной, увидѣлъ изъ окна повозку старика Мигалова, вѣзжавшую къ нему во дворъ, его вдругъ покинула вся бодрость духа... Ему даже и въ голову не пришло, что несчастный Никаноръ Саввичъ ѣдетъ къ нему чуть ли не извиняться въ томъ странномъ событіи, которое съ дочерью его произошло... Онъ даже и вообразить себя не могъ въ данную минуту въ какихъ бы то ни было личныхъ сношеніяхъ и объясненіяхъ со старикомъ и по какому-то невольному необъяснимому порыву бросился изъ гостиной въ опочивальню, а изъ опочивальни спустился въ садъ, свернулъ въ одну изъ самыхъ темныхъ его аллей и, дойдя до бани, засѣлъ въ ней и просидѣлъ больше двухъ часовъ... Онъ видѣлъ, какъ люди бѣгали по саду, розыскивая его, и какъ потомъ ушли, и вышелъ изъ своей засады только тогда уже, когда былъ твердо убѣжденъ, что его никто болѣе не ищетъ, и что непрошенный гость, конечно, успѣлъ убраться восвояси.

За обѣдомъ ему доложили о посѣщеніи Мигалова, и что онъ пріѣзжалъ къ нему «по какому-то важному дѣлу» и казался чѣмъ-то очень встревоженъ; доложили, что онъ и еще разъ хотѣлъ къ нему заѣхать. Но на это князь Турхановъ прямо заявилъ, что онъ се-

годня чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ, и никого не желаетъ у себя видѣть:

— Кто бы ни явился, кто бы ни спрашивалъ обо мнѣ, всѣмъ одинъ отвѣтъ: не принимаютъ, нездоровы.

Но послѣ обѣда его вдругъ снова стала одолѣвать такая тревога, что онъ на мѣстѣ усидѣть не могъ; и даже сонъ — благодатный сонъ сытаго человѣка, который всегда одолѣвалъ его уже за послѣднимъ блюдомъ, — на этотъ разъ обошелъ его и не смыкалъ его зоркихъ, бѣглыхъ, суровыхъ очей. Онъ заперся, какъ и всегда, въ своей опочивальнѣ, но даже и не прилегъ на подушку, а открылъ ключикомъ, висѣвшимъ у него на крестѣ, потайной ларецъ, привинченный къ одной изъ полокъ шкафа, вдѣланнаго въ стѣну, досталъ оттуда обитую кожею шкатулку, въ которой хранились фамильныя драгоценности, когда-то принадлежавшія его покойной женѣ, и сталъ вынимать изъ шкатулки на столъ нитки жемчуга, перстни, кольца, запястья, брошки, пряжки, усыпанныя камнями, и каждую изъ этихъ вещей разсматривалъ въ отдѣльности, то любясь матовымъ блескомъ жемчуга, то слѣдя внимательно за переливами и игрою цвѣтовъ въ граняхъ рубиновъ, изумрудовъ и брилліантовъ. Послѣ долгаго соображенія и внимательнаго осмотра князь отложилъ въ сторону двѣ нитки крупнаго жемчуга съ изумруднымъ замочкомъ, изумрудныя серги и колечко съ рубиномъ, а все остальное уложилъ осторожно въ шкатулку и шкатулку вновь заперъ въ ларецъ. Воображеніе его уже рисовало ему, какъ онъ будетъ подносить всѣ эти драгоценности своей плѣнницѣ, и какъ она, любясь ими, станетъ ихъ надѣвать передъ зеркаломъ, и какъ блескъ этихъ драгоценностей еще возвыситъ ея природную красоту, грацію и свѣжесть формъ...

Между тѣмъ уже вечерѣло; начинало смеркаться, а по мѣрѣ того, какъ смеркалось, возрастали и безпокойство князя и нетерпѣливая тревога ожиданія. Нѣсколько разъ справлялся онъ у слугъ: не прїѣзжалъ ли къ нему еще разъ Никаноръ Саввичъ, и каждый разъ получалъ одинъ отвѣтъ:

- Нѣтъ, не извоили заѣзжать.
- А не былъ ли еще кто нибудь?
- Нѣтъ, никого не было.

Подъ предлогомъ того же нездоровья, на которое князь жаловался до обѣда, онъ приказалъ подать себѣ ужинъ раньше — ѣлъ за ужиномъ очень мало, но зато выпилъ чуть не цѣлую бутылку старой мальвазіи. А часовъ въ девять вечера ушелъ къ себѣ въ опочивальню и заперся въ ней на ключъ, какъ и всегда. Затѣмъ, положивъ въ карманы камзола все, что было вынуто изъ кожаной шкатулки, князь поверхъ своего шелковаго французскаго кафтана накинулъ темный плащъ, а голову покрылъ пуховой шляпой и

узенькимъ потайнымъ ходомъ спустился сначала въ нижній этажъ дома, а потомъ прошелъ стеклянной галлереей въ садъ.

Здѣсь, окольными дорожками, онъ пробрался въ тотъ далекій и темный уголокъ сада, гдѣ въ густой тѣни старыхъ липъ и кленовъ стоялъ такъ называемый «потайной» павильонъ, недоступный никому и всегда стоявшій на замкѣ. Князь, не доходя до него сажень пятьдесятъ, присѣлъ на скамейку и сталъ пристально смотрѣть на окна павильона, плотно прикрытаго ставнями... По уговору съ Филькой, онъ долженъ былъ войти въ павильонъ въ то время, когда въ круглыхъ прорѣзахъ ставень явится свѣтъ; и вотъ онъ сидѣлъ теперь точно на горячихъ угольяхъ, трепетно выжидая завѣтнаго сигнала...

И вотъ до слуха его долетѣлъ сначала стукъ колесъ въ отдаленіи, за стѣною сада; потомъ этотъ стукъ словно оборвался, смолкнувъ позади павильона... Въ головѣ князя, какъ молнія мелькнула мысль:

— Вотъ оно: привезли красавицу.

И точно, черезъ нѣсколько минутъ мелькнулъ въ прорѣзахъ оконъ сначала слабый, а потомъ и яркій свѣтъ,—князь быстрыми, нетерпѣливыми шагами направился къ его двери, выйдившей на рѣшетчатое крыльцо, ощупывая въ карманѣ ключъ отъ этой двери... Въ два прыжка онъ очутился на крыльцѣ, осторожно вложилъ ключъ въ скважину замка, дважды повернулъ его и вошелъ сначала въ полутемный салонъ, въ которомъ сбросилъ съ себя и плащъ и шляпу на первый попавшійся стулъ, а затѣмъ нацыпочкахъ прокрался къ двери слѣдующей комнаты, въ которой помѣщалась роскошно-убранная «потайная» опочивальня князя, обставленная мягкой мебелью и зеркалами, устланная дорогими коврами, и съ огромнымъ двухспальнымъ ложемъ посрединѣ, подъ роскошнымъ балдахиномъ съ княжеской короной, изъ-подъ которой тяжелыми складками спускалась узорчатая штофная занавѣсъ, обшитая золотомъ бахромою... Передъ зеркаломъ на каминѣ горѣли два тяжелыхъ канделябра; занавѣсъ надъ кроватью былъ опущенъ... Слышалось чье-то неровное, порывистое дыханіе...

— Молодецъ, однако, этотъ Филька мой,—самодовольно подумалъ князь.—Все справилъ по моему приказу и самъ словно сквозь землю провалился.

Онъ торопливо опустилъ тяжелыя занавѣси надъ окнами, чтобы свѣтъ не виденъ былъ изъ сада въ прорѣзи ставень, потомъ, крадучись, какъ кошка, приблизился къ кровати и легонько отдернулъ одну половину полога... Какая-то фигура въ темномъ верхнемъ платьѣ и съ чернымъ покрываломъ на головѣ лежала на краю постели...

Князь прислушался и опять явственно услышалъ чье-то тяжелое дыханіе... Сердце его забилося, какъ у юноши — онъ захотѣлъ поскорѣе взглянуть въ лицо своей жертвы, подумалъ даже:

— Ей, вѣрно, душно... Вѣрно, тяжело дышать... Голова у нея такъ окутана...

И торопливыми, дрожащими руками сталъ снимать черное покрывало съ головы спящей красавицы. Распуталъ его концы, приподнял, откинулъ... И отскочилъ въ бѣшенствѣ и ужасѣ. Передъ нимъ, на шелковыхъ подушкахъ изголовья лежала не женщина, а соломенное чучело, и изъ приподнятаго покрывала на него смотрѣли насмѣшливо темныя дыры противной толстой машкеры, съ расписными морщинами, красными губами и красными пятнами на щекахъ...

— Фи-и-лька! — зарычалъ князь, задергивая пологъ и трепеща отъ страшнаго порыва и бѣшенства.

Глухой, чуть слышный стонъ былъ ему отвѣтомъ... Но онъ его не слышалъ, потому что позади его раздался раскатистый и звонкій хохотъ, и когда князь обернулся, передъ нимъ, какъ изъ земли, выросъ какой-то дюжій молодецъ въ темной чуйкѣ и высокихъ сапогахъ. Онъ очень нахально, въ упоръ, смотрѣлъ на князя своими острыми сѣрыми глазами и, держась за бока, смѣялся громко и порывисто...

— Кто ты? Кто ты?..—крикнулъ князь, отступая невольно къ постели и тревожно глядяваясь въ незнакомца.

— Кто я—до того тебѣ и дѣла нѣтъ. Я нечистому свой чело-вѣкъ—сейчасъ къ твоимъ услугамъ, изъ печки вылтѣвъ, какъ ты Фильку кликнулъ...

— Негодяй!—крикнулъ вдругъ князь, оправляясь отъ перваго испуга:—я тебѣ голову размозжу!

И онъ бросился къ камину, чтобы схватить съ него одинъ изъ тяжелыхъ канделябровъ... Но незнакомецъ ловко подвернулъ ему кресло подъ ноги, и князь полетѣлъ ничкомъ на коверъ... А въ ту же минуту почувствовалъ, что кто-то сѣлъ ему на ноги и на плечи, а еще кто-то схватилъ его за горло.

— Ну, ребята, и этого тоже покрѣпче; а если вздумаетъ кричать—сейчасъ ему заклепку въ ротъ... Ну, вотъ такъ-то лучше будетъ, князь-господиень!

И князь, скрученный на коврѣ, по рукамъ и по ногамъ, съ ужасомъ увидалъ надъ собою, кромѣ курчаваго малаго въ чуйкѣ, еще какихъ-то четверыхъ молодецвъ.

— Ну, князь, теперъ скажу тебѣ вотъ что: ключъ отъ бесѣдки этой у меня въ карманѣ, отъ выхода въ садъ ключъ тобою въ замкѣ оставленъ... Такъ ты дозвожь мнѣ твои карманы обшарить, поискать другихъ ключей—да похозяйничать намъ въ твоихъ палатахъ, пока есть время.

Мигомъ обшаривъ всѣ карманы камзола, Ванька вынулъ изъ нихъ и принесенныя имъ изумрудныя серьги, и колечко съ рубиномъ, и ниткой жемчуга и, встряхивая ихъ на ладони, проговорилъ, показывая товарищамъ:

— Знаетъ старый чортъ, чѣмъ дѣвокъ къ себѣ приворожитъ! Ну, да этой-то, пожалуй, все это добро не пригодится... Намъ нужнѣе.

И сунуль все въ карманъ. Потомъ, оставивъ двоихъ молодцовъ около князя, въ видѣ охраны, и отдавъ имъ кой-какія приказанія шепотомъ, Ванька исчезъ съ двумя остальными молодцами, и князь слышалъ, какъ онъ заперъ выходную дверь изъ павильона на ключъ.

Долго ли князю пришлось такъ пролежать, и сколько времени продолжалось хозяйничанье Ваньки въ княжескихъ хоромѣхъ, въ этомъ князь Меркурій Меркурьевичъ не могъ себѣ отдать никакого отчета. Онъ все время лежалъ въ какомъ-то полузабытій... Злоба, униженіе, страхъ за свою жизнь и полное безсиліе, къ которому онъ былъ приведенъ,—все это такъ волновало, такъ захватывало все внутреннее существо князя Меркурія Меркурьевича, попавшаго въ собственную западню, что онъ ни о чемъ не могъ думать, ничего не могъ сообразить, не могъ даже вполне ясно понять то, что съ нимъ совершалось... Ему казалось, что онъ находится во власти какого-то страшнаго кошмара, который навалился на него, овладѣлъ имъ, и давить, и мнетъ, и комкаетъ его въ своихъ мощныхъ объятіяхъ...

Но вотъ наконецъ онъ услышалъ, какъ щелкнулъ ключъ въ дверяхъ павильона, увидѣлъ, какъ тѣ же четверо молодцовъ прошли черезъ опочивальню, таща какіе-то узлы и мѣшки; потомъ вернулся только одинъ изъ нихъ, курчавый, что былъ въ чуйкѣ, и сказалъ:

— Теперь, ребята, возьмите князя бережно да положите на кровать, рядкомъ съ его красавицей: пускай онъ помнитъ, каково чужихъ дѣвокъ-то красть, да и къ себѣ въ потайную заманивать.

Приказаніе было немедленно исполнено. Связаннаго князя положили на постель рядомъ съ соломеннымъ чучеломъ, закрыли пологомъ, погасили въ опочивальнѣ свѣчи—и ушли. Князь слышалъ, какъ они спускались по лѣсенкѣ къ калиткѣ, выходящей въ подполье, какъ ее захлопули, и какъ затѣмъ все смолкло, кромѣ дыханія, которое, какъ скоро оказалось, доносилось изъ-подъ кровати, а потомъ перешло въ хрипѣніе, и какъ затѣмъ все смолкло. И князь остался, объятый тьмою и ужасомъ при мысли, что завтра его хватятся въ домѣ, станутъ искать—и найдутъ въ такомъ ужасномъ, въ такомъ позорномъ положеніи.

IX.

Рано утромъ, на другой день, Андрей Никаноровичъ, проснувшись послѣ обѣда на постояломъ дворѣ, близъ Крестовой заставы, вспомнилъ, что условился съ Зарядьевымъ и съ Любушкой сойтись около вечеренъ тамъ же, на паперти у Ирининской церкви, и

оттуда ѣхать прямо на вѣнчанье въ село Алексѣевское, а изъ Алексѣевского, на подготовленныхъ съ вечера коняхъ въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ они должны были нанять лошадей до усадьбы Зарядьева, и тамъ, въ домѣ матери Зарядьева, выжидать вѣстей изъ Москвы.

— Эй, хозяинъ! — крикнулъ Андрей, — прикажи-ка поскорѣй коней впрягать въ повозку. Мнѣ ѣхать ужъ пора.

— Сейчасъ, сейчасъ, господинъ офицеръ, — отозвался за перегородкой голосъ хозяина.

Но въ то же время кто-то осторожно стукнулъ въ окошко съ надворья, а когда Андрей вскочилъ съ постели, подошелъ къ окну и пріотворилъ его, тогда увидалъ подъ окошкомъ человѣка въ темной чуйкѣ и темномъ картузѣ, и лицо этого человѣка показалось Мигалову почему-то знакомымъ.

— Андрей Никаноровичъ, — сказалъ тотъ, приподнимая картузъ со своей курчавой головы, — мнѣ надо съ тобою переговорить по твоему же дѣлу... Выходи къ воротамъ, буду ждать тебя.

— Что тебѣ нужно, и о какомъ ты дѣлѣ хочешь говорить? — спросилъ онъ незнакомца съ нѣкоторой тревогой.

— Побожись мнѣ, что меня не выдашь, — тогда скажу.

— Да я же тебя не знаю... Какъ же и въ чемъ я стану божиться? — сказалъ Андрей, пристально взглядываясь въ своего неожиданнаго знакомаго.

— Ты всматриваешься въ меня, а узнать меня не можешь... Ну, да все равно! Скажу тебѣ напрямикъ, что ты меня, самъ того не зная, спасъ отъ бѣды и оказалъ мнѣ услугу, что и по гробъ мнѣ ея не забыть... Ну, и я тебѣ долженъ отплатить услугой...

— Что за загадка? Въ толкъ не возьму, — проговорилъ Андрей. — Говори скорѣе.

— Князь Турхановъ поручилъ мнѣ увезти твою сестру, и я увезъ ее стъ церкви... Но не для князя, а для тебя... Изволь ее принять и къ жениху отвезть...

Андрей Никаноровичъ отступилъ на шагъ въ изумленіи.

— Ты?.. Увезъ сестру мою? — проговорилъ онъ, понижая голосъ и чувствуя, какъ вся кровь приливаетъ ему въ голову:

— Увезъ и укрылъ отъ злодѣя... Но только ты бери ее сейчасъ и такъ пристрой, чтобы ни ея, ни жениха ея сегодня князь не засталъ въ Москвѣ; а то не поручусь тебѣ ни за что... Князь и богатъ, и силенъ, и постарается отомстить за то, что лакомый кусокъ у него изъ клѣтки вырвали...

— И ты не лжешь? Не обманываешь меня? — воскликнулъ Андрей, крѣпко хватая Ваньку за руку.

— Я говорю тебѣ, что плачу тебѣ услугой за услугу — къ чему же тутъ обманъ?

— Да за какую же услугу? — спросилъ Андрей — и тутъ же

припомнилъ до мельчайшихъ подробностей все столкновение свое съ сыщиками. Онъ ударилъ себя въ лобъ и проговорилъ, понижая голосъ.

— Такъ, значить, ты Ванька...

Тотъ не далъ ему договорить и перебилъ:

— Не все ли равно—кто я? Ты меня отъ бѣды избавилъ, а я—твою сестру... Вотъ и сравнялись, и сочлись... Поѣдемъ къ ней скорѣе.

— Поѣдемъ,—рѣшительно проговорилъ Андрей.

Повозка между тѣмъ была запряжена. Андрей забралъ свои вещи, расплатился и простился съ хозяиномъ, и вышелъ на улицу, собираясь сѣсть въ повозку.

Ванька, тѣмъ временемъ, успѣлъ уже нанять извозчика и, когда Андрей показался въ калиткѣ, тотъ сказалъ ему:

— Прикажи повозкѣ за мною ѣхать,—вскочилъ на извозчика и во весь духъ погналъ его по улицѣ.

— Поѣзжай за нимъ!—крикнулъ Андрей ямщику и усѣлся въ повозку, все еще не будучи въ состояніи отнестись вполнѣ сознательно къ тому, что происходило передъ его глазами... Повозка давно уже катилась вслѣдъ за Ванькой, а самъ Андрей Никаноровичъ, сидя въ ней, раздумывалъ обо всемъ, что случилось за послѣднее время съ нимъ и съ сестрою его, и въ себя прійти не могъ отъ изумленія...

— Что это за диво? Сестра готовилась бѣжать отъ князя, и чуть-чуть не попала ему прямо въ лапы... А мы съ Зарядьевымъ ее спасать собирались—и чуть было на вѣкъ не потеряли... И нужно-жъ было мнѣ тогда на этихъ сыщиковъ наткнуться, чтобы этого... отъ петли избавить; и вотъ теперь ему обязанъ я спасеніемъ сестры... Нѣтъ, это, право, есть отъ чего съ ума сойти!.. Что за судьба мудреная, и что за путаница—что за сумбуръ невѣроятный... Просто, голова кругомъ идетъ.

Такъ прошло около получаса въ усиленной скачкѣ по дальнимъ улицамъ и узкимъ грязнымъ переулкамъ Бѣлокаменной. Наконецъ, извозчикъ остановился у какого-то забора съ наглухо запертыми воротами, быстро повернулъ лошадь и скрылся; а Ванька, остановившись передъ воротами, оглянулся во всѣ стороны и юркнулъ въ калитку. Нѣсколько минутъ спустя, калитка снова отворилась, и двѣ женскія фигуры осторожно выглянули изъ-за нея. Одна изъ нихъ, завидя Андрея Никаноровича въ повозкѣ, вдругъ всплеснула руками и съ радостнымъ крикомъ быстро бросилась къ нему.

— Андрюша! Братецъ мой, голубчикъ!.. Такъ меня не обманули?

Въ одинъ прыжокъ она очутилась въ объятіяхъ брата и около него въ повозкѣ. И когда Андрей высунулся изъ повозки, чтобы

кивнуть головой той женщинѣ, которая вывела къ нему сестру,— онъ увидѣлъ передъ собою только наглухо запертыя ворота.

— Пошелъ, пошелъ!— крикнулъ онъ ямщику, крестясь одною рукою подъ плащемъ, а другую крѣпко прижимая съ себѣ Любушку... Онъ не рѣшался и не смѣлъ ее разспрашивать о томъ, что съ ней случилось, и ждалъ, чтобы она первая завела объ этомъ рѣчь...

X.

На слѣдующій день только и было толковъ по всей Москвѣ, что о двухъ загадочныхъ событіяхъ: о похищеніи дочери дворянина Мигалова и объ исчезновеніи князя Турханова, который, на глазахъ у всей своей дворни и служни, заперся въ своей опочивальнѣ, ссылаясь на нездоровье, и цѣлыя сутки не выходилъ оттуда, а когда прислуга, перепуганная, дала знать полиціи, то оказались такія чудеса, что и уму не постижимо... Двери опочивальни взломали, и князя въ ней не нашли, но зато нашли, что все въ опочивальнѣ перерыто и все цѣнное вынута изъ взломанныхъ сундуковъ, комодовъ и бауловъ. Стали искать князя и нашли его наконецъ въ «потайной» его опочивальнѣ, связаннаго, а рядомъ съ нимъ соломенное чучело, наряженное въ женское платье и въ отвратительную машкерную харю... Изъ-подъ кровати, на которой князь лежалъ съ этимъ чучеломъ, увидѣли торчавшія чьи-то ноги, обутыя въ сапоги, и вытащили трупъ княжескаго довѣреннаго слуги, тоже связаннаго по рукамъ и ногамъ, и съ рукавицей, забитой въ ротъ. Вѣроятно, онъ задохнулся, лежа подъ кроватью: онъ былъ уже холоденъ и даже успѣлъ остынуть.

Когда князя освободили изъ его путь, онъ оказался до такой степени потрясенъ всѣмъ, что съ нимъ случилось, что въ первое время находился какъ бы въ бреду... Говорилъ какія-то несвязныя рѣчи, не отвѣчалъ на самые обыкновенные вопросы, всего пугался и ни за что не рѣшался остаться одинъ въ комнатѣ. Наконецъ, нѣсколько дней спустя, онъ заболѣлъ горячкой и нѣкоторое время былъ чуть ли не при смерти. Сынъ, вызванный изъ деревни, пріѣхалъ наспѣхъ и не отходилъ отъ постели отца. Наконецъ, начавъ оправляться, князь написалъ письмо генераль-губернатору и просилъ его къ себѣ пріѣхать для объясненій по «весьма важному семейному дѣлу». Генераль-губернаторъ пріѣхалъ и цѣлый часъ бесѣдовалъ съ княземъ наединѣ. О чемъ шла у нихъ рѣчь— этого никто не зналъ; и на всѣ вопросы, обращенные къ нему съ разныхъ сторонъ, онъ отвѣчалъ только весьма уклончиво:

— Князь просилъ никого по этому темному дѣлу не винить, не розыскивать и предать все волѣ Божіей.

Но говорить, что генераль-губернаторъ составилъ, послѣ бесѣды съ княземъ, подробный докладъ императрицѣ, и что императрица, читая тотъ докладъ, «изволила много и преусердно смѣяться».

Но и похищеніе дѣвицы Мигаловой неизвѣстными злоумышленниками, и скандальная исторія, случившаяся въ домѣ князя Турханова,— все это было вскорѣ забыто, въ виду наступившихъ блестящихъ торжествъ и празднествъ пышнаго коронованія молодой императрицы Елисаветы Петровны. 25-го апрѣля совершилось коронованіе, а затѣмъ изо дня въ день пошли чередоваться рауты да балы, карусели да народныя гулянья, на которыхъ народъ съ радостными криками разрывалъ на части жареныхъ быковъ, выставленныхъ на площади, на особыхъ рундукахъ, и заливалъ даровое угощенье ковшами бѣлаго и краснаго вина, которое било фонтанами изъ пасти дельфиновъ, въ особыхъ красивыхъ бассейнахъ, устроенныхъ на дворцовомъ дворѣ. Каждый вечеръ во всемъ городѣ загоралась иллюминація, и десятки тысячъ огней вспыхивали на Кремлевскихъ башняхъ, на аркахъ и триумфальныхъ воротахъ, перекинутыхъ черезъ улицы, и повади громадныхъ транспарантовъ, символически изображавшихъ «торжество добродѣтели надъ порокомъ» и «правды надъ тьмою лжи и коварства». Огромныя вензелевыя изображенія имени императрицы, окруженныя огнистыми лучами и увѣнчанныя коронами изъ цвѣтныхъ пикаликовъ, видѣлись на всѣхъ перекресткахъ и вызывали шумные клики и восторги толпы.

Затѣмъ съ 9-го мая начался тотъ, вѣроятно, единственный въ своемъ родѣ, машкерадный балъ въ Зимнемъ дворцѣ императрицы (что былъ на Яузѣ), который возобновлялся черезъ день и длился двѣ недѣли. На этотъ машкерадный балъ разсылались по городу ежедневно отъ 800 до 1000 билетовъ, и приглашенія на него получали не только благородное руссійское «шляхетство», но и многіе изъ «знатнаго руссійскаго и иноземнаго купечества». Всѣмъ приглашеннымъ полагалось «быть безъ чиновъ» и съ «должною умѣренностью и учтивствомъ пользоваться машкерадной вольностью». Оставаясь все время въ маскахъ, приглашенные обязательно должны были снимать ихъ передъ ужиномъ.

Этотъ грандіозный «машкерадный балъ» длился уже около недѣли, и шумное его веселье порядкомъ всѣмъ прискучило, когда въ одинъ изъ назначенныхъ для бала дней явилась въ толпѣ гостей новая парочка, наряженная въ костюмы пастушка и пастушки, и обратила на себя общее вниманіе необычайною граціозностью своею, чрезвычайною ловкостью и выдержанностью такта въ танцахъ и такою легкостью, такою гармоніею въ переходахъ отъ важныхъ и чопорныхъ присѣданій и поклоновъ къ оживленнымъ прыжкамъ и поворотамъ, что около пастушка и пастушки собирались тѣсные кружки публики, когда они танцевали менуэтъ или гавотъ, и никто

около нихъ танцовать не хотѣлъ... Всѣ останавливались и на нихъ любовались.

Особенно всѣхъ удивляло то, что эта парочка, всѣхъ восхищавшая и вызывавшая своими танцами общее одобреніе, почему-то избѣгала ужиновъ и успѣвала всегда незамѣтно ускользнуть до того момента, когда снимались маски. А между тѣмъ всѣмъ хотѣлось по-смотреть на прелестную парочку безъ масокъ... Слухи объ этой парочкѣ и ея милыхъ продѣлкахъ дошли наконецъ до самой императрицы, и она пожелала поближе посмотреть на скромную пастушку и застѣнчиваго пастушка...

Полюбовавшись на ихъ граціозные танцы, императрица милостиво изволила ихъ въ слухъ хвалить и приказала посадить пастушка и пастушку за ужиномъ поближе къ своему столу, чтобы удостовѣриться, настолько ли они красивы безъ «машкерадныхъ личинъ», насколько пріятны и заманчивы въ личинахъ.

Отвѣтивъ низкимъ поклономъ и глубокимъ реверансомъ на высказанное государыней желаніе, парочка отошла къ сторонѣ въ ожиданіи ужина и, взявшись за руки, стала шушукаться въ амбразурахъ окна.

Государыня это замѣтила, улыбнулась и подозвала къ себѣ одного изъ камергеровъ:

— Пойдите къ тому окну и позовите ко мнѣ прелестную пастушку вонъ туда, въ диванную. Скажите, что я хочу съ ней говорить.

Минуту спустя, пастушка стояла въ диванной передъ государыней, которая, помахивая опахаломъ, весело оглядывала скромный нарядъ граціозной маски.

— По машкерадной вольности, спрошу тебя, какъ тебѣ приходится твой кавалеръ: братъ, свать, или родня по сердцу?

— Онъ мнѣ мужъ, — чуть слышно произнесла смущенная пастушка.

— И ты его любишь?

— Люблю ли я его? Я бѣжала изъ родительскаго дома, гнѣвъ родителей и теперь еще на себѣ несу, чтобы спастись отъ ненавистнаго жениха и выйти за моего пастушка...

— О, какая же ты смѣлая — не ожидала я, — замѣтила государыня, пораженная открытымъ признаніемъ пастушки. — Но ты мнѣ нравишься, и я хотѣла бы тебѣ быть полезной... Проси милости, и я исполню твое желаніе.

— По машкерадной вольности, дозволю себѣ просить у тебя, государыня, чтобы съ мужа моего былъ снятъ строгій штрафъ за то, что онъ безъ абшида отлучился на мѣсяцъ изъ Москвы, для тайнаго вѣнчанія со мною...

— Ахъ, да ты прелюбопытная, презанятная!.. Какъ звать тебя?..

Пастушка быстрымъ движеніемъ руки сорвала съ себя маску и

глянула въ глаза императрицы своими прекрасными, большими темносиними глазами.

— Въ замужествѣ: Любовь Зарядьева, раба твоя покорная... Въ дѣвчествѣ—Мигалова.

— Мигалова?—проговорила медленно императрица, любуясь красивымъ лицомъ Любушки.—Да, что-то припоминаю... Пстой, пстой, ужъ не за князя ли Турханова хотѣлъ тебя отецъ отдать?

— За княжича,—тихо проговорила Любушка.

— А ты ему предпочла своего пастушка?.. И хорошо сдѣлала... Ну, такъ вотъ что я могу... Я дамъ твоему мужу мѣсто въ моей конторѣ, по управленію дворцовыми имѣніями... А съ отцемъ твоимъ я тебя помирю... Велю ему написать, что я тебя простила и одобряю твой выборъ...

Любушка упала на колѣни передъ государыней и поцѣловала ей руку. Елисавета подозвала къ себѣ того же камергера, котораго посылала за пастушкой, и передала ему о своемъ обѣщаніи дать мѣсто Зарядьеву.

— Ну, а теперь, передъ ужиномъ, спляшите мнѣ еще разъ менуэтъ, — сказала Елисавета, поднимаясь съ дивана.—Я еще разъ хочу полюбоваться на ваше молодое счастье...

По данному знаку, раздались звуки менуэта. Около кресла императрицы тотчасъ собралась блестящая толпа. Счастливые супруги взялись за руки, и танецъ начался, размѣренный, легкій, и граціозный...

П. Полевой.

ВОСПОМИНАНІЯ БАРОНА Ө. Ө. ТОРНАУ ¹⁾.

IV.

Поѣздка моя въ Италію. — Венеція. — Живописецъ Нерли и его жена. — Графъ Гулай. — Эрцгерцогъ Максимилианъ. — Рожденіе наслѣднаго принца Рудольфа. — Передъ войной. — Война Австріи съ Сардиніей и Франціей. — Неудачи австрійцевъ. — Дисциплина въ австрійскихъ войскахъ. — Пріѣздъ мой въ дѣйствующую армію. — Эрцгерцогъ Райнеръ. — Свиданіе съ генералами Шликкомъ и Бенедеккомъ. — Представленіе императору. — Сраженіе при Сольферино. — Жизнь въ Веронѣ. — Перемиріе. — Пріѣздъ въ главную квартиру принца Наполеона. — Заключеніе мира.

ВЪ КОНЦѢ апрѣля 1858 года поѣхалъ я въ сѣверную Италію до Триеста по желѣзной дорогѣ, а изъ Триеста въ Венецію на пароходѣ. Тутъ представился мнѣ случай увидать двѣ вещи, которыми дѣйствительно стоить полюбоваться: живописный, изумительно смѣло чрезъ Земерингъ перекинутый рельсовый путь и видъ Венеціи со стороны моря. Хорошо Петербургъ, какъ бы вырастающій изъ воды по мѣрѣ приближенія къ нему отъ устья Невы; широко раскинувшись, поражаетъ онъ величиною громадскихъ зданій; Венеція же приковываетъ взглядъ ей одной свойственнымъ видомъ плотнаго ряда на подборъ щеголевато-отдѣланныхъ, моремъ отовсюду окруженныхъ, построекъ. Благодаря этому, въ Венеціи не знаютъ пыли, и не слышно стука колесъ по звонкой мостовой; однѣ гондолы, быстро скользя по каналамъ, легкимъ всплескомъ одиночнаго весла нарушаютъ общую тишину. Вода подходитъ къ самому подножію домовъ, и съ подъѣзда

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII., стр. 50.

вступаютъ прямо въ гондолу. Кромѣ водяного пути, существуютъ, впрочемъ, и другія сообщенія. Пробираясь узенькими кале черезъ разныя кампо и сушью, можно пройти изъ конца въ конецъ города, и нерѣдко отпраплялся я этимъ путемъ отыскивать образчики старинной архитектуры, прячущіеся по разнымъ, малоизвѣстнымъ закоулкамъ. Кромѣ всему свѣту извѣстныхъ, сто разъ описанныхъ, церквей, палаццо, картинныхъ галлерей и историческихъ памятниковъ, въ Венеціи нѣтъ такого заброшеннаго уголка, въ которомъ бы не красовался какой нибудь любопытный остатокъ старины — портикъ, статуя, барельефъ, кованная рѣшетка, могущіе занять не послѣднее мѣсто въ любомъ музеѣ.

Богатая жатва для фланера, одареннаго хоть малою долею любви къ искусству.

Два мѣсяца прожили мы въ Венеціи (путешествовалъ я съ семействомъ) на наемной квартирѣ въ палаццо Даріо, близъ церкви Марія-дель-Салутто, имѣя еще удовольствіе пользоваться къ дому принадлежавшимъ садикомъ — въ Венеціи большая рѣдкость — душистымъ, тѣнистымъ, зеленымъ уголкомъ, среди безмѣрнаго избытка камня и воды. Съ балкона, висѣвшаго надъ водой, виденъ былъ каналъ Гранде на большое протяженіе, весь день мелькали по его мутнымъ струямъ гондолы, усаженныя нарядными дамами и венеціанскими щеголями; по вечерамъ рѣдкая гондола проходила мимо насъ безъ музыки. Венеціанская жизнь въ лѣтніе жары, надо сказать, разыгрывается, какъ по нотамъ. Каждый день та же тема, безъ всякой варіаціи: поутру морское купанье, завтракъ, для туриста обязательное странствованіе по церквамъ и музеямъ, потомъ продолжительная сіита при затворенныхъ ставняхъ, поздній обѣдъ, прогулка по каналу Гранде до Ріальто, или на взморье, въ Лидо и въ Мурано, и конецъ дня на Піаццѣ, когда не было оперы. На Піаццѣ ежедневно собиралась по вечерамъ вся венеціанская публика слушать австрійскую военную музыку, пить кофе и ѣсть мороженое. Тутъ, на открытомъ воздухѣ, отъ столика къ столику, принимались и оплачивались визиты. На дому въ Венеціи рѣдко кто принимаетъ гостей; домашній приемъ замѣняется приглашеніемъ за однимъ столомъ послушать на Піаццѣ музыку и принять обычное лѣтнее угощеніе лимонадомъ и мороженымъ.

Благодаря моему пріятелю, Мерингу, снабдившему меня рекомендательнымъ письмомъ, мнѣ удалось познакомиться въ Венеціи съ нѣмецкимъ живописцемъ Нерли, извѣстнымъ своими прекрасными венеціанскими видами. Жена его, рожденная маркиза Маруци, родная сестра нашей графини Сумароковой, слыла одною изъ красивѣйшихъ и любезнѣйшихъ венеціанокъ, и, сколько могу судить, совершенно оправдывала эту лестную репутацію. Самъ Нерли, умный и образованный человѣкъ, въ любезности мало уступалъ своей привлекательной супругѣ, что и побудило насъ короче сойтись съ этими

пріятными людьми. Другихъ знакомствъ мы въ Венеціи не заводили; оберегая свою независимость, избѣгалъ я даже безъ особой нужды сталкиваться съ австрійскими властями, но по своему официальному положенію не могъ избѣгнуть явиться къ графу Гіулаю, когда онъ пріѣхалъ въ Венецію инспектировать подчиненныя ему войска. Я даже радъ былъ случаю увидѣть генерала, на котораго Австрія возлагала свои надежды, если придется вспыхнуть войнѣ, о которой уже всѣ стали поговаривать. Графъ Гіулай сдѣлалъ мнѣ честь пробесѣдовать со мной довольно долго о разныхъ военныхъ предметахъ, и не весьма высокое понятіе о его военномъ талантѣ вынесъ я изъ этой бесѣды. Узналъ я въ немъ, говоря безъ обиняковъ, не генерала, а мелочного фельдфебеля, чловѣка ума посредственнаго, гордаго и крутого, и тутъ же позволилъ себѣ сдѣлать заключеніе, что онъ рѣшительно не въ силахъ замѣнить Радецкаго, и австрійцевъ въ Италіи ожидаютъ вѣрныя неудачи, если, на случай войны, начальство надъ войсками не перейдетъ въ другія, болѣе способныя руки. А что этого не будетъ, въ томъ ручалась его тѣсная дружба съ графомъ Грюнне, пользовавшимся въ то время неограниченнымъ довѣріемъ императора Франца-Іосифа—значить, судьба войны заранѣе была рѣшена.

Изъ Венеціи переѣхали мы на Комское озеро, гдѣ пробыли два мѣсяца, поселившись въ виллѣ д'Эсте, возлѣ Чернобіи. Тутъ представилась мнѣ совершенно другая картина. вмѣсто вспылчиваго, крикливаго, но довольно мягкаго венеціанскаго населенія, пассивно переносившаго австрійское господство, увидѣлъ я предъ собой твердохарактерныхъ ломбардцевъ, дышавшихъ ненавистью противъ всего нѣмецкаго. Хозяинъ виллы, восьмидесятилѣтній баронъ Чіани, когда-то носившій званіе шталмейстера при дворѣ Наполеона I, не смотря на свои лѣта и на параличѣмъ разбитыя ноги, при одномъ имени австрійскомъ вспыхивалъ, какъ молодой чловѣкъ. Въ первое время онъ видимо чуждался меня, но потомъ, развѣдавъ, что, кромѣ моего официального положенія, у меня нѣтъ ничего общаго съ австрійцами, сталъ часто сходитья со мной и откровенно мнѣ высказывать все, что у него лежало на душѣ. Отъ него я узналъ положительнымъ образомъ, что Піемонтъ, заручившись поддержкою со стороны Луи-Наполеона, совершенно готовъ на другой же годъ начать войну. Старикъ только и мечталъ прежде смерти увидѣть Италію освобожденною отъ нѣмецкаго господства, и дѣйствительно имѣлъ радость пережить присоединеніе Ломбардіи къ Сардинскому королевству, послужившее первымъ этапомъ къ объединенію всей Италіи.

На обратномъ пути въ Вѣну остановился я въ Венеціи на нѣсколько дней и попалъ туда въ весьма удачную минуту. Эрцгерцогъ Фердинандъ-Максимиліанъ находился въ городѣ съ супругою, эрцгерцогинею Шарлотою, и гостившимъ у нихъ братомъ ея, графомъ Фландрскимъ. Явившись къ эрцгерцогу, на другой день я получилъ

приглашеніе къ обѣду, на которомъ, кромѣ меня, еще присутствовали эрцгерцогскій гофмейстеръ и фрейлина эрцгерцогини, дѣтски-миловидная графиня Кривелли. Оживленнѣй разговоръ не прекращался въ продолженіе всего обѣда. Поэтически-настроенный эрцгерцогъ остроумно переводилъ его отъ одного предмета къ другому; эрцгерцогиня поддерживала разговоръ, любезно обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ. Умомъ свѣтились ея блестящіе черные глаза, привѣтливая улыбка играла на устахъ, и въ ту пору кому изъ сидѣвшихъ за столомъ даже могъ пригрезиться несчастный конецъ, который злая судьба готовила имъ обоимъ?

Вечеромъ того же дня мнѣ привелось быть свидѣтелемъ зрѣлища какое не каждому туристу удавалось видѣть въ Венеціи. Эрцгерцогъ въ честь своего зятя устроилъ вечернюю прогулку (*Fresca*) по каналу Гранде при блистательномъ освѣщеніи. Впереди плыла большая парадная гондола, построенная по образцу Буцентавра, на которой помѣщались пѣвцы изъ Фениче и хоръ австрійскихъ военныхъ музыкантовъ. За ней тянулись безконечною нитью гондолы, увѣшанныя цвѣтными фонарями, въ которыхъ помѣщалась разряженная публика. По всему протяженію канала, съ обѣихъ сторонъ процессія освѣщалась бенгальскими огнями; множество ракетъ бороздило воздухъ, лопаясь и разсыпаясь яркоцвѣтными звѣздами надъ головами пловцовъ. Подъ сводомъ Ріальто музыка остановилась, проиграла нѣсколько пѣсень, на которыя отвѣчало эхо, свойственное этому мосту, послѣ чего блистательное шествіе тѣмъ же порядкомъ вернулось ко дворцу, противъ Доганы.

Не успѣлъ я вернуться въ Вѣну, какъ совершился фактъ, котораго, что ни говори, вся Австрія желала не менѣе самого императора. Двадцать перваго августа родился наслѣдникъ престола, эрцгерцогъ Рудольфъ. Во время беременности императрицы сильно вѣхъ занималъ вопросъ, разрѣшится ли она принцомъ, или принцессой, какъ было уже два раза. Въ газетахъ было напечатано, что рожденіе принца объявится публикѣ сто, однимъ, рожденіе принцессы— тридцатью тремя пушечными выстрѣлами. На разсвѣтѣ раздались первые выстрѣлы; дальше тридцати-четвертаго считать не стоило— вопросъ былъ рѣшенъ.

По поводу этихъ пушечныхъ выстрѣловъ скоро послѣ того разнесся по городу анекдотъ, на этотъ разъ клеймившій лишь бюргерское простодушіе. Вѣнскій престоноародный юморъ, не пропускающій безъ остроты ни одного интереснаго случая, надо замѣтить, обыкновенно высказывается въ табачной атмосферѣ кофейныхъ и пивныхъ, за кружкою пива. Въ тѣ дни общаго неудовольствія чаще всего острили насчетъ правительства, нимало не стѣняясь, при удобномъ случаѣ, поглумиться надъ самимъ императоромъ. Нѣкоторыя выдумки были до того тупоумны, что не стоить вспоминать о нихъ, но случалось, посреди пошлыхъ остротъ и глухихъ выдумокъ,

появлялось иногда очень мѣткое словцо. Напрасно полиція ловила остряковъ, напрасно предавали ихъ суду за оскорбленіе величія,—вѣнскіе бюргеры продолжали острить и придумывать смѣшные анекдоты насчетъ императора и другихъ членовъ императорской фамиліи, нерѣдко просиживая за такимъ удовольствіемъ долгіе мѣсяцы подъ замкомъ, на хлѣбѣ и на водѣ.

Разсказывали, будто въ ту минуту, когда началась пальба, веселая компанія выходила изъ какого-то биргауза. Пивными парами отуманенные собесѣдники ревностно принялись считать выстрѣлы, мѣшая одинъ другому, теряли счетъ, спутавшись начинали снова считать—и не досчитали дальше тридцати выстрѣловъ. Въ недоумѣніи переглянулись они: какъ дѣло понять?—трехъ выстрѣловъ не доставало до принцессы.

Въ ужасѣ вскрикнулъ одинъ изъ нихъ: *Joseph und Maria, nicht a mahl an Madel!*

Гораздо позже, когда въ 1860 году послѣдовало открытіе памятника эрцгерцогу Карлу, было пущено въ обращеніе очень мѣткое замѣчаніе. Въ Вѣнѣ имѣлось до того два видныхъ памятника: Иосифъ II на шагающемъ конѣ, Францъ I, стоя, протянутою рукой посылающій благословеніе прохожимъ. Памятникъ Карла представлялъ эрцгерцога на конѣ, порывающемся дать прыжокъ. Замѣтили, что эти три памятника какъ нельзя точнѣе выражаютъ положеніе, въ которомъ Австрія обрѣталась въ знаменуемая ими эпохи. *Gleich den drei Monumenten, — сказывали, — war zu Zeiten Iosephs die Monarchie im Vorschritten; zu Zeiten Franzens stand sie still, und jetzt ist sie auf dem Sprunge.*

Въ 1860 году монархія дѣйствительно готовилась отъ абсолютизма перескочить на почву конституціонной формы правленія.

Слова, которыми Луи-Наполеонъ въ день новаго года поздравилъ австрійскаго посла, барона Гюбнера, ясно выразили, чего въ Австріи слѣдовало отъ него ожидать по поводу итальянскихъ дѣлъ. Не легко понять, съ какой стати ему вздумалось разразиться такимъ раннимъ намекомъ: развѣ только съ цѣлью дать ей время одуматься, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до войны. Австрія отвѣтила умноженіемъ войскъ въ Италіи въ доказательство, что она не располагаетъ идти на уступки. Труднѣе еще было понять, на какіе шансы рассчитывала Австрія, вызывая на бой соединенныя силы Сардиніи и Франціи. Итальянцевъ австрійскія войска привыкли бить при каждой встрѣчѣ, но съ французами, со времени наполеоновскихъ войнъ, не имѣли случая помѣрить свои силы, слѣдственно оставалось неизвѣстнымъ, на чьей сторонѣ находится боевое превосходство. Въ вооруженіи французская армія опередила австрійскую: ружья Минье были лучше австрійскихъ, французская артиллерія пользовалась нарѣзными орудіями системы Лагита, стрѣлявшими вдвое дальше гладкоствольныхъ австрійскихъ пушекъ; кромѣ того, въ Австріи должны были

знать, что французы въ разсыпномъ строѣ, которому такъ много способствовала перерѣзанная итальянская мѣстность, превосходятъ ея собственную пѣхоту, обученную дѣйствовать преимущественно густыми колоннами. Союзниками Австрія никого не имѣла; Англія находилась въ союзѣ съ Франціей и сильно сочувствовала освобожденію Италіи. Пруссія, помня Ольмюцъ, нисколько не располагала содѣйствовать умноженію австрійскаго могущества. Россія, со времени восточной войны, имѣла полное право чуждаться Австріи; одинъ германскій союзъ рванулся было поддержать ее вооруженною рукою, но Россія и Англія не замедлили укротить его патриотическій пылъ, напомнивъ союзу, что онъ имѣетъ одно чисто оборонительное значеніе, и они, въ случаѣ его вмѣшательства, сами принуждены будутъ выйти изъ своего нейтральнаго положенія.

До половины апрѣля 1859 года перекидывались нотами, и дѣлались военныя приготовленія въ Австріи, Сардиніи и Франціи; для оправданія себя передъ Европой каждая старалась вынудить противную сторону сдѣлать первый шагъ къ нарушенію мира. Подъ конецъ Австрія не выдержала, 23-го апрѣля послала Сардиніи ультиматумъ, который туринскимъ дворомъ, разумѣется, былъ отвергнутъ, послѣ чего австрійскія войска въ числѣ 180.000 перешли піемонтскую границу. Четвертаго мая Франція объявила Австріи войну и стала въ Италію отправлять войска съ двухъ сторонъ—моремъ чрезъ Геную и сухимъ путемъ чрезъ Монть-Сенись.

Графъ Гіулай (не ошибся я въ немъ), вмѣсто того, чтобы идти на Туринъ, не теряя времени, разбить слабую Сардинскую армію и стать между французами, шедшими съ двухъ противныхъ сторонъ, погрязъ въ Ломелинѣ и далъ соединиться разрозненнымъ непріятельскимъ силамъ, послѣ чего, потерявъ сраженіе подъ Маджентой, принужденъ былъ не останавливаясь отступить за Минчіо.

Императоръ Францъ-Іосифъ, рѣшившійся въ виду такого неудачнаго хода кампаніи, лично принять главное начальство надъ арміей, тѣмъ временемъ отправился въ Италію и 17-го іюня вступилъ въ командованіе, которое, однако, въ концѣ мѣсяца передалъ фельдцейхмейстеру барону Гессу, самъ испытавъ подъ Сольферино рѣшительную неудачу.

Англійскій и прусскій военные агенты уже съ самаго начала кампаніи находились въ главной квартирѣ графа Гіулая; обо мнѣ длилась еще дипломатическая переписка. 18-го іюня, нашъ посланникъ, Викторъ Петровичъ Балабинъ, замѣнившій въ Вѣнѣ барона Будберга, наконецъ сообщилъ мнѣ, что императоръ Францъ-Іосифъ изъявилъ согласіе на мой пріѣздъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи. Походныя приготовленія задержали меня въ городѣ около восьми дней; 26-го былъ я готовъ отправиться. Откланиваясь эрцгерцогу Альбрехту, за отсутствіемъ императора занимавшему въ Вѣнѣ должность правителя и начальника войскъ, остававшихся внутри

имперіи, я имѣлъ случай услыхать изъ устъ его совершенно безпристрастную оцѣнку военныхъ операцій на итальянскомъ театрѣ войны. Говорилъ эрцгерцогъ о дѣлахъ со свойственною ему прямою, не скрывая ошибокъ, давшихъ кампаніи столь дурной оборотъ, и, рассчитывая на мою скромность, коснулся даже будущихъ военныхъ дѣйствій. Въ Вѣнѣ уже нѣсколько дней поговаривали о намѣреніи императора, переправившись черезъ Минчіо, атаковать непріятельскую армію; откуда объ этомъ узнали, сказать не могу. На мое замѣчаніе, что я вслѣдствіе этого слуха, буде онъ справедливъ, боюсь опоздать къ дѣлу, и мнѣ послѣ того трудно будетъ догнать главную квартиру, эрцгерцогъ возразилъ, что подобнаго рода предположеніе дѣйствительно существуетъ, но что, по его мнѣнію, императоръ не сдѣлаетъ неосторожности двинуться изъ Вероны до прибытія корпуса графа Туна, черезъ Тироль идущаго на подкрѣпленіе дѣйствующей арміи, что поэтому столкновеніе не можетъ произойти раньше первыхъ чиселъ іюля, и я нимало не рискую опоздать. Разсуждалъ эрцгерцогъ весьма основательно; численностью въ ту минуту австрійцы почти равнялись франко-сардамъ, корпусъ Туна сулилъ сорока тысячами увеличить силу австрійской арміи; но расчеты эрцгерцога Альбрехта не сбылись: императоръ, не дождавшись Туна, перешелъ черезъ Минчіо, 24-го іюня столкнулся съ непріятелемъ и подъ Сольферино потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. На другой же день разнеслось по городу извѣстіе объ этомъ несчастномъ дѣлѣ; вѣнскіе жители сильно приуныли; военные же, какъ я могъ замѣтить, духомъ не упали, зато злобно налегли на императорскихъ совѣтниковъ, которымъ приписывали всю вину неудачи. Послѣ Гуулая всѣхъ хуже доставалось императорскому любимцу, графу Грюнне, ѣздоку, знатоку въ лошадяхъ, но только не въ военномъ дѣлѣ.

Путь мой до Набрезины лежалъ по триестской желѣзной дорогѣ; оттуда до Казарзы, по недостроенному промежутку, приходилось мнѣ ѣхать на обывательской подводѣ: за Казарзой вплоть до Вероны снова тянулася рельсовая дорога. Переѣздъ отъ Вѣны до Набрезины прошелъ для меня весьма занимательно. Вагоны были переполнены военными всякаго чина и званія; посреди ихъ князь Ричардъ Меттернихъ съ супругой и еще двѣ дамы, одна постарше, другая помоложе—маменькой сопровождаемая второстепенная піанистка Констанція Гейеръ—особа не весьма привлекательной наружности, что ей впрочемъ ничуть не помѣшало, нѣсколько лѣтъ спустя, сдѣлаться законной супругой принца Леопольда Кобургскаго, съ титуломъ баронессы Руттенштейнъ. Княгиня Меттернихъ, хотя также далеко не красавица, но тогда была еще молода и блистала умомъ, который, къ сожалѣнію, съ лѣтами принялъ слишкомъ желчное направленіе. При тогдашнихъ обстоятельствахъ присутствіе этихъ дамъ имѣло

уже ту выгоду, что отвлекало разговоръ отъ политики и отъ военныхъ дѣлъ, которыя наконецъ всѣмъ пріѣлись до тошноты.

Окрестности казараской желѣзнодорожной станціи напелъ я громажденными провіантомъ, порохомъ, орудіями и снарядами, которыхъ не успѣвали грузить и отправлять по назначенію, хотя ежедневно отъ Казарзы до Вероны перевозилось болѣе 14,000 центнеровъ военныхъ тяжестей. Съ самаго начала кампаніи австрійское военное вѣдомство сдѣлало важную ошибку: вмѣсто того, чтобы провіантъ и прочія громоздкія тяжести моремъ везти изъ Триеста въ Венецію и оттуда по готовой желѣзной дорогѣ отправлять въ Верону, водянымъ путемъ принялись преимущественно перевозить войска. Съ появленіемъ французскаго флота въ Адриатическомъ морѣ сообщеніе Триеста съ Венеціей было прервано, и все движеніе по нуждѣ перешло на одну недоконченную желѣзную дорогу. Перерывъ рельсовъ между Набрезиной и Казарзой не мѣшалъ войскамъ слѣдовать безостановочно, но сильно замедлилъ перевозку военныхъ припасовъ, что не могло не повліять невыгоднымъ образомъ на ходъ военныхъ операцій. Тутъ же долженъ замѣтить, какой замѣчательный порядокъ существовалъ по всей дорогѣ, благодаря австрійской военной дисциплинѣ. Несмотря на огромное скопленіе военныхъ лицъ всякаго званія, здоровыхъ и раненыхъ, и чиновниковъ всевозможныхъ вѣдомствъ, ни въ Казарзѣ, ни на пути не встрѣтилъ я ни одного пьянаго солдата, ни одного офицера въ излишне восторженномъ расположеніи духа. Во всѣхъ гостиницахъ и кофейняхъ царилъ рѣдкая тишина. Офицеры входили и уходили, раскланиваясь между собой, закусывали, пили вино, но все это обходилось безъ шума, безъ брани и скандала. Даже присутствіе въ гостиницахъ молодыхъ прислужницъ не вызывало со стороны офицеровъ нескромной шутивости. Прежде всего требуется отъ австрійскаго офицера безусловное соблюденіе законовъ чести и приличное поведеніе. Это не служить еще доказательствомъ, будто всѣ австрійскіе офицеры ведутъ себя безукоризненно, встрѣчаются и между ними очень дурные субъекты, готовые на всякую безобразную выходку, но за каждымъ проступкомъ слѣдуетъ неизбежное наказаніе. Офицеръ, провинившійся противъ чести или нарушившій какое либо, офицерскому званію присвоенное правило приличія, немедленно исключается изъ службы.

Отъ Казарзы до Вероны случилось мнѣ проѣхать въ одно время съ тогдашнимъ предѣвателемъ государственнаго совѣта, эрцгерцогомъ Райнеромъ, имѣвшимъ любезность пригласить меня въ свое вагонное отдѣленіе. Эрцгерцогъ, о которомъ уже до того я слышался много хорошаго, совершенно покорила меня своимъ добродушнымъ обращеніемъ. Разумно разсуждалъ онъ о дѣлахъ, крѣпко занимавшихъ въ то время каждого австрійца, безъ всякаго нетерпѣнія выслушивалъ разсужденія, противорѣчившія его мыслямъ, и

никому не давалъ чувствовать своего высокаго значенія. Наше путешествіе обошлось не безъ задержекъ; поѣздъ принужденъ былъ безпрестанно останавливаться на станціяхъ для пропуска встрѣчныхъ цуговъ. Въ виду самой Вероны мы были остановлены на два часа въ ожиданіи поѣзда съ ранеными, долженствовавшаго двинуться изъ крѣпости. Раненыхъ и больныхъ отвозили изъ Италіи во внутреннія провинціи для размѣщенія по обывательскимъ домамъ, какъ можно ближе къ мѣсту родины. Жара довела насъ до изнеможенія; недоставало тѣни, недоставало хорошей воды. Оберъ-кондукторъ предложилъ эрцгерцогу телеграфировать въ Верону о томъ, что онъ ѣдетъ съ нашимъ поѣздомъ, для пріостановки веронскаго цуга, отчего тотъ рѣшительно отказался, объявивъ, что онъ готовъ прождать сколько угодно, раненыхъ же не слѣдуетъ задерживать безъ особенно важной причины. Въ Веронѣ не оказалось ни одного фіакра у станціи желѣзной дороги, отстоявшей отъ города на добрый пущечный выстрѣлъ; эрцгерцогъ съ своимъ адъютантомъ пѣшкомъ побрели въ городъ; егеръ понесъ дорожные мѣшки; сундуки повезли на ручной телѣжкѣ. Слѣдомъ за ними потянулись прочіе путешественники.

На другое утро поѣхалъ я, начавъ съ графа Грюнне, являться всѣмъ наличнымъ военнымъ властямъ. Многимъ мой пріѣздъ приходился не по сердцу: патріотическое самолюбіе ихъ противилось видѣть русскаго офицера близкимъ свидѣтелемъ горькихъ неудачъ, которыми разразился походъ, начатый съ самыми блестящими надеждами. Чувство это было весьма натурально: поэтому на мнѣ лежала строгая обязанность, по возможности, ему потворствовать, не роняя при томъ собственного достоинства. Въ этомъ случаѣ я нашелъ полезную мнѣ поддержку въ эрцгерцогахъ и въ старыхъ генералахъ, которые, помня еще наполеоновскія войны, открыто продолжали сочувствовать русскимъ. Отъ нихъ видѣлъ я однѣ любезности во все время моего пребыванія въ императорской главной квартирѣ. Храбрый графъ Шликъ, подъ Лейпцигомъ потерявшій одинъ глазъ отъ пики русскаго казака, принявшаго его за французскаго офицера, зла не помня, принялъ меня съ открытыми объятіями и долго со мной разговаривалъ о дѣлахъ, нисколько не скрывая ихъ дурнаго положенія. И я отвѣчалъ такъ же откровенно, пока онъ не коснулся положенія, принятаго Россіей относительно итальянскаго вопроса. Тутъ мои обдуманно уклончивые отвѣты вызвали его сдѣлать замѣчаніе:

— *Pourtant, camarade, vous êtes bien boutoné.*

— *D'après le réglement, mon général,*— отвѣтилъ я.

Шликъ улыбнулся, пожалъ мнѣ руку и просилъ чаще у него бывать.

Съ Бенедеккомъ разыгралась у меня сцена другаго рода. Еще въ Вѣнѣ были мы знакомы, довольно часто встрѣчаясь у князя

Виндишгреда. Тамъ уже я имѣлъ случай замѣтить, что онъ далеко не добрякъ, какимъ прикидывается, востеръ на языкъ, и съ нимъ надо было держать ухо остро. Не успѣлъ я перешагнуть черезъ порогъ, какъ Бенедекъ кинулся меня обнимать.

— Cammarad, herzlich erfreut sie unter uns zu sehen; sind sie endlich zu uns gekommen, wohl um zu hören was die jungen Leute so auf der piazza Bra sprechen!

На площадѣ Бра находилась кофейня, возлѣ которой преимущественно собиралась военная молодежь, не стѣснявшаяся громко осуждать все, что дѣялось и творилось на театрѣ войны.

Я отступилъ шагъ назадъ.

— Zu hören was die jungen Leute auf der piazza Bra sprechen? Gar nicht nöthig; man braucht nur Augen zu haben um zu sehen!

— Cammarad! Cammarad! gleich böse!

— Nicht im geringsten. Excellenz haben nur vergessen: wie man in den Wald ruft, schallt es zurück!

Съ того времени Бенедекъ сталъ меня остерегаться.

Въ первый же день разъ навсегда я былъ приглашенъ къ императорскому столу, за которымъ ежедневно сиживало человекъ около шестидесяти, составлявшихъ персоналъ главной квартиры. Обѣдъ былъ не затѣйливъ, состоялъ изъ четырехъ блюдъ и десерта, но былъ также хорошо приготовленъ и сервированъ, какъ бы въ Вѣнскомъ дворцѣ. Императоръ обѣдалъ вмѣстѣ со всѣми, за большимъ, покоемъ устроеннымъ, столомъ. По окончаніи обѣда онъ уходилъ въ боковую комнату, куда за нимъ слѣдовали имѣвшіе представиться. Былъ я принять послѣ моего перваго обѣда. Ни въ наружности его, ни въ разговорѣ я не замѣтилъ ни малѣйшей переменъ противъ вѣнскаго пріема, хотя, какъ мнѣ сказывали, сольферинская неудача сильно его потрясла, и онъ душевно продолжалъ скорбѣть о прошедшемъ и не безъ опасенія взирать на будущее. Умѣлъ онъ владѣть собой. Привѣтствовалъ меня одинаково любезно, какъ въ мое первое вѣнское представленіе, послѣ немногихъ постороннихъ вопросовъ, императоръ заключилъ словами:

— Очень благодаренъ вашему государю за то, что васъ прислалъ въ мою армію; признаю это доказательствомъ одинаково дружелюбныхъ чувствъ, какія онъ питаетъ ко мнѣ и къ моимъ противникамъ, у которыхъ въ лагерѣ также находится русскій офицеръ.

Почти въ одно время съ моимъ пріѣздомъ въ Верону графъ Павелъ Шуваловъ прибылъ въ главную квартиру Луи-Наполеона.

Пріѣхалъ я въ Верону на пятые сутки послѣ Сольферинскаго дѣла. Франко-сарды къ тому времени переправились на правую сторону рѣки Минчіо и около Валежіо заняли сильную позицію; австрійцы заперлись въ чертѣ веронскихъ передовыхъ укрѣпленій; военныя дѣйствія приостановились; съ обѣихъ сторонъ отдыхали и готовились, пополняя потери и исправляя попорченный матеріалъ.

Тутъ мнѣ привелось вкусить всѣ прелести бездѣйственной, утомительно однообразной военной стоянки: поутру, пока солнце не припекло, прогулка за городъ, не выходя за черту передовыхъ верковъ, потомъ обѣдъ за императорскимъ столомъ, вечеромъ лѣтнее возсѣданіе предъ кофейней ради утоленія жажды безчисленными порціями гранито и мороженаго, при чемъ приходилось выслушивать безконечные толки обо всемъ, что было сдѣлано, и чего бы дѣлать не слѣдовало. Эти пересуды ежедневно повторялись на всевозможные лады, смотря потому, какъ дѣло каждому представлялось, доставляя мнѣ возможность не только факты узнавать, но и знакомиться съ характеромъ и умственными качествами разсуждавшихъ. Главнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ, понятнымъ образомъ, служило послѣднее сраженіе подъ Сольферино, которое, согласно разсказу принимавшихъ въ немъ дѣятельное участіе, разыгралось слѣдующимъ образомъ.

Сгорая желаніемъ загладить Гюлаемъ надѣланныя ошибки, императоръ Францъ-Іосифъ принялъ рѣшеніе дѣйствовать наступательно, вопреки мнѣнію Гесса и нѣкоторыхъ другихъ опытныхъ генераловъ, совѣтовавшихъ не покидать извѣстнаго крѣпостнаго квадрилатера. Нашлись люди угодливые, не преминувъ помощи самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ поддержать желаніе императора. На собранномъ по этому случаю совѣтѣ было положено, переправившись чрезъ Минчіо, атаковать непріятельскую армію, стоявшую близъ Кастигліоне. Растянувъ линію на четыре мили, стосорокатысячная австрійская армія двинулась къ означенному пункту, имѣя въ предметъ, охвативъ правый непріятельскій флангъ, прижать противника къ горамъ. Концентрически направленныя австрійскія колонны должны были сойтись предъ самой непріятельской позиціей. По теоріи совершенно правильно; на дѣлѣ же расчетъ австрійскихъ тактиковъ не оправдался. Франко-сарды, помощью воздушныхъ шаровъ развѣдавшіе, чего домогались австрійцы, съ вечера пошли имъ навстрѣчу, вслѣдствіе чего вмѣсто одного общаго сраженія подъ Кастигліоне произошло три, связи не имѣвшихъ, столкновенія: въ Поцоленго, Сольферино и Медоли, которыя совершенно съ толку сбили австрійскихъ генераловъ, не ожидавшихъ такъ скоро встрѣтиться съ непріятелемъ. Бенедекъ, стоявшаго на правомъ флангѣ съ своимъ корпусомъ, въ третьемъ часу утра разбудили французскія ядра, полетѣвшія на Поцоленго; на лѣвомъ флангѣ, которымъ командовалъ графъ Вимпфенъ, одинъ австрійскій пѣхотный полкъ вошелъ въ Медоли, не зная, что другой конецъ деревни уже занятъ французами—значитъ, австрійцы шли, плохо развѣдывая мѣстность впереди себя. Отсюда ошибка послѣдовала за ошибкой. Центръ австрійской арміи оказался неимоვნю слабымъ: Сольферино заняла только одна бригада; о пѣхотныхъ резервахъ совершенно забыли; резервная артиллерія лѣваго фланга потеряла дорогу и со-

всѣмъ не пришла на поле сраженія. Блистательная атака гусарскаго полка подъ командой Эдельсгейма, прорвавшая французскую линію вплоть до перевязочнаго пункта, осталась безъ результата. Повторенныя атаки кавалерійской дивизіи графа Менсдорфа на медольской равнинѣ, отражаемая убійственнымъ огнемъ французской артиллеріи, также ни къ чему не повели. Генераль Цедвицъ Менсдорфа не поддержаль, и поутру еще безъ всякаго повода отвелъ къ Минчіо свою кавалерійскую дивизію, за чтò и былъ удаленъ отъ службы. Графъ Вимпфенъ, имѣвшій задачей тѣснить правый флангъ французской арміи, удерживаемый Макъ-Магономъ, Канроберомъ и Ниелемъ, не могъ выиграть пяди земли. На одномъ правомъ флангѣ австрійцы имѣли успѣхъ. Бенедеку удалось отбросить сорокатысячную Сардинскую армію, причемъ онъ сдѣлалъ, однако, очень важную ошибку: увлекаясь отличавшею его солдатскою храбростью, безрасчетно зарвался онъ въ преслѣдованіи, со всѣмъ корпусомъ своимъ погнался за сардинцами до Ривольтеллы, тѣмъ обнажилъ центръ арміи и у себя отнялъ возможность его поддерживать, когда Луи-Наполеонъ превосходными силами атаковалъ Сольферинскія высоты, служившія ключемъ австрійской позиціи. Самъ онъ едва успѣлъ уйти за рѣку, когда французы, захвативъ Сольферино, чрезъ Кавріану двинулись къ Волтѣ. Занятіе французами Сольферинскихъ высотъ рѣшило судьбу сраженія; дальше австрійцамъ не стоило драться, и, полагаю, они были очень рады, когда въ шестомъ часу по полудни сильная гроза обѣ стороны принудила прервать сраженіе. Затѣмъ австрійцы, не теряя порядка, отступили къ Веронѣ, а франко-сарды вслѣдъ за ними перешли чрезъ Минчіо и выдвинули свои аванпосты подъ самую крѣпость. Австрійскія потери въ этомъ дѣлѣ простирались убитыми и ранеными до 13.000, плѣнными нѣсколько свыше 9.000. Французы потеряли не меньше, въ плѣнъ попали однако не больше 600 человекъ. У сардинцевъ убыло изъ строя около 6,500 человекъ.

Прусскій и англійскій военные агенты, Редернъ и Мельдмей, присутствовавшіе во всѣхъ дѣлахъ отъ самаго начала кампаніи, отдавали полную справедливость храбрости австрійскихъ войскъ. По мнѣнію ихъ, нѣмецкіе и богемскіе полки лучше другихъ выдерживаютъ въ огнѣ; стирійцы въ дѣлѣ покойны и хорошо стрѣляютъ; за ними слѣдуетъ галиційская, потомъ венгерская пѣхота, которая, однако, стоитъ несравненно ниже своей кавалеріи. Венгерецъ пѣшій и венгерецъ конный—два разныхъ человекъ: въ первомъ случаѣ онъ солдатъ обыкновенной храбрости; во второмъ—удержу не знаетъ. Французская кавалерія была не въ силахъ вѣдаться съ австрійскими гусарами и спасалась отъ нихъ только тѣмъ, что уходила подъ защиту своей пѣхоты или артиллеріи. Подъ Маджентой пять эскадроновъ гусарскаго полка имени короля Прусскаго, подъ командой Эдельсгейма, доказали, чтò способна сдѣлать хорошая кавалерія, при

чемъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что тогда еще не существовало съ казенной части заряжаемыхъ, скорострѣльныхъ ружей. По сильно перерѣзанной мѣстности, чрезъ рвы и высокія каменныя стѣнки, гусары атаковали французскую пѣхоту и отбросили ее къ Понте-ди-Маджента. Все бѣжало предъ ними. Французскіе плѣнные мнѣ сказывали, что имъ показалось, будто на нихъ налетѣли не кавалеристы, а черти. Сольферинская бѣшеная атака принадлежала тому же полку.

Австрійскихъ егерей Мельдмей ставилъ несравненно выше французскихъ относительно стрѣлбы; французы превосходили ихъ только быстротою движеній и умѣньемъ пользоваться мѣстностью. Артиллерию онъ также хвалилъ: стрѣляла она мѣтко и хладнокровно, но по свойству своего стараго вооруженія не могла съ выгодною бороться противъ французскихъ новоизобрѣтенныхъ нарѣзныхъ орудій. Кротатскіе пограничныя, нынѣ реорганизованныя, полки хорошо дрались за прикрытіемъ, плохо въ чистомъ полѣ; очевидцы рассказывали мнѣ, что подъ огнемъ не легко было ихъ удерживать въ должномъ порядкѣ.

Но къ чему ведетъ слѣпая солдатская храбрость, когда у командующихъ не достаетъ умѣнья пользоваться ею сообразно обстоятельствамъ? Очертя голову, кидаться въ драку ведетъ къ одному безплодному кровопролитію. Австрійская армія считала въ своихъ рядахъ не мало храбрыхъ генераловъ, а дѣло между тѣмъ не ладилось. Баронъ Гессъ дѣйствительно былъ даровитый и знающій генералъ, но страдалъ избыткомъ идей, подобно нашему князю М. Д. Горчакову; придумавъ какую нибудь очень хорошую мѣру, онъ не умѣлъ остановиться на ней, начиналъ мѣнять безъ конца, и отъ этого нерѣдко упускалъ рѣшительную минуту. Радецкій, у котораго онъ прежде служилъ начальникомъ штаба, умѣлъ пользоваться его дарованіями, хватался за его первую хорошую мысль и заставлялъ ее привести въ исполненіе безъ всякой перемѣны. Кромѣ того, Гессъ въ арміи и при дворѣ имѣлъ сильныхъ противниковъ, не дававшихъ хода его мыслямъ. Самъ императоръ былъ молодъ, нетерпѣливъ, не довѣряя собственному опыту, крѣпко полагался на графа Грюнне, который въ свою очередь по военнымъ дѣламъ взялъ себѣ въ совѣтчики надутаго, самоувѣреннаго, только на интриги умѣлаго, генерала Риминга. Планъ наступательнаго движенія, полагать должно, имъ былъ составленъ; по крайней мѣрѣ на него походило.

Вяло тянулись въ Веронѣ невыносимо скучные дни. Солнце пекло, какъ въ растопленномъ горнилѣ: въ первыхъ числахъ іюля жара стала доходить въ тѣни до 27 и 29° Реом. Войска, стоявшія бивакомъ на открытой, безлѣсной равнинѣ, изнемогали отъ зноя; число больныхъ возрастало съ каждымъ днемъ; случаи солнечнаго удара быстро умножались. Въ городѣ днемъ не только люди, но и собаки прятались по домамъ; одни военные по необходимости не переставали, потомъ обливаясь, сновать по раскаленной мостовой. Предъ

самымъ только закатомъ улицы начинали наполняться мундирною толпою, среди которой изрѣдка проносились какіе-то весьма подозрительные кринолины вѣнскаго покроя; ни одного итальянца высшего круга, ни одной порядочной итальянки мы глазомъ не видали. Ночью, случалось, на высокихъ балконахъ кое-гдѣ появлялись бѣлыя женскія фигуры и тотчасъ исчезали, замѣтивъ, что съ улицы на нихъ глядятъ. Всѣ наши дни проходили одинаковымъ порядкомъ: въ 6 часовъ собирались къ обѣду въ императорскую главную квартиру, послѣ чего старъ и младъ отправлялся на плацу Бра и плацу Сигнори, гдѣ отъ бездѣлья просиживали до поздней ночи, поглощая несмѣтное количество гранито и пецо *gu giragè* и глазѣя на громадную Трояновскую арену и на чудные памятники скалигеровъ. Другаго удовольствія не существовало: театры были закрыты, военная музыка не играла на площадяхъ, частные дома оставались затворенными безъ всякаго исключенія.

Въ главной квартирѣ, казалось, господствовало полное затишье; обычная военная дѣятельность будто примолкла; эта тишина была, однако, очень обманчива: подъ видомъ непоколебимаго спокойствія скрывались глубокія опасенія за ближайшую будущность. Побѣдоносный непріятель стоялъ на носу, пока еще не трогался, но въ одномъ переходѣ могъ появиться въ виду крѣпости, которая, хотя и пользовалась славой непреодолимаго оплота, на дѣлѣ же во многомъ не соотвѣтствовала своей громкой репутаціи. Веронскіе отдѣльные форты были растянуты на слишкомъ большое протяженіе, и не были достаточно вооружены. Графъ Пиулай сначала кампаніи увезъ въ Пиаченцу и Павію 170 орудій большого калибра, которыя, ретируясь, тамъ утопилъ въ Тичино, а изъ Казарзы не успѣвали перевозить въ Верону недостающее количество тяжелыхъ орудій и артиллерійскихъ снарядовъ. Боялись, что непріятель, развѣдавъ объ этомъ дѣлѣ, всѣми силами атакуетъ какой либо, болѣе слабый пунктъ и, не будучи встрѣченъ достаточно сильнымъ огнемъ, успѣетъ прорвать линію передовыхъ укрѣпленій, на какой случай заблаговременно было рѣшено, отдавъ Верону, ретироваться по тирольской дорогѣ. Въ началѣ іюля по главной квартирѣ была разслана диспозиція на случай тревоги, въ которой между прочимъ значилось: при первыхъ выстрѣлахъ всѣмъ чинамъ главной квартиры собраться передъ домомъ, въ которомъ жилъ императоръ, запасныхъ же лошадей и повозки со всею кладью отправить за крѣпость на ревередскую дорогу и построить тамъ въ обозную колонну, дышломъ къ Ревередо.

Находились австрійцы въ довольно неловкомъ положеніи, но и французамъ приходилось не легче. Лучше другихъ было сардинцамъ: расположеннымъ въ окрестностяхъ Монцамбано, посреди совершенно имъ преданнаго населенія, имъ выпала на долю не трудная задача осаждать Пескиеру. Французы, занявшіе позицію на высотахъ Сом-

кампаньи, въ ближайшемъ разстояніи отъ сильной еще непріятельской арміи, принуждены были находиться въ постоянной готовности къ бою, не пользовались особеннымъ расположеніемъ жителей, прятавшихъ жизненные припасы, не имѣли для питья здоровой воды и много теряли людей отъ лихорадки, тифа и госпитальной гангрены, поражавшей большую часть раненыхъ. Отъ жару они страдали не меньше австрійцевъ. Между солдатами распространилась у нихъ накожная болѣзнь, извѣстная въ Италіи подъ именемъ — *saligi*, которой подвергаются обыкновенно люди, не успѣвшіе свыкнуться съ жаркимъ мѣстнымъ климатомъ. У заболѣвшаго тѣло начинаетъ горѣть, чесаться, покрывается красноватыми пузырями; человекъ теряетъ сонъ и отъ бессонницы ослабѣваетъ до совершенной невозможности нести службу. Кромѣ того, германскій союзъ снова поднялъ на время отложенный вопросъ: по первому извѣстію о несчастной Сольферинской битвѣ, во Франкфуртѣ было рѣшено на верхнемъ Рейнѣ немедленно выставить корпусъ изъ южногерманскихъ континентовъ, и Пруссія, чтобы не раздражить противъ себя нѣмецкихъ патріотовъ, согласилась съ своей стороны выдвинуть обсерваціонный корпусъ на рейнскую границу. Этимъ Франція ставилась въ необходимость раздѣлить свои силы, а Австрія давалась возможность свою итальянскую армію умножить войсками, стоявшими въ Дунайской долиנѣ.

Въ виду такого неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, грозившихъ изъ рукъ его вырвать плоды двухъ кровавыхъ побѣдъ, Луи-Наполеонъ счелъ полезнымъ прекратить войну, не довершивъ своего обѣщанія освободить Италію вплоть до Адріи, почему и рѣшился самъ сдѣлать первый шагъ къ перемирію, на которое съ радостію согласился австрійскій императоръ, имѣвшій весьма основательныя причины бояться неудовольствія, распространившагося внутри имперіи, и не слишкомъ полагаться на содѣйствіе со стороны Пруссіи. Поводомъ къ первому сближенію враждующихъ послужило желаніе австрійцевъ выручить отъ французовъ тѣло павшаго подъ Сольферино полковаго командира, князя Виндишгреца. Австрійскій парламентаръ, посланный по этому случаю въ непріятельскій лагерь, былъ лично принятъ Луи-Наполеономъ самымъ ласковымъ образомъ, при чемъ тотъ ему замѣтилъ, что уже давно питаетъ желаніе положить конецъ душѣ его противному кровопролитію, если только императоръ Францъ-Іосифъ не откажется протянуть ему руку примиренія. Вслѣдъ за тѣмъ парламентаромъ пріѣхалъ въ Верону піемонтскій капитанъ графъ Робиланъ, побочный братъ Виктора-Эммануила, позже занявшій мѣсто итальянскаго посла при вѣнскомъ дворѣ. Въ чемъ заключалось его порученіе, осталось тайной для насъ, иностранныхъ военныхъ агентовъ; знали мы только, что онъ лично былъ принятъ императоромъ австрійскимъ, продержавшимъ его долѣе получаса въ своемъ кабинетѣ, и что въ ту же

ночь баронъ Гессъ съѣздитъ къ французамъ. Два дня спустя, 7 іюля, прибылъ въ Верону новый парламентаръ, ординарецъ французскаго императора, Дюкъ-де-Кадоръ, и въ ту же ночь генераль-адъютантъ Флери привезъ собственноручное письмо отъ Луи-Наполеона къ Францу-Іосифу. На другой день объяснилось, о чемъ переговаривали: между воюющими сторонами было заключено пятинедѣльное перемиріе; значить дѣло клонилось къ миру.

Одиннадцатаго іюля, рано поутру, императоръ Францъ-Іосифъ съ небольшою свитою поѣхалъ въ Вилла-Франку для свиданія съ императоромъ французовъ. Послѣдствіемъ этой встрѣчи былъ миръ, который оба императора заключили между собой на слѣдующихъ предварительныхъ условіяхъ. Императоръ австрійскій Ломбардію уступаетъ Франціи, которая передаетъ ее Сардиніи; Венеціанское королевство съ крѣпостями Мантуа и Пескіера остается за Австріей; мелкія итальянскія владѣнія образуютъ конфедерацію съ папой во главѣ. На требованіе Франца-Іосифа снова возстановить герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго Луи-Наполеонъ согласился подъ условіемъ, если большинство жителей того пожелаетъ. Въ заключеніе было постановлено австрійскимъ и французскимъ комиссарамъ въ скорѣйшемъ времени съѣхаться въ Цюрихъ для составленія мирнаго договора на сказанныхъ условіяхъ.

По первому извѣстію о мирѣ, заключенномъ двумя императорами въ Вилла-Франкѣ, германскій союзъ и Пруссія остановили задуманную мобилизацію обсерваціонныхъ корпусовъ, долженствовавшихъ стать на Рейнѣ.

Собрались мы въ тотъ день по заведенному порядку обѣдать въ главной квартирѣ. Слухъ объ утренней поѣздкѣ императора въ Вилла-Франку насъ не миновалъ, но къ какому результату привело свиданіе обоихъ императоровъ, мы не знали еще. Императоръ Францъ-Іосифъ, вообще не разговорчивый, въ тотъ день былъ молчаливъ свыше привычки; тѣнь глубокой скорби лежала на лицѣ его. Ближе къ нему сидѣвшіе, старшіе австрійскіе генералы также хранили глубокое молчаніе; молодежь тайно перешептывалась и какъ-то недружелюбно поглядывала на насъ троихъ — англичанина, пруссака и на меня. Чѣмъ же мы были виноваты?

Подъ конецъ обѣда произошла тревога. Вошелъ дежурный по карауламъ, что-то шепнулъ графу Грюнне, тотъ передалъ императору, который тотчасъ всталъ и пошелъ въ свой кабинетъ. Всѣ присутствовавшіе поднялись; итальянскіе принцы опрометью кинулись въ противоположную сторону, въ комнаты, которыя занималъ графъ Грюнне. Черезъ нѣсколько минутъ по залѣ прошелъ къ императору принцъ Наполеонъ, совершенно неожиданно пріѣхавшій въ Верону. Пока большая часть обѣдавшихъ на дворѣ курили и пили кофе, обездоленные итальянскіе владѣтели, непріятнымъ образомъ затронутые неожиданнымъ посѣщеніемъ противнаго имъ принца,

заднимъ крыльцомъ спустились на улицу, забывъ прицѣпить сабли, съ коими подъ мышкой пустился ихъ догонять придворный жандармъ. Народъ, имѣвшій обыкновеніе толпиться предъ дворцовыми воротами, громкимъ хохотомъ привѣтствовалъ эту нѣсколько смѣшную сцену.

Тринадцатаго іюля, предъ самымъ обѣдомъ, комендантъ главной квартиры, фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Феттеръ, намъ сообщилъ, что императоръ вечеромъ уѣзжаетъ изъ Вероны, и намъ, иностранцамъ, поэтому, не остается времени откланяться его величеству. Драма разыгралась, занавѣсъ опустился, актеры стали расходиться по домамъ. Да и намъ, пассивнымъ зрителямъ чужой суеты, оставалось только уходить изъ палаццо Вероны. Англичанинъ поѣхалъ въ Лондонъ, пруссакъ въ Берлинъ передавать результаты своихъ наблюденій; а я, не имѣя приказанія явиться въ Петербургъ, чрезъ Гюценъ и Инсбрукъ отправился въ верхнюю Австрію на Гмундское озеро, гдѣ жена проводила лѣто въ Траункирхенъ, извѣстномъ всей Австріи по своему живописному положенію и по красивой виллѣ, принадлежащей двумъ русскимъ дѣвицамъ Панчулидзевымъ. Видъ съ высоты, на которой построена вилла, не только можетъ равняться, но положительно превосходить лучшіе виды, которыми такъ славятся озера Гардское и Комское. Тамъ растительность богаче, постройки изящнѣе, но очерки горъ, окружающихъ Гмундское озеро, смѣлѣе, разнообразнѣе и шире даже въ размѣрахъ.

V.

Вліяніе на Австрію неудачной кампаніи.—Реформы императора Франца-Іосифа.—Увольненіе графа Буоля.—Баронъ Гюбнеръ.—Самоубійство барона Эйнатена и барона Брука.—Учрежденіе усиленнаго рейхсрата.—Архіепископъ Раушеръ.—Народное неудовольствіе.—Большіе маневры въ Дарсавѣ.—Моя бесѣда съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ.—Случай съ батарейнымъ командиромъ.—Наслѣдникъ цесаревича.—Болѣзнь императрицы Александры Феодоровны.—Отъѣздъ императора изъ Варшавы.

Вернулся я въ Вѣну предъ началомъ зимы и нашелъ городъ въ сильномъ волненіи. Бюргеры громогласно возставали противъ существующаго порядка, осуждали министровъ, бранили императорскихъ любимцевъ, острили надъ императоромъ. Неудачная итальянская война, а болѣе еще невыгодный миръ, лишившій имперію цвѣтущей провинціи, и финансовое разстройство, вызванное военными издержками, чувствительно поколебали правительственный авторитетъ. Императоръ Францъ-Іосифъ, разочарованный насчетъ своей арміи, обманутый въ упованіи на талантливую дальновидность своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, сталъ сознать необходимость, для блага имперіи и для укрѣпленія династіи, перейти къ новой системѣ управле-

ніа, при чемъ весьма благоразумно принялся постепенно вводить реформы, соотвѣтственныя духу времени, не выпуская, однако, изъ своихъ рукъ инициативы въ мѣрахъ, которыя ему казались пригодными успокоить умы, упрочить народное благосостояніе и тѣмъ возстановить потрясенную силу имперіи. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ случаѣ, не взирая на его осмотрительность, обошлось безъ важныхъ ошибокъ, необдуманыхъ попытокъ и неожиданныхъ разочарованій. Племенный антагонизмъ, сословныя притязанія и законсѣлая религіозная нетерпимость въ Австріи донельзя усложняютъ каждый правительственный вопросъ, но въ общемъ итогъ переворотъ, произведенный императоромъ въ формѣ правленія, надо сознаться, все-таки привелъ къ очевидному улучшенію государственнаго быта.

Ультракатоликъ по воспитанію, глубоко преданный абсолютизму по вѣковымъ традиціямъ дома своего, не по чувству и убѣжденію, а повинуваясь силѣ обстоятельствъ, рѣшился Францъ-Іосифъ вступить на дорогу либеральныхъ учрежденій, и, въ похвалу ему должно сказать, съ той поры, побѣдивъ самого себя, не сворачивая, твердымъ шагомъ, пошелъ по избранному пути. Ни хитрыя козни властолюбивой феодально-клерикальной австрійской знати, ни сопротивление, встрѣчаемое имъ въ кругу собственной семьи со стороны родительницы своей, эрцгерцогини Софіи, когда дѣло касалось церковнаго интереса, не успѣвали ослабить его рѣшимости. Да и пора была перейти къ новому порядку вещей. Австрія видимо подвигалась къ полному разложенію: Ваховская административная манипуляція породила несказанную путаницу; полицейскія строгости, притупивъ чувство боязни, довели народъ до глубокаго озлобленія; постановленія конкордата сковывали свободу совѣсти и мышленія тѣсными узами клерикальной нетерпимости; финансовое разстройство угрожало государственнымъ банкротствомъ. Цѣнность бумажныхъ денегъ, благодаря Бруку, предъ войной стоявшая «*al pari*», упала на 60%. По всѣмъ провинціямъ платежъ податей прекратился на половину. Напрасно ставили экзекуцію къ неплательщикамъ, напрасно продавали ихъ имущество и самихъ сажали въ тюрьму; подъ конецъ не стало мѣста, куда сажать, не находилось, кому продавать подъ молотокъ попавшее добро; на казну ложилась только обязанность кормить лошадей и стотину, захваченныхъ у неплательщиковъ. Венгрія находилась въ сильномъ броженіи: тамъ безъ дальнихъ околичностей жгли дома у покупателей за недоимку конфискованнаго имущества, чему всего чаще подвергались евреи, не имѣвшіе силы устоять противъ соблазна дешевой наживы.

При стеченіи такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ наступилъ 1860 годъ, открывшій для Австріи новую эру. Постепенно увеличивая уступки, настоятельно требуемыя общественнымъ мнѣніемъ, императоръ Францъ-Іосифъ силою обстоятельствъ наконецъ былъ доведенъ до изданія Февральскаго патента 1861 года, которымъ

австрійскимъ народамъ даровалась нынѣ существующая конституція. Для успѣшнаго водворенія новаго порядка, понятнымъ образомъ, требовались и новые государственные дѣятели. Поэтому австрійскій императоръ прежде всего постарался замѣнить новыми людьми своихъ прежнихъ, къ преданіяхъ старины застывшихъ министровъ.

Въ маѣ еще 1859 года, вслѣдъ за объявленіемъ войны со стороны Франціи, графъ Буоль былъ уволенъ отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ. Въ императорскомъ посланіи (Handschreiben) значилось—по собственной просьбѣ, но это была только позолоченная пиллюля. Дѣло совершилось столько же неожиданно для него самого, какъ и для всей публики. Еще за два дня до появленія этой новости у графа Буоля былъ блистательный раутъ, на которомъ я присутствовалъ, и самый наблюдательный глазъ не въ состояніи былъ подмѣтить нималѣйшей перемѣны въ его горделивой осанкѣ, ни въ улыбкахъ, съ которыми его встрѣчали собранные тутъ дипломаты. А носился бы между ними слухъ о паденіи его, какъ ни приучены они владѣть своими фізіономіями, у того или другого непремѣнно проскользнулъ бы хоть минутный взглядъ недоумѣнія при видѣ спокойствія, хранимаго министромъ, готовящимся потерять портфель.

По поводу его неожиданной отставки мнѣ представился случай увидѣть, какъ мало настоящаго благородства слѣдуетъ искать даже въ кругу людей, преимущественно претендующихъ на безусловную порядочность. Проходя по Грабену, издалека узналъ я графа Буоля, шедшаго мнѣ навстрѣчу; шелъ онъ, глубоко нахлобучивъ шляпу, въ землю потупивъ бывало невозмутимо гордый взглядъ. Впереди меня шло нѣсколько человѣкъ, въ дни силы его большою честью считавшихъ получить отъ него приглашеніе къ обѣду и на вечеръ, еще за два дни предъ тѣмъ на лету ловившихъ его улыбку, низко изгибавшихъ спину предъ нимъ, когда онъ осанисто прогуливался по своимъ, гостями кишѣвшимъ заламъ. Теперь проходили они мимо него, шляпы не касаясь, будто его не узнавали.

Стало мнѣ досадно на этихъ господъ, такъ безцеремонно выставившихъ на показъ свое невниманіе къ человѣку, которому недавно еще льстили и поклонялись въ виду всего общества.

Поровнявшись съ Буолемъ, я снялъ шляпу и почтительно поклонился ему.

— J'ai l'honneur de saluer monsieur le comte!

Буоль приподнялъ голову и пытливо взглянулъ на меня—не сарказмъ ли? Кланяется русскій, а русскіе, зналъ онъ, со времени восточной войны его любить не могли и внутренно должны были радоваться его паденію; не замѣтивъ, однако, ничего подобнаго, Буоль приподнялъ шляпу, поклонился раза два и прошелъ.

Въ десяти шагахъ отъ него встрѣтилъ я нѣкоего незначительнаго нѣмецкаго дипломата.

— Qui venez vous de saluer avec tant de déférence?—спросилъ онъ:—je n'ai vu que son dos.

— Le comte Buol.

— Mais vous savez qu'il n'est plus ministre, et je pense qu'en votre qualité de russe vous n'avez jamais été du nombre de ses admirateurs zélés.

— Vous avez raison. Mais comme je ne me sens pas courtisan du succès quand même, je trouve mieux placé de saluer une grandeur déchue, qu'un homme au pouvoir, et je lui fais grace du passé.

Нѣсколько лѣтъ спустя, этотъ господинъ напомнилъ мнѣ мои тогдашнія слова. Шли мы вдвоемъ по какой-то маленькой вѣнской улицѣ. Вдругъ онъ меня остановилъ.

— Fidèle à votre principe, veuillez tirer votre chapeau!

— Pardou?—devant qui?

— Regardez, une grandeur déchue,—и показаль на противоположный тротуаръ.

По другую сторону улицы, эксъ-министръ, эксъ-посоль, когда то многовластный Бахъ, одѣтый въ старенькое пальто, быстро скользилъ, чтобы пройти незамѣтно; не то уличные мальчишки, узнавъ, не упустили бы случая закидать его грязью, такую славную популярность онъ себѣ заработалъ, будучи министромъ.

Стоить послѣ того тратить умъ и здоровье на добывку министерскаго портфеля! Должность ровно тиски: сверху жмутъ и долбять, снизу щетинятся и бранять.

Графа Буоля замѣнилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ графъ Рехберхъ, прежде занимавшій постъ посланника при германскомъ сеймѣ. Не знаю, много ли Австрія выиграла отъ такой перемѣны. Если графъ Буоль своей политикой подготовилъ неудачную войну съ Пиемонтомъ и Франціей, то про графа Рехберха положительно можно сказать, что онъ въ свою очередь не пожалѣлъ труда подвести Австрію подъ удары 1866 года. Да и наружностью онъ не могъ равняться съ осанистымъ Буолемъ: мало встрѣчалъ я въ вѣнскомъ обществѣ людей, надѣленныхъ такою некрасивою физиономіей, какою обладалъ малорослый, тщедушный, сухимъ сморчкомъ глядѣвшій Рехберхъ.

Ловкій, изворотливый Бахъ раньше того былъ замѣненъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ графомъ Голуховскимъ и отправленъ въ Римъ посломъ при папскомъ дворѣ; жестокій, всѣми ненавидимый генераль Кемпенъ, управлявшій дѣлами полиціи, замѣщенъ барономъ Гюбнеромъ, до войны занимавшимъ въ Парижѣ мѣсто посланника. Короткое время, всего мѣсяца четыре, завѣдывалъ онъ министерствомъ полиціи, послѣ чего поступилъ въ Римъ на мѣсто Баха, потерявшаго всякое значеніе. Карьера этого ретиваго сторонника римской курии началась при канцлерѣ, князѣ Меттернихѣ, у котораго онъ служилъ канцелярскимъ чиновникомъ и своею услужливостью

умѣлъ снискать благоволеніе князя и княгини, нося въ то время не весьма благозвучную фамилію Гассенбредера. Встрѣтивъ въ семь послѣднемъ обстоятельствѣ препятствіе сдѣлаться супругомъ дочери гофрата Пилата, редактора газеты «Oesterreichische Beobachter», органа Меттерниха и Генца, выпросилъ онъ у императора Франца I позволеніе передѣлать свою фамилію въ Гюбнера. Гофратъ Пилатъ былъ Меттерниху близкій человѣкъ: женившись на его дочери, Гюбнеръ, обладавшій, сверхъ того, хорошими канцелярскими способностями, быстро пошелъ въ гору. Въ посланники онъ попалъ, съ производствомъ въ бароны, по милости князя Феликса Шварценберга, который, ненавидя Луи-Наполеона, удовольствіемъ себѣ поставилъ надѣлать его такимъ не синекровнымъ посланникомъ. Въ парижскомъ обществѣ положеніе Гюбнера было незавидно, и онъ предъ войной ничего не зналъ, что происходило вокругъ него, и поэтому не имѣлъ возможности дѣлать своему правительству вѣрныя сообщенія о настоящихъ намѣреніяхъ французскаго кабинета. Послѣ Вилла-Франки замѣстилъ его въ Парижѣ князь Ричардъ Меттернихъ. Въ Римѣ Гюбнеръ остался до той поры, пока въ Австріи не пошатнулся конкордатъ; послѣ того вернулся въ Вѣну, нѣсколько времени носился съ притязаніями на новый министерскій портфель и кончилъ тѣмъ, что о немъ и говорить перестали. Распространился я насчетъ Гюбнера болѣе потому, что нерѣдко встрѣчался съ нимъ у одного знакомаго прелата и, прислушиваясь къ его сужденіямъ, только могъ удивляться односторонности его понятій, сложившихся въ духѣ ученія отцовъ іезуитовъ, что и доставляло ему покровительство ихъ, но едва ли оправдывало назначенія, которыя ему давало правительство, кромѣ римскаго поста, на которомъ онъ находился въ своемъ природномъ элементѣ.

Въ концѣ 1859 года, императоръ Францъ-Іосифъ, покоряясь народному голосу, приписывавшему неудачи итальянской кампаніи главнымъ образомъ графу Грюнне, изъ генераль-адъютантовъ переименовалъ его въ оберъ-шталмейстеры, званіе, въ которомъ онъ терялъ всякое вліяніе на военныя дѣла, а на его мѣсто назначилъ первымъ генераль-адъютантомъ фельдмаршалъ-лейтенанта, графа Кренневиля, человѣка хорошаго, разумнаго и умѣреннаго въ смыслѣ релігіозныхъ и политическихъ убѣжденій.

Весна 1860 года ознаменовалась двумя происшествіями, сильно возмутившими общественную совѣсть. Въ военно-административной сферѣ были открыты значительныя злоупотребленія по части снабженія арміи провіантомъ и военными припасами во время послѣдней войны. Во главѣ арме-оберкомандо, замѣнявшаго тогда военное министерство, находился эрцгерцогъ Вильгельмъ; должность помощника его (Aldatus) исправлялъ фельдмаршалъ-лейтенантъ, баронъ Эйнатенъ, у котораго находилась въ рукахъ вся хозяйственная часть. Вслѣдствіе накопившихся противъ него уликъ онъ

былъ арестованъ, преданъ суду и, не дождавшись приговора, повѣсилъ въ стѣнахъ своего арестантскаго помѣщенія. Около того же времени министръ финансовъ Брукъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. По дѣлу Эйнатена судебная комиссія потребовала его къ допросу, основываясь на участіи, которое министерство финансовъ принимало въ нѣкоторыхъ военныхъ подрядахъ, отъ чего онъ, находясь въ званіи министра, отвѣтственного одному императору, себя почелъ въ правѣ уклониться. Дѣло дошло до императора, который, вмѣстѣ съ увольненіемъ отъ должности, ему предписалъ не отговариваясь исполнить требованіе комиссія. Брукъ, глубоко оскорбленный въ своемъ самолюбіи, въ ту же ночь перерѣзалъ себѣ горло. Это никѣмъ неожиданное происшествіе сильно помутило умы. Въ придворномъ кругу, въ которомъ онъ имѣлъ много противниковъ, самоубійство его старались выставить явнымъ доказательствомъ виновности; большая же публика злобно накинулась на его противниковъ, якобы ложными извѣтами погубившихъ умнаго министра, безукоризненно служившаго своему правительству, требовала строгаго изслѣдованія дѣла и возстановленія фактовъ въ ихъ истинномъ видѣ. Бумаги Брука немедленно были опечатаны, требуемое слѣдствіе произведено, и самоубійца оказался чистымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Открылось, что послѣ ликвидаціи своего триестскаго банкирскаго дома, въ теченіе десяти лѣтъ занимаемая должность министра торговли и министра финансовъ, онъ свой собственный капиталъ умножилъ не болѣе, какъ на сто тысячъ гульденовъ, безъ малѣйшаго ущерба для казны и для законнаго интереса какого бы то ни было частнаго лица. Публичное возстановленіе честнаго имени погибшаго Брука благопріятнымъ образомъ повліяло на положеніе осиротѣвшаго семейства; одинъ изъ его сыновей впослѣдствіи даже достигъ званія посланника, между тѣмъ какъ сыновья Эйнатена съ запятанною памятью своего отца не могли оставаться въ кругу австрійскаго общества, и отъ этого переселились въ Америку.

Видный изъ себя, своимъ выразительнымъ лицомъ возбуждалъ онъ любопытство, умною рѣчью приковывалъ вниманіе вступавшаго съ нимъ въ разговоръ. Высказывалъ онъ свое мнѣніе ясно и положительно, но безъ всякой рѣзкости. Удовольствіе доставляло его послушать. По части финансовыхъ оборотовъ пользовался Брукъ замѣчательно вѣрнымъ взглядомъ и умѣлъ твердо проводить свои мысли. Памятна мнѣ его вѣрная оцѣнка торговыхъ и промышленныхъ потребностей не только австрійскаго, но и другихъ государствъ, когда онъ однажды въ своемъ кабинетѣ на картѣ мнѣ указывалъ желѣзнодорожныя линіи, въ коихъ Россія преимущественно нуждалась, опредѣляя ихъ политическое, торговое и военное значеніе съ рѣдкимъ знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ и экономическихъ условій, въ коихъ тогда обрѣтался русскій крѣпостной народъ.

Уступая давленію общественнаго мнѣнія, настойчиво требовавшаго отъ феодаламъ и клерикаламъ столь дорогаго административнаго произвола, тормозившаго народную дѣятельность, императоръ Францъ-Иосифъ въ началѣ марта учредилъ такъ называемый усиленный рейхсратъ (государственный совѣтъ), долженствовавшій собираться періодически для постановленія бюджета, для контроля государственныхъ расходовъ и для обсужденія законодательныхъ проектовъ. Усиленный рейхсратъ, кромѣ правительствомъ назначенныхъ лицъ, долженъ былъ состоять изъ тридцати восьми членовъ, утвержденныхъ императоромъ по предложенію провинціальныхъ сеймовъ. Предсѣдателемъ совѣта былъ назначенъ эрцгерцогъ Райнеръ. Учрежденіе такого рода государственнаго совѣта, только отчасти основаннаго на избирательномъ началѣ, далеко не соответствовало народнымъ ожиданіямъ. Съ этого начались уличныя демонстраціи, направленные противъ министровъ, а болѣе еще противъ вѣнскаго архіепископа, кардинала Раупера, котораго народъ не безъ основанія признавалъ самымъ упорнымъ соратникомъ конкордатомъ созданнаго духовнаго гнета. По вечерамъ народъ густыми толпами сталъ наполнять вѣнскія улицы и площади съ нескрытымъ намѣреніемъ потѣшиться надъ стеклами кардинальскаго дворца и министерскихъ жилищъ, сопровождая это занятіе музыкальнымъ акомпаниментомъ, извѣстнымъ у нѣмцевъ подъ именемъ «копачей музыки».

Мѣры для охраненія оконъ и нѣсколько чувствительнаго слуха гг. министровъ были приняты правительствомъ, насколько позволяли обстоятельства, не разжигая народныхъ страстей до открытаго возстанія, которое бы пришлось укрощать силою оружія. Доступъ къ архіепископскому дворцу, противъ церкви св. Стефана, каждую ночь заграждался двумя ротами, нѣкоторыя боковыя улицы были заняты конницей, пѣхотные и конные патрули искрещивали городъ. Судя по количеству народа, густыми массами запружавшаго улицы, эти мѣры могли казаться слишкомъ слабыми, но дѣло въ сущности было не таково: за наглухо затворенными воротами домовъ на Грабенѣ и на ближайшихъ улицахъ, невѣдомо для публики, скрывались батальоны, по первому сигналу готовые высыпать на улицу для поддержки полиціи и небольшихъ пѣхотныхъ патрулей. Народъ, не рѣшаясь вступить въ открытую борьбу съ вооруженной силой, ограничивался гуляньемъ по улицамъ, бранными криками и свистками. Изрѣдка раздавался звонъ разбитаго, зачастую ничѣмъ неповиннаго, стекла. Когда крики и свистки начинали переходить за предѣлы положенной терпимости, тогда съ какой нибудь стороны неожиданно раздавался барабанный бой, и на улицѣ появлялась пѣхотная колонна, наступавшая тихимъ шагомъ. Народъ раздавался предъ войскомъ, а войско, очистивъ себѣ дорогу, не мѣшало народу наслаждаться вечернею прохладой. Такое гулянье **войска** по

одну, народа по другую сторону улицы продолжалось иногда до поздней ночи—кто кого перегуляетъ. Войско, разумѣется, удерживало поле за собой; народъ, соскучивъ гулять безъ цѣли и нужды, начиналъ расходиться, и городъ къ утру принималъ свой обычный спокойный видъ. Во избѣжаніе прямого столкновенія войска съ народомъ, впереди колонны разсыпнымъ строемъ шли тайные, въ гражданское платье одѣтые, полицейскіе агенты, имѣя за собой мундирный полицейскій резервъ. Агенты, замѣшавшись въ толпу, хватили крикуновъ, отдавали ихъ полицейской командѣ, а та въ свою очередь передавала ихъ войску при малѣйшемъ поползновеніи народа освободить арестованныхъ. Захваченныхъ крикуновъ на другой день сортировали; подстрекателей и грубо провинившихся противъ полицейскаго порядка предавали суду, а менѣе виновныхъ отпускали на свободу. Такого рода ночныя демонстраціи подъ конецъ обратились въ хроническій недугъ. Правительство съ своей стороны, постепенно устраняя дѣйствительно тягостныя для народа постановленія, помощью прессы старалось унимать взволнованные умы, въ чемъ не имѣло, однако, видимой удачи.

Все, что рассказываю объ этомъ времени, происходило на моихъ глазахъ. Не разъ выходилъ я ночью на улицу поглядѣть, въ какомъ положеніи дѣло состоитъ, и каждый разъ возвращался глубокоувѣренный, что нечего еще бояться открытаго возстанія; но что правительство, во избѣжаніе дѣйствительно опасныхъ смуть, ради собственной выгоды, скоро принуждено будетъ хотя бы частью возстановить конституцію, дарованную въ 1849 г. и уничтоженную въ 1851 году.

Въ такомъ смутномъ положеніи я покинулъ Вѣну, уѣзжая въ Россію по собственнымъ дѣламъ. На возвратномъ пути, въ проѣздѣ чрезъ Петербургъ, военнымъ министромъ Н. О. Сухозанетомъ мнѣ было приказано явиться въ Варшаву къ маневрамъ, на которые императоръ австрійскій и прусскій принцъ-регентъ должны были пріѣхать для свиданія съ нашимъ государемъ. Маневры служили только предлогомъ для этого свиданія, имѣвшаго въ виду установить между тремя державами полюбовное соглашеніе касательно итальянскихъ дѣлъ, принявшихъ въ этомъ году оборотъ, опрокидывавшій всѣ консервативныя традиціи европейской политики, созданной Вѣнскимъ конгрессомъ послѣ паденія Наполеона I. Гарибальди въ то лѣто, какъ извѣстно, для Сардиніи завоевалъ помощью своихъ волонтеровъ Сицилію и Неаполитанское королевство: нѣкоторыя части Палскихъ владѣній, на основаніи всенароднаго голосованія были присоединены къ Пиемонту; объединеніе Италіи, начатое Луи-Наполеономъ въ 1859 году, путемъ революціи угрожало перейти далеко за предѣлы, въ которыхъ онъ было рассчитывалъ таковое удержатъ. Да и собственная политика императора французовъ, стремившаяся къ умноженію французской территоріи, побуждала собрав-

шихся государей короче сойтись между собой для согласнаго противодѣйствія его честолюбивымъ замысламъ.

За два дня до прибытія государя Александра Николаевича я находился въ Варшавѣ, гдѣ мнѣ была отведена квартира въ Лазенкахъ, во флигелѣ, въ которомъ помѣщалась императорская свита. На первый разъ мнѣ приходилось присутствовать на варшавскихъ маневрахъ по приказанію государя, видѣть тамъ иностранныхъ принцевъ, но никогда я не встрѣчалъ болѣе многочисленнаго собранія заграничныхъ гостей. Съ государемъ прибылъ въ Варшаву покойный цесаревичъ Николай Александровичъ; императоръ австрійскій и прусскій принцъ-регентъ, кромѣ придворныхъ чиновъ, привезли съ собою множество офицеровъ и генераловъ поглядѣть на русское войско. Не только Ланзенковскій дворецъ, всѣ варшавскія гостиницы были переполнены гостями, призванными пользоваться широкимъ русскимъ гостепрѣимствомъ. Случалось мнѣ бывать гостемъ австрійскаго императора на маневрахъ въ Парендорфѣ и въ Брукѣ на Лейтѣ: все было хорошо и прилично, но безъ роскошнаго излишка, какимъ сорилъ нашъ дворъ. Счета не было экипажнымъ и верховымъ лошадямъ, состоявшимъ въ распоряженіи иностранныхъ офицеровъ и государевой свиты. Жившіе въ гостиницахъ могли требовать, что хотѣли; проживавшіе въ Лазенкахъ пользовались гофмаршалскимъ столомъ; кромѣ того, каждый имѣлъ право обѣдать у себя, не желая присутствовать за общимъ обѣдомъ. Обѣдавшимъ на дому ежедневно отпускалось по двѣ бутылки столоваго вина, бутылка шампанскаго и полубутылка хересу, портеру же, пива, меда, сельтерской воды, чаю и кофе, сколько желалось. Это право вело къ двойному, совершенно ненужному расходу. Кормился ли гость за общимъ столомъ, или нѣтъ, придворная прислуга не упускала требовать для него домашній завтракъ, обѣдъ и ужинъ, обращая въ свою пользу вино и ѣду. Къ довершенію всего, принадлежавшимъ къ императорской свитѣ предъ отъѣздомъ изъ придворной конторы приносили еще деньги для раздачи лакеямъ на чай. Иностранцы, глядя на такую безрасчетную трату, втихомолку посмѣивались, не брезгая, однако, пользоваться всѣми ею доставляемыми удобствами.

Въ день прибытія государя пріѣхалъ въ Варшаву нашъ вѣнскій посланникъ, Балабинъ, сутками опередивъ австрійскаго императора. Государь принялъ его въ тотъ же вечеръ, а мнѣ было приказано на другое утро явиться его величеству.

Государь встрѣтилъ меня словами:

— А что? плохо Австріи приходится — распадается она?

— Не много распаталась, но, кажется, еще держится.

— Какъ?— вчера вечеромъ Балабинъ подробно мнѣ рассказалъ все, что творится у васъ въ Вѣнѣ и по провинціямъ. Не дасть онъ ей просуществовать трехъ мѣсяцевъ.

— Долго еще проживетъ она.

— Повсюду царить неудовольствіе, финансы разстроены, народъ не повинуется, вѣнскія уличныя демонстраціи грозятъ обратиться въ явное возстаніе!

— Именно въ послѣднемъ позволяю себѣ сомнѣваться. Покричать, пошумягъ, кое-кому стекла побьютъ; до барикадъ, однако, дѣло не дойдетъ—австрійскимъ народностямъ еще памятенъ сорокъ восьмой годъ. А нынѣ правительство сильнѣе прежняго; войско хорошо дисциплинировано.

— Но самъ Францъ-Іосифъ не пользуется любовью народа и войска; про него отзываются самымъ дерзкимъ образомъ; по мнѣнію Балабина, династія находится въ сильной опасности.

— Въ настоящую минуту императора Франца-Іосифа дѣйствительно бранятъ на всѣ лады. Народная ненависть, однако, направлена не лично противъ него и не противъ монархическаго принципа, а противъ административнаго произвола, противъ конкордата и полицейскихъ порядковъ. Отмѣнить онъ существующую систему правленія, и все перемѣнится, снова его стануть хвалить и почитать. А что касается династіи, такъ позвольте доложить вашему величеству: всѣ народы главнымъ образомъ живутъ привычкой, и австрійскія народности, какого бы племени ни были, привыкли знать надъ собой домъ Габсбурговъ и не на шутку задумаются подчинить себя другой, незнакомой имъ власти—хуже можетъ выйти. *

Балабинъ, человекъ болѣе остроумный, чѣмъ разумный, любилъ, прислушиваясь къ собственной рѣчи, играть фразой и метафорой, что и приводило его, рассуждая о политическихъ дѣлахъ, потокомъ своего краснорѣчія не рѣдко увлекаться за предѣлы здраваго смысла. И въ оцѣнкѣ австрійскихъ дѣлъ онъ тутъ же, сутокъ не прошло, кинулся изъ одной крайности въ другую. Францъ-Іосифъ не прибылъ еще, какъ изъ вѣнскаго посольства Балабину сообщили манифестъ, которымъ австрійскимъ подданнымъ объявлялось, что дипломомъ отъ 20-го октября императоръ вводитъ новую государственную организацію. На основаніи этого диплома верховная власть обязывалась всѣ законодательные, административные и финансовыя вопросы рѣшать только при содѣйствіи государственнаго совѣта, усиленнаго опредѣленнымъ числомъ членовъ, избранныхъ изъ среды провинціальныхъ сеймовъ. Всѣмъ австрійскимъ провинціямъ возвращались ихъ прежніе статуты и самостоятельное управленіе. Въ Венгріи восстанавливались комитаты, и съ уничтоженіемъ центральныхъ имперскихъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и духовныхъ дѣлъ вновь учреждалась до возстанія при императорѣ существовавшая венгерская канцелярія (Ungarische Hof-Kanzlei). Бенедекъ, занимавшій должность венгерскаго намѣстника, назначался командующимъ войсками въ венеціанской области.

Съ этимъ извѣстіемъ въ рукахъ Балабинъ принялся проповѣдывать, что Австрія совершенно переродилась, умы успокоены, и на

родныя желанія удовлетворены свыше, чѣмъ позволено было ожидать. *Par ce coup de théâtre l'empereur d'Autriche a complètement changé la face des choses; je ne m'attendais pas de sa part un tel acte d'abnégation,*—говорилъ онъ каждому посвященному и непосвященному въ политическія дѣла—не всё только вѣрили ему на слово.

Выходило не то: венгерцы оставались неудовлетворенными; дипломъ не давалъ имъ полной автономіи, которой они домогались; нѣмецкія и славянскія провинці считали себя обиженными, не получивъ тѣхъ правъ, которыя были даны Венгріи. Дипломъ 20-го октября отнюдь не слѣдовало считать послѣднимъ словомъ въ дѣлѣ преобразования Австрійской имперіи; онъ былъ только этапомъ на пути къ позже данной, нынѣ существующей конституціи.

Неудовольствіе, царившее въ Австріи, уменьшилось, но совершенно не было прекращено. Балабинъ ошибся въ существенномъ значеніи диплома, какъ онъ ошибался, считая Австрію, до его публикаціи, осужденною погибнуть безъ всякаго спасенія.

Начались маневры, смотры и ученія, въ перемежку съ парадными обѣдами, театрами и празднествами всякаго рода—не имѣлось времени духъ перевести. Весь день проходилъ въ явленіяхъ и представленіяхъ, въ скачкѣ изъ конца въ конецъ Варшавы и въ передѣваніи изъ одной формы въ другую. Народъ глазѣлъ, подъ давленіемъ полиціи восторгался, покрикивалъ «ура», но отъ наблюдательнаго глаза уже тогда не могло ускользнуть, что поляки готовятся къ чему-то недоброму. Изъ всѣхъ дорогихъ затѣй, устроенныхъ для забавы чужестранныхъ гостей, обратила на себя особенное вниманіе чудная иллюминація въ Лазенкахъ, превосходившая разнообразіемъ и блескомъ всё извѣстныя европейскія иллюминаціи.

Во время маневровъ случилось со мной два, въ моей памяти сохранившіеся, эпизода. Военный министръ, Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ, нѣсколько разъ мнѣ поручалъ слѣдить за тѣмъ или другимъ дѣломъ и сообщать ему мои замѣчанія. Въ то время, по примѣру Франціи, въ большей части европейскихъ армій стали заводить нарѣзные орудія системы Лагита, при чемъ и у насъ была сформирована подобнаго рода пробная батарея. Приказалъ онъ мнѣ, между прочимъ, во время артиллерійской пальбы въ мишени, наблюдать за огнемъ этой батареи для оцѣнки его сравнительно съ мѣткостью, принадлежащею австрійской артиллеріи. Батарея не стрѣляла особенно мѣтко: снаряды не долетали до мишени или перелѣтали. Государь Александръ Николаевичъ, до крайности разсерженный плохимъ дѣйствіемъ батареи, подсказалъ къ батарейному командиру и въ присутствіи иностранцевъ осыпалъ его самыми неслестными упреками. Артиллерійскій полковникъ что-то хотѣлъ сказать, но государь не слушая крикнулъ—молчать!—и усакалъ.

Глубоко оскорбленный полковникъ обратился ко мнѣ: слышали вы? скажите, что остается мнѣ дѣлать?—пустить себя пулю въ лобъ.

— По моему, погодите, нечего еще стрѣляться вамъ. И другимъ приходилось страдать отъ царскаго гнѣва, а продолжаютъ жить и процвѣтать. Впрочемъ, признайтесь, полковникъ, что вамъ хоть и больно досталось, но не безъ всякой причины. Ваша батарея дѣйствительно не отличалась мѣткостью, которую позволено требовать отъ нарѣзныхъ орудій.

— Совершенно справедливо, да не моя вина. Опыты надъ нарѣзными орудіями производили мы прусскимъ порохомъ, къ нему примѣнились, а вчера вечеромъ для сегодняшней пальбы мнѣ отпустили русскій порохъ; разница велика въ силѣ того и другаго пороха, нельзя сразу примѣниться. Хотѣлъ я государю сказать, но вы сами видѣли, какъ государь мнѣ не далъ слова выговорить. — Полковникъ махнулъ рукой—покончу, да и только!

Тѣмъ временемъ къ намъ подѣхалъ красивый молодой человекъ, со звѣздой на уланскомъ мундирѣ, въ которомъ я незамедлительно узналъ цесаревича-наслѣдника, покойнаго Николая Александровича.

— А что?—обратился онъ ко мнѣ:—плохо стрѣляетъ наша нарѣзная батарея!

— Точно такъ, ваше высочество; государь по этому повсду высказалъ батарейному командиру свое неудовольствіе въ такихъ прискорбныхъ словахъ, что онъ только и думаетъ застрѣлиться; а полковникъ между тѣмъ нимало не виновать.

— Какъ не виновать? Вина очевидна!

Я объяснилъ великому князю дѣло о порохѣ.

Выслушавъ меня, цесаревичъ подѣхалъ къ батарейному командиру, сталъ его утѣшать и обѣщалъ немедленно доложить государю императору, отчего батарея давала промахи. Цесаревичъ дѣйствительно исполнилъ свое обѣщаніе, и государь на другой же день, призвавъ несчастнаго полковника, загладилъ ошибочно ему нанесенную обиду.

Другой эпизодъ можетъ служить примѣромъ, какъ нѣкоторые господа понимаютъ, и какъ далеко, совсѣмъ не къ благу его, они распространяютъ свою преданность къ царствующему лицу.

На другой день послѣ артиллерійскаго ученія было мнѣ поручено наблюдать за общимъ ходомъ маневра и военному министру сообщать о замѣченныхъ мною тактическихъ ошибкахъ. Увидавъ, что нѣсколько батальоновъ сомкнутыми колоннами атакуютъ лѣсъ, занятый противникомъ, и, кромѣ того, останавливаются для пальбы въ открытомъ полѣ, я указалъ на это обстоятельство генералу Сухозанету, замѣтивъ, что, по моему мнѣнію, лѣсъ слѣдуетъ атаковать бѣгомъ, густою цѣпью, поддержанною сильными резервами, не теряя времени на бесполезную перестрѣлку, колоннамъ же идти лишь въ третьей линіи, почему и считаю маневръ ошибочнымъ.

Въ это мгновеніе за моими плечами раздался картавый голосъ незамѣтно подѣхавшаго флигель-адъютанта А.

— Какъ вы только можете это говорить, когда самъ императоръ такъ приказалъ!

Генераль Сухозанегъ поморщился, а мнѣ оставалось только умолкнуть.

Невѣдомо было мнѣ, что самъ императоръ такъ приказалъ; но если бы я даже зналъ, то не сталъ бы говорить противъ своего убѣжденія. И цари могутъ ошибаться, а лестью прикрывать каждую ихъ ошибку есть дѣло не преданности, а противнаго раболѣпства, наводящаго ихъ только на новыя, государству и имъ самимъ одинаково вредныя ошибки.

По установленной программѣ слѣдовало государю и его гостямъ еще три дня оставаться въ Варшавѣ, какъ вѣсть изъ Петербурга о смертельной болѣзни престарѣлой государыни Александры Теодоровны положила конецъ ихъ пребыванію. Октября 30 (новаго стиля) мы собрались въ Лазенковскомъ дворцѣ проводить государя, спѣшившаго въ Петербургъ, куда онъ поспѣлъ передъ самой кончиной своей родительницы. Самъ онъ наканунѣ заболѣлъ простудой; въ шубу закутанный, спустился съ лѣстницы, собираясь сѣсть въ карету, а тутъ, будто на зло ему, отъ излишняго рвенія, разбили стекла въ каретѣ. Задержанный императоръ сердился, князь М. Д. Горчаковъ суетился, придворный людъ метался во все стороны, стекла же и стекольщика не знали, гдѣ отыскать. Наконецъ, послѣ долгой задержки, дѣло было исправлено, государь усѣлся, и карета тронулась. Нѣсколько часовъ спустя, уѣхали изъ Варшавы императоръ австрійскій и принцъ-регентъ прусскій, впослѣдствіи императоръ германскій. Я же, не знаю съ чего, изъ этого сѣзда высочайшихъ особъ вынесъ два ордена. Предъ своимъ отъѣздомъ императоръ Францъ-Иосифъ мнѣ прислалъ Желѣзную Корону 2-й степени; мѣсяць спустя, въ Вѣну мнѣ былъ присланъ прусскій орденъ Краснаго Орла той же степени.

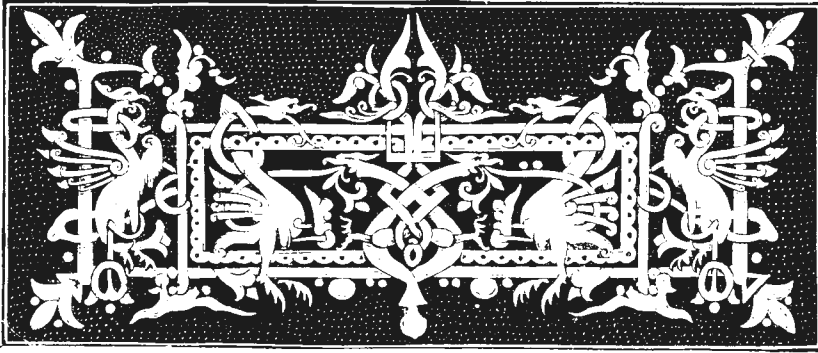
Надѣлъ я ново пожалованный орденъ и отправился къ прусскому посланнику въ Вѣнѣ, барону Вертеру, просить его повергнуть къ стопамъ его высочества принца-регента выраженіе моей глубочайшей благодарности за пожалованное мнѣ отличіе.

Выходя отъ него, повстрѣчался я съ какимъ-то австрійскимъ генераломъ. Взглянувъ на меня, увидалъ онъ бѣлый крестъ и спросилъ:

— Вы получили Краснаго Орла—за что?

— За то, что не упустилъ при встрѣчѣ кланяться прусскому королю; другой заслуги не знаю за собой.

Баронъ **Ө. Ө. Торнау.**

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ ¹⁾.

IV.

БЫ, — ГОВОРИЛЪ отецъ Гурий, — первую стоянку сдѣлаемъ тутъ, въ Баламутовкѣ... Это всего пятнадцать верстъ отсюда. Тамъ отецъ Сампсонъ Распознанскій живетъ. Только я, знаете, мало надѣюсь, чтобы это подошло... Потому у него дѣвица... какъ бы сказать... не того... не въ молодыхъ уже годахъ... Господь ее знаетъ, чего она засидѣлась... Кажись бы, и лицомъ ничего себѣ... Скряга, должно быть, отецъ Сампсонъ, теперь-то онъ уже расщедрился бы, да только уже поздно.

— Такъ, можетъ, и не ѣхать?—предложилъ Маккавеевъ.

— Какъ не ѣхать? Нѣтъ, это нельзя, Егоръ Трофимовичъ, надобно порядокъ соблюдать, а то потомъ отецъ Сампсонъ узнаетъ, что я мимо него богослова провезъ, такъ онъ мнѣ проходу не дастъ. Мое дѣло, знаете, привезти, а тамъ сошлись, не сошлись, это ужъ не моя вина, потому я могу всякаго жениха привезти, а жениться за всякаго я не могу. А то, я вамъ скажу, женитесь на дочкѣ отца Сампсона. Онъ дастъ за нею хорошую сумму... Полторы тысячи даетъ онъ теперь, да худобу тамъ и разное другое.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 83.

— Какая худоба?

— А вы не знаете? Вот вас тамъ въ семинаріи всякой мудрости учать, а того самаго, съ чѣмъ вы будете дѣло потомъ имѣть, вы и не знаете. Худоба—это есть скотъ домашній, для хозяйства. Да ужъ тамъ, какъ себѣ знаете, женитесь—не женитесь, а мое дѣло предоставить.

Дорога была пыльная, но ровная и мягкая; лошади бѣжали изрядно. Еще солнце было довольно далеко отъ горизонта, когда показалась вдали узкая рѣченка, а по берегамъ ея—хаты, среди которыхъ возвышалась небольшая церковь съ четырьмя зелеными куполами, безъ колокольни.

Они въѣхали въ раскрытыя ворота, прямо во дворъ церковнаго дома. Въ домѣ ставни были закрыты, но это вовсе не значило, что тамъ спятъ. Это былъ единственный способъ укрыться отъ невыносимой жары.

Собаки сперва свирѣпо лаяли на нихъ, а гуси кричали, но затѣмъ, какъ бы убѣдившись, что пріѣздъ гостей сдѣлался неотразимымъ фактомъ, они замолкли.

Изъ сарая вышелъ работникъ.

— А что, отецъ Сампсонъ дома?—спросилъ отецъ Гурій.

— Дома.

— А матушка?

— И матушка дома, всѣ дома. Пожалуйте, отецъ дьяконъ.

— А ты узналъ меня?

— А какъ же не узнать? Да это же вы недавно къ намъ жениха привозили.

— Такъ, такъ. Да, это я съ Понощатенкомъ пріѣзжалъ,—поянилъ отецъ Гурій Маккавееву.—Я вамъ говорилъ уже... Ну, такъ ты,—опять обратился онъ къ работнику,—вотъ помоги распрячь лошадей, да корму имъ задай... Вѣдь кормъ у отца Сампсона свой, не купленный, такъ ты не жалѣй.

— Да мы не пожалѣемъ, зачѣмъ жалѣть?—сказалъ работникъ.

Выбѣжала изъ дома дѣвка и принялась послѣшно открывать ставни. Наши путешественники стояли уже на землѣ.

Вотъ вышелъ и отецъ Сампсонъ, довольно хилый старикъ съ поделѣноватыми глазами и съ шишкой на правой сторонѣ лба и матушка—высокая, тонкая, сутуловатая женщина, съ длиннымъ скуластымъ лицомъ.

— А, отецъ Гурій!.. Вотъ такъ гость! пріятный гость!..

— А мы,—говорилъ отецъ Гурій,—ѣдемъ въ Вознесенскій монастырь; тамъ у насъ, знаете, дѣльце есть... Собственно, не у меня, а у моего сродственника; вотъ позвольте и отрекомендовать вамъ: Егоръ Трофимовичъ Маккавеевъ! Ужъ по фамиліи видно, что сродственникъ; богословъ, сію минуту только кончилъ курсъ.

— Ага, это очень пріятно... Что-жь, собираетесь въ наше за-

ніе поступить или какъ?—спросилъ отецъ Самсонъ, подавая руку Егору.

Маккавеевъ хотѣлъ было объяснить, что получилъ мѣсто и что черезъ девять дней будетъ рукоположенъ, но онъ и рта не успѣлъ открыть, какъ отецъ Гурій уже за него отвѣтилъ.

— Ну, да, только не сейчасъ, конечно; гдѣ ему? онъ такой еще молодой. Можетъ и такъ еще погулять, — ну, тамъ псаломщикомъ, либо учителемъ... Куда торопиться?

Егоръ съ великимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, но потомъ сообразилъ, что это, по всей вѣроятности, политика.

— Такъ, такъ! — говорилъ отецъ Самсонъ, въ свою очередь соблюдая политику и дѣлая видъ, что повѣрилъ. Но онъ очень хорошо зналъ, что отецъ Гурій не станетъ возить по окрестностямъ богослова зря, но что, конечно, у него есть для этого основательная причина, только нельзя же ему такъ прямо и ляпнуть: невѣсту ищемъ! Въ особенности отецъ Самсонъ понималъ эту политику, принимая во вниманіе, что его старая дѣвка никому уже больше не нравится.

— Такъ, такъ!—говорилъ онъ,—пожалуйте же въ комнату! Оно и кстати, мы какъ разъ полудновать собирались... Жара весь день такая, что чувствуешь себя, словно ты въ котлѣ сидишь, съ кипяткомъ... Ну, и сидимъ въ темнотѣ цѣлый день... а теперь ничего, отлегло. Пожалуйте, пожалуйте!

Они всѣ вошли въ комнату. Въ это время матушка громко обращалась къ лицу, остававшемуся еще за кулисами:

— Аря, Аря! велика закуску подавать, да поскорѣ! Гости пріѣхали.

— Барышня уже велѣли! — отвѣтила вертѣвшаяся тутъ дѣвка, изъ чего Маккавеевъ заключилъ, что Аря это и есть барышня.

Вошли въ гостиную. Она оказалась небольшой, съ тремя окнами, глядѣвшими въ церковную ограду, прямо на церковь. Очевидно, гостиная была въ то же время и столовой, потому что круглый столъ съ распростертыми крыльями стоялъ передъ диваномъ, накрытый бѣлой скатерью, и на немъ уже была кое-какая посуда.

— Садитесь же, пожалуйста, — говорила матушка, пододвигая кресло для отца Гурія и стулъ для Маккавеева.

— Такъ по дѣлу, значить?—говорилъ въ это время отецъ Самсонъ:—Гм... Такъ, такъ, въ монастырь? Тамъ вѣдь преосвященный будетъ... Торжество! торжественная служба! Народу-то, народу сколько понайдетъ, страсть!

Но отецъ Самсонъ о существѣ дѣла не спрашивалъ, твердо памятуя, что надо не только соблюдать самому политику, но и другимъ давать соблюдать ее.

Между тѣмъ на столѣ все меньше и меньше оставалось свободного мѣста; появлялись закуски, бутылки съ вишневкой, сливянкой

и виномъ. Вышла наконецъ, и Аря. Она была нѣсколько громоздка, широковата въ плечахъ, съ лицомъ уже значительно поблекшимъ, но въ прошломъ, повидимому, недурнымъ. На вискахъ у нея дрожали завитки волосъ. Очевидно, она въ непрестанномъ ожиданіи хорошаго случая постоянно ходила въ папильоткахъ, которыя распускала тотчасъ, когда выпадалъ случай. На ней было нѣчто похожее въ одно и то же время и на сарафанъ и на малороссійскій костюмъ— съ множествомъ бусъ и солидныхъ коралловъ. Шея была открыта довольно низко. На лѣвой сторонѣ подбородка красовалось очень темное родимое пятно.

— А вотъ и моя дочь!—сказала матушка,—позвольте васъ познакомиться: моя дочь Аря, а это сродственникъ отца Гурія. Ужъ простите, не знаю, какъ имя и отчество.

— Егоръ Трофимовичъ,—сказалъ отецъ Гурій.

Аря протянула руку Маккавееву, потомъ поздоровалась съ отцомъ Гуріемъ, какъ уже съ старымъ знакомымъ.

Она все время молчала, была необыкновенно тиха и, очевидно, обладала угрюмымъ характеромъ, хотя старалась все время имѣть веселый видъ. Было ясно, что мамаша слишкомъ часто повторяла ей: «и что это ты все волкомъ глядишь? Этакъ всякаго испугать можешь». Вотъ она и старалась.

Ее посадили рядомъ съ Егоромъ, но Егоръ почему-то смотрѣлъ все больше на отца Гурія, какъ на единственный предметъ, ему болѣе или менѣе извѣстный.

Послѣ закуски встали. Отецъ Гурій нашелъ моментъ, подошелъ къ Маккавееву и шепнулъ ему: «а ты разговори ее... поразспроси, что и какъ».

— Зачѣмъ?—тихо спросилъ его Егоръ.

— А что? Не нравится?

— Богъ съ нею!—отвѣтилъ Егоръ.

— Это навѣрняка, а? Такъ что того... можно и оглобли повернуть?

Егоръ на этотъ вопросъ не успѣлъ отвѣтить, что-то помѣшалось ему, но въ это время онъ посмотрѣлъ на Арю, на ея угрюмо печальный видъ и подумалъ о томъ, что онъ до сихъ поръ въ сущности не сказалъ ей ни слова; онъ подошелъ къ ней и, глядя въ окно на церковь, спросилъ:

— А у васъ колокольни нѣтъ?

Она, должно быть, отъ полной неожиданности, какъ-то вся вздрогнула и какъ будто даже не поняла вопроса и отвѣтила на него только послѣ значительнаго промежутка.

— Колокольни? Нѣтъ, у насъ нѣтъ колокольни... У насъ на столбахъ...

Маккавеевъ сталъ усиленно думать, что бы еще такое сказать. При этомъ онъ машинально водилъ пальцемъ по стеклу окна, и во-

диль онъ такимъ образомъ минуты двѣ, а она все время сидѣла тутъ же, очевидно терпѣливо ожидая дальнѣйшихъ вопросовъ.

А отецъ Гурій зорко наблюдалъ за ними и, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства и соображенія, онъ откашлялся и сказалъ своимъ громкимъ басомъ:

— Ну, что-жъ, богословъ, намъ пора ѣхать!

— Что вы! что вы, отецъ Гурій!—запротестовали разомъ и батюшка и матушка,—вы оставайтесь ночевать... Куда вамъ ѣхать?..

— Ни, ни, Боже сохрани! даже и подумать нельзя!—сказалъ отецъ Гурій, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ дорожилъ каждой минутой.—Еще солнце не закатится, а мы уже будемъ въ монастырѣ. Торопимся, отецъ Сампсонъ, очень торопимся. Вы знаете, я человѣкъ служебный, и при томъ акуратность моя извѣстна. Всего только на однѣ сутки взялъ отпускъ у отца настоятеля; ужъ ежели позволите, такъ на обратномъ пути завернемъ,—прибавилъ онъ, какъ бы желая все-таки оставить отцу Гурію и матушкѣ нѣкоторую надежду.

— «Но какъ онъ ловко вретъ!—подумалъ про себя Егоръ,—удивительно, какъ онъ вретъ, этотъ отецъ Гурій».

— А какъ же, пожалуйста, пожалуйста!—съ величайшимъ оживленіемъ воскликнули оба хозяева. Увы, они понимали, что дѣвица ихъ не имѣла успѣха, и у обоихъ была тайная мысль, что авось они въ дальнѣйшемъ путешествіи не найдутъ ничего подходящаго и вернуться къ нимъ.

Тутъ произошло одно дѣйствіе, смыслъ котораго для Маккавеева былъ неясенъ. Отецъ Сампсонъ отвелъ отца Гурія въ сторонку и что-то такое тихонько сообщилъ ему, послѣ чего они стали прощаться.

Они вышли во дворъ, Аря уже не показывалась. По всей вѣроятности, она пошла въ свою комнату, оперлась локтемъ на подоконникъ и печально глядѣла въ окно на то, какъ еще одна мимолетная надежда уплывала отъ нея.

— Эй, ты, запрягай-ка живо!—крикнулъ извозчику отецъ Гурій,—намъ надо въ монастырь поспѣть.

Извозчикъ заторопился. Его хорошо накормили и дали ему большой стаканъ водки, поэтому онъ былъ доволенъ и веселъ.

Этотъ извозчикъ уже далеко не въ первый разъ ѣздилъ съ отцомъ Гуріемъ и всякій разъ, когда рядомъ съ нимъ сидѣлъ молодой человѣкъ, онъ зналъ, что это—женихъ, что, значитъ, будутъ ѣздить по попамъ и, значитъ, его будутъ хорошо кормить. Зналъ онъ также, что надо держать языкъ за зубами, что никому, даже работнику или работницѣ, не слѣдовало рассказывать, куда ѣдутъ и по какой надобности, потому что отецъ Гурій будетъ врать тамъ то или другое, смотря по обстоятельствамъ.

Онъ запрягъ лошадь, они сѣли и кланялись хозяевамъ, а хозяйева привѣтливо провожали ихъ и все приглашали заѣзжать на

обратномъ пути; очевидно, они не теряли надежды на то, что, можетъ быть, еще что нибудь выйдетъ.

— Ну,—сказалъ отецъ Гурій, когда они уже выѣхали со двора,— слѣдственно у отца Сампсона не выгорѣло. Это правда, что странная она дѣвица... Или у ней чего-то въ головѣ не хватаетъ, или запугана такъ!.. Вотъ этакъ всегда молчитъ. Я, чтобъ не соврать вамъ, уже восьмерыхъ тутъ женилъ и со всякимъ къ нимъ заѣзжалъ. Ну, прежде, когда свѣжѣ была, у нея попадались такіе случаи, что кому нибудь и приглянется; такъ отецъ Сампсонъ начиналъ тогда торговаться, какъ жидъ. Сперва это двѣсти рублей посулить, а тамъ начнетъ по двадцати пяти рублей прибавлять... Душу вытянетъ, я вамъ скажу, а какъ дойдетъ до четырехъ сотъ, такъ дальше ни съ мѣста, такъ вотъ и разойдутся изъ-за этого. Дѣвица, конечно, плачетъ, а онъ—никакихъ... А теперь... Ты знаешь (уже отецъ Гурій окончательно перешелъ съ Маккаевымъ на ты), что онъ мнѣ сказалъ, когда отвелъ въ сторону: двѣ, говоритъ, тысячи даю и тройку лошадей и прочее... Да, двѣ тысячи деньги хорошія, это что и говорить, да только вѣдь и жена нужна! Поздно спохватился отецъ Сампсонъ.

Извозчикъ обернулся къ нимъ.—Теперь въ Круглое прикажете? къ отцу Софонію?—спросилъ онъ.

— Ишь какъ онъ изучилъ!—съ усмѣшкой сказалъ отецъ Гурій.—Валяй въ Круглое; тамъ и заночуемъ. Порядокъ знаетъ, однако! Ты знаешь, я,—обратился онъ къ Егору,—я это такъ для политики сказалъ, что будто мы въ монастырь ѣдемъ, а въ монастырѣ намъ нѣтъ никакой надобности.

Круглое отстояло верстъ на двѣнадцать отъ Баламутовки, уклоняясь нѣсколько въ сторону отъ большой дороги. Дорога—не широкая, ровная, проведенная съ видимымъ стараніемъ, была усажена чахлыми деревцами. Кто-то потратилъ на это много средствъ и стараній, но потомъ оставилъ все на произволъ судьбы; а въ этомъ знойномъ и сухомъ краю деревья требуютъ поливки и ухода, и рѣдко среди этихъ деревъ попадалась листва. Большею частью торчали обнаженные стволы съ сухими вѣтвями.

— Вотъ насадилъ это все помѣщикъ Юрневъ,—объяснялъ отецъ Гурій,—и сколько тутъ денегъ вкачено, страсть! а теперь даже и срубить некому, никто не хочетъ. Помѣщикъ теперь прогорѣлъ... И все вотъ такія затѣи! онъ вотъ его и погубили. Садъ у него былъ превосходный, отъ предка получилъ; такъ нѣтъ, мало ему, вздумалъ, можешь себѣ представить, ананасы выводить; само собою, ананасовъ не вышло, а денегъ множество ухлопано. И вотъ уже лѣтъ семь, какъ имѣніе перешло къ Безхвостову, который еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ кабачекъ тутъ держалъ плохенькій. Вотъ какія дѣла.

Солнце зашло. Круглое казалось въ дымѣ сумерекъ. Велико-

лѣпный прудъ версты на двѣ въ ширину и чуть поменьше въ длину. Красивая усадьба, большой каменный домъ въ два этажа. Теперь этотъ домъ занималъ мѣщанинъ Безхвостовъ, а помѣщиковъ, строившихъ его, здѣсь ужъ и слѣда не было.

А вонъ и церковь и недалеко отъ нея особнякомъ стоитъ домъ, собственный домъ отца Софонія.

— Отецъ Софоній живетъ не какъ нибудь!—говорилъ отецъ Гурій,— и съ него можно содрать здорово. У него двѣ дочки, обѣ епархіалки, только одна кончила, а другая еще нѣтъ, младшая, такъ на ту и смотрѣть нельзя. Сколько охотниковъ находилось на нее! Такъ нѣтъ, не отдають, потому старшую надо прежде отдать. А старшая-то никому не подходитъ.

— А что такое?

— Да она бы и ничего и съ лица себѣ, какъ слѣдуетъ, и сложеніемъ... Только вотъ всякому, кто съ нею поговорить, кажется, что характеромъ она злая, а почему такъ кажется,— неизвѣстно. Ну, пріѣдетъ это свѣжій человѣкъ, поговорить это съ нею, да и въ сторону. Кому охота навязать себѣ злую жену на шею? Нашъ братъ, духовный человѣкъ, самъ знаешь, ужъ какъ выбралъ жену, такъ съ нею и сиди, ибо другой жены у него не можетъ быть...

Около дома тянулась низенькая заваленка, а на заваленкѣ сидѣлъ какой-то народъ, въ сумеркахъ нельзя было разглядѣть. Вотъ бричка остановилась, и съ заваленки начали вставать; отецъ Гурій сейчасъ узналъ хозяина, отца Софонія: онъ былъ тщедушный, ходилъ дробно, какъ бы догоняя кого, говорилъ пѣвучимъ теноркомъ и все приглаживалъ свою бороду. Матушка была низенькая, толстая и переваливалась съ ноги на ногу, какъ утка.

Дочки не встали съ заваленки, а въ глубинѣ двора около голубятни расхаживалъ сынъ, семинаристъ.

— А какъ фамилія отца Софонія?—спросилъ Маккавеевъ отца Гурія.

— Асмодеевъ,— отвѣтилъ отецъ Гурій.

— Асмодеевъ? Такъ вѣдь это его сынъ у насъ въ семинаріи?

— Должно быть, что сынъ, вонъ онъ около голубятни ходитъ

Маккавеевъ присмотрѣлся и узналъ знакомыя черты. «Эге, да это и есть длинноносый Асмодей!»—мысленно произнесъ онъ. Такъ прозывали этого юношу въ семинаріи, гдѣ онъ былъ ученикомъ третьяго класса.

— А мы вотъ ѣхали,—шутливымъ тономъ говорилъ отецъ Гурій,— да посмотримъ, стоитъ веселенькій домикъ, а на заваленкѣ сидятъ добрые люди. Дай, думаемъ себѣ, заѣдемъ. Анъ, приглядѣлись, въ этомъ самомъ домѣ живутъ отецъ Софоній съ матушкой.

— И отлично сдѣлали, отецъ Гурій, что заѣхали! А скажите, пожалуйста, какъ поживаетъ матушка, Марья Петровна?—проговорили отецъ Софоній и матушка вмѣстѣ.

— Э, ничего, поживаетъ себѣ,— говорилъ отецъ Гурій, грузно слѣзая съ брички.

— Это вы что же, мимоѣздомъ?

— Ну, да, тутъ, знаете, въ Шалдыбинскихъ хуторахъ, баба холсты прядегъ, такъ вотъ жена и послала меня эти холсты купить. Сказываютъ, дешево и мило...

— «Тѣфу, ты пропасть,— подумалъ Маккавеевъ,— какой онъ выдумчивый, этотъ отецъ Гурій! То монастырь выдумалъ, а теперь уже совсѣмъ по-иному вретъ. Теперь холсты какіе-то. И зачѣмъ онъ все это выдумываетъ? сказалъ бы прямо!»

— Ага,— говорилъ между тѣмъ отецъ Софоній,— слышалъ, слышалъ я про такую бабу; есть такая.

И при этомъ отецъ Софоній, сразу понявъ, въ чемъ дѣло, умысленно и съ своей стороны сочинилъ про бабу, потому что никакой такой бабы на Шалдыбинскомъ хуторѣ не бывало. А ужъ онъ ли не зналъ мѣстныхъ нравовъ и всѣхъ окрестныхъ мужиковъ?

— Ну, а вотъ между прочимъ везу съ собой для прогулки и сродственника,— сказалъ отецъ Гурій,— вотъ и къ вамъ завезъ. Рекомендую: тоже Маккавеевъ, Егоръ Трофимовичъ. Богословъ, сейчасъ только курсъ кончилъ...

Въ это время и дѣвицы поднялись съ заваленки, но старшая сейчасъ же ушла куда-то въ сторону, а младшая медленно подошла къ нимъ.

Ей богослова вовсе не представляли. Очевидно, ее еще не считали тутъ, въ этомъ домѣ, за полного человѣка, хотя по сложенію она была уже совсѣмъ какъ слѣдуетъ дѣвица. Маккавеевъ взглянулъ на нее и нашель, что она мила. Онъ уже теперь научился присматриваться къ дѣвицамъ. Небольшой ростъ, свѣтлые волосы, свѣтлые глаза и сама вся такая свѣтлая и простая. Рѣшительно, она могла бы ему понравиться. На ней было форменное платье епархіального училища, короткое, съ бѣлой пелеринкой.

— А мы, знаете, ужъ у васъ и ночевать останемся, ежели не прогоните,— сказалъ отецъ Гурій.

— Хе, хе! да развѣ такого большого человѣка можно прогнать? У васъ четыре аршина въ обхватѣ, отецъ Гурій.

— Ну, четыре не четыре, а два съ половиной будетъ!—сказалъ отецъ Гурій.— Однако, ежели хозяева захотятъ, то даже и такого большого человѣка прогнать могутъ.

— Ну, пожалуйста же въ комнату, да лошадей надобно во дворъ, да распрячь ихъ, да корму задать имъ... Мы гостей принимать умѣемъ!..

Они вошли во дворъ, который своимъ видомъ сразу поразилъ Маккавеева: такое множество было въ немъ всякихъ сараевъ, за сѣкъ, загоновъ; видно было, что хозяйство здѣсь шло не на шутку. Не смотря на позднее время, на току еще работали съ десятковъ

работниковъ, и стукъ отъ цѣповъ, молотившихъ рожь частыми ударами, долеталъ сюда, во дворъ.

— Да у васъ чуть ли не до полуночи молотятъ, отецъ Софоній,— сказалъ отецъ Гурій.

— Торопимся, отецъ Гурій, очень торопимся! Нынче очень высокія цѣны стоятъ на жито, а черезъ двѣ недѣли упадокъ будетъ. У меня жито раннее, а поспѣетъ у всѣхъ, такъ сейчасъ и упадокъ будетъ.

— Ну, и хозяинъ же вы, отецъ Софоній. Я думаю, у васъ въ городскомъ банкѣ тысячь до тридцати лежитъ, а?

— Ну, до тридцати, это вы очень ужъ хватили, отецъ Гурій, а я не скрываю. Всего только одиннадцать тысячь лежитъ. Да гдѣ тамъ? расходы, знаете, большіе. Сына воспитываю и дочь. Помилуйте, на казенный счетъ ни одного не захотѣли принять.

— Ну, еще вамъ на казенный! Стыдно, отецъ Софоній, стыдно!

— Отчего стыдно? Казна одинакова для всѣхъ. Взяли бы, отдали бы, а не берутъ, не плачу.

— Ахъ, здравствуйте, Маккаевеъ!—сказалъ молодой Асмодеевъ, быстро подойдя къ нему, когда узналъ въ немъ семинариста.

Этотъ молодой человекъ вполне оправдывалъ прованіе «длинноносаго Асмодея». Дѣйствительно носъ у него былъ какой-то зловѣщедлинный.

— Вы къ намъ погулять пріѣхали?—продолжалъ онъ, обращаясь къ Маккаевеу.— Пойдемте, я вамъ покажу голубей, у меня удивительные, они вертуны и такъ вертятся, что навѣрное вы нигдѣ такихъ не видали...

— Ну, очень нужно имъ видѣть твоихъ голубей!—наставительно сказала матушка:—въ третьемъ классѣ на второй годъ остался, къ ученю глухъ, а на счетъ голубей мастеръ. Очень интересна имъ твоя голубятня!

Но Маккаевеъ пошолъ. Ему собственно до голубей не было дѣла. Но очень не хотѣлось идти въ комнаты. Онъ уже совершенно ясно представлялъ себѣ, что тамъ будетъ: сперва подадутъ выпивку и закуску, а въ это время будетъ взаимная политика,—станутъ говорить не о томъ, что думаютъ, и не то, что думаютъ, а такъ, о погдѣ, о жарѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ, о благочинномъ, объ архіереѣ.

Старикъ ушли въ комнаты, а Асмодеевъ повелъ Маккаевеа на голубятню и очень основательно демонстрировалъ передъ нимъ всѣхъ своихъ голубей, которые очень хотѣли спать и, попадая въ его руки, дрожали.

— А вы вѣдь кончили курсъ?—спросилъ Асмодеевъ.

— Да, кончили. А вы, кажется, остались?

— Да, остался на второй годъ! Чортъ бы ихъ побралъ, эти греческій и латынь, они меня подрѣзали. А вы, должно быть, приходъ получили?

— Нѣтъ, не то, чтобъ...—промолвилъ Маккавеевъ, вспомнивъ, что отецъ Гурій зачѣмъ-то тщательно скрываетъ это обстоятельство, и вообразивъ, что и ему тоже надо врать.—Я съ отцомъ Гуріемъ такъ поѣхалъ...

— А онъ вамъ родня?

— Да, родня...

— А я слышалъ еще въ семинаріи, что вамъ приходъ на значили...

Теперь Маккавеевъ чувствовалъ себя пойманнымъ и не зналъ, что отвѣтить.

— Да, собственно общали назначить, въ Окуневку,—сказалъ онъ.

— А, въ Окуневку? это близко отъ насъ. Я къ вамъ буду въ гости ѣздить... А когда же вы женитесь?

— Не знаю... Зачѣмъ торопиться?

Маккавееву сдѣлалось неловко; онъ вообще не привыкъ, да и не умѣлъ врать, а главное онъ не зналъ, зачѣмъ собственно отецъ Гурій самъ вретъ и его заставляетъ.

Асмодеевъ какъ-то глупо ухмыльнулся.

— А тутъ знаете—меня тогда не было, такъ сестры рассказывали—отецъ Гурій какъ-то привезъ Понощатенка. Помните, его выгнали за пьянство и грубость?.. Такъ вотъ Гурій привозилъ его, чтобъ женить. У меня сестра есть старшая, такъ на ней. Бросилъ, говоритъ, пить, а какъ сѣлъ за столъ да въ какіе нибудь полчаса одинъ цѣлый графинчикъ выкачалъ. Ну, и, разумѣется, его благо виднымъ манеромъ выпроводили.

— Не понравился?

— Кому?

— Вашей сестрѣ?

— Моей сестрѣ? старшей? Да я не знаю, кто ей понравится. Ей никто не нравится. Вотъ младшая сестренка у меня прелесть. Вонъ она бѣжитъ. Люба!

И дѣйствительно прибѣжала Люба, оживленная, веселая и прыгающая совсѣмъ подѣтски.

— А я васъ видѣла въ семинарской церкви,—сказала она, обращаясь къ Маккавееву,—насъ какъ-то туда водили, на храмъ. Только вы были тогда такой смѣшной, съ баками. Давайте бѣгать!

— Какъ бѣгать?

— Да такъ, бѣгать. На перегонку.

Маккавеевъ не зналъ, какъ собственно онъ будетъ бѣгать, но все-таки согласился. Предложеніе было сдѣлано такъ просто и мило, что какъ-то нельзя было отказаться. Они отправились на токъ, гдѣ ужъ прекратилась молотба, и стали тамъ бѣгать. Но Маккавеевъ, сдѣлавъ три, четыре конца, почувствовалъ усталость и сѣлъ на солому. Онъ никогда не бѣгалъ, и ему съ непривычки это было тяжело.

Со стороны поля, гдѣ были ворота, появилась старшая дочь отца Софонія.

— Соня, иди къ намъ!—крикнулъ ей Асмодеевъ.

— Чего я тамъ не видала?—откликнулась Соня.

— А вотъ тутъ Маккаевъ сидитъ, ты его и не видала.

Маккаевъ всталъ и, когда она подошла ближе, поклонился ей. Уже было довольно темно, и лица ея онъ почти не разглядѣлъ.

— А какъ онъ смѣшно бѣгаетъ!—весело воскликнула Люба.— Побѣгай съ нами, Соня.

— Что ты, Люба, мнѣ не десять лѣтъ.

— «Ухъ, какая строгая!—подумалъ Маккаевъ.—А мнѣ вѣдь тоже не десять, а цѣлыхъ двадцать, а ничего, пробѣгался, даже пріятно».

— Я пойду въ комнаты,—сказала Соня и очень скоро скрылась въ темнотѣ.

— А, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ неловко бѣгать?—сказала Люба:—вѣдь мы ужъ больше; вотъ вы, напримѣръ, кончили курсъ, богословъ. Вамъ не стыдно?

— Нѣтъ, не стыдно,—очень просто отвѣтилъ Маккаевъ.—Что же изъ того, что богословъ? А если мнѣ пріятно бѣгать, такъ я и бѣгаю.

— А вотъ, можетъ быть, скоро и рясу надѣнете.

— Ну, въ рясѣ уже будетъ неудобно. Такъ я и бѣгать не буду.

— Вѣтъ, это хорошо. Мнѣ это нравится...

— Ага,—сказалъ Асмодеевъ,—вотъ вамъ, Маккаевъ, жениться бы на ней...

— Я еще не кончила курса,—отозвалась Люба.

— Да приче́мъ тутъ курсъ? Чтобъ выйти замужъ, не надо никакого курса.

— Это правда. У насъ такъ вотъ одну изъ пятаго класса взяли да и женились на ней. А меня... да меня и не выдадутъ, потому что я младшая. Вы лучше женитесь на Сонѣ, ее выдадутъ.

— Я не знаю вашей сестры...

— А меня знаете?

— Съ вами я хоть побѣгалъ.

— Ха, ха, ха! вотъ такъ знаніе!..

— А что-жь? Если кому надо въ два дня жениться, такъ и этого довольно.

— А вамъ надо въ два дня жениться?

Тутъ Маккаевъ вспомнилъ о политикѣ отца Гурія и понялъ, что наказывалъ слишкомъ много, надо было какъ нибудь поправить.

— Нѣтъ... Зачѣмъ же?.. Я не думаю...

Въ это время ихъ позвали въ домъ. Прибѣжала работница и заявила, что бабушка и матушка требуютъ ихъ. Они пошли всѣ.

V.

— Что же это вы насъ оставили?—промолвилъ отецъ Софоній, съ особенной любезностью обращаясь къ Маккавееву; матушка между тѣмъ поднялась и тихимъ, но внушительнымъ голосомъ обратилась къ своей младшей дочери:—Люба! иди-ка сюда!

Люба встала и пошла за матерью въ сосѣдную комнату. Тутъ матушка плотно приперла дверь и заговорила:

— Опять? Ты опять свои смѣшки распускаешь? Сколько разъ я тебѣ говорила: эй, Люба, не финти, тебѣ еще рано вѣдь; Соня изъ-за тебя должна сидѣть... Я бы на твоёмъ мѣстѣ и не показывалась!

— Господи, что же я сдѣлала?

— Что я сдѣлала, что я сдѣлала!—передразнивая ее, воскликнула матушка, — а то и сдѣлала, что сейчасъ съ молодымъ человѣкомъ бѣгать да хихикать да то да се! И вовсе даже неприлично молодой дѣвушкѣ такъ вести себя.

Люба, конечно, уже плакала, — единственное, что она могла на это отвѣтить, это то, что она ничего не сдѣлала и не знаетъ, за что на нее нападаютъ. Матушка пошла въ гостиную, а Люба ушла къ себѣ и больше не показывалась.

Тутъ Маккавеевъ наконецъ разглядѣлъ и Соню. Она была похожа на младшую сестру. Къ ея счастью, носъ у нея былъ гораздо меньше, чѣмъ у Асмодея. Рѣшительно трудно было понять, откуда этотъ молодой человѣкъ взялъ такой носъ. Ни у отца, ни у матери не было подобнаго.

Но въ лицѣ ея было что-то холодное и безстрастное. Она говорила довольно свободно, гладко и безъ малѣйшаго стѣсненія. Говорила она о работникахъ, какъ они жаловались, что не даютъ имъ отдыхать.

— Но я имъ прямо сказала, — объясняла она, — что разъ взялись, то должны работать, какъ слѣдуетъ, какъ велятъ.

Потомъ она обратилась къ отцу Гурію и начала объяснять ему: у насъ строкачи, мы ихъ нанимаемъ до Покрова, и въ условіи такъ и сказано, что обязаны работать все, что прикажутъ...

Маккавеевъ внимательно слушалъ и думалъ: «откуда она все это знаетъ? Даже удивительно».

Подъ конецъ вечера таки выползла Люба, но она скромно помѣстилась въ уголку и при этомъ куталась въ платокъ, какъ будто ей было холодно; ей ужасно хотѣлось еще разъ предложить ему побѣгать, или пойти въ палисадникъ, гдѣ стоитъ скамейка, а на небѣ свѣтитъ луна, но она ужъ теперь не рѣшилась.

Часовъ въ одиннадцать всѣ разошлись. Маккавеева и отца Гурія положили спать въ залѣ, постлавъ имъ на полу двѣ перины. Они остались вдвоемъ.

— Ну что?—спросилъ отецъ Гурій, — понравилась?

— Вы про кого говорите?

— Да все равно... Я такъ спрашиваю. Конечно, про Соню, это главное...

— Какъ онѣ мнѣ могутъ понравиться, отецъ Гурій, когда я вовсе ихъ не знаю?

— Ну, братецъ ты мой, ежели такъ будешь смотрѣть, то и никогда не женишься. Вѣдь это же не я тащу тебя, чтобы ты въ два дня женился, а обстоятельства такія. Ну, а коли жениться надо, такъ нечего ужъ особенно разбирать.

— Ну, такъ и жените, коли надо,—съ какимъ-то отчаяніемъ сказалъ Маккавеевъ, которому начинало уже все это надоѣдать.

— Женить? Ну, ладно. На комъ хочу? Ну... ладно. Такъ вотъ возьму и женю тебя на Сонѣ.

— На Сонѣ не женюсь,—угрюмо отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Ага, вотъ тебѣ и жени на комъ хочешь.. Что-жъ такъ?..

— Да такъ, Богъ съ ней.. Она такъ строго смотритъ.

— Ну, такъ что-жъ, что строго смотритъ, вѣрная жена будетъ.. Она на тебя строго смотритъ и на всякаго другого тоже будетъ строго смотрѣть, и значить на счетъ измѣны застрахованъ.

— Нѣтъ, ужъ пусть кто другой женится на ней, а не я.

— А на Любѣ, не бойсь, хоть сейчасъ..

— Да Люба по крайней мѣрѣ хоть добрая..

— То-то добрая. Такъ у нея-жъ вѣтеръ въ головѣ..

— Ну, такъ что-жъ, что вѣтеръ, эка важность; зато она веселая.. Съ ней по крайности не скучно будетъ.

— Ну, что-жъ, мое дѣло сторона. Ладно, я поговорю.. Буду сватать тебѣ Любу. Только не надѣюсь.

Разговоръ прекратился. Маккавеевъ очень скоро заснулъ блаженнымъ сномъ. Сердце его было въ совершеннѣйшемъ порядкѣ. Не мечталъ онъ передъ сномъ ни о Сонѣ, ни о Любѣ. Обѣ онѣ въ сущности были ему безразличны.

Между тѣмъ въ матушкиной спальнѣ происходилъ въ полголоса, спускаясь почти до шепота, чрезвычайно важный разговоръ. Матушка обращалась съ поучительной рѣчью къ Сонѣ:

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Соня,—такъ нельзя... Надо же когда нибудь, наконецъ. подумать и о своей судьбѣ. Вѣдь этиакъ годы пройдутъ и тогда...

— Да зачѣмъ мнѣ это, на что мнѣ это?—безстрастно отвѣчала Соня, хотя въ глазахъ ея видно было раздраженіе.

— Ну, хорошо, тебѣ не надо, такъ вѣдь Люба растеть, слава Богу, выросла: надо же и объ ней подумать.

— Такъ вы отдавайте Любу, мнѣ все равно... Должно быть, не родился еще тотъ человѣкъ, передъ которымъ бы я извивалась.

Люба обидѣлась.

— Я вовсе ни передъ кѣмъ не извиваюсь.

— Ну, какъ же, еще бы, развѣ я не видала! Сейчасъ это бѣганье и шутки и смѣхъ..

— А что-жъ, мнѣ сидѣть букой, какъ ты сидишь, и на всѣхъ цѣпной собакой смотрѣть?— сказала Люба.

— Люба!—строгимъ голосомъ остановила ее матушка, не допуская непочтительности со стороны младшей сестры къ старшей.

— Ну, да, я правду говорю.. Я вовсе не желаю замужъ! мнѣ вовсе никто не нравится.. Экое удовольствіе выйти замужъ. Да еще за человѣка, котораго не знаешь.. А что ко мнѣ всѣ хороши, такъ я въ томъ не виновата, и не могу я себя нарочно передѣлать, какъ себѣ хотите, не могу, не могу и не могу. Вотъ я уѣду въ училище и тогда уже никому не буду мѣшать.

— Да ты всякому готова броситься на шею.

— Я? Мамаша! да что же это такое, съ какой же это стати въ въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же это я заслужила?

И Люба, конечно, ударилась въ слезы. Матушка уже не рада была, что затѣяла этотъ разговоръ. «Охъ,—тяжко вздыхала она,—нѣтъ ничего на свѣтѣ тяжелѣе, какъ имѣть двухъ взрослыхъ дочерей». Она прибавила громко: «Нечего тебѣ плакать, Люба, а только говорю тебѣ, ты подальше отъ него, подальше. Потому, хотя отецъ Гурій и городить про холсты и про бабу, а я вѣдь его хорошо знаю и знаю, что не спроста онъ этого богослова привезъ, и богословъ ничего себѣ. Конечно, бѣденъ, это видно, что бѣденъ.. Такъ это что, это ничего, и въ Окуневкѣ, говорятъ, приходъ ему обѣщали, да должно быть, что уже и дано это ему, отецъ Гурій хитритъ... Онъ хитеръ, это давно извѣстно: не повезъ бы онъ такъ человѣка, ежели бы у него мѣста не было. Такъ вотъ я тебѣ и говорю, Люба, ты отъ него подальше. Твое такое дѣло, что еще вся ты впереди»..

— Я завтра съ самага ранняго утра на цѣлый день уйду къ дьячихѣ,—сказала Люба и уткнулась лицомъ въ подушку.

— Никто тебя объ этомъ не просить,—отвѣтила Соня,—и вовсе даже этого не нужно.

Наконецъ онѣ утихли и заснули.

Впрочемъ заснули не всѣ. Соня долго не могла уснуть. Правда ли то была, что она такъ равнодушно относилась къ замужеству? Никто этого не зналъ. А правда была въ томъ, что въ глубинѣ души у Сони сидѣло убѣжденіе, что нельзя на всю жизнь связать себя съ человѣкомъ, котораго видишь первый разъ въ жизни. Сколько ихъ приѣзжаетъ сюда каждый годъ, и всѣ они налетаютъ съ разгону и готовы бы, даже не разглядѣвъ ее хорошенько, сейчасъ же торговаться и потомъ идти въ церковь. О чемъ они думаютъ? Жена вѣдь потомъ будетъ мать ихъ дѣтей? Они и сами этого не знаютъ хорошенько, имъ надо поскорѣе жениться во что бы то ни стало, чтобы получить приходъ, да взять побольше денегъ, чтобы получше начать хозяйство, вотъ и все. А она слишкомъ была горда и слиш-

комъ высоко себя ставила, она получила образованіе въ епархіальномъ училищѣ; тамъ не дали ей развитія, но у нея былъ природный умъ, который она проявляла въ хозяйствѣ и во всѣхъ дѣлахъ. У отца Софонія она была въ родѣ секретаря, а дѣлъ у него было не мало. Онъ велъ значительную торговлю и хлѣбомъ и шерстью. Засѣвалъ онъ сто десятинъ церковной земли, да въ аренду бралъ десятинъ пятьсотъ, да подъ овцами держалъ тоже не менѣе двухсотъ. И у него была настоящая помѣщичья экономія, а Софья вела всѣ книги и весь расчетъ съ работниками и покупателями. Не хуже отца Софонія знала она цѣну на все, что приходилось продавать въ хозяйствѣ. Правда, характеръ у нея былъ тугой, и работниковъ она держала въ рукахъ, и за это они ее не любили. Но въ умѣ никто отказать ей не могъ. И думала она, что лучше ей жить и работать дома, чѣмъ идти за перваго встрѣчнаго, когда какойнибудь неизвѣстный ей богословъ схватитъ ее налету, даже не разглядѣвъ ее хорошенько, но прихвативъ вмѣстѣ съ нею тысячи четыре отцовскихъ денегъ. И она надѣялась, что такой человекъ, какой ей былъ нуженъ, сыщется, человекъ, который узнаетъ ее, и она его узнаетъ и полюбитъ, и это будетъ настоящій бракъ. Но такой человекъ не находился, а ей уже было двадцать два года; до роковаго возраста оставалось уже немного.

И всякій разъ, когда пріѣзжалъ къ нимъ какойнибудь новый претендентъ, она чувствовала себя какъ бы выставляемой на позоръ. Она чувствовала себя товаромъ, который хотятъ съ одной стороны продать, а съ другой стороны купить, и нервы ея въ это время начинали сильно разстраиваться. И тогда она дѣлалась несправедливой. Вотъ и теперь она въ сущности жалѣла обо всемъ томъ, что наговорила Любѣ. Къ Любѣ она относилась дружелюбно, но не понимала ея открытаго и простого характера. Маккавеева она разглядѣла хорошо, и ей понравилось его лицо, но развѣ можно судить по лицу о человекѣ. Можетъ быть, онъ и достойный человекъ. Такъ вотъ если бы онъ пожилъ вблизи нея недѣлю, другую, она его узнала бы, а потомъ, можетъ быть, и отнеслась къ нему съ довѣріемъ, а то, навѣрно, и онъ торопится поскорѣе окрутить себя. Навѣрное, онъ такой, какъ всѣ.

И она уже заранѣе рѣшила въ душѣ во всякомъ случаѣ, если къ ней посватаются, отказать. Она поздно заснула, а встала по обыкновенію рано, потому что безъ нея не могла начаться работа по хозяйству.

На другой день утромъ, еще передъ чаемъ, въ кабинетѣ отца Софонія происходилъ разговоръ съ отцомъ Гуріемъ.

— Ну, вотъ, отецъ Софоній, теперь я вамъ признаюсь,—говорилъ отецъ Гурій.—Конечно, нельзя же такъ сразу все и рассказать. Но вы же понимаете, что не въ холстахъ тутъ дѣло. А въ томъ

дѣло, что надобно мнѣ непременно и какъ можно поскорѣе женить моего богослова.

— Ага!—отвѣтилъ отецъ Софоній.—А вы думаете, я такъ и повѣрилъ вамъ на счетъ холстовъ? Знаю я эти ваши холсты. Ну, такъ что же, отецъ Гурій?

— Да вотъ имѣю къ вамъ разговоръ.

— А коли имѣете, такъ и говорите.

— А въ томъ разговоръ, отецъ Софоній, что богословъ мой хотѣлъ бы посвататься къ вашей Любѣ...

Отецъ Софоній вскочилъ съ мѣста и закрылъ руками уши.

— И не говорите и не говорите мнѣ этого, ни за что!—какъ-то особенно волнуясь, воскликнулъ онъ.

— Да позвольте, отецъ Софоній,—началъ было примирительно отецъ Гурій, но тотъ не далъ ему продолжать.

— Нѣтъ, сдѣлайте милость, не говорите мнѣ этого, вы меня обижаете, отецъ Гурій.

— Да чѣмъ же я васъ обижаю, отецъ Софоній?

— Да, да, обижаете, и ужъ это не первый разъ. Сколько разъ вы привозили мнѣ этихъ жениховъ, и всякій разъ такая штука. Такъ вы лучше ко мнѣ ихъ и не возите. За чѣмъ вы ихъ возите? Не могу я этого, не могу. Мои дочери обѣ одинаковы, я за обѣими даю одинаковое приданое, по четыре тысячи рублей за каждой, и слѣдственно нечего между ними разницу дѣлать.

— Вы меня простите, отецъ Софоній, но я право даже не ожидалъ,—говорилъ отецъ Гурій, слегка тоже обидѣвшись, что съ нимъ такъ разговариваютъ:—но вѣдь это не мой вкусъ, тутъ не я жеманюсь, отецъ Софоній, а онъ...

Но отецъ Софоній только махалъ руками и не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ.

Отецъ Гурій вышелъ и, отыскавъ Маккавеева, шепнулъ ему: «уѣдемъ подобра-поздорову, а то, пожалуй, еще и прогонятъ», — и сейчасъ же велѣлъ запрягать лошадей.

Прошло минутъ пять, пока извозчикъ возился съ лошадьми. Въ это время вышелъ во дворъ отецъ Софоній, раскаявшійся и смягченный.

— Вы меня извините, отецъ Гурій,—говорилъ онъ уже своимъ обычнымъ лицемѣрнымъ голосомъ,—я, знаете, немного того... раздражительно сталъ.. Чайку бы выкушали, что-жъ такъ ѣхать-то?

— Что-жъ, чайку выпить можно,—отвѣтилъ покладистый отецъ Гурій.

И стали пить чай, который уже былъ готовъ. За чаемъ шель довольно вялый разговоръ о житѣ, объ овцахъ, о жарѣ, о чемъ угодно, только не о дѣлѣ. Вышла и матушка, но лицо у нея было теперь сухое и холодное. Она уже знала, въ чемъ дѣло, и косо по-сматривала на Маккавеева.

— И вѣдь вотъ, — думала она, — голякъ, какъ есть голякъ. Вѣдь двухъ рублей въ карманѣ, навѣрное, не наберется, а тоже вѣдь разборчивъ..

Дѣвицы не вышли вовсе. Гостей проводили очень холодно. Но когда они выѣхали со двора, и бричка завернула за уголь дома, вдругъ у забора мелькнула соломенная шляпка и улыбающееся лицо Любы.

— А ты, видно, таки ей понравился, — сказалъ отецъ Гурій, — коли она тебя даже глазами провожаетъ. Эхъ, ты Господи, Боже мой, — продолжалъ онъ. — Трудно это дѣло уладить, очень трудно, и изъ-за чего я только возжаюсь съ тобой. Родственникъ ты или нѣтъ, это еще вилами писано, — говорилъ онъ впрочемъ очень добродушно, такъ что Маккаевевъ никакъ не могъ обидѣться. — Вотъ я взялся тебя женить и вожу по уѣзду, а между прочимъ какая мнѣ отъ этого корысть? Никакой. Развѣ только то, что въ иномъ мѣстѣ могутъ и шею наkostenять? Да, трудненько это, трудненько... Да еще ты какой-то странный. Вкусу у тебя нѣтъ что ли, тебѣ все ни почемъ.. Жениться ты поѣхалъ, а видъ у тебя такой, будто на прогулкѣ... Эхъ, право, надобно тебя насильно женить, и я таки тебя женю..

Тутъ къ нему обернулся ямщикъ. — А куда же теперь, батюшка? Я что-то забылъ, — спросилъ онъ.

— Да я и самъ что-то спуталъ, постой, припомню, — промолвилъ отецъ Гурій. — Голова у меня совсѣмъ заморочилась. Ахъ, да, къ Серапіону, въ Стрихи.

— А, въ Стрихи! знаю, — и ямщикъ хватилъ кнутомъ лошадей и повернулъ по дорогѣ, которая отдѣлялась отъ большой дороги направо. А отецъ Гурій продолжалъ свои разсужденія. — И сколько народу перевидаешь за такую поѣздку, страсть! Слава Богу, что еще кормятъ и переночевать даютъ.

— А они не обижаются, если такъ уѣзжаютъ ни съ чѣмъ?..

— Нѣтъ, чего же, вѣдь это ужъ вкусъ. Одному подходитъ, другому нѣтъ. Но вотъ сколькихъ я женилъ, а тутъ у отца Софонія всегда неудача. Рѣдко кто на старшую льстится, а все на Любу. А у отца Серапіона я недавно одну дочку взялъ. Да за этого-жъ самого, за Поношатенка. Ну, у него вкусъ простой. Ему что ни подай, онъ на всё согласится. А ты разборчивъ, какъ погляжу...

— Да я бы и совсѣмъ жениться не хотѣлъ, отецъ Гурій, — возразилъ Маккаевевъ.

— Э, мало ли что не хотѣлъ, такъ надо. Тутъ ничего не подѣлаешь, коли надо.

Опять потянулась пыльная дорога. Ни одного деревца по пути. На поляхъ уже желтѣлъ хлѣбъ, кое-гдѣ снимали рожь, земля была твердая, и на ней по всѣмъ направленіямъ видны были трещины. Мѣсяца два не было уже дождя.

— Только вот не знаю,—говорилъ отецъ Гурій,—въ какомъ видѣ застанемъ отца Серапіона.

— А что?

— Да очень ужъ больно запибааетъ онъ. Я его давно знаю, вмѣстѣ учились. Славный онъ человѣкъ, добрый, душевный, да только съ нимъ несчастье одно случилось; конечно, онъ и вообще не прочь былъ выпить, ну, да такъ, какъ всякое духовное лицо, въ мѣру. А тутъ жена съ нимъ штуку сдѣлала. Красивая она была, дѣйствительно, а мой Серапіонъ не очень-то красивъ... Ну, вотъ и женились они этакъ-то вотъ, какъ у насъ всѣ женятся... Приѣхалъ, посмотрѣлъ, да и женился... А она его вовсе и не любила. А тутъ подвернулся ей офицерикъ хорошенькій, съ усиками, знаешь, и все такое, ну, моя попадья и вторилась, и что-жъ ты думаешь, дочка у нихъ была тогда, такъ и дочку оставила и съ этимъ самымъ офицерикомъ сбѣжала. Вотъ тогда мой Серапіонъ и запилъ, да одно время такъ, что преосвященный хотѣлъ его разстричь. А черезъ три года, братецъ ты мой, офицерикъ-то попадью бросилъ, и она пришла къ нему. Пришла она, а онъ какъ разъ пьяный, препьяный валяется и ничего не чувствуетъ и ничего не понимаетъ. Ну, выждала это она, пока онъ проспался, и говоритъ: я, говоритъ, противъ тебя глубокую обиду сдѣлала, и нельзя, говоритъ, меня простить, а только я очень несчастна. Такъ что-жъ, ты думаешь, онъ ей отвѣтилъ? хоть бы однимъ упрекомъ, либо слово какое дурное... Ничего.—Ну, что-жъ, ладно, говоритъ, живи... Только ужъ я, говоритъ, теперь окончательно пьяный человѣкъ... Да такъ ужъ и останусь, потому, говоритъ, ты мнѣ въ самое сердце... И правда, свѣтскій человѣкъ, ежели его жена бросить, такъ у него еще какънибудь обойдется, ну, тамъ другую найдетъ или какъ... А нашъ братъ духовный—такъ у него такое дѣло уже окончательно непоправимо, и взять негдѣ, да и нельзя... Для прихожанъ соблазнъ очень ужъ большой. Я такъ думаю, что та женщина, которая такую штуку съ духовнымъ лицомъ устраиваетъ, самая послѣдняя по жестокости женщина, и такую даму я уважать не могу, и матушку отца Серапіона я не уважаю нисколько... Тутъ вѣрно верстъ десять, не больше. Въ этихъ мѣстахъ, недалеко отъ города, часто села попадаютъ... Да все приходится отъ главной дороги въ сторону, вильно то вправо, то влево.

— А гдѣ тутъ Богоявленское?—спросилъ Маккавеевъ, вдругъ вспомнивъ о своихъ парходныхъ знакомыхъ.

— Богоявленское? А тебѣ зачѣмъ?

— А тамъ у меня есть знакомый дьякъ...

— Дьякъ въ Богоявленскомъ? Кто же это?

— А я, право, фамиліи не помню, да и не знаю, сказалъ ли онъ.

— Ахъ, дьякъ въ Богоявленскомъ, знаю, знаю, такой тонкій, претонкій..

— Онъ самый.

— Такъ ты, значить, съ нимъ на пороходѣ познакомился?

— Ну, да, и такой любезный человѣкъ и двѣ дочки съ нимъ... Мы съ нимъ вмѣстѣ на постояломъ дворѣ стояли передъ тѣмъ, какъ я къ вамъ пришелъ, и онѣ мнѣ даже пуговицы на сюртукѣ переставили, и самъ онъ ходилъ со мной штаны и сапоги покупать и въ цирюльню послалъ меня—то-есть, это дочка меня послала... И даже денегъ еще я имъ остался долженъ, потому у меня не хватило.

— Вотъ какъ! какой добрый дьякъ! На рѣдкость. Богоявленское отсюда порядочно. Вотъ мы, ежели у отца Серапіона не сладимъ, поѣдемъ въ ту сторону, да кстати заѣдемъ и въ Окуневку, посмотримъ свой будущій домъ и вообще село.

Только около двухъ часовъ показались Стрихи. Село лежало далеко отъ рѣки, и воду въ немъ получали изъ колодезь, зато церковное зданіе было новое, красивое и нарядное. Церковь построилъ богобоязненный помѣщикъ на свой счетъ, и она на весь уѣздъ славилась своей красотой и помѣстительностью.

Въ церковномъ домѣ, не смотря на жару, окна были открыты настежь. Когда они въѣхали въ раскрытыя ворота, то замѣтили во всемъ какую-то растерянность, даже собаки ходили, поджавши хвосты, и не лаяли. И въ первое время никто не вышелъ.

Они постояли минуты двѣ, и имъ даже сдѣлалось неловко.

— А есть тутъ хозяйева или нѣтъ?—довольно громко проговорилъ отецъ Гурій, обращаясь, конечно, въ пространство.

Никто ему не отвѣтилъ. Но вотъ вышла баба въ подтыканной юбкѣ такъ высоко, что видны были колѣни, и, увидавъ ихъ, всплеснула руками.

— Господи,—воскликнула она,—а тутъ еще гостей Богъ принесъ.

— А что?

— Да уже такое у насъ, что не приведи Боже.

— Что такое? Съ отцомъ Серапіономъ, должно быть?

— А то съ кѣмъ же!

— Затянулъ, а?

— Да ужъ именно затянулъ, вотъ уже четыре дня никакъ не можемъ въ разумъ привести... И даже не спитъ вовсе, а только и дѣлаетъ, что душить рюмку за рюмкой, и что творитъ, не приведи ты Боже. По деревнѣ безъ кафтана и безъ шапки бѣгаетъ. Стекла въ окнахъ разбиваетъ. А мужики смотрять... Соблазнъ, одинъ соблазнъ.

— А матушка?

— Что же, матушка, извѣстно, плачутъ. Слезами обливаются... Да ничего подѣлать не могутъ, только и твердятъ постоянно: сама я виновата, сама я виновата. А чѣмъ же онѣ виноваты? Право, я вамъ скажу, не въ добрый вы часъ приѣхали, уѣхать бы вамъ, батюшка... что тутъ хорошаго глядѣть? одно огорченіе вамъ будетъ.

— А, можетъ, я его въ чувство приведу,—сказалъ отецъ Гурій.
 — И то правда,—согласилась баба.—Можетъ, при постороннихъ-то онъ постыдится.

— То-то вотъ и есть. Ну,—обратился онъ къ кучеру,—ты лошадей не распрягай, еще не знаю, останемся ли...

— Безъ всякихъ чувствій лежить,—продолжала баба,—и слова такія говоритъ, что не поймешь. Такъ ужъ вы пожалуйте туда, къ матушкѣ.

— Пойдемте, Егоръ Трофимовичъ.

Они пошли въ домъ подъ предводительствомъ бабы, которая указала имъ ходъ въ столовую, гдѣ сидѣла матушка съ заплаканными глазами. Взглянувъ на нее, Маккавеевъ невольно вспомнилъ о романѣ, который рассказывалъ ему отецъ Гурій. Теперь,—должно быть, это было очень давно,—теперь у нея была такая наружность, что не приходило и мысли о романѣ. Голова у нея какъ-то клонилась внизъ, можетъ быть, оттого, что жизнь ея была печальна и принижена. Лицо все было испещрено множествомъ крупныхъ складокъ. Подъ глазами огромные мѣшки, вѣроятно, отъ многихъ и частыхъ слезъ.

— Мучусь, а не живу,—говорила она отцу Гурію.

— Что дѣлать, матушка! Надо терпѣть, ничего не подѣлаешь. А вотъ позвольте вамъ представить: Маккавеевъ, мой родственникъ, богословъ.

— Можетъ быть, еще и женихъ?—спросила матушка какимъ-то глубоко печальнымъ тономъ.

— Да, можетъ быть, и такъ,—почему-то на этотъ разъ безъ политики сказалъ Гурій.

— Эхъ,—вздохнула матушка.—Да развѣ кто польститъ жениться на моей дочкѣ? Взять жену изъ этакого дома... Охъ, охъ... Садитесь, отецъ Гурій, ужъ и не знаю. Охъ, отецъ Гурій, можетъ, хоть вы его уймете... Вѣдь народъ приходитъ, требы ждуть, а онъ зная ничего не хочетъ. Вѣдь такъ и прихода линять, вѣдь нищими будемъ. Охъ, ты Господи, Господи. Истинно горькую долю переносу...

Отецъ Гурій глубоко вздохнулъ. Онъ зналъ эту женщину въ лучшія времена, когда она славилась своей красотой. Куда это все дѣвалось? даже и признаковъ не осталось. «И вотъ онъ, бабій умъ,—думалъ онъ про себя,—и что она думала себѣ тогда, когда покидала его? Да и не его только, а свою маленькую дочь... И исковеркала этимъ жизнь и себѣ и мужу, да и дочерямъ... Та вонъ, старшая, вышла замужъ за пьяницу, потому никто другой и братъ не хотѣлъ, а эта, другая, Богъ знаетъ, что съ ней и будетъ. А вѣдь какой хорошій человекъ былъ отецъ Серапiонъ и какъ любилъ ее, какъ ухаживалъ за нею, старался предупредить каждое ея желаніе. Конечно, онъ былъ некрасивъ, и ему было не сравняться съ офицеромъ, такъ не въ красотѣ же дѣло».

Все это думалъ отецъ Гурій, глядя на матушку, и жаль ему ее было, да и не могъ онъ ей простить того дурного поступка, который имѣлъ такія ужасныя послѣдствія.

— Ну, такъ я пойду къ нему,—сказалъ отецъ Гурій, вставая:—попробую, можетъ, онъ меня и послушаетъ.

И онъ пошелъ къ отцу Серапіону. Онъ нашелъ его лежащимъ на диванѣ въ растяжку. Кафтанъ на немъ былъ изодранъ, борода скомкана, волосы растрепаны.

— Хорошъ, нечего сказать, хорошъ,—промолвилъ укоризненно отецъ Гурій, покачивая головой.

— А, Гурій, Гурій,—пьянымъ голосомъ возгласилъ отецъ Серапіонъ.

— Ну, Гурій и есть,—и что это ты съ собой дѣлаешь, Серапіонъ, для чего только? Сколько позора одного!

— Позора? Ха, ха, ха... Позора... Ахъ, Гурій, Гурій, развѣ это позоръ? Нѣтъ, не это, а то, что было, что прошло... Ты думаешь, я забылъ? Нѣтъ, я не забылъ. Я пьянъ, это такъ, это такъ... А отчего? А у меня душу вырвали: вотъ отчего. Вырвали изъ меня мою душу. Верни мнѣ ее, Гурій, и я опять буду прежнимъ человѣкомъ, да только не вернешь, вернуть нельзя...

— Серапіонъ, да ты бы о дочкѣ подумалъ.

— Дочка? Такая же будетъ, какъ и мамаша; всѣ онѣ одинаковы, всѣ... А ты, можетъ, жениха привезъ? Ну, такъ вези обратно... Надуетъ вѣдь... Ей офицера надо.

— Ну, довольно, довольно, это надо забыть... забыть пора, Серапіонъ. Ты засни-ка, засни, Серапіонъ, тогда и хорошо будетъ.

— И засну. Вотъ ты говоришь—засни, и я засну, потому что ты хорошій человѣкъ, Гурій, и засну вотъ.

Онъ повернулся на бокъ, лицомъ къ стѣнѣ и въ самомъ дѣлѣ скоро заснулъ. Уже это должно было успокоить матушку и дочку, которая еще не появлялась. Отца Серапіона трудно было въ такихъ случаяхъ заставить заснуть, ну, а если онъ уже заснулъ, но проснется трезвымъ и по крайней мѣрѣ нѣкоторое время не будетъ пьянствовать. Уже это было у него такое правило.

— Ну, вотъ видите, матушка, все-жъ таки я не напрасно приѣхалъ, на что нибудь да пригодился.

Вмѣстѣ съ матушкой и Маккаевымъ здѣсь сидѣла уже и дѣвица, дочь отца Серапіона; ее звали Дуней.

Когда отецъ Гурій ушелъ въ кабинетъ, между матушкой и Маккаевымъ произошла довольно продолжительная молчаливая сцена; остались вдвоемъ люди, которые въ первый разъ видѣли другъ друга и при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Маккаевъ чувствовалъ, что надо что нибудь сказать, но у него слова не шли съ языка. Матушка тоже подумывала о томъ, чтобы оказать хоть какую ни-

будь любезность гостю, но собственное горе давило ей голову, и у нея не являлось никакихъ мыслей, подходящихъ къ случаю.

— Охъ Боже мой,—громко вздохнула она,—даже стыдно, когда посторонніе люди прїѣзжаютъ...

Въ эту минуту Маккаевеъ еще болѣе увидѣлъ себя въ необходимости сказать что нибудь сочувственное, и онъ началъ усиленно выжимать изъ себя какую нибудь мысль.

— Что-жъ,—наконецъ сказалъ онъ,—это бываетъ...

— Да вѣдь какъ бываетъ-то!—отозвалась матушка,—у иного оно легко проходитъ, а у него не приведи ты, Господи... Повѣрите ли, какъ съ нимъ это случится, такъ всю недѣлю,—а у него это по недѣлямъ,—всю недѣлю ходимъ и чувствуемъ такъ, какъ будто вотъ потолокъ свалится, либо домъ загорится...

Опять матушка замолчала, а Маккаевеъ не находилъ реплики.

— А давно это съ нимъ?—спросилъ онъ, хотя въ сущности это его мало интересовало.

— Давно ли? охъ, да ужъ лѣтъ тринадцать будетъ. И такъ непрерывно изъ года въ годъ. Недѣлку поживетъ, какъ слѣдуетъ, а тамъ и опять закатить...

Тутъ должно было наступить самое неловкое молчаніе, но на выручку явилась Дуня. Она вошла, и когда Маккаевеъ поднялъ голову и взглянулъ на нее, то ему вдругъ сдѣлалось еще тяжелѣе. То самое чувство подавленности, которое выражалось на лицѣ матушки, на этомъ молодомъ симпатичномъ лицѣ производило еще болѣе безотрадное впечатлѣніе.

Дуня вошла и, какъ-то робко поклонившись ему, сѣла поодаль отъ стола.

— А что?—спросила ее матушка.

— Что-то замолкъ,—отвѣтила Дуня.

— Должно быть, отецъ Гурій его устыдилъ...

— Должно быть, что такъ.

И теперь уже они замолчали все трое. Въ это-то время и появился отецъ Гурій.

— Такъ, говорите, заснулъ?—обратилась къ нему матушка.—Ну, коли заснулъ, то слава Богу; ужъ теперь, значить, выпится, и денъка четыре, пять поблаженствуемъ.

И лицо ея сразу оживилось, съ него точно сошла туча. Теперь она почувствовала неотразимую потребность высказать все накопившееся въ душѣ ея горе передъ отцомъ Гуріемъ. Она очень хорошо знала, что истиннаго сочувствія съ его стороны встрѣтить не можетъ; въ тѣ времена, когда съ нею случилась та роковая исторія, отецъ Гурій ясно выразилъ свое отношеніе къ ея поступку. Онъ не одобрялъ и говорилъ ей это прямо въ лицо, но все же это былъ живой человѣкъ,—человѣкъ, котораго она знала давно, а между тѣмъ ей очень тяжело было держать свои мысли запертыми въ головѣ,

а никто, рѣшительно никто, давно къ нимъ не заѣзжалъ. Отець Серапіонъ разгонялъ всѣхъ гостей, когда они заставляли его въ пьяномъ видѣ. И вотъ матушка, какъ бы боясь, что ей на этотъ разъ не удастся облегчить свою душу, тотчасъ же, какъ только отецъ Гурій пришелъ, обратилась къ Дунѣ и Маккавееву:

— А вы, молодые люди, пошли бы прогуляться... Все же таки на свѣжемъ воздухѣ оно пріятнѣе...

Дуня тотчасъ же покорно поднялась и обратилась къ Маккавееву, и это было ея первое обращеніе.

— Что-жь, пойдете, если желаете?

Маккавеевъ тоже, точно подъ вліяніемъ общаго подавленнаго настроенія, не нашель въ себѣ силы сопротивляться и поднялся.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ, какъ бы подражая ей въ покорности.

И они вышли.

— Ну, отецъ Гурій, Господа ради, прошу васъ, скажите же мнѣ, что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?—сразу начала матушка.

— Что-жь тутъ подѣлаете, матушка? уже, видно, такая судьба,—отвѣтилъ отецъ Гурій.

— Охъ, судьба, судьба! да тяжкая-то какая. Ужь я что ни дѣлала, чего только ни передумала. И лѣчила его всячески. Есть тутъ на хуторѣ около насъ жейщина, старая, и знаетъ много всякихъ снадобьевъ. Ъздила я къ ней, дала мнѣ траву, чтобъ настойку дѣлать. Ну, я попробовала. Конечно, тайно отъ него, не дай Богъ, узнаеть,—бѣда. Ужь я на хитрости пускалась: какъ начнетъ это онъ требовать водки, я и говорю, водки молъ нѣтъ, вся вышла, есть, говорю, тутъ настойка старая, горькій корень для себя настаивала. А ему, извѣстно, когда онъ въ такомъ видѣ, все равно. Корень, такъ корень, говоритъ, подавай сюда съ корнемъ, ну, и пилъ, пилъ съ недѣлю, и ничего не помогло... Тоже и докторъ земскій мимоѣздомъ завернулъ, и съ нимъ совѣтовалась, какія-то капли прописать, ядовитыя, говоритъ, чтобъ, значить, осторожность соблюдать, ну, и капли я ему въ водку вливала, и тоже ничего... Наконецъ, въ монастырь Вознесенскій ѣздила къ чудотворной иконѣ Божьей Матери, молебствіе служила великомученику Гурію—вотъ какъ разъ вашъ ангель... тоже, говорили, помогаетъ, такъ нѣтъ, не смилвался великомученикъ, не помогло... И вотъ хочу я съ вами посовѣтоваться, отецъ Гурій, не поѣхать ли мнѣ въ Кіево-Печерскую лавру; можетъ, тамошніе угодники смилуются.

«Вѣдь вотъ она, баба,—думалъ въ это время отецъ Гурій,—нагрѣшила, накуралесила, наблудила, а теперь въ Кіевъ отмаливать... Вотъ онъ, бабскій-то умъ».

— Что-жь я на это вамъ скажу, матушка,—говорилъ отецъ Гурій, стараясь придать своему голосу какъ можно больше мягкости. Онъ зналъ, что въ разговорѣ съ матушкой его голосъ долженъ звучать сурово. Оно, конечно, горе ваше большое, и терпѣнія много надо

имѣть... Такъ вѣдь всякому человѣку приходится крестъ нести, а ежели кто этого креста самъ своею жизнью добивался, такъ тому и въ особенности.

— Охъ, не поминайте мнѣ этого, отецъ Гурій.

— Поминать я вамъ, матушка, не желаю, потому, что было, то прошло... А только нельзя и того забывать, что никакое наше поведение даромъ не проходитъ... Ужъ что тутъ говорить, сами виноваты, сами... Ужъ какой былъ мужъ отецъ Серапіонъ, ужъ такого мужа поискать во всей вселенной, и то не найдется... Ну, а вотъ испортили человѣка, не въ укоръ вамъ это, матушка, говорю, а такъ, потому правда.

— Такъ, слѣдственно, мнѣ всю жизнь терпѣть и конца этому не будетъ?—сказала матушка и начала опять плакать...

— Конецъ будетъ, но какой, вотъ вопросъ. Ну, а впрочемъ,—ободряющимъ голосомъ прибавилъ отецъ Гурій,—почемъ знать, можетъ, когда нибудь онъ и одумается. Я вамъ такъ скажу: коли бы я съ нимъ чаще видался, то, можетъ, мнѣ и удалось бы разумлять его, да гдѣ-жъ на этакомъ-то разстояніи...

Молодые люди между тѣмъ, выйдя изъ дома, направились безъ всякой опредѣленной цѣли по дорогѣ, которая вела на деревню. Впереди видѣлся небольшой садикъ, принадлежавшій одному богатому мужику. Туда они и пошли. Они, разумѣется, не сговаривались, а такъ какъ-то было естественно,—больше некуда было идти.

Ужъ минуты три они шли рядомъ, и за все время никто изъ нихъ не сказалъ ни слова. Они шли точно по обязанности. Наконецъ, Дунѣ, какъ хозяйкѣ, сдѣлалось неловко, и она сочла своею обязанностью что нибудь сказать.

— Вотъ,—сказала она,—даже и людямъ порядочнымъ къ намъ нельзя пріѣхать. Я думаю, даже противно въ комнатѣ сидѣть.

— Нѣтъ, отчего же,—какъ-то лѣниво отозвался Маккавеевъ.—Вѣдь это несчастіе.

— Да какое еще несчастіе, Господи!

Опять прошли они нѣсколько шаговъ въ молчаніи. Дуня нашла необходимымъ разспросить гостя о его личности.

— А вы, должно быть, родственникъ отца Гурія?

— Да, родственникъ,—неособенно увѣренно отвѣтилъ Маккавеевъ и подумалъ:—«ну, значить, сейчасъ опять пойдутъ тѣ же вопросы: кончилъ ли курсъ, получилъ ли мѣсто, и такъ дальше». Послѣ двухдневнаго путешествія онъ зналъ ужъ эти вопросы назусть и по порядку.

— А вы, должно быть, изъ семинаріи?—спросила Дуня.

— Да, изъ семинаріи.

— И что-жъ, вамъ много еще осталось?

— Нѣтъ, ужъ ничего не осталось: я кончилъ.

— Значить, мѣсто получили?

Маккавеевъ хотя и очень хорошо помнилъ, что не слѣдуетъ быть откровеннымъ, а надо вести политику, тѣмъ не менѣе почувствовалъ себя неспособнымъ соврать въ этомъ случаѣ. Въ этомъ домѣ было такое тяжкое горе, что ему казалось оскорбительнымъ вести съ этими людьми какую-то тонкую игру. И онъ отвѣтилъ сразу, какъ бы желая сократить ея вопросы.

— Да, получилъ мѣсто и вотъ обязанъ жениться.

— Жениться?

И это восклицаніе было произнесено какимъ-то особеннымъ тономъ, который поразилъ его. Онъ не понялъ этого тона, но скоро это объяснилось.

— Можетъ быть, и къ намъ затѣмъ пріѣхали?—спросила Дуня.

— Право, я не знаю... отвѣтилъ Маккавеевъ, которому этотъ вопросъ показался слишкомъ прямымъ и засталъ его врасплохъ.— Это отецъ Гурій меня возить, а я никого тутъ не знаю. Видите, меня черезъ восемь дней рукополагать должны, такъ поэтому я обязанъ поскорѣе найти себѣ жену.

— Я вамъ скажу,—опять тѣмъ же страннымъ тономъ заговорила Дуня,—ежели вамъ желательно жениться, такъ ужъ вы... лучше найдите себѣ другую...

Маккавеевъ даже остановился на секунду и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Отчего же такъ?—спросилъ онъ.

— Спаси васъ, Господи, стъ такого несчастья. Я что-жъ, я ничего. Я бы, можетъ быть, за всякаго пошла, чтобъ только уйти изъ этого дома... А только, когда видишь, что человѣкъ себѣ на свободѣ живетъ и можетъ лучшую судьбу найти, такъ и пожалѣешь его. И думаешь себѣ: зачѣмъ ему такое горе себѣ навязывать?

— Какое же горе?—спросилъ Маккавеевъ.

— Да какъ же? вѣдь тутъ, должно быть, въ нашемъ же уѣздѣ мѣсто получаете, ну, а отецъ постоянно будетъ ѣздить къ намъ и всякіе скандалы дѣлать, и будетъ вамъ позоръ на всю губернію... Нѣтъ, ужъ поѣзжайте себѣ съ Богомъ... Что ужъ вамъ!..

Она замолкла. Маккавеевъ былъ такъ пораженъ этимъ объясненіемъ, что не находилъ словъ. Они вошли въ садъ, который оказался очень плохенькимъ. Какая-то баба стояла подъ деревомъ и изо всей силы трясла его, чтобы заставить скороспѣлую грушу отрываться и падать на землю.

Баба узнала Дуню и привѣтствовала ее поклономъ. Но они тотчасъ же поняли, что въ саду имъ нечего дѣлать; притомъ же послѣ этого объясненія имъ какъ-то тяжело было оставаться вдвоемъ. Когда они вышли изъ дому, они могли спокойно молчать, потому что между ними не было еще ничего. Они совсѣмъ не знали другъ друга. Теперь же между ними стояло это объясненіе.

— Жарко,—сказала Дуня...

— Да, порядочно таки палить,—отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Такъ, можетъ, вернемся?

— Какъ хотите!..

Они повернули обратно и той же дорогой вернулись домой.

Въ это время изліянія матушки съ отцомъ Гуріемъ уже кончились, и они пришли во время, такъ какъ и здѣсь уже было тяжелое молчаніе.

Но вдругъ въ комнату вбѣжала та самая баба съ подтыканной юбкой, которая встрѣтила ихъ на дворѣ. Лицо у нея было странное, какое-то возбужденное и таинственное.

— Проснулись! — шепотомъ произнесла она. — Батюшка проснулись.

Отецъ Гурій поднялся, матушка тоже, и оба они тотчасъ же направились къ двери. Матушка осѣнила свою грудь маленькимъ крестомъ и прошептала:

— Ну, слава тебѣ, Господи, теперь легче будетъ.

Въ то время, когда отецъ Гурій вошелъ въ кабинетъ, отецъ Серапіонъ еще лежалъ на диванѣ и съ страшнымъ усиліемъ потягивался, стараясь раскрыть глаза, что ему давалось съ большимъ трудомъ.

Отца Гурія онъ, очевидно, еще не видалъ. Онъ протянулъ руку впередъ и, ни къ кому не обращаясь, промолвилъ:

— Квасу бы мнѣ.

Матушка побѣжала съ такой быстротой, какъ будто ей было десять лѣтъ, и мигомъ достала откуда-то огромную кружку квасу и принесла ее отцу Серапіону.

— Вотъ, Серапіонъ, вотъ квасъ, выпей,—осторожнымъ голосомъ говорила она, еще въ сущности не зная, какъ онъ отнесется къ ней.

Отецъ Серапіонъ поднялся на диванѣ и сѣлъ, а глаза его угрюмо смотрѣли въ землю; онъ не подымалъ головы и какъ бы избѣгалъ глядѣть на матушку. Потомъ онъ съ жадностью сталъ пить квасъ и осушилъ всю кружку.

— Фу! ну, вотъ хорошо! — промолвилъ онъ,—только голова трещить...

Тутъ онъ поднялъ голову и увидѣлъ передъ собой отца Гурія.

— Господи, это видѣніе или какъ?—промолвилъ онъ, и лицо его вдругъ замѣтно оживилось.

— Да не видѣніе-жъ, а я самъ,—отвѣтилъ отецъ Гурій и подвинулся къ нему.

Отецъ Серапіонъ всталъ, раскрылъ объятія, обнялъ и расцѣловалъ отца Гурія.

Лицо у него было сильно помято; но онъ разгладилъ рукой волосы и бороду, и оно приняло болѣе благообразный видъ.

— Когда же это ты?—продолжалъ онъ, обращаясь къ отцу Гурію,—это хорошо, что ты пріѣхалъ, давно не видалъ тебя... Знаешь, какъ я люблю, когда ты пріѣзжаешь.

Въ голосѣ его слышалась усталость и какая-то глубокая лѣнь; онъ говорилъ медленно, не торопясь, часто останавливаясь.

— Ну, что-жъ, угощали тебя чѣмънибудь?.. А гдѣ же попадаешь?

— Я здѣсь! — отвѣтила матушка, стоявшая въ это время за дверью и все еще не знавшая, какое направленіе приметъ дѣло; но когда отецъ Серапіонъ назвалъ ее попадшей, то она поняла, что въ теченіе этой недѣли впредь до слѣдующаго запоя у него будетъ примирительная линія. А то вѣдь случалось и такъ, что, пробудившись отъ пятнадцатидневнаго пьянства, онъ переставалъ безобразничать и буйствовать, но все время смотрѣлъ исподлобья и молчалъ, обращаясь къ ней только по самымъ необходимымъ поводамъ. Но, видно, присутствіе отца Гурія оживило его и хоть на время примирило съ нею.

— Такъ какъ же? ты бы закусилъ чегонибудь, отецъ Гурій?—продолжалъ отецъ Серапіонъ, все болѣе и болѣе приходя въ себя и оживляясь. Во всей его фигурѣ, въ манерѣ, въ тонѣ и въ глазахъ видны были кротость, какая-то тихая мягкость характера. Въ сущности онъ и былъ таковъ, только вино безобразило его и доводило до неистовства. И матушка знала это и часто говорила про себя: «эхъ, ежели бы только не это проклятое вино, золотой бы онъ человѣкъ былъ». И, думая такимъ образомъ, она въ тысячный разъ каялась въ своемъ легкомысленномъ поступкѣ.

— Да и тебѣ бы закусить не мѣшало, Серапіонъ, — молвилъ отецъ Гурій, которому было извѣстно, что во время запоя отецъ Серапіонъ ничего, кромѣ водки, внутрь не принималъ.

— Да, я бы теперь поѣлъ,—отвѣтилъ отецъ Серапіонъ.

— Такъ это можно сейчасъ, — съ предупредительной поспѣшностью сказала матушка и опять побѣжала куда-то. Сейчасъ же зазвенѣли тарелки, и черезъ двѣ минуты матушка звала отца Серапіона и Гурія къ закускѣ. Когда отецъ Серапіонъ вмѣстѣ съ отцомъ Гуріемъ вошелъ въ столовую, то засталъ здѣсь Маккавеева одного. Дуня уже скрылась. Ей было тяжело сидѣть съ женихомъ, который, какъ ей было хорошо извѣстно, все равно на ней не женится.

Отецъ Гурій представилъ Маккавеева Серапіону въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ которыхъ онъ дѣлалъ это уже нѣсколько разъ въ теченіе двухъ дней.

— Ахъ, очень пріятно познакомиться!—сказалъ отецъ Серапіонъ и этимъ ограничился. Маккавеевъ обратилъ вниманіе на то, что этотъ ни о чемъ его не спрашивалъ. Это былъ первый случай.

Но зато ему тотчасъ же пришлось быть свидѣтелемъ такого аппетита, какого онъ еще никогда не видалъ. Отецъ Серапіонъ ѣлъ съ жадностью, какъ-то болѣзненно хватаясь за куски хлѣба, которые передъ нимъ лежали, и проглатывая мясо, почти не разжевывая. Ма-

тушка и въ этомъ видѣла добрый признакъ. Не всегда послѣ пьянства онъ соглашался ѣсть. Иногда, изъ чувства какого-то противорѣчія онъ, не смотря на то, что чувствовалъ голодъ, отказывался ѣсть еще въ теченіе цѣлаго дня, пока, наконецъ, это становилось ему невыносимымъ.

— Ага,—промолвилъ отецъ Серапіонъ, послѣ того, какъ, окончивъ питаніе, взглянулъ въ окно и увидѣлъ вошедшихъ въ ворота нѣсколькихъ мужиковъ и бабъ.—Вотъ и прихожане уже появляются... Чудное дѣло,—продолжалъ онъ,—я такъ чувствую, какъ будто сейчасъ только родился на свѣтъ, и все для меня ново... Это, должно быть, крестить пришли...

— Да ужъ нѣсколько паръ приходили!—нерѣшительно отозвалась матушка, такъ какъ боялась, что въ ея словахъ отецъ Серапіонъ услышитъ укоръ.

— Да и тутъ ихъ, кажись, четыре пары,—сказалъ отецъ Серапіонъ, продолжая глядѣть въ окно и считая мужиковъ.

Къ дому приближались четыре мужика и позади ихъ четыре бабы, державшія на рукахъ младенцевъ. Это были кумовья. Скоро они наполнили кабинетъ, посрединѣ котораго была поставлена мѣдная купель, а въ купель налита тепловатая вода, и отецъ Серапіонъ принялся всѣхъ четырехъ разомъ крестить. Онъ предпочиталъ дѣлать это у себя дома. Онъ самъ служилъ и самъ пѣлъ за дьячка. Дьячекъ въ это время былъ занятъ своими полевыми работами, и онъ не хотѣлъ его беспокоить. Онъ разъ навсегда освободилъ его отъ крестинъ.

Въ то время, когда онъ еще крестилъ, пришли другіе мужики и бабы, и у каждаго была своя треба. Тому надо было отслужить похоронное отпѣваніе на могилѣ, въ которую пришлось зарыть покойника безъ службы, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней нельзя было достать батюшки. У другого умиралъ старый отецъ и никакъ не хотѣлъ помереть безъ покаянія и, еле-еле задерживая душу въ тѣлѣ, дожидался, пока отецъ Серапіонъ придетъ въ себя и масло-собируеть его и причастить.

Пробужденія отца Серапіона терпѣливо ожидали на деревнѣ. Никто не протестовалъ, никто не собирался на него жаловаться и требовать справедливости. Мужики любили отца Серапіона за его кротость, простоту и доброту, съ которой онъ относился ко всѣмъ, когда былъ трезвъ, и все прощали ему. Кромѣ того, вѣдь это здѣсь на этомъ же приходѣ случилась съ отцомъ Серапіономъ та трагическая исторія, которая испортила ему всю жизнь, и многіе мужики были свидѣтелями его драмы; это тоже принималось во вниманіе, и мужики говорили между собой:

— Это и простому человѣку, ежели съ нимъ случится, великое горе, а батюшкѣ такъ даже особенно... Съ этакого горя не то что запьешь, а на стѣну полѣзешь.

Въ то время, когда отецъ Серапіонъ былъ занятъ крестинами, а матушка, оживившись, благодаря благополучному пробужденію супруга, о чемъ-то хлопотала по хозяйству, которое за это время было сильно запущено, отецъ Гурій и Маккавеевъ остались въ столовой одни.

— Ну, что-жъ, богословъ,— молвилъ отецъ Гурій,— что ты скажешь?

— Что-жъ я скажу?— отвѣчалъ Маккавеевъ,— я ничего не скажу.

— Какъ же такъ? что нибудь да надо сказать.

— Это насчетъ женитьбы?

— Ну, само собою, не насчетъ картофеля же! Мы съ тобой не картофель покупать ѣдимъ.

— Сами видите, отецъ Гурій.

— Что-жъ я вижу, я ничего такого не вижу. Ну, конечно, отецъ Серапіонъ не въ важномъ видѣ былъ... Такъ вѣдь не на отцѣ же Серапіонѣ тебя женять, а на его дочкѣ.

— Да оно, конечно... А вотъ знаете, отецъ Гурій, когда мы ходили гулять съ этой дѣвицей, дочкой отца Серапіона, такъ знаете, что она мнѣ сказала?

— А что? любопытно...

— А сказала она мнѣ: ежели, говорить, жениться собираетесь, такъ поищите себѣ другую.

— Какъ такъ?

— А такъ. Я и самъ, было, удивился. А она объяснила: потому что, говорить, этимъ только несчастье наживете, ежели на мнѣ женитесь... Вы, говорить, будете тутъ близко, и отецъ постоянно будетъ къ намъ ѣздить и нашу жизнь портить.

— А это вѣрно,— согласился отецъ Гурій.— Дома ему сидѣть не очень-то сладко, и будетъ онъ постоянно къ вамъ таскаться... Ну, а ужъ тамъ извѣстно, коли онъ дома не удерживается, то на сторонѣ и подавно; это такъ. Такъ какъ же мнѣ съ тобой быть?

— Да, если бы этотъ приходъ Окуневскій былъ гдѣ нибудь подалее, такъ еще можно бы,— сказалъ Маккавеевъ,— а то слишкомъ близко. Что-жъ, дѣвица она скромная...

— Да, это такъ, она совсѣмъ забитая у нихъ... Жизнь такая, ничего не подѣлаешь... Оно, пожалуй, что это правда, не выгодно тебѣ жениться тутъ... Да, не выгодно... Это такъ, чтобъ жениться да и махнуть куда нибудь въ другую губернію, а тутъ подъ бокомъ опасно...

Отецъ Гурій уже сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы лошади были поданы къ крыльцу. Отецъ Серапіонъ кончилъ крестины, всѣ вышли во дворъ и прощались. Дуня грустными глазами смотрѣла на отъѣзжавшихъ. А матушка взирала на отца Гурія съ мольбой и говорила ему молящимъ голосомъ:

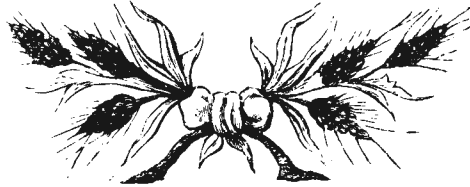
— Заѣзжайте почаще къ намъ, отецъ Гурий! Какъ-то вы насъ забыли совсѣмъ, рѣдко бываете!

— Буду заѣзжать, непременно!—молвилъ отецъ Гурий, усаживаясь въ бричку.

Они выѣхали со двора.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАОКЕАНСКАЯ РУСЬ ¹⁾.

(Социологическо-описательный очеркъ).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Русь въ славянскомъ штатѣ.

I.

СЛИ изъ Нью-Йорка переѣдете на пароходѣ черезъ рѣку Гудзонъ въ городъ Jersey City и затѣмъ перерѣжете по желѣзной дорогѣ узенькій и маленький штатъ New Jersey, то очутитесь въ Пенсильваніи, одномъ изъ наибольшихъ и живописнѣйшихъ штатовъ всей сѣверо-американской федеративной республики. Живописная Пенсильванія—это средоточіе и сердце всего американскаго славянства вообще и американской Руси въ частности. Славянство составляетъ здѣсь часть населенія, численно столь преобладающую, что съ полнымъ основаніемъ штатъ этотъ можетъ быть наименованъ славянскимъ. Вся Русь, общая численность которой въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ нынѣ превышаетъ 200 тысячъ, что составитъ вскорѣ около половины численности угорской Руси въ Австро-Венгріи, населяетъ главнѣйшимъ образомъ Пенсильванію. Причины поселенія огромнаго

¹⁾ Продолженіе См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 131.

большинства славянства, покинувшего Старый Свѣтъ, въ этомъ именно штатѣ чисто экономическія. Вслѣдствіе своего геологическаго строенія Пенсильванія является средоточіемъ каменноугольной промышленности. При томъ огромномъ спросѣ на рабочія руки и въ особенности на трудъ чисто физическій, какой существовалъ въ Америкѣ издавна до послѣднихъ лѣтъ, сравнительно довольно требовательный и дорогой американскій рабочій не шель на тяжелый и опасный трудъ въ подземныхъ каменноугледомняхъ. Бѣднѣйшіе слои славянскихъ народностей Россіи, Германіи и Австріи, гонимые съ родины многоразличными экономическими и общественными условіями, приплыли въ Новый Свѣтъ и среди колоссальнаго производства сѣверо-американской федеративной республики заняли пустующее мѣсто, оставляемое и избѣгаемое кореннымъ американскимъ рабочимъ, т.-е. рабочимъ англо-саксонской расы, на американской почвѣ родившимся отъ родителей эмигрантовъ или даже происходящимъ отъ двухъ-трехъ поколѣній, также родившихся на землѣ американской отъ переселившихся сюда дѣдовъ и прадѣдовъ. Такимъ образомъ славянскій элементъ заполнилъ собой область каменноугольной промышленности и заселилъ живописную Пенсильванію.

Выясненіе и уразумѣніе общественнаго, экономическаго и политическаго положенія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ славянства вообще и Руси въ особенности представляетъ огромнѣйшія трудности. Элементы: культурно-общественный, національный и вѣроисповѣдный, вывезенные славянствомъ и Русью съ вѣками насиженныхъ земель Стараго Свѣта, сдвинутые съ вѣковыхъ своихъ устоевъ и переброшенные за море, на новой и вольной землѣ американской видоизмѣняются, становятся въ новыя между собой соотношенія и подъ непрерывнымъ и неизбѣжнымъ воздѣйствіемъ американскаго соціально-бытоваго уклада перерабатываются и переплетаются до полной почти неузнаваемости. Это столь огромное и совершенно неизбѣжное воздѣйствіе новой и сильнѣйшей культурно-соціальной среды на бѣднѣйшіе и наименеекультурнѣйшіе элементы славянства, явившагося въ Новый Свѣтъ искать лучшей доли и заполниваго Пенсильванію, и ставитъ изслѣдователю почти неодолимыя трудности. Поэтому для изображенія и уясненія житья-бытья и положенія Руси въ Пенсильваніи, какъ и въ Америкѣ вообще, необходимо выяснитъ прежде всего происхождение и развитіе русской эмиграціи изъ Австро-Венгріи, ея составъ и ея культурно-общественный обликъ.

Уже при самомъ словѣ «эмиграція» родится у cadaго представленіе о крайней нуждѣ и бѣдствіяхъ, гонящихъ человѣка изъ родной земли въ дальнія стороны. Хотя отъ представленія этого до надлежащаго понятія (объ эмиграціи, порождаемой совокупностью многообразныхъ и нерѣдко довольно сложныхъ общественныхъ при-

чинъ, еще не такъ близко, какъ это можетъ казаться, тѣмъ не менѣе, однако, въ общемъ представленіе это вѣрно. Нужда, конечно, совершенно крайняя и бѣдственное положеніе самое серьезное выгнали изъ Австро-Венгрии всѣ эти 200 тысячъ «русиновъ» и «руснаковъ», которые пребываютъ нынѣ на вольной землѣ американской и населяютъ главнѣйшимъ образомъ живописную Пенсильванію. Но подобное опредѣленіе причинъ русской эмиграціи изъ дуалистической монархіи габсбурговъ было бы само по себѣ крайне поверхностно и непростительно. Ни о размѣрахъ этой нужды, ни ея характерѣ, кромѣ какихъ нибудь трехъ десятковъ мѣстныхъ изслѣдователей и писателей, да самого, конечно, страдательнаго народа, никто въ Европѣ надлежащаго понятія не имѣетъ. Галиційскій изслѣдователь, польскій демократъ-капиталистъ г. Щепановскій, въ вышедшей въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ довольно замѣчательной книгѣ своей: «Nedza Galicyi w sufrach» (нужда Галиціи въ цифрахъ), на основаніи точныхъ и неопровержимыхъ статистическихъ данныхъ, доказалъ, что въ Галиціи ежегодно умираетъ съ голоду 50 тысячъ человѣкъ. По изслѣдованіямъ галиційскаго изслѣдователя, доктора Олеськова, солиднаго экономиста и преподавателя агрономіи въ львовской учительской семинаріи, помѣщавшимся въ разныхъ мѣстныхъ изданіяхъ и лично, сверхъ того, намъ имъ любезно сообщеннымъ, оказывается нижеслѣдующее. На пять милліоновъ сельскаго населенія имѣется въ Галиціи земли 4.758,730 гектаровъ. Въ цифрѣ этой заключаются какъ земли пахотныя, такъ равно и сѣнокосы, огороды, общественные лѣса, мѣста подъ строеніями и земли, непригодныя къ обработкѣ. Если выбросить изъ нея всѣ вообще земли непродуцательныя, къ числу которыхъ относятся земли совершенно неудобныя, мѣста подъ строеніями, сѣнокосы, земли священническія, земли болѣе или менѣе крупныхъ владѣльцевъ изъ селянъ же и т. д., то на массу народа приходится немного болѣе 3 милліоновъ гектаровъ. Такимъ образомъ на семью, состоящую изъ пяти душъ, приходится земли въ среднемъ около 3 гектаровъ. По точнымъ статистическимъ даннымъ, собраннымъ за 1882—1891 годы о среднемъ урожаѣ пшеницы, ржи, ячменя и овса, гектаръ даетъ 750 килограмовъ, стоимость которыхъ равняется 37½ гульденамъ, такъ что средняя сельская семья въ Галиціи (изъ пяти душъ) получаетъ съ земли своей дохода 112½ гульденовъ въ годъ. Стоимость новаго посѣва составляетъ 30 гульд., подати, рабочій скотъ и инвентарь обходятся ежегодно 50 гульд., а остающіеся такимъ образомъ 32½ гульд. идутъ на страхованіе, на платежи, на школу и на церковь, на поддержаніе хозяйственныхъ строеній и т. д. Выходитъ такимъ образомъ изъ этихъ цифровыхъ данныхъ, что масса русскаго сельскаго населенія въ Галиціи положительно не имѣетъ чѣмъ существовать, если не упадутся посторонніе заработки. Заработки эти заключаются здѣсь

единственно въ работахъ по крупнымъ сельскимъ хозяйствамъ землевладѣльцевъ, оплачиваемыхъ весьма скудно. При значительномъ употребленіи машинъ въ крупныхъ сельскихъ хозяйствахъ Галиціи и огромномъ предложеніи рабочихъ рукъ заработокъ селянина здѣсь отъ работъ по этимъ хозяйствамъ настолько низокъ, что его не хватаетъ на самое скромное содержаніе одного только человѣка, не говоря уже о цѣломъ семействѣ. Безысходность и отчаянность положенія русскаго народа въ Галиціи представляются очевидными. Издавна еще сталъ онъ бросаться на заработки то на востокъ—въ Россію и Румынію, то на югъ—въ Венгрію и Боснію. Не смотря на то, что установилось постепенно ежегодное экономическое путешествіе огромной части галицко-русскаго народа ко времени жатвы въ Россію и Венгрію, а также отчасти въ Румынію и Боснію, этотъ галицкій селянинъ, какъ и малорусскій, вообще, продолжали, по установившемуся предразсудку, считаться неспособными къ какому либо экономическому новаторству, если въ особенности оно было связано съ небольшимъ даже удаленіемъ отъ родныхъ мѣстностей. Между тѣмъ этотъ самый малорусскій народъ, предполагаемый почему-то столь малоподвижнымъ и консервативнымъ въ экономическомъ отношеніи, съ западнаго склона русскихъ Карпатъ, какъ со стороны галицкой, такъ и со стороны угорской, бросился совершенно неожиданно на западъ и при томъ за океанъ. Что малорусская эмиграція въ Америку началась именно съ западной части русскихъ Карпатъ, съ самаго западнаго уголка Малоруси, представляется вполне естественнымъ. Большая часть земли въ этомъ уголкѣ, именуемомъ Лемковщиной, совершенно пустѣетъ или же идетъ подъ пастбища, меньшая же родитъ исключительно овесъ и даетъ притомъ столь скудный его урожай, что лишь возвращается посѣвъ, такъ что единственной выгодой отъ его сѣянія представляются солома и остающаяся отъ жатвы пожня, составляющія хорошій кормъ для скота, здѣсь весьма дорогой. При подобной неплодотворности земли лемки занимаются скотоводствомъ и семейной земельной собственности вовсе почти не дѣлаютъ.

Обыкновенно лишь одинъ членъ семьи остается на хозяйствѣ, а остальнымъ выплачивается стоимость ихъ частей. Изъ этихъ послѣднихъ тѣ, которымъ удалось такъ или иначе собрать немного денегъ, принимаются за выкармливаніе скота и торговлю имъ, или же иногда за ремесло. Но такихъ счастливыхъ очень мало, и огромное большинство лемковъ составляетъ сельскій пролетаріатъ, положеніе котораго представляется тѣмъ болѣе тяжелымъ, что въ ихъ неплодородномъ краѣ не имѣется ни крупныхъ сельскихъ хозяйствъ, которыя нуждались бы въ рабочей силѣ, ни какихъ либо фабрикъ. Если работы по крупнымъ сельскимъ хозяйствамъ составляютъ, какъ мы сказали уже, для галицкорусскаго селянина вообще единственный почти источникъ заработка, то въ частности изъ Галиц-

кой Лемковщины отправляются на жатву въ Угорщину 75 человѣкъ на 100. Ясно такимъ образомъ, почему именно малорусская эмиграція изъ Австро-Венгрии въ Америку началась съ этого уголка русской части Галичины, наиболѣе выдвинувшася къ западу. Въ нѣсколько иномъ видѣ представляется положеніе Руси Угорской. Хотя во многихъ мѣстностяхъ этой наинесчастнѣйшей части Малоруси царствуетъ также горькая нужда, но все-таки въ общемъ ея экономическое положеніе не такъ плачевно и отчаянно, какъ положеніе Руси Галицкой и въ особенности Лемковщины. Но зато тяготѣеть надъ ней страшный гнетъ политическій. Мы могли бы разразиться здѣсь страшными воплями о насильственной мадьяризаціи угорской Руси, объ азіатской дикости мадьяръ, происходящей изъ ихъ монгольскаго происхожденія, и т. д. Но мы не пойдемъ за этимъ обычнымъ приѣмомъ русской печати и постараемся найти явленію этому, несомнѣнно прискорбному и возмутительному, чисто научное, объективное объясненіе. Мадьярское правительство равно ненавидитъ всѣхъ славянъ, а между тѣмъ, будучи довольно терпѣливымъ въ отношеніи сербовъ, хорватовъ, словаковъ и т. д., угорскихъ русиновъ гнететъ всей силой правительственной власти. Почему же это такъ, почему угорская Русь въ Венгерскомъ государствѣ не можетъ пользоваться терпимостью въ той же степени въ какой пользуются ею всѣ прочія славянскія народности этого государства? Съ первыхъ же моментовъ возрожденія угорской Руси, начавшагося въ столь знаменитомъ въ исторіи нашего вѣка 1848 году, угрорусское національное движеніе приняло въ отношеніи мадьярской народности и въ особенности государственности характеръ враждебный и даже явно демонстративный. Если извѣстный Адольфъ Добрянскій, человѣкъ во всякомъ случаѣ громадной энергіи и огромнаго таланта, этимъ послѣднимъ покрывалъ до извѣстной степени свои ошибки и промахи, то послѣдователи его, одинъ другого мельче и ничтожнѣе, совершенно и окончательно опошлили и уничтожили его идеи и стремленія. Объявляя свое объединеніе съ Россіей, они не переставали пугать мадьяръ «московскими» рублями и «московскими» войсками, которые вотъ-вотъ, съ минуты на минуту, обрушатся на мадьярскую державу и на вѣки затопятъ ее. Не мѣшаетъ припомнить здѣсь, что въ 1849 году, когда мадьярскія войска Гергея сложили оружіе при Виллагошѣ, Добрянскій въ качествѣ уссарскаго интендантскаго комиссара при русскихъ войскахъ ¹⁾ является представителемъ особы австрійскаго императора. Если такимъ образомъ угрорусское національное движеніе, съ самаго зарожденія своего пойдя по пути шовинизма, демонстрацій и угрозъ «московскими» рублями и войсками, заключаетъ въ себѣ постоянную угрозу самостоятельности и независимости какъ мадьярскаго государства, такъ

¹⁾ По волѣ императора Николая Павловича спасавшихъ единство Австріи.

и мадыарскаго народа, то можно ли требовать отъ мадыаръ, чтобы они относились къ нему иначе, нежели относятся нынѣ? Что сказали бы мы въ самомъ дѣлѣ, если бы остзейскіе нѣмцы, объявляя свое объединеніе съ общенѣмецкимъ Vaterland'омъ, безпрестанно грозили намъ нѣмецкими талерами и военными силами могущественной Германской имперіи? А вѣдь въ отношеніи силъ и средствъ между Германіей и Россіей представляется совѣтъ не та пропорція, какъ между Россіей и Венгріей. Но, кромѣ этой государственной, такъ сказать, стороны угрорусскаго національнаго движенія, поведеннаго по фальшивому пути, противъ котораго нынѣ среди самой угорской Руси раздаются голоса наиболѣе солидные и искренніе, есть въ немъ еще другая сторона, также ошибочно поставленная—сторона чисто народная. Если интеллигентный малоруссъ безъ труда понимаетъ общерусскій литературный языкъ, являющійся въ основѣ своей великорусскимъ, то совершенно нельзя сказать того же о народной массѣ, въ особенности галицкорусской и угрорусской. Какъ бы ни желали мы единства русскаго литературнаго языка, мы должны, однако, понимать вещь столь простую и элементарную, что, прежде чѣмъ ввести эту массу народную въ сокровищницу русской литературы и русской науки, надо первоначально дать ей образованіе и общее развитіе не иначе, какъ на ея родномъ языкѣ, весьма отличающемся отъ общерусскаго литературнаго.

Между тѣмъ Адольфъ Добрянскій и послѣдователи его сразу ухватились за готовый уже общерусскій литературный языкъ и на немъ стали просвѣщать народныя массы, совершенно темныя и къ усвоенію языка этого, для нихъ въ значительной степени искусственнаго и малодоступнаго, совершенно неподготовленныя. Само собою разумѣется, что это просвѣщеніе и литературное движеніе не пошло въ глубь народа угрорусскаго и, захватывая лишь его интеллигенцію, скользя лишь по его поверхности, не смогло противостоятъ страшнѣйшей мадыаризаціи угорской Руси, сдержатъ ея напоръ. О значеніи и цѣнѣ этого литературно-просвѣтительнаго движенія, построеннаго на чисто теоретическихъ и неправильныхъ основаніяхъ, можно судить по его результатамъ. Свѣтской интеллигенціи угорская Русь вовсе не имѣетъ: вся она мадыаризуется безъ всякихъ исключеній. Что касается угрорусскаго духовенства, то еще въ латинскихъ мадыарскихъ семинаріяхъ въ Пештѣ и Острогомѣ, гдѣ воспитываются наилучшіе ученики, а равно и въ угнварской, даже русской духовной семинаріи, искореняется изъ нихъ русская рѣчь и русское народное самосознаніе. Въ общемъ, часть угрорусскаго духовенства открыто выступаетъ въ качествѣ мадыарскихъ интеллигентовъ и мадыарскихъ дѣятелей, другая же совершенно бездѣйствуетъ и, сложа руки, глядитъ на страшную работу европейскаго азіатства, которое вырываетъ русскіе корни изъ исконныхъ русскихъ земель и сотни тысячъ русскаго народа

захватываетъ подъ скрѣпленіе мадьярскаго элемента. Какъ-то застыла и какъ бы одеревенѣла угорская Русь, замолкли поэты и писатели, а народъ, оставаясь во тьмѣ, пригнетенный нуждою, покидаетъ родную землю и убѣгаетъ въ Америку.

Русская эмиграція изъ Австро-Венгріи въ Америку началась, какъ мы упомянули уже, съ западной части русскихъ Карпатовъ, съ такъ называемой Лемковщины, обнимающей собой какъ галицкую, такъ и угорскую стороны этой части. Было это около половины семидесятыхъ годовъ. Однако, лишь въ 1884 году, то-есть около десяти лѣтъ приблизительно спустя, впервые узнала Галиція, а за ней и вся Австро-Венгрія объ этой русской эмиграціи за океанъ. Въ извѣстной галицкорусской газетѣ «Дѣло» появились извѣстія, что на почтовыхъ станціяхъ въ разныхъ медвѣжьихъ уголкахъ русской части Галиціи пропадаютъ деньги, присылаемыя мѣстнымъ селянамъ ихъ отцами, сыновьями и братьями изъ Америки, причемъ общая сумма пропавшихъ денегъ исчислялась въ въ нѣсколько тысячъ долларовъ, составляющихъ, при экономическомъ положеніи сельскаго населенія Галиціи, огромный капиталъ. Хотя сосѣди галицкихъ лемковъ, словаки и мазуры, гораздо ранѣе ихъ начали эмигрировать въ Америку, тѣмъ не менѣе, однако, русская интеллигенція Галиціи была нѣсколько удивлена и озадачена этими извѣстіями. Но, ознакомившись и освоившись съ фактами, она не стала вопіять противъ эмиграціи, какъ это дѣлала и дѣлаетъ даже до сихъ поръ польская интеллигенція въ отношеніи эмиграціи своихъ мазуровъ, а сразу принялась за организацію этой русской эмиграціи и созданіе прочныхъ ея связей съ роднымъ краемъ, съ «батьковщиной». Результаты этихъ стараній галицкой русской интеллигенціи и ея сношеній съ отпрысками своего народа, очутившимися за океаномъ, обнаружили очень скоро. Во второй половинѣ того же 1884 года община галицкихъ русиновъ, сложившаяся въ городѣ Шенандоа (Shenandoah) штата Пенсильванія, городѣ довольно значительномъ и по нашей терминологіи уѣздномъ, обратилась къ львовскому митрополиту Сильвестру Сембратовичу съ ходатайствомъ выслать ей священника греко-католическаго (уніатскаго) обряда для основанія тамъ русскаго прихода, при чемъ обязывалась какъ принять на себя всѣ сопряженные съ основаніемъ такимъ расходу, такъ равно и платить новоназначенному священнику жалованье въ размѣрѣ 200 австрійскихъ гульденовъ въ мѣсяць.

Необходимо указать здѣсь, что первоначально русская эмиграція наткнулась въ Америкѣ на многоразличныя мѣстныя препятствія самаго тяжкаго свойства. Американскіе рабочіе, подозрѣвая, что новоприбывающіе угрорусскіе и галицкорусскіе эмигранты доставляются въ ихъ страну предпринимательскими компаніями съ цѣлью понизить ихъ заработную плату, составили особое товари-

щество, чтобы путемъ убійствъ и разбоевъ совершенно терроризовать этихъ новыхъ эмигрантовъ и такимъ путемъ пріостановить эту новую отрасль иммиграціи. Однажды, вблизи города Олифанта (въ Пенсильваніи же) ирландцы ночью подкрались къ дому, въ которомъ жило нѣсколько десятковъ русиновъ, облили его керосиномъ, подперли его окна и двери бревнами и около полуночи подожгли. Неминуемая и ужасная смерть угрожала 40—50 русскимъ переселенцамъ. Но, къ счастью, сухое дерево, изъ котораго построенъ былъ этотъ домъ, стало сильно трещать, спавшіе проснулись, высадили окна и всѣ повыскачили, въ моментъ своего спасенія встрѣчаемые револьверными залпами ирландскихъ разбойниковъ, которые продолжали стрѣлять по убѣгавшимъ. Къ счастью, никто убитъ не былъ, но за то весь домъ со всей его обстановкой, вещами эмигрантовъ и ихъ деньгами—все это сгорѣло дотла. Подобные случаи устрашенія русскихъ иммигрантовъ съ цѣлью отбить у нихъ охоту являться въ эту «free country» (свободную страну) не были, конечно, единичными. Въмѣстѣ съ тѣмъ всевозможныя оскорбленія и притѣсненія русскихъ рабочихъ въ «майнахъ» (каменноугледомняхъ) старо-американскимъ большинствомъ майнеровъ и даже прямыя нападенія послѣднихъ на первыхъ для избіенія или искалѣченія вовсе не составляли рѣдкости. Лишь упорнымъ терпѣніемъ, тяжелымъ трудомъ, недюжиннымъ мужествомъ и огромной энергіей достигла эта новообразовавшаяся русская вѣтвь американскаго рабочаго класса того, что стала сначала терпимой, затѣмъ уважаемой и наконецъ общепризнанной. Организациія американской Руси должна была разсѣять всякія недоразумѣнія и устранить всякія недоброжелательства.

Починъ организационной дѣятельности выпелъ, какъ мы упомянули уже, изъ Галицкой Руси. Что починъ этотъ выпелъ отсюда именно, а не изъ угорской Руси, откуда эмиграція въ Америку началась даже нѣсколько ранѣе, нежели изъ Галиціи, не представляется простой случайностью. Явленіе это имѣло свои общественныя причины и не могло сложиться и разрѣшиться иначе. Для того, чтобы понять это явленіе общественнаго бытія русскаго народа, равно какъ и многія другія явленія того же бытія за предѣлами русскаго государства, необходимо прежде всего отрѣшиться отъ тѣхъ предвзятыхъ, ложныхъ и совершенно вздорныхъ представленій о такъ называемомъ украинофильствѣ, которыя такъ распространены, въ особенности благодаря медвѣжьимъ услугамъ нашей печати извѣстнаго сорта, въ предѣлахъ Россіи. Какъ извѣстно, галицко-русская интеллигенція имѣетъ у насъ въ огромнѣйшемъ большинствѣ своемъ репутацію украинофильской, а угрорусская признается въ огромнѣйшемъ же большинствѣ—русофильской, или, правильнѣе говоря, великоруссофильской. Какъ извѣстно, великоруссофильству, всѣми славянскими народностями именуемому «москале-

фильствомъ», приписывается тенденція объединить Русь во всѣхъ отношеніяхъ, украинофильство же изобличается въ стремленіи раздѣлить Русь какъ въ просвѣтительномъ и литературномъ, такъ даже и въ политическомъ отношеніи. Между тѣмъ въ дѣйствительности малорусское такъ называемое украинофильство вообще и галицко-малорусское въ частности, нося въ себѣ горячую любовь ко всему русскому народу во всей его совокупности, стремится вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить богатую субъективность народа малорусскаго съ ея поэзіей и богатыми культурными задатками и, давая ему образованіе на его родномъ языкѣ, единственномъ ему вполне доступномъ и понятномъ, создать для него и его блага ради на этомъ звучномъ, богатомъ и поэтическомъ языкѣ, значительно отличающемся отъ великорусскаго, нѣкоторую разновидность русской литературы, на сколько существованіе этой послѣдней, рядомъ съ обширной литературной великорусской, представляется возможнымъ, по законамъ естественной конкуренціи въ области интеллектуальной производительности. Противъ стремленій такъ называемаго украинофильства возражаютъ обыкновенно на тему единства Руси. Но единство единству розъ. Есть единство чисто внѣшнее, формальное, такъ сказать, казенное, единство обмундированія, подъ которымъ скрывается не рѣдко разобщеніе духа, а всегда его апатія и ничтожество. Есть, наоборотъ, единство другого рода, которое при различіи внѣшности, при отличіи въ формѣ, заключаетъ въ себѣ единство духа. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ тому, чтобы строго проанализировать каждую проповѣдь «единства» и убѣдиться, чего она стоитъ и къ какимъ именно практическимъ результатамъ приводитъ, въ чемъ собственно эта стоимость и заключается. Въ своей малорусской субъективности и разновидности, сознавая, любя и уважая опредѣленный типъ великаго народа русскаго, галицкое украинофильство народъ свой просвѣщаетъ, работаетъ изъ всѣхъ силъ надъ поднятіемъ его какъ въ культурномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, создаетъ и укрѣпляетъ въ немъ народное самосознаніе и чувство своего народнаго достоинства, за права его ведетъ отчаянную и упорную борьбу съ правящей польскою шляхтой и на этомъ просвѣщеніи, на этомъ поднятіи его культурнаго значенія, на возвышеніи и упроченіи его матеріальнаго благостанія, на самомъ этомъ народѣ строить его будущность. Что же, спрашивается, дѣлаетъ въ то же время угрорусское руссофильство, или великоруссофильство? Оно изо дня въ день ожидаетъ, что вотъ-вотъ русскія войска ворвутся въ Венгрію, разнесутъ вдребезги мадыарскую державу, и тутъ-то изъ этого «московскаго» рога изобилія посыплются на угорскихъ руснаковъ деньги несмѣтныя, теплыя мѣстечки, всяческая благостыня и готовая литература. Въ этомъ чаяніи угрорусскіе великоруссофилы ровно ничего не дѣлаютъ, довольно спокойно глядятъ на то, какъ чудовищная мадыаризація тысячи народа русскаго выры-

васть изъ его родной колыбели, и посылаетъ лишь иногда жалобы въ Россію, въ нѣкоторую часть русской печати. Въ подобномъ ожиданіи пришествія мессіи въ видѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ русскихъ штыковъ, эти «твердые» русскіе патріоты, какъ нельзя лучше олицетворяющіе въ политикѣ извѣстный Некрасовскій стихъ: «Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ», преспокойно сидятъ на своихъ болѣе или менѣе тепленькихъ мѣстечкахъ и усердно, страха ради іудейска, лижутъ руку мадьярской правительственной власти, бичующую Русь. Всякому искреннему русскому человѣку, не потерявшему здраваго смысла и совѣсти, предоставляемъ самому судить: кто именно надлежащимъ образомъ служить своему народу, и кто именно заслуживаетъ признательности всего русскаго народа, галиційская ли украинофильская интеллигенція или же угорская великоруссофильская интеллигенція? Не говоря уже о томъ, что Галиція съ Буковиной заключаютъ въ себѣ 3¹/₂ милліона русскаго народа, Угорщина же всего ¹/₂ милліона, вслѣдствіе чего галицко-русская интеллигенція несравненно, конечно, численнѣе угрорусской, по существу дѣла нельзя не видѣть, что эта послѣдняя, являясь, съ одной стороны, низкимъ рабомъ въ отношеніи Венгріи, является, съ другой, подлымъ лакеемъ въ отношеніи Россіи, ожидающимъ, что вотъ-вотъ пріѣдетъ баринъ и наградитъ его за его скрытое и извортливое лакейское усердствованіе при полномъ бездѣльничаньи. Если мы остановились нѣсколько пространно, быть можетъ, на общей характеристикѣ интеллигенцій галицкорусской и угрорусской, то потому именно, что эти ихъ типическія черты и основныя качества въ лицѣ ихъ духовенства на американской почвѣ сказываются на каждомъ шагу, опредѣляя многія явленія жизни американской Руси. Не мѣшаетъ къ этому прибавить, что въ то время, какъ галиціе украинофильствующіе интеллигенты сплошь и рядомъ сошлутся въ разговорѣ съ вами на Льва Толстого, приведутъ вамъ стихъ изъ Пушкина, Лермонтова или Некрасова, спросятъ васъ о состояніи народнаго образованія въ коренной Россіи и т. д., угрорусскіе великоруссофильствующіе интеллигенты понятія не имѣютъ о русской литературѣ, допытываются у васъ, на сколько богата Россія, и какіе оклады получаютъ чиновники и духовенство и т. д. Для насъ подобное руссофильство представляется положительно оскорбительнымъ: здѣсь нѣтъ и слѣда той вѣры въ русскій народъ и его великую будущность, какимъ одушевлено галицкое украинофильство, а есть лишь вѣра въ русскій штыкъ и русскій рубль.

II.

Итакъ, починъ организациі американской Руси вышелъ изъ Руси галицкой. Митрополитъ галицкій, Сильвестръ Сембратовичъ, тотчасъ отозвался на ходатайство русской общины въ Шенандоа,

и въ концѣ того же 1884 года просимый священникъ въ лицѣ отца Ивана Волянскаго находился уже въ пути въ Америку, снабженный митрополичьими грамотами, свидѣтельствомъ и рекомендательными письмами къ властямъ штата Пенсильваніи. Прибывъ въ Новый Свѣтъ, отецъ Волянскій отправился прежде всего въ главный городъ этого штата, Филадельфію, чтобы представиться тамошнему римско-католическому архіепископу Райну. Такъ какъ отецъ Волянскій былъ первымъ греко-католическимъ священникомъ, появившимся на американскомъ материкѣ, и не имѣлъ здѣсь надъ собою никакой высшей власти церковной, которой, скажемъ кстати, не существуетъ и до сего времени, то единственнымъ для него исходомъ изъ такого не совсѣмъ обыкновеннаго положенія было представленіе мѣстному главѣ той церкви, въ униі съ которой состоитъ русская греко-католическая церковь, то-есть церкви римско-католической. За отсутствіемъ архіепископа Райна изъ его резиденціи, первый русскій греко-католическій священникъ, появившійся въ Новомъ Свѣтѣ, принять былъ генеральнымъ викаріемъ и епископскимъ секретаремъ. Пересмотрѣвъ бумаги новопривышаго священника, они признали ихъ достаточными, но какъ-то въ разговорѣ съ нимъ, узнавъ, что онъ женатъ и прибылъ вмѣстѣ съ женой, епископскій генеральный викарій съ епископскимъ секретаремъ содрогнулись отъ ужаса, пришли въ неопредѣлимое негодованіе, мгновенно оборвали съ нимъ всякія объясненія и потребовали, чтобы онъ немедленно удалился изъ Америки. По той же причинѣ архіепископъ Райнъ, возвратясь въ Филадельфію, не пожелалъ даже принять новопривышаго необыкновеннаго священника. Однако, отецъ Волянскій, понимая, что онъ, какъ священникъ самостоятельнаго обряда, не нуждается ни въ какой иной юрисдикціи, кромѣ исходящей отъ его греко-католическаго митрополита во Львовѣ, какой онъ и былъ снабженъ, рѣшился пойти напроломъ. Изъ Филадельфіи отправился онъ прямо къ мѣсту своего назначенія, въ Шенандоа, и здѣсь обратился прежде всего къ польскому ксендзу съ просьбой предоставить ему свой костель для совершенія въ немъ русскихъ греко-католическихъ богослуженій. Получивъ отказъ, въ которомъ, скажемъ кстати, совершенно нельзя винить польскаго ксендза, находящагося въ полнѣйшей зависимости отъ американскаго римско-католическаго епископа, обыкновенно ирландца и изряднаго невѣжды, отецъ Волянскій нанялъ себѣ залу, предназначенную для разнаго рода митинговъ, и въ ней отправилъ первое русское греко-католическое богослуженіе въ предѣлахъ Новаго Свѣта. Богослуженіе это было вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ славянскимъ богослуженіемъ въ Пенсильваніи, и горы и долины этой новой отчины Руси и славянства впервые услышали тогда славянскую молитву и славянское пѣнопѣніе, ибо, хотя еще съ конца прошлаго столѣтія существуетъ въ Сѣверной Америкѣ русская православная

епархія, но, состоя главнѣйшимъ образомъ изъ разныхъ инородцевъ, населяющихъ западные штаты, она, естественно, не внесла еще тогда русскаго православнаго богослуженія въ штаты наиболѣе восточные, а въ томъ числѣ и въ прекрасную Пенсильванію. Къ этому первому въ ея предѣлахъ славяно-русскому богослуженію съѣхалось не мало галицкихъ и угорскихъ русиновъ изъ разныхъ мѣстностей западныхъ штатовъ, отъ города Шенандоа болѣе или менѣе отдаленныхъ. Сердца этого отпрыска русскаго народа, впервые услышавшаго на вольной землѣ Америки свое богослуженіе, преисполнились неописанной радости: большая часть его плакала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ этотъ явился первичнымъ зародышемъ организациі русскаго народа въ предѣлахъ великой сѣвероамериканской республики.

Здѣсь мы невольно сталкиваемся съ немаловажнымъ вопросомъ о роли русскаго церкви въ объединеніи и организациі русскаго народа. Не касаясь роли этой въ предѣлахъ Россіи, откуда эмиграціи русскаго народа въ Америку вовсе почти не существуетъ, обратимся къ разсмотрѣнію роли этой въ предѣлахъ Австро-Венгріи, то-есть въ трехъ земляхъ русскихъ — восточной Галиціи, Буковинѣ и Угорской Руси. На Буковинѣ русское народное движеніе и его средоточіа, русскія народныя читальни, находятся, къ сожалѣнію, въ открытой войнѣ съ мѣстной русскою церковью, которая есть церковь православная. Справедливость и обязанности объективнаго изслѣдователя вынуждаютъ насъ сказать, что войну эту вызвала сама же буковинская русская церковь своими деспотическими поползновеніями и обскурантскими замашками. О народноорганизационной роли угрорусской униатской церкви отчасти можно было бы уже сдѣлать довольно определенныя заключенія изъ предшествующаго изложенія нашего. Здѣсь мы приведемъ кое-какіе факты, которые для такихъ выводовъ даютъ основанія вполне определенныя. Въ 1885 году въ Бережанскомъ комитатѣ Венгріи, сплошь почти русскомъ, мадьярскіе шовинисты образовали общество съ спеціальной цѣлью мадьяризовать русскій народъ. На первое общее собраніе этого общества, происходившее въ 1886 году, явилось 100 человекъ и изъ нихъ оказалось: нѣмцевъ 6, мадьяръ 44 и 50 — кого бы вы думали? — угрорусскихъ священниковъ. Общее собраніе это постановило подать управленію комитата петицію объ установленіи на цѣли его налога съ мѣстнаго населенія, въ размѣрѣ одного крейцера съ одного гульдена существующихъ налоговъ, то-есть, точнѣе говоря, ходатайствовать предъ мѣстнымъ правительствомъ объ обложеніи русскаго народа на предметъ покрытія расходовъ, потребныхъ на его же омадьяреніе. И въ подобной, прямо цинической выходкѣ на 44 мадьяра участвуютъ 50 русскихъ и притомъ именно священниковъ! Высшее духовенство угрорусское разсылаетъ разные свои циркуляры подвѣдомственнымъ ему русскимъ духовнымъ учрежденіямъ и лицамъ на языкѣ:

мадьярскомъ и на этомъ же языкѣ предписываетъ послѣднимъ вести метрики. Такова значительно бѣльшая часть угрорусскаго духовенства, меньшая же отличается отъ бѣльшей лишь тѣмъ, что изрѣдка пошлетъ втихомолку въ какое либо петербургское или московское изданіе жалобную корреспонденцію объ угнетеніи русскихъ мадьярами. Представляется очевиднымъ, что никакой организаціонной роли въ бытіи народномъ угрорусская униатская церковь имѣть не можетъ. Что касается Руси галицкой, то въ ней, подобно тому, какъ и на Буковинѣ, все русское культурное движеніе сосредоточилось въ народныхъ читальняхъ, отъ церкви совершенно отдѣльныхъ и даже этой послѣдней враждебныхъ настолько, насколько признается она интеллигенціей виновной въ эксплуатаціи народа и поддержаніи его темноты. Лишь на самыхъ западныхъ окраинахъ галицкой Руси, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ мазурами, группируется русскій народъ вокругъ тамошней своей греко-католической церкви, и здѣсь русскія народныя читальни и иныя просвѣтительныя учрежденія связаны съ этой церковью. Не смотря, однако, на то, что на всемъ почти пространствѣ австро-угорской Руси, за исключеніемъ лишь мѣстностей, прилегающихъ къ польской Мазуріи, церковь русская не только не является уже въ настоящее время культурно-просвѣтительнымъ факторомъ въ общественной жизни русскаго народа, но даже находится съ современнымъ русскимъ народно-просвѣтительнымъ движеніемъ въ большемъ или меньшемъ антагонизмѣ,—эта самая церковь на почвѣ свободной Америки становится сразу факторомъ просвѣщенія, объединенія и организаціи отпрысковъ этого же народа, переброшенныхъ за океанъ. Для объясненія этого явленія слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что наши европейскія представленія объ американской свободѣ и американскомъ свободомысліи, какъ и многія другія представленія объ американскомъ общественномъ бытіи вообще, представляются совершенно невѣрными. Въ этой «free country» (свободной странѣ) церковь имѣетъ еще такое значеніе, какимъ не пользуется уже нигдѣ почти въ Европѣ, и духовенство пользуется еще такимъ вліяніемъ, о какомъ и не мечтаетъ уже въ Старомъ Свѣтѣ. Такимъ образомъ, возрожденіе того вліянія русской церкви на русскій народъ, которое ею въ мѣстахъ прежняго населенія этого народа было уже потеряно, напло себѣ на почвѣ Америки условія самыя благопріятныя. Далѣе, какъ мы указали уже, галицко-русская эмиграція въ Америку исходитъ преимущественно изъ Лемковщины, а лемки изъ всей Галицкой Руси стоятъ на самой низкой степени просвѣщенія и цивилизаціи, такъ что даже значительное большинство эмигрантовъ въ Америку не умѣетъ ни читать, ни писать. Слѣдуетъ затѣмъ принять во вниманіе, что въ народѣ русскомъ сильно еще чувствуется нравственная потребность въ религіи и обрядахъ. Уже сама эта потребность

въ связи съ малокультурностью и непросвѣщенностью эмигрантовъ, и положеніемъ церковности въ самой Америкѣ, были общественными факторами, совершенно достаточными для возстановленія прежняго, стародавняго значенія русской церкви въ жизни народной. Но имѣются еще и другіе факторы, дѣйствующие въ томъ же направленіи. Удаленный отъ родины, заброшенный на чужбину, переброшенный за океанъ, чувствуетъ человѣкъ какое-то тоскливое тяготѣніе къ родимому краю, и все то, къ чему привыкъ онъ тамъ съ ранняго дѣтства, пріобрѣтаетъ въ глазахъ его какую-то неизъяснимую прелесть. Этотъ славяно-русскій обрядъ, именно вслѣдствіе своей народности столь близкій и дорогой массамъ народнымъ, здѣсь за океаномъ, среди этого моря непонятныхъ словъ и чуждыхъ звуковъ, этого простого русскаго человѣка начинаетъ въ особенности тянуть къ себѣ, и такимъ образомъ его потребность въ церкви и ея религиозныхъ отправленіяхъ въ нѣсколько разъ увеличивается. Долгое еще время, по своемъ прибытіи въ Новый Свѣтъ, не понимая совершенно общеупотребительной англійской рѣчи, оторванный отъ всѣхъ путей и способовъ просвѣщенія и умственнаго развитія, этотъ малорусскій селянинъ, превратившійся вдругъ въ американскаго рабочаго, естественно и неизбежно въ своей русской церкви ищетъ и просвѣщенія, и утѣшенія, и соединенія со своими братьями, тѣмъ же бездольемъ загнанными за океанъ. Если бы галицко-русская интеллигенція стала искать способовъ организациі части своего народа, удалившейся за океанъ, для спасенія его отъ совершенно безпомощнаго состоянія въ новомъ отечествѣ и постепеннаго одичанія, то при всемъ ея стараніи она не нашла бы первоначально никакого иного, болѣе соотвѣтственнаго и дѣйствительнаго, средства концентраціи и объединенія Американской Руси, какъ русская церковь. Однако и эта послѣдняя, объединяя эту Русь, разбросанную на громадной территоріи, приняла и усвоила себѣ всѣ тѣ принадлежности и черты свѣтскаго просвѣщенія, какими отличаются какъ русскія читальни въ Галичинѣ, такъ и церковность въ Америкѣ вообще, такъ что американская русская церковь отличается во многомъ отъ церкви по всей Малоруси вообще, то-есть какъ православной, такъ и греко-католической, или униатской.

Руси православной, т. е. Руси изъ Россіи и австрійской Буковины, въ Америкѣ совсѣмъ почти не существуетъ, и, такимъ образомъ, Русь представлена здѣсь Русью униатской изъ Австро-Венгріи. Изъ этой послѣдней эмиграція въ Америку началась, какъ мы упоминали уже, первоначально изъ Угорщины. Такъ какъ національнаго самосознанія среди народа угрорусскаго, не смотря на жалобы ничтожной доли угрорусской интеллигенціи въ петербургскія и московскія газеты, вовсе почти нѣтъ, и прибывшіе въ Америку угроруссы именуютъ себя «гунгарами», то въ первое десятилѣтіе этой

русской эмиграціи болѣе старое населеніе восточныхъ штатовъ не имѣло никакого понятія ни о національности новоприбывшихъ, ни тѣмъ болѣе о ихъ вѣроисповѣданіи и сущности ихъ обряда. Необходимо замѣтить здѣсь, что хотя православная церковь, являющаяся первообразомъ греко-католической, или уніатской, почти восемьдесятъ лѣтъ существовала уже въ Сѣверной Америкѣ до начала русской эмиграціи въ эту послѣднюю изъ Австро-Венгріи, но движеніе православія началось на американскомъ континентѣ съ Алеутскихъ острововъ, съ западной его стороны, т. е. со стороны совершенно противоположной той, въ какую движется и прибываетъ вышеупомянутая русская эмиграція и славянская эмиграція вообще, равно какъ и вся эмиграція изъ Старога Свѣта. Независимо отъ сего, распространеніе православія, обнимая исключительно почти инородцевъ западной части американскаго материка, въ теченіе этихъ восьмидесяти лѣтъ не достигло еще штатовъ наиболѣе восточныхъ и въ томъ числѣ Пенсильванія, ставшей средоточіемъ славянства на другомъ полушаріи земли. Довольно естественно поэтому, что появленіе въ этомъ штатѣ священника съ женой вызвало всеобщее изумленіе американцевъ, ибо они до тѣхъ поръ не имѣли представленія о существованіи какого-то непротестантскаго обряда, позволяющаго священнику жениться. Какъ и слѣдовало ожидать, невѣжество и нетерпимость римско-католическаго духовенства, порождаемая крайней односторонностью получаемого имъ образованія, не преминули воспользоваться подобнымъ невѣдѣніемъ американскаго населенія въ видахъ возбужденія его противъ новоприбывшаго представителя греко-католической церкви, появленіе котораго съ женой признавалось духовенствомъ этимъ великимъ «соблазномъ». На представленія католическихъ священниковъ города Шенандоа по этому предмету архіепископъ Райнъ обратился къ нимъ съ архипастырскимъ посланіемъ, которое и было прочтено имъ всенародно съ проповѣдническихъ кафедръ трехъ мѣстныхъ костеловъ; посланіемъ этимъ воспрещалось католикамъ, подѣ страхомъ отлученія отъ церкви, присутствовать при русскомъ греко-католическомъ богослуженіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ воспрещено было самому русскому греко-католическому священнику о. Волянскому появляться въ римско-католическихъ костелахъ. Католическіе священники всей окрестности трактовали его, какъ вѣроотступника и обманщика. Представители высшей римско-католической власти церковной въ Америкѣ первоначально и слышать не хотѣли о допущеніи утвержденія греко-католической церкви въ Новомъ Свѣтѣ. Будучи, однако, поставлены въ необходимость примириться съ существующимъ фактомъ, къ устраненію котораго не представлялось никакой возможности, эти католическія церковныя власти стали лишь помогать самымъ настоятельнымъ образомъ, чтобы прибывшій въ Америку въ особѣ о. Волянскаго первый греко-католическій священникъ былъ отозванъ и замѣненъ другимъ

неженатымъ. Американскія газеты уже помѣстили было даже извѣстія о томъ, что о. Волянскаго рѣшено отозвать. Однако, и это домогательство римско-католическаго фанатизма и обскурантизма разбилось о рѣшимость галицкаго митрополита Сембратовича защищать и охранять права, признанныя за русскою церковью актомъ уніи ея съ римскимъ престоломъ. Весьма много содѣйствовали какъ рѣшимости митрополита, такъ стойкости о. Волянскаго въ столь неравной борьбѣ американскіе законы и американское общественное мнѣніе. Недоумѣніе, вызванное первоначально появленіемъ протестантскаго женатаго священника, вскорѣ прошло и замѣнилось серьезнымъ вниманіемъ какъ къ особѣ новоприбывшаго, такъ и къ представляемому имъ обряду. Видя въ немъ человѣка, отзывчиваго на нужды своего народа, непрерывно трудящагося для блага его, весьма симпатичнаго и, сверхъ всего этого, «высокообразованнаго джентльмена», американская публика очень скоро стала на его сторону. Инициаторами этого движенія американскаго общественнаго мнѣнія, первоначально въ Шенандоа и его окрестностяхъ, въ пользу о. Волянскаго были американизовавшіеся славянскіе элементы и болѣе всего поляки. Нечего и говорить уже о томъ, что русская община города Шенандоа, по ходатайству которой онъ былъ сюда высланъ, привязалась къ нему безгранично. Найдя себѣ точку опоры, равно какъ и нравственное удовлетвореніе въ этомъ всеобщемъ сочувствіи американскаго общества, первый русскій греко-католическій священникъ на континентѣ Америки, не дожидаясь официальнаго его признанія, серьезно принимается за дѣло организациіи своего народа.

III.

Прежде всего представлялась необходимость выстроить церковь. На добровольныя пожертвованія покупаетъ о. Волянскій довольно обширное мѣсто въ городѣ Шенандоа и приступаетъ къ постройкѣ на немъ русской греко-католической церкви. Будучи единственнымъ русскимъ греко-католическимъ священникомъ въ Америкѣ и имѣя вслѣдствіе этого приходъ необычайныхъ размѣровъ, о. Волянскій находился въ непрерывныхъ разъѣздахъ, а такъ какъ постройка церкви велась подъ его личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ, то она естественно нѣсколько затянулась. Независимо отъ сего, объѣзжая свой огромный приходъ для исполненія церковныхъ требъ, о. Волянскій собиралъ отъ прихожанъ своихъ пожертвованія на построеніе церкви, безъ накопленія которыхъ продолженіе этого послѣдняго было невозможно, что въ свою очередь вызывало нѣкоторыя въ немъ задержки. Однако, въ первой половинѣ 1886 года русская греко-католическая церковь въ Шенандоа была уже совершенно готова. Такимъ образомъ, въ минувшемъ году исполнилось

всего лишь десять лѣтъ, какъ появилась въ Америкѣ первая русская греко-католическая церковь. Русскій народъ въ Пенсильваніи поговариваетъ, что на постройку ея собрано было столько долларовъ, что изъ нихъ можно было бы выстроить всю церковь отъ верху до низу. Значительная часть этихъ средствъ пошла на основаніе при церкви различныхъ русскихъ народныхъ учреждений.

Тотчасъ по окончаніи церкви пришлось озаботиться покупкой мѣста въ Шенандоа же подъ русское греко-католическое кладбище и устройствомъ этого послѣдняго. Хотя подобное предпочтеніе заботы о погребеніи мертвыхъ всѣмъ инымъ заботамъ о Руси живой можетъ показаться страннымъ, но странность эта объясняется погребеніемъ здраваго смысла и способности разсужденія въ средѣ римско-католическаго духовенства, которое даже на почвѣ свободной Америки не отрѣшилось нисколько отъ своего фанатизма и разнуданнаго своеволія. Не смотря на то, что о. Волянскій былъ, наконецъ, официально признанъ русскимъ греко-католическимъ священникомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, римско-католическіе священники, не взирая на буквальныя требованія и предписанія акта извѣстной Брестской церковной уніи 1596 года и папскія буллы, на нихъ основанныя и ихъ подтверждающія, не только отказывались сами хоронить умершихъ русиновъ, къ погребенію которыхъ не могъ за отдаленностью прибыть своевременно единственный на всю Америку греко-католическій священникъ, но даже не давали имъ мѣста на своихъ католическихъ кладбищахъ. Вслѣдствіе подобнаго циническаго своеволія римско-католическихъ священниковъ русскіе покойники цѣлыми недѣлями ожидали погребенія, пока не будетъ раздобыто мѣсто для ихъ вѣчнаго упокоенія на какомъ либо протестантскомъ или кальвинскомъ кладбищѣ. Само собою разумѣется, что съ устройствомъ русскаго кладбища въ Шенандоа всѣ эти затрудненія и неудобства, порождаемыя тяжкимъ церковно-общественнымъ умопомраченіемъ римско-католическаго духовенства, не были еще вполнѣ устранены, ибо приходилось иногда провозить покойника до этого единственнаго еще тогда русскаго кладбища изъ мѣстностей весьма отдаленныхъ, лежащихъ въ 400 и болѣе англійскихъ миляхъ отъ Шенандоа.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Америкѣ, среди совершенно новыхъ условій общественной жизни, среди множества новыхъ и весьма сильныхъ культурно-общественныхъ вліяній, потребность въ извѣстномъ обрядѣ въ каждомъ народѣ можетъ постепенно совершенно затеряться. Если бы вы захотѣли въ какомъ либо большомъ американскомъ городѣ, хотя бы, на примѣръ, въ Нью-Йоркѣ, понаблюдать за публикой, выходящей изъ болѣе или менѣе значительныхъ костеловъ, то убѣдились бы, что въ числѣ посѣтителей этихъ послѣднихъ имѣется не мало католиковъ-славянъ и въ частности поляковъ, хотя имѣется въ Нью-Йоркѣ и костель специально польскій.

Эти лица славянскихъ народностей, вовсе не принадлежащія въ огромнѣйшемъ большинствѣ къ интеллигентному классу общества, совершенно утратили уже потребность въ своемъ католическомъ богослуженіи сверхъ латинской его части слышать молитвословія и пѣснопѣнія на своемъ народномъ языкѣ и отправляются къ богослуженію просто въ костель ближайшій, гдѣ слышатъ тоже молитвословія и пѣснопѣнія на языкѣ англійскомъ или нѣмецкомъ. Конечно, обрядъ православный или уніатскій, обрядъ сплошь славянскій, равно какъ сплошь славянскій обрядъ римско-католическій, поневолѣ допущенный папами на далматинскомъ побережьѣ Балканскаго полуострова, откуда также имѣются въ Америкѣ переселенцы, не можетъ здѣсь затеряться, но не подлежитъ сомнѣнію, что, втеченіе многихъ лѣтъ его здѣсь не видя и не слыша, исповѣдующія означенныя религіи лица славянскихъ народностей могутъ и отъ этого совершенно самобытнаго славянскаго своего обряда вовсе отвыкнуть. Поэтому, если галицкій митрополитъ Сембратовичъ, при отправленіи въ исходѣ 1884 года о. Волянскаго въ Америку, смотрѣлъ на него, какъ на миссіонера русскаго греко-католическаго исповѣданія въ Новомъ Свѣтѣ, и далъ ему инструкціи въ этомъ смыслѣ, а равно и самъ отправленный понималъ свою дѣятельность, какъ въ извѣстной степени миссіонерскую, то оба они понимали положеніе дѣла совершенно правильно. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ до прибытія о. Волянскаго въ Америку русины греко-католики ходили въ англійскіе, нѣмецкіе и польскіе римско-католическіе костелы, и всѣ для нихъ требы исполнялись римско-католическими священниками этихъ послѣднихъ, чѣмъ собственно и объясняется ихъ походъ противъ о. Волянскаго и вопли о «соблазнѣ», производимомъ привезенной имъ съ собой женой. Дѣло шло, конечно, не столько о допущеніи на американскій континентъ новой разновидности католической церкви, отягченной соблазнительнымъ атрибутомъ въ видѣ жены священнической, сколько объ утратѣ извѣстной части довольно солидныхъ таки доходовъ. Правда, были и тогда уже случаи, что русинъ-уніатъ, попавъ какъ нибудь случайно на русское православное богослуженіе, пораженный и восхищенный совершенной почти тождественностью обряда, нимало не задумываясь, приставалъ, такъ сказать, къ православной церкви, вовсе не сознавая даже своего фактическаго перехода въ иное вѣроисповѣданіе. Но случаи такіе имѣли мѣсто исключительно почти въ западныхъ и срединныхъ штатахъ и были тогда вообще весьма рѣдки. Въ общемъ русскіе греко-католики наполняли собой польскія, словацкія и мадьярскія церкви и церковно-народныя учрежденія.

Смотря на себя, какъ на миссіонера русской греко-католической церкви въ Америкѣ, обязаннаго вмѣстѣ съ тѣмъ создать здѣсь русскія церковно-народныя учрежденія, о. Волянскій объѣзжалъ неутомимо восточныя штаты и, разнося всюду вѣсть объ открытіи въ

Шенандоа русскаго греко-католическаго прихода и исполняя разныя требы, собиралъ вмѣстѣ съ тѣмъ добровольныя пожертванія на нужды церковныя и церковно-народныя. Городъ Шенандоа, расположенный въ глубинѣ Пенсильваніи и ровно ничѣмъ отъ иныхъ уѣздныхъ (по нашей терминологіи) городовъ этого штата не отличающійся, сталъ такимъ образомъ въ то время центромъ и средоточіемъ всей русской церковной, а также и народной жизни, въ восточныхъ штатахъ. Такъ какъ такимъ образомъ потребность въ русскомъ обрядѣ, разъ пробудившаяся въ этихъ отпрыскахъ русскаго народа, переброшенныхъ за океанъ, быстро возростала, а вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно прибывали изъ Галичины и Угорщины все новыя и новыя группы русскихъ эмигрантовъ, то русскія общины въ городахъ Jersey City (лежитъ какъ разъ противъ Нью-Йорка по другую сторону рѣки Гудзона), Kingston, Freeland, Shamokin и Minneapolis (эти всѣ четыре расположены въ Пенсильваніи), руководствуясь примѣромъ русской общины города Шенандоа, также стали строить свои русскія греко-католическія церкви, подъ наблюдениемъ того же о. Волянскаго. Дѣятельность столь обширная и, какъ мы увидимъ ниже, довольно разносторонняя превышала, однако, силы одного человѣка, и онъ попросилъ себѣ помощи изъ Галиціи. Весной 1887 года присланы были ему въ помощь два лица: священникъ Зенонъ Ляховичъ (неженатый) и студентъ Львовскаго университета, членъ «Академическаго Братства», Владимиръ Сѣменовичъ. Такъ какъ до 1892 года, когда возникла въ Пенсильваніи первая крупная русская церковно-народная организація подъ именемъ «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ», вся русская народно-общественная жизнь въ восточной части Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ сосредоточивалась исключительно въ церковно-народныхъ и народныхъ учрежденіяхъ, возникшихъ въ Шенандоа и руководимыхъ вышеупомянутыми тремя лицами, то намъ приходится поневолѣ остановиться на этихъ учрежденіяхъ и ихъ дѣятельности.

IV.

При церкви въ Шенандоа возникло прежде всего, конечно, братство церковное, наименовавшее себя именемъ св. Николая. Бовсе не имѣя характера чисто церковнаго, оно явилось скорѣе обществомъ взаимопомощи, состоявшимъ изъ лицъ одной народности и одного исповѣданія, и лишь въ 1892 году, когда братство это въ числѣ многихъ другихъ вошло въ составъ «соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ», распространился на него общій уставъ, созданный для братствъ, принадлежащихъ къ «соединенію» и придавшій ему болѣе церковный характеръ. До того же времени шенандоаское русское братство принимало участіе въ свѣтскихъ торжествахъ. Такъ, въ

день 4-го іюля, день провозглашенія независимости Соединенныхъ Штатовъ, оно принимало обыкновенно участіе въ городскомъ парадѣ и давало въ городскомъ паркѣ пикникъ на общественныя цѣли.

Затѣмъ учреждена была въ Шенандоа для русскаго народа русская школа. Всѣ школьныя руководства были доставлены изъ Галиціи. Въ школѣ этой обучалъ первоначально вышепомянутый студентъ Сѣменовичъ и обученіе это велъ по новѣйшей методѣ, такъ что приблизительно въ два мѣсяца выучивалъ, какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ, читать и писать порусски и дѣлать элементарныя арифметическія вычисленія.

Далѣе учреждена была русская народная читальня, при которой въ видѣ особаго отдѣла основана была библіотека для русской интеллигенціи въ Америкѣ вообще. Для этой русской читальни и состоящей при ней библіотеки извѣстное галицко-русское народное просвѣтительное общество «Просвѣта» подарило всѣ свои многочисленныя изданія. Определенный комплектъ книгъ, ими составленный, постепенно пополнялся путемъ покупокъ и добровольныхъ пожертвованій.

Затѣмъ устроена была въ Шенандоа и русская типографія. Шрифтъ для нея доставленъ былъ русской типографіей имени Шевченка во Львовѣ, по просьбамъ отца Волянскаго. Этотъ неутомимый русскій греко-католическій священникъ, лишь въ началѣ 1885 года прибывшій въ Америку, сдѣлавъ столь много для организаціи русскаго народа въ Новомъ Свѣтѣ, уже въ августѣ 1886 года получивъ русскіе шрифты изъ Львова, принимается за изданіе русской газеты. Ставъ самолично и сотрудникомъ, и редакторомъ, и корректоромъ, и наконецъ наборщикомъ, отецъ Волянскій начинаетъ издавать въ Шенандоа русскую двухнедѣльную газету подъ наименованіемъ «Америка». Руководящимъ принципомъ газеты этой, объявленнымъ въ первыхъ же ея нумерахъ, являлось «многочисленныхъ пребывающихъ въ Америкѣ русиновъ, широко и далеко разбросанныхъ, объединять въ одно общество, одну общую русскую семью». Конечно, «Америка» страдала большими недостатками какъ со стороны чисто литературной, такъ и со стороны технической, типографской. Тѣмъ не менѣе, однако, на читателей своихъ оказывала она большое вліяніе, сказавшееся наисущественнѣйшимъ образомъ въ томъ, что именно подъ воздѣйствіемъ ея статей русская община въ Шенандоа заложила во второй половинѣ 1887 года русское работническое общество подъ наименованіемъ «Рыцарі праці» (Рыцари труда).

Издавна существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки огромное работническое общество «Рыцарей труда» (Knights of labour), цѣлью котораго является, само собою разумѣется, помощь работникамъ вообще и въ частности организованіе ихъ въ моменты необходимости борьбы противъ злоупотребленій капиталистовъ. Приискивая членамъ своимъ работу, покровительствуя имъ и ихъ опекая,

это рабочее общество выдаетъ имъ всѣмъ пособіе во время стачекъ, а также каждому въ отдѣльности въ случаѣ болѣзни, въ случаѣ же смерти кого либо изъ членовъ его семья покойника получаетъ, кромѣ суммы, необходимой для погребенія, единовременное пособіе въ размѣрѣ 500 долларовъ. По образцу этого всеобщаго американскаго рабочнаго общества учредилось, конечно, и пенандоаское русское рабочнее общество того же имени и тотчасъ же присоединилось, конечно, къ общему союзу отдѣльныхъ вѣтвей этого общества. Инициаторами учрежденія русскихъ «Рыцарей труда» были священники Волянской и Ляховичъ, изъ которыхъ первый избранъ былъ председателемъ новообразованнаго общества, а послѣдній замѣстителемъ председателя. Не прошло и полугода, какъ русскимъ «Рыцарямъ труда» пришлось выступить въ жестокой бой.

Въ самомъ началѣ 1888 года рабочіе по всей почти Пенсильваніи произвели стачку. Русская двухнедѣльная газета «Америка», единственная въ то время не только въ Пенсильваніи, но и въ восточныхъ штатахъ вообще, обратилась къ своимъ читателямъ, исключительно почти американскимъ рабочимъ русской народности, съ ниже слѣдующимъ воззваніемъ:

«Пришла черга і на нашъ нарід показати передъ цілимъ свѣтомъ, передъ цілою Америкою, що в нашемъ народі жиє духъ сильной, духъ рыцарской. Эдність, брата, добра мисль і надія на Бога повинні нас одушевляти і додавати намъ сили до витревалости. Братя «Рыцарі Праці» приняли насъ до своего товариства в тій надіі, що знайдуть въ нашімъ народі підпору; стараймось отже не зганьбити нашу честь, а противно словомъ і діломъ додаваймо собі відваги, а мусить чи скорше чи піанійше прийти часъ, коли слугиністви правда поборе несправедливість» (1887 года № 20—«Америка» выходила по старому стилю, почему въ самомъ началѣ 1888 года вышелъ еще ея предпослѣдній номеръ за годъ, уже истекшій по новому стилю).

Воззваніе это не осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь. Напротивъ, русскіе рабочіе въ Шенандоа и его окрестностяхъ, еще и ранѣе до открытія русскаго отдѣленія рабочаго союза «Рыцарей труда», всегда примыкавшіе къ стачкамъ американскихъ рабочихъ, на этотъ разъ выступая впервые въ качествѣ «Рыцарей труда», отличились особой энергіей и выносливостью. Въ самомъ Шенандоа стачка вызвала между прочимъ значительныя безпорядки. Однажды полиція арестовала одного русина. Тотчасъ налетѣли рабочіе, попреимуществу русины, и мигомъ отбили арестованнаго. Нѣсколько дней спустя, та же шенандоаская полиція арестовала одного литвина. Арестъ этотъ, произведенный безъ всякихъ основаній, до такой степени возмутилъ мѣстныхъ рабочихъ, что они большой толпой напали на судъ, и обративъ судью въ бѣгство, освободили невинно арестованнаго. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что американское правосудіе—самое подлое и отвратительное и составляетъ самую слабую и грустную

сторону американскаго общественнаго бытія, почему нападеніе на судъ, поддерживающій злоупотребленія капиталистовъ и полицейское своеволие, состоящее на послугахъ у этихъ послѣднихъ, не представляетъ здѣсь вовсе столь тяжкаго и исключительнаго преступленія, какимъ является оно въ Европѣ, обладающей, слава Богу, судомъ относительно благоустроеннымъ, независимымъ и правдивымъ, съ какимъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе подлое и продажное американское правосудіе, столь искусившееся въ выискиваніи разныхъ «крючковъ» среди не систематизированнаго и хаотическаго законодательства англійскаго и англоамериканскаго. Само собою разумѣется, что органы американскихъ капиталистовъ не замедлили воспользоваться вышеприведенными безпорядками и всю вину въ нихъ, не смотря на то, что они были вызваны исключительно своеволіемъ такъ называемой угольной полиціи, свалили на русиновъ, поляковъ, словаковъ и литвиновъ, стараясь доказать, что все это учинено распущенными славянскими рабочими, а не рабочими американцами, болѣе образованными и упорядоченными. Тогда редакція русской «Америки» совмѣстно съ редакціей литовской газеты «Lietuwiszkas Balsas», выходившей также въ Шенандоа, созываютъ вѣче изъ вышепомянутыхъ четырехъ народностей, состоявшееся во второй половинѣ февраля (по новому стилю). На вѣчѣ этомъ, на которое явилось также немало и американцевъ, выступилъ первымъ ораторомъ г. Галичеръ, директоръ народныхъ училищъ въ Шенандоа, и объяснилъ имъ цѣль собранія, а затѣмъ говорили послѣдовательно ораторы русскій, литовскій, польскій и словацкій. Составлена и прочтена въ томъ же порядкѣ на всѣхъ этихъ четырехъ языкахъ, отъ имени собравшихся 2,000 человекъ, резолюція, которая, не одобряя вообще безпорядковъ, протестовала вмѣстѣ съ тѣмъ противъ утвержденія капиталистическихъ органовъ, будто бы въ нихъ принимали участіе исключительно лишь лица означенныхъ народностей, и они же дали къ нимъ поводъ, и требовала удаленія угольной полиціи изъ города, ибо въ противномъ случаѣ безпорядки могутъ повториться. Такимъ путемъ протестовали по инициативѣ русской газеты «Америка» три славянскихъ и литовская народности противъ недобросовѣстныхъ обвиненій, на нихъ взведенныхъ капиталистической журналистикой, не разборчивой въ средствахъ служенія мамонъ крупнаго капитала.

Въ половинѣ 1887 года, то-есть всего черезъ два года съ небольшимъ по прибытіи отца Волянскаго въ Америку и всего лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи туда отца Ляховича и г. Съменовича, учредилось въ Шенандоа русское драматическое общество подъ наименованіемъ «Little-Russian Dramatic Company». Общество это дало рядъ малорусскихъ спектаклей, въ общемъ исполненныхъ удовлетворительно и во всякомъ случаѣ доставившихъ русскимъ рабочимъ, уровень требованій которыхъ не настолько высокъ, огромное художественно просвѣтительное наслажденіе. Оно рассчитывало

даже совершить артистическое путешествіе по всѣмъ русскимъ колоніямъ Соединенныхъ Штатовъ, но это благое намѣреніе по разнымъ причинамъ не могло состояться.

Наконецъ, въ исходѣ того же 1887 года, незадолго до вышеописанной большой рабочей стачки и вызванныхъ ею беспорядковъ, составила въ томъ же городѣ Шенандоа изъ наиболѣе зажиточныхъ русиновъ русская коммерческая компанія и, сложивъ капиталъ около 25 тысячъ долларовъ, завела въ городахъ Шенандоа, Олифантъ, Джерменъ и др. «русскую народную торговлю». Конечно, подобное народное коммерческое предпріятіе не было вовсе какимъ либо изобрѣтеніемъ представителей русской колоніи въ Шенандоа или же ея руководителей въ лицѣ отца Волянскаго и отца Ляховича и г. Сѣменовича. Еще въ 1883 году учредилось коммерческое общество «народная торговля» во Львовѣ. Начавъ свою торговую дѣятельность съ такой ничтожной суммой, какъ 600 гульденовъ, ничтожество которой представится еще рельефнѣе, если мы пояснимъ, что съ суммой этой начато коммерческое предпріятіе, рассчитанное на слишкомъ трехмилліонное русское населеніе собственной Австріи (безъ Венгріи), «народная торговля» вызывала первоначально всеобщія сомнѣнія въ возможности ея существованія и именовалась всѣми почти пустой фантазіей. Но нынѣ она имѣетъ уже тринадцать складовъ съ 80 завѣдующими и по 1 іюля 1894 года имѣла: членовъ вкладчиковъ 853 со складочнымъ капиталомъ въ 22.408 гульд. и капиталовъ, вложенныхъ за процентъ на безсрочное сбереженіе (какъ въ сберегательную кассу), 121.983 гульдена. Цѣлью ея учрежденія было прійти съ помощью къ тѣмъ, которые желаютъ вести лавочную торговлю, и положить начало практическому образованію галицко-русской молодежи въ купеческомъ дѣлѣ. Въ то время какъ передъ основаніемъ этого общества не было почти въ Галиціи ни русскихъ купцовъ, ни русскихъ лавокъ—нынѣ, кромѣ тринадцати складовъ его въ главнѣйшихъ городахъ Галицкой Руси, имѣется свыше 500 русскихъ сельскихъ лавокъ и около полутораста молодыхъ русскихъ купчиковъ, учениковъ общества. Сверхъ того, нашли себѣ въ «народной торговлѣ» занятіе и галицко-русскія женщины въ качествѣ завѣдующихъ складами и кассиршъ, а эти молодые купчики и купчихи, научившись торговому дѣлу въ складахъ и лавкахъ общества, открыли затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ собственные торговли. По образцу этой галицкорусской «народной торговли» заведена была такая же торговля и русской компаніей въ Пенсильваніи. Однако на американской почвѣ это русское коммерческое предпріятіе не удалось и по истеченіи двухъ лѣтъ распалось, о чемъ приходится сожалѣть тѣмъ болѣе, что съ его открытіемъ, поглощавшимъ не мало времени и силъ главныхъ представителей Руси въ Пенсильваніи, прекратилось изданіе «Америки».

Мы видимъ такимъ образомъ, что всего лишь три интеллигентныхъ

человѣка, исполненные заботы о благѣ народномъ и стремленій служить по мѣрѣ силъ своихъ своему народу, организуютъ весьма успѣшно отпрыски этого великаго народа въ совершенно новыхъ условіяхъ государственности и общественности. Поставивъ своей цѣлью: «народъ русскій просвѣщать, его защищать и вести дорогою правды къ добру» («Америка», 1887 г., № 209), люди эти, на родинѣ своей совершенно мирные и обыкновенные галицкомалорусскіе «народовцы», а двое при томъ еще и священники, въ Соединенныхъ Штатахъ не только становятся энергическими и солидными дѣятелями народными, но и вождями рабочаго общества, которому, по самой цѣли его существованія, приходится вести открытую борьбу съ капиталистами за права работника, доходящую нерѣдко до вооруженныхъ столкновеній. Если при этомъ отецъ Волянскій, положившій начало организаціи русскаго народа въ Америкѣ, были личностью болѣе или менѣе выдающеюся, то отецъ Ляховичъ и г. Сѣменовичъ являются несомнѣнно людьми самыми обыкновенными. Да не будетъ, однако, понято, что сохраненіе племенной субъективности народа малорусскаго и его національнаго типа, охраненіе его отъ ассимиляціи съ народностью англоамериканской было единственнымъ или даже наиглавнѣйшимъ мотивомъ всей этой довольно плодотворной дѣятельности первыхъ интеллигентныхъ представителей Руси въ Новомъ Свѣтѣ. Въ то время, какъ въ европейскихъ монархіяхъ всѣ блага земныя на землю и ея народонаселеніе нисходятъ сверху, въ Америкѣ совершенно наоборотъ все идетъ снизу, и каждый самъ долженъ все себѣ сдѣлать и для себя раздобыть. Поэтому все населеніе Соединенныхъ Штатовъ представляетъ, собственно говоря, сѣтъ большихъ или меньшихъ, явныхъ или тайныхъ обществъ, главной цѣлью которыхъ представляется взаимная самопомощь. Этотъ духъ самопомощи, создаваемый и диктуемый жизненной необходимостью, поневолѣ охватываетъ также и новые общественные элементы, прибывающіе изъ Старога Свѣта и естественно осуществляется прежде всего между лицами и общественными группами, связанными единствомъ племеннаго происхожденія. Эта-то жизненнообщественная необходимость самопомощи и была главнѣйшимъ и основнымъ двигателемъ и мотивомъ организаторской дѣятельности представителей Руси, нами выше описанной.

По примѣру русской общины города Шенандоа и отчасти подъ руководствомъ тѣхъ же ея трехъ вождей организовались иныя русскія общины въ Пенсильваніи, закладывая все новые и новые русскіе приходы и церкви. Среди этой кипучей дѣятельности отецъ Ляховичъ внезапно умеръ отъ удара, проработавъ всего около полугода. Хотя онъ представлялъ собой человѣка довольно обыкновеннаго, и на смѣну ему явились лица новыя и довольно дѣятельныя, но зато похороны этого перваго русскаго дѣятеля, скончавшагося на американской землѣ, отличались естественно большою торжественностью,

для американцевъ совершенно необыкновенной. Приспосаблиясь къ американскому быту и обычаямъ, русское населеніе отправляетъ здѣсь погребеніе самымъ зауряднымъ образомъ. Впереди на катафалкѣ болѣе или менѣе пышномъ (смотря по платѣ) везется покойникъ, тотчасъ за нимъ въ одноконномъ возкѣ на одного человѣка (кэрриджъ) ѣдетъ священникъ, а за нимъ движется гуськомъ цѣлый рядъ разныхъ «кэрриджей», на которыхъ возсѣдаютъ родные, друзья и знакомые покойника. Погребальное шествіе не только выступаетъ безъ креста и хоругвей, но даже священникъ не имѣетъ на себѣ никакихъ положительно принадлежностей священническаго одѣянія и самъ править лошадей. Вполнѣ естественно поэтому, что торжественныя похороны отца Ляховича явились чѣмъ-то совершенно необычнымъ. Впереди всего шествія шли за гробомъ, возвышавшимся на пышномъ катафалкѣ и обложеннымъ вѣнками, «русскіе рыцари труда» и общество имени русскаго поэта Тараса Шевченка, предшествуемые американскимъ знаменемъ, перевязаннымъ широкой черной лентой, и музыкальнымъ оркестромъ, облаченнымъ въ красивую форму; за оркестромъ, знаменемъ, «рыцарями» и обществомъ имени Шевченка слѣдовалъ оркестръ литовскій, за нимъ русское братство города Шенандоа за нимъ русское братство города Кингстонъ, а за ними множество народа. Всѣ народности города Шенандоа успѣли отдать послѣдній долгъ покойному, желая этимъ путемъ выказать свое сочувствіе и расположеніе русской народности, утратившей столь неожиданно одного изъ своихъ руководителей. Вскорѣ прибыло въ Пенсильванію еще нѣсколько русскихъ священниковъ изъ Галиціи для занятія новооткрывшихся приходоѡвъ. Такъ постепенно организовывалась Русь въ славянскомъ штатѣ.

Прибывъ изъ Стараго Свѣта, высадившись въ Нью-Йоркскомъ портѣ и будучи выпущена изъ карантина на Ellis Island въ виду почти всѣмъ извѣстной статуи «Свободы», эта рабочая Русь разсыпается обыкновенно по Нью-Йорку и въ немъ на нѣкоторое время застрѣваетъ. Такъ какъ, однако, при томъ огромномъ и постоянномъ наплывѣ рабочаго люда, какимъ отличается этотъ всемірный портъ, пріисканіе работы представляется здѣсь дѣломъ чрезвычайно труднымъ, то огромное большинство разсыпавшихся по немъ перебирается черезъ Гудзонъ и водворяется на нѣкоторое время въ городѣ Sersey City. Здѣсь остается уже больше, нежели въ Нью-іоркѣ, ибо большее число людей находитъ постоянную работу, по преимуществу на сахарныхъ заводахъ и затѣмъ на фабрикахъ вообще. Однако главный контингентъ русской эмиграціи изъ Австро-Венгріи направляется далѣе на Западъ въ Пенсильванію. Здѣсь работаетъ Русь преимущественно въ каменноугледомняхъ, но также отчасти при постройкѣ домовъ и ихъ окраскѣ, нѣкоторая же часть, впрочемъ весьма незначительная, сѣла на землю въ разныхъ уголкахъ этого славянскаго штата и довольно усердно занимается хлѣбопашествомъ. Далѣе существуютъ

еще здѣсь работы бондарскія, выпиливанія досокъ и выдѣлки глины, при которыхъ также работаетъ не мало русскихъ эмигрантовъ. Само собою разумѣется, что русская эмиграція изъ Австро-Венгрии не ограничивалась и не ограничивается предѣлами трехъ штатовъ: New York, New Jersey, Pennsylvania, и постепенно подвигалась и подвигается до сихъ поръ на Западъ, приближаясь все болѣе и болѣе къ тѣмъ территоріальнымъ предѣламъ крайняго Запада сѣверо-американскаго материка, въ которыхъ осталась нѣкоторая горсть лицъ русской народности послѣ продажи Россійской имперіей своихъ американскихъ владѣній Соединеннымъ Штатамъ. Чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ русскія поселенія становятся все рѣже и малочисленнѣе и какъ-то теряются среди необозримыхъ и не изслѣдованныхъ пространствъ, уходящихъ къ западу. Для полноты картины замѣтимъ между прочимъ, что есть еще два пути, которыми направляется русская эмиграція изъ Австро-Венгрии въ Новый Свѣтъ: одинъ идетъ чрезъ Вѣну и Удино (въ Итали) въ Бразилію, а другой, во многомъ параллельный съ главнымъ путемъ русской эмиграціи на Нью-Йоркъ, идетъ нѣсколько сѣвернѣе послѣдняго—на Монреаль, и ведетъ въ Канаду. Само собою разумѣется, что какого либо изслѣдованія экономическаго положенія и состоянія этихъ русскихъ колоній въ Соединенныхъ Штатахъ, никѣмъ еще до сихъ поръ не предпринималось. Можно сказать лишь, что чѣмъ далѣе отъ границъ Пенсильваніи, тѣмъ все менѣе и менѣе исполняетъ Русь эти каторжныя работы въ подземныхъ каменноугольныхъ и все болѣе и болѣе трудится на вольномъ воздухѣ, при свѣтѣ дня на фермахъ и по выпилкѣ досокъ, а также занимается ремеслами: кузнечнымъ, красильнымъ и сапожнымъ, не вѣдая этой египетской работы въ удушливой и раскаленной атмосферѣ сахарныхъ заводовъ и разныхъ фабрикъ, столь распространенной въ штатахъ восточныхъ и въ особенности New York и New Jersey. Русскіе фермеры и пильщики зимой обыкновенно имѣютъ мало работы и принимаются за ремесла, какое кому знакомо, да за постройку домовъ тѣмъ, кто рѣшилъ остаться въ Америкѣ, если не навсегда, но по крайней мѣрѣ на продолжительное время.

Слѣдуетъ замѣтить, что русская эмиграція изъ Австро-Венгрии въ одномъ отношеніи существенно отличается отъ польской эмиграціи изъ того же государства. Въ то время какъ польскіе мазуры, населяющіе западную половину Галиціи, выбираясь въ Америку, продаютъ свои хозяйства и прекращаютъ всякія отношенія со «старымъ краемъ», по прибытіи же въ Новый Свѣтъ навсегда поселяются въ Соединенныхъ Штатахъ и становятся ихъ гражданами, галицкіе русины, населяющіе восточную половину Галиціи, отправляются въ Америку единственно для того, чтобы заработать тамъ извѣстную толику денегъ и, вернувшись на родину, либо привести въ порядокъ старое свое сельское хозяйство, либо устроить новое. Въ то время

какъ мазуры всѣ свои силы и средства вкладываютъ въ свои новыя американскія селитбы, галицкіе лемки, ихъ ближайшіе сосѣди въ старомъ краѣ, составляющіе огромнѣйшее большинство галицкой русской эмиграціи, выправляютъ въ Америку исключительно почти работниковъ, которые сейчасъ же и высылаютъ оттуда деньги для поддержанія хозяйства и помощи семействамъ своимъ и родственникамъ. Вслѣдствіе этихъ высылкъ, въ общемъ составлявшихъ первоначально свыше 100 тысячъ долларовъ (200 тысячъ рублей) въ годъ, русскіе эмигранты въ Америкѣ не имѣютъ обыкновенно никакого состоянія. Однако, съ 1886 года, то-есть десять лѣтъ приблизительно спустя отъ начала русской эмиграціи изъ Австро-Венгріи, размѣры высылкъ изъ Америки въ Галицію стали замѣтно упадать и ежегодно уменьшаться. Дѣло въ томъ, что все большее и большее число галицко-русскихъ эмигрантовъ рѣшаетъ навсегда остаться въ Америкѣ, покупаетъ дома съ усадьбами съ разсрочкой платежей по особой американской системѣ и, тяжкимъ трудомъ заработавъ и сколотивъ извѣстный капиталецъ, принимается за торговлю въ разныхъ ея видахъ и отрасляхъ. Нынѣ немало уже имѣется въ штатахъ Пенсильваніи и отчасти New Jersey русскихъ гроссери (торговля мукой и съѣстными припасами), митъ маркетъ (мясная торговля), салоновъ (питейное заведеніе) и т. д. Не мало, однако, имѣется еще и такихъ галицко-русскихъ эмигрантовъ, которые періодически уѣзжаютъ въ «старый край» и чрезъ нѣкоторое время снова возвращаются въ Америку. Само собою разумѣется, что подобныя періодическія путешествія, составляющія своеобразный видъ какого-то морскаго бродяжества, являются безтолковой и даже прямо бессмысленной тратой денегъ, заработанныхъ тяжкимъ трудомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ галицкорусскіе и угрорусскіе эмигранты, не только въ Америкѣ еще не оцѣнилі, но даже и оставшіеся здѣсь навсегда, избѣгаютъ выборки установленныхъ бумагъ на гражданство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, полагая, что выборкой такой они учиняютъ измѣну австро-венгерскому «цесарю», на вѣрность которому они когда-то приняли присягу. Однако, дальнѣйшая возможность вышеназвутаго бродяжества Руси по волнамъ Атлантическаго океана и Нѣмецкаго моря отъ Нью-Йорка до Бремена или Гамбурга и обратно нынѣ совершенно почти пресѣчена. 20 мая сего года (по нов. стилю) конгрессъ (законодательное собраніе) Соединенныхъ Штатовъ въ Вашингтонѣ утвердилъ новый законъ объ эмиграціи, главнѣйшія положенія котораго слѣдующія:

1) Ни одинъ мужчина въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ не можетъ быть впущенъ на территорію Соединенныхъ Штатовъ, если не умѣетъ ни читать, ни писать на какомъ бы то ни было языкѣ. Исключеніе изъ этого правила дѣлается лишь для родителей, дѣти которыхъ поселились въ Штатахъ ранѣе изданія этого закона.

2) Ни одинъ работникъ, который ежегодно прибываетъ на тер-

риторию Штатовъ работы ради и снова возвращается въ свое отечество, не имѣя намѣренія принять гражданство Штатовъ, не можетъ быть болѣе впредь впускаемъ на ихъ территорию.

Представляется очевиднымъ, что если первый изъ вышеприведенныхъ пунктовъ федеральнаго закона 20-го мая 1896 года объ иммиграціи пресѣкаетъ возможность поѣздки «до стараго края» болѣе или менѣе значительной части американской Руси, то второй дѣлаетъ ее для другой части, обладающей образованіемъ, по крайней мѣрѣ элементарнымъ, настолько рискованнымъ, что одинъ уже этотъ рискъ отобьетъ всякую къ ней охоту, кромѣ, конечно, немногихъ случаевъ дѣйствительной и совершенной необходимости. Въ общемъ онъ долженъ отозваться благопріятно на экономическомъ положеніи американской Руси, которой прежнія траты на морскіе пароходы и желѣзныя дороги были за рѣдчайшими исключеніями совершенно напрасными и непроизводительными. Послѣднее обстоятельство представляется существенно важнымъ, ибо въ послѣдніе годы и въ особенности послѣ чикагской всемірной выставки 1893 года наступилъ въ Соединенныхъ Штатахъ небывалый промышленный кризисъ. Множество фабрикъ прекратило производство, и за ихъ закрытіемъ добываніе каменнаго угля сократилось настолько, что значительная часть майнеровъ-эмигрантовъ возвратилась въ Европу, и, сверхъ сего, осталось еще безъ работы до 800.000 рабочихъ. Послѣ такого страшнаго кризиса промышленность Штатовъ не можетъ скоро подняться и оживиться. Положеніе рабочаго класса и въ частности Руси, поработанной каменноугольными, представляется нынѣ весьма тяжелымъ и шаткимъ. Съ мая мѣсяца, въ который утвержденъ конгрессомъ вышепомянутый законъ, замѣтенъ особый упадокъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій, въ особенности во второстепенныхъ, провинціальныхъ городахъ, чему пишуцій эти строки самъ былъ очевидцемъ. Поэтому хотя бы и принудительное, такъ сказать, огражденіе русскоамериканскаго рабочаго отъ довольно крупныхъ тратъ на чисто платоническое утоленіе печали по старомъ краѣ, или же удовлетвореніе совершенно условной потребности покалякать и выпить съ родней и пріятелями, можно считать совершенно полезнымъ и вполне своевременнымъ. Рядомъ съ этимъ въ послѣдніе два-три года стало измѣняться и отношеніе американской Руси къ документамъ на гражданство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Прежняя боязнь измѣны австрійскому императору какъ-то уже проходитъ, и все болѣе и болѣе число австро-угорскихъ русиновъ выбираетъ грамоты на гражданство Штатовъ, предоставляющія имъ избирательныя и иныя права. Въ послѣдніе два года были даже случаи избранія congressman'овъ, то-есть членовъ вашингтонскаго федеральнаго парламента, въ которыхъ демократическіе кандидаты получили перевѣсъ надъ республиканскими, именно благодаря русскимъ голосамъ, за нихъ поданнымъ. Случай эти имѣли мѣсто,

конечно, въ Пенсильваніи, гдѣ галицко-русскіе элементы составляютъ сплошную часть населенія нѣкоторыхъ городовъ. Съ однимъ изъ такихъ конгрессменовъ, избраннымъ отъ Nortumberland county (графство или провинція Нортумберландъ — нѣчто, соответствующее нашему уѣзду), благодаря перевѣсу, сдѣланному въ его пользу русскими голосами, пишущій эти строки имѣлъ случай познакомиться въ городѣ Шамокинѣ того же графства и пользовался всегда его особымъ вниманіемъ, какъ «russian» (рошіанъ — русскій). Такимъ образомъ Русь все болѣе и болѣе осѣдаетъ окончательно на землѣ вольной Америки и прилѣпляется къ новому отечеству. Въ первое десятилѣтіе русской эмиграціи изъ Австро-Венгріи русскій рабочій только и мечталъ о томъ, чтобы заработать поскорѣе побольше денегъ и вернуться въ свой край. И дѣйствительно, въ тѣхъ мѣстностяхъ Галиціи, съ которыхъ началось эмиграционное движеніе, простые работники, жившіе службой и поденными работами, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ пребыванія въ Америкѣ вернулись домой «богачами», стали тамъ «заможными господами» и, сверхъ того, явились ужъ не прежними темными и робкими хлопами, а болѣе или менѣе просвѣщенными и закаленными въ жизненной школѣ гражданами стараго отечества. Возвращеніе ихъ на родину составляло обыкновенно своего рода торжество, обставленное даже особыми новосоздавшимися быговыми обрядностями. Обыкновенно такой возвратившійся изъ Америки «богачъ» приходитъ въ первую хату въ своемъ селѣ и тутъ остается, а между тѣмъ даетъ знать своей роднѣ, что онъ пріѣхалъ. Все родство, свойство и знакомство новоприбывшаго сѣдуетъ наилучшаго коня, убираетъ его лентами и искусственными цвѣтами и выходитъ на встрѣчу вернувшемуся. Одѣтый поамерикански, садится онъ на коня, убраннаго «стрічками», принимаетъ величественную осанку, закуриваетъ сигару, а отецъ его или же кто либо старшій изъ родни беретъ коня за поводья и ведетъ по селу. Почти на каждомъ шагу шествіе останавливается. Новоприбывшій здороваётся со всѣми знакомыми (а у малорусскаго селянина каждый почти на своемъ селѣ есть знакомый), потчуетъ всѣхъ водкой и сигарами и въ своемъ триумфальномъ шествіи доѣзжаетъ, наконецъ, до отцовской хаты. Здѣсь онъ тотчасъ же сбрасываетъ съ себя американское платье и принимается за обыкновенную мужицкую работу. Однако такія торжественныя возвращенія русскихъ эмигрантовъ на родину становятся изъ года въ годъ все рѣже и рѣже. Помимо того, что, съ наступленіемъ экономическаго кризиса въ Соединенныхъ Штатахъ и огромнымъ наплывомъ эмигрантовъ со всѣхъ странъ Стараго Свѣта, обогащенія простыхъ рабочихъ вообще, и втеченіе трехъ-четырехъ лѣтъ въ особенности, стали почти невозможными, вся болѣе или менѣе зажиточная Русь нынѣ уже почти цѣликомъ начинаетъ осѣдать постепенно навсегда въ этомъ своемъ новомъ отечествѣ. Общая численность американ-

ской Руси нынѣ достигаетъ уже, какъ мы упомянули выше, довольно значительной цифры, приближающейся постепенно къ $\frac{1}{4}$ милліона.

V.

Въ началѣ текущаго десятилѣтія среди американской Руси, значительно уже разросшейся и имѣвшей кое-какія церковнонародныя и народныя учрежденія, проявилась потребность болѣе широкой народной организаціи. Результатомъ этой потребности явилось первоначально учрежденіе въ началѣ 1892 года «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ». Само собою разумѣется, что инициатива созданія новой крупной народной организаціи, которая обнимала бы по возможности всю американскую Русь, исходила не изъ мадьяризованно-ословаченной и раболѣпно-пресмыкающейся Руси угорской, а изъ той же Руси галицкой. Галицко-русскій священникъ Теофанъ Одушкевичъ, въ сообществѣ съ нѣсколькими галицкими русинами, которые, благодаря собственнымъ труду и предпримчивости, изъ простыхъ майнеровъ превратились въ болѣе или менѣе крупныхъ коммерсантовъ, были первоначальными и дѣйствительными основателями «Соединенія». Къ готовому уже дѣлу присѣли пристать многіе угрорусскіе священники, научившіеся у мадьяръ въ старомъ краѣ загребать жаръ чужими руками, и нѣкоторые угрорусскіе торговцы, сообразившіе, что «Соединеніе» можетъ со временемъ стать прекрасной рекламой для ихъ торговыхъ предприятий. Какъ свидѣтельствуеть самое названіе этого новаго русскаго учрежденія, возникшаго, конечно, въ Пенсильваніи, оно складывается не изъ отдѣльныхъ лицъ, а изъ отдѣльныхъ братствъ, т.-е. меньшихъ народновспомогательныхъ учреждений. Приставъ къ «Соединенію» и составивъ въ немъ огромное большинство, угрорусскіе священники, коммерсанты и просто пройдохи, успѣли придать ему характеръ чисто церковный и постарались затемнить въ немъ, по возможности совершенно, характеръ учрежденія народнаго, чѣмъ исказили окончательно благія цѣли его инициаторовъ и первоначальныхъ учредителей. По такому искаженію уже были составлены уставы какъ для братствъ, долженствующихъ войти въ «Соединеніе», такъ и для самого «Соединенія». Представляется довольно любопытнымъ, что къ вступленію въ русскія греко-католическія братства допускаются и римско-католики. Среди смѣшанной русско-словацкой народности, какую представляетъ изъ себя значительная часть угорской Руси, появляются такимъ образомъ, кромѣ русскіхъ греко-католическихъ братствъ, также еще смѣшанныя русскія греко- и римско-католическія братства. Явленіе это требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Многія мѣстности угорской Руси представляютъ довольно своеобразное смѣшеніе двухъ славянскихъ народностей — русской (малорусской) и словацкой, какъ въ отношеніи языка, такъ и въ

отношеніи нравовъ, обычаевъ, повѣрій, костюмовъ и т. д. До сихъ поръ еще, собственно говоря, не рѣшенъ окончательно вопросъ: составляетъ ли эта смѣшанная русско-словацкая часть угорской Руси ословачившуюся Русь, или же обрусѣвшую словачину? Всѣ солидныя изслѣдованія по этому предмету приходятъ, однако, къ тому выводу, что эта смѣсь двухъ славянскихъ народностей представляетъ собой ословачившуюся Русь.

Не входя въ научныя подробности этого вопроса, которыя могутъ для читателей нашихъ оказаться малозначащими и утомительными, скажемъ лишь, что смѣсь эта, нынѣ довольно рѣшительно уже признанная ословачившейся Русью, исповѣдуетъ сплошь почти такъ называемую греко-католическую, или униатскую вѣру. Что же касается собственно словаковъ, то эта славянская народность исповѣдуетъ отчасти римскій католицизмъ, отчасти протестантизмъ. Такимъ образомъ допущеніе къ вступленію въ братства, именуемая русскими греко-католическими, римско-католиковъ объясняется не стремленіемъ объединить въ «Соединеніи» подсловаченную угорскую Русь, являющуюся греко-католической, а втянуть въ эту организацію, по названію представляющуюся какъ будто бы русской народной, лицъ совершенно другой славянской народности и иного вѣроисповѣданія — римско-католическаго. Цѣль подобнаго затягиванія очевидна и не требуетъ поясненій: стянуть съ народной массы побольше долларовъ. Между тѣмъ словаки, являясь иной славянской народностью, имѣютъ, конечно, свои народныя учрежденія, «Соединеніе» же именуется организаціей русской, такъ что это допущеніе въ него словаковъ римско-католиковъ представляется не чѣмъ инымъ, какъ лазейкой, въ которую жадная и хитроумная угрорусская лисица, происходящая изъ униатскаго духовнаго званія, могла бы тянуть и простодушныхъ словацкихъ куръ. Выводъ этотъ подтверждается также и тѣмъ, обстоятельствомъ, что официальнымъ языкомъ какъ этихъ братствъ, именуемыхъ русскими греко-католическими, такъ и этого «Соединенія», именуемаго соединеніемъ русскихъ греко-католическихъ братствъ, является совмѣстно и одновременно два языка: русскій и словацкій, между тѣмъ какъ для Руси, хотя бы и той подсловаченной, какою представляется болѣе или менѣе значительная часть угорской Руси, не представляется никакой надобности въ употребленіи чисто словацкаго языка. Правда, среди Руси этой имѣется немало лицъ, плохо знакомыхъ съ русскимъ прифтомъ, но между замѣной русскаго алфавита латинскимъ и замѣной самаго языка русскаго, хотя бы и испорченнаго подиѣсью словачины, языкомъ чисто словацкимъ существуетъ, конечно, огромная разница, сущность которой не требуетъ поясненій. Такимъ образомъ первоначальная цѣль галицкорусскихъ инициаторовъ и учредителей «Соединенія» — создать въ немъ крупное русское народное учрежденіе, въ которомъ давно уже ощущалась потребность, поспѣшившими при-

стать къ нему угрорусскими священниками и ихъ прихвостнями, пройдохами и проходимцами разнаго рода, была замята, замазана и уничтожена, и организація эта, первоначально заложенная было, какъ русская народная организація, превратилась не только въ организацію чисто католическую, вѣроисповѣдную, организацію для «католиковъ греческаго или римскаго обряда», для «католиковъ русскаго или латинскаго обряда», какъ выражаются ея уставы, но и, сверхъ сего, еще и въ организацію собственно словацкую. Объ этомъ послѣднемъ превращеніи достаточно свидѣлствуютъ факты. Въ текущемъ году «Katolika Jednota», старое словацкое церковно-народное учрежденіе, стала домогаться сліянія своего съ «Соединеніемъ русскихъ греко-католическихъ братствъ». Настоятельныя предложенія Jednot'ы были предметомъ обсужденія послѣдней годовой конвенціи «Соединенія», состоявшейся въ Нью-Йоркѣ въ исходѣ мая.

Весь составъ конвенціи принялъ предложенія эти весьма благоклонно, и сліяніе словацкой Jednot'ы съ «Соединеніемъ», именуемымъ русскимъ, было уже почти рѣшено, какъ поднялись возраженія, что принятіе въ «Соединеніе» учрежденія стараго, въ которомъ смертность естественно больше, нежели въ «Соединеніи», для этого послѣдняго должно значительно увеличить количество ежегодно уплачиваемыхъ «посмертныхъ» пособій, а слѣдовательно оказаться крайне невыгоднымъ. Эти возраженія по части «выгоды» такъ подѣйствовали на мадыарско-словацко-русскихъ священниковъ и торговцевъ, заправляющихъ «Соединеніемъ», что предложеніе словацкой «Jednota Katolicka», почти уже окончательно принятое, было затѣмъ отвергнуто. Если такимъ образомъ сліяніе чисто словацкаго церковно-народнаго учрежденія съ учрежденіемъ, именуемымъ русскимъ, въ принципѣ было принято и не состоялось единственно лишь вслѣдствіе невыгодности его для этого послѣдняго, то не ясно ли, что это будто бы русское учрежденіе, не могущее обойтись безъ словацкаго языка, предназначенное для «католиковъ русскаго и латинскаго обрядовъ», установленное для лицъ «языка русскаго и словацкаго», представляется въ сущности учрежденіемъ словацкимъ, прикрываемымъ лишь русской вывѣской. Весьма было бы, конечно, желательно и полезно созданіе одного народновспомогательнаго учрежденія не только для нѣсколькихъ славянскихъ народностей, но даже и для всего славянства, населяющаго Америку. Но въ такомъ случаѣ самое слово «вѣроисповѣданіе» изъ основначалъ такого учрежденія должно быть исключено. Между тѣмъ учрежденіе, именуемое «Соединеніемъ греко-католическихъ русскихъ братствъ», съ одной стороны старается привлечь въ свою среду словаковъ римско-католиковъ, съ другой же не только не допускаетъ вступленія въ составъ его тѣхъ же словаковъ-протестантовъ, но даже исключаетъ изъ своей среды тѣхъ своихъ русскихъ членовъ греко-католическаго исповѣданія, которые примутъ православіе, не смотря на то, что это послѣд-

нее представляется не только основнымъ, первообразнымъ и господствующимъ исповѣданіемъ русскаго народа, но и прототипомъ самого греко-католицизма, являющагося, собственно говоря, лишь видоизмѣненіемъ православія, искусственно созданнымъ. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что словацкая «Iednota Katolicka», которая чуть было не была допущена къ слиянію съ «Соединеніемъ», представляется учрежденіемъ словацко-католическимъ, узко вѣроисповѣдно-народнымъ, а не народнымъ. Оказывается такимъ образомъ, что учрежденіе, именуемое «Соединеніемъ греко-католическихъ русскихъ братствъ», слагается изъ лицъ двухъ славянскихъ народностей—русской и словацкой, причемъ изъ первой черпаетъ специально греко-католиковъ или униатовъ, изъ второй же также специально—римско-католиковъ, такъ что словаку лютеранину либо кальвинисту и русскому православному, хотя бы, напримѣръ, изъ австрійской Буковины, всякій доступъ въ организацію эту, создавшуюся на свободной землѣ вольной Америки, совершенно закрытъ. Отсюда обнаруживается съ полной очевидностью, что специальной цѣлью этой организаціи, совершенно своеобразной и не имѣющей себѣ подобной ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, представляется затягиваніе въ составъ свой исключительно и специально католическихъ элементовъ изъ двухъ славянскихъ народностей, осѣдающихъ въ Новомъ Свѣтѣ. Не смотря на то, что «Соединеніе греко-католическихъ русскихъ братствъ» существуетъ и дѣйствуетъ уже слишкомъ четыре года, эта дѣятельность его не только до сихъ поръ не обслѣдована и не разъяснена, но даже не было еще ни одной попытки въ этомъ направленіи. Пренебрегая всѣми тѣми трудностями, какими обставлено проникновеніе въ эту дѣятельность, ревниво охраняемую отъ свѣта общественной мысли и критики общественной совѣсти, мы рѣшились ее по возможности обслѣдовать и освѣтить, ибо такое обслѣдованіе и освѣщеніе считаемъ долгомъ нашимъ не только предъ русскимъ народомъ, но и предъ всѣмъ славянствомъ. Ограничиваясь пока вышеприведенными замѣчаніями, относящимися къ зарожденію и возникновенію «Соединенія», обратимся теперь къ обрисовкѣ дѣятельности его какъ по уставамъ, т. е. на бумагѣ, такъ и главнымъ образомъ, конечно, въ дѣйствительности.

«Соединеніе» слагается изъ отдѣльныхъ греко-католическихъ или же смѣшанныхъ греко и римско-католическихъ братствъ, а равно женскихъ греко-католическихъ или же смѣшанныхъ греко и римско-католическихъ товариществъ. Братства, какъ буквально гласитъ уставъ ихъ, состоятъ «само изъ русской и словенской мовы, греческаго или римскаго обряда членовъ, а то мужескаго (женскаго) пола», причемъ «мова того братства русска и словенска», а «цѣль того братства: членовъ въ своей вѣрѣ, набожествѣ и народности воздержати, любовь межи членами разширяти, членамъ своимъ въ слабостяхъ и выпадкахъ подати помощи, коли членъ умре, честно

и похристіански похоронити». Всякій, желающій вступить въ братство, долженъ быть католикомъ «русскаго или латинскаго обряда», имѣть не менѣе 15 лѣтъ и не болѣе 50 отъ роду и находиться въ добромъ здоровьѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ быть представленъ братству двумя членами послѣдняго, которые знаютъ его не менѣе трехъ мѣсяцевъ, и тотчасъ же уплатить секретарю братства положенную уставомъ вступную сумму, которая, въ случаѣ его непринятія, ему немедленно возвращается. Приемъ рѣшается большинствомъ голосовъ и подъ условіемъ немедленнаго вступленія новопринятаго члена въ «Соединеніе греко-католическихъ русскихъ братствъ». Членъ, втеченіе извѣстнаго времени не уплачивающій установленныхъ платежей, не смотря на напоминанія секретаря братства, изъ этого послѣдняго исключается и можетъ быть принятъ снова лишь подъ условіемъ уплаты новой вступной суммы и установленнаго денежнаго штрафа. Заболѣвшій членъ братства долженъ сейчасъ же сообщить о своей болѣзни предсѣдателю его, который обязанъ озаботиться, чтобы онъ втеченіе 24-хъ часовъ былъ навѣщенъ однимъ изъ существующихъ въ составѣ братства опекуновъ больныхъ для удостовѣренія въ дѣйствительности болѣзни. Если бы высланный опекунъ заявившаго себя больнымъ таковымъ не нашель, то долженъ о томъ объявить братству. Братчикъ, болѣющій менѣе недѣли, не получаетъ отъ братства никакого вспомошествованія, болѣющій же болѣе недѣли пользуется установленнымъ еженедѣльнымъ пособіемъ, изъ котораго удерживаются, однако, слѣдующіе братству платежи, если при этомъ состоялъ до болѣзни членомъ братства опредѣленное уставомъ время. Еженедѣльное пособіе уплачивается больному братчику втеченіе 6-ти мѣсяцевъ, по истеченіи же этого срока, если братство убѣдится, что болѣзнь его неизлѣчима, и онъ является уже навсегда не способнымъ къ труду, то должно о дальнѣйшемъ обезпеченіи его существованія представить на разрѣшеніе «Соединенія». Также представляются на разрѣшеніе «Соединенія» случаи смерти братчика или его жены, за которыхъ уплачивается оставшемуся въ живыхъ супругу, дѣтямъ или наслѣдникамъ опредѣленное «посмертное», на которое, въ отличіе отъ пособія въ случаѣ болѣзни, каждый членъ имѣетъ право съ самаго момента вступленія въ братство. Умершаго братчика обязано братство похоронить на свой счетъ и къ погребенію его явиться въ полномъ составѣ и полной формѣ, а равно проводить его до самой могилы. Управление братствъ составляютъ: предсѣдатель, вице-предсѣдатель, письмоводитель, секретарь, кассиръ, контролеръ, маршалокъ, дверникъ, досмотрщики имущества братскаго, досмотрщики больныхъ и любовный судъ. Изъ всѣхъ этихъ должностей по управленію братствъ дѣйствительно нужными представляются лишь предсѣдатель, секретарь и кассиръ. Братства должны праздновать ежегодно два дня: день патрона своего или

патронессы и день патрона «Соединенія» — св. Николая. Не мѣшайтъ замѣтить, что общій уставъ братствъ, принадлежащихъ къ «Соединенію», заканчивается нижеслѣдующимъ параграфомъ: «Каждый членъ, яко добрый христіанинъ, мае всѣ обовязки церковныя порядочно и на часъ выполнять». Уставъ самого «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ» гласитъ прежде всего, что «чиновственный языкъ есть русскій, но корреспонденцію можно вести якимъ будь-то языкомъ». Этимъ «якимъ будь-то» (то-есть какимъ бы то ни было) языкомъ является обыкновенно языкъ мадьярскій, на которомъ ведутъ свою переписку съ «Соединеніемъ» какъ его должностныя лица, такъ равно и всѣ почти угрорусскіе священники, такъ наконецъ и значительная часть американскихъ угроруссовъ, принадлежащихъ къ составу братствъ, входящихъ въ «Соединеніе».

Такимъ образомъ какъ «чиновственнымъ», такъ общимъ языкомъ «Соединенія» являются въ дѣйствительности языки: во-первыхъ, мадьярскій, во-вторыхъ, словацкій и, въ-третьихъ, наконецъ и послѣднимъ уже — русскій. Поанглійски «Соединеніе» именуется «Greek-Catholic Union», и эмблемой его является парящій орелъ съ яркой звѣздой, сіяющей лучами, надъ головой, въ правой лапѣ держащій американское знамя, а въ лѣвой — трираменный крестъ. Цѣлями «Соединенія», по уставу его, являются: 1) вспомошествованіе вдовамъ и сиротамъ, оставшимся послѣ смерти членовъ его, 2) вспомошествованіе членамъ, за смертью лишившимся женъ своихъ; 3) почитаніе законовъ Соединенныхъ Штатовъ и расширеніе чувства религіознаго и народнаго; 4) предоставленіе русской братіи соотвѣтственныхъ средствъ къ просвѣщенію какъ въ религіозномъ, такъ и народномъ отношеніи, а именно: изданіе русско-словацкой газеты и общепользныхъ книгъ и вспомошествованіе греко-католическимъ церквамъ и школамъ; 5) стараніе о содѣйствіи благосостоянію русскихъ братьевъ; 6) матеріальное вспомошествованіе русскимъ братьямъ въ исключительныхъ случаяхъ, несчастій и нуждъ. Само собою разумѣется, что «почитаніе законовъ» государства, являясь условіемъ существованія и дѣятельности всякаго общественнаго учрежденія, не можетъ быть цѣлью такого существованія, и исчисленіе этого почитанія въ числѣ цѣлей «Соединенія» представляется явнымъ абсурдомъ, такой же пунктъ, какъ «стараніе о содѣйствіи благосостоянію», представляется совершенно непонятнымъ по своей неопредѣленности. Братство, послѣ трехъ письменныхъ напоминаній не уплатившее «Соединенію» слѣдующихъ съ него взносовъ, изъ него исключается. По смерти члена «Соединенія» жена, дѣти или иные наслѣдники, получаютъ «посмертнаго» 400 долларовъ, а по смерти жены мужъ покойной получаетъ 200 долларовъ. Если членъ безъ своей вины будетъ искалѣченъ или опасно заболѣетъ и по шести-мѣсячной болѣзни будетъ признанъ совершенно

неспособнымъ къ труду, то получаетъ отъ «Соединенія» пособія 200 долларовъ, послѣ чего онъ можетъ попрежнему оставаться членомъ, но семьѣ его, или наслѣдникамъ, уплачивается посмертнаго лишь 200 долларовъ, какъ оставшіеся отъ посмертнаго пособія по выдачѣ 200 долларовъ за неспособность къ труду. Управление «Соединенія» составляютъ: главный предсѣдатель, вице-предсѣдатель, письмоводитель, секретарь, казначей, контролеръ, надзирательная комиссія и делегатъ надзирательной комиссіи, избираемые на одинъ годъ. Женскія братства или «товарищества сестричныя» имѣютъ такія же права и обязанности, какъ и мужскія. Въ числѣ вспомоществованій, установленныхъ для членовъ, указано также изданіе газеты «Американскій Русскій Вѣстникъ», которая является органомъ «Соединенія» и имъ разсылается бесплатно. Въ такомъ видѣ представляется дѣятельность «Соединенія» и принадлежащихъ къ нему братствъ по ихъ уставамъ съ тѣми, чтобы не сказать болѣе, странностями этихъ послѣднихъ, какія не могли мы не отмѣтить при самомъ изложеніи сущности ихъ и характера.

Какова же дѣятельность «Соединенія» не на бумагѣ, которая, какъ извѣстно, все терпитъ, а въ дѣйствительности. Братства заболѣвшему члену своему, если онъ состоялъ таковымъ до болѣзни въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и уплачивалъ свои взносы, со второй недѣли болѣзни и до шестой включительно выдаютъ еженедѣльное пособіе въ размѣрѣ 5—6 долларовъ, изъ котораго удерживаются врачемъ слѣдующіе братству платежи, въ случаѣ же смерти больного хоронитъ его на свой счетъ. Если, впрочемъ, найдутся сомнѣвающіеся въ дѣйствительности болѣзни братчика, то полученіе пособія затрудняется и затягивается. Вотъ и все, что дѣлаютъ для своихъ членовъ братства, именуемая «русскими греко-каторическими». «Соединеніе» уплачиваетъ женѣ за умершаго мужа 400 долларовъ, мужу за умершую жену—200 долларовъ, а окончательно неспособному къ труду выдаетъ 200 долларовъ въ счетъ посмертнаго пособія, какое должно получить его семейство по его смерти. Послѣдній пунктъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Выходитъ, что семейство, принадлежащее къ «Соединенію», если не постигнетъ его несчастіе въ видѣ преждевременной потери главною его способности къ труду, получаетъ большее по смерти его пособіе, нежели семейство, подобнымъ несчастіемъ постигнутое и, слѣдовательно, еще при жизни главы его уже въ матеріальномъ отношеніи пошатнувшееся и разстроенное, хотя оно исполняетъ денежныя въ отношеніи «Соединенія» повинности наравнѣ съ первымъ, находящимся въ несравненно лучшемъ положеніи. Ясно, что, не смотря на всѣ свои напыщенные заявленія о благосостояніи русской братіи и т. д., «Соединеніе» при жизни членамъ своимъ ровно никакой помощи не оказываетъ, а лишь оказываетъ ее женѣ, дѣтямъ либо наслѣдникамъ, при ихъ смерти, при чемъ членъ, преждевременно по-

терявшій способность къ труду, трактуется, какъ полуумершій и получаетъ половину пособія. Въ числѣ «вспомоществованій» членамъ «Соединенія» назначается по уставу бесплатная разсылка органа этой организаціи, именуемаго «Американскимъ Русскимъ Вѣстникомъ». Въ дѣйствительности, однако, вопреки буквальному смыслу устава, взимается съ каждаго члена за газету эту 1 долларъ въ годъ. Взносы эти, по мѣрѣ возростанія числа членовъ, возросли въ періодъ четырехлѣтняго существованія «Соединенія» съ 1.700 долларовъ въ 1892 году до 4.000 долларовъ въ 1895 году. Независимо отъ сего, втеченіе тѣхъ же четырехъ лѣтъ изданіе «Вѣстника» принесло «Соединенію» болѣе или менѣе крупныя долги, такъ что въ общемъ изданіе этой газеты обходится учрежденію около 4.000 долларовъ въ годъ. Спрашивается, что же дается этимъ отпрыскомъ народностей русской и словацкой рабочему люду за 4.000 долларовъ въ годъ. Разъ въ недѣлю издается номеръ газеты въ двухъ видахъ: на русскомъ и словацкомъ языкѣ. Если словацкій языкъ словацкаго изданія «Американскаго Русскаго Вѣстника» заставляеть желать весьма многаго, невольно вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ вполне естественное и основательное недоумѣніе, почему именно эта словацкая газета именуется русскимъ «Вѣстникомъ», то за то ужъ русскій языкъ русскаго изданія «Американскаго Русскаго Вѣстника» представляетъ нѣчто прямо чудовищное. Существуетъ, какъ извѣстно, общерусскій литературный языкъ, употребляемый въ Россіи; существуетъ затѣмъ малорусскій литературный языкъ, весьма мало употребительный въ Россіи и широко распространенный въ Галиціи и отчасти также и угорской Руси; можно наконецъ писать для народа однимъ изъ крупныхъ нарѣчій русскаго языка, причемъ слова, до которыхъ простонародная рѣчь еще не доросла, или же образовывать на основѣ въ духѣ нарѣчія, на которомъ пишется, или же, смотря на конструкціи словъ и ихъ образованію, заимствовать изъ литературнаго языка — общерусскаго или малорусскаго. Когда дѣло идетъ не объ образованіи народа въ широкомъ смыслѣ слова, не о приученіи его къ опредѣленному литературному языку, уже сложившемуся, а о достиженіи результатовъ чисто практическихъ, о непосредственномъ и быстромъ на него воздѣйствіи, то этотъ послѣдній способъ даже предпочтительнѣе всѣхъ прочихъ. Если бы поэтому русское изданіе «Американскаго Русскаго Вѣстника» велось на угрорусскомъ чисто народномъ языкѣ, на которомъ говоритъ народъ угрорусскій, и который для массы его гораздо понятнѣе, конечно, языковъ литературныхъ, какъ общерусскаго, такъ даже отчасти и малорусскаго, то противъ этого ничего нельзя было бы имѣть. Но языкъ «Американскаго Русскаго Вѣстника» представляетъ нѣчто совершенно необычное, небывалое и маловѣроятное. Онъ состоитъ прежде всего изъ словъ церковно-славянскихъ, но это вовсе не тѣ слова и выраженія старославян-

скія, которыя встрѣчаемъ мы въ книгахъ богослужебныхъ и церковныхъ, или же въ духовной и свѣтской литературѣ среднихъ вѣковъ, а слова собственнаго и самоновѣйшаго изобрѣтенія, никогда еще доселѣ не употреблявшіяся, донельзя вычурныя и неудобопонятныя. Вторымъ элементомъ якобы литературнаго языка «Американскаго Русскаго Вѣстника» являются слова и выраженія языка малорусскаго, какъ народнаго, нарѣчіемъ котораго представляется и языкъ угрорусскій, такъ и литературнаго весьма близкаго къ народному, при чемъ эти слова, въ видахъ ихъ «олитературенія», подвергаются нѣкоторой «отдѣлкѣ», ихъ искажающей и извращающей. Третьимъ элементомъ якобы литературнаго языка «Американскаго Русскаго Вѣстника» являются слова и выраженія, заимствованныя изъ русскаго литературнаго языка, донельзя исковерканныя и искалѣченные до неузнаваемости. Четвертымъ элементомъ этого небывалаго якобы русскаго литературнаго языка являются слова, обороты и выраженія словацкія. Независимо отъ сего попадаютъ въ немъ и слова мадьярскія, не говоря уже о такихъ общепотребительныхъ англійскихъ, которыя вошли во всѣ славянскіе языки на американской почвѣ, какъ, напримѣръ, шторъ (лавка), байсикль (велосипедъ) и т. д. Само собою разумѣется, что этотъ вавилонскій винигретъ славянскихъ языковъ съ подмѣсю мадьярщины, этотъ фарсъ славянской филологіи, еле одолимый для слависта или вообще интеллигентнаго человѣка, знакомаго съ нѣсколькими славянскими языками, для народа совершенно непонятенъ и недоступенъ. Содержаніе «Американскаго Русскаго Вѣстника» соответствуетъ вполне языку. Прежде всего, перечень всѣхъ братствъ, входящихъ въ соединеніе, и ихъ «чиновниковъ», объявленія объ изданіи «Вѣстника» и различныя стереотипныя объявленія занимаютъ добрую половину этой русско-словацкой газеты, выходящей на двухъ языкахъ. Далѣе, сообщенія, извѣстія и телеграммы понадерганы изъ ежедневныхъ газетъ безъ всякой системы, безъ всякаго соображенія ихъ интереса и относительнаго значенія, безъ всякаго приспособленія къ условіямъ жизни и быта рабочаго класса въ Америкѣ вообще и славянскихъ его элементовъ, не ассимилировавшихся съ преобладающей англо-американской народностью, въ частности. Фельетона не существуетъ, передовыя же статьи составляютъ исключительно плохое переложеніе плохихъ церковныхъ проповѣдей о вредѣ пьянства, о соблюденіи постовъ, о бережливости и расчетливости и т. п. Въ заключеніе номера идутъ различныя бравурныя французскіе рассказы, съ пикантнымъ отгѣнкомъ, въ плохомъ, впрочемъ, переводѣ, сдѣланномъ съ мадьярскаго или словацкаго языковъ. Самую, однако, важную часть содержанія «Американскаго Русскаго Вѣстника» составляютъ оды и диѳирамбы чиновникамъ «Соединенія», начиная, конечно, съ его предсѣдателя, угрорусскимъ священникамъ, огромное большинство которыхъ къ нему принад-

лежитъ, и наконецъ «дьякамъ и пѣвцоучителямъ». Оды эти появляются въ этой, якобы русской, газетѣ или въ видѣ особыхъ статей, или же въ видѣ сообщеній о прибытіи такого-то чиновника «Соединенія» туда-то, о посѣщеніи священникомъ такимъ-то городка такого-то, относящагося обыкновенно къ его приходу, о пріѣздѣ такого-то знаменитаго «дьяка и пѣвцоучителя» туда-то для того-то. Эти двоирамбы священникамъ и въ особенности кулакамъ и дьякамъ, заканчивающіеся обыкновенно стереотипной фразой: «при томъ же есть онъ ревнымъ патриотомъ нашей американской Руси», производятъ удручающее впечатлѣніе, ибо роняютъ и уничтожаютъ русское слово. «Писателями» этой американской еженедѣльной русско-словацкой газеты являются полуграмотные писцы изъ Угорщины, лишь въ Америкѣ научившіеся писать порусски отъ разныхъ грамотныхъ еврейчиковъ, прибывшихъ въ Новый Свѣтъ изъ Россіи. Стоя на самой низшей ступени умственнаго и нравственнаго развитія, писцы эти прилагаютъ всѣ свои старанія, чтобы этими кажденіями кулакамъ, священникамъ и дьякамъ должнымъ образомъ угодить и тѣмъ обезпечить себѣ свои мѣстечки. Съ другой стороны, священники угрорусскіе, кулаки и дьяки, въ Америкѣ пребывающіе, въ подобной «литературной» дѣятельности своихъ угрорусскихъ писцовъ видятъ наилучшее средство прочно держать народъ въ своихъ рукахъ, не выпуская его ни на одинъ шагъ изъ сѣни своихъ лавочекъ—духовныхъ и тѣлесныхъ. Понимая, что въ народѣ угрорусскомъ, въ своемъ родномъ краѣ загнанномъ и забитомъ дикимъ хозяйничаніемъ европейскаго азіатства, на вольной землѣ американской начинаетъ пробуждаться постепенно національное самосознаніе и чувство своего народнаго достоинства, и что по разнымъ причинамъ, нами выше уже разъясненнымъ, появляется въ немъ особая привязанность къ своему обряду, означенные священники, кулаки и дьяки поспѣшили этому пробуждающемуся національному самосознанію и этой проявляющейся усиленной церковно-обрядовой потребности дать спеціальное направленіе чрезъ означенныхъ писцовъ, для чего и созданъ былъ «Американскій Русскій Вѣстникъ». Такимъ образомъ дѣйствительная дѣятельность учрежденія, именуемаго «Соединеніемъ греко-католическихъ русскихъ братствъ», учрежденія вѣроисповѣдокатолическаго, а не народнаго, достаточно выясняется. Прежде всего за получаемые имъ отъ членовъ своихъ платежи оно оказываетъ имъ меньшее вспоможеніе, нежели общеамериканскія вспомогательныя учрежденія, ибо эти послѣднія за такіе же платежи не только выдаютъ большее «по-смертное», но и оказываютъ разныя вспомошествованія при жизни въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ независимо отъ болѣзни, чего, какъ мы видѣли уже, «Соединеніе» вовсе не дѣлаетъ. Далѣе, беря съ этого народа ежегодно свыше 4.000 долларовъ якобы на его посѣщеніе, «Соединеніе» посредствомъ своего «Американскаго Рус-

скаго Вѣстника» предумышленно поддерживает его темноту, непросвѣщенность, невѣжество, незнаніе американскаго государственно-общественнаго уклада, американскаго экономическаго строя, американскаго общественнаго склада и быта и такимъ образомъ, при быстромъ социальномъ прогрессѣ Соединенныхъ Штатовъ, роетъ между народомъ этимъ и окружающей, несравненно культурнѣйшей и сильнѣйшей, общественной средой все большую и большую пропасть, надъ которой долженъ вскорѣ очутиться этотъ несчастный народъ въ совершенно безпомощномъ положеніи. Дѣлается все это для того, чтобы обезпечить за угрорусскими священниками, дьяками и кулаками, опредѣленный, постепенно увеличивающійся, безусловно покорный контингентъ «вѣрниковъ» и «костюмеровъ» (покупателей), обезпечить до тѣхъ поръ, пока они собьютъ себѣ солидные капиталы, а тамъ далѣе хоть трава не расти. Вотъ весь *raison d'être* «Соединенія» и его «Вѣстника». Само собою разумѣется, что первоначальные галицко-русскіе учредители его и во главѣ ихъ священникъ Одушкевичъ изъ него вышли, а всѣ прочіе галицко-русскіе священники и нѣкоторые наиболѣе честные изъ угро-русскихъ въ него и не вступали. Представляется довольно любопытнымъ, что свою вредную и въ отношеніи будущности русскаго народа въ Америкѣ дѣятельность прикрываетъ или, правильнѣе говоря, старается прикрыть «Соединеніе» вычурными и напыщенными фразами о благѣ русскаго народа, о его благосостояніи, о вспомошествованіи русскимъ братьямъ, о соблюденіи достоинства вѣры и народности и т. д., разсѣянными повсюду, какъ въ протоколахъ и перепискахъ этого прискорбнаго учрежденія, такъ и въ особенности на дикихъ страницахъ «Американскаго Русскаго Вѣстника». Такимъ образомъ давно ощущавшаяся среди русскаго народа въ Соединенныхъ Штатахъ потребность созданія крѣпкаго русскаго народнаго учрежденія, которое обнимало бы по возможности всю американскую Русь, удовлетворена не была, и даже попытка ея удовлетворенія привела, вопреки, конечно, всякимъ ожиданіямъ ея инициаторовъ, къ безсовѣстной эксплуатаціи.

Графъ Лелива (Е. Н. Матросовъ).

Пенсильванія.
Августъ, 1896 года.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БУХАРСКІЯ ПОСОЛЬСТВА ПРИ ДВОРѢ ЕКАТЕРИНЫ II.

А ОДНОЙ изъ центральныхъ улицъ города Бухары, возлѣ величественнаго зданія медресе Кукольташъ и мечети Шахсанемъ, возвышается небольшое, но изящное по своему архитектурному стилю медресе Ирѣ-Назарѣ-Ильчи. Бѣлый мраморный портикъ, выточенный въ стилѣ ша-арапъ, ведетъ во внутренность двухъ-этажнаго зданія медресе, сложеннаго изъ четырехугольныхъ плитъ сѣраго тесаннаго камня, облицованнаго по карнизамъ маіоликовыми изразцами въ общемъ вкусѣ зданій этого рода въ Средней Азіи. Внутренность медресе состоитъ изъ обширной и свѣтлой, увѣнчанной куполомъ, аудиторіи, бѣлыя стѣны которой покрыты узорами и арабесками изъ алебаstra тонкой, художественной работы. Къ аудиторіи съ обѣихъ сторонъ примыкають комнаты—кельи учителей и студентовъ (шаирдовъ), которыхъ насчитывается здѣсь до 80 человѣкъ. Медресе содержится на доходы своего вакуфа; каждый шаирдъ, кромѣ бесплатнаго ученья и дароваго помѣщенья, получаетъ еще небольшую стипендію (около 25 рублей въ годъ на наши деньги).

Объ основаніи этого медресе существуетъ преданіе, что оно построено въ концѣ прошлаго столѣтія на средства, пожалованныя императрицей Екатериной II нѣкоему Муллѣ-Ирѣ-Назарѣ-бію, бывшему бухарскимъ посломъ при дворѣ императрицы въ періодъ управленія Бухарой Шахъ-Мурадомъ, въ знакъ особаго благоволенія и за заслуги, оказанныя будто бы Ирѣ-Назаромъ русскому правительству. Обстоятельство это издавна придавало медресе Ирѣ-На-

зарь-Ильчи особый интерес въ глазахъ путешественниковъ-европейцевъ, въ особенности русскихъ, которымъ доводилось посѣтить Бухару и осмотрѣть ея многочисленныя достопримѣчательности. При посѣщеніяхъ такого рода услужливые бухарскіе гиды и муллы считаютъ своей непремѣнной обязанностью, въ числѣ другихъ достопримѣчательностей столицы, показать путешественнику Ирѣ-Назарь-Ильчи, рассказать ему легенду о сооруженіи этого памятника Екатериной II, о необыкновенныхъ достоинствахъ и добродѣтеляхъ самого Ирѣ-Назара, о его посольствѣ въ Россію и о томъ, какимъ образомъ, въ результатѣ этого посольства, русской императрицей было построено въ Бухарѣ медресе его имени. Съ теченіемъ времени на эту тему сложилось даже нѣсколько вариантовъ, которые, передаваясь изъ устъ въ уста, постепенно перешли въ нашу научно-описательную литературу и окончательно закрѣпили за медресе Ирѣ-Назарь-Ильчи его второе названіе: медресе императрицы Екатерины II. Такъ, нашъ извѣстный ориенталистъ Н. В. Ханьковъ, въ своемъ описаніи Бухарскаго ханства, категорически заявляетъ, что Ирѣ-Назарь-Ильчи построено императрицей Екатериной II, а г. Пославскій, въ описаніи города и ханства Бухары, подтверждая это происхожденіе медресе, присовокупляетъ, что оно названо такъ по имени лица, правившаго посольство, и что на сооруженіе его было пожертвовано 40.000 рублей. В. В. Крестовскій, посѣтившій Бухару въ 1883 году въ качествѣ официального лица, въ дневникѣ своей поѣздки, носящемъ названіе «Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго», приводитъ два варианта вышеприведенной легенды. Согласно первому изъ этихъ вариантовъ, медресе Ирѣ-Назарь было построено при слѣдующихъ обстоятельствахъ: ишанъ Ирѣ-Назарь, будучи очень бѣденъ, задался мыслію построить хорошее медресе и всю жизнь свою посвятилъ этой завѣтной цѣли. Переписывая книги, проповѣдуя коранъ и прося милостыню, онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ успѣлъ наконецъ собрать нѣкоторую сумму и началъ постройку, но денегъ этихъ далеко не хватило на ея окончаніе. Тогда императрица Екатерина II, случайно узнавъ объ ишанѣ Ирѣ-Назарѣ и о благомъ намѣреніи, которому была посвящена вся его жизнь, рѣшила помочь бѣдному ученому и послала ему боченокъ золота. На эти-то деньги и было устроено медресе.

Другая версія легенды говоритъ, что по вступленіи на бухарскій престолъ эмира Шахъ-Мурада, въ шабанѣ мѣсяцѣ 1199 года (январь 1784 года), онъ, желая заручиться союзомъ Россіи противъ Персіи, отправилъ Ирѣ-Назара въ Петербургъ въ качествѣ посла, а императрица Екатерина, желая съ своей стороны закрѣпить дружественныя связи съ Бухарой и тѣмъ открыть просторъ русской торговлѣ въ Средней Азій, пожертвовала, между прочимъ, капиталъ на построеніе и содержаніе медресе, зная, что это будетъ пріятно набожному эмиру. Г. Крестовскій, заканчивая свое повѣствованіе за-

явленіемъ, что онъ не ручается за дословную достовѣрность той или другой изъ этихъ легендъ, присовокупляетъ, однако, что участіе Екатерины II въ построеніи Ирѣ-Назарѣ-Ильчи, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно.

Автору этой статьи, въ бытность его въ Бухарѣ и другихъ мѣстностяхъ Средней Азіи, не разъ приходилось слышать эти и подобныя легенды о происхожденіи медресе Ирѣ-Назарѣ-Ильчи, а также большой соборной мечети въ Ташкентѣ, разрушенной землетресеніемъ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія и будто бы возстановленной императрицей Екатериной II. Суть этихъ разсказовъ вкратцѣ воспроизведена имъ въ очеркахъ Бухарскаго ханства, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1892 годъ.

Однако же, при болѣе обстоятельномъ изученіи, по архивнымъ источникамъ, исторіи сношеній русскаго правительства съ средне-азиатскими ханствами въ прошломъ столѣтіи всѣ эти преданія и легенды оказываются далекими отъ исторической правды. Вопросъ объ участіи императрицы Екатерины II въ реставраціи ташкентской джуммы-мечети, какъ мы увидимъ это ниже, разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ; что же касается медресе Ирѣ-Назарѣ-Ильчи, то хотя оно и носитъ названіе лица, два раза (въ 1775 и 1779 годахъ исполнявшаго обязанности бухарскаго посла при дворѣ императрицы, но посольства эти были вызваны совершенно иными причинами, чѣмъ тѣ, которыя приводитъ бухарское народное преданіе, имѣли мѣсто въ періодъ управленія ханствомъ не эмиромъ Шахъ-Мухадомъ, а Абдуль-Гази-ханомъ, причемъ ни о какихъ пожертвованіяхъ на сооруженіе въ Бухарѣ медресе имени Ирѣ-Назара въ память заслугъ, яко бы оказанныхъ этимъ лицомъ русскому правительству, или съ цѣлю сдѣлать пріятное эмиру, при дворѣ императрицы Екатерины и рѣчи не было.

Мы считаемъ своей обязанностію исправить вкравшуюся въ нашу описательную литературу ошибку относительно приписываемаго Екатеринѣ II происхожденія медресе Ирѣ-Назарѣ-Ильчи и реставраціи ташкентской джуммы-мечети во избѣжаніе повторенія этой ошибки въ будущемъ, при составленіи описаній памятниковъ старины въ Средней Азіи, приведа попутно съ этимъ, заимствованныя нами изъ дѣлъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ за 1775—1786 годы, не лишеныя интереса подробности о двукратныхъ посольствахъ ко двору императрицы Екатерины Муллы-Ирѣ-Назарѣ-бія и его сына Мухаметь-Шерифа, давшихъ поводъ для вышеприведенной бухарской легенды.

Въ исторіи Бухары XVIII вѣкъ ознаменованъ полнымъ упадкомъ ея былого первенствующаго политическаго значенія въ группѣ средне-азиатскихъ ханствъ, экономическимъ оскуднѣніемъ и разстройствомъ ея государственнаго организма. Рядъ неблагоприятныхъ для ханства обстоятельствъ, безпрерывныя междоусобныя и династическія

войны, раздиравшія страну въ продолженіе двухсотлѣтняго правленія слабыхъ и бездарныхъ Аштарханидовъ, непомѣрное развитіе ислама и усиленіе грубой, мало культурной узбекской партіи, захватившей въ свои руки бразды правленія, въ концѣ концовъ привели къ тому, что нѣкогда могущественное и богатѣйшее въ мірѣ государство Тимуридовъ обратилось въ жалкій обломокъ, готовый, казалось, прекратить свое самобытное политическое существованіе. Къ концу XVIII вѣка въ странѣ было уничтожено почти все хорошее, что въ ней было: науки и просвѣщеніе, искусства и ремесла, земледѣліе и промышленность. Цифра народонаселенія ханства и площади обрабатываемой земли сократились къ этому времени до ничтожныхъ размѣровъ. Знаменитая ирригаціонная система, снабжавшая водами Сыръ-Дарьи всю сѣверную половину ханства, частію была брошена на произволъ судьбы и занесена песками, частію уничтожена самими бухарцами, пользовавшимися въ критическія минуты этимъ варварскимъ средствомъ для защиты отъ вторженія въ бухарскіе предѣлы сосѣднихъ непріятельскихъ народовъ¹⁾. За недостаткомъ водоснабженія цѣлые цвѣтушіе оазисы были покидаемы жителями, дѣлаясь добычей движущихся песковъ, обращавшихъ ихъ въ голыя, безводныя пустыни. Въ ханствѣ сильно развилась торговля невольниками²⁾; извѣстное когда-то по всему востоку бухарское шелководство и другія цѣнные отрасли промышленности перешли къ самымъ грубымъ, примитивнымъ формамъ; лучшіе архитектурные памятники страны лежали въ развалинахъ. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ ханства царили интриги и безначаліе, весьма близкіе къ анархіи; народъ страдалъ подъ тяжестью непосильныхъ налоговъ; отъ государственнаго тѣла ханства отрывалась одна провинція за другой, переходя въ подданство сосѣдей или образуя отдѣльныя, самостоятельныя владѣнія.

Не въ лучшемъ положеніи находилась бухарская торговля того времени. Измѣненіе такъ называемыхъ великихъ торговыхъ путей, соединявшихъ Европу съ богатѣйшими странами Восточной Азіи, еще въ XVI вѣкѣ лишило Бухару тѣхъ громаднхъ выгодъ, которыми она пользовалась, благодаря своему значенію центральнаго транзитнаго пункта на пути движенія товаровъ изъ Китая и Индіи въ Европу и обратно. Съ открытіемъ Васко-де-Гама морского пути вокругъ Африки, прежняя сухопутно-караванная торговая зона, соединявшая Европу съ Азіей, была почти совершенно оста-

¹⁾ Такимъ образомъ, по приказанію Абдуллахъ-хана (1555 — 1597 г.), былъ уничтоженъ знаменитый Бухара-арыкъ, снабжавшій водами Сыръ-Дарьи сѣверную и сѣверо-западную части ханства.

²⁾ Въ дѣлахъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ имѣется, между прочимъ, свѣдѣніе, что въ 1785 г. однихъ только русскихъ невольниковъ насчитывалось въ Бухарѣ до 4000.

влена ¹⁾). Въмѣстѣ съ тѣмъ, торговое значеніе Бухарскаго ханства сократилось до ничтожныхъ, сравнительно, размѣровъ, ограничиваемыхъ вывозомъ изъ него предметовъ внутренняго производства и произведеній сопредѣльныхъ съ нимъ странъ: сѣверо-восточныхъ областей Персіи, Афганскаго Туркестана, Кашемира, Кашгаріи и Кокана. Но и въ этомъ относительно небольшомъ объемѣ европейская торговля ханства къ концу XVIII вѣка почти совершенно прекратилась.

Слабое правленіе Аштарханидовъ имѣло, между прочимъ, прямымъ слѣдствіемъ отпаденіе изъ-подъ власти Бухары сосѣднихъ кочевыхъ племенъ: туркменъ, части узбекскихъ родовъ и кара-киргизовъ, занимавшихъ своими кочевьями сѣверо-западные предѣлы ханства. Эти хищныя орды, вмѣстѣ съ хивинскими ихъ соплеменниками и киргизъ-кайсаками, систематически выдѣляли изъ себя многочисленныя шайки вооруженнаго сброда, которыя не только безпрепятственно грабили и захватывали въ плѣнъ путешественниковъ и караваны, направлявшіеся изъ Средней Азіи въ Россію и Западную Европу, но даже, нерѣдко, вооруженной рукой врываются во внутреннія области ханства, предавая все огню и мечу или заставляя беззащитныхъ жителей выкупать свою жизнь и имущество. Ничтожное бухарское правительство, все вниманіе котораго было поглощено придворными интригами, религіозными спорами и внутренними смутами, оказывалось, по большей части, безсильнымъ противостоять этому злу, сдѣлавшемуся, съ теченіемъ времени, какъ бы хроническимъ и уничтоженному только въ недавнее время, съ водвореніемъ въ Средней Азіи русской власти и гражданственности.

Естественно, что при такихъ условіяхъ торговыя сношенія Бухары съ европейскими странами сдѣлались чрезвычайно затруднительными, и лишь немногіе смѣльчаки изъ среды торговаго люда, съ рискомъ для жизни и капиталовъ, рѣшались поддерживать эту торговлю, направляя свои караваны на Оренбургъ и Астрахань черезъ хивинскія владѣнія и Мангышлакскій полуостровъ. Въ послѣдней четверти XVIII столѣтія эти сношенія еще болѣе были затруднены Пугачевскимъ бунтомъ и беспорядками среди кочевого населенія на нашей восточной границѣ.

Осенью 1773 года, направлявшійся изъ Бухары въ Россію крупный бухарскій караванъ, принадлежавшій нѣсколькимъ лицамъ и заключавшій въ себѣ товаровъ почти на пятьсотъ тысячъ рублей, былъ разграбленъ на оренбургской линіи пугачевскими шайками и киргизъ-кайсаками. Сопровождавшіе его бухарцы частью были перебиты,

¹⁾ Отъ бухарскихъ предѣловъ эта зона раздѣлялась на четыре главныя вѣтви: 1) Бухара-Хива-Астрахань—30 дней пути; 2) Бухара-Хива-Оренбургъ—60 дней; 3) Бухара-Троицкъ, по восточному берегу Аральскаго моря—80 дней; 4) Бухара-Ташкентъ-Петропавловскъ—90 дней пути.

частію успѣли бѣжать въ Бухару, куда и принесли извѣстіе объ этой катастрофѣ. Разграбленіе торговаго каравана на пути слѣдованія изъ Азіи въ Европу составляло въ тѣ времена заурадное явленіе и не вызывало, обыкновенно, политическаго конфликта ¹⁾. Однако же, убытки, понесенные на этотъ разъ бухарскими купцами, были на столько значительны, что они рѣшились обратиться къ царствовавшему тогда въ Бухарѣ хану Абуль-Гази ²⁾ съ просьбой исходатайствовать у русскаго правительства вознагражденіе за убытки, понесенные при разграбленіи ихъ собственности въ предѣлахъ Россіи русскими подданными. Поддержать эту просьбу передъ русскимъ правительствомъ вызвался нѣкто Мулла-Ирь-Назаръ-бій, богатый и вліятельный бухарецъ, одинъ изъ пайщиковъ разграбленнаго каравана, ужъ не разъ бывавшій передъ тѣмъ въ Россіи по своимъ торговымъ дѣламъ. Предложеніе его было принято, и въ началѣ 1774 года ко двору Екатерины II было снаряжено изъ Бухары посольство въ слѣдующемъ составѣ:

Мулла Ирь-Назаръ-бій, посолъ,	} свита	
Сынъ посла Мухаметъ-Шарифъ, пансать-баши,		
Ахунъ-Мулла-Арабъ,		
Имамъ Мулла-Халиль,		
Мулла Баба-Шарифъ, совѣтникъ и секретарь,		} посла.
Мухаметъ-Шарифъ, хазандаръ (казначей),		
Аязъ-берды, юзъ-баши (капитанъ).		

Кромѣ того, при посольствѣ слѣдовали: бухарскій фельдшеръ, повара, хлѣбники, прислуга, 9 музыкантовъ и 10 конюховъ для ухода за верховыми лошадьми, назначенными ханомъ въ подарокъ императрицѣ Екатеринѣ, цесаревичу Павлу Петровичу и нѣкоторымъ другимъ лицамъ,— всего 53 человекъ.

Посольство было снабжено вѣрительными грамотами Абуль-Гази къ императрицѣ Екатеринѣ и неизбѣжными на востокъ подарками, заключавшимися въ слѣдующихъ предметахъ:

¹⁾ При такихъ точно обстоятельствахъ, въ предѣлахъ Бухарскаго и Хивинскаго ханствъ были разграблены въ 1738, 1753, 1823 и 1824 годахъ наши правительственные караваны, посланные въ Среднюю Азію.

²⁾ Абуль-Гази считается послѣднимъ ханомъ царствовавшей въ Бухарѣ съ 1597—1784 г. династіи Аптарханидовъ, составившихъ потомство изгнанныхъ изъ Россіи въ XVI вѣкѣ астраханскихъ хановъ. Этотъ ничтожный и слабый бухарскій правитель былъ сначала игрушкой въ рукахъ возведнаго его на тронъ перваго министра Даніаль-агалыка, а въ 1784 г. былъ совершенно устраненъ отъ власти Шахъ-Мурадомъ, основателемъ царствующей теперь въ Бухарѣ узбекской династіи Мангитъ.

Но нѣкоторымъ извѣстіямъ, этотъ фиктивный Бухарскій правитель даже совершенно не принадлежалъ къ царственному роду Аптарханидовъ, но былъ выставленъ узбекской партіей, какъ подставное лицо. Существуетъ преданіе, что въ молодости онъ былъ простымъ пастухомъ. Онъ умеръ въ 1795—1796 г. въ Маркентѣ, всѣми забытый, въ полномъ ничтожествѣ.

Императрицѣ 7 арабскихъ аргамаковъ, убранныхъ дорогими попонами и сѣдлами; 18 паръ индійскихъ парчей, вышитыхъ золотомъ; 127 пудовъ лаписъ-лазурнаго камня, 84 пуда ревеня; 5 пудовъ чепучиннаго корня. Цесаревичу 3 арабскихъ аргамака, съ попонами и сѣдлами; цесаревнѣ 10 паръ индійскихъ парчей. Остерману, Панину, братьямъ Орловымъ и Олсуфьеву отправлялись также въ подарокъ арабскіе аргамаки, убранные дорогими попонами и сѣдлами.

Кромѣ того, Ирѣ-Назарѣ велѣ изъ Бухары въ Россію двадцать человекъ русскихъ плѣнныхъ, выкупленныхъ на средства бухарскаго правительства и посылаемыхъ въ видѣ почетнаго дара отъ хана императрицѣ ¹⁾.

Пользуясь благоприятнымъ случаемъ, посольство и его свита захватили съ собой значительный транспортъ бухарскихъ товаровъ, рассчитывая провезти ихъ безошлинно черезъ русскую границу подъ видомъ подарочныхъ вещей и затѣмъ распродать въ Россіи въ свою пользу.

Посольство выступило изъ Бухары въ концѣ января 1774 г., на Оренбургъ, черезъ Хиву, въ которую прибыло въ февралѣ мѣсяцѣ. Здѣсь, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій объ осадѣ Оренбурга пугачевскими сконищами, посольство оставалось почти полгода, послѣ чего двинулось далѣе черезъ Мангышлакъ на Астрахань, въ которую прибыло въ началѣ сентября 1774 года. Въ Астрахани его ожидала новая продолжительная задержка, такъ какъ тогдашній астраханскій губернаторъ, генераль-маіоръ Кречетниковъ, отказался пропустить посольство далѣе, черезъ русскія владѣнія, до полученія на это разрѣшенія и инструкцій изъ Петербурга ²⁾. Эти послѣднія были получены въ Астрахани только 30-го октября. Въ отвѣтъ на донесеніе Кречетникова Екатерина приказывала задержать посольство въ Астрахани и выслать въ Москву не ранѣе конца января 1775 года, ко времени прибытія туда двора, съ тѣмъ, чтобы изъ свиты посла было отправлено въ столицу не болѣе 20—30 лицъ, по его выбору. Подъ экипажи и багажъ посольства было приказано назначить 53 лошади и отпустить послу и его свитѣ, со вре-

¹⁾ Эти и послѣдующія свѣдѣнія о посольствахъ къ русскому двору Муллы-Ирѣ-Назарѣ-бѣи и его сына Мухаметъ-Шарифа извлечены изъ дѣлъ государственной иностранной коллегіи за 1774—1786 годы, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Составитель статьи приноситъ глубочайшую благодарность памяти покойнаго директора архива барона Ф. А. Бюллера и чинамъ этого учрежденія, благодаря любезному содѣйствію которыхъ ему удалось извлечь изъ дѣлъ архива эти и другія интересовавшія его свѣдѣнія по исторіи сношеній Россіи съ средне-азиатскими ханствами въ XVIII столѣтіи.

²⁾ Бухарскія посольства появлялись передъ тѣмъ въ Россіи въ 1734, 1735, 1736, 1739, 1740, 1743 и 1763 годахъ. Нѣкоторые изъ нихъ заподозрены въ томъ, что они не имѣли полномочій отъ своихъ правительствъ и составляли простыя купеческія партіи, самовольно придававшія себѣ значеніе посольствъ.

мени прибытія въ Астрахань, по 4 рубля въ сутки кормовыхъ денегъ.

Пребываніе бухарцевъ въ Астрахани сопровождалось рядомъ характерныхъ столкновеній посольства съ тамошней администраціей. Главною причиною этихъ столкновеній являлись требованія астраханской портовой таможни объ уплатѣ таможенныхъ пошлинъ за привезенные товары и подарочныя вещи, неправильная, по мнѣнію бухарцевъ, оцѣнка этихъ пошлинъ и вымогательства чиновъ астраханской губернской канцеляріи, вѣдавшей дѣла посольства, на подачки которымъ, по словамъ Ирѣ-Назара, приходилось расходовать отъ 20-30 рублей ежедневно. Выведенный изъ терпѣнія посольтъ отправилъ, наконецъ, письменную жалобу канцлеру графу Остерману, въ которой, сообщая о притѣсненіяхъ астраханскихъ властей, онъ просилъ ускорить отправленіе посольства изъ Астрахани въ Москву. Генераль Кречетниковъ, съ своей стороны, доносилъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ о неисполненіи посольствомъ разныхъ его требованій, о чрезмѣрной притязательности Ирѣ-Назара, выразившейся, между прочимъ, въ его недовольствѣ назначеннымъ отъ казны содержаніемъ, отъ котораго онъ отказался, причемъ, во время состоявшагося по этому поводу свиданія съ нимъ, Кречетниковымъ, посольтъ «оказалъ себя въ грубомъ видѣ». Выѣздъ бухарцевъ изъ Астрахани, послѣ ряда взаимныхъ препирательствъ, состоялся наконецъ, 9 февраля 1775 года, въ сопровожденіи астраханскаго 4-го баталіона капитана Егора Павлова, одного унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ. Всего, въ составѣ посольства осталось 42 лица, которыя были раздѣлены на два эшелона, слѣдовавшіе одинъ за другимъ съ двухдневнымъ промежуткомъ времени.

Посольство прибыло въ Москву 14 марта и было помѣщено за Москвой-рѣкой, въ домѣ, принадлежавшемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но, найдя это помѣщеніе неудобнымъ, переѣхало на частную квартиру, на Моросейку, нанятую посломъ за 125 рублей въ мѣсяцъ. На содержаніе посольства было ассигновано отъ двора по 200 рублей въ мѣсяцъ, выданные со дня прибытія его въ Астрахань. Официальная причина переѣзда посольства на наемную квартиру заключалась въ претензіи, заявленной замоскворѣцкими жителями на безпокойство, будто бы причиняемое имъ бухарской музыкой, ежедневно, по нѣскольку разъ, производившей свои упражненія во дворѣ посольскаго дома, болѣе же потому, какъ говорится въ докладѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ императрицѣ, что посольтъ желалъ имѣть полную свободу въ своихъ торговыхъ операціяхъ.

27 марта, за болѣзнь канцлера, посольство, въ полномъ составѣ, было принято вице-канцлеромъ графомъ Панинымъ. Во время этого визита Ирѣ-Назаръ вручилъ Панину вѣрительную грамоту Абуль-Гази на имя императрицы Екатерины, съ изъявленіемъ дружественныхъ чувствъ и объясненіемъ цѣли отправленія посольства

въ Россію, послѣ чего былъ посаженъ по правую руку вице-канцлера; по лѣвую сидѣлъ статскій совѣтникъ Бакунинъ; сынъ и свита стояли. Панинъ весьма дружественно бесѣдовалъ съ посломъ о положеніи дѣлъ въ Бухарскомъ ханствѣ, о бухарской торговлѣ и другихъ предметахъ. Въ это время подавали кофе и десертъ.

5 апрѣля посольство представлялось императрицѣ, послѣ литургіи, на выходѣ при дворѣ, въ одной изъ залъ по пути слѣдованія шествія. При представленіи посолъ былъ допущенъ къ рукѣ и удостоенъ милостивыми вопросами о его государѣ и о немъ самомъ. Бухарцы были одѣты въ своихъ парадныхъ парчевыхъ, шелковыхъ разноцвѣтныхъ одѣяніяхъ, причѣмъ, по словамъ записки коллеги иностранныхъ дѣлъ, самъ посолъ имѣлъ на головѣ шапку, а прочіе только скуфьи (тюбетейки). Послѣ этого посольство было на аудіенціи у цесаревича, милостиво разговаривавшаго съ Ирѣ-Назаромъ.

Въ то же время претензія бухарскаго правительства по возмѣщенію убытковъ за разграбленіе каравана была передана на обсужденіе государственнаго совѣта, который, по собраніи необходимыхъ справокъ, въ засѣданіи 16 ноября 1775 года, постановилъ претензію эту отклонить, за недоказанностію справедливости ея, по неимѣнію въ виду закона, предусматривающаго такого рода случаи, а также потому, что «бунтовщики, съ которыхъ могла бы быть взыскана указанная бухарскимъ правительствомъ сумма убытковъ, частію уже истреблены (вѣроятно, пугачевцы), частію до сихъ поръ остаются неповинующимися» (киргизъ-кайсаки).

Дальнѣйшее, почти годичное, пребываніе посольства въ Москвѣ не было ознаменовано никакими выдающимися событіями. Все это время посолъ былъ преимущественно занятъ торговыми операціями, продавая привезенные съ собой и полученные изъ Бухары товары и покупая произведенія московскихъ фабрикъ, для отправленія ихъ въ Бухару. Впрочемъ, проживая въ столицѣ, бухарскій дипломатъ не пренебрегалъ также развлеченіями и удовольствіями, подчасъ довольно игриваго характера. По этому поводу, въ дѣлахъ иностранной коллегии сохранилось документальное доказательство, въ видѣ донесенія московскаго полицеймейстера о бѣжавшей и скрывавшейся въ помѣщеніи посла крѣпостной дѣвицѣ нѣкой помѣщицы Ушакиной, которую Ирѣ-Назаръ долгое время не хотѣлъ выдать для водворенія у владѣлицы, не смотря на требованія полиціи. Этотъ эпизодъ, въ соединеніи съ увеселительной свитой посла и его широкимъ образомъ живни, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Ирѣ-Назаръ отнюдь не былъ тѣмъ суровымъ аскетомъ, погруженнымъ исключительно въ дѣла науки и благочестія, какимъ рисуетъ его бухарское преданіе.

15 января 1776 года, посольство въ послѣдній разъ представлялось графу Панину, послѣ чего было отпущено обратно въ Бухару. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы Ирѣ-Назару была вручена отвѣтная грамота императрицы на имя Абуль-Гази, съ изъявленіемъ взаимныхъ

дружественныхъ чувствъ, а отъ канцлера письмо, въ которомъ излагались причины, побудившія русское правительство отклонить просьбу о вознагражденіи за разграбленіе бухарскаго каравана. вмѣстѣ съ тѣмъ, послу была передана, для врученія хану, въ видѣ отвѣтнаго подарка императрицы, драгоцѣнная шапка, осыпанная брилліантами, приготовленная ранѣе для крымскаго хана Сагинъ-Гирея, а отъ цесаревича осыпанный брилліантами султанъ, стоимостью около 2.000 рублей.

Передъ отъѣздомъ посольства Екатерина, со свойственнымъ ей великодушіемъ, приказала щедро наградить его. При этомъ собственно Ирѣ-Назару были оказаны слѣдующія милости:

Подаренъ «корабль» на Каспійскомъ морѣ, для его торговыхъ сношеній съ русскими владѣніями (указъ адмиралтействъ-коллегіи отъ 19 декабря 1776 г.).

Предоставлено право безпошлинной торговли въ русскихъ предѣлахъ въ теченіе 5-ти лѣтъ, на 9.000 рублей въ годъ.

Пожаловано деньгами въ награжденіе 2.000 рублей и на дорогу 1.000 рублей.

Возвращены обратно изъ казны 2.000 рублей, взысканные въ Астрахани за товары, привезенные и распроданные посломъ въ Россіи.

Подарена соболья шуба.

На обратные путевые расходы отъ Москвы до Астрахани посольству было выдано 1.630 рублей.

Уѣзжая на родину, бухарцы остались, повидимому, весьма довольны оказаннымъ имъ въ Россіи приѣмомъ. Хотя главная цѣль посольства и не была достигнута, но лично для себя Ирѣ-Назаръ извлекъ изъ него значительныя по тому времени матеріальныя выгоды. Поэтому, при первой возможности, онъ незамедлилъ устроить для себя новую командировку въ Россію. Предлогомъ для этого послужили слѣдующія обстоятельства.

Въ 1775 году, одновременно съ бухарскимъ посольствомъ, въ Москвѣ находилось также посольство турецкое. Представители обоихъ мусульманскихъ государствъ не разъ видѣлись между собой, причѣмъ между ними возникло предположеніе объ установленіи бухарско-турецкой торговли и о направленіи средне-азиатскаго паломничества въ Мекку на Хиву и Астрахань, черезъ южно-русскіе предѣлы и далѣе моремъ черезъ Константинополь и Анатолю. По возвращеніи на родину, оба посла сообщили объ этомъ своимъ правительствамъ, въ результатъ чего послѣдовалъ обмѣнъ посольствъ между турецкимъ султаномъ и Абуль-Гази-ханомъ. Первымъ было выслано изъ Константинополя въ Бухару посольство турецкое. Въ отвѣтъ на это послѣднее Абуль-Гази-ханъ снарядилъ въ 1779 году посольство изъ Бухары въ Константинополь, во главѣ котораго опять были поставлены мулла Ирѣ-Назаръ-бій и его сынъ Мухаметъ-

Шерифъ, получившій къ этому времени также званіе бѣя. По пути въ Константинополь, посольству было поручено явиться сначала къ русскому двору, возобновить претензію объ уплатѣ вознагражденія за разграбленіе на оренбургской линіи бухарскаго каравана и попросить у императрицы Екатерины 3.000 пудовъ мѣди, въ которой въ то время нуждалось бухарское правительство.

При посольствѣ отправлялось 28 человекъ свиты и прислуги, а также транспортъ подарковъ, состоявшихъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

Императрицѣ два арабскихъ аргамака, съ попонами и сѣдлами; сабля, осыпанная алмазами и другими драгоценными камнями; 35 паръ индійской кисеи, вышитой золотомъ и шелками. Цесаревичу одинъ аргамакъ; цесаревнѣ 10 паръ кисеи. Потемкину, Панину, Безбородко и прочимъ — 5 арабскихъ лошадей, 115 бухарскихъ халатовъ изъ дорогихъ матерій, ружье съ золотой насѣчкой и нѣкоторыя другія вещи бухарскаго производства.

Кромѣ того, Ирѣ-Назарѣ везъ къ русскому двору еще подарки лично отъ себя, а именно: императрицѣ шашку, осыпанную брилліантами цѣной въ 18.000 рублей; 20 паръ индійскихъ парчей, 4 пучка страусовыхъ перьевъ въ 2.000 штукъ; цесаревичу — арабскаго аргамака; цесаревнѣ 10 паръ индійскихъ парчей и 2 пучка перьевъ въ 1.000 штукъ. Министрамъ и высшимъ чинамъ двора верховыхъ лошадей и другія цѣнныя вещи.

Посольство выступило изъ Бухары весной 1779 года; 10-го августа прибыло въ Оренбургъ, гдѣ было задержано до начала декабря.

Вотъ интересный указъ Екатерины тогдашнему оренбургскому губернатору, генераль-поручику Рейнсдорпу, относительно пропуска и отправленія посольства въ Петербургъ, выясняющій взглядъ императрицы на личность Ирѣ-Назара и значеніе обоихъ его посольствъ въ Россію.

«Хотя напередъ извѣстно, что онъ (то-есть посолъ) въ настоящемъ своемъ странствованіи больше собственные виды имѣетъ, нежели своего отечества, находящагося въ такомъ состояніи, по коему не можетъ никакъ предположена быть существенная нужда въ отправленіи посольствъ, и толь болѣе еще по прошествіи весьма малаго времени послѣ того, какъ онъ въ 1775 году былъ въ Москвѣ, и все то, что только могъ вздумать, представить по дѣламъ, до Бухаріи касающимся, совершенно уже въ томъ истоцился и снабденъ былъ достаточными резолюціями, а съ турками по безмѣрному мѣсть удаленію еще и больше несвойственности настоить въ заведеніи сообщенія и какихъ либо дѣлъ со стороны бухарской; не смотря однакожъ на сіи совершенно истинныя уваженія, кои оправдать могли бъ всякое препятствіе, чинимое нынѣ въ его скитаніи и купеческомъ промыслѣ подѣ предлогомъ посольства, мы соизволяемъ, напротивъ того, чтобъ онъ и на сей разъ пропущенъ былъ въ нашу

столицу, слѣдуя въ семь случаѣ высочайшей нашей склонности содержать престолъ нашъ императорской открытымъ приближеннымъ для иностранныхъ людей изъ толь дальнихъ областей, какова Бухарія, къ подражанію и примѣру въ обстоятельствахъ, иногда дѣйствительную пользу для дѣлъ нашихъ приносить могущихъ.

«Но какъ при отправленіи его сюда нужно будетъ высококомѣрию его положить предѣлы, ибо присвоенное ему отъ бухарскаго начальника названія бѣя и великаго посла, а не обыкновеннаго, есть всемѣрно дѣло его же происковъ, для основанія на томъ только требованія своего объ оказаніи ему больше почестей и о дачѣ ему умноженнаго содержанія, нежели какое понинѣ бухарскіе посланцы здѣсь имѣли, бывъ онъ самовидцемъ въ послѣднюю свою въ Москвѣ бытность приемамъ учиненнымъ послу турецкому. Для того вы, увѣдомляя его Ирназара Максютова о дозволеніи, воспоследовавшемъ на его ко двору нашему приѣздѣ, въ то жъ время искуснымъ образомъ не оставите ему показать, что единственнымъ къ тому убѣжденіемъ было собственное наше къ нему благоволеніе, а отнюдь ничто другое, не настоя у насъ никакой связи съ Бухарією, областію малою и отдаленною, и что онъ въ прочемъ въ какихъ бы чинахъ и званіяхъ въ своемъ отечествѣ ни находился, но здѣсь будетъ принимаемъ безъ всякихъ торжественныхъ обрядовъ, такъ какъ уже введено въ обыкновеніе и въ правило принимать людей, присылаемыхъ съ комисіями отъ подобныхъ владѣтелей, каковъ бухарской, имѣя все оказательство такимъ людямъ чинимое отношеніе свое не къ нимъ собственно, но къ ихъ владѣтелямъ, дабы онъ, Ирназаръ Максютовъ, слыша такія предварительныя вѣсти, какъ у васъ при отправленіи, такъ и въ бытность здѣсь при дворѣ нашемъ, меньше прихотливымъ и напрасливымъ былъ, нежели безъ того ожидать можно по его образу мыслей и по обращенію его, въ послѣднюю бытность въ Москвѣ оказанному, гдѣ онъ почти ничѣмъ довольнымъ не былъ».

«А изъ сего и выходитъ для васъ правило, чтобы вы, препровождая его сюда, поступили въ томъ и въ снабденіи его въ дорогу по прежнимъ примѣрамъ, а особливо по послѣднему бывшему съ нимъ самимъ въ Астрахани въ 1775 году. Тогда губернаторомъ астраханскимъ опредѣлено было ему самому кормовыхъ денегъ по 50, духовнымъ и свѣтскимъ чиновнымъ по 10, а рядовымъ по 7 коп., а всего на день по 4 рубли, но онъ отъ принятія оныхъ отрекся, и за то уже воздано было ему по приѣздѣ въ Москву опредѣленіемъ и производствомъ со всею однако же свитою, состоящею почти въ 60 человекъ, на содержаніе его, начиная съ приѣзда въ Астрахань по 200 рублевъ въ мѣсяць; безъ сомнѣнія, онъ и нынѣ равнымъ образомъ поступитъ и отъ представляемыхъ вами кормовыхъ денегъ за бытность его въ Оренбургѣ и въ дорогѣ до здѣшняго мѣста попрежнему уклонится въ надѣянніи получить здѣсь за

то удовлетвореніе, но тѣмъ не меньше вамъ при прежнихъ положеніяхъ остаться надлежитъ для сохраненія оныхъ въ ихъ непремѣнности, чтобъ однимъ въ томъ снисхожденіемъ не быть въ необходимости соглашаться и впредь на возрастаемое время отъ времени корыстолюбіе азіатскихъ мелкихъ мѣстъ жителей, обличающихъ себя въ такое же качество посольства мнимаго. Еще дается вамъ знать, что губернаторъ астраханскій былъ съ нимъ въ затруднительствѣ въ разсужденіи о привезенныхъ имъ тогда товаровъ; было у него оныхъ по таможенной оцѣнкѣ на десять тысячъ рублей, поплинъ съ того слѣдовало слишкомъ двѣ тысячи рублей; но онъ, защищаяся своею посольскою комисіею и бывшею нуждою имѣть такіе товары не для продажи, а для своего содержанія, на заплату оныхъ никакъ не согласился, которыя потомъ именнымъ нашимъ указомъ ему дѣйствительно и упущены; слѣдовательно, не будетъ онъ, конечно, и при настоящемъ случаѣ сговорчивѣе и податливѣе прежняго. Ну, пусть онъ тутъ свое дѣло сдѣлаетъ, а вы напротивъ того сдѣлайте свое, доведя до осмотра съ оцѣнкою всѣхъ могущихъ у него найтись товаровъ, кромѣ тѣхъ, кои назначены для поднесенія намъ, и потребовавъ за нихъ для сохраненія прежняго примѣра пошлину, по приличію ихъ больше къ купечеству, а не къ посольству; имѣя онъ въ самомъ дѣлѣ способъ снабдить себя въ Оренбургѣ наличными деньгами на время своего путешествія отъ торгующихъ тамо разныхъ мѣстъ татаръ, а сколько найдется у него товаровъ по цѣнѣ, имѣете въ свое время сюда донести для извѣстія и для того еще, чтобъ изъ того усмотрѣть было можно, по колику онъ и нынѣ въ томъ заслуживать будетъ упущеніе или, напротивъ того, нужно будетъ и взысканіе должныхъ пошлинъ, если бы вся вѣроятность собственнаго употребленія, по излишнему множеству вещей и ихъ разнообразію, не могла имѣть мѣста, а вопреки того по необходимому произведенію исканіе его во всемъ томъ торговли безпоплинной и потому сугубо для него прибыльной, тутъ заключалось.

«Но каковъ онъ ни есть, когда мы всемилостивѣйше снисходимъ уже на допущеніе его ко двору нашему, то посему и поручается вашему попеченію снабдить его какъ потребными для дороги повозками, такъ и столькими лошадьми, сколько ему будетъ надобно, отправляя для препровожденія его нарочнаго съ нимъ офицера и оставляя въ собственное его благоизобрѣтеніе, съ собою ли онъ поведетъ находящихся при немъ для двора нашего лошадей, или же пожелаетъ, чтобы особенное имъ отправленіе учинено было, что вы и дѣйствительно исполните, посылая ихъ за добрымъ присмотромъ съ дачею въ дорогу денегъ достаточныхъ на ихъ прокормленіе, которыя, равно какъ и всѣ на него самого и со всею его свитою издержки поставите вы на счетъ чрезвычайной и какъ о томъ донесете въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ, такъ и о времени выѣзда

его изъ Оренбурга, давая о семъ послѣднемъ обстоятельстве заблаговременно знать и въ Москву оной коллегіи въ контору, для приготовления ему тамъ квартиры».

Далѣе, изъ всеподданнѣйшаго доклада государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ по поводу прибытія посольства въ Петербургъ, мы увидимъ, что предположенія императрицы относительно исключительно спекулятивныхъ цѣлей этой второй поѣздки Ирѣ-Назара въ Россію не совсѣмъ оправдались.

24-го декабря, посольство прибыло въ Москву, въ сопровожденіи оренбургскаго линейнаго баталіона прапорщика Пальчикова, а 4-го января 1780 года въ Петербургъ, гдѣ было помѣщено на Васильевскомъ островѣ, въ казенномъ домѣ, принадлежавшемъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

На содержаніе посольства, на этотъ разъ, было ассигновано отъ двора по 360 рублей въ мѣсяць; для выѣздовъ посла куплена карета въ 800 рублей, для выѣздовъ свиты наняты два извозчичьи экипажа. Сопровождавшему посольство офицеру назначено по 50 коп. въ сутки кормовыхъ денегъ, толмачу по 25 коп., уряднику по 15 коп. и рядовымъ по 10 коп. въ сутки. Сопровождавшему подарочныхъ лошадей подпоручику Колокольцову выдано въ награду 80 рублей, уряднику 10 и казакамъ по 5 рублей.

Посольство представлялось графу Панину 21-го января; императрица и цесаревичу 2-го февраля. Екатерина и на этотъ разъ весьма ласково приняла посольство; Ирѣ-Назаръ былъ допущенъ къ рукѣ и удостоенъ милостивымъ разговоромъ, но въ принятіи лично имъ привезенныхъ императрицѣ подарковъ ему было отказано, для объявленія чего къ нему былъ нарочно командированъ секретарь иностранной коллегіи, Муратовъ, «потому», какъ говорится въ протоколѣ коллегіи: «что оные подарки не присланы съ нимъ отъ хана, но собственное его есть стяжаніе».

Въ бытность въ Петербургѣ, Ирѣ-Назаръ представилъ на высочайшее воззрѣніе, черезъ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, рядъ просьбъ отъ имени своего правительства и лично отъ себя. Вотъ вкратцѣ содержаніе этихъ просьбъ:

Выдать бухарскому правительству, для передачи бухарскимъ купцамъ, 471.830 рублей въ вознагражденіе за убытки, понесенные ими при разграбленіи каравана въ 1773 году.

Отпустить хану, въ подарокъ, съ Троицкихъ заводовъ 3.000 пудовъ мѣди пластинами.

Выдать денежное вознагражденіе за 20 человекъ русскихъ плѣнныхъ, выкупленныхъ и приведенныхъ посольствомъ въ Россію въ 1775 году.

Разрѣшить послу, его сыну и свитѣ свободный проѣздъ черезъ русскія владѣнія въ Турцію и обратно и, наконецъ,

Подарить ему, Ирѣ-Назару, и его сыну, соболь и шубы, какъ знакъ

монаршей милости, оказываемой всѣмъ вообще восточнымъ посламъ, турецкимъ, персидскимъ и проч., удостоиваемымъ благосклоннаго приема при русскомъ дворѣ.

Всѣ эти просьбы составляли, впрочемъ, лишь второстепенную цѣль посольства; главная же, какъ мы указали это выше, заключалась въ поѣздкѣ Ирѣ-Назара къ отоманскому двору, съ цѣлью изысканія и установленія торговыхъ путей для бухарско-турецкой торговли и паломничества въ Мекку черезъ русско-турецкіе предѣлы.

Приводимъ выдержку изъ всеподданнѣйшаго доклада по этому поводу государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 2-го апрѣля 1780 года, устанавливающую взглядъ тогдашняго русскаго правительства на политическое соотношеніе нашихъ подданныхъ мусульманъ и народовъ Средней Азіи съ ихъ западными единовѣрцами, населявшими Кавказъ, Крымъ и Турцію.

«Одно изъ правилъ здѣшней политики было напередъ сего препятствовать сообщенію какъ живущимъ въ предѣлахъ здѣшней имперіи магометанамъ съ ихъ заграничными единовѣрцами, такъ равнымъ образомъ и не подданнымъ магометанамъ же, обитателямъ великой Татаріи, чрезъ здѣшнія мѣста съ Крымомъ, Кубанью и Портою Оттоманскою.

«Могли быть тому въ прежнія времена причины важныя, по опасности, чтобъ внутренніе и внѣшніе магометане не учинились наконецъ содѣйствующими туркамъ и татарамъ крымскимъ и кубанскимъ противъ здѣшней имперіи, во время войны и разрывовъ.

«Но изъ самыхъ, напротивъ того, достовѣрныхъ свидѣтельствъ оказалось, что при всѣхъ употребленныхъ при границахъ усиліяхъ и наблюденіяхъ строжайшихъ, успѣвали однакожь, по великой оныхъ обширности, башкирцы и другіе татары прокрадываться въ Крымъ и къ Портѣ съ прошеніями о защищеніи ихъ отъ здѣшняго будто утѣсненія, въ разсужденіи свободности вѣры и всего ихъ обращенія.

«А какъ со всѣмъ тѣмъ такія съ заграничными магометанами бывшія пересылки ни малѣйшихъ предосудительныхъ слѣдствій во все прошедшее время не имѣли, ибо поведеніе однихъ съ поведеніемъ другихъ никогда не было соответствующимъ и предполагавшимъ какое либо между ними соглашеніе ко вреду здѣшнему, то въ настоящемъ превосходномъ состояніи управляемой скипетромъ вашего императорскаго величества имперіи, когда оная премудростію вашего величества и неутомленными трудами возведена на вышнюю степень почтенія со стороны турковъ и татаръ, толь меньше какое либо сумнительство оставаться можетъ въ разсужденіи сношенія съ ними татаръ внѣшнихъ, великой Татаріи жителей, но съ довольною вмѣсто того вѣроятностію еще и пользы ожидать можно отъ подобнаго разрѣшенія при нѣкоторыхъ извѣстныхъ полагаемыхъ тому условіяхъ».

Далѣе докладъ переходитъ къ оцѣнкѣ значенія проекта Ирѣ-

Назара и какъ бы воскрешаетъ гениальную мысль Петра Великаго о поворотѣ торгово-политическихъ сношеній Восточной и Средней Азій съ Западной Европой въ русскіе предѣлы.

«Посему повергаетъ коллегія въ монаршее вашего императорскаго величества благоизобрѣтеніе, угодно ли будетъ сего настоящаго бухарскаго посланника повелѣть пропустить чрезъ имперію вашего величества въ области турецкія, и куда онъ въ какомъ бы намѣреніи ни отправлялся; ибо предъявляемой имъ предлогъ, чтобъ отъ своего владѣтеля и всего общества воздать въ лицѣ императора оттоманскаго первосвященнику или калифу магометанскаго закона почтеніе видится, паче ложнымъ, нежели истиннымъ, составленнымъ изъ полученнаго имъ новаго понятія по разговорамъ и изъясненіямъ съ турецкимъ посломъ, въ одно время съ нимъ въ Москвѣ прилучившимся, но поѣздка его однако покажетъ примѣръ къ подражанію едва ли не склоняясь она въ главномъ своемъ предметѣ къ установленію торговли съ турками чрезъ посредство здѣшнихъ мѣстъ и Чернаго моря, или же совокупно и къ открытію татарскимъ богомольцамъ пути въ Мекку, кои должны теперь проѣзжать чрезъ Персію и по тамошнимъ неустройствамъ и разности исповѣданія своего терпятъ иногда отъ персіянъ трудности и бѣдствія, то-есть къ двумъ такимъ обстоятельствамъ можетъ быть склоняется его Ирназарова поѣздка, кои по образу мыслей бухарцевъ, хивинцевъ и прочихъ тамошнихъ народовъ всѣхъ безъ изъятія въ купеческомъ промыслѣ упражняющихся, но всѣхъ же и ревностныхъ магометанъ, могутъ одни только занимать ихъ вниманіе, привести многихъ изъ нихъ къ единодушной подвижности и внушить имъ намѣренія и мѣры общія, кои сперва коль ни маловажны были-бъ, но въ состоятельствѣ своемъ и продолженіи, возростая отъ самаго времени, отъ частыхъ прибытковъ и отъ умноженія охотниковъ въ большую силу и окружность, наконецъ по всей вѣроятности, возобновить могутъ и потерянную сухопутную дорогу изъ Восточной Индіи въ Европу, бывшую толь славною въ древности и до открытія морскаго пути мимо мыса Доброй Надежды. Тогда не будутъ уже мѣшать варварскіе степные народы, встрѣчающіеся на пути татарскимъ купцамъ до предѣловъ здѣшнихъ, когда будутъ ходить тысячные караваны, пользою и вѣрою возбуждаемые. Провидѣніе Божіе да совершитъ сіе событіе въ великое царствованіе вашего императорскаго величества къ умноженію пользы имперіи и со стороны торговли со всею обильною Азією, имѣвшею нѣкогда сообщеніе преимущественнѣйшее съ прочимъ свѣтомъ чрезъ Черное море и могущею нынѣ паки онымъ воспользоваться по благоволенію вашего императорскаго величества».

Докладъ иностранной коллегіи заканчивается характерной оцѣнкой личности самого Ир-Назара и его домогательствъ передъ русскимъ правительствомъ. То и другое выражено слѣдующими словами:

«Взирая на его (Иръ-Назара) расходы, сдѣланные имъ въ послѣднюю его бытность въ Москвѣ и чинимые имъ и нынѣ здѣсь и, что почти и въ томъ сумнѣніи нѣтъ, по сравненію бывшихъ на предъ сего изъ Бухаріи посланниковъ въ убожествѣ, а не въ богатствѣ видѣнныхъ, что ни ханъ бухарской, ни земля тамошняя никакого участія не имѣютъ въ его расточеніяхъ и о чемъ онъ и самъ не скрывается, перенимая всѣ оныя на свой счетъ, тотчасъ мысль представляется, что они для него, какъ частнаго человѣка, велики и несомнѣстны употребленіемъ своимъ на удачу со скупостію татарамъ свойственною; но надобно, чтобъ онъ въ томъ имѣлъ пособіе отъ своихъ соотечественниковъ, не тѣхъ, кои вышписанные грабежи претерпѣли и по собственному его объявленію находятся теперь въ бѣдности, но отъ достаточныхъ, чѣмъ и подтверждается вышписанное гаданіе по порученію ему отъ нихъ положить путь для коммерціи и богомолія чрезъ имперію вашего величества въ имперію Оттоманскую, а при такомъ его проворствѣ относительно къ своей сторонѣ, и въ чемъ по крайней мѣрѣ находится довольное правды пособіе, воображать уже не невозможно по слѣдствію не меньше необходимому, что онъ, приступя послѣ полученнаго изъясненія и отказа къ требованію объ удовлетвореніи бухарцовъ за грабежи ими претерпѣнныя и полагая тутъ собственной своей потери на пятнадцать тысячъ рублевъ и еще учиненныя имъ великія издержки во время прежнихъ его ходатайствъ въ лицѣ купецкомъ, заставляя же и хана своего вновь къ симъ претензіямъ приступитъ для приданія, повидимому, онымъ большей важности и чтобъ не показаться одному душою и пружиною всего того, не ищетъ ли паче симъ своимъ поступкомъ толь вящихъ и больше нежели обыкновенныхъ награжденій, какъ при отправленіи своемъ къ Портѣ, такъ и по возвращеніи оттуда при отъѣздѣ своемъ въ отечество, нежели въ самомъ дѣлѣ въ полученіи претензіи успѣтъ надѣяться, тѣмъ больше, что не въ первый сей разъ бухарцы терпѣли отъ киргисъ-кайсака грабежи, но никогда однако-жъ такой неотступной доуки не производили, а довольствовались тѣмъ, къ чему только безъ дальнихъ усилій и убытковъ, когда воспособствованы быть могли, сами по соудству и обращенію своему вѣдая, коль мало способны киргисъ-кайсаки къ строгимъ и точнымъ взысканіямъ».

Въ результатъ этого доклада состоялась слѣдующая резолюція императрицы Екатерины, выраженная въ указѣ иностранной коллегіи отъ 9-го мая 1780 года.

Пропустить посольство черезъ русскія владѣнія въ Константинополь, черезъ Кіевъ или Херсонъ, какъ оно пожелаетъ, доставивъ ему въ пути, до самыхъ границъ, возможныя выгоды и удобства. Выдать посольству въ прогоны, до русской границы, 2.600 рублей и на расходы въ пути 1.200 рублей. Купить и подарить послу дорожную карету въ 1.300 рублей. Подарить Ирѣ-Назару и его сыну,

въ знакъ монаршей милости, шубы и 2.000 рублей въ награжденіе. Хану отпустить съ Троицкихъ заводовъ 3.000 пудовъ мѣди пластинами, извѣстивъ его, черезъ нарочнаго гонца, какъ объ этомъ, такъ и о пропускѣ посольства въ Константинополь.

Что касается остальныхъ домогательствъ Ирѣ-Назара, то они и на этотъ разъ были отклонены, о чемъ онъ былъ извѣщенъ особой запиской иностранной коллегіи, врученной ему передъ отъѣздомъ его изъ столицы.

Посольство выѣхало изъ Петербурга 10-го сентября; 19-го октября прибыло въ Херсонъ, гдѣ, при содѣйствіи херсонскаго губернатора генераль-поручика Ганибала, наняло два греческихъ судна и, помѣстившись на одномъ изъ нихъ само, а на другомъ помѣстивъ экипажи и имущество, отплыло въ Очаковъ. До Херсона посольство сопровождали, въ качествѣ приставовъ, подпоручикъ Колокольцовъ и прапорщикъ Пальчиковъ, которые, по возвращеніи въ Петербургъ, по письменному ходатайству Ирѣ-Назара, были произведены въ слѣдующіе чины.

О дальнѣйшихъ странствованіяхъ посольства въ дѣлахъ иностранной коллегіи имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія. Изъ донесеній русскаго министра-резидента при отоманскомъ дворѣ Булгакова видно только, что посольство прибыло въ Константинополь 27-го октября 1780 года, 9-го ноября представлялось великому визирю, съ которымъ Ирѣ-Назаръ велъ торгово-политическіе переговоры, затѣмъ выѣхало въ Мекку, на пути въ которую, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1781 года, Ирѣ-Назаръ умеръ въ Коніи¹⁾, отъ свирѣпствовавшей тогда въ Малой Азіи какой-то эпидемической болѣзни.

Этимъ и исчерпываются наши свѣдѣнія о двукратныхъ посольствахъ Муллы-Ирѣ-Назаръ-бія въ Россію. Что касается раздѣлявшаго эти посольства сына посла, Мухаметъ-Шерифа, то эта личность еще два раза появлялась при русскомъ дворѣ: въ 1783 году, на обратномъ пути изъ Константинополя въ Бухару, и въ 1785 году, въ качествѣ бухарскаго посла, съ порученіями отъ своего правительства. Относительно этого послѣдняго посольства возникло, впрочемъ, сомнѣніе, что оно дѣйствительно снаряжено бухарскимъ правительствомъ, такъ какъ доставленныя Мухаметъ-Шерифомъ въ Петербургъ вѣрительныя грамоты и письма не были снабжены печатами, замѣняющими, какъ извѣстно, на Востокѣ подписи лицъ, отъ которыхъ исходитъ такого рода документъ. Было ли это простое недоразумѣніе, или же ловкій бухарецъ, котораго видимо тянуло въ Россію, воспользовался возникшими въ это время въ Бухарѣ внутренними беспорядками и междуцарствіемъ, чтобы подъ видомъ официальнаго лица побывать при русскомъ дворѣ,—остается не выясненнымъ. Во всякомъ случаѣ, хотя наше правительство и

¹⁾ Городъ въ Анатолиіи.

отказалось признать за нимъ достоинство посла, но онъ и въ 1783 и 1785 году былъ ласково принятъ при дворѣ императрицы Екатерины, доставленъ въ Петербургъ и содержимъ тамъ на казенный счетъ, а при отпускѣ на родину награжденъ денежными подарками. Во время поѣздокъ по Россіи Мухаметъ-Шерифа при немъ состояли, въ качествѣ приставовъ, въ 1783 году, извѣстный Филиппъ Ефремовъ¹⁾ и, въ 1785 году, поручикъ Колокольниковъ, путевой дневникъ котораго до сихъ поръ сохранился въ дѣлахъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Приведенный нами отчетъ о двукратныхъ посольствахъ Муллы Ирѣ-Назаръ-бія ко двору императрицы Екатерины II достаточно выясняетъ причины, вызвавшія эти посольства, ихъ результаты и тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось пребываніе Ирѣ-Назара въ Россіи. Было бы совершенно излишнимъ сопоставлять эти обстоятельства съ тѣми преданіями и легендами, которыя приведены по этому поводу въ нашей описательной литературѣ. Легенды эти нужно признать далекими отъ исторической правды и имѣющими значеніе, лишь какъ произведенія бухарскаго народнаго эпоса.

Намъ остается прибавить нѣсколько словъ по поводу возникшаго по инициативѣ Ирѣ-Назара проекта поворота торговыхъ сношеній Восточной Азіи съ Западной Европой на ихъ первобытный путь къ берегамъ Каспійскаго, Балтійскаго и Чернаго морей. Со смертію Ирѣ-Назара проектъ этотъ на долгое время былъ преданъ забвенію. Общій ходъ политическихъ событій въ Западной Европѣ, хроническія недоразумѣнія съ Турціей и Швеціей, колеблющееся положеніе Польши, Крыма и Грузіи, отвлекали вниманіе русскаго правительства отъ далекой, мало извѣстной Восточной Азіи, заставляя сосредоточить всѣ силы и средства русскаго народа на нашихъ западныхъ и южныхъ границахъ. Туркестанъ, съ его безконечными степями, знойнымъ климатомъ и полудикимъ населеніемъ, былъ какъ бы забытъ на это время; имъ начали опять интересоваться лишь полстолѣтія спустя, когда впервые были снаряжены въ Хиву и Бухару серьезныя научныя правительственныя экспедиціи, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Негри. Что касается народовъ и правительствъ тогдашнихъ средне-азиатскихъ ханствъ, то въ силу печальной исторической послѣдовательности, обусловливаемой непомѣрнымъ развитіемъ мусульманскаго фанатизма, коsnостью и подозрительностью монголо-таджикской природы, они не только не стремились къ сбли-

¹⁾ Авторъ «Десятилѣтнихъ странствованій», заданныхъ три раза: въ 1786, 1794 и 1811 годахъ. Въ 1774 году онъ былъ захваченъ въ плѣнъ киргизами и проданъ въ Бухару, гдѣ служилъ въ войскахъ хана Абуль-Гази. Оттуда чрезъ Коканъ, Кашгаръ, Яркендъ, Тибетъ и Кашемиръ бѣжалъ въ Индію и возвратился въ Петербургъ моремъ.

женію съ сосѣдной Россіей, но, напротивъ, всѣми силами противо-дѣйствовали этому сближенію. Доказательствомъ тому можетъ служить несчастная экспедиція въ Хиву князя Бековича-Черкаскаго и послѣдующія неудачныя попытки со стороны Россіи установить правильныя торговыя сношенія съ Хивой и Бухарой, выразившіяся въ посылкѣ вооруженныхъ торговыхъ каравановъ Миллера въ 1738 г., Рукавкина въ 1753 и Кайдалова въ 1803 и 1824 годахъ. Всѣ эти караваны были или разграблены по пути слѣдованія, или же были принуждены вернуться обратно, съ большими потерями, не достигнувъ по назначенію.

Въ частности, Бухарское ханство, какъ мы указали это выше, находилось въ описываемую эпоху въ состояніи полнаго государственнаго разстройства, весьма близкаго къ анархіи. Вниманіе его тогдашнихъ правителей было всецѣло поглощено придворными интригами и внутренними смутами, завершившимися окончательнымъ устраненіемъ отъ власти слабаго и ничтожнаго Абуль-Гази и воцареніемъ въ Бухарѣ, въ 1784 году, новой узбекской династіи, въ лицѣ нѣкоего Шахъ-Мурада, извѣстнаго иначе подъ именемъ эмира Маассума ¹⁾.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ смѣлый по своей идеѣ, но сложный и сомнительный по выполнимости на дѣлѣ, проектъ поворота торговыхъ сношеній Восточной Азіи съ Западной Европой на ихъ первобытный путь, въ бухарско-русскіе предѣлы, былъ вскорѣ преданъ забвенію обѣими заинтересованными странами. Та же участь постигла бы, вѣроятно, и самую личность инициатора этого проекта, Муллу-Ирь-Назаръ-бія, если бы память о немъ не была увѣковѣчена учрежденіемъ въ Бухарѣ медресе его имени. Кто былъ настоящимъ учредителемъ и строителемъ медресе Ирь-Назаръ-Ильчи,—самъ ли Ирь-Назаръ или, какъ можно думать, его сынъ Мухаметъ-Шерифъ-біи,—рѣшеніе этого вопроса не входитъ въ программу нашего изслѣдованія. Интересъ и значеніе этого средне-азиатскаго памятника старины исчерпывается для насъ связанной съ нимъ идеей общности международныхъ интересовъ, впервые пробудившейся тогда въ сознаніи бухарскаго народа, и тѣмъ обобщеніемъ блестящей личности Екатерины съ лучшими его идеалами и духовными стремленіями, которое выразилось въ приписываемомъ ей сооруженіи высшаго мусульманскаго училища — поступкѣ, считающемся повсюду на Востокѣ выдающимся подвигомъ благочестія.

¹⁾ Шахъ-Мурадъ происходилъ изъ узбекскаго рода Мангытъ, изъ отдѣленія Тукъ; по однимъ извѣстіямъ, онъ былъ сынъ, по другимъ— племянникъ бухарскаго министра Даніаль-Аталыка. Объ этой выдающейся личности на бухарскомъ престолѣ имѣются подробныя свѣдѣнія въ запискахъ Мурза-Шемси-Бухари, въ исторіи Бухары Вамбери и у Малькольма, т. II, стр. 256—260. Управляющій въ настоящее время Бухарой эмиръ Сеидъ-Абдуль-Ахатъ-ханъ есть праправнукъ Шахъ-Мурада.

Въ заключеніе, намъ остается привести историческую справку по поводу существующаго въ русскомъ Туркестанѣ преданія, что большая соборная мечеть въ Ташкентѣ ¹⁾, послѣ разрушенія ея землетрясеніемъ, въ концѣ XVIII столѣтія, также была восстановлена на средства, пожалованныя императрицей Екатериной II.

Сношенія Россіи съ ташкентскимъ беглербегствомъ въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія ограничиваются посылкой въ этотъ пунктъ слѣдующихъ лицъ: Миллера и Кумилева въ 1739 году, Поспѣлова и Бурнапова въ 1800 и Назарова въ 1813 году. Изъ нихъ Поспѣловымъ составлено обстоятельное описаніе тогдашняго ташкентскаго владѣнія, въ томъ числѣ и самаго города Ташкента. Ни въ этомъ описаніи, ни въ дѣлахъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ за 1700—1800 г. не заключается ни одного намека на то, что императрица Екатерина II дѣлала какія либо пожертвованія на реставрацію джумма-мечети, но вотъ что мы, между прочимъ, находимъ въ запискѣ Поспѣлова:

«Между всѣми строеніями въ семъ городѣ (Ташкентѣ) двѣ мечети, по увѣренію жителей, древнія и во время возмущенія разрушенныя; въ самыхъ остаткахъ или развалинахъ показываютъ довольно хорошее расположеніе и искусство тогдашняго народа. Онѣ весьма обширны и складены изъ обожженнаго кирпича, у которыхъ какъ стѣны, такъ и куполы покрыты были синей краской. Сіи мечети хотя и можно бы было еще исправить, но, кажется, недостатокъ рабочихъ рукъ останавливаетъ» ²⁾.

Мы едва ли ошибаемся, выразивъ предположеніе, что одна изъ этихъ двухъ большихъ, древнихъ мечетей, разрушенныхъ во время возмущенія или, какъ утверждаетъ народное преданіе, землетрясенія, есть теперешняя ташкентская мечеть—джумма, восстановленная уже послѣ 1800 года, то-есть нѣсколькими годами позже смерти императрицы Екатерины II, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ 1796 году. Кѣмъ, именно, она восстановлена,—рѣшеніе этого вопроса составляетъ задачу мѣстной археологіи. Съ своей стороны, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что народное преданіе, обобщающее имя императрицы Екатерины II съ восстановленіемъ изъ развалинъ этого древняго средне-азиатскаго памятника, является, повидимому, совершенно лишненнымъ исторической правды.

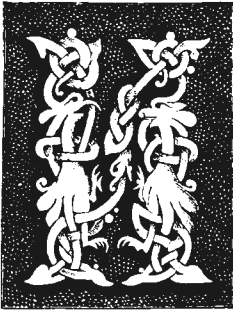
П. П. Шубинскій.

¹⁾ Это зданіе подробно описано въ книгѣ Маева «Азіатскій Ташкентъ», отпечатанной безъ обозначенія года и мѣста, гдѣ она была издана.

²⁾ См. Записки императорскаго русскаго географическаго общества за 1852 году, т. I, отд. IV.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОСКОВСКАГО СТАРОЖИЛА.

ЗВѢСТНО, что, кромѣ православія, самодержавія и народности — этихъ трехъ силъ, которыя, по мнѣнію провозвѣстниковъ славянофильства, призваны руководить исторіей русскаго народа, есть и четвертая сила, именуемая въ западноевропейской литературѣ «бюрократіей». Смысль этого термина и даже самое его существованіе, конечно, неизвѣстны русскому народу. Но въ своихъ воззрѣніяхъ на силу, обозначаемую этимъ терминомъ, нашъ народъ не расходился съ деревенскими обывателями и землевладѣльцами Западной Европы. И. С. Аксаковъ пытался передать воззрѣніе русскаго народа на эту силу въ какомъ либо подходящемъ терминѣ и окрестилъ ее названіемъ «средостѣніе». Быть можетъ, со временемъ кто нибудь подыщетъ болѣе удачное выраженіе, а пока терминъ «средостѣніе» имѣетъ право на признаніе, именно какъ отрицаніе такого права за самымъ содержаніемъ термина.

Въ самой разстановкѣ вышеуказанныхъ трехъ силъ, которыя представители славянофильства, оставаясь вѣрными воззрѣніямъ народа на «средостѣніе», кладутъ въ основу своего ученія и всего политическаго строя Россіи, имѣется свой опредѣленный смыслъ. Самодержавію отведено срединное мѣсто между православіемъ, съ одной стороны, и народностью — съ другой. Эти двѣ силы стоятъ по краямъ на стражѣ самодержавія, его охраняютъ, одухотворяютъ,

придаютъ ему смыслъ и значеніе. Слѣдовательно, между этими тремя силами по существу разногласіе немислимо, а, наоборотъ, полная солидарность вполне естественна. Нарушеніе этой естественной солидарности, поселеніе розни и возникновеніе разобщенія обыкновенно приписываютъ силѣ, недовольной тѣмъ, что ей не отведено мѣста на ряду съ православіемъ, самодержавіемъ и народностю. Такъ какъ исторія учитъ насъ, что притязующій не всегда проявляетъ разборчивость въ средствахъ для выраженія своего недовольства, то да хранитъ меня Богъ отъ мысли потревожить притязующаго какимъ либо ему противорѣчіемъ. Я ограничусь лишь голымъ изложеніемъ фактовъ и при томъ не новыхъ, а старыхъ, давнымъ давно отошедшихъ въ область исторіи.

Отдѣлимъ себя отъ современныхъ событій цѣлымъ полустолѣтіемъ и припомнимъ, что 50 лѣтъ тому назадъ славянофильское ученіе останавливало на себѣ общее вниманіе не въ одной Москвѣ, а во всей Россіи. Тогда всѣ недоумѣвали, почему ученіе, положившее въ свое основаніе православіе, самодержавіе и народность, вызываетъ противъ себя враждебное отношеніе въ «правящихъ сферахъ». Въ 1856 году, одинъ изъ московскихъ обывателей, сообщая митрополиту московскому Филарету впечатлѣнія своей первой встрѣчи съ представителями славянофильскаго ученія, выразилъ изумленіе, что такіе даровитые и просвѣщенные русскіе люди, такіе чистые сердцемъ народолюбцы и убѣжденные сторонники самодержавія, не только не пользуются у насъ довѣріемъ государя и его правительства, но еще отмѣчены какимъ-то неопредѣленнымъ пятномъ политической неблагонадежности.

Было высказано и предположеніе о томъ, что если бы предоставить этимъ славянофиламъ — по просторѣчю славянолюбцамъ, открыто исповѣдывать свое ученіе, то однимъ изданіемъ доступнаго массѣ изложенія своего міровоззрѣнія они вызвали бы въ народѣ такой откликъ, который разсѣялъ бы всѣ подозрѣнія, и взаимнѣ царя недоумѣвающаго увидѣли бы царя единомышленника и заступника.

— «Быть можетъ, вы и правы въ своихъ предположеніяхъ, — сказалъ Филаретъ, — да только время не пришло. Съ годами ¹⁾ убѣдитесь, что законы роста не допускаютъ исключеній. Посвянному зерну для всхода надо время. Такъ и тутъ».

— «Но развѣ люди въ такомъ исключительномъ положеніи, какъ настоящее положеніе московскаго митрополита, не могутъ своимъ участіемъ приблизить это время?»

— «Не могутъ, потому, что нынѣ и митрополиту могутъ сказать: не твое это дѣло. Я не доживу до того дня, когда разсѣются недоразумѣнія въ этомъ вопросѣ, когда въ защиту его заговорятъ

¹⁾ Собесѣднику было тогда 22 года

не одни митрополиты, когда сами славяне сознательно потянутся къ намъ; но вы, Богъ дастъ, доживете... доживете, пожалуй, и до царя единомышленника».

Филаретъ дѣйствительно не дожилъ до того дня; онъ умеръ въ 1867 году, а уже въ 1875 году въ Москвѣ, въ средѣ, хотя и не призванной къ участию въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, но въ средѣ завѣдомо и преемственно вѣрныхъ слугъ престола и отечества, созрѣла мысль о своевременности приступить къ окончательному рѣшенію такъ называемаго «восточнаго вопроса». Представитель Турціи въ это время пользовался такимъ же вниманіемъ «средостѣнія», какъ и представители всѣхъ прочихъ державъ, народъ же православный держалъ себя нѣсколько иначе. Въ городахъ и деревняхъ грамотеи передавали уже газетныя вѣсти о новыхъ звѣрствахъ турокъ надъ православными; въ монастыряхъ, въ церквахъ, духовенство открыто зывало къ помощи братьямъ по вѣрѣ; сотни тысячъ листовъ воззваній, кружекъ, сборныхъ листовъ и прочихъ приемовъ сбора народной казны глубоко волновали народную душу; въ Москвѣ словно ударили въ набатъ; крестнымъ ходомъ пошелъ Іоанникій въ Нижнемъ; Платонъ на Дону сзывалъ атамановъ и поощрялъ казачество... и вѣрная преданіямъ Москва стала центромъ движенія всей православной Руси.

Въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, во дворѣ Славянскаго Базара, съ ранняго утра до поздней ночи не расходилась толпа, ожидавшая очереди для опроса, собиранія предварительныхъ справокъ и рѣшенія участи, кому можно «идти въ Сербію къ Михаилу Григорьевичу Черняеву и кому нельзя». Эти православные входили въ одну дверь комнаты, въ которой работали «крамольники», а въ другую, парадную, входили такіе православные, которые наполняли кружки деньгами и получали квитанцію, или бросали деньги подчасъ черезъ головы другихъ на столъ и уходили, не дожидаясь квитанцій. Приходилъ и старообрядецъ Тимоѳей Морозовъ съ вопросомъ, не шить ли ему на фабрикѣ бѣлье или какое платье для добровольцевъ, и, долго не получая отвѣта за недосугомъ вопрошаемаго, бросилъ тысячу рублей на столъ и ушелъ. Или вотъ, какъ лунь сѣдой, монахъ, долго ожидавшій очереди и протискавшійся, наконецъ, къ «крамольникамъ», спрашиваетъ: «чѣмъ могла бы помочь вамъ Свято-Троицкая Сергіевская лавра?». Монахъ оказался настоятелемъ лавры, тѣмъ маститымъ архимандритомъ Леонидомъ, который 7 лѣтъ былъ настоятелемъ нашей посольской церкви въ Константинополѣ. Получивъ отвѣтъ: «готовьте больницу для больныхъ и раненыхъ», онъ поклонился и, сотворя крестное знаменіе, засунулъ въ кружку пачку денегъ, не говоря, какихъ и отъ кого. Или вотъ молодой человекъ, сказавшійся нарочно пріѣхавшимъ изъ Орла узнать, чѣмъ можетъ онъ быть полезенъ, и на вопросъ, можетъ ли сейчасъ же ѣхать съ письмомъ къ архіепископу Платону о высылкѣ въ сербскую армию

казаковъ для развѣдочной службы, отвѣчаетъ готовностью ѣхать сейчасъ же, беретъ письмо, суетъ что-то въ кружку и отходитъ. А человѣкъ тотъ вскорѣ былъ назначенъ губернаторомъ, а затѣмъ и товарищемъ министра. Или вотъ молодая женщина съ 8-ми-лѣтнимъ сыномъ, жена моряка, прямо съ поѣзда изъ Петербурга умоляетъ дать совѣтъ, какъ догнать внезапно уѣхавшаго въ Сербію мужа...

26-го августа, около часа дня, толпа разступилась и пропустила генераль-лейтенанта И. Л. Слезкина (начальника московскаго жандармскаго управленія), пріѣхавшаго съ молебна въ Успенскомъ соборѣ въ полной формѣ. Сѣлъ генераль рядомъ съ «крамольниками» и старшему изъ нихъ шепнулъ на ухо, что утромъ получена имъ отъ шефа жандармовъ депеша о томъ, будто этотъ «крамольникъ» готовить въ Москвѣ военную демонстрацію на 30 августа. Шефъ требуетъ принятія мѣръ и подробнаго объясненія. Сообщилъ Иванъ Львовичъ Слезкинъ и свой отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «упоминаемаго крамольника знаю хорошо; за него ручаюсь; донесенія, вами полученныя, невѣрны». И такъ изо дня въ день, почти три мѣсяца, съ небольшими лишь перерывами для ночного отдыха...

Среди этихъ разнообразныхъ проявленій жизненности, преданій и вѣрованій коренной Руси, было одно, долженствующее быть поставленнымъ во главѣ всякой выборки изъ лѣтописи того времени. Оно шло отъ нашей славной арміи, часть которой стояла въ Ходынскомъ лагерѣ подъ Москвой. Сознывая важность имѣть во главѣ добровольцевъ и вообще въ рядахъ дѣйствующей арміи офицеровъ, взятыхъ изъ строя, въ Ходынской лагеръ былъ посланъ уполномоченный, съ порученіемъ оповѣстить въ офицерскомъ собраніи, что буде окажутся желающіе ѣхать въ ряды сербской арміи, то во избѣжаніе дальней поѣздки въ Славянскій Базаръ можно застать распорядителя на его дачѣ близъ лагеря отъ 9 до 10 часовъ вечера. И вотъ въ тотъ же самый день на этой дачѣ произошло слѣдующее: съ 8 часовъ мѣстность, окружающая эту дачу, наполнилась разнаго рода экипажами, верховыми лошадьми, извозчиками, доставившими изъ лагеря такую массу офицеровъ, что, занявъ гостиную, кабинетъ и даже лѣстницу, нѣкоторымъ изъ пріѣхавшихъ пришлось размѣститься на крыльцѣ. Первымъ изъ этой массы подошелъ къ пріѣхавшему хозяину командующій однимъ изъ полковъ, а въ числѣ послѣднихъ оказался баталіонный адъютантъ, единственный сынъ довольно богатой помѣщицы—явленіе исключительное среди бѣдняковъ-товарищей и обнищавшаго дворянства.

По нашимъ законамъ, военнотружашіе не только не могутъ поступать въ ряды иностранныхъ армій, хотя бы и дружественной державы, безъ особаго на то высочайшаго соизволенія, но даже заграничный отпускъ для военнотружашихъ былъ въ то время дѣломъ

довольно сложнымъ, восходившимъ до высшихъ степеней военной іерархіи; и только пройдя весь этотъ долгій путь, проситель получалъ заграничный паспортъ отъ высшей мѣстной административной власти. Но какъ только Москва ударила въ набатъ, всѣ эти законоположенія если и не были отмѣнены законодательнымъ порядкомъ, то замѣнялись самыми простыми приемами; въ Москвѣ, напримѣръ, достаточно было подписи одного изъ двухъ членовъ Славянскаго Комитета, не занимавшихъ никакого официальнаго положенія, — подписи на ими же напечатанномъ бланкѣ съ обозначеніемъ, что предъявитель его принять въ сербскую армію, — и московскій генераль-губернаторъ выдавалъ предъявителю такого бланка заграничный паспортъ за своею подписью.

Одной этой справки достаточно, чтобы человекъ, сторонній отъ православной Руси, пришелъ въ ужасъ и представилъ себѣ страну въ состояніи полнѣйшаго разложенія. И въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны, словно какіе-то «мятежники», нарушители законовъ царя, открыто ведутъ войну съ дружественной Россіи державой; съ другой — какъ бы нарушена святость присяги, обязывающей исполнять и охранять законы и договоры; и новому положенію, бунтарями созданному, какъ бы подчинились облеченные властью отъ царя даже на столь высокихъ степеняхъ государственнаго управленія, какъ постъ генераль-губернатора первопрестольной столицы.

Другая многотысячная толпа, ежедневно собиравшаяся на московско-курскій вокзалъ для проводовъ отъѣзжающихъ въ Сербію добровольцевъ, не встрѣчала другихъ блюстителей порядка, кромѣ сотрудниковъ того члена Славянскаго Комитета, въ вѣдѣніи котораго находилось, какъ собраніе предварительныхъ справокъ о добровольцахъ, такъ и снаряженіе ихъ и отправленіе. Тутъ передъ отходомъ каждаго поѣзда духовенство служило молебенъ и колѣнопреклоненная толпа вторила пѣнію клира; на каждаго изъ добровольцевъ отъ Славянскаго Комитета возлагался образокъ или крестъ; ближайшіе къ добровольцамъ, знакомые и незнакомые, прощались съ ними братскими объятіями; затѣмъ слѣдовало размѣщеніе по вагонамъ, назначеніе въ каждомъ изъ нихъ старшаго и отвѣтственнаго за порядокъ и окончательная перекличка. Громкій голосъ распорядителя повторялъ одну и ту же рѣчь: «Прощайте, православные, не посрамите себя и насъ ни въ пути, ни на мѣстѣ. Черняеву и всѣмъ братьямъ нашъ поклонъ передайте». Затѣмъ раздавался свистокъ, и поѣздъ трогался, напутствуемый благословеніемъ духовенства и пѣніемъ многотысячной толпы тропаря — «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, поѣзды благовѣрному императору нашему Александру Николаевичу, на супротивныя даруяй»... Или такую пѣснь пѣла толпа: «Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе Владычице, — Ты намъ помози; на Тебе надѣмся, Тобою хвалимся, да не постыдимся во вѣки, аминь».

Такъ было не въ одной Москвѣ. Добровольцы отправлялись и петербургскимъ отдѣломъ Славянскаго комитета, двигались они и изъ другихъ городовъ. Одиною отъ всѣхъ другихъ жизнью жили подъ Русскою Державою православіе и русская народность—среди всеобщаго изумленія и уваженія инородцевъ и иновѣрцевъ и подмоги чуть не со стороны всѣхъ православныхъ членовъ самого «средствія».

Но во второй половинѣ августа мѣсяца появляется новое теченіе, выразившееся то стѣсненіемъ сборовъ, то запрещеніемъ печатать воззванія, а также отправлять добровольцевъ изъ числа состоявшихъ на дѣйствительной службѣ. Разрешенное сегодня отминаясь завтра. Такое положеніе дѣла вызвало рѣшеніе Московскаго комитета принять нѣкоторыя чрезвычайныя мѣры. Положено было отправить уполномоченнаго въ Петербургъ за выясненіемъ этого новаго теченія. И вотъ 12-го сентября является посланецъ отъ Москвы къ шефу жандармовъ, генераль-адъютанту Мезенцову, изъ объясненія съ которымъ приводимъ слѣдующія наиболѣе характерныя мѣста.

— Что у васъ тамъ дѣлается въ Москвѣ? Какую-то войну ведете? Казаковъ поднимаете. Точно съ ума всѣ сошли,—такъ грозно началъ этотъ добрый и всегда расположенный скорѣе къ снисхожденію начальникъ III Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.—Чортъ знаетъ, что у васъ тамъ дѣлается,—закончилъ онъ, ухватившись за голову.

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ посланецъ,—я пріѣхалъ просить васъ снять съ меня показанія именно по поводу этихъ событій и представить ихъ государю. Серьезность положенія вынуждаетъ меня просить васъ принять меня въ часъ болѣе спокойнаго настроенія.

Желая, вѣроятно, смягчить впечатлѣніе отъ перваго окрика, генераль сказалъ:

— Я готовъ васъ слушать сейчасъ. Не обращайтесь на это вниманія—это такая привычка. Садитесь и расскажите, что у васъ тамъ дѣлается.

— Ведется война, ваше превосходительство, съ Турціей. Ведутъ ее православные за свой счетъ и страхъ. Русская кровь льется на берегахъ Моравы. Туркамъ помогаютъ ихъ покровители и союзники, и силы и средства ихъ увеличиваются. Требуется и намъ усиленная поддержка, хотя бы одной дивизіей, а между тѣмъ, въ послѣднее время даже самая дѣятельность напa стѣсняется все болѣе и болѣе.

— Что вы говорите? Да какъ вы смѣете вести войну? Это чортъ знаетъ что такое! Какая тутъ война, когда правительство не прерывало дружественныхъ отношеній съ Турціей? Какое вамъ дѣло до Турціи? Это чортъ знаетъ что за сумасбродство!

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ посланецъ,—нѣ народъ

виновать въ томъ, что въ то время, когда лучшіе люди, много лѣтъ посвящавшіе свои силы изученію восточнаго вопроса, пришли къ заключенію, что настала благопріятная минута для его разрѣшенія, что въ эту минуту у правительства не оказывается яснаго о немъ представленія и опредѣленнаго плана дѣйствій.

— Какъ нѣтъ!—живо прервалъ Мезенцевъ.—Есть планъ дѣйствій: Черняева объявить измѣнникомъ отечества, Аксакова выслать изъ Россіи навсегда, а васъ выслать изъ Москвы года на три.

— Такая милость вашего превосходительства подаетъ надежду на исполненіе вами моей просьбы снять съ меня показанія и представить ихъ государю.

Затѣмъ, послѣ вѣсьма продолжительной бесѣды, генераль сказалъ посланному такъ:

— Прошу васъ остаться до утра и прийти ко мнѣ въ 11 часовъ, а я посоветуюсь сегодня же и сообщу вамъ наше рѣшеніе.

Изъ бесѣды видно было, что шефъ жандармовъ хотѣлъ посоветоваться съ министрами, въ то время находившимися въ Петербургѣ.

На другой день, въ 11 часовъ, Мезенцевъ встрѣтилъ посланца слѣдующими словами:

— Мы не можемъ взять съ васъ никакихъ показаній и посылать ихъ государю. Поѣзжайте въ Ливадію,—тамъ рѣшающія силы.

— Но, ваше превосходительство, есть довольно вѣскія доказательства тому, что рѣшающимъ силамъ не противны дѣйствія Московскаго комитета. Притомъ же духовенство, печать, администрація, словомъ, всѣ силы, такъ согласно дѣйствующія въ одномъ направленіи, не отъ насъ зависятъ, не намъ подвѣдомственны. Вотъ, напримѣръ, вчера, вы изволили сказать, что атаману казачьихъ войскъ, генераль-адъютанту Краснокутскому, послано высочайшее велѣніе, чтобы ни одинъ казакъ не смѣлъ тронуться съ мѣста и идти къ генералу Черняеву, а между тѣмъ вотъ телеграмма, только что мною полученная.

Генераль взялъ телеграмму и прочиталъ вслухъ: «Москва, такому-то. Сейчасъ перевелъ черезъ границу первую сотню казаковъ. Коней 115. Люди и лошади здоровы. Ивановъ».

— Это кто Ивановъ?—спросилъ генераль.

— Кишиневскій исправникъ, ваше превосходительство.

— Вы его давно знаете?

— Ни я его не знаю, ни онъ меня не знаетъ, а поручено ему перевести казаковъ черезъ границу потому, что такое дѣло никто лучше исправника исполнить не можетъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!—сказалъ генераль.

— А вотъ еще другая депеша, полученная ночью.

Генераль взялъ и эту депешу и прочиталъ вслухъ: «Ожидаемъ завтра разрѣшенія принять изъ московскихъ складовъ 20.000 ар-

шинъ сукна и 40.000 аршинъ холста. Какъ распорядиться? Бакунинъ».

— Ба-а-кунинъ?—протяжно сказалъ генераль.—Какой это Бакунинъ?

— Старый товарищъ мой по Семеновскому полку, а нынѣ—камергеръ двора его величества.

Задумался сердечный Николай Владиміровичъ и, подавая руку посланному, сказалъ:

— Ничего не понимаю. Поѣзжайте въ Ливадію—тамъ рѣшающія силы.

* * *

Итакъ, путь для народной правды къ царю изъ первоисточника—путь черезъ III Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи оказался закрытымъ. Даже обращенію къ царю черезъ комиссію прошеній была поставлена преграда самой формой отказа—указаніемъ ѣхать въ Ливадію, гдѣ находятся «рѣшающія силы»—учрежденіе, въ государственной іерархіи не поименованное и народу неизвѣстное. А такъ какъ Бироновъ, Аракчеевыхъ, или какихъ бы то ни было временщиковъ, при Александрѣ II не было, то явилась новая задача—въ самой Ливадіи отыскать государственное учрежденіе подъ названіемъ «рѣшающія силы».

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ въ Москвѣ такой отвѣтъ шефа жандармовъ, тѣмъ не менѣе вопросъ о томъ, что дѣлать, былъ рѣшенъ въ самый день возвращенія посланца въ смыслѣ, указанномъ шефомъ жандармовъ. Два дня только прошло въ обсужденіи двухъ другихъ вопросовъ, отсюда истекающихъ: ѣхать ли посланцу къ «рѣшающимъ силамъ» отъ Славянскаго комитета, или отъ себя, и ѣхать ли съ устнымъ объясненіемъ, или съ письменно изложенной народной правдой?

Порѣшили такъ: ѣхать посланцу въ Ливадію не отъ лица комитета, дабы въ случаѣ какой бѣды отвѣчать одному, а комитету оставаться въ сторонѣ; розыскать въ Ливадіи часть «средостѣнія» подъ вывѣской «рѣшающія силы» и предстать передъ ними, кто бы онѣ ни были, съ устнымъ объясненіемъ, извѣщая въ Москву по телеграфу слѣдующимъ шифромъ: 1—означала «нашъ посолъ въ Турціи генераль-адъютантъ Игнатьевъ», находившійся тогда въ Ливадіи; 2—«графъ Адлербергъ, министръ двора»; 3—«военный министръ генераль-адъютантъ Милютинъ»; 4—«канцлеръ князь Горчаковъ», и 5—«Царь».

Такъ какъ изъ телеграммы, полученной изъ Ливадіи отъ 16 сентября, стало извѣстно, что генераль-адъютантъ Игнатьевъ возвращается въ Константинополь безъ окончательно принятаго рѣшенія, то въ ночь съ 16-го на 17-е была послана въ Ливадію слѣдующая депеша, адресованная отъѣзжающимъ посланцемъ прото-

іерею Іоанну Рождественскому, сопутствовавшему государю и лично хорошо знакомому съ отправителемъ депеши: «Просите генерала Игнатъева повременить отъѣздомъ. Сегодня выѣзжаю курьерскимъ для личныхъ сообщеній».

И вотъ рано утромъ, 19 сентября, посланецъ изъ устъ бывшего своего законоучителя, протоіерея Рождественскаго, на кѣвартирѣ его, въ кавалерскомъ корпусѣ ливадійскаго дворца, на разстояніи не болѣе 20 сажень отъ кабинета царя, услышалъ слѣдующее:

— Что вы такъ долго не ѣхали? Государь нѣсколько разъ прислалъ ко мнѣ спросить, пріѣхали ли вы, или нѣтъ... Ваша депеша была ему извѣстна.

Часъ спустя московскій посланецъ былъ уже въ Ореандѣ, въ китайскомъ павильонѣ, гдѣ помѣщался генераль-адъютантъ Игнатъевъ, а ровно въ полдень оба они вошли въ кабинетъ графа Адлерберга въ Ливадіи.

Въ 5 часовъ докладъ посланца былъ оконченъ, и онъ возвратился въ Ореанду для свиданія съ тайнымъ совѣтникомъ Гамбургеромъ, бывшимъ, какъ всѣ утверждали, правой рукой государственнаго канцлера и сопутствовавшимъ ему въ эту поѣздку канцлера съ государемъ. Къ вечеру того же дня изъ Ялты посланцемъ отправлена была слѣдующая телеграмма: «Москва, Аксакову. 1-го и 2-го погода ясная; безъ переменъ; благопріятная».

На утро, 20-го сентября, послѣдоваль докладъ посланца военному министру, причемъ получено приказаніе явиться на другой день, такъ какъ министръ призналъ нужнымъ доложить государю заявленную посланцемъ просьбу. Затѣмъ, слѣдовала вторая бесѣда съ графомъ Адлербергомъ, въ присутствіи же генераль-адъютанта Игнатъева, продолжавшаяся около часа. За симъ вторая поѣздка въ Ореанду, гдѣ полученъ отвѣтъ канцлера черезъ тайнаго совѣтника Гамбургера лично, что канцлеръ, къ своему сожалѣнію, вслѣдствіе многочисленныхъ занятій, принять посланца не можетъ; а вечеромъ однимъ изъ обѣдавшихъ въ тотъ день съ государемъ переданъ посланцу слѣдующій разговоръ государя съ канцлеромъ:

— Вы не видѣли, князь, пріѣхавшаго изъ Москвы?

— Онъ былъ у меня,—отвѣчалъ канцлеръ,—но я не счелъ возможнымъ его принять.

— Напрасно,—сказаль государь.—Не могу же я его позвать ранѣе того, чѣмъ вы съ нимъ переговорите. Прошу васъ завтра же его принять.

Вечеромъ изъ Ялты послана Аксакову слѣдующая депеша: «3-го подробный докладъ. Обѣщанъ на завтра отвѣтъ послѣ доклада 5-му. 4-го ничего не видно, но вызванъ на завтра полдень приказаніемъ 5-го. Настроеніе доброе. Туманъ видимо спадаетъ».

Утромъ 21, за часъ до аудіенціи у канцлера, посланецъ явился къ генераль-адъютанту Игнатъеву, съ которымъ ровно

въ полдень вошелъ въ кабинетъ канцлера, гдѣ встрѣтилъ и Жюмини. Едва посланецъ сказалъ нѣсколько словъ на вопросъ канцлера: «что вамъ нужно?»—какъ былъ прерванъ имъ словами: «мнѣ Россія вѣрить, меня Россія любить, меня Россія балуетъ», и далѣе говорилъ одинъ безъ перерыва болѣе получаса. Канцлеръ говорилъ о Европѣ, о славянскомъ мірѣ, говорилъ о многомъ другомъ, но ни слова о Москвѣ, о Руси, ни слова о категорически выраженной ему задачѣ посланца. Рѣчь была прервана появленіемъ придворнаго служителя, сказавшаго, что государь проситъ канцлера къ себѣ.

Едва только посланецъ, возвратясь изъ Ореанды въ Ливадію къ военному министру, успѣлъ услышать отказъ въ исполненіи заявленной имъ наканунѣ просьбы, какъ вошелъ служитель, посланный отъ графа Адлерберга звать его къ нему немедленно.

— Государь желаетъ васъ видѣть сегодня. Онъ приметъ васъ въ половинѣ второго; но въ 2 часа вы должны уйти, такъ какъ въ 2 часа государь выѣдетъ,—сказалъ графъ Адлербергъ.

— Ваше сіятельство,—возразилъ посланецъ,—я не въ парадной формѣ; успѣю ли съѣздить въ Ялту переодѣться?

— Все равно,—сказалъ графъ,—какая тутъ форма. Давайте чай пить.

— Я не имѣлъ счастья представляться государю со времени выхода моего изъ гвардіи,—сказалъ посланецъ.—Меня заботитъ не сущность предстоящихъ отвѣтовъ государю. Быть можетъ, ваше сіятельство не откажете мнѣ въ какихъ нибудь предупрежденіяхъ, особенно въ виду пережитыхъ государемъ потрясеній и состоянія его здоровья.

— Нѣтъ, особеннаго ничего не имѣю сказать. Изложите государю положеніе дѣлъ такъ же, какъ говорили мнѣ, а тамъ сами увидите.

Напившись чаю, собесѣдники вышли изъ кабинета на дворцовую площадку, и графъ Адлербергъ своимъ молчаніемъ какъ бы помогалъ посланцу сосредоточиться въ приготовленіи къ минутѣ, рѣшающей, быть можетъ, или участь дѣла, или участь его докладчика, какъ вдругъ невдалекѣ остановилась коляска, изъ которой вышелъ генераль-адъютантъ Игнатъевъ и, подойдя къ нимъ, вслухъ прочиталъ депешу Нелидова изъ Константинополя о томъ, что софты ¹⁾ волнуютъ народъ, что чернь вооружается.

— Новая задача прибавляется,—сказалъ посланецъ, обращаясь къ графу Адлербергу, когда по намеку его отошелъ генераль-адъютантъ Игнатъевъ.—Надо упросить государя отложить возвращеніе посла въ Константинополь до принятія какого нибудь рѣшенія.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа во дворецъ стояла скамейка,

¹⁾ Духовенство.

на которую гр. Адлербергъ и посланецъ сѣли въ ожиданіи зова государя.

Прошелъ дежурный флигель-адъютантъ князь Вяземскій ¹⁾. Графъ Адлербергъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— Минуты черезъ три государь позоветъ.

— Ваше сіятельство,—сказалъ тогда посланецъ,—объ аудіенціи, которыми вы меня удостоили, были въ присутствіи генераль-адъютанта Игнатьева. Такъ же было и при объясненіи съ канцлеромъ. Пропу васъ не оставляю меня одного съ государемъ. Минута важная, минута историческая. Я человекъ толпы, слова мои могутъ быть невѣрно поняты, или рѣчь моя можетъ быть государю неясна. Вашимъ присутствіемъ устраняется возможность какихъ либо недоразумѣній.

— Не могу обѣщать вамъ,—сказалъ графъ.—Я введу васъ въ кабинетъ, но если государь не скажетъ, чтобы я остался, — я не останусь.

Едва успѣлъ договорить графъ эти слова, какъ дверь подъѣзда отворилась, и камеръ-лакей, подойдя къ графу, сказалъ: «Государь просить».

Ровно въ половинѣ втораго графъ Адлербергъ ввелъ «человѣка толпы» къ царю...

— Затвори дверь,—сказалъ государь, обращаясь къ посланцу. (Это относилось къ двойной двери).

Пока посланецъ исполнялъ это приказаніе, государь самъ затворилъ другую дверь въ сосѣднюю комнату (Адлерберга уже не было), затѣмъ, обращаясь къ посланцу, сказалъ:

— Мнѣ говорили, что ты служилъ въ гвардіи, когда я командовалъ гвардейскимъ корпусомъ?

— Такъ точно, ваше императорское величество, — отвѣтилъ посланецъ.

— Давно это было; забылъ,—сказалъ государь и продолжалъ:— Я знаю все, что ты говорилъ Адлербергу, Игнатьеву, Милютину и канцлеру, и призвалъ тебя для того, чтобы повторилъ ты мнѣ все. Хочу слышать лично отъ тебя. Но прежде подойди ко мнѣ; хочу обнять тебя за то, что ты понялъ важность исторической минуты и самъ пришелъ сюда.

И царь крѣпко обнялъ подошедшаго къ нему «человѣка толпы» и поцѣловалъ его; а тотъ—поцѣлуемъ долгимъ поцѣловалъ плечо и руку царя.

— Возьми стулъ, садись и расскажи все, что знаешь,—сказалъ царь, садясь къ столу.

— Ваше величество,—началъ посланецъ,—первый докладъ мой графу Адлербергу длился 5 часовъ; аудіенціи у генераль-адъютан-

¹⁾ Нынѣ главный начальникъ удѣловъ.

та Игнатъева, министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, были болѣе или менѣе продолжительныя, а мнѣ сказано, что въ 2 часа вы должны ѣхать. Не зная, какъ уложить мою рѣчь въ этотъ срокъ, я попросилъ бы позволенія отвѣчать на ваши вопросы, какіе вамъ угодно будетъ сдѣлать.

— Не стѣсняйся временемъ, — ласково сказалъ государь, — и говори, какъ говорилъ Адлербергу.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте государь, предложить вамъ три вопроса.

— Вопроса?—удивленно сказалъ государь.

— Вѣрите ли вы, что настоящее движеніе есть дѣйствительно народное движеніе, — то движеніе стихійное, которое не подъ силу вызвать одному человѣку или цѣлой группѣ людей, кто бы они ни были?

Вскинулъ глазами государь на посланца и голосомъ твердымъ сказалъ:

— Да, вѣрю.

— Вѣрите ли, государь, въ искренность и благонамѣренность выброшенныхъ толпой передовыхъ ея дѣятелей?

— Да; но вѣдь...—протяжно сказалъ государь, — эти комитеты имѣютъ и такую подкладку, которая не совсѣмъ вяжется съ нашимъ исторически сложившимся строемъ.

— О какихъ комитетахъ ваше величество изволите говорить?—спросилъ удивленнымъ голосомъ посланецъ.

— Ну, да вотъ этотъ самый Славянскій комитетъ, въ которомъ ты работаешь.

— Дѣятельнымъ членомъ Славянскаго комитета я никогда не былъ, ваше величество. Да этого комитета теперь и нѣтъ. Видно, вамъ не доложили, что первый замученный въ Герцеговинѣ турками православный, первая христіанка, ими изнасилованная, первое дитя, ими задушенное, — были сигналомъ къ закрытію Славянскаго комитета и его отдѣловъ... Вся ваша Русь православная стала подъ это знамя. Вотъ въ какомъ комитетѣ я работаю.

Государь сдѣлалъ движеніе въ креслѣ. На лицѣ его что-то дрогнуло, и какъ бы другимъ уже голосомъ, въ оправданіе невѣрія, сказалъ:

— Ну, ну, вѣрю, — продолжай.

— Послѣдній вопросъ, ваше величество. Вѣрите ли вы въ искренность и благонамѣренность и того изъ насъ, кто стоитъ впереди другихъ?

— Аксакова?—сказалъ государь, немного нахмурившись.

— Да, Аксакова, ваше величество. И если нужно еще какоенибудь новое доказательство, чтобы разсѣять недовѣріе къ нему, то оно со мною; это — только что напечатанная имъ біографія Тютчева.

Въ этой книгѣ авторъ незамѣтно для себя исповѣдывалъ всю свою душу. Извѣстна ли вамъ эта книга, государь?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Она съ тобой?

— Въ гостиницѣ, въ Ялтѣ.

— Такъ отдай ее Адлербергу, чтобъ онъ мнѣ передалъ. Прочту непременно.

— А въ чистоту намѣреній и дѣйствій Аксакова вѣрите?

— Ну, вѣрю,—(словно, «отстань») сказалъ, улыбаясь, государь.—
Продолжай.

Вотъ первыя минуты встрѣчи царя лицомъ къ лицу съ человекомъ толпы,—той родной ему толпы, которая именуется «святая Русь». Воспроизводитъ дальнѣйшее — значитъ нарушить порядокъ, къ прискорбію, установленный «средостѣніемъ», и мы не нарушимъ этого порядка, сохранивъ подробности для лѣтописей. Отмѣтимъ только, что ровно въ 2 часа дверь открылась, и кто-то доложилъ, что лошади готовы. Посланецъ всталъ.

— Не поѣду. Садись, продолжай, — не стѣсняйся временемъ, — сказалъ государь спокойнымъ голосомъ, обращаясь къ посланцу.

Рѣчь посланца возобновилась. Три раза у государя выстѣпали слезы на глазахъ. Царь-человѣкъ, на себѣ испытавшій такъ много горя и несправедливости людской, не могъ безъ слезъ слушать о такихъ же несправедливостяхъ и страданіяхъ другихъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ на лицѣ его живо отражалось и чувство радости и силы; самый станъ его какъ будто выпрямлялся, словно ширился, удлинялся, слушая о проявленіяхъ мощи народнаго духа, его вѣрѣ, любви и вѣрности преданіямъ до самозабвенія. Три раза вставалъ посланецъ и три раза слышалъ отъ царя:

— Подожди; подумай: еще чего нибудь не забылъ ли?

Было 3 часа 5 минутъ, когда на остановившуюся рѣчь посланца государь сказалъ:

— Ну, иди съ Богомъ. Когда ѣдешь въ Москву?

— Сегодня же, ваше величество.

— Нѣтъ, подожди,—останься до утра. Можетъ быть, забылъ что нибудь, такъ скажи Адлербергу, онъ мнѣ передастъ. Да книгу не забудь прислать.

— Не забуду, ваше величество.

И на глубокой поклонъ посланца царь подошелъ къ нему, обнялъ его и два раза поцѣловалъ, сказавъ:

— Ну, ступай съ Богомъ; спасибо, спасибо тебѣ.

* * *

По предварительному указанію гр. Адлерберга посланецъ прямо изъ кабинета государя долженъ былъ идти къ нему. Войдя къ графу,

посланецъ увидѣлъ на диванѣ сидящими канцлера и генераль-адъютанта Игнатѣева.

— Что вы такъ долго были у государя?—спросилъ графъ Адлербергъ.

— Счастливы ли вы пріемомъ государя?—спросилъ пофранцузски канцлеръ.—Расскажите намъ, какъ все было.

— Ваше сіятельство,—отвѣчалъ посланецъ, обращаясь къ графу Адлербергу,—я три раза вставалъ, помня ваше указаніе, что въ 2 часа государь долженъ ѣхать, но его величество удержалъ меня до сей минуты. Я сейчасъ передамъ все, государемъ сказанное, но прежде прошу позволенія оповѣстить Москву депешей. Я тотчасъ же возвращусь для доклада.

— Не уходите,—сказалъ графъ Адлербергъ,—пишите тутъ. Вотъ вамъ бумага и чернила.

Посланецъ сѣлъ и тутъ же на столѣ министра написалъ сѣдующую депешу: «Москва, Аксакову. Послѣ аудіенцій у генераль-адъютанта Игнатѣева и министровъ двора, военнаго и канцлера, удостоился сегодня' высочайшей аудіенціи, продолжавшейся 1 ч. 35 м. Довѣріе полное. Положеніе опредѣленное. Благость неисчерпаемая». Чтобы понять смыслъ этой телеграммы, слѣдуетъ вспомнить, что передъ тѣмъ довѣріе колебалось, а положенія опредѣленнаго и совѣмъ не было. Этотъ же текстъ былъ тутъ же переписанъ посланцемъ еще въ 4 экземплярахъ, адресованныхъ Каткову, отцу и женѣ посланца, да московскому генераль-губернатору князю Долгорукову. Эти оповѣщенія, пожалуй, можно признать официальными, казенными, такъ какъ они были посланы на казенный счетъ. Графъ Адлербергъ взялъ ихъ изъ рукъ посланца какъ только тотъ прочелъ текстъ вслухъ, не позволилъ ему платить деньги и приказалъ отправить призванному въ кабинетъ чиновнику.

Дальнѣйшій ходъ событій извѣстенъ. Извѣстно и вѣнчаніе дѣла. Мѣсяць спустя, царь появляется въ столицѣ Руси, въ Кремлѣ, и, перешагнувъ черезъ «средостѣніе», вѣщаетъ міру, что войну за освобожденіе братьевъ по вѣрѣ, которую повели за свой счетъ и страхъ одни его родныя—«православіе» и «народность»,—онъ считаетъ и своимъ дѣломъ.

Это старая исторія изъ лѣтописи давнопрошедшаго; но изъ нея вытекаютъ поучительные выводы для нашей внутренней національной жизни. Получило новое подкрѣпленіе народное повѣріе, что «на Руси царь—все, и народъ все»; а кто изъ нихъ двухъ ранѣе заповѣдь исполнить и свое дѣло сдѣлаеть—въ томъ между собою не считаются. Иванъ Сусанинъ освободилъ отъ плѣна царя много ранѣе того, чѣмъ царь освободилъ остальныхъ Ивановъ отъ плѣна крѣпостнаго; такъ было и тутъ: на призывъ церкви Иваны пошли

ранѣ, царь позднѣ, но никто никого не корилъ, не ропталъ, ибо одно общее дѣло дѣлали, одну и ту же Христову заповѣдь исполняли. Когда этотъ, ради Христа предпринятый, подвигъ освобожденія оказался не подъ силу двумъ силамъ, пришла на подмогу третья, и подвигъ совершенъ. И вотъ эта-го взаимопомощь, равнобѣрность и равноправность, эта свобода духа въ приложеніи любви, какъ главнаго двигателя воли, и совпадаютъ съ нашей «народной правдой», ибо въ основѣ ея лежитъ не неволя, а свобода, не угнетеніе, а освобожденіе.

Вся исторія коренной Руси до нашихъ дней — сплошное доказательство, что это не выдумка, не бредни славянолюбцевъ. Изъ исторіи носителя такой правды, т. е. народа, мы знаемъ, что въ его «видѣ на жительство» значатся только переходы отъ ита тарскаго къ крѣпостному и отъ крѣпостнаго къ экономическому. И такъ какъ въ этомъ «видѣ на жительство» носителя нашей народной правды ничего другаго еще не значитъ, то что же удивительнаго въ томъ, что изъ него, изъ этого своего «пашпорта» онъ и черпаетъ свою религію и свою политику? Вотъ почему и не можетъ онъ желать кому либо того лиха, которое выпало на его долю. Вдумайтесь, читатель, въ это явленіе... Это вѣдь лучъ свѣта на всю русскую исторію, на все наше прошлое, настоящее и будущее.

«Русскій народъ впервые живетъ своей исторіей, своей религіей и своей политикой»,—сказалъ 2 августа 1876 года нашъ знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ въ отвѣтъ графу Д. А. Толстому, совѣтовавшему одному изъ передовыхъ въ то время членовъ Славянскаго комитета въ Москвѣ выйти изъ комитета, такъ какъ «правительство никогда не пойдетъ за бреднями шестидесятилѣтняго ребенка».

Кого же считалъ министръ Толстой «шестидесятилѣтнимъ ребенкомъ»? Ивана Сергѣевича Аксакова... Въ чемъ видѣлъ Толстой «бредни» Аксакова? Въ томъ, что Аксаковъ первый почувалъ, осмыслилъ и огласилъ думу русскаго народа...

* * *

Въ заключеніе остается дать отвѣтъ на вопросъ, чему поучаютъ насъ и пророчество Филарета и событія, оправдавшія это пророчество? Къ чему призываютъ они насъ, къ чему обязываютъ? Поучаютъ—стоятъ крѣпко за свои вѣрованія, какъ за наслѣдіе предковъ. Призываютъ и обязываютъ—дѣлиться этимъ наслѣдіемъ съ ближними, кто бы они ни были и гдѣ бы они ни жили; а окрестъ себя, у своего домашняго очага,—внѣдрять эти вѣрованія въ мѣрѣ разумѣнія подрастающаго поколѣнія.

Что же говорятъ эти пророчества и событія царю и царству? Они говорятъ, что матерая сила Россіи не въ придаткахъ къ Руси,

а въ ней одной, православной. А міру всему они—эти пророчество и событія—освѣщаютъ пути къ истинѣ. И міръ уже на нашихъ глазахъ мало-по-малу, волей-неволей тяготѣетъ къ ней... Ибо въ ней одной одна любовь; въ ней всѣ муки Господа-Христа; въ ней не неволя, а свобода, не угнетеніе, а освобожденіе.

А. Пороховщиковъ.

ТЮРЕМНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ¹⁾.

Тюремныя вольности.—Честность прислуги.—Литературныя занятія.—Комедія на премію.—Жиганы.—Безнаказанность преступленій въ стѣнахъ тюрьмы.—Директоръ Б.—Башни: Пугачевская для политическихъ и другая.—для обыкновенныхъ преступниковъ.—Женщины въ башнѣ.—Романы въ башнѣ.

VI.

В СМОТРЯ на обиліе начальства, обитатели «Бу-тырскаго университета» пользовались внутри стѣнъ тюрьмы полной почти свободой и имѣли постоянныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Корреспонденція была доступна всѣмъ. Приставники правильно отсылали письма арестантовъ и доставляли таковыя, взимая за каждое письмо 5—10 коп. Между приставами были такіе преданные арестантамъ слуги, что готовы были идти за нихъ въ огонь и въ воду. Нѣкоторые изъ нихъ отличались такой феноменальной аккуратностью и честностью, какая рѣдко встрѣчается и на волѣ.

За время пребыванія въ замкѣ мнѣ иногда приходилось мѣнять сторублевые кредитные билеты. Бывало, скажешь вѣчно пьющему, но никогда не бывавшему пьянымъ, приставнику Евсеичу: «хочешь выпить?»—и дашь ему сторублевую бумажку. Евсеичъ только улыбнется, подернетъ свои щетинистые усы, молча засунетъ кредитку за пазуху и черезъ 10 минутъ является уже съ полной сдачей.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 161.

Между тѣмъ онъ бы могъ совершенно безнаказанно присвоить себѣ эти деньги, такъ какъ арестантамъ, по закону, запрещено имѣть при себѣ деньги,—да я, кромѣ того, ничѣмъ не могъ бы доказать, что далъ Евсеичу такую сумму на руки. А вѣдь приставникъ получалъ всего 8 рублей жалованья въ мѣсяцъ, на своихъ харчахъ, такъ что болѣе чѣмъ годовое жалованье могло бы очень соблазнить Евсеича. Но ему, повидимому, и въ голову не приходила такая безчестная мысль.

Само собою разумѣется, что всѣ болѣе или менѣе интеллигентные узники знали всѣ внѣшнія событія, свободно читали газеты и журналы, нѣкоторые изъ нихъ вели «дневники» и писали корреспонденціи въ разныя періодическія изданія.

Не смотря на строжайшее запрещеніе имѣть письменныя принадлежности, на вѣчный шумъ и гамъ, на невозможность уединиться, хотя на одинъ часъ, мнѣ также удалось вести свой «дневникъ», въ которомъ, впрочемъ, было больше мыслей, чѣмъ фактовъ, написать, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, большую оригинальную комедію, исторія которой не безынтересна.

Въ описанное мною время Русское общество драматическихъ писателей, во главѣ котораго стоялъ покойный А. Н. Островскій, объявило черезъ газеты конкурсъ на оригинальную комедію въ пяти дѣйствіяхъ, назначивъ первую премію въ 2.000 рублей, вторую въ 1.500 рубл. и третью въ 1.000 рублей, обѣщая при томъ поставить премированную пьесу на сценѣ императорскихъ театровъ.

Хотя я никогда не пробовалъ свои силы на театральномъ поприщѣ, но отъ нечего дѣлать я вздумалъ попытаться, тѣмъ болѣе, что за время пребыванія въ «Бутырскомъ университетѣ» у меня накопилось не мало фактовъ и наблюденій изъ судебного міра, которые мнѣ хотѣлось обработать въ драматической формѣ.

Написавъ пятиактную комедію подъ заглавіемъ «Наша взяла!», я отправилъ ее, подъ девизомъ: «Summum jus—summa injuria», въ названное выше общество.

Вскорѣ послѣ этого я былъ отправленъ въ Тобольскъ на житье; я почти забылъ о существованіи своей комедіи, но узналъ о ея судьбѣ изъ газетъ.

Такъ, изъ «Новаго Времени» я узналъ, что въ общество драматическихъ писателей доставлено было изъ разныхъ концовъ Россіи 86 пьесъ, изъ которыхъ только 18 удостоились отправки въ Петербургъ къ судьямъ. Судьями же были: И. А. Гончаровъ, А. Н. Майковъ и А. Н. Пыпинъ.

Я былъ болѣе чѣмъ увѣренъ, что мой трудъ попалъ въ число брака. Каково же было мое удивленіе, когда черезъ нѣкоторое время я прочелъ въ томъ же «Новомъ Времени», что изъ числа 18 пьесъ, присланныхъ въ Петербургъ, только три заслуживаютъ «особеннаго вниманія» по своимъ литературнымъ достоинствамъ, причемъ моя

комедія «Наша взяла!» значилась второй. Тѣмъ не менѣе, по словамъ той же газеты, ни одна изъ пьесъ не могла получить преміи по какимъ-то театральнo-цензурнымъ соображеніямъ

Впослѣдствіи я свою комедію передѣлалъ, перемѣнилъ ея названіе на другое («Дружеская услуга»), сократилъ нѣкоторыя длинноты, приспособилъ къ сценѣ и послалъ ее къ покойному Ѡ. М. Достоевскому, который принималъ во мнѣ нѣкоторое участіе и хлопоталъ о помѣщеніи ея въ какомъ нибудь періодическомъ изданіи, но это, какъ онъ мнѣ написалъ, несмотря на несомнѣнныя достоинства комедіи, ему не удалось.

Вскорѣ Достоевскій умеръ, и куда дѣвался мой трудъ,—я такъ и не узналъ, не смотря на всѣ мои розыски.

Возвращаюсь къ описанію тюремной жизни.

Безнаказанность совершаемыхъ арестантами въ стѣнахъ тюрьмы безобразій была изумительная. Не говоря о дракахъ, изувѣченіи, пьянствѣ и открытой азартной игрѣ въ карты, «жиганамъ» сходило иногда съ рукъ и прямое убійство. Во всей тюрьмѣ было всего 5—6 отъявленныхъ «жигановъ», осужденныхъ въ каторжныя работы, бѣжавшихъ изъ Сибири и вновь пойманныхъ, и эта кучка преступниковъ терроризовала все тюремное населеніе, достигавшее иногда до 1500 человѣкъ.

Если «жиганы» кого нибудь не влюбятъ, то, при первой встрѣчѣ съ намѣченной жертвой, или избьютъ ее до полусмерти, или же въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ прямо убьютъ. Если у жертвы окажутся еще признаки жизни, то ее унесутъ въ тюремную больницу; тамъ несчастный отдавалъ Богу душу, и всѣ концы хоронились въ воду.

Никто изъ случайныхъ свидѣтелей драки или убійства не смѣлъ ни слова говорить начальству, да и начальство не старалось особенно добиться истины. Вся его задача состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы сора изъ избы не выносить. Человѣческая же жизнь не имѣла для него никакого значенія.

Такъ, однажды, избитый «жиганами» арестантъ, не желая идти въ больницу, захирѣлъ и вскорѣ умеръ, находясь на главномъ тюремномъ дворѣ. Въ это же время пріѣхалъ въ тюрьму директоръ Б., который, пройдя по двору, замѣтилъ покойника, лежащаго на землѣ.

— Что это?—спросилъ онъ сопровождавшаго его смотрителя.

— Покойникъ,—отвѣтилъ послѣдній, покраснѣвъ.

— Какіе безпорядки! Убрать его!—односложно приказалъ Б. и прошелъ дальше.

— Не могъ раньше околѣть!—проворчалъ смотритель, по удаленіи Б., и пошелъ сдѣлать распоряженіе объ «уборкѣ» мертвеца.

Только всего и было. Директоръ Б-нъ не потрудился даже раз-

спросить, что́ это за покойникъ, какъ онъ очутился на тюремномъ дворѣ и т. д. А смотритель, понятно, счелъ за лишнее дать какія либо объясненія по этому поводу.

Въ особенности страшно преслѣдовались въ тюрьмѣ соучастники какого нибудь преступленія, выдавшіе товарищей и затѣмъ попавшіе въ замокъ. Тѣ уже знали впередъ, что ихъ ждетъ почти вѣрная смерть, а потому при самомъ появленіи въ «Бутырскій университетъ» сами умоляли начальство заключить ихъ, до поры до времени, въ башню, гдѣ они охранялись отъ «жигановъ» особымъ карауломъ. Впрочемъ, зачастую и это не помогало. Бывало, что жиганы, узнавъ, что скрывающійся отъ нихъ доносчикъ и предатель долженъ пройти по двору въ контору или къ слѣдователю, поджидали его, вырывали изъ рукъ конвоя и избивали до полу-смерти камнями.

Случалось, что послѣ подобныхъ подвиговъ сами бунны попадали въ башню, при чемъ требовался весь караулъ, чтобы водворить ихъ тамъ. Обитатели «Бутырскаго университета» отдыхали спокойно въ это время. Но миръ и тишина продолжались недолго: легкомысленный и трусливый смотритель недолго держалъ «жигановъ» въ башнѣ и, уступая просьбамъ единомышленниковъ послѣднихъ, выпускалъ ихъ, и вскорѣ тюрьма снова подпадала подъ ихъ терроръ.

«Жиганы» жили въ тюрьмѣ припѣваючи; всѣ другіе арестанты какъ бы обязаны были поить и кормить ихъ. Они занимали лучшія мѣста въ камерахъ, имѣли койки, тогда какъ всѣ остальные валялись на грязныхъ нарахъ, и пользовались недоступными другимъ извѣстными въ тюрьмѣ удовольствіями...

Что касается директоровъ тюремнаго комитета, на обязанности которыхъ, по закону, лежитъ главнымъ образомъ наблюденіе за нравственной жизнью заключенныхъ, то они на эту сторону тюремной жизни не обращали никакого вниманія, а слѣдили только затѣмъ, чтобы наружный порядокъ не былъ нарушенъ чѣмъ нибудь особеннымъ.

Въ особенности въ этомъ отношеніи отличился упомянутый директоръ Б-нъ, который часто посѣщалъ тюрьму, но всегда злобно, почти съ ненавистью, смотрѣлъ на арестантовъ, преслѣдовалъ малѣйшія, замѣченныя имъ отступленія отъ формальности, дерзнувшихъ жаловаться ему на какіе либо беспорядки арестантовъ приказывалъ сажать въ башню, никогда никого толкомъ не выслушивалъ, во все вмѣшивался и только возбуждалъ противъ себя всеобщую ненависть.

Я нѣсколько разъ упомянулъ уже о башняхъ, между тѣмъ не объяснилъ, что это были за страшилища.

Всѣхъ башенъ въ замкѣ было четыре. Одна изъ нихъ носила

названіе «Пугачевской», потому что въ ней, по тюремнымъ преданіямъ, содержался Пугачевъ, въ ожиданіи казни. Въ мое время она была огорожена маленькимъ дворикомъ, и въ ея кельяхъ, въ трехъ этажахъ, помѣщались «политическіе», которые находились въ вѣдѣніи жандармскаго управленія и никакого соприкосновенія съ другими обитателями тюрьмы не имѣли.

Если не считать строгость надзора, маленькіе размѣры камеръ, тройныя рѣшетки въ окнахъ и отсутствіе достаточнаго воздуха, то содержаніе политическихъ преступниковъ было значительно лучше обыкновенныхъ арестантовъ, такъ какъ на нихъ отпускалось больше кормовыхъ. Къ нимъ часто заглядывало разное начальство, которое слѣдило не только за изолированностью заключенныхъ, но и за чистотою и порядкомъ, внимательно выслушивало ихъ заявленія и, по возможности, удовлетворяло ихъ просьбы.

Другая башня, въ которой содержались особенно тяжкіе подслѣдственные преступники, и куда сажали въ наказаніе, была дѣйствительно ужасная, нѣчто въ родѣ каменнаго мѣшка. Темныя, грязныя, сырыя каморки возбуждали ужасъ и отвращеніе. Воздухъ былъ тамъ невозможный. Скамейка и грязный упатъ составляли всю мебель. И въ такихъ дырахъ содержались и женщины, которыхъ, по роду ихъ преступленій, нельзя было держать въ общемъ женскомъ отдѣленіи. Въ этой же башнѣ прожила болѣе года вышеописанная красивая, веселая и симпатичная Башкирова.

Но и для содержащихся въ этой башнѣ, гдѣ было до 30 каморокъ, были свои «радости жизни». Особые приставники, назначенные для услугъ въ башнѣ, дѣлали возможныя снисхожденія узникамъ, доставляя послѣднимъ и водочку, и табачокъ. Рассказывали, что нѣкоторые арестанты, не смотря на двойныя рѣшетки и на постоянное присутствіе въ коридорахъ часоваго, ухитрялись проникнуть въ башню и добиваться любовныхъ свиданій съ заключеннымъ тамъ женскимъ поломъ. Эти любовныя похожденія, происходившія при самой фантастической обстановкѣ, устраивались на глазахъ стражи, которая брала за подобное «попущеніе» опредѣленную мзду.

Вообще арестанты были весьма находчивы по амурной части. Когда женское отдѣленіе имѣло прямое сообщеніе съ мужскими коридорами, то въ стѣнахъ тюрьмы, какъ рассказывали, господствовалъ сильнѣйшій развратъ, что и вызвало изолированіе половъ и совершенное закрытіе хода изъ женскаго отдѣленія въ общую тюрьму.

Тѣмъ не менѣе многіе арестанты устраивали свиданія съ своими возлюбленными въ церкви, куда арестантки допускались по праздникамъ. Хотя внутри церкви былъ устроенъ за прекраснымъ поломъ строжайшій надзоръ, но все-таки многимъ удавалось перебраться съ ними взглядомъ, словомъ, а иногда и записочками.

Что касается остальныхъ башенъ, то въ нихъ никто не содержался, а служили онѣ лишь складочнымъ мѣстомъ для разнаго тюремнаго хлама.

VII.

Страсть къ водкѣ.—Тридцать ударовъ розгами за стаканъ водки.—Именины зрителя.—Кража водки.—Смотритель малолѣтняго отдѣленія, какъ кабатчикъ.—Ванька-палачъ.—Открытая игра.—Шуллера.—Подкопъ.—Доносъ.—Удачное бѣгство.

Насколько сильна была страсть нѣкоторыхъ арестантовъ къ водкѣ, и насколько они не дорожили своимъ тѣломъ, можно судить по слѣдующимъ фактамъ.

На основаніи закона, не помнящія родства бродяги, предварительно высылки въ Сибирь на поселеніе, должны подвергаться тѣлесному наказанію 30 ударами розогъ. Въ «Бутырскомъ университетѣ» было не мало такихъ бродягъ, которымъ предстояла непріятная перспектива. Но среди арестантовъ было также не мало «отпѣтыхъ», которые соглашались подставлять свою спину за бродягъ, всего за одинъ рубль серебромъ. Процессъ сѣченія розгами производился почему-то не въ тюрьмѣ, а въ Суцевской части, куда бродяги вытребовывались для экзекуціи. Узнавъ въ конторѣ замка наканунѣ, что на слѣдующій день его вызываютъ въ названную часть, бродяга сговаривался съ какимъ нибудь отчаяннымъ воришкой, чтобы тотъ отправился, вмѣсто него, получать по положенію.

И вотъ утромъ, когда бродяга требовался для слѣдованія въ Суцевскую часть, вмѣсто него является въ контору забулдыга, отправляется съ конвоемъ по назначенію, получаетъ должную порцію розогъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, возвращается въ замокъ, гдѣ немедленно пропиваетъ полученный рубль, за который кабатчикъ отпускаетъ ему стаканъ разбавленнаго спирта.

Впрочемъ, бывали случаи, что отпѣтые арестанты шли, вмѣсто другихъ, за нѣсколько рублей и въ каторжныя работы, но о подобнаго рода мѣнѣ рѣчь будетъ при описаніи порядковъ тогдашняго этапа.

Неодолимой страстью къ водкѣ отличались не одни сѣрые арестанты; привилегированные не только не уступали имъ въ этомъ отношеніи, но и превзошли. И какими только средствами не пренебрегали, когда дѣло шло о водкѣ!

Такъ, смотритель, Павелъ Петровичъ М., праздновалъ свои именины 29 іюня. Къ нему являлись съ поздравленіями не только подчиненные ему чины, но и нѣкоторые изъ «почетныхъ» арестантовъ, которые угощались, наравнѣ съ другими, имениннымъ пирогомъ, также и выпивкой.

Вдругъ всѣ замѣтили, что именинникъ что-то покраснѣлъ, засуетился, бросался въ разныя стороны и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ.

— Господа, такъ нельзя,—обратился онъ, наконецъ, къ «почетнымъ» арестантамъ.—Я васъ принялъ честь-честью, вы пользуетесь моимъ гостепрѣимствомъ... Такъ нельзя-съ.

— Въ чемъ дѣло?—спрашивали другіе гости.

— Это неблагородно-съ,—продолжалъ смотритель,—вы мои гости, но такъ нельзя-съ.

Оказалось, что кто-то изъ «почетныхъ» гостей утащилъ незамѣтно цѣлую четверть водки, и былъ таковъ.

— Господа, уговорите своихъ товарищей, пусть отдадутъ водку,—урезонивалъ смотритель,—а то вѣдь сдѣлаю обыскъ, и выйдетъ скандалъ.

Но арестанты только улыгнулись на его угрозу, зная, что теперь никакіе сыщики не найдутъ драгоценнаго напитка.

Кончилось тѣмъ, что арестанты вынули деньги и уплатили за стоимость водки; смотритель успокоился и послалъ за другой четвертью.

Одно время въ замкѣ стало замѣтно усиленное пьянство; водка была въ необыкновенномъ обиліи и даже упала въ цѣнѣ. Встрешенное начальство начало бдительно слѣдить, усилило надзоръ, но ничего не могло обнаружить.

Одинъ только вышеупомянутый привратникъ Копыловъ сталъ замѣчать, что смотритель малолѣтняго отдѣленія что-то часто отлучается изъ тюрьмы и возвращается съ большими узлами и растопыренными карманами. А такъ какъ приставнику не предоставлено было право обыскивать названнаго смотрителя, который представлялъ собою нѣкоторымъ образомъ начальство, то Копыловъ высказалъ свое подозрѣніе смотрителю М. Послѣдній началъ зорко слѣдить за смотрителемъ малолѣтняго отдѣленія, который, ничего не подозрѣвая, продолжалъ таскать запрещенный плодъ.

И вотъ М. однажды оказался у воротъ, когда смотритель малолѣтняго отдѣленія возвратился, по обыкновенію, изъ города съ большими свертками и пакетами.

— Покажите, что это у васъ?—спросилъ М. добродушно.

— Разныя разности, Павелъ Петровичъ, — развязно отвѣтилъ подчиненный.

— Однако, у васъ такая масса бутылокъ — и все, кажется, со спиртомъ. Для чего вамъ его понадобилось столько?

— Я полагаю, что никто не вправѣ допрашивать меня,—возразилъ смотритель малолѣтняго отдѣленія.

— Положимъ, но все-таки...

— Въ чемъ же вы меня подозрѣваете?

— Ни въ чемъ-съ. Только прошу быть поосторожнѣе, и чтобы впредь этого не было-съ...

Но тотъ не хотѣлъ быть осторожнымъ и продолжалъ таскать спиртъ попрежнему.

Когда М. снова остановилъ его съ ношей въ необъятныхъ кар-

манахъ, нарочно приспособленныхъ для этой цѣли, то счесть долгомъ доложить объ этомъ высшему начальству, вслѣдствіе чего смотритель-кабатчикъ, организовавшій при помощи нѣкоторыхъ привилегированныхъ арестантовъ правильную продажу спирта, былъ уволенъ со службы.

Не мало содѣйствовалъ развитію пьянства въ тюрьмѣ извѣстный въ свое время Ванька-палачъ. Объ этомъ субъектѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Ванька, человѣкъ лѣтъ 40, былъ здоровъ, коренастъ, средняго роста, съ маленькими, черными, какъ уголь, злыми глазами. Хотя онъ содержался отдѣльно отъ остальныхъ арестантовъ, но ему не возбранялся ходъ въ общія камеры, гдѣ онъ съ утра до вечера пьянствовалъ и игралъ въ карты. Къ нему во всякое время свободно допускались посѣтители, и онъ самъ могъ выходить изъ тюрьмы, въ сопровожденіи лишь одного приставника.

Ванька этимъ пользовался для переговоровъ съ кабатчиками и для проноса спирта, такъ какъ его почему-то не такъ строго обыскивали при возвращеніи.

Въ то время онъ никакихъ особенныхъ обязанностей не исполнялъ, кромѣ лишь сопровожденія на эшафотъ приговоренныхъ къ лишенію всѣхъ правъ и исполненія надъ ними установленныхъ закономъ формальностей.

Разсказывали, что и при этомъ обрядѣ Ванька, если онъ былъ почему либо золъ на приговореннаго, ухитрялся причинять послѣднему сильную боль, крѣпко прикручивая жертву ремнями къ сидѣнію на позорной колесницѣ и надѣвая кандалы у позорнаго столба.

Впослѣдствіи Ванька-палачъ сдѣлался извѣстенъ приведеніемъ въ исполненіе смертной казни надъ государственными преступниками, въ томъ числѣ надъ убійцами императора Александра II.

Но въ описанное мною время у Ваньки никакого «дѣла» не было. Отъ полного бездѣлья онъ цѣлые дни слонялся изъ камеры въ камеру и все, что имѣлъ, проигрывалъ въ карты и пропивалъ.

Несмотря на постоянное почти состояніе невмѣняемости, Ванька, однако, не любилъ, когда въ глаза его звали «палачомъ». Онъ весь побагровѣетъ при этомъ, глаза наливаются кровью, и полѣзетъ въ драку; но арестанты умѣли его укрощать и нерѣдко задавали ему хорошую встрепку.

Многіе арестанты, впрочемъ, дружили съ нимъ, въ особенности шуллера, которые постоянно обыгрывали его навѣрняка. Карточные артисты были не только между «благородными» преступниками, но и среди простыхъ арестантовъ. Новичковъ обыгрывали цѣлыми шайками. Одни были хозяевами игры, другіе—пайщиками, третьи—лазутчиками, четвертые—подстрекателями.

Столики съ растасованными картами стояли открыто на корпусныхъ дворикахъ и манили къ себѣ неопытныхъ; у воротъ сторо-

жили «языки», на обязанности которых лежало — предупредить о появленіи какого нибудь начальства, а подстрекатели ходили по камерамъ, созывая къ игрѣ.

Когда новичокъ соблазнялся штосикомъ, то банкометы такъ ловко умѣли подтасовывать колоду, что не давали ни одной карты, на какую бы ни ставили кушъ. Если же шли другія, распространенныя между арестантами, игры, напримѣръ: трилистикъ, терчикъ, пикетъ или преферансъ (винта еще тогда не было), то здѣсь находились, въ видѣ любопытной публики, пайщики, которые условными знаками обнаруживали каждую карту партнера.

Карточный проигрышъ считался самымъ обязательнымъ долгомъ между арестантами и уплачивался аккуратнѣйшимъ образомъ. Впрочемъ, нельзя было не платить, такъ какъ банкометы больно били за желаніе отлынивать отъ платежа, почему, опасаясь за свою цѣлость и невредимость, всѣ старались отдавать въ срокъ проигранныя деньги.

Бывало, проигрывались весьма значительные куши, иногда по нѣсколько сотъ рублей сразу. Банкометы охотно вѣрили купцамъ на слово, зная, что тѣ непременно достанутъ деньги для расплаты. Такимъ образомъ, каждая «рѣпотка» въ то же время была и ликвидаціею карточныхъ расчетовъ.

Самъ смотритель очень любилъ карточную игру; онъ неоднократно говорилъ, что съ удовольствіемъ поигралъ бы, послѣ вечерней повѣрки, въ картишки съ «хорошими» людьми, но опасается доносчиковъ изъ арестантовъ.

Среди послѣднихъ дѣйствительно было много доносчиковъ, которые шли не только противъ начальства, но и противъ своего же брата арестанта.

Однажды, вся тюрьма была взволнована извѣстіемъ, что въ дворянскомъ отдѣленіи открытъ подкопъ, который былъ уже выведенъ за тюремныя стѣны и совершенно готовъ для побѣга: стоило только прорыть аршина полтора до поверхности земли. Если бы подкопъ удался, то отъ кары правосудія ушло бы десятка два тяжкихъ преступниковъ, которые были посвящены въ это дѣло.

И вотъ, наканунѣ побѣга, смотритель получилъ на клочкѣ бумаги доносъ о подкопѣ, съ указаніемъ камеры дворянскаго отдѣленія, изъ которой онъ велся.

Въ тюрьмѣ поднялась страшная тревога. Зазвонили въ колоколъ, призывающій на «повѣрку». Всѣ арестанты выстроились на обычныхъ мѣстахъ, ихъ тщательно пересчитали и затѣмъ заперли по коридорамъ. Встревоженный смотритель, въ сопровожденіи караула, направился въ дворянское отдѣленіе, вошелъ въ указанную доносчикомъ камеру, гдѣ приказалъ поднять нѣсколько половицъ. Подкопъ открылся сразу. Оказалось, что онъ былъ проведенъ по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства; въ немъ нашли всѣ необходимые инструменты.

Само собою разумѣется, что инициаторами этого предпріятія и руководителями его были дворяне, но работали подъ землею простые арестанты изъ самыхъ отчаянныхъ, которые надѣялись уйти. Работа продолжалась около двухъ мѣсяцевъ; выкопанная земля незамѣтно укладывалась въ палисадникъ дворянскаго дворика; все велось въ величайшемъ секретѣ,—и если бы не невѣдомый доносчикъ, то побѣгъ неперемѣнно удался бы.

Сколько ни билось начальство, чтобы узнать зачинщиковъ, оно ничего не достигло. Самые тщательные обыски, по обыкновенію, ни къ чему не привели. Даже тѣ дворяне, которые помѣщались въ камерѣ, откуда начать былъ подкопъ, нисколько не пострадали.

«Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!»—былъ ихъ единственный отвѣтъ на разные допросы,—тѣмъ дѣло и кончилось.

Всѣ думали, что смотритель, во всякомъ случаѣ, слетитъ на этотъ разъ за такое упущеніе, но онъ отдѣлался строгимъ выговоромъ и уцѣлѣлъ.

Одному арестанту, въ мое время, удалось, однако, бѣжать изъ тюрьмы посредствомъ взлома оконной рѣшетки.

Бѣгство это было замѣчательно тѣмъ, что произошло на глазахъ у всѣхъ товарищей. У каждаго опытнаго арестанта всегда имѣлось въ запасѣ нѣсколько тоненькихъ стальныхъ пилочекъ, которыя передавались незамѣтно съ воли въ хлѣбѣ, въ переплетѣ книгъ и т. п., и которыми легко было перепилить любую рѣшетку.

Перепиливъ такимъ образомъ желѣзную рѣшетку въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но такъ, что она оставалась въ прежнемъ положеніи, задумавшій бѣгство арестантъ выбралъ осеннюю темную ночь, легко высадилъ нѣсколько переплетовъ, выскочилъ на тюремный дворъ, забрался на крышу бани, по трубѣ поднялся на высокую каменную ограду и съ помощью веревки, которую привязалъ къ той же трубѣ, спустился внизъ и очутился на волѣ.

Не смотря на ужасную темь, часовой его замѣтилъ, далъ выстрѣлъ и поднялъ тревогу, но бѣглеца уже и слѣдъ простылъ. Его такъ и не поймали, хотя въ большинствѣ случаевъ подобные отчаянные арестанты всегда попадались и снова приводились въ тюрьму, гдѣ ихъ сажали на короткое время въ башню, надѣвали на нихъ кандалы, но вскорѣ они выпускались и дѣлались полноправными обитателями «Бутырскаго университета».

VIII.

Рецидивисты. — Силка Касаткинъ. — Мишка Блоха. — Маскарады и концерты. — Вражда между партіями. — Заговоръ противъ дворянъ. — Кража изъ цейхгауза. — Жертва шутниковъ. — Купеческій дворикъ. — Тюремные законовѣды. — Шахматная игра. — Старшій унтеръ-офицеръ Петровъ.

Рецидивисты пользовались среди арестантовъ большимъ авторитетомъ, особеннымъ же обаяніемъ пользовались тѣ арестанты, которые побывали уже въ Сибири, бѣжали оттуда, совершали новыя преступленія, попадались и возвращались въ тюремную *alma mater*. Товарищи, которые просиживали въ тюрьмѣ по нѣсколько лѣтъ и хорошо помнили бѣглецовъ, любовно ихъ встрѣчали, съ необыкновеннымъ любопытствомъ выслушивали ихъ были и небылицы, ухаживали за ними, оказывали имъ всевозможныя услуги и добровольно имъ подчинялись.

Въ особомъ же почетѣ были у арестантовъ Силка (онъ же Силантій) Касаткинъ и Мишка Блоха. Первый былъ грозой всей тюрьмы и самый древній ея старожилъ. Низенькаго роста, коренастый, со свирѣпымъ лицомъ, отчаянный разбойникъ, погубившій въ свою жизнь не мало людей, Силка былъ коноводомъ всѣхъ «жигановъ». Его боялся самъ смотритель, который переносилъ отъ него всевозможныя ругательства. Арестанты докладывали Силкѣ о всѣхъ событіяхъ въ тюрьмѣ, совѣтовались съ нимъ и на всякое преступное начинаніе испрашивали его благословенія. Всѣ считали своимъ долгомъ дѣлиться съ нимъ своимъ добромъ. Силка доподлинно не сѣялъ и не жалъ, а всегда не только сытъ, но и пьянъ бывалъ. Онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ коридорѣ, хотя никогда не былъ старостой, гдѣ устраивалъ по вечерамъ для собственнаго увеселенія импровизированныя, своеобразныя маскарады и концерты.

Такъ какъ на ночь запирались только коридоры, а не камеры, то Силка, во время разгула, выбиралъ изъ послѣднихъ подходящихъ молодыхъ арестантовъ, наряжалъ ихъ въ разное тряпье, дѣлая изъ нихъ подобіе женщинъ, снабжалъ всякими музыкальными инструментами, напримѣръ, подсвѣчниками, мѣдными кастрюлями, желѣзными листами и горшками, откуда-то доставалъ факелы и, точно полководецъ во главѣ своего войска, ходилъ изъ камеры въ камеру съ музыкой, пѣніемъ, гикомъ и шумомъ, задавая вездѣ концерты и взимая контрибуцію деньгами и провизіей. Послѣ этого начиналась попойка, которая часто продолжалась до самаго утра. И никто изъ арестантовъ не смѣлъ ни протестовать, ни, тѣмъ болѣе, жаловаться кому бы то ни было, зная, что Силка можетъ безнаказанно свернуть всякому голову.

Мишка Блоха былъ совершенно въ другомъ родѣ. Высокій, стройный брюнетъ, съ тонкими чертами лица, предприимчивый, необык-

новенный силачъ, Мишка былъ всегда франтовски одѣтъ, въ тонкой голландской рубашкѣ на выпускъ, съ шелковымъ пояскомъ, въ высокихъ щегольскихъ сапогахъ, чистомъ халатѣ. За разные подвиги онъ уже былъ лишень всѣхъ правъ состоянія, пять разъ бѣжалъ съ дороги и, наконецъ, доигрался до плетей и каторги, которыя ему предстояли въ ближайшемъ будущемъ. Но онъ нисколько не унывалъ; онъ былъ увѣренъ, что ему удастся снова бѣжать съ дороги или же смѣниться съ кѣмъ нибудь.

Мишка былъ чрезвычайно веселаго нрава, балагуръ; арестанты слушали его рассказы о своихъ подвигахъ съ большимъ удовольствіемъ и въ то же время боялись его, какъ огня. Онъ могъ убить человѣка однимъ ударомъ руки, не моргнувъ при этомъ, что, говорили, нерѣдко случалось въ его «практикѣ».

Разумѣется, какъ всѣ отчаянныя головы, Мишка Блоха много пилъ, но никогда пьянымъ не бывалъ,—и въ этомъ было все его преимущество передъ другими «жиганами». Онъ, кромѣ того, безъ надобности никогда не буянилъ, держалъ себя степенно, гордо, никого зря не обижалъ, начальству не грубилъ, и потому былъ избавленъ отъ кандаловъ.

Каждый «жиганъ» имѣлъ свою партію, и нерѣдко между тюремными коноводами и ихъ приверженцами происходили страшныя драки, кончавшіяся изувѣченіями или даже убійствомъ, такъ что приходилось унимать буяновъ вооруженной силой.

Однажды жиганы за какую-то обиду возбудили противъ дворянъ всю почти тюрьму. Говорили, что какъ только кто либо изъ дворянъ покажется на общемъ дворѣ, то будетъ избитъ до полусмерти. Но дворяне какъ-то ухитрились заманить къ себѣ Силку Касаткина, напоили его до положенія ризъ и переманили его на свою сторону. Вся громадная его партія перешла на сторону дворянъ, и такимъ образомъ они избавились отъ разгрома.

Вообще водкой можно было откупиться отъ всякихъ невзгодъ и прегрѣшеній. Какъ бы арестанты ни были возбуждены противъ виновника, но если послѣдній ставилъ бутылку спирта, то спасался отъ всѣхъ бѣдъ.

Разъ нѣсколько арестантовъ, сговорившись, ухитрились украсть изъ цейхгауза нѣсколько десятковъ паръ новыхъ сапоговъ, которые намѣрены были препроводить въ городъ на рынокъ для продажи.

Завѣдывавшій тюремными мастерскими довѣренный отъ подрядчиковъ, замѣтивъ пропажу, обратился къ жиганамъ-коноводамъ съ просьбою отыскать сапожный товаръ, обѣщая за то на водку. Не прошло и полчаса, какъ вся пропажа нашлась въ разныхъ углахъ тюрьмы, и виновные были отысканы. Вся тюрьма взволновалась. Совершить кражи въ самыхъ стѣнахъ тюрьмы почему-то считалось позорнымъ. Коноводы рѣшили, что виновниковъ слѣдуетъ подвергнуть публично наказанію розгами, своимъ судомъ.

Принесли розогъ въ изрядномъ количествѣ, виновники приведены были на задній тюремный дворъ, гдѣ должна была производиться экзекуція; они были блѣдны, какъ полотно, и тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Экзекуція должна была начаться.

Но вдругъ, среди любопытной толпы арестантовъ, произошло какое-то смятеніе. Кто-то изъ приговоренныхъ успѣлъ шепнуть коноводу о выкупѣ. Начался полушопотомъ торгъ,—и наказаніе было отмѣнено. Для проформы, преступники получили нѣсколько тумачковъ, которые тѣ приняли съ смиреніемъ и благодарностью; тѣмъ дѣло и кончилось.

Иногда арестанты для своей потѣхи избирали какогонибудь субъекта и дѣлали его мишенью для всякихъ насмѣшекъ, чѣмъ доводили до полусумасшествія.

Такой жертвой сдѣлался при мнѣ нѣкій молодой, красивый армянинъ, привлеченный къ суду за участіе въ дѣлѣ «клуба червонныхъ валетовъ». Человѣкъ весьма ограниченный, армянинъ, повидимому, былъ ошеломленъ новой для него тюремной обстановкой и сдѣлалъ окружающимъ нѣсколько глупыхъ вопросовъ.

Это послужило поводомъ къ всякимъ насмѣшкамъ и издѣвательствамъ надъ нимъ, такъ что каждый считалъ себя вправѣ задѣвать его какойнибудь, впрочемъ, невинной шуткой, а въ послѣдствіи онъ уже самъ сталъ разыгрывать изъ себя шута.

Его, напримѣръ, увѣрили, что у него замѣчательный теноръ, и что всѣ приходятъ въ восторгъ отъ его дивнаго голоса, послѣ чего онъ, всѣмъ на потѣху, сталъ задавать концерты въ разныхъ камерахъ, гдѣ пѣлъ козлинымъ голосомъ, дѣлая при этомъ невозможныя гримасы, при аккомпаниментѣ кошачьей музыки и при общемъ хохотѣ всей аудиторіи. Но пѣвецъ ничего этого не замѣчалъ и заливался своимъ невозможнымъ голосомъ.

Его такъ же увѣряли, что онъ знаменитый врачъ, и часто призывали къ мнимымъ больнымъ для оказанія медицинской помощи. И надо было видѣть, съ какой комической серьезностью онъ выслушивалъ пульсъ, прописывалъ лѣкарства и давалъ строгія наставленія.

Между тѣмъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда его оставляли въ покоѣ, онъ казался совершенно нормальнымъ человѣкомъ, интересовался своимъ дѣломъ, выходилъ на свиданія къ роднымъ, и никто въ немъ ничего неестественнаго не замѣчалъ.

Впослѣдствіи, когда его вызвали въ судъ, вмѣстѣ съ другими подсудимыми, по названному дѣлу, онъ фигурировалъ между товарищами, какъ здоровый человѣкъ, и никто не подозревалъ, что на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ полусумасшедшій,—и только его нѣсколько странные вопросы и отвѣты отчасти удивили судъ. Но затѣмъ товарищи уговорили его громко запѣть, тутъ же на скамьѣ подсудимыхъ, что онъ и исполнилъ. И тутъ только судъ убѣдился,

что имѣть дѣло съ ненормальнымъ человѣкомъ. Его, разумѣется, немедленно удалили изъ залы суда.

Этотъ инцидентъ послужилъ вышеупомянутому члену «червонныхъ валетовъ» Верещагину поводомъ произнести эффектную рѣчь, въ которой онъ развивалъ мысль, что слѣдствіе по этому дѣлу велось убійственно медленно, почему еще до суда оказались печальныя жертвы, умалчивая, понятно, о томъ, что онъ самъ, Верещагинъ, не мало способствовалъ сумасшествію армянина.

Къ одной изъ сторонъ церкви былъ пристроенъ незначительный корпусъ, отдѣленный отъ другихъ зданій и образовывавшій такъ называемый «купеческій дворикъ». Здѣсь дѣйствительно содержались купцы, но по усмотрѣнію смотрителя и за извѣстную плату туда допускались и состоятельные мѣщане.

Коммерсанты, въ числѣ которыхъ были злостные банкроты, составители фальшивыхъ векселей и духовныхъ завѣщаній, а также обыкновенные мошенники, соблюдали свое достоинство, съ мелкотой не ящались и только и дѣлали, что ѣли, пили и спали. Домочадцы привозили имъ аршинные пироги, всевозможныя закуски, невинныя напитки,—и все это истреблялось быстро и основательно. Былъ у купцовъ отличный поваръ изъ арестантовъ, который тутъ же, въ единственной общей камерѣ, готовилъ на плитѣ, отчего въ купеческомъ апартаментѣ былъ постоянный дымъ и чадъ. Но это обстоятельство, повидимому, нисколько не казалось неудобнымъ «именитому купечеству».

Я въслѣдствіе также попалъ въ эту привилегированную среду. Когда же я обратилъ вниманіе купцовъ на неудобство помѣщенія въ жилой камерѣ кухни и на возможность устроить перегородки, то нѣкоторые старожилы были противъ реформы.

«Намъ и такъ хорошо,—говорили они,—намъ новшество не надо».

Но большинство согласилось со мною. И вотъ чуть ли не въ одинъ день, съ разрѣшенія смотрителя, куплены были доски, наняты арестанты-плотники, и поставлена была перегородка съ плотно закрывавшейся дверью, а для того, чтобы дымъ и чадъ не проходили черезъ перегородку, мы ее оклеили бѣлой, чистой бумагой. Такимъ образомъ образовалась большая передняя съ кухней и «чистая» камера для заключенныхъ.

Всѣ купцы были очень довольны осуществленіемъ моей мысли, благодарили меня, и сами смѣялись надъ собою, что такая простая вещь не приходила имъ въ голову раньше.

Въ купеческой же камерѣ содержалась цѣлая шайка, ограбившая, среди бѣлаго дня, склады извѣстнаго въ то время богатаго купца Кучумова. Дѣло это тянулось нѣсколько лѣтъ. И надо было видѣть и слышать, какъ соучастники совершенно открыто сговаривались между собою, что и какъ говорить на судѣ!

Въ той же камерѣ проводилъ послѣдніе дни пребыванія въ

замкѣ вышеупомянутый Конни, не ужившійся съ товарищами въ дворянскомъ отдѣленіи и перешедшій, по совѣту смотрителя, къ купцамъ. Но и здѣсь ему не сладко жилось: купцы почему-то его не влюбилн, придирались къ нему, подсмѣивались надъ его «дворянской спесью» и даже неоднократно били, когда были пьяны.

Въ стѣнахъ «Бутырскаго университета» было не мало «аблакатовъ» съ воли и доморощенныхъ юсовъ, которые зарабатывали порядочныя деньги составленіемъ разныхъ прошеній и кассаций. Никто изъ осужденныхъ никогда не мирился съ обвинительнымъ приговоромъ суда и всегда прибѣгалъ къ кассации. А такъ какъ не всѣ осужденные имѣли своихъ патентованныхъ адвокатовъ, то обращались, въ такихъ случаяхъ, къ тюремнымъ законовѣдамъ, которые за 15—20 коп. составляли какую угодно кассацию.

Нерѣдко такіе «аблакаты» были биты своими кліентами за то, что не оправдали довѣрія и не обѣлили самыхъ тяжкихъ преступниковъ, но это обстоятельство нисколько не вредило престижу тюремныхъ юристовъ, которые продолжали дѣлать свое дѣло.

Нельзя при этомъ не высказать, что для многихъ смысленныхъ арестантовъ «Бутырскій университетъ» дѣйствительно представлялъ нѣчто въ родѣ юридическаго факультета. Здѣсь они знакомились съ уголовнымъ судопроизводствомъ, съ законами, съ формами прошеній и уголовной терминологіею, съ кассационной практикой—и, по освобожденіи, избирали себѣ адвокатскій промыселъ и не безъ успѣха конкурировали съ дипломированными юристами, разумѣется, среди темной массы, нуждающейся въ помощи адвокатовъ.

Нѣкоторые арестанты, не имѣвшіе желанія и возможности играть въ карты, дулись цѣлые дни и вечера въ шашки, при чемъ среди нихъ были и настоящіе артисты въ этой игрѣ.

Любя шахматную игру, я попробовалъ познакомить съ ней нѣкоторыхъ смысленныхъ арестантовъ. Результаты превозошли всѣ мои ожиданія. Многіе, отъ нечего дѣлать, пристрастились къ этой игрѣ и стали играть весьма недурно. Но такъ какъ шахматныя фигуры и шашечная доска составляли запрещенный плодъ въ стѣнахъ тюрьмы, то фигуры вылѣпливались изъ хлѣбнаго мякиша, которыя, отвердѣвъ, прекрасно служили цѣли, а доска рисовалась на бумагѣ или вырѣзывалась на какой нибудь табуреткѣ. Съ моею легкой руки, игра эта привилась, и во многихъ камерахъ можно было видѣть, какъ арестанты изъ народа сидѣли за шахматами и глубоко-мысленно ломали головы надъ каждымъ ходомъ.

Были въ тюрьмѣ разнаго рода мастерскія, гдѣ работали портные, сапожники, плотники и т. п.; но все это было безъ всякой организаціи и безъ принудительнаго труда. Поэтому ремесленники, получая вознагражденіе на руки, спѣшили пропить заработанныя деньги, а остальной народъ слонялся цѣлые дни безъ всякаго дѣла и потому безобразничалъ.

Для полной характеристики бывшаго «Бутырскаго университета» слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о старшемъ унтеръ-офицерѣ Петровѣ, который, въ сущности, былъ главнымъ хозяиномъ тюрьмы.

Высокій, полный, съ добродушнымъ, умнымъ лицомъ, лѣтъ около 30, Петровъ былъ душою всей тюрьмы. Смотритель ничего безъ его совѣта не предпринималъ; арестанты его любили, потому что онъ былъ всеѣмъ доступенъ и никому зла не дѣлалъ. За нѣкоторыя послабленія онъ бралъ съ состоятельныхъ арестантовъ небольшія суммы, но никогда не злоупотреблялъ своей властью. А власть у него была большая; онъ могъ сажать въ карцеръ, не допускать въ наказаніе къ «рѣшеткѣ», смѣнять старость и тому подобное. Все приставники были ему непосредственно подчинены; онъ производилъ вечернюю и утреннюю «повѣрки», отправлялъ арестантовъ по требованіямъ судебныхъ властей, снаряжалъ караулы, слѣдилъ за пищею, — словомъ, былъ полнымъ хозяиномъ. Но при всей власти и при всей возможности наживаться Петровъ не позволялъ себѣ явныхъ нарушеній тюремныхъ правилъ: не продавалъ водки, не разрѣшалъ курить открыто, не передавалъ корреспонденціи; но на многое онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, дѣлалъ арестантамъ возможное снисхожденіе, иногда предупреждалъ о предстоящемъ обыскѣ, устраивалъ свиданія. Арестанты охотно одаривали его, но онъ никогда не вымогалъ, чего нельзя сказать про смотрителя, который нерѣдко требовалъ беззастѣнчиво денегъ у арестантовъ.

Жилось Петрову, повидимому, хорошо. Онъ всегда былъ подвиженъ, веселъ, здоровъ; арестанты его слушались; о замѣченныхъ имъ беспорядкахъ онъ рѣдко докладывалъ смотрителю, а всегда дѣйствовалъ самостоятельно и разумно, водворялъ миръ и согласіе.

За долгое время своего служенія въ тюрьмѣ онъ успѣлъ, говорили, сколотить порядочное состояніе.

IX.

Неожиданное закрытіе «Бутырскаго университета». — Переселеніе въ новую тюрьму. — Печальное шествіе. — Новая тюрьма. — Новые порядки. — Лишеніе «арестантскихъ вольностей». — Возвратъ къ старому. — Литературныя чтенія. — Я прощаюсь съ тюремнымъ замкомъ.

Совершенно неожиданно, какъ снѣгъ на голову, упало извѣстіе, что «Бутырскій университетъ» закрывается, что тюрьма въ самомъ непродолжительномъ времени переводится въ какія-то фабрики, превращенныя временно въ мѣсто заключенія и находящіяся на другомъ концѣ Москвы.

Все были поражены этой новостью, все сразу почувствовали, что арестантскимъ «вольностямъ» наступаетъ конецъ. И удивительнѣе всего было то, что арестанты, узнающіе обыкновенно раньше всеѣхъ

все, что касается ихъ жизненныхъ интересовъ, на этотъ разъ послѣдними узнали объ ожидавшей ихъ перемѣнѣ.

Правда, по тюремѣ ходили темныя слухи, что старый замокъ будетъ передѣланъ въ пересыльную тюрьму, и что для дома предварительнаго заключенія временно приспособляются какія-то фабрики, но слухи были какъ-то крайне неопредѣленны, да и никто изъ «старожиловъ» не могъ повѣрить, что придется разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ, съ башнями и со всѣми старыми привилегіями «Бутырскаго университета». Во всякомъ случаѣ, никому не вѣрилось, что это совершится такъ скоро.

Между тѣмъ въ одно утро старшій унтеръ-офицеръ Петровъ официально объявилъ по всѣмъ камерамъ, что черезъ три дня начнется переселеніе арестантовъ въ новую тюрьму.

Всѣ встрепенулись. По всей тюремѣ прошелъ гулъ и стонъ; началось усиленное движеніе, каждый арестантъ сталъ собирать свой скудный скарбъ.

Прежде всего перевезли въ новую тюрьму цейхгаузъ, пекарню, кухню и другія необходимыя принадлежности общежитія; затѣмъ началось переселеніе заключенныхъ.

А такъ какъ въ замкѣ содержалось около 1.500 человекъ, и трудно было перевести ихъ всѣхъ въ одинъ разъ, то они раздѣлены были на партіи въ 300—400 человекъ. Потребовались большіе караулы для сопровожденія партій. Оберъ-полицеймейстеръ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы по всему пути слѣдованія арестантовъ была прекращена ѣзда.

Многіе арестанты обивались слезами, разставаясь съ «Бутырскимъ университетомъ», бывшимъ для нихъ кормильцемъ-поильцемъ.

Наша партія, въ которой были и дворяне, выступила послѣдней. Было сыро и холодно. Мы шли около двухъ часовъ съ одного конца Москвы до другого. Толпа любопытныхъ стояла по обѣимъ сторонамъ улицъ и глазѣла на оригинальное шествіе,—одни съ сожалѣніемъ и сочувствіемъ, другіе, какъ казалось, съ злорадствомъ. По дорогѣ многіе изъ публики хотѣли подавать «несчастненькимъ» подаваніе, но строгій караулъ никого близко не подпускалъ къ арестантамъ.

Наконецъ, насъ привели въ какой-то узкій переулокъ; передъ нами открылись вовсе не тюремныя ворота, и мы вошли въ большой дворъ. Изъ этого двора насъ провели черезъ какія-то деревянныя постройки въ другой обширный дворъ, окруженный высокими заостренными сверху «палями», гдѣ возвышались три трехэтажныхъ каменныхъ корпуса, предназначенныхъ для арестантовъ. Послѣднихъ, послѣ «повѣрки», загнали въ коридоры, размѣстили по камерамъ и заперли на ключъ.

Хотя всѣ коридоры были чисты, камеры выбѣлены, полы вымыты, но отовсюду пахло сыростью, нежилымъ. Въ камерахъ, даже

дворянскихъ, вмѣсто коекъ, были устроены нары. Отъ разнаго арестантскаго имущества, которое частью арестанты приносили на себѣ, частью перевозили на подводахъ, поднялась ужасная пыль. Столовъ было мало, пріютиться было негдѣ, — словомъ, вышелъ какой-то хаосъ.

Дворяне, которымъ предоставили двѣ камеры, но въ общемъ съ другими арестантами коридорѣ, подняли чуть не бунтъ. Впослѣдствіи для дворянскаго отдѣленія приспособили какой-то флигелекъ, но, пока это устроилось, прошло много времени.

Первые дни въ новой тюрьмѣ никого почему-то не выпускали на дворъ, чтѣ особенно тяжело было послѣ привольной жизни въ старомъ замкѣ; затѣмъ были назначены опредѣленные часы для прогулки, для каждаго корпуса отдѣльно, но потомъ въ этомъ отношеніи стало еще свободнѣе.

Самымъ же тяжелымъ лишеніемъ для арестантовъ было сокращеніе «рѣшетокъ», то-есть числа дней, назначенныхъ для свиданія съ посѣтителями: вмѣсто трехъ разъ въ недѣлю назначили только одинъ разъ, по воскресеньямъ, при чемъ для самыхъ свиданій назначено было всего три часа, чего было слишкомъ недостаточно для такого большого населенія, имѣвшаго столько жизненныхъ связей съ внѣшнимъ міромъ. Сначала арестанты громко роптали на эту несправедливость, жаловались цѣлыми партіями; но сила солону ломитъ, и они покорились.

Самый характеръ «рѣшетки» круто измѣнился: не было больше ни толкучки, ни биржи, ни свиданій внѣ очереди и внѣ надзора.

Что касается остальныхъ арестантскихъ «вольностей», то съ теченіемъ времени явились и неизбѣжный спиртъ, и карты, и табакъ, и корреспонденціи, и книги, и газеты; но все-таки всѣми чувствовалось, что все это «не то», не прежняя привольная, разгульная жизнь.

— Плохія времена настали, — жаловались жиганы и коноводы, — скоро нечѣмъ будетъ и прокормиться.

Только одни кабатчики не унывали; спиртъ какими-то таинственными путями проносился, попрежнему, въ большомъ количествѣ; потребность въ немъ осталась та же, а капиталисты не перевелись. Кабатчики воспользовались «строгостью» режима, чтобы надбавить цѣну на свой товаръ, и еще больше наживались.

Въ новой тюрьмѣ квартира смотрителя и контора помѣщались на первомъ дворѣ, куда никто не выпускался безъ особаго разрѣшенія, и такимъ образомъ даже привилегированные арестанты не имѣли больше никакого доступа въ контору, чтѣ лишило ихъ возможности провѣдать во время объ относящихся къ нимъ распоряженіяхъ.

Ожидая очереди отправки въ Сибирь на житье, я, за опредѣленную «благодарность» смотрителю, былъ перемѣщенъ въ корпусъ,

гдѣ содержались срочные арестанты, которые, въ сравненіи съ подсудимыми, пользовались большей свободой. Я получилъ отдѣльную кровать, пользовался собственнымъ матрацомъ, получалъ книги и газеты, неограниченно могъ цѣлый день гулять по двору, имѣлъ свободное сообщеніе съ дворянскимъ отдѣленіемъ, гдѣ за 60 копеекъ въ день получалъ прекрасный обѣдъ изъ 4-хъ блюдъ,—словомъ, пользовался всѣми прежними «прерогативами».

Въ новой тюрьмѣ я иногда устраивалъ литературные вечера. Однажды, я прочелъ своей аудиторіи комедію Островскаго «Правда хороша, а счастье лучше». Не смотря на то, что мои слушатели почти всѣ поголовно были безграмотны, что арестанты любятъ больше фантастическіе рассказы и сказки, и что названная комедія отличается особенной простотой замысла,—всѣ слушали съ величайшимъ вниманіемъ, чрезвычайно интересовались судьбою дѣйствующихъ лицъ и горячо благодарили меня за доставленное имъ великое удовольствіе.

Мои чтенія повторялись часто и всегда съ большимъ успѣхомъ.

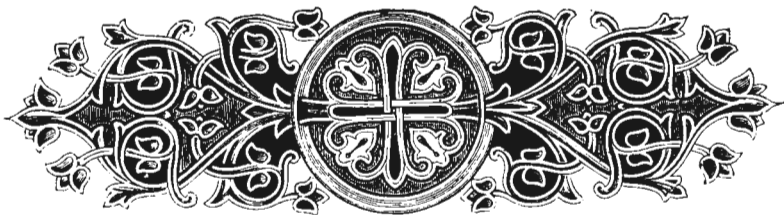
Какую фizioномію приняла «временная» тюрьма впослѣдствіи, я не знаю, потому что я пробылъ въ ней всего нѣсколько мѣсяцевъ и вскорѣ былъ вытребованъ въ пересыльную тюрьму для отправки по назначенію.

Распростившись съ моими невольными товарищами, которые проводили меня очень тепло, съ искренними пожеланіями всѣхъ благъ, я вступилъ въ новую, своеобразную сферу, которую постараюсь описать въ слѣдующихъ главахъ.

А. К.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТЪ УГЛИЧА ДО РЫБИНСКА ¹⁾.

IV.

Богоявленскій монастырь.

Борисъ.

«Царица Марья Федоровна, бяю тебѣ
челомъ.

Марѳа.

«Пострижена царица
По твоему указу. Предъ тобой
Лишь инокиня Марѳа».

(Графъ А. К. Толстой: Царь Борисъ).

ГОЗАПАДНАЯ часть угличскаго крѣпостнаго холма занята теперь городскимъ садомъ. Онъ разросся довольно густо и въ лѣтніе жары доставляетъ жителямъ прохладное мѣсто для прогулокъ въ самомъ центрѣ города, и въ этомъ отношеніи многіе наши уѣздные города могутъ позавидовать Угличу. Въ глубинѣ сада, на фонѣ зелени, темнѣетъ невысокое, одноэтажное деревянное зданіе, въ которомъ, какъ намъ сказали, помѣщается мѣстный клубъ. Изыществомъ архитектуры зданіе это не отличается. При входѣ въ садъ мы увидѣли наклеенную на столбъ афишу, гласившую, что въ саду, въ помѣщеніи клуба будетъ данъ «Вечеръ-спектакль» въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ. Желая поближе ознакомиться съ тѣми увеселеніями, которыя, въ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 207.

концѣ девятнадцатаго столѣтія, предлагаются провинціальной публикѣ заѣзжими артистами, мы заглянули въ афишу. «Отдѣленіе первое: «Надобно всѣмъ угодить», заключающееся въ куплетахъ съ музыкой и прозой.—Отдѣленіе второе: «Мимика» или переходъ лица «при огняхъ» (т. е.) подвижное лицо, изъ смѣющагося въ плачущее и наоборотъ, отъ старости къ молодости, подъ музыку»...— Далѣе мы читать не стали.

А между тѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь угличане слушаютъ кушеты и наслаждаются мимикою странствующаго артиста, въ 1592 году ¹⁾ происходила сцена совершенно иного рода. Мѣсяца ноября въ 20-день, на память св. Григорія Декаполита, здѣсь постригали въ иноческій чинъ, съ именемъ Марѳы, послѣднюю супругу Грознаго, несчастную мать царевича Димитрія. Новая инокиня пробывъ въ Угличѣ недолго и въ апрѣлѣ была отправлена въ отдаленную, глухую Николо-Выксинскую пустынь, въ 25 верстахъ отъ Череповца. Храмъ, гдѣ совершалось ея постриженіе, принадлежалъ къ находившемуся въ крѣпости женскому монастырю, который былъ расположенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь городской садъ, и назывался Богоявленскимъ. Въ тѣ времена въ Угличѣ существовали еще другой Богоявленскій монастырь, мужской, находившійся за Волгою, и, для отличія ихъ одного отъ другаго, заволжскій монастырь называли Богоявленскимъ большимъ, а женскій въ крѣпости— Богоявленскимъ малымъ.

Время основанія малаго Богоявленскаго монастыря неизвѣстно, и первымъ историческимъ лицомъ, имя котораго связано съ именемъ обители, является царица Марія Ѳеодоровна Нагая. Это обстоятельство подало преданію поводъ приписывать ей и самое основаніе обители. Правда, что Богоявленскій монастырь былъ построенъ неподалеку отъ дворца, правда, что во время своего семилѣтняго пребыванія въ Угличѣ царица Марія имѣла время построить обитель, но тѣмъ не менѣе на этотъ счетъ никакихъ официальныхъ документовъ не сохранилось. Монастырь помѣщался подлѣ самой крѣпостной стѣны и, во время взятія Углича поляками, одинъ изъ первыхъ подвергся нападенію непріятели. Штатъ монастыря тогда составляли игуменья Анастасія и 35 монахинь; кромѣ того, въ моментъ нападенія, въ обители находилось до двухъ сотъ дѣвушекъ и женщинъ, вѣроятно, послушницъ, работницъ, богомолкъ и, быть можетъ, горожанокъ, искавшихъ здѣсь спасенія отъ ворвавшагося въ крѣпость непріятели. Всѣ онѣ были убиты поляками, а монастырь разоренъ и сожженъ до основанія.

Тѣло игуменьи Анастасіи, брошенное въ Волгу, было впоследствии найдено и похоронено недалеко отъ берега на нынѣшней Бла-

¹⁾ По старому счету съ сентября мѣсяца; по нашему численію это было еще въ 1591 году.

говѣщенской улицѣ, близъ церкви св. Флора и Лавра. Теперь мѣстность эта густо застроена, но могила игуменья уцѣлѣла и находится во дворѣ одного частнаго дома. Памятникъ надъ могилою состоитъ изъ бѣлаго, полувросшаго въ землю камня. Надъ камнемъ возвышается крестъ съ мѣдною иконою Богоматери, передъ которою теплится лампада на средства почитателей убиенной, приходящихъ молиться на ея могилѣ.

Мѣсто разореннаго монастыря долгое время оставалось пустымъ и даже было отдано Шуйскимъ настоятелю другого монастыря, Алексѣевского, въ полное владѣніе и пользованіе. Неизвѣстно, долго ли владѣли пустыремъ Алексѣевскія власти, и какую пользу онѣ изъ него извлекли, но только въ 1628 году мы уже снова находимъ здѣсь женскій монастырь, возникшій на пепелищѣ стараго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ подпись на хранящемся въ нынѣшней обители евангелія, напечатанномъ въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и патріархѣ Филаретѣ, въ 1625 году. Надпись эта слѣдующаго содержанія: «Лѣта 7136 (1628), марта 31 дня, сіе святое евангеліе на престольное пожаловала дала государыня великая старица инокиня Марѳа Ивановна на Угличъ въ свое государынино богомолье въ Богоявленскій дѣвичь монастырь, что въ кремлѣ городѣ. И того монастыря игуменьѣ съ сестрами и съ священниками, кто въ томъ монастырѣ учнутъ жити, и имъ за государыню великую старицу иноку Марѳу Ивановну Бога молить, и сей книги никому изъ Богоявленскаго монастыря въ иной монастырь и къ церквамъ по душамъ не отдати и не продати, ни заложити и ни которыми мѣрами отъ Богоявленія Господня не похитити, а аще кто сіе святое евангеліе похититъ, и онъ да восприметъ въ томъ судъ на второмъ пришествіи предъ праведнымъ Судіею». Но попеченія великой инокини не ограничились присылкою этого евангелія, въ чемъ убѣждаютъ насъ двѣ ея грамоты отъ 1629 и 1630 годовъ. Въ нихъ говорится о пожертвованіи монастырю вотчины въ Угличскомъ уѣздѣ, села Пароеньева, и нѣсколькихъ другихъ селъ и деревень съ пустошами «съ лѣсы и съ луги и со всѣми угоды,—куды ходилъ топоръ, и коса и соха». Кромѣ этого крупнаго пожертвованія въ видѣ недвижимой собственности, Марѳа Ивановна прислала въ обитель еще 87 четвертей овса. За эти дары великая инокиня налагаетъ на игуменью и сестеръ обязательство «написать благовѣрную царю и великую княгиню Марѳу Ѳеодоровну Катыреву, да дочь мою благовѣрную княгиню Татіану Ѳеодоровну Катыреву во всѣхъ-дневные, въ литейные, въ налойные синодики, и на литіяхъ и за просфоромисаніемъ души ихъ поминать по вся дни». Въ эти же синодики она велитъ вписать и свое имя послѣ смерти и совершать обычныя поминовенія, какъ и по дочеряхъ, въ день ангела и въ день кончины. Духовникомъ великой старицы былъ въ то время черныи попъ Іона, который и приложилъ руку къ обѣимъ грамотамъ.

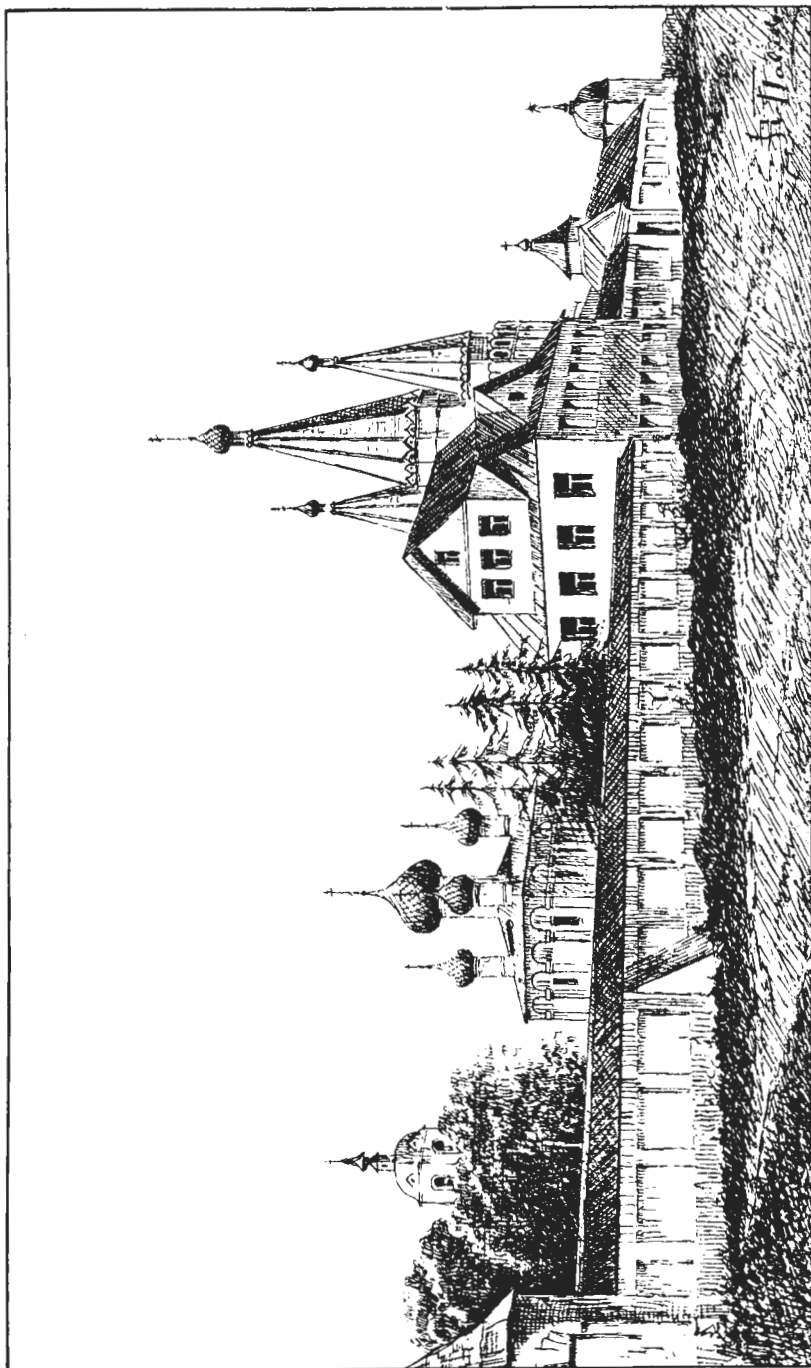
Соборъ въ Богоявленскомъ женскомъ монастырѣ.

Сожженная поляками городская крѣпостная стѣна не возобновлялась до половины царствованія Алексѣя Михайловича. Въ 1660 году на Угличъ было обращено вниманіе, и изъ Москвы посланъ былъ сюда «для городского строенія» князь Михайло Кугушевъ, который и началъ возводить новую крѣпостную стѣну. Трудно опредѣлить, стѣна ли была теперь ведена по иному направленію, или женскій монастырь, строясь на пустырь, захватилъ подъ постройки часть мѣста, бывшаго подъ прежнюю стѣною, но только въ 1661 году, въ Москвѣ, была подана государю челобитная отъ игуменьи Пелагеи съ сестрами въ томъ, что при постройкѣ новой крѣпостной стѣны половина келій и святія ворота сломаны, «а на другой половинѣ прилучилась дорога проѣзжая и городова башня». Игуменья и сестры жаловались, что имъ отъ той городской стѣны «утѣсненіе большое и въ городѣ мѣсто тѣсное, келей поставить стало негдѣ, а кои кельи стоятъ не сломаны, и въ тѣхъ кельяхъ живетъ игуменья не со многими старицами, и тѣхъ келей топить и хлѣба испечь имъ не дадутъ и онѣ помираютъ голодною смертію» и т. д. Въ виду «утѣсненія» онѣ просили перенести монастырь изъ кремля на посадъ на землю церкви св. Іоанна Милостиваго, принадлежавшую ростовскому митрополиту и лежавшую «въ пустѣ». Митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ былъ тогда Іона Сысоевичъ, и государь приказалъ угличскому воеводѣ Пятову обратиться къ нему съ предложеніемъ объ уступкѣ земли подъ монастырь. Воевода долженъ былъ предложить митрополиту другое какое нибудь мѣсто или деньгами—20, 25 и 30 рублей, «а будетъ», говорится далѣе въ грамотѣ: «за то мѣсто учнегъ просить больше того и въ обмѣнъ вмѣсто того мѣста взять нигдѣ не похочеть, и ты бѣ тѣмъ старицамъ прискалъ порожнее мѣсто». Но митрополитъ согласился на предложенныя условія, и монастырь былъ переведенъ на посадъ. Въ писцовой книгѣ 1669 года онъ уже значится на новомъ мѣстѣ.

Теперь въ Кремлѣ нѣтъ ни монастыря, ни стѣны; ихъ мѣсто занялъ городской садъ, гдѣ поютъ куплеты и показываютъ мимику.

Обойдя садъ кругомъ, мы вернулись къ дворцу и мимо Каменнаго ручья направились въ городъ по направленію къ нынѣшнему монастырю. Мѣсто, которое въ XVII столѣтіи считалось на посадѣ, находится теперь въ самомъ городѣ. Наружный видъ обители, обнесенной бѣлою каменною стѣною, изъ-за которой виднѣются золоченныя соборныя главы, имѣетъ величавый характеръ. Въ настоящее время монастырь разросся настолько, что занимаетъ площадь цѣлаго городского квартала, и стѣны его выходятъ на четыре улицы.

Къ сожалѣнію, внутри монастыря не сохранилось ни одной древней постройки, и даже каменные храмы начала прошлаго столѣтія подверглись такъ называемому «обновленію», безвозвратно стершему съ нихъ печать старины. О прошломъ напоминаютъ только выше-

Алексѣвскій монастырь.

упомянутыя грамоты великой инокини и царя Алексѣя Михайловича, хранящіяся въ монастырской библиотекѣ, и серебряный на-престольный крестъ съ частицами мощей, пожертвованный въ 1697 году невѣсткою Петра I, царицею Прасковьею Феодоровною.

Главную красу и гордость обители составляетъ величественное зданіе Богоявленскаго собора, золоченныя главы котораго видны издалека и ярко горять въ небесной синевѣ, доминируя надъ окружающими монастырскими и городскими постройками. Замѣчательно, что этотъ богатый соборъ начатъ былъ безъ всякихъ средствъ и построенъ слабыми женскими руками. Въ продолженіе пѣлыхъ семи лѣтъ обительскія сестры сами рыли глину, дѣлали кирпичъ, обжигали его и доставляли къ мѣсту постройки, сами собирали камни и щебень для бута, возили песокъ, пережигали известь и т. п. Когда онѣ задумали строить соборъ, у нихъ въ монастырѣ даже не было для него мѣста, но энергія и трудъ преодолѣли всѣ препятствія. Успѣхъ свой сестры всецѣло приписываютъ волѣ Провидѣнія, которая особенно ярко обнаружилась при покупкѣ земли для храма. Объ этой покупкѣ монастырское преданіе рассказываетъ слѣдующее: въ сороковыхъ годахъ, когда монастырь былъ еще не великъ, къ нему прилегала земля нѣкоего купца Буторина, на которой былъ разведенъ прекрасный фруктовый садъ изъ грушъ и яблонь. Задумавъ постройку новаго собора, игуменья и сестры рѣшили, что самымъ подходящимъ мѣстомъ для новаго храма была бы эта смежная съ обителью Буторинская земля. Къ Буторину была отправлена казначея съ предложеніемъ приобрести его участокъ, но онъ отказалъ наотрѣзъ, замѣтивъ: «Развѣ вы сами не знаете, что земля эта родовая и должна послѣ меня поступить въ наслѣдство сыновьямъ». Сестры приуныли, такъ какъ въ монастырѣ положительно не было мѣста для такой постройки. Казначея была у Буторина осенью, а зимою въ его садъ налетѣла такая масса воронъ и галокъ, что ихъ крики и возня причиняли всю зиму не мало безпокойства и монастырю, и окрестнымъ жителямъ. Въ птицъ стрѣляли, били ихъ чѣмъ попало, но всѣ мѣры разогнать ихъ изъ сада оказались напрасными. Весною всѣ деревья въ саду высохли. Теперь пришлось призадуматься и Буторину; потерявъ садъ, онъ сталъ бояться другихъ несчастій и наконецъ самъ явился къ казначей со словами: «Я буду себѣ домъ искать, а вы покупайте мою землю». Впослѣдствіи, прибавляетъ преданіе, жена Буторина рассказывала, что не разъ видѣла наяву, какъ въ садъ къ нимъ прилетали три бѣлыхъ лебедя и садились постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Она говорила объ этомъ мужу, и оба порѣшили, что, вѣроятно, на этомъ мѣстѣ закопанъ какой нибудь кладъ. Когда провели по землѣ линіи будущаго собора, то мѣсто, гдѣ садились три лебедя, оказалось какъ разъ подъ тремя алтарями.

Закладка собора была совершена 11-го июня 1844 года, а 17-го и 18-го октября 1853 года послѣдовало и его освященіе. Красивый снаружи, храмъ красивъ и внутри, и безспорно составляетъ красу монастыря. Но главнымъ украшеніемъ обители все-таки остается неутомимая энергія ея обитательницъ, такъ очевидно доказавшая себя на дѣлѣ.

Церковь св. Димитрія царевича «на полѣ».

По штатамъ 1764 года въ монастырѣ положено быть игуменѣ, казначеѣ и 15 монахинямъ, на содержаніе которыхъ со священниками и прислугою отпускалось 338 рублей 11 коп. въ годъ. Теперь въ монастырѣ насчитывается до 225 обитательницъ.

Интересно, что, при своей обширности и многолюдномъ населеніи, монастырѣ не имѣетъ до сихъ поръ собственнаго кладбища; монахини погребаются въ мужскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, а по-

слушницы—на городскомъ кладбищѣ. Чести быть похороненными въ стѣнахъ обители удостоились только строительница Богоявленскаго собора игуменія Еликонида (Муратова), монахиня Еванфія, умершая въ 1864 году, на 104 году отъ рожденія, и нѣкоторые благодѣтели. Теперь монастыремъ управляетъ мать Измарагда Воскресенская, дѣятельная помощница покойной Еликониды, справлявшая въ 1886 году пятидесятилѣтіе своего служенія обители.

V.

Торговая площадь. Алексѣевскій монастырь.

«Небось, небось, батька, вѣдь это не наше».

Народныя присловья объ угличанахъ.

Когда мы вышли изъ женскаго монастыря, то были уже порядкомъ утомлены, находясь на ногахъ съ самаго утра. Приходилось подумать и о желудкѣ. Мы рѣшили отыскать какую нибудь страннопріимницу и, направившись къ центру города, вышли на главную торговую площадь.

Она находится позади кремля съ южной стороны. Отъ бывшей крѣпости ее отдѣляетъ старый, глубокій ровъ, черезъ который перекинута мостъ, ведущій въ кремль, прямо къ собору. Налѣво отъ моста тянется, за ровомъ, городской садъ, о которомъ я говорилъ выше. Хотя въ старомъ описаніи Углича и говорится, что торговая площадь окружена съ четырехъ сторонъ рядами лавокъ, а съ пятой городскимъ садомъ, но мы, какъ ни старались, какъ ни поворачивались, все-таки пятой стороны у площади не нашли. По нашему, дома и лавки ограничиваютъ площадь съ трехъ сторонъ, а съ четвертой тянется ровъ и за нимъ южная сторона крѣпостного холма. Не мало красоты придаютъ торговой площади церкви Успенія и Казанской Божіей Матери, находящіяся не въ дальнемъ разстояніи одна отъ другой. На мѣстѣ Успенской церкви, въ удѣльныя времена, стоялъ городской Успенской соборъ, который, по мнѣнію г. Кисселя, былъ даже древнѣе Преображенскаго собора въ крѣпости. Этотъ старый Успенскій соборъ разрушенъ во время польскаго нашествія въ началѣ XVII вѣка, а нынѣшняя церковь построена уже въ 1799 году. На мѣстѣ храма Казанской Божіей Матери также существовала издавна деревянная церковь, основанная еще въ XIV столѣтіи угличскимъ княземъ Юріемъ Александровичемъ; но въ XVII вѣкѣ и эта церковь обветшала. Ее пришлось разобрать, а новую хотѣли перенести съ площади на другое мѣсто; но по ходатайству какого-то старца Варлаама, который доходилъ до самого царя Михаила Ѳеодоровича, указомъ 1639 года, повелѣно было строить новое сооруже-

ніе на площади, на мѣстѣ стараго храма. Нынѣшній]каменный храмъ, замѣнившій и эту вторую деревянную церковь, возникъ въ 1778 году и, слѣдовательно, лѣтъ на 20 старше Успенскаго.

На площади нѣсколько разъ въ недѣлю бываетъ базаръ, на который съѣзжаются окрестные мужички: «кто купить, кто продать, а кто и пропить», какъ выразился одинъ мѣстный писатель. Впрочемъ, угличанъ деревенскими съѣстными припасами не удивишь. По словамъ г. Соловьева, они сами хорошіе хозяева; въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ своей коровы. «Кромѣ сего, для продовольствія семьи у

Церковь св. Николая въ Пѣтуховѣ.

каждаго гражданина имѣется свой огородъ; озабочиваясь объ уходѣ овощей, они считаютъ необходимою заготовку продуктовъ до новаго урожая. Излюбленные овощи это есть: лукъ, огурцы, картофель, морковь, свекла и капуста».

Такъ какъ у насъ ни своей коровы, ни огорода не было, то мы и освѣдомились на площади о какомъ нибудь мѣстномъ ресторанѣ. Намъ указали гостиницу Виноградова, находящуюся неподалеку. Внизу, подъ гостиницей, помѣщается магазинъ того же владѣльца, куда мы предварительно зашли купить напиросъ. Узнавъ, что мы пріѣзжие изъ Петербурга и намѣрены обѣдать въ его гостиницѣ, г. Виноградовъ оказался настолько любезнымъ, что

самъ проводилъ насъ на верхъ, позвалъ полового и велѣлъ сказать отъ своего имени главному повару, чтобы тотъ угостилъ насъ, какъ можно лучше. Поваръ дѣйствительно отличился на славу, за что и былъ особо награжденъ отъ насъ по заслугамъ. Но потомъ оказалось, что этою наградою мы наказали и себя, и своего любезнаго амфитріона: когда вечеромъ мы зашли въ ресторанъ поужинать, то половой встрѣтилъ насъ извиненіемъ, что теперь блюда, быть можетъ, уже не будутъ такъ вкусны, потому что поваръ на радостяхъ загулялъ, и въ кухнѣ остались одни только подручныя.

Въ обширной передней комнатѣ ресторана, за длиннымъ столомъ сидѣло большое общество: мужчины въ сибиркахъ и «спинжакахъ», иные въ пальто, дамы въ платьяхъ яркихъ цвѣтовъ, въ кофтахъ, съ пестрыми платками на головахъ. Между ними находилось и нѣсколько мальчиковъ-подростковъ, наряженныхъ въ ярко пунсовыя рубашки. Половой объяснилъ намъ, что это деревенскій сговоръ, который подгородніе крестьяне для шика справляютъ въ городѣ. Лица мужчинъ лоснились, какъ ихъ сапоги, дамы сидѣли красныя, какъ піоны, но никто изъ нихъ и не думалъ снять теплое верхнее платье, несмотря на то, что жара на улицѣ была невыносимая. На столѣ стояло порядочное количество пустыхъ бутылокъ, но разговоры велись скромно, почти въ полголоса и только съ ближайшими сосѣдями; всѣ вели себя крайне степенно и деликатно, какъ подобаетъ въ городѣ. Казалось, что видишь передъ собой не крестьянскій пиръ на сговорѣ, а какое-то торжественное засѣданіе. Картина была интересна и по краскамъ, и по выраженіямъ лицъ, степенно важнымъ у мужчинъ и безучастнымъ, почти застывшимъ, у женщинъ.

Мы помѣстились въ угловой комнатѣ, гдѣ уже сидѣла компанія изъ трехъ лицъ: усатый мелкій помѣщикъ военнаго типа, изъ волостныхъ писарей, мышкинскій торговецъ и мѣстный житель. Когда мы входили, они повернулись къ намъ съ улыбкою, вѣроятно, ожидая встрѣтить знакомыхъ завсегдатаевъ гостиницы, но, увидавъ чужихъ, какъ-то съежились и понизили голоса; до насъ долетали только отдѣльныя фразы изъ разговора. За другимъ столомъ помѣщались четыре приказчика, которые были настолько увлечены разговоромъ о какомъ-то купцѣ, что не обратили на насъ никакого вниманія.

— Велисапедъ завелъ,—разсказывалъ одинъ изъ нихъ товарищамъ:—кромѣ зельтерской, ничего не пьетъ. Какъ это называется-то?

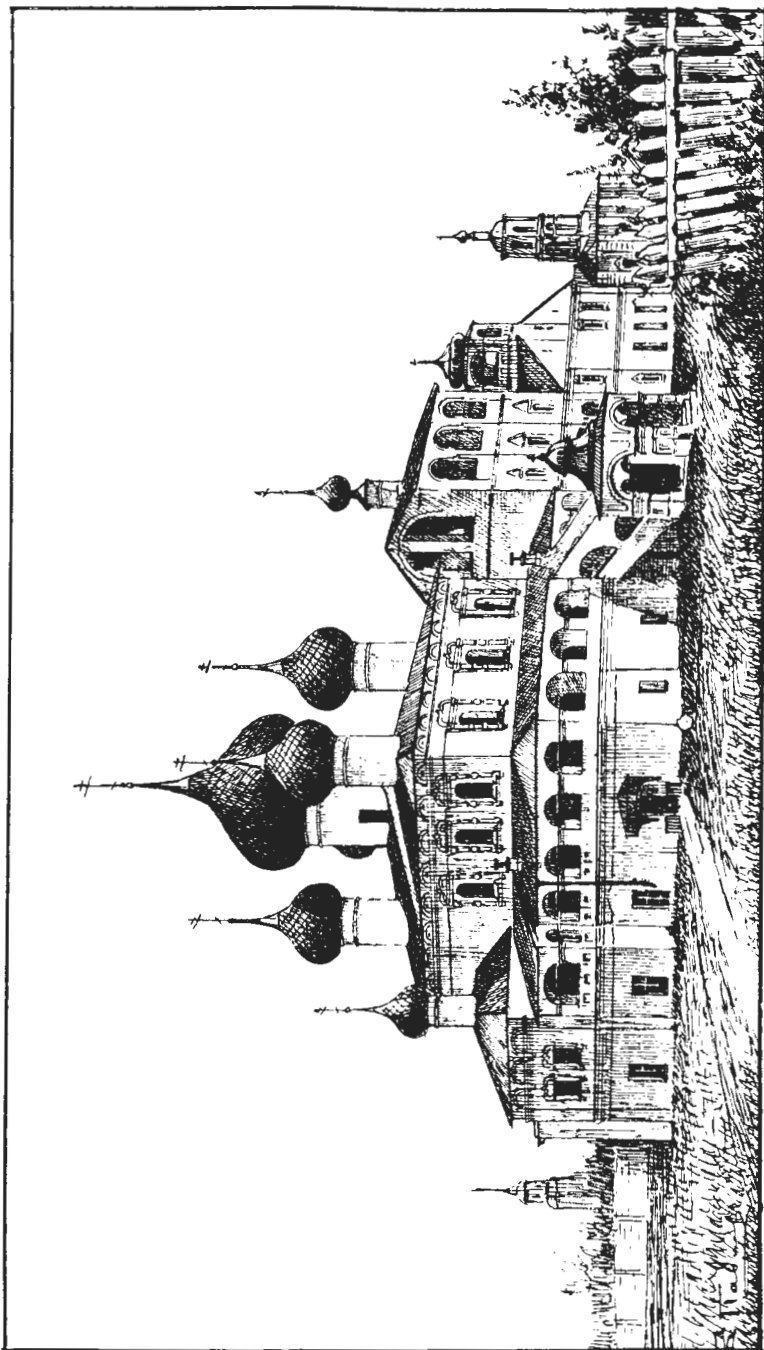
— Что?

— Да вотъ изъ чего зельтерскую пьютъ.

— Сифонъ?

— Вотъ, вотъ! Выпьетъ этакихъ сифона два—три и больше ничего.

— У васъ животикъ-то большой, а у насъ заячій,—доносится съ другого стола.

Успенский Воскресенский монастырь.

— Ложится въ часъ, встаетъ въ шесть,—продолжаетъ приказчикъ:—напьется чаю и сейчасъ на велисапедъ,—и кататься. Беретъ десять отмахаетъ. Приѣдетъ, рубашка мокрая, хоть выжми, и сейчасъ на баржу. На баржѣ-то онъ раза два—три въ день побываетъ.

— Поди-ка у него теперь мускулы-то окрѣпли,—замѣчаетъ одинъ изъ слушателей.

— Да, поправился. Однимъ словомъ—ведетъ себя хорошо.

— Поди-ка, все-таки какая нибудь слабость въ немъ да есть.

— Да вотъ и все слабости. Сталъ умѣренный и шабашъ.

— Это что! Нѣтъ! что нибудь да есть,—допытывается слушатель.—Нѣтъ человѣка безъ слабости.

— Не знаю, не знаю, — обрываетъ ораторъ и переводитъ разговоръ на какой-то раздѣлъ между братьями, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ явились «гадкія обстоятельства».

На другомъ столѣ помѣщикъ остритъ что-то надъ купцомъ, тотъ конфузится.

— На этотъ хрящикъ у насъ и зубовъ нѣтъ,—замѣчаетъ онъ.

Дверь открывается; входитъ городской сборщикъ.

— Пожертвуйте, православные,—заговорилъ онъ нараспѣвъ, съ низкими поклонами:—на масло Іоанну убиенному, Николѣ у Вознесенья, чудотворной иконѣ Божіей Матери Владимірской.

Разговоры прекратились, и начались пожертвованія.

Послѣ обѣда мы отправились въ мужской Алексѣевской монастырь, находящійся въ той же части города, гдѣ и женскій.

Внѣшній видъ его не такъ величественъ, какъ видъ женскаго монастыря, но зато въ немъ находятся болѣе древніе и болѣе интересные въ архитектурномъ отношеніи храмы. Основанъ онъ въ 1371 году, по желанію св. Алексѣя, митрополита московскаго, нѣкимъ инокомъ Адрианомъ, поставившимъ деревянную церковь во имя Успенія и при ней три кельи. Когда моши митрополита Алексѣя были найдены нетлѣнными, въ монастырѣ построили вторую церковь во имя новопрославленнаго святителя, и съ этого времени (1439 г.) монастырь получилъ названіе Алексѣевскаго. Но въ тѣ времена обитель, вѣроятно, была еще не велика и не богата. Объ этомъ можно заключить изъ духовнаго завѣщанія князя Дмитрія Ивановича Угличскаго, помѣщеннаго въ V томѣ продолженія Древней російской вивлюэки¹⁾. Перечисливъ пожертвованія селами и вотчинами въ угличскіе монастыри: Воскресенскій, Покровскій, Николо-Улейминскій, Учемскій и другіе, князь только въ самомъ концѣ прибавляетъ: «Да на Угличе жъ монастырекъ на посадѣ во Гневѣ

¹⁾ Хотя въ примѣчаніи завѣщаніе это и отнесено тамъ къ Дмитрію Ивановичу, внуку Іоанна III, извѣстному своею несчастною судьбою, но, кажется, болѣе правдоподобнымъ было бы отнести его къ сыну Іоанна, Дмитрію Ивановичу Жилкѣ (1482—1521 г.), который дѣйствительно былъ княземъ въ Угличѣ.

слободѣ Олексѣй чудотворецъ и втотъ монастырекъ село Нѣкоузъ здеревнѣ въ Рожалове». Въ концѣ XV столѣтія деревянная церковь св. Алексѣя митрополита пришла въ ветхость и была разорена. Черезъ нѣсколько лѣтъ на ея мѣстѣ былъ воздвигнутъ существующій и понынѣ каменный храмъ, очень интересный по своему покрытію тремя, рядомъ стоящими, шатровыми главами, которыя дѣлаютъ эту постройку близкою родственницею московскимъ церквамъ: Рождества Богородицы на Путникахъ и Воскресенія въ Гончарахъ. Построеніе храма нѣкоторые приписываютъ угличскому князю Дмитрію Ивановичу Жилкѣ, а другіе, въ томъ числѣ и г. Киссель,

Церковь св. Іоанна Предтечи (Іоанна Убіеннаго).

угличскому намѣстнику Ѳомѣ Колычеву (1522—1550). Рассказывая объ основаніи церкви, г. Киссель впадаетъ впрочемъ въ довольно важную ошибку, считая Ѳому Колычева личнымъ другомъ св. Алексѣя, скончавшагося, какъ извѣстно, въ 1378 году. Несомнѣнно одно, что Колычевъ дѣйствительно похороненъ въ Алексѣевскомъ храмѣ.

Около конца XVI вѣка монастыремъ управлялъ игуменъ Савватій. Въ роковой день 15 мая 1591 г. въ монастырѣ служилъ обѣдню приглашенный имъ архимандритъ Воскресенскаго монастыря, Феодоритъ. Услыхавъ набатъ, они послали служекъ въ городъ, справиться: не пожаръ ли?—и узнавъ о смерти царевича, оба поспѣ-

шили въ крѣпость. Они нашли тѣло убіеннаго уже въ соборѣ. При нихъ привели въ храмъ къ царицѣ Осипа Волохова, чуть живого, и тутъ же доби́ли его. Когда вслѣдъ затѣмъ была приведена въ соборъ жена Битяговскаго съ дочерьми, и народъ хотѣлъ расправиться и съ ними, то архимандритъ и игуменъ бросились въ толпу, отняли женщинъ и спасли ихъ отъ смерти. Оба они фигурируютъ въ сыскномъ дѣлѣ о смерти царевича.

Во время польскаго погрома монастыремъ править уже архимандритъ, нѣкій Арсеній. Въ обители находилось тогда до 60 чело-вѣкъ братіи, въ нее же, во время ночного взятія крѣпости и всеобщей рѣзни, укрылось около пятисотъ гражданъ. Поутру поляки окружили монастырь. Арсеній поддерживалъ бодрость въ осажденныхъ, напоминалъ имъ доблестную защиту Троице-Сергіева монастыря. Монахи и угличане отбивались храбро, много поляковъ легло подъ стѣнами обители, но наконецъ непріятель все-таки ворвался въ ограду и, озлобленный упорнымъ сопротивленіемъ, не пощадилъ никого. Часть братіи, укрывавшаяся въ каменномъ подвалѣ, была заживо завалена въ немъ камнями и землею. Болѣе всѣхъ пришлось вытерпѣть самому Арсенію, котораго поляки схватили и подвергли мучительной пыткѣ съ цѣлю узнать, гдѣ спрятаны монастырскія сокровища. Онъ умеръ, не открывъ ничего. Обитель была разрушена, но въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, усердіемъ старца Мисаила, она снова начала возникать изъ развалинъ. Въ 1628 году, на мѣстѣ сожженнаго поляками деревяннаго Успенскаго храма, былъ воздвигнутъ нынѣшній каменный Успенскій соборъ. Онъ крытъ пятью главами и красивъ своею правильностью пропорцій. Третья каменная церковь, во имя Іоанна Предтечи, была сооружена уже въ концѣ XVII столѣтія, въ 1681 году. Монастырь въ это время считался однимъ изъ богатѣйшихъ въ Угличѣ; онъ владѣлъ болѣе чѣмъ двумя тысячами душъ крестьянъ, мельницами, лѣсами и рыбными ловлями. Съ 1764 г. онъ отнесенъ къ разряду третьеклассныхъ и средства его значительно уменьшились. Въ удѣльныя времена, по словамъ г. Соловьева, въ стѣнахъ обители была устроена тюрьма, гдѣ содержались въ оковахъ знатныя лица, присланныя изъ Москвы и другихъ мѣстъ. Изъ хранящихся въ монастырѣ церковныхъ древностей замѣчательнъ напрестольный серебряный крестъ съ мощами, пожертвованный въ 1623 году княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ.

Въ стѣнахъ монастыря неподалеку отъ собора находится обширное кладбище, гдѣ находятъ себѣ вѣчное успокоеніе именитые и зажиточные граждане города. Подлѣ одного изъ свѣжихъ памятниковъ, за рѣшеткою, копошилась съ метлою женщина, подметавшая песокъ и убиравшая могилу. Я прошелъ далѣе дѣлать наброски, а товарищъ мой разговорился съ нею.

Когда, минутъ черезъ двадцать, я вернулся къ нимъ, то засталъ ихъ уже въ оживленной бесѣдѣ: женщина сватала ему вдову умер-

шаго, молодую, красивую, умную; у невѣсты, по ея словамъ, было денегъ сто тысячъ и лошадь въ 300 рублей.

Жара стояла ужасная, и мы отправились въ монастырскую келарню попросить воды. Молодой послушникъ радушно угостилъ насъ квасомъ и очень заинтересовался нашими рисунками.

— Съ нашего монастыря плановъ еще, кажется, нигдѣ печатано не было,—замѣтилъ онъ.—Есть въ Питерѣ журналы хорошіе: «Нева» и «Осколки»; вотъ если бы тамъ помѣстить!

Мы не стали его разочаровывать и, поблагодаривъ за вкусный квасъ, прошли въ соборъ, гдѣ въ это время ударили къ вечернѣ.

VI.

Угличскіе храмы. Іоаннъ Убіенный.

«Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы».

Пушкинъ.

«Бѣдилъ чортъ въ Ростовъ, да напугался крестовъ»,—говоритъ народная пословица, характеризуя обиліе церквей въ Ростовѣ, но Угличъ въ этомъ отношеніи смѣло могъ бы поспорить со своимъ бывшимъ стольнымъ городомъ. На двѣнадцать тысячъ населенія въ Угличѣ, — не считая монастырей и соборовъ, — однѣхъ приходскихъ церквей насчитывается до двадцати четырехъ. Благодаря скромному количеству прихожанъ, приходы эти большею частію бѣдны и существуютъ на крайне скудныхъ средствахъ. Относительно приходоу, находящихся ближе къ берегу, здѣсь замѣчается довольно интересное явленіе: Волга для нихъ какъ бы не существуетъ. Многіе жители городской стороны состоятъ прихожанами зарѣчной Введенской церкви, и мы сами видѣли, какъ причтъ другой церкви, св. Леонтія, также находящейся за Волгою, ходилъ со-святомъ по городскому правому берегу, хотя въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ домовъ его прихожанъ находятся цѣлыхъ три городскихъ церкви. Но если приходы не велики теперь, то каковы же они должны были быть въ XVI столѣтіи, когда въ Угличѣ при сорока-тысячномъ населеніи было 12 монастырей и 150 храмовъ!

Остатокъ дня мы посвятили на обзорѣніе главнѣйшихъ церквей города и, подрядивъ извозчика, очень разговорчиваго старичка, отправились за городскую заставу, къ церкви Димитрія царевича, находящейся на городскомъ кладбищѣ.

— Какъ же вы эту церковь называете?—спросилъ я по дорогѣ возницу, зная, что въ городѣ есть уже церковь Димитрія царевича «на крови».

— «На крови».

— Какъ «на крови»? Вѣдь «на крови» у дворца?

— Да, и тамъ есть,—отвѣчалъ онъ улыбаясь:—та Дмитрія царевича, и эта Дмитрія царевича, та «на крови», и эта «на крови»; въ той батюшка отецъ Николай, и въ этой батюшка отецъ Николай, а ничего не подѣлаешь, такъ ужъ вышло.

— Почему же вы и загородную тоже «на крови» зовете?

— А это по особому случаю. Видишь ли: какъ его убили-то и похоронили, такъ пролежалъ онъ въ землѣ пятнадцать лѣтъ негнѣннымъ. Черезъ пятнадцать лѣтъ надумали его изъ нашего города взять и въ Москву перенести. Вынесли изъ города, а у него на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ церковь, изъ горлышка-го опять кровь показалась, оттого и «на крови».

Церковь находится почти за самую городскую заставою. Официальное ея названіе, кажется: царевича Дмитрія на Полѣ. Она помѣщается направо отъ новой Ростовской дороги и построена не ранѣе конца прошлаго столѣтія. Но мѣсто, на которомъ она стоитъ, памятно угличанамъ еще съ конца мая 1606 года, когда состоялось перенесеніе мощей царевича въ Москву. Въ тѣ времена, какъ и теперь, здѣсь пролежала Ростовская дорога, по которой направилось шествіе съ мощами, и на этомъ мѣстѣ совершилось горестное прощаніе горожанъ съ дорогими для нихъ останками царевича, а насколько дороги имъ были эти останки, свидѣтельствуетъ сохранившаяся до сихъ поръ въ народѣ легенда о появленіи крови во время прощанія, слышанная нами потомъ отъ разныхъ лицъ.

Подобно мѣсту убіенія царевича, и мѣсто послѣдняго прощанія съ его мощами было ознаменовано постройкою часовни, которая простояла здѣсь болѣе 70 лѣтъ и была замѣнена деревянною церковью, мѣсто которой заняла потомъ каменная. Но и каменный храмъ простоялъ только до конца прошлаго вѣка, когда его за ветхостью пришлось разобрать и приступить къ постройкѣ новаго, который существуетъ и по сіе время. Снаружи онъ имѣетъ довольно красивый видъ, но внутри не заключаетъ ничего особенно интереснаго.

Отъ Ростовской заставы нашъ старичекъ повезъ насъ въ мѣстность Пѣтухово, гдѣ находится недурная въ архитектурномъ отношеніи церковь св. Николая Чудотворца. Пѣтухово расположено на краю города, на холмистой возвышенной мѣстности, и видъ отъ него на Угличъ и на Волгу очень красивъ. Церковь была построена въ 1758 году, вмѣсто сгорѣвшей деревянной. Вокругъ нея еще видны остатки древняго кладбища.

Названіе Пѣтухова произошло по слѣдующей причинѣ: недалеко отъ церкви и теперь еще находится полувросшій въ землю большой камень. На этомъ камнѣ въ старину творилось чудо. Незадолго до смерти царевича, передъ ссылкой угличанъ въ Сибирь и передъ

Мѣсто погребенія Іоанна Убиеннаго въ церкви св. Іоанна Предтечи.

польскимъ нашествіемъ, на немъ неизвѣстно откуда появился громадный пѣтухъ и крикомъ своимъ возвѣщалъ о грядущемъ на городъ бѣдствіи.

— Нашъ городъ прежде большой былъ,—говорилъ извозчикъ, когда мы отъ Пѣтухова снова спускались къ Волгѣ:—вотъ теперь

въ семи верстахъ отсюда Грѣховъ ручей есть, такъ тамъ встарину, говорятъ, мясные ряды были.

— А почему онъ Грѣховымъ называется? Мясники что ли много грѣха на душу брали?

— Нѣтъ, не потому, а опять по особенному случаю. Какъ царевича-то у насъ убили, два злодѣя, помоложе-то, сѣли на коней, да бѣжать. Добѣжали до Грѣхова-то ручья, да тамъ и ослѣпли,— ни взадъ, ни впередъ; ну, и вернулись поневолѣ въ городъ; тутъ ихъ и схватили. Съ тѣхъ поръ ручей-то говорятъ Грѣховнымъ и прозвался.

— Такъ великъ былъ городъ-то?

— Великъ. И посейчасъ еще крестьяне въ окрестности много старинныхъ денегъ находятъ. Вонъ тамъ, на томъ берегу, подалее-то, — Богоявленская гора прозывается. Тамъ прежде монастырь былъ, — литва разорила, — такъ мѣсто-то еще и теперь видать, и тоже деньги старинныя находятъ. А то еще за Алексѣевскимъ монастыремъ въ городѣ ручей есть. Лѣтъ пять тому, въ дождливое лѣто, онъ разлился здорово и даже черезъ дорогу шелъ, — такъ тоже размылъ старинныхъ денегъ золотыхъ, — да рублей, говорятъ, на сто! Женщина одна нашла; ну, только у нея отобрали.

Мы спустились въ городъ на берегъ, къ церкви Флора и Лавра, построенной въ 1762 г. Въ древности здѣсь находился конюшенный дворъ угличскихъ князей, отсюда и имя церкви, посвященной святымъ, считающимся покровителями коневодства. Церковь находится на самомъ берегу Волги, близъ пароходныхъ пристаней, саженьяхъ въ полтораста отъ бывшей крѣпости и дворца.

Проѣхавъ черезъ базаръ, мы направились въ другой конецъ города и вскорѣ выѣхали на большую площадь, посреди которой возвышался каменный, бѣлый храмъ, крайне интересный по плану и величественный по наружности. По сторонамъ его, на краяхъ площади, находились еще двѣ церкви.

— Это прямо-то—Воскресеніе,— обернулся къ намъ извозчикъ:— налѣво—Парасковья Постница, а направо—Іоанна Убиеннаго.

Мы сошли съ дрожекъ и направились къ Воскресенскому храму, у котораго насъ ожидала очень оригинальная картина: на восточной стѣнѣ, высоко, высоко, почти подъ самымъ карнизомъ, помѣщалось большое изображеніе Спасителя, къ которому по крышѣ вели деревянныя лѣстницы. Передъ изображеніемъ, въ висячемъ фонарѣ, ярко теплилась лампада, а внизу, на пустой площади, стоялъ съ псаломщикомъ старичекъ священникъ въ ризѣ и служилъ молебенъ. Тишина безлюднаго пустыря, каменная громада храма, икона, высоко царящая въ воздухѣ надъ площадью, мелькающій передъ нею огонекъ и эти двѣ одинокія, молящіяся фигуры дышали какою-то глубокою, нетронутою стариною, какою-то особою, задушевною оригинальностью, и мы нѣсколько минутъ молча наслаждались этимъ зрѣлищемъ.

Священникъ окончилъ молебень и вернулся въ церковь, куда за нимъ послѣдовали и мы. Служба отошла лишь недавно, и свѣчникъ былъ еще на своемъ мѣстѣ. Зная, что церковь прежде была монастыремъ, я подошелъ къ нему освѣδοчиться, не продается ли ея описаніе.

— Не знаемъ, — отвѣчалъ свѣчникъ, долговязый парень съ соннымъ выраженіемъ лица.

— Какъ не знаете? Кому же и знать, какъ не вамъ?

— Не знаемъ.

— Да у васъ, въ свѣчномъ ящикѣ-то, есть оно или нѣтъ?

— Есть.

— Покажите.

Онъ открылъ и досталъ свѣчи.

— Да я васъ про описаніе спрашиваю, есть оно? — продается или нѣтъ?

— Не знаю.

Старикъ священникъ, вышедшій въ это время изъ алтаря, узнавъ, въ чемъ дѣло, отвѣчалъ, что описанія печатнаго нѣтъ, и любезно вызвался показать намъ церковь и подѣлиться изустно своими знаніями объ ея прошломъ.

Въ XVI вѣкѣ неподалеку отсюда находился мужской Воскресенскій монастырь. Тогда онъ былъ еще деревянный, стоялъ на берегу близъ Волги и во время разливовъ затоплялся водою. Около 1609 года монастырь этотъ былъ разрушенъ поляками. Нѣкоторое время въ числѣ обительской братіи находился будущій ростовскій митрополитъ Іона Сысоевичъ. Онъ былъ большой любитель строиться и, сдѣлавшись митрополитомъ, съ горячностью принялся за возобновленіе своего любимаго Воскресенскаго монастыря. Онъ перенесъ его съ берега Волги на площадь, обнесъ оградой и воздвигъ въ немъ этотъ замѣчательный храмъ, въ 1677 году. Здѣсь же построилъ онъ и домъ для своего пріѣзда и при немъ церковь святой Параскевы Пятницы. Монастырь въ то время былъ однимъ изъ обширнѣйшихъ въ городѣ, но по смерти митрополита Іоны началъ мало-по-малу приходить въ упадокъ; начатыя грандіозныя зданія такъ и остались недостроенными. Въ 1764 году, у обители были отобраны вотчины, а такъ какъ другихъ средствъ къ существованію она не имѣла, то и рѣшено обратить ее въ приходскую церковь. Въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія, послѣдовалъ запросъ о количествѣ дворовъ въ приходѣ и въ виду того, что это количество далеко не достигало положенной нормы, закрытъ и самый приходъ, а церковь приписана къ находящейся на той же площади Предтеченской церкви. Лѣтъ около двадцати назадъ, преосвященный Іоаннаанъ, архіепископъ ярославскій, будучи въ Угличѣ, осмотрѣлъ Воскресенскую церковь и пожелалъ возстановить въ ней богослуженіе. Церковь была переписана къ городскому духовному училищу, и въ нее переведенъ

изъ другаго прихода водившій насъ батюшка, который состоитъ преподавателемъ духовнаго училища и вотъ уже 16 лѣтъ совершаетъ здѣсь богослуженіе.

Зданіе, возведенное Іоною Сысоевичемъ, состоитъ въ сущности изъ двухъ самостоятельныхъ храмовъ, соединенныхъ между собою каменнымъ переходомъ съ лѣстницами, проходомъ внизу и колокольнею на верху. Главный храмъ, помѣщающійся налѣво, освященъ въ память праздника обновленія храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ. Онъ имѣетъ по сторонамъ два небольшихъ придѣла, отдѣленныхъ отъ него глухими каменными стѣнами, во имя Знаменія и Владимірской Божіей Матери. Вторая церковь, направо отъ колокольни, нѣсколько меньше главнаго храма и освящена въ честь смоленской иконы Богородицы. Въ западной части этой церкви находилась монастырская трапеза. Теперь эта трапеза, равно и обширные подвалы, устроенные внизу зданія, отдаются мѣстнымъ купцамъ подъ склады хлѣба, и арендная плата за нихъ составляетъ почти единственный, скудный доходъ церкви, безъ котораго она положительно не могла бы существовать.

Громадная ограда монастыря давно уже сломана и продана одному мѣстному купцу, который тутъ же на площади выстроилъ изъ нея каменный домъ, въ которомъ помѣщается трехклассное городское училище. Остались на площади, неподалеку отъ Пятницкой церкви, одни только бывшія монастырскія ворота съ иконою Знаменія, обращенныя теперь въ часовню. По преданію, ворота эти оставлены оттого, что рабочіе никакъ не могли разломать ихъ. Написанная на нихъ икона считается чудотворною.

— А Нерукотворенный образъ, передъ которымъ вы служили?— спросили мы батюшку.

— А это древній образъ, одного времени съ храмомъ.

— Онъ настѣнный или писанъ на доскѣ?

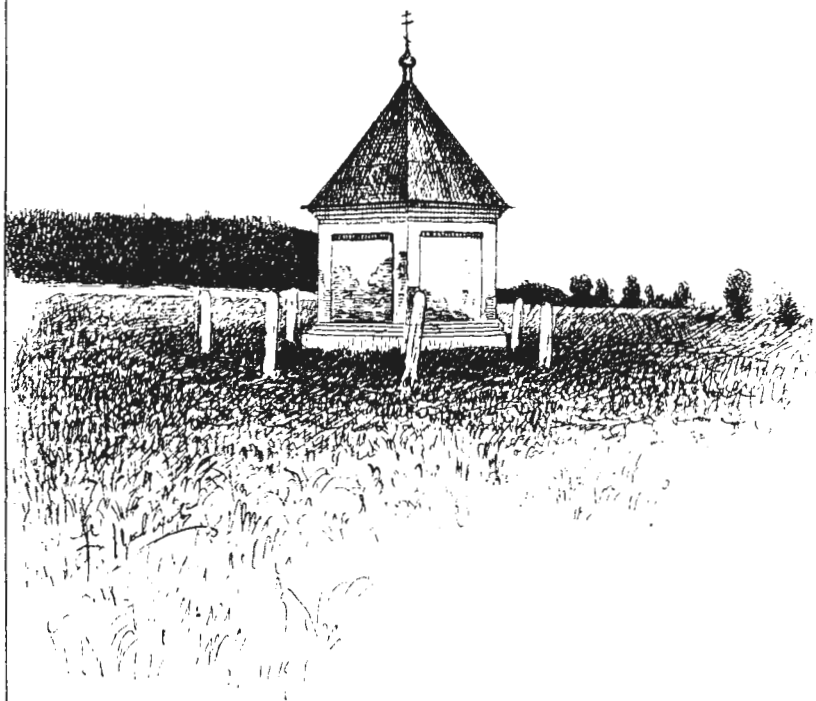
— Иванъ Павлычъ,—обратился старичекъ къ сторожу:—ты лампадку-то зажигаешь; какой онъ: настѣнный или на доскѣ?

— На доскѣ, на доскѣ, батюшка,—отвѣчалъ тотъ.—Образъ старинный, письмо хорошее.

Простившись съ симпатичнымъ, добродушнымъ батюшкою, мы перешли въ сосѣднюю церковь св. Іоанна Предтечи, извѣстную въ городѣ болѣе подъ именемъ Іоанна Убіеннаго. Церковь построена въ 1691 году и своею стильною архитектурою производитъ крайне пріятное впечатлѣніе.

Главную достопримѣчательность этого храма внутри составляетъ гробница съ лежащими въ ней подъ спудомъ мощами младенца Іоанна Чеплосова, убитаго въ 1663 году. Вотъ что рассказываетъ по поводу этого младенца мѣстная лѣтопись.

Верстахъ въ двухъ отъ города, въ Іерусалимской слободѣ, проливалъ богатый посадскій челоуѣкъ Никифоръ Григорьевичъ Чепл-

Часовня на мѣстѣ убіенія младенца Іоанна Чеполосова.

лосовъ, съ женою Анною и маленькимъ сыномъ Іоанномъ. Іоанну шель тогда шестой годъ, и онъ уже ходилъ учиться грамотѣ къ какому-то мѣстному учителю. Въ школу онъ ходилъ съ товарищами, а иногда его провожалъ туда нѣкто Рудакъ, котораго лѣтопись называетъ «ближнимъ родителю и любимымъ ради правленія нѣкіихъ заводныхъ рукодѣльствъ». Въ то время горожане хоронились каждый въ своемъ приходѣ, лица же постороннія, неизвѣстныя, не принадлежавшія ни къ какому приходу, по общему русскому обычаю, относились за городъ въ убогій домъ, неподалеку отъ слободы.

гдѣ ихъ и погребали. Въ убогихъ домахъ покойниковъ отпѣвали не тотчасъ послѣ смерти, а по мѣрѣ накопленія, за одною общою службою. Такъ, на примѣръ, тѣла неизвѣстныхъ лицъ, подобранныхъ на улицахъ зимою, лежали въ убогихъ домахъ до весны, когда, въ извѣстный день, являлось духовенство и всѣхъ вмѣстѣ предавало землѣ. Такимъ днемъ въ 1663 году было назначено въ Угличѣ девятое іюня. Изъ города въ убогій домъ, при большомъ стеченіи народа, долженъ былъ отправиться торжественный крестный ходъ и совершиться заупокойная служба. Въ этотъ день Іоаннъ Чепѣлосовъ отправился въ школу одинъ. По дорогѣ встрѣтилъ его Рудакъ и предложилъ, по случаю праздника и крестнаго хода, пропустить школу и идти съ нимъ погулять. Мальчикъ, ничего не подозрѣвая, согласился. Рудакъ повелъ его въ свой домъ, говоря, что тамъ они сначала дождутся крестнаго хода, но когда крестный ходъ показался на улицѣ, злодѣй схватилъ мальчика, бросилъ его въ коникъ, тянувшійся въ видѣ длиннаго сундука вдоль стѣны, и заперъ тамъ наглухо. Лѣтопись прибавляетъ, что въ коникѣ было положено «острое терніе».

Богомольные Чепѣлосовы, отправляясь вмѣстѣ съ другими на крестный ходъ, распорядились мальчикомъ, товарищамъ Іоанна, чтобы тѣ привели его изъ школы на торжество. Учитель сказалъ дѣтямъ, что Чепѣлосовъ сегодня въ школу не былъ, но тѣ забыли оповѣстить родителей. Дѣло о пропажѣ ребенка выяснилось только послѣ службы. Начались поиски, которые продолжались нѣсколько дней и не привели ни къ чему. Чтобы отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе, Рудакъ старался и хлопоталъ не менѣе другихъ, а приходя домой, истязалъ мальчика, требуя, чтобы онъ отрекся отъ отца и матери и назвалъ его отцомъ. Мальчикъ отказывался, и злодѣй снова принимался за истязанія. Такъ прошло 16 дней. 28 іюня, Рудакъ снова вывелъ изъ коника свою жертву и окончательно домучилъ ее. Онъ нанесъ мальчику двадцать четыре раны ножомъ и наконецъ вонзилъ ему ножъ въ голову черезъ ухо. Причину такого звѣрскаго злодѣянія лѣтопись видитъ въ личныхъ отношеніяхъ убійцы къ отцу убитаго. Она говоритъ, что «сіе сотворися по нѣкоему злобственному на родителя Іоаннова убійцы Іоаннова въ сердцѣ скрытому ухищренію», но безразсудное требованіе, безцѣльныя истязанія неповиннаго ребенка и самый способъ убійства, по нашему мнѣнію, указываютъ на психическое разстройство преступника и допускаютъ возможность видѣть въ Рудакѣ душевно-больнаго человѣка.

Совершивъ убійство, онъ ночью потихоньку вывезъ тѣло на болотистое, кочковатое поле, близъ убогаго дома, служившее выгономъ для городского скота, и тамъ не закопалъ, а затопталъ его ногами въ сырую, вязкую почву. Здѣсь оно пролежало двѣнадцать дней и было наконецъ найдено городскимъ пастухомъ.

Отецъ мальчика, который страшно грустилъ о пропажѣ сына и, въ припадкѣ отчаянія, чуть даже не закололъ себя ножомъ, находился въ это время съ женою въ церкви, за обѣдней. Приближалось время пѣнія херувимской пѣсни, когда его извѣстили, что сынъ его, убитый, найденъ на выгонѣ. Онъ перемѣнился въ лицѣ, но отвѣтилъ только: «Дайте мнѣ дослушать литургію», и остался на мѣстѣ; такова была вѣра этого человѣка! Послѣ обѣдни онъ

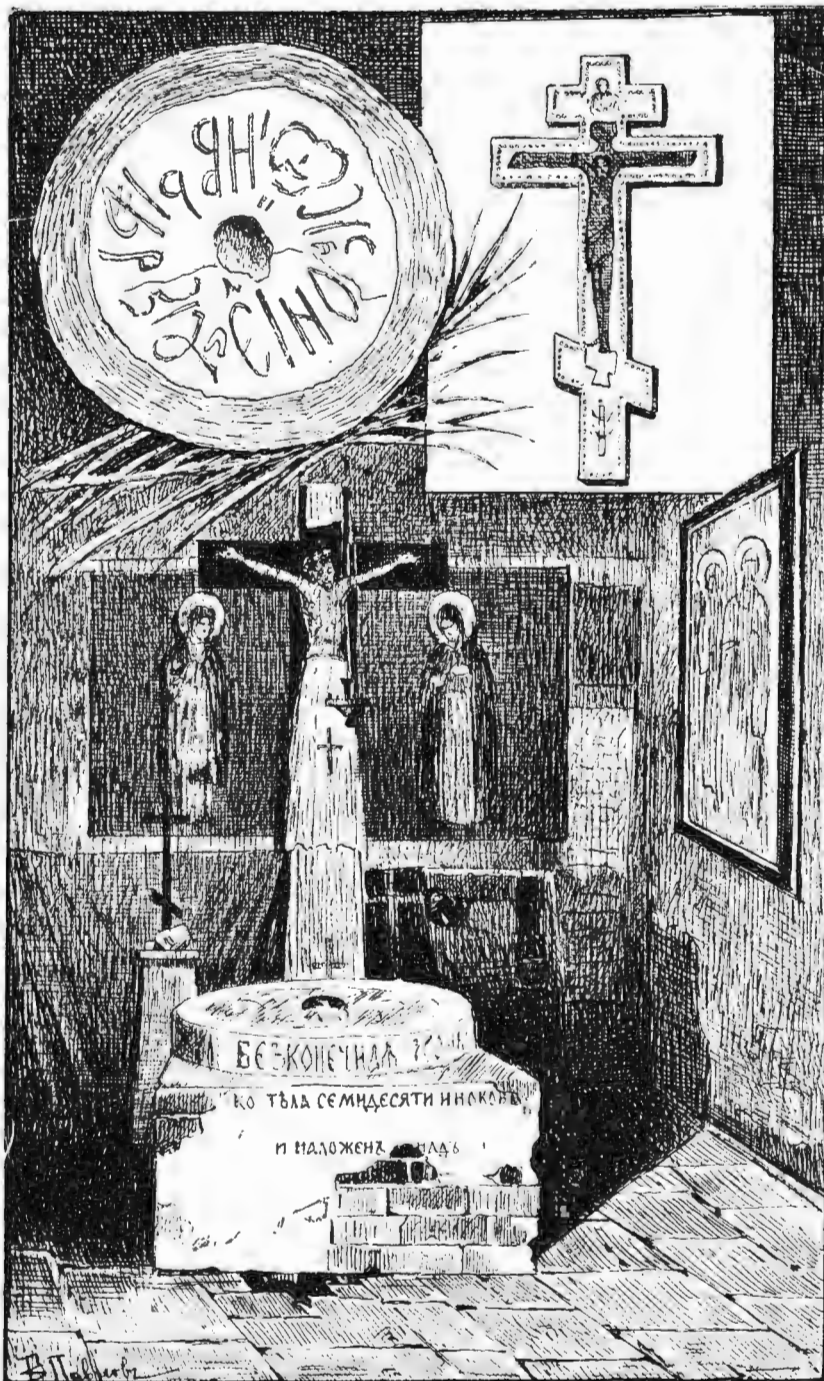
Покровскій монастырь.

пригласилъ церковный причтъ отправиться за тѣломъ, и священникъ въ тѣхъ же ризахъ, въ которыхъ совершалъ богослуженіе, пошелъ съ нимъ на поле. Въ ухѣ убитаго еще торчалъ ножъ; тѣло не выказывало ни малѣйшихъ признаковъ разложенія. Прежде всего приложили всѣ старанія, чтобы вынуть страшное орудіе смерти изъ головы ребенка, но это оказалось невозможнымъ: ножъ какъ бы приросъ къ черепу. Когда тѣло было принесено въ городъ и

приготовлено къ погребенію, въ церкви появился мучимый совѣстью Рудакъ и только лишь коснулся рукоятки ножа, какъ ножъ легко и свободно выпалъ изъ раны. Преступникъ повинился во всемъ и былъ отведенъ въ тюрьму. Мальчика похоронили 6 іюля, близъ деревянной церкви Рождества Іоанна предтечи.

Злую казнь готовили угличскія власти Рудаку, но ходатаемъ за него явился самъ же убіенный. Представъ передъ матерью въ сонномъ видѣніи, онъ просилъ похлопотать объ избавленіи Рудака отъ казни. Анна Чепѣлосова не разсудила говорить о томъ мужу, но въ слѣдующую ночь Іоаннъ явился уже и отцу и матери и сказалъ имъ: «если не исходатайствуете прощенія Рудаку, то не увидите меня не только здѣсь, но и въ будущей жизни». Проснувшись, они оба рассказали другъ другу свой сонъ и поспѣшили къ властямъ. Рудакъ былъ отпущенъ на свободу, но, по словамъ лѣтописи, все-таки не избѣгъ суда Божьяго: онъ вскорѣ умеръ съѣдаемый червями.

Надъ мѣстомъ погребенія любимаго сына Чепѣлосовъ приступилъ къ постройкѣ нынѣшней каменной Предтеченской церкви. Въ 1689 г. начали постройку, и тутъ оправдались таинственныя слова, сказанныя Іоанномъ во снѣ родителямъ: они снова увидели его еще въ сей жизни. Когда начали копать рвы для фундамента, нашли его гробъ цѣлымъ и крѣпкимъ и самое тѣло нетлѣннымъ. Чудо было тѣмъ болѣе очевидно, что похороненный тутъ же, незадолго до Іоанна, братъ Чепѣлосова успѣлъ истлѣть совершенно. Донесли о событіи въ Ростовъ митрополиту Іонѣ, и онъ поручилъ игумену сосѣдняго Покровскаго монастыря освидѣтельствовать тѣло. Оно было, говорить лѣтопись: «яко днесъ положено, и токмо малая часть взята бысть десныя руки малаго перста, свойственно бо есть землѣ свое взять». Но архіереямъ, прибавляетъ лѣтописецъ, по случаю развивавшагося тогда раскола, было не до новооткрытыхъ мощей. Когда въ 1691 г. каменная церковь была окончена, ихъ велѣно положить въ нее подъ спудомъ, въ нишѣ теплаго придѣла, гдѣ онѣ и посейчасъ находятся. Священникъ Предтеченской церкви о. Ѳеодоръ Ширяевъ, во время передѣлокъ храма, сравнительно не такъ давно, снова видѣлъ гробъ и нетлѣнное тѣло и одежды младенца, о чемъ и докладывавалъ ярославскимъ преосвященнымъ, пощавшимъ Угличъ.

Внутренность часовни надъ могилою убиенныхъ поляками иноковъ. Вверху:
крестъ, бывший въ рукахъ игумена, и жерновъ на могилѣ.

VII.

Покровскій монастырь. Прощаніе съ Угличемъ.

«А изъ тѣхъ Углическихъ монастырей Покровскій значала строеніе благовѣрныхъ великихъ князей и преподобнаго отца игумена Пансіа изобилень каменными церквами и утварію церковною».

Изъ грамоты патриарха Адриана.

На слѣдующее утро мы отправились въ Покровскій монастырь, находящійся на разстояніи четырехъ верстъ отъ города и почти единственный, уцѣлѣвшій въ окрестностяхъ Углича послѣ страшнаго польскаго погрома.

Дорога въ монастырь идетъ вдоль берега Волги и полна воспоминаніями объ Іоаннѣ Убиенномъ. Вотъ Іерусалимская слобода, гдѣ онъ жилъ съ родителями, и гдѣ стоялъ домъ Рудака, вотъ Воскресенское городское кладбище на мѣстѣ бывшаго убогаго дома (его же называютъ, кажется, и Егорьевскимъ; церковь построена въ 1744 г.). Вотъ и поле, бывший городской выгонъ, гдѣ найдено тѣло страдальца. На мѣстѣ, гдѣ оно было затоптано Рудакомъ въ землю, стоитъ теперь сложенный изъ кирпичей квадратный столбикъ съ иконою. Столбикъ уже обветшалъ, штукатурка на немъ обвалилась. На обширномъ кочковатомъ полѣ пусто и уныло, и въ душу закрадывается щемящее чувство тоски.

Сдѣлавъ набросокъ часовни, мы поѣхали далѣе.

Впереди, широко размахивая лапами рыжого, выгорѣвшаго подъячника, двигалась высокая фигура въ широкополой шляпѣ, съ волосами, заплетенными въ тоненькую косичку. По виду это былъ священникъ.

Мы догнали его.

— Вы, господа, не въ монастырь ли?—заговорилъ онъ, притрогиваясь рукою къ шляпѣ.

— Въ монастырь.

— Сдѣлайте милость, поѣзжайте потише, чтобы мнѣ съ вами успѣть на паромъ. А то уйдетъ на ту сторону,—не дождешься.

— А вы тоже въ монастырь?

Онъ улынулся.

— Нѣтъ, я-то, положимъ, въ слободку пробираюсь. Самъ теперь въ монастырѣ живу, такъ мнѣ монастыри-то немножко ужъ поприкушались.

— Въ какомъ монастырѣ?

— А въ Алексѣевскомъ, въ городѣ. Я вѣдь подначальный,—вотъ и обрѣтаюсь во обители.

Онъ оказался очень веселымъ собесѣдникомъ, и мы незамѣтно добрались съ нимъ до парома.

Бѣлыя стѣны монастыря тянулись по песчаному пригорку противоположнаго берега, на колокольнѣ благовѣстили къ обѣднѣ.

Мы сошли на паромъ. Здѣсь уже ждала группа крестьянокъ изъ ближайшаго богатаго села Прилукъ. Онѣ возвращались изъ города домой. Высокая церковь Прилукъ виднѣлась на томъ берегу нѣсколько выше по теченію.

— Наши Прилуки,—хвасталась одна старуха,—не село, а настоящій городъ. Чего-чего только у насъ нѣтъ, народъ все богатый...

— А есть ли у васъ сайки, бабушка?—прервалъ ее священникъ.

Баба слегка смутилась.

— Саякъ-то нѣтъ,—это точно.

— Ну, вотъ то-то же, значитъ и не городъ.

На томъ берегу, прощаясь съ нами, онъ пропустилъ насъ впередъ, замѣтивъ весело:

— Не перейти бы вамъ дорогу; а то если попъ дорогу перейдетъ,—бѣда!

Онъ пошелъ налѣво въ слободу, а мы стали подниматься къ монастырю.

Основатель обители, преподобный Паисій, родился въ 1397 году и скончался въ 1504, ста семи лѣтъ отъ роду. Отецъ его, Иванъ Гавреневъ, жившій въ Нерехотскомъ стану, въ 37 верстахъ отъ Углича, былъ женатъ на дочери боярина Василия Кожы, родной сестрѣ преподобнаго Макарія Калязинскаго, который, впрочемъ, родился тремя годами позднѣе своего племянника Паисія. Когда Макарій поселился въ Клобуковѣ монастырѣ, къ нему, схоронивъ родителей, пришелъ и Паисій (тогда еще Павелъ Гавреневъ). Дядя постригъ его въ монашество, и съ той поры они прожили вмѣстѣ долгіе годы. Въ числѣ семи старцевъ, переселившихся съ Макаріемъ на землю Каляги, былъ и Паисій, дѣятельно помогавшій дядѣ въ устройствѣ новой обители.

Пожелавъ соорудить подъ Угличемъ свой монастырь, князь Андрей Васильевичъ Большой явился въ Калязинскую пустынь къ преподобному Макарію и просилъ дать ему игумена для будущей братіи. Макарій отпустилъ съ нимъ Паисія, который поселился въ четырехъ верстахъ отъ города на берегу рѣчки Нимошни, и посейчасъ протекающей подлѣ монастыря. Онъ соорудилъ деревянную церковь во имя Богоявленія и при ней нѣсколько келій.

Но Богоявленскій монастырь вскорѣ получилъ наименованіе Покровскаго. Это произошло по слѣдующему случаю: однажды, на утренней зарѣ, обительскій хлѣбникъ отправился на Волгу за водою и увидѣлъ прибывшую теченіемъ къ берегу большую икону. Оставивъ ведра у рѣчки, онъ побѣжалъ въ монастырь и увѣдомилъ преподобнаго. Паисій собралъ иноковъ и съ крестнымъ ходомъ отправился

къ рѣкѣ. Икону перенесли съ торжествомъ въ монастырь; на ней было изображеніе Покрова Пресвятой Богородицы, и эта Покровская икона сдѣлалась главною святынею обители. Въ честь ея въ 1482 году былъ построенъ нынѣшній каменный соборъ.

По смерти преподобнаго, московскіе князья и государи не оставляли монастыря своимъ милостями. Такъ великій князь Василій Ивановичъ въ 1521 году освободилъ отъ своего суда и повинностей селенія, принадлежавшія монастырю въ Угличскомъ уѣздѣ, и запретилъ скомоорохамъ и игру по монастырскимъ селамъ. Грозный пожаловалъ монастырь селомъ и тремя деревнями. Даже отъ имени Димитрія царевича была выдана грамота уменьшавшая пошлыны въ пользу князя, которыя взиимались съ монастырскихъ крестьянъ, и предоставлявшая монастырю полное судопроизводство надъ своими крестьянами, кромѣ случаевъ душегубства. Вѣроятно, вслѣдствіе просьбы монастырскихъ властей, эта же грамота запрещала угличскимъ крестьянамъ ходить въ гости къ монастырскимъ, и если-бъ кто изъ нихъ явился на цирь незваннымъ, то предоставляла право выводить такого со стыдомъ.

Въ 1609 году, поляки, осаждая Угличъ, появились и подъ монастыремъ. Правившій тогда обителю игумень Антоній, пріобчивъ всѣхъ находившихся въ обители святымъ тайнамъ, облачился въ ризы, взявъ въ руки крестъ и, сопровождаемый двѣнадцатью иконами, вышелъ навстрѣчу непріятелю, надѣясь убѣдить его увѣщаніями. Но лишь только онъ показался въ отворенныхъ воротахъ, какъ поляки выбили изъ рукъ его крестъ и разрубили игумена надвое. Тутъ же въ воротахъ были умерщвлены и его спутники монахи. Тѣла ихъ были брошены въ Волгу, но защитники монастыря въ ту же ночь вышли украдкою на берегъ, взяли тѣла изъ воды и похоронили въ обители. На слѣдующій день поляки овладѣли монастыремъ и, по обычаю, не помиловали никого. Часть осажденныхъ укрылась было въ главѣ Покровскаго храма, гдѣ былъ устроенъ придѣлъ св. Герасима, но непріатели натаскали въ церковь соломы и хвороста, подтащили къ высокому иконостасу и подожгли. Иконостасъ запылалъ, и всѣ скрывавшіеся въ главѣ погибли среди дыма и пламени.

Когда поляки удалились, сожженный монастырь представлялъ собою жалкія развалины. Отъ покровскаго храма остались одиѣ только стѣны. Но въ то время, какъ другіе подгородніе монастыри такъ и остались грудями пепла, Покровская обитель снова возникла изъ развалинъ и теперь считается самымъ крупнымъ монастыремъ въ окрестностяхъ Углича.

Въ 1691 году, грамотою патриарха Адріана въ обители была учреждена архимандрія. Первымъ архимандритомъ поставленъ былъ патриаршій крестовый іеромонахъ Макарій «съ шапкою среброкованною». «Были челомъ намъ, святѣйшему патриарху,—говорится въ грамотѣ,—града Углича и всего уѣзда, всякаго духовнаго чина и мірскаго; издревле де градъ Угличъ княженіе было великое и нынѣ

при царской свѣтлости не въ презрѣннѣи и ихъ царскою милостію взысканъ и св. обителями украшенъ. А въ господскіе праздники и въ царскіе ангелы бываютъ на соборахъ, и у нихъ во градѣ архимандрита съ шапкою нѣтъ». Вслѣдствіе этого челобитья и поставленъ былъ для города въ Покровскій монастырь архимандритъ съ шапкою.

Мы зашли въ Покровскій соборъ, гдѣ шла обѣдня. Соборъ въ недавнее время росписанъ изображеніями сценъ изъ жизни преподобнаго Паисія. Алтарь собора построенъ не на восточную, а на южную сторону. Это необычное расположеніе алтаря сдѣлано преподобнымъ будто бы въ силу бывшаго ему таинственнаго видѣнія.

Свѣчникъ провелъ насъ въ придѣлъ священно-мученика Антипы, гдѣ подъ спудомъ почиваютъ мощи св. основателя обители. Въ 1654 году, монастырь посѣтилъ государь Алексѣй Михайловичъ съ супругою Марією Ильинишною, съ сыномъ Алексѣемъ и сестрою Ириною Михайловною. Мощи преподобнаго находились тогда въ часовнѣ. Государю захотѣлось лично освидѣтельствовать скрытый подъ спудомъ гробъ преподобнаго. Онъ велѣлъ священнослужителямъ раскопать землю, но лишь только они принялись за дѣло, какъ на всѣхъ напалъ невѣдомый страхъ. Царь приказалъ прекратить копанье и со слезами просилъ прощенія у угодника. Мощи оставлены подъ спудомъ. Неподалеку отъ мощей находится и обложенный серебромъ крестъ, съ которымъ игуменъ Антоній встрѣтилъ поляковъ. Крестъ костяной, перекрестіе же съ лѣвой стороны придѣлано, вѣроятно, впослѣдствіи, деревянное.

Отсюда мы прошли въ часовню надъ тѣлами убитыхъ вмѣстѣ съ Антоніемъ монаховъ; они похоронены всѣ въ одной общей могилѣ вблизи Покровскаго собора. Часовня надъ могилой поставлена деревянная; ее предполагаютъ въ непродолжительномъ времени замѣнить каменною. Внутри часовни, посрединѣ, на кирпичномъ невысокомъ основаніи, положенъ камень, повидимому, старый жерновъ съ надписью: «въ лѣто 7117 убіенныя тѣла отъ Литвы». Сбоку на стѣнѣ помѣщенъ перечень именъ убитыхъ монаховъ. Въ числѣ погибшихъ, послѣ имени игумена Антонія, помѣщенъ какой-то архимандритъ Герасимъ, быть можетъ, случайно находившійся тогда въ обители и вмѣстѣ съ другими испившій общую смертную чашу.

Въ городъ мы вернулись тою же дорогой. Близъ Иерусалимской слободы, по словамъ г. Соловьева, находится въ Волгѣ такъ называемый Кувалдинъ камень, который «слыветъ между угличанами страшилищемъ». Лѣтомъ въ лунныя ночи на немъ будто бы появляются русалки, и пѣсни ихъ далеко разносятся по водѣ. Другой разъ на камнѣ видятъ старуху, которая расчесываетъ себѣ волосы. Такъ какъ дѣло было днемъ, то мы ни русалокъ, ни старухи не видѣли.

Осмотръ главныхъ достопримѣчательностей Углича былъ окон-

ченъ, оставалось только побывать еще на той сторонѣ, и въ послѣдній разъ, съ высокаго берега, полюбоваться красотой общей панорамы города.

Мы спустились на паромъ и перебрались за Волгу къ церкви св. Леонтія Ростовскаго. До польскаго нашествія въ этой мѣстности было нѣсколько церквей, которыя погибли безслѣдно. Леонтьевская церковь, такъ красиво заключающая картину города, когда подъѣзжаешь къ нему отъ Твери, построена въ 1778 году и очень интересна въ архитектурномъ отношеніи. Другая церковь, во имя Введенія, построена на мѣстѣ монастыря, разореннаго поляками, а третья— Всѣхъ Святыхъ, находится на кладбищѣ, гдѣ сохранились надгробныя плиты съ изображеніями эмблемъ монашества. Заволжская часть города очень не велика и походить скорѣе на пригородъ.

Отъ Леонтьевской церкви мы взяли налѣво по направленію къ Богоявленской горѣ и поднялись на вершину одного изъ высокихъ прибрежныхъ холмовъ, круто обрывающихся къ Волгѣ.

День стоялъ ясный, жаркій, и, залитая горячими лучами солнца, снова предстала передъ нами знакомая, роскошная картина. Теперь она была еще знакомѣе намъ; мы узнавали въ ней каждую деталь, каждый монастырь, каждую церковь: все это были уже старые знакомые. Вотъ съ лѣвой стороны высоко надъ городомъ виднѣется церковь Николы въ Пѣтуховѣ, подъ нимъ у берега подлѣ пароходныхъ пристаней: Благовѣщеніе, Корсунская, Флоръ и Лавръ и Филиппъ апостоль. Замѣтнымъ углубленіемъ темнѣетъ за ними Каменный ручей, а подъ нимъ на холмѣ краснѣютъ стѣны церкви «на крови», и почти рядомъ возвышается Преображенскій соборъ. Весь холмъ покрытъ чистою зеленою березъ, между которыми мелькаютъ очертанія дворца; за нимъ тянется городской садъ, окончивающійся новымъ оврагомъ. Линія деревянныхъ домиковъ, выстроенныхъ вдоль откоса, приводитъ насъ къ новой группѣ церквей: это Воскресенскій монастырь, Параскева Пятница и Іоаннъ Убіенный ¹⁾. Отъ Іоанна Убіеннаго тянется спускъ къ перевозу на заволжскую сторону, а вдали за домами горятъ золотыя главы женскаго монастыря, и виднѣются нѣсколько дальнихъ церквей. Городъ оканчивается. На краю стоитъ церковь Николы на Пескахъ, и за нею тянется лѣсокъ, прикрывающій поле съ часовней Іоанна Убіеннаго. Далѣе направо тянутся по берегу домики Иерусалимской слободы. А внизу, у нашихъ ногъ, плавно и спокойно движется, серебрясь на солнцѣ, Волга. Подлѣ берега купаются дѣти, впрочемъ, здѣсь какъ разъ подъ водою тянется длинная коса, и многія изъ нихъ доходятъ чуть не до половины рѣки, причемъ вода не покрываетъ имъ даже груди. Съ низу по рѣкѣ ползетъ буксирный пароходъ съ

¹⁾ Группа этихъ церквей и составляетъ центръ общаго вида Углича, помѣщеннаго въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

пятью барками. Онъ почти не движется,—точно стоитъ на одномъ мѣстѣ, и только отдаленный стукъ, да пѣна, бьющая изъ-подъ колесъ, свидѣтельствуютъ объ его упорной работѣ. Минуть черезъ пятнадцать онъ проходитъ мимо нашего холма. Надъ колесомъ надпись: «Дядя». Дѣти внизу, вѣроятно, давно уже знаютъ его. А! «Дядя!»—кричатъ они:—здравствуй, «Дядя!». Мимо насъ медленно тянутся одна за другою, влекомыя пароходомъ, нагруженныя барки. Но вотъ и онъ исчезаетъ вправо за поворотомъ, а Волга тихая и величавая попрежнему катится мимо Углича, отражая въ себѣ его дома, сады и храмы.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о промышленности города. Она незначительна. Хотя въ Угличѣ и его окрестностяхъ находится двѣ писче-бумажныя фабрики и нѣсколько заводовъ свѣчныхъ, масляныхъ и кирпичныхъ, но производство на нихъ идетъ слабо и вяло. Причиною тому удаленность города отъ крупныхъ рынковъ и неудобство путей сообщенія съ мѣстами сбыта. Угличъ дѣйствительно лежитъ въ какомъ-то углу и едва ли имѣетъ промышленную будущность. Бѣдное населеніе занимается шитьемъ мѣшковъ, вязкою чулокъ и выработкою льна и кудели. Исконный угличскій колбасный промыселъ также, какъ кажется, въ авантажѣ не обрѣтается.

Тѣмъ не менѣе угличане не унываютъ и живутъ, хотя скромно, но весело. Съ наступленіемъ весны здѣсь начинается цѣлый рядъ лѣтнихъ гульбищъ, которыя справляются поочередно на разныхъ улицахъ и, сообразно съ этимъ, носятъ разныя названія. На гульбищахъ молодежь устраиваетъ различныя игры, веселится цѣлый день, а вечера проводитъ, сидя на лавочкѣ у воротъ, и эти сидѣнья продолжаются иной разъ до восхода солнца. Лѣтнія гулянья тянутся вплоть до самыхъ заморозковъ. Взамѣнъ денежныхъ средствъ угличане богаты весельемъ и искреннею, горячею любовью къ своему родному городу.

И. Тюменевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ К. Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

АСТУПИВШІЙ годъ приноситъ тяжелую утрату русской исторической наукѣ! 2-го января, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, скончался Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ, одинъ изъ выдающихся русскихъ ученыхъ и замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые ни при жизни, ни послѣ смерти, не нуждаются ни въ похвалахъ, ни въ прославленіяхъ... Дѣйствительно, покойный Константинъ Николаевичъ принадлежалъ, по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, по высокимъ свойствамъ души своей и по самому складу своего таланта, къ плеядѣ тѣхъ рѣдкихъ счастливицевъ, о которыхъ вполнѣ определенное мнѣніе складывается при жизни и остается неизмѣннымъ по смерти... Всѣми уважаемый, всѣми любимый, всѣми высоко-цѣнимый и какъ ученый, и какъ писатель, и какъ дѣятель общественный, и просто какъ человѣкъ непоколебимо-честный и справедливый, Константинъ Николаевичъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ и рѣдкими качествами своего характера, пріятливаго, ровнаго и мягкаго, въ лучшемъ значеніи этого слова. Мягкость эта не имѣла ничего общаго съ тою покладливостью и податливостью, которую проявляютъ многіе люди слабохарактерные или безличныя: Константинъ Николаевичъ былъ человѣкомъ весьма определеннаго взглядовъ и мнѣній, и не способенъ былъ ихъ мѣнять или отъ нихъ отрекаться, и его мягкость была только внѣшнимъ проявленіемъ той высоко-развитой гуманности, которая составляла одну изъ выдающихся сторонъ его нравственнаго типа. Онъ самъ не былъ никогда представителемъ какой-нибудь партіи литературной или обществен-

ной, никогда не выказывалъ себя сторонникомъ какой-нибудь рѣзко-опредѣленной доктрины, но за то—едва ли кто-нибудь иной изъ его современниковъ способенъ былъ такъ спокойно, такъ безпристрастно и справедливо оцѣнить значеніе самыхъ противоположныхъ партій и примирить самыя противоположныя доктрины, какъ могъ это сдѣлать покойный Константинъ Николаевичъ... Въ этомъ рѣдкомъ спокойствіи духа и чрезвычайной гуманности—разгадка всей жизни и дѣятельности Константина Николаевича, разгадка всей его общественной карьеры, въ особенности счастливой для него тѣмъ именно, что онъ никогда и ничего въ жизни не искалъ, ничего не добивался, ни къ чему горячо и страстно не стремился, и въ то же время весьма легко, почти мимоходомъ, достигалъ такихъ удачъ и успѣховъ, какіе, вообще говоря, выпадаютъ на долю очень немногихъ избранниковъ.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, заслуженно-причисляемъ всѣми къ числу наиболѣе выдающихся дѣятелей русской исторической науки, никогда смолоду не готовился къ специально-ученой карьерѣ и не мечталъ быть профессоромъ. По самой натурѣ своей чрезвычайно впечатлительный и воспримчивый ко всякимъ явленіямъ жизни, онъ менѣе всего былъ способенъ сосредотичить свое вниманіе на узкой и сухой научной специальности. Онъ началъ свою дѣятельность литературную съ цѣлаго ряда блестящихъ критическихъ статей, которыя выказывали въ немъ человѣка замѣчательно-талантливаго, прекрасно знакомаго съ отечественною исторіею, но еще болѣе—человѣка, обладающаго обширнымъ и рѣдкимъ по объему и разнообразію образованіемъ. Превосходныя характеристики нашихъ историческихъ школъ, помѣщенные К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ журналѣ «Московское Обозрѣніе» и въ особенности его статьи о славянофильскомъ ученіи (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), которыя смѣло могутъ быть поставлены наравнѣ съ лучшими *Essay's* Карлейля,—обратили общее вниманіе на молодого и высоко-талантливаго писателя. Эти статьи не были вовсе учеными трудами, въ общепринятомъ значеніи этого слова, но выказывали въ авторѣ такую обширную и солидную научную подготовку, какою не обладаютъ, въ большинствѣ случаевъ, авторы специальныхъ ученыхъ трудовъ... И вотъ, въ тотъ весьма трудный переходный періодъ жизни С.-Петербургскаго университета, когда Н. И. Костомаровъ долженъ былъ покинуть кафедру русской исторіи и притомъ еще утратилъ свою популярность въ средѣ молодежи,—покойный И. И. Срезневскій, «мужъ великихъ проницательствъ», первый угадалъ въ К. Н. Бестужевѣ-Рюминѣ (тогда уже переселившемся въ Петербургъ) отличнаго будущаго профессора. Со свойственной ему настойчивостью, Срезневскій, бывший тогда деканомъ историко-филологическаго факультета, принялся убѣждать Константина Николаевича въ томъ, что ему слѣдуетъ сосре-

доточиться на дѣятельности профессорской, и сумѣлъ побудить его къ этому смѣлому шагу. Не слѣдуетъ забывать, что за будущимъ профессоромъ не числилось еще никакихъ ученыхъ трудовъ, что у него не было никакой ученой степени... Но факультетъ вѣрилъ въ своего избранника и съ рѣдкою въ университетскихъ лѣтописяхъ рѣшимостью обошелъ всѣ излишнія формальности. И избранникъ оправдалъ вполне оказанное ему довѣріе: съ весны 1865 г. онъ занялъ кафедру по русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ и оказался превосходнымъ профессоромъ; а три года спустя, представилъ на судъ факультета свой объемистый трудъ «О составѣ русскихъ лѣтописей», для получения степени магистра, — трудъ, единогласно признанный достойнымъ докторской степени, которая и поднесена была Константину Николаевичу.

Онъ въ такой степени увлекся своимъ новымъ назначеніемъ, что на нѣкоторое время исключительно предался занятіямъ русскою исторіею. При своей живости и талантливости, при обширномъ образованіи и отличномъ знаніи всеобщей исторіи, онъ быстро овладѣвалъ историческимъ матеріаломъ, работалъ разомъ по нѣсколькимъ вопросамъ, ни въ какой области историческаго знанія не принижаясь до мелочнаго педантизма, и все искусно сплетая и связывая въ одно стройное, прекрасное цѣлое, въ которомъ незамѣтно было ни швовъ, ни спаекъ. Результатомъ первыхъ шести лѣтъ преподаванія въ университетѣ явился капитальнѣйшій трудъ: «Русская исторія» К. Бестужева-Рюмина (Спб., 1872). Въ предисловіи къ своему труду авторъ говоритъ: «Цѣль этой книги — представить результаты, добытые историческою наукою въ полтора ста лѣтъ ея развитія, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ кругъ источниковъ, доступныхъ въ настоящее время ученой дѣятельности». Несмотря на то, что авторъ въ своемъ трудѣ старался сократить изложеніе фактовъ и «выдвинуть на первый планъ государственный и общественный бытъ, вѣрованія и умственное развитіе каждой эпохи», трудъ его, по первоначальному плану, долженъ былъ заключать въ себѣ не менѣе трехъ такихъ-же объемистыхъ томовъ, какъ изданный въ свѣтъ, первый томъ. Увы! этому плану не суждено было сбыться: первый томъ замѣчательнаго труда остался единственнымъ, и тотъ «первый выпускъ» второго тома, который явился, 15 лѣтъ спустя, былъ не что иное, какъ двѣ главы, не вошедшія почему-то въ составъ перваго тома. Но и одного перваго тома было уже вполне достаточно, чтобы доставить автору его громкую извѣстность! И дѣйствительно, эта книга (давно уже сдѣлавшаяся необходимѣйшею справочною книгою для каждаго занимающагося русскою исторіею) представляетъ сама по себѣ явленіе изумительное... Это — умно, живо и талантливо составленный обзоръ русской исторіи (до смерти Іоанна Грознаго), въ тѣсной связи съ критическою оцѣнкою источниковъ. Треть книги занята «введеніемъ»,

которое заключаетъ въ себѣ подробнѣйшій обзоръ источниковъ и историографіи, изобличающій въ авторѣ поразительную массу свѣдѣній и необычайное умѣние пользоваться научнымъ матеріаломъ. Тѣ же качества еще ярче проявляются при дальнѣйшемъ изложеніи обзора русской исторіи, при которомъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, передъ глазами читателя проходитъ подробнѣйшая библио-

Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ.

графія всего предмета, отъ ссылокъ на первоисточники и капитальные труды до указаній на журнальныя статьи и мелкія журнальныя замѣтки... И при этомъ—ни одной мертвой ссылки! Все прочитано, обдуманно, соображено—все прошло черезъ весьма сложную лабораторію автора, прежде, чѣмъ вошло хотя бы самой мелкой черточкой въ составъ его труда... И какъ все уравновѣшено, какъ

обосновано, какъ мѣтко и вмѣстѣ тонко выражено и опредѣлено! «Сочинитель убѣжденъ, — пишетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ предисловіи, — что профессоръ долженъ держаться того или другаго мнѣнія; но при настоящемъ состояніи нашей науки онъ рѣдко можетъ быть въ полной увѣренности, что его мнѣніе самое вѣрное. Лучшій выходъ, въ этомъ случаѣ, изложеніе не догматическое, а критическое. Тогда передъ слушателями и читателями будетъ не одностороннее мнѣніе того или другаго лица, а все разнообразіе мнѣній, развивающееся въ литературѣ»... Такъ онъ смотрѣлъ на свою задачу, такъ и старался ее выполнить, и можно себя представить, какихъ, поэтому, чрезвычайныхъ усилій ума стоило ему то, что было имъ исполнено! Мы не ошибемся, если скажемъ, что этимъ первымъ томомъ своей «Русской исторіи», написаннымъ невѣроятно быстро (въ пять-шесть лѣтъ), написаннымъ въ порывѣ сильнѣйшаго увлеченія университетскимъ преподаваніемъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ надорвалъ свои силы и энергію, и трудъ его долженъ былъ остаться недоконченнымъ... Уже года три-четыре спустя, по выходѣ въ свѣтъ перваго тома, который быстро разошелся, К. Н. выражалъ нѣкоторое сомнѣніе относительно того, что ему удастся скоро выдать въ свѣтъ второй томъ (не начатый имъ); а вскорѣ послѣ того его отвлекли другіе, живые вопросы, которымъ онъ предался всею душою: его участіе въ славянскомъ комитетѣ и зарождавшемся славянскомъ движеніи, его теплое и сочувственное отношеніе къ вопросу о женскомъ высшемъ образованіи... Когда же наконецъ, послѣ многихъ побужденій со стороны друзей своихъ, К. Н. рѣшился выдать въ свѣтъ нѣчто въ родѣ продолженія своего труда и въ предисловіи къ нему даже поставилъ фразу: «надѣюсь, что теперь изданіе не будетъ замѣдлаться, если только здоровье мое окончательно не испортится» (томъ второй; первый выпускъ, С.-Петербургъ, 1885 г.), — онъ очень долго не могъ успокоиться духомъ... «Я знаю, что я лгу», — говорилъ онъ намъ неоднократно, — «я не могу вернуться къ этому труду!».

И не вернулся, и до конца жизни довольствовался только небольшими статейками, которыя отъ времени до времени появлялись то въ «Русскомъ Вѣстникѣ», то въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Да, К. Н. не былъ ученымъ кабинетнымъ, способнымъ къ большому труду, требующему настойчивости и постоянства, въ родѣ многотомнаго труда Соловьева, поглотившаго слишкомъ двадцатилѣтіе жизни ученаго: онъ могъ трудиться только по увлеченію, только поддаваясь порыву, который охватывалъ все его существо на столько, чтобы отвлечь его отъ впечатлѣній и вѣяній общественной жизни, которую онъ любилъ, за которою слѣдилъ внимательно и зорко, постоянно вращаясь въ обширномъ кружкѣ своихъ друзей, пріятелей, почитателей и знакомыхъ, въ опредѣленные дни напол-

нявшихъ его кабинетъ, сверху до низу заставленный книгами; съ такимъ же вниманіемъ онъ слѣдилъ и за литературой, и журналистикой, русской и иностранной, со страстью предаваясь чтенію, безъ котораго не могъ прожить ни одного дня... И при этомъ — удивительная отзывчивость на всѣ живые вопросы современности и здравый, просвѣщенный взглядъ на все то, что въ данную минуту ставило втупикъ многихъ, — взглядъ вполне русскаго человѣка, одного изъ выдающихся людей своего времени, воспринявшаго всю премудрость Запада съ своей чисто-русской и православной точки зрѣнія и постепенно освѣщавшаго массу знанія своимъ тонкимъ и спокойнымъ критическимъ анализомъ...

И при всей этой жизненности, при всей отзывчивости, при всей необычайной способности сочувственно и участливо отнестись къ нуждамъ cadaго, покойный К. Н. былъ постоянно мечтателемъ и созерцателемъ, и очень любилъ отвлекаться отъ интересовъ дня къ задушевной бесѣдѣ съ близкимъ пріятелемъ, и даже — къ перечитыванію своего любимаго классика, Шекспира... Надъ простенькимъ, кожанымъ диванчикомъ, на который онъ любилъ прилечь въ часы рѣдкаго досуга, у него была полка, сплошь уставленная всевозможными изданіями Шекспира и толкованіями его текста. Зная почти наизусть всѣ его пьесы, К. Н. при своей колоссальной памяти былъ способенъ свободно цитировать большіе отрывки изъ нихъ со всѣми комментаріями и вариантами — и все же, почти каждый день, возвращался къ своему любимцу и снималъ съ полки томъ за томомъ, перелистывалъ и пересматривалъ ихъ съ особеннымъ чувствомъ... «Онъ освѣжаетъ меня», — не разъ говорилъ намъ К. Н., — «и я всегда нахожу въ немъ что нибудь новое»...

Мы убѣждены вполне, что вѣсть о кончинѣ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина болѣзненно поразила многихъ. Онъ былъ дорогъ намъ, не только какъ ученый и писатель, не только какъ высоко-даровитый и безукоризненно-чистый общественный дѣятель, но и просто, какъ человѣкъ, какъ выдающійся представитель поколѣнія, постепенно вымирающаго... Безъ преувеличенія можно сказать, что не только наука, не только литература, не только общество, не только тѣсный кружокъ друзей, пріятелей и знакомыхъ покойнаго несетъ съ этою кончиною тяжелую утрату, — вся просвѣщенная Россія, вся масса русскихъ людей, для которой дороги интересы науки и литературы, теряетъ въ немъ одного изъ самыхъ достойныхъ своихъ соотечественниковъ.

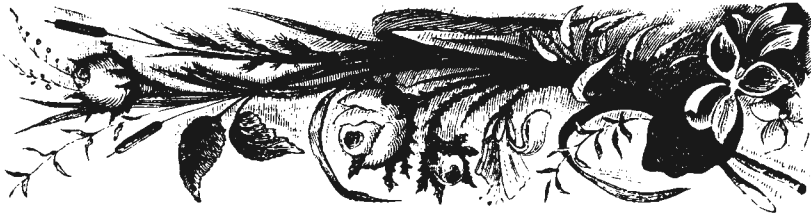
Будемъ надѣяться, что люди, близко знавшіе покойнаго Константина Николаевича и близко стоявшіе къ нему, въ послѣдніе годы его жизни, сообщать о немъ все, что въ настоящее время можетъ быть доступно для всеобщаго свѣдѣнія; что будетъ собрана и напечатана вся его обширная переписка, вѣроятно, заключающая въ себѣ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ для ближайшей характе-

ристики и изученія его эпохи; а главное — будемъ надѣяться, что его «Русская исторія», давно сдѣлавшаяся библиографическою рѣдкостью, будетъ перепечатана новымъ изданіемъ, и всѣ отдѣльныя статьи его, когда-либо и гдѣ-либо напечатанныя, будутъ тщательно собраны воедино и изданы въ нѣсколькихъ томахъ... Каждая изъ нихъ — жемчужина, и всѣ онѣ — части богатаго и прекраснаго ожерелья...

П. Полевой.

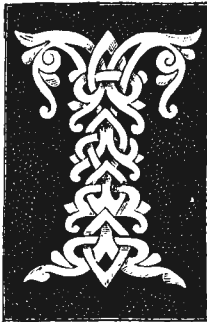
4-го января 1897 г.
Усадьба Приозерье.

ПРОТОІЕРЕЙ П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВЪ.

(Некрологъ).

РЕТЬЯГО декабря 1896 года, въ Кіевѣ, скончался кафедральный протоіерей Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ, принадлежавшій безспорно къ числу выдающихся дѣятелей въ средѣ нашего блага духовенства. Особенно важныя заслуги онъ оказалъ въ дѣлѣ изученія древней исторіи и археологіи Кіева и всего вообще южно-русскаго края. Имя его останется памятнымъ такъ же и въ исторіи женскаго просвѣщенія въ Россіи, какъ устроителя двухъ женскихъ духовныхъ училищъ въ Кіевѣ и вообще какъ имя человѣка, посвятившаго всѣ свои силы и средства на дѣло просвѣщенія женской половины кіевскаго епархіальнаго духовенства.

Протоіерей П. Г. Лебединцевъ былъ сынъ священника села Зеленаго, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Вся семья Лебединцевыхъ отличалась богатыми дарованіями, причемъ четыре брата изъ этой семьи получили высшее академическое образованіе и заняли о себѣ съ наилучшей стороны на различныхъ поприщахъ церковно-общественнаго служенія: одинъ изъ нихъ былъ нѣкоторое время профессоромъ Кіевской духовной академіи и потомъ редакторомъ журнала «Кіевская Старина», а два другіе и нынѣ занимаютъ видныя должности на службѣ.

Покойный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, по окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи въ 1843 году со степенью магистра богословія, два года былъ профессоромъ орловской духовной семина-

ри и въ 1845 году перешелъ на службу въ свою родную кievскую семинарію. Здѣсь онъ оставался недолго, до 1851 года. Его любознательный умъ и энергія искали для себя исхода въ болѣе широкой, живой и самостоятельной дѣятельности, чѣмъ какую онъ могъ найти въ службѣ скромнаго преподавателя семинаріи. Вотъ почему, 18-го февраля 1851 года, онъ поступилъ священникомъ въ мѣстечко Бѣлую Церковь, Кіевской губерніи, при чемъ одновременно былъ назначенъ и законоучителемъ бѣлоцерковской гимназіи. Только человекъ съ такимъ рѣшительнымъ характеромъ, какимъ обладалъ Лебединцевъ, могъ пойти изъ Кіева на службу въ такую глушь, какую представляла въ 50-хъ годахъ истекающаго столѣтія Бѣлая Церковь. «Странное, гнетущее впечатлѣніе производила она на меня во все время пребыванія моего въ ней»,—вспоминалъ уже черезъ 30 лѣтъ Лебединцевъ о Бѣлой Церкви. «Проѣзжему человеку эта древняя казачья твердыня не могла показаться чѣмъ либо другимъ, какъ только жидовскимъ мѣстечкомъ. Памятниковъ, слѣдовъ прежней русской жизни, не осталось никакихъ... вся экономическая интеллигенція состояла исключительно изъ поляковъ, подъ различными наименованіями: главноуправляющаго, просто управляющаго, маршалковъ, инспекторовъ: двора, сада, мельницъ, псовъ и проч... и проч... а такъ же массы писарей и подписарей; польская рѣчь слышалась въ палацѣ и костелѣ, садахъ и павильонахъ, въ экономическихъ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, въ лавкахъ, заѣздахъ, на базарныхъ площадяхъ и улицахъ. Картину довершали съ одной стороны несмѣтныя богатства, роскошь, великолѣпіе, наслажденіе безъ мѣры, покой и праздность безъ конца, а съ другой покосившіяся хатки, загорѣлыя лица и руки, и вѣчный нескончаемый трудъ. Общее населеніе Бѣлой Церкви простиралось тогда до 20.000; изъ нихъ половина жидовъ, горсть поляковъ, остальное православное крестьянство ¹⁾).

Въ такой обстановкѣ долженъ былъ жить и дѣйствовать молодой, образованный, наблюдательный и полный любви къ своей родинѣ священникъ. Дѣятельность П. Г. Лебединцева во время почти 10-лѣтняго служенія въ Бѣлой Церкви не ограничивалась исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей по должности приходскаго священника и законоучителя гимназіи. Уже здѣсь онъ добровольно, въ удовлетвореніе своей любознательности и по любви къ родинѣ и ближнимъ, распырилъ свою дѣятельность. Несчастно сложившаяся его семейная жизнь, вслѣдствіе ранней потери жены, только еще болѣе усилила его энергію и побудила его искать удовлетворенія своему духу въ занятіяхъ наукою и заботахъ о ближнихъ.

Занятія наукою П. Г. Лебединцева въ Бѣлой Церкви, въ силу необходимости, должны были состоять почти исключительно въ

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1884 года, IX, 716—717.

охраненіи мѣстныхъ памятниковъ старины русской и въ собираніи и записываніи народныхъ преданій. «Въ средѣ закабаленнаго люда были старики»,—разсказываетъ онъ въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ, — «помнившіе времена златой вольности, едва начинавшейся панщины, большого простора и довольства. Вызывать ихъ на воспоминанія не представлялось надобности; при моихъ частыхъ съ ними сношеніяхъ, они сами вызывались на разсказы о своей прежней долѣ и многомъ другомъ. Я слушалъ ихъ со вниманіемъ, любопытствомъ и невольнымъ участіемъ, а придя домой, иногда же и на мѣстѣ, записывалъ ихъ разсказы слово въ слово... Тутъ своя исторія, несвязная, неполная, неточная; но въ короткихъ, простыхъ словахъ слышился иногда больше присутствія угасшей жизни, чѣмъ въ десяткахъ страницъ положительной исторіи»¹⁾. Нѣкоторыя изъ своихъ записей и наблюденій, сдѣланныхъ въ Бѣлой Церкви, Лебединцевъ впоследствии напечаталъ, и они составили хорошій матеріалъ для будущей исторіи южно-русскаго края. Н. И. Костомаровъ въ одной изъ своихъ статей разсказываетъ, что онъ, будучи въ Бѣлой Церкви въ 50-хъ годахъ истекающаго столѣтія, самъ наблюдалъ дѣятельность молодого священника Лебединцева, благодаря которому только и сохранились немногіе памятники мѣстной русской старины.

Болѣе очевидными результатами сопровождалась народно-просвѣтительная дѣятельность Лебединцева въ Бѣлой Церкви. Съ рѣдкою настойчивостію и рѣшительностію онъ принялся устраивать школы для крестьянскихъ дѣтей не только въ Бѣлой Церкви, но и во всей окрестной мѣстности. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи заслуживаетъ тѣмъ большаго уваженія, что онъ первый работалъ здѣсь на поприщѣ народнаго образованія и почти на каждомъ шагѣ встрѣчалъ противодѣйствія. Только благодаря тому обстоятельству, что Лебединцевъ отъ природы обладалъ характеромъ, который не останавливался ни предъ какими препятствіями, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, посреди которой долженъ былъ начать открытіе народныхъ школъ въ Бѣлой Церкви. Особенно трудно было получить разрѣшеніе на открытіе школъ для дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ. Администрація бѣлоцерковскаго имѣнія была убѣждена въ томъ, что эти школы ничего не принесутъ, кромѣ вреда. Одинъ изъ членовъ этой администраціи откровенно говорилъ Лебединцеву: «зачѣмъ ихъ учить? лучше, якъ мужикъ дурній». Другіе находили затѣю Лебединцева опасною и причину ея видѣли въ отсутствіи дѣла у ея виновника. «Książ Lebedincew niema co robic, to czort wie co wymysla»,—говорили они въ досадѣ. Не смотря, однако же, на всеобщія противодѣйствія, Лебединцевъ, лавируя между владѣльцемъ имѣнія графомъ Браницкимъ и бѣлоцерковскою администраціею, такъ

¹⁾ См. тамъ же, стр. 717.

искусно повелъ дѣло, что ему даже должны были уступить даровое помѣщеніе для одной школы, въ видѣ запустѣвшаго экономическаго дома. По собственному свидѣтельству, въ концѣ 1859 года и началѣ 1860 года, безъ всякихъ особыхъ пособій и при многихъ затрудненіяхъ, имъ было открыто въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви четыре школы для образованія крестьянскихъ дѣтей¹⁾.

Такая успѣшная дѣятельность бѣлоцерковскаго священника Лебединцева сопровождалась самыми богатыми послѣдствіями для дѣла народнаго образованія не только въ окружающей мѣстности и Кіевской епархіи, но и во всемъ обширномъ юго-западномъ краѣ Россіи. Послѣ того, какъ внѣшнія препятствія были ослаблены, и въ Бѣлой Церкви были открыты 4 народныя церковно-приходскія школы, не стоило уже особенныхъ усилій открывать школы во всѣхъ приходахъ обширнаго бѣлоцерковскаго имѣнія. Въ непосредственной и, безъ сомнѣнія, причинной связи съ устройствомъ бѣлоцерковскихъ церковно-приходскихъ школъ стояло послѣдовавшее въ 1860 г. открытіе около 100 церковно-приходскихъ школъ священниками Кіевской епархіи и затѣмъ открытіе такихъ же школъ во всемъ юго-западномъ краѣ Россіи. Въ эту связь ихъ поставили распоряженія кіевскихъ митрополита и генераль-губернатора, вызванныя дѣятельностію Лебединцева. Митрополитъ Исидоръ, получивъ въ декабрѣ 1859 г. донесеніе Лебединцева объ открытіи первыхъ трехъ школъ въ Бѣлой Церкви, тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о побужденіи всего кіевскаго епархіальнаго духовенства къ содѣйствію народному образованію. Генераль-губернаторъ кн. Васильчиковъ, въ свою очередь, получивъ донесеніе васильковскаго исправника объ успѣхахъ народнаго образованія въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, прислалъ священнику Лебединцеву 100 рублей изъ суммы, высочайше предоставленной въ его распоряженіе для награжденія лицъ, отличающихся въ краѣ полезною дѣятельностію, и вмѣстѣ съ тѣмъ объ открытіи 4 школъ въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви увѣдомилъ варшавскаго, волынскаго и каменецъ-подольскаго архіерея. Волынскій архіепископъ, тогда же давъ знать своему духовенству печатными циркулярами о сообщеніи кн. Васильчикова, выразилъ желаніе, чтобы такое же усердіе къ народному образованію было показано и въ каждомъ приходѣ Волынской епархіи.

Еще болѣе любопытную сторону въ жизни Лебединцева составляетъ его патріотическая дѣятельность, выразившаяся въ содѣйствіи гражданскому начальству по усмиренію взволновавшихся крестьянъ Кіевской губерніи. Въ основѣ этихъ волненій, происшедшихъ собственно въ первой половинѣ 1855 г., лежало наболѣвшее въ крестьянахъ до послѣдней крайности чувство крѣпостного гнета и рѣшительное стремленіе ихъ выбиться изъ-подъ него на волю, при чемъ самимъ волновавшимся казалось, что они въ

¹⁾ См. «Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости», 1864 года, II, стр. 392—401.

данномъ случаѣ только идутъ на призывъ царя. Поводомъ къ такому стремленію послужило своеобразное толкованіе крестьянами высочайшаго манифеста 14 декабря 1854 года, въ которомъ выражалась увѣренность, что всѣ истинные сыны Россіи «съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ» стануть на защиту своего отечества. Отсюда, несомнѣнно, возникло начало броженія, которое затѣмъ прошло сложный процессъ развитія въ народной мысли и чувствъ и, наконецъ, выразилось въ конкретной формѣ стремленія къ освобожденію отъ крѣпостного гнета. Выслушавъ царское слово, народъ сталъ искать отвѣта на вопросъ, чѣмъ и какъ онъ можетъ отликнуться на призывъ своего царя. При этомъ вспоминалось и всплыло наружу уцѣлѣвшее неясное преданіе о казачествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ какой другой формѣ украинскій народъ могъ проявить свою готовность помочь царю? Вѣрный и преданный ему, но неспособный разумно и надлежащимъ образомъ проявить эти свойства души своей народъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ, чтобы царь зналъ о его рѣшимости встать поголовно за него. Отсюда явилось всеобщее настойчивое стремленіе крестьянъ записаться въ казаки, даже просто въ какойнибудь списокъ, но съ тѣмъ только, чтобы эти списки посылались самому царю. Этого настойчиво добивались крестьяне отъ священниковъ, причетниковъ, даже просто отъ писарей, за это платили имъ деньги, а при отказѣ дѣлали угрозы и оскорбленія. Пока прошла свой кругъ эта первая опредѣленная мысль, созрѣла другая, уже болѣе серьезная и опасная для общественнаго спокойствія. Крестьяне начали разсуждать такъ: кто записался въ казаки, тотъ будетъ служить царю и, слѣдовательно, не долженъ болѣе работать на помѣщика пана. Мысль вмѣщалась въ слово, а отъ слова стала переходить и къ дѣлу: начали волноваться и не желали отбывать барщину. Въ одномъ мѣстѣ такія волненія, вслѣдствіе административнаго воздѣйствія власти, утихали, а въ другомъ поднимались. Слова превращались въ слухъ, слухи облетали большія пространства, видоизмѣнялись, переиначивались, пока, наконецъ, не явился въ народѣ слухъ, привлекшій къ себѣ общее вниманіе и ставшій исходнымъ пунктомъ открытаго возстанія. Говорили, что царь уже освободилъ крѣпостныхъ крестьянъ, и что самый указъ на вольность пришелъ отъ царя. Но указа не читали. Гдѣ же онъ?—спрашивали крестьяне и, недолго думая, отвѣчали, что онъ долженъ быть у священниковъ. Недавно также точно священникамъ были присланы «инвентарныя правила», и они сперва читали ихъ, а потомъ перестали читать, такъ какъ были подкуплены панами,—разсуждали крестьяне. То же самое случилось и теперь съ царскимъ указомъ о вольности. Паны, очевидно, подкупили священниковъ, и они скрываютъ указъ. Необходимо, рѣшили крестьяне, истребовать, вымолить этотъ указъ у священниковъ, а не отдадутъ, придется силой взять. И вотъ крестьяне толпами собираются къ священникамъ, требуютъ у нихъ несуществующаго

указа на вольность, ищутъ его въ церквахъ между бумагами, въ богослужебныхъ книгахъ, подъ св. престоломъ и пр. и пр. Священники, конечно, не могли дать крестьянамъ того, чего у нихъ не было; а эти не вѣрили и еще болѣе волновались. Раздраженіе народа постепенно росло, священниковъ схватывали нерѣдко прямо въ церквахъ, во время богослуженія, держали подъ арестомъ, водили отъ села до села, ругали, били и подвергали иногда звѣрскимъ истязаніямъ.

Такъ возникли и приняли грозный характеръ крестьянскія волненія 1855 года. Хотя волненія эти въ сущности своей были невиннымъ заблужденіемъ простаго народа и явились плодомъ дѣтскихъ его соображеній, но крестьянъ необходимо было привести въ сознаніе и успокоить. Сначала думали было усмирить ихъ посредствомъ увѣщанія и вразумленія. Но эта мѣра оказалась недѣйствительною. Тогда рѣшено было прибѣгнуть къ болѣе сильному средству, но опять не сразу, такъ какъ все еще надѣялись, что дѣло обойдется безъ кровопролитія. Кіевскій генераль-губернаторъ кн. Васильчиковъ назначилъ нѣсколько комиссій, отправленныхъ въ разныя мѣста Кіевской губерніи убѣждать народъ, съ полномочіемъ, въ случаѣ необходимости, прибѣгать къ репрессивному административному воздѣйствію. Въ составъ комиссіи, которая должна была отправиться для увѣщанія крестьянъ Васильковскаго, Таращанскаго, Коневскаго и Сквирскаго уѣздовъ, былъ назначенъ, между прочими, и бѣлоцерковскій благочинный священникъ Лебединцевъ. На комиссію, въ составъ которой входили еще два чиновника, военный и гражданскій, возлагалось порученіе, въ высшей степени трудное и ответственное, требовавшее отъ исполнителей его такта, благоразумія и, главное, спокойствія духа въ дѣятельности, чтобы не потеряться въ критическую минуту и послѣдностію не испортить всего дѣла. Едва ли нужно говорить о томъ, что выполненіе даннаго порученія было сопряжено съ опасностію для жизни и потому отъ исполнителей его требовало полнаго самоотверженія. Изъ разсказовъ очевидцевъ ¹⁾, имѣвшихъ возможность наблюдать дѣятельность комиссіи, въ которой участвовалъ Лебединцевъ, видно, что она исполняла свое порученіе посреди постоянныхъ опасностей, и только Провидѣніе Божіе спасало членовъ ея въ критическія минуты отъ насильственной смерти. Сравнительно успѣшный исходъ дѣятельности комиссіи, въ составъ которой входилъ Лебединцевъ, отчасти былъ результатомъ его тактичнаго спокойнаго и благоразумнаго вліянія на взволновавшихся крестьянъ, что признало и начальство, достойно наградившее его за исполненіе даннаго порученія. Какъ приходскій священникъ, Лебединцевъ во время своего служенія былъ усерднымъ проповѣдникомъ. Проповѣди его отличались краткостію, простою и приспособленностію къ поня-

¹⁾ Кіевск. Стар., 1882 г., кн. I, стр. 179—192; кн. II, стр. 386—396.

тіямъ сельскихъ жителей. Нѣкоторые изъ его проповѣдей, произнесенныхъ здѣсь, признавались начальствомъ, какъ образцовыя по своей ясности, простотѣ, вразумительности и дѣйственности, и рассылались по церквамъ Кіевской епархіи въ печатномъ видѣ для чтенія народу во время богослуженія.

Въ 1860 году, Лебединцевъ былъ переведенъ въ Кіевъ. Возведенный въ слѣдующемъ году въ санъ протоіерея и проходя священническое служеніе послѣдовательно при кіево-подольскомъ успенскомъ соборѣ, кіево-печерской преображенской церкви, николаевской церкви при домѣ кіевского генераль-губернатора и кіево-софійскомъ кафедральномъ соборѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ епархіальномъ управленіи, проходя послѣдовательно (а иногда и одновременно) должности благочиннаго, наблюдателя церковно-приходскихъ школъ г. Кіева, члена губернскаго присутствія по обезпеченію приходскаго духовенства, члена педагогическаго совѣта при кіевской духовной консисторіи, члена губернскаго церковно-строительнаго присутствія, члена комитета общественнаго здравія, члена кіевского епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, члена епархіальнаго училищнаго совѣта и члена кіевской духовной консисторіи. Дѣятельность Лебединцева во всѣхъ названныхъ учрежденіяхъ и должностяхъ отличалась характеромъ строгой исполнительности и самостоятельности въ сужденіяхъ. Бывали отдѣльные періоды, напр., время управленія Кіевскою епархіею митрополита Арсенія, когда эта послѣдняя черта особенно ясно и замѣтно выступала въ дѣятельности Лебединцева.

Лучшую страницу въ кіевской дѣятельности Лебединцева составляетъ, безъ сомнѣнія, дѣятельность его по управленію кіевскимъ женскимъ епархіальнымъ училищемъ. Хотя Лебединцевъ и не былъ творцомъ этого училища, какъ иногда заявлялось не въ мѣру усердными почитателями его, но, несомнѣнно, онъ былъ его организаторомъ. Благодаря ему, кіевское епархіальное женское училище получило почти даровое помѣщеніе. Но, не смотря на двукратныя перестройки и расширеніе его, впоследствии оно оказалось недостаточнымъ для помѣщенія въ немъ всѣхъ дѣвицъ духовнаго званія Кіевской епархіи. Тогда Лебединцевъ пошелъ на встрѣчу общему желанію кіевского духовенства—имѣть второе женское училище, и, не смотря на встрѣтившіяся серьезныя препятствія, особенно по изысканію необходимыхъ средствъ, задуманное дѣло было благополучно доведено до конца. Въ теченіе 30 лѣтъ непрерывно Лебединцевъ состоялъ главнымъ распорядителемъ сначала одного, а потомъ и двухъ училищъ, при чемъ, особенно на первыхъ порахъ существованія училища, былъ полнымъ и безконтрольнымъ начальникомъ. Все здѣсь дѣлалось по его распоряженіямъ, или, по крайней мѣрѣ, съ его вѣдома, и онъ почти ежедневно появлялся въ училищѣ, самъ непосредственно входя во всѣ стороны его жизни.

Болѣ широкую и болѣ видную для внѣшняго міра сторону въ кievской дѣятельности Лебединцева составляютъ его учено-литературныя занятія. Однимъ изъ самыхъ первыхъ дѣйствій его въ Кіевѣ было основаніе мѣстнаго епархіальнаго литературнаго органа въ видѣ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей»; редакторомъ которыхъ онъ состоялъ почти до конца жизни (хотя и съ перерывомъ). Извѣстно, что епархіальныя вѣдомости, существующія почти въ каждомъ губернскомъ городѣ, суть изданія скромныя, не избыліющія ученымъ матеріаломъ. Но «Кіевскія Вѣдомости» составляли въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе, ревностно содѣйствуя ученой разработкѣ мѣстнаго края, каковымъ значеніемъ онѣ были обязаны преимущественно научнымъ стремленіямъ своего редактора, не только обогащавшаго ихъ собственными изслѣдованіями, но и умѣвшаго привлекать къ сотрудничеству въ нихъ лучшія мѣстныя силы. Достаточно упомянуть, что весьма цѣнныя изслѣдованія о Кіевѣ и его древностяхъ извѣстнаго ученаго М. А. Максимовича впервые появились на страницахъ этого изданія.

Весьма близкое отношеніе имѣлъ Лебединцевъ и къ другому кievскому журналу, посвященному изученію мѣстнаго края, «Кіевской Старинѣ», въ основаніи которой онъ принималъ самое живое участіе, и нравственно, и матеріально. Своего литературнаго участія въ этомъ журналѣ онъ не прекращалъ до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни.

Собственно литературныя произведенія Лебединцева, напечатанныя имъ при жизни, весьма многочисленны, хотя, большею частію, кратки. Было бы слишкомъ длинно перечислять здѣсь всѣ его труды. Ограничимся общою классификаціею ихъ, съ поименованіемъ главнѣйшихъ и наиболѣ замѣчательныхъ изъ нихъ.

Прежде всего, вниманіе историка обращаютъ не себя акты и другіе матеріалы, обнародованные покойнымъ и касающіеся преимущественно исторіи Кіевской епархіи и южно-русской церкви. Изъ наиболѣ важныхъ памятниковъ этого рода отмѣтимъ слѣдующіе: 1) матеріалы, относящіеся къ исторіи кievской митрополіи XVI в.; 2) акты, уясняющіе состояніе православія и уніи въ Кіевѣ въ первой половинѣ XVII в.; 3) акты стариннаго судопроизводства; 4) документы, уясняющіе древнюю исторію церквей и монастырей Кіевской епархіи; 5) росписной списокъ г. Кіева 1700 г.; 6) обширная опись кievскаго замка 1545 г.; 7) матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія южно-русскаго штундизма и 8) документы, касающіеся волненій среди крестьянъ Кіевской губерніи въ 50-хъ годахъ истекающаго столѣтія. Обширный запасъ матеріаловъ, которымъ располагалъ Лебединцевъ, былъ извлеченъ имъ изъ разныхъ общихъ и мѣстныхъ архивовъ. Важное значеніе въ наукѣ обнародованныхъ Лебединцевымъ матеріаловъ обусловливается тѣмъ, что издатель ихъ имѣлъ въ виду существующій за-

пась историческихъ свѣдѣній по тому или другому вопросу и обращалъ преимущественное вниманіе на тѣ документы, которые могли служить подспорьемъ къ уясненію и рѣшенію этихъ вопросовъ. Отсюда одни изъ обнародованныхъ имъ документовъ дополняютъ наши историческія свѣдѣнія, другіе—даютъ извѣстнымъ событіямъ и лицамъ болѣе яркое освѣщеніе, а иные вскрываютъ даже цѣлыя историческіе эпизоды. Нѣкоторыя страницы въ сочиненіяхъ такихъ ученыхъ, какъ преосв. Макарій, Костомаровъ, Кояловичъ и др., написаны на основаніи матеріаловъ, обнародованныхъ нашимъ издателемъ.

Оригинальныя произведенія Лебединцева принадлежатъ, по своему характеру и содержанию, къ двумъ областямъ: церковной исторіи и церковной археологіи. Особенно многочисленны церковно-историческія изслѣдованія его. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

- 1) Описаніе Кіево-софійскаго кафедральнаго собора; 2) Кіево-печерская лавра въ ея прошломъ и настоящемъ состояніи; 3) Кіево-Михайловскій Златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ состояніи; 4) Изслѣдованіе о св. Софій кіево-софійской; 5) Предѣлы Кіево-софійской епархіи въ древнія и нынѣшнія времена; 6) Михаилъ, митрополитъ кіево-софійскій XII в.; 7) О возобновленіи стѣнной живописи въ великой церкви Кіево-Печерской лавры; 8) Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора въ 1843—1853 гг.; 9) Историческія замѣтки о Кіевѣ; 10) Любечская чудотворная икона пресв. Богородицы; 11) Виноградскій Ирдынскій успенскій монастырь; 12) Медвѣдовскій Николаевскій монастырь; 13) Чигиринскій троицкій женскій монастырь; 14) Состояніе православной церкви въ Польшѣ, по взятіи пресв. Виктора подъ арестъ въ Варшаву; 15) Викторъ, епископъ переяславскій и бориспольскій, архимандритъ Слуцкаго монастыря, коадьюторъ кіево-софійской митрополіи; 16) Поясненіе касательно постоялаго двора въ оградѣ Кіево-Софійскаго собора; 17) Предшественники духовныхъ консисторій въ XV и XVI вв.; 18) Дмитріевскій монастырь, основанный в. кн. Изяславомъ Ярославичемъ; 19) Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи; 20) Св. Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный князь кіево-софійскій (дѣтское сказаніе); 21) Гдѣ жили первые кіево-софійскіе митрополиты: въ Переяславѣ или въ Кіевѣ? 22) Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ? 23) О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ; 24) Баптизмъ или штунда въ Кіево-софійской губерніи; 25) Двѣ поправки къ статьѣ: «Свадьба Тимоши Хмельницкаго»; 26) Почему Десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ Десятиннаго Николая? 27) Церковь св. Василія; 28) Спасъ на Берестовѣ; 29) Къ вопросу о началѣ Кіево-софійской академіи; 30) Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей г. Кіева; 31) Разказы старыхъ людей о старыхъ временахъ (собственно предисловіе и примѣчанія къ нимъ); 32) Т. Г. Шевченко. Нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи; 33) Гдѣ подлинникъ Любечской чудотворной иконы Божіей Матери? 34) Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в.; 35) Открытіе первыхъ школъ въ Кіево-софійской губерніи и 36) Возстановленіе подлиннаго факта (о томъ же).

Всѣ перечисленныя нами церковно-историческія статьи, не смотря на краткость нѣкоторыхъ изъ нихъ, представляютъ несомнѣнный интересъ то по новости сообщенныхъ въ нихъ свѣдѣній, то по критическому разбору и по новому освѣщенію уже извѣстныхъ историческихъ фактовъ, установленію болѣе широкаго взгляда на нихъ, исправленію историческихъ ошибокъ и т. п.

Церковно-археологическія изслѣдованія Лебединцева не такъ многочисленны, но имѣютъ важное значеніе, какъ произведенія глубокаго знатока мѣстной археологіи. Мы уже привели отзывъ Н. И. Костомарова о заслугахъ Лебединцева для церковной археологіи, когда онъ былъ священникомъ мѣстечка Бѣлой Церкви. Переселившись въ Кіевъ, изобилующій памятниками старины, Лебединцевъ ревностно занялся ихъ изученіемъ и въ послѣдніе годы своей жизни справедливо считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ мѣстной старины и мѣстныхъ древностей, нерѣдко оказывая своими познаніями существенное содѣйствіе нашимъ археологическимъ обществамъ (напр., с.-петербургскому, при возобновеніи фресокъ въ Кирилловской церкви). Изъ трудовъ Лебединцева по предмету церковной археологіи считаемъ необходимымъ отмѣтить слѣдующіе, какъ важнѣйшіе:

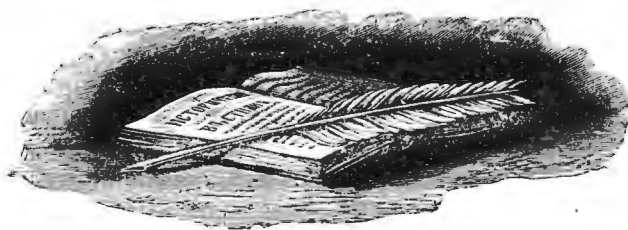
1) О времени написанія фресокъ Кіево-Софійскаго собора; 2) Софія—премудрость Божія въ иконографіи сѣвера и юга Россіи; 3) Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинники? 4) Остатки церквей въ развалинахъ древняго Корсуня, ихъ открытіе и значеніе; 5) Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ Кіево-софійскаго собора; 6) Можетъ ли подлежать сомнѣнію, что открыто въ Владиміромъ успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владиміра? 7) Выносъ плащаницы и крестный ходъ съ нею. Сюда же можно отнести и разныя изслѣдованія и замѣтки его о древней топографіи г. Кіева и его окрестностей, а именно: 1) Какаѣ мѣстности въ древности называлась Олеговой могилой? 2) О мѣстоположеніи древняго кіевскаго города Тороческа; 3) О Кюныровѣ концѣ г. Кіева; 4) О мѣстоположеніи древнихъ кіевскихъ церквей; 6) О планахъ г. Кіева въ XVIII в. и др., равно какъ изданныя Лебединцевымъ снимки со старинныхъ гравюръ и портретовъ. Какъ особенно цѣнный вкладъ въ церковно-археологическую науку, слѣдуетъ отмѣтить планы г. Кіева XVII в., извлеченные имъ изъ архива инженернаго управленія и переданные для напечатанія въ Кіевскую археологическую комиссію по поводу 50-лѣтней дѣятельности ея.

Такова была учено-литературная дѣятельность Лебединцева. Она заслужила ему почетную извѣстность въ русскомъ ученномъ мірѣ. На третьемъ археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1874 г., онъ былъ избранъ предсѣдателемъ по отдѣлу церковныхъ древностей. Постепенно онъ избирался или дѣйствительнымъ, или почетнымъ членомъ разныхъ ученыхъ русскихъ обществъ и заведеній, а именно: Одесскаго общества исторіи и древностей, общества Нестора лѣтописца при Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра, императорскаго православнаго палестинскаго общества, Кіевской духовной академіи и Кіевскаго университета св. Владиміра.

Вообще покойный Лебединцевъ былъ человекомъ выдающихся дарованій и обладалъ глубокимъ, оригинальнымъ умомъ, преимущественно аналитическимъ, искавшимъ въ каждомъ предметѣ такихъ сторонъ и такихъ деталей, которыя не были затронуты другими до него, или которыя ускользнули отъ вниманія другихъ. Даже въ слѣдованіи предметовъ общеизвѣстныхъ онъ не желалъ идти

проторенною дорогою, повторять извѣстные мнѣнія, но старался сказать что либо новое свое собственное. Но зато и въ защитѣ и отстаиваніи своихъ мнѣній, иногда очевидно ошибочныхъ, онъ былъ настойчивъ. Это былъ человѣкъ рѣшительнаго характера и сильной воли. Долго и всесторонне онъ обдумывалъ намѣченное дѣло, придумывалъ всякія средства къ его осуществленію, старался предугадать и разобрать даже и возраженія, какія могли выставить ему противъ его проекта... и тогда ужъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа и непреклонной энергіей шелъ къ достиженію цѣли, не обращая вниманія на малыя препятствія, а крупныя удаляя съ дороги сильною и ловкою рукою. Ему было свойственно сознаніе собственнаго достоинства и превосходства, и потому онъ любилъ выдвигаться изъ окружавшей его среды. Сердце его было въ полномъ послушаніи и подчиненіи его уму и сильной, рѣшительной волѣ; слишкомъ рѣдки бывали моменты въ жизни его, когда голосъ сердца бралъ перевѣсъ надъ сухимъ соображеніемъ его разсудка. Онъ зналъ только чувство долга. Оттого нѣкоторая холодность и сухость чувствовалась постоянно въ атмосферѣ, его окружавшей.

Доцентъ Кіевской академіи, священникъ **Теодоръ Титовъ.**

ПАМЯТИ М. О. МИКЪШИНА.

СВЯТНАДЦАТАГО января 1897 года минулъ годъ съ кончины академика Михаила Осиповича Микъшина. Вызванные этой потерей краткіе и спѣшно составленные некрологи не могли дать яснаго понятія объ оригинальности, разносторонности и силѣ дарованія этого замѣчательнаго художника и человѣка. Намъ въ теченіе 15 лѣтъ довелось очень близко наблюдать жизнь покойнаго, и мы, побуждаемые чувствомъ долголѣтней дружбы къ нему, намѣрены сообщить здѣсь то, что сохранила наша память о М. О. Микъшинѣ, дополнивъ наши воспоминанія свѣдѣніями, заимствованными изъ переписки съ нимъ, изъ печатныхъ источниковъ и изъ посмертнаго наслѣдія его.

Быстро рѣдѣютъ ряды даровитыхъ русскихъ людей, а жизнь такъ медленно выдвигаетъ новыхъ замѣстителей на мѣсто выбывшихъ изъ жизненнаго строя. Столь виднаго представителя искусства, какимъ былъ покойный Михаилъ Осиповичъ, замѣтить трудно. Помимо счастливаго дарованія и крупнаго таланта, надо еще обладать тою замѣчательною энергіею и усидчивостью, любовью къ труду и совершенствованію, какими въ значительной мѣрѣ былъ надѣленъ Михаилъ Осиповичъ. Отъ его таланта еще многого можно было ожидать, онъ постоянно изобрѣталъ новыя формы, въ которыя преображались его мысли; онъ постоянно работалъ, и едва ли знавшіе Михаила Осиповича могутъ представить себѣ его мощную фигуру иначе, какъ за рабочимъ столомъ или за лѣпкою модели.

Счастье улыбнулось нашему художнику еще на зарѣ его жизни. Двадцатилѣтній Михаилъ Осиповичъ уже носилъ славное имя автора памятника «Тысячелѣтія Россіи» въ Новгородѣ. На площади «великаго Новгорода», въ 1862 году, блаженной памяти императоръ Александръ II, передъ собравшимися представителями всей Россіи, благодарилъ Михаила Осиповича, пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра 4 степени и наградилъ его пожизненною пенсіею въ 1.200 рублей въ годъ, незадолго передъ смертью художника увеличенною до 1.800 рублей.

Спеціальная комиссія изъ представителей императорской академіи художествъ и ученыхъ инженеровъ, назначенная для обсужденія представленныхъ проектовъ памятника «Тысячелѣтія Россіи», присудила, въ 1859 году, первую премію проекту Михаила Осиповича. Надо думать, что достоинства проекта были выдающимися, если онъ былъ одобренъ изъ числа представленныхъ 57 проектовъ, въ большинствѣ принадлежавшихъ художникамъ и профессорамъ академіи. О послѣдующей дѣятельности Микѣшина мы скажемъ впереди, здѣсь мы приведемъ данныя біографическія.

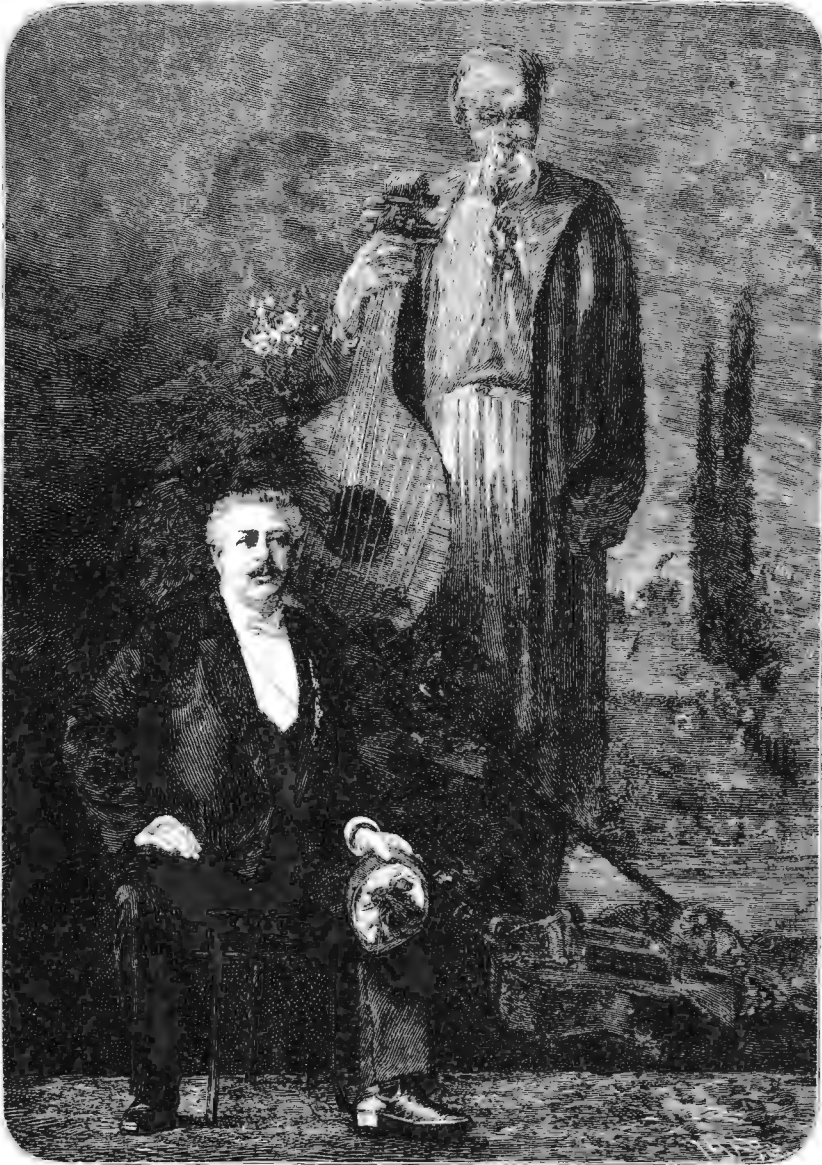
Михаилъ Осиповичъ происходилъ изъ бѣлорусскаго рода Смоленской губерніи, родился въ селѣ Максимовѣ, Рославльскаго уѣзда, 9-го февраля 1836 года. Предки его вели торговля сношенія съ Ригой, по Западной Двинѣ, а отецъ, Осипъ Егоровичъ, служилъ въ рославльскомъ ополченіи и въ Отечественную войну принималъ участіе въ бояхъ знаменитаго партизана Фигнера. По окончаніи войны онъ обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ—медициной и сельскимъ хозяйствомъ, особенно помологіей; фрукты сада Осипа Микѣшина славились въ Рославлѣ еще много лѣтъ и послѣ его кончины. Кромѣ добраго имени, Осипъ Егоровичъ своему сыну ничего не оставилъ.

Почтенный ветеранъ поощрялъ въ сынѣ страсть къ рисованію и черченію, обнаружившуюся въ немъ еще въ юные годы. Первымъ учителемъ Михаила Осиповича былъ сельскій иконописецъ Титъ Андронычъ, подъ руководствомъ котораго онъ писалъ масляными красками, при чемъ вынужденъ былъ собственноручно заготавливать холстъ, краски и кисти. По окончаніи курса въ рославльскомъ четырехклассномъ уѣздномъ училищѣ, Михаилъ Осиповичъ состоялъ чертежникомъ при строявшемся тогда московско-варшавскомъ шоссе и получаемыми имъ скудными средствами содержалъ своихъ престарѣлыхъ родителей. Дарованія юнаго чертежника вскорѣ обратили на себя вниманіе правительственнаго контрагента этого шоссе, образованнаго смоленскаго помѣщика, Ал. Ал. Вонлярлярскаго, который въ 1852 году привезъ на свой счетъ Михаила Осиповича въ С.-Петербургъ, гдѣ 16-ти-лѣтній юноша былъ опредѣленъ въ батальонный классъ профессора Богдана Павловича Виллевальде.

Жизнь Микѣшина, во время его пребыванія въ стѣнахъ акаде-

міи художествъ, была полна лишеній, и ему на первых порахъ пришлось испытать всю горечь положенія учащагося, ничтожнымъ личнымъ заработкомъ вынужденнаго содержать себя, да еще доставлять средства къ существованію своимъ престарѣлымъ родителямъ. Ему пришлось пройти тернистый путь послѣдовательнаго полученія всѣхъ художественныхъ наградъ за картины масляными красками баталическаго и историческаго содержанія. Въ 1852 году Микѣшинъ былъ награжденъ малою серебряною медалью за картину, изображавшую конныхъ гренадеръ—эту картину прибрѣлъ съ академической выставки императоръ Николай Павловичъ. Въ 1854 году Михаилъ Осиповичъ получилъ и большую серебряную медаль. По заказу великой княгини Маріи Николаевны, въ томъ же 1854 году, Микѣшинъ исполнилъ 6 сценъ изъ быта донскихъ казаковъ: «Дѣтство», «Табунъ въ степи», «Ловля сомовъ на Дону», «Косарихи», «Прощаніе съ могилой», «Ночной пикетъ» и большой рисунокъ «Фельдъегерь на Кавказѣ». Въ 1856 году, Микѣшину присуждена была малая золотая медаль за программу: «Сраженіе при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ». На большую золотую медаль Михаилъ Осиповичъ конкуррировалъ дважды: въ 1857 году—«Паденіе литовской крѣпости Пиллоны въ царствованіе Гедимина въ XIV столѣтіи», и въ 1858 году—«Въѣздъ графа Тилли въ Магдебургъ»; этой послѣдней исторической картиной законченъ былъ путь полученія М. О. академическихъ наградъ: совѣтъ академіи художествъ удостоилъ его первой медали съ званіемъ класснаго художника I-й степени и съ правомъ на шестилѣтнее пенсіонерство за границей. Эта картина вошла въ составъ галереи почившаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго.

Завиднымъ правомъ пребыванія на счетъ казны за границей Микѣшину, однако, не пришлось воспользоваться. Въ 1859 году былъ объявленъ конкурсъ на составленіе проекта памятника «Тысячелѣтія существованія Россіи, для сооруженія въ Новгородѣ. Михаилъ Осиповичъ всецѣло отдался сочиненію проекта, и на объявленномъ конкурсѣ, какъ уже нами замѣчено выше, получилъ первую премію, и ему высочайше поручены были, кромѣ малой модели, и большинство колоссальныхъ работъ, а также наблюденіе надъ работами другихъ художниковъ; подъ юной дирекціей Михаила Осиповича очутился, такимъ образомъ, и самъ ректоръ скульптуры, исполнявшій по заказу часть работы. Живописцу Микѣшину пришлось теперь учиться лѣпкѣ, въ чемъ ему нерѣдко помогали И. Н. Шредеръ. Памятникъ «Тысячелѣтія Россіи», исполненный другими скульпторами по идеѣ Михаила Осиповича и поставленный въ Новгородѣ, доставилъ ему большую извѣстность; законченная въ весьма короткій срокъ, выдающаяся работа эта вызвала всестороннюю оцѣнку, между прочимъ, извѣстнаго Теофиля Готье, въ концѣ 1860-хъ годовъ посѣтившаго, какъ извѣстно, нашу столицу; въ

Михаиль Осиповичъ Микѣшинъ.

своей корреспонденці Теофиль Готье называетъ Микѣшина «Россійскимъ Микель-Анжело».

Памятникъ сдѣланъ изъ бронзы и гранита. Изъ бронзы отлиты: Ангель, стоящій на самомъ верху памятника и держащій крестъ; наклоненная около него женщина въ вѣнкѣ на головѣ и съ круглымъ щитомъ въ лѣвой рукѣ, на которомъ изображенъ орелъ; большой шаръ, на полѣ котораго помѣщена надпись: «Совершившемуся тысячелѣттю Россійскаго государства, въ благополучное царствованіе императора Александра II, лѣта 1862»; 17 лицъ, стоящихъ вокругъ шара и, какъ будто, поддерживающихъ его, и выпуклыя изображенія 106 лицъ, поставленныхъ на нижней части памятника. Изъ гранита состоятъ остальные части памятника, какъ-то: подножіе, карнизы, постаментъ, поясъ, на которомъ помѣщены выпуклыя изображенія 106 лицъ, пьедесталь и тротуаръ, только постаментъ облицованъ бронзою, карнизы надъ поясомъ сдѣланы изъ сердобольскаго гранита, прочія же части — изъ простого. Высота каждаго изъ верхнихъ 17 лицъ — около 5 аршинъ. Шаръ въ діаметрѣ или поперечникѣ $6\frac{1}{3}$ аршина; высота пояса, на которомъ находятся 106 лицъ — около 2-хъ аршинъ, высота всего памятника — $21\frac{2}{3}$ аршина. Всѣхъ бронзовыхъ частей около 4.000 пудовъ. Всѣ издержки по сооруженію обошлись около 480.000 рублей, изъ коихъ 150.000 рублей пожертвованы разными лицами, а остальные отпущены изъ государственной казны.

Значеніе лицъ, поставленныхъ на памятникѣ, слѣдующее: Ангель, съ крестомъ въ рукѣ, означаетъ православную вѣру; наклоненная около него женщина — Россію, которая, будучи просвѣщена православною вѣрою, всегда держалась и держится ея непоколебимо, и укрѣплялась и поддерживалась ею въ тяжкія годы своего многотруднаго тысячелѣтнаго существованія; круглый шаръ подъ ними изображаетъ Русскую державу; 17 лицъ, поставленныхъ вокругъ шара по одному или по нѣскольку вмѣстѣ, въ шести группахъ, или кружкахъ, обозначаютъ шесть важныхъ эпохъ или событій въ тысячелѣтней жизни Русскаго государства, какъ-то: Рюрикъ — означаетъ основаніе Россійскаго государства въ 862 году; Владиміръ, съ двумя при немъ другими лицами — введеніе христіанства въ Россію въ 988 году; Дмитрій Донской и еще одно съ нимъ лицо — начальное освобожденіе отъ ига татарскаго въ 1380 году; Іоаннъ III и съ нимъ четыре лица — основаніе единодержавія царства Русскаго въ 1462 году; Михаилъ Ѳеодоровичъ и при немъ два лица — возстановленіе единодержавія избраніемъ на Россійскій престолъ дома Романовыхъ въ 1613 году; Петръ Великій съ двумя лицами — преобразование Россіи и основаніе имперіи Россійской въ 1721 году. Лица, изображенныя на поясѣ памятника, числомъ 106, представляютъ собою дѣятелей, оказавшихъ Русскому государству важныя услуги или своими дѣйствіями способствовавшихъ возвышенію и прославленію Русскаго государства.

Столь крупный успѣхъ, выпавшій на долю Михаила Осиповича, не вскружилъ, однако, головы юному художнику. Онъ не увлекся своей славой и не зарылъ своего дарованія, которымъ природа его щедро одарила. Едва ли съ нашей стороны будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, что столь широкая извѣстность рѣдко выпадала на долю какого либо другого русскаго художника, и эту извѣстностью своей, проникшей и далеко за предѣлы родины его, Михаилъ Осиповичъ въ значительной долѣ обязанъ и своему выдающемуся трудолюбію. Еще занятый работами по памятнику «Тысячелѣтія Россіи», Микѣшинъ, въ то же время, по Высочайшему повелѣнію, былъ допущенъ къ участию въ конкурсѣ сочиненія проекта памятника императрицѣ Екатеринѣ II, въ С.-Петербургѣ, келейно объявленнаго лишь между чиновными членами нашей академіи художествъ. Симпатіи официального художественнаго ареопага нашего никогда не были на сторонѣ Михаила Осиповича и всегда шли въ разрѣзъ съ все болѣе возраставшею популярностью его имени среди публики. Исключительное и столь отличное дарованіе Микѣшина всегда рѣзко выдѣляло его работы среди массы другихъ: не узнать Микѣшинскихъ проектовъ, подъ какими бы девизами онъ ни скрывался, было невозможно, и если онъ и получалъ первыя преміи на конкурсахъ, то надо думать, принимая во вниманіе нерасположеніе къ нему официальныхъ судей, что онъ того заслуживалъ. И за проектъ памятника Екатеринѣ II Микѣшинъ также получилъ первую премію (1861 г.).

Въ томъ же году, по заказу профессора архитектуры А. М. Горностаева, Микѣшинъ сочинилъ и вылѣпилъ массивныя скульптурныя двери къ часовнѣ надъ прахомъ князя Пожарскаго въ г. Суздаль, отлитыя изъ бронзы на бывшемъ заводѣ Шопена, въ С.-Петербургѣ.

Приводимъ перечень работъ Михаила Осиповича по возможности въ ихъ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1864 году Микѣшинъ получилъ первую премію на всемирномъ конкурсѣ, предложенномъ португальскимъ правительствомъ, за проектъ монумента «Португальской конституціи», дарованной королемъ Донъ-Педро I (для г. Лиссабона). Художнику пожалованъ за этотъ проектъ большой крестъ Христа-Спасителя и дипломъ на званіе почетнаго члена лиссабонской академіи художествъ; тогдашній нашъ посолъ при лиссабонскомъ дворѣ, г. Демидовъ, былъ удостоенъ торжественной оваціи по случаю полученія первой преміи русскимъ художникомъ. Въ 1866 г. Михаилъ Осиповичъ сочинилъ проектъ памятника освободителю Сербіи, Георгію Черному, возбуждшій горячій интересъ тогдашнихъ владѣтелей и эксъ-владѣтеля Сербіи, князя Михаила Обреновича и Александра Карагеоргіевича, привѣтствовавшихъ автора собственноручными письмами и пригласившими Михаила Осиповича въ Сербію для переговоровъ о по-

стройкѣ этого памятника. Владѣтель Черногоріи, князь Николай I Нѣгошъ, за этотъ проектъ наградилъ автора рыцарскимъ крестомъ «За независимость Черногоріи», а сербское «Ученое дружество» избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Словомъ, проектъ этотъ сдѣлалъ имя нашего художника весьма популярнымъ въ земляхъ южныхъ славянъ.

Судьба этого памятника вообще довольно любопытна и странна по тѣмъ перипетіямъ, которымъ ему пришлось подвергнуться. Собственноручнымъ письмомъ Михаила III Обреновича Михаилъ Осиповичъ, въ 1867 г., былъ приглашенъ въ Сербію для переговоровъ о сооруженіи тамъ памятника Георгію Черному, т. е. родоначальнику соперничавшей съ Обреновичами династіи, по проекту, годъ тому назадъ одобренному. Это приглашеніе было возложено на извѣстнаго историка Ристича, тогда сербскаго министра (впослѣдствіи онъ былъ назначенъ регентомъ, когда Миланъ Обреновичъ передалъ престолъ своему юному сыну Александру), посланнаго съ дипломатическими порученіями къ европейскимъ дворамъ. Прибывъ въ Сербію, Микѣшинъ уже не засталъ въ живыхъ Михаила III, павшаго будто бы отъ руки сторонниковъ Карагеоргіевичей, въ Топчидерѣ, близъ Бѣлграда, въ 1868 г. Такъ выставлялось убійство по австрійскимъ навѣтамъ; въ убійствѣ былъ заподозрѣнъ развѣнчанный властитель Сербіи, князь Александръ Карагеоргіевичъ, и все, напоминавшее Карагеоргіевичей, стало въ Сербіи гонимо и презираемо, а потому не могло быть и рѣчи о монументѣ родоначальнику названной династіи. Радужно принятому молодымъ Миланомъ Обреновичемъ (нынѣ эксъ-король сербскій) и членами регентства, Микѣшину поручено было сочинить проектъ памятника политической и государственной дѣятельности князя Михаила III, для сооруженія въ Топчидерѣ и на главной площади въ Бѣлградѣ. Два проекта Микѣшинымъ быстро были сочинены и одобрены княземъ, членами регентства и министрами, но сооруженіе было отложено до сбора нужныхъ на то средствъ. Уѣзжая изъ Сербіи, Микѣшинъ разрѣшилъ оба проекта издать, вырученное отъ продажи оттисковъ приобщить къ суммамъ, собираемымъ на сооруженіе памятника. Эта продажа оттисковъ дала около 10.000 червонцевъ. Сборы пожертвованій затянулись. Минуло уже около четырехъ лѣтъ, какъ вдругъ появилась публикація сербской комиссіи, объявившей конкурсъ на сочиненіе проекта памятника Михаилу III. Удивленія достойно здѣсь то, что комиссія предлагала конкуррентамъ въ руководство проектъ Михаила Осиповича не только въ общей идеѣ, но даже въ подробностяхъ. Ни съ чѣмъ несообразный поступокъ комиссіи для Михаила Осиповича былъ весьма обиденъ, и если этотъ фактъ не былъ своевременно оглашенъ, то только потому, что Микѣшинъ не желалъ этимъ дать поводъ къ насмѣшкамъ партіи, противной идеѣ славянскаго единенія. Художникъ предпочелъ молчаливо выжидать. Кон-

курсъ этотъ не состоялся. Въ 1873 г. послѣдовала новая ошибка уже не комиссіи, а самого сербскаго правительства, объявившаго универсальный конкурсъ, съ тремя денежными преміями. Условія конкурса, также обоснованныя на идеѣ проекта Микѣшина, были напечатаны на сербскомъ и русскомъ языкахъ, и разосланы художни-

Проектъ памятника князю Михаилу III Сербскому.

камъ; такимъ путемъ одинъ изъ листковъ былъ полученъ и Михаиломъ Осиповичемъ, къ полному его удивленію. И на этотъ разъ Михаилъ Осиповичъ въ конкурсѣ не принималъ никакого участія, находя неудобнымъ конкурировать съ самимъ собою. Вскорѣ, однако, онъ получилъ отъ сербскаго министра публичныхъ работъ официальное письмо, которымъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ

его приглашали принять участіе въ конкурсѣ, назначеніе котораго объяснялось неизбѣжнымъ, какъ требованіе «*позитивныхъ законовъ*» страны, которымъ слѣдуютъ при всѣхъ важныхъ отечественныхъ сооруженіяхъ. Отъ своего имени Микѣшинъ уже не счелъ болѣе удобнымъ принимать участіе въ конкурсѣ и представилъ новый проектъ подъ англійскимъ девизомъ «*To be or not to be*» (быть или не быть), приложивъ къ проекту объяснительную записку и расчетъ сооруженія на англійскомъ же языкѣ. Срокомъ доставки проектовъ въ Бѣлградъ назначено 1-е сентября 1873 г., присужденіе же премій предполагалось въ теченіе послѣдующихъ 15-ти дней. Черезъ комиссіонерскую контору Ваншейда Михаилъ Осиповичъ отправилъ свой проектъ 23-го августа, то-есть за восемь дней до срока, въ Бѣлградъ, причемъ комиссія была телеграммой извѣщена о высылкѣ проекта англійскаго художника. Велико было изумленіе Михаила Осиповича, когда въ 168-мъ номерѣ сербской газеты «*Видовданъ*» онъ прочелъ, что въ засѣданіи своемъ, отъ 4-го сентября, комиссія по сооруженію памятника князю Михаилу III первую премію присудила вѣнскому художнику Пильцу, вторую—Бочини, третью—Вагнеру изъ Вѣны-же. Изъ 17-ти представленныхъ проектовъ ни одинъ въ цѣлости не былъ признанъ годнымъ, но комиссія признала возможнымъ воспользоваться изъ премированныхъ проектовъ отдѣльными частями. Въ то же время получило изъ Бѣлграда телеграфное извѣщеніе, что проектъ, подъ девизомъ «*To be or not to be*», былъ доставленъ только 5-го сентября, то-есть уже послѣ рѣшенія конкурса, и не былъ комиссіею принятъ. На такую поспѣшность комиссіи Михаилъ Осиповичъ жаловался телеграммою сербскому митрополиту, высокопреосвященному Михаилу, а министру публичныхъ работъ послалъ свой протестъ на дѣйствія комиссіи, присудившей преміи на 11 дней ранѣе объявленнаго срока. Вслѣдствіе протеста, проектъ былъ принятъ, сличенъ съ другими, признанъ лучшимъ изъ представленныхъ, о чемъ митрополитъ Михаилъ письменно увѣдомил М. О. Микѣшина. Но такъ какъ конкурсъ уже ранѣе былъ рѣшенъ, преміи выданы, то проектъ Михаила Осиповича могъ быть утвержденъ только высшею властью, а Миланъ Обреновичъ въ это время путешествовалъ по Европѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1876 г., за дѣятельность по снаряженію добровольцевъ и санитарныхъ отрядовъ отъ славянскаго благотворительнаго комитета Михаилъ Осиповичъ былъ пожалованъ офицерскимъ крестомъ «*Такова*»; при недавнемъ посѣщеніи С.-Петербурга юнымъ королемъ Александромъ I о заслугахъ Микѣшина вспомнили, и онъ былъ награжденъ орденомъ «*св. Саввы*» 3-й степени, а вслѣдъ затѣмъ и второю степенью того же ордена, со звѣздой.

Но возвратимся къ дѣятельности Михаила Осиповича въ Россіи. Въ 1867 г., по желанію его высочества, генералъ-адмирала, Михаилъ Осиповичъ сочинилъ проектъ памятника адмиралу Алексѣю

Самуиловичу Грейгу, для города Николаева, и исполнилъ на мѣстѣ модель и самый памятникъ по заказу морского вѣдомства.

Изъ Николаева Микѣшинъ приглашенъ былъ въ Кіевъ для переговоровъ о сооруженіи памятника Богдану Хмельницкому. Быстро Михаилъ Осиповичъ сочинилъ проектъ (эскизъ) памятника, а по эскизу исполнена была и модель, извѣстная русской публикѣ по

Проектъ памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ.

многимъ съ нея иллюстраціямъ. Исторія этого памятника крайне запутана, и теперь еще не время говорить объ этомъ подробно. Намъ извѣстно, что покойный Михаилъ Осиповичъ описалъ исторію этого памятника, и, вѣроятно, со временемъ, записка его будетъ опубликована на страницахъ одного изъ историческихъ журналовъ нашихъ. Здѣсь же ограничимся только указаніемъ, что от-

крытый въ Кіевѣ памятникъ Богдану Хмельницкому ничего общаго не имѣеть съ первоначальнымъ высочайше утвержденнымъ, симпатично-оригинальнымъ проектомъ этого памятника, сочиненія Михаила Осиповича, эскизный набросокъ котораго мы здѣсь прилагаемъ. Мощная фигура Богдана Хмельницкаго, на скачущей лошади, высится на скалѣ. Фигуры, окружающія Богдана, придаютъ жизнь, движеніе, силу идеѣ памятника, которыхъ и помину нѣтъ на памятникѣ, сооруженномъ въ Кіевѣ, и который почему-то приписывается Микѣшину. Замѣшалась ли въ это дѣло экономія или политика—не знаю, но ясно, что идея художника жестоко искажена.

Возвратившись въ С.-Петербургъ, Михаилъ Осиповичъ занялся исполненіемъ колоссальной статуи адмирала Грейга и малой модели памятника Хмельницкому. Въ 1869 г., 4 ноября, обѣ работы эти были высочайше одобрены въ занимаемой художникомъ мастерской, въ зданіи главнаго адмиралтейства. Модель памятника Хмельницкому одобрена была къ исполненію въ колоссальную величину, а въ Кіевѣ учрежденъ былъ комитетъ для сбора пожертвованій на сооруженіе этого памятника.

Годы 1862—1873 протекли въ работахъ по сооруженію памятника императрицѣ Екатеринѣ II, воздвигнутаго на Невскомъ проспектѣ, въ С.-Петербургѣ, въ такъ называемомъ Екатерининскомъ скверѣ, передъ фасадомъ Александринскаго театра. Памятникъ сооруженъ подъ личнымъ наблюденіемъ Михаила Осиповича. Открытіе памятника состоялось 24 ноября 1873 г. Всѣ сподвижники Екатерины были коренные русскіе люди: Орловъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Бецкой, Дашкова, Безбородко, Державинъ, Чичаговъ—цѣлый рядъ людей даровитыхъ и гениальныхъ. Всѣ эти лица и изображены въ видѣ статуй, на пьедесталѣ памятника императрицѣ, колоссальная фигура которой царитъ надъ всѣми.

Пьедесталъ памятника состоитъ изъ трехъ рядовъ сердобольскаго финляндскаго гранита: темно-краснаго, свѣтло-сѣраго и темно-сѣраго, почти чернаго. Высота пьедестала надъ бутомъ—пять сажень; весь памятникъ—семь сажень. Въ составъ пьедестала вошло болѣе 600 кусковъ гранита, общій вѣсъ послѣ грубой обдѣлки для доставки на мѣсто равнялся 22.500 пуд., послѣ же окончательной обдѣлки—всего 16.500 пуд., конечно, приблизительно. Вѣсъ наибольшихъ кусковъ камня, въ отдѣльности, доходилъ въ выломкѣ до 4-хъ тыс. пудовъ, а по обдѣлкѣ—до 3-хъ тыс. пудовъ въ каждомъ. При соединеніи всѣхъ частей памятника и пьедестала вовсе нѣтъ гвоздей, винтовъ, желѣзныхъ полосъ: все соединяется посредствомъ соответственныхъ выступовъ и гнѣздъ въ частяхъ гранита; главная статуя памятника съ ея бронзовымъ подножіемъ надѣта на подымающійся куполь гранита. Подобныя соединенія едва ли не впервые, въ такихъ большихъ размѣрахъ, примѣнены при настоящемъ сооруженіи; вызваны же они тѣмъ соображеніемъ,

что желѣзо въ нашемъ климатѣ портится въ камнѣ. Необходимо также имѣть въ виду, что вся гранитная часть памятника имѣетъ характеръ монолита, т. е. здѣсь не одна облицовка, а весь памятникъ сплоченъ изъ одной массы.

Проектъ памятника Петру Великому, въ память побѣды, одержанной надъ шведами, 28 сентября 1708 года.

Бронзы пошло на сооруженіе 3.100 пудовъ, въ томъ числѣ и канделябры, рисунокъ и размѣщеніе которыхъ принадлежитъ г. Гримму. Ему же принадлежитъ рисунокъ цѣпи вокругъ подножія пьедестала; цѣпь имѣетъ видъ развернутаго лавроваго вѣнка.

Надъ доскою съ надписью соединены атрибуты наукъ, художествъ, земледѣлія (колосья), военнаго сухопутнаго и морскаго дѣла; на книгѣ, стоящей среди этихъ атрибутовъ, написано «Законъ».

Вотъ точные размѣры въ высоту сидящихъ и стоящихъ фигуръ: Державинъ—4 арш. 2 вершк.; Дашкова—3 арш. 10 вершк.; Румянцевъ—3 арш. 11 вершк.; Потемкинъ—3 арш. 14 вершк.; Суворовъ—4 арш. 1 верш.; Безбородко—3 арш. 7 вершк.; Бецкій—3 арш. 7 вершк.; Чичаговъ—3 арш. 8 вершк.; Алексѣй Орловъ—3 арш. 13 вершковъ.

Первоначально предполагалось монументомъ Екатерины II украсить дворъ Царскосельскаго дворца—любимой резиденціи императрицы. На соисканіе объявленной преміи представили свои проекты академики-скульпторы: Штромъ, Залеманъ, Мейнертъ; профессора—Ленсенъ и фонъ-Бокъ, и художникъ Микѣшинъ, которому академія даже отказала было въ правѣ участвовать въ конкурсѣ, какъ не имѣвшему званія скульптора. Проектъ Михаила Осиповича, тѣмъ не менѣе, удостоенъ былъ высочайшаго одобренія и утвержденія. Статуя была отлита изъ бронзы на заводѣ Шопена, а модель ея была удостоена почетной медали на лондонской всемірной выставкѣ. Екатерина II была изображена въ коронѣ, со скипетромъ и державою въ рукахъ, въ императорской мантии, шлейфъ которой роскошными складками ниспадалъ съ пьедестала, во вкусѣ рококо, соответствующемъ архитектурѣ большого Царскосельскаго дворца, какъ то и требовались условіями конкурса. Вскорѣ, однако, въ одномъ изъ засѣданій с.-петербургской городской думы былъ возбужденъ и сочувственно принятъ вопросъ о сооруженіи памятника Екатеринѣ II, по образцу царскосельской модели Микѣшина, на одной изъ площадей С.-Петербурга. Князь Италійскій, графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій, тогдашній с.-петербургскій генералъ-губернаторъ, поддержалъ эту мысль, ходатайство думы было Высочайше одобрено, и памятникъ повелѣно поставить уже не въ Царскомъ Селѣ, а въ С.-Петербургѣ; исполненіе этого дѣла возложено было на Михаила Осиповича, который сознавалъ, что для столицы царскосельскій монументъ не соответствуетъ ни стилемъ, ни размѣрами—стиль роково былъ замѣненъ стилемъ во вкусѣ Людовика XVI (Louis XVI), и художникъ по новому рисунку принялся за изготовленіе новой модели.

При осуществленіи своей идеи Микѣшинъ находился въ зависимости отъ указаній академіи художествъ и нѣкоторыхъ техниковъ разныхъ вѣдомствъ, что, конечно, должно было неблагоприятно отразиться на многихъ частностяхъ выполненія проекта. Новая модель была имъ окончена и отлита г. Соколовымъ въ $\frac{1}{16}$ долю настоящей величины памятника; модель была помѣщена въ Царскомъ Селѣ, въ такъ называемомъ гротѣ, у пруда, въ бѣломъ павильонѣ. Модель Микѣшина вызвала въ публикѣ много толковъ и сужденій.

Художника осуждали за небрежную позу фигуры Потемкина, котораго онъ изобразилъ сидящимъ, съ закинутой ногой. Однако, у Микѣшина нашлись защитники, которые позу великолѣпнаго князя Тавриды находили какъ нельзя лучше характеризующею отличавшагося своеобразными привычками Екатерининскаго баловня счастья. Послѣдовали дополненія и поправки. Медальоны съ рельефами Чичагова и Орлова-Чесменскаго, помѣщенные на пьедесталѣ, замѣнены ихъ исполинскими статуями на задней сторонѣ пьедестала, до того занятаго ниспадающимъ шлейфомъ порфиры и доскою съ надписью; доска перемѣщена внизъ, съ передней стороны. Позу Потемкина пришлось измѣнить: князь Тавричскій на монументѣ попираетъ ногою турецкую чалму съ полумѣсяцемъ. Сама Екатерина II, на петербургскомъ монументѣ, изображена въ императорскомъ облаченіи, т. е. со скипетромъ, въ полукоронѣ и порфирѣ. Вокругъ пьедестала группируются уже перечисленные выше представители военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ силъ, государственной, общественной, ученой и литературной дѣятельности славнаго Екатерининскаго вѣка. Надпись на монументѣ гласитъ:

«Императрицѣ Екатеринѣ II
въ царствованіе
Императора Александра II 1873 г.»

Одновременно Микѣшинымъ воспроизведены были и многія другія работы по заказу морского министерства, каковы большія рѣзные статуи для броненосныхъ судовъ нашего военнаго флота: «Мининъ», «Пожарскій», «Спиридовъ», «Грейгъ», «Лазаревъ», «Петръ Великій», «Генераль Адмираль» и для императорскихъ яхтъ: «Ливадія» и «Держава».

Будучи близко знакомъ съ героемъ севастопольской обороны, графомъ Эдуардомъ Ивановичемъ Тотлебенемъ, пользуясь его опытными совѣтами, Михаилъ Осиповичъ сочинилъ грандіозный проектъ памятника «Севастопольской обороны», долженствовавшій замѣнить собою многіе мелкіе памятники, и понынѣ сооружаемые въ одиночку многимъ героямъ этой великой эпопеи. Начавшаяся турецкая кампанія, а вскорѣ затѣмъ послѣдовавшія болѣзнь и смерть Тотлебена (21 іюня 1884 г.) помѣшали осуществленію этого памятника.

Въ то же время Михаилъ Осиповичъ сочинилъ, исполнилъ и соорудилъ памятникъ Екатеринѣ II, по заказу ирбитскаго городского общества.

Къ сочиненію проекта памятника Екатеринѣ II нашъ художникъ вернулся еще разъ въ послѣдніе годы своей жизни. Мы имѣемъ здѣсь въ виду его проектъ памятника императрицѣ Екатеринѣ II для города Екатеринодара, по заказу кубанскаго казачьяго войска. Благодарная память о великой царицѣ и ея сподвижникѣ, кн. Потемкинѣ-Таврическомъ, а также о просвѣтителѣ края, протоіереѣ

Оссинскомъ, какъ о лицахъ, облагодѣтельствовавшихъ запорожцевъ и кубанское войско, до сихъ поръ жива среди кубанскаго казачьяго войска. И памятникъ Екатеринѣ II, по изображенію Микѣшина¹⁾, отвѣчаетъ этимъ народнымъ представленіямъ о ихъ благодѣтеляхъ. Смотри на такой памятникъ, отдаленные потомки нынѣшняго казачества будутъ вспоминать, что благосостояніемъ своимъ они обязаны самодержавному слову великой царицы, къ новой жизни призвавшей ихъ предковъ, что передъ царицею первымъ заступникомъ ихъ былъ князь Потемкинъ, и что первымъ просвѣтителемъ ихъ края былъ отецъ Оссинскій, упорно и страстно работавшій для родной земли. Памятникъ трактованъ въ стилѣ Людовика XV, столь любимомъ императрицею.²⁾ На трехстороннемъ постаментѣ стоитъ колоссальная фигура императрицы, въ царственной порфирѣ, со скипетромъ и державой (символы самодержавія) въ рукахъ. На выступающемъ карнизѣ передняго кронштейна постамента, изъ-подъ золоченой короны, ниспадаетъ длинный развитой свертокъ (алюминіевый), вверху котораго золотой орликъ того времени, а ниже золотымъ выпуклымъ шрифтомъ прописана высочайшая грамота 30-го іюня 1792 года. У основанія постамента атлетическая фигура кумира воскресшаго казачества, свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, одною рукою повернувшаго грамоту въ сторону стоящихъ народныхъ героев: Антона Головатаго, войсковаго судьи, Сидора Билаго, кошевого атамана, и Захара Чепеги, войсковаго есаула. Позади Потемкина фигура отца Оссинскаго. На задней сторонѣ постамента фигура слѣпного «Кобзаря» и его «Поводыря». Кобзарь³⁾, съ бандурой въ рукахъ, задумчиво и сосредоточенно поетъ славу царицѣ:

«Ой годи-жь намъ журитися, пора перестаты,
 «Диждалися одъ царицы за службы заплати:
 «Дала хлѣбъ-силъ и грамоты за вирниі службы,
 «Отъ теперъ ми, ридни брате, забудимъ вси нужди.
 «Дякуймо-жь царицю, молимося Богу,
 «Що намъ указала на Кубань дорогу».

Текстъ этой народной пѣсни, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отразилась религія, патриотизмъ и благодарность къ самодержавной царицѣ, что и составляло задачу сочиненія памятника—долженъ быть помѣщенъ на мѣдной доскѣ подъ группою «Кобзаря» и его

¹⁾ Совершенно выполненная модель этого памятника, какъ мы слышали, приобретаетъ казачьимъ управленіемъ, для исполненія съ нея памятника на мѣстѣ. Художнику не довелось дожить, можетъ быть, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы увидѣть завершенными свои труды надъ этимъ памятникомъ, отнявшимъ у него около 3 лѣтъ упорной работы.

²⁾ Полной исторіи Кубанскаго войска еще не существуетъ, и если для казачества жива память о царицѣ, то это объясняется устной передачей изъ поколѣнія въ поколѣніе рассказовъ о быломъ, главнымъ образомъ, этими нынѣ все рѣже встрѣчающимися народными рапсодами, «кобзарями».

«Поводыря». На заднемъ фасѣ модели памятника помѣщенъ списокъ побѣдъ Черноморскаго и нынѣ Кубанскаго казачьяго войска. На картушѣ съ передняго фаса постамента, золоченымъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, надпись:

«Императрицѣ Екатеринѣ II
въ царствованіе
Императора Николая II».

Подъ этимъ картушемъ, на мѣдной доскѣ, предположена надпись:

«Отъ благодарнаго и вѣрнаго
Кубанскаго казачьяго войска 189* г.».

По нижнему цоколю, вокругъ всего пьедестала, славянскою вязью, строка съ наименованіями всѣхъ кубанскихъ атамановъ; она начинается такъ: «Милостію самодержцевъ всероссійскихъ атаманъ: С. И. Бѣлый, 1788—1788; З. А. Чепега, 1788—1797; А. А. Головатый, 1757—1797; Т. Т. Котляревскій, 1790 — 1799; протоіерей Оссинскій и Ф. Я. Бурсакъ, 1799—1816; Г. К. Матвѣевъ, 1816—1827; А. Д. Безкровный, 1827—1830; Н. С. Завадовскій, 1830—1853; Г. А. Рапшпиль, 1844—1852; П. С. Верзилинъ, 1832—1837; С. С. Николаевъ, 1837—1847; Ф. А. Кроковскій, 1848—1852; кн. Г. Р. Эристовъ, 1852—1855; Н. А. Рудзевичъ, 1855—1860; Н. А. Ивановъ, 1861—1863; гр. Ф. Н. Сумароковъ-Эльстонъ, 1863—1869; М. А. Цакни, 1869—1873; Н. Н. Кармалинъ, 1873—1882; С. А. Шереметевъ, 1882—1884; Г. А. Леоновъ, 1884—1892; Я. Д. Малама—1892 г.

12-го августа минувшаго 1896 г., въ 3^{1/2} часа дня, въ Петергофѣ, въ Бѣломъ залѣ Большаго дворца, ихъ величества, государь императоръ Николай II и государыня императрица Александра Феодоровна, осматривали модель этого памятника, въ присутствіи министровъ: императорскаго двора, генераль-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова, и военнаго, генераль-адъютанта П. С. Ванновскаго, и начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ, недавно скончавшагося, генераль-лейтенанта В. А. Бунакова.

Модель представляла вдова покойнаго художника, а объясненія давалъ архитекторъ Е. Е. Баумгартенъ, зять покойнаго Микѣшина, принимавшій участіе въ созданіи архитектурной части памятника и составленіи смѣтъ стоимости сооруженія. Его Величество удостоилъ проектъ высочайшаго одобренія.

Эффектный и оригинальный памятникъ этотъ, какъ и многіе другіе памятники покойнаго художника, навѣки укрѣпляютъ въ памяти потомства имя ихъ творца, «творца безсмертнаго безсмертнымъ», какъ значилось на лентахъ вѣнка, возложеннаго на гробъ Михаила Осиповича однимъ изъ его близкихъ друзей.

Въ хронологическомъ порядкѣ изложенія мы позволили себѣ здѣсь отступленіе, чтобы не возвращаться болѣе къ излюбленной покойнымъ царицѣ.

Изъ работъ Михаила Осиповича, за послѣднiя 12 лѣтъ его жизни, укажемъ на памятникъ императору Александру II, выполненный и сооруженный имъ по заказу ростовскаго на Дону городского общества. По заказу наказнаго атамана донскихъ войскъ, генераль-адъютанта, князя Н. И. Святополкъ-Мирскаго, Михаилъ Осиповичъ сочинилъ проектъ и выполнилъ по немъ модель безъ

Проектъ памятника Екатеринѣ II для Екатеринодара.
(Передняя сторона).

спорно оригинально-симпатичнаго памятника «Ермаку—покорителю Сибири»: Сооруженiе памятника въ колоссальную величину (10 сажень), по высочайше одобренному проекту, временно затормозилось по недостатку средствъ для этого. Бывшiй начальникъ Туркестанскаго края Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ предложилъ М. О. Микѣшину сочинить проектъ памятника «Воинамъ, павшимъ при штурмѣ Ташкента 15-го iюня 1865 года», также

высочайше одобренный къ исполненію, знакомый русской публикѣ по воспроизведенной гравюрѣ въ «Нивѣ» (1883 года, № 31). Вскорѣ Черняевъ оставилъ свой постъ; потребныя для сооруженія этого памятника суммы еще до сихъ поръ не собраны.

Въ концѣ 1880-хъ годовъ Микѣшинъ предпринялъ трудное и изнурительное путешествіе въ Ташкентъ, куда отвозилъ, для глав-

Проектъ памятника Екатеринѣ II для Екатеринодара.
(Задняя сторона).

наго собора написанные имъ, одинъ громадный и два малыхъ при-
дѣльныхъ иконостаса, въ византійскомъ стилѣ, и три запрестоль-
ныхъ образа.

Самъ Микѣшинъ, вмѣстѣ съ персоналомъ приглашенныхъ изъ
Петербурга лицъ, для росписанія на мѣстѣ плафоновъ, подъ его
руководствомъ, передвигался, съ довольно значительною кладью
(иконостасы), выюками, на верблюдахъ, черезъ знойную песчаную

степь, терпя отъ сильнаго зноя и жажды. Даже плотниковъ пришлось брать съ собою изъ Петербурга. Работа эта Михаиломъ Осиповичемъ закончена блистательно, и рѣдкій путешественникъ по Средней Азiи отказывается себѣ въ удовольствiи посѣтить храмъ и полюбоваться достоинствами работъ Микѣшина.

Михаилъ Осиповичъ состоялъ художникомъ при особѣ его императорскаго высочества, великаго князя Николая Николаевича Старшаго. вмѣстѣ съ нимъ онъ сдѣлалъ нѣсколько путешествiй по Европейской Россiи. Въ самый разгаръ Кавказской войны, Михаилъ Осиповичъ отправился на Кавказъ вмѣстѣ съ ихъ императорскими высочествами, великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, въ свитѣ ихъ высочествъ. Эта поѣздка дала возможность талантливому и впечатлительному художнику изучить Кавказъ и Закавказье. Множество путевыхъ замѣтокъ, перомъ и карандашомъ, наполнили дорожные альбомы и папки художника, сохранившiе намъ не мало поистинѣ трагическихъ сюжетовъ и эпизодовъ Кавказской войны, въ которой Михаилу Осиповичу приходилось не только быть свидѣтелемъ, но и зачастую участникомъ, за чтó онъ награжденъ крестомъ въ память покоренiя Кавказа и медалью въ память покоренiя Чечни, Дагестана, Сѣверо-Западнаго Кавказа, полученные имъ изъ рукъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго. Если принять во вниманiе массу путевыхъ матеріаловъ, собранныхъ во время многочисленныхъ на вѣку Михаила Осиповича поѣздокъ по всему лицу обширной Россiи, которую онъ не разъ исколесилъ вдоль и поперекъ, да присоединить сюда матеріалы, зачерченные въ Туркменiи, Бухарѣ и Туркестанѣ, то по богатству бытоваго матеріала, заключающагося въ дорожныхъ альбомахъ художника, врядъ ли найдется у насъ на Руси много соперниковъ у Михаила Осиповича, кромѣ развѣ В. В. Верещагина.

И это богатство воспоминашй и художественныхъ замѣтокъ ждетъ еще увидѣть свѣтъ Божiй. Авось художнику посчастливится послѣ смерти, и найдется издатель, который дастъ возможность «большой публикѣ» ознакомиться съ богатой и даровитой натурой Михаила Осиповича, со всей глубиной его дарованiя, умѣвшаго столь вѣрно и быстро схватывать типичныя черты имъ изображаемаго.

Съ разностороннимъ дарованiемъ Микѣшина публика отчасти могла познакомиться въ Москвѣ, на посмертной выставкѣ, далеко неполной, произведенiй его, въ залахъ Московскаго историческаго музея, устроенной по иниціативѣ и благодаря хлопотамъ предсѣдателя общества художниковъ исторической живописи А. А. Карелина, въ мартѣ 1896 г.; выставка эта была перевезена затѣмъ въ Нижнiй Новгородъ и также долгое время была доступна обзору публики. Между прочимъ, восторгъ вызывали собранные на выставкѣ проекты его памятниковъ, отчасти уже сооруженныхъ, отчасти еще остаю-

щихся въ проектѣ. Общій голосъ печати сводился къ тому, что въ своихъ проектахъ Микѣшинъ проявлялъ широкій кругозоръ, проникновенную и глубокую мысль, что въ нихъ онъ доходилъ до истинно гениальнаго вдохновенія и обнаруживалъ такое изученіе исторіи и разумное отношеніе къ историческимъ задачамъ, какое въ пору было бы развѣ самому заправскому и самому крупному историку. Конечно, такое сужденіе можетъ показаться нѣсколько преувеличеннымъ, въ особенности, если судить о людяхъ по стереотипнымъ мѣркамъ. Но тѣ, кому довелось близко знать покойнаго художника и слѣдить за его дѣятельностью, могутъ подтвердить, что Микѣшинъ всегда всесторонне и добросовѣстно изучалъ тотъ предметъ и ту эпоху, о которыхъ собирався трактовать; онъ умѣлъ всецѣло проникаться своими идеями, своею работою; онъ былъ, смѣло можно сказать, фанатикомъ своего дѣла. Прежде, чѣмъ приняться за работу, Микѣшинъ подробно ознакомился съ литературою предмета, взглядами на интересующій его предметъ выдающихся ученыхъ, часто устраивая въ своей мастерской весьма интересныя собранія выдающихся ученыхъ и техникувъ разныхъ специальностей и артистовъ, которыхъ всегда числилось довольно въ списокѣ его друзей. Если Микѣшину не хватало собственныхъ знаній и догадокъ, онъ всегда обращался за совѣтами къ болѣе его свѣдущимъ въ данномъ вопросѣ лицамъ и всегда былъ встрѣчаемъ съ истинно-русскимъ радушіемъ. Съ рѣдкимъ умѣніемъ онъ поддерживалъ знакомство съ обширнымъ кругомъ лицъ разнообразныхъ профессій и званій, являясь среди нихъ, въ своей мастерской, точно какимъ-то живымъ ходячимъ цементомъ, связующимъ всякаго рода камни. Одна изъ такихъ страничекъ его жизни описана имъ въ его «Споминкахъ про Шевченка» ¹⁾, на стр. XIX. Микѣшинъ вспоминаетъ ту пору, когда онъ работалъ надъ созданіемъ памятника «Тысячелѣтія Россіи». «Въ то время мастерская моя, на Литейномъ дворѣ зданія академіи художествъ, занята была огромными работами для памятника Тысячелѣтія Россіи; колоссальныя статуи Петра I и его генія загромаждали ея вмѣстимость; перепутанные лѣса, канаты, драпировки, анатомическіе скелеты и огнедышащая кузница, находившаяся въ томъ же залѣ, только и оставляли свободнаго мѣста, чтобы уютно помѣстить еще рояль, да столъ со стульями; въ это время мнѣ поручено было сочиненіе чрезвычайно сложнаго по своей задачѣ барельефа для этого памятника, такъ что, обремененный выше силъ условіями сроковъ экстреннаго выполненія этихъ работъ и будучи совершенно неопытенъ въ технику, я совсѣмъ было растерялся передъ новой задачей и прибѣгъ за помощью и совѣтомъ ко всѣмъ извѣстнѣйшимъ нашимъ историкамъ и писателямъ, которые и не отказали мнѣ въ просимомъ содѣйствіи.

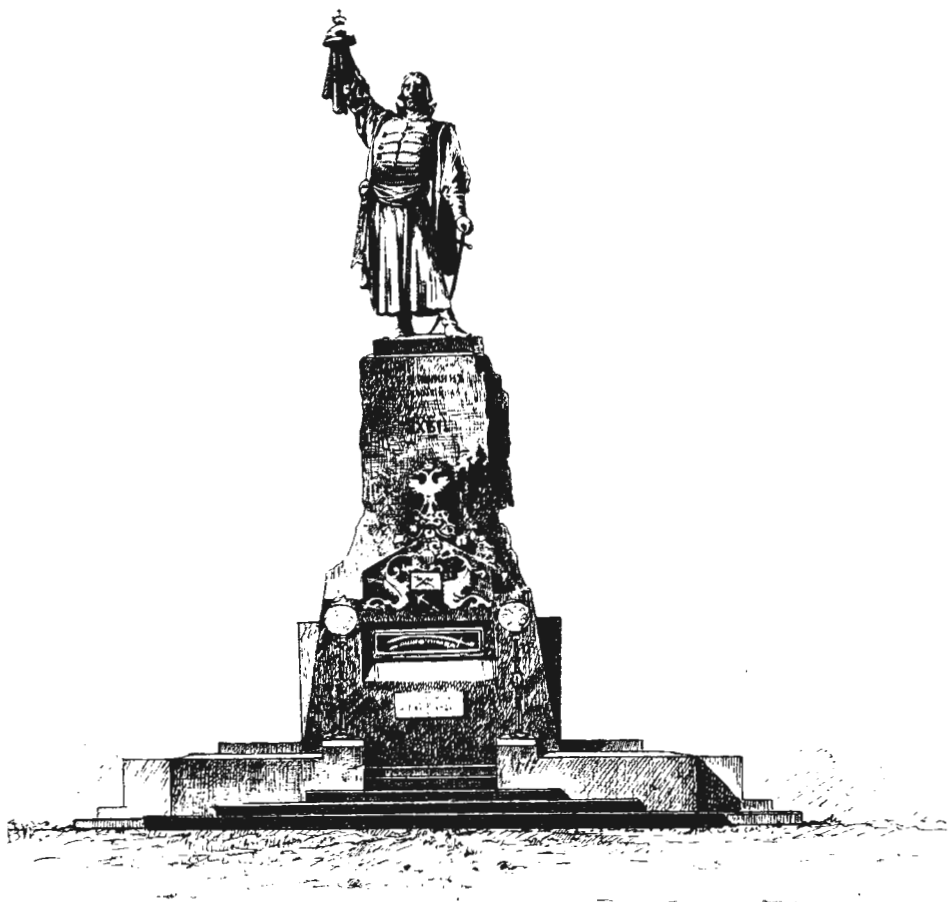
¹⁾ Т. Г. Шевченко, «Кобзарь» (Прага, 1876 г.).

Я просилъ къ себѣ вечеромъ, по четвергамъ, и тутъ-то, въ этой закопченной мастерской, перебивало у меня много почтенныхъ и интересныхъ личностей, устраивались жаркіе споры о достоинствахъ и недостаткахъ того или другого историческаго лица, о правахъ помѣщенія его въ цикль той или другой категоріи дѣятелей, составляющихъ барельефное кольцо вокругъ памятника». Вотъ какими путями на практикѣ Микѣшинъ выяснялъ себѣ и шелъ къ разрѣшенію возникавшихъ въ его умѣ вопросовъ. Хотя онъ получилъ самое ограниченное образованіе, но всегда находился на уровнѣ той задачи, которую ему предстояло разрѣшать. То, чего ему не дала школа, онъ самъ взялъ изъ жизни, взялъ самообразованіемъ, и хотя многіе и усматривали въ немъ «баловня счастья», судя по его успѣхамъ и популярности, но все это далось ему не такъ легко, какъ это инымъ можетъ показаться. Микѣшинъ всего достигъ только благодаря упорному труду, который въ союзѣ съ счастливымъ дарованіемъ далъ столь обильные плоды; онъ слишкомъ усидчиво работалъ; принимаясь за работу, онъ оставлялъ ее лишь въ крайнихъ случаяхъ. Мнѣ знакомы дни, когда Микѣшинъ, имѣя уже за спиной около 60 лѣтъ, работалъ по 18-ти часовъ въ сутки, и такъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль подрядъ. Когда онъ лѣпилъ свою лебединую работу—модель памятника Екатерины II для Екатеринодара, онъ даже отказалъ себѣ въ лѣтнемъ отдыхѣ, все время оставаясь жить въ городѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Онъ точно предчувствовалъ роковую развязку, боясь оставить модель Екатерины II недоконченною, и едва ли успѣлъ бы закончить ее, если бы не его изъ ряда вонъ выходящія трудолюбіе и усидчивость. Въ послѣдніе годы онъ даже рѣдко что либо самъ читалъ—ему читали вслухъ домашніе, или навѣщавшіе его друзья и пріятели; самъ же онъ всегда сидѣлъ за рабочимъ столомъ, либо съ карандашемъ въ рукахъ, либо былъ занятъ лѣпкою модели.

Отличное дарованіе и выдающійся талантъ не замедлили обратиться на Микѣшина вниманіе императорской фамиліи, въ которой Михаилъ Осиповичъ удостоенъ былъ чести преподавать: въ семьѣ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Николаевны, августѣйшимъ дочерямъ ея—Маріи и Евгеніи Максимилиановнамъ, и ея императорскому высочеству великой княжнѣ Александрѣ Петровнѣ.

Много подарковъ въ разное время получалъ Михаилъ Осиповичъ отъ высочайшихъ особъ, но между ними самымъ цѣннымъ для художника всегда былъ золотой лавровый вѣночекъ (брелокъ), лично переданный ему въ Бозѣ почившей государыней императрицей Маріей Александровной, въ Новгородѣ, въ день открытія памятника «Тысячелѣтія Россіи», въ присутствіи представителей отъ лица всей Россіи, у подножія монумента, въ тотъ моментъ, когда художникъ удостоился необычайной чести—благодарности императора и пожатія руки.

Слишкомъ длиннымъ вышелъ бы перечень всѣхъ наградъ, полученныхъ Микѣшинымъ отъ высочайшихъ особъ, такъ равно и списокъ всѣхъ орденовъ, полученныхъ имъ отъ иноземныхъ правителей, почетныхъ званій и дипломовъ. Всѣхъ знаковъ отличій у Михаила Осиповича было около 25. Онъ состоялъ почетнымъ членомъ археологическаго института, такъ какъ былъ солиднымъ зна-

Проектъ памятника Минину.

токомъ русской старины: оставшаяся послѣ него коллекція старинныхъ иконъ и крестовъ—одна изъ рѣдкихъ, особенно по экземплярамъ старинныхъ старообрядческихъ и другихъ иконъ и крестовъ. Какъ пожизненный членъ славянскаго благотворительнаго общества, онъ въ немъ являлся однимъ изъ замѣтныхъ и преданныхъ дѣлу славянскаго единенія дѣятелей, дѣйствуя въ обществѣ съ самага

основанія. Неоднократно посѣщая славянскія земли, Микѣшинъ хорошо научился сербскому и др. славянскимъ языкамъ, вель знакомство и поддерживалъ сношенія съ выдающимися дѣятелями славянскихъ земель. Въ эпоху минувшей турецкой войны Микѣшинъ принималъ горячее участіе въ снаряженіи отъ славянскаго благотворительнаго комитета добровольцевъ и санитарныхъ отрядовъ на театръ военныхъ дѣйствій, за что и былъ награжденъ, какъ упомянуто уже выше, сербскими орденами, а за свои заслуги на поприщѣ науки и искусства избранъ почетнымъ членомъ сербской королевской академіи наукъ и искусствъ, берлинской и лиссабонской академіи художествъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Михаилъ Осиповичъ былъ извѣстенъ далеко за предѣлами своего отечества; онъ всегда принималъ участіе во всѣхъ объявляемыхъ за границей крупныхъ конкурсахъ (о нѣкоторыхъ уже упоминалось раньше), какъ, напримѣръ, въ конкурсѣ на памятникъ королю Виктору-Эммануилу.

Еще недавно, въ лѣто 1895 года, почти на закатѣ дней своихъ, Михаилъ Осиповичъ сочинилъ эффектный проектъ памятника Іоаннѣ д'Аркъ, спасительницѣ Франціи. Мысль о постановкѣ памятника Іоаннѣ д'Аркъ возникла во Франціи по поводу тѣхъ толковъ, которые породило присоединеніе Орлеанской дѣвы къ лику святыхъ. Канонизація этой благородной Дѣвы воскресила во французскомъ католичествѣ благодарную о ней память. Въ ознаменованіе этого великаго событія рѣшено было воздвигнуть грандіозный памятникъ въ деревушкѣ Домреми, родинѣ Іоанны д'Аркъ, на границѣ Шампани и Лотарингіи. На холмистомъ берегу рѣки, близъ виднѣющихся развалинъ, этихъ нѣмыхъ свидѣтелей временъ и дѣяній Орлеанской дѣвы, на обветшаломъ каменномъ цоколѣ, высится предполагаемый, по проекту Микѣшина, монументъ, своею формою напоминающій первобытные кельтическіе памятники, извѣстные подъ именемъ дольменовъ, этихъ каменныхъ гробницъ до-исторической эпохи; такая форма придаетъ пьедесталу характеръ народнаго, религіознаго памятника. Надъ этимъ каменнымъ постаментомъ доминируетъ, верхомъ на конѣ, фигура Орлеанской дѣвы, полная вѣры и религіознаго экстаза, съ обращеннымъ къ нему взоромъ. Смирненно приближающемуся къ ней дофину Карлу VI она вручаетъ свой побѣдоносный мечъ. Группы фигуръ пораженныхъ англо-бургундцевъ, размѣщенныхъ у подножія дѣвы, благоговѣнно стремятся къ ней и даютъ полную иллюстрацію событію. Внизу помѣщена колоссальная фигура Архангела Михаила, своимъ огненнымъ мечемъ поразишаго дракона. Архангелъ покровительствовалъ дѣвѣ на поляхъ брани, онъ же призвалъ ее къ великому служенію. Знамя въ рукахъ Архангела—то самое, что всегда находилось при дѣвѣ во время нахождения ея передъ войскомъ. На цоколѣ помѣщены барельефы: одинъ—изображаетъ торжество коронаванія дофина въ Реймсѣ; дру-

гой—сожженіе дѣвы въ Руанѣ, 30 мая 1431 года. Между этими барельефами размѣщены гербы папъ: современника Іоанны д'Аркъ—Каликста III, нынѣшняго—Льва XIII и слѣдующаго, при которомъ должно произойти это религиозное торжество. Спереди виднѣется надпись: «Jeanne d'Arc, La bonne Lorraine», съ цифрами рожденія и кончины. Справа—«Je ne durerai qu'un an»—пророческое предсказаніе дѣвственницы, предвидѣвшей близость своей кончины. Цоколь пьедестала продолжается вправо, заканчиваясь роскошною входною лѣстницею и музеемъ драгоцѣнныхъ реликвій, помѣстившимся подъ площадью входа. Лѣстница украшена колоссальными фигурами папъ. Здѣсь же, около входа, находится барельефъ, который, подобно двумъ описаннымъ раньше, помѣщенъ въ цоколѣ: онъ передаетъ сцену явленія Орлеанской дѣвѣ Архангела Михаила, возвѣстившаго ей о ея миссіи.

Проектъ понравился какъ французамъ-католикамъ, такъ и художникамъ. Оригинальность приѣма, смѣлость и грандіозность замысла поражаютъ, но все-же этому проекту едва ли суждено когда либо быть осуществленнымъ. Копія съ проекта доставлена лѣтомъ 1895 г. Баумгартеномъ въ Парижъ и передана г-жѣ Жюльеттѣ Аданъ, съ цѣлью ознакомленія парижскаго монсиньора съ работою Михаила Осиповича. Г-жѣ Аданъ было угодно поступить иначе: она выставила его въ своемъ салонѣ, на обзорѣніе французскихъ художниковъ, участвовавшихъ въ конкурсѣ по составленію проекта памятника Іоаннѣ д'Аркъ—отсюда неуспѣхъ дѣла становится понятнымъ.

Къ числу работъ послѣднихъ годовъ жизни Михаила Осиповича относится также проектъ памятника Козьмѣ Минину Сухорукому для Нижняго Новгорода. Едва ли исторія какой либо иной страны можетъ выставить болѣе славное имя. Изъ нѣдръ русскаго народа объявившійся народный герой заслуживаетъ и благодарной памяти всего русскаго народа. Со дня кончины его протекло слишкомъ 280 лѣтъ, и уже наступила пора укрѣпить память о нижегородскомъ земскомъ старостѣ, и именно въ Нижнемъ Новгородѣ, колыбели славы этого имени. Послѣдніе два года жизни Михаила Осиповича, между прочимъ, были поглощены думами объ этой работѣ. Эскизъ памятника Минину сочиненъ Микѣшинымъ въ 1894 г.; помнится, много по этому поводу было разговоровъ, и общее мнѣніе слагалось въ пользу художника. Признавали, что фигура Минина вполне удалась Микѣшину. Мининъ изображенъ величаво, въ русскомъ длиннополомъ кафтанѣ стрѣleckаго пошиба (родъ охабня), печатью почему-то окрещеннаго плащомъ, что, конечно, невѣрно. Мининъ изображенъ съ небольшою бородкой, по народной поговоркѣ—«бородка Минина, а совѣсть глиняна». Неархитектурной формы массивъ монолита, на которомъ покоится во весь ростъ фигура героя, по толкованію покойнаго Микѣшина, изображаетъ смутное на Руси время, въ волнахъ котораго пришлось проявлять свой героизмъ

Минину. Мрачный массивъ этотъ стоитъ на правильныхъ и могучихъ формъ пьедесталѣ московскаго стиля XVI вѣка. Пьедесталь этотъ—символь устойчивости московской государственности. Намъ извѣстно, что проектъ Микѣшина былъ сочувственно встрѣченъ и въ Нижнемъ Новгородѣ, но до сихъ поръ судьба его еще не выяснена, и въ Нижнемъ память о Мининѣ продолжаетъ поддерживать жалкій обелискъ, съ вызывающею улыбку надписью: «Благодарная Россія». Мы точно стыдимся заслугъ даже своихъ героев!

Микѣшинъ специализовался во многихъ родахъ живописи; перечислить ихъ всѣ довольно трудно; сюда нужно включить и всевозможные огнеупорные матеріалы: финифть, эмаль, майолику; на простыхъ (печные) изразцахъ (кафли) Микѣшину удавались иногда такіе шедевры, которые августѣйшій его благодѣтель, блаженной памяти императоръ Александръ II, предназначалъ въ подарки за границу отъ своего имени.

Въ «большой публикѣ» имя Михаила Осиповича извѣстно, какъ имя талантливаго иллюстратора, бойкаго и остроумнаго рисовальщика. Кто не знаетъ полныхъ жизненной правды, теплоты, дышащихъ задушевностью и оригинальностью, рисунковъ Микѣшина, которые въ массѣ никогда не могутъ затеряться. Такъ оригинальна Микѣшинская манера изображенія! Кажется, до сихъ поръ ему одному только и присуща та особая характерность рисунка, которая всегда выдаетъ художника, подъ какими бы инициалами и псевдонимами онъ ни скрывался. Фантастично-эффектныи рисунокъ «Миши М.» достаточно извѣстенъ русской публикѣ. Микѣшинъ совершенно владелъ рисункомъ—стоитъ взглянуть на его историческія иллюстраціи изданій Девриена, на «Богатаго купца Тереньгица»¹⁾, на Гоголевскаго «Вя», на «Царевича Мая» (Сказка о любви) и мн. другія, и станетъ ясно, что это—произведенія крупнаго таланта. Въ общемъ, по тону рисунки Микѣшина напоминаютъ манеру Доре, причеиъ Микѣшинъ не уступаетъ французской знаменитости ни въ фантазіи, ни въ живописности деталей.

Одно время Михаилъ Осиповичъ занимался и издательствомъ. Сначала вмѣстѣ съ А. С. Героглифовымъ, а затѣиъ и самостоятельно онъ издавалъ журналъ «Пчелу». То было время русско-турской войны, и оно довольно художественно воспроизведено на страницахъ «Пчелы»—по сіе время одного изъ лучшихъ иллюстрированныхъ журналовъ нашихъ, по своей внѣшности и образцовому воспроизведенію напминавшаго лучшія англійскія изданія этого рода. Именно съ «Пчелы» бойкій рисунокъ Микѣшина, въ ней часто встрѣчаемый, начинаетъ пріобрѣтать искреннихъ поклонниковъ. Въ «Пчелѣ» Михаилъ Осиповичъ помѣстилъ, кромѣ множества рисун-

¹⁾ Текстъ составленъ Микѣшинимъ по Кириѣ Данилову и цѣликомъ имъ написанъ старинною вязью, которую онъ такъ превосходно знаетъ.

ковъ, не мало біографій, воспоминаній, статей и замѣтокъ, а также въ «Руси», выходившей ранѣе Аксаковской «Руси» всего одинъ годъ. На изданіи «Пчелы» Михайлу Осиповичу не посчастливилось; не смотря на свои выдающіяся достоинства, журналъ обошелся издателю очень дорого и не окупался. Микѣшинъ менѣе чѣмъ черезъ два года вынужденъ былъ прекратить изданіе, обременившее его крупнымъ долгомъ, покрывать который ему пришлось всю жизнь. Разказы Михаила Осиповича свидѣтельствуютъ о его недюжинномъ литературномъ талантѣ. Онъ печатался и въ «Русской Старинѣ», а за мѣсяцъ до смерти выступилъ съ своими художественно-критическими статьями о выставкахъ въ «Петербургской Газетѣ». Одна изъ послѣднихъ его статей касалась картинъ выставки В. В. Верещагина въ С.-Петербургѣ.

Михайлъ Осиповичъ былъ большой знатокъ русской иконописи. Его беспокойный умъ, въ числѣ прочихъ, занимали и мысли о народныхъ изданіяхъ, что явствуетъ изъ оставшейся его переписки съ покойнымъ драматургомъ А. Н. Островскимъ, близкимъ другомъ Михаила Осиповича. Почти всѣ старинныя изданія, съ изображеніями ликовъ святыхъ, рѣдчайшія святцы, имѣлись въ небольшой, но драгоценной бібліотекѣ Микѣшина, и его всегдашней мечтой было распространеніе знанія правильно изображать лики чтимыхъ русскою церковью святыхъ. Кое-что на этомъ поприщѣ ему удалось сдѣлать. Изданы листы: св. Георгій Побѣдоносецъ, Сергій Радонежскій, Николай Чудотворецъ, Кириллъ и Меѳодій, князя Борисъ и Глѣбъ, нѣсколько листовъ съ изображеніями извѣстнѣйшихъ чудотворныхъ иконъ Богоматери, съ текстомъ вокругъ изображеній на церковно-славянскомъ языкѣ Т. Ив. Филиппова, нынѣ государственнаго контролера. Изданія эти имѣли небывалый успѣхъ, издатель не успѣвалъ удовлетворять многочисленнымъ требованіямъ, которыми его положительно забрасывали. Нѣсколько сотъ тысячъ экземпляровъ было распродано въ самое короткое время, и нѣкоторые изъ листовъ составляютъ нынѣ бібліографическую рѣдкость. Три многотысячныхъ изданія самого Микѣшина выдержали его смѣхотворный листъ, подъ титуломъ. «О цыганѣ, мужикѣ и его кобылѣ», да 28.000 экземпляровъ этого листа разошлось въ московскомъ изданіи Сытина. Листъ этотъ не менѣе извѣстенъ и во Франціи, такъ какъ «Фигаро», въ концѣ семидесятыхъ годовъ, безъ вѣдома автора, помѣстилъ рисунки этого листа, съ подписями, переведенными на французскій языкъ, и разослалъ его, какъ приложение, своимъ подписчикамъ. Не меньшимъ успѣхомъ пользуется въ народѣ другой смѣхотворный рисунокъ «Миши М.», помѣщенный въ издававшейся В. В. Комаровымъ «Звѣздѣ», на сюжетъ бѣло-русской пѣсни: «Три деревни, два села, восемь дзѣвокъ—одинъ я». Нумеръ этотъ, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ, былъ похищенъ изъ типографіи, какъ оказалось по разслѣдованіи, исклю-

чительно потому, что отъ похищенія этого занятнаго нумера не могли удержаться сами печатники и рабочіе въ типографіи.

Едва ли будетъ преувеличеннымъ мнѣніе, что рѣдко на долю кого либо изъ русскихъ художниковъ выпадала столь широкая извѣстность въ русской деревнѣ. Офени, въ изданіяхъ Сытина, разнесли славу имени Микѣшина по многимъ весямъ и захолустьямъ; нѣкоторые листы даже весьма недурно отпечатаны, иногда въ нѣсколько красокъ, и разошлись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Особенно посчастливилось листамъ «Младъ Поповичъ-свѣтъ Алѣша-богатырь», «О встрѣчѣ Ильи Муромца съ разбойниками», «Красавица-Екатерина, что намалевана картина» и проч.

Смерть застигла Михаила Осиповича надъ однимъ изъ болѣе имъ излюбленныхъ и дорогихъ его сердцу дѣлъ — иллюстрированіемъ «Кобзаря» Т. Г. Шевченка. Желаніе это зародилось у Микѣшина еще въ тѣ годы, когда симпатичный и многострадальный пѣвецъ Украины жилъ на антресоляхъ въ академіи художествъ. Въ уже упомянутыхъ «Споминкахъ» Микѣшинъ рассказываетъ: «Много мы съ нимъ (Т. Г. Шевченко) вели переговоровъ, чтобы издать что либо совмѣстно съ его стихами и съ моими рисунками, но никакъ не могли договориться о сюжетѣ: то ему, то мнѣ сюжеты оказывались неудобны». Микѣшинъ — истый бѣлорусъ, а между тѣмъ его имя пользуется среди украинцевъ весьма широкою извѣстностью, даже многіе украинцы его простодушно считаютъ за «своего маляра». Дѣло объясняется просто. Михаилъ Осиповичъ былъ весьма друженъ съ «батькой Тарасомъ», хотя въ началѣ Шевченко только терпѣлъ Микѣшина; впоследствии, замѣтивъ привязанность молодого художника, Шевченко болѣе сблизился съ Михаиломъ Осиповичемъ и уже въ его присутствіи оставлялъ въ сторонѣ постоянную сдержанность, недовѣрчивость и тотъ напускной, офиціальнѣйшій демократизмъ, съ которыми онъ являлся въ общество. Бѣлорусское происхожденіе Микѣшина роднило его съ излюбленнымъ Шевченко и воспѣтымъ имъ героемъ гайдамацкой передраги, страшнымъ Гонтой. Шевченко чуть было не возвелъ Микѣшина въ малоруссы и хотя и называлъ его въ веселыя минуты «недодѣланнымъ хохломъ» и «паничемъ», но произносилъ это уже съ полнымъ добродушіемъ. Микѣшина «батько Тарасъ» всегда называлъ своимъ «поводыремъ», такъ какъ они всегда вмѣстѣ совершали вечернія экскурсіи къ Я. П. Полонскому, въ семью Гринбергъ, частью въ нѣкоторые великосвѣтскіе дома, куда приглашались въ то памятное время художники и писатели на вечера. Кромѣ того, у Микѣшина съ Шевченко были и другія области прикосновенія. Тарасъ Григорьевичъ, незадолго до своей смерти, передалъ Михаилу Осиповичу свои рисунки, прося его ихъ сохранить, какъ завѣтъ ихъ академической дружбы, и, если къ тому окажется возможность, когда либо ихъ издать. Въ теченіе многихъ послѣдовавшихъ затѣмъ лѣтъ, Михаилу Осиповичу, отвлекаемому многоразличными работами, не было

досуга заняться дѣломъ, которое онъ считалъ какъ бы своимъ долгомъ. За иллюстрацію «Кобзаря» Микѣшинъ принялся только въ началѣ 1880-хъ годовъ. Всякій, кто бывалъ на «поминкахъ батьки», уже много лѣтъ подрядъ устроиваемыхъ въ залѣ Павловой, въ С. Петербургѣ¹⁾, тотъ могъ ихъ видѣть, такъ какъ они нѣсколько разъ выставлялись на этихъ вечерахъ. Издателя же долго не находилось, такъ какъ изданіе требовало не малыхъ затратъ. Мечтамъ Микѣшина удалось осуществиться только въ 1895 году, когда за изданіе взялся петербургскій типографъ и издатель П. И. Бабкинъ. Всего появилось въ свѣтъ три выпуска, изъ которыхъ два уже вышли послѣ смерти Микѣшина, и изданіе прервалось. Приложены къ этимъ выпускамъ и нѣсколько фототипій съ оригинальныхъ рисунковъ Шевченка, хранившихся у Микѣшина.

Изъ бѣглаго обзора жизни Михаила Осиповича видна та огромная и полезная дѣятельность его, которая обнимала столь разнообразныя сферы. Каковы бы ни были мнѣнія о его талантѣ, Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ, во всякомъ случаѣ, займетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи русскаго искусства. Со всѣмъ пыломъ впечатлительной юности, который Михаилъ Осиповичъ завидно сохранилъ до конца дней своихъ, словомъ и дѣломъ онъ помогалъ безъ разбору всѣмъ обращающимся къ нему. Вѣчный труженикъ, онъ былъ доступенъ всякой нуждѣ, хотя бы она приблизилась къ нему прямо съ улицы. Одинъ изъ друзей покойнаго такъ закончилъ свою рѣчь у гроба Михаила Осиповича: «Не одинъ вѣнецъ, а много вѣнцовъ украшаютъ тебя. Мы почитаемъ въ тебѣ не только живописца, скульптора, рисовальщика, педагога, но и человѣка и гражданина. Мы оплакиваемъ твою кончину, но наша скорбь, тебѣ же благодаря, не можетъ перейти въ чувство безотраднато отчаянія. Физическое существованіе твое закончено, но твой духъ живъ и безсмертенъ. Ты хотя и не завершилъ весь кругъ твоего развитія, оставивъ насъ въ полномъ расцвѣтѣ твоего таланта и силы, но все возможное ты передалъ семьѣ, товарищамъ; ты честно служилъ обществу и отчизнѣ. Прощай же здѣсь на землѣ, дорогой и незабвенный товарищъ. Прими еще дань глубокаго уваженія и беззавѣтной любви отъ многочисленной семьи твоихъ поклонниковъ. Миръ праху творцу безсмертнаго безсмертнымъ».

Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ скончался 19 января 1896 г., въ пятницу, въ 12 часовъ 30 минутъ дня, отъ паралича сердца, внезапно, по Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста (д. 128), въ С.-Петербургѣ. Похороненъ въ воскресенье, 21 января, на Александро-Невскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилой Антона Григорьевича Рубинштейна и вблизи могилы извѣстнаго артиста И. Ф. Горбунова. Оба— бывшіе друзья покойнаго.

А. М. Уманскій.

¹⁾ Микѣшинъ былъ однимъ изъ главныхъ инициаторовъ этихъ поминокъ, на ряду съ Д. Л. Мордовцевымъ и др.

РУССКІЕ СУДЕБНЫЕ ОРАТОРЫ.

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжелыхъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!
Пусть намъ звѣздой путеводной
Святая истина горитъ —
И вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!

А. Плещевъ.

I

ТЪ МИНУВШЕМЪ, 1896 году, исполнилось тридцать лѣтъ, какъ, по словамъ проф. Н. Таганцева ¹⁾, «въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ зазелѣнѣла сочная молодая листва, казалось, столь крѣпко взрожденнаго дуба судебной реформы». 14-го іюня 1866 года, было первое засѣданіе въ Петербургѣ вновь открытаго суда; въ іюлѣ состоялся первый разборъ дѣла съ присяжными, а 15-го августа 1866 года происходило первое засѣданіе уголовнаго кассационнаго департамента. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и русское общество за этотъ періодъ времени успѣло уже явиться свидѣтелемъ чрезвычайно оригинальныхъ, необычайныхъ, теченій отечественной исторической жизни: все то, что три десятка лѣтъ тому назадъ почти единодушно привѣтствовало по всей странѣ, какъ нѣчто животворящее, свѣтлое и исторически-разумное, вдругъ постепенно начинаетъ терять свою привлекатель-

¹⁾ «Послѣднее двадцатипятилѣтіе», «Вѣстникъ Европы», 1896 г., № 12.

ность и подвергается осмѣянію, поруганію и нападкамъ. Вся «эпоха великихъ реформъ» внезапно оказывается на скамьѣ подсудимыхъ, и откуда-то вдругъ налетѣвшія сѣрыя птицы громкими пронзительными криками пытаются явиться предвѣстниками какой-то опять новой эры, какой-то обновленной эпохи. Въ какія нибудь 20 — 25 лѣтъ жизни (а, пожалуй, и того меньше) декораціи русской общественной жизни рѣзко мѣняются: съ нихъ исчезаютъ яркія, взоръ ласкающія краски, онѣ линяютъ, и передъ глазами наблюдателя вырисовывается сѣрый общій фонъ съ неуклюжими на немъ силуэтами. Сатирикъ и бытописатель новаго наступившаго времени холодѣющей, уже предсмертной, рукой изобразилъ слѣдующими красками эти декораціи обновленной эпохи: «Сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная скитающимися сѣрыми призраками,—писалъ онъ въ оставшемся послѣ него неоконченномъ отрывкѣ «Забытыя слова».— Въ сѣрѣющемъ окрестъ болотѣ кишатъ и клубятся сѣрые гады, въ сѣромъ воздухѣ незвучно рѣютъ сѣрыя птицы: даже дорога словно сѣрымъ пепломъ усыпана. Сердце мучительно надрывается подъ гнетомъ загадочной, неизмѣримой тоски. Удручаютъ сѣрые тоны, но еще болѣе удручаетъ безмолвіе. Ни звука, ни шороха, ничего, кромѣ печати гибели. И чѣмъ больше я углубляюсь въ это оголѣлое царство, тѣмъ болѣе всѣмъ существомъ овладѣваетъ оторопь и сознаніе оупѣлой безнадежности, въ которой все кругомъ застыло и онѣмѣло. Ощущеніе оскуднѣнія постепенно заползаетъ во все существо, и я начинаю чувствовать, что недалеко тотъ моментъ, когда и внутри меня все омертвѣетъ».

Но какъ ни безнадеженъ, какъ ни сѣръ нарисованный здѣсь фонъ современности, онъ не можетъ совершенно закрыть собою живыхъ еще, уцѣлѣвшихъ памятниковъ недавняго прошлаго, того прошлаго, откуда пошло все, чѣмъ красна наша настоящая жизнь. Въ числѣ этихъ памятниковъ на второмъ мѣстѣ послѣ великой крестьянской реформы величаво высится гласный судъ, тотъ самый, который былъ привѣтствованъ поэтомъ «мести и печали» слѣдующими проникновенными словами:

Господь! Твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу.
Упрочь народу правый судъ!

Этотъ правый и вмѣстѣ съ тѣмъ скорый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ судъ, былъ установленъ въ нашемъ отечествѣ введеніемъ уставовъ Александра II, въ 1864 году. Эти уставы, по словамъ г. Васьяковскаго ¹⁾, «вполнѣ соответствовали великой цѣли. Они даровали полную самостоятельность судебной власти, отдѣливъ

¹⁾ Организация адвокатуры. Ч. I. Спб. 1893 г.

ее отъ административной. Они создали стройную и прочную систему судебныхъ инстанцій, обеспечивающую быстроту и единство въ отправленіи правосудія. Они позаботились о надлежащемъ составѣ судебного персонала, объ умственномъ и нравственномъ цензѣ, объ обеспеченномъ матеріальномъ положеніи и невмѣняемости его. Далѣе, они привлекли къ участию въ отправленіи правосудія народный элементъ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, сословныхъ представителей и мировыхъ судей. Наконецъ, они преобразовали судопроизводство, обративъ его изъ тайнаго, слѣдственного и письменнаго въ гласное, состязательное и устное, и создали официальный институтъ судебной защиты, въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ. Организация, данная адвокатурѣ судебными уставами, сохранилась съ небольшими измѣненіями, внесенными позднѣйшими законами 1874 и 1889 годовъ, до сихъ поръ».

Вотъ этотъ-то новый судъ, со всей его системой инстанцій, послужилъ вышуклой мишенью, въ которую направились выстрѣлы всѣхъ тѣхъ, кому остались или сдѣлались почему либо дороги завѣты дореформенной, нѣмой и крѣпостной Россіи. Тяжело и больно было смотрѣть, какъ незванные и непрошенные спасители отечества съ энергіей, достойной лучшей доли, вдругъ открыли непримиримый походъ противъ стройнаго зданія отечественнаго правосудія. Въ этомъ правосудіи все подмѣчалось, все выслѣживалось съ злобнымъ, напряженнымъ вниманіемъ, и каждая неудачная мелочь, каждый единичный невѣрный шагъ, старательно обобщались, возводились въ грозное преступленіе противъ спокойствія и цѣлости отечества. И Господи, какихъ только страшныхъ словъ ни произносилось противъ новаго суда, какихъ только обвиненій ни производилось на судъ присяжныхъ, на его составныя части—прокуратуру и адвокатуру! По счастью, однако, грозныя филиппики не произвели желаннаго эффекта: Россія не вернулась ни къ доблестнымъ временамъ крѣпостнаго права, ни къ дореформенному суду! Оба лучшихъ памятника царствованія Александра II остались въ своемъ основаніи, въ главныхъ существенныхъ линіяхъ, неприкосновенными. Къ чести русскаго общества слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ нападенія и бурный штурмъ новаго суда встрѣчали со стороны общества достаточно дружный отпоръ. Литература и публицистика преимущественно выдвинули немало даровитыхъ силъ, которыя искусно отпарировали вражескіе удары. Извѣстные публицисты, К. К. Арсеньевъ—въ Петербургѣ и Гр. Джаншіевъ—въ Москвѣ, непрестанно на страницахъ «Вѣстника Европы» и «Русскихъ Вѣдомостей» выясняли всю пользу и значеніе новаго суда, реабилитировали его отъ инсинуацій и разбивали на голову почти сплошь своихъ грозныхъ противниковъ—грозныхъ средствами политическихъ нападеній, главнымъ образомъ. Полемика названныхъ писателей въ защиту новаго суда чрезвычайно любопытна и, собранная воедино со сводомъ мнѣній за и

противъ судебныхъ уставовъ Александра II, явилась бы любопытнымъ памятникомъ для исторіи нашихъ общественныхъ развитій, но такая задача не входитъ въ программу настоящей статьи. Мнѣ хочется на этотъ разъ коснуться только одной части, одной стороны указанныхъ развитій, а именно представить читателямъ рядъ литературныхъ портретовъ, небольшихъ характеристикъ нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся дѣятелей современнаго судопроизводства и главнымъ образомъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ сосредоточилась защита подсудимыхъ. Такая работа совсѣмъ по времени: наши лучшіе дѣятели суда присяжныхъ, въ лицѣ гг. столичныхъ адвокатовъ, и главнымъ образомъ Петербурга, выпустили уже нѣсколько сборниковъ своихъ рѣчей, по коимъ наглядно можно судить, насколько эти дѣятели оказались на высотѣ задачи, и насколько добросовѣстно они выполняютъ свои общественныя обязанности. Кромѣ этой цѣли, у меня есть и иная побудительная причина заняться такимъ обзорѣнемъ: мнѣ кажется, что въ своей массѣ наша пресса въ долгу, и даже большомъ долгу, передъ молодой еще русской адвокатурой—она недостаточно оцѣнена, заслуги ея мало выяснены. Скажу даже больше: эта адвокатура можетъ предъявить претензію повременной прессѣ не только за равнодушіе, но даже за нѣсколько небрежное, полупрезрительное и сплошь да рядомъ оскорбительное отношеніе.

Русская литература, сильная и плодотворная своими изображеніями отрицательныхъ типовъ, выказала въ примѣненіи къ гг. присяжнымъ повѣреннымъ наиболѣе рьяно свои свойства бичеванія. Даже такіе авторитеты, какъ покойные Некрасовъ и Салтыковъ, не нашли въ своихъ литературныхъ словаряхъ никакихъ иныхъ выраженій и эпитетовъ по адресу гг. адвокатовъ, какъ исключительно отрицательные. Вспомните типъ Балалайкина, столь рельефно выведенный Щедринымъ, вспомните отрывокъ изъ «Триумфаторовъ и юбиляровъ» Некрасова, гдѣ иронически поэтъ говоритъ:

И сорвавъ гонораръ неумѣренный,
Восклицалъ нашъ присяжный повѣренный:
«Передъ вами стоитъ гражданинъ,
Чище снѣга Альпійскихъ вершинъ!»

Вспомните постоянныя карикатуры, вѣчную игру словами—адвокатъ, дровокатъ, аблакатъ и т. д., которыя щедрою рукою разсыпаны на столбцахъ газетъ, вспомните все это въ совокупности, и вамъ станетъ вполне очевиднымъ то мое положеніе, что русскіе писатели, безъ различія ранговъ и достоинствъ, въ долгу передъ обширной корпораціей присяжныхъ повѣренныхъ. Послѣдніе мало слышали по своему адресу добраго, а по большей части, въ чужомъ изображеніи, фигурировали передъ читающей публикой, жадной до скандала, именно съ точки зрѣнія этого скандала, пикантныхъ сплетенъ, закулисной стороны своей дѣятельности. Пресса

почти сплошь занималась подсчетомъ наличности чужого кармана, «неумѣреннаго гонорара», но очень слабо интересовалась, сколько труда, работы, силы нервовъ и напряженія мозга положилъ тотъ или иной представитель защиты въ свои рѣчи, въ свое судоустройство. Объясняю себѣ это печальное явленіе нашей малокультурностью, существующей излишней регламентаціей и давленіемъ сверху, при наличности которыхъ мы, робкіе относительно стоящихъ подъ стражею карающаго закона, дѣлаемся излишне развязными въ тѣхъ случаяхъ, когда остаемся внѣ пути неволи.

Я вовсе не хочу сказать, чтобы адвокатура достойна была однихъ гимновъ, восхваленій и ейміама; далеко нѣтъ—въ ней много, и очень много, слабыхъ сторонъ, дефектовъ и недочетовъ. Недаромъ же вопросъ объ «адвокатской этикѣ» родилъ уже цѣлую литературу и не мало озабочиваетъ такъ называемые «совѣты» присяжныхъ повѣренныхъ. Но, вѣдь, вопросы общественной этики вообще одни изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ нашего времени, и недаромъ же нѣкоторые проповѣдники абсолютной морали приходятъ къ отрицанію всякихъ достоинствъ и качествъ новаго времени и его родного дѣтища—общественной жизни конца XIX вѣка. А однажды они правы, то, вѣдь, при наличности дурнаго колорита на цѣломъ, въ равной болѣе или менѣе степени будутъ страдать и его составныя части. Что же касается вопроса, съ чего начать исцѣленіе: отъ частнаго къ общему или наоборотъ?—это вопросъ, еще не нашедшій себѣ правильнаго рѣшенія въ исторіи человѣчества. Вотъ потому-то и требованія, предъявляемыя къ отдѣльнымъ корпораціямъ—врачамъ, адвокатамъ, артистамъ и вообще людямъ свободныхъ профессій и общественнаго начала, должны быть обсуждаемы и разрѣшаемы съ большою осторожностью и деликатностью. Тутъ легко перейти границы справедливости, легко за огульнымъ порицаніемъ посягнуть и на то небольшое доброе и красное, чѣмъ такъ небогата жизнь человѣческая. А развѣ, систематически нападая на институтъ присяжныхъ повѣренныхъ, мы не наносимъ тѣмъ самымъ чувствительнаго удара судебнымъ уставамъ, не откалываемъ отъ нихъ одной изъ выдающихся ихъ частей? Вѣдь если исполнители этихъ уставовъ лишь сплошь «лихіе супостаты», если цѣлая система даетъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ постоянный минусъ, то является невольный вопросъ: не виновата ли сама система по существу и не лучше ли замѣнить ее иною, хотябы старою, уже испытанною, гдѣ подъ охраною властнаго «нишкни!» не будетъ болѣе мѣста общественному контролю, общественному недовольству и вѣчнымъ нареканіямъ? Трудные все это, сложные вопросы! и мнѣ не хочется въ настоящее невеселое, по моему, время подымать столбы пыли и мусора, которыхъ въ окружающей жизни и безъ того достаточно. Обратимся лучше къ иной сторонѣ гласнаго суда,—посмотримъ: какихъ видныхъ своихъ представителей выдвинулъ онъ на первый планъ, что эти представители явили собою въ общественной жизни, и что они дали русскому обществу?

II.

Русскіе люди въ своемъ подавляющемъ большинствѣ не умѣютъ говорить и, слѣдя буквальному тексту народной поговорки о цѣнности рѣчи и молчанія, исторически приучились держать свои мысли про себя, а потому и выражаются въ какой-то неуклюжей, niezащной формѣ. Если мы успѣли выработать чудную литературную рѣчь, то далеко не то же можно утверждать про рѣчь специально ораторскую. Говореніе намъ не пристало, и въ этомъ отношеніи мы постоянно пасуемъ передъ своими сосѣдями иностранцами, которые, благодаря болѣе широко развитой у нихъ общественности, выработали даръ устной рѣчи до совершенства. Эта разность между нами и иностранцами, въ примѣненіи къ ораторскому искусству, мнѣ лично бросилась особенно въ глаза при чествованіи пятидесятилѣтней артистической дѣятельности покойнаго А. Г. Рубинштейна, въ залѣ дворянскаго собранія. Въ то время, какъ депутаты русскихъ группъ, неуклюже выступивъ впередъ, или молча совали въ руки юбиляра свои «адреса», или что-то мурлыкали себѣ подъ носъ, представители иностранныхъ группъ, всѣ какъ на подборъ, въ красивой и изящной формѣ сумѣли высказать свои привѣтствія знаменитому артисту. Русская сѣрость тутъ особенно бросилась въ глаза, и чувство конфуза за депутатовъ-земляковъ невольно охватывало присутствовавшихъ.

Да и гдѣ было русскимъ людямъ научиться говорить? Краснорѣчіе и наука о немъ до начала текущаго столѣтія были достояніемъ лишь церковныхъ каедръ и духовныхъ училищъ; кромѣ того, въ силу особенныхъ специфическихъ свойствъ, оно не могло оказывать вліянія на широкое число людей и являлось прерогативой очень маленькаго меньшинства—служителей церкви, стоявшихъ на высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Введенная въ наши бѹрсы и семинаріи наука объ ораторскомъ искусствѣ, гомилетика, вплоть до восьмидесятыхъ годовъ нашего времени, по сознанію людей компетентныхъ ¹⁾, была поставлена неудовлетворительно, вслѣдствіе чего въ 1884 г. преподаваніе этой науки было реорганизовано и поставлено на болѣе живую, разумную, и цѣлесообразную почву. Что же касается свѣтскаго краснорѣчія, то, по справедливому замѣчанію г. Арсеньева ²⁾, «никакихъ корней въ ближайшемъ нашемъ прошедшемъ — прошедшемъ, измѣряемомъ вѣками — оно не имѣетъ. Со времени закрытія псковскаго вѣча, въ XVI-мъ вѣкѣ, со времени окончательнаго торжества письменности въ судебномъ про-

¹⁾ Прот. М. А. Проторжинскій. Русская гомилетическая хрестоматія (XVII — XIX в.). К. 1887 г.

²⁾ «Русское судебное краснорѣчіе». «Вѣстникъ Европы», 1888 г., № 4.

цесѣ, русскому человѣку негдѣ было упражняться въ публичной рѣчи; даже въ тѣсныхъ, сравнительно, кружкахъ все рѣже и рѣже раздавалось свободное, громкое слово». Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія «къ церковной кафедрѣ присоединяется университетская,—продолжаетъ далѣе почтенный публицистъ; краснорѣчіе, въ устахъ профессора, становится могучимъ орудіемъ дѣйствія на слушателей, но оно рѣдко выходитъ изъ стѣнъ аудиторіи и уже по этому одному не кладетъ основанія ораторскому искусству. Возможнымъ и способнымъ къ развитію это искусство становится у насъ, только благодаря двумъ великимъ реформамъ прошлаго царствованія—судебной и земской. Мы знаемъ о немъ до сихъ поръ, по правдѣ сказать, очень мало. Рѣчи, произнесенныя въ земскихъ собраніяхъ, не попадаютъ въ печать почти никогда; обвинительныя и защитительныя рѣчи печатаются цѣликомъ весьма рѣдко».

Дѣйствительно, если за послѣднее время начинаетъ восполняться недостатокъ относительно судебныхъ рѣчей, какъ то видно будетъ сейчасъ, то, къ сожалѣнію, нельзя того же самаго сказать про земское краснорѣчіе; оно въ большинствѣ случаевъ погибло безвозвратно. Въ журналахъ земскихъ собраній излагается лишь содержаніе того или иного заявленія, той или другой рѣчи. Впрочемъ, мнѣ случалось въ журналахъ новгородскаго земскаго собранія наталкиваться на рѣчи извѣстнаго общественнаго дѣятеля, кн. А. И. Васильчикова, но въ большинствѣ случаевъ въ довольно курьезной формѣ изложенія: на верху страницы обозначено — князь Васильчиковъ, молъ, заявилъ, и затѣмъ слѣдуютъ многоточія! Такой способъ передачи, характеризуемый латинскимъ выраженіемъ «tacet clamo», врядъ ли, однако, можетъ быть разсматриваемъ, какъ полезное и разумительное руководство къ ораторскому искусству. Такимъ образомъ, земское краснорѣчіе не послужило хорошей школой, гдѣ бы русскій гражданинъ научился говорить ясно, толково, сжато и краснорѣчиво. О думскомъ, представленномъ въ большинствѣ случаевъ знаменитой «черной сотней», говорить много не приходится: образцы ихъ съ удобствомъ почерпаются изъ сенокъ Горбунова и Лейкина, врядъ ли, однако, могущихъ быть рекомендованными, какъ руководство къ обученію ораторскому искусству. Нѣмая дореформенная Россія не завѣщала новому поколѣнію людей рѣшительно никакихъ образцовъ красивой и содержательной свѣтской рѣчи, и только съ наступленіемъ у насъ эпохи воли и свободы изъ нѣдръ общества понемногу начинаютъ появляться на свѣтъ божій отдѣльныя личности, кладущія свои недюжинныя силы въ созиданіе творчества устной рѣчи. Poetae nascuntur—oratores fiunt, гласитъ классическая поговорка, и вотъ, чтобъ сдѣлаться этими oratores, потребовался громадный трудъ, значительная эрудиція, которые бы позволили людямъ, безъ всякихъ историческихъ профессіо-

нальных корней въ родномъ прошломъ, явится сразу украшеніемъ и славою своего народа. Я прошу читателей имѣть въ теченіе чтенія всей настоящей статьи постоянно въ виду подчеркнутыя выше слова объ «отсутствіи корней», такъ какъ эти социальныя историческія условія нашей жизни придаютъ сугубое значеніе дѣятельности молодого сословія присяжныхъ, корпораціи адвокатуры. Когда намъ приходится говорить о прославленныхъ адвокатахъ Франціи и Англии, объ ораторахъ древняго міра, мы имѣемъ дѣло съ явленіями, выросшими на хорошо подготовленной почвѣ. Иное дѣло у насъ, когда вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, потребовалась наличность цѣлой организованной профессиональной группы, на которую возложено было громадное отвѣтственное дѣло защиты обиденныхъ судьбою, защиты гражданскихъ правъ населенія и представительства передъ лицомъ общественнаго мнѣнія за униженныхъ и оскорбленныхъ, а передъ властью за ихъ право на свободное гражданское бытіе. Важный, чрезмѣрно важный историческій моментъ настигъ Россію въ 1866 году и, какъ она ни была не подготовлена, однако она оказалась не скудна жизненными, скрытыми силами и сумѣла выставить на зовъ времени и законодателя своихъ сыновъ, которые, по словамъ одного изъ покойныхъ шестидесятниковъ, «подняли на свои рабочія плечи великую реформу, и понесли ее къ дѣйствительному осуществленію». Но для этого недостаточно было только благого желанія или какой нибудь заинтересованности; нужна была вѣра въ новое предстоящее дѣло, нуженъ былъ энтузіазмъ и пламенное вдохновеніе. Вспоминая въ день двадцатипятилѣтія введенія судебныхъ уставовъ то время, одинъ изъ старѣйшихъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, В. Д. Спасовичъ, говоритъ ¹⁾: «Въ памятный день, 17 апрѣля 1866 года, собраны были чины будущаго судебного вѣдомства, еще не присягавшіе, присяжные повѣренные, тоже не присягавшіе и не имѣющіе своего совѣта,—вся, такъ сказать, завербованная, но еще на дѣйствительной службѣ не состоящая прислуга судебныхъ уставовъ. И дана имъ была въ руки грамота съ приказаніемъ: по сей грамотѣ ходите. И даны имъ были книжки уставовъ и внушено: храните, блюдите и исполняйте, старайтесь, чтобы они были чистыя, цѣлыя, незамаранныя,—за нихъ вы душою своею отвѣчаете. И всѣ мы, дружно дѣйствуя, взяли этого ребенка на руки, мы были его няньками и пѣстунами, мы носили эти уставы подъ мышкою днемъ, клали ихъ подъ подушку ночью, жалѣли, когда вѣтеръ уносилъ нѣкоторые листья, или когда вшиваемы были новые,—однимъ словомъ, мы къ нимъ относились, какъ къ живому существу, съ которымъ мы срослись и породнились». Нѣсколько далѣе г. Спасовичъ замѣчаетъ: ...«Я думаю, что мы живемъ въ плохое время, и

¹⁾ «Русская Мысль», 1891 г., № 5.

что въ 1916 г.¹⁾ оно будетъ лучше, но я скорблю о томъ, что никогда не можетъ возвратиться, не возвратится поэзія прошлаго, свѣжесть ощущеній, восторгъ, который мы испытывали, когда къ намъ явилась, точно Афродита изъ пѣны морской, другая богиня, нагая, бѣломраморная и нестыдящаяся своей наготы — гласность, когда суды стали творить почти что на площади, и когда мы стали проносить свободныя, смѣлыя рѣчи, смѣлѣе тѣхъ, которыя печатались въ сдѣлавшейся между тѣмъ безцензурною печати».

Въ этихъ словахъ стараго адвоката, присяжнаго повѣреннаго, такъ сказать, перваго призыва, словахъ, дышащихъ восторгомъ воспоминанія, наглядно изображенъ подъемъ духа, охватившій пионеровъ судебного дѣла, на коемъ отпечатлѣвалась и вѣра, и надежда, и любовь. А съ такими могучими союзницами немудрено, какъ извѣстно, взять приступомъ любую твердыню, осуществить любое геройское дѣло. И дѣло это было осуществлено хорошо, плодотворно, согласно съ великимъ духомъ, осѣнявшимъ державнаго законодателя, когда онъ начерталъ знаменательныя слова правды, милости и равенства. Памятникомъ же этого дѣла, правда, памятникомъ далеко еще не полнымъ, могутъ считаться сборники адвокатскихъ рѣчей г.г. Спасовича, Хартулари, Андреевскаго и др., о коихъ я поведу рѣчь ниже, а такъ же собраніе обвинительныхъ рѣчей и кассационныхъ заключеній сенатора А. Ѳ. Кони, которыя я приберегу для заключительной главы настоящаго очерка. Такимъ образомъ, въ моемъ распоряженіи имѣется исторія русскаго суда послѣднихъ тридцати лѣтъ, гдѣ въ живомъ калейдоскопѣ передъ нами проходятъ длиною вереницей и представители темнаго царства, и подавленные несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, и жертвы злой воли, и жертвы пагубныхъ страстей и аффекта; рядомъ съ ними мы будемъ имѣть ихъ предстателей передъ судомъ, ихъ защитниковъ, а подчасъ и спасителей, какъ равно услышимъ и обвинительный голосъ карающаго закона, голосъ представителя обвинительной власти и стража общественнаго порядка и спокойствія. Слѣдовательно, задача настоящей статьи сводится къ тому, чтобы на фонѣ общественной жизни представить рядъ характеристикъ, почерпаемыхъ изъ имѣющагося въ печати матеріала, даннаго намъ для этихъ характеристикъ самими авторами. Матеріаль этотъ чрезвычайно цѣненъ и по своему историческому значенію, какъ памятникъ прошлаго, и по значенію, такъ сказать, педагогическому, какъ доброе руководство грядущимъ поколѣніямъ и представителямъ современности.

Вотъ почему нельзя не порадоваться, съ одной стороны, появленію вышедшихъ уже сборниковъ судебныхъ рѣчей и не пожалѣть, съ другой, что этихъ сборниковъ такъ мало покамѣстъ еще вышло, что г.г. присяжные повѣренные, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей,

¹⁾ Пятидесятилѣтнюю годовщину судебныхъ уставовъ.

почему-то стѣсняются или не торопятся опубликованіемъ лучшихъ произнесенныхъ ими рѣчей. Рѣчи эти, по мѣткой характеристикѣ г. Арсеньева ¹⁾, «одной своей стороною соприкасаются съ общественной психологіей, другою — съ областью искусства. Содержаніе ихъ знакомитъ съ темными сторонами народной жизни, раскрываетъ несовершенство существующихъ порядковъ, обнаруживаетъ общія и частныя причины преступленій, а ихъ форма—при извѣстной степени и извѣстномъ свойствѣ ораторскаго таланта—приближаетъ ихъ къ произведеніямъ такъ называемой изящной литературы. Значительность содержанія судебной рѣчи предрѣшается отчасти предметомъ дѣла». Г.г. Спасовичъ, Кони, Харгуляри и Андреевскій изданіемъ собранія своихъ рѣчей безусловно оказали доброе общественное дѣло, заслуживающее признательности современниковъ, и можно отъ всей души пожелать, чтобъ ихъ примѣру послѣдовали такіе корифеи адвокатуры, какъ г.г. Плевако, князь Урусовъ, К. Арсеньевъ, Пассоверъ, Вл. Жуковскій, Корабчевскій и другіе многіе.

III.

Первымъ, выпустившимъ свой сборникъ судебныхъ рѣчей, былъ извѣстный ученый и адвокатъ В. Д. Спасовичъ. Сборникъ этотъ носилъ наименованіе «За много лѣтъ» и вскорѣ по выходѣ сдѣлался библиографической рѣдкостью. Въ 1893 году, г. Спасовичъ расширилъ новымъ матеріаломъ свой сборникъ и включилъ его въ собраніе своихъ сочиненій, гдѣ въ томахъ V—VII представлены всѣ произнесенныя имъ рѣчи, съ 1867 по 1892 года. Если г. Спасовичъ былъ первымъ по времени въ указанномъ случаѣ, то репутація перваго же по качествамъ, какъ судебного оратора, остается за нимъ и до сихъ поръ. Привѣтствуя его съ двадцатипятилѣтіемъ адвокатской дѣятельности, собрать его по профессіи, С. А. Андреевскій, заявилъ:

«Когда-то, 31-го мая, вы были первымъ крестникомъ совѣта по принятіи въ адвокатуру, первымъ адвокатомъ корпораціи—да такъ и остались первымъ навсегда... Какъ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце, такъ вы остановили нумеръ первый... Честь вамъ и слава!»

Характеризуя далѣе отличительныя свойства юбиляра, поэтъ-ораторъ продолжалъ:

«Говорять, будто я умѣю концентрировать мою мысль... Но Утинъ уже сказалъ, что вы человекъ широкій, и васъ трудно сжать... И однако же, если бы понадобилось отмѣтить въ васъ нѣчто неумирающее, самое дорогое, то я бы сказала, что ваше самое сильное орудіе: непроизвольное художество, поэзія. Имъ вы все дѣлали и всегда будете дѣлать! Вы — поэтъ уже потому, что у васъ главная радость жизни — самая безгѣлесная, самая воздушная, какую можно себѣ представить: книги. Всѣ книги, всѣ роды литературы:

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», 1891 года, № 6.

стихи, драмы, учебники, новыя теоріи, новые романы, законы, политика — все, что великая мысль человѣческая бросаетъ времени, все духовное творчество міра! Вы этимъ живете — и когда васъ послушаешь, то въ каждой вашей бесѣдѣ, въ каждой рѣчи, все, чѣмъ вы прониклись изъ этой духовной пищи, все, что вы имѣете сказать отъ себя, изъ своихъ наблюденій жизни, — все это окрашивается въ незабываемые образы. Образы — вотъ ваше могущество, и вы этого не замѣчаете: «Ты, Моцартъ, богъ и самъ того не знаешь!..» Вашъ сильный, проникнутый умомъ и страстью, языкъ поучалъ, побѣждалъ, творилъ, запечатлѣвался въ умахъ, но спрашивается: чѣмъ?—все тѣми же, самобытными, вамъ одному свойственными, яркими образами вашей чудесной музыки. Ваши слова западали въ чужое сердце, какъ капли кипящаго сургуча; они сверкали и освѣщали вашу мысль, какъ брилліанты и молнія...».

Эту лирическую характеристику г. Спасовича можно принять, но только съ нѣкоторой оговоркой или, правильнѣе, при нѣкоторомъ толкованіи: я лично, на основаніи внимательнаго изученія рѣчей знаменитаго адвоката, не считаю поэзію его доминирующимъ отличительнымъ признакомъ. Поэзія его должна быть нѣсколько сужена и понимаема не въ обычномъ смыслѣ и толкованіи, а какъ непремѣнное свойство, присущее всякой творческой мысли, процессъ которой является величайшимъ таинствомъ природы. При такой оговоркѣ, да, я согласенъ: г. Спасовичъ одинъ изъ выдающихся русскихъ поэтовъ, потому что мысль его дѣйствительно сверкаетъ, какъ молнія, переливается самыми разнообразными, причудливыми свѣтовыми эффектами, подобно алмазу чистѣйшей воды. Бывшій профессоръ Петербургскаго университета, онъ вступилъ въ корпорацію присяжныхъ повѣренныхъ, съ первыхъ же дней ея мобилизации, и вступилъ въ нее, снабженный самыми совершенными орудіями научнаго знанія. Годы студенчества, профессоры, исключительной журналистики, на коей онъ временно сосредоточился, по выходѣ изъ сословія профессоровъ, дали въ его распоряженіе величайшую энциклопедію, изъ которой онъ властной и смѣлой рукой черпалъ всѣ отросли знанія. И знанія эти были не мертвыми, безформенными отрывками, существующими каждое само по себѣ и невѣдомо для чего, но цѣлой стройной философской системой, конечные выводы которой были приспособлены ко благу и счастью человѣческой жизни. Человѣкъ и свобода его духа, гражданинъ и священныя его права въ обществѣ и государствѣ—вотъ тѣ объекты, защитѣ которыхъ посвятилъ свои громадныя силы ума и знанія бывшій профессоръ университета. Университетская аудиторія не могла бы заполнить собою всѣ интересы ученаго адвоката, въ немъ слишкомъ явно отсутствовало академическое спокойствіе, слишкомъ горячимъ ключомъ билъ родникъ живыхъ практическихъ силъ. И вотъ, когда великій законодатель обратился къ русскому обществу, призывая его къ новому труду на пользу юридическихъ учрежденій страны, В. Д. Спасовичъ явился однимъ изъ первыхъ на этотъ зовъ и съ полнымъ искусствомъ и сознаниемъ доказалъ всей своей

дѣятельностью, что общество вполне достойно довѣренныхъ ему учреждений, что оно дозрѣло до гражданской свободы и заслуживаетъ широкихъ гражданскихъ правъ.

Эти гражданскія права, эту общественную свободу г. Спасовичъ началъ настойчиво и умѣло защищать и оберегать съ первой же (1867 г.), напечатанной нынѣ въ 5 томѣ его «Сочиненій», рѣчи по дѣлу покойнаго П. Гайдебурова и изданныхъ имъ 2 томовъ перевода книги Вундта «Душа человѣка и животныхъ», и эту же энергичную защиту встрѣчаемъ мы и въ рѣчи его, относящейся уже къ нашимъ днямъ (1892 г.) по дѣлу объ административно-ссылныхъ Кранихфельдъ и другихъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи (т. VII).

Внѣшніе ораторскіе приемы г. Спасовича, его манера говорить на всѣхъ, кто присутствовалъ при его защитительныхъ рѣчахъ, не производятъ особенно благоприятнаго впечатлѣнія, и не на этомъ строить защитникъ успѣхъ своей рѣчи. Ея сила во внутреннемъ содержаніи, въ томъ громадномъ и прочномъ матеріалѣ, который сюда вкладывается, въ тѣхъ особенныхъ, ему одному лишь свойственныхъ, приемахъ освѣщенія. Рѣчи г. Спасовича производятъ на меня впечатлѣніе грандіозныхъ и великолѣпныхъ зданій, относящихся къ давно прошедшимъ временамъ: съ перваго облагозгляда они васъ давятъ своей грандіозностью, и вы, изумленные, не сразу даете себѣ отчетъ въ необходимости или цѣлесообразности той или иной пристройки, той или другой части. Но чѣмъ вы больше вдумываетесь и пристальнѣе вглядываетесь въ архитектуру этого зданія, чѣмъ вы глубже проникаетесь мыслью его творца, тѣмъ большее просвѣтленіе овладѣваетъ всѣмъ вашимъ существомъ, тѣмъ большій восторгъ проникаетъ въ вашу душу. Отъ неуклюжести, отъ громоздкости и случайной небрежности не осталось и слѣда; отступите еще на шагъ, на два, охватите всю постройку сверху до низа заключительнымъ взглядомъ, и все вамъ станетъ ясно, вся мысль зидителя предстанетъ передъ вами во всей ея прелести и логической послѣдовательности. Вы понимаете, почему здѣсь приставлена лишняя колонна, къ чему здѣсь высится портикъ, какое значеніе того или другого камня. Впечатлѣніе отъ частнаго уступило мѣсто восторгу передъ цѣлымъ. Такъ точно и въ рѣчахъ г. Спасовича: сначала васъ давитъ какая-то неуклюжесть въ построеніи защиты, разбросанность, случайность брошенныхъ то тамъ, то сямъ словечекъ, мыслей, изреченій, васъ неприятно изумляетъ слабость приступа и примитивность приемовъ вступленія; но подождите—искусный ораторъ нанижетъ всѣ свои словечки, всѣ свои мысли на единую логическую ось, нѣсколькими соединительными посылками приведетъ все въ порядокъ и единство и представитъ такую твердыню защиты, укрѣпленную наукою и закономъ, о которую вдребезги разобьются и перуны обвинительной власти,

и доводы неблагопріятныхъ свидѣтельскихъ показаній. Ему собственно даже не потребуется послѣдняго заключительнаго аккорда: все будетъ ясно, одно будетъ логически вытекать изъ другого и въ конечномъ результатѣ—или полное естественное логическое оправданіе подсудимаго, или потребность и право его на снисхожденіе, согласно съ буквой и духомъ милостиваго и праваго закона. Поэтому не поэзія главенствующій признакъ ораторскаго наслѣдія г. Спасовича, а умъ, знаніе, безпощадная логика и свѣтлыя перспективы прогресса и гражданской свободы.

Отстаивая правовые интересы русскаго общества передъ лицомъ часто несовершеннаго и невыясненнаго закона, г. Спасовичъ вложилъ массу энергіи и духовныхъ силъ въ процессы о печати, когда нѣкоторые издатели (Гайдебуровъ, Щаповъ, Поляковъ) очутились на скамьѣ подсудимыхъ, по обвиненію ихъ цензурною властью въ распространеніи несогласныхъ съ духомъ нашей церкви и формы правленія переводныхъ сочиненій. Наиболѣе характерною мнѣ кажется защита г. Спасовичемъ извѣстнаго уже намъ покойнаго писателя Щапова и его перевода книги Луи-Блана «Письма объ Англіи», — защита, кончившаяся въ судѣ оправданіемъ писателя.

«Нѣтъ ничего общаго между абсолютизмомъ, — говорилъ защитникъ, — возникнувшимъ на облитой кровью мостовой при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ ему, въ странѣ, привыкшей къ свободѣ, и нашимъ правленіемъ, которое по крайней мѣрѣ въ послѣднія 15 лѣтъ дѣлаетъ совершенно противоположное тому, что творилъ французскій абсолютизмъ: уничтожило крѣпостное состояніе, создало либеральныя учрежденія, упрочило законъ, поставило на стражъ его независимый судъ, открыло публикѣ тайны государственныхъ финансовъ... Больше мнѣ говорить запрещаетъ чувство приличія, я боюсь, чтобы меня не заподозрѣли въ тонкой лести, или чтобы словъ моихъ не взяли за адвокатскій приѣмъ, съ цѣлью выгородить моего кліента. Что касается до цитаты, приведенной въ обвинительномъ актѣ, позаимствованной Луи-Бланомъ отъ безобиднѣйшаго изъ экономистовъ Ганиля, касательно того, что въ коммерческомъ отношеніи абсолютная власть невыгодна, то съ этимъ я не могу не согласиться. Наконецъ есть еще мѣсто въ обвинительномъ актѣ, гдѣ издатель привлекается къ отвѣтственности за то, что въ книгѣ восхваляется тотъ принципъ, существующій въ Англіи, что не власти служатъ, а власть сама служить, что въ Англіи министры вазываются public servants, слугами общества. Мнѣ кажется, что нападать на эту мысль крайне неприлично въ отечествѣ Петра Великаго. Покончивъ, такимъ образомъ, съ выставленными въ обвинительномъ актѣ мѣстами изъ книги Луи-Блана, я обращусь затѣмъ къ примѣненію къ этой книгѣ закона. Если бы книга и была вредна въ томъ смыслѣ, какъ она выставлена въ обвинительномъ актѣ, то и въ такомъ случаѣ она не подходила бы подъ статьи, которыя приводятся въ обвинительномъ актѣ, а подходила бы подъ 252 ст. улож. о наказ., но не подъ эту статью подвела обвинительная власть эту книгу, а подъ ст. 1035. Но такъ какъ письма Луи-Блана не содержатъ ни слова о законахъ, дѣйствующихъ въ Россіи, и не позволяютъ себѣ оспаривать обязательную силу русскихъ законовъ или распоряженій русскихъ властей административныхъ и судебныхъ, то къ нимъ и ст. 1035 примѣняема быть не можетъ. Вотъ почему не только Щаповъ отъ

всякой ответственности долженъ быть освобожденъ, но также, въ виду всего мною сказаннаго, прошу судебную палату и книгу его, какъ безвредную, допустить къ обращенію».

Вторымъ номеромъ по своему общественному значенію идутъ защитительныя рѣчи г. Спасовича по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, и здѣсь на первомъ мѣстѣ надлежитъ отмѣтить столь извѣстное Нечаевское дѣло, гдѣ на его долю выпала защита г.г. Кузнецова, Ткачева и Томиловой.

Здѣсь нѣтъ надобности излагать это дѣло; ограничимся лишь указаніемъ, что оно было первымъ политическимъ дѣломъ, сдѣланнымъ предметомъ гласнаго обсуждения, гдѣ общество впервые стало лицомъ къ лицу съ невѣдомой дотолѣ социалистической пропагандой. Вотъ почему положеніе защитника было въ высшей степени щекотливымъ, такъ какъ всякій его невѣрный шагъ, каждое неосторожное слово, могло дать поводъ врагамъ молодой судебной реформы бросить ей обвиненіе въ заигрываньи съ неблагонадежными элементами государства. И вотъ тутъ г. Спасовичъ явился истиннымъ мастеромъ своего дѣла, въ коемъ не знаешь, чѣмъ восхищаться: историческими ли и социальными перспективами, нарисованными ораторомъ, или глубиной его психологическаго анализа? Этой своей рѣчью онъ оказалъ существенную услугу и русскому обществу вообще и судебной корпораціи въ частности: онъ разъяснилъ истинное значеніе политическихъ преступленій, умѣлой рукой разсортировалъ ихъ по рубрикамъ и указалъ на необходимость примѣненія и къ нимъ общечеловѣческихъ законовъ любви, милосердія и помилованія.

Въ политическихъ своихъ рѣчахъ г. Спасовичъ явилъ себя великимъ знатокомъ социальныхъ законовъ исторіи и психологомъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Сказанное про Нечаевскій процессъ должно быть отнесено и къ остальнымъ дѣламъ, относящимся къ категоріи государственныхъ преступленій, какъ, напримѣръ, дѣло Долгушина, «о 50 разныхъ лицахъ», о Телелкинѣ, Кранихфельдѣ.

Всѣ громкіе процессы, имѣющіе бытовой интересъ и связанные такъ или иначе съ исторіей русскаго общества послѣднихъ тридцати лѣтъ, нашли въ лицѣ г. Спасовича своего историка и, судью, судившаго дѣла рукъ людскихъ иногда подъ угломъ зрѣнія карающаго закона, иногда съ точки зрѣнія требованія милости и снисхожденія. Убийства фонъ-Зона, дѣло Островлевоу, знаменитое Овсяниковское дѣло и множество другихъ—всѣ они въ первой или послѣдней инстанціяхъ проходили черезъ руки г. Спасовича, и по всѣмъ имъ почтеннымъ представителемъ адвокатской корпораціи было высказано множество цѣнныхъ замѣчаній, указаній и разъясненій. Большинство этихъ указаній имѣло рѣшительное вліяніе на развязку судебного процесса, большинство его толкованій и

разъясненій закона вошло въ составъ нашихъ сенатскихъ кассационныхъ рѣшеній и послужило тѣмъ базисомъ, на коемъ высшее судебное учрежденіе страны строило нерѣдко свои мнѣнія и заключенія, послужившія дополненіями и развитіемъ первоначальныхъ статей закона.

Такимъ образомъ, г. Спасовичъ явился достойнымъ сыномъ судебной реформы Александра II, тѣмъ славнымъ представителемъ русскаго общества, который сумѣлъ стать съ честью подъ сѣнь новаго закона и провести его духъ и смыслъ въ сознаніе, въ плоть и кровь, русскаго народа. Правовыя понятія, имъ внушенныя обществу, еще найдутъ въ будущемъ своего дѣятеля, а корпорація присяжныхъ, для славы которой онъ такъ много, горячо и убѣжденно поработалъ, уже сдѣлала ему надлежащую оцѣнку, провозгласивъ его «номеромъ первымъ» въ своемъ составѣ.

IV.

Вторымъ по времени изъ числа адвокатовъ перваго призыва выпустилъ собраніе своихъ судебныхъ рѣчей К. Ф. Хартулари, вполне заслуженно пользующійся среди собратьевъ по профессіи добрымъ именемъ одного изъ столповъ сословія присяжныхъ. Подобно г. Спасовичу, и онъ съ любовью и энтузіазмомъ принялъ изъ рукъ законодателя великую грамоту, съ ней сообразовалъ всѣ дѣла и помыслы въ теченіе тридцати лѣтъ защитительной дѣятельности. Для г. Хартулари слова, сказанныя министромъ юстиціи Д. Н. Замятнинымъ, при открытіи имъ судебныхъ учреждений, остались тѣмъ напутственнымъ, жизненнымъ завѣтомъ, который онъ дѣйствительно старательно осуществлялъ на протяженіи всего своего служенія судебнымъ уставамъ Александра II. Напомню читателямъ эти прекрасныя слова:

«Вамъ, господа,—сказалъ министръ, обращаясь къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ,—посвящающимъ себя на защиту передъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнить, предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста, при разрѣшеніи дѣлъ, будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представили. Поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будетъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность будущаго круга дѣйствій, и что всѣ вы единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказанному вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ вышнюю для васъ награду—общественное довѣріе и уваженіе!».

Рѣчь эта и ея заключеніе, въ особенности, внимательно были выслушаны г. Хартулари, запечатлѣлись въ его сердцѣ и послужили тою точкою отправленія, которая сразу опредѣлила его мѣсто въ обновленномъ и вызванномъ къ самодѣятельности русскомъ об-

ществу. И послѣднее оцѣнило ветерана адвокатуры, пионера новаго суда, даря ему постоянно тѣ именно «довѣріе и уваженіе», которыя министр Замятнинъ считалъ «высшею наградою» для представителей молодого сословія присяжныхъ.

Какъ и разсмотрѣнный въ предыдущей главѣ представитель адвокатуры, г. Хартулари былъ участникомъ многихъ выдающихся явленій общественной жизни, нашедшихъ свой заключительный финалъ въ стѣнахъ судебного зала. Многие жгучіе вопросы нашей нравственной общественной жизни нашли также въ немъ своего цѣнителя и толкователя, и въ каждомъ данномъ случаѣ, въ каждомъ сложномъ и трудномъ обстоятельствѣ, онъ всегда старался согласовать интересы общества съ той оборотной стороной законодательной медали, на коей начертаны христіанскія слова любви и милосердія. Нечаевское дѣло, дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона, дѣло флигель-адъютанта Баранова, Маргариты Жюжанъ и множество другихъ—вотъ та цѣпь выдающихся такъ или иначе моментовъ нашей общественной жизни, черезъ которую съ достоинствомъ прошелъ пионеръ адвокатскаго дѣла. Рѣчи г. Хартулари не блещутъ драгоцѣнными эффектами выводовъ, какъ у г. Спасовича, онѣ лишены эрудиціи и научнаго антуража, какъ у послѣдняго, но производятъ подчасъ также сильное впечатлѣніе совершенно иными достоинствами—простотой, безыскусственностью, спокойствіемъ, детальной разработкой уликъ и стремленіемъ оратора къ нравственно-педагогическимъ выводамъ, долженствующимъ воздѣйствовать благотворно на весь социальный строй общества. Такъ, выступивъ съ защитой г-жи Левенштейнъ по дѣлу ея покушенія на жизнь дочери генераль-маіора Михневой, г. Хартулари сумѣлъ рельефно поставить вопросъ объ отсутствіи въ нашемъ отечествѣ гарантированныхъ закономъ правъ у женщины и у прижитыхъ ею внѣ брачнаго сожителства дѣтей.

«Я говорю, мм. гг.,—утверждалъ г. Хартулари,—объ отсутствіи такого закона, который охранялъ бы права женщины въ ея внѣбрачныхъ отношеніяхъ къ мужчинамъ и, что главнѣе всего, права прижитыхъ ею дѣтей, этихъ жертвъ чужой вины, чужого преступленія, а между тѣмъ болѣе всѣхъ наказываемыхъ, какъ безправныхъ и отвергаемыхъ обществомъ. Я согласенъ съ представителемъ обвиненія, что правосудіе не можетъ и не должно прощать человека, когда онъ протестуетъ по поводу нарушенія своихъ законныхъ правъ путемъ преступленія, имѣя возможность возстановить ихъ во всякое время, при помощи судебной власти, но не мнѣ судить о томъ положеніи, въ какое можетъ быть поставлено правосудіе, когда на скамьѣ обвиняемыхъ, какъ въ данномъ случаѣ, оказывается лицо, поставленное закономъ внѣ всякаго права на судебную защиту. Подумайте, гг. присяжные засѣдатели, чего могла достигнуть подсудимая возбужденіемъ судебного преслѣдованія противъ Линевица? Отвѣчаю вамъ на этотъ вопросъ словами положительнаго закона: единственнаго наказанія, въ видѣ церковнаго наказанія, и единственнаго права требовать отъ своего обольстителя скудной подачи на содержаніе и воспитаніе дѣтей, впредь до избранія ими рода жизни,—подачки, охотно обыкновенно выбрасываемой

великодушными развратниками изъ своего иногда громаднаго достатка!.. Но для осуществленія хотя бы и этого ничтожнаго права, подумайте, что должна перечувствовать и пережить несчастная женщина, начиная съ добровольнаго оглашенія своего позора, которымъ обуславливается возможность возбужденія самаго судебного иска?! Какую ужасную внутреннюю борьбу она должна перенести, чтобъ унижить и подавить въ себѣ не только врожденную иногда деликатность и стыдъ, но и общее чувство человѣческаго достоинства, ради спасенія дѣтей отъ голодной смерти, — дѣтей, одинаково обязанныхъ своей жизнью какъ ей, такъ и тому, кто ее совратилъ?! И потому неудивительно, если лишенная законной опоры и покровительства женщина, обезпеченная и покинутая съ дѣтьми, прибѣгаетъ къ такой грубой и несвойственной ей формѣ протеста противъ низкаго поступка своего совратителя, въ какой выразился протестъ и обвиняемой Левенштейнъ; неудивительно, если мы видимъ смертоносное оружіе въ рукахъ такого существа, которое, по своему природному назначенію, не отнимаетъ, а даетъ жизнь, — неудивительно потому, что въ поступкахъ ея сказывается мщеніе за поруганную честь и за безнаказанно отнятую будущность у нея и у ея дѣтей!.. Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, тѣ условія, въ какія была поставлена и подсудимая Левенштейнъ, по отношенію къ Ллевичу, — условія, дающія ей особенное право на ваше вниманіе къ ея судьбѣ. Въ этихъ условіяхъ, по мнѣнію моему, и заключается та нравственная истина въ настоящемъ случаѣ, которая должна стать для васъ точкою отправленія и главнѣйшимъ основаніемъ для исполнѣнн безпристрастнаго и справедливаго приговора».

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и рѣчь г. Хартулари въ дѣлѣ о Протопоповѣ, обвиняемомъ въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ начальнику, рѣчь, впервые въ практикѣ молодаго гласнаго суда основанная на психіатрической экспертизѣ докторовъ, каковая экспертиза въ настоящее время получила такое широкое право гражданства въ уголовныхъ процессахъ и которая успѣла уже, какъ, на примѣръ, въ дѣлахъ Островлевои, Палемъ и др., дать блестящіе результаты.

Такимъ образомъ, и въ дѣлѣ Протопопова, какъ и впоследствии въ дѣлѣ Левенштейнъ, г. Хартулари являлся новаторомъ въ приѣмахъ защиты, то выдвигая неразработанныя еще законодательствомъ правовыя общественныя отношенія, то прибѣгая въ своей точкѣ опоры къ доводамъ психіатрической медицины. «Итоги прошлаго» г. Хартулари, служа полезнымъ дополненіемъ къ тремъ томамъ «Судебныхъ рѣчей» г. Спасовича, служатъ богатымъ источникомъ для сужденія о развитіи отечественнаго судебного дѣла, какъ оно предначерчено уставами Александра II. Кромѣ спеціальнаго, чисто юридическаго, интереса, оба собранія являются хорошимъ пособіемъ для изученія бытовой пореформенной Россіи въ моменты, главнымъ образомъ печальные, ея общественной жизни. Тутъ выведено множество любопытныхъ типовъ во всей ихъ подноготной, показана масса интересныхъ взаимоотношеній, затронута и освѣщена съ точки зрѣнія правового порядка и милостиваго закона не одна сторона исторической, политической, экономической и социальной

течественной жизни. И если въ этихъ драгоценныхъ источникахъ и пособіяхъ будущій изслѣдователь нашихъ общественныхъ теченій подчасъ услышитъ не всегда спокойный голосъ, то, конечно, онъ сумеетъ объяснить себѣ это обстоятельство условіями мѣста и времени и постарается, откинувъ все случайное, извлечь отсюда то вѣчное и неизблемое, что именуется жизнью, законами социальнаго развитія и правового порядка.

Ознакомившись съ вышедшими уже сборниками рѣчей, принадлежащихъ старѣйшимъ гг. присяжнымъ повѣреннымъ, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ указать читателямъ въ возможной полнотѣ на все то доброе и прекрасное, что внесла собою въ нашу жизнь русская адвокатура, чувствуешь, однако, свою задачу далеко неисчерпанною и средства выполненія недостаточными. Слѣдя историческому методу изложенія, преслѣдуя задачу въ ея развитіи постепенности, волею-неволею останавливаешься на полъ-пути и дѣлаешь крупный скачекъ отъ стараго поколѣнія людей къ позднѣйшему, далеко не исчерпавъ вмѣстѣ съ тѣмъ заслугъ первыхъ изъ нихъ. Вина въ данномъ случаѣ, какъ я уже сказалъ въ началѣ статьи, лежитъ въ замихъ дѣятеляхъ нашего пореформеннаго суда, почему-то медлящихъ съ изданіями сборниковъ своихъ рѣчей.

Вѣдь какъ же можно исчерпать или хоть слабо обрисовать заслуги нашей адвокатуры передъ родной землей, когда не имѣешь въ распоряженіи собранія рѣчей такихъ столповъ адвокатуры, какъ покойныхъ гг. Александрова, Лохвицкаго, или благополучно здравствующихъ гг. кн. Урусова, Плевако, Жуковскаго и К. Арсеньева, не исключаемыхъ болѣе въ спискахъ нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ? Вѣдь за каждымъ изъ названныхъ лицъ имѣются положительно подвиги въ лучшемъ смыслѣ этого слова, общественныя заслуги громадной величины,—подвиги и заслуги, широко раздвинувшіе рамки нашей гражданской жизни, внесшіе много свѣта и воздуха въ наше тѣсное и по большей части сумрачное существованіе. Стоитъ только хотя бы вспомнить процессы, гдѣ съ такимъ блескомъ выступалъ покойный Александровъ, какъ, на примѣръ, процессы Вѣры Заулицъ, покойнаго Ватсона по обвиненію его въ клеветѣ, и дѣло по обвиненію евреевъ въ похищеніи и умерщвленіи крестьянской дѣвочки, закончившіеся полнымъ оправданіемъ подсудимыхъ.

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ привести выдержки изъ тѣхъ рѣчей, гдѣ Александровъ обнаружилъ одно изъ существенныхъ качествъ своей защиты, гдѣ онъ прибѣгалъ къ ѣдкой шуткѣ, къ мѣткой остротѣ и сарказму, при помощи которыхъ онъ любилъ обыкновенно сводить на нѣтъ видѣтельскія показанія. Но, однако, въ области остроумія не покойному адвокату принадлежала пальма первенства. Ею всегда владелъ и понынѣ обладаетъ В. И. Жуковскій, привлекающій своими талантливыми рѣчами обширнѣйшую аудиторію слушателей.

Къ сожалѣнію, у меня не имѣется матеріала для характеристики этого даровитаго представителя адвокатуры, но я думаю даже, что если современемъ такой матеріалъ и появится въ свѣтѣ, онъ не дастъ читателю настоящаго понятія о силахъ этого оратора. Какъ нѣкогда покойнаго Горбунова, такъ и г. Жуковскаго, надо лично слышать, видѣть всю ихъ экспрессию лица и жестикуляцію, чтобы вполне признать въ нихъ художниковъ, каждаго въ своей области; конечно, шутка, легкая, мѣткая шутка, введенная въ защитительную рѣчь г. Жуковскимъ, доведена имъ до совершенства и служить въ его устахъ могучимъ орудіемъ побѣды.

Совсѣмъ иными представляются рѣчи (увы, былия рѣчи!) г. Арсеньева, сосредоточившаго всѣ свои обширныя силы ума и знанія на литературной работѣ и являющагося во «внутреннихъ обзорѣніяхъ» и «общественныхъ хроникахъ» «Вѣстника Европы» притягательной силой журнала. Къ сожалѣнію, и этотъ бывшій дѣятель Петербургскаго совѣта присяжныхъ не удосужился еще подарить русскому обществу собранія своихъ многочисленныхъ и блестящихъ рѣчей, воспоминанія о которыхъ еще такъ живы въ нашей адвокатурѣ. Но если дать себѣ трудъ собрать упомянутыя воспоминанія для желательной хоть краткой характеристики г. Арсеньева, какъ адвоката, то все говорить въ пользу того, что это было воистину выдающійся ораторъ, соединявшій въ своихъ рѣчахъ обширнѣйшую эрудицію съ удивительной технической простотой, граничавшей съ утонченнымъ изяществомъ. «Рѣчи К. К. Арсеньева, — говорило мнѣ одно вполне компетентное лицо, — могли бы съ величайшимъ успѣхомъ явиться истиннымъ украшеніемъ любой западно-европейской парламентской трибуны». Но, повторяю, онъ не даетъ пока возможности сдѣлать его характеристику, какъ судебного оратора, и единственнымъ оставленнымъ имъ послѣ себя памятникомъ адвокатской дѣятельности являются изданныя имъ «Замѣтки о русской адвокатурѣ. Обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за 1866—1874 г.», гдѣ мы встрѣчаемся съ авторомъ, какъ компетентнымъ теоретикомъ и добросовѣстнымъ историкомъ.

VI.

Перечисленные въ предыдущихъ главахъ лица являются дѣятелями Петербургскаго судебного округа; но было бы, конечно, величайшей несправедливостью, говоря о заслугахъ русской адвокатуры вообще, пропустить молчаніемъ дѣятелей Московскаго округа, гдѣ имѣются такіе видные представители ораторскаго искусства, какъ кн. Урусовъ и г. Плевако, составляющіе славу и гордость первопрестольной адвокатуры. Но и въ отношеніи ихъ мое положеніе достаточно ограничено матеріаломъ для сужденія, за неимѣніемъ воедино собранныхъ судебныхъ рѣчей обоихъ названныхъ дѣятелей.

Еще въ упомянутомъ московскомъ изданіи «Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ» можно почерпнуть кое-что, касающееся г. Плевако, но Урусовъ, это излюбленное дѣтище Москвы, не нашелъ себѣ даже мѣста въ московскомъ изданіи. Правда, бѣлокаменная подарила своимъ судебскимъ общественнымъ дѣятелямъ достаточно любопытную книжку, гдѣ всѣ они вкупѣ и порознь нашли себѣ оцѣнку и достаточно таки обстоятельные формуляры. Книга эта «Столичная адвокатура», и принадлежитъ она перу неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ малоговорящей литерой С., члена, по его собственному признанію, корпорации московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и лица очень близко освѣдомленнаго о жизни, дѣяніяхъ и біографіяхъ своихъ товарищей по профессіи.

Книга эта составлена достаточно оригинально: авторъ сдѣлалъ изъ нея «секретъ полишинеля», не назвавъ никого полнымъ именемъ, а ограничившись инициалами и не полными фамиліями, но только сдѣлавъ это настолько прозрачно и преднамѣренно подчеркнуто, что невольно всякій маломальски освѣдомленный читатель долженъ воскликнуть. «Ба! знакомыя всѣ лица!». На протяжении LX главъ и 206 страницъ г. С. далъ нѣсколько десятковъ по большей части мастерски нарисованныхъ портретовъ, но, благодаря этому самому мастерству отдѣлки, онъ и скомпрометировалъ себя: онъ залѣзъ въ такія подробности жизни и коснулся такихъ частныхъ характеровъ, что вызываетъ опасеніе каждаго, намѣревающагося пользоваться его трудомъ. Опасеніе это должно быть отнесено къ опасенію скандала, который неизбеженъ для всякаго пожелавшаго бы, на примѣръ, воспользоваться памфлетами петербургскаго адвоката, г. Птицына, такъ много на шумѣвшаго въ послѣдніе два года своими разоблаченіями петербургскаго совѣта присяжныхъ. Правда, обличенія г. С. много разнятся отъ грубаго дебоша, произведеннаго г. Птицынымъ, но все же и въ его трудѣ найдется немало страницъ, которыя съ успѣхомъ и пользою для дѣла могли бы быть устранены изъ книжки. Но, при отсутствіи всякаго иного матеріала для характеристики московской адвокатуры, я все же воспользуюсь работою г. С., взявъ во вниманіе изъ нея лишь то, что безопасно для пользованія и имѣетъ цѣнность исключительно фактическаго матеріала.

Кн. Урусовъ является тоже однимъ изъ пионеровъ русскаго адвокатскаго краснорѣчія, которое онъ, благодаря широкой эрудиціи и выдающимся природнымъ дарованіямъ, сумѣлъ, подобно своимъ отмѣченнымъ уже въ настоящей статьѣ петербургскимъ коллегамъ, поставить на высокую степень совершенства, получивъ этимъ громкую извѣстность не только у насъ, въ Россіи, но и за границею. Г. С., не называя князя полнымъ именемъ, а ограничиваясь лишь инициаломъ У., даетъ слѣдующія его *sigillum* адвокатской жизни и характеристику.

«Въ первые годы по введеніи у насъ судебной реформы для кандидатовъ на судебныя должности открытъ былъ доступъ не только къ упражненіямъ въ защитахъ по дѣламъ уголовнымъ, но и къ практикѣ гражданской, наравнѣ съ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, и У. изъ числа кандидатовъ съ необыкновенною быстротою завоевалъ себѣ высокое положеніе, какъ уголовный защитникъ; вскорѣ онъ перешелъ въ немногочисленные еще тогда ряды корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ... У. вполне заслуженно приобрѣлъ свою славу блестящаго талантливаго оратора. Подобно тому, какъ въ эпоху среднихъ вѣковъ представители государственныхъ сословій жадно стекались на рыцарскіе турниры, въ столицы, въ описываемое время лица высшаго адѣшняго круга переполняли залъ уголовныхъ засѣданій, едва распространялось извѣстіе объ участіи У., какъ защитника, по дѣлу не совсѣмъ заурядному. И У., какъ нельзя болѣе, оправдывалъ пріятныя ожиданія любопытныхъ слушателей, особенно слушательницъ, очаровывая ихъ прежде всего своею привлекательною, полною изящества, вѣишностью и вызывая завистливое чувство въ товарищахъ по профессіи тою неподражаемою свободою и самоувѣренностью, какими отличалась манера его держать себя на судѣ. Нужно сказать, что въ то время, при отсутствіи руководящихъ авторитетныхъ указаній нашей высокой инстанціи, открывался значительный просторъ для разнаго рода недоразумѣній, вытекавшихъ изъ произвольнаго пониманія предѣловъ власти предсѣдателей, съ одной стороны, и прерогативъ защиты, съ другой, и вотъ, въ сферѣ пререканій, безпрестанно возникавшихъ въ засѣданіяхъ у защитниковъ съ предсѣдателями, У. былъ особенно интересенъ, благодаря своему неугомонному фрондерству и крупной дозѣ безцеремонности. Публика обычно дарила ему свои сочувствіе»...

Обращаясь отъ фактовъ къ характеристикѣ, авторъ книги говоритъ:

«Своимъ тѣгучимъ бархатнымъ баритономъ, богатымъ интонаціями, У. пользовался очень искусно, умѣя овладѣвать вниманіемъ присяжныхъ засѣдателей, не вдаваясь въ кропотливое разслѣдованіе всей совокупности уликъ, онъ всю силу краснорѣчія сосредоточивалъ на отдѣлкѣ нѣкоторыхъ удачно хотя и произвольно выхваченныхъ деталей; приправляя свои доводы мѣткими сравненіями, не скупясь на остроты и тонкіе намеки, онъ неотразимо дѣйствовалъ на слушателей, легко достигая успѣха, особенно если само дѣло давало нѣкоторый матеріалъ, въ смыслѣ экстраординарности обстановки преступленія или спорности самаго факта его совершенія обвиняемымъ лицомъ. Его имя, какъ защитника, было едва ли не однимъ изъ первыхъ въ группѣ возникшихъ тогда свѣтилъ адвокатуры; оно приобрѣло всероссійскую извѣстность, а въ столицѣ его дѣятельность создала ему рѣдкую популярность: чуть ли не признакомъ дурного тона, отсталости по меньшей мѣрѣ, считалось, если посѣтительница гостиной вдругъ оказывается особой, не побывавшей, хотя бы одинъ разъ, на защитѣ У. въ судѣ... Впрочемъ, У. не ограничивалъ своей дѣятельности исключительно уголовной практикой; однако для сколько нибудь замѣтнаго успѣха въ веденіи гражданскихъ дѣлъ онъ не имѣлъ достаточной опытности»...

Дѣла, составившія кн. Урусову громкую извѣстность блестящаго ораторскаго таланта, слѣдующія: по обвиненію крестьянки Мавры Волковой, обвинявшейся въ убійствѣ мужа, дѣло Кострубо-Кострицкой и Дмитріевой, обвинявшихся въ вытравленіи плода, и знаменитое политическое Нечаевское дѣло, гдѣ на долю Урусова выпала защита перваго по списку обвиняемаго, Успенскаго. Послѣ

1872 г. кн. Урусовъ долженъ былъ покинуть Москву и въ теченіе трехъ лѣтъ не по доброй волѣ оставался не у дѣла. Въ 1876 г. онъ появляется снова на горизонтѣ общественной жизни, но уже въ блестящей тогѣ краснорѣчиваго прокурора Петербургскаго окружнаго суда. Въ должности прокурора ему съ громаднымъ успѣхомъ пришлось выступать въ столь шумѣвшихъ и любопытныхъ въ бытовомъ отношеніи процессахъ, каковы Гулакь-Артемовской, Юханцева и др. подобныхъ. Въ 1881 г. кн. Урусовъ получилъ разрѣшеніе вернуться вновь въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ до 1889 г. его практика сосредоточивалась въ Петербургѣ, а съ 1891 г. онъ обосновывается опять на своемъ старомъ пепелищѣ—въ Москвѣ. Возвращеніе кн. Урусова въ адвокатуру мало что прибавило къ его ораторской славѣ. Дѣло о Грибановскомъ наслѣдствѣ... но оно, кажется, вообще принесло столько огорченій почтенному сословію присяжныхъ, что я отказываюсь дѣлать печальныя поминки и тѣмъ болѣе, что собственно эти поминки не имѣютъ ничего общаго съ главной темой моего очерка—съ заслугами адвокатуры передъ русскимъ обществомъ и характеристикой нашего судебного краснорѣчія.

Извѣстность кн. Урусова, какъ уже сказано было однажды, упрочилась не только на родинѣ, но и за предѣлами ея. Такъ, въ 1891 г. онъ защищалъ въ Парижскомъ судѣ французскаго литератора Леона-Блуа, обвинявшагося въ диффамаци, и тѣмъ самымъ, еще задолго до официального признанія франко-русскаго союза, содѣйствовалъ скрѣпленію узъ дружбы двухъ народностей на почвѣ ихъ лучшихъ національныхъ учреждений. Резюмируя такимъ образомъ вкратцѣ сказанное, мы приходимъ къ тому ближайшему заключенію, что кн. Урусовъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ жизни пореформеннаго русскаго общества явился блестящимъ представителемъ лучшихъ сторонъ общественнаго начала, служилъ цѣннымъ проводникомъ, черезъ посредство котораго корпорація адвокатовъ передавала русской интеллигенціи изъ стѣнъ судебныхъ учреждений возвышенные стимулы прогресса и правоваго порядка. Кромѣ защитительной дѣятельности, за кн. Урусовымъ имѣется и немалая литературная, какъ сотрудника «Библіотеки для Чтенія» П. Д. Боборыкина, «Русскихъ Вѣдомостей», «Порядка», «Petersburger Herald» и др. Вся совокупность общественной дѣятельности кн. Урусова послужила достаточнымъ основаніемъ, чтобы въ концѣ минувшаго года, въ день его тридцатилѣтняго служенія дѣлу судебной защиты, лучшіе представители интеллигентной Москвы и Петербурга съ полнымъ правомъ привѣтствовали его, какъ полезнаго и талантливаго сына Россіи, сумѣвшаго съ честью послужить ея интересамъ права и справедливости.

Что касается г. Плевако, то о немъ въ знакомой уже книгѣ «Столичная адвокатура» мы читаемъ слѣдующее:

«Онъ, какъ боецъ крушной величины, предоставляетъ другимъ мелкія стычки и вылазки во время судебного слѣдствія противъ представителя обвиненія, по отношенію къ свидѣтелямъ или, наконецъ, въ отношеніи прерогативъ предсѣдателя... Точно также онъ избѣгаетъ въ защитительной рѣчи идти торными тропами посредственныхъ талантовъ, готовыхъ съ закрытыми глазами рубить сплеча и отметать прочь факты изобличающаго свойства въ отношеніи ихъ кліента. Все его вниманіе сосредоточено на освѣщеніи факта съ психологической и общественной точки зрѣнія и на томъ, чтобы самому перенестись мысленно въ сферу настроенія судейскаго персонала. Ставя содержаніе рѣчи въ зависимость не столько отъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла, сколько отъ настроенія судей, уясненію котораго отдаетъ необходимую долю вниманія въ теченіе процесса, онъ не вынашиваетъ цѣлыми днями будущихъ своихъ рѣчей и произноситъ ихъ по большей части экспромтомъ, вводя, конечно, въ ихъ содержаніе нѣкоторые изъ образовъ и картинъ, созданныхъ имъ въ своемъ кабинетѣ во время предварительнаго изученія дѣла. Такимъ образомъ, легко понять, что его слово къ присяжнымъ засѣдателямъ имѣетъ значеніе живого отвѣта, даваемого имъ по поводу и по содержанію возникшихъ у этихъ лицъ убѣжденій, ощущеній; выражая свою мысль наглядно, я могъ бы сказать, что мы при этомъ имѣемъ дѣло съ такимъ случаемъ, когда ораторъ, угадавшій настроеніе аудиторіи, какъ бы предлагаетъ къ услугамъ слушателей свой мыслящій и чувствующій аппаратъ, но аппаратъ, который имъ, искуснымъ мастеромъ, предварительно настроенъ въ тонъ, для него желательномъ».

Такимъ образомъ, въ лицѣ г. Плевако мы имѣемъ образецъ истиннаго таланта, той невѣдомой и таинственной стихіи, которая, уподобляясь въ своемъ зародышѣ «искрѣ Божіей», при благопріятныхъ условіяхъ энтузіазма и вдохновенія, превращается въ грандіозное пламя пожара, безпрепятственно испепляющаго всѣ преграды и препятствія. Онъ именно тотъ ораторъ, который съ высотъ эпического спокойствія и простоты свободно переходитъ на высоты самаго яркаго паэоса и лирической поэзіи. Г. Плевако—поэтъ въ душѣ, умѣющій именно ударять по сердцамъ своихъ слушателей «съ невѣдомою силою», «глаголомъ жечь сердца людей»; откинувъ въ сторону выводы науки, тяжелую аргументацію знанія или законодательный опытъ народовъ, онъ умилительно и наивно почерпаетъ свои доводы и доказательства изъ Четырехъ Миней, изъ Дѣяній апостоловъ и Евангелія. Заканчивая свою мастерскую защиту Бартеневъ по громкому дѣлу объ убійствѣ артистки Висновской¹⁾, г. Плевако въ такой мягкой и трогательной формѣ просилъ судъ о помилованіи:

«Онъ, то-есть Бартеневъ, преступникъ, но онъ не призвалъ лжи на помощь къ себѣ. Преступленіе его велико. О невмѣненіи зла въ вину онъ не помышляетъ. Но было бы жестоко думать о томъ, какъ бы тяжело и суровѣе примѣнить къ нему карающее слово закона. Было бы ошибкой думать, что въ суровости задача карающаго правосудія, и суровостью судья приближается къ намѣреніямъ законодателя. Нѣтъ, слово закона напоминаетъ угрозы матери дѣтямъ. Пока нѣтъ вины, она обѣщаетъ жесткія мѣры непокорному сыну, но едва

¹⁾ «Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ».

настанетъ необходимость наказанія, любовь материнскаго сердца ищетъ всякаго повода смягчить необходимую мѣру казни. Еще не было примѣра, чтобы судѣ дозволялось, не удовлетворяясь указанными карами, просить объ увеличеніи наказанія. Но широко раскрытъ слухъ законодателя къ предстательству судей о смягченіи наказаній, если особыя обстоятельства дѣла возбуждаютъ чувство сожалѣнія къ подсудимому, если обстановка преступленія указываетъ на плетеницу зла и несчастья въ ошибкахъ, приведшихъ подсудимаго къ преступленію. Въ данныхъ этого дѣла много этихъ смягчающихъ мотивовъ. Многие изъ нихъ имѣютъ за себя не только фактическія, но даже и юридическія основанія. Если не точная буква закона, то либо цѣли его, либо мнѣнія свѣдущихъ въ правѣ людей, либо опытъ чужихъ законодательствъ и подмѣченная неполнота нашего права говорятъ о возможности менѣе суроваго приговора. Мой товарищъ по защитѣ представилъ въ краткомъ очеркѣ доводы въ этомъ направленіи. Я, какъ вы слышали, ограничился данными бытовой стороны дѣла, я говорилъ о тѣхъ пережитыхъ Бартевыми моментахъ, которые раздѣляютъ вину преступленія между нимъ и его жертвой. О, если бы мертвые могли подаватъ голосъ по дѣламъ, ихъ касающимся, я отдалъ бы дѣло Бартевева на судъ Висновской. Впрочемъ, оставленныя ею записки отчасти свидѣтельствуютъ объ ея взглядѣ на роковую развязку. «Человѣкъ этотъ, убивая меня, поступаетъ справедливо, онъ правосудіе», — писала она. Я не хочу видѣть въ этихъ словахъ голосъ правдивой нравственной оцѣнки занимающаго насъ событія! Висновская не доросла до роли учителя морали. Но я хочу убѣдить васъ собственными словами покойной, что она считала себя глубоко виновной передъ Бартевыми, а это сознаніе — основаніе между многими другими къ пощадѣ подсудимому, такъ какъ убійцы не исключены изъ категоріи лицъ, относительно которыхъ допустимо снисхожденіе».

Также сердечно и просто заканчиваетъ онъ свою рѣчь въ защитѣ Александры Максименко ¹⁾, обвинявшейся въ отравленіи своего мужа, — заканчиваетъ безъ всякихъ эффектовъ и притомъ, какъ великій стратегъ словесной войны, въ высшей степени оригинально.

«Не преувеличивайте силу человѣческихъ способностей въ изысканіи разгадки, если таинственные условія дѣла не поддаются спокойной и ясной оцѣнкѣ, но оставляютъ сомнѣнія, неустранимыя выкладками, — говорилъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ. Тогда, какъ бы ни понравилось ваше рѣшеніе тѣмъ больнымъ умамъ, которые ищутъ всякаго случая похулить вашу работу, вы скажите намъ, что вина подсудимой не доказана. Если вы спросите меня: убѣжденъ ли я въ ея невиновности, я не скажу: да, убѣжденъ. Я лгать не хочу. Но я не убѣжденъ и въ ея виновности. Тайны своей она не повѣрила, ибо иначе, повѣрь она намъ ее и будь эта тайна ужасна, какъ бы ни замалчивали мы ее, она прорвалась бы, вопреки нашей волѣ, если бы мы и подавили въ себѣ основныя требованія природы и долга. Я и не говорю о винѣ или невиновности, я говорю о неизвѣстности отвѣта на роковой вопросъ дѣла. Не наша и не обвинителя это вина. Не все доступно человѣческимъ усилямъ. Но если нѣтъ средствъ успокоиться на какомъ либо отвѣтѣ, успокоиться такъ, чтобы викагда серьезное и основательное сомнѣніе не тревожило вашей судейской совѣсти, то и по началамъ закона и по требованію высшей справедливости вы не должны осуждать привлеченную, или обоихъ, если все ска-

¹⁾ «Русскіе судебные ораторы».

занное равно относится и къ нему. Когда надо выбирать между жизнью и смертью, то всё сомнѣнія должны рѣшаться въ пользу жизни. Таково велѣніе закона и такова моя просьба».

Заслуги г. Плевако въ дѣлѣ разработки техническихъ приѣмовъ защиты, въ доведеніи судебного ораторскаго искусства до совершенства, велики и по всей справедливости нашли себѣ уже достаточную оцѣнку, какъ среди товарищей по профессіи, такъ и во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Популярность его въ первопрестольной изумительна, и дѣло, за которое берется артистъ-адвокатъ, считается а priori выиграннымъ дѣломъ.

Перечисленными представителями сословія присяжныхъ повѣренныхъ я закончу обзоръ дѣятельности нашей старшей по возрасту адвокатуры. Я вполне понимаю, что далеко не исчерпалъ своей задачи, но гдѣ же мнѣ найти для того матеріалъ? Его нѣтъ, и мнѣ по неволѣ приходится опустить рѣчь о такихъ свѣтлыхъ и чистыхъ представителяхъ защиты, каковы г.г. Турчаниновъ, Люстихъ, Стасовъ, Герардъ и многіе другіе въ обоихъ округахъ столицы. Правда, многіе изъ нихъ не считаются на нашемъ судейскомъ небосклонѣ звѣздами первой величины, съ точки зрѣнія требованій ораторскаго искусства, но за то за ними по всей справедливости крѣпко установилась безупречная репутація «столбовъ адвокатскаго православія», по образному выраженію г. Спасовича. Но обратимся теперь къ слѣдующему поколѣнію дѣятелей адвокатуры, выпедшихъ на поприще своей дѣятельности въ десятилѣтіе семидесятыхъ годовъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя наиболѣе выдающимся ораторами, по всей справедливости заслужившими себѣ громкую извѣстность—С. А. Андреевскимъ и Н. П. Корачевскимъ.

VII.

Если, какъ то описываетъ въ предисловіи къ своему сборнику «Итоги прошлаго» г. Хартулари, первое время дѣятельности пореформенныхъ судовъ сопряжено было съ громадной внутренней работой по выясненію и опредѣленію множества сторонъ взаимоотношеній, положеній и способовъ обращенія съ новымъ закономъ, то ничего подобнаго уже не встрѣчаемъ мы въ слѣдующемъ десятилѣтіи: дорога была уже протоптана твердыми и искусными ногами, все было приведено въ порядокъ и извѣстность опытными руками «отцовъ-шестидесятниковъ», и «дѣтямъ» оставалось только слѣдовать неизменно утвержденнымъ традиціямъ и указаннымъ примѣрамъ. И вотъ въ числѣ этихъ «дѣтей» особенно выдѣляются своими успѣхами два молодыхъ адвоката, г.г. Андреевскій и Корачевскій, которые въ самое короткое время успѣваютъ стяжать себѣ славу прекрасныхъ ораторовъ, каждый въ своемъ родѣ, и репутацію искусныхъ защитниковъ.

Вступивъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ въ 1878 году, г. Андреевскій тогда же фигурировалъ въ роли защитника Зайцева, обвинявшагося въ убійствѣ Красильникова, приказчика изъ мѣняльной лавки Лямина, на Невскомъ проспектѣ. Съ этого момента и вплоть до нашихъ дней черезъ руки талантливаго адвоката проходитъ рядъ процессовъ, создающихъ ему громкую извѣстность талантливаго судебного дѣятеля и защитника. Къ числу этихъ процессовъ должны быть отнесены—дѣло Зайцева, Августовскаго, Вольффрама, Мироновича, дѣло Таганрогской таможни, Назарова, Иванова и другія нѣкоторыя. Уже съ перваго своего дебюта г. Андреевскій сразу обнаружилъ тѣ ему особенныя свойства адвокатской техники, кои позволяютъ признать за нимъ репутацію судебного поэта-романиста, который изъ накопившихся у него прозаическихъ фактовъ обыденной жизни, сдѣлавшихся предметомъ уголовного разбирательства, успѣваетъ создать выпуклыя литературныя произведенія, которыя захватываютъ, волнуютъ слушателей своей концепціей обстоятельствъ, яркостью вложенныхъ въ эти произведенія красокъ и оригинальностью выведенныхъ фигуръ. Адвокатъ-литераторъ сказывается въ каждой его рѣчи,—литераторъ, владѣющій въ равной мѣрѣ тайной беллетристическаго творчества и яркаго критическаго таланта. Раздѣляя свое время между занятіями литературой и адвокатурой, онъ въ интересахъ послѣдней взялъ отъ первой все то лучшее, что она могла ему дать: образы, краски и технику стилистики. Онъ не почерпаетъ для своихъ рѣчей изъ разнообразнаго арсенала орудій науки, онъ не прибѣгаетъ къ полемикѣ съ прокурорской властью, не стремится дискредитировать показанія свидѣтелей сарказмами или насмѣшкой: онъ только извлекаетъ изъ судебного матеріала тѣ ноты и мотивы, которые должны разростись въ его защитительной рѣчи въ широкую и могучую пѣснь любви, состраданія и милости. И эта пѣснь, проникнувъ въ сердце слушателей присяжныхъ, взволнуетъ ихъ, вызоветъ у нихъ слова прощенія и слезы милосердія.

Психологическій анализъ—вотъ тотъ побѣдоносный конь, который успѣшно выноситъ г. Андреевскаго изъ спутанныхъ и темныхъ коллизій дѣла, спасаетъ отъ стрѣлъ прокуратуры и даетъ въ руки громкую побѣду. Заканчивая рѣчь въ защиту Августовскаго, бѣжавшаго изъ ссылки и убившаго кухарку, г. Андреевскій, ходатайствуя о смягченіи наказанія обвиняемому, такъ увѣщевалъ присяжныхъ:

«Всякій преступникъ, а убійца особенно, чувствуетъ себя отчужденнымъ отъ общества. Идя на судъ, онъ не вѣритъ, чтобъ его могли исполнѣтъ понять: отсюда невозможная боязнь, легко опровержимая ложь—эти жалкія средства ладшихъ и пойманныхъ передъ судомъ довольныхъ и свободныхъ! Отсюда, быть можетъ, проистекаютъ и тѣ приемы борьбы съ правосудіемъ, къ которымъ прибѣгъ Августовскій: и вы согласитесь, что для него послѣ всѣхъ неудачъ его жизни было извинительнѣе, чѣмъ для всякаго другого, опасаться чрезмерной строгости суда. Никто при этомъ, однако, не подумалъ о томъ, къ какому

тяжелому и мучительному средству прибѣгъ этотъ человѣкъ — для чего же? Для того, чтобы оправдать свой невольный поступокъ, въ которомъ онъ, по своему убѣжденію, не сознавалъ, не чувствовалъ себя виновнымъ. Онъ даже не просилъ оправданія, онъ готовилъ себѣ больницю умалишенныхъ! Невольно изумляешься, до какой степени онъ свыкъся съ неприглядною обстановкою, которую посылаетъ ему судьба! Вспомните, какъ онъ провелъ послѣднія 6 лѣтъ: ссылка, тюрьма, домъ умалишенныхъ—это ужасно! жизнь все время везетъ его подъ темнымъ тунелемъ и никакъ не вывезетъ на свѣтъ. Не искупилъ ли онъ заранѣе этими испытаніями ту минутную вспышку, за которую мы его судимъ? Не безъ робости упоминаю объ этомъ, потому что Августовскій имѣетъ несчастье не вызывать сочувствія даже къ своимъ дѣйствительнымъ страданіямъ. Въ обвинительномъ актѣ съ отгѣнкомъ глумленія приводится то письмо Августовскаго къ женѣ, гдѣ онъ проситъ ее сказать адвокату: «что выстрадалъ! что выстрадалъ!» Между тѣмъ я хочу смѣло и съ убѣжденіемъ повторить передъ вами тѣ же слова: да, дѣйствительно, что выстрадалъ Августовскій! Или помните вы, какъ вчера, когда читалось письмо, гдѣ подсудимый вычисляетъ грозящія ему каторжныя работы,—публика смѣялась... А подумайте, къ чему этотъ человѣкъ готовился, когда писалъ это письмо!.. Г. г. присяжные засѣдатели! Когда-то, къ соблазну цѣлаго языческаго міра, Спаситель отпустилъ блудницу, сказавъ ей: иди и больше не грѣши. Этотъ божественный приговоръ исправилъ цѣлую жизнь. Это простое средство пощадить, дать вольно подышать—ни разу не было еще испробовано относительно Августовскаго. Быть можетъ, въ этомъ таится секретъ его исправленія.. По крайней мѣрѣ прежняя система заставляла его только ожесточаться и падать все глубже. Быть можетъ, вы рискнете испытать это новое средство... Но если ваши взгляды разойдутся съ моими, у васъ есть возможность облегчить участь подсудимаго, признавъ, что онъ нанесъ смертельную рану, не рассчитывая непременно на убійство. На это есть нѣкоторыя данныя. Подсудимый могъ задаться странною мыслью совершить какое бы ни было преступленіе; убійство не было для него необходимо. При томъ, экспертъ Дюковъ заявилъ вамъ, что мышечная сила подсудимаго необыкновенно велика, и что его рука, въ минуту запальчивости, невольно можетъ увлечь его дальше, чѣмъ онъ желаетъ. Такое рѣшеніе согласовалось бы съ тою системою, которой всегда держались ваши предшественники. Они всегда старались вычестъ подсудимому изъ грозящаго ему за преступленіе наказанія все то, что перенесено имъ въ видѣ непосильныхъ горестей ранѣе суда».

Чрезвычайно удачно по приемамъ защиты и ея результатамъ была также защита г. Андреевскимъ Мироновича въ столь извѣстномъ и таинственномъ дѣлѣ по убіенію Сарры Беккеръ, при вторичномъ его разбирательствѣ. Рѣчь защитника заставила о себѣ много говорить и считается одною изъ лучшихъ его рѣчей; но мнѣ кажется, что не въ ней сказанъ весь г. Андреевскій — я лично вижу типичныя особенности его ораторскаго таланта въ защитѣ запаснаго рядоваго Иванова, лишившаго жизни свою невѣсту Назаренко. Здѣсь и психологическій анализъ, и «пѣснь любви», и литературное творчество, и игра на нервахъ присяжныхъ засѣдателей! Прослѣживая минуту за минутой роковое развитіе драмы, г. Андреевскій, дойдя до момента убійства, говоритъ: «...Ивановъ

совершилъ свое преступленіе подъ вліяніемъ страсти, подъ властію любви, воспаленный счастьемъ, которымъ его одарила любимая имъ женщина, которое проникло во все его существо до мозга костей и которое затѣмъ было почти мгновенно исторгнуто изъ его сердца съ нестерпимою для него болью словами Настя: «уходите вонъ!». «Можно сказать безъ особаго преувеличенія, что этими словами, означавшими неожиданный и полный разрывъ, Настя вонзила острый ножъ въ сердце Иванова ранѣе, чѣмъ онъ вонзилъ въ ея сердце свой ножъ. Только никто не видѣлъ раны Иванова, ее нельзя измѣрить дюймами, и никто не можетъ судить о ея болѣзненности. И онъ въ этомъ случаѣ, быть можетъ, самъ защищался отъ ужа-сающей боли, а намъ кажется, что онъ нанедалъ первый». Заклю-чая свою рѣчь, талантливый защитникъ поставилъ такое предло-женіе присяжнымъ:

«Конечно, онъ погибъ изъ-за любовной страсти, изъ-за того чувства, ко-торое теперь такъ часто и громко заявляетъ о себѣ въ процессахъ, и надъ ко-торымъ такъ мучительно думалъ Толстой, когда писалъ свою «Крейцерову сонату». Къ чему же пришелъ знаменитый писатель? Онъ нашелъ, что един-ственное средство избѣгнуть бѣдствій и преступленій отъ любви—это совер-шенно и навсегда отказаться мужчинамъ отъ женщинъ. Легко ли сказать? Единственное возможное средство—и то невозможное. Значитъ, дѣло не такъ просто. Многіе благородные мыслители предлагаютъ теперь заняться очище-ніемъ нравовъ посредствомъ цѣломудреннаго воспитанія. Но Ивановъ созрѣлъ ранѣе этихъ благихъ начинаній. Къ тому же онъ имѣетъ болѣзненно-пылкую кровь. Да еще и неизвѣстно, на сколько поможетъ горю проповѣдь борьбы со страстями. Не глубже ли сказалъ Пушкинъ: «и всюду страсти роковыя и отъ судебъ защиты нѣтъ!» Впрочемъ, говорятъ, есть защита: наказаніе... Попро-буйте его. Возьмите въ свою власть мудреную личность Иванова и на всѣ его недоумѣнія надъ противорѣчіями жизни, на всѣ тревоги его буйнаго, но хоро-шаго сердца отвѣтите обвинительнымъ приговоромъ. И когда это дѣло будетъ для васъ уже вполне ясно, тогда, чтобы воздержаться отъ излишней строгости, вспомните только письмо Клары, полученное Ивановымъ уже въ тюрьмѣ: «Не понимаю, какимъ образомъ такой добрый человѣкъ, какъ ты, могъ совершить такое преступленіе».

Сборникъ «Защитительныхъ рѣчей» г. Андреевскаго, выдержи-вающій уже второе изданіе,—красивый вкладъ въ бібліотеку адво-катуры: молодые присяжные повѣренные и лица, готовящіяся всту-пить въ сословіе присяжныхъ, найдутъ себѣ здѣсь достойные об-разцы подражанія.

Подобно С. А. Андреевскому, и Н. П. Корабчевскій, вступившій на адвокатское поприще въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ, явился достойнымъ преемникомъ бывшей адвокатуры и въ сравни-тельно короткое время успѣлъ создать себѣ прочное положеніе среди лучшихъ русскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и приобрѣсть широ-кую извѣстность.

Г. Корабчевскій является адвокатомъ иного типа, нежели г. Ан-дреевскій: школы у обоихъ совершенно различныя. Защитникъ Ольги

Палемъ и несчастныхъ вотяковъ въ своихъ рѣчахъ лишень той беллетристической литературности, того поэтического колорита, которымъ блещетъ его коллега, но зато въ немъ гораздо больше глубины эрудици, знакомства съ правовыми нормами, широты социальной постановки вопросовъ. И техника его ораторскихъ приѣмовъ иная: онъ блестяще полемизируетъ съ обвинительной властью, умѣетъ ловкой постановкой вопроса дискредитировать свидѣтельскія показанія и оказать сильное воздѣйствіе не столько на душу, сколько на умъ, на сознание присяжныхъ засѣдателей. Прибавьте къ этому чрезвычайно благоприятныя вѣшнія данныя его фигуры, его манеры—и вы поймете тайну его успѣха въ залахъ суда. Въ своей любопытной статьѣ «Современная французская адвокатура»¹⁾ г. Корабчевскій даетъ слѣдующій свой идеаль адвокатской защиты. «Если бы нужно было прибѣгнуть къ сравненію, чтобы отгнѣить вполне условія, въ которыхъ только и можетъ процвѣтать искусство судебного оратора, по всей справедливости слѣдовало бы сравнить предъявляемыя къ нему требованія съ современными требованіями, предъявляемыми къ организаторскимъ способностямъ полководца. И тамъ, и здѣсь, во имя той же вѣшной задачи—побѣдить въ нужную минуту, — приходится и въ мирное время питать огромное количество войска, имѣть все роды оружія... Говоря проще, современному судебному оратору, желающему стоять на высотѣ своей задачи, нужно обладать такими разносторонними качествами ума и дарованія, которыя позволяли бы ему съ одинаковою легкостью овладѣть всеми сторонами защищаемого имъ дѣла. Въ немъ онъ даетъ публично отчетъ цѣлому обществу и судебной совѣсти, причемъ по односторонности ли своего дарованія, по отсутствію ли достаточныхъ знаній и подготовки, онъ не вправѣ отступать ни передъ психологическимъ, ни передъ бытовымъ, ни передъ политическимъ или историческимъ его освѣщеніемъ».

Такимъ образомъ и адвокатура семидесятыхъ годовъ сумѣла выставить русскому обществу двухъ видныхъ представителей, изъ коихъ каждый явилъ уже немалые и блестящіе результаты своей профессиональной дѣятельности. Но было бы совсемъ несправедливо ограничиться указаніемъ только на имена гг. Андреевскаго и Корабчевскаго. Въ судебныхъ округахъ обѣихъ столицъ имѣются и другіе дѣятели защиты, которые успѣли уже создать себѣ болѣе или менѣе авторитетное положеніе и доброе имя. Стоитъ хотя бы назвать гг. Пржевальскаго и Шубинскаго—въ Москвѣ, гг. Пассовера, Миронова и Холева—въ Петербургѣ. Но я лишень возможности, да и не имѣю болѣе времени заниматься представителями судебной защиты, такъ какъ долженъ поспѣшить къ характеристикѣ прокурорскаго начала въ гласномъ судѣ, въ лицѣ А. О.

¹⁾ «Сѣверный Вѣстникъ», 1891 г.

Кони. Позволю себѣ только отмѣтить, что наша литература сдѣлала бы громадное приобрѣтеніе, если бы обогатилась собраніемъ рѣчей г. Пассовера, этого лучшаго цивилиста нашихъ дней, рѣчи котораго по ихъ содержанію и научной разработкѣ служатъ великимъ авторитетомъ даже для высшаго русскаго судебного учрежденія—кассационнаго департамента ¹⁾).

VIII.

Имя А. Θ. Кони неразрывно связано съ «эпохой великихъ реформъ»—онъ ея достойный сынъ, и изъ нея онъ, какъ никто другой больше, вынесъ весь тотъ великій духъ, который именно отмѣтили эту эпоху въ рядѣ свѣтлыхъ страницъ не только русской, но и общечеловѣческой исторической жизни. А. Θ. Кони началъ свое образованіе въ Петербургскомъ университетѣ, а въ 1862 г. перешелъ въ Московскій, который и окончилъ блестяще, съ оставленіемъ при университетѣ для занятій по кафедрѣ уголовного права ²⁾. Это было въ 1865 г., когда приостановлена была временно командировка магистрантовъ за границу, и г. Кони вынужденъ былъ поступить на административную службу, сначала по государственному контролю, а затѣмъ въ главный штабъ по особымъ порученіямъ юридическаго характера. Съ введеніемъ 17 апрѣля 1866 г. въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, г. Кони поступилъ на службу сначала помощникомъ секретаря петербургской судебной палаты, потомъ секретаря при прокурорѣ московской судебной палаты (извѣстномъ Ровинскомъ); затѣмъ онъ перешелъ въ прокурорскій надзоръ и занималъ должность товарища прокурора³ харьковскаго и прокурора казанскаго окружныхъ судовъ. Съ 1871 г. онъ переходитъ на ту же должность въ петербургскій, а послѣ непродолжительной службы по министерству юстиціи А. Θ. Кони занялъ въ 1877 г. важный и отвѣтственный постъ предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда, неизбежно соприкасающагося съ высшими административными сферами. Съ 1881 г. онъ перешелъ на должность предсѣдателя гражданскаго департамента судебной палаты, а съ 1885 г.—оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента сената. Въ іюнѣ 1891 г. онъ

¹⁾ Когда были дописаны послѣднія строки настоящей главы, мною была получена только-что вышедшая книга г. Шмакова: «Еврейскія рѣчи». (М., 1897). Но я не стану включать ее въ свой библиографическій обзоръ и предпочитаю выпестить укоръ за неполноту. Я говорю въ своемъ очеркѣ о прогрессивныхъ теченіяхъ, о свѣтломъ и радостномъ въ нашей жизни. Зачѣмъ же омрачать это настроеніе, зачѣмъ вносить дисгармонію? Я уже сказалъ выше, что постараюсь избѣгнуть въ своей работѣ «столбовъ пыли и мусора», а ихъ-то и поднимаетъ г. Шмаковъ. Пусть съ этимъ вѣдаются другіе—«я не изъ ихъ числа». Авторъ.

²⁾ Биографическія свѣдѣнія заимствованы изъ труда г. Джаншиева «Эпоха великихъ реформъ», изд. 6-е, стр. 721—722.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1897 г., т. LVII.

временно покинулъ этотъ постъ и былъ назначенъ сенаторомъ того же департамента. Съ 1892 г. онъ вновь занялъ, съ сохраненіемъ званія сенатора, тотъ же постъ оберъ-прокурора, который съ 1-го января 1897 г. онъ опять покидаетъ, перейдя въ простые ряды сенаторовъ. Таковы внѣшніе факты жизни этого замѣчательнаго дѣятеля «великой эпохи». Какъ читатель легко можетъ убѣдиться самъ, его прохожденіе государственной службы не отличается особеннымъ блескомъ и поражаетъ своими остановками и перерывами. При наличности необыкновенныхъ дарованій, коими его щедро надѣлила природа, такой служебно-іерархическій процессъ вызываетъ недоумѣніе и удивленіе. Очевидно, вина и причина этому не въ немъ самомъ, а въ чемъ-то внѣ его находящемся, скрытомъ отъ нашихъ взоровъ плотною стѣною событій общественной жизни, въ коихъ намъ еще не дано разобраться. Тяжелый путь службы, который прошелъ почтенный представитель судебного дѣла, неразрывно связалъ его имя со всей внутренней нашей судейской дѣятельностью, давъ ему возможность испытать на собственномъ опытѣ все значеніе судебной реформы Александра II, начиная съ низшаго и кончая высшими должностями въ этой области. И вотъ почему его голосъ въ защиту реформы, его оцѣнка судебныхъ уставовъ царя-освободителя, имѣеть высшее для насъ значеніе, пріобрѣтаетъ, такъ сказать, историческій вѣсъ. Передъ нимъ должны смолкнуть голоса клеветниковъ и недоброжелателей, такъ какъ его устами глаголетъ сама непристрастная исторія. Загляните въ изданный г. Кони сборникъ «За много лѣтъ», прочтите здѣсь статьи «Судебная реформа и судъ присяжныхъ», «Новые мѣха и новое вино», «О судѣ присяжныхъ» и т. д., и вамъ станетъ очевиднымъ все великое историческое значеніе суда «праваго, скорого и милостиваго», вся законность его въ нашей исторической жизни и вся органическая, нераздѣльная и неотъемлемая его связь съ общественными устоями. Подобно гг. Спасовичу, Хартулари, Арсеньеву и другимъ, о коихъ было говорено выше, онъ съ любовью принялъ изъ рукъ законодателя великую «грамоту», указывавшую ему путь хожденія и въ теченіе всей своей тридцатилѣтней государственной дѣятельности съ любовью несъ эту грамоту по жизненному пути. Разница только между нимъ и упомянутыми уже дѣятелями была та, что тѣ являлись на жизненномъ пути представителями свободныхъ профессій, въ коихъ по самому ихъ существу бьетъ горячимъ ключемъ живой родникъ свободы, онъ же — постоянно былъ стѣсненъ, ограниченъ официальнымъ положеніемъ члена казенной корпораціи судейскихъ чиновниковъ. И тѣмъ большая ему честь и слава, если онъ гармонически успѣлъ сочетать въ своихъ словахъ и дѣлахъ начало общественное съ суровыми требованіями государственной службы. Вотъ человекъ, который, по моему мнѣнію, является въ нашей жизни заслуживающимъ именованія одного изъ лучшихъ гражданъ сво-

его отечества, вложившаго въ служеніе интересамъ родины всѣ силы своей богатой природы! Къ нему болѣе, чѣмъ къ кому либо приложимы слова поэта, поставленыя эпитафюмъ къ настоящей статьѣ:

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ:
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

А талантъ этотъ у г. Кони великъ и могучъ, и переливается самыми причудливыми свѣтами радуги, на какой бы ступени общественной и государственной лѣстницы онъ ни появлялся передъ нами,—въ качествѣ ли ученаго писателя, въ качествѣ ли судебного оратора, въ качествѣ ли историка, поэта (да, г. Кони поэтъ—я это утверждаю, художникъ слова и мысли!), въ качествѣ ли простого носителя великихъ завѣтовъ законодателя шестидесятыхъ годовъ.

Характеризуя г. Кони, какъ судебного оратора, г. Арсеньевъ, опытный знатокъ дѣла, говоритъ ¹⁾:

«Русскій судебный ораторъ, наиболѣе близкій къ идеалу русскаго судебного краснорѣчія, не становится на ходули, не надѣваетъ на себя трагическую маску, не гоняется за эффектами, не высоко цѣнить громкія, трескучія фразы. Онъ больше бесѣдуетъ, чѣмъ декламируетъ или вѣщаетъ, обращается больше къ здравому смыслу, чѣмъ къ фантазіи присяжныхъ; ему случается, конечно, апеллировать къ ихъ чувству, но не къ ихъ чувствительности. Онъ не чуждается украшеній рѣчи, но не въ нихъ ищетъ и находитъ главный источникъ силы. Онъ никогда не говоритъ только для публики, никогда не забываетъ о дѣлѣ, къ разъясненію котораго онъ призванъ, никогда не упускаетъ изъ виду, что отъ его словъ зависить въ большей или меньшей степени судьба человѣка. Онъ не нарушаетъ, безъ надобности, уваженія къ чужой личности, щадить, по возможности, даже своихъ противниковъ, ни въ чемъ существенномъ, однако, не уступающа и не отступающа. Такимъ мы видѣли А. О. Кони и такими желали бы видѣть всѣхъ нашихъ обвинителей и защитниковъ. Само собою разумѣется, что разница въ темпераментѣ, въ направленіи, въ свойствѣ дарованія всегда будетъ сказываться въ судебномъ краснорѣчьи, какъ и во всѣхъ другихъ видахъ творчества, но мы и не думаемъ подводить судебную рѣчь подъ дѣйствіе неподвижныхъ, для всѣхъ и всегда одинаковыхъ правилъ. Въ предѣлахъ, нами указанныхъ, возможно величайшее разнообразіе; къ одному и тому же идеалу можно стремиться самыми различными путями. Какую бы точностью ни отличалась передача рѣчи, какъ бы хорошо ни сохранилась, при переходѣ въ печать, мысль оратора и даже словесная ея оболочка, многое теряется, при этомъ переходѣ, непоправимо и безслѣдно. Кто слышалъ А. О. Кони, тотъ знаетъ, что отличительное свойство его живой рѣчи полнѣйшая гармонія между содержаніемъ и формой! Спокойствіемъ, которымъ проникнута его аргументація, дышитъ и его ораторская манера. Онъ говоритъ не громко, но скоро, рѣдко возвышая голосъ, но постоянно мѣняя тонъ, свободно приспособляющійся ко всѣмъ отгѣнкамъ мысли и чувства. Онъ почти не дѣлаетъ жестовъ; движеніе сосредото-

¹⁾ Судебныя рѣчи А. О. Кони. «Вѣсти. Евр.», 1888 г., № 4.

чивается у него въ чертахъ лица. Онъ не колеблется въ выборѣ выраженій, не останавливается въ нерѣшительности, не уклоняется въ сторону; слово всецѣло находится въ его власти. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ онъ подготавливаетъ свои рѣчи заранее, въ какой полагается на вдохновеніе минуты. Несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, только одно: ему вполне доступна импровизація, такъ какъ иначе его реплики замѣтно уступали бы его первоначальнымъ рѣчамъ, а этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ... Глубоко обдуманная и мастерски построенная его рѣчь всегда полна жизни и движенія. Ею можно любоваться, какъ произведеніемъ искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ ее можно изучать, какъ образецъ обвинительной техники».

Къ этой мастерской характеристикѣ я не умѣю прибавить что либо лишнее: она исчерпываетъ предметъ по существу. Также мнѣ не приходится распространяться о значеніи его рѣчей, какъ образцовъ для руководства къ ораторскому искусству; эту задачу уже прекрасно выполнилъ одинъ изъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» въ своей библиографической замѣткѣ о выпущенномъ г. Кони томѣ его рѣчей подъ заглавіемъ «За послѣдніе годы»¹⁾. Отмѣчу лишь значеніе кассационныхъ рѣчей талантливаго оберъ-прокурора, значеніе, разъясненное г. Джаншиевымъ въ превосходной книгѣ «Эпоха великихъ реформъ».

«Кассационныя заключенія г. Кони, даваемые съ оберъ-прокурорской трибуны, — говоритъ почтенный публицистъ, — замѣчательны съ другихъ точекъ зрѣнія, а именно — съ научно-юридической и съ общественно-бытовой. Даже въ самое цвѣтущее время судебной реформы едва ли публика удѣляла оберъ-прокурорскимъ заключеніямъ, обыкновенно довольно сухимъ, столько вниманія, сколько за послѣднее время она удѣляла заключеніямъ г. Кони, печатавшимся въ газетахъ, въ видѣ исключенія, цѣликомъ Ясное, строго-логическое, изящное и вполне доступное изложеніе запутанныхъ юридическихъ положеній въ связи со строгимъ, неуклоннымъ слѣдованіемъ высокимъ принципамъ судебныхъ уставовъ, гуманности и равноправности, составляють отличительныя черты и силу этихъ заключеній. Такъ, на примѣръ, по дѣлу псаломника кедрова, такой сухой предметъ, какъ вопросъ о формальныхъ границахъ исповѣи, — въ увлекательномъ изложеніи г. Кони, сдѣлался доступенъ и интересенъ для массы читателей, несмотря на обиліе цитатъ изъ каноническаго права всѣхъ церквей, изъ памятниковъ стараго законодательства и т. п. громоздкаго научнаго матеріала».

Кажется, я достаточно сказалъ о г. Кони и, приведя преднамѣренно мнѣнія о немъ авторитетныхъ лицъ свободныхъ профессій, избавленъ отъ необходимости приводить для его характеристики, какъ оратора и общественнаго дѣятеля, цитаты изъ многочисленныхъ его рѣчей, заключенныхъ въ двухъ обширныхъ, изданныхъ имъ томахъ — въ «Судебныхъ рѣчахъ» (изд. 3-е) и «За послѣдніе годы». Пусть читатели убѣдятся въ справедливости всего сказаннаго о г. Кони самъ изъ личнаго ознакомленія съ полетомъ его мы-

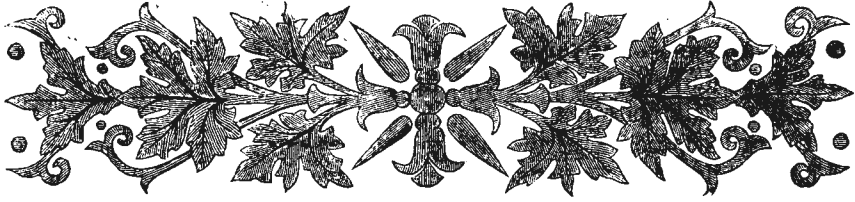
¹⁾ «Ист. Вѣстн.». 1897 г. № 1.

сли, съ теченіемъ его чудной рѣчи: такое ознакомленіе внесетъ въ ихъ сознаніе и душу великое просвѣтлѣніе, начала самаго возвышеннаго благодѣянія.

Такимъ образомъ, и по мнѣнію авторитетныхъ специалистовъ и на основаніи всего сказаннаго мною выше, мы несомнѣнно убѣждаемся, что А. Ѳ. Кони одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей великой эпохи, который сумѣлъ и въ роли обвинителя и въ положеніи безпристрастнаго предсѣдателя, блюдющаго святость закона, съ честью, наравнѣ съ дѣятелями судебной защиты, послужить правовымъ интересамъ русскаго народа, согласно съ духомъ гуманнаго державнаго реформатора и законодателя шестидесятихъ годовъ. Его дѣятельность, въ совокупности съ работою лучшихъ силъ адвокатуры, служитъ могучимъ средствомъ опроверженія клеветъ и обвиненій, которыя часто возводятся на нашъ гласный судъ, которыя пытаются потрясти этотъ судъ въ самыхъ глубинахъ его основанія. Собранныя воедино, въ общую громадную книгу, рѣчи лучшихъ русскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, рѣчи доблестнѣйшаго представителя обвинительной власти и безпристрастнаго предсѣдателя, онѣ представляютъ собою тотъ настоящій судъ, указывая на который всѣмъ недоброжелателямъ и хулителямъ его, съ гордостью можно будетъ сказать: «довольно ненужныхъ и непристойныхъ разговоровъ, встаньте съ почтеніемъ и поклонитесь ему, какъ величественному памятнику, созданному совокупными усиліями лучшихъ русскихъ людей!».

Б. Глинскій.

ГЛАДСТОНЪ НА ЗАКАТЪ СВОИХЪ ДНЕЙ.

ВНО три года тому назадъ, Гладстонъ неожиданно вышелъ въ отставку, покинувъ столь привычную ему двойную дѣятельность — перваго министра и депутата. Всеобщимъ сожалѣніемъ было встрѣчено это удаленіе съ политической арены перваго изъ современныхъ государственныхъ людей не только потому, что Англія и весь свѣтъ лишились такого мудраго, прогрессивнаго и человѣчнаго руководителя общественныхъ дѣлъ, но также изъ личнаго сочувствія къ «великому старигу», который еще въ полной силѣ своихъ рѣдкихъ, разнообразныхъ способностей, повидимому, предавалъ себя смертельно скучной, монотонной жизни въ своемъ Гаварденскомъ замкѣ. Но прошли недѣли, мѣсяца, года, и теперь оказывается, что Гладстонъ въ отставкѣ, Гладстонъ «политически умершій», по его собственному выраженію, Гладстонъ на закатѣ своихъ дней ведетъ жизнь такую же дѣятельную, рабочую, полезную и кипучую, по пламенному участію въ разрѣшеніи политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ и литературныхъ вопросовъ дня, наконецъ такую же лично счастливую, какъ во всѣ предыдущія фазы его восьмидесяти-семи-лѣтняго существованія. Этотъ необыкновенный эпилогъ необыкновенной политической карьеры, начатой, въ качествѣ надежды непреклонныхъ торіевъ, потомъ ознаменованной постепеннымъ переходомъ изъ консерваторовъ въ либералы и радикалы, не удивляетъ только одного «народнаго Вильяма», который уже давно обдумалъ лучший методъ провести заключительные годы своей жизни. Двадцать два года

тому назадъ онъ рѣшилъ привести свой планъ въ исполненіе и впервые отказался отъ предводительства либеральной партіи, прямо заявивъ, что «шестидесяти-пяти лѣтъ отъ рода и послѣ сорока-двухлѣтней трудовой общественной жизни, онъ считалъ себя въ правѣ удалиться на покой». Но люди предполагаютъ, а судьба располагаетъ, и отставка 1875 года оказалась только прелюдией къ одной изъ самыхъ дѣятельныхъ и благотворныхъ эпохъ столь долговременнаго служенія Гладстона англійскому народу и всему человечеству. Еще двадцать лѣтъ онъ неустанно трудился въ самомъ прогрессивномъ духѣ на общую пользу, и если не всѣ задуманныя имъ великія реформы осуществились, то въ этомъ былъ виновенъ не онъ, а тотъ фактъ, что онъ слишкомъ опередилъ, тяжелое на подъемъ, англійское общественное мнѣніе. Наконецъ пробилъ часъ добровольной, окончательной разлуки съ политической властью, которой онъ пользовался до такого старческаго возраста, котораго не достигалъ еще ни одинъ англійскій премьеръ, и въ февралѣ 1894 года великій старикъ приступилъ къ практическому осуществленію плана о лучшемъ способѣ провести послѣдніе годы своей жизни. Въ настоящее время можно себѣ отдать ясный отчетъ, въ чемъ состоитъ этотъ планъ, и какъ онъ примѣняется къ всеобщему изумленію. Оказывается, что Гладстонъ въ отставкѣ и восьмидесяти-семи лѣтъ дѣятельнѣе работаетъ, пламеннѣе отзывается на всѣ политическія и общественныя злобы дня, наконецъ болѣе пишетъ богословскихъ серьезныхъ сочиненій и статей въ журналахъ по литературнымъ и общественнымъ вопросамъ, чѣмъ любой человѣкъ въ молодости, или въ лучшую пору зрѣлости. По его словамъ, онъ умеръ, но никого изъ живыхъ нельзя сравнить съ этимъ удивительнымъ великимъ старикомъ, о которомъ недавно сказалъ поэтъ Свинборнъ: «ему восемьдесятъ семь лѣтъ, а чело его сіяетъ жизнью и свѣтомъ неба». Поэтому Гладстонъ на закатѣ своихъ дней представляетъ одно изъ самыхъ поразительныхъ зрѣлищъ настоящей минуты, и такъ какъ мы посвятили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» два очерка его дѣятельности у дѣлъ ¹⁾, то не лишне теперь набросить картину и Гладстона не у дѣлъ.

Большую помощь для составленія этого эскиза оказала недавно вышедшая маленькая, но интересная книжка, въ которой миссъ Гульда Фредериксъ, частая посѣтительница Гавардена, подробно описала, при содѣйствіи жены и дѣтей Гладстонъ, его жизнь въ отставкѣ. Однако этого очерка, озаглавленнаго «Вечеръ его дней» ²⁾, не достаточно для полной характеристики Гладстона не у дѣлъ, такъ какъ миссъ Фредериксъ только говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, и рисуетъ его част-

1) «Великій старикъ» — «Историческій Вѣстникъ», 1892 г., сент. и окт.; «Премьеръ Гладстона» — «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., апр.

2) In the evening of his days; a study of Gladstone in retirement. London. 1896.

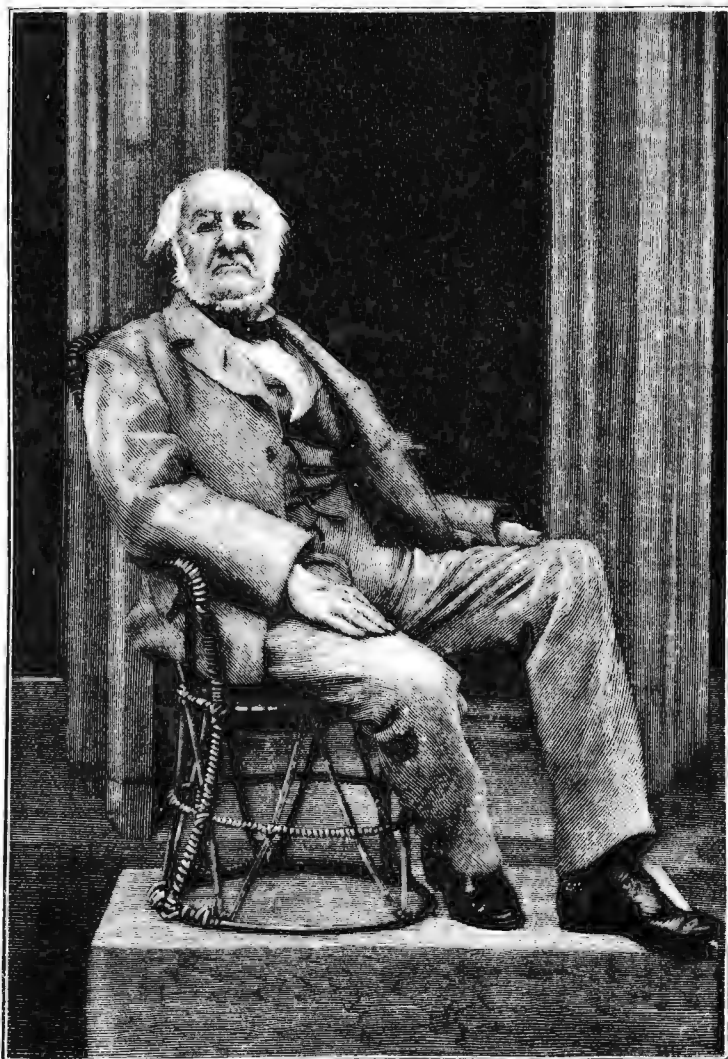
ную жизнь, а для воспроизведенія его политической, общественной и литературной дѣятельности на закатѣ дней лучше всего резюмировать хотя бѣгло на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ изо дня въ день англійскими газетами, что великій старикъ, называющій себя мертвымъ, дѣлалъ въ послѣднее время.

I.

Такъ какъ внѣшняя сторона жизни Гаварденскаго отшельника наиболѣе возбуждаетъ интереса, то прежде взглянемъ на политическаго и общественнаго дѣятеля, литератора и журналиста, богослова и философа, на закатѣ его дней, а потомъ уже перейдемъ къ человѣку. Но прежде всего замѣтимъ, что мы только будемъ указывать на главные факты кипучей дѣятельности великаго старика, потому что невозможно услѣдить за всѣмъ, что онъ дѣлаетъ, пишетъ и говоритъ, и почти ежедневно въ англійскихъ газетахъ, особенно въ «Daily News», главномъ либеральномъ органѣ, появляются или письма Гладстона о всевозможныхъ предметахъ, или отчетъ о произнесенной имъ болѣе или менѣе длинной рѣчи, или какое нибудь извѣстіе о немъ. Еще слѣдуетъ указать мимоходомъ, что хотя онъ любитъ называть себя отшельникомъ, но онъ столько же отшельникъ, сколько и мертвецъ, а если дѣйствительно большую часть своего времени проводить въ Гаварденѣ, то его тамъ постоянно посѣщаютъ то личные друзья, какъ, напримѣръ, архіепископъ кантербурійскій, недавно умершій въ Гаварденской церкви, во время произносимой имъ проповѣди, то бывшіе товарищи по министерству и видные представители либеральной партіи, которой онъ все еще остается душой, если неофициальнымъ вожакомъ, то знатные иностранцы и туристы, подобно китайцу Ли-Хунгъ-Чангу, считавшему своимъ долгомъ повидать перваго человѣка Англій; что же касается до его отлучекъ изъ Гавардена, то онѣ и часты и продолжительны; уже не говоря объ экскурсіяхъ по окрестностямъ, онъ часто посѣщаетъ лѣтомъ Лондонъ, осенью своихъ друзей въ ихъ помѣстьяхъ и даже предпринимаетъ далекія путешествія; такъ въ прошедшемъ году онъ ѣздилъ на открытіе Балтійскаго канала въ яхтѣ своего стараго пріятеля, сэра Дональда Курри, а зиму онъ обыкновенно проводитъ на югѣ Франціи, преимущественно въ одномъ изъ живописныхъ уголковъ Ривьеры, около Ниццы.

Задавшись цѣлью представить картину внѣшней дѣятельности Гладстона за послѣдніе семь мѣсяцевъ, начнемъ съ іюня. Перваго числа во всѣхъ лондонскихъ газетахъ появилось письмо Гаварденскаго отшельника къ Ватиканскому узнику, въ которомъ рассмотрѣнъ основной вопросъ въ распрѣ между англиканской и католической церквами о томъ, имѣетъ ли англиканское духовенство, согласно его теоріи, священный характеръ, подобно служителямъ алтаря католиче-

ской и восточной церквей, или это просто міряне, какъ увѣряютъ католики. Папа Левъ XIII, недавно обратившійся къ англійскому народу съ воззваніемъ о соединеніи церквей, назначилъ комиссію для разсмотрѣнія этого вопроса, и естественно Гладстонъ, постоянно и

В. Е. Гладстонъ въ 1896 г.

ревниво охраняющій интересы англиканской церкви, съ защиты которой онъ началъ свою общественную и литературную жизнь, тотчасъ откликнулся. Его письмо, пламенно отстаивающее англиканскую точку зрѣнія, произвело большое впечатлѣніе въ Римѣ и вызвало

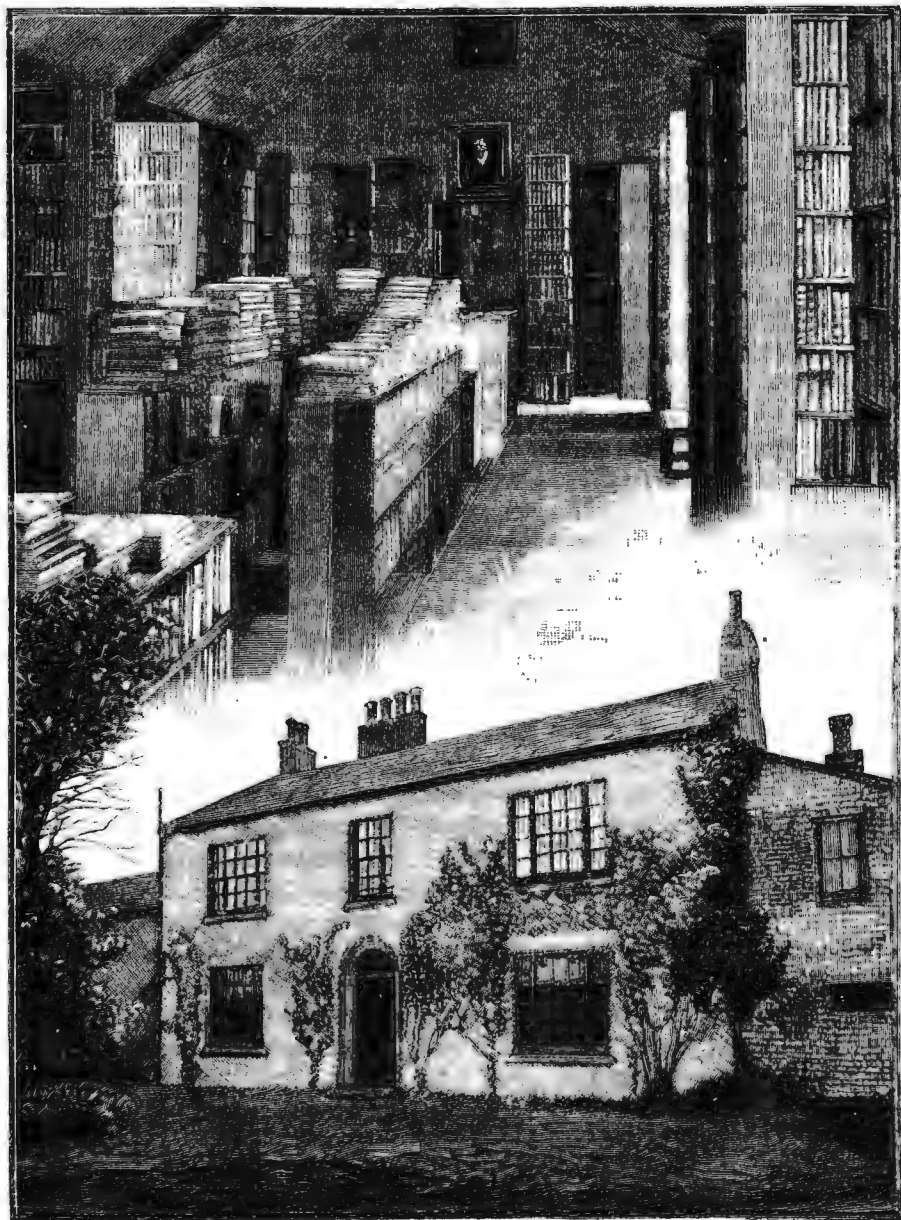
въ Англии полемику, въ которой принялъ живое участіе его авторъ. Вообще, въ іюньской дѣятельности Гладстона преобладаетъ богословскій характеръ, и, кромѣ письма къ папѣ, въ американскомъ журналѣ «North American Review» оконченъ рядъ его статей о будущей жизни, отличающихся самымъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, и напечатано въ Лондонѣ великолѣпное изданіе «Народная библейская исторія» съ предисловіемъ Гладстона. Эта книга—чрезвычайно интересное явленіе и помимо краснорѣчивой защиты Гладстономъ Библии отъ нападокъ ученыхъ экзегетовъ и скептиковъ: во-первыхъ, это сборникъ статей самыхъ компетентныхъ англійскихъ авторовъ, какъ Фаррара, профессора Сейса и т. д., которые рассказываютъ въ популярной формѣ всѣ фазы библейской исторіи съ цѣлью примирить религію съ современной наукой; во-вторыхъ, она великолѣпно иллюстрирована снимками съ извѣстныхъ картинъ, а, въ-третьихъ, не смотря на ея дорогую цѣну—двѣ гинеи, около 20 рублей, быстро расходятся не только среди буржуазіи, но и въ рабочемъ классѣ. Рядомъ съ этимъ наплывомъ богословской работы блѣднѣетъ его участіе въ литературѣ и общественной жизни, какъ оно ни замѣчательно само по себѣ: первое выражается статьей въ «Nineteenth Century» о недавно вышедшей біографіи Шеридана и возбужденной ею полемикѣ, а послѣднее—въ рѣчи на торжественномъ актѣ въ Уэльскомъ университетѣ. О Шериданѣ, какъ о политическомъ дѣятелѣ и драматургѣ, Гладстонъ отзывался очень сочувственно и выразилъ радость, что книга Фрэнзера Рэ наконецъ представила въ истинномъ свѣтѣ эту многооклеветанную въ интересахъ партій и узкой морали, высокодаровитую, хотя и увлекающуюся личностью, а когда ему возразили, что онъ слишкомъ унижилъ Фокса, чтобъ возвысить Шеридана, то онъ не преминулъ въ рядѣ писемъ, напечатанныхъ въ газетахъ, доказать, что онъ нимало не хотѣлъ унижить Фокса, а только отнестся къ нему справедливо; но, конечно, сознательно старался возвысить Шеридана, который этого вполне заслуживаетъ по оказаннымъ имъ услугамъ политической свободѣ и англійскому театру такимъ бессмертнымъ произведеніемъ, какъ «Школа злословія». Наконецъ, въ концѣ іюня Гладстонъ появился на столь же привычной ему университетской аренѣ, какъ богословская и литературная. Недавно основанный Уэльскій университетъ, состоящій изъ трехъ коллегій, въ трехъ различныхъ мѣстностяхъ—Кардифѣ, Бангорѣ и Оберонтвитѣ, праздновалъ торжественнымъ актомъ и банкетомъ въ Кардифѣ вступленіе въ должность его канцлера, принца Уэльскаго, по случаю чего было открыто зданіе женскаго общежитія, гдѣ помѣщаются сто десять студентокъ, и розданы дипломы почетнаго доктора музыки принцессѣ Уэльской и законовѣдѣнія Гладстону, лорду Гершелю, канцлеру лондонскаго университета, и лорду Спенсеру, канцлеру университета Викторіи. Конечно, великій старикъ, встрѣченный на актѣ самыми шумными

оваціями, произнесъ на банкетѣ рѣчь, въ которой онъ указалъ на значеніе университетовъ, какъ представителей умственной культуры. «Никогда не было времени, — сказалъ онъ между прочимъ: — когда такъ необходимо, какъ въ наши дни, выдвинуть на первое мѣсто въ виду общества принципъ умственной культуры, потому что мы живемъ въ эпоху преобладанія матеріальныхъ условій обогащенія. Пользованіе всѣми удобствами и удовольствіями жизни среди тѣхъ, кому это доступно, такъ значительно развилось со времени моей юности, что врядъ ли это могутъ оцѣнить люди, не бывшіе свидѣтелями перемѣны. Въ результатъ богатство взяло верхъ надъ нами, а богатство добрый слуга общества, но дурной повелитель, и нѣтъ болѣе унижающаго человѣческое существо господства, какъ неограниченное главенство богатства. Антагонизмъ университета на основѣ умственной культуры лучшее средство поборотъ это зловерное иго. Человѣческій умъ слѣдуетъ разсматривать, какъ богатую почву, требующую только хорошей вспашки и хорошаго осѣмененія для плодоносной жатвы, которая будетъ самымъ дѣйствительнымъ протестомъ противъ общей погони за матеріальными интересами, что составляетъ одну изъ главнѣйшихъ общественныхъ и нравственныхъ опасностей нашего времени». Принцъ Уэльскій, отвѣчая на эту рѣчь, замѣтилъ, что «онъ считаетъ однимъ изъ тѣхъ моментовъ своей жизни, которыми онъ наиболѣе гордится, настоящій день, когда онъ имѣлъ лестную честь передать академической дипломъ политическому ветерану и замѣчательному ученому, который представляетъ рѣдкій примѣръ человѣка, достигшаго въ одно и то же время столь высокаго положенія, какъ государственный человѣкъ, ученый и литераторъ».

Философія и поэзія преобладаютъ среди іюльскихъ подвиговъ маститаго геркулеса современной политики. Онъ выпустилъ въ началѣ мѣсяца второй томъ своего громаднаго труда объ англійскомъ богословѣ-философѣ, Бутлерѣ; еще въ январѣ онъ напечаталъ первый томъ, въ которомъ помѣщены главные сочиненія Бутлера: его «Апологія» и проповѣди, тщательно изданныя и разбитыя для удобства чтенія на параграфы, а теперь въ видѣ необходимаго добавленія появились комментаріи ученаго издателя подъ заглавіемъ: «Труды по изданію Бутлера». Хотя написанные болѣе полутора ста лѣтъ тому назадъ аргументы епископа-философа въ пользу безсмертія души, догмата о Провидѣніи, о необходимости откровенія и т. д. очень устарѣли и въ настоящее время врядъ ли имѣютъ какой либо интересъ, кромѣ историческаго, но его издатель и комментаторъ придаетъ имъ громадное значеніе и сравниваетъ своего излюбленнаго автора съ «Маколеемъ по счастливой легкости въ иллюстрированіи примѣрами своихъ доводовъ» и съ Буркомъ «по эффектному изображенію своего понятія о красотѣ». Какъ бы мало современны ни были эти труды, но имя Гладстона имѣетъ такую магическую силу, что во всѣхъ странахъ, гдѣ

говорятъ поанглійски, уже разошлось 2.000 ихъ экземпляровъ, причемъ коментаріи пользуются наибольшимъ успѣхомъ. Въ отношеніи поэзіи великій старикъ является только критикомъ, хотя онъ самъ извѣстенъ, какъ переводчикъ стихами одъ Горація, что, по словамъ принца Уэльскаго, «составило бы ему вѣчный памятникъ, если бъ онъ не прославилъ себя иначе въ столькихъ другихъ отрасляхъ». Въ городѣ Кокермутѣ открытъ фонтанъ съ статуей поэта Вордсворта, и при этомъ торжествѣ было прочитано письмо Гладстона, который, вспоминая о своемъ личномъ знакомствѣ съ поэтомъ-лауреатомъ, указываетъ, что англійская литература обязана ему многимъ относительно «сохраненія въ ней чистоты и возвышеннаго характера». Насколько онъ цѣнитъ эти достоинства въ поэтахъ, доказываетъ его статья въ іюльскомъ номерѣ *New-Review* подъ оригинальнымъ заглавіемъ «О дѣланіи человѣка и дѣланіи стиховъ» (*Manmaking and verse-making*). Въ первой половинѣ авторъ настаиваетъ на томъ, что англичане недостаточно заботятся о главной задачѣ человѣка— «дѣлать, или строить себя», т. е. развивать себя постоянной культурной работой, и совѣтуетъ главнымъ образомъ молодымъ людямъ изучать съ этой цѣлью богословіе, исторію и естественныя науки. Переходя къ второму своему предмету, переводчикъ Горація и ученый изслѣдователь Гомера и Данте оплакиваетъ чрезмѣрный наплывъ посредственныхъ стиховъ въ современной англійской литературѣ, гдѣ за послѣднія сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ можно насчитать тысячами поэтовъ и поэтессъ, изъ которыхъ очень немногіе достигли славы. Поэтому онъ совѣтуетъ молодымъ людямъ прежде, чѣмъ приняться «за дѣланіе стиховъ», подумать серьезно не разъ, не два, не три, а трижды три, такъ какъ ничего нѣтъ хуже посредственности въ стихахъ по той простой причинѣ, что «въ прозѣ посредственность формы можетъ быть ступешвана достоинствомъ содержанія, а въ стихахъ, за исключеніемъ высшихъ поэтическихъ произведеній все—въ формѣ».

Сельская жизнь, пріемъ гостей въ Гаварденѣ и сатирической листокъ Англій «Пунчъ» наиболѣе сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе Гладстона въ августѣ. Открывая ежегодную выставку Гаварденскаго общества садоводства, онъ произнесъ рѣчь, въ которой распространился съ полнымъ знаніемъ дѣла объ огородныхъ и садовыхъ произведеніяхъ и указывалъ на прелести сельской жизни въ сравненіи съ мрачнымъ, душнымъ, закоптѣлымъ существованіемъ въ городахъ. На ту же тему онъ написалъ, напечатанное въ «*Daily News*», письмо и выразилъ въ немъ мысль о необходимости поддержать сельское населеніе, переживающее тяжелый кризисъ, прибавляя, что онъ не вѣритъ въ необходимость для поддержанія цѣнности земли превратить ее въ сплошной лугъ. Свою удивительную энциклопедичность Гладстонъ выразилъ всего лучше въ пріемѣ августовскихъ посѣтителей Гавардена: такъ ста туристамъ, членамъ Филадельфійскаго

1) Сентъ-Деніольская бібліотека. 2) Сентъ-Деніольскій отель.

клуба мануфактуристовъ, предпринявшимъ экскурсію въ Англію, онъ лично показалъ развалины древняго замка въ Гаварденскомъ паркѣ и прочелъ лекцію о той эпохѣ Уэльской исторіи, къ которой онъ относится; съ Ли-Хунъ-Чангомъ онъ разсуждалъ о благахъ свободной торговли и совѣтовалъ примѣнить ее въ Китаѣ; членамъ фармацевтическаго конгресса, собиравшагося въ Ливерпулѣ, онъ говорилъ о значительныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ аптечномъ дѣлѣ, благодаря чему при милліонахъ и милліонахъ рецептовъ, проходящихъ черезъ руки аптекарей, встрѣчается такъ мало ошибокъ въ лѣкарствахъ; а съ делегатами конгресса для распространенія наукъ онъ разговаривалъ о современномъ состояніи всѣхъ отраслей знанія. Что касается «Пунча», то по случаю присылки ему только что вышедшей исторіи его жизни въ каррикатурахъ, съ перепечаткой всѣхъ относящихся до него иллюстрацій, появившихся во все долготѣнее существованіе этого каррикатурнаго листка, Гладстонъ выразился въ письмѣ къ редактору «Daily News»: «Я полагаю, что навсегда сохранится за «Пунчемъ» честь, что его редакторы, авторы и рисовальщики, въ дѣлѣ, имѣющемъ главной цѣлью забаву читателей, всегда поддерживали возвышенные принципы, долженствующіе лежать въ основѣ общественной жизни».

Хотя великій старикъ и увѣрялъ фармацевтовъ, что «онъ политическій мертвецъ», и повторилъ это потомъ въ письмѣ къ одному провинціальному избирателю, называя себя «лицомъ, политически умершимъ», но въ сентябрѣ и съ тѣхъ поръ до конца прошедшаго года онъ почти исключительно посвятилъ себя политикѣ. Уже два года, какъ онъ выдвинулъ впередъ армянскій вопросъ и всячески старался развить въ Англіи такую народную агитацію въ пользу новыхъ жертвъ турецкаго правительства, какъ онъ это когда то сдѣлалъ относительно Италіи своими знаменитыми письмами объ ужасахъ Неаполитанскихъ тюремъ при королѣ Бомбѣ и относительно Болгаріи, еще болѣе надѣлавшей шума брошюрой «Болгарскіе ужасы», а также замѣчательными рѣчами на публичныхъ митингахъ. Теперь онъ поступилъ также, но чувствуя, что его болѣе не связываетъ отвѣтственность министра, или официального вожака партіи, онъ далъ широкій просторъ своему справедливому гнѣву на злодѣйства султана и на позорное хладнокровіе европейскихъ дипломатовъ, а равно своей преданной любви ко всѣмъ страждущимъ, всѣмъ угнетеннымъ. Первую рѣчь за армянъ онъ произнесъ въ 1893 году, при министерствѣ лорда Розбери, въ ризницѣ Гаварденской церкви; вторую — 26 іюля 1895 г. на громадномъ митингѣ въ Честерѣ, въ концѣ которой онъ прямо требовалъ вмѣшательства въ дѣло Англіи (во главѣ которой уже стоялъ лордъ Сольсберри) совместно съ другими державами для введенія въ Турецкой Арменіи такихъ реформъ, которыя доставили бы серьезныя гарантіи жизни, чести, религіи и собственности ея жителей подѣ неустаннымъ контролемъ вели-

кихъ европейскихъ державъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно писалъ статьи въ журналахъ и письма въ газетахъ въ томъ же духѣ. Подобную газетную агитацію онъ велъ и въ первые три мѣсяца разсматриваемой нами эпохи его жизни, но она не обращала на себя особаго вниманія. Тогда «умершій политикъ» рѣшился дать новый толчекъ движенію и въ сентябрѣ мѣсяцѣ такъ пламенно писалъ и говорилъ, что дѣйствительно вся Англія безъ разбора партій и классовъ взволновалась, какъ во дни болгарскихъ ужасовъ. Всѣ газеты и журналы безъ исключенія наполнялись горячими протестами противъ турецкихъ звѣрствъ и хладнокровія европейской дипломатіи; каждый день въ самыхъ многочисленныхъ центрахъ и уединенныхъ закоулкахъ страны собирались митинги негодованія; въ залахъ, въ паркахъ, въ перквахъ, всюду говорились пламенные рѣчи какъ либералами, такъ и торіями, какъ демократами, такъ и аристократами; вездѣ открывались подписки въ пользу несчастныхъ армянъ. А душой всего этого національнаго движенія былъ восьмидесятисемилѣтній гаварденскій отшельникъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ, напечатанныхъ въ газетахъ и читавшихся съ восторгомъ на митингахъ, онъ разжигалъ не страсти политической, а человѣчно чувство справедливости, и если прямо называлъ султана убійцей, то не изъ личной ненависти, а въ виду безспорнаго факта, что огульное избіеніе армянъ происходитъ, благодаря его личной политикѣ, и что онъ не только истребляетъ цѣлое населеніе, отдавая его въ руки фанатическихъ дикарей, но набрасываетъ тѣнь позора на всю Европу, которая, благодаря мелкимъ эгоистичнымъ и дипломатическимъ цѣлямъ, хладнокровно смотритъ на звѣрства, далеко заткнувшія за поясъ болгарскіе ужасы. Наконецъ, 24-го сентября, онъ произнесъ въ Ливерпулѣ, въ громадномъ циркѣ, при несмѣтномъ числѣ слушателей всѣхъ партій, свою третью рѣчь по армянскому вопросу. Говоря, какъ простой гражданинъ Ливерпуля, великій старикъ воспользовался тѣмъ, что руки у него свободны, и наговорилъ столько горькой правды и «убійцѣ султану», и европейскимъ кабинетамъ, и англійскому правительству, что на другой день весь свѣтъ взволновался, и было отчего: первый государственный человѣкъ нашего времени прямо требовалъ общаго заступничества цивилизованнаго міра за мученика народъ противъ огульно избивавшихъ его мучителей, а въ случаѣ несогласія на это европейскихъ кабинетовъ—отозванія Англіей изъ Константинополя своего посланника, чтобъ снять съ себя всякую отвѣтственность за такія событія, которыя «составляютъ самую ужасную и чудовищную страницу въ печальной исторіи человѣческихъ преступленій». Оставивъ даже въ сторонѣ содержаніе этой рѣчи, всѣ присутствующіе были приведены въ восторгъ и удивленіе ея формой. «Гладстонъ,—замѣчаетъ безпристрастный очевидецъ, случайный корреспондентъ нѣмецкой газеты «Vossische Zeitung»,—говорилъ такъ, что его рѣчь надо считать просто чудомъ. Его голосъ и дикція нимало не ослабѣли послѣ

его ухода изъ парламента, напротивъ они еще пріобрѣли новую силу, и всѣхъ поражала прежняя мелодичность голоса, прежняя выразительность жестовъ. Сначала онъ опирался на палку, но вскорѣ душа взяла верхъ надъ плотью: онъ положилъ на столъ палку и принялъ прежнюю гордую осанку. Поворачиваясь то направо, то налево, онъ съ юношескимъ жаромъ двигалъ головой, и руками; всѣ, кто его видѣли въ эту минуту, когда тысячи и тысячи глазъ устремлялись на его дышавшее благороднымъ пыломъ лицо, окаймленное сѣдыми волосами, всѣ, кто слышали лившійся изъ его устъ въ продолженіе двухъ часовъ нескончаемый блестящій потокъ краснорѣчія,—чувствовали себя подъ вліяніемъ какихъ-то необыкновенныхъ чаръ. И, конечно, не одинъ изъ слушателей этой удивительной рѣчи не рѣшится назвать ее «лебединой пѣснью» великаго старика: такой онъ еще обладаетъ физической силой и нравственной мощью».

Необыкновенный ливерпульскій подвигъ Гладстона не только вспокоилъ торійское министерство и европейскихъ дипломатовъ, но имѣлъ странный отголосокъ въ либеральной партіи. Ея глава, лордъ Розбери, который хотя и сочувственно относится къ армянамъ, но считаетъ необходимымъ, чтобъ всѣ европейскіе кабинеты дѣйствовали заодно въ Константинополѣ, и умѣренной политикѣ котораго претитъ такая рѣзкая мѣра, какъ отозваніе посла,—неожиданно подалъ въ отставку. Одни объясняютъ это событіе тѣмъ, что Розбери обидѣлся дѣятельной политической ролью, снова разыгрываемой Гладстономъ, которому сочувствуетъ большинство партіи, отворачиваясь отъ его умѣренной политики, а другіе—благородной рѣшимостью Розбери отказаться отъ официальнаго главенства партіи, когда снова вернулся на арену ея настоящій глава. Какъ бы то ни было, онъ настоялъ на своей отставкѣ, и либеральная партія отложила выборъ вожака до болѣе удобнаго времени. Быть можетъ, тутъ кроется мысль уговорить Гладстона вернуться къ своему прежнему боевому посту, и слухи о возможности подобнаго событія ходятъ упорно, даже называютъ одного малоизвѣстнаго либерала, который откажется отъ своего депутатскаго мѣста, чтобъ дозволить избирателямъ выбрать Гладстона въ члены нижней палаты. Что касается до него самого, то онъ хранитъ молчаніе о выходкѣ лорда Розбери, а когда одинъ шотландецъ обратился къ нему съ совѣтомъ, что въ интересахъ либеральной партіи необходимо поскорѣе выбрать новаго главу, хотя бы для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ «великаго убійцы», то получилъ лаконическій отвѣтъ: «Я отошелъ отъ всякаго участія въ общей политикѣ и не имѣю права высказывать свои сужденія по разумному обычаю страны; когда политическій дѣятель формально удался, то общество желаетъ, чтобъ это удаленіе было настоящее и не нарушалось». Однако это не мѣшаетъ Гладстону продолжать и въ октябрѣ свою агитацію по армянскому вопросу: онъ помѣстилъ

снова въ газетахъ нѣсколько очень рѣзкихъ писемъ и небольшую статью въ «Nineteenth Century», въ которыхъ развиваетъ идеи, высказанныя имъ въ ливерпульской рѣчи. Помимо армянъ, онъ занимался въ октябрѣ, по обыкновенію, богословской догматикой и написалъ письмо одному изъ своихъ безчисленныхъ корреспондентовъ по поводу толкованія духовной силы и значенія крещенія, а также высказалъ въ газетахъ свое мнѣніе о французской революціи по поводу очень заинтересовавшаго его романа Феликса Гра, — «Марсельцы», переводъ котораго печатается въ приложеніи къ «Историческому Вѣстнику».

Въ ноябрѣ Гладстонъ продолжалъ свою армянскую агитацію и выступилъ очень оригинально на аренѣ внутренней политики. Въ одномъ изъ провинціальныхъ избирательныхъ округовъ Англiи, въ Истѣ-Бедфордѣ, происходили выборы депутата, и Гладстонъ написалъ слѣдующее письмо къ вліятельному избирателю: «Любезный сэръ! Какъ лицо, политически умершее, я чувствую невозможнымъ рекомендовать кандидатовъ въ депутаты, и я увѣренъ, мистеръ Бильсонъ въ этомъ не нуждается, а потому, желая ему успѣха, я ограничиваюсь искреннимъ заявленіемъ, что я всегда считалъ мистера Бильсона, имѣющимъ всѣ качества, необходимыя для члена парламента, въ виду его способностей, благороднаго характера и высокой культуры». Конечно, это письмо подѣйствовало на избирателей, и либеральный кандидатъ былъ выбранъ, хотя этотъ избирательный округъ прежде принадлежалъ торіямъ. Такимъ образомъ Гладстонъ, на закатѣ своихъ дней, является еще въ новомъ качествѣ великаго избирателя.

Декабрь былъ посвященъ великимъ старикомъ политикѣ, внутренней и внѣшней, библиоманіи и приему въ Гаварденѣ сначала посѣтителей, а затѣмъ безконечныхъ поздравленій по случаю 29-го числа, когда ему минуло восемьдесятъ семь лѣтъ. Въ первомъ отношеніи надо упомянуть два письма Гладстона къ распорядителямъ Либеральнаго клуба въ Ридѣ, которыхъ онъ благодарилъ за выставленіе въ одной изъ залъ его портрета, а также просилъ сохранить навсегда незыблемой преданность принципамъ, составлявшимъ славу ихъ партіи въ быстро близившемся къ своему концу XIX столѣтія, и къ издателю «Daily News» по поводу статьи въ одномъ изъ журналовъ объ обновленіи за послѣдніе годы англійскихъ депутатовъ, что дѣйствительно, по его словамъ, составляетъ поразительное явленіе, такъ какъ, напримѣръ, при началѣ его парламентской дѣятельности въ рядахъ торіевъ не было болѣе пяти целигрантовъ, или фабрикантовъ, а теперь они составляютъ громадное большинство. Къ внѣшней политикѣ относится письмо Гладстона къ лондонскому издателю Макмиллану по случаю выпуска имъ въ свѣтъ книги Чарльса Гранта о Неаполѣ и Каморрѣ, которую онъ очень хвалитъ, хотя и находитъ, что въ ней неостаточно отгѣ-

нено вліяніе анти-бурбонизма, составляющаго такую же отрицательную силу итальянскаго единства, какъ анти-монархизмъ французской республики. Но, конечно, главная политическая дѣятельность Гладстона въ декабрѣ, какъ и во все разсматриваемое время, касалась армянскаго вопроса. Онъ попрежнему поддерживалъ агитацію въ пользу народа-мученика и подписалъ вмѣстѣ съ герцогомъ Аргайлемъ и Вестминстеромъ краснорѣчивое воззваніе къ англійской націи для усиленія пожертвованій въ пользу несчастныхъ 400.000 армянъ, оставшихся, благодаря турецкому гоненію, безъ крова и куска хлѣба. Изъ этого любопытнаго документа мы узнаемъ, что армянскій вспомогательный фондъ уже препроводилъ 60.000 фунтовъ стерлинговъ въ двадцать-пять мѣстныхъ депо для раздачи пособій, но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что требуется для дѣйствительной помощи несчастнымъ жертвамъ турецкаго террора. Здѣсь кстати прибавить, что первые дни новаго года уже ознаменовались новой пламенной рѣчью этого маститаго защитника угнетенныхъ во всемъ свѣтѣ въ пользу армянъ. 5-го января, англо-армянская ассоціація поднесла Гладстону въ благодарность за его армянскую агитацію разноцвѣтное стекло для одного изъ оконъ Гаварденской церкви, и при открытіи этого окна великій старикъ постарался сжать въ нѣсколькихъ словахъ свои аргументы въ пользу армянъ и противъ апатіи европейскихъ державъ, при чемъ выразилъ надежду, что Милосердный Господь долго не потерпитъ продолженія злодѣйствъ величайшаго убійцы на свѣтѣ, и что вскорѣ наступитъ заря лучшихъ дней. Если отъ этой боевой дѣятельности великаго старика мы перейдемъ къ его статьѣ объ удовольствіяхъ библіомана въ «Academy», то на насъ пахнетъ мирнымъ спокойствіемъ и какой-то юношеской свѣжестью. Извѣстный англійскій издатель Кваричъ обратился къ Гладстону съ просьбой изложить свой взглядъ на любовь къ книгамъ и на собирателей книгъ для составляемой имъ книги англійскихъ библіомановъ, и тотъ отвѣчалъ ему чрезвычайно любопытнымъ письмомъ, въ которомъ съ юношескимъ пыломъ и искренностью и живостью высказалъ свою страсть къ книгамъ и привелъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ своей библіоманской дѣятельности. По его словамъ, онъ заслуживаетъ теперь мѣсто среди собирателей книгъ только потому, что во всей своей жизни купилъ до 35.000 томовъ, но изъ необходимыхъ, по его мнѣнію, пяти качествъ, нужныхъ всякому хорошему собирателю книгъ, именно: любви къ дѣлу, свободнаго времени, богатства, разсудительности и постоянства, онъ обладалъ только двумя и то не главными: первымъ и послѣднимъ. Самая старая книга въ его библіотекѣ была подарена ему мистриссъ Ганной Моръ, крестной матерью Маколея, когда ему было шесть лѣтъ, и она снабжена характерной надписью: «только что вступившему въ свѣтъ отъ уходящей изъ него». Хотя, по мнѣнію Гладстона, собираніе книгъ можетъ имѣть

свои слабыя и смѣшныя стороны, но вообще это животворящій элементъ въ обществѣ, подточенномъ многими элементами разложенія.

Приемъ гостей въ Гаварденѣ составляетъ характерную черту въ жизни его знаменитаго отшельника, и объ этомъ можно всего лучше судить по напечатаннымъ въ декабрьской книжкѣ журнала «Strand» въ статьѣ В. Фитцджерельда выдержкамъ изъ двухъ книгъ посѣтителей Гладстона. Одна изъ нихъ, активная, ведена его дочерью мистриссъ Дрю, которая беретъ ее съ собой во всѣхъ поѣздкахъ и путешествіяхъ, а вторая пассивная не покидаетъ Гавардена, и въ нее принято записываться только тѣмъ, кто проводитъ въ домѣ ночь. Среди историческихъ записей встрѣчаются имена: Джона Брайта, Гукслея, Парнеля, Теннисона, Браунинга и т. д.; попадаются и рисунки, напримѣръ, портретъ живописца Бунъ-Джонса, сдѣланный имъ самимъ, эскизъ Купера и т. д. Къ числу замѣчательныхъ посѣтителей Гавардена принадлежить и знаменитый Бутъ, генераль арміи спасенія, который провелъ тамъ нѣсколько часовъ 21-го декабря и потомъ повѣдалъ свѣту черезъ газеты о бесѣдѣ его съ Гладстономъ, который очень сочувственно отнесся къ гуманной сторонѣ его дѣятельности. Спустя восемь дней, наступило ежегодное празднованіе дня рожденія великаго старика. По обыкновению, восьмидесяти-семилѣтній рожденникъ провелъ этотъ день въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, но поздравительнымъ письмамъ и телеграммамъ не было конца; общественныя учрежденія, политическіе клубы, всевозможныя общества и частныя лица безъ различія партій торопились высказать свое глубокое уваженіе первому человѣку Англіи, какъ его принято теперь называть. Если въ самомъ Гаварденѣ не было банкета, то во многихъ мѣстахъ страны были устроены въ честь этого дня обѣды и вечера, на которыхъ произносились самыя восторженныя рѣчи. Наиболѣе замѣчательными были рѣчи лорда Рипона, въ городѣ того же имени, и сэра Франка Локвуда, который, опредѣливъ необыкновенное значеніе Гладстона въ современной политической жизни Англіи, очень мѣтко назвалъ его живымъ памятникомъ, которымъ могла гордиться вся страна. Конечно, всѣ газеты наполнили свои столбцы хвалебными гимнами въ честь великаго старика, а также всевозможными воспоминаніями о немъ современниковъ, историческими справками и т. д. Оказывается, что онъ уже пережилъ срокъ жизни всѣхъ первыхъ министровъ Англіи въ настоящемъ столѣтіи, такъ какъ старѣйшіе изъ нихъ умерли: лордъ Сидмотъ 86 лѣтъ, лордъ Россель — 86, герцогъ Веллингтонъ — 82, лордъ Пальмерстонъ — 81, а лордъ Биконсфильдъ — 71. Всего первымъ министромъ Гладстонъ былъ тринадцать лѣтъ, тогда какъ лордъ Сольсбери — только восемь, и вообще больше его занимали высокій постъ только лордъ Ливерпуль — 15 лѣтъ, Питтъ — 20 и Вальполь — 22. Изъ всѣхъ статей по случаю восьмидесятисемилѣтней годовщины Гладстона, быть можетъ, всего интереснѣе выписки

изъ недавно вышедшей книги Р. Бретта «Ярмо власти: очерки первыхъ министровъ королевы». Авторъ приводитъ очень много интересныхъ анекдотовъ и малосущественныхъ подробностей изъ жизни великаго старика; наприимѣръ, онъ рассказываетъ, что когда въ 1886 г. общественное мнѣніе побудило королеву замѣнить лорда Виконфильда Гладстономъ у кормила правленія, то она плакала, разставаясь съ своимъ любимцемъ; Гладстонъ ей былъ такъ противенъ, что она воскликнула: «болѣе не королева; мистеръ Гладстонъ король». Столь же характерна сцена, происходившая въ парламентѣ 4 декабря 1890 г.; въ ту самую минуту, какъ рѣшалась судьба его Ирландскаго билля, Гладстонъ спокойно сидѣлъ въ библіотекѣ и читалъ романъ Вальтеръ-Скотта «Ламермурская невѣста», не потому, чтобы онъ былъ равнодушенъ къ судьбѣ своей излюбленной политики, а потому, что онъ видѣлъ, что борьбѣ насталъ конецъ. «Цѣлыхъ пять лѣтъ,—говорилъ онъ тогда съ трогательнымъ пафосомъ,—я тащилъ въ гору камень, и вотъ онъ теперь снова скатился внизъ, а мнѣ—восемьдесятъ лѣтъ». Еще съ большимъ чувствомъ описываетъ Бреттъ, какъ Гладстонъ прощался съ членами своего послѣдняго министерства послѣ его неожиданной отставки. «Когда кончился послѣдній министерскій совѣтъ, говоритъ онъ, и лордъ Кимберли, а за нимъ сэръ Вильямъ Гаркортъ, попытались выразить то, что всѣ чувствовали, всѣ поднялись и стали уходить. Гладстонъ, провожая ихъ, могъ только сказать своимъ звучнымъ, мелодичнымъ голосомъ: «Да благослови васъ Господь Богъ». Это благословеніе относилось, конечно, не только къ его товарищамъ по кабинету, но ко всѣмъ въ странѣ: отъ бѣдныхъ поселянъ, въ интересахъ которыхъ онъ работалъ такъ долго, и до королевы, царствованія которой онъ будетъ вѣчнымъ украшеніемъ, благодаря его неуныннымъ работамъ о народномъ благѣ, безыскусственной простотѣ его жизни, удивительному краснорѣчію и непредѣльной преданности человѣческой совѣсти».

Празднованіемъ дня рожденія восьмидесятисемилѣтняго «Народнаго Вильяма» кончимъ бѣглый перечень того, что онъ дѣлалъ, говорилъ и писалъ въ продолженіе послѣднихъ семи мѣсяцевъ. Къ какому же выводу можетъ привести эта картина? Конечно, къ одному: Гладстонъ счастливо разрѣшилъ трудную задачу во время ретироваться съ арены официальной дѣятельности и, находясь не у дѣлъ, попрежнему благотворно вліять на общественныя дѣла и людей.

II.

Въ Гаварденѣ великій старикъ ведетъ если не отшельническую, то самую тихую, мирную и счастливую жизнь среди семейнаго кружка, постоянно расширяемаго друзьями и всякаго рода посѣтителями. Окруженный женой, дѣтьми и внучатами, онъ работаетъ, пишетъ,

читаетъ, разговариваетъ, думаетъ, гуляетъ, ходитъ въ церковь и вообще дѣлаетъ все, что дѣлалъ въ продолженіе восьмидесяти семи лѣтъ, которыя не кажутся ему тяжелымъ бременемъ. Въ очень немногихъ подробностяхъ его ежедневнаго существованія произошли перемѣны и главнымъ образомъ въ его утреннихъ привычкахъ. Прежде онъ вставалъ регулярно въ 7 часовъ и отправлялся непременно одинъ до чая въ церковь, находящуюся недалеко отъ замка, гдѣ слушалъ заутреню и самъ читалъ священное писаніе; но уже два года онъ пересталъ это дѣлать, а посѣщаетъ церковь только по воскресеньямъ и уже самъ не читаетъ. Каждое же утро онъ просыпается въ 8 часовъ, пьетъ чай въ постелѣ и два часа читаетъ также въ постелѣ. Въ 10 часовъ онъ встаетъ и одѣвается безъ всякой помощи. «Если вы хотите, чтобъ все было сдѣлано хорошо, то дѣлайте сами», постоянно говоритъ онъ и строго придерживается этого правила, даже лично укладывая свои вещи въ чемоданы и сундуки при отъѣздѣ за границу. Изъ спальни Гладстонъ идетъ прямо въ свою библіотеку, называемую «храмомъ мира», и дѣйствительно въ ней царитъ удивительное мирное спокойствіе. Эта комната не походитъ на обыкновенныя библіотеки въ англійскихъ замкахъ, гдѣ книги стоятъ по полкамъ подъ густымъ слоемъ пыли, и куда только изрѣдка кто нибудь заходитъ, чтобъ взять романъ или написать записку, но это настоящая жилая, рабочая комната,носящая въ самыхъ мелочахъ видимый слѣдъ ея владѣльца. Всюду видѣются портреты, бюсты, альбомы и т. д.; книги на полкахъ расположены не по величинѣ и переплетамъ, какъ часто встрѣчается, а по предметамъ; кромѣ того, книги въ шкафахъ и на столахъ переполняютъ всѣ комнаты отъ сѣней до гостиной, и по ихъ внѣшнему виду легко заключить, что онѣ не держатся на показъ, а находятся въ постоянномъ употребленіи. Конечно, всего болѣе читаются Гомеръ, Виргилій, Гораций и Данте, но также въ большемъ ходу романы Мопассана и Крафорда. Обыкновенно Гладстонъ читаетъ заразъ три книги и переходитъ отъ одной къ другой, когда умъ его устаетъ сосредоточиваться на одномъ предметѣ. Кромѣ книгъ, отличительной чертой Гаварденской библіотеки служатъ три письменныхъ стола, изъ которыхъ на одномъ пишетъ большую часть писемъ мужа мистриссъ Гладстонъ; второй посвященъ политикѣ и долго огорчалъ его поклонниковъ своимъ пустыннымъ видомъ, но со времени армянской агитаціи снова сталъ напоминать о прежнихъ временахъ; третій отведенъ литературѣ и постоянно заваленъ рукописями и справочными книжками преимущественно богословскаго характера. Въ этомъ «храмѣ мира» онъ работаетъ до завтрака, послѣ котораго снова принимается за работу, разнообразя ее только прогулкой пѣшкомъ или въ экипажѣ. Далѣе слѣдуетъ обѣдъ, послѣ котораго онъ или разговариваетъ, если есть гости, или играетъ въ карты, исключительно въ триктракъ, или читаетъ новые романы, а въ слу-

чаѣ неимѣнія таковыхъ старые, даже рассказы миссъ Еджвортъ и Робинсона Крузо. Такъ время идетъ до 10 часовъ, когда онъ аккуратно ложится спать. Сонъ его отличный, и онъ не позволяетъ никому нарушать его. «Въ самые горячіе моменты политическихъ кризисовъ,—говорилъ онъ самъ,—я, ложась въ постель, перестаю думать о политикѣ и спокойно засыпаю до утра. У меня положено спать семь часовъ, хотя очень желать бы поспать восемь. Я ненавижу раннее вставанье и испытываю это чувство каждое утро, но все можно дѣлать по привычкѣ, и я не позволяю себѣ спать болѣе семи часовъ».

Рядомъ съ этой картиной гаварденской жизни, строго регулированной, какъ часовой механизмъ, набросимъ и физическій портретъ великаго старика. Внѣшность его всѣмъ извѣстна, а потому только скажемъ, что, несмотря на старость, онъ здоровъ, бодръ, свѣжъ, а лицо его блѣдное, спокойное, попрежнему освѣщается орлинымъ взглядомъ. Онъ, какъ всегда, ходитъ легкою и быстрою поступью, голосъ его также мелодиченъ, хотя по временамъ слабѣетъ; слухъ его прекрасно сохранился, а зрѣніе совершенно возстановилось со времени снятія три года тому назадъ бѣльма съ одного глаза. Бѣтъ онъ самую простую и легкую пищу, избѣгая всего жирнаго и прянаго; пьетъ онъ мало и не курить. Что касается до его душевной молодости, энергіи, трудолюбія и удивительной отзывчивости ко всему, что происходитъ на свѣтѣ, то мы уже достаточно съ этимъ познакомились по очерку его внѣшней дѣятельности. Но, говоря о Гладстонѣ дома, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о его женѣ, безъ которой онъ, вѣроятно, такъ не благоденствовалъ бы физически и нравственно въ его преклонные годы. Она посвятила всю свою жизнь заботамъ о немъ, и болѣе пятидесяти лѣтъ она его вѣрная подруга, помощница, секретарь; во время его политической дѣятельности она ежедневно сопровождала его въ палату и просиживала дни и ночи въ душевной дамской галереѣ, слѣдя за каждымъ измѣненіемъ его лица и наблюдая, чтобъ не изсякалъ любимый его напитокъ, который она приготавливала своими руками изъ хереса и яицъ; на всѣхъ публичныхъ митингахъ она находилась подлѣ него; на свѣтскіе обѣды она сопровождала его, и незамѣтно устраняла отъ него все вредное; дома она писала и до сихъ поръ пишетъ большую часть его писемъ и старается удалить отъ него все непріятное. Въ его экскурсіяхъ и путешествіяхъ она всегда подлѣ него, и вообще это настоящій ангель-хранитель своего мужа, и, конечно, чѣмъ онъ становится старше, тѣмъ заботы ея увеличиваются и становятся для него драгоценнѣе. Что касается до самой мистриссъ Гладстонъ, то она олицетвореніе доброты и, кромѣ попеченій о мужѣ, постоянно занята филантропической дѣятельностью. Она предсѣдательница всевозможныхъ полезныхъ учреждений, а въ Гаварденѣ устроила пріютъ для сиротъ и богадѣльню для старухъ. Для полноты удивительнаго заката своихъ дней, «Народный

Вильямъ» задумалъ уничтожить легенду о его скупости и при жизни сдѣлать значительный даръ націи. Такъ какъ для него нѣтъ ничего дороже гаварденской библіотеки, то онъ рѣшилъ пожертвовать ее на общую пользу, но не желая, чтобъ она потонула въ морѣ книгъ Британскаго музея, или другого большого книгохранилища, онъ выстроилъ домъ близъ Гаварденскаго парка и перенесъ туда большинство своихъ книгъ изъ «храма мира», который онъ теперь называетъ отдѣленіемъ Сентъ-Деніольской библіотеки. Эта послѣдняя, состоящая изъ 20.000 книгъ, вся желѣзная, для безопасности отъ огня, и имѣетъ двѣ залы, специально назначенныя для богословія и словесныхъ наукъ, а также нѣсколько кабинетовъ для отдѣльныхъ занятій. Внутренній порядокъ, богатство коллекцій, въ особенности богословскаго отдѣла, и полная свобода заниматься неволью привлекаютъ серьезныхъ тружениковъ въ этотъ пріютъ знанія, и только существуетъ одно ограничительное правило, именно воспрещено списывать замѣтки Гладстона на поляхъ книгъ, потому что онѣ могутъ повести къ неправильнымъ толкованіямъ его идей. Что касается до шести или восьми тысячъ томовъ, оставшихся въ Гаварденскомъ замкѣ, то послѣ смерти ихъ собственника они перейдутъ въ Сентъ-Деніольскую библіотеку. Но приготовивъ такимъ образомъ мирное, уединенное убѣжище для людей, серьезно занимающихся, и пожертвовавъ на его дальнѣйшее развитіе капиталъ въ 30.000 фунтовъ стерлинговъ, Гладстонъ этимъ не удовольствовался и рядомъ устроилъ Сентъ-Деніольскій отель для лицъ, занимающихся въ библіотекѣ. Этотъ отель представляетъ простыя, но удобныя комнаты для житья, общую столовую и общую гостиную; плата за квартиру и полный пансіонъ не превышаетъ двадцати пяти шиллинговъ въ недѣлю, и все-таки для людей бѣдныхъ можетъ быть сдѣлана еще скидка, благодаря отложенному Гладстономъ особому капиталу на этотъ предметъ. Завѣдываніе библіотекой и отелемъ поручено комитету попечителей, а исполнительная власть вручена особому библіотекарю и смотрителю, которымъ долженъ быть пасторъ Сентъ-Деніольской церкви. Такимъ образомъ, когда, наконецъ, время возьметъ свое, и великій старикъ, по словамъ новой поэмы Свинборна, «оставитъ свое лучезарное имя свѣточемъ и маякомъ на вершинахъ славы», то память о немъ, какъ о добромъ человѣкѣ, сохранится въ Сентъ-Деніольской библіотекѣ и отеле, тогда какъ его благотворныя реформы, его безкорыстное служеніе англійскому народу и всему человѣчеству, его благородная защита униженныхъ и оскорбленныхъ — будутъ распространять его славу изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ перваго государственнаго человѣка XIX вѣка, какъ неподкупнаго, энергичнаго апостола свободы, прогресса и культуры.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

**Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II.
1762—1774. Изслѣдованіе Н. Д. Чечулина. Спб. 1896.**

ЛЕСТЯЩАЯ политика начала царствованія Екатерины II и первые шаги великой государыни въ смыслѣ рѣшенія мудренаго польскаго вопроса уже неоднократно возбуждали пылливость русскихъ ученыхъ и привлекали ихъ вниманіе. Большинство русскихъ изслѣдователей данной эпохи склонялось къ тому, что русская политика въ рѣшеніи польскаго вопроса не была вполне самостоятельною, въ значительной степени зависѣла отъ политики западно-европейской, и что раздѣлъ Польши былъ результатомъ такъ называемой исторической необходимости. Г. Чечулинъ, не соглашаясь ни съ однимъ изъ предшествующихъ изслѣдователей, рѣшился изложить тотъ же самый періодъ царствованія Екатерины по-своему и пытается доказать, что политика Россіи въ польскомъ вопросѣ была не только самостоятельною, но даже національною; а такъ какъ довольно трудно было предположить въ молодой государынѣ (только-что вступившей на престолъ и преимущественно озабоченной упроченіемъ своего положенія) рѣзко-опредѣленные національныя стремленія, то г. Чечулинъ задался предположеніемъ о какомъ-то особенномъ и преобладающемъ вліяніи Н. И. Панина на все направленіе внѣшней политики Екатерины II въ началѣ ея царствованія. Само собою разумѣется, что такая предвзятая гипотеза приводитъ автора только къ противорѣчіямъ, въ родѣ того, что (на стр. 86-ой, въ примѣчаніи) авторъ, напр., соглашается съ отзывомъ Брикнера, который говоритъ: «Екатерина въ области внѣшней политики съ первыхъ дней своего царствованія руководствовалась своими собственными сооб-

раженіями и дѣйствовала по собственному усмотрѣнію», — и соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ Брикнера, г. Чечулинъ истолковываетъ его чрезвычайно наивно: «Екатерина, молъ, не поддавалась вліянію иноземныхъ дипломатовъ, но слушалась совѣтовъ русскаго министра, — и это не мѣшало ея самостоятельности»... Самое представленіе о національной политикѣ является у г. Чечулина весьма темнымъ и сбивчивымъ. «Истинно-національной политикой, — по мнѣнію г. Чечулина, — слѣдуетъ считать такую, которая цѣли ставитъ себѣ соответствующія всему прошлому народа, его существеннымъ потребностямъ и стремленіямъ, а приемы свои и дѣйствія основываетъ на самомъ высокомъ уваженіи къ чести и достоинству своего народа»... Нужно ли говорить, что ничего подобнаго Екатерина не имѣла въ виду ни при какихъ своихъ политическихъ комбинаціяхъ? Какъ женщина, одаренная умомъ геніальнымъ, она поняла многія изъ предлежащихъ ей политическихъ задачъ гораздо тоньше, чѣмъ ея ближайшіе предшественники; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы она задавалась въ своей политикѣ какими-то несуществовавшими тогда «національными» стремленіями. Главною заслугою Екатерины II было именно то, что она (первая послѣ Петра) сознала всю громадность силъ Россіи и чрезвычайныя выгоды ея положенія въ Европѣ ¹⁾ и постоянно дѣйствовала, опираясь на эту прочную основу. Сущность ея внѣшней политики, въ особенности по отношенію къ Польшѣ, сводилась къ извѣстному положенію Бисмарка: — «сила есть право», — и она блистательно примѣнила это правило на практикѣ. Что же касается до «пріемовъ» и «дѣйствій» этой политики (по отношенію къ Польшѣ), которая основывалась преимущественно на подкупахъ и угрозахъ вторженія 100,000-ной русской арміи, то они едва ли могутъ быть названы «основанными на самомъ высокомъ уваженіи къ чести и достоинству своего народа».

Замѣчательно сбивчивы и невѣрны оказываются понятія г. Чечулина не только о той эпохѣ, которую онъ изслѣдуетъ, но и вообще объ историческомъ прошломъ Россіи до Екатерины. Такъ, напр., онъ говоритъ, что главными историческими цѣлями русскаго народа искони были: «борьба съ Турціею (?) на югѣ и борьба съ Польшею на западѣ», — и слѣдовательно война Екатерины съ Турціей и ея политика въ Польшѣ вполне соответствовали этимъ исконнымъ цѣлямъ. Но г. Чечулинъ полагаетъ, что цѣлью борьбы съ Турціей было стремленіе къ «обладанію плодородными областями и естественными границами», а между тѣмъ борьба съ Турціей была вызвана простою необходимостью обезпечить свои южныя границы отъ хищническихъ набѣговъ татаръ, а «плодородныя области» не могли входить въ соображенія русской политики уже потому, что на мѣстѣ ихъ простиралась голая и голодная степь. «Борьба съ Польшею, — продолжаетъ г. Чечулинъ, — должна была доставить русскому народу совершенно необходимое для полнаго развитія всякаго народа національное единство». И тутъ опять путаница понятій и фактовъ! Національнаго единства русской народъ уже достигъ съ присоединеніемъ къ Московскому государству Малороссіи; и есть полное основаніе предположить, что въ силу простого историческаго тя-

¹⁾ Она сама много разъ это высказывала въ своей перепискѣ съ Гриммомъ.

гогѣнія, рано или поздно, съ Россіей воссоединились бы и другія части Польши, населенныя русскимъ народомъ... И Екатерина, конечно, рѣшилась на вмѣшательство въ польскія дѣла не ради какихъ-то мечтаній о «національномъ единствѣ русскаго народа»... Польша, ослабленная, раздробленная, уничтоженная своею собственною внутреннею несостоятельностью, лежала у ногъ Екатерины и, какъ большой лакомый кусокъ, возбуждала, конечно, аппетитъ сосѣдей: Екатерина вынуждена была обезпечить себѣ львиную долю въ неизбѣжно предстоявшемъ дѣлежѣ! При чемъ же тутъ національная политика и всякія сложныя историческія цѣли русскаго народа? Вообще говоря, общее впечатлѣніе отъ чтенія книги г. Чечулина получается не особенно благоприятное для автора. Ясно одно: авторъ стоитъ далеко не на высотѣ той весьма трудной исторической задачи, которую онъ избралъ для своей диссертациі. Чтобы сказать что нибудь новое по вопросу о внѣшней политикѣ Россіи въ теченіе первыхъ 12-ти лѣтъ царствованія Екатерины II, надо было бы почти столько же лѣтъ проработать въ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ архивахъ, при отличномъ знаніи литературы предмета, очень богатой; но г. Чечулинъ упростилъ свою задачу до крайности: онъ удовольствовался печатнымъ архивнымъ матеріаломъ «Сборника Историческаго Общества» и такими общими сочиненіями, какъ книги Соловьева, Костомарова, Раумера, Беера, Германа, Цинкейзена и Смита. Впрочемъ, и въ этомъ кругѣ матеріала, весьма ограниченномъ, г. Чечулинъ иногда дѣлаетъ открытія. Такъ, напр., на стр. 231 онъ обращаетъ особенное вниманіе на заключительныя слова инструкціи Екатерины графу Кейзерлингу и князю Рейнину, въ которыхъ императрица заявляетъ, что «оружіе (русское) не будетъ положено, пока мѣстъ не присоединимъ онымъ къ имперіи всю польскую Лифляндію». «Эти знаменательныя слова, — восклицаетъ г. Чечулинъ, — до сихъ поръ оставались частью (?) не извѣстными пытавшимся разобратъ въ исторіи перваго польскаго раздѣла; частью почему-то были пропускаемы ими безъ вниманія!». Не слѣдуетъ забывать, что «знаменательныя слова» напечатаны въ «Сборникѣ Историческаго Общества»; что они были извѣстны и Соловьеву, и Костомарову, и ни тотъ, ни другой не придали имъ значенія, въ чемъ ихъ г. Чечулинъ и упрекаетъ, а себѣ ставитъ въ заслугу, что онъ взглянулъ на эти слова иначе. А между тѣмъ ларчикъ отпирается очень просто: Соловьевъ и Костомаровъ не придали значенія фразѣ въ дипломатической инструкціи, оцѣнивая ее по достоинству, какъ и великое множество другихъ подобныхъ же фразъ, а г. Чечулинъ ухватился за нее, какъ утопающій за соломинку, для подтвержденія своей гипотезы¹⁾.

Въ заключеніе нашего бѣлаго обзора книги г. Чечулина замѣтимъ, что она написана языкомъ тяжелымъ, темнымъ и неточнымъ до крайности; его изложеніе скорѣе напоминаетъ по стилю канцелярскіе рапорты и отношенія,

¹⁾ Въ pendant къ этому эпизоду, не мѣшаетъ замѣтить, что г. Чечулинъ вообще очень строгъ къ другимъ изслѣдователямъ: на стр. 369 и 371 (въ примѣч.) его книги отъ него достается и проф. Карѣву, и проф. Мартенсу за неточное изложеніе фактовъ. Онъ забываетъ при этомъ, что важно не одно только точное изложеніе фактовъ, но и правильное пониманіе излагаемаго.

нежели историческую прозу. При этомъ, книга испещрена множествомъ опечатокъ, верѣдко даже искажающихъ смыслъ; нельзя не признаться, что такая неряшливая внѣшность особенно неприятно поражаетъ насъ именно въ ученой диссертаци. П. Полевой.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ Эрнеста Лависса (и) Альфреда Рамбо. Томъ первый: зачатки средневѣковаго строя (395—1095). Переводъ В. Невѣдомскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897.

Вотъ что говорятъ редакторы въ началѣ предисловія:

«Эта книга есть только первый томъ сочиненія, которое, мы надѣемся, оправдаетъ свое заглавіе «Всеобщая исторія»: отъ паденія Римской имперіи оно доведетъ читателя до настоящаго времени и должно заключать въ себѣ исторію всѣхъ народовъ, которые играли какую либо роль въ великихъ переломкахъ, пережитыхъ человѣчествомъ.

Тѣ томы, которые выйдутъ вслѣдъ за этимъ, будутъ носить слѣдующія заглавія: Феодалная Европа и Крестовые походы, Столѣтняя война, Эпоха Возрожденія и Реформація, Религіозныя войны, Вѣкъ Людовика IV (чит. XIV), XVIII столѣтіе и т. д.

«Тамъ будетъ идти рѣчь о народахъ и расахъ сѣверной и южной Азіи, крайняго Востока, Америки и Африки, въ тѣ эпохи ихъ существованія, когда они играли какую нибудь выдающуюся роль во всеобщей исторіи.

«Читатель можетъ уже теперь составить себѣ понятіе о томъ, какого плана и метода изложенія мы придерживались. Въ каждомъ томѣ мы поручали каждую главу тому изъ нашихъ сотрудниковъ, который своими спеціальными трудами и цѣнными изданіями доказалъ свое близкое знакомство съ тѣмъ предметомъ, о которомъ тамъ идетъ рѣчь.

«Стало бытъ, это изданіе будетъ соединять въ себѣ два достоинства, — единство плана и разнообразіе талантовъ.

«То же будетъ во всемъ изданіи, какъ въ тѣхъ томахъ, въ которыхъ будутъ изложены исторія среднихъ вѣковъ и новая, такъ и въ тѣхъ, въ которыхъ будутъ описаны современные намъ періоды — французская революція, Наполеоновская имперія, реставрація, революціи 1830, 1848 и 1870 годовъ.

«Эта рамка будетъ постоянно расширяться, потому что сцена дѣйствія будетъ постоянно принимать болѣе обширные размѣры по мѣрѣ того, какъ описываемые періоды будутъ становиться болѣе короткими; но мы не будемъ вставлять въ нее единственно то, что нашъ почтенный наставникъ Дюрюи называлъ *histoire-bataille*, то-есть мелкія подробности о монархахъ и описанія длиннаго ряда сраженій или мирныхъ трактатовъ.

«У насъ будутъ на первомъ планѣ стоять тѣ факты, которые, по выраженію Вольтера, «касаются правовъ и духа націи». Читатель увидитъ, какое мѣсто занимаютъ въ этомъ первомъ томѣ римская цивилизація въ эпоху своего упадка, цивилизація германцевъ, болѣе или менѣе ориентализировавшихся, цивилизація византійцевъ, арабовъ и покоренныхъ ими народовъ».

Это много обѣщающее предисловіе едва ли убѣдитъ читателя не-француза, что книга или рядъ книгъ, излагающихъ исторію среднихъ и новыхъ вѣковъ, можетъ назваться «Всеобщей исторіей». Не нужно быть поклонникомъ классицизма для того, чтобы признать, что исторія античнаго міра должна составлять необходимую часть всеобщей исторіи; а въ тѣхъ предѣлахъ, которыми ограничиваютъ свое изданіе г.г. Рамбо и Лависсъ, сочиненіе можетъ быть названо всеобщей исторіей новой Европы или всеобщей исторіей Франціи, но не просто всеобщей исторіей.

Далѣе, изъ того же предисловія-проспекта очевидно, что едва ли работа будетъ вестись съ нѣмецкой основательностью и аккуратностью: въ портфеляхъ редакторовъ едва ли имѣется что нибудь, кромѣ отдѣльныхъ частей II-го тома и ближайшихъ къ нему; иначе они не ограничились бы общимъ указаніемъ на извѣстныхъ специалистовъ, а привели бы ихъ списокъ съ перечисленіемъ порученныхъ имъ отдѣловъ.

Посмотримъ, какъ распределены и обработаны главы этого перваго тома. Видя имя Альфреда Рамбо на оберткѣ (имя Эрнеста Лависса, почтеннаго ученаго, начавшаго издавать свои труды по исторіи среднихъ вѣковъ и преимущественно Германіи лѣтъ двадцать назадъ, пользуется за предѣлами Франціи несравненно меньшей извѣстностью), всякій, безъ сомнѣнія, предположитъ, что соотвѣтствующія главы по Византіи и по русской исторіи въ такомъ коллективномъ трудѣ будутъ изложены имъ, какъ такимъ специалистомъ, солиднѣе котораго трудно найти во всей Франціи. Не тутъ-то было. По неизвѣстной намъ причинѣ, Рамбо пока остается только редакторомъ, и обѣ главы о Византіи, IV-ая и XIII-ая, обработаны Байе (Bayet), безъ сомнѣнія, Шарлемъ (род. 1849 г.), авторомъ переведенной и на русскій языкъ Исторіи византійскаго искусства (*L'art byzantin*, 1883, въ *Bibl. de l'enseignement des beaux arts—Quantin*; русскій переводъ, если не ошибаемся, подъ ред. г. Сомова), а исторія славянскихъ народовъ (въ томъ числѣ и русская), литовцевъ и венгровъ (гл. XIV) написана Эрнестомъ Дени (род. 1849 г., работалъ преимущественно по исторіи Богеміи). Такъ какъ не стоитъ говорить о тѣхъ 6 страницахъ, которыя посвящены исторіи Россіи до конца XI в. (762—768), то остановимся на минуту на двухъ статьяхъ Байе, посвященныхъ Византіи. Байе—несомнѣнно серьезный знатокъ византійскаго искусства, и двѣ-три страницы, на которыхъ онъ говоритъ объ архитектурѣ и иконописи, ясны, сильны и правдивы; но десятки страницъ о политической и внутренней исторіи первыхъ вѣковъ восточной имперіи, обладая двумя первыми качествами, не могутъ быть признаны, по нашему мнѣнію, стоящими въ уровень съ современной наукой, прежде всего по своей односторонности: это тотъ же Гиббонъ, рѣзко осуждающій все характерно-византійское и не находящій никакого смысла въ богословскихъ спорахъ и соборахъ. Онъ не примиряетъ противорѣчій, напр., относительно Юстиніана и Феодоры, или относительно иконоборства онъ повторяетъ старую сказку о славянскомъ Управдѣ и т. д. Въ общемъ, правда, изложеніе отличается французской ясностью и популярностью, но самое построеніе главъ не всегда можетъ выдержать критику: почему, напр., авторъ посвящаетъ хотя по нѣскольку строкъ первымъ императорамъ, начи-

ная съ Аркадія, а всю Македонскую династію характеризуетъ, такъ сказать, огуломъ? развѣ въ ней меньше драматическаго и характернаго? Характеристика умственной жизни византійскаго общества едва ли не должна быть названа поверхностной. Стремленіе къ общедоступности, конечно, очень хорошее дѣло, но едва ли она много выиграетъ отъ того, что авторъ ссылается на «одного историка» (стр. 659), «одного писателя» (661) вмѣсто того, чтобы назвать ихъ по имени. Конечно, двѣ главы, посвященныя Византіи, дадутъ нѣкоторое понятіе о ней малоподготовленному читателю, а недурно составленная библиографія (стр. 218 и 219, 716 и 717) предоставитъ ему средства подробнѣе ознакомиться съ дѣломъ; но все-же мы убѣждены, что, не говоря уже о самомъ Рамбо, такой заурядный византинистъ, какъ Герцбергъ, далъ бы читателямъ болѣе.

Три первыя главы (Римскій міръ, Варварскій міръ и Варварскія королевства до Меровинговъ включительно) составлены молодымъ и очень способнымъ историкомъ Бертело (Berthelot, сынъ знаменитаго химика, род. въ 1869 г.); онѣ отличаются замѣчательной ясностью и популярностью изложенія нисколько не въ ущербъ строгой научности; единственный недостатокъ его—мѣстами излишняя аподиктичность сужденія въ вопросахъ сомнительныхъ. Тотъ же Бертело и съ такимъ же успѣхомъ обработалъ и три главы (VI—VIII), излагающія исторію Каролинговъ. Другіе сотрудники: Шарль Бемонъ (Bémont, род. 1844 г., извѣстенъ своей монографіей о Симонѣ Монфортекомъ; здѣсь обработалъ исторію Британіи въ главѣ XII), Ланглау, Люмеръ, Валь и самъ второй редакторъ, Лависсъ, колеблются между Бертело и Байе. Библиографія при всѣхъ главахъ составлена очень толково, хотя, конечно, не отличается большою полнотой относительно не-французскихъ монографій.

Переводъ вполне удовлетворителенъ; очень мало замѣтили мы недосмотровъ, въ родѣ: «тогдашняго» (время Ираклія?) историка Греціи Папарригопуло (стр. 217; Папарригопуло умеръ года три назадъ), исапосталось—подобенъ апостоламъ (стр. 218, вм. равноапостольный), авторы священныхъ книгъ (стр. 663, вм. авторы легендъ), поэма Дигениса Акриты (стр. 710, вм. поэма о Дигенисѣ) и т. д.

Въ общемъ, это — книга для русской публики полезная и хорошо изданная.

А. К.

Библиотека историческаго чтенія. 1) Смутное время и дворцовый переворотъ въ Константинополѣ. В. Теплова. Съ видами и портретами. Спб. 1897.

Эпизодъ современной исторіи Турціи, описанный въ этой небольшой книжкѣ, обнимаетъ событія въ Константинополѣ отъ 18 мая до 26-го августа 1876 г., которыя полны интереса, такъ какъ въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ былъ низвергнутъ и убитъ султанъ Абдуль-Азизъ, возведенъ на престолъ и лишенъ его Мурадъ V, наконецъ, воцарился Абдуль-Хамидъ II. Находясь тогда въ составѣ русскаго посольства, авторъ рассказываетъ, какъ очевидецъ то, что онъ называетъ смутнымъ временемъ и дворцовымъ переворотомъ въ Константино-

полѣ, и его разсказъ тѣмъ любопытнѣе, что теперь, спустя двадцать лѣтъ, на берегахъ Босфора царить такое же смутное время, и каждый день можетъ совершиться новый дворцовый переворотъ. Поэтому, нѣсколько странно, при свѣтѣ послѣднихъ событій, какъ бы предвѣщающихъ окончательную агонію большого человѣка въ Царьградѣ, читать хвалебный гимнъ, который поетъ султану г. Теплоу. По его словамъ: «Абдуль-Хамидъ, принявшій царство въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ кризисовъ, пережившій русско-турецкую войну, когда вопросъ шель о самомъ существованіи Оттоманской имперіи, и видѣвшій, какъ, пользуясь послѣдствіями войны, даже державы, именующія себя пріятелиницами и заступницами Турціи, растаскивали по кусочкамъ облюбованныя ими области этой самой Турціи,—Абдуль-Хамидъ, не смотря на всѣ эти бѣдствія сумѣлъ возвысить пошатнувшуюся было власть султановъ и, благодаря своему осторожному, хотя и твердому уму, сумѣлъ, ловко лавируя между препятствіями, справиться болѣе или менѣе съ окружающими его внутренними и виѣшними затрудненіями, и возвысивъ политическое значеніе Турціи въ глазахъ европейскихъ державъ, пріобрѣсти между своими разноплеменными подданными популярность и даже привязанность, смѣшанную съ невольнымъ уваженіемъ». Но чѣмъ сомнительнѣе популярность теперешняго султана въ Арменіи, привязанность къ нему Крита и уваженіе Македоніи, тѣмъ болѣе кстати появляются записки очевидца о томъ, какъ лишился престола его ближайшіе двое предшественника. Особенно походитъ теперешнее положеніе Турціи на кризисъ, вызвавшій паденіе Абдула-Азиза: тогда, какъ и теперь, царило въ Турціи общее недовольство, финансовое банкротство, возстаніе христіанскихъ народностей, въ пользу которыхъ не осуществлялись давно обѣщанныя реформы, не смотря на требованія Европы и движеніе «Молодой Турціи», стремящейся ввести на Балканскомъ полуостровѣ конституціонные порядки, тогда, какъ и теперь, европейскія державы интриговали въ Константинополѣ, боясь, чтобъ султанъ не принялъ, согласно выраженію г. Теплоу, «какихъ либо рѣшеній, напомилавшихъ рѣшенія султана Махмуда, рѣшившагося въ 1833 г. поставить Турцію подъ покровительство Николая I». Все это вмѣстѣ, а также судя по намекамъ, если не по прямымъ указаніямъ нашего автора, вліяніе англійскаго посла сэра Генри Эллиота, имѣвшаго репутацію бѣдовика, при бытности котораго въ Неаполѣ лишился престола Францискъ, а въ Аѳинахъ — Оттонъ, привело къ государственному перевороту 18 мая 1876 г., результатъ котораго былъ объявленъ державамъ въ слѣдующихъ словахъ: «Единогласной волей министровъ, войска и націи. Абдуль-Азизъ низложенъ, а Мурадъ V провозглашенъ султаномъ». Спустя пять дней, распространилось извѣстіе о смерти павшаго султана, и въ официальномъ сообщеніи говорилось, что онъ въ припадкѣ сумасшествія вскрылъ себѣ вены на обѣихъ рукахъ ножницами, которыя попросилъ, чтобъ подстричь бороду, но въ политическомъ процессѣ 1881 г., возбужденномъ уже при Абдуль-Хамидѣ, было доказано, что онъ убитъ тремя придворными служителями. Хотя прямое участіе въ этомъ убійствѣ султана Мурада и его министровъ, въ томъ числѣ Мидхата, не подтверждено вполне, по словамъ г. Теплоу: «можно догадываться на основаніи всей совокупности обстоятельствъ, кто былъ дѣйствитель-

ный убійца Абдуль-Азиса, и кому смерть его была особенно нужна». Отчетъ объ этомъ политическомъ процессѣ вставленъ авторомъ въ свой рассказъ, хотя онъ и происходилъ далеко послѣ той эпохи, которая составляетъ прямой предметъ записокъ очевидца, что нѣсколько нарушаетъ цѣльность и постепенность этого рассказа, вообще живого и мѣстами картиннаго; то же можно сказать и объ исторіи Мидхатовой конституціи, одинаково относящейся къ царствованію Абдула-Хамида, первыми днями котораго ограничиваетъ нашъ авторъ свой рассказъ. Но, не смотря на это, нельзя отрицать интереса сообщаемыхъ имъ свѣдѣній какъ о процессѣ, такъ и о конституціи, хотя онъ относится къ этой конституціи не только скептически, но даже проницательно, называя «затѣей» и вообще вида въ вызвавшемъ ее либеральномъ движеніи «Молодой Турціи» не что иное, какъ вымазанную европейскими красками маску, которая скрывала за собой крайній магометанскій обликъ со всѣмъ его необузданнымъ фанатизмомъ. Что касается до кратковременнаго царствованія Мурада, бывшаго игралищемъ въ рукахъ министровъ, его удаленіе отъ престола вслѣдствіе удостовѣреннаго иностранной медицинской знаменитостью и продолжающагося, повидимому, доселѣ сумасшествія, и восшествія на престолъ теперешняго султана Абдула-Хамида, то читатель найдетъ въ книгѣ В. Теплова мало извѣстныхъ и любопытныхъ подробности; въ особенности, заслуживаютъ вниманія его очерки турецкой администраціи и магометанскаго духовенства, которые могутъ служить очень полезнымъ пособіемъ для правильнаго уясненія стараго, но вѣчно юнаго, восточнаго вопроса. В. Т.

Л. Гейссеръ. Исторія французской революціи (1789—1799). Переводъ съ нѣмецкаго подѣ редакціей профессора А. Трачевскаго. Изданіе 2-е. Спб. 1897.

Настоящая книга есть второе изданіе на русскомъ языкѣ лекцій извѣстнаго германскаго ученаго Людовика Гейссера, собранныхъ и выпущенныхъ въ свѣтъ ученикомъ его Онкеномъ. Первое русское изданіе, котораго нынѣшнее является простой перепечаткой, вышло въ 1870 году, подѣ редакціей того же профессора Трачевскаго, и уже давно исчезло изъ продажи. Нельзя поэтому не порадоваться, что русская читающая публика снова получила возможность знакомиться съ французской революціей по такому прекрасному руководству, какъ книга Гейссера.

Мы не станемъ преувеличивать заслугъ этого труда, не станемъ утверждать, что въ научномъ отношеніи онъ вполне безупреченъ, да и странно было бы высказывать подобные взгляды послѣ появленія такихъ превосходныхъ работъ, пролившихъ такъ много новаго свѣта на темные вопросы революціонной эпохи, какъ книга Токвиля «L'ancien régime et la révolution», Тэна «Les origines de la France contemporaine» и Сореля «L'Europe et la révolution française», одна изъ которыхъ вполне, другія же двѣ отчасти, сдѣлались достояніемъ и русской литературы. Человѣку, стремящемуся изучить революцію во всѣхъ ея проявленіяхъ, воспользоваться всѣми данными, добытыми касательно ея современной наукой, нельзя обойтись безъ изученія указанныхъ трехъ тру-

довь, разсматривающихъ революцію каждый съ одной изъ трехъ главнѣйшихъ ея сторонъ: трудъ Токвиля — со стороны отношенія ея къ старому порядку, Тэна—къ современному намъ строю Франціи, и Сореля, наконецъ,—къ остальнымъ европейскимъ государствамъ. Но для лицъ, намѣреющихся просто вкратцѣ ознакомиться съ общимъ ходомъ французской революціи и не желающихъ при этомъ находиться подъ давленіемъ предвзятыхъ взглядовъ на это событіе, книга Гейссера окажется вполне достаточной. Въ ней не проводится, правда, никакихъ особенно новыхъ или оригинальныхъ взглядовъ, но зато замѣчается основательное знакомство автора со всей появившейся до него литературой и умѣлый, обнаруживающій большой критическій умъ и тактъ, выборъ доставляемыхъ ею данныхъ. Мнѣніе Токвиля о томъ, что революція была всецѣло подготовлена старой королевской Франціей, принимается Гейссеромъ безъ всякихъ оговорокъ; но за то взгляды тѣхъ французскихъ ученыхъ, которые писали свои сочиненія о революціи подъ влияніемъ узкихъ партійныхъ интересовъ, каковы Тьеръ, Минье, Ламартинъ и другіе, оставляется имъ почти безъ вниманія; онъ пользуется этими сочиненіями только для добыванія нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ, да и тѣ старается по возможности черпать изъ первоисточниковъ. Нельзя сказать, чтобы эти данныя отличались въ книгѣ Гейссера особенной детальностью, но это объясняется тѣмъ, что самая книга есть сводъ изустныхъ лекцій, читанныхъ Гейссеромъ въ университетѣ, гдѣ за недостаткомъ времени приходилось разбирать подробно и всесторонне лишь главнѣйшіе факты, мелькомъ упоминая о второстепенныхъ.

Русское изданіе по дѣленію книги на отдѣлы и главы нѣсколько отличается отъ нѣмецкаго оригинала, что при большей равномѣрности частей служитъ только къ выгодѣ книги, облегчая пользованіе ею, какъ руководствомъ. Въ русскомъ изданіи книга раздѣлена на введеніе и девять отдѣловъ, въ свою очередь подраздѣляющихся на двадцать четыре главы. Въ введеніи авторъ знакомитъ насъ съ состояніемъ французскаго общества и французской литературы, а такъ же съ послѣдними перипетіями государственной жизни Франціи передъ самымъ революціоннымъ взрывомъ. Отдѣлы: первый, второй и третій (главы V—IX), посвящены началу революціи и эпохѣ учредительнаго собранія, т. е. обнимаютъ время съ 1789 по 1791 годъ. Здѣсь мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе читателей на блестящую характеристику извѣстнаго дѣятеля учредительнаго собранія—Мирабо. Въ нѣмецкой и французской литературахъ существуетъ нѣсколько обширныхъ біографій Мирабо, въ которыхъ какъ частная его жизнь, такъ и государственная дѣятельность разобраны весьма подробно. Но на русскій языкъ онѣ не переведены, а потому ясная, точная и при маломъ объемѣ достаточно полная характеристика Мирабо, дѣлаемая Гейссеромъ, является для насъ болѣе, чѣмъ удовлетворительной. Исторія законодательнаго собранія, извѣстнаго тѣмъ, что оно положило солидное начало разнуданности умовъ во Франціи, способствовало полному паденію королевской власти и вполне подготовило послѣдующую эпоху террора,—излагается въ четвертомъ отдѣлѣ (глава X—XII) книги Гейссера. Національному конвенту и террору посвящены отдѣлы: пятый, шестой и седьмой и, наконецъ, директоріи—отдѣлы восьмой и девятый. Переворотомъ 18-го брюмера, когда на мѣсто на-

роднаго правленія стало консульство съ почти неограниченной властью перваго консула Бонапарта, кончаетъ Гейссеръ свое повѣствованіе о великой французской революціи.

Такимъ образомъ, его небольшой по объему трудъ заключаетъ въ себѣ всю революціонную эпоху. Прилагать, поэтому, къ нему слишкомъ большихъ требованій мы, какъ упомянули уже выше, не имѣемъ никакихъ основаній. Но для цѣлей академическихъ, какъ учебникъ, трудъ Гейссера далеко оставляетъ за собою всѣ остальные и является незамѣнимымъ.

К. Лосскій.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Историческій очеркъ военной и государственной дѣятельности. Составили П. А. Гейсманъ и А. Н. Дубовской. Спб. 1897.

Въ числѣ лицъ, весьма замѣтныхъ въ царствованіи императрицы Елизаветы и Екатерины II, мы встрѣчаемъ братьевъ Никиту и Петра Паниныхъ. Старшій изъ нихъ, Никита Ивановичъ, опытный царедворецъ, въ царствованіе Екатерины занималъ должность дядьки и наставника наслѣдника престола Павла Петровича. Второй братъ, обладалъ несомнѣнными и большими военными дарованіями и уже 34-хъ лѣтъ отъ роду имѣлъ званіе генераль-маіора. Оба брата при дворѣ Екатерины являлись въ роли приверженцевъ Павла Петровича, имѣли даже свою партію и, понятно, не были слишкомъ любимы при большомъ дворѣ. Чрезвычайно храбрый, съ характеромъ рыцарскимъ, красавецъ Петръ Ивановичъ Панинъ хуже брата своего ладилъ съ порядками, въ которыхъ ловкость придворнаго иной разъ замѣняла истинныя дарованія государственнаго человѣка, и потому немудрено, если онъ, наконецъ, подвергся опалѣ и долженъ былъ подать въ отставку послѣ взятія имъ Бендеръ и жить въ Москвѣ подъ секретнымъ, но бдительнымъ наблюденіемъ московскаго главнокомандующаго князя Волковскаго, и подъ именемъ непристойнаго болтуна. Опала эта продолжалась четыре года, когда самъ Панинъ, движимый искреннимъ негодованіемъ на развитіе пугачевского возстанія, предложилъ свои услуги государынѣ, видѣвшей до того въ немъ своего личнаго оскорбителя. Тѣмъ не менѣе, она, испуганная успѣхами Пугачева, приняла предложеніе даровитаго и способнаго «болтуна» и снабдила его очень большою властью для завершенія этого дѣла. Вскорѣ, какъ извѣстно, Пугачевъ былъ схваченъ сообщниками и доставленъ по приказанію Панина въ Симбирскъ, гдѣ, по собственному сознанію, Панинъ въ припадкѣ распалившейся крови надавалъ ему собственноручно пощечинъ. Затѣмъ, въ должности усмирителя бунта въ малыхъ его развѣтвленіяхъ и шайкахъ, составившихся послѣ поимки Пугачева, а также въ качествѣ возстановителя по возможности нарушенныхъ правъ, а также для принятія мѣръ по уменьшенію бѣдствій отъ возникшаго тогда голода, Панинъ пробылъ въ этой должности ровно годъ и 9-го августа 1775 года былъ снова уволенъ отъ службы съ благодарственнымъ рескриптомъ. Умеръ онъ скоропостижно въ Москвѣ, четыре года спустя, причемъ оставилъ только сына и дочь отъ второго брака, не смотря на то, что отъ первой жены имѣлъ 17-ть человѣкъ дѣтей, за 16-ть лѣтъ су-

прудской жизни, а отъ второй—пять человекъ, изъ которыхъ выжило только двое. Послѣ него осталось большое состояніе, не смотря на то, что ему пришлось уплатить громадные долги его брата, которому приходилось жить по тогдашней модѣ—гораздо выше его средствъ.

Таковъ въ короткихъ словахъ послужной списокъ Петра Панина. Но онъ, какъ и говорятъ составители этого интереснаго очерка, мало освѣщаетъ оригинальную личность Петра Ивановича въ его дѣйствительной исторической цѣнности и несомнѣнныхъ талантовъ. Между тѣмъ, какъ оказывается по лежащему передъ нами изслѣдованію, Панинъ былъ дѣйствительно чрезвычайно умный человекъ и даровитѣйшій полководецъ того времени, столь богатаго военнымъ гениемъ и государственными дарованіями лицъ, окружавшихъ Екатерину. Удивительно даже, до чего мысли и дѣйствія Панина на полѣ брани опередили свой вѣкъ, и какъ онъ были близки къ тѣмъ идеямъ, какими кичится наше время! Въ его распоряженіяхъ мы не видимъ почти ошибокъ въ дѣйствіи различными родами оружія по ихъ дѣйствительному характеру и боевой роли. Кромѣ того, въ своихъ нѣсколько кудрявыхъ письмахъ и запискахъ онъ является проницательнымъ и глубокимъ организаторомъ, по разуму и духу мало уступавшимъ Суворову и едва ли не превосходившимъ въ этомъ отношеніи самого Румянцева.

Авторы очерка не скрываютъ, однако, что Панинъ, при всѣхъ его положительныхъ качествахъ военнаго и государственнаго человека, отличался большимъ тщеславіемъ, любилъ пышность и торжественность, доходившую до актерства и театральности. Зато они широко и ярко подчеркиваютъ его прямоту, правдивость и главное честность, доходившую до яркой ненависти къ казнокрадамъ, которыхъ, по его собственному сознанію, онъ бы съ удовольствіемъ перевѣшалъ. Говорятъ авторы намъ и о его жестокости и суровости, мало приводя тому доказательствъ. Правда, Панинъ спорилъ съ императрицей о неумѣстности милосердія къ пугачевцамъ и повѣсилъ и казнилъ 326 человекъ. Это, пожалуй, по-нашему и много. Однако, принимая во вниманіе нравы времени и сопоставляя, какъ и дѣлаетъ самъ Панинъ, число казненныхъ Пугачевымъ 2.846 человекъ, изъ числа которыхъ болѣе полторы тысячи дворянъ, съ цифрой казненныхъ Панинымъ, эта послѣдняя цифра не покажется ни слишкомъ жестокой, ни чрезмѣрно большой. Вѣдь надо же сознаться, что и теперь, въ вѣкъ несомнѣннаго торжества милосердія ко всякаго рода преступникамъ, противъ политическихъ, да еще массовыхъ, движеній столь вообще опасныхъ для государственнаго спокойствія и благосостоянія, мы не знаемъ иного средства, кромѣ устрашенія возмущившихся и возставшихъ жестокостями и казнями. Трудно было и Панину выдумать что либо иное, да еще зная, что монархія его самого считаетъ не далеко стоящимъ отъ ея личнаго оскорбителя Пугачева. Затѣмъ, намъ говорятъ, что онъ былъ убѣжденнымъ крѣпостникомъ. Еще бы нѣтъ! Вѣдь крѣпостное право Бориса стало дѣйствительнымъ рабствомъ и крѣпостью именно при Екатеринѣ. Панинъ, въ этомъ отношеніи, шелъ за вѣкомъ и не былъ только выше его, да если бы и былъ, то едва ли бы не заплатилъ за это ссылкой.

Очерчивая этии немногими сливами содержаніе труда гг. Гейсмана и Ду-

бовского, мы имѣемъ цѣлью привлечь къ нему вниманіе читателей и историковъ, тѣмъ болѣе, что фигура Петра Ивановича Панина дѣйствительно настолько интересна и крупна, даже по масштабу того крупнаго вѣка, что на изслѣдованія, еще болѣе подробныя, чѣмъ немногія существующія, изъ которыхъ крупнѣйшія даже имѣютъ характеръ посмертныхъ памфлетовъ (Лебедевъ), она имѣетъ полное и неоспоримое право.

Къ недостаткамъ работы нашихъ авторовъ надо причислить нѣкоторую отрывочность сообщаемыхъ свѣдѣній и достаточно пробѣловъ. Дѣятелей эпохи трудно разсматривать совершенно независимо отъ самой эпохи, что и почувствовали авторы, касаясь интереснѣйшей переписки Панина съ будущимъ императоромъ Павломъ по многимъ важнѣйшимъ вопросамъ организациіи войскъ и ихъ управленія. Имъ поневолѣ пришлось взять тутъ на себя роль адвокатовъ, защищая нѣкоторыя положенія прямодушнаго Панина, въ которыхъ именно не было и не могло быть прямодушія. Если бы эту адвокатскую роль они предоставили самой эпохѣ, то дѣло Панина легче было бы выиграно, нежели теперь оно выигрывается на судѣ нѣскольکو сбитаго съ толку читателя. Но авторы до того ограничили свою задачу, что даже о братѣ его Никитѣ, съ которымъ онъ составлялъ почти недѣлимое цѣлое, они не сказали ничего, кромѣ того, что послѣ его смерти осталась масса серебра, домашней богатѣйшей утвари и немного меньше 200.000 рублей долгу. Такъ уединять историческія личности не удобно, потому что этимъ способомъ можно написать хорошій плоскій портретъ, но трудно дать цѣльную и выпуклую историческую фигуру.

В. П.

**Кіевъ. Его святыни и памятники. Составилъ проф. Н. И. Петровъ.
Редакція В. И. Шемякина. Слб. 1896.**

Существуетъ уже нѣсколько описаній г. Кіева съ его памятниками и святынями. Таковы труды Фундуклея (1847 г.), Закревскаго (1868 г.), Сементовскаго (1881 г.), Ващенко-Захарченко (1888 г.) и др. Но они отчасти уже составляютъ библиографическую рѣдкость, отчасти же, по своему ученому характеру и роскошному изданію, мало доступны для ежегодныхъ многочисленныхъ поклонниковъ Кіева, особенно небогатыхъ. Поэтому недавно изданный трудъ проф. Петрова является весьма кстати. Однимъ изъ достоинствъ его слѣдуетъ признать гармоническое соотношеніе между чисто ученымъ, чуждымъ всякихъ прикрасъ и легендарныхъ сказаній характеромъ его и общедоступнымъ, простымъ понятнымъ для всякаго русскаго образованнаго посѣтителя Кіева изложеніемъ. Разсматриваемое сочиненіе имѣетъ и другія достоинства. Оно принадлежитъ перу извѣстнаго знатока кіевской старины, создавшаго прекрасный церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи, который теперь составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній нашего древняго Кіева, и въ послѣднее время особенно углубившагося въ изученіе древней исторіи, археологіи и топографіи г. Кіева. Проф. Петровъ весьма внимательно изучилъ всѣ кіевскія древнехранилища и составилъ ученые описанія всѣхъ кіевскихъ библиотекъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на рукописныя собранія въ нихъ,

22*

напр., лаврской, михайловской, никольской, семинарской и др. библиотекъ. Это изученіе обогатило его весьма многими цѣнными открытіями въ области древней исторіи и археологіи Кіева. Между прочимъ, проф. Петровъ первый успѣлъ разъяснить и разгадать древнѣйшій планъ г. Кіева, составленный въ 1638 г. кіево-печерскимъ іеромонахомъ Аванасіемъ Кальнофойскимъ и доселѣ оставшійся, благодаря своей странности и, какъ оказалось, испорченности при гравировкѣ, совершенно непонятнымъ для кіевскихъ историковъ. Проф. Петровъ разобралъ этотъ планъ и тѣмъ пролилъ обильный свѣтъ на цѣлый рядъ вопросовъ въ области древней археологіи, исторіи и особенно топографіи г. Кіева. Своими открытіями проф. Петровъ пользуется и въ разсматриваемомъ нами сочиненіи и высказываетъ нѣсколько совершенно оригинальныхъ научныхъ предположеній. Но и независимо отъ этого трудъ почтеннаго историка включаетъ въ себѣ множество совершенно самостоятельныхъ, новыхъ мнѣній по разнымъ вопросамъ, напримѣръ, по исторіи кіево-андреевской церкви и др. Вообще, взявшись за дѣло, повидимому, уже совершенно извѣстное и хорошо обследованное, — такое, гдѣ трудно сказать что либо новое, проф. Петровъ тѣмъ не менѣе не пошелъ проторенною его предшественниками дорожкой, но создалъ, можно сказать, совершенно новый, весьма интересный историческій очеркъ Кіева съ его святынями и памятниками.

Сочиненіе, согласно заглавію его, распадается на двѣ части, изъ коихъ въ первой дѣлается общее обозрѣніе исторіи Кіева, начиная съ глубокой древности и до самаго послѣдняго времени его существованія (стр. 1—51), а во второй — обширнѣйшей — заключается частное описаніе кіевскихъ святынь и памятниковъ, при чемъ и здѣсь авторъ сначала обыкновенно даетъ общее описаніе каждаго отдѣльнаго памятника, а затѣмъ уже переходитъ къ подробностямъ. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ особенно удобнымъ пользованіе трудомъ проф. Петрова для посѣтителей и поклонниковъ Кіева. Порядокъ описанія кіевскихъ святынь и памятниковъ также избранъ авторомъ весьма удачно. «Мы будемъ обозрѣвать», — говоритъ онъ на стр. 53, — «только тѣ части г. Кіева, въ которыхъ сохранились или были какія либо святыни и достопамятности, т. е. преимущественно древнія части города и древнѣйшіе памятники его, и при обозрѣніи ихъ будемъ держаться того порядка, какому обыкновенно слѣдуютъ кіевскіе богомольцы при поклоненіи кіевскимъ святынямъ, т. е. начиная съ Печерска, а оттуда идя чрезъ Кловъ или Линки на старый Кіевъ и затѣмъ спускаясь на Подоль».

Цѣна сочиненія, сравнительно съ его объемомъ, назначена доступная. Къ сожалѣнію, корректурная сторона изданія оставляетъ желать лучшаго. Къ сочиненію приложенъ и новѣйшій планъ г. Кіева. С. Ө. Титовъ.

Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Ал. Лазаревскаго. Выпускъ III. Кіевъ. 1896.

Г. Лазаревскій имѣетъ хорошее обыкновеніе время отъ времени собирать свои журнальныя работы и издавать ихъ отдѣльными книжками. Изданный въ настоящее время третій выпускъ полонъ интереснаго и цѣннаго матеріала. Большинство

помѣщенныхъ здѣсь статей—небольшія замѣтки, не связанныя опредѣленнымъ единствомъ темы, но въ общемъ имѣющія ближайшее отношеніе къ тому или другому отдѣльному вопросу, взятому изъ обширной области южно-русской исторіи. Тутъ краткіе некрологи (А. И. Ханенко и Жоготы Паули) и біографическіе очерки (И. Р. Мартосъ) мѣстныхъ дѣятелей, сырые матеріалы (письма Г. П. Галагана, дневникъ В. Я. Ломиковскаго, отрывки изъ нѣкоторыхъ архивныхъ документовъ), нѣсколько рецензій; все это—плодъ трудолюбивыхъ и неустанныхъ изысканій автора въ области прошлыхъ судебъ роднаго края. Изъ болѣе обширныхъ статей отмѣтимъ три. Обзорніе содержанія «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1892—1894 гг. (стр. 5—21) имѣетъ интересъ потому, что авторъ добросовѣстно выписалъ изъ этого малораспространеннаго (какъ и всѣ другія «Епархіальныя Вѣдомости») изданія все, что представляетъ научно-историческій интересъ. Если взять во вниманіе, что для всякаго захолюбившаго интеллигента не Кіевской, а, напримѣръ, Подольской или Полтавской губерніи, по счастливой случайности не утратившаго вкуса къ научнымъ занятіямъ и посвящающаго свой досугъ разработкѣ мѣстной исторіи, почти невозможно бываетъ раздобыть это изданіе,—то станетъ вполне понятнымъ несомнѣнное практическое значеніе болшею частью дословныхъ выписокъ, которыя г. Лазаревскій собралъ въ своей статьѣ. Поэтому сборникъ г. Лазаревскаго представляетъ большое удобство, такъ какъ для многихъ можетъ съ успѣхомъ замѣнить недоступныя «Вѣдомости». Кстати упомянемъ, что г. Лазаревскій съ такою же внимательностью отнесся и къ 22-му выпуску «Извѣстій» таврической ученой архивной комиссіи и въ дословныхъ выдержкахъ привелъ наиболѣе цѣнный матеріалъ. Вторая болѣе выдающаяся по объему статья (стр. 69—89) представляетъ собою детальный разборъ извѣстнаго труда г. Эварницкаго «Исторія запорожскихъ казаковъ». Г. Лазаревскій выноситъ строгій вердиктъ по отношенію къ этой книгѣ, устанавливая «полное отсутствіе научности» какъ въ изложеніи фактовъ, такъ и въ выводахъ; этотъ суровый приговоръ произнесенъ не зря, а подкрѣпленъ рядомъ солидныхъ научныхъ доводовъ, и достоинство указанной рецензіи таково, что она будетъ служить необходимой поправкой, къ которой придется обращаться всякій разъ при пользованіи изслѣдованіемъ г. Эварницкаго. Наконецъ, третья выдающаяся статья (стр. 89—144) посвящена изслѣдованію мѣстности, которой авторъ даетъ названіе Лубенщины, и ея владѣтелей князей Вишневецкихъ; это—цѣнная научная работа по первоисточникамъ, напечатана была въ «Кіевской Старинѣ» (вышла и отдѣльнымъ оттискомъ).

Въ общемъ, книжка г. Лазаревскаго даетъ достаточное количество цѣннаго историческаго матеріала и потому явится необходимой принадлежностью бібліотеки всѣхъ, кто интересуется малорусскою стариной. Въ особенности большую практическую услугу окажетъ она, какъ разъяснено выше, тѣмъ труженикамъ глухой провинціи, для которыхъ пользованіе научными пособіями всегда бываетъ сопряжено съ непреодолимыми затрудненіями, и которые съ особой внимательностью принуждены бываютъ относиться къ выбору пособій для своихъ научныхъ занятій. Недорогая по цѣнѣ (1 р. 20 к.) и обильная содержаніемъ, книжка г. Лазаревскаго представляетъ пріятное сочетаніе двухъ

существенныхъ условий, наличность которыхъ даетъ намъ право рекомендовать ее вниманію читателей.

К. Х.

Г. Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Томъ I. Англійская литература (1660—1770). Переводъ А. Н. Пыпина. Изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное по послѣднему, 5-му изданію подлинника. (Культурно-историческая бібліотека. Изд. О. Н. Поповой). Спб. 1897.

Цѣлые 33 года понадобилось этой умной и полезной книгѣ для того, чтобы дожить до 2-го изданія въ Россіи, но въ оправданіе русской публики надо замѣтить, что быстротѣ ея хода мѣшали особыя обстоятельства: во-первыхъ, на ней и въ 1863 г. стояло, какъ и теперь: томъ I, а между тѣмъ многие знали, что и въ оригиналѣ книга еще далеко не закончена; мы же, питая справедливое недовѣріе къ русскимъ неоконченнымъ сочиненіямъ, переносимъ его и на иностранныя. И дѣйствительно, въ данномъ случаѣ недовѣріе оказалось не безосновательнымъ; правда, за I томомъ сравнительно скоро (въ 1866 г.) послѣдовалъ II томъ, столь же, если еще не болѣе, интересный, излагавшій французскую литературу XVIII в. и давшій рельефныя, блестящія и въ то же время вполне основательныя характеристики Монтескье, Дидро, Вольтера, Руссо и т. п. явленій, которыхъ ни одна литература, не исключая и русской, не можетъ считать для себя чуждыми, посторонними; но слѣдующіе томы, заключавшіе въ себѣ нѣмецкую литературу съ половины XVII в. до Шиллера и Гёте включительно, томы, гдѣ авторъ является вполне самостоятельнымъ и высокоталантливымъ работникомъ (хотя мѣстами и подавляемымъ громадностью матеріала и непосредственной къ нему близостью), такъ и не попали въ руки русской публики; какой-то томъ былъ задержанъ, какой-то другой вышелъ въ другомъ несравненно худшемъ переводѣ—не помнимъ подробностей: во всякомъ случаѣ ни одинъ преподаватель не могъ рекомендовать русскаго перевода нѣмецкой литературы Геттнера и по неволѣ ограничивался англійской и французской. Вторая причина медленнаго распространенія Геттнера лежитъ, мы полагаемъ, не въ книгѣ, а въ тѣхъ разнообразныхъ событіяхъ и теченіяхъ, которыя мы переживали за эти 33 года: не до того было; читали мы много, но не по XVIII вѣку; молодежь и училась серьезно; но вѣдь Геттнеръ не учебникъ. Печатались и расходились и серьезные монографіи по исторіи литературы, но или съ болѣе рѣзкимъ направленіемъ, или самыя свѣжія вещи, которыя проглядывались, чтобъ «отъ людей не отстать»; а немногіе серьезные читатели, преимущественно учащаяся молодежь, пользовались бібліотечными экземплярами Геттнера.

Повидимому, настаетъ болѣе спокойное время, и хорошія, хотя бы старыя, но не устарѣвшія книги, въ томъ числѣ и Геттнеръ, должны находить себѣ и читателей, и покупателей.

Самое крупное добавленіе, внесенное во 2-е изданіе перевода изъ послѣднихъ изданій оригинала, безъ сомнѣнія,—характеристики 3-хъ англійскихъ историковъ XVIII в.: Юма, Робертсона и Гиббона (стр. 344—354), и доста-

точно привести небольшой отрывокъ изъ послѣдней ¹⁾, чтобы напомнить забывшимъ и дать понятіе случайно не читавшимъ Геттнера о великихъ достоинствахъ его изложенія: рельефности, теплотѣ и объективности.

«Со времени научной и поэтической романтики вошло въ обычай смотрѣть свысока на историческіе труды Гиббона. И кто станетъ отрицать, что основное воззрѣніе Гиббона страдаетъ суровостью и односторонностью... Гиббонъ раскрываетъ намъ зерно своего историческаго воззрѣнія, когда рассказываетъ въ своихъ запискахъ: «Это было въ Римѣ, 15 октября 1764 года, когда я сидѣлъ въ размышленіи между развалинами Капитолія, и босоногіе монахи (францисканцы) вѣли вечерню въ храмѣ Юпитера (Ara Coeli), когда въ душѣ моей впервые возникла мысль писать объ ослабленіи и упадкѣ Рима». Политическій идеалъ Гиббона, совершенно по взглядамъ Вольтера, былъ просвѣщенный деспотизмъ; счастливѣйшимъ вѣкомъ Рима было, по его мнѣнію, кроткое и мудрое господство Антониновъ. Въ возникающемъ христіанствѣ, которое, по его взгляду, было соединеніемъ іудейскихъ ученій и обычаевъ съ александрійской философіей, онъ видитъ главную причину возникающаго упадка, мятежническое нарушеніе спокойно равномѣрнаго развитія. Христіанское ученіе о безсмертіи души, по его мнѣнію, есть положеніе твердо установившейся іерархіи, которая дѣлала честолюбіе и себялюбіе побужденіемъ къ добродѣтели; къ христіанскимъ чудесамъ онъ относится только съ язвительной насмѣшкой. У него нѣтъ никакого внутренняго предчувствія, что съ этой новой религіей вступила въ міръ болѣе глубокая жизнь души; нигдѣ взглядъ его не падаетъ на величественные и внушающіе благоговѣніе образы древнихъ мозаическихъ изображеній, въ которыхъ средніе вѣка высказывали свои представленія о Христѣ, объ апостолахъ, о Богоматери, или на великія, достопочтенныя своей древностью базилики, которыя обнимаютъ насъ благоговѣйнымъ трепетомъ первобытнаго христіанства. Холодность къ христіанству доводитъ его даже до нескрывимаго предпочтенія къ магометанству. Позднѣйшіе историки, стоявшіе на плечахъ Гиббона, не только исправили узкость этого основнаго взгляда, но безъ большого труда указали также иное поверхностное и ошибочное въ изображеніи историческихъ частностей. Къ этимъ недостаткамъ нерѣдко присоединяется также притязательная искусственность стиля, которая непріятно поражала уже современниковъ. И не смотря на все это, историческое произведеніе Гиббона остается произведеніемъ высочайшаго достоинства. Гиббонъ сдѣлалъ то, что хотѣлъ, но чего не могъ сдѣлать Вольтеръ» (стр. 353).

Новое изданіе не такъ изящно, какъ 1-е изданіе—Тиблена, но зато оно несравненно дешевле (томъ въ 450 стр.—1 р. 50 коп.).

Переводъ, конечно, прекрасный.

А. К.

¹⁾ Семи-томное изданіе русскаго перевода Гиббона, не смотря на свою высокую цѣну, хоть медленно, но расходится въ нашей публикѣ.

В. Е. Данилевичъ. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896.

Книга г. Данилевича представляетъ студенческое сочиненіе, награжденное медалью, и относится къ циклу изслѣдованій, вызванныхъ къ жизни кievской школой историковъ, съ проф. В. Б. Антоновичемъ во главѣ. Вотъ уже много лѣтъ, давая темы для студенческихъ сочиненій, проф. В. Б. Антоновичъ строго держится опредѣленнаго принципа: общей исторіи Руси должны предшествовать частныя изслѣдованія исторіи отдѣльныхъ областей земель, образовавшихъ въ средніе вѣка нашей исторіи единое тѣло. Изъ года въ годъ кievскимъ историко-филологическимъ факультетомъ предлагались слѣдующія темы: исторія Сѣверской земли до половины XIV столѣтія, Смоленской до начала XV в., Волынской до конца XIV в., Кіевской, Кривичской и Дреговичской земель. Студентъ, бравшійся за одну изъ этихъ темъ, долженъ былъ перебрать всѣ источники и критически просмотрѣть литературу вопроса. Въ 1895 г. по отношенію къ Полоцкой землѣ сдѣлалъ это г. Данилевичъ. Работа, конечно, предназначается не для большой публки, а для спеціалистовъ. Имъ г. Данилевичъ оказываетъ большую услугу уже тѣмъ, что избавляетъ ихъ отъ утомительнаго труда рыться по лѣтописямъ для справки по какому нибудь вопросу, касающемуся Полоцкой земли. Въ предисловіи къ своей работѣ г. Данилевичъ говоритъ, что, «по возможности, онъ старается избѣгать такихъ гипотезъ, которыя не могли быть построены на основаніи прочныхъ данныхъ, и предпочиталъ лучше указать на полное отсутствіе извѣстій о томъ или другомъ явленіи, чѣмъ вводить въ изложеніе совершенно ни на чемъ не основанныя гипотезы». Стараніе очень похвальное, и мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что оно почти увѣнчалось успѣхомъ: въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ положенія г. Данилевичъ подкрѣпляетъ фактами. Эта сторона изслѣдованія даетъ желанную возможность пользоваться имъ, какъ вполне научнымъ трудомъ. Нельзя отказать автору и въ способности критически провѣрять нѣкоторыя установившіяся положенія. Заслуживаетъ вниманія сдѣланный г. Данилевичемъ на 148—150 стр. разборъ выставленной проф. Дашкевичемъ теоріи о завоеваніи Полоцка Довмонтомъ. Путемъ опроверженія новодовъ проф. Дашкевича г. Данилевичъ приходитъ къ тому выводу, что Довмонтъ никогда Полоцка не завоевывалъ. Такимъ образомъ, г. Данилевичу удастся внести кое-что новое въ науку русской исторіи. На обложкѣ своей книги авторъ выставилъ эпитафій изъ Тацита: «Новые писатели всегда думаютъ или внести что нибудь новое или же превзойти въ искусствѣ изложенія старыхъ писателей». Новое, правда, немногое есть у г. Данилевича, ну, а искусствомъ изложенія онъ не совсѣмъ превзошелъ старыхъ писателей.

П. Ц.

Русскіе люди въ Обѣтованной землѣ. Путевыя наблюденія и впечатлѣнія. Сост. Ѳ. Палеологъ. Спб. 1896.

Книга г. Палеолога имѣетъ совершенно особый характеръ, чѣмъ обычныя описанія Палестины. Въ ней авторъ подводитъ итоги вліянію русскаго паломничества и русскихъ благотворительныхъ учрежденій на религіозно-бытовой

строй палестинскихъ обитателей. По словамъ автора, Палестина является первымъ историческимъ примѣромъ успѣховъ мирной цивилизаторской дѣятельности русскаго народа въ совершенно независимой странѣ при столкновѣніяхъ съ другими сильными культурами (европейской, греческой, турецкой). Арабское коренное населеніе видитъ въ русскомъ народѣ своего благодѣтеля. Русскіе основываютъ въ Палестинѣ школы, больницы, страннопріимные дома, оказываютъ матеріальную поддержку мѣстнымъ жителямъ, храмамъ и духовенству, возстановляютъ и охраняютъ мѣстныя святыни и историческіе памятники. Въ то же время они не эксплуатируютъ арабовъ, какъ греческое духовенство, которое закрывало арабскія школы, препятствовало проникновенію арабовъ въ духовное званіе и спѣшило только наживаться. Поэтому греки всячески интриговали всегда противъ русскихъ и относились къ нимъ недоброжелательно. Но русское вліяніе все болѣе и болѣе упрочивается въ Палестинѣ, русскимъ принадлежатъ большіе земельные участки тамъ, и авторъ довольно прозрачно намекаетъ, что недалеко время, когда Палестина совершенно мирнымъ образомъ перейдетъ въ наши руки. Книга г. Палеолога не чужда сентиментальныхъ и мистическихъ страницъ, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ всякія описанія въ духъ Норова. Изложеніе живое и вопросы, затронутые авторомъ, касаются не богословія, а современной общественной жизни. И. Переврзевъ.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. Соч. М. Ю. Лермонтова. Рисунки С. С. Соломко. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1897.

Мысль иллюстрировать произведенія нашихъ знаменитыхъ писателей, безспорно, очень хороша; но осуществленіе ея представляетъ значительныя трудности, такъ какъ иллюстраціи должны являться нагляднымъ объясненіемъ смысла, духа и особенностей подлинника, дополнять поэтическіе образы реальнымъ и вѣрнымъ воссозданіемъ ихъ въ рисунокѣ. Эта не легкая задача вполне удачно разрѣшена художникомъ С. С. Соломко. Всѣ сдѣланныя имъ иллюстраціи къ «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ» соотвѣтствуютъ содержанію текста и точно воспроизводятъ эпоху во всѣхъ ея подробностяхъ. Не говоря уже о прекрасно скомпонованныхъ бытовыхъ сценахъ, въ нихъ каждая мелочь: кафтанъ, шапка, рукавица, ковшъ, ларецъ, посуда и т. п., не выдумана, а срисована съ вещей времени Іоанна Грознаго. Съ технической стороны изданіе это смѣло можетъ выдержать сравненіе съ лучшими заграничными изданіями. Хромолитографія «Новаго Времени», скопировавъ на камень и печатая рисунки г. Соломко въ четыре тона, передала ихъ съ рѣдкой отчетливостью и мягкостью и, благодаря этому, изданіе представляетъ собою красивый кипсекъ, безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ. С. Ш.

**Муранскій могильникъ. Изслѣдованіе В. Н. Поливанова.
Москва. 1896.**

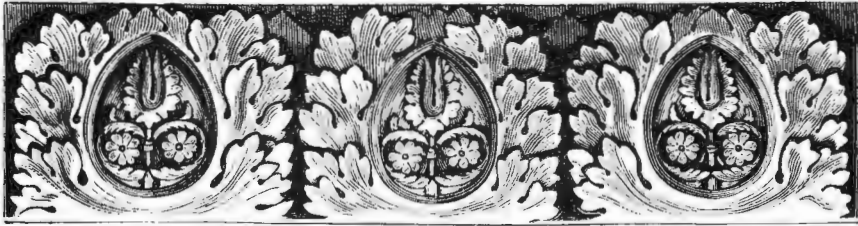
Могильникъ, обслѣдованный г. Поливановымъ, находится въ Симбирской губерніи. До 1889 года онъ не былъ извѣстенъ изслѣдователямъ, и лучшая и значительная часть могильника пошла на устройство плотины и такимъ образомъ пропала безслѣдно. Нужно думать, что это—значительная потеря, такъ какъ оставшіяся вещи заинтересовали не только русскихъ, но и иностранныхъ ученыхъ, между прочимъ, барона де-Бая, напечатавшаго на страницахъ «Revue Archéologique» (90-й г.) статью «La Necropole Mouganka». Книжка г. Поливанова содержитъ описъ вещамъ, найденнымъ въ могильникѣ, и лишь на послѣднихъ страницахъ даетъ нѣкоторые выводы, впрочемъ неокончательные. Относя могильникъ къ XI—XII столѣтіямъ, г. Поливановъ считаетъ его принадлежащимъ буртасо-чувашскимъ племенамъ, а не мордовскимъ, какъ это думаетъ г. Аспелингъ. Если принять во вниманіе, что въ мѣстности могильника еще и до сихъ поръ обитаютъ чуваша, то мнѣніе г. Поливанова получаетъ особую силу. Буртасы могли переселиться вмѣстѣ съ половцами въ XI вѣкѣ (такъ думаетъ проф. Смирновъ), затѣмъ монгольскими племенами были вытѣснены въ болѣе глухія мѣстности. Этимъ, кажется, объясняется присутствіе татарскихъ монетъ. Нельзя не пожелать появленія такихъ трудовъ, какъ трудъ г. Поливанова. Въ связи съ другими изслѣдованіями (Ястребовъ и друг.) онъ многое дополняетъ и уясняетъ въ темной исторіи народностей, бродившихъ по Руси. Книжка г. Поливанова—сырой матеріалъ, но чѣмъ больше соберемъ мы матеріала, тѣмъ удобнѣе работать надъ нимъ и тѣмъ скорѣе подвинемся къ научнымъ выводамъ.

П. Щ.

В. П. Авенаріусъ. Гоголь-гимназистъ. Спб. 1897.

Г. Авенаріусу пришла удачная мысль знакомить дѣтей въ беллетристической формѣ съ біографіями нашихъ выдающихся писателей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ написалъ такимъ образомъ біографію Пушкина, а надняхъ выпустилъ книжку, посвященную гимназическимъ годамъ Н. В. Гоголя. Главный матеріалъ для этой повѣсти авторъ почерпнулъ въ извѣстномъ трудѣ В. И. Шенрока «Матеріалы для біографіи Гоголя», который заключаетъ въ себѣ дѣйствительно очень полный и даже слишкомъ кропотливый наборъ біографическихъ данныхъ. Книжка г. Авенаріуса представляетъ собой лишь начало біографіи Гоголя. Со временемъ авторъ предполагаетъ написать еще двѣ книжки: «Гоголь-студентъ» и «Гоголь въ школь жизни». Такимъ образомъ г. Авенаріусомъ задумана цѣлая біографическая трилогія, которая, конечно, будетъ имѣть значеніе для первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ выдающимися дѣятелями нашей литературы.

В. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВРЕЧЕСКІЙ ПОЭТЪ БАХИЛИДЪ. Надняхъ въ Британскомъ музеѣ снова сдѣлано важное открытіе неизвѣстныхъ классическихкихъ произведеній на египетскомъ папирусѣ. Въ послѣдніе годы Африка стала источникомъ подобныхъ драгоценныхъ находокъ, и уже на старинныхъ папирусахъ, хранившихся вѣками въ египетскихъ гробницахъ, разобраны такія сокровища, какъ отрывки изъ сочиненій Эврипида, Платона, Аристотеля и Гиперида; теперь же найдены оды Бахилида, который за 500 лѣтъ до Р. Х. былъ соперникомъ Пиндара. Въ теченіе болѣе 2.000 лѣтъ этотъ греческій классикъ былъ извѣстенъ только по нѣсколькимъ строфамъ, сохранившимся въ сочиненіяхъ другихъ писателей. Хотя Бахилидъ и его дядя Симоидъ считались вмѣстѣ съ Пиндаромъ тремя великими лирическими поэтами Греціи, но, конечно, первые два не могли сравниться съ послѣднимъ, и презрительное сравненіе, сдѣланное Пиндаромъ на счетъ того, что онъ походитъ на орла, а Бахилидъ и его дядя на сорокъ, не лишено было основанія. Папирусъ, на которомъ начертаны поэтическія произведенія этого столько вѣковъ потеряннаго греческаго классика, въ настоящее время переписывается въ Британскомъ музеѣ, и они будутъ скоро изданы съ англійскимъ переводомъ; что же касается до подлинности ихъ, то она несомнѣнна, такъ какъ въ нихъ находятся тѣ строфы, которыя были извѣстны до сихъ поръ, какъ единственный плодъ музы Бахилида. Самая рукопись на папирусѣ, повидимому, относится къ первому вѣку до Р. Х. и заключается въ тридцати очень хорошо сохранившихся столбцахъ, съ очень немногими пробѣлами, которые не трудно возстановить. Увѣдомивъ публику о своей находкѣ, начальство Британскаго музея до сихъ поръ сохраняетъ въ тайнѣ тотъ путь, которымъ оно приобрѣло драгоценный папирусъ. Точно также было поступлено при находкѣ Аристотелевой конституціи.

По всей вѣроятности, лицамъ, стоящимъ во главѣ Британскаго музея, удалось напасть въ Египтъ на важный источникъ подобныхъ драгоценностей, и они старательно охраняютъ его отъ соперниковъ, тѣмъ болѣе, что хранитель рукописнаго отдѣленія въ музеѣ, мистеръ Скоттъ, прямо заявляетъ, что есть надежда найти рано или поздно всѣхъ греческихъ классиковъ. Не болѣе стѣлѣтъ тому назадъ, европейскіе ученые открыли дотошъ невѣдомый фактъ, что Египетъ представлялъ хранилище древнихъ египетскихъ рукописей. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, одинъ арабскій шейхъ впервые предложилъ европейцамъ купить у него нѣсколько свертковъ папирусовъ, исписанныхъ греческими буквами. Онъ объявилъ, что у него было много такихъ свертковъ но такъ какъ не находилось на нихъ покупателей, то онъ уничтожилъ ихъ. По всей вѣроятности, значительное количество этихъ драгоценныхъ остатковъ старины погибло подобнымъ образомъ, но за послѣдніе годы предпринять серьезные научные поиски этихъ папирусовъ какъ специальными обществами на примѣръ, фондомъ для изслѣдованія Египта, такъ и частными лицами, въ родѣ профессора Флиндера Петри. Эти папирусы принадлежали грекамъ птоломеевской эпохи и сохранились болѣе 2.000 лѣтъ, благодаря прочности матеріала и сухости климата. Большую часть ихъ теперь находятъ въ гробницахъ, гдѣ они служили въ видѣ подушекъ для мумій; даже открыто немало гробовъ сдѣланныхъ, за недостаткомъ дерева, изъ этихъ папирусовъ, склеенныхъ между собою и потомъ окрашенныхъ. Конечно, разбирать эти папирусы чрезвычайно трудно, такъ какъ они находятся въ большомъ безпорядкѣ, разорваны и выщипаны; при этомъ большинство ихъ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ представляютъ счета, различныя записки, письма и т. д. Даже попадающіеся на нихъ отрывки классическихъ сочиненій, переписанныхъ рабами для своихъ господъ, рѣдко представляютъ интересъ. Тѣмъ важнѣе значительныя находки, которыя удалось сдѣлать Британскому музею среди массы неинтересныхъ рукописей. Что касается до новѣйшаго возстановленія потерянной поэзіи Бахиллида, то, насколько можно заключить по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ англійскими газетами, она заключается въ одахъ, воспѣвающихъ побѣды на Олимпійскихъ, Пихійскихъ, Истмійскихъ и Немейскихъ играхъ. Между упомянутыми поэтомъ героями являются Хіеронъ Сиракузскій, котораго воспѣвала и первая олимпійская ода Пиндара, Лахонъ изъ Цеоса, острова, на которомъ родился самъ Бахиллидъ, и нѣкоторые другіе.

— Дьяволъ въ Великобританіи и Америкѣ. Подъ этимъ заглавіемъ Джонъ Аштонъ написалъ на англійскомъ языкѣ объемистую книгу ¹⁾, которая хотя не представляетъ исторіи сатанизма, какъ бы можно было предположить по ея названію, но составляетъ очень интересный сборникъ процессовъ о колдовствѣ и преданій о лицахъ, одержимыхъ бѣсами, въ Англии и Америкѣ, съ XVI вѣка до нашего времени. Собственно говоря, какъ обстоятельно указываетъ и Аштонъ, колдовство является совершенно инымъ предметомъ изслѣдованія, чѣмъ демонологія, хотя трудно опредѣлять границу, отличающую культъ дьявола отъ бредней, называемыхъ колдовствомъ. Дѣло въ томъ, что

¹⁾ The Devil in Britain and America. By J. Ashton. London. 1896.

суевѣрія XVI и XVII вѣковъ возбуждаютъ только презрѣнiе, а напротивъ въ XII и XIII вѣкѣ они отличались какимъ-то величiемъ, невольно производящимъ впечатлѣнiе, а потому прославленная эпоха возрожденiя въ сущности была болѣе позорно суевѣрной, чѣмъ среднiе вѣка, и для изученiя колдовства трудно найти материалы ранѣе XV вѣка. Хотя процессъ Иоанны д'Аркъ представляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ эпизодовъ исторiи колдовства въ Европѣ, но такъ какъ онъ производился по французскимъ законамъ и во французскомъ городѣ, то не входитъ въ рамки труда Аштона. Разсказанный имъ рядъ англiйскихъ процессовъ начинается съ судебного преслѣдованiя герцогини Глостеръ и исторiи Вудстокскаго Добраго Дьявола, извѣстной всѣмъ читателямъ романовъ Вальтеръ-Скотта; вообще вторая половина XVI вѣка была той эпохой англiйской исторiи, которая всего болѣе отличалась какъ вѣрой въ дьявольскiя наважденiя, въ колдуновъ и вѣдьмъ, такъ и ловкими продѣлками лицъ, выдававшихъ себя за колдуновъ. Аштонъ разсказываетъ всѣ эти исторiи, хотя не вполне подробно, но настолько обстоятельно, что читатель можетъ составить себѣ основательное понятiе о колдовствѣ, его адептахъ и преслѣдованiи ихъ въ Англии съ XVI вѣка. Что касается до американской части его изслѣдованiя, то она менѣе обработана и отличается слишкомъ бѣглымъ, отрывочнымъ разсказомъ. Такъ, наиримѣръ, знаменитая исторiя салемискихъ колдуновъ и колдунiй почти вовсе не выяснена, хотя она чрезвычайно интересна, какъ послѣднiй примѣръ преслѣдованiя за колдовство въ странѣ, говорящей на англiйскомъ языкѣ, при чемъ, благодаря бессмысленному суевѣрiю толпы, предано казни 25 несчастныхъ, преимущественно женщинъ. Въ концѣ книги Аштона приложена хорошо составленная, хотя и не полная, библиографiя, въ которой упомянуты главнѣйшiя, если не всѣ, сочиненiя на англiйскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и датскомъ языкахъ о предметѣ его любозытной монографiи. Конечно, она имѣетъ въ виду только общаго читателя, который найдетъ въ ней много интереснаго и новаго, специальныи же изслѣдователь этого вопроса долженъ, безъ сомнѣнiя, обратиться къ другимъ специальнымъ трудамъ; точно также у Аштона нельзя искать и философскихъ взглядовъ, встрѣчающихся въ тѣхъ главахъ «Раціонализма» Лекки, которыя относятся до означеннаго предмета, и въ книгѣ Мишле: *La Sorcière*.

— Столѣтiе казни Лезюрка. Въ концѣ прошедшаго года минуло сто лѣтъ знаменитому процессу Лезюрка, который послужилъ предметомъ многочисленныхъ романовъ и мелодрамъ. Какъ извѣстно, дѣло заключается въ томъ, что Лезюркъ, по сходству своему съ убийцей почтальона, который везъ лионскую почту, былъ преданъ смертной казни, а затѣмъ настоящii убийца соznался въ своемъ преступленiи, когда уже было поздно спасти несчастную жертву челоуѣческаго правосудiя. Таковъ романтичный и мелодраматическii разсказъ этой знаменитой судебной ошибки, но въ теченiе протекшихъ съ тѣхъ поръ ста лѣтъ судебный приговоръ по дѣлу Лезюрка былъ нѣсколько разъ пересмотрѣнъ высшей судебной инстанцiей во Франци, и въ 1806 году, 1821, 1856, 1862 и 1864 было отказано въ ходатайствѣ его наслѣдниковъ о новомъ судебномъ разбирательствѣ, для восстановленiя чести невпнянаго му-

ченика, на томъ основаніи, что виновность Лезюрка вполне доказана обстоятельствами дѣла, и что принявшій на себя впоследствии всю вину Дебоскъ сдѣлалъ это за выдачу значительной суммы денегъ родственниками Лезюрка его многочисленной семьѣ, такъ какъ ему самому, обвиненному въ другомъ убійствѣ, было все равно сознаться и въ несовершенномъ имъ преступленіи. Въ настоящее время, по случаю столѣтней годовщины этого процесса и новыхъ ходатайствъ потомковъ Лезюрка, которые заботятся не столько о возстановленіи чести ихъ предка, какъ о выдачѣ имъ вознагражденія за неправильно, по ихъ мнѣнію, секвестрованную ферму, — французская печать еще разъ обсуждаетъ со всѣхъ сторонъ эту всѣмъ извѣстную исторію. Конечно, въ настоящее время она является во всей своей наготѣ, безъ всякихъ романтическихъ и мелодраматическихъ прикрасъ, а потому нельзя не признать, что вѣтъ достаточныхъ доказательствъ, чтобы обвинить судъ, постановившій приговоръ надъ Лезюркомъ, въ очевидной ошибкѣ. Прежде всего оказывается, что самый герой былъ далеко не интересной личностью: прокутивъ все свое состояніе и состояніе жены, онъ бросилъ ее съ тремя дочерьми и два года до процесса жилъ въ Парижѣ, въ обществѣ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ и такихъ же, какъ онъ, завсегдатаевъ притоновъ разврата, игорныхъ домовъ и т. д. Первоначальный процессъ велся самымъ правильнымъ и прозаичнымъ образомъ: доказательствами виновности Лезюрка въ убійствѣ почтальона, съ цѣлью грабежа, служили, съ одной стороны, показанія сына его жертвы и другихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, подтвердившихъ, что его видѣли въ день отправленія, изъ Парижа лѣонской почты и на мѣстѣ преступленія, а съ другой — тотъ фактъ, что у него, послѣ этой роковой ночи, оказались большія деньги, между прочимъ, такія точно монеты, какія везъ почтальонъ, а равно доказанный экспертами подлогъ въ книгѣ ювелира, у котораго, по указанію Лезюрка, онъ будто бы покупалъ какое-то, нигдѣ не оказавшееся, ожерелье въ продолженіе тѣхъ пяти часовъ, когда его видѣли свидѣтели обвиненія. Все это были ясныя улики, и, не смотря на то, что Лезюркъ былъ двоюроднымъ братомъ тогдашняго министра юстиціи Мерлена, онъ былъ признанъ виновнымъ вмѣстѣ съ двумя своими сообщниками Курьолемъ и Бернаромъ. До сихъ поръ, въ этомъ дѣлѣ не было ничего необыкновеннаго, но затѣмъ начинаются уже сенсаціонные эпизоды. Одинъ изъ сообщниковъ Лезюрка Курьоль — завзятый разбойникъ — заявляетъ, что онъ дѣйствительно виновенъ, но его сообщниками были не Лезюркъ и Бернаръ, а Лабордъ и Дебоскъ, который удивительно похожъ на Лезюрка. Кассационный судъ приказалъ пересмотрѣть дѣло, и всѣ старанія Лезюрка сосредоточились на доказательствахъ его сходства съ настоящимъ убійцей; но свидѣтели вовсе не подтвердили этого сходства, которое, повидимому, нисколько не существовало; самого Дебоску не нашли, а Лабордъ призналъ, что онъ, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Лезюркомъ убилъ почтальона. Не смотря на всѣ старанія Лезюрка доказать свою невинность и на его просьбы, поданныя имъ въ законодательный корпусъ и въ совѣтъ пятисотъ, судъ вторично приговорилъ его къ смертной казни, и онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ Лабордомъ 9 октября 1796 года. Легендарная сторона его исторіи уже развилась впоследствии и въ теченіе ста лѣтъ составляла любимый предметъ романстовъ и драматурговъ.

— Бонапартъ и Гошъ въ 1797 году. Французскій историкъ и академикъ, Альберъ Сорель, составившій себѣ извѣстность обширнымъ сочиненіемъ «Европа и французская революція», недавно издалъ новую книгу, служащую продолженіемъ его капитальнаго труда, хотя она имѣетъ отдѣльное заглавіе: «Бонапартъ и Гошъ въ 1797 году»¹⁾. Внѣшнимъ доказательствомъ этой связи служитъ первая фраза его послѣдняго произведенія: «Конвентъ пріобрѣлъ для Франціи ея естественныя границы», а четвертый томъ предыдущаго труда назывался «Естественныя границы (1794—1795)»; что же касается до содержанія, то оно составляетъ дальнѣйшій эпизодъ задуманной авторомъ исторіи внутренняго положенія Франціи и ея отношеній къ Европѣ во время революціи. Разсказавъ подробно, обстоятельно и картинно, на основаніи новѣйшихъ матеріаловъ какъ печатныхъ, такъ и архивныхъ, происхожденіе французской революціи и ея борьбу съ Европой до 1796 года, естественно, Сорель не могъ остановиться на срединѣ дорогъ и теперь дополняетъ свое историческое изслѣдованіе, относящееся преимущественно къ политической и дипломатической сторонамъ описываемыхъ имъ событій, столь же блестящей картиной того, что происходило на его родинѣ ровно сто лѣтъ тому назадъ. Широкой кистью рисуетъ онъ тогдашнее положеніе Франціи, которая управлялась слабой, безхарактерной, безнравственной директоріей и была жертвой интригъ различныхъ честолюбцевъ, старавшихся эксплуатировать въ свою пользу, столь дорого стоившіе странѣ, результаты титанической борьбы, внутренней и внѣшней. Въ воздухѣ пахло государственнымъ переворотомъ, и его подготавливали одинаково враги республики и ея заступники, одни чтобъ ее погубить, а другіе чтобъ ее спасти; къ нему стремились Бонапартъ и Гошъ. Вокругъ этихъ двухъ крупныхъ личностей группировались всѣ событія 1797 года во Франціи, а поэтому ихъ дѣятельности и характеристикѣ совершенно основательно посвятилъ Сорель свою новую книгу. Въ самомъ расцвѣтѣ своего генія, молодой Бонапартъ побѣдоносно окончилъ въ началѣ года славную итальянскую кампанію и уже, на дорогѣ въ Вѣну, въ Леобенѣ заключилъ съ Австріей перемиріе, а затѣмъ приступилъ къ переговорамъ о мирномъ трактатѣ, который, послѣ долгихъ проволочекъ со стороны австрійскихъ дипломатовъ и директоріи, наконецъ, подписалъ въ Кампо-Форміо 17 октября. Хотя вся Италія, находившаяся у ногъ торжествующаго полководца, распоряжавшагося въ ней, какъ римскій проконсулъ, и вводившаго тамъ диктаторскіе порядки, въ ожиданіи сдѣлать то же во Франціи, исповѣдовала политическій символъ вѣры, начинавшійся словами: «Вѣрую во французскую республику и въ ея сына Бонапарта», но во всемъ, что онъ дѣлалъ въ то время, не было ничего республиканскаго, и самый трактатъ въ Кампо-Форміо, принесшій въ жертву Австріи Венеціанскую республику изъ хитрыхъ дипломатическихъ видовъ, въ сущности отличался духомъ дипломатическихъ сдѣлокъ стараго времени. По мѣткому выраженію Сореля, этотъ трактатъ не что иное, какъ подражаніе польскимъ раздѣламъ и примѣненіе въ пользу республиканской Франціи той системы вознагражденій на счетъ народовъ,

¹⁾ Bonaparte et Hoche en 1797, par Albert Sorel. Paris. 1896.

которую всегда практиковала старая монархическая Европа. Тут впервые Наполеонъ выказалъ себя ловкимъ, искуснымъ дипломатомъ, не оставившимся ни передъ чѣмъ для достиженія своей цѣли, и далеко не сыномъ революціи, а будущимъ императоромъ, возстановляющимъ старые порядки, хотя въ иной виѣшней формѣ. Относительно внутреннихъ дѣлъ Франціи онъ издали велъ себя также искусно и въ томъ же духѣ врага республики, хотя еще и скрытаго. Всячески поддерживая диктаторскіе замыслы Бара и сочувствующихъ ему директоровъ, даже послалъ имъ Ожеро для совершенія государственнаго переворота, который и произошелъ 18 фруктидора, онъ этимъ самымъ переворотомъ, освободившимъ Францію отъ роялистовъ, но оставившимъ ее въ рукахъ корыстныхъ, развратныхъ авантюристовъ въ родѣ Бара, дискредитировалъ окончательно директорію и подготавливалъ свое 18 брюмера съ его послѣдствіями консульствомъ и имперіей. Своимъ друзьямъ онъ прямо говорилъ: «Я оставлю Италію и вернусь во Францію только, чтобъ играть тамъ такую же первостепенную роль, какъ здѣсь, но время еще не пришло, и груша не созрѣла; одна изъ партій въ Парижѣ хочетъ возвращенія бурбоновъ, но я не помогу ей торжеству; я когда нибудь унижу республиканцевъ, но въ свою пользу, а пока надо идти съ ними рука въ руку». Такимъ образомъ, 1797 годъ былъ прологомъ будущей удивительной карьеры честолюбиваго корсиканца, который возвелъ Францію до зенита виѣшней славы и низвергнулъ ее въ бездну внутренняго хаоса, изъ котораго она едва начинаетъ освобождаться черезъ сто лѣтъ. Напротивъ эта эпоха была эпилогомъ дѣятельности Гоша, котораго называли «Бонапартомъ съвера». Также юный, также талантливый, какъ воинъ и администраторъ, но искренно преданный республикѣ, Гошъ при видѣ печальнаго положенія Франціи во время директоріи склонился въ пользу государственнаго переворота, но не въ свою пользу, а на благо республики. Гуманный возстановитель спокойствія въ Вандеѣ, онъ жаждалъ видѣть и Францію мирно пользующейся плодами революціи; прямой, честный, возвышенный патріотъ, въ полномъ смыслѣ слова рыцарь безъ страха и упрека, наконецъ благородный защитникъ свободы и республики, онъ открыто говорилъ: «я одержу побѣду надъ врагами республики, а когда я спасу отечество, то сломаю свою саблю». Онъ стремился очистить, облагородить республику, но презиралъ военную власть, и его идеаломъ былъ не Цезарь, а Вашингтонъ, а потому, говоря о томъ, что онъ сломаетъ свою саблю, онъ разумѣлъ, что замѣнить ее тогой. «Намъ нужно, — писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, — правительство, освящающее по праву и въ практикѣ принципъ равенства, а это правительство должно быть республиканскимъ и состоять изъ выборнаго президента и двухъ палатъ». Но онъ такъ боялся съ одной стороны аристократовъ, а съ другой демагоговъ, что соглашался ограничить общую подачу голосовъ и допустить во вторую палату половину членовъ по назначенію правительства, какъ гарантію торжества свободы. «Ограничивать свободу тѣхъ, которые хотятъ пользоваться ею для угнетенія народа, — говорилъ онъ, — значитъ служить свободѣ». Естественно, что съ такимъ культомъ республики и свободы Гошъ былъ не подходящимъ человекомъ для директоріи, и Бара съ своими клеветами только скомпрометировали его, втянувъ въ участіе въ ихъ

грязной политикѣ. Увлекающійся, довѣрчивый, онъ согласился принять мѣсто военнаго министра, хотя зналъ, что по молодости лѣтъ не могъ занимать этого поста согласно конституціи и, даже пользуясь перемиріемъ, повелъ часть арміи, которой онъ командовалъ на Сѣверѣ, въ Парижъ для совершения государственнаго переворота, какъ онъ полагалъ противъ роялистовъ, грозившихъ республикѣ. Но вскорѣ онъ разочаровался въ директоріи и вернулся на лѣвый берегъ Рейна, гдѣ сталъ организовать цизрейскую республику, а въ Парижѣ безъ него пришло 18-е фруктидора при содѣйствіи бонапартовскаго преторіанца Ожеро. Однако, онъ все-таки продолжалъ мечтать объ очищеніи республики и среди этихъ мечтаній, а также серьезныхъ приготовленій къ экспедиціи въ Ирландію, которую онъ уже въ началѣ года разъ предпринялъ, но отъ которой долженъ былъ отказаться, благодаря бурѣ, неожиданно умеръ 19 сентября отъ давно подтачивавшей его чахотки. Такимъ образомъ, исчезъ единственный соперникъ Бонапарта, который могъ ему помѣшать эскамотировать въ свою пользу плоды революціи. «Гошъ, замѣчаетъ Сорель, служить до сихъ поръ предметомъ культа республиканской Франціи. Для его славы много сдѣлано колоссальное разочарованіе, произведенное имперіей, и его память окружена всѣми погибшими иллюзіями. Французы помнятъ только объ его возвышенныхъ добродѣтеляхъ и о зачаткахъ его генія, только тѣшатъ себя мыслью, что если бъ онъ остался въ живыхъ, то судьба родины была бы иная, и она поборола бы свой злой рокъ. Гошъ открываетъ въ исторіи революціи страницу несбывшихся сто лѣтъ тому назадъ надеждъ о примиреніи свободы, республики и Рейнской границы».

— Наполеоніана. Хотя наплывъ наполеоновской литературы и возбуждаемый ею интересъ начинаютъ нѣсколько уменьшаться, но все-таки книги и журнальныя статьи о Наполеонѣ и его времени продолжаютъ появляться въ западной литературѣ. Недавно окончилъ свою объемистую исторію Наполеона американскій историкъ Слоанъ, съ трудомъ котораго знакомы читатели «Историческаго Вѣстника», и она появилась отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ большихъ томахъ съ многочисленными иллюстраціями ¹⁾, впрочемъ уже украшавшими страницы «Century Magazine», гдѣ она печаталась первоначально въ теченіе двухъ лѣтъ. Первые томы этой полной, обстоятельной, добросовѣстной и безпристрастной біографіи Наполеона остаются наиболѣе интересными, такъ какъ въ нихъ подробно разсказано дѣтство и молодость героя по новѣйшимъ матеріаламъ; дальнѣйшимъ эпизодамъ его жизни посвящено гораздо менѣе мѣста, а послѣдніе годы и въ особенности сто дней, Ватерло и пребываніе на о. Еленѣ скомканы на тридцати страницахъ. При этомъ, несмотря на обѣщаніе въ предисловіи обратить особое вниманіе и представить новые факты о заключительной эпохѣ Наполеоновской карьеры, разсказъ о ней представляетъ только сжатую компиляцію изъ всѣхъ извѣстныхъ, избитыхъ, историческихъ матеріаловъ, но, конечно, какъ американецъ, онъ несочувственно отзывался о борьбѣ рутиннаго, ничтожнаго пигмея сэра Гудсона Ло съ обезоруженнымъ колоссомъ, котораго только смерть избавила отъ мелкихъ обидъ, притѣс-

¹⁾ Life of Napoleon Bonaparte, by Wiliam Sloane. 2 vol. New-York. 1896.

«ИСТОРИКЪ ВѢСТН.» ФЕВРАЛЬ, 1897 Г., Т. LXVII.

нений и тягостей долгаго плѣна. Англійскій романистъ Берингъ-Гульдъ, уже написавшій «Жизнеописанія Цезарей», соблазнился успѣхомъ американскаго историка и составилъ также богато иллюстрированную книгу о Наполеонѣ ¹⁾, но ее нельзя, строго говоря, назвать биографіей, такъ какъ, согласно своему заявленію въ предисловіи, онъ исключительно посвятилъ свой трудъ выясненію развитія ума и сердца своего героя, обращая вниманіе на военную и политическую стороны его жизни, лишь на сколько онѣ освѣщаютъ его задачу. Хотя такимъ образомъ психологическій элементъ выступаетъ въ этой исторіи Наполеона на первый планъ, но все-таки и, быть можетъ, именно по этой причинѣ авторъ долженъ былъ усвоить себѣ всѣ новѣйшіе матеріалы, а, повидимому, онъ удовольствовался прибавленіемъ къ старымъ свѣдѣніямъ только документовъ Либри, обнародованныхъ Масономъ; поэтому его взгляды на Наполеона, въ основѣ своей вѣрныя, грѣшатъ недостаткомъ вѣской подкладки и безпристрастнаго изученія со всѣхъ сторонъ историческихъ фактовъ. Что же касается до коренной ноты, проходящей черезъ всю характеристику Наполеона, до главнаго мотива всѣхъ сужденій о немъ Беринга-Гульда, то они выражаются въ тезисѣ, что умъ преобладалъ въ Наполеонѣ надъ нравственной силой, а такъ какъ умъ безъ руководства нравственныхъ идей слѣпая стихійная сила въ родѣ землетрясенія, то его дѣятельность была лишена основнаго элемента, придающаго человѣческимъ дѣйствіямъ полезный, благотворный характеръ. Виолнѣ соглашаясь съ этой оцѣнкой Наполеона, безпристрастные англійскіе критики, въ особенности критикъ Daily News, указываютъ, что самый гений величайшаго изъ людей новаго міра представляется какимъ-то конгломератомъ чудовищныхъ качествъ и недостатковъ. Правда, онъ реорганизовалъ Францію, но на старинныхъ бороздахъ и утратилъ удобный случай провести новыя. Онъ могъ построить на очищенной революціей почвѣ великое зданіе на твердомъ демократическомъ фундаментѣ, а онъ предпочелъ основать мишурную имперію, въ которой господствовала буржуазія, болѣе корыстолюбивая и развращенная, чѣмъ аристократія старыхъ временъ. Роялистъ и клерикаль по убѣжденіямъ, Жофруа де Гранмезонъ собралъ въ одинъ томъ свои журнальныя статьи о новѣйшихъ сочиненіяхъ, мемуарахъ и монографіяхъ о Наполеонѣ подъ общимъ заглавіемъ «Наполеонъ и его новѣйшіе историки» ²⁾. Конечно, въ этой книгѣ нельзя искать безпристрастнаго взгляда, но какъ монографія о многочисленной Наполеоновской литературѣ послѣдняго времени, въ особенности по вопросу объ отношеніяхъ Наполеона къ папѣ, она имѣетъ нѣкоторое значеніе для лицъ, занимающихся изученіемъ консульства и имперіи. Еще болѣе специальнымъ характеромъ отличается краткій, но любопытный очеркъ Жоржа Тюркана въ «Revue Bleue» ³⁾ о Наполеонѣ, какъ корсиканцѣ. Авторъ очень старательно доказываетъ всю ложность заявленія Наполеона, что «въ немъ менѣе сохранился корсиканецъ, чѣмъ предполагаютъ», и напротивъ видитъ въ своемъ героѣ всѣ качества и недостатки корсиканца: души, ин-

¹⁾ Life of Napoleon Bonaparte, by M. Baring Gould. London. 1896.

²⁾ Napoleon et ses recents historiens, par Geoffroy de Grandmaison. Paris. 1896.

³⁾ Le Corse en Napoleon, par Joseph Turkan. Revue Bleue. 19 sept. 1896.

стинктами, привычками Наполеонъ былъ истый корсиканецъ, и въ подтвержденіе этого тезиса Тюрканъ представляетъ вѣскіе аргументы, основанные на фактахъ и бесспорно авторитетныхъ отзывахъ очевидцевъ. Французскіе журналы продолжаютъ печатать замѣтки, набросанныя Прудономъ, для предположенной имъ исторіи Наполеона, и въ послѣднихъ книжкахъ «Cosmopolis» Клеманъ Рошель помѣстилъ новыя отрывки изъ этой обширной подготовительной работы, озаглавивъ ихъ «Наполеонъ и Веллингтонъ»¹⁾. Конечно, Прудонъ говоритъ гораздо больше о первомъ, чѣмъ о послѣднемъ, но всѣ его отзывы и замѣчанія о Наполеонѣ отличаются самымъ рѣзкимъ осужденіемъ, а напротивъ онъ возвышаетъ до небесъ Веллингтона, съ цѣлью унижить ненавистнаго ему императора. Онъ грубо бранитъ и не находитъ въ немъ ничего хорошаго, даже въ военномъ отношеніи. По его словамъ, Наполеонъ былъ шарлатанъ, эгоистъ, лжець, безстыдный, неблагодарный, однимъ словомъ человекъ, способный на всѣ преступленія, и слава котораго была преувеличена донельзя. Въ виду такой основной точки зрѣнія, всѣ собранныя Прудономъ матеріалы для его біографіи подтасованы такъ, что подтверждаютъ его тезисъ, а потому не имѣютъ никакого историческаго значенія. Точно такъ же пристрастенъ и его взглядъ на Веллингтона: онъ для него великъ потому, что побѣдилъ Наполеона. Въ его глазахъ Веллингтонъ олицетворяетъ собою освобожденіе Европы отъ такого злодѣя, какъ Наполеонъ; благородный герой, боець за свободу и во всѣхъ отношеніяхъ честный человекъ, для котораго война не игрушка, не средство къ достиженію самолюбивыхъ цѣлей, а исполненіе долга для возвышенной цѣли. Вообще трудно сказать, для чего печатаются эти отрывки изъ замѣтокъ Прудона, въ сырomorphicъ неотдѣланномъ видѣ, такъ какъ, лишенные блестяще литературной формы и не имѣющіе сами по себѣ никакого историческаго интереса, они только доказываютъ, насколько этотъ знаменитый писатель былъ склоненъ къ парадоксамъ, что и ранѣе было извѣстно. Изъ недавно вышедшихъ мемуаровъ о наполеоновскомъ времени можно указать на воспоминанія генерала Виктора Удино²⁾ и полковника Комба³⁾. Первые, составляя отрывки изъ общихъ записокъ автора, обнимающихъ всю его жизнь отъ 1791—1863 г.г., представляютъ рассказы объ эрфуртскомъ свиданіи, объ испанской войнѣ 1811 года, о походѣ въ Россію въ 1812 году и кампаніи 1813 года; хотя Викторъ Удино, сынъ герцога Реджіо, преимущественно находился при отцѣ и большею частію только повторяетъ, въ болѣе или менѣе измѣненной формѣ, то, что уже извѣстно изъ мемуаровъ герцога, но все-таки у него встрѣчаются интересныя подробности о нѣкоторыхъ событіяхъ, не отмѣченныя другими авторами воспоминаній объ этой эпохѣ. То же можно сказать и относительно записокъ полковника Комба, которыя относятся до военной исторіи 1812—1813—1814 и 1815 годовъ; въ нихъ, быть можетъ, наиболѣе любопытенъ драматическій рассказъ о томъ, какъ авторъ попалъ въ плѣнъ къ казакамъ въ 1813 году и провелъ нѣ-

¹⁾ Napoleon et Wellington, papiers inedits de P. Proudhon. Cosmopolis, octobre-novembre et decembre, 1896.

²⁾ Souvenirs intimes et militaires du general Victor Oudinot de Reggio. Revue Nouvelle, 15 septembre, 15 octobre et 1 novembre. 1896.

³⁾ Memoires du colonel Combe. Revue Hebdomadaire. Août-novembre, 1896.

сколько времени узникомъ въ Берлинѣ. Одинаково мало новаго сообщаетъ напечатанный въ Blackwood's Magazine дневникъ англійскаго полковника, сэра Джоржа Бингама, во время переѣзда на «Нортумберландѣ» Наполеона изъ Англии на островъ святой Елены ¹⁾. Въ послѣднее время напечатано много такихъ воспоминаній англійскихъ офицеровъ, провожавшихъ Наполеона въ мѣсто его изгнанія, и какъ первыя изъ нихъ возбуждали интересъ новыми свѣдѣніями о томъ, какъ велъ себя Наполеонъ въ плѣну, такъ послѣднія и въ томъ числѣ дневникъ Бингама отличаются скучнымъ пересказомъ давно извѣстныхъ эпизодовъ и бесѣдъ съ Наполеономъ. Если у Бингама и встрѣчается что либо новое, то развѣ доведенное до послѣдней степени пристрастіе, даже для англичанина: о Наполеонѣ онъ отзывается очень рѣзко, а сэра Гудсона Ло упрекаетъ лишь въ одномъ — въ излишней слабости къ своему узнику. Хотя авторъ, начатаго въ январьской книжкѣ Cosmopolis, очерка «Наполеонъ Бонапартъ при осадѣ Тулона, ²⁾ А. Шюкэ, и затрогиваетъ такой вопросъ, о которомъ съ нѣкоторыхъ поръ писано безъ конца, но онъ, повидимому, нашолъ новый матеріалъ и рисуетъ чрезвычайно характеристичную картину перваго дебюта Наполеона въ своей удивительной карьерѣ. Въ первой части этого очерка очень рельефно и съ новыми подробностями рассказано, какъ никому невѣдомый французскій офицеръ, изгнанный изъ его родины Аячіо, случайно попалъ въ Марсель, гдѣ начальство французской арміи, осаждавшей Тулонъ, занятый англичанами, искало замѣстителя раненаго командира артиллеріи. Другіе корсиканцы указали на него, какъ на способнаго артиллериста, и ему было поручено устройство артиллерійской части въ осаждающемъ отрядѣ. Съ удивительнымъ жаромъ молодой офицеръ отнесся къ порученному ему дѣлу и въ короткое время, не имѣя почти никакихъ матеріаловъ, нашолъ орудія, добылъ снаряды, возвелъ укрѣпленія, обучилъ батарейную прислугу и однимъ словомъ создалъ такую силу, которая оказалась способной прогнать англійскій флотъ и возвратить Франціи Тулонъ, что уже составитъ предметъ окончанія статьи Шюкэ. Къ наполеоновской литературѣ надо отнести и небольшую анонимную статейку въ послѣдней январьской книжкѣ Nouvelle Revue о герцогѣ Рейхштадтскомъ ³⁾. Авторъ ея, скрывшій свое имя подъ буквой А., рассказываетъ свои воспоминанія о сынѣ Наполеона во время его пребыванія въ Вѣнѣ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда дѣдъ автора былъ русскимъ посломъ при австрійскомъ дворѣ. Какъ извѣстно, въ то время этотъ постъ занималъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, Дмитрій Татищевъ, а потому надо предположить, что его блестящая жизнь въ великолѣпномъ дворцѣ князя Лихтенштейна описана на страницахъ французскаго журнала. Собственно о герцогѣ Рейхштадтскомъ говорится въ этой статьѣ не много, но авторъ живо рисуетъ болѣзненную фигуру молодого девятнадцати-лѣтняго принца, котораго онъ часто видѣлъ

¹⁾ Transportation of Napoléon to Saint-Helena. By major general Sir George Bingham. Blackwood's Magazine. October, 1896.

²⁾ Napoleon Bonaparte au siege de Toulon. Par A. Chuquet. Cosmopolis, janvier, 1897.

³⁾ Le duc de Reichstadt. Par. A... La Nouvelle Revue, 15 janvier 1897.

въ Шенбрунскомъ паркѣ, подлѣ котораго русскій посольскій дворецъ занималъ дачу. Хотя автору тогда было, по его словамъ, только четыре года, но онъ увѣряетъ, что хорошо помнитъ молодого принца, который однажды остановилъ его и сталъ барабанить пальцами по его шляпѣ. Гораздо интереснѣе этого факта разсказъ, конечно, слышанный авторомъ не въ дѣтствѣ, а потомъ, о причинахъ смерти герцога Рейхштадтскаго въ 1832 году. По его словамъ, несмотря на болѣзненный видъ принца, его смерть поразила всѣхъ своею неожиданностью, а многие приписали ее отравѣ, но вскорѣ выяснилось, что юный сынъ Наполеона погибъ, благодаря своей чрезмѣрной любви къ знаменитой танцовщицѣ Фанни Эльслеръ. По этому поводу ходилъ въ Вѣнѣ характерный анекдотъ объ одномъ англичанинѣ, который, заплативъ громадную сумму за свиданіе съ Фанни Эльслеръ, хладнокровно осмотрѣлъ ее съ головы до ногъ и спокойно ушелъ, говоря: «благодарю васъ: я видѣлъ гробницу герцога Рейхштадтскаго». Наиболѣе громаднымъ изъ трудовъ о Наполеонѣ въ наше время, по всей вѣроятности, будетъ обширная компиляція итальянскаго писателя Умберто Сильваньи ¹⁾, которой вышло еще только два тома, посвященные вступленію, именно исторіи французской революціи. Судя по этому началу, можно заключить о чудовищномъ размѣрѣ всего сочиненія. Вообще, авторъ относится очень сочувственно къ Франціи, но еще нельзя опредѣлить его взгляда на своего героя, такъ какъ онъ не дошелъ до его появленія на исторической аренѣ.

— Отношенія между Германіей и Россіей. Сынъ извѣстнаго Жюль Симона, Эдуардъ Симонъ, недавно окончилъ свою историческую монографію объ отношеніяхъ между Германіей и Россіей, второй томъ которой, относящійся до эпохи отъ царствованія императора Николая I до нашихъ дней, вышелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; въ новой же части своего труда ²⁾ авторъ возвращается вспять и разсказываетъ о томъ, какъ начались политическія отношенія между двумя государствами въ XVI столѣтіи, развились при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, приняли дружескій характеръ при Екатеринѣ и Павлѣ, и наконецъ достигли своего апогея при Александрѣ I. Такимъ образомъ настоящая книга, хотя и носящая особое заглавіе, составляетъ въ сущности первый томъ, а появившаяся гораздо ранѣе книга «Германія и Россія въ XIX столѣтіи» является—вторымъ; неправильный же порядокъ ихъ изданія Симонъ объясняетъ тѣмъ, что онъ поторопился выпустить въ свѣтъ ранѣе очеркъ современныхъ отношеній между Россіей и Германіей, съ царствованія Николая I, въ виду политическихъ обстоятельствъ, обращавшихъ особое вниманіе на этотъ предметъ. Хотя эта книга, основанная на извѣстныхъ печатныхъ матеріалахъ и преимущественно на собраніи трактатовъ и конвенцій Россіи съ Германіей, Мартенса, не представляетъ ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ взглядовъ, но все-таки небезполезна подобная группировка въ одномъ общемъ связномъ разсказѣ всѣхъ, разбросанныхъ въ различныхъ сочиненіяхъ, свѣдѣній о данномъ вопросѣ. Главное свое вниманіе Симонъ сосредоточилъ на отношеніяхъ между прусскими королями Фридрихомъ-Вильгельмомъ II и III съ одной стороны и императоромъ

¹⁾ Nopoleone Bonaparte ei suoi Tempi. De Umberto Silvagni. Firenze, 1896.

²⁾ L'Allemagne et la Russie, origines de leurs rapports, par E. Simon. Paris. 1896

Александромъ I, съ другой, и удовольствовался относительно ихъ предшественниковъ самымъ краткимъ обзоромъ главныхъ пунктовъ столкновений, мирныхъ и военныхъ, между обѣими странами. Какъ извѣстно, первый трактатъ между Россіей и Германіей былъ заключенъ въ началѣ XVI вѣка царемъ Василиемъ IV и гротмейстеромъ Альбрехтомъ прусскимъ, и до Петра I отношенія съ нѣмцами не имѣли большого значенія; только съ тѣхъ поръ, какъ прорублено окно въ Европу, русская политика то дружила, то враждовала съ сосѣдней Пруссіей, то дѣлила съ ней владѣнія другихъ сосѣдей, то воевала, доходя до воротъ Берлина. Точно такимъ же колебаніемъ выражались и сношенія Александра I съ прусскими королями, которыхъ онъ то спасалъ отъ Наполеона, то отдавалъ ему на съѣденіе. Къ самымъ драматическимъ эпизодамъ этой двойственной политики были съ одной стороны Тильзитъ и Эрфуртъ, а съ другой романтическая дружба съ королевой Луизой, клятва на гробѣ Фридриха II и Калишскій трактатъ. Всѣ эти событія въ связи съ общей исторіей дипломатическихъ сношеній обѣихъ странъ рассказаны въ легкой популярной формѣ, Симономъ, хотя, конечно, онъ, какъ французъ, сочувственно относится къ той сторонѣ политики Александра, которая склонялась въ пользу Наполеона, и упрекаетъ его въ двуличности, когда дружба съ Пруссіей замѣняетъ хорошія отношенія къ Франціи. Особую дополнительную главу авторъ посвящаетъ очерку священнаго союза и его происхожденія, причемъ картинно рисуетъ временное увлеченіе Александра мистическими идеями пресловутой г-жи Криднеръ, въ которой императоръ скоро разочаровался, убѣдившись, по его собственнымъ словамъ, что «бросаемый ею свѣтъ былъ не что иное, какъ блуждающій огонекъ». Какъ бы то ни было, этому увлеченію Европа обязана была созданіемъ священнаго союза, который изъ мистической, идеальной химеры обратился, при содѣйствіи хитраго Метерниха, въ могучее орудіе реакціи, десятки лѣтъ сковывавшей всѣ прогрессивныя стремленія западныхъ государствъ. По мѣткому выраженію Симона, «мистически настроенному Александру священный союзъ казался лучезарнымъ метеоромъ, но поколѣнія, присутствовавшія при его появленіи и исчезновеніи, на политическомъ небосклонѣ никогда не видѣли его ореола, а лишь сознавали его существованіе по тому дождю камней, которые падали съ верху и давили низы».

— Шериданъ и его новая біографія. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ парламентскихъ дѣятелей Англіи въ такую эпоху, когда на политической аренѣ подвизались такія крупныя личности, какъ Питтъ, Фоксъ и Боркъ, — Шериданъ до сихъ поръ не имѣлъ достойнаго себѣ біографа, и все, что писалось о немъ, имѣло главнымъ образомъ характеръ пристрастія, даже клеветы. Такое враждебное отношеніе къ искреннему патріоту, краснорѣчивому оратору и выдающемуся оппозиціонному вожаку въ палатѣ депутатовъ объясняется тѣмъ, что онъ никогда не занималъ высокаго правительственнаго поста, всегда пламенно возставалъ противъ административныхъ злоупотребленій, постоянно обнаруживалъ прогрессивныя стремленія, энергично отстаивалъ свою родину, несчастную Ирландію, не принадлежалъ къ высшему привилегированному классу, былъ впродолженіе многихъ лѣтъ директоромъ одного изъ лондонскихъ театровъ, писалъ драматическія пьесы, въ томъ числѣ знаменитую «Школу Злословія», и велъ жизнь веселую, часто разгульную, увлека-

всю его въ безконечныя финансовыя затрудненія. Все это противорѣчило рутиннымъ взглядамъ, господствовавшимъ въ Англіи въ концѣ прошедшаго столѣтія и началѣ нынѣшняго, общественныхъ слоевъ, а потому Шеридану при жизни не отдавали должнаго, а послѣ смерти память его долго была омрачена самымъ несправедливымъ отношеніемъ къ нему общественнаго мнѣнія. Только въ послѣднее время стала замѣтна реакція въ его пользу, и Фрезеръ Рей, уже написавшій о немъ сочувственный очеркъ въ своей книгѣ «Фоксъ, Шериданъ и Вильксъ», составилъ теперь подробную и вполне безпристрастную его біографію ¹⁾. Этотъ трудъ встрѣченъ англійской критикой единодушнымъ одобреніемъ, и такіе высокіе авторитеты, какъ Гладстонъ, признали его чрезвычайно полезнымъ пособіемъ для изученія политической жизни современной Англіи. По словамъ лорда Дuffersина, правнука Шеридана, написавшаго предисловіе въ книгѣ Рея, — «впервые на страницахъ этого жизнеописанія Шериданъ является живой личностью, не имѣющей ничего общаго съ тѣми невѣрными и пристрастными его портретами, которые набросаны предыдущими біографами». Не только новый біографъ Шеридана относится къ своему герою сочувственно и безпристрастно, но онъ старательно собралъ новые матеріалы въ семейныхъ архивахъ и пользовался обширной перепиской Шеридана съ его первой женой и другомъ Гранвилемъ. Съ одинаковымъ интересомъ читаются его рассказы о молодости Шеридана, объ его романтической свадьбѣ съ миссъ Линлей, о политической, литературной и театральной его дѣятельности, а также объ его частной жизни, которую до сихъ поръ всѣ біографы представляли въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ сущности же онъ обожалъ свою первую жену, вполне достойную всякой любви, и если иногда увлекался другими женщинами, то не надолго и, временно поддавшись своей пылкой, страстной натурѣ, постоянно возвращался къ домашнему очагу. Второй его бракъ былъ ошибкой, такъ какъ новая жена была гораздо моложе его, и они совершенно не сходились характерами, но все-таки онъ старался, насколько возможно, поддерживать съ нею добрыя отношенія. Несмотря на всѣ легенды объ его расточительности и постоянныхъ финансовыхъ затрудненіяхъ отъ громадныхъ долговъ, Рей, основательно изучивъ эту неблагоприятную сторону въ жизни своего героя, приходитъ къ заключенію, что, несмотря на неудачное веденіе театральной антрепризы и пожаръ его театра, онъ оставилъ послѣ смерти сравнительно небольшую сумму долговъ, не превышавшую 5.000 фунтовъ стерлинговъ, и что большая часть его кредиторовъ получила вдвое и втрое болѣе, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ имъ долженъ, благодаря легкомысленному веденію имъ счетовъ. Что касается его политической дѣятельности, то она отличалась не запятанной честностью, что въ его время было рѣдкостью среди общественныхъ дѣятелей. Онъ прямо говорилъ и доказывалъ на дѣлѣ, что у него душа не подкупна; «я всегда въ общественной дѣятельности, — писалъ онъ второй женѣ, — руководствуюсь только совѣстью», а своимъ избирателямъ въ 1814 году онъ говорилъ: «я никогда не приму депутатскаго мѣста, иначе какъ подъ условіемъ, что я буду говорить и

¹⁾ Sheridan: a Biography. By Fraser Rae. London. 1897. 2 vols.

подавать голосъ только согласно своей совѣсти». Когда онъ наконецъ принялъ маленькую административную должность — казначея флота, то прямо написалъ Фоку, что дѣлаетъ это только по необходимости, въ виду стѣсненныхъ обстоятельствъ и не считаетъ себя обязаннымъ никому за это назначеніе; дѣйствительно, по словамъ Гладстона, онъ имѣлъ полное право по своимъ талантамъ и полезной общественной дѣятельности занимать высшія мѣста въ министерствѣ. Тотъ же Гладстонъ, въ своемъ критическомъ отзывѣ о трудѣ Рея, указываетъ, что во всей парламентской исторіи Англіи не было человѣка, который такъ искренно, мужественно и разумно, какъ Шериданъ, относился бы къ общественнымъ дѣламъ. «Если же, — замѣчаетъ онъ, — считали невозможнымъ предоставить ему министерскій портфель потому, что онъ былъ содержателемъ театра, то слѣдовало дать ему средства освободиться отъ подобной обузы и больше ничего; во всей нашей политической исторіи нѣтъ другаго такого примѣра, и можно съ полной увѣренностью сказать, что въ будущемъ никогда не повторится ничего подобнаго».

— Кардиналъ-соціалистъ. Давно никакая книга не возбуждала столь горячей полемики, какъ составленная Эдмондомъ Пурселемъ біографія англійскаго кардинала и вестминстерскаго архіепископа Маннинга ¹⁾; написанная католикомъ и въ честь католическаго примаса въ Англіи, она сдѣлалась предметомъ одинаково гнѣвныхъ критикъ, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ публицистовъ. Даже французскій протестантъ Пресансэ написалъ цѣлую книгу ²⁾ въ опроверженіе того, что сообщилъ читающему міру англійскій католикъ о духовной и общественной дѣятельности своего знаменитаго соотечественника. Несмотря на весь поднятый шумъ и сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ обвиненія въ клеветѣ, Пурсель гордо отвѣчалъ своимъ критикамъ въ октябрьской книжкѣ «Nineteenth Century», что его книгу прочитали двѣсти тысячъ человѣкъ, и что высказавшіеся противъ нея двѣсти критиковъ ничѣмъ не подорвали подлинности собранныхъ имъ матеріаловъ. Дѣйствительно, весь сыръ боръ загорѣлся не отъ того, что Пурсель высказалъ что либо несправедливое, или невѣрное о своемъ героѣ, а потому, что онъ не скрылъ тѣхъ сторонъ характера и дѣятельности Маннинга, которыя не дѣлали ему чести. Даже былъ поднятъ принципиальный вопросъ католическими прелатами въ печати, что не слѣдуетъ высказывать всей исторической правды, когда она противорѣчитъ интересамъ церкви. Конечно, этотъ тезисъ былъ легко опровергнутъ не только протестантами, но и благомыслящими католиками, а Пурсель въ своемъ отвѣтѣ критикамъ побѣдоносно сослался на слова самого Льва XIII по этому поводу: «правда одна что нибудь значить, и что стало бы съ Библіей, если бы тамъ сократили грѣхъ Магдалины и паденіе Петра». Въ этомъ же духѣ папа высказался почти въ одно время нѣмецкому автору недавно вышедшей «Исторіи папъ»: «говорите правду, всю правду, хотя бы пострадала отъ этого репутація того или другаго папы». Такимъ образомъ Пурсель оправданъ и главою его церкви, и всѣми

¹⁾ Life of Cardinal Manning, Archbishop of Westminster. By Edmund Purcell. 2 vols. London. 1896.

²⁾ Le cardinal Manning, par Francis de Pressencé. Paris. 1896.

разумными людьми въ томъ, что онъ, описывая жизнь замѣчательнаго чело-
вѣка, игравшаго значительную роль въ духовной и общественной жизни
Англіи въ XIX столѣтіи, не скрылъ ничего, говорившаго какъ въ его пользу,
такъ и противъ него, чѣмъ онъ не только исполнилъ свой долгъ историка, но
и оказалъ услугу даже своему герою, слабости и ошибки котораго не могутъ
заглядитъ его достоинствъ, какъ общественнаго филантропа, если онъ и ума-
ляютъ его духовный ореолъ. Со всѣми своими хорошими и дурными качествами
Манингъ былъ въ полномъ смыслѣ представительнымъ чело-
вѣкомъ второй
половины XIX вѣка. Получивъ университетское образованіе вмѣстѣ съ Глад-
стономъ въ Оксфордѣ, будущій католическій прелатъ мечталъ о политической
дѣятельности и съ юности взялъ себѣ девизомъ «*aut cesar aut nihil*», но когда
ему не удалось, по неимѣнію достаточныхъ связей и матеріальныхъ средствъ,
выступить на парламентскую арену, то онъ пошелъ въ протестантскіе пасторы
и примкнулъ къ религіозному движенію, созданному въ Оксфордѣ его товари-
щемъ Ньюманомъ и стремившемуся къ примиренію протестантства съ католици-
змомъ. Съ одной стороны онъ достигъ популярности, которой всегда жаждалъ
впродолженіе всей своей жизни, но зато съ другой пресѣкъ себѣ дорогу къ
высшимъ духовнымъ должностямъ. Убѣдившись, что ни торіи, ни либералы,
подъ главенствомъ его стараго друга Гладстона, никогда не сдѣлаютъ его ни
архіепископомъ, ни даже епископомъ, онъ съ трескомъ перешелъ въ католи-
чество. Руководствуясь и на новомъ поприщѣ своимъ девизомъ, Манингъ сдѣ-
лался самымъ яркимъ ультрамонтанцемъ, снискалъ любовь Пія IX, который
всегда называлъ его *nia carissimo*, былъ назначенъ Вестминстерскимъ архі-
епископомъ, т. е. католическимъ примасомъ Англіи, а затѣмъ кардиналомъ,
рьяно защищалъ принципъ непогрѣшимости папъ и даже имѣлъ шансы на
избраніе въ наслѣдники св. Петра, послѣ смерти своего покровителя. Когда же
выборъ Льва XIII, кандидатуру котораго онъ, однако, поддерживалъ, еще
разъ привелъ его къ тяжелому разочарованію, то онъ рѣшился на новую
метаморфозу, и въ послѣдніе годы своей жизни, несмотря на старость, сталъ
розыгрывать роль либеральнаго филантропа. Надо ему отдать полную спра-
ведливость, что онъ игралъ эту роль прекрасно и вполне заслужилъ общую
любовь всего англійскаго народа, безъ различія вѣрованій. Онъ былъ на-
стоящій отецъ бѣдныхъ, кардиналъ нищихъ и социальный реформаторъ; въ
теоріи онъ проповѣдывалъ въ церквахъ, на публичныхъ митингахъ и въ
журнальныхъ статьяхъ принципы такъ называемаго христіанскаго социализма,
а на практикѣ принималъ самое горячее участіе во всемъ, что дѣлалось во-
кругъ него въ пользу бѣдныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ. Разойдясь съ
Гладстономъ послѣ своего вступленія въ католическую церковь, онъ теперь
сдѣлался пламеннымъ его помощникомъ во всѣхъ великихъ реформахъ, про-
веденныхъ народнымъ Вильямомъ. При этомъ онъ не только содѣйствовалъ
распространенію дароваго обязательнаго и свѣтскаго первоначальнаго образо-
ванія, не только всячески помогать улучшенію быта рабочихъ и являлся энер-
гичнымъ поборникомъ развитія въ народѣ трезвости, а также поднятія въ
немъ нравственнаго уровня, но и защищалъ всѣми силами ирландское само-
управленіе. Однажды вступивъ на социальную почву, Манингъ не остано-
вилъ

вался ни передъ тѣмъ и не обращалъ никакого вниманія на предостереженія римской курии, что онъ слишкомъ увлекался общественной дѣятельностью для католическаго прелата; онъ открыто принималъ и совѣщался съ извѣстными социалистами, въ томъ число съ Генри Джорджемъ, о лучшемъ способѣ разрѣшенія рабочаго вопроса. Самымъ апогеемъ его социальной дѣятельности было участіе, принятое имъ въ громадной стачкѣ рабочихъ лондонскихъ доковъ въ 1889 году: онъ созвалъ собраніе изъ делегатовъ отъ рабочихъ и хозяевъ, пять часовъ уговаривалъ тѣхъ и другихъ во имя самыхъ священныхъ обязанностей человѣка къ ближнему и въ концѣ концовъ примирилъ враждующія стороны. Въ этотъ самый славный моментъ жизни человѣка, стремившагося всегда къ славѣ, ему было восемьдесятъ три года, а, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ спокойно умеръ, и вся Англія устроила ему такіе похороны, какихъ никогда не видывали въ Лондонѣ, такъ какъ за его гробомъ шли сотни тысячъ людей всѣхъ классовъ и вѣрованій: аристократовъ и рабочихъ, католиковъ и протестантовъ, англичанъ и ирландцевъ. Такой, вполне достойный, закатъ дней кардинала-социалиста окружилъ его столь лучезарнымъ ореоломъ, что невольно забываются всѣ его слабости и ошибки, а главное эгоистическія стремленія и интриги самолюбиваго прелата. Если, въ нравственномъ отношеніи, другой отщепенецъ протестантской церкви, другъ Манинга, Ньюманъ представляетъ болѣе чистую, незапятнанную личность, такъ какъ онъ, перейдя въ католичество, велъ аскетическую жизнь и не добивался никакихъ почестей, то, съ другой стороны, онъ не принесъ никакой пользы своей родинѣ и человѣчеству и не можетъ быть поставленъ въ ряду истинныхъ благодѣтелей народа, какъ увлекающійся, честолюбивый и не разбиравшій средствъ къ достиженію своей цѣли, но зато энергичный другъ народа и защитникъ всѣхъ прогрессивныхъ реформъ нашего времени—Генри Манингъ.

— Сень-Симонская школа и ея ученики. Въ послѣднее время во французской литературѣ стало появляться много трудовъ о предшественникахъ современныхъ социалистовъ: Сень-Симонѣ, Фурьѣ, Прудонѣ, Луи-Бланѣ, Пьерѣ Леру и т. д. Быть можетъ, наибольшій интересъ представляютъ два сочиненія объ ученикахъ Сень-Симона: одно изъ нихъ подъ заглавіемъ «Сень-Симонская школа»¹⁾, принадлежитъ Жоржу Вейлю, который уже посвятилъ обстоятельное сочиненіе самому Сень-Симону и его теоріи, а второе «Исторія сень-симонизма (1825—1864 гг.)» написана Себастьяномъ Шарлетти²⁾, на степень доктора философіи. Оба эти автора относятся къ своему предмету чрезвычайно добросовѣстно и безпристрастно, а Шарлетти въ особенности пользовался не только печатными матеріалами, но и богатымъ Сень-Симонскимъ архивомъ въ Парижской арсенальной библіотекѣ, до которой разрѣшенъ доступъ публикѣ только два года тому назадъ, т. е. тридцать лѣтъ послѣ смерти ея основателя, Проспера Анфантена, который былъ душою Сень-Симонской школы. Въ сущности книгу Шарлетти было бы правильнѣе назвать «Отецъ Ан-

¹⁾ L'Ecole Saint-Simonienne, par Georges Weill. Paris. 1896.

²⁾ L'Histoire du Saint-Simonisme (1825 — 1864), par Sebastien Charletty. Paris. 1896.

фантенъ», такъ какъ этотъ необыкновенный человѣкъ составляетъ ея центръ, что вполне справедливо. Анфантенъ остался до послѣдней минуты своей жизни первосвященникомъ уже закрывшейся церкви, аденты которой разошлись во всѣ страны и, странно сказать, изъ идеалистовъ стали самыми практичными дѣятелями, какъ Лесепъ, Мишель Шевалье, Перейра, Геру, Эйхталь и т. д., хотя они постоянно и заботились о матеріальномъ улучшеніи современнаго имъ общества. Поэтому Вейль имѣетъ нѣкоторое основаніе называть Наполеона III коронованнымъ сенъ-симонцемъ; но, конечно, сенъ-симонизмъ во всѣхъ этихъ случаяхъ былъ умаленъ, скомканъ, обрѣзанъ, оскверненъ и примѣненъ къ требованіямъ имперіалистской и финансовой политики. Сама же по себѣ сенъ-симонская система и ея представители въ первую, увлекавшую столько свѣтлыхъ умовъ ея эпоху, отличались благородной попыткой пересоздать современное общество на лучшихъ основахъ. Сенъ-симонцы высказывали чрезвычайно ясный и даже пророческій взглядъ на тѣ разнovidныя стороны зла, которыми страдало общество, и въ своемъ органѣ «Globe», въ 1831 году, они предлагали цѣлую серію такихъ законопріятій, которыя осуществились только черезъ пятьдесятъ лѣтъ и то цѣною тяжелой борьбы. «Невольно спрашиваешь себя, справедливо замѣчаетъ Шарль Бемонъ, критикъ «Revue Historique», по поводу книгъ о сенъ-симонизмѣ: «что было бы, если бы послѣ Людовика XV на престолъ вступилъ энергичный и добронамѣренный государь, а во время июльской монархіи управляли бы дѣлами министры со взглядами сенъ-симонцевъ на необходимыя реформы? Но въ обоихъ случаяхъ не произошло ни того ни другого, и пришлось судьбѣ пустить въ ходъ революціонныя силы». Свой трудъ Жоржъ Вейль скромно называетъ не философскимъ или социологическимъ изслѣдованіемъ, а историческимъ очеркомъ, и дѣйствительно, главное его значеніе—историческое. Кромѣ обстоятельнаго изложенія всѣхъ фактовъ, касающихся до общаго развитія и постепеннаго исчезновенія сенъ-симонизма, онъ сообщаетъ много отдѣльныхъ любопытныхъ свѣдѣній, напримѣръ, онъ бросаетъ новый свѣтъ на спорный вопросъ о томъ, какъ возникло во Франціи слово «соціализмъ»: по его словамъ, оно впервые встрѣчается въ сенъ-симонской газетѣ «Globe», 13 февраля 1832 года, въ статьѣ Женьера о книгѣ Виктора Гюго *Feuilles d'automne*. Еще болѣшій интересъ представляетъ рассказъ о колонизаціонной попыткѣ сенъ-симонцевъ въ Египтѣ, куда Анфантенъ со своими учениками и ученицами отправился въ 1833 году. Сначала имъ тамъ повезло, и они предприняли, съ разрѣшенія Махмета-али, работы по устройству плотины на Нилѣ. Но, благодаря чумѣ, имъ вскорѣ пришлось прекратить эти работы, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ несчастнаго существованія въ Египтѣ они большею частью вернулись во Францію, гдѣ Анфантенъ поддерживалъ до самой своей смерти выработанный имъ проектъ прорытія Суэзскаго канала, которымъ впоследствии воспользовался Лесепъ.

— Мемуары графини Дашъ. Въ сороковыхъ годахъ романы графини Дашъ пользовались большимъ успѣхомъ, и ихъ авторъ Габріелла де-Ситернъ, по мужу графиня Де-Сенъ-Марсъ, была украшеніемъ тогдашнихъ парижскихъ литературныхъ салоновъ. Кромѣ сотни романовъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, она писала хроники въ различныхъ журналахъ и газетахъ, преим-

щественно въ «Revue de Paris», «Figaro» и «Mousquetaire», издававшемся Александромъ Дюма. Вынужденная семейными обстоятельствами искать въ литературѣ кусокъ хлѣба, эта блестящая свѣтская дама отличалась легкимъ, живымъ перомъ, но, конечно, въ ея произведеніяхъ нельзя искать ни психологическаго анализа, ни реальныхъ картинъ, однимъ словомъ никакихъ серьезныхъ литературныхъ достоинствъ, а потому естественно, что, несмотря на свою плодovitость, а, быть можетъ, отчасти благодаря ей, никто не читаетъ въ настоящее время романовъ графини Дашъ, и самое ея имя почти забыто. Но если ея романы, исключительно парижскіе и свѣтскіе, не представляютъ въ настоящее время никакого интереса, то, напротивъ, ея мемуары, которыхъ вышло уже три тома, представляютъ любопытную картину свѣтскихъ и литературныхъ кружковъ Парижа въ первой половинѣ XIX вѣка ¹⁾. Судя по тому, что до сихъ поръ воспоминанія графини Дашъ доведены только до начала іюльской монархіи, надо заключить, что она и въ этомъ отношеніи будетъ такой же плодovitой, какъ въ области романа; въ этомъ ручается и самый характеръ ея записокъ, которыя совершенно справедливо озаглавлены: «Мемуары другихъ». Она говоритъ менѣе о себѣ и больше о другихъ, а такъ какъ она, съ одной стороны, знала сливки парижскаго общества, а съ другой, всѣхъ современныхъ ей литераторовъ, начиная отъ Александра Дюма и Роже де-Бовуара, которые были крестными отцами ея литературной карьеры, то въ матеріалъ для словоохотливой, добродушной болтовни о томъ, что она видѣла и слышала, не можетъ быть недостатка. Что она рассказываетъ свои воспоминанія интересно и рельефно, доказываетъ лучше всего картинка, рисуемая ею о встрѣчѣ ея съ знаменитой графиней Жанлисъ. Это было въ 1828 году, когда молодая, красивая Габриелла еще не вступала на литературную арену, а исключительно вращалась въ свѣтскомъ мірѣ. Она случайно увидала у одной старой пріятельницы ея семьи замѣчательную фарфоровую сахарницу, съ французскимъ королевскимъ гербомъ, и заинтересовалась рассказомъ хозяйки, что эту рѣдкость Людовикъ XV подарилъ герцогу Орлеанскому, отъ котораго она перешла къ маркизѣ Ментенонъ, а отъ послѣдней къ г-жѣ Жанлисъ, передавшей ее тогдашней ея обладательницѣ. Пока молодая графиня любовалась этой сахарницей, въ комнату вошла, безъ доклада, старуха въ темномъ платьѣ и въ черной мантильѣ съ очень блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ, но блестящими, живыми и выразительными глазами. Не поздоровавшись ни съ кѣмъ, она воскликнула: «Какъ я рада увидать эту старую знакомую! Я боялась, что у васъ ее давно разбили». Хозяйка дома познакомила будущую романистку съ вошедшей дамой, которая оказалась графиней Жанлисъ. «Она была,— рассказываетъ графиня Дашъ,— настоящей аристократкой и придворной дамой стараго времени, говорила чрезвычайно изящнымъ языкомъ, и хотя въ каждомъ ея словѣ просвѣчивали самонадѣянность и педантизмъ синяго чулка, но она производила чарующее впечатлѣніе. Она обошлась со мною очень любезно и разспрашивала преимущественно о томъ, что я читаю, а потому нашъ раз-

¹⁾ Memoires des autres, par la comtesse Dach. Paris. Tomes I—II, 1896. Tome III, 1897.

говоръ смахивалъ на экзамень, но потомъ она перешла къ политикѣ и литературѣ, при чемъ высказала много интереснаго. Относительно первой она между прочимъ сказала съ удивительнымъ пророческимъ предвидѣніемъ: «король (Карль X) слушаетъ очень опасныхъ совѣтниковъ: любовь и энтузіазмъ, которые онъ возбуждалъ къ себѣ во всей странѣ во время своей коронаціи, быстро улетучиваются и, если дѣла будутъ идти въ томъ же духѣ, то ему не сохранить престола. Одинъ герцогъ Орлеанскій можетъ спасти Францію, но онъ до сихъ поръ не хочетъ, несмотря на всѣ просьбы, вмѣшиваться въ общественныя дѣла». О литературѣ знаменитая писательница высказалась очень мрачно: «революція еще не кончена, и снова начнется литературная революція, симптомы которой уже вполне замѣтны. Богъ знаетъ, куда она насъ приведетъ, но несомнѣнно, что черезъ нѣсколько лѣтъ все будетъ измѣнено въ корнѣ. Теперешнее поколѣніе смотритъ на меня и на моихъ современниковъ, какъ на глупыхъ болтуновъ, оно вскорѣ отвергнетъ всѣ прошедшія литературныя славы, и станетъ пролагать новые пути. Я встрѣчаю въ одномъ знакомомъ домѣ нѣкоторыхъ представителей литературной молодежи, и они удивляютъ меня своимъ нахальствомъ и погоней за новизной. Для нихъ не существуетъ поэтическаго языка, они все называютъ по имени, не останавливаются ни передъ какой грубой вульгарностью и позволяютъ себѣ называть Буало старымъ парикомъ».

— Письма Тургенева къ Полинѣ Виардо и Флоберу. Въ *Cosmopolis*'ѣ печатается длинный рядъ писемъ Тургенева къ его французскимъ друзьямъ. Издатель ихъ, Е. Гальперинъ-Каминскій, въ своемъ предисловіи говоритъ, что эта переписка была чрезвычайно обширна, но по несчастью только часть ея уцѣлѣла. Такъ письма Тургенева къ Меримэ погибли вмѣстѣ съ другими бумагами автора *Colomba* во время парижскихъ пожаровъ въ эпоху коммуны; письма къ Виктору Гюго до сихъ поръ не найдены, и то же можно сказать о письмахъ къ Шарлю Эдмону, изъ которыхъ сохранилось только одно; Францискъ Сарсе получалъ только незначительныя записки отъ Тургенева и раздраилъ ихъ любителямъ автографовъ. Альфонсъ Додэ отказался сообщить Каминскому свою переписку съ бывшимъ другомъ, внослѣдствіи разошедшимся съ нимъ, и то же сдѣлалъ Эдмонъ Гонкуръ, который, однако, заявилъ, что у него нѣтъ ни одного интереснаго письма Тургенева, такъ какъ они слишкомъ часто видѣлись, чтобы поддерживать между собою серьезную переписку. Такимъ образомъ, въ рукахъ у Каминскаго находятся только письма знаменитаго романиста къ г-жѣ Виардо, Жоржу Занду, Сентъ-Беву, Теофилю Готье, Флоберу и его племянницѣ г-жѣ Команвиль, Тэню, Ренану, Шарлю Эдмону, Зола, Гюи де Мопасану, Андрэ Терье и Ф. Бюрти. Первая серія этой переписки напечатана въ четырехъ книжкахъ *Cosmopolis*'а за прошедшій годъ и обнимаетъ собою письма къ г-жѣ Виардо, Флоберу и г-жѣ Команвиль¹⁾, а хотя вторая серія и отложена до январской книжки настоящаго года, но она до сихъ поръ не появля-

¹⁾ *Lettres d'Ivan Tourguéneff: à m-me Pauline Viardot, Gustave Flaubert et m-me Commanville. Publiées et annotées par E. Halperine-Kaminsky. Cosmopolis, juillet, août, septembre, octobre, 1896.*

лась. Конечно, ничто написанное Тургеневымъ и ничто касающееся его жизни не можетъ быть лишено интереса для образованныхъ людей, преимущественно русскихъ, но нельзя не сказать, что напечатанныя Каминскимъ до сихъ поръ его письма не представляютъ особой важности, біографической или литературной. Это нисколько, однако, не значить, чтобы въ нихъ не попадались любопытныя и характеристичныя черты для правильной оцѣнки характера Тургенева, его литературной дѣятельности и его отношеній къ французскимъ литераторамъ; при этомъ они представляютъ новинку въ полномъ смыслѣ слова и не были даже въ отрывкахъ напечатаны. Писемъ къ Виардо всего восемь, и они относятся къ разнымъ временамъ отъ 1850 до 1865 г. Главнымъ образомъ они обнаруживаютъ извѣстныя дружескія отношенія автора Записокъ Охотника къ знаменитой пѣвицѣ, которой въ одномъ письмѣ онъ предлагаетъ вмѣстѣ взяться за работу, каждый за свою, и обѣщаетъ съ своей стороны писать по роману за каждую сонату, сочиненную ею, а въ другомъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что, живя въ Спасскомъ, не можетъ пользоваться ея драгоцѣнными совѣтами для его новаго романа (Наканунъ). Но гораздо интереснѣе его замѣчанія о Россіи, а также объ его петербургскомъ арестѣ въ 1852 году, о смерти Гоголя и живописца Иванова. Говоря о своей радости очутиться снова во Франціи, въ 1850 году, Тургеневъ прибавляетъ: «Россія меня подождетъ; эта громадная, мрачная фигура, неподвижная и таинственная, какъ сфинксъ Египта, кончитъ тѣмъ, что меня поглотитъ. Я чувствую ея безсознательный колоссальный взглядъ, обращенный на меня съ пассивностью каменнаго глаза. Будь спокоенъ, сфинксъ — я возвращусь къ тебѣ, и ты меня спокойно поглотитишь, если я не сумѣю тебя разгадать. А теперь оставь меня въ покоѣ на время, а потомъ я вернусь въ твои степи». Изъ Петербурга, въ февралѣ 1852 года онъ пишетъ, что никто не можетъ понять, кромѣ русскихъ, какую великую потерю понесла ихъ родина отъ смерти Гоголя, котораго онъ считаетъ продолжателемъ дѣла Петра Великаго во многихъ отношеніяхъ. Какъ извѣстно, изъ-за статьи о Гоголѣ Тургеневъ былъ арестованъ и потомъ оправленъ на жительство въ его деревню Спасское; по этому поводу онъ писалъ къ Виардо: «статья о Гоголѣ была только предлогомъ, и къ ней привязались, чтобы наложить embargo на мою литературную дѣятельность, на которую уже давно смотрять косо. Пишите мнѣ, друзья мои, ваши письма придадутъ мнѣ мужество, чтобы перенести это испытаніе. Вы знаете, что мое сердце съ вами, а моя жизнь теперь кончена, вся ея прелесть исчезла; я съѣлъ весь мой бѣлый хлѣбъ, и теперь буду прозябать на черномъ». Въ остальныхъ двухъ письмахъ, относящихся къ этой эпохѣ, заслуживаетъ вниманіе только его сочувственный отзывъ о талантѣ Льва Толстого, по его словамъ, «одного изъ лучшихъ нашихъ писателей», и нѣсколько горячихъ словъ по поводу смерти Иванова, извѣстную картину котораго «Явленіе Христа» онъ считаетъ великимъ, серьезнымъ и возвышеннымъ произведеніемъ, хотя и относящимся къ той школѣ живописи, «которая, къ сожалѣнію, примѣшиваетъ къ чистому искусству философію, поэзію, исторію и религію». Еще стоитъ отмѣтить въ письмѣ изъ Парижа, отъ 16 февраля 1865 года, описаніе открытія законодательнаго корпуса, при чемъ онъ замѣчаетъ, что голосъ Наполеона III напоминаетъ швей-

царскаго профессора ботаники или нумизматики, и прибавляетъ: «но сколько тамъ было золота, касокъ, плюмажей, лентъ, звѣздъ! Боже мой! И подумаешь, что вся эта мишура производитъ впечатлѣнїе! Что я говорю— она руководитъ міромъ». Переписка Тургенева съ Флоберомъ гораздо обширнѣе и, начинаясь официальнымъ приглашеніемъ посѣтить Тургенева вечеромъ, въ 1863 г., она быстро переходитъ въ дружескій тонъ и оканчивается лишь смертью автора «Госпожи Бовари», въ 1880 году. Болѣе всего въ этихъ письмахъ говорится о частныхъ дѣлахъ и о спеціальныхъ литературныхъ вопросахъ по поводу сочиненій Флобера, но среди нихъ попадаются любопытныя замѣчанія. Такъ въ одномъ письмѣ Тургеневъ сравниваетъ надвигавшуюся на нихъ обоихъ старость съ «тяжелой темной тучей, заволакивающей не только будущее и настоящее, но даже прошедшее, придавая ему печальный оттѣнокъ»; въ другомъ онъ называетъ себя «старымъ сосудомъ съ подагрой», въ третьемъ онъ говоритъ, что сидитъ дома, «какъ старая лягушка въ сырой тинѣ», наконецъ его сплинь доходитъ до того, что онъ 7 августа 1879 года пишетъ: «физически я чувствую себя хорошо, но, чтобы судить о состояніи моей души, надо открыть клоаку, но никакъ не англійскій ватерклозетъ, который слишкомъ чистъ». Вообще Тургеневъ любилъ выражаться очень грубо и между прочимъ по поводу Assommoir писалъ: «я не восхищенъ, и хотя у Зола много таланта, но онъ слишкомъ тяжелъ и слишкомъ возится въ ночной вазѣ». Изъ другихъ литературныхъ отзывовъ Тургенева надо отмѣтить грустное впечатлѣнїе, произведенное на него смертью Жоржъ Зандъ: «я очень, очень опечаленъ ея смертью и хотѣлъ телеграфировать въ Ноганъ отъ имени русской публики, но меня удержала скромность, ненависть къ рекламѣ и страхъ къ Figaro. А въ сущности г-жа Зандъ имѣла, быть можетъ, наиболѣе вліянія на русскую публику, и это слѣдовало сказать, а къ тому же я имѣлъ на это право. Бѣдная, милая г-жа Зандъ, какъ она любила насъ обоихъ, и это естественно; у нея было такое золотое сердце; она отличалась полнымъ отсутствіемъ всего мелочнаго, всего фальшиваго; какой это былъ славный человѣкъ и какая хорошая женщина. А теперь все это въ ужасной, глупой, ненасытной, безмолвной, глупой могилѣ, которая не знаетъ, что поглощаетъ». О политикѣ Тургеневъ говоритъ очень мало и рѣдко, въ этомъ отношеніи можно указать только на его саркастическія замѣчанія о септенатѣ Макъ-Магона: «вами будетъ управлять семь лѣтъ добрая безславная сабля, и вы увидите, что въ концѣ концовъ она будетъ управлять безъ палатъ. Это мнѣ напоминаетъ, что я читалъ въ деревнѣ, гдѣ у меня хорошая библиотека: Choix des rapports prononcés à la tribune française depuis 1789 jusqu'à 1821, рѣчь Робеспьера по вопросу: слѣдуетъ ли судить Людовика XVI? Эта рѣчь мнѣ казалась удивительно прекрасной. Позднѣе въ концѣ своей карьеры Робеспьеръ испортился; онъ предался сентиментамъ и жалкимъ, высокопарнымъ фразамъ, но въ этомъ молодцѣ было много хорошаго». Для біографіи великаго писателя имѣетъ значеніе моти вировка его совѣта, чтобъ Флоберъ поболѣе гулялъ, какъ необходимое условіе для здоровья: «я однажды просидѣлъ въ тюрьмѣ (секретной) мѣсяць: комната у меня была маленькая, душная. Два раза въ день я переносилъ 104 карты (двѣ колоды) съ одного конца комнаты на другой. Это составляло 208

туровъ=416 въ день; каждый туръ состоялъ изъ 8 шаговъ, значить всего было 3.200, около 2 километровъ. Если въ какой нибудь день я не совершалъ этой прогулки, то у меня приливала кровь къ головѣ. Слѣдуйте моему примѣру». Естественнымъ эпилогомъ писемъ къ Флоберу, которыхъ всего 71, служатъ нѣсколько записокъ къ его племянницѣ г-жѣ Команвиль, въ одномъ изъ которыхъ онъ оплакиваетъ смерть ея дяди и характерно говоритъ: «его смерть одна изъ самыхъ большихъ горестей, испытанныхъ мною въ жизни; это такое горе, отъ котораго не хочешь утѣшиться».

— Книги, статьи и лекціи о Россіи. Недавно умершій русско-нѣмецкій историкъ Брикнеръ выпустилъ не задолго до своей смерти первый томъ исторіи Россіи до конца XVIII столѣтія на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾; этотъ новый трудъ почтеннаго ученаго долженъ былъ заключать въ себѣ всего два тома, и только неожиданная смерть оставила его недоконченнымъ. Судя по вышедшей части, Брикнеръ задаясь цѣлью написать не специально политическую исторію Россіи, а обстоятельную картину ея постепеннаго культурнаго развитія и, конечно, при этомъ онъ руководствовался основной идеей всѣхъ своихъ предыдущихъ сочиненій, что иностранное вліяніе играло первенствующую роль въ исторіи русской культуры, а реформа Петра была логическимъ результатомъ предыдущихъ эпохъ русской исторіи. Потому неудивительно что свое сочиненіе онъ начинаетъ съ открытія Россіи европейскими путешественниками, а затѣмъ описываетъ страну и народъ, происхожденіе отъ Византіи русской церкви и дальнѣйшее ея развитіе, вліяніе монгольскаго ига и дальнѣйшія событія до Петра Великаго, реформы котораго подробно изложены. Смертью великаго преобразователя и оканчивается первый томъ труда, которымъ авторомъ очевидно хотѣлъ подвести итогъ своимъ многочисленнымъ историческимъ изслѣдованіямъ. Осьмнадцатый вѣкъ, которымъ Брикнеръ хотѣлъ завершить свою исторію Россіи, служилъ предметомъ читаемаго въ настоящемъ году курса русской литературы въ словесномъ факультетѣ въ Лилѣ профессоромъ Емилемъ Гоманъ, вступительная лекція котораго напечатана въ номерѣ *Revue Bleue* отъ 16 января ²⁾. Точно такъ же, какъ нѣмецкій ученый, и французскій лекторъ поставилъ себѣ задачей показать относительно избранной имъ эпохи культурное развитіе Россіи подъ вліяніемъ идей, нравовъ и искусства Западной Европы. Въ вступительной лекціи онъ только указываетъ на трудность ориентироваться между хулителями и апологистами этой эпохи русской исторіи и указываетъ на необходимость для составленія правильнаго взгляда не довольствоваться, какъ это обыкновенно дѣлаютъ изученіемъ Россіи только при дворѣ или въ избѣ крѣпостнаго поселяннина, а заглянуть такъ же въ дворянскія мызы, административныя канцеляріи, школы и университеты, въ литературу и театръ, въ казармы и отдаленныя колоніи на азіатскихъ окраинахъ. Все это лильскій профессоръ предлагаетъ сдѣлать своимъ слушателямъ при его помощи и обѣ-

¹⁾ A. Brückner, Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrh. Band I. Ueberblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha. 1896.

²⁾ La Russie au XVII siècle, par Emile Haumant. *Revue Bleue*. 16 janvier, 1897

щаетъ имъ, что тогда можно будетъ сознательно доказать, что Петръ сдѣлалъ большой шагъ по пути цивилизаціи въ XVIII вѣкѣ, несмотря на увѣренія Чаадаева, что «великій человекъ бросилъ Россіи плащъ цивилизаціи, но она подняла плащъ, а до цивилизаціи не прикоснулась». Въ первой январьской книжкѣ «Revue de Paris» напечатана переписка Александра I съ г-жей Сталь¹⁾, въ которой собственно интересны только замѣчанія русскаго императора о судѣ надъ нимъ потомства по важности для Франціи разумной конституціи. Огностительно перваго предмета онъ говоритъ въ письмѣ отъ 25-го іюня 1815 г.: «Я понимаю, что вы нашли достойнымъ предметомъ для изученія въ минуты досуга событія, положившія конецъ послѣдней войнѣ, но я желалъ бы, чтобъ эпоха, въ которой я принималъ дѣятельное участіе, не была подчинена суду моихъ современниковъ, которые, несмотря на всѣ свои старанія, не могутъ поставить себя въ положеніе потомства, которому провидѣніе предоставляетъ плоды нашихъ трудовъ, и которое одно можетъ быть настоящимъ ихъ судьей». О значеніи конституціонныхъ порядковъ онъ писалъ той же г-жѣ Стааль, спуская мѣсяць: «Я убѣжденъ, что можно прекратить бѣдствія, которымъ подвергается французская нація, только отыскивая гарантію новаго порядка вещей не въ чувствахъ того или другого лица, а въ мудрыхъ учрежденіяхъ. Это мнѣніе подтверждается долгимъ опытомъ и примѣромъ сосѣдней страны, которая обязана подобной системѣ долговременнымъ періодомъ благоденствія и славы; ея король Георгъ III уже много лѣтъ лишень разсудка, и однако все идетъ тамъ по заведенному порядку, и общественное благоденствіе нимало отъ этого не страдаетъ». Если не до политической исторіи, то до исторіи русскаго народа относятся появившіяся въ декабрьской книжкѣ «Deutsche Rundschau» воспоминанія г-жи Аделунгъ о знаменитой Софіи Кавалевской²⁾. Онѣ были двоюродныя сестры и одинаковаго возраста; будущая ученая называлась Сфозой, а ея кузинка Соной. Онѣ обѣ часто видѣлись у ихъ дѣда, генерала Шуберга и уже четырехъ лѣтъ Сфоза отличалась энергіей, рѣшимостью и выразительнымъ чисто цыганскимъ лицомъ, хотя въ то же время необыкновенной добротой. Потомъ онѣ долго были разлучены, такъ какъ Сфоза съ матерью, г-жей Карвинъ-Крюковской и старшей сестрой Анетой жила преимущественно въ деревнѣ, и только шестнадцати лѣтъ онѣ свидѣлись снова въ Германіи. Благодаря главнымъ образомъ сестрѣ, Сфоза очень рано развилась и уже тогда пламенно занималась изученіемъ философіи, естествознанія и социальныхъ наукъ. Хотя она еще не высказывала особой склонности къ математикѣ, но съ дѣтства въ ней проявились необыкновенныя математическія способности, что объясняется атавизмомъ, такъ какъ ея отецъ и дѣдъ были замѣчательными математиками. «Сфоза, — рассказываетъ г-жа Аделунгъ, — уже въ то время обнаруживала удивительно воспріимчивую натуру, и она восторгалась одинаково наукой, искусствомъ и социальными вопросами, но была очень замкнута въ себѣ, и для нея не существо-

¹⁾ Lettres de l'empereur Alexandre I et de madame de Staël (1814 — 1815). Revue de Paris. 1 janvier, 1897.

²⁾ Die Kindheit und die Jugend von Sophie Kovalevsky, von Sophie von Adlung. Deutsche Rundschau, December, 1896.

валь внѣшній міръ». Осьмнадцать лѣтъ она вышла по любви замужъ за Владиміра Онуфріевича Ковалевскаго, и г-жа Аделунгъ увѣряетъ, что этотъ бракъ былъ очень симпатиченъ ея матери. Но вскорѣ началась психологическая драма: Ковалевская не была той женой, о которой мечталъ ея мужъ, и она предпочла науку домашнему очагу. Умъ въ ней бралъ верхъ надъ сердцемъ, хотя она, очень любила свою дочь и никогда съ ней не разставалась. Смерть мужа и любимой сестры окончательно разлучили ее съ міромъ, и она всецѣло предалась наукѣ и литературѣ. Однако, не смотря на то, что слава, которой она жаждала, увѣнчала ея труды, письма Ковалевской къ г-жѣ Аделунгъ отличались грустнымъ характеромъ, который все усиливался до ея преждевременной смерти на сороковомъ году жизни. Англо-русское общество продолжаетъ свою полезную дѣятельность на почвѣ знакомства Англіи съ Россіей. Въ послѣдніе мѣсяцы на его собраніяхъ читались рефераты Вильяма Кирби о жизни сибирскихъ поселенцевъ, на основаніи трудовъ Радлова, Овсянкина, уроженца Владивостока—о современномъ положеніи Сибири; Б. Гадфета—о русскомъ искусствѣ, преимущественно о Третьяковской галлерей; А. Маркова—о торговлѣ между Англіей и Россіей; М. Моргана—о двадцатипятилѣтнемъ юбилей «Туркестанскихъ Вѣдомостей»; капитана Виггинса—объ открытіи дороги въ Сибирь черезъ Карское море; пастора Раненса—о коронаціи Николая II, при которой онъ присутствовалъ; Ф. Марченца—о Некрасовѣ и миссъ Россенъ, о письмахъ лэди Дисбро изъ Россіи въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Одинъ этотъ списокъ достаточно знакомитъ съ дѣятельностію общества, хотя въ немъ слишкомъ преобладаетъ Сибирь, и такъ какъ всѣ эти лекціи, за которыми слѣдовали пренія между членами, отличаются добросовѣстнымъ фактическимъ изложеніемъ данныхъ вопросовъ, то онѣ не могутъ не распространять въ Англіи интереса къ Россіи и точныхъ о ней свѣдѣній. А въ послѣднемъ отношеніи еще часто грѣшатъ даже почтенные литературные органы: такъ въ помѣщенномъ въ номерѣ отъ 23 января «Atheneum» очень сочувственнымъ и фактически вѣрнымъ некрологѣ покойнаго К. Н. Бестужева-Рюмина, авторъ Р. Низбетъ-Бэнъ называетъ его графомъ и представителемъ знаменитаго рода, отличавшагося въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній замѣчательными дипломатами и политическими дѣятелями, тогда какъ между историкомъ и графскою вѣтвью Бестужевыхъ-Рюминыхъ не было ничего общаго.

— Русско-французскій безсмертный. Недавній выборъ историка Альбера-Вандала въ члены французской академіи увеличилъ тамъ русско-французскій элементъ, который до сихъ поръ имѣлъ только одного представителя, кромѣ виконта Мельхюра де Вогюэ. Еще болѣе послѣдняго, который женатъ на Анненковой и содѣйствовалъ своими журнальными статьями возникновенію во Франціи въ послѣдніе года литературной моды на все русское, Вандаль связанъ съ Россіей. Онъ, по словамъ иностранныхъ газетъ, внукъ Екатерины Николаевны Гончаровой, которая была сестрой жены Пушкина и вышла замужъ за Дантеса, барона Гекерна, а почти всѣ литературные труды его посвящены Россіи. Поэтому онъ имѣлъ полное право сказать въ письмѣ къ своему другу С. С. Татищеву по поводу его избранія въ безсмертные: «Вы видите, что Россія при-

несла мнѣ счастье». Хотя нѣтъ сомнѣнія, что культъ Россіи, доходящій въ настоящее время до смѣшнаго во Франціи, много содѣйствовалъ популярности и безсмертію Вандалья, но онъ, какъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ французскихъ историковъ, и безъ того вполне заслуживалъ академическаго кресла. Принадлежа къ той исторической школѣ, которая не стремится ни къ новымъ глубокимъ взглядамъ ни къ философскимъ или психологическимъ обобщеніямъ, и довольствуясь старательными архивными изслѣдованіями и передачей ихъ результатовъ въ блестящей картинной формѣ, Вандаль отличается замѣчательной, добросовѣстной, кропотливой подготовкой каждаго своего труда, а потому ихъ очень немного, только три: первые два «Louis XV et Elisabeth de Russie» и «Une ambassade française en Orient sous Louis XV» относятся въ сущности до одного предмета выясненія восточнаго вопроса и появленія Россіи на аренѣ европейской политики, а послѣдній, оконченный только въ прошедшемъ году «Napoleon et Alexandre I» составляетъ мастерскую картину отношеній Франціи и Россіи при Наполеонѣ и Александрѣ I. Объемистые три тома этого капитальнаго сочиненія окончательно упрочили его репутацію и очистили ему дорогу въ храмъ безсмертныхъ, гдѣ онъ занялъ кресло извѣстнаго экономиста Леона Сэ, что вынудить его въ своей вступительной рѣчи выйти на совершенно новую почву, такъ какъ по обычаю эта рѣчь должна быть посвящена характеристикѣ его предшественника. До сихъ поръ Вандаль исключительно занимался обширными историческими трудами и не мѣнялся на мелкую монету, а если однажды поступилъ въ газетные сотрудники, то быстро отказался отъ этой спѣшной и несродной ему работы. Существуетъ однако его книга неисторическаго содержанія, именно описаніе поѣздки по Скандинавіи: «En carriole à travers la Suede et la Norvege», но это грѣхъ молодости и первый дебютъ въ литературѣ, за который впрочемъ ему нечего краснѣть, такъ какъ онъ въ этой маленькой книжечкѣ очень просто, мило и безъ всякихъ претензій, хотя слишкомъ поверхностно, рассказываетъ свои впечатлѣнія. Что касается до его журнальныхъ статей, то онѣ преимущественно отрывки изъ его серьезныхъ трудовъ; остальные же почти исключительно критическіе— очерки о новыхъ историческихъ книгахъ о Россіи.

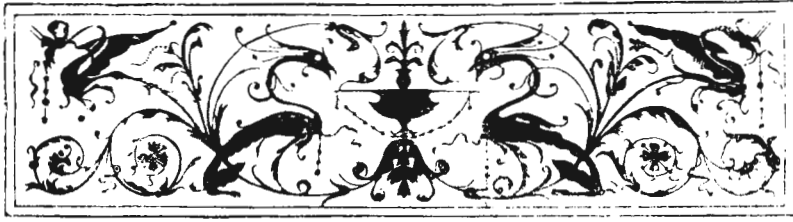
— Воспоминанія Ф. Рембо о покушеніи Березовскаго на жизнь императора Александра II. Жюль Шанель печатаетъ въ французской *Illustration* рядъ очерковъ интересныхъ современныхъ личностей, которые нѣкогда играли видную роль, а теперь забыты. Вторымъ изъ этихъ забытыхъ является въ его галереѣ Фирлонъ Рембо¹⁾, который спасъ жизнь Александру II въ моментъ покушенія Березовскаго на его жизнь въ Парижѣ въ 1867 году. О жизни своего героя до историческаго эпизода, обратившаго на него всеобщее вниманіе, авторъ говоритъ очень мало и только упоминаетъ, что онъ служилъ въ Крымскую кампанію простымъ солдатомъ, вышелъ въ отставку унтеръ-офицеромъ и, благодаря близкимъ отношеніямъ его семьи къ императору, былъ назначенъ въ 1862 году шталмейстеромъ и администраторомъ императорскихъ конюшенъ, на которыхъ было 350 лошадей и 150 конюховъ. Что касается до

¹⁾ Les oubliés. H. M. Raimbaud, par Jules Chancel. *Illustration*. Janvier, 1897.

его подвига, то вотъ его собственный разсказъ, который записанъ надняхъ съ его словъ Шанселемъ: «6 июня 1867 года Наполеонъ III собирался ѣхать на парадъ въ Лонпанъ, какъ префектъ полиціи Пьетри сообщилъ ему, что, по дошедшимъ свѣдѣніямъ, нѣсколько итальянцевъ прибыли изъ Лондона съ цѣлью совершить нѣчто дурное. Пьетри прибавилъ, что онъ принялъ всѣ предосторожности относительно этихъ лицъ, но, не вѣдая ихъ цѣлей, онъ счелъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ императора. Его величество, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «вы слышали, Рембо, ваше дѣло озаботиться». Возвращаясь съ парада, императоръ Наполеонъ III сидѣлъ въ коляскѣ, имѣя направо императора Александра II, а напротивъ цесаревича и великаго князя Владиміра. Экипажъ былъ запряженъ à la Daumont; у правой дверцы со стороны русскаго императора ѣхалъ верхомъ баронъ Бургойнъ, а я у лѣвой со стороны императора Наполеона III; эскортъ состоялъ изъ *cent-gardes*. Достигнувъ водопада, мы были такъ стѣснены, благодаря громадному числу экипажей и безчисленной толпѣ, что не было возможности продолжать путь. Я пришпорилъ лошадь, чтобъ приказать эскорту проложить дорогу, но долженъ былъ вернуться и доложилъ императору, что это невозможно. Наполеонъ III всталъ и, убѣдившись въ справедливости моихъ словъ, сказалъ мнѣ, чтобъ я повернуть передовой эскортъ вправо на свободную боковую аллею Булонскаго лѣса. Тогда публика отхлынула на лугъ, простирающійся передъ водопадомъ. Благодаря небольшому количеству деревьевъ на этомъ мѣстѣ въ то время, я увидѣлъ, что среди людей, бѣжавшихъ къ намъ на встрѣчу, одинъ былъ безъ шляпы и держалъ обѣ руки къ верху. Эта странная поза меня поразила, тѣмъ болѣе, что я съ утра все думалъ о предупрежденіи полицейскаго префекта. Моя первая мысль была, что у этого челоуѣка была бомба. Онъ продолжалъ быстро бѣжать на экипажъ, а я поскакалъ къ нему на встрѣчу; въ ту же минуту онъ сдѣлалъ угрожающій жестъ и упалъ. Раздался громкій взрывъ. Наступила минута общей паники: жокеи и эскортъ остановились. Я хотѣлъ приказать, чтобъ ѣхали далѣе, но императоръ сдѣлалъ знакъ чтобъ не трогались съ мѣста, и спросилъ своихъ гостей, не раненъ ли кто. Оказалось, что всѣ были цѣлы и невредимы. Спустя нѣсколько секундъ, экипажъ тронулся; императоръ Наполеонъ III замѣтилъ, что бѣлыя перчатки царя были покрыты кровью, а также забрызгана ею Андреевская лента. Я въ то же время замѣтилъ, что мои ладони были въ крови; тогда я вспомнилъ, что въ минуту взрыва я почувствовалъ обжогъ въ шеѣ и взялся руками за шею. «Ваша лошадь ранена», сказалъ, обращаясь ко мнѣ, цесаревичъ. Дѣйствительно пуля попала въ носъ бѣдному животному въ ту минуту, какъ незнакомецъ падалъ подъ ея натискомъ. Сдѣлавъ около ста шаговъ галопомъ, я замѣтилъ, что моя лошадь поддается подо мной, и я едва успѣлъ соскочить. Я сѣлъ въ одинъ изъ послѣднихъ экипажей, гдѣ находились герцоги Лейхтенбергскіе. По прибытіи въ Тюльери, Наполеонъ III тотчасъ позвалъ меня: онъ былъ въ красныхъ панталонахъ и рубашкѣ. «Это ужасно, что случилось,—сказалъ онъ:—стрѣляли не въ меня; я предпочелъ бы, чтобъ стрѣляли въ меня, даже рискуя своей жизнью, но стрѣляли въ моего гостя, русскаго императора». Въ эту комнату вбѣжала императрица Евгенія, которая еще ничего не знала. «Что случилось, Рембо?—спросила она:—я видѣла вашу лошадь

въ крови; ее вель подь уздцы одинъ изъ солдатъ эскорта». Узнавъ, въ чемъ дѣло, она приказала подать экипажъ и поѣхала въ Елисейскій дворецъ, гдѣ жилъ русскій императоръ. Въ этотъ самый вечеръ Александръ II въ домѣ своего посольства давалъ балъ, и я сопровождалъ императора Наполеона III. Въ дверяхъ меня встрѣтилъ графъ Адлербергъ, министръ двора, и передалъ мнѣ русскій орденъ, который я тотчасъ надѣлъ. Увидѣвъ меня, императоръ тотчасъ подошелъ ко мнѣ съ той любезностью, которой онъ всегда отличался. Онъ горячо поблагодарилъ меня и, взявъ подь руку, прошелъ чрезъ всѣ залы посольства, а потомъ посадилъ рядомъ съ собой, чтобъ доказать передъ всѣми, какъ онъ высоко цѣнилъ мой совершенно естественный поступокъ, который я совершилъ, только благодаря простому случаю». Къ этому подлинному разсказу Рембо, Шамель прибавляетъ, что съ тѣхъ поръ Рембо занималъ блестящее мѣсто при дворѣ Наполеона III, а во время франко-прусской войны сопровождалъ императора до Седана, сдѣлался вмѣстѣ съ нимъ плѣнникомъ и потомъ жилъ съ нимъ въ Англии, а вернулся во Францію, только когда Наполеонъ III болѣе уже не нуждался въ его услугахъ. При третьей республикѣ онъ не вмѣшивался въ политику, а какъ богатый человекъ, женатый на дочери частнаго секретаря Наполеона III, Макара, онъ посвятилъ себя исключительно управленію каменноугольныхъ копей въ Марлэ, концессія которыхъ дана была его отцу Наполеономъ III. Въ свободное время онъ катался на своей яхтѣ «Везъ страха», на которой однажды посѣтилъ Петербургъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Изъ старыхъ бумагъ.

I.

Чичиковъ, какъ собиратель архивнаго матеріала.—Составленіе домашнихъ архивовъ въ старину.—Мои старыя бумаги.—«Объявленіе отъ Главной Полиціи» 1779 г. и генераль-полицеймейстеръ Д. В. Волковъ.—Старыя афишки: Миссъ Ламень-Массонъ и ея трупна; «американской искусникъ» и его «Дива Свѣта».

ОГОЛЬ подмѣтилъ, между прочимъ, одну характеристическую черту людей грамотныхъ, особенно провинціаловъ, того добраго стараго времени, когда каждая печатная строка, каждый печатный листокъ представляли особенную цѣнность и казались такой своего рода рѣдкостью, что ихъ тщательно сохраняли.

Помните, какъ Чичиковъ, по прїѣздѣ въ губернской городъ, отправился его осматривать и, увидѣвъ приклеенную къ столбу афишу, сорвалъ ее, а потомъ, придя домой, не только внимательно прочиталъ ее, но и бережно спряталъ въ свою шкатулку, какъ невѣсть какую драгоценность.

Замѣчено это съ удивительной наблюдательностью. И отмѣченная здѣсь черта—не частная и случайная, а общая, бытовая. Такъ поступали въ подобныхъ случаяхъ, какъ поступилъ Чичиковъ, почти всѣ старосвѣтскіе «любители просвѣщенія». Въдѣ газетъ въ тѣ времена почти не было, а если и были, то получались онѣ и читались въ провинціи въ рѣдчайшихъ случаяхъ. Также рѣдко попадалась и печатная книга. Неудивительно, что грамотеи, охотники до чтенія, жадно накидывались на каждый печатный листокъ, прочитывали его

и потомъ сохраняли, если же нельзя было его присвоить, и онъ представлялъ особый интересъ, то, случалось, даже переписывали для памяти, какъ переписывались, напимѣръ, стихотворенія любимыхъ поэтовъ, модные романы, анекдоты, разныя апокрифическія сказанія и пьесы, лѣчебные рецепты и проч.

Въ не весьма даже далекую старину можно было въ каждомъ почти помѣщикьемъ или чиновничьемъ домѣ средней руки найти такой, скоплавшійся нѣсколькими поколѣніями, домашній рукописно-печатный архивъ. Съ теченіемъ времени и распространеніемъ произведеній печатнаго станка все это, конечно, забрасывалось куда нибудь на чердаки, растеривалось и уничтожалось, какъ ненужный старый хламъ. Но кое-что сохранилось.

Частичка этого-то «хлама» сохранилась и у меня въ видѣ довольно объемистой пачки. Досталась она мнѣ изъ разныхъ рукъ и въ разное время. Здѣсь имѣются: старинные указы и манифесты, объявленія, афишки, письма, копіи съ судебныхъ дѣлъ, выписки изъ рѣдкихъ книгъ (напимѣръ, «Изъ Флориновой Экономіи»), полные списки масонскаго «Философскаго разсужденія о духовномъ смыслѣ пѣсни пѣсней Соломона» и замѣчательнаго, безыменнаго, въ драматической формѣ, памфлета, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ «царствѣ тѣней», и гдѣ выведены въ противопоставленіи Екатерина II, какъ великая, мудрая, милосердая, всѣми оплаканная на землѣ государыня, и Павелъ I, какъ монархъ иныхъ качествъ, который «содѣлалъ въ Россіи желѣзныи вѣкъ»... Имѣется, наконецъ, цѣлый «Сборникъ» (къ сожалѣнію, неполный) апокрифическихъ, не бывшихъ въ печати статей, писемъ и стихотвореній. Кромѣ послѣдняго «Сборника», составленнаго въ 50—60-хъ годахъ послѣдня готекущаго столѣтія, остальные мои старыя бумаги относятся большею частью къ прошлому вѣку, главнымъ образомъ къ екатерининскому царствованію. Выбираю изъ нихъ здѣсь все то, что имѣетъ новизну и какую нибудь историческую цѣнность и можетъ быть прочитано читателями съ большимъ или меньшимъ интересомъ.

Передъ нами весьма характеристичное «Объявленіе отъ Главной Полиціи», за подписью Дмитрія Волкова, напечатанное на отдѣльномъ полулистѣ и помѣченное 3-мъ мая 1779 года.

«Главную Полицію примѣчено,—говорится въ Объявленіи,—что нѣкоторые подлаго состоянія женщины, шатаясь по улицамъ праздно и напившись пьяны, по взятьѣ ихъ въ Полицію приносятъ жалобы, будто бы онѣ ограблены, показывая на такихъ людей, которые по слѣдствію оказываются совсѣмъ въ томъ невины. Сего ради Главная Полиція всѣмъ и каждому объявляетъ, что хотя всякое озорничество на улицахъ, а паче нападеніе и грабежь, неупустительно по строгости законовъ взысканы и наказаны будутъ: но подлыя женщины, въ пьянствѣ обрацающіяся и въ такомъ непристойномъ полу ихъ состояніи по улицамъ бродящія, а часто и въ грязи валяющіяся, не могутъ ожидать не только удовлетворенія, ниже выслушанія ихъ безпутныхъ прошеній.

«Дмитрей Волковъ».

Волковъ дѣйствительно подписывался—«Дмитрей», какъ видно и изъ его факсимиле, приложеннаго къ портрету его въ 9-мъ томѣ «Русской Старины». А между тѣмъ, это тотъ самый Димитрій Васильевичъ Волковъ, котораго Гельбигъ причислил къ «просвѣщеннѣйшимъ и величайшимъ умамъ, какіе только

производила когда либо Россія». Будучи тайнымъ секретаремъ Петра III, онъ прославился составленіемъ знаменитаго указа о вольности дворянства. Близость къ Петру III могла ему повредить при воцареніи Екатерины, и на самомъ дѣлѣ онъ былъ арестованъ и нѣкоторое время находился въ опалѣ; но, человѣкъ дѣловой, очень способный, ловкій и проницательный, Волковъ успѣлъ скоро выслужиться, сталъ получать важныя порученія и приобрѣлъ наконецъ личное благорасположеніе императрицы. Особенно отличался онъ энергическимъ участіемъ въ принятіи мѣръ противъ чумы въ Москвѣ. Потомъ былъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ, а съ 1778 по 1780 г. состоялъ, уже въ званіи сенатора, генераль-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ. Въ 1782 г. Волковъ окончательно вышелъ въ отставку, а въ 1785 г. умеръ.

Приведенное выше «Объявленіе» характеризуетъ своимъ энергическимъ тономъ прежде всего самого Волкова. Затѣмъ, оно указываетъ на существованіе въ то время особаго вида шантажа со стороны уличныхъ женщинъ «подлаго состоянія», настолько, какъ видно, распространеннаго, что для его пресѣченія потребовалось изданіе особаго «объявленія» во всеобщее свѣдѣніе. Всего же оригинальнѣе заключительная угроза, что «подлая женщины» данной категоріи впредь «не могутъ ожидать не только удовлетворенія, ниже выслушанія ихъ безпутныхъ прошеній». Въ такомъ жестокомъ презрѣніи находились тогда эти несчастныя! Угроза могла бы имѣть какое нибудь основаніе въ томъ еще случаѣ, если бы, дѣйствительно, уличное «озорничество, а паче нападеніе и грабежъ неупустительно» изыскивались и наказывались, но во время градоправительства Волкова полицейскій надзоръ въ столицѣ далеко не стоялъ на высотѣ своего блюстительнаго призванія. Объ этомъ можно заключить по слѣдующему, между прочимъ, факту.

«Дмитри Васильевичъ,— писала императрица Волкову отъ 27 ноября 1778 года:— мнѣ сказываютъ, что по случаю третьёгодняшняго празднованія, у Логинава ¹⁾ считается помершихъ отъ пьянства до трехъ сотъ семидесяти человѣкъ; и хотя я думаю, что число сіе увеличено, желаю однако-жь, чтобъ вы найточнѣйшимъ образомъ о томъ извѣдали и мнѣ въ самой подлинности довести не умедлили».

Допуская даже, что «число сіе было увеличено», тѣмъ не менѣ самая возможность такого ужаснаго пропойства въ столицѣ не доказываетъ, чтобы полицейскій надзоръ былъ въ ней очень блюстителенъ, чтобы озорничество точно безъ послабленія пресѣкалось, и чтобы жалобы на грабежъ уличныхъ красавицъ «подлаго состоянія» всегда были «безпутны» и неосновательны.

Обращаюсь за симъ къ находящимся въ моей папкѣ старымъ афишкамъ, также относящимся ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, хотя на нихъ не обозначены ни годъ, ни мѣсяцъ, ни число. Есть между ними такія, которыя, судя по внѣшнимъ признакамъ, несомнѣнно достались собирателю точно такимъ же способомъ, какимъ благоприобрѣталъ ихъ Чичиковъ, то-есть были сорваны со столбовъ или съ заборовъ. Замѣчательно также, что всѣ онѣ отпечатаны на двухъ языкахъ: съ одной стороны полулиста—на русскомъ, а съ

¹⁾ Весьма богатый въ то время откупщикъ и подрядчикъ по обдѣлкѣ каналовъ.

другой— на нѣмецкомъ, и отпечатаны, само собой разумѣется, въ Петербургѣ, гдѣ происходили и афишированные на нихъ представленія.

Приводимъ на этотъ разъ двѣ изъ этихъ афишъ— любопытныя сами по себѣ, а также по краснорѣчію, далеко оставляющему назади современныя намъ рекламы этого сорта.

Одна изъ нихъ о цирковыхъ экзерциціяхъ заѣзжей англійской труппы, во главенствѣ какой-то лихой «берейтерши» миссъ Ламенъ-Массонъ, начинается такъ:

ИЗВѢСТІЕ.

«Извѣстная англійская берейтерша Миссъ Ламенъ-Массонъ и съ товарищами своими, имѣвшая предъ недавнимъ временемъ честь и счастье представлять въ Вѣнѣ цѣлые семь мѣсяцовъ искусство свое въ тамошней Императорской манежѣ и не рѣдко въ высочайшемъ присутствіи ихъ Величествъ Королей Французскаго, Великобританскаго и Польскаго, и многихъ другихъ князей и вельможъ съ величайшею и общеою похвалою, будетъ и здѣсь показывать искусство свое съ дозволенія правительства, надѣясь толь несомнѣнно на полученіе себѣ и здѣсь такой же похвалы, что она Миссъ Ламенъ-Массонъ (не смотря и на преимущества своего пола въ такомъ случаѣ) обязуется заплатить тому двѣсти червонныхъ, кто ей докажетъ, что бы главныя ею представляемыя дѣйствія были здѣсь когда видимы.

Въ понедѣльникъ, въ четвергъ и въ воскресенье представляемы будутъ ниже слѣдующія дѣйствія:

1. Миссъ Ламенъ-Массонъ подаетъ кому нибудь изъ зрителей полную игру картъ, и проситъ что бы онъ одну изъ нихъ въ памяти держалъ; господинъ Стуардъ броситъ цѣлую игру въ верхъ, а Миссъ Ламенъ-Массонъ перестрѣляетъ примѣчаемую карту изъ пистолета ѣздя при томъ въ скачъ.

2. Миссъ Массонъ возьметъ у кого нибудь булавку, броситъ ее на полъ и подыметъ оную съ лошади бѣжа въ скачъ.

3. У Миссъ Массонъ есть лошадь, которая принесетъ назадъ брошенныя предъ нею вещи.

4. Миссъ Ламенъ-Массонъ представитъ еще большую пирамиду состоящую изъ шести персонъ, на трехъ лошадяхъ въ скачъ.

5. Она поставитъ на двѣ лошади на всякой по подевѣщнику станеть на оныя и поѣдетъ въ скачъ.

6. Миссъ Ламенъ-Массонъ станеть на лошадь въ положеніи летящаго Меркурія и покажетъ еще премногія другія, кои описать здѣсь было бы очень пространно.

7. Прыгаетъ она различными образами съ земли на лошадь въ сѣдло, и наконецъ перепрыгиваетъ нѣсколько разъ черезъ всю лошадь.

8. Ѣздитъ на двухъ лошадяхъ во всемъ ихъ бѣгу, стоя на каждой одной токмо ногою, прыгаетъ на нихъ отъ двухъ до трехъ футовъ въ вышину, и потомъ бросается на оба сѣдла и вертится клубомъ.

9. Скача на лошади во всю прыть, подыметъ съ земли платокъ, и будетъ одною рукою землю боронить, орать и рыть.

10. Становится каждой ногою на лошади, на большихъ стаканахъ, которые стоятъ на лошадяхъ, и ѣздитъ во всю прыть, дѣлаетъ въ семь положеніи различныя искусства, потомъ скокнувъ сбиваетъ стаканъ, а сама бросается на лошадей.

11. Будетъ ѣздить обыкновеннымъ образомъ: потомъ опустится задомъ головою и руками на землю, однако ноги удержитъ въ сѣдлѣ и въ семь положеніи покажетъ опять многія искусства.

12. Ѣздитъ на двухъ безуздныхъ лошадяхъ и пьетъ за здравіе зрителей.

13. Мальчикъ 14 лѣтъ ѣздитъ на лошади стоя на сѣдлѣ головою, а ногами

въ верхъ остался въ семь положеніи, между тѣмъ какъ лошадь дѣлаетъ разные скачки черезъ дерево.

14. Ѣздитъ пакъ Миссъ Ламентъ-Мессонъ на двухъ безуздныхъ лошадяхъ, стои одной ногою на стремени у одной лошади, а другой у другой, въ семь положеніи перепрыгиваютъ съ нею обѣ лошади черезъ дерево.

15. Ѣздитъ она же на трехъ лошадяхъ и кидается съ особливымъ проворствомъ съ одной на другую и на третью.

16. Возметъ Г. Стуардъ маленькаго турченка и свернувъ его какъ чалма посадить къ себѣ на голову и будетъ съ нимъ скакать на лошади во всю прыть ко удивленію всѣхъ знающихъ людей.

17. Представленъ будетъ еще другой Ѣздокъ, воображающій о себѣ, что онъ Ѣздитъ по англискии».

Интересная афишка заканчивается предувѣдомленіемъ, что «миссъ Ламентъ-Мессонъ намѣрена въ короткое время поѣхать отсюда съ товарищами своими», такъ пусть де почтеннѣйшая публика не зѣваетъ и поторопится увидѣть рѣдкихъ гостей. Соблазнъ для публики былъ тѣмъ большій, что зрѣлище стоило не дорого: «за первое мѣсто платится 1 рубль, за второе—50 коп., и за третье—25 коп.». Дѣйствіе происходило въ манежѣ графа Панина и началось ежедневно «полудни въ четыре часа».

Другая афиша начинается гораздо кудреватѣе въ типографскомъ, да и въ литографскомъ отношеніи.

«Съ дозволенія Главной Полиціи.

Пріѣхавшій сюда привилегированной

ОТЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО

американской, физической и механической искусникъ имѣеть показывать севодни

Д И В А С В Ъ Т А.

1. Представляетъ сей искусникъ ново-изобрѣтенное живописное искусство, портреты на холстѣ изображенные, которые въ каждыя двѣ минуты перемѣняютъ цвѣты и превращаются въ бѣлую, блѣдную, алую и черную краску, такъ что въ восемь минутъ, четыре части свѣта представлять должны.

2. Поставится тиролька въ два фута вышиною въ присутствіи почтенныхъ зрителей на открытой столѣ, и по приказанію ихъ представлять будетъ все то, что только живой искусникъ здѣлать можетъ, даже и человѣческія мысли изъяслять умѣеть.

3. Видна будетъ лавка, которую зальбургскій торговщикъ суконъ по приказанію зрителей отворяетъ и затворяетъ и по приказанію въ каждой разѣ другаго цвѣту сукна приносить и относить.

4. Поставленный въ два фута вышиною бахусъ несущей на головѣ бочку, наливать будетъ охотникамъ по ихъ приказанію крану, краснаго и бѣлаго вина, также и воды.

5. Имѣеть собраніе выбирать названіе цвѣтка, который тогда-жъ въ двѣ минуты показаться долженъ.

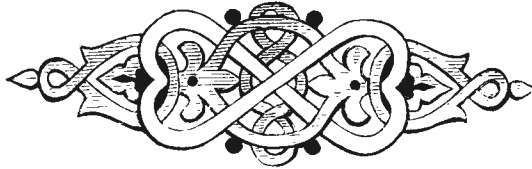
6. Барабанъ самъ собою бить будетъ два или три марша съ такою проворностію какъ барабанщикъ.

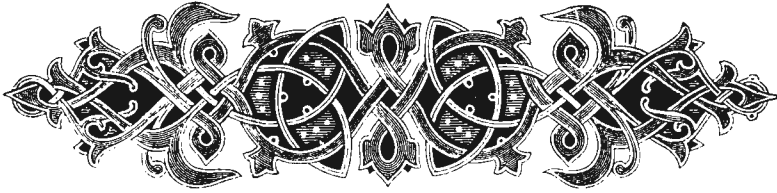
7. Дѣлаемы будутъ ежедневно всякія перемѣны metalloвъ и прочія въ карты искусства, о коихъ здѣсь за неимѣніемъ мѣста упомянуть не можно».

Эти «Дива Свѣта» показывались, какъ значится въ афишкѣ, въ «театрѣ у Перкина въ домѣ, что на Невской перспективѣ, во второмъ жильѣ». Мѣста для зрителей состояли только изъ двухъ ложъ: въ первой по 1 рублю съ персоны, во второй—по 50 коп.

«Американской искусникъ», не назвавшийся, однако, на афишкѣ своимъ именемъ, предлагалъ въ заключеніе, что, «по соизволенію знатныхъ особъ и другихъ обществъ, онъ свои искусства особливо на театрѣ представлять соглашается, когда ему только о томъ за часъ знать дано будетъ». Короче сказать, онъ предлагалъ давать свои представленія на дому, по заказу.

Вл. Михневичъ.

С М Ъ С Ъ.

БИЛЕЙ императорскаго русскаго археологическаго общества. Императорское русское археологическое общество торжественно справляло свой 50-ти-лѣтній юбилей. Устроенное по этому случаю торжественное собраніе общества происходило въ актовомъ залѣ С.-Петербургскаго университета, подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента общества, его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича и въ присутствіи ея императорскаго высочества принцессы Евгениі Максимиліановны Ольденбургской и ихъ высочествъ принцевъ Александра Петровича и Петра Александровича Ольденбургскихъ. Въ числѣ присутствовавшихъ находились министры, члены государственнаго совѣта и множество выдающихся представителей науки и искусства. Торжество началось чтеніемъ высочайшаго рескрипта обществу. «Русское археологическое общество, говорилось въ немъ, сегодня празднуетъ пятидесятилѣтіе своего существованія. Учрежденное въ 1846 году, по мысли нѣсколькихъ частныхъ лицъ, поставившихъ себѣ цѣлью разработку въ нашемъ отечествѣ вообще археологіи и въ частности изслѣдованіе памятниковъ русской старины, оно, подъ предсѣдательствомъ сначала герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, а затѣмъ великаго князя Константина Николаевича, неуклонно шло по избранному пути и ознаменовало свою полувѣковую дѣятельность обнаруженіемъ многихъ важныхъ и цѣнныхъ трудовъ, первенствующее мѣсто между которыми занимаютъ изслѣдованія, какъ касавшіяся русскихъ древностей, такъ и содѣйствовавшія ближайшему знакомству съ исторіею и древностями Востока. Такая разнообразная и полезная дѣятельность общества составляетъ несомнѣнную его заслугу передъ наукою и отечествомъ, и въ виду этого Мнѣ пріятно выразить Русскому археологическому обществу Мое благоволеніе, въ полномъ убѣжденіи, что оно

подъ просвѣщеннымъ руководительствомъ своего настоящаго предсѣдателя, великаго князя Константина Константиновича, будетъ и впредь такъ же неуклонно и плодотворно трудиться на пользу отечественной науки». Рескриптъ читаль А. Ѳ. Вычковъ. Послѣ гимна, исполненнаго хоромъ пѣвчихъ, Н. И. Веселовскій ознакомилъ присутствовавшихъ съ дѣятельностью общества за истекшій полулѣтъ. Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, подробно излагать рѣчь г. Веселовскаго, ограничимся нѣкоторыми особенно характерными данными. Въ сороковыхъ годахъ кружокъ петербургскихъ нумизматиковъ образовалъ археологическо-нумизматическое общество, на утверждение котораго и послѣдовало высочайшее соизволеніе 15-го мая 1846 г. Первымъ президентомъ общества былъ герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, а вице-президентами Я. Я. Рейхель и Ф. А. Жиль, секретарями А. И. Бартоломей и Б. В. Кене; изъ числа членовъ-учредителей академикъ А. А. Куникъ является живымъ свидѣтелемъ полулѣтковой жизни общества. Общество, душой котораго былъ иностранецъ Кене, вначалѣ жило жизнью, какъ бы обособленной отъ русской дѣйствительности. Сообщенія дѣлались на иностранныхъ языкахъ, французскомъ или нѣмецкомъ, но никогда на русскомъ. Такъ было, напримѣръ, изложено понѣмецки сообщеніе о серебряной чапѣ князя Владимира Давидовича. Но въ 1849 г. утвержденъ новый, подробно разработанный уставъ общества, причемъ оно получило право именоваться императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ. Русскій элементъ и русскій духъ въ обществѣ возобладали; однимъ изъ самыхъ ретивыхъ его дѣятелей сталъ извѣстный И. П. Сахаровъ. Въ 1851 г. общество отпечатало въ 10.000 экз. составленную Сахаровымъ «Записку для обозрѣнія русскихъ древностей» и сдѣлало обращеніе ко всей просвѣщенной Россіи съ просьбою о сотрудничествѣ. Въ 1852 г. упразднено печатаніе «Мемуаровъ общества» на иностранныхъ языкахъ. Изъ замѣчательныхъ трудовъ императорскаго русскаго археологическаго общества нельзя не указать на слѣдующіе: Въ 1843 г. академикъ Ѳ. Г. Солнцевъ обнаружилъ древнюю роспись и мозаичные рисунки въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и сдѣлалъ съ нихъ художественные снимки, которые и обнародованы императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ. Въ 80-хъ годахъ, по порученію общества, проф. А. В. Праховымъ сняты копии съ древней росписи въ Кирилловскомъ монастырѣ. Обществомъ изданъ въ двухъ громадныхъ томахъ «Сборникъ» древнихъ греческихъ надписей сѣвернаго берега Чернаго моря, составляющій труды В. В. Латышева. Общество произвело изслѣдованіе Старо-Ладожской крѣпости, которое и обнародывается въ настоящее время. Общество въ теченіе 12 лѣтъ поддерживало изслѣдованіе покойнаго доктора Л. К. Ивановскаго, раскопавшаго 6.000 кургановъ въ Водской пятинѣ Новгородской области (уѣзды Царскосельскій, Лужскій и Петергофскій). Въ настоящее время, къ юбилею общества, описаніе коллекцій Ивановскаго издается императорскою археологическою комиссіею. Въ «Запискахъ общества» въ свое время помѣщено замѣчательное изслѣдованіе П. И. Савваитова: «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конныхъ приборовъ, извлеченное изъ рукописей архива московской Оружейной палаты». Въ настоящее время общество выпускаетъ второе изданіе этого труда, чрезвычайно

дополненное, благодаря тому, что умершій недавно авторъ до конца своей жизни неустанно собиралъ новыя свѣдѣнія и толкованія, относящіяся къ его задачѣ. Въ краткой прѣвѣтственной замѣткѣ мы упомянули лишь монументальные, такъ сказать, труды императорскаго русскаго археологическаго общества, не перечисляя безчисленныхъ его изданій, вошедшихъ въ составъ его «Мемуаровъ» (на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—6 томовъ), «Записокъ первой серіи» (14 т.), «Извѣстій» (10 тт.), «Записокъ новой серіи» (7 тт.), «Записокъ отдѣленія русской и славянской археологін» (5 тт. и 1 т. нынѣ возобновленнаго этого изданія), «Трудовъ восточнаго отдѣленія» (20 тт.), «Записокъ восточнаго отдѣленія» (10 тт.), «Записокъ отдѣленія древне-классическо-византійской и западно-европейской археологін» (въ этомъ году вышелъ I томъ). Императорское русское археологическое общество, во всемъ своемъ цѣломъ и во всѣхъ своихъ отдѣленіяхъ, составляетъ теперь кругъ лицъ, компетентныхъ въ вопросахъ древности и отзывчивыхъ къ интересамъ отечественной науки. Императорское русское археологическое общество находилось подъ покровительствомъ въ Бозѣ почившаго императора Александра Александровича. Нынѣ благополучно царствующій государь императоръ Николай II также принялъ общество подъ свое державное покровительство. Предсѣдательство въ обществѣ принадлежитъ е. и. в. великому князю Константину Константиновичу, который принялъ на себя это званіе по кончинѣ великаго князя Константина Николаевича, бывшаго предсѣдателемъ общества въ теченіе 40 лѣтъ. Помощникомъ предсѣдателя общества состоитъ А. Θ. Бычковъ; предсѣдатели отдѣленій: славяно-русскаго — С. Θ. Платоновъ, классическаго — И. В. Помяловскій и восточнаго — бар. В. Р. Розенъ; секретарь общества — В. Г. Дружининъ. «И такъ,—сказалъ въ заключеніе г. Веселовскій,—наше общество въ теченіе 50 лѣтъ своего существованія шло прямо и неуклонно впередъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ и усердно занималось разработкою археологическихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи оно можетъ спокойно смотрѣть на свое прошлое. Но трудно сказать, въ какой степени осуществились въ дѣйствительности смѣлыя и врядъ ли увѣренныя надежды членовъ-основателей относительно плодотворнаго воздѣйствія ихъ трудовъ на общественную среду въ смыслѣ распространенія въ ней вкуса къ археологін и уваженія къ древностямъ. Серьезные результаты въ такомъ дѣлѣ не могутъ обнаружиться въ короткое время, да къ тому же они всегда находятся въ зависимости отъ общаго развитія народа: *omnes artes junctae sunt*. Если степень культуры народа, высота его умственнаго кругозора опредѣляются, между прочимъ, и отношеніемъ его къ памятникамъ давно прошедшихъ вѣковъ, то надо сознаться, что хотя наше общество дѣйствуетъ и не одно, а въ союзѣ съ другими, быть можетъ, болѣе энергичными и находящимися въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, оно все-таки не можетъ похвалиться значительнымъ усѣхомъ въ усиленіяхъ своихъ развить въ общественной массѣ живой интересъ къ старинѣ. Эта масса попрежнему продолжаетъ легкомысленно относиться къ удѣлѣвшимъ памятникамъ, равнодушно смотреть на труды рукъ и проявленіе генія дальнихъ поколѣній; храмъ разрушенный для нея уже не храмъ. Разобрать на матеріалъ городскую стѣну—историческую славу города, разрушить

ветхую церковь—нѣмую свидѣтельницу людского горя и радости на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ, хищнически ограбить курганъ или разорить могильникъ,—явленія у насъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ обыкновенныя. Много еще труда предстоитъ всѣмъ, кому дороги завѣты прошлаго, и нашему обществу въ борьбѣ съ мракомъ незнанія и непониманія. У отдѣльнаго человѣка,—сказалъ въ заключеніе ораторъ,—съ годами уходятъ силы, утрачивается энергія, его неизбѣжно ждетъ смерть. Общество же, постоянно обновляемое новыми дѣятелями, наоборотъ, съ теченіемъ времени крѣпнеть и совершенствуется, его планы, его дѣятельность расширяются, цѣли рисуются опредѣленнѣе, изысканія достигаютъ той высоты, когда они облакаются въ форму стройной науки, двигаемой и оживляемой опредѣленною задачею и правильными приемами изслѣдованія. Уповаемъ, что императорское русское археологическое общество, встрѣчающее поощреніе своимъ трудамъ съ высоты престола, со вступленіемъ въ новое пятидесятилѣтіе своей жизни будетъ ревностно трудиться на пользу общечеловѣческой науки и во славу дорогой намъ всѣмъ Россіи». Послѣ этого августѣйшій президентъ общества провозгласилъ вновь избранныхъ почетныхъ членовъ общества. Въ числѣ ихъ находятся академики Куникъ, Васильевскій, Бестужевъ-Рюминъ и Майковъ, профессора Д. А. Хвольсонъ, В. С. Иконниковъ и Кандаковъ, вице-президентъ императорской академіи художествъ графъ И. И. Толстой и предсѣдатель финскаго археологическаго общества г. Аспелингъ. Затѣмъ слѣдовалъ приемъ депутацій, подносившихъ адреса обществу. Торжество закончилось въ началѣ 4 часа дня. Передъ открытіемъ засѣданія прот. Рождественскимъ было отслужено благодарственное молебствіе. Вечеромъ въ ресторанѣ Донона состоялся обѣдъ археологовъ по подпискѣ.

Торжественное собраніе императорской академіи наукъ. 29-го декабря въ большомъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ происходило, въ присутствіи августѣйшаго президента и высокыхъ гостей, годовое торжественное собраніе. Большой залъ былъ переполненъ публикой, среди которой было много высокопоставленныхъ лицъ и представителей науки и вѣдомства народнаго просвѣщенія, во главѣ съ министромъ графомъ П. Д. Деляновымъ. Передняя стѣна зала была роскошно декорирована зеленью, среди которой утонулъ бюстъ императора Петра I. Первая рѣчь была прочитана съ кафедры непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ, упомянувшимъ о двухъ знаменательныхъ для академіи годовщинахъ: столѣтіи со дня рожденія императора Николая I и годовщины смерти императрицы Екатерины II. Памяти послѣдней и ея заботамъ по насажденію наукъ, а также и воспоминанія о заслугахъ академикомъ того времени—Эйлера, Ломоносова, Палласа и другихъ, ораторъ посвятилъ нѣсколько страницъ своего отчета. Затѣмъ имъ были прочитаны некрологи почетныхъ членовъ академіи: князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго и старѣйшаго изъ русскихъ архіепископовъ—Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго, и членовъ-корреспондентовъ: Дж. Гайнда, Ньютона, Фюрелли, профессоровъ А. П. Богданова, Е. Е. Замысловскаго, геолога Добре, профессора Бейриха, А. Кекуле, Тиссерана, Г. Гюльдена, астронома В. Гульда и физиолога Дюбуа-Реймона. Далѣе были сообщены свѣдѣнія о результатахъ двухъ экспедицій, снаряженныхъ академіей на Амуръ и на Новую Землю, для

наблюденія солнечнаго затменія, объ участіи главной физической обсерваторіи во всероссійской выставкѣ, о пожертвованіяхъ и о результатахъ научныхъ работъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ академіи. Академикъ А. Ѳ. Бычковъ прочелъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности, въ которомъ такъ же указалъ на просвѣщенное участіе императрицы Екатерины II по организаціи этого (второго) отдѣленія, по докладу княгини Дашковой, и на вниманіе императора Николая I къ чистотѣ отечественнаго языка, благодаря чему онъ и утвердилъ уставъ словеснаго отдѣленія. Въ настоящее время отдѣленіе трудится надъ изданіемъ «Словаря русскаго языка» въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова. Редакція этого труда была возложена на академика Я. К. Грота и затѣмъ на адъюнкта А. А. Шахматова. Съ января 1897 года начнется печатаніе на букву Е и будетъ безостановочно продолжаться. По изданію «Литовско-руско-польскаго словаря» прискивается новый редакторъ. «Словарь древне-русскаго языка» печатался подъ наблюденіемъ академика А. Ѳ. Бычкова безостановочно и уже доведенъ до буквы О. Столь же успѣшно продолжается печатаніе и «Областнаго словаря олонецкаго нарѣчія». Затѣмъ были сообщены перечень трудовъ академикомъ по этому отдѣленію и прочувствованный некрологъ члена-корреспондента академіи покойнаго писателя и литератора Н. Н. Страхова. Академикъ-астрономъ Ѳ. А. Бредихинъ прочелъ съ кафедры прекрасную рѣчь, посвященную памяти императора Николая I—основателя Николаевской главной астрономической обсерваторіи (Пулковской). Рѣчь Ѳ. А. Бредихина была полна его личныхъ благодарныхъ воспоминаній о прошломъ, о возникновеніи обсерваторіи и о вниманіи къ ней Николая I, произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ и вызвала дружныя рукоплесканія. Ораторомъ была живо и ярко обрисована личность императора, какъ рыцаря, придававшего особое значеніе слову и обѣщанію, которыя уже даны, какъ насадителя наукъ въ Россіи, какъ справедливѣйшаго и самаго великодушнаго и строгаго чловѣка въ государствѣ и, наконецъ, какъ государя, питаваго особое внутреннее влеченіе къ астрономіи, хотя онъ и не былъ знакомъ съ ея глубинами. Вице-президентъ академіи, Л. Н. Майковъ, прочелъ отчетъ постоянной комиссіи для выдачи пособій имени императора Николая II нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Предсѣдателемъ ея былъ Л. Н. Майковъ, товарищемъ его Н. Ѳ. Дубровинъ и членами въ сессіи 1895—1896 года—академики В. П. Еремѣевъ и баронъ В. Р. Розенъ и литераторы: графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ и М. А. Загуляевъ. Запасными членами состояли академикъ А. Н. Веселовскій и К. К. Случевскій. На вторую половину 1896 года нѣкоторыхъ выбывшихъ членовъ постоянныхъ и запасныхъ замѣнили собою академикъ М. И. Сухомялиновъ и литераторы Д. Ѳ. Кобеко и князь Э. С. Ухтомскій. Въ распоряженіи комиссіи было 50.000 рублей согласно высочайшему указу, 300 рублей отъ ея величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, остатокъ отъ минувшаго года въ 10.772 рубля и разныхъ возвращеній 719 рублей, что составило общую сумму 61.791 рублей. Въ теченіе отчетнаго года комиссія имѣла 21 совѣщаніе. Было рассмотрѣно 508 ходатайствъ, изъ коихъ 478 представлены симими нуждающимися, а 30 заявленій сдѣлано со стороны из-

вѣстныхъ въ литературѣ и въ наукѣ лицъ о разныхъ нуждающихся въ помощи писателяхъ. Всего удовлетворено 316 ходатайствъ, въ томъ числѣ отъ 194 лицъ за ихъ собственныя заслуги и отъ 122 лицъ за заслуги ихъ ближайшихъ родственниковъ. Согласно рѣшенію комиссіи, имена лицъ, получившихъ отъ нея какое либо воспособленіе, не подлежатъ оглашенію. По мѣсту жительства лица, получившія пенсіи или пособія, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 186 въ С.-Петербургѣ, 126 въ другихъ мѣстностяхъ имперіи и 4 за границей. Пенсіи имени императора Николая II назначены 12 лицамъ, на сумму 5,220 рублей, и всѣхъ пенсій выдается въ настоящее время на 12.990 рублей. Единовременныя пособія выданы 204 лицамъ, на сумму 19.603 рубля. Выдавались пособія, разроченныя помѣсячно, 104 лицамъ, на сумму 28.755 рублей. Оставшаяся невыданною сумма въ размѣрѣ 1.613 рублей 43 коп. причислена къ средствамъ будущаго года для выдачи въ послѣдующее время. Остались нерѣшенными 3 ходатайства, 192 ходатайства были комиссіей отклонены, по отсутствію уважительныхъ для ихъ удовлетворенія причинъ. Обиліе поступающихъ въ комиссію ходатайствъ не всегда давало ей возможность назначать пособія въ такомъ размѣрѣ, какой былъ заявленъ просителями; тѣмъ не менѣе волющія нужды писателей и ученыхъ, живущихъ исключительно литературнымъ трудомъ, по мнѣнію комиссіи, находили себѣ удовлетвореніе въ тѣхъ пособіяхъ, которыя выдавались. Н. Θ. Дубровинъ прочелъ отчетъ о присужденныхъ академіей въ текущемъ году преміяхъ. Премія имени графа Д. А. Толстого: первая золотая медаль въ 300 рублей присуждена магистру императорскаго С.-Петербургскаго университета С. Θ. Глинкѣ за сочиненіе «Химическій составъ и оптическія свойства альбитовъ изъ русскихъ мѣсторожденій». Вторая золотая медаль въ 250 рублей и 800 рублей деньгами присуждена профессору Новороссійскаго университета А. В. Клоссовскому за его труды: «Лѣтописи метеорологической обсерваторіи императорскаго Новороссійскаго университета въ Одессѣ за 1894 и 1895 года» и «Труды метеорологической стѣи юго-запада Россіи». Третья медаль въ 150 руб. присуждена профессору института императора Александра I А. Г. Нюбергу за его: «Курсъ торговыхъ сооружений». Преміей Θ. Θ. Брандта увѣнчанъ трудъ профессора С.-Петербургскаго университета В. Т. Шевакова (на нѣмецкомъ языкѣ): «О географическомъ распространеніи рѣсноводныхъ простѣйшихъ». Преміи имени академика В. Я. Бунаковского были присуждены въ половинномъ размѣрѣ (500 рублей) ординарному профессору императорскаго Харьковскаго университета М. А. Тихомандрицкому за сочиненіе: «Теорія эллиптическихъ интеграловъ и эллиптическихъ функций». Вторая половинная премія такъ же въ размѣрѣ 500 рублей присуждена профессору императорскаго Варшавскаго университета за его два труда: «О цѣлыхъ алгебраическихъ числахъ, зависящихъ отъ корня уравненія 3-й степени» и «Объ одномъ обобщеніи логарифма непрерывныхъ дробей». Въ заключеніе были провозглашены лица, избранныя академіей въ число своихъ членовъ, а именно: въ почетные члены: членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Д. М. Сольскій, членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ В. И. Вешняковъ, сенаторъ, тайный совѣтникъ А. Θ. Кони, С. Ньюкомбъ (въ Вашингтонѣ), Ж. Бертранъ (въ Парижѣ), лордъ Кельвинъ (въ Глазгоу). Въ члены-

корреспонденты: заслуженный профессор университета святаго Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ М. Ѳ. Хандриковъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. К. Бобылевъ, членъ парижской академіи наукъ О. Калландро, профессоръ Стокгольмскаго университета Магнусъ-Густавъ Миттагъ-Леффлеръ, профессоръ Лейпцигскаго университета Софусъ Лп, профессоръ императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ А. Е. Лагоріо, генераль-маіоръ И. П. де-Колонгъ, профессоръ Royal Institution лордъ Рейлей, профессоръ Болонскаго университета А. Риги, профессоръ Берлинскаго университета Гансъ Ландольтъ, профессоръ Лейпцигскаго университета Оствальдъ, профессоръ Мюнхенскаго университета Карлъ Циттель, профессоръ императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ М. А. Мензбиръ, профессоръ университета въ Христіаніи Георгъ-Сарсъ, польскій писатель Генрихъ Сенкевичъ, профессоръ университета въ Галле Іоганнъ Конрадъ, профессоръ Дублинскаго университета Д. В. Бьюри, профессоръ Берлинскаго университета Германъ Дильсъ, членъ французскаго института и академіи надписей Максимъ Колинъонъ.

Сармасахлыская рукопись евангелія. Въ минувшемъ ноябрѣ къ рукописямъ императорской Публичной библіотеки присоединилась новая, которая по своей важности и цѣнности должна быть поставлена на ряду съ синайскою бібліею IV вѣка и Остромировымъ евангеліемъ 1057 года. Государю императору благоугодно было пожаловать бібліотекѣ пріобрѣтенное его величествомъ въ нынѣшнемъ году греческое рукописное евангеліе VI вѣка, писанное на пурпуровомъ пергаментѣ. Въ концѣ 1895 года русскій археологъ Я. И. Смирновъ, путешествовавшій съ ученой цѣлью по Анатоли, извѣстилъ русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ, что въ Малой Азіи, въ селеніи Сармасахлы, близъ Кесаріи Кападокійской, имѣется весьма замѣчательное рукописное греческое евангеліе, что подтверждали ранѣе ходившіе объ этомъ слухи. За эту рукопись четыре года слѣдили англичане и американцы; желая ее пріобрѣсти, они предлагали за нее сармасахлыской общинѣ большую сумму, и въ послѣднее время довели ее до 1.200 фунтовъ стерлинговъ; но члены сармасахлыской общины, нуждающейся въ денежныхъ средствахъ для поддержанія своей церкви и своего училища, рѣшили передать рукопись только въ руки православныхъ. Константинопольскій археологическій институтъ полученныя имъ извѣстія о сармасахлыской рукописи довелъ до свѣдѣнія нашего посла въ Константинополѣ, поспѣшавшаго сообщить о ней директору императорской Публичной библіотеки. Къ сожалѣнію, императорская Публичная библіотека, вслѣдствіе ограниченности отпускаемыхъ ей денежныхъ средствъ, не могла и думать о покупкѣ столь дорогой рукописи. Тогда А. И. Нелидовъ, черезъ посредство президента императорской академіи наукъ великаго князя Константина Константиновича, счелъ долгомъ обратиться на нее августѣйшее вниманіе государя императора; его величество повелѣлъ пріобрѣсти сармасахлыское евангеліе въ свою личную собственность и нынѣ соизволилъ пожаловать эту драгоцѣнную рукопись императорской Публичной библіотекѣ. Сармасахлыское евангеліе писано на пергаментѣ тонкой выдѣлки, окрашенномъ въ пурпурную (фіолетовую) краску; текстъ писанъ серебромъ, уставнымъ письмомъ VI вѣка, въ два столбца

по 16 строкъ въ каждомъ; только имя Божіе и Иисуса Христа, а также заглавія отдѣльных частей евангелія писаны золотомъ. Сармасахлыская рукопись сохранилась не въ полномъ видѣ: въ ней недостаетъ болѣе половины, и всѣхъ листовъ въ ней имѣется теперь сто-восемьдесятъ два. Переищетъ для рукописи сдѣланъ, сколько можно судить по записи на оборотѣ верхней его доски, въ 1820 году. По ближайшемъ изученіи рукописи, произведенномъ въ Константинополь, подъ руководствомъ директора тамошняго русскаго археологическаго института, оказалось, что сармасахлыское евангеліе составляетъ довольно значительную часть того знаменитаго пурпуроваго евангелія (извѣстнаго со временъ Тишендорфа подъ названіемъ «пурпуровый кодексъ N»), изъ котораго до сихъ поръ было извѣстно только сорокъ пять листовъ (шесть въ Римѣ, два въ Вѣнѣ, четыре въ Лондонѣ и 33 на островѣ Патмосѣ, въ библиотекѣ монастыря святаго Іоанна Богослова) и открытіе котораго, вполнѣ или частью, издавна было мечтою богослововъ и палеографовъ. Сверхъ того, жителями Сармасахлы было сообщено русскому консулу въ Коніи, г. Левитскому, который былъ командированъ, чтобы привезти въ Константинополь сармасахлыское евангеліе, что, по ихъ свѣдѣніямъ, пять листовъ изъ этого же евангелія находятся у трехъ частныхъ лицъ въ Кесаріи и ея окрестностяхъ, пятнадцать въ критскомъ монастырѣ Панагія Кико и пять листовъ въ Лондонѣ. Эти свѣдѣнія г. Левитскимъ были провѣрены относительно указанныхъ частныхъ лицъ, причемъ одно лицо не могло быть розыскано, другое заявило, что у него никогда не было листа изъ сармасахлыскаго евангелія, а третье (армянскій архимандритъ въ Кесаріи Тиргатаѣ) сообщило, что дѣйствительно у него хранился одинъ листъ изъ сармасахлыскаго евангелія, который былъ имъ проданъ черезъ гор. Буасе въ вѣнскій музей. Внимательное изученіе рукописи показало, что уже въ XII—XIV вѣкахъ въ ней, судя по помѣтамъ того времени, недоставало многихъ листовъ; затѣмъ рукопись подверглась дальнѣйшимъ утратамъ, и листы ея разошлись, какъ это сказано, по многимъ странамъ (въ Ватиканѣ и въ Вѣнѣ они хранятся съ XVII вѣка). Въ полномъ объемѣ рукопись должна была состоять изъ 49 тетрадей (такъ называемыхъ «пентадъ»: пять большихъ листовъ было сложено пополамъ, такъ что каждая тетрадь заключаетъ въ себѣ по 10 листовъ), или 490 листовъ, такъ что въ настоящее время сохранилось менѣе половины всей рукописи. Рукописей, писанныхъ на пурпуровомъ пергаментѣ, дошло до нашего времени очень мало; вслѣдствіе этого понятно, какую высокую цѣну имѣетъ сармасахлыская рукопись. Евангеліе столь роскошнаго выполненія, какъ сармасахлыское, могло быть списано только съ лучшихъ по исправности списковъ, а потому значеніе этой рукописи для исторіи евангельскаго текста пріобрѣтаетъ особую важность. Помимо этого, рукопись даетъ новыя данныя для палеографіи и исторіи языка. Какое значеніе придается въ Европѣ «пурпуровому кодексу N», видно изъ того, что во всѣхъ библиотекахъ, гдѣ сохранилось по нѣскольку листовъ этой рукописи, на нихъ смотрятъ, какъ на драгоценнѣйшее достояніе, а ватиканская библиотека, желая поднести папѣ Льву XIII ко дню его юбилея перлъ изъ своихъ книжныхъ сокровищъ, остановила свой выборъ на шести листовѣ «пурпуроваго кодекса» и издала ихъ съ подобающею роскошью. Среди же православнаго населенія Анатолиі сармасах-

лыское евангеліе было повсемѣстно чтимо, какъ святыня; это доказывается также и тѣмъ, что передъ отправленіемъ этого евангелія въ Россію въ нашу посольскую церковь въ Константинополь пришли ему поклониться всѣ анатоліоты и кесарійцы, проживавшіе въ Царьградѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что сарматско-лыское евангеліе, являющееся теперь однимъ изъ лучшихъ украшеній богатаго рукописнаго отдѣленія императорской Публичной бібліотеки, сдѣлается предметомъ внимательнаго изученія какъ богослововъ, такъ палеографовъ. Эта драгоцѣнная рукопись, заслуживающая, подобно Синайской Библии, самаго тщательнаго изданія, будетъ помѣщена въ особой витринѣ, рядомъ съ Синайскою Библиею и Остромировымъ евангелиемъ. («Прав. Вѣстн.»).

Археологическое общество въ С.-Петербурѣ. I. Во вторникъ, 10-го декабря, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предѣлательствомъ С. Ѡ. Платонова. Докладчиками выступили Ѡ. А. Браунъ (О книгѣ доктора Лева: «Die Reste der Germanen am Schwarzen Meer») и графъ А. А. Бобринскій («Новая теорія происхожденія свастики въ связи съ мотивами кавказскихъ ковровъ»). Цѣннымъ въ новой книгѣ нѣмецкаго ученаго о слѣдахъ германцевъ на берегахъ Чернаго моря является отысканное у современныхъ путешественниковъ относящееся къ XV вѣку свидѣтельство о готахъ на Кавказѣ. Графъ А. А. Бобринскій, сосредоточивая напе вниманіе на орнаментальномъ мотивѣ, извѣстномъ подъ именемъ свастики (крестъ съ перпендикулярными на каждой оконечности прибавками, не пересѣкающимися при продолженіи), знакомить насъ съ объясняющею происхожденіе свастики теоріей фонъ-Штейнена (Karl von der Steinen: «Praehistorische Zeichen und Ornamente»), который усматриваетъ въ свастикѣ изображеніе летящей птицы и именно аиста, опираясь въ данномъ случаѣ на изученіе рудиментарныхъ изображеній животныхъ, украшающихъ древнѣйшіе керамическіе памятники. Съ своей стороны, графъ А. А. Бобринской находитъ подтвержденіе теоріи нѣмецкаго ученаго въ изученіи узоровъ кавказскихъ ковровъ, гдѣ свастики сопровождаются несомнѣнными, хотя и схематически-прямолинейными, изображеніями птицъ съ длинной шеей и длинными ногами. II. Въ послѣднемъ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества В. А. Теплоу сообщилъ обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго, бывшаго почетнымъ членомъ археологическаго общества. Для характеристики этого замѣчательнаго дѣятеля приводимъ, со словъ г. Теплоу, его разсказъ объ умѣнн князя Лобанова-Ростовскаго дѣйствовать быстро и рѣшительно, когда этого требовали обстоятельства. Разсказъ относится ко времени 1878 г. Послѣ предварительнаго Санъ-Стефанскаго договора русскія войска охватывали съ сухонутья Константинополь широкимъ кольцомъ, начинавшимся у Санъ-Стефано и тянувшимся почти до Чернаго моря. Въ обѣихъ арміяхъ были военачальники, недовольные прекращеніемъ военныхъ дѣйствій. Ярымъ сторонникомъ войны среди турокъ былъ молодой генераль (нынѣ маршалъ) Фуадъ-паша. Находившійся подъ его начальствомъ авангардъ, имѣвшій передъ собой войска генерала Скобелова, въ одинъ изъ іюльскихъ дней замѣтилъ, что у русскихъ, стоявшихъ напротивъ него, возведены вышки, построенныя казаками

для лучшаго наблюденія за турецкими позиціями. Фуадъ-паша усмотрѣлъ въ этомъ приступѣ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и потребовалъ отъ генерала Скобелева уничтоженія этихъ вышекъ. Скобелевъ донесъ объ этомъ графу Тотлебену, который въ свою очередь сообщилъ о возникшемъ недоразумѣніи князю Лобанову, назначенному постѣ заключенія мира чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ при султанѣ. Получивъ это извѣстіе въ Буюкдере въ 4 часа утра, князь Лобановъ черезъ часъ былъ уже въ приборосфорской деревушкѣ Кандилли, расположенной на Малоазійскомъ берегу, гдѣ проводилъ тѣто годшній турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Савфетъ-паша, и настойчиво извлекъ его изъ гарема. Нашему дипломату не трудно было убѣдить Савфета-пашу въ необходимости приостановить дѣйствіе пылкаго турецкаго генерала, но онъ не рѣшался беспокоить султана непосредственнымъ съ нимъ сношеніемъ по телеграфу въ такой ранній часъ. Однако князь Лобановъ поставилъ на своемъ. Въ 6 часовъ утра султанъ уже далъ Фуаду-пашѣ самыя строгія приказанія по телеграфу, и весь инцидентъ былъ такимъ образомъ исчерпанъ.

Археологическое общество въ Москвѣ. 10 декабря происходило засѣданіе императорскаго московскаго археологическаго общества. Предварительно председателемъ общества, графиней П. С. Уваровой, сообщены были милостивыя слова его императорскаго величества, полученные въ отвѣтъ на посланную отъ общества поздравительную телеграмму съ выраженіемъ вѣрноподданныхъ чувствъ по случаю дня тезоименитства его величества. Кромѣ того, было сообщено о благодарности, выраженной ихъ императорскими высочествами великими князьями Константиномъ Константиновичемъ и Александромъ Михайловичемъ за поднесенный 5-й томъ изданій общества. Затѣмъ началось чтеніе докладовъ. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ прочелъ докладъ: «Отчетъ о поѣздкѣ въ Крымъ въ 1896 году». Докладъ представляетъ описаніе девяти древнихъ церквей, находящихся въ Θεодосіи, древней Кафѣ, и относящихся къ XIV вѣку, когда область южнаго Крыма была въ значительной степени населена армянами, такъ что даже получила названіе *Armenia parvita*. Виоцѣдствіи Кафа разрушена татарами и турками, а армяне выселились отсюда въ Нахичевань и другія мѣста. Упомянутыя девять церквей принадлежали армянамъ, а въ настоящее время одна изъ нихъ превращена въ православный храмъ, остальные же находятся въ заустѣвнн. Церкви эти интересны въ археологическомъ отношеніи надписями на армянскомъ языкѣ, свидѣтельствующими о большой древности ихъ происхожденія. Слѣдующій докладъ прочитанъ былъ Н. В. Тепловымъ и заключалъ въ себѣ нѣкоторыя данныя объ урочищѣ Дуны, близъ города Лихвина. Раскопки, произведенныя докладчикомъ въ этомъ урочищѣ, доказываютъ, что оно представляетъ древнюю стоянку каменнаго вѣка. Последній докладъ принадлежалъ С. К. Богоявленскому и содержалъ свѣдѣнія о раскопкахъ въ Курляндіи и Лифляндіи лѣтомъ 1896 года. Подобно предыдущему, докладъ этотъ сопровождался демонстрированіемъ большой и цѣнной коллекціи вещей, добытыхъ при производствѣ раскопокъ.

Общество любителей древней письменности. Въ засѣданіи общества любителей древней письменности 13 декабря было сдѣлано три сообщенія: одно В. Г. Дружининымъ и два пр. А. И. Кириичниковымъ. Всѣ три сообщенія имѣли

библіографическій характеръ, и такимъ образомъ представляли специальный интересъ. Первымъ выступилъ г. Дружининъ, доложившій обществу объ одной недавно прибрѣтенной имъ рукописи конца прошлаго или начала нынѣшняго столѣтія. Рукопись эта, не богатая содержаніемъ, тѣмъ не менѣ представляетъ нѣкоторый интересъ, во-первыхъ, по тому, какъ относился къ ней самъ авторъ, неизвѣстный до сихъ поръ въ литературѣ инокъ Никаноръ, во-вторыхъ, по отношенію къ ней ея немудрыхъ читателей. Содержаніе рукописи вкратцѣ слѣдующее: Книга Бытія съ толкованіями, Лѣтописецъ отъ сотворенія міра до перваго года царствованія Павла Петровича (1797 г.), Приточкикъ, Святцы съ виршами въ честь греческихъ и русскихъ «боговъ» и Звѣздочетіе съ приложеніемъ нѣсколькихъ статей, изъ которыхъ выдѣляется статья «о травѣ табакъ». Все изложено чрезвычайно кратко и не безъ витіеватости, часто въ ущербъ удобопонятности текста. По мнѣнію автора, эта разнообразная по своему содержанію рукопись должна была представлять изъ себя цѣлую энциклопедію. Конечно, автору простительно пристрастное отношеніе къ своему блѣдному труду, но онъ не ошибся: его «любомудріе» нашло такихъ читателей, которые признали за нимъ значеніе энциклопедіи. Къ числу подобныхъ читателей принадлежало, наиримѣръ, лицо, продавшее эту рукопись. Интересно, что это былъ старовѣръ, отозвавшійся однако о трудѣ инока Никанора съ величайшей похвалой, между тѣмъ, какъ инокъ не сочувствуетъ расколу. Г. Дружининъ полагаетъ, что это произошло оттого, что читатель не понялъ направленія сборника; но можно думать, что его скорѣе подкупили разсужденія инока Никанора о вредѣ травы-табака, источника всякихъ прегрѣшеній. На докладъ г. Дружинина сдѣланы были замѣчанія гг. А. Ѳ. Бычковымъ, Кириичниковымъ и Перетцомъ, изъ которыхъ первый указалъ, что изящное письмо рукописи встрѣчается еще и въ настоящее время на Уралѣ; г. Кириичниковъ замѣтилъ, что рукопись эта составлена, несомнѣнно, на основаніи разныхъ источниковъ, и что въ одной своей части она напоминаетъ западныя «Specula moralia»; г. Перетцъ, указавшій, что на рукописи замѣтно влияніе и печатныхъ книгъ конца прошлаго столѣтія, сказалъ, что однородная рукопись находится въ коллекціи покойнаго князя Вяземскаго. Затѣмъ слѣдовали два доклада г. Кириичникова. Въ первомъ изъ нихъ докладчикъ указалъ на то, что изданный въ XI книжкѣ «Временника» княземъ Оболенскимъ, важный для русской науки «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго» изданъ, какъ онъ убѣдился, неудовлетворительно, такъ что желательно, чтобы было сдѣлано новое изданіе. При этомъ г. Кириичниковъ сказалъ, что въ настоящее время г. Бѣлокуровымъ издается въ Москвѣ неизвѣстная доселѣ рукопись, сходная съ «Лѣтописцемъ Переяславля Суздальскаго», стоявшимъ до сихъ поръ особнякомъ. Второе сообщеніе г. Кириичникова коснулось только что вышедшаго 4-го тома «Bibliographie Hellénique» Em. Legrand'a. Томъ этотъ, посвященный такимъ лицамъ, какъ Кирилль Лукарь, Писій Лигаридъ, Николай Спаарій, Петръ Могила, или, собственно, Петръ Мовила, имѣетъ несомнѣнно огромное значеніе для русской науки, тѣмъ болѣе, что въ немъ приняты во вниманіе всѣ труды русскихъ ученыхъ, и, кромѣ того, собрано много новыхъ свѣдѣній по архивамъ и бібліотекамъ Аѳона и Западной Европы. Г. Кириичниковъ болѣе подробно остановился

на статьѣ о П. Могилѣ, написанной г. Пико, извлечимъ изъ румынскихъ матеріаловъ много новыхъ данныхъ о славномъ кievскомъ митрополитѣ; такъ, напримѣръ, послѣ труда Пико приходится отказаться отъ стараго мнѣнія, что П. Могила получилъ свое образование въ Парижѣ, такъ какъ Пико доказалъ, что Могила обучался въ Голландіи. Чрезвычайно тщательно разработана также и генеалогія П. Могилы, третьяго сына кн. Симеона Мовилы, бывшаго сначала чашникомъ при дворѣ Стефана Великаго, затѣмъ логоветомъ и наконецъ порколаномъ (бургграфомъ). Замѣчаній оба доклада г. Кирпичникова не вызвали никакихъ.

Библиографическій кружокъ въ Москвѣ. 2 декабря происходило подъ предсѣдательствомъ А. Д. Торопова общее собраніе членовъ Московскаго библиографическаго кружка, въ которомъ прочитано было три доклада. Первый изъ нихъ, прочитанный В. Н. Рогожинымъ, принадлежалъ П. П. Никольскому и былъ озаглавленъ: «Петербургскія вѣдомости прошлаго столѣтія, какъ матеріалъ по библиографіи». Указавъ на тотъ фактъ, что за послѣднее время библиографія стала на твердую почву, докладчикъ перешелъ затѣмъ къ сравнительной оцѣнкѣ различныхъ существующихъ у насъ каталоговъ, напримѣръ, Сопкиова, Плавильщикова, Смирдина и др., причѣмъ отмѣтилъ, что каталоги эти страдаютъ многими недостатками, а главнымъ образомъ пробѣлами и неточностями. Вотъ эти-то пробѣлы и неточности, по мнѣнію докладчика, могутъ быть пополнены свѣдѣніями, почерпаемыми въ старыхъ вѣдомостяхъ прошлаго столѣтія. Благодаря давно уже укоренившемуся у насъ обычаю публиковать въ газетахъ о выходѣ новыхъ книгъ, вѣдомости даютъ въ этомъ отношеніи обильный матеріалъ. Въ настоящее время гг. Никольскій и Рогожинъ заняты разработкой этого богатаго матеріала. Слѣдующій докладъ А. Д. Торопова посвященъ былъ вопросу о переплетномъ дѣлѣ. Источникомъ доклада послужила брошюра Кирхнера, выпущенная имъ по случаю исполнившагося 17-лѣтія его переплетнаго заведенія. Въ докладѣ излагается подробная исторія переплетнаго дѣла, начиная съ эпохи свитковъ, — когда переплеты представляли не что иное, какъ круглый футляръ, обыкновенно, изъ кедроваго дерева, а библиотеки походили на современные склады обоевъ, — и до нашихъ дней. По мнѣнію докладчика, переплеты старыхъ временъ отличались и вкусомъ и прочностью, чего нельзя сказать о теперешнихъ. Докладъ сопровождался демонстраціею небольшой выставки образцовъ переплетнаго дѣла, изготовленныхъ фирмой Гагена. Въ заключеніе А. А. Шевелевъ прочиталъ докладъ А. Ф. Филипова подъ заглавіемъ: «Просвѣщенное невѣжество (нѣчто изъ исторіи русскаго книгоиздательства)». Изъ наблюденій надъ русскою читающей публикой докладчикъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Для огромнаго большинства русскою читающей публики книга не есть что либо необходимое; она можетъ существовать и не существовать. 2) Русскій читатель не умѣетъ выбирать книгъ для чтенія; спросъ на книги является въ значительной степени стихійнымъ. 3) Издатели наши не руководятся почти никогда идейными цѣлями, а главнымъ образомъ выгодами въ продажѣ книгъ, и широко пользуются переводами. Въ результатъ получается неутѣшительная картина: полупросвѣщенный читатель набрасывается на переводную иностран-

ную литературу и, напичкавшись подобнымъ матеріаломъ, отрѣшенный отъ изученія родной дѣйствительности, выходитъ какимъ-то жеуемкомъ и неучемъ. Послѣ прочтенія докладовъ послѣдовали выборы должностныхъ лицъ. Занять должность председателя собраніе постановило просить Н. А. Веневитинова. Секретаремъ избранъ А. А. Шевелевъ, казначеемъ—И. К. Голубевъ, хранителемъ бібліотеки и музея—Я. Г. Квасковъ. Кандидатами къ этимъ четыремъ лицамъ избраны: Д. Д. Языковъ, В. И. Безсоновъ и г-жа Торопова. Должность кандидата въ секретари не замѣщена.

Географическое общество. I. Докладъ князя Б. В. Голицына въ географическомъ обществѣ о результатахъ снаряженной академіей наукъ экспедиціи на Новую Землю лѣтомъ текущаго года привлечь массу слушателей; въ рѣчи передъ началомъ собранія вице-президентъ общества П. П. Семеновъ замѣтилъ, что докладъ этотъ имѣеть тѣмъ болѣе интересъ, что экспедиція, специальное назначеніе которой было наблюденіе за солнечнымъ затмениемъ, не ограничилась только этимъ, а совершила продолжительную экскурсію вглубь Новой Земли, для производства различнаго рода изслѣдованій и изученія самой мѣстности. Въ первой части сообщенія князь Б. В. Голицынъ изложилъ исторію снаряженія экспедиціи, маршрута и т. д. Путь до Архангельска былъ пройденъ благополучно. Въ Архангельскѣ пришлось потерять одного изъ спутниковъ—г. Абрамъ, скончавшагося отъ падучей болѣзни. Отсюда, выписавъ предварительно изъ Мезени двухъ опытныхъ поморовъ, участвовавшихъ уже въ экспедиціи Ѳ. К. Чернышева на Новую Землю, князь Голицынъ вмѣстѣ съ путниками пересѣлъ на транспортъ «Самоѣдъ», который оказался въ высшей степени неудобнымъ для плаванія въ сѣверныхъ водахъ; сильная качка поминутно давала себя чувствовать. Въ заливѣ у малыхъ Кармакулъ путешественники едва не сѣли на подводные камни, вслѣдствіе неправильно составленной карты; нѣсколько часовъ спустя, на этомъ же самомъ мѣстѣ потерялъ винтъ пороходъ «Ломоносовъ». По прибытіи въ Малые Кармакулы экспедиція была встрѣчена всѣмъ населеніемъ съ игуменомъ мѣстнаго скита, іеромонахомъ Іоною, во главѣ; скитъ представляетъ собою небольшую деревянную церковь съ домикомъ для школы, и единственнымъ обитателемъ этого монастыря является іеромонахъ Іона, всецѣло посвятившій себя дѣлу христіанскаго воспитанія и обученія грамотѣ мѣстныхъ самоѣдовъ. Князь Голицынъ чрезвычайно симпатично отзывался объ о. Іонѣ; это, по его словамъ, истинный подвижникъ и аскетъ, отказавшійся отъ всего мірскаго и появившійся въ этой дикой странѣ для блага своихъ ближнихъ; небольшая церковь въ Малыхъ Кармакулахъ—самая сѣверная православная церковь въ Россіи. Въ дальнѣйшей части своего доклада кн. Голицынъ охарактеризовалъ мѣстныхъ самоѣдовъ, какъ угрюмыхъ и несимпатичныхъ людей, падкихъ къ водкѣ, чѣмъ умѣло пользуются заѣзжіе промышленники. Занимаются здѣсь самоѣды, преимущественно, охотой за бѣлымъ медвѣдемъ. Въ день пріѣзда экспедиціи (14-го іюля) въ церкви было отслужено молебствіе по случаю священнаго коронованія, такъ какъ вѣсть о немъ дошла до Новой Земли только съ прибытіемъ транспорта «Самоѣдъ». Затѣмъ начались работы по сооруженію метеорологической станціи и астрономической обсерваторіи. Наблюденія за солнеч-

нымъ затменіемъ вполне удались, несмотря на то, что утро было туманное, и небо заволокло тучами. Къ счастью, и туманъ, и тучи разсѣялись въ ту самую минуту, когда это нужно было экспедиціи. Въѣтъ съ экспедиціей академіи наукъ на Новой Землѣ производили наблюденія экспедиціи англійская и казанская съ профессоромъ Тубяго во главѣ. Партии князя Голицына удалось сдѣлать массу фотографическихъ снимковъ, которыми иллюстрировалась лекція. Когда всѣ труды по наблюденію за солнечнымъ затменіемъ были окончены, спутники, имѣя въ своемъ распоряженіи девять свободныхъ дней, рѣшили совершить экскурсію съ научными цѣлями въ совершенно неизслѣдованную еще глубь Новой Земли; было предположено перерѣзать островъ поперекъ. Съ этой цѣлью была снаряжена новая экспедиція изъ двухъ поморовъ, выписанныхъ изъ Мезени, восьми мѣстныхъ самоѣдовъ, участниковъ экспедиціи академіи наукъ, 38 собакъ и нѣсколькихъ оленей, выписанныхъ изъ Архангельска. Затѣмъ кн. Голицынъ перешелъ къ самому путешествію по этой дикой землѣ, полной своеобразныхъ красотъ. II. Въ засѣданіи отдѣленія этнографіи, Н. В. Кузнецовъ прочиталъ докладъ о Болгаріи и болгаряхъ. По словамъ докладчика, болгарами назывался народъ тюркскаго племени, поселившійся на мѣстѣ нынѣшней Добруджи въ VII вѣкѣ. Онъ постепенно подчинилъ себѣ окрестныя славянскія племена и вслѣдствіе своей малочисленности, затерялся и исчезъ среди чуждыхъ элементовъ, которымъ оставилъ только имя. Этому способствовало главнымъ образомъ то обстоятельство, что, принявъ при князѣ Борисѣ христіанство, болгары должны были пользоваться при богослуженіи греческимъ или славянскимъ языкомъ. Славяне, поработанные болгарами, жили отдѣльными небольшими общинами, такъ называемыми задругами. Эти задруги и были причиною ихъ разьединенія и подчиненія другимъ народамъ. По переписи 1888 года, въ Болгаріи считается 3.500,000 жителей. Большая часть изъ нихъ—собственно болгары. Они живутъ въ средней, западной и юго-восточной частяхъ княжества; на сѣверо-востокѣ обитаютъ турки, постепенно выселяющіеся въ Турцію; греки—на черноморскомъ побережьѣ; волохи (куповлахи и арнауты) кочуютъ со своими стадами въ Балканахъ; гагаузы (потомки древнихъ половцевъ) живутъ въ Варненскомъ округѣ. Они хотя и говорятъ потурецки, но исповѣдуютъ христіанство и носятъ полуболгарскій костюмъ. Евреи, живущіе въ главныхъ городахъ, раздѣляются на двѣ части. Одни, переселившіеся изъ Испаніи въ XVI вѣкѣ, называются «спаньоли», говорятъ поиспански и пользуются симпатіями населенія. Напротивъ, выходцевъ изъ Австріи, наводняющихъ теперь Болгарію, мѣстное населеніе не терпитъ. Собственно болгары подраздѣляются на четыре группы: вракомизійцы, живущіе на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, шопы—въ Софійскомъ округѣ, помаки—въ Родопскихъ горахъ, и македонцы—въ Македоніи. Несмотря на обязательность обученія, число неграмотныхъ среди болгаръ достигаетъ 94⁰/₁₀₀. Живутъ болгары бѣдно, по большей части въ землянкахъ, питаются хлѣбомъ и стручковымъ перцемъ (чущки), изрѣдка другими овощами и козьимъ сыромъ. Мясо бываетъ только въ праздники. Въ заключеніе докладчикъ сообщилъ о нравахъ и обычаяхъ болгаръ. III. Въ засѣданіи 10-го декабря, Н. Г. Овчинниковъ сдѣлалъ сообщеніе о приемахъ и результа-

тахъ инвентарной формы учета земель Уфимскаго уѣзда. Работы по учету земель были предприняты въ исполненіе закона 8-го июня 1893 года объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ. Въ основу ихъ положенъ количественный учетъ, причѣмъ подготовительная работа состояла въ выборкѣ свѣдѣній о землевладѣніяхъ изъ дѣлъ и документовъ межеваго отдѣла губернской управы, казенной палаты, губернскаго присутствія, управленія государственными имуществами и удѣльнаго округа и изъ губернской чертежной—алфавитовъ дачъ генеральнаго и спеціальнаго межеваній. Вмѣстѣ съ выборкою цифровыхъ данныхъ шла чертежная работа по снятію копій съ межевыхъ картъ уѣздовъ въ 2-хъ-верстномъ масштабѣ и отдѣльныхъ дачъ генеральнаго и спеціальнаго межеванія. Проверка данныхъ производилась на мѣстахъ, посредствомъ сопоставленія съ документами владѣльцевъ и опроса мѣстныхъ жителей. Кромѣ того, осматривалось каждое отдѣльное землевладѣніе и производилась бѣглая его рекогносцировка. Результаты заносились на планъ и опросный бланкъ. При осмотрѣ земельныхъ участковъ очень часто обнаруживалось, что показанныя при опросѣ площади неудобной земли значительно менѣе. Это объяснялось тѣмъ, что неудобная земля не подлежитъ земскому обложенію, и въ интересахъ каждаго землевладѣльца—показать ее болѣе. По результатамъ земскаго изслѣдованія, въ Уфимскомъ уѣздѣ оказалось 1.817,290,⁶⁸ десятинъ земли. При сравненіи, съ данными генеральнаго межеванія болѣе на 44,339,⁸⁸ десятинъ, съ данными полковника Стрѣльбицкаго болѣе на 27,363,⁵⁵ десятинъ, и съ данными межеваго отдѣла на 14,574,¹⁵ десятины. Удобныхъ земель, по земскому изслѣдованію, оказалось 1.750,953,⁹¹ десятины и неудобныхъ 66,336,⁷⁴ десятинъ. Болѣе половины удобныхъ земель находится подъ лѣсомъ, и только четверть подъ пашнею. На долю луговъ приходится не болѣе одной одиннадцатой части. Крестьянамъ принадлежитъ 59,²⁸% удобныхъ земель, дворянамъ 35,²⁵%, купцамъ и мѣщанамъ—5,¹⁴% и остальные 0,³³% другимъ сословіямъ. Вообще же, болѣе половины всѣхъ удобныхъ земель уѣзда принадлежатъ отдѣльнымъ лицамъ на правахъ частной собственности. Это объясняется усиленною распродажею въ 1870—1880 годахъ башкирами своихъ земель. Изъ преній по докладу выяснилось, что уфимское земство предполагаетъ закончить учетъ земель всей губерніи черезъ три года. Стоимость работъ, которыми занимаются до ста человекъ, обходится въ 12,000 р. уѣздъ.

Географическое отдѣленіе общества любителей естествознанія въ Москвѣ. 9 декабря происходило въ Политехническомъ музеѣ засѣданіе географическаго отдѣленія общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Предсѣдатель Д. Н. Анучинъ сообщил о полученномъ отъ Фритъофа Хансена письмѣ, въ которомъ послѣдній выражаетъ обществу благодарность за поднесенный ему дипломъ на званіе почетнаго члена общества. Затѣмъ слѣдовало чтеніе докладовъ. Первый изъ нихъ принадлежалъ Д. Н. Анучину и былъ озаглавленъ: «Озера въ верховьяхъ Волги и Западной Двины». Объяснивъ происхожденіе громадной массы озеръ, тянущихся непрерывною цѣпью по всему сѣверо-западу Россіи, существованіемъ здѣсь нѣкогда ледника, докладчикъ перешелъ затѣмъ къ описанію тѣхъ изслѣдованій, которыя произведены были имъ лѣтомъ 1895 года надъ озерами верхней Волги и Двины.

Слѣдующій докладъ: «Ростъ городского населенія въ Германіи», принадлежалъ Л. Д. Синицкому и составленъ на основаніи матеріала послѣдней германской переписи. Докладчикъ дѣлалъ цифровыя сопоставленія, показывающія, что, по причинѣ громаднаго развитія капиталистическаго производства, городское населеніе Германіи поднялось съ 36% на 47% (за періодъ 1871—1896 г.г.), а сельское, составлявшее въ 1871 году $\frac{2}{3}$ всего населенія, теперь равняется только половинѣ. Главные центры, привлекающіе пришлое населеніе,—Берлинъ, Гамбургъ, Мюнхенъ, Лейпцигъ и др. Въ заключеніе П. Г. Игнатовъ прочиталъ докладъ: «По южному Алтаю», представляющій результатъ его побѣдки лѣтомъ 1896 года. Докладъ сопровождался демонстраціями на экранѣ различныхъ видовъ Алтая.

† **К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.** 2-го января, скончался послѣ продолжительной болѣзни ординарный академикъ императорской академіи наукъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ, хорошо извѣстный своими многочисленными трудами по русской исторіи, принимавшій дѣятельное участіе въ дѣлахъ Славянскаго общества и игравшій видную роль при организаціи высшихъ женскихъ курсовъ, называемыхъ обыкновенно «Бестужевскими». Покойный принадлежалъ къ старому дворянскому роду; родился въ 1829 г. въ селѣ Кудренкахъ, Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда. До 11 лѣтъ онъ воспитывался дома, мать учила его порусски и пофранцузски; онъ ходилъ нѣкоторое время въ пансіонъ Камбека, впослѣдствіи казанскаго профессора, гдѣ товарищемъ его былъ А. Н. Плещеевъ. Главнымъ же руководителемъ его воспитанія былъ отецъ его, читавшій съ нимъ Карамзина и Милота и внушившій ему любовь къ исторіи. Значительная библіотека, собранная его отцомъ, способствовала его раннему знакомству съ русской литературой. Въ 1840 г. К. Н. поступилъ въ пансіонъ при нижегородской гимназіи, впослѣдствіи преобразованный въ Александровскій дворянскій институтъ, затѣмъ поступилъ въ гимназію, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ учился и былъ его товарищемъ извѣстный впослѣдствіи историкъ Ешевскій. Въ гимназіи устраивались тогда литературныя бесѣды, въ которыхъ Бестужевъ-Рюминъ и Ешевскій принимали видное участіе. Кончивъ курсъ въ нижегородской гимназіи, покойный поступилъ въ Московскій университетъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета (какъ тогда говорили на словесный факультетъ), но скоро, привлеченный первою лекціею Рѣдкина, перешелъ на юридическій факультетъ, гдѣ его товарищами были А. В. Лохвицкій, Е. М. Теокистовъ и Н. В. Альбертини. Ешевскій, кончившій курсъ годомъ ранѣе, перешелъ въ это время изъ Казани въ Москву, и они почти все время прожили вмѣстѣ. Въ 1851 г. К. Н. кончилъ курсъ. Съ половины 1851 по 1854 г. онъ былъ домашнимъ учителемъ въ семействѣ Чичериныхъ, затѣмъ получилъ мѣсто преподавателя въ московскихъ корпусахъ III и I. Съ 1856 года покойный сотрудничалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ качествѣ помощника редактора (газета выходила тогда подъ редакціей В. Θ. Корша), затѣмъ вмѣстѣ съ Н. В. Альбертини, Я. А. Розенблатомъ и А. К. Корсакомъ предпринялъ свой журналъ «Московское Обозрѣніе», изданіе котораго прекратилось послѣ выхода двухъ книжекъ. Въ концѣ 1859 года К. Н. былъ приглашенъ покойнымъ А. А. Краевскимъ сотрудничать въ «Отечественныхъ Запискахъ» и переѣхалъ

изъ Москвы въ Петербургъ. Здѣсь онъ всецѣло посвятилъ себя литературной работѣ, занимаясь по исторіи всеобщей и въ особенности отечественной. Статьи его, преимущественно критическаго содержанія, печатавшіяся съ 1847 года въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, составили молодому ученому такую прочную репутацію между специалистами-историками, что историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, отыскивая, кѣмъ бы замѣнить достойно Н. И. Костомарова, принужденнаго оставить на время университетъ, предложилъ покойному К. Н. съ весны 1865 года преподаваніе русской исторіи въ качествѣ доцента, хотя онъ и не имѣлъ соотвѣтственной ученой степени. Въ 1868 г. Бестужевъ-Рюминъ представилъ факультету диссертацию подъ заглавіемъ «О составѣ русскихъ лѣтописей», получилъ степень доктора honoris causa и былъ избранъ экстраординарнымъ, а черезъ годъ ординарнымъ профессоромъ. Одновременно, съ 1867 до 1871 года К. Н. читалъ исторію въ историко-филологическомъ институтѣ. Когда возникли въ Петербургѣ высшіе женскіе курсы, покойный принялъ на себя управленіе ими и завѣдывалъ всѣми дѣлами курсовъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ до своей тяжелой болѣзни, принудившей его оставить въ 1882 году всѣ дѣла и уѣхать за границу. Съ 1878 г. по 1882 г. К. Н. былъ, между прочимъ, предсѣдателемъ Славянскаго благотворительнаго общества. Въ 1890 году избранъ въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. Съ 1864 г. по настоящій годъ покойный принималъ въ качествѣ члена живое участіе въ занятіяхъ археографической комиссіи. Въ наступившемъ году исполнилось бы пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности покойнаго. Онъ помѣстилъ много статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Московскомъ Обозрѣніи», «Отечественныхъ Запискахъ», «Древней и Новой Россіи», «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Извѣстіяхъ Славянскаго общества», «Голосѣ» и «Рѣчи». Отдѣльно имъ изданы слѣдующіе труды: «О крещеніи Руси, о Владимірѣ святомъ, о сыновьяхъ его и монастырѣ Печерскомъ» (вышло шесть изданій, первое въ 1864 г.), «О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ» (два изданія), «Мономахъ и потомки его», «О томъ, какъ росло Московское княжество и сдѣлалось Русскимъ царствомъ», «О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка», «Русская исторія» (два тома), «Лекціи по русской исторіи, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ», «Лекціи по исторіографіи», «Біографіи и характеристики». Съ 1864 года по 1868 г. покойный редактировалъ «Записки географическаго общества»; вмѣстѣ съ Тибленомъ онъ перевелъ также «Исторію цивилизаціи Англіи» Бокля.

† **И. А. Голышевъ.** Въ слободѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, 9 декабря, внезапно скончался извѣстный археологъ Иванъ Александровичъ Голышевъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ и учреждений. Покойный принадлежалъ къ числу простыхъ русскихъ людей, талантливыхъ самоучекъ, которые обязаны своимъ развитіемъ и самообразованіемъ, главнымъ образомъ, своей неутомимой энергіи, уму и необыкновенному трудолюбію. Сынъ крѣпостнаго крестьянина, И. А. Голышевъ родился въ селѣ Мстерѣ въ 1838 г. Дѣтство и юность свою онъ самъ описалъ впоследствии на страницахъ «Рус-

ской Старины» (1879 г., кн. IV—VI), и изъ этого описанія видно, какъ трудны были первые жизненные шаги его. Научившись грамотѣ у священника въ мѣстной приходской школѣ, мальчикъ Голышевъ былъ отданъ отцомъ въ Москвѣ въ ученіе къ литографу и послѣ четырехлѣтняго ученія сдѣлался литографомъ и въ то же время посѣщалъ рисовальные классы. Возвратясь въ 1858 г. домой, онъ открылъ здѣсь, въ селѣ Мстерѣ, собственную литографію и началъ изготовлять для продажи дешевыя картинки, извѣстныя подъ названіемъ «лубочныхъ», которыя и распространялъ во множествѣ вмѣстѣ съ дешевыми книжками среди народа посредствомъ коробейниковъ-офеней. Картинки его имѣли успѣхъ и давали заработокъ болѣе чѣмъ 200 женщинамъ села Мстеры, занимавшимся раскраскою этихъ картинъ. Успѣхъ этого зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ умѣлаго выбора распространяемыхъ изданій. Выйдя самъ изъ народа и хорошо зная его вкусы, онъ не впадалъ въ тѣ ошибки, въ какія впадали его «интеллигентные» подражатели, въ родѣ фирмы «Посредникъ» и др. При изданіи лубочныхъ картинокъ, Голышевъ широко пользовался старинными, полными живаго русскаго юмора, сюжетами, переиздавая сотни разъ древнія иллюстраціи сказокъ «О Ершѣ сынѣ Щегинниковѣ», «Какъ мыши kota погребали» и т. п. Имъ же были пущены въ народъ и нѣкоторыя, усѣвшіе сдѣлаться нынѣ популярными въ народѣ, иллюстрированныя басни, пѣсни, стихотворенія, романы Крылова, Пушкина, Кольцова и др., которые, благодаря этому, сдѣлались вполне народными. Больше же всего распространялись книги и картины назидательнаго и духовнаго содержанія. Въ началѣ 60-хъ годовъ Голышевъ познакомился съ редакторомъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», извѣстнымъ археологомъ К. Н. Тихонравовымъ, который и возбуждалъ въ немъ любовь къ занятіямъ по изученію родной старины. Голышевъ съ жаромъ предался изученію русскіхъ древностей и собиранію разныхъ предметовъ русской старины. Плодомъ этихъ занятій появился рядъ статей и сообщеній во «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», за которыя крестьянинъ Голышевъ въ 1861 г. былъ избранъ въ члены Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета. Благотворное вліяніе на его занятія оказали и графъ А. С. Уваровъ, самъ беззавѣтно преданный археологической наукѣ и умѣвшій находить таланты вездѣ и привлекать ихъ на служеніе той же наукѣ. Отыскивая всюду чрезъ книгоношъ-офеней старинныя рукописи, книги, гравюры, старинныя лубочныя картинки, И. А. Голышевъ жертвовалъ ихъ въ императорскую Публичную бібліотеку, въ музеи и др. хранилища древностей; всѣхъ такихъ предметовъ древности, кромѣ рукописей, картинъ и гравюръ, въ родѣ предметовъ старинной утвари, старинныхъ одеждъ и т. п., было имъ пожертвовано въ разное время болѣе 600 предметовъ. Увлечшись археологіей, покойный И. А. Голышевъ съ теченіемъ времени значительно сократилъ свою торговлю книгами и картинками, чтобы всецѣло заняться любимою наукой. Участвуя во многихъ археологическихъ съѣздахъ, И. А. Голышевъ въ теченіе 35-ти лѣтней ученой дѣятельности написалъ болѣе 500 статей по археологіи, этнографіи, иконографіи и обнародовалъ множество актовъ, грамотъ, старинныхъ записей и т. п. Кромѣ этого, на собственные средства имъ было издано и выпущено въ свѣтъ 9 альбомовъ по археологіи и 19 отдѣльныхъ книгъ и

брошюръ, изъ которыхъ замѣчательны: 1) «Древности Богоявленской церкви въ селѣ Мстерѣ» (1870 г., съ 20 рисунками); 2) «Атласъ рисунковъ старинныхъ шраничныхъ досокъ» (1874 г., 20 таблицъ рисунковъ); 3) «Памятники старинной русской рѣзбы по дереву» (1877 г., 20 таблицъ); 4) «Памятники деревянныхъ церковныхъ сооруженій во Владимірской губерніи» (1879 г., 21 таблица); 5) «Альбомъ русскихъ древностей Владимірской губерніи» (1881 г., 40 таблицъ); 6) «Памятники русской старины Владимірской губерніи» (1883 г., 20 таблицъ); 7) «Альбомъ рисунковъ рукописныхъ синодиковъ 1651, 1679 и 1686 гг.» (1885 г., 30 таблицъ); 8) «Мѣсто упокоенія князя Пожарскаго» (1885 г.) и др. Смерть застала И. А. Голышева за работой надъ изданіемъ въ свѣтъ новаго археологическаго альбома: «Рукописная повѣсть о видѣніи Космы игумена 1688 г.». Русская наука высоко цѣнила труды И. А. Голышева, и онъ былъ избранъ въ дѣйствительные и почетные члены почти всѣхъ русскихъ ученыхъ историческихъ и археологическихъ обществъ. Такъ И. А. Голышевъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ императорскихъ обществъ: исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ и Московскаго археологическаго общества, Кіевскаго историческаго общества Нестора лѣтописца, С.-Петербургскихъ: почетнымъ корреспондентомъ императорской Публичной бібліотеки, членомъ сотрудникомъ — императорскихъ русскаго археологическаго и географическаго обществъ, императорскаго общества любителей древней письменности, археологическаго института и др. Императорское русское археологическое общество за ученые труды дважды присуждало И. А. Голышеву свои медали: малую золотую и большую серебряную. Ученые заслуги покойнаго Голышева извѣстны были и цѣнимы въ Бозѣ почившими государями Александромъ Николаевичемъ и Александромъ Александровичемъ и нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ Николаемъ Александровичемъ и многими членами августѣйшаго семейства, и за свои труды И. А. Голышевъ неоднократно удостоенъ былъ самыхъ разнообразныхъ и щедрыхъ наградъ. Такъ, онъ удостоенъ былъ званія потомственнаго почетнаго гражданина и награжденъ орденами Станислава 2 степени и Анны 2 степени и, кромѣ того, получилъ въ разное время высочайшіе подарки: нѣсколько брилліантовыхъ перстней, нѣсколько золотыхъ, осыпанныхъ брилліантами булавокъ, серебряный сервизъ, два серебряные вызолоченые кубка и т. п., и нѣсколько денежныхъ наградъ. И. А. Голышеву едва исполнилось 58 лѣтъ и при своей энергіи и любви къ труду онъ, безъ сомнѣнія, обогатилъ бы археологическую науку еще многими новыми и не менѣ цѣнными изслѣдованіями и изданіями. («Моск. Вѣд.», № 344).

† **Д. И. Воейковъ**, 4-го декабря, въ Севастополѣ, скончался Дмитрій Ивановичъ Воейковъ. Сынъ ветерана кампаній 1812—1814 гг. и племянникъ извѣстнаго А. Ф. Воейкона, редактора «Инвалида» и автора «Сумасшедшаго дома», покойный родился въ 1843 г. Службу онъ началъ комиссаромъ въ одной изъ польскихъ губерній, но вскорѣ вышелъ въ отставку и съ 1868 года, въ продолженіе 16-ти лѣтъ, занимался земскимъ дѣломъ въ Сызранскомъ уѣздѣ, Симбирской губ., гдѣ имѣлъ значительное помѣстье; за это время онъ былъ избираемъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, предсѣдателемъ уѣздной

управы и почетнымъ мировымъ судьей. Въ 1880 г. Воейковъ занималъ при гр. Н. П. Игнатьевѣ должности правителя канцеляріи сначала въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ гр. Игнатьевъ былъ генераль-губернаторомъ, а потомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. При графѣ Толстомъ онъ сохранилъ свою должность только годъ, а затѣмъ служилъ членомъ статистическаго совѣта и управляющимъ самарскаго отдѣленія Дворянскаго банка; наконецъ, въ 1891 г. онъ вышелъ вторично въ отставку по болѣзни. Въ литературной дѣятельности Д. И. Воейковъ дебютировалъ изданіемъ труда по крестьянской статистикѣ Кіевской губерніи и въ продолженіе многихъ лѣтъ писалъ статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ акасовской «Руси» и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ въ 1885—1886 г. состоялъ петербургскимъ корреспондентомъ. Онъ преимущественно ратовалъ за обрусеніе Прибалтійскаго края и за введеніе казенной винной монополіи, а также противъ сахарной нормировки. Подписывалъ онъ статьи своимъ именемъ, буквами Д. В. и псевдонимомъ «Сельскій житель». («Нов. Вр.», № 7465).

† **М. И. Галанинъ.** Въ ночь на 29-е ноября въ С.-Петербургѣ скончался послѣ продолжительной болѣзни редакторъ «Вѣстника Судебной Медицины» Модестъ Ивановичъ Галанинъ, принадлежавшій къ числу извѣстныхъ русскихъ гигиенистовъ и врачей-писателей. Покойный родился въ 1852 г., медицинское образованіе получилъ въ медицинской-хирургической академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1877 году. По окончаніи академическаго курса онъ былъ назначенъ врачомъ военнаго лазарета передоваго отряда генерала Гурко и провелъ зиму 1877—1878 годовъ на Шипкѣ. Въ 1886 г. онъ защитилъ при военно-медицинской академіи диссертацию «Санитарная организація въ западно-европейскихъ государствахъ», за которую былъ удостоенъ степени доктора медицины. Въ послѣднія семь лѣтъ редактировалъ «Вѣстникъ общественной гигиены, судебной и практической медицины», издаваемый медицинскимъ департаментомъ. Его популярныя очерки гигиены находили себѣ мѣсто и въ педагогическихъ журналахъ, и въ общей печати. Изъ отдѣльныхъ его сочиненій «Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ» въ короткій промежутокъ выдержали три изданія, затѣмъ имъ изданы отдѣльными книгами «Очерки школьной гигиены» и др. Статьи спеціальнаго характера печатались покойнымъ въ «Вѣстникѣ судебной медицины», «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ», «Врачѣ», «Здоровьи» и др. медицинскихъ журналахъ. Изъ нихъ назовемъ: «О лѣченіи эпидемическаго дифтерита горячими парами», «Болѣзнь XIX вѣка» и др. Умеръ онъ 44 лѣтъ, давно уже страдая бугорчаткой. Воспаленіе легкихъ въ послѣднее время осложнилось болѣзью сердца. («Новое Время», № 7459; «Новости», № 333).

† **А. И. Смирновъ.** 1-го декабря въ Сергіевскомъ Посадѣ скончался заслуженный профессоръ духовной академіи Андрей Петровичъ Смирновъ, который принадлежалъ къ числу выдающихся знатоковъ библейской исторіи. По окончаніи въ 1870 г. курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата богословія, покойный, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ приглашенъ занять въ академіи кафедру библейской исторіи и черезъ годъ былъ признанъ магистромъ богословія за сочиненіе «Святѣйшій папріархъ

Филаретъ Никитичъ Московскій». Андрей Петровичъ читалъ библейскую исторію въ академіи въ продолженіе 25 лѣтъ, не прекращая одновременно свои изслѣдованія по русской церковной и гражданской исторіи и археологіи. Его многочисленныя статьи по этимъ предметамъ печатались преимущественно въ спеціальныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ. («Новое Время», № 7464).

† М. М. Куклинъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Вологдѣ скончался Михаилъ Михайловичъ Куклинъ, авторъ нѣсколькихъ учебниковъ и книжекъ для дѣтскаго чтенія, изъ которыхъ особенно выдѣлялись: «Зайчики», «Мишукъ», «Уточки» и «Ежики», встрѣченные общимъ сочувствіемъ педагогической критики и имѣющіе успѣхъ среди маленькой публики. Покойный сотрудничалъ преимущественно въ «Игрушечкѣ» и «Дѣтскомъ Отдыхѣ». Куклинъ также не мало потрудился по собиранію народныхъ пѣсень и обычаевъ Вологодскаго края, служба въ послѣднее время учителемъ-инспекторомъ вологодскаго городского училища. («Новое Время», № 7463).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ біографіи Н. В. Успенскаго.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1896 г. напечатана статья П. Л. Юдина «Къ біографіи Н. В. Успенскаго», гдѣ, между прочимъ, сказано, что неизвѣстно, чей онъ былъ сынъ. Могу сообщить, что отецъ его былъ священникъ, служившій въ какомъ-то селѣ, Тульской губерніи, Ефремовскаго, кажется, уѣзда (а, можетъ быть, Новосильскаго—навѣрное не помню). Въ настоящее время жива сестра Н. В. Успенскаго—Анна Васильевна Зеленецкая. Живетъ она въ г. Крапивнѣ, Тульской губ., она вдова священника Христофора Ивановича Зеленецкаго. Отъ нея, полагаю, можно узнать нѣкоторыя достовѣрныя данныя, относящіяся до жизни ея роднаго брата Н. В. Успенскаго. Найти можно ее при посредствѣ живущаго въ Крапивнѣ же священника соборной церкви Григорія Николаевича Зеленецкаго.

Самое лучшее, если бы какой нибудь почитатель таланта Успенскаго увидѣлся лично съ названной сестрой его, такъ какъ она женщина уже старая и едва ли можетъ дать какія либо свѣдѣнія письменно.

Насколько я помню, село, въ которомъ родился Успенскій, и въ которомъ жили его родители, носитъ названіе Шипово. Кое-что мнѣ приходилось слышать и о романической женитьбѣ Успенскаго, но подробностей я не помню въ точности.

Инспекторъ гимназіи Е. Зеленецкій.

Г. Житомиръ.
2-го января 1897 г.

БАРОНЪ ТЪДОРЪ ТЪДОРОВИЧЪ ТОРНАУ.

• Дозв. ценз. 11-го января 1897 г. СПб.

IV.

Марсельскій батальонъ.

Слѣдующій день былъ воскресенье, и, по старинному обычаю, не происходило посидѣлокъ. Этотъ вечеръ старики проводили всегда въ Черномъ кабакѣ за стаканомъ бѣлаго вина, тогда какъ молодежь играла въ карты. Я же, какъ малолѣтній, легъ спать спозаранку, бормоча себѣ подъ носъ:

— Только бы сапожникъ открылъ завтра свою мастерскую, а не вздумалъ понедѣлничать.

На другое утро, отправляясь въ школу, я сдѣлалъ большой крюкъ, чтобы пройти мимо мастерской сапожника, и только успокоился, когда услышалъ звуки молотка о подошву и увидалъ, что ставни отворены.

— Значить, дѣло въ шляпѣ, — подумалъ я: — и мы услышимъ вечеромъ продолженіе исторіи старика Паскаля.

Въ положенный часъ я уже сидѣлъ на своей маленькой скамеечкѣ въ мастерской сапожника, и Паскаль, не дожидаясь приглашенія, продолжалъ свой прерванный разговоръ:

— Я спалъ рядомъ съ ребенкомъ Воклера, какъ мертвый, но утромъ я проснулся рано и долго не могъ собраться съ мыслями. Мнѣ казалось, что все, случившееся наканунѣ, было прекраснымъ сномъ. Но, нѣтъ, это было наяву: въ полуотворенную дверь я видѣлъ Лазули, которая, сидя въ кухнѣ, передѣлывала мой мундиръ. Рядомъ съ нею Воклеръ чистилъ мое ружье, и оба они молчали, чтобы не разбудить меня.

Я не могъ долго лежать съ открытыми глазами и, боясь заговорить, началъ кашлять.

— Что это, мальчуганъ вѣрно проснулся? — произнесъ вполголоса Воклеръ и приблизился нацыпочкахъ къ двери: — ага, ты не спишь, Паскаль. Не много рано, ну, ничего, вставай и примѣрь мундиръ.

Я въ двѣ минуты былъ готовъ и радостно надѣлъ желанный мундиръ. Хотя онъ все еще былъ очень великъ, и Лазули съ улыбкой ощупывала складки на немъ, но я громко повторялъ изъ боязни, чтобы его у меня не отняли:

— Теперь очень хорошо! Вездѣ очень хорошо!

Воклеръ надѣлъ мнѣ желтую португую саблю, а я самъ — синіе брюки и гетры, все еще слишкомъ длинные и широкіе. Затѣмъ Воклеръ торжественно нахлобучилъ мнѣ на голову красный колпакъ съ трехцвѣтной кокардой и, отступивъ шага два, произнесъ съ восторгомъ.

— Ишь, какой ты молодецъ! Мы поведемъ тебя въ Парижъ и покажемъ королю.

Между тѣмъ Лазули подала мнѣ мою старую куртку и спросила, нѣтъ ли чего въ ея карманахъ. Я покраснѣлъ и, вынувъ письмо Рандуле къ канонику Жоссерану, спряталъ его въ карманъ мундира; мнѣ было стыдно этого письма, и я какъ бы предчувствовалъ, что оно можетъ меня погубить, но мнѣ не хотѣлось разставаться съ единственнымъ предметомъ, который мнѣ напоминалъ добраго Рандуле. Изъ другого кармана куртки я вынулъ три монеты и отдалъ ихъ Лазули, прося ее сохранить.

— Хорошо,—отвѣчала она, пряча деньги въ ящикъ своего комода, гдѣ она берегла драгоценности:— вотъ я положу ихъ сюда и когда онѣ тебѣ понадобятся, тотчасъ спроси.

Съ этого дня я началъ военную службу. И сколько разъ мнѣ приходилось стоять на часахъ у папскаго дворца, у ратуши, у брода на Ронѣ, у лѣстницы св. Анны и у телеграфа, который своими черными руками, то открывавшимися, то закрывавшимися, какъ бритва, приводилъ меня въ постоянное изумленіе. Кромѣ этихъ дежурствъ во всѣ часы дня и ночи и во всякую погоду, я, вмѣстѣ съ товарищами, принималъ ежедневное участіе въ ученіяхъ за городскими укрѣпленіями, среди весело игравшихъ мальчишекъ и грѣвшихся на солнцѣ стариковъ.

Много видалъ я веселыхъ и грустныхъ дней, праздниковъ и фандоль, ссоръ и примиреній, кровавыхъ стычекъ и торжественныхъ процессій. Сегодня брали верхъ одни, а завтра другіе; то одерживали побѣду красные, т. е. добрые патриоты, то бѣлые, т. е. антипатриоты, а мы постоянно являлись туда, гдѣ происходили ихъ схватки и заставляли ихъ расходиться по домамъ. Почти безъ умолка слышался набатъ то въ одномъ, то въ другомъ кварталѣ; но если бы я сталъ рассказывать вамъ обо всемъ, что я дѣлалъ, видѣлъ и слышалъ въ тѣ пять или шесть мѣсяцевъ, которые я провелъ въ Авиньонѣ, то вы не знали бы, куда дѣться отъ скуки. Поэтому я лучше прямо перейду къ тому обстоятельству, которое побудило меня и Воклера отправиться въ Парижъ, въ ряды марсельскаго батальона.

Это было въ концѣ іюня, и я стоялъ на часахъ подлѣ ронскихъ городскихъ дверей, охраняя дерево свободы, которое старались срубить бѣлые аристократическаго квартала, Фюстери. Вдругъ раздался набатъ на августинской колокольнѣ, и на одной изъ улицъ Фюстери появился блѣдный, испуганный человѣкъ, который бѣжалъ опростелю и кричалъ во все горло:

— Прячьтесь! Прячьтесь! Мы погибли! Марсельскіе разбойники близко! Запирайте двери и окна! На насъ идетъ батальонъ убійць, каторжниковъ, злодѣевъ!

Пробѣжавъ черезъ нѣсколько улицъ, онъ исчезъ за Ульскими городскими воротами, но его крики произвели необыкновенный переполохъ. Цѣлая толпа женщинъ, стиравшихъ бѣлье на берегу

Роны, въ страхѣ бросила работу и вернулась бѣгомъ въ свои дома, въ которыхъ тотчасъ послышался стукъ затворявшихся на запорѣ дверей и оконъ.

Пока это происходило, у Ронскихъ воротъ, въ противоположной сторонѣ, именно у Линскихъ воротъ, послышались радостные крики, громкое пѣніе карманьолы, шумныя рукоплесканія и звуки тамбуриновъ.

Меня разбирало любопытство узнать, что тамъ случилось, и я наконецъ не вытерпѣлъ, взявъ ружье на плечо и быстрыми шагами направился къ гауптвахтѣ городской ратуши.

Трудно себѣ представить, какое я увидѣлъ тамъ зрѣлище. Многочисленная толпа волновалась, двигалась взадъ и впередъ, и въ воздухѣ слышался громкій голосъ. Воклеръ выстраивалъ передъ ратушей національныхъ гвардейцевъ, которые сбѣгались по набату со всѣхъ сторонъ. Они такъ торопились, что одинъ надѣвалъ на бѣгу мундиръ, другой прикрѣплялъ къ портупеѣ саблю, третій бралъ у жены ружье, которое она, догнавъ, отдавала ему, и т. д. Никто въ сущности не зналъ, что случилось.

— Это идутъ на городъ бѣлые, паписты, антипатріоты изъ Карпентра.

— Нѣтъ, — отвѣчали другіе:— это поселяне изъ Годаня; они взбунтовались противъ своего помѣщика и ведутъ его сюда.

Увидавъ меня, Воклеръ крикнулъ:

— Ну, становись на свое мѣсто! Чего опоздалъ?

— Что случилось?— спросилъ я.

— Марсельскій батальонъ,— отвѣчалъ онъ, обращаясь не только ко мнѣ, но и ко всѣмъ солдатамъ своей роты:—идетъ въ Парижъ чрезъ Авиньонъ. Пойдемте на встрѣчу этимъ храбрамъ федералистамъ. Да здравствуетъ нація!

— Да здравствуетъ нація!—раздается среди національныхъ гвардейцевъ и окружающихъ ихъ толпы.

Мы построились и... направо кругомъ, маршъ! За нами послѣдовали мужчины, женщины, старики, дѣти, и всѣ мы, въ одинъ голосъ, пѣли Карманьолу.

Стекла въ окнахъ звенѣли. Всѣхъ насъ было около десяти тысячъ человѣкъ, а потому шумъ и гвалтъ были неописанные. Вокругъ себя я видѣлъ только безконечное число поднятыхъ головъ, разинутыхъ ртовъ и широко раскрытыхъ глазъ.

Выйдя изъ Ламбертскихъ воротъ, мы выстроились въ два ряда, вдоль укрѣпленій. Не успѣли мы занять позицію, въ ожиданіи марсельскаго батальона, какъ толпа мальчишекъ показалась на большой дорогѣ, оглашая воздухъ криками:

— Идутъ! Идутъ!

Почти въ ту же минуту мы увидели командира батальона Муассона и капитана Гарнье въ шляпахъ съ красными перьями. Замѣ-

тивъ насъ, они выхватываютъ изъ ноженъ свои, изогнутыя на манеръ серповъ, сабли и, обращаясь къ солдатамъ, громко кричатъ:

— Да здравствуетъ нація!

Весь батальонъ, какъ одинъ человѣкъ, начинаетъ пѣть:

Идемъ, родины сыны,
Славы день для насъ насталъ!

Мы взяли накаркуль. Они проходятъ мимо, продолжая пѣть «марсельезу», что невольно заставляло биться наши сердца. Что это было за зрѣлище, друзья! Ихъ было пятьсотъ человѣкъ, съ загорѣлыми лицами, черными, какъ уголья, глазами и густыми побѣлѣвшими бровями, отъ пыли. На однихъ видѣлись треугольныя шляпы съ перьями, на другихъ—красные колпаки и зеленые мундиры съ красными отворотами, какъ у меня; у каждаго въ дулѣ ружья воткнута была вѣтка тополя, или ивы, для защиты отъ солнца, и эта движущаяся сѣнь, надъ ихъ головами, производила очень странное впечатлѣніе. Но когда они громко припѣвали за каждымъ куплетомъ своего боевого гимна: «Къ оружію, граждане!»; когда при этомъ они широко раскрывали свои рты, словно львиныя пасти, съ блестящими бѣлыми зубами, то морозъ пробѣгалъ по спинѣ зрителей. Два барабанщика выбивали дробь, а солдаты маршировали въ тактъ барабаннаго боя, хотя и покрывая его пѣніемъ: «Идемъ, родины сыны».

Наконецъ батальонъ миновалъ насъ и исчезъ за городскими воротами. Но что это за странные звуки цѣпей и желѣза? За батальономъ слѣдовали четыре человѣка, которые, согнувшись, какъ волю подъ ярмомъ, тащили на себѣ телѣгу съ пушкой, ужасно гремѣвшей при каждомъ оборотѣ колесъ. За первой телѣгой слѣдовали еще двѣ, также запряженныя четырьмя людьми, одна со второй пушкой, а во второй видѣлись: большой котель, громадные мѣхи и разныя принадлежности для литья ядеръ. Не смотря на свою усталость, эти люди, съ трудомъ переводившіе дыханіе, по временамъ гордо поднимали голову и кричали охрипшимъ голосомъ:

— Да здравствуетъ нація!

Все это вмѣстѣ, и мужественный видъ марсельцевъ, и ихъ одушевленное пѣніе, и барабанный бой, и крики толпы, при ясной солнечной погодѣ, производили такое ошеломляющее впечатлѣніе, что я, Паскаль, держа ружье накаркуль, чувствовалъ, какъ слезы текли по моимъ щекамъ.

Вслѣдъ за батальономъ и его обозомъ мы повернули въ городъ, составляя почетный эскортъ, и вскорѣ такъ привыкли къ пѣнію марсельезы, что дружно подтягивали вмѣстѣ съ окружающей насъ толпой:

Къ оружію, граждане!

Такимъ образомъ мы прошли улицу Комсъ и, миновавъ папскій дворецъ, достигли Райской площади, на которой находился

клубъ патриотовъ. Но въ ту самую минуку, какъ мы выходили на эту площадь, впереди колонны случилось какое-то замѣшательство, и мы должны были остановиться. Спустя нѣсколько минутъ, въ толпѣ пробѣжалъ слухъ, что какой-то папистъ ударилъ кинжаломъ командира марсельцевъ. Воклеръ съ нѣсколькими солдатами, въ числѣ которыхъ былъ я, бросился впередъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло и, въ случаѣ надобности, возстановить порядокъ.

Вотъ что случилось: одинъ изъ марсельцевъ несъ въ видѣ знамени на пикѣ большой щитъ, на которомъ написаны были крупными красными буквами деклараціи «правъ человѣка». Онъ зорко слѣдилъ, чтобы каждый изъ зрителей почтительно преклонялся предъ этимъ знаменемъ; но если кто нибудь отворачивался, то марселецъ останавливался и заставлялъ этого антипатріота поцѣловать знамя. Все шло мирно, пока на поворотѣ одной улицы не повстрѣчался старый каноникъ, возвращавшійся, со своей экономкой, изъ церкви. Увидавъ это знамя, онъ остановился, скорчилъ гримасу и плюнулъ къ ногамъ знаменосца. Марселецъ вышелъ изъ себя, схватилъ за голову старика, поставилъ его передъ собой на колѣни и хотѣлъ насильно заставить приложиться къ деклараціи правъ человѣка; но каноникъ началъ биться изо всѣхъ силъ, а старая служанка стала кричать и царапать солдата. Окружающая толпа заволновалась, и послышались крики:

— Въ Рону паписта! Въ Рону антипатріота!

Въ ту минуту, какъ мы подоспѣли къ тому мѣсту, гдѣ разыгрывалась эта любопытная сцена, батальонъ двинулся снова въ путь, при дружномъ пѣніи: «идемъ, родины сыны!», а впереди его торжественно маршировалъ марсельскій федералистъ, держа въ одной рукѣ знамя, а подъ другой бѣднаго патера, который размахивалъ въ воздухѣ руками и ногами. Къ еще большему эффекту, за рясу каноника схватилась служанка, которая тащила по землѣ, не желая разстаться съ своимъ господиномъ.

Меня, болѣе всѣхъ, поразило это зрѣлище. Вы можете себѣ представить, друзья мои, что этотъ патеръ былъ именно каноникъ Жоссеранъ, къ которому далъ мнѣ письмо Рандуле, а его служанка была та самая женщина, которая сорвала кокарду съ моей шляпы и подняла тревогу на улицѣ, когда я постучался въ двери ихъ жилища.

Наконецъ мы достигли клуба патриотовъ, который помѣщался въ старой часовнѣ. Знаменосецъ, командиръ батальона и Воклеръ помѣстились на эстрадѣ, а стараго патера посадили подлѣ на полъ и нахлобучили на его обнаженную голову шляпу одного изъ марсельцевъ, съ плюмажемъ. Вскорѣ вся часовня наполнилась марсельцами, національными гвардейцами и толпой. Подъ ея сводами стали громко раздаваться барабанный бой и пѣніе «къ оружію, граждане!».

Спустя нѣсколько минутъ, однако, по знаку руки импровизован-

наго знаменосца патерь, вытянувшись во весь ростъ, прочиталъ надпись на своемъ знамени. Тогда я впервые услышалъ декларацію правъ человѣка, и, насколько я припомню, она заключалась въ слѣдующемъ:

«Люди рождаются свободными и всѣ равны.

«Народъ самъ составляетъ для себя законы, и нѣтъ болѣе рабовъ.

«Народъ порвалъ свои цѣпи и отворилъ всѣ темницы.

«Земля и жатва принадлежать ему.

«Народъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и вѣрованіяхъ.

«Никто, ни короли, ни маркизы, ни помѣщики не могутъ облагать его налогами.

«Человѣкъ, бывшій до сихъ поръ рабомъ и роющимъ въ землѣ кротомъ, теперь свободенъ и отвѣтствененъ только передъ своимъ разумомъ.

«Да здравствуетъ нація!»

— Да здравствуетъ нація! Да здравствуютъ марсельцы! — раздается въ толпѣ, покрывая барабанный бой.

Знаменосецъ схватываетъ за горло каноника и наконецъ заставляетъ его поцѣловать декларацію правъ человѣка. Но какъ только онъ высвободилъ его изъ своихъ рукъ, упрямый старикъ вскочилъ, откашлянулся и плюнулъ прямо въ импровизованное знамя. Тогда марселецъ взбѣсился, схватилъ старика обѣими руками, повернулъ къ себѣ спиной и лягнулъ съ такой силой, что тотъ полетѣлъ прямо въ толпу, которая приняла его на кулаки. То вскидываемый кверху, то угощаемый пинками, онъ добрался по головамъ толпы до дверей и тамъ исчезъ. Но, признаюсь, мнѣ было жаль его, такъ какъ у меня въ карманѣ лежало письмо къ нему отъ Рандуле, и мнѣ это зрѣлище казалось оскорбительнымъ для нашего добраго патера.

Но всѣ присутствующіе тотчасъ о немъ забыли. Воклеръ въ свою очередь всталъ и произнесъ рѣчь, въ которой для доказательства необходимости революціи прочелъ постановленія вице-легата папы, державшаго подъ своимъ игомъ бѣдный авиньонскій народъ. Въ этихъ постановленіяхъ говорилось, что: «за отказъ отъ платежа налоговъ бѣдняки будутъ сосланы на галеры; всякій, имѣющій при себѣ ножъ или пистолеть, будетъ повѣшенъ; если кто нибудь посмѣетъ жаловаться легату на что нибудь, то заплатитъ за свою дерзость или смертью, или десятилѣтней каторгой; а кто посмѣетъ словами, на письмѣ или рисункомъ оскорбить легата, то его ожидаетъ смерть и конфискація всего имущества».

Въ этомъ мѣстѣ разсказа стараго Паскаля, его неожиданно перебилъ Матеронъ, воскликнувъ:

— Это невозможно!

— А я тебѣ скажу, — возразилъ Паскаль: — что ты невозможный дуракъ и нахаль, если сомнѣваешься въ моихъ словахъ. То, что я

говорю такъ вѣрно, что я могу доказать каждое мое слово книгами. Но лучше слушай до конца. Въ постановленіяхъ легата было многое еще хуже; я всего не помню, но между прочимъ тамъ запрещалось выходить на улицу, предписывалось послѣ сигнала тушить огни, подъ угрозой тѣлеснаго наказанія и даже изгнанія изъ города. Кромѣ того, запрещалось сочинять, писать и пѣть политическіе стихи, а виновный въ этомъ подвергался десятилѣтней каторгѣ и конфискаціи половины его имущества.

Тутъ снова перебилъ Паскаля сапожникъ, воскликнувъ:

— Ишь-ты! Теперь за это платятъ пеню въ одинъ франкъ.

— Да слушай же ты меня. Я тебѣ расскажу еще что нибудь покуръезнѣе. Вотъ если бы теперь царилъ папскій легатъ, и онъ узналъ бы, что мы здѣсь собрались безъ разрѣшенія, то онъ велѣлъ бы насъ схватить и повѣсить.

— Вотъ тебѣ и на! — промолвилъ Матеронъ, высыпая въ ведро золу изъ своей трубки: — я бы хотѣлъ видѣть, какъ бы со мной справились папскіе солдаты. Вѣроятно, тогда люди были не люди, а тряпки.

— Нѣтъ, люди тогда были такіе же, какъ ты и я, — отвѣчалъ Паскаль: — но никто изъ васъ не можетъ и вообразить, въ какомъ положеніи находился бѣдный народъ сто лѣтъ тому назадъ. Я вамъ когда нибудь это подробно объясню, но теперь вернемся къ моему разсказу. Когда Воклеръ кончилъ свое чтеніе, то раздались не умолкающіе крики: да здравствуетъ нація! да здравствуетъ революція! Женщины, съ трехцвѣтными кокардами на головѣ, кричали громче мужчинъ, а нѣкоторыя изъ нихъ бросались на шею марсельцамъ и восторженно ихъ цѣловали.

Вскорѣ снова поднялся Воклеръ и, высоко поднявъ свою шляпу на остріе сабли, воскликнулъ:

— Для защиты правъ человѣка и уничтоженія тираніи я поступаю волонтеромъ въ марсельскій батальонъ.

Раздался барабанный бой, и, въ знакъ согласія принять такого добровольца въ свои ряды, марсельцы подняли руки при дружныхъ крикахъ:

— Да здравствуютъ авиньонскіе патріоты!

На это мы отвѣчали:

— Да здравствуютъ марсельскіе федералисты!

Я поддался общему увлеченію и, право, не знаю какъ, очутился рядомъ съ Воклеромъ.

— Я также поступаю волонтеромъ въ марсельскій батальонъ! — воскликнулъ я, махая своимъ краснымъ колпакомъ.

Мои слова вызвали одинаковые крики: да здравствуютъ патріоты, да здравствуютъ федералисты!

Среди общаго энтузіазма я все-таки замѣтилъ, что въ отдален-

номъ уголкѣ часовни стояла съ ребенкомъ на рукахъ Лазули и знаками говорила мнѣ: bravo, Паскаль, bravo.

Командиръ Муассонъ подбѣжалъ ко мнѣ, обнялъ меня и поцѣловалъ въ обѣ щеки. Громче, чѣмъ когда, забили барабаны, и зазданіе было кончено.

Тогда въ толпѣ нѣсколько добрыхъ патриотовъ подняли кникъ:
— Идемъ къ Линскимъ воротамъ — тамъ много вина!

Это предложеніе было единодушно принято, и марсельскій батальонъ, выстроившись на площади, двинулся съ своимъ обозомъ подъ эскортомъ какъ національныхъ гвардейцевъ, такъ и громадной толпы, къ Ронской гавани, гдѣ вдоволь было для всѣхъ вина, хлѣба, маслинъ, орѣховъ и чесноку.

Часы шли за часами, а марсельцы и авиньонцы продолжали пить, ѣсть, пѣть и плясать, такъ какъ послѣ заката солнца выступили на сцену тамбурины, и погянулась нескончаемая фарандола. Но я не принималъ участія въ пляскахъ, такъ какъ я слишкомъ гордился своимъ поступленіемъ въ марсельскій батальонъ и старался принять на себя серьезный видъ взрослога человѣка. Я переходилъ отъ одной группы марсельцевъ къ другой, знакомился со своими будущими товарищами и чокался съ ними. Но меня беспокоило то, что они, несмотря на всю любезность ко мнѣ, обращались со мной, какъ съ ребенкомъ. Они все спрашивали меня: молодчикъ, сколько тебѣ лѣтъ? И я отвѣчалъ — шестнадцать, стараясь казаться какъ можно выше ростомъ и подергивая свои губы, на которыхъ, увы, не было даже ни малѣйшаго пушка. Чтобы походить на марсельцевъ, я воткнулъ въ дуло моего ружья вѣтку ивы и выпачкалъ въ пыли свои башмаки.

Среди общей суматохи я потерялъ изъ виду Воклера и сталъ съ безпокойствомъ его розыскивать въ тѣснѣвшей меня со всѣхъ сторонъ толпѣ; но вдругъ раздались звуки бича и шумъ колесъ. Толпа разступилась, и я отскочилъ въ сторону. Но, Боже мой! что я увидѣлъ — экипажъ маркиза Амбрена. На козлахъ сидѣлъ злой Сурто, а рядомъ помѣщался мой бѣдный отецъ, блѣдный, изнуренный, грустный и съ ясными слѣдами полученныхъ ударовъ бича по лицу. Я задрожалъ всѣмъ тѣломъ и едва не лишился чувствъ. Экипажъ медленно проѣхалъ мимо меня, и я увидалъ въ немъ маркизу Аделаиду, хорошенькую Аделину, господина Робера и маленькую фигуру самого маркиза. Я взглянулъ еще разъ на моего отца, чтобы убѣдиться, наяву ли я его вижу, но глаза мои встрѣтились съ жестокимъ взглядомъ Сурто, ясно говорившимъ: погоди, молодчикъ, ты теперъ мой. Затѣмъ экипажъ исчезъ, и толпа продолжала веселиться.

Я былъ въ отчаяніи и не зналъ, что мнѣ дѣлать. Мой отецъ находился въ двухъ шагахъ отъ меня, и я не смѣлъ къ нему подойти, не смѣлъ сказать ему ни слова. Я чувствовалъ, что если я

приближусь къ нему и заговорю, то я погибъ. Мнѣ это ясно говорили дико блестящіе глаза Сурто. Единственнымъ моимъ спасеніемъ могъ быть Воклеръ, а потому я снова сталъ розыскивать его, бѣгая то въ одну, то въ другую сторону.

Неожиданно я почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за плечо. Я обернулся. За мною стояли Сурто и мой отецъ. Какъ только экипажъ выѣхалъ изъ толпы, этотъ злодѣй передалъ вожжи сыну маркиза и, съ разрѣшенія старика отправился, съ моимъ отцомъ розыскивать меня. Тщетно старался я освободиться отъ него, но его желѣзные пальцы держали мое плечо, словно въ тискахъ.

— Пойдемъ, пойдемъ,—грозно сказалъ онъ:—твой отецъ хочетъ, чтобы ты вернулся домой.

— Я не хочу, я свободный человѣкъ, я поступилъ волонтеромъ въ марсельскій батальонъ.

— Увидимъ, пойдемъ къ командиру,—произнесъ Сурто, не выпуская меня изъ своихъ рукъ.

— Да, да, негодяй,—бормоталъ отецъ себѣ подъ носъ:—ты долженъ вернуться домой—такъ приказалъ маркизь.

Муассонъ случайно находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и, замѣтивъ безпорядокъ, подошелъ къ Сурто.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ.

— Да вотъ этотъ мальчишка убѣжалъ изъ родительскаго дома, и старикъ отецъ, который здѣсь на лицо, хочетъ вернуть его домой къ матери, умирающей отъ горя.

— Не хорошо бросать старыхъ родителей,—произнесъ Муассонъ, насупивъ брови:—Франція еще въ тебѣ не нуждается. Ступай домой съ отцемъ, а когда у тебя выростутъ усы, то приходи—мы тебя не на шутку возьмемъ въ нашъ марсельскій батальонъ.

Онъ повернулся и отошелъ, не желая слушать моихъ объясненій.

Мой отецъ низко поклонился командиру, а Сурто, грубо дернувъ меня, потащилъ за собой, расталкивая толпу. Мой отецъ едва успѣвалъ за нами. Я погибъ. Одинъ Воклеръ могъ бы меня спасти, такъ какъ онъ одинъ зналъ мою исторію. Но его нигдѣ не было видно. Вѣроятно, онъ пошелъ съ Лазули домой, чтобы приготовиться къ походу въ Парижъ.

Къ довершенію несчастья, мое ружье и сабля остались за городомъ подлѣ укрѣпленія, гдѣ мы сложили свое оружіе въ ожиданіи марсельцевъ. Одинъ, невооруженный, я положительно былъ въ рукахъ Сурто и скорѣе мертвый, чѣмъ живой, слѣдовалъ за нимъ. Пройдя черезъ весь аристократическій кварталъ, мы достигли дома маркиза Амбрена, въ улицѣ Фіалокъ. Экипажъ стоялъ посреди двора, и слуги наполняли его разною провизіею, подъ наблюденіемъ Робера и Аделины.

— Ага! Попался-таки, бродяга!—воскликнулъ Роберъ, смотря

на меня съ злымъ смѣхомъ:—заприте его въ подвалъ и не выпускайте оттуда.

Мой отецъ подошелъ къ нему и, по своему обыкновению, преклонивъ колѣна, поцѣловалъ ему руку. Аделина же, всплеснувъ руками, отвернулась; я понялъ, что ей было жаль меня, но она не смѣла сказать ни слова.

Сурто потащилъ меня въ сѣни и, поднявъ среди пола люкъ, спустилъ въ мрачный подвалъ по узенькой лѣсенкѣ. Исчезая въ темнотѣ, я слышалъ, какъ Робертъ сказалъ моему отцу:

— Каковъ негодяй твой сыночекъ! Ты думалъ, что онъ спокойно живетъ въ домѣ каноника Жоссерана, куда послалъ его Рандуле, а онъ оказался въ разбойничьей шайкѣ. Ты видѣлъ его въ ихъ ливреѣ?

Между тѣмъ Сурто отворилъ дверь подвала и, втокнувъ меня туда, произнесъ:

— Околѣвай здѣсь, щенокъ! А если проголодаешься, то съѣшь сегодня правую руку, а на завтра побереги лѣвую.

Видя свою вѣрную гибель, я сталъ уговаривать и упрашивать палача, но онъ дико захохоталъ.

— Ты, негодяй,—пробормоталъ онъ сквозь зубы:—слишкомъ многое видѣлъ и можешь кое-что поразсказать. Помнишь, какъ ты взлѣзъ на дерево въ Ла-Гарди? Помнишь, что ты видѣлъ вечеромъ въ больницѣ? По крайней мѣрѣ здѣсь въ подвалѣ твой языкъ никому не опасенъ.

Онъ щелкнулъ замкомъ и заперъ дверь. Его шаги раздались по лѣстницѣ, а потомъ люкъ хлопнулъ съ такой силой, словно раздался пушечный выстрѣлъ. Я очутился одинъ среди мрака, холода и вѣрной смерти.

Не было никакого сомнѣнія, что я долженъ былъ умереть съ голода. Никто не могъ оказать мнѣ помощи. Но что же я сдѣлалъ? Что я видѣлъ со стараго дуба въ Ла-Гарди? Неужели виновникомъ грозившей мнѣ смерти былъ мой отецъ? Онъ не могъ, по всей вѣроятности, меня выдать, намѣренно меня продать, онъ самъ не зналъ, что дѣлалъ. Еще не прошли на лицѣ его шрамы отъ нанесенныхъ побоевъ, а онъ цѣловалъ уже руку. Одно это зрѣлище приводило меня въ бѣшенство. Нѣтъ, лучше умереть!.. Но что такое я видѣлъ на деревѣ въ Ла-Гарди? Эта мысль не выходила у меня изъ головы... Ахъ, да! Я сталъ мало-по-малу припоминать, что однажды, уже очень давно, я взлѣзъ на старыя дубы, чтобы снять птичье гнѣздо, и вдругъ услышалъ подъ деревомъ чьи-то голоса. Это были маркиза и Сурто. Они держали другъ друга за руку и разговаривали вполголоса. Я прекрасно слышалъ, какъ маркиза сказала: «дѣйствуй скорѣе, да не дай промаха». Я подождалъ, пока они удалились, и сталъ поспѣшно спускаться съ дерева, дрожа отъ страха; но неожиданно Сурто обернулся и увидалъ меня. Повидимому, съ этой минуты онъ

покаялся меня убить. Теперь же у него къ этому предлогъ: ударъ брошеннымъ мною камнемъ въ ногу Робера.

Разсуждая подобнымъ образомъ, я вдругъ услышалъ шорохъ въ углу подвала: тамъ бѣгали крысы по осколкамъ выброшенныхъ бутылокъ. Я обрадовался. Кускомъ стекла я могъ открыть вену и тѣмъ избѣгнуть голодной смерти! Я оцупью сталъ пробираться къ тому мѣсту, гдѣ звенѣли стекла, но на каждомъ шагу я натыкался лицомъ на густую паутину и съ трудомъ освобождался отъ нея. Богъ знаетъ, сколько времени не ходили въ этотъ подвалъ. Все-таки я кое-какъ добрался до груды разбитыхъ бутылокъ, но въ ту минуту, какъ протянулъ къ нимъ руку, надъ моей головой раздался шумъ: снова приподымали трапъ, и чьи-то шаги послышались по лѣстницѣ. Я притаилъ дыханіе.

Очевидно, это былъ Сурто, который шель, чтобы убить меня. Несмотря на мое намѣреніе наложить на себя руки, я вздрогнулъ. Я хотѣлъ умереть, но не отъ руки этого злодѣя, и потому рѣшился дорого продать свою жизнь.

Я схватилъ первую попавшуюся мнѣ бутылку и поднялъ ее съ цѣлью ударить ею по лицу Сурто. Въ эту минуту дверь отворилась на своихъ тяжелыхъ петляхъ.

Къ величайшему своему удивленію, я увидалъ маленькую Аделину, державшую въ рукахъ лампочку.

— Шш... шш...—произнесла она шепотомъ:— Паскалэ, гдѣ ты? Я пришла спасти тебя.

Я подбѣжалъ къ ней, бросился на колѣни и промолвилъ:

— Это вы, Аделина? Не выдавайте меня Сурто: онъ меня убьетъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ Паскалэ, я пришла сюда, чтобы избавить тебя отъ этого злого человѣка. Иди за мной и не говори ни слова. Я тебя выведу изъ этого дома, но, смотри, никогда опять не попадайся въ когти Сурто. Онъ теперь роетъ тебѣ могилу въ саду: онъ поклялся, что убьетъ тебя сегодня ночью и похоронитъ въ темнотѣ. Ну, пойдемъ!

Я молча послѣдовалъ за ней.

Мы поднялись по лѣстницѣ и общими силами открыли тяжелый люкъ, потомъ мы прошли черезъ сѣни и, отворивъ дверь, очутились во внутреннемъ дворѣ.

— Тебѣ надо перелѣзть черезъ эту стѣну,—сказала шепотомъ Аделина:—по ту сторону улица, а ты будешь спасенъ.

И она своими маленькими ручками старалась придвинуть высокую лѣстницу отъ птичника. Но я привыкъ лазать по высокимъ деревьямъ и отвѣснымъ горамъ, а потому въ одну минуту забрался на стѣну, соскочилъ съ нея и, признаюсь, къ моему стыду, не поблагодаривъ доброй дѣвушки, пустился бѣгомъ по улицѣ къ большой площади.

Авиньонъ теперь спалъ, и все въ немъ было тихо, какъ въ могилѣ. Конечно, я миновалъ аристократическій кварталъ и выбиралъ самые отдаленные закоулки, чтобы не повстрѣчаться съ патрулемъ папистовъ. Никто не попадался мнѣ по дорогѣ, и при свѣтѣ луны я видѣлъ только свою тѣнь.

Наконецъ, я добрался до дома Лазули. На Жакмарской колокольнѣ пробило полночь, но все-таки въ окна виднѣлся свѣтъ. Я постучался въ дверь.

— Лазули! Лазули! Это я.

— Неужели это онъ, Паскалэ? — послышался голосъ Лазули, которая поспѣшно спускалась по лѣстницѣ.

Черезъ минуту ключъ скрипнулъ въ замкѣ, и дверь широко отворилась. Лазули приняла меня въ свои объятія и стала покрывать поцѣлуями.

— Но откуда ты, гдѣ ты былъ? Тебя ищутъ по всему Авиньону. Воклеръ ушелъ съ марсельцами, но приказалъ тебѣ слѣдовать за нимъ по дорогѣ въ Парижъ. Ахъ, какъ я рада тебя видѣть, красавчикъ Паскалэ! Куда ты дѣлся? Расскажи мнѣ?

И она снова покрывала меня поцѣлуями.

Хотя я былъ ребенокъ, но поцѣлуй этой красивой женщины заставляли меня дрожать отъ удовольствія, и, чтобы не показаться неблагодарнымъ въ этомъ случаѣ, какъ относительно Аделины, я пламенно отвѣчалъ на ея ласки.

Неожиданно она отшатнулась отъ меня и, доставъ хлѣба и вина, сказала:

— Ты вѣрно проголодался? Ъшь и пей, да, главное, рассказывай, гдѣ ты былъ, а потомъ бѣги за марсельскимъ батальономъ, ты догонишь его въ Вердеттѣ, въ полумилѣ отсюда. Они тамъ переночуютъ, а на разсвѣтѣ отправятся дальше.

Я съ удовольствіемъ повиновался. Поѣлъ, выпилъ и рассказалъ обо всемъ, случившемся со мною.

— Это невозможно! — воскликнула она, выслушавъ съ любопытствомъ мой рассказъ: — куда мы идемъ? Кругомъ насъ все разбойники! Какъ же я останусь здѣсь одна съ моимъ маленькимъ Клярэ? Я, право, боюсь твоего Сурто! Ну, бери ружье и догоняй твой батальонъ, а Воклеру скажи, что я не хочу оставаться здѣсь одна, поѣду въ Парижъ на будущей недѣлѣ, со смѣющимъ дилижансомъ. Я васъ, значитъ, обгоню и приготовлю въ Парижѣ вамъ комнату. Въ случаѣ несчастья, я буду у васъ подъ рукой, да, къ тому же, я тоже патриотка и хочу принять участіе въ вашихъ подвигахъ. Вотъ твоя котомка: въ ней новая рубашка, красный поясъ, фляжка съ водкой, два пистолета, порохъ, пули, кремни, трехцвѣтныя какарды и твои деньги. Онѣ тебѣ понадобятся: до Парижа далеко, да и тамъ господствуютъ аристократы, значитъ, даромъ не

добьешься и воды. Поцѣлуй на прощанье маленькаго Клярэ, но не разбуди его. Ну, ступай! ступай! Да, смотри, Расскажи все Воклеру.

Она привязала мнѣ котомку на спину ремнями, которые скрещивались на груди, и посвѣтила мнѣ, пока я, нагруженный такимъ образомъ и съ ружьемъ въ рукѣ, спустился по лѣстницѣ.

— Да, да,— продолжала она:— я непременно выѣду отсюда на будущей недѣлѣ. Такъ и скажи Воклеру.

Я былъ взволнованъ, и ничего не отвѣчалъ, но не успѣлъ переступить черезъ порогъ, какъ дверь съ шумомъ захлопнулась. Я очутился одинъ среди пустынной авиньонской площади и, взявъ ружье на плечо, отправился пѣшкомъ въ Парижъ.

Дойдя до этого мѣста своего разказа, старый Паскаль остановился:

— Ну, друзья мои, пора намъ и расходиться.

— Но завтра вы намъ расскажете, что видѣли въ Парижѣ?— воскликнулъ Матеронтъ:—вѣдь вы остановились на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Конечно, конечно,—отвѣчалъ Паскаль, уже шагая по улицѣ.

V.

На пути.

Во время ужина мой отецъ сказалъ:

— Мнѣ принесутъ масло въ десять часовъ вечера, и надо, чтобы ктонибудь принялъ его здѣсь, а я буду на мельницѣ.

— Хорошо, я останусь дома,—отвѣчалъ дѣдъ:—и посмотрю, чтобы рабочіе хорошо наполнили всѣ кувшины.

— Такъ, значитъ, мы не пойдѣмъ на посидѣлки?—воскликнулъ я съ отчаяніемъ:—а сегодня старый Паскаль будетъ рассказывать о своемъ походѣ въ Парижъ.

— Однако мы не можемъ же остаться на весь годъ безъ масла, потому что мальчугану хочется слушать какія-то сказки,—произнесъ отецъ, насупивъ брови.

— Ну, ну, ты пойдѣшь на посидѣлки съ дѣдомъ,—промолвила мать, сжалившись надо мной:—а я подожду рабочихъ и приму масло.

О добрая мать! Она была готова на все, чтобы только сдѣлать удовольствіе своему ребенку.

Дѣдъ зажегъ фонарь, и мы поспѣшно отправились.

Мы не даромъ торопѣлись, такъ какъ, войдя въ хижину, мы уже застали всѣхъ въ сборѣ, и Паскаль уже раскрылъ ротъ, чтобы продолжать свой разказъ.

— Я быстро шелъ по берегу Роны, выбирая самыя короткія тропинки. Небо было усѣяно звѣздами, а полная красноватая луна

походила на заходящее солнце. Рѣка тихо пробѣгала подѣ тѣнью тополей. Соловьи перекликались съ берега на берегъ. Въ травѣ блещѣли свѣтляки. По временамъ за изгородью слышался шепотъ молодыхъ дѣвушекъ и юношей, которые проводили прекрасную ночь подѣ чистымъ небомъ, вдали отъ своихъ жилищъ. Но ничто не могло меня остановить, и я не спускалъ глазъ съ видѣвшейся вдали опушки Вердетскаго лѣса. Меня только пугала мысль, чтобы я не опоздалъ, и чтобы марсельцы не ушли отсюда. Мнѣ казалось, что никакая радость, никакое счастье не могло сравниться съ тѣмъ, какое овладѣетъ мною, когда я встану въ ряды марсельцевъ и пойду на Парижъ, съ цѣлью прогнать правительство, которые измѣнило націи.

Передѣ самымъ Вердетскимъ лѣсомъ тянулась длинная канава, и я только что хотѣлъ перескочить черезъ нее, какъ раздался громкій голосъ.

— Кто идетъ?

— Другъ свободы!—отвѣчалъ я.

— Покажись, кто ты.

— Я Паскаль, авиньонскій волонтеръ.

— Знаю, знаю, мальчуганъ. Да здравствуетъ нація! А мы, чортъ возьми, думали, что ты пропадъ.

Въ ту же минуту со всѣхъ сторонъ: изъ канавы и изъ лѣса, повискакали марсельцы, въ томъ числѣ командиръ Муассонъ, капитанъ Гарнье и фельдфебель Воклеръ. Послѣдній бросился ко мнѣ, поднялъ меня на руки, какъ ребенка, и покрылъ поцѣлуями. Онъ не могъ отъ волненія ничего говорить, и мы оба плакали отъ радости. Командиръ же Муассонъ повторялъ нѣсколько разъ:

— Я уже хотѣлъ вернуться въ Авиньонъ и разыскать тебя. Меня все мучила мысль, что я отдалъ тебя негодяю нѣмцу.

— Ну, все обошлось хорошо! Не будемъ больше объ этомъ думать,—воскликнулъ Воклеръ, опуская меня на землю:—ты лучше расскажи, что съ тобою случилось. Да видѣлъ ли ты Лазули?

— Конечно, видѣлъ. Она передала мнѣ ружье, саблю и котомку.

И я рассказалъ всѣ свои похождения.

— Однако, намъ нечего терять времени,—произнесъ наконецъ Муассонъ:—вскорѣ взойдетъ солнце, и намъ пора выступать. Барабанщики, бейте походъ!

И подѣ громкіе звуки барабана Воклеръ не переставалъ повторять:

— Это невѣроятно! Это невозможно! А что тебѣ сказала Лазули?

— Она сказала, что на будущей недѣлѣ поѣдетъ въ дилижансѣ въ Парижъ, со своимъ маленькимъ Клярэ. Она насъ обгонитъ и будетъ ждать въ Парижѣ. Ей также хочется принять участіе въ борьбѣ.

— И прекрасно: намъ будетъ веселѣе, да и у меня отойдетъ большая забота. Но какъ ты пойдешь съ нами, Паскале? Ты вѣрно

очень усталъ, а мы намѣрены, не останавливаясь, сдѣлать шесть миль до Оранжа.

— Я нисколько не усталъ. Но зачѣмъ мы остановимся въ Оранжѣ?

Въ моей дѣтской головѣ составила мысль, что Парижъ недалеко, за горами, и что мы достигнемъ его въ одинъ переходъ.

Батальонъ выстроился и двинулся въ путь подъ звуки барабана и пѣніе марсельезы. Я шелъ тотчасъ послѣ барабанщиковъ, рядомъ съ тѣмъ федералистомъ, который носилъ по улицамъ Авиньона, въ родѣ знамени, декларацию правъ человѣка. Онъ былъ истинный марседецъ, добрый, веселый, всегда готовый на шутку. Звали его Саматъ. Я старался идти съ нимъ нога въ ногу и во все горло подтягивалъ: къ оружію, граждане!

— Хорошо, мальчуганъ! Молодецъ! — одобрительно произносили онъ.

И я увеличивалъ свои шаги и пѣлъ все громче и громче, думая, что меня слышатъ въ Авиньонѣ, даже въ родномъ селеніи, и что вся земля колыхается отъ нашихъ шаговъ, отъ звуковъ нашего пѣнія.

При восходѣ солнца мы прошли черезъ маленькую деревню Соргъ. Всѣ обитатели ея, мужчины и женщины, повыскакали съ постелей и смотрѣли на насъ въ окна. Молодежь рукоплескала, посылала намъ поцѣлуи и кричала:

— Да здравствуютъ марсельцы! Долой тирановъ!

Только старыя морщинистыя лица отвергивались отъ насъ и съ крестнымъ знаменіемъ закрывали окошки и плевали намъ вслѣдъ.

За Соргомъ потянулись поля, покрытыя золотистою жатвою, и къ полудню мы достигли Оранжа. Насъ встрѣтило все населеніе, съ мэромъ, или, какъ тогда онъ назывался, съ консуломъ во главѣ. При входѣ въ городъ Саматъ снова развернулъ свое импровизованное знамя и попрежнему заставлялъ прикладываться къ нему всякаго, кто не кричалъ: «да здравствуетъ нація». Я былъ внѣ себя отъ восторга и, выступая впереди баталіона, думалъ съ гордостью, что всѣ глаза въ этомъ новомъ для меня городѣ сосредоточены на мнѣ.

Въ ратушѣ консулъ произнесъ безконечную рѣчь, изъ которой никто не понялъ ни слова, такъ что наконецъ одинъ изъ марсельцевъ, по имени Морганъ, громко перебилъ его:

— Хорошо, хорошо, консулъ. Вы говорите краснорѣчиво, да у насъ горло пересохло. Дайте-ка намъ лучше вина. Да здравствуетъ нація!

Всѣ засмѣялись и захопали, а консулъ добродушно отвѣтилъ:

— Я вижу, друзья, въ чемъ дѣло. Вамъ хочется поскорѣе промочить горло. Ну, пойдите на триумфальную площадь. Тамъ васъ ждетъ доброе вино и хорошій хлѣбъ. Да здравствуетъ нація!

Возстановивъ свои силы, мы разбрелись вдоль аллеи, усаженной тополями, и каждый, какъ умѣлъ, приютился для отдыха. Кто спалъ лежа, кто дремалъ сидя. Я также прилежъ рядомъ съ Воклеромъ, положивъ голову на свою котомку и не выпуская изъ рукъ ружья. Я вскорѣ заснулъ и во снѣ пережилъ всѣ ужасы моихъ походе- ній въ Авиньонъ, а когда я въ испугѣ открылъ глаза и схватилъ за руку Воклера, то представьте мое изумленіе: по парижской до- рогѣ быстро катился экипажъ маркиза Амбрена, запряженный кров- ными лошадьми.

— Что случилось?—спросилъ Воклеръ.

— Посмотрите вонъ на тотъ экипажъ. Тамъ сидитъ маркизъ Ам- брень, а на козлахъ Сурго.

— Неужели! Жаль, что мы раньше не видѣли.

То же подтвердилъ подошедшій къ намъ Муассонъ.

— Вотъ пропустили-то хорошій случай!—воскликнулъ онъ,—мы взяли бы ихъ трехъ прекрасныхъ лошадей и повезли бы на нихъ наши пушки.

Между тѣмъ капитанъ Гарнье приказалъ выступать. Раздался барабанный бой, и мы вышли изъ города среди восторженныхъ криковъ всего населенія.

Совершенно иное зрѣлище представила деревня Морна, чрезъ которую намъ пришлось пройти при закатѣ солнца. Всѣ двери и окна были затворены, и нигдѣ не виднѣлось ни одного обитателя. Только испуганныя куры бѣгали по дорогѣ, громко кудахтая.

— Вотъ тебѣ и на!—произнесъ Самать, который напрасно раз- вернулъ свою декларацію, такъ какъ некому было къ ней прикла- дываться.

— Чортъ возьми! Куда дѣвались всѣ жители?—кричалъ во все горло Морганъ, ударяя прикладомъ ружья по дверямъ и оконнымъ ставнямъ.

Однако, покинувъ это пустынное селеніе, мы все-таки продол- жали слышать кудахтанье куръ, и, обернувшись, я увидаль, въ чемъ дѣло.

Нѣкоторые изъ федералистовъ, взбѣшенные тѣмъ, что никого не было въ селеніи, погнались за курами, наловили ихъ достаточ- ное количество и, безжалостно проткнувъ ихъ штыками или саб- лями, несли съ собой въ видѣ трофеевъ. Несчастныя куры огла- шали воздухъ жалобными воплями, а солдаты только смѣялись.

Мало-по-малу смерклось. Уже болѣе не слышно было ни гвѣнія, ни разговоровъ, а мы все шли и шли.

Неожиданно вдали на дорогѣ показался какой-то маленькій свѣтъ. Тотчасъ общее вниманіе обратилось на него, и каждый изъ насъ старался по-своему объяснить его происхожденіе.

— Это дилижансъ!—кричалъ одинъ.

— Это карета,—говорилъ другой.

— Это блуждающій огонекъ,—увѣрялъ третій.

Огонекъ все приближался, и наконецъ мы увидали передъ собою человѣка съ фонаремъ. Онъ неистово махалъ руками, какъ бы преграждая намъ дорогу, и кричалъ изо всѣхъ силъ:

— Взмилуйтесь! Взмилуйтесь! Мы добрые патриоты, но бѣдники. Пожалуйте насъ! Мы вамъ дадимъ все, чего вы потребуете, только не губите насъ!

— Но кто вы такой?—спросилъ Самать, взявъ изъ рукъ незнакомца фонарь и разсматривая его съ ногъ до головы:—кто вамъ сказалъ, что мы разбойники и хотимъ вамъ зла.

— Я консулъ Пьерлаты и, прежде чѣмъ покинуть селеніе, его жители сказали мнѣ: дайте имъ вдоволь ѣсть и пить. Я все это сдѣлаю, только не жгите нашихъ домовъ и не губите нашего имущества.

— Дуракъ,—отвѣчалъ Морганъ, среди общаго хохота, который невольно возбуждался уморительной фигурой консула, дрожавшаго, какъ въ лихорадкѣ:—за кого ты насъ принимаешь? За разбойниковъ, за убійцъ? Скажи своимъ пьерлатинцамъ, что мы патриоты, и что намъ хватитъ двухъ бочекъ вина.

— Они всѣ спаслись бѣгствомъ на ронскіе острова, какъ только проѣхалъ экипажъ.

— Какой экипажъ?

— Не знаю. Какой-то экипажъ остановился вечеромъ на нашей площади, и возница громко крикнулъ, не сходя съ козелъ: «добрые люди, спасайтесь; марсельскіе разбойники идутъ сюда, и завтра вы будете всѣ убиты, а дома ваши разграблены». Онъ не прибавилъ ни слова, и экипажъ умчался.

— Мы знаемъ этого экипажъ, — замѣтилъ Воклеръ, обращаясь къ командиру:—мы найдемъ его въ Парижѣ и маркиза также.

— Хорошо, хорошо,—перебилъ его Морганъ:—ну, гражданинъ консулъ, у васъ въ рукахъ фонарь, и вы насъ проводите въ погребъ, въ которомъ болѣе всего вина. Большаго мы отъ васъ ничего не потребуемъ.

— Съ удовольствіемъ,—произнесъ старикъ и пошелъ впереди баталіона, бормоча себѣ подъ носъ:—еслибъ они это знали, то никогда не скрылись бы на ронскихъ островахъ. А то они ушли всѣ и увели съ собою козъ, ословъ, муловъ, даже кроликовъ. И какъ женщины вопили, а дѣти плакали! Я одинъ остался. Я сказалъ себѣ: ты консулъ, и пусть тебѣ отрубятъ голову, но ты долженъ исполнить свой долгъ.

— Что ты тамъ ворчишь, старикъ?—спросилъ Морганъ:—скоро ли мы дойдемъ до твоего погреба?

— Сейчасъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько шаговъ онъ остановился передъ запертой дверью.

— Это самый богатый погребъ въ селеніи,—сказалъ онъ:—но они унесли съ собой ключъ.

— Не безпокойтесь объ этомъ, гражданинъ консулъ!—воскликнулъ Морганъ:—у насъ есть ключи для всякой двери. Эй, Пеллу! Давай сюда телѣгу съ кузницей. Мы откроемъ любой замокъ, хоть въ королевскомъ дворцѣ въ Парижѣ!

Пеллу, служившій пушкаремъ въ отрядѣ, тотчасъ распорядился, чтобы пододвинули къ дверямъ телѣгу съ кузнечными принадлежностями; восемь человекъ впряглись въ нее и съ такой силой ударили задкомъ телѣги въ дверь, что та слетѣла съ петель. Мы всѣ бросились въ погребъ и въ одну минуту выбили дно у большой бочки съ виномъ; затѣмъ всякій, какъ умѣлъ, сталъ черпать изъ нея вино и пить. Когда всѣ знатно перепились, то легли спать на кучахъ соломы, лежавшей на площади селенія. Я послѣдовалъ общему призыву и скоро заснулъ.

На зарѣ командиръ, капитанъ и фельдфебель Воклеръ, воздержавшіеся отъ вина и прокараулившіе насъ всю ночь, забили тревогу. Въ одну минуту мы всѣ вскочили и были готовы къ походу.

Командиръ построилъ свой баталіонъ въ порядкѣ и, выйдя впередъ, произнесъ громкимъ голосомъ:

— Я знаю, что вы добрые патріоты, и что вы исполните свой долгъ, не боясь смерти. Друзья мои, отечество въ опасности: Франція погибаетъ, и правительство измѣнило народу, вступивъ въ союзъ съ чужестранцами. Вы хорошо сдѣлали, что отдохнули, но теперь ускоримъ свои шаги и пойдемъ прямо на Парижъ, гдѣ покажемъ, что такое красные юга.

Со всѣхъ сторонъ раздался единодушный крикъ:

— Да здравствуетъ нація!

Командиръ обратился тогда къ пьерлатскому консулу, который не отставалъ отъ него ни на шагъ:

— Гражданинъ консулъ, ты скажешь жителямъ Пьерлаты, что люди марсельскаго батальона такіе же сыны земли и такіе же работники, какъ они сами. Они идутъ въ Парижъ, чтобы уничтожить тиранію, но по дорогѣ ведутъ себя, не какъ разбойники, а какъ честные люди, платящіе за все, что берутъ.

Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана какую-то бумагу и подалъ консулу.

— Это національный билетъ, по которому вы получите изъ казначейства деньги за выпитое вино и произведенные убытки.

Обрадованный консулъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и снова отъ волненія дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Барабаны били между тѣмъ походъ, и батальонъ отправился по дорогѣ въ Парижъ, распѣвая марсельезу.

Теперь я шель въ арберггардѣ, подлѣ фельдфебеля Пеллу. Мнѣ хотѣлось вступить съ нимъ въ разговоръ и добиться, чтобы мнѣ

дозволили тащить пушку, так как это придавало бы мне большее значение, и никто бы после этого не стал бы называть меня мальчишкой. Но не успел я заикнуться об этом, как Пеллу поспешно воскликнул:

— Нет, твоя очередь еще придет. До Парижа далеко—ты и так устанешь, неся ружье, саблю и котомку.

Я покраснел и ничего не отвечал. В эту минуту какая-то курица, случайно попав в ряды солдат, стала метаться во все стороны, громко кудахтая. Конечно, солдаты старались ее поймать, но долго без успеха, и я не отставал от них. Наконец мне удалось вонзить в нее штык, и я с гордостью понес ее на своем ружье.

Товарищи с завистью говорили друг другу:

— Вот мальчишка-то достал курицу, молодец!

Но когда Воклер увидел меня, то, нахмурив брови, спросил:

— Чья эта курица?

— Моя.

— А ты заплатил за нее?

— Нет?

— Значит, ты ее своровал. Чтобы этого больше никогда не случилось!

Мне стало очень стыдно. Воклер был прав: действительно я своровал курицу и, может быть, у очень бедного человека. Что мне было с нею делать? С этими мыслями я опередил батальон и снова примкнул к Самату и Моргану. Чтобы скрыть свое смущение, я стал петь изо всей силы: «Идем, родины сыны!»...

— Ах, это ты,—сказал Самат:—откуда это ты достал такую прелестную пулярдку? А у нас-то, бедняков, ничего нет.

— А вам бы хотелось такой пулярдки!—воскликнул я, и в ту же минуту перекинул курицу на его штык.

— А мальчуган-то не дурак: он хочет, чтобы я понес ему курицу. Ну, да не беда: я ее сжарю, а съдим-то мы ее все вместе.

И мы в три голоса затянули:

«Идем, родины сыны!»...

Я был вне себя от радости. У меня с груди словно свалилась гора, и я весело шел то во главе, то в арьергард батальона, громко распевая марсельезу.

Наконец мы вошли в маленький городок Монтелимарь. Все улицы кишели народом. На клуб патриотов развѣвался красный флаг. Мы расположились биваком на берегу рѣки, изжарили курицу, потоварищески съѣли ее все вместе, а потом, растянувшись на травѣ, заснули крепким сном.

Отдохнув и восстановив свои силы, мы после заката солнца снова пустились в путь, а добрые граждане Монтелимара наградили нас всякаго рода провизией.

Мы шли, не останавливаясь, всю ночь. Хотя было очень тепло, даже жарко, но я, съ каждымъ шагомъ, замѣчалъ, что мы удалялись отъ юга и приближались къ сѣверу. Уже не видно было ма-сличныхъ деревьевъ, а вишневые уже отцвѣли.

Видя эту разительную перемену въ природѣ, я невольно восклицалъ:

— Значить, мы ушли очень далеко?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Морганъ:—намъ еще придется много маршировать, ну, да ничего: если не въ пятнадцать, то въ двадцать дней дойдемъ до Парижа и зададимъ ходу измѣнникамъ.

На слѣдующій день мы прошли мимо Воланса, но не остановились тамъ, такъ какъ командиръ торопился въ Парижъ. Покрытые пылью, усталые, но бодрые и съ лавровыми вѣтками на ружьяхъ, шляпахъ и колпакахъ, мы гордо продефилировали передъ испуганными жителями города, не знавшими, были ли мы друзья, или враги.

Къ вечеру мы разбили лагерь въ Карнапскомъ лѣсу, а на слѣдующій день попрежнему все шли, шли. Тяжело, невыносимо было идти не останавливаясь, но мы знали, что въ концѣ концовъ насъ ждетъ торжество свободы, и это сознаніе придавало намъ новыя силы.

При проходѣ мимо полей, на которыхъ происходила жатва, мы заговаривали съ поселянами, хотя едва понимали ихъ скверный акцентъ, такъ рѣзко отличавшійся отъ нашего южнаго. Они съ удивленіемъ смотрѣли на насъ, а мы весело подпучивали надъ ними.

При закатѣ солнца, показался вдали городъ Вьена, съ его громаднымъ соборомъ св. Маврикія.

Неожиданно у меня явилось желаніе войти въ этотъ городъ, везя на себѣ пушку. Я незамѣтно отсталъ отъ своихъ товарищей во главѣ батальона и присоединился къ арьергарду.

— Эге,—сказалъ я, обращаясь къ одному изъ молодцовъ, которые, пыхтя и съ трудомъ переводя дыханіе, тащили пушку:—видно, это дѣло не легкое?

— Да вотъ попробуй, мальчуганъ, такъ и увидишь.

— Съ удовольствіемъ.

Я положилъ ружье и саблю на телѣгу, а марселецъ уступилъ мнѣ свою лямку.

— Тише, тише!—воскликнулъ Пеллу, видя, съ какимъ усердіемъ я принялся за дѣло:—не тани такъ шибко, а то разорвешь лямку. Чего храбришься? Всегда успѣешь околѣть отъ усталости!

Я понялъ, что надо мной шутять, и продолжалъ тянуть изо всей силы.

Мало-по-малу мы поднялись въ гору, на которой стоитъ городъ. Колокола въ немъ гудѣли, изъ пушекъ на укрѣпленіяхъ стрѣляли, и пестрая толпа вышла къ намъ на встрѣчу. Это были праздники

Федерации—14-го іюля. Улицы кишѣли народомъ, и мы съ трудомъ пробивали себѣ дорогу. Я всячески старался обратить на себя вниманіе, и какъ только замѣчалъ группу молодыхъ дѣвушекъ, то гордо поднималъ свое раскраснѣвшееся лице и громко кричалъ: да здравствуетъ нація! Когда какая нибудь молодая дѣвушка восклицала, указывая на меня пальцемъ: посмотрите, какой онъ страшный, то я приходилъ въ восторгъ, но, напротивъ, краснѣлъ отъ стыда, услыхавъ замѣчаніе: да это мальчишка, у него нѣтъ и бороды.

Весь вечеръ мы провели въ веселой попойкѣ съ мѣстными патриотами.

На слѣдующее утро, прежде, чѣмъ выступить изъ города, нашъ баталіонъ прошелъ торжественнымъ маршемъ передъ алтаремъ Федерации, который былъ воздвигнутъ на площади, и, остановившись передъ нимъ, мы всѣ преклонили колѣна при пѣніи того куплета марсельезы, который начинается словами:

Любовь къ родинѣ святая...

Едва кончили мы пѣніе, какъ показался отрядъ школьниковъ, подъ предводительствомъ аббата. Они, такъ же, какъ мы, преклонили колѣна передъ алтаремъ и запѣли марсельезу, но такой ея куплетъ, котораго мы еще не слышали:

Пойдемъ и мы за ними,
Какъ исчезнуть старикн...

О, друзья мои! Еслибъ вы только видѣли это зрѣлище? Всѣ взрослые и дѣти были внѣ себя отъ восторга; на глазахъ у каждаго выступили слезы. Каждый изъ насъ взялъ на руки по школьнику и осыпалъ его поцѣлуями. Командиръ Муассонъ обнималъ аббата, исполнявшаго обязанности школьнаго учителя, и громко говорилъ ему:

— Спасибо, что вы научили насъ новому куплету. Вы сами, кажется, его сочинили; за это еще большее спасибо. Мы споемъ въ Парижѣ на развалинахъ замка этотъ гимнъ вашихъ дѣтей.

— Вашъ патриотическій гимнъ воодушевилъ меня, — отвѣчалъ аббатъ со слезами на глазахъ: — я никогда не слыхалъ ничего столь торжественнаго, столь вдохновеннаго. Да благословить васъ Господь и да даруетъ вамъ побѣду надъ врагами родины!

Барабаны забили походъ, и мы двинулись при общемъ громкомъ пѣніи:

Идемъ, родины сыны!..

Все населеніе Вьены слѣдуетъ за нами, оглашая воздухъ радостными криками. Я попрежнему везъ на себѣ пушку, а бѣжавшіе вокругъ меня ребятишки несли кто ружье, кто саблю, кто котомку. Такъ какъ мы шли быстро, то дѣтямъ пришлось бѣжать, чтобы не остаться позади. Мы съ удовольствіемъ смотрѣли на ихъ веселыя, оживленныя лица и болтали съ ними, пока го-

родъ не исчезъ изъ нашихъ глазъ; и мы тогда объявили, что имъ пора вернуться домой. Они грустно распрощались съ нами и долго смотрѣли намъ вслѣдъ, а потомъ дружно двинулись обратнo въ городъ, громко распѣвая новый куплетъ маленькаго аббата.

Пойдемъ и мы за ними,
Какъ исчезнуть старики!..

Тогда нашъ командиръ остановилъ батальонъ и произнесъ съ глубокимъ чувствомъ:

— Прислушивайтесь, друзья, къ этому пѣнію. Вы слышите въ послѣдній разъ голосъ южныхъ патриотовъ. Теперь мы вступили въ сѣверную часть Франціи, гдѣ обитаютъ анти-патриоты, которые радостно встрѣчаютъ иноземцевъ, призванныхъ для противодѣйствія революціи. Покажемъ этимъ аристократамъ, кто мы и чего мы хотимъ. Пусть они знаютъ, что насъ ничто не остановитъ, и что нашъ лозунгъ — свобода, или смерть.

Снова забили барабаны, и снова мы пустились въ путь.

Три дня и три ночи шли мы безъ отдыха, утоляя жажду водой изъ ручьевъ и дремля на ходу, такъ какъ постоянные туманы и роса не дозволяли прилечь на траву. Наконецъ мы проплыли, не останавливаясь, Лионъ и Вильфраншъ, и только на тѣнистыхъ берегахъ Ардьеры отдохнули нѣсколько часовъ подъ припекомъ солнца. Всѣ разбрелись въ разныя стороны: кто вытянулся подъ вѣтвями ивы, кто купался въ свѣтлой водѣ, кто, усѣвшись на землю, грызъ свой кусокъ хлѣба, натертый чеснокомъ. Лишь я одинъ остался на мосту св. Иоанна, у пушекъ, такъ какъ, по словамъ Воклера, въ это время могъ проѣхать по мосту дилижансъ, въ которомъ находились Лазули и маленькій Кларе.

Чтобы не заснуть и не проѣзжать дилижанса, я уѣлся на тумбу и, развязавъ свою котомку, сталъ любоваться своими пистолетами, которые мнѣ ужасно нравились. Неожиданно я услышалъ звонъ колокольчиковъ и подумалъ, не приближается ли дилижансъ; но это оказалось маленькое стадо въ дюжину овецъ, за которыми ковылялъ старый пастухъ. Увидавъ меня, онъ подошелъ и спросилъ, какъ ему ближе пройти къ парому черезъ Рону.

— Не знаю, — отвѣчалъ я: — я не здѣшній.

— Кто же ты и куда ты идешь? Ты, кажется, слишкомъ молодъ, чтобы быть національнымъ гвардейцемъ.

— Я патриотъ и федералистъ. Я иду съ марсельскимъ баталіономъ, чтобы образумить правительство.

— Что ты! Во главѣ правительства стоитъ нашъ добрый король, нашъ общій отецъ. А гдѣ же твой баталіонъ?

— Вотъ наши пушки, а тамъ на берегу отдыхаютъ наши солдаты. Я же стою на часахъ.

— Пресвятой Боже! — произнесъ старый пастухъ, поднимая руки къ небу: — неужели нашлись люди, которые увѣрили тебя, что надо

образумить королевское правительство? Послушай, голубчикъ, ты идешь по дурному пути, въ концѣ котораго зияетъ адская бездна. Я добрый патріотъ и увѣряю тебя, что тебѣ лучше пасти овецъ по моему примѣру, чѣмъ подвергаться грозящимъ тебѣ опасностямъ. Хочешь, поступаай ко мнѣ въ помощники, я дамъ тебѣ хорошую поденную плату на пути до Альпъ, а тамъ я подѣлю съ тобой мое стадо, и ты наживешь маленькій капиталецъ.

— Мнѣ покинуть свой баталіонъ? Никогда!.. Вы можете мнѣ предлагать всѣхъ овецъ на свѣтѣ и наполнить мои карманы золотомъ, но я не пойду за вами. Да здравствуетъ нація!.. Свобода, или смерть!

— Бѣдный ребенокъ, бѣдный ребенокъ! Кто это тебѣ такъ свернулъ голову? Несчастный, въ твои ли года говорить о смерти? Развѣ въ твоемъ селеніи нѣтъ патера, что ты такъ дерзко нарушаешь христіанскій законъ?

— Нѣтъ. Въ нашемъ селеніи есть патерь, добрый господинъ Рандулэ, и онъ мнѣ спасъ жизнь, вырвавъ изъ рукъ маркиза и его лѣсника, которые хотѣли меня изрубить.

— Такъ во имя этого святого человѣка, спасаго тебѣ жизнь, выслушай меня. Возьми вотъ этотъ образокъ Богородицы и поклянись, что ты никогда съ нимъ не разстанешься: Святая Дѣва предохранитъ тебя отъ всѣхъ несчастій.

Съ этими словами старый пастухъ открылъ набалдашникъ своего посоха и высыпалъ на ладонь руки дождь маленькихъ образковъ и золотыхъ монетъ. Онъ выбралъ одинъ изъ образковъ, поцѣловалъ его и подалъ мнѣ вмѣстѣ съ золотой монетой:

— Этотъ образокъ, — сказалъ онъ: — предохранитъ твою душу отъ растленія, а золото предохранитъ твое тѣло отъ голода и нужды. Если же ты когда нибудь попадешься въ руки тѣхъ, которыхъ ты называешь злыми людьми и анти-патріотами, то покажи имъ этотъ образокъ, и онъ тебя предохранитъ отъ смерти. Только, смотри, никому не говори о встрѣчѣ со мной. Ну, прощай. Я тороплюсь. Христосъ съ тобой!

Онъ потрепалъ меня по щекѣ, какъ дѣлывалъ патерь Рандулэ, и перекрестилъ мнѣ лобъ. Затѣмъ онъ быстро удалился со своими овцами, бормоча подъ носъ:

— Бѣдный ребенокъ, бѣдный ребенокъ!

Я былъ такъ удивленъ всѣмъ этимъ, что даже не поблагодарилъ его и молча смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ не исчезъ изъ моихъ глазъ по другую сторону дороги. Тогда я уложилъ свои вещи и снова увязалъ котомку.

Прошло нѣсколько времени, и снова послышался шумъ, но совершенно иного рода, именно лошадиный топотъ. Еще минута, и на меня налетѣли четыре жандарма въ треуголкахъ съ кокардами, съ обнаженными саблями и пистолетами за поясомъ.

— Гражданинъ-патріотъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ, останавливаясь прямо передо мной:— не видалъ ли ты стараго пастуха съ двѣнадцатю овцами?

Кровь прилила къ моей головѣ, и, боясь, чтобы добрый старикъ не подвергся опасности, я отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— Жаль, а то, указавъ намъ, по какой дорогѣ онъ направился. ты спасъ бы отечество и революцію отъ ихъ злѣйшаго врага.

Тогда я пожалѣлъ свой рѣшительный отвѣтъ и старался его ступшевать.

— Я не видалъ его, но, если не ошибаюсь, то слышалъ на берегу звонъ колокольчиковъ его стада.

— Это навѣрное онъ!—воскликнули въ одинъ голосъ жандармы и поскакали во всю прыть по той самой тропинкѣ, на которой исчезъ пастухъ.

Я былъ очень смущенъ всѣмъ случившимся и не зналъ, что мнѣ дѣлать, сказать ли обо всемъ Воклеру или молчать. Во всякомъ случаѣ я чувствовалъ, что измѣнически поступилъ съ добрымъ человѣкомъ.

Между тѣмъ, мои товарищи стали мало-по-малу возвращаться въ ряды баталіона, и уже была близка минута выступленія въ походъ, какъ снова послышался звонъ колокольчиковъ, покрываемыхъ лошадинымъ топотомъ и громкими криками.

Дѣйствительно вскорѣ показались четыре жандарма и между ними связанный старикъ, который едва поспѣвалъ за ихъ лошадьми.

Въѣзжая на мостъ, жандармы махали саблями и кричали:

— Да здравствуетъ нація...

Мои товарищи окружили ихъ и засыпали вопросами.

— Что онъ сдѣлалъ?—спросилъ капитанъ Гарнье.

— Вы слишкомъ грубо съ нимъ обходитесь!—воскликнулъ Саматъ:—если онъ анти-патріотъ, то я заставлю его приложиться къ деклараціи правъ человѣка.

И онъ сталъ развѣртывать свое знамя.

— Это измѣнникъ! Онъ заслуживаетъ смерти! Да здравствуетъ нація!—отвѣчали жандармы въ одинъ голосъ.

Со всѣхъ сторонъ слышались различныя мнѣнія.

— Его сейчасъ надо судить и разстрѣлять,—говорилъ одинъ.

— Нечего расходовать пороха на измѣнника: для него хороша и веревка!—кричалъ другой.

— Въ рѣку его! въ рѣку!—оралъ изо всѣхъ силъ третій.

Среди общаго смятенія старикъ запатался и упалъ безъ чувствъ на землю. Жаль было смотреть на него. Я и нѣсколько товарищей подняли несчастнаго и посадили на тумбу. Пользуясь тѣмъ, что

жандармы совѣщались о томъ, какъ привязать своего плѣнника на одну изъ лошадей, я далъ ему выпить вина изъ моей фляжки.

Онъ открылъ глаза и, крѣпко пожавъ мнѣ руку, свазалъ шепотомъ, такъ что никто не слышалъ:

— Благодарю, дитя мое, Господь тебѣ воздастъ.

Жалкій видъ старика растрогалъ всѣхъ марсельцевъ, и они стали шептаться между собой, что ему слѣдовало возвратить свободу, если онъ не совершилъ никакого преступленія. Замѣтивъ это настроеніе, я рѣшился громко сказать жандармамъ:

— Этотъ старикъ полумертвый и не можетъ сдѣлать никакого зла. Какое намъ дѣло—патріотъ ли онъ, или нѣтъ. Оставьте его въ покоѣ, пусть онъ мирно пасетъ своихъ овецъ. Быть можетъ, это все, что онъ имѣетъ за душой, и, погубивъ его, вы пустите по міру его жену и дѣтей.

— Онъ правъ, мальчуганъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ въ рядахъ марсельцевъ.

— Онъ правъ?—воскликнулъ одинъ изъ жандармовъ, гнѣвно сверкая глазами:—вы сейчасъ увидите, какъ онъ правъ.

И жандармъ, соскочивъ съ лошади, бросился на старика и сорвалъ съ него грубый деревенскій плащъ.

Что же мы увидѣли? На старикѣ была прекрасная фіолетовая ряса католическаго прелата, съ дорогими кружевами и большимъ золотымъ крестомъ на груди.

— Несчастный старикъ, котораго вы такъ жалѣли,—продолжалъ жандармъ:—не кто иной, какъ епископъ Ментскій, монсиньеръ Кастеланъ. Онъ командуетъ двадцатью тысячами роялистовъ, стоящихъ лагеремъ въ Жалесѣ. И знаете, куда онъ шелъ, измѣнникъ? Онъ отправлялся къ эмигрантамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними и чужестранцами составить заговоръ противъ революціи. Что мои слова справедливы, вамъ докажетъ вотъ это.

Выхвативъ изъ рукъ старика его посохъ, онъ открылъ набалдашникъ и вынулъ изъ него, скрывавшійся подъ грудой образковъ и золотыхъ монетъ, свернутый пергаментъ, на которомъ былъ написанъ весь планъ заговора.

— Измѣнникъ! Подлецъ! Въ рѣку его, въ рѣку!—единодушно воскликнулъ батальонъ.

Со всѣхъ сторонъ поднялись на него кулаки, и жандармы, съ трудомъ отбивъ его, привязали къ хвосту одной лошади и такимъ образомъ спасли изъ рукъ разсвирѣпѣвшихъ патріотовъ, которые хотѣли его растерзать на мѣстѣ.

Когда они скрылись за изгородью, окаймлявшей дорогу, то раздался барабанный бой, и мы продолжали свой путь къ Парижу.

Всѣ болтали и смѣялись, радостно поздравляя отечество со счастливой поимкой епископа. Только одинъ я молчалъ, насупивъ брови. Образокъ и золотая монета жгли мой карманъ, хотя мнѣ все-таки

было жалко старика, какимъ бы измѣнникомъ онъ ни былъ. Мое горестное настроеніе еще болѣе поддерживалось жалобнымъ блеяніемъ овецъ, которыя уныло разбрелись во всѣ стороны, потерявъ своего хозяина.

Я попрежнему впрягся въ пушку. Долгій походъ уже началъ отзываться на многихъ изъ марсельцевъ, которые съ трудомъ шли подъ тяжестью своего вооруженія и ранцевъ. Нѣкоторые такъ утомились, что сняли сапоги и шагали босыми ногами по пыльной дорогѣ.

Мы теперь проходили по аристократической странѣ; попадавшіеся на встрѣчу люди смотрѣли на насъ косо; они всѣ отличались неприятными, блѣдными, подозрительными лицами, грязной одеждой и никогда не смѣялись, не болтали съ нами и не предлагали намъ вина. Напротивъ, они поворачивались къ намъ спиной, и когда мы проходили, то грозили намъ вслѣдъ кулаками. Ихъ хижины съ черными крышами, поля, засѣянные горохомъ, бобами и свекловицей, ихъ сѣрое небо, на которомъ солнце всегда тускло свѣтило изъ-за облаковъ тумана, однимъ словомъ все имѣло такой же мрачный, печальный и непривѣтливый видъ, какъ сами обитатели.

Поэтому мы цѣлыми часами шли молча, понутивъ голову, и не пѣли марсельезы. Командиръ Муассонъ и капитанъ Гарнье, видя наше унылое настроеніе, боялись, что мы придемъ къ мрачному разочарованію, и старались поддержать въ насъ одушевленіе разсказами о томъ, что всѣ горести народа тотчасъ прекратятся, какъ только мы явимся въ Парижъ.

— Намъ остается еще девять дней до Парижа,—прибавляли они:—и тогда у васъ будетъ вдоволь хлѣба, всѣ люди будутъ свободны, зерно составитъ принадлежность того, кто его сѣялъ, плоды фруктовыхъ деревьевъ—тѣхъ, которые прививали ихъ, а стада—стерегущихъ ихъ пастуховъ.

Для меня подобныя слова были излишни: я находился въ такомъ восторженномъ состояніи, что не чувствовалъ ничего—ни усталости, ни тяжести, и съ удовольствіемъ тащилъ бы не одну пушку, а двѣ. Конечно, мнѣ неприятно было видѣть, что нѣкоторые изъ старшихъ солдатъ батальона, оставившіе дома женъ и дѣтей, говорили другъ другу въ полголоса, какъ бы стыдясь своихъ словъ:

— Кто знаетъ, чѣмъ все это кончится?... Мы не думали, что до Парижа такъ далеко... Намъ, повидимому, расположатъ лагеремъ внѣ Парижа... Значитъ, мы напрасно совершили этотъ походъ.

При такихъ разговорахъ мое сердце сжималось, и, чтобы придать себѣ болѣе бодрости, я началъ громко пѣть Марсельезу, и другіе мало-по-малу присоединялись ко мнѣ, такъ что снова батальонъ принималъ живой, веселый и одушевленный видъ.

Дни шли, и мы миновали Масонъ, Турнэ, Шалонъ и Отенъ. Изъ послѣдняго города мы вышли въ пять часовъ вечера, и Вок-

леръ шелъ рядомъ со мною. Въ послѣднее время онъ сталъ очень печаленъ и озабоченъ.

— Я удивляюсь, — сказалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія: — что авиньонскій дилижансъ такъ долго насъ не догоняетъ. Не случилось ли съ нимъ какого нибудь несчастія?.. Я съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда увижу Лазули и маленькаго Кларэ. Не правда ли, они хотѣли отправиться съ первымъ авиньонскимъ дилижансомъ?

— Да, ваша жена говорила, что она перегонитъ насъ на дорогѣ.

— Правда, дилижансъ долженъ платить дань разбойникамъ въ Дамскомъ лѣсу, а королевскіе карабинеры еще опаснѣе разбойниковъ. Однако, если съ ними не случилось никакого несчастія, то, вѣроятно, они насъ догонятъ завтра въ Соліе, гдѣ мы проведемъ ночь, такъ какъ тамошніе жители — хорошіе патріоты.

Нашъ разговоръ неожиданно прервался, такъ какъ въ недалеко отстоявшей отъ дороги хижинѣ послышались громкіе женскіе и дѣтскіе крики:

— Помогите! Помогите!..

Тотчасъ пятеро или шестеро марсельцевъ бросились бѣгомъ къ хижинѣ чрезъ свекловичное поле, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Спустя нѣсколько минутъ, крики замолкли, и наши товарищи возвратились, ведя четырехъ узниковъ: одного толстаго, краснолицаго монаха и трехъ худощавыхъ сыщиковъ съ желтыми, какъ шафранъ, лицами. За ними шли старый поселянинъ съ женою и цѣлою ватагой дѣтей въ лохмотьяхъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ командиръ Муассонъ.

— Въ томъ, — отвѣчалъ Морганъ: — что этотъ монахъ привелъ трехъ сыщиковъ, чтобы схватить бѣднаго поселянина и подвергнуть его тяжелому наказанію, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не заплатилъ десятины со своей живности.

— Какъ, онъ еще смѣетъ требовать десятину! — воскликнулъ Самать: — вѣдь декларация правъ человека уничтожила всѣ тираническіе поборы. Значитъ, мы не во Франціи? — прибавилъ онъ, обращаясь къ монаху: — ахъ, ты негодяй, ахъ, ты жирная свинья! Мало того, онъ и его товарищи хотѣли отнять у бѣдныхъ людей послѣднюю корову, чтобы заплатить себѣ за будто бы понесенные убытки.

Мы всѣ подняли шумъ, и нѣкоторые изъ насъ даже стали вырывать изъ телѣги перекладыны, чтобы избить ими негодяевъ; но командиръ строго произнесъ:

— Странно видѣть теперь во Франціи такія дѣла, и надо подвергнуть узниковъ примѣрному взысканію. Раздѣньте этихъ антипатріотовъ догола и впрягите ихъ въ телѣгу съ кузнечными принадлежностями и пусть они тащатъ ее до Парижа, а ты, Морганъ, сядь на козлы, и если они станутъ отставать, то погоняй ихъ палкой.

Въ одно мгновеніе ихъ раздѣли и запрягли: монаха въ корень, двухъ сыщиковъ въ пристяжкѣ, а третьяго на вынось. Барабаны забили, и мы двинулись въ путь, а старый поселянинъ со своей семьей долго сморѣлъ намъ вслѣдъ съ удивленіемъ и не понимая, что случилось съ ними.

Въ сумерки мы добрались до маленькаго городка Соліе. Уже пошелъ двадцать шестой день съ тѣхъ поръ, какъ баталіонъ покинулъ Марсель. У всѣхъ солдатъ были большія всклокоченныя, запыленные бороды, и только мои щеки были гладки, какъ яйцо. Это обстоятельство меня очень огорчало и особенно теперь, когда намъ предстояло вступить снова въ страну патриотовъ. Намъ будутъ, конечно, устраивать праздники, а со мной станутъ обращаться по-прежнему, какъ съ ребенкомъ. Тутъ мнѣ пришла въ голову мысль сдѣлать себѣ искусственную бороду, и, собравъ горсть ежевики, я перепачкалъ себѣ подбородокъ и обѣ щеки.

Воклеръ сначала меня не призналъ, но потомъ размѣялся, и его хохоту заворили всѣ товарищи.

Въ этомъ видѣ я вступилъ въ Соліе. Все населеніе города вышло намъ на встрѣчу съ факелами, барабанами и трубами.

— Да здравствуютъ марсельцы!.. Да здравствуетъ нація! Долой тирановъ!..—слышалось со всѣхъ сторонъ.

Колокола били набать, а на площади, передъ церковью св. Сатурнина, былъ разведенъ большой костеръ, и много намъ стоило труда, чтобы отстоять монаха и трехъ сыщиковъ, которыхъ толпа хотѣла тотчасъ бросить въ огонь.

Для насъ было приготовлено вино и пища въ изобиліи. Но Воклеръ не принялъ участія въ этомъ импровизованномъ банкетѣ, а, взявъ меня за руку, выбрался изъ толпы.

— Пойдемъ на почтовую станцію,—сказалъ онъ:—и посмотримъ, не пріѣхалъ ли дилижансъ съ Лазули и ребенкомъ.

Миновавъ нѣсколько темныхъ переулковъ, мы вышли на большую парижскую дорогу и увидали фонарь надъ воротами почтовой станціи.

Мы вошли во дворъ, гдѣ стояло много телѣгъ, и двигались люди съ фонарями.

— Вонъ и авиньонскій дилижансъ!--воскликнулъ Воклеръ, указывая на громадный неуклюжій экипажъ, выкрашенный въ желтую краску, съ красными занавѣсками въ окнахъ.

Мы поспѣшили въ гостиницу и, миновавъ кухню, гдѣ жарились на вертелехъ индѣйки и большіе куски мяса, а такъ же суетились служанки съ тарелками и стаканами,—вошли въ столовую, гдѣ сидѣло за столами много народа. Прежде чѣмъ мы увидѣли Лазули, она уже обнимала Воклера, цѣловала его и говорила:

— Мой мужъ! Мой Воклеръ! Вонъ тамъ въ углу на скамейкѣ спитъ нашъ ребенокъ, пойдемъ разбудимъ его: онъ уже три дня со слезами спрашиваетъ отца.

Воклеръ былъ такъ взволнованъ, что молча послѣдовалъ за женой, и они стали съ трудомъ пробираться мимо столовъ. Я не отставалъ отъ нихъ, удивляясь, что Лазули со мной не поздоровалась.

Добравшись до ребенка, Лазули схватила его и стала трясти, восклицая;

— Кларэ! Кларэ, красавчикъ мой, проснись! Вотъ твой отецъ!

Но ребенокъ такъ заспался, что припалъ головой къ плечу матери и не открывалъ глазъ. Тогда отецъ, въ свою очередь, взявъ его на руки и сталъ горячо цѣловать. Мало-по-малу мальчуганъ проснулся и, узнавъ отца, потянулся къ нему съ улыбкой.

Я все ждалъ своей очереди. Наконецъ Воклеръ, указывая на меня, сказалъ ребенку:

— А ты, Кларэ, не видишь Паскалэ, который далъ тебѣ свой виноградъ, поцѣлуй его.

Но ребенокъ съ испугомъ отшатнулся отъ меня, словно увидалъ чорта съ рогами.

— Это Паскалэ!—воскликнула Лазули, хлопая въ ладони и смѣясь во все горло:—что онъ съ собой сдѣлалъ? Чѣмъ онъ это испачкалъ себѣ все лицо?

Тогда только я вспомнилъ, что я былъ весь замазанъ ежевикой, и побѣжалъ въ кухню, гдѣ вымылъ лицо холодной водой и теръ его такъ ревностно, что едва не сошла съ него кожа. Потомъ я вернулся въ столовую. На этотъ разъ Кларэ узналъ меня и весело поцѣловалъ. То же сдѣлала и его мать.

Воклеръ потребовалъ ужинъ, и они втроемъ сидѣли уже за отдѣльнымъ столомъ. Я подсѣлъ къ нимъ и сталъ слушать съ любопытствомъ рассказы Лазули о томъ, что происходило въ Авиньонѣ послѣ нашего ухода, и какъ она путешествовала въ дилижансѣ.

— Ты никогда не отгадаешь, кто ѣдетъ со мною въ Парижъ,—неожиданно воскликнула она:—я очень не рада этому сосѣдству и не говорила съ нею во всю дорогу.

— Да кто же такая?

— Старуха Жакрасъ, торговка рубцами. Ты знаешь, какая она злая и какъ всѣмъ грозитъ смертью своимъ громаднымъ ножомъ, который ее никогда не покидаетъ. Хотя я сама ее не боюсь, но мнѣ страшно за молодую дѣвушку, которую она, повидимому, сопровождаетъ въ Парижъ. Бѣдняжка дрожить, какъ осенній листъ, какъ только взглянетъ на нее страшная старуха. Тутъ что-то скрывается недоброе.

— Вы правы. Тутъ не безъ грѣха,—сказалъ возница дилижанса, который ужиналъ за сосѣднимъ столомъ и, услыжавъ слова своей пассажирки, всталъ и подошелъ къ ней:—говорятъ такіе ужасы объ этой старухѣ, что волоса встаютъ дыбомъ. Мнѣ еще въ Авиньонѣ рассказывали, что нѣсколько дней тому назадъ къ Ронскому мосту прибило связанное веревками тѣло молодого маркиза Роберти. Увѣ-

ряютъ, что старуха Жакрасть, съ двумя негодьями, выпотрошила его и потопила. Хуже того, рассказываютъ, что этотъ маркизь Роберти былъ женихомъ той самой барышни, которую она провожаетъ въ Парижъ. Повѣрьте мнѣ, что эта старая вѣдьма учинить какое нибудь новое преступленіе. Она или убьетъ бѣднаго невиннаго ребенка или, еще хуже, продастъ ее. И сама барышня, повидимому, чувствуетъ, что ей грозитъ несчастіе. Мнѣ говорили ея имя въ Авиньонѣ, да я забылъ. Однако,—прибавилъ возница:—намъ нечего терять времени. Черезъ полчаса мы отправимся въ путь.

Онъ всталъ и пошелъ во дворъ, чтобы накормить своихъ лошадей.

— Слышишь, Лазули?—сказалъ Воклеръ:—мы черезъ полчаса снова разстаемся. Выслушай меня со вниманіемъ и запомни все, что я тебя скажу. Какъ только ты пріѣдешь въ Парижъ, то прямо поиди къ моему старому хозяину, столяру Планшо, который живетъ въ Геменейскомъ переулкѣ, въ двухъ шагахъ отъ Бастильской площади, гдѣ остановится дилижансъ. Возница укажетъ тебѣ, куда идти, а когда ты найдешь Планшо, то скажи ему: «я жена Воклера, который жилъ у васъ и работалъ въ вашей мастерской; онъ идетъ въ Парижъ съ Марсельскимъ баталіономъ, для устройства дѣлъ революціи, и прислалъ меня впередъ, чтобы вы приготовили ему ту комнату, которую онъ занималъ у васъ, будучи работникомъ». Ты увидишь, что мой бывший хозяинъ приметъ тебя съ распростертыми объятіями и отдастъ въ твое распоряженіе свою кухню. Намъ будетъ очень хорошо у него, а главное, если случится несчастіе, то лучше лѣчить рану дома, чѣмъ въ казармѣ или въ больницѣ. Главное, не забудь Геменейскаго переулка. Повтори: Геменейскій переулокъ.

— Геменейскій переулокъ,—произнесла со смѣхомъ Лазули.

— А скажи, у тебя есть деньги?

— Какъ же! Я продала всѣ свои драгоценности и распятіе изъ слоновой кости еврею Натану. Вотъ пощупай—у меня внутри корсажа пришиты всѣ денежки. Нашъ возница увѣряетъ, что онъ заплатилъ дань всѣмъ разбойникамъ по дорогѣ въ Парижъ, но все-таки лучше принять предосторожности.

— Ты, жена—сокровище!—воскликнулъ Воклеръ и только что хотѣлъ поцѣловать ее, какъ вдругъ отскочилъ со словами:—что это такое? Наши барабаны бьютъ тревогу, и слышенъ колокольный набатъ. Вѣрно, что нибудь случилось! Паскаль, бери ружье. Прощай, Лазули, добраго пути! Прощай, мой маленькій Кларэ!

И онъ поцѣловалъ ребенка со слезами на глазахъ. Я сдѣлалъ то же, и мы оба выбѣжали изъ гостиницы.

Въ дверяхъ Воклеръ еще разъ обернулся и крикнулъ:

— Лазули, не забудь—столяръ Планшо въ Геменейскомъ переулкѣ!

Проходя черезъ коридоръ гостиницы, я слышалъ голосъ старухи Жакрасъ, которая кричала, высунувшись изъ двери:

— Подайте мнѣ кружку вина!

— Кабы тебя разнесло отъ вина, проклятая вѣдьма!— отвѣчала служанка, спѣша исполнить полученное приказаніе.

Мы бѣгомъ отправились къ сборному пункту баталіона, недоумѣвая о причинѣ тревоги. На улицахъ никого не было, и только слышался шумъ затворовъ ставней и дверей: это очевидно трусы запирались въ своихъ домахъ.

Вскорѣ мы очутились на церковной площади, гдѣ догоралъ костеръ, но все еще продолжались радостные крики и пѣніе. Нашимъ глазамъ представилось неожиданное зрѣлище. Баталіонъ стоялъ въ полномъ составѣ, готовый выступить въ походъ, а передъ нимъ находился верхомъ какой-то человѣкъ въ треугольной шляпѣ, съ золотыми на мундирѣ пуговицами, которыя блестѣли въ полутемнотѣ, такъ какъ отъ недавно пылавшаго костра оставались только тлѣвшіе уголья. Не успѣли мы занять мѣста въ рядахъ товарищей, какъ раздался барабанный бой, а затѣмъ мы дружно запѣли марсельезу, и намъ стала громко подтягивать окружающая насъ тысячная толпа.

Нѣсколько времени всадникъ стоялъ неподвижно; его конь нетерпѣливо рылъ землю копытами. Наконецъ онъ махнулъ рукой, и все затихло.

— Храбрые марсельцы,— произнесъ онъ громкимъ, яснымъ голосомъ:— я прискакалъ къ вамъ изъ Парижа, и вотъ что тамъ дѣлается: контръ-революціонеры, аристократы и придворные клеветы рассказываютъ, что вашъ баталіонъ состоитъ изъ тулонскихъ каторжниковъ, марсельскихъ бродягъ и корсиканскихъ разбойниковъ, что вы распяли стараго каноника на дверяхъ авиньонскаго клуба и четвертовали ментскаго епископа на Ардьерскомъ мосту. Еще многое другое говорятъ враги революціи. Король Капетъ и его правительство, вступившее въ союзъ съ чужестранцами для завоеванія Франціи, хотять помѣшать вамъ вступить въ Парижъ, чтобы легче открыть парижскія ворота нѣмцамъ и австрійцамъ. Если бы мы не остановили короля въ Варенѣ, то онъ теперь шолъ бы на Парижъ во главѣ ста тысячъ чужестранцевъ; къ нему спѣшили съ сѣвера тридцать пять тысячъ австрійцевъ, съ Эльзаса—пятнадцать тысячъ нѣмцевъ, съ Дофинэ—пятнадцать тысячъ итальянцевъ, съ Пиринеевъ—двадцать пять тысячъ испанцевъ, съ бугундской границы—столько же швейцарцевъ. Вся эта иноземная ватага подъ предводительствомъ короля и эмигрантовъ должна была возстановить старые порядки. Тогда прощай свобода! прощай права человѣка! Эти же самые антипатріоты хотять теперь не допустить васъ до Парижа, но они не знаютъ, что марсельцы не боятся ни желѣза ни огня, что вы идете

отомстить за прошедшее и обезпечить будущее французскаго народа. Впередъ, марсельцы, впередъ, патриоты, впередъ за свободу!

Съ этими словами всадникъ повернулъ свою лошадь и крикнулъ во все горло:

— Я поскачу впередъ и объявлю людямъ революціи и патриоту Барбару, что марсельскій баталіонъ идетъ форсированнымъ маршемъ на Парижъ. Да здравствуетъ нація!

— Да здравствуетъ Ребекки! Да здравствуетъ Барбару! Да здравствуетъ нація! Долой тиранію! — отвѣчаютъ ему въ одинъ голосъ марсельцы и толпа.

Но онъ уже пришпорилъ коня и исчезъ во мракѣ, по парижской дорогѣ.

Тогда снова раздается барабанный бой, и командиръ Муассонъ, обнаживъ свою саблю, восклицаетъ:

— Ребята! Марсельскій баталіонъ тотчасъ выступить въ путь и не остановится ни на минуту, прежде чѣмъ я не выстрою его передъ замкомъ короля Капета!

Баталіонъ отвѣчалъ ему дружнымъ пѣніемъ:

Идемъ, родины сыны!...

Мы двинулись, одушевленные патриотическимъ пыломъ первыхъ дней, а толпа, отпустивъ на свободу монаха и сыщиковъ, весело кричала:

— Убирайтесь къ чорту, трусы! Мы не хотимъ начкать рукъ вашей поганой кровью!

По дорогѣ я думалъ только объ одномъ: кто былъ всадникъ, который говорилъ такъ хорошо? Его называли Ребекки, и онъ явился изъ Парижа. Неужели тамъ говорили тѣмъ же языкомъ, какъ въ Авиньонѣ. А кто былъ также Барбару, о которомъ всѣ говорили, какъ о человѣкѣ, который можетъ спасти революцію?

Эти мысли не мѣшали мнѣ энѣргично тащить пушку. Никогда еще мы не шли такъ дружно и не обнаруживали такого энтузіазма и такого презрѣнія къ усталости, какъ въ эту минуту. Въ промежуткѣ между пѣніемъ марсельезы слыпались со всѣхъ сторонъ крики:

— Насъ не хотятъ пустить въ Парижъ! А мы войдемъ въ него! Насъ боятся, и мы покажемъ, что не даромъ!

На разсвѣтѣ мы прошли, распѣвая во все горло: «къ оружію, граждане», чрезъ большой городъ, названія котораго не помню. Тамъ королевская армія должна была пресѣчь намъ дорогу, но улицы были пусты, и нигдѣ не виднѣлось и слѣда солдатъ. Саматъ развернулъ свое знамя и, не видя никого передъ собою; кромѣ церковнаго сторожа, открывавшаго двери собора, подбѣжалъ къ нему и заставилъ дрожащаго отъ страха старика приложиться къ деклараціи правъ человѣка.

Цѣлый день мы шли безъ остановки, только однажды сдѣлавъ привалъ на нѣсколько минутъ у какого-то ручья, чтобы утолить

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНИЕ.

МАРТЪ, 1897 г.

	СТР.
I. Счастье поневоле. V. (Продолженіе). И. Н. Потапенко	777
II. М. А. Бакунинъ въ Итали въ 1864 году. Изъ воспоминаній Л. И. Мечникова.	807
III. Типы современной деревни. (Продолженіе). XIII. Пакоcтники. А. В. Круглова.	835
IV. Заокская Русь. (Соціологическо-описательный очеркъ). Гл. II. (Продолженіе). Графа Леливы (Е. Н. Матросова)	853
V. Тюремныя воспоминанія. Via dolorosa. (Этапъ). I—V. (Продолженіе). А. К.	875
VI. Институтъ Франціи. (По поводу столѣтія его существованія). А. А. Тилло.	901
VII. Княгиня Зинаида Александровна Волконская. I—VIII. Н. А. Бѣлозерской.	939
VIII. Кіевскіе безпорядки. (Изъ воспоминаній очевидца). А. М.	973
IX. Отъ Углича до Рыбинска. (Путевыя наброски). VIII—XI. (Окончаніе). И. Ф. Тюменева	995
<p>Иллюстраціи: 1) Упраздненный Ученскій монастырь. — 2) Городъ Мышкинъ. — 3) Села Глѣбовское и Ивановское. — 4) Старый соборъ въ Мологѣ. — 5) Аванасьевскій женскій монастырь въ Мологѣ. Часовня надъ могилою одного изъ игуменовъ прежняго Аванасьевскаго монастыря. — 6) Набережная въ Рыбинскѣ. — 7) Часть Рыбинскаго каравана.</p>	
X. Двѣ книги о свободѣ. Р. И. Сементовскаго.	1031
XI. Н. С. Лѣсковъ и его позднѣйшіе критики. А. И. Фаресова	1047
<p>Иллюстрація: Николай Семеновичъ Лѣсковъ.</p>	
XII. О древнемъ значеніи креста, въ эпоху до христіанства. А. И. Савельева	1077
<p>Иллюстраціи: 1) Древнія изображенія креста. — 2) Ассирійскій царь.</p>	
XIII. Мицкевичъ и Каролина Янишъ. К. Е. Храперича	1080
XIV. Александръ, I, какъ международный третейскій судья. В. А. Тмиразева.	1087
XV. Критика и библиографія	1095

1) В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб. 1897. Б. Никульскаго. — 2) Эрнестъ Лавассъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ А. Тимофеевой. Москва. 1897. И. Лоссаго. — 3) Сергій Жигаревъ. Русская политика въ восточномъ вопросѣ (ея исторія въ XVI—XIX вѣкахъ, критическая оцѣнка и будущія задачи). Историко-юридическіе очерки. Томъ I и II. Москва. 1896. П. Щ. — 4) Николай Сперанскій. Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Съ приложеніемъ автобіографіи Ф. Шлаттера. Москва. 1896. И. Х. — 5) Преподобный Георгій Студитъ и его время (759—826 гг.). Священника Василія Преображенскаго. Москва. 1896. Ш. — 6) Эд. В. Тэйлоръ. Первобытная культура (изслѣдованія развитія мифологии, философіи, религіи, языка, искусства и быта). Второе изданіе, исправленное и дополненное по 3-му англійскому изданію 1891 г. Подъ редакціей Д. А. Корольскаго. Томъ I—II. Спб. 1896—1897. А. И. — 7) Матеріалы по исторіи и географіи Дисненскаго и Виленскаго уѣздовъ Виленской губерніи. Изданіе А. Салунова и кн. В. Друцкаго-Любецкаго. Витебскъ. 1896. С. Ш. — 8) Сборникъ разсказовъ. Путеводитель. Поволжье, Приуралье и глѣбныя степи. Пути сообщенія, замѣчательныя мѣстности и особенности края, горно-заводск.,

См. слѣд. стр.

лѣчебн., промышленн., историческія и др. Карта путей Россіи. Планы бывшихъ столицъ, у г. Царева и с. Болгары. Рисунки, изображ. народныя типы, монеты, украшенія, зданія и т. п. Издавъ Ѳ. Суричь. Сборникъ первый. Слб. 1897. щ.—9) Е. К. Рѣдинъ. Мозаикъ Равенскихъ церквей. Слб. 1896. с.—10) Пуритане и Стюарты. С. Гардинера. Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Слб. 1896. Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV. О. Эйри. Изданіе О. Н. Поповой. Слб. 1896. А. Ф.—ва.—11) Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи и исторіи. 3-е (сокращенное) изданіе. Слб. 1897. щ.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1119

1) Труды по археологіи и классической старинѣ.—2) Византійская эпопея конца X вѣка.—3) Казнь Карла I.—4) Двухсотлѣтіе Дюль.—5) Гибонъ и миссъ Гольройдъ.—6) Любовь Гете къ прекрасной миланкѣ.—7) Юбилей Шуберта и Леопарди.—8) Письма графа Стефана Сечени о кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ.—9) Жизнь турецкаго султана въ Ильдызѣ.

XVII Изъ прошлаго 1138

Изъ старыхъ бумагъ. II. (Продолженіе). В. О. Михневича.

XVIII. Смѣсь 1145

1) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія.—2) Географическое общество.—3) Общество любителей древней письменности.—4) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—5) Палестинское общество.—6) Московское психологическое общество.—7) Даспутъ Е. К. Рѣдина.—8) Историческій документъ.—9) Некрологи: М. П. Озмидовъ; А. Н. Барановскій; И. И. Малышевскій; Н. А. Фаворовъ; С. С. Сеняцкій; Е. И. Красноперовъ; Н. Г. Курьяновъ.

XIX. Замятки и поправки. 1159

1) Къ статьѣ «Село Языково», В. Поливанова.—2) Историческая замятка о гербѣ города Варшавы. Гр. Воробьева.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ кн. Зинаиды Александровны Волконской;—2) Марсельцы. (Les Rouges du Midi). Повѣсть изъ временъ французской революціи. VI—VII. (Окончаніе). Феликса Гра.—3) Объявленія.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СТИХОТВОРЕНІЯ А. В. КРУГЛОВА.

Изыщно-изданный томъ въ 20 печ. листъ.

Цѣна безъ перес. 1 р. 25 к.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Выписывающіе прямо изъ типографіи Кушнера (Москва, Пименовская, собств. домъ) за пересылку не платягъ.

Бнигопродавцамъ обычная уступка.

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1897 года).

	стр.
Пандурочка. Историческій рассказъ. Графа Е. А. Салиаса	7
Воспоминанія барона Ф. Ф. Торнау	50, 419
Счастье поневодѣ. I.—V. И. Н. Потапенно	83, 448, 777
Замѣчательныя русскія женщины. Графиня М. А. Румянцева . (1698—1788). В. О. Михневича	112
Заокеанская Русь. (Соціологическо-описательный очеркъ). Гл. I—II. Графа Леливы (Е. Н. Матросова)	131, 478, 853
Тюремныя воспоминанія. I—IX и «Via dolorosa». (Этапъ). I—V. А. К.	161, 555, 875
Памяти императрицы Екатерины II . 1796—1896. Д. А. Нореанова	190
Отъ Углича до Рыбинска. (Путевые наброски). И. Ф. Тюменева . 207, 574, 995	
<p>Иллюстраціи: 1) Видъ Углича съ Волги.—2) Видъ Углича съ пристани.—3) Церковь св. Дмитрія царевича «на крови».—4) Пелена, вышитая, по преданію, царницей Маріей Теодоровной Нагой.—5) Мѣсто убіенія царевича Дмитрія, дощечка съ частицею его крови и гербъ Углича.—6) Преображенскій соборъ въ Угличѣ.—7) Дворецъ царевича Дмитрія въ Угличѣ до и послѣ реставраціи.—8) Угличскій ссыльный колоколь.—9) Фонарь XVII вѣка, сопровождавшій мощи царевича Дмитрія въ Москву и хранящійся въ Угличскомъ музее.—10) Древнее оружіе и утварь изъ коллекціи Угличскаго музея.—11) Соборъ въ Богоявленскомъ женскомъ монастырѣ.—12) Алексѣевскій монастырь.—13) Церковь св. Дмитрія царевича «на полѣ».—14) Церковь св. Николая въ Пѣтуховѣ.—15) Упраздненный Воскресенскій монастырь.—16) Церковь св. Іоанна Предтечи (Іоанна Убіеннаго).—17) Мѣсто погребенія Іоанна Убіеннаго въ церкви св. Іоанна Предтечи.—18) Часовня на мѣстѣ убіенія младенца Іоанна Чеполосова.—19) Покровскій монастырь.—20) Внутренность часовни надъ могилою убіенныхъ поляками иноковъ.—21) Упраздненный Ученскій монастырь.—22) Городъ Мышкинъ.—23) Село Глѣбовское и Ивановское.—24) Старый соборъ въ Мологѣ.—25) Аванасьевскій женскій монастырь въ Мологѣ.—Часовня надъ могилою одного изъ игуменовъ прежняго Аванасьевского монастыря.—26) Набережная въ Рыбинскѣ.—27) Часть Рыбинскаго каравана.</p>	
Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. С. Н. Шубинскаго	234
<p>Иллюстраціи: 1) Первоначальный видъ домика Петра Великаго въ Заандамѣ.—2) Внутренность домика Петра Великаго въ Заандамѣ.—3) Каменный чехоль, построенный надъ домикомъ Петра Великаго въ 1896 году.—4) Разрѣзъ каменнаго чехла и наружный видъ домика Петра Великаго въ настоящее время.</p>	
Загробный журналъ Пушкина. Б. Б. Глинскаго	241
Памяти А. П. Боголюбова . М. П—ова	280
<p>Иллюстраціи: 1) Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ.—2) Дворецъ въ Алуцкѣ.—3) Мониторы въ Кронштадтѣ.—4) Предѣстье Саратова.—5) Виньетка одного изъ писемъ А. П. Боголюбова къ В. В. Матѣ.</p>	

	стр.
Современныя женщины. В. Т.	287
иллюстраціи: 1) Мистриссъ Гумфри Вардъ.—2) Уида.—3) Матильда Серао.—	
4) Жипъ (графиня Мартель).—5) Г-жа Адавъ.—6) Мистриссъ Фосетъ.—	
7) Г-жа Дьелафуа.—8) Анна Моргенштернъ.—9) Елена Кей.	
«По машкерадной вольности». Быль XVIII вѣка. П. Н. Полевого	377
Бухарскія посольства при дворѣ Екатерины II. П. П. Шубинскаго.	520
Изъ записокъ московскаго старожила. А. А. Пороховщикова	539
Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. П. Н. Полевого	606
иллюстрація: Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ.	
Протоіерей П. Г. Лебединцевъ. (Некрологъ). Ө. И. Титова	613
Памяти М. О. Мигѣшина. А. М. Уманскаго	624
иллюстраціи: 1) Михаилъ Осиповичъ Мигѣшинъ.—2) Проектъ памятника князю Михаилу Сербскому.—3) Проектъ памятника Богдану Хмельницкому.—4) Проектъ памятника Петру Великому, въ память побѣды, одержанной надъ шведами 28-го сентября 1708 года.—5) Проектъ памятника Екатеринѣ II для Екатеринодара (передняя сторона).—6) Проектъ памятника Екатеринѣ II для Екатеринодара (задняя сторона).—7) Проектъ памятника Минину.	
Русскіе судебные ораторы. Б. Б. Глинскаго	652
Гладстонъ на закатѣ своихъ дней. В. Т.	686
иллюстраціи: 1) В. Е. Гладстонъ въ 1896 г.—2) Сентъ-Деніольская бібліотека и Сентъ-Деніольскій отель.	
М. А. Бакунинъ въ Италіи въ 1864 году. Изъ воспоминаній Л. И. Мечникова	807
Типы современной деревни. (Продолженіе). XIII. Пакоствники. А. В. Круглова	835
Институтъ Франціи. (По поводу столѣтія его существованія). А. А. Тилло.	901
Княгиня Зинаида Александровна Волконская. I—VIII. Н. А. Бѣлозерской	939
Кіевскіе безпорядки. (Изъ воспоминаній очевидца). А. М.	973
Двѣ книги о свободѣ. Р. И. Сементковскаго.	1031
Н. С. Лѣсковъ и его позднѣйшіе критики. А. И. Фаресова.	1047
иллюстрація: Николай Семеновичъ Лѣсковъ.	
О древнемъ значеніи креста, въ эпоху до христіанства. А. И. Савельева .	1077
иллюстраціи: 1) Древнія изображенія креста.—2) Ассирійскій царь.	
Мицкевичъ и Каролина Янишъ. Н. Е. Храневича.	1080
Александръ I, какъ международный третейскій судья. В. А. Тимирязева.	1087
КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ	324, 704, 1095

1) Профессоръ А. С. Алексѣевъ. Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. М. 1896.—Профессоръ А. Н. Филищовъ. Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ. (По поводу брошюры профессора А. С. Алексѣева. «Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ» etc.): М. 1896. п. щ.—2) Культурно-историческая бібліотека. Картины древне-римской жизни. Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Соч. Гастона Буасье, автора соч. «Паденіе язычества», «Цицеронъ и его друзья», «Римская религія при Августинахъ» и др. Переводъ съ французскаго Е. В. Дегена. Съ приложеніемъ статьи того же автора «Газета въ Римѣ», въ переводѣ Н. П. Новоборской. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896. н. Лосснаго.—3) А. Ө. Кони. За послѣдніе годы. Спб.

1896. в. у.—4) Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Пѣжинѣ. Томъ I. Кіевъ. 1896. в. Р.—ва.—5) Я. Колубовскій. Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на рускомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Годъ второй (1894). Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Москва. 1896. н. л.—аго.—6) Украинская Старина. Очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры. Профессора Д. И. Багалѣя. Харьковъ. 1896. мч.—7) Н. Н. Фирсовъ. Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII столѣтія. Казань. 1896. н. о.—8) Платонъ Фэдонъ. Переводъ Д. Лебедева. Изданіе «Посреднича» для интеллигентныхъ читателей. М. 1896. Р. с.—9) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга шестая, изданная подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1896. С. ш.—10) Власть тьмы въ царствѣ свѣта, разсказъ изъ временъ св. Іоанна Златоуста, соч. Ф. В. Феррара, пер. Лоухина. Спб. 1897. и. п.—11) Внѣшнія податки Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774. Изслѣдованіе Н. Д. Чечулина. Спб. 1896. п. н. Полевого.—12) Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ Эрнеста Лависса (и Альфреда Рамбо. Томъ первый: зачатки средневѣковаго строя (395—1095). Переводъ В. Невѣдомскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897. А. к.—13) Библіотека историческаго чтенія: 1) Смутное время и дворцовый переворотъ въ Константинополѣ. В. Теплова. Съ видами и портретами. Спб. 1897. в. т.—14) Л. Гейссеръ. Исторія французской революціи (1789—1799). Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора А. Грачевскаго. Изданіе 2-е. Спб. 1897. к. Лоссаго.—15) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Историческій очеркъ военной и государственной дѣятельности. Составили П. А. Гейсманъ и А. Н. Дубовской. Спб. 1897. в. п.—16) Кіевъ. Его святыни и памятники. Составилъ проф. Н. И. Петровъ. Редакція В. И. Шемкина. Спб. 1896. с. Ѳ. Гитова.—17) Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Ал. Лазаревскаго. Выпускъ III. Кіевъ. 1896. и. х.—18) Г. Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Томъ I. Англійская литература (1660—1770). Переводъ А. Н. Пыпина. Изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное по послѣднему, 5-му изданію подлинника. (Культурно-историческая бібліотека. Изд. О. Н. Поповой). Спб. 1897. А. к.—19) В. Е. Данциевичъ. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896. п. щ.—20) Русскіе люди въ Обѣтованной землѣ. Путевыя наблюденія и впечатлѣнія. Сост. Ѳ. Палеологъ. Спб. 1896. и. Переверзева.—21) Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. Соч. М. Ю. Лермонтова. Рисунки С. С. Соломова. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1897. с. ш.—22) Муранскій могильникъ. Изслѣдованіе В. Н. Поливанова. М. 1896. п. щ.—23) В. П. Авенариусъ. Голь-гимназистъ. Спб. 1897. в. б.—24) В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ византийскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб. 1897. б. Никольскаго.—25) Эрнестъ Лависсъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ А. Тимофеевой. Москва. 1897. к. Лоссаго.—26) Сергій Яи-гаревъ. Русская политика въ восточномъ вопросѣ (ея исторія въ XVI—XIX вѣкахъ, критическая оцѣнка и будущія задачи). Историко-юридическіе очерки. Томъ I и II. Москва. 1896. п. щ.—27) Николай Сперанскій. Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Съ приложеніемъ автобіографіи Ѳ. Платтера. Москва. 1896. и. х.—28) Преподобный Ѳеодоръ Студитъ и его время (759—826 г.г.). Священника Василія Преображенскаго. Москва. 1896. ш.—29) Эд. В. Тэйлоръ. Первобытная культура (изслѣдованія развитія міеологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаявъ). Второе изданіе, исправленное и дополненное по 3-му англійскому изданію 1891 г. Подъ редакціей Д. А. Корочевскаго. Томы I—II. Спб. 1896—1897. А. к.—30) Матеріалы по исторіи и географіи Дисненскаго и Вилинскаго уѣздовъ Виленской губерніи. Изданіе А. Сапунова и кн. В. Друцкаго-Любецкаго. Витчбскъ. 1896. с. ш.—31) Сборникъ разсказовъ. Путеводитель. Поволжье, Приуралье и лѣчебныя степи. Пути сообщенія, замѣчательныя мѣстности и особенности края, горно-заводск., лѣчебн., промышленн., историческія и др. Карты путей Россіи. Планы бывшихъ столицъ, у г. Царева и с. Волгары. Рисунки, изображ. народныя типы, монеты, украшенія, зданія и т. п. Издавъ Ѳ. Суричь. Сборникъ первый. Спб. 1897. щ.—32) Е. К. Рѣдинъ. Мозаики Равеннскихъ церквей. Спб. 1896. с.—33) Пуритане и Стюарты. С. Гардинера. Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Спб. 1896. Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV. О. Эйри. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896. А. Ф-ва.—33). Н. Карфевъ. Основные вопросы философіи и исторіи. 3-е (сокращенное) изданіе. Спб. 1897. щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . . 342, 723, 1119.

стр.

1) На какомъ языкѣ говорилъ Иисусъ Христосъ?—2) Англійскій и французскій папы.—3) Опроверженіе легенды о Фридрихѣ Варбаросѣ.—4) Женщина-перъ Франціи, въ XVII вѣкѣ.—5) Людовикъ XIII, какъ первый газетный корреспондентъ.—6) Англійскій дѣятель французской революціи.—7) Романтическая нѣмка начала XIX столѣтія.—8) Письма Виктора Гюго.—9) Греческій поэтъ Вахилідь.—10) Дьяволъ въ Великобританіи и Америкѣ.—11) Столѣтіе казни Лезюрга.—12) Бонапартъ и Гошъ въ 1797 году.—13) Наполеоніана.—14) Отношенія между Германіей и Россіей.—15) Шериданъ и его новая біографія.—16) Кардиналъ-соціалистъ.—17) Сентъ-Симонская школа и ея ученики.—18) Мемуары графини Дашъ.—19) Письма Тургенева къ Полинѣ Вярдо и Флоберу.—20) Книжки, статьи и лекціи о Россіи.—21) Русско-французскій безсмертный.—22) Воспоминанія Ф. Рембо о покушеніи Березовскаго на жизнь императора Александра II.—23) Труды по археологии и классической старинѣ.—24) Византійская эпопея конца X вѣка.—25) Казнь Карла I.—26) Двухсотлѣтіе Дюпла.—27) Гиббонъ и миссъ Гольройдъ.—28) Любовь Гете къ прекрасной миланкѣ.—29) Юбилей Шуберта и Леопарди.—30) Письма графа Стефана Сечени о кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ.—31) Жизнь турецкаго султана въ Ильдывѣ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 357, 750, 1138.

1) Два ареста. **Николая Бунина.** 2) Изъ старыхъ бумагъ. I—II. **В. О. Михневича.**

СМѢСЬ 360, 756, 1145.

1) Открытіе памятника императрицѣ Екатерицѣ II.—2) Открытіе памятника императору Александру III въ Θεодосіи.—3) Общество исторіи и древностей.—4) Общество любителей російской словесности.—5) С.-Петербургское археологическое общество.—6) Московское археологическое общество.—7) Общество любителей древней письменности.—8) Географическое общество.—9) Антропологическій отдѣлъ общества любителей естествознанія.—10) Психологическое общество.—11) Русскій археологическій институтъ въ Константинолѣ.—12) Казанскій университетъ.—13) Археологическія раскопки.—14) Музей М. И. Глинки.—15) Диспутъ г. Чечудина.—17) Юбилей императорскаго русскаго археологическаго общества.—18) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ.—18) Сармасахльская рукопись Евангелія.—19) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—20) Археологическое общество въ Москвѣ.—21) Общество любителей древней письменности.—22) Библиографическій кружокъ въ Москвѣ.—23) Географическое общество.—24) Географическое отдѣленіе Общества любителей естествознанія въ Москвѣ.—25) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія.—26) Географическое общество.—27) Общество любителей древней письменности.—28) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—29) Палестинское общество.—30) Московское психологическое общество.—31) Диспутъ Е. К. Рѣдина.—32) Историческій документъ.—33) Некрологи: К. А. Вороздинъ; А. А. Поповъ; А. Н. Ветхеръ; К. Н. Вестужевъ-Рюминъ; Н. А. Голышевъ; Д. И. Воейковъ; М. И. Галанинъ; А. П. Смирновъ; М. М. Кузьминъ; М. П. Озмидовъ; А. Н. Барановскій; И. И. Малышевскій; Н. А. Фаворовъ; С. С. Сенницкій; Е. И. Красноперовъ; Н. Г. Куприяновъ.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ 776, 1159.

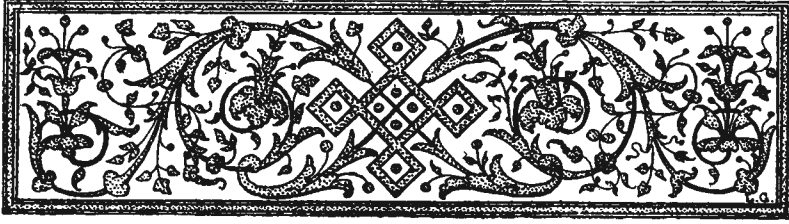
1) Къ біографіи Н. В. Успенскаго. **Е. Зеленецкаго.**—2) Къ статьѣ «Село Языково». **В. Поливанова.**—3) Историческая замѣтка о гербѣ города Варшавы. **Гр. Воробьева.**

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: графини М. А. Румянцевой, барона Θ. Θ. Торнау и княгини З. А. Волконской.—2) Марсельцы. (*Les Rouges du Midi*). Повѣсть изъ временъ французской революціи. **Феликса Гра.**—3) Объявленія.

КНЯГИНЯ ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛКОНСКАЯ.

ДОН. ЦЕНЗ. 24 ФЕВРАЛЯ 1897 Г. СПБ.

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛЬ ¹⁾.

V.

У, — СКАЗАЛЪ отецъ Гурий, — теперь придется крюкъ дѣлать; совсѣмъ въ другую сторону направление лежитъ.

— Куда же теперь? — спросилъ ямщикъ.

— А Салотопки знаешь?

— Салотопки? Какъ же не знать? Случалось...

— Ну, такъ вотъ и ступай въ Салотопки...

— И вотъ названіе тоже, — обратился отецъ Гурий къ Маккаеву, — Салотопки, а навѣрное ни-

кто никогда тамъ сала не топилъ, и почему такое — неизвѣстно. А дороги порядочно: верстъ двадцать придется сдѣлать...

— Кто же тамъ?

— А тамъ отецъ Пафнугій Трикратовъ.

— Трикратовъ? — спросилъ Маккаевъ и что-то смутное началъ припоминать...

— А ты знакомъ съ нимъ, что ли?

— Нѣтъ, не знакомъ, а только имя что-то помнится мнѣ.

— Ну, то-то, а то я думалъ — знакомъ, и удивился, какъ это ты до сихъ поръ не женился, потому у него цѣлыхъ шесть штукъ невѣстъ, и какъ пріѣдешь, такъ сейчасъ на тебя набросятся и съѣдятъ; такой народъ жадный.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 448.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1897 г., т. LXVII.

— Трикратовъ,—говорилъ про себя Маккавеевъ,—гдѣ же это я слышала эту фамилію?..

— Да, можетъ, у васъ въ семинаріи такой есть?

— Нѣтъ, такого, кажется, нѣтъ...

Ему ужасно захотѣлось узнать, гдѣ онъ слышалъ эту фамилію. И вдругъ онъ вспомнилъ: объ этомъ Трикратовѣ Вѣра говорила ему на пароходѣ, она именно сообщала, что у него есть, какъ она выражалась, готовыя невѣсты. И вспомнился ему весь этотъ день, проведенный на пароходѣ, и тоненькій высокій дьякъ съ худенькой бородкой, которая такъ смѣшно вздрагивала, когда онъ спалъ на пароходной палубѣ, и Вѣра, показавшаяся ему такой важной и степенной, и Надя, такъ смѣшно державшая его сюртукъ, когда Вѣра переставляла пуговицы. И странное дѣло,—въ этихъ воспоминаніяхъ было для него что-то особенно пріятное; онъ чувствовалъ такъ, какъ будто люди эти были его старыми пріятелями, какъ будто онъ прожилъ съ ними много лѣтъ, и ему страшно захотѣлось повидать ихъ.

— Такъ это, значитъ, недалеко отъ Богоявленскаго?—спросилъ онъ у отца Гурія.

— Да, всего верста десять будетъ, не больше, а что? Что это ты ужъ второй разъ спрашиваешь про Богоявленское?

— Да я же вамъ говорю, что тамъ у меня знакомый дьячекъ есть... съ которымъ я на пароходѣ ѣхалъ...

— А, дьячекъ. Ну, да, помню, помню. Ну, не важная птица твой этотъ знакомый, съ нимъ успѣешь повидаться, когда на приходѣ будешь, а теперь надо поважнѣе дѣла обдѣлывать.

Уже было часа четыре, и жара нѣсколько ослабѣла. Отъ быстрой ѣзды на встрѣчу имъ вѣялъ прохладный вѣтерокъ, и ѣхать было пріятно.

— Ну,—говорилъ отецъ Гурій,—ежели ты и у отца Пафнутія не выберешь себѣ невѣсту, такъ ужъ я окончательно отъ тебя отказываюсь; это я тебѣ прямо по совѣсти говорю, потому мнѣ и ѣздить уже больше нельзя. Нынче пятница, завтра къ вечеру я долженъ поспѣть въ городъ, потому моя седмица начинается, а между прочимъ тутъ цѣлыхъ шесть, и всѣ годятся въ невѣсты, и каждая хотъ сейчасъ за тебя пойдетъ. Ужъ ежели изъ шестерыхъ не выберешь, такъ тогда, значитъ, пропащее твое дѣло... Не женишься ты и слѣдственно рукоположенъ не будешь, и Окуневка отъ тебя уплыветъ, а жаль—приходъ рѣдкостный...

Отецъ Гурій помолчалъ и затѣмъ опять заговорилъ въ какомъ-то меланхолическомъ тонѣ.

— А тяжело это. Я объ отцѣ Серапіонѣ говорю. Люблю я его, но всякій разъ, когда у него бываю, тяжесть какая-то на душѣ остается. Да, Егоръ Трофимовичъ, вотъ бывають такіе несчастные люди. Вотъ такъ, ни за что ни про что, человекъ себя и загубить.

Человѣкъ человѣка губить: вотъ оно, что скверно. А какой былъ хорошій, то-есть я тебѣ скажу, лучшаго человѣка я прямо таки и не встрѣчалъ. А все отчего?—оттого самаго, что нашему брату духовному приходится свою судьбу рѣшать, вотъ какъ тебѣ, въ какіе нибудь два, три дня... Такъ и онъ вотъ женился. Да еще скорѣй, чѣмъ ты, потому тебѣ хоть десять дней дано, а ему всего, помнится мнѣ, четыре, и въ четыре дня все надо было оборудовать. Вотъ онъ и наскочилъ... Дѣвица была красивая, забористая, всѣ на нее зарились, а отецъ ея былъ дьяконъ, бѣдный человѣкъ, и ему, разумѣется, лестно было за богослова дочку выдать, да и она не прочь, потому, хотя и многіе за нею ухаживали, а жениться на безприданницѣ не очень-то охочи. Вотъ онъ и взялъ ее, взялъ не знаячи, не успѣлъ даже въ глаза хорошенько заглянуть, не то что въ душу, видитъ—красивая, бойкая, ну, и соблазнился. А ей только и надо было, чтобы замужъ выйти, а тамъ и пошла куролесить. Такія-то дѣла случаются въ нашемъ духовномъ быту. Охъ, и презестокій же народъ эти женщины. И что у нихъ такое въ головѣ, просто понять нельзя. Такъ что-то въ родѣ гречаной каши.

Такими разсужденіями болѣе или менѣе философскаго характера отецъ Гурій, пребывавшій все время въ меланхолическомъ настроеніи, значительно сократилъ дорогу. Они и не замѣтили, какъ прокатили двадцать верстъ, и вдругъ передъ ними выросло большое село, расположенное въ ложбинѣ. Они уже проѣхали мимо нѣсколькихъ хатъ, и бричка съ разгону подкатила и остановилась около хорошенькаго домика съ большимъ палисадникомъ, сильно выступавшимъ на улицу. Когда они остановились, до нихъ долетѣли разнообразныя голоса, раздававшіеся гдѣ-то близко. Маккавеевъ сталъ прислушиваться и присматриваться и замѣтилъ съ высоты своего сидѣнія на бричкѣ въ палисадникѣ предлинный столъ и за этимъ столомъ многочисленное общество.

Это и было семейство отца Пафнугія. При ихъ появленіи произошла страшная суета; задвигались стулья, зазвенѣли тарелки, всѣ встали, смѣшались, перепутались, и къ отцу Гурію тянулись десятки рукъ. Всякій спѣшилъ поздороваться съ нимъ.

Отецъ Пафнугій принадлежалъ къ тому сорту людей, которые во всякомъ обществѣ и во всякомъ мѣстѣ среди какой бы то ни было огромной толпы бросаются въ глаза. Его огромный ростъ вполне соответствовалъ его необыкновенной плотности и тяжеловѣсности. Это былъ гигантъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ не былъ толстякомъ, въ немъ не замѣчалось никакихъ признаковъ ожирѣнія, но въ каждой чертѣ его лица, въ каждомъ движеніи его мускуловъ видѣлась несокрушимая сила. Въ то же самое время по характеру это былъ человѣкъ покладистый, мягкій и чрезвычайно сговорчивый. Преобладающей чертой его было равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Окруженный многочисленнымъ семействомъ, состоявшимъ

изъ его собственныхъ дѣтей, которыхъ было шестеро, и все дочки, и множества племянниковъ и племянницъ и другихъ родственницъ безъ названія, какихъ-то тетюшекъ и бабушекъ съ его и жениной стороны, онъ безпрекословно работаль на всѣхъ, всѣхъ кормиль и одѣваль, иногда помогаль небольшими суммами, никогда не протестоваль и не жаловался и, не смотря на такіе великіе труды, въ возрастѣ подѣ пятьдесятъ лѣтъ сохраниль все свое здоровье и производиль впечатлѣніе человѣка по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять моложе.

Матушка его представляла полную противоположность ему. Это было худенькое, блѣдное существо, очевидно истратившее всѣ свои силы и все свое здоровье на производство и произростаніе шестерыхъ дочерей, которыя были всѣ тутъ на лицо, очень похожія одна на другую и въ возрастѣ отъ девятнадцати до двадцати пяти лѣтъ. Всѣ онѣ были невѣсты, и матушка всякій разъ, когда смотрѣла на нихъ, мысленно вздыхала и качала головой, думая о томъ, какая великая задача предстоитъ ей выдать шестерыхъ дочерей замужъ.

Ихъ, разумѣется, тотчасъ же усадили за столъ. Отецъ Гурій представиль всѣмъ своего родственника, и Маккаеву пришлось выдержать совсѣмъ не предусмотрѣнную имъ атаку.

У всѣхъ членовъ этого семейства былъ очевидно одинаковый темпераментъ,—живой, подвижной, всѣ они были чрезвычайно любопытны и главное дѣйствовали напрямикъ, сразу и безъ всякихъ предисловій. У каждой изъ шести дочерей было, конечно, свое имя, и всѣ эти имена были сообщены Маккаеву, но онъ не могъ запомнить ни одного, запомнилъ только Леонилу, и то потому, что она сидѣла рядомъ съ нимъ.

И каждая обращалась къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ, и ни одной онъ не сумѣль отвѣтить толкомъ.

— Такъ вы кончили курсъ?—спрашивала одна.

— А въ какомъ разрядѣ?—обращалась къ нему другая.

— А вы сколько разъ оставались на второй годъ?—съ кокетливой улыбкой вставляла свой вопросъ третья и такъ дальше.

Маккаевеъ растерянно смотрѣль на нихъ всѣхъ разомъ и, собственно говоря, не видѣль, какъ слѣдуетъ, ни одной. Никогда еще въ жизни ему не случалось попадать въ такое многочисленное общество и главное сосредоточивать на себѣ его вниманіе.

Для него очевидно было только одно, что въ этомъ семействѣ отецъ Пафнутій значиль меньше всѣхъ. Не смотря на внушительную фигуру, онъ какъ-то совсѣмъ не заявляль о себѣ, и его почти не было слышно. Онъ даже отцу Гурію не задаваль никакихъ вопросовъ, хотя, повидимому, былъ радъ его пріѣзду. За него все это дѣлала матушка. Она была женщина практическая, и характеръ у нея былъ активный. Она сейчасъ же распознала, съ какою цѣлью

отецъ Гурій привезъ богослова, а всякаго богослова она разсматривала непременно, какъ жениха. И такъ какъ у нея было шесть дочерей, то она должна была оказывать гостямъ особенное вниманіе.

Когда кончился обѣдъ, въ которомъ и пріѣзжіе приняли дѣятельное участіе, произошло странное явленіе, не сразу понятое Маккавеевымъ. Дѣвицы уже въ теченіе обѣда видимо кокетничали съ нимъ. Но это было кокетство при посредствѣ глазокъ, улыбокъ, выставленій на первый планъ хорошей, тяжелой косы, однимъ словомъ при помощи тѣхъ даровъ природы, какіе у каждой были лучше, чѣмъ у другой. Каждая старалась подчеркнуть передъ гостемъ то, чѣмъ особенно счастливо наградила ее Богъ. А дѣвицы всѣ были недурны. И если бы Маккавеева тутъ же за обѣдомъ спросили, какую бы онъ предпочелъ, то онъ затруднился бы въ выборѣ.

Но вотъ одна изъ шестерыхъ поднялась и куда-то исчезла, и минуты черезъ двѣ въ раскрытое окно изъ комнаты стали доноситься звуки фортепіано. Кто-то игралъ чрезвычайно меланхолическій вальсъ.

— Это Оима играетъ!—пояснила матушка Маккавееву.—Вы послушайте, она очень хорошо играетъ. Она училась въ городѣ, у нѣмца Зандера, можетъ быть, слышали..

Маккавеевъ, желая въ точности исполнить совѣтъ хозяйки, началъ слушать. Музыка ему нравилась, но онъ ничего не понималъ въ ней, потому и не могъ опредѣлить, хорошо играетъ Оима или плохо; онъ не замѣтилъ, какъ общество за столомъ уменьшилось еще на одну дѣвицу, и скоро къ звукамъ фортепіано присоединилось пѣніе. Исполнялся какой-то романсъ; словъ онъ не разобралъ, потому что они произносились невнятно, но матушка тутъ же объяснила, обратившись спеціально къ нему:

— А это Лиза... У нихъ у всѣхъ есть голоса... Но у Лизы особенный... вотъ послушайте, она, конечно, не училась, но у нея природный талантъ... У нихъ у всѣхъ таланты, у каждой свой талантъ. Люся! а покажи-ка Егору Трофимовичу свою работу...

Поднялась и Люся. Тутъ Маккавеевъ узналъ, что этимъ нѣжнымъ именемъ матушка называла его сосѣдку Леонида.

Еще не кончилось пѣніе съ музыкой, какъ ему уже поднесли пару свѣженькихъ туфель, вышитыхъ золотомъ, и матушка при этомъ, любовно глядя на Леонида, говорила:

— Вы знаете, это ея собственная работа, и можете себѣ представить, никогда не училась... Были мы, знаете, какъ-то въ монастырѣ, тутъ у насъ въ Вознесенскомъ, и тамъ монахини вышиваютъ золотомъ, вотъ она посмотрѣла, посмотрѣла, пріѣхала домой и давай себѣ, и вотъ пошло... У нея, знаете, удивительная способность къ этому...

По всей вѣроятности, Маккавееву предстояло увидѣть еще образцы талантовъ остальныхъ дѣвицъ, но въ это время подали вареники съ вишнями, спеціально приготовленные по случаю пріѣзда гостей, а

такъ какъ дѣвицы были лакомки и особенно любили это купанье, то сразу прекратились звуки фортепiano и пѣніе, исчезли туфли, и всѣ вновь очутились на своихъ мѣстахъ за столомъ, и остальные таланты остались для Маккавеева тайной.

Въ этомъ домѣ большую часть времени проводили за столомъ. Семейство было такъ многочисленно, что никоимъ образомъ нельзя было согласить всѣ вкусы и аппетиты. Одни вставали раньше, другіе позже, и вотъ половина дня уходила на то, что каждые полчаса подогрѣвался самоваръ, и всѣ пили чай по очереди, затѣмъ начинался завтракъ, потомъ нѣчто среднее между завтракомъ и обѣдомъ, потомъ самый обѣдъ, затѣмъ полдникъ, потомъ опять вечерній чай и потомъ ужинъ. Этотъ длинный столъ для прочности былъ даже прикрѣпленъ къ землѣ на тотъ случай, чтобы внезапно сорвавшаяся буря не свалила его.

Когда вареники были съѣдены и запиты добрымъ квасомъ, который былъ тоже талантливымъ произведеніемъ одной изъ дочерей отца Пафнутія, Маккавееву представилось еще одно наслажденіе, также совершенно не предусмотрѣнное имъ.

— Дѣти! — обратилась матушка уже разомъ ко всѣмъ своимъ птенцамъ, включая сюда и двухъ великовозрастныхъ племянниковъ, у которыхъ уже пробивались усики и бородки, — вы бы спѣли чтонибудь хоромъ.

— А въ самомъ дѣлѣ! — подхватили дѣвицы, — давайте, споемъ...

— Вы только послушайте, какой у насъ хоръ, — сказала матушка, — они по воскресеньямъ въ церкви поютъ. Знаете, не хуже архіерейскаго. Только теноровъ не хватаетъ, а то бы совсѣмъ какъ слѣдуетъ.

Дѣвицы встали и, отойдя нѣскольکو къ сторонкѣ отъ стола, сгруппировались въ небольшую кучку, встали также и племянники и помѣстились, какъ причисляется басамъ, позади ихъ. Одинъ изъ нихъ задалъ тонъ, и началось довольно стройное протяжное пѣніе: «Благослови, душе моя, Го-о-оспода». Дѣвицы пѣли съ чувствомъ, а басы отвѣчали имъ тѣмъ же.

Вотъ они кончили.

— Отлично, отлично, — сказалъ отецъ Гурій, увидѣвъ себя въ совершенной необходимости поощрить таланты, — да это, знаете, совсѣмъ, какъ въ губерніи, въ кафедральномъ соборѣ.

— А вы свѣтскую спойте, — сказала матушка, — напимѣръ, Грыця.

Хоръ затянулъ печальнаго Грыця, и тутъ проявилось еще больше чувства. Особенно отличалась Липа, такъ какъ она занимала ампулу перваго дисканта.

— Ну, а теперь веселую! — сказала матушка, очевидно слѣдуя той программѣ, которая обыкновенно у нихъ практиковалась. И вдругъ раздались пререселые звуки: «Охъ, вы, сѣни, мои сѣни».

Недоставало только, чтобы отецъ Гурій, или лучше самъ отецъ Пафнугій, подобравъ длинныя полы своихъ рясъ, пустились въ присядку.

Маккаеевъ чувствовалъ себя какъ бы въ какомъ-то волшебномъ мірѣ; онъ совершенно не ожидалъ ничего подобнаго. Все, что онъ встрѣчалъ до сихъ поръ, было обыкновенно; даже драматическая исторія, свидѣтелемъ которой онъ былъ недавно въ домѣ отца Сераніона, сводилась на обыкновенную страсть къ вину. Но здѣсь было нѣчто совсѣмъ особенное. Эти шесть дѣвиць, и при томъ всѣ недурныя собой, музыка, пѣніе, наконецъ туфли... Все это окончательно сбило его съ толку, и онъ не зналъ, не только что думать, а даже что чувствовать.

— «И какъ они стараются, Боже мой!—думалъ Маккаеевъ. — И изъ-за чего только, не понимаю».

Маккаеевъ, какъ мы уже раньше сказали, не зналъ жизни и потому не понималъ положенія дѣвиць, изъ которыхъ каждая, будучи одной изъ шести, хочетъ и имѣетъ право выйти замужъ; оттого ему казались непонятными и ихъ старанія обратить на себя вниманіе всѣми своими талантами. Но у отца Пафнугія были вѣдь совсѣмъ другіе принципы, чѣмъ у отца Софонія, который оказался такимъ строгимъ блюстителемъ старшинства между своими дочерьми. Отецъ Пафнугій былъ совсѣмъ другого мнѣнія. Онъ какъ бы говорилъ женихамъ: «вотъ тебѣ шесть дѣвиць, выбирай изъ нихъ любую». Да при шестерыхъ иначе и нельзя. Изволь-ка соблюдать очередь, этакъ, пожалуй, въ концѣ концовъ при шестерыхъ и останешься. Тутъ поневоль приходилось отдавать въ разбродъ.

Наконецъ, всѣ, послѣ чрезвычайно пріятно проведеннаго вечера, утомились и начали зѣвать. Маккаеева положили спать, конечно, въ одной комнатѣ съ отцомъ Гуріемъ, причемъ постели были сдѣланы совершенно такъ, какъ и у отца Софонія; можно было подумать, что это тѣ же самыя перины, подушки и одѣяла. Маккаеевъ уже зналъ, что передъ тѣмъ, какъ заснуть, отецъ Гурій будетъ осаждать его разспросами. Такъ и вышло.

— Ну, богословъ, которая же тебѣ понравилась?

— Да всѣ хороши,—сказалъ Маккаеевъ.

— Такъ что ты не прочь на всѣхъ и жениться?

— Жениться?—какъ-то лѣниво протянулъ Маккаеевъ,—ахъ, ты,

Господи!

И онъ почесалъ собственный затылокъ.

— Да неужто и теперь охоты нѣтъ?

— Да съ чего же ей быть, отецъ Гурій?

— Какъ съ чего? Шестъ дѣвиць, и ни одна тебя не расшевелила?

— Да я ничего не говорю. Онѣ всѣ пріятныя дѣвицы...

— Ну, и чтожь, и ты ни въ одну не влюбился?

— Да я не знаю:—съ усмѣшкой отвѣтилъ Маккавеевъ,—какъ это такъ влюбиться; я никогда не влюблялся.

— Экой ты простакъ, какъ я погляжу. Какъ влюбиться! Это очень просто; разумѣется, такъ зря, если будешь смотрѣть въ сторону или въ потолокъ, никогда не влюбишься, а ты выбери себѣ одну, да повертись около нея, да посмотри, что у нея получше, ну, напримѣръ, глаза, или тамъ зубы, и вотъ этимъ предметомъ и займись, все присматривайся, такъ оно и втянешься... А тамъ смотришь, и влюбился... Вотъ тебѣ и вся наука. Нѣтъ, ужъ знаешь, это ужъ какъ себѣ тамъ хочешь, а выбирай. Я дальше не поѣду.

— Да я что-жь, я, пожалуй, выберу,—сказалъ Маккавеевъ,— оно, правда, надо выбирать. Только знаете, отецъ Гурій, ей-Богу, ужъ это мнѣ надоѣло.

— Какъ же надоѣло? вѣдь надо же кончать какъ нибудь; подумай, третій день ѣздимъ, шесть дней тебѣ всего осталось.

— Э, да жените, на комъ хотите,—съ нѣкоторой даже досадою сказалъ Маккавеевъ.

На него въ самомъ дѣлѣ напало отчаяніе. Ужъ онъ началъ думать, что онъ не такой человѣкъ, какъ все: все же женятся и всехъ точно такъ возятъ, какъ его, и каждый находитъ себѣ невѣсту, почему же онъ не находитъ? должно быть, въ немъ какой нибудь недостатокъ есть.

— Ну, вотъ, на комъ угодно! вотъ это самое худшее, когда говорить—на комъ угодно. Ты женись, на комъ тебѣ угодно. Ну, вотъ смотри, возьми, скажемъ, Анюту, это старшая. Ей двадцать четыре года, это дѣйствительно немного того... Но съ другой стороны большія достоинства: изъ себя представительная и по хозяйственной части очень холкая, она у нихъ все хозяйство ведетъ. Потомъ возьми Ояму, ну, самъ слыпалъ, на фортепьянахъ играетъ... И тоже дѣвица ничего, брови-то у нея, замѣтилъ, какія густыя? Опять рассмотримъ Леонилу. Она около тебя сидѣла, и я даже думалъ, что это тебѣ пріятно, ты съ ней разговаривалъ и все такое. Ну, она туфли тамъ дѣлаетъ. Признаться, я не знаю, для чего эти туфли, ихъ развѣ архіереямъ только носить. Не стану же я, напримѣръ, или ты и всякій другой человѣкъ въ золотыхъ туфляхъ расхаживать... Ну, потомъ Маня, это самая младшая, кажется, она ничего такого особеннаго не дѣлаетъ. Но опять же съ большими достоинствами, у нея глазки такіе масляные, и скромная, скромнѣе всехъ, не лѣзетъ впередъ, не забѣгаетъ.

Маккавеевъ слушалъ все эти изслѣдованія и чувствовалъ и видѣлъ только одно, что ему непременно надо жениться, что ѣхать больше некуда, да и некогда, а рѣшить не могъ. Все дѣвицы какимъ-то страннымъ образомъ сливались въ его воображеніи, у нихъ какъ будто бы была одна голова, и на этой головѣ все были разныя лица, или вдругъ онѣ ему представлялись одной дѣвицей съ шестью го-

ловами. И главное, что хуже всего, что ему было рѣшительно все равно...

— Ну, знаешь, это просто невозможно, — съ досадой сказалъ отецъ Гурій: — это надо какъ нибудь рѣшить. Говорю-жъ тебѣ, завтра суббота, я долженъ къ вечеру быть въ городѣ. Что-жъ если я тебя оставлю, вѣдь ты самъ тутъ ничего не подѣлаешь, вѣдь ты и сторговаться не сумѣешь.

— Какъ сторговаться?

— Ну, тамъ на счетъ приданого! вѣдь это все надо дѣлать умѣючи, вѣдь тебя облопошати, тебя купить за грошъ.

— Купить?

Всѣ эти слова: «облопошати», «купить», «за грошъ», представлялись Маккавееву удивительно странными и только еще больше запугивали его.

— Ну, такъ вотъ что, — сказалъ, наконецъ, отецъ Гурій съ видомъ крайней рѣшимости: — если ты по собственному вкусу не можешь выбрать, такъ бросимъ жребій.

— Какъ жребій?

— А очень просто: вотъ возьмемъ, надѣлаемъ шесть бумажекъ, напишемъ на каждой имя, а потомъ въ шапку, и которая тебѣ попадетъ, той, значить, и быть твоей женой. Въ этомъ по крайности будетъ указаніе Промысла...

Маккавеевъ такъ былъ подавленъ всѣми этими обстоятельствами и такъ все это ему надоѣло, и такъ съ другой стороны давило его сознание необходимости жениться, что онъ не возражалъ.

Отецъ Гурій розыскалъ гдѣ-то клочекъ бумаги, разорвалъ его на шесть частей и на каждомъ написалъ имя одной изъ дочерей отца Пафнутія, а потомъ свернулъ эти бумажечки въ трубочку и положилъ ихъ въ собственную шляпу.

— Ну, вотъ подходи и вынимай.

Маккавеевъ подошелъ къ шапкѣ и протянулъ уже было руку, но отецъ Гурій остановилъ его.

— Да ты постой, ты хоть перекрестись, вѣдь дѣло-то какое совершаешь!..

Маккавеевъ машинально перекрестился и той же рукой потянулся къ шляпѣ. Тамъ онъ нащупалъ нѣсколько бумажекъ, но почему-то взялъ не первую попавшуюся, а выбралъ откуда-то изъ середины и вытащилъ.

— Давай сюда! — сказалъ отецъ Гурій.

Онъ отдалъ бумажку отцу Гурію; тотъ торжественно развернулъ ее и прочиталъ:

— Леонила!

— Ну, вотъ, значить твоя судьба — Леонила. Ей двадцать два года, — пояснилъ отецъ Гурій.

— А мнѣ только двадцать!—сказаль Маккавеевъ, который, впрочемъ, довольно равнодушно отнесся къ указанію Промысла.

— Э, это ничего, не важно,—сказаль отецъ Гурій, которому тоже надоѣла эта возня, и ему хотѣлось поскорѣе чѣмъ нибудь кончить.— Моя Марія на три года старше меня была, а ничего, не замѣтно. Живемъ... Ну,—прибавиль отецъ Гурій,—теперь значить будемъ спать, а завтра утромъ я поговорю съ отцомъ Пафнугіемъ, и буду я тебѣ сватать Леонилу, и больше уже, значить, никакихъ разговоровъ.

Маккавеевъ ничего на это не отвѣтилъ, а легъ и завернулся съ головой въ одѣяло. Но въ эту ночь ему плохо спалось. Тутъ ужъ приближалось настоящее дѣло. Пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ завтра рѣшится его судьба. Онъ выбралъ Леонилу, а почему Леонилу, это не извѣстно. Онъ могъ съ такимъ же основаніемъ выбрать и Оиму, и Лизу, и Анну, и Марію. Всѣ онѣ очень хотѣли выйти замужъ, и у всѣхъ это было написано въ глазахъ. И хотѣли онѣ выйти вовсе не за него, а просто выйти. Если бы отецъ Гурій привезъ не его, Маккавеева, а просто какой нибудь чурбанъ, и этотъ чурбанъ былъ бы богословъ и мѣсто получилъ, такъ они передъ чурбаномъ и пѣли бы и играли на фортепiano и туфли бы ему показывали.

И его охватилъ страхъ передъ завтрашнимъ днемъ, и какъ онъ ни гналъ изъ своей головы дурныя мысли, онѣ все не покидали ея. Заснулъ онъ поудно, когда уже вторые пѣтухи пѣли во дворѣ отца Пафнугія.

Когда онъ проснулся, разбуженный отцомъ Гуріемъ, такъ какъ ему самому еще очень хотѣлось спать, то отецъ Гурій началъ съ того, что далъ ему совѣтъ:

— Ну, ты смотри же, хорошенько займись Леонилой... Надо показать, что ты ее отличаешь... При томъ же и тебѣ самому надо все-таки, ну, хоть немножко врѣзаться въ нее...

«Врѣзаться—подумаль Маккавеевъ:—каково слово-то! Вѣдь это значить влюбиться. А какъ же я это влюблюсь, когда мнѣ до нея столько же дѣла, какъ до той вонъ курицы, что идетъ по двору и розыскиваетъ просыяныя зерна? Какъ влюбиться-то?»

«Но это надо, надо, надо! Это совсѣмъ, совсѣмъ необходимо!»— говорили ему всѣ обстоятельства его экстреннаго положенія. Когда онъ надѣлъ сюртукъ и собрался идти къ чаю, гдѣ предстояла встрѣча со всѣми дѣвицами, а значить и съ Леонилой, то уже совершенно твердо сказалъ себѣ:—«Ну, такъ и влюблюсь. Коли надо, такъ и влюблюсь! Что-жъ дѣлать, когда надо!»

И они оба пошли пить утренній чай.

Въ то время, когда они проходили черезъ рядъ комнатъ и сѣни, чтобы выйти на дворъ, гдѣ въ палисадникѣ былъ приготовленъ утренній чай, отецъ Гурій незамѣтно куда-то юркнулъ и исчезъ. Егоръ Маккавеевъ очутился въ темныхъ сѣняхъ совершенно одинъ.

Еще не зная объ исчезновеніи своего спутника, онъ остановился и спросилъ:

— А куда же тутъ выйти, отецъ Гурій?

Но отвѣта на это не получилъ.

«Гм...—подумалъ онъ,—значить, отецъ Гурій куда-то скрылся». И онъ началъ ощупью розыскивать дверь. Сквозь замочную скважину со двора проникала тонкая струйка свѣта. Вотъ по ней-то Маккавеевъ и отыскалъ выходъ. Онъ нажалъ ручку двери, отворилъ ее и вышелъ сперва на маленькое крыльцо, а затѣмъ и во дворъ.

Здѣсь не было видно никого изъ хозяйскаго семейства. Множество куръ, гусей и утокъ толпились посрединѣ двора, очевидно, въ ожиданіи корма. Работникъ шелъ съ тока, неся въ конюшню для лошадей огромную связку свѣжаго еще зеленого сѣна. При появленіи Маккавеева во дворѣ двѣ собаки, лежавшія по другую сторону двора, у входа въ сарай, подняли головы и насторожили уши. Въ первую минуту онѣ, очевидно, хотѣли признать его за чужого. Но работникъ оглянулся и что-то внушительное проворчалъ на нихъ. Собаки опустили головы и даже постучали по землѣ хвостами въ знакъ своего примиренія съ гостемъ. Онѣ точно поняли, что пріѣзжій—женихъ и можетъ посватать одну изъ хозяекъ, и рѣшили лежать спокойно.

Маккавеевъ постоялъ здѣсь съ минуту, потомъ пошелъ наугадъ направо и, вмѣсто того, чтобъ попасть въ палисадникъ, пришелъ къ воротамъ и вышелъ на улицу черезъ раскрытую калитку. Здѣсь тоже никого онъ не нашелъ, и вообще положеніе его становилось страннымъ. Ради чего отецъ Гурій оставилъ его въ сѣняхъ, тогда какъ они собирались вмѣстѣ пить чай? Да и гдѣ этотъ чай? Маккавееву страшно хотѣлось чегонибудь выпить. У него была привычка по утрамъ, какъ только всталъ съ постели, чтонибудь вливать въ себя.

Вдругъ позади его, повидимому, во дворѣ, послышался тяжелый топотъ босыхъ ногъ, и затѣмъ передъ нимъ, какъ листъ передъ травой, стала горничная дѣвка Федоська, которую онъ видѣлъ еще вчера. На ней была высокая, страшно подтыканная юбка, красная шея и плечи были совершенно открыты, она тяжело дышала, очевидно отъ сильной бѣготни, и смотрѣла на него, какъ-то глупо хлопая глазами.

Маккавеевъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на нее, и взглядъ его спрашивалъ: что тебѣ отъ меня надо, голубушка?

— Паньчу... Васъ, паньчу, кличуть... Чай пить пожалуйста!—промолвила Федоська отрывистымъ голосомъ, съ такимъ видомъ, какъ будто сообщала о какомънибудь несчастіи, случившемся въ домѣ.

— А, чай... Это хорошо!—отвѣтилъ Маккавеевъ,—а гдѣ же онъ, этотъ чай?..

- Да тамъ, въ палисадникѣ... У насъ всегда чай въ палисадникѣ...
- Ну, такъ ты покажи мнѣ этотъ палисадникъ.
- Пожалуйте...

Өедоська пошла обратно во дворъ, Маккавеевъ торжественно слѣдоваль за нею. Оказалось, что надо было сперва дойти до того самаго крыльца, съ котораго онъ вышелъ, а затѣмъ палисадникъ былъ тутъ же въ пяти шагахъ, только съ другой стороны. Невысокій камышевый заборъ отдѣлялъ его отъ двора. Тоція деревца едва-едва выглядывали своими верхушками изъ-за забора. Нѣсколько грядъ, на которыхъ росла огородина, двѣ-три цвѣточныхъ клумбы, а посрединѣ довольно большая площадка, порядочно утрамбованная и посыпанная пескомъ. На этой-то площадкѣ стоялъ круглый столъ, накрытый бѣлой, свѣжей скатертью, уставленный массой посуды, булками и всякими чайными принадлежностями. Тутъ же стоялъ огромный самоваръ, способный напоить все многочисленное семейство отца Пафнутія, а надъ нимъ висѣли облака пара.

Но когда Маккавеевъ входилъ въ палисадникъ, его удивило странное обстоятельство. За столомъ, какъ ему показалось съ перваго взгляда, не было ни души, а потомъ, приглядѣвшись поближе, онъ разсмотрѣлъ какую-то небольшую фигуру, что-то передвигавшую на столѣ, повидимому, приводившую посуду въ порядокъ. «Значить, они еще не собрались,—подумаль Маккавеевъ.—Странно! зачѣмъ же тогда меня зовуть?»

— Пожалуйте, пожалуйте сюда!—донесся до него въ это время довольно тонкій и нѣжный женскій голосъ.

Маккавеевъ подошелъ ближе къ столу и увидѣлъ сидѣвшую за нимъ одну изъ хозяйскихъ дочерей. «Кто же это?—раздумываль онъ и даже не сразу привѣтствовалъ ее пожеланіемъ добраго утра.— Өима, кажется; а, можетъ быть, и не Өима... Кто ихъ разбереть, ихъ такъ много... А, можетъ, это Леонила? Гм... Вотъ голова-то у меня: никогда ничего не запомню. Должно бытъ, что Леонила... Ну, да,—продолжалъ онъ соображать,—это, значить, отецъ Гурій юркнулъ тогда въ комнаты да и сказалъ матушкѣ или батюшкѣ насчетъ жребія, и что жребій палъ на Леонилу. Вотъ они ее и высадили сюда. И какъ это у нихъ все ловко устроено! Въ одну минуту сей-часъ все какъ слѣдуетъ...».

— Добраго утра!—сказаль онъ и поклонился.

— Садитесь, Егоръ Трофимовичъ; хотите чаю?—спросила его молодая хозяйка, когда онъ, подчиняясь ея приглашенію, сѣлъ какъ разъ напротивъ.

— Что жъ, пожалуйте! оно время какъ разъ чай пить!—сказаль Маккавеевъ и окончательно рѣшилъ, что это и есть Леонила.

Это такъ и было. Отецъ Гурій дѣйствительно не даромъ исчезъ тогда изъ сѣней. Онъ успѣлъ повидаться съ матушкой и посовѣтовать ей оставить на нѣкоторое время молодыхъ людей вдвоемъ.

Онъ, конечно, ни слова не сказалъ ей насчетъ жребія, а смѣло взялъ на душу грѣхъ и сообщилъ:

— Ну, вотъ, слава Богу, мой богословъ въ вашу Леонилу влюбился... Ужъ такъ, говорить, влюбленъ, что больше не могу...

Магушка тотчасъ же и послала Леонилу угощать Егора чаемъ.

— А вы рано встаете!—промолвила Леонила, подавая ему стаканъ чаю.

— Да у насъ всѣ такъ вставали. Ужъ такое положеніе было,—отвѣтилъ Маккавеевъ.—Въ шесть часовъ звонокъ, чтобъ вставать, въ половинѣ седьмого звонокъ, чтобъ идти на молитву, въ семь часовъ звонокъ, чтобъ отправляться въ столовую и получать четверть булки и горячую воду. У кого есть чай и сахаръ, тотъ чай пьетъ, а у кого не было, тотъ одной булкой обходился... А въ восемь часовъ опять звонокъ, чтобы въ классъ идти; а тамъ каждый часъ звонокъ да звонокъ... У насъ все было по звонку... Даже скучно вспомнить...

— Да, знаете, у насъ въ епархіальномъ училищѣ то же самое было,—отвѣтила Леонила.

— А вы развѣ учились въ епархіальномъ?

— Не долго. Я только до третьяго класса дошла, а тамъ меня взяли домой.

— Не пошло, значитъ, ученье?

— Нѣтъ, я больше къ домашнему хозяйству расположеніе имѣю.

— Что-жъ, это хорошо, когда есть хозяйство.

Тутъ Маккавеевъ почувствовалъ, что израсходовалъ весь запасъ своихъ словъ, и замолчалъ. Помолчала нѣкоторое время и Леонила. Но у нея по крайней мѣрѣ была работа, она все передвигала посуду, повидимому, безъ всякой надобности разставляя по столу чашки и стаканы. Вообще не было замѣтно, чтобы она особенно старалась занять гостя. Она даже на него не смотрѣла, изъ чего Маккавеевъ заключилъ, что онъ ей не нравится. Но время шло, скоро могли прійти другіе, и онъ видѣлъ, что тамъ, у крыльца, уже промелькнула громоздкая фигура отца Гурія, который, заглянувъ черезъ заборъ палисадника и убѣдившись, что Егоръ здѣсь, опять куда-то скрылся. Надо было такъ или иначе заговорить о дѣлѣ. Маккавееву надоѣло чувствовать себя какимъ-то непристроеннымъ чело-вѣкомъ, уже его самолюбіе начало страдать оттого, что все для него дѣлалъ отецъ Гурій. Да, наконецъ, онъ твердо рѣшилъ подчиниться жребію. И онъ, послѣ довольно долгаго молчанія, прямо сказалъ.

— А вы знаете, зачѣмъ я пріѣхалъ?

— Нѣтъ, я не знаю!—лицемѣрно отвѣтила Леонила.

— Какъ же вы не знаете? Вѣдь навѣрно знаете. Зачѣмъ же къ вамъ пріѣзжаютъ семинаристы? У васъ тутъ много невѣсть, а семинаристамъ надо жениться.

— Развѣ къ намъ нельзя и такъ пріѣхать?..

— Да оно можно, конечно, только я-то не такъ пріѣхалъ... Я жениться пріѣхалъ...

Леонила на это не сказала ни слова, но на губахъ ея слегка заиграла усмѣшка.

«Что-жь она молчитъ?—подумалъ Маккавеевъ,—вѣдь, кажется, я ей прямо говорю». И онъ сталъ придумывать, что же еще теперь надлежитъ ему сказать; онъ хотѣлъ быть яснымъ и точнымъ и потому продолжалъ:—Мнѣ надо жениться на этихъ дняхъ, потому что преосвященный будетъ въ Вознесенскомъ монастырѣ обѣдно служить, и я долженъ быть готовъ, меня тамъ и посвящать... А вы любите духовныхъ?—спросилъ онъ, самъ не зная почему.

— Не очень!—отвѣтила Леонила и слегка повернула лице въ сторону, какъ будто присматриваясь къ клумбѣ георгины.

«Вотъ тебѣ и на!—подумалъ Маккавеевъ.—Такъ зачѣмъ же это меня отецъ Гурій посадилъ здѣсь?»

— А кого же вы больше любите?

— Я больше свѣтскихъ люблю.

— Свѣтскихъ? Такъ вы, значить, за духовнаго не пойдете?..

— Нѣтъ, отчего-жь? Можно и за духовнаго пойти... Развѣ можно разбирать?.. Намъ разбирать нельзя... Видите, сколько насъ...

— Гм... Такъ какъ же... Если вы не любите духовныхъ, какъ же вы можете попадѣй быть... Вамъ будетъ скучно... Вдругъ вамъ надоѣстъ съ духовнымъ жить, и вы... Вы знаете отца Серапіона?.. Онъ тутъ недалеко отъ васъ по сосѣдству живетъ.

— Это—который запоемъ пьетъ?

— Ну, да, вотъ этотъ самый... Такъ вѣдь онъ прежде не пилъ, а былъ человѣкъ вполне какъ слѣдуетъ, а жена его, должно быть, вотъ такъ, какъ вы, духовныхъ не очень любила и съ офицеромъ убѣжала... Такъ онъ и запилъ... Это и съ вами можетъ случиться.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?..

— Я не говорю... А все-таки можетъ случиться...

Леонила и на это не откликнулась; она взяла у него стаканъ и налила ему еще чаю, но Егору какъ-то вдругъ сдѣлалось противно продолжать съ ней разговоръ; онъ самъ не зная, почему это такъ случилось. Нельзя сказать, чтобъ онъ непременно обидѣлся за духовный санъ или находилъ легкомыслиемъ со стороны дѣвицы предпочитать духовнымъ статскихъ. Но просто онъ не могъ простить ей того, что его заставили полчаса говорить о себѣ съ человѣкомъ, которому въ сущности нѣтъ до него никакого дѣла. И онъ поднялся.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я хочу два слова сказать отцу Гурію. Я сейчасъ...

И онъ, даже не поклонившись ей, вышелъ изъ палисадника, оставивъ Леонилу въ глубокомъ недоумѣніи. Онъ прошелъ мимо крыльца, затѣмъ дошелъ до калитки. Эта дорога уже была ему зна-

кома. Тутъ онъ встрѣтилъ Оедоську, которая бѣжала, повидимому, изъ кухни въ погребъ, еще выше прежняго подтыкавъ юбку.

— Эй, слушай ты, дѣвка...

— А что, паньчучу?—спросила Оедоська, остановившись съ разгону.

— Тутъ, можетъ, отецъ Гурій спросить обо мнѣ, такъ ты скажи, что я пошелъ вонъ туда, вонъ по той дорогѣ, видишь?

И онъ показаль ей рукой на широкую дорогу, которая шла селомъ, а потомъ поворачивала прямо въ поле.

Оедоська съ удивленіемъ посмотрѣла на него.—А зачѣмъ же это?—спросила она.

— Ну, такъ, это не твое дѣло. Такъ ты скажи отцу Гурію.

И онъ, больше не разсуждая съ ней, вышелъ и направился по дорогѣ.

Минуты черезъ три въ домѣ произошла тревога. Оедоська сдѣлала свой докладъ, матушка пристала къ Леонилѣ, добиваясь отъ нея свѣдѣній, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Леонила разсказала весь разговоръ съ Маккавеевымъ, матушка объяснила ей, что она дура, и что такъ нельзя говорить съ женихомъ. Оима, уже позавидовавшая счастливой сестрѣ, разсказала, что Леонила втайнѣ влюблена въ пѣхотнаго офицера; произошло сильное замѣшательство. Отецъ Гурій счелъ себя обиженнымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣвица, которой онъ привезъ такого хорошаго жениха, предпочитаетъ духовнымъ особамъ свѣтскихъ, и велѣлъ кучеру поскорѣе запрягать. Словомъ, вышло чортъ знаетъ что такое.

Отецъ Гурій широкими шагами ходилъ по двору, а матушка, внѣ себя отъ негодованія на дочь, такъ глупо отвадившую жениха, не знала, какъ къ нему подступиться.

— Ахъ, отецъ Гурій! Вѣдь сами знаете, какъ трудно матери съ шестью дочерьми... Вѣдь народъ-то все какой пустоголовый, Господи прости... Но зачѣмъ же такъ круто? Ну, дѣвка сглушила,—потому вѣдь ничего тутъ, кромѣ глупости, нѣтъ,—такъ у насъ же не одна, а цѣлыхъ шесть!—говорила матушка, бѣгая за нимъ пѣтушкомъ.

— Ну, ужъ знаете, матушка,—энергично возражалъ отецъ Гурій,—за это васъ покорно благодарю. Я изъ кожи лѣзъ, даже жребій бросать придумаль. А она вдругъ—въ офицера... Такъ позвольте: эта оказалась въ офицера влюблена, а другая окажется въ понамаря, а третья тамъ въ акцизнаго чиновника... Такъ это мы къ каждой подступаться будемъ и каждая намъ будетъ носъ наклеивать... Нѣтъ, ужъ покорно благодарю... Ужъ вы, знаете, въ другой разъ вашимъ дочерямъ, прежде чѣмъ съ женихами оставлять, допросъ учиняйте которая въ кого влюблена... А, по-моему, такъ духовной дѣвицѣ оно какъ-то и не приличествуетъ влюбленной быть, да еще въ офицера. По-моему, ей надлежитъ сидѣть и ждать, пока привезутъ богослова, вотъ и все тутъ!..

Недоразумѣніе такъ и не было выяснено. Отецъ Пафнутій почувъ, что дѣло принимаетъ бурный характеръ, спрятался въ прохладномъ половникѣ и не выходилъ оттуда. Леонила уже раскалалась въ своемъ легкомысліи и рыдала о потерянномъ счастьѣ гдѣ-то въ темномъ углу. Отецъ Гурій почти молча простился съ хозяйками и выѣхалъ со двора въ догонку за своимъ богословомъ.

— Что же это, братецъ ты мой, ты со мною дѣлаешь?—промовилъ отецъ Гурій, нагнавъ Маккавеева неподалеку отъ деревни.

— Да что же я дѣлаю, отецъ Гурій! Если ей больше свѣтскіе нравятся, а я духовный...

— Такъ вѣдь она не одна, ихъ много... Вонъ Оима-то духовныхъ любить...

— А почему я знаю, кого любить ваша Оима... Вы сами послали меня къ этой... Леонилѣ...

— Вотъ чудеса! Ей-Богу, чудеса! Этого со мной еще на случилось... Садись уже... Поѣдемъ куданибудь... Надо хоть отъ села отѣхать, а то, знаешь, прямо неловко...

Маккавеевъ сѣлъ въ экипажъ, и они поѣхали дальше.

— Что же я съ тобой буду дѣлать?—воскликнулъ отецъ Гурій, когда они опять выѣхали на широкую степную дорогу.

Егоръ Маккавеевъ на это не отвѣтилъ ни слова; ужъ онъ теперь и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя виноватымъ. Что онъ за человѣкъ въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь ему достовѣрно извѣстно, что они выѣхали съ отцомъ Гуріемъ не въ прятки играть, что отецъ Гурій, можно сказать, жертвуетъ собой, и что, наконецъ, надо, во что бы то ни стало надо, ему жениться. И вотъ они ѣздятъ уже сколько времени, сколько невѣсть передъ нимъ прошло, и онъ ни на одной до сихъ поръ не могъ остановиться. Можетъ, онъ какойнибудь особенный человѣкъ? Можетъ, въ немъ не хватаетъ чегонибудь, какойнибудь клепки въ головѣ? Что же въ самомъ дѣлѣ будетъ дѣлать съ нимъ отецъ Гурій? Человѣкъ прямо таки извивается, чтобы добыть ему жену, и лукавить, и врать, и терпитъ униженія, а онъ, точно каменная скала, остается неприступенъ и непоколебимъ.

— Ну, такъ я говорю, Егоръ Трофимычъ, что же я съ тобой буду дѣлать?—повторилъ отецъ Гурій.

— Да ужъ я и самъ не знаю, отецъ Гурій. Должно быть, что мнѣ не придется жениться.

— Какъ такъ не придется? А приходъ, а священство?

— Да ужъ надо и отъ священства отказаться... Это само собой.

— Ну, ужъ это, братъ, извини. Это ужъ просто глупость... Какъ же можно отказаться отъ священства? да для чего же ты двѣнадцать лѣтъ трубилъ въ бурсѣ, зубрилъ тамъ всякихъ Титовъ Ливіевъ да Оемистокловъ? И, наконецъ, такой приходъ тебѣ дали, какой не всякому достанется, какого ты и не стоишь... Нѣтъ, ужъ какъ себѣ тамъ хочешь, а я таки тебя женю... Да и съ какой стати, позволю

спросить, я съ тобой буду даромъ вожжаться? Какъ ты думаешь, большое это мнѣ удовольствіе доставляетъ? Вѣдь ты помни, что теперь всѣ вотъ эти попки, у которыхъ мы были, и попадьи, будутъ съ полгода на меня дуться; въ городъ ежели пріѣдутъ да на улицѣ встрѣтятъ, такъ будутъ рыло въ сторону воротить отъ меня... Оно, положимъ, мнѣ это все равно, ну, а однакожь все-таки не-пріятно...

— Да ужъ я готовъ, не знаю что, отецъ Гурій...

— Не знаю что! Вотъ то-то и оно, что ты самъ не знаешь что... Готовъ, говорить, на что-жъ ты готовъ? Къ чему ты такому готовъ? Въ томъ-то и штука, что ты не готовъ, а коли бъ былъ готовъ, такъ давно бы и женился...

— Отецъ Гурій!—какимъ-то подавленнымъ и въ то же время умоляющимъ голосомъ промолвилъ Маккавеевъ:—такъ неужели-жъ вы хотите, чтобы я на всю жизнь связался съ такой особой, которая мнѣ противна? Вѣдь я же тогда васъ корить буду.

— Ну, вотъ ужъ неперемѣнно и противна... Почему же онѣ тебѣ противны? Дѣвицы, какъ дѣвицы, все у нихъ, какъ слѣдуетъ, все на мѣстѣ. Почему-жъ онѣ тебѣ противны?

— Да я не говорю, отецъ Гурій. У нихъ ничего нѣтъ такого, а только не могу же я, не могу назвать своей женой, когда она мнѣ не нравится...

— Гм... ты, должно быть, тамъ въ семинаріи много всякихъ красавицъ видѣлъ. Скажи, пожалуйста, разборчивость какая! откуда взялось... Я просто и не радъ, что взялся... И откуда ты явился, скажи, пожалуйста?.. Родственникъ, говоритъ. А почему ты мнѣ родственникъ? А, можетъ, ты мнѣ вовсе и не родственникъ? Что ты Маккавеевъ тамъ! Эка важность!.. Маккавеевыхъ въ нашей губерніи сколько хочешь, такъ не могу же я всѣхъ ихъ женить...

— Отецъ Гурій!—попытался остановить его Егоръ.

— Э, да я давно знаю, что я отецъ Гурій, только толку отъ этого мало... Нѣтъ, ты мнѣ скажи, что я съ тобой буду дѣлать? Вѣдь не оставить же этого дѣла такъ? Ну, положимъ, я скажу: ну тебя къ Богу, и брошу тебя здѣсь, или тамъ въ городъ привезу обратно, и дѣлай, что хочешь... Такъ вѣдь на меня же тѣнь падаетъ. Скажутъ: вотъ отецъ Гурій взялся женить богослова, да и не сумѣлъ. Вѣдь вотъ оно штука-то какая! Я въ это дѣло, можно сказать, по уши влѣзъ. Теперь выходитъ, что мнѣ тебя женить, все равно какъ самого себя, надобно... Вотъ оно что...

— Куда жъ теперь ѣхать, отецъ Гурій?—спросилъ кучеръ, повернувъ къ нимъ лицо.

— Гм... куда ѣхать? А я почему знаю, куда теперь ѣхать? Ужъ, кажется, больше некуда,—сердито отвѣтилъ ему отецъ Гурій.—Ты постой, останови лошадей. Чтожъ все ѣхать да ѣхать, надо и постоять малость...

— Такъ остановиться?—съ недоувѣремъ спросилъ кучеръ, не понимая, для какой цѣли отецъ Гурій вздумалъ прохладяться посреди поля.

— Ну, да, остановись, а мы посидимъ да подумаемъ! А ей-Богу же, я, правда таки, не знаю, куда теперь ѣхать.

Кучеръ остановилъ лошадей. Отецъ Гурій грузно поднялся и выкарабкался изъ экипажа. Егоръ, самъ не зная для чего, послѣдовалъ за нимъ. Дорога шла среди желтыхъ полей. Съ обѣихъ сторонъ виднѣлось свѣжескошенное жнитво, кое-гдѣ выросла уже новая трава. Косовица давно уже окончилась, мужики свезли снопы по дворамъ и теперь молотили ихъ. Кругомъ не было ни души, только далеко на горизонтѣ виднѣлась темная, медленно движущаяся точка, это кто нибудь ѣхалъ въ городъ съ двумя тремя мѣшками смолоченнаго зерна на продажу. Небо было ясное, чистое. Солнце поднялось высоко и палило безъ сожалѣнія.

— Хорошо тутъ!—сказалъ отецъ Гурій, осматривая окрестность.— Ежели бы не суета мірская, такъ оно бы, правда, лучше никогда нашему брату не жениться. Что толку въ женитьбѣ? Наплодишь дѣтей, а тамъ всю жизнь гни спину, хлѣбъ зарабатывать... Да ты, можетъ, къ монашеству склонность имѣешь, Егоръ Трофимычъ?

Егоръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего чичероне.

— Къ монашеству?—онъ съ большимъ выраженіемъ отрицательно покачалъ головой.—Никакой склонности не чувствую.

— А то я думалъ, что у тебя этакія высокія мысли... Ну, стой же, давай еще думать. Ты вотъ что пойми: что въ нашемъ уѣздѣ—а ужъ я его знаю, какъ свои пять пальцевъ—больше ни одной духовной невѣсты не имѣется... Или мнѣ память измѣняетъ,—можетъ, кого нибудь и забыть... Есть одинъ попикъ тутъ, такой маленькій приходецъ, на одномъ богатомъ хуторѣ церковь построили хуторяне на свой счетъ; Ковчеговъ фамилія его, отецъ Парментій Ковчеговъ; и дочка у него есть... И приданое хорошее дастъ и очень даже хорошее, потому хуторяне—народъ богатый... Да только, братецъ ты мой, она съ изъяномъ...

— Съ какимъ изъяномъ?

— Горбатая... Ишь...—промолвилъ отецъ Гурій съ юмористической усмѣшкой, взглянувъ на своего родственника, изъ чего тотъ могъ заключить, что онъ, очевидно, подъ вліяніемъ благораствореннаго степнаго воздуха и яснаго лѣтняго неба, а также и размышленій о суетѣ мірской, значительно смягчился...—Ишь, не хочеть... Тоже, значить, вкусъ у тебя есть... Ну, такъ вѣдь я же это зналъ и не повезъ тебя туда... А ужъ отецъ Парментій, я не знаю, что далъ бы, ежелибъ охотникъ нашелся... Послѣднюю рясу съ себя снялъ бы, послѣднюю пару сапогъ... Потому тяжесть это великая, что дочка останется не причемъ...

— Нѣтъ, ужь, отецъ Гурій, мы туда не поѣдемъ! — отозвался Егоръ.

— Подумаемъ еще... Что-то я не припомню.. Вѣдь не ѣхать же намъ въ другой уѣздъ, это прямо даже неловко, меня съѣдятъ наши, ежели узнаюгъ; скажутъ—измѣна.. Тамъ и благочинный совсѣмъ другой.. Вотъ, братецъ, до чего мы дошли: остановились среди поля и стоимъ, точно чумаки, которые изъ Крѣма съ солью ѣдутъ... У нихъ нѣтъ пристанища, и они такъ вотъ среди дороги останавливаются, отдохнутъ и дальше ѣдутъ..

Наступило молчаніе. Егоръ чувствовалъ все это время, что самое лучшее для него было бы провалиться сквозь землю. Онъ переживалъ самыя скверныя ощущенія. Точно его спихнули съ мѣста, на которомъ онъ благополучно просидѣлъ двѣнадцать лѣтъ, и пустили по какимъ-то невѣдомымъ дебрямъ, гдѣ онъ на каждомъ шагу спотыкается и толкаетъ въ бокъ отца Гурія, который ни съ того ни съ сего очутился рядомъ съ нимъ въ качествѣ спутника. Кто-то заставляетъ его жениться, зачѣмъ-то ему нуженъ приходъ. Сколько лѣтъ ничего этого ему не было нужно и вдругъ понадобилось. Эхъ, и въ самомъ дѣлѣ хорошо бы такъ вотъ остаться среди поля, на жнитвѣ, подъ яснымъ голубымъ небомъ, подъ свѣтлыми лучами лѣтняго солнца! Воздухъ-то какой дивный! Ширь-то какая кругомъ!

— Отецъ діаконъ!—угрюмо и недовольно рѣшительно проговорилъ кучеръ, который тоже сошелъ на землю и гладилъ рукою шею лошадей.

— А что тебѣ?

— Да вамъ какъ?.. Вамъ непременно по духовной части?

— Да ты что?.. Ты о чемъ собственно?

— Я говорю,—невѣста чтобы по духовной части была?

— А ты что тутъ понимаешь? Ты тоже свать, что ли?

Кучеръ сразу почувствовалъ себя преступнымъ, снялъ шапку и началъ чесать затылокъ.

— Да я, извѣстно, не смѣю... А только, ежели можно и не по духовной... такъ тутъ сыщется...

— Что такое сыщется?.. Можетъ, у мужика какого нибудь дѣвка есть, такъ это, что ли?

— Нѣтъ, не у мужика, отецъ діаконъ! какъ же я смѣлъ бы, ежели-бъ у мужика.. Извѣстно, барину нужно барышню... Это ужь такъ во всемъ свѣтѣ дѣлается.. А только тутъ есть въ окрестности..

— Ты про кого это?—спросилъ отецъ Гурій, уже нѣсколько заинтересовавшійся рѣчью кучера.

— Да вы развѣ забыли? тутъ купецъ Голопузовъ...

— Голопузовъ?—воскликнулъ почти радостно отецъ Гурій.— А вѣдь правда,—купецъ Голопузовъ тутъ есть... И у него еще одна дочка имѣется.. Вотъ я тебѣ скажу, совсѣмъ изъ головы вонъ. Вотъ

такъ штука!.. А это, братецъ ты мой, птица крупная... На старшей дочкѣ недавно тутъ одного дьякона, Гордіева, сынъ женился. Такъ, шалопай вышелъ.. Изъ семинаріи его прогнали, онъ вольноопредѣляющимся поступилъ, а офицерскаго званія не достигъ, отсюда его тоже прогнали. Такъ онъ взялъ да и женился на Голопузовой дочкѣ и взялъ за нею, голубчикъ ты мой, тысячь пятнадцать денежекъ и теперь лошадыми торгуеть, мѣняетъ и торгуеть, все равно какъ цыганъ, а, можетъ, и конокрадствомъ занимается, кто его знаетъ,—человѣкъ онъ жуликоватый... Ну, а Голопузову все равно, лишь бы съ почтеннымъ лицомъ породниться. Такъ ежели онъ за дьяконскимъ сыномъ да еще этакимъ-то прохвостомъ пятнадцать тысячь далъ, такъ за богословомъ... Богослову онъ долженъ много больше дать...

— Да кто же онъ такой, этотъ Голопузовъ?—спросилъ Егоръ.

— Голопузовъ? Да его вся губернія знаетъ. Это такой мошенникъ, я тебѣ скажу, какого другого и не сыскать. Онъ тутъ четыре кабака держитъ, и бакалейная торговля у него, и хлѣбомъ торгуеть, у мужиковъ за грошь скупаеть и въ городъ везеть... Онъ пришелъ въ эти мѣста откудова-то издалека, не то изъ Тверской, не то изъ Нижегородской губерніи, и пришелъ, я тебѣ скажу, безъ сапогъ и безъ кафтана, совсѣмъ голякомъ, а теперь огромными деньжищами ворочаетъ... Ну, такъ вотъ мы къ нему и поѣдемъ,—прибавилъ отецъ Гурій, сразу сильно оживившись и переходя въ безповоротно дѣловитый тонъ. — И ужъ ты тамъ кончай какъ нибудь, потому мнѣ пора седмицу мою начинать. Ежели опоздаю, такъ за это преосвященнѣйшій владыка не похвалитъ, — молвилъ отецъ Гурій, занося ногу на приступку экипажа, чтобъ влѣзть въ него.

— Ну, что-жъ, поѣдемъ!—довольно вяло отозвался Егоръ Макавеевъ.

Они всѣ усѣлись, кучеръ ударилъ по лошадымъ, и тѣ, какъ бы сознавая, что необходимо наверстать потерянное время, помчались.

— А ты лошадокъ-то подгоняй!—сказалъ отецъ Гурій кучеру, — ѣзды порядочно, а мнѣ сегодня ночью надо быть въ городѣ.

Кучеръ хлестнулъ лошадей, а потомъ обернулся къ нему. Послѣ того, какъ онъ внезапно открылъ купца Голопузова, онъ считалъ себя до нѣкоторой степени въ правѣ принимать участіе въ разговорѣ и высказывать свои собственныя мысли.—Невозможно, отецъ діаконъ,—промолвилъ онъ.

— Что такое невозможно?

— Невозможно поспѣть нынче въ городъ.

— Какъ это невозможно, если мнѣ надо?

— Да какъ же, отецъ діаконъ? У Голопузова будемъ къ полудню, ужъ раньше нельзя. Да пока то да се, все-жъ таки придется посидѣть часика два, три, а тамъ, ежели дѣло сладится, такъ опять

же васъ не пустятъ и ночевать заставятъ. Вотъ оно и выходитъ, что никакъ невозможно.

— А ты не рассуждай, а поѣзжай-ка скорѣй! Твое дѣло—кнутъ, и болѣе ничего.

Кучеръ на этотъ разъ повиновался, но внушительный тонъ отца Гурія не разубѣдилъ его въ нѣкоторомъ правѣ вмѣшиваться въ общее дѣло. Прошло еще минутъ пять; онъ опять повернулъ голову и, какъ-то особенно хитро ухмыляясь, промолвилъ:

— Отецъ діаконъ! а мнѣ, ежели случится удача, мнѣ что будетъ?

— Послушай, ты, должно быть, съ ума спятилъ!—закричалъ на него отецъ Гурій:—Это еще что такое? Что тебѣ можетъ быть?

— Какъ же? Это я про Голопузова высказалъ!

— Ну, высказалъ, и ладно, и поѣзжай дальше! Что-жъ, ты его выдумалъ, что ли! Его до этого на свѣтѣ не было, или какъ? Или я въ первый разъ объ немъ слышу? Скажи, пожалуйста, какой мудрецъ! Ну-ка, ну-ка, хлестни лошадей! Еще, еще! Да вѣдь тутъ вправо? Небойсь, самъ не знаешь дороги! Поверни-ка вправо!

— Вправо и есть!—откликнулся кучеръ и покачалъ головой въ знакъ того, что съ нимъ поступаютъ несправедливо. Но онъ ужъ больше не рѣшался вступать въ разговоръ.

Дорога, которая, отдѣлившись отъ большой, пошла направо, и по которой они теперь ѣхали, была не широкая, такъ что, когда встрѣчались двѣ повозки, то одной приходилось объѣзжать по травѣ. Обыкновенно случалось, что объ сворачивали на траву, одна справа, другая слѣва, такъ какъ ни одинъ сѣдокъ не хотѣлъ уступить другому.

По обѣ стороны тянулись нивы, а подалее чернѣли полосы баштановъ, изрѣдка покрытыхъ ползучей зеленью. Кое-гдѣ уже были выстроены камышевые курени для старцевъ, которые будутъ стеречь арбузы и дыни. Въ иныхъ мѣстахъ были сооружены на длинныхъ палкахъ чучела, долженствовавшія пугать воронъ. Солнце подымалось все выше и выше. Вдали мелькали небольшіе хуторки, разсѣянные по безводному пространству; иногда показывалось большое село, остававшееся въ сторонѣ отъ нихъ.

— Вотъ это,—говорилъ отецъ Гурій, обращаясь къ Маккаеву,—это все область Голопузова. Вонъ тамъ Малеевка, гдѣ у него два кабака и одна бакалейная лавка. А вонъ по ту сторону, за пригоркомъ—отсюда не видно—Бзуловка, такъ тамъ у него цѣлыхъ три кабачища построено. И куда только народъ православный всю эту водку дѣваетъ? А эти всѣ хуторки, это тоже его прихожане. Кабаковъ онъ тутъ не строилъ, невыгодно; такъ все равно они бѣгаютъ то въ Малеевку, то въ Бзуловку. А главное его гнѣздо въ Свиридовкѣ, куда мы ѣдемъ. Тамъ у него цѣлый дворецъ и хлѣбныя засѣвки,—живетъ царемъ и никого знать не хочетъ. Вотъ, бра-

тецъ ты мой, настоящій кацапскій умъ... Хохлу никогда этого не сдѣлать. Видалъ ты когда нибудь, чтобы хохоль кабацкимъ дѣломъ занимался?.. Навѣрно не видалъ, да и не увидишь. Потому его отъ этого претить. А кацапъ сколько угодно... Въ нашихъ мѣстахъ кацапъ тѣмъ же дѣломъ занимается, что и еврей. Придетъ оттуда, съ сѣвера, и сейчасъ начинаетъ покупать да продавать то да се, сперва съ маленькаго, а потомъ, смотришь, ростеть, ростеть, да и вырастетъ въ Голопузова. Всѣ кулаки въ нашихъ мѣстахъ пришлые люди изъ разныхъ кацапскихъ губерній. Изъ Владимірской, изъ Тверской, даже изъ Вологодской, изъ всякихъ...

— Нашему брату, — еще разъ попробоваль откликнуться кучеръ: — на это идти не возможно. У него на это и ума не хватитъ.

— Что ты понимаешь? — довольно гнѣвно возразилъ ему отецъ Гурій, не терпѣвшій вообще вмѣшательства въ разговоръ. — Ума не хватитъ! Какой тутъ умъ? Тутъ не умъ надобенъ, а смѣлость да нахальство... Скажи лучше, что души не хватаетъ, только не у нашего брата, а у этого Голопузова, — такъ это будетъ правильно. Богъ его знаетъ, отчего это такая разница! Кажись, и народъ одинъ, отъ одного корня происходитъ, и вѣра одинаковая, а между тѣмъ совсѣмъ другой характеръ... А много еще осталось до Свиридовки?

— Нѣтъ, еще съ полчаса...

— Не знаю, какъ и быть, — продолжалъ отецъ Гурій. — Оно дѣйствительно мнѣ необходимо нынче быть въ городѣ. И ежели у Голопузова сладится, такъ, правда, онъ меня не пустить. Да и какъ пустить? Это даже обидно... Вѣдь ты, ежели сегодня сладись, завтра долженъ быть обвинчанъ, не иначе; до приѣзда преосвященнаго владыки осталось всего четыре дня. А тебѣ еще надобно подготавливаться, въ городъ съѣздить, рясу себѣ заказать и прочее. Какъ же я поспѣю?..

— А вы не ѣдите, отецъ Гурій! — совѣтоваль Маккавеевъ.

— Какъ же такъ не ѣдить? Кто же за меня служить будетъ? Развѣ второго дьякона попросить? Онъ человекъ добрый, пожалуй, и согласился бы, только одна бѣда, — у него привычка: пока свою седмицу служить, трезваго образа жизни держится, а какъ только моя наступитъ, такъ сейчасъ у него запой на всю недѣлю.

— Такъ, можетъ, онъ для васъ поудержится?

— Да это бываетъ. Только надобно вовремя ухватить его. Надо, чтобъ онъ зналъ.. Попробую-ка я отъ Голопузова гонца послать ему; онъ, можетъ, еще и поспѣетъ.. А то просто не знаю, какъ и быть... Ну, живо, живо, хлестни-ка еще лошадокъ! Голопузовъ имъ хорошаго овса дать. У него вѣдь отъ овса закромы ломаются...

Кучеръ еще разъ энергично хлестнулъ лошадей, онѣ помчались. Уже на горизонтѣ показались хаты большого села, и заблестѣла гладкая поверхность ставка. Присутствіе воды подѣйствовало ожи-

вляюще на путешественниковъ. Сколько времени они уже не видали ее! Эти скучные колодцы съ унылыми тонкими журавлями наводили на нихъ тоску.

— Эхъ, и выкупался бы я теперь! Надо будетъ у Голопузова простыню попросить. Для меня нѣтъ высшаго удовольствія, какъ выкупаться въ холодной водѣ.

— А вамъ не вредно?—спросилъ Маккавеевъ.

— Вредно? Почему же это вредно? Да мнѣ ничего не вредно! Это ты смотришь на мою комплекцію? Ну, это только такъ, съ виду, а у меня никакихъ ударовъ не можетъ быть.. У меня сердце здоровое. Непремѣнно первымъ же дѣломъ у Голопузова простыню попрошу, да и пойду купаться, да и тебѣ совѣтую, родственникъ, потому столько времени изъ села въ село ѣздимъ,—сколько пыли на насъ падало! Все это надо смыть.. Охъ, и женю же я тебя на Голопузовой дочкѣ, вотъ увидишь. Двадцать тысячъ приданаго выговорю и тысячу рублей себѣ займы возьму.. Мнѣ давно уже тысячу рублей надо. Я присматриваю себѣ на окраинѣ нашего города домишко маленькій, одноэтажный, на случай старости.. Вѣдь ежели за штатъ выйдешь, по старости лѣтъ, такъ изъ церковнаго дома сейчасъ вонъ, и на твое мѣсто другой сядетъ. Такъ вотъ я и желаю собственный уголь имѣть... Просятъ три съ половиной тысячи, но, я думаю, что за полторы отдадутъ... Такой народъ... Въ трое запрашиваетъ! Пятьсотъ рублей у меня у самого накоплено, а тысячу рублей у тебя займы возьму, вотъ и отлично будетъ. Дашь, что ли?

— Да откуда же я ихъ возьму, отецъ Гурій?—съ искреннимъ недоумѣніемъ спросилъ Маккавеевъ.

— Такъ вѣдь я же говорю — въ томъ случаѣ, ежели съ Голопузовымъ мы дѣло устроимъ. Понимаешь? Тогда онъ тебѣ двадцать тысячъ чистоганомъ отвалитъ. Понялъ? Я про это говорю.

— Ну, про это рано говорить, отецъ Гурій! Да и зачѣмъ мнѣ двадцать тысячъ? что я съ ними буду дѣлать?

— Какъ что? Вотъ младенецъ! Съ двадцатью-то тысячами найдешь что сдѣлать. Такъ согласенъ, по рукамъ?

— Отецъ Гурій, да можете хоть всѣ взять, ей-Богу. Я даже не знаю, какъ объ этомъ можно спрашивать.

— Ну, всѣ, вотъ сказалъ! Съ какой же стати я возьму? Вѣдь не я женюсь на Голопузовой, а ты. То есть такой ты грудной младенецъ, Егоръ Трофимовичъ, что я, ей-Богу, такихъ еще не видалъ. Ты словно вотъ вчера только ходить научился, ей-ей! Можно подумать, что васъ тамъ въ семинаріи каждый день отецъ инспекторъ въ пеленки завертываетъ, а отецъ ректоръ баю-баюшки-баю поетъ... Эге, да вотъ и Свиридовка. Смотри, вонъ церковь на горѣ,—маленькая какая, старенькая, а рядомъ съ нею церковный домъ—какой плюгавенькій; не знаю, какъ въ немъ и жить можно. А вонъ налѣво школа, погляди-ка: домишко въ три окошечка. Дворикъ въ

пять сажень. Три деревца въ палисадникѣ; вотъ такъ дворецъ!.. А теперь смотри сюда: вотъhalb, видишь, каменный домина въ два этажа? разглядѣль? это Голопузовское добро. Тутъ у него внизу кабакъ и бакалея, а наверху самъ живетъ и всѣхъ затмеваетъ... Вотъ каковъ онъ, твой будущій тестъ. А посмотри-ка,—обратился отецъ Гурій къ кучеру,—что-то около Голопузовскаго дома много повозокъ стоитъ. Ужъ не гости ли у него?

— Да у него завсегда гости. Гдѣ кабакъ, тамъ и гости, отецъ діаконъ. Это уже такъ водится.

— Нѣтъ, не то. Не одни возы да повозки; вонъ дилижанъ чей-то стоитъ, и тройка лошадей запряжена. Это уже кто нибудь повыше...

— Нынче колонисты въ дилижанахъ ѣздятъ, отецъ діаконъ!

— Какіе колонисты? Нѣмцы? Такъ нѣмецъ къ Голопузову не поѣдетъ. Первое дѣло, нѣмецъ водки не пьетъ, а второе—онъ Голопузова презираетъ. Нѣмецъ все въ городѣ забираетъ; нѣмецъ лишняго не любитъ платить; нѣмецъ—человѣкъ аккуратный. Нѣтъ, это не нѣмецкій дилижанъ, это и по фасону видно. Вонъ видишь, въ задку сѣно наложено и коврикомъ прикрыто; это, значитъ, для господъ; а въ передку скамеечка, это значитъ—для кучера... Ужъ не именинникъ ли Голопузовъ? А какъ зовутъ Голопузова, не помнишь?

— Да, кажись, Архипомъ Авдеичемъ...

— Архипомъ? А погоди, погоди, дай вспомнить... Какого сегодня святого?

Отецъ Гурій началъ усиленно припоминать и вдругъ ударилъ себя ладонью по лбу.

— А вѣдь такъ и есть,—сегодня Архипа, мученика Архипа, ей-ей! Вотъ такъ случай! Слѣдственно мы прямо на именины попали. Вотъ такъ исторія! Ну, это ужъ, значитъ, что нибудь особенное должно выйти! Такая судьба! Ну, держи же лѣвъе, лѣвъе, а то ты зацѣпишь осью за дилижанъ. Да, не попасть мнѣ сегодня въ городъ! Ежели у Голопузова именины, такъ это даромъ не пройдетъ. Такъ ты держи къ заднему крыльцу,—что ты къ кабаку ѣдешь? Не въ кабакъ же мы пріѣхали! Экій ты неловкій! Какъ же это—духовное лицо и прямо къ кабаку подвозишь! Это соблазнъ!

Кучеръ въ самомъ дѣлѣ, согласившись съ отцомъ Гуріемъ, что подвозить духовное лицо къ дверямъ кабака неприлично, круто повернулъ влѣво и чуть было не вывалилъ сѣдоковъ. Въ это время изъ кабака, откуда раздавался шумъ и гвалтъ какихъ-то необыкновенно свирѣпыхъ голосовъ, выскочилъ пьяненькій и плюгавенькій мужиченко, снялъ шапку и, потрясая ею въ воздухъ, крикнулъ:

— Ого-го-го, какой толстый батюшка пріѣхалъ! Вотъ это батюшка, вотъ это настоящій батюшка!.. Не то что нашъ отецъ Милетій—высокій да поджарый!..

— Вот видишь, искуситель ты этакій!— промолвилъ отецъ Гурій въ спину кучеру,— очень тебѣ надо было ѣхать въ эту сторону. Видишь, тутъ пьяный народъ! Говорю, соблазнъ одинъ... А еще тоже въ долю лѣзетъ!

Виноватый кучеръ завернулъ за уголь дома и подѣхалъ къ заднему крыльцу. Наши путешественники начали слѣзать на землю. Дѣвчонка-подростокъ, проходившая здѣсь и очевидно принадлежавшая къ составу Голопузовскаго дома, увидѣла ихъ и стрѣлой побѣжала наверхъ. Черезъ минуту въ домѣ уже произошло движеніе. Голопузовъ самъ спускался по лѣстницѣ внизъ, чтобы встрѣтить новыхъ гостей, пріѣхавшихъ сюрпризомъ.

— Вотъ такъ штука! — тихо говорилъ своему спутнику отецъ Гурій, когда они сошли на землю,— ни съ того ни съ сего на праздникъ попали...

— Знаете что, отецъ Гурій, ужъ не поѣхать ли намъ дальше?— нерѣшительно сказалъ Егоръ.

Отецъ Гурій вытаращилъ на него глаза.

— То-есть какъ это дальше? для чего-жъ дальше? Ужъ ты, Егоръ Трофимовичъ, кажись, окончательно съ ума спятилъ. Ты, я думаю, забылъ даже, зачѣмъ ѣздишь...

— Не забылъ я, отецъ Гурій, да только... Только это какъ-то, знаете, не того... Тутъ и кабакъ, тутъ и пьяные... Богъ знаетъ, что выходитъ...

— Ну, ужъ, знаешь, не намъ съ тобой разбирать... Я тебѣ прямо говорю, что ежели сегодня не кончишь, такъ умываю руки, просто вотъ, какъ Пилать, руки умываю...

Въ это время изъ двери, которая вела въ домъ, слышались грузные шаги по скрипучей деревянной лѣстницѣ. Тяжело спускавшійся сверху Голопузовъ приближался. Отецъ Гурій хотѣлъ прибавить Макавееву еще нѣсколько словъ посильнѣе, но, заслышавъ эти шаги, воздержался и только махнулъ рукой на Егора.

Тутъ на порогѣ показался самъ Архипъ Авдеевичъ.

— Господи, ты, Боже мой! вотъ ужъ и везетъ же мнѣ, то-есть такъ везетъ, такъ везетъ,—звучнымъ, густымъ голосомъ воскликнулъ Голопузовъ и протянулъ по направленію къ отцу Гурію обѣ свои огромныя, красныя руки.

Это былъ здоровенный дѣтина съ широкими плечами, громоздкій, тяжеловѣсный, сложенный крѣпко, на славу. Лицо у него было широкое, слегка только обросшее жиденькой русой растительностью. Глаза маленькіе, сѣрые, быстрые. Волосы густые, прямые, тщательно причесанные на бокъ. Одѣтъ онъ былъ въ ситцевую рубашку, подпоясанную шнуркомъ, а поверхъ нея, для приличія, былъ надѣтъ коротенькій пиджакъ, такъ что рубашка далеко выходила за предѣлы пиджака. На немъ были высокіе сапоги и широкіе штаны, всученные въ нихъ.

Отецъ Гурій не сразу освоился съ этимъ радостнымъ привѣтствіемъ. Въ сущности онъ не имѣлъ никакихъ основаній считать себя въ числѣ добрыхъ знакомыхъ Голопузова. Встрѣчался съ нимъ всего раза два-три въ жизни, не то на свадьбѣ у кого-то изъ уѣздныхъ духовныхъ лицъ, не то въ городѣ у какихъ нибудь знакомыхъ купцовъ. Голопузовъ, конечно, долженъ былъ хорошо знать его, соборнаго дьякона, котораго могъ видѣть служащимъ обѣдню каждое воскресенье. Но самъ отецъ Гурій, если бы встрѣтилъ Архипа Авдейча гдѣ нибудь въ городѣ, на базарѣ, или на многолюдной улицѣ, то, пожалуй, и не узналъ бы его.

Тѣмъ не менѣе, какъ опытный дипломатъ, отецъ Гурій тотчасъ же придавъ своему лицу выраженіе живѣйшей радости и съ своей стороны протянулъ по направленію къ Голопузову руку. Протянуть обѣ онъ не рѣшился, такъ какъ, по его мнѣнію, это было бы слишкомъ.

— Да что у васъ такое, Архипъ Авдейчъ?—спросилъ онъ, доставляя Голопузову жать его руку обѣими своими руками.—Мы это ѣдемъ съ родственникомъ. Кстати, позвольте вамъ представить: мой родственникъ, Егоръ Трофимовичъ, и тоже, какъ и я, Маккавеевъ... Да, — продолжалъ онъ, въ то время, когда Голопузовъ и Маккавеевъ занимались рукопожатіемъ,—такъ ѣдемъ это мы, а путь нашъ лежитъ тутъ въ Федосеевку, тамъ къ отцу Лаврентію дѣло есть. Знаете отца Лаврентія, старикъ такой, одинокій... Ну, такъ вотъ къ нему... Ѣдемъ, говорю, и вдругъ я вспоминаю, что у меня къ вамъ дѣльце... Ну, такъ, пустячное. Тамъ справиться кой о чемъ нужно по хлѣбной части... Да вы не смѣйтесь, я вѣдь тоже дѣлами занимаюсь... Да, вспомнилъ это я и говорю кучеру: ну-ка, заверни къ Архипу Авдейчу. Онъ завернулъ. Присматриваюсь: что за чудо? да тутъ цѣлый съѣздъ, все одно, какъ у губернатора на новый годъ... Что такое?—думаю. Праздникъ какой, что ли? И сталъ припоминать, какого нынче святого. И вдругъ это мнѣ въ голову приходитъ: такъ и есть: нынче мученика Архипа. Вотъ такъ случай! говорю. Это мы, значить, прямо на именины...

— Такъ оно и есть, отецъ Гурій, прямо на именины и попали... Такъ милости же просимъ ко мнѣ, навѣрхъ... А у насъ уже одно духовное лицо есть...

— Кто такой? Должно быть, свать?

— Свать и есть; отецъ Мемнонъ, да не одинъ, а со всѣмъ своимъ хоромъ...

— Ахъ, отецъ Мемнонъ все еще съ хоромъ... Вотъ такъ чудаки!

— Отличная штука, я вамъ скажу, отецъ Гурій; съ этимъ хоромъ отецъ Мемнонъ, куда ни пріѣдетъ, такъ всегда ему первый пріемъ, потому каждому пріятно... Пожалуйте же, милости просимъ... И сродственника вашего пропну... Пожалуйте...

— Да мы сейчасъ; только насчетъ лошадей тутъ надо распо-

рядиться... Вы идите себѣ къ гостямъ, Архипъ Авдеечъ, а мы сейчасъ придемъ...

— Только вы ужь смотрите, не вздумайте повернуть оглобли-то...

— Ну, что вы, что вы, развѣ это мыслимо?.. Гдѣ-жъ видано, чтобъ отъ хорошихъ людей оглобли поворачивать? Сейчасъ вслѣдъ за вами будемъ.

— Ну, такъ я пойду... Надо бабѣ моей сказать, кто пріѣхалъ, да и гостямъ; а то они всѣ смотрятъ въ окно и видятъ, что духовное лицо, а кто такой, не знаютъ.

— Отецъ Мемнонъ-то, я думаю, знаетъ.

— Да въ томъ-то и дѣло, что отецъ Мемнонъ теперь заперся въ кладовкѣ съ своимъ хоромъ и тамъ что-то новое выучиваетъ. Спѣвку дѣлаетъ... Такъ я пойду.

И Архипъ Авдеечъ, хотя и очень грузно, но въ то же время довольно быстро, переступая разомъ черезъ двѣ ступеньки, сталъ подыматься по лѣстницѣ.

— Что это ты на меня такъ неистово смотришь?—спросилъ отецъ Гурій, обращаясь къ Маккавееву, все лицо котораго выражало крайнее недоумѣніе.

— Что это онъ такое говорилъ?

— Насчетъ чего это?

— Да насчетъ этого отца Мемнона. Про какой такой хоръ, развѣ онъ регентъ, или какъ?

— Э, совсѣмъ особенная штука. Видишь, это отецъ Мемнонъ, у него пропасть родни; своихъ дочекъ, положимъ, только двѣ, сынъ вотъ этотъ шалопай, который женился на дочкѣ Голопузова, и еще два сына, поменьше, и оба вышли изъ семинаріи по малоуспѣшности. Да два племянника, да три племянницы, да еще какая-то родня, ужь и не знаю, въ какомъ колѣнѣ, да и онъ самъ, кажись, не знаетъ. Такъ это его Господь Богъ наградилъ, что не всякому захотѣлось бы этого... Все, знаешь, сироты, а отказаться онъ не можетъ... Сердце у него доброе. Такъ вотъ онъ и началъ мудрить. Приходишко-то у него былъ скверненькій, доходы неважные получалъ, а хотѣлъ прокормить всѣхъ. Онъ и выдумалъ этотъ хоръ. Сперва это божественное пѣснопѣніе разучивалъ и хорошо выходило, потому онъ самъ въ пѣніи понимаетъ, во время оно въ архіерейскомъ хорѣ теноромъ пѣлъ. И сталъ этотъ его хоръ въ церкви на клиросѣ пѣть. И молва объ немъ пошла по уѣзду, что вотъ дескать у отца Мемнона хоръ хорошій, и стали его приглашать съ хоромъ на храмовые праздники, по церквамъ. Оно, конечно, неудобно діакону изъ своего прихода отлучаться, да настоятель у него добрый, отпускалъ. А отцу Мемнону всякій разъ что нибудь перепало. Первое дѣло, всю эту ораву его во время храмоваго праздника хорошо накормятъ, а второе дѣло и вознагражденіе рубликовъ пять-шесть дадутъ. Такимъ манеромъ онъ и зарабатывалъ рублей сотню

въ годъ, на бѣдномъ дьяконскомъ приходѣ деньги хорошія. А то одинъ разъ и такъ случилось, что проѣзжалъ по епархіи преосвященный, и одинъ батюшка, вотъ тутъ, въ Малеевкѣ,—онъ пріятель отца Мемнона,—пожелалъ услужить ему, да какъ разъ въ это самое время, когда преосвященный черезъ Малеевку проѣзжалъ, пригласилъ отца Мемнона съ хоромъ. Ну, отецъ Мемнонъ, значить, и отличился; а преосвященнѣйшій владыка, самъ знаешь, пѣніе любить и, какъ услышалъ этотъ хоръ, такъ сейчасъ и говорить: надо ему, говорить, приходъ получше дать, и перевелъ его на первѣйшій приходъ въ уѣздѣ. Вотъ, значить, и не напрасно отецъ Мемнонъ хоръ выдумалъ. Да ты не думай, что онъ только все божественное поеть. На этомъ одномъ далеко не уѣдетъ. Онъ и пѣсни разныя хоровыя знаетъ и «Грыця» можетъ спѣть и «Зозулку» и всякую штуку, и съ этимъ его на разныя именины и всякіе другіе праздники семейные зовутъ и тутъ хорошо покормятъ да и деньжонокъ всыпятъ. Ну, теперь ты, значить, понялъ, что такое хоръ отца Мемнона.

— Понялъ-то, понялъ,—отвѣтилъ Егоръ Маккавеевъ,—но только странно это...

— Что-жъ въ этомъ страннаго?

— Да какъ-то неловко духовному лицу этимъ дѣломъ заниматься.

— Да вѣдь, братецъ ты мой, когда кушать нечего, то и не такимъ дѣломъ займешься. Однако, что же это мы съ тобой здѣсь стоимъ? это даже неловко. Голопузовъ подумаетъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ оглобли повернули... Слушай ты,—обратился отецъ Гурій къ кучеру,—ты поѣзжай туда, вонъ, гдѣ отца Мемнона дилижанъ стоитъ—дилижанъ-то оказался отца Мемнона, я его теперь узналъ, а ты говорилъ, нѣмецъ-колонистъ. Да, такъ поѣзжай туда, распряги лошадей и вели, чтобъ тебѣ дали овса, то-есть не тебѣ, а лошадямъ,—понимаешь? — а тебѣ ужъ я выхлопочу тамъ, что полагается. Въ обидѣ не будешь. Вотъ это и будетъ твоя доля; понялъ?

Кучеръ усмѣхнулся.—Это не доля, отецъ діаконъ, а положеніе...

— Ну, ну, ладно, не разсуждай, дѣлай, что тебѣ говорятъ. Пойдемъ-ка наверхъ, Егоръ Трофимовичъ. А не легко мнѣ подыматься по этой лѣстницѣ. Охъ, какая крутая! И какъ онъ самъ, Голопузовъ, такой грузный, совершенно какъ мотылекъ взлетѣлъ на нее. Это оттого, что у него брюха нѣтъ. У него кость широкая, а жиру никакого... Оттого ему и легко...

Отецъ Гурій шелъ впереди, медленно переступая своими толстыми ногами, со ступеньки на ступеньку. Маккавеевъ тихо и чрезвычайно лѣниво двигался за нимъ. Его страшно не тянуло въ это жилище. И когда онъ вспоминалъ, что нынче послѣдній срокъ, что ему еще можно привередничать, а завтра отецъ Гурій, можетъ быть, окончательно покинетъ его,—ему становилось жутко. Неужели же въ самомъ дѣлѣ именно въ этомъ домѣ, рядомъ съ кабакомъ, съ бакалеей, съ пьянымъ мужиченкомъ, который такъ осмѣялъ отца

Гурія, ему придется найти свою судьбу и на всю жизнь?.. Неужели же именно этотъ здоровый дѣтина, у котораго, по словамъ отца Гурія, кость необычайно широка, этотъ Голопузовъ, про котораго самъ отецъ Гурій говоритъ, что онъ плутъ и мошенникъ, сдѣлается его тестемъ? Да и фамилія-то какая! Господи, даже породниться какъ-то неловко.

Тѣмъ не менѣе онъ покорно шелъ за отцемъ Гуріемъ, сознавая, что своей нерѣшительностью и неподготовленностью къ жизни причинилъ уже этому доброму человѣку много огорченій.

По мѣрѣ того, какъ они подходили къ площадкѣ верхняго этажа, изъ квартиры все яснѣе и яснѣе слышался говоръ. Были и мужскіе голоса и женскіе. Разговоръ шелъ, видимо, чрезвычайно оживленный, и можно было предполагать, что изъ нижняго помѣщенія, надъ которымъ красовалась вывѣска: «распивочно и навѣность», уже порядочная доля живительной влаги была перенесена сюда.

На верху отецъ Гурій, прежде чѣмъ отворить дверь, остановился и минуты двѣ тяжело дышалъ.

— Вотъ, братецъ ты мой, комплекція-то какая!—съ сокрушеніемъ промолвилъ онъ, обращаясь къ Маккавееву.—Все брюхо, все оно, и откуда оно берется, скажи ты мнѣ, пожалуйста? Вотъ ты ученый человѣкъ, ты богословію кончилъ, объясни ты мнѣ, сдѣлай милость, откуда оно берется! Живетъ себѣ человѣкъ, живетъ, все дѣлаетъ, какъ и другіе, ѣсть, пьетъ, ходитъ, дѣломъ своимъ занимается, а у другихъ же не растетъ, а у него растетъ. Вонъ у нашего понамаря соборнаго, Ферапонтова, не то что брюха нѣтъ а даже прямо впадина какая-то, ей-ей, и бока у него такіе, точно изъ нихъ щипцами повыдрано по куску мяса. Право. И весь онъ высокій да тонкій, какъ палка, вонъ какъ тѣ журавли, которыхъ мы столько видали надъ колодцами. Ужъ прямо не знаю, что и дѣлать. И ты смотри,—продолжалъ отецъ Гурій, все еще тяжело переводя духъ,—что это за примѣта такая? У дьячковъ и понамарей никогда брюха не бываетъ. Вотъ сколько живу на свѣтѣ, сколько ихъ видѣлъ, а не замѣчалъ. А чуть приметъ санъ, какъ священнической, такъ и дьяконскій, сейчасъ это и начинается топорщиться. Вотъ ты мнѣ и объясни. Ты богословъ, ты долженъ объяснить...

Но Маккавееву не пришлось примѣнять свои богословскія познанія къ объясненію столь страннаго явленія. Въ это время передъ самыми ихъ носами дверь распахнулась, и изъ комнаты вылетѣлъ цѣлый потокъ громкихъ словъ, которыя смѣшивались между собой, такъ что ихъ нельзя было отдѣлить одно отъ другого, и на порогѣ показался Голопузовъ, а за спиной его, какъ бы для контраста, маленькая, худенькая женщина съ краснымъ лицомъ, съ головой величиной въ кулакъ, съ жалобнымъ выраженіемъ лица. На ней была ситцевая юбка и такая же кофта, а на головѣ бѣлый чепчикъ, придававшій ей старушечій видъ, хотя она была еще не стара.

— Да что же это вы, отецъ діаконъ? мы уже думали, что вы и не придете... промолвилъ Голопузовъ:—вотъ и баба моя; она такъ вамъ рада, ужъ такъ рада...

Тутъ изъ-за спины его вышла на первый планъ маленькая женщина съ краснымъ лицомъ, которое теперь, какъ бы подѣ влияніемъ его словъ, выражало живѣйшую радость.

— Мы такъ благодарны вамъ, такъ благодарны,—говорила жена Голопузова.—Пожалуйте, гостями будете...

— Да вотъ, знаете, духъ перевозжу,—отвѣтилъ отецъ Гурій,—лѣстница-то у васъ не изъ легкихъ, а я, знаете, не привыкъ. Не приходится. Живу въ нижнемъ этажѣ, всѣ батюшки тоже въ нижнихъ этажахъ живутъ, больше въ одноэтажныхъ домахъ... Развѣ двѣ, три ступеньки подынешься на крыльцо. Въ церкви тоже все по землѣ ходишь; вотъ только на праздникахъ, когда съ крестомъ либо съ поздравленіемъ ѣдишь, такъ приходится въ домахъ десяти вотъ такой моціонъ дѣлать. Трудно мнѣ, по моей комплекціи...

Говоря это, отецъ Гурій вошелъ въ переднюю, а Маккавеевъ слѣдовалъ за нимъ.

— Да снимите вы рясу, отецъ Гурій; у насъ все люди простые, все свои,—что вамъ париться-то въ ней!..

И при этомъ Голопузовъ стаскивалъ съ него рясу и оставилъ отца Гурія въ свѣтленькомъ кафтанѣ. Отецъ Гурій слегка протестовалъ.—Ужъ и не знаю, прилично ли оно будетъ; вѣдь я въ первый разъ въ домѣ.

— Э, ничего, все равно мы васъ, какъ своего, принимаемъ, даже какъ бы родного... Пожалуйте, отецъ Гурій, пожалуйста и вы то же—прибавилъ Голопузовъ, обратившись къ Маккавееву.—Мы и сродственника вашего, какъ родного, примемъ. У насъ по простотѣ. Вотъ и отецъ Мемнонъ сейчасъ выйдетъ. Вотъ и встрѣтитесь!..

При этомъ онъ забѣжалъ впередъ и настезь отворилъ дверь, которая вела въ комнату. Маккавеевъ изъ-за двухъ широчайшихъ спинъ Голопузова и отца Гурія мелькомъ заглянулъ внутрь комнаты, и у него въ глазахъ зарябило, такимъ пестрымъ показался ему составъ именинныхъ гостей Голопузова.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. А. БАКУНИНЪ ВЪ ИТАЛІИ ВЪ 1864 ГОДУ.

(Изъ воспоминаній Л. И. Мечникова).

ДНА уже личность такого замѣчательнаго человѣка, какимъ былъ Левъ Ильичъ Мечниковъ, придаетъ интересъ его воспоминаніямъ.

Онъ всегда горячо интересовался и научными и общественными вопросами, энергически вмѣшивался въ событія, имѣлъ постоянныя, тѣсныя сношенія со многими видными русскими и иностранными дѣятелями. Его цѣнили и уважали, ему до вѣряли, такъ что дѣйствительно ему пришлось на своемъ вѣку видѣть много, и на старости было о чемъ поразсказать въ своихъ воспоминаніяхъ.

Существуютъ ли воспоминанія Мечникова, охватывающія всю его жизнь или нѣтъ, — я не имѣю свѣдѣній, но въ моихъ рукахъ въ настоящее время автографъ его воспоминаній о жизни во Флоренціи въ 1864—1865 гг. Разсказъ Мечникова сосредоточивается главнымъ образомъ около личности Бакунина.

Отношенія Мечникова къ Бакунину и точка зрѣнія на него лучше всего выражаются удачно выбраннымъ эпиграфомъ къ воспоминаніямъ:

Орламъ случается и ниже куръ спускаться,
Но курамъ никогда до облакъ не подняться.

Оговорюсь, что едва ли можно согласиться съ нѣкоторыми замѣчаніями Мечникова и его характеристиками русскихъ и итальян-

скихъ дѣятелей, но и тогда, когда приходится не соглашаться съ авторомъ воспоминаній, нельзя не признать его глубокаго, безпощаднаго анализа событій и лицъ. Вообще, по историческимъ оцѣнкамъ, взглядамъ, литературному таланту, Мечниковъ наиболѣе подходитъ къ Герцену.

Воспоминанія Мечникова я привожу цѣликомъ, за исключеніемъ немногихъ строкъ, касающихся семейныхъ дѣлъ нѣкоторыхъ изъ упоминаемыхъ лицъ.

Но прежде я въ немногихъ словахъ напомнимъ сложную, богатую событіями жизнь Мечникова. Его біографія мало извѣстна русскимъ читателямъ частью потому, что русская литература никогда не могла и не можетъ до сихъ поръ касаться многихъ вопросовъ, дорогихъ для Мечникова, на которыя онъ тратилъ свои силы, а частью по причинѣ его крайней скромности, вслѣдствіе чего онъ всегда прятался за псевдонимы и избѣгалъ всего, что создаетъ людямъ шумную популярность.

Наиболѣе полнымъ очеркомъ жизни Мечникова является статья его друга, знаменитаго географа Реклю, въ предисловіи къ его посмертному труду «*La civilisation et les grandes fleuves historiques*», сочиненію, хорошо реферированному въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1890 г., въ 39 т., стр. 474.

Мечниковъ, говорится въ только что упомянутой нами рецензій на его книгу, родился въ Петербургѣ, въ 1838 году, отъ отца, харьковскаго помѣщика, потомка румынской фамиліи Спадоренко, и отъ матери еврейскаго происхожденія. Его братомъ былъ и нынѣ здравствующій знаменитый, общеевропейскій ученый И. И. Мечниковъ. Мальчикъ былъ болѣзненнаго сложенія, и въ 1851 году родители принуждены были переселиться съ нимъ въ Харьковъ, такъ какъ онъ не могъ переносить суровость и непостоянство петербургскаго климата. На югѣ мальчикъ поправился и поступилъ въ Харьковскій университетъ. Шестнадцать лѣтъ онъ убѣжалъ изъ отцовскаго дома въ Крымъ, чтобы принять участіе въ защитѣ Севастополя; его, однако, вернули съ дороги и водворили снова въ семью. На медицинскомъ факультетѣ университета онъ оставался, однако, всего 7 мѣсяцевъ и былъ исключенъ за сопротивленіе распоряженіямъ начальства и за слишкомъ либеральный образъ мыслей. Онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ началъ слушать лекціи въ медицинской академіи, потомъ на физико-математическомъ факультетѣ университета, въ академіи художествъ, наконецъ занялся изученіемъ восточныхъ языковъ. Во всѣхъ этихъ разнородныхъ занятіяхъ онъ оказывалъ блестящіе успѣхи, обладая рѣдкими способностями, но вездѣ его безпокойный духъ не давалъ ему возможности примѣняться къ общепринятымъ условіямъ.

Въ 1858 г. Мечниковъ отправился въ качествѣ переводчика при дипломатической миссіи въ Малую Азію къ святымъ мѣстамъ. На

обратномъ пути въ Россію онъ въ Галацѣ бросилъ мѣсто и безъ паспорта, безъ всякихъ средствъ къ жизни, уѣхалъ въ Венецію, гдѣ занялся страстно любимую имъ живописью, не переставая въ то же время принимать участіе въ политическомъ движеніи Италіи. Австрійская полиція слѣдила за нимъ, подозрѣвая его въ революціонныхъ замыслахъ, но онъ обманулъ ея бдительность, бѣжалъ въ Ливорно и поступилъ волонтеромъ въ отрядъ Гарибальди, отправившійся освободить Неаполь отъ ига Бурбоновъ. Мечниковъ храбро сражался въ Калабрії, былъ сильно раненъ, при взрывѣ мины на Вульгурно. Съ поврежденными ногами, правымъ бокомъ и легкими, онъ былъ перенесенъ въ неаполитанскій госпиталь, гдѣ хоропій уходъ спасъ его отъ смерти.

Выздоровѣвъ, онъ дѣятельно занялся социалистической пропагандой во Флоренці, въ Женевѣ, Испаніи. Зная основательно десять европейскихъ языковъ, онъ работалъ неутомимо, не смотря на свое болѣзненное состояніе, писалъ статьи въ журналахъ, говорилъ рѣчи, читалъ лекціи, устраивалъ сходки и конференціи. Статьи его являлись и въ «Современникѣ», но всего больше въ русскихъ ученыхъ изданіяхъ по предметамъ естественныхъ наукъ. Въ 70-хъ годахъ Мечниковъ много работалъ въ «Дѣлѣ», а также въ иностранныхъ изданіяхъ и въ русскихъ изданіяхъ, появившихся за границей.

Въ 1873 году японское правительство обратилось къ Мечникову съ предложеніемъ ѣхать въ Японію. Мечниковъ согласился и, быстро изучивъ японскій языкъ, устроилъ въ Японіи русскую школу, въ которой читалъ японцамъ лекціи по предметамъ общаго образованія, содѣйствуя всѣми силами великому дѣлу приобщенія сорока-милліонной націи къ европейскому прогрессу. По болѣзни Мечниковъ долженъ былъ вернуться въ Европу. Здѣсь онъ издалъ прекрасное описаніе Японіи, сдѣлался дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ у Реклю въ его «Всемирной географіи».

Въ 1883 году, Невшательскій кантонъ предложилъ Мечникову мѣсто профессора сравнительной статистики и географіи.

30-го іюня 1888 г. Мечниковъ умеръ на 50 году жизни, и уже послѣ его смерти была напечатана его замѣчательная работа «La civilisation et les grandes fleuves historiques», давшая имени Мечникова извѣстность среди европейскихъ ученыхъ (см. «Историческій Вѣстникъ», 1890 г., т. 39, стр. 474).

Воспоминанія Мечникова, которыя помѣщаются ниже, писаны въ 1880—1881 годахъ.

Н. Викторовъ.

I.

Зимой 1864 г. я получалъ отъ Бакунина нижеслѣдующую записку, случайно сохранившуюся въ моихъ бумагахъ:

«23 янв. Генуя. 1864 г.

«Сейчасъ только что вернулся съ Капреры, гдѣ нашелъ генерала ¹⁾ въ полномъ здравіи и готовящагося на новые подвиги. Мы ²⁾ завтра поѣхали бы во Флоренцію, но дѣло въ томъ, что въ послѣднемъ письмѣ изъ Турина я васъ просилъ нанять намъ квартиру только отъ 27-го. Теперь прошу васъ, не можете ли вы намъ взять ее отъ 25-го. Если же это невозможно, то назовите отель дешевый и не слишкомъ отдаленный отъ васъ, въ которомъ мы могли бы остановиться на день или на два... Пожалуйста, отвѣчайте мнѣ немедленно въ Livorno, чѣмъ премного обяжете нетерпѣливо желающаго познакомиться съ вами лично. М. Б.»

На письмахъ мы уже были знакомы давно, отчасти черезъ Герцена, отчасти же черезъ младшаго брата Бакунина, Александра, незадолго передъ тѣмъ вернушаго въ Россію изъ Италіи, гдѣ онъ со страстью занимался живописью.

Не помню, какъ былъ улаженъ эпизодъ съ квартирою; но вскорѣ по полученіи мною записки Михаилъ Александровичъ съ Антосею ³⁾ появились у насъ.

Его львиная наружность, его живой и умный разговоръ безъ рисовки и всякой ходульности, съ разу дали, такъ сказать, плоть и кровь тому нѣсколько отвлеченному сочувствію и той принципиальной преданности, съ которыми я заранѣе относился къ нему.

Не утаю, что при первой же встрѣчѣ во мнѣ проснулось то ощущение отчасти излишней сдержанности, отчасти неловкости, которое пробуждается во мнѣ каждый разъ совершенно инстинктивно, когда приходится имѣть дѣло съ олимпійцемъ какого бы то ни было пошиба. Является какъ будто опасеніе, что этотъ, необыкновенный человекъ, какъ бы ни спускался онъ осмотрительно и любезно съ своего пьедестала, того и гляди преобольно наступитъ на ногу и самъ не замѣтитъ этого,—не по желанію придавить, а просто по непривычкѣ ходить по свойственной намъ низменной почвѣ. Съ своей стороны, чувствуешь сразу, что у этихъ людей есть такой заповѣдный уголокъ, въ который строго воспрещается входъ обычнымъ критическимъ приѣмамъ и отношеніямъ, передъ входомъ въ который должно складывать всякій скептицизмъ, какъ башмаки у дверей мечети.

¹⁾ Гарибальди.

²⁾ Бакунинъ говоритъ въ данномъ случаѣ о себѣ и своей женѣ.

³⁾ Квятковской, на которой Бакунинъ женился еще въ Сибирѣ въ 1860 г.

При первыхъ моихъ встрѣчахъ съ Бакунинымъ,—да и позже, всякій разъ, когда намъ съ нимъ случалось бесѣдовать безъ постороннихъ,—этотъ жреческій элементъ, элементъ «первосвященника атеизма и анархіи» ¹⁾ въ немъ сказывался очень слабо. Какъ либеральный и обходительный католическій епископъ въ обществѣ свободного мыслителя, Михаилъ Александровичъ, при встрѣчахъ со мною, снисходительно прикрывалъ эту свою сторону; но существованіе ея угадывалось тѣмъ не менѣе и съ первыхъ же шаговъ установило нѣкоторую грань, за которую не могло перепагнуть наше сближеніе.

Я зналъ въ общихъ чертахъ, что Бакунинъ въ Сибири женился на молодой и восторженной полькѣ, которую я почему-то воображалъ себѣ дочерью политическаго изгнанника, а потому меня нисколько не удивляло присутствіе Антоси, казавшейся значительно моложе своихъ лѣтъ, да и въ дѣйствительности годившейся ему скорѣе въ дочери, чѣмъ въ жены. Впрочемъ, эта супружеская чета вовсе не производила того несуразнаго впечатлѣнія, которое обыкновенно испытываешь при видѣ старика, женатаго на молоденькой и хорошенькой женщинѣ, или при чтеніи псевдо-ученыхъ эротическихъ идиллій Мишле: «La femme», «L'amour» и т. п. Въ отношеніяхъ Бакунина къ Антосѣ не было и тѣни ничего селадонскаго, слащаваго. Къ тому же онъ обладалъ фізіономією, прекрасно пояснявшею извѣстные стихи Пушкина о Мазепѣ и его крестницѣ ²⁾.

На челѣ Бакунина не было живописныхъ и поэтическихъ рубцовъ, но оно было своеобразно и осмысленно красиво, наперекоръ всѣмъ правиламъ классической и селадонской эстетики. Всѣ знали очень хорошо тѣ тяжелыя и большія раны, которыя онъ успѣлъ понести въ своей долгой и непреклонной борьбѣ. Самъ онъ никогда не выставлялъ ихъ на показъ; но тѣмъ не менѣе—или, можетъ быть, именно потому—вокругъ него и была привлекательная атмосфера мученичества, выносиваемаго со своеобразною удалью и мощью. Надъ его картинною и широкою головою замѣчался ореолъ бойца, никогда не помышляющаго о сдачѣ...

Въ Антосѣ мнѣ не понравились стальные, холодные глазки. Но въ общемъ она обладала такою наружностью, которая объясняла мнѣ вполне удовлетворительно ея роль подруги этого устарѣлаго бойца. Нѣсколько суховатая, съ короткими завитыми волосами, Ан-

¹⁾ Такъ назвалъ Бакунина извѣстный зоологъ Эдуардъ Клапаредъ, съ которымъ, нѣсколько лѣтъ спустя, я познакомилъ Бакунина въ Сологну близъ Женевы.

²⁾ Не только первый пухъ ланитъ

Да русы кудри молодца,—
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые,
Въ воображеніи красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

тоса по временамъ казалась очаровательною дѣвочкою, чаще смахивала на мальчика, но женщиною я ее не видалъ никогда.

При первомъ знакомствѣ въ ней прежде всего сказывалась полька, т. е. существо, значительно больше русскихъ способное отводить гражданскимъ или политическимъ мотивамъ важную роль въ своей обыденной и душевной жизни. Сказывались слѣды католическаго воспитанія, развивающаго сдержанную страстность, склонность къ отреченію отъ чувственности, или, точнѣе—къ перенесенію чувственныхъ возбужденій въ спиритуалистическую среду.

II.

Бакунины поселились въ скромной квартирѣ, далеко отъ насъ, въ новой югозападной части города, въ сосѣдствѣ Cascine.

Съ первыхъ же дней у нихъ закипѣла чрезвычайно дѣятельная по-своему жизнь. За исключеніемъ одного назначеннаго вечера въ недѣлю, ни мужа, ни жены никогда нельзя было застать дома. Они разъѣзжали съ утра до самой поздней ночи, очень рѣдко вмѣстѣ, такъ какъ у каждого очень скоро оказалась своя сфера дѣятельности и знакомствъ.

Кружокъ русскихъ во Флоренціи,—такихъ, которые могли бы подлежать бакунинскому воздѣйствію,—былъ очень малочисленъ, ничтоженъ, и уходилъ совершенно на задній планъ.

Я полагаю, что Бакунинъ пріѣхалъ во Флоренцію безъ опредѣленной программы, потому только, что Италія, будучи въ числѣ немногихъ, незакрытыхъ ему европейскихъ странъ, слыла тогда стоящею на революціонномъ положеніи. Мнѣ эта почва была хорошо знакома, и я съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ примется за ея разработку этотъ маститый организаторъ и революціонеръ. Самъ я давно уже отчаялся розыскать въ ней хоть одинъ уголокъ, пригодный для дорогихъ нашему сердцу насажденій какого бы то ни было порядка. Флоренція въ этомъ отношеніи казалась мнѣ менѣе подходящею резиденціею, чѣмъ Неаполь и Миланъ.

Здѣсь нѣтъ фабричной и промышленной дѣятельности, которая бы собирала вмѣстѣ значительныя полчища голодныхъ ртовъ; нѣтъ и того труженческаго пролетаріата, который кипмя кишитъ въ маленькихъ даже городкахъ сѣверной Италіи и оттуда разливается на всю западную и среднюю Европу въ видѣ камнетесовъ, каменщиковъ и иныхъ батраковъ, обладающихъ почти китайскою способностью продавать страшныя количества своего упornaго и умѣлаго труда за такую плату, при которой англійскій или французскій ихъ собратья, если бы не умеръ съ голоду, то покончили бы свои дни самоубійствомъ. Рабочій вопросъ во Флоренціи находился въ это время въ совершенно зачаточномъ состояніи. Годъ или два

тому назадъ успѣли здѣсь возникнуть первые рабочіе союзы, избравшіе своимъ почетнымъ предсѣдателемъ,—чтобы не сказать, своимъ святымъ патрономъ,—Гарибальди, который не могъ имъ дать ничего, кромѣ объединяющаго своего имени и отъ времени до времени лаконическихъ общихъ мѣстъ о любви къ отечеству и къ свободѣ. Связи между патриотическимъ возбужденіемъ и социалистическою программю не усматривалось рѣшительно никакой. Рабочіе союзы эти довольствовались для отечества: скопленіемъ по грошамъ небольшихъ суммъ, предназначавшихся для новыхъ гарибальдійскихъ походовъ на Венецію и на Римъ; для себя, т. е. для работниковъ, они не видѣли ничего, кромѣ Шульце-Деличевскихъ программъ.

Земледѣльческое населеніе Тосканы находится частью въ крайне бѣдственномъ положеніи; но оно слишкомъ разсѣяно, слишкомъ отрѣзано отъ столицы; было бы безуміемъ помышлять о какомъ нибудь воздѣйствіи на него изъ Флоренціи.

Главою крайней демократической партіи былъ здѣсь Верусонне, или, какъ его фамиллярно называли, Беппо-Вольфи, владѣлецъ булочной и макаронной лавки на площади St. Lorenzo.

Вольфи было въ это время лѣтъ подъ пятьдесятъ, и онъ представлялъ собою довольно интересный и живописный вариантъ того типа итальянскаго саро роро, который не переводится подъ здѣшнимъ счастливымъ небомъ со временъ классической борьбы плебеевъ съ патриціями, черезъ Cola di Rienzi и Мазаньелло доходитъ до Чичероваккіо эпохи 1848 г. и затѣмъ дробится на множество мало извѣстныхъ дѣятелей, прославившихся каждый въ своемъ кругу во время позднѣйшихъ политическихъ движеній.

Съ головою олимпійскаго Юпитера на дюжемъ, начинающемъ нѣсколько тяжелѣть, тѣлѣ, со своею типическою флорентійскою рѣчью, Вольфи не драпировался въ романтическій плащъ народнаго вождя, одѣвался и держалъ себя джентльменомъ, хотя и не скрывалъ, что онъ только на тридцатомъ году жизни настолько обдосужился, что сталъ учиться читать и писать. На массу флорентійскаго населенія онъ имѣлъ неоспоримое и очень сильное вліяніе, и когда въ 1860 г. онъ во главѣ немногочисленной депутаціи явился во дворецъ великаго герцога Леопольда съ предложеніемъ, не теряя времени, убраться подобру-поздорову изъ города, то Ваббо, то есть «Батюшка», какъ прозывался вѣнчанннй снотворными Гравами Леопольдъ, тотчасъ же приказалъ запрягать свою придворную карету и мирно уѣхать въ Австрію. Вольфи, однако, не изъявилъ ни малѣйшаго поползновенія воспользоваться властью для себя или для своей партіи: онъ слишкомъ занятъ былъ своею лавкою, которую любилъ, какъ человекъ, создавшій собственнымъ своимъ трудомъ свое относительно блестящее положеніе. Онъ уступилъ безъ боя поприще барону Ricasoli, которому

не довѣрялъ, въ которомъ не любилъ аристократа и Кавуровскаго прихвостня, но котораго онъ принималъ, какъ неизбѣжное политическое зло, какъ Гарибальди принималъ Савойскій крестъ и вензель Виктора-Эммануила на знамени своихъ легионовъ, составленныхъ главнымъ образомъ изъ республиканцевъ.

Вольфи мало занимался политическими преніями и теоріями. Питомецъ «молодой Италіи», онъ былъ крайній республиканецъ и демократъ, назвалъ своего сына Guglielmo Tell и жертвовалъ на всѣ патріотическія и революціонныя предпріятія довольно крупныя деньги, но самъ жилъ очень скромно, въ двухъ, трехъ комнатахъ, надъ лавкою, куда надо было взбираться по узкой деревянной лѣстницѣ безъ периль...

Лѣстница эта теперь часто трещала и скрипѣла, словно стена подъ тяжестью Бакунина, который былъ принятъ флорентійскимъ саро ророю, какъ родной, не изъ сочувствія къ своимъ революціоннымъ планамъ, которыхъ Вольфи, по всей вѣроятности, не зналъ и даже не способенъ былъ бы цѣнить, но изъ уваженія къ его многострадальному прошлому. Для Бакунина Вольфи приказывалъ своей бѣлокурой, пластической, полуграмотной женѣ приносить лучшую бутылъ самаго стараго своего Vin Lunto или aleotico brusco. Для Бакунина онъ не разъ развязывалъ обсыпанными въ мукѣ руками свою туго набитую мошну. Черезъ Вольфи Бакунинъ скоро былъ посвященъ во всѣ тайны демократическаго флорентійскаго кружка и сближенъ со всѣми его налицными корифеями и дѣятелями.

Случилось, однако же, такъ, что выдающихся лицъ между этими корифеями и дѣятелями было мало. Вокругъ Бакунина, весьма естественно, всего тѣснѣе стали группироваться тѣ, у которыхъ своего дѣла было мало, которыхъ влекло къ нему любопытство, если не грязненькое желанье поудить рыбу въ той водѣ, которую Бакунинъ сильно возмущалъ вездѣ, гдѣ только онъ ни появлялся. Очень скоро вокругъ него составилъ цѣлый штабъ изъ отставныхъ гарибальдійскихъ волонтеровъ, изъ адвокатовъ, мало занятыхъ судейскою практикою, изъ самыхъ разношерстныхъ лицъ безъ рѣчей, безъ дѣла, часто даже безъ убѣжденій, — лицъ, замѣняющихъ все: и общественное положеніе, и дѣла, и убѣжденія, одними только, не совсѣмъ понятными имъ самимъ, но очень радикальными вождѣльнїями и стремленїями. Изъ нихъ никто не зналъ иностранныхъ языковъ; а Бакунинъ только къ концу своихъ дней, да и то съ грѣхомъ пополамъ, научился говорить поитальянски.

III.

Совершенно иного рода центръ изображалъ собою венгерскій эмигрантъ графъ Пульскій¹⁾, вѣроятно, славянскаго происхожденія. На это предположеніе, кромѣ фамиліи графа, наводитъ меня самая его наружность, сильно напоминавшая странствующихъ по нашимъ деревнямъ съ коробками за спиною цесарцевъ. Сухой, жилистый, съ выдающимся горбатымъ, гоголевскимъ носомъ, съ заячьєю губою, съ прямыми волосами, падавшими длинными прядями на воротникъ его фантастическаго плаща, въ измятой и засаленной венгерской папчкѣ, Пульскій, вѣроятно, не разъ вызывалъ въ душѣ какого нибудь сердобольнаго прохожаго желаніе подать ему милостыню. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ страшно богатъ. кажется, черезъ жену, болѣзненную и злую на видъ еврейку, дочь одного крупнаго австрійскаго банкира.

Нумизматъ и археологъ по призванію, магнатъ по происхожденію, участникъ крупныхъ финансовыхъ предпріятій по семейнымъ связямъ, Пульскій какимъ-то чудомъ состоялъ прикосновеннымъ къ всеобщей революціи и даже былъ осужденъ на смерть австрійцами въ 1849 году, хотя и не принималъ участія въ вооруженномъ возстаніи. Приговоръ этотъ объяснили мнѣ тѣмъ, что подпись Пульскаго красовалась въ числѣ тѣхъ, которыми военный министръ Мессарошъ былъ осужденъ на повѣшеніе.

Роль, которую игралъ Пульскій во временномъ правительствѣ венгерскаго возстанія, крайне не ясна. Ему должно было быть всего около двадцати лѣтъ въ это время. Къ тому же, онъ состоялъ *attaché* при какомъ-то посольствѣ и едва успѣлъ вернуться въ Пештъ, когда Венгрія провозгласила свою независимость. Мнѣ говорили, что на Пульскаго возставшіе гонимы и магнаты смотрѣли, какъ на шута, и что онъ, какъ бы входя въ эту роль, рѣшился ни съ того, ни съ сего, подмахнуть конфирмацію приговора надъ Мессарошомъ, чего серьезные члены временнаго правительства не рѣшались сдѣлать, понимая, что они рискуютъ въ этомъ дѣлѣ собственною головою.

Это поясненіе, впрочемъ, исходитъ изъ венгерскаго эмиграціоннаго кружка, враждебнаго Пульскому, котораго соотечественники вообще—за исключеніемъ Кошута—почему-то сильно не жаловали.

Носомнѣнно, Пульскій не представлялъ собою ничего, чтобы должно было заинтересовать собою Бакунина. Вскорѣ впрочемъ онъ испросилъ помилованіе у цезаря и благополучно вернулся на родину еще раньше 1866 года, чѣмъ окончательно подорвалъ свое политическое значеніе въ Венгріи.

¹⁾ О чемъ смотри у Герцена въ посмертныхъ сочиненіяхъ. Н. В.

Но у Пульскаго собиралось въ опредѣленные дни все, что было выдающагося и зауряднаго въ революціонномъ и псевдореволюціонномъ мірѣ Флоренці. Выдающагося, впрочемъ, было въ это время очень мало; а невыдающіеся представляли собою разношерстный сбродъ, на описаніе котораго не стоитъ тратить времени. Изъ эмиграціи были на лицо только венгерская и польская. Но венгерская, какъ уже сказано, чуждалась Пульскаго, хоть и признавала, что онъ добрый и простой въ душѣ человѣкъ. Польская же была почти вся въ разбродѣ въ повстаніи, или въ Парижѣ, и ей было не до вечеровъ Пульскаго и не до Бакунинскихъ неоформившихся еще конспирацій.

Изъ числа обычныхъ посѣтителей Пульскаго выдавалась супружеская чета графовъ Маріо. Мужъ Альберто, бѣлобрысый, несуразный на видъ мужчина за тридцать лѣтъ, производилъ впечатлѣніе растенія, выросшаго безъ солнца. Въ дѣйствительности онъ былъ энергическимъ и чистокровнымъ представителемъ, вмѣстѣ съ Кампанеллою, истыхъ мадзинистскихъ идей. Пуристъ и романтическій вздыхатель республики, всемірной; единой и нераздѣльной, онъ гнушался уступокъ, на которыя шли тогда всѣ дѣйствующіе отдѣлы итальянской либеральной партіи. Вокругъ него группировался очень немногочисленный кружокъ такихъ же послѣднихъ могижанъ, рыцарей и вздыхателей республиканской чистоты, виртуозовъ конспираціи и агитаціи. Многіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, мой бывший бригадиръ Джіованни Никотера, круто свернули потомъ съ тернистаго пути и добрались даже до министерскихъ портфелей; другіе, въ томъ числѣ и самъ Маріо, честно копошатся и до сихъ поръ гдѣ-то совершенно въ сторонѣ и вдали отъ русла современной исторіи, такъ что ихъ совсѣмъ и не видно. Порою они заявляютъ о себѣ, изрекая анаэему отъ имени мадзинистскаго демократическаго Бога тому крайне матеріалистическому и злостному направленію, которое приняла революціонная агитація въ Италіи и всюду.

Я и тогда недоумѣвалъ и недоумѣваю теперь, что могло казаться Бакунину хоть призракомъ дѣла въ этой своеобразной и чуждой намъ средѣ? Учить ихъ агитаціи и конспираціи значило ковшемъ лить воду въ море, такъ какъ самый наивный изъ нихъ могъ смѣло заткнуть за поясъ Михаила Александровича со всѣмъ его штабомъ и причтомъ...

Жена Маріо, англичанка родомъ, болѣе извѣстная подъ именемъ miss White, заслуживала въ гораздо большей степени мои симпатіи. Правда, я на собственной особѣ испыталъ, съ какимъ умѣніемъ и любовью къ дѣлу она исполняла трудную роль главной сестры милосердія въ гарибальдійскихъ отрядахъ. Тогда какъ для очень многихъ другихъ итальянскихъ дамъ эта роль представлялась только заманчивымъ поводомъ къ авантюристской игрѣ, White Mario не мнѣ одному спасла жизнь или облегчила тяжелыя страданія своимъ

заботливымъ уходомъ на перевязочныхъ пунктахъ, или въ Казертскомъ госпиталѣ. А теперь, когда эпоха героическихъ войнъ въ Италиі прошла, эта же самая miss White издала единственно серьезное описаніе на итальянскомъ языкѣ нищеты и разврата въ Неаполѣ...

О ней я упоминаю потому, что она была одна изъ наиболѣе выдающихся личностей собиравшагося у Пульскихъ кружка. Но у Бакунина я ее никогда не встрѣчалъ, и между ними не было большой близости.

IV.

Группа русскихъ во Флоренціи, подлежащихъ Бакунинскому воздѣйствию, была, какъ уже сказано, очень немногочисленна и незнаменательна ¹⁾.

Неразлучный мой товарищъ, Прянишниковъ, только что вернувшійся изъ Черногоріи и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ уѣхавшій въ Россію, по приѣздѣ Бакунина взялъ на себя лично переговорить съ братьями Бакунина объ устройствѣ его финансовыхъ дѣлъ, которыя были тогда въ очень жалкомъ положеніи. Бакунину ежечасно приходилось занимать у старыхъ и новыхъ своихъ друзей, и хотъ его очень часто выставляли за человѣка безсовѣстнаго въ личныхъ денежныхъ дѣлахъ, я знаю несомнѣнно, что онъ былъ далеко не чуждъ самой утонченной деликатности.

Изъ постоянныхъ жителей Флоренціи болѣе другихъ выдѣлялся скульпторъ З.....о, одинъ изъ красивѣйшихъ представителей мало-россійскаго чумацкаго типа. Бакунинъ говорилъ мнѣ впоследствии, что онъ сразу отличилъ З.....о, намѣтилъ его для какихъ-то особыхъ дѣлей и возлагалъ на него самыя блестящія надежды за одну только его энергическую и красивую наружность.

Надежды эти однако-жъ не сбылись, и Бакунинъ признавался, что онъ сильно разочаровался въ З.....о, убѣдившись еще разъ на его примѣрѣ въ старой истинѣ, рекомендующей не полагаться на внѣшность, бывающую нерѣдко обманчивою... Какія надежды Бакунинъ возлагалъ на З.....о, мнѣ осталось неизвѣстно до сихъ поръ. Замѣчу, однако, что З.....о былъ человѣкъ, далеко не лишенный энергіи и недюжинный. Еще отрокомъ, онъ сумѣлъ выдержать упорную борьбу со степнымъ помѣщикомъ отцомъ, и борьба эта кончилась пораженіемъ стараго полтавскаго самодура. З.....о много читалъ, преимущественно Прудона и Герцена, и умѣлъ хорошо переваривать прочитанное. Къ сожалѣнію, опутанный съ одной

¹⁾ Замѣтимъ, что о тогдашней русской колоніи во Флоренціи писали также Модестовъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и Ге въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1895 годъ.

стороны финансовыми затрудненіями, изъ которыхъ онъ никогда не выходилъ, съ другой стороны, увлеченный своими успѣхами въ обществѣ, онъ слишкомъ рано опустился, осѣлъ въ какомъ-то чувственномъ эгоизмѣ, которому его изящная наружность и его склонный къ парадоксамъ, но блестящій и гибкій умъ придавали нѣкоторые Чайльдъ-Гарольдовскіе оттѣнки. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы смириться съ ролью, хотя бы и очень блестящаго хлыща; но въ то же время слишкомъ отчужденъ въ своей мастерской, переполненной женскихъ красотъ, лѣпленныхъ изъ глины, высѣченныхъ изъ мрамора и живыхъ... Всегда недовольный собою и другими, онъ переходилъ отъ одной крайности къ другой; то искалъ развлеченій и знакомствъ, то безъ всякаго повода лѣзъ на ссоры; говорилъ незаслуженныя грубости вчерашнимъ своимъ друзьямъ; отравлялъ жизнь своей красивой и чрезвычайно дѣловитой швейцаркѣ-женѣ. Повліять на него было нелегко; но, однажды залучивъ его себѣ, Бакунинъ несомнѣнно пріобрѣлъ бы въ немъ совершенно недоужиннаго пособника.

Дѣло, однако, приняло совершенно иной оборотъ. Кто въ этомъ виноватъ судить не берусь.

Гораздо безнадежнѣе З.....о представлялся зять его, извѣстный живописецъ Н. Н. Ге, человѣкъ очень образованный и интересный во многихъ отношеніяхъ; Ге былъ слишкомъ поглощенъ своею живописною революціею (онъ, такъ сказать, перекладывалъ Ренана на русскіе иконописныя нравы) и своею семьею.

Этими двумя личностями почти исчерпывался русскій кружокъ, о которомъ я здѣсь говорю. Къ нему временно примыкало нѣсколько заѣзжихъ молодыхъ и пожилыхъ соотечественниковъ; но и ихъ было очень немного. Самымъ выдающимся былъ между ними Ножинъ, юноша лѣтъ двадцати двухъ или трехъ, но похожій на видѣ на плюгаваго пятнадцатилѣтняго мальчишку. Безкровный, худой, съ заячьимъ профилемъ, съ сѣрыми глазами на выкатѣ, Ножинъ походилъ на недоучившагося школьника изъ придурковатыхъ. Къ тому же въ манерахъ и въ одеждѣ онъ доводилъ до смѣшныхъ крайностей замашки моднаго тогда вывѣсочнаго нигилизма.

Не было ничего удивительнаго, что онъ слылъ за шута или за идіота въ лицѣ, гдѣ воспитывался почти одновременно съ А. Серно-Соловьевичемъ, Вырубовымъ и проч. Онъ и самъ говорилъ, что развиваться началъ очень поздно, какъ нравственно, такъ и физически. Но за то, вмѣстѣ съ развитіемъ, въ немъ пробудилась болѣзненная жажда знанія, не того или другого сухого, книжнаго, но знанія всесторонняго, полнаго, которое бы однимъ лучемъ озарило ему всю, нѣсколько туманную и незаконченную въ деталяхъ, картину общественнаго преобразованія, какъ-то внезапно зародившуюся въ его мозгу.

Окончивъ лицейскій курсъ, Ножинъ, къ величайшему негодова-

нію матери и вотчима своего де-ля-Гарди, отказался отъ предлагаемой ему очень выгодной по лѣтамъ и по чину служебной должности. Съ кротостью мученика онъ перенесъ всѣ обрушившіяся на него гоненія, объявивъ скандализированной роднѣ, что жить, какъ живутъ они, позорно и преступно, что онъ скоро покажетъ и имъ и всей Россіи, какъ именно слѣдуетъ жить, и что надо дѣлать; но что для этого ему прежде еще надо немного доучиться...

Едва ли не выгнанный изъ дому, лишенный всякихъ средствъ, онъ отправился въ Ниццу, гдѣ сталъ заниматься эмбриологіею и физиологіею, перебиваясь кое-какъ уроками, собирая въ то же время матеріалъ для всесторонняго социологическаго трактата, пополняя съ судорожною торопливостью многочисленныя, преимущественно политическія пробѣлы своего воспитанія... Вскорѣ онъ заболѣлъ и былъ подобранъ чуть не на улицѣ бывшимъ своимъ лицейскимъ товарищемъ, А. Ф. С—омъ, владѣльцемъ крупныхъ помѣстій въ Бессарабіи.

Уступая теченію времени, С—тъ рѣшилъ тоже заниматься физиологіею и готовился держать экзаменъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Но наука упорно не давалась ему, совершенно неприученному, да и органически неспособному къ систематическому утружденію баронскихъ своихъ мозговъ. С—тъ заключилъ какой-то уговоръ съ Ножинымъ, по которому брался содержать его два года за границу и потомъ доставить въ Россію; а Ножинъ долженъ былъ за то служить ему не то менторомъ и руководителемъ въ лабиринтѣ сифоноровъ и головоногихъ, не то собирателемъ матеріаловъ для его замышляемой диссертациі.

Странная пара эта находилась въ это время во Флоренціи, причемъ къ симпатичному всѣмъ намъ Ножину воспылалъ пламенною нѣжностью Н. С. Курочкинъ, только что спустившій въ рулетку послѣднія свои деньги и проживавшій за границею безъ всякихъ дѣлъ, но съ благими пожеланіями, снѣдаемый внутренно солитеромъ и неустанно грызшею его тоскою о приближающемся возвращеніи на родину.

— Снится мнѣ,—разсказывалъ онъ на утро съ встревоженною, измятою физиономіею,—снится мнѣ, что пееѣзжаю я гъяницу, беютъ меня жандаймы, и деютъ-деютъ...

Подъ вліяніемъ Ножина, Курочкинъ, перемѣнившій на своемъ вѣку уже много либральныхъ шкуръ, только и бредилъ что о наукѣ.

— Наука великое дѣло,—говаривалъ Бакунинъ,—но оставимъ ее тѣмъ, кто съ нею тѣснѣе насъ знакомъ; а то вѣдь мы съ вами, Н. С., учились понемногу чему нибудь и какъ нибудь...

Столкновенія Ножина съ Бакуниными представляли въ моихъ глазахъ большой, правда только психологическій, интересъ.

Здѣсь лицомъ къ лицу сталкивались два фанатика, двухъ довольно отдаленныхъ одно отъ другого поколѣній: одинъ сложившійся

окончательно, непоколебимый; другой мучительно ищущий, но умбюющий при случаѣ съ такою же роковою, космическою устойчивостью стоять на своемъ. Оба жаждали всею душою и съ одинаковою искренностью всесвѣтнаго перерожденія, кореннаго измѣненія вѣковыхъ устоевъ и основъ общественности и нравственности... Но для Бакунина революція уже успѣла окончательно отлиться въ форму какого-то грандіознаго ритуала, уложиться въ нѣсколько формулъ: анархія, отрицаніе государственности, социализмъ,—дальше которыхъ онъ тогда по крайней мѣрѣ не шелъ, за которыми онъ словно предполагалъ какое-то кабалистическое, супра-натуральное значеніе. Онъ былъ всецѣло поглощенъ формальною стороною дѣла. Ножинъ самое слово «революція» почти никогда не употреблялъ. Онъ всѣмъ своимъ изнывшимся нутромъ мучительно сознавалъ, что надо перейти къ инымъ болѣе справедливымъ основамъ общественности и нравственности. Онъ смутно угадывалъ нѣкоторыя изъ этихъ новыхъ основъ, но сформулировать ихъ не умѣлъ, отчасти по замѣчательному недостатку краснорѣчія, отчасти же просто потому, что многого еще обдумать и уяснить даже самому себѣ порядкомъ онъ еще не успѣлъ... Ему даже не ясно было—революція или эволюція вѣрнѣе приведетъ къ этому желанному измѣненію основъ. Онъ не имѣлъ предвзятаго расположенія ни къ той, ни къ другой, но въ немъ была мучительная жажда поскорѣе узнать этотъ желанный путь и именно узнать, съ научною достовѣрностью, не оставляя въ столь капитальномъ дѣлѣ ничего ни на вѣру, ни на чувство, ни на гаданіе...

Столкновенія между Бакунинымъ и Ножинимъ случались каждый разъ, когда судьба ихъ сводила вдвоемъ. Внѣшніе поводы къ нимъ бывали самые разнообразныя; но сущность постоянно оставалась одна: Бакунинъ осуждалъ книжныя научныя поползновенія, Ножинъ отстаивалъ со всею силою своего львиного краснорѣчія политику страстей и на ней основанныя революціонныя и конспираціонныя приемы. Дѣло всего чаще кончалось тѣмъ, что Бакунинъ не скрывалъ презрительнаго раздраженія, уходилъ отъ этого «взбалмошнаго мальчишки»; или же Ножинъ убѣгалъ, красный какъ ракъ, не помня себя... А не разъ Курочкинъ или я увозили его домой въ нервномъ припадкѣ...

Заговоривъ о Ножинѣ, доскажу въ немногихъ словахъ краткую и печальную его біографію.

Вскорѣ послѣ встрѣчи съ Бакунинымъ во Флоренціи онъ вернулся въ деревню къ матери, гдѣ сильно заинтересовался участіемъ младшей своей сестры, которую ему удалось при содѣйствіи Зайцева увести изъ-подъ крова семьи де-ля-Гарди. Вотчимъ обратился къ покровительству Ш-го Отдѣленія. Зайцевъ былъ посаженъ въ тюрьму; Ножинъ, отъ котораго отчуралась и сама насильно спасаемая имъ сестра, какъ-то уплѣлъ и попалъ въ Петербургъ, гдѣ

началъ читать публичный курсъ по соціологіи. Неподготовленный, нервный, совершенно лишенный способности красно говорить, онъ потерпѣлъ полнѣйшее fiasco на первой же лекціи. Вскорѣ послѣ того онъ заболѣлъ тифомъ въ квартирѣ Курочкина. Отвезенный потомъ въ госпиталь, онъ умеръ къ вечеру того же дня.

V.

Являемся довольно рано на одинъ изъ обычныхъ Бакунинскихъ вечеровъ...

Гостиная убрана совершенно побуржуазному, прилично. Грозный революціонеръ, въ черномъ сюртукѣ, которому онъ, однако же, умѣетъ придать живописный, но до неприличія неряшливый видъ, мирно играетъ въ дураки со своею Антосею... За фортеціано съдой старичекъ, необыкновенно добродушнаго вида, самъ себѣ акомпанируетъ и птичьимъ голосомъ поетъ съ сильнымъ, какъ бы нѣмецкимъ выговоромъ:

Allons, enfants le la badrie
Le chour de cloire est arrivé...

...И смѣлый вызывающій революціонный гимнъ звучитъ въ его устахъ какою-то слащавою, сентиментальною пѣсенкою...

Пѣвецъ, однако же, оказывается не нѣмецъ, а шведъ, одинъ изъ стокгольмскихъ друзей М. А., къ тому же состоящій въ какомъ-то, совершенно непонятномъ мнѣ родствѣ, свойствѣ или кумовствѣ съ революціею...

Мало-по-малу собираются гости...

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній...

За исключеніемъ очень немногихъ завсегдатаевъ, на этихъ вечерахъ рѣдко удавалось два раза съ ряду видѣть одно и то же лицо.

Бакунинъ самъ косится на нихъ, предупреждаетъ, что это гости Антоси, или что ему необходимо видать ихъ и явкаться съ ними ради успѣха какого-то загадочнаго конспираціоннаго предпріятія. На слѣдующей недѣлѣ о прежнемъ корифеѣ нѣтъ уже и помина. Хорошо, если онъ исчезъ безслѣдно; но часто случалось, что исчезновенію предшествовалъ болѣе или менѣе крупный скандалъ...

Изъ поляковъ завсегдатаемъ былъ одинъ только Сарнецкій, явный агентъ жонда во Флоренціи, молодой помѣщикъ ничтожнаго вида, содержанія еще болѣе ничтожнаго, прозванный Герценомъ «телячьимъ зародышемъ». Впослѣдствіи онъ вернулся въ свое имѣніе, гдѣ-то въ Минской или Ковенской губерніи, и даже служилъ по выборамъ... При немъ неразлучно еще очень молодая, всегда не то усталая, не то заспанная, красивая бабенка съ видомъ курицы, которая съ кудахтаньемъ отряхается.

Тутъ и извѣстная Людмила Хассингъ, съ романтически безобразною наружностью, одна изъ перевѣрѣлыхъ дѣвственницъ, племянница Фарнгагена фонъ-Энзе, издательница его писемъ, знавшая лично многихъ всесвѣтныхъ революціонеровъ сорокъ-восьмого года, считавшаяся сама какою-то косвенною революціонною знаменитостью

Изъ итальянскихъ своихъ адъютантовъ Бакунинъ самъ очень скоро отличилъ молодаго и красиваго Андреа Пфѣанеллу.

Скромный, молчаливый, онъ казался созданнымъ для нѣжныхъ ролей. Я зналъ его давно, еще гарибальдійскимъ волонтеромъ, но никогда не сумѣлъ различить въ немъ ни одной выдающейся черты, кромѣ развѣ прекрасной, черной какъ смоль, густой бороды и классически правильнаго, матово-блѣднаго лица съ задумчивыми, крупными черными глазами.

Благодаря Бакунину, Пфѣанеллу внезапно становится героемъ дня... Во всей Тосканѣ нѣтъ истиннаго революціонера, кромѣ Пфѣанеллу. Приводится въ извѣстность, что въ 1852 или 1853 году Пфѣанеллу принималъ участіе въ одной изъ отчаянныхъ экспедицій Ф. Орсини; что самъ Орсини передалъ въ своихъ запискахъ разсказъ объ этой экспедиціи нѣсколько невѣрно... Пфѣанеллу, подъ руководствомъ Бакунина, печатаетъ свои поправки къ разсказу Орсини, бросая комокъ грязи въ тѣнь давно казненнаго итальянскаго конспиратора...

Въ эта же самое время и подъ кровомъ той же Бакунинской квартиры въ Via Montebelo сердце Людмилы воспламеняется страстью къ этому итальянскому Руслану, и нашъ «первосвященникъ атеизма и анархіи» почему-то освящаетъ своимъ рукоположеніемъ, или по крайней мѣрѣ своимъ вмѣшательствомъ, эту сердечную связь.

Но роль героя дня и счастливаго обладателя сморщенного тѣла дѣвицы Хассингъ и ея доходовъ, какъ и всѣ розы, оказывается далеко не безъ шиповъ... Флорентійскіе кружки, оказывается, глубоко возмущены литературными и нелитературными подвигами Андреа Пфѣанеллу, и тотъ о которомъ вчера еще не говорили вовсе, котораго всѣ знали просто за добраго малаго—становится яблокомъ раздора, мишенью, въ которую сыплютъ обличеніями, обвиненіями, вызовами; а наконецъ и пускаютъ на разныхъ дуэляхъ двѣ, три пистолетныя пули, не считая нѣсколькихъ сабельныхъ ударовъ и нѣсколькихъ укуловъ рапирь...

Не прошло и полугода со времени поселенія Михаила Александровича въ Via Montebelo, и всѣ флорентійскіе демократы, носившіе его чуть не на рукахъ, повертываются къ нему спиною...

Все это мелко, жалко, смѣшно, порою, можетъ быть, грязновато. Но во мнѣ, видѣвшемъ всю эту канитель изъ дня въ день, не закупленномъ ни за, ни противъ Михаила Александровича, никакими кумовскими или побочными соображеніями,—въ итогѣ все же-таки слагалась непоколебимая увѣренность, что въ душѣ этого человѣка не мелькнуло ни одного мелкаго или грязнаго побужденія.

VI.

Послѣдняя ночь карнавала, который въ скромной и сдержанной Флоренціи далеко не такъ роскошенъ и хорошъ, какъ въ буйномъ Неаполѣ, въ величавомъ Римѣ или въ кокетливой Венеціи.

Часъ второй ночи. Я уже легъ въ постель...

Мы жили въ нижнемъ этажѣ небольшого дома въ художническомъ кварталѣ Вагбано.

Въ окно раздается неистовый стукъ, сопровождаемый громкимъ хрипомъ и крикомъ порусски: «отворите».

Признавъ голосъ Бакунина, жена, не совсѣмъ еще раздѣтая, бѣжитъ отворять. Въ дверяхъ появляется сконфуженная фигура Антоси, закутанной въ сѣрый кафтанъ своего мужа. Одна половина ея курчавой бѣлокурой головы въ папильоткахъ. Черезъ распахнувшійся кафтанъ видна рубашка и ночная юбка. А за нею Бакунинъ во фракѣ и въ цилиндрѣ... Говорятъ: помогите, бѣда.

Невольно приходитъ мысль о ночномъ арестѣ или полицейскомъ вторженіи. Но дѣло объясняется болѣе конституціоннымъ образомъ. Михаилъ Александровичъ, не знавшій отдыха, по своему обыкновению, и эту ночь проводилъ въ какомъ-то кружкѣ съ болѣе или менѣе политическимъ оттѣнкомъ. Антося, вернувшись раньше, стала укладываться спать. Одна въ цѣлой квартирѣ, она соскучилась и набоялась до того, что, когда, наконецъ, слышала внизу грузные шаги своего мужа, стремительно бросилась ему навстрѣчу, забывъ захватить съ собою ключъ. А флорентійскія двери устроены такъ, что безъ ключа снаружи войти нельзя, если некому отворить внутри. Бакунины же не держали горничной... Пришлось ночью, въ фантастическомъ костюмѣ, по холоду, отправляться на противоположный конецъ города, къ намъ. Къ счастью, на полдорогѣ попала извозчичья карета.

Квартирка наша была мала, и размѣстить неожиданныхъ гостей было не легко. Уступивъ Антосѣ свое мѣсто въ кровати жены, я съ Бакунинымъ уместился, какъ могъ, въ сосѣдней комнатѣ, на диванахъ. Скоро раздался такой неистовый храпъ, что я, въ нервномъ возбужденіи, поспѣшилъ одѣться и прогулялъ всю ночь, припоминая басню о зайцѣ, рѣшившемся изъ гостепріимства раздѣлить съ ежомъ свое помѣщеніе. Къ утру диванъ, на которомъ спалъ Бакунинъ, оказался продавленнымъ...

Этотъ ночной сюрпризъ наводитъ на мысль о другомъ, случившемся нѣсколько недѣль спустя.

Около полуночи—звонокъ. Мы думали, не Ножинъ ли додумался до какого нибудь социологическаго сомнѣнія и пришелъ оповѣстить. Съ нимъ это случилось не разъ, и различія въ часахъ онъ не соблюдалъ...

Оказалась совершенно незнакомая высокая фигура, съ усами и бакенбардами, русскаго военнаго пошиба.

— Позвольте рекомендоваться: я Карпъ,— сказалъ онъ съ нѣсколько польскимъ акцентомъ рѣчи. Порусски говорилъ онъ прекрасно и правильно вполнѣ.

— Никогда не слыхалъ.

— Съ письмомъ отъ Михаила Александровича Бакунина.

Въ коротенькой записочкѣ Бакунинъ объяснялъ, что посланный заслуживаетъ довѣрія, какъ и онъ самъ, и что онъ, Михаилъ Александровичъ, отъ души рекомендуетъ мнѣ его и его дѣло.

Дѣло оказалось нѣсколько экстреннымъ.

Для признанія польскихъ повстанцевъ за воюющую сторону, по крайней мѣрѣ со стороны иностранныхъ державъ, требовалось, чтобы польскій флагъ появился на одномъ изъ морей, открытыхъ для французскихъ и англійскихъ судовъ. Попытка въ этомъ родѣ Лапинскаго на Балтикѣ не удалась; теперь замышлялся другой, болѣе широкій планъ на Средиземномъ и Черномъ моряхъ. Отъ меня требовалось, чтобы я взялъ на себя роль посредника между этою польскою организаціею и Гарибальди. Карпъ оказался русскій морской офицеръ, графъ Сбышевскій, бѣжавшій съ одного изъ нашихъ судовъ, бывшихъ тогда въ кругосвѣтномъ плаваніи. Кромѣ этой ночи, я не встрѣчалъ его никогда, но тутъ онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе.

Мы поѣхали вмѣстѣ къ Бакунину, который насъ ждалъ у стола, на которомъ лежало нѣсколько бумагъ съ гербами и печатями. Онъ мнѣ разсказалъ въ немногихъ словахъ то, что самъ онъ называлъ «сущность и подробности дѣла».

Имѣется быстрый на ходу пароходъ, который въ скоромъ времени будетъ доставленъ въ Мессину. Въ Марсели онъ возьметъ впередъ уже на вербованный экипажъ и небольшой отрядъ, который предполагается высадить гдѣ нибудь на нашемъ черноморскомъ побережьи. Въ запасъ имѣется необходимое оружіе и боевые снаряды; но главное ни въ какомъ случаѣ—не этотъ запасный отрядъ, отъ котораго едва ожидается и то, что онъ поддержитъ сношенія повстанцевъ съ заграничными комитетами помимо австро-прусской нашей границы. Со своимъ легкимъ и быстрымъ пароходомъ Карпъ будетъ крейсировать на Средиземномъ морѣ, вблизи Сициліи и пролива св. Бонифація, пока не выждетъ пароходъ Русскаго общества. Тогда, поднявъ польскій флагъ, онъ нападетъ на него, завладѣетъ имъ и положитъ основаніе повстанскому флоту. Гарибальди могъ дать опытныхъ и удалыхъ моряковъ и къ тому же на своей Капрерѣ или на другомъ подходящемъ островѣ помочь устроить центръ и оружейный складъ для этихъ крейсерскихъ операцій. Цифры все говорились крупныя. Пароходъ прошелъ уже Гибралтаръ и если еще не въ Марсели, то не можетъ запоздать туда сво-

имъ прибытіемъ. Въ существованіи навербованныхъ людей и нужнаго оружія Михайлъ Александровичъ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія съ моей стороны, говоря, что у него на все имѣются въ рукахъ необходимые документы. Въ правдивости Карпя, въ его готовности довести это опасное дѣло до конца не сомнѣвался и я самъ, хотя не имѣлъ никакого ручательства за то, кромѣ его честной и открытой наружности.

— Жаль,—говорилъ я,—что дѣло это нельзя обставить нѣскольکو солиднѣе на видѣ. Гарибальди весьма естественно отнесется скептически къ моимъ голословнымъ показаніямъ.

— Такъ вы не хотите ѣхать?

— Этого я не говорю: я не подряжался никому мѣшаться только въ одни солидные на видѣ предпріятія...

— За это я васъ и люблю. Но ѣхать надо чуть свѣтъ. А главное, чтобы никто, особенно Сарнецкій... понимаете: особенно Сарнецкій, ничего объ этомъ не зналъ...

Мнѣ тутъ же дали письма къ Гарибальди, прибавляя, что суть дѣла все же придется передать на словахъ и подъ большимъ секретомъ. Тутъ же отсчитали денегъ не помню сколько, но по моему безденежью такой купъ, что я проникся къ нему не то страхомъ, не то уваженіемъ. Словно разрывную бомбу или какую нибудь святыню положили въ мой карманъ... Я зналъ, что небогатому человѣку рѣдко удавалось коснуться польскихъ денегъ безъ того, чтобы не прослыть за мошенника...

Направили меня въ Геную, гдѣ я долженъ былъ застать Гарибальди у его зятя, а если нѣтъ, то найти почтовый пароходъ, который доставитъ меня на Капреру.

Поѣздъ уходилъ въ пятомъ часу утра. Я едва успѣлъ забѣжать проститься съ женою и захватить необходимое бѣлье. Съ Капреры придется, по всей вѣроятности, ѣхать прямо въ Мессину.

Погода стояла пасмурная и холодная. Не переставая лилъ дождь, и обыкновенно красивое Генуэзское побережье смотрѣло уныло и непривѣтно. Времени было довольно обдумать весь запасъ фактовъ, наскоро сообщенныхъ мнѣ Бакунинымъ.

Осмотрѣвъ два паспорта, которыми снабдилъ меня Бакунинъ, я легко замѣтилъ, что они негодны оба: отъ одного англійскаго разило поддѣлкою на версту, а другой совершенно не подходилъ мнѣ по примѣтамъ. Впрочемъ, это меня не смущало, такъ какъ со мною была русская половина паспорта жены, служившая мнѣ неоднократно услуги на итальянскихъ таможахъ.

— Tedesco?—спрашиваетъ обыкновенно съ гордымъ видомъ il maresciano, то-есть жандармскій служитель, завидя двуглаваго орла на листѣ, который онъ, развернувъ, держитъ передъ собою.

— Въ бумагахъ все прописано,—отвѣчаю я.

— Васъ какъ зовутъ?

«ИСТОП. ВЪСТН.», МАРТЬ, 1897 Г., Т. LXVII.

— Да въ паспортѣ все обозначено, какъ слѣдуетъ.

Задавъ еще пять шесть вопросовъ, на которые постоянно получается одинъ отвѣтъ, варьируемый насколько хватаетъ моей изобрѣтательности, блюститель порядка какъ-то недовѣрчиво осматриваетъ бумагу съ обѣихъ сторонъ. Печати, орлы все какъ слѣдуетъ. Тѣмъ и кончить, что отдастъ ее мнѣ, сдѣлавъ необходимую помѣтку и сказавъ успокоительное:

— Na bene.

Не сознавая же въ самомъ дѣлѣ, что онъ въ бумагѣ этой не смыслитъ ни аза и не знаетъ даже, на какомъ языкѣ она писана.

Успокоившись на счетъ паспорта, я начинаю соображать, что организація нашей флотиліи находится въ рукахъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ, Мазони, неизвѣстенъ мнѣ вовсе. Другое имя Baurdon, въ итальянскомъ изданіи Bordone, вызываетъ во мнѣ рядъ воспоминаній не очень пріятнаго свойства. Впрочемъ, это были личныя мои воспоминанія, которыя къ дѣлу не идутъ, и которыя я рассказалъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ въ «Запискахъ гарибальдійца».

Въ Геную я пріѣхалъ вечеромъ съ сильною зубною болью. Первый мой визитъ былъ здѣсь къ дантисту, который за позднимъ временемъ отказался изслѣдовать больной зубъ, но далъ мнѣ какой-то элексиръ, обѣщая, что, благодаря ему, ночь я во всякомъ случаѣ проведу спокойно. Была ли то классическая чернильная вода или болѣе хитрая смѣсь, но элексиръ этотъ нисколько не помѣшалъ мнѣ промучиться цѣлую ночь. Ни свѣтъ ни заря, я уже снова былъ у дантиста, ожидая съ нетерпѣніемъ, пока онъ встанетъ и позавтракаетъ. Здѣсь пришлось выдержать цѣлую пытку. Больныхъ зубовъ оказалось два, и дантистъ ломалъ мнѣ ихъ восемь разъ, прежде чѣмъ убѣдился, что вырвать ихъ при воспаленномъ состояніи десны нельзя даже при помощи имъ самимъ придуманнаго инструмента.

Въ припадкѣ нервнаго изступленія я вцѣпилъ руками въ жирную шею мучителя, вышедшаго ко мнѣ въ халатѣ, и мы вмѣстѣ повалились на полъ... При помощи пъявокъ и хлороформа удалось наконецъ утолить нестерпимую боль, и часамъ къ десяти утра я, шатаясь отъ перенесенной муки и отъ двухъ безсонныхъ ночей, побрелъ въ западное предмѣстье San Pier d' Agena, гдѣ жилъ извѣстный гарибальдійскій офицеръ, д-ръ Ахиллъ Сакки.

Отъ него я узналъ, что Гарибальди въ Генуѣ нѣтъ уже давно, и что первый пароходъ отсюда на Капреру уйдетъ не раньше, какъ дней черезъ десять, тогда какъ изъ Ливорно пароходъ черезъ Аяціо на Маддолену или Капреру уходитъ на слѣдующій же день.

Въ Генуѣ дѣлать было рѣшительно нечего, и я во всѣхъ по-
пыхахъ долженъ былъ спѣшить назадъ, въ Ливорно.

Погода продолжала стоять вѣтреная, холодная и пасмурная. Пассажировъ было очень мало; въ каютахъ грязь и нестерпимая

вонь отъ боченковъ съ солеными анчоусами. Я потребовалъ себѣ завтракъ на палубу, по которой расхаживала дюжая фигура съ калмыцкимъ лицомъ, въ мѣховой шапкѣ, покуривая изъ коротенькой трубочки и поплеывая по сторонамъ.

Пока я спрашивалъ себя, откуда мнѣ знакомо это широкое, грубое, но не красивое лице, съ бѣгающими черными глазками, незнакомецъ подсѣлъ къ моему столу, спросивъ себѣ рюмку какой-то спиртуозной жидкости.

— Вы ѣдете на Капреру, къ старику, по польскому дѣлу?—спросилъ онъ меня неожиданно, глядя на меня въ упоръ своими калмыцкими глазками и съ сильнымъ гортаннымъ выговоромъ буйнаго плебейскаго ливорнскаго предмѣстья, населеннаго лодочниками и носильщиками и носящаго названіе Yenezici.

— Не знаю, о какомъ польскомъ дѣлѣ вы говорите. Я, вѣроятно, буду и на Капрерѣ, но ѣду не къ Гарибальди, а къ полковнику Шандеру Телекки, который теперь на Маддоленѣ по своимъ домашнимъ дѣламъ...

Собесѣдникъ, по тосканскому обыкновенію, выразилъ сомнѣніе и изумленіе гортаннымъ звукомъ gna, при чемъ мохнатые его брови какъ-то ушли совсѣмъ въ мохнатую же шапку... Онъ молча покурилъ нѣсколько минутъ и посмотрѣлъ по сторонамъ...

По палубѣ расхаживалъ одинъ только пассажиръ очень характернаго вида. Это былъ несомнѣнно англичанинъ, подростокъ лѣтъ 18-ти, съ улыбающимся лицомъ, съ громаднымъ разстояніемъ отъ носа до подбородка. Онъ былъ стиснуть, какъ въ узкій мѣшокъ, въ свой сѣрый water-proof, а въ рукахъ держалъ какое-то подобіе тирса, съ какимъ изображаютъ вакханокъ.

Мой собесѣдникъ нѣсколько разъ внимательно вглядывался въ него, потомъ въ меня.

— Я навѣрно знаю, что съ нами ѣдетъ польскій агентъ по дѣлу о крейсерствѣ на Черномъ морѣ. Мнѣ обо всемъ подробно говорилъ Сарнисскій (Sarniesky). Это, конечно, вы. Вамъ нечего со мною въ прятки играть: я майоръ Сгареллино...

Имя это мнѣ было хорошо знакомо. Сгареллино, гарибальдійскій майоръ, выпедпій изъ Ливорнской Венеціи, былъ слишкомъ извѣстенъ, какъ лихой морякъ и вообще удалой молодецъ на всѣ руки. Не было никакого вѣроятія, чтобы самозванецъ присвоилъ себѣ здѣсь это имя. Онъ говорилъ громко, не стѣсняясь, и во всякомъ случаѣ о моемъ тайномъ порученіи зналъ больше, чѣмъ я самъ. Насколько я могъ судить изъ его словъ, Сарнецкій уже велъ съ нимъ обстоятельные переговоры по этому дѣлу, и между ними было условлено, что Сгареллино возьметъ на себя роль гарибальдійскаго руководителя замышляемаго предпріятія. Выборъ былъ вполне удачный, такъ какъ Сгареллино не только обладалъ всѣми необходимыми для того нравственными и профессиональными качествами, но еще и Черное,

даже и Азовское море, зная очень хорошо, такъ какъ часто ходить въ наши южные порты на парусныхъ судахъ за пшеницею.

Страннымъ во всемъ этомъ оказалось только то, что Сгареллино являлся уполномоченнымъ отъ того самаго Сарнецкаго, отъ котораго Бакунинъ такъ настойчиво рекомендовалъ мнѣ держать все это дѣло въ строжайшемъ секретѣ. Ни о Бакунинѣ, ни о Карпѣ онъ ни разу не упомянулъ и, очевидно, считалъ меня уполномоченнымъ отъ того же самаго Сарнецкаго.

Только впоследствии я имѣлъ случай убѣдиться, что ему въ свою очередь рекомендовано оказывать мнѣ только очень ограниченное и очень условное довѣріе...

— Кого здѣсь обманываютъ?—спрашивалъ я самого себя, какъ донъ Basilio въ Севильскомъ цирюльничѣ:—или же все это только излишнее усложненіе конспираціонной игры, могущее печально повліять на ходъ дѣла?

Чтобы выйти изъ неловкаго положенія, я поторопился окончить завтракъ и сталъ бродить по палубѣ, закуривъ сигару и не безъ труда поддерживая равновѣсіе при довольно сильной и неровной качкѣ. Сгареллино остался за столомъ, гдѣ подлѣ рюмки появился графинчикъ, а на моемъ мѣстѣ засѣлъ съ нимъ одинъ изъ освободившихся отъ служебныхъ дѣлъ и, повидимому, хорошо знакомыхъ ему парходныхъ офицеровъ.

Англійскій Митрофанушка мѣрно шагала за мною со своимъ жезломъ и со своею неизмѣнною улыбкою. Когда пароходъ внезапно наклонился на бокъ, и мы должны были сѣменить ногами и хвататься за веревки, чтобы не упасть лицомъ въ грязь, которую морская вода въ изобиліи разлила на скользкой палубѣ, его сѣроблѣдное лицо съ неизмѣримымъ подбородкомъ обращалось ко мнѣ, при чемъ зубатый ротъ раздвигался до ушей.

— Я очень радъ, что вы не страдаете морскою болѣзнию,—сказалъ онъ мнѣ поанглійски въ видѣ безнадежной попытки хоть съ кѣмъ нибудь завязать разговоръ.

— Покорно васъ благодарю... И я тоже...

— О-оо! вы говорите поанглійски.

Затѣмъ, словно опасаясь, что неожиданно подвернувшійся собесѣдникъ убѣжитъ, прежде чѣмъ истощится накопившійся у него запасъ словоохотливости, юноша, съ непривычной для англичанина быстротою, сталъ рассказывать мнѣ, какія бываютъ качки въ Брѣйтонѣ. Тутъ же онъ сообщилъ, что ѣдетъ въ качествѣ делегата отъ какихъ-то англійскихъ дамъ, посылающихъ Гарибальди необычайную виноградную лозу, добытую изъ какихъ-то отдаленныхъ странъ, для насажденія ея на Капрерѣ. Такимъ образомъ объяснялся длинный жезлъ, или тирсъ, съ которымъ юный туристъ не разлучался во все время путешествія.

VII.

Къ утру слѣдующаго дня мы подходили къ о-ву Маддолена, при входѣ въ проливъ св. Бонифація. Станція эта учреждена единственно для Капреры со времени поселенія на ней Гарибальди. Маддолена—ничтожная рыбацья деревушка, населенная одними только женщинами, дѣтьми да дряхлыми стариками. Все зрѣлое мужское населеніе служитъ матросами на корабляхъ или уходитъ въ море на рыбные промысла. Торговли нѣтъ никакой; но итальянское правительство учредило тѣмъ не менѣ здѣсь таможену, при которой постоянно находятся нѣсколько лучшихъ сыщиковъ, чтобы слѣдить за проѣзжающими на Капреру. Въ это время опасались республиканскаго движенія въ Сициліи, и бдительность на Маддоленѣ была усилена. Появился какой-то извѣстный своими доблестями *magesciano dei sagabiniere* (жандармскій унтеръ-офицеръ), котораго проживающіе на Капрерѣ юные калабрійцы уже успѣли выкупать въ морѣ, «чтобы охладить», говорили они, «его излишній пылъ». Навѣрное сказать не могу, но имѣю сильныя основанія предполагать, что итальянская полиція дѣлилась своими открытіями съ иностран-ными, въ томъ числѣ и русскою....

— Берегитесь,—предупредилъ меня Сгареллино, когда пароходъ сталъ причаливать:—васъ осматривать основательно.

Къ пароходу причалила большая барка. Въ ней я узналъ Менотти въ числѣ другихъ, мало знакомыхъ или вовсе мнѣ незнакомыхъ, очень юныхъ гребцовъ,—замѣтилъ женообразное личико мальчика лѣтъ шестнадцать съ широкимъ довольно ординарнымъ лицомъ. Оно поражало своею бѣлизною и городскимъ видомъ среди смуглыхъ лицъ и нѣсколько одичалыхъ нарядовъ и пріемовъ обычныхъ жителей Капреры. Мальчикъ этотъ оказался Риччіоти, младшій сынъ Гарибальди, только что вернувшійся тогда изъ Англіи, гдѣ онъ воспитывался въ буржуазной средѣ и почти разучился говорить по-итальянски.

Барка съ Капреры приходитъ, подъ предводительствомъ Менотти, къ каждому пароходу, являющемуся изъ Ливорно, чтобы забрать почту и почти всегда случающихся посѣтителей Гарибальди, прошенныхъ и не прошенныхъ. Разстоянія отъ Маддолены до Капреры при хорошей погодѣ полтора или два часа.

Прежде чѣмъ сойти съ парохода, я успѣлъ всучить юному англичанину небольшую сумму, съ бумагами, которую онъ уложилъ въ какой-то внутренній карманъ своего ватерпруфа. Его впрочемъ пропустили, едва окинувъ бѣглымъ взглядомъ содержимое его чемоданчика, меня же пробрали до костей. Паспортъ жены сослужилъ мнѣ и здѣсь свою службу; но пришлось отвѣчать на длинный рядъ вопросовъ. Я говорилъ, что имѣю порученіе срисовать Капреру для петербургской иллюстраціи, и въ подтвержденіе показывалъ альбомъ.

Жизнь Гарибальди на Капрерѣ была описана много разъ. Отъ посѣтителей онъ не имѣлъ отбоя, и крошечный, почти игрушечный домъ, съ одной стороны похожий на какой-то низкій бѣлый мавзолей, едва могъ вмѣщать обычныхъ жильцовъ и гостей, изъ которыхъ небольшая часть прїѣзжала сюда по дѣлу. Эти считались за своихъ, и съ ними не церемонились. Имъ часто приходилось не доѣсть, спать кое-какъ, въ повалку, въ каждомъ свободномъ углу, а то и на каменистой почвѣ, подъ открытымъ небомъ. А лучшія комнаты и удобныя постели бывали заняты туристами, преимущественно барынями, стекавшимися сюда отовсюду, всего болѣе, конечно, изъ Англіи, чтобы поглазѣть и увести сувениръ. Для этихъ сувенировъ иногда разрывался на части цвѣтной платокъ, который Гарибальди имѣетъ обыкновение носить повязаннымъ черезъ шею.

Я засталъ Гарибальди сильно осунувшимся, едва ходившимъ при помощи двухъ костылей и еще неоправившимся окончательно отъ раны.

Онъ, впрочемъ, все время возился въ саду, который рѣшительно не принимался на чистомъ известнякѣ, кое-какъ удобренномъ рыхлою землею, привезенною съ итальянскаго берега. За нимъ, какъ собака, бѣгала ручная овца. Куры самыхъ разнообразныхъ породъ рыскали всюду.

Въ экономическомъ отношеніи жизнь Гарибальди въ это время была обставлена неблагопріятнѣе, чѣмъ когда нибудь. Никакихъ вспомоствованій ни отъ правительства, ни отъ разныхъ обществъ онъ принять не хотѣлъ. Старшій сынъ его, Менотти, и нѣсколько молодыхъ гарибальдійцевъ, состоявшихъ при Гарибальди постоянно, періодически смѣняющими одна другую партіями, снабжали всю колонію дичью и рыбою. Вели они совершенно трудовую жизнь рыбаковъ и охотниковъ. Другіе продукты для стола, главнымъ образомъ рисъ, мука и т. п., доставлялись по большей части добродетельными датеями, личными друзьями Гарибальди, изъ Калабріи, Ломбардіи и изъ другихъ итальянскихъ провинцій. Въ это же самое время Гарибальди получалъ дорогіе затѣйливые подарки отъ англійскихъ, американскихъ и другихъ своихъ заморскихъ поклонниковъ. Не задолго передъ моимъ прїѣздомъ ему былъ подаренъ цѣлый складной желѣзный домъ, который стоялъ тутъ же, подлѣ настоящаго, но безъ всякаго употребленія, такъ какъ онъ оказался совершенно непригоднымъ для житья.

Самъ Гарибальди и Менотти свыклись съ этой жизнью, но прїѣздъ юнаго Риччіоти, воспитаннаго въ Лондонѣ, изнѣженнаго и слабаго здоровья, вносилъ въ нее нѣкоторый диссонансъ.

Для Риччіоти здѣсь все было чуждо и дико; ему на каждомъ шагу недоставало не только привычныхъ ему развлеченій, но даже самыхъ неизбѣжныхъ, по его мнѣнію, удобствъ... Чтобы убить время,

онъ сталъ ѣздить на охоту и на рыбную ловлю съ братомъ и съ товарищами, но тамъ, конечно, болѣе мѣшалъ онъ, чѣмъ приносили пользы. Гарибальди, которому никогда не пришло бы въ голову бояться за себя или за Менотти, былъ самъ не свой по цѣлымъ днямъ, когда Риччіоти уѣзжалъ въ дурную погоду. Бросая тогда свои заботы по хозяйству, старикъ ковылялъ на своихъ костыляхъ по цѣлымъ часамъ вдоль морскаго берега, впиваясь тревожными взорами въ туманную даль, прислушиваясь къ шуму вѣтра, слѣдя за малѣйшими его измѣненіями... Проливъ св. Бонифація опасенъ въ дурную погоду, а ихъ капрерская барка стара уже стала, и охаетъ, и скрипитъ отъ малѣйшей волны... Мечтою новаго Цинцината было завести себѣ новую лодку; но въ этой мечтѣ онъ признавался только близкимъ своимъ пріятелямъ, такимъ же безгрешникамъ, какъ и самъ...

Онъ встрѣтилъ насъ у пристани, пригласилъ меня тутъ же присѣсть съ нимъ на скалѣ, гдѣ я ему и передалъ свои письма, условившись, что подробнѣе о дѣлѣ мы переговоримъ попозже, когда у него выберется свободный часъ.

Въ этотъ день я его увидѣлъ только за обѣдомъ, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ въ своемъ обычномъ сѣромъ *pineto* поверхъ красной рубахи, среди очень многочисленной компаніи, въ которой много было вовсе незнакомыхъ мнѣ лицъ. Прислуживалъ Пьетро, долговязый ломбардскій мужикъ, тоже въ красной рубахѣ и въ туфляхъ. Поставивъ на столъ блюдо, онъ самъ садился съ гостями, ѣлъ и говорилъ, потомъ уходилъ на кухню за слѣдующимъ, приготовленнымъ имъ же самимъ.

Пьетро этотъ, парень лѣтъ тридцати, былъ совершенно новымъ для меня лицомъ. Я узналъ, что онъ появился въ гарибальдійскихъ рядахъ въ первый разъ во время экспедиціи 1862 г., кончившейся печальною стычкой при Аспромонте, и состоялъ при главномъ кассирѣ денщикомъ. Во время аспромонтскаго погрома, Пьетро исчезъ, захвативъ съ собою шкатулку, гдѣ хранились всѣ деньги экспедиціи, тысячъ до тридцати... Черезъ много мѣсяцевъ уже потомъ онъ явился на Капреру, прошедши пѣшкомъ чуть не всю Италію, съ истерзанными ногами, безъ гроша денегъ, кромѣ тридцати тысячъ, которыя и остались въ шкатулкѣ нетронутыми, цѣликомъ.

За обѣдомъ никакихъ достопамятныхъ разговоровъ не происходило. Помню только, что рѣчь зашла о цѣломъ грузѣ съѣстныхъ припасовъ, присланныхъ въ подарокъ Гарибальди калабрійскими его друзьями. Грузъ этотъ былъ доставленъ на пароходѣ, на которомъ пріѣхалъ и я; но его мѣсяца два продержали на таможенѣ въ Ливорно, сгноили большую его половину, а за неиспорченную требовали какихъ-то фантастическихъ пошлинъ.

— По отношенію ко мнѣ этихъ мелкихъ сошекъ,— замѣтилъ Гарибальди одному изъ гостей,—я всегда знаю, какъ по барометру, какой вѣтеръ дуетъ на насъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Два года тому назадъ, самъ таможенный начальникъ во всѣхъ регалияхъ, высуня языкъ, притащилъ бы коробъ ко мнѣ...

На Капрерѣ пришлось прожить нѣсколько дней, ожидая обратнаго парохода въ Ливорно. Вся гарибальдійская компанія уѣхала на охоту на сардинскій берегъ. Гарибальди раза два приглашала меня въ комнату, которую онъ называлъ своимъ кабинетомъ, но которой все убранство состояло изъ простаго деревяннаго стола, двухъ стульевъ и полокъ по стѣнамъ...

Разговоръ о «дѣлѣ» былъ поконченъ въ немногихъ словахъ. Гарибальди слушала мои слова, какъ человѣкъ, уже знающій сущность дѣла и не особенно довѣряющій ему.

— Лучше Сгареллино вы не найдете; а онъ беретъ за это дѣло. Сноситесь съ нимъ откровенно и смѣло. Если что понадобится, дайте знать; черезъ него, или прямо...

Охотники возвратились вмѣстѣ съ венгерскимъ полковникомъ Шандеромъ Телекки, который дѣйствительно жилъ на Маддоленѣ, вмѣстѣ со своимъ неразлучнымъ Лойошемъ, напоминавшимъ очень близко нашего крѣпостнаго изъ степныхъ деревень. И Телекки и Лойошъ состарѣлись въ эмиграціи, принимали дѣятельное участіе во всѣхъ революціонныхъ предпріятіяхъ цѣлой Европы; въ эпоху съ 1848 до 1863 году жилали они въ Лондонѣ съ Герценомъ, на Вайтѣ съ Викторомъ Гюго, на Капрерѣ съ Гарибальди; а остались все же одинъ трансильванскимъ помѣщикомъ, другой его вѣрнымъ крѣпостнымъ слугою, котораго и по зубамъ бьютъ, который регулярно въ извѣстные сроки пьянъ, но безъ котораго баринъ и на всемірномъ революціонномъ поприщѣ, какъ дикій помѣщикъ Щедрина, давно бы шерстью обросъ и былъ заѣденъ мышами... Въ самомъ началѣ его эмиграціонной карьеры, Шандеру Телекки случилось, очутившись вовсе безъ гроша, наняться гдѣ-то въ Англіи поденщикомъ на каменно-угольной копи. Лойошъ не покинулъ его здѣсь и точно также въ промежуткахъ между работъ набивалъ барину трубку.

— «Oui, Victor Hugo est un grand homme,—острилъ извѣстный Рибейроль,—mais Loyas est un grand peuple.

Я уѣхала съ Капреры, нагруженный какимъ-то чудовищнымъ паштетомъ изъ дичи и калабрійскими конфетами, изображавшими рыцарей и всадниковъ изъ раззолоченныхъ сушеныхъ фигъ. Все это были подарки отъ разныхъ членовъ капрерской колоніи дѣтямъ и женѣ Телекки. На всякой вещи была записочка, отъ кого и кому именно предназначалась она. Вся цѣна этому грузу была какойнибудь мѣдный грошъ, а на запискахъ красовались имена дорогихъ итальянскому сердцу героевъ...

Къ немалому удивленію, на таможенѣ съ меня заломили какую-то баснословную цифру.

— Да я скорѣе все это брошу въ море, чѣмъ заплачу хоть половину того, что вы требуете...

— Заплатите большой штрафъ и подвергнетесь тюремному заключенію,—обязательно предостерегъ меня чиновникъ.

Я потребовалъ свиданія съ директоромъ.

— Ахъ, Боже мой,—говорилъ съ соболѣзнованіемъ этотъ почтенный офицеръ,—мнѣ самому это очень неприятно; но регламентъ, служба... Тутъ еще съ этимъ коробомъ для генерала у насъ неприятность вышла... Я все сдѣлалъ, что могъ; а генераль навѣрное Богъ вѣсть что сказалъ про насъ, когда получилъ половину груза испорченною...

— Я могу удовлетворить вашему любопытству.

И я передалъ ему слова Гарибальди о регалияхъ и барометрахъ.

Въ Ливорно я засталъ телеграмму, извѣщавшую, что Маньяни, благодаря преслѣдованіямъ марсельской префектуры, долженъ бросить все дѣло и скрыться Богъ вѣсть куда. Скрылись вмѣстѣ съ нимъ и около сорока тысячъ денегъ польскаго фонда, въ которыхъ, насколько мнѣ извѣстно, онъ и до сихъ поръ никакого отчета никому не давалъ. Онъ жаловался и на Бордоне, котораго довольно прямо обвинялъ въ нечистоплотныхъ продѣлкахъ...

Впослѣдствіи узналось, что Маньяни точно набербовалъ въ Марсели двухъ, трехъ какихъ-то ласкаровъ, которыхъ нарядилъ въ балетные костюмы и при помощи которыхъ онъ самъ разыгрывалъ роль опернаго пирата въ марсельскихъ *café-chantant*. Принимая тамъ отъ нихъ рапорты и донесенія, въ обществѣ разныхъ престлѣнницъ, онъ бросалъ имъ кошелекъ и поученіе:

— *Allez! Sauvez vous...*

Когда префектъ, наконецъ, счелъ нужнымъ замѣтить ему, что не бесполезно было бы ограничить по крайней мѣрѣ кругъ зрителей этихъ представленій, онъ принялъ предостереженіе за преслѣдованіе и бѣжалъ.

Не заставила долго ждать себя депеша отъ Бордоне, извѣщавшая, что мошенничество (онъ такъ и писалъ: *escroquerie*) Маньяни ставить его въ невозможность довести взятое имъ дѣло до конца; а потому онъ и отказывается отъ него вовсе...

Карпя во Флоренціи я уже не засталъ. Онъ уѣхалъ въ Мессину, гдѣ и его скоро постигло еще болѣе конечное разочарованіе. Обѣщанный пароходъ, правда, оказался на лицо. Это былъ второй по счету: такъ какъ одинъ, посланный прежде, былъ задержанъ въ Гибралтарѣ за неимѣніемъ надлежащихъ бумагъ. Пришедшій пароходъ, на легкости и скорости хода котораго покоилось все это пред-

пріятіе, оказался никуда негодною ладьею, которую и на буксирѣ тащить можно было не иначе, какъ съ опаскою...¹⁾

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ мы переселились на Генуэзскій берегъ, а потомъ въ Миланъ. Бакунинъ же, съ своей стороны, тоже недолго оставался во Флоренціи и направился въ Неаполь.

Мы встрѣтились снова на Женевскомъ озерѣ, пять лѣтъ спустя... Но флорентійскія конспираціи, за которыя ни я не могъ сердиться на Бакунина, ни онъ на меня, легли какимъ-то неприятнымъ, несмыслаемымъ пятномъ между нами.

Другіе знали Бакунина тѣснѣе, стояли къ нему ближе въ лучшій швейцарскій періодъ его дѣятельности. Они могутъ обрисовать эту грандіозную фигуру въ томъ свѣтѣ, въ которомъ представлялась она имъ. Мнѣ же досталась неблагоприятная часть узнать Бакунина при невыгодной для него флорентійской обстановкѣ.

Л. Мечниковъ.

¹⁾ Объ этой морской экспедиціи, приготовлявшейся поляками въ Средиземное море, въ русской литературѣ говорилось, кажется, очень мало. Приведемъ здѣсь то, что рассказываетъ объ экспедиціи графа Сбышевскаго Герценъ въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ (изд. 1871 года, Женева, стр. 220).

«Въ то самое время, какъ толпа вооруженныхъ поляковъ, бездна дорогого купленнаго оружія и Ward Jackson оставались почетными плѣнниками на берегу Швеціи, собиралась экспедиція, снаряженная бѣлыми; она должна была идти черезъ Гибралтарскій проливъ. Ее велъ графъ Сбышевскій, братъ того, который написалъ замѣчательную брошюру «La Pologne et la cause de Pordre».

«Отличный морской офицеръ, бывшій въ русской службѣ, онъ ее бросилъ, когда началось возстаніе, и теперь велъ тайно снаряженный пароходъ въ Черное море. Для переговоровъ онъ ѣздилъ въ Туринъ, чтобы тамъ секретно видѣться съ начальникомъ тогдашней оппозиціи, и между прочимъ съ Мордини.

«На другой день послѣ моего свиданія съ Сбышевскимъ,—рассказывалъ мнѣ самъ Мордини,—вечеромъ, въ палатѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «пожалуйста, будьте осторожны; у васъ вчера былъ польскій эмиссаръ, который хочетъ провести пароходъ черезъ Гибралтарскій проливъ; какъ бы дѣло ни было, да зачѣмъ же они прежде болтаютъ?».

«Пароходъ впрочемъ и не дошелъ до береговъ Италіи: онъ былъ захваченъ въ Кадиксѣ испанскимъ правительствомъ. По минованіи надобности, оба правительства дозволили полякамъ продать оружіе и отпустили пароходъ».

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ ¹⁾.

ХІІІ.

Пакостники.

І.

ОМНАТКА постоялаго двора, гдѣ я ночевалъ, была очень маленькая и низенькая.

— Кажется, душно будетъ спать,—сказалъ я наканунѣ отцу хозяина, пожелавшему мнѣ «спокойной ночи».

— А вы окошечко не затворяйте, воздухъ и не сопрется... Подъ утречко-то посвѣжить...

Спать съ открытымъ окномъ оказалось невозможнымъ. Полетѣли комары и затянули свои монотонныя пѣсни. Я заперъ окно. Въ комнатѣ наступила духота. Я долго не могъ уснуть, забылся наконецъ тяжелымъ сномъ и пробудился рано, съ болью въ головѣ. Я отворилъ окно, чтобы освѣжиться и надышаться чистымъ воздухомъ. Откуда-то потянуло запахомъ скошенной травы. Ясное утро обѣщало чудный теплый день... Я откинулся головой на спинку стула, и задремалъ. Вдругъ я услышалъ тоненькій голосъ—не то женскій, не то дѣтскій.

— Мишка, ты спишь?

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVI, стр. 838.

— А—а?— отозвался другой голосъ, принадлежавшій болѣе возмужалому человѣку, но все-таки не взрослому мужчинѣ.

— Будеть тебѣ дрыхнуть... Идти надо... аль отдумаль?

— Не... иду!

Послышался громкій зѣвокъ.

Я выглянулъ въ окно.

На дворѣ, на грудѣ теса, лежали два мальчика-подростка. Вѣрнѣе сказать—лежалъ одинъ, лѣтъ 16, не больше,—бѣлокурый, съ продолговатымъ лицомъ, покрытымъ веснушками; онъ лежалъ на спинѣ, со сложенными на груди руками и съ закрытыми глазами. Другой моложе на годъ, а то и на два—уже полуподнялся и свѣсилъ босыя грязныя ноги съ теса. Лица его мнѣ не было видно, потому что онъ повернулся къ окну затылкомъ, и притомъ длинныя пряди рыжихъ волосъ падали на лобъ. О годахъ я заключилъ по худой, еще не сформировавшейся фигурѣ.

— Коли идешь, такъ вставай, неча валяться,—сказаль онъ.

— Спать охота, Васька!

— Ишь, идоль! а пошто долго съ Малашкой возился вчера?..

Мишка молчалъ.

— Чаво молчишь-то? тебѣ говорю... И нашель тоже—курносию!

— Небось, твоя Вѣрка лучше!

— Извѣстно, лучше... Да што мнѣ Вѣрка... Севодни Вѣрка, а завтра—Катька... Одинъ скусь-то... ха, ха, ха!..

— А все съ Вѣркой возжаешься... знать, люба почему ни на есть...

— Дѣвчонка веселая...

Мишка опять зѣвнулъ и промолвилъ лѣниво:

— И попадешься ты Аѳанасью... задасть онъ тебѣ звону...

— А што?

— Дѣвчонку испортилъ.

— Эво! Нѣшто печать приложена моя? Мало-ль съ кѣмъ гуляла... и знать не знаю,—цинично произнесъ Васька и захохоталь.

— Не безъ языка, чать она... скажетъ.

— Мало-ль што она скажетъ!.. а пуцай и вѣрятъ... не булгу же поднимуть... Сраму не захочать... Да ты вставай, чаво, вزابоль!

Я былъ пораженъ слышаннымъ. Вотъ—экземпляры!.. Неужели они не были въ школѣ? Гдѣ же ея вліяніе? Говорять, въ городѣ портятся... а вотъ вамъ и деревня. Неужели такъ глубоко проникла сюда порча, что дѣвочка (не взрослая же, конечно!) отдается съ легкимъ сердцемъ какому-то негодю. Что толкаетъ?

— Черви наготовѣ?—раздался голосъ Мишки.

— Вѣстимо... Я и косушку припасъ... разоъемъ тамо, а послѣ искупаемся...

— Ловкачь ты, Васька!

— Не въ тебя—рохлю.

— Ну, ты не больно... бахвалься!
Заскрипѣли тесины, и Мишка слѣзъ на землю. Черезъ нѣсколь-
ко минутъ пріатели отправились на рѣку.

II.

Я пилъ чай, когда вошелъ ко мнѣ отецъ хозяина, сѣдой старикъ,
съ длинной бородой клиномъ, съ лицомъ, изборожденнымъ мелкими
морщинами. Онъ помолился на образъ и поклонился мнѣ, щуря
выцвѣтшіе слезившіеся глаза.

— Ишь, какъ солнце-то бьетъ въ стѣну... Чай да сахаръ!
— Спасибо...
— Скоро ѣдешь-то?
— А что? Лошади заняты?
— Нѣту... лошадь найдется... да везть некому. Кабы не сичасъ,
такъ Мишка тебя довезъ бы.

— А долго ждать?
— Зачѣмъ долго... какихъ часа три, не болѣ... Онъ съ ловли
поздно, паршивецъ, вернулся. А тутъ до поселка надоть было спо-
слать... Воротится... и поѣзжай!

— Ладно, дѣдъ! Ты что стоишь? Говорятъ, въ ногахъ правды
нѣтъ. Садись!

— Какая нонѣ правда! Ни въ чемъ ея нѣту.
— Чайку не хочешь ли?—предложилъ я.
— Покорно благодаримъ! Напился вдоволь. Кумъ Михей зашелъ...
и почайничали.

Однако, старикъ присѣлъ на табуретъ, стоявшій у лежанки.

— Въ Питерѣ служишь-то?—полюбопытствовалъ онъ, оправляя
ситцевую рубаху, надѣтую сверхъ нанковыхъ шароваръ, забран-
ныхъ въ сапоги.

— Въ Питерѣ.
— Помню твоего дѣдушку... Строгій баринъ! Взыскъ любилъ.
Оно и хорошо.

— Хорошо?
— Еще бы! Безъ взыску што?.. забудется человѣкъ и изба-
луется... Вона Мишка... я бъ его дралъ, дралъ, да и опять дралъ.
А Петруха потекаетъ.

— А кто такой Васька?
— Про какого ты Ваську спрашиваешь?
— Съ твоимъ внукомъ на ловлю ходилъ... Изъ окна я видѣлъ;
они спали на тесѣ.

— Дружокъ энтотъ... не разлей ихъ водой... Оба баловни! Я
бы и того-то дралъ. Безъ отца растетъ... вольница!

— За что ты недоволенъ внукомъ?

— За баловство... за што-жъ иное! Отъ рукъ отбился... Хватисься,—а онъ по рыбу! рази дѣловъ мало? Не махонькій... Скоро шепнадцать стукнетъ балбесу! Еще вялъ моду курить, стервецъ! Того и гляди, спалить!

— Что же отецъ?

— Что Петруха... баба онъ, одно слово! Слюняй! Кабы была прежняя пора... не то бы и дѣялось... а теперь... вольница все...

— Теперь мальчишки пьютъ даже.

— А что бы ты думалъ? И какъ пьютъ-то! да я самъ видалъ, какъ Васька пьяной къ домамъ шель... Говорилъ опослѣ матери.. да ей гдѣ сладить... гляди, пожалуй, и вдарить!

— А внукъ твой не пьетъ?

— Не доводилось увидеть... А кто-жъ ево знаетъ... мудренаго нѣтъ!.. Дружки вѣдь... Нѣтъ, ты вотъ что: слышалъ я, что онъ ужъ за дѣвками вяжется. Я ему ономясь и сказалъ: ну, говорю, увижу, пымаю тебя съ Малашкой, всѣ космы оборву.

— А кто эта Малашка?

— Паскуда тутъ такая. Бобылка... Распутная баба.

— Почему ты думаешь, что съ ней, когда не видѣлъ?

— По деревнѣ говорятъ... со стороны-то виднѣе... Я и ловить принимался... да этотъ Васька—дока... даромъ, что мальчишка, нашего моложе... упредилъ дружка!

— Раненько, дѣдь!...

— На пакостное всѣ охочи... Гляючи одинъ на другого... да вѣдь што: бахвалятся, безстыдники! Ужъ и дѣвки же нонѣ стали... совсѣмъ стыда нѣту... Пьютъ не хуже мужиковъ, и ты другую только помани... нисколько не дорожатъ дѣвичьей честью.

— Въ школѣ твой внукъ учился?

— Учился... Да што школа? Хорошее скорѣй забывается... да и гдѣ хорошее? Самъ-то учитель горькій пьяница и ѣрникъ!.. Ево чуть въ Яминовѣ парни не вздули: за дѣвками началъ гоняться! Какой тутъ примѣръ! А возьми хоша заводскихъ... послѣдній народъ: ни гроша за душой, ни Бога въ душѣ!.. Повздорять—и пошла поножовщина... а касаемо распутства... такъ хошь запирай дѣвокъ-то!

— Фабрики портятъ, это вѣрно, дѣдь!

— Да и вообще, которые въ Питерѣ, либо въ Москвѣ пожили... пропащій народъ. Къ трактирамъ и мамзелямъ привыкли... вотъ и сюды грязи-то нанесли... Другой ешо съ болѣзнью дурной придетъ, паскудецъ... самъ-то гнѣтъ, и прочіе черезъ него болѣютъ...

— А что священникъ? Какъ отецъ духовный, онъ долженъ вразумлять!

— А што онъ подѣлаеть? И ево это не касаемо. Службу свою онъ знаетъ... ему пошто ввязываться! Народъ—разбойникъ... и попу, гляди, не дастъ спуску... Да и нѣшто одни крестьяне такъ-то? Вотъ лаштевскій барчукъ: какъ въ училищѣ-то ешо былъ, да на

ваканцію прїѣзжалъ, и то срамникъ срамникомъ!.. Не стали и дѣвокъ къ евоной теткѣ въ услуженіе отпущать: какая ни есть—обольститъ, и пропала дѣвка. А теперь и хуже... На охоту ѣздитъ, мужиковъ спаиваетъ, да и дѣвокъ, бабъ не оставляетъ... Глашка была дѣвка смиренная, хорошая... улестилъ, и погибла изъ-за него! Правду твоей дѣдушка говорилъ: «не тотъ грѣшникъ, кто самъ грѣшитъ, а тотъ, кто другихъ на грѣхъ сманиваетъ»... Такъ и есть!

— Савельичъ, ты гдѣ?—раздался голосъ изъ сѣней.

— Здѣсь... што тебѣ?—отозвался старикъ.

— Подъ скуды... Аверьянъ тебя спрашиваетъ.

— Пошто ему? Сичасъ... Такъ ты подождешь, стало?—обращаясь ко мнѣ, промолвилъ дѣдъ.

— Подожду.

— И ладно... Самоваръ-то можно и сызнава нагрѣть, коли хочешь!

Онъ тяжело поднялся съ табурета и направился къ двери, сгорбившись и шаркая ногами по полу.

III.

Становилось все жарче и жарче. Дойдя черезъ огороды до рѣки, я выкупался и прилежъ на траву, за кустами ивняка. Кругомъ царила тишь. Рѣка словно замерла. Только изрѣдка то здѣсь, то тамъ всплескивалась рыбешка, оставляя на поверхности небольшіе круги. Въ воздухѣ была разлита истома, и эта истома коснулась и рѣки и прибрежныхъ кустовъ. Все погрузилось въ дрему. Меня самого начало клонить ко сну... Но вдругъ я услышалъ приближающіеся шаги и громкій голосъ. Я не разобралъ словъ, но въ голосѣ мнѣ послышались слезы.

— И чего ты реवेशь, Танька? ну, не дура ли... а?—перебилъ сильный теноръ.

Они приближались ко мнѣ.

— Попусту ты реवेशь,—продолжалъ тотъ же голосъ, и добавилъ:—истомился я съ тобой на этакой жарещѣ... Присѣсть бы хоть на минутку... чать, и ты устала... Садись!

Я слышалъ, какъ онъ опустился на землю, и черезъ мгновеніе что-то ударилося о воду. Должно быть, онъ бросилъ камень въ рѣку.

Татьяна, вѣроятно, не сѣла, потому что онъ повторилъ:

— Что жъ, стоять будешь? Садись...

— Чего мнѣ сидѣть съ тобой!—промолвила она сквозь слезы:—ты надо мной надругался, а я съ тобой стану разсиживать.

Онъ засмѣялся.

— Вотъ дура-то... право, дура! Зачѣмъ же ты шла?

— Ничего я не шла... развѣ я для чегонибудь шла!

Она вдругъ всхлинула и неожиданно закончила:

— Подлецъ ты, и больше ничего!

— Ты не ругайся!

Она вдругъ обозлилась.

— Тебя-то не ругать? Тебя-то? да не ты загубилъ меня? Не ты улестьилъ? Карпуха жениться хотѣлъ...

— Кто жъ ему мѣшаетъ... пуцай женится!

— На мнѣ... На такой-то?

Въ ея голосѣ слышалось удивленіе, соединенное съ презрѣніемъ къ самой себѣ.

— А что жъ такое? Развѣ тебя убыло? Какъ была, такъ и осталась... Еще такому губошлепу да разбирать!

Онъ хихикнулъ и началъ насвистывать какую-то пѣсню.

Наступило молчаніе.

Мнѣ хотѣлось увидѣть обоихъ, но я боялся, что шорохомъ при движеніи обнаружу свое присутствіе. Однако, осторожно на локтѣ я попробовалъ передвинуться къ тому мѣсту, гдѣ былъ узенькій просвѣтъ между кустами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, на обрывѣ къ рѣкѣ, сидѣлъ молодой парень, лѣтъ двадцати трехъ. Брюнетъ, съ живыми, какъ говоритъ самъ народъ, съ «разбойничьими» глазами, съ дерзкой усмѣшкой на губахъ, онъ представлялъ собою полный контрастъ русой дѣвушкѣ, невысокаго роста, худенькой, похожей больше на городскую барышню, чѣмъ на обитательницу деревни. Тонкія черты продолговатаго, бѣлаго, нисколько не загорѣвшаго личика, не были лишены интеллигентнаго выраженія. Розовый платокъ, покрывавшій голову дѣвушки и завязанный подъ подбородкомъ, выдѣлялъ рельефно, какъ рамка картину, это личико, освѣщенное парой голубыхъ грустныхъ глазъ, на которыхъ застыли крупныя слезы. Дѣвушка продолжала стоять, понуривъ голову и глядя куда-то вдаль.

Парень посмотрѣлъ на нее съ усмѣшкой и потянулъ за подолъ платья.

— Садись... дай я тебя поцѣлую напоследокъ.

Дѣвушка очнулась отъ забытья.

— Оставь!—воскликнула она, отталкивая руку парня.

— Чего злишься-то? аль для Карпухи бережешь себя?

Эти слова точно ожгли Татьяну.

— А тебѣ что за дѣло? И что ты думаешь... не возьметъ онъ меня?

— Кто тебѣ говорить? Сама жъ сказала, что на такой не женится, а теперь на меня свалила!

— Нарочно сказала... нарочно! Слово скажу, и съ радостью возьметъ?

— И чудесное дѣло!.. Честнымъ пиркомъ да и за свадебку... Попируемъ... А все жъ на послѣдокъ-то, Татьяна... можно, чай! Сколько время любилась, и вдругъ... что же это...

Онъ снова протянулъ руку.

Дѣвушка измѣнилась въ лицѣ.

— Не тронь, говорю тебѣ!—закричала она... Любились... Дура я была, что вѣрила... А теперь ты постыль мнѣ... хуже врага всякаго... плюнуть въ глаза твои безстыжіе и... все тутъ!..

— Ну, вотъ!—произнесъ парень съ улыбкой:—понимай тебя!.. А не сама ль ты о свадьбѣ говорила, чтобъ я женился на тебѣ, значить... ты же и приставала!..

— А ты думалъ я и взаправду? Я нарочно... пытала тебя... сколь, значить, совѣсти въ тебѣ... Да гдѣ ей быть... Всю, видать, съ Малашкой потерялъ... Ступай, милуйся съ ней!

— Ну, это вы занапрасно, Татьяна Григорьевна!.. мы сами знаемъ, кого миловать, насъ не учите!.. были вы-съ, найдутся и чище васъ... Что мнѣ Малашка! Съ нея и Мишки достаточно... А вы о себѣ-то что жъ... на счетъ Карлухи... Я вотъ его стрѣчу и проздравлю—съ приданымъ...

— Ты?.. ты... скажешь?

Она задрожала отъ гнѣвнаго волненія, и голосъ ея прерывался...

— Да я... сама ему все скажу!.. Пусть онъ тебѣ перерветъ глотку, подлый ты этакій!

— Руки коротки! Кто еще кому перерветъ! Да и то сказать: какой же интересъ вамъ?.. Полюбовника убьютъ, мужа въ каторгу... вы то при чемъ будете?

Его лицо приняло наглое выраженіе, отчего, несмотря на свою красоту, оно стало отвратительнымъ.

— Господи! Господи!—со стономъ вырвалось у Татьяны:—и гдѣ глаза были у меня... Видать было... что за человѣкъ... словно вѣдь ума лишилась!..

Въ безсиліи она невольно опустилась на землю, и слезы ручьемъ побѣжали изъ глазъ...

Выраженіе лица у парня не измѣнилось. Прищуривъ одинъ глазъ, онъ нагло глядѣлъ на плачущую дѣвушку.

— Да о чемъ убиваться-то,—промолвилъ онъ, помолчавъ:—вѣдь Карпуха все прикроетъ... обзаконитесь и будете жить, стало, какъ всѣ прочіе... аль не сладко идтить за губошлепа и рябого... а?

Дѣвушка продолжала плакать, всхлиывая. Онъ заговорилъ опять:

— И все это дурь дѣвичья, право! Извѣстно, не сласть какая... да что же: и при немъ все можно постарому... Вотъ вы, Татьяна Григорьевна, извоили какъ меня изругать... а я съ той же любовью, потому...

Дѣвушка вдругъ смолкла; она поднялась на ноги, выпрямилась и промолвила, глядя въ упоръ на сидѣвшаго парня:

— Я... я отъ мужа къ тебѣ въ любовницы пойду? Да тебя задушить мало, подлаго... и кабы сила была... я... не знаю что съ тобой сдѣлала бы!..

И въ ея глазахъ блеснулъ такой злой огонекъ, что мнѣ поду-

малось—вотъ, вотъ сейчасъ она бросится на него, какъ бросается въ изступленіи кошка на врага, который ея сильнѣе, и однимъ движеніемъ можетъ задуть ея...

Но дѣвушка вдругъ быстро повернулась и пошла по берегу къ деревнѣ.

Парень посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и присвистнулъ.

— Эхъ, Танечка,—промолвилъ онъ, поправляя картузь:—занапрасно изволите гнѣваться... что же... не угодно, и не надо... не спокоялись бы!.. а мы найдемъ!.. Хороши вы, да и не хуже васъ есть...

Онъ поднялся, зѣвнулъ, досталъ изъ кармана коробку съ папиросами, раскурилъ и пошелъ опять въ ту же сторону, къ лугамъ, откуда пришелъ съ дѣвушкой... Скоро до меня донеслась разухабистая заводская пѣсня.

Я отправился на постоянный дворъ.

IV.

У воротъ я встрѣтилъ дѣда.

— А мы тебя хватились... думали—на огородѣ: нѣту!... сказалъ старикъ.—Бхать можно... Мишка и лошадь запрягъ... аль закусишь маленько на дорогу?

Я отказался.

— Ну, такъ и въ путь. И то сказать: на Ларевѣ поѣшь... Тамъ Матрена такія щи важныя варить, пожалуй, и въ Питерѣ не лучше... Исправникъ завсегда обѣдаетъ... и пироги печь мастерица... Только вотъ будень, жаль... а то бы попробовалъ пироговъ... конфета, одно слово!.. Мишка!.. облокайся!..

— Чего мнѣ... я въ рубахѣ!..—отозвался парень изъ сарая.

— Сапоги надѣнь, дурья голова!.. Да спинжакъ захвати...

— Не надо! Куды такую жарынь... безъ сапогъ легче!.. Я вотъ колоши... отъ мухъ только...

Онъ вывелъ пѣгую лошадь, запряженную въ телѣжку, съ кожаными сидѣньемъ... Мнѣ показалось, что Мишка немножко навеселѣ. Но онъ ходилъ совсѣмъ твердо, даже сбѣжалъ съ лѣстницы, неся мой чемоданчикъ.

— Багажъ-то лежокъ... безъ приплаты, значитъ!—сострилъ онъ, укладывая чемоданчикъ подъ сидѣнье.

— А ты не болтай, зря, — остановилъ дѣдъ: — садись, вотъ тебѣ и все.

— Развѣ я что худое... я такъ пошутить только!

— А можетъ и не желательны твои шутки-то... ты какъ думаешь?—сказалъ старикъ.—Спросить, отвѣчай... а самъ не лѣзь!.. Ну, и народъ нонѣ... молокососы, а зубъ за зубъ...

— Пошелъ теперь... заскрипѣлъ!—пренебрежительно, подъ носъ себѣ, произнесъ внукъ, вскакивая на «козлы».—Эй, пѣгашъ, дѣйствуй!..

Онъ повернулъ лошадь и остановился около меня.

Я простился съ дѣдомъ и сѣлъ въ телѣжку.

— Осторожнѣй, гляди!—промолвилъ старикъ:— да назадъ не гони зря...

— Не впервой, небось! Учитъ!... огрызнулся Мишка.

— Знаю тебя... лихачъ!.. Не жаль скотины... Не учи васъ...

Но Мишка дернулъ вожжами, лошадь тронула, и стукъ колесъ заглушилъ слова дѣда.

Когда мы только что завернули за уголъ, Мишка мнѣ и промолвилъ задорно:

— Ужъ прокачу васъ... пуцай сердится старина!..

— Зачѣмъ же это, лошадь...

— Да вы что, думаете,—перебилъ парень:—не казиста пѣгашка, а прыти хотъ убавляй... горячій конекъ!

Онъ, видимо, въ рѣчи подражалъ взрослымъ ямщикамъ.

— Некуда торопиться, успѣемъ,—сказалъ я.—Задержи-ка немного, дай закурить...

Я досталъ изъ кармана портсигаръ.

— А спички у меня есть,—произнесъ Мишка и подалъ мнѣ коробокъ сѣренокъ.

— У меня свои! Ты развѣ куришь?—спросилъ я его.

— А ужли нѣтъ, если будете добры...

— Рано, братъ, тебѣ!

— Какъ рано? Да мнѣ, вы какъ думаете, сколько лѣтъ?

— Пятнадцать, сказывалъ старикъ.

— На Николу шестнадцать будетъ!..

— Все-таки рано.

— Ну, вотъ! Да нонѣ сопляши, по двѣнадцатому году, и тѣ сосутъ.

— И скверно.

— А чего?.. Сперва-то, точно... тошило, и голову даже несло... а потомъ и ничего...

Онъ протянулъ руку, въ полной увѣренности получить папиросу. Я рѣшилъ, что входитъ въ роль учителя неумѣстно и безцѣльно. Я далъ ему папиросу.

— Вотъ и подымимъ!.. Ъхать веселѣй!..

Онъ закурить, бросилъ съ особеннымъ маневромъ спичку на дорогу и прикрикнулъ на лошадь. Пѣгашка былъ дѣйствительно изъ горячихъ коней. Но я снова остановилъ Мишку. Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ, а быстрая ѣзда и стукъ колесъ по твердому шоссе мѣшали разговору.

— Потише, пожалуйста!.. я не люблю скорой ѣзды!—сказалъ я.

Мишка пожалъ плечами.

— По мнѣ все равно... коли не хотите, можно... А только всѣ любятъ быструю ѣзду!

— А я не люблю... Да и что за ѣзда на одной... На тройкѣ, я еще понимаю.

— Эхъ, на тройкѣ важно!.. Вотъ у исправника важная тройка... Всѣ бѣлые... красота!

— Ты часто возишь?

— Бываетъ... Особливо безъ тятки... Онъ на ярмарку уѣхалъ... Коней тоже куплять поѣхалъ... А работникъ-то занеможилъ чего-то... а то, пожалуй, и вретъ... на дѣда осерчалъ, ну, и не хочетъ...

— За что же разсердился на дѣда?

— Развѣ онъ не прискучить... все пилить... походя ворчить...

— Онъ строгій... любить порядокъ...

Лошадь бѣжала трусцой. Мишка обернулся совсѣмъ ко мнѣ лицомъ:

— Ну, да, порядокъ!—недовольнымъ тономъ произнесъ онъ:— чего онъ смыслить... изъ ума выжилъ... а туда же учить, наблюдать лѣзеть!..

Мишка вдругъ громко засмѣялся.

— Петѣха лонись была, да и только,—проговорилъ онъ, бросая окурокъ.—Пымаль какъ-то онъ меня съ цыгаркой... и Васька тутъ же былъ.. пріятель мой... Ну, онъ улизнулъ, а меня дѣдъ сцапалъ... Ты, говоритъ, это что... курить? ахъ ты, такой-сякой... Гляжу, ищеть вожжину... Я бы убѣгъ... гдѣ ему удержать... да ужъ не захотѣлъ: дай, думаю, посмотрю, какъ онъ учить станетъ... Вотъ это взялъ онъ вожжину, и ну меня хлестать... Смѣхъ меня пробралъ... Онъ-то хлещетъ, а мнѣ ничуточки не больно... Вопрѣлъ старикъ, а мнѣ хоша бы что... Прикончилъ онъ и говорить: будетъ съ тебя! станешь помнить? А я ему на это и говорю: коли не усталъ, потѣшься еще... мнѣ любо... ровно чешешь спину-то... Осерчалъ дѣдъ!..

— Развѣ такъ можно? — замѣтилъ я.

— Чего же онъ суется?.. Тятка молчитъ, а онъ лѣзетъ... И гдѣ ему меня учить!... Ему за тараканами на печи охотиться въ самую пору... Тятка и то говорить: грѣхъ мнѣ съ нимъ, да и только... Эй, куда, Дуня!.. садись, подвезу!—неожиданно закончилъ Мишка, обращаясь къ кому-то.

Я повернулъ голову и увидѣлъ молодую дѣвушку, сидѣвшую на обрѣзѣ шоссе. Возлѣ нея лежалъ какой-то свертокъ. Я не успѣлъ разсмотрѣть лица дѣвушки, но меня только поразилъ тотъ странный взглядъ, какимъ она посмотрѣла на насъ. Когда мы проѣхали, я оглянулся: дѣвушка продолжала сидѣть, но узелъ уже плотно прижала къ себѣ.

— Кто это? — спросилъ я у Мишки.

— Сумасшедшая Дунька.

— Здѣшняя?
 — Изъ нашей деревни.
 — Отчего же она сошла съ ума?
 — А со страху... Отець больно строго, ну, и мачеха презлющая...
 А тутъ она, Дунька-то, съ ямщикомъ нашимъ спугалась...

— А онъ ее и бросилъ?
 — Не бросилъ... а она, значить, забрюхатила... ну, и узнала мачеха... Почали ее бить... Она мертвого родила... да такъ и лишилась ума... Видѣли у нея узелокъ-то?

— Видѣлъ.
 — Завсегда съ нимъ... Это она своего маленького носить... качаегъ... И какъ только увидить кого... Сичасъ прижметъ къ себѣ узель... Потому ее пугаютъ: Дунька, мы у тебя ребенка-то твоего отынемъ!..

Мишка рассказывалъ это со смѣхомъ. Мнѣ онъ становился и жалокъ и гадокъ, но я постарался скрыть свое чувство и только замѣтилъ парню:

— Какъ не стыдно пугать больную дѣвушку!
 — Да вѣдь это такъ... шутя... Извѣстно — сумасшедшая!
 — А гдѣ же она живетъ?
 — У своихъ... бьютъ ее... когда покормятъ, а то и такъ... Одначе, она работаетъ иногда: воды принесетъ... только все съ узломъ!.. Ужь узла и не отнимаютъ... обозлится...

— А ямщикъ этотъ гдѣ?
 — Въ солдаты ушелъ! Онъ, было, съ ней и съ сумасшедшей-то чуть не связался... Дѣвка красивая... Ну, да тутъ наборъ подошелъ! Я былъ пораженъ. Но Мишка рассказывалъ все такимъ тономъ, будто дѣло касалось самыхъ обыкновенныхъ фактовъ...

— А Татьяну ты знаешь?—спросилъ я послѣ небольшого молчанія...

— Какую Татьяну?
 — На которой Карпуха хотѣлъ жениться?
 — А, это воспитомку... знаю!.. А вы почему ее знаете?.. Не дѣдь ли ужъ рассказывалъ?

— А тебѣ не все равно? Ты скажи мнѣ лучше, кто этотъ Карпуха?

— Карпуха-то... а тоже воспитомецъ... Сусѣди... Онъ ее точно взять хотѣлъ, какъ срокъ выйдетъ... Ну, а теперь гдѣ же... она вѣдь тоже брюхата!

— Ты почему знаешь это?
 — На-ка! Да кто-жъ не знаетъ, что она гуляетъ съ Митькой! Тутъ съ завода онъ... да у него что-то вышло, онъ дома живетъ теперь... Раньше-то въ Питерѣ жилъ... въ мальчикахъ... а тутъ на заводѣ...

— Не женится онъ на ней?

— О-о!.. Нашли дурака!.. Да и гдѣ: голъ, какъ соколъ!.. У него нешто одна Танька?.. На всѣхъ не женишься!..

— А если онъ обѣщался?

— Мало-ль что... улещать онъ мастеръ!.. Онъ и Соньку улесть... такъ съ брюхомъ и въ Питеръ уѣхала... Да этой теперь хорошо!..

— Почему?

— Въ кормилкахъ... на богатомъ мѣстѣ!.. Только Танькѣ не достичь этого... Танька дурица... Я ее знаю... Она, грѣхомъ, пожалуй, и въ воду бросится...

— А, можетъ быть, Карпуха женится...

— Ни въ жисть!.. Даромъ что губанъ такой, да рожа теркой, а тоже не возьметъ... Малашка и то смѣется надъ нимъ... Встрѣтила ономнясь и говорить: скоро-ль, говорить у твоей невѣсты крестины будутъ?.. Обозлился!..

— А кто эта Малашка?—задалъ я вопросъ, желая все выпытать у парня, который былъ очень откровененъ, видимо, бахвалясь такимъ знаніемъ.

— Тутъ такая есть... одна...

Онъ лукаво подмигнулъ мнѣ. Я снова схитрилъ и промолвилъ, поддѣлываясь подъ его тонъ:

→ Веселая, должно быть?

— Завивай дѣвка!..

— И ты, должно быть, у нея бываешь?.. а?.. Парень тоже не промахъ!

Онъ поддался на мою уловку.

— А что-жъ и намъ зѣвать!—съ удалствомъ воскликнулъ онъ.— Чѣмъ хуже другихъ!.. Еще хоть кого поучимъ... Только бы не сдурила Танька... Я къ ней подберусь... Митька скоро на заводъ уйдетъ!..

— А Малашка?

— Что мнѣ она? Она со всякимъ хороводится... не заплачетъ!.. Да нешто и двухъ нельзя?.. Съ двумя еще веселѣй будетъ!..

Онъ залился смѣхомъ, подражая и въ этомъ Митькѣ, которому онъ, вѣроятно, завидовалъ.

— А отецъ не знаетъ этого?

Я въ упоръ посмотрѣлъ на него.

— Что жъ, сказывать я ему пойду развѣ...

— А услышать не можетъ?.. Стороною...

— Ему какое дѣло? Я свое правлю... убытку, изъяну нѣту... Это вотъ дѣдъ любить носъ сунуть... онъ ужъ закидывалъ... Да не на того напалъ... и куда ему... Задъ отсталъ ужъ у него!—пре-небрежительно закончилъ Мишка.

Онъ слегка стегнулъ лошадь. Пѣгашка прибавила ходу... Мишка помолчалъ и опять обернулся ко мнѣ.

— А никакъ вамъ это въ удивленье?—промолвилъ онъ, пытливо смотря на меня.

И, не дождавшись отвѣта съ моей стороны, продолжалъ:

— Нонѣ и всѣ такъ... Дѣвки пьютъ, такъ ужь чего намъ...

— Ты тоже пьешь!

— Пить не пью, а мимо рта не пронесу... Да вѣдь сказано: пей, только дѣло разумѣй! А на счетъ если... бабьяго сословія (онъ особенно какъ-то выговорилъ это; не было сомнѣнія, онъ это выраженіе слышалъ отъ Митьки или другого фабричнаго, и теперь щеголялъ передо мною), такъ... зачѣмъ и дѣвки, коли не для этого!..

— А ты учился?—спросилъ я.

— Учился... а что?

— Да такъ...

— Году только не дошелъ...

Я вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— А что если бы про все вашъ попъ узнать? а?

— Пуцай!.. Что намъ онъ!.. Да онъ и знаетъ... У него Вѣрка живетъ... работница... кажинный годъ рождаетъ, и въ воспитательный возить!.. Что жъ онъ подѣлаетъ? Нѣшто запретъ положить кому? У всякаго своя воля!..

— Но вѣдь онъ же вашъ пастырь?

— Извѣстно... Мы и ходимъ на духъ... ну, иконы, кресты принимаемъ... Отъ насъ ему завсегда почетъ и угощеніе... Тятка ему рупь даетъ о годовые праздники... Чего жъ ему болѣ?..

— Больше и ничего?

— А что жъ еще?.. Онъ живетъ хорошо... Деньги есть у него... Ну, онъ и самъ выпить охочъ... Кабатчикъ нашъ ему всегда изъ уваженія отпускаетъ. Отецъ Илья съ нимъ и въ пашки играетъ... любитель тоже!

Очевидно, Мишка не понималъ меня.

— Одначе, онъ лонись осерчалъ на меня... грозился даже своей палью, — произнесъ Мишка черезъ минуту.

— За что?

— Да въ церковь рѣдко, вишь, хожу... А тогда былъ праздникъ... Они съ крестами, а мы съ Васькой изъ трактира... Вотъ онъ и грозилъ... Ну, а потомъ и ничего... Да ужь что: знаютъ чудотворцы, что мы не богомольцы... будетъ время... намолимся...

— Когда?

— А вотъ доживу до дѣдовыхъ лѣтъ... и буду спасаться... Тоже начну ворчать... Зубовъ, молъ, у меня нѣтъ... такъ и никто не смѣй орѣховъ ѣсть!.. ха, ха, ха!

— Это еще вопросъ, доживешь ли ты до такихъ лѣтъ! — сказалъ я.

— А почему?

— Рано, братъ, во всѣ тяжкія пустился!..

— Такъ что? Савельичъ вонъ съ десяти лѣтъ, говорятъ, пьеть, а ему теперь болѣе шестидесяти... А коли умру, такъ и умру... А пока поживемъ!..

Вдали мелькнули строенія.

— Это Ларево?—спросилъ я.

— Какое Ларево!.. это Рябиновка еще... До Ларева пять верстъ будетъ... Вѣдь какъ мы ѣдемъ-то? Нѣшто это ѣзда? Такъ ѣздить— дѣда тѣшить... Пѣгашкѣ благодать...

— Твой дѣдъ бережетъ скотину... любить ее... Это хорошо.

— Чего тутъ хорошаго... маета!.. Ты корми, это вѣрно... Кормить слѣдуетъ... А ѣхать, такъ ѣхать.. Эхъ, коли бы вы видѣли, какъ я на той недѣлѣ Малашку прокатилъ... На парѣ ѣхалъ... ну, и ѣзда же была!..

— Досталось конямъ?..

— Досталось... Въ мылѣ всё... Что-жъ такое: отошли, ничего не подѣялось... Тятка тоже любить скоро ѣздить... Да ужъ дайте мнѣ и васъ хоть съ версту-то, съ двѣ, какъ слѣдуетъ провезти... А то срамно и къ чужимъ подѣвзжать... будто съ подводой, а не съ сѣдокомъ!..

Парню, видимо, хотѣлось показать свою удалъ и умѣнье ѣздить...

— Ну, ладно,—согласился я:—только передъ деревней...

— Ужъ я покажу вамъ... Пѣгашъ—конь горячій... А вы меня еще папироской угостите... Не захватилъ съ собой... Въ Ларевѣ куплю... Не худо бы и стаканчикъ за ваше здоровье!..

— Съ тебя сегодня будетъ!.. Вѣдь выпилъ?

— Шкаликъ... ей-Богу, только шкаликъ.

Я съ грустью посмотрѣлъ на парня, и тяжелыя думы охватили меня. Если бы это одинъ только... но вѣдь не одинъ... Конечно, не всё такіе... Я вспомнилъ другихъ—хорошихъ, трудолюбивыхъ, симпатичныхъ. Нѣтъ сомнѣній, такихъ и больше... Но развѣ вздоръ и мелочь, если есть Мишки и ему подобные? Деревня все больше и больше высылаетъ своихъ въ города, на заводы, на разныя работы. А что несутъ возвращающіеся домой? «Другой еще дурную болѣзнь принесетъ, и самъ гнѣтъ и другихъ заражаетъ»,—припомнились мнѣ слова дѣда... Дурная болѣзнь для тѣла... да и не только для тѣла, и для души! А меньше ли становится Мишекъ? а что если больше? Да, конечно, больше! Но и тѣхъ больше, на которыхъ вліяетъ школа... А кто побѣдитъ?.. Кто придетъ на помощь? Не лаптевскіе ли интеллигенты?..

— Ну, вотъ и Ларево показалось!... Теперь держитесь, я ужъ и прокачу!—прервалъ мои думы Мишка.

Онъ свистнулъ, дернулъ вожжами, и Пѣгашъ стрѣлой понесся по дорогѣ. Телѣжка только подпрыгивала на ямахъ. Я боялся, чтобы она не опрокинулась, либо не соскочило бы заднее колесо, которое все что-то позвякивало.

V.

Это было нынѣшнимъ лѣтомъ. Я дожидался пріятеля на вокзалѣ, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Поѣздъ опоздалъ на цѣлые полтора часа. Возвращаться домой было не удобно, такъ какъ вокзалъ въ четырехъ верстахъ отъ города. Я гулялъ въ станціонномъ саду, пилъ чай, поговорилъ съ продавщицей газетъ и вышелъ на крыльцо вокзала... Вблизи стояло нѣсколько извозчиковъ, также ожидавшихъ поѣзда. Нѣкоторые курили, сидя на дрожкахъ, другіе дремали. Двое или трое примостились въ тѣни, на скамейкѣ, и о чемъ-то разговаривали. При моемъ появленіи одинъ изъ нихъ вскочилъ, думалъ, что я ѣду сейчасъ; но товарищъ его остановилъ.

— Куды ты... баринъ поѣзда выжидаетъ... Я привезъ-то... Господинъ, вы ужь со мной, какъ сказали...

— Хорошо,—промолвилъ я...

Вскочившій извозчикъ опять сѣлъ на скамейку. Съ минуту они молчали.

— А что это Гаврила не видать... и не пріѣзжалъ быдто севодни изъ слободы,—крикнулъ извозчикъ, сидѣвшій въ пролеткѣ, на подножкѣ, и крутившій сигарку.

— И точно не видать,—отозвался кто-то въ сторонѣ.—Не боленъ ли?

— Чего боленъ!—промолвилъ тотъ, который привезъ меня:—онъ въ Синявино поѣхалъ за Петькой.

— Нешто нашелся?

— Нашелся... урядникъ пымалъ его...

— Ишь, сквернавецъ!.. Отъ земли не видать, а на-ка, что выдумалъ!

Извозчикъ, сидѣвшій на подножкѣ пролетки, снялъ круглую шляпу, досталъ красный платокъ, лежавшій въ ней, и началъ вытирать потъ съ лица и шеи.

— Ну, и мальчишка!..—произнесъ онъ протяжно, кладя платокъ обратно въ шапку:—настегать бы его хорошенько!..

— Всего было, да не въ прокъ!..—сказалъ сосѣдъ.

Меня заинтересовалъ разговоръ.

— А что онъ сдѣлалъ, этотъ мальчишка? — спросилъ я, обращаясь къ своему извозчику.

— Да убѣгъ... и не знали, гдѣ искать... нѣтъ, и нѣтъ его... словно въ землю провалился!... Думали, утопъ... а онъ и объявился!..

— Зачѣмъ же онъ убѣжалъ?

— А натворилъ много,—началъ рыжій извозчикъ, развалившійся небрежно въ пролеткѣ.

Но мой извозчикъ перебилъ его:

— Погоди-ка, Вавила... Коль господинъ любопытствуетъ, такъ я ему все расскажу по порядку... статья-то занятная...

Извозчикъ подошелъ ко мнѣ и присѣлъ на ступеньку крыльца.

— Вишь ты, какъ дѣло-то было... Гаврила, стало, изъ слободы здѣшній, подгородная слобода, може, запримѣтили, какъ по машинѣ ѣхали... по правую сторону она... Петька-то самый маленькій у Гаврилы... Старшой ужъ въ кузнецахъ... а этому всего одиннадцать лѣтъ и теперь-то!...

— И такой удалый?

— Уродился, стало, такой... забубенная головушка! Да ты вотъ слушай!.. Отдали его въ школу здѣшнюю... тутъ при церкви Егорія—школа-то... Хорошій домъ выстроены... баринъ жилъ у насъ тутъ, изъ Питера... книжки писалъ, а какъ померъ — вдова-то и училище на память о немъ состроила... Вотъ въ энто-то училище и отдали Петьку... Что-жъ ты бы думалъ: побывъ это мѣсяца два какихъ, почаль воровствомъ заниматься... ну, его и по шеямъ... Гаврила-то его пошпынялъ, трешку задалъ... да такъ онъ и остался при домѣ... Бѣгаетъ всюду, и къ большимъ пристанетъ, сколь разовъ въ трактирѣ видывали... сидитъ, машину слушаетъ... а то подыметъ гдѣ окуркъ, и давай дымить... Умора, да и только: картузъ это набекрень, ногу отставить — и курить... ни дать ни взять Сенька сапожникъ, либо Пашка малкеръ изъ трактера... Смѣются... а онъ еще больше того...

— Какъ можно было допускать такія вещи?—замѣтилъ я.—Чего же Гаврила смотрѣлъ?

— Вишь, дома-то у него не ладно, такъ надо сказать...

— Пьетъ онъ?

— Какъ не пить... нонѣ кто не пьетъ? А чтобы пьющимъ называть—нельзя... Зашибаетъ, а дѣло все-таки ведегъ... Да не въ этомъ вся исторья-то... Съ хозяйкой неладно... Все ссорятся... Кому въ домѣ большимъ быть! Галдятъ, галдятъ, иногда и подерутся... Ну, и порѣшили: одну недѣлю Гаврила—большой, и его слушаться, а другую недѣлю—Лукерью... А этотъ малый-то, Петька, тоже суется: я, говорить, тоже большимъ хочу быть, значить, третью недѣлю его слушаться...

Среди извозчиковъ послышался смѣхъ.

— Неужели это правда?—спросилъ я.

— Вѣрно, вѣрно!—подтвердило нѣсколько голосовъ.

— Какъ же не правда,—промолвилъ мой извозчикъ:—я хорошо знаю Гаврилу, бывалъ въ домѣ-то... Правда! Конечно, воли ему, Петькѣ, не давали, то-ись, значить, насчетъ правленья въ домѣ.. А такъ-то ему полная слобода была... Отецъ уѣдетъ, мать немножко и сама запиваетъ... Дѣлай, что хочешь! Вотъ онъ и росъ, на лѣсъ глядя... Да и удумалъ штуку... Послала сестра Лукерьяна въ гостьбу сынишку двухъ лѣтъ... А Петька возьми да и столкни его въ колодезь...

— Нарочно?

— Нарочно! Няньчиться надоѣло, вишь... взялъ и столкнулъ!

— Ну, какъ же... узнали про это?
 — Конечно... становой наѣзжалъ... да что съ мальчишки возмешь. Ему въ тѣ поры всего 9 лѣтъ было... Какой тутъ отвѣтъ! Пострашали его, постегали... и все тутъ... А насчетъ того, значить, такъ: упалъ де, не доглядѣли... Аль что тамъ другое... не могу сказать, только Петька опять остался попрежнему у отца...

— И нисколько не измѣнился?

— А развѣ что хуже сталъ!.. Цѣлые дни гдѣ нибудь пляется... Пришелъ какъ-то домой—и пьяный!.. Опять смѣшно всѣмъ!.. Пузырь—и пугается, ругается, стойно большой... Да это что: вотъ вы не повѣрьте, а истинно: полюбовницу завелъ онъ.

— Что ты говоришь!—воскликнулъ я.

— Право, завелъ! Спросите хоть ихъ,—указывая на другихъ извозчиковъ, произнесъ рассказчикъ.

— Правду говорить онъ, баринъ, истинно: завелъ любушку!—подтвердилъ старикъ-извозчикъ, подходя къ намъ:—ужъ такой сталъ пакостный!

— Не можетъ быть?

— Вѣрно... Заберутся въ солому, либо куды—цѣлуются, курятъ, пьютъ... Онъ и ее-то пить научилъ...

— А кто она такая?

— Да нищенка... дѣвчонка бойкая, и такая пригожая... пожалуй, его постарше... И хороваются... Извѣстно, дураки, на большихъ гляючи... какъ обезьяны...

— А почему онъ убѣжалъ?

— А какъ-то осерчалъ на него Гаврила-то... да и погрозись: я, говорить, съ тебя всю шкуру сдеру и, какъ собаку, на цѣпь посажу... Онъ, видать, струсилъ да и убѣгъ!.. И вѣдь сколько времени не показывался!.. Мать-то ревѣла, ревѣла... на мужа: ты все, ты испужалъ... До драки доходило... Ну, а вотъ и объявился! Думали—утопъ... онъ живъ.

— И отличное бы дѣло, кабы утопъ-то,—сказалъ старикъ. Чего—отъ него, пакостника, ждатель дальше, если теперь-то такой арестантъ, одно слово!

— Плохо смотрѣли за нимъ съ дѣтства,—замѣтилъ я.

— Эхъ, баринъ,—промолвилъ старикъ:—чего тутъ—глядѣли! За всѣми одинаковое глядѣнье, всѣ на Божьемъ вызволены... въ деревнѣ какой присмотръ... А ужъ такіе, стало, уродятся... Ну, добро—Гаврила заливаетъ, да и Лукерья тоже... А у Мартына-то?

Старикъ обратился къ Якову, какъ бы ожидая подтвержденія своимъ словамъ... Но Яковъ только промолвилъ: «это точно»...

— Ну, вотъ!—удовольствовавшись отвѣтомъ, продолжалъ старикъ:—никто Мартына не похаетъ, а сынокъ-то не лучше. Чай пятнадцать не больше ему, а и пьетъ, и съ дѣвками гуляетъ... Уже и пороли его, а неймется!

— Другого хоть распори, все едино!— замѣтилъ рыжій парень, поглаживая свою лошадь.

— Все едино!— согласился старикъ.

— Шальство это все... озорники растутъ!— сказалъ Яковъ.

— Что шальство!— возразилъ старикъ... Тутъ, братъ, не шальство!.. Кто не шалить... И мы шаливали... Бывало, чего не дѣлали... и теперь есть такіе-то... а только это... одно слово пакостники!

— Нешто не все равно?

— Понятно дѣло, не все равно! Какъ ты этого въ толкъ не возьмешь, братецъ?.. Ну, вотъ хотя бы... Левонтья взять!.. Вѣдь парень добрый?

— Ничего. . только тоже...

— Что тоже?— перебилъ старикъ.— Нѣтъ, ты разбери-ка... Штуку какую ни есть откинуть— онъ мастакъ... И въ драку кинется, а чтобы на пакостничества,—ни, за нимъ не водится... А припомни, что Ванька съ нищенкой сдѣлалъ? Взялъ это, господинъ,—уже ко мнѣ обратился опять старикъ:—взялъ это Ванька, да и надругался надъ бабой... Она запынѣла, да на дорогѣ упала... А онъ загнулъ всю одежду ей на голову, обвязалъ веревками, да такъ и оставилъ... нѣшто это не пакостничество?.. Или опять же... Случись онъ промежь дѣвокъ... такъ нарочно то-ись самое худое слово подберетъ... и хочеть!..

— Въ Питерѣ балуется народъ, а, глядя на нихъ-то, и наши... имъ потрафляютъ,—сказалъ Яковъ...

— Да добро бы большіе... а то насося... подъ столъ соплякъ ходить, а гляди—что выдумалъ! полюбовницу завелъ! О Господи! грѣхи, грѣхи тяжкіе!—сокрушенно вздохнувъ, промолвилъ старикъ.

— Ребята, Павелъ Самсонычъ ѣдетъ!—крикнулъ рыжій парень.

Въ одинъ мигъ всѣ извозчики были уже на своихъ мѣстахъ. Старикъ въ прискачку, прихрамывая, кинулся къ дрожкамъ. Я удивился происшедшему переполоху, но подкатившій экипажъ исправника разрѣшилъ мои недоумѣнія. Исправникъ молодецки соскочилъ съ пролетки и, кивнувъ головой въ отвѣтъ на почтительные поклоны извозчиковъ, прошелъ въ вокзалъ.

— Боятесь вѣрно?—спросилъ я у Якова.

— Бѣда, коли не на козлахъ кто: сейчасъ подъ арестъ.

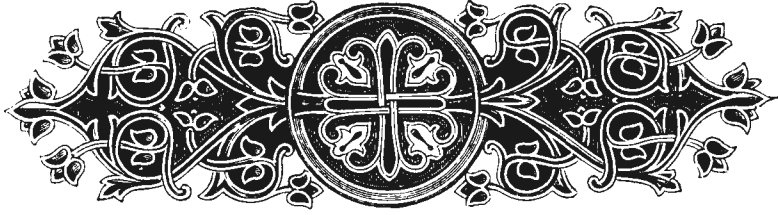
Раздался свистокъ паровоза.

— Что это, поѣдъ?

— Дежурка-съ,—отвѣтилъ сторожъ.—А скоро и онъ, надо полагать... время!..

Я отправился въ вокзалъ.

Алекс. Кругловъ.

ЗАОКЕАНСКАЯ РУСЬ ¹⁾.

(Социологическо-описательный очеркъ).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Русь въ славянскомъ штатѣ.

VI.

ВЪ НАЧАЛѢ 1894 года кружокъ наиболѣе интеллигентныхъ дѣятельныхъ галицкихъ русиновъ, подъ предводительствомъ галицко-русскаго священника Констанкевича и при содѣйствіи ветерана Американской Руси священника Одушкевича, основываетъ въ той же Пенсильваніи новое крупное русское народное учрежденіе подъ названіемъ «Русскій Народный Союзъ». Эмблемой «Союза» является женщина съ осьмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ и лучезарной книгой въ лѣвой, сидящая на земномъ шарѣ, тонущемъ въ морѣ облаковъ, а у ея подножія двѣ большихъ руки, крѣпко сжимающія другъ друга. Эмблема эта вырѣзана и на печати этого русскаго народнаго учрежденія, конечно, внутри ея круга, а по краямъ идутъ двѣ надписи: «Русскій Народный Союзъ» и «Russian National Union». Въ отношеніи этого учрежденія, держась той же системы, какъ въ отношеніи «Соединенія греко-католиче-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 478.

скихъ русскихъ братствъ», изложимъ первоначально сущность его по уставу, а затѣмъ дѣятельность его въ дѣйствительности. Замѣтимъ прежде всего, что по мысли инициаторовъ и учредителей «Русскаго Народнаго Союза» онъ предназначенъ стать тѣмъ русскимъ народнымъ учрежденіемъ, которое должно обнять по возможности всю американскую Русь, все то среди этой Руси, что носить въ себѣ національное самосознаніе и способно уже отличить дѣйствительныя заботы о нуждахъ народныхъ отъ прикрывающихся наружнымъ покровомъ блага народнаго, его эксплуатаціи, оглушенія и униженія. Въ то время, какъ уставы «Соединенія» и братствъ, въ него входящихъ, устанавливаютъ множество различныхъ должностей, по большей части, совершенно ненужныхъ, чтобы облеченіемъ возможно большаго числа простаковъ въ официальныя званія, пропечатаніемъ ихъ именъ и фамилій въ «Вѣстникѣ» и приданіемъ всей болѣе, чѣмъ заурядной дѣятельности этого учрежденія возможно большей торжественности и парадности воздѣйствовать на мелкое тщеславіе и воображеніе мало просвѣщенной народной массы и подобными средствами тѣмъ успѣшнѣе держать еѣ въ покорности, повиновеніи и готовности, такъ сказать, жертвовать и жертвоваться,— уставъ «Русскаго Народнаго Союза» отличается совершенной краткостью и простотой. Цѣлью «Союза» являются: 1) добро моральное Руси въ Америки, 2) матеріальная ей помощь. Первое, т. е. добро моральное, достигается просвѣщеніемъ русскаго народа на русскихъ народныхъ началахъ, къ чему служатъ нижеслѣдующія средства: 1) изданіе русской газеты политической и литературной, 2) основаніе новыхъ читаленъ и вспомошествованіе уже существующимъ, 3) основаніе русскихъ школъ съ преподаваніемъ по особымъ программамъ, сообразованнымъ съ обученіемъ англійскому языку, а равно вспомошествованіе школамъ, уже существующимъ, 4) преподаваніе закона Божія, русскаго языка и исторіи Руси дѣтямъ русскимъ, обучающимся въ англійскихъ школахъ, въ видахъ сохраненія въ подрастающемъ поколѣніи его вѣроисповѣданія и патриотизма, 5) изданіе для русскаго народа народныхъ календарей и книжекъ поучительнаго религіознаго содержанія, 6) устройство лекцій, любительскихъ представленій, концертовъ и иныхъ приличныхъ увеселеній, 7) основаніе обществъ пѣвческихъ, музыкальныхъ, гимнастическихъ и т. д., 8) поддержаніе церквей и обряда. Матеріальная помощь оказывается «Русскимъ Народнымъ Союзомъ въ Америкѣ» членамъ его на слѣдующихъ основаніяхъ. Если членъ вслѣдствіе искалченія, неизлѣчимой болѣзни или старческаго безсилія становится вовсе неспособнымъ къ труду, то, по удостовѣреніи сего врачомъ, получаетъ изъ кассы «Союза» единовременное пособіе въ размѣрѣ 500 долларовъ и засимъ перестаетъ быть его членомъ. Если умретъ членъ женатый (а женатымъ считается тотъ, кто имѣетъ жену либо въ Америкѣ, либо въ старомъ краѣ и съ ней не разошелся), то

касса «Союза» уплачиваетъ женѣ покойнаго «посмертнаго» 500 долларовъ. Если умереть у члена жена, которая не была сама дѣйствительнымъ членомъ «Союза», то касса этого послѣдняго уплачиваетъ мужу покойной 250 долларовъ, если же покойная состояла сама членомъ «Союза», то уплачивается ему «посмертнаго» 500 долларовъ. Если умереть членъ одинокій, то «посмертное» уплачивается наиболѣе близкимъ родственникамъ покойнаго въ Америкѣ или старомъ краѣ или же тому, кому онъ свое «посмертное» откажетъ духовнымъ завѣщаніемъ. Въ различныхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ, въ которыхъ члены «Союза» стали бы просить у него помощи, рѣшеніе постановляетъ «Совѣтъ Союза» и о такомъ увѣдомляетъ общее собраніе. Членомъ «Русскаго Народнаго Союза въ Америкѣ» становится всякій христіанинъ русской народности, если онъ благочестивъ, честенъ, трезваго поведенія, здоровъ и проживаетъ въ Америкѣ, уплатилъ притомъ «вписовое», а равно обязался аккуратно уплачивать ежемѣсячные взносы. Членомъ можетъ быть также всякая русская женщина, дѣвица, замужняя или вдова. Членъ, который втеченіе трехъ мѣсяцевъ не уплатитъ ежемѣсячныхъ взносовъ, теряетъ право на пособіе и посмертное, которое, однако, возвращается ему, если въ четвертомъ и не далѣе какъ въ пятомъ мѣсяцѣ уплатитъ онъ всѣ просроченные мѣсячные взносы. Членъ, который втеченіе шести мѣсяцевъ не уплатитъ ежемѣсячныхъ взносовъ, исключается вовсе изъ членовъ «Союза». Онъ можетъ быть принятъ снова лишь въ томъ случаѣ, если уплатитъ «вписовое», какъ нововступающій, и, сверхъ того, просроченные ежемѣсячные взносы. Дѣлами «Русскаго Народнаго Союза» управляютъ: 1) общее собраніе и 2) совѣтъ. Общее собраніе вѣдаетъ: измѣненія въ уставѣ, избраніе членовъ совѣта, разрѣшеніе отзывать, жалобъ и споровъ. Совѣтъ, избираемый общимъ собраніемъ, составляютъ: предсѣдатель, вице-предсѣдатель, секретарь, кассиръ, шесть членовъ и пять ихъ замѣстителей. На обязанности совѣта лежитъ: 1) принятіе и исключеніе членовъ, 2) опѣнка матеріала для календарей и популярныя изданія, ихъ разсылка и продажа, 3) наблюденіе за братствами и читальнями, 4) контроль надъ торговыми складами, открываемыми для увеличенія доходовъ союза, 5) общій надзоръ за веденіемъ газетъ союза, 6) объявленія разнаго рода отъ имени союза въ различныхъ американскихъ изданіяхъ и 7) помощь и содѣйствіе новоприбывающимъ русскимъ эмигрантамъ. Въ видахъ осуществленія этой послѣдней обязанности совѣтъ назначаетъ, по мѣрѣ возможности, въ соотвѣтственныхъ мѣстностяхъ особу своихъ уполномоченныхъ, къ которымъ новоприбывающіе эмигранты могли бы во всякое время обратиться. На обязанности уполномоченнаго лежитъ устроить эмигранту дешевое временное помѣщеніе, дешевый столъ, указать ему мѣсто назначенія соотвѣтственно роду труда, имъ избираемаго, и ближайшій дешевѣйшій способъ проѣзда къ этому мѣсту. Сверхъ всего

этого, совѣтъ обязанъ употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, какъ къ увеличенію доходовъ Союза, путемъ установленныхъ источниковъ, такъ и къ изысканію источниковъ новыхъ, соотвѣствующихъ достоинству народнаго учрежденія, какъ, на примѣръ размѣнъ и отсылка денегъ, приемъ депозитовъ, покупка недвижимостей высокой доходности и т. д. Независимо отъ совѣта существуетъ еще въ составѣ «Русскаго Народнаго Союза» контрольная коммиссія, на обязанности которой лежитъ контроль и ревизія книгъ, кассы и всего дѣлопроизводства «Союза». Братства, in corpore принадлежащія къ «Союзу», вѣдаютъ своими собственными дѣлами совершенно самостоятельно, и на нихъ лежитъ забота о больныхъ и безработныхъ. Таково въ общихъ чертахъ устройство «Русскаго Народнаго Союза». Здѣсь нѣтъ ни этого чрезмѣрнаго обилія должностей и званій, какимъ поражаетъ «Соединеніе», ни этой трескучей парадности, ни этихъ безпрестанныхъ выкрикиваній на тему блага русской братіи, почитанія русской вѣры и народности и тому подобныхъ, какими отличается дѣятельность сего послѣдняго, несравненно болѣе словацкаго, нежели русскаго учрежденія. Прежде чѣмъ приступить къ изображенію дѣятельности «Русскаго Народнаго Союза» въ дѣйствительности, отмѣтимъ нѣкоторыя обстоятельства высокой общественной важности, относящіяся къ самому моменту его зарожденія.

* Незадолго до возникновенія «Союза» часть русскаго уніатскаго прихода города Вилькъсъ-Бэрръ въ Пенсильваніи, расположеннаго въ самомъ центрѣ штата, со священникомъ Алексѣемъ Товтомъ во главѣ, присоединилась къ православію. Фактъ этотъ, вызвавшій въ свое время огромную сенсацію какъ въ Америкѣ, такъ и въ особенности въ Европѣ, породилъ цѣлую бурю въ «Соединеніи», къ которому принадлежали какъ самъ о. Товтъ, такъ и братство его прихода. Угрорусскіе священники «Соединенія», мнящіе и именующіе себя «русофилами», поспѣшили предать о. Товта товарищеской анаемѣ и исключить какъ его, такъ и русское братство города Вилькъсъ-Бэрръ изъ «благочестиваго» и «греко-католическаго» состава своей якобы русской организаціи. Но каково же было изумленіе этихъ фиктивныхъ руссофиловъ, даже въ домашнемъ быту своемъ говорящихъ помадьярски, когда «Русскій Народный Союзъ», созданный и руководимый галицкорусскими украинофилами, уніатами по вѣроисповѣданію и главнѣйшимъ образомъ, если не исключительно галицко-русскими священниками, такими же уніатскими или греко-католическими священниками, какъ и угрорусскіе, тотчасъ же принялъ какъ о. Товта, такъ и братство его прихода, обратившееся въ православіе, въ свой составъ. Обстоятельство это, опредѣляя и отмѣняя должнымъ образомъ различіе между угрорусскими великоруссофилами (москалефилами) и галицко-русскими малоруссофилами (украинофилами), имѣетъ то важное народно-общественное значеніе, что въ самый моментъ зарожденія «Рус-

скаго Народнаго Союза» столь рельефнымъ образомъ обнаружило отличие его, какъ учрежденія русскаго народнаго, отъ «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ», какъ учрежденія католическаго, но вовсе не народнаго.

Приступая къ изображенію дѣйствительной практической дѣятельности «Русскаго Народнаго Союза», отмѣтимъ прежде всего то, что, взимая съ членовъ своихъ такіе же платежи, какіе взимаетъ и «Соединеніе», «Союзъ» уплачиваетъ большее посмертное, а именно 500 и 250 долларовъ, между тѣмъ «Соединеніе» выдаетъ 400 и 200 долларовъ. Въ то время какъ «Соединеніе» лишь въ случаѣ смерти члена или же совершенной неспособности его къ труду дѣлаетъ денежные выдачи: въ первомъ случаѣ—его наслѣдникамъ, а во второмъ—ему самому въ счетъ его посмертнаго, что представляется довольно оригинальнымъ, «Союзъ» приходитъ съ помощью своимъ членамъ также и при жизни во всѣхъ несчастныхъ случайностяхъ, которыхъ совершенно основательно даже и не опредѣляетъ въ уставѣ, ибо опредѣлить ихъ и формулировать такъ, чтобы формула эта обнимала всѣ въ дѣйствительной жизни возможныя случайности, почти невозможно. Представляется очевиднымъ, что помощь рабочему семейству, постигнутому какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ или стеченіемъ обстоятельствъ, грозящимъ навсегда разрушить его матеріальное благосостояніе, является нерѣдко болѣе важной и существенной, нежели выдача мужу посмертнаго скончавшейся жены или же выдача посмертнаго какимъ либо родственникамъ. Читальни «Союза» устроены весьма основательно, и въ нихъ найдется всегда кое-что и для человѣка вполне интеллигентнаго. Русскихъ школъ «Союзъ» имѣетъ мало, но по чисто американскимъ причинамъ и условіямъ, о которыхъ придется еще намъ говорить въ послѣдующемъ изложеніи; школы эти по крайней мѣрѣ въ настоящее время лишены всякой возможности существованія, а потому представляются пока нужными лишь дополнительные курсы по русскому языку, русской исторіи и русскому закону Божию для русскихъ дѣтей, обучающихся въ англійскихъ школахъ. Такіе курсы также устроены «Союзомъ» рядомъ съ существованіемъ нѣсколькихъ русскихъ школъ и читаются обыкновенно по субботамъ, ибо въ этотъ день всѣ англоамериканскія школы закрыты. Въ послѣднее время «Союзъ» прилагаетъ особыя старанія къ облегченію матеріальнаго положенія своихъ членовъ и ихъ семействъ въ случаяхъ разныхъ несчастій съ людьми, которые такъ нерѣдки въ каменноугольномънхъ. Для этого на послѣдней конвенціи «Союза» состоявшейся въ первыхъ числахъ іюня текущаго года, установлены уже опредѣленные пособія для каждаго рода искалѣченія. Утратившій руку, ногу или глазъ получаетъ 100 долларовъ, утратившій одновременно руку и ногу, руку и глазъ или ногу и глазъ получаетъ 250 долларовъ и наконецъ утратившій одновременно обѣ

руки или обѣ ноги получаетъ 500 долларавъ, причемъ въ первыхъ двухъ случаяхъ достигнутый несчастіемъ членъ «Союза», и по полученіи пособія, продолжаетъ оставаться членомъ, а слѣдовательно и сохраняетъ всѣ права на посмертное, въ послѣднемъ же случаѣ онъ изъ «Союза» исключается. Озабочиваясь постоянно, чтобы положенія устава «Союза» наиболѣе соответствовали жизненнымъ потребностямъ русскаго народа въ Америкѣ, являющагося въ общемъ лишь русской частью рабочаго класса Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, управленіе «Союза» на той же послѣдней конвенціи этого единственнаго русскаго народнаго учрежденія въ предѣлахъ великой сѣверо-американской республики провело еще нѣкоторыя положенія, отчасти пополняющія, отчасти измѣняющія прежнія положенія устава «Союза».

Само собою разумѣется, что столь серьезное и дѣйствительно народное учрежденіе, какимъ представляется «Русскій Народный Союзъ», не могло не заняться дѣломъ столь огромной важности, какъ дѣло русской эмиграціи. Совѣтъ «Союза» неоднократно обсуждалъ вопросъ о способахъ урегулированія русской эмиграціи въ Новый Свѣтъ и средствахъ помощи и поддержки эмигрантамъ русскимъ, по ихъ прибытіи на территорію Соединенныхъ Штатовъ. Въ газетѣ «Свобода», являющейся органомъ «Русскаго Народнаго Союза», въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго года появился цѣлый рядъ статей, достаточно выяснявшихъ причины русской эмиграціи изъ Австро-Венгрии, ея направленія (Соединенные Штаты, Бразилія и Канада), ея будущность, способы ея урегулированія и необходимость учрежденія въ Нью-Йоркѣ русскаго эмиграціоннаго дома. Учрежденіе такое какъ совѣтъ «Союза», такъ и «Свобода» признавали общимъ дѣломъ всей американской Руси, которая и должна осуществить его соединенными силами всѣхъ ея представителей. Призывы «Свободы» къ урегулированію и организаціи русской эмиграціи были столь воодушевительны, и доводы ея по этому предмету настолько убѣдительны, что даже представители «Соединенія», обыкновенно глухіе къ голосу нужды народныхъ и вообще къ дѣлу народному относящіяся довольно безразлично, имъ поддались и вступили съ представителями «Союза» въ сношенія и переговоры въ видахъ совмѣстнаго дѣйствія. Но, когда переговоры эти закончились, и планъ дѣйствованія, благодаря трудамъ и усиліямъ представителей «Союза» и редакціи «Свободы», былъ совершенно выработанъ и опредѣленъ, случилось нѣчто совершенно неожиданное и для Америкѣ даже необыкновенное. Подъ вліяніемъ наущеній мадьярско-русскихъ писцовъ, фабрикующихъ «Американскій Русскій Вѣстникъ», предсѣдатель «Соединенія», хотя обамериканившійся уже угроруссъ, но кулакъ и притомъ кулакъ грубый и невѣжественный, какими являются всѣ почти наши русскіе кулаки тайкомъ отправился съ главнымъ писцомъ въ Нью-Йоркъ и тамъ въ

тайнѣ отъ представителей «Союза» и даже нѣкоторыхъ представителей своего «Соединенія» приступилъ къ дѣйствіямъ по открытію на свое имя русскаго эмиграціоннаго дома и русскаго банка, т. е., по американскимъ понятіямъ, банкирской конторы съ комиссіонной продажей желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ билетовъ, правомъ перевода денежныхъ выдачъ и т. д. Конечно, предсѣдатель «Соединенія» и главный писецъ потерпѣли полнѣйшую неудачу. Рѣшившись учрежденіе русскаго эмиграціоннаго дома, дѣло чисто народное, обратитъ въ личное доходное торговое предпріятіе, они сами жестоко обманулись. Дѣло въ томъ, что открытіе эмиграціоннаго дома въ Нью-Йоркѣ требуетъ немало такихъ знаній, какими предсѣдатель «Соединенія» совершенно не обладалъ, и такихъ условій, какимъ онъ совершенно не удовлетворялъ, почему установленное разрѣшеніе на открытіе имъ не получено. Между тѣмъ вѣроломный образъ дѣйствій его успѣлъ обнаружиться и отшатнулъ отъ участія въ дѣлѣ представителей «Союза», которые были его инициаторами и двигателями. Такимъ образомъ русскій эмиграціонный домъ въ Нью-Йоркѣ и до сего времени не открытъ, ибо «Союзъ», собравшій уже въ средѣ своихъ членовъ нѣкоторый эмиграціонный фондъ, не обладаетъ, однако, пока средствами, достаточными для самостоятельнаго открытія такого дома безъ участія «Соединенія». Примѣръ этотъ показываетъ между прочимъ, насколько еще шатко и непрочно общественное устройство молодой американской Руси. Подпольныхъ интригъ какого нибудь полуграмотнаго писца-пройдохи, на американской почвѣ успѣвшаго превратиться въ главнаго фабрикатора русско-словацкой газеты, было совершенно достаточно для того, чтобы совершенно испортить и на извѣстное время погубить народное дѣло первостепенной важности, начатое при весьма благоприятныхъ условіяхъ и подвинутое къ разрѣшенію дружными усиліями лучшихъ представителей двухъ организацій, изъ которыхъ одна является русской народной, а другая, хотя и представляется въ сущности католической русско-словацкой, считаетъ, однако, себя русской, себя таковой выставляетъ и вѣчно трещитъ о благѣ русской братіи.

Дѣло устройства русскаго эмиграціоннаго дома въ Нью-Йоркѣ находится въ тѣсной и неизбѣжной связи съ общимъ положеніемъ дѣла «Соединенія», постепенно создавшимся. Русско-американскій кулакъ, явлющійся предсѣдателемъ «Соединенія», рѣшилъ всѣ народныя учрежденія обратитъ въ свои личныя торговыя предпріятія. Пользуясь безчестностью вліятельнѣйшихъ изъ угрорусскихъ священниковъ, безхарактерностью менѣе вліятельныхъ и полнѣйшей апатіей всѣхъ остальныхъ изъ нихъ, онъ нынѣ успѣлъ рѣшеніе свое осуществить вполнѣ. Въ началѣ текущаго года нанято имъ въ Нью-Йоркѣ помѣщеніе, гдѣ должны были сосредоточиться три предпріятія сего предсѣдателя: во-первыхъ, изданіе «Американскаго Рус-

скаго Вѣстника», во-вторыхъ—русскій банкъ и, въ-третьихъ—русскій эмиграціонный домъ. «Американскій Русскій Вѣстникъ», являющійся органомъ «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ», былъ отданъ со всей типографіей «Соединенія» и четырьмя тысячами долларовъ на его изданіе, въ полное и безотчетное распоряженіе главнаго изъ мадьярско-русскихъ писцовъ и издавался въ городѣ Скрантонъ въ Пенсильваніи. Однако послѣ четырехлѣтняго безотчетнаго хозяйничанья этого писца финансы газеты оказались въ столь ужасномъ положеніи, что онъ прибѣгъ подъ покровительство предсѣдателя «Соединенія». Послѣдній, умѣющій изъ всего извлекать свою пользу, великодушно согласился взять на себя изданіе «Вѣстника», назначивъ писцу извѣстное жалованье. Принимая бѣдную русско-словацкую газету подъ свое покровительство, онъ знаетъ, что, какъ предсѣдатель «Соединенія», легко можетъ устроить повышеніе платы, взимаемой за нее съ членовъ организаціи, и такимъ образомъ не только покрыть грѣхи писца, но и, сверхъ сего, получить еще и нѣкоторый барышъ. И дѣйствительно на послѣдней конвенціи «Соединенія» плата съ членовъ за «Вѣстникъ» повышена съ 1 доллара до 1 доллара 20 центовъ, вслѣдствіе чего организація, платившая ранѣе на него 4.000 долларовъ въ годъ, отнынѣ будетъ уже платить 4.800 долларовъ. Въ томъ же домѣ, на углу второго эвеню и пятой улицы города Нью-Йорка, въ которомъ помѣщается редакція, контора и типографія перенесеннаго сюда изъ Скрантона «Американскаго Русскаго Вѣстника», помѣщается также и банкъ предсѣдателя «Соединенія», именуемый почему-то русскимъ банкомъ, а равно долженъ былъ помѣщаться и русскій эмиграціонный домъ, но открыть этого послѣдняго, какъ мы указали уже выше, не удалось.

Между тѣмъ «Русскій Народный Союзъ», будучи пока лишонъ возможности открыть русскій эмиграціонный домъ на собственныя средства, продолжаетъ ревностно работать на пользу русской эмиграціи. Какъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе эмиграціонная горячка, широко разлившись по Галиціи, толкнула русскій народъ на безумное переселеніе въ Бразилію, которая оказывается для него гробомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Необходимо было отрезвить его отъ этого безумія и эмиграціонному теченію дать должное направленіе. Эту важную народно-общественную задачу исполнилъ въ предѣлахъ возможности вышеупомянутый д-ръ Олесковъ, преподаватель агрономіи во Львовской учительской семинаріи. обстоятельно изучивъ условія русской эмиграціи изъ Галиціи, состояніе хлѣбнаго производства на всемірномъ рынкѣ и условія бесплатнаго приобрѣтенія земельной собственности на земномъ шарѣ, онъ пришелъ къ выводу, что наиболѣе цѣлесообразнымъ мѣстомъ переселенія представляется для галицкихъ русиновъ Канада. Посѣщеніе этой страны, предпринятое д-ромъ Олесковымъ лѣтомъ прошлаго года на собственный счетъ, утвердило его еще болѣе въ достигнутыхъ имъ вы-

водахъ, которые онъ и популяризовалъ тотчасъ среди народа галицко-русского двумя общедоступными брошюрами. Не смотря на противодѣйствіе галицкой польской прессы, стоящей почему-то за гибельную до очевидности эмиграцію въ Бразилію, русскій народъ внялъ въ извѣстной степени голосу своего экономиста и изслѣдователя. Практическое осуществленіе такого измѣненія направленія той русской эмиграціонной струи, которая течетъ къ американскому матеріку мимо территоріи Соединенныхъ Штатовъ, взялъ на себя «Русскій Народный Союзъ», при содѣйствіи, конечно, и сотрудничествѣ на мѣстѣ самого д-ра Олеськова. Не смотря на совершенную новизну дѣла, нынѣ достигнуты уже огромные результаты. Текущимъ лѣтомъ канадское правительство высылало своего спеціальнаго агента въ Пенсильванію для переговоровъ съ представителями «Русскаго Народнаго Союза», которые закончились весьма успѣшно. Канадское правительство приняло въ отношеніи русской эмиграціи нижеслѣдующія обязательства: 1) Только членамъ «Союза» предоставляются всевозможныя пониженія провозныхъ платъ на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ какъ канадскихъ, такъ и американскихъ. 2) Въ мѣстностяхъ, предназначенныхъ подъ поселеніе русскихъ людей, никто безъ вѣдома «Союза» поселиться не можетъ. 3) Каждый русскій переселенецъ, высланный «Союзомъ», можетъ перевезти до 200 фунтовъ вещей бесплатно. 4) Каждый русскій поселенецъ получаетъ бесплатно 160 акровъ земли, которую самъ себѣ можетъ выбрать и черезъ три года получаетъ на нее крѣпостной актъ, дѣлающій его полнымъ безконтрольнымъ ея собственникомъ и распорядителемъ, причемъ, по выборѣ себѣ вышеозначенныхъ 160 акровъ, получаетъ бесплатно дерево на постройку. 5) Въ мѣстностяхъ, гдѣ соберется 30 семействъ, отпускается бесплатно 160 акровъ земли подъ церковь и для священника. 6) Гдѣ окажется 10 русскихъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ, правительство устраиваетъ школу и принимаетъ на себя $\frac{2}{3}$ расходовъ на ея содержаніе, лишь $\frac{1}{3}$ возлагая на общину. 7) Два делегата «Союза» могутъ во всякое время получить даровой проѣздъ къ мѣстамъ поселенія русскаго народа. Серьезность этихъ льготъ, исхлопоченныхъ «Русскимъ Народнымъ Союзомъ» у канадскаго правительства для своего народа, не требуетъ поясненій. Оказывается между тѣмъ, что партія русскихъ переселенцевъ въ Канаду, выѣхавшая изъ Галиціи весной нынѣшняго года, тотчасъ послѣ Пасхи, благодаря стараніямъ д-ра Олеськова, въ пути пользовалась всевозможными удобствами и облегченіями, имѣя притомъ двухъ проводниковъ, въ Канадѣ же воспользовалась бесплатнымъ проѣздомъ по всѣмъ путямъ, что дало ей сбереженіе въ 3.000 гульденовъ. Узнавъ о подобныхъ результатахъ дѣятельности «Союза» въ дѣлѣ русской эмиграціи, предсѣдатель «Соединенія», все еще мечтающій объ открытіи эмиграціоннаго дома, подослалъ своего писца къ одному изъ наиболѣе податливыхъ чле-

новъ «Союза», для склоненія послѣдняго къ совмѣстному дѣйствию въ дѣлѣ устройства эмиграціоннаго дома, которое онъ самъ же своимъ вѣроломствомъ погубилъ. Такъ какъ, однако, истинной цѣлью этой присылки явилось осуществленіе американско-русскимъ кулакомъ чужими трудами и усиліями выгоднаго торговаго предпріятія, которое онъ самъ осуществить не въ состояніи, то его предложенія были отклонены. Можно надѣяться, что народное дѣло столь огромной важности, какъ устройство русскаго эмиграціоннаго дома, будетъ вкорѣ осуществлено, и домъ этотъ возникнетъ, какъ учрежденіе народное, а не торговое заведеніе русско-словацко-мадьярскаго кулака. Органомъ «Русскаго Народнаго Союза» является еженедѣльная газета «Свобода», издаваемая въ Пенсильваніи. Она выходила въ городѣ Шамокинѣ и лишь въ самое послѣднее время перенесена въ сосѣдній городокъ Монтъ-Кармель. «Свобода» не разсылается членамъ «Союза» принудительно, подобно тому какъ «Американскій Русскій Вѣстникъ», а имѣетъ лишь отъ «Союза» незначительное пособіе въ размѣрѣ 360 долларовъ въ годъ, за что члены послѣдняго пользуются правомъ получать газету за половинную плату, и за симъ расходится по добровольной подпискѣ. «Свобода» издается на малорусскомъ литературномъ языкѣ, томъ самомъ, на которомъ происходитъ преподаваніе въ русскихъ народныхъ училищахъ и трехъ русскихъ гимназіяхъ въ Галиціи, читается нѣсколько предметовъ во Львовскомъ университетѣ и ведется вся галицко-русская литература, нынѣ уже достигшая довольно высокаго уровня развитія. Само собою разумѣется, что «Свобода» не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ «Американскимъ Русскимъ Вѣстникомъ».

«Свобода» составляется главнымъ образомъ четырьмя галицко-русскими священниками на началахъ опредѣленнаго раздѣленія труда, за который не получается никакого вознагражденія, и цѣлью ея изданія является просвѣщеніе русскаго народа, его общественное развитіе, поднятіе его до уровня американской образованности и американскаго общественнаго быта, безъ чего немислимо здѣсь достиженіе не только общаго уваженія, но и матеріальнаго благосостоянія. Фельетоны «Свободы» принадлежатъ обыкновенно перу лучшихъ галицко-русскихъ писателей, каковы д-ръ Иванъ Франко, д-ръ Андрей Чайковскій, Павликъ и др., прочіе же отдѣлы газеты составляются вышеупомянутыми четырьмя постоянными добровольными сотрудниками, пребывающими въ различныхъ мѣстностяхъ на своихъ приходахъ. Въ общемъ содержаніе газеты представляется и дѣйствительно просвѣтительнымъ, и весьма интереснымъ. Статьи, замѣтки и свѣдѣнія по рабочему дѣлу начинаютъ занимать въ «Свободѣ» все болѣе и болѣе мѣста, такъ что въ непродолжительномъ времени она будетъ въ состояніи замѣнить для русскаго народа въ Америкѣ два изданія: газету общую и газету специально рабочую. За то же и какая разница между читателемъ «Свободы» и читателемъ «Американ-

скаго Русскаго Вѣстника», или же, выражаясь еще точнѣе, между членомъ «Русскаго Народнаго Союза» и членомъ «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ»! Въ то время, какъ этотъ послѣдній, отчасти вовсе не понимая чудовищнаго языка «Американскаго Русскаго Вѣстника», являющагося для него единственнымъ источникомъ знанія и просвѣщенія, отчасти не имѣя ровно ничего, что бы можно было почерпнуть изъ нелѣпаго содержанія этой газеты, изъ года въ годъ въ интеллектуальномъ отношеніи все болѣе и болѣе опускается, членъ «Союза» наоборотъ постепенно прогрессируетъ въ культурномъ отношеніи, приближаясь все болѣе и болѣе къ уровню англо-американской общественности. Подавляющее большинство несловацкихъ членовъ «Соединенія» составляютъ угроруссы, членами же «Союза» въ подавляющемъ большинствѣ являются наоборотъ галицкіе русины. Въ то время, какъ угроруссовъ вообще обозначаетъ англо-американецъ наименованіемъ «hungarian» (гунгеріенъ), полнымъ горделиваго презрѣнія, галицкихъ русиновъ именуется онъ наименованіемъ «russian» (рошіанъ), исполненнымъ симпатіи и уваженія. Слово «russian» означаетъ буквально «русскій» и представляетъ общее наименованіе русскаго народа на языкѣ англо-американцевъ, которымъ почти неизвѣстно различіе между великоруссами и малоруссами. вмѣстѣ съ тѣмъ, наименованіе это подходитъ настолько близко къ исконному наименованію нашего народа, сохраненному малоруссами, т. е. къ слову «русинъ», что въ Пенсильваніи многіе американцы, слышавъ нерѣдко, какъ именуютъ себя по народности галичане, старое англійское слово «russian» (рошіанъ) стараются произносить, какъ «русинъ», относя его, однако, по-прежнему ко всему русскому народу вообще. Хотя подобное лишеніе угроруссовъ представителями болѣе культурныхъ націй самаго имени русскаго народа черезъ присвоеніе имъ презрительной клички «hungarian» можетъ показаться съ перваго взгляда заслуженнымъ и справедливымъ для нихъ наказаніемъ за ихъ некультурность и непросвѣщенность, но такое первое впечатлѣніе совершенно обманчиво и ложно. Одна лишь скорбь глубокая и невыносимая овладѣвала всегда мной при видѣ этого меньшаго брата, униженнаго и оскорбленнаго, утратившаго самое имя нашего великаго народа. И если до подобнаго униженія и оскорбленія довели его еще въ старой, исконной его отчизнѣ потомки азіатскихъ завоевателей, одноплеменныхъ съ тѣми, что грозили когда-то поглотить всю Русь и большую часть славянства, то нынѣ здѣсь на вольной землѣ американской, въ странѣ свободы, равенства и братства, сосутъ изъ него соки, предумышленно держатъ его во тьмѣ невѣжества, не даютъ ему выйти изъ этого униженія и оскорбленія его же собственные братья, вышедшіе изъ его среды, вскормленные его потомъ и кровью, плоть отъ плоти его и кость отъ костей его, своекорыстіемъ и жадностью подвигаемые на страшное братоубійственное дѣло.

Однако, объективность изслѣдователя и справедливость вынуждаютъ насъ отмѣтить здѣсь, что въ послѣднее время среди нѣкоторой части угрорусскихъ священниковъ, входящихъ въ составъ «Соединенія», стало проявляться глухое и пока скрытое неудовольствіе какъ положеніемъ организаци, такъ и ея дѣятельностью. Главнымъ выразителемъ этого неудовольствія явился даже одинъ изъ чиновниковъ «Соединенія», двукратно избранный секретаремъ его—отецъ Корнилій Лавришинъ, дерзнувшій нѣсколько разъ даже болѣе или менѣе открыто выступить противъ царствующихъ въ немъ порядковъ, плутней, обмановъ и интригъ. Хотя подобное проявленіе сознанія своего долга предъ народомъ среди единственной интеллигенціи, входящей въ составъ «Соединенія», и можетъ привести къ улучшенію его дѣятельности, тѣмъ не менѣе, однако, коренного исцѣленія этой организаци оно принести не можетъ, ибо въ самой основѣ ея лежитъ отчасти заблужденіе, отчасти прямой обманъ. Въ сущности «Соединеніе» представляется учрежденіемъ страхованія на случай смерти. Всякое учрежденіе можетъ быть либо учрежденіемъ чисто коммерческимъ, либо же нѣкоторой вѣтвью учрежденія народнаго. Конечно, учрежденіе чисто коммерческое должно принимать на страхъ всѣхъ безъ различія національностей и вѣроисповѣданій. Учрежденіе народное, взявшее на себя между прочими своими функціями также и операцію страхованія на случай смерти, помимо того, что должно быть учрежденіемъ дѣйствительно народнымъ и объединять собой лицъ одной опредѣленной національности, должно главнѣйшимъ образомъ сообразовать балансъ своихъ страховыхъ операций съ балансами прочихъ своихъ отдѣловъ и успѣшность и цѣлесообразность страхованія съ успѣшностью и цѣлесообразностью задачъ, выполняемыхъ этими другими его отдѣлами. Если дѣло страхованія ведется даже и вполне удовлетворительно, но другіе отдѣлы этого народнаго учрежденія не выполняютъ своихъ задачъ и предназначенныя на нихъ средства тратятъ зря или даже только непроизводительно, то подобныя напрасныя траты, если бы даже онѣ производились и добросовѣстно, т. е. изъ убѣжденія въ ихъ полезности, представляются въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ произвольнымъ, замаскированнымъ повышеніемъ страховыхъ платежей, уплачиваемыхъ участниками страхованія. Подобное зло замаскированного взиманія чрезмѣрныхъ платежей по страхованію становится въ особенности вредоноснымъ для народа, если для его сокращенія отъ послѣдняго употребляются средства, направленные къ поддержанію темноты и оглупленію этого народа вообще. Фактъ существованія «Соединенія» и притомъ на вольной землѣ американской, гдѣ каждый можетъ трудиться безпрепятственно на благо своего народа, служить живымъ укоромъ великому народу русскому и ложится пятномъ на небезславномъ его имени. Предъ этимъ позорнымъ фактомъ должны умолкнуть всѣ внутренне-племенные споры,

перенесенные на почву американскую изъ стараго свѣта: о великоруссизмѣ и малоруссизмѣ, объ извѣстной самостоятельности малорусской школы и литературы, о православіи и униіи и все, что только есть на землѣ американской русскаго, дорожащаго благомъ и честью своего народа, все это безъ различія племенныхъ отгѣнковъ, вѣроисповѣданій и нарѣчій должно соединиться въ одно дружное усиліе, чтобы положить конецъ существованію подобнаго учрежденія, именемъ русскаго народа прикрывающаго грубую эксплуатацію и удержаніе во тьмѣ невѣжества самыхъ обездоленныхъ его братій. «Соединеніе» должно быть разбито, и словацкая его часть должна быть предоставлена своему народу въ лицѣ его народныхъ учреждений, а русская, спасенная отъ преступнаго сообщества эксплуататоровъ и отемнителей, войти въ составъ русскихъ народныхъ учреждений, существующихъ или же могущихъ впредь возникнуть.

Общія годовыя собранія или такъ называемыя «конвенціи» какъ «Русскаго народнаго союза», такъ и «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ», поскольку это послѣднее представляется русскимъ учрежденіемъ, являются наивысшимъ и наиважнѣйшимъ выраженіемъ общественнаго бытія русскаго народа въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. «Соединеніе» имѣло до сихъ поръ четыре конвенціи: въ 1893, 1894, 1895 и 1896 годахъ, а «Союзъ»—три: въ 1894, 1895 и 1896 годахъ. Если такимъ образомъ «Соединеніе», существующее четыре года, имѣло естественно четыре годовыхъ общихъ собранія, а «Союзъ», существуя два года, имѣлъ ихъ пѣлыхъ три, то это потому, что первая его конвенція состоялась вслѣдъ за его основаніемъ и была въ дѣйствительности общимъ собраніемъ учредителей. Наиболѣе достопримѣчательными и заслуживающими вниманія представляются первая, а отчасти вторая и послѣдняя конвенціи «Соединенія» и послѣдняя, т. е. третья, конвенція «Союза», въ особенности же первая конвенція «Соединенія». Помимо того, что это было первое на американской почвѣ общее собраніе организаціи, имѣющей видъ русской и носящей русское имя, на ней поставленъ былъ на разрѣшеніе вопросъ объ исключеніи изъ «Соединенія» части вилькскъ-бэррскаго русскаго униатскаго прихода и братства, принявшей православіе. Вопреки всякимъ ожиданіямъ заправилъ «Соединенія» противъ этого предложенія поднялись энергическіе протесты. Вполнѣ солидные доводы противъ подобнаго исключенія были представлены болѣе или менѣе интеллигентными галичанами г.г. Свалоіи и Пырчемъ, послѣ которыхъ выступилъ съ обстоятельной рѣчью недавно лишь прибывшій въ Америку галицко-русскій священникъ Константкевичъ. Онъ указалъ и доказалъ, что основой учрежденія «Соединенія» должна быть русская народность безъ всякаго отношенія къ вѣроисповѣданіямъ, и затѣмъ поставилъ на видъ управленію «Соединенія», добивавшемуся этого исключенія, что оно, настаивая исключительно на греко-католическомъ характерѣ этой орга-

низации, опредѣленномъ ея уставомъ, который во всякое время можетъ быть измѣненъ, имѣеть, однако, не только въ средѣ организаціи, но даже и въ средѣ самаго ея управленія кальвиниста, потому только, что онъ—землякъ, пріятель и собутыльникъ заправилъ «Соединенія», что оказалось важнѣе устава, для него и ради него нарушеннаго. Рѣчь эта, энергическая, убѣдительная и краснорѣчивая, произвела на все собраніе огромное впечатлѣніе. Хотя протесты противъ настоянній управленія «Соединенія» объ исключеніи воссоединившихся вильксь-бѣррскихъ униатовъ заявлены были исключительно галичанами, тѣмъ не менѣе и среди угорскихъ русиновъ и даже словаковъ началось глухое броженіе, направленное противъ этихъ настоянній. По окончаніи о. Константкевичемъ его рѣчи, заправила «Соединенія» повскакали со своихъ мѣстъ, сыпля возраженіями и перебивая другъ друга: беспорядочные споры начались среди всего собранія; поднялся необыкновенный шумъ; предсѣдатель конвенціи поспѣшилъ закрыть ее и объявилъ перерывъ. Перерывомъ этимъ воспользовались заправила «Соединенія», чтобы поддавшихся доводамъ о. Константкевича склонить снова на сторону своего предложенія. По открытіи засѣданія вопросъ объ исключеніи вильксь-бѣррцевъ пущенъ былъ на голосованіе, и значительное большинство оказалось за предложеніе управленія, почему эти воссоединившіеся и были исключены. Однако отголоски дебатовъ, происшедшихъ на первой конвенціи «Соединенія», нескоро еще смолкли. Нѣкоторые оппозиціонные делегаты, недовольные какъ состоявшимся рѣшеніемъ о вильксь-бѣррцахъ, такъ въ особенности беспорядочнымъ состояніемъ финансовъ «Соединенія», издали на словацкомъ языкѣ два циркуляра къ братствамъ, входящимъ въ составъ этой русско-словацкой организаціи, въ которыхъ указывали на печальное положеніе дѣлъ ея и призывали братства потребовать назначенія особой коммисіи для провѣрки счетовъ. Циркуляры эти заинтересовали братства, а нѣкоторыя даже взволновали, но священникамъ и заправиламъ «Соединенія» удалось въ концѣ концовъ различными средствами успокоить народъ и требованія оппозиціи свести къ нулю. Вторая конвенція «Соединенія», состоявшаяся въ 1894 году, заслуживаетъ быть отмѣченной лишь въ томъ отношеніи, что на ней обнаружилось полнѣйшее разстройство дѣлъ организаціи. Какъ разъ предъ тѣмъ основанъ былъ «Русскій Народный Союзъ», и многія братства, выйдя изъ «Соединенія», вошли въ составъ этой новой русской народной организаціи, другія же, не переставая принадлежать къ нему, вовсе прекратили платежи. «Соединеніе» готово уже было прекратить свое существованіе, но въ концѣ концовъ вторая его конвенція рѣшила испробовать еще продержаться нѣкоторое время. Избранный на ней секретаремъ организаціи священникъ Лавришинъ, пробывъ въ этой должности два года, своимъ трудомъ и стараніями немало способствовалъ тому, что организація оправилась и поднялась. Тѣмъ

не менѣе, однако, финансовая сторона этой греко-католической русско-словацкой организациі представляется еще болѣе слабой, нежели ее стороны принципиальная и народная. Финансы «Соединенія» съ самаго его возникновенія заключаютъ въ себѣ немало недочетовъ и злоупотребленій, плохо даже замаскированныхъ, въ особенности по части веденія газеты и типографіи, являющихся на бумагѣ собственностью организациі. Четвертая и до сихъ поръ послѣдняя конвенція «Соединенія» происходила 26—28 мая сего года въ Нью-Йоркѣ. На нее явилось 15 священниковъ и 57 делегатовъ отъ братствъ, входящихъ въ составъ «Соединенія». Замѣчательно, что оживленнѣйшіе и продолжительнѣйшіе дебаты вызвали такой вопросъ, какъ о формѣ такъ называемаго трираменнаго креста, принятаго греко-католической или униатской церковью. Засѣданія конвенціи происходили въ обширной и элегантно убранной залѣ Café Boulevard. На одномъ изъ оконъ красовался среднихъ размѣровъ мадьярскій флагъ, но одинъ изъ делегатовъ въ первый же день конвенціи на глазахъ у всѣхъ снялъ его и, сложивъ, бросилъ въ уголъ. Вскорѣ затѣмъ поднялись голоса противъ употребленія мадьярскаго языка въ перепискѣ братствъ съ управленіемъ «Соединенія», но послѣ жаркихъ дебатовъ какъ мадьярскій языкъ, такъ и форма трираменнаго креста оставлены попрежнему. Предложеніе председателя надзирательной комиссіи, являющагося въ сущности по рангу первымъ должностнымъ лицомъ «Соединенія», о слияніи этого послѣдняго со словацкой «Katolicka Jednota», какъ мы упоминали уже, было отвергнуто. 28 мая совѣщанія конвенціи закончились, и, какъ водится, собравшіеся засѣли за обѣдъ. Послѣ многочисленныхъ изліяній и тостовъ въ честь предсѣдательствовавшаго на конвенціи священника Ханата, старыхъ должностныхъ лицъ, новоизбранныхъ и всѣхъ делегатовъ загремѣла извѣстная угрорусская патріотическая пѣсня:

Подкарпатскій русинъ,
Оставьте глубокой сонъ!...

Хотя пѣсня эта въ связи со снятіемъ мадьярскаго знамени съ окна и протестомъ противъ употребленія мадьярскаго языка въ перепискѣ «Соединенія» и свидѣтельствуетъ какъ будто о пробужденіи въ угроруссахъ національнаго самосознанія въ широкомъ смыслѣ слова и поднятіи въ нихъ духа народнаго, тѣмъ не менѣе, однако, преобладающимъ языкомъ внѣ официальныхъ засѣданій конвенціи былъ языкъ словацкій, а не русскій. Требованіе воспрещенія употребленія мадьярскаго языка и удаленіе венгерскаго знамени можетъ быть признано настолько же выраженіемъ духа словацкаго и даже славянскаго вообще, насколько и русскаго, тѣмъ болѣе, что въ интимныхъ бесѣдахъ участниковъ конвенціи преобладала словацкая рѣчь. Русская народно-патріотическая пѣсня, заключившая собраніе, объясняется естественно принадлежностью священниковъ и наиболѣе интеллигентныхъ изъ делегатовъ къ угрорусской народности и тѣмъ

сочувствіемъ, также совершенно естественнымъ, какимъ пользуется все русское вообще среди родственнаго намъ словацкаго племени. Тѣмъ не менѣе, однако, факты эти не измѣняютъ истинной сущности «Соединенія», какъ учрежденія, во-первыхъ, далеко не русскаго и преимущественно словацкаго и, во-вторыхъ, что самое важное, учрежденія, построеннаго на ложныхъ основаніяхъ и для народа вреднаго. Коренная реформа этой специально униатской русско-словацкой организаціи, равносильная совершенному ея уничтоженію въ ея нынѣшнемъ видѣ, представляется настоятельно необходимой и составляетъ неотложный долгъ русской интеллигенціи въ Америкѣ предъ Русью и даже цѣлымъ славянствомъ.

VII.

При совершенно иной обстановкѣ состоялась годовая конвенція «Русскаго Народнаго Союза». Ко второму іюня сего года съѣхалось въ небольшой провинціальный городокъ Пенсильваніи, Монтъ-Кармель, 5 галицко-русскихъ священниковъ и 28 членовъ «Союза», какъ высланныхъ на годовое общее собраніе организаціи русскими общинами отдѣльныхъ городовъ, городковъ и поселеній, такъ и прибывшихъ на это собраніе по собственному желанію. Здѣсь представляется необходимымъ отмѣтить то существенное отличіе «Союза» отъ «Соединенія», что въ то время, какъ это послѣднее слагается исключительно изъ братствъ, и потому конвенціи его составляются изъ делегатовъ отъ этихъ братствъ и священниковъ, «Союзъ» слагается, наоборотъ, изъ отдѣльныхъ членовъ, и конвенціи его составляются изъ священниковъ, делегатовъ русскихъ общинъ отдѣльныхъ мѣстностей, буде какая либо изъ нихъ пожелаетъ избрать себѣ таковыхъ, и членовъ, по собственному желанію прибывшихъ изъ мѣстностей, не избравшихъ делегатовъ въ годовое общее собраніе. Не въ залѣ бойкаго сафѣ, соотвѣтственнымъ образомъ разукрашенномъ и снабженномъ даже мадыарскимъ флагомъ, собралась конвенція «Русскаго Народнаго Союза», а въ болѣе чѣмъ скромномъ верхнемъ отдѣленіи самага зауряднаго мебельнаго магазина. Все здѣсь было просто и ничѣмъ не прикрашено. Въ глубинѣ обширной, почти пустой комнаты, у задней ея стѣны, стояли три простыхъ деревянныхъ стола, ничѣмъ не украшенныхъ и не покрытыхъ, а впереди нихъ—нѣсколько рядовъ стульевъ. Столы предназначались для предсѣдателя конвенціи, ея двухъ секретарей и секретаря «Союза», стулья же, само собою разумѣется, для членовъ этого общаго собранія. Предсѣдателемъ избранъ былъ ветеранъ американской Руси, священникъ Одупкевичъ, основатель «Соединенія», въ послѣднее время изъ него вышедшій и не участвовавшій въ его конвенціи въ Нью-Йоркѣ. По приглашенію предсѣдателя одинъ изъ секретарей «Со-

юза» приступилъ къ чтенію годового отчета, которому предшествовала довольно краснорѣчивая рѣчь. Такъ какъ эта секретарская рѣчь, произнесенная однимъ изъ галицко-русскихъ священниковъ, являвшимся секретаремъ «Союза» и главнымъ изъ сотрудниковъ его органа «Свободы, о. Дмитровымъ, характеризуетъ въ значительной степени современное положеніе американской Руси, то мы считаемъ не лишнимъ привести ее здѣсь цѣликомъ, въ переводѣ съ малорусскаго литературнаго языка, что, при ея краткости, представляется возможнымъ безъ нагроможденія въ этомъ трудѣ нашемъ, рассчитанномъ на опредѣленное мѣсто, излишняго матеріала. «Годовое общее собраніе,—высказалъ о. Дмитровъ,—представляется весьма важнымъ моментомъ въ жизни каждаго сообщества, а въ особенности важно оно въ жизни русской народной организаціи здѣсь, въ Америкѣ. Послѣ долгаго блужданія и продолжительныхъ бродяжескихъ слоняній по обществамъ словацкимъ и польскимъ, поняли патриоты наши два года тому назадъ, что намъ необходимо въ родной своей хатѣ искать правды и просвѣщенія и собственнымъ своимъ грошемъ помогать себѣ. На этихъ именно основахъ возникло русское народное общество «Союзъ». Основами для созданія его были и суть: справедливость, просвѣщеніе и матеріальная помощь. Справедливость и точность въ хозяйничаньи общественными средствами, просвѣщеніе на родномъ языкѣ на землѣ американской съ помощью газетъ и книгъ, матеріальная помощь, какъ отдѣльнымъ членамъ, такъ и просвѣтительно-экономическимъ учрежденіямъ—вотъ тѣ корни, на которыхъ разростается наше общество, вотъ тѣ основы, на которыхъ подвигается постройкой нашъ народный домъ. Прежде чѣмъ представить отчетъ, какъ далеко подвинулась постройка, въ особенности за минувшій отчетный годъ, хочу присмотрѣться вмѣстѣ съ вами къ матеріалу, изъ котораго нашъ домъ строится. Этотъ матеріалъ, какъ и во всякомъ обществѣ, составляется изъ двухъ элементовъ, каковы интеллигенція и народъ. Между этими двумя классами представляется то единственное различіе, что интеллигенція обладаетъ высшимъ образованіемъ, а народъ, т. е. массы нашихъ людей, или обладаютъ маленькимъ образованіемъ, или же не обладаютъ никакимъ, а этихъ послѣднихъ у насъ, къ сожалѣнію, очень много. Иной разницы между интеллигенціей и народомъ у насъ тутъ нѣтъ, да и слава Богу, что нѣтъ. Свѣтской интеллигенціи у насъ въ Америкѣ нѣтъ, а если и есть нѣсколько единицъ, то онѣ сгнули въ морѣ жизни американской. А между тѣмъ большой вредъ происходитъ для насъ отъ того, что мы не имѣемъ до сихъ поръ свѣтской интеллигенціи, интеллигенціи, конечно, въ полномъ значеніи этого слова. Всѣ тѣ обязанности, какія лежатъ на интеллигенціи по отношенію къ народу, упадаютъ у насъ на священниковъ. Ихъ такъ мало, а работы такъ много! Народъ нашъ, отъ природы способный, не принеся съ собой изъ не-

счастной Галичины и еще болѣе несчастной Угорщины необходимыхъ культурныхъ основъ, прогрессируетъ постепенно, медленно, но все-таки прогрессируетъ. Побольше свѣта, побольше просвѣщенія, ему доступнаго, и прогрессъ его въ непродолжительномъ времени окажется громаднымъ. Необходимо отмѣтить здѣсь весьма важное явленіе: у насъ выработывается своя народная, коренная интеллигенція. Лемко самъ, безъ всякаго руководства, сдѣлался и культурнымъ человѣкомъ и матеріальнымъ паномъ. Всѣмъ тѣмъ, что вы нынѣ имѣете, братья, вы обязаны исключительно себѣ самимъ. Здѣсь оправдывается положеніе: народъ лишь самъ себѣ можетъ помочь. Правда, не великъ еще процентъ этихъ нашихъ культурныхъ людей въ Америкѣ, но процентъ этотъ долженъ постепенно увеличиваться. Изъ такого именно матеріала создаемъ мы наше общество, которое въ послѣднемъ отчетномъ году ознаменовало существованіе свое нижеслѣдующей дѣятельностью».

По прочтеніи отчета приступлено было къ разсмотрѣнію представленій управленія «Союза». Между тѣмъ съ разныхъ концовъ штатовъ Нью-Йоркъ, Ньюджерси и Пенсильваніи подоспѣли привѣтственныя телеграммы, между которыми имѣлись довольно характеристичныя, какъ, на примѣръ, нижеслѣдующія: «*Elmira, New-York.* Слава и честь вамъ, борцамъ за святую Русь! Мы духомъ съ вами», или же: «*Olyphant Pennsylvania.* Най увите и процвітаэ «Союзъ» на славу Руси». Представленія управленія относились къ различнымъ перемѣнамъ въ уставѣ «Союза», обсужденіе и принятіе которыхъ затянулось до поздняго вечера, вслѣдствіе чего предположенная лекція «О колонизаціи» не могла состояться. Такимъ образомъ конвенція «Союза», въ которой богослуженіе и праздныя словоизліянія не занимали такого мѣста, какъ на конвенціи «Соединенія», закончилась въ одинъ день. Въ полдень и вечеромъ, по окончаніи конвенціи, участники ея собрались къ обѣду и ужину въ домъ мѣстнаго священника, отца Дмитрова, въ тотъ же день сложившаго свое секретарство въ «Союзѣ» за истеченіемъ выборнаго срока. Какъ обѣдъ, такъ и ужинъ закончились русской народной пѣсней, которая продолжалась до поздней ночи. Оказалось, что и угорскіе русины достаточно знакомы съ чудными и несравнимыми мотивами малорусской народной пѣсни какъ украинскими, такъ и галицко-русскими, ибо ихъ народные мотивы представляютъ лишь легкія варіаціи первыхъ. «Ой бувъ той поїхавъ, мене покинувъ», эта граціозная элегія покинутой возлюбленной, величественная въ своей простотѣ и неисчерпаемая по своей глубинѣ, смѣнилась торжественно печальнымъ и величаво скорбнымъ погребальнымъ гимномъ малорусскаго казачества: «Ой, не гораздъ запорожци», а тамъ пошла пѣсня за пѣсней, соперничающая другъ съ другомъ по глубинѣ чувства, возвышенности идей, несравненной прелести и изяществу мотивовъ. Домъ священнической, въ которомъ происходили обѣденное и вечернее собранія участниковъ конвенціи

«Русскаго Народнаго Союза», находится на самомъ краю городка Монтъ-Кармель, подъ горой, одной изъ тѣхъ черныхъ насыпныхъ каменноугольныхъ горъ, которыя чередуются по всей Пенсилваніи съ прелестной зеленью ея живописныхъ холмовъ. Полная луна взошла изъ-за этой безпорядочной груды чернаго брильянта, искрясь, переливаясь и играя въ его блестящей поверхности, и съ лазурной высоты американскихъ небесъ глядѣла въ раскрытыя окна, изъ которыхъ неслись эти дивные и неподражаемые звуки малорусской пѣсни. Кто могъ подумать двадцать лѣтъ тому назадъ, что русская пѣсня, эта чудная поэзія вызвышенной души русскаго народа, своими дивными трелями, своими нѣжными переливами, своей чудодѣйственной гармоніей будетъ разливаться по землѣ американской и улетать къ американскимъ небесамъ? Грустно серьезны и восторженно сосредоточенны были всѣ участники собранія, точно пригвожденные къ своимъ мѣстамъ какимъ-то наитіемъ свыше: надъ ними витала русская пѣсня, и въ ея чудной гармоніи носился надъ этой Русью, собранной на землѣ дальней Америки, великій и мощный духъ великаго и бессмертнаго русскаго народа. Не было здѣсь ни парадныхъ формъ, ни бьющихъ въ глаза внѣшнихъ украшеній, на которыя такъ тароваты всѣ американскія организаціи и въ томъ числѣ русско-словацкое «Соединеніе». Лишь въ петлицахъ сюртуковъ всѣхъ этихъ лицъ, одѣтыхъ въ партикулярное платье, виднѣлся небольшой чрезвычайно изящный значокъ. Представьте себѣ маленькій, воздушный, такъ сказать, бантъ изъ двухъ узкихъ лентъ золотисто-палеваго и свѣтлосиняго цвѣтовъ, на мѣстѣ узла перехваченный круглой пряжкой изъ золоченныхъ блесокъ съ краснымъ глазкомъ, по обоимъ концамъ котораго выбиты золотомъ три русскіихъ буквы большаго формата въ нѣсколько готическомъ стилѣ: «Р. Н. С.». Цвѣта эти—цвѣта Червонной Руси, признанные въ Галиціи русскими національными цвѣтами, а три буквы эти, какъ каждый легко догадается, означаютъ «Русской Народной Союзъ». Почти до зари просидѣли собравшіеся, охваченные этимъ незримымъ дѣйствіемъ наитія духа народнаго, въ эту ночь въ этомъ домѣ на нихъ нисшедшаго, и день этотъ запечатлѣлся навсегда въ ихъ памяти.

Но не слѣдуетъ забывать, однако, что огромнѣйшее большинство русскаго народа въ Америкѣ остается еще пока внѣ народныхъ организацій. Если «Соединеніе», по скольку его можно считать учрежденіемъ русскимъ, заключаетъ въ себѣ около 2.000 членовъ русской народности (при 4.000 всего ихъ числа), а «Русскій Народный Союзъ» совмѣщаетъ въ себѣ около 1.000 членовъ, то слѣдовательно изъ 200.000 слишкомъ человѣкъ американской Руси, выселившейся изъ Австро-Венгріи, всего лишь около 3.000 принадлежатъ къ народнымъ организаціямъ, а приблизительно 197.000 остается внѣ таковыхъ. «Соединеніе греко-католическихъ русскіихъ братствъ» существуетъ и дѣйствуетъ всего лишь четыре года, «Русскій На-

родный Союзъ» существуетъ и дѣйствуетъ всего лишь два года, а подавляющее большинство русскаго народа въ Америкѣ остается пока внѣ всякихъ организацій. Между тѣмъ, быть внѣ какихъ бы то ни было организацій значить въ Америкѣ весьма много, и подобное небытіе не только отражается самымъ пагубнымъ образомъ на современномъ положеніи русскаго народа въ Соединенныхъ Штатахъ, но и угрожаетъ наисерьезнѣйшимъ образомъ всей его будущности въ этомъ новомъ его отечествѣ. Переселяются сюда наибѣднѣйшіе и наименѣе культурные слои галицкой и угорской Руси, ольшая часть которыхъ не умѣетъ ни читать, ни писать даже на своемъ родномъ языкѣ. Хотя только что (въ маѣ сего года) утвержденный ваппингтонскимъ конгрессомъ законъ о недопущеніи на территорію Соединенныхъ Штатовъ лицъ, не умѣющихъ ни читать, ни писать, на какомъ бы то ни было языкѣ, долженъ пріостановить наплывъ сюда неграмотныхъ людей всѣхъ народностей, среди которыхъ, къ униженію нашему, славянскія народности и въ частности Русь занимаютъ первенствующее мѣсто, тѣмъ не менѣе однако эта принудительная, такъ сказать, и обязательная грамотность будетъ прибывать сюда съ отпрысками русскаго народа лишь въ будущемъ, нынѣ же относительная степень элементарнаго образованія русскихъ иммигрантовъ представляется такой же, конечно, какой является она въ Галичинѣ и на Угорщинѣ, гдѣ среди русскаго народа неграмотные составляютъ 75⁰/₁₀₀. Съ подобнымъ уровнемъ образованія прибывъ въ Соединенные Штаты изъ Австро-Венгрии, русскій народъ естественно ассимилируется здѣсь крайне медленно съ преобладающей англо-американской культурой и цивилизаціей, которая открываютъ ему изобильные и надлежащіе источники знаній и просвѣщенія. Минуемъ пока совѣмъ чрезвычайно важный какъ въ общественномъ, такъ и въ государственномъ отношеніи вопросъ о цѣлесообразности, необходимости и неизбѣжности потери національности на почвѣ Соединенныхъ Штатовъ вообще, о неизбѣжности подобной ассимиляціи и предположимъ даже, что такая ассимиляція съ народностью англо-американской дѣйствительно неизбѣжна. Если бы даже это было и такъ, то во всякомъ случаѣ, пока ассимиляція эта наступитъ, новоприбывающіе элементы Руси нуждаются въ просвѣщеніи на родномъ своемъ языкѣ и въ организаціи на основахъ своей народности. Если бы даже молодое поколѣніе русскаго народа, въ теченіе двадцатилѣтія русской эмиграціи изъ Австро-Венгрии народившееся въ Соединенныхъ Штатахъ, и обречено было на неизбѣжную денационализацію и безслѣдное раствореніе въ морѣ народности англо-американской; если бы даже русскія дѣти, въ болѣе или менѣе раннемъ возрастѣ привезенныя сюда, подлежали бы такъ же подобной неминуемой ассимиляціи, то во всякомъ случаѣ русскіе эмигранты, прибывающіе на территорію штатовъ въ совершеннолѣтнемъ возрастѣ, возрастѣ близкомъ къ

совершеннолѣтію и возростѣ зрѣломъ, по естественнымъ законамъ человѣческой культуры и цивилизаціи не могутъ въ теченіе оставшихся имъ еще періодовъ ихъ жизни ассимилироваться съ преобладающей американской національностью. Изъ такой физической невозможности проистекають весьма важныя послѣдствія общественно-народнаго характера. Не только въ видахъ общаго подъема умственной и нравственной личности русскихъ уроженцевъ Галиціи и Угорщины, совершенно необходимаго для ихъ приспособленія къ новой общественной средѣ и новымъ общественнымъ условіямъ, но и тѣмъ болѣе еще въ видахъ чисто практическихъ, видахъ избранія соотвѣтственнаго трудового поприща и присканія на этомъ послѣднемъ подходящаго труда, знанія и пониманія государственно-общественнаго и экономическаго строя страны и требованій, ими предъявляемыхъ къ отдѣльнымъ трудовымъ единицамъ, знанія и пониманія общаго движенія жизни общественной и экономической и измѣненій, въ нихъ происходящихъ, знакомства съ распредѣленіемъ труда и соотношеніемъ отдѣльныхъ отраслей производства и т. д. требуется основаніе соотвѣтственныхъ народнопросвѣтительныхъ учреждений и въ особенности изданіе соотвѣтственныхъ русскихъ газетъ и брошюръ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой странѣ самодѣятельности и самопомощи необходимы русскому народу, тотчасъ по прибытіи его на почву Новаго Свѣта, народныя вспомогательныя учрежденія, которыя по крайней мѣрѣ хотя бы въ случаяхъ особыхъ несчастій и непредвидимыхъ бѣдствій приходили на помощь русскому рабочему и его семейству. Такимъ образомъ объединеніе въ учрежденіи народномъ дѣятельности просвѣтительной и вспомогательной представляется на американской почвѣ по самому существу дѣла вполне естественнымъ и до извѣстной степени неизбѣжнымъ. Оно вызвано практическими требованіями дѣйствительной жизни, одновременностью и настоятельностью спроса со стороны массъ народныхъ на просвѣщеніе и матеріальную поддержку, наступающаго съ самаго момента ихъ вступленія на свободную землю Новаго Свѣта. Въ сущности обоимъ спросамъ этимъ предшествуетъ спросъ на приютъ, руководство, указаніе пути и т. д., тотъ именно спросъ, который удовлетворяется учрежденіемъ народнаго эмиграціоннаго дома, являющагося такимъ образомъ однимъ изъ развѣтвленій учрежденія народнаго, совмѣщающаго въ себѣ функціи просвѣтительную и вспомогательную. Само собою разумѣется, что «Соединеніе греко-католическихъ русскихъ братствъ», поскольку оно можетъ быть признаваемо русскимъ народнымъ учрежденіемъ, будучи низведено со степени такого учрежденія на степень издательско-страховаго предпріятія, отданнаго на откупъ частному лицу, совершенно не удовлетворяетъ задачамъ подобнаго учрежденія и, разыгрывая лишь видимость просвѣщенія и обезпеченія русскаго народа, представляется въ сущности учрежденіемъ самой безцеремонной эксплуатаціи

этого послѣдняго. Такимъ образомъ удовлетвореніе вышеизложенныхъ неотложныхъ потребностей русскаго народа сосредоточивается пока нынѣ лишь въ «Русскомъ Народномъ Союзѣ». Если «Соединеніе» имѣетъ нынѣ вдвое болѣе русскихъ членовъ, нежели «Союзъ», то объясняется это не тѣмъ лишь, что оно существуетъ четыре года, въ то время какъ этотъ послѣдній существуетъ только два, но и тѣмъ еще такъ же, что въ то время, какъ «Союзъ» все дальнѣйшее развитіе и преуспѣяніе свое обосновалъ единственно на сознаниі русскимъ народомъ въ Америкѣ собственныхъ своихъ интересовъ и для вербованія новыхъ членовъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ рекламамъ и вообще нечестнымъ средствамъ, «Соединеніе» для такого завербованія въ средствахъ не стѣсняется. Представляется такимъ образомъ совершенно очевиднымъ, что организація американской Руси, главнѣйшимъ образомъ и даже почти исключительно сосредоточенной въ славянскомъ штатѣ Пенсильваніи, находится пока въ неудовлетворительномъ состояніи. Американская Русь ждетъ еще своихъ организаторовъ. Откуда и когда явятся они— объ этомъ можно было бы построить разныя предположенія, но такъ какъ задачей этого скромнаго труда нашего является лишь изображеніе фактическаго положенія вещей въ главнѣйшей вѣтви американскаго славянства, то отъ предположеній этихъ мы совершенно воздерживаемся.

Графъ Лелива (Е. Н. Матросовъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЮРЕМНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾

VIA DOLOROSA.

(Этапъ).

I.

Прощаніе съ смотрителемъ тюремнаго замка.—Неожиданная аттестація.—«Смотрѣть въ оба!».—Строжайшій обыскъ.—Дворянское отдѣленіе.—Неравный судъ.—Съ одного вола двѣ шкуры.—Кандалы.—Привилегія денегъ.

ПЕРЕДЪ отправкой въ пересыльную тюрьму, меня вызвали въ контору, гдѣ обо мнѣ написана была бумага, въ которой, между прочимъ, сказано было, что такой-то, во все время содержанія въ замкѣ, былъ отличнаго поведенія и «заслуживалъ уваженія». Такая аттестація будто имѣла большое значеніе для непривилегированнаго арестанта, при строгомъ режимѣ въ пересыльной тюрьмѣ. Писарь показалъ мнѣ эту бумагу. Я остался очень доволенъ рекомендаціею. Смотритель подписалъ бумагу, не читая, и ее уже запечатали въ конвертъ. Онъ все вертѣлся около меня, съ сахарной улыбочкой на жирныхъ губахъ, посматривая на мои руки и ожидая послѣдней подачи, но я рѣшился на этотъ разъ ничего ему не давать, во-первыхъ, потому, что наканунѣ, по случаю его именинъ, я его «поздравилъ» суще-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 555.

ственнымъ приношеніемъ, — во-вторыхъ, что избавился, наконецъ, отъ его опеки и покровительства.

Убѣдившись, что ничего ему больше отъ меня не перепадеть, смотритель мигомъ перемѣнился ко мнѣ; лицо его приняло угрюмое выраженіе, приемы стали порывисты и сердиты. Игра эта меня очень забавляла. Мнѣ не жаль было нѣсколькихъ лишнихъ рублей, но какой-то глухой протестъ противъ его самодурства, противъ его безсердечнаго отношенія къ несчастнымъ арестантамъ, не имѣвшимъ возможности платить ему дань, побудилъ меня разстаться съ нимъ враждебно. Его прощальныя поцѣлуи и желанія «всего лучшаго» были бы мнѣ противны. Я не хотѣлъ оставить въ немъ хорошаго воспоминанія о себѣ...

Впослѣдствіи я довольно дорого заплатился за мое вольнодумство.

Между тѣмъ, явился конвой, который долженъ былъ сопровождать меня въ пересыльную тюрьму. Тутъ же оказался и караульный офицеръ. Когда привели пролетку, смотритель подошелъ къ офицеру и что-то шепнулъ ему на ухо. Я догадался, что рѣчь шла обо мнѣ. Офицеръ вдругъ грозно посмотрѣлъ на меня, и когда я сѣлъ на извозчика, онъ отобралъ у него номеръ, передалъ конвойному солдату и громко приказалъ «смотреть въ оба», ни на шагъ не отставать отъ пролетки.

Оказалось, что смотритель выдалъ меня за важнаго преступника, который намѣренъ бѣжать изъ-подъ стражи. Такимъ образомъ, въ послѣдній мигъ нашей двухлѣтней «дружбы», смотритель забыть всѣ маленькія «одожденія», которыя я ему постоянно оказывалъ, и, вопреки своей же аттестаціи, наклепалъ на меня такую небывальщину. И при всемъ томъ онъ со мною «дружески» попрощался и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

Ворота тюремнаго замка, наконецъ, закрылись за мною. Конвоировавшіе меня солдаты строго исполняли приказанія начальства; они приказали извозчику слѣдовать самымъ медленнымъ шагомъ, а сами шли неотступно отъ пролетки, не спуская ни на минуту съ меня глазъ. Путешествіе продолжалось около двухъ часовъ, чему я былъ очень радъ, такъ какъ давно не былъ за тюремной стѣной, и кипучая уличная жизнь меня чрезвычайно занимала.

Мы, наконецъ, прибыли къ цѣли нашего путешествія. Пролетку пропустили въ первый дворъ пересыльной тюрьмы; подлежащее начальство расписалось въ «полученіи» меня и отпустило солдатъ. Меня предупредили въ тюремномъ замкѣ, что въ пересыльной тюрьмѣ бываетъ «строжайшій обыскъ» вновь прибывшихъ. Такъ какъ я не пью и не курю, то у меня ничего запретнаго не было, но я опасался за судьбу имѣвшихся у меня разныхъ рукописей и не желалъ, чтобы ихъ отобрали или рылись въ нихъ. На дѣлѣ же «строжайшій обыскъ» оказался самымъ снисходительнымъ. Жандармъ, которому поручено

было обыскать меня, и которому я успѣлъ всунуть въ руку двугривенный, даже не перерылъ моихъ вещей, а только для проформы слегка ихъ пересмотрѣлъ и затѣмъ самъ снесъ въ дворянское отдѣленіе.

Не принадлежа къ «привилегированнымъ сословіямъ», я попалъ въ дворянское отдѣленіе, само собою разумѣется, благодаря значительной подмазкѣ. Не смотря на образцовый порядокъ въ пересыльной тюрьмѣ и на строжайшую дисциплину, новое мѣсто временнаго заключенія произвело на меня потрясающее впечатлѣніе. Страшный звонъ цѣпей, сотни на половину бритыхъ головъ, уродующихъ человѣческій образъ, сновавшихъ по обширному двору, громадныя балаганы, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщались по 500 человѣкъ,— все это ошеломило меня, хотя я прибылъ изъ тюремнаго замка, далеко не образцоваго въ отношеніи чистоты и гигиеническихъ требованій. Я, по крайней мѣрѣ, пожертвовалъ бы въ 10 разъ большей суммой, лишь бы избавиться отъ общихъ камеръ, гдѣ, кромѣ грязныхъ наръ, ничего не полагалось. Поэтому я былъ чрезвычайно счастливъ, когда за нѣсколько рублей мнѣ удалось устроить, чтобы меня приняли въ дворянскую камеру, гдѣ, вмѣсто наръ, были отдѣльныя койки, и гдѣ обитатели пользовались многими вольностями и привилегіями. Такъ, они носили собственное платье, хотя нѣкоторые изъ нихъ были осуждены въ каторжныя работы; цѣлые дни они свободно гуляли по двору; посѣтители допускались къ нимъ каждый день безъ всякаго контроля; имъ дозволялось курить и пить пиво; наконецъ, нѣкоторые отпускались въ городъ, въ сопровожденіи стражника, гдѣ они посѣщали свободно трактиры и другія увеселительныя мѣста.

Вообще, духъ сословности, значительно исчезнувшій со времени освобожденія крестьянъ во многихъ сферахъ жизни, крѣпко держится въ тюрьмахъ и этапахъ. Иногда жаль и смѣшно было видѣть, какъ какой нибудь захудалый дворянинъ, безграмотный, служившій въ дворникахъ, попавъ за мелкое воровство въ тюрьму и надѣвъ дворянскій халатъ, вдругъ превращается въ «барина», горюю стоять за свои «дворянскія преимущества», съ презрѣніемъ относится къ простымъ арестантамъ, у которыхъ, однако, выключиваетъ, какъ милостыню, булочку или «заварку» чая.

Замѣчательно, что даже «равный для всѣхъ» судъ, въ дѣйствительности, далеко не равный. Такъ, по нашему законодательству, одно и то же преступленіе влечетъ за собою различное наказаніе, смотря по тому, какое лицо его совершило: привилегированное или непривилегированное. Первое лицо, за преступленіе, влекущее за собою исправительное наказаніе, подвергается лишенію всѣхъ особенныхъ правъ состоянія и ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи Россіи или въ не столь отдаленныя мѣста Сибири,—вторые же, за такое же преступленіе, вмѣстѣ съ лишеніемъ правъ состоянія, подвергаются заключенію, на разные сроки, въ рабочемъ домѣ или въ арестантскомъ отдѣленіи.

Съ перваго взгляда можно было бы предполагать, что въ основаніи этого различія наказанія лежитъ, въ отношеніи привилегированныхъ преступниковъ, принципъ *noblesse oblige*, а въ отношеніи непривилегированныхъ принципъ гуманности. Съ точки зрѣнія законодателя, ссылка должна считаться болѣе тяжелымъ наказаніемъ, чѣмъ заключеніе въ арестантскомъ отдѣленіи. Поэтому привилегированное лицо, совершившее преступленіе, изгоняется изъ своей прежней среды и ссылается въ Сибирь, а мѣщане и крестьяне, привязанные къ землѣ, по отбытіи наказанія—принудительной работы, остаются на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

Но на самомъ дѣлѣ не достигается ни та, ни другая цѣль. Привилегированные преступники, большей частью, съ легкимъ сердцемъ, принимаютъ ссылку въ Сибирь на житье, зная, что земля не клиномъ сошла, что и въ Сибири люди живутъ, что при маленькихъ средствахъ и нѣкоторомъ образованіи тамъ легче составить «карьеру», чѣмъ гдѣ бы то ни было, и что, наконецъ, для разныхъ «художествъ» Сибирь еще непочатый край. А съ другой стороны, мѣщане и крестьяне вовсе не гарантированы, что по отбываніи наказанія будутъ возвращены въ прежнюю свою среду.

Дѣло въ томъ, что лица податныхъ сословій, совершающія преступленіе, влекущее за собою лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключеніе въ арестантскомъ отдѣленіи, могутъ возвращаться въ свою среду только съ согласія своего общества; если же послѣднее не даетъ согласія принять обратно своихъ опороченныхъ членовъ, то они высылаются въ Сибирь на водвореніе, то-есть на житье. А такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, общества желаютъ избавиться отъ преступныхъ своихъ членовъ и не принимаютъ ихъ обратно, то оказывается, что преступники податныхъ сословій несутъ двойное наказаніе: сначала они подвергаются принудительной работѣ въ арестантскомъ отдѣленіи, отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, а затѣмъ прогоняются со всѣмъ семействомъ, по этапу, въ Сибирь, что окончательно ихъ губитъ. Такимъ образомъ выходитъ, что съ преступнаго вола сдираютъ двѣ шкуры... Но этого мало. «Равный» для всѣхъ судъ дѣлаетъ громадное различіе между привилегированными и непривилегированными классами еще въ слѣдующемъ отношеніи. Лица привилегированныхъ сословій, хотя бы они были приговорены къ каторжнымъ работамъ, освобождаются, во время слѣдованія ихъ по этапу, отъ наложенія оковъ; лица же податныхъ сословій заковываются, иногда по рукамъ и ногамъ, хотя бы они слѣдовали въ Сибирь только на водвореніе, т. е. по приговорамъ обществъ.

Познакомившись впервые съ кандалами въ пересыльной тюрьмѣ и присутствуя при отправкѣ арестантовъ въ Сибирь, я не могъ себѣ объяснить цѣли наложенія оковъ. Если назначеніе ихъ состоитъ въ предупрежденіи побѣговъ съ пути слѣдованія, то почему

такъ стерегутся преступники податныхъ сословій? Вѣдь привилегированные преступники болѣе хитры на выдумки, и имъ безъ оковъ легче бѣжать съ пути. Если же предполагать, что цѣль оковъ состоитъ въ отягченіи наказанія, такъ сказать, въ физической боли, причиняемой преступнику, то опять-таки, почему преступникъ податныхъ сословій долженъ нести болѣе тяжелую кару за содѣянное имъ преступленіе, чѣмъ привилегированный. Но менѣе всего я могъ себѣ объяснить узаконенную привилегію денегъ. Оказалось, что отъ наложенія оковъ освобождались не только потомственные и личные дворяне, но и купцы, купеческія дѣти, братья ихъ и внуки. Во время этапа я встрѣчался со многими безграмотными или полуграмотными купцами, которые, не смотря на то, что были приговорены къ тяжелымъ уголовнымъ наказаніямъ, пользовались въ пути всѣми льготами привилегированныхъ сословій, тогда какъ образованные мѣщане, не имѣвшіе возможности записываться въ купцы, за отсутствіемъ капиталовъ, испытывали на себѣ всѣ пытки оковъ, всѣ мученія этапной жизни, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они были приговорены къ исправительнымъ наказаніямъ... Эта привилегія денегъ казалась мнѣ въ высшей степени нелогичной и несправедливой еще болѣе потому, что мнѣ лично приходилось выносить на себѣ всю тяжесть положенія ссыльнаго податного сословія.

Но я впадаю въ неумѣстный публицистическій тонъ. Возвращаюсь къ фактамъ и впечатлѣніямъ.

II.

Образцовый порядокъ. — Фельдфебель. — Арестантскіе старосты. — Бродяги. — Арестантская табель о рангахъ. — Приготовленіе къ отправкѣ. — «Наручные». — Напрасная надежда. — «Закуютъ!» — Сосѣдъ по цѣпи. — Семейства, добровольно слѣдующія за осужденными. — Женщины и дѣти. — «Свободные» арестанты.

Въ пересыльной тюрьмѣ, гдѣ всѣ ея временные обитатели со дня на день ожидаютъ отправки къ мѣсту назначенія, не было осѣдлости, такъ сказать, домовитости. Поэтому арестанты жили тамъ, точно на бивуакахъ. Но не смотря на разнокалиберную массу пересыльныхъ, на громадное ихъ количество, достигающее въ лѣтнее время до 3.000 человекъ, на постоянный приливъ и отливъ ихъ, на свободное сношеніе, въ теченіе дня, между всѣми арестантами, — вездѣ господствовалъ образцовый порядокъ: нигдѣ не было замѣтно ни пьянства, ни дракъ, ни игръ, ни безобразій. И въ пересыльной тюрьмѣ можно было достать спиртъ, табакъ и карты, но лишь съ величайшей осторожностью.

Дисциплину между арестантами поддерживалъ, главнымъ образомъ, рослый, бравый фельдфебель, который умно управлялъ всей

тюрьмой, и котораго арестанты боялись пуще огня. Смотритель рѣдко бывалъ въ тюрьмѣ; арестанты его видѣли только во время отправки; помощникъ же его былъ какой-то мизерный, вялый человекъ, котораго никто въ грошъ не ставилъ. Поэтому фельдфебель владычествовалъ въ тюрьмѣ почти безконтрольно, каралъ и миловалъ, имѣя власть сажать въ карцеръ и наказывать розгами, къ чему онъ нерѣдко прибѣгалъ.

Впрочемъ, порядокъ поддерживали и арестантскіе старосты. Обязанности ихъ состояли въ томъ, чтобы наблюдать за правильностью отпуска продуктовъ для продовольствія арестантовъ, а также за внутреннимъ порядкомъ въ нумерахъ, въ каждомъ изъ которыхъ содержалось до 500 человекъ. Старосты выбирались арестантами, и никакими преимуществами они не пользовались. Имѣя хлопотъ полонъ ротъ, неся большую отвѣтственность и не пользуясь никакими льготами, всякій, однако, охотно шелъ въ старосты. Выбирались они большею частью изъ каторжныхъ или знаменитыхъ бродягъ.

Между ссыльными арестантами существовало нѣчто въ родѣ табели о рангахъ. Первыми чинами тюрьмы считались каторжные, и чѣмъ на большій срокъ кто былъ осужденъ, тѣмъ большимъ почетомъ и авторитетомъ онъ пользовался. На второй ступени стояли бродяги, собственно говоря, тѣ же каторжные, только не официальные, такъ какъ большею частью они состоятъ изъ бѣглыхъ каторжныхъ, но пойманныхъ и объявившихъ себя непомятыми родства. За ними идутъ осужденные на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а затѣмъ уже фигурируютъ «общественники», то-есть ссыльные въ Сибирь по приговорамъ общества. Такимъ образомъ, уваженіе и почетъ среди арестантовъ пріобрѣтаются пропорціонально тяжести совершеннаго преступленія и послѣдовавшему за нимъ наказанію.

Въ дворянскомъ номерѣ также имѣлся староста. Его обязанности заключались лишь въ назначеніи мѣста ночлега вновь прибывшимъ привилегированнымъ арестантамъ и въ полученіи для нихъ порціонныхъ денегъ. Во все время слѣдованія, дворяне получаютъ, вмѣсто готовой пищи, порціонныя деньги, отъ 15 до 30 копеекъ въ сутки. Во время моего пребыванія въ тюрьмѣ, дворянскимъ старостой былъ нѣкій докторъ Б. Въ качествѣ врача, къ помощи котораго нерѣдко прибѣгало высшее и низшее тюремное начальство, Б. пользовался большими льготами. Такъ, онъ отпускался въ городъ, Впрочемъ, въ сопровожденіи переодѣтаго надзирателя, свободно доставалъ табакъ и пиво, ходилъ купаться. Со мною Б. былъ почему-то очень любезенъ, и однажды, возвращаясь изъ города, онъ специально для меня принесъ бутылку пива, чѣмъ крайне меня обрадовалъ, такъ какъ, несмотря на обиліе спирта въ московскомъ тюремномъ замкѣ, пива тамъ нельзя было достать ни за какія деньги, и я болѣе двухъ лѣтъ не употреблялъ этого любимаго напитка...

Въ пересыльной тюрьмѣ я пробылъ всего лишь пять дней, а потому недостаточно присмотрѣлся къ моимъ сосѣдямъ по камерѣ и не могъ узнать ни прошедшаго моихъ товарищей, ни рода ихъ преступленій. Кромѣ упомянутаго доктора, среди привилегированныхъ было нѣсколько семинаристовъ и разночинцевъ, которые ничѣмъ особеннымъ не выдавались. Но какимъ орломъ между ними смотрѣлъ Конни! Я едва его узналъ. Въ безукоризненной, сѣрой лѣтней парѣ, чисто выбритый, съ моноклемъ въ глазу, Конни смотрѣлъ шиютомъ съ Невскаго проспекта. Меня, бывшего свидѣтелемъ всѣхъ его мытарствъ въ тюремномъ замкѣ, онъ едва удостоилъ поклономъ, но все-таки не преминулъ похвастать, что въ его судьбѣ принимаютъ участіе очень высокопоставленныя лица, что его дѣло будетъ пересмотрѣно по высочайшему повелѣнію, и что, во всякомъ случаѣ, онъ отправится къ мѣсту ссылки не по этапу, а на свой счетъ.

Во всемъ этомъ не было и тѣни правды, и Конни это хорошо самъ зналъ; зналъ онъ также, что я ни на волосъ ему не вѣрю,— тѣмъ не менѣе онъ не могъ не врать и хвастать: такова была его натура. Цѣлые дни онъ все суетился, ухаживалъ за прекраснымъ поломъ, въ особенности за женой вице-адмирала Давыдовской, молодой, красивой женщиной, которая за какія-то преступленія была приговорена къ ссылкѣ въ Сибирь на житье.

Давыдовская, не смотря на страшную переменъ въ ея судьбѣ, нисколько, повидимому, не унывала, весело и бойко болтала со всякими арестантами, а Конни, котораго знала въ Петербургѣ, она въ особенности отличала. Впрочемъ, Давыдовская не шла по этапу; она ѣхала въ Сибирь на свой счетъ и съ полнымъ комфортомъ— и только должна была останавливаться въ каждомъ городѣ для предъявленія, въ установленномъ порядкѣ, своихъ бумагъ и для полученія разрѣшенія на дальнѣйшую отправку. А такъ какъ эта процедура продолжается въ нѣкоторыхъ городахъ по нѣсколько дней, то въ это время отправляемымъ въ Сибирь приходится пребывать въ пересыльной тюрьмѣ. Давыдовская также застряла въ Москвѣ на нѣкоторое время и коротала свои досуги въ обществѣ Конни и другихъ любезниковъ.

Конни не пренебрегалъ, впрочемъ, и другими прелестницами пересыльной тюрьмы, въ которыхъ недостатка не было, и которыя, въ особенности, такъ называемыя «свободныя арестантки», то-есть принадлежація къ семействамъ, добровольно слѣдующимъ за осужденными (о нихъ рѣчь будетъ ниже), свободно гуляли по двору. Онъ ко всѣмъ обращался на французскомъ языкѣ, а когда на его непонятныя рѣчи встрѣчалъ неудержимый смѣхъ, то переходилъ на отечественный языкъ, при чемъ считалъ особымъ шикомъ картавить и сюсюкать.

Впоследствии, живя въ Томскѣ, я узналъ, что Конни былъ от-

правленъ по этапу обыкновеннымъ порядкомъ и вслѣдъ затѣмъ совершенно исчезъ въ какихъ-то дебряхъ Сибири.

4-го іюля должна была отправиться партія. Мнѣ ужасно хотѣлось не засиживаться въ пересыльной тюрьмѣ и идти съ этой партіей. Но наканунѣ отправки фельдфебель объявилъ мнѣ, что я останусь еще на недѣлю. Это меня крайне огорчило. Я его спросилъ, нельзя ли помочь горю. Онъ отвѣтилъ, что за пять рублей можно устроить. Разсчитывая, что цѣлая недѣля въ пересыльной тюрьмѣ обойдется мнѣ дороже, я согласился. Черезъ нѣсколько часовъ фельдфебель объявилъ, что я отправляюсь съ первой партіею. Я понялъ, что онъ меня одурачилъ, но ужъ нечего было дѣлать.

Приготовленія мои были недолгія. Такъ какъ я шелъ «при своихъ правахъ», какъ выражаются арестанты, то-есть въ своемъ платьѣ, то могъ взять изъ казенныхъ вещей только необходимое въ дорогѣ. Другіе же обязаны были забирать весь арестантскій гардеробъ, состоящій изъ сѣраго халата, двухъ рубахъ, порть, котовъ, шапки, онучей, пояса и еще нѣкоторыхъ мелочей. Для многихъ арестантовъ эта полная экипировка есть благодѣяніе, для другихъ же она только излишняя тяжесть, потому что на каждомъ ночлегѣ ревизуютъ казенныя вещи, что, послѣ утомительной дороги, составляетъ мучительную процедуру.

Зная, что во время переѣзда изъ Москвы въ Нижній арестантовъ податныхъ сословій заковываютъ въ «наручные», то-есть въ ручныя кандалы, я старался всѣми силами какъ нибудь избавиться отъ этого страшнаго, какъ казалось мнѣ, мученія и позора. Фельдфебель обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, говоря, что это вещь возможная, и что бывали примѣры. Старшій конвойный унтеръ-офицеръ также обѣщалъ мнѣ устроить это дѣло. Но какъ меня ни обнадеживали, какой-то внутренній страхъ говорилъ мнѣ, что не избѣгнуть мнѣ этой пытки.

Такъ оно и вышло! Впрочемъ, я тогда еще не зналъ, что смотритель тюремнаго замка М. подгадилъ мнѣ въ этомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что М., въ отмщеніе за то, что я на прощанье ничего ему не оставилъ, вопреки своей же официальной аттестаціи о моемъ примѣрномъ поведеніи, послалъ частное письмо къ смотрителю пересыльной тюрьмы, въ которомъ предупредилъ послѣдняго, что я намѣренъ бѣжать съ дороги, а потому слѣдуетъ имѣть за мною строгій надзоръ. Но обо всемъ этомъ я узналъ только впоследствии, почему усиленныя мои хлопоты объ освобожденіи отъ «наручныхъ» возбудили подозрѣнія и только повредили мнѣ.

Отправка слишкомъ 800 человекъ, естественно, должна занимать много времени, а потому къ ней приступили въ назначенный день очень рано утромъ. Всѣхъ отправляемыхъ арестантовъ вызвали на обширный дворъ. Здѣсь подъ навѣсомъ находился совѣтникъ губернскаго правленія и при немъ какой-то незначитель-

ный чиновникъ, который сдавалъ статейные списки арестантовъ партіонному офицеру. Производилась перекличка: сперва вызывали «кандальщиковъ», то-есть закованныхъ въ ножные кандалы, которыми наканунѣ брили головы. Въ эту категорию вошли осужденные въ каторжныя работы, отправляемые въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и бродяги. Затѣмъ вызывались лица, отправляемая на житье по суду и по приговорамъ обществъ. У стола находился также докторъ, который спрашивалъ каждого арестанта, здоровъ ли. Кандальщиковъ осматривали еще, крѣпко ли они закованы, и чисто ли выбриты головы. На обширномъ дворѣ образовались, такимъ образомъ, отдѣльныя группы, въ которыя, по осмотрѣ, попадали арестанты одинаковой категоріи, и которыя окружались цѣпью конвойныхъ солдатъ.

«Въ наручные!» чаще всего раздавался возгласъ, при приѣмѣ арестантовъ. Это обозначало, что осмотрѣнный арестантъ долженъ быть закованъ въ ручные кандалы. Арестанты проходили черезъ цѣпь солдатъ, которые надѣвали на нихъ желѣзные браслеты.

Когда очередь дошла до меня, я сильно поблѣднѣлъ. Совѣтникъ губернскаго правленія, видя, что я одѣтъ довольно прилично, въ своемъ платьѣ, принялъ было меня за привилегированнаго, но сидѣвшій за тѣмъ же столомъ писарь, справившись съ статейнымъ спискомъ, произнесъ обычную фразу: «въ наручные!». Докторъ, какъ мнѣ показалось, посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ; но конвойный офицеръ почему-то злобно смѣрилъ меня съ ногъ до головы глазами и громко повторилъ: «въ наручные!». Сердце у меня дрогнуло, и я, шатаясь, отошелъ отъ стола и направился въ цѣпь. Зловѣщій возгласъ: «въ наручные!» повторялся вслѣдъ за мной на разные лады.

Прежде чѣмъ надѣвали наручные, арестантскія вещи подвергались тщательному обыску. Какъ при приѣмѣ въ пересыльную тюрьму, такъ и теперь я хотѣлъ избавиться отъ обыска. Я незамѣтно передалъ солдату серебряную монету; онъ ловко ее подхватилъ, слегка перещупалъ мои вещи и скоро отпустилъ меня. Все еще надѣясь, что избавлюсь отъ наручныхъ, я направился въ кучку привилегированныхъ и свободно гулялъ по двору. Но минутъ черезъ десять я замѣтилъ, что одинъ конвойный солдатъ отдѣлился отъ приѣмнаго стола, подошелъ къ солдатамъ, надѣвавшимъ на арестантовъ наручные, одному изъ нихъ шепнулъ что-то и указалъ на меня головою. Я принялъ этотъ маневръ въ благопріятномъ для меня смыслѣ, думая, что унтеръ-офицеръ, согласно обѣщанію, прислалъ сказать, чтобы меня оставили въ покоѣ. Но вдругъ я услышалъ за собою восклицаніе: «эй, арестантъ съ бородкой!». Я обернулся. Солдатъ подозвалъ меня.

— Давай руку!—проговорилъ онъ громко, когда я подошелъ къ нему, намѣреваясь надѣть на мою руку желѣзное кольцо съ цѣпью.

— Подождите,— попросилъ я его, рѣшаясь на послѣдній шагъ,— я пойду попрошу совѣтника или офицера.

— Туда нельзя теперъ ходить!— строго замѣтилъ солдатъ.

Но я его не послушался и отправился по направленію къ пріемному столу. Замѣтивъ прежде всѣхъ смотрителя, я высказалъ ему мою просьбу, ссылаясь на аттестацію смотрителя тюремнаго замка. Но не успѣлъ я высказаться, какъ онъ перебилъ меня:

— Что, насчетъ оковъ? Закують!— прибавилъ онъ съ ехидной улыбочкой и съ какимъ-то злорадствомъ, точно иначе не можетъ и не должно быть.

Я страшно поблѣднѣлъ и хотѣлъ что-то возразить, но замѣтившій меня партіонный офицеръ, въ свою очередь, крикнулъ:

— Что шляешься? На мѣсто!

Мнѣ, разумѣется, ничего больше не оставалось, какъ повиноваться. Дрожа, я подошелъ къ слѣдившему за мною солдату и протянулъ руку. Онъ надѣлъ на меня кольцо и глазами сталъ подыскивать когонибудь изъ арестантовъ для «пары».

Дѣло въ томъ, что заковывали по два человѣка вмѣстѣ: одному надѣвали желѣзное кольцо на правую руку, а другому на лѣвую, при чемъ между кольцами имѣлась цѣпь, длиною всего въ полъаршина, и такимъ образомъ «пара» оставалась неразлучной въ продолженіе всего пути. Для непривычнаго человѣка этотъ «желѣзный» союзъ составляетъ настоящую пытку и при томъ совершенно лишнюю, потому что, во-первыхъ, окруженные сильнымъ конвоемъ арестанты не имѣютъ никакой возможности бѣжать по пути изъ пересыльной тюрьмы до вокзала; въ арестантскихъ же вагонахъ, въ которыхъ окна снабжены толстыми желѣзными рѣшетками, сидѣли по пяти человѣкъ конвойныхъ съ револьверами въ рукахъ и съ правомъ стрѣлять при первой попыткѣ бѣжать, слѣдовательно, о побѣгѣ не можетъ быть и рѣчи; во-вторыхъ—и это главное—тѣ арестанты, на которыхъ надѣваютъ «наручные», не имѣютъ никакой причины бѣжать, такъ какъ они состоятъ изъ лицъ, отправляемыхъ въ Сибирь на житье по приговорамъ обществъ; болѣе же важные преступники, какъ я сказалъ выше, заковывались въ ножны кандалы и освобождались отъ «наручныхъ».

Замѣчательно, что пытка «наручныхъ» подвергались также лица, задержанныя гдѣнибудь съ просроченными видами на жительство и шедшія по этапу въ свои общества. Казалось, что подобные арестанты вовсе не должны считаться преступниками, между тѣмъ къ нимъ также примѣнялись всѣ предохранительныя мѣры во всей ихъ строгости.

Моимъ сосѣдомъ по цѣпи оказался именно такой важный преступникъ. Его гдѣ-то задержали съ просроченнымъ паспортомъ. Не смотря на то, что у него была росписка почтовой конторы въ томъ, что имъ отправлены деньги на новый паспортъ, мѣстная полиція

считала своимъ долгомъ немедленно выслать этого вреднаго члена общества по этапу во Владимірскую губернію.

Я, впрочемъ, былъ свидѣтелемъ также не особенно строгаго исполненія предписанія закона. Въ нашей партіи шелъ какой-то купеческій внукъ (есть такое званіе!), приговоренный за сбытъ фальшивыхъ ассигнацій къ каторжнымъ работамъ на 8 лѣтъ. Онъ всю дорогу не былъ закованъ ни въ ножные кандалы, ни въ наручные. Между тѣмъ, въ той же партіи слѣдоваль въ Сибирь на житье нѣкій купецъ изъ евреевъ, на котораго надѣвали наручные. Какъ онъ ни протестоваль во имя закона, освобождающаго его отъ наложенія оковъ, ничто не помогло.

— Я такъ хочу!— рѣшилъ конвойный офицеръ, и ничего нельзя было подѣлать съ нимъ.

Этотъ неумѣстный антисемитизмъ возмущаль многихъ арестантовъ-христіанъ, которые оказывали еврею всякое сочувствіе и жалѣли его отъ души.

Когда партія была готова, ее выстроили на дворѣ по четыре человѣка въ рядъ и сдѣлали повѣрку, которая занимала много времени, потому что точному счету мѣшали женщины и дѣти, которыхъ было очень много въ этой партіи, и послѣднюю пришлось повѣрять по нѣскольку разъ. Всѣ эти женщины и дѣти принадлежали къ семействамъ, добровольно слѣдовавшимъ за преступниками.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу этого любопытнаго явленія.

Нашъ законъ предоставляетъ семействамъ лицъ, осужденныхъ къ ссылкѣ, слѣдовать за ними добровольно въ Сибирь, при чемъ эти семейства, во всемъ пути слѣдованія, продовольствуются на счетъ казны, а на мѣстѣ ссылки семейные преступники пользуются значительными льготами. Но это гуманное начало, лежащее въ основаніи сказаннаго закона, парализуется распоряженіемъ, въ силу котораго означенныя семейства, какъ только заявятъ о своемъ желаніи слѣдовать за осужденнымъ, немедленно заарестовываются и фактически превращаются въ настоящихъ арестантовъ, наравнѣ съ преступниками. Такъ, эти «добровольцы» содержатся въ общихъ камерахъ съ преступниками, не выпускаются за тюремную ограду, даже въ сопровожденіи надзирателей, обязаны выходить утромъ и вечеромъ на повѣрку, — словомъ, подвергаются во всемъ строгому тюремному режиму.

Такимъ образомъ, жена преступника, которая часъ тому назадъ была вполне свободнымъ человекомъ, которая только изъ любви и состраданія идетъ дѣлать участь преступнаго мужа; дочь, которая до сихъ поръ, можетъ быть, не знала, что такое тюрьма и преступники, не слыхала ни одного нескромнаго слова, краснѣла при малѣйшемъ намекѣ на что нибудь неприличное; наконецъ, маленькія дѣти, робкія, невинныя, — вдругъ всѣ они попадаютъ въ аре-

стантскую среду, гдѣ царствуетъ грубый развратъ, гдѣ вѣчно раздается самая площадная ругань, гдѣ каждый надзиратель командуетъ ими, ругаетъ, а иногда угощаетъ здоровенными тумаками.

Безспорно, что «добровольцы», рѣшаясь на жертву и получая отъ казны продовольствіе, обязаны подчиниться извѣстной дисциплинѣ; но все же не слѣдовало бы ихъ во всемъ приравнивать къ закоренѣлымъ преступникамъ. Дисциплина нисколько не пострадала бы, если бы «добровольцы» содержались въ отдѣльныхъ камерахъ, отпускались на базаръ, хотя бы съ надзирателями, были избавлены отъ грубыхъ оскорбленій низшаго тюремнаго начальства.

Можно было бы установить для «свободныхъ» арестантовъ нѣкоторыя взысканія, въ случаѣ нарушенія обязательныхъ правилъ, напримѣръ, предостереженія, лишеніе нѣкоторыхъ льготъ, лишеніе, наконецъ, права слѣдовать за преступниками на казенный счетъ. Эти мѣры могли бы вполне обезпечить порядокъ между «добровольцами», и, по-моему, вовсе нѣтъ надобности примѣнять къ нимъ всеѣ строгости этапной жизни, — тѣмъ болѣе, что весь контингентъ «добровольцевъ» составляютъ исключительно женщины и дѣти, съ которыми нетрудно справиться мягкими мѣрами.

Впрочемъ, въ нашей партіи было одно исключеніе: за одной обыкновенной крестьянкой, осужденной за какое-то преступленіе на 8 лѣтъ каторжной работы, слѣдовало добровольно ея молодой мужъ, лѣтъ 28, чрезвычайно пріятной наружности и добродушнаго нрава. Арестанты добродушно посмѣивались надъ этимъ рѣдкимъ «любителемъ» каторги; онъ все отпучивался, ухмылялся и блаженно поглядывалъ на свою каторжную супругу. Последняя же была и не молода и не красива; любовь мужа и его ухаживанія она принимала угрюмо.

При всемъ моемъ стараніи, я не могъ узнать подробности о прежней жизни этой необыкновенной супружеской четы, въ которой, безъ сомнѣнія, разыгралась тяжелая драма.

III.

Триумфальное шествіе. — Подаяніе. — Каменщикъ. — Добрый душа. — Размѣщеніе арестантовъ въ вагонахъ. — Въ обѣ руки. — Ухаживаніе за мною товарищѣй. — Подкупъ. — Нижній. — Разборка вещей. — Приемъ.

Когда все арестанты были, наконецъ, сосчитаны, когда арестантскія вещи и женщины съ малолѣтними дѣтьми были помѣщены на подводы, конвойный офицеръ скомандовалъ: «на караулъ!»; ворота пересыльной тюрьмы широко распахнулись, — и партія выступила въ походъ на Нижегородскую желѣзную дорогу.

Хотя Москва давно привыкла къ подобнымъ зрѣлищамъ, но это шествіе въ цѣпяхъ 800 человекъ, большею частью, молодыхъ лю-

дей, которые, при другихъ социальныхъ условіяхъ, могли бы пригодиться на что нибудь лучшее, эти бритыя головы, этотъ звонъ кандаловъ, эта масса женщинъ съ ребятишками, повидимому, производили на окружающихъ потрясающее впечатлѣніе. Объ этомъ можно было судить по толпѣ добрыхъ людей, которые провожали нашу партію до самаго вокзала, подавая арестантамъ кто что можетъ: калачи, крендели, огурцы, мѣдныя монеты.

Подавали арестантамъ по всему «скорбному» ихъ пути. Въ особенности поразило меня это явленіе въ деревняхъ между Пермью и Тюменью. Не смотря на то, что по этой торной дорожкѣ ежедневно проѣзжали на тройкахъ значительныя партіи арестантовъ, жители деревень считали какъ бы своей священной обязанностью подавать что нибудь «несчастненькимъ». Надо было видѣть, съ какимъ умиленіемъ старушонки бѣгали за тройками, бросая туда лепешки, булки, яйца, огурцы, лукъ и т. п.

Тронулъ меня до слезъ слѣдующій случай. Въ Нижнемъ, на мостовой, копошился каменщикъ, исполняя свою тяжелую работу. Жара стояла страшная; ручьи поту такъ и бѣжали по его загорѣлому лицу; рубашка на немъ и порты были землянистаго цвѣта. Возлѣ каменщика стоялъ ковшикъ съ квасомъ и ломоть хлѣба. И вотъ, какъ только партія арестантовъ поровнялась съ каменщикомъ, онъ быстро вскочилъ на босыя ноги, схватилъ квасъ и хлѣбъ и подбѣжалъ къ арестантамъ. Отдавъ весь хлѣбъ, онъ подавалъ проходящимъ квасъ.

— Пейте, родимые,—говорилъ онъ задушевнымъ голосомъ.

— Спаси тебя Христось!—отвѣчали арестанты, видимо тронутые этимъ порывомъ чувства.

— На здоровье, родименькіе,—произнесъ каменщикъ, взявъ опорожненный ковшикъ, отошелъ и принялся за свою работу.

Нужно прибавить, что по всему пути у арестантовъ хлѣба слишкомъ много, а приварокъ довольно хорошъ и вкусенъ; арестанты вовсе не нуждаются въ такомъ подаваніи, но не брать нельзя. Этимъ только обидишь подающаго и оскорбишь его самое святое чувство.

Хочу при этомъ рассказать слѣдующій эпизодъ, бывшій со мною лично.

Мое дѣло было въ свое время довольно громкимъ, на разбирательство его собралось очень много избранной московской публики; въ особенности, было множество дамъ. Когда присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, и судъ постановилъ приговоръ, я вышелъ изъ залы засѣданія въ коридоръ. Публика уже разошлась. Въ это время ко мнѣ подошла изящная, молодая женщина, лѣтъ 23, богато и со вкусомъ одѣтая, и протянула мнѣ свою маленькую ручку, въ которой я ощутилъ какую-то бумажку. Я посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Она, въ свою очередь, обдала меня такимъ теплымъ

взглядомъ, въ которомъ я видѣлъ не только сожалѣнiе ко мнѣ, но и убѣжденiе, что она не считаетъ меня такимъ извергомъ, какимъ выставилъ меня прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи. Моя жена, судившаяся вмѣстѣ со мною и оправданная присяжными, сидѣла возлѣ меня. Она подняла на прекрасную незнакомку свои большiе глаза и ждала, чѣмъ кончится эта нѣмая сцена.

— Примите!—тихо проговорила молодая женщина умоляющимъ голосомъ.

— Я вамъ очень благодаренъ,—замѣтилъ я, растерявшись, чувствуя, что мнѣ подали подаванiе, и возвращая ей бумажку,—я долженъ заявить, что пока, слава Богу, не нуждаюсь.

— Знаю,—возразила незнакомка, сконфузившись,—но все-таки прошу васъ принять мою посильную лепту...

— Но, сударыня, въ другомъ мѣстѣ ваша лепта, можетъ быть, имѣла бы лучшее примѣненiе.

— Передайте сами, кому хотите,—робко проговорила она,—но прошу васъ принять.

Я принялъ. Молодая женщина сдѣлала граціозный поклонъ и удалилась.

Кто была эта дама, почему она такъ настаивала,—я такъ и не узналъ, но образъ этой доброй души навсегда сохранился въ моей памяти. Полученныя мною деньги — это были пять рублей — я передалъ въ тюрьмѣ дѣйствительно нуждающимся арестантамъ.

Возвращаюсь къ этапу.

Послѣ безконечныхъ формальностей, счетовъ и повѣрокъ, насъ, наконецъ, размѣстили по арестантскимъ вагонамъ. Послѣднiе, противъ моего ожиданiя, были довольно чисты. Не было и тѣсноты, такъ какъ въ вагонахъ помѣщалось только такое число арестантовъ, сколько полагалось по числу мѣстъ. Если бы не желѣзныя рѣшетки въ окнахъ, конвойныя и бряцанiе цѣпей, то это путешествiе, въ хорошiй iюльскiй день, могло бы показаться довольно прiятнымъ, послѣ слишкомъ двухлѣтняго заточенiя. Но желѣзо на рукахъ и невольное сосѣдство портило хорошее расположенiе. Хотя сосѣдъ мой по цѣпи, видя во мнѣ почему-то «барина», былъ крайне предупредителенъ со мною, старался не беспокоить какимъ нибудь неловкимъ движенiемъ, бралъ на себя всю тяжесть кандаловъ (точно дѣло было въ физической тяжести!), приноравливался, чтобы мнѣ было удобно съ нимъ,—тѣмъ не менѣе я не могъ забыть ни на минуту.

Сосѣда моего надо было сдать верстахъ въ 60 отъ Москвы. Я имѣлъ тревожную надежду, что съ уходомъ его, меня больше не закуютъ. Но я горько ошибся. На станціи, гдѣ его спустили, его, понятно расковали, а меня заковали въ обѣ руки. Какъ ни убѣждалъ я конвойнаго унтеръ-офицера, что не имѣю ни малѣйшаго намѣренiя бѣжать, какъ ни уговаривали его всѣ остальные арестанты,

ручаясь за меня,—онъ остался неумолимымъ, оправдываясь тѣмъ, что высшее этапное начальство знаетъ обо мнѣ и почему-то предубѣждено противъ меня, и поэтому онъ опасается дѣлать мнѣ какія либо льготы.

Я вполне сознавалъ, что онъ былъ правъ, и нисколько не былъ на него въ претензіи. Тѣмъ не менѣ конвойный обѣщалъ переговорить со старшимъ унтеръ-офицеромъ и прійти, когда потемнѣетъ. Хотя, съ одной стороны, мнѣ было удобнѣе, избавившись отъ невольнаго союза и сдѣлавшись хозяиномъ самого себя; но, съ другой,—меня мучило сознание, что я одинъ во всемъ вагонѣ закованъ по обѣимъ рукамъ... Мнѣ совѣстно было смотрѣть на свои выхороненныя руки, которыя, казалось, вовсе не были созданы для цѣпей. При этомъ ни разу не приходило мнѣ въ голову, что были руки чище и благороднѣе моихъ, которыя терпѣливо переносили и еще болѣе тяжкія цѣпи...

Я очутился въ одномъ вагонѣ съ привилегированными, которыхъ въ нашей партіи было человекъ 12. Видя мое трагикомическое, но все же тягостное положеніе, они ухаживали за мной, какъ за больнымъ, развлекали меня, что нѣсколько облегчило мое душевное состояніе. Но въ то же время я не могъ не роптать въ душѣ, убѣждаясь въ сотый разъ, что одна принадлежность къ привилегированнымъ, безъ всякихъ личныхъ заслугъ, избавляла людей, гораздо болѣе порочныхъ, чѣмъ я, отъ многихъ пытокъ этапа.

Какъ только смерклось, явился унтеръ-офицеръ съ ключами отъ кандаловъ. Я сталъ его упрашивать объ освобожденіи отъ послѣднихъ; онъ долго колебался; наконецъ, сдался на просьбы товарищей и на обѣщаніе съ моей стороны приличной награды. Онъ меня расковалъ, прося быть осторожнымъ, въ особенности, когда конвойный начальникъ будетъ обходить вагоны.

Освободившись, наконецъ, отъ ненавистныхъ цѣпей, я, однако, не почувствовалъ большого душевнаго облегченія. Мысль о томъ, что солдатъ, рискнувшій меня расковать за взятку, противъ воли начальства, можетъ сильно пострадать за свой поступокъ, если онъ только обнаружится, не давала мнѣ покоя. Я поэтому все пряталъ руки подъ пледъ, старался не дѣлать лишнихъ движеній, побрякивалъ кандалами, съ цѣлью не возбудить зависти и злобы со стороны нѣкоторыхъ другихъ арестантовъ, которые не могли не видѣть подкупа и которые его не одобряли.

Я провелъ ужасно тревожную ночь, чувствуя, что нравственные оковы гораздо тяжелѣе физическихъ. Когда утромъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нижняго, явился конвойный солдатъ и снова заковалъ меня, я почти обрадовался моимъ цѣпямъ, освободившись отъ нравственной отвѣтственности за солдата, которому нарушеніе дисциплины сошло благополучно.

Но вотъ поѣздъ прибылъ въ Нижній. Измученные безсонной

ночью и духотой въ вагонѣ, мы съ радостью выскочили на площадку возлѣ вокзала. Насъ окружилъ прибывшій изъ города сильный конвой. Насъ снова нѣсколько разъ пересчитали и выстроили въ походъ. Вещи были уложены на подводы, на которыя усѣлись также женщины и дѣти. Этапный начальникъ разрѣшилъ всѣмъ чувствующимъ себя не совсѣмъ здоровыми сѣсть на подводы. Я этимъ также воспользовался и еле-еле вскарабкался на подводу, нагруженную вещами. Товарищи меня отговаривали, называли «бабой», но я ихъ не послушался и хорошо сдѣлалъ.

День выдался ужасно жаркій; солнце буквально жгло; отъ желѣзнодорожной станціи до пересыльной тюрьмы считается около 12 верстъ, изъ которыхъ нѣсколько верстъ надо подниматься въ гору; мостовая была отвратительная; пыль отъ такой компактной массы людей стояла столбомъ. Сидя на подводѣ, я себѣ представилъ, что бы мнѣ стоила такая прогулка пѣшкомъ съ довольно тяжелыми наручными на обѣихъ рукахъ! Тѣмъ болѣе, что я одинъ во всей партіи былъ такъ закованъ и, будучи въ своемъ приличномъ собственномъ платьѣ, обращалъ бы на себя вниманіе всѣхъ проходящихъ, что для меня вовсе не было желательно. На подводѣ же я избавился и отъ усталости, и отъ слишкомъ любопытной публики.

Это церемоніально-печальное шествіе продолжалось около двухъ съ половиной часовъ. Вся партія буквально выбилась изъ силъ; потъ градомъ катился съ каждаго лица; даже конвойные еле-еле тащились отъ усталости.

Наконецъ, партія добралась до площади передъ пересыльной тюрьмой. Конвойные окружили насъ живой цѣпью. Какъ только партія остановилась, арестантовъ освободили отъ наручныхъ. Можно себѣ представить, съ какимъ радостнымъ чувствомъ я сбросилъ съ своихъ рукъ эти ненавистныя цѣпи! Я буквально ожилъ, точно гора свалилась съ плечъ...

Тутъ же на площади произошла разборка арестантскихъ вещей, при чемъ представилась такая картина, которая трудно поддается описанію. Дѣло въ томъ, что всѣ вещи, безъ разбора, складывались въ багажные вагоны, гдѣ онѣ еще больше спутывались, и затѣмъ по прибытіи партіи укладывались на подводы, съ которыхъ сбрасывались на площадь въ общую кучу. Каждому арестанту пришлось отыскивать въ общей массѣ свой узелъ; около 600 человекъ топтались на одномъ мѣстѣ, рыскали, орали, хватали другъ у друга мѣшки; женщины визжали, дѣти бѣгали, какъ угорѣлыя; и надъ всѣмъ этимъ хаосомъ, надъ всей этой массой человѣческихъ тѣлъ, кружащихся, точно въ пляскѣ святого Вита, стояло густое облако пыли отъ разбираемыхъ вещей и отъ толкотни.

Тѣмъ не менѣе вся эта невоображаемая сутолока продолжалась не болѣе четверти часа; всѣ получили свои вещи, ни у кого не оказалось ни пропажи, ни подмѣны.

Но вотъ водворился порядокъ. Всѣ арестанты выстроились чинно и смирно передъ воротами тюрьмы. Здѣсь, у наружнаго входа, за небольшимъ столикомъ сидѣли совѣтникъ мѣстнаго губернскаго правленія, смотритель тюрьмы и нѣсколько писцовъ. Начальникъ партіи передалъ совѣтнику статейные списки, по которымъ арестанты вызывались поименно: сперва семейные, а потомъ холостые. Послѣ выключки они впускались въ тюрьму. Очередь дошла до меня, и мнѣ показалось, что я попалъ въ Дантовскій адъ.

IV.

Нижегородская пересыльная тюрьма. — Смотритель. — Частые обыски. — Сообщенія съ женщинами. — Безцѣльные лишенія. — Что не дозволено, то запрещено. — Приготовление къ отправкѣ на баржахъ. — И остался.

Пересыльная тюрьма занимала большой дворъ, окруженный высокимъ частоколомъ и раздѣленный на двѣ неравныя половины. На задней половинѣ было нѣсколько почернѣвшихъ отъ времени одноэтажныхъ флигелей для мужчинъ, баня, кухня, маленькое отдѣленіе для дворянъ и открытые отвратительные клозеты, распространявшіе нестерпимое зловоніе. Въ передней же половинѣ, гораздо меньше первой, находился одинъ двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ распределены были: отдѣленіе для женщинъ, квартира смотрителя, контора, караульная и большая комната для временныхъ больныхъ. Напротивъ, почти у самаго окна послѣдней, также былъ устроенъ нѣсколько закрытый клозетъ.

О какой бы то ни было гигиенѣ и чистотѣ во всѣхъ помѣщеніяхъ, отведенныхъ для арестантовъ, и помина не было. Грязь, нечистоты, пыль, мириады клоповъ, вшей и блохъ смотрѣли изо всѣхъ угловъ тюрьмы. По тѣснотѣ помѣщенія, арестанты должны были расположиться на нарахъ, устроенныхъ въ нѣсколько этажей однѣ надъ другими. Увидя впервые такія условія бытія, я подумалъ, что гигиена съ ея требованіями чистоты, опредѣленнаго количества кубическаго воздуха для всякаго человѣка, влажности и другихъ причудъ—самая пустая наука... Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ пунктахъ этапа я убѣдился, что человѣкъ можетъ существовать еще при худшихъ условіяхъ.

Надо замѣтить, что въ господствовавшей грязи нельзя было видеть начальство тюрьмы. Послѣдняя устроена всего на 400 человѣкъ, а въ ней иногда накоплялось одновременно до 1.200 арестантовъ. Затѣмъ тюрьма была выстроена чуть ли не за полвѣка назадъ, ремонтъ зданій производился крайне рѣдко и небрежно, тюремный штатъ—весьма ничтожный; жалованье самое маленькое; высшее начальство рѣдко туда заглядывало, а когда жаловало, то, по обыкновенію, обращало главное вниманіе на мелочи и формаль-

ности. Извольте при такихъ условіяхъ соблюдать какія нибудь требованія гигиены.

Привилегированныхъ, бывшихъ въ нашей партіи, помѣстили сначала въ маленькомъ и также крайне грязномъ «дворянскомъ» отдѣленіи,—но затѣмъ мы перешли во временную больницу которая, на наше счастье, оказалась пустой, и которая содержалась сравнительно чище и была къ тому же вмѣстительнѣе и свѣтлѣе. Я говорю «мы», потому что, съ согласія товарищей, привилегированныхъ, я безпрепятственно пристроился къ нимъ, противъ чего и смотритель ничего не имѣлъ.

Смотрителемъ былъ старичокъ изъ отставныхъ военныхъ, рѣдкой доброты, суетливый и аккуратнѣйшій человѣкъ. Арестанты его любили, по преданію, и изъ уваженія къ нему не производили скандаловъ. Онъ дослуживалъ только до пенсіи, какъ говорилъ мнѣ, вѣчно о чемъ нибудь хлопоталъ; въ продолженіе лѣта принималъ и отправлялъ болѣе 15 тысячъ человѣкъ арестантовъ; каждый арестантъ его беспокоилъ, во все онъ самъ входилъ, хотѣлъ всѣмъ угодить, но отъ этого порядка въ тюрьмѣ не прибавлялось.

Возвращаясь къ этимъ порядкамъ, лучше сказать, «непорядкамъ». Прежде всего не могу умолчать о слишкомъ частыхъ и совершенно бесполезныхъ обыскахъ, которымъ подвергались арестанты по всему пути слѣдованія. Не смотря на строжайшій обыскъ при выступленіи изъ Москвы, не смотря на то, что арестанты весь путь были подъ строгимъ надзоромъ конвойныхъ, и что вещи ихъ были въ багажныхъ вагонахъ,—въ Нижнемъ, при впускѣ въ пересыльную тюрьму, арестантовъ снова обыскивали, всѣ узлы развязывались, сложенные вещи разбрасывались, словомъ, производилась совершенно напрасная трата времени и силъ, что не только утомляло, но и раздражало арестантовъ. Послѣдніе съ дороги хотѣли бы нѣсколько отдохнуть, подкрѣпить свои силы, а тутъ ихъ безъ всякой пользы тормозили.

Отъ Москвы до посадки арестантовъ на баржи въ Тюмени, послѣднихъ обыскивали больше 10 разъ: въ Москвѣ 2 раза, въ Нижнемъ 2 раза, въ Перми 2 раза, затѣмъ въ Екатеринбургѣ, Камышовѣ и другихъ этапныхъ пунктахъ, и наконецъ въ Тюмени 2 раза. Эти частые обыски доказывали только, что начальство не вѣритъ другъ другу. Разъ въ Москвѣ этапный начальникъ принялъ партію послѣ тщательнаго обыска, разъ арестанты всю дорогу находились подъ строгимъ надзоромъ конвоя,—казалось бы, нѣтъ больше никакой надобности подвергать ихъ частымъ обыскамъ. Но мудрое начальство рассудило иначе, и на каждомъ этапномъ пунктѣ рылось въ убогихъ пожиткахъ арестантовъ, которые, однако, при всей бдительности начальства, умѣютъ прятать и деньги, и табакъ, и всякія другія запрещенныя вещи.

Въ инструкціяхъ главнаго этапнаго начальства говорится, что

на каждомъ этапномъ пунктѣ долженъ быть кипятокъ для малолѣтнихъ дѣтей. Между тѣмъ въ нижегородской пересыльной тюрьмѣ кипятку не оказалось. Это было большое лишеніе. «Побаловаться чаемъ» составляетъ величайшее удовольствія для арестантовъ, — и лишить ихъ этого невиннаго удовольствія крайне жестоко. На мой вопросъ, почему не имѣется кипятку, смотритель объяснилъ, что высшее начальство этого не разрѣшаетъ, и что онъ, смотритель, отпускаетъ утромъ кипятокъ для дѣтей на свой рискъ и страхъ, такъ какъ въ законѣ ничего не говорится о правѣ арестантовъ на чай. Правда, что въ уставѣ о содержащихся подъ стражей нѣтъ прямого запрещенія чая, но нѣтъ и положительнаго разрѣшенія, а, по мнѣнію тюремнаго начальства, все, что не разрѣшено, то запрещено.

Разсказывали, что одинъ прокуроръ судебной палаты, на основаніи этого силлогизма, запретилъ во всѣхъ мѣстахъ заключенія его обширнаго округа употребленіе молока, такъ какъ нигдѣ въ законѣ не указано, что оно дозволяется заключеннымъ подъ стражей...

Казалось бы, наоборотъ, что все, не запрещенное положительнымъ законодательствомъ, должно считаться дозволеннымъ, но въ отношеніи арестантовъ, по крайней мѣрѣ, примѣняется обратное толкованіе, а именно: все, что не разрѣшено специально, то запрещено. Понятно, что съ такимъ толкованіемъ можно дойти до какихъ угодно абсурдовъ, до запрещенія дышать включительно, такъ какъ законъ этого нигдѣ специально не разрѣшаетъ.

Вообще, въ то время, какъ всѣ наши *quinze volumes* законовъ подвергаются постояннымъ измѣненіямъ и улучшеніемъ, сообразно требованіямъ новѣйшаго времени, одинъ только уставъ о содержащихся подъ стражей остается въ томъ же видѣ, въ какомъ его выпустилъ Сперанскій...

Вотъ, на примѣръ, давно бы пора отмѣнить безсмысленное запрещеніе осужденнымъ арестантамъ курить табакъ, читать книги и газеты, имѣть письменныя принадлежности, принимать посѣщеніе родныхъ и т. д. Говорятъ, что существуютъ разныя комиссіи и подкомиссіи, которымъ поручена коренная реорганизація тюремнаго дѣла, но видно, что комиссіи и подкомиссіи не слишкомъ спѣшатъ выполнить возложенныя на нихъ обязанности. Вѣдь не засѣдающіе въ комиссіяхъ подвергаются всѣмъ лишеніямъ, связаннымъ съ тюремными порядками, а какіе-то преступники, поддонки общества. Ну, и могутъ подождать...

Въ нижегородской пересыльной тюрьмѣ чаепитіе было запрещено арестантамъ не только изъ казеннаго котла, но и на свои собственныя деньги. Въ другихъ тюрьмахъ имъ не возбранялось посылать надзирателей за покупкой незапрещенныхъ предметовъ. Но въ Нижнемъ, безъ особаго разрѣшенія смотрителя, ихъ ни за чѣмъ нельзя было посылать. Жены и дѣти, добровольно слѣдовавшія за преступниками, также никуда не выпускались. А смотрит-

тель, боясь ответственности передъ высшимъ начальствомъ, разрѣшеніе давалъ очень рѣдко.

За то общеніе арестантовъ съ женскимъ поломъ было въ тюрьмѣ безпрепятственное. Хотя женское отдѣленіе было на первомъ дворѣ, который былъ разобщенъ со вторымъ дворомъ, но семейнымъ не возбранялось посѣщать своихъ женъ, а за ними въ женское отдѣленіе пробирались и несемейные, которые открыто ухаживали за «холостыми» арестантками и, не смотря на кандалы и бритыя головы, имѣли, повидимому, у нихъ успѣхъ. Свиданія происходили при самой фантастической обстановкѣ. Кавалеры и дамы боялись только попадаться на глаза надзирателей, но присутствіе арестантовъ ихъ нисколько не стѣсняло... напротивъ, подъ легкимъ прикрытіемъ товарищей совершался самый грубый развратъ.

Изъ Нижняго арестанты отправлялись въ дальнѣйшій путь на баржахъ. Отправка происходила по 2 раза въ недѣлю: по средамъ и субботамъ, и совершалась она гораздо прощѣ, чѣмъ въ Москвѣ. Въ день отправки въ тюрьму являлся совѣтникъ губернскаго правленія съ писцомъ и со статейными списками арестантовъ, подлежащихъ отправкѣ; являлся также партіонный офицеръ съ своимъ писаремъ. Первый сдаетъ партію, второй ее принимаетъ. Хотя при этомъ присутствуетъ также докторъ и фельдшеръ, но безъ всякой торжественной обстановки и безъ суеты. Только совѣтникъ однимъ своимъ видомъ наводилъ на всѣхъ какой-то страхъ. Оловянные глаза, кривой ротъ, большой, толстый носъ, голосъ, какъ изъ бочки, бакенбарды, какъ у шимпанзе, при томъ замашки и претензіи важнаго сановника, рѣшающаго первостепенные государственные вопросы,—все это производило на арестантовъ подавляющее впечатлѣніе.

Всѣ прибывшіе со мною привилегированные арестанты попали въ первую отходящую партію; я же остался. Не желая разстаться съ товарищами, я рѣшился попросить «страшнаго» совѣтника помѣстить меня въ «добавочномъ» спискѣ, что весьма легко было исполнить, такъ какъ въ назначенной къ отправкѣ партіи оказалось много больныхъ, взамѣнъ которыхъ назначались «добавочные». Но совѣтникъ, выслушавъ мою просьбу, бросилъ на меня такой свирѣпый взглядъ, при чемъ промышчалъ что-то для меня непонятное, что я счелъ за лучшее не настаивать. Такимъ образомъ, къ крайнему моему огорченію, я остался до слѣдующей партіи.

Впрочемъ, впослѣдствіи я узналъ, что даже совершенно здоровые арестанты, безъ всякой видимой причины, оставались въ пересыльной тюрьмѣ по 2—3 недѣли: просто забывали объ ихъ существованіи. Подобныя проволочки только напрасно истощаютъ силы арестантовъ, а также ихъ послѣдніе ничтожные недостатки. Такъ, въ то время, какъ по маршруту я могъ бы сдѣлать свой путь изъ Москвы до Тобольска въ продолженіе 17 дней, я пробылъ въ дорогѣ 34 дня, т. е. ровно вдвое болѣе.

V.

Посѣщеніе пересыльной тюрьмы пріѣзжимъ сановникомъ. — Отправка. — Арестантская баржа. — Посѣщеніе сановникомъ баржи. — Маленькое недоразумѣніе. — Мучительная ночь. — Объясненіе съ партіоннымъ офицеромъ. — Въ дворянской каютѣ. — Благоволеніе начальства. — Плаваніе. — Пицца. — Болѣзни. — Обѣщанія.

Какъ разъ во время моего ожиданія отправки пересыльную тюрьму посѣтилъ извѣстный сановникъ, осматривавшій, по высочайшему повелѣнію, тюрьмы въ Россіи съ цѣлю ихъ преобразованія. Его не ожидали, поэтому онъ могъ бы увидѣть весь внутренній порядокъ тюрьмы безъ всякихъ прикрасть. Даже смотритель не зналъ, кого принимаетъ.

Зная о миссіи этого сановника изъ газетъ, я успѣлъ предупредить смотрителя и шепнуть ему, чтобы онъ не старался скрыть или сгладить вопіющіе недостатки тюрьмы. «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, — говорилъ я ему, — пусть полюбуется; авось подумаетъ и найдетъ средства къ улучшенію». Въ началѣ осмотра смотритель придерживался моего совѣта, но въ концѣ концовъ, по старой привычкѣ, онъ не выдержалъ и не только не обнаружилъ всѣхъ язвъ тюрьмы, но и старался все сгладить и выставить порядки въ лучшемъ цѣтсв.

Доброе лицо сановника, принявшее было сострадательный и печальный видъ, понемногу прояснилось, — и онъ вышелъ изъ тюрьмы со всей своей свитой спокойно и величаво. Я не первый разъ убѣдился, что какъ бы ни былъ проникателенъ, справедливъ и доброжелателенъ высокопоставленный ревизоръ, онъ не можетъ видѣть всего того, что переживаетъ на своей шкурѣ арестантъ. Уже по одному тому, что сановникъ былъ изъ другой сферы, съ другими чувствами и понятіями, внутренній строй этапной жизни не могъ ему открыться во всей его наготѣ. И все, конечно, осталось по-старому.

Къ крайнему моему огорченію, я не попалъ и во вторую партію. Но такъ какъ въ послѣдней также оказалось много больныхъ, которые остались, то я снова рѣшился просить угрюмаго совѣтника записать меня въ число добавочныхъ. Не знаю, сжалился ли онъ надо мною, или я ему просто надоѣлъ, но я достигъ своей цѣли. Мрачно и зло онъ приказалъ отыскать мой статеинный списокъ и назначилъ меня въ отходящую партію.

Близко сошедшись съ старикомъ-смотрителемъ, я его просилъ, чтобы онъ специально отрекомендовалъ меня партіонному офицеру, отъ котораго многое зависитъ во время плаванія отъ Нижняго до Перми. Старикъ съ большой готовностью обѣщалъ это исполнить; но въ суетѣ отправки онъ совершенно забылъ о своемъ обѣщаніи, и я оказался безъ всякой протекціи.

Послѣ обыска, переклички и перечисленія насъ вывели изъ

тюрьмы. Послѣ 20-минутнаго шествія мы подошли къ Волгѣ, гдѣ стояла арестантская баржа. Но насъ туда не пускали. Оказалось, что вышеупомянутый сановникъ пожелалъ осмотрѣть баржу и присутствовать при посадкѣ арестантовъ. Этапное начальство, конечно, сочло за благо показать ему баржу безъ арестантовъ, приведя ее предварительно въ образцовый порядокъ. Въ ожиданіи прибытія сановника мы расположились на берегу далеко не въ живописной группѣ.

Баржа была устроена слѣдующимъ образомъ: на палубѣ, на носу помѣщались каюта для партіоннаго офицера, контора, фельдшерская и больница; на кормѣ—дворянская каюта, камера для конвоя, карцеръ и маленькая кухня для стражи. Середина же палубы образовала большое пространство, которое было огорожено со всѣхъ сторонъ толстою проволочною сѣткой, и которое, въ свою очередь, было раздѣлено проволочною же сѣткою на двѣ половины. На одной половинѣ помѣщалась кухня для арестантовъ, а другая предназначалась для прогулки. Арестанты же помѣщались въ двухъ отдѣленіяхъ подъ палубой; одно отдѣленіе занимали семейные арестанты съ женами и дѣтьми, а также женщины арестантки, другое—холостые арестанты. Окошечки въ каютахъ были крошечныя, съ желѣзными рѣшетками, и пропускали мало свѣту и воздуха. По срединѣ отдѣленій были устроены нары въ два этажа; тутъ же находился и клозетъ. Такъ какъ на нарахъ не могли помѣститься всѣ арестанты, то многіе изъ нихъ должны были устроиться подъ нарами, а также въ проходахъ на полу.

Но въ ожиданіи сановника, какъ я сказалъ выше, всѣ отдѣленія были хорошо вымыты, вычищены; во многихъ мѣстахъ стояли хвойныя деревья, на полу разбросана была пахучая трава; клозеты были хорошо дезинфицированы.

Но вотъ явился сановникъ со свитой. Онъ поднялся на баржу, долго и подробно ее осматривалъ и, повидимому, остался всеѣмъ доволенъ. Но, я увѣренъ, еслибъ онъ явился на баржу черезъ нѣсколько часовъ, когда отдѣленія были биткомъ набиты, когда арестанты лежали чуть ли не другъ на другѣ, когда изъ клозетовъ сталъ распространяться отвратительный запахъ, то онъ врядъ ли остался бы доволенъ... Онъ убѣдился бы, что окошечки были слишкомъ малы, что если бы они были даже втрое больше, то и тогда нечего было опасаться побѣговъ, такъ какъ здѣсь дежурили конвойные, къ тому же окна были снабжены желѣзными переплетами, да и бѣжать-то некуда (не въ глубокую же рѣку бросаться!); онъ убѣдился бы, что въ отдѣленія садятъ гораздо большее число людей, чѣмъ полагалось; что клозеты устроены отвратительно и заражаютъ воздухъ... Да мало ли что увидѣлъ бы сановникъ? Но, повидимому, ему и въ голову не пришла самая простая мысль, что баржа безъ арестантовъ всеѣмъ не то, что переполненная сверху до низу.

Наконецъ, насъ стали пускать на баржу. Арестанты проходили мимо сановника и его свиты, сквозь строй конвойныхъ, съ котомками на плечахъ. Одинъ изъ свиты обратилъ на меня особенное вниманіе, въ виду того, вѣроятно, что я былъ въ своемъ платьѣ и съ сакъ-воляжемъ въ рукахъ.

— А этотъ куда идетъ?—спросилъ онъ, остановивъ меня.

Я хотѣлъ было пройти впередъ, но чиновникъ такъ пристально недоумѣвающе смотрѣлъ на меня, а начальникъ этапа такъ умильно улыбнулся мнѣ, что я невольно остановился.

— Куда вы?—повторилъ свой вопросъ чиновникъ.

— Туда же, куда и остальные,—отвѣтилъ я.

Но чиновникъ этимъ не удовлетворился. Онъ сталъ разспрашивать меня о моемъ прошломъ; я кое-какъ отвѣтилъ; онъ внимательно меня выслушалъ, наконецъ, милостиво отпустилъ.

Между тѣмъ въ отдѣленіяхъ шла борьба за мѣста на нарахъ. Мнѣ, впрочемъ, еще досталось свободное мѣсто. Холостое отдѣленіе все больше и больше наполнялось. Вскорѣ мѣсть на нарахъ уже не оказалось. Вновь прибывшіе кое-какъ устроились подъ нарами. Оттуда поднялась удушливая пыль; зазвенѣли кандалы; въ воздухъ стоялъ стонъ и гамъ; клозетъ сталъ распространять специфическій запахъ; въ разныхъ углахъ закурили махорку, которую арестанты ухитрились проносить, не смотря ни на какіе обыски; въ отдѣленіи сдѣлалось невыносимо душно и гадко. Къ довершенію всего, въ тотъ день на палубу никого не выпускали.

Пароходъ долженъ былъ отчалить въ три часа утра, а было всего 8 часовъ по полудни. Приходилось ждать мучительныхъ 7 часовъ. Кипятку почему-то въ тотъ день не отпускали; холодной воды негдѣ было достать; рѣчная же вода имѣла 17° теплоты. Я просто задыхался. Я все жался къ крошечнымъ окошечкамъ, но за отсутствіемъ вѣтра съ рѣки не шло ни малѣйшей свѣжести. Я поднялся по лѣстницѣ къ балубѣ, прикладывалъ горячій лобъ къ желѣзной рѣшетчатой двери, но желѣзо, быстро согрѣваясь, мало освѣжало. Я пробовалъ было заснуть, но духота и вонь мѣшали. Кромѣ того, звяканіе цѣпей, поминутно раздававшееся при малѣйшемъ движеніи спящихъ арестантовъ, въ высшей степени раздражало нервы. Такъ промучился я до двухъ часовъ ночи. Но усталость взяла свое, и я кое-какъ задремалъ. Вскорѣ я почувствовалъ свѣжую струю воздуха, который я сталъ глотать всей грудью. Это обозначало, что пароходъ тронулся, и что мы поплыли. Въ отдѣленіи сдѣлалось довольно свѣжо, и я сладко проспалъ до самаго утра, когда неизбежный шумъ и гамъ проснувшихся арестантовъ разбудили меня.

Имѣя въ перспективѣ еще такихъ пять ночей и узнавъ, что «дворянская каюта», за отсутствіемъ привилегированныхъ, никѣмъ не была занята, я рѣшилъ попросить у партіоннаго офицера позволенія перейти туда. Вскорѣ къ тому представился удобный случай.

Когда насъ выпустили на палубу для прогулки, офицеръ, увидя меня въ своемъ платьѣ среди кандальщиковъ и бритыхъ головъ, подовалъ меня и спросилъ...

— Ты мастеровой, что ли?

— Къ сожалѣнію, только литературный. —отвѣтилъ я.

— Какъ такъ?—удивленно спросилъ онъ.

— Да, я литературный мастеровой,—повторилъ я, и въ короткихъ словахъ я ему рассказалъ о своемъ прошломъ.

— Какъ же вы не привилегированный?—продолжалъ онъ недоумѣвать.

— Къ сожалѣнію, литературное ремесло не даетъ никакихъ привилегій,—проговорилъ я.—Въ особенности, приходится объ этомъ сожалѣть во время этапа...—прибавилъ я и тутъ же высказалъ свою просьбу о переводѣ меня въ «дворянскую» каюту.

— Хорошо, я распоряжусь!—проговорилъ офицеръ и удалился.

Я чуть не подпрыгнулъ отъ радости.

Не прошло и пяти минутъ, какъ ко мнѣ подошелъ унтеръ-офицеръ, приглашая перейти въ дворянскую. Я, разумѣется, воспользовался этою милостью.

Дворянская каюта была очень вмѣстительная, имѣла три большія окна, нары были вымыты; весь полъ былъ устланъ пахучею травой. Я устроился тамъ, какъ мнѣ и во снѣ не снилось. Свѣтъ, просторъ, чистая постель (собственная), интересная книга,—все это заставило меня забыть, что я арестантъ, что нахожусь въ этапѣ. Меня даже стала мучить совѣсть, что я одинъ пользуюсь такимъ комфортомъ, хотя никто изъ арестантовъ не имѣлъ претензіи на эту каюту, а прежніе товарищи почему-то считали, что я имѣю полное право на оказанную мнѣ милость. Впрочемъ, впоследствии я узналъ, что въ семейномъ отдѣленіи находится купеческое семейство, состоявшее изъ шести человѣкъ, почему-то не пользовавшееся своимъ привилегированнымъ положеніемъ (глава семейства былъ осужденъ въ каторжную работу), я попросилъ офицера о перемѣщеніи ихъ въ «дворянскую», на что онъ изъявилъ согласіе.

Партионный офицеръ Ш. оказался превосходнымъ человѣкомъ и въ отношеніи къ другимъ арестантамъ. Онъ дѣлалъ имъ всевозможное снисхожденіе, обращался съ ними человѣчно и разумно, не потворствуя имъ и не стѣсняя ихъ безъ цѣли. Пища отпускалась имъ сытая и свѣжая; кипятокъ цѣлый день былъ къ ихъ услугамъ; имъ предоставлена была свобода гулять по палубѣ безъ всякаго ограниченія; послѣ обѣда офицеръ разрѣшалъ имъ пѣть пѣсни. Глядя на своего начальника, и конвойные были съ арестантами вѣжливы и предупредительны. Неудивительно поэтому, что за всѣ шесть дней нашего плаванія по Волгѣ и Камѣ среди разношерстнаго, преступнаго и далеко не смирнаго населенія не было ни одного

случая безпорядка. Всѣ арестанты вели себя тихо и отмѣнно добропорядочно; никто не подвергался никакому взысканію.

Въ своихъ частыхъ бесѣдахъ со мною Ш. высказалъ сожалѣніе, что не всѣ его товарищи, то-есть другіе этапные начальники, раздѣляютъ его взглядъ на обращеніе съ арестантами, что они безъ всякой надобности притѣсняютъ послѣднихъ. Онъ увѣрялъ, что сдѣлалъ бы для нихъ гораздо больше, но у него самого руки во многомъ связаны; что наше законодательство ужасно запоздалое въ отношеніи преступниковъ, и т. д., и т. д.

Не смотря на то, что пища отпускалась арестантамъ, какъ я уже сказалъ выше, обильная и свѣжая (по два съ половиной фунта прекраснаго хлѣба на человѣка въ сутки, полфунта мяса, крупа, капуста, масло и проч.), что баржа, въ виду осмотра ея сановникомъ, была приведена въ возможную чистоту, что вся партія была освидѣтельствована въ Нижнемъ врачомъ, который больныхъ не пропускалъ, — на баржѣ оказалось много больныхъ, въ особенности, среди дѣтей. Въ продолженіе шестидневнаго плаванія умерло 5 ребятишекъ, одинъ взрослый, а заболѣвало множество. Причиной этому, несомнѣнно, были отвратительныя гигиеническія условія. Въ партіи было около 600 человѣкъ, тогда какъ въ баржѣ болѣе или менѣе удобно могло помѣститься не болѣе половины этого числа. Въ семейномъ отдѣленіи было особенно тѣсно и грязно; жара все время стояла страшная; женщины и дѣти выпускались на палубу только вечерами; воздухъ въ отдѣленіи былъ убійственный. При такихъ условіяхъ надо было, напротивъ, удивляться, что развившаяся болѣзнь унесла такъ мало жертвъ. Единственный, находившійся на баржѣ, фельдшеръ съ ничтожными аптекарскими средствами, естественно, очень мало приносилъ пользы.

Умершихъ сдавали въ деревняхъ, гдѣ грузили дрова для парохода. И надо было видѣть, съ какимъ смиреніемъ, съ какимъ сосредоточеннымъ горемъ родственники разставались съ своими дорогими покойниками!.. Эти тяжелыя картины никогда не могли изгладиться изъ моей памяти.

Приближаясь къ Перми, я рѣшился воспользоваться расположеніемъ ко мнѣ партіоннаго начальника и просить его, во-первыхъ, о рекомендаціи меня смотрителю пермской пересыльной тюрьмы, который слылъ между арестантами страшнымъ звѣремъ; во-вторыхъ, объ избавленіи меня какимъ нибудь путемъ отъ «наручныхъ» по пути отъ Перми до Тюмени.

— Вторую вашу просьбу я постараюсь исполнить, — сказалъ офицеръ, — и надѣюсь, что мнѣ это удастся. Я попрошу начальника этапа, который приметъ отъ меня партію. Онъ очень хорошій человѣкъ; мы съ нимъ товарищи; я увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ для васъ все возможное. Что касается рекомендаціи смотрителю, то, къ сожалѣнію, не могу быть вамъ полезнымъ. Между нами давно выпли

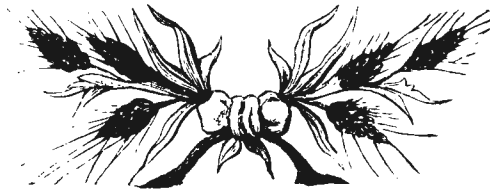
недоразумѣнія; мы съ нимъ въ самыхъ официальныхъ отношеніяхъ, лучше сказать, въ враждебныхъ, и моя рекомендація, пожалуй, можетъ еще послужить вамъ во вредъ. Мнѣ очень жаль, но, повторяю, ничего не могу сдѣлать въ этомъ случаѣ. Какіе тамъ порядки, вы сами скоро увидите.

Партионный начальникъ сдержалъ свое слово. Какъ только баржа пристала къ берегу, и явился начальникъ этапа, г. Ш. отрекомендовалъ меня ему и просилъ объ освобожденіи отъ наручныхъ. Тотъ началъ было говорить, что непривилегированнымъ наручные полагаются по закону, что отступить отъ закона нельзя, и что, наконецъ, это главнымъ образомъ зависитъ отъ совѣтника губернскаго правленія; но г. Ш. просилъ оказать мнѣ возможное содѣйствіе, и начальникъ этапа общалъ.

По выходѣ изъ баржи Ш. повторилъ мнѣ, что для меня будетъ сдѣлано все возможное; это самое онъ снова повторилъ мнѣ уже на тюремномъ дворѣ, по сдачѣ партіи; я былъ вполне увѣренъ на этотъ разъ, что обѣщаніе будетъ исполнено. Но...

А. К.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНСТИТУТЪ ФРАНЦІИ.

(По поводу столѣтія его существованія).

«Si je savais quelque chose à fond, je saurais tout».

Claude Bernard ¹⁾.

I.

Вѣковая устойчивость Института.—Сочиненія, касающіяся его исторіи.—Празднества юбилейныя.—Характеристическія черты Института.—Стихи Сюлли Прюдома.—Непрерывность академической жизни во Франціи.—Количественный и качественный составъ старыхъ Академій и Института.

ОЛИТИЧЕСКІЯ судьбы Франціи подвергались, въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, столь крупнымъ переворотамъ, что потому именно заслуживаетъ особеннаго удивленія вѣковая устойчивость того учрежденія, которое имѣетъ цѣлью объединить лучшія силы литературы, науки и искусствъ. Своимъ Институтомъ Франція, по справедливости, можетъ гордиться. Если и въ другихъ государствахъ есть знаменитыя научныя корпораціи, каковы нѣкоторыя Академіи Наукъ и особенно Королевское Общество въ Англіи; тѣмъ не менѣе, нигдѣ въ мірѣ не существуетъ такого многочисленнаго Института, въ которомъ точныя и словесныя науки, искус-

¹⁾ «Если бы мнѣ извѣстна была сущность только одного предмета, я бы зналъ все».

Клодъ Бернаръ.

ства и литература находились бы въ столь дружномъ органическомъ единеніи. При множествѣ всякаго рода учреждений правительственныхъ и частныхъ, коимъ присвоено подобное же наименованіе, каждый образованный французъ понимаетъ, конечно, подъ этимъ словомъ Институтъ Франціи, «Institut de France», т. е. цѣль пяти Академій, входящихъ въ его составъ.

Чтобы ознакомиться съ исторіей Института Франціи и ея Академій, существуетъ достаточное число хорошихъ сочиненій; вотъ главныя ¹⁾: Académie des derniers Vallois, E. Frémy; Histoire de l'Académie française, Pélisson,—Mesnard; Histoire de l'ancienne Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, A. Maury; Une Académie sous le Directoire, J. Simon; L'ancienne Académie des Sciences, A. Maury; L'Académie des Sciences, J. Bertrand; L'Institut et les anciennes Académies, J. Aucoc; Histoire de l'Académie royale des Sciences, Fontenelle; L'Académie des Sciences, E. Maindron. Однако, въ русской литературѣ нѣтъ даже краткаго описанія устройства Института. Это обстоятельство и побудило меня составить настоящій очеркъ, пользуясь личными впечатлѣніями, вынесенными во время моего пребыванія въ Парижѣ въ октябрѣ и ноябрѣ 1895 года, по случаю торжествъ празднованія столѣтняго юбилея Institut de France.

Торжества продолжались четыре дня. Къ нимъ были привлечены иностранные сочлены и корреспонденты. Ихъ собралось 109, а такъ какъ общее штатное число равняется 280, то значитъ 39% прибыли въ Парижъ, 94 извинились письменно (34%), а отъ 77 (27%) не было отвѣта на приглашеніе. Торжества были въ высшей степени интересны. Описаніе ихъ можно найти въ текущихъ нумерахъ газетъ и журналовъ, а на русскомъ языкѣ появилась статья Ц. А. Кюи въ декабрьской книжкѣ «Недѣли» за 1895 годъ, къ которой и отсылаемъ желающихъ. Тексты официальныхъ рѣчей, произнесенныхъ на торжествахъ, и нѣкоторыхъ поздравительныхъ адресовъ находятся въ особой брошюрѣ, изданной администраціей Института, подъ заглавіемъ: «Le Centenaire de l'Institut, 1795—1895 (25 octobre), Paris, 1896» (Столѣтіе Института, 1795—1895 (25 октября), Парижъ 1896). Депутаціи поздравительныя не были допущены. Адресы, большею частью, доставлены чрезъ корреспондентовъ Института. Общее число адресовъ было 31; отпечатаны тексты только главныхъ, а именно Лондонскаго Королевскаго Общества и Академій Наукъ: Императорской Россійской и Королевской Бер-

¹⁾ Академія послѣднихъ Валуа, Фреми. Исторія Французской Академіи, Пелиссона; Менара. Исторія старой Академіи надписей и изящной литературы, Мори. Одна Академія во время директоріи, Ж. Симона. Старая Академія наукъ, Мори. Академіи наукъ, Бертрана. Институтъ и старыя Академіи, Окока. Исторія Королевской Академіи наукъ, Фонтенеля. Академія наукъ, Мендрона.

линской. Изъ Россіи было 18 адресовъ, то-есть болѣе половины всего числа ¹⁾).

Празднества состояли: въ первый день—изъ приѣма иностранцевъ въ залахъ обыкновенныхъ засѣданій Академій и изъ раута у министра народнаго просвѣщенія; во второй день—изъ представленія иностранцевъ президенту республики и изъ торжественнаго засѣданія въ большомъ залѣ новаго университета ²⁾, гдѣ собраны были депутаты ученыхъ корпорацій и представители всѣхъ факультетовъ и школъ Франціи. Въ присутствіи президента республики, дипломатическаго корпуса, высшихъ чиновъ правительства, выслушаны были рѣчи Амбруаза Тома, Жюля Симона и министра просвѣщенія Пуанкаре. Въ тотъ же день, вечеромъ, состоялся товарищескій обѣдъ въ Континентальной гостиницѣ. Тутъ были рѣчи трехъ англичанъ: Макса Мюллера, лорда Кельвина и Франкланда. Третій день, пятница, былъ посвященъ парадному представленію во Французскомъ театрѣ (Théâtre Français), при чемъ актеръ Муне Сюлли прочелъ стихи, написанные поэтомъ Сюлли Прюдомомъ въ честь Института Франціи. Въ тотъ же день, вечеромъ, былъ раутъ у президента республики въ Елисейскомъ дворцѣ. Наконецъ, въ субботу, 26 октября, весь Институтъ посѣтилъ замокъ Шанtilли (Chantilly) и былъ принятъ самимъ хозяиномъ, герцогомъ Омальскимъ.

На всѣхъ этихъ торжествахъ рѣшительно нельзя было получить понятіе объ обычной жизни самаго учрежденія. Тѣмъ не менѣе обстановка торжествъ и содержаніе рѣчей дали ясное представленіе, какъ относятся сами французы къ Институту, и какое имѣютъ мнѣніе о немъ иностранцы.

Конечно, рѣчи Жюля Симона и министра народнаго просвѣщенія сводились къ тому, что устройство Института можетъ служить образцомъ для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, и что въ исторіи преобразованія міра, если Франція приняла значительное участіе, то этимъ она обязана въ большой мѣрѣ своему Институту ³⁾.

¹⁾ Въ видѣ приложенія въ концѣ брошюры: Столѣтіе Института, «Le Centenaire de l'Institut», помѣщено также полное содержаніе проповѣди, произнесенной епископомъ Перро (Monseigneur Perroud) передъ панихидой по умершимъ членамъ Института. Эта панихида происходила въ одной изъ старѣйшихъ церквей Парижа, Saint-Germain-des-Près, 23 октября въ 11 часовъ утра. Приглашенія были посланы всему составу Института, съ семьями. Они были на бланкахъ Института, въ формѣ полуофициальной, но и подобная форма возбудила довольно рѣзкіе протесты. Епископъ Перро, состоящій членомъ Французской Академіи, вскорѣ послѣ юбилея былъ возведенъ въ санъ кардинала.

²⁾ Nouvelle Sorbonne.

³⁾ Настоящими лабораторіями ученаго и художественнаго труда служатъ другія учрежденія и общества, но члены Института играютъ въ нихъ большую роль, и во всякомъ случаѣ въ Институтѣ стекаются всѣ изобрѣтенія и въ немъ оповѣщается о всемъ выдающемся на всякаго рода поприщахъ.

Рѣчи иностранныхъ представителей единодушно возвеличивали Институтъ и признавали его всемірное благотворное значеніе ¹⁾).

При всемъ томъ, что существовавшія во Франціи въ XVII и XVIII вѣкахъ Академіи имѣли свою блестящую исторію, тѣмъ не менѣе учрежденіе Института составило эру въ развитіи французской цивилизаціи. Характеристическія черты его заключаются въ гармоническомъ единеніи пяти самостоятельныхъ Академій, имѣющихъ каждая свою спеціальную сферу дѣятельности, но связанныхъ однимъ уставомъ, указывающимъ общую цѣль его существованія. Національный Институтъ Франціи, основанный въ августѣ 1795 года, имѣетъ назначеніе: «собрать открытія, совершенствовать искусства и науки».

Торжественное открытіе Института происходило въ залѣ Каріатидъ, въ Луврѣ; оно длилось 4 часа, при многочисленномъ собраніи; въ немъ произнесено было много рѣчей, сдѣлано 5 научныхъ сообщеній, и прочитаны аллегорическіе стихи, въ которыхъ, между прочимъ, такъ говорилось о взаимной связи между наукой и искусствами:

«On voyait la science et les arts se chercher,
«Algèbre et poésie, enfin se rapprocher,
«Et, pour dire encore plus, la fière astronomie
«A l' humble botanique offrir sa main amie.

«Науки и искусства искали другъ друга: алгебра облизалась съ поэзіей, и даже гордая астрономія протягивала дружески руку скромной ботаникѣ.»

Институтъ Франціи, будучи плодомъ революціи, основанъ однакожь не на революціонныхъ началахъ. Вотъ первыя четыре строфы стихотворенія поэта Сюлли Прюдома ²⁾, которыя посвящены основанію Института:

1. ³⁾ «Déjà l' Institut compte un siècle!.. la durée
Au plus vieux des vivants ici bas mesurée;
L' âme cent ans au plus reste fidèle au corps.

¹⁾ Лордъ Кельвинъ указывалъ на Біо, Реньо и Ліувиліа, а Максъ Мюллеръ на Бурнуфа, Жульена, Моля, Рейно, де Тасси, Гиньо, Мори, Б. С. Илеръ, какъ на своихъ учителей.

²⁾ R. F. A. Sully Prudhomme съ 1881 года состоитъ членомъ Французской Академіи.

³⁾ Для послѣдовательнаго, связнаго чтенія стихотворенія Сюлли Прюдома привожу распредѣленіе строфъ, по ихъ нумерамъ: вступительныя строфы 1, 2, 3 и 4-я, а также заключительныя 15, 16, 17, 18 и 19-ая касаются Института, въ совокупности. Строфа 5-ая и первая половина 6-ой строфы относятся до Академіи Наукъ. Вторая половина 6-ой строфы и 7 строфа обращены къ Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ. Строфа 8-я принадлежитъ Академіи надписей и изящной литературы. Далѣе идутъ строфы 9 и 10-ая, которыя соответствуютъ Академіи Художествъ, и, наконецъ, строфы 11, 12, 13 и 14-ая воспѣваютъ Французскую Академію.

Ainsi les fondateurs de l'oeuvre séculaire
N' ont vu que le lever du grand jour qui l' éclaire;
L' hommage à ce qui dure est un hommage aux morts».

2. «Salut donc! gloire à vous! nos aieus de l' An Quatre.
Legislatoeurs qui, las de briser et d'abattre,
Osiez en plein tumulte exalter les penseurs,
Les maitres dans les arts qu' effarouche la guerre,
Imposer cette élite au respect du vulgaire,
Et rendre un sûr asile aux neuf divines Soeurs».
3. «Ahl vous aviez compris que les seules victoires
Exemptes de retours, de deuils expiatoires,
Les assauts à la nuit s' épuiseraient bientôt,
Si des esprits, sauveurs du savoir et du rêve.
Pour le Vrai, pour le Beau ne combattaient sans trêve,
Loin des bruits du forum et loin des camps... plus haut».
4. «A leurs cultes divers ouvrant un même temple,
Depuis cent ans la France offre au monde en exemple,
Chez ces zélés chercheurs, le concert fraternel
Des seuls travaux humains dont le triomphe assure
A notre insigne espèce un rôle à sa mesure,
Et force l' Infini d' exaucer notre appel!»

Сто лѣтъ прошло! На сводахъ Учрежденны ¹⁾
Свои слѣды оставилъ цѣлый вѣкъ,
Столѣтній кругъ,—съ трудомъ его теченье
Обнять всей жизнью можетъ человекъ,
И тѣ, что въ тѣхъ стѣнахъ Собранье учредили,
Начало положивъ, давно уже почили.

Но память ихъ живетъ,—и нынѣ ихъ самихъ,
Создателей, мы чтимъ въ столѣтнемъ ихъ созданьѣ;
Уставъ ниспровергать, пріюту Музъ родныхъ
Они рѣшили дать и дали основанье,
И знамя мысли здѣсь дерзнули водрузить,
Заставили толпу въ почтеньѣ отступить.

Да, поняли они, что, кромѣ славы бранной,
Иная слава есть безъ крови и утратъ,
Но требуетъ она работы неустанной
Въ той области, гдѣ мысль и истина царить,
Куда шумъ форума, клкъ битвъ не досягаетъ,—
Такъ ихъ волненья всѣ та область превышаетъ.

И вотъ воздвигся храмъ высокой славы той,
Борцы ея сошлись къ совмѣстному служенью,
И къ чести Франціи сто лѣтъ ихъ дружный строй
Стоялъ за истину, работалъ вдохновенно,
И людямъ званье ихъ высокое являлъ,
И Безпредѣльное къ отвѣту призывалъ.

¹⁾ Русскій переводъ стиховъ сдѣланъ Екатериною Александровною Лебедевою.
«Истор. вѣстн.», мартъ, 1897 г., т. LXXII.

Устойчивость и прочность Института приобретены рядом возвратовъ къ прошлому. Нѣтъ другого учрежденія во Франціи, которое слило бы традиціи бѣлаго знамени съ трехцвѣтнымъ знаменемъ республики въ такой мѣрѣ, какъ Институтъ (*La France d'hier et la France nouvelle*), исторія коего тѣсно примыкаетъ и сливается съ исторіей прежнихъ Академій, основанныхъ и процвѣтавшихъ при Людовикахъ. «*Le drapeau aux trois couleurs est toujours pour nous «le drapeau chéri», c'est l'astre de la liberté et de la civilisation; mais nous suivons avec amour et orgueil le drapeau blanc fleurdelisé remontant les âges jusqu'au siècle qui fut le grand siècle et qui reste par excellence le siècle français*» (изъ рѣчи Жюля Симона)¹⁾. Двухлѣтній перерывъ, наступившій въ 1793 г., по случаю уничтоженія старыхъ Академій, сдѣлался, со временемъ, не столь замѣтнымъ, тѣмъ болѣе, что не малое число старыхъ академикомъ вошло въ составъ Института. Послѣдующіе политическіе перевороты отразились тоже весьма чувствительно или на самой организаціи Института, или на выборахъ, но все-таки, въ общемъ, заслуживаетъ полнаго удивленія устойчивость всего созданія, возвышенная цѣль котораго служила и, нужно надѣяться, будетъ служить цементомъ, связующимъ людей разныхъ политическихъ воззрѣній и стремленій. Если въ настоящее время, по внѣшнему типу, академики Института являются изобразителями началъ бонапартизма, орлеанизма, крайняго бюрократизма административнаго, а также новыхъ началъ народнаго республиканскаго представительства, то все же разнообразные ихъ типы гармонизируютъ между собою въ предѣлахъ ихъ самостоятельнаго творчества, на безграничномъ поприщѣ науки и искусствъ.

Непрерывность академической жизни Франціи изображается весьма наглядно и убѣдительно въ именныхъ спискахъ членовъ этихъ корпорацій. Списки находятся въ концѣ роскошнаго двухтомнаго изданія: «*Le premier siècle de l'Institut de France, par le comte de Franqueville*», Paris, J. Rothschild, 1896²⁾. Для французской Академіи списокъ заключаетъ въ себѣ, для періода съ 1629 по 1793 годъ, 277 именъ. Въ Королевской Академіи надписей и изящной литературы (*Académie des Inscriptions et Belles Lettres*) находимъ 254 имени, съ 1663—1793; въ Королевской Академіи наукъ, съ 1666—1793, разнаго рода членовъ 377. Наконецъ, въ Королевской Академіи живописи и скульптуры, съ 1648—1793, внесено 629 именъ, а въ Королевской Академіи архитектуры, въ періодъ ея существованія съ 1673—1793, значится 131 лицо. Въ

¹⁾ «Трехцвѣтное знамя всегда наше излюбленное знамя, свѣтло свободы и просвѣщенія; но мы вспоминаемъ также съ любовью и гордостью о бѣломъ знамени, усѣянномъ лиліями, украсившемъ прошлую нашу исторію и особенно тотъ великій вѣкъ, который остается преимущественно французскимъ вѣкомъ».

²⁾ Первый вѣкъ Института Франціи; графа Франквилля. Парижъ. Ротшильдъ. 1896 года.

общемъ итогѣ, при Людовикахъ XIV, XV и XVI, во всѣхъ перечисленныхъ Академіяхъ, перебивало 1668 лицъ. Такова общая сумма академическихъ литераторовъ, ученыхъ и художниковъ дореволюціоннаго періода. Нужно замѣтить, что иностранные члены были только въ Академіи наукъ [Associés étrangers и нѣсколько Membres honoraire (почетные члены)], при чемъ общее число этихъ знаменитостей немного только превышаетъ 60. Петръ Великій былъ избранъ въ иностранные почетные члены въ 1719 году.

Что касается количественнаго состава новаго Института, то таковой постепенно распирался, и, согласно книгѣ графа Франквилля, за первое столѣтіе значится всего членовъ разныхъ наименованій:

Académiciens titulaires, дѣйствительныхъ членовъ	1047
Membres libres, свободныхъ членовъ	170
Associés étrangers, иностранныхъ сочленовъ	205
Correspondants français, корреспондентовъ французовъ . . .	494
Correspondants étrangers, » иностранцевъ	673
Всего	2589

Изъ нихъ 1711 французовъ и 878 иностранцевъ.

Итакъ, по численности, Институтъ по отношенію къ гражданамъ Франціи представляетъ въ XIX вѣкѣ нѣсколько больше именъ, чѣмъ Академіи за время ихъ существованія въ теченіе двухъ предъидущихъ вѣковъ, а по отношенію къ иностранцамъ является значительное расширеніе, такъ какъ въ Институтѣ иностранцевъ перебивало почти въ 15 разъ болѣе противъ прежнихъ Академій.

Если такъ легко установить количественную картину состава Института и Королевскихъ Академій, то, конечно, весьма трудно опредѣлить качественный составъ ихъ. Выборы составляютъ нервъ жизни академической. Голосованіе есть актъ священный для академиковъ, но, какъ всякій актъ человѣческій, можетъ быть ошибоченъ. При открытіи вакансіи, до ея замѣщенія, проходитъ значительный промежутокъ времени. Назначаются особые комиссіи для представленія кандидатовъ. Списки таковыхъ на мѣста дѣйствительныхъ членовъ даже публикуются въ протоколахъ. Цѣлый мірокъ Парижскаго общества слѣдитъ съ напряженіемъ и страстностью за новыми кандидатурами. Въ нареканіяхъ противъ Академіи главную роль играютъ неудачные выборы и неизбраніе лицъ, признанныхъ общественнымъ мнѣніемъ достойными. Но какъ уберечься отъ ошибки, даже при полной независимости корпораціи, каковая теперь дѣйствительно существуетъ, тогда какъ прежде особенно упрекали Академію въ ея подчиненіи придворнымъ вліяніямъ. Главнымъ образомъ неудовольствіе падало на Французскую Академію, наиболѣе популярную. По защитительной рѣчи Ж. Симона, можно, однако, указать только на двѣ знаменитости, не бывшія академиками, а именно на Декарта и на Мольера. Если говорятъ

также о Руссо, то замѣчаніе совсѣмъ неправильно, потому что Руссо былъ швейцарецъ, а дѣйствительными членами Французской Академіи никогда не могли быть иностранцы. Что касается Декарта, то его отсутствіе объясняется лишь тѣмъ, что Декартъ писалъ преимущественно по-латыни, а съ его твореніемъ на французскомъ языкѣ (*Discours sur la méthode*) ознакомились только послѣ его смерти. Мольеръ, какъ актеръ, не могъ быть принятъ, по тогдашнимъ понятіямъ, въ среду избраннаго общества. Въ настоящее время всякому извѣстны нѣкоторыя имена французскихъ, даже знаменитыхъ, литераторовъ, которыхъ академическая среда, именно вслѣдствіе корпоративности своей, не согласна принять къ себѣ; но такого рода факты только доказываютъ, что лучшіе академическіе кружки не могутъ избѣгнуть односторонности. Многочисленность личнаго состава Парижскихъ Академій гарантируетъ ихъ, до извѣстной степени, отъ значительныхъ пропусковъ, а борьба изъ-за выборовъ, несомнѣнно, самое тонкое проявленіе совокупности убѣжденій и вліяній всякаго рода. Какъ не вспомнить, что Вольтеръ съ трудомъ вошелъ въ Академію, и что этотъ главный вождь отрицающаго духа сдѣлался ея же повелителемъ.

Не наша задача вникнуть въ правильность тѣхъ или другихъ избраній, достаточно будетъ констатировать, что Парижскія Академіи, во всѣ времена ихъ существованія, представляли сумму лучшихъ силъ Франціи. И, конечно, формула, которой такъ завидуютъ англичане: «*la France une et indivisible*»¹⁾, нашла полнѣйшее свое олицетвореніе въ единеніи всѣхъ Академій подъ однимъ кровомъ Института Франціи. Нельзя не обратить вниманія на эту сторону централизаціи интеллигентныхъ силъ цѣлаго народа, потому что ни въ одной странѣ она не проявилась столь рельефно. Суммировать дѣятельность ученой Германіи можно только взявъ во вниманіе многіе центры, входящіе въ ея составъ. Даже въ Великобританіи, въ отношеніи къ Лондону, Эдинбургъ и Глазго являются совсѣмъ самостоятельными центрами, тогда какъ вся духовная, творческая, ученая, художественная и литературная жизнь французскаго народа сосредоточена исключительно и нераздѣльно въ Парижѣ и особенно въ его Институтѣ. Поэтому, списки личнаго состава Института, несомнѣнно, представляютъ вѣрный источникъ для опредѣленія состава лучшихъ силъ ея. Въ качественномъ отношеніи члены старыхъ Академій представляютъ столь же богатые имена, какъ и современный Институтъ. Корнейль, Расинъ, Буало, Лафонтенъ, Боссюетъ, Вольтеръ, Монтескье, Бюффонъ, Клеро, Даламберъ, Гюйгенсъ, Мариотъ, Мабиліонъ, Ролленъ, Тюрго, Лебрень, Миньяръ, Лезюеръ, Филиппъ де-Шампень, Мансаръ, Суффло — вотъ столь же громкія имена на разныхъ поприщахъ творчества, въ періоды Людовиковъ, какъ въ

¹⁾ «Единая и нераздѣльная Франція».

теченіе нашего вѣка стали общечеловѣческими знаменитостями: Шатобрианъ, Ламартинъ, Викторъ Гюго, Альфредъ де-Мюссе, Альфредъ де-Гизо, Кузень, Тьеръ (по Французской Академіи, Académie Française), Монжъ, Бертолле, Лагранжъ, Лапласъ, Лавуазье, Френель, Амперъ, Араго, Кювье, Жоффруа, де-Сентъ Илеръ, Коши, Шаль, Клодъ Бернаръ, Пастеръ¹⁾ (по Академіи наукъ, Académie des Sciences), Дону, Викторъ де-Клеркъ, Литтре, Буассонадъ, Газз. Ноде, Бурнуфъ (по Академіи надписей, Académie des Inscriptions), Луи Давидъ, Ингръ, Делакруа, Гюно, Мейсонъ, Давидъ (изъ Анжера), (по Академіи художествъ, Académie des Beaux-Arts). Таковъ перечень, данный Жюлемъ Симономъ, въ рѣчи, произнесенной въ собраніи 25 октября нов. ст. 1895 г., въ присутствіи болѣе 4.000 слушателей. Если по прошедшему судить о будущемъ, то нужно питать увѣренность и въ дальнѣйшемъ притокѣ талантливыхъ силъ въ составъ Института Франціи. Прежде всего, это будетъ зависѣть отъ живучести генія самой Франціи. Прилагать къ другой странѣ мѣрило нашихъ воззрѣній на государственный строй столь же ошибочно, какъ и примѣненіе чужеземныхъ политическихъ стремленій къ своему отечеству. Правильнѣе, каждой странѣ надлежитъ искать въ исторіи развитія другихъ тѣхъ предостереженій, которыми можно было бы предотвратить будущіе недуги.

При неустойчивости политической жизни Франціи ея интеллигенція являетъ необычайную способность приспособленія. Такъ, для примѣра, Институтъ, состоя изъ консервативныхъ и преимущественно роялистическихъ элементовъ, только 25 октября 1895 года впервые, и то благодаря присутствію на торжествахъ иностранцевъ, явился къ президенту республики въ форменныхъ костюмахъ съ зелеными шелковыми вышитыми пальмами на фракахъ, по рисунку художника Давида, утвержденному Бонапартомъ и до сихъ поръ сохранившемуся для официальныхъ случаевъ. Любимая тема интимнаго разговора нынѣшнихъ академикомъ — это неудовлетворительность республиканскаго режима, но 25-ти лѣтнее существованіе его составляетъ уже четверть всего юбилейнаго періода Института, и академики только нынѣ рѣшились *in corpore* — являться въ официальномъ своемъ мундирѣ на приѣмахъ Елисейскаго дворца. При отчужденіи въ разговорахъ отъ правительственныхъ сферъ, на креслахъ академическихъ засѣдають многіе изъ бывшихъ министровъ разныхъ формъ правленія и, если къ составу новыхъ кабинетовъ привлекаются академики, то ихъ товарищи не отказываютъ имъ въ достаточномъ ѳиміамѣ.

¹⁾ Имя Пастера неоднократно произносилось во время торжествъ столѣтія, и это возбуждало общее одобреніе собраній.

II.

Послѣдовательныя перемѣны въ организаціяхъ Института по уставамъ 1795, 1803, 1816 и 1832 годовъ.

Институтъ былъ созданъ Конвентомъ, два года спустя послѣ уничтоженія конституціоннымъ собраніемъ прежнихъ Академій. Между тѣмъ эти Академіи сами очень содѣйствовали революціи. Особенно кружокъ энциклопедистовъ, съ Вольтеромъ во главѣ, даже подготовилъ революціонное движеніе, которое въ свою очередь, перейдя отъ теоріи къ дѣйствию, стало того же требовать и отъ Академій, а, встрѣтивъ въ нихъ отпоръ, революція закрыла ихъ. Но, какъ только Франція припла въ себя и принялась за возстановленіе и за новыя созиданія, такъ явились проекты учрежденія особаго національнаго Института для объединенія литературы, наукъ и искусствъ съ наименованіемъ, не напоминающимъ собою прежнія Академіи. Въ дѣйствительности Институтъ былъ организованъ, какъ бы одна Академія, заключающая въ себѣ три не автономныя класса. Эти классы были: 1) наукъ физическихъ и математическихъ, 2) наукъ моральныхъ и политическихъ, 3) литературы и искусствъ. Выборы происходили, по статуту 1795 года, въ совокупности всѣмъ Институтомъ, непремѣнные секретари не существовали, къ литераторамъ присоединили актеровъ, возложили на Институтъ обязательное рѣшеніе многихъ практическихъ вопросовъ, предлагаемыхъ правительствомъ и даже частными лицами, ввели въ составъ Института такое же число ученыхъ провинціальныхъ, сколько проживающихъ въ Парижѣ.

Съ перечисленными недостатками Институтъ протянулъ до 1803, когда Бонапартъ существенно измѣнилъ его статутъ. Главная краеугольная мысль самаго учрежденія, единеніе литературы, науки и искусствъ, впервые осуществленная, сохранилась и въ статутѣ 1803 года. Ненавидя идеологовъ, Бонапартъ уничтожилъ, однако же, классъ наукъ моральныхъ и политическихъ, распредѣливъ его членовъ по другимъ отдѣламъ, которымъ придана была самостоятельность, на подобіе прежнихъ Академій, но къ возстановленію названій ихъ все же не рѣшились. Тогда же снова введены были постоянные секретари, играющіе столь видную роль и въ настоящей жизни Института.

Организація 1803 года, сокративъ второй классъ Института, подраздѣлила третій на три, такъ что, въ итогѣ, получилось четыре класса, изъ коихъ первый—наукъ физическихъ и математическихъ, *sciences physiques et mathématiques*, соотвѣтствовалъ Академіи наукъ; второй— французскаго языка и литературы, *langue et littérature française*, представлялъ не что иное, какъ Французскую Академію; третій классъ—древнихъ исторіи и литературы, *histoire et littérature*

anciennes, замѣнилъ прежнюю Академію надписей; наконецъ, въ четвертомъ классѣ заключались изящныя искусства: живопись, скульптура, архитектура, гравюра, музыкальная композиція. Драматическое искусство было исключено. Выборы установлены были по классамъ. Институтъ продолжалъ составлять одно цѣлое, засѣдалъ въ Луврѣ, а съ 1805 года во дворцѣ Мазарина, гдѣ онъ и теперь находится. По уставу 1803 года созданы были корреспонденты, которые могли быть избираемы не только среди французовъ, но также и въ иностранныхъ ученыхъ. Этотъ титулъ замѣнилъ собою провинціальныхъ сочленовъ (*associés non résidants*). Второй періодъ истории института, т. е. наполеоновскій, къ которому императоръ считался самъ академикомъ¹⁾, продолжался до 1816 года.

Третій періодъ ознаменовался возстановленіемъ названій прежнихъ Академій, «дабы связать ихъ славу съ прежнею»²⁾. При этомъ Академіямъ дано было также старшинство по времени ихъ учрежденія, а именно Французская Академія, *Académie Française*, была поставлена во главѣ, какъ основанная въ 1635; второю стала Академія надписей 1663; третьей,—Академія наукъ 1665 и, наконецъ, четвертою,—Академія художествъ, коей старшинство шло только отъ 1795, ибо прежнія Академіи живописи и скульптуры, а также архитектуры были не чисто учеными, но и учебными учрежденіями.

Остается упомянуть о послѣднемъ періодѣ существованія Института, а именно о современномъ, который идетъ отъ 1832 г., когда, по предложенію министра Гизо, была возстановлена Академія наукъ моральныхъ и политическихъ.

Если окинуть общимъ взглядомъ всѣ періоды жизни Института, то нельзя не обратить вниманія, что именно въ теченіе послѣдняго періода, который былъ и самымъ продолжительнымъ, такъ какъ обнимаетъ 63 года, всего менѣе происходило перемѣнъ въ организациіи всего учрежденія, и оно пользовалось наибольшею независимостью, а также почетомъ, какъ въ самой Франціи, такъ и въ образованномъ мірѣ вообще.

1) «Бонапартъ, главнокомандующій, членъ Института», «Bonaparte, général en chef, membre de l'Institut», такъ подписывалъ Бонапартъ указы, когда сталъ во главѣ арміи египетской, въ увѣренности, что будетъ понятъ послѣднимъ барабанщикомъ (*bien sûr d'être compris du dernier tambour*).

2) «Afin de rattacher leur gloire passée à celle qu'elles ont acquise».

III.

Краткій очеркъ дѣятельности Академій: I—Французской, II—надписей и изящной литературы. III—наукъ, IV—художествъ и V—наукъ моральныхъ и политическихъ.

Передавъ въ короткихъ словахъ послѣдовательныя перемѣны въ организаціи всего Института и указавъ преемственную связь его жизни по отношенію къ прежнимъ Академіямъ, займемся теперь этими послѣдними въ порядкѣ установленнаго старшинства ихъ между собою.

I. Французская Академія. Еще во второй половинѣ XVI вѣка, въ 1570 году, поэтъ Байфъ возымѣлъ мысль устроить общество литераторовъ и музыкантовъ, на подобіе Академій въ древности. И дѣйствительно, Карль IX разрѣшилъ официальнымъ распоряженіемъ учрежденіе Академіи поэзіи и музыки и сдѣлался покровителемъ ея—*Académie de poésie et de musique*. Первые академикъ (*académiques*) принадлежали къ извѣстному кружку плеядъ. При Генрихѣ III Академія стала собираться въ Луврѣ и потому получила титулъ придворной (*Académie du palais*). Извѣстно, что, кромѣ поэзіи и музыки, въ кругъ ея занятій были включены науки моральныя и политическія, грамматика и филологія. Король часто за сѣдалъ и даже предложилъ лично вопросъ, составившій предметъ рѣчи при открытіи «à savoir si les vertus morales sont plus louables, plus nécessaires et plus excellentes, que les intellectuelles»¹⁾. Но старинная Академія династіи Валуа подверглась многимъ нападкамъ со стороны университета и въ 1534 году прекратила свое существованіе. Только черезъ полвѣка Франція получила ту Академію, которая названа Французскою (*Académie Française*). Кардиналь Ришелье считается основателемъ этой Академіи, первоначально составлявшей частный кружокъ по инициативѣ Конрапа (*Conrart*). Кардиналь спросилъ: *si ces personnes ne voudraient point faire un corps et s'assembler régulièrement et sous une autorité publique* ²⁾? Академія не замедлила, послѣ ряда колебаній и сожалѣній, обратиться за покровительствомъ къ Ришелье. Въ документѣ письменномъ, по сему случаю, цѣль учрежденія выражена была въ слѣдующихъ словахъ: «De tout temps, le pays que nous habitons avait porté de très vailants hommes, mais leur valeur était demeurée sans réputation, au prix de celle des Romains et des Grecs, parce qu'ils n'avaient pas possédé l'art de la rendre illustre par leurs écrits. . . . ; notre langue plus parfaite déjà que pas une des autres vivantes, pourrait bien enfin succéder à la latine, comme la latine à la grecque, si on prenait

¹⁾ «Какія добродѣтели похвальнѣе и полезнѣе: нравственныя или умственныя».

²⁾ «Не пожелаютъ ли эти господа составить корпорацію и собираться въ правильныя засѣданія, подъ официальнымъ авторитетомъ».

plus de soins qu'on n'avait fait jusqu'ici de l'élocution»¹). Людовикъ XIV хотѣлъ, чтобы былъ языкъ Людовика XIV, подобно тому, какъ былъ въ Греціи языкъ Перикла, а въ Римѣ языкъ Августа.

Не смотря на то, что статуты были подписаны Людовикомъ XIV въ 1635 году, парламентъ внесъ ихъ только послѣ троекратнаго напоминанія въ 1637 году, обязавъ Академію не вмѣшиваться въ печать вообще, а ограничиваться украшеніемъ и умноженіемъ французскаго языка и рассмотрѣніемъ только собственныхъ или представляемыхъ Академіи книгъ. Академія состояла изъ 40 членовъ (académiciens). Она собиралась съ 1672 года въ Луврѣ, и Людовикъ XIV сдѣлался ея покровителемъ (въ ознаменованіе чего были выбиты особыя медали).

Два принципа считались главными: абсолютное равенство членовъ и ихъ независимость. Даже Вольтеръ говорилъ: «L'Académie est libre. Le cardinal de Richelieu l'a créé avec cette liberté, comme Dieu créa l'homme»²). Въ самомъ дѣлѣ, академики титуловались между собою «monsieur» безъ различія, даже если то были принцы, прелаты, маршалы, герцоги. Внутренній порядокъ предоставленъ былъ самой Академіи, и новые члены выбирались свободнымъ голосованіемъ, но первый пунктъ устава указывалъ, однако, что «не будетъ принятъ въ Академію, кто непріятенъ покровителю» («personne ne sera reçu à l'Académie qui ne soit agréable au protecteur»). Покровительство пріобрѣталось цѣною внимательства, и повѣствованія о пререканіяхъ между правительствомъ и Академіей наполняютъ, конечно, много страницъ ея исторіи. По желанію Людовика XIV, Буало былъ принятъ ранѣе Лафонтена, онъ же установилъ право veto въ отношеніи академическихъ избраній, и хотя оно рѣдко примѣнялось, все же борьба Академіи за свободу выборовъ и за свободу слова своихъ членовъ возбуждала много неудовольствій. Однако, удары противъ Академіи послѣдовали не со стороны двора, а были нанесены изъ ея собственной среды. Обвиненіе, составленное академикомъ Шанфоромъ, Chamfort, низложило Академію, которая 5-го августа 1793 года собралась въ послѣдній разъ.

Съ учрежденіемъ Института, въ немъ не сохранилось, сначала, названій Академій, но тѣмъ не менѣе секціи грамматики и поэзіи 3-го класса, а потомъ второй классъ замѣнили собою прежнюю Французскую Академію, конечно, въ очень слабой степени, особенно

¹) «Во все время въ нашей странѣ было много доблестныхъ лицъ, но они не были прославляемы, подобно тому, какъ дѣлалось въ Греціи и въ Римѣ, посредствомъ литературы. Между тѣмъ нашъ французскій языкъ, уже и теперь совершенный, могъ бы замѣнить собою языкъ латинскій, также какъ сей послѣдній замѣнитъ греческій, но для этого нужно обратить большее вниманіе на краснорѣчіе».

²) «Академія свободна. Кардиналъ Ришелье создалъ ее съ такою же свободою, какъ Богъ создалъ человека».

въ періодъ отъ 1795—1803 г., когда было въ двухъ секціяхъ всего 12 членовъ. Въ періодъ 1803—1816 года, второй классъ снова имѣлъ 40 членовъ, а въ 1816 году Французская Академія съ прежнимъ своимъ названіемъ получила первенствующее мѣсто въ средѣ Института.

Существенное отличіе Французской Академіи отъ прочихъ заключается въ томъ, что она состоитъ только изъ дѣйствительныхъ членовъ. Она не имѣетъ ни свободныхъ членовъ, ни иностранныхъ *associés*, ни корреспондентовъ. Такая организація, съ одной стороны, присваиваетъ особый ореолъ тѣмъ, которымъ публика даетъ кличку безсмертныхъ, но съ другой стороны обособляетъ корпорацію отъ литературнаго міра внѣ Франціи. При празднованіи юбилея столѣтія Института, прочія четыре Академіи имѣли своихъ иностранныхъ сочленовъ и корреспондентовъ, а Французская Академія лишена этой связи съ другими народностями. Jules Simon оправдываетъ, однако, Французскую Академію тѣмъ, что она признаетъ и восхищается такими гениями, каковы Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, Сервантесъ, Данте и др. Впрочемъ, обособленность Французской Академіи выражается весьма явно и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Такъ, ея обыкновенныя засѣданія не вполне доступны членамъ прочихъ академій, на обложкахъ сочиненій и на визитныхъ карточкахъ безсмертные ставятъ: членъ Французской Академіи, *Membre de l'Académie Française*, тогда какъ члены прочихъ Академій ставятъ титулъ, членъ Института, *Membre de l'Institut*.

Какая же специальная миссія Французской Академіи? Она изображена въ статутѣ 1816 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ ¹⁾: «*l'Académie française a pour objet à épurer et à fixer la langue, à en éclaircir les difficultés et à en maintenir le caractère et les principes: elle s'occupera dans ses séances particulières de tout ce qui peut concourir à ce but; des discussions sur tout ce qui tient à la grammaire, à la rhétorique, à la poétique, des observations critiques sur les beautés et les défauts de nos écrivains à l'effet de préparer des éditions de nos auteurs classiques, et particulièrement la composition d'un nouveau dictionnaire de la langue, seront l'objet de ses travaux habituels*».

Привожу строфы, воспѣвающія дѣятельность Французской Академіи изъ стихотворенія Сюлли Прюдома:

¹⁾ «Французская академія имѣетъ цѣлью очищеніе и утвержденіе языка, уясненіе его трудностей, сохраненіе его характера и принциповъ. Въ своихъ частныхъ засѣданіяхъ Академіи будетъ заниматься всеѣмъ, что будетъ способствовать достиженію этихъ цѣлей, какъ-то грамматикой, риторикой, поэзіею, критическою слога нашихъ писателей, изданіемъ классическихъ произведеній. Главнымъ же предметомъ обычныхъ занятій будетъ сочиненіе словаря французскаго языка».

11. D'autres guettent l'essor des humbles coeurs dans l'ombre,
La Charité sauvant l'Espérance qui sombre,
Les belles actions sans éclat pour les yeux;
Ils poursuivent le Beau jusqu'à sa source même.
Dans la vie atteignant sa dignité suprême,
Dans le mieux aspirant à l'infiniment mieux!
12. O France! ils ont, ceux-là, pour mission première
D'allier, confondus dans la même lumière,
Les noms les plus fameux, les plus saints, les plus chers.
Leur Compagnie illustre a la garde sacrée
De tes gloires qui sont tes droits à la durée
Tes titres au respect, plus grands que tes revers.
13. Ils sont gardiens aussi de ta langue immortelle;
Ils en ont la prudente et flexible tutelle.
Ton passé d'âge en âge y fermente et mûrit;
Mais ils ne souffrent pas que le caprice altère
Ce dépôt qui détient ta verve héréditaire
Où la vertu des mots fait scintiller l'esprit.
14. Cette langue est loyale et l'univers l'honore:
Sans rivale naguère, elle illumine encore
Les débats solennels entre les nations.
Son cristal transparent fait les pactes honnêtes,
Elle a du jour vainqueur propagé les conquêtes:
Tout penser qu'on y verse est vêtu de rayons!

Есть многіе,—они сердце простыхъ, смиренныхъ
Исследовать хотятъ святыя тайники.
Величіе ихъ дѣль безвѣстныхъ, сокровенныхъ,
Ихъ крѣпкую любовь,—и видятъ родники,
Въ которыхъ ключъ живой Прекраснаго родится,
Чтобъ къ высшей Красотѣ безъ отдыха стремиться.

Но первый общій долгъ ихъ дружнаго служенья
Собрать въ одинъ вѣнецъ всѣхъ лучшихъ имена
И сохранять отъ тѣни поврежденья
Все то, о Франція, чѣмъ ты во-вѣкъ славна,
Все то, предъ чѣмъ блѣдны судьбы твоей невзгоды,
За что привѣтствуютъ и чтутъ тебя народы:

И прежде прочаго языкъ безсмертный твой,—
Онъ всю исторію твою изображаетъ,
Въ немъ говорить твой умъ, сверкающій, живой,
Веселье остротой и шуткою играетъ;
И строго бдятъ они, чтобъ прихоть чья нибудь
На чистоту его не смѣла посягнуть;

Идей законности и чести онъ носитель,
Съ хрустальной ясностью въ немъ мысль всегда видна;
Международныхъ преній примиритель,
Въ Европѣ онъ царилъ въ былыя времена:
Но и теперь его народы уважаютъ,
Ему сношенія взаимныя ввѣряютъ.

Главную задачу, поставленную академія, она выполнила въ 1694 году первымъ изданіемъ словаря «Dictionnaire de l'usage». Въ 1799 году вышло пятое, въ 1835 году шестое и въ 1878 году седьмое изданіе. «Le dictionnaire est à lui seul toute l'Académie Française» ¹⁾,—сказалъ Jules Simon. Кромѣ этого труда, Академія издала 4 первые тома обширнаго историческаго словаря французскаго языка и 14 томовъ рѣчей и отчетовъ, читанныхъ въ публичныхъ и частныхъ засѣданіяхъ съ 1803 по 1895 годъ. Избранное общество Парижа, какъ извѣстно, съ особымъ вниманіемъ посѣщаетъ ея торжественныя засѣданія, въ коихъ совершается публичный приемъ новыхъ академикомъ, разряда бессмертныхъ.

По уставу 1816 г., Академія располагала только одною премією въ 1.500 франковъ, а между тѣмъ, въ настоящее время, на Французской Академіи лежитъ весьма трудная и тяжелая обязанность присужденія многочисленныхъ премій за сочиненія и за добродѣтельные поступки. Ежегодно Академія назначаетъ особыя комиссіи, которымъ приходится рассмотреть сотни томовъ, представленныхъ на соисканіе премій, разобрать нѣсколько сотенъ дѣлъ, поступившихъ со всѣхъ концовъ Франціи съ описаніемъ добродѣтельныхъ и зачастую геройскихъ поступковъ. Въ этотъ періодъ засѣданія имѣютъ мѣсто два раза въ недѣлю, и въ годичномъ публичномъ засѣданіи непрѣмный секретарь читаетъ отчетъ по присужденію премій, а предсѣдатель объявляетъ о наградахъ за добродѣтель. Главнымъ жертвователемъ «Prix de vertu» былъ Монтъонъ, Montyon (1821 г). Число разныхъ денежныхъ премій въ распоряженіи Французской Академіи равняется 48.

II. Вторая, по старшинству, Академія надписей и изящной литературы основана при Людовикѣ XIV, который придавалъ особенное значеніе надписямъ на памятникахъ и на медаляхъ, долженствовавшихъ напоминать главныя событія его царствованія. Первоначально, въ 1663 году, Академія состояла лишь изъ 4, потомъ изъ 8 членовъ и носила прозвище малой Академіи, petite Académie, а официально называлась Академією надписей и медалей, Académie des inscriptions et médailles. Съ 1701 года, число членовъ достигло 40, изъ коихъ 10 почетныхъ, 10 associés и 10 учениковъ. Академія образовалась сначала изъ Французской Академіи, засѣдала въ особомъ помѣщеніи Лувра и стремилась къ совершенной независимости, такъ что даже требовала, чтобы кандидаты формально давали обѣщаніе не быть членами Французской Академіи.

Область изслѣдованій этой Академіи очень обширна, такъ какъ въ нее входятъ не только монеты и медали, но и всѣ древности и памятники Франціи, а также изученіе древностей греческихъ и латинскихъ, при чемъ послѣднія вскорѣ стали на главномъ планѣ.

¹⁾ «Словарь самъ по себѣ составляетъ всю Французскую Академію».

Въ 1716 году, ученики были уничтожены, и ей присвоили наименование Академія надписей и изящной литературы, Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Дѣятельность этой Академіи была изумительная, она обнимала не только древности классическія и національныя, но и религіи и законодательства древняго міра, філософскія ученія, хронологію, этнографію, географію, лингвистику, исторію литературъ, изученіе еврейскаго, арабскаго, персидскаго, китайскаго языковъ, древностей Индіи, Финикии и Египта, и, наконецъ, иностранныя литературы. Изданія этой Академіи весьма разнообразны и объемисты, таковы собранія узаконеній французскихъ королей, до смерти Людовика XII—8 томовъ, извлеченія изъ рукописей Королевской библіотеки, 41 томъ съ атласомъ. Она поддерживала и поощряла изданія Gallia christiana, Сборникъ историковъ Галліи и Франціи, 10 томовъ; Сборникъ историковъ крестовыхъ походовъ—13 томовъ, Литературную исторію Франціи—20 томовъ. Въ новѣйшій столѣтній періодъ ея существованія изданы, кромѣ того: Comptes rendus des séances depuis le 1 janvier 1857—37 vol. Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres—35 vol. Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et Belles-Lettres, 1-re et 2-me séries—16 vol. и друг. Oeuvres de Borghesi, 3 vol., Corpus inscriptionum Semiticarum, 4 vol. Въ общей сложности, 188 томовъ ¹⁾.

По составу, членами Академіи надписей были люди болѣе скромнаго происхожденія, только почетные члены принадлежали къ дворянству, много было духовныхъ лицъ и бѣдныхъ ученыхъ. Въ настоящее время 80% всего состава суть профессоры.

Когда Академія надписей прекратила свое существованіе, во время террора, она имѣла по штату 10 почетныхъ академиковъ, 15 пенсіонеровъ, 15 associés и 20 associés libres, между тѣмъ въ новомъ Институтѣ эрудиція представлена была лишь 12-ти членами, въ двухъ секціяхъ 3-го класса Института. Большинство было, однако, взято изъ состава прежнихъ академиковъ, благодаря чему восстановлена была связь между новымъ учрежденіемъ и старою Академіею. Въ организациі 1803 г. классъ исторіи и древней литературы былъ составленъ изъ 40 дѣйствительныхъ членовъ, 8-ми иностранныхъ сочленовъ и 60-ти корреспондентовъ. Этотъ классъ не раздѣлялся на секціи и соотвѣтствовалъ строго прежней Академіи надписей и изящной литературы. Въ 1816 году, классъ былъ переименованъ въ Академію, и личный составъ еще увеличенъ 10-ю свободными членами. Въ настоящее время, Академія состоитъ изъ 40

¹⁾ Отчеты о засѣданіяхъ съ 1-го января 1857 года—37 томовъ. Мемуары Академіи надписей и изящной литературы—35 томовъ. Мемуары, представленные Академіи разными учеными, первая и вторая серіи, 16 томовъ. Сочиненія Боргези, 3 тома. Собраніе семитическихъ надписей—4 тома.

дѣйствительныхъ членовъ, изъ коихъ одинъ — непремѣнный секретарь, 10 свободныхъ членовъ, 8 сочленовъ иностранныхъ, 20 корреспондентовъ французовъ и 30 иностранныхъ. По статуту 1830 г., и нынѣ дѣйствующему, задача Академіи выражена такимъ образомъ: «L'objet principal des travaux de l'Académie étant l'histoire, c'est à dire, la connaissance des hommes et des évènements, des époques et des lieux, des moeurs et des usages, des institutions et des lois, des opinions religieuses et philosophiques, l'Académie s'attachera à l'étude de la chronologie et de la géographie, des médailles, inscriptions et monuments de toute espèce, qui concernent et peuvent éclairer l'histoire ancienne, ainsi que celle du moyen âge et des temps modernes, à l'étude critique et philologique des langues anciennes, des langues orientales et des idiomes du moyen âge, à l'explication des titres, diplômes et antiquités de la France et des autres pays, particulièrement de ceux dont les intérêts sont ou ont été mêlés avec ceux de la France» ¹⁾).

Сюлли Прюдомъ характеризуетъ дѣятельность членовъ Академіи надписей слѣдующими стихами:

8. D'autres ont affronté la tâche aventureuse
D'explorer le tombeau que sans ralâche creuse
Aux siècles entassés leur fossoyeur, l'oubli;
D'épeler leur histoire écrite sur les pierres.
D'ouvrir patiemment les lèvres, les paupières,
Et l'antique linceul du monde enseveli.

Другихъ привлечь къ себѣ подземный мракъ гробницы,
Куда забвеніе хоронитъ всѣ вѣка,
Тамъ саванъ съ древности свивасть ихъ рука,
Пытается открыть заснувшія зѣнцы,
И древность къ нимъ съ растрескавшихся плитъ
Въ забытыхъ писменахъ о прошломъ говорить.

Для печатанія многочисленныхъ своихъ изданій Академія назначаетъ ежегодно нѣсколько комиссій по литературной исторіи Франціи, по *Corpus inscriptionum Semiticarum*, по древностямъ Франціи, по изученію древностей сѣверной Африки. Существуютъ также постоянныя комиссіи: медалей и литературныхъ трудовъ, куда относятся продолженіе извлеченій изъ рукописей Национальной биб-

¹⁾ «Главнымъ предметомъ занятій Академіи будетъ исторія, то-есть изученіе людей и событій, различныхъ эпохъ, нравовъ и обычаевъ, учреждений и законовъ, религіозныхъ и философскихъ системъ. Академія посвятитъ свои труды хронологіи и географіи, всякаго рода медалямъ, надписямъ и памятникамъ, могущимъ уяснить исторію всѣхъ вѣковъ. Она также введетъ въ свой кругъ изслѣдованія древніе языки, языки востока и нарѣчія средневѣковья и будетъ объяснять титулы, дипломы и древности Франціи и другихъ государствъ, съ нею связанныхъ общими интересами».

ліотеки, собраніе историковъ Галліи и Франціи и историковъ крестовыхъ походовъ. Слѣдуетъ еще указать на то, что Академія покровительствуетъ школь археологіи, Ecoles des Chartes, и наблюдаетъ за ученымъ направлениемъ школь французскихъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ, которыя обязаны представлять ей отчеты и свои открытія. Ежегодно она присуждаетъ большую премію въ 10.000 франковъ Гобера (Gobert) за лучший трудъ по исторіи Франціи и много другихъ наградъ числомъ 16.

III. Академія наукъ (третья по старшинству) родилась, подобно Французской, по частной инициативѣ. Кольберъ далъ ей, въ 1666 году, официальное положеніе, съ правами, однако; меньшими, чѣмъ Académie française. Особенно процвѣтать стала Академія наукъ со времени помѣщенія ея въ Луврѣ. Она вошла въ правильныя сношенія съ иностранными учеными и предприняла рядъ весьма важныхъ научныхъ экспедицій. Революція застала ее раздѣленную на два класса: наукъ математическихъ и наукъ физическихъ. Въ каждомъ классѣ было 4 секціи, а въ каждой секціи состояло 3 пенсіонера и 3 associés, кромѣ того, еще было 12 associés libres, свободныхъ членовъ и 8 associés étrangers, иностранныхъ членовъ. Заслуги этой знаменитой Академіи такъ велики, что трудно даже ихъ перечислить. Многія усовершенствованія обязаны ей, и она завоевала себѣ всеобщее уваженіе, но революція тѣмъ не менѣе не пощадила и ее. Въ новомъ Институтѣ первенствующее мѣсто предоставлено было именно Академіи наукъ. По закону 1795 года она получила 10 секцій съ 6 дѣйствительными членами въ каждой, не считая, сверхъ того, 8 иностранныхъ сочленовъ, associés étrangers, и 60 провинціальныхъ членовъ, associés non résidants, въ департаментахъ. Вполнѣ новою была секція медицины и хирургіи. Нужно замѣтить, что Académie de médecine, Академія медицины, не принадлежитъ къ Институту, и только для 6 медиковъ есть мѣсто въ Академіи наукъ. Личный составъ былъ преимущественно взятъ изъ состава старой Академіи. Въ 1803 г. прибавили еще секцію географіи и мореплаванія (которая до того входила въ составъ класса наукъ моральныхъ и политическихъ). Въ 1816 году, было возвращено названіе Академіи, но она по старшинству поставлена была третьею, ниже Французской и Академіи надписей. Въ настоящее время Академія наукъ состоитъ изъ 68 дѣйствительныхъ членовъ (въ томъ числѣ 2 непремѣнныхъ секретаря), 10 свободныхъ членовъ, 8 иностранныхъ сочленовъ и 100 корреспондентовъ. Уставъ Академіи наукъ гораздо проще остальныхъ, въ немъ только 13 параграфовъ. Цѣль работъ Академіи, хотя не указана, но предметы достаточно опредѣляются названіемъ секцій.

Въ стихахъ Сюлли Прюдома сфера ея дѣятельности очерчена слѣдующимъ образомъ:

5. Les uns se sont voués à scruter la Nature:
 Ils arrachent au fait qui meurt sa loi qui dure;
 L'oeil de l'homme est en eux l'impérieux miroir
 Des soleils monstrueux que nul vivant n'anime
 Et des ferments de vie au foyer si minime
 Qu'il fallut un Pasteur pour les apercevoir.
6. Ces pionniers font luire au-dessus de la foule,
 Dont l'aveugle labeur se répète et s'écoule,
 La Science unissant l'éternel au nouveau.

Одни изъ тѣхъ мужей обилии властнымъ взоромъ
 Громады дальнихъ солнць въ красѣ пустынной ихъ;
 Пастерь открыль міры мельчайшіе, которымъ
 Намъ мѣры не найти средь нашихъ мѣръ земныхъ,
 Слѣды въ природѣ цѣпь измѣнчивыхъ явленій,
 Ихъ умъ опредѣлялъ законы измѣненій.

Науки свѣтъ они старались засвѣтить
 Надъ темною толпой въ трудѣ ея беззмѣнномъ,
 Пытаясь вѣчное съ текущимъ согласить.

Къ разряду наукъ математическихъ относятся геометрія, механика, астрономія, географія и навигація, общая физика; къ разряду наукъ физическихъ причислены: химія, минералогія, ботаника, агрономія, анатомія и зоологія, медицина и хирургія. Каждый разрядъ имѣетъ своего непремѣннаго секретаря, а предсѣдатель избирается поочередно изъ того и другого разряда такъ же, какъ и вице-предсѣдатель, который на слѣдующій годъ становится *ipso facto* предсѣдателемъ Академіи ¹⁾. Достаточно назвать имена Лагранжа, Лапласа и Пастера, чтобы вспомнить, какое существенное участіе принимала въ послѣднемъ столѣтіи Парижская Академія въ развитіи точныхъ наукъ.

По числу разныхъ премій Академія располагаетъ ими болѣе всѣхъ прочихъ, а именно 59.

Вотъ перечень изданій Академіи наукъ, со времени основанія Института:

Comptes rendus sommaires des séances de 1800 à 1830 — 5 vol.

Comptes rendus hebdomadaires des séances depuis le 1 juillet 1835—120 vol.

Mémoires de l'Académie des Sciences—28 vol.

Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Sciences.
 32 vol.

¹⁾ Этотъ же порядокъ практикуется въ трехъ другихъ Академіяхъ, и только Французская избираетъ предсѣдателя, который именуется директоромъ на 3 мѣсяца; на такой же срокъ назначается *chancelier*, соотвѣтствующій вице-предсѣдателю.

Recueil relatif à l'observation du passage de Vénus par le soleil en 1874—3 vol.

Въ общей сложности 188 томовъ ¹⁾.

Вліяніе Академіи наукъ выражается теперь въ участіи въ назначеніи многихъ высшихъ профессорскихъ кафедръ и въ совѣтахъ или заключеніяхъ, даваемыхъ по приглашенію министровъ, по различнымъ научнымъ предпріятіямъ правительства.

IV. Четвертая, по старшинству, Академія изящныхъ искусствъ или художествъ ведетъ свое начало отъ двухъ Королевскихъ Академій, а именно отъ Академіи живописи и скульптуры и отъ Академіи архитектуры. Первая существовала, какъ корпорація, съ 1648 года и состояла изъ одного начальника, двухъ синдиговъ, секретаря и 12 старшинъ, впоследствии названныхъ профессорами. Она получила помѣщеніе въ Collège de France и нѣкоторыя привилегіи, сходныя съ Французской Академіей. Какъ эта послѣдняя встрѣтила оппозицію въ университетѣ, такъ и Академія живописи и скульптуры стала во враждебное положеніе къ болѣе старой частной корпораціи художниковъ, подъ именемъ S-t Luc. Во всякомъ случаѣ, она была ученымъ и вмѣстѣ учебнымъ заведеніемъ, съ неограниченнымъ числомъ членовъ и даже женщинами въ томъ числѣ. Подобно Академіи живописи, также благодаря покровительству Кольбера, основана была въ 1665 году еще Королевская Академія архитектуры, которая помѣщалась въ Пале-Рояль, Palais-Royal. Сначала только изъ восьми членовъ, число ихъ разрослось до 26, изъ коихъ 14 были королевскими архитекторами, а 10 могли заниматься частными постройками. Не принимая совѣтъ участія въ политикѣ, обѣ эти Академіи не избѣгли общей участи и были закрыты въ 1793 году, а при созданіи Института искусства включены были въ третій классъ, совмѣстно съ литературой и эрудиціей. Въ секціи живописи, скульптуры, архитектуры были взяты члены прежнихъ двухъ Королевскихъ Академій. Въ секцію музыки опредѣлили трехъ композиторовъ, а въ секцію декламации 3 извѣстныхъ актеровъ Comédie Française. Въ уставѣ 1803 г., актеровъ исключили, добавивъ секцію гравюры, и обособили художниковъ въ особый третій классъ Института. Наконецъ, въ 1816 году, подобно прочимъ, и эта корпорація получила названіе Академіи. Въ настоящее время она состоитъ изъ секцій живописи, скульптуры, архитектуры, гравюры, музыкальной композиціи; всего съ непремѣннымъ секретаремъ 41 дѣйствительныхъ членовъ, 10 свободныхъ членовъ, 10 иностранныхъ associés и 50 корреспондентовъ.

¹⁾ Протоколы засѣданій съ 1800—1830—5 томовъ.

Еженедѣльные извѣстія съ 1-го іюля 1835—120 томовъ.

Мемуары Академіи наукъ—28 томовъ.

Мемуары, представленныя Академіи разными учеными—32 тома.

Сборникъ по прохожденію Венеры черезъ дискъ солнца въ 1874 году—3 тома.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1897 г., т. LXXVI.

Изданія Академіи состоятъ изъ пяти томовъ словаря изящныхъ искусствъ. Кромѣ присуждаемыхъ премій, болѣе 30, Академія имѣетъ голосъ въ назначеніи директоровъ консерваторіи и въ выборѣ художниковъ, посылаемыхъ для усовершенствованія въ Римъ на казенный счетъ.

Вотъ строфы изъ стихотворенія Сюлли Прюдома, относящіяся до этой академіи:

9. D'autres, les plus aimés (car c'est une caresse
Que donne au sens, au coeur leur oeuvre enchanteresse),
Montrent que l'Art français, de la Nature épris,
En reçoit des leçons constamment rajeunies
Sans désertier le choix des rares harmonies
Qui font du Beau pour l'âme une forme sans prix.

10. Fiers d'un premier servage aux plus nobles modèles,
Ils en sont demeurés les affranchis fidèles.
L'Art novice est hardi, mais ce jeune étalon,
C'est moins en liberté qu'il achève sa grâce
Que sous un fort dompteur qui d'abord le ramasse
Pour le mieux enlever au signal du talon.

Дума другихъ прекрасное избрала
Себѣ въ удѣлъ, въ природѣ обрѣла
Красоту неисчерпаемыхъ начало
И ихъ въ созвучья стройно обрѣкла;
И сладкой нѣгой насъ чаруютъ ихъ творенья,—
Неволью сердце къ нимъ питаетъ предпочтенье.

Сначала съ формъ чужихъ, высокихъ образцовъ
Учились все они въ смиреніи благородномъ,
Потомъ рѣшились снять съ Искусства цѣпь оковъ;
Восприняли конь его въ стремленіи свободномъ;
Но мудро въ немъ они смиряютъ юный пылъ,
Чтобъ выше и смѣлѣй разбѣгъ могучій былъ.

V. Последняя въ циклѣ Академій, по своему старшинству, это Академія наукъ моральныхъ и политическихъ. Первоначальное существованіе ея было весьма кратковременно. Въ 1795 году второй классъ Института получилъ это наименованіе. Онъ состоялъ изъ секцій: 1) анализа чувствъ и идей (analyses des sensations et des idées), 2) морали, 3) наукъ социальныхъ и законодательныхъ, 4) политической экономіи, 5) исторіи и 6) географіи; всего 36 дѣйствительныхъ членовъ, 8 иностранныхъ сочленовъ, associés étrangers, 36 провинціальныхъ членовъ, associées non résidants, назначенныхъ преимущественно вновь, а въ меньшинствѣ изъ числа прежнихъ членовъ Академіи надписей. Бонапартъ уничтожилъ этотъ классъ Института, включивъ науки моральныя и политическія въ классъ литературы. Его рѣшеніе мотивировалось слѣдующимъ образомъ: «Il fit rentrer la classe des sciences morales dans la classe qui était

vouée aux belles-lettres, disant que leur objet était commun, que la philosophie, la politique, la morale, l'observation de la nature humaine étaient le fond de toute littérature, que l'art d'écrire n'en était que la forme, qu'il ne fallait pas séparer ce qui devait rester uni, que la classe consacrée aux belles-lettres serait bien futile, la classe consacrée aux sciences morales et politiques bien pédantesque, si elles étaient à bon droit séparées; que des écrivains qui ne seraient pas des penseurs et des penseurs qui ne seraient pas des écrivains ne seraient ni l'un, ni l'autre» ¹⁾. Но эти идеи были скорѣе предлогомъ къ уничтоженію класса моральныхъ и политическихъ наукъ, который и въ 1816 году не былъ возстановленъ, а только въ 1832 году, по предложенію Гизо, июльская монархія дала жизнь этой Академіи, причемъ Гизо громко высказалъ убѣжденіе: «que c'est pour le gouvernement un intérêt éminent de se montrer, non seulement exempt de toute crainte, mais bienveillant et protecteur pour les travaux de l'esprit humain, aussi bien dans les sciences morales et politiques, que dans les autres» ²⁾. Академія получила пять секцій: 1) философіи (вмѣсто прежняго названія, напоминавшаго собою систему Кондильяка), 2) морали, 3) законовѣдѣнія, государственнаго права и юриспруденціи, 4) политической экономіи, статистики (и финансовъ съ 1866 года), 5) общей и философической исторіи.

Вторая имперія значительно измѣнила организацію этой Академіи и старалась вліять на нее введеніемъ особой секціи наукъ политическихъ, административныхъ и финансовыхъ, куда члены не были избраны, а назначены правительствомъ. Однако, въ 1866 году эта секція была снова закрыта, и нынѣ Академія состоитъ изъ пяти поименованныхъ выше секцій, имѣетъ 40 дѣйствительныхъ членовъ, 10 свободныхъ членовъ, 6 иностранныхъ associés и 48 корреспондентовъ. Сфера дѣятельности достаточно указана названіями разныхъ секцій.

Сюлли Прюдомъ говоритъ объ этихъ академикахъ такъ:

— Contre une égalité dont le joug rapetisse
D'autres font prévaloir librement la Justice,
Qui tient une balance et non pas un niveau.

¹⁾ «Философія, политика, мораль и наблюденіе человѣческой природы составляютъ основу всякой литературы, и потому не слѣдуетъ разъединять то, что должно быть слито. Классъ, посвященный изящной литературѣ, былъ бы безсодержательнъ, а классъ наукъ моральныхъ и политическихъ былъ бы тяжелымъ, педантичнымъ, если они были бы отдѣлены другъ отъ друга; писатели, которые не были бы мыслителями, и мыслители, которые не были бы писателями, не были бы въ сущности ни тѣмъ, ни другимъ».

²⁾ «Въ интересахъ самого правительства не только не выказывать опасенія въ отношеніи къ умственнымъ трудамъ, но напротивъ быть внимательнымъ покровителемъ къ наукамъ моральнымъ и политическимъ въ той же степени, какъ и къ другимъ наукамъ».

7. Leur regard, non moins sûr et plus hardi, réclame
 Tout l'intime univers, tout ce qu'on nomme l'âme,
 Et l'obstiné secret du terrestre bonheur.
 Sous l'éclat des soleils, éblouissants mirages.
 Ils cherchent l'Être, auteur et fin de ces ouvrages,
 Le grand semeur des cieux et leur grand moissonneur.

Иные занялись тѣмъ міромъ сокровеннымъ,
 Который принято «душою» называть,
 И тайну счастья надѣются познать;

Иль тамъ за ризою небеснаго сіянья
 Хотятъ они прозрѣть Виновника созданья,
 Того, Кто всѣ міры посѣялъ и пожнетъ;
 Иль учатъ насъ, что жизнь въ равенствѣ измельчаетъ,
 Что Правда ничего линейкой не ровняетъ,
 Но помощью вѣсовъ порядокъ свой блюдетъ.

Только въ отношеніи исторіи подразумѣвается, что изслѣдованія Академіи надписей останавливаются въ концѣ крестовыхъ походовъ, а Академія моральныхъ и политическихъ наукъ занимается исторіей новыхъ временъ. Такъ, первая опубликовала распоряженія королей Франціи до 1515, а вторая начала ихъ съ царствованія Франциска I. Академія наукъ моральныхъ и политическихъ неоднократно организовала и поручала изученіе условій труда, положенія рабочаго и земледѣльческаго класса во Франціи и въ другихъ странахъ. Располагая 22 преміями, Академія назначала такія темы, которыя вызвали въ свѣтъ многія сочиненія большого достоинства. Въ числѣ премій есть также награды за услуги, оказанныя обществу и чело- вѣчеству.

Вотъ перечень изданій младшей Академіи Института:

Mémoires de l'Académie — 18 vol. Séances et Travaux de l'Académie.
 Comptes rendus depuis Janvier 1842 — 143 vol. Recueil des ordon-
 nances des rois de France, à partir du règne de François I — 7 vol.
 Въ общей сложности 168 томовъ ¹⁾).

¹⁾ Мемуары Академіи — 18 томовъ. Протоколы засѣданій съ 1 января 1842 — 143 тома. Собраніе узаконеній французскихъ королей, начиная съ царствованія Франциска I — 7 томовъ.

IV.

Внѣшняя и внутренняя жизнь нынѣшняго Института.—Уставы.—Помѣщенія.—Замокъ Шантильи.—Администрація.—Бюджетъ.—Личное содержаніе академикомъ.—Особыя права Института.—Собранія: обыкновенныя, годовыя и общія.—Преміи.—Статистика иностранцевъ и списокъ русскихъ, принадлежащихъ къ составу Института.—Возрастъ академикомъ.

Мы ознакомились съ прошлымъ всѣхъ пяти Академій и съ задачами, которыя по уставамъ преслѣдуются ими. Перейдемъ теперь къ внѣшней и внутренней жизни современнаго Института и къ личному его составу. Въ превосходномъ сочиненіи г. Окока ²⁾ «Уставы Института и прежнихъ Академій» собраны такъ наглядно, что въ этомъ толстомъ томѣ можно найти все, чѣмъ руководились и руководствуются эти учрежденія. Первый регламентъ Института явился 4 августа 1796 года, а послѣдующіе изданы 9 мая 1803, 17 сентября 1841 и 19 іюля 1849 г. Институтъ, какъ юридическое лицо, владѣеть особымъ дворцомъ Palais Mazarin съ 1806 года. Въ амфитеатрѣ старой часовни (ancienne chapelle) вотъ уже 90 лѣтъ происходятъ публичныя засѣданія Института, ежегодныя собранія каждой изъ пяти Академій и тѣ засѣданія Французской Академіи, въ коихъ имѣютъ мѣсто приемы новыхъ академикомъ (séances de réception). Какъ вѣрно высказалъ непремѣнный секретарь Академіи художествъ графъ Делабордъ въ сочиненіи: «Дворецъ Института», «Le Palais de l'Institut», въ этомъ амфитеатрѣ, гдѣ столько произнесено было рѣчей знаменитыми ораторами въ присутствіи знаменитыхъ слушателей, существуетъ сильный отпечатокъ ея исторіи, ея воспоминаній и ея традицій, что придаетъ такую спокойную величавость, которую нигдѣ въ иномъ мѣстѣ нельзя найти. Что касается обыкновенныхъ засѣданій Академій, то съ 1846 онѣ занимаютъ специально для того отстроенный домъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются залы для комиссій, кабинеты непремѣнныхъ секретарей и секретаріатъ. Въ верхнемъ этажѣ длинная входная зала со статуей Шатобриана и двѣ весьма уютныхъ, довольно просторныхъ залы засѣданій. Въ одной (первой отъ прихожей) засѣдаютъ три Академіи: надписей, наукъ и художествъ, во второй двѣ Академіи: Французская и наукъ моральныхъ и политическихъ. Первая зала освѣщена сверху, имѣетъ статуи Корнеля, Мольера, Шюже, Пуссена, Расина, Лафонтена и много бюстовъ. Во второй, меньшей залѣ помѣщается большой во весь ростъ портретъ Ришелье и бюсты, которыми уставлены также вход-

²⁾ L'Institut de France, lois, statuts et règlements. 1 vol. in-8. Imprimerie nationale. 1889. Paris. Институтъ Франціи, законы, статуты и положенія. 1 томъ. 1889. Въ Національной типографіи. Парижъ.

ных галлерей. Такихъ бюстовъ въ изобиліи, и они весьма различнаго достоинства по исполненію.

Классическихъ кресель, собственно говоря, не существуетъ. Въ залѣ, подъ куполомъ, скамейки, въ залахъ обыкновенныхъ засѣданій стулья, а для публики по стѣнамъ длинныя скамьи. Въ зданіи Института помѣщается также секретаріатъ, коимъ завѣдуетъ нынѣ г. Ringard, лицо нужное всему личному составу, весьма обязательное, особенно къ иностранцамъ. Два письмоводителя съ трудомъ справляются съ перепиской, которая иногда бываетъ очень большая. Библиотечное помѣщеніе переполнено 220 тысячъ томовъ и не даетъ уже возможности размѣщать новыя приобрѣтенія и тѣ многочисленныя изданія, которыя присылаются въ даръ Академіямъ и Институту. Большая зала библиотеки служить не только для занятій, но въ ней собираются академики передъ выходомъ *in согре* въ залъ подъ куполомъ. Въ этихъ случаяхъ академики надѣваются форменный костюмъ, согласно уставу въ коридорѣ выставляется почетный караулъ отъ пѣхоты, отдающій честь подъ командою офицера. Во время этихъ засѣданій, во внутреннемъ дворѣ Института становится взводъ конной муниципальной гвардіи. Въ той же библиотечной длинной залѣ зачастую ведутся интимныя бесѣды между членами Института. Объ этихъ разговорахъ вотъ какъ выражается графъ Делабордъ въ сочиненіи: *le Palais de l'Institut: «un salon où les conversations, engagées au hasard des rencontres, ont pour effet de resserrer les liens établis par les statuts entre les membres et d'entretenir, même en dehors des travaux communs, cet esprit de confraternité qui fait, d'un corps essentiellement aristocratique en soi, une société égalitaire par excellence et de tous ceux qui la composent une seule famille»* ¹⁾.

Никогда эти послѣднія слова, то-есть, что Институтъ составляетъ одну семью, не выступили такъ ясно, какъ теперь, со времени дарованія герцогомъ Орлеанскимъ чуднаго имѣнія Институту. Этотъ историческій замокъ Chantilly съ драгоценной библиотекой и со всѣми его коллекціями, съ большой картинной галлереей, со всѣми воспоминаніями о великомъ Конде, паркомъ по рисунку Ленотра, составляютъ собственность Института и остаются лишь въ пожизненномъ владѣніи герцога, который числится членомъ въ трехъ Академіяхъ—Французской, надписей и художествъ, въ первыхъ двухъ герцогъ дѣйствительный членъ, а въ третьей свободный членъ.

Администрація Института состоитъ изъ президента, которымъ бываетъ ежегодно предсѣдатель очередной Академіи, слѣдова-

¹⁾ «Разговоры при случайныхъ встрѣчахъ укрѣпляютъ связь между членами и создаютъ, помимо статутныхъ и помимо общихъ совмѣстныхъ трудовъ, тотъ духъ товарищества, благодаря которому чисто аристократическая корпорація становится одною равноправною семьею».

тельно очередь возобновляется каждыя пять лѣтъ. Такъ, въ 1895 году, это была Академія художествъ, и ея предсѣдатель Амбруазъ Тома былъ предсѣдателемъ Института; въ 1896 году предсѣдательствуетъ Академія наукъ моральныхъ и политическихъ, въ 1897 очередь Французской академіи, въ 1898 г. академіи надписей, въ 1899 г. будетъ предсѣдательствовать Академія наукъ и такъ далѣе. Нужно замѣтить, что когда очередь за Французской Академіей, то выходитъ, что предсѣдатель Института мѣняется каждые три мѣсяца, потому что на такой же срокъ избирается директоръ этой Академіи, въ отличіе отъ годового срока, принятаго по уставамъ прочихъ Академій. Кромѣ предсѣдателя, въ администрацію Института входятъ 6 непремѣнныхъ секретарей и по два члена отъ каждой Академіи, избираемые на годовой срокъ, всего 17 членовъ. Институтъ назначаетъ, въ общемъ собраніи, бібліотекаря, его помощниковъ, начальника секретариата и спеціальнаго члена, завѣдывающаго хозяйственною частью и отчетностью.

Бюджетъ Института представляется палатамъ чрезъ министра народнаго просвѣщенія. Въ 1895 году бюджетъ доходилъ до суммы 697,000 франковъ: Французская Академія 89,500, Академія надписей 141,100, Академія наукъ 176,500, Академія художествъ 89,500, Академія наукъ моральныхъ и политическихъ 94,000 франковъ. Премія двухлѣтняя 10,000; бібліотека 31,000; секретариатъ 45,400 франковъ. Сумма наградъ, присуждаемыхъ Академіями, составляетъ ежегодно: Академіи наукъ 200,000 франковъ, Французской 100,000 франковъ художествъ 70,000, надписей 50,000, наукъ моральныхъ 40,000 франковъ, а въ общей сложности ежегодно раздается 460,000 франковъ.

Личное содержаніе академиковъ равняется 1500 франковъ, въ годъ. Изъ нихъ по 100 франковъ въ мѣсяцъ, а остальное, смотря по числу посѣщенныхъ засѣданій, за которыя выдаются такъ называемые *jeton de présence*. Во Французской Академіи старшіе 8, по избранію и по лѣтамъ, получаютъ 2000, а прочіе только по 1000 франковъ, вмѣсто 1,200, какъ въ другихъ Академіяхъ, и, кромѣ того, добавочные по числу засѣданій. Всѣ непремѣнные секретари получаютъ по 6000 франковъ въ годъ. Маленькое содержаніе академиковъ рѣзко контрастируетъ съ богатствомъ Института.

Изъ прерогативъ Института слѣдуетъ указать еще на право представленія на каѳедры въ *Collège de France*, въ *Musée d'histoire naturelle*, въ *Ecole des langues orientales vivantes*, въ *Conservatoire des arts et metiers*, въ *Bureau des longitudes* ¹⁾, въ обсерваторіи Парижскую и Марсельскую, на должность 5-ти членовъ (по одному отъ каждой академіи) въ высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія и пр.

¹⁾ Высшая школа Франціи, музей естественно-историческій, школы живыхъ восточныхъ языковъ, консерваторія искусствъ и ремеслъ, бюро долготъ.

Обыкновенныя собранія Академій бываютъ разъ въ недѣлю, непрерывно круглый годъ, даже во время ваканцій и всегда въ тѣ же дни и часы, а именно, Французская Академія собирается по четвергамъ въ 3 часа, Академія надписей по пятницамъ въ 3 часа, Академія наукъ, по понедѣльникамъ, въ 3 часа, Академія художествъ по субботамъ въ 3 часа и Академія наукъ моральныхъ и политическихъ по субботамъ въ полдень. Дѣйствительные члены и члены свободные, которыхъ можно считать какъ бы соотвѣтствующими нашимъ почетнымъ, имѣютъ свои личные стулья. Иностраннымъ *associés* и корреспондентамъ обыкновенно предлагаютъ занимать тѣ какъ бы почетные стулья, которые стоятъ противъ бюро и вокругъ столика и стула, предоставленнаго для докладчика. Публика садится на скамьяхъ по стѣнамъ, кромѣ засѣданій Французской Академіи, на которыя публика не допускается, за рѣдкими исключеніями (напримѣръ, засѣданіе въ присутствіи его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича въ октябрѣ 1895 г.). Число академикомъ никогда не бываетъ полное, даже въ Академіи наукъ, самой многочисленной, не собираются 50 человекъ. Бываютъ засѣданія лѣтнія, на которыя, кромѣ председателя и непремѣннаго секретаря, приходятъ лишь нѣсколько членовъ. Но такъ какъ всегда есть текущая переписка-корреспонденція, то засѣданія имѣютъ мѣсто и безъ новыхъ докладовъ. Въ каждой Академіи внутренніе распорядки нѣсколько отличныя. Въ Академіи наукъ всего шире допускаются доклады иностранныхъ ученыхъ. На столѣ у председателя лежитъ бѣлый листъ бумаги, раздѣленный тремя горизонтальными чертами, съ надписями: члены, *membres*; иностранные члены и корреспонденты, *associés et correspondants*; иностранные ученые, *savants étrangers*. Желаящіе вписываютъ свои фамиліи, и председатель вызываетъ по порядку этихъ рубрикъ и по порядку записей. Требуется, чтобы сообщеніе дѣлалось по писанному листу, который затѣмъ передается для помѣщенія въ протоколѣ засѣданія. Необыкновенно быстрое печатаніе этихъ *Comptes rendus*, вручаемыхъ уже черезъ 7—10 дней подписчикамъ, аккуратный ихъ выходъ въ свѣтъ изъ типографіи Gauthier-Villars, сдѣлали это изданіе самымъ излюбленнымъ въ средѣ ученыхъ. Кромѣ многихъ сообщеній, туда же принимаются небольшія научныя замѣтки — *notes*, присылаемыя отовсюду, и только небольшая часть таковыхъ не помѣщается цѣликомъ, а дается лишь по ихъ заглавію.

Члены и корреспонденты получаютъ «Извѣстія» *Comptes rendus*, безвозмездно. Что касается выборовъ, то, при открытіи вакансіи, назначаются особыя комиссіи, которыя представляютъ трехъ и болѣе кандидатовъ, съ изложеніемъ ихъ правъ и заслугъ. Для дѣйствительныхъ членовъ фамиліи кандидатовъ печатаются за недѣлю до выборовъ, а въ отношеніи корреспондентовъ ограничиваются письменнымъ устнымъ докладомъ о нихъ. Результаты голосованія объяв-

ляются въ протоколахъ, при чемъ по обычаю тѣ, которые получили нѣсколько голосовъ, какъ вторые кандидаты, становятся первыми кандидатами при слѣдующей вакансіи. Для голосованія Академія переходитъ къ секретному засѣданію, что объявляется пресѣдателемъ, послѣ чего постороннія лица удаляются изъ залы. Преемственность каждаго мѣста академикомъ и корреспондентомъ строго соблюдается въ протоколахъ и спискахъ.

Касательно сообщеній, дѣлаемыхъ самими академиками, нельзя особенно удивляться, что ихъ выслушиваютъ рѣдко со вниманіемъ, это происходитъ даже потому, что предметъ, по специальности, только немногимъ доступенъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлается сообщеніе выдающееся о какомъ либо открытіи, или, какъ, напри- мѣръ, въ засѣданіи 28 октября 1895 г., когда 90-лѣтній астрономъ Фай представлялъ новое изданіе своихъ трудовъ, посвящая ихъ въ благодарную память своему знаменитому учителю Араго, въ такихъ случаяхъ Академія переходитъ, по электрическому ощущенію, къ мертвой тишинѣ и къ умиленному сочувствію. При обычныхъ, неважныхъ сообщеніяхъ, предсѣдателямъ едва можно добиться, чтобы въ засѣданіи была тишина, и къ докладамъ очереднымъ, дѣлаемымъ непремѣнными секретарями, относятся безъ вниманія.

Сверхъ обычныхъ еженедѣльныхъ засѣданій, каждая изъ пяти Академій имѣетъ одно годовое публичное, въ октябрѣ, ноябрѣ, или декабрѣ мѣсяцахъ, при чемъ читаютъ некрологи умершихъ членовъ, и объявляются результаты присужденія премій.

Наконецъ, весь Институтъ собирается не менѣ четырехъ разъ въ годъ въ дѣловыя засѣданія, а 25 октября, въ день основанія своего, Институтъ имѣетъ общее публичное засѣданіе, гдѣ также произносятся рѣчи и объявляются преміи и награды.

Въ дополненіе къ сказанному о засѣданіяхъ, скажу нѣсколько словъ о тѣхъ, въ которыхъ мнѣ лично удалось присутствовать. Каждый корреспондентъ принадлежитъ къ извѣстной секціи, входитъ, конечно, въ ближайшую связь съ академиками этой секціи и со своею Академіею, но, при титулованіи корреспондентомъ Института «Correspondant de l'Institut», корреспонденту открыты двери всѣхъ засѣданій, при чемъ члены прочихъ Академій весьма предупредительны къ сближенію съ иностранными и провинціальными учеными. Приѣхавъ ранѣе начала торжествъ и оставаясь всего 6 недѣль въ Парижѣ, мнѣ представился случай перебивать на всякаго рода засѣданіяхъ, что и дало мнѣ возможность узнать органическую связь всего учрежденія. Если Германіи удалось столь удачно и плодотворно соединить всѣ спеціальныя отрѣслы высшаго научнаго образованія въ одномъ организмѣ подъ именемъ университетовъ, къ чему только теперь пришли во Франціи, то сія послѣдняя вправдѣ радоваться своему Институту, связующему подъ общимъ кровомъ пять большихъ, самостоятельныхъ Академій.

Въ моей Академіи (*Académie des Sciences*) и въ Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ я присутствовалъ въ каждой на двухъ обыкновенныхъ засѣданіяхъ, въ Академіяхъ надписей и художествъ мнѣ пришлось быть по одному разу, а въ залу Французской Академіи меня ввелъ Леонъ Сей передъ засѣданіемъ, чтобы познакомить съ собиравшимися членами. Въ Академіи наукъ засѣданіе 21 октября происходило только за два дня до начала торжествъ юбилейныхъ, и потому на немъ присутствовали многіе иностранные члены и корреспонденты. Начало засѣданія было очень шумное, только что познакомившіеся сосѣди не обращали вниманія на докладъ непремѣннаго секретаря, знаменитаго химика г. Берто, и предсѣдатель г. Маре долженъ былъ многократно прибѣгать къ звонку. Сначала докладывали нѣсколько дѣйствительныхъ членовъ, потомъ изъ иностранцевъ астрономъ Локьеръ, а мною представленъ былъ атласъ магнитныхъ изаномалъ и вѣковыхъ измѣненій¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ я положилъ на столъ предсѣдателя три адреса отъ русскихъ ученыхъ обществъ, а именно Императорскаго Русскаго географическаго, Императорскаго Спб. минералогическаго и Русскаго астрономическаго, присоединивъ поздравленія отъ Императорскаго Московскаго общества испытателей природы.

28 октября, въ полдень, я присутствовалъ на очередномъ засѣданіи Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ. Предсѣдательствовалъ Леонъ Сей, при непремѣнномъ секретарѣ Жюль Симонѣ. Тутъ мною представленъ былъ адресъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, прочитанный, въ извлеченіи, предсѣдателемъ Академіи. Присутствовало не болѣе 12 человекъ. Докладывалъ г. Левассеръ объ экономическомъ процвѣтаніи сѣверной Америки на основаніи личныхъ изслѣдованій. Г. Меруа-Болье возражалъ, обращая вниманіе на то, что при частой перемѣнѣ способовъ обработки, въ зависимости отъ новыхъ изобрѣтеній, остаются въ видѣ отбросовъ цѣлыя фабрики и ихъ машины.

Того же 28 числа, въ 3 часа, былъ вторично въ засѣданіи Академіи наукъ (въ сосѣдней залѣ съ залой Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ). Засѣданіе было многолюдно; кромѣ докладовъ академикомъ, дѣлалъ сообщеніе по химіи (довольно иностранное и со многими формулами на доскахъ) посторонній ученый, изъ провинціи. Мною пояснена и представлена была новая 40 верстная гипсометрическая карта западной части Европейской Россіи, въ связи съ прилегающими частями Германіи, Австро-Венгрии и Румыніи.

30 октября, по приглашенію г. Жансена, я посѣтилъ бюро долготъ, которое засѣдаетъ въ особомъ небольшомъ помѣщеніи, также

¹⁾ *Hommage à l'Institut de France. Atlas des isanomales et des variations séculaires du magnétisme terrestre.* Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго общества. С.-Петербургъ. 1895 г.

въ зданіи Института. Здѣсь я сдѣлалъ сообщеніе о гипсометріи Россіи. Г. Пуанкаре докладывалъ о новой магнитной съемкѣ всѣхъ морей, предпринятой по почину бюро долготъ и министерства морскаго. Директоръ обсерваторіи въ Ниццѣ, Перотенъ, сдѣлалъ нѣсколько докладовъ по астрономіи и геодезіи.

2 ноября, мнѣ пришлось быть на обыкновенномъ засѣданіи Академіи художествъ, на которое былъ введенъ новый академикъ, архитекторъ г. Нено (Nenot), избранный по случаю окончанія постройки величественной залы новой Сорбонны. Предметомъ засѣданія были пренія о допущеніи музыкальной пьесы одного ученика Консерваторіи къ исполненію въ годичномъ засѣданіи Академіи. Потомъ, обсуждали необходимость замѣны старой виньетки Института вновь награвированною Минервою. Предсѣдательствовалъ Амбруазъ Тома, при непремѣнномъ секретарѣ графѣ Делабордѣ.

8 ноября, въ три часа, собралась Академія надписей подѣ предсѣдательствомъ египтолога Масперо и при секретарѣ Валлонѣ. Сначала, въ секретномъ засѣданіи, обсуждали о бюджетѣ и преміяхъ, а потомъ было сообщено о новомъ пожертвованіи Ротшильда серебрянаго клада для музея въ Луврѣ.

9 ноября, опять былъ на засѣданіи Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ, при весьма ограниченномъ числѣ присутствовавшихъ. Читалъ «О Сократѣ» престарѣлый Бартеlemi де-С.-Илеръ (91 года—скончался вскорѣ) по собственноручнымъ запискамъ.

Наконецъ, 15 ноября, въ часъ дня, вмѣстѣ съ академиками, которые были въ костюмахъ, я прошелъ изъ библіотеки въ залу подѣ куполомъ, въ годовое засѣданіе Академіи надписей. Годовой отчетъ съ присужденіемъ премій кончился некрологомъ о римскомъ археологѣ Росси и чтеніемъ записки о кладѣ, пожертвованномъ Лувру Ротшильдомъ.

Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ всѣхъ засѣданій, приводитъ къ тому, что каждое отдѣльное засѣданіе, можетъ быть, и не представляетъ выдающагося интереса, но, въ сложности, не подлежитъ сомнѣнію, что весь Институтъ составляетъ дѣйствительно одну семью. Частыя встрѣчи въ тѣхъ же уютныхъ залахъ членовъ всѣхъ пяти Академій устанавливаютъ между ними тѣсное, корпоративное общеніе, на самыхъ притомъ простыхъ, непринужденныхъ началахъ, лишенныхъ какого либо официальнаго тона, такъ что залы Института представляютъ изъ себя какъ бы товарищескій научный клубъ, гдѣ въ опредѣленный часъ всегда можно обмѣняться задушевнымъ разговоромъ съ лицами просвѣщенными и найти поддержку въ своихъ трудахъ со стороны лицъ, свѣдущихъ по другимъ отраслямъ творчества.

Для управленія имуществомъ и дѣлами всего Института существуетъ административная комиссія, о которой упомянуто выше. А такъ какъ, кромѣ того, каждая Академія имѣетъ свои капиталы,

то для завѣдыванія ими каждая Академія избираетъ изъ своей среды двухъ членовъ и непремѣнныхъ секретарей. Внутренній распорядокъ утверждается каждою Академіею, которая въ этомъ смыслѣ имѣютъ большую самостоятельность.

Мы уже привели свѣдѣнія о содержаніи академикомъ и о мундирѣ, предоставленномъ также иностраннымъ *associés*, но не корреспондентамъ, которые теряютъ это званіе, если они остаются въ Парижѣ на постоянномъ жительствѣ (что, однако, строго не соблюдается).

Намъ нужно еще добавить, что Институтъ располагаетъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, присужденіемъ большой правительственной преміи, которая каждые два года составляетъ сумму въ 20.000 франковъ и присуждается Институтомъ по представленію очередной Академіи. Кроме этой преміи, существуетъ еще 7 другихъ, присуждаемыхъ всѣмъ Институтомъ, а 10 премій предоставлены по завѣщанію нѣсколькимъ Академіямъ. Общее число лицъ, ежегодно награждаемыхъ, достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ, и характерно, что даже самыя большія преміи присуждаются часто иностранцамъ (такъ въ 1896 году награждены Бергманъ въ Берлинѣ за противодифтеритный серумъ, лордъ Ралей и Рамсей въ Лондонѣ за открытіе аргона и гелія). Такимъ образомъ, при весьма скудномъ содержаніи академикомъ, Институтъ слѣдуетъ считать весьма богатымъ учрежденіемъ, раздающимъ ежегодно до полумилліона франковъ.

Мнѣ остается, для полноты картины, дать статистику иностранныхъ членовъ и корреспондентовъ по національностямъ, или точнѣе по государствамъ.

А К А Д Е М І И:

	Надписей.			Наукъ.			Художест.			Мор. и пол.			Всего Инст.		
	Чл. Корр.	Чл. Корр.	Всего.	Чл. Корр.	Чл. Корр.	Всего.	Чл. Корр.	Чл. Корр.	Всего.	Чл. Корр.	Чл. Корр.	Всего.	Чл. Корр.	Чл. Корр.	Всего.
Германія (безъ Баваріи)	26	34	60	22	63	85	14	26	40	9	20	29	71	143	214
Великобританія и Ирландія	8	19	27	21	81	102	4	12	16	12	29	41	45	141	186
Италія	8	18	26	4	30	34	24	45	69	4	12	16	40	105	145
Швеція, Норвегія, Данія	2	6	8	3	27	30	2	8	10	—	6	6	7	47	54
Швейцарія	1	6	7	4	25	29	1	6	7	2	6	8	8	43	51
Бельгія	1	5	6	1	5	6	2	24	26	2	6	8	6	40	46
Австро-Венгія, Баварія	4	8	12	—	12	12	2	8	10	2	8	10	8	36	44
Россія	1	4	5	1	14	15	2	10	12	—	7	7	4	35	39
Испанія, Португалія	—	6	6	—	9	9	3	7	10	1	6	7	4	28	32
Нидерланды	1	5	6	—	8	8	1	4	5	—	4	4	2	21	23
Сѣв.-Амер. Соед. Штаты	—	1	1	1	11	12	2	1	3	5	7	12	8	20	28
Турція	—	3	3	—	1	1	—	—	—	—	2	2	—	6	6
Греція	—	4	4	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	6	6
Южная Америка	—	—	—	1	1	2	—	—	—	1	1	2	2	2	4
Суммы	52	119	171	58	287	345	57	153	210	38	114	152	205	673	878

Изъ этой таблицы видно, что первое мѣсто, по числу, занимаетъ Германія, которая, даже безъ Баваріи, имѣетъ почти четверть общей суммы; второе мѣсто принадлежитъ Великобританіи, третье Италіи, а на всѣ прочія страны приходится, въ совокупности, только 38% общаго числа.

Вышеприведенная статистическая таблица воспроизведена въ точности такъ, какъ она дана въ сочиненіи графа Франквилля. При критическомъ сличеніи съ именными списками, приложенными къ тому же труду, съ цѣлью составленія полнаго списка собственно русскихъ ученыхъ и художниковъ, избранныхъ въ составъ Института Франціи, за все время столѣтняго его существованія, обнаружилось, что общее число русскихъ будетъ больше или меньше въ зависимости отъ того, причислять ли туда же ученыхъ и художниковъ, работавшихъ, особенно въ началѣ столѣтія, въ Финляндіи и въ Польшѣ, а также въ зависимости отъ того, причислять ли ученыхъ, посвятившихъ часть своей жизни дѣятельности въ Россіи, на официальныхъ постахъ. Предоставляя читателю окончательное рѣшеніе, кто изъ помѣщенныхъ ниже лицъ можетъ считаться представителемъ Россіи, въ томъ или другомъ смыслѣ, полагаю, что возможно широко составленный списокъ дастъ матеріалъ для разнаго рода сопоставленій и выводовъ. Списокъ расположенъ по старшинству Академій и съ обозначеніемъ года избранія и секціи, для корреспондентовъ трехъ Академій, гдѣ таковыя секціи существуютъ.

Иностранные члены. *Associés étrangers.*

Академія надписей: 1820 графъ Уваровъ; Академія наукъ: 1802 Палласъ, 1874 Чебышевъ, 1876 Беръ; Академія художествъ: 1888 Антокольскій ¹⁾.

Корреспонденты. *Correspondants.*

Академія надписей: 1812 Линде, 1821 Стемповскій, 1823 Френъ, 1863 Жиль, 1876 Дорнъ, 1881 Бѣтлингъ, 1886 Бретшнейдеръ, 1889 Наукъ, 1889 Радловъ, 1896 баронъ Розень.

Академія наукъ: 1803 Почобуть (астрономія), 1809 Бетанкуръ (механика), 1810 Крузенштернъ (географія и мореплаваніе), 1831 Шумахеръ (астрономія), 1838 Литровъ (астрономія), 1839 В. Струве (астрономія), 1846 Демидовъ (географія), 1851 Аргеландеръ (астрономія), 1856 Остроградскій (геометрія), 1856 баронъ Врангель (географія и мореплаваніе), 1860 Нордманъ (анатомія), 1861 графъ Литке (географія и мореплаваніе), 1861 Чихачевъ (географія и мореплаваніе) ²⁾, 1865 О. Струве (астрономія), 1870 Брантъ (анато-

¹⁾ Такъ называемые иностранные ассосье по секціямъ не распредѣляются. Въ качествѣ корреспондента Чебышевъ принадлежалъ къ секціи геометріи, Беръ къ секціи анатоміи, Антокольскій къ секціи скульптуры.

²⁾ Необходимо замѣтить, что нашимъ соотечественникомъ, П. Чихачевымъ, пожертвованъ капиталъ въ 100.000 франковъ, проценты съ котораго, въ количествѣ 3.158 франковъ, назначаются Институтомъ ежегодно въ видѣ преміи отъ Академіи наукъ одному естественному испытателю, изслѣдователю Азіатскаго континента.

мія), 1873 Зининъ (химія), 1874 Кокшаровъ (минералогія), 1879 Абихъ (географія), 1879 Гильденъ (астрономія), 1892 Тилло (географія), 1895 Баклундъ (астрономія), Ковалевскій (зоологія).

Академія художествъ: 1830 Брюлловъ (архитектура), 1859 баронъ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ (скульптура), 1863 Кузьминъ (архитектура), 1863 графъ Толстой (скульптура), 1875 Рубинштейнъ (музыкальная композиція), 1880 Штромъ (архитектура), 1889 Семиградскій (живопись), 1890 князь Чарторыжскій (почетный членъ, *correspondant libre*), 1892 Чайковскій (музыкальная композиція), 1894 Кюи (музыкальная композиція), 1896 графъ Сюзоръ (архитектура).

Академія наукъ моральныхъ и политическихъ: 1833 Шторхъ (политическая экономія, статистика и финансы), 1857 Тенгоборскій (политическая экономія, статистика и финансы), 1888 Богисичъ (законовѣдніе), 1888 Побѣдоносцевъ (законовѣдніе), 1891 Рафаловичъ (политическая экономія, статистика и финансы), 1891 Половцовъ (исторія), 1896 Мартенсъ (исторія).

При составленіи такого расширеннаго списка я руководился тою мыслью, что Россіи, предоставлявшей столь широкое гостепрѣимство и поддержку иностраннаго происхожденія ученымъ и художникамъ, по справедливости, принадлежитъ право смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ представителей, хотя бы и въ нѣкоторой только степени. Такимъ образомъ, вмѣсто числа 39-ти, которое значится въ таблицѣ графа Франквилля, составленный мною списокъ заключаетъ въ себѣ 54 имени, при чемъ присоединены трое избранныхъ послѣ столѣтняго юбилея.

Права *associés* отличаются отъ правъ корреспондентовъ главнымъ образомъ тѣмъ, что первымъ предоставлено право носить костюмъ съ пальмами, и вообще они окружаются большимъ почетомъ. Такъ, на обѣдѣ въ *Hôtel Continental*, во время празднованія столѣтія Института, особыя карточки, съ указаніемъ мѣста, были приготовлены для пяти предсѣдателей, для шести непремѣнныхъ секретарей и для иностранныхъ *associés*. Лица этихъ категорій составляли какъ бы высшую аристократію, отличенную отъ прочихъ, которые размѣстились по собственному усмотрѣнію. Нельзя не прийти къ убѣжденію, что и въ средѣ Института, этой республики литературы, науки и искусствъ, придерживаются правила: «*l'égalité c'est le désir d'être égal à ses supérieurs et supérieur à ses égaux*»¹⁾.

Всему личному составу высылается отъ секретаріата маленькій ежегодникъ подъ заглавіемъ «*Institut de France. Annuaire pour l'an...*». Въ немъ помѣщены также адреса всѣхъ членовъ и корреспондентовъ. На основаніи означеннаго ежегодника за 1896 годъ

¹⁾ «Равенство заключается въ желаніи быть равными съ тѣми, кто выше, и превосходить тѣхъ, кто равенъ съ нами».

и книги графа Франквилля мною сдѣлана выборка касательно возраста академиковъ въ годъ ихъ избранія и къ январю 1896 г. Изъ прилагаемой таблицы въ общемъ выводѣ получается, что въ дѣйствительные члены академики попадаютъ въ среднемъ на 52 году жизни ¹⁾, а средній возрастъ ихъ въ настоящее время равняется 64. Умерли вскорѣ послѣ юбилея А. Тома, Ж. Симонъ, Л. Сей, Добре и другіе. Средній возрастъ иностранныхъ $\frac{\text{сочленовъ associates}}{\text{корреспондентовъ}}$ $\frac{63}{54}$ при избраніи и $\frac{71}{63}$ къ настоящему времени. Число профессоровъ особенно велико въ Академіяхъ надписей и наукъ (по 80^{0/0}), затѣмъ въ Академіи наукъ моральныхъ и политическихъ профессора составляютъ 60^{0/0} всего состава, въ Академіи художествъ ихъ 50^{0/0}, а во Французской Академіи только немного болѣе трети всего состава—35^{0/0}.

Академіи.	Средній возрастъ членовъ Института							
	при избраніи			къ 1896 году.				
	Д. ч.	Св. ч.	Ип. ч.	Корр.	Д. ч.	Св. ч.	Ип. ч.	Корр.
Французская . . .	51	—	—	—	60	—	—	—
Надписей	51	56	64	53	65	66	70	63
Наукъ	49	59	66	55	63	67	71	64
Художествъ	52	56	55	53	54	66	67	62
Н. мор. и пол.	54	55	68	54	68	62	76	64
Средній возрастъ . . .	52	56	63	54	64	65	71	63

Въ заключеніе, чтобы подвести итоги моей статьи, мнѣ приходится вернуться къ рѣчамъ, произнесеннымъ въ торжественномъ, юбилейномъ собраніи 25-го октября 1895 года. Оба оратора, удрученный годами Жюль Симонъ и молодой министр народнаго просвѣщенія Пуанкаре—первый заключилъ, а второй началъ признаніемъ миротворнаго значенія праздника, называя его конгрессомъ мира. Жюль Симонъ указывалъ на то зрѣлище, которое поражаетъ современниковъ, а именно на увеличивающіяся въ послѣднія 25 лѣтъ военныя приготовленія, совершаемая даже съ нѣкоторымъ бѣшенствомъ, въ то время, какъ всѣ мыслители, государственные люди и даже монархи громко протестуютъ противъ ужасовъ войны. Жюль Симонъ видитъ только одинъ путь къ восстановленію дружбы между народами, это общія большія работы и большія услуги, оказанныя сообща человечеству. Министръ Пуанкаре припомнилъ, что при открытіи Института, сто лѣтъ назадъ, министръ просвѣщенія Дону такъ же выражалъ твер-

¹⁾ Самыми молодыми избираются геометры и вообще члены класса математическихъ наукъ. Вотъ средній возрастъ при избраніи по секціямъ: геометрія—37, механика—46, астрономія—42, географія—55, физика—43; общее среднее для класса наукъ математическихъ—44; секціи: химія—52, минералогія—53, ботаники—49, агрономія—59, анатомія и зоологія—52, медицины и хирургія—54, среднее для класса наукъ физическихъ—53, а для всей Академіи наукъ—49.

дую надежду, что это учрежденіе послужитъ къ установленію мира, сначала среди просвѣщенныхъ людей, а потомъ и во всемъ свѣтѣ. Однако, въ теченіе девятнадцатаго вѣка миръ неоднократно нарушался, такъ что за невозможностью питать надежду, чтобы двадцатый вѣкъ протекъ безъ войны, слѣдуетъ радоваться хотя бы такимъ перемиріямъ, какъ бывшее торжество, въ которомъ большія семьи народовъ узражаютъ, хотя кратковременно, въ дальнемъ и неопредѣленномъ свѣтѣ, идеаль высшей цивилизаціи.

Въ этомъ же смыслѣ сочиненъ конецъ стихотворенія Сюлли Прюдома:

15. C'est ainsi que toute œuvre excellentement humaine,
Par où l'âme décore ou grandit son domaine,
Toute œuvre auguste, ayant sur l'avenir des droits,
Trouve en ces créateurs des maîtres et des juges,
Chez eux contre l'oubli le meilleur des refuges,
Une cité sans roi, qui s'ouvre aux fils des rois!
16. Généreuse cité pour soi seule économe!
Ils prodiguent un or qu'on recherche et renomme,
Pluie utile au laurier déjà mûr ou naissant.
Des deniers de la gloire ils n'ont que la gérance:
Les palais qu'on leur lègue enrichissent la France,
C'est dans leur cœur le sien qui bat reconnaissant.
17. Tout penseur leur est proche en dépit de l'espace;
L'étranger que nul autre en éclat ne surpasse
Dans leurs travaux par eux est élu leur second,
Car sa race et la leur sont en vain différentes:
Un même haut souci fait les âmes parentes,
Et le même idéal sacre leur noeud fécond.
18. Pourtant ils ont, Français, la patrie à défendre.
Ils l'aiment, eux aussi, d'un amour mâle et tendre:
S'ils ont dû poser l'arme en prenant le flambeau,
Remettre aux jeunes bras l'honneur de sa frontière,
Ils réclament le droit de déployer entière
L'aile de son génie autour de son drapeau.
19. Ce libre et fier génie, ennemi des ténèbres,
A pour symbole cher les trois couleurs célèbres,
Dont l'histoire a scellé l'union pour jamais.
Surtout les deux couleurs voisines de la hampe,
Où l'aspiration s'épure et se retrempe:
Les sublimes couleurs du ciel et de la paix.

И такъ, что на землѣ высоко и свѣтло,
Чѣмъ умножается духовное владѣнье,
Все въ тѣхъ мужахъ себѣ блюстителей нашло,
Прекрасное хранящихъ отъ забвенья;
И царство безъ царя являютъ намъ они,
Но въ славномъ царствѣ томъ живутъ цари одни.

Богатство имъ дано, но щедрою рукою
 Не для себя они его потоки льютъ,—
 Зеленый лавръ другихъ кропятъ росой златою,
 Другимъ червонцы славы раздають;
 Дворцы ли имъ дарятъ, наслѣдство завѣщаютъ,—
 Отчизну тѣ дары, не ихъ обогащаютъ.

Мыслитель странъ чужихъ имъ близокъ и родной,
 Пусть раздѣляютъ ихъ громадныя пространства,
 Они его въ союзъ включаютъ въ тѣсный свой
 И въ царствѣ у себя даютъ права гражданства;
 Пусть разные у нихъ языкъ и племена,—
 Одинъ ихъ идеаль и цѣль у нихъ одна.

Но, Франціи сыны, они къ своей отчизнѣ
 Любовью крѣпкою и нѣжною полны,
 Хотя въ полѣ не они съ опасностію жизни,
 Съ мечемъ въ рукахъ хранить ее должны;—
 Имъ жребій далъ иной отчизны свѣтлый Геній,
 Имъ ввѣрилъ онъ огонь высокихъ вдохновеній;

И знамя имъ вручилъ, какъ славный свой,—
 Исторія на немъ три цвѣта сочетала,
 Запечатлѣвъ печатью вѣковой,—
 И дороги всѣ три, но первый у начала,
 О небѣ говоритъ лазурной синевою,—
 Какъ символъ мира, чистъ и свѣтелъ цвѣтъ второй.

Характеристика правительственнаго взгляда на роль Института вполне ясно выражена была министромъ Пуанкаре въ его рѣчи. По мысли учредителей, Институтъ не долженъ былъ имѣть никакого административнаго надзора, на него не было возложено никакое учебное дѣло; онъ долженъ былъ преимущественно примѣромъ способствовать развитію наукъ и усовершенствованію просвѣщенія. Къ нему долженствовало стекаться все, что дѣлалось великое и прекрасное въ странѣ, какъ къ средоточію всѣхъ истинъ, чтобы изъ этого центра разливаться по всей Франціи; какъ вершина, откуда произведенія литературы, науки и искусствъ, связанные въ могущественное единство, будутъ направлять судьбы нераздѣльнаго отечества. Вотъ слова Жюль Симона: «De même que le Dieu d'Aristote meut sans être mu et peut ignorer le monde auquel il donne la vie, il suffit aux savants et aux poètes d'être, et d'être connus. Leurs œuvres produisent le mouvement, et en même temps elles le règlent par l'admiration qu'elles inspirent»¹⁾.

¹⁾ «На подобіе Бѣгу Аристотеля, ученымъ и поэтамъ достаточно существовать и быть извѣстными. Ихъ творенія производятъ движеніе, регулируемое тѣмъ восхищеніемъ, которое проявляется къ этимъ твореніямъ».

Институтъ, на дѣлѣ, никогда не претендовалъ исчерпать указанныхъ ему цѣли. Но онъ всегда участвовалъ въ литературномъ, научномъ и художественномъ движеніи вѣка, и въ тѣхъ случаяхъ, когда инициатива не исходила изъ его среды, Институтъ старался приобщить къ себѣ выдающихся передовыхъ дѣятелей. Не вводя какихъ либо доктринъ, Институтъ признавалъ въ геніѣ Франціи свойственныя ему гибкость, силу и грацію. Онъ сохранялъ постоянную связь съ обществомъ; не пренебрегалъ нападками противъ своей дѣятельности. Соединяя традиціи прошлаго съ вѣяніями новизны, Институтъ поддержалъ истинно французскія качества тонкости сужденія, шѣры и простоты.

А. Тилло.

Октябрь 1896 года.

КНЯГИНЯ ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛКОНСКАЯ

(род. 1792 г. † 1862 г.).

I.

Рожденіе княгини З. А. Волконской (урожденной княжны Бѣлосельской).—Князь А. М. Бѣлосельскій.—Воспитаніе дочери.—Смерть князя Бѣлосельскаго.—Выходъ замужъ Зинаиды Александровны за князя Волконскаго.—Положеніе Зинаиды Александровны при дворѣ.

КНЯГИНЯ Зинаида Александровна Волконская, одна изъ самыхъ блестящихъ и даровитыхъ представительницъ русскаго высшаго общества первой половины XIX вѣка, родилась въ 1792 году въ Туринѣ, гдѣ ея отецъ, князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій, былъ посланникомъ ¹⁾. Зинаида Александровна лишилась матери (урожденной Татищевой) при рожденіи и осталась на рукахъ отца, которому всецѣло обязана своимъ умственнымъ и эстетическимъ образованіемъ, любовью къ литературѣ и искусству.

Князь А. М. Бѣлосельскій (род. 1752 г., † 1809 г.), жившій въ пору наибольшаго увлеченія нашего общества всѣмъ французскимъ, былъ русскимъ только по рожденію и фамилии. Онъ провель много лѣтъ за границей въ качествѣ посланника, сначала въ Дрезденѣ, затѣмъ

¹⁾ При учрежденіи родового командорства Павломъ I, князь А. М. Бѣлосельскій, какъ старшій въ родѣ, получилъ титулъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго; но его дочери не наследовали этого титула и носили фамилію княженъ Бѣлосельскихъ.

въ Туринѣ, и за свои французскія сочиненія былъ избранъ членомъ нѣсколькихъ заграничныхъ ученыхъ обществъ. По отзывамъ современниковъ, это былъ человекъ умный, образованный и въ высшей степени любезный; онъ находился въ сношеніяхъ и перепискѣ со многими европейскими знаменитостями и, между прочимъ, съ Вольтеромъ и Делилемъ, которые съ похвалою отзывались о его французскихъ стихотвореніяхъ¹⁾. При этомъ, увлекаясь до страсти искусствомъ, онъ заказывалъ и гравировалъ въ Туринѣ портреты русскихъ историческихъ и литературныхъ дѣятелей, собралъ замѣчательную коллекцію картинъ и статуй, которая была впослѣдствіи перевезена въ Москву.

Такою же любовью къ литературѣ и искусству наслѣдовала отъ отца Зинаида Александровна, чему способствовало окружавшее ее съ дѣтства просвѣщенное общество, великія произведенія искусства и художественные памятники классическаго міра. Хотя князь Бѣлосельскій вступилъ во второй бракъ (съ дочерью Г. В. Козицкаго), но самъ былъ наставникомъ и учителемъ своей старшей дочери Зинаиды Александровны и воспиталъ ее въ традиціяхъ русскаго высшаго общества XVIII вѣка. Вслѣдствіе этого, Зинаида Александровна, едва знакомая съ русскою рѣчью, въ совершенствѣ владѣла французскимъ языкомъ, знала итальянскій, англійскій и даже греческій и латинскій языки. Вмѣстѣ съ отцомъ она читала итальянскихъ поэтовъ и французскихъ классиковъ; оба превосходно декламировали стихи Корнеля, Расина и Вольтера. Вліяніе отца и ранніе годы жизни, проведенные въ Италіи, способствовали развитію природныхъ дарованій Зинаиды Александровны къ музыкѣ и пѣнію, которыми она прославилась впослѣдствіи не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ для Зинаиды Александровны началась новая жизнь; но въ 1809 году, когда ей едва исполнилось 17 лѣтъ, князь А. М. Бѣлосельскій неожиданно скончался. Смерть отца, лучшаго и единственнаго друга дѣтства и ранней молодости,

¹⁾ Русскіе стихи плохо давались А. М. Бѣлосельскому, и князь П. А. Вяземскій, подсмѣиваясь надъ его метроманіей, называлъ ихъ эксцентрическими. Между прочимъ, много шуму надѣлала русская опера А. М. Бѣлосельскаго: «Одинька, или первоначальная любовь», которая въ царствованіе императора Павла I была разыграна въ Москвѣ на домашнемъ театрѣ Столыпина. По словамъ Вяземскаго, «поэтическія и другія вольности были доведены въ ней до самыхъ крайнихъ предѣловъ, такъ что вся публика пришла въ негодованіе; дамы съ ужасомъ выбѣгали изъ залы, и скоро весь городъ наполнился молвою объ этомъ представленіи. Слухи дошли до Петербурга, и туда потребовали рукопись оперы. Испуганный князь Бѣлосельскій обратился къ своему пріятелю Н. М. Карамзину и просилъ замѣнить скоромныя выраженія болѣе приличными», что и было исполнено. Въ этомъ исправленномъ видѣ рукопись отправлена въ Петербургъ; и такъ какъ въ ней не найдено ничего предосудительнаго, то она была напечатана въ 1796 году. (Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, Спб., 1888, т. VII, стр. 96).

была тяжелымъ ударомъ для Зинаиды Александровны и, по свидѣтельству А. Н. Волконскаго, отразилась на всей ея дальнѣйшей жизни, такъ какъ съ этого времени у ней явилась «склонность къ задумчивости, которая не оставляла ее даже среди свѣтскихъ развлеченій» ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе, черезъ годъ послѣ смерти отца, Зинаида Александровна вышла замужъ за молодого егермейстера, князя Никиту Григорьевича Волконскаго ²⁾). Благодаря положенію и родственнымъ связямъ мужа, своей красотѣ, уму и образованію, Зинаида Александровна заняла видное мѣсто при дворѣ императора Александра I, который съ перваго знакомства и до конца своей жизни относился къ ней съ особеннымъ благоволеніемъ и дружескимъ участіемъ. Покровительство, оказываемое государемъ княгинѣ Волконской, удвоивъ вниманіе къ ней придворныхъ и поклоненіе ея красотѣ, въ то же время вызвало тайное недоброжелательство со стороны ея соперницъ, сопровождаемое клеветой и злословіемъ, которыя глубоко огорчали ее.

При этихъ условіяхъ рожденіе ея единственнаго сына Александра, въ августѣ 1811 года, было для Зинаиды Александровны особенно счастливымъ событіемъ; и она всей душой предалась материнскимъ заботамъ, которыя избавляли ее отъ необходимости бывать въ свѣтѣ. Къ тому же слухи о грандіозныхъ приготовленіяхъ Наполеона къ походу въ Россію все усиливались, возбуждая общую тревогу, а, съ наступленіемъ войны 1812 года, само собою должны были прекратиться всѣ придворныя увеселенія и празднества.

¹⁾ Oeuvres choisies de la princesse Zénoïde Volkonsky, née princesse Beloselsky. Paris et Carlsruhe, 1865, t. I, Preface, p. II. Во II-мъ томѣ, также изданномъ въ Карлсруэ въ 1865 году сыномъ З. А. Волконской (А. Н. Волконскимъ), помѣщены русскія сочиненія княгини З. А. Волконской. Оба тома составляютъ библиографическую рѣдкость.

²⁾ Князь Н. Гр. Волконскій служилъ сначала адъютантомъ у дѣда своего по матери, фельдмаршала князя Н. В. Репнина, въ Вильнѣ, но вскорѣ его постигла опала; и онъ по повелѣнію императора Павла I былъ уволенъ вмѣстѣ съ поручикомъ Лубяновскимъ за «Репнинскій духъ». Но онъ снова вошелъ въ милость при Александрѣ I, который назначилъ его флигель-адъютантомъ и поручалъ важныя дипломатическія дѣла, гдѣ, кромѣ врученія депешъ, нужны были словесныя объясненія, какъ, напримѣръ, съ Наполеономъ I въ Байонѣ, въ 1808 году. За свои заслуги въ сраженіяхъ 1813 и 1814 гг. князь Н. Гр. Волконскій получилъ отъ государя Георгіевскій крестъ и шпагу съ алмазами. («Русск. Арх.», 1874, т. IV, стр. 1047—1050, «Изъ семейныхъ воспоминаній объ отцѣ кн. А. Н. Волконскаго»).

II.

Путешествіе княгини З. А. Волконской въ свитѣ императора Александра I.—Піеса А. С. Шишкова. — Письма, императора Александра I къ Волконской. — Вѣнскій конгрессъ. — Появленіе на сценѣ З. А. Волконской. — Возвращеніе въ Россію и отъѣздъ въ Одессу.

Весною 1813 года, З. А. Волконская вмѣстѣ съ своимъ двухлѣтнимъ сыномъ отправилась въ свитѣ Александра I въ Германію. Путешествіе государя по Саксоніи (только что очищенной отъ непріятели) до Дрездена, по словамъ очевидца, извѣстнаго адмирала А. С. Шишкова, представляло непрерывное торжество, сопровождаемое оваціями со стороны мѣстнаго населенія. «Съ нами ѣхали, пишетъ Шишковъ, двѣ княгини Волконскія: Софья Григорьевна, жена начальника главнаго штаба князя П. М. Волконскаго, и Зинаида Александровна, жена князя Никиты Григорьевича, егермейстера. Дорогою, во время роздыховъ нашихъ, государь часто ихъ посѣщалъ. Приближаясь къ Дрездену, вздумалось имъ, по пріѣздѣ въ него, дать государю маленькій праздникъ, въ которомъ онѣ двѣ и третья также путешествующая съ нами г-жа Салданша, урожденная Хитрово, хотѣли сами дома у себя сыграть передъ нимъ сочиненную на походъ нашъ піеску. Онѣ просили меня написать онуку. Желая услужить имъ, я охотно за это взялся и, написавъ для опыта одно только начало, принесъ къ нимъ, чтобъ прочитать и узнать, то ли имъ надобно, и такъ ли я началъ. Опытъ сей имъ понравился; и онѣ на нѣкоторое время оставили его у себя. На другой день пришелъ я къ нимъ и услышалъ, что намѣреніе ихъ не имѣло успѣха; государь былъ у нихъ, и неизвѣстно, по какой причинѣ, на то не согласился...»¹⁾

Начало этой пьесы, подъ заглавіемъ «Маленькій праздникъ, или слабая дань благодарности русскимъ воинамъ въ лицѣ главнокомандующаго надъ ними», напечатано въ «Запискахъ Шишкова» и настолько бездарно и переполнено наивной лестью, что императоръ Александръ I, прочитавъ хотя бы первыя строки пьесы, едва ли могъ желать ея исполненія, даже помимо другихъ болѣе серьезныхъ причинъ.

Въ это время вся Европа переживала тревожные дни. Наполеонъ, кончивъ свои приготовленія къ новому походу, неожиданно

¹⁾ Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, изд. 1870 г. т. I, стр. 187 — 188. Но, повидимому, А. С. Шишковъ не всегда отличался такой угодливостью относительно своихъ спутницъ и возставалъ противъ ихъ взглядовъ, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ своихъ «Записокъ» (стр. 322 — 323) говоритъ о З. А. Волконской, что она «принадлежитъ къ людямъ, которые хотя и одарены умомъ, но разсуждаютъ, какъ младенцы, что въ Россіи безъ воспитанія французскаго и спектаклей не можетъ быть просвѣщенія!..».

двинулся въ Саксонію, и послѣ первыхъ битвъ, неудачныхъ для союзниковъ, заключено было перемиріе. Тогда Австрія предложила свое посредничество для заключенія мира и съ этой цѣлью отправила князя Шварценберга къ Александру I, который упоминаетъ о немъ въ слѣдующей запискѣ къ З. А. Волконской, безъ обозначенія числа, гдѣ послѣ увѣреній въ дружбѣ къ ней до конца жизни, пишетъ: «Горю нетерпѣніемъ, княгиня, пасть къ стопамъ вашимъ; вчера уже я жаждалъ этого счастья, но небу или, лучше сказать, князю Шварценбергу съ генераломъ Радецкимъ, угодно было иначе: они пребыли у меня до 11 часовъ. Могу ли я явиться къ вамъ между 7 и 8 часами?»¹⁾.

Но вскорѣ возобновленіе военныхъ дѣйствій и близость сраженій заставили находившихся въ свитѣ дамъ: двухъ княгинь Волконскихъ, двухъ княгинь Туркестановыхъ, графиню Остерманъ и Репнину, удалиться въ Прагу, гдѣ, благодаря письмамъ государя къ З. А., онѣ получали вѣрныя извѣстія съ театра войны. Письма эти весьма характерны, такъ какъ показываютъ рыцарское поклоненіе Александра I женщинѣ, которую онъ считалъ лучшимъ украшеніемъ своего двора. Въ письмѣ изъ Яуера отъ 14-го мая 1813 года онъ писалъ ей: «Если когда либо доброе намѣреніе должно было заслуживать награды, то, конечно, я получилъ самую пріятнѣйшую для меня вдали отъ васъ, княгиня, заслуживъ такое любезное отъ васъ письмо. Не могу выразить вамъ, какъ я былъ тронутъ всѣмъ, что вы мнѣ говорите. Вѣрьте, что я умѣю это цѣнить. Податель этого письма разскажетъ вамъ, какъ еще разъ отличились наши войска, и если полный успѣхъ не былъ таковъ, какимъ бы мы его желали, тѣмъ не менѣе славны для храброй нашей арміи сопровождавшія его событія. Всѣ мы въ наилучшемъ расположеніи духа. Ко всѣмъ желаніямъ успѣховъ нашимъ войскамъ я присоединяю еще искреннѣйшее желаніе, чтобъ они доставили мнѣ счастье скорѣе видѣть васъ. Благоволите пока сохранить мнѣ мѣсто въ вашей памяти, коей я столько дорожу, и напомните также обо мнѣ княгинѣ Софіи (женѣ П. М. Волконскаго)».

Слѣдующее письмо государя изъ Теплица, отъ 21-го августа 1813 года, носитъ тотъ же дружескій характеръ: «Не имѣю возможности, княгиня, дожидаться отъѣзда обыкновеннаго курьера (князя Н. Гр. Волконскаго, мужа З. А.), чтобы выразить вамъ всю признательность за милое письмо ваше и за все, что оно содержитъ любезнаго. Желаю только одного—быть сколько нибудь похожимъ на то существо, которое вы описали и назвали моимъ именемъ,

¹⁾ «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», 1868, т. III, стр. 310—314, «Шесть писемъ императора Александра I къ княгинѣ З. А. Волконской» (письма эти, написанныя на французскомъ языкѣ, сообщены княземъ А. Н. Волконскимъ, сыномъ З. А.).

хотя мнѣ до этого еще далеко. Вамъ однѣмъ принадлежитъ рѣдкое искусство дѣлать любезными тѣхъ, съ которыми вы находитесь, такъ какъ вы сами одарены той природной и благосклонной любезностью, которая всякаго дѣлаетъ при васъ непринужденнымъ. За то провести съ вами нѣсколько часовъ—истинное наслажденіе...». Затѣмъ, сообщая о побѣдахъ, одержанныхъ русскими войсками, Александръ I добавляетъ: «Какъ видите, благодаря Всемогущему, дѣла идутъ недурно. Умоляю васъ продолжать немного интересоваться нашими воинами, и будьте напередъ увѣрены въ нашей дани признательности... Вѣрьте, княгиня, въ привязанность мою до конца жизни...».

Въ письмѣ изъ Лейпцига, отъ 10-го октября того же года, Александръ I, извѣщая княгиню З. Волконскую о пораженіи Наполеона подъ Лейпцигомъ и результатахъ побѣды, пишетъ: «Всевышній одинъ руководилъ всѣми, и Ему мы обязаны всѣми этими блестящими успѣхами. Не сомнѣваюсь въ участіи вашемъ, княгиня. Примите полную мою признательность за любезное и восхитительное, что вы мнѣ говорите по поводу ордена Подвязки. Не считая себя вполнѣ достойнымъ, я совершенно раздѣляю вапъ образъ мыслей насчетъ рыцарства и всегда предпочиталъ эти принципы. Если пламенно чувствовать все исходящее отъ прекрасной и любезной женщины есть одно изъ правъ на этотъ орденъ, то я смѣю, по крайней мѣрѣ, надѣяться на него и стремиться къ полученію его. Болѣе, чѣмъ когда нибудь, прошу васъ считать меня на вѣки сердечно и душевно вашимъ, и я также скажу: *Honni soit qui mal y pense*».

Съ перенесеніемъ театра войны во Францію и занятіемъ Парижа союзными войсками, 31-го марта 1814 года, положенъ былъ предѣлъ борьбѣ дѣлой Европы противъ Наполеона. Съ 1-го ноября того же года начался знаменитый Вѣнскій конгрессъ, на которомъ присутствовали два императора, четыре короля съ ихъ свитами и уполномоченные другихъ государствъ, помимо многочисленной посторонней публики, прибывшей съ разныхъ концовъ Европы. Все это блестящее общество, собравшееся въ придунайской столицѣ послѣ долгихъ войнъ, снѣшило вознаградить себя за пережитыя тревоги и лишенія. Роскошныя празднества, театральныя представленія, балы, рауты, маскарады и фейерверки, карусели, санная ѣзда, парады слѣдовали одни за другими безконечной вереницей, такъ что всѣ эти увеселенія стоили австрійскому двору около 30 милліоновъ гульденовъ. Среди красавицъ разныхъ націй, блиставшихъ на празднествахъ конгресса, особеннымъ поклоненіемъ пользовалась З. А. Волконская, представлявшая собою счастливое сочетаніе молодости, красоты, граціи и живости съ умомъ и любезностью. Здѣсь впервые, передъ многочисленной избранной публикой, она проявила свой рѣдкій талантъ пѣвицы и вызвала восторженныя оваціи со стороны слушателей.

Но еще прежде, чѣмъ окончился Вѣнскій конгрессъ, европейскіе государи должны были возобновить борьбу съ Наполеономъ и, послѣ его вторичнаго низложенія, съѣхались въ Парижъ 10-го іюля 1815 года. Прибытіе въ Парижъ государей трехъ великихъ державъ и заключеніе Священнаго союза послужило поводомъ для новыхъ блистательныхъ празднествъ. З. А. Волконская, въ числѣ другихъ придворныхъ дамъ, явилась опять въ свитѣ Александра I и въ столицѣ вкуса и моды нашла достойныхъ цѣнителей своихъ сценическихъ и музыкальныхъ дарованій. Она заслужила одобреніе Буальдье, Россини и извѣстной *m-elle Mars*, которая, видя ее въ оперѣ и комедіи, выразила сожалѣніе, что «такой сценическій талантъ достался на долю дамы большого свѣта». Въ это же время З. А., устроивъ труппу изъ поклонниковъ Россини, исполняла на сценѣ одного частнаго театра его оперу «*Italiana in Algeri*», что было новостью для парижскаго общества, которое до этого не знало произведеній Россини, такъ какъ во все продолженіе имперіи они только были извѣстны въ Италіи¹⁾.

Въ томъ же 1815 году З. А. сопровождала императора Александра I въ Лондонъ, гдѣ, узнавъ о печальной участи ребенка Павеля, круглаго сироты, брошеннаго на произволъ судьбы, взяла къ себѣ и, крестивъ въ православіе, рѣшила воспитать его вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Изъ Лондона она опять вернулась въ Парижъ, чтобы посвятить себя сценическому искусству. Здѣсь З. А. съ большимъ успѣхомъ играла и пѣла на домашнихъ театрахъ, поддерживая дружескія сношенія съ *m-elle Mars*, которой посвятила граціозныя французскіе стихи; и послала ихъ вмѣстѣ съ гирляндой цвѣтовъ въ день, когда знаменитая актриса должна была выступить въ пьесѣ: «*Le secret du menage*»²⁾.

Императоръ Александръ I не сочувствовалъ артистическимъ стремленіямъ княгини З. А. Волконской и считалъ ихъ неумѣстными, какъ видно изъ его письма къ ней, отъ 12-го (24-го) мая 1816 года, писаннаго въ Парижъ, по поводу ея неудачнаго ходатайства за полковника Лабедойера, который первый перешелъ съ своимъ отрядомъ на сторону Наполеона въ 1815 году и за это былъ приговоренъ королевскимъ судомъ къ смертной казни:

«Вы очень ошибаетесь княгиня, если полагаете, что я когданибудь могъ бы сердиться на васъ за участіе, какое вы принимаете въ дѣлѣ Лабедойера... Изъ того, что я говорилъ вамъ у герцогини Курляндской, вы бы вполне должны были покинуть идею, что я

¹⁾ «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», Спб., 1868, III, стр. 315.

²⁾ «*Oeuvres choisies de la princesse Zen. Volkonsky*» etc I. p. 151. Тамъ же напечатаны и другіе французскіе стихи З. А. Волконской: «*A madame Philis Andrieux*, «*Le demi-mot*», «*La musique*», которые отличаются такимъ же изяществомъ и легкостью слога.

хотѣлъ васъ побранить, какъ вы выражаетесь въ письмѣ вашемъ. Дѣло въ томъ, что если я и негодовалъ на васъ, то уже, конечно, не за Лабедойера, а признаюсь вамъ откровенно за то предпочтеніе, которое вы, казалось, оказывали Парижу со всей его мелочностью. Столь возвышенная и превосходная душа казалась мнѣ не подходящею ко всей этой суетности, и я считалъ ее жалкой пищей для нея. Искренняя моя привязанность къ вамъ, такая долготѣнная, заставляла меня сожалѣть о времени, которое вы теряете на занятія, по моему мнѣнію, такъ мало достойныя вашего участія. Вотъ, княгиня, самое откровенное изложеніе моихъ жалобъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ встрѣчу я минуту вашего къ намъ возвращенія, которое дастъ мнѣ возможность повторить вамъ на словахъ выраженіе чувствъ моихъ къ вамъ»¹⁾.

Не смотря на это письмо, З. А. Волконская вернулась въ Россію только въ 1817 году и осенью того же года отправилась въ Москву, гдѣ ожидали царскую фамилію, по случаю закладки на Воробьевыхъ горахъ храма Спасителя (въ память освобожденія Москвы), которая была назначена 12 октября. Прибытіе двора въ Москву сопровождалось обычными празднествами, парадами, торжественными приѣмами; московское дворянство давало балъ въ честь высочайшихъ особъ, за которыми слѣдовалъ праздникъ, устроенный гвардіей, обѣдъ московскаго купечества и проч.

Фрейлина М. А. Волкова, жившая тогда въ Москвѣ, описывая свое представленіе ко двору въ письмѣ къ В. И. Ланской и подсмѣиваясь надъ петербургскою знатью, не щадитъ и кн. З. Волконскую, къ которой относится съ видимымъ недоброжелательствомъ... «Придворные,—пишетъ она,—прежде бранили Москву, а теперь хвалятъ, говорятъ, что людямъ благомыслящимъ Москва должна казаться весьма интереснымъ городомъ. Съ жителями Москвы обходились благосклонно. Великая княгиня въ восторгѣ отъ Москвы и проучила свою штатсъ-даму Волконскую (Софью Григорьевну),—теперь ваши щеголихи прикусятъ язычки. Когда ея высочеству представлялись частнымъ образомъ нѣкоторыя дамы, она изволила сказать, что «ее весьма интересуетъ все окружающее, что нельзя не чувствовать благодарности Москвѣ, когда подумаешь, что она спасла Европу»... На это княгиня Волконская позволила себѣ замѣтить, что ея высочество измѣняетъ Петербургу. «Сударыня, —возразила великая княгиня,—здѣсь я чувствую себя въ Россіи. Кажется, всякій русскій долженъ больше всего любить Москву. Никто не можетъ упрекать меня за то, что я ее предпочитаю всѣмъ другимъ городамъ»... Затѣмъ слѣдуетъ приписка: «Вотъ и отрывокъ изъ скандальной хроники, — княгиня З. В. компрометировала себя, потому уѣхала въ Одессу съ синьоромъ Барбери; всѣ, даже самъ го-

¹⁾ «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», 1868 г., т. III, стр. 314—315.

сударь совѣтовали ей остаться. Признайтесь, хорошихъ барынь присылаете вы намъ!».. ¹⁾).

Въ Одессѣ княгиня Волконская провела не только остатокъ зимы, но и лѣто, судя по краткимъ извѣстіямъ о ней въ двухъ письмахъ К. Н. Батюшкова изъ Одессы. Такъ, въ письмѣ отъ 12-го іюля 1818 года, онъ сообщаетъ Е. Ѳ. Муравьевой: «Сію минуту иду къ княгинѣ Зинаидѣ съ Сень-При; она здѣсь поселилась, и все у ногъ ея. Она, говорятъ, поетъ прелестно и очень любезна»... Пять дней спустя, въ письмѣ отъ 17-го іюля, Батюшковъ пишетъ А. Н. Оленину: «Здѣсь И. М. Муравьева и кн. З. Волконская пріѣхали для моря» ²⁾...

Въ Одессѣ княгиня Волконская встрѣтила знаменитаго аббата Николая, который былъ извѣстенъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ своей педагогической дѣятельностью ³⁾; и такъ какъ З. А. хотѣла сама заняться воспитаніемъ сына, то обратилась къ аббату Николю съ просьбой составить программу, которая служила бы ей руководствомъ. Почтенный аббатъ добросовѣстно исполнилъ возложенную на него задачу и написалъ подробную записку о воспитаніи кн. А. Волконскаго, которое, согласно его плану, должно было продолжаться двѣнадцать лѣтъ, начиная съ сентября 1819 года. При этомъ въ запискѣ изложено было не только все, что касалось физическаго, религіознаго и нравственнаго воспитанія сына З. А., но указаны были средства поощренія, наказанія и «мѣры предохраненія», которыя главнымъ образомъ заключались въ томъ, чтобы воспитанникъ днемъ и ночью находился подъ непрерывнымъ надзоромъ воспитателя или родителей ⁴⁾.

Неизвѣстно, въ какой степени З. А. Волконская, въ воспитаніи своего сына, слѣдовала программѣ аббата Николая, выполнимой для всякаго учебнаго заведенія при извѣстной дисциплинѣ и правильномъ распредѣленіи времени, но едва ли возможной въ частномъ

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», 1875 г., № 8. Ст. «Грибоѣдовская Москва», М. Свистуновой.

²⁾ Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. I, Спб., 1887 г. стр. 36 «О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова», ст. Л. Н. Майкова съ прим. В. И. Саитова.

³⁾ Доминикъ Карлъ Николь родился 4-го апрѣля 1758 году близъ Руана и съ ранней молодости посвятилъ себя дѣлу воспитанія въ коллегіи св. Варвары. Въ 1793 году онъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ открылъ училище на шесть мальчиковъ, съ платой въ двѣ тысячи рублей за обученіе. Не смотря на высокую плату, родители добивались возможности отдать своихъ дѣтей на воспитаніе аббату Николю, такъ что онъ принужденъ былъ расширить свое заведеніе; но по разстроенному здоровью передалъ дѣло аббату Макарду (Macquard) и переехалъ въ Москву. Въ 1811 г. онъ отправился на югъ Россіи; въ Одессѣ составилъ планъ воспитанія для обоихъ одесскихъ благородныхъ институтовъ; и по его плану основанъ былъ Ришельевскій лицей 2-го мая 1817 года. Въ 1820 году аббатъ Николь покинулъ Россію, въ февралѣ слѣдующаго года назначенъ ректоромъ парижской академіи, а 2-го сентября 1835 года скончался 77 лѣтъ отъ роду.

⁴⁾ «Записка аббата Николая о воспитаніи князя А. Н. Волконскаго» въ русскомъ переводѣ напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1895 г., кн. IV, стр. 486—496.

домѣ. Къ тому же, З. А. при своемъ непостоянномъ характерѣ, чуждомъ какой либо системы, если и считала для себя обязательнымъ исполненіе предписаній аббата Николая, то развѣ въ первое время, а затѣмъ, по всѣмъ даннымъ, воспитывала сына, какъ воспиталь ее отецъ, хотя съ тою разницею, что князь А. Н. Волконскій прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ и съ дѣтства зналъ и любилъ Россію.

III.

Четыре французскія новеллы кн. З. Волконской.—Ея отъѣздъ въ Италію.—Кружокъ молодыхъ русскихъ художниковъ въ Римѣ.—Театральныя представленія въ домѣ кн. З. Волконской.—Иностранные художники.—Веронскій конгрессъ.

Изъ Одессы З. А. Волконская вернулась въ Петербургъ въ началѣ 1819 года въ особенно серьезномъ настроеніи духа. Въ эту пору своей жизни она, повидимому, переживала моментъ нравственнаго утомленія и пресыщенія благами, которыми такъ щедро надѣлила ее судьба. Толпа поклонниковъ, восторженные оваціи ея сценическому таланту и пѣнію, перестали занимать ее; великія событія, пестрая панорама историческихъ лицъ и знаменитостей—все это быстро и ярко пронеслось передъ ея глазами, оставивъ за собою одни воспоминанія. Свѣтская жизнь съ ея пустотой и отсутствіемъ серьезныхъ интересовъ не удовлетворяли болѣе З. А.; она искала уединенія и рѣшила на досугѣ заняться литературой.

Результатомъ этого новаго увлеченія З. А. Волконской были четыре новеллы («Quatre nouvelles»), написанныя въ 1819 году изящной французской прозой. Изъ нихъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія повѣсть «Laure»; этотъ первый опытъ княгини З. А. Волконской носитъ отчасти автобіографическій характеръ, какъ у многихъ начинающихъ писателей. Хотя дѣйствіе происходитъ во Франціи, и многія подробности, очевидно, придуманы съ цѣлью придать романической интересъ разсказу, но въ остальномъ это—автобіографія самой кн. Волконской. Она описываетъ знакомую ей жизнь великосвѣтскаго общества, со всѣми его слабыми сторонами; героиня повѣсти Лора такая же впечатлительная и увлекающаяся, какъ и З. А. Волконская, отличается такой же богатой фантазіей, непостоянствомъ и склонностью къ разсѣянной жизни. Даже по наружности Лора напоминаетъ приложенный здѣсь портретъ кн. З. А. Волконской, написанный К. Брюлловымъ въ 1830 году: то же грустное выраженіе большихъ задумчивыхъ глазъ, греческій профиль, красиво очерченный дѣтскій ротъ. Лора рано выходитъ замужъ и вступаетъ въ новое для нея великосвѣтское общество, которое ослѣпляетъ ее своимъ наружнымъ блескомъ; лестное вниманіе, оказанное ей, и толпа поклонниковъ кружатъ ей голову; она съ

увлечениемъ предаётся всёми свѣтскимъ удовольствіямъ. Но вскорѣ она убѣждается въ пустотѣ и мелочности окружавшаго ее общества, испытываетъ предательство мнимыхъ друзей, клевету и злословіе и, возмущенная до глубины души, рѣшается начать новую жизнь. Она вмѣстѣ съ мужемъ и его пріятелемъ отправляется въ путешествіе, съ жаромъ предаётся искусству и наукамъ, и находитъ въ нихъ душевное успокоеніе. Съ рожденіемъ ребенка въ ней совершается окончательный нравственный переворотъ, она испытываетъ сильное и глубокое чувство материнской любви, которое остается неизмѣннымъ въ ней до конца жизни. То же значеніе въ жизни кн. З. А. Волконской имѣла материнская любовь съ момента рожденія ея единственнаго сына; она никогда не разсталась съ нимъ; и ей всецѣло обязанъ онъ своимъ нравственнымъ и умственнымъ воспитаніемъ до 15-ти-лѣтняго возраста.

Что касается остальныхъ трехъ новеллъ «*Deux tribus du Brésil ou Nabuya et Zioié*», «*Les maris mandingues*», «*L'enfant du Kachemug*», гдѣ изображены дикари трехъ различныхъ частей свѣта: Америки, Африки и Азии, то онѣ написаны такимъ же легкимъ и красивымъ французскимъ языкомъ, но несравненно слабѣе первой повѣсти. Эти три новеллы принадлежатъ къ разряду тѣхъ романическихъ произведеній западной литературы, гдѣ, подъ вліяніемъ идей Руссо и его послѣдователей, дикари пустынь и дѣвственныхъ лѣсовъ надѣлены всеми добродѣтелями, отличаются необычайной чистотой нравовъ, страдаютъ отъ робкой платонической любви и пр. Равнымъ образомъ, герои, изображенные кн. З. А. Волконской, какъ и во многихъ романахъ и повѣстяхъ этого рода, по внѣшности ничѣмъ не отличаются отъ цивилизованныхъ людей, безукоризненно вѣжливы и деликатны въ обращеніи съ окружающими, говорятъ такимъ же изысканнымъ языкомъ. Но, фантазія, необходимая для сочиненія подобныхъ беспочвенныхъ произведеній, проявляется съ особенной силой въ новеллахъ кн. З. А. Волконской, гдѣ богатство вымысла всего болѣе выступаетъ въ описаніяхъ природы, извѣстной автору только по разсказамъ путешественниковъ.

«*Quatre nouvelles*» были изданы въ Москвѣ въ 1819 г. на французскомъ ¹⁾ языкѣ и не имѣли успѣха, тѣмъ болѣе, что имя автора, извѣстное среди петербургской знати, еще не пользовалось популярностью въ русскомъ обществѣ. Послѣ появленія «*Quatre nouvelles*» въ литературной дѣятельности кн. З. А. Волконской наступаетъ долгій перерывъ. Неизвѣстно, было ли это слѣдствіемъ постигнутой ея неудачи, или она, при своей живости и непостоянствѣ, была вообще неспособна предаться надолго какому либо опредѣленному дѣлу. Весною, 1820 года, она уѣхала въ Италію. Здѣсь она

¹⁾ «*Quatre nouvelles*», par la princesse Zéneide Volkonsky, Moscou, 1819, in-8°.

вновь увлеклась искусствомъ и сдѣлалась центромъ художественнаго кружка въ Римѣ, къ которому принадлежали молодые ученики академіи: Э. А. Бруни, Басинъ, Брюлловъ, К. и А. Тоны, С. Щедринъ и др., а также скульпторъ С. И. Гальбергъ, человѣкъ образованный и добродушный, который былъ общимъ любимцемъ.

Гальбергъ въ своихъ письмахъ изъ Рима ¹⁾ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о кн. З. А. Волконской, не лишеныя интереса. Такъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Римъ, въ письмѣ отъ 19 декабря 1820 года, онъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургъ: «Не смотря на то, что я не совѣмъ здоровъ, я долженъ дѣлать визиты и графамъ, и князьямъ, и княгинямъ; и мнѣ хотѣлось въ театрѣ поклониться одной княгинѣ... можетъ быть, навернется работишка. Эта княгиня, княгиня З. А. Волконская, женщина прелюбезная, преумная, предобрая, женщина-авторъ, музыкантъ, актеръ, женщина съ глазами очаровательными, наконецъ, та самая, которая извѣстна въ Петербургѣ подъ именемъ Зинаиды Волконской; она здѣсь живетъ около 8 мѣсяцевъ. Она привезла съ собой сюда живописца Э. А. Бруни, который и живетъ у нея въ домѣ».

Въ другомъ письмѣ, отъ 30-го мая 1821 года, Гальбергъ пишетъ: ...«Когда мы, русскіе пенсіонеры, стали познакомиться съ княгиней Волконской, она начала приглашать насъ на свои музыкальные вечера, что здѣсь въ Римѣ называется приглашать въ академію. Мало-по-малу эти музыкальные вечера превратились въ оперы ²⁾, и мы сами изъ зрителей превратились въ актеровъ. Роли наши, правда, невелики и нетрудны: все дѣло въ томъ, чтобы постоять на сценѣ и не шумѣть, но мы и того не умѣемъ, несмотря на нѣсколько пробъ. Князь Волконскій, мужъ ея, и графъ Остерманъ-Толстой всегда хохочутъ, когда мы посвойски замаршируемъ на сценѣ. Щепкинъ (живописецъ), пріѣхавъ изъ Неаполя, вздумалъ было тоже смѣяться надъ нашимъ актерствомъ; но, въ слѣдующій разъ, его самого нарядили воиномъ и заставили маршировать и сражаться. На этомъ сраженіи онъ такъ ловко хватилъ по лбу Тона, что вышибъ у него всю роль изъ головы. Теперь наша очередь надъ нимъ подтрунивать. Кромѣ театра, ни князь, ни княгиня не причиняютъ мнѣ недосуговъ; и хотя князь Волконскій обѣщалъ было мнѣ заказать что нибудь мраморное, но, кажется, обѣщаніемъ *missa est*;

¹⁾ «Вѣстникъ изящныхъ искусствъ», т. II, вып. V, Спб., 1884 г.: «Скульпторъ С. И. Гальбергъ, въ его заграничныхъ письмахъ и запискахъ, 1818—1823 гг.», стр. 122, 124—125.

²⁾ Въ это время княгиня Волконская, съ помощью Гальберга, служившаго ей переводникомъ нѣмецкаго языка, составила и издала въ Римѣ итальянское либретто для сочиненной ею оперы: «*Giovanna d'Arco*», *dramma per musica ridotto da Schiller, Roma, 1821*», и сама явилась на сценѣ своего домашняго театра въ роли Юанны д'Аркъ. Въ этомъ костюмѣ она изображена на портретѣ, писанномъ Э. А. Бруни, который былъ одной изъ первыхъ его работъ въ Римѣ.

за то онъ рекомендовалъ меня графу Остерманъ-Толстому, нашему кульмскому герою, и съ января у него работаю... Онъ человѣкъ преважный и преспростой. Свѣтъ знаетъ его, какъ великаго чудака и грубіяна; онъ таковъ и есть, но свѣтъ не знаетъ или молчить, что онъ благородный и великодушный человѣкъ и истинный баринъ»...

Кромѣ этого интимнаго кружка, въ римскомъ салонѣ княгини Волконской бывали многіе иностранные художники, въ томъ числѣ такія знаменитости, какъ живописецъ Камуччини, Горасъ Верне, скульпторы: Канова и Торвальдсенъ. Послѣдній жилъ въ Римѣ въ качествѣ пенсіонера Копенгагенской академіи и только-что началъ входить въ славу своей статуей Язона.

Въ октябрѣ 1822 года, З. А. отправилась въ Верону, по случаю новаго конгресса царствующихъ монарховъ, сопровождаемаго пышными преддествіями. Здѣсь она опять появилась на сценѣ во время придворнаго спектакля, даннаго въ честь императора Александра I, который «былъ пріятно пораженъ удачнымъ исполненіемъ его любимой оперы «La Molinara» (соч. Paisiello) ¹⁾.

IV.

Научныя занятія княгини З. Волконской.— Письмо князя Козловскаго.— Изданіе въ Парижѣ «Tableau slave», французской повѣсти княгини Волконской.— Отрывы парижскихъ газетъ и журналовъ.— Историческая поэма «Olga».

Изъ Вероны З. А. уѣхала въ Петербургъ, гдѣ, послѣ разсѣянной жизни и веселія, окружавшаго ее въ Италіи, перешла въ другую крайность. Не принимая никакого участія въ столичныхъ увеселеніяхъ и живя вдали отъ двора, она съ увлеченіемъ предалась воспитанію сына и стала изучать скандинавскую археологію въ связи съ исторіей Россіи, для новой задуманной ею работы «Tableau slave». Въ это время, ея главнымъ руководителемъ въ научныхъ занятіяхъ былъ ученый иностранецъ Андрэ Меріанъ (уроженецъ Базеля, въ молодости прибывшій въ Россію), авторъ извѣстной книги «Principes de l'étude comparative des langues», которая была издана послѣ его смерти Клапротомъ въ 1828 году. Меріанъ, цѣня умъ и образованіе княгини Волконской, любилъ бесѣдовать съ нею о своихъ ученыхъ трудахъ и въ одномъ изъ писемъ къ ней подробно изложилъ свой взглядъ на единство языковъ ²⁾.

Но, повидимому, научныя занятія З. А., такъ мало соотвѣтствовавшія ея общественному положенію, навлекли на нее злобу и на-

¹⁾ Сборникъ Русск. Историч. Общ., 1868 г., т. III, стр. 315.

²⁾ Отрывокъ этого письма напечатанъ въ предисловіи къ 1-му французскому тому сочиненій З. А. Волконской, «Oeuvres choisies», изд. 1865 года.

смѣшки ея великосвѣтскихъ знакомыхъ и, возбуждая сомнѣнія въ собственныхъ силахъ, приводили ея въ отчаяніе. Одинъ изъ ея друзей, князь П. Б. Козловскій ¹⁾, писалъ ей по этому поводу: «Души холодныя, невѣжество и насмѣшки не должны сбивать васъ съ пути. Высшее общество имѣетъ свои заслуги, но никогда въ вещахъ серіозныхъ; послѣднихъ оно не терпитъ, потому что онѣ стѣсняютъ его, указываютъ на умственные преимущества, которыя не совмѣстимы съ его выглаженностью, безличностью, съ тѣмъ, что составляетъ его сущность. Высшее общество отрицательно, въ немъ нѣтъ ничего выдающагося, слѣдовательно, ничего возвышеннаго. Музыка не для глухихъ, истинное знаніе не для пресыщенныхъ, суетныхъ, насмѣшливыхъ. Можно жалѣть ихъ, но не исцѣлять... Храните для вашихъ друзей тотъ источникъ, который освѣжаетъ и обновляетъ все то, чего онъ касается».

Наконецъ, послѣ двухлѣтняго усиленнаго труда, З. А. Волконская кончила свою повѣсть «Tableau slave du cinquième siècle», которая была издана въ Парижѣ въ 1824 году, безъ подписи автора. Въ этой повѣсти, написанной изящнымъ французскимъ языкомъ, З. А. взяла на себя трудную задачу изобразить жизнь и нравы первобытныхъ языческихъ славянъ и указать контрастъ дикихъ обитателей лѣсовъ съ осѣдлыми племенами, живущими на Днѣпрѣ, которыя уже достигли извѣстной цивилизаціи, имѣли законы, понятіе о приличіи и чести.

Герой повѣсти, юный Ладовидъ, возмущенный неравенствомъ половъ и безотвѣтностью женщинъ у полянъ, похищаетъ мужественную красавицу Миліаду у сосѣдняго дикаго племени и приводитъ къ своимъ родителямъ. Но всѣ усилія цивилизовать дикарку оказываются напрасными; она обкрадываетъ своего мужа и возвращается къ прежней жизни. Ладовидъ отправляется на поиски, находитъ ее и убѣждаетъ вернуться къ нему. Миліада, тронутая его великодушіемъ, слѣдуетъ за нимъ, постепенно привыкаетъ къ осѣдлой жизни и, наконецъ, становится матерью; тогда въ сердцѣ ея «пробуждаются благородныя чувства самоотреченія и любви къ ближнему». Она видитъ вѣщій сонъ, гдѣ ей открывается будущность ея троихъ дѣтей и старшаго сына Кія, строителя города Кіева.

¹⁾ Князь Петръ Борисовичъ Козловскій † 1840 г. П. Вяземскій написалъ о немъ двѣ статьи (см. Полн. собр. соч. кн. П. Вяземскаго, т. II, 1879 года, стр. 285—294, и т. VII, 1882 года, стр. 231—257). По его словамъ, Козловскій былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, который «въ устной рѣчи признавалъ свою силу и дарованіе». Сначала посланникъ въ Туринъ, затѣмъ въ Штутгардъ, онъ вернулся въ Россію послѣ 20-ти-лѣтней заграничной жизни, былъ въ милости у Александра I, котораго забавлялъ своими остроумными выходками. Даже, во время его послѣдней болѣзни, среди лѣкарствъ, пишетъ Вяземскій, «все забывалось и исчезало при первомъ словѣ чародѣя, когда онъ въ живой и остроумной бесѣдѣ расточалъ сокровища своихъ воспоминаній и наблюденій, а иногда и парадоксальныхъ сужденій о событіяхъ и людяхъ» (т. VII, стр. 256).

Хотя З. А. для своего труда пользовалась исторіей Карамзина, лѣтописью Нестора, въ объясненіяхъ Шлецера, и иностранными источниками, но недостатокъ систематическихъ научныхъ знаній сказался въ неразборчивомъ пользованіи матеріаломъ, бывшимъ въ ея распоряженіи, что отчасти объясняется тогдашнимъ элементарнымъ состояніемъ нашей исторической науки. Вслѣдствіе этого, днѣпровскимъ славянамъ приписаны многія черты быта и нравовъ ихъ прибалтійскихъ соплеменниковъ; та же путаница замѣтна и въ религіи, такъ что на Днѣпрѣ въ «Tableau slave» оказываются храмы, жрецы, священныя роци и пр.

Оцѣнка повѣсти княгини Волконской, со стороны ея исторической и этнографической вѣрности, была немислима для современной французской критики, и парижскіе журналы и газеты дали самый лестный отзывъ о «Tableau slave». Такъ, рецензентъ «Revue Encyclopedique» 1824, Paris, t. XXII, передавая содержаніе повѣсти, называетъ неизвѣстнаго автора-женщину «достойной соперницей французскихъ писательницъ, по изяществу и свѣжести чистаго гармоничнаго стиля». Въ «Gazette de France» того же года 31-го (19-го) мая, французскій критикъ Кольне (Colnet), расхваливъ «Tableau slave» за чистоту языка и историческую вѣрность, отдаетъ предпочтеніе этому произведенію «передъ тысячами современныхъ романовъ, которые рождаются и тутъ же умираютъ». Затѣмъ критикъ ставитъ въ заслугу сочинительницѣ простоту и правдоподобіе разсказа и находитъ, что въ «Tableau slave» чувствительность истинная, въ противоположность напускной, ложной чувствительности, этого запаснаго источника романическаго состраданія, который наводняетъ театры парижскихъ бульваровъ и пр. Но самый восторженный отзывъ о «Tableau slave» принадлежитъ А. Martainville'ю, рецензенту легитимистской газеты «Drapeau blanc» 1824, № 150, 30-го (18-го) мая, который, указавъ на достоинства повѣсти княгини Волконской, торжественно заявляетъ, что «если г-жа * не французенка, то она достойна быть ею; Франція принимаетъ ее въ число своихъ дочерей, а прелестный трудъ, которымъ она обогатила французскую литературу, послужитъ ей грамотой на гражданство».

Но, еще прежде, чѣмъ «Tableau slave» былъ напечатанъ въ Парижѣ въ 1824 году и, слѣдовательно, до появленія вышеприведенныхъ лестныхъ отзывовъ французской критики, княгиня Волконская, пользуясь своимъ знакомствомъ съ русской и скандинавской археологіей, начала историческую поэмѣ въ прозѣ «Olga». Здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является великая княгиня Ольга, которая пользовалась особеннымъ почитаніемъ въ родѣ князей Бѣлосельскихъ ¹⁾. Поэма «Olga», начатая на французскомъ языкѣ, оста-

¹⁾ По свидѣтельству А. Муравьева, въ домѣ князей Бѣлосельскихъ «хранилась древняя икона св. Ольги, писанная, по семейному преданію, живописцемъ
«истор. вѣстн.». мартъ, 1897 г., т. LXVII.

лась неоконченной и помѣщена въ этомъ видѣ въ посмертномъ изданіи сочиненій княгини Волконской 1865 года (т. I, pp. 269—338). Но судя по тремъ напечатаннымъ пѣснямъ, это едва ли не лучшее ея литературное произведеніе по красотѣ поэтическихъ описаній природы, живому и талантливому разсказу.

Въ первой пѣсни Ольга является дочерью варяга ¹⁾, который послѣ смерти Трувора поселился на берегу Чудскаго озера, среди рыбаковъ. Приходитъ Игорь съ дружиной, слышитъ пѣсню скальдовъ изъ усть Ольги; старый варягъ разсказываетъ о походахъ норманновъ на чужія земли и призваніи трехъ братьевъ ильменскими славянами. Ольга перевозитъ Игоря черезъ рѣку, онъ зоветъ ее въ Кіевъ и обѣщаетъ жениться на ней.

Во второй пѣсни описана зима на Чудскомъ озерѣ, время народныхъ гаданій, свадебъ и игръ. Ольга тоскуетъ по Игорѣ и напрасно ждетъ его возвращенія; она идетъ въ лѣсъ къ колдуну, чтобы узнать о своемъ суженомъ, и по возвращеніи застаетъ у отца пословъ отъ Игоря, которые должны сопровождать ее въ Кіевъ.

Въ третьей пѣсни Ольга пріѣзжаетъ съ отцомъ въ Кіевъ; ее привѣтствуетъ хоръ дѣвушекъ и женъ кіевскихъ; готовится свадьба; буйство варяговъ возбуждаетъ ропотъ кіевлянъ. Представительницей христіанскаго элемента является старуха-сказочница Ульяна, родомъ изъ Чехій, слышавшая проповѣдь Кирилла и Меодія въ Моравіи: она склоняетъ Ольгу къ принятію новаго ученія.

V.

Переселеніе княгини З. Волконской въ Москву.—Литературное и умственное движеніе 20-хъ годовъ въ Москвѣ.—Кружокъ Раича.—«Общество любомудрія».—Вечера княгини З. Волконской.—Поэты и писатели.—Дм. Веневитиновъ.

Осенью 1824 года З. А. Волконская переселилась въ Москву, которая въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія представляла собою центръ умственнаго и литературнаго движенія въ Россіи. Въ московскихъ журналахъ, на ряду съ стихотвореніями Пушкина, появлялись имена: Жуковскаго, князя П. Вяземскаго, Баратынскаго, Д. Давыдова, Языкова, Козлова, Дм. Веневитинова, Кюхельбекера, помимо второстепенныхъ, болѣе или менѣе талантливыхъ поэтовъ и

императора Константина Багрянороднаго въ то время, когда Ольга крестилась въ Царьградѣ». («Знакомство съ русскими поэтами» А. Н. Муравьева. Кіевъ. 1871 г.).

¹⁾ Два года спустя, вопросъ о варяжскомъ происхожденіи Ольги былъ поднятъ въ нашей исторической наукѣ Погодинымъ, который въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 28-го января 1826 года, читалъ докладъ «Нѣчто о родѣ великой княгини Ольги» и доказывалъ, «что она была варяжско-норманскаго рода, а не славянскаго. (См. Труды и Лѣт. Общ. Ист. и Др. Росс., IV, кн. I, 130—138).

писателей. «Горе от ума» ходило по рукамъ во множествѣ списковъ, такъ какъ строгость цензуры дѣлала невозможнымъ печатаніе знаменитой комедіи. Въ это время С. Аксаковъ перевелъ Мольера для московской сцены, богатой крупными и разнообразными драматическими талантами.

Вмѣстѣ съ развитіемъ литературы, въ Москвѣ началась усиленная умственная дѣятельность, средоточіемъ которой служилъ Московскій университетъ. Профессора М. Г. Павловъ и И. Давыдовъ, читавшіе лекціи въ университетѣ и университетскомъ пансіонѣ, явились горячими приверженцами и проповѣдниками философской системы Шеллинга, и, благодаря имъ, новое ученіе возбудило въ московской молодежи живой интересъ къ нѣмецкой философіи. На ряду съ этимъ, сближеніе съ Западной Европой вызвало у насъ много нравственныхъ, политическихъ научныхъ, литературныхъ и другихъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ принимали участіе лучшія силы русской интеллигенціи. Все это способствовало образованію самыхъ разнообразныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, кружковъ и обществъ, которыхъ было особенно много въ Москвѣ въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія, начиная съ чисто литературныхъ и философскихъ и кончая масонскими.

Такъ С. Е. Раичъ, переводчикъ *Виргилія*, плодовитый, но далеко не талантливый поэтъ, занимая скромное положеніе домашняго учителя въ домѣ Тютчевыхъ, затѣмъ Н. Муравьева и др., съ 1823 года является центромъ одного изъ самыхъ многочисленныхъ московскихъ кружковъ, связаннаго съ его именемъ. Между тѣмъ, Раичъ былъ заурядный писатель, не отличался ораторскимъ талантомъ, ни особеннымъ выдающимся умомъ; что же заставляло людей группироваться около него? Очевидно, что обаяніе заключалось въ его личности и душевныхъ качествахъ. Судя по краткой характеристикѣ М. Дмитріева, лица близкаго къ нему, «чистая и мирная душа была у этого тихаго и смиреннаго человѣка; всегда съ добродушной улыбкой встрѣчалъ онъ пріятеля, всегда радовался, встрѣчая въ литературѣ доброе и прекрасное; никогда рѣзкая укоризна не вырывалась изъ устъ его; кротость и любовь къ людямъ, какъ къ братьямъ, были основными чертами его характера...»¹⁾

Общество, собиравшееся у Раича, было самое разнообразное: здѣсь сходились питомцы Московскаго университета, бывшіе воспитанники университетскаго и благороднаго пансіоновъ, ученики самого Раича, многіе литераторы, поэты и ученые. Засѣданія происходили два раза въ недѣлю; на нихъ читались сочиненія и переводы членовъ кружка. Цѣль общества была чисто литературная, и такъ какъ оно представляло для москвичей интересъ новизны, то, помимо членовъ, явля-

¹⁾ «Воспомяніе о Семенѣ Егоровичѣ Раичѣ» («Московскія Вѣдомости», 1855 г. № 141).

лись всегда посторонніе посѣтителѣ. Когда собранія едѣлались слишкомъ многочисленны, и ихъ сталъ посѣщать московскій генералъ-губернаторъ князь Д. Вл. Голицынъ, именитый литераторъ И. Дмитриевъ и другіе сановники, то засѣданія изъ тѣсной квартиры Раича были перенесены въ Муравьевское «училище колонновожатыхъ», а затѣмъ въ квартиру сенатора Рахманова, къ сыну котораго Раичъ поступилъ воспитателемъ.

Но вскорѣ нѣкоторые изъ членовъ литературнаго общества Раича составили особый философскій кружокъ болѣе интимнаго характера, носившій названіе «Общества Любомудрія». Предсѣдателемъ его былъ кн. В. Ѳ. Одоевскій, издатель «Мнемозины», въ квартирѣ котораго собирались члены, читали свои философскія статьи, но еще чаще вели бесѣды о прочтенныхъ сочиненіяхъ нѣмецкихъ философовъ: Канта, Фихте, Шеллинга, Окена, Герреса и др. Къ этому кружку примкнули «архивные юноши»,—какъ ихъ называлъ А. С. Пушкинъ,—состоящіе при Московскомъ архивѣ иностранной коллегіи, гдѣ служили тогда лучшіе представители московской молодежи. Въ числѣ ихъ были: И. Кирѣевскій, Дм. и Ал. Веневитиновы, А. И. Кошелевъ, С. Шевыревъ, Н. А. Мельгуновъ, В. П. Титовъ и С. Соболевскій, извѣстный своими эпиграммами и стихами, которые были настолько остроумны и блестящи, что иногда современники приписывали ихъ А. С. Пушкину. Соболевскій ввелъ въ «Общество Любомудрія» Максимовича и Н. Рожалина, переводчика «Школьныхъ годовъ Вертера», человѣка умнаго и прекрасно образованнаго. Кромѣ нихъ, на вечерахъ кн. Одоевскаго бывалъ часто талантливый критикъ В. К. Кюхельбекеръ, М. Погодинъ и др.

Душою «Общества Любомудрія», по отзывамъ современниковъ, былъ молодой поэтъ Д. Веневитиновъ, который представлялъ собою рѣдкое соединеніе душевныхъ качествъ съ красивой наружностью, выдающимся умомъ и образованіемъ. П. А. Плетневъ говоритъ о Д. Веневитиновѣ: «благородный и открытый образъ мыслей, свѣтлый и живой умъ, дѣтское простосердечіе и знаніе требованій лучшаго общества такъ плѣнительно сливались въ немъ, что, узнавъ его, нельзя было не любить»¹⁾. Д. Веневитиновъ понималъ философію въ томъ отвлеченномъ смыслѣ, какой придавали ей нѣмецкіе философы, и въ своихъ замѣчательныхъ по тому времени философскихъ и критическихъ статьяхъ стремился изложить ея общія начала простымъ и понятнымъ языкомъ.

Собранія «Общества Любомудрія», происходившія по субботамъ у кн. Одоевскаго, отличались крайнимъ оживленіемъ. Главнымъ ораторомъ былъ Д. Веневитиновъ, который своими рѣчами приводилъ въ восторгъ слушателей и вызвалъ замѣчаніе Кирѣевскаго,

¹⁾ См. «Характеристика Д. Веневитинова», сост. П. Плетневымъ въ энциклоп. словарѣ Плюшара.

что «Веневитиновъ рожденъ болѣе для философіи, чѣмъ для поэзіи». Далеко за полночь продолжались бесѣды и споры. «Какъ люблю я вспоминать наши зимніе вечера по субботамъ», писалъ А. С. Норовъ своему пріятелю Кошелеву въ письмѣ отъ 14 іюня 1825 г. «Скажу чистосердечно, этими бесѣдами я много приобрѣлъ,—болѣе, нежели книгами или собственнымъ размышленіемъ. Всего интереснѣе для меня были твои жаркія диссертаціи съ Веневитиновымъ. Физиономіи одушевлены были энтузіазмомъ. Ты спорилъ чистосердечно, съ жаромъ дѣлалъ возраженія, но съ радостью и соглашался»¹⁾.

На ряду съ кружкомъ Раича и «Обществомъ Любомудрія» было не мало другихъ кружковъ и обществъ различныхъ отгѣнковъ, которые группировались около издателей журналовъ и выдающихся дѣятелей тогдашней русской литературы, особенно богатой крупными талантами. Кромѣ того, существовали кружки музыкальные, художественные и артистическіе. Между прочимъ, извѣстенъ кружокъ Ф. Кокошкина, директора московскаго театра, который славился, какъ хлѣбосоль и гостепріимный хозяинъ, и у котораго собирались литераторы и московскіе артисты, а также пріѣзжіе изъ Петербурга.

Въ концѣ 1824 года, салонъ княгини З. А. Волконской становится новымъ центромъ умственнаго и литературнаго движенія въ Москвѣ, сплотившимъ самые разнородные элементы.

Появленіе въ Москвѣ З. Волконской, прославленной красавицы, пѣвицы и писательницы, извѣстной своимъ умомъ, образованіемъ и богатствомъ, произвело сенсацію въ московскомъ обществѣ и заняло всѣхъ. Лестные отзывы французскихъ критиковъ о «Tableau slave», переведенные въ русскихъ журналахъ, не мало способствовали интересу, который возбуждала ея особа, въ связи съ компрометирующими ее слухами, распускаемыми завистью и злословіемъ. Поэтому, едва великолѣпный домъ Бѣлосельскихъ (на правой сторонѣ Тверской) былъ открытъ для посѣтителей, какъ онъ сдѣлался мѣстомъ многолюдныхъ собраній. Все въ домѣ, по отзывамъ современниковъ, носило отпечатокъ служенія искусству и мысли. З. А., знакомая съ дѣтства съ памятниками древности, сокровищами живописи и ваянія въ Италіи, украсила свои залы фресками, убрала статуями, оригиналами и копіями знаменитыхъ картинъ. На ея блистательныхъ вечерахъ, которые она умѣла воодушевлять съ особеннымъ искусствомъ, бывали чтенія, концерты, театральныя представленія, и даже ставились оперы, которыя исполнялись любителями или же приглашенными пѣвцами и музыкантами. Иногда устраивались дѣтскіе спектакли, и сынъ З. А. съ сверстниками разыгрывали піесы Расина²⁾.

¹⁾ «Биографія А. И. Кошелева», М., 1889, т. I, кн. II, стр. 74.

²⁾ В. В. Ильинъ, посѣщавшій вечера кн. Волконской въ Москвѣ, говоритъ, что онъ «никогда не видѣлъ, чтобы тамъ играли въ карты. Многіе знакомые про-

На вечерахъ З. А. Волконской бывала вся московская знать, савонники, профессора, писатели, журналисты, художники, музыканты, представители всевозможныхъ кружковъ и обществъ. Все оживало «по мановенію хозяйки дома, которая умѣла всѣхъ соединить воедино». Всегда пріятливая и ровная со всѣми, она очаровывала своихъ многочисленныхъ поклонниковъ простотой обращенія, сердечнымъ участіемъ къ чужому горю, добрымъ незлобивымъ отношеніемъ къ людямъ и нерѣдко, приписывая другимъ свои душевныя качества, оказывала имъ незаслуженное расположеніе.

Въ домѣ княгини Волконской можно было встрѣтить почти всѣхъ тогдашнихъ извѣстныхъ поэтовъ, жившихъ въ Москвѣ или пріѣзжавшихъ на время: Жуковскаго, князя П. Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Дельвига, Козлова, Д. Веневитинова и другихъ. Бывалъ тутъ и будущій авторъ отечественныхъ романовъ М. Н. Загоскинъ, затѣмъ Раичъ, Рожалинъ, С. Шевыревъ, Погодинъ, братья Норовы, Свиньинъ, искренній патриотъ но бездарный писатель и критикъ, Шаликовъ, восторженный почитатель княгини З. Волконской, воспѣвавшій ее въ своихъ сентиментальныхъ и неуклюжихъ стихахъ. «Но былъ одинъ юный, даровитый поэтъ, въ родѣ André Chenier, — пишетъ современникъ о Дм. Веневитиновѣ¹⁾, — котораго влекло къ ней не одно блестящее общество, горящій чистой, но страстной любовью; ей посвящалъ онъ свои звучные, меланхолическіе стихи» и проч. Не касаясь полемики, возникшей по этому поводу²⁾, во всякомъ случаѣ, какія бы ни были чувства Дм. Веневитинова къ княгинѣ Волконской, одно несомнѣнно, что его любовь не встрѣтила взаимности и доставила ему много страданій. Въ своей «Элегіи», обращенной къ предмету любви, онъ говоритъ:

...«Зачѣмъ такъ сладко пѣла ты?
Зачѣмъ и я внималъ тебѣ такъ жадно
И съ устъ твоихъ, пѣвица красоты,
Пилъ ядъ мечты и страсти безотрадной?»

Въ другомъ стихотвореніи «Къ моему перстню», гдѣ Дм. Веневитиновъ говоритъ о перстнѣ, найденномъ въ развалинахъ Геркуланума, и подаренномъ ему княгиней Волконской въ моментъ разлуки, встрѣчаются слѣдующія строфы:

силы у княгини позволенія составить партію виста; но она положительно заявила, что никогда не дозволитъ, чтобы у нея въ домѣ играли въ карты». См. «Воспоминанія о кн. А. Н. Волконскомъ», ст. В. В. Ильина въ Русск. Арх. 1878 г., № 10, стр. 252.

¹⁾ «Знакомство съ русскими поэтами» А. Н. Муравьева, Кіевъ, 1871 г.

²⁾ См. «О жизни и сочиненіяхъ Д. Веневитинова», соч. А. Пятковскаго, Спб., 1859 г., стр. 16—17, и возраженія въ ст. М. Веневитинова: «Къ біографіи поэта Веневитинова», «Русскій Архивъ», 1885 г., № 1, стр. 118—128, 132.

«Но не любовь теперь тобой
 Благословила пламень вѣчный;
 И надъ тобой, въ тоскѣ сердечной,
 Святой объѣдъ произнесла;
 Нѣтъ! дружба въ горькій часъ прощанья
 Любви выдающей дала
 Тебя залогомъ состраданья»...

VI.

Княгиня З. Волконская изучаетъ русскій языкъ и литературу. — Наставленіе Н. Греча въ «Сынѣ Отечества». — Первый опытъ русской прозы княгини Волконской. — Появленіе «Славянской картины» на русскомъ языкѣ. — Избраніе княгини Волконской въ почетные члены «Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ». — Смерть императора Александра I.

Кромѣ наукъ и поэзій, Дм. Веневитиновъ занимался живописью и, по свидѣтельству князя Одоевскаго, былъ превосходный музыкантъ. Вообще, кружокъ Д. Веневитинова, къ которому принадлежали «архивные юноши», наравнѣ съ наукой и литературой, живо интересовался искусствомъ, особенно музыкой. Этому интересу много способствовалъ музыкантъ и композиторъ Геништа, человекъ образованный, увлеченный философскими вопросами. Геништа, ученикъ знаменитаго Гесслера, знакомилъ московскую публику съ классической нѣмецкой музыкой; онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ въ домѣ Веневитиновыхъ и у З. А. Волконской, которой посвящалъ свои романсы.

Дм. Веневитиновъ и его товарищи по архиву, служба которыхъ была скорѣе номинальная, чѣмъ дѣйствительная, часто посѣщали З. А., помимо ея вечеровъ, и даже при ея участіи устроили для забавы особыя литературныя занятія, въ видѣ сочиненія повѣстей и сказокъ безъ опредѣленнаго плана. Каждый писалъ положенное число страницъ; одинъ начиналъ рассказъ, другіе продолжали, не стѣсняясь написаннымъ. Одна изъ такихъ повѣстей «Пампушки», гдѣ нѣсколько страницъ написаны З. А. и испещрены поправками Шевырева, хранится въ семейномъ архивѣ Веневитиновыхъ.

Плохое знаніе роднаго языка княгини З. Волконской, вслѣдствіе привычки говорить и писать пофранцузски, было для нея большимъ неудобствомъ среди окружающихъ ее русскихъ поэтовъ и литераторовъ и вызывало негодованіе русскихъ патріотовъ, которыхъ было особенно много въ Москвѣ, послѣ 1812 года. Такъ, Н. Гречъ въ «Сынѣ Отечества» 1824 г. (№ XXIX, стр. 117—129), сообщая лестные отзывы французскихъ критиковъ о «Tableau slave», ставитъ вопросъ: «Почему любезныя наши соотечественницы предпочитаютъ мнимую вѣтротлѣнную славу писательницы французенки—другой славѣ, менѣе блистательной въ первую минуту, но прочной,

долговѣчной, ожидающей ихъ въ отечествѣ»... Затѣмъ Гречъ даетъ совѣтъ такимъ писательницамъ «учиться русскому языку, оставить чуждыя знамена, подъ которыми онѣ идутъ рядовыми, когда у насъ не заняты мѣста полководцевъ».

Неизвѣстно, въ какой степени краснорѣчіе Греча подѣйствовало на З. А., или у нея помимо этого явилось сознаніе въ необходимости знать основательно русскій языкъ и быть русской писательницей,— но, по свидѣтельству ея сына А. Волконскаго ¹⁾, вскорѣ послѣ своего водворенія въ Москвѣ, она усердно занялась русскимъ языкомъ и литературой. Кромѣ того, она изучала русскія древности, записывала народныя пѣсни, обычаи, суевѣрія, легенды, такъ какъ всѣмъ этимъ хотѣла воспользоваться для задуманнаго ею русскаго сочиненія «Сказаніе объ Ольгѣ», и тогда же помѣстила въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1825 годъ (изд. въ С.-Петербургѣ Дельвигомъ) русскій переводъ своихъ «Писемъ изъ Италіи», съ подписью П....ій. Рецензентъ «Сына Отечества» (1825 г., № 3, стр. 307—308) весьма снисходительно отнесся къ этому первому, довольно слабому опыту русской прозы княгини Волконской, хотя замѣтилъ неровности слога. Но при этомъ онъ высказываетъ свое негодованіе по поводу «Примѣчанія» издателя «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», что «авторъ «Писемъ изъ Италіи» не только никогда не думалъ быть русскимъ авторомъ, но болѣе привыкъ писать пофранцузски, нежели порусски». Рецензентъ отсюда выводитъ заключеніе, что «не слѣдовало печатать сочиненій такого автора», и не только никому «нѣтъ дѣла, что онъ привыкъ писать пофранцузски, но даже непріятно слышать такой отзывъ о русскомъ путешественникѣ» ²⁾.

Между тѣмъ въ «Дамскомъ Журналѣ» 1825 года появился начатый княземъ Шаликовымъ полный переводъ «Tableau slave», подъ названіемъ «Славянской картины» ³⁾, и послужилъ поводомъ къ на-

¹⁾ См. предисловіе къ первому французскому тому сочиненій княгини Волконской «Oeuvres choisies», 1865 г.

²⁾ Замѣчаніе рецензента «Сына Отечества» не лишено основанія въ виду галломаніи, все еще господствовавшей въ нашемъ обществѣ, такъ что даже въ это время бывали примѣры, что русскіе люди съ презрѣніемъ отзывались не только о русской прозѣ, но и о поэзіи. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно «Письмо П. Шетнева къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ», напечатанное въ томъ же альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1825 г. (стр. 1—80). Авторъ «Писемъ», возражая на мнѣніе графини С. И. С., что ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не можетъ сравниться съ Ламартиномъ, замѣчаетъ, что у «насъ есть много русскихъ поэтовъ, которые удовлетворяютъ самому разборчивому вкусу образованнаго и безпристрастнаго человѣка». Затѣмъ, въ числѣ доказательствъ онъ приводитъ стихи: Державина, Жуковскаго, Батюшкова, А. Пушкина, князя Вяземскаго, Рылева, барона Дельвига, Крылова (Александра), Баратынскаго, Языкова, Козлова и многихъ другихъ.

³⁾ Русскій переводъ «Славянской картины» появился отдѣльнымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1826 г. См. рецензію въ «Московскомъ Телеграфѣ» того же года,

падкамъ на слогъ переводчика и на самый оригиналь, со стороны «Сѣверной Пчелы» (№ 29) и «Сына Отечества» (№ 4, стр. 361). Въ отвѣтъ на эти нападки появилась въ «Дамскомъ Журналѣ» (1825 г., № 9) рѣзкая статья, съ подписью *Θ. Θ.*, гдѣ рецензентъ, выступивъ на защиту «Славянской картины», заявляетъ, что «общее одобреніе французскихъ журналовъ и публики стоитъ мнѣнію, объявленнаго нашими издателями періодическихъ листковъ. О «Сынѣ Отечества» и говорить нечего,—это родитель «Сѣверной Пчелы»!... Далѣе слѣдуютъ выписки изъ «Сѣверной Пчелы»; и рецензентъ *Θ. Θ.*, подсмѣиваясь надъ критиками, которые «требуютъ вмѣсто галлицизмовъ грубости выраженія», въ свою очередь упрекаетъ ихъ въ невѣжествѣ и находитъ ошибки слога и несообразности въ ихъ статьяхъ. «Есть люди,—добавляетъ онъ,—со вкусомъ и познаніями, которые, читая ваши труды, готовы будутъ воскликнуть: господа! пишите лучше такія повѣсти, какъ «Славянская картина», пишите съ такими галлицизмами, какъ князь Шаликовъ».

Къ этой рецензіи прибавлено слѣдующее замѣчаніе издателя «Дамскаго Журнала», вызванное опасеніемъ, чтобы ему не приписали похвалы его собственному переводу, напечатанныя въ его журналѣ: «Не знаю благосклоннаго автора *Θ. Θ.*, но извѣстно цензурѣ, что не самъ я писалъ сію статью».

До начала этой полемики княгиня З. Волконская уѣхала въ Петербургъ, весною 1825 года, какъ видно изъ письма къ ней императора Александра I, отъ 2 апрѣля, въ отвѣтъ на ея письмо, въ которомъ она извѣщала о своемъ скоромъ прибытіи въ Царское Село:

«Нужна вся неисчерпаемая снисходительность, которую вы мнѣ всегда оказывали, княгиня, чтобы обходиться со мною такъ, какъ вы это дѣлаете, потому что имѣли бы право считать меня благодарнымъ и нечувствительнымъ, тогда какъ я ни то, ни другое. Я кажусь таковымъ вслѣдствіе огромнаго бремени, тяготѣющаго надо мною и поглощающаго все мое время. Но, прежде всего, долженъ сказать вамъ, что радость знать, что вы такъ близко, и что черезъ нѣсколько часовъ я васъ увижу, огромная. Между 5 и 6 часами явлюсь къ дверямъ вашимъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ выразить вамъ, какъ глубоко я тронутъ дружбой вашей. Располагая столь мало своимъ временемъ, я не хотѣлъ братья за перо прежде, чѣмъ могъ въ то же время извѣстить васъ, что мнѣ удалось устроить то, о чемъ вы меня просили. Это немного замедлилось, потому что надо было преодолѣть не мало трудностей. И такъ, до свиданія, примите увѣреніе» и пр.

«Царское Село, 2 апрѣля 1825 г.» ¹⁾.

ч. X, стр. 82—85. Тогда же, въ 1826 году, въ Варшавѣ напечатана была передѣлка «Славянской картины» на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Ladowid i Miliada czyli poczatek Kijowa. Obraz Slowian piątego wieku», Warsz., 1826.

¹⁾ Сборникъ Русск. Историч. Общ., т. III, 1868 г., стр. 315—316.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ письмѣ говорится не о личной просьбѣ княгини Волконской; она просила помощи или милости государя для кого нибудь изъ многихъ, которые обращались къ ея заступничеству, въ виду дружескаго расположенія къ ней императора Александра I.

Послѣ отъѣзда государя въ Таганрогъ, З. А. вернулась въ Москву, гдѣ, живя вдали отъ двора, она пользовалась ббльшей свободой и могла вести жизнь, которая удовлетворяла ея вкусамъ, нравственнымъ и умственнымъ стремленіямъ. Между тѣмъ, появленіе «Славянской картины» на русскомъ языкѣ, которая не только показывала знакомство автора съ историческими источниками, но и съ русской археологіей, обратило на себя вниманіе московскихъ ученыхъ. Вслѣдствіе этого, въ «Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», существовавшемъ при Московскомъ университетѣ, подъ предѣлательствомъ тогдашняго попечителя А. А. Писарева, поднятъ былъ вопросъ объ избраніи въ почетные члены Общества княгини З. А. Волконской. Избраніе состоялось въ засѣданіи 16-го октября 1825 года, по предложенію дѣйствительнаго члена Свинына ¹⁾. Затѣмъ М. И. Снегиревъ, «по порученію Писарева, лично вручилъ княгинѣ Волконской дипломъ на званіе почетнаго члена «Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ». Она приняла Снегирева очень ласково, говорила о древностяхъ русскихъ, о пѣсняхъ и пословицахъ и, какъ образованная и свѣтская женщнна, умѣла возбудить въ Снегиревѣ высшую степень удивленія знаніями такихъ предметовъ, которые при ея положеніи въ свѣтѣ казались ей мало извѣстны» ²⁾.

Княгиня З. А. Волконская увѣдомила «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ» о полученіи диплома письмомъ отъ 10 ноября на имя предѣдателя, гдѣ выразила свою благодарность довольно тяжеловѣснымъ русскимъ языкомъ:

«...Никогда,—писала она,—не была я равнодушна ко всему, что можетъ способствовать къ славлѣ нашего отечества, что знаменуетъ благоговѣніе къ почтенной его древности, что свидѣтельствуетъ объ усердіи къ его просвѣщенію. Ваше избраніе, столько же для меня лестное, сколько, съ другой стороны, незаслуженное и неожиданное вниманіе, обращенное членами вашего Общества на склонность мою

¹⁾ Труды и Лѣтоп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. III, кн. II, М., 1827, стр. 128.

²⁾ «Иванъ Михайловичъ Снегиревъ и дневникъ его воспоминаній съ 1821 — 1865 г.», биографическій очеркъ А. Д. Ивановскаго, Спб., 1871, стр. 129—130. Знакомство Снегирева съ княгиней Волконской продолжалось и послѣ, такъ какъ 29-го января 1826 года Снегиревъ записалъ въ своемъ дневникѣ (*ibid.*, стр. 130), что «обѣдалъ у княгини З. А. Волконской, со свѣчами, въ 5 часовъ. Послѣ обѣда она показала мнѣ древнія греческія и римскія монеты, рисунокъ топора, найденнаго въ гробницѣ Шильдерника, похожаго на русскій топоръ, также рисунки оружія славянскихъ, сдѣланные въ Парижѣ, по описанію Льва Дьякона». Снегиревъ совѣтовалъ ей «сравнить ихъ съ оружіемъ, хранящимся въ Оружейной палатѣ»...

къ археологическимъ изысканіямъ, одушевляють меня новою ревностю къ полезнымъ занятіямъ на томъ поприщѣ, которое вы предназначили для благородныхъ своихъ упражненій. Примите на себя трудъ, милостивый государь, съ изъявленіемъ чувствительной моей благодарности, увѣрить почтенное Общество въ искренней готовности моей оправдать, чѣмъ только будетъ для меня возможно, благосклонное его обо мнѣ мнѣніе» и пр. ¹⁾).

Князь Шаликовъ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ поклонниковъ З. А. Волконской, напечаталъ тогда въ «Дамскомъ Журналѣ» 1825 г. (№ 23, стр. 183) сочиненные имъ стихи, по случаю ея избранія въ почетные члены «Общества исторіи и древностей россійскихъ»:

«Блестящихъ дожили время
Мы въ щастливой отчины долѣ:
Прекрасный нынѣ феноменъ
Явился намъ въ прекрасномъ полѣ.
Княгиня! лучше онъ славою своей
Обязанъ будетъ вновь — учености твоей»...

Въ это время, въ Москвѣ уже ходили тревожные слухи о состояніи здоровья императора Александра I, за которыми вскорѣ пришло извѣстіе объ его кончинѣ, послѣдовавшей въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года. Мужъ Зинаиды Александровны, князь Никита Григорьевичъ Волконскій, вмѣстѣ съ другими придворными уѣхалъ въ Таганрогъ, такъ какъ долженъ былъ участвовать въ церемоніи перенесенія тѣла почившаго императора въ Петербургъ.

З. А. Волконская осталась съ сыномъ въ Москвѣ. Смерть Александра I, который въ теченіе многихъ лѣтъ относился къ ней съ неизмѣннымъ благоволеніемъ, глубоко опечалила ее; и она съ чувствомъ искренняго горя встрѣтила прибытіе похоронной процессіи въ Москву, какъ видно изъ ея французскаго письма къ А. Меріану отъ 6-го февраля 1826 года: «Я уже говорила вамъ, — пишетъ она, — о своемъ горѣ, неутѣшномъ для тѣхъ, которые, подобно мнѣ, теряютъ въ немъ ангела хранителя и утѣшителя. Сегодня его останки покинули Москву. Я вижу еще черное сукно, развѣшанное на окнахъ, балконахъ и вдоль домовъ, и спрашиваю себя: для кого все это? Сердце мое обливается кровью... У меня не хватило силы видѣть, какъ подъ окнами проходила процессія. Но я исполнила свой долгъ въ Коломенскомъ, за 7 верстъ отъ Москвы; тамъ была остановка на ночь, передъ въѣздомъ въ столицу, и тамъ я поклонилась его гробу и молилась около него... Въ церкви было нѣсколько человѣкъ крестьянъ и женщинъ, которые пришли, подобно мнѣ, приложиться къ печальному гробу; слышался только голосъ священника, читавшаго молитвы. Какъ описать то, что я чувствовала, когда, стоя на

¹⁾ «Труды и Лѣтоп. Общ. Исторіи и Древн. Россійск.», ч. III, кн. 2, М., 1827, стр. 160.

паперти, не смотря на окружавшую меня тьму, увидѣла передъ собою траурную колесницу, которая привезла его изъ Таганрога. Какое зрѣлище для меня, которая считала себя такой счастливой, когда я видѣла его дорожную коляску, возвращавшую его среди насъ, когда могла сказать себѣ: я увижу его на этихъ дняхъ, услышу его голосъ, исполненный прелести, ему одному свойственной...»¹⁾

Кромѣ этого письма, написаннаго частному лицу, З. А. Волконская излила свою скорбь въ стихахъ, посвященныхъ «Александру Первому», которые были напечатаны во 2-мъ № «Дамскаго Журнала» 1826 года (стр. 74—75) и перепечатаны въ «Московскомъ Телеграфѣ» того же года (ч. VII, стр. 3). При этомъ Полевой, издатель «Московского Телеграфа», добавилъ къ нимъ слѣдующее примѣчаніе: «Пользуясь лестнымъ позволеніемъ, спѣшимъ украсить листы журнала нашего стихотвореніемъ, первымъ, какъ сказываютъ, поэтическимъ произведеніемъ, писаннымъ на родномъ языкѣ просвѣщенной соотечественницею нашей, извѣстной не въ одной Россіи дарованіями своими и образованнымъ умомъ...». Эти же стихи были переложены З. А. Волконской на музыку и, по свидѣтельству Шаликова, пропѣты ею съ хорами на одномъ изъ ея вечеровъ²⁾; но они отличаются такимъ же отсутствіемъ таланта, какъ и стихи «На кончину императрицы Елизаветы Алексѣевны»³⁾ и ея остальные поэтическія произведенія, написанныя на русскомъ языкѣ.

VII.

Закрытіе «Общества Любомудрія». — Коронація государя Николая I. — Прибытіе Мицкевича и Пушкина. — Чествованіе Пушкина въ Москвѣ. — Письмо княгини Волконской. — Стихи Пушкина. — Аресть Дм. Веневитинова.

Событія 14-го декабря 1825 года не замедлили отразиться въ Москвѣ, гдѣ всѣ находились въ напряженномъ ожиданіи. Со всѣхъ сторонъ приходили слухи о новыхъ арестахъ лицъ, прямо или косвенно причастныхъ къ дѣлу декабристовъ; изъ салона княгини З. А. Волконской исчезли многіе посѣтители, въ томъ числѣ В. Кюхельбекеръ, который былъ задержанъ въ Варшавѣ, 25 января, 1826 года, и привезенъ въ Петербургъ.

¹⁾ См. «Oeuvres choisies», t. I, pp. 221 — 231, изд. 1865 г. Затѣмъ въ приведенномъ письмѣ слѣдуетъ описаніе болѣзни и смерти Александра I, которое было переведено на русскій языкъ и въ извлеченіи съ нѣкоторыми измѣненіями напечатано въ «Русской Старинѣ», 1878 года (т. XXI, стр. 141—150), подъ заглавіемъ «Послѣдніе дни жизни Александра I».

²⁾ «Кантата памяти императора Александра I» издана въ Карлсруѣ въ 1865 г. (Слова и музыка княгини З. А. Волконской). Къ «Кантатѣ» приложенъ портретъ княгини Волконской съ акварели К. Брюллова, писанной въ Римѣ въ 1830 году.

³⁾ См. «Дамск. Журн.», 1826 годъ, № 12, и Московск. Телегр., 1826 годъ, ч. IX.

Князь Одоевскій изъ боязни, чтобы не приписали политическихъ цѣлей собраніямъ, происходившимъ въ его домѣ, созвалъ своихъ пріятелей, торжественно сжегъ въ каминѣ уставъ и протоколы «Общества Любомудрія» и объявилъ засѣданія закрытыми. Мѣра эта была нелишняя, потому что весь кружокъ тогдашней московской молодежи считался подозрительнымъ; и не смотря на отсутствіе уликъ, многіе долго оставались на замѣчаніи у полиціи¹⁾. Даже литературная дѣятельность въ это время была для нихъ небезопасна и могла навлечь обвиненіе въ неблагонадежности, потому что, при усиленной строгости цензуры, въ случайныхъ фразахъ журнальныхъ статей находили тогда намеки на декабристовъ, сожалѣніе о погибшихъ, ропотъ противъ существующаго порядка и пр. Княгиня Волконская, пользуясь своими придворными связями, являлась въ случаѣ надобности заступницей своихъ друзей и даже лично говорила государю Николаю Павловичу о князѣ Вяземскомъ, по поводу ходившихъ о немъ неблагопріятныхъ слуховъ²⁾.

Но мало-по-малу все стихло; замолкли толки о декабристахъ. Коронація императора Николая I, назначенная сперва въ іюнѣ, совершилась 22-го августа 1826 года, и привлекла въ Москву огромное стеченіе публики. Княгиня Э. Волконская присутствовала на всѣхъ происходившихъ въ это время празднествахъ и церемоніяхъ и устраивала у себя блистательные вечера и концерты, съ участіемъ итальянскихъ пѣвцовъ, о которыхъ говоритъ біографъ ея сына, Ильинъ, находившійся тогда въ Москвѣ, съ эскадрономъ л.-гв. гусарскаго полка³⁾.

Съ удаленіемъ двора изъ первопрестольной столицы, все вошло въ обычную колею. Наступила зима 1826—1827 года, памятная для москвичей, благодаря присутствію двухъ великихъ поэтовъ.

¹⁾ Въ обвинительной запискѣ противъ Полевого, поданной въ III Отдѣленіе, 23-го августа 1827 года, сказано, между прочимъ: «Всѣ замѣченные въ якобинствѣ москвичи: Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій — сотрудники «Телеграфа». Повровители онаго князь Вяземскій и бывший профессоръ Давыдовъ, самый отважный якобинецъ. Если свыше не взято будетъ мѣръ, то якобинство пріобрѣтетъ величайшую силу для дѣйствованія на умы... Титовъ здѣсь служить въ иностранной коллегіи. Молодой человѣкъ развратныхъ правилъ... Извѣстный Соболевскій (молодой человѣкъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь, какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ, и его легко увлечь. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманы — князь Вяземскій и Полевой; пріятели: Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ и другіе, москвичи...» (См. ст. «Н. А. Полевой и его журналъ Московскій Телеграфъ», стр. 390—391, въ книгѣ «Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію» М. И. Сухомлинова, т. II, Спб., 1889 года).

²⁾ Полное собр. соч. кн. П. Вяземскаго, 1879 г., т. IX, стр. 96.

³⁾ «Воспоминанія о князѣ А. Н. Волконскомъ», статья В. В. Ильина. См. «Русскій Архивъ», 1878 года, № 10, стр. 251—252.

Изъ Одессы прїѣхалъ А. Мицкевичъ и встрѣтилъ самый радушный прїемъ отъ московскаго общества, которое отнеслось къ нему съ искреннимъ участіемъ. Затѣмъ, 8-го сентября 1826 года, явился въ Москву А. С. Пушкинъ, возвращенный государемъ изъ псковскаго заточенія, и остановился у Соболевскаго, съ которымъ находился въ близкихъ прїятельскихъ отношеніяхъ¹⁾. Соболевскій не замедлилъ ввести Пушкина въ домъ З. А. Волконской, которая очаровала поэта своей красотой, умомъ и любезностью и въ тотъ же день пригласила его къ себѣ на вечеръ. «Помнится и слышится еще,— пишетъ князь П. Вяземскій,—какъ она въ присутствіи Пушкина и въ первый день знакомства съ нимъ пропѣла его элегію, положенную на музыку композиторомъ Геништою:

«Погасло дневное свѣтило,
На море синее вечерній палъ туманъ»...

«Пушкинъ былъ живо тронутъ этимъ обольщеніемъ тонкаго и художественнаго кокетства. По обыкновенію, краска вспыхивала на лицѣ его. Въ немъ этотъ признакъ сильной впечатлительности былъ несомнѣнное выраженіе всякаго потрясающаго ощущенія»²⁾...

Лестный прїемъ у княгини Волконской былъ началомъ овацій знаменитому русскому поэту со стороны москвичей. 24-го октября, передъ отъѣздомъ Пушкина изъ Москвы, устроенъ былъ въ честь его литературный обѣдъ, на которомъ, кромѣ Пушкина, присутствовали: Мицкевичъ, Баратынскій, Дм. Веневитиновъ, Хомяковъ, И. Кирѣевскій, Райчъ, Погодинъ, Соболевскій и князь Вяземскій. На обѣдѣ предложено было нѣсколько темъ для импровизаціи; и «пальма первенства осталась за Мицкевичемъ, который для своихъ друзей, не знавшихъ попольски, импровизировалъ пофранцузски прозою. Въ его импровизаціи,—говоритъ Вяземскій,—была мысль, чувство, картины и поэтическія выраженія. Можно было думать, что онъ читаетъ наизусть поэму, имъ уже написанную»³⁾...

Отъѣздъ Пушкина опечалилъ его московскихъ друзей и поклонниковъ; явилось опасеніе, чтобы Петербургъ не отнялъ поэта у дре-

¹⁾ С. Соболевскій, представлявшій собою типъ bon vivant'a, не смотря на слабыя стороны, привлекалъ къ себѣ всѣхъ, знавшихъ его, своей широкой, даровитой натурой и неистощимымъ остроуміемъ. Гдѣ бы онъ ни появлялся, онъ вездѣ вносилъ жизнь и веселіе, такъ что И. Кирѣевскій выразился о немъ въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ: «Соболевскій отъиде; и съ его отъѣздомъ будто уѣхало сорокъ человѣкъ»... Не разъ Соболевскій помогалъ Пушкину деньгами и выручалъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ въ сношеніяхъ съ людьми. При этомъ Соболевскій обладалъ рѣдкимъ критическимъ тактомъ и умѣніемъ подмѣтить недостатки въ слогѣ и изложеніи, такъ что Пушкинъ и Мицкевичъ охотно читали ему свои стихотворенія, до выхода ихъ въ свѣтъ, и не оставляли безъ вниманія его замѣчаній.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1873 года, I, стр. 1085.

³⁾ Полное собраніе сочиненій кн. П. Вяземскаго, т. VII, стр. 328.

ней столицы, какъ видно изъ слѣдующаго письма княгини З. Волконской къ Пушкину, отъ 29-го октября 1826 года:

«Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я отложила для васъ эту пару строкъ, любезный Пушкинъ; я все забывала передать ихъ вамъ, а все отъ того, что когда вижу васъ, то становлюсь мачихой относительно своихъ собственныхъ чадъ. «Іоанна» была написана для моего театра. Я исполняла эту роль и хотѣла передѣлать ее въ оперу; пришлось кончить на половинѣ Шиллеровой пьесы. Вы получите литографію съ моего (головного) портрета, въ видѣ Джюванни д'Арко, писаннаго Бруни¹⁾. Приложите ее къ первой страницѣ и вспоминайте меня. Возвращайтесь! Московскій воздухъ какъ будто полегче. Великому русскому поэту подобаетъ писать или среди раздолья степей, или подъ сѣнью Кремля; творецъ «Бориса Годунова» принадлежитъ городу царей. Отъ какой матери родился человѣкъ, гений котораго весь сила, изящество, непринужденность, который, являясь то дикаремъ, то европейцемъ, то Шекспиромъ и Байрономъ, то Аріостомъ или Анакреономъ, но всегда оставаясь русскимъ, умѣетъ переноситься отъ лиры къ драмѣ, отъ нѣсенъ, то полныхъ любовной нѣги, то простодупныхъ, то подчасъ даже суровыхъ, то романтическихъ, то ѣдкихъ, къ важному и безыскусственному тону строгой исторіи! До скораго свиданія, надѣюсь, К. З. В.»²⁾.

Въ отвѣтъ на это письмо Пушкинъ послалъ З. А. Волконской свою поэму «Цыганы» съ извѣстнымъ стихотвореніемъ, «Среди разсѣянной Москвы»:

«При толкахъ виста и бостона.
При бальномъ лепетѣ молвы,
Ты любишь игры Аполлона,
Царица музъ и красоты.
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется, и пылаетъ гений
Пѣвца, плѣнннаго тобой.
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣдомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой».

¹⁾ Въ 1826 году написанъ былъ новый портретъ З. А., какъ видно изъ слѣдующаго двустороння князя Шаликова, напечатаннаго въ «Дамскомъ Журналѣ» того же года, № 12, стр. 238:

Къ портрету З. А. Волконской писано г. Лагрене.

«И красу, и умъ, и гений—все умѣлъ
Изобразить намъ твой Апцель!».

²⁾ Русскій переводъ этого письма, написаннаго на французскомъ языкѣ, помѣщенъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 года, ч. I, стр. 427—428.

Вслѣдъ за Пушкинымъ собрался въ путь Дм. Веневитиновъ съ своимъ пріятелемъ Ѡ. Хомяковымъ, такъ какъ получилъ мѣсто въ Петербургѣ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, въ Москву приѣхалъ французъ Воше (Vaucher), библиотечаръ графа Лавалья, который, проводивъ въ Сибирь жену декабриста Е. И. Трубецкую, остановился на нѣсколько дней у З. А. Волконской. Въ то время полиція слѣдила за всѣми, которые имѣли какое либо отношеніе къ декабристамъ; и З. А., желая оградить Воше отъ непріятностей, какія могли ожидать его на пути отъ Москвы до Петербурга, предложила Дм. Веневитинову и Хомякову взять его съ собою, тѣмъ болѣе, что они оба считались вполне благонадежными въ политическомъ отношеніи. Но, противъ всякаго ожиданія, Дм. Веневитиновъ былъ арестованъ тотчасъ по приѣздѣ въ Петербургъ и пробылъ около двухъ недѣль на одной изъ столичныхъ гауптвахтъ, въ сыромъ и холодномъ помѣщеніи, что должно было неизбежно отразиться на слабомъ здоровьѣ поэта. Прямые отвѣты Веневитинова едва не погубили его, но скоро дѣло выяснилось; и онъ былъ выпущенъ на свободу ¹⁾.

Эта непріятная случайность и еще болѣе недавняя разлука съ Москвой и близкими людьми способствовали тому печальному настроенію, въ какомъ находился Веневитиновъ. Въ первое время, по приѣздѣ, онъ настолько тяготился одиночествомъ, что Петербургъ казался ему «многолюдной пустыней». «Вотъ уже недѣля, какъ я въ Питерѣ, — писалъ онъ друзьямъ, — и еще не осмотрѣлся, да что и глядѣть. Мнѣ грустно по Москвѣ, и мой спинъ смѣшанъ съ какой-то досадою, которая не позволяетъ мнѣ ничѣмъ любоваться. О Москвѣ только и думаю и ее вижу во снѣ» ²⁾. Въ это время Веневитиновъ велъ особенно дѣятельную переписку съ московскими друзьями и живо интересовался всѣмъ, что имѣло отношеніе къ «Московскому Вѣстнику», который долженъ былъ издаваться съ 1827 года, подъ редакціей М. Погодина. Толки объ этомъ журналѣ начались съ 1823 г., затѣмъ прекратились на время и возобновились съ приѣздомъ въ Москву Пушкина, который хотѣлъ участвовать въ немъ вмѣстѣ съ Дм. Веневитиновымъ.

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвелъ на княгиню Волконскую отъѣздъ молодого поэта. Но, по нѣкоторымъ даннымъ, онъ получилъ мѣсто въ Петербургѣ при ея участіи. Во всякомъ случаѣ, не смотря на ихъ хорошія отношенія, не видно, чтобы между ними существовала переписка, такъ какъ Веневитиновъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ часто спрашиваетъ о княгинѣ Волконской и посылаетъ ей поклоны.

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1885 года, ч. I, стр. 120—122.

²⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина». Спб. 1890 г. Н. П. Барсукова. Кн. III, стр. 66.

VIII.

Зима 1826—1827 г. въ Москвѣ.—Стихи Козлова.—Описание концерта у княгини Волконской.—Вечеръ 27 декабря 1826 года.—«Портретъ» Мицкевича.—Стихи «Царицынская ночь».—Отзывъ о княгинѣ Э. Волконской.—Приключеніе со статуей Аполлона.

Одновременно съ Дм. Веневитиновымъ переѣхалъ въ Петербургъ князь Одоевскій, а также А. И. Кошелевъ и другіе «архивные юноши». Но, въ московскихъ кружкахъ продолжалось то же одушевленіе, чему способствовало возвращеніе Пушкина въ Москву. Вечера, живые и веселые, слѣдовали одни за другими у Елагиныхъ, Кирѣевскихъ, Соболевскихъ, Веневитиновыхъ и др. «Въ великолѣпныхъ залахъ княгини Э. Волконской,—пишетъ очевидецъ,—какъ бы въ римскомъ палаццо, оперы, живыя картины и маскарады часто повторялись въ зиму 1826—1827 гг.; и каждое представленіе обставлено было съ особеннымъ вкусомъ, ибо княгиню постоянно окружали итальянцы» ¹⁾. Посреди артистовъ и во главѣ ихъ была хозяйка дома; она выступила тогда въ роли Танкреда, въ оперѣ Россини, и возбудила всеобщій восторгъ своимъ полнымъ, звучнымъ контръ-альто и воодушевленной игрой.

Сила впечатлѣнія, производимаго ея пѣніемъ, прекрасно выражена въ стихахъ Козлова «Къ княгинѣ Зинаидѣ А. Волконской», которые были напечатаны въ «Дамскомъ Журналѣ» Шаликова съ эпиграфомъ изъ Петрарки:

Il tuo cantar che nel anima si sente.

. . . я слезъ не проливалъ,
«Волшебнымъ голосомъ плѣненный,
«Я только помню, что видать
«Пѣвицы образъ незабвенный.

«О! помню я, какимъ огнемъ
«Сіяли очи голубыя,
«Какъ на челѣ ея младомъ
«Вилися кудры золотыя.

«И помню звукъ ея рѣчей,
«Какъ помнить чувство дорогое,
«Онъ слышится въ душѣ моей,
«Въ нѣмъ было что-то неземное... ²⁾

Князь Шаликовъ съ восторгомъ описываетъ концертъ 15-го декабря 1826 года, устроенный княгиней Волконской на сценѣ ея

¹⁾ «Знакомство съ русскими поэтами» А. Н. Муравьева, Кіевъ, 1871 г., стр. 11.

²⁾ Стихи Козлова были приготовлены для альманаха «Звѣздочка» на 1826 годъ, изд. Рылѣева и А. Бестужева; но альманахъ не былъ изданъ. Содержаніе «Звѣздочки», вмѣстѣ съ стихами Козлова, было напечатано въ «Русской Старинѣ» 1883 г., іюнь, стр. 61—62.

домашняго театра, гдѣ, по свидѣтельству Шаликова, на фронтонѣ была надпись: «*Ridendo dicere verum*», а по бокамъ портреты Мольера и Чимарово. «Всѣ аріи,—пишетъ онъ,—пѣтыя З. А. Волконской, всѣ дуэты, пѣтыя сею-же повсемѣстною примадонной съ графиней и графомъ Ричи, и дуэты послѣдняго съ Барбери пѣня-ли, удивляли и счастливости многочисленныхъ слушателей». Затѣмъ, князь Шаликовъ хвалитъ пѣніе дѣвицы Окуловой и Салтыковой, графа Вельгорскаго, превосходнаго баса, хоры любителей и оркестръ И. А. Нарышкина ¹⁾.

Черезъ два дня послѣ этого концерта, 27-го числа того же мѣсяца, у З. А. Волконской былъ музыкальный вечеръ, на которомъ присутствовала Марія Волконская (урожденная Раевская), накануне своего отъѣзда въ Сибирь, къ сосланному мужу, декабристу С. Гр. Волконскому. Удручающее впечатлѣніе этого вечера передано очевидцемъ, который былъ въ числѣ приглашенныхъ. «Марія Волконская не входила въ гостиную, гдѣ собралось много гостей, и сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда безпрестанно выходила хозяйка дома, думая только о ней и стараясь всячески ей угодить». Отрывокъ изъ аріи «Агнесы» *del maestro Paër'a* былъ прерванъ, потому что невольное сближеніе несчастія Агнесы и отца ея съ положеніемъ Маріи Волконской отняло голосъ у З. А. Волконской, а бѣдная изгнанница, слушая пѣніе въ сосѣдней комнатѣ, залилась слезами... Остатокъ вечера «былъ печалень, какъ ни старались нарушить глубокое мрачное молчаніе шутивными дуэтами»... ²⁾

Не забыла этого вечера и З. А. Волконская, какъ видно изъ ея посвященія «Княгинѣ М. Волконской», написаннаго по французски, гдѣ, обращаясь къ несчастной женѣ декабриста, она пишетъ: «Я знала тебя всего три дня и назвала другомъ. Ты слушала насъ, когда мы составляли хоры... просила не прерывать пѣнія. Еще одну арію, еще, повторяла ты, ни завтра, ни послѣ, я никогда болѣе не услышу музыки...» ³⁾.

Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, никакія постороннія соображенія не мѣшали З. А. Волконской открыто выражать свое сочувствіе людямъ, которые внушали ей душевную симпатію, хотя она сама находилась тогда подъ тайнымъ надзоромъ полиціи ⁴⁾.

¹⁾ См. «Дамскій Журналь» 1827 г., № 1, стр. 45—48. Кн. Шаликову, вѣроятно, принадлежить также изданіе брошюры «Узнанная», напечатанной въ Москвѣ, въ 1826 г., которая представляетъ переводъ французской брошюры «*Portrait de son excellence m-me la princesse Zéneide Volkonsky*», М., 1826 г., гдѣ неизвѣстный авторъ написалъ восторженный панегирикъ «Сѣверной Коринѣ», какъ называли княгиню З. Волконскую ея многочисленные поклонники.

²⁾ «Русская Старина», 1875 г., № 4, ст. А. В. Веневитинова «Вечеръ у княгини Зинаиды Волконской, 27 декабря 1826 г.», стр. 822—824.

³⁾ *Oeuvres choisies de la princesse Z. Volkonsky*, Paris et Carlsruhe, 1865, pp. 253—254.

⁴⁾ См. «Донесеніе» тогдашняго директора канцеляріи М. М. Фока къ шефу жан-

Знаменитый польскій поэтъ А. Мицкевичъ, находившійся въ это время въ Москвѣ, въ видѣ почетной ссылки, безъ права возвращенія на родину, былъ въ числѣ ея любимыхъ и самыхъ почетныхъ гостей; она не только относилась къ нему съ неизмѣннымъ участіемъ, но высоко цѣнила, какъ человѣка и великаго поэта. Въ отрывкѣ, написанномъ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Portrait de Mickiewicz», княгиня З. Волконская представила опозитивированный образъ поэта, «съ его печалью, сердцемъ отзывчивымъ на все прекрасное, съ его стремленіемъ къ правдѣ и добру, любовью къ родинѣ и даромъ импровизаціи», когда «поэтъ дѣсовъ обращался равно ко всѣмъ, во всѣхъ видѣлъ братьевъ»...¹⁾

Мицкевичъ относился къ княгинѣ З. Волконской съ тѣмъ же восторженнымъ поклоненіемъ, какое вдохновляло нашихъ поэтовъ, посвящавшихъ ей свои стихотворенія. Въ 1827 году, онъ написалъ въ ея домѣ одно изъ лучшихъ своихъ поэтическихъ произведеній, «Rokój grecki» (греческая комната), прекрасное по мысли и выполнению. Мицкевичъ также представилъ ей «Собраніе крымскихъ сонетовъ», съ посвященіемъ, которое самъ перевелъ для нея на французскій языкъ:

«O, Poesie! tu n'es pas l'art de peindre! Quand je veux peindre, pourquoi mes pensées ne peuvent elles paraître qu'à travers les paroles d'une langue étrangère, comme les prisonniers à travers les barreaux de fer».

«O, poesie! tu n'es pas l'art de chanter!» etc.²⁾

Тогда же на одномъ изъ вечеровъ З. А. Волконской князь Вяземскій взялъ слово съ И. Кирѣвскаго написать что нибудь для прочтенія; и онъ написалъ «Царицынскую ночь», свое единственное стихотвореніе, которое наглядно рисуетъ поэтическое настроеніе интимнаго кружка «Сѣверной Корины»³⁾.

дармовъ, генералу А. Х. Бенкендорфу, отъ 9 августа 1826 года, гдѣ сказано: «Между дамами, двѣ самыя непримиримыя и всегда готовые разорвать на части правительство, княгиня Волконская и генеральша Коновницина. Ихъ частныя кружки служатъ средоточіемъ всѣхъ недовольныхъ; и нѣтъ брани злѣе той, какую онѣ извергаютъ на правительство и его слугъ»... («Русская Старина», 1881 г., сентябрь стр. 191).

¹⁾ Oeuvres choisies de la pr. Z. Volkonsky, 1865, pp. 249—251. Этотъ же отрывокъ въ переводѣ на русскій языкъ (подъ заглавіемъ «Портретъ») былъ напечатанъ въ альманахѣ «Денница» на 1830 г., изд. М. Максимовичемъ, стр. 114—117.

²⁾ Русскій переводъ этого посвященія, сдѣланный княземъ Вяземскимъ, помѣщенъ въ «Полн. собр. соч. князя П. Вяземскаго, т. VII, стр. 330. См. также ст. «Адамъ Мицкевичъ», П. П. Дубровскаго, въ «Отечественныхъ Запискахъ», т. СХХ, 1858 г., стр. 57.

³⁾ Стихотвореніе «Царицынская ночь» напечатано въ Полномъ собраніи соч. И. В. Кирѣвскаго, М., 1861 г., т. I, стр. 4. Весною 1828 года, когда московскіе литераторы провожали Мицкевича, при поднесеніи ему серебрянаго кубка (на которомъ были вырѣзаны имена: И. И. Кирѣвскаго, Баратынскаго, Елагина, Рожалина, Полевого, Шевирева и Соболевскаго),—Кирѣвскому первому пришлось прочесть

Поклоненіе двухъ великихъ поэтовъ, Пушкина и Мицкевича, не мало способствовало той извѣстности, какой пользовалась княгиня З. Волконская въ русскомъ обществѣ двадцатыхъ годовъ. Несмотря на слухи, распускаемые ея недоброжелателями, молва объ ея красотѣ, умѣ и разнообразныхъ талантахъ привлекала къ ней толпу и возбуждала праздное любопытство. «Русская путешественница», описывая Москву и ея достопримѣчательности въ 1827 — 1828 годахъ, пишетъ: «Видѣть картину, водопадъ, обломки барельефа — любопытно; видѣть генія — есть счастье свыше ниспосланное; но нѣкоторымъ лишь дано судьбою умѣть цѣнить это счастье. Я видѣла мелькомъ княгиню З. Волконскую и считаю это за величайшую благосклонность судьбы» ¹⁾...

Такъ отзывались въ это время о З. А. Волконской не только лица, знавшія ее по слухамъ, но и близкіе люди, какъ, напримѣръ, А. Муравьевъ, который съ восторгомъ говоритъ о ней въ своихъ воспоминаніяхъ. Онъ называетъ ее «геніальной и необыкновенной женщиной», «русской Кориной», «Меценатомъ», «олицетвореніемъ граціи и красоты» и проч. и при этомъ сообщаетъ о непріятности, которая случилась съ нимъ въ салонѣ княгини Волконской: «Домъ Бѣлосельскихъ, — пишетъ Муравьевъ, — былъ мнѣ особенно близокъ по родственнымъ связямъ и потому, что младшій братъ княгини отъ другаго брака воспитывался вмѣстѣ со мною. Часто бывалъ я на вечерахъ и маскарадахъ у княгини З. Волконской; и тутъ однажды, по моей неловкости, случилось мнѣ сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мнѣ злую эпиграмму Пушкина, который, не разобравъ стиховъ, сейчасъ же написанныхъ мною въ свое оправданіе на пьедесталѣ статуи, думалъ прочесть въ нихъ, что я называю себя соперникомъ Аполлона» ²⁾...

Извѣстная эпиграмма Пушкина, тогда же написанная имъ на пьедесталѣ статуи, подъ стихами Муравьева, кончается словами:

«Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!»

Муравьевъ узналъ объ этой эпиграммѣ только двѣ недѣли спустя изъ писемъ своихъ пріятелей, такъ какъ, послѣ злополучнаго приключенія со статуей Аполлона, уѣхалъ въ деревню.

Н. Бѣлозерская.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

свои стихи въ честь польскаго поэта. «Рус. Арх.» 1873 г., № 6, стр. 1,060, 1,085. Въ юлѣ 1829 года Мицкевичъ отправился за границу; при этомъ «паспортъ на выѣздъ изъ Россіи выхлопотала ему княгиня Волконская». (См. «Калейд. воспом. Цинцинуса» въ «Русск. Арх.» 1872 г., № 10, стр. 1924).

¹⁾ «Сынъ Отечества» и «Сѣв. Архивъ» 1831 года, № III, стр. 135.

²⁾ «Знакомство съ русскими поэтами» А. П. Муравьева, Кіевъ, 1871 года, стр. 11 — 13.

КІЕВСКІЕ БЕЗПОРЯДКИ.

(Изъ воспоминаній очевидца).

I.

В САМЫЙ разгаръ крымской кампаніи, въ Кіевской губерніи, въ средѣ крестьянскаго населенія произошли серьезные безпорядки, потребовавшіе вмѣшательства воинской силы. Это происшествіе въ то время, вѣроятно, прошло мало замѣченнымъ, такъ какъ событія кровопролитной войны поглощали общее вниманіе; но впослѣдствіи оно возбудило много толковъ, большею частью невѣрныхъ, основанныхъ преимущественно на неопредѣленныхъ слухахъ.

Находясь въ числѣ очень немногихъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, въ качествѣ офицера одного изъ дѣйствовавшихъ отрядовъ, я опишу здѣсь наши приключенія. Хотя съ того времени протекло сорокъ лѣтъ, но въ моей памяти удержались всѣ мельчайшія подробности, могущія быть полезными для характеристика и правильнаго освѣщенія событія.

Истинныя причины, вызвавшія волненія крестьянъ, въ то время намъ, военнымъ, были совершенно неизвѣстны; мало того, мы даже не подозрѣвали его существованія, и узнали о немъ только тогда, когда были призваны дѣйствовать. Поэтому мы только на основаніи личныхъ наблюденій могли дѣлать свои выводы и заключенія.

Въ то, къ счастью, давно минувшее время Кіевъ никоимъ образомъ не оправдывалъ своего названія матери городовъ русскихъ, а просто былъ полу-русскій, полу-польскій городъ, съ преобладающимъ польскимъ элементомъ въ высшемъ и вліятельнѣйшемъ кругу. Значительная часть помѣщиковъ въ губерніи были тоже поляки, и въ результатѣ было то, что паны и польская интеллигенція властвовали фактически надъ кореннымъ русскимъ народомъ, — до того русскимъ, что можно было только удивляться его удивительной стойкости, его способности въ продолженіе многовѣковаго польскаго гнета сохранить свою народность неприкосновенною.

Если еще и теперь русскія власти въ Западномъ краѣ нерѣдко стоятъ далеко ниже своего призванія и исполненія долга истинно русскихъ людей, то чего же можно было ожидать отъ того давно минувшаго времени, когда почти никому и въ голову не приходило оградить русскій народъ отъ польской эксплуатаціи? Кіевскій генераль-губернаторъ Бибииковъ представляетъ въ этомъ случаѣ, можетъ быть, единственное оградное исключеніе. Именно онъ настоялъ на введеніи такъ называемыхъ инвентарныхъ правилъ. Эти правила, хотя нѣкоторымъ образомъ и регулировали отношенія между владѣльцами и крестьянами, но польская интеллигенція имѣла и находила множество способовъ разными путями обходить ихъ, даже гораздо легче, чѣмъ это дѣлалось въ послѣдствіи въ западныхъ губерніяхъ.

Кіевскіе крестьяне, несмотря на вѣковое закрѣпощеніе, по преданіямъ всегда считали себя казаками, то-есть вольными людьми, и, ненавидя своихъ пановъ, упорно лелѣли надежду на грядущее освобожденіе. Для осуществленія этой надежды достаточно было малѣйшаго повода. Такимъ поводомъ былъ высочайшій манифестъ о народномъ ополченіи.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что крестьяне перетолковали его по-своему, сообразно завѣтнымъ ихъ желаніямъ и, въ концѣ концовъ, искренно повѣрили, что этимъ манифестомъ имъ дарована воля и освобожденіе на вѣки вѣковъ отъ крѣпостной зависимости. Но такъ какъ манифестъ не приводился въ исполненіе, соответственно ихъ желаніямъ и надеждамъ, то въ нихъ возникло подозрѣніе, что его умышленно скрывали. Начались повсюду многочисленные сходки; появились, какъ это бываетъ всегда, неблагонамѣренные люди, умышленно распространявшіе фальшивые и нелѣпыя слухи, до которыхъ всегда такъ падокъ простой народъ, и вотъ возмущеніе, какъ тогда его называли, за неприятіемъ своевременныхъ мѣръ, быстро распространилось на значительномъ пространствѣ края.

Сначала это возмущеніе имѣло исключительный характеръ, мало похожій на народный бунтъ, сопровождаемый обыкновенно крова-

выми эпизодами и насиліями. Крестьяне еще ждали объявленія воли и ограничились тѣмъ, что прекратили всѣ работы. Какъ на примѣръ ихъ благородія, можно указать на слѣдующій случай. Въ одномъ уѣздѣ (кажется, въ Таращанскомъ) появился какой-то студентъ Розенталь, который подбивалъ народъ къ бунту и предлагалъ начать дѣло убійствомъ своего отца, тамошняго помѣщика. Крестьяне, выслушавъ подстрекателя, объявили ему, что если онъ подговариваетъ ихъ убить своего роднаго отца, то, значить, онъ человѣкъ не хорошій и, недолго разговаривая, связали его и представили въ станъ.

Какъ это ни странно, но первоначально весь гнѣвъ крестьянъ обратился на своихъ же православныхъ священниковъ, и только они подверглись серьезнымъ насиліямъ. Настоящая причина этого, вѣроятно, кроется въ несовсѣмъ искреннихъ отношеніяхъ къ народу своего духовенства, силою обстоятельствъ вынуждаемаго держаться двусмысленной политики служенія нашимъ и вашимъ, и достовѣрно то, что многіе изъ нихъ не пользовались довѣріемъ народа. Доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что между крестьянами существовало твердое убѣжденіе, что именно попы, подкупленные панями, скрыли отъ нихъ царскую грамоту. Для того, чтобы заставить попа выдать эту грамоту, приходилось употреблять насильственные мѣры. Обыкновенно выводили его передъ народъ и, послѣ недѣйствительности увѣщаній выдать грамоту добровольно, ставили по горло въ воду; затѣмъ, дрожавшаго отъ холода и страха, начинали водить босикомъ по колчамъ и неровностямъ, при чемъ вся толпа осыпала его укорами. Черезъ короткій промежутокъ купанье начиналось снова, иногда по нѣсколько разъ. Наконецъ попа ставили къ столбу или забору и привязывали руки. Такихъ случаевъ было, конечно, не много, но они, какъ увидимъ далѣе, дѣйствительно были. О другихъ болѣе тяжкихъ насиліяхъ мнѣ слышать не приходилось.

Случались и комическіе эпизоды, свидѣтельствовавшіе о необыкновенномъ легкомысліи и чисто дѣтской наивности этого народа. Такъ, въ одной мѣстности разнесся слухъ, что въ сосѣднемъ селеніи у священника нашли царскую грамоту, настоящую, съ золотыми печатями. Сейчасъ же въ село была отправлена депутація съ просьбой показать ее народу. Было условлено сойтись всѣмъ на пограничной межѣ. Изъ селенія выступила торжественная процессія, впереди которой на двухъ длинныхъ шестахъ несли завернутую въ холстину царскую грамоту. Когда всѣ сошлись, и счастливые обладатели этой драгоценности еще разъ выслушали покорнѣйшую просьбу показать ее народу, они торжественно развернули покрывало, и благоговѣйная толпа узрѣла... цѣлый столбецъ вѣнчиковъ, съ которыми отпускаютъ на тотъ свѣтъ покойниковъ! Пожелали, конечно, прочесть грамоту вслухъ, но тутъ встрѣтилось

почти непреодолимое затрудненіе: въ числѣ присутствовавшихъ грамотныхъ не оказалось. Напелся одинъ, какой-то Хома, который зналъ немного азы, да и то нетвердо. Однако его заставили читать. Долго слушала толпа, недоумѣвая, что такое Хома разбираетъ по складамъ, наконецъ старики сказали: «брепешь, собачій сынъ! тебя, вѣрно, тоже подкупили паны!». Съ тѣмъ всѣ и разошлись, оставшись въ убѣжденіи, что царская грамота существуетъ, только имъ ошибкой попалась не та бумага. Но обратимся къ разсказу.

Наша резервная бригада, входившая въ составъ средней арміи, занимала въ это время караулы въ Кіевѣ. Къ намъ прислали значительное число рекрутъ новаго набора, преимущественно изъ Минской губерніи, и для избѣжанія тѣсноты въ городѣ и распространенія болѣзней расквартировали часть войскъ по деревнямъ. Въ этомъ числѣ былъ и нашъ баталіонъ, въ которомъ я состоялъ адъютантомъ. Мы стояли верстахъ въ пятидесяти отъ Кіева, въ селеніи Обуховѣ. Тутъ же вмѣстѣ съ баталіоннымъ штабомъ квартировала одна рота, а другія были расположены по окрестнымъ деревнямъ.

Былъ конецъ Святой недѣли. Баталіонный командиръ, за болѣзнію, находился въ Кіевѣ, а ротный командиръ, капитанъ Лопатинъ, пользуясь праздничнымъ временемъ, уѣхалъ куда-то по соудству въ гости, такъ что въ штабѣ оставалось только два офицера: я и поручикъ Николай Петровичъ Ермоловъ, родной племянникъ кавказскаго героя.

Стояла прекрасная погода, и я занялся снаряженіемъ въ охотничью экскурсію, давно меня интересовавшюю. Предполагалось пробраться въ одну мѣстность, почти недоступную въ весеннее время, и потому изобиловавшюю несмѣтнымъ количествомъ дикихъ гусей и всевозможной пернатой дичи. Я могъ рассчитывать на полную удачу, въ виду того, что другихъ охотниковъ-конкурентовъ не было, такъ какъ еще въ 1846 году все оружіе въ краѣ, по случаю политическихъ событій, было отобрано. Въ предвкушеніи охотничьихъ наслажденій, я усѣлся на завалинкѣ моей квартиры и занялся снаряженіемъ ружейныхъ патроновъ. Вдругъ, какъ будто изъ-подъ земли, предо мной выросъ конный фурштатъ нашей бригады, съ сумкой черезъ плечо. Онъ проворно спрыгнулъ съ лошади и подаль мнѣ пакетъ, со словами:

— Ваше благородіе, отъ бригаднаго генерала,— очень нужное.

Въ пакетѣ были вложены четыре запечатанныхъ конверта на имя четырехъ ротныхъ командировъ и предписаніе мнѣ доставить ихъ по назначенію съ нарочными; баталіонному штабу выступить вмѣстѣ съ ротой въ мѣстечко Корсунь, Каневского уѣзда, а мнѣ состоять при капитанѣ Лопатинѣ, который назначается временно-командующимъ баталіономъ. Въ концѣ была собственноручная приписка бригаднаго командира (Николая Карловича фонъ-Цеймерна),

знаваго меня еще ребенкомъ: «Поторопите капитана Лопатина, чтобы выступалъ не мѣшка». »

Это коротенькое предписаніе ничего не объясняло. Я уже говорилъ ранѣе, что мы ничего не знали о начавшихся безпорядкахъ, а потому и не могли дѣлать никакихъ вѣрныхъ предположеній о дѣли настоящей командировки. Слѣдовало только исполнить въ точности предписаніе. Я послалъ за поручикомъ Ермоловымъ и, за отсутствіемъ капитана Лопатина, передалъ ему конвертъ. Изъ предписанія мы только узнали, что дальнѣйшія распоряженія будутъ зависѣть отъ командированнаго въ Корсунь полковника Аванасьева, состоявшаго по особымъ порученіямъ при Киевскомъ военномъ генераль-губернаторѣ.

Часа черезъ два рота въ полномъ составѣ, подъ командой поручика Ермолова, и баталіонный штабъ, состоявшій изъ адъютанта, его писаря и лазаретнаго фельдшера, съ дорожной аптечкой черезъ плечо,— выступили въ походъ.

Нужно признаться, что нашъ отрядъ не имѣлъ въ себѣ ничего внушительнаго. Въ ротѣ насчитывалось не болѣе 60 — 70 человекъ старыхъ солдатъ; остальные были невзрачные минскіе рекрута, называвшіеся у насъ мякинниками, которые въ своихъ сѣрыхъ рекрутскихъ шинеляхъ и шапкахъ походили скорѣе на несчастныхъ арестантовъ, нежели на солдатъ. Прибывъ къ намъ недавно, они еще не успѣли пріобрѣсти ни солдатской выправки, ни умѣнья обращаться съ оружіемъ. Но старые солдаты были народъ бравый и бывалый, а фельдфебель Андріановъ — настоящій молодецъ. Это былъ кавказецъ прежнихъ временъ, на вторичной службѣ, весь увѣшанный крестами и медалями,— рѣдкій типъ, который едва ли можно встрѣтить теперь въ нашихъ войскахъ. Мнѣ кажется, что онъ управился бы съ цѣлымъ баталіономъ, а не только со своей ротой, гдѣ въ дѣйствительности онъ значилъ болѣе ротнаго командира, гдѣ каждое его слово было законъ, а вліяніе на солдатъ неограниченное.

Не помню, сколько верстъ намъ предстояло пройти, но переходъ былъ большой. Уже съ половины пути наши невтянувшіеся рекрутики начали пріуставать. Въ небольшой деревушкѣ на большой дорогѣ сдѣлали приваль. Нашелся и постоянный дворъ подъ самодѣльной вывѣской «Гостиница для проѣзжающихъ», въ которой, однако, кромѣ скверной гсрѣлки, свиного сала и сырыхъ яицъ, ничего съѣстнаго не оказалось, такъ что начальство должно было удовольствоваться яичницей съ саломъ, а солдаты одними сухарями изъ своего запаса. Извѣстно, что на такомъ провіантѣ далеко не уѣдешь, и фельдфебель Андріановъ предупредилъ своего командира, что необходимо раздобыться обывательскими подводами, на случай, если окажутся отсталые. Потребовали старосту, но его не нашли; да и вся деревня оказалась почти пустою. Попадались однѣ

бабы да ребята, а мужики гдѣ-то отсутствовали, но мы не обратили на это странное обстоятельство вниманія. Хозяинъ постоялаго двора былъ какой-то угрюмый человѣкъ, въ родѣ отставнаго двороваго, который неохотно отвѣчалъ на вопросы. Однако, мы узнали отъ него, что верстахъ въ трехъ далѣе, влѣво отъ большой дороги, расположено довольно большое селеніе, гдѣ, вѣроятно, можно будетъ достать и подводѣ. Такъ какъ у меня были свои лошади, то мы рѣшили, что Ермоловъ поведетъ роту, а я, тѣмъ временемъ, поѣду впередъ въ указанное селеніе и тамъ похлопочу о подводахъ.

У меня была тройка маленькихъ, шустрыхъ лошадокъ; я сѣлъ въ свою легонькую натычанку (родъ польской брички безъ верха), посадилъ рядомъ съ кучеромъ расторопнаго солдата изъ московскихъ мѣщанъ,—и мы тронулись.

Проѣхавъ указанное разстояніе и пропустивъ узенькую дорожку, проложенную по рубежу, мы повернули налѣво, на торный проселокъ, и вскорѣ передъ нами замелькалъ крестъ сельской колокольни. Но селенія еще не было видно, такъ какъ оно ютилось по скату глубокаго яра (большой лощины). Сначала дорога шла совершенно ровно, но затѣмъ круто спускалась внизъ по косогору и дѣлала значительный заворотъ къ небольшой площади, посреди которой стояла деревянная церковь, обнесенная оградой изъ заплетенныхъ по верху кольевъ. Спускъ былъ такъ крутъ, что маленькій коренникъ не могъ сдержать, и мы быстро неслись подъ гору.

Я взглянулъ впередъ.

На площади стояла почти сплошная толпа народа, которая, при видѣ быстро несущейся тройки, поспѣшно разступилась, какъ будто проглотила насъ, и потомъ опять сомкнулась. Все это произошло такъ скоро и неожиданно, что я, что называется, не успѣлъ опомниться, какъ лошади остановились. Сборище состояло изъ однихъ мужиковъ, которыхъ было приблизительно человѣкъ триста.

На небольшомъ возвышеніи, около церковной ограды, я увидѣлъ священника, привязаннаго или прислоненнаго (я не могъ хорошенько разглядѣть) къ плетню. На немъ была широкая синяя священническая одежда; волосы его были въ безпорядкѣ, черты искажены ужасомъ.

Въ моемъ воображеніи быстро промелькнуло воспоминаніе гдѣ-то видѣнной мною картины, изображавшей Христа на позорищѣ.

— Спаситель мой!—закричалъ онъ, простирая ко мнѣ руки,—погибаю безвинно... Хотятъ меня убить!

Я такъ былъ пораженъ этой неожиданной сценой, что въ первую минуту совсѣмъ потерялся и не зналъ, что мнѣ дѣлать.

Нужно сказать, что нѣкоторые изъ толпы, при внезапномъ моемъ появленіи, сняли было шапки, но потомъ, черезъ нѣсколько секундъ, снова ихъ надѣли.

— Ребята! что это вы дѣлаете?—обратился я къ толпѣ.

— Пытаемъ попа, нехай отдасть намъ царскую волю,—отвѣчали нѣкоторые.—Снюхался съ панами и скрылъ ее отъ насъ.

— Послушайте, братцы,—обратился я къ толпѣ,—я человѣкъ совсѣмъ посторонній, и мнѣ нѣтъ надобности васъ обманывать; такъ вотъ что: нигдѣ еще не слышно о вашей волѣ, и повѣрьте мнѣ, что если бы дѣйствительно выпелъ такой царскій указъ, то никто не посмѣлъ бы скрыть отъ васъ его. Скажу вамъ прямо: вы затѣяли недоброе дѣло, за которое вамъ придется отвѣчать. Послушайте моего совѣта, отпустите вашего священника: онъ вашъ отецъ духовный,—и сами образумьтесь; а когда придетъ воля, будьте увѣрены, что вамъ о ней объявятъ.

Мои слова, повидимому, произвели совсѣмъ другое дѣйствіе чѣмъ я ожидалъ. Нѣкоторыя лица нахмурились, я замѣтилъ подозрительныя и недружелюбныя взгляды.

— Неправда,—закричали нѣкоторые,—царская воля давно ужъ пришла, а начальство и попы ее скрываютъ.

— Не слушайте его!—крикнулъ сзади одинъ грубый голосъ,—брешетъ онъ!—Какой-такой сюда пріѣхалъ?..

Положеніе мое становилось критическимъ: кругомъ стояла недружелюбная толпа, отъ которой можно было всего ожидать. Мнѣ казалось, что въ ней уже начинало зарождаться сомнѣніе относительно моей личности.

— Какъ знаете, братцы,—возразилъ я,—я далъ вамъ совѣтъ по душѣ; а, впрочемъ, это не мое дѣло! Я пріѣхалъ добыть у васъ подводъ подъ проходящую роту. Переходъ нашъ большой, солдатики начали уставать — вамъ ничего не стоитъ дать нѣсколько подводъ до Корсуни.

— Нѣтъ у насъ подводъ. Нѣтъ ни лошадей, ни воловъ, всѣ теперь далеко въ полѣ.

— Какъ же быть?—сказалъ я:—да гдѣ у васъ тутъ старшина, или начальникъ?

— Нѣтъ у насъ начальниковъ; мы здѣсь всѣ начальники!

Дѣло выходило скверное. Я замѣтилъ, что мой кучеръ совсѣмъ струсилъ и сидѣлъ на козлахъ ни живъ, ни мертвъ; но шустрый солдатикъ не потерялся: онъ подобралъ изъ рукъ его возжи и быстро обернулся ко мнѣ. Взглядъ его, какъ будто, говорилъ: нужно поскорѣе удирать отсюда!

Я какъ нельзя лучше понялъ его, потому что самъ только объ этомъ думалъ.

— Ну, братцы,—сказалъ я,—если у васъ точно подводъ нѣтъ, то я поѣду въ другую деревню; можетъ быть, раздобудусь тамъ. А мнѣ безъ нихъ обойтись нельзя: царскихъ солдатъ беречь приказано! Трогай! — крикнулъ я повелительно и какъ можно громче.

Странное дѣло, лошади точно понимали наше опасное положеніе: онѣ стояли неспокойно и настороживъ уши. Лишь только я крик-

нуль, мой солдатикъ что есть силы стегнулъ коренника кнутомъ вдоль спины, а затѣмъ и пристяжныхъ. Лошади рванулись съ мѣста, какъ бѣшенныя; толпа инстинктивно отступила и раздалась во всѣ стороны. Солдатикъ изъ всѣхъ силъ натянулъ правую вожду кореннаго, стегнулъ еще разъ лѣвую пристяжную, и мы, сдѣлавъ невозможно крутой поворотъ, въ нѣсколько секундъ, маршъ-маршемъ вылетѣли въ гору. Помню я, что вслѣдъ за нами раздался отчаянный крикъ священника и глухой гамъ толпы, озадаченной нашимъ внезапнымъ исчезновеніемъ.

Мы остановились, когда уже выѣхали на большую дорогу. Мой ловкій возница оглянулся раза два назадъ, снялъ фуражку и, перекрестившись, сказалъ:

— Ну, ваше благородіе, избавилъ Господь отъ бѣды! Ишь, проклятые!!..

— Молодецъ ты!—отвѣтилъ я.

Теперь слѣдовало рѣшить, гдѣ находилась рота: прошла ли она впередъ, или еще не дошла до поворота? На тонкомъ слоѣ пыли, покрывавшемъ пустынную дорогу, не замѣтно было человѣческихъ слѣдовъ; стало быть, рота еще назади. Прошло около получаса въ ожиданіи, наконецъ вдали на солнцѣ заблестѣли, привѣтливо для насъ, ружья солдатъ.

Я рассказалъ Ермолову о случившемся.

Слѣдовало обдумать хорошенько, какъ тутъ поступить, и рѣшить вопросъ, что именно дѣлать: слѣдовать ли далѣе къ мѣсту назначенія, или, по собственному усмотрѣнію, идти на выручку бѣднаго священника, которому въ виду возбужденнаго состоянія толпы грозила серьезная опасность?

Рѣшить вопросъ предстояло Ермолову, какъ командующему ротой и старшему офицеру. Мое личное мнѣніе склонялось къ послѣднему рѣшенію: моя совѣсть возмущалась при мысли оставить несчастнаго въ рукахъ ожесточенной толпы, имѣя полную возможность освободить его. Въ этомъ поступкѣ я не усматривалъ личнаго произвола и превышенія власти, а напротивъ считалъ его нашей прямой обязанностью. Ермоловъ былъ совершенно согласенъ со мною и сказалъ, что во всякомъ случаѣ отвѣтственность онъ беретъ на себя.

Было рѣшено двинуться въ селеніе.

Туда вели двѣ дороги: та, по которой ѣхалъ я, и клиновья дорожка, которую мы въ первый разъ пропустили мимо. Эта послѣдняя была значительно короче, потому что вела прямо къ крестьянскимъ задворкамъ, тогда какъ первая была проложена въ объѣздъ.

Роту раздѣлили на два взвода. Съ первымъ по клиновья дорожкѣ пошелъ Ермоловъ, а со вторымъ по проѣзжей дорогѣ—я. Намѣреніе наше было одновременно войти въ селеніе съ противоположныхъ сторонъ и сойтись на площади. Такъ какъ мой путь былъ значительно длиннѣе, то я просилъ Ермолова не слѣпить и

соображаться съ движеніемъ моего взвода, такъ какъ мы почти до самаго селенія были въ виду другъ у друга.

Сначала все шло хорошо, но по мѣрѣ приближенія въ селенію я замѣтилъ, что мой кавказецъ (Ермоловъ служилъ прежде на Кавказѣ) началъ прибавлять шагу, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, такъ что намъ подъ конецъ пришлось почти бѣжать, и, увы, мы все-таки опоздали.

Между тѣмъ вотъ что произошло.

Встревоженные моимъ внезапнымъ появленіемъ и исчезновеніемъ, крестьяне долго совѣщались и шумѣли, пока наконецъ не пришли къ заключенію, что я былъ не кто иной, какъ переодѣтый офицеромъ шпекъ (шпіонъ), подсланный узнать, что у нихъ дѣлается, почему и слѣдовало меня непремѣнно задержать. Опасаясь вслѣдствіе этого какой нибудь неожиданности, послали нѣсколько человѣкъ на гору для наблюденія. Когда тѣ дали знать о приближеніи роты, толпа бросилась разбивать плетневую изгородь, чтобы встрѣтить колыями непрощенныхъ гостей. Къ счастью, плетень былъ на столько крѣпокъ, что крестьяне еще не успѣли хорошенько вооружиться, какъ уже появились солдаты.

Это былъ самый роковой моментъ для бѣднаго священника, такъ какъ нѣсколько остервенѣлыхъ мужиковъ уже бросились къ нему съ угрозами, обвиняя его въ приходѣ солдатъ. Но быстрый натискъ послѣднихъ спасъ его отъ направленныхъ на него ударовъ.

Произошла рукопашная схватка, въ которой солдаты пустили въ дѣло приклады. Толпа сопротивлялась недолго: увидя приближеніе моего взвода, слѣдовавшаго къ мѣсту бѣглымъ шагомъ, она бросилась вразсыпную.

Площадь мгновенно опустѣла. Только на землѣ валялось человѣкъ двадцать закрывшихся свитками мужиковъ, лежавшихъ, повидимому, безъ всякихъ признаковъ жизни, да вдали, по крутымъ ярамъ, видѣлись послѣшно убѣгавшіе люди.

Прежде всего сдѣлали перекличку, всѣ ли на-лицо, и не было ли раненыхъ солдатъ. Но таковыхъ не оказалось. Напротивъ, ихъ раскраснѣвшіяся лица были оживлены, и даже рекрутики смотрѣли орлами, какъ будто они дѣйствительно одержали славную побѣду надъ непріателемъ.

Бѣдный священникъ совсѣмъ обезумѣлъ отъ радости. Онъ валялся у насъ въ ногахъ, цѣловалъ руки у солдатъ; наконецъ бросился въ домъ и началъ выносить разные съѣстные припасы. Нѣсколько солдатъ взялись ему помогать; вынесено было все, что хранилось въ домѣ, въ чуланахъ и погребахъ и, разумѣется, моментально съѣдено.

Однако, нужно было послѣшить выступленіемъ. Священникъ умолялъ не оставлять его здѣсь, а позволить слѣдовать за ротой

въ Корсунь, опасаясь, что его непременно убьютъ, если онъ останется. Ему дали полъ-часа на сборы.

Между тѣмъ, фельдфебель Андріяновъ занялся убитыми. Благодаря его энергическимъ манипуляціямъ, покойники моментально оживали и улепетывали безъ оглядки, провожаемые смѣхомъ и прибаутками солдатъ. Но еще были обнаружены пять или шесть человѣкъ, застѣвшихъ на колокольнѣ. Эти, по словамъ священника, были главные бунтовщики и зачинщики. Они сначала не хотѣли сдаваться, но, когда Андріяновъ пригрозилъ, что сейчасъ всѣхъ ихъ перестрѣляетъ и, какъ будто приводя угрозу въ исполненіе, позвалъ нѣсколько солдатъ съ ружьями,—они сдались. Было рѣшено представить ихъ въ Корсунь.

Мы съ Ермоловымъ были бы совершенно довольны благополучнымъ исходомъ дѣла, еслибъ насъ не брало раздумье, какъ на него взглянетъ наше начальство. Положимъ, что мы были обязаны поступить такимъ образомъ, ну, а все-таки неизвѣстно, что объ этомъ скажутъ.

На дорогѣ насъ догналъ капитанъ Лопатинъ. Это былъ человѣкъ очень не глупый и, какъ говорятъ, прошедшій огонь и воду, но съ нѣсколько своеобразнымъ взглядомъ на свои обязанности. Формализмъ былъ основной чертой его характера; во всемъ остальномъ онъ умывалъ руки и всегда выходилъ сухъ изъ воды. Поэтому немудрено, что это непредвидѣнное происшествіе было для него очень неприятно: могло обнаружиться при слѣдствіи, что его при ротѣ не было, и онъ могъ подвергнуться отвѣтственности.

— Охота была, вамъ, господа, ввязываться въ эту исторію!—сказалъ онъ съ неудовольствіемъ:—чортъ съ нимъ, съ попомъ! Какое намъ до него дѣло? Вотъ посмотрите, что выйдетъ какая нибудь неприятность. Счастье еще, что люди всѣ цѣлы!

Люди дѣйствительно были цѣлы, а если кому и пришлось познакомиться съ мужичьимъ дручкомъ, или коломъ, такъ тотъ молчалъ, опасаясь насмѣшекъ своихъ же товарищей.

— А гдѣ патронный ящикъ?—спросилъ капитанъ.

Ящика при ротѣ не было: онъ мирно путешествовалъ гдѣ-то отдѣльно, подъ охраной одного каптенармуса.

Расположеніе духа нашего командира совѣмъ испортилось. Онъ, кажется, былъ не изъ особенно храбрыхъ и, можетъ быть, втайнѣ опасался какихъ нибудь враждебныхъ дѣйствій.

Между тѣмъ начало уже смеркаться. По обѣимъ сторонамъ пустынной дороги тянулись глубокіе яры, имѣвшіе при наступавшихъ сумеркахъ какой-то унылый и безпріютный видъ. Во всю дорогу мы не встрѣтили ни одной живой души.

Наконецъ, часовъ въ десять вечера прибыли въ Корсунь. Это было 9-го апрѣля.

II.

Корсунь—историческое мѣстечко, игравшее значительную роль въ давно минувшихъ событіяхъ Украины. Теперь оно принадлежало свѣтлѣйшему князю Павлу Петровичу Лопухину, жившему тамъ безвыѣздно, въ обширномъ и великолѣпномъ замкѣ, на берегу живописной рѣки Роси.

Изъ властей въ это время въ Корсуні находились: кievскій вице-губернаторъ (Веселкинъ), совѣтникъ губернскаго правленія (Янкулю) и состоявшій по особымъ порученіямъ при генераль-губернаторѣ полковникъ Аѳанасьевъ.

Положеніе ихъ, среди взволнованнаго населенія, было очень незавидное. Въ ихъ распоряженіи имѣлась только безсильная и перетрусившая земская полиція, да одинъ жандармъ. Поэтому не удивительно, что насъ встрѣтили съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Всѣ они помѣщались на площади, въ большомъ домѣ, называвшемся «пѣвческимъ», потому что онъ служилъ мѣстомъ для спѣвокъ церковнаго хора и музыкальныхъ упражненій княжескаго оркестра.

Мы явились по долгу службы къ полковнику Аѳанасьеву, который, принявъ рапортъ нашего командира и выслушавъ его краснорѣчивый разсказъ о происшествіи, котораго, впрочемъ, онъ самъ не видалъ, горячо благодарилъ Ермолова и меня за нашъ поступокъ и даже обѣщавъ сдѣлать о немъ особенный докладъ. Это былъ добрейшій и прекраснѣйшій человекъ, но едва ли онъ былъ пригоденъ для такого порученія, гдѣ прежде всего требовалась твердость характера, рѣшительность и энергія.

Я не помню, что бы въ этотъ разъ было что нибудь говорено о положеніи дѣлъ, или о предстоявшихъ намъ дѣйствіяхъ. Мнѣ кажется, что само начальство не имѣло яснаго представленія о состояніи края и не составило еще никакого плана дѣйствій.

Квартиры были приготовлены для насъ на той же самой площади, въ небольшихъ домикахъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, къ числу экономическихъ построекъ. Солдатъ накормили сытнымъ ужиномъ, который былъ уже приготовленъ заранѣе, и размѣстили подъ просторными навѣсами.

Я всталъ на другой день очень рано и вышелъ осмотрѣть мѣстность, такъ какъ наканунѣ за темнотою ничего нельзя было разглядѣть. На одной сторонѣ площади стояла прекрасная каменная церковь, а на другой, противоположной, пѣвческій домъ. Рядомъ съ этимъ домомъ начиналась большая и длинная улица, которая шла вверхъ; а за церковь, къ низу, виднѣлись экономическія постройки. Направо, въ отдаленіи, высился замокъ владѣльца, посреди великолѣпнаго сада, и наконецъ налѣво за селеніемъ виднѣлась вдали большая дорога, обозначавшаяся рѣдкими старыми

ветлами, а за ней старинный насыпной холмъ, носившій названіе «казачьей могилы».

Утро было прекрасное; въ селеніи еще не было замѣтно никакого движенія. Вдругъ, въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, гулко раздался отдаленный стукъ колесъ и топотъ быстро приближающихся лошадей. Изъ улицы вынырнула легкая парная бричка и завернула къ пѣвческому дому. Какой-то господинъ въ фуражкѣ съ форменнымъ околышемъ поспѣшно юркнулъ въ подъѣздъ.

— «Должно быть, становой приставъ,—подумалъ я.—Да что-то ужъ слишкомъ рано. Вѣрно, чтонибудь важное».

Я сталъ наблюдать, усѣвшись у себя подъ окномъ. Спустя немного времени, послышался лошадиный топотъ: на этотъ разъ прискакалъ верховой, спросилъ что-то у кучера и, бросивъ ему поводья, тоже направился въ подъѣздъ. Наконецъ въ дверяхъ показался жандармъ. Онъ постоялъ нѣсколько секундъ на крыльцѣ, какъ будто соображая, куда ему идти, и наконецъ направился въ мою сторону. Я его окликнулъ: тебѣ когонибудь надобно?

— Такъ точно, ваше благородіе,—ротнаго командира. Полковникъ проситъ ихъ какъ можно скорѣе. Гдѣ мнѣ ихъ найти?

— Черезъ два дома отсюда. Доложи полковнику, что сейчасъ явится, а я ему скажу самъ.

Лопатинъ только что проснулся.

— Что такъ рано?—крикнулъ онъ, протирая глаза.

— Михайлъ Михайловичъ, вставай скорѣе: тебя требуетъ полковникъ. Должно быть, чтонибудь особенное; сейчасъ прискакалъ становой.

Лопатинъ поспѣшно одѣлся и вышелъ.

Я остался ждать и, увидя въ окно проходившаго Ермолова, кликнулъ его. Минутъ черезъ двадцать вернулся Лопатинъ. Онъ съ сердцемъ швырнулъ свою фуражку и крикнулъ:—Чортъ знаетъ, что такое! Они здѣсь, должно быть, всѣ спятили съ ума! Какъ вы думаете, господа, къ намъ идетъ сюда чуть ли не десять тысячъ мужицкаго войска. Шутка сказать—десять тысячъ! Откуда это они столько набрали?

— Эти извѣстія навѣрное сильно преувеличены,—сказалъ я,—но во всякомъ случаѣ какіянибудь основанія у полиціи имѣются.

— Да какъ тутъ ни рассуждай, а дѣло скверное! Вѣдь не цѣловаться же они идутъ съ нами! Да, если этихъ галмановъ наберется только половина, такъ и то мы съ нашими рекрутами ничего не подѣлаемъ: тѣ же мужики, только что минскіе; ни одинъ еще ружья держать не умѣетъ.

— Можетъ быть, къ тому времени еще поспѣетъ какаянибудь рота,—сказалъ Ермоловъ.

— Ну, на это плохая надежда. Имъ идти гораздо дальше на-

шего,—дай Богъ, чтобы собрались только къ вечеру. Однако же нужно что нибудь дѣлать. Позвать фельдфебеля!

Андріяновъ ужъ давно ждалъ приказаній.

— Сейчасъ выстроить роту на площади,—распоряжался Лопатинъ.—Роздать боевые патроны; кстати, теперь же зарядить ружья, на всякій случай. Растолкуй унтеръ-офицерамъ, чтобы смотрѣли въ оба за рекрутами, да чтобы слушали команду, какъ слѣдуетъ. Въ случаѣ пальбы—стрѣлять только старымъ солдатамъ, въ первой шеренгѣ; вторая и третья пусть только держатъ ружья наготовѣ и передаютъ первой. Рекрутамъ ни подъ какимъ видомъ не стрѣлять: чего добраго, перебьютъ еще своихъ! Ступай!

Черезъ нѣсколько минутъ и мы, надѣвъ свои тупыя полусабли, вышли къ строившейся ротѣ. Револьверовъ въ то время еще не было; я на случай взялъ свое двухствольное ружье.

Пустая до того времени площадь оживилась. Кое-гдѣ виднѣлись кучки любопытныхъ обывателей, а къ пѣвческому дому поминутно подѣзжали конные разсыльные. Наконецъ, вышелъ полковникъ Аонасьевъ, въ сопровожденіи становаго пристава, привезшаго извѣстія.

Въ сущности оказалось, что земская полиція ничего вѣрнаго не знала: ни о числѣ направлявшихся въ Корсунь крестьянъ, ни о руководившей ихъ цѣли. Все было основано на однихъ слухахъ и предположеніяхъ. Мы только узнали, что сюда собираются крестьяне изъ окрестныхъ селеній, и что въ двадцати верстахъ отсюда, въ селеніи Таганчѣ, образовалось цѣлое скопище, болѣе десяти тысячъ человекъ, которые расположились таборами на площади и со здѣшними крестьянами имѣютъ постоянныя сношенія.

Можетъ быть, случилось къ лучшему, что намъ въ это время не были извѣстны истинныя намѣренія крестьянъ, а намѣренія ихъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, были далеко не миролюбиваго свойства. Какъ ни нелѣпо можетъ это показаться съ перваго раза, но между крестьянами былъ распространенъ слухъ, что наше войско не что иное, какъ передѣтые арестанты, которыхъ подкупленное начальство послало ихъ усмирять. Въ подтвержденіе этого слуха приводилось то, что настоящее войско все теперь на войнѣ. Поэтому слѣдовало всѣхъ насъ перехватать, за что царь выдастъ имъ награду. Нашихъ ружей они не боялись, такъ какъ были увѣрены, что мы снабжены только холостыми патронами, чтобы только ихъ пугать.

Кто знакомъ съ легковѣріемъ народныхъ массъ, тотъ не удивится подобному вздору. Мы убѣдились въ этомъ на опытѣ, но теперь еще ничего не знали и, какъ я уже сказалъ, можетъ быть, къ лучшему, такъ какъ иначе, сознавая ничтожность нашихъ силъ, могли быть заранѣе обезкуражены. Что касается полковника Аонасьева, то онъ былъ такого мнѣнія, что крестьяне идутъ съ изъ-

явленіємъ покорности, такъ что мы ожидали ихъ скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ опасеніемъ.

Наконецъ, дали знать, что около Казачьей могилы показались толпы народа. Я взглянулъ по тому направленію: дѣйствительно, тамъ уже было замѣтно какое-то движеніе, но за отдаленностью трудно было разсмотрѣть, что это такое. Я сбѣгалъ на квартиру за моимъ полевымъ биноклемъ—въ него были ясно видны большія кучи народа. Нужно было повѣрить очевидности.

Рота была построена развернутымъ фронтомъ лицомъ на площадь и спиною къ пѣвческому дому. Это расположеніе обезпечивало ее отъ нападенія сзади, но въ сущности было неудобно. Слѣдовало поставить ее противъ улицы, во всю ея ширину, чтобы заградить выходъ на площадь, но этого почему-то не догадались сдѣлать своевременно.

Между тѣмъ, время шло въ томительномъ ожиданіи.

Наконецъ, дали знать, что въ дальнемъ концѣ улицы показалась толпа. Самоувѣренный Аванасьевъ вышелъ впередъ, а за нимъ послѣдовали и мы.

Къ намъ приближалась не безпорядочная толпа, а стройная колонна. Она двигалась во всю ширину улицы, правильными рядами и локоть-объ-локоть, какъ настоящіе солдаты. Передній рядъ состоялъ почти сплошь изъ стариковъ и пожилыхъ людей; въ рукахъ у нихъ были простыя палки. За ними слѣдовалъ народъ болѣе крупный, молодцоватый на видъ, вѣроятно, отборные храбрецы. Не доходя до насъ шаговъ пятнадцать, всѣ, точно по командѣ, разомъ остановились. Аванасьевъ торжествовалъ.—На колѣни!—крикнулъ онъ.

Передніе ряды опустились на колѣни.

— Зачѣмъ пришли?—спросилъ онъ.

Депутация, продолжая стоять на колѣнахъ, начала излагать свои претензіи. Говорили старшіе, не перебивая другъ друга. Общій смыслъ ихъ рѣчи заключался въ слѣдующемъ: имъ де доподлинно извѣстно, что царь даровалъ всѣмъ волю, и призываетъ служить противъ враговъ, но что эту волю отъ нихъ скрываютъ, почему они пришли рѣшительно заявить, что, не смотря ни на что, паншину отбывать не будутъ.

Все это было сказано сдержанно, но рѣшительно, между тѣмъ какъ остальная толпа сохраняла глубокое молчаніе.

Тогда выступилъ совѣтникъ (Янкуліо) и обратился съ пространною рѣчью къ народу. Нужно было отдать ему справедливость, что онъ говорилъ очень хорошо: рѣчь его была ясная и толковая. Онъ говорилъ долго, никѣмъ непрерываемый, но когда кончилъ,—то же молчаніе было ему отвѣтомъ.

Наконецъ выступилъ полковникъ Аванасьевъ.

Его рѣчь носила совсѣмъ другой характеръ. Уже съ первыхъ

словъ онъ началъ горячиться. Я ужъ говорилъ, что онъ былъ добрыйшій челѣвѣкъ, но его нервная натура не была способна къ обдуманному и хладнокровному изложенію своихъ мыслей, подобно предыдущему оратору. Голосъ его возвышался все болѣе и болѣе; наконецъ, онъ совсѣмъ вышелъ изъ себя и крикнулъ:

— Вы должны работать и повиноваться поставленнымъ надъ вами властямъ, а вольности вамъ не будетъ!

— Нѣтъ, будетъ!!!—вдругъ гаркнули въ отвѣтъ многочисленные голоса.—Ура!!!

И въ одно мгновеніе вся толпа вскочила на ноги и ринулась на насъ. Мы были принуждены спасаться.

Я до сихъ поръ не знаю, кто догадался повернуть фронтъ роты; (вѣроятно же всего, что фельдфебель Андріановъ); только помню, что она въ это время дѣлала захожденіе бѣглымъ шагомъ. Положеніе наше было отчаянное: сзади насъ преслѣдовала толпа, а спереди угрожали неосторожные выстрѣлы солдатъ, на-бѣгу взводившихъ курки и готовившихся къ пальбѣ.

Наконецъ, мы благополучно проскользнули сквозь ряды, на которые вслѣдъ затѣмъ обрушился натискъ толпы. Въ это же время десятка два самыхъ завязатыхъ смѣльчаковъ перескочили черезъ ограду около пѣвческаго дома и напали на лѣвый флангъ роты. Ужъ нѣсколько ружей было вырвано изъ рукъ малосильныхъ и неловкихъ рекрутовъ...

— Стрѣляйте! стрѣляйте!—раздался чей-то отчаянный голосъ..

— Пли!—раздалась команда, и началась пальба.

Положеніе наше было критическое: хотя передніе изъ нападающихъ и падали отъ выстрѣловъ, но задніе продолжали наступать, увѣренные, что въ нихъ стрѣляютъ холостыми зарядами. Я самъ видѣлъ, какъ нѣкоторые отчаянно лѣзли впередъ, закрывая глаза рукавомъ свитки, чтобы ихъ не выжгло порохомъ.

Эта жаркая схватка длилась только нѣсколько мгновеній, показавшихся мнѣ, однако, вѣчностью. Но вдругъ въ нападавшихъ произошло замѣшательство; сначала всѣ остановились, а потомъ повернули назадъ и бросились бѣжать въ безпорядкѣ.

О причинѣ этого счастливаго оборота дѣла доискались уже потомъ: намъ помогли наши рекрута. Въ разгарѣ битвы, совсѣмъ потерявшись, они забыли всѣ приказанія и начали стрѣлять сами, конечно, зря, безъ прицѣла. Ихъ-то шальные пули стали попадать въ дальніе ряды нападавшихъ и заставили ихъ повернуть назадъ.

Затѣмъ толпой овладѣла настоящая паника. Улица, сплошь запруженная народомъ, въ нѣсколько мгновеній опустѣла. Спасались кто какъ могъ, и куда ни пошало. Эти люди, сначала такіе смѣлые и рѣшительные, теперь до того оторопѣли и потерялись, что безъ сопротивленія сдавались даже рекрутамъ, которые, пріободрившись,

розыскивали спрятавшихся по разнымъ закоулкамъ и пригоняли, какъ барановъ.

Ударили отбой. На мѣстѣ схватки, почти во всю ширину улицы, валялись тѣла убитыхъ. Болѣе всего ихъ оказалось на углу, подлѣ ограды пѣвческаго дома. Тутъ они лежали кучей другъ на другѣ. И что это былъ за народъ! Здоровые, рослые, настоящіе гвардейцы! По всему было видно, что это не заурядные мужики, а отборные молодцы. Раны были у всѣхъ страшныя,—и не мудрено: выстрѣлы дѣлались въ упоръ, большею частью въ грудь. Все мѣсто побоища было сплошь залито кровью, съ валявшимися кое-гдѣ человѣческими мозгами.

Убитыхъ оказалось двадцать человѣкъ, а число раненыхъ, по рассказамъ, превышало сотню. Послѣднее число было гадательное, такъ какъ значительное число раненыхъ въ дальнихъ рядахъ рекрутскими пулями наизлѣтъ успѣли убратъся по домамъ; осталось же на мѣстѣ не много. Въ ротѣ было человѣкъ десять порядочно ушибленныхъ, и одинъ убитый унтеръ-офицеръ. У него былъ снесенъ черепъ ударомъ топора, какъ рассказывали его товарищи, кажется, послѣ найденъ былъ и топоръ. Но я въ справедливости этого сомнѣваюсь. Мнѣ кажется, что убитый былъ скорѣе жертвой нечаяннаго выстрѣла какого нибудь стоявшаго сзади рекрутика. По крайней мѣрѣ, я хорошо помню, что видѣлъ, какъ послѣ одного, раздавшагося не вдалекѣ отъ меня, выстрѣла взлетѣла вверхъ солдатская фуражка. О моей догадкѣ я никому не сказалъ, — да и къ чему? Все равно, мертвого ужъ не воскресишь; при томъ, можетъ быть, я еще и ошибался.

Между тѣмъ, дѣло еще нельзя было считать совсѣмъ оконченнымъ: основываясь на свѣдѣніяхъ земской полиціи, можно было ожидать новаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ разсѣянной нами толпѣ, могло быть до двухъ тысячъ, не болѣе; но куда же дѣвались остальные?

Приходилось ожидать, не сходя съ мѣста.

Ружья составили въ козлы, и солдаты усѣлись отдыхать поодаль. Имъ принесли хлѣба, и они принялись закусывать, разговаривая между собой о происшедшемъ побоищѣ. Я сѣлъ впереди ружей на барабанѣ и началъ разсматривать убитыхъ. Картина была не только непріятная, но, можно сказать, отталкивающая,—и при всемъ томъ, она противъ моей воли приковывала мое вниманіе. Видъ такого количества мертвыхъ производитъ на непривычнаго человѣка подавляющее впечатлѣніе! Я никогда не бывалъ въ сраженіяхъ, и это не совсѣмъ обыкновенное побоище было, къ счастью, единственное въ моей жизни. Поэтому я испытывалъ совсѣмъ новыя для меня ощущенія. Въ моментъ, когда опасность грозила намъ и отъ чужихъ, и отъ своихъ, я чувствовалъ себя какъ-то странно-равнодушно, а теперъ мною овладѣло какое-то болѣзненно-тоскливое со-

стояніе. Я сидѣлъ неподвижно, пристально устремивъ глаза на убитыхъ.

Вдругъ, откуда ни возьмись, появилось цѣлое стадо свиней. Онѣ бѣжали, руководимыя чутьемъ: ихъ привлекалъ запахъ крови. Онѣ съ жадностью набросились на эти кровавые останки, громко чавкая отъ удовольствія. Пока я успѣлъ кликнуть солдатъ, чтобы прогнать стадо, все мѣсто было уже гладко подчищено, и остались только одни неубранные трупы.

Я не могъ долѣше выдѣржать и ушелъ.

Часа черезъ два пріѣхали нѣсколько неуклюжихъ фуръ, запряженныхъ волами; на нихъ навалили тѣла убитыхъ и повезли зарывать въ поле, въ то мѣсто, гдѣ хоронили самоубійцу. Какъ бунтовщики, они были лишены христіанскаго погребенія.

Между тѣмъ, дали знать, что идетъ одна изъ нашихъ ротъ. Мы съ радостью встрѣтили товарищей: при видѣ своихъ на душѣ стало какъ-то легче и веселѣе. Къ вечеру весь баталіонъ былъ уже въ сборѣ и расположился бивуакомъ на площади.

Солдатъ накормили вволю, а къ намъ пріѣхалъ главноуправляющій имѣніемъ и отъ имени князя просилъ гг. офицеровъ къ себѣ кушать. Это былъ видный изъ себя, пожилой курляндецъ, хорошо говорившій порусски, настоящій типъ представительнаго управляющаго знатнаго русскаго барина; фамилія его была Биронъ. Онъ самъ былъ достаточный помѣщикъ своего края, но это не мѣшало ему служить у князя и получать, какъ говорили, очень большое содержаніе. Во все наше пребываніе въ Корсуни мы обѣдали у него ежедневно, а по воскресеньямъ въ замкѣ у самого владѣльца.

Князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ былъ настоящій русскій баринъ самаго симпатичнаго типа. Привѣтливый и радушный, онъ производилъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Относительно его широкаго гостепріимства было извѣстно, что когда онъ командовалъ кавалерійскою дивизіей, стоявшей въ Твери, всѣ офицеры являлись въ обширный, занимаемый имъ домъ, какъ въ свой собственный, и пользовались гостепріимствомъ хозяина, сколько кто хотѣлъ. Теперь князь жилъ постоянно въ Корсуни. Хотя ихъ было съ княгиней только двое, но при имѣніи и домѣ содержался многочисленный штатъ служащихъ. Уединенная жизнь ихъ только изрѣдка нарушалась пріѣздомъ изъ Петербурга знакомыхъ или родныхъ; съ сосѣдями они, кажется, знакомства не водили. Оба были уже люди пожилые; дѣтей у нихъ не было. Я слышалъ слѣдующій разсказъ о романтической любви князя. Въ молодости онъ былъ страстно влюбленъ въ теперешнюю свою жену, которая, хотя отвѣчала ему такою же взаимностью, но по волѣ своихъ родныхъ должна была выйти замужъ за графа А... Тогда князь далъ слово ни на комъ не жениться, исключая предмета своей страсти, — и сдержалъ его. Ему пришлось ждать очень долго, но все-таки онъ дождался, пока

графиня овдовѣла, и тогда женился. Нужно согласиться, что это рѣдкое постоянство, тѣмъ болѣе, что у князя недостатка въ невѣстахъ не было: онъ былъ знатенъ, богатъ и красивъ. О послѣднемъ можно было судить по великолѣпному его портрету работы Брюллова, висѣвшему въ его кабинетѣ.

Князь угощалъ насъ изысканными обѣдами, сервируемыми при слугой въ ливрейныхъ фракахъ, при богатой обстановкѣ. Онъ былъ всегда въ хорошемъ расположеніи духа и рассказывалъ намъ много анекдотовъ изъ времени императора Павла Петровича, который его очень любилъ и баловалъ еще мальчикомъ. Впослѣдствіи я очень жалѣлъ, что мнѣ не пришло тогда въ голову записать эти рассказы, которыхъ теперъ уже не могу припомнить ясно.

Княжескій замокъ былъ построенъ еще графомъ Потоцкимъ и заключалъ въ себѣ, какъ намъ говорили, до трехсотъ комнатъ. Вѣроятно, онъ былъ достаточно населенъ, хотя во время нашего пребыванія въ Корсуни мы рѣдко кого встрѣчали. Сама княгиня никогда не показывалась; прекрасный садъ съ террасами, уставленными великолѣпными пальмами и другими тропическими растеніями, былъ почти всегда пустъ. Говорили, что это происходило по случаю смутнаго времени, обыкновенно же по праздникамъ въ саду игралъ большой оркестръ музыки, и господствовало большое оживленіе.

Но возвратимся къ событіямъ.

III.

Корсунское дѣло имѣло болѣе рѣшительное вліяніе на послѣдующій ходъ этихъ событій, чѣмъ можно было предполагать сначала. Оно, прежде всего, отбило у крестьянъ охоту мѣряться силой съ войсками и убѣдило ихъ, что это не переодѣтые арестанты. Съ этого времени они ограничились только пассивнымъ сопротивленіемъ. Нападеніе на насъ, можетъ быть, было первою пробой. Мы имѣли дѣло съ партией, резервъ которой, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, ожидалъ около Казачьей могилы, отъ которой до селенія Таганчи былъ устроенъ оригинальный живой телеграфъ изъ людей, разставленныхъ по-одиночкѣ, на такомъ разстояніи, чтобы можно было слышать слова передаваемого извѣстія. Лишь только передовой отрядъ былъ разбѣянъ, и его резервъ разбѣжался, извѣстіе о пораженіи быстро достигло Таганчи и заставило всѣхъ благоразумно разбѣгаться по домамъ.

Мы узнали эти подробности, только спустя 2—3 дня и, такъ какъ ходили все-таки слухи о вновь готовившихся нападеніяхъ, держали баталіонъ на бивуакахъ и ночью разставляли вокругъ селенія пикеты. Такими предосторожностями мы были обязаны, вѣроятно, слишкомъ живому воображенію земской полиціи.

На третій день похоронили убитаго унтеръ-офицера. Погребеніе было торжественное: гробъ сопровождали хоругви и образа. Мнѣ въ первый разъ случилось видѣть такой обрядъ — онъ очень эффектенъ. Весь баталіонъ стоялъ въ строю на молитву и затѣмъ отдалъ воинскую почесть погибшему товарищу. Эта церемонія произвела большое впечатлѣніе на мѣстное населеніе, и рассказы о ней распространились далеко по окрестнымъ деревнямъ.

Кстати замѣчу здѣсь, что въ тамошнемъ богослуженіи существовали нѣкоторыя обрядности, очевидно заимствованныя у католиковъ и казавшіяся нѣсколько странными для православнаго. Въ особенности дѣйствовалъ на непривычное ухо частый звонъ колокольчика.

Черезъ нѣсколько дней къ намъ присоединился дивизионъ кавалеріи, состоявшій изъ одного эскадрона уланскаго полка и одного эскадрона гусарскаго графа Палена полка. Дивизиономъ командовалъ майоръ Енько, эскадронами ротмистры Судейкинъ и Эртель. На смѣну заболѣвшаго Аѳанасьева пріѣхалъ полковникъ Макаровъ, а начальникомъ всего отряда былъ назначенъ саперный генералъ-майоръ Бехлій. Нашъ добрѣйшій Аѳанасьевъ такъ заболѣлъ послѣ побоища, что принужденъ былъ уѣхать въ Кіевъ, гдѣ, какъ было слышно потомъ, сошелъ съ ума.

Съ этого времени я, по должности отряднаго адъютанта, въ экспедиціяхъ не участвовалъ. По мѣрѣ надобности, войска командировались частями въ различныя мѣстности. Лихой полковникъ Макаровъ обыкновенно самъ завѣдывалъ этими экспедиціями и совершалъ частыя экскурсіи. Онъ нигдѣ уже не встрѣчалъ открытаго сопротивленія и постепенно приводилъ крестьянъ къ повинновенію и раскаянію, если не искреннему, то, по крайней мѣрѣ, наружному, потому что этотъ народъ былъ необыкновенно упрямъ и упоренъ, и разубѣдить его, въ чемъ онъ увѣренъ, было очень трудно.

Упорнѣе всѣхъ оказывался женскій полъ: на него не дѣйствовали ни угрозы, ни убѣжденія. Самъ бравый полковникъ Макаровъ сознавался, что съ бабами ничего не подѣлаешь.

Вообще, сколько я припомню, этотъ народъ во многомъ отличался отъ крестьянъ великорусскихъ губерній: онъ, безспорно, былъ нравственнѣе, честнѣе и благоразумнѣе ихъ во всѣхъ случаяхъ, когда только дѣло не касалось завѣтной ихъ мечты о волѣ. Но какъ только вопросъ становился на эту почву, — они дѣлались наивнѣе глупыхъ ребятъ, и ихъ упорству не было границъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ начались безпорядки, въ Кіевѣ перебивало не мало, такъ называемыхъ, крестьянскихъ ходяковъ, чтобы изъ устъ самого генералъ-губернатора узнать истинную правду о волѣ. Ихъ возвращенія ожидали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Но когда посланцы приносили извѣстія, не соотвѣтствовавшія ихъ ожиданіямъ, ихъ заподозрѣвали въ подкупѣ и не вѣрили имъ. Бывали,

конечно, и такіе ходоки, которые умышленно обманывали народъ и, разумѣется, своими ложными извѣстіями сильно вредили водворенію порядка. Я приведу здѣсь одинъ комическій анекдотъ, который въ той мѣстности рассказывали.

Изъ одного селенія были посланы два ходока, отличавшіеся особеннымъ упорствомъ. Генераль-губернаторъ долго толковалъ съ ними, но видя, что его слова не дѣйствуютъ, послалъ ихъ къ митрополиту, въ надеждѣ, что тотъ наконецъ убѣдитъ ихъ. Но и митрополитъ не могъ ничего подѣлать. Тогда генераль-губернаторъ, разсердившись, приказалъ наказать ихъ розгами и выпроводить во свояси.

Когда ходоки вернулись домой, вся громада собралась на площади. Начались разспросы.

— Ну, что, видѣли губернатора?

— Видѣли.

— Слышали царскую волю?

— Слышали.

— Грамоту получили?

— Получили.

— Гдѣ жъ она?

— А вотъ, сейчасъ покажемъ.

Посланники, не торопясь, сняли свои свитки, раздѣлись и, поднявъ рубахи, произнесли:

— А вотъ и грамота! Смотрите хорошенько! Теперь видѣли?

Озадаченная громада безмолвно созерцала исполосованные зады своихъ уполномоченныхъ. На этотъ разъ ихъ никоимъ образомъ нельзя было заподозрѣть въ подкупѣ пановъ. Рассказывали, что это селеніе ранѣе другихъ принялось за свои работы.

Изъ Корсуни мы перешли въ Таганчу, владѣлецъ которой, г. Понятовскій, былъ губернскимъ предводителемъ дворянства и, конечно, въ это время отсутствовалъ. Однако и здѣсь всѣ офицеры отряда пользовались гостепріимствомъ владѣльца. Таганча, еще такъ недавно кипѣвшая многочисленнымъ сборищемъ, теперь была совсѣмъ пуста, и ея большая суконная фабрика не работала.

Здѣсь насъ посѣтилъ командированный изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію генераль-адъютантъ Яфимовичъ и, освѣдомившись о положеніи дѣлъ, сейчасъ же уѣхалъ обратно, а вскорѣ, почти вслѣдъ за нимъ, прибылъ генераль-губернаторъ.

Приказано было созвать выборныхъ изъ всѣхъ окрестныхъ селеній, съ которыми онъ хотѣлъ говорить лично. Но вмѣсто выборныхъ явились чуть ли не всѣ поголовно, и народу собралось очень много. Толпы за толпами прибывали они, конвоируемые небольшими воинскими командами, отряжаемыми для соблюденія порядка, а еще болѣе для предотвращенія могущихъ случиться безпорядковъ. И дѣйствительно одинъ такой случай былъ. Нѣсколькихъ буяновъ

пришлось успокоить прикладами и связать. По докладу объ этомъ генераль-губернатору, онъ тутъ же приговорилъ трехъ или четырехъ человекъ въ каторжную работу на четыре года.

Князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ въ сущности былъ человекъ не жестокой, но крайнее упорство этого народа его раздражило. Какъ и слѣдовало ожидать, его слова не произвели ожидаемаго дѣйствія, такъ какъ никто изъ увѣщаваемыхъ не вѣрилъ, что съ ними говорилъ настоящій генераль-губернаторъ; все они были убѣждены, что это подставное лицо. Терпѣніе князя наконецъ лопнуло, и онъ уѣхалъ, приказавъ убѣдить упрямцевъ болѣе дѣйствительными и удобопонятными для нихъ средствами.

И вотъ на большой Таганчинской площади надъ непокорными была произведена грандіозная экзекуція. Кто соглашался повиноваться, того отпускали, а упорствовавшихъ сѣкли жестоко.

Я много разъ замѣчалъ, что наши солдаты (я говорю о тогдашнемъ времени) всегда питали къ мужикамъ какое-то особенное недружелюбіе, которое при всякомъ удобномъ случаѣ выказывали на дѣлѣ. Такъ и здѣсь: при экзекуціи они отличались особеннымъ усердіемъ. Слышались, наприимѣръ, такіе возгласы:

— А, такъ ты бунтовать?.. Прибавь, прибавь ему, Сидоровъ!.. Что, братъ, будешь панщину робить?

— Ни! — часто получался отвѣтъ послѣ сотни розогъ.

Что подѣлаешь съ такимъ народомъ?..

Однако, въ общемъ таганчинская расправа произвела свое дѣйствіе. Тутъ крестьяне имѣли случай воочию убѣдиться, что съ ними не шутятъ, а экскурсіи полковника Макарова, продолжавшіяся еще нѣкоторое время, вѣроятно, съ примѣненіемъ такихъ же внушительныхъ мѣръ, вскорѣ мало-по-малу возстановили повсюду нарушенный порядокъ.

Мы на короткое время вернулись въ Корсунь, гдѣ гражданскія власти заканчивали свои дѣла. Результаты ихъ дѣятельности насъ не касались и остались для насъ неизвѣстны. По поводу этого я припоминаю только одинъ характерный случай. Какъ-то разъ, передъ нашимъ выступленіемъ, я зашелъ къ Лопатину и засталъ его въ сердитомъ настроеніи.

— Каковы же подлецы! — крукнулъ онъ мнѣ: — знаешь ли, зачѣмъ меня приглашали въ комиссію? Мнѣ задали вопросный пунктъ: кто сдѣлалъ распоряженіе открыть пальбу? Ты, я думаю, самъ помнишь, кто отчаянно кричалъ: стрѣляйте! стрѣляйте!.. А теперь, видишь ли, другой тонъ: кто приказалъ стрѣлять?.. Ну, задалъ же я имъ, будутъ мои слова помнить!.. Да что толковать? Какъ есть, настоящіе подлецы!..

На этомъ дѣло и кончилось. Мы возвратились прямо въ Кіевъ, и служба наша пошла обычнымъ порядкомъ.

Въ непродолжительномъ времени капитану Лопатину была объ-

явлена высочайшая благодарность за отличное выполненіе особенно возложеннаго на него порученія, а у меня, въ воспоминаніе корсунскихъ происшествій, до сихъ поръ сохраняется дамаскій клинокъ, подаренный княземъ Лопухинымъ поручику Ермолову, въ замѣну потерянной имъ во время побоища полусабли.

Наша командировка кончилась для насъ довольно удачно и ограничилась сравнительно небольшимъ числомъ жертвъ, безъ которыхъ, къ несчастію, рѣдко обходятся дѣла такого рода. Но были случаи гораздо серьезнѣе. Такъ, рассказывали, что въ извѣстномъ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, имѣнни графовъ Браницкихъ, цѣлый баталіонъ саперъ принужденъ былъ выстроиться въ карре и отражать нападавшихъ, которые шли въ атаку съ колокольнымъ звономъ.

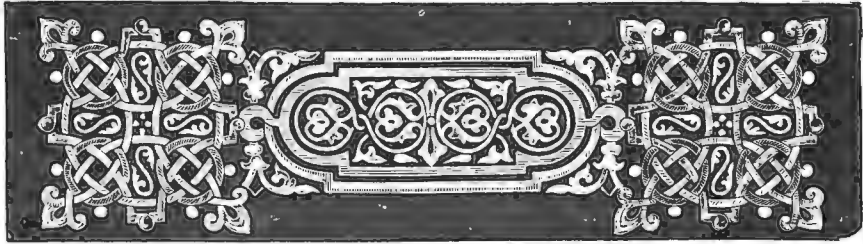
Результаты этого дѣла намъ были неизвѣстны.

Между многими тогда господствовало мнѣніе, что беспорядки могли бы быть прекращены гораздо легче, если бы были своевременно приняты энергическія мѣры. Приписывали вину слабости генераль-губернатора и бездѣятельности земской полиціи, допустившихъ развиться волненію до такихъ размѣровъ, когда уже потребовалось вмѣшательство вооруженной силы. Конечно, намъ трудно было судить, кто и на сколько тутъ виноватъ, но мнѣніе это отчасти подтверждалось примѣромъ.

Въ Киевскомъ уѣздѣ броженіе началось ранѣе другихъ мѣстностей, но тамъ былъ исправникомъ какой-то полковникъ Волковъ, личность, нѣкоторымъ образомъ, легендарная, бывший когда-то сослуживцемъ князя Васильчикова, разжалованный потомъ въ солдаты и опять дослужившійся до чина полковника. Можетъ быть, благодаря своимъ особеннымъ отношеніямъ къ князю, онъ могъ дѣйствовать болѣе рѣшительно, чѣмъ другіе, но только дѣло въ томъ, что, провѣдавъ о начавшихся по деревнямъ сходкахъ, онъ съ одними своими сотскими объѣхалъ весь уѣздъ, перехваталъ зачинщиковъ, жестоко передралъ ихъ тутъ же, на глазахъ всего народа, и водворилъ спокойствіе, которое потомъ уже не нарушалось. Это отчасти напоминаетъ нашу экзекуцію въ Таганчѣ; только полковникъ Волковъ произвелъ ее своими средствами и на свой страхъ. Конечно, подобныя ему личности составляютъ исключеніе: его отчаянная храбрость магически дѣйствовала на крестьянъ, не осмѣлившихъ оказать ему сопротивленія, но фактъ достовѣренъ. Можетъ быть, и даже весьма вѣроятно, что впоследствии они сами съ благодарностью вспоминали, что онъ избавилъ ихъ отъ еще горшихъ бѣдъ!

Въ концѣ концовъ, киевскимъ, какъ и другимъ крестьянамъ, ужъ недолго оставалось ждать завѣтной царской воли. Насталъ желанный часъ, и они навѣки освободились отъ панской зависимости. Но освободились ли они вмѣстѣ съ тѣмъ отъ эксплуатаціи, польщизны, по крайней мѣрѣ, ихъ поколѣніе,—это еще вопросъ.

А. М.

ОТЪ УГЛИЧА ДО РЫБИНСКА ¹⁾.

—
VIII.

Отъ Углича до Мышкина.

Только вотъ что, душенька Татьяна Даниловна! У васъ въ городѣ тоска страшная.

(А. Н. Островскій: Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ).

РОСТИВШИСЯ съ Угличемъ и заѣхавъ за вещами, мы спустились къ пароходной пристани, гдѣ ожидался пароходъ «Тверь», принадлежащій обществу Волжско-Тверского пароходства. На пристани было всего нѣсколько мужичковъ, которые, сидя въ рядъ на скамейкѣ, тупо смотрѣли на воду и время отъ времени апатично перекидывались вполголоса кое-какими замѣчаніями; жара, стоявшая весь день, видимо разморила ихъ.

Пароходъ почему-то опоздалъ, и мы, отъ нечего дѣлать, разговорились съ приказчикомъ, завѣдующимъ на пристани приѣмкою грузовъ и продажей билетовъ. Онъ разсказалъ намъ, что эксплуатацію Волжско-Тверского общества составляетъ главнымъ образомъ цѣпная тuerная тяга, пассажирскіе же пароходы заведены имъ въ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 574.

сравнительно недавнее время. Правленіе общества помѣщается въ Твери, а доки и механическая мастерская въ селѣ Новомъ, между Тверью и Корчевою. Дѣла общества, по его словамъ, идутъ недурно.

Вдали показался дымокъ; мужички оживились и стали приглядываться. Вскорѣ на фонѣ водной глади обозначился силуэтъ парохода, послышался продолжительный свистокъ, и черезъ нѣсколько минутъ «Тверь», сдѣлавъ обычный поворотъ, медленно подошла, противъ теченія, къ пристани.

По конструкціи и удобствамъ пароходы Волжско-Тверского общества, на нашъ взглядъ, ничѣмъ не уступаютъ самолетскимъ, они даже нѣсколько шире и помѣстительнѣе, но публика, повидимому, еще не успѣла привыкнуть къ нимъ, и пассажировъ на «Твери» было очень немного. Зато здѣсь, въ отношеніяхъ между командою и пассажирами, царилъ крайняя, почти товарищеская простота. Пассажиры, большею частію изъ простого народа, расположились на палубѣ, какъ у себя дома: кто распивалъ чаекъ, кто занимался починкою своего костюма, кто болталъ съ командою, а одинъ приказчикъ, взобравшись на верхнюю штурвальную площадку, растянулся тамъ во весь свой богатырскій ростъ и сладко спалъ, припекаемый горячими лучами солнышка. Но вотъ нашло облачко, и стала накрапывать дождь. Одинъ изъ матросовъ тотчасъ же разбудилъ спящаго, опасаясь, чтобы его соннаго не промочило.

Облачко скоро расплылось въ небесной синевѣ, и яркіе лучи солнца снова озарили окрестность.

Пароходъ тронулся.

Вскорѣ мы миновали подгороднее село Золоторучье, красиво расположенное на правомъ берегу Волги, въ одной верстѣ отъ Углича. Названіе села произошло, будто бы, оттого, что въ ручьѣ, на которомъ оно построено, въ древнія времена находились россыпи золотого песку. Впрочемъ, это было такъ давно, что многіе жители успѣли не только окончательно потерять вѣру съ существованіе песка, но и придумать совершенно другое объясненіе названія своего села. Есть преданіе, что императрица Екатерина II во время посѣщенія Углича нарочно останавливалась въ Золоторучьи и отсюда, съ высокаго берега, любовалась общимъ видомъ лежавшаго впереди города. Скептики, отрицающіе золотиносныя способности своего ручья, воспользовались этимъ преданіемъ и дополнили его прибавкою, что государыня въ это время изволила уронить въ ручей свое золотое колечко, которое будто бы и сообщило ручью его нынѣшнее названіе. Каменная церковь св. пророка Іліи и Николая чудотворца, построенная въ 1753 году, находится на самомъ берегу и значительно скрашиваетъ общую картину села, но, по словамъ г. Соловьева, высокій берегъ, на которомъ она находится, уже сильно подмытъ разливами Волги, и церкви угрожаетъ опасность скатиться вмѣстѣ съ частью берегового откоса въ рѣку.

Далѣ потянулись деревни и села, то на лѣвомъ, то на правомъ берегу, то почти у самой воды, то высоко поднявшись надъ нею. Линія береговъ верхняго плеса очень капризна и безпрестанно мѣняется, опускаясь на правомъ, поднимаясь на лѣвомъ, и наоборотъ; но вообще можно замѣтить, что за Угличемъ лѣвый берегъ, состоящій изъ красныхъ песчаныхъ обрывовъ, большею частію господствуетъ надъ правымъ.

Пароходъ нашъ подвигался не очень быстро: причиною тому была отчасти старая машина, которую вскорѣ должны замѣнить новою, болѣе соотвѣтствующею размѣрамъ судна, но главнымъ образомъ задерживало ходъ мелководье Волги, по которой приходилось идти съ большою осторожностью. Бѣлый шестъ наметки то и дѣло мелькалъ на носу.

На лѣвомъ берегу заблѣла церковь села Кабана, извѣстнаго своею мелью.

— Тише!—скомандовалъ капитанъ въ машину.

— Тише!—точно эхо раздалось оттуда.

— Самый тихій!—крикнулъ онъ черезъ минуту.

— Самый тихій!—повторилъ съ низу голосъ.

Это повтореніе команды заведено для того, чтобы капитанъ могъ провѣрить, насколько ясно разслышали въ машинѣ его приказаніе.

Пароходъ поползъ черепашимъ шагомъ, наметка работала во всю. На верхней палубѣ всѣ притихли, и въ тишинѣ только раздавался съ носа голосъ промѣрявшаго фарватеръ матроса:

— Пять! пять! чатыри! чатыри! три съ половиной! чатыри! три! три!..

Благодаря предосторожностямъ, мель была пройдена благополучно.

Впрочемъ, для пароходовъ Волжско-Тверскаго общества съѣсть на мель не такъ опасно и убыточно, какъ для другихъ: у нихъ есть всегда подъ рукою сильные и безвозмездные помощники. Это туера, которые, другъ за другомъ, тянутъ въ верхъ караванъ судовъ. Такъ какъ они всѣ принадлежатъ обществу, то и обязаны, въ случаѣ несчастія, оставивъ караванъ, спѣшить къ своему пароходу и перетаскать его черезъ мель. Если пароходъ или судно пробудетъ на мели безъ движенія полчаса или часъ, то его уже начнетъ заносить пескомъ, но сила туера такова, что онъ въ состояніи протаскать судно даже по голому песку если оно сидитъ въ немъ на вершокъ, на два, глубины, чего простой буксирный пароходъ сдѣлать не въ состояніи.

Черезъ нѣсколько верстъ на правомъ берегу, всего въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ воды, показались двѣ церкви и отдѣльно стоящая колокольня съ проѣздными воротами и сторожкой. Сзади, вдоль берега, тянулся рядъ домиковъ.

— Что это за сельцо?—обратились мы къ лопману.

— А это Учма, Касьянъ преподобный,—отвѣчалъ онъ:—мона-

стырь тутъ прежде былъ, теперь упраздненъ, и остались вотъ двѣ церкви да колокольня. А въ одной церкви и мощи; только подъ спудомъ.

— Чьи мощи?

— А Касьяна-то преподобнаго.

Онъ снялъ фуражку и сталъ креститься; пассажиры, стоя у праваго борта, давно уже молились на церкви.

Преподобный Кассіанъ Учемскій, котораго окрестные жители считаютъ своимъ мѣстнымъ угличскимъ угодникомъ, родился далеко за предѣлами Россіи и прибылъ на этотъ пустынный волжскій берегъ изъ древняго Рима, съ береговъ классическаго Тибра. Воспоминаніе о немъ переноситъ насъ во вторую половину XV столѣтія, ко времени бракосочетанія Іоанна III съ племянницею греческаго императора, Софією Палеологъ. Когда, въ 1472 году, она была торжественно отпущена папою Сикстомъ изъ Рима въ Москву, въ числѣ лицъ ея свиты находился князь Макнувскій, или Мангупскій, Константинъ, который и поселился при московскомъ дворѣ. Здѣсь онъ сблизился съ княземъ Исаакомъ Михайловичемъ Оболенскимъ, и дружба ихъ была настолько крѣпка, что когда Оболенскій, принявъ подъ именемъ Іосифа монашество, былъ хиротонисанъ въ 1481 году въ архіепископа ростовскаго, ярославскаго и бѣлозерскаго, то Константинъ, переселился съ нимъ въ Ростовъ и прожилъ тамъ около восьми лѣтъ. Въ 1489 году, Іосифъ навлекъ на себя опалу государя и удалился на покой въ Ферапонтову пустынь, находящуюся неподалеку отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Константинъ послѣдовалъ за нимъ и въ эту глухую обитель, гдѣ принялъ монашество съ именемъ Кассіана. Впрочемъ, здѣсь онъ пробылъ недолго. Еще во время своего пребыванія въ Москвѣ онъ близко сошелся и даже покумился съ угличскимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ, у котораго воспринималъ отъ купели обоихъ сыновей: Димитрія и Іоанна, причемъ таинство св. крещенія совершалъ надъ ними св. Паисій, основатель угличскаго Покровскаго монастыря. Неизвѣстно, по какой причинѣ Кассіанъ оставилъ обитель Ферапонтову,—быть можетъ, его звали къ себѣ Угличскій князь и игуменъ,—но только, нѣсколько времени спустя, мы уже встрѣчаемъ его на этомъ низменномъ правомъ берегу Волги, на которомъ онъ, близъ устья рѣки Учмы, строитъ небольшую деревянную церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы.

Волга вначалѣ не совсѣмъ дружелюбно отнеслась къ гостю и весеннимъ разливомъ сильно повредила его постройку. Но князь Андрей Васильевичъ охотно снабдилъ его средствами для построенія другого храма, во имя Іоанна Предтечи, и братскихъ келлій для начавшихъ стекаться къ преподобному иноковъ. Такимъ образомъ былъ основанъ Успенскій Учемскій монастырь, считавшійся далеко не послѣднимъ въ ряду подгороднихъ угличскихъ обителей.

Преподобный скончался 4 октября 1504 года, но основанная имъ монашеская община продолжала процвѣтать до самого польскаго погрома. Когда, разоривъ городъ, поляки подступили къ монастырю, въ немъ затворились: игумень Θεодосій, сорокъ иноковъ и до двухъ сотъ мірянъ. Осада продолжалась недолго, и непріатели, ворвавшись въ ограду, принялись за грабежъ. Но въ церквахъ они нашли мало цѣнныхъ вещей и приступили къ Θεодосію съ требованіемъ указать, гдѣ спрятана монастырская казна и сокровища. Его били, мучили, жгли огнемъ, но игумень умеръ, не давъ никакого отвѣта. Поляки перебили монаховъ, разогнали мірянъ и ушли безъ добычи. По поводу этого неудачнаго грабежа сложилась легенда, занесенная въ мѣстную Супоньевскую лѣтопись, что, когда поляки бросились къ соборной церкви и хотѣли ломать двери, то внезапно были поражены слѣпотою, а нѣкоторымъ изъ нихъ явился св. Кассіанъ, обходившій монастырь въ бѣлыхъ ризахъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Въ 1764 году, обитель упразднена, и храмъ ея обращенъ въ приходскую церковь. Этотъ каменный храмъ, во имя Успенія, былъ построенъ въ 1711 году; другая же церковь Іоанна Предтечи, съ придѣломъ Кассіана грека, возникла только около 1828 года. Кромѣ мощей преподобнаго, здѣсь хранится и его власяная схима, древней грубой работы, украшенная крестами.

Пароходъ обогнулъ мысокъ, на которомъ нѣкогда возвышались стѣны обители, и вскорѣ Учма скрылась изъ вида.

Далѣе мы миновали, на правомъ же берегу, село Угольники и лѣсопильный заводъ графа Шереметева. На лѣвомъ берегу, противъ Угольниковъ, окруженное лѣскомъ, раскинулось Поводнево. За однимъ изъ поворотовъ впереди развернулась картина большого селенія, издали напоминавшаго своимъ характеромъ Кимру; это былъ Мышкинъ.

На лѣвомъ берегу Волги бѣлѣли двѣ каменныхъ церкви, между ними тянулася линія домовъ; панораму заканчивало вдали внушительное, по сравненію съ другими постройками, зданіе острога, окруженное бѣлою стѣною. Увидавъ его, мы уже не сомнѣвались, что приближаемся къ городу. И дѣйствительно Мышкинъ — городъ, но изъ числа такихъ, которымъ, для признанія ихъ городами, требуются оправдательные документы, въ видѣ градской думы, казначейства и острога, безъ которыхъ ихъ легко можно принять за села, да и то не очень большія.

Упразднивъ множество древнихъ монастырей, Екатерина II почти въ то же время создала множество новыхъ, импровизированныхъ городовъ. Контроль и ревизія средствъ для существованія первыхъ были очень строги, но къ жизнеспособности и матеріальнымъ средствамъ послѣднихъ отнеслись съ большою снисходительностью, и вотъ экономическое, средней руки, село Мышкино въ одинъ прекрасный день превратилось въ уѣздный городъ.

Есть преданіе, что имя села произошло отъ нѣкоего каменщика Мышкина, который участвовалъ въ постройкѣ московскаго Успенскаго собора и затѣмъ, будто бы, поселился въ этой мѣстности. Село долгое время принадлежало Чудову монастырю въ Москвѣ, но при изданіи штатовъ, въ 1764 году, обращено въ экономическое, а въ 1777-мъ переименовано въ городъ, въ каковомъ званіи прозябаетъ до настоящаго времени.

Въ Мышкинѣ не наберется и трехъ тысячъ жителей. Зданія его, въ количествѣ 300 домовъ, оцѣнены въ 1891 году земствомъ, въ суммѣ 123,000 рублей. Изъ этихъ данныхъ можно уже представить себѣ, что это за городъ.

Чѣмъ ближе пароходъ подходилъ къ Мышкину, тѣмъ проще, бѣднѣе и прозаичнѣе становилась его панорама, которая издали все-таки производила нѣкоторое впечатлѣніе, будучи освѣщена косыми лучами спускавшагося къ западу солнца. На берегу стоялъ чей-то каменный домъ, тянулись деревянные амбары, изъ-за которыхъ виднѣлись до половины двѣ каменные церкви, а бѣлѣвшій вправо острогъ оказался едва ли не лучшимъ зданіемъ въ городѣ.

Когда наша «Тверь» остановилась у пристани, съ соборной колокольни раздался первый ударъ въ колоколъ ко всеобщей. Выходить на берегъ не было времени, да и не стоило; мы ограничились карандашными рисунками съ парохода.

IX.

Отъ Мышкина до Мологи.

«Костромичи въ кучу, а ярославцы врознь».

Пословица.

«Тверь» простояла въ Мышкинѣ недолго. Скоро начались обычные свистки, послышалась команда къ отходу, и пароходъ тронулся въ дальнѣйшій путь.

На верхней площадкѣ прибавился новый пассажиръ — старичекъ, оказавшійся мѣстнымъ старожиломъ. Онъ ѣхалъ до с. Глѣбова, и мы проговорили съ нимъ всю дорогу.

Подъ городомъ мы миновали каменную гряду, носящую названіе Мышкинскихъ воротъ. Вообще надо замѣтить, что около Мышкина дно Волги очень каменисто и въ мелкую воду небезопасно для судоходства.

За Мышкинскими воротами пароходъ прошелъ мимо каменной церкви на правомъ берегу, которая давно уже яркимъ пятномъ бѣлѣла впереди. Справившись съ картою, мы узнали, что мѣстность, гдѣ стоитъ церковь, называется Круглицы, или Охотино.

— У насъ эту церковь Пастушковой зовутъ,—заговорилъ старичекъ:—пастушекъ тутъ въ давніе годы стадо пасъ, еще когда молодой былъ, а потомъ Богъ ему счастье послалъ: разбогатѣлъ онъ и вышелъ въ купцы; вотъ, въ благодарность, на этомъ мѣстѣ, гдѣ пасъ-то, и построилъ онъ церковь на свой счетъ.

Упраздненный Учемскій монастырь.

— Откуда же у пастуха деньги явились? Быть можетъ, кладъ нашель, или въ лотереѣ выигралъ.

— Ни клада не нашель, ни въ лотереѣ не выигралъ. Это теперь деньги-то легко даются,—усмѣхнулся онъ:—а въ тѣ поры своимъ горбомъ доставать ихъ приходилось по грошамъ. Это ужъ ему такъ отъ Бога было назначено; можетъ, Господу-то угодно было, чтобы на этомъ мѣстѣ церковь построилась,—вотъ оно такъ и сдѣлалось.

Противъ Пастушковой церкви на Волгѣ находится каменистый

«истор. вѣстн.», мартъ, 1897 г., т. LXVII.

перекачь — Круглицкій, и пароходъ нашъ прошелъ подь самымъ правымъ берегомъ, давъ возможность разсмотрѣть архитектуру церкви, которую нельзя отнести ранѣе, какъ къ первой половинѣ нашего столѣтія. На противоположномъ берегу, съ застывшими въ воздухѣ крыльями, стояла вѣтряная мельница; подлѣ нея ютилось нѣсколько домиковъ. Въ пейзажѣ ничего особенно утѣшительнаго не было, кромѣ развѣ присутствія мельницы, которая всегда указываетъ на то, что въ окрестности есть пища для ея жернововъ, а, слѣдовательно, и для населенія.

Не успѣли мы оставить позади Пастушкову церковь, какъ впереди уже снова заблѣлъ другой каменный храмъ.

— Это Кривецъ,—замѣтилъ старичекъ:— а подальше-то, на правомъ берегу, Еремѣйцево, тоже съ церковью, а напротивъ — Вадыхайлово, Рудина слободка, а тамъ опять на правомъ Городокъ будетъ.

Эти каменные, бѣлыя церкви, безпрестанно появляющіяся то на правомъ, то на лѣвомъ берегу, хотя и имѣютъ внушительную наружность, но по архитектурѣ своей крайне однообразны и положеніемъ своимъ — каждый разъ въ центрѣ села, — дѣлаютъ и самыя села очень похожими одно на другое.

Въ разговорахъ со старичкомъ мы и не замѣтили, какъ проѣхали и Еремѣйцево, и Вадыхайлово, и Рудину слободку. За Городкомъ черезъ Волгу съ берега на берегъ протянулась какая-то темная полоса.

— Это мостъ,—объяснилъ нашъ собесѣдникъ.— Тутъ Рыбинско-Бологовская чугушка проходитъ, а на лѣвомъ-то берегу, подлѣ Сменцова, и станція «Волга» находится. Отъ «Волги»-то по желѣзной до Рыбинска всего верстъ двадцать пять будетъ, а водою черезъ Мологу и всѣ шестьдесятъ.

— Да, — крякъ порядочный!

— Ужъ вѣрно нашей Волгѣ-матушкѣ захотѣлось въ Мологѣ побывать,—засмѣялся онъ:— въ Рыбинскѣ-то, молъ, и потомъ успѣю. Вотъ сами увидите: до Мологи вполоть дойдетъ, а тамъ изъ Мологи такъ угломъ и повернетъ къ Рыбинску.

Это разсужденіе напомнило намъ простодушнаго, французскаго аббата, который восхвалялъ благость Создателя къ людямъ, заставившую рѣки протекать непремѣнно мимо замѣчательныхъ городовъ и селеній.

— Прежде-то пароходная пристань въ Глѣбовѣ была,—продолжалъ старичекъ:— версты на двѣ пониже моста, а какъ мостъ построили и перевели ее на лѣвый берегъ къ станціи.

Онъ на минуту замолкъ и потомъ заговорилъ снова:

— Теперь все не то стало, все перемѣнилось, а прежде тутъ все помѣщики жили богатые, важныя. Вотъ въ Сменцовѣ, на примѣръ, былъ баринъ Политковскій, знатный, въ большихъ чинахъ, въ Питерѣ какую-то важную должность правилъ; это еще въ Нико-

лаевскія времена было. Только конецъ-то ему худой вышелъ. Попался онъ въ какой-то, говорятъ, казенной кражѣ. Ну, сейчасъ судъ и слѣдствіе, разумѣется; а въ тѣ времена строго было. Видить онъ, дѣло плохо, — взялъ да и отравился. Такъ его приказано мертваго въ гробу разжаловать, и мундиръ, и ордена всѣ съ него снять; такъ и сдѣлали. А по правому-то берегу тоже богатѣйшій помѣщикъ былъ, — вотъ только фамилію-то, какъ на грѣхъ, запомнать, — такъ у того, рассказываютъ, три сына было: Глѣбовъ, Иванъ да Сергѣй, а по нимъ и села наши названы — Глѣбово да Ивановское, а въ Копринѣ, верстъ на десять ниже, въ церкви престолъ есть Сергія чудотворца; все ихнее было.

— Вѣроятно, Коприно старше Глѣбова и Ивановскаго, если въ тѣ времена уже имѣло свое имя?

— На это ничего вамъ сказать не могу. Въ Глѣбовѣ маленькая-то церковь ярославскихъ чудотворцевъ, пожалуй, постарше будетъ Копринской; ей, по моему счету, лѣтъ около двухсотъ наберется.

— Которое же село у васъ главнѣе считается?

— Глѣбово. Это, можно сказать, центръ нашего народнаго просвѣщенія для всей окрестности. Теперь тамъ, — вотъ сами удивите, на берегу, — большое двухклассное училище на 120 человѣкъ устроено. Ужъ больше двадцати лѣтъ оно существуетъ; начали-то на 60, а теперь на 120 расширили. Но и въ прежнія-то времена вся наша грамота изъ Глѣбова шла, и я тамъ же учился.

— У кого же?

— А у понамаря. Въ прежніе-то годы тамъ цѣлыхъ три учителя при церкви было: дьяконъ, дьячекъ и понамарь, — всѣ учили. У каждаго человѣкъ по пятнадцать, по двадцати учениковъ было, да еще, кромѣ того, женщины грамотныя въ селѣ тоже ученьемъ занимались. Однимъ словомъ центръ былъ, въ родѣ какъ бы на подобіе университета. Изъ всѣхъ селъ сюда ребята сходились, и изъ Коприна, и изъ Сменцова, и изъ Городка, — изъ всей округи. Дальнѣе-то у глѣбовскихъ крестьянъ во время ученья и жили.

— Почему же платилось за ученье?

— А за ученье платилось вотъ какъ: ребятъ тогда отдавали не погодно, а на выучку. Хоть годъ, хоть два, хоть три учи, — это твое дѣло, — а за выучку плата, если кому только грамотѣ — два рубля, а если читать и писать — пять рублей.

— Откуда же въ вашей мѣстности явилась такая охота къ ученью?

— Помилуйте, да намъ безъ грамоты никакъ нельзя, — это для насъ дѣло, такъ сказать, первой необходимости. Вѣдь здѣсь дома-то почти никто не остается, всѣ въ отъѣзжіе промыслы разъѣзжаются, кто по лавкамъ въ мальчики, въ приказчики, кто по гостиницамъ, по трактирамъ въ номерные, въ половые, въ буфетчики, такъ какъ

же тутъ безъ грамоты-то, сами посудите. Одни только копярки издавна никуда не ходили, тѣ больше коневодствомъ занимались по Волгѣ, по Шекснѣ, по Мологѣ. По лѣвому берегу въ Сменцовѣ, Скрябинѣ, Парнековѣ тоже свое занятіе было. Тамъ въ прежнія времена суда строили плоскодонныя, подъ названіемъ сменцовки, а глѣбовцы изстари дома жить не любятъ; у нихъ и покось и жнитво все въ столицахъ, зато лѣтомъ, какъ понаѣдутъ изъ Питера, такъ и не узнать, что крестьяне—въ пиджакахъ, въ котелкахъ, при часахъ, на жилеткѣ цѣпочка болтается: настоящіе господа, да и только! Восьмого сентября въ Глѣбовѣ престольный праздникъ и большая ярмарка бываетъ. Наѣдутъ торговцы изъ Рыбинска, изъ Мологи, изъ Мышкина, краснаго товару навезутъ видимо-невидимо, и тутъ ужъ изъ всѣхъ деревень народъ въ Глѣбово сходится, несутъ холсты, новину, кожу,—и на это опять свои покупатели пріѣзжаютъ; ихъ здѣсь угличанами зовутъ. Наѣдутъ въ большихъ повозкахъ и все дочиста скупаютъ. Да вѣдь какъ скупаютъ-то!—чуть баба заѣввалась, сунетъ ей сколько нибудь денегъ, а холстъ въ мѣшокъ, да бѣжать; послѣ и разговаривать съ ней не станетъ: бываетъ грѣха!

— А духовенство какъ у васъ?

— Гдѣ какъ, а только мы на свое духовенство пожаловаться не можемъ,—люди все хорошіе. Вотъ въ Глѣбовѣ былъ отецъ Николай, Соловьевъ по фамиліи; прекрасный былъ человекъ и во всей округѣ большимъ уваженіемъ пользовался, многіе ордена и Владиміра имѣлъ. Бывало, что отецъ Николай скажетъ, или посоветуетъ, то ужъ и свято. Да вотъ,—недалеко ходить,—рядомъ-то села Ивановское да Сменцово,—не заблаговѣстятъ, бывало, къ службѣ раньше, чѣмъ въ Глѣбовѣ. И во всемъ такъ было. А то еще расскажу вамъ,—продолжалъ онъ съ усмѣшкой:—былъ въ старину тоже въ Глѣбовѣ отецъ Кузьма; того-то я ужъ не засталъ, а люди сказывали, что примѣчательный человекъ былъ: съ нимъ въявь чудеса творились. Полюбилъ его, сказываютъ, глѣбовскій лѣшій, и какъ бывало отецъ Кузьма въ лѣсъ пойдетъ, непременно съ нимъ какую нибудь штуку сыграетъ. И все это безобидно. Выкинетъ штуку, пошутитъ, захоочетъ и въ лѣсъ уйдетъ. А встрѣчался ему непременно подъ видомъ какого нибудь прихожанина. Завелъ онъ его разъ такимъ манеромъ въ трущобу. Идетъ отецъ Кузьма и видитъ, на самой дорогѣ большущій пень лежитъ. Обойти его никакъ нельзя; приходится черезъ пень лѣзть. Вотъ онъ ногу занесъ и говоритъ:—Господи благослови,—человекъ богобоязненный былъ,—глядитъ, а вмѣсто лня-то передъ нимъ глубоченная яма! Поругалъ лѣшаго-то, да вѣдь что съ него возьмешь? Въ другой разъ идетъ опять отецъ Кузьма лѣсомъ, нагоняетъ его глѣбовскій крестьянинъ, несетъ его трость: «это», говоритъ, «матушка велѣла тебѣ передать». Ну, ладно, идутъ вмѣстѣ, а время къ ве-

черу. «Вотъ что,»—говорить отецъ Кузьма:—«пора мнѣ вечерню служить».—А онъ такой былъ, что ни одной службы не пропускалъ: дома ли, въ дорогѣ ли, а ужъ непременно всякую службу вычитаетъ.—«А, говорить, буду читать, а ты за дьячка подпѣвай, что знаешь».—Хорошо, говорить. Началь отецъ Кузьма, сказалъ первый возгласъ, жедеть аминя, а тотъ молчить. Оглянулся,—а онъ ужъ саженъ за двадцать стоитъ.—«Что жъ ты,—кричить,—не аминишь?»—А тотъ какъ захохочетъ, да въ лѣсъ. Махнулъ рукой отецъ Кузьма и пошелъ дальше; одинъ ужъ сталъ вечерню дочитывать. Только приходитъ онъ ночью домой. На крыльцѣ что-то

Городъ Мышкинъ.

у него упало и звякнуло. «Давайте-ка, кричить онъ, огня: набалдашникъ съ трости потерялъ».—Вышла матушка.—Какой, говорить, набалдашникъ? Вѣдь твоя трость дома.—«Али забыла, что сама же ее прислила». Сказалъ это, да и вспомнилъ про лѣшаго. «Давайте, говорить, огня скорѣе». Принесли огонь, а у него въ рукѣ-то не трость, а простой суковатый колъ. Ну, только не всегда ему отецъ Кузьма шутить позволялъ. Если, бывало, идетъ къ больному напутствовать, да тотъ увяжется, и прогонитъ его: «иди, иди, скажеть: не время теперь; я—съ дароносицей»,—тотъ и самъ видитъ, что не время, и отойдетъ.

Пароходъ прошелъ подъ высокимъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, укрѣпленнымъ на трехъ каменныхъ быкахъ, и, ненадолго причаливъ къ пристани «Волга», черезъ нѣсколько минутъ тронулся далѣе. Напротивъ, на правомъ берегу, виднѣлись красиво расположенныя села: Глѣбово и Ивановское, отдѣленные другъ отъ друга крутымъ, живописнымъ оврагомъ. Надъ высокимъ обрывомъ берега высилась бѣлая глѣбовская колокольня съ церковью, имѣющею видъ настоящаго собора; правѣе отъ нихъ, также на самомъ краю обрыва, стояло двухъэтажное, уже знакомое намъ училище, соединенное съ церковною площадью большимъ садомъ. Домовъ было видно мало: они всѣ были расположены въ глубинѣ, поодаль отъ берега.

Полюбовавшись на мѣстный «центръ народнаго просвѣщенія», мы простились съ старичкомъ, за которымъ, по свистку, выѣхала съ берега лодка.

Капитанъ снова скомандовалъ полный ходъ, и Глѣбово съ Ивановскимъ мало-по-малу скрылись за лѣскомъ, который тянется вдоль края праваго берега.

Вдали, на яркой золотой полосѣ, разлитой спускавшимся къ закату солнцемъ, выросъ передъ нами силуэтъ Коприна съ его церковью и обширнымъ тѣнистымъ кладбищемъ. Картина была очень хороша по краскамъ. Все небо впереди принимало золотисто-пурпурный оттѣнокъ; надъ самымъ горизонтомъ тянулись рядами густыя лиловатыя облака, въ которыя по временамъ пряталось солнце, спускавшееся все ниже и ниже къ горизонту. И это небо, эти переходы, эти краски, искрясь и горя, отражались въ Волгѣ, а на правомъ берегу, прикрытое сѣрватою вечернею дымкою, выросло передъ глазами копринское кладбище, на которомъ покоится извѣстный басъ московской оперы, Платонъ Анемподистовичъ Радонежскій, уроженецъ Коприна.

Копринская волость извѣстна своими лопманами. Большинство лопмановъ, водящихъ судами пароходы на верхнемъ плесѣ,—копряки. Но извѣстное лопманами Коприно извѣстно также и своими мелями—Балуевской и Копринской, находящимися подъ самымъ селомъ. Берега здѣсь, какъ и на другихъ крупныхъ меляхъ, обдѣланы фашинными гатями, имѣющими назначеніе стѣснить теченіе рѣки и, насколько возможно, поддержать ея уровень на извѣстной высотѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ на Балуевской мели была устроена плотина изъ кулей, набитыхъ землею, и въ мелководье на ней всегда стояли лошади, готовые перетаскивать черезъ мель проходящія суда и пароходы. Теперь, благодаря принятымъ мѣрамъ, условія для плаванія нѣсколько улучшились, но и въ настоящее время обѣ мели далеко нельзя считать безопасными. Доказательство было у насъ передъ глазами. Впереди, чуть не на самой сединѣ фарватера, стояла полузатонувшая на мели барка.

Пароходъ остановили, и начался совѣтъ, можно ли обойти ее.

Барка стояла нѣсколько накосъ, на самомъ нашемъ пути, и требовалась большая опытность и даже счастье, чтобъ исполнить этотъ маневръ безъ вреда для себя.

Публика, собравшаяся на верхней площадкѣ, ворчала:

— Чего же это казенный лоцманъ смотритъ? Его вѣдь дѣло баканы-то ставить. Какъ же онъ поставилъ? На самую мель фарватеръ и вывелъ! Это что жъ такое?

— Да вѣдь вонъ баканъ-то сдвинуть,—замѣчали нѣкоторые.

— Чего тамъ баканъ? Ты гляди направление,—горячились другіе:—какъ разъ на самую мель ведено. Нешто это правильно?

— Мель-то правѣе.

— Толкуй правѣе,—развѣ не знаешь? Вонъ она гдѣ, вонъ прямо-то и есть.

Между тѣмъ капитанъ, посовѣтовавшись съ лоцманами, командовалъ: «самый тихій».

Пароходъ тронулся. На носу замелькала наметка.

— Семь, семь, семь...

— Руль отведи!—кричитъ капитанъ въ рупоръ на барку.—Тамъ кто-то зашевелился и побѣждалъ къ рулю.

— Шесть съ половиной, семь, семь, восемь,—доносится съ носа.

— Руль отведи!!!—кричитъ капитанъ снова, видя, что на баркѣ дѣйствуютъ вяло. Къ рулю побѣждалъ еще кто-то, и онъ сталъ медленно прятаться за корпусомъ барки.

— Шесть, шесть, шесть...

Барка близко.

— Тихо!—командуетъ капитанъ. Лоцмана впились руками въ штурвальное колесо и, широко раскрывъ глаза, замерли на мѣстѣ, не спуская глазъ съ барки.

— Шесть съ половиной, пять, пять съ половиной, пять съ половиной, шесть...

Пароходъ проходитъ подлѣ самой барки. На ней два человѣка, покраснѣвъ отъ натуги, безмолвно упираются шестью въ дно и какъ будто все еще хотятъ своротить свое грузное судно.

Пассажиры молча смотрятъ на нихъ. Наметка работаетъ.

Вдругъ пароходъ толкнулся о землю. Еще толчекъ. Мы почувствовали, что стоимъ. Колеса продолжаютъ работать.

— Четыре съ половиной!—кричитъ матросъ:—идеть впередъ! идеть впередъ! стоять!

— Стопъ!—скомандовалъ капитанъ.

— Стоить!—доносится голосъ матроса.

Опять совѣщаніе. Рѣшаютъ пробиваться.

— Впередъ, тихо!—раздается команда. Колеса снова бурлятъ въ водѣ.

— Какъ на наметкѣ?—спрашиваетъ капитанъ.

— Идетъ! шесть съ половиной! стоять!

— Стопъ!

— Влѣво валится! стоять!

— Впередъ, тихо!— снова раздается команда въ машину.

— Впередъ, пошелъ! пять съ половиной, пять съ половиной! Ходомъ идетъ! шесть...

Барка остается позади. Мы снова выходимъ на средину фарватера.

— Шесть съ половиной, семь, семь...

Свистокъ: наметка снимается, мель пройдена.

— А что же теперь съ баркой будетъ?— спрашиваемъ у капитана.

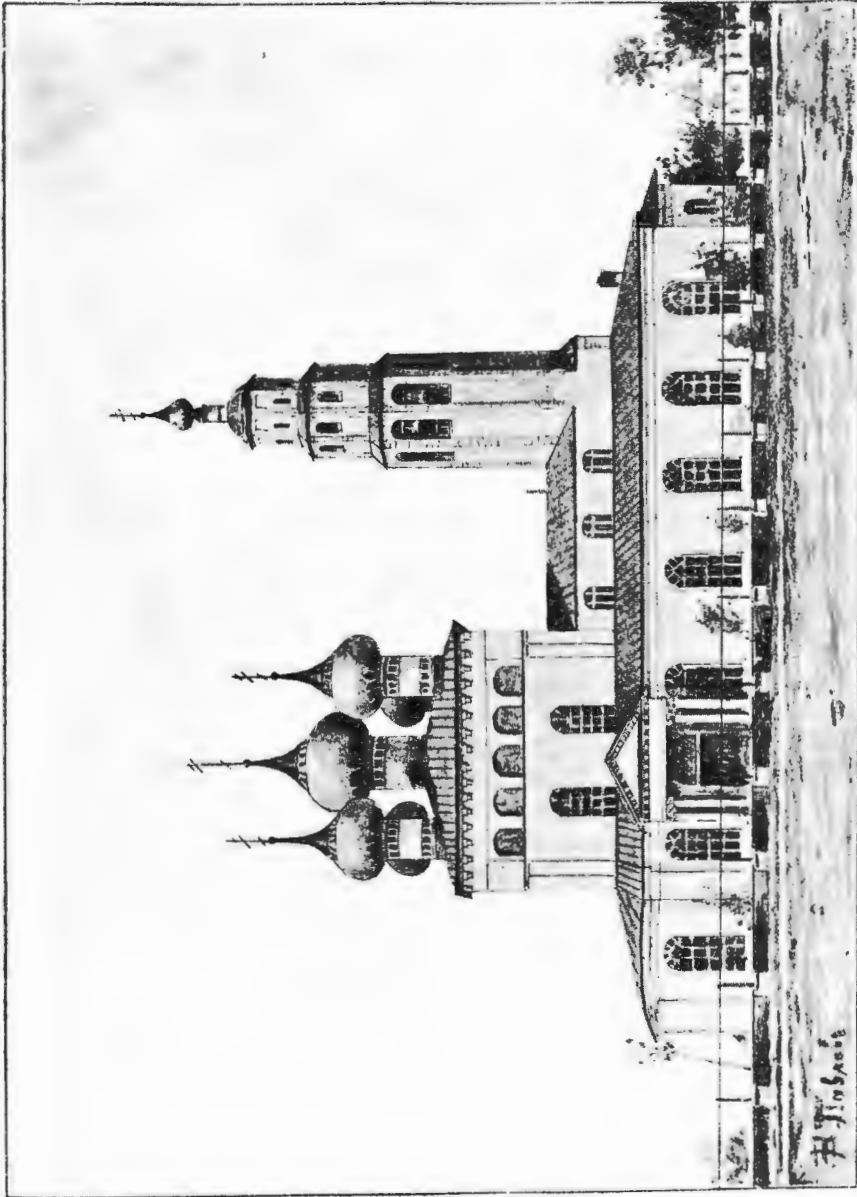
— Ей теперь паузиться придется. Выгрузить на время часть товара, снять барку съ мели, потомъ опять нагрузить, когда выйдетъ на глубокое мѣсто.

— Но вѣдь это стоитъ денегъ.

— Еще бы. Зато и крестьяне прибрежные мелководью-то, какъ свѣтлому празднику, рады.

Каменная Копринская церковь освящена во имя Знаменія Животворящаго Креста, празднуемаго 7 мая, но мѣстные жители справляютъ свой храмовый праздникъ почему-то въ Троицынъ день.

Въ Копринѣ имѣется сыроварня, не единственная впрочемъ въ здѣшней мѣстности. Она содержится крестьянами на артельныхъ началахъ и приноситъ порядочный доходъ. Противники крестьянскаго сыровареннаго производства обыкновенно утверждаютъ, что изъ-за нѣсколькихъ грошей, получаемыхъ отъ продажи сыра, крестьяне заставляютъ свои семьи сидѣть безъ молока, липая ребятамъ самаго питательнаго продукта, столь важнаго въ ихъ возрастѣ. Но, насколько намъ удалось узнать изъ разговоровъ съ мѣстными жителями,—утвержденіе это не имѣетъ достаточнаго основанія. Главныя скопы молока дѣлаются обыкновенно въ посты Петровскій и Успенскій, когда дѣтямъ и безъ того молоко не дается, а, напротивъ, дѣльный, расчетливый хозяинъ старается, въ виду дохода за молоко, обзавестись еще лишнею коровою, которая, кромѣ молока, даетъ ему и лишнее удобреніе, слѣдовательно улучшаетъ качества его поля, и въ три года легко окупаетъ себя, такъ что потомъ приноситъ уже чистый доходъ. На сыроварню доставляется только вечерній удой, утреннее же молоко все остается дома. При расчетѣ дѣлается разверстка по количеству доставленнаго каждымъ молокомъ. Пудъ молока, передѣланный въ сыръ, даетъ отъ трехъ съ половиною до четырехъ фунтовъ сыра и приноситъ отъ 40 до 60 копеекъ прибыли. Съ устройствомъ сыроварни коровушекъ стали содержать лучше и подкармливать, за что и онѣ въ долгу не остаются: каждая изъ нихъ вполне покрываетъ расходы на свое прокормленіе и, помимо удобренія, приноситъ хозяину отъ 5 до 10 рублей прибыли ежегодно, а въ крестьянскомъ быту это — деньги порядочныя.

Старый соборъ въ Мологи.

X.

Молога.

«Мѣстечко Холопей-городъ, куда, какъ я выше сказалъ, бѣжали рабы новгородцевъ, стоитъ въ двухъ миляхъ отъ Углича».

(Герберштейнъ. Записки о Московіи).

Въ темнотѣ виднѣлась на берегу группа изъ двухъ-трехъ домиковъ, да влѣво высился силуэтъ какого-то пятиглаваго храма; болѣе ничего нельзя было разглядѣть на всемъ протяженіи пустого берега.

— Гдѣ же городъ? — спросили мы, выйдя на пристань.

— Чаво городъ? — отозвался изъ толпы парень, стоявшій къ намъ ближе другихъ.

— Городъ-то вашъ гдѣ? Молога-то?

— А эвонъ! — онъ указалъ рукою на берегъ.

— Это три-то дома?

Парень обидѣлся.

— Зачѣмъ три? Тамъ не три, а побольше трехъ будетъ.

— Да гдѣ же они?

— Это что?

— Да дома-то ваши, дома-то?

— А эйъ по верху-то, гляди за соборомъ-то.

— Ничего не видно!

— Нѣтъ, есть, — ты гляди хорошенько. И дома есть, и городъ есть.

Какъ городу не быть?

— Да есть ли у васъ хоть извозчики-то?

— И извозчики есть.

— Гдѣ же они?

— Да теперь нѣтъ. Спать.

— Какъ же тутъ быть-то?

— Да тебѣ чаво?

— Вещи у насъ. Нѣтъ ли кого хоть вещи-то снести?

— Это я тебѣ устрою, а что извозчиковъ теперь нѣтъ, — поздно.

Приѣзжай завтра утромъ, такъ и извозчики будутъ, а теперь гдѣ же?

Онъ отправился за носильщикомъ и вскорѣ привелъ какого-то оборваннаго субъекта, который впрочемъ оказался гораздо толковѣе его.

Субъектъ ловко подхватилъ наши чемоданчики и, спустившись по мосткамъ на берегъ, началъ быстро подниматься по направленію къ церкви, которая, по его словамъ, была старымъ городскимъ соборомъ.

— Есть у насъ и новый соборъ, — продолжалъ онъ: — тамъ полѣвѣе на площади будетъ. Днемъ его отсюда хорошо видно, а теперь и города-то не видать.

— Да гдѣ же у васъ городъ?

— А вотъ за соборомъ-то и пойдетъ вдоль берега.

Дѣйствительно, когда мы миновали соборъ, впереди обозначились темныя массы построекъ, большею частію деревянныхъ, и мы вступили на длинную, совершенно пустую улицу. Минуть черезъ десять ходьбы носильщикъ привелъ насъ въ гостиницу Крекушина, которая считается «почище» другихъ.

По узкой крутой лѣстницѣ со скрипучими ступенями мы поднялись во второй этажъ и очутились въ узкомъ, грязномъ коридорчикѣ. Въ глубинѣ стоитъ какая-то растрепанная, немытая фигура.

— Эй, нумерной! иди сюда!—кричитъ намъ носильщикъ.

Фигура точно спросонья смотритъ на насъ и не двигается.

— Что ты оглохъ, что ли?

— Я не нумерной,—мрачно ворчитъ фигура.

— Такъ сходи за нимъ. Что стоишь-то?

Фигура проворчала что-то и скрылась за одною изъ дверей. Она оказалась однимъ изъ «пріѣзжающихъ», почему-то предпочитающимъ грязный коридоръ своей комнатѣ.

Явился нумерной, сравнительно довольно приличный, и отвелъ намъ помѣщеніе, главное украшеніе котораго составляла картина, писанная масляными красками и попавшая сюда, вѣроятно, изъ какого нибудь помѣщичьяго дома. На ней былъ изображенъ лѣсъ, или, точнѣе, рядъ треугольныхъ елей, которыя въ глубинѣ превращались въ треугольныя колокольни города, вѣроятно, Мологи. На первомъ планѣ въ самомъ углу — охотникъ съ собаками, повидимому, только что вышедшій изъ рамы. Внизу подпись: «будите охочи, да не внидете въ напасть, и не одолѣетъ вами всякое беззаконіе. Кн. Сокольн.».

Узнавъ отъ нумерного, что Аѳанасіевскій монастырь, главная достопримѣчательность Мологи, находится въ 3 верстахъ отъ города, мы распорядились порядить извозчика еще съ вечера, такъ какъ обычаи здѣшнихъ возницъ уже были отчасти знакомы намъ по пристани.

Былъ еще десятый часъ вечера, но городъ уже спалъ, и намъ не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать его примѣру.

Я заглянулъ въ окно. Передъ нимъ тянулася длинная желѣзная крыша, служащая навѣсомъ для цѣлаго ряда лавокъ, занимающихъ весь нижній этажъ гостиницы. Напротивъ тянулось такое же длинное двухэтажное зданіе, съ такимъ же навѣсомъ и такими же лавками. Во второмъ этажѣ окна были настолько узки, что придавали ему видъ чего-то вытянутаго, недовольного, и, глядя на него, я убѣдился, что архитектурѣ доступна экспрессія даже мимическаго характера. На другой день оказалось, что этотъ второй этажъ включаетъ въ себѣ и городскую думу съ управою, и публичную бібліотеку, и даже чуть ли не общественный банкъ.

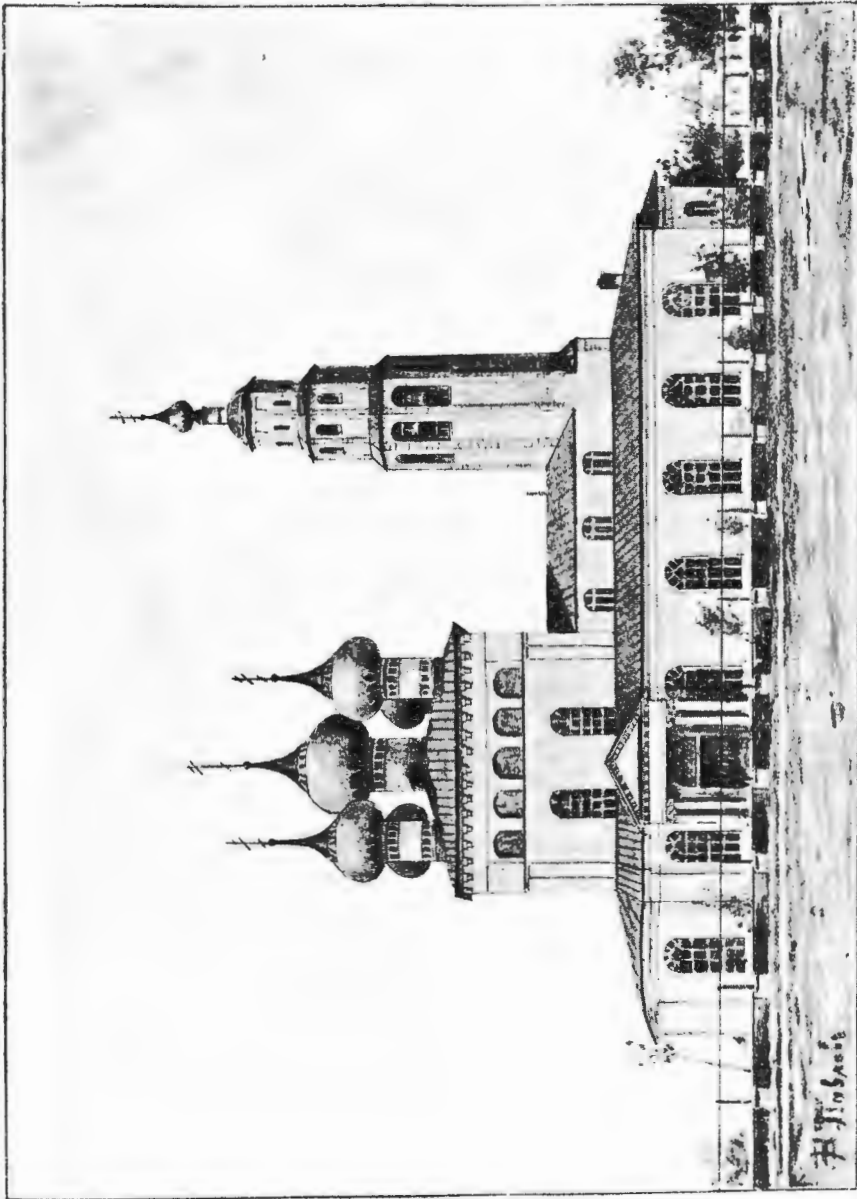
Планъ Мологи крайне простъ. Она состоитъ всего изъ трехъ улицъ: Ярославской, С.-Петербургской (Унковская тожь) и Череповской, которыя тянутся параллельными линиями вдоль берега рѣки Мологи, но длиною могутъ поспорить съ нашимъ Невскимъ проспектомъ отъ Лавры до Адмиралтейства, такъ какъ достигаютъ до трехъ верстъ длины, какъ, наприимѣръ, Череповская, другія же развѣ только немногимъ короче ея.

Въ монастырь мы отправились часу въ 8-мъ утра. Утро было ясное. Навстрѣчу намъ то и дѣло попадались крестьяне, ѣхавшіе по случаю субботняго дня въ городъ на базаръ. Монастырь лежитъ на берегу Мологи нѣсколько выше города. Проѣхавъ версты съ полторы по Череповской улицѣ, мы миновали мостъ, перекинутый черезъ оврагъ, по дну котораго протекаетъ небольшой ручей. Эта мѣстность носить здѣсь названіе Заручья и украшена церковью Вознесенія, сравнительно новой архитектуры. Красива въ сущности не столько сама церковь, сколько ея мѣстоположеніе на высокомъ, обрывистомъ берегу ручья.

Вскорѣ впереди заблестѣли главы Аѳанасіевскаго монастыря, а направо за р. Мологою раскинулась зеленая гладь обширнаго поля, расположеннаго противъ города между Волгою и Мологою. Вдали на немъ бѣлѣла церковь села Боронишина. По всей вѣроятности, на просторѣ этого поля въ XVI столѣтіи и раскидывалась знаменитая ярмарка, извѣстная подъ названіемъ Холопяго городка.

Свѣдѣнія объ этой ярмаркѣ, насколько мнѣ извѣстно, находятся только у двухъ писателей прежняго времени, а именно, у Герберштейна и у діакона Тимоѳея Каменевича-Рвовскаго, рукопись котораго «О древностяхъ россійскихъ» Карамзинъ нашелъ въ Синодальной библиотекѣ подъ № 529. Герберштейнъ, по поводу происхожденія и названія Холопяго городка (Chlorri gorod), рассказываетъ преданіе, слышанное имъ отъ новгородцевъ. Предки ихъ тѣснили тяжкою осадю греческій городъ Корсунь. Осада продолжалась семь лѣтъ. Соскучась ожидать своихъ мужей и даже сомнѣваясь въ ихъ возвращеніи, новгородскія жены повыходили замужъ за своихъ рабовъ. Когда мужья, взявши городъ, вернулись домой съ трофеями: мѣдными корсунскими воротами и большимъ колоколомъ, ихъ встрѣтили рабы, старавшіеся силою отразить своихъ господъ. Возмущенные наглостью своихъ холопей, новгородцы сложили съ себя оружіе и пошли на рабовъ съ кнутами и палками. Обращенные въ бѣгство рабы укрылись въ одномъ мѣстѣ, которое и нынѣ называется Холопимъ городомъ, и пробовали тамъ защищаться, но были побѣждены своими господами и наказаны по заслугамъ.

Мѣстность древняго Холопяго городка указываютъ верстахъ въ шестьдесятъ отъ устья Мологи, неподалеку отъ впаденія въ нее рѣки Сити. Хотя эта мѣстность и удалена отъ Новгорода, но можно допустить, что въ основаніи преданія, рассказываемаго Герберштей-

Старый соборъ въ Мологи.

номъ, лежитъ какое нибудь дѣйствительное событіе, и что городокъ основанъ бѣглыми новгородскими холопами. Подлѣ него съ давнихъ временъ, неизвѣстно въ силу какихъ обстоятельствъ, стали собираться купцы, и начался торгъ, превратившійся потомъ въ большую ярмарку, пріобрѣтшую себѣ громкую извѣстность. Ярмарка существовала близъ устья Сити до второй половины XV вѣка, когда Іоаннъ III перевелъ ее на устье самой Мологи, о чемъ и упоминаетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи¹⁾. Герберштейнъ, знавшій ярмарку уже на новомъ мѣстѣ, называетъ ее наиболѣе посѣщаемою во всемъ владѣніи московскаго государя. «Сюда стекаются,—говоритъ онъ,—кромѣ шведовъ, ливонцевъ и московитовъ, еще татары и весьма многіе другіе народы изъ восточныхъ и сѣверныхъ странъ. Они ведутъ только мѣновую торговлю, потому что эти народы рѣдко, или почти совсѣмъ не употребляютъ золота и серебра, готовые платья, иглы, ножики, кастрюли, топоры и т. п. они обмѣниваютъ большею частью на мѣха».

Извѣстія о ярмаркѣ, сообщаемыя Каменевичъ-Рвовскимъ, болѣе подробны, но только при этомъ не слѣдуетъ забывать, что рукопись писалась въ 1699 году, когда ярмарка давно не существовала. Карамзинъ говоритъ, что Каменевичъ былъ родомъ москвичъ, а жилъ въ Угличѣ и писалъ, «слѣдуя древнему преданію». Вотъ что мы находимъ въ его рукописи: «На устїи славныя Мологи рѣки древле были торги великіе, даже и до дней грознаго господря Василя Васильевича Темнаго...²⁾. Серебро съ торговъ тѣхъ въ пошлинахъ собирали и вѣсили. Прїѣзжали торговать купцы многіхъ государствъ: нѣмецкихъ, и польскихъ, и литовскихъ, и грецкихъ, и римскихъ,—глаголютъ же, и персидскихъ и иныхъ земель. И тогда во премногихъ ямахъ холопскихъ и молодежскихъ товары своя драгія тѣ иностранные купцы и гости клали, и питія преузорочная, и красная виноградная, и прочая сокровища вся содержали и надъ ними торговали. Рѣка же та Великая Молога полна судовъ была въ пристани своей на устїи широкою, яко по судамъ тогда безъ перевозовъ преходили люди рѣку ту Мологу и Волгу на лугъ Моложскій, великій и прекрасный, иже имать во округъ свой 7 верстъ. Серебра же того пошлиннаго пудоваго по 180 пудовъ и больши собираху въ казну великаго князя, якоже бывшии тогда въ память свою намъ о семъ повѣдаша, яже отъ отецъ своихъ слышаша. То-

¹⁾ «А что если свелъ торгъ съ Холопья городка на Мологу, и тотъ торгъ торгуютъ на Молозѣ съѣзжаяся, какъ было при мнѣ. А сынъ мой Дмитрей емлетъ пошлны, какъ было при мнѣ, а лишнихъ пошлнъ не прибавливаетъ ничего; а сынъ мой Василей и мои дѣти того торгу на свои земли не сводятъ, ни заповѣди въ своихъ земляхъ не чинятъ къ тому торгу ѣздити». (Древн. Росс. Вивлюонка, т. II, изд. второе, стр. 424).

²⁾ Мы уже знаемъ, что на устье Мологи ярмарка переведена лишь сыномъ Василя Темнаго, Іоанномъ III.

гда же на Мологѣ 70 кабаковъ винныхъ и питій всякихъ было; торговали же безъ развѣздовъ по четыре мѣсяцы всѣ купцы и гости».

Съ устройствомъ крупныхъ мѣстныхъ ярмарокъ въ другихъ городахъ значеніе центрального Холопяго торгова было подорвано. «Нынѣ же то наше купечество моложское раздѣлился по инымъ торгамъ», говоритъ Каменевичъ: «къ славному городу Архангельскому, тажъ и на Свинскую предбывшую славную ярмарку, потомъ и Желтоводскую, и въ Весь Ехонскую, и на Тихвину Новгородскую и по инымъ; той же Моложской превеликой и первой старой торгъ разнo разыдеса».

Обширное пустое поле, по всей вѣроятности, хранить въ себѣ не мало остатковъ отъ прежней ярмарки въ видѣ монетъ, мелкихъ издѣлій и т. п. и еще ожидаетъ своего изслѣдователя.

Проѣхавъ мимо просторнаго зданія школы, устроенной при монастырѣ, мы вскорѣ остановились у св. воротъ и вошли въ обитель.

Въ названіи своемъ монастырь еще хранить воспоминаніе о бывшей нѣкогда противъ него, за Мологою ярмаркѣ; онъ называется Аванасьевскимъ-Троицкимъ-Холопымъ. Основаніе его, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдуетъ отнести къ XV вѣку, а первое упоминаніе о немъ мы находимъ въ одной изъ княжескихъ духовныхъ 1509 года. Монастырь въ то время былъ мужской и процвѣталъ, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока процвѣтала ярмарка. Съ уничтоженіемъ ея, онъ лишился главнаго источника дохода и въ 1680 году приписанъ къ Ново-Іерусалимскому монастырю подъ Москвою, а въ 1764 г. упраздненъ окончательно и обращенъ въ простую приходскую церковь. Но монастырь, котораго не смогли поддержать мужчины, возродился и снова расцвѣлъ, благодаря энергіи женщинъ. Въ 1795 году, жители Мологи подали прошеніе о разрѣшеніи исправить Аванасьевскую приходскую церковь и снабдить всѣмъ потребнымъ для содержанія при ней 30 бѣдныхъ вдовъ и престарѣлыхъ дѣвицъ, посвятившихъ себя уединенной жизни на общественномъ уставѣ. Просьба была уважена, и эти 30 женщинъ послужили ядромъ для возникновенія новаго монастыря, который и былъ снова утвержденъ въ 1818 году. Съ тѣхъ поръ обитель только расширяется и процвѣтаетъ все болѣе и болѣе, такъ что, глядя на ея златоглавыя храмы, на ея большія каменные сооруженія, на ея обширное хозяйство, недоумѣваешь, считать ли монастырь состоящимъ при городѣ, или городъ состоящимъ при монастырѣ.

Въ монастырѣ благовѣстили къ обѣднѣ. Главная церковь во имя св. Духа была отперта.

На ступеняхъ сидѣла свѣчица, ожидая начала службы. Мы съ нею разговорились. Узнавъ, что мы приѣзжие и хотимъ осмотрѣть монастырь, она обѣщала, какъ только соберутся монахини, дать намъ путеводительницу.

Дѣйствительно, при самомъ же началѣ службы, къ намъ подошла не старая еще монахиня и любезно предложила показать намъ немногія, оставшіяся отъ прежнихъ временъ достопримѣчательности монастыря. Это была мать Евстолія, управляющая монастырскимъ скотнымъ дворомъ.

— Отъ мужского-то монастыря осталась только часовня одна, у меня на скотномъ, — заговорила она: — тамъ прежде обитель-то была. А прежде я васъ сведу въ Знаменскую церковь; она у насъ самую древнюю считаетъ.

Мы прошли въ сѣверо-западный уголъ, гдѣ подъ башнею помѣщается старая Знаменская церковь, но она оказалась подновленною, исключая нѣкоторыхъ иконъ, и то не очень древнихъ.

Отсюда мы отправились на скотный дворъ, примыкающій къ монастырю съ сѣверной стороны. Онъ не великъ и имѣетъ продолговатую форму. Посреди двора находится небольшая каменная часовня, поставленная надъ могилою одного изъ игуменовъ бывшаго мужскаго монастыря. Она настолько невелика, что внутри почти сплошь занята надгробною плитою.

Пока мы осматривали часовню, черезъ скотный дворъ то и дѣло проѣзжали возы дровъ, направлявшіеся въ монастырь. Небольшими, сытыми лошадами правили все обительскія послушницы, хотя въ монастырѣ, какъ кажется, есть и работники. По словамъ матери Евстолія, на скотномъ дворѣ у нихъ имѣется 17 лошадей и 43 коровы. На скотномъ же она показала намъ широкій, открытый колодезь, вода въ которомъ, несмотря ни на какіе жары, постоянно стоитъ на одномъ уровнѣ; за колодеземъ узкою линіей тянется огородъ.

Отсюда мы снова прошли въ монастырь и зашли въ трапезную, гдѣ приготовлялись къ обѣду. Въ трапезной на стѣнахъ висятъ портреты масляными красками и одинъ фотографическій. Въ числѣ ихъ находится портретъ основательницы монастыря, купеческой вдовы Натальи Ивановны Мальцевой. Монастырь былъ открытъ въ 1798 году, но Мальцева начальства надъ инокинями не приняла и осталась простою монахиней; первую игуменьей была нѣкто Гладкова. Рядомъ съ игуменьями висятъ портреты благодѣтелей обители, братьевъ Бушковыхъ. Фотографическій же портретъ—послѣдней изъ умершихъ начальницъ обители, игуменіи Антоніи, урожденной Калининной, которая скончалась въ 1895 году, 77-ми лѣтъ отъ роду.

Изъ трапезной мы было направились въ кухню, но въ углу у двери, противъ печки, замѣтили какія-то длинныя вязы бѣлаго цвѣта, похожія на средней толщины канаты.

— А это что у васъ? — спросилъ я м. Евстолію.

Монахиня, бывшія въ трапезной, разсмѣялись.

— А это у насъ для молодыхъ послушницъ эпитимья, — сказала м. Евстолія.

Аонасьевскій женскій монастырь въ Мологѣ.
(Въ кругѣ: часовня надъ могилою одного изъ игуменовъ прежняго монастыря).

Она сняла одну изъ двухъ висѣвшихъ на гвоздѣхъ вязей и показала намъ. Оказались громадныя вязанья четки, длиною аршина въ два съ половиною.

— Вотъ, какъ которая нибудь провинится,— продолжала она,— ее и поставятъ за трапезой посрединѣ съ этими четками поклоны класть. Поклоновъ сто земныхъ положить, а стыдъ-то и того пуще. Тутъ и сила-то не столько въ поклонахъ, сколько въ стыдѣ, что стоитъ она посрединѣ, и всѣ на нее смотрять.

— И часто ставятъ на поклоны?

— Не очень часто, а случается, — какая вина.

— И манатейныхъ монахинь ставятъ?

— Нѣтъ. Это больше послушницъ, которыя помоложе; а насъ матушка игуменья, если что, такъ къ себѣ въ келью позоветъ и ужъ больше словами, съ глазу на глазъ поначалитъ.

Осмотрѣвъ кухню, мы еще разъ прошли монастыремъ, и м. Евстоля провела насъ на новое монастырское кладбище, болѣе похожее на садъ, чѣмъ на мѣсто погребенія.

— Нѣтъ ли у васъ въ библиотекѣ какихъ интересныхъ документовъ относительно стараго монастыря?—спросилъ я по дорогѣ нашу путеводительницу.

— Нѣтъ,— отвѣчала она.— Прежде-то вѣдь люди были простые, малограмотные, стариной не дорожили. Я слышала, что монастырскими лѣтописями въ свое время оклеивали стѣны вмѣсто обоевъ.

Посреди кладбища находится небольшая каменная часовня, недавно обращенная въ церковь. Налѣво у стѣны м. Евстоля показала намъ могилу недавно скончавшейся игуменіи Антоніи. Могила содержится въ большемъ порядкѣ, и, видимо, память покойной пользуется здѣсь всеобщимъ уваженіемъ.

— А давно ли освящена церковь?

— Недавно. Да она такая маленькая, что въ ней отпѣвать никого нельзя,— тѣсно. Преосвященный Ионаанъ, какъ святиль-то, замѣтилъ: «Да, тѣсновата церковь, тѣсновата, а впрочемъ въ гробу-то еще тѣснѣе будетъ».

У воротъ кладбища мы простились съ нашею любезною проводницей и отправились обратно въ городъ, гдѣ проѣхали еще разъ по улицамъ и побывали въ старомъ соборѣ, построенномъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, но ничего достойнаго примѣчанія въ немъ не встрѣтили.

Объ исторіи Мологи много рассказывать также не приходится. Входя въ составъ Ярославскаго княжества, она не надолго выдѣлилась въ особый самостоятельный удѣлъ, была въ свое время (въ 1371 году) сожжена княземъ Михаиломъ Тверскимъ и затѣмъ подверглась общей участи, то-есть была поглощена Москвою. Молога въ свою очередь выдѣлила изъ себя нѣсколько мелкихъ удѣловъ: Ситскій, или, въ болѣе употребительномъ произношеніи, Сицкій,

Прозоровскій и Шуморовскій, которые существовали также весьма недолгое время.

За соборнымъ алтаремъ начинается небольшой бульваръ, который тянется параллельно теченію Мологи по направленію къ Волгѣ. Мы вышли на него и присѣли на скамью. Какъ разъ передъ нами находилось устье Мологи—начальный пунктъ Тихвинской судоходной системы. Противоположный берегъ составляло вышеупомянутое зеленое поле, мѣсто бывшей ярмарки, ограниченное съ одной стороны теченіемъ Волги, а съ другой—полукруглымъ изгибомъ Мологи. Надъ Мологою вдали бѣлѣли стѣны женскаго монастыря, передъ крестами котораго набожно снимались шапки и крестились заскорузлыя руки лодмановъ, вступавшихъ изъ Волги на Тихвинскій путь, который долженъ былъ привести суда ихъ къ дальнему Петербургу.

Длина этого воднаго пути отъ устья Мологи до Финскаго залива опредѣляется не совсѣмъ точно: по однимъ свѣдѣніямъ, она составляетъ 831 версту 249 сажень, по другимъ—848 верстъ, по третьимъ—813 верстъ и т. д., впрочемъ разница здѣсь только въ двухъ-трехъ десяткахъ верстъ, и несомнѣнно, что Тихвинская система значительно короче Вышневолоцкой и Маринской, но по причинѣ мелководья составляющихъ ее рѣкъ она неудобна для судовъ большого размѣра, и плаваніе по ней совершается на судахъ сравнительно не особенно крупныхъ. Суда эти носятъ названія соминокъ и тихвинокъ; весною осадка для нихъ допускается отъ 10 до 18 вершковъ, но лѣтомъ и осенью осадка въ 10 вершковъ становится уже предѣломъ, глубже котораго они сидѣть въ водѣ не могутъ.

Выше по Мологѣ встрѣчаются еще два города: Весегонскъ, древняя Весь Ехонская, отъ котораго внизъ по Мологѣ начинается пароходство, и Устюжна Желѣзнопольская, о которой сложилась въ народѣ поговорка: «Устюжна желѣзна, люди каменны». Здѣсь въ XVI и XVII столѣтіяхъ добывалась и обрабатывалась желѣзная руда. Нѣсколько ниже Устюжны въ Мологу впадаетъ рѣка Чагодоща, имѣющая въ свою очередь притокомъ рѣку Горюнь. Этотъ Горюнь въ своемъ среднемъ теченіи носитъ названіе Сомины, а въ верхнемъ называется Валчиною, которая соединена каналомъ съ верховьями рѣки Тихвинки, текущей уже по направленію къ Петербургу. Тихвинка, пройдя подъ городомъ Тихвиномъ и его знаменитымъ монастыремъ, вливается въ рѣку Сясь и вмѣстѣ съ нею достигаетъ Ладожскаго озера. Въ обходъ озера устроенъ особый Сясьскій каналъ, изъ котораго суда переходятъ въ Ладожскій и такимъ образомъ достигаютъ Невы.

Мысль объ устройствѣ Тихвинской системы занимала еще Петра, когда выяснились неудобства Вышневолоцкой, но послѣ его смерти проектъ долгое время оставался подъ сукномъ, и лишь въ началѣ нашего столѣтія рѣшено наконецъ приступить къ работамъ. Новая

система была открыта для плаванія въ 1811 году, хотя работы на ней и не были еще вполне закончены. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ по ней проходило до 11.000 судовъ съ товаромъ на сумму болѣе 20-ти милліоновъ, теперь же, вслѣдствіе развитія желѣзнодорожнаго дѣла и устройства болѣе удобной и покойной Маринской системы, Тихвинская потеряла болѣе половины своего прежняго значенія.

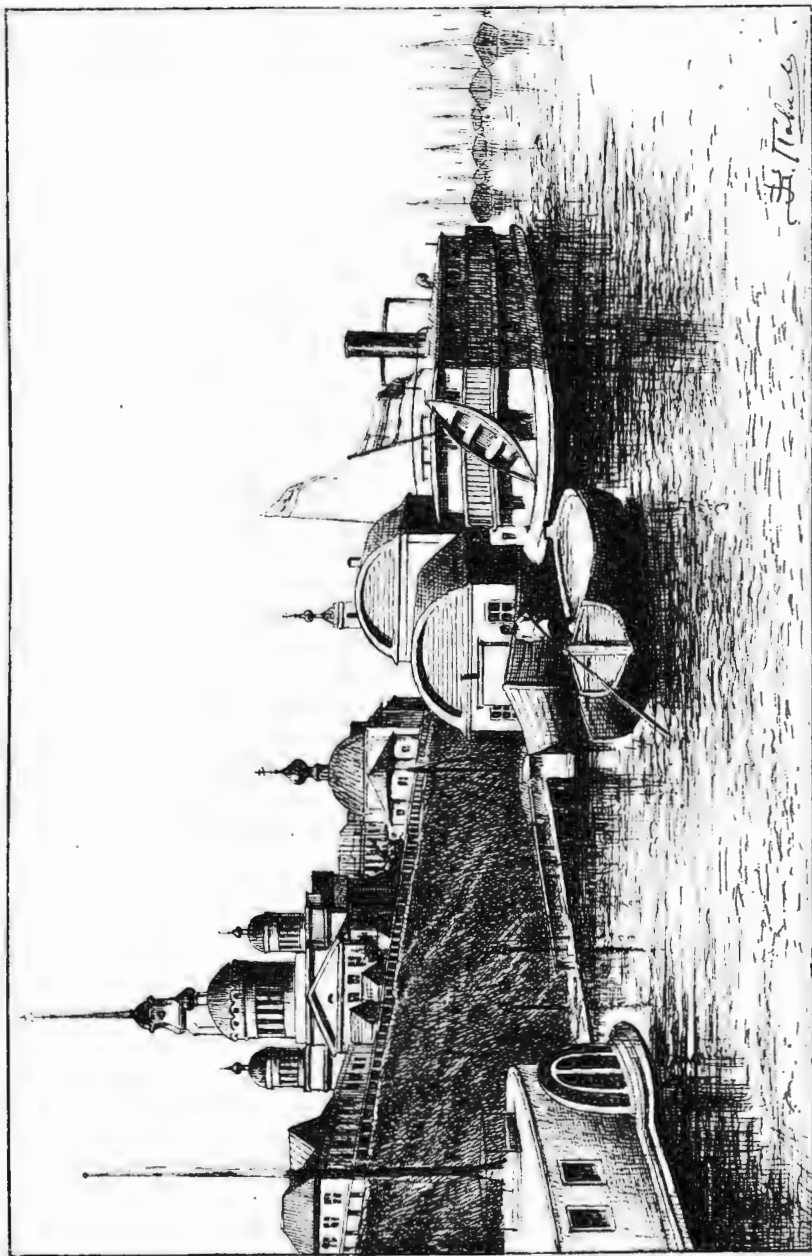
Мы спустились къ пристани. Группа домиковъ, видѣнныхъ нами вчера, при спускѣ съ парохода, оказалась сплошь состоящею изъ лавокъ, харчевенъ, мелкихъ гостиницъ и трактира; на Мологѣ, почти рядомъ съ пристанью находился паромъ. На немъ то и дѣло перевозили на ту сторону, на лугъ, лошадей, предназначенныхъ для тяги судовъ, телѣги возвращавшихся съ базара крестьянъ и массу пѣшаго люда. Жизнь на берегу кипѣла. Каждый крестьянинъ, разставаясь съ городомъ, прежде чѣмъ спуститься къ парому, считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ сдѣлать прощальный визитъ въ одну изъ прибрежныхъ харчевенъ и гостиницъ. Особеннымъ расположеніемъ здѣсь пользовался, повидимому, трактиръ «Свиданіе друзей». Передъ нимъ постоянно находилось нѣсколько телѣгъ съ одиноко сидящими на нихъ бабами: мужчины всѣ находились въ трактирѣ. Бабы сидѣли на возахъ неподвижно, молча, очевидно покорившись своей участи, но лошади, наскучивъ долгимъ стояньемъ, мотали головами, перебирали ногами, подвигаясь одна къ другой и не слушаясь бабъ, начинали драться и грызться другъ съ другомъ. Появлялись мужики, разнимали ихъ, ставили на мѣста и, уладивъ дѣло, снова отправлялись въ трактиръ.

Ожидаемый самолетскій пароходъ «Никса» опоздалъ часа на два, и намъ долго пришлось любоваться съ пристани на эти сцены. Но вотъ наконецъ явилась «Никса», и мы, занявъ мѣста въ рубкѣ, расположились обѣдать, такъ какъ съ утра за развѣздами и осмотромъ намъ некогда было объ этомъ подумать.

Въ Мологѣ Волга достигаетъ крайней сѣверной точки своего теченія, и толчекъ, получаемый ею отъ своего Мологскаго притока, окончательно опредѣляетъ ея дальнѣйшее направленіе. Правда, что она потомъ нѣсколько разъ сворачиваетъ, то къ востоку, то къ западу, но общая линія ея пути, за весьма ничтожными исключеніями, имѣетъ несомнѣнный уклонъ къ югу.

Берега Волги на тридцативерстномъ протяженіи между Мологою и Рыбинскомъ особымъ интересомъ не отличаются. Упомянемъ только о рѣкѣ Пушмѣ, впадающей въ Волгу близъ деревни Бабкино, недалеко отъ Мологи. Эта Пушма интересна тѣмъ, что имѣетъ два устья и однимъ концомъ впадаетъ въ Волгу, а другимъ въ Шексню, представляя собою, по словамъ г. Рагозина, довольно рѣдкое явленіе, извѣстное въ географіи подъ именемъ бифуркаціи.

Во время обѣда къ намъ подѣлъ господинъ въ форменной фу-

Набережная въ Рыбинскѣ.

ражкѣ, оказавшійся уроженцемъ Петербурга, служащимъ въ Мологскомъ уѣздѣ.

— Что это васъ, господа, заинтересоваль нашъ гадкій городишка?—спросилъ онъ.

-- А что?

— Да, помилуйте, что же въ немъ замѣчательнаго? Въ Мологѣ только одна замѣчательность и есть, которой вы, впрочемъ, въ такое короткое время не могли и замѣтить. Это—способность заставлять спиваться съ круга всякаго, кто въ ней поселится. Здѣсь всѣ пьютъ; отсюда и вполнѣ заслуженное названіе города: «Пьяная Молога». За эти нѣсколько лѣтъ, какъ я поступилъ сюда на службу, я уже успѣлъ спиться окончательно. Пріѣзжать въ городъ по службѣ приходится довольно часто. Ну, утромъ — дѣла, занятія по должности, а вечеромъ—карты, сплетни и вино, вино, вино!

— Но все же здѣсь есть и какая нибудь интеллигенція?

— Это зависитъ отъ того, что мы станемъ понимать подъ словомъ интеллигенція. Если вы станете искать здѣсь людей просвѣщенныхъ, образованныхъ, развитыхъ, то не найдете ни одного человѣка, здѣшняя интеллигенція—чиновники, самые заурядные, самые обыкновенные, у которыхъ и интеллигентнаго-то развѣ только одинъ костюмъ, а въ головѣ сплетни и выпивка. На вино здѣсь много денегъ выходитъ, потому что жизнь въ Мологѣ дешева.

— А какъ напимѣрь?

— Да вотъ хоть квартиры: самая лучшая изъ нихъ отдается за 20 рублей въ мѣсяцъ, мясо—первый сортъ 12 коп., яйца, десятокъ гривенникъ, кринка молока въ двѣ бутылки—пятачекъ. Нѣтъ, можно бы жить хорошо, еслибъ только не это безобразное пьянство; оно-то все дѣло и губить.

— Такъ Молога, по-вашему, «пьяная»?

— Пьяная, пьяная; подъ этимъ я обѣими руками готовъ подписаться.

XI.

Рыбинскъ.

Городъ Рыбинскъ и началомъ своимъ, и богатствомъ, и славою одолженъ двумъ знаменитымъ рѣкамъ: Волгѣ и Шекснѣ.

(Описаніе города Рыбинска. 1837 г.).

Рыбинскъ, стоящій на возвышенномъ правомъ берегу, виденъ издалека. Когда мы поднялись на верхнюю палубу, впереди уже обрисовывался цѣлый лѣсъ мачтъ, а надъ нимъ, высоко поднимаясь въ небо, виднѣлась колокольня рыбинскаго собора и стоящая не подалеку отъ берега церковь Воздвиженія. Волга имѣеть

здѣсь ширину около полуверсты, и картина богатаго торговаго города, съ огромнымъ караваномъ судовъ, расположившимся у его подножія, была замѣчательно красива.

Пароходъ проходилъ мимо судовъ, которыя тянулись вдоль берега и составляли голову рыбинскаго каравана. Въ числѣ ихъ мы впервые увидѣли здѣсь судно, казавшееся великаномъ среди остальныхъ. Это была баржа—судно, столь обыкновенное на нижнемъ плесѣ, между Нижнимъ и Астраханью, поднимающееся и сюда, къ Рыбинску, но здѣсь и оканчивающее свое долгое странствованіе. Далѣе Рыбинска помѣстительныя, но глубоко сидящія баржи идти не могутъ ни по Волгѣ, ни по Шеконѣ, и товаръ приходится перегружать на суда, болѣе соответствующія здѣшнему мелкому фарватеру. Эта-то обязательная перегрузка и заключаетъ въ себѣ главную причину богатства и процвѣтанія города, составляющаго одну изъ самыхъ значительныхъ пристаней на Волгѣ.

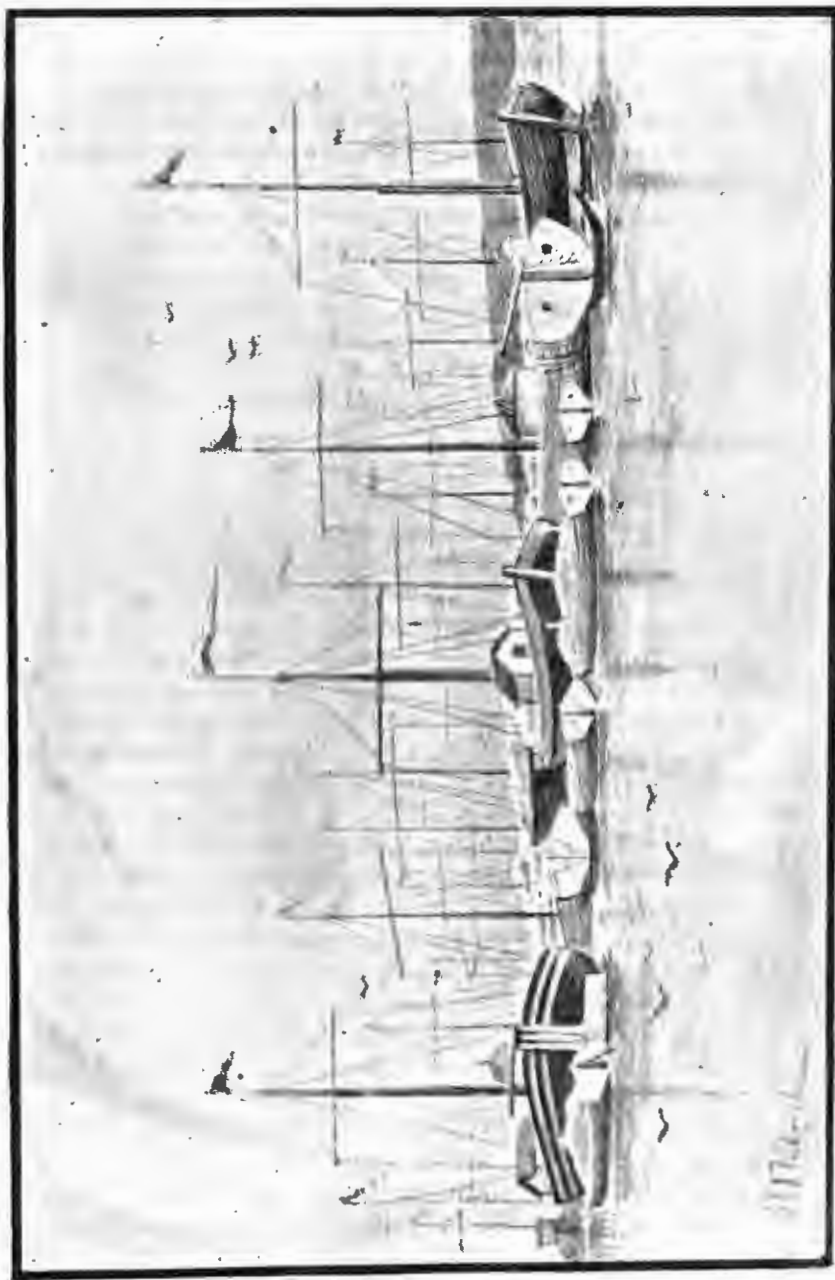
Впрочемъ, торговою пристанью Рыбинскъ сдѣлался только со времени основанія Петербурга, когда, возникшая въ бесплодномъ и голодномъ краю, новая столица потребовала себѣ съ юга и лѣсъ, и хлѣбъ, и всякіе припасы, и по Волгѣ потянулись первые караваны, направлявшіеся на сѣверъ. Но до той поры поселеніе, расположившееся противъ шексинскаго устья, имѣло другое значеніе и уже было извѣстно въ очень отдаленныя времена.

Чуть ли не единственнымъ, подробнымъ описаніемъ Рыбинска служить до сихъ поръ книга, изданная въ 1837 году моимъ прадедомъ, мѣстнымъ уроженцемъ, служившимъ въ то время въ должности городского головы и поручившимъ составленіе ея рыбинскому протоіерею Матѳею Гомилевскому; книга эта составляетъ теперь библиографическую рѣдкость. Заимствую изъ нея нѣкоторыя данныя по исторіи и топографіи города. Мѣстность слиянія Волги съ Шексною и Мологою издавна славилась не только обиліемъ, но и прекраснымъ вкусомъ ловившейся въ ней рыбы. Вслѣдствіе этого здѣсь давнымъ-давно уже существовали рыбацкія поселенія, и есть нѣкоторое основаніе предположить, что Рыбаньско, упоминаемое въ уставѣ Святослава Ольговича о десятинахъ, 1137 года, платившее гривну волжскую и находившееся, повидимому, недалеко отъ Ыжичей,—и есть именно поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Рыбинска. Въ духовной Іоанна III Рыбинскъ носитъ названіе Рыбной слободы, и на этотъ разъ мѣстоположеніе его опредѣлено очень точно. Мѣняясь волостями съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, Іоаннъ Грозный, въ 1563 году, отдалъ ему на Волгѣ городъ Романовъ съ уѣздомъ, «опричь Рыбной слободы и Пошехонія». Можно предположить, что слободою онъ дорожилъ по причинѣ доставляемой ею во дворецъ волжской и шексинской рыбы: по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и послѣдующихъ государяхъ, Рыбачья слобода уже носитъ названіе Дворцовой

Ловецкой слободы. Въ городѣ сохранился списокъ съ грамоты 1679 года, данной царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ на право ловли красной рыбы по рѣкамъ: Волгѣ, Шекснѣ и Мологѣ. Жителямъ Рыбной слободы разрѣшалось производить ловлю отъ устья Мологи внизъ по Волгѣ до Слуды, т. е. до нынѣшняго Вознесенскаго погоста, а по Мологѣ вверхъ отъ Волги на 80 верстъ до Бѣлаго камня, по Шекснѣ же на 40 верстъ «до Весьесельскаго ѣзу. И по тѣмъ рѣкамъ, гдѣ имъ велѣно рыбу ловить»,—говорится далѣе въ грамотѣ:—«къ берегамъ приставать и сѣти и неводы сушить, и въ лѣсахъ подсошки и древа, чѣмъ яству варить, сѣчь велѣно. А что разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ люди и крестьяне въ рѣкѣ Мологѣ рыбу, противъ своихъ земель, мережами короводными на помѣщиковъ своихъ лавливали; и тѣхъ сель помѣщиковымъ и вотчинниковымъ людямъ и крестьянамъ великаго государя указъ сказанъ: чтобы они въ рѣкѣ Мологѣ въ государевыхъ рыбныхъ ловляхъ, на помѣщиковъ своихъ и на себя неводами и сѣтми, всякими рыбными снастями, отнюдь не ловили и заѣзковъ не были». Такая заботливость правительства о рыбныхъ ловцахъ объясняется тѣмъ, что они были чуть ли не главными поставщиками волжской рыбы къ столу московскихъ государей. По писцовой книгѣ 1672 года рыбный оброкъ слобожанъ состоялъ изъ 30 осетровъ съ третью въ годъ; сверхъ того—по 20 бѣлорыбицъ, по 10 стерлядей большихъ, по 25 стерлядей средних и по 50 стерлядей меньшихъ. Недостачу въ осетрахъ разрѣшено было пополнять бѣлорыбцами и стерлядами, причемъ въ указѣ еще прибавлено, что если «у нихъ въ уловѣ будутъ и сверхъ окладу бѣлуги и осетры, и бѣлыя рыбицы, и стерляди, и имъ тое рыбу потому прислать на государевъ обиходъ на кормовой дворецъ; а за ту рыбу изъ государевой казны давать деньгами по указаной цѣнѣ». Неизвѣстно, когда прекратенъ этотъ рыбный оброкъ и замѣненъ денежною платою. Въ послѣдній разъ о немъ упоминается въ 1724 году. Впрочемъ надо замѣтить, что изъ 88 дворовъ, числившихся въ слободѣ по писцовымъ книгамъ XVII столѣтiя, только 46 дворовъ принадлежало собственно рыбнымъ ловцамъ, число которыхъ составляло лишь седьмую часть общаго населенiя слободы, состоявшаго изъ 350 человекъ и раздѣлявшагося на людей посадскихъ, тяглыхъ и лучшихъ, на среднихъ и младшихъ, и на оскудѣлыхъ и рыбныхъ ловцовъ.

Сдѣлавшись въ началѣ прошлаго столѣтiя торговою пристанью, Рыбная слобода начала быстро развиваться и приобрѣтать все большее и большее значенiе, особенно въ хлѣбной торговлѣ. 1-го января 1778 года она была обращена въ уѣздный городъ Рыбинскъ, принадлежавшiй къ Ярославскому намѣстничеству.

Чѣмъ ближе мы подходили къ городу, тѣмъ величественнѣе становилась его панорама. Теперь уже ясно можно было различить и его пятикупольный соборъ, и окрестныя церкви съ высокими коло-

Часть Рыбинского каравана.

кольными, и прибрежные стройно вытянутые въ линію каменные дома, и красивую гранитную набережную. Внизу вся поверхность Волги была запружена судами разныхъ величинъ и наименованій. Они были разставлены тѣсными рядами съ небольшими промежутками рядъ отъ ряда и оставляли только неширокую полосу воды, у противоположнаго лѣваго берега, для прохода лодокъ, судовъ и пароходовъ. Движеніе на этомъ свободномъ пространствѣ напоминало суетоку нашего Невскаго проспекта въ праздничный день. Свистки пароходовъ, шумъ и крики на баркахъ поминутно оглашали воздухъ, и намъ, вступившимъ въ это царство кипучей дѣятельности, послѣ захолустной тишины верхняго плеса, стало даже какъ-то неловко отъ этой суеты, отъ этого шума и движенія.

Поровнявшись съ соборомъ, нашъ пароходъ круто повернулъ въ узкій проулокъ между судами и черезъ нѣсколько минутъ остановился у своей самолетской пристани. Мы вышли на берегъ и стали подниматься по крутой каменной лѣстницѣ на набережную, обдѣланную дикимъ камнемъ и обнесенную чугуною рѣшеткою.

Съ чувствомъ особаго самодовольства выступалъ я по каменной набережной, зная изъ книги, что это украшеніе Рыбинска сооружено по инициативѣ и почину моего прадѣда. Такъ какъ въ началѣ, рассказываетъ книга, «дѣло это признано было обременительнымъ для города, то градской глава рѣшилъ первоначально для пробы устроить пять сажень на собственный свой счетъ. Вслѣдствіе того окладка дикимъ камнемъ волжскаго берега начата въ 1827 году, и съ того времени построено 650 погонныхъ сажень, съ тремя лѣстницами и пятью сѣздами къ Волгѣ»; вся постройка окладки съ желѣзною рѣшеткою (поставленною въ 1833 г.) обошлась въ 51.639 рублей 93¹/₂ коп.

Слѣдуя вдоль набережной, мы незамѣтно дошли до обширной площади, на которой помѣщаются два рыбинскихъ собора—старый и новый. Впрочемъ и постройку стараго слѣдуетъ отнести не ранѣе какъ къ концу XVII столѣтія, новый же едва ли можетъ насчитать себѣ болѣе ста лѣтъ. Онъ построенъ въ стилѣ временъ Александра I и замѣчателенъ какъ своею обширностью, такъ и изяществомъ архитектуры. Соборъ настолько хорошъ, что смѣло можетъ занять одно изъ выдающихся мѣстъ среди новыхъ церковныхъ построекъ на всемъ верхнемъ и среднемъ Поволжьи.

Внутри собора, на особомъ возвышеніи съ правой стороны помѣщается золоченое кресло съ красною обивкой, служащее воспоминаніемъ о посѣщеніи города императрицею Екатериною II.

Путешествуя по Волгѣ въ 1767 году, государыня прибыла къ Рыбинску 8-го мая вечеромъ, и галера ея стояла всю ночь на якорѣ противъ нарочно устроеннаго на берегу деревяннаго дворца. На другой день императрица подплыла на своей галерѣ къ пристани противъ собора и вышла на берегъ, гдѣ была встрѣчена духовенствомъ

и жителями. Приложившись къ кресту, императрица поднялась по лѣстницѣ къ Преображенскому собору и тамъ, по случаю праздника, вешняго Николина дня, отслушала литургію. Послѣ службы она продолжала по Крестовой улицѣ во дворецъ. По пути ее привѣтствовали женщины, поставленныя въ два ряда, одѣтыя въ богатое старинное платье, съ жемчужными кокошниками на головахъ. Онѣ устилали путь ея разными дорогими платками. Екатерина была очень довольна приѣмомъ и долго милостиво разговаривала съ купеческими женами. Купечество поднесло государынѣ кресло, но она пожаловала его въ соборную церковь, изъявивъ черезъ правившаго при ней гофъ-маршальскую должность камергера Григорія Никитича Орлова свою монаршую волю, чтобы кресло это поставлено было «въ вѣки» на томъ мѣстѣ, гдѣ она изволила слушать литургію. Въ память этого посѣщенія въ гербѣ, данномъ новому уѣздному городу Рыбинску, была между прочимъ помѣщена лѣстница, означающая ступени, по которымъ императрица поднималась къ собору.

Въ старомъ соборѣ во имя Николая Чудотворца есть нѣсколько древнихъ иконъ хорошаго письма. Соборъ не великъ и, благодаря массивнымъ столбамъ, поддерживающимъ своды, оказывается внутри тѣснѣе, чѣмъ можно было предполагать по наружному виду.

Отъ соборовъ мы вышли на Крестовую улицу, считающуюся главною въ городѣ. Дома на ней почти сплошь каменные и свидѣтельствуютъ если не объ изяществѣ вкуса, то по крайней мѣрѣ о богатствѣ и довольствѣ своихъ обитателей. Хорошіе магазины, часто съ цѣльными зеркальными рамами, тянутся сплошною линіей вдоль всей Крестовой. На ней же помѣщаются торговые ряды и часовня Югскаго монастыря, основаннаго въ 1615 году старцемъ Дороеемъ въ 15 верстахъ отъ города. Дойдя по Крестовой до церкви Воздвиженія, построенной сравнительно не такъ давно, мы повернули обратно и, свернувъ направо, вскорѣ вышли на берегъ рѣки Черемхи, впадающей въ Волгу неподалеку отъ центра города.

Передъ нами высилось большое, но неизящное каменное зданіе городского театра, а за нимъ вдоль берега тянулся городской бульваръ, на которомъ мы встрѣтили массу гуляющихъ, и дѣйствительно этотъ бульваръ, какъ кажется, единственное мѣсто въ городѣ, гдѣ можно встрѣтить хоть немного зелени и отдохнуть на песчаныхъ дорожкахъ отъ каменныхъ городскихъ тротуаровъ. Бульваръ существуетъ очень давно и пользуется большою любовью жителей, не имѣющихъ собственныхъ садовъ или подгородныхъ дачъ. Вотъ что писалъ о немъ въ 1836 году о. Гомилевскій: «На гуляньѣ этомъ тѣснѣе соединяются всѣ сословія жителей и иногородныхъ гостей, представляя зрѣлище разнообразное. Въ одеждѣ видна красивая опрятность, въ поступкахъ вѣжливость. Взаимныя свиданія, утверждаемая привычкою и пріятностію ума, и незнакомыхъ дѣлаютъ знакомыми. Здѣсь пріятно гулять и въ то время, когда порывы

осенняго вѣтра сбиваютъ съ деревь разноцвѣтные листья и устилаютъ землю узорчатыми коврами. Шумное стремленіе здѣшняго водопада можно уподобить юности, низвергаемой быстрыми страстями; а спокойная поверхность пруда, отражающая лучи солнечные, тихо угасающіе на западѣ, напоминаетъ картину старости, наслаждающейся чистою совѣстію и отрадами безмятежной добродѣтели». Водопада мы уже не видѣли, вмѣсто него за Черемхою катились по дамбѣ товарные вагоны Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги по линіи, образующей соединительную вѣтвь съ Волгою.

На бульварѣ мы встрѣтили одного знакомаго петербургскаго негодянта, пріѣхавшаго сюда на лѣтніе мѣсяцы.

— Какъ поживаете?

— Какъ нельзя хуже, — отвѣчалъ онъ съ грустною усмѣшкою: — совсѣмъ дѣла стали. Прежде хлѣбъ въ Рыбинскѣ считался самый дешевый — 50 коп. пудъ, а теперь цѣна упала до 30 коп., и все-таки спроса нѣтъ.

— Но если здѣсь такая цѣна, то почему же его можно покупать на низовыхъ пристаняхъ?

— Если здѣсь покупатели даютъ не болѣе тридцати копеекъ, то мы, имѣя въ виду доставку и другіе расходы, никакъ не можемъ платить на пристаняхъ дороже двугривеннаго. Скиньте теперь барышъ, который возьметъ первый скушчикъ, собирающій хлѣбъ отъ крестьянъ, вычтите расходы за подвозъ хлѣба къ пристани, и вы получите въ результатѣ что-то въ родѣ пятакъ за пудъ, который останется на долю крестьянина, а при такихъ условіяхъ и само хлѣбопашество, кромѣ убытка, ничего не принесетъ.

— Значитъ, и урожай былъ, и запасы есть, а пользы отъ того никакой?

— Теперь въ Рыбинскѣ у пристани стоятъ 370 судовъ, ниже по Волгѣ еще другія сто ожидаютъ очереди, а здѣсь не продается ни одного куля.

— Но по такимъ низкимъ цѣнамъ, я думаю, могли бы взять и за границу?

— Здѣсь есть англичанинъ, агентъ лондонской конторы. Я говорилъ ему, что цѣны теперь до смѣшнаго дешевы, но оказывается, что онъ уже телеграфировалъ въ Лондонъ, и ему отвѣчено: «ржи не надо». Какъ хотите, такъ и дѣлайте! — Вообще за послѣднее время хлѣбная торговля приноситъ только убытокъ, и хлѣбныхъ торговцевъ становится все менѣе и менѣе. Старики еще продолжаютъ дѣло въ небольшихъ размѣрахъ, и то только ужъ, какъ сами говорятъ, по привычкѣ. Благодаря западнымъ портамъ, Петербургъ, какъ хлѣбный портъ для торговли съ заграницей, падаетъ все болѣе и болѣе, и это сильно отражается на здѣшней хлѣбной торговлѣ.

Съ бульвара мы прошли къ церкви Казанской Божіей Матери, считающейся едва ли не самою древнею въ городѣ, хотя построена

она въ 1697 году. Вообще, древностей въ Рыбинскѣ почти совсѣмъ не имѣется: городъ носить современный дѣловой, торговый отпечатокъ, и о прежней рыбной ловецкой слободѣ не осталось и помина. Когда-то на мѣстѣ Казанской церкви стоялъ бѣдный маленькій монастырекъ, уничтожившійся самъ собою, когда въ окрестностяхъ слободы основалась существующая и понынѣ Югская пустынь. Въ настоящее время подъ городомъ находится женскій монастырь, представляющій собою въ нѣкоторомъ родѣ колонію Моложскаго, но построенъ онъ лишь въ шестидесятихъ годахъ, и вся его исторія принадлежитъ еще будущему.

Неподалеку отъ монастыря, за Егорьевскимъ кладбищемъ, находилась извѣстная въ свое время Дѣвская роща съ лѣтнимъ театромъ и рестораномъ, гдѣ увеселялось во время оно наѣзжавшее сюда лѣтомъ купечество; теперь о ней что-то уже совсѣмъ не слышно.

Скопленіе народа въ лѣтнее время бывало здѣсь громадное. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Рыбинскѣ цѣлыми сотнями собирались со всей Волги кущцы и судохозяева, а бурлаковъ и рабочихъ набиралось за лѣто болѣе ста тысячъ.

Съ 1779 года начали составляться вѣдомости о количествѣ судовъ, приходившихъ съ низу къ Рыбинской пристани и отходившихъ отъ нея въ дальнѣйшій путь вверхъ по Волгѣ и ея притокамъ. Изъ этихъ вѣдомостей видно, что въ 1780 году количество прибывшихъ судовъ выразилась цифрою 1.328, а число отбывшихъ, послѣ перегрузки, было—2.189, изъ которыхъ 2.040 приходилось на долю барокъ. Общій вѣсъ прошедшаго черезъ Рыбинскѣ товара составлялъ 10.000.000 пудовъ, а цѣнность его была опредѣлена въ пять миліоновъ рублей. Главный грузъ каравана составлялъ хлѣбъ въ зернѣ и въ мукѣ, но, кромѣ него, въ вѣдомости указаны еще: вино — до 80.000 ведеръ, сало, желѣзо — болѣе двухъ миліоновъ пудовъ, и мѣдная монета на сумму 723.800 рублей.

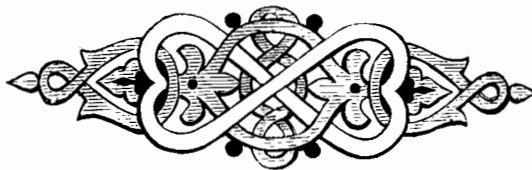
Около половины текущаго столѣтія число низовыхъ и верховыхъ судовъ въ общей сложности достигало цифры 10.000. На нихъ проходило грузовъ, и главнымъ образомъ хлѣба, по 50.000.000 пудовъ на сумму 40.000.000 рублей. Но бывали и такіе годы, какъ, на примѣръ, 1857-й, когда количество груза превысило даже цифру 70.000.000 пудовъ; этого же числа оно достигло и въ 1890 году. Теперь дѣла идутъ нѣсколько слабѣе. Причиною тому, отчасти — неурожаи, отчасти — хлѣбные кризисы въ родѣ нынѣшняго, а главнымъ образомъ отправка хлѣба изъ низовыхъ губерній непосредственно въ наши западные порты, куда онъ доставляется уже по рельсовому пути. Тѣмъ не менѣе отнюдь нельзя утверждать, чтобы значеніе Рыбинска, хотя и нѣсколько ослабѣвшее, было окончательно подорвано перемѣщеніемъ заграничнаго рынка. Благодаря своему выгодному положенію на такомъ обширномъ, покойномъ и дешевомъ пути, какъ Волга, онъ еще долго будетъ играть видную роль въ

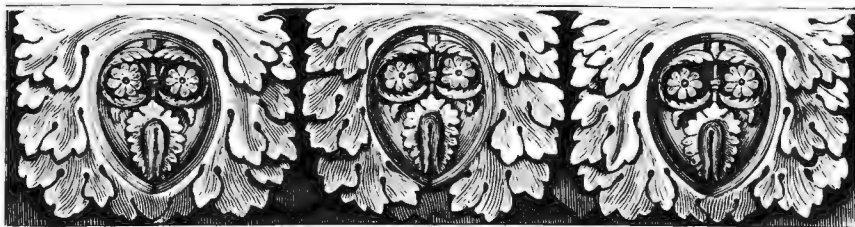
нашей хлѣбной торговлѣ,—если не во внѣшней, то во внутренней,—какъ посредствующее звено въ торговыхъ сношеніяхъ между нашимъ сѣверомъ и югомъ.

Намѣреваясь на слѣдующій день возвратиться въ Петербургъ по Рыбинско-Бологовской желѣзной дорогѣ, мы вечеромъ снова вышли на набережную, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на Волгу. На прощанье она подарила насъ картиною рѣдкостнаго по своей роскоши заката, а сама предстала точно въ кованомъ золотомъ уборѣ, сверкающая тысячами брилліантовъ, зажженныхъ яркими косыми лучами заходящаго солнца. Внизу у нашихъ ногъ сплошною линіей тянулись пароходныя пристани и конторы, а подалѣе стройными рядами, точно войско, готовое къ сраженію, стояли унжаки, баржи, полулодки, тихвинки, маріинки, — словомъ суда всѣхъ размѣровъ и наименованій, пестря въ глазахъ своими разноцвѣтными вымпелами, покрывая вдаль почти всю поверхность Волги. Солнце закатывалось; жизнь въ караванѣ начинала замѣтно стихать, и вскорѣ вся роскошная картина подернулась голубоватою вечернею дымкою.

На противоположномъ берегу, нѣсколько выше Рыбинска, виднѣлись церкви сель Петровскаго и Васильевскаго, а подлѣ нихъ устье Шексны — начало третьяго и самаго главнаго воднаго пути съ Волги въ столицу. Маріинская система, протянувшаяся почти на тысячу верстъ, захватившая на своемъ пути цѣлыхъ четыре большихъ губерніи, служащая главною жизненною артеріей волжской торговли, сама по себѣ настолько интересна, что мы, прежде чѣмъ пуститься въ среднее волжское плесо, рѣшили посвятить слѣдующую поѣздку осмотру этой системы на всемъ ея протяженіи отъ Петербурга до Рыбинска и въ скоромъ времени осуществили свое намѣреніе, о чемъ расскажемъ въ отдѣльномъ очеркѣ.

И. Тюменевъ.

ДВѢ КНИГИ О СВОБОДѢ.

ЕДАВНО въ русскомъ переводѣ появились двѣ книги, сопоставленіе которыхъ чрезвычайно поучительно. Одна изъ нихъ принадлежитъ испытанному мыслителю съ міровою извѣстностью и выходитъ на русскомъ языкѣ вторымъ изданіемъ по прошествіи слишкомъ тридцати лѣтъ; другая принадлежитъ также очень серьезному политическому писателю и появилась въ оригиналѣ всего два года тому назадъ. Носятъ онѣ разные заглавія, хотя и посвящены собственно одному и тому же вопросу. Это вопросъ объ организаціи свободы, понятно, политической. Мы говоримъ о книгѣ Дж. Ст. Милля: «Размышленія о представительномъ правленіи», и о трудѣ брюссельскаго профессора Адольфа Прэнса: «Организація свободы». Оба писателя—сыны двухъ наиболѣе свободныхъ странъ въ Европѣ, оба обладаютъ большою эрудиціею, оба горячіе сторонники свободы, оба наконецъ мыслители, умъ которыхъ не затемняется партійнымъ пристрастіемъ или политическими предрассудками.

Знаменитая книга Милля появилась въ концѣ 50-хъ годовъ, книга же Прэнса теперь, въ исходѣ столѣтія. Значитъ, ихъ раздѣляетъ почти сорокалѣтній промежутокъ времени, и въ теченіе этихъ сорока лѣтъ осуществилось многое, о чемъ мечталъ Милль, подтвердилась проницательность его въ политическихъ вопросахъ, но въ то же время ясно обозначилась справедливость нѣкоторыхъ его опасеній. Книга Прэнса какъ бы подводитъ всему этому итогъ, и авторъ, пользуясь опытомъ Франціи и своей родины, въ прекрасно очерченной картинѣ устанавливаетъ ошибки нашего политическаго

мышления за истекшее время и выясняетъ очищенный отъ этихъ заблужденій политическій идеаль, какимъ онъ рисуется наиболѣе просвѣщеннымъ умамъ. Отсюда уже видно, что политическя воззрѣнiя Милля и Прэнса не могутъ во всемъ совпадать, что мысли, изложенныя въ «Организаціи свободы», представляютъ собою дальнѣйшее развитіе мыслей, изложенныхъ въ классической книгѣ «О представительномъ правленіи». Добавимъ еще, что какъ книга Милля представляетъ собою провѣренный испытаннымъ мыслителемъ сводъ политическихъ взглядовъ людей его времени, такъ книга Прэнса ясно отражаетъ мысли, сомнѣнiя, тревоги людей нашего времени.

Посмотримъ же, какъ хотѣлъ организовать свободу Милль, и какъ хочетъ организовать ее, 40 лѣтъ спустя, Прэнсъ.

Милль, согласно духу своей эпохи, былъ утилитаристомъ. Если чело-вѣку свобода необходима, то для чего? Понятно, для того, чтобы онъ могъ самъ заботиться о своемъ благополучіи, о своей пользѣ. Такимъ образомъ получается понятіе о политической свободѣ, какъ о наиболѣе вѣрномъ средствѣ обезпеченiя своихъ интересовъ, духовныхъ и материальныхъ. Участіе каждаго гражданина въ политической жизни страны дорого тѣмъ, что оно даетъ ему возможность оградить свои интересы, содѣйствовать ихъ удовлетворенію.

Но вотъ тутъ-то и является вопросъ, какъ организовать свободу, понимаемую въ этомъ смыслѣ? Непосредственное участіе каждаго гражданина въ государственной жизни теперь немислимо. Современные государства такъ обширны, насчитываютъ такую массу гражданъ, что нельзя и помышлять о возрожденіи агоры или фo-рума, то-есть собранiя всѣхъ полноправныхъ гражданъ для рѣшенiя государственныхъ вопросовъ. Выходъ одинъ: выборы. Граждане избираютъ своихъ уполномоченныхъ, которые вмѣсто нихъ рѣшаютъ государственныя дѣла. Въ современной политической жизни, по мысли Милля, слѣдовательно свобода и представительное правленіе тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою; только тамъ и существуетъ свобода, гдѣ существуетъ представительное правленіе; только тамъ чело-вѣкъ можетъ дѣятельно заботиться объ удовлетвореніи своихъ интересовъ, гдѣ онъ пользуется избирательнымъ правомъ, гдѣ онъ выбираетъ себѣ представителей, которые рѣшаютъ государственныя дѣла согласно съ его интересами.

Итакъ, краеугольнымъ камнемъ свободы признается избирательное право, а вмѣстѣ съ тѣмъ политическіе выборы составляютъ основу участiя всѣхъ гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ. Однако, на ряду съ обще-государственными дѣлами существуютъ еще и мѣстныя, провинціальныя, общинныя. Въ правильномъ ихъ рѣшенiи граждане также сильно заинтересованы. Поэтому и тутъ имъ должно быть предоставлено избирательное право, а вмѣстѣ съ тѣмъ на ряду съ обще-государственнымъ представительствомъ возникаютъ

и мѣстных, провинціальных, городских, общинных. Такимъ образомъ получается цѣлая система парламентовъ: сѣтъ ихъ охватываетъ всю страну.

Какова же, по мысли Милля, задача всѣхъ этихъ парламентовъ? Отвѣтъ Милля можетъ сильно поразить тѣхъ, кто не знакомъ съ его книгою. Вотъ что онъ говоритъ буквально: «Если бы значительное большинство палаты общинъ поняло, что для законодательной дѣятельности требуется не бойкость рѣчи и право быть членомъ парламента, но болѣе положительныя качества, которые можно найти, если ихъ поискать, то оно скоро уяснило бы себѣ, что въ дѣлѣ законодательства, какъ и въ дѣлѣ управленія, представительное правленіе должно не само дѣйствовать, но заставлять другихъ дѣйствовать и рѣшить, кому или какому роду людей оно можетъ довѣрить дѣло, затѣмъ дать свою санкцію или отказать въ ней, когда законопроектъ разработанъ». Значитъ, разрабатываютъ законопроекты не парламенты; а кто же? Особая законодательная коммиссія, члены которой «должны назначаться короною». Далѣе Милль говоритъ: «Истинная задача представительнаго правленія состоитъ не въ управленіи, къ которому оно совершенно неспособно... Многолюдное собраніе такъ же мало способно къ непосредственной законодательной дѣятельности, какъ и къ административной... Никогда не признавалось желательнымъ, чтобы назначеніе даже членовъ кабинета исходило отъ парламента... Въ сущности единственное, что парламента рѣшаетъ, это—вопросъ, которой изъ двухъ или самое большее изъ трехъ партій или группъ должна принадлежать административная власть».

Значитъ, парламента и не разрабатываетъ законовъ, и не управляетъ, а только назначаетъ главу кабинета или государства. Что же касается до мѣстныхъ парламентовъ, то Милль слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ ихъ задачу: «задача выборнаго собранія заключается не въ томъ, чтобы дѣйствовать, а чтобы наблюдать за надлежащею дѣятельностію другихъ и предупреждать упущенія... Самый существенный недостатокъ мѣстныхъ народныхъ учреждений и главная причина ихъ часто повторяющейся неудачи заключается въ низкомъ интеллектуальномъ уровнѣ людей, входящихъ въ ихъ составъ... Прежде всего, всякій исполнительный органъ долженъ быть единоличный, и онъ одинъ долженъ отвѣчать за всю совокупность дѣлъ, ему порученныхъ. Затѣмъ, онъ долженъ не избираться, а назначаться». Правда, Милль тутъ уже не требуетъ созданія особой коммисіи, которая разрабатывала бы мѣстныя мѣропріятія и распоряженія, но во всякомъ случаѣ онъ и тутъ усматриваетъ главную задачу мѣстнаго парламента въ томъ, чтобы административная дѣятельность сосредоточивалась въ рукахъ предсѣдателя собранія, занимающаго въ мѣстности положеніе, аналогичное съ положеніемъ перваго министра въ государствѣ.

Вдумываясь въ эти основные тезисы Милля, мы постепенно получаемъ очень хорошо знакомую намъ картину государственной организаціи. Внизу работаетъ исполинскій избирательный механизмъ, состоящій изъ всѣхъ правоспособныхъ гражданъ. Задача этого механизма дать надлежащій контингентъ членовъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ представительныхъ собраній. Собранія эти признаются Миллемъ, однако, неспособными къ непосредственной административной и законодательной дѣятельности. Они въ свою очередь также только избираютъ надлежащихъ дѣятелей. Въ сущности же все сводится къ получению верховнаго народнаго избранника, назначающаго административный персоналъ (бюрократію) и дѣйствующаго вмѣстѣ со всѣмъ штатомъ назначенныхъ имъ чиновниковъ подъ контролемъ представительныхъ собраній.

На первый взглядъ можетъ показаться, что Милль, этотъ проницательный мыслитель, повидимому, не замѣтилъ, какъ, составляя свой идеаль представительнаго правленія, онъ въ сущности списалъ его точка въ точку съ государственнаго строя, созданнаго Наполеономъ III. Но на самомъ дѣлѣ онъ хорошо предусматривалъ всѣ опасности этого строя. Предлагая свой планъ организаціи свободы, отстроивая зданіе новаго государства, онъ глубоко задумался надъ прочностью его фундамента, то-есть того избирательнаго механизма, путемъ котораго осуществляется демократическое начало. Милль предусматривалъ, главнымъ образомъ, двѣ опасности: во-первыхъ, подавленіе меньшинства большинствомъ, а, во-вторыхъ, восторжествованіе темныхъ, своекорыстныхъ интересовъ (*sinister interests*). Дѣйствительно, исторически сложившіяся государственныя силы замѣнялись новою единственною силою, получаемою путемъ простаго подсчета голосовъ. Большинство является всесильнымъ, и меньшинство должно безусловно ему подчиниться. Спрашивается, однако, какія цѣли преслѣдуетъ большинство, удовлетворенія какихъ интересовъ оно добивается, и можетъ ли оно считаться вполне подготовленнымъ къ пониманію и умѣлой защитѣ истинныхъ своихъ интересовъ? Вѣдь невѣжественное большинство можетъ восторжествовать надъ просвѣщеннымъ меньшинствомъ, а темные, своекорыстные интересы — надъ общею пользою. Вѣдь республиканскій Римъ превратился въ императорскій съ его Неронами и Калигулами; вѣдь первая и вторая французская республика привели къ торжеству Робеспьеровъ или Наполеоновъ. А это только самые яркіе примѣры полнаго крушенія демократіи. Сколько другихъ примѣровъ, если не столь же громкихъ, то не менѣе убѣдительныхъ насчитываетъ исторія. Милль, конечно, не могъ не принять во вниманіе этихъ уроковъ исторіи. Но какія средства онъ предлагалъ, чтобы предотвратить опасность? Исчерпываются они — странно подумать — предоставленіемъ избирателю права подавать голосъ не только за кандидата даннаго избирательнаго округа, но и вообще за какого ему взду-

мается. Кромѣ того, Милль предлагалъ предоставить извѣстнымъ классамъ избирателей право на нѣсколько голосовъ. Цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, очевидна. Онъ этимъ надѣялся достигнуть того, что избиратели получаютъ возможность выбирать такихъ кандидатовъ, которые приобрѣли извѣстность или популярность во всей странѣ, благодаря своимъ заслугамъ въ области науки, литературы, администраціи, законодательства и т. д., и что парламентское большинство будетъ, такимъ образомъ, перемѣщено въ сторону интеллигенціи. Однако, второе средство, очевидно, кореннымъ образомъ противорѣчитъ демократическому принципу, предполагающему полное равенство гражданъ предъ закономъ. Къ тому же оно противорѣчитъ и основной цѣли демократическаго строя, потому что оно переноситъ вопросъ на почву привиллегіи, предоставляемой незначительному меньшинству распоряжаться судьбою большинства или по крайней мѣрѣ вліять на нее съ точки зрѣнія своихъ интересовъ. Что же касается до перваго средства, то-есть предоставленія избирателямъ права подавать голосъ за любого кандидата, то оно, очевидно, большой пользы принести не можетъ, потому что, если уже народной массѣ предоставлены избирательныя права, то, понятно, она будетъ голосовать за такихъ кандидатовъ, которые готовы защищать болѣе близкіе интересы въ ущербъ отдаленнымъ, своекорыстнымъ интересамъ того или другого класса въ ущербъ общегосударственнымъ интересамъ. Даже болѣе совершенныя и остроумныя попытки устранения отрицательныхъ сторонъ всеобщей подачи голосовъ, въ родѣ голосованія одноименнаго и по спискамъ, разныхъ видовъ пропорціональнаго голосованія и т. д., не привели къ цѣли, и во всѣхъ странахъ, гдѣ только существуетъ всеобщая подача голосовъ, начиная съ Соединенныхъ Штатовъ и кончая какой нибудь Греціей и Болгаріей, чувствуется и сознается сопряженное съ нею зло.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на выясненіи этого зла, потому что это недавно уже сдѣлано въ очень распространенной книгѣ—въ «Московскомъ Сборникѣ» К. П. Побѣдоносцева, преимущественно въ статьѣ, озаглавленной: «Великая ложь нашего времени». Подъ этою ложью авторъ разумѣетъ именно предоставленіе народной массѣ политическихъ правъ. Оно приводитъ къ подкупамъ, къ непрерывной борьбѣ партій изъ-за вліянія, къ obstructio-низму, къ неспособности парламента принимать иногда самыя необходимыя законодательныя мѣры, къ постоянной смѣнѣ министерствъ, сильно затрудняющей послѣдовательное осуществленіе государственныхъ задачъ, къ такимъ уродливымъ явленіямъ, какъ буланжизмъ, пресловутая Панама и т. д. Эти невыгодныя стороны широкаго примѣненія демократическаго принципа и общей подачи голосовъ теперь ясно сознаются на Западѣ всѣми просвѣщенными людьми. Но въ то же время нельзя не признать, что весь этотъ вопросъ тамъ

отчасти имѣть академическій характеръ. Сколько бы просвѣщенные люди ни указывали на эти печальныя явленія, какъ бы сильно ни возмущались они во Франціи Панамою, въ Соединенныхъ Штатахъ—продажностью избирателей, въ Бельгіи—побѣдами клерикаловъ и т. д., ни одно правительство не рѣшится коснуться избирательныхъ правъ гражданъ, потому что это значило бы совершить надъ собою актъ самоубійства: такое правительство не просуществовало бы болѣе одного дня. Избирательное право представляется гражданамъ этихъ странъ достояніемъ, пріобрѣтеннымъ цѣною громадныхъ жертвъ, подчасъ страшнаго кровопролитія. Слѣдовательно, въ настоящее время по крайней мѣрѣ нельзя и думать объ отгнѣи или объ ограниченіи избирательныхъ правъ. Это вполне признаетъ и Прэнсъ въ своихъ поправкахъ къ организаціи свободы, предложенной Миллемъ. Бельгійскій ученый нисколько не скрываетъ отъ себя невыгодныхъ сторонъ всеобщей подачи голосовъ и избирательныхъ устройствъ, на которыя указываетъ и авторъ статьи «Московского Сборника», но выводы, къ которымъ онъ приходитъ, существенно отличаются отъ выводовъ послѣдняго. Изъ статьи «Московского Сборника» можно сдѣлать для Запада одинъ только выводъ, именно, что «великая ложь нашего времени» должна быть устранена, т. е. что всѣ результаты вѣковаго развитія государственной жизни Европы должны быть разрушены, и на обломкахъ разрушеннаго—воздвигнута новое зданіе. Прэнсъ же полагаетъ, что въ такомъ разрушительномъ процессѣ не представляется никакой надобности, что онъ вызвалъ бы новую революцію, быть можетъ, болѣе ужасную, чѣмъ французскій переворотъ конца прошлаго вѣка. Прэнсъ не разрушаетъ, а созидаетъ.

Его исходная точка слѣдующая. Если при организаціи свободы надо имѣть въ виду успѣшную защиту каждымъ гражданиномъ своихъ интересовъ, то центръ тяжести всего вопроса лежитъ именно въ этихъ интересахъ. Свобода сама по себѣ не есть еще благо; она служитъ только средствомъ для достиженія извѣстныхъ благъ. Между тѣмъ въ страстной борьбѣ за свободу эта истина часто забывается. Дѣятели первой французской революціи совершенно упустили изъ виду, что въ дореволюціонномъ строѣ существовало многое, что лучше ограждало интересы отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ голое установленіе свободы. Это именно былъ принципъ, въ силу котораго однородные интересы объединялись, и это соединеніе обезпечивало за ними успѣхъ: Гильдіи, цехи, объединяясь въ городскія общины, вступили въ борьбу съ такими могущественными общественными силами, какъ свѣтскіе и духовные феодалы, и одержали надъ ними рѣшительную побѣду. Само собою разумѣется, что отдѣльный ремесленникъ, какойнибудь подмастерье или ученикъ, былъ совершенно безсиленъ въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ передъ феодалами; соединяясь же въ цехи, сливаясь въ городскую общину, мастера,

подмастерья и ученики, образовали ту социальную силу, которая создала третье сословіе, сокрушившее весь феодальный строй и прежнее дореволюціонное государство. А между тѣмъ первая французская революція, чтобы и подчинить государство личности и дать послѣдней политическія права, разрушила всѣ дореволюціонные социальныя организмы. Надо ли указывать, что сразу получился очень печальныйъ результатъ: Марать, Робеспьеръ, Наполеонъ I, уничтожили свободу, воспользовавшись съ этою цѣлью оружіемъ, которое дала имъ въ руки сама революція: ни духовенства, ни дворянства, ни городскихъ общинъ уже не существовало въ качествѣ могущественныхъ социальныхъ силъ, ограждавшихъ интересы своихъ членовъ, и какъ Робеспьеръ превратилъ обособленную личность въ мясо, которое безмысленно рѣзала гильотина, такъ Наполеонъ I могъ превратить всю націю, состоящую изъ обособленныхъ индивидовъ, въ пушечное мясо для достиженія своихъ честолюбивыхъ плановъ. Въ общемъ получился новый видъ политическаго рабства, ужаснаго по своимъ послѣдствіямъ, уничтожившаго личность въ ея правахъ на трудъ, имущество, здоровье, жизнь.

На первый разъ общая подача голосовъ не оградила свободы: она только установила полное равенство въ безправіи гражданъ предъ лицомъ государства. Дореволюціонное государство должно было считаться и съ дворянствомъ, и съ духовенствомъ, и съ городскими общинами; послѣ революціи государство имѣло дѣло только съ обособленнымъ гражданиномъ. Конечно, по своему могуществу правительство Наполеона I стояло неизмѣримо выше правительствъ Людовика XV и Людовика XVI. Значитъ, если разсматривать вопросъ исключительно съ политической точки зрѣнія, то мы придемъ къ выводу, что могущество государства усилилось въ ущербъ обществу. Наполеонъ I распоряжался не менѣе полновластно судьбою Франціи, чѣмъ Людовикъ XIV, но при великомъ королѣ членъ отдѣльныхъ вліятельныхъ группъ находилъ защиту своихъ интересовъ въ группѣ, къ которой онъ принадлежалъ, а при великомъ императорѣ вся социальная группировка была уничтожена, и индивиду приходилось имѣть дѣло только съ государствомъ, распоряжавшимся его судьбою по своему усмотрѣнію.

Таковъ ходъ мысли Прэнса. Теперь читатель легко пойметъ и его дальнѣйшій выводъ, особенно если онъ приметъ во вниманіе, что и въ экономической области произошелъ аналогичный процессъ. То, что сказалъ Некрасовъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права: «порвалась цѣпь великая» и «ударилъ однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику», въ значительной степени оправдалось и на отмѣнѣ въ Западной Европѣ дореволюціоннаго строя. Не смотря на всю неудовлетворительность и несправедливость этого строя, не смотря на вопіющія злоупотребленія, которыя онъ вызывалъ, все-

таки отдѣльная личность находила въ немъ экономическую поддержку. Хозяинъ, къмъ бы онъ ни былъ, несъ обязанность заботиться о благополучіи своихъ рабочихъ; многочисленныя корпораціи всякаго рода несли ту же обязанность по отношенію ко всѣмъ своимъ членамъ; нравственный элементъ не былъ исключенъ изъ экономической жизни. Все это круто перемѣнилось съ установленіемъ такъ называемаго равенства: прежде съ имуществомъ были сопряжены не только права, но и обязанности; теперь всѣ обязанности, сопряженныя съ собственностью, были отмѣнены; всякій самъ себѣ господинъ, и всякій долженъ самъ заботиться о себѣ или обращаться за помощью къ государству. Но въ то же время устанавливался взглядъ, что вмѣшательство государства въ экономическую жизнь неумѣстно и даже вредно, что его задача состоитъ лишь въ огражденіи права и — что подразумѣвалось — въ дарованіи каждому гражданину самыхъ широкихъ правъ: были бы у насъ только права, а объ остальномъ мы позаботимся де сами. Все это въ совокупности привело къ тому, что лицомъ къ лицу столкнулись только двѣ силы: съ одной стороны — обособленный индивидъ, съ другой стороны — государство.

Этому явленію въ значительной степени содѣйствовало еще другое обстоятельство: въ виду стремленія индивида заручиться самыми широкими политическими правами и вторгаться въ государственную дѣятельность, новое государство начало очень ревниво оберегать свои собственные права. Если бы корпораціи и всякаго рода социальныя организмы, созданныя дореволюционнымъ строемъ, не были сразу упразднены, а постепенно перешли въ такія социальныя группы, которыя удовлетворяли бы новымъ требованіямъ жизни, то не произошло бы экономической обособленности индивида. Но революція смела всѣ эти организмы, не замѣнивъ ихъ другими формами солидарности, и, государство, вступивъ въ свои всесильныя права, начало подозрительно относиться ко всякаго рода союзамъ и ассоціаціямъ, предполагая въ нихъ тайныхъ своихъ враговъ. Къ сожалѣнію, эта подозрительность не была лишина основанія. При всеобщемъ стремленіи расширить свои права, разные революціонныя кружки создавались легче и успѣшнѣе, чѣмъ ассоціаціи, преслѣдовавшія не политическія, а экономическія цѣли. Революціонное броженіе, имѣвшее такія прискорбныя послѣдствія во время первой французской революціи, продолжалось. Людей, склонныхъ однимъ ударомъ пересоздать все, было больше, чѣмъ такихъ, которые склонны были къ постепенному совершенствованію сложившихся условій; только что освобожденная народная масса, не приученная къ самостоятельности, не могла себѣ помочь собственными силами. Первые сознали силу ассоціаціи капиталисты и широко воспользовались ею, отрекаясь отъ всякихъ революціонныхъ начинаній и заботясь только объ экономическихъ успѣхахъ. Такимъ

образомъ возникли крупныя акціонерныя предирія, которыя двинули экономическую жизнь съ поразительною быстрою, но относились къ рабочимъ, какъ къ простому орудію производства, и могли такъ относиться къ нимъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны государства, потому что послѣднее довѣряло капиталистамъ, но не довѣряло тѣмъ дѣятелямъ, которые принимали на себя защиту интересовъ рабочихъ, въ виду ихъ стремленія достигнуть своей цѣли путемъ коренныхъ переворотовъ. Такимъ образомъ все болѣе обострялось столкновеніе между двумя уцѣлѣвшими силами: обособленнымъ индивидомъ и государствомъ.

Въ виду этого положенія дѣлъ мы поймемъ, почему Прэнсъ отводитъ главную часть своего труда такимъ вопросамъ, какъ борьба съ современнымъ чрезмѣрнымъ индивидуализмомъ, защита идеи социальной группировки, право заключать дозволенные закономъ союзы безъ подозрительнаго вмѣшательства администраціи. Но главная его мысль заключается въ томъ, что если исходить изъ защиты интересовъ, то надо заботиться преимущественно о томъ, чтобы защита эта была успѣшна, и что эта защита не можетъ быть успѣшна при нынѣ практикуемой системѣ всеобщей подачи голосовъ, хотя бы со всѣми ея дополненіями и усовершенствованіями. Въ основѣ представительства должна лежать правильная группировка интересовъ: представлены должны быть не лица, а интересы. Другими словами — хотя, къ сожалѣнію, эта мысль недостаточно ясно выражена у Прэнса — нормальное политическое представительство предполагаетъ предварительную организацію, то-есть нормальную группировку всѣхъ представителей жизненныхъ интересовъ. Предрѣшать тутъ что нибудь законодательнымъ путемъ — такъ мы понимаемъ мысль Прэнса — невозможно: интересы создаются самою жизнью, и если государство не будетъ противодействовать естественному ихъ проявленію и дозволенной закономъ ихъ организаціи, та самая жизнь совершитъ необходимую предварительную работу: не стѣсняемое чрезмѣрною регламентаціею общество само выяснитъ образованіемъ всевозможныхъ союзовъ и ассоціацій, на что должно быть обращено вниманіе правительства, какіе интересы заслуживаютъ поддержки и заботливости. Государству уже не придется имѣть дѣло съ обособленными индивидами, дѣйствующими всякій на собственную руку. Избирательная система, предоставляя каждому гражданину, какъ и теперь, право голоса въ своей группѣ, избѣгнетъ теперешнихъ своихъ отрицательныхъ сторонъ, потому что достигнуто будетъ систематическое представительство интересовъ, которое теперь можетъ считаться только случайнымъ въ виду тѣхъ сомнительныхъ и недостойныхъ средствъ, которыя пускаются въ ходъ, чтобы заручиться избирательными голосами, иначе говоря, «ловить» избирателей путемъ подкупа, громкихъ фразъ, носбыточныхъ обѣщаній въ расчетъ на ихъ невѣжество или продажность.

Мало того, такая организація выдвинетъ реальные интересы, которые замѣнятъ собою нынѣшнюю шумиху пустозвонныхъ фразъ, доставляющихъ перевѣсъ тому или другому кандидату. Въ парламентъ будутъ попадать лишь дѣятели, которые сумѣли въ самой жизни доказать свою способность успѣшно защищать тѣ или другіе реальные интересы: не простые говоруны, а люди дѣла, пользующіеся заслуженнымъ сочувствіемъ той или другой организованной группы лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится и наблюдаемое теперь печальное явленіе, что избиратели, разочарованные дѣятельностью парламента, начинаютъ относиться безучастно къ выборамъ и въ большомъ числѣ воздерживаются отъ подачи голосовъ: выборы перестаютъ ихъ интересовать, потому что они пришли къ убѣжденію, что политика — одно, а жизнь — другое. Это — фактъ въ своемъ родѣ поразительный. По вычисленіямъ компетентныхъ лицъ, во Франціи изъ пяти избирателей только двое подаютъ голоса, а слѣдовательно три пятыхъ населенія не имѣютъ представительства въ палатѣ депутатовъ. При такихъ обстоятельствахъ всеобщая подача голосовъ пріобрѣтаетъ характеръ чисто фиктивной, и утверждать, что государственные вопросы рѣшаются большинствомъ населенія, — простой обманъ. Политическія права дарованы гражданамъ; они сильно дорожатъ ими, но не хотятъ ими пользоваться. Въ Бельгіи дѣло дошло до того, что пришлось установить обязательность голосованія и насильно тащить избирателей къ урнамъ. Избирательное право, какъ многія общественныя и политическія права, превратилось въ какую-то тяжкую повинность.

Чѣмъ же это объясняется? Почему граждане отрещиваются отъ того, чего они добивались, какъ великаго блага? Полное заглавіе книги Прэнса слѣдующее: «Организація свободы и общественный долгъ». Если бы Милль снабдилъ свой классическій трудъ такимъ же полнымъ заглавіемъ, то онъ назвалъ бы его: «Размышленія о представительномъ правленіи и о политическихъ правахъ». Такимъ образомъ въ промежутокъ времени, раздѣляющій эти двѣ книги, если не произошелъ коренной переворотъ во взглядахъ свободомыслящихъ людей, то совершилась существенная перемѣна въ постановкѣ вопроса. Сорокъ лѣтъ тому назадъ центръ тяжести заключался въ политическихъ правахъ; теперь же онъ заключается въ общественныхъ обязанностяхъ. Другими словами, мыслители пришли къ выводу, что одни политическія права не могутъ обеспечить благополучія общества, что и тутъ оправдывается мысль римскихъ юристовъ: «нѣтъ права безъ обязанности», какъ нѣтъ обязанности безъ права. Гражданинъ не можетъ отговариваться тѣмъ, что онъ платитъ налоги, и что это избавляетъ его отъ другихъ политическихъ обязанностей. Государство — не коммерческое предпріятіе, не акціонерная или страховая компанія; государство — живой союзъ лицъ, въ которомъ денежными платежами нельзя достигнуть нормального вза-

имодѣйствія между властью и свободою, между законодательствомъ, управленіемъ и интересами всѣхъ гражданъ. Пользованіе политическими правами обезпечивается сознаниемъ политическихъ обязанностей; право участія въ законодательствѣ или управленіи предполагаетъ сознание обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ участіемъ. Если гражданинъ полагаетъ, что, отбывъ воинскую повинность и заплативъ налоги, онъ исполнилъ всѣ свои обязанности по отношенію къ государству, то онъ сильно ошибается, потому что нормальная жизнь государства обусловливается не только тѣмъ, чего оно непосредственно требуетъ отъ гражданина, но и стремленіемъ самого гражданина къ гражданственности, а она въ свою очередь обусловливается не только требованіемъ правъ, но и исполненіемъ соответственныхъ обязанностей.

Сознавали ли и сознаемъ ли мы это вполне ясно? Трудно отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ. Если въ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ всеобщая подача голосовъ во всей своей полнотѣ, избирателями овладѣла какая-то апатія, какое-то нерасположеніе пользоваться своими избирательными правами, то это, конечно, значить, что установленный государственный строй ихъ не удовлетворяетъ, что онъ не ограждаетъ ихъ интересовъ. Но, при лучшемъ желаніи, что можно еще сдѣлать для избирателей, какое придумать еще средство для болѣе полного проявленія народовластія? Каждый гражданинъ имѣетъ право избирать себѣ законодателей и администраторовъ. Отъ него зависитъ, чтобы составъ мѣстныхъ представительныхъ собраний, какъ и общегосударственнаго, былъ тотъ, а не иной. Такимъ образомъ ничто не мѣшаетъ членамъ этихъ собраний сдѣлаться, какъ говорилось у насъ въ старину, излюбленными людьми, пользующимися полнымъ довѣріемъ своихъ согражданъ. А между тѣмъ это оправдывается лишь въ очень слабой степени. Но кто же тутъ виноватъ? Почему избиратели, пользуясь полнымъ правомъ и полною возможностью избирать наиболѣе желательныхъ для нихъ представителей, избираютъ не ихъ, а дѣятелей, которые доводятъ, напримеръ, Францію до буланжизма и до Панамы? И не видимъ ли мы вообще, что постоянныя смѣны министерствъ, интриги, козни, коалиціи и избирательная политика, заставляющія смѣняющіяся министерства создавать все новыя бюрократическія должности для удовлетворенія своихъ сторонниковъ, расхолаживаютъ здравомыслящихъ людей къ установленному строю. Значить, этому строю вообще чего-то недостаетъ, но такъ какъ придумать болѣе совершенную форму проявленія народовластія нѣтъ никакой возможности, такъ какъ все, что можно было сдѣлать въ этомъ отношеніи, уже сдѣлано, то, очевидно, надо искать ключъ къ разгадкѣ не въ политическихъ правахъ, а въ чемъ-то другомъ.

Въ чемъ же именно? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, возвратимся къ Прэнсу и сдѣлаемъ изъ его книги слѣдующую выписку.

Онъ спрашиваетъ: «Не поразительно ли равнодушіе такъ называемыхъ правящихъ классовъ къ дѣлу управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова? Они въ немъ такъ же мало участвуютъ, какъ и управляемые. Правда, въ дни выборовъ они политиканствуютъ, но скоро опять впадаютъ въ апатію и, воображая, что расквитались съ отечествомъ, уплативъ налоги, отказываются отъ исполненія общественныхъ обязанностей, предоставляютъ всю административную дѣятельность правительству, возлагая на него непосильную задачу все дѣлать, во все входить, и не оказывая ему никакого содѣйствія». Затѣмъ Прэнсъ продолжаетъ: «На земномъ шарѣ множество мирныхъ мѣстечекъ, захолустныхъ деревень, гдѣ скромные обыватели, имена которыхъ навсегда останутся неизвѣстными, трудятся въ тиши и умираютъ въ забвеніи. Надъ ними ураганомъ проносились взрывы человѣческихъ страстей, они видѣли злоупотребленія феодальнаго деспотизма, и революціонныя безчинства, и ужасы войнъ. Но ничто не сокрушило ихъ. Послѣ періода волненія ихъ опять находили впряженными въ привычныя дѣла; они напоминаютъ тѣ гранитныя глыбы, которыя волна заливааетъ во время бури, но которыя опять скоро возвышаются своими вершинами къ ясному небу надъ успокоеннымъ моремъ. Они также гранить человѣчества... Люди, у которыхъ подъ ногами черноземъ родной земли, а передъ глазами сіяніе цивилизаціи, вмѣщаютъ въ себѣ двѣ большія руководящія силы вселенной—наслѣдственность и эволюцію, традицію и прогрессъ, и не впадаютъ въ двойную крайность: не признаютъ только новое или старое хорошимъ».

Такъ характеризуетъ Прэнсъ управляемыхъ и затѣмъ обращается къ правящимъ. «Когда, люди располагающіе временемъ, средствами, вліяніемъ и опытомъ, пренебрегаютъ этою живительною средою, когда они оставляютъ землю и являются въ большіе города, они сѣютъ вражду и зависть тамъ, гдѣ могли бы сѣять общественный миръ; они обезсиливаютъ мѣстную жизнь, способствуютъ своимъ примѣромъ бѣгству въ столицы, вызываютъ опустѣніе и оскудѣніе въ деревняхъ; отправленіе общественныхъ должностей становится невозможнымъ за недостаткомъ людей, и центральному правительству опять таки приходится замѣнять отсутствующую мѣстную власть. Тогда распространяется мысль, что вся сила, утраченная провинціальными органами, ушла въ центръ, и люди простираютъ руки къ государству, требуя отъ него невозможнаго»...

Не буду выписывать дальнѣйшихъ соображеній Прэнса по этому поводу, такъ какъ мнѣ самому приходилось уже неоднократно высказываться въ этомъ смыслѣ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» ¹⁾. Отмѣчу только, что, если двое людей, размышляющихъ о

¹⁾ (р. напримѣръ мою статью: «Къ исторіи либерализма» («Историческій Вѣстникъ», февраль, 1893).

политическихъ и общественныхъ вопросахъ, одинъ въ Петербургѣ, а другой въ Брюсселѣ, приходятъ къ совершенно одинаковому выводу, то есть значительное вѣроятіе предположить, что выводъ этотъ обуславливается не субъективною точкою зрѣнія, не предвзятою теоріею, а самою жизнью. Какъ ни различны условія, въ которыя поставлены Россія и Бельгія, у нихъ есть одна общая черта, встречающаяся и въ большинствѣ другихъ цивилизованныхъ странъ, именно чрезмѣрное довѣріе, даже пристрастіе къ политическимъ формамъ. Между тѣмъ, въ общественныхъ и государственныхъ вопросахъ только та форма надежна, которая имѣетъ соотвѣтственное содержаніе. Самъ Прэнсъ выясняетъ, какъ призрачно и обманчиво оказывается иногда народовластіе. Можно законодательнымъ путемъ его установить, но оно потерпитъ крушеніе, если народъ не въ состояніи управлять собою. Въ 1793 году, во Франціи было установлено безусловное народовластіе, и оно привело къ Робеспьеру, Наполеону I, къ цезаризму; оно было опять установлено въ 1848 году и дало Франціи Наполеона III; въ 1870 году, оно было установлено въ третій разъ и держится до сихъ поръ, но, если оно—чего мы не думаемъ—и въ третій разъ потерпитъ крушеніе, то развѣ можно будетъ сомнѣваться въ истинной причинѣ этого факта? Почему испытанныя политическія формы древней Эллады или могущественнаго Рима перестали обезпечивать свободу, почему республика не могла удержаться въ Испаніи, почему народовластіе въ южной Америкѣ постоянно приводило къ диктатурѣ? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: народъ не умѣлъ управлять самъ собою, форма не могла удержаться, потому что въ ней не было настоящаго содержанія. Съ другой стороны народовластіе иногда вполне устойчиво, какъ показываетъ примѣръ тѣхъ же государствъ классической древности, прoderжавшихся много вѣковъ, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ. Но если оно устойчиво, то, повторяемъ, только при способности народа управлять собою. Наиболѣе же надежнымъ критеріемъ въ этомъ отношеніи служитъ готовность и умѣнье народа исполнять свои общественныя обязанности. Если эта готовность, это умѣнье отсутствуютъ, народовластіе всегда будетъ пустымъ звукомъ, сколько бы ни октроировалось наилиберальнѣйшихъ конституцій.

Но какія же общественныя обязанности мы имѣемъ въ виду? На это мы отвѣтимъ вопросомъ: исполняетъ ли свои общественныя обязанности мужъ, легкомысленно относящійся къ браку, отецъ, небрежно воспитывающій своихъ дѣтей, земледѣлецъ, пропивающій скудный свой заработокъ, помѣщикъ, кредитующійся безъ конца, чтобы удовлетворять своимъ прихотямъ, чиновникъ, отбывающій свою службу, какъ тяжелую повинность или злоупотребляющій своимъ положеніемъ для незаконныхъ поборовъ, учитель и профессоръ, не сознающіе своей отвѣтственности передъ подрастающимъ

поколѣніемъ, а угождающіе начальству или ищущіе дешевой популярности среди молодежи, писатель, торгующій своимъ словомъ или спекулирующій на дурные инстинкты, легкомысліе или невѣжество толпы, житель провинціи, имѣющій полную возможность служить родинѣ на мѣстѣ и бѣгущій въ столицы для удовлетворенія тамъ своего тщеславія или своей жажды удовольствій и развлеченій,— исполняютъ ли всѣ эти люди свои общественныя обязанности? Мы поминутно слышимъ стереотипную фразу: условія мѣшаютъ. Но какія это условія? Тѣ ли, которыя насъ окружаютъ въ Россіи, или тѣ, которыя существуютъ, напримѣръ, въ Бельгіи? Тамъ уже осуществились тѣ условія, на отсутствіе которыхъ мы жалуемся въ Россіи. Но почему же въ такомъ случаѣ свободолюбивый профессоръ Брюссельскаго университета, Прэнсъ, озаглавилъ свою книгу «Организація свободы и общественный долгъ»? Почему и онъ приходитъ къ выводу, что одними политическими правами дѣлу не поможешь, что истинной свободы не будетъ до тѣхъ поръ, пока люди не научатся ясно сознавать и исполнять свои общественныя обязанности?

Предложимъ въ заключеніе еще одинъ вопросъ: почему, спросимъ мы, книга Прэнса такъ краснорѣчива и убѣдительна въ своей критической части и въ сущности даетъ такъ мало матеріала для положительнаго рѣшенія вопроса? Въ смыслѣ новой политической организаціи онъ предлагаетъ только замѣну прямыхъ выборовъ двойными, то есть предлагаетъ руководствоваться при выборахъ депутатовъ той избирательной системой, которая, напримѣръ, практикуется во Франціи при выборахъ въ сенатъ. Проще говоря, путемъ прямыхъ выборовъ будутъ избираться только представители мѣстныхъ, провинціальныхъ собраній, а депутаты общегосударственнаго парламента будутъ избираться уже этими собраніями. И даже это предложеніе Прэнсъ дѣлаетъ, такъ сказать, мимоходомъ, то-есть оставляетъ вопросъ въ сущности нерѣшеннымъ, ограничиваясь общимъ положеніемъ, что представительство лицъ должно быть замѣнено представительствомъ интересовъ, надлежащимъ образомъ сгруппированныхъ. Слѣдовательно, Прэнсъ какъ бы отказывается придумать новую политическую организацію и раздѣляетъ въ этомъ отношеніи участь Милля, предложенія котораго, какъ мы видѣли, также не выдерживаютъ критики.

Послѣ всего нами изложеннаго не трудно уяснить себѣ причину этого очевиднаго безсилія мыслителей приискать новыя политическія формы. Исторія раскрываетъ намъ такое обиліе разныхъ политическихъ формъ, что человѣческая изобрѣтательность въ этомъ направленіи какъ будто исчерпана. Мало того, исторія насъ убѣждаетъ, что при очень несовершенныхъ формахъ государства процвѣтали, и что наоборотъ при наиболѣе совершенныхъ формахъ они обнаруживали явные признаки упадка. Никто не признаетъ китай-

ское государственное устройство совершеннымъ, а между тѣмъ Китай—наиболѣе древнее въ мірѣ государство; гораздо совершеннѣе, конечно, было аѳинское или римское государственное устройство, а между тѣмъ оно не предохранило ни Рима, ни Аѳинъ отъ крушенія. Съ демократической точки зрѣнія французское государство было организовано во время первой революціи самымъ совершеннымъ образомъ, а между тѣмъ оно въ теченіе почти цѣлаго столѣтія переносило страшныя катастрофы и привело теперь, какъ говорятъ, къ торжеству буржуазіи, въ то время какъ государства съ менѣе совершенною организаціею, въ родѣ, на примѣръ, Германіи, развивались безъ такихъ потрясеній и во многихъ отношеніяхъ достигли болѣе благопріятныхъ результатовъ. На это впрочемъ указывалъ уже Милль, говоря, что самая совершенная въ теоріи форма можетъ оказаться на практикѣ самой непригодной. Для дальнѣйшаго выясненія нашей мысли мы прибѣгнемъ къ невѣроятной гипотезѣ и предположимъ, что населеніе даннаго государства состоитъ исключительно изъ лѣнтыевъ, тунеядцевъ, мошенниковъ. Какая политическая форма можетъ спасти подобное государство? Но если перейти отъ невѣроятной гипотезы къ историческимъ фактамъ, то мы легко убѣдимся, что государства съ трудолюбивымъ, честнымъ, просвѣщеннымъ населеніемъ всегда процвѣтали, даже не смотря на большое несовершенство политическихъ формъ, и легко добивались болѣе совершенныхъ. Дѣйствительно, если мы сдѣлаемъ обратную, невѣроятную гипотезу и представимъ себѣ государство, въ которомъ каждый гражданинъ является образцовымъ мужемъ, отцомъ, земледѣльцемъ, чиновникомъ, учителемъ и т. д., то, конечно, государство будетъ процвѣтать независимо отъ своихъ политическихъ формъ, или, точнѣе говоря, это государство представить самыя надежныя гарантіи установленія наиболѣе для него пригодныхъ формъ. Словомъ, при несомнѣнномъ взаимодействіи развитого сознанія общественнаго долга и политическихъ формъ, надо признать, что основнымъ факторомъ все-таки являются нравственныя и гражданскія качества населенія, и поэтому они-то и заслуживаютъ преимущественнаго вниманія. Скажемъ болѣе, политическая власть рано или поздно всегда окажется въ рукахъ того класса населенія, которое обладаетъ въ наибольшей степени этими качествами, какая бы ни была установлена политическая форма. Такъ было въ древности, такъ было въ средніе вѣка, и эта истина сохраняетъ свою обязательную силу и по настоящій день. Только не надо думать, что лучшими гражданами являются тѣ, которые запаслись книжною мудростью. Можно приобрести очень обширныя книжныя знанія и даже быть великимъ ученымъ, но оставаться очень плохимъ гражданиномъ, и наоборотъ. Вспомнимъ Бэкона и Бомарше. Смѣшеніе этихъ двухъ понятій вызываетъ цѣлый рядъ предрасудковъ, которые отражаются очень неблагопріятно на нашемъ политическомъ міросозерцаніи. Чтобы имѣть то вліяніе въ жизни, которымъ обезпечива

ется политическая власть, надо дѣйствовать въ самой жизни, надо знать ея требованія, удовлетворять ея нуждамъ. Тотъ, кто это не умѣетъ, не можетъ плодотворно вліять на нее. Даже заручившись властью, онъ причинитъ больше вреда, чѣмъ пользы. Яркимъ примѣромъ этого рода могутъ служить дѣятели первой французской революціи, которые, желая подчинить себѣ жизнь, послѣ цѣлаго ряда неслыханныхъ жестокостей привели страну только къ Наполеону I. Не менѣе вразумительнымъ примѣромъ могутъ служить нѣмецкіе и французскіе социалисты: во Франціи социалисты хотятъ ломать жизнь на свой ладъ и до сихъ поръ не заручились сколько нибудь замѣтнымъ вліаніемъ; въ Германіи они примѣняются къ жизни и составляютъ одну изъ самыхъ многочисленныхъ партій въ рейхстагѣ, быстро увеличивающуюся съ каждымъ новыми выборами. Если же обратиться къ болѣе общему примѣру, то мы увидимъ, что тотъ общественный классъ, который въ Европѣ болѣе удовлетворялъ требованіямъ современной ему жизни, проявилъ наибольшую умственную и нравственную силу и лучше всего исполнялъ свои общественныя обязанности, сдѣлался самымъ вліательнымъ въ государствѣ. Это было такъ называемое третье сословіе съ его изумительною способностью примѣняться къ требованіямъ жизни, съ его успѣхами въ экономической области, съ его стремленіемъ къ истинному просвѣщенію, съ его готовностью служить обществу. Оно сперва было самою надежною опорой государственной власти; когда эта власть, какъ, на примѣръ, во Франціи, перестала заботиться о народномъ благѣ, оно ее свергло и умѣло сохранить по сегодняшній день свое вліаніе въ государствѣ, не смотря на всѣ ошибки и увлеченія крайнихъ своихъ элементовъ. Въ какую страну мы ни заглянемъ, вездѣ мы увидимъ одно и то же явленіе: общественный классъ, болѣе удовлетворяющій требованіямъ общества и государства въ данное время, пользуется и наибольшимъ вліаніемъ. Это вполне подтверждается и нашею исторіею съ ея попеременнымъ преобладаніемъ того или другого общественнаго класса; смотря по основнымъ задачамъ, которыя выдвигала жизнь: дружинниковъ, духовенства, бояръ помѣщиковъ, чиновниковъ (бюрократія). Такимъ образомъ, если вѣрно, что всякій народъ имѣетъ правительство, какого онъ заслуживаетъ, то не менѣе вѣрно, что и всякій общественный классъ пользуется тѣмъ вліаніемъ въ государствѣ, какого онъ заслуживаетъ, или, обобщая эту мысль, мы скажемъ, что политическія формы данной страны тѣмъ меньше вытекаютъ изъ нареканій, чѣмъ полнѣе граждане умѣютъ удовлетворять непосредственнымъ требованіямъ жизни, чѣмъ лучше они исполняютъ свой общественный долгъ. Во всякомъ случаѣ только это условіе придаетъ политической формѣ опредѣленное содержаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устойчивость.

Р. Сементковскій.

Н. С. ЛѢСКОВЪ И ЕГО ПОЗДНѢЙШІЕ КРИТИКИ.

I.

ПЕРВОЕ издание «Полнаго собранія сочиненій Николая Семеновича Лѣскова» въ десяти томахъ быстро разошлось въ публикѣ, къ крайнему изумленію самого автора, еще при его жизни, въ 1890 г., и теперь понадобилось второе издание его сочиненій, уже въ двѣнадцати томахъ, исполненное г. Марксомъ, издателемъ «Нови», безукоризненно, съ нѣсколькими портретами покойнаго писателя и снимками его оригинальнаго рабочаго кабинета. Послѣдніе два тома, не вошедшіе въ первое издание, заключаютъ въ себѣ такія весьма крупныя произведенія, какъ: «Полунощники», «Часть воли Божіей», «Юдоль», «Продуктъ природы», «Загонъ», «Зимній день» и т. д. Кромѣ того, цѣна этому изданію, вмѣсто прежнихъ 26 р., назначена 15 р. и при первомъ томѣ имѣется основательная критико-біографическая о Лѣсковѣ статья г. Сементковскаго. Въ нашихъ воспоминаніяхъ о Лѣсковѣ («Историческій Вѣстникъ», 1895 г., № 4) мы говорили, что многія его произведенія, по особо интимному тону и прямымъ указаніямъ, имѣютъ автобіографическое значеніе и объясняютъ не только многочисленныя «инциденты» въ литературной жизни Лѣскова («Петербургскіе пожары», появленіе романа «Некуда» и т. д.), но и самое направленіе всей его дѣятельности.

Съ особеннымъ удовольствіемъ мы отмѣчаемъ теперь, что и г. Сементковскій обратилъ вниманіе на это обстоятельство и знакомитъ читателя съ біографіей Лѣскова по собственнымъ сочиненіямъ послѣдняго. Такой приѣмъ критико-біографической работы

г. Сементковскаго былъ, однако, весьма рѣзко осужденъ В. П. Буренинымъ въ слѣдующихъ словахъ: «Господа присяжные біографы любятъ выдумывать всякія вліянія на писателей, заимствуя эти вліянія по большей части изъ сочиненій писателей, жизнь которыхъ они рассказываютъ. Но для чего господа біографы это дѣлаютъ — трудно понять. Читатели въ сочиненіяхъ того или другого автора встрѣчаютъ указанія на эти вліянія, гораздо болѣе обстоятельныя и точныя, чѣмъ у господъ біографовъ. Стало бытъ, указанія біографовъ выходятъ только повтореніемъ и извлеченіемъ вещей, уже извѣстныхъ читателямъ, и притомъ повтореніемъ не совсемъ точнымъ. Дѣло въ томъ, что біографы очень часто принимаютъ выдуманныя, или по крайней мѣрѣ такъ или иначе измѣненные противъ дѣйствительности, лица писательскаго творчества за лица подлинныхъ, живыхъ, дѣйствительно существовавшихъ. Этотъ пріемъ очень излюбленъ критико-біографами, они, по правдѣ сказать, очень злоупотребляютъ имъ, особенно, когда не знаютъ, что сказать о писателѣ, жизнь котораго они взялись изобразить и сочиненія котораго взялись оцѣнивать».

Этотъ отзывъ одного изъ остроумнѣйшихъ нашихъ критиковъ несправедливъ вообще и въ особенности относительно статьи г. Сементковскаго. При такомъ отношеніи къ біографическимъ работамъ можно каждую изъ нихъ произвольно скомпрометировать. Написана, напримѣръ, біографія по собственноручнымъ письмамъ автора, можно заявить, что вообще всѣ письма субъективны, никто изъ насъ въ нихъ не безпристрастенъ, а Лѣсковъ, какъ нервный человѣкъ, способенъ былъ всегда раскаться за вчерашнія письма и отказаться отъ нихъ, или — обратно — писать вновь письма «для потомства»¹⁾, а не для выясненія правды и искренности; написана біографія со словъ очевидцевъ — возможно подозрѣніе о томъ, что посторонніе люди всегда ошибаются въ сложныхъ дѣлахъ человѣка, и слѣдовало бы предоставить слово самому дѣйствующему лицу и т. д. Голословно можно умалить значеніе всякой работы. Вотъ если бы было доказано, что Лѣсковъ неправильно въ своихъ произведеніяхъ передаетъ собственныя впечатлѣнія о своемъ дѣтствѣ, юности и возмужалости; что посторонніе люди лучше его самого помнятъ всѣ обстоятельства, которыя вліяли на развитіе его характера и взглядовъ; что въ жизни его не было ни бабушки съ монастырями («Овцебыкъ»), ни няньки Любови Онисимовны, ни домашняго учителя-нѣмца («Томленье духа»), ни квакеровъ-англичанъ: теткі Полли и Шкотта («Юдоль»), ни вліянія кievской молодежи, ни службы въ уголовныхъ палатахъ и въ рекрутскихъ присутствіяхъ, ни на баркахъ Шкотта («Продуктъ природы») и т. д. — ну, тогда ссылатся якобы на автобіографическія мѣста въ сочиненіяхъ Лѣскова не стоило

¹⁾ Онъ писалъ и сочиненія для «потомства», но они искренни и правдивы.

бы. Но вѣдь никто еще не подрываетъ достовѣрность въ общемъ разсказовъ Лѣскова о своемъ прошломъ, и г. Сементковскій вправѣ ссылаться на его произведенія съ такой же увѣренностью, съ какой Р. Левенфельдъ недавно написалъ біографію Л. Н. Толстаго, руководясь исключительно произведеніями послѣдняго. Если г. Сементковскій соединилъ въ одно цѣлое отрывочныя мѣста въ произведеніяхъ Лѣскова о себѣ самомъ, то такое ихъ «повтореніе» доставитъ удовольствіе читателю. Онъ подробно останавливается на чѣхъ мѣстахъ многочисленныхъ произведеній Лѣскова, гдѣ рисуются дѣтскіе годы послѣдняго съ сильнымъ вліяніемъ на ребенка православнаго духовенства и явленій крѣпостнаго быта («Тупейный художникъ», «Звѣрь», «Несмертельный Голованъ», «Пугало» и «Овцебыкъ»), гдѣ обрисованы юношескіе годы писателя съ вліяніемъ на нихъ домашняго учителя нѣмца («Томленье духа») и квакеровъ («Юдоль»), возмужалость среди кievской молодежи и на службѣ («Захудалый родъ», «Печерскіе антики», «Продуктъ природы», «Овцебыкъ») и, наконецъ, общее міросозерцаніе автора прежде всего на православное духовенство («Соборяне», «На краю свѣта», «Некрещеный попъ», «Владычный судъ», «Мелочи архіерейской жизни», «Приключеніе у Спаса въ Наливкахъ», «Полуночники» и т. д.), на расколъ («Запечатлѣнный ангель», «Люди древляго благочестія», «Великосвѣтскій расколъ» и т. д.), на древнее христіанство («Скоморохъ Панфалонъ», «Гора», «Совѣстный Данило», «Прекрасная Аза», «Часть воли Божіей», «Фигура», «Дурачекъ»), на нигилистическія и политическія движенія въ Россіи («Овцебыкъ», «Некуда», «На ножахъ», «Загадочный человѣкъ»), на анекдотическіе и сатирическіе элементы въ русской жизни («Разсказы кстати», «Смѣхъ и горе»), на простой народъ («Стальная блоха», «Загонъ», «Продуктъ природы») и на толстовство въ аристократическомъ домѣ рядомъ съ психопатіей и вырожденіемъ («Зимній день»). Даже въ романахъ «Обойденные» и «Островитяне», въ разсказахъ «Леди Макбетъ» и «Воительница» г. Сементковскій указываетъ проповѣдническій темпераментъ Лѣскова о томъ, что крупныя силы такъ же гибнутъ на эгоистическомъ пути, какъ и въ безплодныхъ мечтаніяхъ, и для спасенія ихъ писатель указываетъ на своихъ «Праведниковъ»: «Однодумъ», «Пигмей», «Кадетскій монастырь», «Бобровъ», «Инженеры-безребренники», «Очарованный странникъ», «Человѣкъ на часахъ» и т. д. Въ своей проповѣди Лѣсковъ является практическимъ дѣятелемъ, умѣя опозитизировать всякое живое дѣло и практическіе вопросы, которыхъ касался. Его первыя работы, чисто пракческаго характера, носятъ слѣды отвлеченной мысли, но не беспочвенной. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ разныхъ изданіяхъ онъ пишетъ прежде всего противъ продажи Евангелія по возвышеннымъ цѣнамъ, о рабочемъ классѣ, о врачахъ рекрутскихъ присутствій, объ искорененіи пьянства, о торговой кабалѣ, о наймѣ рабочихъ, о женскомъ вопросѣ и т. д.

По поводу этихъ первыхъ его работъ г. Сементковскій говоритъ: «Дѣятельная любовь къ ближнему, озаренная христіанскимъ чувствомъ и умудренная житейскимъ опытомъ,—вотъ что составляетъ основу его душевной жизни. Когда онъ началъ писать, онъ сразу заботится о распространеніи Евангелія и объ устраненіи того, что по его житейскому опыту главнымъ образомъ вызываетъ страданія народа. Крѣпостное право отмѣнено, надо позаботиться теперь о насажденіи образованія, о борьбѣ съ предрасудками, объ искорененіи пьянства». Не мудрено, что Лѣсковъ сталъ въ оппозицію къ болѣе радикальной части русскаго общества. Прекрасно зная наличныя силы интеллигенціи и благословляющій реформы народъ, Лѣсковъ предвидѣлъ возможность реакціи, вслѣдствіе агитаціи о томъ, чтобы этотъ, вчера освобожденный царемъ, народъ защищать Польшу или «работалъ надъ Боклемъ». Онъ осмѣялъ это движеніе («Овцебыкъ», «Некуда»), за что и былъ ославленъ первымъ доносчикомъ на нигилистовъ. Между тѣмъ, его отношеніе къ нимъ носитъ по преимуществу тотъ же самый практическій характеръ, съ которымъ впоследствии одинъ изъ видныхъ представителей русскаго нигилизма, г. Степнякъ, выступилъ противъ пропагандистовъ въ деревняхъ и городахъ, говоря:

«Всякій, кто селится въ деревнѣ, въ качествѣ ли ремесленника, сельскаго ли учителя или писаря, тотчасъ же оказывается на виду у всѣхъ, точно онъ сидитъ въ фонарѣ. Кромѣ того, крестьянинъ совершенно неспособенъ хранить тайну передъ своими односельчанами. Какъ вы хотите, чтобы онъ не поговорилъ съ сосѣдомъ, котораго онъ знаетъ столько лѣтъ, о такомъ необыкновенномъ фактѣ, какъ чтеніе книги, а тѣмъ болѣе, когда рѣчь въ ней идетъ о дѣлѣ, о которомъ ему говорить социалистъ? Такимъ образомъ, лишь только пропагандистъ приходитъ къ комунибудь изъ своихъ пріятелей, вѣсть объ этомъ тотчасъ разлетается по всей деревнѣ, и черезъ какихънибудь полчаса изба уже наполнена крестьянами, которые спѣшатъ послушать незнакомца, не считая нужнымъ предупредить объ этомъ ни его, ни его хозяина. Если изба слишкомъ мала для всей этой толпы, то гостя ведутъ въ сельскую управу, или же просто на улицу, гдѣ онъ и читаетъ свои книжки или произноситъ рѣчь подъ открытымъ небомъ. Понятно, что при такихъ нравахъ правительство безъ всякаго затрудненія могло узнать объ агитаціи, которая велась среди крестьянъ, и пресѣчь ее».

Не менѣе энергично возставалъ впоследствии г. Степнякъ и противъ городской пропаганды «словомъ» и «дѣломъ». Онъ писалъ: «Годы 1876, 1877 и первые мѣсяцы 1878, были періодомъ болѣе или менѣе значительныхъ демонстрацій, какъ похороны Чернышева и Падлевскаго, демонстрація на Казанской площади, имѣвшая такой трагическій исходъ, и наконецъ, одесская демонстрація въ день осужденія Ковальскаго. Не трудно было понять, что по этому пути далеко не уйдешь. Силы революціонеровъ и правительства были

такъ страшно неравны, что подобныя демонстраціи не могли привести ни къ чему, кромѣ добровольной гибели русской молодежи. Въ Россіи городская революція, или даже сколько нибудь значительное возстаніе, представляютъ совершенно исключительныя трудности. Въ нашихъ городахъ сосредоточена лишь очень ничтожная доля всего населенія страны, да и три-четверти этихъ городовъ не болѣе, какъ большія села, отстояція другъ отъ друга на сотни верстъ. Города въ собственномъ смыслѣ этого слова, съ 40—50 тысячами жителей, заключаютъ въ себѣ какихъ нибудь четыре процента населенія, т. е. около четырехъ милліоновъ. И правительству, располагающему военными силами цѣлаго государства, нѣтъ ничего легче, какъ превратить пять или шесть главныхъ городовъ Россіи, гдѣ только и мыслимо какое нибудь движеніе, въ настоящіе военные лагеря». Онъ прямо говоритъ, что теперь, послѣ двадцати-тридцати лѣтъ горькаго опыта, нужно «поменьше заговоровъ; поменьше конспирацій и организацій, объединеній и союзовъ; и побольше частной инициативы и живаго непосредственнаго дѣла». Вотъ къ чему пришелъ лондонскій эмигрантъ, хотя Лѣсковъ говорилъ объ этомъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ.

— Идеи, которыя некому и негдѣ осуществлять, скверныя идеи!— восклицалъ неоднократно Лѣсковъ и этимъ оправдывалъ свою оппозицію крайнимъ идеямъ 60-хъ годовъ.

Теоретическое осужденіе лондонскимъ эмигрантомъ мечтаній о крестьянскомъ или фабричномъ движеніи въ Россіи Лѣсковъ воплотилъ въ образахъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Онъ обращалъ вниманіе на тѣ условія для дѣятельности, которыя выработаны всей страной, и только въ союзѣ съ общественными силами, а не въ одиночествѣ ждалъ благихъ и практическихъ результатовъ отъ людей будущаго. Философія его въ этомъ пунктѣ совпадаетъ съ міросозерцаніемъ г. Каблица объ «Основахъ народничества», выраженное имъ въ томъ смыслѣ, что въ основѣ дѣятельности всякаго человѣка лежитъ больше чувства, страсти, желанія, нежели пониманія. То же самое и въ дѣятельности народа. Путемъ разсужденій и приобрѣтеній знаній нельзя измѣнить чувствъ и страстей (нужны поступки); народъ же обладаетъ извѣстнымъ строемъ этихъ чувствъ и страстей, который и опредѣляетъ возможную для него общественную форму. Можно прекрасно понимать, что братская жизнь первыхъ христіанъ есть справедливѣйшая форма общественного союза, но только это будетъ вашимъ индивидуальнымъ сознаніемъ, а народъ останется жить въ привычномъ ему быту. Дѣло совѣмъ не въ томъ, справедливѣйшая ли это форма общественной жизни, а годна ли она для современнаго общества или нѣтъ. Идя рука объ руку съ обществомъ и народомъ,—мы сильны, а съ одними аргументами объ идеалахъ—безсильны. Коллективныя желанія русскаго народа должны руководить активнымъ дѣтелемъ, если онъ не хо-

четь прибѣгать къ насилію надъ нимъ, или самъ пострадать отъ него. Всякій общественный дѣятель не можетъ не выбрать одинъ изъ общественныхъ элементовъ, который онъ признаетъ самымъ здоровымъ для того, чтобы присоединить свою дѣятельность къ его стремленіямъ. Иначе, онъ будетъ фантазеромъ, не понимающимъ законовъ общественной жизни. Только тогда, когда онъ присоединяетъ свои усилія къ массѣ другихъ, они не теряются напрасно, не разсѣиваются въ пространство, а бьютъ въ ближайшую практическую цѣль. Исключенія бываютъ только тогда, когда маленькая группа людей, цѣлымъ рядомъ историческихъ событій, успѣла сосредоточить въ своихъ рукахъ общественную силу и въ состояніи подчинить общество своимъ планамъ. Но общее правило въ томъ, что общественные дѣятели должны стоять въ рядахъ уже существующихъ общественныхъ силъ и направлять ихъ къ осуществленію уже назрѣвшихъ идеаловъ. Эта практическая, относительная, точка зрѣнія на сотрудничество въ коллективной работѣ необходима вмѣстѣ съ пониманіемъ абсолютной и безотносительной истины. Не долубливая Каблиця и не читая его, Лѣсковъ гѣмъ не менѣе исповѣдывалъ одинъ и тотъ же практицизмъ въ общественной философіи въ первой половинѣ своей дѣятельности; но за послѣдніе годы онъ увлекся идеализмомъ Л. Н. Толстаго и отвращалъ молодыхъ писателей отъ компромиссовъ, плѣняясь абсолютной истиной и вѣруя, что именно сдѣлки съ практическими препятствіями всегда мѣшали ея торжеству. Однако, и въ этомъ случаѣ совершался у него долгое время перебой мысли: онъ вносилъ старый практицизмъ ума и въ толстовство, настаивая на измѣненіи толстовскихъ колоній примѣнительно къ типу хуторнаго, мелкаго помѣщика, съ батраками, но съ большимъ человѣколюбіемъ къ нимъ. А затѣмъ опять—христіанская община увлекала его далеко отъ живыхъ и знакомыхъ ему ея членовъ; онъ желалъ торжества ей въ ея чистомъ видѣ и тотчасъ же чувствовалъ, что никто къ ней не подготовленъ, что опыты въ христіанство со способными на всѣ руки Митрофанамъ профанируютъ идею и продолжалъ мучиться своей безвыходностью въ этомъ бѣличьимъ колесѣ. Онъ успокоился только тогда, когда въ послѣдніе годы своей жизни преклонился всецѣло передъ чистотой и абсолютизмомъ христіанства, находя полезнымъ для него даже неудавшіяся опыты съ колоніями, спекуляцію на духъ времени «Учителя жизни» у Коронина и «во Христѣ барствующихъ» аристократовъ, не желающихъ выпустить изъ своихъ рукъ новое движеніе умовъ и поставить его независимо отъ личнаго ихъ участія или безучастія на случай простой смерти.

— Юродивые разнесутъ идеи, неудачники заставятъ о нихъ думать общество, но идеи должны быть чистыми отъ всякой примѣси. Двухъ истинъ не можетъ быть, и пора служить одной! — восклицаетъ Лѣсковъ, когда отрѣшался отъ времени и мѣста.

Это, однако, случилось съ нимъ уже въ самые послѣдніе годы его жизни, и отрѣшиться отъ «земной» логики ему было очень трудно. Въ разсказѣ «Часъ воли Божіей» Лѣсковъ говоритъ: «важнѣйшимъ часомъ признается теперешній; нужнѣйшій человѣкъ тотъ, съ которымъ сейчасъ дѣло имѣешь, а самымъ дорогимъ дѣломъ будетъ добро, которое мы можемъ сейчасъ сдѣлать человѣку». Эти слова далеки отъ теорій будущаго вѣка, но Лѣсковъ долгое время по преимуществу дорожилъ первыми. Ему казалось, что послѣ Евангелія никакой уже новизны нѣтъ въ послѣдующихъ идеяхъ, и цѣнилъ только, тѣ изъ нихъ, которыя въ этотъ часъ осуществимы тѣми, кто ихъ говорить и кому ихъ говорятъ. Таковы всѣ его «Праведники» (т. II) и даже Свиридовы («Овцебыкъ»), Розановъ («Некуда»), Протованова («Захудалый родъ») и т. д.

Было бы, однако, ошибочно считать Лѣскова узкимъ практикомъ, чуждавшимся отвлеченной работы и поэзіи. Напротивъ: въ путешествіяхъ съ бабушкой по монастырямъ («Овцебыкъ») онъ плѣнялся поэзіей монастырскаго общежитія и самъ хотѣлъ поступить въ монахи («Воспоминанія Меркула Праотцева»), протестантизмъ въ родственномъ ему домѣ Шкотта плѣнялъ его и частной благотворительностью, и глубиной христіанской мысли («Юдоль», «О квакерахъ», т. XI); а Левъ Толстой съ отрицаніемъ денегъ, женщинъ и власти такъ сильно увлекалъ его, что на мое замѣчаніе о томъ, что съ этими мыслями въ настоящее время тоже идти «некуда», Лѣсковъ горячо восклицалъ:

— Всѣ вы неправы въ томъ, что обязываете Толстаго непременно писать для настоящаго времени. Онъ имѣетъ право на два вѣка впередъ смотрѣть. Вы ему возражаете, что современныя государства не могутъ быть безъ войска, а онъ—точно этого не знаетъ!—смѣется надъ такими государствами и нисколько не дорожитъ вашими доводами; вы замѣчаете, что женщина, зашита въ платье по шею, не нравится вамъ, а Толстой и не хочетъ, чтобы она вамъ нравилась; пусть и моя фельдшерица въ «Зимнемъ днѣ» будетъ счастлива только съ равнымъ ей «по мыслямъ» и вкусамъ человѣкомъ; вы говорите, что безъ денегъ не дадутъ вамъ ни мяса, ни муки, ни булки, и никакого другаго чужаго труда, а Толстой и самъ не хочетъ, чтобы вы владѣли чужимъ трудомъ въ денежной формѣ и т. д. Стоитъ только дунуть на каждаго его противника съ этой точки зрѣнія, и отъ послѣдняго ничего не останется. До смѣшнаго доходитъ эта полемика нашихъ журналистовъ, не умѣющихъ даже понять того, что они возражаютъ не по адресу Л. Н. Толстаго и не понимаютъ даже его исходной точки зрѣнія.

— Вѣдь эта «точка» очень тяжела...

— А вотъ Толстой ее ищетъ, и нужно доказать, что мы станемъ хуже послѣ того, какъ познакомимся съ ней.

Лѣсковъ чрезвычайно увлекался идеализмомъ Толстаго незави-

симо отъ степени подготовки къ нему современнаго общества. Въ душѣ онъ самъ былъ идеалистомъ, и это мучительно въ немъ уживалось съ его жизненнымъ опытомъ и практическимъ взглядомъ на современныя ему событія. Его собственная библіотека носила идеалистическій характеръ и въ той части, гдѣ онъ увлекался иконописью, древней письменностью, и тамъ, гдѣ она состояла изъ современныхъ мыслителей съ Шопенгауеромъ, Нордау, Л. Толстымъ и т. д. На его рабочемъ столѣ всегда лежали сочиненія Платона, Спинозы, выдержки изъ Марка Аврелія, разнообразныя экземпляры Евангелія и т. д. Не смотря, однако, на идеализмъ собственной натуры, жизнь сдѣлала его практическимъ мыслителемъ и ненавистникомъ «фразы». Чрезвычайно рѣдко въ комъ такъ уживалась отвлеченная мысль съ практической потребностью видѣть ее осуществленной: любовь къ ней съ ненавистью къ тѣмъ, кто брался за нее и компрометировалъ ее своею безхарактерностью и бѣлоручностью. Это, однако, совершенно не то, что думаетъ о немъ г. Сементковскій, въ своей статьѣ, говоря:

«Проповѣдуя любовь къ ближнему, графъ Толстой работаетъ на совершенно иной нивѣ, чѣмъ Лѣсковъ. Если послѣдній кладетъ въ основу своей практической программы дѣятельную любовь къ ближнему, то онъ при этомъ нисколько не отвергаетъ ни науки, ни современныхъ формъ культурной жизни. Для него легенды изъ первыхъ временъ христіанства служатъ, такъ сказать, только аллегоріями. Онъ желаетъ, чтобы современный человѣкъ проникся духомъ, господствовавшимъ въ тѣ времена, и вдохнулъ этотъ духъ въ современныя формы жизни, которыя Лѣсковъ признаетъ неизмѣримо выше прежнихъ. Онъ ничего ломать не хочетъ, онъ добивается только дальнѣйшаго усовершенствованія, а возможность этого усовершенствованія усматриваетъ именно въ самоотверженной любви къ ближнему. Графъ же Толстой, указывая на первые времена христіанства, на разныхъ святыхъ и мудрецовъ, увлекается не только духомъ, господствовавшимъ въ тѣ отдаленныя времена, но и тогдашними формами жизни: онъ отвергаетъ всю современную цивилизацію и въ этомъ отношеніи немного напоминаетъ Овцебыка, не имѣвшаго почти никакихъ потребностей современнаго культурнаго человѣка, отвергавшаго и книги, и журналы, читавшаго только Евангеліе и относившагося съ пренебреженіемъ къ господствующимъ формамъ труда. Лѣсковъ съ грустью взиралъ на Овцебыка и своею мастерскою кистью изобразилъ намъ несчастную судьбу этого человѣка, который, отрѣшившись отъ существующихъ формъ жизни, былъ выброшенъ изъ нея, какъ элементъ негодный, хотя стремленія его были такъ возвышенны, любовь—такъ горяча. Лѣсковъ не только не предлагалъ разрушать существующія формы цивилизованнаго общества, а напротивъ всячески приглашалъ защищать ихъ, какъ цѣнное достояніе напряженныхъ усилій человѣчества въ теченіе тысячелѣтій».

Этотъ отзывъ о Лѣсковѣ никуда не годится. «Овцебыкъ» характеренъ для раннихъ лѣтъ Лѣскова—и только. Правда, Лѣсковъ никогда не предлагалъ, по неосуществимости, «разрушить» существующія формы цивилизованнаго общества, но за послѣдніе годы онъ былъ совершенно одного мнѣнія о нихъ съ Л. Н. Толстымъ и никогда не «приглашалъ защищать ихъ, какъ цѣнное достояніе», и т. д. Въ этомъ отношеніи не существуетъ разницы между Лѣсковымъ и Толстымъ. Они оба настолько сильны умомъ, чтобы не благоговѣть передъ «формами» цивилизованнаго общества: даже «Овцебыкъ» и герой «Некуда» встрѣчали въ немъ полное пониманіе ихъ идеаловъ. Лѣсковъ понималъ всякіе идеалы, которые выше «существующихъ формъ цивилизованнаго общества»; но работать для этихъ идеаловъ онъ предлагалъ иными путями, или прямо признавалъ многіе изъ этихъ идеаловъ неосуществимыми при наличіи ихъ сторонниковъ. Идея Л. Н. Толстаго относительно «формъ» цивилизованнаго общества онъ раздѣлялъ вполне, но его послѣдователей осуждалъ за ихъ непрактичность и фразерство. Самъ г. Сементковскій пишетъ: «въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній «Зимній день» Лѣсковъ осмѣиваетъ, какъ прежнихъ «новыхъ» людей, которые въ свое время «все собирались Бокля читать», такъ и нынѣшнихъ «непротивленцевъ», которые все «собираются что-то дѣлать». Несмотря на все свое уваженіе къ графу Толстому, онъ не могъ не убѣдиться, что его сторонники, какъ и прежніе нигилисты, ни разрушить, ни создать ничего не могутъ, а пробавляются только однѣми фразами, переодѣваніями, а если, повидимому, что-то дѣлаютъ, то это дѣло оказывается совершенно безплоднымъ. Такимъ образомъ Лѣсковъ подъ конецъ жизни боролся противъ стараго врага въ новой личинѣ».

Этимъ старымъ врагомъ были, однако, не идеи Л. Н. Толстаго о существующихъ формахъ цивилизованнаго общества, а тотъ же «Митрофанъ, способный на всѣ руки», воспитанный въ русскомъ обществѣ значительно раньше Чернышевскаго и Толстаго.

— Идеи, которыя некому осуществлять, дурныя идеи,—улыбаясь, замѣчалъ я иногда Лѣскову его собственными словами.

Онъ принимался усиленно дергать головой, учащенно тереть ладонью переносицу и вдругъ останавливалъ на мнѣ свои черныя, блестящіе злымъ огонькомъ глаза.

— Вы такъ думаете?—спрашивалъ онъ строго...—Ну, такъ знайте, что идеи Толстаго насъ съ вами уже сдѣлали лучше, чѣмъ мы были до него! А кто посерьезнѣе обратится къ нимъ, тотъ и совсѣмъ будетъ спокоенъ въ своей ямѣ до тѣхъ поръ, пока не выльзетъ изъ нея.

— Очередная работа, Николай Семеновичъ, совсѣмъ не въ томъ, чтобы идти въ добродѣтельные пастухи къ Толстому. Недостаетъ добродѣтельныхъ и твердыхъ дѣятелей на государственномъ и общественномъ поприщахъ. Государство еще не выполнило своей

ближайшей задачи: предоставить гарантію личности, а народу— надлежащія формы для его самодѣтельности, чтобы можно было тогда съ нимъ вмѣстѣ думать и работать. Въ рукахъ интеллигенціи вся власть создать народъ къ политической жизни и тогда уже мечтать о Марксѣ или Л. Толстомъ.

Мнѣ иногда удавалось настоять на своемъ, и тогда Лѣсковъ бралъ въ руки карточку графа Лорисъ-Меликова и замѣчалъ:

— Изъ всѣхъ генераловъ у меня только эта «диктатура сердца» имѣется... Конечно, государственная жизнь идетъ болѣе медленнымъ путемъ, чѣмъ философская, и русская интеллигенція мало подготовлена къ ея передовымъ задачамъ. Толстой совѣмъ отчаялся въ ней и отзывается ея къ Евангелію и на ручной трудъ; но и здѣсь нашъ интеллигентъ такой же «лепетунъ», какъ и «либеральный бубень» ранѣе... Проклятая страна, гдѣ только злые люди объединяются и умѣютъ отлично приводить въ исполненіе свои замыслы.

Подъ этимъ настроеніемъ Н. С. опять спускался на землю, писалъ свой «Зимній день» съ горькимъ упрекомъ по адресу толстовцевъ и восторгался по нѣсколько разъ словами Вл. Соловьева: «Величайшій актъ соціальной справедливости въ нашей исторіи, конечно, не могъ бы совершиться, если бы Радищевъ, Тургеневъ, Самаринъ, Милютинъ, Черкасскій прониклись стремленіемъ къ «опроценію» и вмѣсто своей литературной, общественной и политической дѣятельности предалися паханію земли. Ихъ собственные крестьяне при этомъ и были бы, можетъ быть, отпущены на волю, но крѣпостное право вообще осталось бы въ своей силѣ. Не было бы оно уничтожено и въ томъ случаѣ, если бы преобразовательной ломки Петра Великаго вовсе не произошло, и названные дѣятели, подобно ихъ предкамъ, должны были бы засѣдать въ боярской думѣ или въ холопьемъ приказѣ, отличаясь отъ своихъ крѣпостныхъ только болѣе богатыми кафтанамъ, а не европейскимъ образованіемъ».

Такимъ образомъ, примыкая теоретически всецѣло къ идеаламъ Толстаго, Лѣсковъ высоко чтитъ и законодателя съ европейскимъ образованіемъ, мѣропріятія котораго были въ христіанскомъ духѣ.

— Какой ужасъ!—восклицалъ онъ:—если бы вся власть изъ рукъ интеллигенціи перешла къ статскимъ совѣтникамъ г. Щедрина, а интеллигентные люди принялись бы пахать землю у Энгельгардта или Толстаго. Ничего бы страна не выиграла!

Перечисляя заслуги Лѣскова, г. Сементковскій формулируетъ ихъ такъ: «Лѣсковъ пришелъ къ выводу, которымъ проникнуты всѣ его произведенія, что не въ тѣхъ или другихъ теоріяхъ спасеніе, а въ людяхъ, умѣющихъ дѣлать настоящее дѣло у основъ народной жизни. Мы видѣли, что у него цѣлый рядъ произведеній посвященъ указанію на то, что и въ прежней до-реформенной Россіи можно было многое сдѣлать, и что всѣми нашими успѣхами

мы обязаны людямъ, трудившимся въ этомъ направленіи. Исходя изъ этого факта, онъ, при своемъ вступленіи на литературное поприще, задался прежде всего вопросомъ, пригодны ли «новые люди» для такого живаго дѣла при измѣнившихся условіяхъ. Добро-

Николай Семеновичъ Лѣсковъ.

вѣстно изучая и здѣсь дѣйствительность, онъ пришелъ къ отрицательному выводу и имѣлъ великое мужество, принося себя въ жертву, сказать это «новымъ людямъ» прямо въ лицо. Это былъ великій его гражданскій подвигъ. Онъ казнилъ ихъ за полное несоотвѣтствіе

средствъ, которыми они пользовались, и цѣлей, которыя они преслѣдовали; за благіе порывы, оставляемые неосуществленными; за потокъ громкихъ рѣчей, не сопровождаемыхъ даже маленькимъ дѣломъ; за неумѣнье поставить себѣ жизненную задачу для доставленія своимъ идеаламъ хотя бы частичнаго торжества. Словомъ, Лѣсковъ не ограничился обличеніемъ стараго, онъ обличилъ и новое и, обличая послѣднее, онъ въ то же время указалъ русскому обществу, каковъ долженъ быть его путь. Правильно ли это указаніе? На это можетъ отвѣтить только исторія. Но одно уже теперь видно, именно, что въ томъ направленіи, въ какомъ работалъ Лѣсковъ, несомнѣнно, работаетъ русская жизнь и современная беллетристика. Лѣсковъ примыкаетъ не только къ нашей обличительной литературѣ, но и къ другому направленію, сказавшемуся очень сильно въ первоклассныхъ нашихъ художникахъ. Гоголь далъ Костанжолло, Гончаровъ—Штольца, Тургеневъ уже послѣ Лѣскова—Соломина. Все это—положительные типы въ нашей литературѣ, и ихъ общая черта заключается въ томъ, что они умѣютъ задаваться цѣлями, осуществимыми въ жизни и обеспечивающими наши культурные успѣхи. Творчество Лѣскова въ значительной степени было направлено на то, чтобы укрѣпить въ нашемъ сознаніи убѣжденіе въ возможности такихъ дѣятелей и въ томъ, что безъ нихъ никакой прогрессъ немислимъ. Съ этою цѣлью онъ вывелъ цѣлый рядъ типовъ, которые имѣютъ ту общую черту, что представляютъ собою дѣятелей, плодящихъ не одни слова, но и настоящее дѣло. Это — его «Праведники», по отношенію къ которымъ онъ повторяетъ слова покойнаго нашего историка Соловьева, что они, «стоя въ сторонѣ отъ главнаго историческаго движенія, сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію». Если мы теперь приглядимся къ современной беллетристикѣ въ лицѣ ея главныхъ представителей, то убѣдимся, что и она любитъ главнымъ образомъ рисовать такихъ дѣятелей, указывая при этомъ на тщету широкихъ замысловъ, не сопровождаемыхъ практическимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, Лѣсковъ, примыкая къ прежней нашей литературѣ, далъ тонъ и направленіе современной, отгадавъ то, въ чемъ жизнь наиболѣе нуждается. Это — вторая великая его заслуга».

Третью заслугу биографъ видитъ въ томъ, что «никто до Лѣскова и послѣ него еще не просвѣтилъ въ такой степени русское общество на счетъ быта и жизни нашего духовенства», и заканчиваетъ свою о немъ статью горячими словами: «Но если не одно дарованіе,—этотъ даръ свыше,—обеспечиваетъ за писателемъ мѣсто въ литературѣ и благодарность потомства, если отъ него требуется, чтобы онъ былъ гражданиномъ, чтобы онъ скорбѣлъ скорбью своего времени, чтобы онъ мужественно возвышалъ голосъ за правду, чтобы онъ приносилъ себя, когда нужно, ей въ жертву, то и въ такомъ случаѣ мы должны будемъ признать, что Лѣсковъ въ вы-

сокой мѣрѣ исполнилъ свой долгъ, и что онъ является не только выдающимся писателемъ, но и вѣрнымъ, преданнымъ, самоотверженнымъ сыномъ своей страны».

II.

Мысли г. Сементковскаго о Лѣсковѣ являются прекрасной руководящей статьей къ «Полному собранію сочиненій» покойнаго писателя и даютъ достаточно полное представленіе о его характерѣ и идеалахъ. Дѣйствительно, Лѣсковъ—писатель будущаго, и чѣмъ болѣе его будутъ читать, тѣмъ сильнѣе будетъ расти его вліяніе на русское общество. Бранили и автора «Отцы и дѣти», потомъ перестали. То же случится въ будущемъ и съ авторомъ «Некуда». «Мы видѣли,—пишетъ о немъ Сементковскій:—какъ онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ близко примыкалъ къ живой дѣйствительности, какъ онъ ею интересовался, какъ близко принималъ къ сердцу всѣ ея злобы. Въ этомъ смыслѣ Лѣскова можно смѣло назвать публицистомъ. Онъ началъ свою дѣятельность съ публицистической дѣятельности. Нельзя перечислить всѣхъ вопросовъ, которые его занимали въ этомъ отношеніи. Его изслѣдованій по расколу и старообрядчеству особенно много. Не менѣе часто онъ писалъ о церковныхъ вопросахъ, о семинаріяхъ, о преподаваніи закона Божія, о разводѣ, о разныхъ сектахъ, о великосвѣтскомъ расколѣ (Редстокѣ и Пашковѣ), о религіозномъ движеніи въ фабричной средѣ. Очень часто онъ затрогивалъ остзейскій вопросъ. Первый обратилъ вниманіе на прокаженныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Мы даже смѣло можемъ сказать, что не было крупнаго вопроса за все время его литературной дѣятельности, который онъ не старался бы освѣтить съ своей точки зрѣнія. Особенно кипучую дѣятельность въ этомъ отношеніи онъ проявилъ въ 80-хъ годахъ. Заходила ли рѣчь о германскихъ социалистахъ, о возможности войны, о народныхъ театрахъ, о Саррѣ Бекеръ и Семеновой, о буддизмѣ, о нищихъ дѣтяхъ, объ отцѣ Іоаннѣ, о заграничныхъ паспортахъ,—онъ всегда находилъ сказать дѣльное слово, иллюстрировать всѣ эти вопросы примѣрами изъ живой дѣйствительности. Всякій возникавшій вопросъ возбуждалъ въ немъ рядъ воспоминаній, потому что запасъ этихъ воспоминаній былъ у него очень великъ. Онъ освѣщалъ настоящее прошлымъ, какимънибудь интереснымъ случаемъ, непосредственно взятымъ изъ жизни и рассказаннымъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ. Такимъ образомъ публицистика и беллетристика постоянно у него сливались. Онъ словно не могъ иначе думать, какъ только при посредствѣ фактовъ изъ жизни, разныхъ случаевъ, образовъ, запечатлѣвшихся въ его воспріимчивой памяти. О чемъ бы онъ ни заговорилъ, тотчасъ же возникало воспоминаніе,

тотчасъ же теоретическія соображенія подкрѣплялись разными случаями изъ жизни».

Конечно, Н. С. Лѣсковъ—не Толстой и даже не Тургеневъ по художественнымъ силамъ, какъ думаетъ г. Сементковскій; но онъ въ то же время и не Данилевскій, не Левитовъ, не Хвоцинская и не Слѣпцовъ, какъ пишетъ о немъ В. П. Буренинъ. Онъ превосходить всѣхъ ихъ талантомъ и содержательностью. Кто зналъ поименованныхъ лицъ, а также и Лѣскова—тому легко оцѣнить преимущество огромнаго ума Лѣскова, большую начитанность, умѣнье пользоваться своими знаніями, его эрудицію, всегда оригинальную и поражающую своей опредѣленностью и безспорностью, скрѣпленную образами изъ дѣйствительности и научнымъ авторитетомъ. Онъ былъ знакомъ съ наукой не по верхамъ журналистики, а по оригинальнымъ сочиненіямъ.

Его бібліотека состояла изъ рѣдкихъ и по преимуществу философскихъ книгъ. Послѣ его смерти, она оцѣнена была букинистами въ двѣ тысячи рублей, и тотъ, кто приобрѣлъ ея экземпляры, найдетъ всюду слѣды усерднаго чтенія и изученія ихъ. Въ виду того, что Лѣсковъ не окончилъ гимназическаго курса и не умѣлъ мыслить по книжкамъ, а пользовался ими только въ помощь при самостоятельномъ обо всемъ мышленіи, въ литературѣ неоднократно раздавались по адресу Лѣскова упреки въ отсутствіи у него эстетическаго воспитанія и научнаго образованія. Онъ смѣло возражалъ своимъ противникамъ: «Полагаю, что многимъ изъ насъ весьма неудобно считаться другъ съ другомъ на этихъ счетахъ» («Объясненіе» въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1894 г., № 12), и будущее еще болѣе укрѣпитъ за нимъ крупное литературное значеніе само по себѣ, безъ всякихъ сравненій съ кѣмъ бы то ни было. Въ этомъ духѣ отзывается о немъ и С. А. Венгеровъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза, говоря: «Больше всего поражаетъ въ Лѣсковѣ то, что Тургеневъ назвалъ «выдумкою». Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такого неисчерпаемаго богатства фабулы. У Лѣскова есть повѣсти, занимающія всего 5—6 листовъ, но которыхъ по обилію содержанія хватило бы на многіе томы. Таковъ въ особенности «Очарованный странникъ», гдѣ буквально на каждой страницѣ новый сюжетъ, новое интересное положеніе и новыя краски. Онъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ сборники легендъ, содержаніе которыхъ накоплялось цѣлыми поколѣніями. Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова. Онъ всегда писалъ замѣчательно сжато, почти совершенно устраняя всякаго рода балластъ. Замѣчательнъ, наконецъ, колоритный и оригинальный языкъ Лѣскова. Его переработка разказовъ и легендъ изъ «Пролога» вызываетъ въ критикѣ справедливое къ нимъ удивленіе. Написанные въ стилѣ легендъ Флобера, эти разказы блещутъ реализмомъ, столь необычнымъ у насъ въ произведеніяхъ такого рода».

Въ современной критикѣ раздаются, впрочемъ, немногіе голоса, пытающіеся умалить значеніе Лѣскова. Считаемо необходимымъ привести эти мнѣнія для большаго безпристрастія и свободы, чтобы самъ читатель могъ прійти къ самостоятельному заключенію о Лѣсковѣ послѣ выслушанія обѣихъ сторонъ. Начинаю съ В. П. Буренина.

Признавая за Лѣсковымъ знаніе русской жизни, серьезную наблюдательность и своеобразность, г. Буренинъ приписываетъ ему «грубость и очень часто полное отсутствіе вкуса, ограниченность и поверхностность художественнаго и этическаго пониманія, наконецъ, просто недостаточность образованія и развитія, — разумѣтся, относительную недостаточность, по сравненіи съ развитіемъ и образованіемъ настоящихъ «первоклассныхъ» дѣятелей литературы, къ которымъ теперь хотятъ приравнять Лѣскова разные quasi-критики».

Лѣсковъ, по его мнѣнію, «сочинялъ свои романы по обычнымъ шаблонамъ, драматизировалъ отношенія своихъ героев по рутинѣ, а любовь всегда изображалъ книжно и лубочно: или чувственно-грубо, почти скабрено, или же съ фальшивою сантиментальностью и картиннымъ романтизмомъ. Ни одного женскаго лица, не то что ужъ художественно-прекраснаго, а даже только приближающагося къ красотѣ онъ не создалъ. Когда онъ желалъ идеализировать женщину — онъ всегда являлся приторнымъ и лицемѣрнымъ. Изображенія грубыхъ, жестокихъ и пошлыхъ женскихъ натуръ удавались ему лучше; но и тутъ онъ рубилъ топоромъ изъ дерева, какъ ремесленникъ, а не высѣкалъ рѣвцомъ изъ мрамора, какъ художникъ».

Чтеніе «Полнаго собранія сочиненій Н. С. Лѣскова» всего лучше покажетъ читателю: можетъ ли Лѣсковъ прелестью изображенія русской жизни и самыхъ глубокихъ сторонъ человѣческой души привлекать къ себѣ читателя и воспитывать его въ альтруистическомъ духѣ, или большинство произведеній этого «малообразованнаго» и «вульгарнаго» «дровокола» имѣли въ свое время только успѣхъ скандала, «какъ полицейскій протоколъ о скабреномъ происшествіи дня», а теперь «выходятъ просто-на-просто скучными, донельзя растянутыми и поверхностными беллетристическими работами, при томъ необычайно топорными и вульгарными».

Умаленіе г. Буренинымъ литературнаго значенія Лѣскова мы объясняемъ себѣ тѣмъ, что онъ не слѣдилъ за его позднѣйшей дѣятельностью, въ которой такъ замѣтенъ умственный ростъ Н. С. Лѣскова и неодолима прелесть внутренняго свѣта, которымъ онъ горѣлъ; что касается ранняго знакомства съ Лѣсковымъ, то, по собственному признанію г. Буренина, онъ для возобновленія памяти «какъ-то вздумалъ перечитывать «Некуда» и «На ножахъ» — и не могъ, при всемъ желаніи, одолѣть и половины этихъ длиннѣйшихъ произведеній».

Немудрено также, что въ отзывѣ г. Буренина о Лѣсковѣ

играло не малую роль и личное ихъ недружелюбіе другъ къ другу, проявлявшееся съ обѣихъ сторонъ и ранѣе въ печати.

Съ цѣлымъ рядомъ значительныхъ ошибокъ отнесся къ покойному писателю и критикъ «Сѣвернаго Вѣстника». Мы говоримъ о г. Волынскомъ, который (въ январьской книжкѣ) подвергаетъ рѣзкому осужденію извѣстную статью г. Лѣскова («Сѣверная Пчела» за 1862 г., № 143) по поводу петербургскихъ пожаровъ, когда, въ виду носившихся слуховъ въ городѣ объ интеллигентныхъ поджигателяхъ, Лѣсковъ настаивалъ на оглашеніи полиціей истинныхъ причинъ пожаровъ и прямо заявлялъ, что этой статьѣй онъ хотѣлъ «защитить студентовъ», а не натравить на нихъ полицію или толпу озлобленнаго народа.

— Вотъ истинный смыслъ статьи,—говорилъ мнѣ Лѣсковъ и въ увлеченіи прибавлялъ:—но еслибъ даже я открыто въ печати, по принципу, осуждалъ и требовалъ подавленія польскаго движенія и домашняго террора, съ которыхъ собственно и началась у насъ реакція 60-мъ годамъ, то можно ли считать это «сикофанствомъ», какъ писали противъ меня въ «Искрѣ»? Литературнаго и отвлеченнаго значенія за печатью я никогда не признавалъ. Безъ общественной—нѣтъ идеализма въ печати, и метафизику я предоставляю моимъ милымъ знакомымъ изъ «Сѣвернаго Вѣстника». Французскіе дѣятели конца прошлаго вѣка не хуже насъ понимали достоинство печатнаго слова и боролись съ бурбонами открытыми воззваніями противъ нихъ; но никто тогдашнихъ политическихъ писателей за это не обвинялъ въ политической безчестности и доносахъ.

Г. Сементковскій считаетъ подобное обвиненіе «незаслуженнымъ оскорбленіемъ» для Лѣскова и ссылается на «Загадочнаго человѣка», написаннаго Лѣсковымъ восемь лѣтъ спустя послѣ пожаровъ, «когда онъ могъ болѣе или менѣе объективно отнестись къ этому въ настоящее время почти непонятному эпизоду первыхъ лѣтъ его литературной дѣятельности». С. А. Венгеровъ прямо заявляетъ, что «Лѣсковъ написалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» статью, въ которой категорически требовалъ, чтобы полиція или официально представила доказательства того, что поджигаютъ студенты, или официально же опровергла нелѣпые слухи. Самую статью мало кто прочиталъ, но быстро распространилась молва, что Лѣсковъ связываетъ петербургскіе пожары съ революціонными стремленіями студентовъ. Напрасно Лѣсковъ и устно, и печатно боролся съ совершенно невѣрнымъ толкованіемъ своей статьи: легенда создалась прочно, и имя Лѣскова стало предметомъ самыхъ оскорбительныхъ подозрѣній». Такъ начинаютъ въ настоящее время думать въ литературѣ объ этомъ грустномъ инцидентѣ въ жизни Лѣскова; но нынѣшняя статья г. Волынскаго подымаетъ прежнія недостойныя противъ Лѣскова обвиненія. Г. Волынскій пишетъ о немъ строки, которыя являются всюду открытыми вопросами, и на которыя можно отвѣчать только построчно: «въ ту

минуту, говорить онъ, когда Лѣсковъ писалъ свою злосчастную статью для «Сѣверной Пчелы», онъ неумышленно, однимъ громогласнымъ заявленіемъ о существующихъ въ народѣ слухахъ, создавалъ терроръ по отношенію къ образованнымъ классамъ петербургскаго общества. Растерянно взывая къ помощи квартальныхъ надзирателей, Лѣсковъ измѣнялъ призванію свободной публицистики, которая никогда не отождествляетъ своей задачи съ обязанностями официальныхъ учреждений. Нельзя было удержаться отъ недоумѣнія, смѣшаннаго съ негодованіемъ, при чтеніи этихъ длинныхъ статей, въ которыхъ «Сѣверная Пчела» проситъ и умоляетъ начальство прійти на помощь перепуганному населенію столицы, какъ будто могло быть сомнѣніе въ томъ, что органы, не имѣющіе никакого иного дѣла, кромѣ внѣшняго блюстительства, не забудутъ своихъ обязанностей въ рѣшительную минуту». «Лѣсковъ невольно ставилъ оппонентовъ «Сѣверной Пчелы» въ положеніе неудобное и опасное при всеобщемъ замѣшателствѣ. вмѣсто простыхъ разсужденій съ изысканіемъ постигшаго столицу бѣдствія газета занялась ненужными и невозможными разсужденіями о «молодой Россіи». Излагая свои мысли о пожарахъ, газета не имѣла права угрожать кому бы то ни было народнымъ самосудомъ. Потерявъ хладнокровіе, редакція «Сѣверной Пчелы» не только не оказала никакой услуги русскому обществу, но своими статьями могла содѣйствовать только продолженію общей сумятицы, ничего не измѣняя къ лучшему, ничего не освѣщая и не объясняя. Все это было понято всѣми органами тогдашней печати». «Лѣсковъ придалъ широкую извѣстность темнымъ слухамъ о поджигателяхъ, но во время общественныхъ бѣдствій,—справедливо замѣчаетъ «Искра»,—не слѣдуетъ печатать никакихъ слуховъ,—ни слуховъ какогонибудь маленькаго кружка, ни слуховъ достовѣрно общихъ. «Сѣверная Пчела» сообщила, что народная масса ставитъ поджоги въ связь съ прокламаціей къ молодой Россіи, но, основательно замѣчаетъ «Искра», такая мысль могла возникнуть только среди интеллигентныхъ людей, а не въ сѣрой толпѣ, не обученной никакой грамотѣ».

Конечно, «сѣрая масса» не читала «Молодой Россіи», исключительно для нея печатанной; но точно также она не читала и Лѣскова въ «Сѣверной Пчелѣ», и затѣмъ едва ли можно симпатизировать стремленію не печатать статьи, написанной по слухамъ даже «достовѣрно общимъ во время общественныхъ бѣдствій». Не менѣе странно считать публицистику «свободной» отъ указаній на народный самосудъ, на обязанности правительства и непременно ограничиваться только «простыми разсужденіями»... Публицистика не должна быть «свободной» отъ практическаго вмѣшательства въ судьбы своей родины, но только это практическое вмѣшательство должно быть исполнено искренности и несомнѣннаго служенія общественнымъ интересамъ. Въ такомъ вопросѣ нельзя публицистику попрекать «квар-

тальными», если публицистъ стремится къ тому, чтобы къ его статьямъ прислушивалось и правительство. Измѣнять общественнымъ интересамъ въ печати ради сильныхъ міра сего—гадко и подло, но привлекать къ нимъ послѣднихъ и подсказывать имъ практическіе пути—составляетъ обязанность публицистики. «Квартальные» тутъ не при чемъ! Статью Лѣскова о пожарахъ можно было не печатать по существу, но г. Волинскій пользуется ею для проведенія своихъ взглядовъ на «свободную» публицистику и, въ этомъ случаѣ, онъ никогда не сойдется съ Лѣсковымъ. Послѣдній писалъ о пожарахъ и слухахъ совершенно явныхъ; требовалъ гласности по дѣлу о пожарахъ, съ нескрываемымъ гнѣвомъ къ террористическимъ теоріямъ, и былъ далекъ отъ мысли обратить этимъ свободную публицистику въ участковый органъ печати. Г. Волинскій пишетъ далѣе: «Бесѣдуя о пожарахъ, Лѣсковъ почти невольно обходитъ молчаніемъ наиболѣе опасныя пункты, а выдвигалъ впередъ ничтожныя обстоятельства. Въ немъ не было нравственныхъ силъ для открытаго покаянія и прямодушнаго объясненія. Даже въ обществѣ людей, которые горячо любили его удивительный талантъ и превыше всякихъ недоразумѣній ставили его художественную дѣятельность, у него не хватило силы духа для обезоруживающей откровенности. Ошибка, сдѣланная въ молодые годы, какъ бы сжилась съ его душой. Не довѣряя журнальнымъ судьямъ Россіи и по натурѣ не склонный къ правдивымъ откровенностямъ, онъ предпочиталъ постоянную самозащиту, со всѣми ея крайностями, съ запальчивою и горячею полемикою, нравственнымъ выгодамъ вдохновеннаго самообличенія. Повторяемъ, въ его разсказѣ о литературныхъ событіяхъ 1862 года есть неточности, которыхъ мы не стали бы отмѣчать, если бы въ нихъ не рисовалась до извѣстной степени душа Лѣскова, скрытная и подозрительная, временами склонная къ боязливому замечанію старыхъ слѣдовъ».

Съ кѣмъ и о какихъ «бесѣдахъ» Лѣскова о пожарахъ, «съ замечаніемъ старыхъ слѣдовъ», вспоминаетъ г. Волинскій? Нужно сказать, что Лѣсковъ не любилъ говорить о «петербургскихъ пожарахъ»; но, выдаясь со мною почти каждый день въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни, онъ, конечно, невольно касался и петербургскихъ пожаровъ, но никогда не возобновлялъ разговоры о нихъ въ присутствіи постороннихъ лицъ. Вотъ почему я рѣшительно думаю, что у г. Волинскаго не могло быть съ Лѣсковымъ «бесѣды о пожарахъ» ни «съ вдохновеннымъ самообличеніемъ», ни «съ боязливымъ замечаніемъ старыхъ слѣдовъ». Если же г. Волинскій говоритъ о «Загадочномъ человѣкѣ», гдѣ разсказана Лѣсковымъ его исторія съ пожарами, то этотъ пересказъ, конечно, касался только главной и основной мысли его извѣстной статьи въ «Сѣверной Пчелѣ», которую, по замѣчанію самого Волинскаго, «очевидно авторъ приводитъ на память, даже не справляясь

съ текстомъ». Этого, однако, полный текстъ нисколько не противорѣчить краткому его резюме въ «Загадочномъ чловѣкѣ». Литературной смѣлости и «обезоруживающей откровенности» по вопросамъ общественнымъ и этики у Лѣскова было всегда достаточно.

Встрѣчая во мнѣ чуть ли не единственнаго оппонента среди многихъ его молчаливо-почтительныхъ друзей, Лѣсковъ въ возбужденномъ состояніи старался иногда исчерпать исторію съ пожарами до конца:

— Если, — восклицалъ онъ:—правительство готовится реформы, идетъ на встрѣчу обществу, желаетъ обсуждения ихъ въ печати, и въ это время зрѣютъ заговоры и пожары, то что думать о политическомъ тактѣ этой страны? Кто болѣе готовится реакцію: Катковская публицистика или эти «пугачи»?

На мое замѣчаніе о малочисленности «пугачей» и выгодѣ въ карьерномъ смыслѣ для чиновъ судебного вѣдомства считаться съ этими юными людьми, какъ съ серьезными врагами порядка,—Лѣсковъ сердито отвѣчалъ:

— Дуракъ бросить камень въ воду, такъ сто умныхъ не вытаскать его!.. Неужели же печать не имѣетъ права обсуждать это явленіе и философски, и на практической почвѣ? Тогда на кой же чортъ и самая печать, если она не имѣетъ политическаго и реального значенія?

Я привожу эти образчики моихъ споровъ съ Лѣсковымъ въ связи съ полемикой о петербургскихъ пожарахъ для того, чтобы въ слабой степени указать на мужественную готовность Лѣскова признать самыя опасныя для его репутаціи положенія и этимъ свидѣтельствовать противъ г. Волинскаго.

Какъ несправедлива сдѣланная имъ оцѣнка Лѣскову въ этой исторіи, такъ точно г. Волинскій несправедливо обсуждаетъ и дальнѣйшую дѣятельность Лѣскова. Онъ пишетъ: «не будучи ни по духу, ни по темпераменту естественнымъ сторонникомъ прогрессивнаго лагеря, руководимаго Чернышевскимъ, Лѣсковъ не обладалъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы открыто занять свое особое мѣсто въ журналистикѣ. Лѣсковъ долженъ былъ разорвать открыто съ либерализмомъ и никогда не заигрывать двусмысленно съ людьми, въ которыхъ онъ самъ порицалъ и преслѣдовалъ именно то, что дѣлало ихъ сильными передъ толпою, героями прогрессивной эпохи. Не приставаая ни къ Чернышевскому, ни къ Каткову, онъ могъ бы явиться носителемъ идей, имѣющихъ право на самостоятельное существованіе. Но такого независимаго положенія Лѣсковъ, по отсутствію нравственной выдержанности и умственной цѣльности, занять не могъ. Годы шли за годами, смѣнялись событія, а публицистика Лѣскова постоянно сохраняла характеръ внутренней двойственности, производившей впечатлѣніе лицемѣрія и фальши. Его разсужденія о женской эмансипаціи, которая бурно обсуждалась на страницахъ либеральныхъ

журналовъ, какъ-то плохо примирялись съ гнѣвными нападками на шутство, гаерство именно либеральныхъ писателей. Его неумѣренная злоба противъ нигилистовъ, давшая пищу разнымъ сквернымъ толкамъ въ современной журналистикѣ, не могла и не должна была искать себѣ никакихъ путей къ примиренію съ особеннымъ видомъ очищеннаго нигилизма, въ духѣ романа Чернышевскаго. А между тѣмъ Лѣсковъ, не замѣчая фальшивости собственнаго приѣма, выступилъ въ 1863 году снисходительнымъ истолкователемъ этого характернаго произведенія, въ обширномъ фельетонѣ, написанномъ неряшливо, отрывочными фразами, безъ малѣйшей умственной послѣдовательности и безъ нравственнаго изящества. Идеи нигилизма подвергались профанации—это значить, что есть настоящій нигилизмъ, который пользуется сочувствіемъ Лѣскова. Понадобилось нѣсколько газетныхъ столбцовъ, чтобы, предавъ поруганію современную толпу, лукаво подойти къ роману Чернышевскаго и выразить ему свое убѣжденное сочувствіе за честное изображеніе настоящихъ нигилистическихъ героевъ. Весь фельетонъ о Чернышевскомъ, съ игрою талантливаго автора на два фронта, кажется намъ новымъ опрометчивымъ въ литературномъ отношеніи поступкомъ. Лѣсковъ не видитъ, что между литературнымъ нигилизмомъ и житейскимъ нѣтъ никакой принципиальной разницы, что одинъ былъ правдивымъ отраженіемъ другаго, что оба они стояли на одинаковой умственной высотѣ, что нельзя одновременно осмѣивать общество, восторженно принявшее романъ Чернышевскаго, и расхваливать «Что дѣлать», въ которомъ это общество увидѣло правдивое отраженіе собственныхъ гражданственныхъ идей и стремленій»...

По поводу этой пространной характеристики о Лѣсковѣ опять почти построчно слѣдовало бы возражать г. Волынскому. Во-первыхъ, тѣмъ, что въ «мужествѣ» и «своемъ особомъ мѣстѣ въ журналистикѣ» никто не откажетъ Лѣскову и теперь; а, во-вторыхъ, «не пристать къ Чернышевскому и Каткову» совсѣмъ не значить «заигрывать двусмысленно съ людьми» «на два фронта» и производить «впечатлѣніе лицемѣрія». Можно сочувствовать и женской эмансипаціи и смѣяться одновременно надъ Кукшиными; строго различать литературный нигилизмъ отъ обывательскаго, идею отъ исполнителей, и, наконецъ, весь фельетонъ Лѣскова о Чернышевскомъ («Сѣверная Пчела», 1863 г., № 142) представляетъ собою образцово критическую статью, исполненную именно благородства и серьезнаго ума. Внутренній скептицизмъ Лѣскова, то-есть способность находить и въ друзьяхъ отталкивающія стороны, а во врагахъ — примиряющія, слѣдуетъ считать драгоценнымъ качествомъ въ писателѣ. Тотъ же г. Венгеровъ пишетъ объ этомъ по адресу Лѣскова: «злой и трезвый умъ, чуждый мистицизма и экстаза, при всей страстности и порывистости его натуры, никогда не давалъ ему увлечься всецѣло и показывалъ ему недочеты во всемъ. Вотъ почему, между прочимъ,

и въ «Некуда» въ одно и то же время онъ и разрушаетъ и созидаетъ». Созидать и разрушать — значило говорить горькую правду не только врагамъ, но и друзьямъ, а г. Волынской считаетъ это «игрой талантливаго автора на два фронта»; желаетъ, чтобы Лѣсковъ «призналъ Бога не только въ явномъ и несомнѣнномъ его выраженіи, но и подъ маской житейскаго безобразія». Богъ Лѣскова дѣйствительно не рядился въ безобразныя маски, и потому Лѣсковъ признавалъ Его только «на узкомъ пути» немногихъ избранниковъ, строго отдаляя ихъ отъ «Панургова стада». Г. Волынской считаетъ это драгоценное свойство въ писателѣ — грубымъ качествомъ толпы, «которая, при собственномъ безобразіи, не даетъ пощады никакому уродству», и, какъ ранѣе требовалъ отъ Лѣскова рѣшительнаго разрыва съ «либерализмомъ», такъ и теперь осуждаетъ его же за безпощадность къ уродству...

Ничего нѣтъ, конечно, удивительнаго въ томъ, что г. Волынской совершенно не почувствовалъ русскаго писателя въ періодъ борьбы его съ нигилизмомъ (такъ какъ г. Волынской не знакомъ ни съ 60-ми годами, ни съ политическими вопросами вообще), а въ беллетристическихъ произведеніяхъ Лѣскова, преклоняясь исключительно передъ художественностью «Соборянъ», отводитъ имъ первое мѣсто. А между тѣмъ, вотъ что писалъ о нихъ, 27 января 1893 г., самъ Лѣсковъ къ одной нашей наиболѣе талантливой писательницѣ: «О «Соборянахъ» говорите правду: они «вамъ ближе». Во всякомъ случаѣ теперь я бы не сталъ ихъ писать, но я бы охотно написалъ «Записки разстриги» и, можетъ быть, напишу ихъ... Фальсификацію всѣхъ заповѣдей и просьбъ распятаго на крестѣ Праведника — вотъ что я хотѣлъ бы показать людямъ, а не Варнавкины кости! Но это, небось, называется «толстовство»...

Съ особенной любовью Ник. Сем. останавливался преимуществу на своихъ «Праведникахъ» (т. II) и христіанахъ (т. X и XI); а къ «Соборянамъ» охладѣлъ тотчасъ, какъ только понялъ, что они имѣютъ болѣе художественное и историческое значеніе, чѣмъ живое и социальное для послѣдующаго развитія нашего общества.

— Идеализированный византизмъ въ лицѣ Туберозова — зная, давно оставленное мною, — говорилъ онъ мнѣ неоднократно. — Чѣмъ человѣчнѣе и дальше «отецъ» Туберозовъ отъ мертвой консисторіи, тѣмъ суровѣе слѣдуетъ окрикнуть его: «да ты что: христіанинъ или нѣтъ? Развѣ не знаешь, что по св. писанію у насъ нѣтъ другаго отца, кромѣ Бога и родителя, а всѣ мы братья, и пусть первый служитъ послѣднимъ! Но для этого есть одинъ «узкій путь», а не пространный, которымъ шелъ мой протопопъ... Я болѣе занимался человѣческой душой въ «Соборянахъ», чѣмъ попами, — говорятъ въ похвалу мнѣ и при томъ забываютъ, что въ Туберозовѣ было и то, и другое, въ равной мѣрѣ подлежащее нашему суду... Если-бъ я болѣе занимался человѣческой душой, чѣмъ нигилистами, то всѣ

бы судили и рядили ихъ, какъ съ художественной, такъ и соціальной точекъ зрѣнія. Вотъ правильное отношеніе будущаго критика и къ моимъ «Соборьянамъ»..

Лучшія произведенія Лѣскова, гдѣ психологія и общественность воплощены въ равной мѣрѣ съ сильно выраженнымъ отношеніемъ автора къ тому, что онъ описываетъ («Некуда», нѣкоторые «Праведники» и «христіане»), проанализированы г. Волынскимъ крайне слабо. Но какъ въ «Соборьянахъ» ему нравится «художественность» какъ бы «метафизическая», «свободная», исключительно черты души, независимыя отъ «буржуазности» (всѣ общественные интересы въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» окрепчиваются этимъ именемъ въ отличіе отъ «идеализма», освобожденнаго отъ всякихъ точныхъ опредѣленій и человѣческихъ учреждений), такъ и въ другихъ сходственныхъ произведеніяхъ Лѣскова критикъ только цѣнитъ эту «вѣчную красоту», «паеость автора», «экстазъ» читателя и т. п. «бочки психологіи». Отсюда односторонность его оцѣнки, но и въ этомъ видѣ намъ пріятно отмѣтить ее у него по адресу нѣкоторыхъ произведеній Лѣскова. Необходимо указать его друзей во всѣхъ случаяхъ, гдѣ они вспоминаютъ имя этого писателя съ уваженіемъ. Г. Волынскій тѣсно связываетъ съ «Соборьянами» рассказы: «На краю свѣта», «Запечатлѣнный ангелъ» и «Очарованный странникъ», въ которыхъ, по опредѣленію критика, «чувствуешь русскаго Бога».

«Какъ и въ «Соборьянахъ», на первомъ планѣ рассказа («На краю свѣта») какая-то большая правда, которая плыветъ тихо, медленно и обнимаетъ весь горизонтъ своимъ бѣлымъ свѣтомъ. Люди описаны твердой рукой мастера—до мельчайшихъ подробностей, до иллюзіи, и однако вниманіе останавливается не на нихъ. Сердце чувствуетъ, что гдѣ-то совсѣмъ близко вѣетъ божество. Не только люди, но все кругомъ—отъ снѣжной мятели до умирающихъ животныхъ—одушевленное внутренней мыслью автора, становится какъ бы символъ непостижимой мудрости. И дикарь, и епископъ, сквозь колоритный и глубокомысленный діалогъ, видны въ пластическихъ образахъ, но читатель невольно охватывается иными, болѣе волнующими интересами». Не совсѣмъ это ясно, и только въ карикатурѣ такъ кого нибудь передразниваютъ, но видимо все-таки критикъ доволенъ «бѣлымъ свѣтомъ»—символомъ непостижимой мудрости г. Волынскаго.

О «Запечатлѣнномъ ангелѣ» онъ говоритъ:

«Вотъ рассказъ, въ которомъ нѣтъ черты, не проникнутой религиознымъ чувствомъ въ одномъ изъ самыхъ его чистыхъ и изящныхъ проявленій,—въ особенной, мистической любви къ искусству. Рассказъ этотъ называется «Запечатлѣнный ангелъ». Между произведеніями Лѣскова разсматриваемой группы «Запечатлѣнный ангелъ» — рѣдкое сокровище старинной, неподражаемой работы. По выдержанности тона произведеніе это кажется намъ даже болѣе

законченнымъ и художественно-цѣльнымъ, чѣмъ «Соборяне». Если главные герои «Соборянъ» оказываются «очарованными странниками», идущими по наитію таинственныхъ, невидимыхъ силъ, то здѣсь—большая группа людей, артель рабочихъ-раскольниковъ, сплоченная единствомъ чувства и вѣры, живетъ въ непосредственномъ очарованіи видимаго воплощенія незримой божественной стихіи. Таковъ этотъ исключительный въ русской литературѣ рассказъ Лѣскова. Повѣствованіе, начавшееся прославленіемъ искусства, проникнутаго примитивною религіозностью, въ послѣднихъ заключительныхъ моментахъ своего развитія, съ неожиданною силою открываетъ широкій кругозоръ писателя. Встрѣча воинствующихъ раскольниковъ съ мудрымъ и беззлымъ Памвою вноситъ въ него свѣжіе живые толки. Понятіе о Богѣ, сдавленное раскольниковыми догматами, расширяется до отвлеченной идеи, противоположной всякимъ случайнымъ ограниченіямъ, свѣтлой и нѣжной по своему содержанію. Упреждая духовное развитіе общества въ области религіозно-философскихъ откровеній, Лѣсковъ даетъ намъ въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ»—подъ пестрой оболочкой стариннаго письма—строгое и точное выраженіе цѣльной и оригинальной умственной системы. Не отрицая святости искусства, онъ борется здѣсь съ культурнымъ идолопоклонствомъ, которое создаетъ житейскія распри и стихійное ожесточеніе, недостойное творящаго духа. Въ «Очарованномъ странникѣ» Лѣсковъ говоритъ о «добромъ русскомъ богатырѣ», о «добромъ простодуши», о «доброй душѣ», о «добромъ и строгомъ житіи». Жизнь описываемыхъ героевъ полна дикихъ, злыхъ и жестокихъ порывовъ, но въ скрытомъ источникѣ всякихъ человѣческихъ поступковъ и помысленій покоится доброта—неземная, идеальная, мистическая. На вершинѣ просвѣтленнаго сознанія Иванъ Северьяновичъ получаетъ послѣднее откровеніе, научась свято чтить «благое молчаніе» — ту великую внутреннюю тишину, которая живетъ въ герояхъ «Соборянъ», то послѣднее самообладаніе, тотъ невидимый экстазъ, который соединяетъ послѣднее самообладаніе, тотъ невидимый экстазъ, который соединяетъ жизнь съ вѣчною красою. Всѣ эти отвлеченныя понятія и идеи показаны Лѣсковымъ въ колоритномъ національномъ освѣщеніи и съ тщательно скрытымъ убѣжденіемъ, что «добрый богатырь», любящій во всемъ бѣлизну и способный понять величіе благого молчанія, есть типъ чисто русскаго человѣка съ «прохладной русской кровью». Можно сказать съ полной увѣренностью, что, употребляя названные слова и выраженія въ каждомъ выдающемся художественномъ моментѣ, Лѣсковъ обнаруживаетъ природную оригинальность своихъ ощущеній, вкусовъ и настроеній.

Оцѣнивъ восторженнымъ образомъ Лѣскова за «бѣлый свѣтъ», «благое молчаніе» и «многозначительную тишину» въ «Соборянахъ», «На краю свѣта», въ «Запечатлѣнномъ ангелѣ» и «Очарованномъ

странникъ», г. Волынской относительно другихъ его произведений, гдѣ наиболѣе общественнаго содержанія, приходитъ къ слѣдующимъ поражающимъ выводамъ:

«По темпераменту и по складу своего ума, не склоннаго къ сознательнымъ обобщеніямъ и тонкой самокритикѣ, Лѣсковъ былъ типичнымъ русскимъ проповѣдникомъ изъ народа—то вдохновеннымъ, то юродствующимъ. Этимъ объясняется обиліе шутовскихъ выходокъ, скоморошества, — забавнаго для толпы, но почти невыносимаго для любителей чистаго искусства, — въ повѣстяхъ и разсказахъ всѣхъ періодовъ его литературной дѣятельности. Несмотря на единство художественной правды, скрытой во всемъ, что онъ писалъ, произведенія Лѣскова временами кажутся оторванными отъ главнаго корня его внутренней творческой жизни: въ глубинѣ его души царитъ многозначительная тишина, но передъ толпою, которая всегда имѣла власть надъ его воображеніемъ, онъ любилъ выступать съ потѣшными анекдотами и прибаутками. Склонный къ рисовкѣ, онъ порою щеголялъ богатствомъ своихъ національныхъ красокъ и трезвымъ пониманіемъ колоритныхъ проявленій народной жизни. Но погрешки диковиннаго красноречія, въ которое иногда ударялся этотъ талантливый художникъ, не привлекали къ нему симпатіи и уваженія читающей публики».

Въ доказательство, должно быть, такого къ нему «неуваженія читающей публики» критикъ ничего не придумалъ привести лучше, какъ слѣдующее: «Сказъ о Тульскомъ косомъ Лѣвшѣ и стальной блохѣ» весь отъ начала до конца представляется наборомъ шутовскихъ выраженій—въ стилѣ безобразнаго юродства. Разныя сатирическія ухищренія не прикрываютъ собою нѣкотораго національнаго самохвальства, которое жило въ душѣ Лѣскова и, можно сказать, сохранялось до конца его дней». Этимъ отзывомъ о «Стальной блохѣ» и «національномъ самохвальствѣ» Лѣскова, г. Волынской, надѣюсь, произнесъ надъ собою приговоръ о томъ, какъ слабо его критическое пониманіе, и какимъ настроеніемъ онъ самъ согрѣтъ. Въ концѣ своей статьи (февраль, «Сѣверный Вѣстникъ») онъ разсказываетъ, со словъ Лѣскова, бесѣду послѣдняго съ одной поклонницей Достоевскаго, но у меня («Живописное Обзорѣніе» за 1895 годъ) передана эта «бесѣда» совершенно иначе. Весьма возможно, что, увлекаясь и импровизируя, Лѣсковъ измѣнилъ свою бесѣду съ «нервной дамой, прошедшей покаянную школу Достоевскаго», какъ говоритъ г. Волынской, но я горячо протестую противъ заключительныхъ словъ послѣдняго: «быть можетъ, не склонный по природѣ къ чистосердечному самообличенію, Лѣсковъ безсознательно хотѣлъ логическими доводами, прикрытыми разгоряченной моралью, указать на какія-то свои преимущества передъ Достоевскимъ въ этомъ щекотливомъ вопросѣ».

Ничего онъ этого не хотѣлъ и всякія предположенія здѣсь из-

лишни. Онъ передалъ случившійся съ нимъ эпизодъ, характерный самъ по себѣ, и ничего болѣе.

Такимъ образомъ правильнаго отношенія къ себѣ вообще у большинства нашихъ критиковъ Н. С. Лѣсковъ такъ и не дождался. Съ мнѣніями о немъ г.г. Буренина и Волынскаго, однако, можно считаться: они оба иначе смотрятъ на Лѣскова, чѣмъ слѣдуетъ на него смотрѣть, но ни тотъ, ни другой не отрицаютъ за нимъ его заслугъ въ литературѣ, а г. Волынскій признаетъ даже эти заслуги значительными. Но мы рѣшительно не знаемъ, что сказать про тѣхъ критиковъ, которые въ «Новомъ Словѣ» (1896 годъ, октябрь, «По поводу внутреннихъ вопросовъ») утверждаютъ, что Лѣсковъ писалъ только «каррикатуры» на свое поколѣніе; что нигилисты, отказавшіеся отъ общественныхъ цѣлей, нисколько все-таки не похожи на его героевъ въ романѣ «На ножахъ»; что представляется весьма подозрительной психологія сотрудниковъ «Недѣли», которые критически относятся къ Шелгунову и чувствуютъ «особенное тяготѣніе къ Лѣсковымъ и Дьяковымъ-Незлобинымъ: есть ли это, дѣйствительно, желаніе возстановить репутацію ихъ, какъ людей, когда-то несправедливо осуждаемыхъ и незаслуженно забытыхъ, или нѣкоторое духовное родство съ ними?» Что же остается спросить послѣ этихъ строкъ: возстановить въ литературѣ чью либо репутацію и чувствовать къ нему «духовное родство» представляется предосудительнымъ, что ли; находить ошибки въ журналистикѣ 60-хъ годовъ тоже заслуживаетъ порицаніе? Неужели нельзя писать, что Шелгуновъ считалъ Гончарова «талантливой безталанностью» по поводу его «Обрыва», а «Войну и миръ» Л. Толстаго называлъ «философіей застоя», Тургенева («Отцы и дѣти»), Писемскаго и Лѣскова—«непрощенными лѣтописцами» (см. сочиненія Н. В. Шелгунова)? Неужели для оцѣнки критики 1860-хъ годовъ нельзя констатировать поражающіе факты, въ родѣ тѣхъ, что за то же самое произведеніе «Отцы и дѣти» М. Антоновичъ называлъ Тургенева «Асмодеемъ нашего времени», а г. Скабичевскій — «русскимъ недомыслиемъ», а Л. Толстой — названъ имъ посредственнымъ мыслителемъ (см. «графъ Толстой, какъ художникъ и мыслитель»); Хвоцинскую же онъ замѣтилъ только во время отлива въ «Волнахъ русскаго прогресса», а у Шеллера—совсѣмъ не видалъ русской жизни, а все англійскую изъ Диккенса и т. д. Неужели еще рано говорить, что Писаревъ поставилъ лягушку выше принциповъ; принципы считалъ не моралью, а «силой ощущеній»; на выгодахъ личности строилъ общественное счастье; Пушкина совершенно не понималъ, и т. д., а Цебрикова, Зайцевъ и Ткачевъ напоминаютъ «рѣшето», на которомъ теперь не осталось слѣда индивидуальной мысли? Неужели же ошибаться критикамъ 1860-хъ годовъ не было свойственно, и для нихъ еще не настала «исторія»? Признавая за ними широкое распространеніе въ обществѣ демократическихъ идей, мы должны сказать, что въ художественной

литературѣ они многого не умѣли оцѣнить, въ томъ числѣ Лѣскова, и сопоставлять не бездарнаго фельетониста «Новаго Времени» г. Дьякова съ всестороннимъ и глубокимъ бытописателемъ, какъ это дѣлаетъ теперь «Новое Слово» по адресу Лѣскова,—значить не имѣть ни малѣйшаго представленія о немъ.

Не менѣе засоренъ и отзывъ «Русской Мысли» въ январьской книжкѣ о произведеніяхъ Н. С. Лѣскова. Признавая за нимъ «огромный талантъ и значеніе его произведеній», «Русская Мысль», однако, говоритъ, что, «увлекаясь своими идеями и отдаваясь своему скептицизму, Лѣсковъ очутился въ сторонѣ отъ тогдашнихъ «новыхъ людей», — вслѣдствіе нѣкоторыхъ прискорбныхъ обстоятельствъ не сблизился съ ними, а потому не имѣлъ возможности «изучить дѣйствительность». Любопытно, какъ Лѣсковъ, «не изучивъ дѣйствительность» въ сферѣ «новыхъ людей», могъ написать «Овцебыка», «Загадочнаго человѣка» и «Некуда»? Вторая ошибка «Русской Мысли» въ слѣдующей цитатѣ: «Своихъ праведниковъ,—говоритъ г. Сементковскій:—онъ беретъ изъ всѣхъ сферъ жизни»...кромѣ одной,—вынуждены мы добавить,—именно той, которую онъ считалъ зараженною многими «общественными недугами, въ томъ числѣ склонностью увлекаться фразами и теоріями, несоразмѣрными съ жизнью». И пусть «считалъ»,—упрекъ Лѣскову дѣлался и будетъ дѣлаться не за это, а за то, что вездѣ онъ розыскивалъ и находилъ, блестяще изображалъ «праведниковъ», крестьянъ, солдатъ, купцовъ, священниковъ, помѣщиковъ, инженеровъ, квартальныхъ, скомороховъ и т. д., и лишь изъ одной «сферы»,—увлекающихся,—выбиралъ и противопоставлялъ имъ самыхъ худшихъ или неразумныхъ. Вслѣдствіе этого, общая картина пятидесятилѣтія русской жизни, изображенная въ собраніи его сочиненій, представляется невѣрною, написанною на двѣ половины: на одной—«неблагопріятныя условія» и «праведники», спасающіе свои души добрыми дѣлами, облегчающими горькое положеніе случайно попадающихъ имъ на глаза несчастныхъ, гибнувшихъ отъ такихъ «условій»; на другой—легкомысленные, глупые или негодные люди, увлекающіеся фразами и теоріями, «несоразмѣрными съ жизнью». Самая же «несоразмѣрность» такъ и осталась недоказанною и даже неуказанною Лѣсковымъ». Здѣсь, что ни слово, то ошибка: на самомъ дѣлѣ, развѣ можно упрекать писателя въ томъ, что изъ «новыхъ людей» онъ взялъ только отрицательные типы; вѣдь такъ можно упрекнуть и Гоголя за то, что изъ типовъ Николаевского времени онъ взялъ только «мертвые». Дѣло не въ этомъ, а въ ихъ собственной правдивости. Лѣсковъ бралъ въ послѣ-реформенныхъ людяхъ прежде всего ихъ собственный ростъ и, независимо отъ умственнаго движенія въ гостинныхъ и реформъ сверху, чувствовалъ, что люди не сегодня-завтра скомпрометируютъ свои собственныя исповѣданія, и нашелъ себѣ блестящее подтвержденіе въ нашей современной жизни. Реформъ понадѣлали тогда

много, а люди не только не провели ихъ въ жизнь со всѣми дальнѣйшими послѣдствіями, но не умѣли даже защитить ихъ чистоту отъ искаженій и реакціи. Почему же, слѣдовательно, онъ невѣрно изобразилъ общую картину? Развѣ дѣйствительно теоріи новыхъ людей были «соразмѣрны» съ ихъ собственными характерами и силами страны? Развѣ не могъ писатель чувствовать, что и въ крестьянствѣ, лишенномъ всѣхъ функций политической жизни въ европейскомъ смыслѣ, равно и на фабрикахъ—никто не будетъ «работать надъ Боклемъ»; что и въ обработкѣ земли въ колоніяхъ, съ денежной помощью изъ «центровъ сифилизации», какъ цинично выражается одинъ изъ учредителей такихъ колоній о высшей культурѣ въ городахъ и столицахъ, — тоже нѣтъ будущаго, и что это отвлекаетъ интеллигенцію отъ ея очередной работы въ расчисткѣ всѣхъ препятствій къ сближенію съ народомъ и его единенію съ правящими силами? Что въ этихъ метаніяхъ туда и сюда съ прямой дороги заберешься на такую вершину, откуда идти дальше «Некуда», и тогда, отказавшись отъ своихъ высокихъ цѣлей, эти же самые люди будутъ либо «На ножахъ», либо не менѣе негодяйствующими «Учителями жизни», изъ повѣсти Н. Э. Петропавловскаго-Каронина, либо ренегатами, описанными за послѣднее время либеральными беллетристами: Боборыкинымъ въ романѣ «Помнѣль» и Станковичемъ въ романѣ «Омутъ»? Но слѣдуетъ сказать, что Лѣсковъ не только давалъ «худшіе» типы изъ сферы «увлекающихся», но и высокодаровитыхъ и безсребренниковъ; таковы его «Овцебыкъ», Артуръ Бенни въ лицѣ Райнера, его Лиза Бахарева, Помада и Розановъ.

Наконецъ, «Русская Мысль» укоряетъ Лѣскова въ томъ, что онъ болѣе настаиваетъ на перевоспитаніи воли человѣка, чѣмъ на измѣненіи его соціальной обстановки, то-есть, такъ называемыхъ «внѣшнихъ условій жизни». Трудно понять, почему до сихъ поръ многимъ кажется важнѣе измѣненіе внѣшнихъ условій жизни, чѣмъ внутреннихъ. Вѣдь и по существу измѣненіе внѣшнее можетъ быть только результатомъ внутренняго, результатомъ желаній людей что либо улучшить и измѣнить въ ихъ соціальной обстановкѣ. Затѣмъ, разумѣется, Лѣсковъ потому и говоритъ объ измѣненіи злыхъ наклонностей и вкусовъ человѣка, чтобы одновременно съ ними мѣнялась и общественная жизнь; чтобы и соціальныя реформы и прогрессивныя законы были результатомъ нравственныхъ усилій въ благодѣтеляхъ человѣческаго рода и т. д. Лѣсковъ эту соціальную азбуку понималъ отлично, и современное намъ время блистательно оправдало его недовѣріе во внутренней ростъ русскаго общества и правящихъ сферъ въ 1860-хъ годахъ. Однако, съ мнѣніями гг. Буренина, Волинскаго, С. К. изъ «Новаго Слова» и рецензента изъ «Русской Мысли» о Лѣсковѣ можно спорить, какъ съ мнѣніями литературныхъ людей; но что сказать о какомъ-то А. Б. изъ «Міра

Божія», редактируемаго В. Острогорскимъ, гдѣ въ январьской книжкѣ печатно называютъ Лѣскова «клеветникомъ», «доносчикомъ», «пошлымъ анекдотистомъ», «острословомъ и суесловомъ», «болтливымъ пустословомъ», писателемъ «безъ Бога въ душѣ», «циникомъ по складу ума и сластолюбцемъ по темпераменту», «лицемѣромъ, прикрывающимся высокими словами, въ святость которыхъ онъ самъ не вѣритъ», и т. д.? Всѣ доказательства критика въ томъ, что смерть Н. С. Лѣскова «прошла почти незамѣченной». «Нѣсколько обычныхъ некрологовъ, двѣ-три широкоѣщательныхъ статьи, написанныя друзьями покойника,—вотъ и все, въ чемъ выразилось вниманіе общества къ писателю, въ свое время дѣлавшему большой шумъ. И въ этой холодности общественнаго мнѣнія сказался тотъ общественный судъ, приговоры котораго всегда справедливы(?), потому что ни подкупить его, ни запугать нельзя. Это былъ приговоръ надъ человѣкомъ, дарованія котораго были растрочены какъ-то зря, безъ пользы для кого бы то ни было. Еще при жизни Лѣсковъ былъ уже мертвымъ писателемъ, мало привлекавшимъ вниманіе своими послѣдними произведеніями». Успѣхъ Лѣскова въ обществѣ доказывается тѣмъ, что его дорогое по цѣнѣ «Полное собраніе сочиненій» въ самомъ непродолжительномъ времени выдержало два изданія; во-вторыхъ, взрослое общество въ настоящее время читаетъ, разумѣется, Лѣскова гораздо болѣе, чѣмъ всякаго изъ нынѣ живущихъ писателей (исключая Л. Тостого), и въ будущемъ популярность его несомнѣнно выростетъ при большемъ къ нему вниманіи и безпристрастіи критики. А затѣмъ, послѣднія его произведенія въ XI и XII томахъ печатались въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Русской Мысли», въ книжкахъ «Недѣли» и уже, конечно, читая ихъ, нельзя было сказать того, что педагогъ Острогорскій пропустилъ въ редактируемомъ имъ журналѣ о Лѣсковѣ: «Все, что проходило передъ нимъ, интересовало его лишь съ точки зрѣнія курьезнаго сюжетца. Уловить болѣе глубокое содержаніе жизни, разобраться среди многочисленныхъ теченій ея, уяснить себѣ ихъ смыслъ—на это у Лѣскова никогда не хватало ни ума, ни таланта».

Какая, подумаешь, у другихъ-то беллетристовъ «талантливость и умъ»! Вонъ г. Скабичевскій поставилъ Мамина-Сибиряка выше Золя (см. «Новое Слово» за октябрь 1896 г.), а Лѣскову не хватало «ни ума, ни таланта»...

Такую оцѣнку Лѣскову могъ сдѣлать человѣкъ, неспособный вообще понимать ни художественнаго значенія какого либо произведенія, ни содержательности ихъ. Это тотчасъ же обнаружилось, какъ только г. А. Б. перешелъ къ доказательствамъ своихъ изумительныхъ сужденій. Онъ пишетъ о «Соборнахъ»:

«Туберововъ, по идеѣ, является представителемъ воинствующаго духовенства. Для этого у него всѣ данныя—умъ, энергія, стойкость духа и непреклонная вѣра. Чего бы, казалось, больше? Нѣтъ, Лѣ-

сковъ не выдерживаетъ и прибавляетъ къ этимъ высокимъ качествамъ нѣчто, ужъ совсѣмъ гаденькое и низменное, заставляя Туберозова писать доносъ и еще превозноситься этимъ, — «ибо я русскій и деликатность съ такими людьми долженъ считать за немѣстное» (рѣчь идетъ о полякахъ). Такое непониманіе и неразборчивость въ самыхъ простыхъ вещахъ встрѣчаются у Лѣскова на каждомъ шагу. Лѣсковъ даже не догадывается, что человѣку, столь высокому по нравственному типу, какъ его Туберозовъ, никоимъ образомъ не придетъ въ голову доносъ. Но если сопоставить «Памвублицемѣра», проявившагося въ сказаніяхъ Лѣскова, и скрытаго крѣпостника, притаившагося въ преданіяхъ о «Старыхъ годахъ села Плодомасова», съ этимъ доносомъ, то не получится никакого противорѣчія не въ художественномъ образѣ Туберозова, а въ Лѣсковѣ, выглядывающемъ изъ-за Туберозова».

Просто не вѣрится, чтобы можно было такъ писать о Лѣсковѣ! До такой степени въ литературѣ у насъ не дорожатъ репутаціями другъ друга! Ну, почему этотъ доносъ на нигилистовъ и «поляковъ» не могъ сдѣлать Туберозовъ, когда тайное кляузничество и доносы въ русскомъ духовенствѣ издавна были развиты, а въ настоящемъ случаѣ они оправдываются у священника общественными цѣлями? Вѣдь это случается почти на каждомъ шагу, у духовныхъ лицъ, не менѣе Туберозова пользующихся уваженіемъ паствы, а вотъ г. А. Б. приписываетъ этотъ доносъ самому Лѣскову. Затѣмъ онъ нападаетъ на «колоритный» языкъ Лѣскова въ «Полунощникахъ» и стыдитъ имъ гг. Сементковскаго и Венгерова, признавшихъ за Лѣсковымъ большія услуги въ «области русскаго слова». Между тѣмъ самъ Лѣсковъ часто мнѣ говорилъ объ этомъ по поводу «Полунощниковъ»:

— Манерный языкъ, правда... Да развѣ у насъ мало манерныхъ людей? Вся quasi-ученая литература пишетъ свои ученныя статьи этимъ варварскимъ языкомъ; что же удивительнаго, что на немъ разговариваетъ у меня какая-то мѣщанка? У ней, по крайней мѣрѣ, языкъ веселый, смѣшной... Вотъ и ругаютъ меня за него, потому что сами не умѣютъ такъ писать. Вѣдь я собиралъ его много лѣтъ по словечкамъ, по пословицамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ, схваченнымъ на лету въ толпѣ, на баркахъ, въ рекрутскихъ присутствіяхъ и монастыряхъ. Поработайте-ка надъ этимъ языкомъ столько лѣтъ, какъ я. Вѣдь большой трудъ написать было «Полунощниковъ» такъ, чтобы было читать ихъ смѣшно. Да и, кромѣ того, только на такомъ языкѣ я могъ бы провести въ печати мои взгляды о безстыжихъ притворщицахъ въ «Полунощникахъ» и о моей среди нихъ евангелисткѣ Клавдіи... Вы это не цѣните, а вонъ какая-то барышня прислала мнѣ письмо, въ которомъ говорить, что за мои «Полунощники» мнѣ простятся всѣ мои прежніе грѣхи.

Лѣсковъ начиналъ въ этомъ случаѣ волноваться и неоднократно восклицалъ:

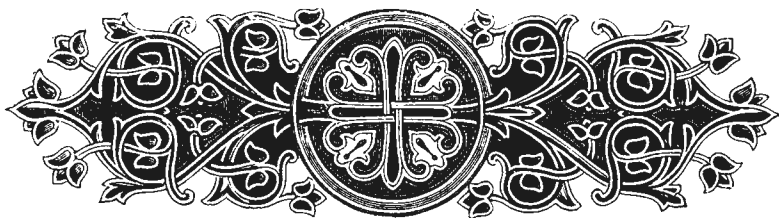
— Да какіе грѣхи-то мои? Мои грѣхи у васъ на глазахъ. Грязь моихъ романовъ у васъ въ семьѣ и въ обществѣ. Они на каждомъ шагѣ теперъ. Вы ихъ вездѣ встрѣтите и всего болѣе въ той же литературѣ: среди добровольцевъ пошлости и мутителей пониманія. Я писалъ, что нигилисты будутъ и шпионами, и ренегатами, безбожники сдѣлаются монахами, писатели пойдутъ къ кулакамъ издателямъ, сдѣлаются биржевиками и банковскими кассирами, профессора—чиновниками и т. д. Что же развѣ это не оправдалось?

Высказывая эти мысли о собственныхъ произведеніяхъ, Лѣсковъ скорбѣлъ о томъ, что обстоятельной статьи о полномъ собраніи его сочиненій не появлялось въ печати. Въ настоящее время критико-біографическій очеркъ Р. И. Сементковскаго о Лѣсковѣ есть наилучшее, что появилось о покойномъ писателѣ. Самъ Лѣсковъ страстно ждалъ справедливой оцѣнки своей дѣятельности при жизни и не дождался ея въ литературной критикѣ. Онъ радовался статьямъ о немъ даже Протопопова въ «Русской Мысли», Волинскаго въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», Введенскаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ», писалъ благодарственные имъ письма за вниманіе къ его трудамъ, а заочно искалъ о себѣ настоящаго слова и горько жаловался:

— Вонъ Толстой-то какъ пишетъ о Мопассанѣ! Вотъ настоящая критика, истолковывающая въ краткомъ отзывѣ писателя такъ, какъ будто я самостоятельно изучилъ лучшія и отрицательныя его стороны. Не дождусь я такой критики о себѣ!

А. Фаресовъ.

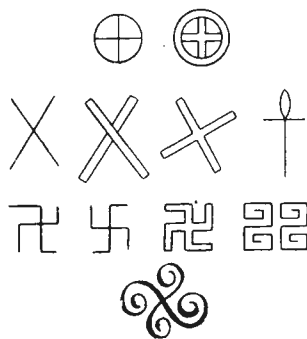
О ДРЕВНЕМЪ ЗНАЧЕНІИ КРЕСТА, ВЪ ЭПОХУ ДО ХРИСТИАНСТВА.

ВЪ ИСТОРИИ религиозной и юридической символики въ эпоху до христіанства, весьма замѣтное мѣсто занимаетъ у многихъ народовъ изображеніе креста, какъ по своему разнообразному употребленію, такъ и по тому значенію, какое придавали въ древности кресту.

Памятниковъ объ этомъ, какъ вещественныхъ, такъ письменныхъ, весьма много, и всѣ они подтверждаютъ то предположеніе, что изображеніе креста въ древности имѣло три главныхъ вида: а) круга, съ помѣщенными въ немъ на крестъ линіями или полосами, б) двухъ взаимно пересѣкающихся прямыхъ линій, подъ прямымъ и подъ острымъ углами, и в) фигуры, состоящее изъ двухъ пересѣкающихся линій—прямыхъ съ загнутыми концами или двухъ спиральныхъ—извѣстной подъ названіемъ «свастики».

Не смотря на множество памятниковъ, на которыхъ сохранилось изображеніе креста, доказывающихъ обширность его распространенія во всѣ вѣка и у всѣхъ на родовъ, мы, однако же, не можемъ съ достаточною ясностію опредѣлить ни времени, ни мѣста его первоначальнаго появленія¹⁾; еще менѣе имѣемъ основаній опредѣлить причины появленія этого знака, и принуждены довольствоваться

¹⁾ По выраженію французовъ: la coutume et le symbole n'ont pas de pères.

тѣмъ, что говорятъ Гриммъ, Рейшеръ и др. о символахъ вообще, то-есть, что большая часть изъ нихъ заключаетъ въ себѣ мистическій смыслъ и въ то же время глубокое историческое значеніе и тѣсную связь съ нравами и отдѣльнымъ духомъ каждаго народа ¹⁾.

Памятники, на которыхъ встрѣчается изображеніе креста, весьма многочисленны, мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, на-примѣръ: кресты находятся на древнихъ финикійскихъ монетахъ,

Ассирійскій царь.

на египетскихъ, ассирійскихъ и ниневійскихъ памятникахъ (напримѣръ, кресты, высѣченные на стѣнахъ гробницы Мидаса ²⁾, и изображенные въ ушахъ и на груди ассирійскаго царя ³⁾, въ катакомбахъ Египта ⁴⁾, на стѣнахъ храма Сераписа (въ Александріи), между клинообразными надписями въ Малой Азій ⁵⁾, на древнихъ вазахъ, амфорахъ, кольцахъ, въ числѣ орнаментовъ на древнихъ храмахъ ⁶⁾, капищахъ, базиликахъ, ступахъ (могильныхъ памятникахъ) и, наконецъ, на разныхъ предметахъ и вещахъ, сравнительно, позднѣйшаго времени, принадлежавшихъ этрускамъ, норикамъ ⁷⁾, датчанамъ ⁸⁾, чехамъ ⁹⁾, мерянамъ ¹⁰⁾ и другимъ обитателямъ древней Россіи ¹¹⁾.

¹⁾ Essai sur le symbolique du droit. Chassan, 1847, p. 308.

²⁾ Description of some ancien monuments. J. Stuart.

³⁾ The monuments of Nineveh. Layard. Seconde serie, pl. IV. Ceramic art in remote ages. 1874.

⁴⁾ Egyptens Stelle in der Weltgeschichte. J. Bunsen.

⁵⁾ Die Phönizier, v. Movers. I. V. Manuel d'histoire ancienne de l'Orient. Lenormann.

⁶⁾ На о. Цейлонѣ.

⁷⁾ Grabfeld v. Hallstatt. Sacken.

⁸⁾ Раскопки въ Дании. Ворсо.

⁹⁾ Památky Archeologické a mistopisné. 1865. Rocnik XII, Dil. VI.

¹⁰⁾ Меряне и ихъ древній бытъ. Гр. А. С. Уварова.

¹¹⁾ Изъ раскопокъ г. Кибальчича, въ Полтавской губерніи.

Кромѣ памятниковъ вещественныхъ, на которыхъ сохранилось изображеніе креста, существуетъ нѣсколько письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ. Напримѣръ, въ книгѣ пророка Іезекіиля говорится о таинственныхъ колесахъ, которыя были одушевлены жизнью («зане духъ жизни бѣ въ нихъ», гл. X, 1—22). Эти колеса называются гельгель (גלגל) ¹⁾. Евреи этимъ знакомъ изображали букву л (тау), которая помѣщалась на ихъ монетахъ въ видѣ креста (X); что соответствовало той буквѣ финикійскаго алфавита, которая послужила основаніемъ для изображенія буквы греческаго алфавита Т, τ (Таѵ=Тавъ), а затѣмъ перешла и въ нашъ алфавитъ: Т, т.

Здѣсь необходимо прибавить, что, по словамъ Вуттке ²⁾, еврейская буква л (тау), или знакъ, похожій на эту букву, представлялъ въ глубокую древность ту видимую силу, которая сохраняла евреевъ отъ ангела-истребителя (смерти). Это было то «знаменіе», о которомъ говорится въ книгахъ пророковъ ³⁾. Должно полагать, что подъ знакомъ (или буквою) л (тау) евреи понимали имя Іеговы; это кажется вѣроятнымъ потому, что у евреевъ до сихъ поръ сохранился древній обычай вовсе не произносить имени Бога, а когда это бываетъ нужно, то вмѣсто цѣлаго слова произносятъ одну или двѣ первыя его буквы. Такимъ образомъ вмѣсто слова (אלהים) элакимъ—Богъ, произносится первая буква (א) алефъ или слѣдующая (ל) ламедъ; точно также вмѣсто слова Іегова (יהוה)—іегудъ произносится (יה) іодъ и т. п. Этотъ способъ осторожнаго произношенія имени верховнаго существа былъ извѣстенъ и финикіянамъ, о чемъ говорится у Санханіатона (его Fragmenta etc.). Точно также Вуттке упоминаетъ и о томъ, что у финикіянь была символика божества, и были святыя буквы, которыми изображалось божество, и именно Taut (Тау) ⁴⁾.

Ал. Савельевъ.

¹⁾ См. Furst: Schul-Wörterbuch, p. 116.

²⁾ Die Entstehung der Schrift, p. 69.

³⁾ Пр. Іезекіиля IX, 4—6. Кн. Іова XXXI, 35 и др. Апокалипсисъ, 7.

⁴⁾ Das Symbol des Kreuzes bei allen Nationen etc. 1876. S. 17.

МИЦКЕВИЧЪ И КАРОЛИНА ЯНИШЪ.

ИЗНЪ ВЕЛИЧАЙШАГО изъ польскихъ поэтовъ давно уже занимаетъ первое мѣсто въ ряду тѣхъ излюбленныхъ темъ, изслѣдованію которыхъ особенно охотно посвящаютъ свои силы современные польскіе историки и публицисты. И это вполне естественно. Міровое значеніе поэзіи Мицкевича является теперь болѣе или менѣе общепризнаннымъ, такъ какъ тотъ умственный капиталъ, который оставилъ послѣ себя поэтъ, сталъ не только національнымъ, польскимъ, но и общечеловѣческимъ достояніемъ. Вслѣдствіе этого, имя Мицкевича сдѣлалось для поляковъ тѣмъ дорогимъ знаменемъ, въ которомъ опора ихъ національной гордости; творчество Мицкевича даетъ полякамъ право причислять себя къ семьѣ тѣхъ высоко-одаренныхъ народовъ, которые ведутъ между собою сношенія въ сферѣ духовныхъ интересовъ на началахъ равноправности, на почвѣ свободного взаимнаго обмѣна, не ограничиваясь простымъ заимствованіемъ.

Кромѣ этой общей причины, и самая жизнь Мицкевича сложилась такъ незаурядно, что даетъ богатый матеріалъ даже для простаго пересказа внѣшнихъ, чисто-фактическихъ подробностей. Вильна, Одесса, Москва, Петербургъ, Парижъ, даже Римъ—всѣ эти крупные центры попеременно служили ареной дѣятельности поэта, и уже этотъ голый перечень даетъ приблизительное понятіе, на какой прихотливой канвѣ приходится вырисовывать узоръ внѣшнихъ перемѣнъ въ судьбѣ

Мицкевича. Вообще, по самому характеру своему, жизнь Мицкевича, какъ богатая фактическими подробностями, навѣрное, долго еще будетъ служить той неистощимой темой, въ области которой всегда найдется возможность—или внести болѣе или менѣе существенную поправку, или же при помощи новой догадки освѣтить ту или другую случайность въ судьбѣ поэта, если объ этой случайности (какъ это нерѣдко бываетъ) документальные источники даютъ лишь слабый намекъ. Нечего и говорить, что въ настоящее время жизнь Мицкевича, хотя достаточно извѣстная въ общихъ чертахъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ имѣетъ немало невыясненныхъ сторонъ, и въ польской исторической литературѣ мы то и дѣло встрѣчаемъ новыя изслѣдованія и небольшіе очерки, посвященные обработкѣ отдѣльных эпизодовъ, часто проливающіе новый свѣтъ на личность поэта въ разныхъ фазисахъ его развитія и выясняющіе довольно важныя событія его жизни, которыя доселѣ были малоизвѣстны.

Краковскій профессоръ Иосифъ Третьякъ, издавшій въ 1884 г. свое трехъ-томное изслѣдованіе о юношескихъ годахъ жизни поэта («Mickiewicz w Wilnie i Kownie. Życie i poezya. Lwów»), въ свей недавно вышедшей книгѣ («Szkice literackie», serya I, Krak., 1896) удѣлилъ немало мѣста очеркамъ изъ послѣдующаго періода жизни поэта. Изъ этихъ (въ общемъ—надобно сказать—мастерски написанныхъ) очерковъ для русскихъ читателей можетъ представить несомнѣнный интересъ рассказъ г. Третьяка объ одномъ эпизодѣ, относящемся къ московскому періоду жизни поэта. Рѣчь идетъ о взаимной привязанности двухъ поэтическихъ натуръ (Мицкевича и Каролины Янишъ),—привязанности, къ сожалѣнію, быстро увядшей, не достигнувшей полного расцвѣта и имѣвшей грустный конецъ.

Эпизодъ этотъ въ жизни Мицкевича прошелъ, правда, довольно мимолетнымъ лучемъ, на короткое лишь время озарившимъ и скрашивавшимъ нерадостную въ то время жизнь поэта; но для насъ онъ имѣетъ немалый интересъ и со стороны того женскаго образа, который наполнялъ въ то время мечты поэта. Каролина Карловна Янишъ, впоследствии Павлова—талантливая писательница, пользовавшаяся громкой извѣстностью и давшая литературѣ, кромѣ множества оригинальныхъ произведеній, очень хорошіе переводы Пушкина, Вяземскаго, Баратынскаго и Языкова на французскій и нѣмецкій языки. Такимъ образомъ, настоящій эпизодъ представляетъ собою сравнительно рѣдкій случай, когда въ «союзѣ любви» обѣ стороны занимали относительно равноправное положеніе по своимъ вкусамъ и интеллектуальному уровню.

Доселѣ эпизодъ этотъ былъ извѣстенъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, лучше сказать—въ одной лишь существенной чертѣ, что Каролина Янишъ во время жизни Мицкевича въ Москвѣ останавливала на себѣ вниманіе поэта. Въ біографіяхъ Мицкевича очень мимолетно упоминалось, что онъ былъ близко знакомъ съ семей-

ствомъ Янишь, питаль къ нему дружескія чувства, причемъ памятникомъ особеннаго вниманія, оказываемаго Королинѣ, осталось посвященное ей поэтомъ стихотвореніе, а Янишь нарисовала портретъ поэта. Г. Третьякъ рассказываетъ эту исторію съ большими подробностями и не такъ сухо.

Поселившись (не совсѣмъ добровольно) съ 1825 г. въ Москвѣ, Мицкевичъ радушно былъ принятъ въ московскомъ интеллигентномъ обществѣ. Кромѣ чисто литературныхъ сферъ, въ которыхъ Мицкевичъ былъ своимъ человѣкомъ, предъ нимъ гостепріимно открыты были двери нѣкоторыхъ великосвѣтскихъ гостиныхъ, и тогдашнее московское общество, интересовавшееся польской литературой, съ дружелюбнымъ вниманіемъ отнеслось къ поэту, за которымъ уже прочно утвердилась репутация первокласснаго таланта. Бывая въ салонѣ княгини Зинаиды Волконской, Мицкевичъ между прочимъ познакомился здѣсь съ Каролиной Карловной Янишь, дочерью московскаго профессора-нѣмца, значительно обрусѣвшаго. Молодая дѣвушка (ей въ то время было 19 лѣтъ), въ полномъ расцвѣтѣ рѣдкой красоты, хорошо образованная и уже тогда не чуждая артистическихъ и поэтическихъ наклонностей (она недурно рисовала и писала стихи),—Янишь замѣтно выдѣлялась среди сверстницъ и невольно привлекла вниманіе мечтательнаго поэта. На самое Янишь уже первая встрѣча произвела столь неотразимое впечатлѣніе, что у ней зародилось обычное въ такихъ случаяхъ желаніе — почаще видѣть возлѣ себя любимаго человѣка, и для этого она прибѣгла къ невинной хитрости — настояла, чтобы для нея пригласили учителя польскаго языка. Нечего и говорить, что въ выборѣ такого учителя особыхъ колебаній не могло быть (вспомнимъ, что тогда хотѣли создать кафедру польскаго языка въ Московскомъ университетѣ для Мицкевича), и вскорѣ эти уроки привели къ тому результату, котораго такъ нетерпѣливо ждала Янишь, и который собственно и былъ главною цѣлью ея затѣи. Взаимное сближеніе, живой обмѣнъ мыслей, выяснившееся сходство симпатій и вкусовъ вскорѣ привели къ тому, что Мицкевичъ не только объяснился въ любви предъ своей ученицей, но и предложилъ ей руку и сердце. Конечно, предложеніе было принято съ живѣйшей радостью, но всѣ планы и мечты молодыхъ людей были безжалостно разбиты постороннимъ вмѣшательствомъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что и со стороны самого Мицкевича это предложеніе, какъ можно догадываться по дальнѣйшему ходу исторіи, было только мимолетнымъ порывомъ, а не строго-обдуманымъ шагомъ; Мицкевичъ первымъ забилъ отбой, схватился за случайное и едва ли непреодолимое препятствіе, чтобы считать себя свободнымъ отъ даннаго слова. Дѣло въ томъ, что Янишь имѣла въ числѣ своихъ ближайшихъ родственниковъ одного, какъ видно, человѣка съ высоко-развитой аристократической тенденціей; этотъ послѣдній, не взирая на согласіе родителей Янишь, наотрѣзъ вос-

противился предполагавшемуся браку и рѣшительно заявилъ, что онъ лишитъ Каролину всякаго имущественнаго обезпеченія (этотъ родственникъ почему-то распоряжался всѣмъ имѣніемъ фамиліи), если она выйдетъ за бѣднаго и незнатнаго литвина. И воля этого дядюшки оказалась роковой: бракъ разстроился. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ сыну поэта, Владиславу Мицкевичу, Янишъ старается снять съ Адама Мицкевича всякую вину, говоря, что, если бы она пошла наперекоръ дядюшкѣ, то «осудила бы его (Мицкевича) на жизнь въ тяжелой нуждѣ и лишеніяхъ», и потому она предпочла поступить, «какъ подсказывало ей чувство долга», но не нужно забывать, что это письмо относится къ самому недавнему времени (1890 г.); есть всѣ основанія предполагать, что въ свое время Янишъ не остановилась бы предъ этимъ препятствіемъ, если бы не замѣчала нѣкотораго охлажденія къ себѣ со стороны поэта. Такое же предположеніе дѣлаетъ и г. Третьякъ, замѣчая, что это затрудненіе было какъ разъ на-руку Мицкевичу, такъ какъ чувство его къ Янишъ было не особенно глубокимъ и очень быстро остыло.

Въ концѣ 1827 г. Мицкевичъ былъ переведенъ въ Петербургъ: поѣздка эта въ значительной мѣрѣ ослабила дружескія связи поэта съ Москвой вообще и съ семьей Янишъ въ частности. Единственное письмо, которымъ Мицкевичъ обмѣнялся съ отцомъ Янишъ, было отвѣтнымъ на запросъ послѣдняго и, кромѣ того, носитъ характеръ нѣсколько холодный и какъ бы офиціальныи. Поэтъ извиняется за свое долгое молчаніе, дѣлая обычную въ такихъ случаяхъ ссылку на хлопоты и недостатокъ времени, нѣсколько строкъ удѣляетъ церемоннымъ похваламъ по адресу Каролины, дивясь ея быстрымъ успѣхамъ въ польскомъ языкѣ.

Въ 1828 г. Мицкевичъ снова пріѣхалъ въ Москву, но пребываніе его здѣсь было слишкомъ кратковременнымъ. Во всякомъ случаѣ этотъ короткій визитъ не имѣлъ особеннаго значенія на ходъ излагаемой исторіи, отношенія между Каролиной и Мицкевичемъ по-прежнему остались неопредѣленными и невыясненными. Въ апрѣлѣ того же года Мицкевичъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ мотивовъ этой поѣздки не послѣднюю роль играло желаніе поэта отдалиться отъ Янишъ, покончить счеты съ мимолетнымъ увлеченіемъ, хотя въ то же время поэтъ не отнималъ у Янишъ надежды на возможность закрѣпить слабѣющую взаимную привязанность узами гименея. Съ другой стороны поэтъ не желалъ оставаться въ Москвѣ и потому, что имѣлъ надежду при помощи петербургскихъ связей устроить для себя болѣе прочное положеніе. Хотя спокойная и безмятежная московская жизнь имѣла много привлекательныхъ сторонъ, но на порогѣ возмужалости (Мицкевичу было уже до 30 лѣтъ) человѣку вполне естественно задаться вопросомъ о своемъ будущемъ, и въ этомъ отношеніи Петербургъ открывалъ болѣе широкія и болѣе заманчивыя перспек-

тивы, чѣмъ Москва. Во всякомъ случаѣ можно считать несомнѣннымъ, что въ это именно время поэтъ рѣшилъ окончательно порвать съ Янишъ, и представляется лишь не вполне яснымъ, почему онъ оставилъ лучъ слабой надежды у бѣдной, мучимой сомнѣніями дѣвушки, не открывъ ей напрямикъ своего рѣшенія. По крайней мѣрѣ дальнѣйшая переписка показываетъ, что Каролина не переставала надѣяться на счастливый исходъ дѣла.

Прошло десять мѣсяцевъ со времени отъѣзда Мицкевича въ Петербургъ. Поэтъ не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей въ Москву. Все время разлуки Янишъ жила одной только мыслью о любимомъ человѣкѣ; наконецъ, будучи не въ силахъ дальше выносить этой тревоги и неопредѣленности, она пишетъ 19 февраля 1829 г. Мицкевичу письмо, въ которомъ убѣдительно проситъ его хоть на короткое время пріѣхать въ Москву, трогательно мотивируя свою просьбу такъ: «Я не могу дальше выносить столь продолжительной неизвѣстности, этого томительнаго ожиданія, этой вѣчной тревоги. Надобно, чтобы ты такъ или иначе рѣшилъ мою судьбу. Я была бы спокойнѣе, если бы знала, что мнѣ нечего больше терять. Десять мѣсяцевъ прошло со времени твоего отъѣзда; я много думала за эти десять мѣсяцевъ твоего отсутствія. Я убѣдилась, что не могу жить безъ думы о тебѣ, убѣдилась, что моя жизнь всегда будетъ только цѣпью воспоминаній о тебѣ, Мицкевичъ! Что бы ни случилось, душа моя принадлежитъ тебѣ одному. Если же мнѣ суждено жить не для тебя, то жизнь моя похоронена, но и это я снесу безропотно». Между прочимъ Янишъ извѣщала поэта, что есть довольно твердая надежда побороть самое трудное препятствіе къ браку—именно, упорство дялюшки, теперь смягчившагося. Для насъ цѣль этого письма во всякомъ случаѣ ясна: Янишъ дѣлала послѣднюю попытку возвратитъ уплывавшее отъ нея счастье—снова привлечь любимаго человѣка.

Мицкевича письмо это поставило въ очень затруднительное положеніе. Въ мечтахъ поэта въ ту пору во всякомъ случаѣ не Янишъ занимала преобладающее мѣсто. Всецѣло занятый мыслью о поѣздкѣ на Западъ, онъ всего менѣе расположенъ былъ мечтать о спокойной, чуждой тревоженіи супружеской жизни. Съ другой стороны письмо Янишъ напомнило ему о данномъ когда-то словѣ, хотя, быть можетъ, сорвавшемся съ устъ невольно, въ минуту очарованія, но все же налагавшемъ извѣстныя обязанности. Болѣе благородныя побужденія осилили нерѣшительность, и хотя время года не особенно благопріятствовало далекой и по тѣмъ временамъ крайне утомительной поѣздкѣ, Мицкевичъ однако немедленно поспѣшилъ въ Москву на зовъ Каролины.

Намъ неизвѣстно, въ какую форму облекъ Мицкевичъ свой отказъ въ личныхъ бесѣдахъ съ Каролиной по прибытіи въ Москву, но изъ послѣдующаго письма ея къ поэту можно сдѣлать выводъ,

что Мицкевичъ открылъ свои карты и, чтобы смягчить горечь рѣшительнаго отказа, предложилъ Янишъ вмѣсто супружества идеальную дружбу. Еще до выѣзда изъ Москвы Мицкевичъ получилъ отъ Каролины письмо, которое г. Третьякъ характерно называетъ «нравственнымъ паспортомъ для поэта на выѣздъ за границу». Въ этомъ письмѣ трогательно вылилось чистое чувство молодой женской души, и потому считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторые отрывки (по тону письма видно, что оно написано вслѣдъ за послѣднимъ личнымъ объясненіемъ): «Привѣтъ тебѣ, мой милый! Еще разъ благодарю за все, за твою дружбу, за твою любовь. Я дала клятву, что постараюсь быть достойной этой любви, никогда не подумаю, чтобы я могла нарушить эту клятву — такова единственная моя къ тебѣ просьба. Если я буду увѣрена, что ты никогда не измѣнишь своего мнѣнія обо мнѣ, то я всегда буду спокойна, довольна и счастлива; я счастлива и теперь, разставаясь съ тобой, быть можетъ, на вѣки; и хотя бы намъ никогда уже не суждено было свидѣться, я всегда буду убѣждена, что все — къ лучшему для насъ обоихъ, ибо такова воля Божія. Что бы ни случилось въ будущемъ, жизнь для меня будетъ пріятной: я часто буду искать въ глубинѣ своего сердца драгоценныхъ воспоминаній о тебѣ, съ радостью буду перебирать ихъ, потому что все они для меня — алмазъ чистой воды. Прощай, мой другъ! Тяжело мнѣ кончить письмо съ мыслью, что, быть можетъ, никогда не придется и словомъ перекинуться съ тобой... Но такъ быть должно — прощай, мой другъ! — все же я знаю, что ты меня любишь». Письмо это написано 5 апрѣля 1829 г., а 6 апрѣля Мицкевичемъ написано въ альбомѣ Каролины посвященное ей стихотвореніе, которое является поэтическимъ отвѣтомъ на изліянія тосковавшей Янишъ. Даже и здѣсь Мицкевичъ оставляетъ какую-то блѣдную, едва-уловимую тѣнь надежды, брошенную (по словамъ г. Третьяка) для успокоенія сердца, которое крѣпилось, но не могло не страдать. Поэтъ сравниваетъ себя съ перелетной птицей и проситъ Каролину — каждый разъ, когда ей придется услышать печальные крики перелетныхъ птицъ — вспомнить скитальца и быть увѣренной, что онъ при первой искрѣ надежды опять прилетитъ къ ней — на сѣверъ.

Черезъ нѣсколько дней «перелетная птица» улетѣла въ западные края. Съ тѣхъ поръ Мицкевичъ не имѣлъ о Янишъ свѣдѣній и только разъ поинтересовался у одного изъ своихъ друзей узнать, что съ ней случилось. Печальное предчувствіе Каролины сбылось: имъ не пришлось больше свидѣться.

Восемь лѣтъ спустя послѣ разлуки съ Мицкевичемъ, Янишъ вышла замужъ за извѣстнаго писателя Н. Ф. Павлова. Супружество это не принадлежало къ числу счастливыхъ и удачныхъ.... Въ 1855 г. Янишъ-Павлова оставила Россію и поселилась въ Дрезденѣ. Крашевскій, посѣтившій ее въ 1874 г., писалъ, что она живо со-

хранила воспоминанія прошлаго. И дѣйствительно, съ какою поразительною яркостью сохранилось въ душѣ Павловой прежнее чувство къ великому поэту, съ 1855 г. заснувшему уже вѣчнымъ сномъ, можно видѣть изъ письма ея къ Владиславу Мицкевичу (сыну Адама) въ 1890 году. Павлова писала: «Воспоминаніе объ этой любви и доселѣ является счастьемъ для меня. Время—вмѣсто того, чтобы ослабить—лишь укрѣпило мою любовь. Съ благодарностью вспоминаю о томъ благословенномъ днѣ, когда онъ спросилъ меня, желаю ли я быть его женой. Онъ всегда стоитъ предо мной какъ бы живой. Для меня онъ не пересталъ жить. Я люблю его теперь, не переставала любить его все время. Онъ мой, какъ былъ моимъ когда-то».

Если взять во вниманіе, что непосредственныя личныя отношенія, послѣ жившія начало этой любви, были очень непродолжительны, если вспомнить, что они имѣли печальный исходъ, то эта живучесть и поразительная свѣжесть чувства является поистинѣ изумительной и въ возвышенномъ свѣтѣ рисуетъ намъ поэтическую личность Каролины Павловой, не оцѣненную по достоинству польскимъ поэтомъ.

К. К. Павлова скончалась въ Дрезденѣ въ 1894 г.

Константинъ Храневичъ.

АЛЕКСАНДРЪ I, КАКЪ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРЕТЕЙСКІЙ СУДЬЯ.

ОПРОСЪ о разрѣшеніи международныхъ распрей третейскимъ судомъ съ нѣкоторыхъ поръ вошелъ въ моду, и въ пользу гуманной, рациональной замѣны войны подобнымъ мирнымъ разбирательствомъ споровъ между враждебными сторонами, не только теоретически высказываются конгрессы, парламенты и печать всего свѣта, но все чаще и чаще его примѣняютъ на практикѣ государства Стараго и Новаго Свѣта. Такъ въ прошломъ году состоялось нѣсколько третейскихъ приговоровъ: президентъ Швейцарской республики разрѣшилъ многолѣтній споръ между Франціей и Венецуелой по поводу убытковъ, нанесенныхъ правительствомъ послѣдней страны французскому гражданину, Антуану Фабіани, имѣвшему тамъ пароходство и желѣзнодорожную концесію; португальскій король—распрю между Англіей и Бразиліей относительно владѣнія островомъ Тринидадомъ, который присужденъ южно-американской республикѣ, и австрійскій императоръ—препирательства между Греціей и Румыніей, которыя, начавшись съ частнаго дѣла о крупномъ наслѣдствѣ, дошли до прерванія дипломатическихъ сношеній между обѣими странами. Въ настоящее время также происходятъ два третейскихъ разбирательства: подъ предсѣдательствомъ русскаго профессора международного права, Мартенса, спора между Англіей и Нидерландами объ арестѣ въ Макасарѣ капитана англійскаго корабля «Карпентри» и подъ предсѣдательствомъ бывшаго губернатора страны Конго, Денсена, финансовой распри

между Франціей, Швеціей и Чили. Наконецъ, третейскимъ судомъ недавно разрѣшенъ англо-венецуэльскій вопросъ, едва не возбужденный въ началѣ прошедшаго года войны Великобританіи съ Американскими Соединенными Штатами, и прямымъ слѣдствіемъ этого суда служить заключеніе между означенными двумя государствами трактата о созданіи перваго въ свѣтѣ постоянного международнаго третейскаго трибунала. Хотя трактатъ этотъ еще не ратификованъ, но нельзя сомнѣваться въ его окончательной санкціи обѣими сторонами, несмотря на проволочки по случаю вступленія въ должность новаго президента, и потому понятенъ общій интересъ, возбужденный этимъ великимъ актомъ конца нашего вѣка, который, по словамъ Гладстона, «если не уничтожить разомъ войны, то представляетъ все-таки практическое осуществленіе человѣчнаго принципа и значительный шагъ на пути истиннаго прогресса». Конечно, англичанамъ и американцамъ дѣлаетъ большую часть инициатива подобнаго превращенія въ историческій фактъ одной изъ тѣхъ утопій, которыя такъ долго казались несбыточными, тѣмъ болѣе, что они уже давно неуклонно стремятся къ этой цѣли, какъ доказываютъ неоднократныя разрѣшенія третейскимъ судомъ распрей между ихъ родинами въ продолженіе настоящаго столѣтія. Наиболѣе извѣстныя изъ этихъ англо-американскихъ мирныхъ разбирательствъ происходили въ Женевѣ по поводу вознагражденія за убытки, нанесенныя американцамъ во время борьбы Сѣвера съ Югомъ крейсеромъ Алабамой, имѣвшимъ англійскій флагъ, и въ Парижѣ о котиковомъ промыслѣ на Беринговомъ морѣ. Но еще ранѣе былъ произнесенъ подобный же третейскій приговоръ въ Петербургѣ, въ 1822 году, императоромъ Александромъ I по спору между Англійей и Американскими Штатами о толкованіи Гентскаго мира. Не смотря на весь интересъ этаго послѣдняго историческаго факта, онъ мало кому знакомъ и даже не упоминается въ біографіяхъ Александра I Богдановича и Шильдера; въ классическую же исторію мирныхъ трактатовъ гр. Гардена¹⁾ не попали дипломатическіе документы по этому вопросу, благодаря прекращенію этого обширнаго труда на пятнадцатомъ томѣ, оканчивающемся Вѣнскимъ трактатомъ. Только вышедшій два года тому назадъ XI томъ «Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами», — Ф. Мартенса²⁾, сообщаетъ текстъ третейскаго рѣшенія императора, двухъ нотъ гр. Нессельроде и конвенціи между Россіей, Англійей и Американскими Соединенными Штатами по этому поводу, а также

¹⁾ Histoire generale des traités de paix et autres transactions principales entre toutes les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie, par le comte de Gardin. Paris. 15 vol.

²⁾ Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами, Ф. Мартенса. Томъ XI. Трактаты съ Англійей, 1801—1831. С.-Петербургъ. 1895.

нѣкоторыя, хотя очень краткія, свѣдѣнія о событіяхъ, возбудившихъ появленіе на свѣтъ означенныхъ дипломатическихъ актовъ. Пользуясь этимъ любопытнымъ матеріаломъ, постараемся охарактеризовать Александра I въ роли международного судьи, что не будетъ излишнимъ въ настоящую минуту, когда съ одной стороны весь свѣтъ интересуется вопросомъ о международныхъ третейскихъ судахъ, а съ другой почтенные труды г. Шильдера придали новый интересъ всему, что касается Александра I.

Послѣ долгихъ и столь дорого стоившихъ всей Европѣ войнъ наступила съ паденіемъ Наполеона въ 1815 году эпоха мира: всѣ народы и правительства жаждали спокойствія. Главнымъ хранителемъ этого, всѣми желаемого, мира явился Александръ I, который всячески старался примѣнить на практикѣ свою политику общаго спокойствія. Прежде всего онъ задумалъ разоруженіе европейскихъ державъ и писалъ объ этомъ англійскому первому министру, лорду Кастльри, отъ 21 марта 1816 г., что «для поощренія усмиранныхъ народовъ безбоязненно предаваться полному спокойствію убѣдительнымъ и рѣшительнымъ средствомъ должно представляться единовременное уменьшеніе вооруженныхъ силъ всѣхъ родовъ». Такое общее разоруженіе, по словомъ русскаго государя, было необходимо «въ виду новаго духа народовъ, который постепенно долженъ привыкать къ устойчивому и мирному порядку вещей на пользу не вымирающаго поколѣнія, а нынѣшняго и будущаго»; что же касается до его осуществленія, то Александръ полагалъ, что оно «должно совершиться съ тѣмъ согласіемъ и внушительной добросовѣстностію, которымъ Европа обязана своимъ спасеніемъ и которыя одни въ состояніи обезпечить въ настоящее время ея счастье». Глава торійскаго кабинета и принцъ-регентъ, правившій Англійей по случаю умственнаго разстройства короля Георга III, отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ «столь великому дѣлу», но ловко уклонились отъ практическаго его осуществленія; въ отвѣтной запискѣ лорда Кастльри указывалось, что и наиболѣе прочнымъ основаніемъ для общаго разоруженія было бы соглашеніе державъ о численности ихъ армій, но такое опредѣленіе извѣстнаго масштаба военныхъ силъ для различныхъ государствъ вызвало бы большія затрудненія, а потому не лучше ли для каждаго государства довести вооруженія до возможно меньшей степени и такимъ образомъ создать установленіе умѣренныхъ вооруженныхъ силъ на основаніи взаимнаго удобства». При этомъ прибавлялось, не безъ ироніи, въ англійской дипломатической бумагѣ, что «Австрія и Пруссія уже сократили свои арміи, а потому если Россія также пойдетъ по этому пути, то ея примѣръ подѣйствуетъ самымъ благимъ образомъ на всѣ европейскія государства». Не смотря на такое видоизмѣненіе своего плана, Александръ согласился признать цѣлесообразность мѣръ разоруженія и въ каждомъ государствѣ отдѣльно согласно мѣстнымъ условіямъ, что

ясно видно изъ депеши графа Нессельроде, отъ 21 іюля 1816 года, въ которой между прочимъ сказано, что «Россія уже приступила къ разоруженію и увѣдомить союзниковъ, въ какой мѣрѣ русская армія уменьшена». Къ сожалѣнію, этотъ важный вопросъ остался безъ всякаго разрѣшенія, и даже его инициаторъ вскорѣ забылъ о своемъ гуманномъ проектѣ, увлекшись совершенно инымъ мѣропріятіемъ все съ той же цѣлью поддержанія всеобщаго мира и спокойствія. Это былъ пресловутый Священный Союзъ, созданный съ самыми благими намѣреніями, хотя и отуманенными мистическими идеями, но превращенный очень быстро, благодаря вліянію Меттерниха, въ реакціонный заговоръ правительствъ противъ народовъ. Политика Александра, «стремившаяся, по замѣчанію лорда Кастльри, къ такому совершенству, которое не примѣнимо ни къ вѣку, ни къ людямъ», по несчастію сдѣлалась послѣ Троппаускаго и Лайбахскаго конгрессовъ враждебной всякому прогресу и конституціоннымъ порядкамъ, которые онъ же согласно депешѣ гр. Каподистрії отъ 17 октября 1820 г. «всегда считалъ полезными и даже необходимыми, какъ учрежденія, дающія верховной власти поддержку народнаго представительства». Если усилія Александра обезпечить миръ и спокойствіе общимъ разоруженіемъ ни къ чему не привели, то по крайней мѣрѣ они дѣлаютъ ему честь и не имѣли никакихъ вредныхъ послѣдствій; его же старанія доставить торжество Меттерниховской системѣ возбудили такіе печальные результаты, отъ которыхъ долго не могла оправиться Европа и, конечно, не служатъ къ его славѣ. Въ виду такой неудачи, съ одной стороны, и гибельнаго результата, съ другой, дѣйствій Александра I въ качествѣ охранителя мира и спокойствія всего свѣта, тѣмъ отраднѣе остановиться на вполнѣ успѣшной, свѣтлой и гуманной его дѣятельности, какъ международнаго третейскаго судьи.

Это мирное посредничество русскаго императора между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами было вызвано споромъ между обоими государствами о толкованіи Гентскаго мира. Какъ извѣстно, послѣ отторженія республики Новаго Свѣта отъ ея метрополиі набралось столько горячаго матеріала и столько національной ненависти съ каждой стороны, что новая война была неизбежна рано или поздно. Она вспыхнула въ 1812 году и продолжалась почти два года съ довольно незначительными результатами, отвлекая силы Англіи отъ ея гигантской борьбы съ Наполеономъ, а потому Александръ I предлагалъ нѣсколько разъ свое вмѣшательство, чтобъ уладить ея несогласія съ бывшей колоніей, но всегда получалъ отказъ. Наконецъ, въ декабрѣ 1814 года, былъ заключенъ англичанами и американцами миръ въ Гентѣ, но этимъ не окончились распри между ними, а перешли только съ военной почвы на дипломатическую. Четыре года оба правительства препирались насчетъ толкованія Гентскаго трактата и, въ 1818 году, заключили конвенцію

о предоставленіи Александру I разрѣшить споръ относительно первой статьи трактата третейскимъ судомъ. Что касается американской республики, во главѣ которой тогда стоялъ президентъ Монрое, создавшій знаменитую монроевскую доктрину объ Америкѣ для американцевъ, то избраніе русскаго императора въ посредники было вполне естественно, такъ какъ Александръ считался распорядителемъ судебъ Европы и былъ крупнѣйшей личностью между европейскими государями; но согласіе на это со стороны Англіи доказываетъ, какимъ глубокимъ уваженіемъ пользовался Александръ даже со стороны правительства, находившагося съ нимъ въ политическомъ разногласіи. Дѣйствительно, не смотря на внѣшнія дружественныя отношенія, недавнія союзницы, вмѣстѣ поборовшія Наполеона, видимо не ладили послѣ своей общей побѣды, и между ними не только возникали постоянныя неудовольствія, но установилось хроническое недовѣріе. Одной изъ главныхъ причинъ такого натянутого положенія англо-русскихъ отношеній служило личное недружелюбіе къ Александру принца-регента, вступившаго въ 1820 г. на престолъ подъ именемъ Георга IV. Онъ никакъ не могъ простить императору, что послѣдній игралъ первенствующую роль въ Европѣ, и что принцъ Оранскій, выбранный имъ въ женихи своей дочерѣ, Шарлоттѣ, женился на великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ, а потому всячески противодействовалъ русской политикѣ. Съ другой же стороны эта политика, со времени созданія Священнаго Союза и подчиненія ея меттерниховской системѣ, противорѣчила основнымъ политическимъ традиціямъ Англіи, и хотя во главѣ ея стояло торійское министерство, но оно не могло подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія присоединиться къ вмѣшательству Священнаго Союза на Троппаускомъ и Лайбахскомъ конгрессѣ во внутреннія дѣла Италіи и Испаніи въ строго реакціонномъ духѣ и съ цѣлью принять общія репрессивныя мѣры противъ свободы народовъ. Такое разногласіе съ Англіей, доходившее до того, что не только ея правители обнаруживали рѣзкій антагонизмъ дѣйствіямъ русскаго правительства, но въ парламентѣ произносились оскорбительныя рѣчи противъ русскаго императора и его политики,—было очень непріятно Александру, и, выведенный изъ терпѣнія, онъ иногда прямо высказывалъ, что Англія естественный врагъ Россіи. Замѣчательно, что въ разговорахъ съ французскимъ посломъ въ Петербургѣ, графомъ Феронэ, онъ заявлялъ одинаковое недовѣріе къ Англіи и Австріи, хотя первая противодействовала Священному Союзу, а послѣдняя поддерживала его. Вотъ что писалъ графъ Феронэ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, Шатобріану, отъ 30-го ноября 1823 г.: «Александръ сознаетъ, что его естественные враги—Австрія и Англія, а Франція, которую онъ считаетъ своей естественной соперницей, пріобрѣтаетъ силу и возвращаетъ себѣ принадлежащее ей мѣсто на политической сценѣ; онъ знаетъ, что у насъ храбрая и преданная

армія, а потому приближается къ намъ и, продолжая высказывать прежнюю вѣрность къ принципамъ Священнаго Союза, онъ нѣсколько разъ давалъ мнѣ понять во время послѣднихъ разговоровъ со мною, что Франція и Россія, находясь въ дружескомъ соглашеніи относительно всѣхъ вопросовъ, всегда будутъ въ состояніи обезпечить спокойствіе Европы и заставить другія континентальныя державы хотѣть то, чего онѣ хотятъ»¹⁾. Въ виду такихъ взаимныхъ отношеній Россіи и Англии выборъ послѣдней Александра третейскимъ судьей, да еще въ щекотливомъ для ея національной чести спорѣ съ бывшей колоніей, ясно говоритъ, что, недовѣряя его политикѣ, она нимало не сомнѣвалась въ его личномъ рыцарскомъ безпристрастіи.

Третейскій судъ Александра I происходилъ въ Петербургѣ и требовалъ такой обширной подготовительной работы, такого подробнаго разсмотрѣнія нотъ, мемуаровъ и замѣчаній, представленныхъ съ обѣихъ сторонъ послами: Англии — Карломъ Бэготомъ, и Съверо-Американскихъ Штатовъ — Генрихомъ Мидльтономъ, что дѣло затянулось на 4 года, и рѣшеніе было произнесено лишь 22-го апрѣля 1822 года. Весь споръ заключался въ толкованіи первой статьи Гентскаго трактата, изложенной слѣдующимъ образомъ: «Всѣ какого бы рода ни были земли, мѣста и владѣнія, которыя взяты одною изъ сторонъ у другой въ продолженіе войны, или которыя могли быть взяты послѣ подписанія настоящаго трактата, за исключеніемъ лишь ниже упомянутыхъ острововъ, будутъ возвращены безъ промедленія и безъ уничтоженія, или захвата какой либо части артиллеріи, или другой публичной собственности, которая была взята въ началѣ въ сказанныхъ фортахъ и мѣстахъ и которая будетъ находиться въ моментъ обмѣна ратификацій трактата, или какихъ либо рабовъ, или другой частной собственности». Американцы доказывали, что по точному смыслу этой статьи трактата англичане обязаны возвратить Соединеннымъ Штатамъ всѣхъ невольниковъ, взятыхъ ими во время войны и перевезенныхъ на англійскія военныя суда въ мѣстахъ, которыя подлежатъ возвращенію Соединеннымъ Штатамъ, или вознаградить въ случаѣ невозвращенія ихъ. Напротивъ англичане, такъ же ссылаясь на буквальное изложеніе статьи, отрицали это толкованіе и считали, что Гентскій трактатъ запретилъ только увозъ невольниковъ послѣ обмѣна ратификацій, а тѣ изъ нихъ, которые нашли убѣжище на англійскихъ военныхъ судахъ должны пользоваться экстерриториальностью послѣднихъ, а потому не надлежитъ ни выдавать ихъ, ни вознаграждать за

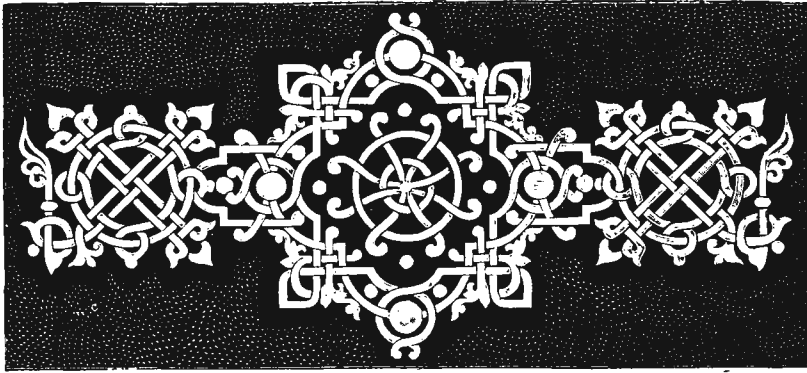
¹⁾ Относительно сдѣланныхъ въ этой статьѣ ссылки на дипломатическіе акты и депеши смотри «Собраніе трактатовъ и конвенцій», профессора Мартенса, томъ XI, стр. 207—298, за исключеніемъ депеши Ж. Ферона, которая приведена графомъ Гарденомъ въ XIV томѣ его книги «Histoire generale des traités de paix», стр. 25—32.

ихъ невыдачу. При этомъ представители обѣихъ сторонъ находили, что третейское рѣшеніе должно быть основано на грамматической конструкции статьи трактата въ существующемъ его видѣ, и ссылались на общія начала международного и морскаго права, только какъ на средства второстепенныя. Руководствуясь этимъ, Александръ прежде всего въ своемъ третейскомъ рѣшеніи высказываетъ, что «вопросъ можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ согласно буквальному и грамматическому смыслу первой статьи Гентскаго трактата», а потому въ основаніе своего рѣшенія положилъ подробный грамматическій разборъ этой статьи на основаніи трудовъ французскихъ филологовъ Лаво и Кондильяка. «Принимая въ соображеніе,—говорится далѣе въ подлинномъ текстѣ третейскаго рѣшенія,—что въ этомъ періодѣ слова: которая была взята вначалѣ и которая будетъ тамъ находиться въ моментъ обмѣна ратификацій,—составляютъ вводную фразу, которая можетъ относиться только къ предшествующимъ ей существительнымъ и подлежащимъ; что такимъ образомъ I статья Гентскаго трактата запрещаетъ договаривающимся сторонамъ захватывать изъ мѣстъ, о возвратѣ коихъ она постановляетъ, единственно тѣ вещи публичной собственности, которыя тамъ были вначалѣ взяты и которыя находились бы тамъ въ моментъ обмѣна ратификацій; но что она запрещаетъ захватывать изъ тѣхъ же самыхъ мѣстъ и какую бы то ни было частную собственность; что съ другой стороны оба эти запрещенія относятся единственно къ мѣстамъ, о возвратѣ коихъ статья постановляетъ,—государь императоръ полагаетъ: Соединенные Американскіе Штаты имѣютъ право требовать отъ Великобританіи справедливаго вознагражденія за всѣ виды частной собственности, которые захватили бы британскія войска и, какъ рѣчь идетъ болѣе специально о рабахъ, за всѣхъ рабовъ, которыхъ британскія войска увели бы изъ мѣстъ и земель, о возвратѣ которыхъ постановляетъ трактатъ, при уходѣ изъ этихъ мѣстъ и земель; что Соединенные Штаты имѣютъ право считать уведенными всѣхъ тѣхъ изъ этихъ рабовъ, которые изъ означенныхъ выше территорій были бы переправлены на британскія суда, стоявшія въ водахъ означенныхъ территорій, и которые по этой причинѣ не были бы возвращены. Но если есть американскіе рабы, уведенные изъ территорій, о возвратѣ коихъ Соединеннымъ Штатамъ I статья Гентскаго трактата не постановила, то Соединенные Штаты за такихъ рабовъ не въ правѣ требовать вознагражденія». Не смотря на ясный смыслъ третейскаго рѣшенія, англійскій посоль выразилъ сомнѣніе на счетъ примѣненія его относительно тѣхъ рабовъ, которые, уйдя изъ мѣстъ, никогда не занятыхъ англійскими войсками, присоединились къ британскимъ силамъ, и Александръ тотчасъ подробнѣе пояснилъ свое рѣшеніе, что и передано Бэготу въ нотѣ гр. Нессельроде, помѣченной тѣмъ же 22 апрѣлемъ 1822 года, такъ какъ обѣимъ сторонамъ было предвари-

тельно и конфиденціально сообщено мнѣніе русскаго государя. «Государь императоръ,—говорится въ этомъ дипломатическомъ документѣ,—высказавъ, съ обоюднаго согласія обѣихъ уполномоченныхъ сторонъ, сужденіе, основанное единственно на смыслѣ, который вытекаетъ изъ текста спорной статьи, не считаетъ себя призваннымъ рѣшать здѣсь никакихъ вопросовъ о томъ, что позволяютъ, или запрещаютъ воюющимъ сторонамъ законы войны; но, продолжая быть вѣрнымъ грамматическому толкованію I статьи Гентскаго трактата, его императорское величество вторично объявляетъ, что согласно такому толкованію онъ—того мнѣнія: «что, оставляя мѣста и территоріи, о возвращеніи коихъ Соединеннымъ Штатамъ постановляетъ Гентскій трактатъ, войска его британскаго величества не имѣли права уводить изъ этихъ мѣстъ и территорій безусловно никакого раба, какимъ бы образомъ онъ ни попалъ, или ни передался ихъ власти, но, если въ продолженіе войны были уведены англійскими войсками изъ другихъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ, о возвратѣ коихъ постановляетъ Гентскій трактатъ, на территорію ли, или на корабли британскіе, то Великобританія не обязана давать вознагражденія Соединеннымъ Штатамъ за утрату рабовъ, какимъ бы образомъ они ни попали, или ни предались власти ея служащихъ». Для исполненія этого медиаторскаго приговора заключена 12 іюля 1822 года конвенція между Россіей, Великобританіей и Сѣверо-Американскими Штатами; она составляетъ результатъ переговоровъ между уполномоченными сторонами: гр. Нессельрода, гр. Каподистрии, Карла Бэгота и Генриха Мидльтона, и подписана этими лицами. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этой конвенціи, которая имѣетъ чисто спеціальныи интересъ, скажемъ только, что она установила правила примѣненія третейскаго приговора и учредила для опредѣленія суммы вознагражденія, слѣдующаго Соединеннымъ Штатамъ съ Великобританіи, двухъ комиссаровъ и посредниковъ съ обѣихъ сторонъ, по одному съ каждой, при чемъ въ случаѣ несоставленія большинства въ этомъ присутствіи рѣшающій голосъ предоставлялся русскому послу, или агенту.

Такимъ образомъ, Александръ I блестяще исполнилъ свою обязанность международнаго третейскаго судьи, и его приговоръ былъ безпрекословно исполненъ обѣими сторонами, хотя Англія, вѣроятно, осталась недовольной, что онъ призналъ болѣе основательной точку зрѣнія американцевъ. По существу и по формѣ, его рѣшеніе нельзя не признать вполне правильнымъ, а гуманныи его характеръ доказывается ловкой замѣной выдачи негровъ, о чемъ говорили обѣ стороны, только вознагражденіемъ за ихъ невыдачу. Если мы вспомнимъ, что это рѣшеніе состоялось за сорокъ лѣтъ до освобожденія крестьянъ въ Россіи и невольниковъ въ Америкѣ, то, конечно, признаемъ, что Александръ I въ роли международнаго третейскаго судьи представляетъ намъ свѣтлую сторону своей двойственной, постоянно противорѣчившей себѣ, натуры.

В. Тимирязевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб. 1897.

О НАМѢРЕНІЯМЪ АВТОРА, настоящая книга представляетъ изъ себя научную, а не обще-литературную работу, и потому при оцѣнкѣ ея должна быть приложена строгая мѣрка научныхъ требованій, которой не можетъ смягчить признаніе авторомъ своего труда на самой обложкѣ его только «опытомъ» историко-догматическаго изслѣдованія. Судя «Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ» съ обще-литературной точки зрѣнія, мы признали бы эту книгу очень недурнымъ очеркомъ воззрѣній современныхъ русскихъ и, главнымъ образомъ, французскихъ писателей по исторіи понятія верховной власти въ Византіи, живо, старательно и ясно написаннымъ, доступнымъ каждому читателю и притомъ посвященнымъ частичному разъясненію чрезвычайно интереснаго съ русской точки зрѣнія вопроса—о степени заимствованности изъ Византіи основныхъ началъ русскаго государственнаго устройства. Подъ сильнымъ вліяніемъ взглядовъ В. И. Сергѣевича, авторъ склоненъ отрицать общепринятое убѣжденіе въ такой заимствованности, причѣмъ косвенно подтверждаетъ правильность усвоенной имъ точки зрѣнія множествомъ подобранныхъ въ литературѣ данныхъ, недурно и легко изложенныхъ,

а потому доступных и таким читателям, которые затрудняются обращаться къ болѣе специальнымъ и сухимъ ученымъ изслѣдованіямъ, такъ что въ этомъ отношеніи его книгу можно было бы признать по основной мысли весьма полезнымъ и симпатичнымъ произведеніемъ. Этими искренними похвалами можно бы было и ограничиться, если бы работа г. Грибовскаго являлась лишь научно-популярнымъ очеркомъ, на основаніи авторитетныхъ и солидныхъ ученыхъ пособій провѣряющимъ и разбивающимъ журнально-публицистическій догматъ о подавляющихъ будто бы византійскихъ влияніяхъ на политическіе идеалы и основныя учрежденія русскаго народа.

Съ научной же точки зрѣнія, эти похвалы почти граничатъ съ порицаніемъ, тѣмъ болѣе, что справедливость требуетъ присоединить къ нимъ немало оговорокъ, очень вѣскихъ и существенныхъ въ дѣлѣ научной оцѣнки. Такъ, достоинство научнаго произведенія можно признать только за такою работою, въ которой авторъ высказываетъ какое либо оригинальное, новое, самостоятельное воззрѣніе, или же, наоборотъ, по поводу сомнительныхъ, спорныхъ и недостоверныхъ положеній, подвергаетъ новому пересмотру весь фактическій матеріалъ вопроса, чтобы на немъ провѣрить и этою провѣркой окончательно исчерпать затрудненный и расшатанный полемикою научный тезисъ, принявъ или отвергнувъ его. Нѣтъ сомнѣній, что работы второго рода неизмѣримо уступаютъ въ значеніи изслѣдованіямъ перваго рода, и что, съ другой стороны, идеаломъ научнаго труда является сочиненіе, совмѣщающее въ себѣ новизну и оригинальность мысли съ основательно переработкою фактическаго матеріала. Исходя изъ этихъ положеній, работу г. Грибовскаго должно признать не научнымъ, а только ученическимъ произведеніемъ, ибо ни научной новизны и оригинальности воззрѣній, ни самостоятельной и глубокой разработки первоисточниковъ мы въ ней не встрѣчаемъ. Свои положенія, и притомъ зачастую самыя существенныя, наиболѣе предрѣшающія выводы, г. Грибовскій постоянно доказываетъ ссылками не на источники, а на литературныя пособия, то-есть чужія мнѣнія и авторитеты, которымъ, такимъ образомъ, его читатель долженъ вѣрить безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, а въ одномъ мѣстѣ—и притомъ одномъ изъ основныхъ—ограничивается указаніемъ на такую, будто бы, «незамысловатость» и «полноту научной разработки» предмета, которая избавляетъ, будто бы, отъ необходимости «на немъ долго останавливаться» (стр. 38). Это мѣсто представляетъ изъ себя характеристику сущности римской цивилизаціи, которую авторъ съ чужаго голоса признаетъ воплощеніемъ грубаго насилія, причемъ даже не упоминаетъ о разработкѣ римлянами гражданскаго права, залегшей въ основаніе современной правовой жизни цивилизованныхъ народовъ (стр. 36—38). Тамъ же мы встрѣчаемъ изумительное утвержденіе, будто Римъ, тотъ самый Римъ, который прославился Цинциннатами, Катонами и Варронами, тотъ самый Римъ, подъ властью котораго вся дикая и невоздѣланная Италія превратилась, по словамъ Плинія, въ силовшій фруктовый садъ, тотъ Римъ, который далъ міру Плинію, поплатившагося жизнью за мужественную смѣлость научнаго изслѣдованія среди всеобщей паники,— будто этотъ Римъ презиралъ земледѣліе, презиралъ науку!

Вмѣстѣ съ тѣмъ и самый выборъ авторитетовъ чрезвычайно страненъ у

г. Грибовскаго: въ качествѣ послѣднихъ приводятся у него порой авторы второстепенныхъ научно-популярныхъ произведеній, въ родѣ Льюиса, Шерра, Веллшскаго, не говоря уже о странной ссылкѣ на публицистическую статью одного совершенно некомпетентнаго въ дѣлѣ журналиста (стр. 114, примѣч. 2), а, съ другой стороны, при характеристикѣ римскаго единодержавія и государственнаго права онъ ограничивается по преимуществу ссылками на Виллемса и устарѣлую исторію Гиббона, ни разу не упоминая главнаго и наиболѣе авторитетнаго произведенія по этому предмету «Римскаго государственнаго права» Моммсена. Любопытно было бы знать, почему умалчивается о немъ г. Грибовскій: считаетъ ли онъ эту капитальную работу бесполезною для своихъ читателей, или онъ и самъ счелъ излишнимъ справляться съ нею, характеризуя римскій монархизмъ? И въ первомъ, и въ послѣднемъ случаѣ,—а въ послѣднемъ особенно,—онъ сильно ошибается. Какъ на самый наглядный примѣръ, можемъ указать на стр. 296 его книги, гдѣ говорится, будто «римская имперіалистическая философія и толковавшій ея таинства римскій юристъ практикъ», признавая, что *quod principi placuit, legis vigorem habet* (въ пользу чего высказался императоръ, то имѣетъ силу закона), «подобнымъ тезисомъ облекали въ форму закона не только благожелательную волю монарха, но даже его капризъ, прихоть». Если бы г. Грибовскій прочелъ у Моммсена, названное сочиненіе, 2 томъ, стр. 911, что «законодательство не предоставлено принцеу», что онъ обладаетъ только правомъ «автентической интерпретаціи», то-есть «самаго широкаго и свободнаго примѣненія закона», и что «главнымъ образомъ въ этомъ смыслѣ присвоиваютъ юристы... императорскимъ специальнымъ указамъ, когда они основываются не на личныхъ соображеніяхъ, а именно на примѣненіи всеобщаго права, законную силу»,—то, навѣрное, онъ воздержался бы отъ выписанныхъ нами утверженій. «Частичное изъятіе отъ подчиненія закону», какъ онъ самъ выражается, «или возведеніе всего угоднаго одной личности въ форму юридической нормы—большая разница»; и однако съ первымъ мы встрѣчаемся у римскихъ юристовъ, а второе приписываетъ имъ фантазія г. Грибовскаго. Это тѣмъ замѣтнѣе, что юристы никогда не признавали рѣшеній императоровъ законами, а говорили только, что таковыя имѣютъ силу закона, — то-есть, иными словами, обязательны для юридической практики.

Вообще, тамъ, гдѣ г. Грибовскій отъ пособій современной литературы обращается непосредственно къ источникамъ (хотя это дѣлается имъ сравнительно рѣдко), онъ зачастую впадаетъ въ неизвинительныя ошибки. Напримѣръ, хотя ему, повидимому, извѣстно, что такъ называемыя «Парафразы» Теофила представляютъ изъ себя лишь переводъ, притомъ довольно неточный и невѣжественный, Институцій Юстиніана, однако же на стр. 331 явныя неточности и промахи изложенія псевдо-Теофила признаются «вольнымъ толкованіемъ римскаго права въ отечественномъ демократическомъ духѣ», а буквальный переводъ одного текста Институцій—личнымъ мнѣніемъ Теофила (стр. 332). Притомъ г. Грибовскій полагаетъ, что, по мнѣнію автора «Парафразъ», чернь обладаетъ и въ Византіи «самостоятельной правообразующей силой»: авторъ, очевидно, не сообразилъ, что плебсъ, какъ законодательная власть, давно былъ только исто-

рическим воспоминаніемъ и упоминался въ институціяхъ лишь для объясненія термина плебисцитъ, то-есть не имѣлъ ничего общаго съ городскою чернью Византіи.

Въ защиту г. Грибовскаго скажутъ, быть можетъ, что несправедливо съ нашей стороны прихвѣять такую строгость къ оцѣнкѣ его сужденій по вопросу о римскомъ самодержавіи, когда тема его книги—самодержавіе византійское. Но вѣдь основная мысль этой книги та, что понятіе неограниченной единоличной верховной власти проявилось въ античномъ мірѣ въ двухъ формахъ, въ видѣ римскаго принципата и эллинскаго монархизма, изъ которыхъ первый былъ воплощеніемъ голаго господства грубой силы, а второй—осуществленіемъ высокаго политическаго идеала правителя-мудреца, стремящагося къ народному благу и сообразующагося въ своихъ дѣйствіяхъ съ народною волею; византійское же понятіе самодержавія выработалось изъ борьбы проникнутаго этимъ идеаломъ населенія Византіи съ грубымъ деспотизмомъ монарховъ, представителей римскаго насильственнаго автократизма. Если же такъ, то вся цѣнность и убѣдительность сужденій автора держится правильною и устойчивою его воззрѣніемъ на двѣ античныя культуры—греческую и римскую. Конечно, авторъ взялъ для своей работы очень широкую тему—характеристику трехъ цивилизацій съ точки зрѣнія политической—тему, несомнѣнно превышающую его силы и знанія, такъ какъ она требуетъ полнаго и всесторонняго изученія трехъ обширнѣйшихъ культуръ, причемъ византійская до сихъ поръ еще болѣе чѣмъ неразработана, такъ что профессоръ Васильевскій, по словамъ г. Грибовскаго, сказалъ ему: «вы хотите ознакомиться съ тѣмъ, что такое византизмъ? Но для этого нужна цѣлая жизнь». Такимъ образомъ, промахи автора и недостатки работы объясняются самою темою; но, спрашивается, зачѣмъ же браться молодому ученому за непосильную задачу, предъ которой отступали болѣе опытные и знающіе изслѣдователи? Если же онъ пошелъ на этотъ рискъ, то ему нечего извиняться количествомъ затраченнаго времени: *le temps, mon cher monsieur, ne fait rien à l'affaire*, какъ говоритъ герой Мольера; знаменитое «право владѣнія» Савиньи было написано въ нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ породило всю нѣмецкую юриспруденцію XIX столѣтія. Ученикъ можетъ оправдывать изъязыны своей работы количествомъ затраченныхъ на нее труда и времени; научная работа должна сама себя оправдывать,—себя и своего автора. Но «Народъ и власть»—плохое оправданіе г. Грибовскому. Не смѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, будто Римъ—грубая сила, направленная на территоріальные захваты, и больше ничего? Будто Римъ ничего не могъ дать покореннымъ имъ грекамъ? Греки времени римскаго завоеванія, дѣйствительно, ничего не способны были заимствовать отъ римлянъ въ политическомъ отношеніи, но уже грекъ Полибій согласно съ Катонамъ изумлялся мудрости государственнаго устройства Рима, и европейскіе народы до сихъ поръ питаютъ свою правовую жизнь наслѣдіемъ вѣчнаго города. Правда, г. Грибовскій объявляетъ торжественную войну римскому праву на первыхъ же страницахъ своей книги; но это война, такъ сказать, платоническая, которую авторъ ведетъ лишь на очень почтительномъ разстояніи, такъ что невольно хочется повторить ему восклицаніе матери

спартанки, сынъ которой жаловался, что его мечъ слишкомъ коротокъ: «Подойди поближе къ врагу!» Такъ, напимѣрь, г. Грибовскій отвергаетъ юридическое воззрѣніе на государство; но съ какой же точки зрѣнія его разсматриваетъ онъ самъ? Съ «историко-догматической», отвѣчаетъ намъ заглавіе книги: отвѣтъ болѣе, чѣмъ неясный. И дѣйствительно, авторъ даетъ читателямъ не исторію догмы, такъ какъ никакой догмы изъ источниковъ не заимствуетъ и не слѣдитъ за ея постепеннымъ развитіемъ въ жизни и законодательствѣ, но лишь односторонній подборъ историческихъ иллюстрацій къ своимъ собственнымъ теоретическимъ воззрѣніямъ на государство. Далѣе, считая римскій цезаризмъ воплощеніемъ Рима, а Римъ воплощеніемъ грубой силы, авторъ забываетъ, что цезаризмъ былъ отрицаніемъ Рима. Доказывая, будто римскій деспотизмъ смягчился въ Византіи избирательнымъ характеромъ монархической власти, причѣмъ избраніе императора зависѣло отъ народа и частью отъ сената, г. Грибовскій забываетъ, что весь составъ сената, избирающаго императора, подлежалъ, въ сущности, по римскимъ понятіямъ, по крайней мѣрѣ, смертной казни, ибо дѣло сената, — конечно, римскаго, — было не избраніе императора, а судъ надъ преступникомъ, посягающимъ на захватъ самодержавной власти. А, кромѣ того, на римскомъ престолѣ исторія помнитъ Нерона и Адриана, Августа и Калигулу, Клавдія и Тита; спрашивается, почему лишь представителей одной крайности считаетъ г. Грибовскій представителями римскихъ началъ? Напимѣрь, Неронъ, типичный представитель извращеннаго самовластія, былъ въ то же время типичнымъ эллинизированнымъ вырожденкомъ. Иногда неясность въ противопоставленіи двухъ рнеующихся г. Грибовскому типовъ единодержавія доходитъ до курьеза. Такъ, онъ нѣсколько разъ подчеркиваетъ снисходительность императоровъ эллинскаго (по его опредѣленію) склада къ насмѣшкамъ и шуткамъ черни на ихъ счетъ, тогда какъ это — типично римская черта: по исконному народному обычаю, подымающійся на Капитолій триумфаторъ долженъ былъ выслушивать отборныя ухищренія солдатскаго остроумія на его счетъ, — остроумія судя по сохранившимся иѣсенкамъ на счетъ Помпея и Цезаря, очень мѣткаго и безопаднаго.

Съ другой стороны, поражаютъ насъ и взгляды автора на «эллинскій монархизмъ». Древняя Греція, эта республика изъ республикъ, это отечество остракизма, эта страна, на языкѣ которой слово царь обозначало персидскаго царя, родина Платона и его «софократіи» (если можно такъ выразиться), — признается вмѣстѣ съ тѣмъ и отечествомъ просвѣщеннаго единовластія. Александрійскій монархизмъ Птолемеевъ, то-есть сліяніе на египетской почвѣ древняго семитическаго и мидо-персидскаго единовластія съ греческимъ просвѣщеніемъ, становится въ его устахъ осуществленіемъ основныхъ политическихъ идеаловъ эллинскаго народа. Но при такомъ произвольномъ обращеніи съ данными исторіи, Византію по полному праву должно считать выраженіемъ Рима и выкинуть изъ оѣнки эллинскіе элементы ея жизни. И на самомъ дѣлѣ, монархъ, какъ выразитель народовластія въ древнемъ мірѣ, несомнѣнно, есть римскій принцесъ, точно также, какъ античный монархъ своей и Божьей милостью — это персидскій царь и египетскій фараонъ, а не македонскій хищникъ (этотъ пруссакъ античнаго міра) и не балансирующий на борьбѣ классовъ.

потомственной президентъ Египта — Птоломей. Монархомъ по волѣ народа былъ именно римскій императоръ, въ чемъ и сказывалось происхожденіе принципата изъ сліянія древнихъ магистратуръ. Эллинскому же міру мысль о единовластіи была совершенно чужда, ибо гомеровскіе цари въ сущности лишь военачальники или патріархи, которыхъ исторія почти уже не застаётъ на Пелопонезѣ. Такимъ образомъ, ужъ если характеризовать византійское самодержавіе, то надо характеризовать его, какъ сліяніе восточнаго до-классическаго деспотизма съ римскимъ народовластіемъ на почвѣ извращенной и выродившейся эллинской охлократіи. Населеніе Византіи было неспособно къ политической жизни и лишь бессмысленно бунтовало и рабодѣствовало у подножія императорскаго престола, на которомъ неустойчиво смѣнялись восточный деспотизмъ, угбьющій только непрерываемо господствовать, и римское самодержавіе, правящее волею народа.

Такимъ образомъ, основныя обобщенія г. Грибовскаго, выработанныя не на самостоятельномъ изученіи эллинской и римской культуръ, а на поверхностномъ знакомствѣ съ литературными пособіями, не обладаютъ ни малѣйшей убѣдительностью, ни даже сомнительной устойчивостью. Построенная на такихъ основаніяхъ характеристика Византіи, дѣйствительно, есть лишь опытъ изслѣдованія и притомъ опытъ неудачный. Г. Грибовскій объясняетъ и думаетъ извинить это тѣмъ, что занимался византизмомъ лишь «попутно». Но въ такомъ случаѣ надо сказать, что романизмъ и эллинизмъ онъ изслѣдовалъ лишь заочно. Намъ остается только надѣяться, что авторъ когда нибудь закончитъ свой путь и уже не «попутно», а, такъ сказать, «на мѣстѣ» дастъ намъ не ученическій опытъ, а дѣйствительно научное изслѣдованіе, достойное этого имени, которыя не создаются «попутно», даже на самыхъ узкія и спеціальныя темы, и въ этомъ ожиданіи пожелать ему счастливаго пути.

Остается сказать о той теоретической точки зрѣнія, съ которой авторъ ведетъ свое изслѣдованіе. Это руководящее воззрѣніе г. Грибовскій формулируетъ въ видѣ опредѣленія государства, какъ «системы сложнаго, подвижнаго равновѣсія индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ, объединенныхъ общностью культуры и быта». Никакъ нельзя признать это опредѣленіе удачнымъ. Въ какомъ отношеніи можетъ государство быть признано «сплетеною равновѣсія интересовъ»? Очевидно, не въ юридическомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ устраниваетъ юридическіе элементы изъ своего опредѣленія. Съ другой стороны, и въ историческомъ отношеніи оно не выдерживаетъ никакой критики, ибо исторія даетъ намъ цѣлыя культурно-историческіе типы, государственная жизнь которыхъ представляетъ изъ себя простое и постоянное неравенство интересовъ, и которые, стало быть, съ точки зрѣнія г. Грибовскаго, не могутъ быть признаны государствами. Остается лишь одно предположеніе, именно, что разбираемое опредѣленіе имѣетъ въ виду государство, какъ идеаль общегитія, съ точки зрѣнія практической политики, тѣмъ болѣе, что вся книга г. Грибовскаго, какъ уже сказано, представляетъ изъ себя лишь подборъ разнообразныхъ иллюстрацій къ этому опредѣленію изъ государственной жизни Византіи. Но въ такомъ случаѣ предлагаемое авторомъ опредѣленіе совершенно недостаточно для обоснованія его книги, такъ какъ этотъ политическій идеаль

нимало не предѣшаетъ средствъ и способовъ его осуществленія, и положеніе, что «оцѣнка дѣятельности правительства производится суммой отзывовъ о немъ со стороны остальныхъ группъ, имъ представляемыхъ, иначе говоря, общественнымъ мнѣніемъ» (стр. 32), является у автора ничѣмъ рѣшительно не обоснованнымъ и съ опредѣленіемъ государства не связаннымъ положеніемъ. Помимо странной мысли о значеніи количества мнѣній, независимо отъ ихъ качества, въ оцѣнкѣ правительства, это положеніе удивляетъ насъ своею неточностью и недоговоренностью. Политикъ пользуется въ своихъ дѣйствіяхъ общественнымъ мнѣніемъ, считается съ нимъ, но руководствуется не имъ и зачастую по полному праву презираетъ его, какъ, наприимѣръ, Петръ Великій презиралъ враждебное ему и его начинаніямъ общественное мнѣніе. И нечего при этомъ ссылаться, что за одно съ Петромъ были «лучшіе люди»: образъ дѣйствій Петра не разъ являлся прямымъ издѣвательствомъ надъ понятіями не только «лучшихъ», но даже просто порядочныхъ людей. Великій монархъ былъ равенъ себѣ и въ великомъ, и въ маломъ. Кромѣ того, опредѣленіе г. Грибовскаго неудачно и съ логической точки зрѣнія: подъ него подойдетъ буквально всякій общественный союзъ, не исключая даже разбойничьей шайки. Она совершенно не обособляетъ государства изъ видовъ чловѣческаго общенія. Два самыхъ основныхъ признака въ опредѣленіи г. Грибовскаго до такой степени широки и неточны, что представляются въ сущности лишь уклоненіемъ отъ опредѣленія: сложное и подвижное равновѣсіе есть равновѣсіе непостоянное и неопредѣленное. Такими терминами немисливо установить сущность понятій.

Напѣ окончательный выводъ о научномъ достоинствѣ работы г. Грибовскаго является такимъ образомъ довольно неблагоприятнымъ. Исходная точка зрѣнія автора представляется намъ частью неустойчивой, частью прямо ошибочной; фактическій матеріалъ въ большинствѣ случаевъ заимствованъ имъ изъ вторыхъ рукъ; предѣшающія выводы, основныя обобщенія, выведены не изъ самостоятельнаго знакомства съ предметомъ, а изъ чужихъ, притомъ далеко не всегда авторитетныхъ, мнѣній; общіе выводы не новы и не оригинальны, а частныя положенія порой основаны на прямыхъ ошибкахъ. Иной средній читатель, конечно, могъ бы и этимъ удовольствоваться, такъ какъ средній читатель во всякой наукѣ ищетъ главнымъ образомъ общихъ выводовъ и окончательныхъ заключеній, полагаясь на авторитеты въ отношеніи ихъ состоятельности; но наука желаетъ имѣть дѣло только съ оригинальными мнѣніями и ихъ фактической и логическою мотивировкою, совершенно не нуждаясь въ повтореніи и изложеніи однажды высказанныхъ воззрѣній словами, которое относится къ области преподаванія и изученія, но не къ области изслѣдованія. Быть можетъ, поэтому для лицъ, въ такихъ вопросахъ компетентныхъ, книга г. Грибовскаго является достаточнымъ доказательствомъ его трудолюбія или преподавательскихъ способностей; но для науки, съ точки зрѣнія безпристрастной критики, она является только статистической единицей въ области библиографіи.

В. Никольскій.

Эрнестъ Лависсъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ А. Тимофеевой. Москва. 1897.

Исторія Пруссіи—предметъ очень подробно и всесторонне разработанный германскими учеными, такъ что иноземный авторъ, взявшійся за изученіе этой исторіи, не въ состояніи дать въ ней ничего новаго. Онъ не сообщитъ ни одного факта, который не былъ бы извѣстенъ его нѣмецкимъ коллегамъ и не былъ бы ими подвергнутъ самому тщательному обсужденію, не укажетъ ни одного лица, имя котораго не красовалось бы на страницахъ книгъ, озаглавленныхъ «Geschichte des Preussischen Staates» или «Preussische Geschichte».

Хотя Эрнестъ Лависсъ очень много работалъ надъ исторіей прусскаго государства, его труды не носятъ характера самостоятельныхъ строго научныхъ изслѣдованій. Но, не смотря на это, мы можемъ лишь поблагодарить госпожу Тимофееву за то, что, пожелавъ познакомить русскихъ читателей съ исторіей сосѣдней имъ страны, она выбрала для своего перевода именно «Очерки» Лависса, а не какое либо изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ сочиненій по исторіи Пруссіи. Дѣло въ томъ, что нѣмцы, не взирая на всю кропотливость и добросовѣстность своей работы, дающую имъ возможность ярко освѣтить всякое темное мѣсто изучаемой ими эпохи, не могутъ при изученіи исторіи прусскаго государства отрѣшиться отъ своихъ симпатій къ нему, какъ создателю нынѣшняго германскаго могущества, а потому усиленно выставляютъ на первый планъ все, что можетъ придать Пруссіи въ прошломъ характеръ героическій, между тѣмъ какъ о тѣхъ фактахъ, которые бросаютъ на нее тѣнь, упоминаютъ только нѣсколькими словами, какъ о фактахъ маловажныхъ. Отъ такого упрека не свободенъ даже и знаменитый Ранке, вообще говоря, въ трудахъ своихъ представляющій образецъ безпристрастія. Заслуга Лависса состоитъ именно въ томъ, что, добросовѣстно изучивъ всѣ нѣмецкія сочиненія, посвященныя прусской исторіи, онъ изложилъ ихъ вкратцѣ очень толковымъ и популярнымъ языкомъ, отгѣнивъ при этомъ тѣ факторы этой исторіи, которые являлись мало замѣтными или неправильно освѣщенными у нѣмцевъ, а между тѣмъ играли безусловно значительную роль въ прошломъ прусскаго государства.

Общая мысль, проникающая собою всю книгу Лависса, мысль, прибавимъ, совершенно правильная,—та, что исторія Пруссіи есть только исторія государства, а не народа. «Есть красота», читаемъ мы на стр. 11-ой, «въ исторіи націи, искусственно созданной князьями при помощи канцелярій, въ которыхъ работала трудолюбивѣйшая въ мірѣ администрація. Великое дѣло было образовать этотъ прусскій народъ, пріученный къ порядку, экономіи и повиновенію, это сильное и послушное орудіе правительства, умѣвшаго думать и хотѣть лучше всякаго другого правительства Германіи». И вотъ въ каждомъ изъ своихъ четырехъ очерковъ Лависсъ ясно доказываетъ намъ, что всѣ перипетіи прусской исторіи зависѣли исключительно отъ того, какъ думали и хотѣли князья; что касается всѣхъ остальныхъ факторовъ, которыхъ мы не имѣемъ права игнорировать при изученіи развитія всякаго другого государства, то для Пруссіи они имѣли такъ мало значенія, что почти не заслуживаютъ упоминанія о себѣ; по-сему фразы германскихъ историковъ о «величіи духа прусскаго народа», о «его

высокой исторической миссии, глубоко и издавна имъ сознаваемой» нельзя признать ничѣмъ инымъ, какъ только фразами, не имѣющими за собой реального основанія.

Какъ извѣстно, нынѣшняя Пруссія составилаь изъ слиянія маркграфства Бранденбургскаго и земель, принадлежавшихъ Тевтонскому ордену. Бранденбургская марка была основана въ славянской землѣ еще Карломъ Великимъ, какъ оплотъ противъ разбойническихъ нападений славянъ на границы Германіи; но начало бранденбургскаго могущества надо считать только съ 1134 года, когда Лотарь II отдалъ марку во владѣніе графу Аскавійскому Альбрехту Медвѣдю. Сего послѣдняго нѣмцы стараются возвести въ великіе люди; они увѣряютъ, что цѣлью жизни Альбрехта было обратить въ христіанство дикихъ славянъ и распространить въ ихъ средѣ цивилизацію. Но безпристрастное отношеніе къ фактамъ приводитъ насъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ и выясняетъ намъ, что Альбрехтъ былъ не что иное, какъ безшабашный воитель, какихъ въ средніе вѣка встрѣчались тысячи. Такъ утверждаетъ и Лависсъ; по разсмотрѣніи дѣятельности Альбрехта, онъ говоритъ: «Маркграфъ самъ проявлялъ мало религіознаго рвенія: самые тяжкіе удары онъ наносилъ нѣмцамъ и несомнѣнно съ радостью отдалъ бы за Саксонское герцогство всѣ свои заальбскія владѣнія и славу спасенія душъ всѣхъ славянъ, вмѣстѣ взятыхъ... много надо было нѣмецкимъ историкамъ приложить охоты и старанія, чтобы превратить этого воюка въ пионера германизма и апостола христіанства». Дѣятельность Альбрехта и его ближайшихъ преемниковъ заключалась главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, всѣ они самыми разнообразными, дозволенными и недозволенными способами старались приобрести въ свое владѣніе каждый соседній клочекъ земли и, благодаря какъ своему беззавѣтному мужеству, такъ и въ особенности счастливымъ обстоятельствамъ, дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ довольно успѣшно; во-вторыхъ, они давали приобретеннымъ ими землямъ такое управленіе, которое вполне подчиняло эти земли произволу сюзерена и не давало имъ возможности жить самостоятельной политической жизнью. Поступать такимъ образомъ маркграфамъ было тѣмъ легче, что они не были, подобно прежнимъ вождамъ германцевъ, избраны своими дружинниками, а потому и не находились отъ послѣднихъ въ зависимости. «Завоеваніе было ихъ личнымъ предпріятіемъ, а не дѣломъ націи; имъ приходилось считаться съ заслугами, а не съ правами, и, являясь единственными хозяевами завоеванной земли, они раздавали ее своимъ вассаламъ и подданнымъ на такихъ условіяхъ, какія считали для себя удобными» (стр. 38). Что касается коренного населенія завоевываемыхъ маркграфами земель, принадлежавшаго къ славянскому племени, то его уничтожали всѣми возможными способами. Германскіе историки усиленно выставляютъ на первый планъ такіе факты, какъ допущеніе въ число бранденбургскихъ дворянъ и горожанъ нѣсколькихъ славянскихъ семействъ, что даетъ имъ поводъ говорить о большой гуманности въ отношеніяхъ побѣдителей къ побѣжденнымъ. Но достаточно прочесть книгу Лависсы, чтобы увидѣть, что въ дѣйствительности дѣло обстоило совершенно иначе, и что по своей суровости бранденбургская колонизація ничѣмъ не уступала колонизаціи Америки испанцами и португальцами.

Такой же опустошительный характер носило и завоевание литовской области Пруссии тевтонскими рыцарями. Какъ отъ славянъ, такъ и отъ пруссовъ не оставалось и слѣда къ тому времени, когда ослабѣвшія отъ постоянныхъ неурядицъ земли рыцарскаго ордена подчинились Бранденбургу, тогда уже сильному курфиршеству, гдѣ властителями на мѣсто вымершихъ асканіевъ были гогенцоллерны, рабски слѣдовавшіе пріобрѣтательной политикѣ своихъ предшественниковъ. Замѣчательно однако, что ни одинъ изъ бранденбургскихъ курфирстовъ, а впоследствии прусскихъ королей, изъ дома гогенцоллерновъ никогда не соглашался съ подобнымъ взглядомъ на свою политику, а Фридрихъ Великій въ разговорѣ объ асканіяхъ отзывался о нихъ всегда съ презрѣніемъ, какъ о варварахъ; тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ то же, что дѣлали маркграфы и грессмейстеры ордена; прочтеніе шестой и седьмой главъ книги Лависса, гдѣ говорится о гогенцоллернахъ-колонизаторахъ, ясно показываетъ намъ, что «государство гогенцоллерновъ, съ болѣе совершенными средствами и болѣе ясными идеями, продолжало ту самую работу, которую начали маркграфы и рыцари». Эта завоевательная и колонизаторская работа еще и теперь не кончилась, и, надо думать, кончится лишь тогда, когда отъ самой Пруссіи не останется слѣда: «Пруссіи самой судьбой предназначено безгранично стремиться къ расширенію» (стр. 53). Въ настоящее время такія двѣ силы, какъ Франція, въ особенности же Россія врядъ ли дадутъ Пруссіи возможность расширять свои владѣнія въ Европѣ. Хорошо сознавая это, нынѣшніе прусскіе государи обратили свою колонизаторскую дѣятельность на Африку, и такимъ образомъ, говоритъ Лависсъ въ концѣ перваго очерка, доказали еще разъ, что въ знаменательной фразѣ: «война національный промыселъ Пруссіи», сказанной въ прошломъ столѣтіи Мирабо, заключается глубокая истина.

К. Лосекій.

Сергій Жигаревъ. Русская политика въ восточномъ вопросѣ (ея исторія въ XVI—XIX вѣкахъ, критическая оцѣнка и будущія задачи). Историко-юридическіе очерки. Томъ I и II. Москва. 1896.

Г. Жигаревъ поставилъ цѣлью своихъ историко-юридическихъ очерковъ выясненіе истинныхъ интересовъ Россіи въ восточномъ вопросѣ и формулировку нашихъ къ нему отношеній. Определенію настоящаго смысла восточнаго вопроса, которое, по мнѣнію г. Жигарева, должно предшествовать изученію исторіи вопроса, посвящено введеніе въ книгѣ: т. I, стр. 1—60. Восточный вопросъ разсматривается, обыкновенно, съ точки зрѣнія двухъ ученыхъ: Соловьева и Данилевскаго. По Соловьеву, смыслъ восточнаго вопроса—въ борьбѣ Европы съ Азіей, морскаго берега со степью; по Данилевскому—многовѣковая борьба на востокѣ есть, собственно, проявленіе борьбы двухъ культурно-историческихъ типовъ: романо-германскаго и славяно-греческаго. Г. Жигареву не нравятся ни то, ни другое опредѣленіе: его взглядъ на смыслъ восточнаго вопроса, вытекающій изъ краткаго историческаго обзора, формулируется такъ. Восточный вопросъ есть «трудная и сложная задача, состоящая въ томъ, чтобы обезпечить собственные матеріальные интересы на Востокѣ и помочь

своимъ восточнымъ единовѣрцамъ и единомышленникамъ въ борьбѣ съ мусульманствомъ за національное и религіозное самосохраненіе, вывести ихъ изъ турецкаго порабощенія и ввести въ семью европейскихъ народовъ, не нарушая законныхъ интересовъ и правъ какъ остальныхъ независимыхъ державъ Европы, такъ и самихъ турецкихъ христіанъ» (т. I, стр. 49). Г. Жигаревъ, не соглашаясь съ опредѣленіями Соловьева и Данилевскаго и выдвигая свое собственное, съ цѣлью замѣнить ихъ формулы, дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, логическую ошибку. Дѣло въ томъ, что Соловьевъ и Данилевскій стараются уяснить себѣ смыслъ борьбы на востокъ, тогда какъ вышеприведенныя строки, формулирующія взглядъ г. Жигарева, заключаютъ въ себѣ опредѣленіе нашихъ задачъ на востокъ, а вовсе не уясненіе смысла борьбы. Опредѣливъ, въ чемъ эти задачи, г. Жигаревъ обращается къ исторіи русской политики въ восточномъ вопросѣ, которой посвящена большая часть изслѣдованія: т. I, стр. 60—460, и т. II, стр. 1—313, всего около 700 страницъ. Разработана эта часть исключительно на основаніи имѣвшихся въ печати данныхъ, не давая ничего новаго и интереснаго въ фактическомъ отношеніи и не представляя особой цѣнности. Кромѣ того, авторъ иногда забываетъ о цѣли своего обзора («прослѣдить общее направленіе и опредѣлить результаты нашей политики») и дѣлаетъ его уже изъ любви къ обзорамъ: это отзывается, во-первыхъ, на объемѣ книги, а, во-вторыхъ, на вниманіи читателя.

Исторію восточной политики г. Жигаревъ дѣлитъ на три періода: въ основу дѣленія положены два фактора: движеніе Россіи на югъ и постепенное усиленіе недоувѣрія Европы къ Россіи. Намъ кажется, въ основу дѣленія слѣдовало бы положить постепенную реализацію двухъ идей, составляющихъ сущность восточной политики: идеи матеріальныхъ захватовъ и идеи національной. Вотъ характеристика тѣхъ трехъ періодовъ, на которые дѣлитъ г. Жигаревъ исторію политики. Первый, кончающійся смертью Елисаветы Петровны, періодъ—это «періодъ подготовительный, характеризующійся, съ одной стороны, одновременной, а иногда совмѣстной, борьбой Россіи и Западной Европы противъ Оттоманской имперіи ради собственной безопасности, а съ другой постепеннымъ развитіемъ у европейской дипломатіи страха за торговые и политическіе интересы заморскихъ державъ въ Турціи» (стр. 50). Второй періодъ (съ половины XVIII вѣка до 1841 г.) — періодъ быстрого поступательнаго движенія Россіи на балканскій полуостровъ и прямо-пропорціональнаго усиленія недоувѣрія Европы къ ея восточной политикѣ (стр. 52). Третій періодъ исторіи восточнаго вопроса, продолжающійся до нашихъ дней, характеризуется не столько борьбою Россіи съ мусульманствомъ, сколько соперничествомъ враждующихъ между собой вліяній великихъ державъ, покровительницъ Турціи, и подвластныхъ ей христіанскихъ народностей (стр. 53). Въ этотъ третій, современный намъ, періодъ двѣ идеи, составляющія сущность нашей политики, реализовались такъ: «вопросъ о нашихъ матеріальныхъ интересахъ на Востокъ, сводящійся въ настоящее время къ вопросу о пропускѣ русскаго военнаго флота черезъ Дарданельскій и Босфорскій проливы, въ этотъ періодъ не разрѣшенъ въ желательномъ для Россіи смыслѣ; что же касается до вопроса о нашихъ религіозно-національныхъ интересахъ, состоящихъ въ достиженіи окончательнаго

распадения Оттоманской имперіи и образованія на ея развалинахъ новыхъ независимыхъ политическихъ тѣлъ изъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ народностей, то разрѣшеніе этого вопроса въ современный намъ періодъ отношеній Россіи къ Турціи настолько подвинулось впередъ, что цивилизованному европейскому міру едва ли придется долго ждать полнаго освобожденія изъ-подъ турецкаго ига всѣхъ христіанъ Востока» (т. II, стр. 312). Очевидно, періоды г. Жигарева недостаточно характерны. Хорошо только то, что г. Жигаревъ въ вопросѣ о матеріальныхъ интересахъ на Востокѣ стоитъ на твердой почвѣ, сводя этотъ вопросъ только къ вопросу о пропускѣ русскаго военнаго флота черезъ Дарданельскій и Босфорскій проливы и ни къ чему болѣе.

Наиболѣе цѣнна въ изслѣдованіи г. Жигарева та часть, въ которой онъ дѣлаетъ довольно неутѣшительный критическій обзоръ прошлой политики Россіи, что, сдѣлать впрочемъ, нетрудно. Г. Жигаревъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) наше правительство, начиная съ конца прошлаго вѣка, совершенно не имѣло яснаго представленія о своихъ интересахъ, какъ матеріальныхъ, такъ и религіозно-національных; 2) политика Россіи была совершенно не національна и 3) не справлялась съ интересами Европы. Съ этими положеніями г. Жигарева приходится отчасти согласиться.

Последній отдѣлъ сочиненія г. Жигарева посвященъ вопросу о задачахъ будущей политики Россіи на Востокѣ, — замѣчательно наивный отдѣлъ, гдѣ г. Жигаревъ рѣшаетъ восточный вопросъ съ точки зрѣнія международного права. Онъ глубоко несогласенъ съ націоналистическимъ взглядомъ, по которому рѣшеніе вопроса состоитъ въ утверженіи русскаго господства надъ проливами и въ поставленіи подъ охрану Россіи съ подчиненіемъ ея политическому руководству, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Г. Жигаревъ совершенно порицаетъ всякую охрану Россіи надъ имѣющими быть славянскими государствами. Федеративное ихъ устройство онъ предпочитаетъ всякому другому. Съ Константинополемъ г. Жигаревъ поступитъ такъ: или вольный городъ, или столица Болгарскаго царства, либо центръ федераціи. Почему, именно, Константинополь долженъ быть столицей Болгарскаго царства, г. Жигаревъ не объясняетъ. Вопросъ о проливахъ долженъ быть рѣшенъ въ смыслѣ признанія полной свободы плаванія по нимъ для военныхъ и торговыхъ судовъ всѣхъ націй безъ исключенія. Путь, которымъ долженъ быть рѣшенъ восточный вопросъ, исключительно мирный и, кромѣ того, право рѣшать должно быть отнято у обнаружившихъ свою несостоятельность дипломатовъ и передано въ руки ученымъ. При рѣшеніи вопроса нужно отказаться отъ преслѣдованія политическихъ стремленій и во всѣхъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ строго держаться принциповъ международного права и общей справедливости. Россія должна стремиться къ установленію коллективнаго протектората на востокѣ и отнюдь не должна думать о выходѣ изъ европейскаго концерта, тѣмъ болѣе, что она связана европейскимъ соглашеніемъ по дѣламъ Востока. Вотъ какъ рѣшаетъ восточный вопросъ г. Жигаревъ по теоріи международного права. Но ведь теорія, какъ извѣстно, весьма часто расходится съ практикой. Подите, скажите на конференціи: «господа, откажемся отъ эгоистическихъ стремленій, рѣшимъ дѣло по началамъ справедливости», неужели

вы думаете, что васъ послушаютъ! Кромѣ того, г. Жигаревъ объясняетъ еще слѣдующіе. Россія, образуя новыя государства на развалинахъ Турціи, всегда заботилась главнымъ образомъ объ устройствѣ ихъ армій и ровно ничего не дѣлала для устройства школъ, для интересовъ просвѣщенія и насажденія тамъ русской науки. Вотъ—первая задача Россіи, какъ видите, не требующая для своего разрѣшенія большихъ усилій. Россія будто бы всегда чувствовала большой недостатокъ въ дипломатахъ, опытныхъ и достойныхъ своего званія, людяхъ русскаго происхожденія и духа. Наши дипломаты, большею частью, основательно не знали своего дѣла и никогда не имѣли серьезной научной подготовки. Причина этого—въ недостаткахъ нашей дипломатической организаціи. Исправить эти недостатки путемъ реформированія учебныхъ заведеній, занимающихся подготовкой дипломатовъ,—вторая задача русскихъ людей, и эту задачу рѣшить не трудно. Такимъ образомъ, если бы г. Жигаревъ очутился во главѣ нашихъ иностранныхъ дѣлъ, то онъ быстро разрѣшилъ бы восточный вопросъ къ общему удовольствію и создалъ бы плеяду великихъ дипломатовъ.

П. Щ.

Николай Сперанскій. Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Съ приложеніемъ автобіографіи Ө. Платтера. Москва. 1896.

До самаго недавняго времени господствующимъ въ наукѣ утвержденіемъ по вопросу объ исторіи народной школы въ Западной Европѣ было то, что въ средніе вѣка начальныхъ школъ не существовало. Вину этого печальнаго явленія съ особенной охотой возлагали на средневѣковое католическое духовенство, при чемъ въ данномъ случаѣ полнымъ унисономъ звучали голоса французскихъ ученыхъ—противниковъ клерикализма, и нѣмецкихъ ученыхъ—протестантовъ. Для первыхъ указанный выводъ былъ основнымъ доказательствомъ въ пользу практическаго требованія—отдать современную школу въ руки свѣтскаго правительства и отстранить доказавшее свою неспособность духовенство; для вторыхъ готовая формула о невѣжествѣ среднихъ вѣковъ являлась лишнимъ доводомъ въ пользу утвержденія, что Лютеръ и реформація должны быть признаны настоящими родоначальниками всей системы теперешняго образованія. Клерикалы долго терпѣли эту блокаду двухъ враждебныхъ партій и, наконецъ, рѣшили заглянуть въ архивы, не подыщется ли тамъ хоть слабое основаніе къ тому, чтобы занять болѣе достойное положеніе въ спорѣ. Начавшаяся въ этихъ цѣляхъ разработка французскихъ провинціальныхъ архивовъ вскорѣ наполнила радость сердца ищущихъ: они нашли неисчислимое количество документовъ, доказывающихъ, что въ средніе вѣка чуть не въ каждомъ приходѣ была своя школа. Архивныя находки послужили матеріаломъ для цѣлаго ряда изслѣдованій, скороспѣлые выводы которыхъ дали клерикальной партіи поводъ гордо поднять голову и изъ положенія оборонительнаго перейти въ наступательное. Ссылаясь на громадное количество средневѣковыхъ школъ, клерикалы стали бросать, напримѣръ, укоръ революціи, что она заглушила разросшееся было дѣло народнаго образованія. Скоро,

впрочемъ, ликованіе клерикаловъ приняло болѣе умѣренный характеръ, такъ какъ путемъ болѣе спокойнаго и безпристрастнаго изслѣдованія пришлось значительно уменьшить количество школъ, выведенное по горячему подсчету; при этомъ было выяснено, что недостатки въ постановкѣ образованія таковы, что количество ихъ не должно возбуждать особенной радости. Во всякомъ случаѣ полного согласія по вопросу о средневѣковомъ образованіи еще не послѣдовало въ средѣ западно-европейскихъ ученыхъ: съ одной стороны клерикалы «сдабриваютъ сухія произведенія своей кухни подливкой изъ постнаго масла съ медомъ» (стр. 10), трактуя о великихъ заслугахъ духовенства въ народномъ образованіи; съ другой—нѣкоторые отгѣвнокъ личныхъ симпатій носятъ и труды ихъ противниковъ, для которыхъ иногда десятокъ другой новыхъ фактовъ, сгруппированныхъ «безъ всякой попытки историческаго освѣщенія», служатъ достаточнымъ поводомъ «къ превознесенію революціи и злобнымъ насмѣшкамъ надъ католицизмомъ» (стр. 10). Этотъ недостатокъ спокойствія въ научныхъ сужденіяхъ и широкое господство «призмы современности» и дали поводъ г. Сперанскому самостоятельно разобраться въ томъ богатомъ матеріалѣ, какой накопился по данному вопросу въ западно-европейской литературѣ.

Коснувшись въ главнѣйшихъ чертахъ той умственной пищи, которую средневѣковая школа питала мозгъ своихъ учениковъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что «средневѣковая школка только буквально выучивала читать и писать, но давая вовсе ученику пониманія того, что онъ читаетъ и пишетъ», а потому «была явленіемъ совершенно особаго порядка»; «видѣть въ ней, руководствуясь только внѣшними признаками, полную аналогію съ нашей народной школой, значить обнаруживать недостатокъ критическаго смысла» (стр. 27). Установивъ такимъ образомъ настоящій взглядъ на дѣло, авторъ разсматриваетъ положеніе образованія въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какими ограничивала свою задачу тогдашняя школа. Тутъ приведенъ рядъ любопытныхъ выписокъ, рисующихъ плачевное положеніе образованія. Слова С. Галленскаго монаха, біографа Карла Великаго, что «во дворцѣ его все отлично читали, даже и безъ пониманія»; епископъ Мейнверкъ, во всеуслышаніе возносящій молитвы *pro mulis et mulabus tuis* (за ослевъ и ослицъ твоихъ) только потому, что одинъ шутникъ подчистилъ первый слогъ въ текстѣ молитвы въ словахъ — *famulis et famulabus tuis* (за рабовъ и рабынь твоихъ) — этими и подобными примѣрами авторъ живо иллюстрируетъ умственный уровень питомцевъ тогдашней школы. Спрашивается, въ чемъ же коренится причина того, что система учебнаго дѣла приняла такую не совсѣмъ естественную, даже странную форму. Посвятивъ разработкѣ этого вопроса обширную II главу (34—97) своего изслѣдованія, авторъ представилъ яркую характеристику основъ средневѣковой жизни, того своеобразнаго сочетанія христіанскихъ идей и грубаго языческаго суевѣрія (съ рѣшительнымъ преобладаніемъ послѣдняго), которое царило въ умахъ тогдашняго общества и которое создало столько контрастовъ и уродливостей въ складѣ средневѣковой жизни, а въ частности — породило и средневѣковую школу съ ея бьющими въ глаза аномаліями. Средневѣковый католицизмъ — иначе говоря «грубый фетишизмъ съ христіанскою терминологіей»---

вотъ тотъ краеугольный камень, который положенъ въ основу средневѣковой школы; неудивительно, что и зданіе вышло шаткимъ и отличалось не совсѣмъ разумной архитектурой. Руководитель школы — католическое духовенство; всѣмъ извѣстно, что такое — высшее духовенство въ средніе вѣка, а низшее ничѣмъ не отличалось отъ пасты: сельскій пастырь «въ праздники сидитъ съ прихожанами въ шинкѣ, играетъ въ бабки или бьется на деревенской площади на кулачки» (стр. 52). И вотъ на такой своеобразной основѣ — христіанской только по имени — подъ главенствомъ полубразованныхъ руководителей содалась народная школа на Западѣ. Неудивительно, что противъ ея несообразностей начинаютъ ратовать лучшіе умы своего времени; касаясь монастырскихъ школъ, Абельяръ не безъ рѣзкости замѣчаетъ: «никто тамъ не трудится надъ разумѣніемъ писанія, а преподается только пѣніе, да умѣнье только складывать слова безъ пониманія: какъ будто для овецъ важнѣе блеять, чѣмъ кормиться» (стр. 56). И такава была постановка дѣла въ массѣ школъ; конечно, существованіе отдѣльныхъ образовательныхъ центровъ съ разумнымъ веденіемъ дѣла не могло повліять на общій ходъ; «всѣ эти знаменитыя школы представляютъ собою не прочныя центры просвѣщенія, а блуждающіе огоньки въ томъ болотномъ туманѣ, который густой пеленой окутывалъ Европу» (стр. 90). Авторъ справедливо возстаетъ противъ того «сближенія событій въ пространствѣ и времени», путемъ котораго тенденціозные изслѣдователи ухитряются нарисовать совершенно невѣрную «картину довольно оживленной умственной жизни общества въ эти столѣтія».

Внѣшніе приемы преподаванія, учебники, школьный строй, описанные въ III главѣ (стр. 98—152) — все это было облечено въ уродливыя формы, дѣлавшія школу тяжелой пыткой для питомца. «На наковальнѣ, подъ тяжкими ударами молота взросилъ меня Господь», — этотъ отзывъ современника о школьныхъ годахъ будетъ вполнѣ понятнымъ, если взглянуть на тогдашнюю постановку учебнаго дѣла. Изученіе пѣнія обратилось въ нравственную муку для учениковъ вслѣдствіе примитивной системы изображенія нотъ и ритма. Курсъ грамматики представлялъ невѣроятныя трудности, благодаря варварскимъ учебникамъ; «писатели XVI вѣка, въ дѣтствѣ учившіеся по *Doctrinale* (учебникъ), сравниваютъ его съ лабиринтомъ, гдѣ жилъ Минотавръ» (стр. 114). Что касается ариѳметики, вошедшей теперь въ курсъ низшей школы, то эта наука считалась тогда доступной только высшимъ умамъ, представлялась вѣнцомъ знанія; недаромъ въ средніе вѣка существовали почетныя ученые степени — докторъ дѣленія или умноженія (стр. 118). Для полноты картины слѣдуетъ добавить, что «розга въ средніе вѣка является символомъ школы», а учитель фактически былъ палачомъ своихъ питомцевъ, и Швабское зеркало предусматриваетъ даже случай, какому наказанію подвергать учителя, если онъ убьетъ ученика на смерть. Мы не будемъ останавливаться на яркой картинѣ быта тогдашнихъ учениковъ, какую даетъ авторъ на основаніи современныхъ свидѣтельствъ, а возьмемъ лишь одно цѣнное заключеніе автора, которое неволью напрашивается въ видѣ вывода по вопросу о законмѣрности такой школьной системы. Многіе склонны думать, что эта система при всѣхъ своихъ отрицательныхъ качествахъ имѣетъ и хорошія стороны, ибо «чѣмъ, какъ не воспита-

нѣмь, объяснить то могучее развитіе характера, которымъ отличаются средне-вѣковые ученые и мыслители. Это заключеніе ошибочно, и высокою гуманностью отличается другой выводъ автора, который справедливо осуждаетъ эту систему: вѣдь, мощными фигурами дѣятелей, съ уснѣхомъ прошедшихъ эту школу, заслоняются отъ нашихъ глазъ печальные образы тѣхъ безвѣстныхъ жертвъ, которыя гибли и уродовались подъ палкой воспитателя на тернистомъ пути тогдашней науки» (стр. 131—132).

При такой ужасающей обстановкѣ нѣтъ ничего удивительнаго, что главный контингентъ воспитанниковъ доставляли тѣ классы, которые были менѣе обезпечены. Разбирая вопросъ о сословномъ составѣ школы (IV глава), авторъ приводитъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ проповѣдей Лютера, сказанную имъ по поводу паденія образовательныхъ учрежденій. Слова реформатора: «перестань простые люди учить своихъ дѣтей, погибли бы и церковь и государство, и возвратились бы времена варварства»,—почти не нуждаются въ поправкахъ, и авторъ дополняетъ сказанное Лютеромъ лишь немногими штрихами. Благородное сословіе дворянъ великодушно уступило привилегію образованія «подлымъ» людямъ, а само предпочитало болѣе легкое и не такъ головоломное воинское искусство. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ школы поступали дѣти дворянъ, они пополняли собою ряды студентовъ-гулякъ, а по выходѣ изъ школы «шли только въ главный штабъ средневѣковой ученой арміи».

Значительный интересъ представляетъ VI глава, гдѣ авторъ знакомитъ насъ съ своеобразной постановкой учительскаго труда. Въ средніе вѣка школа представляла собою ни болѣе ни менѣе, какъ «видъ промышленнаго предпріятія, и подчиняется общему характеру экономическаго строя своей эпохи» (стр. 213). Право открывать школы составляло монополію городовъ и сеньеровъ, и ректоръ «обязывался также платить аренду, какъ ее платили съемщики городскихъ мельницъ, банъ и винныхъ погребовъ» (стр. 223). Вслѣдствіе этого, учителемъ назывался въ средніе вѣка всякій самостоятельный школьный подрядчикъ, который набиралъ себѣ помощниковъ «числомъ поболѣе, цѣною подешевле». Учительскій заработокъ былъ крайне ничтоженъ: въ то время, какъ погонщикъ ословъ зарабатывалъ 7—8 флориновъ на хозяйскихъ харчахъ, учитель довольствовался вознагражденіемъ въ 3 флорина безъ стола. Да и этотъ нищенскій заработокъ былъ мало гарантированъ, почему учителя ведутъ образъ жизни номадовъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто. Что касается собственно народнаго, сельскаго учителя, то его положеніе хорошо обрисовалъ Фишеръ, говоря: «его нищенскій образъ жизни, его приниженное положеніе стали притчею во языцѣхъ у того самаго народа, который справедливо можетъ считать себя первымъ по постановкѣ дѣла народнаго образованія» (стр. 197). Болѣе подробно г. Сперанскій изображаетъ общественное положеніе учителей въ VII главѣ, и мы укажемъ лишь главнѣйшія черты. «Звонарь, причетникъ и учитель деревенской школы до самаго XIX вѣка всегда сливались въ одномъ лицѣ» (стр. 244). Въ школьныхъ договорахъ на первомъ мѣстѣ указываются такія обязанности учителя: заботиться о церковной утвари и мести церковь каждую субботу, звонить аккуратно ко всѣмъ церковнымъ службамъ, а когда будетъ собираться гроза, днемъ ли, ночью ли,

учитель обязан всякій разъ звонить, «чтобы она не надвигалась на деревню». Въ XVI вѣкѣ другъ Меланхтона, Ёбанъ Гессъ, такъ писалъ о своей профессіи: «Всякая другая работа даетъ человѣку возможность жить: школьный учитель влачить свои дни въ ужасной нищетѣ, и гордость окружающихъ смѣшиваесть его съ грязью. Послѣдній писаришка, подьячій, бродячій монахъ смогрять на него свысока. Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ учительство!» (стр. 270).

Двѣ послѣднія главы имѣютъ характеръ общихъ очерковъ. Въ VIII главѣ г. Сперанскій выясняетъ заслуги францисканскаго ордена въ дѣлѣ воспитанія средневѣковыхъ народныхъ массъ, а въ заключительной главѣ суммируетъ главные результаты своей работы и касается тѣхъ нерегламентированныхъ образовательныхъ формъ, путемъ которыхъ приобрѣтало свои знанія рыцарское сословіе и классъ ремесленниковъ. Нельзя не пожалѣть, что авторъ такъ кратко остановился на значеніи цеховъ (321—322 стр.) въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія ремесленнаго класса. Выказанныя авторомъ мысли такъ оригинальны, что заслуживали бы болѣе подробнаго развитія, и мы удивляемся, почему авторъ не посвятилъ особой главы выясненію этой любопытной и столь симпатичной средневѣковой особенности.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе труда г. Сперанскаго. Это изслѣдованіе поучительно не только, какъ мастерски нарисованная картина минувшаго; оно даетъ богатый матеріалъ для выводовъ и заключеній и о настоящемъ народной школы. Сравнивая положеніе средневѣковой школы съ современной, читатель не безъ горечи убѣждается, что прогрессъ въ этой области движется черепашинымъ шагомъ, и что глаголемые радѣтели школы съ ревностью, достойной лучшей участи, оберегаютъ немалую часть вѣковыхъ предрассудковъ, отъ которыхъ такъ страдала средневѣковая школа и надъ которыми давно произнесла свой суровый, но безпристрастный судъ исторія. Поэтому талантливо и ярко написанное изслѣдованіе г. Сперанскаго, гдѣ сгруппированъ и освѣщенъ гуманной идеей богатый фактический матеріалъ, является весьма кстати именно въ настоящее время, когда поставленъ на очередь вопросъ о народномъ образованіи, и руководители этого важнаго дѣла никакъ не могутъ столкнуться между собою по самымъ основнымъ вопросамъ.

К. Х.

Преподобный Феодоръ Студитъ и его время (759—826 гг.). Священника Василя Преображенскаго. Москва. 1896.

Преподобный Феодоръ Студитъ былъ однимъ изъ весьма видныхъ церковныхъ дѣятелей въ эпоху иконоборства (VIII—IX в.). Онъ выдѣлялся изъ ряда другихъ сторонниковъ иконопочитанія своимъ образованіемъ, твердостью характера и общественнымъ положеніемъ, такъ какъ былъ игуменомъ знаменитаго въ Византіи Студійскаго монастыря. Онъ высоко держалъ знамя православія въ борьбѣ за почитаніе иконъ, былъ столпомъ и опорой православныхъ въ тяжелые дни жестокихъ преслѣдованій ихъ со стороны иконоборцевъ и самъ подвергался гоненію и страданіямъ, за что и получилъ титуло

исповѣдника. Свою борьбу противъ иконоборцевъ Феодоръ Студитъ велъ и при помощи литературныхъ произведеній и оставилъ послѣ себя полемическіе труды, не потерявшіе значенія и до настоящаго времени, а также огласительныя поученія для иноковъ. Все это говоритъ въ пользу того, что священникъ Преображенскій сдѣлалъ удачный выборъ предмета для своего труда,—описать жизнь и дѣятельность преподобнаго Феодора Студита въ связи съ современными церковно-историческими событіями. Какъ же онъ выполнилъ свою задачу?

Книга священника Преображенскаго состоитъ изъ предисловія (стр. 1—6), гдѣ намѣчается задача ея, и оправдывается выборъ темы, и одиннадцати главъ. Въ первой главѣ (стр. 5—18) описывается состояніе византійскаго общества въ царствованіе императора Константина Копронима (741—775 г.), причемъ авторъ главнымъ образомъ рассказываетъ о гоненіяхъ и мученіяхъ, которымъ подвергались въ это время иконопочитатели. Глава вторая (стр. 19—35) сообщаетъ о дѣтскихъ годахъ жизни преподобнаго Феодора и его школьномъ образованіи; здѣсь любопытны тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ о внутренней организаціи византійской школы—низшей, средней и высшей. Въ третьей главѣ (стр. 36—48) говорится о состояніи монашества въ первую половину иконоборческой эпохи и о вліяніи на византійское общество одного изъ представителей иночества преподобнаго Платона, игумена олимпійскаго, дяди Феодора Студита, который также испыталъ на себѣ вліяніе этого замѣчательнаго человѣка. Оно выразилось въ томъ, что Феодоръ 22-хъ лѣтъ постригся въ монахи и подвизался въ монастырѣ Саккудіонѣ, близъ Константинополя; описанію его жизни въ этой обители и иноческихъ подвиговъ посвящена четвертая глава (стр. 49—65), въ концѣ которой рассказывается о седьмомъ вселенскомъ соборѣ (787 г.), на которомъ состоялось вѣроопредѣленіе о почитаніи иконъ. Въ пятой главѣ (стр. 66—80) описывается столкновеніе императора Константина VI съ саккудіонскими иноками, протестовавшими противъ незаконнаго брака царя съ Теодотіей, и рассказывается о первой ссылкѣ стоявшаго во главѣ протестующихъ иноковъ преподобнаго Феодора въ Солунь, гдѣ онъ прожилъ цѣлый годъ до смерти Константина (797 г.). Возвратившись въ Константинополь, Феодоръ получилъ въ управленіе знаменитый Студійскій монастырь, который въ его игуменство былъ прекрасно устроенъ съ внутренней и внѣшней стороны, имѣлъ въ своихъ стѣнахъ до 1.000 монаховъ, былъ образцомъ иноческой жизни и подвиговъ для другихъ византійскихъ монастырей (глава шестая, стр. 90—121). Въ седьмой главѣ (стр. 122—168) сообщается о дѣятельности Феодора Студита въ царствованіе императора Никифора (802—811 г.), при которомъ Феодоръ подвергся второй ссылкѣ изъ столицы и заключенію на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ за оппозицію противъ патріарха Никифора, возстановившаго въ санѣ Іосифа эконома, который незаконно повѣнчалъ императора Константина VI съ Теодотіей; по смерти императора Никифора, преподобный Феодоръ возстановилъ общеніе съ патріархомъ и былъ возвращенъ въ Студійскій монастырь. Но при императорѣ Львѣ V армянинѣ (813—820 г.) преподобный Феодоръ въ третій разъ былъ удаленъ въ ссылку за открытое исповѣданіе

иконопочитанія и безстрашную защиту его предъ императоромъ; о дѣятельности его противъ иконоборчества, выразившейся и въ многочисленныхъ письмахъ, повѣствуетъ глава восьмая (стр. 169—227). Въ девятой главѣ (стр. 228—261) авторъ знакомитъ съ послѣдними годами дѣятельности преподобнаго Теодора—въ царствованіе Михаила II Косноязычнаго (820—829 г.), при которомъ Теодоръ возвратился изъ ссылки, жилъ въ своемъ монастырѣ, заботясь о благѣ церкви и защищая иконопочитаніе, и скончался въ 826 году. Въ главахъ десятой (стр. 261—312) и одиннадцатой (стр. 313—356) дѣлается краткій обзоръ сочиненій Теодора Студита—католическихъ поученій, полемическихъ и другихъ произведеній, съ болѣе подробнымъ анализомъ его ученія о почитаніи и поклоненіи честнымъ иконамъ.

Сочиненіе священника Преображенскаго можетъ имѣть только популярное значеніе, такъ какъ ему недостаетъ многихъ качествъ, чтобы признать его изслѣдованіемъ ученымъ. Напримѣръ, въ книгѣ нѣтъ критическаго обзора обширной литературы вопроса, нѣтъ самостоятельнаго отношенія къ источникамъ и пособіямъ, а наблюдается рабское къ нимъ отношеніе и т. п. Да и какъ трудъ популярный, книга Преображенскаго не свободна отъ крупныхъ пробѣловъ. Для примѣра укажемъ на то, что изслѣдователю дѣятельности знаменитаго игумена Студійскаго монастыря слѣдовало сказать о первоначальной исторіи этой обители—ея возникновеніи въ VI вѣкѣ и значеніи, а также выяснитъ особенности Студійскаго устава сравнительно съ другими византійско-восточными типиками, пользуясь замѣчательной книгой профессора А. А. Дмитріевскаго (Описаніе литургическихъ рукописей... Т. I. Толкѣ. Кіевъ. 1895 г.),—но о. Преображенскій уклонился отъ этихъ трудныхъ вопросовъ. Книга написана хорошимъ языкомъ. Σ.

Эд. Б. Тэйлоръ. Первобытная культура (изслѣдованія развитія миеологии, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ). Второе изданіе, исправленное и дополненное по 3-му англійскому изданію 1891 г. Подъ редакціей Д. А. Корочевскаго. Томъ I. Спб. 1896. Тоже. Томъ II. Спб. 1897.

Эдуардъ Бёрнетъ (Burnett) Тайлоръ, или Тэйлоръ (Tylor)¹⁾—теперь почтенный старикъ (род. въ 1832), уже давно состоящій директоромъ университетскаго музея въ Оксфордѣ и президентомъ антропологическаго общества, началъ свою учено-литературную дѣятельность въ 1865 г. книгой: *Researches*

¹⁾ Было бы, по малой мѣрѣ, бесполезно жаловаться на укоренившійся у насъ обычай писать иностранныя имена фонетически, а не орфографически, тѣмъ болѣе что онъ имѣетъ и свою хорошую сторону; но есть случаи, когда нельзя не посягнуть, что при нѣкоторыхъ именахъ не ставятъ въ скобкахъ ихъ англійскаго оригинала: кромѣ этого Тайлора, есть, по крайней мѣрѣ, три писателя, два англичанина и одинъ американецъ, которыхъ у насъ, хотя и не вполне правильно, называютъ Тайлорами, и которые въ оригиналѣ пишутся Taylor (какъ и одинъ изъ президентовъ американскихъ штатовъ). Каково же рыться въ энциклопедическомъ словарѣ, напрасно отыскивая между ними Тайлора-антрополога?

into the Early History of Mankind (Исследования по древнейшей истории человеческого рода), за которой въ 1871 г. послѣдовала настоящая книга. Въ 1872—1873 годахъ вышелъ ея прекрасный русскій переводъ и произвелъ, какъ мы ясно помнимъ, въ интеллигентныхъ кружкахъ положительный фуроръ: доценты самыхъ разнообразныхъ специальностей зачитали публичныя лекціи о первобытной культурѣ; терминъ переживаніе именно съ тѣхъ поръ вошелъ во всеобщее употребленіе; нѣсколько односторонняя, но поразительно простая и ясная міеологическая теорія Тэйлора (поклоненіе душамъ предковъ), совпадающая, какъ извѣстно, въ основныхъ чертахъ со взглядомъ Спенсера, подѣйствовала благотворно отрезвляющимъ образомъ на многихъ горячихъ поклонниковъ натуръ-міеологической школы; антропологія, этнографія и даже сама суровая археологія обязаны въ значительной степени своимъ оживленіемъ книгѣ Тэйлора. Даже недостатокъ этой книги, отчасти сознаваемый и самимъ авторомъ, — излишнее нагроможденіе доказательствъ (прибавимъ отъ себя, часто однообразныхъ), послужилъ ей на пользу: самый непонятливый и самый предубѣжденный противъ взглядовъ Тэйлора читатель и пойметъ и повѣритъ такъ глубоко убѣжденному автору, который съ чисто англійской настойчивостью вдабливаетъ ему въ голову свои оригинальныя и новыя, а въ то же время чрезвычайно простыя и ясныя положенія.

Эта же особенность книги послужила причиной ея медленнаго расхода: четверть столѣтія распродалось среди нашей столь чуткой въ подобныхъ случаяхъ публики одно изданіе; развѣ это не удивительно? Дѣло въ томъ, что основныя положенія «Первобытной культуры» сдѣлались извѣстны каждому изъ рецензій и лекцій; а кто бралъ книгу въ библіотекѣ, тому безчисленныя указанія на дагомейцевъ, веддаховъ, тасманійцевъ и пр. (особенно во 2-мъ томѣ) рѣдко внушали желаніе приобрести книгу въ собственность, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ указателя, который облегчилъ бы постоянное ея пользованіе. Къ сожалѣнію, указателя нѣтъ и при второмъ изданіи.

Не смотря на это не лишнее обстоятельство, мы не можемъ не выразить самой искренней радости, что книга Тейлора вновь появляется теперь въ изобиліи на нашемъ книжномъ рынкѣ и въ томъ же прекрасномъ переводѣ. Пусть она опять расходуется хоть двадцать лѣтъ: за эти годы наша молодежь будетъ имѣть честную и хорошую книгу, важную не только по тѣмъ идеямъ, которыя проводитъ она, по тѣмъ фактамъ, которые она сообщаетъ, но и по тѣмъ откровеннымъ, честнымъ, серьезно-научнымъ и въ то же время вполне цѣлесообразнымъ приемамъ работы и изложенія, которыми пользуется авторъ. Она важна и по широтѣ взгляда исследователя и по его умѣнью пользоваться самымъ разнообразнымъ и свѣжимъ матеріаломъ, которымъ несправедливо пренебрегали его предшественники. А для многихъ десятковъ юныхъ или полу-юныхъ читателей эта книга теперь, въ девяностыхъ годахъ, будетъ даже важнѣй, чѣмъ была въ семидесятыхъ: мало ли въ настоящее время умовъ, даже и не слабыхъ, готовыхъ, не скажу, увлечься, но задуматься надъ спиритизмомъ, медиумизмомъ и ихъ вновь изобрѣтаемыми разновидностями? Спорить съ ними бесполезно, насмѣхаться надъ ними — вредно; несравненно лучше обратить ихъ вниманіе на многолѣтній трудъ почтеннаго ученаго, который безъ

раздраженія и партійности изслѣдуетъ тѣ же самыя явленія на низшей и средней ступени ихъ развитія.

Если колеблющійся внимательно и безъ предвзятой мысли прочтетъ книгу Тэйлора, мы увѣрены, что развѣ въ одномъ случаѣ изъ десяти онъ не измѣнитъ своего взгляда на то, что слишкомъ страстные люди напрасно называютъ болѣзнью вѣка, какъ бы уродствомъ, и что, на самомъ дѣлѣ, есть явленіе вполне нормальное и законное, подлежащее научному изслѣдованію и обобщенію.

Для тѣхъ, кто случайно незнакомъ съ книгой Тэйлора въ 1-мъ изд., приведемъ вкратцѣ ея оглавленіе: глава I—Наука о культурѣ, гл. II—Развитіе культуры, гл. III и IV—Переживаніе въ культурѣ, гл. V и VI—Эмоціональный и подражательный языкъ, гл. VII—Искусство счисленія, гл. VIII—X—Миеология, гл. XI—XVII—Анимизмъ; гл. XVIII—Обряды и церемоніи, гл. XIX—Заключеніе.

А. К.

Матеріалы по исторіи и географіи Дисненскаго и Виленскаго уѣздовъ Виленской губерніи. Изданіе А. Сапунова и кн. В. Друцкаго-Любецкаго. Витебскъ. 1896.

Это весьма почтенный и добросовѣстный трудъ, потребовавшій отъ составителей его не только изученія многочисленныхъ источниковъ, но и личныхъ изслѣдованій. Оба уѣзда, Дисненскій и Вилейскій, описаны подробно. Сперва сдѣланъ географическій ихъ обзоръ, съ указаніемъ всѣхъ рѣкъ, озеръ, болотъ, почвы, климата, флоры и фауны и т. д. Затѣмъ изложены историческія судьбы названныхъ уѣздовъ, и, наконецъ, перечислены всѣ наиболѣе замѣчательныя мѣстечки и деревни, съ находящимися въ нихъ храмами и достопримѣчательностями. Описанія иллюстрированы 65 тщательно исполненными рисунками, а въ приложеніи приведены 39 разнообразныхъ актовъ. Сверхъ того, составители собрали всѣ преданія, сохранившіяся въ посѣщенныхъ ими мѣстностяхъ, такъ что въ книгѣ разсѣяно не мало любопытныхъ свѣдѣній о разныхъ лицахъ, игравшихъ болѣе или менѣе видную роль въ судьбахъ Западнаго края. Напримѣръ, при описаніи села Глубокаго приложенъ очень рѣдкій портретъ М. Н. Муравьева и разсказаны слѣдующія подробности о пребываніи его въ этомъ селѣ, во время польскаго мятежа 1831 года. «Муравьевъ занимался возстановленіемъ законнаго порядка въ Дисненскомъ и сѣверной части Борисовскаго уѣздовъ и допросами шляхты. Днемъ и ночью, въ которомъ бы то ни было часу, какъ только приводили кого либо изъ арестованныхъ, нужно было тотчасъ же доложить ему, а если онъ спалъ, то разбудить, и примѣра не было, чтобы онъ полѣнился встать или отложилъ допросъ до утра. Заботливость его и ласковое обращеніе съ подчиненными были превыше всякихъ похвалъ. Всѣ окружающіе не могли надивиться его неумоимости и долготерпѣнію при разспросахъ виновныхъ: онъ видимо былъ доволенъ, когда ему отвѣчали смѣло и откровенно, хотя бы и рѣзко, лишь бы говорили правду, но, къ несчастью, это случалось не всегда».

Вообще трудъ г. Сапунова и князя Друцкаго-Любецкаго можетъ служить

примѣромъ для изслѣдователей различныхъ мѣстностей нашего отечества, а историкъ Западнаго края найдетъ въ немъ не мало матеріаловъ для своихъ работъ. С. Ш.

Сборникъ разсказовъ. Путеводитель. Поволжье, Приуралье и лѣчебныя степи. Пути сообщенія, замѣчательныя мѣстности и особенности края, горно-заводск., лѣчебн., промышленн., историческія и др. Карта путей Россіи. Планы бывшихъ столицъ, у г. Царева и с. Волгары. Рисунки, изображ. народные типы, монеты, украшенія, зданія и т. п. Изд. Ө. Суринъ. Сборникъ первый. Спб. 1897.

Въ этой книгѣ очень многое, начиная съ заглавія, поражаетъ удивительной разбросанностью и беспорядочностью. Нельзя сказать, чтобы изданіе было недобросовѣстно; напротивъ, очень замѣтно любовное отношеніе автора къ дѣлу, но исполнено оно уже слишкомъ беспорядочно. Въ этой книгѣ 7 или 8 главъ, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой счетъ страницъ, есть глава въ 9 страницъ. Одинъ отдѣлъ, какъ и подобаеть путеводителю, даетъ практическія свѣдѣнія, нужныя для путешествующаго «отъ верховьевъ Волги до Каспійскаго моря и рѣки Печоры». Посѣщающій, напримѣръ, Кинешму можетъ найти въ путеводителѣ г. Сурина слѣдующее:

«7 т. жит. пассаж. парох. прист. Замѣч. мѣста: Успенскій соборъ. Виды съ бульвара. Часовня. Г. сгорѣлъ въ 1890 г. Въ уѣздѣ фабр.—ткацкая бумагопр. Куломзинская фосфоритн. мука». Какъ видите, свѣдѣнія тщательныя, въ такомъ же родѣ о другихъ городахъ. Одно небольшое замѣчаніе: при каждомъ городѣ проставлена стоимость проѣзда на пароходѣ отъ этого города, въ большинствѣ случаевъ не указано, на чьихъ пароходахъ берутъ такую цѣну, въ слѣдующемъ отдѣлѣ читатель найдетъ описаніе снаряженія путешествующихъ, между прочимъ, даже описаніе снаряженія Нансена. Остальные отдѣлы книги заняты описаніемъ различныхъ археологическихъ реликвій. Авторъ путеводителя—сторонникъ той мысли, что путешествія вызываютъ страсть къ археологическимъ изслѣдованіямъ. Удовлетворить эту страсть онъ и хочетъ своимъ описаніемъ. Мы не думаемъ, чтобы путешественникъ, прочтя это описаніе, возгорѣлъ страстью къ археологіи, не думаемъ даже, прочтетъ ли онъ его, развѣ ужъ очень скучно будетъ. Впрочемъ археологическіе этюды автора путеводителя—не недостатокъ книги, которую можно рекомендовать всѣмъ желающимъ проѣхаться по Волгѣ «себѣ на утѣшеніе и назиданіе». Ш.

Е. К. Рѣдинъ. Мозаики Равеннскихъ церквей. Спб. 1896.

Въ итальянскомъ городѣ Равеннѣ сохранились весьма интересные памятники византійскаго искусства, именно, мозаики, относящіяся къ V—VII вѣкамъ. Въ виду того, что въ самой Византіи отъ означенной эпохи сохранились лишь немногіе аналогичные памятники, г. Рѣдинъ взялъ на себя трудъ

изучить памятники Равенны, носящiе на себѣ несомнѣнные слѣды византийско-восточнаго влiянiя и въ высокой степени отразившiе на себѣ художественный стиль и иконографическiе типы Востока. Съ этой цѣлью онъ совершилъ въ 1891—1892 году путешествiе въ Италию и результаты изученiя мозаикъ равеннскихъ церквей на мѣстѣ представилъ въ отмѣченной книгѣ. Она состоитъ изъ введенiя, восьми главъ изслѣдованiя и заключенiя. Во введенiи (стр. 1—10) дѣлается научный обзоръ трудовъ по изученiю равеннскихъ мозаикъ. Глава первая (стр. 11—48) описываетъ мозаики православной крещальни и арианской, вторая (стр. 49—72)—мозаики усыпальницы Галлы Платидiн; въ третьей главѣ (стр. 73—123) рѣчь идетъ о церкви св. Аполлинарiя Новаго, въ четвертой (стр. 124—169)—о церкви св. Виталия, въ пятой (стр. 170—179)—о капеллѣ Петра Хризолога, въ шестой (стр. 180—195)—о церкви св. Аполлинарiя во Флотѣ, въ седьмой (стр. 196—202)—о церкви св. Михаила въ Африческо; восьмая глава (стр. 203—217) посвящена погибшимъ мозаикамъ, а въ заключенiи книги (стр. 218—224) предложены общiе выводы. Книга иллюстрируется 58 рисунками и двумя таблицами съ изображенiями Иисуса Христа. Трудъ г. Рѣдина составленъ умѣло и старательно и представляетъ немаловажный вкладъ въ русскую литературу. О.

Пуритане и Стюарты. С. Гардинера. Переводъ съ англiйскаго А. Каменскаго. Спб. 1896.

Реставрацiя Стюартовъ и Людовикъ XIV. О. Эйри. Изданiе О. Н. Поповой. Спб. 1896.

Большинство изданiй О. Н. Поповой обнимаетъ собою серьезныя отрасли знанiй и вошло въ такъ называемую культурно-историческую библиотечку, составленную почтенной издательницей изъ Гиббиса (Промышленная исторiя Англiи), Минье (Исторiя французской революцiи), Мармери (Прогрессъ науки), Буасье (Картины древне-римской жизни), Гардинеръ и Эйри о пуританскомъ періодѣ въ англiйской исторiи и т. д. Эти серьезныя историческiя работы предназначены по преимуществу для самообученiя читающей массы и посвящены описанiю какого нибудь выдающагося періода изъ политической жизни народа или его философи. Сочиненiя С. Гардинера и О. Эйри о пуританахъ и Стюартахъ дополняютъ другъ друга и касаются чрезвычайно любопытной эпохи въ исторiи Англiи, заключающейся въ побѣдѣ народа и высшихъ классовъ надъ королевскою властью изъ-за религіозной свободы и конституцiоннаго порядка. Величественныя типы армiи Кромвеля и хлыщи реставрацiи, вмѣстѣ съ преступностью Стюартовъ передъ нацiей и окончательное ихъ паденiе—надолго будутъ занимать собою англiйскихъ ученыхъ, дорожащихъ распространенiемъ свѣдѣнiй о величественномъ прошломъ ихъ родины, обезпечившемъ ей навсегда культурное развитiе. Въ этомъ духѣ составлены г. г. Гардинеръ и Эйри историческiя руководства о семнадцатомъ столѣтiи исторiи Англiи, отличающiяся сжатостiю, мастерскою характеристикой главныхъ дѣятелей и такимъ

искусствомъ въ группировкѣ и освѣщеніи событій, что у читателя получается ясная и живая картина одного изъ важныхъ по своимъ послѣдствіямъ періодовъ въ англійской исторіи. Благодаря этому періоду, говоритъ С. Гардинеръ, «ни одному королю, ни одному министру, въ наши времена, не придетъ въ голову послать полкъ солдатъ въ зданіе парламента, чтобы при помощи грубой физической силы сдѣлать чистку среди его членовъ и такимъ способомъ отобрать тѣхъ, кто заслуживаетъ чести участвовать въ голосованіи, отъ тѣхъ, кто этого не достоинъ. Ни одинъ король и ни одинъ министръ никогда не подумаетъ теперь управлять Англійей въ духѣ, несогласномъ съ волею народа. Но, съ другой стороны, все это сдѣлалось возможнымъ именно потому, что всѣ разумныя требованія Кромвеля и предшествовавшего ему Страффорда осуществились въ жизни».

А. Ф.—въ.

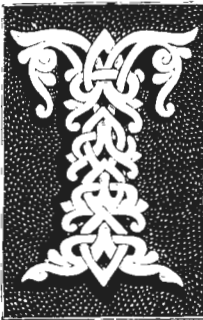
Н. Карѣвъ. Основные вопросы философіи и исторіи. 3-е (сокращенное) изданіе. Спб. 1897.

«Основные вопросы философіи исторіи» появились на свѣтъ, кажется, въ 1884 году. Въ двухъ довольно объемистыхъ томахъ проф. Н. Карѣвъ хотѣлъ «дать синтезъ всѣхъ современныхъ ученій философіи, естествознанія, антропологии, психологии и социологии... дать общую теорію психического процесса, исторической эволюціи, исторического прогресса». Въ 1887 г. появилось второе изданіе, въ которомъ авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя, впрочемъ, несущественныя сокращенія, касавшіяся отдѣловъ съ слишкомъ спеціальнымъ и эпизодическимъ характеромъ, цитатъ и библиографическихъ подробностей. По пути сокращеній въ такомъ же родѣ пошелъ авторъ и въ новомъ, третьемъ, уже однотомномъ изданіи. Несомнѣнно, отъ этого книга выигрываетъ, особенно въ виду той цѣли, съ которой дѣлается это изданіе, рассчитанное на читателей-неспециалистовъ, стремящихся самообразовываться. Нельзя не отмѣтить того факта, что въ нашемъ обществѣ, особенно, въ средѣ молодежи, пробудилось сознательное стремленіе къ самообразованію; нельзя не отмѣтить и того факта, что со стороны компетентныхъ лицъ много дѣлается въ этихъ цѣляхъ: достаточно для примѣра привести дѣятельность комиссіи по организаціи домашнего чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. За какихъ нибудь три года ею выпущено нѣсколько весьма тщательно выбранныхъ книжекъ. На встрѣчу стремленіямъ къ самообразованію идетъ и г. Карѣвъ. Несомнѣнно, что тѣ вопросы, которымъ посвящаетъ онъ свою книгу, должны быть интересны и въ высшей ступени важны для каждаго читателя, стремящагося къ самообразованію. Такой читатель съ пользой прочтетъ книгу г. Карѣва. Это новое изданіе облегчитъ ему чтеніе, а цѣна (2 р. 50 к.) дѣлаетъ доступнымъ ея приобрѣтеніе.

Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТРУДЫ по археологiи и классической старинѣ. Извѣстный профессор Сейсъ рассказываетъ въ январской книжкѣ «Contemporary Review» ¹⁾ о недавнемъ открытіи въ двухъ вавилонскихъ городахъ глиняныхъ дощечекъ съ важными историческими надписями о событіяхъ, происшедшихъ за 3000 лѣтъ до той эпохи, которую прежде считали началомъ міра. Эти открытія сдѣланы въ Телохъ французскимъ консуломъ въ Басрѣ, Сарзекомъ, въ 1876—1880 гг., а въ Нуфарѣ американской археологической экспедиціей въ 1888—1896 гг. всего найдено 65.000 дощечекъ. Наибольшее ихъ количество находится въ Константинополѣ, гдѣ ихъ разсмотрѣніемъ занимается цѣлая фаланга ориенталистовъ, изъ которыхъ одинъ, профессоръ Гильбрехтъ, почти потерялъ зрѣніе отъ усиленнаго труда. Кромѣ того, арабы предлагаютъ англійскому правительству купить значительное число этихъ историческихъ документовъ, которые имъ удалось скрыть отъ ученыхъ. И тѣ изъ этихъ документовъ, которые уже разобраны, представляютъ, по заключенію авторитетныхъ ассириологовъ, драгоценныя данныя для знакомства съ давнопрошедшей стариной. Нишуръ, въ настоящее время Нуфаръ, былъ одинъ изъ самыхъ древнихъ центровъ вавилонской цивилизаціи, и его главный храмъ, посвященный «Господу міра духовъ», былъ основанъ въ началѣ халдейской эпохи. Впослѣдствіи, когда государи и жрецы семитическаго племени заняли мѣсто первобытныхъ сумерійцевъ, то Вааль мѣсто первого

¹⁾ Recent Discoveries in Babylonia. By pr. Sayce. Contemporary Review, january, 1896.

божества въ свою очередь уступилъ съ теченіемъ времени Бель-Меродаху. Развалины храма именно древняго Ваала открыла теперь американская экспедиція, подъ руководствомъ Петерса и Гейса; раскопки были произведены самымъ методичнымъ образомъ и постепенно переходили изъ верхняго слоя къ низшему, то-есть отъ историческихъ временъ къ доисторическимъ. Подводя итоги этимъ важнымъ находкамъ, профессоръ Гильбрехтъ опредѣляетъ, что храмъ Ваала въ Нипурѣ основанъ за 6000 или 7000 лѣтъ до Р. Х., а самыя древнѣйшія изъ найденныхъ дощечекъ относятся до V и VI вѣка передъ нашей эрой; такимъ образомъ исторія Вавилона можетъ вполне соперничать по старинѣ съ исторіей Египта. Текстомъ этихъ дощечекъ вполне доказывается, что королевскій вавилонскій лѣтописецъ Набонидъ правильно отнесъ царствованіе царя Нарам-Сана къ 3800 году до Р. Х. Оказывается, что съ самыхъ отдаленныхъ временъ вавилонскіе лѣтописцы заносили годъ за годомъ всѣ важныя событія царствованія каждаго государя, а при переимѣнн династіи составляли хронологическій списокъ всѣхъ государей вымершей или лишенной престола династіи. Дошедшіе до насъ теперь, благодаря означеннымъ раскопкамъ, частные контракты официально помѣчены ссылкой на соответствующее царствованіе, и, такимъ образомъ, вполне подтверждено существованіе такихъ халдейскихъ государей, которыхъ отвергалъ Нибуръ. Ихъ имперія распространялась отъ Персидскаго залива до Средиземнаго моря, а въ царствованіе самаго замѣчательнаго изъ этихъ государей вавилонское искусство и клинообразныя письма достигли высшей степени совершенства. Мало того, по словамъ Гильбрехта, надписи, найденныя въ Нипурѣ, доказываютъ, что задолго до Саргона существовалъ государь, по имени Лугаль-Заги-Си, въ царствованіе котораго за 4000 лѣтъ до Р. Х. въ вавилонской монархіи были уже большіе города, древніе храмы и значительно развитая цивилизація, имѣвшая своимъ языкомъ сумерійское нарѣчіе. Впоследствии этотъ языкъ, съ примѣсью семитическаго, выродился въ такъ называемый теперь ассирійскій языкъ, но все-таки сумерійское нарѣчіе очень долго держалось и медленно умирало, подобно кельтическому въ Великобританіи. Профессоръ Гоммель выводитъ первобытную цивилизацію Египта отъ таковой же халдейской и доказываетъ, что египетскій языкъ сформировался изъ вавилонскаго или ассирійскаго. Какъ ни богаты результаты разсмотрѣнныхъ профессоромъ Сейсомъ археологическихъ открытій, онъ предсказываетъ, что новыя раскопки, производимыя докторомъ Шейлемъ, по порученію турецкаго правительства, въ Сиппарѣ, Изинѣ и Эрехѣ, приведутъ еще къ важнѣйшимъ находкамъ. Согласно отчету объ археологическихъ работахъ въ индійской провинціи Непалѣ за послѣдніе мѣсяцы прошедшаго года, калькутская газета «Pioneer», а за нею «Revue Encyclopedique», отъ 6 февраля¹⁾, сообщаетъ объ открытій мѣста рожденія Будды. Раскопки произведены, по распоряженію мѣстныхъ властей, англійскими чиновниками, въ Манзѣ-Нигливѣ и Манзѣ-Падеріѣ, гдѣ находится много буддистскихъ развалинъ и монолитовъ. Одинъ изъ послѣднихъ, возвышающійся на три метра

¹⁾ Lieu de naissance du Boudda. Faits et documents. Revue Encyclopedique, 6 февраля 1897 г.

надъ землей и усѣянный надписями паломниковъ, обратилъ на себя вниманіе лицъ, завѣдывавшихъ раскопками, и, сдѣлавъ въ землѣ углубленіе въ три съ половиною метра, они нашли надпись, которая гласила, что великій государь Пейадоси, болѣе извѣстный въ буддистскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Асоки, воздвигнулъ въ садахъ Лумбины, двадцать лѣтъ тому назадъ, этотъ монолитъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родился Будда. До сихъ поръ не было точно извѣстно мѣсто рожденія Будды, и обыкновенно предполагали, что онъ родился въ Капилавастѣ, гдѣ жила семья Саккія-Муни. Теперь, найденный памятникъ, воздвигнутый Асокой, приблизительно въ 239 году до Р. Х., находится въ 28 километрахъ къ востоку отъ Капилавасты, отъ которой остались однѣ развалины. Если не на новыхъ археологическихъ открытіяхъ, то на строго научныхъ выводахъ основанъ новый расчетъ христіанской эры, составленный и напечатанный ученымъ англійскимъ изслѣдователемъ священныхъ писаній, докторомъ Кунингамомъ Гейки, въ январьской книжкѣ «Homiletic Review» ¹⁾. Признаваемая до сихъ поръ христіанская хронологія составлена Діонисіемъ Малымъ въ VI вѣкѣ, и она опредѣляетъ рожденіе Иисуса Христа въ 754 году по основаніи Рима, но самый поверхностной исторической справки достаточно, чтобы доказать неправильность этой хронологіи, такъ какъ Иродъ, бывшій въ живыхъ при рожденіи Христа, достоверно умеръ въ 750 году. Кромѣ того, Діонисій говоритъ, что, согласно апостолу Лукѣ, Іоаннъ Креститель, бывшій немного старше Иисуса Христа, началъ свое общественное служеніе въ пятнадцатомъ году царствованія Тиверія, и что Иисусу Христу было тогда тридцать лѣтъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ предположить, что во время смерти Ирода Иисусу Христу было не менѣе двухъ лѣтъ, а слѣдовательно онъ родился въ 748 году. Такимъ образомъ оказывается, что христіанская хронологія ошибается на шесть лѣтъ, и мы теперь живемъ уже въ 1903 году.

Переходя къ новымъ изслѣдованіямъ классической старины, прежде всего остановимся на томъ любопытномъ фактѣ, что Британскій музей продолжаетъ, чуть не ежедневно, открывать невѣдомые отрывки греческой поэзіи на папирусахъ, найденныхъ въ Фивахъ. Зикорридь Меклеръ анализируетъ въ номерѣ нѣмецкаго журнала Nation отъ 25 декабря ²⁾ одну изъ такихъ находокъ, именно отрывокъ изъ сочиненія неизвѣстнаго греческаго поэта, относящагося несомнѣнно къ александрійской эпохѣ, хотя его произведеніе не имѣетъ ничего общаго съ извѣстными поэтическими сочиненіями александрійской школы. Оно не походитъ, ни по формѣ, ни по содержанію, на поэзію Калемаха, ни на пастушескія идилліи Теоокрита. Невѣдомая поэма, подъ названіемъ «Жалоба обольщенной молодой дѣвушки», составляетъ монологъ, рассказывающій печальную судьбу юной дочери народа, которую обмануль невѣрный любовникъ, а по отрывочному, простому, но образному стилю, она составляетъ новое, своеобразное явленіе въ литературѣ иголомеевской эпохи. Другой нѣмецкій журналъ

¹⁾ The Exact date of the Rirth at Chriect, by D. Geikie. Homiletic Review. January, 1897.

²⁾ Ein Alexandrian phragment, von Siegfried Mekler. Die Nation, 25 December, 1896.

Deutsche Rundschau помѣстилъ въ своей первой книжкѣ настоящаго года ¹⁾ ученую статью Фрица Шеля о празднованіи въ Римѣ начала каждаго столѣтія. Свѣдѣнія объ этихъ вѣковыхъ августовскихъ празднествахъ найдены на мраморныхъ плитахъ, открытыхъ при недавней регуляризаціи теченія Тибра. Вотъ какъ нѣмецкій ученый описываетъ этотъ, доселѣ мало извѣстный, римскій обычай: каждый вѣкъ имѣлъ своего бога, который передавалъ свое наслѣдіе преемнику при окончаніи своего послѣдняго года. Этимъ путемъ и должны объясняться такіе термины, какъ вѣкъ Сатурна, вѣкъ Юпитера, вѣкъ Нептуна, вѣкъ Плутона, вѣкъ Аполлона. Этотъ послѣдній вѣкъ соотвѣтствовалъ рожденію Октавія. Странно сказать, но римскіе вѣки состояли не изъ ста, а изъ ста девяти лѣтъ; въ честь начала каждаго изъ нихъ устраивались праздники, длившіеся три дня и къ которымъ приготавливались вирожденіе шести дней. Послѣ третьяго дня праздника наступалъ день отдыха, а затѣмъ была еще праздничная, такъ сказать, отвальная недѣля. Вѣковые праздники 456 года до Р. X. происходили 26, 27 и 28 мая, и по этому случаю каждый римскій гражданинъ со своей женой и дѣтьми долженъ былъ явиться къ жрецу и получить отъ него факелы и извѣстное количество сѣры для очищенія дома отъ нечистыхъ духовъ. Во время праздниковъ происходили театральныя представленія, маскарады, танцы, пантомимы, концерты, атлетическія игры, бой со звѣрями, факельныя шествія и такъ далѣе. Богамъ приносились въ жертву девять черныхъ агнцевъ и столько же козъ, а также на алтари возлагались любимые богами и жрецами пироги съ медомъ и тертымъ сыромъ; кромѣ того, Юнонѣ подносили сто десять матронъ бѣлую телку. Профессоръ Канья въ *La Vie Contemporaine* рисуетъ блестящую картинку обѣда въ древнемъ Римѣ ²⁾. День у римлянина былъ занятъ не меньше, какъ теперь у современнаго чело-вѣка: онъ посѣщалъ своихъ кліентовъ, ходилъ въ суды, принималъ участіе въ преніяхъ сената и народныхъ собраніяхъ, или слушалъ рѣчи ораторовъ, такъ что только вечеръ оставался ему для развлеченій. Первое мѣсто между этими развлеченіями занимали обѣды, на которыхъ только со времени имперіи принимали участіе женщины, наравнѣ съ мужчинами. Обыкновенно садилось, или, правильнѣе, ложилось, за столъ небольшое число лицъ, не меньше числа, грацій и не больше числа музъ. Гости являлись въ легкихъ одеждахъ и въ сандаліяхъ, занимали мѣста по указанію распорядителя обѣда и послѣ молитвы, произнесенной хозяиномъ, получали по вѣнку изъ цвѣтовъ, которымъ увѣнчивали свою голову. Прежде начала банкета хозяинъ громко читалъ меню, хотя нѣкоторыя блюда и заключали въ себѣ сюрпризы: такъ извѣстенъ случай, что на одномъ банкетѣ былъ поданъ цѣлый зажаренный олень, изъ внутренности котораго, когда его разрѣзали, вылетѣли живые дрозды. За десертомъ начинались тосты, при чемъ обычай требовалъ, чтобы предлагающій тостъ вышивалъ столько чашъ, сколько было буквъ въ имени чествуемаго лица. Тутъ же вводили въ залу пѣвцовъ и танцоровъ обоюго пола; такимъ образомъ банкетъ

¹⁾ Die Secularfeier des Augustus und das Festgedicht des Horas, von Fritz Schöll. Deutsche Rundschau, 28 januar, 1897.

²⁾ Les diners de l'ancienne Rome, par M. Cagnat. La Vie Contemporaine decembre, 1896.

кончался кутежемъ, продолжавшимся до глубокой ночи. Изъ новыхъ книгъ о римской старинѣ слѣдуетъ упомянуть о почтенномъ изслѣдованіи профессора Лильскаго университета Эмиля Тома «Римъ и имперія въ первые два вѣка нашей эры» ¹⁾, которая знакомитъ съ жизнью образованныхъ римлянъ на основаніи послѣднихъ эпиграфическихъ и археологическихъ открытій, а также о серьезномъ трудѣ Адольфа Шультена о римскихъ латифундіяхъ, то-есть о крупныхъ землевладѣніяхъ, которыя, по словамъ Плинія, погубили въ концѣ концовъ тогдашнюю Италію ²⁾.

— Византійская эпопея конца X вѣка. Съ нѣкоторыхъ поръ французскіе историки обращаютъ большое вниманіе на византійскую исторію, и начинъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ теперешнему министру народнаго просвѣщенія Расибо, который еще въ 1870 году издалъ свой трудъ о Константинѣ Порфирородномъ и византійской администраціи X вѣка. Одно изъ первыхъ мѣстъ среди его послѣдователей занимаетъ профессоръ Шлумбергеръ, или, какъ французы его называютъ, Шлюмберже. Прежде всего онъ занялся изученіемъ документовъ и опредѣленіемъ хронологіи въ обширномъ трудѣ «Сагилографія Византійской имперіи», а потомъ посвятилъ цѣлый рядъ историческихъ монографій Византіи X вѣка, когда могущество греческой имперіи находилось въ своемъ апогеѣ. Первый томъ этого обширнаго труда, долженствующаго возстановить по всѣмъ правиламъ современной науки лѣтопись Византійской имперіи съ начала царствованія Никифора-Ѳоки въ 963 г. до вступленія на престолъ династіи Комненовъ въ 1057 году—обнимаетъ эпоху Никифора-Ѳоки, а только что вышедшій второй томъ, подъ заглавіемъ «Византійская эпопея конца X столѣтія», рассказываетъ славное царствованіе Іоанна Цимисхія и первые года его преемника Василія III ³⁾. Книга французскаго ученаго представляетъ интересъ не только по тщательному изслѣдованію подлинныхъ матеріаловъ, печатныхъ и письменныхъ, на греческомъ, латинскомъ, арабскомъ, армянскомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ, но и благодаря блестящему изображенію въ приложенныхъ иллюстраціяхъ главныхъ произведеній византійскаго искусства того времени. Такимъ образомъ Шлумбергеръ своими изслѣдованіями знакомитъ Европу съ настоящей политической и художественной Византіей, которая была не только, какъ полагали прежде западные историки, центромъ придворныхъ интригъ, борьбы голубыхъ и зеленыхъ, иконоборства, договоровъ предательства и т. д., но и ареной, гдѣ дѣйствовали великіе полководцы, тонкіе политики, изящные художники и вообще историческія личности, напоминающія средневѣковую эпоху Западной Европы, съ тѣмъ только различіемъ, что ни Гомеръ, ни Вергилій, никогда не обращали на себя вниманіе западныхъ рыцарей, и, напротивъ, великія тѣни Аѳинъ и Рима всегда витали надъ Византіей. Поэтому, по замѣчанію Шлумбергера, исторія Греческой имперіи отличается тѣмъ характеромъ, который составляетъ отличительную черту конца среднихъ вѣковъ на Западѣ и начала эпохи возрожденія, такъ что византій-

¹⁾ Rome et l'Empire aux premiers siècles de notre ère, par E. Thomas. Paris. 1896.

²⁾ Die römischen Grundherrschaften. von Adolf Schulten. Weimar, 1896.

³⁾ L'Épopée Byzantine à la fin du X siècle, par G. Schlumberger. Paris. 1896.

скую цивилизацію можно назвать безконечною серією середних вѣковъ, пере-рѣзанною многими эпохами возрожденія, продолжавшеюся тысячу лѣтъ и, быть можетъ, сохранившеюся бы до нашего времени, если бы не явились на сцену турки.

— Казнь Карла I. Англійскій журналъ «Cornhill Magazine», перешедшій въ прошломъ году въ завѣдываніе новой редакціи, открылъ съ январьской книжки настоящаго года особый историческій отдѣлъ, въ которомъ помѣщается ежемѣсячно двѣ статьи: первая состоитъ изъ перечня по днямъ за текущій мѣсяць всѣхъ главнѣйшихъ событій англійской исторіи: политической, общественной, литературной и художественной, съ самыми краткими примѣчаніями, подъ общимъ заглавіемъ: «Календарь англичанина»; а вторая статья посвящена подробной характеристикѣ одного изъ этихъ замѣчательныхъ историческихъ событій. Чтобы судить объ интересѣ и разнообразіи «Календаря англичанина», наминающаго позитивистскій календарь Огюста Конта, достаточно указать, что на январьскіе дни выпали такіа событія, какъ основаніе Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1607 году, открытіе перваго англійскаго парламента въ 1265 году, рожденіе фізіолога сэра Чарльза Белля, великаго ученаго Бекона и живописца Винта, смерть драматурга Конгрева, мореплавателя Бафина и политическаго дѣятеля Вильяма Витта, появленіе логарифмовъ Напира, открытіе Британскаго музея и установленіе почтовой марки въ пейсъ. Подробныя историческія статьи первыхъ трехъ номеровъ журнала посвящены казни Карла I, 30 января 1649 года, крушенію корабля Birkenhead 26 февраля 1852 года и смерти Елизаветы 24 марта 1603 года; наиболѣе интересна первая изъ нихъ, принадлежащая перу Ч. Фирта ¹⁾. Авторъ начинаетъ и оканчиваетъ свою статью съ обсужденія того любопытнаго факта, что въ продолженіе двухсотъ лѣтъ каждое 30 января сопровождалось особой торжественной церковной службой въ память этого событія, съ цѣлью, согласно парламентскому постановленію въ 1660 году, при Карлѣ II, умилостивить Господа постомъ и слезами за то, что злые люди, сыны Ваала, осквернили свои руки кровью помазанника. До XVIII вѣка этотъ день поста и слезъ свято сохранялся всѣми, но въ эту эпоху безграничнаго скептицизма и ограниченія монархической власти въ Англии почтенные виги, какъ, наиримѣръ, брикеръ палаты депутатовъ Онело, заявляли желаніе уничтожить этотъ анахронизмъ, но никто не рѣшился сдѣлать подобное предложеніе, а Джонсонъ сказалъ по этому предмету своему другу Босвелю: «я не желалъ бы, чтобы актъ, установившій этотъ обычай, былъ постояннымъ, и предпочелъ бы, если бы его ограничили вѣковымъ срокомъ, а такъ какъ этого не случилось, то я не полагаю, чтобы можно было его теперь прямо отмѣнить, а такъ же посоветовалъ бы парламенту сдѣлать постановленіе, чтобы этотъ обычай продлился еще столѣтіе, а затѣмъ былъ бы отмѣненъ». Событія осуществили желаніе Джонсона, и въ 1859 году изъ англійскаго церковнаго требника была исключена особая поминальная служба на 30-е января. Что касается до существа разсказа Фирта, то онъ хотя изложенъ графич-

¹⁾ The execution of Charles I, by C. Firth. Cornhill Mahazine, january.

чески и безпристрастно, но не представляет ничего новаго. Судъ и казнь Карла I были вызваны, какъ выразился Кромвель въ парламентѣ, не изъ ненависти къ королю, а вынуждены обстоятельствами и допущены волей Провидѣнія. Дѣйствительно, Айертонъ долго соглашался только на судъ надъ королемъ и его тюремное заключеніе, а не казнь; самъ же Кромвель предлагалъ и не судить короля, если онъ согласится на предложенныя условія, а только, послѣ упорнаго отказа Карла согласиться на какія бы то ни было условія, его судьба была рѣшена. 6 января былъ составленъ обвинительный актъ отъ имени парламента и всего добраго народа Англіи; самый же составъ суда былъ опредѣленъ парламентомъ въ 135 комиссаровъ, которые дѣйствовали, какъ судьи и присяжные. Около половиныотказалось отъ возложенной на нихъ обязанности изъ боязни отвѣчать за непредусмотрѣнный конститутціей судъ надъ королемъ. Поэтому, когда 20 января началось судебное разбирательство, то судей и присяжныхъ явилось только 70, кромѣ трехъ настоящихъ судей, предсѣдателя Джона Браммо и двухъ ассессоровъ: Лайля и Сея. Обвинителями были три адвоката, а отъ защитниковъ король отказался, считая судъ некомпетентнымъ. Три дня продолжалось дѣло, и было спрошено значительное число свидѣтелей, но Карлъ упорно отказывался отъ всякихъ объясненій на томъ основаніи, что король можетъ отвѣчать за свои дѣйствія только Богу, а не народу. Въ виду этого судъ рѣшилъ постановить приговоръ заочный, хотя и въ присутствіи подсудимаго. 26 января, шестьдесятъ два комиссара приговорили Карла къ смертной казни, но прежде объявленія ему приговора было заявлено, что онъ можетъ просить новаго разсмотрѣнія дѣла, если станетъ давать отвѣты; но онъ снова отказался и просилъ выслушать его въ соединенномъ присутствіи верхней и нижней палаты, обѣщая сообщить нѣчто очень важное для блага государства и свободы гражданъ. По слухамъ, онъ хотѣлъ отказаться отъ престола въ пользу своего сына на тѣхъ условіяхъ, которыя будутъ выработаны имъ совмѣстно съ парламентомъ. Судъ отказалъ ему въ этомъ, и предсѣдатель началъ читать приговоръ, а когда король сталъ его перебивать, желая что-то сказать, то Браммо громко воскликнулъ: «теперь уже поздно говорить». Послѣ произнесенія приговора Карла отвели въ тюрьму, но легенды о томъ, что его при этомъ оскорбляли и даже плевали въ лицо, не основаны ни на какомъ историческомъ фактѣ. 30 января, Карлъ всталъ очень рано и приказалъ слугѣ одѣть его какъ можно наряднѣе, говоря: «Гербертъ, сегодня день моей второй свадьбы, и я хочу быть одѣтъ какъ можно лучше. Передъ наступленіемъ ночи я буду обвинчанъ съ Иисусомъ Христомъ». Онъ самъ выбралъ себѣ одежду и приказалъ подать двѣ рубашки. — «Очень холодно, — объяснилъ онъ: — и я боюсь, чтобы, выходя на воздухъ, не задрожать, такъ какъ это могутъ объяснить страхомъ, а я смерти не боюсь. Она для меня не страшна, я благословляю Бога за все и готовъ къ смерти». Спустя нѣсколько часовъ, его провели въ банкетную залу Вайтгола, и онъ вышелъ чрезъ среднее окно на эшафотъ, покрытый чернымъ сукномъ. У плахи стояли два палача въ маскахъ; вокругъ эшафота, за нѣсколькими рядами солдатъ, тѣснилась толпа, а на самомъ эшафотѣ было нѣсколько дюжинъ людей. Хотя, кромѣ этихъ послѣднихъ лицъ, никто не могъ слышать его го-

лоса, король все-таки счел нужным произнести оправдательную рѣчь, въ которой заявилъ, что онъ не покушался на народную свободу, а парламентъ началъ несчастную съ нимъ борьбу. «Но все-таки, — прибавилъ онъ, вѣроятно, думая о Страфордѣ:— судъ Божій надо мною справедливъ; я допустилъ исполненіе несправедливаго приговора и теперь самъ наказанъ несправедливымъ рѣшеніемъ суда». За тѣмъ онъ простилъ всѣхъ, кто причинилъ ему смерть, и въ концѣ концовъ воскликнулъ: «я желаю, болѣе чѣмъ кто, чтобы народъ сохранилъ свои права и вольности, но я считаю, что эти права и вольности заключаются въ томъ, чтобы народъ управлялся на основаніи такихъ законовъ, которые вполне обезпечивали бы его жизнь и собственность, но не его дѣло принимать участіе въ управленіи». Сказавъ еще нѣсколько словъ, въ которыхъ онъ все-таки призналъ себя мученикомъ народа, Карлъ предалъ себя въ руки палачей, изъ которыхъ одинъ, съ сѣдой бородой, отсѣкъ ему голову. Трупъ короля набальзамировали, положили въ простой деревянный гробъ и выдали герцогу Ричмонду и лорду Саутгемпτονу, которымъ было дозволено похоронить его въ виндзорской часовнѣ св. Георгія, гдѣ покоился Генрихъ VIII. При восшествіи на престолъ Карла II не только всѣ ожидали, что тѣло его отца будетъ торжественно перенесено въ Вестминстерское аббатство, но даже парламентъ отпустить на это значительную сумму. Однако, послѣ долгихъ проволочекъ, планъ о новыхъ похоронахъ казеннаго короля былъ оставленъ безъ исполненія, хотя причина, обыкновенно приводимая въ объясненіе страннаго поведенія въ этомъ случаѣ Карла II, не выдерживаетъ никакой критики. Увѣряли, что нельзя было найти гроба Карла I въ Виндзорской часовнѣ, а въ 1666 году Пеписъ занесъ въ свой дневникъ, что ему показывали въ Виндорѣ мѣсто, гдѣ похороненъ былъ король. Мало того, это мѣсто подробно указано въ исторіи Дугделя, изданной въ 1681 году, и, по приказанію принца-регента, въ 1813 году, былъ на этомъ самомъ мѣстѣ вскрытъ въ часовнѣ полъ, подъ которымъ оказался гробъ, а въ гробу прекрасно сохранившаяся фигура Карла I, котораго легко было узнать по портрету Ванъ-Дика, съ головой, отдѣленной отъ туловища острымъ орудіемъ.

— Двухсотлѣтіе Дюплэ. 1-го января настоящаго года была двухвѣковая годовщина дня рожденія Дюплэ, создателя французскаго могущества въ Индіи въ прошедшемъ столѣтіи и уступившаго Англии первенство въ этой колониальной имперіи, только благодаря постыдной политикѣ Людовика XV, маркизы Помпадуръ и ихъ клеветовъ. Естественно, что всѣ теперешніе защитники колониальнаго движенія во Франціи, желая доказать, что колонизаціонный духъ, въ недостаткѣ котораго всегда упрекаютъ французовъ, присущъ лучшимъ сынамъ ихъ родины, устроили блестящее юбилейное торжество въ Сорбоннѣ въ честь геройскаго колонизатора, котораго Версальское правительство отблагодарило при жизни самой черной неблагодарностью и заставило умереть въ нищетѣ. Министръ колоній Лебонъ, предсѣдатель колониальной группы въ палатѣ депутатовъ Этьенъ и извѣстный путешественникъ Бонвало въ прозѣ, а Эйкаръ и Гарикуръ въ стихахъ прославили услуги, оказанныя Франціи маркизомъ Дюплэ, и заклеили позоромъ дѣйствія правительства, благодаря которому, по словамъ Гарикура, «ограбленный, униженный, безнадежный,

ниций Дюплэ умеръ гдѣ-то въ невѣдомомъ углу, пока Англія собирала остатки его разрушеннаго великаго зданія и сооружала изъ нихъ для себя великую имперію». Вся французская печать сочувственно откликнулась на эту народную справедливость, оказанную спустя полтора ста лѣтъ соотечественнику, значеніе котораго въ исторіи покоренія Индіи европейцами уже давно признають его злѣйшіе враги англичаве, какъ устами своихъ авторитетныхъ писателей—Маколея, Камбля, сэра Альфреда Лайала, Маклелана и др., такъ и выставленіемъ его бюста въ домѣ генераль-губернатора Бенгаліи. Изъ статей, появившихся въ парижскихъ журналахъ и газетахъ по этому случаю, можно указать на очерки академика Мезьера въ «Temps» ¹⁾, принца Орлеанскаго въ «Matin» ²⁾, Шалъ-Бера въ «Journal des Debats» ³⁾ и князя Валори въ «Nouvelle Revue» ⁴⁾; послѣдняя обращаетъ на себя особенное вниманіе патриотическимъ пыломъ, который побуждаетъ автора, страстнаго легитимиста, восклицать съ негодованіемъ: «чудесами генія, храбрости, терпѣнія и дипломатической тонкости, Дюплэ создалъ для Франціи колониальную имперію, которую погубила идиотская монархія, такъ какъ надо быть справедливымъ и признать, что вся отвѣтственность лежитъ на неограниченномъ королѣ, представлявшемъ собою версальскій кабинетъ; Людовикъ XV, бросившій болѣе четырехсотъ милліоновъ на своихъ любовницъ, не могъ найти денегъ на носылку десяти тысячъ людей Дюплэ для обезпеченія за Франціей Индостанской имперіи». Дѣйствительно, исторія Дюплэ, напоминающая судьбу Колумба, составляетъ мрачную страницу въ лѣтописяхъ Франціи. Сынъ богатаго откупщика и одного изъ директоровъ индійской компаніи, Жозефъ Франсуа Дюплэ родился въ Мадраcѣ и послѣ очень бурной молодости былъ отправленъ отцомъ въ заграничное плаваніе, во время котораго посѣтилъ Америку и Индію, а въ 1720 г. назначенъ членомъ распорядительнаго совѣта въ Пондишери. Десять лѣтъ пробылъ онъ тамъ, знакомясь съ страной и составляя грандіозные планы о подчиненіи имперіи моголовъ Франціи, что онъ и началъ успѣшно осуществлять съ той минуты, какъ его опредѣлили директоромъ конторы индійской компаніи въ Шандернагорѣ. Прежде всего онъ сдѣлалъ изъ этого отдаленнѣйшаго селенія французскихъ владѣній цвѣтущій городъ, который сталъ посылать до ста комерческихъ судовъ для поддержанія торговыхъ сношеній съ портами азиатскихъ морей отъ Аравійскаго залива до Китая и Филиппинскихъ острововъ, потомъ онъ открылъ вторую французскую контору въ Патнѣ, въ самомъ сердцѣ Бенгаліи, и вступилъ въ открытую борьбу съ англійской индійской компаніей. Женившись на мѣстной креолкѣ, въ жилахъ которой текла испанская кровь, Жаннѣ-де-Кастро, онъ вступилъ въ прямые отношенія, благодаря ея знанію туземныхъ языковъ, съ индостанскими мелкими дворами, а когда въ 1742 г. его назначили генераль-губернаторомъ французскихъ владѣній въ Индостанѣ, то онъ вступилъ въ союзъ съ нѣкоторыми раджами, сталъ укрѣплять на свой

¹⁾ Le bicentenaire de Dupleix. par A. Mesièrè. Temps. 16 janvier.

²⁾ Dupleix. par le prince H. d'Orleans. Matin. 17 janvier.

³⁾ Dupleix, par J. Chailley-Bert. Journal des Debats. 6 fevrier.

⁴⁾ Dupleix et l'empire des Indes, par le prince de Valori. Nouvelle Revue. 1 fevrier.

счесть Пондишери и энергично дѣйствовать противъ англичанъ, но Версальское правительство всячески мѣшало ему и тайно поддерживало интриги противъ него губернатора острова Бурбона, Ла-Бурдонэ. Несмотря на это, Дюплэ съ горстью французовъ побѣдилъ въ нѣсколькихъ битвахъ англичанъ и помогавшихъ имъ набобовъ, срылъ укрѣпленія Мадраса, взятаго и потомъ уступленнаго англичанамъ его врагомъ Ла-Бурдонэ, выдержалъ пятидесяти-осьмидневную осаду Пондишери англичанами съ моря и съ сухаго пути и побудилъ ихъ отступить съ громадными потерями. За всѣ эти успѣхи онъ получилъ только титулъ маркиза и орденъ св. Людовика, а версальская политика усердно губила его гигантское дѣло. Однако онъ не унывалъ и несмотря на уступку Англии Мадраса по Ахенскому миру и постоянныя предписанія до вольствоваться коммерческими предпріятіями, продолжалъ распространять французскія владѣнія въ Индіи путемъ дипломатическихъ сношеній съ туземными раджами и военной помощи, оказанной имъ въ борьбѣ съ англичанами. Такимъ образомъ ему удалось присоединить къ Франціи пять провинцій съ населеніемъ въ 30 милліоновъ. Еще шагъ, и вся имперія великаго Могола подчинилась бы ему, но Версальское правительство, дѣйствуя по наущенію боявшихся его англичанъ, отозвало Дюплэ; этимъ былъ нанесенъ смертельный ударъ не только геройскому распространителю французскаго владычества Индіи, но и самому этому владычеству, быстро перешедшему въ руки Англии, которая въ сущности только продолжала начатое имъ дѣло. «Если,—говоритъ Меласонъ, котораго, конечно, нельзя заподозрѣть въ пристрастіи къ французамъ:—дѣло, совершенное англичанами въ Индіи, поражаетъ своей смѣлостью, политическимъ гениемъ и просто необыкновенными чудесами, то честь его замысла и перваго практическаго осуществленія принадлежитъ Дюплэ, а англичане только слѣдовали по его стопамъ; да, скажемъ теперь искренно, когда миновала эпоха пристрастія, и промежуткомъ полутораго вѣка освятилъ настоящимъ свѣтомъ совершившіеся факты, что ни одинъ добросовѣстный англичанинъ не можетъ отказать Дюплэ въ чести изобрѣтенія того метода, которымъ европейцы могли покорить Индію». Этотъ методъ состоялъ въ протекторатѣ надъ мѣстными индостанскими владѣніями и постепенномъ ихъ переходѣ въ руки европейцевъ, что, какъ извѣстно, составило и основу англійской политики въ Индіи, но безъ того элемента гуманности, котораго придерживался Дюплэ и въ особенности его жена, слава которой сохраняется доселѣ между туземцами, воспоминающими съ любовью о «Бегумѣ Іоаннѣ».

— Гиббонъ и миссъ Гольройдъ. Въ концѣ прошлаго года вышла цѣлая серія книгъ о знаменитомъ англійскомъ историкѣ Гиббонѣ. Прежде всего надо упомянуть о первомъ томѣ новаго изданія его «Исторіи упадка и паденія Рима», предпринятаго профессоромъ современной исторіи въ Единбургскомъ университетѣ Д. Бьюри¹⁾, который написалъ прекрасное предисловіе, имѣющее цѣлью указать на новѣйшія историческія открытія, сдѣлавшія этотъ великій историческій трудъ во многихъ подробностяхъ устарѣлымъ, хотя «въ своемъ

¹⁾ The history of the decline and fall of the Roman Empire, by E. Gibbon. Edited by S. Burry. 1 vol. London. 1896.

общемъ цѣломъ онъ все еще остается образцемъ для настоящаго и даже будущаго». Въ видѣ примѣра неудовлетворительности метода Гиббона въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Бьюри указываетъ на смѣшеніе имъ свидѣтельствъ Цезаря и Тацита относительно характеристики германцевъ, тогда какъ Стубсъ, сравнивая ихъ показанія, доказалъ, что въ промежутокъ времени между ними произошло извѣстное развитіе среди германцевъ. Затѣмъ Бьюри обращаетъ вниманіе на критику классическихъ текстовъ, которая сдѣлала громадныя шаги даже со времени позднѣйшихъ историковъ, какъ Финлея и Фримана. Съ другой стороны нумизматы открыли столько новаго матеріала, до котораго Гиббонъ и его современники не имѣли малѣйшаго доступа, а Момзенъ и его ученики пролили новый свѣтъ на конституціонную исторію Рима въ первыя времена имперіи. Наконецъ вѣсѣмъ читателямъ книги Гиббона извѣстно, какъ презрительно авторъ относился къ Византіи, исторію которой онъ считалъ «однимъ безконечнымъ рядомъ слабостей и несчастій». Такой взглядъ, по мнѣнію Бьюри, «одинъ изъ самыхъ несправедливыхъ и неправильныхъ сужденій, когда либо высказанныхъ глубокомысленнымъ историкомъ, такъ какъ до 1204 года Византійская имперія была оплотомъ Запада». Но, по его мнѣнію, капитальнымъ недостаткомъ второй части исторіи Гиббона является «неудовлетворительное отношеніе къ славянамъ или скорѣе полное ихъ отрицаніе». Но, подведя итоги всѣхъ неудовлетворительныхъ сторонъ Гиббона, благодаря недостаточности въ его время историческаго матеріала, Бьюри восторженно распространяется о стилѣ величайшаго англійскаго историка, объ его умѣніи создать историческую перспективу и необыкновенномъ искусствѣ обнять свой предметъ, какъ органическое цѣлое. Рядомъ съ новымъ изданіемъ капитальнаго труда Гиббона надо поставить его «автобіографіи»¹⁾ и «частныя письма»²⁾, которыя теперь впервые появились въ полномъ видѣ. То и другое было уже напечатано, но въ сокращенномъ видѣ, при чемъ другъ историка, лордъ Шеффилдъ, извлекъ изъ его переписки все, что онъ считалъ наиболее интереснымъ, опуская тѣ мѣста, которыя могли быть неприяты современникамъ Гиббона и умалить его личность, а дочь лорда Шеффилда, миссъ Гольройдъ, составила мастерской сводъ шести варіантовъ автобіографіи, написанныхъ самимъ Гиббономъ. Въ настоящее время передъ публикой всѣ подлинники, какъ этихъ шести автобіографій, такъ и писемъ, сокращенныхъ или вовсе пропущенныхъ въ извлеченіи его друга, но англійскіе критики единодушно признаютъ, что ничего новаго и драгоцѣннаго эти документы не представляютъ, хотя, конечно, какъ въ варіантахъ автобіографіи, такъ и въ письмахъ, обнимающихъ сорокъ одинъ годъ, т. е. отъ втораго года его студенческой жизни въ Оксфордѣ до смерти въ 1794 г., попадаются интересныя подробности о жизни Гиббона и любопытныя его замѣчанія насчетъ современниковъ. Все это имѣетъ большое значеніе для специалистовъ, серьезно изучающихъ Гиббона, но общему читателю вполне достаточно для характеристики историка знать тѣ свѣдѣнія, которыя съ такимъ

¹⁾ The autobiographic of Eduard Gibbon. Edited by S. Murray. London. 1896.

²⁾ Private letters of E. Gibbon (1753—1794). Edited by R. Protero. London. 1896. 2 vol.

замѣчательнымъ искусствомъ извлекли изъ подлинныхъ документовъ лордъ Шеффилдъ и его дочь. Последнюю Гиббонъ называлъ «самой удивительной изъ молодыхъ женщинъ», и дѣйствительно, судя по только что напечатаннымъ ей письмамъ, относящимся до 1776—1796 годовъ¹⁾, она была замѣчательной личностью. Она развилась чрезвычайно рано и уже въ 15 лѣтъ читала Мемуары Скулли, Плутарха, «Жизнь поэтовъ» Джонсона и лучшихъ французскихъ драматурговъ, а потомъ путешествія съ отцомъ по Европѣ, посѣщеніе Парижа въ эпоху революціи и дружба съ Гиббономъ, у котораго она долго гостила въ Лозаннѣ съ отцемъ, и который проводилъ немало времени въ ихъ англійскомъ замкѣ, докончили ея образованіе. Поэтому неудивительно, что ея письма служатъ живою, рельефной картиной англійскаго и отчасти континентальнаго общества, сто лѣтъ тому назадъ, и на этомъ интересномъ фонѣ выдѣляется съ особымъ блескомъ фигура «великаго Гиба», какъ она всегда называетъ знаменитаго историка. Замѣчательно, что, выйдя замужъ за лорда Станлея, она прекратила свою обширную переписку съ друзьями; по крайній мѣрѣ послѣднее изъ напечатанныхъ ей писемъ писано на второй день послѣ свадьбы. Конечно, эта новая Гиббоновская литература породила цѣлый рядъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнъ маленькій очеркъ въ «Academy» о миссъ Гольройдъ подъ заглавіемъ «Самая замѣчательная молодая женщина»¹⁾ и обстоятельная, мастерская характеристика Гиббона въ январской книжкѣ «Quarterly Magazine»²⁾. Анонимный авторъ послѣдней статьи радуется, что наконецъ «первый историкъ Англій, а быть можетъ, всего свѣта», является передъ читателями въ своемъ естественномъ видѣ, а не въ томъ нарядѣ, которымъ его украсили друзья согласно требованіямъ 1796 года, и рисуетъ широкой кистью его портретъ, какъ писателя и человѣка. «Гиббонъ, по его словамъ, былъ чѣмъ-то болѣе историка Рима, онъ былъ литераторомъ большого калibra и даже еслибъ никогда не напечаталъ ни строчки, то заслуживалъ бы уваженія по своей восторженной преданности знанію и вѣрной идеѣ о томъ, чѣмъ долженъ быть ученый. По своему скептицизму, любознательности, склонности къ покою, здравому смыслу, добродушію, пристрастью къ древнимъ авторамъ и любви къ античному міру, онъ походилъ на Монтэна. Оба они были слѣпы, нѣмы и глухи ко всему, что входитъ въ область сверхъестественнаго, которая кажется имъ безуміемъ. Въ полномъ смыслѣ слова Гиббонъ представляется намъ естественнымъ человѣкомъ — l'homme moyen sensuel», но въ немъ не было ничего сатаническаго, а онъ былъ пропитанъ человѣчностью и обнаруживалъ много пріятныхъ качествъ: привязанность, великодушіе и постоянство въ дружбѣ». Что же касается до капитальнаго труда, на который онъ посвятилъ двадцать пять лѣтъ жизни, то критикъ Quarterly Review считаетъ его союзомъ между человѣческой мыслью, старой и новой, между идеями Греціи и Рима съ одной стороны и современной эпохи съ другой, нѣчто въ родѣ сочетанія задуманнаго Александромъ между востокомъ и греческой культурой.

¹⁾ The girlhood of Marie Jozefsha Holroyd (Lady Stanly of Alderlay) recorded in letters of a hundred years ago. From 1776—1796. Edited by H. Adcane. London, 1896

²⁾ Eduard Gibbon. Quarterly Review. January, 1897.

— Любовь Гете къ прекрасной миланкѣ. Въ январьской книжкѣ итальянскаго журнала «Vita Italiana» ¹⁾ появилась статья за подписью Карлетта, въ которой проливается новый свѣтъ на одну изъ сердечныхъ идиллій Гете, на его любовь къ прекрасной миланкѣ. Какъ извѣстно, великій поэтъ съ своимъ олимпійскимъ величіемъ, страстными порывами, утонченными вкусами и вѣчнымъ непостоянствомъ, легко переходилъ въ своей долговременной жизни отъ одной страсти къ другой—отъ Фредерики Бріонъ къ Шарлотѣ Кестнеръ, отъ Елизаветы Шенкайеръ къ Шарлотѣ Штейнъ, отъ Кристины Вульгусъ къ Бетинѣ Brentano, отъ Маріаны Вильмеръ къ Ульрихѣ Монтовъ и Маріи Шимановской. Къ этому длинному списку вдохновительницъ гетевской музы надо теперь отнести Маддалену Риджи, извѣстную до сихъ поръ подъ названіемъ прекрасной миланки. Самъ Гете рассказываетъ этотъ романъ своего сердца въ описаніи его второго путешествія въ Римъ. Онъ начался въ Кастель Гандольфо осенью 1787 года, гдѣ баронъ Миллеръ, какъ называлъ себя добровольный бѣглець изъ Веймара, гостилъ съ своимъ другомъ Винкельманомъ у богатаго англійскаго банкира Дженкинса. Однажды онъ увидѣлъ тамъ сестру приказчика банкира, и сразу въ нее влюбился. У этой прекрасной миланки были волосы свѣтло-каштановые, цвѣтъ лица удивительной бѣлизны, глаза черные; кромѣ божественной красоты, она отличалась живостью, веселостью и культурными стремленіями. Въ первомъ разговорѣ съ Гете она выразила пламенное сожалѣніе о недостаточности женскаго воспитанія въ Италіи и воскликнула, что отдала бы все за знаніе англійскаго языка. Поэтъ немедленно предлагаетъ свои услуги, и начинается рядъ уроковъ, въ которыхъ глаза учителя и ученицы говорятъ краснорѣчивѣе словъ. Гете мечтаетъ, надѣется. Но вдругъ сцена измѣняется: онъ случайно узнаетъ, что прекрасная миланка выходитъ замужъ, и предается отчаянію. Однако, по его словамъ, онъ сумѣлъ справиться съ своимъ разочарованіемъ, прекратилъ уроки и, продолжая видѣться съ молодой дѣвушкой, тщательно скрывалъ свою любовь. Но, вернувшись изъ Кастель-Гандольфо въ Римъ, Гете узнаетъ, что бракъ разстроился, и снова надежда блеснула въ сердцѣ поэта, но и второму акту этой идилліи было суждено огумниться новымъ разочарованіемъ. Не усмѣлъ онъ снова воспылать страстью къ юной красавицѣ, какъ она опасно заболѣла отъ горя, что женихъ ее покинулъ. Два раза въ день навѣдывался онъ насчетъ ея здоровья и не принималъ участія въ экскурсіяхъ своихъ друзей, чтобъ не удалиться изъ Рима, гдѣ умирала его возлюбленная. Она выздоровѣла, и на слѣдующій годъ во время Римскаго карнавала Гете случайно увидалъ ее въ экипажѣ извѣстной художницы Анжелики Кауфманъ, съ которой находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Предметъ его любви нисколько не измѣнился и сохранилъ свою прежнюю прелесть. Анжелика Кауфманъ отъ ея имени поблагодарила поэта за его вниманіе во время ея болѣзни, а она сама молча протянула ему руку, но онъ не посмѣлъ прикоснуться къ ней губами. Эпизодъ этой идилліи напоминаетъ исторію Германа и Доротеи. Гете рассказываетъ, что, выходя изъ дома прекрасной ми-

¹⁾ L'Idillia della Bella Milanaisa, di Carletta. Vita Italiana, № I.

ланки, послѣ прощальнаго къ ней визита наканунѣ его отъѣзда изъ Рима, онъ не нашелъ на улицѣ кучера своего экипажа, и пока за нимъ бѣгалъ какой-то мальчишка, онъ обернулся и увидалъ въ окнѣ нижняго этажа ее. «Вы видите; — сказалъ онъ: — я не могу отъ васъ оторваться; я различаюсь съ вами помимо своей воли». «Что она мнѣ отвѣтила, — прибавляетъ онъ: — что я возразилъ, и что вообще мы сказали другъ другу въ этой граціозной, свободной бесѣдѣ, вполнѣ обнаружило тайныя чувства влюбленныхъ, которые знаютъ, что никогда болѣе не увидятся. Я не стану святотатствовать, передавая наши слова; это была лаконическая исповѣдь, возбужденная случайностью и взаимнымъ искреннимъ чувствомъ, нѣжнымъ и цѣломудреннымъ. По этой именно причинѣ память о ней никогда не исчезла изъ моей головы и сердца». Вотъ все, что Гете говоритъ о своей прекрасной миланкѣ, которую онъ никогда не называлъ ея настоящимъ именемъ. Долго его біографы не могли разгадать этой тайны, и только въ 1890 году въ пятомъ томѣ изданія Гетевскаго общества были напечатаны два письма къ Гете Карло Риджи и Анжелики Кауфманъ, въ которыхъ упоминается о сестрѣ Риджи, Маддаленѣ, которая вышла замужъ за богатаго фабриканта Вульпато. Наведенные на слѣдъ таинственной миланки, Адольфъ Штейнгъ въ Германіи и Карлетта въ Итали стали ревниво доискиваться правды и наконецъ восстановили достовѣрную исторію. Ее звали Маддалена Риджи, она родилась въ Миланѣ 29 ноября 1765 года и, оставшись сиротой, поселилась у брата въ Римѣ, въ Веккю Порто. Кромѣ того, найденъ, благодаря розыскамъ Карлетта, ея портретъ, написанный Анжеликой Кауфманъ, когда ей было тридцать лѣтъ, то-есть послѣ ея идилии съ Гете. Изъ дальнѣйшей жизни Маддалены извѣстно, что она вышла замужъ за Вульпато, имѣла отъ него шесть сыновей, а послѣ его смерти вторично обвѣнчалась съ управляющимъ его фабрики, Франческо Жипучи, которому также подарила двухъ дѣтей. «Прекрасная миланка, — говоритъ Карлетта, оканчивая свой любопытный очеркъ: — столь прелестная въ 22 года, умерла шестидесяти лѣтъ честной матроной, имѣвшей на своей совѣсти двухъ мужей и восьмеро дѣтей, носившей очки и нюхавшей табакъ, а въ это время Гете, все такой же олимпіецъ, какъ прежде, вступилъ въ семидесятый годъ своей жизни и начиналъ послѣднюю свою идилию съ польской піанисткой Маріей Шимановской».

— Юбилей Шуберта и Леопарди. 31-го января, Вѣна торжественно праздновала столѣтній юбилей знаменитаго композитора Франца Шуберта, и западная журналистика на всѣ лады воспѣваетъ ему дионирамбы. Наиболѣе замѣчательны статьи о немъ чешскаго композитора Дворака въ «*Vie Contemporaine*» ¹⁾, Фридендера въ «*Deutsche Rundschau*» ²⁾, Вельти въ «*Nation*» ³⁾, Валлашека въ «*Zeit*» ⁴⁾ и анонимаго автора въ «*Pall-Mall-Gazette*» ⁵⁾. Всего

¹⁾ Le Centenaire de Schubert, par Dvorak. Vie Contemporaine. 1 fevrier.

²⁾ Franz Schubert, zur seinem Geburtstage, von Max Friedländer. Deutsche Rundschau. Februar.

³⁾ Franz Schubert, von H. Welti. Nation. Februar.

⁴⁾ Franz Schubert, von R. Ballaschek. Zeit. 30 Januar.

⁵⁾ Franz Schubert. 31 January 1897. Pall-Mall-Gazette. 30 January. 1897.

восторженнѣе отзывается о юбилярѣ Дворакѣ, который считаетъ, что онъ оказалъ громадное вліяніе на лирическую музыку, придавъ драматическій живописный элементъ своимъ пѣснямъ и балладамъ, произвелъ революцію въ церковной музыкѣ и создалъ въ своихъ *Impromtus* и *Moments* короткія пьесы, которыми Мендельсонъ и Шуманъ, слѣдуя его примѣру, замѣнили классическія сонаты. Что касается до жизни Шуберта, умершаго на 31 году, то ее прекрасно резюмируетъ въ нѣсколькихъ словахъ Рихардъ Валлашекъ: «въ продолженіе всего своего существованія онъ былъ бѣденъ, неизвѣстенъ, никѣмъ не признаваемъ, всѣми отвергнутъ, недопущенъ до тѣхъ высокихъ положеній, къ которымъ онъ былъ призванъ своимъ гениемъ, и которыя были заняты интриганами и бездарностями. Царь въ области искусства, онъ былъ нищимъ среди людей. Когда онъ умеръ отъ нищеты, то его вещей было продано съ публичнаго торга на 60 флоринновъ, и на протоколѣ продажи аукціонистъ прибавилъ: «еще связка рукописныхъ нотъ, которая можетъ стоить 10 флоринновъ по цѣнѣ бумаги», а въ этой связкѣ были всѣ сочиненія Шуберта, большая часть которыхъ тогда еще не была издана. Волѣе подробно рассказываетъ Фридлиндеръ о борьбѣ за существованіе Шуберта, который, происходя отъ бѣдныхъ родителей, школьнаго учителя и поселянки, всю свою кратковременную жизнь провелъ въ усиліяхъ добыть себѣ кусокъ хлѣба то музыкантомъ въ театральномъ оркестрѣ, то учителемъ музыки въ аристократическихъ домахъ, гдѣ ему платили менѣе, чѣмъ лакею, только передъ смертью онъ далъ съ громаднымъ успѣхомъ свой первый концертъ, а второй уже состоялся для сбора денегъ на его похороны. Что касается до его музыкальныхъ сочиненій, то за нихъ издатели платили гроши, именно по флорину за его знаменитыя «*Lieder*», а эти «*Lieder*», числомъ до 600, теперь считаются образцемъ музыкальнаго творчества и ставятъ ихъ автора на одно изъ первыхъ мѣстъ среди музыкальныхъ композиторовъ. Несмотря на его скромность и застѣнчивость, нѣкоторые изъ біографовъ Шуберта приписали ему романическую любовь къ юной дочери графа Естергази, въ домѣ котораго онъ былъ музыкальнымъ учителемъ, но, по всей вѣроятности, это плодъ ихъ фантазіи. Впрочемъ и его сердцу было доступно нѣжное чувство любви, но предметомъ его была дочь не графа, а бѣднаго учителя. Онъ самъ очень характерно разсказалъ объ этомъ эпизодѣ своей жизни одному изъ немногихъ своихъ друзей Потенбреннеру, отрывки изъ воспоминаній котораго о Шубертѣ приводитъ въ своей статьѣ Фридлиндеръ: «однажды на мой вопросъ, любилъ ли онъ когда нибудь, Шубертъ, всегда очень холодно относившійся къ женщинамъ, отвѣчалъ: «да я, любилъ и меня любили. Предметъ моей страсти была дочь учителя. Она была немного моложе меня и пѣла соло въ одной изъ моихъ пьесъ такимъ англескимъ сопрано, что душа моя была глубоко потрясена. Она не отличалась красотой, и лице ея было покрыто веснушками, но я никогда не видывалъ такого добраго существа. Я три года ухаживалъ за нею, и мы все ждали возможности жениться, но по несчастію я не имѣлъ возможности добыть средства къ жизни вдвоемъ, и наконецъ родители выдали ее за человѣка богаче меня. Я былъ въ отчаяніи, люблю ее до сихъ поръ и не встрѣчалъ потомъ ни одной женщины, которая бы мнѣ понравилась».

Въ то время какъ Германія комментируетъ совершившійся юбилей Шуберта, Италия готовится праздновать столѣтнюю годовщину рожденія своего великаго поэта Леопарди. Хотя этотъ юбилей наступитъ только 29 іюня будущаго года, но уже теперь вся страна и въ особенности его родина Геканати дѣлають большія приготовленія къ устройству достойнаго торжества въ честь вдохновителя итальянскаго патріотизма, создавшаго свободную, единую, независимую Италію. Итальянская печать заранѣе выясняетъ ту громадную роль, которую Леопарди играетъ въ исторіи своей родины, и никто такъ краснорѣчиво, такъ горячо не воздаетъ ему справедливости, какъ первый итальянскій поэтъ нашихъ дней Кардучи въ статьѣ, помѣщенной въ январьской книжкѣ «Nuova Antologia»¹⁾. Въ самомъ началѣ своего блестящаго очерка, онъ влагаетъ въ уста Леопарди слѣдующій гнѣвный протестъ, лучше всего характеризующій значеніе готовящагося юбилея: «О жестокіе люди, зачѣмъ вы празднуете день моего рожденія, который былъ началомъ всѣхъ моихъ страданій? Для меня было бы лучше, если-бъ я никогда не существовалъ, но, конечно, не для васъ. Празднуйте, празднуйте, мои соотечественники: патеры и учителя, доктора и ученые, мужчины и женщины, вы всѣ безсознательныя орудія ложной, пустой, жестокой итальянской распущенности; вы издѣвались надъ данною мнѣ Богомъ возвышенной, благородной душой и надъ даннымъ мнѣ природою умомъ, позволившимъ мнѣ усмотрѣть пламя доброй истины, заключающейся въ глубинѣ человѣка; вы не признали моей души, вы растоптали ее подъ своими ногами, какъ виноградъ и маслины для производства вина и масла, а виномъ моей крови и масломъ моего мозга вы утолили мою жажду и голодъ. Я предаю себя на новыя терзанія, я—жертва итальянскаго рабства. Радуйтесь и будьте свободны, если можете, но, чтобъ быть свободными, необходимо ненавидѣть зло и свергнуть его иго, ненавидѣть и уничтожить ложь, суетность и низость мысли, что развратило вашихъ отцевъ». Чтобъ понять эту вдохновенную прозопопею Кардучи, надо вспомнить, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія все прогрессивное, освободительное движеніе Италіи воплотилось въ Леопарди, который двадцати лѣтъ занялъ мѣсто среди величайшихъ лириковъ, а тридцати-девяти умеръ, указавъ своими пламенными Санті путь къ свободѣ и независимости родины, согбенной подъ игомъ чужеземцевъ и патероувъ. Вся послѣдующая борьба Италіи за существованіе вѣдена была подъ звуки его поэзіи, и когда наконецъ побѣда была одержана, то благодарное отечество воздвигло памятникъ великому поэту, который будилъ народное сознаніе и создалъ то національное движеніе, которое, по словамъ Кардучи, доказало всему міру, какой идеальной силой была одарена столько много выстрадавшая, столь долго поправная Италія.

— Письма графа Стефана Сечени о кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ. Венгерская академія уже много лѣтъ занята изданіемъ переписки, дневника, рѣчей и вообще бумагъ своего основателя графа Стефана Сечени. Личность этого государственнаго человѣка, которому въ сущности современная Венгрія обязана своимъ существованіемъ, освѣщена теперь со всѣхъ сторонъ

¹⁾ Giacomo Leopardi, di P. Carducci. Nuova Antologia. 1897. № 1.

этими многочисленными изданиями, и, пользуясь ими, можно вполне уяснить себя, какъ приготовился Сечени къ своей политической роли и какъ успѣшно разыгралъ ее съ 1825 года до 1848 въ своей лихорадочной дѣятельности, имѣвшей цѣлью превратить средневѣковую феодальную страну въ современное демократическое государство. Какъ извѣстно, воскресивъ и преобразовавъ свою родину политически, экономически и литературно, онъ долженъ былъ уступить первенство Кошуту, и пораженный революціоннымъ потокомъ 1848 года онъ сошелъ съ ума и умеръ въ больницѣ въ Деблингѣ. Конечно, большая часть трудовъ венгерской академіи посвящена главной эпохѣ въ жизни Сечени, но недавно вышедшій томъ его писемъ къ родственникамъ отъ 1809 до 1819 года, знакомитъ съ малоизвѣстной его молодостью, проведенной блестящимъ гусарскимъ офицеромъ въ рядахъ австрійской арміи, борющейся съ Наполеономъ. Ж. Кантъ знакомитъ читателей «Revue du Revue» отъ 15 февраля съ тѣми изъ этихъ писемъ, которыя относятся къ кампаніямъ 1813 и 1814 г.г. ¹⁾), какъ имѣющими наибольшій интересъ. Въ эту бурную эпоху онъ состоялъ при князѣ Шварценбергѣ, котораго онъ превозноситъ до небесъ.

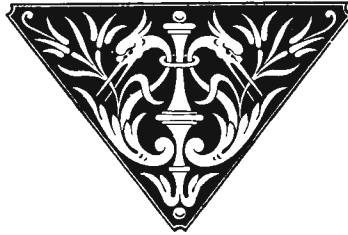
— Жизнь турецкаго султана въ Ильдызѣ. Въ послѣднемъ номерѣ Contemporary Review за прошедшій годъ помѣщенъ любопытный очеркъ того, какъ проводитъ время султанъ Абдуль-Хамидъ въ Ильдызъ-Кіоскъ²⁾), на которомъ теперь сосредоточено вниманіе всего свѣта, благодаря событіямъ на востокѣ. Авторъ статьи, Диранъ Килекьянъ, повидимому, близко знакомъ съ тѣмъ, что онъ описываетъ, и его рассказъ отличается живой рельефностью. «Свѣтаетъ, значить, нашъ повелитель ляжетъ спать», вотъ какъ привѣтствуетъ ежедневно утреннюю зорю дежурный адъютантъ султана у дверей его личныхъ покоевъ. Дѣйствительно, со времени своего восшествія на престолъ Абдуль-Хамидъ II никогда не спитъ, пока темно, изъ боязни покушенія на его жизнь. Среди долгихъ часовъ ночи въ его покояхъ постоянное движеніе: онъ то слушаетъ полицейскія донесенія, то присутствуетъ за занавѣсью на допросѣ какой нибудь подозрительной личности, то читаетъ свѣдѣніи докладъ, то наконецъ читаетъ романы Монтенена или Буагоба, но во всякомъ случаѣ не смыкаетъ глазъ до свѣта, такъ мало онъ довѣряетъ своей охранѣ, хотя снаружи и внутри многочисленныхъ зданій Ильдыза дежурятъ сотни албанцевъ и солдатъ, и никто не знаетъ, въ какомъ зданіи и въ какомъ покоѣ ночуетъ султанъ. Впрочемъ и заснувъ Абдуль-Хамидъ отдыхаетъ недолго. Встаетъ въ 8 часовъ, тотчасъ одѣвается и послѣ утренней молитвы пьетъ кофе съ масломъ и яйцами, причѣмъ кофе поставляется ему мекскимъ шерифомъ изъ Йемена. Потомъ онъ принимается за дѣло, и дежурный камергеръ представляетъ ему переданныя первымъ секретаремъ бумаги: назначеніе, передвиженіе и т. д.; затѣмъ идутъ доклады, присланные отъ великаго визиря и министровъ, донесенія изъ провинцій и пр. Камергеръ объясняетъ вкратцѣ содержаніе каждой бумаги, и султанъ произноситъ: «приказать», или согласенъ; но подписы-

¹⁾ Le comte Etienne Scechenyi à l'armée des alliés, par J. Kant. Revue des Revues. 15 fevrier.

²⁾ Life of Zeldiz by Diran Kelekian. Contemporary Review. December. 1896.

наетъ «да будетъ исполнено» только на главнѣйшихъ документахъ, а остальные снабжаются подписью камергера, служащаго посредствующимъ лицомъ между султаномъ и администраціей. Когда онъ кончаетъ всѣ порученныя ему дѣла, то удаляется, и его замѣняетъ другой камергеръ съ бумагами по иностраннымъ дѣламъ, среди которыхъ значительное мѣсто занимаютъ донесенія консуловъ о томъ, что дѣлается за границей и въ иностранныхъ посольствахъ въ Константинополѣ. Все это занимаетъ не менѣе полутора часа, и затѣмъ начинается докладъ о посѣтителяхъ: министрахъ и высокопоставленныхъ лицахъ, которые обыкновенно передаютъ то, что имѣютъ сказать султану, двумъ камергерамъ, первому секретарю и любимцу султана, Ирзу-Бею, но иногда онъ и самъ принимаетъ нѣкоторыхъ изъ явившихся во дворецъ лицъ. Въ 11^{1/2} часовъ Абдуль-Хамидъ садится за завтракъ, который обыкновенно состоитъ изъ бульона и двѣнадцати блюдъ, до которыхъ онъ едва прикасается, такъ мало ѣсть теперешній султанъ, тогда какъ Абдуль-Азисъ отличался обжорствомъ. Надо замѣтить, что всѣ кушанья для султана готовятся на особой кухнѣ подъ строгимъ надзоромъ спеціальнаго чиновника, Османи-Бея, который отпускаетъ ихъ съ кухни въ запечатанныхъ блюдахъ, которыя распечатываются при султанѣ; кромѣ того, передъ тѣмъ, какъ прикасается Абдуль-Хамидъ, ихъ отвѣдываетъ другой придворный чиновникъ. Въ случаѣ присутствія за султанскою трапезою иностранныхъ пословъ, эти предосторожности отъ отравы принимаются предварительно, а не на глазахъ гостей. Послѣ завтрака султанъ почиваетъ и въ три часа встаетъ, слушаетъ полицейскіе доклады, принимаетъ придворныхъ и духовныхъ особъ, а затѣмъ до вечера онъ гуляетъ и катается по обширному парку Ильдызъ-Кюска въ экипажѣ, верхомъ или на электрической лодкѣ, безшумно спящей по прудамъ, а также посѣщаетъ своихъ женъ и многочисленныя мастерскія, изъ которыхъ онъ особенно долюбливаетъ столярную, такъ какъ по традиціи каждый султанъ долженъ знать какое нибудь ремесло, и Абдуль-Хамидъ очень искусный столяръ. Въ различныхъ зданіяхъ дворца и парка у султана по крайней мѣрѣ пятьдесятъ кабинетовъ, и никто не знаетъ, гдѣ онъ находится въ данное время; входитъ въ одну дверь и выходитъ въ другую, тогда какъ всѣ увѣрены, что онъ сидитъ въ означенной комнатѣ. За нимъ слѣдуютъ всегда тѣлохранители, а албанцы дежурятъ у дверей пяти или шести покоевъ, предшествующихъ тому, гдѣ онъ въ данную минуту. Кромѣ того, всякій покой снабженъ тайными выходами, извѣстными только ему одному. Наконецъ его охраняютъ не только люди, но и великолѣпныя сенъ-бернардскія собаки, до которыхъ Абдуль-Хамидъ большой охотникъ. Ильдызъ-Кюскъ съ его громаднымъ паркомъ и безчисленными зданіями составляетъ уже девятнадцать лѣтъ резиденцію султана, который не довѣряетъ Чераганскому дворцу и превратилъ Ильдызъ въ укрѣпленный лагерь, въ гигантскую паутину, въ лабиринтъ котораго онъ играетъ роль паука. Чтобъ судить о томъ, какую громадную и сложную машину представляетъ Ильдызъ, достаточно сказать, что всѣхъ лицъ, служащихъ тамъ, 12,000, въ томъ числѣ 30 камергеровъ, тридцать генераль-адъютантовъ, 50 флигель-адъютантовъ, 100 секретарей, 60

докторовъ, 50 егерей, 30 птицелововъ, 1000 камеръ-лакеевъ, 400 поваровъ, 300 женщинъ гарема, пятьдесятъ духовныхъ лицъ, двѣсти албанскихъ сыщиковъ и т. д. Въ настоящее время повелителю правовѣрныхъ 54 года; онъ средняго роста и слабого тѣлосложенія, лице его свидѣтельствуетъ краснорѣчиво о вырожденіи, глаза у него всегда испуганные, лобъ узкій, носъ громадный, говоритъ онъ очень громко, повелительно; онъ не терпитъ противорѣчія, очень жестокъ, вспыльчивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ злопамятенъ, окружаетъ себя слѣпыми орудіями своихъ капризовъ и неограниченно самоуправляетъ государствомъ, такъ что отвѣтственность за все, что совершается въ Турціи, падаетъ лично на него.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Изъ старыхъ бумагъ ¹⁾.

II.

Маскарадная афишка 1770 года.—Фальсификація виноградныхъ винъ въ старину.—Рецептъ стариннаго меду.—Оригинальный рецептъ леченія отъ чахотки.—Изъ тайнъ стариннаго помѣщичьяго хозяйства.—Мѣра оброчнаго обложенія крупянаго тягла.—Штатъ помѣщичьей дворовой челяди.—Письма барыни къ своему старостѣ.

ДНИМЪ изъ любимѣйшихъ столичныхъ общественныхъ удовольствій въ прошломъ столѣтїи были маскарады. Большею до нихъ охотникомъ былъ, какъ извѣстно, Петръ Великій, лично принимавшій, вмѣстѣ съ Екатериной, дѣятельное участіе въ этой потѣхѣ. При немъ маскарады носили официальный и даже, можно сказать, государственный характеръ. Рядиться и участвовать въ маскарадахъ обязаны были всѣ безъ изъятія сановныя и чиновныя лица обоюго пола. Уклоненіе отъ этой повинности штрафовалось, на лучшій еще конецъ, знаменитымъ «орломъ», то есть, виновные обязаны были выпить эту огромную чару, наполненную водкой, и отъ этой кары не освобождались даже дамы.

Охотницей была рядиться и участвовать въ маскарадахъ также императрица Елисавета Петровна, но при ней, кромѣ придворныхъ, официальныхъ маскарадовъ, стали устраиваться и партикулярные по почину частныхъ автре-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 750.

пренервовъ. Особенно славились въ елисаветинское время маскарады извѣстнаго Локателли, содержателя балетнаго театра. На нихъ собиралась вся столичная знать, бывала изрѣдка и сама императрица.

Въ царствованіе Екатерины II, особенно подъ конецъ его, придворные маскарады становятся все рѣже; за то публичные частные, «вольные», какъ ихъ тогда называли, умножаются, благодаря предприимчивости разныхъ увеселителей, вызванной, конечно, надкостью тогдашней публики къ этого рода развлеченію.

Въ моихъ старыхъ бумагахъ имѣется на четвертушкѣ отпечатанная порусски и понѣмецки типичная афишка слѣдующаго содержанія:

«1770 году октября 31 дня, то есть въ Воскресеніе, будетъ вольной Маскерады на Невской Перспективѣ(ѣ) въ Кафейномъ домѣ Господина Генералъ-Порутчика Овцына. За входъ платитъ будутъ съ каждой персоны по одному рублю, а ежели кто пожелаетъ ужинать, то платитъ съ каждой персоны еще по 75 копѣекъ, въ томъ числѣ полбутылки вина ординарнаго краснаго или бѣлаго, и полпива.

«И во время Маскерады кто пожелаетъ кофей, чай, шиколату и вина всякія и конфеты разныя, то достать можно за умѣренную цѣну.

«Начало будетъ пополудни въ 6 часовъ неотмѣнно.

«Содержатели онаго(?), господа Ронхи и Гротъ, стараться будутъ всевозможнымъ образомъ о увеселеніи и удовольствіи Публички».

Разуѣется, у генералъ-порутчика Овцына не было кофейнаго дома; очевидно, въ его домѣ только помѣщалась кофейня, содержатели которой, Ронхи и Гротъ, поддерживали свою комммерцію устройствомъ «вольныхъ» маскарадовъ. Эпитетъ «вольный» весьма характеристиченъ въ историческомъ отношеніи. Въ екатерининскіе дни онъ неизмѣнно афишируетъ всѣ почти частныя публичныя учрежденія. Были «вольные» театры, «вольныя» типографіи, «вольные дома», то-есть, гостиницы, и т. д., включительно до «вольныхъ» маскарадовъ и баловъ. «Вольный», въ отличіе отъ казеннаго, офиціальнаго, былъ терминъ юридическій, возникшій законодательнымъ порядкомъ, и его возникновеніе обуславливалось, сравнительно, значительнымъ уже развитіемъ общественности. Въ то время, какъ при Петрѣ Великомъ и позже всѣ такого рода учрежденія были почти исключительно созданиемъ государственной инициативы, и публика привлекалась къ нимъ принудительно, въ видѣ какъ бы особой повинности¹⁾,— въ царствованіе Екатерины II общество настолько уже созрѣло и вошло во вкусъ этихъ европейскихъ формъ общежитія, что открылась возможность существованія подобныхъ учрежденій «вольныхъ», безъ правительственнаго починна и вмѣшательства.

Нельзя не обратить вниманія на дешевизну угощенія, предполагавшагося обязательными антрепренерами «вольнаго» маскарада, о которомъ идетъ рѣчь. За 75 копѣекъ ужинъ съ полбутылкою французскаго, хотя бы и «ординарнаго» вина,— вещь немислимая въ настоящее время въ самомъ даже плохенькомъ петербургскомъ ресторанѣ!

¹⁾ Еще при Елисаветѣ Петровнѣ практиковалось принужденіе. Сохранилось именное повелѣніе императрицы — штрафовать 50-ю рублями тѣхъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору, лицъ, которыя уклонялись отъ посѣщенія придворныхъ спектаклей.

Впрочемъ, что касается дешеваго винограднаго вина, фабрикаціею котораго славятся въ наши дни кашинскіе и иные винодѣлы, то тайна его фальсификаціи была хорошо извѣстна и въ то доброе старое время.

Въ имѣющейсѣ у меня старинной тетради разныхъ хозяйственныхъ рецептовъ, писанной въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, приведены, между прочимъ, «статьи» о дѣланіи различныхъ иностранныхъ виноградныхъ винъ общедоступнымъ домашнимъ способомъ. Привожу наиболѣе курьезныя изъ нихъ.

Въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «О наливныхъ винахъ» (то-есть, о поддѣльныхъ), записаны слѣдующіе, безіодобные по своей наливности и доброй вѣрѣ, рецепты «дѣланія» венгерскаго и шампанскаго винъ:

«Возьми изюму бѣлаго цареградскаго, напримѣръ, пудъ, истолки оный въ иготи, потомъ положи въ бочку анталову, налей бѣлымъ французскимъ молодымъ виномъ, положи въ бочку дрожжей венгерскаго вина, поставь оное вино въ погребѣ на годъ или дучше зарыть въ землѣ такъ глубоко, чтобъ морозъ не досталъ, розлей въ бутылки—будеть венгерское вино».

«Возьми молодого французскаго вина, напримѣръ, бутылку такова, которое было бы бѣло; положи въ оную бутылку чайную ложку порошку, называемаго криморъ-тартари, и лотъ сахару бѣлаго, кѣ(а)нарскаго, закупори крѣпко и завяжи, а потомъ засмоли и дай стоять годъ въ обыкновенномъ винномъ погребѣ—будеть шампанское; когда жъ желаешь, чтобъ скорѣй было ко употребленію готово, положи жженыхъ квасцовъ столовую ложку».

Эти рецепты выписаны изъ «Экономическаго наставленія дворянамъ, крестьянамъ-поварамъ и поварихамъ», сочиненнаго въ 1773 году Сергѣемъ Друковцовымъ. Но вотъ «нижеписанныя статьи, записанныя со словъ» авторомъ тетради.

О ДѢЛАНІИ ШАМПАНСКАГО ВИНА

подорожѣ.

«Взять винограднаго бѣлаго вина самаго крѣпкаго одинъ штофъ, березоваго соку одинъ же штофъ; положи туда горсть изюму, горсть сахару леденцу толченаго, поташу двѣ лонки столовыхъ; смѣшная всею вмѣстѣ, влить въ крѣпкой дубовой боченокъ, на которомъ бы были обручки желѣзныя, зарыть его въ землѣ, и чѣмъ больше стоять будетъ, тѣмъ дучше, а можно, по нуждѣ, употреблять и черезъ мѣсяць».

О ДѢЛАНІИ ШАМПАНСКАГО ВИНА

подешевлѣ.

«Нагнать березоваго соку и онаго соку положить двѣ части, а третью часть простаго, то естъ горячаго вина; и въ тотъ, смѣшанной съ виномъ, сокъ положить горсть изюму и двѣ столовыя ложки поташу, налить въ крѣпкой дубовой боченокъ такой же, какъ и выше показано, и зарыть въ землю по тому жъ показанію».

Какъ бы въ оправданіе классическаго афоризма: «Руси веселіе естъ пити, не можетъ безъ того быти», обозрѣваемая тетрадь особенно изобилуетъ рецептами «дѣланія» разныхъ крѣпкихъ напитковъ какъ поддѣльныхъ, такъ и настоящихъ, національно-русскихъ, включительно до медовъ и квасовъ, которыми славилась наша хлѣбосольная старина, и секретъ которыхъ въ настоящее время почти утерянъ.

Говорять, покойный историкъ Н. И. Костомаровъ какъ-то, въ порывѣ археологическаго вдохновенія, вздумалъ возстановить этотъ секретъ и самъ занялся изготовленіемъ старыхъ русскихъ медовъ, которыми и потчевалъ потомъ пріятелей на своихъ вечерахъ. Примѣръ его остался, кажется, безъ подражанія. Приводимъ здѣсь на охотниковъ изъ нашей тетради рецептъ пригото- вленія знаменитаго меда-лица.

«Возьми кадку бѣлаго меду, положи въ котель; тою же кадкою налей воды, и будетъ сколько меду, столько воды; дай кипѣть часъ, влей въ кадку изъ котла, простудя, положи дрожжей и, какъ закиснетъ, влей воды французской или русской четверть той кадки, въ чемъ медъ былъ; потомъ возьми хмѣлю—мѣрю въ ту же кадку и вари въ водѣ той же мѣры до того времени, пока хмѣль весь потонетъ; влей въ тотъ квашенной медъ совѣмъ воду съ хмѣлемъ и дай еще кипнуть сутокъ трои, и какъ медъ потеряетъ всю свою сласть, тогда возьми еще свѣжева меду толкое жъ число и воды столько жъ, и вари, пока вода вся выкипитъ, а останется меду столько, сколько положишь, простуди и поделайти свой медъ и какъ здѣлается великой шумъ, станетъ снова кипнуть, тогда сливай въ бочку, на которой должны быть хорошіе желѣзные обручи съ двойнымъ дномъ, и постави въ ледъ,—будетъ черезъ годъ называемой лищенъ».

Послѣ «статей» о наниткахъ наибольшее мѣсто въ тетради занимаютъ рецепты отъ разныхъ болѣзней. Всего оригинальнѣе и курьезнѣ «новой способъ (лѣченія) отъ сухотныхъ грудныхъ болѣзней» (то-есть, отъ чахотки), сообщенный ландграфиней гессенъ-дармштадтской «нѣкоторой госпожѣ фонъ-Реденъ» ко всеобщему свѣдѣнію. Открытіе сдѣлалъ какой-то больной офицеръ, который «послѣ сильнаго насморка харкалъ кровію и чувствовалъ сильные грудные припадки». Это, однако, не мѣшало ему питать нѣжную слабость къ вѣну, которая его и спасла. Однажды онъ приказалъ слугѣ перелить вино изъ бочки въ бутылки, которыя, съ отеческой заботой, собственноручно закупоривалъ и засмаливалъ смолой, растопленной на угольяхъ съ желтымъ воскомъ въ равныхъ пропорціяхъ. «Но закупореніи своихъ бутылокъ почувствовалъ онъ въ груди облегченіе и свободно харкать началъ. Тогда ему на мысль пришло, что можетъ быть чадъ (отъ смолы съ воскомъ) причинилъ ему поправленіе». Догадливый офицеръ рѣшился сдѣлать опытъ en grand. Онъ заперся наглухо въ комнатѣ и, разведя жаровню съ означенными «припасами», ходилъ въ дыму туда и сюда. «Сіе продолжалъ онъ дни четыре и наконецъ совѣмъ выздоровѣлъ». Чудесное открытіе было сообщено полковому врачу, который, послѣ нѣкотораго колебанія, подвергъ этому же лѣченію умиравшаго въ госпиталѣ солдата со сгнившими легкими. «Больной сперва не больше какъ нѣсколько минутъ сносить могъ сей чадъ, потомъ началъ мало-по-малу оправляться и черезъ шесть недѣль совѣмъ выздоровѣлъ». «Сіе средство,—заклю- чаеъ авторъ,—въ разныхъ мѣстахъ испытано было съ весьма удачнымъ успѣхомъ. Какъ оно, само по себѣ, просто и съ опытомъ никакая не сопряжена опасность (?), то конечно заслуживаетъ, чтобъ его повсюду учинить извѣстнымъ»...

По всему нужно заключить, что тетрадь составлялась деревенскимъ жителемъ, помѣщикомъ, а, по ея занюшенности, видно, что она была въ частомъ употребленіи. Это, въ своемъ родѣ, энциклопедія сельско-хозяйственнаго и до-

машиннаго обихода средней помѣщичьей руки, включительно до способовъ выводить таракановъ. Въ этомъ отношеніи рукопись очень характеристична и любопытна. Наибольшій интересъ представляетъ въ ней проспектъ или программа добраго помѣщичьяго хозяйства, съ практическими наставленіями и цифровыми расчетами.

«Всякому помѣщику,—такъ начинается эта статья,—должно имѣть на своихъ деревняхъ въ одномъ мѣстѣ, чтобъ всю экономію могъ видѣть, а прочія (деревни) имѣть на оброкѣ по разсмотрѣнію своихъ дачъ и всякихъ угодьевъ. Ежели жъ помѣщикъ по случаю не можетъ самъ своей экономіи видѣть за отлучкою, то, отдавъ всю землю и всякія угодія крестьянамъ, пользу себѣ получить симъ положеніемъ полезнѣе, нежели заочно содержать прикащика или старосту».

Вслѣдъ за этимъ наставленіемъ идетъ подробная и очень любопытная смѣта—сколько «съ каждаго тягла, то есть съ мужа съ женою, получать должно», вѣроятно, при вышеозначенномъ оброчномъ положеніи.

Полученіе разбито на два срока—«по первому зимнему пути» и «последнему зимнему пути», именно: 1) сѣна луговаго зеленого—50 пудовъ; ржи или муки чистой—2 четверти; овса или ячменю—4 четверти; крупъ, конопель, картофелю по 1-му четверику; масла пахтачнаго соленнаго, коровьяго 20 фунтовъ; масла конопляннаго 1 штофъ; сукна сѣраго 5 аршинъ; холста льнянаго 5 аршинъ, холста псковскаго 5 аршинъ; свиного мяса $\frac{1}{2}$ пуда; утокъ живыхъ 1 пару. 2) По последнему зимнему пути съ каждаго тягла требовалось: индѣйскихъ куръ живыхъ 1 пару; русскихъ куръ 3 пары, яицъ 20, творогу 10 фунтовъ, сметаны 5 фунтовъ.

Этимъ еще далеко не кончалось обложеніе крѣпостнаго тягла. Весною съ него требовалась доставка помѣщику полсажени дровъ водою «гдѣ можно», да лѣтомъ, къ 1-му іюля: кладенаго барана 1, яицъ 30, гусей 1 пару и цыплятъ русскихъ 5. Затѣмъ, слѣдовалъ весьма существенный и самый, безъ сомнѣнія, тяжелый денежный оброкъ. «Ежели,—читаемъ далѣе,—довольно земли, луговъ и лѣсовъ—такъ, чтобъ не менѣе было на каждое тягло въ полѣ 3-хъ десятиныхъ мужу съ женою, то за все вышесказанное (то-есть, взамѣнъ) въ состояніи заплатить будетъ каждое тягло безъ тягости (?) въ годъ помѣщику 10 рублей; а гдѣ земли менѣе, то по сему разчисленію съ тягла брать оброкъ (нагурой?). Лѣтомъ и осенью,—говорится въ заключеніе,—крестьянъ отъ работы отлучать не надлежитъ не токмо съ подводами, ниже пѣшихъ, что худые экономы (помѣщики) часто дѣлаютъ... Конецъ желаніямъ нашимъ ненасытымъ въ свѣтѣ и главной пунктъ—деньги; но не тотъ богатъ, кто ихъ имѣетъ много и еще желаетъ, и не тотъ убогъ, кто ихъ имѣетъ мало, не скорбитъ о томъ и не жалѣетъ, а богатъ, славенъ и честенъ тотъ, кто можетъ по пропорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ жить, и честь свою тѣмъ хранить, и быть собою довольнымъ, роскоши презирать, скупость въ домѣ не пускать»...

Къ вышнему утверженію этой немудрацей помѣщичьей этики въ тетради предложена любопытная «препорція содержанія дому отъ 3.000 рублей доходу въ годъ: сколько имѣть дворовыхъ людей и какихъ чиновъ?»

Штагъ, оказывается, порядочный: «Въ домѣ первой человѣкъ камердинеръ—1, помощникъ его—1, поваръ—1, ученикъ его—1, кучеръ—1, фор-

рейтеръ—1, лакѣвъ—2, истопникъ и работникъ—1; женщинъ имѣть въ верху—1, бѣлую прачку—1, работную—1. Каретъ—2, лошадей—4. Итого въ домѣ мужчинъ 9, женщинъ 3».

Для помѣщичьяго домашняго обихода прошлаго столѣтія, когда дворян даже у людей средняго достатка считалась десятками и сотнями душъ, вышепредложенная «препорція» крѣпостныхъ слугъ могла казаться весьма умѣренной, хотя, напримѣръ, въ наши дни по двѣнадцати слугъ въ домѣ содержать развѣ только очень ужъ богатые люди.

При такомъ, какъ мы видѣли, нескупомъ и многостороннемъ обложеніи крѣпостнаго тягла, помѣщички, промѣнявшіе скучную и хлопотливую деревенскую жизнь на беззаботное и веселое препровожденіе времени въ городѣ, въ столицѣ, могли бы жить припѣваючи; но, къ сожалѣнію, ихъ хозяйственные расчеты и смѣты взиманія не всегда оправдывались на дѣлѣ—и это обстоятельство составляло едва ли не самую ядовитую горечь въ ихъ безначальномъ существованіи. Баринъ, напримѣръ, ждетъ изъ деревни упитанныхъ тельцовъ, жирныхъ барановъ, куръ и прочую живность, а коварные рабы привозятъ ему однѣ кожи да кости. Или баринъ обложилъ своихъ подданныхъ «безъ тягости» по десяти рублей съ тягла, на этомъ основаніи составилъ свой годовой бюджетъ, и вдругъ «изъ деревни нехорошо пишутъ»: случился неурожай, крестьяне обѣдѣли и оказываются въ неоплатной недоимкѣ... Легко представить себѣ горечь, гнѣвъ и негодованіе чувствительнаго барина!

Всего, конечно, непринужденнѣе и ярче выразались эти скорбныя чувства въ перепискѣ огорченныхъ помѣщиковъ съ довѣренными управляющими ихъ имѣній—старостами, бурмистрами и приказчиками. Въ нашихъ бумагахъ имѣется два такихъ письма, весьма характеристичныхъ по содержанию, по тону и языку. Писаны они по почтѣ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго уже столѣтія изъ Петербурга помѣщицей Прасковьей Обресковой по слѣдующему адресу: «Нижегородской губерніи въ городъ Арзамасъ, Милостивому государю Ивану Алексѣевичу Стуцину, почетному гражданину, а васъ прошу передать старостѣ Роману Михайлову въ деревню Починьки». Приводимъ эти документы цѣликомъ безъ комментарій, въ которыхъ они не нуждаются.

Первое письмо помѣчено 6-мъ ноября, безъ обозначенія года.

«Староста Романъ Михайловъ!

«Мой послѣдній приказъ и другога не Повторю: отдать безъ Дѣтнаго и при томъ не платильщикъ—оброку—которой уже не годится быть въ барщинѣ и дунова поведеніи, а тѣ которыя исправны отнюдь ихъ не отдавать; за оное ты мнѣ отвѣчаешь и никто болѣе, то немедля донести кто имянно поступилъ въ Пріемъ; прошу держаться моего рѣшительнаго приказа, а не въ очередь отдавать, есть ли хорошаго Повѣденія—чтожь не прислать мнѣ Вѣдомость октябрскую.

«Госпожа твои

«Пр. Обрескова.

«Къ 1-му или ко 2-му числу Декабря, чтобъ былъ здѣсь запасъ—сукна черн. холстины и Протчіе всё непрѣменно. Не забудь въ Совѣтъ Деньги и обыкновенно запасъ въ Москву безъ отговорокъ.

«Липоваго цвѣту найти и прислать съ отправкою.

«Яицы тамъ продать и прислать Деньги; изъ пылинки извлекать Деньги; безъ доходовъ я не могу жить въ случаѣ отдачи, попросить отъ меня господина Вишнекова Есть ли не совсѣмъ въ мѣру».

На это внушительное господское посланіе не замедлило послѣдовать отвѣтъ старосты, но, какъ видно, далеко не удовлетворившій взыскательную барыню. Отъ 3-го декабря того же года она ему пишетъ:

«Староста Романъ Михайловъ!

«1) Получила твое письмо, странно для меня, что ты такъ пишешь—что будто всѣ маѣ мужики нишѣн—безспорно что можетъ быть некоторыя—и очень нуждаются, такъ стало быть и Орловъ въ томъ числѣ—ты меня удивилъ этимъ—верно только у насъ у однихъ то случилось—а отъ Другихъ помещиковъ я слышу что хотя не завидной урожай—а Бога прогнѣвлять совсѣмъ нельзя; знаешь ли ты что ты меня этими словами очень Дерзко и не учтиво беспокоилъ—Ты подумай, можно ли такъ дѣлать,—

«2) Тебѣ уже несколько разъ было предписано чтобъ ты Доставилъ къ Первымъ числамъ Декабря провизію—ну чтожъ дѣлать что не угодно было Твоей милости выполнить мое приказаніе но однакожъ Я тебѣ снова Приказываю—чтобъ немедленно или тотчасъ выслать по полученіи Сего Приказа.

«А именно безъ отговорочно.

- «1) Масла рузкаго что есть—
 - «2) Крупы грѣшневой 3 четверти.
 - «3) Крупы ячменной 1 четверть.
 - «4) Муки 50 пудъ—а здѣсь муки нѣтъ Приступу.
 - «5) Овса 30 четвертей—а здѣсь чрезмѣрно Дорогъ.
 - «6) Сукна—что есть.
 - «7) Валинны какъ уже предписано.
 - «8) Дубленныя овчины.
 - «9) Холста что уже давно должно быть заготовлено.
 - «10) Нитокъ.
 - «11) Масла Поснаго.
 - «12) Шерсти для чулокъ.
 - «13) Гороху 1 четверть.
 - «14) Яицы тамъ продать и Деньги мнѣ Прислать.
 - «15) Курь—что ни есть всѣ привести но не однѣ кости какъ обыкновенно привозити.
 - «16) Баранины то есть 3 туши, свинины, говядины.
 - «17) Малины сухой—цвѣту сухова липоваго и что можно еще придумать для экономіи—потому что здѣсь все покупается и все въ 7 разъ Дорога.
- «Можно въ Вѣдомости Показать что заставленія стоколъ стеклицу дано 5 р. Даразвѣ вы въ такихъ дворцахъ живете что столько стоколъ Пѣребито; это отъ несмотренія, что барское то и надо не бѣречь это стыдно, а ета въ окт. Вѣдомости выставлено; незамедлить Доставить нолбрскую Вѣд. и всѣ приказы въ точности исполнить.

«Госпожа твоя

«Прасковья Обрескова.

«Всѣ ли возвратились крестьяне, которые ходили по пачтортамъ отнюдь не отпускатъ никогда въ Сибирь».

Вл. Михновичъ.

С М Ъ С Ъ.

ОБЩЕСТВО ревнителей русского историческаго просвѣщенія. Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія, основанное въ память императора Александра III около года тому назадъ, недавно получило окончательную организацію. Цѣль общества — умноженіе и распространеніе знаний по отечественной исторіи и въ духѣ русскихъ началъ, проявленныхъ въ минувшее царствованіе. Для достиженія этой цѣли обществу предоставлено уставомъ: а) собирать и обрабатывать свѣдѣнія о царствованіи императора Александра III; б) издавать періодическія и другія сочиненія и сборники по русской исторіи и соприкасающимся съ нею отдѣламъ исторіи всеобщей, а также по церковнымъ, правовымъ и бытовымъ вопросамъ; в) учреждать книгохранилища и читальни, а также снабжать существующія книгохранилища, читальни, учебныя заведенія и народныя школы изданіями своими и другими, отвѣчающими основной цѣли общества. Согласно этому кругу занятій общества, образуются въ составѣ общества три отдѣленія: историческое, издательское и исполнительное. Въ общемъ собраніи общества, происходившемъ 27 декабря, избраны председателями отдѣленій: историческаго — статсъ-секретарь сенаторъ Н. Н. Селифонтовъ, издательскаго — заслуженный профессоръ И. В. Помяловскій, исполнительнаго — товарищъ государственнаго секретаря А. С. Стишинскій. При издательскомъ отдѣленіи общества еще первымъ общимъ собраніемъ общества 7 апрѣля минувшаго года учреждена коммиссія, завѣдующая изданіемъ сборника общества «Старина и Новизна» (по примѣру историческаго сборника, выходящаго подъ тѣмъ же заглавіемъ во

«НОТОР. ВѢСТН.», МАРТЪ, 1897 г., т. LXVII.

24

времена Екатерины), который будетъ выходить не въ опредѣленные сроки, а по мѣрѣ накопленія матеріала, томами не менѣе 15 печатныхъ листовъ; въ составъ сборника будутъ входить какъ обработанныя статьи, такъ и подлинныя документы. Комиссія, завѣдующая изданіемъ «Старины и Новизны», состоитъ изъ четырехъ лицъ: предсѣдатель общества графъ С. Д. Шереметевъ и члены общества: Л. Н. Майковъ, Н. П. Барсуковъ и Н. Д. Чечулинъ. Общее собраніе, состоявшееся 27 декабря, открылось сообщеніемъ объ утратахъ, понесенныхъ обществомъ въ лицѣ дѣйствительныхъ членовъ: князя Лобанова-Ростовскаго, Ю. Н. Говорухи-Отрока, князя А. П. Шаликова и С. А. Шереметева и члена сотрудника доктора Гейрихсена. Память ихъ была почтена вставаніемъ. Послѣ прочтенія отчета о дѣятельности совѣта общества за второе полугодіе существованія общества и отчета казначея, прочтены были сообщенія: К. А. Губастова—о князѣ А. В. Лобановѣ-Ростовскомъ; графа А. А. Голеницева-Кутузова—о Ю. Н. Говорухѣ-Отроцкѣ; графа С. Д. Шереметева—о С. А. Шереметевѣ. Авторъ перваго сообщенія, близко стоявшій къ князю Лобанову-Ростовскому по совѣстной службѣ въ Константинополь, Вѣнѣ и въ Петербургѣ, посвятилъ свое сообщеніе очерку историческихъ занятій князя Лобанова-Ростовскаго. Къ сожалѣнію, приведенію въ обработанный видъ множества собиравшихся княземъ историческихъ матеріаловъ всегда мѣшала недостатокъ времени, которое все уходило на служебныя занятія. Не желая держать подъ спудомъ эти матеріалы, князь Лобановъ-Ростовскій иногда прибѣгалъ къ сотрудничеству другихъ лицъ (даже иностранцевъ, напримѣръ, французскія бумаги, обработанныя г. Пэнго), самъ же большею частью ограничивался помѣщеніемъ краткихъ историческихъ замѣтокъ, справокъ и поправокъ; наиболѣе пространными являются: некрологъ князя Лопухина, біографическій очеркъ Ек. Ив. Нелидовой, заключеніе Карла-Эрнста Курляндскаго въ Бастилію и нѣкоторыя другія. Отличительнымъ свойствомъ историческихъ изслѣдованій и работъ его были правдивость, добросовѣстность и возможная точность. Онъ болѣе всего увлекался въ работахъ своихъ дѣятелями, въ жизни которыхъ было что-то загадочное, надъ которыми висѣлъ какой-то злой рокъ. Значительная часть собранныхъ и приведенныхъ въ порядокъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ документовъ не можетъ еще и донинѣ появиться въ свѣтъ. Изъ напечатанныхъ трудовъ князя Лобанова-Ростовскаго авторъ сообщенія указалъ на монографію «Гр. Никита Петр. Панинъ», на біографическій очеркъ Ек. Ив. Нелидовой, какъ подтверждающій выше приведенный взглядъ. Извѣстно также, что полжизни князь посвятилъ собранію матеріаловъ для исторіи императора Павла I—составлены имъ 2 тома дневника, гдѣ день за днемъ воспроизводилась вся внѣшняя исторія царствованія Павла I. Въ заключеніе г. Губастовъ указалъ на величайшую авторскую скромность князя Лобанова-Ростовскаго и всегдашнюю готовность его дѣлиться собранными матеріалами съ лицами, интересовавшимися тѣмъ же предметомъ. Сообщеніе гр. А. А. Голеницева-Кутузова, прочитанное по болѣзни автора секретаремъ общества Б. М. Юзефовичемъ, было посвящено характеристикѣ скончавшагося въ прошломъ юлѣ писателя Ю. Н. Говорухи-Отрока. Очертивъ юные годы Говорухи-Отрока, его увлеченія Бѣлинскимъ, Герценомъ, Добролюбовымъ, Нисаревымъ, его 3-хъ-лѣтнее пребываніе въ Петропавловской

крѣпости, гдѣ онъ въ часы невольнаго досуга познакомился со статьями Ап. Григорьева, явившимися для него какъ бы новымъ откровеніемъ, благодаря искренности и безграничной любви къ литературѣ, которыя свѣтятся въ каждой строчкѣ Григорьева, авторъ сообщенія далъ подробный очеркъ литературной дѣятельности покойнаго Говорухи-Отрока и въ заключеніе сказалъ: «что касается до его духовной личности, до религіозныхъ, нравственныхъ и политическихъ его вѣрованій, то они были вполне тождественны съ тѣми, которыя соединяють и насъ въ союзъ нашего общества». Сообщеніе предсѣдателя общества гр. С. Д. Шереметева посвящено было памяти С. А. Шереметева, скончавшагося 15 декабря въ Москвѣ, бывшаго главноначальствующаго гражданскою частью и командующаго войсками на Кавказѣ, гдѣ протекла и большая часть дѣятельности покойнаго, и который былъ свидѣтелемъ его геройскихъ подвиговъ по службѣ царю и родинѣ. Авторъ сообщенія съ особенною подробностью остановился на послѣднихъ дняхъ и часахъ жизни С. А. Шереметева, скончавшагося истиннымъ христіаниномъ, сохранившаго невозмутимое спокойствіе, терпѣніе до послѣднихъ минутъ, находившаго достаточно твердости духа и воли, чтобы утѣшать окружающихъ и семью и отвлекать ихъ мысли отъ ожидавшейся тяжелой минуты. Засѣданіе закончилось, выборами предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ, о чемъ сказано выше, и предварительнымъ обсужденіемъ предложенія профессора академіи генеральнаго штаба П. А. Гейсмана объ учрежденіи преміи.

Географическое общество. I. Въ годовомъ собраніи императорскаго географическаго общества, происходившемъ 22 января, подъ предсѣдательствомъ сенатора П. П. Семенова, объявлены награды, присужденныя за научныя изслѣдованія и труды. Константиновская медаль (высшая награда Общества) присуждена Ѳ. Н. Чернышеву за его обширную научную дѣятельность на поприщѣ географіи и геологіи нашего отечества; медаль имени графа Ѳ. П. Литке присуждена П. В. Шпиндлеру за общую совокупность его трудовъ по физической географіи въ теченіе 18 лѣтъ. Большія золотыя медали за труды по статистикѣ и этнографіи присуждены: Е. И. Якушкину за его трудъ «Обычное право» (вып. I въ 1875 г. и вып. II въ 1896 г.); недавно скончавшемуся Ѳ. Ѳ. Буссе за трудъ: «Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1883—1893 годахъ». Премія имени Н. М. Пржевальскаго—В. И. Липскому за его изслѣдованія природы Гиссарскаго хребта въ Туркестанѣ. Малыя золотыя медали: французскому магнитологу, директору магнитной обсерваторіи въ Parc Saint-Maur, около Парижа, г. Муру за произведенныя имъ наблюденія и вычисленія магнитной аномаліи въ Курской губерніи, Г. А. Любославскому—за рядъ его трудовъ по метеорологіи, А. Макаренко—за представленные рукописи: «О красильномъ искусствѣ у русскихъ» и «Матеріалы по народной медицинѣ въ Енисейской губерніи». Большая серебряная медаль имени Н. М. Пржевальскаго—Д. А. Клеменцу за его работы по изслѣдованію южной части Сибири и Монголіи. Серебряныя медали за полезные труды присуждены: врачу В. Д. Тронову, доставившему въ распоряженіе Общества результаты произведенныхъ имъ изслѣдованій ледниковъ на Алтаѣ въ верховьяхъ р. Бухтармы; члену-сотруднику Н. А. Бушу и студенту Н. П. Шукину за совершен-

ную ими поѣздки на верховья рѣкъ Таберды и Маруха, П. Г. Попову въ Курскѣ за магнитныя варіаціонныя наблюденія; профессору Г. Θ. Левицкому въ Юрьевѣ за рядъ произведенныхъ и изданныхъ наблюденій надъ землетрясеніемъ при помощи горизонтальнаго маятника Реберъ-Пашвица; А. И. Зенгбушу—за химическія изслѣдованія образцовъ воды и грунта Чудскаго озера; І. І. Сикора—за труды по наблюденію полнаго солнечнаго затменія 28 іюля 1896 года на сѣверѣ Скандинавіи; А. С. Боткину—за его труды по сообщенію естественно-историческихъ и этнографическихъ коллекцій въ экспедиціи для изученія устьевъ Оби и Енисея и части Карскаго моря; Ш. Я. Яблонскому, Дучинскому, Тиандеру, Д. Н. Кудрявскому—за статьи въ «Живой Старинѣ»; А. А. Калачеву—за сообщеніе о поѣздкѣ его къ теленгетамъ и за статью «О поэзіи теленгетовъ», С. Н. Онинко за сообщенное имъ А. І. Ивановскому значительное количество гольдскихъ словъ; Е. П. Якубенко—за сохраненныя въ памяти и переданныя ею въ распоряженіе пѣсенной комиссіи русскія народныя пѣсни свыше 200. Бронзовыя медали: Якубу Измаилджанову—жителю Самарканда—за его сотрудничество въ экспедиціи Липскаго, А. И. Тупелеву—рыбпромышленнику въ Тобольскѣ—за первыя обстоятельныя наблюденія высоты воды въ Обской губѣ. II. Въ засѣданіи 31-го января г. Романовымъ сдѣланъ былъ докладъ о поклонникахъ дьявола—іезидахъ. Г. Романовъ встрѣчалъ іезидовъ въ Палестинѣ и окрестностяхъ Дамаска и, заинтересованный ихъ оригинальнымъ образомъ жизни и таинственностью ученія, обратился къ арабской литературѣ, какъ источнику для изученія этой странной секты. Въ каирскомъ журналѣ «Аль-Муктаторъ» за 1889 годъ ему удалось найти статью доктора Прусски, долго жившаго среди іезидовъ и обстоятельно изучившаго ихъ вѣрованіе. Не ограничиваясь этимъ, докладчикъ, на основаніи собственныхъ наблюденій и сочиненій Генри Лопарди, Эдуара Ковалевскаго и профессора Петри, сообщилъ свѣдѣнія о самихъ іезидахъ.

Іезиды—многочисленное курдское племя, разсѣянное по Месопотаміи, Ирану, близъ Антиохіи, Александретты, въ окрестностяхъ Дамаска и Діарбекира, а также, какъ выяснялось изъ преній, и въ нашей Эриванской губерніи. Они исключительно деревенскіе жители, такъ какъ городская жизнь имъ безусловно воспрещена. Іезидскія деревни похожи на арабскія, но безъ мечетей и минаретовъ. Одѣваются іезиды въ длинныя бѣлые или свѣтло-желтые халаты, а въ праздники—въ яркіе бѣлые, при чемъ носятъ черныя тюрбаны. Они угрюмы и малосообщительны, но съ христіанами разговариваютъ охотнѣе, чѣмъ съ мусульманами, которыхъ глубоко ненавидятъ. Мусульмане отвѣчаютъ имъ тѣмъ же. Мнѣнія о нравственныхъ качествахъ іезидовъ различны. Одни, преимущественно мусульмане, считаютъ ихъ жадными и грубыми, другіе—въ высшей степени вѣжливыми и гостепріимными. Іезиды признаютъ высшее существо—Бога, называя его царемъ Павлиномъ. Кромѣ того, у нихъ имѣется сонмъ низшихъ божествъ и ангеловъ, среди которыхъ помѣщены солнце, вечернія и утреннія звѣзды и т. п. Пророкомъ они считаютъ шейха Ади, слышавшагося съ царемъ Павлиномъ и равнаго ему. Изъ династіи этого шейха, считающагося основателемъ секты, происходитъ ихъ эмиръ Мирза-бекъ, которому іезиды подчиняются безусловно. Мирза былъ третьимъ сыномъ Гуссейнъ-бека и незаконно

захватилъ власть. Онъ подчинился турецкому султану и ежегодно уплачиваетъ ему дань. Однако изъ ненависти къ мусульманамъ іезиды не несутъ воинской повинности. Кромѣ эмира, они имѣютъ старшинъ (шейховъ) и гайдара. Последний происходитъ изъ династїи ученика шейха Ади-Шмама Гассанъ-аль-Бусери, и ему вручается священная книга за семью печатями. По вброванію іезидовъ, эта книга упала съ неба. Она находится въ мечети гроба шейха Ади и написана на арабскомъ языкѣ, вѣроятно, въ концѣ X вѣка, имамомъ Гассанъ-аль-Бусери. Книга раздѣляется на двѣ части. Въ первой части заключается повѣствованіе о сотвореніи міра, согласное въ нѣкоторыхъ главахъ съ бібліею, но съ множествомъ хронологическихъ и географическихъ ошибокъ, рассказы о прошломъ іезидовъ и предсказанія о будущемъ. Вторая часть, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, содержитъ законы и правила для послѣдователей секты.

Въ книгѣ такимъ образомъ разсказывается о сотвореніи міра. Тьма обнимала всю вселенную, и Богъ долго носился надъ водою. Утомясь, онъ сотворилъ попугая, который развлекалъ его сорокъ лѣтъ. Тутъ Богъ разгнѣвался и убилъ попугая, изъ перьевъ котораго образовались горы и долины, а изъ предсмертнаго дыханія—воздухъ. Затѣмъ Богъ сотворилъ небесную твердь и повѣсилъ ее на волоскѣ своей головы. Какъ искры отъ огня, отъ Бога произошелъ рядъ другихъ божествъ: солнце, луна, заря и звѣзды. Каждый изъ нихъ сотворилъ себѣ коня для развѣздовъ. Собравшись вмѣстѣ, они создали ангеловъ. Одинъ изъ нихъ, будучи созданъ первымъ, пренебрегъ своимъ творцомъ, а въ наказаніе былъ брошенъ въ адъ. Тамъ онъ провелъ семь тысячъ лѣтъ въ плачѣ и покаяніи и наполнилъ своими слезами семь кувшиновъ. Богъ сжалился надъ нимъ и открылъ ему двери рая. Ангелы стали смѣяться надъ прощеннымъ товарищемъ, но Богъ сказалъ: «Проклятъ будетъ всякій, кто издѣвается надъ нимъ, ибо что Богъ оправдалъ, того тварь да не осуждаетъ». И Богъ поставилъ своего любимца превыше всѣхъ, назвавъ его царемъ Павлиномъ. Они слились воедино, какъ сливаются два огня вмѣстѣ. Кувшины, наполненные слезами царя Павлина, будутъ храниться въ преисподней до тѣхъ поръ, пока не возвратится на землю шейхъ Ади и не потушитъ этими слезами геену огненную и скорбь земную.

Адама и Еву Богъ творилъ пять разъ, и всегда, какъ они размножатся на землѣ, уничтожалъ ихъ потопомъ. Наконецъ, онъ сотворилъ только одного Адама и поселилъ его въ рай, разрѣшивъ употреблять въ пищу всѣ плоды, кромѣ пшеницы. Но тутъ вмѣшался царь Павлинъ и, съ разрѣшенія Бога, соблазнилъ его, заставивъ вкусить пшеницы. Это онъ сдѣлалъ потому, что Адамъ жилъ въ раю въ бездѣйствіи, тогда какъ земля была не воздѣлана и не устроена. По изгнаніи Адама изъ рая, Богъ сотворилъ ему Еву, и та сразу родила близнецовъ. Іезиды, впрочемъ, произошли не отъ нихъ, а отъ дитяти, чудесно родившагося отъ одной изъ райскихъ гурій. Поэтому іезиды не смѣшиваются съ потомками Адама и Евы. Внукомъ этого дитяти, по имени Эль-Шаэдъ-Ібнъ-Жайяръ, былъ Ной, сынъ котораго Маронъ-Мираль и былъ прародитель іезидовъ.

Въ дальнѣйшихъ разсказахъ іезидской книги, заимствованныхъ съ искаженіями изъ Библии, Евангелія и Корана, находится повѣствованіе о земной

жизни и страданіяхъ Иисуса Христа. Между прочимъ, сообщается объ іезидѣ Моабѣ, который приказалъ бросить въ море всѣ мусульманскія книги. Онъ проклялъ всѣхъ, кто безъ его разрѣшенія написалъ бы или прочелъ хоть одно слово поарабски. Поэтому у іезидовъ только гайдаръ, старшій помощникъ имама Гассанъ-аль-Вусери, обучается арабскому языку. Обучение происходитъ въ отдѣльной комнатѣ, куда строго воспрещается входить постороннимъ. Для этого берется Коранъ, въ которомъ вычеркиваются всѣ названія дьявола, такъ какъ имя сатаны не разрѣшается произносить. Іезиды, во пѣбжаніе упоминанія шайтана, исключили изъ своего языка много словъ, начинающихся съ буквы ш.

Главное начальство іезидовъ, какъ уже сказано, состоитъ изъ эмира, шейховъ и совѣта старшинъ. Они молятся за здоровье больныхъ, совершаютъ браки и рѣшаютъ вопросы жизни общины. Кромѣ нихъ, имѣются: ковашины—священные таворы на общественныхъ празднествахъ, ковалины—хранители священныхъ изображеній, и музыканты и нищіе. Жениятся іезиды только на своихъ единовѣрныхъ. Браки совершаются просто: шейхъ беретъ небольшой круглый хлѣбъ, преломляетъ его на двѣ части, даетъ одну жениху, а другую невѣстѣ, читая священный стихъ, и торжество окончено. Жена у іезидовъ одна, но не воспрещается имѣть и наложницъ. Вдова обязывается родственниками шесть разъ выходить замужъ, хотя можетъ выкупать свою свободу деньгами.

Въ числѣ священныхъ предметовъ іезидовъ въ храмѣ гроба шейха Ади хранится хоругвь, доставшаяся, по ихъ вѣрованію, отъ царя Соломона. Охраняется хоругвь ковалинами, но право на ея храненіе имѣетъ купить всякій іезидъ, предложивъ большую сумму денегъ. Кулившій хоругвь погружаетъ ее въ воду и, смочивъ этою водою прахъ отъ гробницы шейха Ади, приготовляетъ пилюли, которыя имѣютъ свойство сохранять человѣку здоровье въ теченіе цѣлаго года. Въ началѣ осени іезиды справляютъ ежегодный праздникъ. Въ теченіе двадцати двухъ дней іезиды молятся, сходясь вмѣстѣ. На двадцать третій день, въ присутствіи эмира и сорока шейховъ, пѣлый день, съ утра до вечера, варятъ въ большомъ котлѣ быка. Затѣмъ эмиръ приглашаетъ молодыхъ людей вынимать изъ котла вареное мясо. Тѣ стараются общими усиліями вытащить быка изъ котла, получаютъ страшные ожоги и нерѣдко умираютъ отъ нихъ, но за то признаются мучениками. Празднество продолжается три дня. По истеченіи ихъ, іезиды, мужчины и женщины, купаются въ рѣкѣ Семъ-Семъ, затѣмъ выносятъ три изображенія царя Павлина, которыя также купаютъ. Праздникъ заканчивается жертвоприношеніемъ въ честь царя Павлина.

Іезиды вѣрятъ, что души правовѣрныхъ, отдѣлившись отъ земной оболочки, отправляются въ рай, а души злыхъ переселяются въ тѣла ословъ и собакъ. Послѣ смерти іезида, родственники закрываютъ ему глаза и ротъ наполняютъ пескомъ, взятымъ отъ гроба шейха Ади, а тѣло, посыпавъ овечьимъ пометомъ, погребаютъ въ мѣстѣ, указанномъ ковалинами. Въ теченіе трехъ дней покойника оплакиваютъ женщины, бьютъ себя въ грудь и рвутъ на себѣ волосы. При этомъ обязательно кормятъ всякаго нищаго. Затѣмъ всѣ родственники собираются въ домъ покойнаго и совершаютъ религиозныя пляски въ честь царя Павлина. Въ пляскахъ кружатся до тѣхъ поръ, пока не выдуютъ

въ изступленіе и не увидятъ въ галлюцинаціяхъ царя Павлина, который извѣщаетъ ихъ, что душа іезида вошла въ рай. Пляска заканчивается жертвоприношеніемъ.

Общество любителей древней письменности. I. Засѣданіе, состоявшееся 3-го января подъ предѣтельствомъ академика Л. Н. Майкова, открылось рѣчью секретаря В. В. Майкова, охарактеризовавшаго дѣятельность члена общества И. А. Голышева, скончавшагося 9-го декабря 1896 г. Покойный родился въ селѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Происходя изъ крѣпостныхъ крестьянъ и получивъ скудное образованіе у себя на родинѣ, покойный былъ отданъ въ рисовальную школу въ Москвѣ, но курса не окончилъ; занимаясь торговыми дѣлами отца, онъ всячески старался пополнить свое недостаточное образованіе. Съ 1857 г. онъ поселяется въ с. Мстерѣ и обращается къ занятію литографіей. Немного позже онъ выступаетъ, какъ публицистъ, въ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ въ 1862 г. печатаетъ статью о сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ, а далѣе—рядъ статей по экономическимъ, археологическимъ и историческимъ вопросамъ. Кромѣ названной газеты, И. А. Голышевъ сотрудничалъ въ «Запискахъ вольно-экономическаго общества», «Русской Старинѣ», «Голосѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Древней и Новой Россіи». Состоя членомъ ученыхъ обществъ, покойный всѣ силы свои посвятилъ изученію древне-русской и народной живописи, и въ этой области извѣстны его многочисленныя работы. Затѣмъ секретарь сообщилъ о вновь прибрѣтенныхъ рукописяхъ: первая—сборникъ поученій начала XV вѣка, вторая—«Учительное Евангеліе», написанное не позже 5-го декабря 1487 (6996) года. Сообщенія были сдѣланы Н. П. Лихачевымъ и М. В. Довнар-Запольскимъ. Н. П. Лихачевъ внесъ поправку къ вопросу о первой книгѣ, напечатанной въ Казани, каковой до сихъ поръ считалась брошюра: «Рѣчь благодарственная Екатеринѣ II на случай объявленія благоволенія казанскому дворянству». Эта брошюра 4^о съ указаніемъ мѣста печати—«Казань». Эта брошюра была, можетъ быть, сочинена въ Казани, но напечатана въ 1774 году въ приложеніи къ № 16 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Во второмъ сообщеніи Н. П. Лихачевъ остановился на вопросѣ о двухъ художникахъ Юсифахъ XVII вѣка, упомянутыхъ въ книгѣ Н. П. Собко, и выяснилъ ошибку извѣстнаго изслѣдователя иконописи Д. А. Ровинскаго. Сообщенія эти вызвали обмѣнъ мнѣній между Д. Θ. Кобеко, Л. Н. Майковымъ и референтомъ М. В. Довнар-Запольскій въ своемъ сообщеніи остановился на рукописи синодальной московской библіотеки, западно-русскаго происхожденія № 790, 4^о, которая по даннымъ палеографіи относится къ половинѣ XVI и XVII вѣка. Она заключаетъ въ себѣ лѣтописныя замѣтки, анекдоты о первыхъ папахъ. Съ 1376 года начинаются извѣстія литовскія изъ разныхъ источниковъ. Это результатъ безпорядочной начитанности автора, которому съ трудомъ удается лишь внѣшнимъ образомъ связать событія западной Руси и восточной. Вторая часть лѣтописи является записью очевидца, и извѣстія становятся подробнѣе, они касаются, главнымъ образомъ, Могилева, Орши, причемъ приводится до сихъ поръ живущее въ устахъ народа преданіе объ основаніи города Могилева. Далѣе нитересны извѣстія о дѣйствіяхъ гетмана Наливайки, о сендомірскомъ рокошѣ, о

появленіи 2-го самозванца. Особенно интересны мелкія замѣтки о обыкновенной сѣренькой жизни маленькаго угла западной Руси. Референтъ привелъ отрывокъ, заключающій описаніе мора, изображеннаго просто и сильно съ значительнымъ литературнымъ талантомъ. Лѣтопись написана человѣкомъ, знающимъ и любящимъ народъ. Ясный, простой, близкій къ народному и чуждый славянизмовъ языкъ подтверждаетъ это предположеніе. Новое, что сообщаетъ эта лѣтопись,—это данныя о цѣнахъ на хлѣбъ за 20 лѣтъ—извѣстіе въ данной области единственное. Цѣны колеблются сильно и свидѣтельствуютъ о значительномъ колебаніи достатка крестьянъ. Кто былъ авторъ? Это былъ человѣкъ, преданный Москвѣ, въ религіозномъ отношеніи—православный и врагъ католицизма. Изъ описанія берестейскаго синода 1591 года видно, что авторъ былъ противникъ уніи. На основаніи данныхъ лѣтописи можно думать, что авторомъ ея былъ священникъ Феодоръ Филиповичъ, лицо близкое князьямъ Соломнрецкимъ. Это предположеніе подтверждается и данными хронологическими. Вступительная часть лѣтописи составлена священникомъ Филиповичемъ въ молодости и служить какъ бы введеніемъ и къ его личнымъ запискамъ. Въ заключеніе реферата г. Довнаръ-Запольскій сдѣлалъ обзоръ западно-русскихъ лѣтописей и указалъ мѣсто, которое занимаетъ въ ряду этихъ памятниковъ лѣтопись священника Филиповича. А. И. Лященко сообщилъ свои замѣчанія о «Словѣ о царѣхъ, князѣхъ и властелѣхъ», дошедшемъ до насъ въ рукописи начала 17-го вѣка: это разсужденіе на одну изъ любимыхъ темъ древне-русской проповѣди, затрогивающее взаимныя отношенія между княземъ и народомъ. По даннымъ языка памятникъ этотъ относится, по крайней мѣрѣ, къ XIV вѣку, а изъ именъ, въ немъ встрѣчающихся, можно отмѣтить князя Романа рязанскаго, жившаго въ XII и XIII вѣкахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это «слово» напоминаетъ «Пчелу», но съ девятой главой ея, гдѣ говорится о князьяхъ, не совпадаетъ. II. Въ послѣднемъ засѣданіи общества было сдѣлано два сообщенія: С. Θ. Платоновъ прочелъ некрологъ академика К. М. Бестужева-Рюмина, и Н. П. Барсуковъ прочелъ «О приобрѣтеніи императоромъ Николаемъ древнехранилища М. П. Погодина для императорской публичной бібліотеки». С. Θ. Платоновъ прослѣдилъ въ своемъ некрологѣ всѣ главнѣйшіе моменты жизни покойнаго академика, начиная со дня его поступленія въ гимназію, куда онъ пришелъ, вынеся изъ дома знаніе французскаго и нѣмецкаго языка и любовь къ чтенію, до самой его смерти. При этомъ С. Θ. Платоновъ обратилъ особое вниманіе на ту среду, которая обусловила направленіе научно-литературной дѣятельности К. Н. Бестужева, отличавшагося всегда умѣньемъ безпристрастно истолковывать самыя разнообразныя точки зрѣнія. Такое научное безпристрастіе, столь рѣдкое въ ученомъ, объясняется тѣмъ, что въ бытность свою студентомъ, покойный ученый съ одинаковымъ увлеченіемъ слушалъ лекціи и Соловьева, и Кавелина, и Грановскаго, и Кудрявцева, и бесѣды Погодина. Всегда далекій отъ текущей общественной жизни, онъ смотрѣлъ на всѣ теоріи чисто съ научной точки зрѣнія, не считая ихъ реальными программами. Оцѣнка и характеристика дѣятельности К. Н. въ качествѣ профессора университета дана С. Θ. Платоновымъ по личнымъ его воспоминаніямъ, по воспоминаніямъ ученика о любимомъ учителѣ.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. 18-го января, состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Докладчикомъ выступилъ Д. В. Айналовъ, сообщившій отчетъ о поѣздкѣ своей на Аѳонъ лѣтомъ 1896 г. Докладчикъ сдѣлалъ это путешествіе по порученію нашего константинопольскаго археологическаго института и выяснилъ громадное число памятниковъ искусства и письменности, хранящихся въ аѳонскихъ монастыряхъ и ожидающихъ еще своего изученія и воспроизведенія печати. Докладчикъ демонстрировалъ многіе фотографическіе снимки съ обследованныхъ имъ предметовъ древности. Обращаютъ на себя вниманіе въ Пантелеймонскомъ монастырѣ артезианца Михаила Комнина, въ Пверскомъ монастырѣ—крестъ Іоанна Цимисхія, въ Андреевскомъ скитѣ—Евангеліе XI вѣка съ миниатюрами IX вѣка и мн. др. 29-го января состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія подъ предѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчиками явились: графъ А. А. Бобринскій («Исслѣдованіе большого майдана на границѣ Кіевской и Херсонской губерніи») и С. В. Рождественскій («Извѣстія о намѣстничьихъ кормахъ въ Псковской области въ XVI в.»). Графъ А. А. Бобринскій сообщилъ о произведенной имъ въ 1896 г. раскопкѣ большого майдана у села Цвѣтная въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Этотъ майданъ, перерытый кладоискателями, какъ можно судить по его остаткамъ, представлялъ въ первоначальномъ своемъ построеніи обширный бугоръ, окруженный высокимъ валомъ, съ четырехъ сторонъ коего выдаются расположенные попарно полукруглые валы, въ видѣ клещей; діаметръ всѣхъ насыпей свыше 100 сажень. Въ археологической литературѣ майданъ извѣстенъ съ прозвищемъ «Горгоны», которое ему далъ г. Подберезскій, описавшій майданъ въ «Трудахъ Одесскаго общества исторіи и древностей». Поводомъ къ послѣдней раскопкѣ послужила случайная находка скийскаго могилы въ одномъ изъ валовъ майдана, сдѣланная кладоискателями. Предметы скийскаго быта, доставленные въ императорскую археологическую комиссію, возбудили интересъ, комиссія поручила изслѣдовать насыпь. Раскопка обнаружила присутствіе въ кругломъ валу богатаго погребенія извѣстнаго скийскаго типа. Добыто много золотыхъ предметовъ, какъ-то: обручъ, фибула, разныя бездѣлушки и обычныя бляшки, нашивавшіяся на одѣянія; найдено также серебряное блюдо и серебряныя пряжки; желѣзныя стрѣлы, остатки брони, обломки греческихъ амфоръ. Исслѣдованіе майдана во всемъ его цѣломъ не могло быть произведено. Докладчикъ обнаружилъ во многихъ мѣстахъ подземные ходы на большой глубинѣ, правильно построенные и ведущіе въ разныя стороны, но ходы эти кое-гдѣ обрушились и засыпаны землей. Судя по сосѣднимъ курганамъ, также изслѣдованнымъ докладчикомъ, графъ А. А. Бобринской склоненъ отнести постройку майдана къ глубокой древности, къ такъ называемой «каменно-бронзовой» эпохѣ. С. В. Рождественскій сообщилъ найденныя имъ въ писцовыхъ книгахъ Псковской области восьмидесятихъ годовъ XVI вѣка данныя о намѣстничьихъ кормахъ. Эти извѣстія сообщаютъ нѣсколько интересныхъ фактовъ для характеристики намѣстничьяго управленія въ Московскомъ государствѣ и дѣйствовавшей тогда податной системы.

Палестинское общество. 19-го января происходило годовое общее собраніе императорскаго палестинскаго общества. Предсѣдательствовали Н. Н. Селифонтовъ. Былъ прочитанъ годовою отчетъ, начавшійся воспоминаніями о скончавшемся учредителѣ общества Н. Ѳ. фанъ-деръ-Флитъ, немало поработавшемъ въ Одессѣ надъ благоустройствомъ и упорядоченіемъ перевозки паломниковъ въ Святую Землю на пароходахъ русскаго общества пароходства и торговли. Выдающимся событіемъ прошлаго года было освященіе 22-го мая церкви въ Іерусалимѣ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, сооруженной въ память въ Бозѣ почившаго основателя палестинскаго общества. Другимъ дѣломъ, ознаменовавшимъ дѣятельность общества въ прошломъ году, было распространеніе нашей православной учебной дѣятельности и на Сирію. Патріархъ антиохійскій самъ обратился къ августѣйшему предсѣдателю общества съ просьбою принять въ завѣдываніе палестинскаго общества, по возможности, всѣ православныя школы патріархіи. Общество приняло въ свое вѣдѣніе 21 школу съ 2.000 православныхъ учениковъ и ученицъ. Кромѣ того, въ Бейрутѣ, по почину православной семьи Сюркозъ, устроился женскій институтъ на 200 слишкомъ дѣвочекъ. Въ Палестинѣ въ 23 школахъ общества обучается 1.000 учениковъ. Изъ числа этихъ школъ Муджедильская въ прошломъ году вступила въ пятнадцатый годъ своего существованія; въ Назаретскомъ мужскомъ пансіонѣ состоялся третій выпускъ пансіонеровъ и въ Бей-джальскомъ женскомъ пансіонѣ—первый выпускъ пансіонерокъ. Изъ этихъ выпусковъ 25 человекъ уже заняли учительскія мѣста. Въ итогъ 15-лѣтней дѣятельности общества оказывается 50 учебныхъ заведеній съ 4.000 православныхъ учениковъ.

Окончено и выпущено въ свѣтъ научное изданіе именныхъ русскихъ паломниковъ—писателей до-петровскаго времени. Эти 11 русскихъ паломниковъ, начиная отъ игумена Даниила до чернаго діакона Іоны Маленькаго съ 1106 до 1653 г. стали нынѣ доступны для научныхъ изслѣдованій не только нашихъ отечественныхъ, но и западныхъ палестинологовъ.

Предпринятъ также новый родъ изданія—это народныя книги и чтенія о Святой Землѣ, доведенныя до 18 выпусковъ. Для испытанія достоинствъ уже изданныхъ выпусковъ, въ Петербургѣ устроенъ рядъ чтеній, начавшихся 6-го декабря прошлаго года. Чтенія эти будутъ продолжаться по воскресеньямъ и праздникамъ до 30-го марта текущаго года. Книжки эти уже выпущены въ продажу по самой дешевой цѣнѣ.

Число членовъ общества возросло до 3.320 человекъ. Паломническое дѣло по движенію поклонниковъ оказалось выдающимся за все время существованія русскаго паломничества. Общее число ихъ за весь годъ дошло до 6.532 человекъ, при чемъ только къ празднику Пасхи ихъ проѣхало 3.001. Медицинская помощь была оказываема какъ паломникамъ, такъ и мѣстному населенію. Въ іерусалимской больницѣ насчитывается 5.300 больничныхъ дней, а въ четырехъ амбулаторіяхъ—63,200 посѣтителей.

Денежные обороты общества были таковы: поступило на приходъ 594.235 р., израсходовано 532.945 р. Каждый, посѣтившій Іерусалимъ, паломникъ обошелся обществу въ 19 р. 73 к. Отъ каждаго изъ нихъ получено по 4 р. 60 к.,

и, такимъ образомъ, общество приплатило за каждаго по 15 р. 13 к. Каждое посѣщеніе амбулаторіи обошлось въ 14 к. и, наконецъ, каждый ученикъ— въ 36 р. 52 к. Смѣта въ 1897—1898 годъ исчислена съ балансомъ въ 430.000 рублей.

Въ нынѣшнемъ засѣданіи избраны: помощникомъ предсѣдателя ген.-м. М. П. Степановъ, членами совѣта Н. М. Аничковъ и прот. А. А. Лебедевъ, предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи пособія православнымъ паломникамъ М. П. Соловьевъ и казначеемъ И. В. Рукавишниковъ.

Въ почетные члены избраны, по предложенію августѣйшаго предсѣдателя: гр. М. Н. Муравьевъ, Н. Н. Селифонтовъ, прот. А. А. Лебедевъ, М. Н. Галкинъ-Враской и И. В. Рукавишниковъ, и по предложенію совѣта общества— епископы: Алексій вологодскій, Алексій вятскій, Владиміръ нижегородскій, Владиміръ екатеринбургскій, Владиміръ оренбургскій, Мигрофанъ орловскій, Никодимъ якутскій, Николай алеутскій, Петръ пермскій, Питиримъ тульскій и П. Ю. Лисянскій.

Московское психологическое общество. 25-го января, въ залѣ Московскаго университета состоялось годовое собраніе. Предсѣдательствовалъ Н. Я. Гротъ, секретаремъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности общества въ 1896 г. Къ 25-му января въ обществѣ числится 15 почетныхъ членовъ, 11 членовъ-учредителей, 146 дѣйствительныхъ, 45 соревнователей и 7 членовъ-корреспондентовъ. Скончались почетные члены: Н. Н. Страховъ, Э. Дюбуа-Раймонъ и дѣйствительный членъ А. Т. Столѣтовъ. Въ истекшемъ году общество имѣло 12 засѣданій. Въ 10 очередныхъ и публичныхъ засѣданіяхъ доложено и подвергнуто обсужденію 13 ученыхъ сообщеній. Журналъ общества «Вопросы философіи и психологіи» продолжалъ издаваться подъ редакціею Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго, при дѣятельномъ участіи прежняго редактора Н. Я. Грота. Съ 31 книги при журналѣ печатаются: «Записки психологической лабораторіи психіатрической клиники Московскаго университета, подъ редакціею А. А. Токарскаго». Общество постановило выразить глубокую благодарность кн. С. Н. Трубецкому, В. А. Гольцеву и Л. М. Лопатину за безвозмездное сотрудничество въ журналѣ общества, который теперь имѣетъ 1.300 подписчиковъ. Происходившею въ концѣ засѣданія балотировкою избраны въ почетные члены общества: проф. Н. Я. Гротъ (единогласно) за 10-лѣтнее фактическое предсѣдательство, сенаторъ А. Θ. Кони, проф. М. И. Каринскій и изъ иностранныхъ ученыхъ: Гербертъ Спенсеръ, Альфредъ Фулье, Күно Фишеръ и Фридрихъ Паульсенъ. Въ составъ совѣта на новое трехлѣтіе избраны: предсѣдателемъ проф. Н. Я. Гротъ (на 4-е трехлѣтіе), товарищами предсѣдателя— проф. Л. М. Лопатинъ и проф. С. С. Корсаковъ, секретаремъ В. Н. Ивановскій, товарищами секретаря— А. А. Токарскій и Ю. А. Айхенвальдъ, казначеемъ единогласно Н. А. Абрикосовъ (на 5-е трехлѣтіе), товарищами казначея— А. А. Абрикосовъ и кн. С. Т. Трубецкой, бібліотекаремъ В. А. Гольцевъ и редакторомъ изданія общества В. П. Преображенскій.

Диспутъ Е. К. Рѣдина. 19 января въ одной изъ аудиторій С.-Петербургскаго университета происходилъ диспутъ подъ предсѣдательствомъ декана историко-филологическаго факультета П. В. Помяловскаго. Приватъ-доцентъ

Харьковскаго университета Е. К. Рѣдинъ защищалъ диссертацию подъ заглавіемъ «Мозаики равеннскихъ церквей», представленную имъ для полученія степени магистра исторіи и теоріи искусствъ. Дискутантъ кончилъ курсъ въ Новороссійскомъ университетѣ со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ и съ золотой медалью за сочиненіе о древней живописи Кіево-Софійскаго собора. Въ 1891 г. сдалъ магистерскій экзаменъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, два года занимался за границей, съ 1893 года состоитъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ въ Харьковскомъ университетѣ. Мозаики Равенны составляютъ доселѣ, по отзыву проф. Н. П. Кондакова, важнѣйшій памятникъ византійскаго искусства, что и доказываетъ дискутантъ. Они съ 1840-хъ годовъ были предметомъ разнообразныхъ трактатовъ западныхъ ученыхъ: Рана, Жанъ-Поль-Рихтера, Дили, Барбе де-Монто и др. Диссертациа г. Рѣдина посвящена главнымъ образомъ анализу иконографическихъ композицій и типовъ со стороны историческаго ихъ образованія, богословскаго смысла и художественнаго изображенія. Мозаики Равенны воспроизводятъ такъ или иначе почти все главнѣйшія событія Евангелія, передаютъ все важнѣйшіе религіозные типы, и притомъ въ ихъ первоначальномъ сложеніи. Дискутантъ признанъ достойнымъ степени магистра теоріи и исторіи искусствъ.

Историческій документъ. Въ «Русскомъ Трудѣ» напечатанъ новооткрытый документъ. Найденъ онъ въ замѣчательномъ собраніи рукописей почетнаго гражданина города Ярославля, И. А. Вахрамѣева. Этотъ документъ—отрывокъ зазывной грамоты въ Угличъ о высылкѣ въ Москву выборныхъ людей для избранія на царство Московскаго государя (столбецъ дефектный; утрачено начало): «...людей и уѣздныхъ крестьянъ десять человекъ, которые-бъ были добры и разумны и постоянны, прислать къ намъ къ Москвѣ тотчасъ наскоро, и приказать съ ними, чтобъ имъ вольно было во всехъ угличанъ всякихъ людей мѣсто о государственномъ и о земскомъ дѣлѣ говорить безо всякаго страхованія, и сроку тѣмъ выборнымъ людямъ не давать ни сколько и затѣмъ бы такому великому дѣлу не стать. А ко властямъ мы писали жъ особья грамоты, а то вамъ объявляемъ, что безъ государя намъ некоторыми дѣлы быти не мочно; а только намъ быти безъ государя хоть недолгое время и на... (нѣсколько словъ стерлось) всякаго худа и конечнаго въ Московскомъ государствѣ разоренія. И вамъ бы, господа, однолично угличскихъ властей и выборныхъ людей съ посаду и съ ѣзду выслать къ Москвѣ тотчасъ-наскоро, чтобъ за тѣмъ земскому великому дѣлу не стать. А котораго числа властей и выборныхъ людей и кого именемъ вышлете, и вы-бъ о томъ къ намъ отписали. Писанъ въ Москвѣ, лѣта 7121 декабря въ 13 день».

† **М. П. Озмидовъ.** Въ срединѣ января, въ Пирееѣ, въ Греціи, скончался М. П. Озмидовъ—редакторъ-издатель «Новороссійскаго Телеграфа». Покойный, какъ говоритъ «Новороссійскій Телеграфъ», родился въ Бессарабской губерніи въ 1836 году и, оставшись сиротой, воспитывался въ Кишиневской гимназіи на средства бывшаго директора ея, нынѣ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, Яновскаго. Изъ Кишинева М. П. Озмидовъ отправился въ Петербургъ для поступленія въ строительное училище, нынѣ институтъ граждан-

скихъ инженеровъ императора Николая I. Прямо со школьной скамьи онъ былъ назначенъ архитекторскимъ помощникомъ въ одесскій строительный комитетъ. Самыя важныя городскія сооруженія Одессы—мостовыя, коллекторы, газовое освѣщеніе, водопроводъ,—тѣсно связаны съ дѣятельностью покойнаго, какъ въ качествѣ городского техника и гласнаго одесской думы, такъ и въ качествѣ популяризатора и безпристрастнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго и компетентнаго, критика всякаго рода техническихъ вопросовъ, имѣющихъ близкую связь съ жизнью города. «Новороссійскій Телеграфъ» былъ имъ основанъ въ 1875 году и неизмѣнно отличался большою живостью и содержательностью. Горячія, рѣзкія и искреннія статьи редактора придавали журналу его главную окраску честнаго охранительнаго органа печати.

† **А. Н. Барановскій.** Въ первыхъ числахъ января, скончался хранитель кабинета физической географіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Августъ Николаевичъ Барановскій. Воспитанникъ Кіевскаго университета, покойный занималъ свою должность съ 1884 г. Состоя въ то же время секретаремъ метеорологической комиссіи русскаго географическаго общества, покойный съ образцовою тщательностію велъ обработку всѣхъ издаваемыхъ комиссіею сельскохозяйственно-метеорологическихъ наблюденій. Въ качествѣ помощника завѣдующаго метеорологическою частью въ экспедиціи ген. Жилинскаго по орошенію юга Россіи и Кавказа, покойный руководилъ устройствомъ цѣлага ряда метеорологическихъ станцій на югѣ Россіи. Результатомъ его занятій метеорологіею было нѣсколько напечатанныхъ имъ работъ, какъ-то: «Очеркъ климата Нижегородской губерніи», «Главные черты климата черноземныхъ областей Россіи», «Очеркъ климата Полтавской губерніи», а также мелкія статьи, напечатанныя въ различныхъ изданіяхъ. Перечисленныя работы представляютъ собою добросовѣстнѣйшую и тщательную сводку всѣхъ данныхъ, характеризующихъ климатъ разсматриваемыхъ мѣстностей.

† **И. И. Малышевскій.** 11-го января, въ Кіевѣ скончался заслуженный ординарный профессоръ мѣстной духовной академіи Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій. Покойный, сынъ священника, родился въ 1828 году и курсъ высшаго образованія окончилъ въ Кіевской духовной академіи, въ которой и получилъ профессорскую каѳедру. Званіе доктора богословія получено имъ по защитѣ въ 1873 году обширной диссертациі подъ заглавіемъ «Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви». Читая въ Кіевской академіи курсъ русской церковной исторіи, И. И. Малышевскій напечаталъ въ теченіе своей сорокалѣтней ученой дѣятельности множество книгъ, статей и брошюръ, преимущественно по исторіи церкви въ первые вѣка христіанства, исторіи церкви при византійскихъ императорахъ и западно-славянскою и южно-славянскою церквей (между прочими «Судьба славянскою церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ Кирилла и Меѳодія», «Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ», «Отношеніе Руси къ церкви римской при св. Владимірѣ», «Св. Кириллъ и Меѳодій»). Бромъ того, И. И. Малышевскимъ составлены были историческія записки—о Кіевской духовной академіи за пятидесятилѣтіе съ 1819 по 1869 г. и о русской церкви за двадцатипятилѣтіе царствованія императора Александра II. Имъ же изданы разошедшіяся

въ десяткахъ и даже сотняхъ тысячъ экземпляровъ популярныя брошюры: «Правда объ уни» (переведена на чешскій и польскій языки), «Западная Русь въ борьбѣ за свою вѣру и народность», «Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра». («Нов. Вр.», № 7500.).

† **Н. А. Оаворовъ.** 12-го января въ Кіевѣ, скончался профессоръ богословія университета св. Владиміра, Назарій Антоновичъ Оаворовъ. Покойный, сынъ діакона, родился въ 1820 г. въ Рязанской губерніи. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи, покойный началъ свою дѣятельность учителемъ, преподавалъ св. писаніе, патрологію и церковное краснорѣчіе. Въ 1846 г. получилъ степень магистра, затѣмъ вскорѣ былъ утвержденъ бакалавромъ церковнаго краснорѣчія. Въ 1859 г. Н. А. опредѣленъ профессоромъ богословія, логики и психологіи въ университетъ св. Владиміра и въ слѣдующемъ году былъ рукоположенъ во священники университетской церкви. Въ 1862 г. удостоенъ степени доктора богословія и опредѣленъ членомъ [кіевской духовной консисторіи. Покойный приобрѣлъ въ литературѣ извѣстность многими цѣнными трудами, напечатанными въ «Воскресномъ Читеніи», «Трудахъ» Кіевской духовной академіи и изданными отдѣльно. Его «Гомилетика», «Очерки нравственнаго православно-христіанскаго ученія» и др. выдержали нѣсколько изданій. Въ университетской церкви имъ сказано было не мало проповѣдей. Въ числѣ учениковъ покойнаго протоіерея были сербскій митрополитъ Михаилъ, болгарскій митрополитъ Климентъ, кіевскій митрополитъ Іоанникій, литовскій архіепископъ Іеронимъ и ректоръ Кіевской академіи, епископъ каневскій Сильвестръ. Изъ монаршихъ наградъ о. Назарій имѣлъ орденскіе знаки св. Анны 1 ст. и св. Владиміра 2 ст. со звѣздою. («Нов. Вр.», № 7501; «Моск. Вѣд.», № 14)

† **С. С. Сенницкій.** 16-го января, скончался въ Варшавѣ извѣстный археологъ и нумизматъ Станиславъ Севериновичъ Сенницкій, долгое время занимавшій мѣсто дѣлопроизводителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа. Въ молодости покойный служилъ въ Петербургѣ и завязалъ здѣсь дружескія связи съ университетскими и вообще учеными кружками, сохранившіяся до конца его жизни. Полякъ и католикъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые сознательно пріобщились къ русской жизни и, сохраняя и національность и вѣру, питаютъ искреннее расположеніе къ русской литературѣ и наукѣ. Унаслѣдовавъ отъ родителей нѣсколько десятковъ тысячъ, С. С. Сенницкій все свое состояніе принесъ въ даръ наукѣ и искусству. Многія ученія учрежденія и общества, русскія и заграничныя, получили отъ него щедрія пожертвованія въ видѣ цѣнныхъ памятниковъ по археологіи, исторіи, геральдикѣ, библиографіи, нумизматикѣ, генеалогіи, живописи, скульптурѣ или въ видѣ естественно-историческихъ коллекцій. Онъ состоялъ членомъ множества ученыхъ обществъ русскихъ и заграничныхъ, а изъ трудовъ, изданныхъ имъ, извѣстны: 1) «Историческое описаніе находящейся въ Петербургѣ церкви св. великомученицы Варвары», издано по случаю двухсотлѣтняго юбилея рожденія императора Петра Великаго. 2) «Родословная царствующаго дома Оттоманской имперіи». 3) «Каталогъ изданій ченстоховской типографіи» (на польскомъ языкѣ). 4) *Les Elzevir de la Bibliothèque de l'Université de Varsovie* («Нов. Вр.», № 7508).

† **Е. И. Красноперовъ.** 10-го января, скончался въ Перми статистикъ

губернскаго земства Егоръ Ивановичъ Красноперовъ. Покойный почти всю жизнь посвятилъ земскому дѣлу сначала въ Вятской, а затѣмъ въ Пермской губ. Изъ его работъ отмѣтимъ «Двадцатилѣтіе Пермскаго края со времени отмѣны крѣпостного права Царемъ-Освободителемъ», «Сельско-хозяйственныя нужды Пермскаго края», «Работы статистическаго бюро при пермской губернской управѣ» и др. Работы покойнаго удостоены золотой медали императорскаго географическаго общества. Покойному принадлежитъ также проектъ учрежденія общаго фонда сельскихъ хозяевъ для страхованія отъ убытковъ, наносимыхъ сельскому хозяйству вредными насѣкомыми («Нов. Вр.», № 7507).

† **Н. Г. Курпіяновъ.** 20-го января скончался почетный членъ общества русскихъ врачей, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Григорьевичъ Курпіяновъ, имѣвшій въ Петербургѣ, какъ врачъ, обширную практику и пользовавшійся симпатіями своихъ многочисленныхъ пациентовъ. Въ медицинской литературѣ покойный извѣстенъ капитальными сочиненіями, посвященными исторіи медицины и изданными въ 70-хъ годахъ подъ заглавіями «Исторія медицины въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго», «Историческій очеркъ состоянія медицины въ Россіи при Екатеринѣ II» и «Очеркъ медицины въ царствованіе Александра I». («Нов. Вр.», № 7510).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ „Село Языково“.

Въ описаніи бывшаго имѣнія поэта Н. М. Языкова, въ Симбирской губерніи, напечатанномъ въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1896 г., вкралась ошибка, которую снѣшу въ интересѣ истины исправить документальною справкою, полученною мною послѣ напечатанія статьи. На стр. 990 сказано, что поэтъ родился въ селѣ Языковѣ; между тѣмъ въ метрической выписи Вознесенской церкви города Симбирска за 1803 годъ, подъ № 16, значится: «У отставнаго гвардіи прапорщика Михаила Петрова сына Языкова сынъ Николай родился и крещенъ 4 числа марта мѣсяца». Слѣдовательно не село Языково, а городъ Симбирскъ долженъ считаться мѣстомъ рожденія поэта Языкова.

В. Полявановъ.

II.

Историческая замѣтка о гербѣ города Варшавы.

Современный гербъ Варшавы очень оригиналенъ. На красномъ полѣ снрана съ мечемъ въ правой рукѣ, поднятымъ надъ головою, и съ круглымъ щитомъ въ лѣвой. Но не сразу онъ явился въ такомъ видѣ. Исторія Варшавскаго герба довольно любопытна. Лучше всего ее можно прослѣдить по дошедшимъ до насъ печатямъ.

На древнѣйшей, сохранившейся до нашего времени, печати при нѣмецкомъ привилеѣ gegeben zu Warschawe anno dni M^o CCCC L^o IX° (1459 г.)

виденъ щитъ, заостренный къ низу, а на немъ отчетливое изображеніе грифа, но безъ головы, вмѣсто ея—половина мужской фигуры; въ правой рукѣ у мужчины прямой мечъ, а въ лѣвой—круглый щитъ; поле украшено вѣтками¹⁾.

На печатяхъ Варшавы XVI вѣка грифъ измѣнился въ дракона. На одной изъ нихъ находимъ превосходно сдѣланный 8-ми угольный щитъ съ изображеніемъ половины мужчины. У него въ правой рукѣ обоюдоострый мечъ, а въ лѣвой круглый выпуклый щитъ. Внизу—драконъ съ хвостомъ, заданнымъ къверху, съ двумя лапами, однимъ крыломъ и разинутою пастью²⁾.

Варшавскій гербъ.

На печать первой половины XVII столѣтія, помѣщенной на выписи изъ лавничьихъ актовъ³⁾ «старого города Варшавы (Miasta starego Warszawy)»⁴⁾ 1640 года, имѣется подобное же изображеніе, но мужчина измѣненъ въ женщину, довольно полную, съ обнаженными грудями; внизу драконъ съ крыльями и большимъ, длиннымъ, загнутымъ къверху хвостомъ⁵⁾.

Наконецъ, на печатяхъ Варшавы первой половины XVIII столѣтія видимъ уже грифа, измѣненнаго въ хвостъ рыбы съ женщиною отъ половины, или сиреною, съ мечемъ, занесеннымъ надъ головою, и съ круглымъ щитомъ, т.-е. нынѣшній гербъ города.

Такія измѣненія извѣстный изслѣдователь польской старины Ф. М. Собѣщанскій, согласно съ мнѣніемъ славнаго нѣмецкаго сфрагиста Фоссберга, объясняетъ такимъ образомъ: первоначальное изображеніе грифа — символъ мужества древнихъ славянъ—было гербомъ Варшавы, сирена же—символъ изнѣженности, вѣроятнo, по незнанію и по невнимательности рѣзчиковъ, случайно сдѣлалась гербомъ города⁶⁾.

Гр. Воробьевъ.

¹⁾ По ободу надпись: † в. CIVITATIS WARSOVICAS. Помѣщено Vossberg'омъ у Koehne—«Zeitschrift» на 1843 годѣ, таблица XII.—Г. В.

²⁾ По краю надпись: SIGILLUM ADVOCATI CIVITATIS ANTIQUE WARSOVIAE.—Г. В.

³⁾ Лавники — члены городского магистрата.—Г. В.

⁴⁾ Старый городъ Варшава, т. е. нынѣшнее Stare Miasto съ прилегающими къ нему улицами — центръ древней Варшавы, въ отличіе отъ «новой Варшавы», мѣстности, лежащей за Новомейскими воротами, нынѣ извѣстной подъ именемъ Новаго Мѣста (Nowe Miasto), уже заселенной въ XV столѣтіи выходцами изъ Старой Варшавы, гдѣ имъ стало тѣсно, и имѣвшей свою отдѣльную печать съ особымъ гербомъ. Такъ, извѣстна круглая печать «Новаго города Варшавы («Nowego miasta Warszawy») 1546 года. На щитѣ два поля, съ украшениями вокругъ. Съ правой стороны—въ бѣломъ полѣ—единорогъ, съ лѣвой—на черномъ—фигура мужчины съ открытою головою, въ длинномъ платьѣ, подпоясанномъ поясомъ; въ правой рукѣ у него что-то въ родѣ скипетра, а лѣвою онъ подпирается въ бокъ. (Собѣщанскій, «Wiadomosci historyczne o sztukach pięknych w dawnej Polsce», t. I, Warszawa, 1847, 210). Замѣчательно, что даже пригороды Варшавы имѣли свои печати. Такъ, намъ привелось видѣть въ коллекціи археолога Ф. К. Тарчинскаго въ Плоцѣ печать варшавскаго пригорода Мариенштадта (нынѣ улица) XVIII столѣтія, впрочемъ, гербъ на ней—гербъ Старой Варшавы, сирена.—Г. В.

⁵⁾ Подпись: sigillum antiquae civitatis warschoviensis. Помѣщено въ книгѣ «Lustr. i Rewiz». XVIII.—Г. В.

⁶⁾ Собѣщанскій, 209—210.—Г. В.

жажду и съѣсть кусокъ хлѣба съ чеснокомъ. Поздно вечеромъ мы миновали городокъ Сенсъ и также не останавливались въ немъ.

Этотъ форсированный походъ продолжался семь дней и семь ночей; у многихъ ноги были въ крови, и всѣ шатались отъ усталости, но никто не хотѣлъ выйти изъ рядовъ и заглушалъ свои физическія страданія ободряющимъ пѣніемъ марсельезы. Наконецъ нашъ запасъ хлѣба и чеснока истощился, и мы принуждены были расположиться бивакомъ передъ стѣнами Мемона. Городскія власти оказались тамъ аристократическаго пошиба и сначала отказали намъ въ помощи, но потомъ, промучивъ насъ три часа, все-таки выдали по два хлѣба на человѣка.

Раздѣляя между нами этотъ хлѣбъ, командиръ Муассонъ произнесъ:

— Друзья, это послѣдній дорожный провіантъ. Черезъ два дня вы отвѣдаете парижскаго хлѣба, и если потомъ кто будетъ голодать, то не вы, а тираны.

День въ день и часъ въ часъ сбылись эти слова.

Остановившись въ тѣнистомъ лѣсѣ на краткій привалъ, мы неожиданно услышали какой-то странный отдаленный гулъ.

— Это близко пролетаетъ рой пчелъ,—сказалъ одинъ изъ насъ, и мы стали оглядываться по сторонамъ.

— Нѣтъ, это землетрясеніе,—произнесъ другой.

— Пустяки,—замѣтилъ третій:—землетрясеніе не продолжалось бы такъ долго.

— Приложите ухо къ землѣ!—кричалъ четвертый:—и услышите, что гдѣ-то очень далеко словно раздаются крики людей и пушечные выстрѣлы.

— Просто тутъ гдѣ нибудь водопадъ, какъ въ Воклюзѣ,—сказалъ Самагъ.

— Если бы не были такъ далеко отъ Марсея, — воскликнулъ Морганъ:—то я подумалъ бы, что это плескъ морскихъ волнъ.

— Ужъ не идетъ ли на насъ армія аристократовъ, чтобы заградить намъ дорогу?—замѣтилъ Пелу, насупивъ брови.

— Эхъ, братцы! — сказалъ съ улыбкой Муассонъ:—это далеко не то, что вы думаете—это просто гулъ Парижа. Его составляютъ крики торговцевъ на улицахъ, шумъ экипажей, говоръ, смѣхъ, слезы, громкія выраженія радости и горя сотенъ тысячъ парижанъ. Въ этомъ гулѣ слышатся и ясный голосъ свободы, равенства и братства, и рѣзкія, хриплыя ноты деспотизма. Друзья мои, этотъ гулъ Парижа всегда слышенъ на пять миль вокругъ.

Онъ еще не успѣлъ окончить своихъ словъ, какъ мы всѣ вскочили и, схвативъ ружья, воскликнули единодушно:

— Мы только въ пяти миляхъ отъ Парижа! Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ Марсель! Да здравствуетъ Тулонъ! Да здравствуетъ Авиньонъ!

Мы живо нарвали дубовыхъ вѣтвей и украсили ими свои ружья, шляпы, колпаки и пушки. Потомъ мы двинулись въ путь, но уже барабаны не били походъ, и мы не пѣли марсельезы, а на радостяхъ барабанщики стали выбивать фарандолу, и весь батальонъ сталъ безумно описывать фантастическія кольца національной южной пляски.

Мы плясали, цѣловались, плакали отъ радости и потрясали воздухъ криками:

— Парижъ! Парижъ! Мы дошли до Парижа!

Этотъ общій энтузіазмъ продолжался недолго, и вскорѣ мы сомкнули, какъ слѣдуетъ, свои ряды.

Прошло немного времени, и нашъ командиръ, указывая на виднѣвшуюся на горизонтѣ сѣроватую линію полускрытыхъ въ туманѣ башенъ и колоколенъ, произнесъ:

— Вотъ Парижъ!

Батальонъ мгновенно остановился. Всѣ глаза устремились на горизонтъ. Языкъ какъ бы присохъ къ гортани, и всѣ, старые и молодые, молча впились, отуманенными отъ слезъ, взорами въ виднѣвшійся передъ нами городъ.

Командиръ скомандовалъ—впередъ! Раздались снова барабанный бой и торжественное пѣніе:

Идемъ, родины сыны,
Славы день для насъ насталъ!

Мы уже не шли, а бѣжали, такъ овладѣлъ нами восторженный энтузіазмъ. Неожиданно навстрѣчу намъ попался аристократическій экипажъ, но возница такъ испугался, увидя насъ, что повернулъ назадъ, и лошади помчались обратно въ Парижъ.

При закатѣ солнца мы перешли чрезъ какую-то рѣчку, и на противоположномъ берегу насъ ожидали нѣсколько человекъ, которые махали руками и кричали во все горло:

— Да здравствуютъ марсельцы! Да здравствуютъ патріоты!

Командиръ, капитанъ, а за ними и всѣ мы бросились къ этимъ незнакомцамъ, и они стали горячо обнимать насъ, называя себя по именамъ: Ребекки! Барбару! Дантонъ! Сантеръ!

Вслѣдъ за ними бѣжали женщины и дѣти, которые, окруживъ насъ, цѣловали намъ руки.

Наконецъ общее волненіе стихло, и Барбару, знаменитый Барбару, депутатъ Марсея, подошелъ къ каждому изъ насъ и по одиночкѣ поцѣловалъ на обѣ щеки, затѣмъ онъ отступилъ нѣсколько шаговъ и громко произнесъ:

— Завтра на разсвѣтѣ мы вступимъ въ Парижъ и прямо пойдѣмъ къ королевскому замку. Сантеръ, начальникъ національной гвардіи, общается выйти къ намъ на встрѣчу съ сорока тысячами людьми, которые готовы кричать такъ же, какъ вы: свобода, или смерть!

— Да здравствуетъ Барбару!—воскликнули мы въ одинъ голосъ.

Нѣкоторые изъ насъ прибавили: да здравствуетъ Сантеръ, но далеко не всѣ, такъ какъ многимъ изъ насъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, этотъ человѣкъ не понравился. Лицо его было не симпатичное, и онъ не цѣловался съ нами и не плакалъ отъ радости, какъ Барбару, Дантонъ и Ребекки. Въ немъ было что-то двуличное, и онъ саркастически улыбался нашему энтузіазму.

Не вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ насъ встрѣтили эти представители Парижа, находилось пригородное мѣстечко, жители котораго приняли насъ съ распростертыми объятіями: каждый изъ нихъ взялъ къ себѣ на ночь по два или по три марсельца и угостилъ на славу. Я съ Морганомъ попалъ къ гостепріимному садовнику, который не пожалѣлъ для насъ великолѣпныхъ томатовъ и баклажановъ, которые онъ могъ продать за большія деньги на Парижскомъ рынкѣ. Вы не можете себѣ представить, какое счастье было поѣсть вдоволь послѣ цѣлыхъ недѣль голодовки, а, главное, поспать раздѣтыми въ кроватяхъ. Но, чортъ возьми! намъ не дали хорошенько отдохнуть.

Въ два часа утра насъ поднялъ барабанный бой, и когда первые лучи солнца озарили востокъ, мы уже приближались къ Парижу. Впереди шли Барбару, Дантонъ и Ребекки, а также присоединившіеся къ нимъ другіе депутаты національнаго собранія; за ними маршировали барабанщики, и тянулся весь батальонъ съ пушками и кузницей.

Снова меня мучила мысль, что надо мной будутъ смѣяться, какъ надъ ребенкомъ, и, отыскавъ въ карманѣ двѣ ежевики, я осторожно намазалъ себѣ сокомъ этихъ ягодъ маленькіе усы.

Между тѣмъ уже показались первые дома столицы. Друзья мои, что это были за дома—выше нашей деревенской церкви. Самать не преминулъ развернуть декларацію правъ человѣка, а весь батальонъ пѣлъ во все горло: «Идемъ, родины сыны!».

Толпы народа встрѣчали насъ и окружали со всѣхъ сторонъ. Работники мастеровые, солдаты, женщины съ трехцвѣтными кокардами на головѣ, мальчишки, дѣвченки — всѣ громко рукоплескали и кричали въ одинъ голосъ:

— Да здравствуютъ марсельцы!

Ясно было, что все это были добрые патріоты. Но чѣмъ мы далѣе углублялись въ парижскія улицы, и чѣмъ дома вокругъ становились громаднѣе, великолѣпнѣе, тѣмъ болѣе мѣнялась попадавшаяся на встрѣчу публика. Почти на каждомъ шагѣ стали попадаться завитые, напомаженные, надушенные аристократы, и Самать, подбѣгая къ нимъ, заставлялъ ихъ волей-неволей прикладываться къ деклараціи правъ человѣка. Отъ времени до времени намъ пересѣкали дорогу кареты съ кучерами и лакеями въ парикахъ и шелковыхъ чулкахъ, а также паланкины, въ которыхъ сидѣли напудренные дамы въ кружевахъ и лентахъ, или толстые мар-

кнзы въ бархатныхъ кафтанахъ съ золотыми пуговками. Но горе было, если на комъ либо изъ этихъ аристократовъ или ихъ слугъ, несшихъ паланкины, не красовалось трехцвѣтной кокарды, на нихъ тотчасъ бросались и прицѣпляли къ ихъ одеждѣ обязательную кокарду.

Среди этой суматохи и барабаннаго боя всѣ пятьсотъ марсельцевъ пѣли въ одинъ голосъ:

Идемъ, родины сыны!

Мало-по-малу и окружающая насъ толпа дружно подхватывала припѣвъ:

Къ оружію, граждане!

Такимъ образомъ марсельцу пѣли уже не пятьсотъ человѣкъ, а десять, или двадцать тысячъ. Пламенный энтузіазмъ овладѣлъ всѣми, и отраднo, а вмѣстѣ съ тѣмъ страшно было смотрѣть на эту одушевленную патриотизмомъ толпу съ дико блестящими глазами и разинутыми ртами. Я тащилъ свою пушку почти начетверенькахъ и пѣлъ, надрывая себѣ горло. По временамъ я оборачивался, и слѣдовавшій за нами человѣческій потокъ былъ такой колоссальный, такой грозный, что мнѣ казалось, что за нами бѣжали не одни люди, а дома, деревья, горы.

Наконецъ, мы очутились на Бастильской площади, гдѣ народа было еще болѣе. Развалины Бастиліи были покрыты любопытными, которые торчали вездѣ на стѣнахъ, въ амбразурахъ и на грудахъ камней.

Пораженный этимъ зрѣлищемъ и продолжая распѣвать марсельцу, я смотрѣлъ во всѣ стороны. Вдругъ я увидѣлъ на полуразвалившейся стѣнѣ, Лазули, которая, держа на рукахъ маленькаго Кларэ, смѣялась, плакала отъ радости и кричала со всей толпой:

— Да здравствуютъ марсельцы!

Но что это? Кровь прилила къ моей головѣ, и въ глазахъ померкло. Подлѣ Лазули стояла, крѣпко прижавшись къ ней, прелестная, но блѣдная, какъ смерть, молодая дѣвушка. Это была Аделина, дочь маркиза, которая спасла мнѣ жизнь.

На этомъ мѣстѣ разсказа стараго Паскаля раздалися три удара въ ставень окна мастерской, и послышался голосъ его брата Ланжа:

— Что вы дѣлаете? Вы не будете спать всю ночь? Уже два часа!

Дѣйствительно было два часа, и никто не замѣтилъ, какъ прошло время.

Мы всѣ поспѣшно вскочили съ мѣстъ и разошлись по домамъ. Кое-гдѣ уже слышалось пѣніе пѣтуховъ.

VI.

Въ Парижѣ.

Мой дѣдъ походилъ на меня и ни за что на свѣтѣ не пропустилъ бы ни слова изъ разсказа стараго Паскаля; поэтому онъ, вѣроятно, добрую часть ночи провелъ въ придумываніи предлога, по которому я могъ бы не пойти на другое утро въ школу, въ виду того, что я легъ спать въ два часа ночи. Очевидно, онъ въ концѣ концовъ додумался до чего-то, такъ какъ въ десять часовъ утра онъ ходилъ взадъ и впередъ по хижинѣ, съ чердака до погреба, а обыкновенно онъ на зарѣ уходилъ на работу въ виноградникъ. Онъ просилъ мать не будить меня, а когда солнце было уже высоко, то сказалъ, обращаясь къ ней:

— Мнѣ надо поправить размытую стѣну въ виноградникѣ, и я возьму мальчугана съ собой: онъ мнѣ поможетъ таскать камни.

— Пожалуй, возьмите; если онъ не пошелъ въ школу, то пусть хоть поработаетъ.

Дѣйствительно, я отправился съ дѣдомъ на работу, но въ сущности ничего не дѣлалъ, а цѣлый день проспалъ на кучѣ сухихъ листьевъ, подъ теплыми солнечными лучами. Поэтому я вернулся домой совершенно свѣжій, веселый и, поужинавъ на обѣщечки, я подаль фонарь дѣду, пока онъ еще жевалъ послѣдній кусокъ хлѣба. Почти бѣгомъ мы отправились въ мастерскую сапожника и едва заняли свои мѣста, какъ старый Паскаль началъ свой прерванный разсказъ:

— Я, кажется, говорилъ, что неожиданно увидѣлъ на развалинахъ Бастиліи Аделину подлѣ Лазули и маленькаго Кларе. Но это зрѣлище быстро исчезло изъ моихъ глазъ, такъ какъ толпа влекла насъ неудержимо впередъ, и я даже не могъ оглянуться, чтобы вполнѣ убѣдить себя въ дѣйствительности видѣннаго. Дѣлать нечего, я принужденъ былъ поддаться общему энтузіазму и, напрягая всѣ свои силы, тащилъ почти бѣгомъ пушку подъ громкое пѣніе: «къ оружію, граждане!».

Но что это случилось впереди? У входа въ Сентъ-Антуанскую улицу парижскіе національные гвардейцы заграждали намъ дорогу. Во главѣ ихъ былъ Сантеръ, который обѣщалъ намъ привести сорокъ тысячъ человекъ. Онъ дѣйствительно привелъ своихъ людей, но не сорокъ тысячъ, а двѣсти человекъ; вступивъ въ переговоры съ нашимъ командиромъ, онъ старался доказать ему все безуміе немедленнаго нашего движенія на королевскій замокъ. По его словамъ, ничего не было готово: пушки, которыя мы должны были взять въ ратушѣ, находились въ чужихъ рукахъ, а мэръ Петіонъ не могъ сдѣлать необходимыхъ распоряженій, такъ какъ національ-

ное собраніе еще ничего не постановило. Въ виду всего этого было рѣшено, что мы пойдѣмъ бульварами въ приготовленную намъ казарму. Сантеръ со своими двумя стами парижанами пошлъ впереди, а мы слѣдовали за нимъ, какъ овцы.

Но шумная, громадная толпа, окружавшая насъ, остановилась въ недоумѣніи, при видѣ, что мы не идемъ на королевскій замокъ, а углубляемся въ аристократическій кварталъ; ея восторгъ тотчасъ охладѣлъ, и, повернувъ въ другую сторону, она медленно удалась, скрежеща зубами и грозя кулаками. Тогда только мы поняли, что Сантеръ обманулъ насъ. Дѣйствительно, толпа была права, не слѣдуя за нами. На каждомъ шагу мы встрѣчали только золотые экипажи и нарядные паланкины съ франтами и франтихами въ шелкахъ, лентахъ и кружевахъ. Видя, что эта аристократическая публика съ презрѣніемъ отъ насъ отворачивается, Саматъ и Морганъ не выдержали и стали останавливать надушенныхъ и напомаженныхъ аристократовъ, а также напудренныхъ и намазанныхъ дамъ, заставляя ихъ прикладываться къ деклараціи правъ человѣка и кричать: да здравствуетъ нація! Дрожа отъ страха, они повиновались и, смѣшно искрививъ губы, исполняли наши приказанія.

Обитатели квартала, по которому мы шли, не привѣтствовали насъ, а напротивъ запирались въ своихъ домахъ, и повсюду были слышны скрипъ засововъ и ключей въ замкахъ. А мы все-таки продолжали идти подъ звуки барабана и громко пѣли свою марсельезу.

Наконецъ, усталые, охрипшіе, съ вспотѣвшими, запыленными лицами, мы достигли до отведенной намъ казармы гдѣ-то въ центрѣ Парижа, въ лабиринтѣ улицъ и домовъ. Я не помню названія этихъ казармъ, но онѣ находились далеко отъ національнаго собранія, королевскаго замка и всего, что намъ было нужно. Проклятый Сантеръ! Я не даромъ никогда не любилъ людей съ мрачной физиономіей, на которой никогда не видно улыбки.

Въ казармахъ Сантеръ вздумалъ произнести новую рѣчь, но онъ такъ говорилъ не ясно и комкалъ слова, что мы не поняли и половины того, что онъ говорилъ. Мы поняли только, что онъ силится объяснить, почему не пустилъ насъ къ королевскому замку, и хотѣлъ насъ подкупить обѣщаніемъ, что вечеромъ намъ устроятъ банкетъ въ Елисейскихъ Поляхъ. Но Морганъ не далъ ему докончить своихъ цвѣстистыхъ фразъ и громко воскликнулъ:

— Простите, господинъ парижанинъ, извините, что я васъ перебую, но вбейте себѣ въ башку, что мы пришли въ Парижъ не для того, чтобы пировать; мы дома можемъ, да еще подъ свѣтлыми лучами солнца, ѣсть и пить вдоволь. А если мы прошли триста миль въ пыли, то лишь для спасенія родины; поэтому нечего намъ терять времени на банкеты...

— Полно, полно, Морганъ!—воскликнулъ Барбару, видя, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ: — ты правъ, но помолчи и выслушай Дантона. Онъ все уладитъ и помирить насъ всѣхъ.

Дантонъ уже вскочилъ на столъ и тотчасъ началъ говорить.

Ахъ, друзья мои, если бы вы его только слышали! Онъ говорилъ полчаса, не останавливаясь, и когда онъ кончилъ, то Барбару бросился къ нему на шею, и они поцѣловались при всѣхъ насъ. Въ концѣ концовъ они обѣщали повести насъ къ королевскому замку, черезъ три дня, не поздне.

Между тѣмъ намъ роздали хлѣба, вина и ветчины. Но хотя всѣ принялись съ жадностью утолять голодъ и жажду, Воклеръ и я пошли отыскивать Лазули.

Оставивъ въ казармахъ ружья и котомки, мы отправились въ мундирахъ, съ пистолетами и саблями, отыскивать по улицамъ Парижа домъ столяра Планшо, близъ Бастилии. Хотя въ домахъ двери и окна были теперь и открыты, но группы людей, стоявшія на тротуарахъ, смотрѣли на насъ искоса. Мы же ни на что не обращали вниманія и быстро шагали, готовые выстрѣлить изъ пистолета при первомъ нападеніи.

Я не сказалъ ни слова Воклеру о томъ, что видѣлъ Аделину подлѣ Лазули, и я даже началъ сомнѣваться, что не померещился ли мнѣ ея блѣдный образъ.

Наконецъ, миновавъ изрядное число площадей, улицъ и переулковъ, мы остановились передъ дверью жилища Планшо и оба постучались. Тотчасъ дверь отворилъ самъ столяръ и, узнавъ Воклера, крѣпко пожалъ ему руку. Потомъ онъ быстро убѣжалъ, крича, словно сумасшедшій:

— Воклеръ! Воклеръ! Товарищъ Воклеръ!

Въ ту же минуту на верху послышался голосъ Лазули:

— Это онъ! пойдемъ скорѣй, Кларэ.

— Папа! папа! — вторилъ тонкимъ голоскомъ ребенокъ.

Мы встрѣтились на лѣстницѣ и стали обниматься, цѣловаться безъ конца.

Когда прошли первые восторги, то Лазули сказала:

— Насъ въ домѣ не двое, а еще Аделина. Помнишь ее, Паскале, она тебя спасла изъ когтей злого Сурто? Мы также спасли ее отъ вѣрной смерти. Она, бѣдняжка, ни на что не похожа, и я расскажу потомъ ей исторію. Это ее везла съ собой старуха Жакрасъ въ дилижансѣ. Не правда ли, Воклеръ, мы ее оставимъ у себя?— прибавила она, отворяя дверь въ комнату: — если есть пища для трехъ, то будетъ сытъ и четвертый.

При этихъ словахъ доброй женщины я весь задрожалъ, такъ жалко мнѣ было бѣдную пятнадцатилѣтнюю дѣвушку, которой я былъ столькимъ обязанъ. Черезъ минуту я увидѣлъ ее, блѣдную, словно восковую, съ лихорадочно горящими глазами. Я бросился

къ ея ногамъ и цѣловаль ея руки. Мнѣ казалось, что въ ней я видѣлъ мою деревню, моихъ родителей. Рука, которую я цѣловаль когда-то, дала мнѣ кусокъ блага хлѣба, а потомъ выпустила меня изъ подвала въ Авиньонѣ. Она также была взволнована, не могла произнести ни слова и, молча прижимаясь ко мнѣ, также цѣловала меня, какъ Лазули. Отъ этихъ поцѣлуевъ я былъ на седьмомъ небѣ, но вдругъ я почувствовалъ, что она тяжело падаетъ мнѣ на руки. Она лишилась чувствъ.

Лазули поспѣшно взяла ее, вынесла въ другую комнату и положила на кровать.

— Это ничего, — сказала она: — не ходите сюда; я останусь съ ней одна — это просто обморокъ. Она такъ много плакала, такъ много выстрадала, что совершенно ослабѣла.

Я остался съ Воклеромъ въ кухнѣ, но черезъ минуту къ намъ присоединился Планшо, и старые товарищи стали обниматься и завели бесѣду о прежнихъ друзьяхъ, которая никогда бы не кончилась, если бы снова не появилась Лазули.

— Нашей дѣвочкѣ сдѣлалось дурно, — сказала она, бросая на меня и мужа знаменательные взгляды и приложивъ палецъ къ губамъ, въ знакъ того, чтобы мы не проговорились при чужомъ человѣкѣ: — это отъ жары, отъ толпы и отъ радости увидѣть отца, но ей уже лучше, и вскорѣ она совсѣмъ оправится.

— Да, она у васъ слабенькая, — замѣтилъ Планшо и, потрепавъ по щекѣ Кларе, прибавилъ: — а вотъ ты — такъ человѣкъ: ты не упадешь въ обморокъ при видѣ нашихъ молодцовъ-патріотовъ. Не принести ли вамъ, Лазули, померанцевой воды для дѣвочки? Вы со мной не церемоньтесь, мы съ вашимъ мужемъ братья, и все, что въ домѣ, къ вашимъ услугамъ. Я не говорилъ бы съ вами такъ, если бы вы были негодяи аристократы, которые призвали на помощь нѣмцевъ, чтобы уничтожить дѣло революціи. Для нихъ здѣсь въ домѣ нѣтъ ничего. Ахъ, нѣтъ! Я ошибаюсь, для нихъ есть — пули, порохъ и хорошо наточенный топоръ. Но я вижу, что вы очень устали, и вамъ требуется отдыхъ, а я пойду въ мастерскую: у меня много работы, и я одинъ. Мнѣ заказано семь гильотинъ, — прибавилъ онъ вполголоса, отведя въ сторону Воклера: — и надо ихъ сдать черезъ двѣ недѣли якобинцамъ.

Онъ быстро удалился, стуча по лѣстницѣ своими деревянными башмаками.

Лазули затворила за нимъ дверь, поставила на столъ бутылку вина и тарелку съ бисквитами, а, пока мы ѣли, она рассказала исторію бѣдной Аделины, которую выдала за свою дочь.

— Вы помните, что въ Солье я вамъ говорила о дѣвочкѣ. Не успѣли мы снова двинуться въ путь изъ этого города, какъ я замѣтила, что старуха была совершенно пьяна и едва держалась на своемъ мѣстѣ, а дѣвочка молча плакала, какъ ребенокъ, который

боятся материнскихъ ударовъ. Всѣмъ пассажирамъ было жаль ея, но никто не смѣлъ сказать ни слова; я же рѣшила во что бы то ни стало узнать, въ чемъ дѣло, и когда старуха заснула подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и качки экипажа, я подсѣла къ молодой дѣвушкѣ и шепотомъ спросила:

— Что съ вами, душенька, вы плачете? Скажите мнѣ, въ чемъ дѣло, можетъ быть, я буду въ состояніи вамъ въ чемъ нибудь помочь.

— Благодарствуйте, — отвѣчала она дрожащимъ голосомъ: — но мнѣ помочь нельзя. Я не знаю, что имѣетъ противъ меня эта женщина, но она покончитъ со мной. Я только не понимаю, какъ моя мать поручила такой негодяйкѣ отвезти меня въ Парижъ.

— А кто вы?

— Я дочь маркиза Амбрена, и меня зовутъ Аделиной. Мой отецъ, мать и братъ Роберъ поѣхали въ Парижъ на помощь королю, которому грозитъ большая опасность, а я заболѣла отъ испуга въ Авиньонѣ, и меня тамъ оставили на рукахъ этой женщины, которая должна была отвезти меня въ Парижъ съ первымъ дилижансомъ. Боже мой! Доѣду ли я до дому? А если и доѣду...

— Если вы доѣдете, то вы спасены: вапа мама такая добрая, и васъ такъ любятъ.

— Я боюсь не мамы, а злого нѣмца, нашего лѣсника; онъ, я увѣрена, сговорился съ этой старухой, чтобы меня погубить. А мои родители слѣпо вѣрятъ ему, и даже мама, всегда очень добрая до меня, одинъ разъ подняла на меня руку за то, что я нелюбезно обошлась съ этимъ человѣкомъ. Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! Я молю Бога, чтобы онъ послалъ мнѣ поскорѣе смерть.

И бѣдная дѣвочка залилась слезами. Я была такъ тронута, что тоже заплакала, но черезъ нѣсколько минутъ собралась съ силами и рѣшила, что необходимо вырвать ее изъ рукъ злыхъ людей, такъ какъ она спасла нашего Паскале.

— Я простая женщина, — произнесла я попрежнему шепотомъ: — но я пріютила у себя маленькаго Паскале, котораго вы выпустили изъ подвала въ Авиньонѣ, и, если хотите, то и вамъ найдется мѣсто у насъ.

При этихъ словахъ Аделина бросилась ко мнѣ на шею и отвѣчала:

— Спасите меня, спасите! Я пойду за вами, куда хотите. Эта злая женщина постоянно грозитъ мнѣ своимъ страшнымъ ножомъ.

— Тише, тише! Она, кажется, просыпается. Помните, голубушка, что когда я выйду изъ дилижанса, то вы послѣдуете за мной, словно вы моя дочь.

— Я сдѣлаю все, что вы скажете, я вамъ вѣрю, потому что вы пріютили бѣднаго Паскале.

Уже свѣтало, и старуха Жакрасъ открыла глаза, но почти тотчасъ же снова задремала. Аделина уже болѣе не плакала и не

сводила съ меня глазъ; я же незамѣтно пожимала ей руку, чтобы успокоить ее.

Мы продолжали ѣхать, и при каждой остановкѣ старуха все болѣе и болѣе напивалась, такъ что уже едва взбиралась въ дилижансъ.

— Пусть ее пьетъ,—говорила я шепотомъ Аделинѣ:—намъ тѣмъ легче будетъ ее обмануть.

Улучивъ минутку, я сказала о своемъ планѣ возницѣ дилижанса, который оказался добрымъ человѣкомъ.

— Я очень радъ, что вы это придумали,—сказалъ онъ:—я помогу вамъ съ удовольствіемъ. По приѣздѣ въ Парижъ я остановлюсь у кабачка Золотое Солнце, и, пока я буду угощать проклятую старуху, вы уходите съ дѣвочкой, а за вещами придете на другое утро: я ихъ поберегу.

Спустя два дня, поздно вечеромъ мы прибыли въ Парижъ, и дилижансъ остановился у кабачка Золотое Солнце на Бастильской площади. Возница слѣзъ съ козелъ, отворилъ дверцу дилижанса и, подмигивая мнѣ, воскликнулъ:

— А кто угоститъ возницу водочкой?

— Я,—отвѣчала старуха хриплымъ голосомъ и, шатаясь, вышла изъ дилижанса.

Черезъ минуту они оба исчезли въ кабачкѣ. Я послѣшно сдѣлала знакъ Аделинѣ, схватила на руки моего Кларэ, и мы, быстро выскочивъ изъ дилижанса, смѣшались съ толпой, наполнявшей площадь. Но мы еще не были спасены, такъ какъ мнѣ нужно было узнать дорогу въ Геменейскій переулокъ. Я спросила объ этомъ перваго, попавшагося намъ, торговца трехцвѣтными кокардами.

— Въ двухъ шагахъ,—отвѣчалъ онъ:—поверните въ Сентъ-Антуанскую улицу, и первый переулокъ будетъ Геменейскій. Да здравствуетъ нація! Не хотите ли кокарды?

Мнѣ было не до кокарды, и я побѣжала съ Аделиной, боясь, чтобы насъ не догнала ужасная старуха. Но еще нѣсколько шаговъ, и мы уже были передъ домомъ Планшо. Онъ самъ отворилъ намъ дверь, и я ему объявила, что Аделина и Кларэ — дѣти его товарища Воклера. Онъ и его жена, Жантона, приняли насъ съ распростертыми объятіями, и съ тѣхъ поръ мы ждали васъ обоихъ, исполнѣ спокойные и счастливые. Вы видите, что необходимо поддерживать мою невольную ложь, и Аделина должна остаться, въ глазахъ этихъ добрыхъ людей, твоею дочерью, Воклеръ.

— Ты права,—отвѣчалъ Воклеръ:—я знаю моего Планшо, онъ сердечный человѣкъ, но если бы онъ только узналъ, что Аделина дочь маркиза и защитника короля, то онъ поднялъ бы страшный шумъ, а, можетъ быть, и выгналъ бы ее изъ дому. Ну, смотри, мальчуганъ,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—держи языкъ за зубами, эта дѣвушка пропадетъ, если вернется обратно въ свою семью.

Злой Сурто, старуха Жакрасъ и маркиза, я увѣренъ, поклялись извести стараго маркиза, Робера и маленькую Аделину, если она попадется имъ въ руки. Чортъ ихъ возьми, маркиза и его сына: они вполнѣ заслужили всякой гадости, но вотъ Аделину жаль, и мы ее спасемъ.

— Я не хочу, чтобы они погибли! — воскликнула молодая дѣвушка, вбѣгая въ комнату: — я слышала все, что вы говорили. Сурто и старуха Жакрасъ хотятъ убить моего отца и брата, а вы не спѣшите имъ на помощь. Я этого не допущу! Поведите меня къ нимъ: они живутъ недалеко, въ улицѣ Двѣнадцати Воротъ. Ты, Паскале, ни въ чемъ мнѣ не откажешь, — прибавила она, обращаясь ко мнѣ и горячо меня цѣлуя: — ты меня проводишь, не правда ли? Я ничего не боюсь, даже смерти, чтобы только спасти отца и брата.

— Шш!.. шш!.. произнесъ Воклеръ: — никто не долженъ знать, кто ты такая. Хорошо, мы спасемъ твоего отца и брата, только молчи, иначе мы всѣ погибнемъ.

Я не могъ прийти въ себя отъ поцѣлуевъ Аделины и, видя, что она плачетъ, самъ зарыдалъ.

— Да, да, мы ихъ спасемъ! — повторялъ я среди слезъ: — я провою тебя, куда ты хочешь.

Могъ ли я подумать, покидая свою родную деревню, что наступитъ день, когда я сдѣлаюсь защитникомъ маркиза Амбрена и его сына Робера, который избилъ моего отца, а меня хотѣлъ заморить голодной смертью въ подвалѣ.

Однако, кто-то постучался въ дверь. Лазули отворила ее, и я впервые увидалъ жену Планшо. Пошли привѣтствія и поцѣлуи, затѣмъ безконечные разговоры.

— Очень, очень рада васъ видѣть! — говорила Жантона: — вотъ такъ молодцы наши южане: это настоящіе люди, не то, что парижане. Эти парижане — настоящіе штокъ-фиши, ни тѣла, ни радости. Они не знаютъ чего, хотятъ, а только болтаютъ безъ умолка, а что толку въ такомъ сабачьемъ лаѣ? Вотъ вы, я увѣрена, покажете всѣмъ, какъ слѣдуетъ поступать народнымъ защитникамъ. Ну, смотрите, не попадитесь на удочку: Капетъ и аристократы — люди хитрые, обойдутъ кого угодно. Вашъ батальонъ сегодня вечеромъ собирается идти на банкетъ въ Елисейскія Поля. Будьте готовы: васъ ожидаютъ тамъ аристократы, вооруженные съ головы до ногъ и съ явнымъ намѣреніемъ возбудить скандалъ. Во всякомъ случаѣ, я васъ предупреждаю объ опасности, чтобы вы не могли потомъ отговариваться невѣдніемъ.

— Хорошо, Жантона, мы будемъ осторожны, но идти намъ надо, — отвѣчалъ Воклеръ: — и знаете что, намъ въ такомъ случаѣ слѣдуетъ отправиться туда сейчасъ. Паскале! въ путь, Вотъ наши вѣрные друзья, — прибавилъ онъ, указывая на пистолеты и сабли: — они намъ помогутъ справиться съ аристократами. Ахъ, да, Жан-

тона! Будеть Сантеръ на этомъ банкетѣ? И скажите, пожалуйста, что это за человекъ этотъ парижанинъ? Вы довѣряете ему?

— Вы правы,— отвѣчала Жантона:—идите скорѣе и все вмѣстѣ, да держитесь въ кучѣ. Что же касается до Сантера, то Планшо знаетъ его отлично и скажетъ, насколько можно на него надѣяться. Я же только могу передать слухъ,— прибавила она, понижая голосъ: — что вчера ночью его видѣли выходящимъ украдкой изъ королевскаго замка. Но не безпокойтесь, за нимъ зорко слѣдятъ. Мы знаемъ все, что дѣлается. Планшо каждый вечеръ ходитъ въ якобинскій клубъ. Вотъ якобинцы—такъ молодцы, не зѣбаютъ. Вы знаете, они намъ заказали семь гильотинъ. Ахъ, да! Я заболталась, а вѣдь надо приготовить клей для мужа.

Она быстро убѣжала, а я спросилъ у Воклера:

— Что такое гильотина?

— Не знаю: можетъ быть, это стулья, или столы для клуба якобинцевъ.

— И я не знаю,— прибавила Лазули:—но, конечно, это не стулья и не столы. Вотъ посмотрите — одна изъ этихъ гильотинъ въ нашей маленькой комнатѣ. На ней спитъ Аделина.

Мы послѣдовали за ней и увидели большой плоскій ящикъ съ двумя длинными стойками, соединенными перекладиной на верху, посреди которой виднѣлся блокъ.

— Вотъ видите, что это за штука,— сказала Лазули: — Планшо одолжилъ намъ ее до сдачи якобинцамъ, и на ней очень спокойно спитъ наша Аделина. Но къ чему будетъ служить потомъ эта гильотина, я и ума не приложу.

Воклеръ внимательно осмотрѣлъ со всеѣхъ сторонъ невѣдомую для него штуку и наконецъ, прищуря глаза, сказалъ:

— Нѣтъ, чортъ возьми, хоть я и столяръ, а не придумаю, къ чему построили такую машину.

— А не приспособленіе ли это для торжественныхъ арокъ по случаю какого нибудь праздника?—замѣтилъ я.

— Ты, кажется, правъ,— отвѣчалъ Воклеръ: — странно, какъ намъ, дуракамъ, не пришло это въ голову? Конечно, ты правъ.

Мы вернулись въ кухню и стали надѣвать свои красные пояса.

— Но ты вернешься, милый Паскале?—воскликнула Аделина, бросаясь ко мнѣ на шею: — и ты поведешь меня въ домъ моего отца?

Видя мое смущеніе, Воклеръ отвѣчалъ за меня:

— Видишь, голубушка, мы можемъ отвести тебя къ твоимъ родителямъ послѣ того, какъ мы сдѣлаемся хозяевами въ Парижѣ. Тогда посадятъ въ тюрьму злого Сурто и старуху Жакрасъ. Ну, будь благоразумна и жди насъ; мы вернемся завтра. А если ты будешь шумѣть, то старуха придетъ и уведетъ тебя, но, конечно, не къ родителямъ.

— Да, да,— прибавилъ я, ободренный словами Воклера: — мы

отведемъ тебя въ твой домъ и защитимъ отъ злой старухи, только подожди насъ.

Она стала благодарить меня, а я до того расхотѣлся, что поцѣловалъ ее въ губы. Воклеръ схватилъ меня и потащилъ на лѣстницу, а Лазули сказала со смѣхомъ Аделинѣ:

— Ну, ужъ послѣ такого поцѣлуя нельзя болѣе плакать и тревожиться.

Но, вѣроятно, этотъ поцѣлуй болѣе смутилъ меня, чѣмъ молодую дѣвушку. Я долго шолъ по улицѣ, ничего не видя вокругъ себя, а только чувствуя на своемъ лицѣ прикосновеніе ея розовыхъ устъ. Въ эту минуту я отдалъ бы все, чтобы вернуться назадъ и цѣловать, цѣловать ее безъ конца. Однако, это было невозможно, и я молча слѣдовалъ за Воклеромъ.

Мало-по-малу я пришолъ въ себя и сталъ съ любопытствомъ смотрѣть по сторонамъ. Мы уже находились на Бастильской площади, которую теперь называли предмѣстьемъ Славы, и Воклеръ указалъ мнѣ на кабачекъ Золотого Солнца, гдѣ останавливался авиньонскій дилижансъ. Я съ глубокимъ чувствомъ посмотрѣлъ на него, такъ какъ на этомъ мѣстѣ Лазули спасла мою милую Аделину изъ когтей жестокой старухи.

Съ Бастильской площади мы повернули въ узкіе переулки и скоро дошли до берега Сены. Эта рѣка, проходящая черезъ Парижъ, гораздо меньше Роны и во сто разъ хуже ея. Вода въ ней грязная, словно въ клоакѣ, а теченіе такъ слабо, что трудно распознать, въ которую сторону течетъ рѣка.

День клонился къ вечеру, когда мы, пройдя ратушу, дошли до Елисейскихъ полей, гдѣ застали нашъ батальонъ въ полномъ составѣ и парижскихъ патриотовъ, приготовившихъ намъ угощеніе въ кабачкѣ подъ выѣской Большой Салонъ.

Вы можете себѣ представить, какой это былъ большой кабачекъ, такъ какъ столы были накрыты на пятьсотъ человѣкъ. Вокругъ Елисейскія Поля кишѣли народомъ. Одни кричали: «да здравствуетъ нація!» а другіе произносили сквозь зубы: «да здравствуетъ король, да здравствуетъ королева!» Послѣдніе были аристократы, или ихъ лакеи, надѣвшіе, чтобы насъ обмануть, мундиры національныхъ гвардейцевъ и устроившіе банкетъ въ сосѣднемъ кабачкѣ, чтобы сдѣлать намъ скандалъ.

Не успѣли мы сѣсть за столъ, подъ предсѣдательствомъ Сантера, какъ эти ложные патриоты стали подъ окнами распѣвать пѣсни въ честь короля и королевы. Но народъ покрылъ ихъ пѣніе громкими криками: «долой австріячку! долой чужестранцевъ! долой Кобленцъ!» Разсерженные негодяи обнажили сабли и бросились на толпу, выбирая себѣ жертвами женщинъ и дѣтей, которыя подняли жалобный вопль:

— Помогите, патриоты! Помогите, марсельцы!..

Несмотря на всѣ усилія Сантера, кричавшаго: «не вставайте изъ-за стола, это ничего»,— насъ удержать было невозможно, и мы всѣ бросились съ обнаженными саблями, кто чрезъ двери, кто чрезъ окно, на выручку толпы. При видѣ насъ аристократы обратились въ бѣгство и стали искать спасенія въ королевскомъ замкѣ. Мы ихъ преслѣдовали, но изъ презрѣнія не рубили саблями, а просто били ихъ въ мягкія мѣста тѣла. Одинъ изъ нихъ, толстый, жирный господинъ, спотыкнулся и упалъ въ лужу. Мнѣ стало его жаль, и я помогъ ему встать.

— Кричи: да здравствуетъ нація! или я распорю тебѣ животъ!— воскликнулъ я, грозя ему саблей.

— Я графъ Моро-де-Сенъ-Мэри,— отвѣчалъ онъ съ кислой гримасой.

— Это все равно. Кричи: да здравствуетъ нація!

— Да здравствуетъ нація,— произнесъ онъ сквозь зубы и пустился бѣгомъ къ королевскому замку.

Когда мы вернулись въ столовую и снова заняли свои мѣста, то съ другой стороны Елисейскихъ Полей показался новый отрядъ антипатріотическихъ національных гвардейцевъ, но уже съ ружьями. Разумѣется, мы поспѣшили къ нимъ навстрѣчу. Шедшій впереди ихъ офицеръ съ серебряными эполетами прицѣлился и выстрѣлилъ изъ пистолета въ одного изъ нашихъ. Онъ промахнулся, но марселецъ, въ свою очередь, выстрѣлилъ и размозжилъ ему голову. При видѣ этого, его товарищи обратились въ бѣгство, но мы уже разсердились не на шутку и, преслѣдуя ихъ, рубили саблями кого ни попало. Назадъ мы вернулись съ двѣнадцатью плѣнниками, но Сантеръ упросилъ насъ отпустить ихъ, увѣряя, что это были, хотя и обманутые, но все-таки патріоты. Какъ бы то ни было банкетъ не удался.

Мы разошлись по домамъ, т. е. направили свои шаги въ отведенныя намъ казармы въ улицѣ патріота Мирабо, но предварительно захватили съ собой изъ кабака вино и яства. Вечеръ прошолъ очень весело: мы ѣли, пили и пѣли, словно находились на своемъ родномъ югѣ. Барбару и Дантонъ пришли къ намъ и успокоили насъ, увѣряя, что черезъ три дня они поведутъ насъ на королевскій замокъ.

— Если Національное Собраніе и національная гвардія не пойдутъ съ вами,— говорили они:— то мы одни васъ поведемъ и всѣ вмѣстѣ спасемъ родину отъ угнетающей ее тираніи.

Присоединившійся къ нимъ Сантеръ не могъ спорить съ этими краснорѣчивыми патріотами и также увѣрялъ, что черезъ три дня присоединится къ намъ со своими національными гвардейцами.

Поздно ночью мы легли спать и до утра спали, какъ мертвые.

Утромъ мы поднялись рано, по южному обычаю. Въ казармѣ остались только часовые, а мы всѣ разбрелись, кто куда зналъ:

одни пошли осматривать снаружи королевскій замокъ, другіе отправились въ національное собраніе, чтобъ послушать знаменитыхъ ораторовъ, третьи стали гулять по улицамъ, посматривая въ окна магазиновъ, а мы съ Воклеромъ побѣжали, конечно, въ Геменейскій переулокъ.

Планшо встрѣтилъ насъ на порогѣ и сказалъ таинственнымъ шепотомъ:

— Клубъ заказалъ мнѣ еще семь штукъ. Я думалъ, что вы мнѣ поможете, а то я одинъ не дамъ четырнадцати гильотинъ въ двѣ недѣли.

— Конечно, дядя Планшо, мы тебѣ поможемъ. Мы на все готовы для торжества революціи, дай только время поцѣловать жену и дѣтей, и мы къ твоимъ услугамъ.

Но Лазули и Аделина уже услышали наши голоса и бросились къ намъ навстрѣчу. Онѣ обѣ горячо насъ цѣловали и забрасывали вопросами.

— Ну, что? Все хорошо обошлось? Замокъ взять? Не было убитыхъ?

Какъ мы имъ ни отвѣчали, что дѣло отложено на два, или на три дня, но онѣ все приставали къ намъ съ новыми вопросами.

Старикъ Планшо молча смотрѣлъ на насъ нѣкоторое время, а потомъ воскликнулъ:

— Однако, кажется, молодые-то люди цѣлуются всерьезъ.

— Пусть ихъ цѣлуются,—отвѣчала Лазули со смѣхомъ:—когда дѣла націи устроятся, то мы ихъ обвиняемъ подъ Деревомъ Свободы.

При этихъ словахъ Аделина покраснѣла и закрыла лице руками. Я также смутился и, чтобы скрыть свое волненіе, скинулъ мундиръ, засучилъ рукава и сказалъ, обращаясь къ Планшо:

— Вамъ нужны помощники! Я готовъ работать.

— Отлично, мальчуганъ. Вотъ работай на этомъ станкѣ и хорошенько выстругай мнѣ двѣнадцать стоекъ гильотины. Я дамъ на это тебѣ нѣсколько дней. А ты,—продолжалъ Планшо, обращаясь къ Воклеру:—ты не простой работникъ, а мастеръ, ты будешь отдѣлывать всѣ части машины и аккуратно выберешь желобки вдоль стоекъ.

— А намъ съ Кларэ и Аделиной не будетъ никакой работы?—воскликнула Лазули.

— Еще бы, и вамъ найдется дѣло: вы будете распускать клей, и у насъ выйдутъ гильотины на славу.

Пока они разговаривали, я уже принялся строгать дерево рубанкомъ, а такъ какъ оно было свѣжее, сосновое, то мелкія тонкія стружки наполняли воздухъ такимъ же смолистымъ запахомъ, какъ на моей родинѣ въ Мальморѣ. Аделина и Кларэ весело играли съ этими стружками, а первая, кромѣ того, приносила мнѣ нужные инструменты.

— Мы всѣ пойдемъ на праздникъ гильотинъ, не правда ли, Планшо?— воскликнула она наконецъ:— а гдѣ будетъ этотъ праздникъ?

— Да, да,—отвѣчалъ Планшо, подмигивая:—я покажу вамъ эти машины въ работѣ. Это будетъ настоящій праздникъ.

Мы не спрашивали дальнѣйшихъ подробностей, и всѣ были увѣрены, что работаемъ на триумфальныя арки, для праздника въ честь подготовляющагося великаго событія.

Восемь дней продолжалась наша работа, и всѣ энергично исполняли свою роль: кто пилилъ, кто строгалъ, кто выбиралъ желобки, кто варилъ клей.

— А скажите, дядя Планшо,—часто спрашивала Аделина:—будетъ фарандола на этомъ праздникѣ?

— Еще бы не быть фарандолѣ!—отвѣчалъ Планшо.

— И гильотины будутъ увиты цвѣтами.

— Да, да, но цвѣты все будутъ красныя?

Только Воклеръ и я не обращались къ нашему хозяину ни съ какими вопросами, боясь выказать свое невѣжество.

— Дядя Планшо!—воскликнула однажды Аделина:— дайте мнѣ вапъ уголь, я напишу свое имя на гильотинѣ, на которой я сплю, чтобы мнѣ потомъ ее узнать въ день праздника.

Аделина во всемъ домѣ одна умѣла писать, и вечеромъ мы всѣ пошли посмотрѣть на то, что она начертила на гильотинѣ. Дѣйствительно на перекладинѣ виднѣлось крупными буквами: Аделина. Хотя уже прошло съ тѣхъ поръ шестьдесятъ лѣтъ, но я теперь вижу передъ глазами это дорогое имя.

Каждый вечеръ мы съ Воклеромъ уходили въ казармы и проводили тамъ ночь. На слѣдующее утро мы возвращались, и каждый разъ насъ встрѣчали вопросами:

— Чтожъ, вы взяли замокъ? Много убитыхъ?

— Нѣтъ,—отвѣчали мы, повѣся голову.

Каждый день отыскивалась какая нибудь помѣха: то Сантеръ сказывался больнымъ, то Петьонъ, меръ Парижа, говорилъ: «теперь не время, не ходите на замокъ, а то все погубите». Всѣ эти проволочки такъ намъ надоѣли, что однажды Морганъ влѣзъ на трибуну національнаго собранія и, грозя кулакомъ, воскликнулъ:

— Вы все чего-то боитесь, чего-то трусите, а мы, патріоты, мы, красныя юга, мы, сдѣлавшіе триста миль въ непогоду и на солнечномъ припекѣ, чтобы достигнуть Парижа, боимся одного—вашей трусости. Мы боимся, чтобы въ вашихъ рукахъ революція не погибла!

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ мы дальше ждали минуты дѣйствовать, тѣмъ болѣе аристократы и антипатріотическіе лавочники подымали носъ; послѣдніе даже дѣлали на своихъ вывѣскахъ надписи: «да здравствуетъ король! да здравствуетъ королева! долой націю!» Они сво-

бно ходили и выходили изъ замка, нося туда ружья, пистолеты, порохъ и пули.

А мы все ждали и ждали, сложа руки. Наконецъ мы подняли такой шумъ, угрожая пойти на замокъ безъ оружія, или предводителей, что Барбару и Дантонъ рѣшили съ брестскими федералистами и революціонными секціями національной гвардіи перевести насъ въ казармы, которыя находились близъ замка.

Это рѣшеніе намъ объявилъ Дантонъ, который роздалъ намъ по десяти зарядовъ и повелъ насъ на новый постъ, крича во все горло: — Свобода, равенство и братство, или смерть!

Въ Кордильерскихъ казармахъ насъ встрѣтилъ Барбару.

— Завтра, — сказала онъ: — хочеть ли этого Парижъ, или нѣтъ, и вопреки національному собранію и Петіону, который обѣщаль удалить васъ изъ Парижа, если ему заплатятъ семь тысячъ золотыхъ, вопреки всѣмъ и всему, вопреки самому чорту — раздастся набатъ, и мы всѣ пойдемъ на замокъ, что бы насъ ни ждало: побѣда, или смерть!

На этотъ разъ дѣйствительно подготовлялось что-то рѣшительное. Мы рано ушли изъ мастерской Планшо, гдѣ уже были готовы всѣ четырнадцать гильотинъ, такъ какъ, по словамъ хозяина, окончательная отдѣлка была уже дѣломъ не столяровъ. Поэтому я покинулъ свой рабочій передникъ и рубанокъ.

Лазули и Аделина понимали, что наступали серьезныя событія; съ утренней зари на улицѣ слышался барабанный бой, ходили патрули, и скакали жандармы. Ихъ смущало и то обстоятельство, что мы уходили изъ дому ранѣе обыкновеннаго, а главное, что мы предварительно наточили свои сабли. На прощаньи онѣ обѣ плакали и цѣловали насъ безъ конца.

— Будьте осторожны, — говорила Лазули, — не суйтесь очень впередъ и при первой царапинѣ бѣгите домой. Смотрите, ухаживайте другъ за другомъ и ни за что не расставайтесь.

— Если ты увидишь отца, или брата, то не поднимай на нихъ руки, — восклицала Аделина, цѣлуя меня въ обѣ щеки, — обѣщай мнѣ это!

— Да, да, — отвѣчалъ я, обезумѣвъ отъ ея поцѣлуевъ.

Пока мы прощались, Планшо пошолъ на верхъ и черезъ нѣсколько минутъ явился въ мундирѣ парижскаго національнаго гвардейца. За нимъ шла его жена и голосила во все горло:

— Не ходи! не ходи! обойдется дѣло и безъ тебя. Ты попадешь подъ лошадей. Предоставь воевать молодежи. Скажите, — ему прибавила она, обращаясь къ намъ: — что ему не мѣсто среди васъ. Сабли длиннѣе его самого, онъ не въ состояніи выдернуть ее изъ ноженъ. Ну, Планшо, слушайся своей жены:

Но онъ не хотѣлъ ее слушать и такъ же громко кричалъ:

«истор. вѣсти», мартъ, 1897 г., т. LXVII.

6

— Революція насъ зоветъ, и мы всѣ должны побѣдить, или умереть!

— А что же я сдѣлаю, когда ты вернешься безъ ноги, или безъ руки?—произнесла съ глубокимъ вздохомъ Жантона.

— Свобода, или смерть! Дайте мнѣ топоръ — онъ лучше сабли.

Видя, что мольбы ни къ чему не ведутъ, хитрая женщина прибѣгла къ рѣшительнымъ мѣрамъ и упала на кучу стружекъ съ раздирающимъ воплемъ.

— Что это? съ моей женой обморокъ! Дайте скорѣй капель!

Пока Аделина и Лазули побѣждали наверху за каплями, мы съ Воклеромъ успѣли выйти на улицу, гдѣ давка была такъ велика, что намъ приходилось дѣлать два шага впередъ и одинъ назадъ. Толпа постоянно волновалась: то приходилось дать дорогу жандармамъ, то пробивала себѣ путь шайка аристократовъ, съ криками: «смерть разбойникамъ!» то двигался отрядъ патриотовъ, оглашавшій воздухъ безконечными: «да здравствуетъ нація!». Одни несли красныя знамена, другіе черныя, а у одного на пикѣ видѣлось телячье сердце, изъ котораго капала кровь. Женщины, съ распущенными волосами, пѣли во все горло Карманьолу. Съ другой стороны антипатріоты, напудренные, завитые и напомаженные, въ шелковыхъ чулкахъ и съ серебряными пряжками, также громко пѣли, свои пѣсни, въ которыхъ грозили висѣлицей якобинцамъ, а на ихъ бѣломъ знамени видѣлась надпись: «да здравствуютъ австрійская и прусская арміи, которыя побѣдоносно войдутъ въ Парижъ».

Солнце садилось за Сеной, и гладкая поверхность рѣки, отражая его пурпурные лучи, казалась кровавой.

— Это предсказываетъ большую рѣзню,—сказалъ Воклеръ, указывая мнѣ на Сену.

Уже стемнѣло, когда мы достигли Кордильерскихъ казармъ. Нашъ баталіонъ стоялъ подъ ружьемъ, а Барбару, Дантонъ и Ребекки говорили рѣчь за рѣчью.

— Я вамъ повторяю,—воскликнулъ Барбару, обращаясь къ группѣ федералистовъ, которые выражали сомнѣніе въ дѣйствіяхъ Сантера:—онъ на этотъ разъ явится. Помните, при мнѣ всегда было два пистолета, а теперь нѣтъ ни одного. Я отдалъ ихъ двумъ надежнымъ патриотамъ. Одному я сказалъ: «ты знаешь начальника національной гвардіи. Мандата, ты будешь слѣдовать за нимъ днемъ и ночью, и если только замѣтишь, что онъ поведетъ свои баталіоны противъ леюдей революціи, то застрѣли его, какъ собаку. Ты этимъ окажешь драгоцѣнную услугу родинѣ и свободѣ. На это патриотъ отвѣчалъ «хорошо, я клянусь своей головой, что исполню это порученіе». Другому патриоту я сказалъ: «ты знаешь Сантера? слѣди за нимъ, днемъ и ночью, и если онъ, при звонѣ набата, не поведетъ своего баталіона на сборный путь людей революціи, то убей его, какъ собаку, и ты этимъ окажешь драгоцѣн-

ную услугу родинѣ и свободѣ». И второй патриотъ отвѣчалъ: «клянусь головой исполнить это порученіе». Такимъ образомъ, только одинъ человѣкъ могъ бы помѣнать нашему предпріятію — Петіонъ, меръ Парижа, но пятьдесятъ избранныхъ якобинцевъ будутъ держать его, подъ строгимъ присмотромъ, въ ратушѣ, пока замокъ не будетъ взятъ.

— Какое намъ дѣло до того, пойдутъ ли съ нами парижане, или нѣтъ!—воскликнулъ Морганъ, вскакивая на столъ рядомъ съ Барбару:—парижане никогда еще ничего не сдѣлали для свободы. Вотъ мы здѣсь восемь дней и все ждемъ, пока они рѣшатся дѣйствовать. Это все мокрыя курицы! Они призвали насъ къ себѣ, на помощь, а теперь боятся нашего содѣйствія. И въ сущности они правы, что насъ боятся: мы пришли съ юга, чтобы спасти страну и революцію. Насъ ничто не задержитъ, и мы, вопреки Парижу, побѣдимъ, или умремъ.

— Хорошо сказано, Морганъ!—закричалъ во все горло Саматъ, также вскакивая на столъ и размахивая своей деклараціей правъ человѣка.

И мы всѣ дружно стали рукоплескать, оглашая воздухъ кликами:

— Да здравствуетъ нація!

— Въ національномъ собраніи засѣдаютъ подлецы,—произнесъ одинъ изъ марсельцевъ:—Петіонъ измѣнникъ! Онъ сказалъ, что за семь тысячъ золотыхъ прогонитъ изъ Парижа марсельцевъ. Пусть онъ придетъ къ намъ со своими деньгами. Вѣдь мы съ нимъ не пасли свиней и неоткуда ему знать — продажныя ли мы души, или нѣтъ! Я знаю одно, что если марсельскій баталіонъ не пойдетъ завтра утромъ на замокъ, то я пущу себѣ пулю въ лобъ: я не хочу пережить такого стыда.

— Онъ правъ! Онъ правъ!—сказалъ другой федералистъ:— свобода, или смерть: ни одинъ изъ насъ не посмѣетъ вернуться на югъ, прежде чѣмъ не будетъ уничтожена тиранія! Мы не даромъ пришли сюда; всѣ узнаютъ, чего мы хотимъ, и что мы можемъ сдѣлать.

Всѣ эти рѣзкія и грозныя слова объяснялись тѣмъ, что національное собраніе, повидимому, хотѣло удалить изъ Парижа марсельскій баталіонъ. Даже ходилъ слухъ, что парижская національная гвардія не только не окажетъ содѣйствія намъ, но даже пойдетъ противъ насъ.

Наконецъ Дантонъ взобрался на столъ и также произнесъ рѣчь. Ахъ, друзья мои, какъ онъ говорилъ! Хотя мы не понимали каждаго его слова, но сердцемъ отгадывали его мысли. Онъ прямо сказалъ, что мы напрасно обвиняли всѣхъ парижанъ въ желаніи идти противъ насъ. Онъ подробно объяснилъ дизлокацію на слѣдующій день. Батальоны предмѣстья Славы должны были явиться на Карусельскую площадь, т. е. къ замку, чрезъ аркаду св. Іоанна, баталіоны предмѣстья Сень-Марсо — чрезъ Новый мостъ, а мы, мар-

сельцы, съ брестскими федералистами и школьной молодежью — через мостъ св. Михаила и Луврскую галерею.

— Все это прекрасно организовано,—прибавилъ онъ:—и, вѣрьте мнѣ, всѣ исполнять свой долгъ. Сигналь къ выступленію дастъ выстрѣль изъ пупки на Новомъ мосту, а затѣмъ забьютъ въ набатъ на всѣхъ колокольняхъ.

— Дай Богъ, чтобы ваши слова оправдались, — закричали мы въ одинъ голосъ и, бросившись къ нему со слезами на глазахъ, стали цѣловать его колѣни.

Въ эту минуту на улицѣ передъ казармой раздался ружейный выстрѣль. Мы бросили хлѣбъ съ чеснокомъ, который составлялъ нашу дневную порцію, и, схвативъ ружья, выбѣжали на улицу, не смотря на увѣренія Муассона, Барбару, Ребекки и Дантона, что это не сигналь. Черезъ минуту мы выстроились передъ казармами, подъ барабанный бой и общіе крики: «да здравствуетъ нація!».

Сердце у меня сильно билось, и я былъ смущенъ, самъ не сознавая чѣмъ. Тѣло мое дрожало, какъ въ лихорадкѣ, и зубы скрежетали. Батальонъ шелъ по темнымъ улицамъ; была полночь, погода тихая, а на небѣ сіяли звѣзды. Мы шли молча и ощупывали руками, при насъ ли заряды.

Неожиданно мы вышли изъ узкихъ, извилистыхъ улицъ и очутились на берегу рѣки. На мостахъ и на обоихъ берегахъ свѣтились фонари. Но передъ нами происходила какая-то странная суетолока. Жандармы скакали взадъ и впередъ, и батальоны антипатріотовъ не допускали никого на мосты, оглашая воздухъ криками: «да здравствуетъ король!» которые, однако, заглушались болѣе громкимъ гуломъ: «да здравствуетъ нація!». Вдали, на другой сторонѣ Сены, виднѣлся мрачный абрисъ королевскаго замка.

Что случилось? Нашъ батальонъ остановился передъ мостомъ св. Михаила. Барабанный бой прекратился, и мы всѣ столпились въ кучу.

Муассонъ вышелъ впередъ одинъ и вступилъ въ переговоры съ начальникомъ антипатріотическаго батальона, охранявшаго мостъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся къ намъ и объявилъ, что національная гвардія получила приказъ не пропускать никого черезъ мостъ. Мы отвѣчали въ одинъ голосъ, что проложимъ себѣ дорогу ружейнымъ залпомъ.

— Тише! Тише!—отвѣчалъ нашъ командиръ:—не надо портить дѣла. Нельзя стрѣлять раньше сигнальной пушки.

— А гдѣ она?—спросилъ Морганъ.

— На Новомъ мосту. Она, по несчастію, въ рукахъ антипатріотовъ.

— Если такъ, то мы двинемся впередъ,—произнесъ Морганъ:—займемъ Новый мостъ и дадимъ пушечный сигналь.

— Тише! Тише!—повторилъ Муассонъ:—вѣрьте мнѣ, мы перей-

демъ черезъ Новый мостъ, какъ только подадутъ сигналъ, и придемъ на сборный пунктъ первые.

Между тѣмъ Морганъ, Пеллу и я пробились впередъ и уже стояли лицомъ къ лицу съ національными гвардейцами.

Въ эту минуту старикъ Паскаль неожиданно прекратилъ свой рассказъ и, ударивъ по плечу Матерона, сказалъ:

— Пора расходиться, а то братъ Ланжъ сказалъ, что онъ не придетъ сегодня за мной, а запретъ дверь и не пуститъ меня домой.

Я положилъ на скамейку спавшую кошку и вышелъ изъ мастерской вслѣдъ за дѣдомъ.

VII.

Свобода или смерть!

Всю ночь я бредилъ сигнальной пушкой. Днемъ я видѣлъ издали Паскаля у дверей конюшни, гдѣ стоялъ его мулъ. Я приблизился къ нему и долго вертѣлся около него—такъ мнѣ хотѣлось спросить: чтожь, выстрѣлила сигнальная пушка? но я никакъ не рѣшался начать разговоръ, а онъ меня не замѣчалъ. Вѣроятно, его мысли витали гдѣ нибудь далеко, среди песковъ Египта, или подъ Сарагоссой.

Поэтому, когда наступилъ вечеръ, я болѣе, чѣмъ когда, поторопился зажечь фонарь и подалъ его дѣду, но, къ моему удивленію, онъ сказалъ:

— Погоди.

Съ этими словами онъ спустился въ погребъ и вынесъ бутылку старый мальвазіи.

— Мы,—произнесъ онъ:—будемъ запивать этимъ виномъ Мартыновскіе капитаны, и посидѣлки пройдутъ веселѣй.

Дѣйствительно, это былъ день св. Мартына, и, отправляясь въ мастерскую сапожника, мы съ дѣдомъ видѣли въ отворенныя двери каждаго дома, что всюду пеклись капитаны, для обязательнаго «капитановаго» ужина.

Входя въ дверь, мы также слышали голосъ хозяйки:

— Погоди, Паскаль! Не начинай своего рассказа; дай донечь капитаны.

— Хорошо, хорошо. Не безпокойся, я не начну говорить, пока ты не поставишь на столъ капитаны.

Однако, намъ не пришлось долго ждать, и вскорѣ явилось на столѣ большое блюдо съ печеными капитанами, покрытыми толстымъ полотнянымъ мѣшкомъ, чтобы они не остыли. Рядомъ поставили бутылку, принесенную моимъ дѣдомъ.

— Ну, теперь можно и начинать,—сказалъ Паскаль и продолжалъ свой рассказъ съ того мѣста, на которомъ остановился наканунѣ:

— Мы втроемъ съ Морганомъ и Пеллу подошли къ національнымъ гвардейцамъ, которые намъ заграждали дорогу. Съ первыхъ

ихъ словъ оказалось, что они вовсе не антипатріоты, а друзья народа, готовые сдѣлать все возможное для успѣха революціи.

— Если вы дѣйствительно патріоты, — воскликнулъ Морганъ, — докажите это на дѣлѣ: дайте намъ ваши шляпы, а возьмите наши красные колпаки; мы только сбѣгаемъ на Новый мостъ, и нація будетъ спасена.

Благородные парижане тотчасъ исполнили желаніе Моргана, помѣнялись съ нами головными уборами и заняли наши мѣста въ Марсельскомъ батальонѣ.

Пеллу и я не понимали, что задумалъ Морганъ, но онъ немедленно объяснилъ намъ свой планъ.

— Если вы добрые федералисты и настоящіе марсельцы, — сказалъ онъ: — то слѣдуйте за мной. Мы отправимся на Новый мостъ и выстрѣлимъ изъ сигнальной пушки, или умремъ. Ты, Пеллу, возьми хорошей фитиль, а ты, Паскалэ, захвати кремень. Пока я буду говорить съ командиромъ на Новомъ мосту, вы дайте сигнальный выстрѣлъ.

Мы поняли, въ чемъ дѣло, и повиновались распоряженіямъ нашего товарища.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже стояли передъ Новымъ мостомъ.

— Кто идетъ?

— Друзья, — отвѣчалъ Морганъ: — мы принесли приказъ командира на мосту св. Михаила.

— Проходите.

Мы очутились на Новомъ мосту и спокойно подвигались впередъ среди антипатріотовъ, которые не обращали на насъ вниманія, видя наши шляпы. Дойдя до середины моста, мы увидали сигнальную пушку, дуло которой было обращено на рѣку. Морганъ подошелъ къ стоявшимъ вокругъ пушки канонирамъ и повелительнымъ голосомъ скомандовалъ:

— Канониры впередъ! слушать приказъ командира!

Канониры повиновались, и Морганъ, вынувъ изъ кармана какую-то бумагу, сталъ читать, самъ не зная что.

Въ это время мы подбѣжали къ пушкѣ: я высѣкъ огонь, Пеллу зажегъ фитиль, и черезъ секунду раздался оглушительный выстрѣлъ.

Въ ту же минуту на всѣхъ колокольняхъ раздался набатъ, а на мосту св. Михаила наши барабаны забили и наши товарищи громко запѣли:

Идемъ, родины сыны.

Славный день для насъ насталъ!..

Но наше дѣло не было кончено. Къ намъ подбѣжалъ командиръ антипатріотовъ и гнѣвно спросилъ:

— Кто осмѣлился выстрѣлить?

Мы все трое бросились на него, грозя пистолетами и оглашая воздухъ криками:

— Да здравствуетъ нація!..

— Да здравствуетъ нація!—повторили четыре канонира, которые были тоже добрыми патриотами.

Командиръ поблѣднѣлъ и, обернувшись къ своему батальону, пробормоталъ какую-то команду, но среди его солдатъ произошла паника, такъ какъ Новый мостъ былъ занятъ быстро явившимися батальонами патриотовъ изъ Сентъ-Марсо.

Что касается до меня, Моргана и Пеллу, то мы тотчасъ присоединились къ марсельцамъ, которые стояли на мосту св. Михаила, и стали всѣ вмѣстѣ ждать патриотическихъ батальоновъ изъ другихъ предмѣстій.

Въ эту минуту на противоположномъ берегу произошло смятеніе, причину котораго никто не зналъ, но вскорѣ оказалось, что двадцать, или тридцать патриотовъ волокли трупъ генерала Мандата, котораго убилъ патриотъ, посланный энергичнымъ Барбару для прінятія мѣръ противъ этого измѣнника народнаго дѣла.

— Свобода, или смерть!—раздалось со всѣхъ сторонъ, и черезъ мгновеніе трупъ былъ сброшенъ въ воду.

Слыша барабанный бой подходившихъ батальоновъ, командиръ Муассонъ обнажилъ саблю и скомандовалъ:

— Маршъ!

Мы бросились впередъ, не желая, чтобы ктонибудь ранѣ насъ подошолъ къ замку.

Какой шумъ, какая сумятица наполняли улицу Сентъ-Онорэ! Барабаны били безъ умолку; мы пѣли марсельезу, а другіе батальоны патриотовъ — карманьолу. Мы неслись по аристократическому кварталу, какъ огневый смертъ, но по временамъ надъ нашими головами открывались окна въ домахъ, и раздавались ружейные выстрѣлы. Это антипатриоты стрѣляли сверху въ насъ.

— Это ничего!—кричалъ во все горло Самать, приподымая надъ своей головой декларацію правъ человѣка.

— Не надо обращать на нихъ вниманія,—прибавлялъ Морганъ:—мы имъ завтра зададимъ не такого трезвону.

Но вотъ справа и слѣва раздаются пистолетные выстрѣлы, и сыплются на насъ камни. Но ничто насъ не останавливаетъ; мы ускоряемъ свой шагъ и съ бѣльшимъ одушевленіемъ поемъ:

Къ оружію, граждане!.

Наконецъ мы достигаемъ Карусельской площади. Она занята жандармами, гренадерами и разными другими антипатриотическими солдатами. Нашъ напоръ ихъ смущаетъ, и они ретируются къ самой рѣшеткѣ замка. Еще минута, — и они въ безпорядкѣ исчезаютъ за ней.

Такимъ образомъ мы безъ одного выстрѣла овладѣли Карусельской площадью.

Нашъ батальонъ становится впереди всѣхъ, и передъ нами вид-

нѣтся мрачная масса замка, отъ котораго насъ отдѣляетъ только три двора: справа дворъ принцевъ, посрединѣ королевскій, а слѣва швейцарскій.

Начинало свѣтать, и мы мало-по-малу стали различать въ каменной массѣ окна, часть которыхъ была загромождена досками и матрацами для защиты отъ пуль, а остальные были полуотворены и служили бойницами для стрѣльбы по осаждающимъ.

Барабанный бой не прекращался, а все усиливался, и уже били не въ два и не въ десять барабановъ, а въ сотни. Батальоны патриотовъ прибывали одни за другими, и къ нимъ присоединились федералисты Бреста. Всѣ, уже не сотней ртовъ, а тысячами оглашали воздухъ криками:

— Свобода или смерть!.. Да здравствуетъ нація!..

Когда теплое августовское солнце освѣтило своими первыми лучами кровлю замка, нашъ командиръ Муассонъ подошелъ къ запертымъ воротамъ королевскаго двора и три раза ударилъ по нимъ рукояткой своей сабли, сопровождая стукъ громкимъ крикомъ:

— Отворите, именемъ народа и революціи!

Никто не откликнулся. Тогда, обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Ну, Паскалэ, если бы надъ этой стѣной красовалось вишневое дерево, то ты не задумался бы сорвать съ него спѣлыхъ плодовъ.

— Понимаю,—отвѣчалъ я и, вскинувъ свое ружье на спину, полѣзъ на ворота съ быстротою кошки, такъ что черезъ минуту я уже сидѣлъ на ихъ вершинѣ.

— А теперь что?—спросилъ я.

— Говори, что видишь по ту сторону стѣны.

— Охъ! Я бы надѣлалъ тутъ дѣлъ, если бы могъ стрѣлять. Наши враги улепетываютъ во всѣ стороны.

— Не стрѣлай, не стрѣлай!

— Да теперь ужъ поздно,—они всѣ попрятались, и жандармы, и гренадеры, и швейцарцы. Только одинъ стоитъ на подѣздѣ весь въ золотѣ: это вѣрно король.

— Дуракъ!—воскликнулъ со смѣхомъ Муассонъ:—это швейцаръ.

— Неужели! Ну, да все равно. Погодите, я вамъ отворю ворота.

И, соскочивъ во дворъ, я живо отдернулъ два засова. Ворота широко отворились.

Муассонъ, во главѣ Марсельскаго батальона, первый вступилъ на Кобленскую землю, какъ тогда называли королевскій замокъ. Въ то же время другіе батальоны патриотовъ овладѣли дворами принцевъ и швейцарскимъ.

Хотя король съ австріячкой бѣжали въ садъ, но на дворцовомъ подѣздѣ стояли четырнадцать пушекъ, обращенныхъ дулами на насъ, а за ними выстроился сомкнутый рядъ жандармовъ, гренадеръ и другихъ солдатъ. Швейцарцы въ красныхъ мундирахъ

наполняли сѣни и лѣстницу, а на балконахъ и во всѣхъ окнахъ виднѣлись аристократы съ ружьями и пистолетами.

Намъ приходилось справиться со всей этой массой людей, которой, быть можетъ, было до десяти тысячъ.

Видя наше появленіе на дворѣ, нѣкоторые изъ канонировъ воскликнули:

— Да здравствуетъ нація!..

А многіе швейцарцы стали бросать намъ свои патроны въ знакъ того, что они не будутъ стрѣлять въ народную армію.

Поэтому мы прямо довѣрчиво двинулись къ нимъ, въ полномъ убѣжденіи, что все обойдется мирно, къ торжеству революціи. Но такой исходъ былъ не съ руки аристократамъ, которые слѣдили изъ оконъ и съ балконовъ за тѣмъ, что происходило на дворѣ. Въ ту минуту, какъ одни изъ насъ нагибались, чтобы поднять брошенные швейцарцами патроны, а другіе протягивали руки своимъ недавнимъ врагамъ, которые теперь оказались патріотами, изъ оконъ посыпался дождь пуль на первые ряды нашего баталіона. Семь убитыхъ и двадцать раненыхъ лежали черезъ мгновеніе на землѣ. У командира Муассона были ранены обѣ ноги, но падая онъ закричалъ:

— Да здравствуетъ нація!..

Мы отступили шага на два, машинально прицѣлились и по командѣ «пли» открыли огонь по жандармамъ и гренадерамъ, которые вскорѣ унизали своими трупами землю. Со своей стороны аристократы продолжали стрѣлять въ насъ отовсюду. Пули свистѣли со всѣхъ сторонъ, пронизывая въ грудь одного и поражая ногу, или руку другого.

— Ой, ой, бѣдный Паскалэ!—думалъ я:—если ты не умрешь сегодня, то, значитъ, тебѣ суждено вѣчно жить.

Неожиданно Саматъ, стоявшій подлѣ меня, былъ пораженъ пулей между глазъ и грохнулся на меня съ раздробленной головой. Въ первую минуту я не понялъ, что случилось, и сталъ оцупывать себя, думая, что я самъ раненъ. Но потомъ, увидавъ окровавленную голову бѣднаго товарища, я постигъ, что онъ убитъ, и съ отчаяніемъ въ сердцѣ, оттащилъ его трупъ къ стѣнѣ, а самъ, схвативъ снова ружье, продолжалъ стрѣлять наобумъ, среди дыма, который ослѣплялъ и душилъ меня.

Большая часть нашихъ пуль попадали въ стѣну и сплющивалась, а каждый выстрѣлъ антипатріотовъ, стрѣлявшихъ сверху внизъ, уносилъ жертву. Стоны раненыхъ и умирающихъ примѣшивались теперь къ барабанному бою и командамъ. Одинъ бѣдный федералистъ, лежа на землѣ, схватываетъ меня за ноги и кричитъ:

— Покончи со мной! меня жжетъ невыносимый огонь.

И онъ указалъ мнѣ на страшную рану, которая образовалась

отъ пули, вошедшей въ его бокъ и вышедшей изъ живота. Я съ трудомъ освободился отъ него.

Случайно облака дыма порѣдѣли, и я, поднявъ голову, увидаль въ одномъ изъ оконъ замка графа Робера, который безъ устали стрѣлялъ изъ ружей, подаваемыхъ ему моимъ врагомъ, Сурто. Погоди, убійца моего отца, я рассчитаюсь съ тобой. И, прицѣлившись, я хотѣлъ разможжить ему голову, какъ вдругъ передъ моими глазами предсталъ образъ Аделины. Я обѣщаль ей пощадить ея брата, но я никому не обѣщаль сохранить жизнь Сурто. Я приложилъ ружье къ щекѣ и сталъ караулить, когда этотъ разбойникъ покажется въ окнѣ. Но онъ все держался за спиною графа, продолжая заряжать и подавать ему ружья.

Но что это? Въ ту самую минуту, когда графъ стрѣлялъ попрежнему въ толпу, Сурто тихонько приложилъ дуло пистолета къ его затылку, блеснулъ огонекъ, раздался выстрѣлъ, и графъ Роберъ упалъ головой впередъ, на подоконникъ. Злодѣй убилъ его наповаль и въ то же мгновеніе спасся бѣгствомъ.

Въ глазахъ у меня почернѣло, голова закружилась, и я сталъ ощупывать себя, чтобы убѣдиться, не сонъ ли это. Не успѣлъ я еще очнуться, какъ раздался страшный трескъ: въ насъ выстрѣлили изъ орудія картечью, и я очутился среди густого облака дыма и груды мертвыхъ, или раненыхъ. Федералисты дрогнули и отступили. Мы погибли! Видя, что мы ретируемся, аристократы подняли торжествующій крикъ:

— Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ королева!

Но капитанъ Гарнье, принявшій команду надъ Марсельскимъ баталіономъ, не отступаетъ ни на шагъ. Онъ машетъ саблей и кричить:

— Ко мнѣ, марсельцы! Свобода, или смерть!

Въ то же время слышится голосъ Пеллу, который до тѣхъ поръ не могъ проникнуть со своими двумя орудіями въ королевскій дворъ:

— Дайте дорогу артиллеріи! Марсельскіе патриоты, не бѣгите отъ парижскихъ аристократовъ, а посмотрите, какого я имъ задамъ треввона.

Слова и примѣръ этихъ двухъ храбрецовъ останавливаютъ насъ: одни берутся за колеса и втаскиваютъ пушки во дворъ, а другіе отодвигаютъ груды мертвыхъ и раненыхъ; наконецъ оба орудія, заряженные картечью, выставляютъ прямо противъ парадной двери замка. Гренадеры и швейцарцы продолжаютъ осыпая насъ пулями, но Пеллу не обращаетъ ни на что вниманія, хладнокровно оканчиваетъ свои приготовленія, зажигаетъ фитиль и, прежде чѣмъ выстрѣлить, снимаетъ шляпу передъ замкомъ. Выстрѣлъ раздается, и теперь мы оглашаемъ воздухъ крикомъ:

— Да здравствуетъ нація!..

Когда разсѣялся дымъ, то я увидѣлъ, что дверь разлетѣлась въ щепы, а антипатріоты или покрываютъ землю своими трупами, или бѣгутъ по всѣмъ направленіямъ: кто на лѣстницу, кто въ садъ, кто въ подвалы.

— Ага! подѣйствовало,—воскликаетъ Пеллу: — погодите, я вамъ задамъ еще лучше. Берегите свои пятки!

Раздается второй выстрѣлъ, и дождь картечи усѣиваетъ лѣстницу грудами труповъ, во всевозможныхъ мундирахъ: бѣлыхъ и красныхъ, синихъ и зеленыхъ.

Пораженіе аристократовъ было полное, и они бросились бѣжать во всѣ стороны. Наши барабаны снова начинаютъ бить наступленіе, и капитанъ Гарнье бросается во главѣ марсельцевъ на лѣстницу замка.

— Ну, ребята! — кричитъ во все горло Морганъ: — пускайте въ ходъ штыки!

Рѣзня пошла страшная. На каждой ступени стояли швейцарцы и гренадеры съ ружьями въ рукахъ и стрѣляли безъ умолку. Но мы храбро прокладывали себѣ дорогу, кто штыкомъ, кто саблей, кто рукояткой пистолета. Вдругъ слышится голосъ Пеллу:

— Погодите, мы соберемъ богатую жатву томатъ.

Съ этими словами онъ бросаетъ двѣ ручныя гранаты въ толпу швейцарцевъ въ красныхъ мундирахъ.

Раздается взрывъ, и за тѣмъ происходитъ страшная катастрофа: умирающіе и раненые оглашаютъ воздухъ раздирающими воплями; со всѣхъ сторонъ дребезжать и лопаются стекла, а все это покрывается нашими торжествующими криками:

— Да здравствуетъ нація!..

Антипатріоты теряютъ голову: имъ кажется, что лѣстница падаетъ подъ ихъ ногами, и они въ отчаяніи производятъ такую сумятицу, которую описать невозможно: одни прямо бросаются на наши штыки, а другіе, перепрыгнувъ черезъ балюстраду, низвергаются головою въ низъ. Но нѣкоторые дерутся, какъ львы, и подъ нашими ударами умираютъ, восклицая:

— Да здравствуетъ король!.. Да здравствуетъ королева!..

Мы работаемъ безъ усталы, въ какомъ-то восторженномъ изступленіи. Человѣческая жизнь намъ ничего не значить. Люди намъ преграждаютъ дорогу, и мы ихъ истребляемъ — вотъ и все.

Мы уже достигли перваго этажа, а по волѣ злой судьбы, чѣмъ мы больше оставляемъ за собою мертвыхъ тѣлъ, тѣмъ больше мы встрѣчаемъ передъ собою новыхъ враговъ. Кровь льется ручьями по лѣстницѣ, словно наверху выбили дно изъ бочки съ краснымъ виномъ; мы забрызганы ею съ головы до ногъ. Руки наши уже начинали уставать, и пальцы нервно сводились; мой штыкъ изогнулся, столько встрѣтилъ онъ костей на своемъ пути черезъ груди и спины враговъ. Но счастью, Пеллу бросилъ еще двѣ гра-

наты, и на этотъ разъ аристократы, охранявшіе верхъ лѣстницы, не выдержали и разбѣжались во всѣ стороны, какъ стая крысъ. Мы послѣдовали за ними, и въ продолженіе двухъ часовъ длилась эта отчаянная травля въ залахъ, спальняхъ, чердакахъ и подвалахъ замка; мы отыскивали враговъ всюду: подъ кроватями, въ шкафахъ, въ каминахъ, въ сундукахъ. Впрочемъ бѣднымъ швейцарцамъ, несчастнымъ солдатамъ и сбитымъ съ толку національнымъ гвардейцамъ мы даровали жизнь.

— Вы такіе же сыны народа, какъ и мы!—кричали имъ со всѣхъ сторонъ: — ступайте по домамъ съ крикомъ: да здравствуетъ нація, и будьте лучшими патриотами, чѣмъ до сихъ поръ.

Но графамъ, маркизамъ, мелкимъ дворянамъ и богатымъ буржуа не было пощады.

— А! вы въ шелковыхъ чулкахъ и напомаженныхъ парикахъ!—воскликали мы: — вотъ вамъ на закуску!

И съ ними кончали ударомъ ружейнаго приклада или пистолетной пулей.

Мы уже думали, что наступилъ конецъ истребленія, когда неожиданно, проходя по какой-то лѣстницѣ, увидали запертую дверь, а передъ ней стараго аристократа, кричавшаго намъ:

— Прохода нѣтъ!..

Въ ту же минуту онъ выстрѣлилъ изъ пистолета. Пуля пронзила шляпу Моргана, и этотъ добрый человѣкъ громко потребовалъ, чтобы не убивали такого храбраго защитника королевской партіи, какъ этотъ мужественный старикъ. Мы послушались товарища, хотя, за минуту передъ тѣмъ, готовы были растерзать старика и, обезоруживъ, отпустили его, несмотря на то, что онъ все-таки не хотѣлъ кричать: да здравствуетъ нація.

Не успѣлъ исчезнуть энергичный фанатикъ, какъ мы взломали дверь и увидали передъ собой въ большой роскошной комнатѣ трехъ придворныхъ дамъ и одну молодую дѣвушку: всѣ онѣ блистали шелкомъ, кружевами и красотой. Онѣ бросились передъ нами на колѣни и умоляли о пощадѣ, а одна изъ дамъ, обнажая шею, вопила:

— Если вамъ необходимы жертвы — убейте меня! Только пощадите мою дочь.

Мы были поражены представившимся намъ зрѣлищемъ, а вопли и слезы женщинъ тронули наши сердца. Мы не знали, что дѣлать. На нашу выручку явился капитанъ Гарнье. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ подошелъ къ женщинамъ и сказалъ:

— Ну, негодяйки, полно ревѣть. Нація даруетъ вамъ жизнь.

И онъ приказалъ солдатамъ вывести ихъ изъ замка.

Теперь дѣйствительно все было кончено. Часы били полдень: въ окнахъ не осталось ни одного цѣльнаго стекла, двери были всѣ

сняты съ петель, мебель переломана, занавѣсы порваны, повсюду видѣлись слѣды крови, и валялись трупы.

Цѣлыя сутки мы ничего не ѣли и не пили, кромѣ куска хлѣба, съѣденнаго ночью, но мы не чувствовали голода, обнимали другъ друга и плясали дикую фарандолу по выволоченнымъ апартаментамъ замка, громко распѣвая карманьолу. Въ такомъ видѣ мы проникли въ комнаты короля и королевы. Въ первой мы сорвали портреты со стѣнъ и плевали на нихъ, а въ послѣдней, блестящей золотомъ, кружевами и зеркалами, Моргайнъ разлегся на роскошную кровать, а мы кругомъ плясали, опьяненные своимъ торжествомъ и наполнявшими комнату нѣжными благоуханьями.

Неожиданно мнѣ пришла въ голову мысль: а гдѣ Воклеръ? Я уже давно не видалъ его. Неужели онъ былъ раненъ, или убитъ? Испуганный этою мыслью, я бросился его розыскивать. Я бѣгалъ, какъ сумасшедшій, по заламъ и лѣстницамъ, останавливался у всякаго трупа и пристально разглядывалъ его. Потомъ я высовывался въ окна и смотрѣлъ на террасы и сады, гдѣ національные гвардейцы и патриоты обнимались со слезами радости. Барабаны били отбой, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раненымъ дѣлали перевязку. Но Воклера нигдѣ не было. Неожиданно я увидѣлъ въ одно изъ оконъ, выходившихъ на задній дворъ замка, ужасное зрѣлище. У одной изъ подвальныхъ отдушинъ стоялъ Планшо съ топоромъ въ рукахъ, словно кошка у крысей норы.

Несчастные швейцарцы, во время объявшея ихъ паники, спрятались въ подвалы и теперь вылѣзали одинъ за другимъ изъ этой отдушины, но, какъ только показывалась голова одного изъ нихъ, Планшо мгновенно отсѣкалъ ее топоромъ, вытаскивалъ трупъ изъ отдушины и бросалъ его въ сторону, затѣмъ принимался за другого и т. д. Груда мертвыхъ дѣлъ все увеличивалась, а Планшо продолжалъ работать. Ужасно было смотрѣть на него, и онъ показался мнѣ какимъ-то чудовищемъ.

Но вотъ къ нему подошелъ какой-то національный гвардеецъ и заговорилъ съ нимъ. Въ глазахъ у меня зарябило—неужели это дѣйствительно былъ злодѣй Сурто, только что убившій своего молодого господина. погоди, низкій убійца, ты теперь отъ меня не увернешься! И, взявъ въ обѣ руки по заряженному пистолету, я бросился внизъ по лѣстницѣ.

На срединѣ я наткнулся на Воклера, который также меня искалъ.

— Куда ты бѣжишь, Паскалэ?—спросилъ онъ:—глаза у тебя какъ-то странно горятъ.

— Пойдемте, пойдемте,—отвѣчалъ я, не останавливаясь:—Сурто во дворѣ съ Планшо. Я убью его, какъ собаку.

Воклеръ послѣдовалъ за мной. Миновавъ нѣсколько коридоровъ, мы наконецъ очутились на томъ дворѣ, гдѣ видѣлась груда

обезглавленныхъ жестокихъ Планшо несчастныхъ швейцарцевъ. Но ни его, ни Сурто не было видно. Они исчезли, и однако не было сомнѣнія, что я ихъ видѣлъ именно тутъ, такъ какъ передо мной была груда труповъ и подвальная отдушина, а наверху видѣлось окно, изъ котораго я слѣдилъ за страшнымъ зрѣлищемъ.

Я заплакалъ отъ досады, что не удалось отомстить злодѣю.

— Полно, полно,—произнесъ Воклеръ,—ты вѣрно ошибся. Пойдемъ—тебѣ надо отдохнуть и поѣсть. Товарищи насъ ждутъ. Слышишь, бьютъ отбой.

Я послѣдовалъ за нимъ, какъ овечка, оглядываясь, чтобы убѣдиться, не вернулся ли Сурто на то мѣсто, гдѣ я его видѣлъ съ Планшо.

Мы скорѣ достигли королевскаго двора, гдѣ наши марсельскіе барабаны оглашали воздухъ своимъ дружнымъ боемъ. Капитанъ Гарнье, съ окровавленнымъ платкомъ на головѣ, равнялъ людей. Мы съ Воклеромъ быстро заняли свои мѣста и стали здороваться съ товарищами, радуясь своей побѣдѣ и тому, что мы остались живы. Но много вышло изъ строя, и осталось только двѣсти человѣкъ изъ пятисотъ. Однако, мало-по-малу подходили товарищи, которые водили плѣнныхъ въ національное собраніе, а также носили туда драгоцѣнности, найденныя въ королевскихъ комнатахъ. Между прочимъ и Воклеръ, поднявъ въ комнатѣ Капета кошелекъ съ золотыми монетами, отнесъ ихъ въ національное собраніе. Каждаго возвращающагося товарища мы привѣтствовали со слезами на глазахъ.

Проходитъ нѣсколько времени, и наши ряды болѣе не пополняются. Капитанъ приказалъ барабанамъ замолчать и произвелъ перекличку. Когда никто не откликнулся на громко произнесенное имя, то раздавался похоронный бой, ясно говорившій, что такой-то умеръ за свободу.

По окончаніи переклички не оказалось на лицо двухъ сотъ: изъ нихъ двадцать убитыхъ и сто восемьдесятъ раненыхъ.

Пока мы подводили эти печальные итоги, національные гвардейцы выносили на носилкахъ трупы, валявшіеся во дворахъ, садахъ, лѣстницахъ и залахъ замка. При видѣ, что поднимаютъ съ земли бѣднаго Самата, нашъ батальонъ отдалъ ему воинскую честь. Слезы выступили у насъ на глазахъ, и мы, забывъ дисциплину, бросились къ несчастному товарищу, цѣлуя его похолодѣвшія руки, тѣ самыя руки, въ которыхъ онъ несъ изъ Марселя декларацію правъ человѣка.

Наконецъ мы двинулись въ путь, но не успѣли сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ я почувствовалъ что-то мокрое въ одномъ изъ моихъ башмаковъ, а въ глазахъ у меня зарябило. Придя въ себя, я посмотрѣлъ на ногу и увидѣлъ, что съ пальца правой руки струилась кровь. Очевидно, я былъ раненъ, но когда и гдѣ?

— Я также раненъ,—сталъ я весело кричать:—да здравствуетъ нація!

Я гордо показывалъ товарищамъ окровавленный палецъ, при ихъ общемъ смѣхѣ, такъ какъ они не могли понять, чему я радовался. Потомъ почувствовалъ острую боль въ палецѣ, засунуть его въ ротъ, какъ дѣлывалъ въ дѣтствѣ, когда случалось поранить руку, лазая по камнямъ. Конечно, я при этомъ не могъ принимать участія въ общемъ пѣніи марсельезы, но угѣшался тѣмъ, что толпа, наполнявшая улицы, по которымъ мы проходили, оглашала воздухъ криками:

— Да здравствуютъ марсельцы!

Въ нѣскольکو часовъ произошла удивительная перемена въ настроеніи обитателей этого богатаго квартала, и тѣ самые толстые лавочники, которые недавно бросали въ насъ камнями, теперь намъ рукоплескали, а надписи на стѣнахъ домовъ: «да здравствуетъ король, да здравствуетъ королева»,—быстро уничтожились, и на ихъ мѣстѣ являлись: «да здравствуютъ марсельцы, долой тирановъ, да здравствуетъ нація».

Достигнувъ аркады св. Іоанна, мы остановились, не имѣя возможности идти дальше отъ давки. Мы съ любопытствомъ стали спрашивать, въ чемъ дѣло. Это были батальоны парижской національной гвардіи подъ начальствомъ знаменитаго Сантера. Они простояли тутъ всю ночь и все утро, дожидаясь результатовъ нашихъ дѣйствій; очевидно, они напали бы на насъ, въ случаѣ нашего пораженія, а теперь, въ виду нашей побѣды, они привѣтствовали насъ, вмѣстѣ съ окружающей толпой:

— Да здравствуютъ марсельцы...

Конечно, эти крики не могли насъ обмануть, и мы говорили другъ другу:

— Вотъ каковы парижане! Они теперь войдутъ въ отворенную нами дверь и покажутъ себя болѣе рьяными республиканцами, чѣмъ мы. Сантеръ, все острочивавшій нападеніе на замокъ, теперь станетъ хвалиться нашей побѣдой, и завтра вездѣ заговорятъ, что они спасли отечество. Ну, да чортъ съ ними! Только бы они не испортили нашего дѣла. Правду говорятъ, называя Францію прекраснымъ плодомъ, а Парижъ его сердцевиной, но въ этой сердцевины скрывается червь.

Мы продолжали идти, хотя съ трудомъ, направляясь къ своимъ казармамъ, и на каждомъ шагу стали теперь попадаться пьяные оборванцы обоого пола, которые тащили испуганныхъ аристократовъ и патеровъ, а также различныя вещи, награбленныя въ церквахъ и въ жилищахъ богатой знати. Мы, красные юга, которыхъ называли разбойниками и бѣглыми каторжниками, считали бы для себя безчестьемъ такъ поступать и отпускали своихъ плѣнныхъ на свободу, заставивъ ихъ предварительно только прокри-

чать: да здравствуетъ нація! Но они, повидимому, считали необходимымъ кровью аристократовъ смыть съ себя пятно того, что они предоставили намъ спасти родину и права человѣка.

Когда мы вступили въ свои Кордильерскія казармы, то било три часа, и къ этому времени всѣ парижскія тюрьмы были полны аристократами и несчастнымъ людомъ, которыхъ принимали за аристократовъ. Мы хотѣли завоевать всѣмъ свободу, а подонки общества, выскочивъ изъ своихъ трущобъ, тотчасъ злоупотребили этой свободой изъ чувства мести и ради грабежа.

Хотя я былъ почти ребенкомъ, но я все это сразу понялъ.

Въ казармахъ мы нашли вволю хлѣба и вина. Добрый Морганъ перевязалъ мнѣ палець, и я вскорѣ забылъ о своей ранѣ!

Подкрѣпивъ свои силы, мы съ Воклеромъ стали бросать другъ на друга знаменательные взгляды, вспоминая о нетерпѣливо ожидавшихъ насъ Лазули и Аделинѣ.

— Ну, Паскалэ, хватить у тебя силы дойти до дому?—воскликнулъ онъ:—наконецъ, ты знаешь, что насъ тамъ ждутъ, не дождутся.

Что тутъ было говорить о моей силѣ! Онъ не успѣлъ еще докончить своей фразы, какъ я залпомъ допилъ бутылку, чмокнулъ губами и вскочилъ на ноги.

Чтобы достигнуть дома, намъ пришлось пробивать себѣ дорогу чрезъ громадныя толпы народа, наполнявшаго всѣ улицы. Большинство встрѣчавшагося намъ народа было пьяно, махало саблями и кричало во все горло: да здравствуютъ марсельцы.

Не успѣли мы постучаться въ дверь мастерской Планшо, какъ ее отворили жена столяра, Лазули, Аделина и Кларэ. Воклеръ бросился въ объятія Лазули, я обнялъ, какъ сестру, Аделину, маленький Кларэ ухватился за ноги отца, а Жантона, не видя своего мужа, начала креститься и приговаривать со слезами на глазахъ:

— Убили моего Планшо! Я знала, что онъ ко мнѣ не вернется! Кто мнѣ отдастъ моего Планшо!..

И она стала въ отчаяніи ломать руки и метаться по мастерской.

Но мы такъ были рады найти дорогихъ сердцу существъ, что не обращали вниманія на ея отчаяніе и даже не замѣтили, какъ, спустя нѣсколько минутъ, въ дверь вошелъ Планшо. На него страшно было смотрѣть: онъ былъ покрытъ кровью съ головы до ногъ и держалъ въ рукахъ свой окровавленный топоръ. Даже жена его не сразу признала и, узнавъ, не рѣшилась подойти къ нему.

— Ты ли это, Планшо? Кто это привелъ тебя въ такой ужасный видъ? Ты словно валялся въ животѣ убитаго быка? Или ты раненъ?

— Нѣтъ, я не раненъ,—отвѣчалъ Планшо, бросая топоръ:—но натрудилъ себѣ руку. Вотъ этимъ топоромъ я одинъ срубилъ сем-

надцать головъ. Болѣе того, я съ помощью одного добраго патриота выдалъ народной толпѣ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ аристократовъ въ нашемъ кварталѣ. Мы только что съ моимъ пріятелемъ схватили послѣдняго изъ нихъ въ улицѣ Двѣнадцати Воротъ. Это какой-то маркизъ, но я забылъ его имя. Ну, да все равно, его голова лишняя пища для нашей гильотины.

— Пресвятая Богородица!—пробормотала Аделина и упала безъ чувствъ на полъ.

— Молчите, Планшо!—воскликнулъ Воклеръ:—вы видите, что ребенку сдѣлалось дурно по вашей милости.

— Неужели мой мужъ надѣлалъ такихъ ужасовъ?—промолвила Жантона, заливаясь слезами и закрывая лицо передникомъ.

Мы съ Лазули отнесли Аделину наверхъ и положили на кровать, такъ какъ всѣ гильотины были унесены во время нашего отсутствія, а Планшо, обтирая на себѣ кровь стружками, продолжалъ хвастаться своими подвигами.

— Ну, чего выть,—прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ:—надо было меня предупредить, что эта дѣвченка такая чувствительная. Пройдетъ, ничего, дайте ей померанцевой воды. Но что бы съ ней случилось, если бы она видѣла, какъ на этого тщедушнаго маркиза набросилась женщина съ громаднымъ ножомъ. Если бы я ей не помѣшалъ, то она выпустила бы ему кишки.

— Это старуха Жакрасъ!—воскликнулъ Воклеръ.

— Да, да, ее зовутъ Жакрасъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы предали маркиза Амбрена,—сказалъ Воклеръ:—а пресловутый патриотъ, который вамъ помогалъ въ этомъ позорномъ дѣлѣ, не кто иной, какъ нѣмецкій негодяй, по имени Сурто. Онъ лакей маркиза и любовникъ его жены. Онъ собственной рукой убилъ множество патриотовъ, а своего господина предалъ для того, чтобы украсть его честь и состояніе, женившись на его преступной женѣ. Нечего сказать, хорошихъ дѣлъ вы надѣлали, Планшо! Васъ всегда звали честнымъ Планшо, а недавно товарищи дали вамъ новое прозвище—Планшо-Свобода, а вы оказали помощь разбойнику и убійцѣ, который сегодня утромъ стрѣлялъ изъ оконъ замка въ марсельскій баталіонъ.

— Воклеръ, ты увѣренъ, что говоришь правду?

— Еще бы, такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что у меня пять пальцевъ на рукѣ. Паскалэ можетъ рассказать вамъ еще много другого о Сурто, который едва не убилъ его. Ну, да полно таить правду—я вамъ все скажу: Аделина дочь не наша, а несчастнаго маркиза Амбрена, и мы ее вырвали изъ рукъ жестокой старухи Жакрасъ, которой Сурто и ея преступная мать поручили извести бѣднаго ребенка. Ну, что вы на это скажете, Планшо?

— Что я скажу!—воскликнулъ столяръ, внѣ себя отъ гнѣва и схватывая топоръ:—я очень радъ всему, что сдѣлалъ, и, право, не

знаю, почему я уже не убилъ тебя на мѣстѣ за то, что ты обманомъ ввелъ въ мой домъ проклятую аристократку!

— А я,—отвѣчалъ Воклеръ, приставляя ко лбу Планшо дуло пистолета:—сейчасъ отправлю васъ на тотъ свѣтъ, если вы не дадите слово, что пойдете со мной и съ Паскалэ на выручку маркиза и не поможете отдать вмѣсто него, на месть народа, убійцу Сурто и негодяйку Жакрасъ.

Планшо попятился и, падая на грудь стружекъ, воскликнулъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха:

— Я сдѣлаю все, что ты хочешь, но поздно спасать маркиза. Кто знаетъ, въ какую тюрьму его заперли? ихъ столько въ Парижѣ, а Сурто со старухой Жакрасъ и маркизой, которая называла себя его женой, обобрали всѣ деньги и драгоценности изъ квартиры маркиза и удалились неизвестно куда. Гдѣ мы ихъ найдемъ?

— Несчастный! Какъ вы, патріотъ, помогли ворами обокрасть чужую квартиру? Вы видѣли, что они воруютъ, и вамъ это не открыло глазъ? О Планшо, Планшо, мой бывший хозяинъ! Вы сами воръ послѣ этого!

Столяръ выпустилъ изъ рукъ топоръ, который съ шумомъ упалъ на полъ; лице его поблѣднѣло, какъ полотно, и онъ промолвилъ со слезами на глазахъ:

— Прости меня, Воклеръ, ты правъ — я несчастный. Но вѣрь мнѣ, что я такъ поступилъ только необдуманно, а не намѣренно. Не говори ничего женѣ и научи меня, какъ исправить мнѣ свою вину.

— Какъ исправить вашу вину? Очень просто. Надо возвратитъ бѣдной, ни въ чемъ неповиной Аделинѣ ея отца и состояніе, которое у нея украли съ вашей помощью Сурто и мерзавка Жакрасъ.

— Да, да, ты справедливо говоришь, Воклеръ... Я, честный Планшо, никогда не взявшій чужого гроша, сдѣлался воромъ, но клянусь, я не буду знать покоя, пока не смою этого пятна съ моего честнаго имени. Клянусь, я обыщу весь Парижъ, пойду изъ дома въ домъ, но найду живого или мертваго отца Аделины и отомщу вору Сурто, негодяйкѣ маркизѣ и злодѣйкѣ Жакрасъ!

Воклеръ пожалѣлъ раскаявшагося товарища, и когда я сошелъ внизъ, то они оба стояли обнявшись и плакали.

Въ двухъ словахъ они рассказали, въ чемъ дѣло, и съ этой минуты у насъ не было другой мысли, другой цѣли, какъ возвратитъ бѣдному ребенку ея отца и подвергнуть строгой карѣ трехъ злодѣевъ.

Я не буду вамъ рассказывать о всѣхъ нашихъ поискахъ по Парижу и днемъ и ночью. Рано утромъ мы всѣ трое отправлялись въ путь и назначали каждому извѣстное число улицъ и тюремъ, для наведенія справокъ о томъ мѣстѣ, гдѣ содержался маркизъ, и о той трущобѣ, въ которой скрывались преступные воры. Мы воз-

вращались домой, только за полночь, усталые, разочарованные, полумертвые. Дома намъ приходилось обманывать бѣдную Аделину, которая не знала о смерти брата, только догадывалась о печальной судьбѣ отца и воображала, что мать убивается отъ разлуки съ ней. Мы оставляли ее въ этомъ невѣдѣніи и каждый день утѣшали обѣщаніемъ, что на слѣдующее утро отведемъ ее къ родителямъ.

Несмотря на то, что мнѣ было больно такъ лгать молодой дѣвущкѣ и непріятно думать о томъ, что когда нибудь мнѣ надо будетъ сознаться въ этой лжи, я вспоминаю даже теперь со счастьемъ о тѣхъ минутахъ, которыя проводилъ тогда вмѣстѣ съ нею. Каждый вечеръ послѣ разспросовъ о нашихъ поискахъ она, видимо, успокоивалась и нѣжно перевязывала мнѣ раненый палець, а потомъ любезно, весело служила мнѣ за ужиномъ. Близкое прикосновеніе къ ея прелестной фигурѣ, къ ея роскошнымъ волосамъ и розовымъ щекамъ заставляло меня содрогаться отъ невѣдомаго еще тогда чувства. Кровь кипѣла въ моихъ жилахъ и бросалась въ голову, а я, дуракъ, не понималъ отъ чего.

Однако время шло, и наступилъ роковой день выступленія марсельцевъ изъ Парижа, а въ мѣстѣ съ тѣмъ и давно откладываемое выясненіе всей правды бѣдному ребенку. На слѣдующее утро нашъ батальонъ долженъ былъ получить деньги, вотированныя законодательнымъ собраніемъ для оплаты нашихъ издержекъ по случаю похода въ Парижъ, а затѣмъ ему предстояло вернуться на югъ. Мы рѣшили, что пока Воклеръ и я пойдемъ за деньгами, Лазули и Жантона скажутъ всю правду Аделинѣ и посоветуютъ ей отправиться съ нами въ Авиньонъ и остаться жить въ домѣ Воклера.

Я поднялся до восхода солнца и отправился одинъ, раньше Воклера, въ Кордильерскія казармы, гдѣ меня встрѣтили Морганъ, Пеллу и другіе товарищи, весело подбрасывая на рукѣ полученные ими по семи ефимковъ на каждаго.

— Торопись, торопись, юнецъ!—воскликнулъ Морганъ,—получи свои гроши, а затѣмъ пойдемъ съ нами. Сегодня мы кутимъ. Нельзя покинуть большой парижской деревни, не задавъ себѣ знатной выпивки.

Они меня отвели въ тотъ уголокъ казармъ, гдѣ одинъ изъ національныхъ казначеевъ выдавалъ каждому марсельцу по семи блестящихъ серебряныхъ ефимковъ. Я не зналъ, куда ихъ дѣть, и они выскользали у меня изъ пальцевъ, какъ ужи, но Морганъ помогъ мнѣ положить деньги въ карманъ и увлекъ меня на улицу, крича:

— Ну, пойдемъ, пойдемъ! Пора сниматься съ якоря.

И мы, пятеро веселыхъ товарищей, рука въ руку, отправились въ путь.

Первый попавшійся кабачекъ, съ фригійскимъ колпакомъ на вывѣскѣ, заманилъ насъ къ себѣ, и мы выпили по двѣ рюмки водки,

а затѣмъ продолжали свою прогулку, громко распѣвая. Со времени событія десятаго августа парижане, встрѣчаясь съ нами, почти тельно давали намъ дорогу, и мы, словно побѣдители, торжественно двигались среди восторженно привѣтствовавшей насъ толпы. Мы шли, не зная куда. Вотъ новый кабачекъ. Мы входимъ, снова пьемъ двѣ или три рюмки, нахлобучиваемъ шляпы и направляемся далѣе.

Пройдя черезъ мостъ, обогнувъ замокъ и миновавъ Карусельскую площадь, мы остановились передъ кабачкомъ съ вывѣской «Авиньонъ».

— Зайдемъ сюда,—сказалъ Морганъ:—здѣсь можно выпить красного вина и съѣсть маслинъ, или жареной трески.

Насъ разбиралъ голодъ, а потому мы охотно приняли его предложеніе. Кабатчица, видная дочь юга, встрѣтила насъ очень любовно, заговорила съ нами попровансальски и тотчасъ подала намъ бѣлаго хлѣба, красного вина и чашку маслинъ, въ ожиданіи жареной рыбы. Мы живо принялись за пищу и питье, а изъ кухни стали доноситься вкусный запахъ оливкового масла, кипѣвшаго на сковородѣ. Наконецъ хозяйка, вся раскраснѣвшаяся, какъ томатъ, внесла блюдо, наполненное ломтями трески, поджаренной на оливковомъ маслѣ и политой уксусомъ.

— Однако солоновата рыбка,—замѣтилъ Пеллу.

— Это ничего,—отвѣчалъ Морганъ:—соль развиваетъ жажду.

И мы залпомъ опорожнили бутылки съ краснымъ виномъ, а затѣмъ послали въ догонку бургонскаго и значительное число ликеровъ. Пока мы пили безъ устали, мимо оконъ кабака провозили одну телѣгу за другой, набитую аристократами: это были узники, которыхъ отправляли въ Версаль, чтобы очистить мѣсто въ переполненныхъ парижскихъ тюрьмахъ. За ними слѣдовала толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые провожали ихъ громкой бранью и бросали въ нихъ то грязью, то камнями.

Заплативъ за съѣденное и выпитое, мы вышли на улицу и присоединились къ толпѣ, но теперь намъ представилось новое зрѣлище. Впереди шла женщина, неистово бившая въ барабанъ, а за ней другая, въ красномъ колпакѣ, несла на пикѣ человѣческую голову; ихъ сопровождала группа пьяныхъ людей, распѣвавшихъ во все горло карманьолу.

Я взглянулъ на обезглавленную голову, и сердце у меня дрогнуло. Это была голова прекрасной молодой дѣвушки. Я невольно вспомнилъ объ Аделинѣ. Не случилось ли съ нею какого несчастья во время нашего отсутствія? Чтобы скрыть свое волненіе, я хотѣлъ подтянуть товарищамъ, которые также стали пѣть карманьолу, но слезы меня душили и брызнули изъ глазъ.

— Что ты, малецъ!—воскликнулъ Морганъ:—зачѣмъ ты плачешь? Или у тебя вино грустное?

Онъ и Пеллу схватили меня за руки и стали тормошить, заставляя плясать подъ звуки барабана.

Слѣдую за толпой, мы вскорѣ очутились на площади, гдѣ возвышалась высокая башня. Тутъ толпа остановилась и, грозя кулаками невидимымъ обитателямъ этой башни, стала кричать:

— И съ тобой, Капеть, и съ тобой, австриячка, мы сдѣлаемъ тоже!

А женщина, которая несла на пикѣ голову, старалась приподнять ее какъ можно выше противъ оконъ башни такъ, чтобы заключенный тамъ король съ семьей могъ видѣть это ужасное зрѣлище.

Даже Пеллу, который не питалъ ни къ чему отвращенія, показалось возмутительной такая выходка, и онъ крикнулъ:

— У меня что-то жжетъ въ горлѣ. Не выпить ли намъ?

— Выпьемъ!— отвѣчали мы въ одинъ голосъ.

Мы усѣлись въ ближайшемъ кабацкѣ, подъ вывѣской «Революція», и стали пить бутылку за бутылкой то краснаго, то бѣлаго вина. Проголодавшись, мы съѣли яичницу со свинымъ саломъ, а затѣмъ продолжали выпивку до сумерекъ.

Голова моя стала, наконецъ, такъ кружиться, что я уже не сознавалъ, гдѣ находился. Мнѣ казалось, что я въ Авиньонѣ, и что Пеллу—Воклеръ, обращаясь къ которому я болталъ безъ умолку, но какія-то непонятныя, нескладныя слова. Что было со мною впоследствии, я самъ не знаю и не помню, но товарищи потомъ рассказывали, что мы вышли, шатаясь, на улицу и какъ-то попали въ большую освѣщенную залу, которая оказалась театромъ. Тамъ намъ очень понравилась какая-то акриса, что-то громко распѣвавшая, и мы ей сдѣлали такую скандальную овацію, что возстановили противъ себя публику и должны были убраться на улицу.

Пошатавшись взадъ и впередъ, мы наконецъ, несмотря на свое пьянство, сказали другъ другу, что пора вернуться въ казармы. Но какъ было ихъ найти? Парижъ для марсельцевъ, да еще въ пьяномъ видѣ, былъ ужаснымъ лабиринтомъ: одинъ изъ насъ говорилъ, что надо идти направо, другой—налѣво, третій—прямо.

— Послушайте меня,—сказалъ Морганъ, едва держась на ногахъ:—пойдемте вонъ къ тому фонарю. Я помню, на немъ вчера повѣсили аристократа, и неподалеку оттуда должна быть рѣка.

Мы послушались его и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ очутились на берегу Сены. Мы весело запѣли, перешли черезъ мостъ и считали себя спасенными, но вскорѣ снова заблудились въ темныхъ, узкихъ переулкахъ.

— Ничего,—произнесъ неожиданно Пеллу:—мы вѣрно недалеко отъ дома. Вонъ я вижу огонекъ: это фонарь казармы.

Мы направились на указанный огонекъ. Тамъ слышались громкіе крики.

— Вотъ я вамъ говорилъ—это наши казармы; ишь, товарищи разгулялись!

Но, подойдя къ большому дому, мы не узнали въ немъ Кордильерскихъ казармъ.

— Ничего,— произнесъ все тотъ же Пеллу:— войдемъ и посмотримъ, что тутъ дѣлается. Двери открыты, и за входъ ничего не платять.

На порогѣ мы встрѣтились съ двумя людьми, которые несли третьяго.

— Это вѣрно кабачекъ,— замѣтилъ Морганъ:— и товарищи уносятъ домой пьянаго. Ужъ эти парижане! Плохой народъ, не могутъ выдержать и стакана вина.

Мы вошли въ большія сѣни, гдѣ тѣснилась толпа мужчинъ и женщинъ, съ саблями, пиками и желѣзными перекладинами въ рукахъ. Всѣ они размахивали руками, кричали и съ любопытствомъ смотрѣли на противоположный конецъ сѣней, гдѣ, за небольшимъ столомъ, сидѣли три парижанина въ красныхъ колпакахъ и съ суровыми судейскими лицами. Свѣчка, воткнутая въ бутылку, тускло освѣщала эту странную картину.

За столомъ виднѣлась широкая лѣстница, по которой въ ту минуту, какъ мы вошли въ сѣни, сводили стараго, блѣднаго, какъ смерть, патера, котораго поддерживали съ обѣихъ сторонъ тюремщики. Не успѣлъ онъ подойти къ столу, какъ рѣзкій голосъ произнесъ:

— Отказался присягнуть родинѣ! Смерть!

И въ ту же минуту со всѣхъ сторонъ посыпались на патера удары саблею и желѣзной перекладиной. Еще мгновенье, и его трупъ вынесли изъ дверей.

Это ужасное зрѣлище разомъ меня отрезвило. Я освободился отъ рукъ Моргана, пробиваясь сквозь толпу, чтобы лучше увидѣть происходившее. Вскорѣ меня такъ сжали со всѣхъ сторонъ, что я уже не могъ идти далѣе и очутился вдали отъ своихъ товарищей, среди незнакомыхъ мнѣ злобныхъ, жестокихъ лицъ.

Между тѣмъ на лѣстницѣ показалась красивая молодая женщина, которая отчаянно хваталась за перила лѣстницы и произносила умоляющимъ голосомъ:

— Смилуйтесь! Смилуйтесь!

Мнѣ стало очень жаль бѣдняжку, и я спрашивалъ себя мысленно: неужели ее убьютъ? Но уже на нее набросились три женщины, казавшіяся бѣшенными фуриями, и растерзали ее на куски, а стоявшій подлѣ нихъ національный гвардеецъ еще помогалъ имъ своею саблей въ этомъ ужасномъ дѣлѣ.

Не успѣлъ я прийти въ себя отъ этого рокового зрѣлища, какъ послышался слабый, знакомый мнѣ стариковскій голосъ:

— Ахъ, это ты, Сурто! Спаси меня, спаси меня!

Но громадный рослый національный гвардеецъ, къ которому относились эти слова, высоко поднявъ желѣзную перекладину, которую держалъ въ рукахъ, и разомъ покончилъ съ безумнымъ старикомъ. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Это дѣйствительно былъ Сурто, и онъ убилъ своего бывшего господина, маркиза Амбрена.

Я не вытерпѣлъ и бросился впередъ, расталкивая толпу и крича во все горло:

— Арестуйте его! Это антипатріотъ, это убійца!

Но на меня накинудись со всѣхъ сторонъ разъяренные парижане и потащили меня къ судейскому столу съ криками:

— Ты самъ аристократъ, ты самъ измѣнникъ! Смерть ему! Смерть!

По счастью, одинъ изъ судей сжалился надъ моею, почти дѣтскою фигурой и обѣими руками заслонилъ мою голову отъ убійць. Когда же волненіе въ толпѣ нѣсколько стихло, то онъ спросилъ меня, кто я, откуда и зачѣмъ заступился за врага націи.

— Я федералистъ, патріотъ изъ Марсельскаго батальона,—отвѣчалъ я.

— Смерть ему! Смерть ему!— снова раздалось вокругъ меня, и кто-то, сунувъ руку въ мой карманъ, вытащилъ изъ него бумагу съ крикомъ:

— Вотъ, что мы нашли на немъ! Вотъ его обвинительный актъ!

Судья взялъ протянутую бумагу. Это было письмо, которое добрый Рандуле далъ мнѣ для передачи канонику Жюссерану.

Наступила безмолвная тишина. Судья сталъ читать письмо и чѣмъ далѣе читалъ, тѣмъ болѣе насуплялъ брови. Я чувствовалъ, что погибъ, и въ отчаяніи сталъ звать себѣ на помощь Моргана и Пеллу, но они исчезли. Вѣроятно, потерявъ меня изъ вида, они подумали, что я вышелъ на улицу, и отправились разыскивать меня.

— Смерть ему! Смерть ему!— снова раздалось надо мною, и отовсюду мнѣ стали грозить желѣзными перекладинами.

Но неожиданно поднялся голосъ въ мою защиту:

— Погодите, погодите! Я открою вамъ всю правду. Клянусь въ этомъ Богомъ, предъ лицомъ котораго я сейчасъ предстану.

Это говорилъ одинъ изъ несчастныхъ подсудимыхъ, ожидавшихъ рокового приговора.

— Бѣдный мальчикъ,—продолжалъ онъ:—дѣйствительно федералистъ изъ Марсельскаго батальона. Я это знаю по собственному опыту. Онъ выдалъ меня національнымъ жандармамъ у Ардьерскаго моста, но я его простилъ за исполненіе имъ своего солдатскаго долга и въ доказательство прощенія подарилъ ему образокъ. Онъ можетъ вамъ его представить въ доказательство того, что я говорю правду.

Такимъ образомъ меня спасъ Ментскій епископъ, встрѣченный мною по дорогѣ изъ Авиньона въ Парижъ. Я подтвердилъ его слова, молча вынулъ изъ кармана и представилъ судьямъ маленькій образокъ.

Они совѣтовались и въ одинъ голосъ произнесли:

— Да, правда. Этотъ мальчикъ—марсельскій патріотъ.

— Такъ ступай скорѣй въ свой батальонъ!—воскликнула какая-

то женщина, стоявшая подлѣ меня, и, схвативъ меня за руку, стала проталкивать чрезъ толпу къ выходу.

Я хотѣлъ было сопротивляться и поблагодарить добраго патера, но, обернувшись, я увидаль, что онъ уже падаетъ на полъ подъ ударами желѣзныхъ перекладинъ. Я съ ужасомъ выбѣжалъ изъ сѣней, гдѣ уже не видно было Сурто, который, вѣроятно, успѣшилъ обрадовать маркизу и старуху Жакрасъ своимъ безчеловѣчнымъ подвигомъ.

Очутившись на улицѣ, я вздохнулъ свободно и сталъ обдумывать все, что произошло въ этотъ памятный день. Я теперь былъ совершенно трезвый, но мнѣ было стыдно за себя, за свое поведеніе. Какъ могъ я сознаться Воклеру, Лазули и Аделинѣ, что я пьянствовалъ цѣлый день и, случайно найдя маркиза Амбрена, дозволилъ его убить, не заступившись за старика. Быть можетъ, узнавъ правду, они отвернутся отъ меня и прогонятъ меня изъ дому.

Размышляя такимъ образомъ, я машинально опустилъ обѣ руки въ карманы. Тамъ не было ни ефимковъ, полученныхъ мною въ казармѣ, ни монетъ, данныхъ добрымъ Рандуле, ни золотого, подареннаго мнѣ Ментскимъ епископомъ. Я или потерялъ ихъ или пропилъ. А вѣдь эти деньги были не мои, и я долженъ былъ отдать ихъ Воклеру, который меня содержалъ и кормилъ впродолженіе шести мѣсяцевъ. Что я надѣлалъ? Воклеръ, конечно, назоветъ меня пьяницей и воромъ, а Лазули и Аделина—трусомъ. Нѣтъ! Мнѣ нельзя было возвращаться къ нимъ! Жаль, что за меня заступился добрый епископъ, и меня не убили, какъ собаку. Я этого вполне заслуживалъ.

Слезы струились изъ моихъ глазъ, и я никогда не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ съ той минуты, какъ хотѣлъ утопиться въ Гардійскомъ прудѣ. Мысль объ этомъ навела меня на смѣлую рѣшимость покончить съ собою. Если бы я теперь бросился въ рѣку, то никто не узналъ бы ни о чемъ, случившемся со мною, и все дорогія моему сердцу лица стали бы поминать меня добромъ.

Въ эту минуту я случайно вышелъ на берегъ Сены. Ничто не мѣшало мнѣ исполнить свой планъ.

Я уже хотѣлъ разбѣжаться и броситься въ воду, какъ вдругъ остановился. Что это? Я сталъ прислушиваться.

На противоположномъ берегу, у королевскаго замка, слышался барабанный бой. Что это? Марсельскій батальонъ уходилъ изъ города? Нѣтъ... Не пытались ли антипатріоты возстановить тирана въ взятомъ нами замкѣ?

При мысли объ этомъ я уже не хотѣлъ болѣе умирать и пустился бѣгомъ къ замку. Тамъ моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина. На деревянной эстрадѣ сидѣли три патріота: одинъ держалъ въ рукахъ трехцвѣтное знамя, другой—щитъ съ надписью «отечество въ опасности», а третій—книгу, въ которую записывались волонтеры въ революціонную армию.

Цѣлая толпа молодыхъ людей, мальчишекъ не старше меня, и сѣдыхъ стариковъ подходили къ этому алтарю отечества и, назвавъ себя по имени, отдавали себя и свою жизнь въ жертву родинѣ. Затѣмъ, при восторженныхъ крикахъ: «да здравствуетъ нація», они подходили къ указанному фельдфебелю, который раздавалъ имъ ружья и патроны, формировалъ ихъ въ ряды и отправлялъ прямо на границу, гдѣ вѣрные сыны Франціи защищали родину отъ наплыва иностранцевъ.

— «Отечество въ опасности, а я здѣсь пьянствую»,—подумалъ я и бросился къ эстрадѣ.

Громко произнесъ я свое имя и хотѣлъ уже отойти къ группѣ волонтеровъ, какъ патріотъ, записавшій мое имя въ книгу, произнесъ:

— Погоди, гражданинъ, возьми, какъ всѣ, мѣсячное жалованье, три ефимка. Я, кажется, не ошибаюсь: ты живешь у моего сосѣда Планшо.

При этихъ словахъ у меня въ глазахъ зарябило, и слезы выступили на глазахъ, но нельзя же было плакать марсельскому федералисту передъ парижагиномъ, а потому, пересиливъ свое волненіе, я отвѣчалъ:

— Вы правы. Мы сосѣди. Прошу васъ, передайте мой поклонъ всей семьѣ и отдайте Воклеру эти три ефимка. Скажите ему, что Паскалэ благодаритъ его за все сдѣланное ему добро и не считаетъ возможнымъ вернуться на родину, когда отечество въ опасности.

Вотъ снова раздался барабанный бой. Первые лучи солнца освѣтили противоположный берегъ. Волонтеры двинулись въ путь, къ сѣверной границѣ, и я въ числѣ ихъ.

Годъ спустя, день въ день, то-есть 16 фруктидора второго года республики, я снова былъ въ Парижѣ со своей ротой волонтеровъ. Мы сражались при Вальми, на берегахъ Рейна и въ болотахъ Голландіи, доколѣ послѣдній пруссакъ не покинулъ французской земли. Рѣшено было, что мы отдохнемъ нѣсколько дней въ Парижѣ, а затѣмъ войдемъ въ составъ итальянской арміи. Въ этотъ день меня назначили дежурнымъ при гильотинѣ, работавшей на площади Революціи.

Я стоялъ съ ружьемъ въ рукахъ на эшафотѣ, и зрѣлище казни мнѣ такъ было противно, что я постоянно отворачивался и впиался глазами въ толпу. А между тѣмъ головы падали за головами, и телѣжка за телѣжкой подвозила новыхъ жертвъ, изъ которыхъ однѣ встрѣчали смерть съ гордымъ достоинствомъ, а другія, блѣдныя, какъ полотно, дрожали всѣмъ тѣломъ.

Наконецъ показалась послѣдняя телѣжка: въ ней сидѣли двѣ женщины и одинъ мужчина, который, при видѣ меня, закрылъ глаза. Кровь бросилась мнѣ въ голову. Это былъ злодѣй Сурто, а

рядомъ съ нимъ помѣщались маркиза Аделаида и старуха Жакрасъ. Ну, на этотъ разъ гильотинѣ предстояло сдѣлать справедливое дѣло. Я не спускалъ съ нихъ глазъ.

Вотъ они поднялись на эшафотъ: у Сурто подкашивались ноги, маркиза дрожала и произносила какую-то молитву, а старуха Жакрасъ вопила, какъ свинья, которую тащили на бойню. Я хотѣлъ напомнить имъ ихъ преступленія, но не могъ произнести ни слова. Въ эту минуту они всѣ трое подняли глаза, и маркиза съ болѣзненнымъ стономъ упала на колѣни. Я самъ вздрогнулъ. Но не роковое лезвее привело насъ всѣхъ въ ужасъ: на верху, на перекладинѣ, виднѣлась надпись крупными буквами:

Аделина.

Раздались три удара гильотины одинъ за другимъ, и три головы упали въ корзину съ опилками.

— И прекрасно!—воскликнула жена сапожника, прерывая рассказъ стараго Паскаля:—жалъ, что я не видѣла этой справедливой казни. Подумать страшно, что женщина могла согласиться на убійство своего мужа и сына, да еще отдать свою дочь на сѣдненіе злодѣйкѣ.

— А Сурто,—прибавилъ Матеронъ:—вотъ негодяй-то! Впрочемъ, не мало было такихъ молодцовъ, которые старались нажитья подобными ужасами.

— Судьбѣ было угодно, чтобы все это случилось, — произнесъ мой дѣдъ, раскупоривая бутылку мальвазіи.

— Франція была тогда деревомъ, нуждавшимся въ прививкѣ,—замѣтилъ Матеронъ.

Между тѣмъ жена сапожника открыла блюдо съ печеными каштанами, и всѣ принялись ихъ грызть съ удовольствіемъ.

— Паскаль,—сказалъ я, собравшись съ силами.

— Что, мальчуганъ?

— А вы видѣли потомъ Аделину?

— Никогда. Я уже сказалъ вамъ, что я отправился въ итальянскую армію генерала Бонапарта, который потомъ сдѣлался великимъ императоромъ Наполеономъ. Съ нимъ я совершилъ всѣ его походы и принялъ участіе въ сотнѣ сраженій. Съ нимъ мы побѣдили Италію, Египетъ, Австрію, Пруссію, Германію, Испанію и Россію. Я острилъ свою саблю на стѣнахъ Яффы, ѣлъ фиги въ садахъ Сарагоссы и кормился кониной на пожарѣ Москвы. До вечера Ватерлооской битвы я слѣдовалъ за великимъ Наполеономъ, а въ этотъ вечеръ, преданный измѣнниками, онъ исчезъ... Но, не бойтесь, онъ вернется. Что касается до Аделины, то я постоянно объ ней думалъ, но имѣлъ объ ней извѣстіе только однажды, во

время моихъ походовъ. Это было 3 термидора VI года. Мы только что уничтожили мамелюкскую кавалерію передъ египетскими пирамидами, и я отдыхалъ подъ тѣнью одной изъ нихъ, какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ молодой барабанщикъ и спросилъ съ провансальскимъ акцентомъ:

— Если я не ошибаюсь—ты Паскалэ, сынъ Патины?

— Да, и я тебя узналъ, Селегре. Когда ты покинулъ Мальморъ? Скажи мнѣ, что дѣлають мои бѣдные родители?

Селегре былъ товарищъ моего дѣтства, уроженецъ одной деревни. Онъ разказалъ мнѣ, что послѣ моего ухода изъ родительскаго дома мать родила второго сына, Ланжа, потомъ умеръ отецъ, но мать не находилась въ бѣдности, а жила хорошо, такъ какъ дочь маркиза Амбрена, Аделина, настоятельница монастыря св. Урсулы, въ Авиньонѣ, оставила ей послѣ своей смерти ферму, на которой жила моя семья. Объ этомъ подаркѣ, повидимому, извѣстилъ мою мать добрый Воклеръ, который нарочно посѣтилъ для этой цѣли Мальморъ, а потомъ поселился въ Авиньонѣ съ своей женой Лазули и сыномъ Кларэ.

Произнеся эти слова, старикъ Паскаль выпилъ залпомъ стаканъ вина. Посидѣлки были кончены, и мы всѣ разошлись.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЪ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редація отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

